

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

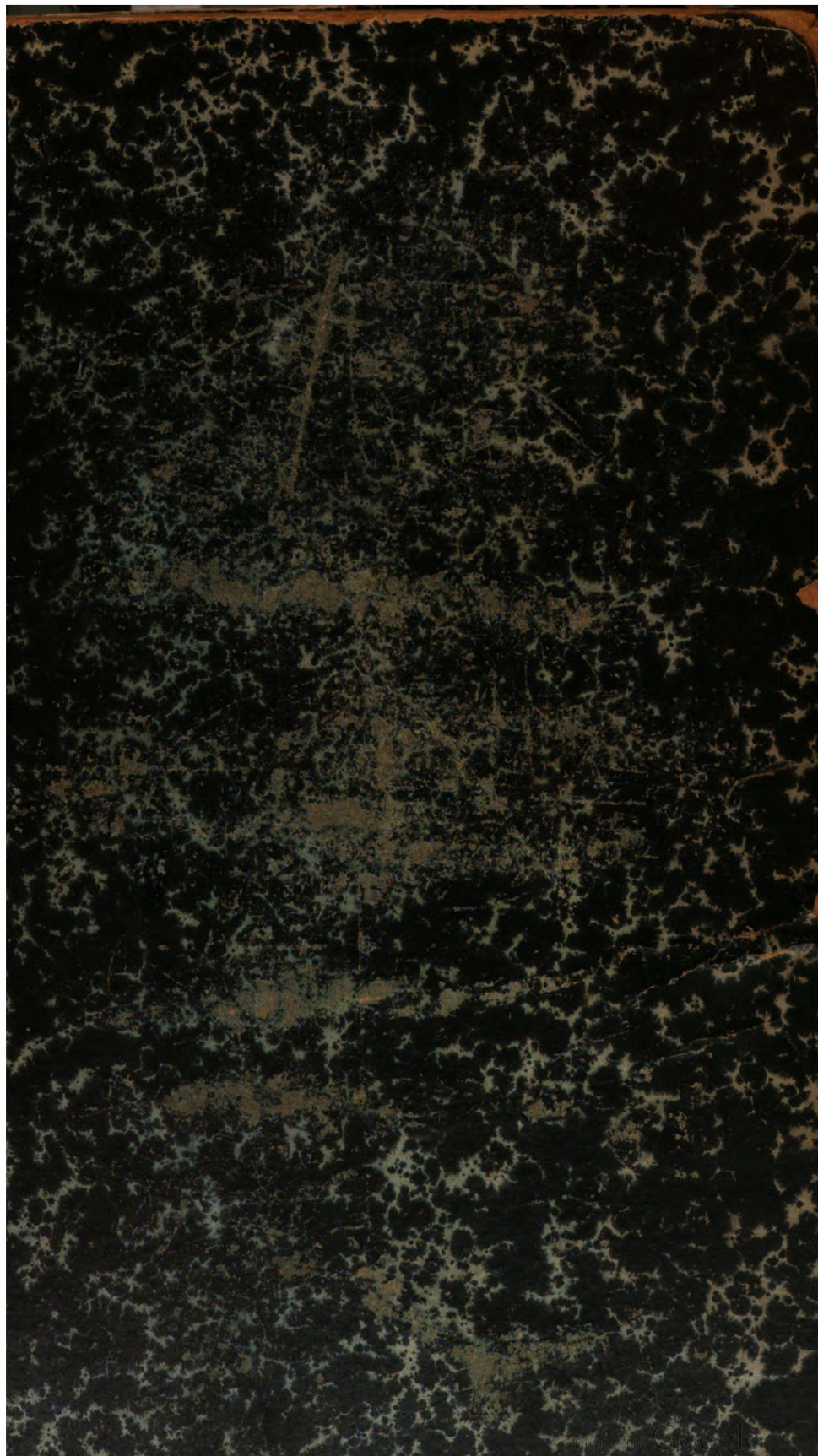
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

БИБЛИОТЕКА

Отдѣлъ: *Фер. 1139*

№ *54*

г. Ново-Алѣ

ЛЮБЛИНСКОЙ ГУБ.

Шкафъ:

Полка:

Инвентарь

Института

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1906 году

(ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1906 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать шесть лѣтъ (1880—1905).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1906 года, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“, и въ Кіевѣ, книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина.

UNIV. OF
CALIFORNIA

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ СІИ.

TO THE
LIBRARY

ИСТОРИЧЕСКІЙ
УЧЕБ. ОУЧ.
ОБЩЕСТВЕН.
ВѢСТНИКЪ

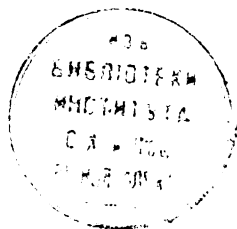
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СШ

БИБЛИОТЕКА
Отдѣль: *Лев. изд.*
№ *34.*
Шкафъ:
Полка:
Инвентарь *1906* г. № *104*
Института Сель. хоз. и Лѣсовод.

Леслинской губ.
г. Ново-Деревянскій

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1906

AP 50
I9
v.103

70 1111
1111111111

AP50

I 9

v. 103

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1906 года).

	СТРАН.
Звѣзда цесаревны (1710—1734). Историческій романъ. I—VI. Н. И. Мер-деръ	7, 371, 713
Записки императрицы Екатерины Второй. Гл. I—III. (1729-1751). 47, 398,	762
Свѣжнй комъ. Разсказъ И. Н. Потапенна	70
Записки о времени императора Павла и его кончинѣ Н. А. Саблукова	98, 440, 820
Крестыянскія волненія въ Харьковской губерніи въ 1902 году. Кн. Ми-хаила Шаховского	124
Мои воспомнанія. Н. А. Лейкина	152, 493, 849
Н. С. Тургеневъ и эмигранты. Сообщено А. В. Безроднымъ	181
Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго . (По астраханскимъ документамъ). П. Л. Юдина	199
Среди калакутовъ. П. И. Кореневскаго	204
Распечатанные алтари. И. П. Ювачева	219
<i>иллюстраціи: 1) Рогожское кладбище. Зимній храмъ.—2) Рогожское кладбище. Алтарь зимняго храма справа, въ моментъ распечатанія.—3) Рогожское кладбище. Въ алтарь зимняго храма престолъ, въ моментъ распечатанія.—4) Рогожское кладбище. Средина лѣтняго храма.—5) Рогожское кладбище. Алтарь лѣтняго храма.—6) Амвросій, митрополитъ бѣловрианицкій.</i>	
Какъ цензиrowали лошадиную примочку. (Матеріалы для исторіи нашей цензуры). А. Лѣбова	240
Борьба за конституцію. Декабристы. Б. Б. Глинскаго	248, 583, 983
<i>иллюстраціи: 1) Никита Михайловичъ Муравьевъ.—2) Князь Евгений Петровичъ Оболенскій.—3) Князь Сергій Григорьевичъ Волконскій.—4) Михаилъ Александровичъ Вестужевъ.—5) Павелъ Ивановичъ Пестель.—6) Иванъ Васильевичъ Шервудъ-Вѣрный.—7) Князь Сергій Петровичъ Трубецкой.—8) Сергій Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль.—9) Кондратій Федоровичъ Рыльевъ.—10) Петръ Григорьевичъ Каховскій.—11) Александръ Ивановичъ Якубовичъ.</i>	
Иностранцы о Россіи. Воспомнанія американскаго посланника Уайта . В. Ш.	278
Дідъ при морѣ. С. И. Васюкова	424
Казнь Каракозова. (Отрывокъ изъ записокъ). А. С. Харламова	461
Въ Шлиссельбургской тюрьмѣ. И. П. Ювачева	464
<i>иллюстраціи: 1) Вѣра Николаевна Фигнеръ.—2) Общій видъ города и крѣпости Шлиссельбурга.—3) Видъ Шлиссельбургской крѣпости со стороны города.—4) Шлиссельбургская крѣпость съ западной стороны.—5) Ворота Шлиссельбургской крѣпости.—6) Церковь, офицерскіе корпуса и уголь тюремной свѣчи въ Шлиссельбургской крѣпости.—7) Церковь на Шлиссельбургскомъ кладбищѣ.—8) Николай Александровичъ Морозовъ до ареста.—9) Николай Александровичъ Морозовъ послѣ Шлиссельбурга.</i>	
Недоимщики. (Изъ воспомнаній бывшаго волостного писаря). И. М. Вдовина	523
Нищѣ-милліонеры. Н. С. Колынина	539

725422

Бѣгство Ганона изъ Россіи. Г. Л. И.	546
Двѣ мученицы. А. А. Карасева	568
Въ поискахъ царской награды. (Разсказъ изъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра III). П. М. Р.	577
Изъ воспоминаній о Д. Л. Мордовцевѣ. Я. Я. Полферова	608
Памяти Николая Александровича Лейкина. Б. Г.	616
Иллюстрація: Николай Александровичъ Лейкинъ.	
Новое поколѣніе. (Повѣсть). I—IX. Н. Н. Лендера (Путника)	788
Встрѣча съ человѣкомъ въ сѣрой шапкѣ. Г. Т. Полилова-Стверцева.	883
Настроеніе современной деревни. I—VI. А. И. Фаресова	911
Декабрьскіе дни въ Москвѣ. С. И. Васюкова	937
Убіенство князя Н. С. Гагарина. В. Н. Строева	955
Художникъ П. Ф. Яковлевъ. П. А. Россіева	960
Иллюстраціи: 1) Артастка Л. Н. Гейтень.—2) Демонъ и Тамара. — 3) Стоянка Разинъ и персидская княжна.—4) Пожарище. — 5) Право слѣпаго.	
Г. К. Рѣпинскій. (Некрологъ). В. Е. Рудакова	1013
Иллюстрація: Григорій Космычъ Рѣпинскій.	
Первый женскій союзъ. Е. Чебышевой-Дмитріевой	1023
КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ	298, 632, 1030

1) Адамъ Оларій. Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. М. Ловягина. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906. м. и—ва.—2) Л. Шилво. Разсказы изъ русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1906. Старова.—3) А. А. Титовъ. Кремль Ростова Великаго. М. 1905. В. Руданова.—4) Лицевой иконописный подлинникъ. Томъ I. Иконографія Иисуса Христа. Историческій и иконографическій очеркъ, сочиненіе академика П. Кондакова, съ 116 рисунками. Атласъ таблицъ: 14 цвѣтныхъ автотипій, 5 гелиографуръ, 40 фототипій, 84 литографическія таблицы. Изданіе высочайше утвержденного комитета попечительства о русской иконописи. Спб. 1905. А. И. Яцимирскаго.—5) Рожковъ, Н. Историческіе и социологическіе очерки. Сборникъ статей, ч. I. Изданіе Н. К. Шамова. М. 1906. и—ва.—6) Историческія письма. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1905. и—ва.—7) В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е. Спб. 1905. н. в.—ля.—8) Д. Садовниковъ. Наши землепроходцы. Разсказы о заселеніи Сибири. Москва. 1905. А. Фомина.—9) В. Горленко. Отблески. Замятки по словесности и искусству. Спб. 1905. А. Фомина.—10) Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ. Изданіе Г. Ф. Львовича. Спб. 1905. м. и.—11) В. Ф. Дерюжинскій. Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906. п. б.—12) Вильямъ Эндрузъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—1862 гг. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго Е. А. Гурвичъ. Спб. 1905. в.—13) Kraków, jego kultura i sztuka. (Кравовъ, его культура и искусство). Кравовъ. 1904. А. Я.—14) С. Mettig. Baltische Städte. Skizzen aus der Geschichte Est-, Lif- und Kurlands. 2-е дополн. изданіе. Рига. 1905. А. Э. Мальмгрена.—15) Feuertreisen. Die livländische Geschichtsliteratur 1902. Рига. 1904. А. Э. Мальмгрена.—16) Russland in Asien. Band I. Das Transcaspische Gebiet von Krahmer, köntgl. preussischer Generalfaktor Z. D. Mit einer Uebersichtskarte und zwei Skizzen. Berlin. 1905. А. х—ва.—17) С. Карѣва. Школьный историческій словарь. Подъ редакціей Н. И. Карѣва. Спб. 1906. в. Р—ва.—18) Старина, памятники, преданія и легенды Приваискаго края. Анапийскій музейникъ. Очеркъ. Составленъ В. Ф. Кудряцевымъ. Выпускъ IV. Вятка. 1905. д—аго.—19) Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1905 г. Выпускъ III. Вятка. 1905. В. Руданова.—20) Охранная опись рукописнаго отдѣленія бібліотеки императорской академіи наукъ. I. Книги священнаго писанія. Спб. 1905. Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе императорской академіи наукъ въ 1902 г. Приложение. Рукописи и книги, пріобрѣтенныя В. И. Срезневскимъ во время поѣздки въ Вологодскую, Олонецкую и Перм-

скую губернии. Спб. 1905. А. и.—21) Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Годъ первый. Екатеринославъ. 1904. и—ва.—22) Иоаннъ-Георгъ Корбъ. Дневникъ путешествія въ Московію (1698 и 1699 г.г.). Введение, переводъ и примѣчанія А. Маленина. Съ приложеніемъ 19 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ и указателемъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906. О. б.—23) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1905 годъ. Книга вторая. М. 1905. М. Ключкова.—24) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1905 годъ. Книга третья. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Варсоны. М. 1905. В. Рудакова.—25) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованія императрицы Екатерины II и императоровъ Павла I и Александра I (1762 — 1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ I. Выпускъ IV. Спб. 1905. С. ш.—26) Русскій биографическій словарь, издаваемый подъ наблюдениемъ председателя императорскаго Русскаго историческаго общества А. А. Половцева. Четыре тома (буквы Д, О, П, Ч, Ш). Спб. 1905. С. ш.—27) П. Гидуляновъ. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства. Москва. 1905. М. п.—аг.—28) Н. Поповъ. Руководи Московскаго синодальной (патріаршей) бібліотеки. Выпускъ I. Новоспасское собраніе. Москва. 1905. А. я.—29) Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Изданіе Н. П. Сильванскаго и П. Е. Шеголева. Спб. 1905. М. и.—30) Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Изданіе второе. А. С. Суворина. Спб. 1906. М. и.—31) С. Степнякъ. Подпольная Россія. Спб. 1905. М. п.—аг.—32) Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія. Часть первая. Киевская Русь (съ VI до конца XII в.). Москва. 1905.—Часть вторая. Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI в.). Спб. 1905. М. О. Ся—вич.—33) А. Ѡ. Кони. Очерки и воспоминанія. Публичные чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки. Спб. 1906. Б. Г.—34) Проф. А. К. Воровинъ. Очерки русскаго религіознаго разномыслія. Спб. 1905. С.—35) В. Шевалевскій. Курское сектанство. Очерки современнаго состоянія епархіальнаго сектанства. Курскъ. 1905. 2.—36) Павелъ Ардашевъ. Администратія и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ. 1905. А. б—ова.—37) Die Aerzte Livlands von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Ein biographisches Lexikon nebst einer historischen Einleitung über das Medizinalwesen Livlands. Von Dr. med. J. Brennsohn. Riga. 1905. А. Э. Мальмгрена.—38) Старо-болгарское церковное пѣніе по старымъ русскимъ нотнымъ рукописямъ XVII и XVIII в.в. Книга I. Литургия. Собралъ и приспособилъ къ употребленію въ болгарской церкви Анастасъ Ниболовъ. Спб. 1905. А. и. Яцимирскаго.—39) Kraków dawny i dzisiejszy («Браковъ прежній и нынѣшній»). Nakresili Walery Eljasz Radzikowski. Z planem miasta i 65 ilustracyami. Браковъ (годъ не обозначенъ). А. я.—40) Wictor Wittug. Pieszczenie miast dawniej Polski («Щечати городовъ старой Польши»). Браковъ—Варшава. 1905. А. я.—41) Черниговскій историко-археологическій отрывной календарь на 1906 г. Изданіе Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Черниговъ. 1906. г.—42) Труды XII археологическаго съезда въ Харьковѣ въ 1902 г. Подъ редакціей графини Уваровой. Томъ II. Москва. 1905. А. х—ва.—43) К. Н. Деруновъ. Примѣрный бібліотечный каталогъ. Сводъ лучшихъ книгъ на русскомъ языкѣ съ 1860-хъ г. по 1905 г. Часть I. Спб. 1906. П. д.—44) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія. Книга десятая. Москва. 1905. А. б—ова.—45) Дѣянія Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VI. Новгородъ. 1905. В. Рудакова.—46) G. Heine. Kurländische Güter und Schlösser. Riga. 1905. А. Э. Мальмгрена.—47) Dr. Stanisław Kutrzeba. Historia ustroju Polski w zagrysie. Львовъ. 1905. А. я.—48) Александръ Вычковъ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905. П. д.—49) Записки отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Томъ VII, вып. первый. Подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Ѡ. Платонова. Спб. 1905. А. Миронова.—50) Сводъ 280 азбукъ и образцовъ кириллицы изъ снимковъ рукописей X—XVIII вѣвовъ русско- и юго-славянскихъ. Пособіе къ методикѣ опредѣленія времени написанія древнихъ рукописей и по курсамъ славяно-русской палеографіи. Составилъ и издалъ слушатель С.-Петербургскаго археологическаго института, докторъ медицины Я. Трусовичъ. Выпускъ I. X—XIV в.в. Выпускъ II. XV—XVIII в.в. Спб. 1905. А. я.—51) Карвѣвъ. Французскіе политическіе писатели XVIII вѣва. Спб. 1905. А. ф—ва.—52) Сборникъ императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ 120. Юрьевъ. 1905. В. Строва.—53) Воронежская Старина. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Выпускъ пятый. Воронежъ. 1905. В. Рудакова.—54) Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣва. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонвизинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и матеріалы). Составили В. И. Семевскій,

В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1906. М. н.—56) Михаилъ Соколовскій. Кадетскій журналъ полъ-вѣка назадъ. Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, какъ поврежденное изданіе. 1835—1863. Историко-библиографическій очеркъ. Спб. 1906. С. ф.—ш—на.—56) В. В. Сиповскій. Политическія настроенія въ русскомъ романѣ XVIII вѣка. Спб. 1906. С. ф.—ш—на.—57) Память профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сборникъ статей, некрологовъ, воспоминаній, изданный историко-филологическимъ обществомъ при Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. А. И. Яцимирскаго.—58) Н. Бѣлозерскій, Н. И. Герценъ, славянофилы и западники. Спб. 1906. А. Фоммина.—59) Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ. Выпуски I—III. Москва. 1906. А. Фоммина.—60) Д. М. Березкинъ. Во тьмѣ вѣковой. Повѣсть и три равсказа изъ быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ. Спб. 1906. С.—61) М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патриархальной монархіи къ парламентаризму. Москва. 1906. П. Б.—62) Sztuka ludowa w Polsce («Народное искусство въ Польшѣ»). Napisal Kazimierz Moklowski. Львовъ. 1906. А. И. Яцимирскаго.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 330, 671, 1052

1) Шесть женъ Генриха VIII.—2) Двѣнадцатилѣтняя королева.—3) Русскіе салоны въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.—4) Второе отреченіе Наполеона и бѣлый терроръ.—5) Итальянскія письма жены дипломата.—6) Смерть Альфреда Раббо и Поля Мѣрса.—7) Развѣтчиваніе Цезаря.—8) Тайныя газеты во Франціи XVIII вѣка.—9) Новыя письма Джузеппе Маццини.—10) Столѣтіе Аустерлицкаго сраженія и смерти Вильяма Питта.—11) Предсказаніе историкомъ Мишля русско-французскаго союза.—12) Смерть г-жи Дюж.—13) Памятникъ, воздвигнутые въ Европѣ въ концѣ прошлаго года и началѣ нынѣшняго.—14) «Новый стиль» 4000 лѣтъ тому назадъ.—15) Пиришества у древнихъ римлянъ.—16) Двухстолѣтіе Веньямина Франклина.—17) Королевская идиалія.—18) Воспоминанія американскаго историка Джорджа Банкрофта.—19) Жена Бальзака.—20) Изъ рабочаго въ министры.—21) Смерть Джорджа Голюка и датскаго короля Христіана IX.

СМѢСЬ 350, 695, 1082

1) Въ собраніи архитекторовъ.—2) Сорокалѣтіе дѣятельности высочайше утвержденной комиссіи для разбора и описанія архива святѣйшаго синода.—3) Галицко-русское общество.—4) 35-лѣтіе литературной дѣятельности І. І. Ясинскаго.—5) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ.—6) Отъ императорской академіи наукъ.—7) Общество любителей древней письменности.—8) Столѣтіе императорскихъ московскихъ театровъ.—9) Въ литературномъ фондѣ.—10) Въ географическомъ обществѣ.—11) Литературный фондъ.—12) Открытіе памятника М. И. Глинкѣ.—13) Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—14) Въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности.—15) Правила «Дома В. Ф. Голубева для писателей».

НЕКРОЛОГИ 356, 703, 1088

1) Ворониковскій, А. Л.—2) Гильтебрандтъ, П. А.—3) Лагорию, Л. Ф.—4) Лобко, И. Л.—5) Найденовъ, Н. А.—6) Сахаровъ, В. В.—7) Тевнишевъ, Н. Н.—8) Владимірскій, А. В.—9) Давиловъ, М. П.—10) Корфъ, М. И., баронъ.—11) Костеничъ, І. В.—12) Петровъ, Н. И.—13) Поповъ, А. С.—14) Тимашевъ-Нервицъ, В. А.—15) Чистовичъ, А. Я.—16) Шестакова, Л. И.—17) Александровскій, С. Ф.—18) Аренскій, А. С.—19) Богдановъ, П. В.—20) Булатовъ, А. А.—21) Вишняковъ, В. И.—22) Демьяновъ, М. Н.—23) Знчи, М. А.—24) Островскій, А. Н.—25) Милорадовичъ, А. Р.—26) Петерсѣвъ, В. К.—27) Янишевскій, Е. П.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 709

1) Отвѣтъ г. Н. Н. По поводу разбора сочиненія князя В. П. Максутава: «Исторія Древняго Востока». п. Гейсмана.—2) Письмо въ редакцію А. Титова.

Приложенія: 1) Портреты императрицы Екатерины II, Н. А. Саблукова и императора Павла I.—2) Беатриса въ Венеціи. Романъ М. Пембертона. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Венеція. Гл. I—XV.

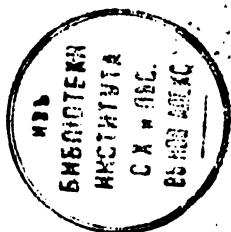

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЪЕВНА.

Съ гравированнаго портрета Штенглина 1748 года.

TO VNU
ABDULLAH

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ.

(1710—1734).

I.

ВЪ ЛЮВИШКАХЪ царилъ страшный переполохъ.

Подъ вечеръ жаркаго лѣтнаго дня разнесся по всему мѣстечку неизвѣстно откуда залетѣвшій слухъ о сраженіи между русскими и поляками, происходившемъ будто бы подъ самымъ городомъ, отстоявшимъ отсюда версты за три.

Сраженіе это должно было роковымъ образомъ отразиться на всей окрестности, населенной православными и католиками съ примѣсью жидовъ. Здѣсь знали по опыту, чему подвергаются православные въ случаѣ побѣды поляковъ, и каково будетъ католикамъ, если одолѣютъ русскіе. Болѣе ста лѣтъ длится братоубійственная брань въ этой мѣстности, болѣе ста лѣтъ, какъ люди здѣсь не знаютъ покоя, въ постоянномъ ожиданіи непріятельскихъ нашествій, въ постоянномъ ужасѣ и страхѣ. Рѣдкій годъ удавалось благополучно снять съ полей жатву и съ деревьевъ плоды, рѣдкій годъ не приходилось воздвигать новыя постройки на пепелищахъ. Дома строились съ глубокими подвалами и потаенными ходами на случай необходимости скрывать добро отъ опьяненныхъ кровью и виномъ побѣдителей и самимъ хорониться отъ ихъ насилій, когда не удавалось раньше бѣжать куда нибудь подальше.

Жили, припѣваючи и ничего не опасаясь, только тѣ, кому покровительствовали монахи изъ сосѣднихъ монастырей, благодаря богатымъ вкладамъ или по другимъ какимъ либо соображеніямъ.

У самыхъ Любишекъ красовался на горѣ богатый іезуитскій монастырь, пользовавшійся большою популярностью по всей окрестности. Сюда отдавали въ ученіе къ мудрымъ патерамъ сыновей важнѣйшихъ варшавскихъ магнатовъ, и святые отцы находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ не только съ сынами католической Польши, но и съ мнѣгими изъ вліятельныхъ русскихъ бояръ, близкихъ къ царю Петру, который, какъ извѣстно, отличался большою вѣротерпимостью и вреда отъ монаховъ не признавалъ.

Въ ту ночь никто, кромѣ развѣ младенцевъ, не смыкалъ глазъ въ Любишкахъ. Въ неизвѣстности, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, и отъ кого придется страдать, отъ своихъ или отъ чужихъ, русскіе и поляки сидѣли, запершись въ домахъ, дѣятельно готовясь къ приему непрошенныхъ гостей.

Укладывалась серебряная и золотая утварь, образа, драгоценныя украшенія и ткани, рѣдкія книги, картины, все, что было дорого и мило, и что хотѣлось сохранить отъ грабежа, въ сундуки, шкатулки и баулы, которые выносились либо въ подвалы, либо оставались наготовѣ въ ожиданіи доброжелателей изъ сосѣдняго мужского монастыря, гдѣ были такіе глубокіе тайники, что, хоть все пожги и перерой, ничего не найдешь.

Всю ночь носились по улицамъ одни только жида, съ предложеніями услугъ и съ вѣстями одна другой ужаснѣе и живнѣе. Они съ клятвами увѣряли, что войска ужъ сюда скачутъ, что слышенъ топотъ ихъ коней и лягъ оружія, что раненыхъ такое множество, что въ мѣстечкѣ для нихъ не хватитъ мѣста, что убитыхъ цѣлыя кучи, и что рѣшено сжечь Любишки до тла, а всѣхъ жителей перерѣзать и перевѣшать.

Вполнѣ вѣрить этимъ слухамъ нельзя было, тѣмъ не менѣе всѣмъ было страшно, особенно мужьямъ и отцамъ хорошенькихъ женщинъ, скрыть которыхъ отъ побѣдителей, опьяненныхъ виномъ и кровью, было много труднѣе, чѣмъ спрятать баулы съ драгоценными вещами.

Въ одномъ изъ лучшихъ домовъ мѣстечка, у окна съ запертымъ ставнемъ, стоялъ молодой шляхтичъ Стишинскій, съ женой своей Зосей, и оба выглядывали на улицу черезъ продѣланныя отверстія въ ставнѣ на мелькавшія взадъ и впередъ, въ бѣлесоватомъ сумракѣ лѣтней ночи, растрепанныя фигуры въ длинныхъ лапсердакахъ, съ развѣвающимися фалдами и съ мотавшимися по вѣтру пейсами.

Стишинскіе слыли въ здѣшной мѣстности за людей состоятельныхъ. Онъ воспитывался въ домѣ одного русскаго боярина, въ Кіевскомъ воеводствѣ, ходилъ въ походъ противъ татаръ и женился на хорошенькой воспитанницѣ сосѣдней помѣщицы, принесшей ему въ приданое, кромѣ хорошенькаго личика и богатаго приданого тряпками и дорогими украшеніями, протекцію довольно

влятельной родни въ Варшавѣ, покровительствомъ которой онъ рассчитывалъ воспользоваться въ случаѣ, если бъ ему не удалось поступить на службу въ Россіи, куда его тянуло несравненно больше, чѣмъ къ Польшѣ, гдѣ у него было меньше друзей, чѣмъ между русскими, съ которыми онъ сблизился особенно коротко во время похода. А пока онъ поселился съ женой и съ трехлѣтней своей дочкой въ Любишкахъ и занимался хозяйствомъ на хуторкѣ, доставшемся ему здѣсь по наслѣдству отъ матери-польки, когда не прекращавшаяся при царѣ Петрѣ война загорѣлась по всей Литвѣ, Польшѣ и Украйнѣ, съ переменнымъ для завоевателя счастьемъ, волнуя и разоряя страну и держа въ непрестанномъ трепетѣ и волненіи населеніе не только тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходили кровопролитныя сраженія, но и всѣ прилегающія къ нимъ земли.

До сихъ поръ судьба шадила Любишки, но въ послѣднее время слухи о приближающихся къ этому мѣстечку войскахъ и о стычкахъ, происходившихъ все ближе и ближе, становились настойчивѣе, и наконецъ сомнѣваться въ томъ, что и это мѣстечко подвергнется одинаковой участи со множествомъ другихъ, стало ужъ невозможно: каждую минуту можно было ждать непріятельскаго нашествія.

Разумѣется, первой мыслью Стишинскихъ было искать убѣжища на своемъ хуторѣ, до котораго отъ Любишекъ было верстъ двадцать пять, но ѣхать туда наобумъ было опасно, и наканунѣ той ночи, съ которой начинается этотъ разсказъ, они послали туда на развѣдки знакомаго фактора Яцека, обѣщавшаго непременно вернуться назадъ не позже ночи, и въ ожиданіи котораго они не рѣшались пуститься въ путь. Но онъ не являлся, а вмѣсто него показались на улицѣ тонкія и юркія фигуры монаховъ изъ сосѣднаго католическаго монастыря, и появленіе этихъ черныхъ зловѣщихъ птицъ наполнило ужасомъ сердце Стишинскаго.

«Значить, и вправду солдаты сюда должны нагрянуть, если ужъ въ монастырѣ всполошились, туда вѣсти всегда доходятъ раньше и вѣрнѣе, чѣмъ въ другія мѣста», — подумалъ онъ, слѣдя глазами за монахами, которыхъ ужъ, безъ сомнѣнія, поджидали тамъ, куда они пробирались, потому что то тутъ, то тамъ передъ которымъ нибудь изъ нихъ растворялась дверь, за которой онъ безслѣдно исчезалъ въ то время, какъ изъ другого хода выносилось на остановившіяся передъ садовыми калитками повозки и кибитки имущество, приготовленное къ отправкѣ въ надежное мѣсто съ женщинами и дѣтьми.

— Спасаютъ пожитки, должно быть, наши одолѣваютъ, — проговорила за спиной господъ старушка Мариська, вынянчившая барыню и теперь нянчившая ихъ новорожденную дочку, Лизаветочку, сладко спавшую на кроваткѣ въ сосѣдней комнатѣ, въ то время, какъ весь домъ дрожалъ отъ страшнаго ожиданія бѣды.

— Не видать Яцека?—спросила барыня.

— Не видать. Да онъ явится, не безпокойся, успѣемъ, Богъ дастъ, до обители доѣхать,—отвѣчала старуха, испытывая на своемъ вѣку такъ много ужасовъ, что ей, кажется, ничего не могло быть страшно.—Лошади въ фуру запряжены; какъ узнаемъ, какой дорогой ѣхать, такъ и пустимся въ путь. Сейчасъ съ батюшкой простилась, онъ вамъ благословеніе свое посылаетъ, хотѣлъ было зайти, да попадья не пустила. Трусить она, попадья-то,—прибавила она съ усмѣшкой,—какъ насѣдка сидитъ на повозкѣ, дѣтми обсѣвшись. Въ обитель къ матери Маріи устремляются.

— Ахъ, кабы и мы ужъ были тамъ!—вздохнула Стишинская.

— А ты больше на Бога надѣйся,—возразила Мариска, стараясь заглянуть черезъ ея голову на улицу.—Наши, наши одолѣваютъ,—продолжала она съ восхищеніемъ,—ишь, сколько черныхъ таракановъ изъ монастыря напозло!... Антоську Дзылянскаго пана выводятъ! Право, ее! Укутали съ головой, да башмаки забыли перемѣнить, ни у кого въ мѣстечкѣ нѣтъ желтыхъ башмаковъ на серебряныхъ каблучкахъ, кромѣ ея,—продолжала она вслухъ свои замѣчанія о происходившемъ на улицѣ.—Вѣрно, панъ превусъ распорядился за нею колымагу прислать... Такъ и есть! Ну, что я говорила!—вскричала она, указывая на большую желтую колымагу, шестерней, которая проѣзжала мимо оконъ Стишинскихъ къ дому Дзылянскихъ.—Прямо, значить, паненку къ монахамъ отвезуть отъ русскихъ солдатъ, изъ огня да въ полымя, хи, хи, хи!..

— А хорошо было бы въ этой колымагѣ и нашу барыню съ барышней отправить,—замѣтилъ Стишинскій.

— Что ты брешешь, грѣхпроводникъ? Креста что ли на тебѣ нѣтъ, чтобъ супругу съ дитятей папистамъ на сѣдленіе бросать?—накинулась она на молодого барина съ развязностью старой служанки, давно занявшей мѣсто изъ почетнѣйшихъ въ семьѣ.—Да ужъ не въ примѣръ лучше здѣсь остаться, на волю Божию полагаючися, чѣмъ поравить себя съ иновѣрцами...

Наконецъ съ задняго двора прибѣжалъ хлопецъ съ извѣстіемъ, что пришелъ Яцекъ и проситъ барина выйти къ нему въ сѣни.

— Зачѣмъ не хочеть онъ при мнѣ говорить? —вскричала Зося, хватая мужа за рукавъ камзола, чтобъ удержать его при себѣ.

— Сейчасъ узнаемъ... пусти меня, моя дорогая, времени терять нельзя,—проговорилъ съ волненіемъ Стишинскій, вырываясь изъ цѣпкихъ хорошенькихъ ручекъ своей супруги и выбѣгая въ сѣни, гдѣ его ждалъ молодой еврей, съ блѣднымъ лицомъ и безпокойно бѣгающими глазами.

— Что жъ ты узналъ? —спросилъ у него господинъ.

— Ой, какъ плохо! Какъ плохо! —замахалъ въ отчаяніи руками Яцекъ.—До хутора, панове, я добрыхъ десять верстъ не дошелъ,

всѣ дороги запружены солдатами, пѣшими и конными... всякаго, кто попадетса навстрѣчу, безъ допроса вѣшаютъ... Я залѣвъ на дерево и смотрѣлъ оттуда... идутъ прямо къ хутору пана, и ужъ навѣрно тамъ теперь все выжжено, и весь народъ перебитъ... мнѣ на каждомъ шагу встрѣчались бѣглецы... Сколько коней бродить по полямъ и по лѣсамъ безъ хозяевъ, мой пане! Кабы было ихъ куда отвести, — цѣлый табунъ можно бы изъ нихъ составить, богатымъ человѣкомъ сдѣлаться, — прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Куда же намъ дѣться? — задалъ себѣ въ недоумѣннй вопросъ Стишинскій, совершенно растерявшись отъ услышанныхъ вѣстей. — Попросить развѣ убѣжища у матери Маріи, въ монастырѣ?

— У матери Маріи?! О, какъ видно, что мой пане понятія не имѣеть о томъ, что происходитъ по всей странѣ! Мать Марія еще вчера бѣжала со всѣми сестрами изъ монастыря, и не успѣла она скрыться, какъ пришли туда солдаты и поселились въ немъ. Приготовили помѣщеніе для генерала, котораго ждуть съ минуты на минуту съ цѣлымъ полкомъ, и какъ только они придутъ, тотчасъ же кинутся на Любишки... съ ружьями, съ саблями съ пушками... Ой, вай! Что съ нами со всѣми здѣсь будетъ! Можно умереть отъ одного ожиданія! — произнесъ онъ дрожавшими губами, ежась и жмуясь отъ ужаса.

— Куда же, куда же ѣхать? — повторялъ съ возрастающимъ отчаяніемъ молодой отецъ семейства. — Обратиться развѣ за помощью въ здѣшній монастырь?

— Въ монастырѣ панове не примутъ, панове москальской вѣры... а за послѣдніе дни все больше поляки одолѣваютъ, и на хуторъ пана напали поляки; раньше, чѣмъ своихъ убивать и грабить, они захватятъ имущество схизматиковъ и перебѣкть изъ нихъ, сколько можно будетъ... Панове вѣрно слышали, что пріѣхалъ въ Варшаву отъ папы курьеръ съ индულгенціями для вѣрныхъ сыновъ его святой церкви...

Объясненія словоохотливаго жида были прерваны вмѣшательствомъ старой Мариськи.

— Что вы его, баринъ, слушаете? Вѣдь онъ жидъ, а развѣ жиду можно вѣрить? — вскричала она, обращаясь то къ своему господину, то къ Япеку. — Поѣзжайте-ка съ Богомъ въ нашъ монастырь, къ матери Маріи. Поѣхалъ же къ ней съ семьей нашъ багюшка, значитъ, ничего тамъ еще не случилось... Ты, вѣрно, жидъ пархатый, боишься господъ вести? — накинулась она на фактора, который при ея появленіи боязливо попятился къ двери. — Такъ мы и безъ тебя обойдемся... Грицко знаетъ дорогу не хуже тебя... Да вотъ и онъ! Довезешь господъ въ обитель матери Маріи? — обернулась она къ появившемуся въ сѣняхъ, тускло освѣщенныхъ салнымъ огаркомъ въ фонарѣ, подвѣшенномъ къ потолку, высокому и сутуловатому малому въ длинномъ жупанѣ и съ включенной копною свѣтлыхъ волосъ на головѣ.

— А здѣсь кто же останется? — замѣтилъ баринъ, очнувшись наконецъ отъ тяжелаго замѣшательства.

— Что жъ, я, пожалуй, доведу, — медленно произнесъ хладнокровный хохоль, на попеченіе котораго Стишинскіе рассчитывали оставить весь домъ, въ полной увѣренности, что лучше его никому не сохранить его.

Грицко сопутствовалъ барину въ походахъ и, находясь въ постоянномъ общеніи съ русскими солдатами, выучился съ ними говорить и ладить даже и тогда, когда они были такъ пьяны и разъярены, что сами себя не понимали. На кого же оставить домъ, если взять его съ собою?

— Ни съ какой стороны невозможно подѣхать къ обители, — позволилъ себѣ снова возвысить голосъ Ядекъ, пользуясь замѣшательствомъ, выразившимся на взволнованномъ лицѣ Стишинскаго. — Рабы побѣждали москалей, ну, тогда... тогда и у папистовъ панове нашли бы убѣжище, но москалей вездѣ бьютъ...

— А ты убирался бы вонъ, коли вести панове отказался! — накинулась на него Мариська въ то время, какъ Грицко молча и съ видомъ глубочайшаго презрѣнія на него покосился. — Бѣги къ ляхамъ, тамъ ты будешь нуженъ... паненокъ къ монахамъ вести, — продолжала она, выталкивая жида изъ сѣней на дворъ.

А затѣмъ объявила барину, что караулить домъ останется она, Мариська, и пусть только господа скорѣе уѣзжаютъ.

Впрочемъ, ничего больше не оставалось дѣлать: приближала дѣвчонка, крича изо всѣхъ силъ: «несутся! несутся!» — а изъ другой двери вбѣжала барыня, таща за рученку заспанную дочку. До ушей ея долетѣли дикіе крики, звонъ оружія, лошадиный топотъ... Навѣрное ужъ дерутся подъ самыми Любишками, и выстрѣлы раздаются со стороны замка...

А чтобъ уѣхать на хуторъ, надо было проѣзжать мимо этого замка... Дальше медлить было невозможно, пришлось принять предложеніе Мариськи и оставить на ея попеченіе домъ, а самимъ сѣсть въ фуру, забравъ баулъ съ драгоценностями и все, что можно было захватить изъ имущества, и, съ Грицкомъ на козлахъ, пуститься въ дальній, полный таинственной неизвѣстности путь.

Много приключеній, одно непріятнѣе и опаснѣе другого, пришлось испытать шляхтичу Козиму Стишинскому съ женою и съ дочерью, пока имъ наконецъ не удалось выбраться на дорогу въ Смоленскъ, на которую они рѣшились выѣхать, чтобъ достигнуть Москвы, послѣ того какъ пришлось убѣдиться, что не спасти имъ ни дома въ Любишкахъ, ни хутора, опустошенныхъ до тла воюющими, при кровавыхъ стычкахъ, послѣ которыхъ вся мѣстность

переходила то во власть русскихъ, то снова отбивалась поляками, чтобъ черезъ нѣсколько дней опять достаться москалямъ.

Нѣсколько разъ, оставивъ семью въ безопасномъ мѣстѣ, разъ у пасѣчника въ дремучемъ лѣсу, другой разъ въ женской обители на русской землѣ, Стишинскій отправлялся одинъ верхомъ разуживать по окрестностямъ, какъ ѣхать дальше, не рискуя попасть въ западню разбойниковъ, или чтобъ не наскочить на шайку дезертировъ, отстававшихъ отъ войскъ съ цѣлью пожитья на счетъ несчастныхъ бѣглецовъ изъ деревень и хуторовъ, мѣстечекъ и городовъ, спасавшихся бѣгствомъ отъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Пробродивъ нѣсколько дней по разоренной и опустѣвшей мѣстности, онъ возвращался назадъ съ свѣдѣнiями, до такой степени разнорѣчивыми и невѣрными, что, если и пускался съ семьей въ дальнѣйшiй путь, то потому только, что оставаться на мѣстѣ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе: нигдѣ не были имъ рады, всѣ были поглощены заботами о спасенiи собственной жизни, и всюду присутствiе чужой семьи было въ тягость.

Всѣ надежды на помощь исчезали одна за другой.

Первое разочарованiе постигло ихъ при приближенiи къ женскому монастырю, гдѣ у нихъ была знакомая игуменiя, мать Марiя. Ядѣкъ на этотъ разъ не совралъ: за версту до обители наши бѣглецы услышали зловѣщiй шумъ и гамъ, поднятый солдатами въ нѣкогда столь тихихъ и мирныхъ кельяхъ монахинь. Поразспросивъ бѣгущую оттуда бабу, Грицко, ни слова не говоря господамъ, повернулъ лошадей въ противоположную сторону и погналъ ихъ къ мызѣ знакомаго шляхтича, у котораго были вѣскiя причины рассчитывать на убѣжище. Но и здѣсь ихъ ждала неудача. Хозяинъ, панъ Голубицкiй, самъ вышелъ навстрѣчу къ бывшему прiятелю и даже отчасти благодѣтелю (Стишинскiй помогъ ему въ прошломъ году выпутаться изъ когтей безжалостнаго кредитора, чѣмъ спасъ его отъ разоренiя) и объявилъ съ низкими поклонами, прижимая руки къ сердцу и поднимая глаза къ небу, призывая всѣхъ святыхъ въ свидѣтели своей скорби, что онъ никакъ не можетъ пустить къ себѣ ночевать дорогаго прiятеля съ семьей даже и на одну ночь: у него остановился самъ панъ полковникъ со свитой офицеровъ и капелланъ вельможнаго пана Ржевусскаго.

Не давъ своему господину отвѣтить на дерзкiй отказъ, Грицко стегнулъ лошадей и умчалъ своихъ господъ дальше.

Пришлось переночевать въ лѣсу, въ оврагѣ, а на слѣдующiй день пуститься на новые поиски.

Цѣлыхъ двѣ недѣли кружились они такимъ образомъ по мѣстности, разоряемой войною, натываясь то на мызы, замки и монастыри, обращенные въ груды пепла или въ казармы, то на такихъ прохвостовъ, какъ панъ Голубицкiй. Отъ попадавшихся навстрѣчу бѣглецовъ они узнавали о перипетiяхъ войны и что счастье на-

чинаетъ наконецъ повертываться на сторону русскихъ, которымъ удалось завладѣть многими мѣстечками, и которые гонятъ поляковъ назадъ къ Варшавѣ. Но Стишинскимъ отъ этого было не легче; всюду натыкались они на опустѣвшія и разоренныя жилища, гдѣ нельзя было найти даже корки хлѣба. Доѣвши все до послѣдней крошки и вынивъ все до послѣдней капли, войска шли дальше. Кабы не жида, перемерло бы больше народу отъ голода, чѣмъ отъ огня и меча.

И вотъ, однажды, когда отчаяніе ужъ начинало овладѣвать несчастнымъ шляхтичемъ, когда онъ не видѣлъ себѣ ниоткуда надежды и поддержки, когда все — и обстоятельства и люди, точно сговорившись, возставали противъ него, покидая его на произволь злой судьбы, когда, куда бы онъ ни обернулся, всюду встрѣчалъ враждебность и злой противъ себя и своихъ умыселъ, — счастье наконецъ ему улыбнулось, и ему удалось увидѣть знакомаго человека въ начальникѣ коннаго отряда, вѣхавшаго въ тотъ самый лѣсъ, гдѣ они ужъ много дней скрывались отъ мародеровъ, точившихъ зубы на ихъ крѣпкую помѣстительную фуру, на запряженную въ нее пару добрыхъ коней, на остатки ихъ имущества и, кто знаетъ, можетъ быть, на хорошенькую его жену.

Обрадовался неожиданной встрѣчѣ и Лыткинъ, командиръ отряда. Лѣтъ шесть тому назадъ дрались они въ одномъ полку противъ татаръ, успѣли подружиться, а затѣмъ судьба закинула ихъ другъ отъ друга такъ далеко, что мало-по-малу самое воспоминаніе объ этой дружбѣ изгладилось изъ ихъ памяти. Но тутъ все вспомнилось, и долго передавали они другъ другу все, что имъ пришлось испытать хорошаго и худого съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись въ послѣдній разъ. Узнавъ, въ какую бѣду попалъ Стишинскій, благодаря войнѣ, Лыткину стало совѣстно жаловаться на собственныя неудачи и непріятности. Что значила его печаль въ разлукѣ съ близкими, опасности и неудобства, сопряженныя съ войной, сравнительно съ поистинѣ трагическимъ положеніемъ пріятеля! Дрожать каждую минуту за жизнь любимой жены и ребенка, сознавая свое безсиліе ихъ защитить! Лишиться всего состоянія и изъ человека съ хорошими средствами къ жизни внезапно превратиться въ бездомнаго бродягу!

— Я покажу тебѣ мою Зосю, ты увидишь, какъ она мила, нѣжна, беспомощна, и ты поймешь, какъ меня страшитъ будущее, — говорилъ Стишинскій, ободренный участіемъ, съ которымъ его слушали. — Утративъ всякую надежду спасти свое имущество въ Польшѣ, я рѣшилъ ѣхать въ Москву, оставить тамъ семью и снова поступить на царскую службу. Отъ мѣстечка Любишекъ осталась, говорятъ, только груда пепла, а хуторокъ нашъ сгорѣлъ еще раньше, и теперь неизвѣстно даже, къ кому перешла моя земля.

Его собесѣдникъ замѣтилъ на это, что вся эта мѣстность теперь завоевана русскими, и что онъ посланъ начальствомъ именно въ Любишки, чтобъ приготовить въ католическомъ монастырѣ главную квартиру для своего командира.

— Ты, разумѣется, не откажешься разузнать, что случилось съ моимъ домомъ и съ несчастной старухой, которую мы оставили охранять наше имущество, а также куда дѣлись и остальные наши люди?—съ живостью спросилъ Стишинскій.

— Я сдѣлалъ бы это и безъ твоей просьбы,—отвѣчалъ Лыткинъ. — И знаешь что, — продолжалъ онъ, точно обрадовавшись новой мысли, блеснувшей у него въ умѣ,—всего было бы лучше, если бъ ты самъ съ нами туда поѣхалъ? Я представилъ бы тебя нашему начальнику, онъ сказалъ бы про тебя царю, и тебя живо бы къ намъ зачислили въ полкъ, и ужъ тогда, самъ долженъ понять, что и землю, гдѣ былъ твой хуторъ, и мѣсто, гдѣ былъ твой домъ, тебѣ бы возвратили, и денегъ бы, можетъ быть, дали изъ контрибуціи на восстановление разореннаго хозяйства... Во всякомъ случаѣ, потерять отъ этого ты не можешь, а выиграть можешь многое.

— А куда же я дѣну Зосю мою съ дочерью?—возразилъ ошеломленный неожиданнымъ предложеніемъ Стишинскій.

— Ты везъ ихъ въ Москву?

— Да, мнѣ хочется ихъ тамъ устроить къ какимъ нибудь добрымъ людямъ, а самъ буду хлопотать о поступленіи на службу. На сбереженія, которыя мнѣ удалось увезти съ собою, намъ можно прожить съ годъ, а за это время, можетъ быть, удастся пристроиться.

— Добрые люди, о которыхъ ты сейчасъ упомянулъ, у тебя ужъ въ виду есть?

— Никого у меня въ Москвѣ нѣтъ, я въ этомъ городѣ никогда не былъ.

— Ну, я могу тебѣ въ этомъ помочь, у меня мать живетъ въ Москвѣ, и она рада будетъ приютить у себя жену и ребенка моего пріятеля, — объявилъ Лыткинъ. — Ей, старухѣ, это даже большое развлеченіе составить, давно желательно ей дитенка поняньчить, и очень она горюетъ, что внуковъ у нея нѣтъ. А чтобъ довести твою семью благополучно до мѣста, я отпущу съ нею моего Ивашку, котораго при послѣдней схваткѣ такъ ловко хватилъ по рукѣ саблей ляхъ, что намъ здѣсь онъ только въ тягость. Прямехонько къ нашему дому у Никитскихъ воротъ доставить онъ твою супругу съ дочкой, и преспокойно проживутъ онѣ у моей матери до нашего возвращенія въ Москву. И привезу я тебя къ намъ, въ сердце Россіи, уже совсѣмъ русскимъ, отличившимся на полѣ брани, можетъ быть, на глазахъ царя; онъ умѣетъ цѣнить доблесть и удалство, а ты такимъ молодцомъ показалъ себя съ татарами,

что и теперь въ грязь лицомъ не ударишь! Рѣшайся же скорѣй, счастье въ твоихъ рукахъ, упустишь фортуна, она больше никогда къ тебѣ не вернется,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ, которымъ слушатель его, отъ природы восторженный и не разъ жалѣвшій, что обстоятельства не дозволяютъ ему принимать участіе въ кипѣвшемъ вокругъ него боѣ, такъ заразился, что съ первыхъ же его словъ всѣмъ сердцемъ принялъ его предложеніе.

Чѣмъ страдать отъ войны пассивно, прятаться, какъ баба, отъ враговъ въ лѣсныхъ дебряхъ, оставляя родовое имущество на произволъ грабителей, не лучше ли вмѣстѣ съ этимъ добрымъ и храбрымъ малымъ драться за Россію, за ея геніальнаго представителя, царя Петра?

Онъ и стрѣлять умѣлъ отлично и рубиться саблей выучился съ раннихъ лѣтъ, онъ будетъ полезенъ, непременно отличится, и царь его замѣтитъ, а замѣтивъ приблизитъ къ себѣ, и тогда счастье его семьи будетъ упрочено, даже если не удастся спасти разоренное имущество... Въ томъ, что его Зосѣ съ дочерью будетъ хорошо у матери его пріятели, онъ тоже не сомнѣвался, она должна быть такая же добрая, великодушная женщина, какъ и ея сынъ, и ужъ одно то, что онъ ихъ къ ней посылаетъ, можетъ служить порукой ея къ нимъ добраго расположенія...

— Ну, что-жъ, принимаешь ты мое предложеніе?—спросилъ послѣ небольшого молчанія Лыткинъ, немного озадаченный раздумьемъ своего собесѣдника и невольно принимая раздумье это за нерѣшительность.

Не будучи въ силахъ произнести ни слова отъ душившаго его волненія, Стишинскій молча протянулъ ему, въ знакъ согласія, руку, которую старый его товарищъ съ просіявшимъ радостно лицомъ крѣпко пожалъ.

Позвали Ивашку, раненаго въ руку денщика, объяснили ему, что отъ него требуется, и вмѣстѣ съ нимъ отправились къ фурѣ, на которой Зося, внѣ себя отъ нетерпѣнія, ожидала возвращенія мужа.

Однако, какъ ни была она взволнована, но когда Грицко объявилъ ей, что баринъ идетъ къ нимъ съ какимъ-то чужимъ офицеромъ, она, не медля ни секунды, принялась приводить свою прическу и костюмъ въ порядокъ и даже успѣла убрать такъ нарядно свою дочку, что обѣ онѣ произвели самое пріятное впечатлѣніе на Лыткина. Такихъ душекъ мать его не можетъ не полюбить, онѣ съ перваго взгляда располагали къ себѣ всѣ сердца.

Къ разлукѣ съ мужемъ, къ необходимости ѣхать одной въ незнакомый городъ и къ незнакомымъ людямъ Зося отнеслась скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ печалью и страхомъ. И мужъ ея, и его пріятель наперерывъ твердили ей, что разлука долго

продолжаться не можетъ, что война подходитъ къ концу, что мужъ ея вернется къ ней, покрытый славой и отличенный самимъ царемъ, что всѣ ихъ дѣла устроятся, какъ нельзя лучше, благодаря его участію въ войнѣ, и Зосѣ было такъ пріятно всему этому вѣрить, что для грустныхъ мыслей не было мѣста въ ея умѣ и сердцѣ. А когда, оставшись съ нею наединѣ, мужъ передалъ ей ключи отъ шкатулокъ и бауловъ съ серебромъ и драгоценными вещами и, снявъ съ себя кожаную сумку съ червонцами и отсчитавъ себѣ изъ нихъ нѣсколько, надѣлъ ей на шею эту сумку съ остальными, она совсѣмъ повеселѣла и тогда только расплакалась, когда наступила минута разставанія. Рыдая прижималась она къ груди вволнованнаго мужа, съ трудомъ сдерживавшаго слезы, въ то время, какъ ихъ трехлѣтняя дѣвочка, съ недѣтскимъ выраженіемъ тоскливаго испуга въ большихъ черныхъ серьезныхъ глазахъ, не выпуская изъ своихъ рученокъ руку отца, терпѣливо ждала своей очереди въ послѣдній разъ поцѣловать его.

Быстро примирилась Зося со своимъ положеніемъ соломенной вдовы и съ возрастающимъ любопытствомъ всматривалась въ попадавшіяся имъ навстрѣчу все чаще и чаще русскія села, съ золотоглавыми церквями и богатыми господскими усадьбами. Когда они останавливались въ этихъ усадьбахъ, чтобъ покормить лошадей или переночевать, живущіе въ нихъ господа присылали холопа или холопку узнать о проѣзжихъ: кто да кто такіе? откуда и куда путь держать? И узнавъ, что молодая барыня ѣдетъ изъ Польши, спасаясь отъ ужасовъ войны, господа приглашали ее съ ребенкомъ у нихъ отдохнуть въ хоромахъ, гдѣ задерживали ихъ часто на нѣсколько дней и отпускали нагруженныхъ съѣстными припасами на цѣлую недѣлю.

Особенно располагало русскихъ людей къ Зосѣ то обстоятельство, что она, хотя по рожденію полька, но крещена въ православную вѣру, значить, все равно, что русская, несмотря на то, что по-русски говоритъ смѣшно, и во всемъ у нея иностранная повадка: одѣта, какъ ряженая, и ничуть не стыдится говорить и смѣяться съ мужчинами. Занятная бабенка и при деревенской скукѣ большое можетъ доставить развлеченіе.

Узнавъ, что она ѣдетъ въ Москву къ боярынь Лыткиной, которая живетъ въ своемъ домѣ у церкви Большого Вознесенія, и у которой сынъ на войнѣ вмѣстѣ съ мужемъ Зоси, ей убѣдительно наказывали посѣтить такихъ-то и такихъ-то друзей и родственниковъ жителей деревни, при чемъ, вмѣсто рекомендательныхъ писемъ, по безграмотности тогдашняго времени женщинъ самаго высшаго круга, еще не вошедшихъ въ употребленіе, ей давали отвезти въ Москву деревенскіе гостинцы, бурачки съ сушеными ягодами, лушошки съ начинавшими уже поспѣвать яблоками и грушами, штуку тонкаго домашняго полотна, собственной

работы полотенце, вышитое разноцвѣтными шелками, смотря по степени любви и уваженія, которыя имѣлось въ виду оказать дорогому человѣчку черезъ прїѣзжую изъ далекой страны свидѣтельницацу происходившихъ тамъ ужасовъ.

Начатое столь горестно путешествіе оканчивалось такъ весело и прїятно, что, увлекаясь интересными впечатлѣніями и радужными мечтами, Зося все рѣже и рѣже вспоминала про мужа.

Наконецъ, въ концѣ восьмой недѣли со дня ея выѣзда изъ Любешекъ, засверкали передъ ея очарованными глазами золотые кресты на московскихъ храмахъ, и когда Грицко, обернувъ къ ней улыбающееся лицо, вымолвилъ, указывая кнутовищемъ на красиво раскинувшійся на далекое пространство, утопающій въ зелени городъ: «вотъ, пани, наша Москва!»—сердце ея заколотилось радостнымъ предчувствіемъ, и, не выпуская дѣвочки своей изъ рукъ, она высунула свою хорошенькую граціозную головку изъ фуры, чтобъ охватить любопытнымъ взглядомъ незнакомое мѣсто, гдѣ ей суждено жить.

Какой странный городъ! Совсѣмъ не похожъ на Варшаву, гдѣ она много разъ бывала съ боярыней, взявшей ее на воспитаніе, когда ей не было еще трехъ лѣтъ, отъ бѣдныхъ, разоренныхъ войной и внутренними смутами, родителей. Издали никакихъ не видать строеній, кромѣ церквей, и ихъ, кажется, такое множество, что она съ удивленіемъ спрашивала себя: да гдѣ же тутъ люди живутъ?

День клонился къ вечеру, и чѣмъ ближе они подѣзжали, чѣмъ громче и внятнѣе долеталъ до нихъ звонъ колоколовъ... совсѣмъ другой, чѣмъ въ Польшѣ, такой властный, торжественный, проникающій въ самую душу...

О, Зося Стишинская была очень расположена любить Россію и раньше, но теперь она чувствовала себя совсѣмъ русской и радовалась, что она православная, а также и мужъ ея, и ихъ дѣвочка. Русскій князь, въ домѣ котораго она выросла, былъ вполнѣ правъ, настаивая на томъ, чтобъ призрѣнная ими дѣвочка была обращена въ православіе: настоящими русскими могутъ быть только православные, только православные...

Если удобство и прїятность быть православной въ Россіи Зося стала ощущать въ первые дни своего прїѣзда сюда, то здѣсь, въ Москвѣ, она это испытала еще сознательнѣе.

Боярыня Лыткина приняла жену товарища сына съ распростертыми объятіями. Домъ у нея былъ съ виду невзрачный, низкій, расплзшійся въ длину и ширину среди густого сада. Съ улицы, изъ-за забора, его не видно было, но въ немъ было свѣтло, уютно и просторно. Лыткина жила одна, окруженная многочисленной дворней, вся въ Богѣ и въ сынѣ, выѣзжая только въ монастырь на могилу мужа и родителей да въ приходскую церковь.

Зосѣ съ дочерью отвели цѣлое помѣщеніе на антресоляхъ. Ивашка, щедро награжденный боярыней, поотдохнувъ съ дороги, отправился на родину, а Грицко остался при своихъ госпожахъ, заминая Елизаветкѣ няньку.

Впрочемъ, у него здѣсь объявилось такое множество помощницъ въ ухаживаніи за ребенкомъ, что онъ самовольно взялъ на себя должность садовника при обширномъ садѣ, запущенномъ и одичаломъ.

Первое время онъ только похаживалъ по этому саду, покачивая головой и поглядывая на чахлая деревья и кусты, но потомъ не вытерпѣлъ и сталъ здѣсь все передѣлывать по-своему. Покажетъ онъ москалямъ, какіе тутъ могутъ расти ягоды и плоды! Покажетъ онъ имъ, какъ у нихъ въ Малороссіи садами занимаются!

Новое занятіе не заставляло его забыть прямую свою обязанность, и верховодилъ онъ попрежнему воспитаніемъ маленькой барышни; безъ его разрѣшенія даже гулять въ садъ никто не рѣшался ее выносить, и сама Авдотья Петровна Лыткина совѣтовалась съ нимъ во всемъ, что касалось ребенка, къ которому она съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывалась.

А Зося тѣмъ временемъ наслаждалась, въ полномъ смыслѣ этого слова, жизнью. И времени, и охоты, и случая было для этого достаточно.

Знакомство у нея въ самомъ скоромъ времени завязалось въ Москвѣ пребольшее. Не говоря ужъ про тѣхъ, кому она развезла гостинцы изъ деревень, и которые обошлись съ нею ласково и привѣтливо, ей удалось даже проникнуть къ двору царевнѣ, родственницѣ самого царя, съ легкой руки котораго иностранцы стали входить въ Россіи въ такую моду, что для того, чтобъ ему и его близкимъ понравиться, въ каждомъ боярскомъ домѣ считали нужнымъ ихъ ласкать.

Царица Прасковья Федоровна жила просто, а ужъ въ особенностяхъ въ Москвѣ, вдали отъ строгаго племянника, требованіямъ котораго было такъ тяжело подчиняться приверженцамъ старыхъ русскихъ обычаевъ и ненавистникамъ иностранныхъ новшествъ. Здѣсь можно было принимать людей, по рангу своему не принадлежавшихъ къ придворному штату, какъ, напримѣръ, вдову дворянина Лыткина, съ которой царица познакомилась во время похода на поклоненіе мощамъ преподобнаго Сергія.

Покалякавъ съ Авдотьей Петровной въ садикъ настоятеля, царица милостиво ее пригласила навѣстить ее въ Москвѣ; приглашеніе было принято, и между царицей и Лыткиной завязалась дружба. Когда Лыткина долго не являлась къ ней, царица сучала и приказывала своей ближней боярыньѣ ее провѣдать. Этою честью и милостью умная и осторожная Авдотья Петровна не хва-

сталась, сплетенъ заводить про это было, значить, не изъ чего, и, кромѣ удовольствія, знакомство ни той, ни другой ничего не приносило.

Про Зосю царица узнала отъ ближней своей боярыни, встрѣтившей хорошенькую полячку у одной изъ новыхъ знакомыхъ этой послѣдней, и заинтересованная царица приказала эту самую польку къ ней привести, что было, разумѣется, немедленно исполнено.

Зося и ей понравилась. Такую можно и царю показать, останется доволенъ, онъ любить такихъ разбитныхъ хохотушекъ, мастерицъ и поплясать, и поболтать, и пожеманничать. Чтобы имѣть ее всегда подъ рукой, на случай пріѣзда царя или его близкаго, какъ Александра Даниловича Меншикова, на примѣръ, тоже большого охотника до такихъ вострушекъ, Зосѣ было предложено поселиться во дворцѣ, въ покойчикѣ, отдѣленномъ перегородкой отъ комнаты старшей камеръюнгферы.

И Зося согласилась. Не все ли равно ей было, гдѣ ни спать, когда весь день у нея проходилъ въ разѣздахъ, визитахъ, въ пѣвнн и веселыхъ разговорахъ? Забѣгала она въ свою каморку только, чтобы переодѣться изъ одного наряда въ другой. Отъ приглашеній отбоя не было, на Зосю пошла мода. Такое наступило для нея хорошее житье, что умирать не надо. О мужѣ она вспоминала тогда только, когда являлась повидать дочку къ Авдотѣ Петровнѣ, а такъ какъ особеннаго удовольствія ей это не доставляло, и мысль о его возвращеніи скорѣе пугала ее, чѣмъ радовала, то она и старалась подвергаться этой неприятности, какъ можно рѣже.

Подъ счастливой звѣздой родилась Зося. Обстоятельства удивительно кстати для нея складывались: именно въ то время, когда въ неизвѣстности о судьбѣ мужа, отъ котораго не было никакихъ вѣстей, она колебалась принимать приглашеніе новаго своего покровителя, всесильнаго царскаго любимца Меншикова, пріѣхать къ нему погостить въ Петербургъ, боярыня Лыткина получила письмо отъ сына съ печальными извѣстіями: Лыткина, тяжело раненаго, пріютили въ католическомъ монастырѣ, а другъ его, Стишинскій, пропалъ безъ вѣсти. Ни между мертвыми, ни между живыми его нѣтъ.

Пропалъ безъ вѣсти Зосинъ мужъ, и осталась она круглой сиротой въ Москвѣ. Но такое сиротство дай Богъ всякому. Никогда еще не было у нея такъ много друзей, покровителей и ухаживателей, какъ въ это время. Даже и недѣльки не дали ей погоревать по мужѣ. Царица повезла ее съ собою въ Питеръ, ей надали пропасть нарядовъ и драгоценныхъ вещей, а такъ какъ самъ царь про нее вспомнилъ, увидавъ царицу Прасковью Федоровну, и спросилъ, привезла ли она съ собою воструху-польку, то можно себѣ представить, сколько приглашеній посыпалось на нее со всѣхъ

сторонѣ! Ни одного маскарада, ни одного комедійнаго представленія, ни одной ассамблеи безъ нея не обходилось; всѣ восхищались ея ловкостью въ танцахъ, въ разговорахъ, ея находчивостью и свободнымъ обращеніемъ съ мужчинами, которыхъ она сводила съ ума наивнымъ кокетствомъ.

Далеко было до нея глупымъ русскимъ боярынямъ и боярышнямъ, умѣвшимъ только, потупивъ очи, молчать, краснѣть да расаживать павами. Тѣ же, которыя, въ угоду новымъ вѣяніямъ и чтобъ угодить царю, набирались бойкости и развязности, казались такъ грубы и пошлы въ сравненіи съ граціозной полькой, что, кромѣ насмѣшекъ, ничего не возбуждали.

Бѣднымъ женамъ и невѣстамъ, у которыхъ она отбивала мужей и жениховъ, оставалось только утѣшать себя тѣмъ, что это у нея въ крови, и что за бѣсовскій даръ сводить съ ума мужчинъ ей на томъ свѣтѣ пощады не будетъ.

Она была очаровательна, но никто не могъ опредѣлить, въ чемъ именно заключалось обаяніе, которымъ она всѣхъ плѣняла: маленькая, щупленькая, худощавая, гибкая, какъ змѣйка, съ большими исѣбра-зеленоватыми глазами, востроносенькая, съ крошечными ручками и ножками, она такъ мало была похожа на другихъ женщинъ, что казалась существомъ другой породы. Голосъ у нея былъ замѣчательно вкрадчивый и нѣжный, русалочный. И ко всему этому что-то такое наивное, дѣтское въ мысляхъ и чувствахъ, въ каждомъ взглядѣ и движеніи.

Однако, вмѣстѣ съ успѣхомъ росла къ Зосѣ и ненависть и зависть. Столько проливалось изъ-за нея слезъ, столько тратилось денегъ, столько выносилось обидъ и досады, что съ каждымъ днемъ оказывалось все больше и больше людей, желавшихъ ей гibelи.

Ничего этого она не замѣчала и продолжала безсознательно пользоваться всѣмъ, что плыло ей въ руки, не спрашивая себя: откуда это и куда ее доведетъ? Пышно расцвѣли на благопріятной почвѣ зачатки себялюбія въ сухомъ ея сердцѣ и узкомъ, одностороннемъ умѣ. Сдерживаемыя раньше обстоятельствами и средой, природныя ея свойства выступили наружу во всей своей силѣ. О мужѣ она давно забыла, а про дѣвочку свою вспоминала только для того, чтобы пожалѣть, что она не съ нею, и что не отъ кого ей учиться искусству извлекать пользу изъ авантажей, которыми надѣлила ее природа. Старая дура Лыткина, женщина безъ всякой полуры, чего добраго, сдѣлаетъ изъ нея нѣчто, похожее на тѣхъ кувалдъ, съ которыми Зося сталкивается въ высшемъ столичномъ обществѣ.

Давно взяла бы она ее къ себѣ и поручила бы ея воспитаніе своей камеръюнгферъ-нѣмкѣ, млѣющей передъ ловкостью и граціей своей госпожи, если бы не надежда, что старуха Лыткина,

окончательно опустившаяся духомъ и тѣломъ отъ печальныхъ извѣстій о медленно умирающемъ на чужбинѣ сынѣ, выразить можетъ быть, намѣреніе оставить все свое состояніе Елизаветкѣ, въ случаѣ смерти единственнаго своего наслѣдника.

Пользуясь своими связями въ военныхъ сферахъ, Зося навела справки объ офицерѣ Лыткинѣ и узнала, что онъ безнадеженъ. Въ католическомъ монастырѣ, гдѣ онъ находился, ожидали смерти его со дня на день.

— А что же ты, стрекоза, не спросишь про муженька своего?— съ лукавой усмѣшкой прибавилъ къ этому извѣстію сѣдой бояринъ, которому было поручено сообщить ей желаемыя свѣдѣнія о Лыткинѣ.— Или любо тебѣ въ соломенномъ вдовствѣ пребывать?— продолжалъ онъ ее поддразнивать, замѣтивъ, въ какое смятеніе привели ее его слова.

— Я знаю, что онъ пропалъ безъ вѣсти, не позаботившись увѣдомить меня о себѣ,—что же мнѣ про него разузнавать? Я же теперь хорошо вижу, что онъ меня никогда не любилъ,—проговорила она съ напускною развязностью.

— А вдругъ, какъ онъ объявится? — продолжалъ свою жестокую шутку бояринъ, забавляясь ея волненіемъ.

«Можетъ быть, онъ не шутилъ, а ждалъ только ея разспросовъ, чтобъ сказать ей, что мужъ ея не только живъ, но что даже извѣстно, гдѣ онъ находится и какъ думаетъ поступить съ женой, такъ легкомысленно отнесшейся къ его исчезновенію?»—вертѣлось у нея на умѣ въ то время, какъ противный старикъ, ухмыляясь, не спускалъ съ ея разстроеннаго лица пытливаго взгляда.

Да, онъ ждалъ разспросовъ, но ничего подобнаго не дождался: Зося предпочитала оставаться въ неизвѣстности. Сегодня она должна была въ костюмѣ викторіи участвовать въ живой картинѣ, устраиваемой у ея соотечественника, графа Ягужинскаго, на праздникъ въ честь царя. Хороша будетъ викторія съ смертельнымъ страхомъ въ душѣ отъ грозящей опасности! Нѣтъ, нѣтъ, надо про это забыть! Не можетъ онъ къ ней вернуться... Для чего ему было и пропадать, если бъ у него не было намѣренія покинуть и ее съ дочерью, и Россію навсегда?.. Очень можетъ быть, что онъ влюбился въ кого нибудь и такъ же, какъ она, ничего такъ не боится, какъ встрѣчи съ нею... во всякомъ случаѣ, всего лучше про это не думать, рѣшила она.

А время шло. Царь воевалъ, праздновалъ побѣды, казнилъ вчерашнихъ любимцевъ, приближалъ къ себѣ новыхъ, неизнаемыхъ людей, путешествовалъ. Перемѣны эти Зоси не коснулись; Меншиковъ продолжалъ быть въ силѣ, а она сумѣла сдѣлаться во дворцѣ всемогущаго временщика своимъ человѣкомъ, почти членомъ семьи. Никакого опредѣленнаго положенія она тутъ не за-

нимала, но, всегда веселая, беззаботная и забавная, была здѣсь всѣмъ мила и нужна. И всѣ осыпали ее ласками и подарками. Постоянно можно было встрѣтить ее въ покояхъ княгини, княженъ, молодыхъ князей и ближнихъ къ нимъ людей. Пролѣзла она задворками, черезъ ближнихъ къ цесаревнамъ боярынь, и въ царскій дворецъ и полюбилась младшей цесаревнѣ, которая сама была такая красавица, умная и живая, что соперничества хорошенькой польки опасаться не могла. Жила Зося, какъ птичка небесная, безъ заботъ и труда, всегда прелестно разряженная, всегда окруженная толпою поклонниковъ, такъ часто мѣнявшихся, что они не успѣвали ей надобѣсть. По временамъ, очень рѣдко, пробуждалась въ ней материнская нѣжность, и она ѣхала въ чьей нибудь чужой каретѣ навѣстить дочку въ домъ боярыни Лыткиной. Какъ мизеренъ казался ей теперь этотъ домъ! Какъ бѣдна его обстановка, и какъ смѣшонъ, выходявшій къ ней навстрѣчу съ маленькой Барышней, старый Грицко!

Елизаветку насильно тащили къ матери. Она отъ нея такъ отвыкла, что забивалась подъ кровать или пряталась въ кусты, когда по двору разносилось извѣстіе о пріѣздѣ госпожи Стипинской. Въ изорванномъ перепачканномъ сарафанчикѣ, со включенными волосами и въ слезахъ, она производила на мать свою дикостью и мужицкими ухватками такое непріятное впечатлѣніе, что Зося долго тутъ не засиживалась. Погладивъ кончиками пальцевъ, въ длинныхъ, распитыхъ шелками французскихъ перчаткахъ, низко опущенную передъ нею упрямую головенку, она съ досадой спрашивала у смущенной Авдотьи Петровны, когда же наконецъ выучатъ Елизаветку не чуждаться матери, не закрывать себѣ лица рукавомъ и отвѣчать на вопросы. И, не дождавшись отвѣта, она, ко всеобщему удовольствію, поднималась съ мѣста и, выразивъ желаніе быть въ слѣдующій разъ лучше принятой, уѣзжала.

Какъ свободно дышалось въ этотъ день и въ послѣдующіе въ низенькомъ домикѣ у Вознесенія! Какъ всѣмъ было весело и легко на душѣ! Можно было долго не ждать посѣщенія очаровательной маменьки.

Тихо и мирно протекала тутъ жизнь, вдали отъ страшныхъ политическихъ бурь, волновавшихъ близкую къ царскому двору сферу. О перемѣнахъ, происходившихъ въ Петербургѣ, да и здѣсь совсѣмъ отъ нихъ близко, въ Кремлѣ, у Лыткиной узнавали отъ старыхъ друзей, навѣщавшихъ Авдотью Петровну, да отъ приходскаго священника. Сама она, съ того дня, какъ узнала наконецъ, съ годъ спустя, о кончинѣ сына, совсѣмъ порвала со свѣтомъ и даже не ѣдила больше къ царицѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ, которая изрѣдка посылала узнавать про ея здоровье и приказывала ей передать черезъ ближнюю боярыню, что и сама она стала, со дня на день, все больше и больше хирѣть.

А Лизаветка съ лѣтами входила въ разумъ и начинала принимать близко къ сердцу досаду, горе и отчаянныя окружающихъ, цѣпивъвшихъ отъ ужаса при слухахъ, долетавшихъ въ мирный, скромный домикъ у Вознесенія и комментируемыхъ на всѣ лады пріятелями и пріятельницами старушки Лыткиной. Кручинилась дѣвушка вмѣстѣ съ благодѣтельницами и съ ближними къ ней людьми о вѣрныхъ роднымъ устоямъ, терпящихъ гоженіе, болѣла сердцемъ за надежду русскихъ людей, царевича Алексѣя, терзаемаго отцомъ за нежеланіе онѣмечиваться и за любовь къ несчастной, ваны-вающей въ неволѣ, матери его, за именитыхъ бояръ, дѣтей прославившихъ Россію отцовъ и дѣдовъ, умиравшихъ въ мукахъ за вѣру православную, по родительскимъ завѣтамъ. Возмущалась она кощунственными забавами царя и вспомнить не могла безъ содроганія, что родная ея мать принимаетъ участіе въ этихъ грѣш-ныхъ забавахъ.

Много было въ то время такихъ уединенныхъ уголковъ въ Москвѣ, да и по всей Россіи, гдѣ въ низкихъ домикахъ, за высокими заборами и густыми садами, печалились о разрушеніи всего, чѣмъ держалась Россія.

Лизаветку именно въ такой уголокъ и закинула судьба. Здѣсь хоронилась будущая національная партія, измученная, обезсилен-ная, уповающая только на Бога во тѣмъ отчаяніи собственными силами одолѣть врага, много страшнѣе и могучѣе татаръ и поляковъ.

А Зося тѣмъ временемъ плясала, наряжалась и веселилась.

Она сдѣлалась совсѣмъ полькой. Все русское, навѣянное на нее воспитаніемъ въ русской семьѣ, безслѣдно слиняло съ нея въ новой средѣ, гдѣ всѣ старались подражать иностранцамъ и, на-перерывъ другъ передъ другомъ, подавляли въ себѣ все русское и родное. Вводились нравы и обычаи, столь близкіе и милые сердцу Стишинской, что ей ничего не стоило съ ними освоиться.

Польская кровь сказалась.

На нее начиналъ уже обращать вниманіе ксендзъ изъ домашней капеллы знатнаго иностранца, и если она не была еще совра-щена въ католичество, то потому только, что хитрый іезуитъ не усматривалъ большой выгоды въ легкой побѣдѣ надъ бабенкой, занимавшей въ обществѣ далеко не почетную роль шутихи.

Впрочемъ, положеніе это спасало ее и отъ бѣдъ. Опалы покровителей и ухаживателей на ней не отражались; когда пустѣлъ дождь, въ которомъ ей дали пріютъ, она переѣзжала въ другой, вотъ и все.

Переѣзжая съ благодѣтелями и благодѣтельницами съ мѣста на мѣсто, она иногда попадала въ Москву и навѣщала дочь. Но случалось это все рѣже и рѣже, такъ что при послѣднемъ свиданіи съ Лизаветкой, послѣ трехлѣтней разлуки, она нашла въ ней большую перемѣну. Вмѣсто застѣнчивой и упрямой дѣвочки, пря-

тавшей отъ нея лицо въ рукавъ и упорно молчавшей на всѣ ея вопросы, къ ней вышла высокая и стройная дѣвушка, съ серьезными и задумчивыми черными глазами, продолговатымъ лицомъ съ тонкими чертами и длинными, тоже, какъ смоль, черными косами.

Богъ знаетъ, въ кого уродилась такая, но только не въ мать и не въ отца. Въ семьѣ Стишинскихъ или Флевицкихъ, можетъ быть, и была такая прабабушка, но, должно быть, это было очень давно, потому что никогда Зося о такой не слыхала. Вотъ ужъ не ожидала она, что изъ Лизаветки выйдетъ такая внушительная особа. Подъ пристальнымъ и испытующимъ взглядомъ дочери ей было такъ не по себѣ, что она въ этотъ разъ оставалась въ домикѣ Авдотьи Петровны очень недолго.

«Не любить она меня»,—рѣшила она, простившись съ дочерью и возвращаясь къ той боярыньѣ, при которой въ то время жила въ приживалкахъ, въ ожиданіи возвращенія главнаго своего покровителя, Меншикова, изъ чужихъ краевъ съ царемъ.

А любить она дочь, и любила ли она ее когда нибудь? -- вопросъ этотъ, разумѣется, и въ голову ей не приходилъ.

Лизаветка же, проводивъ мать, долго прохаживалась по аллеѣ изъ старыхъ липъ, а затѣмъ, когда совсѣмъ стемнѣло, и фигура Грицка появилась у калитки, которую онъ никогда не забывалъ запираеть на ночь, чтобъ ребяташки изъ людской не испортили его клумбъ съ цвѣтами и не залѣзли бы къ вишнямъ въ грунтовой сарай, она, ласково ему кивнувъ, поднялась по ступенькамъ крылечка, выходящаго изъ спальни Авдотьи Петровны въ садъ, тихо вошла въ комнату и, опустившись на колѣни передъ сидѣвшей съ чулкомъ въ рукахъ старушкой, объявила ей, что она согласна выйти замужъ за Петра Филипповича Праксина.

Авдотья Петровна такъ мало этого ожидала, что совсѣмъ опѣшила.

— Хорошо, Лизаветочка, я ему скажу... Да что жъ это ты такъ вдругъ надумала? Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, просила повременить съ этимъ дѣломъ...

Вмѣсто отвѣта дѣвушка прижалась лицомъ къ ея колѣнямъ и зарыдала.

— О чемъ ты, моя родная? О чемъ? Что случилось? Если онъ тебѣ не по сердцу, никто тебя не неволитъ... А торопиться и вовсе не для чего... Ты не перестарокъ, тебѣ еще и шестнадцати лѣтъ нѣтъ... жениховъ много еще объявится, и свѣтъ не клиномъ сошелся на Праксинѣ,—говорила Лыткина прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Онъ хорошій, тетенька, и я его знаю, мнѣ другого мужа не надо,—возразила Лизаветка.—Пошли за нимъ скорѣе, пожалуйста,—умоляюще протянула она, съ отчаяньемъ въ голосѣ.

— Но зачѣмъ же скорѣе, моя золотая?

— Тетенка!—вскричала Лизаветка, сверкнувъ злобно глазами.—Пойми же ты, что я не могу ее больше видѣть... не могу... мнѣ слишкомъ тяжело... я насилу удержалась, чтобъ ей этого не сказать... она мнѣ прот...

Ей не дали договорить.

— Что ты, что ты!—прервала ее на полусловѣ Лыткина, зажимая ей ротъ рукой.—Христось съ тобой! Развѣ такъ можно?.. Вѣдь она тебѣ мать!

И обѣ зарыдали въ объятіяхъ другъ друга. Да, онѣ понимали другъ друга, и сблизило ихъ чувство постояннаго страха за родныхъ по духу и ненависть къ иноземцамъ.

Лизаветка выросла совсѣмъ русской у Авдотьи Петровны. Укрѣпляясь подѣ ея вліяніемъ въ православіи, она въ этой слѣпо и тепло вѣрующей средѣ съ каждымъ днемъ все глубже и глубже проникалась русскимъ духомъ, все сильнѣе и сильнѣе прилѣплялась къ своему новому отечеству и предавалась ему всѣмъ своимъ существомъ.

II.

Петра Филипповича Праксина Авдотья Петровна знала съ его дѣтства и была съ нимъ даже въ отдаленномъ родствѣ.

Онъ былъ сирота и богатъ. У него было подѣ Москвой маленькое имѣніе да въ Костромскихъ лѣсахъ другое, много больше, у берега Волги. Въ имѣніяхъ этихъ онъ постоянно жилъ, наѣзжая въ Москву только по зимамъ и не забывая при этомъ заѣзжать къ старушкѣ Лыткиной, гдѣ и познакомился съ Лизаветкой. Онъ былъ старше ея лѣтъ на пятнадцать, но она была такая степенная и одинокая, что партія казалась для нея вполне подходящей.

О сватовствѣ Праксинъ заговорилъ съ Авдотьей Петровной съ мѣсяць тому назадъ, пріѣхавъ неожиданно лѣтомъ въ Москву, подѣ предлогомъ какихъ-то дѣлъ, вызвавшихъ его изъ Костромскихъ лѣсовъ въ подмосковную. Лизаветочка такъ далека была отъ мысли, что Петръ Филипповичъ можетъ сдѣлаться ея мужемъ, что въ первую минуту испугалась и не знала, что отвѣтить. Понимая ея замѣшательство по-своему, Лыткина сама рѣшила, что надо подождать и дать ей подумать, но она ошибалась, воображая, что Праксинъ ей не по сердцу: у Лизаветочки было къ нему странное, необъяснимое чувство, не похожее на любовь, правда, но еще меньше на отвращеніе. Когда въ обществѣ, собиравшемся у Авдотьи Петровны, чтобъ обмѣняться тяжелыми впечатлѣніями происходившихъ въ Россіи событій и погоревать подѣ гнетомъ ниспосланнаго на родину мучительнаго испытанія, она взглядывала на Праксина, единственнаго человѣка, еще молодого между стариками, и ей не хотѣлось оторваться отъ его лица, съ горя-

щами, какъ уголья, страстно возбужденными глазами. Она читала въ глазахъ этихъ отраженіе собственныхъ чувствъ и мыслей, и онъ ей былъ въ эту минуту такъ близокъ, что, кажется, скажи онъ ей, чтобъ она шла за нимъ на край свѣта, она бы, не задумываясь, повиновалась ему.

Когда въ его отсутствіе она слышала про какойнибудь новый ужасъ, она тотчасъ же вспоминала про него, и когда она дѣлилась съ нимъ мысленно впечатлѣніями, ей начинало казаться, что онъ не за тридевять земель отъ нея, а тутъ, совсѣмъ близко, слышитъ, чувствуетъ то, что она чувствуетъ, и страдаетъ вмѣстѣ съ нею. А между тѣмъ они даже никогда не разговаривали наединѣ и обмѣнивались при всѣхъ только самыми обыденными фразами, не имѣющими ни малѣйшаго отношенія къ духовной связи, бессознательно существовавшей между ними.

Бессознательно съ ея стороны, а не съ его, потому что соединиться на всю жизнь ему первому пришло въ голову, а не ей.

Да, въ первую минуту Лизаветочка испугалась и попросила повременить отвѣтомъ на сдѣланное ей предложеніе, но посѣщеніе матери заставило ее рѣшиться перейти изъ-подъ опеки Лыткиной, не имѣвшей надъ нею другихъ правъ, кромѣ горячей привязанности, подъ власть мужа, вполнѣ обеспечивающую ей независимость отъ единственнаго существа, близкаго ей по крови и нестерпимо чуждаго ей по духу.

Свадьбу сыграли тихо, безъ матери невѣсты.

Какой-то новый покровитель увезъ ее съ собою въ чужія земли, и вернулась она уже съ другимъ въ Россію, когда у дочери ея родился сынъ, первенецъ, названный при святомъ крещеніи Филиппомъ.

Воспріемниками были старушка Лыткина и большой пріятель Праксина, бояринъ Ѳедоръ Ермиловичъ Бутягинъ, тоже изъ опальныхъ и скрывавшійся отъ преслѣдованій въ монастырѣ преподобнаго Саввы Звенигородскаго, у настоятеля, доводившагося ему родственникомъ.

Молодые Праксины поселились въ домѣ Лыткиной, такъ что съ выходомъ замужъ внѣшняя обстановка Лизаветы нисколько не измѣнилась; такъ же, какъ и раньше, проводила она время со своей благодѣтельницей въ просторныхъ покояхъ съ низкими потолками, обставленныхъ старой мебелью, стоявшей тутъ еще до рожденія Авдотьи Петровны, при родителяхъ ея покойнаго мужа, и въ саду, который, благодаря Грицку, процвѣталъ великолѣпно. Такихъ цвѣтовъ и фруктовъ не было и у царицы Прасковьи Ѳедоровны, и когда она присылала узнавать о здоровьѣ своей старой пріятельницы, въ карету ея посланной, ближней боярыни, Грицко ставилъ корзину съ гостинцемъ, весьма въ кремлевскомъ дворцѣ цѣнными: весной и лѣтомъ—цвѣты и ягоды, а осенью—яблоки, сливы и дули замѣчательной красоты и вкуса.

Но какъ оживился домъ, когда явился на свѣтъ Филиппушка! Истинно можно сказать, точно солнышко взошло надъ скорбной жизнью Авдотьи Петровны, и воскресли подъ его живительными лучами давно умершія радости и надежды. Когда она няньчилась съ здоровенькимъ, веселымъ, красивымъ мальчикомъ Лизаветочки, ей часто казалось, что четверти вѣка какъ не бывало, и что она держитъ на рукахъ своего мальчика, покоящагося теперь неизвѣстно гдѣ, на чужбинѣ, въ нерусской землѣ.

Счастлива была и Лизаветочка, было ей теперь кого любить, для кого жить, была цѣль въ жизни, и самая ея любовь къ Россіи, воплощаясь въ любви къ сыну и къ мужу, приняла болѣе реальную форму: хотѣлось дѣйствовать, способствовать по мѣрѣ силъ и возможности счастью и величію родины сына, принадлежавшаго Россіи столько же, сколько и ей.

Къ старымъ друзьямъ тетуски Авдотьи Петровны присоединились друзья Праксина. Когда Петръ Филипповичъ возвращался въ Москву изъ своихъ странствованій по дѣламъ, гостей къ нимъ наѣзжало много и со всѣхъ концовъ Москвы. Сообщались новости и слухи, обмѣнивались впечатлѣніями, вмѣстѣ плакали и молились.

Политическая атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась, ни малѣйшаго просвѣта не предвидѣлось. Размолвка царя съ сыномъ, надеждой русскихъ православныхъ людей, усиливалась и принимала такіе размѣры, что можно было всего опасаться. Сторонники новой царицы лѣзли все выше и выше, нѣмцы всѣмъ продолжали верховодить, и дня не проходило, чтобъ какойнибудь русскій придворный бояринъ, съ историческимъ именемъ, не былъ униженъ и оскорбленъ царемъ, который точно разума лишился въ увлеченіи своемъ истребить все русское въ Россіи.

Толки, ходившіе по Москвѣ, становились все страшнѣе и страшнѣе. Царевичъ бѣжалъ въ чужіе края, и пособниковъ у него для этого отчаяннаго дѣла оказывалось такое великое множество, что не было дома, гдѣ бы не дрожали въ ожиданіи сысковъ и допросовъ.

Дрожали и въ домикъ у Вознесенья, конечно. Чѣмъ больше узнавала Лизаветка своего мужа, тѣмъ сильнѣе и глубже она къ нему привязывалась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все лучше и лучше узнавала, какъ тѣсно связанъ онъ съ супротивниками царя, и какую видную роль онъ играетъ въ ихъ дѣятельности. Здѣсь, въ Москвѣ, ничего важнаго не предпринималось безъ его совѣта и одобренія. Наединѣ съ женой онъ никогда не говорилъ о томъ, что у него было на умѣ, и она его не разспрашивала; достаточно знала она и безъ разспросовъ; надо было быть совсѣмъ душой, чтобъ не понимать, для чего проникають черезъ садъ въ домъ, поздно ночью, какіе-то люди, которые, переговоривъ съ Петромъ Филипповичемъ, исчезали такъ же таинственно, какъ и являлись. Вскорѣ она убѣдилась, что Грицко сдѣлался ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ

ея мужа, и что впускаетъ и выпускаетъ ночныхъ посѣтителей въ домъ не кто иной, какъ онъ. Открытіе это ее успокоило. На Грицка можно было положиться, онъ дастъ себя въ куски изрѣзать, не вымолвивъ ни единого лишняго слова, человекъ, слава Богу, испытанный.

Самъ Петръ Филипповичъ Праксинъ былъ высокій, худощавый блондинъ, старообразной, аскетической наружности, скрытнаго, серьезнаго нрава.

Жизнь его такъ сложилась, что, если бъ онъ не сошелся съ Лизаветой, вѣкъ бы остался холостякомъ.

Онъ родился въ семьѣ, имѣвшей несчастье испытать на себѣ всѣ муки насильственнаго преобразованія Россіи на европейскій ладъ и представлявшей собою олицетвореніе стойкости въ убѣжденіяхъ, доходившей до крайнихъ предѣловъ. Не казненнымъ за сопротивленіе царю изъ многочисленной семьи Праксиныхъ остался только Петръ Филипповичъ, благодаря малолѣтству, да мать его, успѣвшая послѣ смерти замученнаго мужа постричься въ дальнемъ монастырѣ. Изъ имущества, конфискованнаго у казненныхъ, достался Праксину только небольшой хуторокъ подъ Москвой да нѣсколько сундуковъ домашней утвари и книгъ, въ время схороненныхъ въ надежномъ мѣстѣ преданными слугами. Но когда ему минуло лѣтъ двадцать, дѣдъ съ материнской стороны оставилъ ему послѣ смерти крупный участокъ въ Костромскихъ лѣсахъ, у самаго берега Волги.

Выросши подъ гнетомъ опалы, тяготѣвшей надъ всѣми дѣтьми и ближними погибшихъ русскихъ людей, Праксинъ, какъ и всѣ ему подобные несчастливцы, жилъ въ постоянной заботѣ оставаться забытымъ и не попадаться на глаза наслаждающихся плодами своего отступничества, раздавателемъ которыхъ являлся всемогущій царь съ компаніей иновѣрныхъ приспѣшниковъ, сбѣгавшихся къ нему изъ всѣхъ европейскихъ странъ на готовую поживу. Петръ Филипповичъ дѣятельно занимался хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ, а также такими дѣлами, какими брезгали заниматься въ то время дворяне, а именно рубкою и сплавомъ лѣса въ далекія окраины и другими подобными этому промыслами.

Доставшійся ему участокъ въ Костромскихъ лѣсахъ крѣпко ему полюбился, и онъ очень скоро сошелся близко съ сосѣдями своими, вольными людьми, между которыми нашелъ множество единомышленниковъ, спасавшихся здѣсь отъ преслѣдованія за вѣрность вѣрѣ и старымъ обычаямъ.

Кромѣ бѣжавшихъ сюда старовѣровъ и опальныхъ бояръ, жили тутъ и бѣглецы крѣпостные и каторжники, промышлявшіе такими дѣлами, какъ поджогъ, грабежъ и убійство, но эти ютились не въ домахъ и не на хуторахъ, а въ землянкахъ, большею частью, въ одиночку, сходясь только для промысловъ и не только из-

бѣгая постоянныхъ обитателей, но и уважая ихъ собственность и покой.

Праксинъ нашелъ между новыми своими сосѣдами нѣсколько такихъ, какъ и онъ самъ, ушедшихъ въ лѣсъ изъ-за того только, чтобъ не сбривать бороды, не носить кургузаго нѣмецкаго платья и не якшаться съ людьми, покорившимися, страха ради іудейскаго, новымъ порядкамъ.

Послѣ каждаго посѣщенія Лебедина, такъ звали его лѣсное имѣніе, утверждался онъ все больше и больше въ мысли, что нигдѣ ему съ женой и съ дѣтьми, которыхъ ему пошлетъ Господь, не будетъ такъ хорошо и привольно, какъ въ лѣсу. Тамъ мечтали они устроить жизнь по-старинному и воспитывать дѣтей вдали отъ соблазновъ, на устояхъ, заложенныхъ ихъ предками. А такъ какъ единомышленниковъ у нихъ было немало, то и позволительно имъ было залетать въ мечтахъ еще дальше личнаго духовнаго удовлетворенія и увлекаться надеждой положить начало настоящему россійскому православному царству среди съ каждымъ днемъ все больше и больше онѣмечивавшагося государства.

Осуществленіе этой мечты задерживалось болѣзненнымъ состояніемъ старушки Лыткиной, оставить которую въ Москвѣ одну Праксины ни за что бы не рѣшились, даже и въ такомъ случаѣ, если бѣ общественныя событія не поспѣшали одно за другимъ, не давая жаждущимъ переменъ перевести духъ, въ постоянномъ колебаніи между страхомъ и надеждой.

Въ такое время вѣрные сыны родины не пожимаютъ ея, не ищутъ себѣ удобства и покоя, а бодрствуютъ и готовятся къ дѣятельности.

Окончилось томительное дѣло несчастнаго царевича смертью страдальца. Съ новой силой началась транля русскихъ людей. Смелъ царскій гнѣвъ въ могилы, въ темницы, въ ссылку въ Сибирь да по дальнимъ монастырямъ и деревнямъ такое множество бояръ и боярынь, что Москва опустѣла. На каждомъ шагу попадались дома съ заключенными ставнями, въ ожиданіи новыхъ хозяевъ изъ ненасытной стаи коршуновъ, питающихся отобранными отъ погибшихъ имѣніями и домами.

Ужась царилъ всюду, постепенно добираясь до отдаленнѣйшихъ деревень и мѣстечекъ. Въ столицахъ расправа уже кончилась, и побѣдители праздновали побѣду, пируя съ утра до вечера и съ вечера до утра, а въ глуши сыски, розыски, доносы, пытки только еще начинались и длились такъ долго, что царь умеръ раньше, чѣмъ всѣ замѣшанные и оговоренные въ дѣлѣ царевича Алексѣя были изловлены и преданы суду, т.-е. казни.

Тѣмъ временемъ сынокъ Праксиныхъ подросталъ и ужъ водилъ ослѣпшую отъ слезъ бабушку Авдотью Петровну въ церковь.

Когда ему минуло семь лѣтъ, отецъ привелъ въ домъ старика въ мужицкой одеждѣ и съ длинной бородой, съ которымъ всѣ обра-

щались чрезвычайно почтительно, невзирая на его простую одежду, большую суковатую палку и лапти на ногахъ, и представилъ его женѣ и теткѣ, какъ учителя для Филиппа, а Филиппу наказаль строго-настрога слушаться Аѳанасія Петровича и уважать его, какъ родного отца.

Послали просить приходскаго батюшку, отслужили молебенъ, окропили святой водой столъ, обитый черной кожей, съ большой чернильницей, гусиными перьями, съ азбукой и указкой, а также и ученика, чтобъ Господь послаль ему разумъ и понятіе примѣнить на пользу ученіе, и курсъ наукъ начался.

Къ восьми годамъ Филиппъ ужъ могъ читать за дьячка въ церкви и четы-миней бабушкѣ, зналъ церковную службу и всѣ необходимыя каждому христіанину молитвы и считаль на счетахъ, какъ взрослый. И писалъ онъ прекрасно, такіе выводилъ выкрутасы перомъ, что, хоть любому писарю, такъ въ ту же пору.

Окружающіе были такого мнѣнія, что Филиппъ уродился весь въ мать, такой же острый умомъ и сердцемъ на все отзывчивый и впечатлительный, но онъ былъ откровеннѣе матери и не выучился еще, какъ она, сдерживать сердечные свои порывы.

Росъ онъ одинъ, въ средѣ зрѣлыхъ людей, проникнутыхъ до мозга костей высокою, отвлеченной цѣлью, кладущей отпечатокъ на всѣ ихъ слова, чувства, мысли и дѣйствія. Ограждать его отъ тяготѣнія къ этой цѣли никто не думаль, напротивъ того, всѣ радовались, что растетъ лишній поборникъ на защиту того, что здѣсь считалось долгомъ защищать во что бы то ни стало, не падя для этого жизни.

И вдругъ объявилась у Филиппа другая бабушка, о которой онъ зналъ только по тому, что каждое утро и каждый вечеръ выучился поминать съ близкими и дорогими именами отца, матери, бабушки Авдотьи Петровны, крестнаго раба Тимоѳея и учителя раба Божьяго Аѳанасія какую-то рабу Божью Софью, тоже бабушку по матери. Въ одно прекрасное утро, вскорѣ послѣ смерти царя Петра, у воротъ остановилась богатая придворная карета, и изъ нея вышла чудно разряженная боярыня, передъ которой Грицко бросился отворять калитку въ воротахъ.

Мальчикъ былъ съ матерью въ саду, и, завидѣвъ издали направляющуюся въ ихъ сторону посѣтительницу, Лизавета такъ поблѣднѣла, что Филиппъ трепещущими отъ волненія губами спросилъ у нея:

— Кто это, мама?

— Твоя бабушка, голубчикъ, пойдемъ подѣлуй, у нея ручку,— проговорила молодая женщина, срываясь съ мѣста, и, схвативъ сына за руку, поспѣшила навстрѣчу матери.

Какъ она измѣнилась, какъ постарѣла! Въ ней нельзя было узнать прежнюю Зосю, невзирая на румяна и бѣлила, которыми

было вымазано ея лицо съ преждевременными морщинами. Но подкрашенные прищуренные глаза смотрѣли такъ же беззаботно нагло, какъ и раньше, а на губахъ играла прежняя очаровательная улыбка.

Встрѣтилась она съ дочерью такъ, какъ будто разсталась съ нею только вчера, величественно протанула внуку руку, въ перчаткѣ, которую онъ, памятуя приказаніе матери, поднесъ къ губамъ, затѣмъ спросила:

— Ну, какъ ты поживаешь?—и, не дождавшись отвѣта, принялась распространяться о своемъ новомъ положеніи компаньонки при дамѣ сердца графа Ягужинскаго.

— Полька и католичка. Мы съ нею съ перваго раза сошлись на всю жизнь; она мнѣ сказала, что не разстанется со мною даже и въ томъ случаѣ, если приметъ предложеніе Меншикова, который предлагаетъ подарить ей домъ въ Петербургѣ, если она покинетъ графа, но она не хочетъ... А Александръ Даниловичъ теперь въ большей силѣ, чѣмъ при царѣ Петрѣ, императрица безъ его позволенія ничего не дѣлаетъ... Покажи же мнѣ твоего мужа, вѣдь это смѣшно, что я до сихъ поръ не видѣла моего зятя! Но эти десять лѣтъ пролетѣли, какъ въ чадѣ... Ты знаешь, у меня теперь ужъ два брилліантовыхъ парюра и имѣніе... одно изъ Кикинскихъ... гдѣ-то далеко, я тамъ не была и хочу его продать... Это мнѣ Александръ Даниловичъ устроилъ...

— Меншиковъ? — спросилъ Филиппъ, внимательно прислушавшійся къ разговору:—тотъ, который царевича подвелъ?

Глазенки его сверкали, и голосъ дрожалъ отъ волненія. Мать съ испугомъ приказала ему знакомъ смолкнуть, но было уже поздно: Зося услышала замѣчаніе внука и, широко раскрывая свои подкрашенные глаза, обратилась къ дочери съ вопросомъ:

— Откуда мальчикъ выучился политиканствовать? Напрасно ты не высѣчешь его за то, что онъ позволяетъ себѣ говорить о томъ, о чемъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія... Это можетъ имѣть и для него, и для всѣхъ васъ скверныя послѣдствія... И все это потому, что вы живете въ этой противной, затхлой, грубой и глупой Москвѣ... въ Россіи можно жить только въ Петербургѣ и при дворѣ... Тамъ дѣйствительно вполнѣ иностранная полура, почти какъ въ Варшавѣ...

— А вы были въ Варшавѣ?—поспѣшила дать разговору другой оборотъ Лизавета.

— Была. А что? Я туда пріѣзжала въ такомъ важномъ обществѣ, что меня принимали, какъ царицу, праздники устраивали въ мою честь... а когда я на балѣ у короля протанцовала мазурку, всѣ чуть съ ума не сошли отъ восторга.. поляки такая прелесть! А какъ очаровательны польки, какъ онѣ умѣютъ одѣваться къ лицу!.. Но ты-то, ты-то какъ одѣта, моя бѣдная цурка!—

вскричала она вдругъ, оглядывая дочь съ ногъ до головы и всплескивая руками.—Въ сарафанѣ, точно русская баба!

— Да я и есть русская баба, — возразила съ улыбкой Лизавета.

— Ахъ, не говори такъ, пожалуйста! Ты—дочь пани Стишинской, какая же ты баба! Теперь я понимаю, почему ты мнѣ показала такой старой! Вѣдь если насъ рядомъ поставить, всякій приметъ тебя не за дочь мою, а за мать, право!—продолжала она, самодовольно оглядывая свою расфранченную въ топорщачіяся фижмы фигуру, длинный на костяхъ лифъ, до того тѣсно сжимавшій ей станъ, что низко открытая грудь ея высоко поднималась къ горлу. Къ ея пышному напудренному парику была приколоты крошечная соломенная шляпа, покрытая лентами, цвѣтами и перьями; изъ-подъ довольно короткой юбки выставлялись свѣтлые башмаки на высокихъ каблукахъ, и вся она была увѣшана гремящими и звенящими при каждомъ движеніи финтифлюшками изъ золота съ драгоценными камнями; на поясѣ у нея висѣло опахало, бархатный мѣшочекъ, флаконъ съ духами и съ солями, а въ рукѣ она держала длинную трость съ золотымъ набалдашникомъ.

Когда она пріѣхала, дочь пригласила ее войти въ домъ, но она предпочла оставаться въ саду и заняла своей расфуфыренной особой почти всю скамейку, стоящую подъ большимъ развѣсистымъ дубомъ, такъ что Лизавета еле-еле помѣстилась на краешкѣ. Озадаченный неожиданнымъ явленіемъ, смущенный словами чудной бабушки, Филиппъ отошелъ къ сторонкѣ и продолжалъ издали на нее смотрѣть и слушать съ возрастающимъ недоумѣніемъ.

«Неужели эта кикимора мама моей мамы?» — спрашивалъ онъ себя съ тоскливымъ чувствомъ гадливаго страха передъ такимъ заморскимъ чудищемъ.

А, между тѣмъ, на этотъ разъ Зося пріѣхала съ выгоднымъ предложеніемъ для своей цурки. Не хочетъ ли она поступить въ старшія камеръюнгферы къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ? У пани Стишинской такъ много связей во всѣхъ дворцахъ, что устроить это ей ровно ничего не стоитъ.

— Я замужемъ, маменька, — возразила Лизавета, — у меня мужъ, сынъ, домъ, хозяйство, моя благодѣтельница Авдотья Петровна еще жива, — зачѣмъ же мнѣ итти служить къ чужимъ?

— Да я и мужа твоего могу пристроить на выгодное мѣсто при дворѣ.. У насъ самое маленькое мѣсто приноситъ больше дохода, чѣмъ большое имѣніе, вотъ увидите!.. Князь Александръ Давидовичъ не доволенъ однимъ изъ камердинеровъ царевича Петра Алексѣевича... Когда я про это услышала, тотчасъ же вспомнила про васъ... вѣдь я тебя люблю, моя цурка, ты моя кровь! — прибавила она, театральнымъ жестомъ раскинувъ руки и поднимая ихъ къ небу, какъ бы призывая его въ свидѣтели своихъ завѣ-

рѣній, а затѣмъ она продолжала совѣтъ другимъ тономъ: — всѣ думаютъ, что я утратила довѣріе фамиліи Меншиковыхъ съ тѣхъ поръ, какъ поступила къ возлюбленной Ягужинскаго, и пусть себѣ такъ думаютъ, намъ именно это и надо, — прибавила она съ лукавымъ подмигиваніемъ въ сторону обморачиваемыхъ ею поверхностно судящихъ людей. — Но не въ томъ дѣло, все это я вамъ объясню, когда вы будете пристроены къ мѣсту, а теперь вамъ надо одно только знать... вѣдь вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, что у несчастнаго царевича осталось двое дѣтей?..

Имъ ли этого не знать, когда на дѣтей этихъ возлагалось упованіе всего русскаго народа!

— Мой мужъ былъ бы очень счастливъ служить царевичу, — сорвалось бессознательно съ языка Лизаветы.

— Ну, и прекрасно, — прервала ее Зося, не давая окончить фразы и поднимаясь съ мѣста. — На-дняхъ я къ вамъ опять заѣду, приготовь мнѣ отвѣтъ отъ твоего мужа, и чтобъ долго не медлилъ, до сихъ поръ никто еще не знаетъ, что рѣшено смѣнить камердинера, но какъ узнаютъ, столько будетъ желающихъ занять его мѣсто, что мнѣ ужъ будетъ гораздо труднѣе для васъ хлопотать...

Лизавета не возражала. Неожиданное предложеніе пробудило такое множество мыслей въ ея умѣ, что она не знала, на чемъ остановиться. Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, мужъ ея горевалъ съ пріятелями, что возлѣ царевича Петра нѣтъ никого изъ нихъ... что въ случаѣ надобности не чежевъ кого что либо узнать изъ того, что происходитъ въ дворцѣ дѣтей мученика Алексѣя, надежды русскихъ людей, некому предупредить опасность, некому спасти того, на котораго столькіе смотрятъ, какъ на будущаго царя... И при этомъ всѣ соглашались съ тѣмъ, что опасность должна наступить скоро... Что рѣшить Петръ Филипповичъ, — она даже и представить себѣ не могла, но знала, что, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ права отвѣчать за него и не должна ничего отъ него таять...

Праксинъ былъ въ своемъ подмосковномъ хutorѣ, и его ждали въ Москву на этой недѣлѣ. Онъ долженъ былъ непременно пріѣхать ко дню рожденія ихъ сына, 10-го іюля, чтобъ отпраздновать дорогой для нихъ всѣхъ день, а затѣмъ, какъ всегда, ѣхать въ Костромское лѣсное имѣніе, гдѣ онъ обыкновенно оставался до осенней распутицы. Въ этотъ день къ нимъ соберутся друзья, которымъ онъ, безъ сомнѣнія, передастъ сдѣланное ему предложеніе... Что-то они на это скажутъ? Что рѣшатъ? Неужели найдутъ, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ возможности принести пользу общему дѣлу? Неужели скажутъ, что онъ долженъ, не задумываясь, все бросить, чтобъ кинуться, очертя голову, въ страшный омутъ политической интриги, изъ котораго никто изъ участниковъ не выберется живымъ?

Мысль эта была такъ ужасна, что леденила ей кровь и сжимала сердце, точно клещами, но отогнать ее отъ себя прочь она была не въ силахъ и провела такую мучительно бессонную ночь, что на другой день поднялась съ постели, поблѣднѣвши и осунувшись, точно послѣ болѣзни. Всѣ домашніе вмѣстѣ съ Авдотьей Петровной приписали это посѣщенію ея матери и покручинились промежъ себя, что Господь такой имъ насладилъ крестъ, отъ котораго одна только смерть можетъ избавить.

Увы, Лизавета не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ: мужъ ея отнесся къ предложенію своей тещи такъ серьезно, что прежде, чѣмъ отвѣтить на него, созвалъ на совѣщаніе всѣхъ своихъ друзей.

И рѣшено было единогласно ему собою пожертвовать для святаго дѣла, не упускать случая приблизиться къ сыну покойнаго цесаревича.

— А я-то какъ же?—съ замирающимъ сердцемъ спросила Лизавета, когда, по уходѣ гостей, мужъ пришелъ сообщить ей результатъ совѣщанія.

— И ты должна намъ помогать. Если да оба мы будемъ въ самомъ пеклѣ вельзевулова царства, ты при цесаревнѣ, дочери Петра, а я при его внукѣ, да съ помощью твоей матери, отъ которой можно узнавать про козни Меншикова, сама посуди, какая отъ этого произойдетъ великая польза для государства Россійскаго! — сказалъ онъ, устремляя на нее полный мольбы и страха передъ ея недоумѣніемъ взглядъ.

Колебаться дольше она не могла.

— Пусть будетъ по-твоему, не для того вѣнчалась я съ тобою и передъ святымъ алтаремъ клялась быть тебѣ вѣрною до гроба, чтобъ покидать тебя въ трудную минуту и волю свою ставить превыше твоей,—отвѣчала она.

Праксины стали готовиться къ обѣщанному посѣщенію Зоси.

Переговоривъ съ Авдотьей Петровной и получивъ ея благословеніе на опасное и трудное дѣло, Лизавета по нѣскольку разъ въ день принималась толковать со своею благодѣтельницею про Филиппа, котораго они оставляли на ея попеченіе. Придется имъ ѣхать въ Петербургъ, и, Богъ знаетъ, сколько времени тамъ оставаться, во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока дворъ не переѣдетъ въ Москву. Праксинымъ не хотѣлось бы, чтобъ ихъ мальчикъ прерывалъ начатое ученіе. Кромѣ того, надо было такъ устроить, чтобъ въ случаѣ несчастья бѣда не отразилась на домикѣ у Вознесенія. На всѣхъ людей въ этомъ домѣ можно было положиться, что не выдадутъ, всѣ они были преданы и ей и ея мужу, какъ будущимъ господамъ, но всѣхъ больше рассчитывала Лизавета на Грицка, даже больше, чѣмъ на тетеньку, которая въ послѣднее время жаловалась на нездоровье и была такъ слаба, что многого ей не дослышать и не доглядѣть.

Съ Грицкомъ Лизавета говорила о предстоящей переменѣ въ ихъ жизни каждый вечеръ, дожидаясь мужа къ ужину, и умный холъ такъ проникся ея мыслями и чувствами, что самъ подсказывалъ ей то, что она забывала вспомнить.

Нѣсколько разъ порывалась она приготовить и мальчика своего къ предстоящей разлукѣ, но у нея не хватало духу приводить его въ отчаянье. Не все вдругъ, надо было беречь силы для свиданія съ матерью.

Не терялъ времени и ея мужъ, весь день проводилъ онъ внѣ дома, а вернувшись писалъ до разсвѣта письма, которыя отправлялъ съ вѣрными людьми въ разные мѣста, между прочимъ командировалъ онъ посланца и въ лѣсное свое имѣнiе, къ ближайшему сосѣду, молодому человѣку, по имени Ветлову, съ которымъ такъ близко сошелся, что всѣ дѣла тамъ они дѣлали вмѣстѣ и во всемъ помогали другъ другу.

Дружба съ Ветловымъ завязалась очень кстати, именно въ то время, когда Праксинъ былъ озабоченъ прискиванiемъ человѣка, которому можно было бы поручить надзоръ за имѣнiемъ во время его отсутствiя, продолжавшагося по восьми мѣсяцевъ и дольше. Оказалось, что и Ветлову необходимо было уѣзжать каждый годъ мѣсяца на три къ матери, подъ Ярославль, и они условились заниматься хозяйствомъ сообща, чтобъ во время отсутствiя хозяевъ ни Лебедино Праксина, ни Черный Яръ Ветлова не остались безъ присмотра.

Въ виду измѣнившихся внезапно обстоятельствъ, надо было просить Ветлова прiѣхать въ Москву для переговоровъ о дальнѣйшемъ веденiи дѣла ужъ имъ однимъ, безъ содѣйствiя Праксина.

Петръ Филипповичъ дѣлалъ много тайственныхъ покупокъ, и къ нему приходилъ примѣривать заказанное новое платье портной.

Когда карета съ его тещей подѣхала въ назначенный ею день къ воротамъ ихъ дома, онъ поспѣшно ушелъ къ себѣ въ комнату, сказавъ женѣ, чтобъ она за него извинилась передъ матерью, что онъ не вышелъ ее встрѣчать.

— Можешь ей сказать, что я занятъ неотложнымъ дѣломъ и явлюсь, какъ только освобожусь, — сказалъ онъ, торопливо удаляясь.

Погода была хорошая, можно было принять гостью въ саду. Филиппа Грицко увелъ въ Кремль помолиться у святыхъ мощей. Авдотья Петровна, запершись въ своей молельнѣ, на колѣняхъ передъ образами, съ стѣсненнымъ жуткими предчувствiями сердцемъ, повторяла:

— Господи, да минуетъ насъ чаша сія! Но да будетъ воля Твоя!

Весь домъ затихъ. Дворня обмѣнивалась шопоткомъ краткими, прерываемыми глубокими вздохами, фразами.

А въ саду ярко и весело свѣтило солнце, пѣли птички и трещали кузнечики, осенніе цвѣты сливали свой аромат съ запахомъ спѣлыхъ плодовъ, еще не святыхъ съ деревьевъ. На лавочкѣ подъ старымъ дубомъ сидѣла расфранченная Зося и съ оживленіемъ разсказывала, какъ князь Александръ Даниловичъ благосклонно отнесся къ ея просьбѣ помѣстить дочь ея съ зятемъ къ царевичу Петру Алексѣевичу и къ цесаревнѣ Елисаветѣ.

И съ каждымъ произносимымъ ею словомъ тухли одна за другой еще горѣвшія въ сердцѣ Праксиной слабыя надежды на спасеніе отъ бѣды, какъ тухнуть свѣчи отъ холоднаго, мертвящаго и неумолимаго вихря.

— Вся твоя обязанность будетъ состоять въ томъ, чтобъ надсматривать надъ дѣвками, чтобъ не баловались и занимались дѣломъ, а не амурнымъ лазуканіемъ, присутствовать при туалетѣ цесаревны и содержать въ порядкѣ ея гардеробъ, ну, и, конечно, передавать мнѣ все, что ты тамъ услышишь отъ нея и отъ ея приближенныхъ. Первое время тебя будутъ остерегаться, разумѣется, но не долго. Цесаревна такъ обожаетъ русскихъ, что очень скоро будетъ съ тобою на распахку, я въ этомъ увѣрена... Но ты понимаешь, что, если князь васъ ставитъ на хорошія мѣста, то это для того, чтобъ вы ему служили... Тебѣ до него самого доходить не придется, можешь все, что нужно, мнѣ передавать, ну, а мужъ твой — дѣло другое, ему ужъ придется иногда лично ему докладывать... Какой онъ у тебя? Не совсѣмъ мужикъ? Умѣетъ съ вельможами разговаривать? Знаетъ, какъ себя держать въ хорошемъ обществѣ? На все это привычка и смекалка нужна, моя дорогая, я и сама первое время не знала, какъ стать и какъ сѣсть при дворѣ, ну, а теперь такъ наострилась, что въ какой угодно дворецъ сумѣю войти и съ какими угодно важными личностями, знаю, какъ разговаривать... Имъ, главное, надо все поддакивать, смѣяться, когда они смѣются, и плакать, когда они плачутъ, вотъ и вся штука, немудреная, увѣрю тебя... Какъ ты думаешь, пойметъ это твой мужъ?

Нѣсколько дней тому назадъ Лизавету очень оскорбили бы эти вопросы и замѣчанія про человѣка, котораго она считала самымъ умнымъ изъ всѣхъ знаемыхъ ею людей на свѣтѣ, но за послѣдніе дни ей пришлось столько перечувствовать, готовясь къ роковой перемѣнѣ въ жизни, что слова матери даже и не удивили ея. Разумѣется, для такихъ, какъ она, которые судятъ о людяхъ по тому, насколько они сумѣли примѣниться къ господствующимъ чужеземнымъ модамъ, иначе нельзя и думать, и она уже готовилась отвѣтить, что если ея мужъ приметъ предлагаемое ему мѣсто, то, безъ сомнѣнія, сумѣетъ приноровиться къ требованіямъ, сопряженнымъ съ новымъ положеніемъ, когда на балконѣ показался господинъ, въ которомъ она не вдругъ узнала Петра Филипповича: такъ измѣнялъ его новый костюмъ и прическа. Гладко выбритый, въ на-

пудренномъ парикѣ, въ темномъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, на свѣтломъ шелковомъ камзолѣ, съ кружевнымъ жабо и манжетами, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, онъ казался вполне свѣтскимъ кавалеромъ.

— Это твой мужъ?! Да онъ вполне приличный господинъ! Его кому угодно можно представить... даже самой императрицѣ,— объявила Зося, послѣшно наводя лорнетку на приближавшагося, безъ излишней торопливости, Праксина.

Хорошо, что она такъ занялась разсматриваніемъ зятя, что не замѣтила недоумѣнія, выразившагося на лицѣ дочери. Когда она къ ней обернулась, послѣ того, какъ Праксинъ, съ почтительнымъ поклономъ и съ приличнымъ обстоятельствомъ привѣтствіемъ, поцѣловалъ ея руку, Лизавета успѣла оправиться и не могла не улыбнуться изумленію матери.

А между тѣмъ, глядя на мужа, она не переставала себя спрашивать: какъ могъ онъ такъ скоро преобразиться изъ русскаго человѣка въ нѣмца? такъ развязно разговаривать съ представительницей чуждаго ему и противнаго общества и чувствовать себя такъ свободно въ платьѣ, котораго никогда отроду не носилъ? Какъ мало знала она его послѣ десятилѣтней совмѣстной жизни!

Зося была въ восторгѣ и не скрывала этого.

— О! вы непременно понравитесь князю!—объявила она послѣ десятиминутнаго разговора съ мужемъ своей дочери.— Приходите ко мнѣ во дворецъ завтра, въ девятомъ часу утра, и я васъ ему представлю. Мѣсто будетъ за вами. Стоитъ только на васъ взглянуть, чтобъ почувствовать къ вамъ довѣріе... Давно ли я васъ знаю, а ужъ люблю васъ столько же, сколько родную дочь... Вы намъ будете несравненно полезнѣе Шпигеля... А какъ пріятно будетъ царевичу имѣть при себѣ русскаго!.. Странное дѣло, кажется, все дѣлается, чтобъ оторвать его отъ русскихъ, а онъ все продолжаетъ ихъ обожать! Я думаю, что это отъ недостатка культуры, какъ вы думаете?—наивно спросила она.

— Можетъ быть, чтобъ занять это мѣсто, нужны рекомендаціи?— прервалъ свою разболтавшуюся тещу Праксинъ.— Меня хорошо знаетъ бояринъ Шереметевъ, а также князь Черкасскій, могу сослаться и на другихъ.

Зося скорчила презрительную гримаску.

— Не думаю, чтобъ рекомендаціи этихъ господъ вамъ помогли... Знаете что, лучше про нихъ не поминать въ разговорѣ съ княземъ, онъ родовитыхъ бояръ не любитъ... Да и вообще пусть лучше думаютъ, что никто за вами не стоитъ, кромѣ меня... я почти иноземка, а къ чужеземцамъ больше имѣютъ довѣрія, чѣмъ къ кореннымъ русскимъ... У князя Александра Даниловича такъ много было непріятностей отъ русскихъ бояръ, что откровенно вамъ скажу, онъ о многихъ изъ нихъ равнодушно слышать не можетъ... о Дол-

горукихъ, напримѣръ... Съ графомъ Ягужинскимъ онъ тоже постоянно ссорится, да и вообще онъ знаетъ, что многіе на него зубы точатъ, отъ зависти, разумѣется, и ему на это наплевать, разъ онъ въ силѣ, понимаете?

И смущенная серьезнымъ вниманіемъ, съ которымъ ее слушали, она поспѣшила прибавить:

— Вамъ этого объяснять нечего, вы это сами знаете... Вамъ Лизаветка сказала? Я и ее хочу при дворѣ пристроить, къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ... Въ настоящее время князю Александру Даниловичу нужна преданная особа и при цесаревнѣ... Вамъ, какъ близкимъ людямъ, я должна сказать, что у него личные виды на цесаревну, онъ подумываетъ женить на ней своего сына,—прибавила она, тайнословно понижая голосъ.

— Ну, Лизавета, какъ не сказать, что Самъ Господь, сжалившись надъ Россіей, посылаетъ намъ помощь!—вымолвилъ Праксинъ, вѣ себя отъ волненія, возвращаясь съ женой домой, проводивъ Зосю до кареты, дожидавшей ее у калитки, въ которую, отстранивъ лакея, онъ ловко ее подсадилъ.

На другой день Праксинъ представился свѣтлѣйшему и могущественнѣйшему князю Меншикову и произвелъ на него прекрасное впечатлѣніе благообразною наружностью, степеннымъ видомъ и умными краткими отвѣтами на предлагаемые ему вопросы.

На вопросъ, не сынъ ли онъ казненнаго за сопротивление царю боярина Филиппа Праксина,—Петръ Филипповичъ не задумываясь отвѣчалъ утвердительно, и это понравилось Меншикову. Какъ человѣкъ съ желѣзной волей и большого ума, онъ не могъ не цѣнить этихъ свойствъ и въ другихъ. Радъ бы онъ былъ привлечь на свою сторону побольше такихъ людей, какъ Праксинъ. За счастье счелъ бы онъ также убѣдить ихъ въ заблужденіи, да, къ сожалѣнію, рѣдко ему это удавалось, и онъ приписывалъ непонятное для него упорство русскихъ людей особенному нелѣпому фанатизму, въ борьбѣ съ которымъ всѣ средства были хороши и позволительны.

Развѣ такого мнѣнія не держался его великій благодѣтель и учитель?

Но на его бѣду, то, что терпѣливо и безропотно сносилось отъ природнаго царя, Божьяго помазанника, не выносилось съ такою же покорностью отъ бывшаго пирожника, и ему съ каждымъ днемъ приходилось все больше и больше убѣждаться въ трудности взятой на себя задачи. Но онъ не унывалъ и, благодаря положенію, занимаемому имъ при императрицѣ, такой же, какъ и онъ, въ глазахъ русскаго народа, проходимкѣ, да еще вдобавокъ чуже-

земкѣ, Меншиковъ старался пріобрѣтать себѣ, если не друзей, что было невозможно, то, по крайней мѣрѣ, сторонниковъ, настолько заинтересованныхъ въ его фортунахъ, чтобъ смотрѣть на его успѣхи, какъ на свое собственное благополучіе, а на паденіе его, какъ на свою гибель.

Само собою разумѣется, что такіе люди ему были особенно нужны тамъ, откуда скорѣе всего могла грозить опасность, со стороны приверженцевъ дочери Петра и его внука, тамъ ему надо было имѣть человѣка, который вполнѣ бы отъ него зависѣлъ, котораго бы онъ вывелъ изъ ничтожества, и у котораго другихъ покровителей, кромѣ него, не было бы.

Положеніе сына казненнаго имъ русскаго боярина отвѣчало, какъ нельзя лучше, этимъ условіямъ, и надо было только покорить сердце его довѣріемъ, чтобы завоевать его преданность навѣки, думалъ князь, пристально всматриваясь въ стоявшаго передъ нимъ въ почтительномъ разстояніи молодого человѣка, не опускавшаго глазъ подъ его пытливымъ взглядомъ.

Онъ принялъ его, сидя въ золоченомъ, съ высокой спинкой, креслѣ, въ великолѣпномъ, по-царски разубранномъ покоѣ, со стѣнами, увѣшанными драгоцѣнными гобеленами и дорогими картинами въ тяжелыхъ золоченыхъ рамахъ, и послѣ предварительныхъ вопросовъ, съ цѣлью узнать степень развитія его ума, снизошелъ до объясненія ему причинъ, заставлявшихъ его искать вѣрнаго и преданнаго себѣ человѣка въ старшемъ камердинерѣ царевича Петра Алексѣевича.

Изъ объясненій этихъ явствовало, что свѣтлѣйшій князь желаетъ продолжать великое дѣло, начатое покойнымъ царемъ, воспитывая въ его преемникѣ государя, способнаго поставить Россію на ряду со всѣми европейскими державами, чтобы заставить ихъ трепетать передъ ея силою и могуществомъ.

«И для этого ты возвышаешь иностранцевъ и унижаешь все русское!»—думалъ Праксинъ, взглядываясь въ худощавое, энергичное лицо, обрамленное симметричными локонами огромнаго напудренаго парика, смотрѣвшее на него неумолимымъ, пристальнымъ взглядомъ пронзительныхъ огненныхъ глазъ, изрекая громкимъ, самонадѣяннымъ тономъ слова, великое значеніе которыхъ казалось ему вѣдъ всякаго сомнѣнія. И вспомнились Праксину въ эту минуту рассказы стариковъ, свидѣтелей истиннаго величія Россіи, когда иностранцы, къ намъ пріѣзжавшіе, стлкаясь съ несокрушимымъ русскимъ духомъ, воспитаннымъ на устояхъ святого православія, спѣшили воспринимать наши нравы и обычаи, чтобъ нераздѣльно слиться съ русскимъ народомъ.

Время это было ужъ не такъ далеко, и здѣсь, среди Москвы, онъ знаетъ вполнѣ обрусѣвшія семьи, гдѣ были еще живы старцы, которыхъ только при переходѣ въ нашу вѣру нарекли тѣми име-

нами, подъ которыми они живутъ теперь и молятся виѣсть съ нами. И унесутъ скоро всѣ эти Карлы, Фридрихи и Леопольды въ могилу самое воспоминаніе объ иноземномъ своемъ происхожденіи. А насъ заставляютъ подъ чужихъ поддѣлываться... И мнѣть этимъ возвеличить и усилить Россію!

Окончилъ свѣтлѣйшій князь свою инструкцію Праксину приказаніемъ немедленно собираться въ Петербургъ и привезти съ собою жену.

— Мы помѣстимъ ее ко двору цесаревны Елизаветы Петровны, которая, благодаря глупымъ русскимъ попамъ и подлымъ людямъ, окружающимъ ее, заражена самыми нелѣпыми предрасудками и какимъ-то непонятнымъ пристрастіемъ ко всему русскому,—продолжалъ князь.—Жена твоя по рожденію полька, и если умомъ и ловкостью походить на мать, то въ самомъ непродолжительномъ времени сумѣетъ войти къ ней въ довѣріе и направлять мысли ея, какъ намъ желательно... Мнѣ нечего тебѣ говорить,—прибавилъ онъ, мѣняя тонъ и строго возвышая голосъ,—что за малѣйшее уклоненіе отъ данной вамъ инструкціи вы подвергаетесь жестокой отвѣтственности, но если вы оправдаете рекомендацію пани Стишинской, то на опытѣ узнаете, что князь Меншиковъ умѣетъ награждать преданность и услуги.

Аудиенція кончилась. Праксинъ отвѣчалъ молчаливымъ поклономъ на милостивый кивокъ, съ которымъ его отпустили. Не въ силахъ былъ онъ произнести ни слова: нравственная пытка, на которую онъ добровольно пошелъ, длилась около полчасца и такъ разбила все его существо, что, прежде чѣмъ итти домой, онъ зашелъ въ церковь, чтобъ молитвой подкрѣпить въ себѣ рѣшимость на исполненіе долга до конца.

Покидали Праксины Москву съ тѣмъ же самымъ чувствомъ, съ какимъ мученики за святую вѣру шли на растерзаніе дикими звѣрями. Съѣзжались издалека единомышленники провожать ихъ и ободрять на великій подвигъ.

Пріѣхалъ изъ Костромскихъ лѣсовъ и молодой Ветловъ, чтобъ успокоить Петра Филипповича насчетъ его лѣсного хозяйства, которымъ онъ общалъ заниматься, какъ своимъ собственнымъ, во время его отсутствія. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ онъ жену своего друга, которая, какъ онъ потомъ сознавался, произвела на него сильное впечатлѣніе не столько красотою, сколько не по лѣтамъ развитымъ умомъ и стойкостью убѣжденій. Да, съ такой подругой можно было итти не колеблясь на подвигъ.

«Не русской крови, а возлюбила Россію пуще сына родного, пуще жизни»,—думалъ Ветловъ, любясь невозмутимою покорностью судьбѣ и яснымъ спокойствіемъ, съ которыми Лизавета готовилась покинуть счастливую, спокойную жизнь въ собственномъ домѣ, любимую пріемную мать и обожаемаго сына, чтобъ слѣдо-

вать за мужемъ въ адъ кромѣшныи интригъ и тревогъ, одна опаснѣе другой, вступить въ новую жизнь, объ ужасахъ которой она знаетъ только по слухамъ, гдѣ все противно ея привычкамъ и завѣтнѣйшимъ мыслямъ и чувствамъ... «Какъ ей придется себя ломать! Притворяться, слѣдить за собою, скрывать въ глубинѣ души свои муки! Пошли ей, Господи, силъ и терпѣнія до конца, пошли ей успѣха и утѣшенія узнать, что жертва ея не пропала даромъ!»

Все въ ней ему нравилось и приводило его въ восхищеніе, самая красота ея нерусскаго типа, смугловатый цвѣтъ кожи, широкій разрѣвъ темныхъ, какъ ночь, глазъ, съ выразительнымъ, задумчивымъ взглядомъ, прямой длинноватый носъ, какъ на образахъ стараго письма. Ему хотѣлось на нее молиться: вотъ какое чувство она въ немъ возбуждала.

Ея мужъ, переговоривъ съ нимъ въ своемъ покоѣ о дѣлахъ и поручивъ ему въ полное распоряженіе свой лѣсной хуторъ, при вель его на половину жены и сказалъ ей:

— Ну, Лизавета, скажи спасибо молодому сосѣду, большую обузу онъ у меня снялъ съ плечъ: Лебедино я совсѣмъ ему передалъ, чтобъ въ случаѣ несчастья со мною ты съ сыномъ въ лѣсу пріючь нашла.

Она низко ему поклонилась и, устремивъ на него влажный отъ душевнаго волненія взглядъ, проговорила съ чувствомъ:

— Спасибо вамъ, Иванъ Васильевичъ, и, со своей стороны, прошу васъ быть нашему сыну и отцомъ и матерью, если несчастье и меня постигнетъ.

— Вашъ слуга, вашъ слуга, Лизавета Кассимовна,—прерывающимся отъ волненія голосомъ пролепеталъ онъ, снова отвѣшивая женѣ своего друга низкій поклонъ.

Многое еще хотѣлось ему ей высказать про свое сиротство, про то, какъ осчастливилъ его своей лаской Петръ Филипповичъ, какъ онъ счастливъ имѣть возможность хоть немножечко, самую крошечку, доказать ему свою преданность, какъ онъ благоговѣетъ передъ его рѣшимостью итти на муку за родину, исполнить завѣтъ отца, съ какимъ восторгомъ послѣдовалъ бы онъ его примѣру, если бы была на то для него возможность, и что онъ живни не пожалѣетъ, чтобы сохранить имъ въ неприкосновенности довѣренное ему имѣніе. Хотѣлось сказать, чтобы она была покойна за сына, что съ этой минуты онъ считаетъ Филиппа роднымъ своимъ, самымъ близкимъ, но слова, наполнявшія его сердце, не выговаривались, и онъ могъ только молить Бога, чтобы она прочитала хотя бы ничтожную часть его чувствъ въ его взглядѣ и покинула бы родное гнѣздо, гдѣ такъ мирно протекла ея жизнь, гдѣ она сошла съ любимымъ мужемъ, гдѣ родила первенца и единственнаго сына, съ увѣренностью, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который жизни для нихъ не пожалѣетъ.

Ивану Васильевичу Ветлову было тогда только двадцать лѣтъ, но замкнутая жизнь въ средѣ такихъ же опальныхъ, какъ и онъ, состарила его раньше времени, и онъ, какъ и Праксины, былъ не по лѣтамъ серьезенъ и душевно развитъ. Съ тринадцати-четырнадцати лѣтъ, когда дѣти, растущія въ обыкновенной обстановкѣ, думаютъ только о развлеченияхъ и шалостяхъ, онъ уже зачитывался книгами духовнаго содержанія и искалъ общества людей, посвящавшихъ всю свою жизнь изученію религиозныхъ вопросовъ. Въ лѣсу онъ еще больше привыкъ къ созерцательной жизни и началъ уже подумывать о монастырѣ, когда судьба столкнула его съ Праксинымъ, и сношенія съ умнымъ, выдавшимъ виды и далеко не отказавшимся отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ Петромъ Филипповичемъ дали другое направленіе его душевнымъ стремленіямъ, а теперь о монастырѣ ужъ потому нельзя было думать, что надо было заниматься дѣлами Праксиныхъ, и кто знаетъ, что, если онъ будетъ вращаться поневолѣ въ міру по этимъ дѣламъ, Господь не пошлетъ ему счастья встрѣтить дѣвушку, похожую на Лизавету Кассимовну... Отецъ его умеръ мученическою смертію за святую православную вѣру, онъ на небѣ молится за сына и, можетъ быть, вымолить ему такое великое счастье...

Въ ночь передъ отъѣздомъ, когда все уже было уложено, и оставалось только запрячь лошадей въ дорожную карету для господъ и въ бричку для поклажи и для сопровождавшихъ господъ людей, горничной дѣвки Малашки и неразлучнаго съ бариномъ слуги, Ѳедосея, Петру Филипповичу пришли доложить, что его просятъ въ кабинетъ.

— Одинъ тутъ пришелъ издалека, чтобы съ вашею милостію проститься; очень, говорятъ, нужно съ Петромъ Филипповичемъ повидаться.

Будь Праксинъ менѣе озабоченъ приготовленіями къ отъѣзду, онъ, можетъ быть, замѣтилъ бы, съ какимъ страннымъ выраженіемъ въ голосѣ и во взглядѣ Ѳедосей излагалъ ему свой докладъ, и его удивило бы, что, приглашая его на свиданіе съ незнакомцемъ, онъ не полюбопытствовалъ узнать его имени, но въ эту роковую для всей его маленькой семьи ночь ему было не до того, чтобы останавливать свое вниманіе на мелочахъ, и онъ поспѣшилъ скорѣе отдѣлаться отъ докучливаго посѣтителя, чтобы вернуться къ прерванному занятію—къ письму, которое онъ началъ писать старому своему другу Бутягину въ монастырь, за невозможностью заѣхать съ нимъ лично проститься и принять благословеніе на тяжелый подвигъ. Поспѣшно пошелъ онъ въ дальній покой, служившій ему кабинетомъ, и съ перваго взгляда не узналъ ожидавшаго тамъ человѣка въ чуйкѣ изъ толстаго верблюжьяго сукна,

подпоясаннаго веревкой, въ лаптяхъ и съ котомкой за плечами, который подошелъ къ нему и со словами: «Здравствуй, Петръ Филипповичъ!»—крѣпко его обнялъ и расцѣловалъ.

— Ты ли это, Федоръ Ермилычъ? — вымолвилъ наконецъ Праксинъ, внѣ себя отъ изумленія.—Съ чего это ты такъ вдругъ преобразился?

— Съ тебя взялъ примѣръ, Петруша, — отвѣчалъ старикъ. — Какъ узналъ про твое рѣшеніе послужить законному наслѣднику русскаго престола, стыдно стало на покоѣ молиться о спасеніи своей грѣшной души, не попытавшись послужить родинѣ, пока есть еще силы. Давно задумывалъ я постранствовать по Россіи, давно тянуло меня посмотреть на страны, завоеванныя Петромъ съ помощью такихъ, какими были и твой отецъ, и я, и всѣ русскіе люди. Давно хотѣлось пощупать, съ какими чувствами и мыслями тамъ люди живутъ, и можно ли намъ отъ нихъ себѣ помощи ждать, да все не рѣшался пускаться въ путь, и старъ-то я себѣ казался, и немощенъ. Смотришь, бывало, на странниковъ, что съ котомками за плечами изъ дальнихъ странъ къ намъ въ обитель заходятъ, слушаешь ихъ рассказы про то, что видѣли и слышали, зависть беретъ: кабы и мнѣ такъ постранствовать! Да не давалъ Господь силы привести въ исполненіе завѣтную съ ранняго дѣтства мечту. Видно, время не пришло, а теперь въ самый разъ. Чуетъ мое сердце, что надо мнѣ въ Малороссіи побывать и тамъ языка добиться, а оттуда въ Польшу къ своимъ пройти, которые тамъ скрываются. Надо посмотреть, много ли насъ осталось въ живыхъ, и на кого можно, въ случаѣ надобности, рассчитывать. Два вѣка Анна не проживетъ, а Лексашку-то, можетъ, удастся и раньше ея на тотъ свѣтъ отправить. Вотъ ты идешь нашему законному наслѣднику служить, сынку мученика Алексѣя, а я пойду ему пособниковъ по угламъ Россіи искать. Будемъ, значить, сообща дѣйствовать. Ты тамъ будешь, какъ прикованный къ мѣсту, а я вольной пташкой, гдѣ день, гдѣ ночь. Жди меня въ Питеръ будущей весной. Отсюда я прямо въ Кіевъ, тамъ отговѣю и за тебя съ Лизаветкой помолюсь у мощей св. угодниковъ, а всю зиму въ Малороссіи проведу. У нихъ, у хохловъ-то, тепло, говорятъ, зимой въ хатахъ, поживу съ ними, узнаю, что за народъ. Такіе же православные, какъ и мы, по духу, значить, братья родные, и полячье проклятое имъ, какъ и намъ, поперекъ горла стало... Пали къ намъ въ монастырь слухи, что хохлы—народъ крѣпкій въ вѣрѣ и на бѣсовскіе соблазны неподатливый...

— Хохловъ при дворѣ много,—замѣтилъ Праксинъ.

— Знаю я. Значить, пока ты тамъ съ ними будешь знакомиться, я къ нимъ на ихъ землѣ присмотрюсь. Настоятель отговаривалъ: «Старъ ты, говоритъ, Ермилычъ, чтобы такой крестъ

тяжелый на себя братъ». Ну, да никто, какъ Богъ! Онъ всеблагій благословить; если на подвигъ, такъ и у старца силы проявятся...

— Спасибо, что зашелъ насъ въ путь благословить, Ѳедоръ Ермиловичъ. Надо Лизаветку позвать... Вѣдь, и она со мной ѣдетъ,—сказалъ Праксинъ.

— Слышалъ я. Дай вамъ Богъ обоимъ успѣха! У насъ весной цѣльный мѣсяцъ прожилъ одинъ паренекъ оттуда, изъ Малороссіи-то,—вернулся онъ къ занимавшему его предмету,—и многое про свою страну рассказывалъ. Благодать у нихъ тамъ, земля какъ масло, что ни брось въ нее, все самъ тридцать, самъ сорокъ родится, плодовъ всякихъ...

— Мы знаемъ. Жену привезъ въ Москву трехлѣтнимъ младенцемъ человекъ оттуда, Грицко,—вставилъ Праксинъ.

— Знаю я вашего Грицка; онъ мнѣ первый, раньше другихъ, про хохловъ рассказывалъ; съ его словъ я и сталъ о Малороссіи помышлять да туда стремиться, а ужъ какъ познакомился я съ тезкой, Хведоромъ Бунчакомъ того мальчика звать, который въ монастырѣ-то у насъ гостилъ, сплю и вижу на его родинѣ побывать.

— Куда же онъ отъ васъ отправился?

— Къ своимъ, въ Питеръ. У него тамъ много свояковъ въ пѣвчихъ при дворѣ. Голосъ у него богатѣйшій, такой чистый да звонкій, заслушаешься. А зачнешь хвалить—обижается: «такіе ли у насъ голоса!»—говоритъ,—«послушали бы вы нашего пастуха, Алешку Разума, Разумихи сына, такъ послѣ него вамъ бы меня не захотѣлось и слушать». Мой Бунчакъ этой самой Разумихѣ дальнимъ родственникомъ доводится и наказывалъ мнѣ непременно къ ней въ Лемеша зайти, когда я до ихъ мѣста дойду. «Она, говоритъ, васъ ужъ устроить, если не у себя, такъ у которагонибудь изъ сосѣдей, всѣ ее у насъ уважаютъ; даромъ что бѣдная, и на чужихъ ей часто приходится работать». По всему видать, что баба мозговитая, и если да они тамъ всѣ такіе, какъ она, стоитъ съ такимъ народомъ поближе сойтись...

— При дворѣ теперь, и окромя пѣвчихъ, хохловъ много,—сказалъ Праксинъ.—Ихъ Елизавета Петровна, цесаревна, возлюбила за голосистость. Сама пѣтъ мастерица.

— Знаемъ. У нея и духовникъ изъ хохловъ. Не въ мать она и нѣмцевъ терпѣть не можетъ. Все мы про нее знаемъ, объ ней есть кому рассказывать, за нею такъ крѣпко не присматриваютъ, ее такъ тѣсно не сторожатъ, какъ Алексѣева сына...

— Меншиковъ, говорятъ, норовитъ на ней своего сына женить.

— Ну, этому не бывать! Вѣдь наши-то тоже не дремлютъ,—отрывисто проговорилъ Бутягинъ, злобно сверкнувъ глазами.

Узнавши, что у нихъ за гость, Лизавета вошла въ комнату мужа, чтобъ съ нимъ повидаться, и, благословивъ ихъ обоихъ. Ермилычъ сталъ собираться въ походъ, не дождавшись крестника, который еще спалъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ, вдоволь наплакав-

пись наканунѣ вечеромъ, прощаясь съ матерью, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать въ послѣдній разъ въ кровать рядомъ съ ея постелью: по отъѣздѣ родителей онъ долженъ былъ жить съ Грицкомъ въ мезонинѣ.

— Пора, пора и вамъ отправляться, прикажите-ка запрягать лошадей, да и съ Богомъ, пока не совсѣмъ еще разсвѣтало, и некому на васъ глазѣть изъ оконъ,—говорилъ старикъ, оправляя сумку на плечахъ, надѣвая широкополую войлочную шляпу и забирая, поставленный въ уголокъ, толстый суковатый посохъ.

То же наставленіе повторилъ онъ и на дворѣ хлопотавшимъ у экипажей людямъ; затѣмъ, дружески кивнувъ вышедшимъ провожать его на крыльцо хозяевамъ, онъ понуривъ голову направился къ воротамъ и вышелъ на улицу, затворивъ за собою калитку, въ то время, какъ выведенныхъ изъ конюшни лошадей впрягали въ карету, а Петръ Филипповичъ съ женой вернулись въ домъ, чтобъ въ послѣдній разъ помолиться передъ образами и обнять старушку Авдотью Петровну съ Филиппушкой, да поручить ихъ обоимъ Грицку.

— Смотри же, если, что Боже сохрани, случится, заболѣютъ или другое что, той же минутой присылай къ намъ нарочнаго въ Петербургъ,—повторила въ сотый разъ тотъ же наказъ Лизавета своему вѣрному слугѣ.

— Да ужъ знаю я, не безпокойся,—угрюмо отвѣчалъ дрогнувшимъ отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ Грицко.—Ничего у насъ тутъ не случится, Богъ дастъ, а вотъ какъ-то ты тамъ!..

И, оборвавъ рѣчь на полусловѣ, онъ, махнувъ рукой, отвернулся, чтобъ не смущать своей возлюбленной паненки, какъ продолжалъ онъ называть Лизавету, несмотря на то, что она ужъ десять лѣтъ была замужемъ и имѣла сына.

Солнце еще не вставало, когда, вырвавшись наконецъ изъ объятій своего дорогого мальчика, Праксины выѣхали изъ дома по направленію къ заставѣ.

Много людей въ Москвѣ въ то утро тоже не спали и молились за нихъ Богу передъ образами съ горѣвшими лампадами въ то время, какъ они проѣзжали съ мрачными мыслями и растерзаннымъ сердцемъ по молчаливымъ и пустымъ улицамъ, мимо запертыхъ воротъ и домовъ съ затворенными ставнями. Разлука съ сыномъ чуть было не поколебала въ душѣ Лизаветы вѣры въ Бога, и она спрашивала себя съ тоскою, неужели она будетъ жить съ такимъ тяжелымъ гнетомъ на сердцѣ. Не видѣтъ дорогого мальчика, не знать, что съ нимъ, что онъ думаетъ, что дѣлаетъ... да это было для нея много ужаснѣе смерти! Не понимала она раньше, что онъ для нея, не могла себѣ представить, какъ будетъ пуста, скорбна и тяжела жизнь безъ него, какъ безпросвѣтна! Хватить ли силъ съ нею бороться?..

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

(1729 — 1751).

В САМЫЙ день кончины императрицы Екатерины Второй императоръ Павелъ приказалъ графу Ростопчину разобрать ея бумаги. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, нашелся запечатанный пакетъ съ надписью: «Его императорскому высочеству, великому князю, Павлу Петровичу, моему любезному сыну». Въ пакетѣ оказалась рукопись собственныхъ «Записокъ» императрицы. Прочитавъ ихъ, Павелъ велѣлъ хранить рукопись въ государственномъ архивѣ въ строгой тайнѣ. Существуетъ предположеніе, что государь дозволилъ снять только одну копію другу и товарищу своего дѣтства, князю Куракинну. Когда послѣдній умеръ, въ 1818 году, А. И. Тургеневъ, получивъ доступъ въ его библиотеку и архивъ, сдѣлалъ для себя списокъ и давалъ его нѣсколькимъ лицамъ, которыя, въ свою очередь, сняли для себя копіи. По одной изъ такихъ копій «Записки» были переведены съ французскаго языка на русскій и изданы Герценомъ въ Лондонѣ въ 1859 году. Мы перепечатаваемъ ихъ съ этого лондонскаго изданія.

«Записки» императрицы Екатерины обнимаютъ время съ 1729 по 1751 годъ. Изображенный въ нихъ пятнадцатилѣтній періодъ жизни автора производитъ яркое впечатлѣніе. Тогдашній дворъ, люди, интриги, общественныя отношенія, бытъ придворныхъ—все это, мастерски сгруппированное, представляетъ чрезвычайно живую картину. Разсказъ Екатерины простъ, сжатъ и образенъ, безъ всякихъ претензій на краснорѣчіе. Говоря о людяхъ, съ которыми обстоятельства приводили ее въ сношенія, она никого изъ нихъ не описываетъ, не дѣлаетъ ничьихъ портретовъ; но въ разныхъ мѣстахъ о многихъ изъ нихъ разбросаны черты въ высшей степени живыя, очевидно, схваченныя съ натуры. Конечно, является вопросъ, вѣрны ли сдѣланныя авторомъ характеристики, и не имѣлъ ли онъ предвзятаго намѣренія придавать имъ неправильное освѣщеніе. Этотъ

175
1729

вопросъ имѣеть значеніе болѣе съ исторической, нежели съ художественной точки зрѣнія. Историкъ долженъ пользоваться «Записками» съ осторожностью и критической провѣркой, но читатель найдетъ здѣсь талантливое изображеніе жизни тогдашняго общества, колоритъ эпохи, драматическія положенія и объясненіе многихъ событій Елизаветинскаго царствованія.

I.

Мать Петра III, дочь Петра I, скончалась отъ чахотки, черезъ два мѣсяца послѣ его рожденія, въ небольшомъ голштинскомъ городѣ Килѣ. Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество. Отецъ Петра III, голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ—племянникъ шведскаго короля Карла XII—былъ государь слабый, бѣдный, дурень собою, небольшого роста и слабого сложенія (смотри журналъ Берхгольца въ «Магазинѣ» Бюшинга). Онъ умеръ въ 1739 г., и опеку надъ его сыномъ, которому тогда было около 11 лѣтъ, принялъ его двоюродный братъ, герцогъ голштинскій и епископъ любекскій, Адольфъ-Фридрихъ, вступившій потомъ, вслѣдствіе Абовскаго мира и по ходатайству императрицы Елизаветы, на шведскій престолъ. Главнымъ воспитателемъ Петра III былъ гофмаршалъ двора его, Брюмеръ, родомъ шведъ, потомъ оберъ-камергеръ Берхголецъ, авторъ вышеупомянутаго журнала, и четыре камергера, изъ которыхъ одинъ, Адлерфельдтъ, написавшій исторію Карла XII. Вахмейстеръ былъ шведъ, а двое другихъ, Вольфъ и Мардефельдтъ, голштинцы. Принца воспитывали, какъ наследника шведскаго престола. Дворъ его, слишкомъ многочисленный для Голштиніи, раздѣлялся на нѣсколько партій, ненавидившихъ другъ друга. Каждая партія старалась овладѣть душою принца, воспитать его по-своему и, разумѣется, внушить ему отвращеніе къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всей души ненавидѣлъ Брюмера и не любилъ никого изъ своихъ придворныхъ, потому что они его тяготили.

Съ десятилѣтняго возраста Петръ III обнаружилъ склонность къ пьянству. Его часто заставляли являться на придворные выходы и слѣдили за нимъ неусыпно. Въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ Россіи онъ любилъ двоихъ стариковъ-камердинеровъ: лифляндца Крамера и шведа Румберга. Сей послѣдній былъ для него дороже всѣхъ. Это былъ человѣкъ довольно грубый и неотесанный; онъ служилъ драгуномъ въ полкахъ Карла XII. Брюмеръ, а слѣдовательно и Берхголецъ, который на все глядѣлъ глазами Брюмера, были приверженцы принца, опекуна и правителя. Всѣ остальные не любили этого принца и еще менѣе его приближенныхъ.

Императрица Елисавета, вступивъ на престолъ русскій, послала за племянникомъ въ Голштинію камергера Корфа, и принцъ-пра-

витель немедленно отправилъ его въ сопровожденіи гофмаршала Брюмера, камергера Берхгольца и камергера Дикера (который былъ племянникъ Брюмера). Приѣздъ его чрезвычайно обрадовалъ императрицу. Вскорѣ затѣмъ она отправилась короноваться въ Москву. Она рѣшилась объявить принца временно своимъ наслѣдникомъ, но прежде всего онъ долженъ былъ принять греческую вѣру. Враги гофмаршала Брюмера, а именно оберъ-камергеръ графъ Бестужевъ и графъ Никита Панинъ, долго бывший русскимъ посланникомъ въ Швеціи, увѣряли, будто, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что императрица объявить своего племянника наслѣдникомъ русскаго престола, Брюмеръ вслѣдствіи старался испортить душу и сердце своего питомца, между тѣмъ какъ прежде онъ прилагалъ стараніе, чтобы воспитать его достойнымъ шведской короны. Но я никогда не могла повѣрить столь жестокому обвиненію, и объясняла воспитаніе Потра III стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ. Расскажу, что видѣла и слышала. Этимъ объяснится многое.

Въ первый разъ я увидала Петра III, одиннадцати лѣтъ, въ Евтинѣ, у его опекуна принца-епископа любекскаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины отца его, герцога Карла-Фридриха. Это было въ 1739 г. Принцъ-епископъ созвалъ въ Евтинѣ всѣхъ родственниковъ, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабушка (мать принца-епископа) и сестра его, моя мать, приѣхали изъ Гамбурга и привезли меня съ собою. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Кромѣ того, тамъ были еще принцъ Августинъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Голштиніи. Тутъ я услышала, какъ собравшіеся родственники толковали между собою, что молодой герцогъ склоненъ къ пьянству, что его приближенные не даютъ ему напиваться за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ своихъ приближенныхъ и особливо Брюмера; что, впрочемъ, онъ довольно живого нрава, но сложенія слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно, цвѣтъ лица его былъ блѣденъ; онъ казался тощъ и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобы онъ держалъ себя, какъ совершеннолѣтній. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденіи. Натянутость и неискренность перешли отъ вѣдшихъ приѣмовъ обращенія и въ самый характеръ.

Вскорѣ по приѣздѣ этого голштинскаго двора въ Россію, явилось шведское посольство съ просьбою, чтобы императрица дозволила племяннику своему быть наслѣдникомъ шведскаго престола. Но Елисавета, уже объявившая свои намѣренія на этотъ счетъ въ предварительныхъ статьяхъ Абовскаго мира (какъ выше сказано), отвѣчала шведскому сейму, что племянникъ ея наслѣдуетъ русскій престоль, и что она не отступаетъ отъ предварительныхъ статей Абовскаго мира, по которому наслѣдникомъ шведскаго престола долженъ

быть принцъ-правитель Голштиніи. Старшій братъ принца-правителя былъ обрученъ съ императрицею Елисаветою незадолго до смерти Петра I. Бракъ не состоялся, потому что женихъ умеръ отъ оспы черезъ нѣсколько недѣль послѣ обрученія. Но императрица Елисавета сохранила объ этомъ принцѣ самое нѣжное воспоминаніе, которое выражала всѣмъ его родственникамъ.

Такимъ образомъ Петръ III, исповѣдавъ вѣру по обряду греческой церкви, былъ объявленъ наслѣдникомъ Елисаветы и великимъ княземъ русскимъ. Въ учителя ему дали Симона Тодорскаго, бывшаго потомъ епископомъ псковскимъ. Принцъ былъ крещенъ и воспитанъ по обряду и въ правилахъ самаго строгаго и наименѣе вѣротерпимаго лютеранства. Съ дѣтства онъ не хотѣлъ ничему учиться, и я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ по воскресеньямъ и въ праздничные дни стоило великихъ трудовъ, чтобъ заставить его итти въ церковь и подчиниться благочестивымъ обрядамъ, и что въ разговорахъ съ Симономъ Тодорскимъ онъ по большей части обнаруживалъ отвращеніе отъ религіи. Его императорское высочество не хотѣлъ ни съ чѣмъ согласиться, спорилъ о каждомъ предметѣ, и приближенные его часто бывали призываемы, чтобъ охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ. Наконецъ, послѣ многихъ для себя неприятностей, онъ подчинился волѣ императрицы, своей тетки, но, можетъ быть, по предразсудку, по привычкѣ или по охотѣ противорѣчить, онъ нѣсколько разъ выражалъ, что ему пріятнѣе было бы уѣхать въ Швецію, нежели оставаться въ Россіи. Брюмеръ, Берхгольцъ и другіе голштинцы оставались при немъ до его женитбы. Къ нимъ для виду присоединили нѣсколько учителей. Преподаватель русскаго языка, Исаакъ Весселовскій, съ самаго начала являлся рѣдко, а потомъ вовсе пересталъ ходить; профессоръ Штелинь, который долженъ былъ учить его математическимъ наукамъ и исторіи, собственно только игралъ съ нимъ и служилъ вмѣсто шута. Всѣхъ точнѣе былъ балетмейстеръ Ланге, учившій танцованію. Во внутреннихъ своихъ комнатахъ великій князь занимался исключительно военною выправкою нѣсколькихъ лакеевъ, которые были даны ему въ услуженіе. Онъ возводилъ ихъ въ чины и степени, и потомъ разжаловалъ, какъ ему вздумалось. Это были настоящія дѣтскія игры, постоянное ребячество. Вообще онъ былъ очень ребячливъ, хотя ему было уже шестнадцать лѣтъ въ 1744 г. Въ 1744 г., 9 февраля, я съ матерью своею пріѣхала въ Москву, гдѣ тогда находился русскій дворъ.

Русскій дворъ въ то время раздѣленъ былъ на два большіе стана, или партіи. Во главѣ первой, начинавшей снова возвышаться послѣ своего униженія, стоялъ вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ внушалъ къ себѣ гораздо больше страха, нежели привязанности, былъ до чрезвычайности пронырливъ и подозри-

теленъ, твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣнiяхъ, довольно жестокъ съ подчиненными, врагъ непримиримый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они сами не измѣняли ему; впрочемъ неуживчивъ и во многихъ случаяхъ мелочень. Онъ управлялъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ. Передъ поѣздкою двора въ Москву онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ приближенными императрицы, которыхъ хотѣлъ отмѣнить, но теперь онъ начиналъ оправляться. Онъ держался Англiи и дворовъ Вѣнскаго и Дрезденскаго. Приѣздъ мой и матери былъ ему неприятенъ, какъ дѣло, тайно отъ него устроенное противною партiею. У него было множество враговъ, но всѣ они трепетали передъ нимъ. Онъ имѣлъ надъ ними превосходство въ занимаемой имъ должности, а характеромъ своимъ неизмѣримо превышалъ дипломатовъ царской передней.

Противоположная партiя держала сторону Францiи, находившейся подъ французскимъ покровительствомъ Швецiи и короля прусскаго. Душою этой партiи былъ маркизъ де-ла-Шетарди, а матадорами—прибывшiе ко двору голштинцы. Они привлекли къ себѣ Лестока, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ переворотѣ, который возвелъ на русскiй престолъ императрицу Елисавету. Лестокъ въ значительной степени пользовался ея довѣренностью. Онъ служилъ при императрицѣ Екатеринѣ I и по кончинѣ ея сдѣлался лейбъ-медикомъ Елисаветы. И матери и дочери онъ оказалъ существенныя услуги. Онъ былъ довольно уменъ, хитеръ и умѣлъ вести интригу, но нрава злого и сердца чернаго. Всѣ эти иностранцы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который также участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елисавету въ ту ночь, когда она вступала на престолъ. Она женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, на графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской. Сiя послѣдняя воспитывалась вмѣстѣ съ императрицею Елисаветою и была къ ней очень привязана. Къ этой же партiи присоединился графъ Александръ Румянцевъ, отецъ фельдмаршала, заключившiй съ Швецiею Абовскiй миръ, почти безъ участiя Бестужева. Сюда же отчасти принадлежали генераль-прокуроръ Трубецкой, все семейство Трубецкихъ, и слѣдовательно принцъ Гессенъ-Гомбургскiй, пользовавшiйся въ то время большимъ уваженiемъ; самъ по себѣ онъ ничего не значилъ, его уважали по многочисленной семьѣ жены его, отецъ и мать которой были еще живы. Старуха Трубецкая была въ большомъ почетѣ.

Главными изъ остальныхъ приближенныхъ къ императрицѣ были тогда Шуваловы. Они соперничали съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ, который на ту пору считался первымъ фаворитомъ. Бестужевъ умѣлъ пользоваться ими; но главною опорой служилъ ему баронъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь императрицы, бывшiй вѣкогда при кабинетѣ Петра I, человекъ суровый и упрямый, лю-

бывшій порядокъ и справедливость и требовавшій, чтобы во всемъ соблюдалась заведенная форма. Остальные придворные присоединялись то къ той, то къ другой партіи, смотря по выгодамъ и по личнымъ видамъ.

Казалось, великій князь былъ радъ пріѣзду моей матери и моему. Мнѣ тогда шелъ пятнадцатый годъ. Въ первые дни онъ былъ очень предупредителенъ ко мнѣ. Уже тогда, въ это короткое время, я увидала и поняла, что онъ мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему суждено было царствовать, что онъ держался лютеранства, что не любилъ своихъ приближенныхъ, и что былъ очень ребячливъ. Я молчала и слушала, и тѣмъ приобрѣла его довѣренность. Помню, какъ, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что ему всего болѣе нравится во мнѣ то, что я—его двоюродная сестра, и что по родству онъ можетъ говорить со мною откровенно; вслѣдъ за тѣмъ онъ мнѣ открылся въ своей любви къ одной изъ фрейлинь императрицы, удаленной отъ двора по случаю несчастія ея матери, госпожи Лопухиной, которая была сослана въ Сибирь; онъ мнѣ объяснилъ, что желалъ бы жениться на ней, но что готовъ жениться на мнѣ, такъ какъ этого желаетъ его тетка. Я краснѣла, слушая эти изліянія родственнаго чувства, и благодарила его за предварительную довѣренность, но въ глубинѣ души я не могла надивиться его безстыдству и совершенному непониманію многихъ вещей.

Въ десятый день по пріѣздѣ моемъ въ Москву, въ субботу, императрица отправилась въ Троицкій монастырь. Великій князь остался съ нами въ Москвѣ. Мнѣ уже дали троихъ учителей: Симона Тодорскаго для наставленія въ греческой вѣрѣ, Василя Ададурова для русскаго языка и балетмейстера Ланге для танцевъ. Желая поскорѣе выучиться русскому языку, я вставала по ночамъ, и въ то время, какъ все кругомъ спало, я, сидя на постели, вытверживала наизусть тетради, которыя мнѣ давалъ Ададуровъ. Въ комнатѣ было жарко, и, не зная московскаго климата, я не считала нужнымъ обуться, а какъ вставала съ постели, такъ и учила мои уроки. Вслѣдствіе этого на пятнадцатый день у меня открылось воспаленіе въ боку, которое чуть было не свело меня въ могилу. Въ среду, послѣ отъѣзда императрицы въ Троицкій монастырь, я одѣвалась, чтобы итти съ матушкой обѣдать къ великому князю, какъ вдругъ почувствовала сильную дрожь. Насилу я выпросила у матушки позволеніе лечь въ постель. Воротившись отъ обѣда, она нашла меня въ безпамятствѣ; я была вся въ жару и чувствовала нестерпимую боль въ боку. Матушкѣ вадумалось, что у меня начинается оспа; она послала за докторами и требовала, чтобы они меня лѣчили отъ оспы. Доктора говорили, что мнѣ надо пустить кровь, но она никакъ не соглашалась на это, говоря, что братъ ея умеръ въ Россіи отъ оспы послѣ кровопусканія, и

что она не хочет, чтобы и со мной случилось то же. Доктора и приближенные великаго князя (у котораго еще не было оспы) послали обо всемъ подробное донесеніе къ императрицѣ, а я лежала въ постели, окруженная докторами и матушкой, которые спорили между собою, не зная дѣла. Лихорадочный жаръ и боль въ боку чрезвычайно меня мучили; я стонала, и матушка меня бранила за это, требуя, чтобы я терпѣливо переносила страданія.

Наконецъ, въ субботу вечеромъ, въ семь часовъ, то-есть на пятый день моей болѣзни, императрица возвратилась въ Москву и прямо изъ кареты пришла ко мнѣ въ комнату, гдѣ я лежала въ безпамятствѣ. Съ ней былъ графъ Лестокъ и еще одинъ лейб-медикъ. Выслушавъ мнѣніе врачей, она сѣла у моего изголовья и приказала пустить мнѣ кровь. Я очнулась въ ту же минуту, какъ потекла кровь, и, открывъ глаза, увидала себя въ объятіяхъ императрицы, которая приподымала меня. Но я была между жизнью и смертью 27 дней, въ теченіе которыхъ шестнадцать разъ мнѣ пускали кровь, иногда по четыре раза въ день. Матушку почти не пускали ко мнѣ въ комнату. Она попрежнему вооружалась противъ этихъ частыхъ кровопусканій и громко говорила, что меня хотять умерить. Однако, она стала убѣждаться, что у меня не будетъ оспы. Императрица приставила ко мнѣ графиню Румянцеву и еще нѣсколькихъ женщинъ. По всему было видно, что не довѣряли уму моей матушки. Наконецъ, благодаря стараніямъ доктора Санше (родомъ португальца), нарывъ въ правомъ боку прорвался; я его выплюнула, и съ тѣхъ поръ мнѣ стало легче. Я тотчасъ замѣтила, что поступки матушки во время моей болѣзни унизили ее въ общемъ мнѣніи. Когда мнѣ было очень дурно, она хотѣла привести ко мнѣ лютеранскаго священника. Чтобы предложить мнѣ это (какъ я послѣ узнала), меня старались привести въ чувство или воспользовались минутами облегченія, но я отвѣчала: «Зачѣмъ же? Позовите лучше Симона Тодорскаго; я охотно поговорю съ нимъ». Его привели, и мой разговоръ съ нимъ въ присутствіи постороннихъ былъ всѣмъ очень пріятенъ. Это значительно расположило въ мою пользу, какъ императрицу, такъ и весь дворъ. Еще другое мелкое обстоятельство повредило моей матушкѣ. Около святой недѣли, поутру, она послала одну изъ своихъ камерфрау сказать мнѣ, чтобъ я ей уступила голубую съ серебромъ матерію, которую передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію подарилъ мнѣ братъ моего отца, потому что она мнѣ очень понравилась. Я отвѣчала матушкѣ: пусть возьметъ, это въ ея волѣ, хотя я очень люблю эту матерію, потому что мнѣ ее подарилъ дядя, видя, какъ она мнѣ нравится. Окружавшіе меня, видя, что я отдаю матерію противъ воли, и зная, что я такъ долго находилась между жизнью и смертью и всего нѣсколько дней какъ стала оправляться, начали толковать между собою, что со стороны моей матери вовсе небла-

горазумно причинять малѣйшее неудовольствіе умирающей дочери, и что не только что отнимать у меня матерію, она не должна бы и поминать о томъ. Все это было пересказано императрицѣ, которая тотчасъ же прислала мнѣ множество богатыхъ и великолѣпныхъ матерій, и между прочимъ одну голубую съ серебромъ, но она сдѣлала это въ досаду моей матери. Сію послѣднюю обвиняли, что она вовсе не бережетъ меня и не имѣетъ ко мнѣ никакой нѣжности. Во время болѣзни я привыкла оставаться съ закрытыми глазами; думая, что я сплю, графиня Румянцева и остальные женщины разговаривали между собою, нисколько не стѣняясь, и этимъ путемъ я многое узнала.

Такъ какъ я начинала выздоравливать, то великій князь приходилъ проводить вечера въ комнатахъ матушки, которыя въ то же время были моими. Онъ, какъ всѣ, принималъ во мнѣ большое участіе. Во время болѣзни императрица часто плакала обо мнѣ. Наконецъ, 21 апрѣля 1744 г., въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, я почувствовала себя въ силахъ показаться публикѣ въ первый разъ послѣ этой тяжкой болѣзни.

Полагаю, что любоваться во мнѣ было нечѣмъ. Я исхудала, какъ скелетъ, выросла; лицо мое, всѣ черты стали длиннѣе, волосы лѣзли, и я была блѣдна, какъ смерть. Я сама видѣла, что я безобразна, какъ пугало, не могла узнать себя. Въ этотъ день императрица прислала мнѣ баночку румянъ и приказала нарумяниться.

Какъ скоро наступила весна, хорошая погода, великій князь сталъ тоже посѣщать насъ. Онъ предпочиталъ гулять, стрѣлять, охотиться въ московскихъ окрестностяхъ. Но по временамъ онъ приходилъ въ намъ обѣдать или ужинать и тутъ попрежнему пускался со мною въ ребяческія откровенности. Свита его обыкновенно разговаривала съ моею матерью, къ которой сѣзжалось много гостей. Разные толки въ этихъ собраніяхъ вовсе не нравились тѣмъ, кто въ нихъ не участвовалъ, и, между прочимъ, графу Бестужеву. Всѣ враги сего послѣдняго собирались у насъ, и въ числѣ ихъ былъ маркизъ де-ла-Шетарди, который въ то время еще не заявилъ себя посланникомъ Франціи, но уже получилъ отъ своего двора кредитивную грамоту на эту должность.

Въ маѣ мѣсяцѣ императрица снова отправилась въ Троицкій монастырь. Великій князь, я и матушка поѣхали вслѣдъ за нею. Съ нѣкотораго времени императрица стала очень холодно обращаться съ матушкою. Въ Троицкомъ монастырѣ дѣло вышло на чистоту. Разъ послѣ обѣда великій князь сидѣлъ у насъ въ комнатѣ; неожиданно явилась императрица, сказала матушкѣ, чтобы она шла за нею въ другую комнату. Графъ Лестокъ пошелъ туда же. Мы съ великимъ княземъ сѣли на окошко и ждали, что изъ

этого будетъ. Разговоръ продолжался довольно времени. Мы хохотали, какъ вдругъ явился графъ Лестокъ, проходя мимо, подошелъ къ намъ и сказалъ: «Это веселье тотчасъ кончится». Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Укладывайтесь, вы тотчасъ же отправляетесь въ дорогу и возвращаетесь къ себѣ домой». Великій князь спросилъ, что это значить. Лестокъ отвѣчалъ: «Узнаете послѣ», и съ этимъ словомъ пошелъ исполнять порученіе, которое было дано ему, и котораго я не знала. Мы съ великимъ княземъ начали разгадывать, что бы это значило. Онъ толковалъ вслухъ слова Лестока, я обдумывала дѣло молча. Онъ говорилъ: «но если матушка ваша виновата, то это до васъ не относится». Я ему отвѣчала: «долгъ мой ѣхать вмѣстѣ съ матушкой и дѣлать, что она прикажетъ». Я видѣла ясно, что онъ разстался бы со мною безъ сожалѣнія. Что касается до меня, то, зная его свойства, я бы не пожалѣла его, но къ русской коронѣ я не была такъ равнодушна. Наконецъ, дверь въ спальню отворилась, императрица вышла оттуда вся красная и съ разгнѣваннымъ видомъ. Вслѣдъ за нею вышла матушка съ красными и заплаканными глазами. Окошко, на которое мы вскарабкались, было довольно высоко, и мы торопливо соскочили съ него. Это разсмѣшило императрицу; уходя, она поцѣловала насъ обоихъ. Когда она удалась, мы нѣсколько разузнали, въ чемъ было дѣло.

Маркизъ де-ла-Шетарди, прежде, или, лучше сказать, когда былъ въ первый разъ посланникомъ въ Россіи, пользовался милостію и довѣренностью императрицы, но теперь, во второй прѣздъ, онъ ошибся въ своихъ надеждахъ. Слова его были скромнѣе его писемъ, пропитанныхъ желчью и горечью. Письма эти были вскрыты и дешифрованы; изъ нихъ обнаружались во всѣхъ подробностяхъ его разговоры съ моею матерью и со многими другими лицами о тогдашнихъ обстоятельствахъ и объ императрицѣ. Такъ какъ онъ еще не успѣлъ представить свою кредитивную грамоту, то его велѣно было выслать изъ имперіи. У него взяли назадъ орденъ св. Андрея и портретъ императрицы, но всѣ остальные ея подарки, состоявшіе изъ брильянтовъ, не были отняты. Я не знаю, успѣла или нѣтъ матушка оправдаться во мнѣніи императрицы, но дѣло въ томъ, что мы не уѣхали, хотя съ матушкой попрежнему обращались крайне недовѣрчиво и холодно. Какіе у нея были разговоры съ маркизомъ Шетарди, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что однажды онъ обратился ко мнѣ и поздравилъ меня съ тѣмъ, что я причесана en Moÿse. Я отвѣчала, что въ угоду императрицѣ я готова носить всякую прическу, лишь бы она ей нравилась. Послѣ такого отвѣта онъ сдѣлалъ пируетъ вальсо, ушелъ отъ меня въ другую сторону и больше со мной не заговаривалъ.

По возвращеніи въ Москву съ великимъ княземъ, мы съ матушкою начали вести болѣе уединенную жизнь, чѣмъ прежде. Къ

намъ меньше стало ѣздить гостей, и меня приготавливали къ исповѣданію вѣры; 28-е іюня было назначено для этого обряда, а на другой день, въ праздникъ св. Петра, должно было послѣдовать мое обрученіе съ великимъ княземъ. Помню, что въ это время гофмаршалъ Брюмеръ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ жалобами на своего питомца и говорилъ, чтобы я постаралась исправить или образумить великаго князя; но я ему отвѣчала, что мнѣ невозможно принять на себя эту обязанность, что въ такомъ случаѣ я ему опротивлю точно такъ же, какъ его приближенные. Въ это время матушка очень подружилась съ принцемъ и съ принцессою Гессенъ-Гомбургскими, и особливо съ братомъ принцессы, камергеромъ Бецкимъ. Дружба эта не нравилась графинѣ Румянцевой, гофмаршалу Брюмеру и вообще всѣмъ. Матушка обыкновенно сидѣла съ ними въ своей комнатѣ, а мы въ это время съ великимъ княземъ возились въ передней комнатѣ, гдѣ намъ была своя воля. Въ обоихъ насъ было много дѣтской рѣзвости.

Въ іюль мѣсяцѣ императрица праздновала въ Москвѣ миръ съ Швеціею, и по этому поводу мнѣ, какъ русской великой княжнѣ-невѣстѣ, составила особый придворный штатъ. Тотчасъ послѣ празднества императрица приказала намъ ѣхать въ Кіевъ. Сама она отправилась черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за нами. Мы ѣхали не торопясь: матушка, я, графиня Румянцева и матушкина камерфрау— въ одной каретѣ; великій князь, Брюмеръ, Берхгольцъ и Дикеръ— въ другой. Разъ, послѣ обѣда, великій князь, которому надоѣли его педагоги, пересѣлъ къ намъ въ карету, и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ иначе ѣхать, какъ съ нами. Матушкѣ наскучило видѣть передъ собою только его да меня, и она вздумала увеличить компанію. Она сказала объ этомъ молодымъ кавалерамъ нашей свиты, въ числѣ которыхъ были князь Голицынъ (впослѣдствіи фельд-маршалъ) и графъ Захаръ Чернышевъ. Тотчасъ опростили одну изъ каретъ, ѣхавшихъ съ нашими постелями, устроили кругомъ лавки, и на другой день великій князь, матушка, я, князь Голицынъ, графъ Чернышевъ и еще кто-то, или двое, кто былъ помоложе изъ нашей свиты, усѣлись въ этой каретѣ и такъ продолжали наше путешествіе. Намъ было очень весело ѣхать, но остальные спутники вооружились противъ этого нововведенія, особливо гофмаршалъ Брюмеръ, оберъ-камергеръ Берхгольцъ, графиня Румянцева, матушкина камерфрау, да и вся остальная свита, потому что мы ихъ не пускали къ себѣ и веселились всю дорогу, между тѣмъ какъ они ссорились и умирали со скуки.

Такимъ образомъ, въ исходѣ третьей недѣли мы пріѣхали въ Козельскъ, гдѣ въ теченіе трехъ другихъ недѣль дожидались императрицы, которая была задержана въ пути разными обстоятельствами. Въ Козельскѣ мы узнали, что многія лица изъ императрицыной свиты съ дороги отправились въ ссылку, и что она въ

очень дурномъ расположеніи духа. Наконецъ, въ половинѣ августа, она пріѣхала въ Козельскъ, и мы оставались тамъ еще съ нею до послѣднихъ чиселъ августа. Въ большой залѣ, занимавшей средину дома, постоянно съ утра до вечера шла игра въ фараонъ, и по большой цѣнѣ. Зато въ остальныхъ комнатахъ была тѣснота. Матушка и я спали въ одной комнатѣ, графиня Румянцева и матушкина камерфрау—въ слѣдующей, и такъ далѣе. Разъ великій князь пришелъ къ намъ въ комнату. Матушка писала, подлѣ нея стояла ея отпертая шкатулка. Великому князю изъ любопытства хотѣлось порыться въ ней; матушка не позволила, и онъ ушелъ отъ нея подирыгивая. Но, прыгая въ комнату, чтобы разсмѣшить меня, онъ зацѣпился за отпертую шкатулку и опрокинулъ ее. Матушка разгнѣвалась, и они стали браниться. Матушка говорила, что онъ нарочно уронилъ ея шкатулку; онъ отвѣчалъ, что она говоритъ неправду, и оба они ссылались на меня и требовали моего подтвержденія. Зная нравъ матушкинъ, я боялась, что она надастъ мнѣ пощечинъ, если я не буду держать ея сторону; но въ то же время мнѣ не хотѣлось ни лгать, ни обидѣть великаго князя, и, такимъ образомъ, я была между двухъ огней. Однако я сказала матушкѣ, что я не думаю, чтобы великій князь имѣлъ дурной умыселъ, но что прыгая просто зацѣпилъ платьемъ крышку шкатулки, стоявшей на крошечномъ табуретѣ, Тутъ матушка кинулась на меня; когда она бывала сердита, ей нужно было на кого нибудь излить свой гнѣвъ. Я замолчала и заплакала. Великій князь видя, что весь гнѣвъ матушки обрушился на меня, потому что я взяла его сторону, упрекалъ ее въ несправедливости и говорилъ, что она бѣсится со злости, а она называла его невоспитаннымъ мальчишкой. Однимъ словомъ, брань дошла до того, что оставалось только драться, на что, впрочемъ, они оба не рѣшились.

Съ этихъ поръ великій князь былъ предубѣжденъ противъ матушки и никогда не могъ забыть этого спора. Матушка тоже не переставала сердиться на него; имъ было неловко другъ съ другомъ, и между ними возникла взаимная недовѣрчивость и злоба. Оба они не скрывали этого отъ меня, и мнѣ стоило большихъ трудовъ успокоивать ихъ, въ чемъ я не всегда успѣвала. Они безпрестанно были готовы осмѣять другъ друга и наговорить другъ другу колкостей. Такое положеніе становилось для меня съ каждымъ днемъ тяжеле. Я старалась не выходить изъ повиновенія матушки и угождать великому князю, который въ самомъ дѣлѣ въ то время былъ со мною откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ либо, потому что онъ видѣлъ, что матушка часто бросалась на меня, когда не могла придратъся къ нему. Это очень располагало его въ мою пользу, и онъ довѣрялся мнѣ.

Наконецъ, 29 августа, мы пріѣхали въ Кіевъ. Мы оставались тамъ десять дней и затѣмъ отправились назадъ въ Москву точно такимъ же манеромъ, какъ ѣхали въ Кіевъ.

Въ Москвѣ этою осенью при дворѣ не прекращались балеты, комедіи и маскарады. Но, несмотря на это, императрица часто бывала въ дурномъ расположеніи духа. Однажды мы смотрѣли комедію. Ложа, въ которой мы сидѣли, матушка, я и великій князь, была насупротивъ ложи ея величества. Я замѣтила, что императрица о чемъ-то говорила графу Лестоку съ большимъ жаромъ и съ сердцемъ. Когда она кончила, Лестокъ явился къ намъ въ ложу, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы видѣли, какъ императрица говорила со мною?» Я отвѣчала ему, что видѣла. «Ну, такъ знайте же, — сказалъ онъ, — что она очень на васъ гнѣвается». — «На меня! за что?» — «За то, что у васъ много долговъ, — отвѣчалъ онъ. — Она говоритъ, что колодезь можно наконецъ вычерпать, что когда она была великою княжною, то не получала больше вашего и должна была содержать цѣлый домъ, но не смѣла входить въ долги, потому что знала, что за нее никто не станетъ платить». Все это онъ произнесъ сухимъ и рѣзкимъ тономъ, конечно, для того, чтобы она изъ своей ложи могла видѣть, какъ онъ исполнилъ ея приказаніе. У меня въ глазахъ показались слезы, и я замолчала. Послѣ этого онъ ушелъ. Великій князь, сидѣвшій возлѣ меня и слушавшій нашъ разговоръ, спросилъ у меня, чего не разлышалъ, и потомъ больше выраженіемъ лица, нежели словами, давалъ мнѣ знать, что онъ соглашается съ императрицею, и что онъ доволенъ, что меня побранили. Это было у него обыкновенный способъ дѣйствія, онъ думалъ сдѣлать угодное императрицѣ, поддакивая ей, когда она на кого нибудь гнѣвалась. Матушка узнавъ, въ чемъ дѣло, стала говорить, что все это отъ того, что ее отстранили отъ меня и дозволили мнѣ не спрашиваться ея совѣтовъ, и что поэтому она умываетъ руки. Такимъ образомъ оба они были противъ меня.

Что касается до меня, то я рѣшилась тотчасъ же привести въ порядокъ дѣла свои и на другой день потребовала счеты. Оказалось, что я должна 17.000 рублей. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Кіевъ императрица мнѣ прислала 15.000 и большой сундукъ съ богатыми матеріями. Слѣдовательно, долгу всего было 2.000 рублей, и мнѣ казалось, что это не Богъ знаетъ какая сумма. Разныя причины вовлекли меня въ эти издержки.

Во-первыхъ, я пріѣхала въ Россію съ весьма плохимъ гардеробомъ. Много, если у меня было три или четыре платья, между тѣмъ какъ при Русскомъ дворѣ переодѣвались по три раза въ день. Все мое бѣлье состояло изъ дюжины рубашекъ, и я спала на матушкиныхъ простыняхъ.

Во-вторыхъ, мнѣ сказали, что въ Россіи любятъ подарки, и что щедростію задобриваются люди и пріобрѣтаются друзья.

Въ-третьихъ, ко мнѣ приставили графиню Румянцову, которая хотала больше всѣхъ въ Россіи и постоянно возилась съ купцами. Ежедневно она приносила мнѣ всякую всячину и совѣтовала купить. Часто я брала только для того, чтобы подарить ей, потому что ей очень этого хотѣлось.

Великій князь также мнѣ дорого стоилъ, потому что любилъ подарки.

Кромѣ того, я замѣтила, что матушка переставала сердиться, какъ скоро ей дадутъ что нибудь, что ей нравилось, и такъ какъ она въ то время часто сердилась, и особливо на меня, то я не пренебрегала этимъ средствомъ. Причина, отчего матушка была сердита, заключалась отчасти въ томъ, что императрица была очень не довольна ею; унижала ее и дѣлала ей непріятности. Кромѣ того, матушкѣ было непріятно, что я, обыкновенно ходившая позади ея, теперь стала ходить впереди; я избѣгала этого, гдѣ было можно; но въ публикѣ я должна была быть впереди. Вообще я поставила себѣ правиломъ оказывать ей всевозможное предпочтеніе и покорность, но пользы отъ этого было мало: она безпрестанно, при всякомъ случаѣ, бранила меня. Это вредило ей самой и не располагало общаго мнѣнія въ ея пользу.

Многія лица, и особливо графиня Румянцева, своими пересказами и разными сплетнями вооружали императрицу противъ матушки. Много значила тутъ и восьмимѣстная карета, въ которой мы ѣхали въ Кіевъ. Въ ней сидѣла одна молодежь и никого изъ пожилыхъ. Богъ знаетъ, какой оборотъ дали этой забавѣ, въ сущности совершенно невинной. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые, имѣвшіе право сидѣть съ нами по чинамъ своимъ, обидѣлись тѣмъ, что мы предпочли имъ тѣхъ, съ кѣмъ было веселѣе. Но все дѣло пошло отъ того, что мы не пустили въ карету Бецкаго и Трубецкихъ; матушка во время путешествія въ Кіевъ была совершенно увѣрена въ ихъ дружбѣ. Брюмеръ и графиня Румянцева также не остались въ долгу, и восьмимѣстная карета осталась намъ памятна.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ великій князь заболѣлъ въ Москвѣ корью. Такъ какъ у меня еще не было ея, то взяты были предосторожности, чтобы она ко мнѣ не пристала. Окружавшіе великаго князя не ѣздили къ намъ, и всѣ увеселенія прекратились. Съ наступленіемъ зимы болѣзнь эта прошла, и мы отправились изъ Москвы въ Петербургъ въ саняхъ, матушка со мною—въ однѣхъ, великій князь съ Брюмеромъ—въ другихъ. День рожденія императрицы, 18-е декабря, мы праздновали въ Твери, и на другое утро поѣхали дальше. На полудорогѣ, въ Хотиловскомъ яму, вечеромъ великій князь занемогъ, сидя у меня въ комнатѣ. Его увели въ его комнату и положили спать. Ночью у него былъ сильный жаръ. На другой день, около полудня, мы съ матушкой попли навѣстить

его. Но едва я переступила порогъ, какъ Брюмеръ очутился передо мною и сказалъ, чтобы я не ходила дальше. Я спросила—зачѣмъ, и узнала, что у великаго князя показались оспенныя пятна. Такъ какъ у меня не было оспы, то матушка поспѣшила увести меня изъ комнаты. Рѣшено было, что мы съ матушкой въ тотъ же день отправимся въ Петербургъ, а великій князь съ своею свитою останется въ Хотиловѣ. Графиня Румянцева и матушкина камерфрау также остались тамъ, какъ говорили, ходить за больнымъ.

Къ императрицѣ, которая опередила насъ и была уже въ Петербургъ, послали курьера. Мы встрѣтились съ нею недалеко отъ Новгорода; узнавъ, что великій князь заболѣлъ оспою, она ѣхала изъ Петербурга къ нему въ Хотилово, гдѣ и оставалась во все время болѣзни. Была полночь, когда мы съ нею встрѣтились; но она велѣла остановиться санямъ и спрашивала у насъ о здоровьѣ великаго князя. Матушка сказала ей, какъ его оставили, и вслѣдъ за тѣмъ императрица велѣла ямщику ѣхать дальше. Мы также поѣхали, и къ утру были въ Новгородѣ.

Было воскресенье, и я ходила къ обѣднѣ. Потомъ мы обѣдали, и затѣмъ собирались въ путь, какъ увидали камергера князя Голицына и камеръ-юнкера Захара Чернышева. Они ѣхали изъ Москвы въ Петербургъ. Матушка разсердилась на князя Голицына, потому что онъ ѣхалъ съ графомъ Чернышевымъ, а графъ Чернышевъ, не знаю, что-то солгалъ. Матушка говорила, что отъ него надобно бѣгать, какъ отъ человѣка опаснаго и сплетника. Она дулась на нихъ обоихъ; но, такъ какъ это было очень скучно, при томъ же выбирать было не изъ чего, оба они были умнѣе и разговорчивѣе остальныхъ, то я вовсе не раздѣлила матушкина гнѣва и тѣмъ заслужила ея брань.

Наконецъ мы приѣхали въ Петербургъ, гдѣ насъ помѣстили въ одной изъ пристроекъ дворца. Великому князю также отвели особый домъ, между нашимъ помѣщеніемъ и дворцомъ; дворецъ тогда былъ тѣсенъ, и для него не было тамъ мѣста. Мои комнаты были налѣво отъ дворца, матушкины — направо. Увидавъ это, матушка разсердилась: во-первыхъ, ей показалось, что мои комнаты лучше расположены, нежели ея; во-вторыхъ, ей непріятно было, что наши комнаты раадѣлялись общемою залою. На самомъ же дѣлѣ у каждой изъ насъ было по четыре комнаты, двѣ на улицу и двѣ на дворъ, всѣ комнаты были одинаковы, обиты голубою и красною матеріею, безъ всякаго различія. Но вотъ главная причина, отъ чего матушка сердилась. Въ Москвѣ императрица присылала мнѣ черезъ графиню Румянцеву планъ этого дома, спрашивала моего мнѣнія, какъ размѣстить насъ, и приказала, чтобы я никому о томъ не сказывала. Выбирать было нечего, потому что оба отдѣленія были одинаковы; я такъ и сказала графинѣ; но изъ словъ сей послѣдней я заключила, что императрицѣ

было бы пріятнѣе, чтобы я жила особо, а не въ однѣхъ комнатахъ съ матушкой. Я сама желала этого, потому что мнѣ было неловко въ комнатахъ матушки, и, короче сказать, быть въ ея обществѣ никому не нравилось. Матушка провѣдала, что ко мнѣ приносили планъ, стала меня спрашивать, и я ей сказала всю правду, какъ было дѣло. Она бранила меня, зачѣмъ я не сказала ей тотчасъ. Я отвѣчала, что было запрещено говорить; но она этимъ не удовольствовалась. Вообще я замѣчала, что она съ каждымъ днемъ все больше на меня гнѣвается; что она перессорилась почти со всѣми, такъ что больше не приходила къ намъ за столъ, а обѣдала и ужинала у себя въ комнатахъ. Что касается до меня, то я ходила къ ней раза по три или по четыре въ день. Остальное время я училась русскому языку и играла на клавинофордахъ. Я покупала себѣ книгъ; въ 15 лѣтъ вела уединенную жизнь и была довольно углублена въ себя для моего возраста.

Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Москвы пріѣхало шведское посольство, въ главѣ котораго находился сенаторъ Цедеркрейцъ. Черезъ нѣсколько времени затѣмъ пріѣхалъ еще графъ Гилленбургъ, имѣвшій порученіе извѣстить императрицу о свадьбѣ шведскаго принца (брата моей матери) съ принцессою шведскою. Мы познакомились съ графомъ Гилленбургомъ и со многими другими шведами еще въ то время, какъ наслѣдный принцъ уѣзжалъ въ Швецію. Это былъ очень умный человѣкъ, уже не молодой и очень уважаемый моею матушкой. Во мнѣ онъ оставилъ признательное воспоминаніе, потому что въ Гамбургѣ видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, онъ говорилъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманія, что я дитя выше лѣтъ моихъ, и что у меня философское расположеніе ума. Пріѣхавъ въ Петербургъ и посѣтивъ насъ, онъ спрашивалъ, что ставь съ моей философіей въ суетѣ придворной жизни. Я ему пересказала, чѣмъ я занималась у себя въ комнатѣ. Онъ возражалъ, что философъ въ 15 лѣтъ не можетъ знать себя, что я окружена препятствіями, съ которыми не могу бороться, что надо имѣть очень возвышенную натуру, чтобы преодолѣть ихъ, и что надо питать душу чтеніемъ лучшихъ книгъ. Онъ мнѣ совѣтовалъ читать житія знаменитыхъ мужей Плутарха, житіе Цицерона и о причинахъ величія и упадка Римской республики, сочиненіе Монтескье. Я тотчасъ послала за этими книгами (ихъ тогда едва можно было сыскать въ Петербургѣ) и сказала ему, что я напишу свой портретъ, такъ какъ знаю себя, для того, чтобы онъ могъ видѣть, знаю ли я себя, или нѣтъ.

Дѣйствительно я описала самое себя, назвала мое сочиненіе: «Изображеніе философа въ 15 лѣтъ», и отдала его ему. Много лѣтъ спустя, именно въ 1758 году, я нашла у себя эту тетрадь, и сама удивилась, съ какою глубиною и точностью изобразила я

себя. Къ сожалѣнію, я тогда же сожгла ее вмѣстѣ со всѣми другими бумагами; это было во время несчастнаго дѣла Бестужева; я уничтожила тогда всѣ бумаги, какія у меня были въ комнатахъ.

Графъ Гилленбургъ черезъ нѣсколько дней возвратилъ мнѣ мое сочиненіе. Не знаю, снялъ ли онъ съ него списокъ. Онъ прибавилъ къ нему страницъ двѣнадцать своихъ размышленій обо мнѣ, въ которыхъ старался укрѣпить во мнѣ возвышенность и твердость души, равно и другія качества ума и сердца. Много разъ я читала и перечитывала эти размышленія и старалась проникнуться ими. Я дала себѣ обѣтъ искренно слѣдовать его совѣтамъ; а какъ скоро я давала себѣ въ чемъ нибудь обѣтъ, то я не помню, чтобъ когда нибудь не исполнила его. По желанію графа Гилленбурга, я отдала ему назадъ его размышленія. Я должна признаться, что складъ ума моего и души моей образовался и укрѣпился подъ его значительнымъ вліяніемъ.

Въ началѣ февраля императрица съ великимъ княземъ возвратились изъ Хотилова. Какъ скоро намъ сказали, что она пріѣхала, мы пошли встрѣчать ее и нашли ее въ большой залѣ. Это было между четвертымъ и пятымъ часомъ вечера, въ залѣ было почти темно; но, несмотря на то, я едва не испугалась, увидавъ великаго князя: онъ чрезвычайно выросъ и перемѣнился, всѣ черты его сдѣлались грубѣе, опухоль на лицѣ еще не прошла, и не было никакого сомнѣнія, что у него останутся сильныя рябины. Онъ былъ остриженъ и носилъ огромный парикъ, который еще больше безобразилъ его. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, узнаю ли я его. Я пробормотала ему какую-то любезность на счетъ его выздоровленія, но въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ ужасно дурень.

9 февраля прошелъ ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала къ Русскому двору. 10 февраля 1745 г., императрица праздновала день рожденія великаго князя. Ему наступилъ 18-й годъ. Императрица обѣдала на тронѣ со мною одной. Великій князь не являлся въ публику ни въ этотъ день, ни долго послѣ. Его не торопились показывать, потому что оспа обезобразила его. Въ этотъ день императрица была со мною очень ласкова. Она сказала мнѣ, что ее очень утѣшали русскія письма, которыя я ей писала въ Хотилово (правду сказать, ихъ сочинялъ Ададуровъ, я только переписывала), и что она знаетъ, какъ я прилежно занимаюсь русскимъ языкомъ. Она говорила со мною по-русски, хотѣла, чтобы я отвѣчала ей также по-русски, и изволила хвалить мое произношеніе. Потомъ она говорила, какъ я похорошѣла послѣ московской болѣзни; однимъ словомъ, во все время обѣда она безпрестанно оказывала мнѣ знаки расположенія и милости. Послѣ обѣда я возвратилась къ себѣ веселая и счастливая, и всѣ поздравляли меня съ этимъ. Императрица приказала принести къ

себѣ мой портретъ, начатый живописцемъ Каравакомъ, и оставила его у себя въ комнатѣ. Это—тотъ самый портретъ, который скульпторъ Фальконетъ увезъ съ собою во Францію. Онъ былъ въ то время необыкновенно похожъ.

Чтобы итти къ обѣднѣ или къ императрицѣ, мы съ матушкою должны были проходить комнатами великаго князя, которыя были рядомъ съ моими, такимъ образомъ мы его часто видали. По вечерамъ онъ также являлся къ намъ на нѣсколько минутъ, но безъ особеннаго удовольствія; напротивъ, онъ всегда бывалъ радъ какому нибудь предлогу остаться у себя въ комнатахъ, гдѣ предавался своему обыкновенному ребячеству, о которомъ я упоминала.

Вскорѣ послѣ пріѣзда императрицы и великаго князя въ Петербургъ матушка была очень опечалена и не могла скрыть этого. Вотъ какъ это было.

Братъ ея, принцъ Августъ, написалъ къ ней въ Кіевъ о своемъ желаніи пріѣхать въ Россію. Матушку извѣстили, что онъ собирается въ Россію только затѣмъ, чтобы прибрать въ свои руки управленіе Голштиніею, именно: хотѣли заранѣе объявить великаго князя совершеннолѣтнимъ и такимъ образомъ уничтожить опеку старшаго брата, сдѣлавшагося наслѣднымъ принцемъ шведскимъ; младшій братъ, принцъ Августъ, сталъ бы править Голштиніею отъ имени великаго князя.

Таковы были замыслы голштинской партіи, враждебной наслѣдному принцу шведскому. Въ интригѣ этой участвовали также и датчане, они не могли простить шведскому принцу того, что онъ одержалъ верхъ надъ датскимъ принцемъ, котораго далекарлійцы хотѣли выбрать наслѣдникомъ шведскаго престола. Матушка отвѣчала брату своему, принцу Августу, изъ Козельска, что вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ замыслахъ людей, враждебныхъ брату, ему слѣдуетъ ѣхать къ мѣсту своей службы, въ Голландію, и что лучше съ честью погибнуть въ сраженіи, нежели строить козни противъ своего брата и въ Россіи мѣшаться съ врагами сестры своей. Подъ сими послѣдними матушка разумѣла графа Бестужева, который благопріятствовалъ этимъ замысламъ, желая черезъ то повредить Брюмеру и всѣмъ остальнымъ приверженцамъ наслѣднаго принца шведскаго, бывшаго опекуномъ великаго князя по управленію Голштиніею. Матушкино письмо было вскрыто и прочтено графомъ Бестужевымъ и императрицею, которая была очень не довольна матушкою, и противъ наслѣднаго принца шведскаго была также заранѣе предубѣждена, потому что онъ, по совѣтамъ жены своей, сестры короля прусскаго, поддался французской партіи и французской политикѣ, вовсе несогласной съ видами Россіи. Его называли неблагодарнымъ, а матушку обвиняли въ томъ, что она вовсе не любитъ своего

младшаго брата, такъ какъ она писала ему о погибели въ сраженіи. Выраженіе это находили жестокимъ и безчеловѣчнымъ, между тѣмъ какъ матушка хвалилась имъ передъ друзьями своими и называла его твердымъ и торжественнымъ. Какъ бы то ни было, мнѣнія матушки не были уважены. Напротивъ, чтобы насолить ей и досадить всей голштинно-шведской партіи, графъ Бестужевъ, безъ вѣдома матушки, выхлопоталъ принцу Августу позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Узнавъ, что онъ ѣдетъ, матушка чрезвычайно разгнѣвалась и огорчилась. Она встрѣтила его очень холодно; но это нисколько не смутило его, такъ какъ онъ опирался на Бестужева. Императрицу убѣдили благосклонно принять его, что она и сдѣлала для виду. Впрочемъ, все это не продолжалось и не могло продолжаться, потому что самъ по себѣ принцъ Августъ былъ лицо вовсе не замѣчательное. Уже одна наружность не располагала въ его пользу: онъ былъ малъ ростомъ и неуклюжъ; сверхъ того, небольшого ума и раздражительнаго нрава. Имъ руководили его приближенные, тоже люди, ничего не значащіе. Сказать правду, онъ былъ просто глупъ и тѣмъ очень сердилъ матушку, которую пріѣздъ его довелъ почти до отчаянія. Черезъ приближенныхъ совершенно овладѣвъ принцемъ Августомъ, графъ Бестужевъ разомъ попалъ въ нѣсколько цѣлей. Ему хорошо было извѣстно, что великій князь такъ же, какъ и онъ, терпѣть не могъ Брюмера, котораго, въ свою очередь, не любилъ и принцъ Августъ за его приверженность къ наслѣдному принцу шведскому. Подъ предлогомъ родства и въ качествѣ голштинца, принцъ Августъ не отходилъ прочь отъ великаго князя, безпрестанно говорилъ съ нимъ о Голштиніи, твердилъ о его будущемъ совершеннолѣтніи, и по его навѣтамъ великій князь сталъ просить тетку и графа Бестужева, чтобы его заранѣе объявили совершеннолѣтнимъ. Для этого нужно было согласіе римскаго императора, которымъ въ то время былъ Карлъ VII, изъ баварскаго дома; но между тѣмъ какъ шли переговоры, онъ умеръ, и дѣло было отложено до избранія въ императоры Франца I.

Дурно принятый матушкою принцъ Августъ не оказывалъ ей уваженія и тѣмъ самымъ еще болѣе унижилъ ее во мнѣніи великаго князя. Съ другой стороны, какъ принцъ Августъ, такъ и старый камердинеръ, фаворитъ великаго князя, вѣроятно, опасаясь моего будущаго вліянія, часто твердили ему о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ женою. Ромбергъ, бывший шведскій драгунъ, говорилъ ему, что его жена не смѣла передъ нимъ пикнуть, не только что мѣшаться въ дѣла его, что какъ только она разѣвала ротъ, онъ ей приказывалъ молчать, что онъ былъ глава дома, и что мужчинѣ стыдно быть простакомъ и слушаться жены своей. Но они, видно, не разсчитывали на скромность великаго князя, или не знали, что когда у него бывало что нибудь на сердцѣ или въ

головѣ, то онъ немедленно являлся разсказывать обо всемъ тѣмъ, съ которыми обыкновенно говорилъ, вовсе не обращая вниманія, кто были эти лица. Такимъ образомъ я узнала объ этихъ внушеніяхъ отъ самого великаго князя при первой нашей встрѣчѣ. Вообще онъ воображалъ, что всѣ люди держатся одного съ нимъ мнѣнія, и что это очень естественно и такъ должно быть. Я, разумѣется, все это держала про себя, но въ то же время не переставала серьезно обдумывать предстоящую мнѣ участь. Я рѣшилась щадить откровенность великаго князя для того, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, видѣлъ во мнѣ лицо, которому можетъ довѣряться во всемъ безъ малѣйшихъ для себя непріятностей, и въ теченіе долгаго времени мнѣ это удавалось. Вообще я обращалась со всѣми, какъ могла лучше, и старалась пріобрѣсти дружбу, или, по крайней мѣрѣ, смягчить непріязнь тѣхъ людей, которыхъ я могла подозрѣвать въ неблагопріятномъ къ себѣ расположеніи. Я не хотѣла держаться никакой партіи, ни во что не вмѣшивалась, всегда показывала веселый видъ была предупредительна, внимательна и вѣжлива со всѣми. Я была отъ природы веселаго нрава и съ удовольствіемъ замѣчала, что съ каждымъ днемъ росло расположеніе ко мнѣ публики, которая смотрѣла на меня, какъ на замѣчательнаго и умнаго ребенка. Я показывала великую почтительность матушкѣ, безпредѣльное послушаніе императрицѣ, отличную внимательность великому князю, и однимъ словомъ всѣми средствами старалась снискать любовь публики.

Еще въ Москвѣ императрица назначила мнѣ дамъ и кавалеровъ, составлявшихъ мой дворъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ она приставила ко мнѣ русскихъ женщинъ для того, чтобы, какъ она говорила, я могла скорѣе выучиться русскому языку. Я была очень этимъ довольна. Самой старшей изъ дѣвушекъ, которыхъ мнѣ дали, было около двадцати лѣтъ; всѣ онѣ были очень веселаго нрава, такъ что съ этого времени, вставши чуть съ постели и до самой ночи, я не переставала пѣть, танцевать, рѣзвиться и дурачиться у себя въ комнатѣ. Вечеромъ, послѣ ужина, ко мнѣ приходили въ спальню три мои фрейлины, двѣ княжны Гагарины и Кошелева, и тутъ мы играли въ жмурки и въ разныя другія игры, по нашему возрасту. Всѣ эти дѣвушки ужасно боялись графини Разумовской, но, такъ какъ она съ утра до вечера играла въ карты въ передней комнатѣ либо у себя и вставала изъ-за стола только за нуждою, то мы почти не видали ея. Посреди этихъ веселостей мнѣ пришлось въ голову распредѣлить обязанности моихъ фрейлинъ. Деньги, расходы и бѣлье я оставила на попеченіи мамзель Шенкъ, старой фрейлины, пріѣхавшей со мною изъ Германіи, глупой и ворчливой, которой вовсе не нравились наши веселости, и которой досадно было, что всѣ эти молодыя дѣвушки стали раздѣлять ея должность и мое расположеніе. Брильянты я поручила

дѣвицѣ Жуковой, такъ какъ она была умнѣе, веселѣе и откровеннѣе другихъ, и я начала очень любить ее. Камердинеръ Тимоѳеи Евреиновъ принялъ въ свое вѣдѣніе мои платья; дѣвица Балкова, вышедшая потомъ замужъ за поэта Сумарокова, должна была смотрѣть за моими кружевами; ленты я отдала дѣвицѣ Скороходовой старшей, впослѣдствіи вышедшей за Аристарха Кашкина; младшая сестра ея, Анна, ничего не получила, потому что ей всего было 13 или 14 лѣтъ. На другой день вечеромъ послѣ того, какъ я совершенно полновластно, никого не спрашиваясь, устроила свое хозяйство, давали комедію. Надо было проходить туда комнатами матушки. Комедію смотрѣли императрица, великій князь и весь дворъ. Ее давали въ маленькомъ театрѣ, который былъ устроенъ въ манежѣ, принадлежавшемъ въ царствованіе Анны герцогу Курляндскому (я занимала его комнаты). Послѣ комедіи, когда императрица возвратилась къ себѣ, графиня Разумовская явилась ко мнѣ въ комнату и объявила, что императрица не довольна гѣмъ, что я раздала мои вещи подъ присмотръ моимъ женщинамъ, и что она приказала взять назадъ у Жуковой ключи отъ моихъ брильянтовъ и отдать ихъ попрежнему мамзель Шенкъ. Графиня Румянцова тутъ же, въ моемъ присутствіи, исполнила это приказаніе и ушла затѣмъ. У насъ съ Жуковой вытянулись лица, а мамзель Шенкъ торжествовала послѣ такого довѣрія, оказаннаго ей императрицею. Она начала подымать носъ предо мною, и оттого стала еще глупѣе прежняго и еще менѣе внушала къ себѣ расположенія.

На первой недѣлѣ великаго поста у меня была очень странная сцена съ великимъ княземъ. Утромъ я съ своими женщинами, которыя всѣ были очень набожны, была у себя въ комнатѣ и слушала заутреню, которую служили въ передней комнатѣ, какъ вдругъ ко мнѣ явилось посольство отъ великаго князя: онъ прислалъ своего карлика спросить о моемъ здоровьѣ и сказать, что по случаю великаго поста онъ въ этотъ день не придетъ ко мнѣ. Когда карликъ вошелъ, мы всѣ слушали молитвы и во всей точности исполняли правила поста, по нашему обряду. Я велѣла передать великому князю обыкновенное привѣтствіе, и карликъ ушелъ назадъ. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ былъ тронутъ тѣмъ, что видѣлъ, или вообразилъ, что дорогой господинъ его, вовсе не имѣвшій охоты молиться, захочетъ послѣдовать нашему примѣру, или, можетъ быть, по глупости, только что возвратившись въ комнату великаго князя, онъ началъ чрезвычайно расхваливать благочестіе, царствовавшее у меня въ комнатахъ, и этимъ самымъ очень разсердилъ противъ меня великаго князя. При первой нашей встрѣчѣ я увидала, что онъ на меня дуется, и когда спросила—за что, онъ сталъ меня бранить за чрезмѣрную набожность. Я спрашивала, кто ему сказалъ о моей набожности, и онъ сослался на карлика,

какъ на очевидца. Я возражала ему, говоря, что исполняю только приличіе, котораго невозможно обойти безъ скандала, и дѣлаю то, что всѣ дѣлаютъ, но онъ оставался при своемъ мнѣніи. Споръ этотъ кончился такъ же, какъ кончается большая часть споровъ, т.-е. каждый остался при своемъ; но, такъ какъ во время обѣдни его императорскому высочеству не съ кѣмъ было больше говорить, какъ со мною, то понемногу онъ пересталъ дуться на меня.

Черезъ два дня послѣ этого произошла другая тревога. Было утро; у меня служили заутреню, какъ вошла ко мнѣ въ комнату мамзель Шенкъ, вся взволнованная, и объявила, что матушкѣ дурно, и что она въ обморокѣ. Я тотчасъ побѣжала къ ней и нашла ее на полу, на матрацѣ, но въ памяти. Я осмѣлилась спросить, что съ нею; она отвѣчала, что хотѣла пустить себѣ кровь, но что фельдшеръ по неловкости четыре раза не попадалъ, куда слѣдуетъ въ обѣихъ рукахъ и ногахъ, и что отъ этого она лишилась чувства. Я знала, какъ матушка боялась кровопусканія, и не могла понять, какъ ей вздумалось пустить себѣ кровь, и зачѣмъ это было нужно. Тѣмъ не менѣе она упрекала меня, что я вовсе не принимаю въ ней участія, и по этому поводу наговорила мнѣ множество непріятностей. Я защищалась, какъ могла, и извиняла себя невѣдѣніемъ; но видя, что она въ дурномъ нравѣ, я замолчала, старалась удерживать слезы и оставалась при ней до тѣхъ поръ, пока она съ неудовольствіемъ приказала мнѣ уйти. Я возвратилась въ свою комнату въ слезахъ, и, когда мои женщины спрашивали, о чемъ я плачу, я имъ рассказывала все, какъ было. По нѣскольку разъ въ день я ходила въ комнаты къ матушкѣ и оставалась тамъ, сколько слѣдовало, чтобы не быть ей въ тягость, чего она строго всегда требовала, и къ чему я очень привыкла. Въ жизни моей я ничего такъ не избѣгала, какъ быть кому нибудь въ тягость, и я всегда удалялась тотчасъ же, какъ скоро въ душѣ моей рождалось подозрѣніе, что я могу быть въ тягость, и слѣдовательно могу наскучить; но я знаю по опыту, что не всѣ держатся этого правила, потому что мнѣ часто приходилось терпѣть отъ людей, которые не умѣютъ удаляться, прежде чѣмъ отяготятъ собою и наскучатъ.

Во время поста матушкѣ испытала и настоящее огорченіе; совершенно неожиданно она получила извѣстіе, что младшая сестра моя, Елисавета, трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду, скоропостижно скончалась. Матушка была очень огорчена; я также плакала по сестрѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ одно прекрасное утро, императрица пришла ко мнѣ въ комнату. Она послала за матушкою и вмѣстѣ съ нею пошла въ мою уборную, гдѣ онѣ долго наединѣ разговаривали, и затѣмъ возвратились въ мою спальню, матушка съ красными глазами и въ слезахъ. Онѣ про-

должали говорить, и я узнала, что дѣло шло о кончинѣ императора Карла VII, о которой императрица тогда получила извѣстіе. Въ это время императрица еще ни съ кѣмъ не заключила союва и колебалась между Пруссіею и Австріею, которыя обѣ имѣли своихъ приверженцевъ. Она имѣла однѣ и тѣ же причины неудовольствія, какъ противъ австрійскаго дома, такъ и противъ Франціи, съ которою былъ въ дружбѣ король прусскій; ибо, если маркизъ Ботта, министръ Вѣнскаго двора, былъ принужденъ выѣхать изъ Россіи за дурные отзывы на счетъ императрицы, которымъ въ то время постарались придать значеніе заговора, то, съ другой стороны, подъ этимъ же предлогомъ былъ высланъ изъ Россіи и маркизъ де-ла-Шетарди. Я не знаю, что собственно было цѣлью разговора императрицы съ матушкой; но матушка, повидимому, осталась очень довольна имъ и возымѣла великія надежды. Въ то время она вовсе не была расположена къ австрійскому дому. Что касается до меня, то во всемъ этомъ я была просто зрителемъ, весьма страдательнымъ, весьма скромнымъ и, можно сказать, даже равнодушнымъ.

Послѣ святой, когда настала весна, я сказала графинѣ Румянцевой, что мнѣ хотѣлось бы выучиться ѣздить верхомъ, и она испросила на то согласіе императрицы. Ровно черезъ годъ послѣ воспаленія, которымъ я была больна въ Москвѣ, у меня начались боли въ груди; я попрежнему была чрезвычайно худа и по совѣту докторовъ пила каждое утро молоко и зельцерскую воду. Въ домѣ Румянцевой, въ казармахъ Измайловскаго полка, я взяла первый урокъ верховой ѣзды; въ Москвѣ я ѣздила нѣсколько разъ верхомъ, но очень дурно.

Въ маѣ мѣсяцѣ императрица съ великимъ княземъ переѣхали въ Лѣтній дворецъ, а мнѣ съ матушкой дали каменное строеніе, въ то время находившееся вдоль Фонтанки, возлѣ дома Петра I. Часть этого строенія занимала матушка, а другую часть — я. Тутъ прекратились частыя посѣщенія великаго князя; онъ послалъ человека начисто сказать мнѣ, что живетъ слишкомъ далеко отъ меня, и потому не можетъ часто видаться со мною. Я хорошо чувствовала, какъ ему мало было до меня дѣла, и какъ мало онъ меня любитъ. Мое самолюбіе и моя суетность страдали, но я была слишкомъ горда, чтобы горевать о томъ; я сочла бы себѣ униженіемъ, если бы кто нибудь смѣлъ изъяслять мнѣ состраданіе. Но, тѣмъ не менѣе, оставаясь одна, я заливалась слезами, потомъ тихонько утирала ихъ и отпраплялась шалить съ моими дѣвушками. Матушка также обращалась со мною очень холодно и церемонно; но не проходило дня, чтобы я по нѣскольку разъ не навѣщала ея. Въ сущности мнѣ было очень скучно, но я никому о томъ не говорила. Жукова однажды подмѣтила мои слезы и стала распра-

шивать. Я ей сказала причины, какія мнѣ показались наиболѣе правдоподобными, но скрыла настоящія. Больше, чѣмъ когда либо, я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ думать, что я нуждаюсь во всѣхъ, и всячески приобрѣтать общую любовь, въ чемъ я и успѣла.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СНѢЖНЫЙ КОМЪ.

НХЪ БЫЛО трое: Цвингеръ, Нудель и Ципулькесь.

Можетъ быть, вы думаете, что эти три почтенныя имени дружно составляли одну фирму, которая вела торговлю хлѣбомъ, тканями или скобянымъ товаромъ? И каждую субботу, возвратясь изъ синагоги, Цвингеръ бралъ свою жену Ривку, разряженную въ рыжее шелковое платье, съ массивными золотыми браслетами на обѣихъ рукахъ, съ алмазными серьгами въ ушахъ, и подъ ручку съ нею шелъ въ гости къ Нуделю, кушалъ тамъ селедку съ лукомъ и желтый пряникъ съ чернымъ изюмомъ въ серединѣ, посыпанный сверху пахучимъ анисомъ, а потомъ отправлялся къ Ципулькесу и опять кушалъ тамъ селедку съ лукомъ и желтый пряникъ, а вечеромъ

Нудель и Ципулькесь подъ руки со своими женами, у которыхъ платья тоже были изъ настоящаго шелка, на рукахъ тоже красовались массивные браслеты, а въ ушахъ алмазы, — приходили къ Цвингерамъ, садились за круглый столъ, на которомъ горѣло семь свѣчей, мирно бесѣдовали объ успѣхахъ своей фирмы, закусывая селедкой съ лукомъ и желтымъ пряникомъ съ пахучимъ анисомъ?...

Это вы такъ думаете, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, и фирмы такой никогда не существовало, да и не могло существовать, потому что Цвингеръ, Нудель и Ципулькесь были кровными врагами. Почему они были врагами, несмотря на то, что принадлежали къ одному и тому же сословію, всѣ трое

дѣйствительно любили и селедку съ лукомъ и желтый пряникъ съ анисомъ и даже посѣщали одну и ту же синагогу? Почему они были врагами? Это неизвѣстно. Можетъ быть, послѣ это и объяснится, а теперь мы должны рассказывать все по порядку.

I.

Цвингеръ.

Болтиковъ былъ очень еще молодой человекъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ 25—26. Средняго роста, хорошо сложенный, прилично одѣтый, онъ своимъ открытымъ липомъ, на которомъ было все ясно, свѣтло, искренно и наивно, производилъ впечатлѣнiе добраго малаго. Онъ служилъ въ городскомъ управленiи помощникомъ дѣлопроизводителя, получалъ сто рублей въ мѣсяць, годъ тому назадъ женился и жилъ скромно, аккуратно, сводя концы съ концами. Говорили, что онъ подавалъ надежды, но не объясняли, на что. Самъ же онъ не раздѣлялъ этого мнѣнiя и рассчитывалъ лѣтъ черезъ шесть повыситься до дѣлопроизводителя и на этомъ остановиться. Такимъ образомъ его мечты не шли дальше двухтысячнаго дѣлопроизводительскаго оклада. Таковъ былъ Андрей Андреичъ Болтиковъ. Надо сказать еще, что у него былъ спокойный и добродушный характеръ, и что, когда онъ смотрѣлъ на нѣкоторыхъ своихъ товарищей, въ особенности на дѣлопроизводителя Амарантова, который ежеминутно высматривалъ, у кого бы признать денегъ, онъ думалъ: «слава Тебѣ, Господи, что у меня нѣтъ долговъ».

Такъ думалъ Болтиковъ, но случилось одно обстоятельство, которое ставило его втупикъ. Его молоденькая жена была беременна, это было въ порядкѣ вещей. Уже восемь мѣсяцевъ они готовились достоюльнымъ образомъ принять даръ, который послало имъ небо. Они вооружились пеленками, рубашенками, тюфячками, одѣяльцами; все это стоило большихъ жертвъ, но дѣло обошлось безъ потрясенiй бюджета, просто Болтиковъ взялъ на точномъ основанiи устава двухмѣсячное жалованье и, кромѣ того, сталъ вмѣсто двухрублеваго чая покупать въ рубль восемьдесятъ, а табакъ въ два сорокъ замѣнилъ полуторарублевымъ.

Наступилъ торжественный часъ. Болтиковы получили наслѣдника. Вотъ тутъ-то и пошли пертурбацiи. Послѣ трехдневнаго отсутствiя Болтиковъ пришелъ на службу совершенно разстроенный, съ растеряннымъ видомъ.

— Что съ вами, Андрей Андреичъ? — участливо спросилъ его Амарантовъ.

Дѣлопроизводитель Амарантовъ былъ человекъ веселый и всегда умѣвшiй сохранять необычайную бодрость духа. Казалось,

этотъ человѣкъ только и думалъ о томъ, какъ бы найти денегъ, только и дѣлалъ, что подписывалъ векселя, бралъ деньги подъ звѣрскіе проценты и сію же минуту отдавалъ ихъ въ другія руки. «Я осужденъ всю жизнь нести ростовщическое иго, — говорилъ онъ, — я созданъ для того, чтобы на нихъ работать». И дѣйствительно онъ работалъ, какъ волъ, и въ управѣ, и въ газетахъ, и гдѣ придется, зарабатывалъ немало, но платилъ еще больше и опять бралъ, чтобы жить и платить, и въ этомъ заколдованномъ кругѣ вращался Амарантовъ многіе года, безъ малѣйшей надежды выйти изъ него.

— Ахъ, представьте, жена родила, и молока не оказалось, кормить нечѣмъ, — отвѣчалъ Болтиковъ.

— Ну, что жъ такое? Возьмите кормилицу...

— Кормилицу? — съ ужасомъ спросилъ Болтиковъ, — да гдѣ же мнѣ взять столько денегъ, чтобы содержать ее? Кроме того, еще вдругъ явились расходы: акушеркѣ надо заплатить, женѣ хересь прописали, деликатную пищу... Ахъ, у меня волосы дыбомъ встають... Откуда я возьму денегъ на все это?

— Вотъ пустяки! Да это очень просто: возьмите у ростовщика.

И въ самомъ дѣлѣ для Амарантова это было очень просто: пошелъ къ ростовщику, далъ дьявольскіе проценты, предложилъ чертовскія гарантіи и подписалъ вексель. Но Болтиковъ пришелъ въ ужась.

— У ростовщика? Боже сохрани! Что вы это?

— Да почему же? Это такъ просто: возьмите и понемногу вы- платите.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ. Да, наконецъ, кто же мнѣ дастъ?

— Вамъ кто дастъ? Любой дастъ. Выйдите на улицу, тамъ ихъ видимо-невидимо ходитъ, и каждый изъ нихъ навѣрное ростовщикъ. Зайдите въ любую лавку, въ любой кабакъ, всюду съ наслажденіемъ даютъ деньги подъ проценты. Зайдите, наконецъ, на биржу и крикните: денегъ подъ хорошіе проценты! И сейчасъ же всѣ бросятъ свои акціи, накинутся на васъ и чуть не разорвутъ васъ на части. Да вотъ что самое лучшее: я дамъ вамъ карточку съ адресомъ, и вы отправитесь.

— Куда?

— Куда? Ну, хоть къ Цвингеру. Вотъ вамъ...

— Я подумаю, — сказалъ Болтиковъ и взялъ карточку на всякій случай. Но это «подумаю» онъ сказалъ такъ себѣ, по обычной осторожности, въ сущности же думать было некогда. Нельзя же было оставить ребенка безъ пищи, жену безъ подкрѣпляющаго напитка и пр. и пр., что назрѣло совершенно внезапно, чего онъ никакъ не ожидалъ и къ чему совсѣмъ не приготовился. Такимъ образомъ думать было некогда. Отъ Амарантова онъ получилъ разрѣшеніе уйти со службы и отправился по адресу,

Среди невысокихъ, большею частью, двухъэтажныхъ домовъ Чижиковской улицы стоялъ старый домъ съ грязными, ободранными, словно облитыми помоями, стѣнами, съ кривыми воротами, съ деревяннымъ балкономъ на улицу, который, казалось, ждалъ только удобной минуты, чтобы обломиться и свалиться на голову прохожаго. Надъ воротами красовалась новая табличка, гласившая, что этотъ домъ принадлежитъ Айзику Аароновичу Цвингеру. Болтиковъ вошелъ въ подворотню и увидѣлъ съ правой стороны дверь, а на ней мѣдную дощечку съ надписью: «докторъ Михаилъ Григорьевичъ Цвингеръ». Онъ остановился въ недоумѣніи. Откуда взялся этотъ докторъ? Что общаго между ростовщикомъ и докторомъ? И какимъ образомъ этотъ Цвингеръ могъ оказаться Михаиломъ Григорьевичемъ?

— Во всякомъ случаѣ это не тотъ, — подумалъ Болтиковъ, — потому что на карточкѣ написано «Айзикъ Аароновичъ». Тутъ же рядомъ онъ увидѣлъ другую дверь, на которой значилось: «помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Андрей Григорьевичъ Цвингеръ». Ну, и это, разумѣется, не тотъ.

Онъ вернулся на улицу, отыскалъ ручку звонка и позвонилъ. Потомъ онъ вошелъ во дворъ и сталъ въ ожиданіи дворника. Дворъ былъ неизмѣнно грязенъ. Застроенный множествомъ безобразныхъ флигельковъ съ деревянными лѣстницами и крылечками, онъ весь былъ залитъ помоями, которые со всѣхъ сторонъ выливались сюда, и забросанъ обглоданными костями, остатками скудныхъ кушаньевъ и всякой гадостью. Въ тѣсныхъ и полутемныхъ квартиркахъ ютились еврейскіе бѣдняки, ихъ страшно многочисленныя семейства въ затасканныхъ одеждахъ, съ лицами, блѣдными отъ затхлаго воздуха, которымъ они дышали, съ глазами, воспаленными отъ луку и чесноку, которыми они сдабривали свою скудную и однообразную пищу. Во дворѣ лежали цѣлыя кучи до невозможности грязныхъ подушекъ и перинокъ съ огромнѣйшими пятнами, вынесенныхъ для просушки; тутъ же кувыркались ребятишки съ горбатыми носами и длинными оттопыренными ушами, одѣтые въ промозглую рвань; надо всѣмъ этимъ носилась невообразимая вонь и раздавался гвалтъ. Такова была картина двора, принадлежавшаго Айзику Аароновичу Цвингеру, съ его жильцами. Станнымъ, почти сказочнымъ показалось Болтикову появленіе среди этой живой помойной ямы — русскаго мужика, здороваго, плечистаго, съ окладистой русой бородой, въ большихъ сапогахъ и ситцевой рубашкѣ, съ метлой въ рукѣ, точно онъ вышелъ для того, чтобы вымести отсюда всю эту мерзость.

— Вамъ кого?—обратился онъ къ Болтикову.

— Миѣ господина Цвингера...

— Цвингера? А котораго вамъ? Тутъ ихъ, какъ собакъ. Вамъ, можетъ, доктора?

— Нѣтъ, не доктора... другого...

— Такъ, можетъ, того, который по судейской части?

— Нѣтъ, и не этого... А того, что... Ну, какъ тебѣ сказать... Ну, который деньги подъ проценты даетъ...

— Да они всѣ даютъ... Третьяго дня еще этотъ судейскій серебряный подносъ съ ложками, значить, на залогъ принялъ... А докторъ, такъ тотъ безъ залогу даетъ...

— Ну, что ты говоришь? Можно ли, чтобы врачъ занимался такими дѣлами?

Дворникъ пристально взглядѣлся въ Болтикова и даже прищурился, какъ бы желая сказать: «а ты, баринъ, видно, совсѣмъ еще простоватый малый».

— Можно? — какъ-то презрительно-иронически произнесъ онъ сквозъ зубы:—а, можетъ, и нельзя, почему мнѣ знать?

И прибавилъ:—Вамъ, видно, Айзика надобно.

— Вотъ именно, Айзика Аароновича!—поспѣшилъ подтвердить Болтиковъ.

— Такъ это со двора, вонъ тамъ слѣва дверь, войдите и на верхъ.

Болтиковъ пошелъ по указанію. По утлой деревянной лѣстницѣ онъ поднялся во второй этажъ. Въ стеклянномъ коридорѣ стояли приткнутые одинъ къ другому этажерки, комоды, шкафы, стулья и столы. У невысокой двери звонка не было, поэтому онъ постучалъ. Съ внутренней стороны вышла женщина съ желтымъ морщанистымъ лицомъ, въ чепцѣ, приставила глаза къ самому стеклу двери, взглядѣлась въ Болтикова и спросила пѣвучимъ голосомъ:

— Что вамъ нужно?

— Цвингера, Айзика Аароновича!—съ досадою отвѣчалъ Болтиковъ, который терпѣть не могъ разговаривать сквозъ дверь.

— А на что вамъ Айзикъ?—продолжала женщина, держась за ручку двери.

— Нужно!—сердито сказалъ Болтиковъ.

— А зачѣмъ нужно?—пѣла старуха.

«Чортъ возьми, это мнѣ начинаетъ надоѣдать», — подумалъ Болтиковъ и сказалъ:

— Онъ нуженъ мнѣ по дѣлу, денежному дѣлу.

— Денежному?

Это объясненіе, повидимому, удовлетворило старуху. Она отворила дверь и сказала:

«Онъ дома, Айзикъ, мой мужъ, дома». Вслѣдъ за этимъ она приотворила дверь налѣво и проговорила туда какую-то еврейскую фразу. Въ отвѣтъ послышалось короткое еврейское слово, сказанное хриплымъ и, какъ показалось Болтикову, сердитымъ голосомъ.

— Заходите сюда. Онъ здѣсь, Айзикъ здѣсь,—сказала женщина, и Болтиковъ вошелъ налѣво.

Обширная комната, четыре окна которой выходили на улицу, съ пятою дверью на балконъ, была вся наполнена разнообразными предметами, не имѣвшими между собой никакой связи и, повидимому, ничего общаго съ хозяевами. Мягкая мебель была одѣта въ сѣрые парусиновые чехлы. Во всѣхъ углахъ стояли столики: круглый съ перламутровой мозаикой, изображавшей шахматную доску, восьмиугольный старинной тонкой вычурной рѣзбы, сдѣланный очевидно по заказу и рисунку большого любителя, квадратный съ доской изъ дорогого розоваго прозрачнаго мрамора и еще какіе-то. Тутъ же стоялъ высокій массивный комодъ съ разными фигурами птицъ и обезьянъ, а на комодѣ цѣлая коллекція канделябръ всевозможнѣйшихъ формъ, изъ серебра и бронзы. Нѣсколько этажерокъ, стоявшихъ у стѣны въ рядъ, были завалены самыми разнообразными бездѣлками. Тутъ были дорогія китайскія коробочки, серебряные портсигары, бронзовыя статуэтки, браслеты, рамки, массивные янтарные мундштуки, золоченые кубки. На стѣнахъ и просто на полу у стѣнъ — картины въ дорогихъ рамкахъ, на особомъ орѣховомъ столѣ нѣсколько часовыхъ группъ подъ стеклянными колпаками. Пораженный этой странной смѣсью, Болтиковъ остановился на порогѣ и окинулъ комнату взоромъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что на диванѣ, у круглаго стола, покрытаго вязанной скатертью, сидитъ высокій и довольно плотный человѣкъ, въ шелковомъ, сильно замазленномъ халатѣ, съ сигарой въ зубахъ и съ газетой въ рукахъ. Сложивъ нога на ногу, онъ полулежалъ, опираясь на спинку дивана. При появлении Болтикова онъ опустилъ газету на колѣни, вынулъ двумя пальцами изо рта сигару и посмотрѣлъ на Болтикова прищуренными глазами, слегка приподнявъ голову.

— А?—проивнесъ онъ охрипшимъ голосомъ.—Кто такой?

— Господинъ Цвингеръ?—спросилъ Болтиковъ, рѣшительно не зная, какой взять ему тонъ передъ этимъ самодовольнымъ господиномъ, не удостоившимъ его даже вѣжливаго поклона.

— Я—Цвингеръ, разумѣется, Цвингеръ, а вамъ что?

— Меня направилъ къ вамъ Амарантовъ.

— Ага! Амарантовъ, который въ управѣ? Онъ хорошій человѣкъ, онъ мнѣ всегда долженъ...

— Я—его помощникъ.

— Ага, помощникъ. Чего же вы не садитесь? Садитесь! Я читаю газету отъ скуки... Что вы такъ смотрите? Хорошія вещи? Правятся? Что-жъ, купите, я продамъ, дешево продамъ. Вотъ этотъ столикъ для шашекъ одинъ хорошій господинъ оставилъ... Я дешево продамъ...

Болтиковъ сѣлъ. Онъ чувствовалъ себя крайне неловко. Первый разъ въ жизни онъ пришелъ къ постороннему человѣку просить денегъ. Съ какой стати? Что у него общаго съ этой жирной мордой,

которая такъ презрительно смотрѣла на него своими ястребиными глазами? Лицо Цвингера нисколько не располагало въ его пользу. Оно было, пожалуй, красиво. Крупный носъ съ горбинкой, довольно толстыя губы, прикрытыя густыми черными съ просѣдью усами, большой лобъ съ сурово нависшими бровями, бритые щеки и подбородокъ, коротко остриженные волосы, все это было бы хорошо, если бы на этомъ лицѣ не было выраженія какого-то животнаго самодовольства, а въ глазахъ не игралъ откровенно хищническій огонекъ.

Болтиковъ вынулъ изъ кармана карточку Амарантова.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не покупатель, а воть...

Онъ подалъ карточку Цвингеру. Тотъ сначала осмотрѣлъ ее съ обѣихъ сторонъ, какъ бы желая убѣдиться, не фальшивая ли она, а потомъ сталъ читать.

— Денегъ? Вы хотите денегъ?—сказалъ онъ съ удивленіемъ.— Пф... Такъ у меня-жъ нѣтъ. Ей-Богу, у меня нѣтъ денегъ...

— А Амарантовъ сказалъ, что вы можете...

— Амарантовъ? Пф... Что онъ знаетъ, Амарантовъ!... Развѣ онъ считалъ у меня въ карманѣ? У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Если бы были, я сейчасъ бы далъ... Я же не жалѣю... Я готовъ оказать помощь человѣку... Когда-жъ у меня нѣтъ денегъ...

«Что за чепуха?—подумалъ Болтиковъ, совершенно сбитый съ толку.—Неужели Амарантовъ сыгралъ со мною штуку?»

— Я имѣлъ въ виду предложить вамъ хорошіе проценты,—сказалъ онъ, какъ послѣдній доводъ.

— Проценты? Пф... Вотъ штука! На-те вамъ проценты, дайте мнѣ денегъ... А что? Нѣту? Ну, я же говорю вамъ, что и у меня нѣту...

— Въ такомъ случаѣ это, должно быть, недоразумѣніе!—сказалъ Болтиковъ и поднялся съ видимымъ намѣреніемъ уйти.

— Уходите? Зачѣмъ же такъ скоро? Посидите.

— Что-жъ мнѣ сидѣть? Я пришелъ по дѣлу.

— Нѣтъ, какъ же такъ скоро? Поговоримъ... Я съ хорошимъ человѣкомъ готовъ поговорить... Подумаемъ... А, можетъ, чтонибудь и придумаемъ...

Болтиковъ сѣлъ. Рѣшительно ему противно было это собесѣдованіе. Онъ догадывался, что Цвингеръ просто желаетъ предварительно поморочить ему голову. «И какъ это Амарантовъ выдерживаетъ подобныя сцены?—думалъ онъ:—вѣдь ему чуть не каждый день приходится вести подобные переговоры».

— Такъ вы помощникъ? а?—спросилъ Цвингеръ.

— Да, я занимаю мѣсто помощника дѣлопроизводителя.

— Ага! И много получаете?

— Я получаю тысячу двѣсти рублей въ годъ.

— Что жъ, это хорошо. Ну, тамъ еще доходы разные... То, се...

— Какіе доходы?

— Ну, что тамъ говорить... Я же только такъ, по-пріятельски... Имѣете семейство? а?

— Да, я женатъ.

«Къ чему онъ все это спрашиваетъ?» — недоумѣвалъ Болтиковъ.

— И хозяйство? а?

— Да, есть хозяйство...

— Ага, это хорошо... Хозяйство—хорошо...

Цвингеръ замолчалъ. Болтиковымъ все больше и больше овладѣвало вѣтерпѣніе. Что онъ здѣсь сидитъ и удовлетворяетъ правдное любопытство какого-то закладчика, когда тамъ, дома, ребенокъ остается безъ молока, а женѣ, можетъ быть, крайне необходима рюмка хересу? Онъ рѣшилъ поставить вопросъ ребромъ.

— Такъ что же, дадите мнѣ денегъ, господинъ Цвингеръ?— рѣшительно спросилъ онъ.

Цвингеръ сначала скорчилъ потѣшную мину, прищуривъ глаза и сдвинувъ губы, а потомъ расхохотался.

— Сейчасъ вынулъ деньги и далъ? Ха, ха, ха, ха! Такой скорый, а? сейчасъ? Вотъ сію минуту? а?

— Да, мнѣ необходимы деньги сейчасъ...

— Сейчасъ никогда денегъ не бываетъ... Деньги собираются понемножку. Тамъ рубль, тамъ десять, тамъ пять... Деньги никогда не лежатъ дома. На что мнѣ онѣ? Деньги работаютъ. Одинъ рубль пошелъ работать и принесъ съ собой другой рубль.. А сколько вамъ?

— Мнѣ рублей двѣсти...

— Ага! Двѣсти рублей... А кто подпишетъ?

— Я подпишу.. Кто же еще? Я беру, я и подпишу...

— А если вы умрете? Кто мнѣ заплатитъ?

— Кто? Вотъ странно. Во-первыхъ, я не собираюсь умирать, а... Ну, если предположить, что я умру, то вамъ заплатитъ жена...

— А если и жена умретъ?—какимъ-то методическимъ ровнымъ голосомъ продолжалъ Цвингеръ. На это Болтиковъ не отвѣтилъ, а только пожалъ плечами.

— Нѣтъ, такъ не дѣлается... Надо, чтобъ было хорошее жиро...

— Что это такое жиро?—спросилъ Болтиковъ, который никогда не слышалъ этого слова.

— Какъ? вы не знаете жиро? Такой образованный человѣкъ и не знаетъ, что такое жиро?

И Цвингеръ смотрѣлъ на Болтикова съ самымъ непритворнымъ изумленіемъ. «Жиро» было однимъ изъ основныхъ тезисовъ его вѣры. Онъ рѣшительно не могъ представить себѣ человѣка, который не звалъ бы, что такое жиро. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это ему понравилось. Это было сильнымъ доказательствомъ того, что Бол-

тиковъ до сихъ поръ еще никому не выдалъ векселей, а Цвингеръ ужасно любилъ «свѣженькихъ». Онъ объяснилъ:

— Жиро, это вотъ что: вотъ вексель (онъ поставилъ передъ глазами Болтикова свою ладонь). Вы подпишете вотъ здѣсь, внизу (онъ провелъ пальцемъ другой руки внизу ладони), а онъ подпишетъ здѣсь. (Цвингеръ перевернулъ свою ладонь и указалъ на верхнюю часть руки); вотъ это жиро. Вы заплатите—хорошо, а нѣтъ—онъ долженъ заплатить. Ну, кто же вамъ дастъ жиро? а?

— Не знаю, право, не знаю,—медленно и раздумывая сказалъ Болтиковъ. Его уже бросило въ жаръ отъ этихъ переговоровъ. Амарантовъ изобразилъ ему это такъ просто: пришелъ, сказалъ—денегъ, посулилъ большіе проценты и получилъ. А тутъ выходитъ цѣлая исторія. Кто дастъ ему это проклятое «жиро», и къ кому онъ можетъ обратиться съ такой странной просьбой: если, молъ, я не заплачу, такъ вы заплатите? Да наконецъ какое право имѣеть этотъ разжирѣвшій господинъ дѣлать предположеніе, что онъ не заплатитъ?

— Я не понимаю, почему бы вамъ не дать мнѣ безъ этого жиро...—сказалъ онъ съ нескрываемой досадой.

— Безъ жиро? Какъ же можно? Долженъ же я себя обезпечить. Я даже миллионеру не дамъ безъ жиро... Нѣтъ, вы возьмите Амарантова... Я, такъ и быть, для васъ приму его жиро, хотя оно немного стоитъ... а?

Болтиковъ задумался. Конечно, онъ будетъ просить Амарантова, но это для него будетъ очень тяжело. Амарантовъ—хорошій товарищъ и добрый человѣкъ, но навязывать себѣ еще чужой долгъ, когда у него своихъ не оберется,—едва ли ему будетъ пріятно, и, чего добраго, онъ откажетъ. Какъ же тогда быть съ кормилицей, съ хересомъ, съ акушеркой? Болтиковъ былъ ужасно разстроены, кровь стучала у него въ вискахъ, въ ушахъ шумѣло, какъ послѣ добраго приѣма хинина.

— Я сейчасъ же поѣду и попрошу Амарантова,—рѣшительно заявилъ онъ:—и если онъ согласится, то я сейчасъ же могу получить?

— Ну, тамъ посмотримъ, посмотримъ....

Болтиковъ всталъ.

— А условія знаете? На шесть мѣсяцевъ, по четыре процента въ мѣсяць...

— Какъ? по четыре процента въ мѣсяць?.. Такъ вѣдь это сорокъ восемь годовыхъ...

— Я не беру годовыхъ. Я только беру четыре процента въ мѣсяць.

— Четыре со ста,—высчитывалъ вслухъ Болтиковъ,—это значитъ съ двухсотъ восемь, шестью восемь—сорокъ восемь... За двѣсти рублей я долженъ заплатить сорокъ восемь за полъ-года? Это ужасно...

— Зачѣмъ ужасно? Не берите, я же васъ не прошу. Вы у меня просили. А мнѣ это не надо... Я хотѣлъ сдѣлать вамъ одолженіе. А не хотите, не берите... Ужасно? Это даже обидно слушать... Ей-Богу... Я же не ростовщикъ какой нибудь... Ростовщикъ, онъ и три возьметъ, а сдѣлаетъ такъ, что выйдетъ десять. А я честно: четыре процента, и не больше... Проценты снимемъ, получите сто пятьдесятъ два рубля чистыми деньгами...

— Какъ? и это еще? Я же говорю вамъ, что мнѣ надо двѣсти.

— Ну, разумѣется, двѣсти... Такъ оно и выходитъ, что двѣсти. Вы получите сто пятьдесятъ два, а будете должны мнѣ двѣсти. Ну?

— Пусть будетъ такъ,—рѣзко и гнѣвно сказалъ Болтиковъ, и при этомъ въ глазахъ его сверкнула злоба.—Я сейчасъ пойду къ Амарантову...

— Вотъ и хорошо... Приѣзжайте черезъ часъ и, можетъ быть, получите деньги. А бумажку прихватите на триста... Такъ, на всякій случай...

Этой послѣдней прибавки Болтиковъ даже не понялъ. Онъ такъ былъ радъ, что могъ вырваться на свѣжій воздухъ, что не простившись бросился опрометью внизъ по лѣстницѣ, при чемъ надѣлалъ страшнаго шума и заставилъ старую еврейку пустить ему вслѣдъ энергическую фразу на ея родномъ языкѣ.

Онъ взялъ извозчика и поѣхалъ прямо въ управу. Его взволнованный видъ удивилъ швейцара и всѣхъ, кто встрѣтилъ его на лѣстницѣ, а затѣмъ и самого Амарантова.

— Вы чего примчались? Да еще съ такимъ растеряннымъ видомъ?—спросилъ его дѣлопроизводитель.

— Ахъ, что вы со мной сдѣлали? Куда вы меня послали? Вѣдь онъ измучилъ меня, онъ цѣлый часъ терзалъ меня...—воскликнулъ Болтиковъ.

— А, да, да, онъ это любить... Онъ никогда не даетъ сразу. Этотъ народъ желаетъ нашей головой гарантировать себѣ каждую копейку. Знаете, ростовщикъ всегда дастъ деньги, но дастъ такъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не потерять изъ нихъ ни рубля. Вы думаете, это все? Ошибаетесь. Вы у него новичекъ, и онъ изслѣдуетъ васъ до послѣдней косточки. Во-первыхъ, онъ сейчасъ пойдетъ къ старшему сыну—доктору, и спроситъ его, не знаетъ ли онъ васъ, не слыхалъ ли что про васъ; потомъ то же самое сдѣлаетъ у сына-адвоката. Если нужно, они соберутъ справки... Потомъ онъ придетъ сюда, въ управу, и тутъ у кого нибудь, будто нечаянно, мимоходомъ, заброситъ удочку на вашъ счетъ, да вдобавокъ ко всему зайдетъ во дворъ, гдѣ вы живете, и тамъ инкогнито разузнаетъ о вашей обстановкѣ, о томъ, хорошо ли вы платите за квартиру, даже о томъ, хорошо ли вы живете съ женой. Это очень важно для него. Дурно живете, можете разойтись. Холостой человекъ считается непрочнымъ. Они требу-

ютъ, чтобъ всѣ были женаты, потому что это привязываетъ чело-
вѣка къ мѣсту... Но онъ дастъ, дастъ...

Тутъ Болтиковъ увидѣлъ тяжелую необходимость сказать про
жиро. При этомъ онъ до того смѣшался, что никакъ не могъ на-
чать фразы.

— Онъ еще сказалъ... Онъ упомянулъ васъ...

— А, подпись? Жиро? Онъ принимаетъ мою подпись? Удиви-
тельно. Ну, что же, я обѣими руками...

Болтиковъ вздохнулъ свободно. «Какъ, однако, этотъ чело-
вѣкъ легко относится къ подобнымъ вещамъ!»—подумалъ онъ.

— Я, знаете, привыкъ. У меня даже такая потребность обра-
зовалась,—говорилъ Амарантовъ:—ежели я съ недѣлю векселя не
подписываю, то чувствую нѣкій зудъ въ правой рукѣ... Вы уди-
вляетесь? Все равно, батенька, они мнѣ такъ затянули петлю, что
никогда я не выпутаюсь. Однимъ векселемъ больше, однимъ меньше,
не все ли равно?

— Псстойте!—вспомнилъ Болтиковъ:—когда я уходилъ, онъ ска-
залъ мнѣ, чтобы я привезъ бумагу на триста... Зачѣмъ это? Вѣдь
я беру двѣсти...

— А, это для гарантіи, все для гарантіи... Представьте, что вы
банкротъ, и я банкротъ,—я, положимъ, родился банкротомъ,—и пла-
тимъ полтинникъ за рубль. Когда у него вексель на триста, онъ
все-таки свои деньги получить... Э, батенька, тутъ все преду-
смотрѣно...

Часа черезъ два они вдвоемъ поѣхали къ Цвингеру. Болтикова
поразило обращеніе Амарантова съ ростовщикомъ. Этотъ почтен-
ный чело-
вѣкъ, занимавшій въ управѣ довольно видное мѣсто и
пользовавшійся общимъ уваженіемъ, пріятельски, почти дружески
жалъ Цвингеру руку, хлопалъ его по плечу и по колѣнямъ, гово-
рилъ ему:

— Э, что, дружище Цвингеръ!.. Ну, ну, любезнѣйшій Айзикъ
Аароновичъ! Вѣдь мы съ вами хорошо знаемъ другъ друга...

А Цвингеръ въ свою очередь обнималъ его за талію и говорилъ:

— Ужъ для друга я готовъ все сдѣлать.

«Они это ужасно любятъ, когда съ ними обращаются, какъ съ
порядочными людьми»,—объяснилъ потомъ Амарантовъ своему по-
мощнику.

Черезъ четверть часа Болтиковъ, нагруженный бутылкой хереса
и какими-то аптечными товарами, спѣшилъ домой. Онъ размышлялъ
о томъ, что хересъ, за который онъ заплатилъ два съ половиной,
въ сущности стоилъ ему четыре. А кормилица, которую онъ сей-
часъ найметъ за двѣнадцать рублей въ мѣсянь, обойдется ему въ
двадцать. «Вотъ она гдѣ, настоящая пошляина!»—подумалъ онъ.

II.

Нудель.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Болтиковъ, какъ человѣкъ аккуратный, съ перваго же мѣсяца послѣ займа началъ было откладывать часть своего жалованья. Въ день полученія жалованья онъ отложилъ цѣлыхъ тридцать пять рублей и заперъ ихъ въ ящикъ своего письменнаго стола, завернувъ ихъ въ бумагу и заложивъ въ самый отдаленный уголъ ящика. Онъ сказалъ женѣ:

— Ну, Лизанька, я получилъ изъ кассы всего восемьдесятъ рублей, потому что двадцать вычли въ погашеніе ссуды. Тридцать пять я откладываю для уплаты этому мерзавцу Цвингеру, остается сорокъ пять рублей, которые и передаю тебѣ: хозяйничай, какъ хочешь.

— Сорокъ пять рублей на цѣлый мѣсяць? — съ ужасомъ воскликнула Лизанька:— да ты съ ума сошелъ!

— А что же дѣлать? Иначе нельзя. Мы сдѣлали долгъ и обязаны платить его.

— Но это невозможно. Посуди: мамкѣ 12 рублей, кухаркѣ восемь, вотъ уже двадцать. Ну, а остальные двадцать пять за квартиру. Что же ты кушать будешь?

— Не знаю, не знаю... Просто не знаю... Должны же мы заплатить долгъ, должны! Вѣдь Амарантовъ поручился, онъ жиро далъ, понимаешь — жиро?

— Такъ не можемъ же мы питаться этимъ его «жиро», — резонно возразила Лизанька, и Болтиковъ замѣтилъ, что въ ея голосѣ появилась подозрительная нотка. Онъ ужасно боялся этой нотки и старался придумать исходъ, который могъ бы успокоить жену.

— Послушай, вотъ что: нельзя ли на время отпустить кухарку?..

Онъ сказалъ это и спохватился. И какъ это сорвалось у него съ языка? Лизанька сначала поблѣднѣла, потомъ покраснѣла, затѣмъ встала и опять сѣла, наконецъ закрыла лицо руками и начала всхлипывать.

— Боже мой, что ты дѣлаешь?

— Еще бы! Недавно только встала съ постели, и ты уже готовъ спровадить меня въ кухню, посылать на базаръ и поставить жариться около плиты. Вотъ всѣ вы такіе — мужчины. Сначала, пока влюблены, готовы всѣ удобства доставить, на словахъ, по крайней мѣрѣ, а потомъ, когда пылъ пройдетъ, — ступай на кухню... Бѣдная женщина еще не успѣла оправиться, у меня ноги дрожать, когда хожу...

Болтиковъ сознавалъ, что заслужилъ всѣ эти упреки, хотя они и не были справедливы. Какое онъ имѣлъ право, въ самомъ дѣлѣ, заставлять молодую женщину нести такой трудъ? Женился, зна-

«истор. вѣстн.», январь, 1906 г., т. сш.

читъ, долженъ содержать прилично, а откуда брать—это твое дѣло. Онъ бросился къ женѣ, увѣрялъ ее, что сказалъ это такъ себѣ, нечаянно, просто не сообразилъ. Да и что такое эти кухаркины восемь рублей? Развѣ можно на шакъ семейству кормиться цѣлый мѣсяцъ, да еще въ такомъ городѣ, гдѣ все дорого, какъ въ столицѣ? Онъ вынулъ изъ дальняго угла спрятанные тридцать пять рублей и вручилъ ихъ женѣ, а самъ пошелъ къ Амарантову, который былъ теперь его оракуломъ. Онъ объяснилъ ему свое горе.

— Откладывать?—удивился Амарантовъ:—вотъ глупости! Я никогда не откладываю. Да и изъ чего откладывать, позвольте васъ спросить?

— Но изъ чегонибудь же надо уплатить?—возразилъ Болтиковъ.—Изъ чего же? Изъ какихъ источниковъ?

— Ну, тамъ изъ чегонибудь заплатится.. Какънибудь, знаете... не стоитъ объ этомъ думать.

— Однако же, тамъ ваша подпись...

— Моя подпись? Ну, и пускай себѣ покоится, сколько ей угодно... Клянусь вамъ честью, я о подобныхъ пустякахъ никогда не думаю.

Болтикову поневолѣ пришлось стать на эту точку зрѣнія дѣлопроизводителя. Впрочемъ, онъ для успокоенія совѣсти, но безъ всякихъ основаній, рѣшилъ, что ему должны выдать къ Рождеству награду, примѣрно, рублей въ двѣсти, т.-е. столько, сколько ему было нужно.

И такъ прошло шесть мѣсяцевъ. Болтиковъ до того освоился со взглядомъ на дѣло Амарантова, что почти позабылъ о долгѣ, или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ упустилъ изъ виду надвигавшійся срокъ платежа.

Однажды, когда онъ былъ на службѣ и сидѣлъ за деревянной рѣшеткой, обрѣтаясь въ самомъ яростномъ разгарѣ докладовъ и отношеній, въ отдѣленіи появился Цвингеръ. Увидѣвъ его издали, Болтиковъ сначала не узналъ этого въ высшей стелени приличнаго господина въ короткой шубенкѣ съ бобровымъ воротникомъ, съ котиковою шапкой въ рукахъ, въ теплыхъ перчаткахъ, съ солидной палочкой, съ начисто выбритыми щеками и подбородкомъ. Тогда онъ видѣлъ его въ грязномъ халатѣ и, когда представлялъ себѣ Цвингера на улицѣ, то не иначе, какъ въ длинномъ черномъ кафтанѣ, въ плисовомъ картузѣ, надѣтомъ на затылокъ. Тѣмъ не менѣе, какое-то неприятное и вмѣстѣ тревожное воспоминаніе кольнуло его въ сердце.

Подойдя къ рѣшеткѣ, Цвингеръ поманилъ его пальцемъ. Онъ подошелъ и, только когда очутился около самаго его носа съ горбинкой, вдругъ призналъ его и понялъ весь ужасъ своего положенія.

— Мое почтеніе, господинъ Болтиковъ, — очень вѣжливо сказалъ Цвингеръ.

— Здравствуйте,—могильнымъ голосомъ отвѣчалъ Болтиковъ.

— Ну, какъ поживаете? Ваша жена здорова? а?—продолжалъ Цвингеръ.

Болтиковъ молчалъ. Онъ думалъ о томъ, что сказать и чѣмъ отвертѣться. А Цвингеръ продолжалъ:

— Я никогда не заставляю, чтобы ко мнѣ приходили. Зачѣмъ? Развѣ у меня нѣтъ ногъ? Я всегда самъ прихожу...

Онъ засунулъ руку въ боковой карманъ, вынулъ оттуда засаленный бумажникъ и сталъ рыться въ цѣломъ складѣ векселей, лежавшихъ тщательно сложенными, въ образцовомъ порядкѣ. Онъ не вынималъ ихъ и не разворачивалъ, чтобы справиться, гдѣ чей вексель; онъ различалъ ихъ по внѣшнему виду, по какойнибудь ничтожной складкѣ, можетъ быть, даже по запаху. Вынувъ одинъ изъ нихъ, онъ сказалъ серьезно и дѣловито:

— Получите вексель, а мнѣ позвольте деньги.

— Извините, г. Цвингеръ, у меня сейчасъ нѣтъ... Я еще не приготовилъ.

— Такъ значить передать нотаріусу? а?

— Какъ нотаріусу? Зачѣмъ?

— Чтобы онъ представилъ на протестъ.

— Къ протесту? Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого, я прошу васъ, г. Цвингеръ, Айзикъ Аароновичъ!

Это послѣднее восклицаніе вырвалось у него нечаянно. Ни за что на свѣтѣ въ спокойномъ состояніи не назвалъ бы онъ ростовщика по имени и отчеству. Но, видно, самъ языкъ въ такихъ случаяхъ приспособляется и помимо головы и сердца начинаетъ льстить.

— Не могу! — кратко отвѣчалъ Цвингеръ.

— Дайте мнѣ отсрочку, я вамъ заплачу проценты.

— Зачѣмъ мнѣ проценты? Я не хочу лишнихъ процентовъ. Я не хочу обижать человѣка... Дайте мнѣ капиталъ и возьмите свой вексель.

Было ясно, что Цвингеръ неумолимъ. Болтиковъ былъ въ отчаяніи. Въ это самое время появился Амарантовъ. Увидѣвъ Цвингера, онъ въ ту же минуту просіялъ.

— А, дружище, почтеннѣйшій, любезнѣйшій, добродѣтельнѣйшій Айзикъ Аароновичъ! Какъ ваше здоровье? Здорова ли ваша супруга?—спросилъ онъ, дружески обнимая его за талію.

Онъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло.

— Охъ-охъ-охъ! Женѣ моей плохо. Бѣдная Ривка имѣетъ плохой желудокъ! — скорбно закатывая глаза подъ лобъ, отвѣтилъ Цвингеръ, который принялъ вопросы Амарантова за чистую монету.

— Ай, какое несчастье!—соболезновалъ Амарантовъ.

Потомъ онъ отвелъ Цвингера въ сторону и минутъ десять бесѣдовалъ съ нимъ, при чемъ Цвингеръ очень долго отъ чего-то отказывался.

— Ну, ну, нехай будетъ уже такъ, — воскликнулъ наконецъ Цвингеръ и, подойдя къ Болтикову, сказалъ:

— Уже это я только для нихъ дѣлаю, и чтобъ въ послѣдній разъ. И для друга готовъ.

По уходѣ Цвингера оказалось слѣдующее: онъ согласился получить съ Болтикова проценты за новые шесть мѣсяцевъ, т.-е. сорокъ восемь рублей, съ условіемъ уплаты капитальнаго долга помѣсячно и чтобы первые тридцать три рубля были уплачены теперь же.

Такимъ образомъ наавтра нужно было достать восемьдесятъ одинъ рубль.

— Дьявольскія условія! — сказалъ Болтиковъ. — Но гдѣ же я возьму эти деньги? Все равно, ихъ у меня нѣтъ.

— Ну, пустяки, мы сейчасъ же ихъ и найдемъ. Это можно перехватить у какогонибудь мелкаго давателя...

— Какъ? Опять?

— Разумѣется, опять. А вы думали? Ужъ, батенька, разъ начали, такъ продолжайте. Другого выхода нѣтъ, пока не выиграете двѣсти тысячъ... Кого бы вамъ?

Онъ задумался, перебирая въ своей памяти знакомыхъ ростовщиковъ.

— Да вотъ что: самое лучшее — у Нуделя. Кстати, онъ тутъ вертится, я только что его видѣлъ... Вы знаете Нуделя?

— Нѣтъ, не знаю.

— Экій вы чудакъ! Ему вся управа понемногу должна. Ну, однимъ словомъ, мы его сейчасъ найдемъ... Эге, да вотъ онъ, смотрите, выглядываетъ кроличья морда...

Дѣйствительно, во входную дверь просунулась рыжая голова, которую Болтиковъ очень часто видѣлъ въ стѣнахъ управы, но не обращалъ на нее вниманія. Сравненіе этого лица съ кроличьей мордой, очевидно, относилось только къ глазамъ, которымъ было свойственно выраженіе безконечной трусости. Казалось, онъ высматривалъ, нѣтъ ли по близости чьегонибудь кулака, приподнятаго съ единственной цѣлью — дать ему въ затылокъ. Въ остальномъ лицо его висколько не напоминало кролика. Длинное, съ большимъ прямымъ, но какъ-то черезчуръ низко посаженнымъ носомъ, оно удлинялось еще узенькой рыжей бородкой клиномъ. Яркорыжіе волосы лучеобразно расходились отъ макушки во всѣ стороны и походили на водерильный парикъ. Онъ былъ небольшого роста, въ клѣтчатомъ, сильно засаленномъ, пиджакѣ, въ цвѣтной некрахмаленной рубашкѣ, въ порыжѣвшихъ истоптанныхъ и искривленныхъ сапогахъ, съ толстой палкой въ рукахъ.

— Нудель, Нудель! — сдержаннымъ голосомъ, поманивая пальцемъ, позвалъ его Амарантовъ.

Глазки Нуделя засуетились, какъ бы отыскивая, гдѣ собственно лежитъ тотъ процентъ, который онъ сейчасъ заработаетъ.

— Идите сюда, Нудель.

Нудель вошелъ осторожно, на цыпочкахъ, оглядываясь по сторонамъ, и приблизился къ рѣшеткѣ.

— Вы знаете Болтикова? — спросилъ его Амарантовъ вполголоса, потому что въ отдѣленіи показалась публика.

— Какъ же не знаю? Знаю, — поспѣшно отвѣтилъ Нудель, и при этомъ радостно осклабился, показывая два ряда зубовъ — мелкихъ и частыхъ, какъ у крысы.

Радовался онъ потому, что предвидѣлъ «знакомство» съ Болтиковымъ, который до сихъ поръ не обращалъ на него вниманія.

— Я ихъ уже давно знаю! — повторилъ онъ, указывая глазами на Болтикова.

— Ну, такъ вотъ ему нужно восемьдесятъ пять рублей, — только живо!

— Ой, ой, ой! Цѣлыхъ восемьдесятъ пять! Гдѣ же я ихъ возьму?

Нудель почесывалъ затылокъ и усиленно думалъ.

— Можетъ, вамъ нятдесять будетъ довольно, господинъ Болтиковъ? — несмѣло спросилъ онъ.

Болтиковъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну, возьмите шестьдесятъ пять.

— Нудель! — строго сказалъ ему Амарантовъ: — или давайте восемьдесятъ пять, или убирайтесь къ чорту. Мы у другого возьмемъ.

— Ой, зачѣмъ же такъ сердиться? Я не говорю: нѣтъ, я только спрашиваю. Спрашивать всегда можно...

— То-то! Отправляйтесь и черезъ часъ принесите.

— Пускай лучше будетъ черезъ два часа! — сказалъ Нудель.

— Говорятъ вамъ — черезъ часъ. Ступайте вонъ.

Нудель моментально исчезъ.

Этотъ маленькій неказистый человѣчекъ имѣлъ, однакожъ, чистыхъ денегъ тысячь семьдесятъ. Но зато можно сказать, не боясь ошибиться, что онъ нажилъ ихъ усердіемъ, настойчивостью и терпѣніемъ. Совершенно лишенный всякихъ другихъ нравственныхъ качествъ, онъ обладалъ этими тремя въ изумительныхъ размѣрахъ. Женившись лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ получилъ за женой всего на все двѣсти рублей и еще какую-то древнюю лисью шубу, которую она вынашивала до сихъ поръ. Онъ пріютился въ какой-то грязной ямѣ, а деньги пустилъ въ оборотъ. Его тайна заключалась въ мелкихъ оборотахъ. Крупныя ссуды даются на извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ и за опредѣленные проценты. Процентъ этотъ не можетъ быть столь великимъ, какъ рисовало Нуделю его пылкое воображеніе. Нельзя дать тысячу рублей мѣсяца на три съ тѣмъ, чтобы получить полторы; это слишкомъ замѣтно, и никто на это не согласится. Если взять

даже по пяти процентовъ въ мѣсяць—что, конечно, не дурно—то и это на тысячу рублей въ полгода дастъ какихъ нибудь триста. Совсѣмъ другое дѣло—мелочь. Тутъ совершенно прилично можно брать и двѣсти, и триста, и даже пятьсотъ процентовъ, и дающій ихъ даже подозрѣвать не будетъ. Поэтому Нудель началъ разыскивать клиентовъ скромныхъ, большею частью, чиновниковъ, получающихъ рублей 50—60 въ мѣсяць. Ничего не было легче, какъ отыскать среди этого народа желающихъ достать денегъ. Стоитъ только повертѣться въ подворотнѣ канцеляріи разъ-другой. Человѣкъ, нуждающійся въ деньгахъ, нюхомъ чуетъ другого человѣка, готоваго дать подъ проценты, точно такъ же, какъ ростовщикъ нюхомъ распознаетъ человѣка, которому нужны деньги до зарѣва. И вотъ Нудель стоитъ лицомъ къ лицу со своимъ клиентомъ.

— А сколько бы вамъ хотѣлось? — спрашиваетъ онъ, сперва убѣдившись при помощи служащихъ, что клиентъ штатный и при томъ не пьяница.

— Рублей десять бы.

— Ну, хорошо. Я вамъ дамъ десять, а когда отдадите?

— Когда же? Извѣстно, двадцатаго числа жалованье получаемъ.

Нудель высчитываетъ, что до двадцатаго остается двѣ недѣли.

— Ну, хорошо, а что вы мнѣ дадите за услугу?

— Да ужъ вы сами скажите, сколько процентовъ...

— Зачѣмъ проценты? Мнѣ не надо процентовъ, мнѣ только за услугу... ну, я вамъ дамъ десять, а вы мнѣ дадите пятнадцать.

— Это много...

— Ну, нехай будетъ много. Я не хочу васъ обижать. Ну, такъ четырнадцать.

Сходятся на тринадцать. Нудель беретъ вексель на двадцать—для гарантіи. Нужно отдать ему справедливость: онъ всегда беретъ вексель на сумму, вдвое большую выданной, но никогда не злоупотребляетъ. Другое дѣло, если ему не отдають и доводятъ до коммерческаго суда,—тогда онъ требуетъ полностью весь вексель. Это на его языкѣ называется «честностью».

Двадцатаго числа Нудель за свои десять получаетъ тринадцать да еще съ благодарностью. Клиенту и въ голову не приходитъ сосчитать, сколько Нудель взялъ съ него процентовъ. Тринадцать вмѣсто десяти, это кажется такъ немного, въ особенности отъ ростовщика. А Нудель дома уже себѣ сосчитываетъ: тринадцать за десять, это значитъ тридцать процентовъ въ двѣ недѣли, а въ мѣсяць—60, а въ годъ... Тутъ Нудель даже глаза закрываетъ отъ восторга, ибо въ годъ выходитъ невѣроятная цифра 720. Но у Нуделя она превращается въ достовѣрную, потому что онъ роздалъ такимъ образомъ—по десяти, по пятнадцати рублей—все женино приданое, а, получивъ гдѣ нибудь маленькій долгъ, онъ сію же ми-

вугу опредѣляетъ его въ другія руки, и, такимъ образомъ, деньги у него растутъ, какъ въ скаакѣ.

Сдѣлавъ изъ двухсотъ рублей семьдесятъ тысячъ, Нудель и теперь питалъ пристрастіе къ мелочамъ. Какъ и двадцать лѣтъ назадъ, онъ вѣчно выискивалъ скромныхъ кліентовъ, которымъ не хватало пустяковъ или нужна до зарѣза какая нибудь небольшая сумма. Онъ встаетъ очень рано, въ 7 часовъ, завтракаетъ какою нибудь гадостью, сдобренной лукомъ, беретъ свою палку и идетъ на добычу. Буквально цѣлый день онъ употребляетъ на хождение, переходя изъ одного учрежденія въ другое. Тутъ онъ получаетъ, тамъ сейчасъ же отдаетъ полученное, въ другомъ мѣстѣ опять получаетъ и опять отдаетъ. Не было еще случая, чтобы больше рубля оставалось у него въ карманѣ больше двухъ-трехъ часовъ. Ужъ и это онъ считалъ убыткомъ. Никто не зналъ и такого случая, чтобы Нудель далъ кому нибудь больше двухсотъ рублей. Это былъ предѣлъ, дальше котораго онъ не шелъ, и даже однажды, молясь въ синагогѣ и бія себя кулакомъ въ грудь, онъ далъ клятву передъ Іеговой никогда не переходить этой границы. Также точно остался онъ вѣренъ прежнему отвращенію къ процентамъ и къ дальнимъ срокамъ. Нѣтъ, онъ давалъ на мѣсяць, на два, и бралъ только за услугу.

Одѣвался онъ въ грязное старье, жилъ на грязномъ дворѣ, въ двухъ комнатахъ, несмотря на то, что изрядно размножался. Въ одномъ только отношеніи онъ былъ щедръ: всѣ дѣти его учились въ гимназіяхъ, а старшій сынъ уже кончалъ гимназію и готовился учиться на доктора. Но и тутъ былъ прямой расчетъ, ибо Нудель хорошо понималъ, что въ концѣ концовъ расходы на образование не принесутъ Нуделямъ убытка.

Однако были въ жизни Нуделя и мрачные эпизоды. Попадались кліенты, которые отказывались платить не только за услугу, но и самый капиталъ. Тогда Нудель начиналъ ходить къ нимъ, т.-е. въ ту канцелярію или контору, гдѣ они служили; если это не помогало, онъ появлялся каждый день, очень хорошо понимая, что его появленіе неприятно, что на этотъ визитъ нельзя иначе смотрѣть, какъ на оскверненіе дома, и на это рассчитывалъ. Истощивъ всѣ средства, Нудель являлся съ судебнымъ приставомъ и самымъ спокойнымъ образомъ описывалъ.

Но подобныя вещи никогда не проходили ему даромъ. Его били, большей частью, по фізіономіи, потому что она располагала къ этому, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на неизбежное зло, и на другой день послѣ потасовки вставалъ въ обычное время, ѣлъ обычную гадость съ лукомъ, вооружался палкой и шелъ на охоту. Но эпизоды эти оставляли слѣдъ въ выраженіи его глазъ. Ни одной минуты онъ не былъ увѣренъ, что его сейчасъ не побьютъ, поэтому всегда остерегался, осматривался и даже по улицѣ шелъ съ оглядкой.

Управа была его излюбленнымъ мѣстомъ. Здѣсь было масса служащихъ, которыхъ онъ ссужалъ мелкими суммами. Въ стѣнахъ управы онъ сдѣлался почти своимъ человѣкомъ.

Минуть черезъ десять послѣ того, какъ Амарантовъ прогналъ Нуделя, его рыжая голова опять появилась въ дверяхъ, а робкіе, но пронырливые глазки безпокойно смотрѣли за рѣшетку въ тотъ пунктъ, гдѣ сидѣлъ Болтиковъ. Случайно поднявъ голову, Болтиковъ увидѣлъ Нуделя, который дѣлалъ ему лицомъ призывные знаки. Очевидно, онъ боялся Амарантова. Болтиковъ вышелъ. На площадкѣ, отъ которой шла внизъ лѣстница, между ними произошло объясненіе.

— Господинъ Болтиковъ! Что я вамъ скажу: зачѣмъ вамъ восемьдесятъ пять? Будетъ съ васъ шестьдесятъ... умоляющимъ тономъ сказалъ Нудель.

— Мнѣ необходимо восемьдесятъ пять,—заявилъ Болтиковъ.

— А можетъ... Ну, пусть шестьдесятъ пять, а? ну? нехай ужъ семьдесятъ, а? ну?

— Да поймите же, что мнѣ необходима эта сумма.

Болтиковъ началъ выходить изъ себя.

— Ну, зачѣмъ же сердиться? Нужно—будетъ... У меня сейчасъ нѣтъ, а будетъ... Ну, а что мнѣ за услугу? Вы знаете, я не беру процентовъ, ну ихъ... Нѣтъ: вотъ я вамъ дамъ восемьдесятъ пять, а вы мнѣ помѣсячно будете давать по тридцать, на четыре мѣсяца...

Болтиковъ раскрылъ ротъ отъ изумленія.

— За четыре мѣсяца сто двадцать рублей? Но послушайте, г. Нудель, это... это... ужъ, право, не знаю, что это...

— Много? а? Ну, такъ по двадцать девять. Это ужъ совсѣмъ мало...

— Что вы? Это невозможно!..

— Ну, какъ же! Я же вамъ совсѣмъ безъ хлопотъ и даже безъ жиро... Мнѣ не надо жиро, я васъ знаю же... Я знаю же, что вы очень честный человѣкъ, и мои деньги не пропадутъ... Ну, такъ ужъ по двадцать девять... Такъ я пойду...

— Послушайте, это ужъ слишкомъ тяжелыя условія!—послалъ ему вслѣдъ Болтиковъ.

Нудель сдѣлалъ ему рукою успокоительный жестъ и продолжалъ спускаться. Болтиковъ плюнулъ и пошелъ въ канцелярію.

Нечего и говорить, что Нудель надулъ. Три часа было слишкомъ мало для того, чтобы онъ собралъ такую сумму. Къ вечеру Болтиковъ былъ въ страшномъ волненіи и, конечно, бросился къ Амарантову.

— Не безпокойтесь,—сказалъ дѣлопроизводитель:—онъ «работаетъ». Я увѣренъ, что онъ и теперь еще бѣгаетъ по городу и собираетъ деньги. Завтра утромъ онъ явится.

На утро дѣйствительно въ управѣ появился Нудель.

— Ну, такъ довольно будетъ семьдесятъ пять, а?.. я досталъ!— сказалъ онъ Болтикову.

— Да поймите же, что мнѣ нужно, безусловно необходимо восемьдесятъ одинъ рубль.

— Ну, ну, вотъ и хорошо!—радостно сказалъ Нудель:—вотъ возьмите восемьдесятъ одинъ рубль... У меня какъ разъ столько и есть.

Онъ вынулъ вексельную бумагу.

— Только ужъ мнѣ за бумагу тридцать пять копеекъ сейчасъ дайтѣ. Я купилъ въ лавочкѣ въ долгъ, надо заплатить... Я—человѣкъ бѣдный...

— Позвольте, почему же бумага на триста?—спросилъ Болтиковъ.

— А ужъ какая нашлась въ лавочкѣ... Я спѣшилъ, чтобы вы не безпокоились,—невинно отвѣчалъ Нудель.

Болтиковъ колебался. Но уже приближалось время, когда долженъ былъ прійти Цвингеръ; онъ махнулъ рукой и подписалъ. Нудель быстро свернулъ вексель и положилъ его въ бумажникъ. Затѣмъ онъ, отсчитавъ восемьдесятъ рублей шестьдесятъ пять копеекъ, потому что тридцать пять копеекъ вычелъ за бумагу, вручилъ ихъ Болтикову.

— Такъ, значитъ, по двадцать девять на четыре мѣсяць, а?— и тутъ онъ взялъ шляпу и направился къ двери.

— Какъ? Что вы? Вѣдь я просилъ у васъ восемьдесятъ пять, а взялъ восемьдесятъ одинъ, и все-таки будетъ двадцать девять?

— Ну, что ужъ тамъ о пустякахъ разговоръ заводить! Я же вамъ дѣло сдѣлалъ... И совсѣмъ безъ хлопотъ...

И онъ поспѣшилъ уйти, основательно разсуждая, что время узаконить назначенную имъ цифру.

Уплативъ Цвингеру и придя домой, Болтиковъ вынулъ записную книжку и хотѣлъ было сосчитать, сколько ему до этого дня стоили сто пятьдесятъ два рубля, полученные имъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ отъ Цвингера, но на первомъ же шагѣ онъ пришелъ въ ужасъ и рѣшилъ, что гораздо спокойнѣе будетъ вовсе не разсчитывать.

III.

Ципулькесъ.

Мѣсяць пролетѣлъ очень быстро. За три дня до срока Болтиковъ получилъ отъ Цвингера записку, въ которой тотъ вѣжливымъ и вполне литературнымъ языкомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ грамматики, предупредилъ его о срокѣ мѣсячнаго платежа.

— Неужели онъ грамотенъ, чортъ возьми?—воскликнулъ Болтиковъ, но тутъ же замѣтилъ, что подпись Цвингера была наца-

рапана совсѣмъ другой рукой, довольно безобразно, и понялъ, что письмо писалъ адвокатъ или докторъ, а Цвингеръ только подписывался. Однако, черезъ два дня ему предстояло заплатить Цвингеру тридцать три и Нуделю двадцать девять, всего шестьдесятъ два рубля, а жалованья онъ получалъ теперъ только восемьдесятъ.

— Да вы, что жъ, изъ жалованья, что ль, собираетесь платить имъ?—удивился Амарантовъ:—ну, этой глупости я никогда не дѣлаю. У меня такой принципъ: ростовщикамъ должны платить ростовщики. Вотъ Цвингеру заплатилъ Нудель, а Нуделю долженъ заплатить третій... Иногда я позволяю себѣ подровнять счетъ изъ посторонняго случайнаго заработка, но жалованье— вещь священная, оно принадлежитъ нашимъ дѣтямъ.

— Но, вѣдь такимъ образомъ долгъ будетъ бесконечно нарастать?

— Сдѣлайте милость, не бесконечно. Наступитъ моментъ, когда ни одинъ ростовщикъ не дастъ намъ ни рубля. Они этотъ предѣлъ очень хорошо чувуютъ. Вы думаете, они не знаютъ нашихъ дѣлъ? Могу васъ увѣрить, что они знаютъ лучше, чѣмъ я, количество моихъ долговъ и всѣ сроки. И вотъ, когда наступитъ этотъ моментъ, тогда баста! Они будутъ сторожить каждую заработанную нами копейку и, прежде чѣмъ ей попасть въ наши карманы, будутъ перехватывать ее въ свои. Тогда мы съ вами волками завоемъ... Но, знаете, это время не такъ еще близко,— по крайней мѣрѣ, для васъ.

— Какъ же быть съ этимъ срокомъ?

— А вотъ я подумаю и завтра вамъ скажу.

На другой день Амарантовъ встрѣтилъ Болтикова съ улыбкой и весело потиралъ руки.

— Я нашелъ ходъ, и довольно оригинальный.

— Ну-те?

— Представьте себѣ: вчера я разыскалъ Штрингеля,—это такъ себѣ, паршивенькій маклерокъ по денежной части. Я поручилъ ему найти вамъ денегъ. Къ вечеру является ко мнѣ: есть, говорить, и не только г. Болтикову, но и вамъ. Я, разумѣется, съ наслажденіемъ...

— Въ чемъ же дѣло?

— А вотъ въ чемъ: существуетъ на свѣтѣ нѣкій господинъ Цикулькесъ. Г. Цикулькесъ имѣетъ торговлю «всякими товарами», на Паскудной улицѣ, куда ходятъ покупать купеческія дамы и просвирни съ дочками. Вы знаете, что такое «большой выборъ всякихъ товаровъ»? Это значитъ большой выборъ всякой гнили и безвкусія. Такъ вотъ—съ, г. Цикулькесъ—владѣлецъ магазина «всякихъ товаровъ», которые никто у него не хочетъ брать, желаетъ пріохотить себѣ покупателей. Онъ предлагаетъ деньги съ обязательствомъ забрать у него товаръ въ кредитъ.

— Зачѣмъ же мнѣ эти гнилые товары?

— А это ужъ ваше дѣло. Знаете, я уже воспользовался. Я вчера же вечеромъ взялъ у него сто рублей, разумѣется, съ вычетомъ процентовъ, вексель далъ на двѣсти, а сегодня утромъ жена забрала у него товаръ. При этомъ она, ей-Богу, плакала,—такая тамъ гадость...

— Ахъ!—простоналъ Болтиковъ:—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ...

— Именно, именно. Эге, да вотъ и маклеръ прибѣжалъ. Поговорите-ка съ нимъ...

Маклерокъ Штрингель по внѣшнему виду никакъ не производилъ впечатлѣніе «паршивенькаго», и это опредѣленіе, вѣроятно, относилось до его душевныхъ качествъ. Это былъ высокій мужчина съ роскошной черной бородой, крупнымъ носомъ, тонкими губами и острыми, пронизательными глазами. Одѣтъ онъ былъ вполне прилично и производилъ впечатлѣніе человѣка, вполне обеспеченнаго.

— Г. Болтиковъ, г. Штрингель, — представилъ Амарантовъ:—переговорите.

— А тутъ можно? Я, г. Болтиковъ, чтобы все было тихо!—сказалъ Штрингель.

— Садитесь!—пригласилъ Болтиковъ. Штрингель вынулъ изъ кармана платокъ, стеръ пыль со стола и на прочищенномъ мѣстѣ положилъ свой цилиндръ. Потомъ онъ обѣими руками раздвинулъ фалды сюртука и сѣлъ на стулъ.

— Вы уже знаете, г. Болтиковъ... вамъ уже извѣстно... — началъ Штрингель.

— Да, да, мнѣ говорилъ Амарантовъ,—перебилъ Болтиковъ.

— Ну, то онъ говорилъ, а то я скажу... Вексель на двѣсти. Процентомъ за четыре мѣсяца вычтется 32, ну, 68 рублей получите чистыми денежками, а на сто рублей возьмете товаровъ, а будете платить по 50 рублей въ мѣсяцъ.

— А нельзя безъ этихъ товаровъ?

— Безъ товаровъ? Вы хотите безъ товаровъ? Нѣтъ, онъ не хочетъ. Онъ хочетъ съ товарами. И какой товаръ? Вотъ какой товаръ!

При этомъ Штрингель, чтобы показать, какой это хорошій товаръ, почти страстно поцѣловалъ два пальца своей правой руки.

— А Амарантовъ говоритъ, что дрянъ страшная.

— Дрянъ? Г. Амарантовъ? Такъ онъ ничего не понимаетъ... Ну, знаете что, г. Болтиковъ? Вотъ я—человѣкъ, вотъ я—Штрингель, я—бѣдный маклеръ, у котораго нѣтъ лишней копейки, но душа у меня есть. Такъ я вамъ говорю: пускай изъ меня сію минуту душа выйдетъ, если я совралъ. Плохой товаръ? Дай Богъ, чтобы мой сынъ имѣлъ такой товаръ на своихъ плечахъ... Ну, не вѣрите? Ну?...

— Когда можно получить деньги?

— Хоть сію же минуту. Зайдите въ магазинъ и получите.

— Прекрасно. Такъ я сегодня зайду.

Болтиковъ всталъ, давая знать, что разговоръ конченъ.

— Пойдите, пойдите на одну маленькую минутку!—остановилъ его Штрингель.—Я же долженъ знать, какой куртажъ мнѣ будетъ.

— Какъ? четыре процента, и еще куртажъ?

— А я думаю. Четыре процента пойдутъ въ карманъ Цикулькеса, а въ мой карманъ ничего не пойдетъ... А мнѣ же надо кушать. У меня дочь есть. Мой сынъ въ этомъ году гимназію кончаетъ, надо ему поддержку дать... Я—человѣкъ бѣдный, г. Болтиковъ, ухъ, какой я бѣдный человѣкъ...

— «О, Боже мой! зачѣмъ я сдѣлалъ этотъ проклятый цвингеровскій долгъ?»—съ отчаяніемъ подумалъ Болтиковъ.

— Сколько же вамъ?—спросилъ онъ.

— Ну, что тамъ! Развѣ мнѣ много? Ну, 10 рублей дадите.

— Что? десять рублей еще вамъ? Это, значитъ, уже выйдетъ не четыре процента, а чортъ знаетъ сколько!

— Зачѣмъ вы говорите—проценты? Это Цикулькесу проценты, а мнѣ куртажъ. Я же трудился... Я—бѣдный человѣкъ... Я—ужасно бѣдный человѣкъ...

— Нѣтъ, это невозможно, это невозможно!—повторялъ возмущенный Болтиковъ.—Что же я получу тогда? Да мнѣ тогда совсѣмъ не хватитъ на... на то, что мнѣ нужно... Нѣтъ, я не могу. Рубля три еще, пожалуй, куда ни шло...

— Три рубля?—тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка воскликнулъ Штрингель:—вы хотите, чтобъ я взялъ три рубля, а? Нѣтъ, я не согласенъ. Что такое? Я спѣшилъ, я для г. Болтикова спѣшилъ... Мнѣ извозчикъ стоитъ чегонибудь. Я его въ спину гналъ... А вы не вѣрите? Вы думаете, я не ѣхалъ? Ну, пускай моя дочь такъ къ вѣнцу будетъ ѣхать, какъ я ѣхалъ. Г. Болтиковъ, если бъ я вралъ, у меня отсохъ бы языкъ!

— Да поймите же вы, что я тогда получу слишкомъ мало, и мнѣ не хватитъ.

— А! Мало? Такъ вы хотите, чтобъ всѣ остались? Ну, хорошо... Такъ это жъ можно. Вы получите всѣ шестьдесятъ восемь, всѣ до одного гроша, но тамъ моихъ будетъ десять рублей. Только нехай они у васъ будутъ... А черезъ мѣсяцъ, черезъ одинъ мѣсяцъ вы уже дадите мнѣ пятнадцать. А? хорошо?

У Болтикова вдругъ явилось неотразимое желаніе накинуть на шею Штрингеля петлю и вздернуть его на первомъ попавшемся крючкѣ.

— Ладно!—сказалъ онъ и при этомъ посмотрѣлъ на Штрингеля такъ свирѣпо, что тотъ сейчасъ же поднялся и взялъ цилиндръ.

— Такъ, значить, трактовать на это дѣло?

— Это еще что означаетъ?

— Ну, трактовать... ну, работать... сдѣлать дѣло.

— Трактуйте,—бѣшено промолвилъ Болтиковъ и вышелъ изъ комнаты. Вслѣдъ за нимъ скромно, какъ-то бокомъ, вышелъ Штрингель. Но тутъ онъ надѣлъ цилиндръ и преобразился въ человѣка, сознающаго свое достоинство. Онъ сейчасъ же сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, очевидно, «трактовать».

Послѣ службы Болтиковъ зашелъ домой и взялъ съ собой жену, которая рѣшила выбрать у Ципулькеса себѣ мѣхъ на шубу.

«Магазинъ разныхъ товаровъ» вполне оправдалъ свое названіе. Помѣщеніе его было узкое и длинное. Передняя часть его освѣщалась съ улицы при посредствѣ двери, а задняя ничѣмъ не освѣщалась, а просто уходила куда-то въ темную глубину, и казалось, что тамъ-то, въ этой глубинѣ, и совершаются темныя дѣла. На полкахъ лежали штуки матерій—полотняныхъ, бумажныхъ, шерстяныхъ, а на стойкахъ были наворочены кучами платки, шали, пледы, куски мѣха.

Когда Болтиковъ съ женой вошли въ магазинъ, покупателей въ немъ совсѣмъ не было. Какой-то невысокій человѣкъ, въ жилеткѣ безъ скюртука, съ выдающимся животомъ, съ низко остриженной красно-рыжей головой, съ густыми усами и бритыми щеками и подбородкомъ, стоялъ за конторкой и щелкалъ на счетахъ.

Увидавъ вошедшую даму, онъ сказалъ:

— Извините, мадамъ! — и, взявъ со стула пиджакъ, надѣлъ его.—Что прикажете?

— Вы,—г. Ципулькесъ?

— Я, Ципулькесъ!—отвѣтилъ обладатель рыжей головы.

— Я,—Болтиковъ. Вамъ говорилъ обо мнѣ Амарантовъ.

— А, да... Очень пріятно познакомиться. Какъ же! Съ г. Амарантовымъ мы—друзья... Да, да, онъ говорилъ мнѣ... И Штрингель тоже говорилъ. Знаю, знаю... Мое почтеніе.

И Ципулькесъ вдругъ, неожиданно для Болтикова, взялъ и потрясъ его руку, а затѣмъ еще болѣе неожиданно сдѣлалъ то же самое съ рукой его жены.

— Вы какіе товары желаете, г. Болтиковъ? — спросилъ онъ.

— Я собственно никакихъ товаровъ не желаю...

— Да? Такъ вамъ, значить, неизвѣстны мои условія, г. Болтиковъ...

— Ахъ, нѣтъ, условія мнѣ извѣстны... У васъ есть лисій мѣхъ?

— Лисій мѣхъ? Разумѣется, есть... У меня все есть, г. Болтиковъ. Мой магазинъ — универсальный, европейскій, г. Болтиковъ... Шмель, Шмель! Поди сюда, Шмель! — крикнулъ онъ, обратившись въ темное пространство, и въ отвѣтъ на это оттуда

выглянулъ мальчуганъ съ совершенно «добъла» выстриженной головой.—Шмель, принеси сюда мѣха... лисьи! Ты слышалъ?

Шмель исчезъ, а Ципулькесъ въ это время говорилъ о преимуществѣхъ его мѣховъ надъ мѣхами, продаваемыми въ другихъ магазинахъ, при чемъ оказывалось, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ всѣ мѣха извѣдены молью, только его товаръ пощадило это бѣдствіе.

Когда Шмель принесъ мѣха и вывалилъ ихъ на стойкѣ передъ Болтиковыми, ничего не стоило убѣдиться, что звѣри, которыхъ они нѣкогда согрѣвали, не находились съ лисицей даже и въ отдаленномъ родствѣ. Жена Болтикова сейчасъ же высказала это.

И нужно было видѣть изумленіе Ципулькеса.

— Это не лисій мѣхъ? Вы говорите, что это не лисица? Такъ что же это, по-вашему? Нѣтъ, я прошу васъ, г-жа Болтикова, назовите мнѣ этого звѣря... Я убѣдительно прошу васъ.

— Но я не знаю... право, не знаю...

— А, вы не знаете. А я вамъ скажу: это тунгузская лисица. А вотъ это исландская... Лучшая лисица. Такой лисицы вы не найдете ни въ одномъ магазинѣ...

Болтиковы никакъ не могли согласиться съ этимъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ другого выхода не было, пришлось взять нѣкій мѣхъ, который Ципулькесъ опредѣлилъ, какъ норвежскую лисицу.

Когда дѣло коснулось цѣны, то оказалось, что у него безъ торгу. Положеніе Болтикова и съ этимъ заставило его согласиться. Тогда оказалось, что мѣхъ не исчерпываетъ всей суммы, которая должна быть взята товаромъ, и пришлось выбрать еще коверъ, по происхожденію изъ Бѣлостока, но которому, по словамъ Ципулькеса, всѣ французскіе и англійскіе его собратья и въ подметки не годились.

— Ну, вотъ,—сказалъ тогда Ципулькесъ,—а теперь мадамъ Болтикова будетъ развлекаться французскими матеріями, пока мы съ г. Болтиковымъ займемся расчетомъ... Знаете, расчетъ, это не дамское дѣло.

Женѣ Болтикова дѣйствительно оставалось только разсматривать то, что Ципулькесъ называлъ «французскими матеріями». Болтиковъ же въ это время стоялъ съ Ципулькесомъ у самой конторки, и Ципулькесъ что-то долго объяснялъ ему вполголоса, показывалъ счетъ, совалъ ему вексельную бумагу. Болтиковъ, наконецъ, подписалъ, взялъ и положилъ въ карманъ какія-то деньги. Ципулькесъ опять потрясъ руки обѣимъ супругамъ, и они вышли изъ магазина, а вслѣдъ за ними пошелъ и слѣдовалъ за ними по пятамъ, неся подъ мышкой увѣсистый свертокъ, маленькій Шмель.

IV.

Всѣ вмѣстѣ.

Странная операція съ товаромъ устроила Болтикова на короткое время. Но прошелъ срокъ, и вотъ надъ его головой нависли разомъ три дамокловыхъ меча.

Уже наканунѣ Болтиковъ сталъ усиленно думать о томъ, какимъ образомъ удовлетворить справедливыя притязанія всѣхъ трехъ благодѣтелей. Что всѣ они придуть и потребуютъ своихъ правъ, въ этомъ нельзя было сомнѣваться ни на одну минуту. Новый заемъ? Но это ужасно, это уже петля, настоящая висѣлица, и когда онъ подумалъ объ этомъ, — кровь ударила ему въ голову, и началась такая дикая головная боль, точно Цвингеръ, Нудель и Ципулькесъ всѣ вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ били его молотками въ голову. Онъ ходилъ по комнатѣ и высчитывалъ: Цвингеру—33, Нуделю—29, Ципулькесу—50 и наконецъ Штрингелю—15, а всего 127. Откуда ихъ взять? Вѣдь жалованья онъ получалъ всего 80 рублей, и нужно же заплатить за квартиру и прокормить семейство. Мысль о томъ, что вся эта компанія придетъ въ управу и накинется на него, сдавила ему горло.

Онъ пошелъ въ управу въ самомъ мрачномъ настроеніи и, разумѣется, сейчасъ открылся Амарантову.

— Это скверно, что у васъ для всѣхъ одинъ срокъ: надо бы распредѣлить ихъ по разнымъ числамъ, а то это дѣйствительно утомительно, если они всѣ въ одинъ день станутъ морочить вамъ голову. Конечно, можно было бы достать четвертаго благодѣтеля и заставить его заплатить этимъ тремъ, но лучше, я думаю, сдѣлать отдыхъ...

— Какимъ же образомъ?

— Очень простымъ. Возьмите жалованье и ассигнуйте изъ него рублей двадцать этимъ хищникамъ. Придетъ одинъ вы его такъ и сякъ, по имени и отчеству величайте, почтеннѣйшимъ и уважаемѣйшимъ называйте и непремѣнно освѣдомляйтесь о здоровьѣ его супруги. Они это страсть какъ любятъ, они это цѣнятъ больше всего, конечно, кромѣ полученія процентовъ. Сошлитесь на какіянибудь экстренныя обстоятельства: ну, тамъ сестра умерла, на похороны издержался, что ли.

— Да вѣдь это же унижительно: лгать передъ ростовщикомъ!— съ негодованіемъ воскликнулъ Болтиковъ.

— Нисколько: это только употребленіе равнаго оружія. Ростовщикъ лжетъ и обманываетъ насъ на каждомъ шагу, надо и его обманывать. Да-съ, такъ побольше разговору. И такъ, знаете, не безъ задушевности, они это тоже любятъ. А въ концѣ предложите не въ зачетъ, такъ себѣ — тому пять, тому шесть, тому семь, а этому, маклеру, можно дать два рубля.

— Знаете — что? Ей-Богу, у меня ничего не выйдет, и я испорчу только дѣло. Я совсѣмъ не умѣю съ ними разговаривать.

— Надо учиться, мой другъ, надо учиться, — серьезно-наставительнымъ голосомъ сказалъ Амарантовъ.

— Нѣтъ, не могу, рѣшительно не могу, — заявилъ Болтиковъ.

— Экій вы, право! Ничего съ вами не подѣлаешь. Придется мнѣ за васъ дѣйствовать... Приготовьте-ка деньги...

Шествіе началось съ Ципулькеса. Но въ качествѣ его предтечи появился Штрингель и съ таинственною важностью заявилъ:

— Онъ самъ здѣсь... Ужъ вы, пожалуйста, дайте ему... Онъ любитъ аккуратность.

Амарантовъ вышелъ на лѣстницу, и здѣсь произошло собесѣдованіе съ Ципулькесомъ. Бесѣда продолжалась минутъ двадцать. Амарантовъ обнялъ Ципулькеса за талію, хвалилъ его товары, пріятельски трепалъ по плечу, вралъ что-то объ умершей теткѣ, вралъ за Болтикова и за себя и кончилъ тѣмъ, что за Болтикова далъ шесть рублей, а за себя отдѣлался добрымъ словомъ. Въ то же время Болтиковъ употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Штрингеля взять два рубля, но у него это выходило какъ-то сухо и даже сердито.

Штрингель клялся, что онъ ужасно бѣденъ, и согласился взять два рубля съ тѣмъ, чтобы долговая сумма изъ пятнадцати превратилась въ семнадцать. Когда это было улажено, и они вчетверомъ стояли на площадкѣ, договаривая послѣднія условія соглашенія, на лѣстницѣ появилась высокая фигура Цвингера. Онъ взомелъ на площадку, молча поклонившись Амарантову и Болтикову; при этомъ онъ прищурился и презрительно посмотрѣлъ на своихъ конкурентовъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, — сказалъ вдогонку Амарантовъ.

Когда Цвингеръ скрылся за дверью, Штрингель началъ укоризненно качать головой:

— Ай, ай, ай, вы съ этимъ человѣкомъ имѣете дѣло? Ай, ай, ай, ай, это такой ростовщикъ, такая собака. Ухъ!...

— Я такому господину даже руки не подамъ, — презрительно замѣтилъ Ципулькесъ: — онъ кровь высасываетъ.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то, — беззаботно объяснилъ Амарантовъ: — у него управское дѣло.

— Ну, а только я же вамъ говорю.. Потому я вамъ желаю добра: не имѣйте дѣло съ такой собакой. Онъ — ростовщикъ.

И, давъ такой благодѣтельный совѣтъ, добродѣтельный человѣкъ ушелъ.

— Пф... Ципулькесъ! — произнесъ вмѣсто привѣтствія Цвингеръ: — это же прямо жуликъ. Если бъ я зналъ, что у васъ съ нимъ гешефтъ, я бы вамъ не далъ денегъ...

— Ну, какой тамъ гешефтъ? Онъ хочетъ тротуаръ вымостить около своего магазина, вотъ и пришелъ посоветоваться!— совралъ Амарантовъ.

Цвингеръ оказался кремнемъ. Амарантовъ совершенно истощилъ всѣ свои приемы. Онъ хвалилъ его характеръ, хвалилъ его сына-доктора, восхищался способностями другого сына-адвоката, хвалилъ матерію, изъ которой были сшиты штаны Цвингера, и приходилъ въ восторгъ отъ его шубы и палки и дошелъ до того, что называлъ его «честнымъ благодѣтелемъ». Въ концѣ концовъ Цвингеръ таки взялъ семь рублей. Но въ то самое время, когда онъ собирался уйти, въ дверь просунулась и въ тотъ же мигъ исчезла рыжая голова Нуделя.

— Пфѣ! Это ужъ даже стыдно... произнесъ Цвингеръ съ такой миной гадливости, будто проглотилъ муху.—Нудель! Пфѣ! Это гадина... Зналъ бы, не взялъ бы семи рублей...

Амарантовъ успокоилъ его, сказавъ, что Нудель имѣлъ дѣла съ другими служащими въ управѣ.

Сейчасъ же по уходѣ Цвингера появился Нудель. Онъ былъ встревоженъ, его красные, отъ неумѣреннаго употребленія лука, глаза бѣгали, какъ двѣ мыши, пойманныя въ ловушку.

— Цвингеръ?... О, онъ васъ съѣстъ! О, это—волкъ... это—акула!..

Но съ нимъ былъ разговоръ коротокъ. Амарантовъ ткнулъ ему прямо въ руку шесть рублей и сказалъ:

— Ну, проваливайте къ чорту, безъ разсужденій.

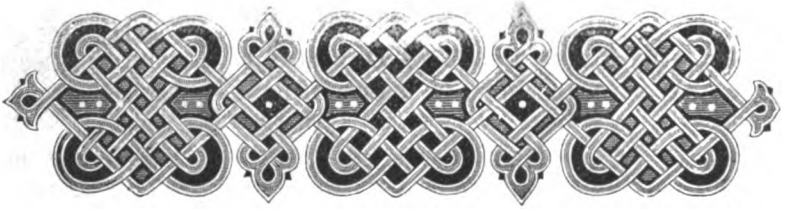
И Нудель схватилъ деньги и точно сквозь землю провалился. Послѣ ухода Нуделя Болтиковъ сѣлъ за конторку и составилъ маленькую исторію своего займа, который онъ восемь мѣсяцевъ назадъ сдѣлалъ у Цвингера. Онъ получилъ тогда 152 рубля, которые истратилъ на свои нужды. За то какъ онъ заплатился за это удовольствие! Теперь онъ долженъ: Цвингеру—119, Нуделю—85, Ципулькесу—200 и Штрингелю—17, всего 423 рубля. Такимъ образомъ 271 рубль narosli въ теченіе восьми мѣсяцевъ единственно потому, что нужно было Цвингеру въ первый срокъ уплатить 33 рубля взноса!

Болтиковъ никакъ не могъ хорошенько усвоить этой ариеметики, и такое приращеніе казалось ему просто волшебнымъ.

— Смотрите, смотрите! Вотъ такъ картина!—воскликнулъ Амарантовъ и притащилъ Болтикова къ окну. Изъ окна была видна часть бульвара. На отдаленной скамейкѣ возсѣдали рядомъ Цвингеръ, Нудель и Ципулькесъ, а передъ ними почтительно стоялъ Штрингель. Они вели общій разговоръ и оживленно размахивали руками.

— Снюхались!—сказалъ Амарантовъ:—теперь они подведутъ итоги всѣмъ нашимъ долгамъ и рѣшатъ вопросъ, можно ли еще дозволить намъ наслаждаться жизнью, или пора ужъ окончательно насъ скушать.

И Потапенко.

ЗАПИСКИ О ВРЕМЕНИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА И ЕГО КОНЧИНѢ.

В 1865 году, въ лондонскомъ журналѣ «Fraser's Magazine for town and country», появилась статья подъ заглавіемъ: «Reminiscences of the court and times of the Emperor Paul I of Russia up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General Officer» ¹⁾, которая уже по самому своему заглавію должна была вызвать интересъ русской исторической критики. Тѣмъ не менѣе, таинственный русскій авторъ, напечатавшій въ Англіи свои воспоминанія, оставался неизвѣстнымъ до 1869 г. ²⁾, когда въ ноябрьской книжкѣ издававшагося въ то время при Чертковской библиотекѣ «Русскаго Архива» впервые напечатано на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ статьи «Fraser's Magazine» подъ заглавіемъ: «Изъ записокъ Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла Петровича. Переводъ съ англійскаго» ³⁾. Въ виду цензурныхъ условій переводъ естественно не могъ быть полнымъ, такъ что почти половина «Записокъ» осталась неизвѣстной для русской читающей публики и главнымъ образомъ послѣдняя часть ихъ, посвященная описанію заговора и самому событію 11 марта 1801 г. Что касается

¹⁾ «Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора руссійскаго Павла I до эпохи его смерти. Изъ бумагъ умершаго русскаго генерала».

²⁾ Краткое извлеченіе изъ воспоминаній Саблукова, въ 60-хъ годахъ, было сдѣлано также во французскомъ журналѣ «Revue Moderne».

³⁾ Переводъ сдѣланъ С. А. Рачинскимъ.

англійскаго подлинника «Воспоминавій», то послѣдній, въ настоящее время, по прошествіи 40 лѣтъ, представляетъ большую библиографическую рѣдкость, такъ какъ журналъ «Fraser's Magazine» издавался въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и всѣ нумера 1865 г. давно вышли изъ продажи и не имѣются даже у наиболѣе извѣстныхъ заграничныхъ антикваріевъ.

Настоящимъ переводомъ отчасти пополняется этотъ пробѣлъ въ нашей исторической библиографіи, до сихъ поръ не имѣвшей полного перевода «Записокъ Саблукова», представляющихъ, по безпристрастности изложенія и искренности тона, драгоценнѣйшій матеріалъ для будущихъ историковъ и бытописателей Павловской эпохи, еще столь мало изслѣдованной и едва ли безпристрастно оцѣненной.

Авторъ «Записокъ», Николай Александровичъ Саблуковъ, родился въ Петербургѣ въ 1776 г. Отецъ его, Александръ Александровичъ Саблуковъ¹⁾, сенаторъ и впоследствии одинъ изъ первыхъ членовъ только что учрежденнаго Александромъ I государственнаго совѣта, былъ вице-президентомъ мануфактуръ-коллегии въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ эпоху Павла I. Сыну своему онъ далъ весьма тщательное, домашнее образованіе, при чемъ, благодаря заботамъ матери автора, Екатерины Андреевны Саблуковой, рожденной Волковой, женщины высоко-образованной и гуманной, особенное вниманіе было обращено на изученіе иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Вскорѣ затѣмъ молодой Саблуковъ, по обычаю богатыхъ дворянъ того времени, былъ отправленъ путешествовать за границу, посѣтилъ Германію, Италію и, благодаря близкимъ связямъ съ русскою знатью, былъ представленъ ко многимъ иностраннымъ дворамъ. Вернувшись въ Россію въ 1792 г., 17-лѣтній юноша Саблуковъ поступилъ въ блестящій и аристократическій, въ Екатерининское время, конно-гвардейскій полкъ, въ которомъ и оставался до самой кончины Павла I, находясь въ послѣднее время въ чинѣ полковника и командуя эскадрономъ.

Не будучи «гатчинцемъ», какъ Аракчеевъ и Ростопчинъ, не состоя въ числѣ любимцевъ, какъ Кутайсовъ и Уваровъ, Саблуковъ, несмотря на это, пользовался благосклонностью и уваженіемъ Павла, чувствовавшаго въ немъ неподкупную вѣрность порядочнаго человѣка. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ,

¹⁾ Александръ Александровичъ былъ сынъ коллежскаго совѣтника Александра Ульяновича Саблукова, служившаго при дворѣ Елисаветы Петровны. Службу свою Александръ Александровичъ началъ въ 1762 г. и за время царствованія Екатерины II былъ награжденъ Владимиромъ 2 класса, чиномъ тайнаго совѣтника и Аннинской лентой. При Павлѣ I пожалованъ сенаторомъ. Скончался въ Петербургѣ въ 1826 г., будучи членомъ государственнаго совѣта и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

что авторъ «Записокъ» былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ лицъ, близко стоявшихъ къ двору, которымъ удалось удержаться на службѣ въ теченіе всего четырехлѣтняго царствованія Павла. Саблуковъ былъ джентельменъ въ полномъ смыслѣ этого слова: это былъ рыцарь безъ страха и упрека, спокойно смотрѣвшій въ глаза такому государю, какъ Павелъ I, сумѣвшій сдерживать порывы такой взбалмошной натуры, какъ Константинъ, вызывавшій невольное удивленіе робкаго и запуганнаго отцовскими строгостями Александра. Вотъ почему «Записки Саблукова», въ которыхъ каждая фраза, каждая строчка дышатъ правдой и благородствомъ, должны имѣть особое значеніе въ глазахъ историка: въ этихъ качествахъ автора онъ увидитъ несомнѣнное доказательство, какъ правдивости передаваемыхъ имъ фактовъ, такъ и вполне непристрастной оцѣнки личности императора Павла.

Отдавая полную справедливость высокимъ душевнымъ качествамъ, лежавшимъ въ основѣ характера этого государя, любя его искренно, какъ человѣка, Саблуковъ сообщаетъ, однако, цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на несомнѣнную ненормальность Павла, рѣзкія выходки котораго, доходившія зачастую до непонятной жестокости, могутъ быть объяснены исключительно душевнымъ разстройствомъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ основной характеръ «Записокъ Саблукова», представляющихъ собою историческій документъ первостепенной важности для будущихъ изслѣдователей этого кратковременнаго, полнаго загадочности и противорѣчій царствованія. Авторъ ихъ, являющійся образцомъ искренности и правдивости, въ одномъ только случаѣ впадаетъ въ довольно странное противорѣчіе, а именно, когда онъ упоминаетъ о роли, которую сыграла англійская политика въ трагическомъ событіи 11 марта 1801 г. Стараясь какъ будто бы доказать полную неосновательность слуховъ объ участіи англійскаго посла, лорда Уитворда, въ заговорѣ противъ Павла, онъ въ то же время категорически говоритъ о любовной связи этого дипломата съ О. А. Жеребцовой, сестрой Зубовыхъ—главныхъ руководителей заговора. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ «Записокъ» мы находимъ слѣдующую недвусмысленную фразу, не требующую дальнѣйшихъ комментаріевъ: «Г-жа Жеребцова предсказала печальное событіе 11 марта, въ Берлинѣ, за нѣсколько дней до смерти императора, и какъ только узнала о совершившемся фактѣ, отправилась тотчасъ въ Англію навѣстить своего стараго друга, лорда Уитворда» (гл. III, стр. 72).

Единственнымъ объясненіемъ этого противорѣчія, которое совѣмъ не вяжется съ категорическимъ и яснымъ тономъ всего повѣствованія, можетъ служить то обстоятельство, что рукопись Саблукова, напечатанная въ Лондонѣ, прошла черезъ горнило

англійскаго журнала, редація котораго, естественно, была заинтересована въ объявленіи дѣйствій «коварнаго Альбіона».

Убіиство императора Павла произвело на Саблукова удручающее впечатлѣніе и было глубоко ненавистно его взглядомъ на неприкосновенность личности помазанника Божія и самодержца. Онъ хочетъ бѣжать отъ двора, среди котораго ему ежедневно приходится сталкиваться съ участниками ужасной драмы, и съ радостью принимаетъ на себя охрану императрицы Маріи Феодоровны, удалившейся изъ Петербурга въ свое Павловское уединеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ не можетъ примириться съ дѣятелями 11 марта и при первой возможности, въ концѣ 1801 г., подаетъ въ отставку и ѣдетъ за границу искать забвенія и успокоенія въ новомъ путешествіи по Европѣ. Въ 1803 г., находясь въ Англии, онъ женится по любви на англичанкѣ, миссъ Юліанѣ Ангерштинѣ, дочери извѣстнаго знатока и любителя живописи Эдуарда Ангерштина, имѣвшаго богатую коллекцію картинъ, завѣщанную имъ въ послѣдствіи Лондонской Національной Галлерей. Вернувшись въ Россію въ 1806 г., Николай Александровичъ, по совѣту своего стараго знакомаго, тогдашняго морского министра, адмирала П. В. Чичагова, поступаетъ на службу въ адмиралтействъ-коллегію и въ слѣдующемъ же году назначается управляющимъ счетною экспедиціей съ утвержденіемъ въ чинѣ генераль-майора. Въ 1809 г. онъ выходитъ въ отставку съ мундиромъ (л.-гв. Коннаго полка) и снова удаляется въ Англію, къ родственникамъ жены. Но и здѣсь, на чужбинѣ, онъ продолжаетъ горячо любить Россію, и при первомъ извѣстіи объ опасности, угрожающей отечеству, Саблуковъ спѣшитъ на родину и въ рядахъ арміи принимаетъ участіе въ безсмертной эпопее 1812 г., находясь при особомъ кавалерійскомъ отрядѣ генераль-майора барона Корфа. Когда народное бѣдствіе, наконецъ, миновало, когда непріятель былъ изгнанъ, и Россія уже не нуждалась въ жертвахъ своихъ сыновъ, Саблуковъ окончательно выходитъ въ отставку, снова удаляется въ Англію и до самой своей смерти остается вдали отъ государственныхъ дѣлъ, то наѣзжая въ Россію, то путешествуя по Европѣ, при чемъ ведетъ дѣятельную переписку съ своими друзьями, живущими въ Россіи. Къ числу такихъ друзей принадлежалъ, между прочимъ, извѣстный ученый и богословъ, протоіерей Г. П. Павскій, духовный наставникъ цесаревича Александра Николаевича и переводчикъ библіи съ еврейскаго языка на русскій. Въ этихъ письмахъ къ Павскому Саблуковъ является горячимъ сторонникомъ просвѣщенія отечества въ смыслѣ нравственнаго и умственнаго воспитанія и возрожденія духа русскаго народа. Искренній и убѣжденный православный, Н. А., тѣмъ не менѣе, желаетъ видѣть русскихъ служителей церкви, какъ духовныхъ пастырей народа, болѣе образованными, стоящими на высотѣ своей великой воспитательной задачи.

Таковъ нравственный обликъ автора настоящихъ «Записокъ», носящаго въ себѣ отличительныя черты лучшихъ людей того времени, людей съ широкимъ, просвѣщеннымъ умомъ, съ душою, открытою для всего добраго, великодушнаго, справедливаго. XIX вѣкъ, въ отличіе отъ своего предшественника, постепенно лишалъ личность ея особенностей, нивеллируя, такъ сказать, ея индивидуальность подъ одинъ шаблонъ, выдѣляя идеаль безличнаго исполненія; но тѣмъ болѣе интересъ, тѣмъ болѣе цѣнность представляютъ собою люди критики, въ которыхъ жизнь бьетъ живымъ энергичнымъ ключемъ; тѣ лучшіе люди славной Екатерининской эпохи, которые, несмотря на наступившую аракеевщину, не доведены были до безцвѣтности общимъ равеніемъ русской жизни подъ капральски-бюрократическій шаблонъ того времени. То были люди истинно русскіе и притомъ люди свободной инициативы, что не мѣшало имъ, однако, быть искренно и убѣжденно-преданными самодержавію и всѣмъ остальнымъ исконнымъ заветамъ русской жизни, дѣлать въ годину народнаго бѣдствія великое патріотическое дѣло, полагая душу свою за родину. Таковъ былъ авторъ настоящихъ «Записокъ».

К. Военскій.

I.

Вступленіе.—Дворъ великаго князя.—Е. И. Нелидова.—Путешествіе графа и графини Сѣверныхъ.—Гатчина.—Кончина Екатерины.—Первые дни новаго царствованія.—Мѣропріятія императора.—Судъ надъ княземъ Сибирскимъ.—Новые люди.—Кутайсовъ.—Оболяниновъ.—Кологривовъ.—Котлубицкій.—Великіе князья.—Аракеевъ.—Ростопчинъ.—Женскій персоналъ Павловскаго двора.

На-дняхъ мнѣ пришлось перечитывать «Исторію Россіи» Левека, въ которой говорится о разногласіи въ мнѣніяхъ, существующихъ до настоящаго времени относительно Лжедмитрія, при чемъ меня особенно поразила скудость свѣдѣній объ этой замѣчательной эпохѣ въ смыслѣ показаній современниковъ и очевидцевъ. А между тѣмъ самъ Левекъ утверждаетъ, что такіа показанія имѣютъ чрезвычайную важность для исторіи, такъ какъ одни только очевидцы могутъ засвидѣтельствовать правдивость тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ.

Я самъ былъ очевидцемъ главнѣйшихъ событій, происходившихъ въ царствованіе императора Павла I. Во все это время я состоялъ при дворѣ этого государя и имѣлъ полную возможность узнать все, что тамъ происходитъ, не говоря уже о томъ, что я лично былъ знакомъ съ самимъ императоромъ и со всѣми членами императорскаго дома, равно какъ и со всѣми вліятельными личностями того времени. Все это, вмѣстѣ взятое, и побудило меня записать все то,

что я помню о событіяхъ этой знаменательной эпохи, въ надеждѣ, что такимъ образомъ, быть можетъ, прольется новый свѣтъ на характеръ Павла I, человѣка, во всякомъ случаѣ, не зауряднаго.

Смѣю думать, что читатель не поставитъ мнѣ въ вину, если въ теченіе этого повѣствованія мнѣ не разъ придется говорить о себѣ лично, про многихъ изъ моихъ друзей и про полкъ, въ которомъ я служилъ. Подробности эти я привожу лишь, какъ доказательство правдивости моего повѣствованія, которая только и можетъ придать настоящій интересъ этому разсказу.

Въ эпоху вступленія на престолъ императора Павла I мнѣ было двадцать лѣтъ, я былъ въ чинѣ подпоручика Конной гвардіи, прослуживъ передъ тѣмъ въ томъ же полку два года унтеръ-офицеромъ и четыре года въ офицерскомъ чинѣ¹⁾. Передъ тѣмъ я много путешествовалъ за границей и былъ представленъ ко многимъ дворамъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, вслѣдствіе чего много вращался въ высшемъ обществѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Отецъ мой держалъ открытый домъ, въ которомъ собирались запросто многіе министры и дипломаты, вслѣдствіе чего, несмотря на мою молодость, я уже достаточно былъ подготовленъ къ пониманію текущихъ политическихъ событій. Къ этому надо прибавить, что, будучи вообще хорошо знакомъ съ нѣсколькими иностранными языками, я живо интересовался политическими вопросами и съ особеннымъ вниманіемъ читалъ газеты.

Теперь я сдѣлаю небольшое отступленіе и буду говорить о времени, непосредственно предшествовавшемъ вступленію на престолъ императора Павла, такъ какъ свѣдѣнія о томъ, что тогда происходило, послужатъ къ объясненію многихъ послѣдующихъ событій, которыя иначе было бы трудно понять.

Въ бытность великимъ княземъ Павелъ Петровичъ имѣлъ великолѣпные апартаменты въ Зимнемъ дворцѣ, а также во дворцѣ Царскосельскомъ. Здѣсь совершались выходы и приемы, и тутъ же великій князь и его супруга давали пышные обѣды, вечера и балы, оказывая постоянно чрезвычайную любезность своимъ гостямъ. Всѣ высшіе чины ихъ двора, равно какъ прислуга, принадлежали къ штату императрицы, поочередно, въ теченіе недѣли, дежурили въ обоихъ дворцахъ, при чемъ всѣ издержки уплачивались изъ кабинета ея величества. Въ этихъ приемахъ своего сына императрица Екатерина, обыкновенно, весьма милостиво сама принимала участіе и послѣ перваго выхода радушно присоединялась къ обще-

¹⁾ Будучи унтеръ-офицеромъ, я былъ ординарцемъ у фельдмаршала, графа Салтыкова, дежурилъ у него черезъ недѣлю и обязанъ былъ въ это время всюду сопровождать его. Благодаря этому, мнѣ часто приходилось бывать съ его свитою въ прихожей кабинета императрицы Екатерины II.

Прим. автора.

ству, не допуская обычнаго этикета, установленнаго при ея собственномъ дворѣ.

Съ внѣшней стороны великій князь постоянно оказывалъ своей матери величайшее уваженіе, хотя всѣ хорошо знали, что онъ не равдѣлялъ тѣхъ чувствъ любви, благодарности и удивленія, которыя русскій народъ питалъ къ этой монархинѣ. Великая княгиня, его супруга, однакоже, любила Екатерину, какъ нѣжная дочь, и привязанность эта была вполнѣ взаимная. Дѣти Павла, юные великіе князья и великія княжны, воспитывались подъ надзоромъ ихъ бабки-императрицы, которая во всѣхъ случаяхъ совѣтовалась съ ихъ матерью¹⁾.

Кромѣ названныхъ апартаментовъ, у великаго князя былъ еще очень удобный дворецъ — Каменноостровский, расположенный на одномъ изъ острововъ на Невѣ. Здѣсь великій князь и его супруга также давали избранному обществу весьма веселыя празднества, на которыхъ происходили такъ называемыя jeux d'esprit, театральныя представленія, словомъ, все то, что изобрѣли остроуміе и любезность стараго французскаго двора. Сама великая княгиня была чрезвычайно красивая женщина, весьма скромная въ обращеніи, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже излишне строгая, такъ что казалась суровою и скучною, насколько могли ее сдѣлать таковою добродѣтель и этикетъ. Павелъ Петровичъ, напротивъ, былъ полонъ жизни, остроумія и юмора, отличая своимъ вниманіемъ тѣхъ, которые блистали тѣми же качествами.

Самою яркою звѣздою на придворномъ горизонтѣ была молодая дѣвушка, которую пожаловали фрейлиною въ уваженіе превосходныхъ дарованій, выказанныхъ ею въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ она получила воспитаніе. Ее звали Екатерина Нелидова²⁾. По наружности она представляла полную противоположность съ великою княгинею, которая была бѣлокура, высокаго роста, склонна къ полнотѣ и очень близорука. Нелидова же была маленькая, смуглая, съ темными волосами, блестящими черными глазами и лицомъ, полнымъ выразительности. Она танцевала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ.

Павелъ недолго оставался равнодушнымъ къ ея совершенствамъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что великій князь отнюдь не былъ человѣкомъ безнравственнымъ, напротивъ того, онъ былъ добродѣтеленъ, какъ по убѣжденію, такъ и по намѣреніямъ. Онъ

¹⁾ Генералы Протасовъ (Александръ Яковлевичъ, род. 1742, ум. 1799 г.) и Сакенъ (графъ Карлъ Ивановичъ, впоследствии дѣйств. тайн. сов., род. 1733, ум. 1808 г.) были воспитателями великихъ князей, а баронесса Ливенъ гувернанткою великихъ князей и довѣреннымъ другомъ ихъ матери.

²⁾ Екатерина Ивановна Нелидова, фрейлина высочайшаго двора, довѣренный другъ императора Павла и Маріи Феодоровны, род. 1758, ум. 1839 г.

ненавидѣлъ распутство, былъ искренно привязанъ къ своей прелестной супругѣ и не могъ себѣ представить, чтобы какая нибудь интриганка могла когда либо увлечь его и влюбить въ себя безъ памяти. Поэтому онъ свободно предался тому, что онъ считалъ чисто платоническою связью, и это было началомъ его странностей.

Императрица Екатерина, зная челоуѣческое сердце несравненно лучше, чѣмъ ея сынъ, была глубоко огорчена за свою невѣстку. Она вскорѣ послала сына путешествовать вмѣстѣ съ супругою и отдала самыя строгія приказанія, дабы не щадить денегъ, чтобы сдѣлать эту прогулку по Европѣ столь же блистательной, сколь интересной, при помощи вліянія на дворы, которые имъ придется посѣтить. Путешествовали они incognito, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, и всѣмъ хорошо извѣстно, что остроуміе графа, красота графини и обходительность обоихъ оставили самое благопріятное впечатлѣніе въ странахъ, которыя они посѣтили.

Не слѣдуетъ думать, что первоначальное воспитаніе великаго князя Павла было небрежно; напротивъ того, Екатерина употребила все, что въ челоуѣческихъ силахъ, чтобы дать сыну воспитаніе, которое сдѣлало бы его способнымъ и достойнымъ царствовать надъ обширною Россійскою имперіею. Графъ Н. И. Панинъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей своего времени, пользовавшійся уваженіемъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей, за свою честность, высокую нравственность, искреннее благочестіе и отличное образованіе, былъ воспитателемъ Павла. Кромѣ того, великій князь имѣлъ лучшихъ наставниковъ того времени, въ числѣ которыхъ были и иностранцы, пользовавшіеся почетною извѣстностью въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Особенное вниманіе было обращено на религіозное воспитаніе великаго князя, который до самой своей смерти отличался набожностью. Еще до настоящаго времени показываютъ мѣста, на которыхъ Павелъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ молитву, и часто обливался слезами. Паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ¹⁾. Графъ Панинъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ масонскихъ ложъ, и великій князь былъ также введенъ въ нѣкоторыя изъ нихъ. Словомъ, было сдѣлано все, что только возможно для физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія великаго князя. Павелъ Петровичъ былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ своего времени и съ ранняго возраста отличался на каруселяхъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ языки славянскій, рус-

¹⁾ Офицерская караульная комната, въ которой я сидѣлъ во время моихъ дежурствъ въ Гатчинѣ, находилась рядомъ съ частнымъ кабинетомъ Павла, и мнѣ нерѣдко приходилось слышать вѣдохи императора, когда онъ стоялъ на молитвѣ.

Прим. автора.

скій, французскій и нѣмецкій, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ латинскомъ, былъ хорошо знакомъ съ исторіей, географіей и математикой, говорилъ и писалъ весьма свободно и правильно на упомянутыхъ языкахъ. Въ дѣлѣ воспитанія великаго князя два помощника, главнымъ образомъ, содѣйствовали графу Панину: флота капитанъ Сергѣй Плещеевъ¹⁾ и уроженецъ города Страсбурга, баронъ Николай²⁾. Плещеевъ прежде служилъ въ англійскомъ флотѣ, былъ отличнымъ офицеромъ, человѣкомъ широко образованнымъ и особеннымъ знатокомъ русской литературы. Баронъ Николай былъ вообще человѣкъ ученый, жившій сначала въ Страсбургѣ и написавшій нѣсколько научныхъ трудовъ. Оба эти лица сопровождали великаго князя во время его путешествія за границу, и впоследствии Плещеевъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «*Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord*». Оба остались близкими и влиятельными людьми при императорѣ Павлѣ до самой его кончины.

Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ Павелъ проникся тѣми высокоаристократическими идеями и вкусами, которые, не будучи согласны съ духомъ времени, довели его впоследствии до большихъ крайностей въ его стремленіи поддержать нравы и обычаи стараго режима въ такое время, когда французская революція сметала все подобное съ европейскаго континента. Но какъ ни пагубны были эти вліянія для чуткой и воспріимчивой души Павла, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ вліяніемъ, которое произвели на него въ Берлинѣ прусская дисциплина, выправка, мундиры, шляпы, кивера и т. п., словомъ, все, что имѣло какое либо отношеніе къ Фридриху Великому. Павелъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ преслѣдовали его, подобно кошмару. Къ счастью Павла и для Россіи, онъ не заразился бездушною философіей этого монарха и его упорнымъ безбожіемъ. Этого Павелъ не могъ переварить, и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, доброе сѣмя все-таки удержалось.

Но, чтобы вернуться къ эпохѣ, которая непосредственно предшествовала восшествію Павла на престолъ, я долженъ упомянуть о томъ, что, кромѣ дворца на Каменномъ острову, онъ имѣлъ еще великолѣпный дворецъ и имѣніе въ Гатчинѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ Царскаго Села. Къ Гатчинѣ были приписаны обширныя земли и нѣсколько деревень. Супруга великаго князя имѣла такое же

¹⁾ Сергѣй Ив. Плещеевъ, род. 1752, ум. 1802 г. въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника; писатель по географіи и переводчикъ съ французскаго.

²⁾ Николай, баронъ Андрей Львовичъ, бібліотекаръ и секретарь Павла Петровича, преподавалъ ему логику; впоследствии президентъ академіи наукъ; род. 1737, ум. 1820 г.

имѣніе въ Павловскѣ съ обширными парками и богатыми деревнями. Этотъ дворецъ находился всего въ трехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Въ этихъ двухъ имѣніяхъ великій князь и его супруга, обыкновенно, проводили большую часть года одни, имѣя лишь дежурнаго камергера и гофмаршала. Здѣсь великій князь и великая княгиня, обыкновенно, не принимали никого, исключая лицъ, особо приглашенныхъ. Скоро, однакоже, и здѣсь стала появляться Екатерина Ивановна Нелидова и вскорѣ сдѣлалась пріятельницей великой княгини, оставаясь въ то же время платоническимъ кумиромъ Павла. Какъ въ Гатчинѣ, такъ и въ Павловскѣ строго соблюдались костюмъ, этикетъ и обычаи французскаго двора.

Отецъ мой въ то время стоялъ во главѣ государственнаго казначейства, и въ его обязанности, между прочимъ, входило выдавать ихъ высочествамъ ихъ четвертное жалованье и лично принимать отъ нихъ расписку въ счетную книгу казначейства. Во время поѣздокъ, которыя онъ совершалъ для этой цѣли въ Гатчину и въ Павловскъ, я иногда сопровождалъ его и живо помню то странное впечатлѣніе, которое производило на меня все то, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ. Тутъ все было какъ бы въ другомъ государствѣ, особенно въ Гатчинѣ, гдѣ выстроены были форштадтъ, напоминавшій мелкіе германскіе города. Эта слобода имѣла заставы, казармы, конюшни и строенія точь-въ-точь такія, какъ въ Пруссіи. Что касается войскъ, здѣсь расположенныхъ, то можно было побиться объ закладъ, что они только что пришли изъ Берлина.

Здѣсь я долженъ объяснить, какимъ образомъ Павелъ задумалъ сформировать въ Гатчинѣ эту курьезную маленькую армію. Когда великій князь былъ еще очень молодъ, императрица, пожелавшая дать ему громкій титулъ, не сопряженный, однако, съ какою либо трудною или отвѣтственною должностію, пожаловала его генераль-адмираломъ россійскаго флота; въ послѣдствіи онъ былъ назначенъ шефомъ превосходнаго кирасирскаго полка, съ которымъ онъ прослужилъ одну кампанію противъ шведовъ, при чемъ имѣлъ честь видѣть, какъ надъ головой его пролетали пушечныя ядра во время одной стычки съ непріателемъ. Поселившись въ Гатчинѣ, великій князь, въ качествѣ генераль-адмирала, потребовалъ себѣ баталіонъ морскихъ солдатъ съ нѣсколькими орудіями, а какъ шефъ кирасировъ—эскадронъ этого полка, съ тѣмъ, чтобы образовать гарнизонъ города Гатчины.

Оба желанія великаго князя были исполнены, и такимъ образомъ положено начало пресловутой «гатчинской арміи», въ послѣдствіи причинившей столь неудовольствій и вреда всей странѣ. Въ Гатчинѣ, кромѣ того, на небольшомъ озерѣ, находилось нѣсколько лодокъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ на подобіе военныхъ ко-

раблей, съ офицерами и матросами; и это учрежденіе въ послѣдствіи пріобрѣло большое значеніе.

Баталіонъ и эскадронъ были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый изображалъ полкъ императорской гвардіи. Всѣ они были одѣты въ темнозеленые мундиры и во всѣхъ отношеніяхъ напоминали собою прусскихъ солдатъ.

Вся русская пѣхота въ это время носила свѣтлозеленые мундиры, кавалерія — синіе, а артиллерія — красные. Покрой этихъ мундировъ не походилъ на мундиры другихъ европейскихъ армій, но былъ прекрасно приспособленъ къ климату и обычаямъ Россіи. Русскія войска всѣхъ родовъ оружія покрыли себя славой въ войнахъ противъ турокъ, шведовъ и поляковъ и справедливо гордились своими подвигами. Подобно всякимъ другимъ войскамъ, они гордились и мундирами, въ которыхъ они пожинали эти лавры, и это заставляло ихъ смотрѣть съ отвращеніемъ на новое гатчинское обмундированіе.

Гатчинскіе моряки также носили темнозеленое сукно, между тѣмъ какъ мундиръ всего русскаго флота былъ бѣлый, установленный еще самимъ Петромъ Великимъ, и это измѣненіе также возбуждало неудовольствіе. Во всѣхъ гатчинскихъ войскахъ офицерскія должности были заняты людьми низкаго происхожденія, такъ какъ ни одинъ порядочный человекъ не хотѣлъ служить въ этихъ полкахъ, гдѣ господствовала грубая прусская дисциплина. Я уже упомянулъ выше, что дворъ великаго князя состоялъ отчасти изъ лицъ, служащихъ при дворѣ императрицы, такъ что все происходившее въ Гатчинѣ тотчасъ дѣлалось извѣстнымъ при большомъ дворѣ и въ публикѣ, и будущая судьба Россіи подвергалась свободному обсужденію и не совсѣмъ умѣренной критикѣ.

Но, съ другой стороны, великій князь былъ восходящимъ свѣтиломъ, и, конечно, нашлось немало услужливыхъ людей, передававшихъ ему о невыгодномъ впечатлѣніи, которое нѣкоторыя его распоряженія производили при дворѣ императрицы, — распоряженія, считавшіяся имъ, однако, крайне важными. Ему доносили также и о многихъ злоупотребленіяхъ, дѣйствительно существовавшихъ въ разныхъ отрасляхъ управленія. Съ другой стороны, мягкость и материнскій характеръ управленія Екатерины ему изображали въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Вспыльчивый по природѣ и горячій, Павелъ былъ крайне раздраженъ отстраненіемъ отъ престола, который, согласно обычаю посѣщенныхъ имъ иностранныхъ дворовъ, онъ считалъ принадлежащимъ ему по праву. Вскорѣ сдѣлалось общезвѣстнымъ, что великій князь съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе и рѣзче порицаетъ правительственную систему своей матери.

Екатерина, между тѣмъ, становилась стара и немощна, и еще недавно у нея былъ легкій припадокъ паралича, послѣ котораго

она не поправились вполне. Она искренно любила Россію и пользовалась искреннею любовью своего народа. Екатерина не могла думать безъ страха о томъ, что великое государство, столь быстро выдвинутое ею на путь благоденствія и славы, останется безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія, особенно въ такое время, когда Франція распространяла революціонную заразу, и «Комитетъ общественной безопасности» заставилъ дрожать на престолахъ почти всѣхъ монарховъ Европы и потрясалъ старинныя учрежденія въ самыхъ ихъ основаніяхъ.

Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своей страны, и если бы ей удалось убѣдить Павла сдѣлаться государемъ конституціоннымъ, то она умерла бы спокойно, не опасаясь за будущее Россіи ¹⁾. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достоверно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть конституціи, уже начертанной, въ каковомъ случаѣ былъ бы назначенъ наслѣдникомъ его сынъ, Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ утвердилъ новую конституцію.

Слово «конституція», столь часто здѣсь упоминаемое, не должно быть, однако, понимаемо въ обычномъ, слишкомъ употребительномъ смыслѣ парламентскаго представительства, еще менѣе въ смыслѣ демократической формы правленія. Оно обозначаетъ здѣсь великую хартію, благодаря которой верховная власть императора перестала бы быть самодержавною.

Слухи о подобномъ намѣреніи императрицы ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовернаго. Втихомолку, однако, говорили, что 1 января 1797 г. долженъ быть обнародованъ весьма важный манифестъ, и въ то же время было замѣчено, что великій князь Павелъ сталъ рѣже появляться при дворѣ, и то лишь въ торжественные приемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастіе къ своимъ опруссаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ. Мы, офицеры, часто смѣялись между собою надъ гатчинцами. Въ 1795—1796 г.г. я былъ за границею и, проведя нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, порядочно ознакомился съ прусскою выправкою. По возвращеніи моемъ домой, мои товарищи часто заставляли меня подражать, или, вѣрнѣе, передразнивать прусскихъ офицеровъ и солдатъ. Въ то время мы и не помышляли, что скоро мы всѣ будемъ обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину. Впослѣд-

¹⁾ Оставляемъ эту фразу, столь мало похожую на дѣйствительное положеніе вещей въ Россіи и столь несогласную со взглядами самого Н. А. Саблукова, — на отвѣтственности англійской редакціи.

стви оказалось, что знаніе этихъ подробностейъ сослужило мнѣ большую услугу.

Ознакомивъ вкратцѣ читателя съ положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ и Гатчинѣ, я буду продолжать свое повѣствованіе. По возвращеніи моемъ изъ заграничнаго путешествія въ 1796 г., я часто посѣщаль домъ нѣкоей г-жи Загряжской ¹⁾, свѣтской дамы, чрезвычайно умной и любезной. Племянница ея, Васильчикова, была только что помолвлена за графа Кочубея, и потому вечера ея стали интимнѣе и менѣе людны. Я былъ одинъ изъ немногихъ, которыхъ, однако, продолжали приглашать въ домъ, куда мы собирались играть въ лото, дофинъ и другія игры.

Въ четвергъ, 6 ноября 1796 г., я прибыль, по обыкновенію, къ Загряжскимъ. Къ семи часамъ вечера на столъ было приготовлено лото, и я предложилъ себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвѣчала болѣе холоднымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно: «хорошо», и я началъ игру. Играющіе, однако, думали, повидимому, о чемъ-то другомъ, такъ что я даже слегка пожурилъ ихъ за то, что они не отвѣчаютъ номеровъ.

Между тѣмъ, г-жа Загряжская вдругъ отозвала меня въ сторону и сказала:

— Vous êtes un singulier homme, Sabloukoff!

— En quoi donc, madame?—возразилъ я.

— Vous ne savez donc rien?

— Mais qu'y a-t-il à savoir?

— Comment donc, l'Impératrice a eu un coup d'apoplexie et on la croit morte ²⁾ ..

Я чуть не свалился съ ногъ и такъ поблѣднѣлъ, что г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Какъ только я пришелъ въ себя, я побѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ мой экипажъ и отправился въ домъ моего отца. Оказалось, что онъ уже уѣхалъ въ сенатъ, куда его вызвали. Катастрофа, дѣйствительно, совершилась, сомнѣній быть не могло. Екатерина скончалась.

Александръ Мухановъ ³⁾, капитанъ Конной гвардіи, который на слѣдующее утро долженъ былъ жениться на моей сестрѣ Натальѣ, также уѣхалъ изъ дома и отправился въ казармы нашего полка, куда поспѣшилъ и я.

¹⁾ Наталья Кирилловна Загряжская, рожденная графиня Разумовская, статсъ-дама, жена оберъ-шенка, род. 1747, ум. 1837 г.

²⁾ — Вы удивительный человекъ, Саблуковъ!

— Въ чемъ дѣло?—возразилъ я.

— Значитъ, вы ничего не знаете?

— Что же случилось?

— А то, что съ государыней сдѣлался ударъ, и полагаютъ, что она скончалась.

³⁾ Александръ Васильевичъ Мухановъ, впоследствии дѣйствительный статскій совѣтникъ и полтавскій гражданскій губернаторъ (1806 г.).

По дорогѣ мнѣ попадались люди разнаго званія, которые шли пѣшкомъ или ѣхали въ саняхъ и каретахъ, и всѣ куда-то спѣшили. Нѣкоторые изъ нихъ останавливали на улицѣ своихъ знакомыхъ и со слезами на глазахъ высказывали свое горе по поводу случившагося. Можно было думать, что у каждаго русскаго умерла нѣжно любимая мать.

Князь Платонъ Zubovъ, послѣдній любимецъ Екатерины и ея первый министръ, немедленно отправилъ въ Гатчину своего брата, графа Николая Zubovъ, имѣвшаго званіе италмейстера, съ тѣмъ, чтобы сообщить великому князю Павлу о кончинѣ его матери. Сенатъ и синодъ были въ сборѣ, и всѣ войска столицы подъ ружьемъ, въ ожиданіи манифеста. Графъ Безбородко, въ качествѣ старшаго изъ статсъ-секретарей, находился въ кабинетѣ покойной императрицы, прочіе же статсъ-секретари и высшіе чины двора собрались во дворцѣ въ ожиданіи прибытія великаго князя.

Вскорѣ вернулся графъ Zubovъ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи Павла. Площадь передъ дворцомъ была переполнена народомъ, и около полуночи прибылъ великій князь. Въ теченіе ночи былъ составленъ манифестъ, въ которомъ оповѣщалось, для всеобщаго свѣдѣнія, о кончинѣ императрицы Екатерины II и о вступленіи на престолъ императора Павла I. Актъ этотъ былъ также прочитанъ въ сенатѣ, и была принесена обычная присяга.

Нельзя выразить словами ту скорбь, которую испытывалъ каждый офицеръ и солдатъ Конной гвардіи, когда въ нашемъ полку прочтенъ былъ этотъ манифестъ. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ, многіе рыдали, словно потеряли близкаго родственника или лучшаго друга. То же самое происходило и въ другихъ полкахъ, и такимъ же образомъ выразилась и всеобщая печаль народа въ приходскихъ церквахъ.

Рано утромъ, 7 (19) ноября, нашъ командиръ, майоръ¹⁾ Васильчиковъ, отдалъ приказъ, чтобы на слѣдующее утро всѣ офицеры явились на парадъ передъ Зимнимъ дворцомъ; назначенный же туда караулъ отъ нашего полка былъ осмотрѣнъ нашимъ майоромъ самымъ тщательнымъ образомъ. Между тѣмъ, въ теченіе ночи выпалъ глубокій снѣгъ, а къ утру настала оттепель и пошелъ мелкій дождь, и всѣмъ намъ было крайне непріятно идти вслѣдъ за нашимъ коннымъ отрядомъ отъ казармъ до дворца, около трехъ англійскихъ миль, въ лучшихъ нашихъ мундирахъ синихъ съ золотомъ, въ парадныхъ шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, увязая въ глубокомъ снѣгу, лежавшемъ по дорогѣ.

¹⁾ Вѣроятно, ошибка въ англійскомъ текстѣ. При восшествіи на престолъ императора Павла, Конною гвардіею командовалъ генералъ-майоръ Григорій Алексѣевичъ Васильчиковъ, который въ слѣдующемъ 1797 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Это не было хорошимъ предназначеніемъ для новаго царствованія и новаго порядка вещей. Едва мы дошли до Дворцовой площади, какъ уже намъ сообщено множество новыхъ распоряженій. Начать съ того, что отнынѣ ни одинъ офицеръ ни подъ какимъ предлогомъ не имѣлъ права являться куда бы то ни было иначе, какъ въ мундирѣ; а надо замѣтить, что наша форма была очень нарядна, дорога и неудобна для постоянного ношенія. Далѣе намъ сообщили, что офицерамъ вообще воспрещалось ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволяется только ѣздить верхомъ или въ саняхъ, или въ дрожкахъ. Кромѣ того, былъ изданъ рядъ полицейскихъ распоряженій, предписывавшихъ всѣмъ обывателямъ носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещавшихъ ношеніе круглыхъ шляпъ, сапогъ съ отворотами, длинныхъ панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ и чулкахъ, вмѣсто которыхъ предписывалось носить пряжки. Волосы должны были зачесываться назадъ, а отнюдь не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ вѣдно было останавливаться при встрѣчѣ съ высочайшими особами, и тѣ, кто сидѣлъ въ экипажахъ, должны были выходить изъ оныхъ, дабы отдать поклонъ августѣйшимъ лицамъ. Утромъ 8 (20) ноября 1796 г., значительно ранѣе 9-ти часовъ утра, усердная столичная полиція успѣла уже обнаружить всѣ эти правила.

Мы также услышали о курьезныхъ вещахъ, происшедшихъ во дворцѣ съ прибытіемъ новаго императора. Говорили, что онъ вмѣстѣ съ графомъ Безбородкомъ¹⁾ дѣятельно занимался сожженіемъ бумагъ и документовъ въ кабинетѣ покойной императрицы; что императоръ имѣетъ видъ очень сумрачный и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія своихъ собственныхъ войскъ изъ Гатчины. Естественно, что всѣ эти слухи не могли намъ быть пріятны, особенно послѣ счастливаго времени, проведеннаго нами при Екатеринѣ, царствованіе которой отличалось милостивой снисходительностью ко всему, что только не носило характера преступленія.

Но вотъ пробило, наконецъ, десять часовъ, и началась ужасная сутолока. Появились новыя лица, новые сановники. Но какъ они были одѣты! Невзирая на всю нашу печаль по императрицѣ, мы едва могли удержаться отъ смѣха: настолько все нами видѣнное напоминало намъ шутовской маскарадъ. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи появились въ своихъ гатчинскихъ мундирахъ, напоминая собою старинные портреты прусскихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ.

¹⁾ Князь Александръ Андреевичъ Безбородко род. 1747, ум. 1799 г. При воцареніи императора Павла пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ I класса: 5 апрѣля 1797 г. въ день коронованія императора, пожалованъ свѣтлѣйшимъ княземъ и вскорѣ назначенъ канцлеромъ. Умеръ холостымъ, оставивъ все свое состояніе брату Ильѣ Андреевичу, который и основалъ въ Петербургѣ лицей князи Безбородка, въ память канцлера.

Ровно въ 11 часовъ вышелъ самъ императоръ въ преображенскомъ мундирѣ новаго покроя. Онъ кланялся, отдувался и пыхтѣлъ, пока проходила мимо него гвардія, пожимая плечами и головой въ знакъ неудовольствія. Послѣ этого онъ велѣлъ подать свою лошадь «Помпона». Въ то же время ему доложили, что гатчинская «армія» приближается къ заставѣ, и его величество тотчасъ поскакалъ ей навстрѣчу. Приблизительно черезъ часъ императоръ вернулся во главѣ этихъ войскъ. Самъ онъ ѣхалъ передъ тѣмъ гатчинскимъ отрядомъ, который ему угодно было называть «преображенцами»; великіе князья Александръ и Константинъ такъ же ѣхали во главѣ такъ называемыхъ «Семеновскаго» и «Измайловскаго» полковъ. Императоръ былъ въ восторгѣ отъ этихъ войскъ и выставлялъ ихъ передъ нами, какъ образцы совершенства, которымъ мы должны подражать слѣпо. Ихъ знаменамъ была отдана честь обычнымъ образомъ, послѣ чего ихъ отнесли во дворецъ, сами же гатчинскія войска, въ качествѣ представителей соответствующихъ гвардейскихъ полковъ, были включены въ нихъ и размѣщены по ихъ казармамъ.

Такъ закончилось утро перваго дня новаго царствованія Павла Перваго.

Мы всѣ вернулись домой, получивъ строгое приказаніе не оставлять своихъ казармъ, и вскорѣ затѣмъ новые пришлецы изъ гатчинскаго гарнизона были представлены намъ. Но что это были за офицеры! Что за странныя лица! Какія манеры! И какъ странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ семьямъ русскаго дворянства. Всѣ новые порядки и новые мундиры подверглись строгой критикѣ и почти всеобщему осужденію. Вскорѣ, однако, мы убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, доносилось куда слѣдуетъ. Какая грустная перемена для полка, который издавна славился своею порядочностью, товариществомъ и единодушіемъ!

Мы получили приказаніе обмундироваться, какъ можно скорѣе, согласно новымъ предписаніямъ. Новый походный мундиръ былъ коричневаго цвѣта, а вицъ-мундиръ кирпичнаго цвѣта и квакерскаго покроя. Мнѣ удалось достать этого сукна и шить себѣ вицъ-мундиръ, и на другое утро я явился въ новой формѣ, передразнивая гатчинцевъ à s'y méprendre, вслѣдствіе чего командиръ немедленно назначилъ меня въ этотъ день въ караулъ. Будучи, какъ я уже упомянулъ, хорошо знакомъ съ прусскою выправкою, я усвоилъ себѣ съ большою легкостью первые уроки нашихъ гатчинскихъ наставниковъ, а въ одиннадцать часовъ, во время парада, такъ отличился, что императоръ подѣхалъ ко мнѣ, чтобы меня похвалить, и, проходя нѣсколько разъ въ теченіе дня мимо

моего караула во дворцѣ, онъ всегда останавливался, чтобы заговорить со мною.

Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенныхъ мною въ караулѣ во дворцѣ. Что это была за суета, что за бѣготня вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ! Какіе странные костюмы! Какіе противорѣчивые слухи! Императорское семейство то входило въ комнату, въ которой лежало тѣло покойной императрицы, то выходило изъ оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потерѣ, другіе самонадѣянно улыбались въ ожиданіи получить хороша мѣста. Я долженъ, однакоже, признаться, что число послѣднихъ было невелико. Императоръ, какъ говорятъ, еще былъ занятъ разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ съ графомъ Безбородкомъ. Ходили также слухи, что за графомъ Алексѣемъ Орловымъ былъ посланъ нарочный, что вслѣдъ за обнародованіемъ церемоніала о погребеніи императрицы тѣло Петра III, находящееся въ Невской лаврѣ, будетъ вынута изъ могилы, перенесено во дворецъ и поставлено рядомъ съ тѣломъ Екатерины.

Для того, чтобы понять причины, побудившія императора Павла сдѣлать такое распоряженіе, надо вспомнить, что Петръ III, желая вступить въ бракъ съ своею любовницею, графиней Воронцовой намѣревался объявить императрицу Екатерину виновною въ прелюбодѣяніи и сына ея Павла незаконнымъ. Съ этою цѣлью мать и сынъ должны были быть заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость на всю жизнь. Объ этомъ уже былъ заготовленъ манифестъ, и только наканунѣ его обнародованія и арестованія матери и сына начался переворотъ. Слѣдствіемъ этого событія было, какъ извѣстно, провозглашеніе Екатерины царствующею императрицею и публичное отреченіе Петра III отъ престола, о чемъ имъ былъ подписанъ формальный документъ. Послѣ этого Петръ III удалился въ Ропшу, гдѣ и умеръ, спустя шесть дней, по мнѣнію однихъ— вслѣдствіе геморроидальныхъ припадковъ, по мнѣнію же другихъ— онъ былъ задушенъ въ кровати. Тѣло его было торжественно выставлено для публики въ теченіе шести дней, но такъ какъ онъ ранѣе отрекся отъ престола и умеръ уже не царствующимъ императоромъ, то и былъ погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, а не въ Петропавловскомъ соборѣ, который служить усыпальницею русскихъ императоровъ, начиная отъ Петра Великаго.

Всѣ эти событія засвидѣтельствованы документами, хранящимися въ архивахъ, и были хорошо извѣстны многимъ лицамъ, въ то время еще живымъ, которыя были ихъ очевидцами. Поэтому императоръ Павелъ считалъ полезнымъ перенести прахъ отца изъ Невской лавры въ Петропавловскій соборъ, желая этимъ положить предѣлъ слухамъ, которые ходили на его счетъ, а такъ какъ графъ Алексѣй Орловъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ переворотѣ, совершенномъ въ пользу Екатерины, то ему повелѣно было прибыть въ Петербургъ для участія въ погребальномъ шествіи.

Многіе увѣряли, будто бы причина вызова Орлова заключалась въ томъ, что онъ былъ предполагаемымъ убійцей Петра III, но это несправедливо. Если уже были виновники этого злодѣянія, то это должны были быть Пассекъ и князь Ѳедоръ Бярятинскій ¹⁾, подъ охраной которыхъ Петръ III былъ оставленъ въ Ропшѣ. Во всякомъ случаѣ, это не былъ Орловъ, такъ какъ его даже не было въ комнатѣ во время смерти императора. По тому способу, которымъ Павелъ обошелся съ Алексѣемъ Орловымъ и говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ во время похоронной церемоніи (чему я самъ былъ очевидцемъ), я убѣжденъ, что императоръ не считалъ его лично виновникомъ убійства, хотя онъ, конечно, смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ главныхъ, оставшихся въ живыхъ, дѣятелей переворота, возведшаго на престолъ Екатерину и спасаго ее и самого Павла отъ пожизненнаго заключенія въ Шлиссельбургъ, гдѣ еще донынѣ можно видѣть приготовленное для нихъ помѣщеніе.

Въ эпоху кончины Екатерины и вступленія на престолъ Павла Петербургъ былъ, несомнѣнно, одной изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, исключая, быть можетъ, Парижа и Лондона, которыхъ я въ то время не видалъ, и потому не могъ судить о нихъ. Какъ по внѣшнему великолѣпію, такъ и по внутренней роскоши и изяществу ничто не могло сравняться съ Петербургомъ въ 1796 г.: таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе всѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію, и которые проводили тамъ многіе мѣсяцы, очарованные русскою веселостію, радушіемъ, гостепріимствомъ и общительностію, которыя Екатерина съ особеннымъ умѣніемъ проявляла во всеи имперіи.

Внезапная перемѣна, происшедшая съ внѣшней стороны въ этой столицѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, просто невѣроятна. Такъ какъ полицейскія мѣропріятія должны были исполняться съ всевозможной послѣдностію, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро, и Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современную столицу, принявъ скучный видъ маленькаго нѣмецкаго города XVII столѣтія. Къ несчастію, перемѣна эта не ограничилась одною внѣшнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту, самый духъ жителей былъ подверженъ угнетенію. Это проявленіе деспотизма, выразившееся въ самыхъ повседневныхъ, банальныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалось особенно тягостнымъ въ виду того, что оно явилось продолженіемъ эпохи, ознаменованной сравнительно широкой личной свободой.

Всеобщее неудовольствіе стало высказываться въ разговорахъ, въ семьяхъ, среди друзей и знакомыхъ и приняло характеръ злобы

¹⁾ Бярятинскій, кн. Ѳед. Серг., род. 1742, ум. 1813 г.; оберъ-гофмаршалъ при Екатеринѣ II.

дня. Чѣмъ болѣе, однако, оно проявлялось, тѣмъ энергичнѣе становилась дѣятельность тайной полиціи. Офицеры нашего полка, который, какъ я уже упомянулъ, пользовался столь высокою репутаціей порядочности и благородства, сдѣлались предметомъ особаго наблюденія, и малѣйшая ошибка во время парада наказывалась арестомъ. Въ царствованіе Екатерины арестъ, какъ мѣра наказанія для офицера, примѣнялся только въ исключительныхъ, серьезныхъ случаяхъ, такъ какъ онъ влекъ за собою военный судъ (court-martial), и офицеръ, который былъ арестованъ въ наказаніе, обыкновенно, долженъ былъ выходить изъ полка. Таковъ былъ point d'honneur въ екатерининское время. Не то было теперь, когда Павелъ всюду ввелъ гатчинскую дисциплину. Онъ смотрѣлъ на арестъ, какъ на пустякъ, и примѣнялъ его ко всѣмъ слоямъ общества, не исключая даже женщинъ. Малѣйшее нарушеніе полицейскихъ распоряженій вызывало арестъ при одной изъ военныхъ гауптвахтъ, вслѣдствіе чего послѣднія зачастую бывали совершенно переполнены.

Наши офицеры, однакоже, не были расположены сносить подобное обращеніе, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль шестьдесятъ или семьдесятъ человекъ оставили полкъ. Обстоятельство это, естественно, чрезвычайно ускорило производство, а такъ какъ, благодаря счастливой случайности, я попалъ подъ арестъ всего одинъ разъ, и то вмѣстѣ съ девятью другими полковниками, послѣ маневровъ 1799 г., то я не только остался въ полку, но даже скорѣе значительно повысился.

Упомянувъ о предосудительной и смѣшной сторонѣ тогдашней правительственной системы, необходимо, однако, указать и на нѣкоторыя похвальныя мѣры, принятыя для благоденствія народа. Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія Павла на престолъ, во дворцѣ было устроено обширное окно, въ которое всякій имѣлъ право опустить свое прошеніе на имя императора. Оно помѣщалось въ нижнемъ этажѣ дворца, подъ однимъ изъ коридоровъ, и Павелъ самъ хранилъ у себя ключъ отъ комнаты, въ которой находилось это окно. Каждое утро, въ седьмомъ часу, императоръ отправлялся туда, собиралъ прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ и затѣмъ прочитывалъ ихъ или заставлялъ одного изъ своихъ статсъ-секретарей прочитывать ихъ себѣ вслухъ. Резолюціи, или отвѣты, на эти прошенія всегда были написаны имъ лично или скрѣплены его подписью и затѣмъ публиковались въ газетахъ для объявленія просителю. Все это дѣлалось быстро и безъ замедленія. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться въ какое нибудь судебное мѣсто или иное вѣдомство и затѣмъ извѣстить его величество о результатѣ этого обращенія.

Этимъ путемъ обнаружались многія вопіющія несправедливости, и въ таковыхъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ. Никакія личныя или сословныя соображенія не могли спасти виновнаго

отъ наказанія, и остается только сожалѣть, что его величество иногда дѣйствовалъ слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые покарали бы виновнаго гораздо строже, чѣмъ это дѣлалъ императоръ, а между тѣмъ онъ не подвергался бы зачастую тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа.

Не припомню теперь въ точности, какое преступленіе совершилъ нѣкто князь Сибирскій¹⁾, человѣкъ высокопоставленный, сенаторъ, пользовавшійся благосклонностью императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступокъ его, каковъ бы онъ ни былъ, обнаружился черезъ прошеніе, поданное государю вышеописаннымъ способомъ, и князь Сибирскій былъ преданъ уголовному суду, приговоренъ къ разжалованію и къ пожизненной ссылке въ Сибирь. Императоръ немедленно же утвердилъ этотъ приговоръ, который и былъ приведенъ въ исполненіе, при чемъ князь Сибирскій, какъ преступникъ, публично былъ вывезенъ изъ Петербурга черезъ Москву, къ великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственниковъ. Этотъ публичный актъ справедливости очень встревожилъ высшее чиновничество, но произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе на общество.

Будучи весьма строго относительно всего, что касалось государственной экономіи, и стремясь облегчить тягости, лежащія на народѣ, императоръ Павелъ былъ, несмотря на это, весьма щедръ при раздачѣ пенсій и наградъ за заслуги, при чемъ въ этихъ случаяхъ отличался истинно царскою милостью. Во время коронаціи въ Москвѣ онъ роздалъ многія тысячи государственныхъ крестьянъ важнѣйшимъ сановникамъ государства и всѣмъ лицамъ, служившимъ ему въ Гатчинѣ, такъ что многія изъ нихъ сдѣлались богачами. Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя, обыкновенно, назначаются для завѣдыванія государственными имуществами. Несомнѣнно и то, что сами крестьяне считали милостью и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе. Моему отцу пожаловано прекрасное имѣніе съ пятью стами душъ крестьянъ въ Тамбовской губерніи, и я очень хорошо помню удовольствіе, выраженное по этому поводу депутаціей отъ крестьянъ этого имѣнія.

Прежде чѣмъ продолжать мой рассказъ, необходимо ознакомить читателя съ главнѣйшими лицами, вывезенными Павломъ изъ Гатчины, а также съ нѣкоторыми другими, которыхъ онъ собралъ

¹⁾ Кн. Васил. Ѳедор. Сибирскій, ген.-лейтенантъ, сенаторъ, род. 1761, ум. 1808 г.

вокругъ себя въ Петербургѣ, и которыя играли видную роль до самой его смерти.

Раньше всѣхъ слѣдуетъ упомянуть объ Иванѣ Павловичѣ Кутайсовѣ¹⁾, турченкѣ, взятомъ въ плѣнъ въ Кутаисѣ и котораго Павелъ, будучи великимъ княземъ, принялъ подъ свое покровительство, велѣлъ воспитать на свой счетъ и обучить бритью. Онъ впоследствии сдѣлался императорскимъ брадобреемъ и, въ качествѣ такового, ежедневно имѣлъ въ рукахъ императорскій подбородокъ и горло, что, разумѣется, давало ему положеніе довѣреннаго слуги. Это былъ чрезвычайно смысленный человекъ, обладавшій особенною проницательностью въ угадываніи слабостей своего господина. Надо, однако, сознаться, что онъ, по возможности, всегда старался улаживать все къ лучшему, предупреждая тѣхъ, которые являлись къ императору, о настроеніи духа своего господина. Съ теченіемъ времени онъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ любовницы Павла, составилъ себѣ большое состояніе и былъ сдѣланъ графомъ. Когда въ 1798 г. Павелъ получилъ титулъ гротмейстера Мальтійскаго ордена, Кутайсовъ былъ возведенъ въ званіе оберъ-штальмейстера ордена. Надо сказать, что графъ всегда былъ готовъ всѣмъ помогать и никогда не дѣлалъ никому зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина и такъ же обладала значительнымъ состояніемъ. У нихъ было два сына, изъ коихъ одинъ былъ сенаторомъ²⁾, а другой, отличный артиллерійскій генералъ, былъ убитъ подъ Бородинымъ³⁾.

Самъ графъ Кутайсовъ былъ тоже любитель походовъ, и пока Павелъ, какъ гротмейстеръ Мальтійскаго ордена, имѣлъ свои любовныя походы, его оберъ-штальмейстеръ также не отставалъ отъ своего господина. Они обыкновенно отправлялись вдвоемъ на эти свиданія, якобы сохраняя incognito. Лакеи и кучеръ были одѣты въ красныя ливреи (цвѣтъ ордена), и было строго приказано полиціей не узнавать государя.

Слѣдующее за Кутайсовымъ мѣсто, по старшинству, среди гатчинцевъ, занималъ адмиралъ Кушелевъ⁴⁾, человекъ въ высшей степени полезный, поддерживавшій расположеніе императора къ флоту.

Другой честный, услужливый, добрый и благочестивый чело-

¹⁾ Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, оберъ-гофмейстеръ императора Павла I, ум. 9 января 1834 г.

²⁾ Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ, гофмейстеръ и сенаторъ, род. 1780, ум. 1840 г.

³⁾ Графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ, генералъ-майоръ, род. 1784, ум. 1812 г. Убитъ въ должности начальника артиллеріи 1-й арміи въ Бородинскомъ сраженіи.

⁴⁾ Графъ Григ. Григ. Кушелевъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегии, род. 1760, ум. 1833 г.

вѣкъ былъ генераль-майоръ Оболяниновъ¹⁾, сдѣланный генераль-адъютантомъ при восшествіи на престолъ Павла. Въ теченіе своей жизни этотъ человѣкъ много сдѣлалъ для того, чтобы смягчать послѣдствія вспыльчивости и строгости Павла. Въ концѣ его царствованія онъ былъ сдѣланъ генераль-прокуроромъ сената и въ этой должности много старался о томъ, чтобы возстановить непристрастіе въ судахъ. Павелъ любилъ и уважалъ его до такой степени, что никогда не подозрѣвалъ людей, близкихъ съ Оболяниновымъ, который и самъ ни въ комъ не подозрѣвалъ никогда ничего дурного. Это всемъ извѣстное обстоятельство сдѣлало впоследствии его домъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ заговорѣ противъ Павла. Странно сказать, что я, будучи въ большой милости у Оболянинова, ни разу не былъ ни на одномъ изъ его вечеровъ, хотя мой отецъ бывалъ тутъ почти каждый вечеръ, чтобы играть съ нимъ въ вистъ. Этотъ прекрасный человѣкъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что, когда послѣ смерти Павла онъ удалился въ Москву, то былъ избранъ тамъ губернскимъ предводителемъ дворянства и занималъ эту почетную должность до конца своей жизни.

Я уже упомянулъ о баронѣ Николаи, который до самой смерти Павла оставался его статсъ-секретаремъ, бібліотекаремъ и хранителемъ его кабинета. Мой дядя Плещеевъ также остался при императорѣ, но умеръ отъ чахотки въ Монпелье. Генераль Донауровъ²⁾ также былъ незначительнымъ гатчинскимъ морякомъ, и то же самое можно сказать и о полковникѣ Кологривовѣ³⁾, добродушномъ гусарѣ и порядочномъ фронтовикѣ, главнымъ образомъ, замѣчательномъ тѣмъ, что у него была очень красивая жена, не слишкомъ жестокая къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ. Она заставляла своего мужа держать ради этихъ господъ весьма оживленный и веселый домъ.

Полковникъ конной артиллеріи Кутлубицкій⁴⁾ былъ также гатчинецъ и часто рисковалъ своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ Павла, спасая отъ наказаній молодыхъ офицеровъ. Я знаю это изъ личнаго опыта.

Изъ числа новыхъ дѣйствующихъ лицъ, выступившихъ на сцену, слѣдуетъ также упомянуть о двухъ великихъ князьяхъ: Александрѣ и Константинѣ. Александръ былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго, а Константинъ Измайловскаго полка. Александръ,

1) Петръ Хрисане. Оболяниновъ, генераль-прокуроръ при Павлѣ I, род. 1752, ум. 1841 г.

2) Донауровъ, Мих. Ив., секретарь императора Павла, род. 1758, ум. 1818 г.

3) Кологривовъ, Андрей Семеновичъ. Род. 1774, ум. 1825 г.

4) Кутлубицкій, Николай Осиповичъ, генераль-лейтенантъ, былъ генераль-адъютантомъ и довереннымъ лицомъ императора Павла I. Скончался въ 1849 г.

кромѣ того, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Ему были подчинены военный комендантъ города, комендантъ крѣпости и петербургскій оберъ-полицеймейстеръ. Каждое утро, въ семь часовъ, и каждый вечеръ — въ восемь, великій князь подавалъ императору рапортъ. При этомъ необходимо было отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разтѣзавшихъ въ немъ и въ его окрестностяхъ, и за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. Великій князь Александръ былъ молодъ, и характеръ его былъ робокъ; кромѣ того, онъ былъ близорукъ и немного глухъ; изъ сказаннаго можно заключить, что эта должность не была синекурою и стоила Александру многихъ бессонныхъ ночей. Оба великіе князя смертельно боялись своего отца, и, когда онъ смотрѣлъ сколько нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. При этомъ они всегда искали покровительства у другихъ вмѣсто того, чтобы имѣть возможность сами его оказывать, какъ это можно было ожидать, судя по высокому ихъ положенію. Вотъ почему они внушали мало уваженія и были непопулярны.

Два князя Чарторыйскіе, Адамъ и Константинъ, были назначены адъютантами къ великимъ князьямъ, первый — къ Александру, второй — къ Константину. Это возбудило много толковъ, которые кончились тѣмъ, что оба князя испросили себѣ увольненіе отъ должности.

Какъ я уже сказалъ выше, много полковниковъ, майоровъ и другихъ офицеровъ были включены въ составъ гвардейскихъ полковъ, и такъ какъ всѣ они были лично извѣстны императору и имѣли связи съ придворнымъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ императору, и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Благодаря этому, мы, естественно, были сильно вооружены противъ этихъ господъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ узнали, что они занимались доносами и передавали все до малѣйшаго вырвавагося слова.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, именъ которыхъ не стоитъ и упоминать, особеннаго вниманія, однако, заслуживаетъ одна личность, игравшая впослѣдствіи весьма важную роль. Это былъ полковникъ гатчинской артиллеріи Аракчеевъ¹⁾, имя котораго, какъ страшилища павловской и особенно александровской эпохи, несомнѣнно, попадетъ въ исторію. По наружности Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ и мускулистъ, съ виду сутуловатъ, съ длинной тонкой шеей, на

¹⁾ Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, впослѣдствіи любимецъ Александра I, членъ государственнаго совѣта и Андреевскій кавалеръ, род. 1769, ум. 1834 г.

которой можно было бы изучить анатомію жилъ, мускуловъ и тому подобное. Въ довершеніе всего, онъ какъ-то особенно сморщивалъ подбородокъ, двигая имъ какъ бы въ судорогахъ. Уши у него были большія, мясистыя; толстая безобразная голова всегда нѣсколько была склонена на бокъ. Цвѣтъ лица былъ у него земляной, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, большой ротъ и навиошій лобъ. Чтобы закончить его портретъ, скажу, что глаза были у него впалые, сѣрые, и вся фizioномія его представляла странную смѣсь ума и злости. Будучи сыномъ мелкопомѣстнаго дворянина, онъ поступилъ кадетомъ въ артиллерійское училище, гдѣ онъ до того отличался способностями и прилежаніемъ, что вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ преподавателемъ геометріи. Но въ этой должности онъ проявилъ себя такимъ тираномъ и такъ жестоко обращался съ кадетами, что его перевели въ артиллерійскій полкъ, часть котораго вмѣстѣ съ Аракчеевымъ попала въ Гатчину.

Въ Гатчинѣ Аракчеевъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе Павла и, благодаря своему уму, строгости и неумолимой дѣятельности, сдѣлался самымъ необходимымъ человѣкомъ въ гарнизонѣ, страшилищемъ всѣхъ живущихъ въ Гатчинѣ и приобрѣлъ неограниченное довѣріе великаго князя. Надо сказать правду, что онъ былъ искренно преданъ Павлу, чрезвычайно усерденъ къ службѣ и заботился о личной безопасности императора. У него былъ большой организаторскій талантъ, и во всякое дѣло онъ вносилъ строгій методъ и порядокъ, которые старался поддерживать строгостью, доходившею до тиранства. Таковъ былъ Аракчеевъ. При вступленіи на престолъ императора Павла, онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, сдѣланъ шефомъ Преображенскаго полка и назначенъ петербургскимъ комендантомъ. Такъ какъ онъ прежде служилъ въ артиллеріи, то сохранилъ большое вліяніе на этотъ родъ оружія и, наконецъ, былъ назначенъ начальникомъ всей артиллеріи, въ каковой должности оказалъ большія услуги государству.

Характеръ его былъ настолько вспыльчивъ и деспотиченъ, что молодая особа, на которой онъ женился, находя невозможнымъ жить съ такимъ человѣкомъ, оставила его домъ и вернулась къ своей матери. Замѣчательно, что люди жестокіе и мстительные обыкновенно трусы и боятся смерти. Аракчеевъ не былъ исключеніемъ изъ этого правила: онъ окружилъ себя стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи кряду въ одной и той же кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренной кухаркою (она же была его любовницею), и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ долженъ было пробовать всякое кушанье, и то же дѣлалось за завтракомъ и ужиномъ.

Этотъ жестокій и суровый человѣкъ былъ совершенно неспособенъ на нѣжную страсть, но въ то же время велъ жизнь крайне

развратную. Тѣмъ не менѣе, у Аракчеева было два большихъ достоинства. Онъ былъ, дѣйствительно, безпристрастенъ въ исполненіи суда и крайне бережливъ на казенныя деньги. Въ царствованіе Павла Аракчеевъ былъ, несомнѣнно, изъ тѣхъ людей, которые возбудили неудовольствіе общественнаго мнѣнія противъ правительства; но императоръ Павелъ, по природѣ челоуѣкъ великодушный, проникательный и умный, сдерживалъ строгости Аракчеева и, наконецъ, удалилъ его. Но когда, послѣ смерти Павла, императоръ Александръ снова призвалъ его на службу и далъ его вліянію распространиться на всѣ отрасли управленія, при чемъ онъ на дѣлѣ сдѣлался первымъ министромъ, тогда Аракчеевъ постигнѣ сталъ бичемъ всего государства и довелъ Александра до того шаткаго положенія, въ которомъ онъ находился въ минуту своей смерти въ Таганрогѣ, а которое разрѣшилось бунтомъ, вспыхнувшимъ при вступленіи на престолъ императора Николая, первую мѣрою котораго для успокоенія умовъ было увольненіе и удаленіе графа Аракчеева.

Изъ остальныхъ правительственныхъ лицъ этого царствованія я упомяну еще о графѣ Ростопчинѣ¹⁾, бывшемъ въ 1812 г. московскимъ генераль-губернаторомъ, челоуѣкъ весьма даровитомъ и энергичномъ, но при этомъ насмѣшливомъ и ѣдкомъ. Онъ былъ генераль-адъютантомъ и, на короткое время, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ту же должность нѣкоторое время занималъ и графъ Паленъ, челоуѣкъ также чрезвычайно талантливый и благородный, но холодный и крайне гордый. Адмиралъ Рибасъ²⁾, родомъ мальтїецъ, отличался въ турецкихъ войнахъ при Екатеринѣ вмѣстѣ съ Паленомъ и адмираломъ Литтою. Это былъ челоуѣкъ чрезвычайно хитрый, предприимчивый и ловкій. Закончу этотъ списокъ генераломъ Нелидовымъ³⁾, родственникомъ выше-названной Екатерины Ивановны Нелидовой, прекраснымъ молодымъ челоуѣкомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на императора и который вмѣстѣ съ своею родственницею прилагалъ всѣ свои старанія, дабы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые подверглись опалѣ.

А теперь перехожу къ женскому персоналу двора императора Павла.

Я уже упоминалъ о томъ положеніи, которое занимала при дворѣ баронесса, впослѣдствіи графиня и позже княгиня Ливенъ⁴⁾.

¹⁾ Ростопчинъ, графъ Фед. Васильевичъ, род. 1778, ум. 1826 г.

²⁾ Рибасъ, Осипъ Михайл., род. 1750, ум. 1800 г., вице-адмиралъ; былъ генераль-кригсъ-комиссаромъ, кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Георгія.

³⁾ Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ, генераль-адъютантъ Павла I, родной братъ фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, род. 1778, ум. 1828 г.

⁴⁾ Ливенъ, княгиня Доротея, рожденная фопъ-Бенкендорфъ, род. 1784, ум. 1857 г. Первоначально была фрейлиной императрицы Маріи Феодоровны. Въ 1812 г.

Она была воспитательницей великихъ княженъ, другомъ и довѣреннымъ лицомъ императрицы и обладала рѣдкими душевными качествами и выдающимся умомъ. Ея прямота, твердость и благородство заставляли самого императора уважать ея мнѣніе. По ея рекомендаціи, двѣ ея пріятельницы, графиня Паленъ ¹⁾ и г-жа фонъ-Ренне, получили должность статсъ-дамъ при великихъ княгиняхъ: Елизаветѣ Алексѣевнѣ (супругѣ Александра) и Аннѣ Ѳеодоровнѣ (супругѣ Константина). Здѣсь кстати замѣчу, что мужъ первой изъ этихъ дамъ, графъ Паленъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ командиромъ Конной гвардіи и инспекторомъ тяжелой кавалеріи. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, управляющимъ иностранными дѣлами и почтовымъ вѣдомствомъ, вслѣдствіе чего въ его рукахъ находились ключи отъ всѣхъ государственныхъ тайнъ, такъ что въ столицѣ никто не могъ предпринять чего либо безъ его вѣдома.

Такъ какъ читатель уже ознакомленъ съ необыкновеннымъ характеромъ этой эпохи, а также съ большинствомъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашняго времени, то я вернусь теперь къ моему повѣствованію и буду излагать въ хронологическомъ порядкѣ событія кратковременнаго царствованія императора Павла.

Н. А. Саблуковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

мужъ ея, кн. Ливенъ, назначенъ посломъ въ Лондонъ, гдѣ онъ пробылъ до 1834 г. Княгиня Ливенъ блистала своимъ умомъ и граціей въ дипломатическомъ мірѣ, была другомъ Меттерниха и Гизо и пользовалась репутаціей одной изъ самыхъ умныхъ женщинъ въ Европѣ. Она скончалась въ Парижѣ, 26-го января 1857 года; тѣло ея перевезено въ Курляндію и предано землѣ въ фамильномъ склепѣ въ окрестностяхъ Митавы.

¹⁾ Графиня Юліана Паленъ, рожденная баронесса Шёппингъ, супруга графа Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Палена.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1902 ГОДУ.

АРЬКОВСКІЙ губернаторъ, К. С. Старинкевичъ, любезно разрѣшилъ мнѣ воспользоваться всѣми безъ исключенія документальными данными, въ томъ числѣ такъ называемыми «секретными», относящимися къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1902 г. На основаніи этихъ данныхъ я и составилъ историческій очеркъ печальной страницы изъ жизни населенія этихъ двухъ уѣздовъ. Держась строго фактическаго изложенія, я въ нѣкоторыхъ случаяхъ высказываю и личные взгляды, а также мнѣнія тѣхъ людей, которые близко стояли къ дѣлу. Но избѣжать такого приѣма было нельзя, да врядъ ли полезно для всесторонняго освѣщенія, такъ какъ всѣ заключенія вытекаютъ изъ фактическаго положенія различныхъ моментовъ этой драмы, которая обездолила многихъ землевладѣльцевъ, причинила немало горя крестьянамъ, вовлеченнымъ въ преступныя дѣйствія группою лицъ, исповѣдующихъ и пропагандирующихъ извѣстную формулу: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

I.

31 марта 1902 г., харьковскій губернаторъ, князь И. М. Оболенскій, получилъ отъ змиевскаго уѣзднаго исправника телеграфическое извѣстіе слѣдующаго содержанія: «Крестьяне Полтавской губерніи на-дняхъ разграбили нѣсколько экономій въ Константи-

ноградскомъ уѣздѣ, вторглись сегодня въ Валковскій уѣздъ, подговорили мѣстныхъ крестьянъ и начали грабить экономію Глушкова (земскаго начальника) при с. Калейниковѣ. Просимъ немедленно выслать войска на станцію Искровка Харьковско-Николаевской желѣзной дороги». Съ просьбою о присылкѣ войскъ одновременно обратился къ губернатору предсѣдатель Валковской уѣздной земской управы, г. Енишерловъ. Вѣсть эта быстро разнеслась въ Харьковѣ и для многихъ не была неожиданностью. Еще задолго до начала движенія, въ Полтавской губерніи ходили тревожные слухи о готовящихся волненіяхъ среди крестьянъ. Помѣщики были встревожены. Ихъ семьи выѣзжали въ города. Имущество, находящееся въ усадьбахъ, сдавалось на храненіе. Вездѣ во всѣхъ классахъ общества замѣчалось тревожное настроеніе. Пишущій эти строки выѣзжалъ въ одно имѣніе подъ Полтавой въ концѣ февраля для осмотра усадьбы на берегу Ворсклы и тогда слышалъ отъ владѣльца-казака, что уже въ теченіе цѣлаго года идутъ настойчивые толки объ отобраніи земли у частныхъ владѣльцевъ на основаніи какихъ-то никому невѣдомыхъ «царскихъ указовъ», существованіе которыхъ считалось крестьянами безспорнымъ. Распространеніе этихъ волнующихъ слуховъ, преимущественно исходило отъ грамотной крестьянской молодежи, увѣрившей односельцевъ, что они сами читали эти «указы», что ихъ имъ давали на прочтеніе «скубенты», наѣзжіе господа изъ Полтавы, жандармы и генералы. Казакъ, о которомъ я упомянулъ, былъ глубоко убѣжденъ, что когда начнется отобраніе земли и разгромъ, то эти «наѣзжіе люди» придутъ на мѣста въ деревни, села и хутора и станутъ руководить крестьянами. Мѣстные власти этимъ толкамъ не придавали особаго значенія. Слухи то усиливались, то затихали, но въ послѣднее время имѣли болѣе или менѣе постоянный характеръ и отличались наибольшей интенсивностью. Какъ увидимъ ниже, въ Полтавской губерніи пропаганда въ этомъ направленіи встрѣтила особо благопріятныя условія, а энергичная агитація готовила народный бунтъ систематически. Станнымъ казалось одно: администрація слишкомъ спокойно отнеслась къ подготовительнымъ дѣйствіямъ агитаторовъ, мало интересуясь жизнью деревни. Во всемъ и у всѣхъ проглядывало успокоительное желаніе внушить себѣ, что все обойдется, уляжется, войдетъ въ нормальную колею. Сдѣланныя замѣчанія нѣсколько объясняютъ, что и въ Харьковской губерніи, въ пограничныхъ съ Полтавской губерніей уѣздахъ, также мало интересовались, что происходитъ у сосѣдей. И тутъ въ значительной степени былъ развитъ индифферентизмъ, воспитываемый той канцелярской атмосферой, которая густымъ туманомъ застилаетъ дѣйствительность и за лѣсомъ входящихъ и исходящихъ бумагъ не позволяетъ разглядѣть, куда и какъ направляется жизнь народная. Телеграмма

валковскаго исправника—лучшее доказательство полнѣйшей неосвѣдомленности, что дѣлалось въ теченіе «нѣсколькихъ дней» на разстояніи 30—50 верстъ отъ его резиденціи. Содержаніе телеграммы, какъ мы видѣли, имѣло характеръ полной неожиданности извѣстія о событіяхъ, какъ бы вдругъ объявившихся, въ родѣ какого-то грома изъ внезапно появившейся нивѣсть откуда тучи. Земскія учрежденія, казалось бы, близко стоящія къ населенію черезъ посредство третьяго элемента, часто находящагося въ деревняхъ, должны были бы знать о толкахъ, угрожающихъ общему спокойствію, личной и имущественной безопасности. Имъ и ихъ агентамъ до послѣдняго времени населеніе во всякомъ разѣ больше довѣрялось, чѣмъ земскимъ начальникамъ и полицейскимъ чиновникамъ. Но вкоренившійся антагонизмъ между земствомъ и администраціей, затѣмъ строгое соблюденіе принципа невмѣшательства земскихъ дѣятелей, даже и тамъ, гдѣ единеніе въ дѣйствіяхъ могло бы оказать бесспорную услугу, какъ это воочію доказали печальныя событія, также сыграли въ руку тѣмъ, кто рѣшилъ тѣми или иными способами подготовить населеніе къ волненіямъ, а затѣмъ и произвести самый бунтъ.

Тотчасъ по полученіи телеграммы князь Оболенскій просилъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа оказать содѣйствіе военной силой, телеграфируя генералу Драгомирову, что крестьяне, вторгнувшіеся въ Валковскій уѣздъ, грабятъ помѣщичьи экономіи. «Ни увѣщанія, ни мѣры полицейскія не дѣйствуютъ»,—говорилъ онъ въ телеграммѣ. Распоряженіе о посылкѣ войскъ не заставило себя ждать. Военскій поѣздъ въ 11 часовъ вечера того же 31 марта вышелъ изъ Харькова. Въ немъ были посажены 1 батальонъ пѣхоты и сотня казаковъ. Войскъ этихъ вскорѣ оказалось недостаточно. По мѣрѣ надобности войска, однако, прибывали быстро. Съ батальономъ отправился и губернаторъ, передавъ управленіе губерніей управляющему казенной палатой. На мѣсто крестьянскихъ волненій былъ командированъ непремѣнный членъ харьковскаго губернскаго присутствія, дѣйствительный статскій совѣтникъ де-Коноръ, для руководства дѣйствіями земскихъ начальниковъ. Исправнику была послана телеграмма: «дѣйствовать рѣшительно». Предсѣдатель управы, г. Енишерловъ, былъ вызванъ на ст. Искровку ко времени пріѣзда туда губернатора. Князь Оболенскій понималъ, что, кромѣ войскъ, должны оказать содѣйствіе земскіе начальники, участіе которыхъ могло принести пользу только при объединеніи ихъ дѣйствій и руководствѣ компетентной властью, что предсѣдатель уѣздной управы далеко не будетъ лишнимъ въ принятіи мѣръ къ успокоенію населенія, какъ лицо, которое по существу своей дѣятельности должно быть освѣдомленнымъ, какъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ заволновавшейся мѣстности, такъ и о тѣхъ наилучшихъ способахъ, какими успѣшнѣе

можно достигнуть возможно быстро успокоенія населенія. А быстрота и энергія были необходимы, какъ показали многія обстоятельства, при которыхъ возникло грабительское движеніе, и какъ оно развивалось. Но оказалось, что предсѣдатель Валковской управы уже не могъ прибыть по вызову губернатора въ назначенное имъ мѣсто: онъ самъ находился въ осадномъ положеніи. Изъ письма г. Енишерлова къ князю Оболенскому видно, что положеніе его было изъ затруднительныхъ. «Осмѣливаюсь послушаться губернатора,—писалъ онъ,—и не явлюсь въ Искровку. Можетъ быть, съ Божьей помощью удержу до ночи крестьянъ отъ грабежа. Спѣшите съ войсками». Дѣло, очевидно, было плохо. По прибытіи на мѣсто губернаторъ тотчасъ увѣдомилъ, что прибывшихъ войскъ недостаточно. Грабительское движеніе перекатывалось широкой волной, захватывавшей все большую и большую территорію. Телеграммы, нарочные съ письмами летѣли въ временную резиденцію губернатора съ просьбою о помощи. Землевладѣлецъ Воликъ телеграфировалъ: «Крестьяне деревень Очеретиной, Сидоренковой и Чебанковки грабятъ всѣ мѣстныя экономіи». Директоръ Ново-Ивановскаго свеклосахарнаго завода увѣдомлялъ: «Идетъ разграбленіе сахарнаго завода». Арендаторъ Липгартъ, въ лицѣ своего довѣреннаго Г. А. Сакса, взывалъ о помощи войсками: «Ради Бога, помогите»,—телеграфировалъ онъ князю. Грабежъ шелъ въ полномъ разгарѣ въ имѣніи генерала Перлика. Крестьяне деревень Горовой, Низовой и Чернецины толпою до 1.000 человекъ напали на экономію, разбивали замки у амбаровъ, грабили хлѣбъ, угоняли скотъ, разносили постройки. Земскій гласный Близинокъ увѣдомлялъ, что экономія Молдавскаго разграблена, и крестьяне, сопровождаемые подводами, направляются на с. Коломакъ. Часть отъ часу становилось не легче, а тутъ еще полтавскій губернаторъ Бельгардъ прислалъ безнадежную телеграмму, что полтавскіе крестьяне уже ограбили землевладѣльца Волика, который только нѣсколько часовъ назадъ просилъ о помощи. Увезли 20 тысячъ пудовъ хлѣба, угнали скотъ. Самъ полтавскій губернаторъ находился съ войсками въ Чутовѣ недалеко отъ Полтавы и сообщалъ: «лишенъ возможности наказать грабителей и вернуть награбленное, которое увезено въ Валковскій уѣздъ». Такимъ образомъ въ теченіе 31 марта и 1 апрѣля движеніе охватило большую часть Валковскаго уѣзда, направляясь отъ границы Константиноградскаго уѣзда и подвигаясь на сѣверо-западъ черезъ Богодуховскій къ Сумскому уѣзду. Уже 1 апрѣля имѣется донесеніе Богодуховскаго уѣзднаго исправника о разграбленіи экономіи полковника Дабича, куда явились крестьяне хуторовъ Рябковки, Богаевки и Скибовки, до 400 душъ, и разграбили у арендатора этой экономіи Липгарта 6.000 пудовъ хлѣба, сѣно, какое было въ экономіи, и разное имущество. Всюду командировались войсковыя части, которыя задерживали подводы съ на-

грабленнымъ имуществомъ. Такъ, въ имѣніи Дабича было задержано 40 человекъ; обнаружено 18 зачинщиковъ.

Въ близлежащихъ къ имѣнію хуторахъ былъ произведенъ обыскъ въ присутствіи земскаго начальника и двухъ жандармовъ ротой Воронежскаго полка. Слухи о рѣшительныхъ мѣрахъ, принятыхъ губернаторомъ для подавленія беспорядковъ, быстро проникали въ населеніе, которое, разумѣется, знало о приходѣ войскъ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ, но, тѣмъ не менѣе, беспорядки разрастались. Никакія увѣщанія не помогали. Крестьяне, въ особенности зачинщики, увѣряли предводимыя ими толпы, что «паны напросили войска», что «казаки сами распоряжаются», «безъ приказа царя», что «ихъ нужно бить». Контора Натальевской экономіи П. И. Харитоненка извѣщала губернатора, что въ Алексѣевской экономіи собрались толпы крестьянъ. Было 11 часовъ ночи. Подводы окружили экономію, и толпа ожидала только сигнала къ началу разоренія. Служащіе находились въ осадномъ положеніи. Управляющій просилъ войскъ. Но какъ переслать письмо съ просьбою? Какъ прорвать блокаду? Рѣшили письмо написать въ пяти экземплярахъ и снарядить 5 верховыхъ, въ надеждѣ, что кто нибудь изъ пяти доставитъ просьбу губернатору. Характерно то, что всѣ пять писемъ были получены, и въ Алексѣевку была командирована сотня казаковъ 2 апрѣля въ восемь съ половиной часовъ вечера. Крестьянскіе грабежи захватили Благодатновскую экономію А. А. Задонской, имѣніе земскаго начальника Сребдольскаго, помѣщиковъ Дублянскаго, Качалова. Вездѣ, разумѣется, была паника. Кто могъ увѣзжалъ, а кого заставлялъ грабежъ, тѣ въ ужасѣ ожидали, что дѣло дойдетъ и до насилій. Никакимъ имуществомъ крестьяне не брезгали. Такъ, церковный староста Успенской церкви въ селѣ Коломанѣ увѣдомлялъ становаго пристава 2-го стана Валковскаго уѣзда 1 апрѣля: «Сегодня вечеромъ предполагается разграбленіе церкви». Если этого не случилось, то только потому, что подоспѣли войска. Тутъ же было обнаружено, что въ планъ разграбленія села Коломана входило, кромѣ ограбленія церкви, разрушить телеграфъ, разбить почтовое отдѣленіе и монопольную лавку. Изъ Валокъ земскій начальникъ, г. Фюнерь, телеграфировалъ о тревожномъ состояніи населенія: жители сдаютъ цѣнное имущество на храненіе. И дѣйствительно, въ подгороднихъ хуторахъ было сильное броженіе. Слышались угрозы, и организовывалось нападеніе. Опоздай войска на часъ, на два, и г. Валки былъ бы разграбленъ. Движеніе охватило деревни Снѣжковку, Перекопъ и Кантакузово. Въ хуторѣ Мирномъ, имѣніи Кенига, крестьяне намѣревались произвести грабежъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь толпы народа съ подводами, мѣшками и разными приспособленіями къ грабежу ждали приказа начать свою разрушительную работу. Подоспѣвшія войска предупредили разгромъ. Къ губернатору не переставали приходять донесенія о новыхъ

и новыхъ мѣстахъ возмущеній. Ротмистръ Кременчугскаго жандармскаго полицейскаго желѣзнодорожнаго управленія, командированный въ помощь князю Оболенскому, доносилъ, что къ с. Старой Водолаги двигается толпа въ пять тысячъ крестьянъ. Необходима немедленно военная сила. Такое же донесеніе было получено отъ начальника того же управленія полковника Егупова, изъ котораго усматривалось, что с.с. Ковячи и Огулицы находятся въ опасномъ положеніи. Угрожающія разгромъ толпы крестьянъ собираются, готовы напасть на экономіи каждую минуту. Въ деревняхъ Рѣдкодубъ и Дмитровкѣ разгромъ удалось предупредить. Въ Марсовомъ Полѣ, Майданѣ и Ганновкѣ, когда прибыли войска, разгромъ уже былъ произведенъ. Въ послѣдней были сожжены постройки, за исключеніемъ дома, мельницы и клуни. Волненіе распространялось не по одному нами указанному направленію, но двигалось къ ст. Люботину Харьковско-Николаевской желѣзной дороги. Такъ, землевладѣлецъ Е. М. Духовской, владѣлецъ Мерчика, сообщалъ, что крестьяне грозятъ нападеніемъ на его усадьбу. Товарищъ прокурора Харьковскаго окружнаго суда, Волчанецкій, увѣдомлялъ, что въ ночь подъ 3-е апрѣля, какъ ходятъ слухи, крестьяне намѣреваются напасть на экономію Павлюковскаго. Нужна военная сила. Не спокойно было и на Гутянскомъ сахарномъ заводѣ, также въ Подольнскомъ и въ Пархомовскомъ, въ с.с. Кирасирскомъ и Шаровкѣ.

II.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній вполне ясно, съ какой интенсивностью распространились волненія крестьянъ. Продолжаясь всего четыре дня, движеніе захватило часть Валковскаго и часть Богодуховскаго уѣздовъ. По произведенному подсчету число населенныхъ мѣстъ, гдѣ грабежи происходили и готовились, но были предупреждены, выражалось 65. Но это число нельзя признать точнымъ, такъ какъ въ матеріалахъ, которыми приходилось пользоваться, свѣдѣнія можно было добыть изъ донесеній полицейскихъ чиновъ, земскихъ начальниковъ и командировъ тѣхъ воинскихъ частей, которыя были призваны для возстановленія порядка. При сличеніи ихъ между собой, они не всегда совпадали. Самыя названія, по незнанію мѣстности, неодинаково обозначались. Но, во всякомъ случаѣ, число это по сравненію съ общимъ числомъ поселенныхъ мѣстъ въ Богодуховскомъ и Валковскомъ уѣздахъ, 697, является незначительнымъ. Волненія крестьянъ захватили лишь населенныя мѣста близъ границы Константиноградскаго уѣзда и, распространяясь по Валковскому уѣзду, по этой границѣ направлялись къ сѣверозападнымъ уѣздамъ и частью къ Харьковскому уѣзду. Дальнѣйшее ихъ распространеніе было прекращено. Удалось локализовать грабежи въ сущности на незначительной

территорій и, разумѣется, тѣмъ предупредить ужасъ всего того, что могло произойти. Мы имѣли уже случай указать на преступную, по нашему мнѣнію, непредусмотрительность мѣстной полиціи, сидѣвшей, сложа руки, въ то время, когда въ Полтавской губерніи безпорядки были уже въ разгарѣ. Ничѣмъ, какъ незнаніемъ своихъ обязанностей, легкомысленнымъ отношеніемъ къ своему долгу, нельзя объяснить того классическаго ничегонедѣланія, которое съ такою силою проявили мѣстныя власти. Подтвержденіемъ этого служатъ отзывы самого губернатора, отмѣтившаго въ своихъ выводахъ довольно рѣзкими выраженіями именно это обстоятельство. Не приводимъ ихъ дословно изъ нежеланія тревожить тѣхъ, къ кому они относились.

Возвращаясь къ прерванному изложенію, укажемъ на нѣкоторыя частности общей картины этого поистинѣ печальнаго событія, что дастъ возможность уяснить характеръ возникшихъ безпорядковъ, разразившихся, какъ мы отчасти видѣли, весьма прискорбными послѣдствіями. Изъ сказаннаго ясно, что безпорядки, сопровождавшіеся разгромомъ экономическихъ усадебъ, поджогами и уничтоженіемъ имущества, происходили такъ. Крестьяне собирались толпами отъ 400 до 1.000 и болѣе человекъ, окружали значенную для разграбленія усадьбу или же размѣщались «таборомъ» съ подводами и мѣшками вблизи ея и по данному вожаками сигналу съ свистомъ и криками врывались въ помѣщичьи усадьбы, уничтожая силою всѣ преграды, требовали ключи отъ амбаровъ, клунь, сараевъ и другихъ помѣщеній; если требованія ихъ не встрѣчали препятствій, крестьяне мирно, если такъ умѣстно выразиться, начинали расхищать чужое добро. Когда же покушались сдѣлать отпоръ или прибѣгали къ увѣщаніямъ, то всѣ затворы разбивались, ломались, и хищеніе начиналось съ какимъ-то остервенѣніемъ. По отзывамъ мѣстныхъ жителей, передъ разгромомъ въ большинствѣ случаевъ происходили обильныя угощенія водкой, которая какъ-то таинственно появлялась при участіи людей, всегда благополучно скрывавшихся. И безъ того достаточно возбужденные самимъ характеромъ событія, въ которомъ они участвовали, полупьяные крестьяне, разумѣется, не могли послѣдовать за благоразумными совѣтами, а шли дерзко на грабежъ, какъ бы выдвигая свое удалство и свою, какъ имъ казалось, несокрушимую силу. Всѣ эти признаки рельефнѣе выступаютъ, если станемъ разсматривать отдѣльные случаи изъ погромовъ, о которыхъ хотя и не сохранилось всесторонняго матеріала, но и того, какой удалось извлечь изъ документовъ, достаточно для яснаго о нихъ представленія.

Наибольшему разгрому подвергнулась экономія Молдавскаго при деревнѣ Ново-Ивановкѣ Валковскаго уѣзда. Ожесточенность толпы нельзя объяснить тѣмъ, что владѣлецъ завода Д. М. Молдавскій—еврей, какъ на этомъ настаивали даже нѣкоторыя власти. Гра-

бежи и самые беспорядки носили вполне определенный характер, ничего съ національной враждой не имѣющей. Заводъ былъ первый по пути и представилъ возможность воспользоваться болѣе цѣннымъ имуществомъ. Алексѣевское волостное правленіе въ своемъ увѣдомленіи о происходящемъ въ Ново-Ивановкѣ говоритъ слѣдующее: «Въ экономію Д. М. Молдавскаго прибыла партія неизвѣстныхъ лицъ, нѣкоторые были въ форменныхъ костюмахъ. Эти лица, подговоривъ мѣстныхъ и сосѣднихъ крестьянъ, разбили замки разныхъ хранилищъ на заводѣ и въ экономическихъ амбарахъ, и по данному знаку крестьяне приступили къ грабежу, а вожаки направились дальше» (т. 1, л. 42). Кто эти лица, въ дѣлѣ указаній нѣтъ. 4-я сотня Оренбургскаго № 1 казачьяго полка прибыла въ Ново-Ивановку въ 7 часовъ 20 м. вечера 1 апрѣля, когда заводъ и экономія были уже разграблены, но озвѣрѣвшая толпа не прекращала разрушенія. Разгрому подверглась даже больница. Тифозныхъ больныхъ сбрасывали съ кроватей, тюфяки и все, что попадалось подъ руку, грабили, складывали и увозили на подводахъ. Не такъ легко было остановить это безобразіе, но все же при натискѣ казаковъ толпа начала рѣдѣть. Часть казачьяго отряда подъ командой хорунжаго Шнырева направилась задержать подводы съ награбленнымъ и нагнала ихъ. Хорунжій потребовалъ остановиться, но крестьяне отказались повиноваться, начали хлестать лошадей, думая скрыться. Тогда хорунжій Шныревъ заскакалъ впередъ обоза. Крестьяне, сопровождавшіе обозъ, бросились на него съ дубинами, но г. Шныревъ не потерялся, врѣзался въ толпу, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда къ нему на помощь подскакало нѣсколько казаковъ, и обозъ остановился. Казакъ Андрей Пушкаревъ замѣтилъ среди крестьянъ господина, одѣтаго въ пиджачную пару, бѣжавшаго изъ толпы, онъ бросился за нимъ, но «интеллигентъ» успѣлъ добѣжать до близъ находящагося болота и опрометью кинулся туда, рассчитывая, что верхомъ казакъ въѣхать не можетъ. Пушкаревъ соскочилъ съ коня и продолжалъ преслѣдовать убѣгающаго. Господинъ въ пиджакѣ, имѣя намѣреніе не подпускать къ себѣ казака, выхватилъ изъ кармана револьверъ и нацѣлился въ Пушкарева и крикнулъ: «не подходи, убью». Но Пушкаревъ быстро приблизился къ нему и ударомъ нагайки по рукѣ выбилъ револьверъ, задержалъ его и передалъ въ руки полиціи. Кто былъ этотъ вожакъ, изъ дѣла не видно, что представляетъ собою весьма странное обстоятельство. Тѣмъ болѣе, что описаніе этого случая основано уже не на слухахъ или разказахъ казака, который могъ и выдумать такой эпизодъ, а на основаніи официальнаго донесенія командира 4-ой сотни.

Въ усадьбѣ Корсуна, имущество котораго также подверглось грабежу, прибывшія войска на требованіе разойтись были встрѣчены свистками и ругательствами. Нѣкоторые изъ крестьянъ бро-

ислись на казаковъ съ дубинами и кольями. Разумѣется, они были отброшены, и порядокъ былъ восстановленъ. Когда казаки выходили изъ усадьбы названнаго владѣльца, находящейся по сосѣдству съ крестьянскими дворами, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ плетня стоялъ «молодой человѣкъ», обратившійся къ нимъ съ такой рѣчью: «Что вы шлаетесь здѣсь, налетаете, какъ черти!» Одинъ изъ казаковъ, показывая нагайку, спросилъ: «не хочешь ли этого отвѣдать?» Молодой человѣкъ, нисколько не смутясь, отвѣтилъ: «попробуй тронуть, скоро казаки дождутся отъ мужиковъ не кольевъ и дубины, какъ теперь, а чего нибудь похуже». Этотъ фактъ также заимствованъ изъ того же официальнаго источника.

Въ имѣніи А. И. Орлова при деревнѣ Михайловкѣ значительная толпа крестьянъ, подъ предводительствомъ нѣкогого Собакара, оказала явное сопротивленіе казачьему отряду и требованію равойтись не подчинилась, начавъ наступать съ криками: «вали, небойсь, бей!» Было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, два крестьянина упало, и толпа отхлынула, унося раненыхъ, но затѣмъ снова начала наступать. Казаки въ это время были спѣшены. Приказный Нагаевъ скомандовалъ на коней и ринулся на толпу. Собакаръ, бросившись на впереди скакавшаго Нагаева, замахнулся оглоблей, желая сбить съ лошади, но ударомъ шапки по головѣ Собакаръ былъ сбитъ съ ногъ, и толпа обратилась въ бѣгство. Подполковникъ Грифъ, командовавшій пѣхотнымъ отрядомъ, такъ рассказываетъ о событіяхъ. Быстрое передвиженіе командуемаго имъ батальона, раздѣленнаго на части, способствовало къ такому же быстрому водворенію порядка; гдѣ форсированнымъ маршемъ, а гдѣ и на подводахъ воинскія части всюду поспѣвали во-время. Пока мы разсматриваемъ только отдѣльные этюды изъ печальныхъ Валковско-Богодуховскихъ событій, почему и возьмемъ изъ донесенія подполковника только то, что къ этой части изложенія относится. Крестьяне деревень Могилясовки, Очеретовки и хутора Сидоренкова оказали смѣлое сопротивленіе войскамъ. Они собирались въ правильные каре, бросая полѣнья и камни; при обыскахъ отказывались возвращать награбленное, вездѣ встрѣчая солдатъ отчаяннымъ сопротивленіемъ. Вблизи села Высокополя былъ такой случай: проходилъ воинскій отрядъ, въ сторонѣ дороги находился ровъ, гдѣ вооруженные кольями и дубинами устроили засаду. Несмотря на развѣдочные отряды, никто не зналъ о готовящемся нападеніи, и, какъ только воинская часть поровнялась со ровомъ, толпа ее атаковала. Изъ толпы былъ даже сдѣланъ выстрѣлъ, къ счастью, не причинившій никому вреда. Командиръ взвода, унтеръ-офицеръ Власовъ, быстро построилъ свою часть въ боевой порядокъ и съ крикомъ «ура» бросился на толпу, обративъ ее въ бѣгство, при чемъ былъ захваченъ одинъ крестьянинъ. Въ хуторѣ Мозулевѣ, гдѣ была сожжена усадьба владѣльца, крестьяне отка-

зались возвращать награбленное. Никакія угрозы не дѣйствовали, крестьяне упорствовали, и въ концѣ концовъ поиски его оказались безрезультатными. Впослѣдствіи, имущество было найдено въ спущенномъ прудѣ, разумеется, никуда негодное. Вблизи имѣнія Духовскаго отрядомъ казакѣвъ былъ встрѣченъ обозъ изъ пяти-сотъ подводъ. Командиръ 5-ой сотни Оренбургскаго казачьяго полка приказалъ обозу остановиться. Крестьяне начали сбрасывать часть награбленнаго для облегченія подводъ и погонять лошадей, но остановиться не пожелали, тогда командиръ сотни заѣхалъ впереди обова и изъ револьвера убилъ лошадь первой подводы. Обозъ остановился. Не обошлось, разумеется, и безъ нѣкоторыхъ комическихъ приключеній. Всѣ были напуганы. Пустой случай возбуждалъ тревогу, совершенно понятную при томъ возбужденіи, въ которомъ находилось населеніе. Такъ, напримѣръ, въ лѣсу помѣщика Е. М. Духовскаго проѣзжавшій объѣздчикъ услышалъ трескъ и какой-то шумъ. Не рѣшаясь приблизиться къ мѣсту, откуда шли страшные звуки, онъ быстро направился въ усадьбу и доложилъ управляющему, что въ лѣсу совершается что-то не ладное. Это происходило, когда безпорядки были прекращены, но войска еще оставались въ предѣлахъ уѣзда. Напуганный управляющій тотчасъ далъ знать исправнику, что волненія крестьянъ начались вновь, прося немедленно прислать военную силу. Тридцать пять казаковъ были высланы къ мѣсту предполагавшейся порубки лѣса, гдѣ и арестовали на мѣстѣ преступленія семь чело-вѣкъ крестьянъ, занимавшихся ловлею бѣлокъ. Въ этомъ занятіи крестьяне сломали нѣсколько вѣтвей, разумеется, не нанеся никакого ущерба владѣльцу. Валковскій исправникъ рапортомъ донесъ объ этомъ происшествіи губернатору, который на этомъ рапортѣ сдѣлалъ довольно оригинальную отмѣтку: «остроумно».

Нужно ли говорить, что крестьяне были освобождены изъ-подъ ареста немедленно. Къ характеристикѣ грабежа, производимаго крестьянами, слѣдуетъ упомянуть о разграбленіи усадьбы А. А. Богаевского. Тутъ крестьяне расхитили не только продукты сельскохозяйственнаго производства, но всю движимость, находившуюся въ помѣщицкѣмъ домѣ, оставивъ голыя стѣны. Впрочемъ, это былъ не единичный случай, и въ другихъ мѣстахъ разбирались не только хлѣбъ, но уничтожали и движимость въ домахъ. Въ указанномъ случаѣ грабители не пощадили многихъ древнихъ предметовъ и предметовъ роскоши, на собраніе которыхъ было потрачено немало времени и денегъ; также точно уничтожили довольно цѣнную бібліотеку. Можно было бы привести еще немало подобныхъ примѣровъ, но для характеристики волненій достаточно и сказанныхъ.

III.

О происходившихъ беспорядкахъ харьковскій губернаторъ, князь И. М. Оболенскій, 31 марта донесъ телеграммой министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ въ то время былъ нынѣ покойный Д. С. Сипягинъ, на что 1 апрѣля получилъ такой телеграфическій отвѣтъ: «Вполнѣ надѣюсь, что ваше сіятельство рѣшительнымъ образомъ дѣйствию съ примѣрнымъ наказаніемъ виновныхъ немедленно прекратите перешедшее изъ Полтавской губерніи безобразное движеніе. Буду ждать подробнаго сообщенія о принятыхъ мѣрахъ и ихъ результатахъ» (т. I, л. 28). Въ чемъ же заключались мѣропріятія губернатора? Этотъ вопросъ необходимо выяснитъ подробнѣе. Въ обществѣ, хотя и не во всей его совокупности, раздавались нескрываемаыя справедливыя порицанія кн. Оболенскаго относительно превышенія имъ власти, жестокости и незаконности его дѣйствию. Говорили даже, что оставленіе имъ должности харьковскаго губернатора связано съ незаконностью его дѣйствию при восстановленіи нормальнаго теченія сельской жизни. Эти разговоры во многомъ были основательны, отмѣчаю ихъ, какъ фактъ того, что общественное мнѣніе не было на сторонѣ мѣропріятія кн. Оболенскаго. Конечно, трудно отрицать, что не всѣмъ было извѣстно дѣйствительное положеніе вещей, вызывавшихъ въ чрезмѣрно усердномъ губернаторѣ необходимость рѣшительныхъ мѣръ, съ точки зрѣнія закона несомнѣнно не дозволенныхъ: «нужда законъ измѣняетъ»,—такъ говорили его сторонники. Но, какъ бы то ни было, а принятые репрессіи были незаконны. Ибранный губернаторомъ путь, правда, ограничилъ территорію беспорядковъ, безъ жертвъ со стороны того населенія, которое по невѣжеству и по темнотѣ своей было вовлечено въ преступленіе и въ то же время разростающимся погромомъ угрожало неисчислимыми бѣдствіями, но, прибѣгнувъ къ поркѣ, онъ озлобилъ населеніе, деморализировалъ его. Выше нами указано, что 31 марта губернаторъ выѣхалъ на мѣсто беспорядковъ, и съ нимъ вмѣстѣ отправился одинъ батальонъ пѣхоты и сотня казаковъ на станцію Искровку Харьковско-Николаевской желѣзной дороги. Прибывъ на мѣсто, губернаторъ тотчасъ убѣдился, что беспорядки распространяются съ быстротой сплошнаго пожара, что прибывшихъ войскъ недостаточно. Черезъ начальника харьковскаго гарнизона 1 апрѣля была вытребована еще сотня казаковъ. Мѣстныя власти дали въ общихъ чертахъ характеристику беспорядковъ и схему ихъ распространенія. Районъ дѣйствию губернатора въ силу закона былъ ограниченъ предѣлами Харьковской губерніи, но при первыхъ же шагахъ выяснилось, что тутъ не можетъ быть соблюдаемъ принципъ невмѣшательства къ подавленію движенія только потому, что сосѣднія съ границей Харьковской губерніи населен-

ныя мѣста Полтавской губерніи подчинены въ отношеніи административнаго надзора и управленія полтавскому губернатору, который лично самъ признавалъ свою безпомощность, что и выражено имъ въ приведенной выше его телеграммѣ. Вотъ почему князь И. М. Оболенскій узнавъ, по приѣздѣ на станцію Искровка, въ чемъ дѣло, немедленно отправилъ полторы роты на станцію Кочубеевку для подавленія беспорядковъ въ близлежащихъ къ этой станціи мѣстахъ. Затѣмъ самъ губернаторъ сталъ во главѣ коннаго отряда. Изъ телеграммы министру внутреннихъ дѣлъ видно, что отрядъ началъ свое движеніе отъ границы Полтавской губерніи. Въ каждомъ селѣ или хуторѣ войска разгоняли толпу, задерживали виновныхъ и награбленное имущество. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне выбрасывали съ возовъ похищенные изъ усадебъ предметы или же прятали ихъ въ кустарникахъ, сами же старались скрыться. Въ мѣстахъ грабежа, задержанные крестьяне наказывались розгами, арестовывали только тѣхъ, на кого указывали, какъ на наиболѣе виновныхъ. Тѣлесному наказанію подвергались и тѣ, кто былъ задержанъ съ поличнымъ. Губернаторъ съ кратковременными передышками пробылъ на конѣ 52 часа, лично дѣлая распоряженія. Крестьяне Полтавской губерніи, села Лисичья, задержанные, какъ грабители и поджигатели, въ числѣ 64 человекъ, были переданы судебной власти. Предупредить беспорядки полицейскими мѣрами въ моментъ ихъ возникновенія, какъ удостовѣряетъ губернаторъ, не было возможности, и онъ вновь относитъ всю вину за прошедшее къ распущенности сельской и уѣздной полиціи, которая далеко не была на высотѣ сознанія своего долга. Очевидно, что за дѣятельностью полиціи до этого времени никто не слѣдилъ, не было руководящей сильной власти. Всѣ были предоставлены самимъ себѣ, и наличность кажущагося мѣстнаго благополучія удостовѣрялась рапортами и донесеніями. Несмотря на энергичныя мѣропріятія князя Оболенскаго, ходъ беспорядковъ указывалъ, что могутъ потребоваться новыя части войскъ, которыхъ командировать изъ Харькова въ нужномъ числѣ не представлялось возможности. И въ Харьковѣ необходимо было оставлять воинскія части для охраны города; здѣсь, въ особенности среди учащейся молодежи, было неспокойно. Этимъ объясняется телеграмма департамента полиціи, дававшая знать губернатору, что «о незамедлительной присылкѣ войскъ въ ваше распоряженіе въ случаѣ надобности и изъ сосѣднихъ губерній сообщено по телеграфу командующему войсками Кіевского военнаго округа, къ которому благоволите и обращаться». Однако, для быстроты дѣйствій губернатору удобнѣе было бы сноситься съ начальниками мѣстныхъ гарнизоновъ, которые могли бы держать наготовѣ части войскъ вблизи станцій отправленія. Для сношеній съ командующимъ войсками требовалось время. Тѣмъ болѣе умѣстенъ былъ

бы такой способъ, что не вездѣ, въ мѣстахъ, охваченныхъ безпорядками, послѣ прохода войскъ и генеральной порки восстанавливалось спокойствіе. Войска уходили, безпорядки возобновлялись. Надлежало оставлять войска хотя бы на нѣкоторое время до полного упокоенія населенія, но осуществить такую мѣру, въ особенности вначалѣ, было нельзя по малочисленности командированныхъ войскъ. Что безпорядки возобновлялись въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ они, повидимому, были прекращены, доказываетъ телеграмма прокурора харьковской судебной палаты прокурору полтавскаго окружного суда, которая говоритъ: «грабежи продолжаютъ послѣ прохода войскъ; однородныхъ случаевъ свыше 20» (т. I, л. л. 29, 30, 79, 84). Это обстоятельство, несомнѣнно, подтверждаетъ и то, что крестьяне-грабители не очень-то боялись подвергнуться репрессіямъ вновь, и что войска не производили на нихъ того впечатлѣнія, на которое рассчитывали власти. Впрочемъ это только попутное замѣчаніе.

Недостатокъ войскъ поставилъ въ зависимость самый характеръ мѣръ и способовъ прекращенія безпорядковъ. Извѣщенія письменныя, телеграфныя, отъ владѣльцевъ поступали въ изобилии, хотя въ ихъ помѣстья посылались летучіе малочисленные отряды, на которые и были раздѣлены войска, призванные къ подавленію движенія. Этими отрядамъ давались маршруты слѣдованія. Въ большей части случаевъ пѣхота доставлялась на мѣста разгромовъ на подводахъ, наряжаемыхъ отъ сельскихъ обывателей. Для большаго успѣха былъ организованъ особый развѣдочный отрядъ, который задерживалъ двигавшіеся въ разныхъ направленіяхъ обозы съ награбленнымъ имуществомъ и гдѣ непосредственно, а гдѣ съ помощью вызванныхъ войсковыхъ частей отбиралъ награбленное имущество, или же подъ охраной направлялъ по принадлежности. Только такимъ путемъ возможно было быстро прекратить или предупредить безпорядки въ дер. Рѣдкодубѣ, Дмитровкѣ, Марсовомъ Полѣ, въ Мирной—Кенига и другихъ мѣстностяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей было приказано принимать рѣшительныя мѣры къ прекращенію движенія, но не употреблять въ дѣло оружія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда возмутившіеся крестьяне окажутъ сопротивленіе войскамъ. Мы уже имѣли возможность убѣдиться, что факты такого сопротивленія наблюдались не рѣдко, и, разумѣется, нельзя не одобрить приведеннаго распоряженія, устранившаго неизбѣжность человѣческихъ жертвъ, хотя совѣмъ избѣжать такого исхода не удалось. Изъ донесенія полковника Грифа видно, что онъ задерживалъ зачинщиковъ, по указанію самихъ крестьянъ,—наказывалъ ихъ тѣлѣсно. Въ Калениковѣ было арестовано 96 человѣкъ. По представленію мѣстнаго земскаго начальника и владѣльца въ то же время этого же села, съ разрѣшенія вице-губернатора Осоргина

они были подвергнуты тому же наказанію. Телеграммой отъ 4 апрѣля губернаторъ поручалъ богодуховскому исправнику примѣнять тѣлесное наказаніе по его усмотрѣнію, предоставляя тѣ же права другимъ чинамъ полиціи. Арестовывать и передавать судебной власти предписывалось только подстрекателей, если таковыя будутъ задержаны, и полицейскимъ дознаніемъ будетъ установлена наличность этого именно преступленія. Войска, прибывая въ мѣста грабежа, употребляли всѣ усилія пріостановить движеніе мѣрами увѣщанія. Гдѣ мирныя обращенія не помогали, приходилось прибѣгать къ экзекуціи. Отрывочныя свѣдѣнія, имѣющіяся въ разсмотрѣнныхъ матеріалахъ, даютъ указанія, гдѣ крестьяне были подвергаемы тѣлесному наказанію. Въ деревнѣ Перекопѣ подвергнуто этому наказанію 43, въ хуторѣ Левендаровкѣ 87, въ Рябовкѣ изъ 40 задержанныхъ наказаніе примѣнено къ 10, 8 переданы въ распоряженіе судебной власти. Земскій начальникъ 3-го уч. Богодуховскаго уѣзда увѣдомлялъ губернатора, что въ Мирной 76 человекъ «перепорото» и 11 передано судебной власти (т. 2, л. 169). Тѣлесное наказаніе примѣнялось не ко всѣмъ участвовавшимъ въ грабежахъ поголовно, а къ тѣмъ, кто былъ задержанъ съ поличнымъ, кто оказывалъ сопротивленіе по выдачѣ ограбленнаго имущества, и къ наиболѣе дѣятельнымъ грабителямъ, вожаки же и подстрекатели, насколько это можно было установить, передавались судебной власти.

Какъ мы уже сказали, экзекуція была поручена не только полиціи, но всѣмъ командовавшимъ отдѣльными воинскими отрядами, исправникамъ, полицейскимъ чинамъ и земскимъ начальникамъ. Такое распоряженіе нельзя признать правильнымъ. Если признано было необходимымъ прибѣгать къ этой незаконной мѣрѣ, то, конечно, требовалась особая осторожность въ предоставленіи правъ къ ея примѣненію. Иначе должны были происходить и дѣйствительно имѣли мѣсто самоуправныя распоряженія. Одинъ изъ землевладѣльцевъ письмомъ увѣдомлялъ губернатора: «умиротвореніе происходитъ безпорядочно, патрули являютъ въ одну деревню и порютъ, въ другой прощаютъ» (т. 2, л. 198). Нужно ли говорить, что такія дѣйствія еще болѣе усугубляли незаконность способа умиротворенія и во всякомъ случаѣ не могли оказать вліянія на крестьянъ въ смыслѣ уваженія къ власти. Хотя въ дѣлѣ есть указанія на то, что наказаніе розгами не превышало 20—25 ударовъ, но надо думать, не вездѣ было такъ. Непремѣнный членъ губернскаго присутствія просилъ губернатора смягчать наказанія, а это указываетъ если не на полное его несочувствіе этой мѣрѣ, которое открыто высказано быть не могло, то, несомнѣнно, на вѣроятность жестокости его примѣненія. Впрочемъ, это не единственное указаніе на то, что нѣкоторыя мѣстныя власти не вездѣ одинаково примѣняли этотъ родъ наказанія. При томъ условіи, что

войска раздѣлялись на отряды, командованіе которыми вручалось даже унтеръ-офицерамъ, а у казаковъ приказнымъ, самое наказаніе могло только ожесточать населеніе. Облекать широкими правами такихъ лицъ врядъ ли было рационально. Кромѣ тѣлеснаго наказанія, селенія, въ которыхъ временно находились войска, подвергались реквизиціи, но только тогда, когда населеніе отказывалось за плату отпускать продовольствіе нижнимъ чинамъ и фуражъ лошадямъ. Реквизиціонный способъ примѣнялся не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Оружіе, за исключеніемъ одного указаннаго случая, не примѣнялось нигдѣ для подавленія беспорядковъ, какъ о томъ уже и сказано выше. Губернаторъ не разъ предписывалъ избѣгать по возможности этого способа усмиренія. И такое отношеніе къ дѣлу значительно смягчаетъ впечатлѣніе отъ тѣлеснаго наказанія, которое, къ сожалѣнію, производилось въ широкихъ размѣрахъ и вызывало справедливое порицаніе со стороны общества. Гдѣ руководилъ подавленіемъ беспорядковъ губернаторъ лично, тамъ этотъ способъ наказанія, повторяемъ, незаконный, былъ примѣняемъ въ предѣлахъ извѣстной сдержанности, но въ другихъ мѣстахъ дѣло обстояло иначе. Кн. Оболенскій, видя лично распространеніе беспорядковъ и наблюдая, что войска своимъ появленіемъ не вездѣ производятъ ожидаемое впечатлѣніе на крестьянъ, полагалъ, что поступать на основаніи закона, т.-е. стрѣлять въ безоружную толпу, слишкомъ жестоко, почему и прибѣгнулъ къ этой крайней мѣрѣ, какъ неизбежной, въ виду тѣхъ послѣдствій, какія могли произойти въ дальнѣйшемъ, если бы не рѣшиться на какой либо изъ способовъ энергичнаго воздѣйствія.

На сторонѣ тѣлеснаго наказанія стояли почти всѣ мѣстныя власти. Даже валковскій уѣздный предводитель дворянства, В. В. Ширковъ, явился самымъ яркимъ сторонникомъ порки. Такъ, онъ домогался наказывать всѣхъ черезъ десятаго, пятнадцатаго, сотскихъ и всѣхъ должностныхъ лицъ перепоротъ, а нѣкоего Михея Абдулу наказать въ присутствіи десяти сельчанъ (т. 2, л. 198). Затѣмъ этотъ же предводитель требовалъ непосредственнаго руководства усмиреніемъ. Но губернаторъ просилъ Ширкова не принимать участія ни въ какихъ дѣйствіяхъ ни военныхъ ни гражданскихъ властей. По этому поводу предводитель дворянства на сѣздѣ земскихъ начальниковъ сказалъ пространную рѣчь, критикуя дѣйствія разныхъ лицъ. Этотъ инцидентъ вызвалъ со стороны губернатора обращеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ просилъ вызвать Ширкова и оказать вліяніе въ смыслѣ прекращенія дальнѣйшаго его вмѣшательства въ распоряженія гражданскихъ и военныхъ властей, признавая неудобнымъ оставлять его во главѣ уѣзднаго сѣзда (т. 2, л. 200). Г. Ширковъ былъ вызванъ къ министру, чѣмъ инцидентъ и былъ исчерпанъ.

Какъ всегда, такъ и въ разсматриваемомъ случаѣ единства дѣйствій не было. Князь Оболенскій нисколько, впрочемъ, этого обыденнаго явленія не скрывалъ. Столкновения властей между собою, совершенно не согласующіяся съ требованіями служебнаго долга, не были ни для кого секретомъ. Когда населеніе, не участвовавшее въ безпорядкахъ, отказывало въ отводѣ квартиръ или въ отпускѣ подводъ, какъ то удостовѣряетъ подполковникъ Грифъ, не отпускало продовольствія и фуража даже за плату, то такое отношеніе можетъ имѣть какія либо оправдывающія объясненія. Но когда власти входили въ препирательства, да еще въ такое время, когда ихъ дѣйствія могли ослаблять принимаемыя мѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ приносить очевидный вредъ, то тутъ логически ничего не объяснишь. Укажу на нѣкоторые примѣры такого характера. Подполковникомъ Грифомъ и другими властями было арестовано 150 крестьянъ; ихъ нужно было охранять, что должно бы составлять обязанность полиціи, которая могла предвидѣть массу арестовъ, а потому и усилить свой составъ, не считаясь съ какими либо препятствіями, легко устранимыми при извѣстной заблаговременной распорядительности. Но недостатокъ надзора за арестованными оказался полный. Въ числѣ указанныхъ 150 были и серьезные преступники: поджигатели и вожаки. Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, г. Марки, потребовалъ отъ подполковника Грифа выдѣлить изъ его батальона часть нижнихъ чиновъ для охраны арестованныхъ. Но командиръ батальона, очевидно, исполнить это требованіе не могъ: одна рота находилась въ селѣ Рѣдкодубѣ, поль-роты въ хуторѣ Майданѣ, поль-роты были въ развѣдочномъ отрядѣ для поимки поджигателей, остальные части находились въ Константиновскомъ заводѣ и другихъ мѣстахъ. Съ подполковникомъ Грифомъ былъ незначительный по численности отрядъ, который долженъ былъ двигаться для прекращенія безпорядковъ по данному губернаторомъ маршруту и не могъ безъ ущерба для дѣла выдѣлить охранную стражу. Но судебный слѣдователь Марки отказъ въ исполненіи его требованія счелъ за неисполненіе подполковникомъ служебныхъ обязанностей и грозилъ составленіемъ протокола для привлеченія подполковника къ законной отвѣтственности. Съ точки зрѣнія закона, требованіе судебного слѣдователя было врядъ ли справедливо, а угроза протоколомъ еще тѣмъ менѣе. Богодуховскій уѣздный исправникъ рапортомъ отъ 22 апрѣля за № 399 доносилъ губернатору, что судебный слѣдователь 2-го участка этого уѣзда, по распоряженію прокурорскаго надзора, привлекъ къ предварительному слѣдствію только зачинщиковъ. Остальныхъ грабителей, которые къ тому же не подвергались наказанію и значились въ особомъ, представленномъ ему спискѣ, освободилъ отъ преслѣдованія. Мотивомъ для такихъ дѣйствій послужило то, что, по мнѣнію судебного слѣдователя, «ока-

жется слишкомъ много обвиняемыхъ и дастъ много работы судебной власти». Этотъ пріемъ взволновалъ, по словамъ исправника, многихъ помѣщиковъ, которые, можетъ быть, были и правы, считая дѣйствія судебного слѣдователя могущими послужить поощреніемъ для такихъ крестьянъ-грабителей, которые случайно не привлечены, какъ таковые. Вообще прокурорскій надзоръ высказывалъ неудовольствіе по поводу недостатка полиціи, которая въ такую критическую минуту должна была быть на своихъ мѣстахъ и въ достаточномъ числѣ. Сельская полиція сама участвовала въ грабежахъ. Такъ, прокуроръ полтавскаго окружного суда въ довольно рѣшительныхъ выраженіяхъ заявлялъ о невозможности вести разслѣдованія, просилъ вернуть командированную по разнымъ мѣстамъ полицію и выслать войска (т. I, л. 30). На самомъ дѣлѣ при массѣ задержанныхъ трудно было производить разслѣдованіе безъ охраны, да и населеніе не такъ было спокойно, чтобы не мѣшать слѣдственнымъ дѣйствіямъ. Губернаторъ непосредственно указывалъ на нежелательныя столкновенія между властями. Такъ, въ телеграммѣ непремѣнному члену губернскаго присутствія онъ просилъ, между прочимъ: «удерживайте стремленіе мѣстныхъ властей сводить личные счеты» (т. II, л. 190).

Изъ общей характеристики безпорядковъ, основанной на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ лицъ, такъ или иначе, принимавшихъ участіе въ ихъ подавленіи, мы видѣли, что они распространялись съ «ужасающей быстротой», грозя перейти въ сосѣдніе уѣзды и направиться въ районъ съ относительно значительнымъ фабрично-заводскимъ населеніемъ, а именно въ Сумскій уѣздъ, но губернаторъ и тамъ предпринялъ предварительныя мѣры предосторожности, которыя далеко не оказались лишними. Агитаторы, подстрекавшіе къ бунту и возмущенію, появлялись и здѣсь, но нѣсколько запоздали. Изъ распоряженій губернатора видно, что къ предупрежденію возможности возникновенія движенія привлечены были всѣ мѣстныя власти. Земскимъ начальникамъ было предложено слѣдить за настроеніемъ крестьянскаго населенія; въ случаѣ появленія броженія и обнаруженія неблагонадежныхъ лицъ принимать рѣшительныя мѣры. Слухъ о безпорядкахъ и насиліяхъ крестьянъ разнесся быстро, волновалъ населеніе, которое настойчивыми ложными, хотя и нелѣпыми по существу, рассказами о «передѣлѣ» держалось злоумышлявшими въ тревожномъ настроеніи. Отовсюду шли безпокойныя извѣстія. Невѣжественная среда, введенная въ заблужденіе путемъ подстрекательства, шла за вожаками на грабежи въ большинствѣ инстинктивно. Стрѣлять въ эту толпу людей съ помутившимся разсудкомъ, убивать совершенно невинныхъ, чего избѣжать въ такихъ случаяхъ никогда не удавалось, врядъ ли можно признать и человѣчнымъ и необходимымъ тогда, когда умиротворенія можно было достигъ не поркой, а дру-

гими способами, если бы крестьянское населеніе имѣло хоть каплю довѣрія къ тѣмъ, кто стоитъ близко къ нему, какъ власть. Мѣропріятія князя Оболенскаго быстро потушили вышній пожаръ на территоріи безпорядковъ; но уничтожили ли эти же мѣропріятія тѣ искры огня, которыя продолжали тлѣть до перваго вѣтерка, вполне достаточнаго для новаго бѣдствія? Врядъ ли населеніе поняло, что принятія мѣры были незаконныя, хотя и сознало неправоту своихъ дѣйствій. Во многихъ селахъ крестьяне стояли на колѣняхъ, давали клятву, что никогда ничего подобнаго не повторится. Войска были встрѣчаемы съ хлѣбомъ-солью. Но заявленія мѣстныхъ дѣятелей утверждали совсѣмъ другое. Офіціальныя данныя, попавшія въ докладъ губернатора, утверждаютъ слѣдующее. Въ Алексѣевской волости, откуда и началось волненіе, населеніе успокоившись, какъ это видно изъ донесенія волостного правленія, рѣшило собирать сельскіе сходы. Въ полномъ ихъ составѣ крестьяне отправлялись къ помѣщикамъ просить забыть ихъ вину, въ которую вовлечены они были злоумышленниками (т. I, л. 122). Изъ сообщеній непремѣннаго члена губернскаго присутствія также можно убѣдиться въ раскаяніи крестьянъ за все происшедшее и въ стремленіи достигъ прощенія въ видѣ избавленія отъ наказанія, а нравственнаго удовлетворенія для возможнаго успокоенія совѣсти. Во многихъ мѣстахъ крестьяне обращались къ священникамъ, просили ихъ помолиться вмѣстѣ съ ними о прощеніи «содѣянныхъ беззаконій». Въ этихъ яркихъ простыхъ выраженіяхъ чувствъ и мыслей нельзя не видѣть весьма важной характеристической стороны самаго движенія, которое произошло не отъ обострившихся отношеній между ними и землевладѣльцами на почвѣ экономическихъ затрудненій, а создано искусственно путемъ давленія и подстрекательства. Сами агитаторы и ихъ главари нисколько, впрочемъ, своихъ намѣреній и не скрывали. Они признали произведенный опытъ революціи неудачнымъ, а крестьянскую среду къ ней не подготовленной, что, какъ увидимъ ниже, подтверждается фактически. Гдѣ же истинная, правдивая причина безпорядковъ? Вотъ вопросъ, который подлежитъ теперь нашему разрѣшенію.

IV.

Всякое волненіе среди крестьянскаго населенія обыкновенно объясняютъ аграрными причинами. Но, спрашивается, по какимъ основаніямъ можно было бы признать, что крестьянскія движенія въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ имѣли характеръ аграрныхъ безпорядковъ, когда остальная часть губерніи находится въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ? Обезпеченіе крестьянъ землей въ Валковскомъ уѣздѣ по своимъ размѣрамъ не предста-

вляеть какихъ либо рѣзкихъ особенностей по сравненію съ крестьянами остальныхъ уѣздовъ. Въ Валковскомъ уѣздѣ надѣльной земли, по свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, 113.314 десятинъ удобной, т.-е. способной къ культурѣ; неудобную мы исключаемъ. Крестьянское населеніе исчисляется по даннымъ послѣдней переписи въ 147 тысячъ лицъ обоого пола.

Исслѣдованія нѣкоторыхъ уѣздовъ Харьковской губерніи показали, что на одинъ дворъ, или хозяйство, къ концу девяностыхъ годовъ приходилось 6 лицъ обоого пола. Значить, среднее хозяйство сельскаго земледѣльческаго населенія мы можемъ принять и для Валковскаго уѣзда въ шесть душъ обоого пола, а по этому числу опредѣлить, что здѣсь на каждое хозяйство приходится удобной надѣльной земли по четыре съ половиной десятины.

Эта цифра не такъ уже незначительна, чтобы можно было утверждать, что въ Валковскомъ уѣздѣ мы имѣемъ дѣло съ типичнымъ малоземельемъ. Нельзя также не имѣть въ виду, что въ томъ же уѣздѣ до 60 тысячъ десятинъ принадлежатъ частному землевладѣнію, изъ которыхъ эксплуатируется непосредственно, если принять вѣроятную величину, выработанную для черноземныхъ губерній, только 75%, остальные 25%, или 15 тысячъ десятинъ земли, находятся въ пользованіи крестьянъ за отработки изъ доли урожая, или въ краткосрочной арендѣ за деньги, что составляетъ значительное подспорье для земледѣльческаго населенія и значительно ослабляетъ нужду въ землѣ. Валковскій уѣздъ характерно земледѣльческій, фабричная и заводская промышленность выражается въ немъ совершенно незамѣтными величинами, да и у самого населенія не обозначается нужды въ отходѣ на заработки на сторону. Благоприятнымъ экономическимъ признакомъ служить еще и то, что случаевъ переселеній изъ Валковскаго уѣзда въ теченіе 1901 и 1902 годовъ не было, какъ то удостовѣряють свѣдѣнія Харьковскаго статистическаго комитета и всеподданнѣйшіе отчеты харьковскаго губернатора за тѣ же годы. А это явленіе, при сравненіи его съ другими уѣздами губерніи, представляется исключительнымъ, такъ какъ переселеній не наблюдалось за указанное время только въ этомъ и Зміевскомъ уѣздахъ. Затѣмъ другія данныя изъ экономической жизни населенія разсматриваемой территоріи также не даютъ указаній на особо неблагоприятныя условія, на почвѣ которыхъ могло возникнуть аграрное движеніе.

Хлѣбные запасы превышали установленную закономъ пропорцію; такъ, на 37.983 души, подлежавшихъ сбору хлѣба, въ магазинахъ на 1 января 1901 г. было озимаго 42.433 четверти и ярового 21.662 четверти, да продовольственнаго капитала 8.931 р. При этомъ населеніе было совершенно свободно отъ долговъ по займамъ изъ имперскаго и губернскаго продовольственнаго капиталовъ.

Это послѣднее обстоятельство весьма важно, указывая на то, что въ недороды 1883, 1891 и 1892 гг. крестьяне Валковскаго уѣзда обошлись своими средствами, когда крестьяне остальныхъ уѣздовъ задолжали значительныя суммы. Но, можетъ быть, результаты урожая 1901 года были такъ неудовлетворительны, что сразу пошатнули крестьянское хозяйство, которое, очутившись въ крайней нуждѣ, и вызвало броженіе, а затѣмъ и беспорядки на аграрной почвѣ? И это предположеніе статистическими данными центрального статистическаго комитета опровергается съ достаточной убѣдительностью. Урожай хлѣбовъ за предшествовавшій беспорядкамъ сельско-хозяйственный годъ равнялся въ среднемъ: озимаго хлѣба, преимущественно ржи, 9 самъ, а ярового 6 самъ. За десятилѣтіе съ 1891 г., только въ 1898 г. урожай яровыхъ былъ выше, а именно самъ семь. Урожай сѣна былъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, а именно съ заливныхъ луговъ было собрано 133 п. съ десятины, а съ незаливныхъ 87 п. Наконецъ, недоимочность въ платежахъ и сборахъ была также относительно ничтожна, не составляя и 12⁰/₀ къ окладу 1901 г. Итакъ, отнести возникновеніе беспорядковъ въ Валковскомъ уѣздѣ исключительно къ причинамъ экономическаго характера, угнетавшимъ населеніе, нѣтъ никакихъ основаній. Крестьянское малоземелье, какъ причина, по которой могло возникнуть движеніе, для даннаго случая мѣста не имѣло.

Затѣмъ крестьяне, участвовавшіе въ грабежахъ, нигдѣ никакихъ опредѣленныхъ требованій не выставляли, а, если относиться къ оцѣнкѣ событій, происшедшихъ, какъ въ Харьковской, такъ и въ Полтавской губерніяхъ, безпристрастно, то необходимо признать, что движеніе это имѣло всѣ признаки смуты, возбужденной революціонными элементами. Разграбленіе и уничтоженіе имущества, поджоги и насилія, какъ это видно изъ предыдущаго, не были результатомъ экономическаго угнетенія и безвыходнаго положенія, когда наличность такихъ причинъ иногда вынуждаетъ идти силою для облегченія своего невозможнаго существованія. Повторяю, этого не было. А по условіямъ дѣйствительности, представленной и подтвержденной фактически, и не могло быть. Нужно витать въ области предвзятыхъ шаблоновъ, чтобы отнести Валковскіе и Богодуховскіе беспорядки къ назрѣвшимъ аграрнымъ условіямъ. Это движеніе было дѣломъ рукъ социаль-революціонной партіи. Его начало, его ходъ и все то, что послужило къ его возникновенію, лучшее тому доказательство. Ошибаются тѣ, кто желаетъ увѣрить, что среди крестьянства партія социаль-демократовъ безсилна, вслѣдствіе невѣжества массъ и совершенной неподготовленности къ воспріятію послѣднихъ словъ революціоннаго социализма. Здѣсь, въ этой средѣ, наши революціонеры такими идеями и не задаются. Имъ нужно распространять анархизмъ и

терроръ. Соціалисты и революціонеры и дѣйствуютъ въ крестьянской средѣ только постольку, поскольку могутъ достигать этихъ именно цѣлей. Сами они это утверждаютъ, и вовсе не имѣютъ намѣренія воспитать въ крестьянствѣ идеи политической свободы: для этого, они хорошо знаютъ, нѣтъ почвы, а стремятся имѣть въ крестьянствѣ слѣбое орудіе для возбужденія бунтовъ и насажденія террора. Сдѣлаемъ выдержки изъ основной программы дѣятельности соціалистовъ-революціонеровъ, въ подтвержденіе выказаннаго положенія.

«Крестьянство,—говорятъ они,—представляя часть трудящатося населенія Россіи, призвано играть важную роль въ нашемъ экономическомъ и политическомъ будущемъ. Но, отводя крестьянству такую роль въ будущемъ, социаль-революціонная партія не можетъ считать его въ настоящее время опорой для достиженія политической свободы и удобной почвой социаль-революціонной пропаганды». «Крестьянство мало доступно социаль-революціонной пропагандѣ, а сознательное массовое революціонное движеніе въ крестьянствѣ пока невозможно». «Дѣятельность партіи въ крестьянской средѣ должна сводиться къ пропагандѣ идей социализма и въ особенности политической свободы среди развитой части крестьянства, при помощи лицъ, близко стоящихъ къ нему, къ воздѣйствію черезъ эту передовую часть на остальную массу крестьянства. Воздѣйствіе это выражается въ организаціи или лишь участіи и руководствѣ всякаго рода крестьянскими движеніями, преслѣдуемыми ближайшія и практическія цѣли, содѣйствующія росту солидарности интересовъ, а главное подрывающими довѣріе къ современному политическому строю». «Однимъ изъ средствъ борьбы является политическій терроръ, систематически доведенный до конца, который совмѣстно съ другими революціонными дѣйствіями, получающими только при немъ огромное рѣшающее значеніе открытой массовой борьбы, какъ, на примѣръ, фабричныя и аграрныя бунты, демонстраціи и проч., дезорганизуетъ врага, т.-е. самодержавіе, и поведетъ къ достиженію полной политической свободы»¹⁾. Вотъ выдержки весьма не двусмысленнаго характера, не позволяющія сомнѣваться, что крестьянскія движенія, начиная съ 1852 г. (бунты въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ), всегда были дѣломъ революціоннаго подстрекательства, революціонной организаціи, какъ средство не только терроризировать населеніе, но и въ основаніи подрывать престижъ власти. Если затѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію причинъ возникновенія беспорядковъ въ Харьковской губерніи, то факты насъ убѣдятъ, что и тутъ дѣйствовала та же разрушительная

¹⁾ Записка социаль-революціоннаго комитета, разосланная въ январѣ 1905 г. разнымъ лицамъ.

сила. Здѣсь примѣнялась программа социалистовъ-революціонеровъ со всею энергіей и настойчивостью, какія присущи этой партіи. Она заблаговременно подготовила бунтъ крестьянъ чуть не на виду у всѣхъ властей, которыя, пребывая въ полнѣйшемъ певѣдѣніи, дѣйствовали по системѣ широко у насъ практикуемой: «авось», «небось», «какънибудь».

Крестьянскіе беспорядки въ Полтавской губерніи начались 14 марта 1902 г. Крестьяне деревни Лисичьей Константиноградскаго уѣзда явились толпой въ Карловскую экономію къ управляющему, г. Шейдеману, и стали настойчиво требовать выдать имъ на обмененіе картофель. Попытки отказать въ этомъ требованіи были встрѣчены вызывающе, и управляющій, изъ опасенія весьма вѣроятныхъ осложненій въ случаѣ отказа, сдѣлалъ распоряженіе сѣмена картофеля выдать. Когда это было исполнено, толпа и подводы, бывшія съ ней, удалились. Надо имѣть въ виду, что въ сѣвооборотѣ крестьянскаго хозяйства картофель нужно считать скорѣе огороднымъ растеніемъ, нежели полевымъ. Производство его въ хозяйствѣ крестьянъ ограничивается размѣрами потребленія семьи и незначительнымъ сбытомъ на мѣстныхъ рынкахъ. Обыкновенно этотъ продуктъ составляетъ предметъ «бабьяго хозяйства». Выручка идетъ «бабамъ и дивчинамъ» на «кофты», «спидницы» и другія незатѣйливыя принадлежности сельскихъ франтихъ. Требованіе сѣмянъ этого именно продукта никакъ не могло служить признакомъ бѣдственнаго положенія крестьянъ. Если же недостатокъ его на обмененіе существовалъ, то нуждавшіеся могли обратиться въ уѣздную земскую управу, и просьба въ выдачѣ ссуды на покупку сѣмянъ картофеля была бы разрѣшена безпрепятственно уже потому, что могла быть совершенно незначительной по суммѣ. Но дѣло, разумѣется, не въ картофельныхъ сѣменахъ. Это была развѣдка со стороны крестьянъ деревни Лисичьей: какъ «пань» отнесется къ ихъ вызывающему требованію, незаконность котораго они ясно понимали. Для вожаковъ такое мирное разрѣшеніе вопроса было совсѣмъ не желательнымъ, а руководимой ими толпѣ вселило, что путемъ нахальныхъ домогательствъ можно воспользоваться чужимъ добромъ, которое при всякомъ состояніи хозяйства крестьянъ окажется не лишнимъ. Всѣмъ извѣстно, что обвиненія въ массовомъ невѣжествѣ нашихъ «мужиковъ» черезчуръ преувеличены.

Крестьянинъ очень серьезно и ревниво относится къ огражденію своей собственности и нарушеніе ея своими же односельцами восстанавливаетъ самыми драконовскими мѣрами. Примѣровъ этому не занимать стать. Но онъ же съ необыкновеннымъ легкомысліемъ нарушаетъ собственность сосѣда землевладѣльца безразлично, къ какому бы сословію тотъ ни принадлежалъ. Установившіяся между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ отношенія въ разрѣшеніи во-

просовъ о разныхъ потравахъ, запахиваніи междъ, самовольной пастьбѣ скота, на почвѣ разнообразныхъ компромиссовъ, не могли привить крестьянину здравое понятіе о неприкосновенности чужой собственности. Вотъ почему не понадобится особаго труда, чтобы двинуть толпу на грабеждъ землевладѣльческаго имущества, если къ тому же принять соотвѣтствующія мѣры и озаботиться созданіемъ организаціи для подговора и подстрекательства. Успѣхъ крестьянъ деревни Лисичьей въ экскурсіи въ Карловскую экономію, несомнѣнно, ободрилъ толпу, а главарямъ и жокакамъ не было особаго труда подстрекнуть крестьянъ на требованія въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Тѣ же крестьяне въ селѣ Чернепінѣ уже требовали хлѣба, сѣна, муки, сала и проч. до варенья изъ разныхъ фруктовъ включительно. Страсти разгорались, гдѣ оказывали сопротивленіе, тамъ разбивали заборы, разносили по бревнамъ дома, забирали домашнюю утварь, даже не брезгали кражей св. иконъ, угоняли скотъ, жгли усадьбу, стрѣляли и т. д. Примѣръ этихъ крестьянъ, несомнѣнно, при содѣйствіи главарей движенія быстро заразилъ всю округу, и бунтъ формальный началъ быстро распространяться. Почему крестьяне деревни Лисичьей оказались пионерами бунта, это разъясняется послѣдующимъ изложеніемъ.

Изъ предыдущаго мы видѣли, что въ Харьковской губерніи безпорядки были начаты крестьянами Полтавской губерніи, которые вторглись въ Валковскій уѣздъ, а затѣмъ и въ Богодуховскій. Изъ числа 60 арестованныхъ на первыхъ порахъ были именно крестьяне деревень Лисичьей, Варваровки и Максимовки, Константиноградскаго уѣзда. По произведенному разслѣдованію было обнаружено, что революціонная пропаганда къ возбужденію крестьянскаго бунта свила себѣ довольно теплое гнѣздо въ Лисичьей еще въ 1899 г. Вблизи этой деревни къ началу 1900 г. поселился племянникъ землевладѣльца Т—ко, бывшій студентъ, уволенный изъ Харьковскаго университета, А—въ. Стремясь сойтись съ крестьянами поближе, ознакомиться съ ихъ жизнію, стать своимъ человѣкомъ, А. назвалъ въ воспріемные отцы къ сыну крестьянина Антона Левина. Завязавъ родственныя отношенія съ его семействомъ, А. сталъ часто посѣщать хату Левина и тамъ просвѣщать собиравшихся крестьянъ въ духѣ той миссіи, которую онъ на себя принялъ. Число слушателей у А. постепенно увеличивалось. Кромѣ разговоровъ о плохомъ житьѣ крестьянъ, обязанныхъ своимъ трудомъ за гроши увеличивать благосостояніе богачей, раздавались брошюры революціоннаго содержанія на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Брошюры читались съ разъясненіями, а затѣмъ, лица, заявившія себя болѣе или менѣе надежными къ пропагандѣ, снабжались ими въ изобиліи для распространенія среди крестьянъ, разумѣется, грамотныхъ. Содержаніе брошюръ не внушало никакихъ сомнѣній относительно задачъ,

преслѣдуемыхъ партіей социаль-демократовъ. Въ нихъ выставлялось въ тенденціозной окраскѣ угнетенное положеніе крестьянъ, какъ слѣдствіе не въ интересахъ населенія проведенной реформы 1861 г. Говорилось въ нихъ, что крестьяне получили нищенскіе надѣлы, что слѣдовало отобрать всю землю отъ помѣщиковъ, и что правительство намѣревалось такъ поступить, но помѣщики не позволили этого намѣренія привести въ исполненіе. Мрачными красками изображалось приниженное положеніе крестьянъ, свобода административнаго насилія. Виновниками обездоленнаго положенія крестьянъ указывались помѣщики, администрація, съ которыми и надлежитъ вести энергичную открытую борьбу. Наиболѣе распространенной была брошюра подъ заглавіемъ «Дядько Дмитро». Она въ сгущенныхъ краскахъ изображала всѣ бѣды крестьянъ, а затѣмъ указывала на способы, какъ избавиться отъ правительства и помѣщиковъ. Уже въ 1901 г. мѣстная жизнь была подготовлена правильной организаціей къ возбужденію крестьянскаго движенія. Тревожные признаки въ видѣ грабежей, безпричиннаго массоваго ухода рабочихъ изъ экономіи были налицо. Во главѣ этой организаціи, кромѣ студента А., состоялъ и студентъ Петербургскаго университета, С—кій, проживавшій въ 7 верстахъ отъ Лисичьей, въ деревнѣ Варваровкѣ. Въ составъ ея входили молодые люди, наѣхавшіе изъ Полтавы. Были указанія на то, что эти лица принадлежали къ статистическому бюро губернскаго земства, но это обстоятельство осталось точно не разслѣдованнымъ, какъ и другія весьма важныя обстоятельства.

Г. С—кій пріобрѣлъ среди крестьянъ большую популярность, пользовался особымъ уваженіемъ и большимъ довѣріемъ. Многіе изъ нихъ называли его благодѣтелемъ. Когда внушеніе необходимости революціоннаго движенія путемъ бунтовъ было достаточно усвоено, въ составъ той же организаціи вошли крестьяне деревни Лисичьей: Т. Е. Стороженко, А. Ф. Буцкій, В. Я. Коркишко, В. Денисько, К. Козакъ и А. Литвиненко, которые и стали ревностными послѣдователями ученія ихъ главарей. Населеніе этого района получило новыхъ агентовъ культуры возмущенія. Никакими средствами не гнушались. Бесѣды, брошюры, прокламаціи, натравливаніе на помѣщиковъ и управляющихъ—все было въ ходу. При этомъ всѣ эти дѣятели не ограничивались поднять народъ только къ бунту, но вмѣстѣ съ тѣмъ задались проведеніемъ въ жизнь крестьянства той завѣтной мечты, которая еще съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія усиленно пропагандировалась. Мечта эта—отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи, которая находила даже въ интеллигентной и служилой средѣ много сочувствующихъ, въ особенности въ Полтавской, Кіевской и Черниговской губерніяхъ. Въ послѣдней она поддерживалась многими земскими дѣятелями, которые добивались возрожденія малорусскаго языка, малорусской литературы,

задавленныхъ, какъ они выражались, гнетомъ русскаго правительства. Въ этомъ направленіи производились разныя попытки. Такъ, въ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи по докладу губернскаго гласнаго Ш. состоялось въ 1900 г. постановленіе ходатайствовать передъ правительствомъ о преподаваніи въ народныхъ школахъ на малорусскомъ языкѣ. Въ Полтавѣ и Черниговѣ организовались дѣятельные кружки украинофиловъ, имѣвшіе весьма оживленныя сношенія съ галиційскими сепаратистами, въ программу которыхъ входила пропаганда и агитація среди крестьянъ почти тѣхъ же идей, какими задавалась и социаль-революціонная партія, которая была съ ними, этими кружками, вполне солидарна. То же разслѣдованіе устанавливаетъ, что главный агитаторъ А—въ и организованный имъ социально-революціонный кружокъ имѣли сношенія съ представителемъ революціонной украинофильской партіи въ этой же мѣстности, бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета Р—вымъ, главой которой состоялъ студентъ Харьковскаго же университета А—скій. Въ распорядительномъ комитетѣ участвовало 10 членовъ. Такой же кружокъ существовалъ и въ Кіевѣ, гдѣ главнымъ руководителемъ былъ нѣкто Р—скій. Всѣ эти кружки получали изъ Львова революціонныя изданія, переводили ихъ на малорусскій языкъ и усиленно снабжали ими крестьянское населеніе.

Въ Женевѣ, чрезъ посредство одного изъ членовъ кружка, велись личные переговоры эмигрантомъ Антономъ Ляхотскимъ относительно изданія «Молодая Украина» для проведенія идеи отдѣленія Малороссіи отъ Россіи на федеративныхъ началахъ. Сначала это изданіе предполагалось во Львовѣ, но австрійская цензура не допустила журнала съ такой окраской. Въ 1900 и 1901 г. г. всѣ лица, принадлежавшія къ указаннымъ двумъ нелегальнымъ организаціямъ, частью за уличные, а частью за студенческіе беспорядки были уволены изъ университета и, поселившись въ Полтавской губерніи, какъ мы уже могли убѣдиться, начали дѣятельную пропаганду среди крестьянъ относительно насильственнаго завладѣнія имуществомъ помѣщиковъ. Пропаганда велась настойчиво, систематически. Такъ, «благодѣтели» крестьянъ въ деревнѣ Лисичьей въ декабрѣ 1901 г. устроили елку при мѣстной сельской школѣ. Тутъ находились не только школьники, но и взрослые крестьяне. Каждому давали подарокъ: ситецъ, платки, рубахи, въ которыя предусмотрительно были завернуты революціонныя изданія. Подпольная литература успѣшно распространялась и въ сосѣднихъ деревняхъ: Варваровкѣ и Максимовкѣ. Особый успѣхъ пропаганда имѣла въ деревнѣ Варваровкѣ, гдѣ проживало значительное число штундистовъ, которые, какъ извѣстно, никогда не были сторонниками русскаго государственнаго строя и при каждомъ удобномъ случаѣ примыкали къ партіи протестан-

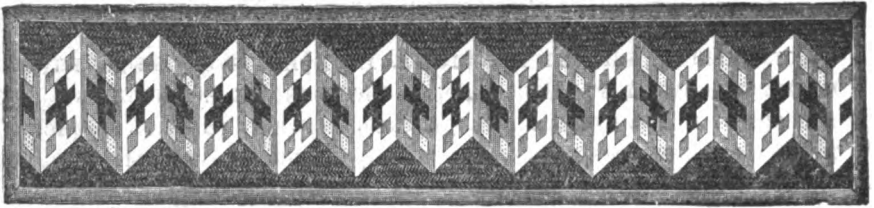
товъ. Дѣло доходило до того, что мѣстный староста былъ усерднымъ распространителемъ прокламацій, самъ ихъ читалъ односельчанамъ и толковалъ ихъ смыслъ, а также указывалъ, какъ нужно дѣйствовать. Къ числу единомышленниковъ принадлежали нѣкоторые изъ народныхъ учителей, земскихъ фельдшеровъ, прикащиковъ торговыхъ заведеній и даже одинъ изъ священниковъ, участіе котораго выразилось въ увѣщеваніи не выдавать другъ друга. Такимъ образомъ сѣятелей смуты было достаточно. Они рекрутировались изъ всей деревенской интеллигенціи, близко соприкасавшейся съ крестьянскимъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе брошюрами революціоннаго содержанія, прокламаціями и бесѣдами поднять крестьянскую массу было нельзя. Она плохо усваивала идеи подпольной литературы, ей нужны были указанія, которыя были бы болѣе просты, болѣе подходили къ ихъ психологіи, къ ихъ міросозерцанію. Крестьяне, какъ ихъ ни старались деморализовать, какъ ихъ ни подготавливали расправиться съ помѣщичьимъ добромъ, не могли безапелляціонно повѣрить въ проповѣдь своихъ непрошенныхъ защитниковъ. Они привыкли думать, что никакое дѣло безъ царскаго указа исполнено быть не можетъ. Имъ представлялась весьма заманчивой перспектива «чернаго передѣла», направлявшаго ихъ къ легкому обогащенію, но все же двинуться на этотъ «передѣлъ» даже по энергичной инициативѣ ихъ подстрекателей они не рѣшались. Выше сказано, что въ составъ кружковъ А. и С. вошло нѣсколько крестьянъ, на нихъ-то и было возложено распространить слухи, что по губерніи разъѣзжаютъ чиновники и генералы, присланные императоромъ, и объявляютъ народу царскую волю объ отобраніи отъ помѣщиковъ хлѣба, сѣна и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, на томъ основаніи, что эти продукты получены отъ земли трудами крестьянъ, что вслѣдъ за этимъ указомъ выйдетъ другой объ отобраніи земли. Эти слухи, разумѣется, должны были оказать дѣйствительное воздѣйствіе на крестьянъ, въ умахъ которыхъ революціонная пропаганда тѣми способами, какими она себя проявила въ указанной мѣстности Константиноградскаго уѣзда, успѣла развить смуту. Самые же слухи сыграли роль подтвержденія того, о чемъ съ ними бесѣдовали, читали и распространяли для прочтенія. Въ данномъ случаѣ не одна только легковѣрность, не одно только умственное убожество, не одна темнота были силами, двигавшими населеніе на грабежъ и насилія, но и систематическое внушеніе со стороны лицъ, организовавшихъ причины волненій, подтвержденное къ тому же слухами о законности тѣхъ наущеній, которыя пропагандировались агитаторами террора. Можно съ увѣренностью сказать, что нелѣпые слухи воздѣйствовали въ немовѣрно большей степени, чѣмъ всѣ другіе способы для возбужденія крестьянъ, хотя, повторяю, это довѣріе почти безусловное

создалось и укрѣпилось, благодаря усиленной подготовкѣ населенія тѣми же революціонными кружками. Интересно остановиться на содержаніи тѣхъ слуховъ, которые усиленно распускались среди крестьянъ. Въ селѣ Караванѣ крестьянинъ Григорій Галушко собиралъ крестьянъ и объявлялъ имъ, что «царь уѣхалъ на три года за границу и приказалъ крестьянамъ забирать господское имущество» (т. 2, л. 37). Въ селѣ Чутовѣ крестьянинъ Петръ Петренко собралъ сосѣдей и увѣщевалъ идти грабить дворянъ: «пришелъ на то царскій приказъ». Когда крестьяне возражали, что за это «ихъ не помилюють», что къ нимъ уже командирована полиція, а ночью они слышали полицейскіе свистки, то Петренко, нисколько не задумываясь, далъ такое объясненіе: «эхъ, вы дурачье, то ангелы возвѣщали своими голосами, что настала пора грабить». О томъ, что вышелъ «царскій указъ», объявлялось даже на сходахъ. Въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныя лица являлись въ деревню или въ хуторъ и чрезъ своихъ единомышленниковъ изъ крестьянъ собирали крестьянъ въ полѣ въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ и тамъ объявляли «царскую волю», тутъ же раздавали и прокламаціи. Разгромъ сахарнаго завода Молдавскаго былъ начатъ неизвѣстными людьми, о чемъ въ своемъ мѣстѣ отмѣчено. И эти неизвѣстные люди появлялись вездѣ. Сдѣлавши свое дѣло, они исчезали. Появлялись ли они въ роли уполномоченныхъ въ генеральскихъ мундирахъ, какъ то настойчиво утверждали крестьяне, или это также относится къ области слуховъ, осталось положительно не выясненнымъ, но что пропаганда, подстрекавшая къ бунту и насиліямъ, велась людьми, не принадлежащими къ крестьянскому сословію, это несомнѣнно. Должностными лицами указывалось, напримѣръ, что задолго до безпорядковъ прокламаціи разбрасывались въ Полтавской губерніи переодѣтыми жандармами (т. 1, л. 37). Наконецъ нельзя не считаться и съ тѣмъ неподлежащимъ сомнѣнію обстоятельствомъ, что землевладѣльцы сами не отрицали появленія среди населенія агитаторовъ задолго до начала крестьянскихъ безпорядковъ. Они заявляли объ этомъ официально, и если эти агитаторы ускользали отъ задержанія, то этотъ фактъ общераспространенъ вездѣ не только въ деревняхъ, гдѣ полиція отсутствуетъ, но и въ крупныхъ центрахъ, которые, хотя и относительно, но все же лучше обслуживаются въ области охраны личной и имущественной безопасности. Виновные были преданы суду и понесли наказанія, къ которымъ, правда, отнеслись весьма критически. Крестьяне, возвратившіеся изъ тюрьмы, говорили: «за насъ студенты, они насъ не оставляютъ, прислали намъ даровыхъ защитниковъ»; «панамъ досталось, а наказаніе отбыли меньшее, чѣмъ за кражу лошади» (т. 2, л. л. 388 и 389). Выписывая это, мы никакъ не хотимъ упрекнуть правосудіе въ излишней снисходительности къ

преступнымъ дѣяніямъ крестьянъ. Но, приводя эту выдержку, мы подтверждаемъ тотъ выводъ, что крестьянскія волненія въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ не могутъ быть объяснены только невѣжествомъ и тѣмнотой крестьянской среды, что движеніе не было аграрнымъ, что на крестьянъ воздѣйствовали тѣ революціонные элементы, участіе которыхъ въ этихъ печальныхъ событіяхъ никакъ отрицать нельзя. Намъ не интересуютъ обстоятельства, при которыхъ происходило судебное разбирательство, отличавшееся разными эксцентричными выходками адвокатовъ, нисколько не служившими къ разъясненію дѣла и для облегченія участи подсудимыхъ. Для правильнаго освѣщенія потребовалось бы знакомство съ самимъ дѣлопроизводствомъ, оглашеніе фактовъ котораго врядъ ли вызывается необходимостью. Цѣль нашей работы заключалась въ томъ, чтобы выяснить на основаніи имѣющагося матеріала характеръ печальныхъ событій въ его правдивомъ, совершенно объективномъ освѣщеніи, что мы по силѣ возможности и старались сдѣлать.

Князь Михаилъ Шаховской.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

ОДИЛСЯ я въ Петербургѣ, въ ночь съ 7-го на 8-е декабря 1841 г., по тогдашнему наименованію, въ Грязной улицѣ, нынѣ Николаевской, во дворѣ, въ деревянномъ домѣ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ большой каменный домъ подъ № 10. Родился я, по рассказамъ моей матери, недоношеннымъ и долго былъ совсемъ хилымъ ребенкомъ. Дабы я дошелъ, меня, по совѣтамъ разныхъ старухъ-кумушекъ, завертывали въ кудель и ежедневно ставили въ корзинѣ на шестокъ русской печи. Грудью кормила меня сама мать. У родителей моихъ было до меня два сына, но эти дѣти умерли, не доживъ и до году послѣ рожденія. Я былъ третьимъ и росъ первенцомъ. Естественно, что на меня было обращено самое усиленное вниманіе. Меня холили, нѣжили, держали подъ мѣхомъ въ тонкомъ бѣльѣ, батистовыхъ чепчикахъ, гарусныхъ шапочкахъ и шерстяныхъ башмакахъ, такъ какъ мать моя, когда-то портниха, учившаяся ремеслу у своей тетки, имѣвшей модную мастерскую, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, была большой рукодѣльницей. Эта-то тетка моей матери—Барвара Сергѣевна Шведова, помнившая нашествіе французовъ въ Москву и любившая рассказывать, какъ она отъ нихъ, будучи уже взрослой, спасалась въ 1812 г., была моей крестной матерью. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ дядя мой, братъ отца, Иванъ Ивановичъ Лейкинъ, служившій приказчикомъ въ одной иностранной купеческой конторѣ въ Петербургѣ,

въ Гостиномъ дворѣ, дружившій съ приказчиками-иностранцами и всегда восхищавшійся нѣмцами, англичанами и голландцами.

Мать крестная также отдавала мнѣ все свое вниманіе и задрывала меня, какъ портниха, самыми разнообразными нарядами своей работы. Ребенкомъ одѣтъ я былъ, по словамъ матери, всегда, какъ куколка. Родившись хилымъ, я очень скоро сталъ говорить, но долго не могъ приучиться ходить и даже стоять на ногахъ. Чтобы придать ногамъ моимъ скорѣе больше крѣпости, меня ставили въ четверикъ и засыпали овсомъ или горохомъ. Въ овсѣ или горохѣ я приучался стоять. Отъ груди я былъ отнятъ очень рано, такъ какъ у матери пропало молоко, и меня пересадили на манную кашу, протирая мнѣ десна обручальнымъ кольцомъ, дабы скорѣе выходили у меня зубы, и для этой же цѣли давали кусать солодковый корень. Молочной кашей я питался лѣтъ до трехъ, на горе моихъ родителей, отказываясь отъ другой пищи, такъ что къ супамъ и мясу меня пришлось приучать силой, хотя зубы у меня вышли въ свое время, и говорить я началъ рано.

Такъ рассказывала мнѣ моя мать.

Я—коренной петербуржець. Въ Петербургѣ родился я, въ Петербургѣ родился мой отецъ, въ Петербургѣ родился мой дѣдъ—отецъ отца. Прадѣдъ же былъ крестьянскаго происхожденія. Онъ пріѣхалъ изъ деревни, изъ Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ половинѣ XVIII столѣтія сначала въ Ораніенбаумъ, а затѣмъ переселился въ Петербургъ. Родъ нашъ—одинъ изъ стариннѣйшихъ купеческихъ. Изъ справочныхъ книгъ Петербургской купеческой управы о лицахъ, платившихъ гильдейскія повинности, видно, что родъ Лейкиныхъ состоялъ въ петербургскомъ купечествѣ съ (1784) г., записавшись изъ ораніенбаумскихъ купцовъ. Въ той же купеческой управѣ имѣются свѣдѣнія, что прадѣдъ мой былъ пирожного торгова, а дѣдъ галантерейнаго торгова. Отецъ рассказывалъ мнѣ, что прадѣдушка мой имѣлъ пирожный курень. Отъ него ходили по улицамъ пирожники-разносчики съ корзинами пироговъ, останавливались около кабаковъ и на мостахъ и выкрикивали: «съ сижкомъ, съ яичкомъ!» Дѣдъ мой уже имѣлъ лавку въ Гостиномъ дворѣ по Большой Суровской линіи, торговалъ кружевами, лентами, вообще товаромъ, который называется прикладомъ для портнихъ и модистокъ. Онъ сильно пострадалъ во время наводненія въ 1824 г. Отецъ мой былъ во время наводненія уже восемнадцатилѣтнимъ юношей и впоследствии очень часто вспоминалъ объ этомъ бѣдствіи. Онъ даже тонулъ, и его спасли будочники, развѣзжавшіе на лодкѣ. По его рассказамъ, когда вода сбыла, по улицамъ было очень много труповъ утонувшихъ, которые долго не убирались. Люди ходили по улицамъ и отыскивали своихъ пропавшихъ родственниковъ. На трупахъ лежали мѣдныя деньги, положенныя прохожими на погребеніе. Такихъ труповъ въ

особенности было много на набережной Фонтанки, на тротуарѣ, около рѣшетки. Когда вода сбывала, рѣшетка задержала трупы и не дала имъ сплыть въ рѣку.

Также любилъ отецъ рассказывать, какъ онъ во время холеры въ 1831 г. былъ схваченъ на Чернышовомъ мосту стоявшими тогда на набережной Фонтанки и взбунтовавшимися ломовыми извозчиками, искавшими поляковъ, будто бы отравлявшихъ воду. Его приняли почему-то за поляка, обыскали и нашли у него въ карманѣ банку ваксы. Дабы доказать, что это была не отравка, отецъ долженъ былъ отхлебнуть изъ банки малую толику ваксы и тѣмъ спастся.

Вспоминается мнѣ и рассказъ моего отца о государѣ Николаѣ Павловичѣ, также во время холернаго бунта въ 1831 г. усмирявшемъ на Сѣнной площади народъ одними площадными ругательствами. Государь пріѣхалъ на Сѣнную въ самый разгаръ народнаго волненія, поднялся на ноги во весь ростъ въ коляскѣ и сталъ ругать народъ направо и налево, а когда усталъ, то, указывая на Спасосѣнновскую церковь, грозно воскликнулъ: «На колѣни!»

— И весь народъ упалъ на колѣни и началъ креститься на церковь,—заканчивалъ отецъ.

Дѣдъ мой не одѣвался по-русски, какъ большинство тогдашнихъ купцовъ, и не носилъ бороды, что я знаю по гипсовой маскѣ, снятой съ него послѣ его смерти и хранившейся у моего отца. Вообще, онъ былъ то, что называлось купцомъ полированнымъ, былъ прилично грамотный, носилъ фракъ, служилъ по выбору въ сиротскомъ судѣ и состоялъ даже членомъ Нѣмецкаго клуба, куда ходилъ очень часто играть въ карты въ ламушъ и бостонъ. Въ этомъ Нѣмецкомъ клубѣ онъ и захворалъ во время игры. Ему сдѣлалось дурно. Его привезли домой, и онъ тотчасъ же умеръ. Дѣда я не помню и записываю это со словъ отца.

Послѣ смерти дѣда торговля въ Гостиномъ дворѣ досталась моему отцу, Александру Ивановичу, и братьямъ его, дядьямъ моимъ, Ивану, Василю и Николаю. Всѣ они, какъ и при жизни дѣда моего, оставившаго послѣ себя вторую жену, продолжали жить вмѣстѣ при мачехѣ, но торговля въ лавкѣ была уже настолько плоха, обременена долгами и разстроена, что не могла питать ихъ всѣхъ, и дяди мои уступили лавку отцу моему, какъ старшему и къ тому же семейному, а сами, какъ холостые, поступили на службу приказчиками, и замѣчательно, всѣ трое къ купцамъ-иностранцамъ.

Отецъ мой женился по любви. Мать моя, Любовь Ивановна, живя у своей тетки, портнихи и модистки, и работая вмѣстѣ съ ней, будучи молоденькой дѣвушкой, ходила къ отцу моему въ лавку за покупками приклада для платьевъ и шляпъ. Отцу моему она очень понравилась, и онъ женился на ней, довольно, впро-

чемъ, долго выпрашивая позволеніе на это у своего отца, не соглашавшагося на бракъ.

Мать моя, Любовь Ивановна, родилась въ крѣпостной крестьянской, или, лучше сказать, дворовой семьѣ. Родилась она въ Тульской губерніи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Парахинѣ, о которомъ упоминается у Тургенева. Отецъ ея, мой дѣдъ, былъ егеремъ, мать—птичницей. Тетка моей матери, портниха Шведова, сама вольноотпущенная, выкупила мать мою еще дѣвочкой у господъ за 700 рублей ассигнаціями, взяла къ себѣ и стала учить портному и шляпному мастерству. И, выйдя замужъ за моего отца, мать продолжала работать. Она шила крестильные чепчики и рубашечки ему въ лавку, а онъ продавалъ. Приготовляла она также для лавки дамскія головныя наколки на каркасѣ, блондовые и кружевные чепцы и украшенія для платьевъ. Я очень хорошо помню тѣ картонные болваны, на которыхъ мать моя мастерила наколки. Они мнѣ, маленькому, служили игрушками. Я углемъ и карандашомъ подрисовывалъ имъ усы и пугалъ ими сестру мою. Болваны эти носили у меня названіе черкесовъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія происходило завоеваніе Кавказа, постоянно были битвы съ горцами, носившими у насъ общее названіе черкесовъ, и даже слово черкесъ было какимъ-то страшнымъ словомъ.

Отецъ мой не имѣлъ никакого капитала для торговаго оборота, кредита тогда почти совсѣмъ не было, торговалъ онъ плохо, хотя жилъ очень скромно. Лавка оказалась ему не подъ силу. Онъ передалъ ее, уплатилъ кое-какіе долги и поступилъ приказчикомъ въ контору Герике, имѣвшаго кладовую съ иностранными товарами въ Гостиномъ дворѣ, на верхней линіи. Онъ поступилъ на сто рублей въ мѣсяцъ, по-тогдашнему очень большое жалованье, которое только и платили иностранцы. Контора Герике находилась на Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ дальнихъ линій, а мы жили на Владимирской улицѣ, въ домѣ барона Фредерикса, который и понынѣ принадлежитъ лицу той же фамиліи, и отцу каждый день приходилось ходить или ѣздить черезъ Исаакіевскій мостъ въ контору. Это было въ концѣ сороковыхъ годовъ. Конокъ тогда и въ проектѣ не было, дилижансы или омнибусы по улицамъ тоже не ходили, и отцу, въ большинствѣ случаевъ, приходилось ходить пѣшкомъ. Въ особенности это было трудно въ ледоходъ, когда разводились невскіе мосты, которые тогда были всѣ деревянные. Приходилось переѣзжать черезъ Неву на яликахъ и ялботахъ, такъ какъ перевоза черезъ Неву на пароходахъ не было. Я помню рассказъ отца, какъ ему вмѣстѣ съ другими пассажирами случалось застревать во льду, какъ ихъ несло въ ялботѣ по теченію, какъ перевозчики выбивались изъ силъ, ломали объ ледъ весла. Помню, что мать моя въ дни ледохода всегда очень тревожилась объ отцѣ, зажигала у образовъ лампы, молилась

Богу и заставляла насъ, дѣтей, молиться. Уходя въ 8 часовъ утра въ контору за ключами отъ гостинодворской кладовой, отецъ долженъ былъ къ 11 часамъ утра уже явиться въ Гостинный дворъ и отворить эту кладовую для покупателей. И вотъ, въ дни ледохода, сейчасъ же послѣ 11 часовъ утра, мать бѣжала въ Гостинный дворъ узнать, благополучно ли мой отецъ сдѣлалъ свою поѣздку черезъ Неву на Васильевскій островъ и обратно.

О самомъ себѣ я могу вспоминать съ возраста шести-семи лѣтъ. Въ это время мы жили въ томъ же домѣ на Владимирской, въ квартирѣ о 6 комнатахъ, въ четвертомъ этажѣ, на дворѣ и платили за эту квартиру 30 рублей въ мѣсяцъ безъ дровъ. Осталось у меня въ памяти, что говорили о дороговизнѣ квартиры. Помню, что комнаты были маленькія, окрашенные клеевой краской, съ панелью другого цвѣта, и по стѣнамъ были выведены фризы, а въ углахъ бѣлыхъ потолковъ намалеваны по трафарету какія-то цвѣтныя вазы. Бумажные обои тогда только еще входили въ моду и были очень рѣдки и дороги. Мебель была потемнѣлаго краснаго дерева, мягкая, но непружинная, потертая и въ чехлахъ. На окнахъ висѣли кисейныя занавѣски, передъ простѣлочными зеркалами на ломберныхъ столахъ съ бронзовыми ободками стояли подсвѣчники съ никогда не зажигавшимися восковыми свѣчами. Стеариновыхъ свѣчей тогда не было, и жгли только сальныя свѣчи, снимая нагаръ съ ихъ свѣтиленъ щипцами. Восковыя свѣчи передъ большими праздниками всегда мыли съ мыломъ, такъ какъ онѣ до того засиживались мухами и покрывались копотью, что дѣлались пестрыми. Въ углахъ каждой комнаты было по нѣскольку старинныхъ иконъ въ серебряныхъ окладахъ, съ серебряными же лампадами. Иконы эти были родовыя, отъ прапрадѣда, прадеда и дѣда, и каждая имѣла свою исторію, которая такъ любила рассказывать отецъ. Одна икона Тихвинской Божіей Матери въ натуральную величину называлась старообрядческой. По рассказамъ отца, она досталась прабабушкѣ моей изъ разоренной полиціей старообрядческой моленной. Прабабушка была старообрядка безпоповщинскаго толка, Косцова согласія. Послѣ нея осталось много старинныхъ эмальированныхъ мѣдныхъ складней и старообрядческихъ мѣдныхъ крестовъ. Эти складни и кресты висѣли на иконахъ. Одинъ изъ такихъ складней находится теперь у меня. Покойный Н. С. Лѣсковъ, знатокъ мѣдныхъ складней, опредѣлялъ его древность слишкомъ въ 400 лѣтъ.

Помню, что икона Тихвинской Божіей Матери висѣла въ столовой. Она была въ темномъ кіотѣ. Ликъ иконы былъ коричневый съ преувеличенно большими глазами и настолько необычайными морщинами, что я, мои братья и сестры питали къ ней непреодолимый страхъ и, когда по вечерамъ въ столовой бывало темно, боялись въ нее входить. Помню и то, что когда мы, дѣти, по по-

стамъ украдкой ѣли чтонибудь скоромное, мы завѣшивали ликъ этой иконы, чтобы она не видѣла, что мы дѣлаемъ. Въ кюветъ этой иконы, среди кусочковъ артоса, стружекъ отъ мощей, хранилась маленькая рукописная книжечка «Совѣтъ Пресвятой Богородицы», къ которой мать наша питала суевѣрный страхъ и ни сама ея не читала, ни намъ читать не давала.

Семья у насъ была большая, жили мы тѣсно, но сравнительно чисто. Тараканы и клопы водились, считаясь неизбежной принадлежностью жилья, но ихъ время отъ времени морили бурой, скипидаромъ, опаривали кипяткомъ. Это была своего рода эпоха для насъ, дѣтей, и развлеченіе. Помню, что полы у насъ въ квартирѣ были простые, крашеные, и по субботамъ происходило генеральное мытье ихъ, послѣ чего разстилались половики, полотняныя дорожки, а вечеромъ во время всеобщей зажигались у иконъ всѣ лампы. И мы, дѣти, бродя по слабоосвѣщеннымъ теплящимся лампадами комнатамъ, чувствовали, что завтра праздникъ, воскресенье. Воскресенье ощущалось и по пирожной опарѣ, которая ставилась въ субботу въ кухнѣ въ большомъ горшкѣ. Безъ пирога въ воскресенье или въ какой либо праздникъ за столъ не садился. А пирогъ всегда былъ громадный, такъ какъ накормить нужно было много ртовъ. Дабы угодить на разные вкусы, его пекли съ двумя, а иногда и съ тремя разными начинками по концамъ. Пирогъ былъ всегда гордостью кухарки и хозяйки. Въ то время кухарка и цѣнилась въ нашей семьѣ по пирогу. О пирогѣ говорили съ вечера и въ день, когда его ѣли. Въ особенности цѣнились постные пироги. А постное мы ѣли не только по постамъ, но даже въ среду и въ пятницу. Впослѣдствіи какъ-то среды и пятницы отпали, но посты остались, и я помню, что на первой и на послѣдней недѣляхъ Великаго поста не ѣли даже рыбы. Вотъ въ эти-то недѣли пироги ужъ царили ежедневно, и я теперь удивляюсь тому равнообразію постныхъ начинокъ, которыя тогда намъ предлагались. Пеклись пироги съ капустой, съ лапшой, съ грибами, съ зеленымъ лукомъ, съ гречневой кашей, съ рисомъ, съ манной крупой, съ солеными груздями и т. д., а сладкіе пироги, помимо ягоднаго варенья, съ моченой брусникой, съ сушеной малиной, съ миндалемъ и коринкой, съ изюмомъ и т. д. Каждый день къ столу подавалась какая-нибудь каша. И вотъ поэтому-то у меня и до сихъ поръ сохранилось влеченіе къ пирогамъ и кашамъ.

Вообще мучного и въ скоромные дни ѣли больше, чѣмъ мяса. Помню масленую. На масленой недѣлѣ мясо совсѣмъ исчезало со стола и замѣнялось рыбой, а блины пекли, начиная съ сборнаго воскресенья, каждый день по два раза. Блинная опара заготовлялась такого объема, что въ ней ребенку утонуть было можно. Всю недѣлю квартира наша была пропитана блиннымъ чадомъ. А

когда масленица кончалась, у насъ выжигались сковороды отъ скороми. Для этой же цѣли выпаривали горшки, вываривались кастрюли въ щелокѣ, а остатки скоромной ѣды отдавали кучеру, татарину, служившему у кого-то на нашемъ дворѣ. Не говоря уже о масленой и Пасхѣ, когда въ изобиліи пеклись куличи на всю недѣлю, усиленной мучной ѣдой отмѣчались и другіе праздники. Такъ, напримѣръ, на Крестовоздвиженіе пеклись изъ тѣста кресты, на 40 мучениковъ жаворонки, а во всѣ родительскія субботы—блины и приготовлялся кисель. Кисели ѣли, помимо ягодныхъ, миндальные, гороховые, овсяные. Думаю, что такой перевѣсъ мучной пищи надо приписать относительной дороговизнѣ мяса, потому что помню жалобы матери, что къ говядинѣ «приступа нѣтъ, сдѣлалась 10 коп. фунтъ». Это было въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ. А къ этому времени семья уже увеличилась и состояла изъ матери, отца и шестерыхъ дѣтей. Кромѣ того, съ нами жили старуха-бабушка, мачеха отца, Марія Алексѣевна, холостой дядя Василій Ивановичъ, служившій приказчикомъ въ кладовой Франца Боненблюста въ Гостиномъ дворѣ, и тетка моя, родная сестра матери, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, Ольга Ивановна, выкупленная изъ крѣпостной зависимости отцомъ моимъ и нашими родственниками въ складчину и взятая изъ деревни. Въ общемъ за столъ садилось 11 человекъ, и очень часто приходила къ обѣду мать крестная моя, тетка матери, Варвара Сергѣевна. Кромѣ того, было двое прислугъ: кухарка и нянька. У меня осталось въ памяти жалованье этой прислуги. Онѣ получали по 4 рубля въ мѣсяцъ, обѣ были крѣпостныя и высылали своимъ господамъ оброкъ, помогая и роднѣ въ деревнѣ и посылая деньги только съ оказіей, съ земляками. Такое жалованье тогда считалось хорошимъ. Впрочемъ, ходили онѣ всегда босикомъ, имѣя обувь только на выходъ. Чулки вязали себѣ сами изъ присланныхъ изъ деревни въ подарокъ отъ родныхъ нитокъ или шерсти.

За покупкой провизіи мать сама ходила или ѣздила въ Ямской мясной рынокъ, находящійся недалеко отъ Владимирской улицы, гдѣ мы жили, и очень часто брала меня съ собой, какъ старшаго. Извозчики были тогда дешевы, проѣхать такой конецъ зимой на саняхъ мать платила пяточокъ, да и лѣтомъ извозчики на дрожкахъ-гитарахъ возили также за пяточокъ. Отъ пяточковой платы извозчики не отворачивались, и мы, дѣти, ѣздили съ отцомъ даже въ баню въ Лештуковъ переулокъ за пяточокъ. Отъ Гостиного двора, мѣста очень бойкаго, до Владимирской извозчики охотно брали гривенникъ, а зимніе возили за пяточокъ.

Я хорошо помню даже фирмы лавокъ въ Ямскомъ рынкѣ, въ которыхъ мы покупали провизію. Онѣ существуютъ и понынѣ: мясная лавка Степановыхъ и зеленая и курятная съ лабазомъ Любимова. Остались въ памяти и кое-какія сцены конца сороковыхъ

годовъ. Въ лавки я ѣздить любилъ, потому что меня тамъ баловали. При появленіи нашемъ въ лавкѣ, старикъ-хозяинъ Любимовъ тотчасъ же лѣвъ въ банку съ паточными леденцами и преподносилъ мнѣ леденецъ. Эти леденцы продавались во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ четыре штуки за копейку. Они были со стихами на всунутыхъ въ нихъ билетикахъ, совсѣмъ не дѣтскаго содержанія, хотя раскупались дѣтьми. На билетикахъ было напечатано:

«Лучше въ морѣ утопиться,
Чѣмъ въ несклонную влюбиться»;

или:

«Мила ты мнѣ, мила
И будешь, и была»;

а то:

«Катя, ангель, какъ не стыдно
Сердце ввать и не отдать».

Иногда подносился мнѣ Любимовымъ пряникъ, изображающій конька, на головѣ котораго былъ прикрѣпленъ кусочекъ сусальнаго золота. Помню, что пряники того времени, изображавшіе какіе либо предметы (сердце, лѣстницу, конька, рыбу, бабу, упершую руки въ бока, и т. д.), непременно были украшены маленькимъ кусочкомъ сусальнаго золота.

Лавочникъ-старикъ, о которомъ я упоминаю, былъ очень популярнымъ человѣкомъ въ Ямскомъ рынкѣ и въ самой Ямской. Онъ лѣчилъ глаза, употребляя какую-то примочку собственного издѣлія, и заговаривалъ зубную боль, давая проглатывать бумажку съ написанными имъ таинственными словами, которыя читать не позволялъ. Помню, что къ нему обращалась за помощью наша прислуга и нѣкоторые изъ нашихъ родственниковъ и, какъ рассказывали, получали исцѣленіе. Носили къ нему и дѣтей съ гноящимися глазами и трудно прорѣзывающимися зубами. Дѣтямъ давалась опять та же примочка для глазъ, а для скорого выхожденія зубовъ вѣшалась на шею какая-то ладанка. Ладанки эти мать моя называла симпатическимъ средствомъ и говорила, что въ нихъ положены «рачьи жернова», что секретъ этого лѣченія передается у лавочника изъ рода въ родъ. Лѣчилъ онъ даромъ и только требовалъ, чтобы была поставлена свѣчка Петру и Павлу, такъ какъ самъ онъ носилъ имя Петра. Свѣчка тогда не была обременительна, потому что въ церквахъ продавались свѣчки желтаго воска даже за копейку. Нянька моя, Клавдія, крестьянская дѣвушка-ярославка, очень часто лѣчившаяся у него отъ зубной боли, говорила, что лѣченіе онъ знаетъ по «чернымъ книгамъ», которыя читаетъ, что читать эти книги—великій грѣхъ, такъ какъ нужно это дѣлать ночью при свѣчкѣ изъ человѣчьяго сала. Мать моя пробовала ее убѣждать въ противномъ, но она стояла на своемъ, увѣряя, что

у нихъ даже въ деревнѣ есть такіе, которые читають черныя книги. Замѣчательно, что эта неграмотная дѣвушка и крѣпостная подросткомъ была у себя въ деревнѣ въ старообрядческой моленной клирошанкой. Она крестилась старымъ крестомъ, пѣла иногда какую-то пѣсню о прелести скитской жизни бѣлицъ, но когда жила у насъ, то ходила въ папу церковь и исповѣдывалась у священниковъ.

Вообще, когда я былъ ребенкомъ, знахарей-лѣкарей, подобныхъ кушцу Любимсву, было много въ Петербургѣ. Лѣчилъ отъ разныхъ болѣзней сторожъ Владимирской церкви, давая пить какой-то настой травъ на водкѣ, лѣчили странницы-богомолки, переходя изъ дома въ домъ, лампаднымъ масломъ съ камешковъ и стружекъ отъ мощей, sprыскивали водой съ семи углей изъ семи печей «отъ сглазу». Лѣчилъ будочникъ, полицейскій стражъ, хохоль, будка котораго находилась около ограды Владимирской церкви въ Колокольной улицѣ. Онъ лѣчилъ отъ вередовъ и ломоты «снадобьемъ», которое самъ составлялъ и давалъ въ видѣ мази. Онъ же приготовлялъ и нюхательный табакъ зеленого цвѣта, который продавалъ любителямъ. Помню, что большую практику медицинскую имѣлъ коноваль въ Ямской. Про него говорили, что онъ — настоящій скрипинскій коноваль и лучше всякаго доктора. Лѣчилъ онъ заговорами, натиралъ больное мѣсто паціента лошадиной дугой, отворялъ жильную кровь, накидывалъ горшки и банки, а также снабжалъ и лѣкарствомъ, которое самъ приготовлялъ. Приѣмъ этихъ лѣкарствъ сопровождался обрядами, и мнѣ кажется теперь, что эти-то обряды темнымъ людямъ и нравились. Такъ, передъ тѣмъ, какъ принять лѣкарство, нужно было продѣть его между спиць колеса трижды, пить изъ берестянаго стакана, пить на зарѣ, наливать непременно лѣвой рукой, стоять при этомъ не на полу, а на землѣ и т. п. Коновала этого самъ я не видалъ, но слышалъ объ немъ множество рассказовъ, и эти-то рассказы впоследствии и послужили мнѣ для написанія повѣсти «Коноваль».

Успѣхъ знахарей того времени я объясняю малочисленностью врачей, почти отсутствіемъ амбулаторій и плохой славой, которой пользовались тогдашнія больницы. Простого человека въ больницу можно было отправить только силой. Ходили рассказы въ народѣ, что въ больницахъ нѣмцы-лѣкаря морять голодомъ (дѣта), сажаютъ въ кипятокъ (ванна), потрошатъ кишки. Поэтому простой народъ и предпочиталъ лѣчиться у знахарей, въ баняхъ растираніемъ мазями, правленіемъ костей, накидываніемъ банокъ и горшковъ. Въ баняхъ всегда были цырюльники, занимающіеся кровопусканіемъ всѣхъ родовъ и вообще лѣченіемъ, а иногда продѣлывали это и простые мужики-парильщики, а въ женскихъ баняхъ бабки-сторожихи. Больной прислугѣ стоило только намекнуть о больницѣ, какъ она бросалась въ ноги и умоляла ее не отпра-

влять въ больницу. Помню, что кровь бросать, банки себѣ ставить и сухіе горшки накладывать очень многимъ изъ лицъ того времени, которыхъ я знавалъ, очень нравилось. При какомъ либо нездоровьѣ говорили, что это «кровь нудить», «кровь наружу просится», «кровь въ вередѣ пошла», шли къ цырюльнику и бросали себѣ жильную кровь. У насъ былъ дальній родственникъ, старикъ, приказчикъ-гостинодворъ, который бросалъ себѣ кровь каждый мѣсяцъ. Разрѣшительныхъ записокъ отъ врачей, насколько мнѣ помнится, тогда не требовалось, а цырюльники имѣлись чуть ли не на каждомъ перекресткѣ. Обыкновенно цырюльное ремесло объединялось вмѣстѣ съ парикмахерскимъ, и въ нижнихъ этажахъ домовъ то и дѣло видѣлись вывѣски, гласившія: «здѣсь стригутъ и бреютъ, рвутъ зубы и кровь отворяютъ». Вывѣски эти были всегда иллюстрированы. Сидѣла, напримѣръ, дама въ платьѣ декольте и въ цвѣтахъ на головѣ съ вытянутой рукой, опершейся на палку, и изъ руки фонтаномъ била кровь въ тарелку, которую держалъ въ рукѣ мальчикъ въ синемъ фракѣ и желтыхъ панталонахъ. На окнахъ этихъ цырюленъ стояли банки съ пѣвками, и, я помню, мы, маленькіе, проходя мимо, всегда останавливались и ихъ разсматривали. Такихъ цырюленъ было особенно много на Развѣзжей улицѣ и въ Чернышевомъ переулкѣ. Объясняется это тѣмъ, что этотъ районъ былъ мѣстомъ жительства торговаго класса, и купцы и приказчики, проходя въ лавки Апраксина, Щукина и Гостиного дворовъ, заходили сюда для бросанія крови. Была такая же цырюльня и на углу Владимирской и Невскаго проспекта, гдѣ трактиръ Палкина. Мѣстность эта называлась Вшивой биржей. Нижний этажъ дома былъ подъ арками, въ немъ помѣщались лавки, и около нихъ всегда толпились носильщики-поденщики съ веревками за поясами, а также была стоянка ломовыхъ извозчиковъ и легковыхъ лихачей, гдѣ зачастую можно было видѣть сцены исканія другъ у друга въ головахъ насѣкомыхъ. Тутъ же шныряли разносчики, продававшіе рubeцъ и печенку, сайки, сбитень, пироги, гречневика, пряники, и происходили игры сшибанія гречневиковъ и ломанія пряниковъ, составлявшія забаву этихъ носильщиковъ и извозчиковъ. Игра происходила на мѣдныхъ деньгахъ, и выигравшій, кромѣ того, пользовался пряниками и гречневиками.

Помню также, что въ дѣлѣ лѣченія была слабость къ ношенію фонтанелей, что дѣлалось въ большинствѣ случаевъ не по указанію врачей, а по совѣту опять-таки «свѣдущихъ людей», то-есть цырюльниковъ, знахарей, знахарокъ. Мой дядя, братъ отца, Иванъ Ивановичъ, носилъ фонтанель горошину на рукѣ около плеча и растравлялъ себѣ рану въ теченіе многихъ лѣтъ. Знахари ставили отъ ломоты, сыпей или вередовъ и заволоки подъ кожу изъ шелковой ленты, что при передвиженіи ленты для удаленія накопившагося гноя производило страшное мученіе. Я наблюдалъ это на

нашихъ родственникахъ и знакомыхъ, которые, впрочемъ, выносили эти мученія стойчески. Прибавлю, что противъ грыжи многие мужчины носили въ ухѣ серебряную серьгу, а противъ какой либо заразы непременно мѣдный крестъ на шеѣ, который часто вѣшался рядомъ съ золотымъ, а также и ладанку съ головкой чеснока. Также отъ заразы у входныхъ дверей квартиры вѣшали открытую банку съ дегтемъ и пучокъ чесноку. Это была тогдашняя дезинфекція.

Такіе мѣдные кресты и ладанки съ чеснокомъ носили на шеѣ и мы, дѣти. Висѣли у насъ и деготь и чеснокъ у дверей въ квартиру. Въ домѣ у насъ вѣрили въ «симпатическія средства», въ ладанки, но для лѣченія насъ отъ недуговъ приглашали доктора М. М. Моргуліеса, имѣвшаго небольшую лѣчебницу въ нѣсколько кроватей въ своемъ домѣ въ Грязной, нынѣ Николаевской, улицѣ. Это былъ обрусѣвшій крещеный еврей, толстенькій, маленькаго роста, гладко-бритый, веселый человекъ, въ золотыхъ очкахъ и всегда въ синемъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Это былъ пожилой холостякъ, но онъ очень любилъ дѣтей, и когда пріѣзжалъ насъ лѣчить, всегда былъ съ запасомъ леденцовъ, которые назывались ячменными, и ими одѣлялъ насъ. Помню, что когда я былъ мальчикомъ лѣтъ десяти и уже учился въ приготовительной школѣ, Моргуліесъ подарилъ мнѣ маленькую готовальню. Отецъ платилъ ему за визитъ по трехрублевому, то-есть, по 75 коп. (тогда и монета такая была), и эта плата считалась очень хорошою. Когда онъ пріѣзжалъ лѣчить, его всегда угощали мадерой. Подавалась бутылка, онъ выпивалъ рюмку, осматривалъ больныхъ и уѣзжалъ, непременно прописавъ лѣкарство. Безъ лѣкарства лѣченію не вѣрили. Помню, что мы, дѣти, болѣли очень часто горловыми болѣзнями. Лѣченіе заключалось въ прижиганіи горла ляписомъ, полосканіи шалфеемъ съ ромашкой и молокомъ, и внутрь прописывался луковый и фіалковый сиропы. О хининѣ я что-то не помню. Для пониженія жара поили потогоннымъ: малиной, бузиной, липовымъ цвѣтомъ. Температура тѣла не измѣрялась. Какъ слабительное, давался настой александрийскаго листа. Піявки были въ большомъ употребленіи, для постановки которыхъ приглашался пырюльникъ. Онъ же ставилъ и клистиры. Піявки сохранялись у насъ дома въ банкѣ съ водой, и про нихъ говорили, что онѣ «отдыхаютъ».

Но независимо отъ приглашенія доктора насъ лѣчили и домашними симпатическими средствами. Отъ капля надѣвался на горло шерстяной чулокъ съ лѣвой ноги, натертый сѣрымъ мыломъ, а на грудь накладывался нагрудникъ изъ синей сахарной бумаги, пропитанной свѣчнымъ саломъ. Свѣчнымъ же саломъ смазывали и носъ отъ насморка и даже давали сало пить, накапанное въ ромашку, отъ грудной боли. Отъ горловыхъ болѣзней на шею вѣ-

шали также кольцо, свернутое изъ хряща гусинаго горла. Подчасъ насъ, больныхъ дѣтей, sprыскивали и водой съ углей, такъ какъ большинство болѣзней приписывалось глазу. Дѣлали sprыскиваніе изъ рта, внезапно, такъ чтобы испугать больного. Водка-перцовка считалась также лѣкарствомъ и внутреннимъ и наружнымъ.

Микробовъ, бактерій и бациллъ тогда не знали, но все-таки предугадывали ихъ, и при заразныхъ болѣзняхъ окуривали помѣщеніе больныхъ можжевельникомъ и уксусомъ, ставили деготь на блюдечкахъ, дѣлали ванны съ сѣрнымъ цвѣтомъ и мыли зеленымъ калийнымъ мыломъ. Дезинфекціей это, впрочемъ, не называлось, да тогда и не знали этого слова. Также не слыхалъ я тогда въ нашей семьѣ и слова дифтеритъ, хотя онъ, несомнѣнно, въ нашей семьѣ бывалъ.

II.

До двѣнадцатилѣтняго моего возраста семья наша на дачу въ лѣтнее время не переселялась. Въ сороковыхъ годахъ дача была достояніемъ людей со средствами, а въ купеческомъ быту ея очень мало пользовались и люди состоятельные. Лѣтнюю природу я впервые соверпалъ въ маленькомъ садикѣ на дворѣ дома барона Фредерикса, на Владимирской улицѣ, гдѣ мы жили. Въ этотъ миниатюрный садикъ посылали насъ гулять вмѣстѣ съ нянькой Клавдіей. Садикъ этотъ прилично содержался, и въ немъ росли только три сорта насажденій: сирень, желтая акація и бузина, которую мы называли волчьими ягодами, и красныя ягоды которой намъ строго запрещалось ѣсть. Помню, что съ акаціи я собиралъ червей, то-есть гусеницъ, и хранилъ ихъ у себя въ коробкѣ въ дѣтской, давая имъ листочки. Также ходилъ я съ нянькой гулять въ ограду Владимирской церкви, гдѣ росли кое-какія убогія деревца и прилегалъ прудъ сосѣдняго двора, огороженный рѣшеткой. Въ прудѣ плавали гуси. Предпринимали мы и болѣе дальнія прогулки въ Владимирову рощу, которая находилась на Лиговкѣ, близъ строившейся тогда Николаевской желѣзной дороги. Березовая роща эта занимала тогда все пространство, гдѣ теперь находится колонія Санъ-Галли и каменные дома его, и простиралась вплоть до Кузнечнаго переулка. Ходили мы гулять и на огороды, которыхъ было нѣсколько на Кабинетской, Большой и Малой Московскихъ (тогда Гребецкихъ) и на Грязной (Николаевской) улицахъ. Огороды эти, обнесенные заборами, были промысловые; тамъ у моей няньки, ярославки, были знакомые ярославскіе мужики-огородники, и насъ тамъ иногда одаривали рѣпкой, морковкой, огурцами, горшкомъ резеды или левкоя. На эти же огороды ходилъ я съ матерью и за покупкой овощей, имѣя возможность съ дѣтства наблюдать, какъ растутъ капуста, огурцы, корнеплоды.

Помню, что иногда въ воскресенье семья наша ѣздила и за городъ, на Крестовскій или въ Екатерингофъ. Дѣлалось это такъ: пекли дома пирогъ, забирали съ собой закусокъ, самоваръ, чай, сахаръ, посуду, садились въ ялботъ на Фонтанкѣ на углу Графскаго переулка и всей семьей съ двумя перевозчиками отправлялись пить чай «подъ елки». По приѣздѣ на мѣсто, ставили самоваръ, согрѣвая его еловыми шишками, собираемыми нами, дѣтьми, тамъ же, располагались на коврѣ, пили, ѣли и возвращались домой въ сумерки. Такого же рода выѣзды дѣлали и на Волково кладбище на могилки, гдѣ у насъ за рѣшеткой были похоронены дѣдъ, бабка, прадѣдъ и другіе родственники. На Волково отправлялись въ четырехмѣстной каретѣ, которую тогда можно было нанять для такой поѣздки за рубль или рубль съ четвертью. На могилкахъ располагались также съ самоваромъ и съ ѣдой. Ктонибудь снималъ съ ноги сапогъ и голенищемъ раздувалъ самоваръ, что намъ, ребятишкамъ, очень нравилось. Поѣздка эта иногда объединялась нѣсколькими родственными намъ семьями. Служили литіи по покойникахъ. У мужчинъ не обходилось и безъ возляній.

Помню и двѣ поѣздки на лошадяхъ — одну въ Петергофъ, въ царскій день на фейерверкъ, другую въ Колпино, на богомолье, въ Николинъ день 9-го мая. Ѣздили также съ провизіей и самоваромъ. Кареты были набиты биткомъ, сидѣли и на козлахъ съ извозчикомъ, а на крышахъ каретъ были привязаны корзины съ провизіей и посудой.

Помню также, что ходили мы весной справлять семикъ въ Ямскую на Лиговку. Ямская того времени жила деревенскою подгородною жизнью. Дѣвушки въ семикъ ходили по улицѣ съ берегами въ рукахъ, пѣли пѣсни, водили хороводы, заплетали вѣнки и опускали ихъ на воду въ Лиговку. Тамъ, въ Ямской, у насъ жили родственники и знакомые: тетка моя, сестра отца, Анна Ивановна Крупенкина, мужъ которой имѣлъ ножовую лавку въ Гостиномъ дворѣ, и многосемейный купецъ Страховъ, содержатель постоялаго двора и извоза. Онъ перевозилъ товары изъ Петербурга въ Нарву, Ревель, а также привозилъ и оттуда. Страховъ жилъ въ своемъ домѣ и имѣлъ у себя на дворѣ садъ съ яблонями, вишнями и кустами смородины. Въ этомъ саду былъ прудъ съ карасями, и на берегу его стояли вырѣзанныя изъ листового желѣза и раскрашенныя фигуры оленя, медвѣдя, лисицы и двухъ охотниковъ: одного съ рогатиной, а другого — стрѣляющаго изъ лука. Семья Страхова была очень гостепріимная. Страховъ ходилъ порусски, въ длинной сибиркѣ, съ бородой, но, какъ часто посѣщавшій Нарву и Ревель и имѣвшій тамъ дѣла, хорошо говорилъ по-нѣмецки. Страховы придерживались старообрядства. Отецъ мой и дядя у нихъ не курили. Знакомство съ Ямской послужило мнѣ въ послѣдствіи для написанія очерка: «Ямская въ праздники и въ будни».

Домовъ съ садами и прудами въ Петербургѣ въ центрѣ города было тогда довольно много, стало быть, земля не требовалась подь застройку и дорого не цѣнилась. Были садъ и прудъ на Загородномъ проспектѣ у Пяти Угловъ.

Изъ увеселительныхъ садовъ въ эту эпоху въ Петербургѣ существовала только одна «Королева дача» на Выборгской сторонѣ, близъ Черной рѣчки. Тамъ игралъ оркестръ музыки, была лотерея аллегри, разыгрывавшая цѣты и стеклянную посуду. Раза два меня, маленькаго, выраженного въ красную рубашку съ золотымъ поясомъ, везли туда на музыку.

А затѣмъ музыку слушали мы у себя на дворѣ. Въ то время, помимо самыхъ разнообразныхъ шарманокъ, ходили по дворамъ цѣлые оркестры, и жильцы всего двора усердно кидали имъ за игру мѣдную деньгу изъ оконъ. вмѣстѣ съ шарманками ходили по дворамъ «петрушки» съ ширмами, ученые собаки въ костюмахъ давали свои представленія, ходили акробаты, и плясали дѣвицы въ балетныхъ костюмахъ по проводокѣ. Большимъ успѣхомъ пользовался на дворахъ обезьяній циркъ съ маленькой лошадкой, угадывающей среди столпившихся зрителей пьяницъ. Везли показывать и звѣрей: тюленя въ бадѣ, барсуковъ, медвѣжатъ, лисицъ. Ребятишки толпами сопровождали ихъ со двора на дворъ.

Вотъ лѣтнія развлеченія, которыми пользовалась наша семья и я до моего школьнаго возраста.

Зимой развлеченія были еще скромнѣе. Холостой дядя, Василій Ивановичъ, жившій вмѣстѣ съ нами, ходилъ иногда по театрамъ и въ Нѣмецкій клубъ, увлекался Мартыновымъ въ Александринскомъ театрѣ, Бозіо и Лаблашомъ въ Большомъ театрѣ, гимнастами Виолемъ и Пачифико и много и восторженно рассказывалъ намъ о нихъ, но мой отецъ и мать позволяли себѣ ходить въ театръ только на Рождествѣ и на масленой, и при этомъ брали и насъ, маленькихъ дѣтей. Помню, что ложа третьяго яруса стояла тогда не дороже трехъ рублей, а четвертаго—еще дешевле. Кресла были за рубль, а мѣста за креслами 75 копеекъ. До отправления въ театръ разговаривали объ этомъ цѣлую недѣлю и цѣлую недѣлю говорили о видѣнной пьесѣ послѣ посѣщенія театра. Обыкновенно бралась ложа во второмъ или третьемъ ярусѣ и заполнялась совершенно: отецъ, мать, дядя, тетка моя и насъ, ребятъ, двое или трое. Съ собой брали для насъ холодный чай въ бутылкѣ, пирожки, бутерброды. Первою пьесой, которую мнѣ пришлось видѣть, была: «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока». Актаровъ я не помню, но пьеса произвела на меня такое впечатлѣніе, что я не спалъ ночь, бредилъ, крича о пожарѣ, а на утро сейчасъ же самъ сталъ устраивать въ дѣтской сцену за пологомъ дѣтской кровати, нарядившись для чего-то въ красную фуфайку и изображая героя пьесы.

Помню, что я всему подражалъ, что впервые видѣлъ. Это видѣнное оставалось у меня надолго въ впечатлѣніи. Когда меня свели въ деревянный циркъ Віоля, находившійся у Александринскаго театра, и когда я увидалъ Віоля, прыгавшаго по сценѣ лягушкой и висѣвшаго на трапеціи, я самъ сталъ воображать себя акробатомъ, старался научиться прыгать лягушкой и сдѣлалъ себѣ трапецію въ дверяхъ. Увидавъ фокусника, который, взявъ у музыканта трубу, началъ выбивать изъ нея пухъ и набилъ цѣлую гору пуху, я самъ распоролъ дома подушку, высыпалъ изъ нея пухъ и сталъ продѣлывать нѣчто подобное же съ игрушечной трубой, заполонивъ пухомъ всю дѣтскую. Помню, что мнѣ жестоко за это досталось. Мать выдернула изъ вѣника пруть и высѣкла меня. Подражательность у меня была во всемъ. Попавъ въ театръ на водевилъ съ переодѣваньемъ, которые тогда были въ большомъ ходу, я дома самъ навьючивалъ на себя всевозможныя свои одежды и одежды сестеръ и изображалъ передъ нашими домашними переодѣваніе, убѣгая для сбрасыванія съ себя костюма за альковъ въ спальнѣ отца и матери. Красная фуфайка и красная турецкая феска съ кисточкой, которую кто-то подарилъ дядѣ, были у меня въ большомъ ходу.

А наказывала насъ, дѣтей, мать довольно часто, хотя и любила насъ горячо. Въ спальнѣ ея за туалетнымъ зеркаломъ всегда торчала розга, и эта розга всегда ходила по насъ, когда мы упрямились, дерзничали или портили какія либо вещи. При приготовленіи къ экзекуціи я всегда прятался подъ кровать или подъ диванъ, но меня оттуда вытаскивали и стегали. Послѣ экзекуціи я опять прятался подъ кровать и долго лежалъ тамъ. Мать была горяча, но отходчива. Когда гнѣвъ ея проходилъ, она выманивала меня изъ-подъ кровати уже гостинцами. Отецъ былъ мягче матери и, когда мать наказывала, отнималъ меня отъ нея, но и онъ раза два отхлесталъ меня подтяжками. Сѣкли, обыкновенно, поваливъ на четвереньки и ущемивъ голову между колѣнъ. Тогда это было въ обычаѣ и составляло непремѣнную суть воспитанія дѣтей. Семейныя дамы, приходя другъ къ другу въ гости и перецѣловавъ всѣхъ дѣтей, хвалили ихъ за умъ и тотчасъ же спрашивали, часто ли ихъ наказываютъ и чѣмъ именно. Хозяйки удовлетворяли любопытство и въ свою очередь задавали вопросъ о наказаніяхъ. Въ большомъ ходу были ременные плетки, продававшіяся въ игрушечныхъ и щепенныхъ магазинахъ, и эти плетки даже дарили дѣтямъ на елку. Такъ, мой дядя, теткинъ мужъ, А., смотритель Биржевого гостинаго двора на Васильевскомъ островѣ, человекъ многосемейный, имѣвшій дѣтей отъ двухъ женъ, устраивая на Рождествѣ елку для своихъ дѣтей и для насъ, племянниковъ, каждому ребенку дарилъ по плеткѣ. Розга и плетка ходили и по дѣвочкамъ. У моего дяди и отца крестнаго, Ивана Ивановича Лейкина, жена-

таго на рижской уроженкѣ, старовѣркѣ безпоповскаго толка, были только дочери, но въ ихъ семьѣ и по дѣвочкамъ ходили розга и плетка. Мать моя тоже не дѣлала исключенія для можъ маленькихъ сестеръ. Плетка имѣла гражданственность, была какой-то непрежънной принадлежностью воспитанія и ученія. Когда меня дома посадили за азбуку, о чемъ будетъ рѣчь впереди, прежде всего положили на столъ плетку. Дѣлалось это добродушно, безъ злобы, но дѣлалось. Была даже поговорка о плеткѣ при ученіи: «азъ, буки—бери указку въ руки, оита, ижица—плетка ближится». Были случаи, когда насъ, дѣтей, стегали ласково, ради обычая, напримѣръ, въ Вербную субботу, возвратясь отъ всенощной съ освященной въ церкви вербой. Дѣлали вербой три удара и приговаривали: «верба — хлестъ, бей до слезъ, третье — на здоровье». Затѣмъ верба ставилась къ образамъ, за кіотъ, а одинъ ея пруть отдѣлялся и помѣщался въ бутылку съ водой на окнѣ; весной же, когда онъ давалъ корни, его въ день радоницы, во вторникъ на Оминой недѣлѣ, отвозили на кладбище и сажали въ землю на могилкахъ, христосуясь съ покойниками. Такъ было заведено у насъ, у нашей родни и знакомыхъ нашихъ изъ купечества.

Я не упомянулъ еще о всѣхъ масленичныхъ и святочныхъ развлеченияхъ, которыя доставлялись намъ, дѣтямъ. Балаганы, горы и карусели въ то время на масленой строились на Исаакіевской площади. И вотъ, въ одинъ изъ дней масленицы занимались извозничьи четырехмѣстные, такъ называемыя поповскія сани, куда сажали насъ, дѣтей, и возили вокругъ балагановъ и горъ, гдѣ въ то время бывало народное гулянье. Катанье это было въ большой модѣ у купечества. Богатыя купеческія семьи показывали дорогіе мѣха, рысаковъ, парадную упряжь. Да и не однѣ купеческія семьи. Этими катаньями не брезговалъ и высшій свѣтъ. Въ придворныхъ каретахъ возили вокругъ чоръ воспитанницъ-смоляннокъ въ красныхъ гарусныхъ капорахъ, воспитанницъ изъ Екатерининскаго и Николаевскаго институтовъ въ зеленыхъ салопахъ. Кареты и другіе экипажи тянулись въ нѣсколько рядовъ, а между рядами стояла и бродила военная и статская чиновная молодежь и перемигивалась съ хорошенькими юными питомицами. Катали и насъ среди этой вереницы и раздирающей уши смѣси звуковъ оркестровъ и шарманокъ, прислушивались съ восторгомъ къ грохоту стрѣльбы въ балаганахъ. Тогда балаганныя представленія были всѣ съ пальбой. Сдѣлавъ три-четыре круга, сани останавливались около какогонибудь балагана, и насъ вели въ мѣста смотрѣть представленіе. Помню, что лучший балаганъ былъ балаганъ Легата съ арлекинадой, съ превращеніями, съ чертями. Арлекина рубили и рѣзали на части, онъ оживалъ нѣсколько разъ, билъ всѣхъ линейкой и къ концу представленія при освѣщеніи краснымъ бенгальскимъ огнемъ и при выстрѣлахъ возносился на облака подъ потолокъ

вмѣстѣ съ дѣвицей въ трико и тюлевомъ платьѣ. Помню, что послѣ такого представленія я долго задавалъ себѣ вопросы, какъ это дѣлается, что арлекина изрубятъ на глазахъ, разбросаютъ его голову, руки и ноги, а онъ потомъ живъ. Мать говорила мнѣ, что это дѣлается машинами, а нянька увѣряла, что глаза отводятъ.

На Рождествѣ намъ устраивали елку, и елка эта зажигалась по-нѣмецки, непременно наканунѣ Рождества, въ сочельникъ. Отецъ и дяди мои служили приказчиками у нѣмцевъ и съ нѣмцевъ брали примѣръ. Сначала взрослые сходятъ ко всеобщей, вернутся и зажгутъ для насъ елку. Помню, что мать тщательно оберегала насъ отъ скороми и не давала намъ наканунѣ Рождества ѣсть съ елки пряниковъ, которые ей казались скоромными. И мы слушались, оставляя эти лакомства до Рождественскаго утра. Въ Рождественскій сочельникъ у насъ въ домѣ былъ постъ строгій, и женская половина до звѣзды, т.-е. до вечера, ничего не ѣла, а мы, дѣти, питались только булками съ постнымъ чаемъ и не имѣли даже супу, такъ какъ даже постный супъ безъ масла не сварить, а въ этотъ день до вечера и постное масло изгонялось. Да и сахаръ считался скоромнымъ, такъ какъ онъ, какъ объ немъ тогда у насъ говорили, бычьей кровью и костями очищается, а потому къ чаю вмѣсто сахара давали желтый изюмъ или красный медъ.

Игрушекъ на елку намъ дарили много, такъ какъ тутъ были дары отца и матери, двухъ дядей, матери крестной, но игрушки эти были дешевыя: куклы съ головами изъ чернаго хлѣба, выкрашенными краской, а то и изъ тряпокъ съ нарисованными физиономіями и съ пришитой куделью вмѣсто волосъ, но мать и мать крестная, какъ портнихи, одѣвали этихъ куколъ по-своему, въ болѣе роскошные наряды и шили имъ костюмы. Затѣмъ, неизбѣжными игрушками были барабанъ, бубенъ, дудка, труба изъ жести. Гостинцы, украшавшіе елку, были самые дешевые. Ихъ покупали въ пряничномъ куренѣ братьевъ Лапиныхъ въ Чернышевомъ переулкѣ. Конфеты, завернутыя въ бумажкахъ съ картинками, были изъ смѣси сахара съ картофельной мукой и до того сухи, что ихъ трудно было раскусить. Картинки изображали нѣчто въ родѣ слѣдующаго: кавалеръ въ желтыхъ брюкахъ и синемъ фракѣ и дама въ красномъ платьѣ и зеленой шали танцуютъ галопъ, и внизу подпись: «Юлія и Амалія»; пастушка въ короткомъ платьѣ и барашекъ, похожій больше на собаку, и подпись: «Пастораль». Картинки эти раскрашивались отъ руки и очень плохо. Пряники были нѣсколько лучше конфетъ. Они были изъ ржаной и бѣлой муки и изображали гусаровъ, барынь, упершихъ руки въ бока, рыбу, лошадокъ, пѣтуховъ. Ржаные были покрыты сахарной глазурью и расписаны, бѣлые тисненые и отдавали мятой или розовымъ масломъ. Золоченые грецкіе орѣхи, украшавшіе елку, всегда были сгнившіе, и я помню, что торговцы, продававшіе ихъ, въ

оправданіе свое всегда говорили: «помилюте, да вѣдь свѣжихъ-то и не вызолотишь, поволота не приставеть».

Припоминая теперь дни своего дѣтства, я долженъ сказать, что ни у насъ, ни у нашихъ родныхъ никогда ничего изящнаго не было. Все было самое примитивное, грубое, простое. Двоюроднымъ братьямъ моимъ Крупенкинымъ, отецъ которыхъ имѣлъ ножовую лавку въ Гостиномъ дворѣ, какой-то прѣзжайшій иностранный агентъ торговаго дома за хорошую выписку ихъ отцомъ товара привезъ изъ-за границы и подарилъ двѣ игрушки: маленькаго зайчика съ пружиной, бѣгавшаго по полу, и музыкальный ящичекъ, наигрывающій двѣ пьесы. Эти двѣ игрушки такъ цѣнились и казались настолько рѣдкими, что какъ только у Крупенкиныхъ бывали гости, сейчасъ же вынимались эти игрушки и показывались гостямъ. Зайчикъ заводился и бѣгалъ по полу, музыкальный ящичекъ пиликалъ пьески, а гости смотрѣли, слушали и умилялись. А понынѣшнему игрушки были самыя простыя и заурядныя.

Елка, зажженная въ первый разъ наканунѣ Рождества, продолжала у насъ стоять въ украшеніяхъ вплоть до Новаго года и зажигалась нѣсколько разъ. Устраивалась на святкахъ всегда вечеринка и, большей частью, въ Новый годъ, когда дядя Василій бывалъ именинникъ, на которую приглашались родственники, прѣзжавшіе съ ребятами, и маленькихъ двоюродныхъ братьевъ моихъ и сестеръ у насъ собиралось на елкѣ человекъ до двадцати. Взрослые садились играть въ лото, а мы, дѣти, рядились во что попало и бѣгали по комнатамъ въ «уродскихъ» и «арапскихъ» маскахъ. На святкахъ обыкновенно намъ дарили карикатурныя маски съ длинными уродливыми носами, вывернутыми острыми подбородками, съ нарисованными волдырями на лбу и на щекахъ. Были и черныя маски негра съ красными губами. Дѣвочки рядились всегда цыганками въ пестрые платки, а мальчики, большей частью, выворачивали шубы мѣхомъ вверхъ и, надѣвъ ихъ, ползали на четверенькахъ, рыча и изображая медвѣдей и волковъ. Угощеніемъ для дѣтей были пряники, мармеладъ, пастила и орѣхи. Орѣхи давили дверьми. Трескотня шла по всей квартирѣ. Играющимъ въ лото взрослымъ подавались пуншъ, мадера, варенье. Помню, что блюдцевъ не полагалось къ варенью. Варенье подносилось въ вазочкѣ, въ ней была положена одна десертная ложка, и всѣ гости ѣли варенье по очереди съ одной ложки. Варенье подавалось разныхъ сортовъ. Подавались яблоки, нарѣзанныя на четвертинки, синій изюмъ и миндаль. Вечеринка заканчивалась ужиномъ, въ которомъ играла главную роль ветчина съ горошкомъ и клѣтчатый пирогъ съ вареньемъ и желе изъ бѣлаго вина съ вареньемъ и восковымъ зажженнымъ огаркомъ внутри. Иногда во время этихъ вечеринокъ приходили неизвѣстные намъ ряженые, «на огонекъ», какъ тогда говорилось. Эти ряженые въ большинствѣ слу-

чаевъ были также въ самодѣльныхъ костюмахъ, пищали или ре-вѣли басомъ, называли хозяевъ и гостей по именамъ, и хозяева и гости старались угадать, кто бы это были подъ масками. Такихъ ряженныхъ впускали въ домъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній и разспросовъ и тщательно слѣдили за ними, чтобы они чегонибудь не украли. Ряженные эти всегда являлись съ своимъ музыкантомъ—гитаристомъ или скрипачемъ, тоже ряженнымъ. Они плясали, напивались и уходили. Среди нашей родни не было музыканта, хотя у насъ въ домѣ и было старое разстроенное фортепiano.

Сестра моей матери, тетка моя Ольга, тогда молодая дѣвушка, а вмѣстѣ съ ней и наша прислуга, гадали на свѣткахъ про суженаго, спрашивали на улицѣ имена, смотрѣли въ зеркало, подслушивали у дверей чужихъ квартиръ. Удавалось или не удавалось имъ что либо видѣть во время гаданья въ зеркалѣ, я не знаю, но рассказывали онѣ потомъ много фантастическаго, въ которомъ большую роль игралъ «военный съ усами». Тетка впоследствии вышла замужъ, но не за военнаго съ усами, а за бородача купца-рыночника, торговавшего обувью.

Къ Крещенью, въ крещенскій сочельникъ маски отъ насъ отбирались и сжигались. Считалось, что послѣ Крещенья грѣшно было держать ихъ въ домѣ. Являлись приходскіе священники съ крещенской водой, пѣли, кропили квартиру, а по уходѣ ихъ мы, дѣти, ставили мѣломъ кресты на всѣхъ дверяхъ и окнахъ «отъ нечистой силы». Свѣтки съ ихъ «бѣсовскими» играми считались законченными.

Послѣ Крещенья опять тянулись длинные зимніе вечера, ничѣмъ не отмѣчаемые. Отецъ и дядя Василій, приходя домой со службы изъ конторъ обѣдать въ 5 часовъ, тотчасъ же надѣвали халаты и туфли и послѣ обѣда ложились соснуть. Въ 9-мъ часу, послѣ запора лавокъ въ Гостиномъ, приходилъ пить чай служившій въ голландскомъ магазинѣ дядя Николай, сидѣлъ часа два и уходилъ. Онъ жилъ у хозяевъ-голландцевъ, ѣлъ по постамъ скоромное и очень осуждался за это женской половиной нашего семейства. Иногда онъ приносилъ намъ для просмотра картинокъ номеръ «Иллюстраціи» Фурмана или «Художественнаго Листка» Тимма, получавшагося имъ и его товарищами-приказчиками въ складчину. Сами мы въ то время журналовъ и газетъ не получали, и только во время крымской кампаніи я припоминаю у насъ въ домѣ номера «Полицейской Газеты» и «Сѣверной Пчелы». О всѣхъ происшествіяхъ въ городѣ получались свѣдѣнія изъ Гостиного двора отъ покупателей, и, придя домой, отецъ и дядя сообщали намъ о нихъ. Въ особенности сообщали о пожарахъ, которые тогда были очень часты вслѣдствіе обилія деревянныхъ построекъ. Пожары, освѣщая по вечерамъ Петербургъ заревомъ, производили переполохъ. Отецъ и дядя и сами ѣздили на пожары. Пожары

были тогда какимъ-то спортомъ. На нихъ съѣзжалась аристократія, бывали лица царской фамилии и самъ государь. Большимъ любителемъ ѣздить на пожары былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Помню рассказы о немъ, какъ о воодушевлявшемъ пожарныхъ молодецкими выкриками отборныхъ ругательствъ. Уѣзжали, что пожарные очень цѣнили это изъ его устъ и лѣзли прямо въ огонь.

Также помню, что въ зимніе вечера у насъ иногда происходило и литературное чтеніе. Дядя Василій, любитель стиховъ, читалъ по рукописнымъ экземплярамъ «Евгенія Овѣгина» Пушкина и «Горе отъ ума» Грибоедова. Печатные экземпляры были тогда очень рѣдки. Читались и «Мертвыя души» Гоголя. А всѣ домашніе сидѣли и слушали. Чтеніе происходило въ маленькой гостиной при двухъ сальныхъ свѣчкахъ, съ которыхъ то и дѣло снимали нагаръ свѣтиленъ. Помню, что читали и «Ивана Выжигина» Булгарина, который тогда имѣлъ большой успѣхъ, читали «Тысячу одну ночь»—арабскія сказки Шехерезады. Мать крестная, старуха Варвара Сергѣевна въ послѣдствіи пересказывала ихъ намъ, дѣтямъ. Рассказывала она и эпизоды изъ романовъ Купера и Вальтеръ-Скотта, которые читала, а читала она много и памятью обладала замѣчательной.

Отецъ и дядя знали наизусть много цитатъ изъ «Евгенія Овѣгина» и «Горя отъ ума» и очень часто употребляли ихъ въ разговорахъ. Переписаны экземпляры этихъ сочиненій были самимъ дядей Василюмъ. Помню, что у него въ комнатѣ висѣла даже гипсовая маска Пушкина, а подъ ней двѣ рапиры крестъ на крестъ и маски для фехтованія, хотя фехтованіемъ у насъ никто не занимался. Висѣла и турецкая шашка на стѣнѣ. Рассказывали, что это оружіе было оставлено дядѣ кѣмъ-то за долгъ. Комната эта была пропитана табакомъ настолько, что въ ней даже мухи не могли жить. Дядя курилъ тогда табакъ Жукова изъ трубокъ на длинныхъ чубукахъ, которыхъ у него было много, и стояли онѣ въ углу въ мѣдномъ тазу.

Комната была меблирована замѣчательно просто. Не было въ ней ни ковра ни драпировки. Дядя не имѣлъ даже кровати и спалъ на сафьяновомъ диванѣ. Не было письменнаго стола, а въ простѣвкѣ стоялъ только карточный или ломберный столъ, какъ тогда ихъ называли, и на немъ банка огнива, зажигавагося при нажатіи пружины, и ящикъ съ табакомъ, выложенный свинцомъ, да два подсвѣчника. Зеркальце висѣло самое убогое въ полъ-аршина, хотя дядя самъ брился и по-тогдашнему считался франтомъ, носилъ плащъ-альмавиву и сѣрую шляпу. На пальцѣ у него было чугунное кольцо съ вставленнымъ въ него гранатомъ, а въ галстухѣ была булавка съ адамовой головой. Онъ ходилъ съ длинными волосами, въ усахъ. Дома у насъ говорили, что онъ «знаетъ массонскіе знаки».

Скажу кратко, какъ у насъ проходилъ первый день Рождества, и перейду къ Пасхѣ. Утромъ всѣ ходили къ ранней обѣднѣ въ церковь Владимирской Божіей Матери, а, вернувшись домой, разговлялись ветчиной и пили кофе со сливками. Зажигалась елка. Приходили мальчики-славильщики со звѣздами изъ бумаги и славили Христа передъ образомъ. Это были дѣти дворниковъ, водовозовъ, ремесленниковъ съ нашего и сосѣднихъ дворовъ. Ихъ приходило партій пять-шесть. Принимали ихъ всѣхъ и давали имъ копейки по три, по пятачку. Также являлись христославы-будочники и тоже пѣли передъ иконами. Будочники у насъ были знакомые и поставляли намъ швабры и банныя мочалки, которыя сами выдѣлывали. Они приходили, какъ изъ будки съ Владимирской улицы, такъ и отъ Гостинаго двора. Ихъ угощали водкой и давали имъ деньги. Затѣмъ приходили поздравлять дворники, водовозы, трубочисты, сторожа изъ церкви, парильщики изъ бани, сторожа изъ Гостинаго двора, сторожихи и бабки изъ бани, просвирни, богадѣленки, звонари съ колокольни, мусорщики и проч. Хорошо, что тогда рубль имѣлъ цѣну большую, и отецъ давалъ всѣмъ не болѣе, какъ по 20—30 копеекъ. Впрочемъ, всѣмъ поющимъ, кромѣ того, подносили водки, и этого добра тогда къ праздникамъ покупалось много. Припоминаю, что откупная водка тогда была препротивная, и дома ее у насъ не могли пить иначе, какъ съ прибавленіемъ какихъ-то капель, приобретаемыхъ въ аптекѣ. Отецъ крестный мой носилъ эти капли даже всегда съ собой въ карманѣ. Для того, чтобы не сбиться, сколько выдано поздравителямъ, и потомъ записать въ расходъ, отецъ мой держалъ большіе счета на подоконникѣ и послѣ каждой выдачи прибавлялъ сумму къ костяжкамъ. Христославленіе заканчивалось священниками изъ прихода, которые приходили уже часовъ около трехъ дня и непремѣнно оставались выпить и закусить. Христа славили они уже совсѣмъ навеселѣ. Затѣмъ отецъ надѣвалъ фракъ и ѣхалъ дѣлать необходимые визиты и въ этотъ день обѣдать домой ужъ не пріѣзжалъ, а обѣдалъ у своего патрона, г. Герике. Дядя, служившій у швейцарца Боненблюста, обѣдалъ также у своего хозяина. Дома у насъ въ этотъ день обѣда съ супомъ не было, но мы ѣли съ утра до вечера съ праздничнаго стола, который такъ и не убирался.

Такой же порядокъ былъ и въ первый день Пасхи, съ тою только разницею, что всѣмъ приходилось христосоваться разъ по сту, какой бы мужикъ ни приходилъ. Отказываться считалось не по-христіански, не въ обычаѣ. У насъ въ домѣ говорили, что даже и царь въ этотъ день христосуется съ солдатами. Со всѣми непремѣнно обмѣнивались яицами. Яица брали съ собой, отправляясь съ визитами. Нѣкоторые приспособливали у себя особые мѣшечки у пальто для яиць.

Заутреню въ Пасху вся семья отстаивала въ дни моего дѣтства въ церкви Владимирской Божіей Матери—мужчины въ алтарь, женская половина на клиросѣ за рѣшеткой, и, чтобы пройти туда, въ церковь забирались рано, далеко еще до начала полунощницы. Ко всенощнымъ въ дни Страстной недѣли и къ Свѣтлой заутрени начали меня брать съ 6-ти лѣтъ, и часто случалось такъ, что я, уставъ, тамъ и засыпалъ, сидя на верхней одеждѣ, которую семья наша, снимая съ себя, складывала вмѣстѣ. Свѣтлую заутреню стояли съ нами вмѣстѣ дяди мои, даже и тѣ два, которые не жили съ нами, Николай, холостой, и Иванъ, женатый, но въ церковь послѣдній пріѣзжалъ всегда одинъ; безъ жены. Жена его, старообрядка безпоповщинскаго толка, и его двѣ свояченицы, жившія съ нимъ вмѣстѣ, нанимали карету и ѣздили къ заутрени въ модельную на Волково кладбище, для чего передъ отправленіемъ туда переряживались въ сарафаны и коты, расчесывали волосы, уничтожая свои модныя прически, покрывались платками и запасались подручниками и лѣстовками. Дядю очень огорчало, что жена его на бывала съ нимъ вмѣстѣ у заутрени. Онъ всячески склонялъ ее принять православіе, но тщетно. Ярой старообрядкой осталась она до своей смерти, и на ея похоронахъ ее отпѣвали старообрядческіе старики-наставники. Православные священники не ходили къ дядѣ въ домъ, жена не допускала. Крестили рождающихся дѣтей не на дому, а въ церкви.

III.

Не помню хорошо, но, должно быть, къ исходу седьмого года начали меня учить грамотѣ. За это дѣло взялась мать. Кубиковъ съ буквами для игры прежде не было, а потому, играя, я не могъ ознакомиться съ буквами, такъ что пришлось начинать прямо съ азбуки. Дѣлалось это не безъ нѣкоторой торжественности. Обрядная сторона у насъ въ семьѣ всегда играла роль. Прежде всего купили азбуку и указку—палочку изъ кости, которая тогда продавалась въ игрушечныхъ магазинахъ. Азбука была тоненькая съ картинками для каждой буквы: азъ, а, ананасъ; буки, б, барабанъ; вѣди, в, волкъ. Но на Оиту составитель не могъ придумать какого либо предмета, и стоялъ мужикъ съ кувшиномъ, а подпись гласила: «Ома съ квасомъ». Начали меня учить 1 ноября, въ день Космы и Даміана—патроновъ всѣхъ учащихся, а передъ началомъ ученія сводили въ церковь и поставили имъ свѣчку. Передъ полуднемъ усадили за азбуку. Помню, я плакалъ. Сестры и братья мои недоумѣвающе и съ сожалѣніемъ смотрѣли на меня, оторваннаго отъ игръ, но ихъ выгнали вонъ изъ комнаты.

Замѣчательно, что событія дѣтства я лучше помню, чѣмъ событія въ дни юности и даже зрѣлыхъ лѣтъ. Такъ и начало

моего ученія запечатлѣлось у меня въ памяти. Мать сказала мнѣ, что если я буду прилежно учиться, то мнѣ къ Рождеству на елку купятъ театръ. (Картонный театръ съ опускающимися и поднимающимися декораціями и актерами на подставкахъ былъ моею мечтой). Если же буду лѣниться, то по мнѣ будетъ ходить розга. И мать торжественно указала на зеркало, изъ-за котораго всегда торчала розга. Ученіе пошло успѣшно. Черезъ мѣсяць я уже читалъ по складамъ и зналъ цифры. А 1 декабря, въ день пророка Наума, меня опять повели въ церковь, поставили свѣчку и заставили молиться, чтобы «батюшка пророкъ Наумъ навелъ меня на умъ». Черезъ мѣсяць еще я уже читалъ многосложные склады: «свя-тѣй-шій», «пра-ви-тель-ствую-щій», «вы-со-ко-пре-вос-хо-ди-тель-ство», «архан-ге-ло-го-род-скій» и т. п. Одновременно съ чтеніемъ учили и писать. Сначала я обводилъ по карандашу перомъ буквы и цифры, которыя писала мать, хотя писала плохо и сама. Затѣмъ сталъ списывать съ прописей, сначала въ карандашныхъ линейкахъ, а затѣмъ по транспаранту. Готовыхъ линованныхъ тетрадей тогда не продавалось, и тетради нужно было лिनать самимъ. Линейка была принадлежностью учащагося. Ею часто и наказывали, били по пальцамъ за плохое письмо. Прописи у меня были всякаго рода письма: прямого, косога, готическаго. Онѣ состояли изъ изреченій въ родѣ слѣдующихъ: «Ничего не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня». «Что острѣе меча? Языкъ злого человѣка». «Столицу нашу спасаетъ отъ наводненія множество каналовъ». Былъ у меня и транспарантъ, на которомъ ничего, кромѣ черныхъ линеекъ, не находилось, а между тѣмъ внизу была подпись: «Печатать дозволяется. Цензоръ Обертъ».

Когда мать моя бывала занята по хозяйству, въ дѣлѣ ученія ее замѣняла тетка Ольга, ея сестра, молодая дѣвушка, сама только кое-какъ научившаяся читать и писать и начавшая это ученіе 16-ти лѣтъ, когда была выкуплена изъ крѣпостной зависимости и привезена изъ деревни. Училась она тоже у моей матери.

Должно быть, я учился хорошо, потому что картонный театръ у меня къ Рождеству явился. Помню, что я ужасно обрадовался, когда, выйдя изъ воротъ вмѣстѣ съ матерью на прогулку, могъ прочесть висѣвшую на углу Колокольной улицы вывѣску «Трактиръ купца Ротина». Очень радовало меня и то, что я при знакомствѣ съ цифрами могъ уже играть въ лото, когда старшіе члены семьи садились за него.

На слѣдующій годъ осенью я былъ отданъ для продолженія ученія въ начальное училище, находившееся на той же улицѣ, гдѣ мы жили. Его содержала жена инженернаго офицера Бѣляева и вмѣстѣ съ мужемъ своимъ обучала дѣтей всѣмъ предметамъ, не исключая Закона Божія и танцевъ. Законоучителя священника или дьякона мы не видѣли. Учащихся было немного—человѣкъ 15.

Были мальчики и дѣвочки. Партъ не было. Сидѣли за столами съ откидными полами на подставленныхъ ножкахъ. Помню, что полы эти иногда, если дѣти распалаятся и отодвинуть ножку, падали, съ нихъ все летѣло, и полъ заливался чернилами. Насъ наказывали: ставили въ уголъ, иногда на колѣни. Былъ и дурацкій колпакъ съ ослиными ушами, какъ наказаніе, сдѣланный самимъ Бѣляевымъ. Дѣвочки и мальчики были подѣлены по разнымъ комнатамъ, и мы, мальчики, учились въ комнатѣ, гдѣ за ситцевой занавѣской стояли двѣ кровати и спали двѣ старухи, тетки Бѣляевой. Бѣляевы были очень бѣдны, дѣтей не имѣли, но были обременены престарѣлыми родственниками. Кромѣ двухъ старухъ, на ихъ попеченіи былъ еще сумасшедшій братъ Бѣляевой, бывшій офицеръ. Онъ иногда прибѣгалъ въ классы въ халатѣ съ раскрашеннымъ клюквой и жженой пробкой лицомъ и декламировалъ монологи изъ трагедій, но Бѣляевы тотчасъ же его выгоняли. Помѣшанъ онъ былъ на театрѣ. Одна изъ тетокъ Бѣляевой, вѣчно вязавшая чулокъ, изображала иногда у насъ въ училищѣ въ отсутствіе учительницы Бѣляевой нѣчто въ родѣ классной дамы и рассказывала намъ, что она когда-то имѣла тысячу душъ крестьянъ и ѣздила на четверкѣ въ каретѣ, но мужъ ея проигралъ все въ карты. Прислугой у Бѣляевыхъ была ихъ крѣпостная дѣвушка — высокая, рябая, съ попорченнымъ оспой глазомъ. Она ходила всегда босая, въ затрапезномъ платьѣ и часто жаловалась намъ, что она живетъ впроголодь, и выпрашивала у насъ себѣ на булку. Бѣляевъ и его жена были буквально красавцы, молодые, свѣжіе, онъ брюнетъ, она блондинка. За ученье они брали по 3 рубля въ мѣсяцъ и совсѣмъ не дѣлали лѣтнихъ каникулъ, дабы не лишиться въ лѣтніе мѣсяцы платы за ученіе. Бѣляевъ отлично рисовалъ и былъ превосходнымъ каллиграфомъ. Къ поздравленьямъ, которыя заставляли насъ, учениковъ, писать и подавать родителямъ къ Пасхѣ и Рождеству, онъ дѣлалъ сверху замысловатыя виньетки перомъ. За это и мы отблагодаряли его. Было принято приходиться поздравлять ихъ съ праздниками и приносить сладкіе кондитерскіе пироги. Такіе же пироги подносили имъ и въ дни ихъ именинъ. Меня и сестру мою Бѣляевы учили французскому и нѣмецкому языкамъ, но были въ училищѣ ученики и ученицы, которые отъ обученія иностраннымъ языкамъ отказывались. Составъ учащихся былъ самый разнообразный. Были дѣти купцовъ, ремесленниковъ, духовенства и была даже дочь полицейскаго хожалаго. Судьба такъ устроила, что у Бѣляевыхъ учился и сынъ того купца Ротина, чью вывѣску надъ трактиромъ я прочелъ, впервые научившись читать. Этотъ сынъ трактирщика Ротина сдѣлался моимъ школьнымъ пріятелемъ. Онъ умеръ недавно.

Вторымъ школьнымъ пріятелемъ былъ Сапа — сынъ мелкаго кухмистра, проживавшаго въ одномъ съ нами домѣ и отпуская-

шаго съ своей кухни кушанье, а иногда устраивавшаго свадебные столы и похоронные поминки. Саша былъ юркій и способный мальчикъ. По праздникамъ у насъ въ приходской церкви онъ подпѣвалъ дьячкамъ на клиросѣ, помогалъ церковнымъ сторожамъ растапливать въ ризницѣ печку для кадила, убиралъ по ихъ указанію и тушилъ огарки изъ подсвѣчниковъ, а иногда выносилъ и свѣчу въ подсвѣчникъ передъ Евангеліемъ. Все это мнѣ очень нравилось, и я стремился подражать ему. Такъ какъ въ церковь меня водили каждый праздникъ ко всенощной и къ обѣднѣ, то познакомиться черезъ Сашу мнѣ было очень нетрудно и со сторожами и дьячками, и я также сталъ подпѣвать на клиросѣ и собирать огарки. Пѣвчихъ тогда при нашей церкви не было, и пѣла «сборная братія», какъ тогда называли. Козлилъ теноромъ купецъ-яичникъ, былъ басъ — приказчикъ мужа моей тетки, пѣли братья-фруктовщики Н., мой двоюродный братъ Саша Крупенкинъ, мальчикъ моихъ лѣтъ, пѣлъ посудникъ Щ. и какой-то безбородый, испитой скопецъ въ длиннополой сибиркѣ съ жирно смазанными волосами на головѣ. Помню, что Щ. хорошо читалъ часы и Апостола, куда лучше дьячковъ. Усердствующіе прихожане изъ купцовъ ходили и за сборомъ съ кружками по церкви во время богослуженій, а кружекъ, блюдевъ и кошельковъ носили тогда куда больше десятка. Впереди всѣхъ шелъ съ блюдомъ приказчикъ старосты, звонилъ въ колокольчикъ и расталкивалъ народъ, за нимъ двигалась вся вереница. На кошелькахъ также были колокольчики. И вотъ въ этой процессіи участвовалъ иногда и я съ кошелькомъ или блюдомъ, и это мнѣ очень нравилось.

Такъ же во время крестныхъ ходовъ въ Пасхальную недѣлю вокругъ церкви я, Саша-кухмистеръ, какъ мы его звали, и Саша Крупенкинъ каждый день носили зажженные свѣчи передъ образами, а иногда и самые образа, если не было на это желающихъ изъ взрослыхъ. Держать блюдо съ кусочками антидора или святой водой, когда священникъ кропилъ богомольцевъ, подходившихъ ко кресту, считалось для меня также высшимъ удовольствіемъ, а когда меня кто-то изъ нашихъ родственниковъ сводилъ на колокольню, и я увидалъ, какъ тамъ трезвонятъ, я былъ на верху блаженства. Подтягиваніе на клиросѣ заставляло меня учить кондаки, тропари и ирмосы, чтó я и дѣлалъ по молитвеннику. Два Саши и я, сходясь вмѣстѣ, даже репетировали передъ службами, дѣлая спѣвку.

Вскорѣ я такъ сжился съ церковью, что зналъ всѣхъ нищихъ на паперти, а нищихъ тогда было такое множество, что они покрывали всю паперть. Были хромые и безрукіе отставные солдаты, бабы съ ребятими за пазухами, слѣпые, распѣвающіе Лазаря, разслабленные, привозимые въ колясочкахъ, ныли ребятишки въ отрѣпьяхъ, протягивая руки и причитая, стонало множество

старухъ въ напорахъ и съ лукошечками для сбора, монахи и сборщики на церковь съ книгами, странники, подвязанныя лица въ замасленныхъ фуражкахъ съ кокардами, которыхъ всѣ звали «чиновниками». Помню, что про одного нищаго въ синихъ круглыхъ очкахъ всѣ говорили, что у него есть «капиталь», но ему все-таки подавали; про другую старуху нищую рассказывали, что она выдала дочку замужъ за иконописца и дала за ней хорошее приданое. Такое скопище теперь можно видѣть развѣ въ провинціальныя монастыряхъ. Полиція нищихъ тогда не разгоняла. Это былъ ея доходъ. Подавали милостыню почти всѣ, такъ какъ благотворительныхъ обществъ почти не было. Милостыня была непремѣнною принадлежностью посѣщенія церкви. Купцы и купчихи являлись въ церковь съ кожаными кисами, наполненными мѣдными деньгами, и раздавали то за упокой, то за здравіе, произнося при каждой подачкѣ по пяти, по шести именъ. Многіе нищіе грубили прихожанамъ, говорили дерзости, плевались, гровили за малую подачку, но ихъ считали юродивыми, и успѣхъ ихъ былъ еще большій въ дѣлѣ сбора милостыни.

Кромѣ нищихъ, около паперти стояли торговцы-разносчики, продававшіе дешевыя иконы, крестики, ладанки, книжки житій святыхъ, освященныя стружки, камешки, деревянное масло въ пузырькахъ. Были и разносчики съ квасомъ, сбитнемъ, пряниками. И все это раскупалось охотно. У насъ говорили, что весь нищій, а также и торговый людъ, стоявшій у церкви, дѣлился тогда съ церковными сторожами, и отецъ мой и дяди въ шутку называли сторожей откупщиками.

Занесу первое мое говѣнье. Къ причастію мнѣ сдѣлали новую синюю курточку съ бронзовыми пуговицами и сизосѣрыя брюки. Дѣлалъ дѣтскій портной Альвангъ, и наши домашніе долго потомъ вздыхали, сколько онъ съ нихъ содралъ; это было, впрочемъ, только одинъ разъ. Въ домѣ у насъ привыкли къ экономіи, костюмы для дѣтей шили дома сами, суконныя вещи всегда непременно изъ стараго, изъ отцовскаго, изъ спорковъ съ шубъ. Для суконныхъ вещей призывался портной Николай Алексѣичъ (фамилія мы его не знали)—старикъ въ длинномъ сертукѣ, сѣдой, съ клинистой бородкой и въ круглыхъ оловянныхъ очкахъ. Бралъ онъ очень дешево и считался очень выгоднымъ портнымъ. Про него говорили, что онъ былъ такой искусникъ, что и изъ старой шапки ухитрялся сдѣлать жилетку. Снималъ онъ мѣрку бумажной мѣркой, которую дѣлалъ тутъ же, прося бумажки, и отмѣчалъ на ней нарѣзами. Его всегда просили, чтобы онъ шилъ дѣтямъ платье «на ростъ», то-есть рукава и полы длиннѣе, чѣмъ нужно. Рукава иногда засучали. Дѣлали складки и на штанишкахъ. Фантастическихъ костюмовъ у насъ не было никакихъ. Экономія въ домѣ была во всемъ. Даже и передѣланное изъ спорковъ платье во

силъ я одинъ, какъ старшій, а братьямъ моимъ почти всегда платьѣ переходило отъ меня, когда я выросалъ изъ него.

Говѣли мы всегда всѣмъ домою сразу, и для говѣнья всегда намѣнивалось новое мелкое серебро, преимущественно пяточки и гривенники, чтобы расходовать въ церкви. Исповѣдывались всѣ у отца настоятеля Владимирской церкви, протоіерея Михаила Маленина, дряхлаго старика, совершенно глухого, но все-таки ѣздившаго въ Рождество и Пасху славить и взбравшагося къ намъ въ четвертый этажъ. Онъ вѣнчалъ отца и мать, крестилъ меня и другихъ дѣтей. Помню, что первая моя исповѣдь заключалась въ разспросахъ со стороны священника: чей ты такой, не обманываешь ли родителей, не таскаешь ли украдкой сахаръ изъ сахарницы, не оскоромился ли, не грубишь ли родителямъ? Отвѣтовъ моихъ онъ не слышалъ, да и не интересовался ими. Помню, что, когда я послѣ исповѣди положилъ ему на блюдо блестящій пяточокъ, онъ досталъ его съ блюда и, передавая его мнѣ обратно, сказалъ: «возьми себѣ на пряники». А про него говорили, что онъ былъ очень скупъ, и я помню, что онъ ходилъ всегда въ потертой, выцвѣтшей лиловой рясѣ, совсѣмъ отрепанной, тогда какъ другіе священники нашего прихода одѣвались франтовато и во всю душились розовымъ масломъ.

Прибавлю, что протоіерею Михаилу Маленину въ день его ангела всегда посылали отъ насъ сладкій кондитерскій пирогъ. Это было принято у прихожанъ.

Мать наша была богомольна, молилась дома утромъ и вечеромъ по молитвеннику, равно, какъ и тетка ея, моя мать крестная, которую, когда мнѣ минуло лѣтъ десять, пришлось за старостью лѣтъ взять въ домъ, и у насъ уже стали жить двѣ старухи — мачеха отца и тетка матери. Живя въ одной комнатѣ, эти старухи всегда ссорились. Мачеха отца была не совсѣмъ въ здоровомъ умѣ и дѣлала много чудачествъ. У нея были деньги, до 10.000 рублей, полученныя ею по наслѣдству отъ какого-то родственника, были и брильянтовые вещи, какъ ея приданое, но она денегъ не тратила, вещей никому не давала и держала ихъ въ комодѣ, а ключъ отъ комода на крестѣ. Впослѣдствіи эти деньги у нея выманила обманомъ ея сестра, привела ее чуть не къ окончательному умопомѣшательству, и она впала въ дѣтство. Мачеха отца почти никогда не выходила изъ дома, и ее чуть не силой водили въ церковь говѣть и раза три въ годъ возили въ баню. Теткѣ матери она очень часто дѣлала самыя дѣтскія озорничества: то и дѣло гасила «неугасимую» лампаду передъ ея образомъ, умышленно плевала на полъ передъ тѣмъ, какъ той надо молиться и дѣлать земные поклоны, сажала ей въ коробку съ зубнымъ порошкомъ таракановъ и мухъ, а также и въ молитвенникъ ея. Съ этого и начиналась перепалка.

Отецъ и дядя не были богомольны, но соблюдали всѣ церковныя обряды и наканунѣ праздниковъ и въ праздники посѣщали церковь. Ходить наканунѣ воскресенья и праздниковъ въ гости и принимать у себя гостей считалось у насъ грѣхомъ. Впослѣдствіи это стало измѣняться, но, когда мы были дѣтми, было такъ. Насъ, дѣтей, мать заставляла утромъ, когда мы вставали отъ сна, и вечеромъ, ложась спать, читать передъ образомъ «Отче Нашъ», «Богородицу», «Вѣрую», поминать на молитвѣ всѣхъ членовъ семьи, и при этомъ мы дѣлали земные поклоны. Пока мы не знали молитвъ, мы повторяли ихъ за матерью. Будучи уже мальчикомъ лѣтъ 12—13, я безъ угрызенія совѣсти не могъ лечь спать, не прочитавъ всѣхъ этихъ молитвъ, хотя бы наскоро, боржомкомъ; кромѣ того, я молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ знать завтра уроки и получить хорошую отмѣтку, при чемъ крестилъ книгу и клалъ ее подъ подушку. Помню, что даже молился, чтобы нашлись потерянные вещи, въ родѣ перочиннаго ножика, чтобы нашелся нашъ большой сѣрый котъ, котораго мы, дѣти, такъ любили, и который часто пропадалъ на два-три дня.

Кстати о котѣ. Съ самаго ранняго дѣтства мы жили среди животныхъ. У насъ всегда были два-три кота, двѣ-три собаки, и я очень любилъ ихъ и мальчикомъ бралъ кота спать въ постель. Кромѣ того, у насъ всегда бывали морскія свинки или кролики. Кошекъ и собакъ мы всѣ очень любили и даже кормили припыхъ бродячихъ кошекъ, которыя всегда во множествѣ сидѣли у насъ на черной лѣстницѣ, около нашихъ дверей. Ихъ мы называли «нищими» и выносили имъ подаваніе.

Въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности я всегда имѣлъ при себѣ собаку или кошку, спалъ съ ними, и любовь къ этимъ животнымъ у меня сохранилась и понынѣ. Будучи ребенкомъ и отпавляясь съ нянькой гулять въ церковную ограду, я всегда захватывалъ съ собой хлѣба, чтобы кормить бѣдныхъ бродячихъ собакъ, которыя ютились тамъ, получая отъ рѣзвющихся дѣтей кусочки пряниковъ, покупаемыхъ у разносчиковъ, расположенныхъ въ оградѣ.

Въ Благовѣщенье на этой оградѣ появлялись продавцы птицъ съ садками, и богомольцы усердно раскупали этихъ птицъ на выпускъ. Выпускалъ и я на волю такихъ птичекъ, выпросивъ у матери нѣсколько копеекъ. Помню, когда былъ ребенкомъ, жила у меня галка, выпавшая изъ гнѣзда и привезенная съ кладбища, которую я воспитывалъ, кормя говядиной. Галка эта сдѣлалась ручной, но, вполне окрѣвши, улетѣла и не возвратилась, что меня очень огорчило; я долго плакалъ и на молитвѣ дѣлалъ земные поклоны, чтобы галка вернулась.

Съ особеннымъ удовольствіемъ кормилъ я голубей и воробьевъ, которые прилетали ко мнѣ на подоконникъ. Мы, дѣти, отмѣчали

болѣе смѣлыхъ воробьевъ; они носили у насъ названіе знакомыхъ и назывались Кузьма, Матрена и т. п.

Кстати сказать, кормленіе птицъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, было связано съ благочестіемъ. Почти каждый лавочникъ занимался этимъ, вынося поутру изъ лавки зерна или хлѣбъ для голубей и воробьевъ, высыпалъ кормъ и при этомъ крестился. Часто можно было видѣть лавочниковъ, къ которымъ голуби садились на голову, на плечи. Гнѣздо птицы, свитое въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно даже мѣшало, никогда не разорялось взрослыми и считалось благословеніемъ Божиимъ. Въ радоницу, при поминовеніи усопшихъ, кормили птицъ на кладбищахъ. Члены нашей семьи возили на кладбище грачамъ, галкамъ и воронамъ даже говядину. Гостиный дворъ былъ переполненъ голубями. На углахъ Гостиного двора стояли ряды саечниковъ и калачниковъ, выкрикивая «сайки горячи» и прямо всовывая ихъ въ руки прохожихъ. Отъ зазыванія покупателей выкрики висѣли въ воздухѣ, и, невзирая на это, голуби летали надъ головами саечниковъ, садились къ нимъ на плечи, на лотки съ товаромъ. Голубь считался птицей священной. Отецъ мой рассказывалъ, что какой-то англичанинъ, торговавшій внутри Гостиного двора въ кладовой, вздумалъ стрѣлять тамъ изъ духового ружья голубей на жаркое, такъ ломовые извозчики, всегда стоявшіе внутри Гостиного двора, до того этимъ возмутились, что чуть не убили англичанина, нанеся ему жестокіе побои.

Н. А. Лейкинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

И. С. ТУРГЕНЕВЪ И ЭМИГРАНТЫ.

РИ ПОЛНОМЪ собраніи сочиненій И. С. Тургенева, изданномъ А. Ф. Марксомъ, какъ приложение къ журналу «Нива» за 1898 г., помѣщенъ биографическій очеркъ нашего знаменитаго романиста. Въ этомъ очеркѣ вскользь говорится о разрывѣ дружескихъ отношеній Ивана Сергѣевича съ Герценомъ, и что вслѣдствіе какого-то недоумѣнія чуть не было возбуждено въ сенатѣ дѣло «о преступныхъ сношеніяхъ Тургенева съ Герценомъ».

Для болѣе полнаго выясненія этого обстоятельства и освѣщенія, между прочимъ, самой личности великаго писателя и его взглядовъ на то броженіе, которое въ 1860-хъ г.г. существовало въ русскомъ обществѣ, поддерживалось «Колоколомъ» и послужило даже Тургенову поводомъ къ написанію романа «Дымъ», мы приводимъ слѣдующее извлеченіе изъ производившагося по высочайшему повелѣнію въ правительствующемъ сенатѣ дѣла по обвиненію разныхъ лицъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ, Бакунинымъ, Кельсиевымъ и Огаревымъ.

Въ январѣ 1863 г. Тургенову, проживавшему въ то время въ Парижѣ, въ виду поданной имъ просьбы и болѣзненнаго состоянія, были посланы сенатомъ чрезъ русское посольство въ Парижѣ вопросные пункты, на которые онъ чрезъ то же посольство 27 февраля 1863 г. далъ нижеслѣдующіе собственноручные письменные отвѣты:

«Я, дворянинъ Тульской губерніи, отставной коллежскій секретарь, называюсь Иванъ Сергѣевъ Тургеневъ, имѣю отъ роду

44 года, живу теперь въ Парижѣ, rue de Rivoli, 210, исповѣдную православную вѣру, былъ у исповѣди и причастія въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ деревнѣ, находился около двухъ лѣтъ на службѣ въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, при графѣ Перовскомъ, не получилъ на службѣ ни знаковъ отличія, ни выговоровъ, за мною недвижимое имѣніе, населенное 1900-и крестьянами. Я женатъ не былъ, но имѣю дочь, которой теперь 21-й годъ.

«Перечислить всѣхъ моихъ знакомыхъ, вспомнить время и образъ нашего сближенія, опредѣлить мои сношенія съ ними — рѣшительно превосходить силы моей памяти, а потому полагаю, что рѣчь идетъ преимущественно о поименованныхъ ниже лондонскихъ изгнанникахъ. Я знакомъ съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ; г. Кельсіева я вовсе не знаю и никогда не видалъ. Съ Герценомъ и Огаревымъ я познакомился въ Москвѣ около 1842 г.; съ Бакунинымъ я познакомился еще ранѣе, а именно въ 1840 г., въ Берлинѣ. Въ то время мы оба занимались изученіемъ философіи и, проживъ въ одномъ домѣ, почти въ одной комнатѣ, около года, не разсуждали о политическихъ вопросахъ, считая ихъ дѣломъ постороннимъ и второстепеннымъ. Послѣ этого я потерялъ его изъ виду, встрѣчался съ нимъ изрѣдка за границей, а въ 1848 г. въ Парижѣ, во время февральской революціи, въ которой онъ игралъ нѣкоторую роль, — не былъ у него ни разу и видѣлъ его только однажды на улицѣ. Дальнѣйшая участь его извѣстна; увидѣлся я съ нимъ снова въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Лондонѣ, куда ѣздилъ на три дня. Я никогда не раздѣлялъ его образа мыслей и не участвовалъ ни прямо, ни косвенно ни въ одномъ изъ его предпріятій.

«Съ Огаревымъ никогда не былъ близокъ и мало говорилъ съ нимъ; Герцена я зналъ хорошо и находился съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Я долгое время не прерывалъ съ нимъ связи, хотя зналъ, что онъ дѣйствуетъ противъ правительства; нечего прибавлять, что я не принималъ никакого участія въ этихъ дѣйствіяхъ, будучи, по самому существу своему, врагомъ всего, что походитъ на заговоръ, и т. п. Но я сознаю необходимость объяснить мои сношенія съ нимъ,—начну съ начала.

«Я познакомился съ Герценомъ, какъ уже сказано, въ сороковыхъ годахъ. Разсказать подробно исторію послѣднихъ двадцати лѣтъ было бы неумѣстно и затруднительно; но всякому русскому извѣстно, какой громадный внутренній переворотъ совершился у насъ въ теченіе этого времени. Тогдашнее молодое поколѣніе, къ которому принадлежали Герценъ и я, и многіе другіе—живые и мертвые—имѣло общіе интересы, стремилось къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, освобожденіе крестьянъ, уже достигнуты и, спѣшу прибавить, достигнуты подъ руководствомъ и по указаніямъ самого правитель-

ства; но, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ совершавшихся событій, перемежны царствованія, большей зрѣлости общественнаго мнѣнія и гражданскихъ убѣжденій та сплошная масса молодого поколѣнія, о которомъ я говорилъ, стала понемногу разбиваться, раздѣляться на группы; одни, усталые, остались назади,—другіе, нетерпѣливые, ушли впередъ, и такъ далеко впередъ, что потеряли изъ виду самую Россію; иные, наконецъ, сдѣлались добровольными изгнанниками. Въ числѣ ихъ, какъ извѣстно, находится Герценъ. Оставляя родину въ концѣ 1846 г., онъ уже находился въ разладѣ со всей умѣренной, династически-либеральной партіей, изъ которой я, на примѣръ, могу назвать покойнаго Грановскаго. Въ Россіи до 1846 г. я видѣлся съ Герценомъ весьма рѣдко: я только что начиналъ свое литературное поприще, и вопросы чисто политическіе занимали меня мало. Я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ 1848 г. Зрѣлище, представляемое тогда Европой, сильно потрясло меня, но и тутъ я оставался только зрителемъ поднявшейся бури, да и самъ Герценъ находился тогда, какъ бы въ бездѣйствіи: о пропагандѣ, о вліяніи на русскую публику не было и рѣчи; нужно было сперва понять, куда шла, чего хотѣла исторія. Насколько ему удалось, или, говоря правильнѣе, какъ мало это ему удалось, можно видѣть въ его сочиненіяхъ; но, возвращаясь въ Россію весной 1850 г., я оставлялъ его политическимъ писателемъ, чѣмъ-то среднимъ между теоретикомъ и скептикомъ, но уже никакъ не пропагандистомъ, не проповѣдникомъ социализма и возстанія у насъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ мною въ Россіи, окончательно рѣшили мою судьбу: я сдѣлался писателемъ, и больше ничѣмъ. Я понялъ, что я призванъ, по мѣрѣ силъ своихъ, дѣйствовать гласно, дѣйствовать словомъ и образами, и я постоянно трудился на этомъ поприщѣ, быть можетъ, не безъ пользы. Когда, въ 1856 г., я снова пріѣхалъ за границу,—въ Лондонѣ уже второй годъ издавался «Колоколь»; но Герценъ все еще не вступалъ безвозвратно на дорогу, которая окончательно привела его къ одиночеству, въ которомъ онъ теперь находится, къ полному разединенію со всѣми его бывшими друзьями. Онъ тогда еще только отрицалъ и обличалъ: отрицаніе его было рѣзкое, часто необдуманное, обличеніе часто несправедливое; но онъ въ душѣ своей еще вѣрилъ въ возможность правильной и спокойной будущности для Россіи, скорбѣлъ о томъ, что онъ считалъ ошибками правительства, радовался его успѣхамъ. Я увидѣлъ его въ Лондонѣ, и хотя я уже тогда чувствовалъ, какая глубокая черта меня отъ него отдѣляла, однако я не признавалъ ни необходимымъ, ни даже полезнымъ прекратить съ нимъ сношенія, несмотря на то, что эти сношенія часто выражались въ однихъ спорахъ. Герценъ все-таки былъ представителемъ извѣстныхъ силъ и направлений рус-

ской жизни, русскаго ума. Но время шло, и все стало измѣняться. Теряя болѣе и болѣе пониманіе дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей Россіи, которой онъ, впрочемъ, никогда хорошо не зналъ, увлекаясь болѣе и болѣе старыми предубѣжденіями и новыми страстями, враждуя съ правительствомъ даже въ такомъ святомъ дѣлѣ, каково было освобожденіе крестьянъ, подчинившись, наконецъ, тѣмъ самымъ ученіямъ, отъ которыхъ здравый смыслъ отводилъ его нѣкогда, — Герценъ пересталъ отрицать и началъ проповѣдывать преувеличенно, шумно, какъ обыкновенно проповѣдуютъ скептики, рѣшившіе сдѣлаться фанатиками. Рѣже и рѣже выдаясь съ нимъ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ (съ осени 1860 г. до нынѣшняго времени я провелъ съ нимъ всего три дня, въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года), я съ каждой встрѣчей становился ему болѣе чуждымъ. И не я одинъ, всѣ прежніе его товарищи одинъ за однимъ отъ него отвернулись. Они не измѣняли своимъ стариннымъ, задушевнымъ убѣжденіямъ, но Герценъ, сдѣлавшійся республиканцемъ и социалистомъ, Герценъ, подпавшій подъ вліяніе Огарева, не имѣлъ уже рѣшительно ничего общаго ни съ однимъ здравомыслящимъ русскимъ, не раздѣляющимъ народа отъ царя, честной любви къ разумной свободѣ отъ убѣжденія въ необходимости монархическаго начала. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года я видѣлъ Герцена въ послѣдній разъ (онъ тогда уже прочелъ «Отцы и дѣти»), и наши личныя сношенія прекратились. Глубоко раздражаемый чувствомъ своего одиночества, ослабленіемъ своего значенія, всеобщимъ осужденіемъ бывшихъ друзей, которое онъ называлъ измѣной, Герценъ утратилъ почти всю свою силу, самый блескъ своего бесспорно-замѣчательнаго таланта. Мнѣніе его обо мнѣ, какъ объ охладѣвшемъ эпикурейцѣ и человѣкѣ отсталомъ и отжившемъ, выразилось въ письмахъ, оваглавленныхъ: «Конецъ и начала». Я ему отвѣчалъ съ безпощадною искренностью... Теперь все это стало для меня невозвратнымъ прошедшимъ.

«Я объяснился съ полной откровенностью, — что же мнѣ еще остается отвѣтить? Если одни сношенія, какого бы рода они ни были, съ политическимъ преступникомъ, съ изгнанникомъ считаются преступленіемъ въ глазахъ правительства, то я виноватъ, и меня слѣдуетъ наказать. Но я надѣюсь, что судьи мои до произнесенія приговора примутъ въ соображеніе то обстоятельство, что я былъ представителемъ событія, совершившагося надъ цѣлымъ поколѣніемъ, — событія, которому само правительство не можетъ не сочувствовать, а именно: отрезвленія и успокоенія умовъ, происходящаго отъ удовлетворенія законныхъ требованій; я надѣюсь, что мои судьи вспомнятъ, что сношенія, въ которыхъ меня обвиняютъ, носили въ послѣдніе годы характеръ полемики, борьбы, и что заслуга борьбы съ направленіемъ, вреднымъ для государ-

ства, не уменьшается отъ того, что эта борьба и независима и безкорыстна».

Въ виду показанія одного изъ подсудимыхъ, кандидата университета Налбандова, что Бакунинъ, проживавшій въ Лондонѣ, просилъ его сообщить Тургеневу въ Парижѣ и брату своему въ Петербургѣ, чтобы они хлопотали о выпискѣ его, Бакунина, жены изъ Сибири въ Тверскую губернію, что имъ, Налбандовымъ, и было исполнено; что, по приѣздѣ въ С.-Петербургъ, Тургеневъ приглашалъ его къ себѣ и говорилъ, что видѣлся уже съ женою брата Бакунина, и семейство его согласно выписать къ себѣ въ имѣніе жену изгнанника Бакунина, и что Тургеневъ при этомъ просилъ его, Налбандова, дать за его счетъ женѣ брата Бакунина 300 рублей сер., въ чемъ и далъ ему расписку,—Тургеневъ представилъ слѣдующее объясненіе:

«Всѣ показанія г. Налбандова совершенно справедливы, и я могу прибавить къ нимъ нѣкоторыя подробности и объясненія. Бакунинъ во время своей бытности въ Сибири женился на дочери чиновника въ Иркутскѣ, польской уроженкѣ. При своемъ бѣгствѣ изъ Сибири, лѣтомъ 1861 г., онъ принужденъ былъ оставить еѣ въ Иркутскѣ, и, прибывши въ Лондонъ, началъ хлопотать о томъ, какъ бы ее выписать, если не за границу, то, по крайней мѣрѣ, въ Тверскую губернію, въ деревню Ирмухино Торжковскаго уѣзда, гдѣ живетъ его семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Но къ исполненію этого намѣренія представлялись важныя затрудненія. Не говоря уже объ отдаленіи Лондона отъ Иркутска и невозможности прямыхъ сообщеній, жена Бакунина не имѣла денегъ для совершенія столь продолжительнаго путешествія и имѣла долги; при томъ же самъ Бакунинъ не былъ увѣренъ въ томъ, захотятъ ли его братья и сестры принять ее къ себѣ въ домъ, такъ какъ свадьба его была имъ, какъ онъ полагалъ, неприятна. Къ довершенію всего, двое изъ братьевъ Бакунина—Николай и Алексѣй, содержались въ Петропавловской крѣпости по дѣлу адреса тверскихъ дворянъ. Увидавшись со мною въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Лондонѣ, Бакунинъ обратился ко мнѣ съ самой настоятельной просьбой помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и я не отказалъ ему. Я не отказалъ ему, между прочимъ, и потому, что окончательно разошелся съ нимъ во всѣхъ моихъ убѣжденіяхъ. Я видѣлъ предъ собою не политическаго изгнанника, съ которымъ уже давно не имѣлъ ничего общаго, а человека въ горѣ, стараго товарища молодости, помочь которому предписывало состраданіе и не запрещала совѣсть. Въ томъ же самомъ маѣ мѣсяцѣ и по тому же поводу я познакомился въ Парижѣ съ г. Налбандовымъ, видѣлся съ нимъ раза три или четыре, а разговаривалъ съ нимъ исключительно о средствахъ переселенія жены Бакунина изъ Сибири въ Тверскую губернію. По при-

ѣздѣ въ Петербургъ, я прежде всего желалъ удостовѣриться, точно ли семейство Бакунина не хочетъ принять его жены къ себѣ въ домъ. Для этого мнѣ нужно было видѣться съ братьями Бакунина, заключенными въ крѣпости. Безъ разрѣшенія с.-петербургскаго генераль-губернатора, князя Суворова, это было невозможно. Я прямо обратился къ князю, откровенно объяснилъ съ нимъ, и князь, взявши съ меня слово, что разговоръ мой съ братьями Бакунина будетъ касаться однихъ частныхъ дѣлъ, далъ мнѣ возможность видѣться съ ними въ крѣпости. Они немедленно объявили мнѣ свою готовность принять къ себѣ жену брата; оставалось доставить ей денежные средства перебраться изъ Иркутска въ Тверскую губернію. Средства этихъ въ то время у Бакунина не оказалось, я предложилъ свои, и вмѣстѣ съ полученными отъ г. Налбандова 300 рублей сер. доставилъ своихъ 200 рублей женѣ третьяго брата Бакунина, Павла, находившейся тогда въ С.-Петербургѣ. Деньги эти, сколько мнѣ извѣстно, были доставлены женѣ Бакунина въ Иркутскъ, и сама она, кажется, недавно перѣехала въ Тверскую губернію. Я тогда же отправилъ Бакунину письмо, въ которомъ увѣдомилъ его обо всемъ, что было сдѣлано для его жены. На этомъ дѣло для меня остановилось. Самой жены Бакунина я никогда не видалъ и не имѣлъ съ нею никакихъ сношеній. Впрочемъ, приложенное мною письмо Бакунина ко мнѣ подтверждаетъ все вышесказанное».

Такъ какъ у Налбандова при обыскѣ найдена визитная карточка Бакунина съ надписью: «Другу Налбандову отъ Герцена, Огарева и меня общій и сердечный поклонъ», и съ припиской на ней, что Бакунинъ рекомендуетъ Налбандову Ничипоренка, и такъ какъ Налбандовъ по поводу этой карточки сначала объяснялъ, что получилъ ее въ Парижѣ, у Тургенева, отъ неизвѣстнаго ему господина, а потомъ, что ему передалъ ее Ничипоренко въ квартирѣ самого Тургенева, то Тургеневъ относительно этихъ обстоятельствъ объяснилъ:

«Г. Ничипоренко былъ у меня въ Парижѣ прошлой несной разъ или два, никакъ не болѣе, и могъ встрѣтиться у меня съ г. Налбандовымъ, который около того времени заходилъ ко мнѣ. О передачѣ карточки я ничего не зналъ, но невѣроятности въ этомъ нѣтъ. Г. Налбандовъ былъ мнѣ извѣстенъ, какъ знакомый Бакунина, взявшій къ сердцу дѣло его жены. Могу увѣрить (и г. Налбандовъ подтвердить мои слова), что въ наши весьма немногочисленные свиданія рѣчь исключительно шла о семейныхъ дѣлахъ Бакунина и не касалась политики. Г. Ничипоренка я знаю еще менѣе. Я его встрѣтилъ мелькомъ въ Россіи года три тому назадъ. Прошлой осенью я, къ удивленію своему, прочелъ въ какомъ-то нѣмецкомъ журналѣ, что г. Ничипоренко былъ арестованъ въ Италіи, какъ агентъ Бакунина. Не могу судить, насколько

это справедливо, но могу утвердительно сказать, что я только тогда узналъ, что г. Ничипоренко занимается пропагандой. Вообще же не стоило замѣтить, что лондонскимъ изгнанникамъ, не прекращавшимъ со мною частныхъ связей, мой образъ мыслей былъ хорошо извѣстенъ; а потому, когда имъ случалось адресовать соотечественниковъ ко мнѣ, преимущественно какъ къ литератору, они обращали въ сторонѣ политическіе вопросы.

Кромѣ карточки, въ бумагахъ Налбандова найдено было письмо къ нему Бакунина отъ 24 апрѣля 1862 г., въ коемъ онъ благодарилъ его за исполненіе порученія относительно устройства переезда жены его изъ Иркутска въ Лондонъ и, говоря о переездѣ, присовокуплялъ: «И лексиконъ у насъ также есть». Налбандовъ въ объясненіе этого письма подтвердилъ то же, что и прежде, то-есть, что онъ принималъ участіе въ переездѣ жены Бакунина изъ Иркутска въ Лондонъ или Тверскую губернію, полагая, что Бакунинъ еще въ Лондонѣ говорилъ ему, что Тургеневъ обѣщаль дать 2.000 рублей сер.

По поводу этого обстоятельства Тургеневъ показалъ:

«Я дѣйствительно обѣщаль Бакунину сумму денегъ, частью на переездъ его жены изъ Сибири въ Тверскую губернію, частью на собственные его расходы. Впрочемъ эта сумма не такъ значительна, какъ онъ ее показываль. Я ему обѣщаль 3.500 франковъ, а выдалъ въ дѣйствительности около 1.000 франковъ, да 500 рублей сер., то-есть около 1.800 франковъ, послаль изъ деревни женѣ Павла Бакунина. Не могу не прибавить, что, по-моему, большая или меньшая значительность суммы въ этомъ случаѣ не имѣеть никакой важности, такъ какъ вся эта сумма назначалась для цѣли домашней, частной, и выдавалась единственно изъ чувства состраданія, воспоминаній молодости и т. п. Я уже объяснилъ выше, что и 500 рублей, пересланныхъ мною Натальѣ Семеновнѣ Бакуниной, назначались на тотъ же предметъ».

Изъ другого письма Бакунина къ Налбандову, отъ 6 іюня 1862 г., между прочимъ, выяснилось, что онъ писалъ письма по словарю, данному ему Бакунинымъ, и Налбандовъ объяснилъ, что по смыслу самого письма Бакунина видно, что словарь этотъ былъ данъ и Тургеневу.

На это Тургеневъ возразилъ:

«Изъ предыдущихъ моихъ отвѣтовъ и изъ копій съ собственно-ручныхъ писемъ Бакунина видно, я надѣюсь, съ достаточной ясностью, что единственныя отношенія между нами состояли въ моемъ обѣщаніи доставить его женѣ возможность вернуться изъ Сибири въ Тверскую губернію да въ личномъ вспомошествованіи ему. Легко можетъ статься, что Бакунинъ, чрезвычайно озабоченный участію своей жены и огорченный молчаніемъ своихъ родственниковъ, имѣлъ въ мысляхъ дать мнѣ нѣчто въ родѣ словаря,

или условнаго ключа, для облегченія мнѣ возможности писать на его имя письма; я даже припоминаю, что во время свиданія со мною въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Лондонѣ онъ говорилъ мнѣ, что въ случаѣ надобности можно назвать жену его однимъ мужскимъ именемъ, а городъ Иркутскъ, гдѣ она тогда находилась, другимъ мужскимъ именемъ; я соглашался съ нимъ, хотя и не видѣлъ въ этомъ особенной необходимости; но, во всякомъ случаѣ, Бакунинъ не исполнилъ своего намѣренія и не далъ мнѣ никакого пространнаго словаря, хотя, повидимому, писалъ объ этомъ г. Налбандову. Да и на что было ему давать такой словарь человѣку, про котораго онъ самъ писалъ, что онъ принадлежитъ къ «противному лагерю», съ которымъ онъ рѣшился прекращать всякіе политическіе споры, какъ ни къ чему не ведущіе, и т. п.? Повторяю, онъ могъ имѣть намѣреніе сообщить мнѣ ключъ, или словарь, для облегченія переписки объ его женѣ, но этого намѣренія онъ не исполнилъ; а я, какъ выше сказано, обошелся безъ всякаго ключа и написалъ ему письмо, въ которомъ прямо разсказалъ все, что было сдѣлано для его жены».

Другой подсудимый, Ничипоренко, между прочимъ, показалъ, что въ Парижѣ онъ получилъ отъ изгнанника Герцена записку съ приложеніемъ письма къ Серно-Соловьевичу и нѣсколько десятковъ экземпляровъ перепечатки изъ «Колокола» о деньгахъ для русскихъ, и что письмо къ Серно-Соловьевичу и часть перепечатокъ, а также свою собственную записку о подробностяхъ изданія его сочиненія, касательно денежной части, онъ, Ничипоренко, вручилъ Тургеневу, уѣзжавшему въ то время изъ Парижа, для передачи Серно-Соловьевичу.

На это Тургеневъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

«Съ г. Серно-Соловьевичемъ я видѣлся всего два раза, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ его магазинѣ, въ С.-Петербургѣ. Я съ нимъ не былъ знакомъ лично и обратился къ нему, какъ къ книгопродавцу и издателю. Одна знакомая мнѣ дама поручила мнѣ продать рукопись сочиненной ею дѣтской книжки, подъ заглавіемъ: «Дневникъ дѣвушки». Г. Серно-Соловьевичъ, къ которому я пришелъ послѣ отказа двухъ или трехъ другихъ книгопродавцевъ, купилъ у меня эту рукопись и напечаталъ ее въ послѣдствіи вмѣстѣ съ моимъ предисловіемъ. Помнится мнѣ, что кто-то поручилъ мнѣ — въ 1861 или 1862 г. — передать г. Серно-Соловьевичу небольшой пакетъ, содержаніе котораго мнѣ было неизвѣстно; весьма можетъ быть, что этотъ пакетъ былъ мнѣ переданъ г. Ничипоренкомъ, котораго я видѣлъ въ числѣ многихъ другихъ русскихъ у себя на квартирѣ, въ Парижѣ. Такого рода порученія (доставленіе пакетовъ, писемъ и т. п.) даются почти каждому русскому, возвращающемуся изъ-за границы на родину. Мнѣ совершенно неизвѣстно, о какой денежной части говорилъ

Герценъ г. Ничипоренку; что же касается до фонда для русскихъ политическихъ изгнанниковъ, или на такъ называемое «общее дѣло», то о немъ часто упоминается въ «Колоколѣ»; въ одномъ изъ номеровъ издателя, между прочимъ, жалуются на незначительность собираемыхъ суммъ. Собственно я въ этотъ фондъ денегъ не вносилъ—ни своихъ, ни черезъ мои руки присланныхъ—и вообще я объ этомъ фондѣ имѣю только тѣ свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ «Колокола». Повторяю, что съ г. Серно-Соловьевичемъ я разговаривалъ только о «Дневникѣ дѣвушки», да и самый пакетъ, сколько мнѣ помнится, вручилъ не ему, а одному изъ его приказчиковъ въ магазинѣ».

Наконецъ, въ дополненіе всѣхъ своихъ объясненій, Тургеневъ показалъ:

«Изъ отвѣтовъ моихъ всякій можетъ заключить, что я, по глубокому чувству убѣжденія, всегда чуждался и чуждаюсь всякаго рода пропаганды, особенно тайной; вижу въ ней положительный вредъ и важное препятствіе къ успѣшному ходу народнаго развитія и самой свободы. Всякій мракъ мнѣ ненавистенъ: мракъ заговоровъ не менѣе другихъ. Все, что я дѣлалъ до сихъ поръ, совершалось завѣдомо для каждаго, открыто и ясно, при солнечномъ свѣтѣ: ни одинъ добросовѣстный писатель не можетъ дѣйствовать иначе. Смѣю прибавить, что мнѣ нѣтъ никакой причины, ни даже выгоды, сойти съ дороги, по которой я шелъ до сихъ поръ. Вслѣдствіе этого мнѣ остались совершенно чужды всѣ сношенія, которыя могутъ существовать между русскими пропагандистами и ихъ единомышленниками въ Россіи и за границей, и я съ совершенно спокойной совѣстью объявляю заранѣе, что никогда и нигдѣ не откажусь отъ моего имени, потому что мое имя не встрѣтится тамъ, гдѣ бы мнѣ слѣдовало отъ него отказаться».

Вмѣстѣ съ этими отвѣтами посольство прислало въ сенатъ и засвидѣтельствованныя копии съ 4-хъ писемъ, писанныхъ Тургеневу Бакунинымъ и Герценомъ, слѣдующаго содержанія.

I.

Письмо Бакунина.

23 октября 1862 г. Londres 10. Paddington Green. W.

«Ты правъ, Тургеневъ, прекратимъ бесполезныя разсужденія о вопросахъ политическихъ, которые насъ только раздраживаютъ, сеорать и ни на шагъ не подвигаютъ. Мы оба слишкомъ стары, чтобы мѣнять шкуру, останемся каждый при своей старой, но также останемся и друзьями. Правда, что въ этой дружбѣ весь выигрышъ мой, ты для меня много дѣлаешь, я же для тебя сдѣ-

лать ничего не могу. Но пусть будет это неравенство, лишь бы оно не надоѣло тебѣ, я съ нимъ мирюсь, и въ доказательство сейчасъ же начинаю говорить о своихъ дѣлахъ. Наконецъ, послѣ долгаго, долгаго молчанія, я получилъ письмо не отъ братьевъ, которые остаются вѣрны, если не старой дружбѣ, то, по крайней мѣрѣ, новому равнодушію, но отъ жены, изъ Иркутска, отъ 5 іюня. Вотъ что она мнѣ пишетъ: она совсѣмъ было собралась ѣхать въ Россію, еще до полученія денегъ, своими средствами, или, вѣрнѣе, средствами своихъ родителей, но ея не пустили, объявивъ, что надо напередъ испросить соизволенія верховной власти, — однимъ словомъ, не дали паспорта. Она — въ отчаяніи. Правда, что въ это время Корсаковъ былъ на Амурѣ, и мѣсто его временно занималъ ограниченный формалистъ, Николаевскій, генералъ Жуковскій, — правда, что передъ отъѣздомъ своимъ Корсаковъ обѣщаль ей выдать паспортъ не въ Лондонъ и не въ С.-Петербургъ, а въ Тверь; тѣмъ не менѣе, обстоятельства могли измѣниться, а съ ними вмѣстѣ и гуморъ правительства. У нея въ Иркутскѣ дѣятельныхъ помощниковъ нѣтъ, братья спятъ сномъ молодецкимъ, и если ты черезъ своихъ друзей, умныхъ и хорошихъ, о которыхъ ты пишешь, мнѣ не поможешь, я, право, не буду знать, куда дѣваться и что дѣлать съ своимъ горемъ. Жена пишетъ, что она послала въ Петербургъ просьбу о дозволеніи ей выѣхать изъ Сибири, или что начальство сдѣлало запросъ, навѣрное не знаю, потому что она говоритъ объ этомъ съ женскою безтолковостью. Все это въ высшей степени нелѣпо и бесполезно, и глупо и незаконно. Но вѣдь у насъ, не въ укоръ вашей милости, законъ, даже пресловутый проектъ о юридическихъ и гражданскихъ реформахъ, — ловушка, чтобы отвлечь вниманіе отъ дѣйствительно повсюду вводимаго военнаго положенія, — это ясно, какъ ты самъ еще лучше меня знаешь, вздоръ, одинъ произволъ, глупый, дикій, безстыдный произволъ. Ужъ если они мнѣ дѣлаютъ честь меня бояться, то, по крайней мѣрѣ, они должны бы были понять, что человекъ съ женою въ сто кратъ безопаснѣе человека безъ жены. Тургеневъ, помоги, — и разузнай и помоги, — а если можешь, чрезъ кого нибудь жигани братьевъ, чтобы они наконецъ проснулись, устыдились и поняли, что мало быть добрыми людьми, и что вѣра безъ дѣла мертва есть. Пусть же наконецъ они мнѣ напишутъ хоть слово не о своихъ политически-философскихъ стремленіяхъ, до которыхъ мнѣ, право, нѣтъ дѣла, но о моихъ дѣлахъ, о моей женѣ, о томъ, что они сдѣлали и собираются сдѣлать для того, чтобы освободить ее.

«Правительство не разсердится на братьевъ, которые пишутъ брату о предметѣ, столь дорогомъ для него, какъ жена. Само наше правительство, пожалуй, удивится ихъ добродѣтельной скромности и воздержанности, которую, за неимѣніемъ русскаго слова, я, по-

жалуй, готовъ окрестить словомъ: «lâcheté». Братъ Павелъ въ отвѣтъ на мои безчисленные, измученные письма, въ которыхъ я умолялъ ихъ всѣхъ объ извѣстіяхъ о женѣ, о помощи ей, о тепломъ для нея словѣ,—братъ Павелъ послалъ мнѣ, правда, въ началѣ нынѣшняго лѣта длинную, длинную философскую диссертацию, но она до меня не доплыла. Должно быть, на дорогѣ пропала. Укралъ ее какой нибудь нѣмецъ, а онъ, вѣроятно, пишетъ другую. А сестра жены пишетъ, что она, бѣдная, съ тоски заболѣла. Вѣдь, право, можно съ ума сойти. Помогите, Тургеневъ. Другая моя забота—Налбандовъ: говорятъ, что онъ былъ въ Петропавловской крѣпости, а теперь пропалъ, никто не знаетъ куда. Узнай, Тургеневъ. Вотъ, видишь ли, и безъ политики наполнилъ цѣлое письмо, а подъ конецъ тебя обнимаю и на тебя уповаю.

«Твой М. Б.»

II.

Извлеченіе изъ письма М. Бакунина.

1862 г. London. 10. Paddington Green. W.

«Добрый другъ. Спасибо тебѣ за письмо и за все, что ты для меня сдѣлалъ. Я радъ, что братья не совсѣмъ забыли меня. Еще болѣе былъ бы радъ, если бы они вспомнили, что на свѣтѣ есть чернила, перья, бумага, и что, написавъ мнѣ невинное письмо о моей женѣ и моихъ дѣлахъ, они даже со стороны нашего правительства не могли бы подвергнуться ни малѣйшей опасности. Прошу тебя, Тургеневъ, докончи сдѣланное, постарайся узнать что нибудь положительное и опредѣленное о женѣ, и лишь только узнаешь, увѣдомь меня. Ты, безъ сомнѣнія, читалъ «Концы и начала» Герцена, собственно написанные для тебя. Не сомнѣваюсь въ томъ, что они понравились тебѣ въ отношеніи литературномъ. Но что думаешь ты о ихъ содержаніи и цѣли? Ты одинъ изъ противнаго лагеря остаешься намъ другомъ, и съ тобою однимъ мы можемъ говорить, выворачивая все сердце наружу. А хорошо, что у тебя есть на Западѣ свои люди, друзья, и что въ западномъ мірѣ ты создалъ для своего обихода свой собственный міръ. Въ Россіи, между твоими теперешними единомышленниками, людьми «средними», тебѣ, я думаю, приходилось жутко. Вѣдь для такого порядочнаго человѣка, какъ ты, не можетъ быть возможности жить съ такими дрянными людьми, какъ всѣ, которымъ позволено нынѣ открыто говорить и печатать въ Россіи. Посылаю тебѣ мою брошюру, не для того, чтобы убѣдить тебя, а просто потому, что мнѣ хочется, чтобы все написанное мною было тобою прочтено. Трудъ небольшой, я пишу немного. Я думаю, ты ошибся, назвавъ русскій народъ «второстепеннымъ по природѣ» народомъ. Дѣло въ томъ, что онъ народъ не городской, а земледѣльческій,—земледѣльческіе

же народы не легко поддаются на движенье, зато, когда приходятъ въ движенье, ихъ не успокоишь такъ скоро. Доказательствомъ можетъ служить движенье гуссистоу въ Богеміи. Да, роды русскіе трудны, имъ лужно помочь военною операціею. Мы къ этому и стремимся. Ты, безъ сомнѣнія, прочелъ въ «Колоколѣ» письмо Варшавскаго комитета. Это — не статья, а документъ, первый дѣйствительный шагъ, сдѣланный Польшею для сближенія съ Россіею. А я ожидаю отъ этого сближенія благодѣтельныѣйшихъ результатовъ. Въ будущемъ № «Колокола», № 147, 15-го октября, ты прочтешь великолѣпный отвѣтъ Герцена и письмо его къ русскимъ офицерамъ въ царствѣ Польскомъ, а въ № 148, 23-го октября, адресъ тѣхъ же офицеровъ къ великому князю Константину Николаевичу, въ которомъ высказана вся постыдная нестерпимость положенія русскихъ войскъ въ Польшѣ. Посмотримъ, что выйдетъ изъ всего этого

. Мы двлаемъ и будемъ дѣлать по совѣсти,—es geschehe, was geschehen soll.

«А что Налбандовъ, ради Бога постарайся узнать о его участи. Слышно также, что и маркиза посадили за одинъ мой поклонъ ему въ письмѣ къ Nathalie Bakounine. Тамъ сказано было: «поклонись маркизу, и если онъ захочетъ писать мнѣ, возьми его письмо и перешли мнѣ черезъ Ветошникова». Все это было взято на этомъ несчастномъ Ветошниковѣ. Впрочемъ, за маркиза я не боюсь, онъ невиненъ, какъ дитя. Да и Налбандовъ невиненъ, да у него нѣтъ связей, и онъ слабъ грудью, а крѣпость для грудныхъ болѣзней нехороша. Узнай, что только возможно узнать, и увѣдомь меня

«Ну, а когда увидимся? Вѣдь ты, вѣрно, не побоишься къ намъ пріѣхать. А мы тебя, несмотря на всѣ различія въ мысляхъ и въ направленіяхъ, примемъ съ старою дружбою и съ старою радостью.

«Твой М. Б.»

III.

Извлеченіе изъ письма А. И. Герцена.

«22-го ноября. Orsetthouse Westb. Tenaу.

«Я какъ-то съ мѣсяцъ тому написалъ тебѣ довольно злое письмо, и оставилъ его у себя въ столѣ. Потомъ пришло твое, съ критикою противъ послѣдняго письма «Концы и начала». Ты ошибаешься въ твоей оцѣнкѣ, но писать объ этомъ скучно. Замѣчаешь ли ты, что ты съ своимъ Шопенгауеромъ (о Шопенгауерѣ я и Энгельсонъ писали въ 1-й «Полярной Звѣздѣ», т.-е. въ 1855 г.) становишься нигилистомъ. Меня не это фруассировало въ твоихъ письмахъ, а замѣчательная метода—на мнѣ казнить другихъ. Во-

первыхъ, откуда эта нетерпимость къ Огареву? Вѣдь этакія слабости допускаютъ однимъ беременнымъ женщинамъ. Ты же вообще такъ гуманенъ, т.-е. такъ мало разборчивъ, что могъ быть другомъ и на «ты» съ воришкой Некрасовымъ, вѣроятно, и теперь еще знакомъ съ Чичеринымъ и съ Катковымъ, но до этого до всего мнѣ дѣла нѣтъ. Напротивъ, я люблю гуманность, идущую до необходимости исключенія знакомыхъ самобытныхъ, для приглашенія нравственныхъ нищихъ и чужездныхъ нахлѣбниковъ à la Strübing. Но, 1-ое, почему ты съ твоей тонкой наблюдательностью, зная, что я съ Огаревымъ въ хорошихъ, тѣсныхъ, близкихъ сношеніяхъ, считаешь умнымъ ругать его статьи, именно въ письмахъ ко мнѣ? 2-ое, полагаю же я, что всякій честный дѣятель, работающій на общей аренѣ, заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы не порицаніями прибавляли больше ревоновъ, чѣмъ брюхатая женщина въ своихъ антипатіяхъ. О какой теоріи социализма Огарева ты говоришь, какимъ мнѣніемъ, какимъ выводомъ ты недоволенъ, съ чѣмъ несогласенъ? Почему его добросовѣстный трудъ ты ставишь на одну доску съ fatgas Бакунинской демагогіи.

«Колоколъ» основанъ Огаревымъ.

«Вѣче» основано Огаревымъ, да оно въ вашихъ кружкахъ не нравится, а намъ оно принесло переписку съ раскольниками . . .

«Ты имѣешь зубъ на молодое поколѣніе и грызешь имъ старое, благо оно ближе».

IV.

Выписка изъ письма А. И. Герцена.

«1-го ноября. Orsetthouse Westb. Tenau.

«Итакъ, ты вообразилъ, что я разсердился за адресъ.

«Политическимъ человѣкомъ я тебя никогда не считалъ, и теперь не считаю, несмотря на то, что ты съ Робинсономъ Крузе на островѣ Вайтѣ говорилъ объ азбукѣ.

«Напротивъ, то, что ты четыре раза писалъ объясненія, смягченія меня помирило бы съ тобою, и въ самомъ дѣлѣ, если бы я въ гнѣво-бѣсіе взошелъ.

«Позвольте спросить, какъ нравится продолженіе писемъ «Концы»?»

Не довольствуясь вышеозначенными письменными отвѣтами Тургенева и признавая необходимою личную его явку въ судъ, между прочимъ, и для очной ставки съ нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ, сенатъ объявилъ объ этомъ Тургеневу по его жительству

«истор. вѣстн.», январь, 1906 г., т. ош.

18

въ Парижѣ, назначивъ при этомъ ему срокомъ явки въ Петербургъ, согласно выраженному самимъ Тургеневымъ ходатайству, — ноябрь мѣсяцъ 1863 г.

Тургеневъ, однако, и въ этотъ срокъ за болѣзнію прибыть изъ-за границы не могъ, о чемъ и сообщилъ двумя письмами: первымъ — на имя русскаго посла въ Парижѣ, и вторымъ — на имя г. первоприсутствующаго сенатора Карниолинъ-Пинскаго. При слѣднемъ письмѣ Тургеневъ приложилъ и медицинское свидѣтельство мѣстнаго Баденскаго доктора о невозможности ему, въ виду постоянной его болѣзни, отправиться въ путь.

Письма эти нижеслѣдующаго содержания.

I.

«Баденъ-Баденъ. «Schillerstrasse, 277. 14 сентября, 1863 г.

«Милостивый государь!

«Прошу васъ извинить невольное замедленіе моего отвѣта: ваше письмо было адресовано *poste-restante* и, пролежавъ на почтѣ нѣсколько дней, только сегодня дошло въ мои руки. Изъ него я могъ заключить, что сенатъ не удовлетворился объясненіями на предложенные мнѣ вопросы, которыя я послалъ черезъ посольство; но, такъ какъ онъ требуетъ моего возвращенія не безусловно, а въ случаѣ, если состояніе моего здоровья и дѣль моихъ не представитъ тому препятствія, то я долженъ замѣтить, что именно эти двѣ причины лишаютъ меня возможности возвратиться теперь въ Россію, даже на неопредѣленное время; мнѣ это легче будетъ сдѣлать въ ноябрѣ, когда я поселю свою дочь въ Парижѣ и устрою ея положеніе. Притомъ считаю долгомъ завѣрить снова честию, что я сообщилъ въ совершенной подробности всѣ касающіяся до меня обстоятельства въ моихъ отвѣтахъ, и что, слѣдовательно, мое личное отсутствіе не можетъ затруднять производимое слѣдствіе о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами. Въ Парижѣ я надѣюсь прибыть недѣль черезъ шесть и, разумѣется, немедленно явлюсь къ вамъ.

«Прошу васъ принять выраженіе чувствъ моей совершенной преданности и почтенія.

«Ив. Тургеневъ».

II.

«Милостивый государь,

«Матвѣй Михайловичъ!

«Мнѣ приходится сообщить вашему превосходительству фактъ, весьма для меня прискорбный. Я не могу явиться къ сроку въ Петербургъ и даже не знаю въ точности, когда я буду въ состоя-

ни это сдѣлать. Незначительная боль въ ногѣ, начавшаяся двѣ недѣли тому назадъ, приняла такіе размѣры, что всякое движеніе стало мнѣ невозможнымъ, не говорю уже о путешествіи. Прилагаемое свидѣтельство доктора, скрѣпленное нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Столыпинымъ, служатъ тому удостовѣреніемъ. Я ждалъ до послѣдняго дня, въ надеждѣ на облегченіе боли, но теперь я долженъ покориться необходимости. Считаю излишнимъ увѣрять ваше превосходительство, до какой степени это неожиданное препятствіе меня огорчаетъ. Мнѣ особенно тяжело думать, что по причинѣ моей неевки уже замедлилось и можетъ еще замедлиться разрѣшеніе участи многихъ лицъ, находящихся подъ судомъ. А потому покорно прошу ваше превосходительство, какъ предсѣдателя комиссіи, вызывавшей меня въ С.-Петербургъ, соблаговолить принять къ свѣдѣнію мое теперешнее заявленіе и дать дѣлу, къ которому я прикосновененъ, законный ходъ. Спѣшу прибавить, что я, какъ только мнѣ позволитъ моя болѣзнь, прибуду въ Петербургъ и также готовъ попрежнему дать полный и подробный отвѣтъ на всякій мнѣ поставленный вопросъ. Но повторяю, что отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго снисхожденія ко мнѣ и покоряюсь заранѣе приговору закона.

«Засимъ, прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и таковой же преданности, съ которыми честь имѣю пребыть вашего превосходительства

«покорнѣйшимъ слугою.

«Ив. Тургеневъ».

«Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277. 9—21 декабря, 1863 г.».

Въ январѣ мѣсяцѣ 1864 г. состояніе здоровья Тургенева позволило ему, наконецъ, пріѣхать въ Петербургъ. 7 января онъ явился въ присутствіе сената, гдѣ выслушалъ высочайшее его императорскаго величества повелѣніе о преданіи его суду сената, а также вычитанныя ему прежнія его показанія, которыя во всемъ подтвердилъ, и далъ того же числа подписку о неотлучкѣ своей изъ Петербурга безъ разрѣшенія сената, а 13 января, по предъявленіи Тургенову повднѣйшихъ показаній Налбандова и Ничипоренка, онъ въ дополненіе къ прежнимъ своимъ отвѣтамъ объяснилъ:

«Въ показаніяхъ г. Налбандова я нашелъ новаго—противъ присланныхъ мнѣ запросовъ—только упоминовеніе моего свиданія съ маркизомъ де-Траверсе. Я дѣйствительно видѣлся съ маркизомъ де-Траверсе два раза по тому же дѣлу доставленія женѣ Бакунина денегъ и ни о чемъ другомъ съ нимъ не говорилъ. Онъ, сколько

мнѣ помнится, далъ сто рублей и сообщилъ мнѣ адресъ г-жи Бакуниной, жены Павла Александровича Бакунина, черезъ которую деньги были посланы въ Иркутскъ. Г. Налбандовъ упомянулъ было въ одномъ показаніи о полученіи черезъ меня какого-то письма Бакунина, но потомъ самъ вычеркнулъ мое имя, вспомнивъ, что это письмо было вручено ему маркизомъ де-Траверсе. Мнѣ остается подтвердить это показаніе въ томъ смыслѣ, что собственно я ничего не зналъ объ этомъ письмѣ. Сверхъ того, я долженъ повторить уже объясненное мною въ моихъ отвѣтахъ: Бакунинъ, дѣйствительно, выражалъ мнѣ свое желаніе снабдить меня словаремъ для облегченія мнѣ переписки о его женѣ, о ея путешествіи изъ Сибири въ Тверскую губернію и т. п. Но этого словаря онъ мнѣ не далъ, и если писалъ объ этомъ, то либо память ему измѣнила, либо онъ дѣйствовалъ въ силу неизвѣстныхъ мнѣ цѣлей.

«Что касается до показанія г. Ничипоренка, то въ пополненіе моихъ прежнихъ отвѣтовъ имѣю сказать слѣдующее.

«Я г. Ничипоренка видѣлъ всего два раза: лѣтомъ 1860 г. у себя въ деревнѣ, въ Орловской губерніи, и потомъ 1862 г. весной въ Парижѣ. Въ деревню онъ ко мнѣ заѣхалъ (какъ онъ это самъ показываетъ на листѣ 59-мъ), временно проживая въ гостяхъ по сосѣдству и желая со мной познакомиться. Я нашелъ въ немъ человѣка молчаливаго и мало интереснаго; посѣщеніе его продолжалось весьма недолго, и онъ уѣхалъ, не высказавъ никакихъ своихъ убѣжденій. Я совершенно забылъ о его существованіи, когда онъ явился ко мнѣ въ Парижѣ, и тутъ наше свиданіе продолжалось еще менѣе и было еще незначительнѣе. Я собирался ѣхать въ Россію, и онъ просилъ меня передать небольшой пакетъ г. Серно-Соловьевичу. Въ г. Серно-Соловьевичѣ, съ которымъ я вовсе знакомъ не былъ, я могъ видѣть только книгопродавца и не имѣлъ никакого понятія объ его политическихъ воззрѣніяхъ, а въ г. Ничипоренкѣ я имѣлъ передъ собой человѣка, почти мнѣ незнакомаго, политическія воззрѣнія котораго мнѣ были также совершенно неизвѣстны, и которому приходилось оказать небольшое одолженіе, весьма обыкновенное при отъѣздѣ русскихъ изъ-за границы. Вообще весь этотъ фактъ, по своей незначительности и обыденности, до того мало слѣда оставилъ въ моей памяти, что я, по справедливости, могъ написать въ своихъ прежнихъ отвѣтахъ, что не помнилъ хорошенько, отъ кого именно получилъ я этотъ пакетъ. По прибытіи моемъ въ Петербургъ, я передалъ его даже не самому г. Серно-Соловьевичу, а одному изъ его приказчиковъ, и, помнится, тутъ же подписалъ небольшую сумму въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ (дѣло происходило въ маѣ мѣсяцѣ 1862 г.) на листѣ, выставленномъ отъ имени того же самаго г. Серно-Соловьевича. Нечего прибавлять, что я

не зналъ и не любопытствовалъ знать содержаніе врученнаго мнѣ пакета, въ которомъ, какъ видно изъ словъ г. Ничипоренка, содержались запрещенныя бумаги.

«Остается мнѣ упомянуть о письмѣ Герцена, найденномъ у неизвѣстнаго мнѣ г. Владимирова, въ которомъ онъ, Герценъ, проситъ выслать деньги на его имя въ Лондонъ или на имя мое въ Парижъ. Я утверждаю честнымъ словомъ, что ни денегъ никакихъ не получалъ, ни Герценъ не просилъ меня объ этомъ. Онъ и не нуждался въ подобной просьбѣ, справедливо предполагая, что, если бы я получилъ деньги на мое имя для доставленія ему, — я бы ихъ не задержалъ и препроводилъ бы ихъ по адресу. Но, повторяю, денегъ я никакихъ не получалъ, и вообще въ первый разъ объ этомъ слышу. Въ такъ называемомъ русскомъ фондѣ, извѣстномъ мнѣ единственно по «Колоколу», нѣтъ ни моихъ, ни присланныхъ черезъ меня денегъ, подтверждаю это вторично моимъ честнымъ словомъ».

Затѣмъ, 28 января, состоялось постановленіе сената о разрѣшеніи Тургеневу выѣхать за границу, съ отобраніемъ отъ него подписки, что онъ, въ случаѣ требованія сената, долженъ въ оный немедленно явиться, а 1 іюня 1864 г. правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ самое дѣло, по отношенію къ Тургеневу нашелъ: прикосновенность Тургенева къ настоящему дѣлу состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ вышепоименованныхъ подсудимыхъ, Налбандовъ, показалъ, что Бакунинъ просилъ его сообщить Тургеневу, проживающему въ Парижѣ, чтобы онъ принялъ участіе въ женѣ его, касательно выписки ея изъ Иркутска въ Тверскую губернію, а по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ, по просьбѣ Тургенева, далъ на его счетъ женѣ брата Бакунина 300 рублей серебромъ, въ чемъ и взялъ съ Тургенева расписку, которая находится при дѣлѣ. Участіе Тургенева въ упомянутомъ дѣлѣ Бакунина видно и изъ письма Бакунина къ невѣсткѣ его, женѣ брата, Натальѣ, привезеннаго Ветошниковымъ, въ коемъ Бакунинъ увѣдомляетъ ее, что Тургеневъ хотѣлъ прислать 500 рублей серебромъ на тотъ же предметъ. Другой подсудимый по дѣлу сему, Ничипоренко, показалъ, что въ Парижѣ получилъ онъ отъ изгнанника Герцена записку, съ приложеніемъ письма къ Серно-Соловьевичу и нѣсколько десятковъ экземпляровъ перепечатокъ изъ «Колокола» о деньгахъ для русскихъ. Письмо и часть перепечатокъ онъ отдалъ Тургеневу, отъѣзжавшему тогда изъ Парижа, для передачи Серно-Соловьевичу. Противъ сихъ обстоятельствъ Тургеневъ объяснилъ, что, дѣйствительно, онъ, по просьбѣ Бакунина, принималъ участіе въ пересылкѣ жены его изъ Иркутска въ Тверскую губернію, и данную ему Ничипоренкомъ посылку къ Серно-Соловьевичу, по пріѣздѣ въ Петербургъ, отдалъ въ магазинъ Серно-Соловьевича, не зная содержанія оной. Въ преступныхъ же замыслахъ Герцена, Огарева

и Бакунина противъ русскаго правительства онъ никакого участія не принималъ и не сочувствовалъ идеямъ ихъ, въ доказательство чего представилъ извлеченія изъ писемъ ихъ, засвидѣтельствованныя въ вѣрности посольствомъ нашимъ въ Парижѣ, изъ коихъ видно, что Герценъ и Огаревъ укоряли Тургенева въ томъ, что онъ не сочувствуетъ идеямъ ихъ и не принадлежитъ къ ихъ лагерю. При таковыхъ обстоятельствахъ дѣла Тургеневъ, по совершенной невинности его, долженъ быть отъ всякой по настоящему дѣлу отвѣтственности освобожденъ. Въ виду вышеназложеннаго сенатъ опредѣлилъ: коллежскаго секретаря Ивана Сергѣева Тургенева, хотя бывшаго въ перепискѣ съ пропагандистами, но въ участіи съ ними въ преступныхъ замыслахъ ихъ не сознавагося и собственными письмами ихъ невинность свою доказавшаго, отъ всякой по настоящему дѣлу отвѣтственности освободить.

Сообщено А. В. Безроднымъ.

КЪ БЮГРАФИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

(По астраханскимъ документамъ).

В СТАТЬЕ г. Скорикова: «Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани» («Историческій Вѣстникъ», 1905 г., май), были приведены нѣкоторыя данныя о пребываніи автора «Что дѣлать» въ этомъ городѣ. Къ сожалѣнію, г. Скориковъ, описывая болѣе свое знакомство съ Николаемъ Гавриловичемъ, не коснулся архивныхъ о немъ данныхъ и другихъ подробностей о тамошнемъ его житіи. Въ бытность мою въ Астрахани, въ сентябрѣ 1905 г., мнѣ удалось разыскать въ архивѣ мѣстнаго губернскаго правленія нѣсколько, правда, отрывочныхъ, но, по моему мнѣнію, цѣнныхъ документовъ, касающихся Чернышевскаго¹⁾.

Самыми важными изъ нихъ являются «Вѣдомости о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи», гдѣ, кромѣ того, перечисляется семейное и матеріальное положеніе Чернышевскаго, поведеніе его и занятія во время жизни въ Астрахани. Напримѣръ,

¹⁾ Припомнимъ, что въ періодической печати за 1904 и 1905 г.г. причинами его ссылки выставляли: 1) преступныя сношенія съ эмигрантомъ Герценомъ, 2) участіе въ составленіи и напечатаніи прокламаціи къ крестьянамъ и 3) письма къ поэту Плещееву преступнаго содержанія, (существованіе коего мною опровергнуто въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1905 г.). Издатель же «Закаспійскаго Обозрѣнія», К. М. Фодоровъ (въ книгѣ «Н. Г. Чернышевскій», Асхабадъ, 1904 г., стр. 39), увѣряетъ еще, что «дѣйствительной причиной дѣла были, разумѣется, печатныя произведенія Ч—го, которыя были упомянуты и въ опубликованномъ приговорѣ» (хотя авторъ такового никогда не выдалъ). Но, какъ увидимъ ниже, только вторая изъ перечисленныхъ причинъ является достовѣрной.

въ «Вѣдомости» за 1884 г.¹⁾ сказано: «Государственный преступникъ, лишенный всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, Николай Гавриловъ Чернышевскій, уроженецъ Саратовской губерніи, 57 лѣтъ, присланъ по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 6-й день іюля 1883 г., изъясненному въ указѣ правительствующаго сената отъ 15 іюля того же года № 11.513, послѣдовавшему г. начальнику Астраханской губерніи и присланному въ копіи при предписаніи отъ 29 іюля за № 2.832, — за сочиненіе возмутительнаго воззванія, передачу онаго для тайнаго напечатанія съ цѣлью распространенія и въ принятіи мѣръ къ испроверженію существующаго въ Россіи порядка управленія».

Прибыль Н. Г. въ Астрахань, какъ указываетъ та же «Вѣдомость», «изъ г. Вилюйска Якутской области», «27 октября 1883 г.», съ учрежденіемъ надъ нимъ тамъ «гласнаго надзора, безъ срока». Но, какъ рассказываетъ А. М. Поповъ²⁾, обязательной явкѣ на повѣрку въ полицію, вслѣдствіе своего, должно быть, болѣзненнаго состоянія, онъ не подвергался, «и я не видѣлъ также, чтобы въ квартиру къ нему для той же цѣли являлась полиція».

Пріѣхаль онъ туда уже посѣдѣвшимъ, «согбеннымъ старикомъ». Сибирская почти двадцатилѣтняя ссылка наложила на него свой отпечатокъ: онъ измѣнился, похудѣлъ и нажилъ трудно поправимый недугъ (катаръ желудка), который болѣе усилился въ жаркомъ астраханскомъ климатѣ. Поэтому, видимо, онъ избѣгалъ излишествъ въ пищѣ, предпочитая молоко всякимъ другимъ кушаньямъ. За обѣдомъ ѣлъ мало, особенно мясного, и никогда не ужиналъ, ограничиваясь вечернимъ чаемъ съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Первое время своего пребыванія тамъ Н. Г. занималъ квартиру въ пять небольшихъ комнатъ въ домѣ Полетаева³⁾, на углу Западной и Воздвиженской (Спасской) улицъ, какъ разъ противъ церкви Воздвиженія и наискось ограды Благовѣщенскаго женскаго монастыря. Съ нимъ жили жена, Ольга Сократовна, и старшій сынъ, Александръ. Младшій, Михаилъ, обучался въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ началѣ, кажется, 1885 г. уѣхалъ въ Петербургъ и Александръ.

¹⁾ Въ дѣлѣ астраханскаго губернскаго архива по канцеляріи губернатора за 1884 г. № 135/167, л. л. 87—88. Собственно дѣла о Чернышевскомъ нѣтъ, хотя по настояннымъ реестрамъ таковое значится за 1883 г. подъ № 169. Оно исцело неизвѣстно куда прямо изъ канцеляріи, не будучи сдано въ архивъ.

²⁾ Г. Поповъ состоялъ у Ч—го секретаремъ до занятія этой должности К. М. Федоровымъ. Нынѣ онъ служитъ въ астраханской городской управѣ.

³⁾ Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ преподавателю астраханской мужской гимназіи, А. Е. Рудневу.

Недалеко отъ квартиры, на Московской (Екатерининской) улицѣ, находился Полицейскій садикъ (существующій и по сіе время), въ которомъ Ч — скій изрѣдка гулялъ. Жизнь онъ велъ почти затворническую. Рѣдко гдѣ бывалъ самъ, рѣдко кого принималъ у себя. Въ послѣднемъ случаѣ очень зорко оберегала его покой Ольга Сократовна, допускавшая къ нему посѣтителей по особому своему выбору. Отчасти, впрочемъ, и самъ писатель былъ противъ того, чтобы его навѣщали астраханцы, особенно же учащіяся, «во избѣжаніе навлечь на нихъ подозрѣніе и непріятности со стороны администраціи». Болѣе частыми посѣтителями его были братъ писателя Короленка и студентъ Кудровъ. Нѣкоторымъ расположеніемъ Н. Г.—ча пользовался еще купецъ Аветовъ (армянинъ), къ которому и онъ заживалъ иногда въ послѣобѣденное время, съ цѣлью, какъ можно догадываться, позаимствованія отъ него свѣдѣній о жизни армянъ, ихъ исторіи, торговлѣ. Онъ даже намѣревался учиться армянскому языку. По крайней мѣрѣ, въ Астрахани Н. Г. зналъ алфавитъ и нѣсколько армянскихъ словъ.

Онъ очень интересовался этимъ болѣе азіатскимъ, чѣмъ европейскимъ краемъ. Бывшій преподаватель астраханской мужской гимназіи, а нынѣ директоръ Троицкосавскаго реальнаго училища, К. Н. Малиновскій, рассказывалъ мнѣ, какъ Н. Г. упрасивалъ его дозволить ему осмотрѣть гимназическую бібліотеку, гдѣ имѣлось много цѣнныхъ научныхъ сочиненій на нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ и восточныхъ языкахъ: персидскомъ, татарскомъ, арабскомъ¹⁾ и армянскомъ, большею частію, пожертвованныхъ мѣстными купцами, такъ какъ до половины XIX столѣтія въ гимназіи преподавались всѣ эти языки. Болѣе всего интересовали Н. Г. римскія и восточныя древности.

— Въ то время, — говорилъ г. Малиновскій, — бібліотекой завѣдывалъ я, и для меня было большое удовольствіе показать ее такому великому человѣку, а потомъ принимать его у себя. Раза два былъ и я у него, встрѣтивъ самый радушный пріемъ со стороны любезнаго хозяина. До сей поры безъ восторга не могу вспомнить о тѣхъ часахъ, которые я провелъ въ обществѣ Н. Г., наслаждаясь его разумной бесѣдой. Конечно, я очень охотно далъ ему на домъ нѣсколько имъ отобранныхъ книгъ, которыя онъ возвратилъ съ рѣдкой аккуратностью.

Между прочимъ, въ одной изъ бесѣдъ коснулись они печальнаго существованія Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края, учрежденнаго кружкомъ мѣстныхъ интеллигентовъ, преимущественно преподавателей классической гимназіи и духов-

¹⁾ На этомъ языкѣ хранился тамъ очень рѣдкостный экземпляръ Алкорана, пожертвованный туда вскорѣ послѣ открытія въ 1806 г. гимназіи богатымъ грекомъ Варваціемъ.

ной семинаріи, въ память посѣщенія въ 1722 г. императоромъ Петромъ Великимъ Астрахани. Цѣль общества была «собрать свѣдѣнія, относящіяся къ дѣлу всесторонняго изученія края и распространять ихъ въ видѣ сырыхъ матеріаловъ или въ обработанномъ видѣ». Открылось оно 4 октября 1874 г., но уже въ мартѣ слѣдующаго года принуждено было прекратить свою дѣятельность за недостаткомъ средствъ и энергіи со стороны учредителей. Только въ сентябрѣ 1886 г., съ разрѣшенія товарища министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-лейтенанта Оржевскаго, общество возобновило свои засѣданія, избравъ своимъ предсѣдателемъ директора мужской гимназіи, М. И. Рубцова, человѣка съ узкими и отсталыми взглядами.

— Я такимъ начинаніямъ мало сочувствую,—замѣтилъ на разсказъ г. Малиновскаго Н. Г. — Всѣ эти провинціальныя «ученыя» общества никакой существенной пользы не приносятъ, а занимаются только переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Если же кто дѣйствительно желаетъ служить родинѣ изслѣдованіемъ ея прошлаго, тотъ сдѣлаетъ это и безъ выѣски и показа.

Когда изъ отпуска пріѣхалъ директоръ Рубцовъ (теперь покойный); г. Малиновскій разсказалъ ему о посѣщеніи библіотеки Чернышевскимъ и о его взглядахъ на изученіе мѣстной исторіи.

— Что вы надѣлали?—напустился тотъ на библіотекаря.—Вы не знаете, какой это человѣкъ... (при чемъ Рубцовъ обозвалъ Н. Г. оскорбительными словами, которыя стыдно помѣстить въ печати). Это—государственный преступникъ, завзятый революціонеръ... Его на порогъ гимназіи не слѣдуетъ пускать...

Между тѣмъ, этотъ «завзятый революціонеръ», по крайней мѣрѣ, въ Астрахани ничѣмъ не проявилъ своей «преступной» дѣятельности и не вызвалъ ничего неудовольствія, чтобы къ нему такъ относиться. Напротивъ, полиція изъ года въ годъ отмѣчала въ «Вѣдомости о поднадворныхъ», что Чернышевскій «ведетъ себя отлично и ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ». Даже подозрительный и далеко не сочувствовавшій политическимъ ссыльнымъ губернаторъ Н. М. Цеймернъ постоянно аттестовалъ его шефу жандармовъ: «поведенія хорошаго»¹⁾. Но почему-то администрація всегда указывала, что онъ «ничѣмъ не занимается», «казеннаго содержанія не получаетъ». Лишь новый губернаторъ, князь Л. Д. Вяземскій, въ первой же своей аттестаціи за 1888 г. рѣшилъ рекомендовать Чернышевскаго: «ведетъ себя безукоризненно, занимается переводомъ «Всеобщей исторіи» Вебера»²⁾.

¹⁾ Впрочемъ въ «Вѣдомости» за 1883 г., во время губернаторства жившаго все время въ Петербургѣ генераль-майора Н. И. Петрова (съ 7 сентября 1883 г. по 18 января 1884 г., когда онъ былъ назначенъ начальникомъ почтъ и телеграфовъ), Чернышевскій аттестовался «поведенія одобрительнаго».

²⁾ Дѣло астраханскаго губернскаго архива за 1888 г., № 87/89, л.л. 136 и 204.

Видимо, полиція астраханская и Цеймернъ не придавали этому занятію особеннаго значенія, «заслуживающаго съ канцелярской точки зрѣнія вниманія», хотя Н. Г. почти съ самаго прїѣзда въ Астрахань занимался этой работой. «Онъ диктовалъ «Исторію» съ нѣмецкаго такъ, — говоритъ г. Поповъ, — будто читалъ русскую книгу, что я не успѣвалъ за нимъ записывать».

Надо думать, князь Вяземскій нарочно подчеркнулъ это обстоятельство, дабы болѣе повліять на министра внутреннихъ дѣлъ въ только что возбужденномъ имъ ходатайствѣ объ освобожденіи Чернышевскаго отъ полицейскаго надзора съ возвращеніемъ его на родину. Это имѣло хорошія послѣдствія. Отношеніемъ 3 іюня 1889 г., № 1.972, департаментъ полиціи увѣдомилъ губернатора, что ходатайство его уважено¹⁾.

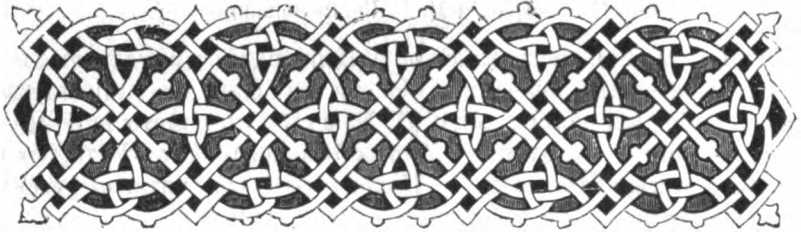
Конечно, такая радостная вѣсть была тотчасъ же сообщена Н. Г., который въ ту пору квартировалъ (около трехъ лѣтъ) въ домѣ Пуховой на Бѣлогородской улицѣ, черезъ домъ отъ церкви Знаменія Богородицы и недалеко отъ бульвара императора Александра II на Адмиралтейской площади.

Въ концѣ іюня онъ распрощался съ Астраханью и отправился на пароходѣ въ Саратовъ, гдѣ Ольга Сократовна наняла для него верхній этажъ дома А. М. Никольскаго, противъ сада «Липки» и Александро-Невскаго собора.

П. Л. Юдинъ.

¹⁾ Дѣло астраханскаго губернскаго архива, 1889 г., № 26/16, л. 7.—Въ «Вѣдомости о перемѣнахъ, происшедшихъ въ іюнѣ 1889 г. въ положеніи лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи въ Астраханской губерніи», писатель уже названъ просто: «Чернышевскій, Н. Г.», безъ прибавленія эпитетовъ «государственный преступникъ» и проч. (см. выше).

СРЕДИ КАЛАКУТОВЪ¹⁾.

I.

ОМУ не приходилось жить въ царствѣ Польскомъ, въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, тотъ врядъ ли можетъ составить правильное понятіе о томъ, какую роль въ исторіи этого края сыграетъ объявленная свобода вѣроисповѣданій. Я, какъ уроженецъ этого края, вынесъ отсюда много впечатлѣній, которыми и считаю теперь своевременнымъ подѣлиться.

Эти двѣ губерніи, входившія первоначально въ составъ бывшей Холмской Руси и впоследствии захваченныя поляками, населены, какъ извѣстно, чистокровными малороссами. Племенные особенности этого народа, несмотря на неблагоприятныя условія, созданныя польскимъ режимомъ, сохранились въ достаточной чистотѣ. Тотъ же малороссійскій языкъ, тѣ же обычаи, костюмы; на улицѣ, въ полѣ и дома слышатся тѣ же пѣсни: поютъ про волю, про широкій лугъ, про тихія воды Дуная, воспѣваютъ неустрашимые казацкіе набѣги... На свадьбахъ—тѣ же «ручники», «коровай», «чепканье молодухи»... Заботливыя хозяйки, какъ и въ коренной Малороссіи, бѣлятъ свои хаты, а въ красномъ углу вѣшаютъ вѣнки изъ руты, чеберцю и барвинку; въ маленькое окошечко глядитъ со двора та же «червоная вишня»... На

¹⁾ Вѣроятно, отъ польскаго *kolo kuta* (въ углу). Такъ называютъ въ Польшѣ бывшихъ униатовъ, не воссоединившихся съ православіемъ, упорствующихъ.

Рождество «парубки и дивчата колядуютъ», подъ праздники собираются на «вечерници»... Настоящая Малороссія!..

Но, сохранивъ свое, родное, народъ этотъ всосалъ уже въ себя и много чужого, наноснаго. Проходя по деревнѣ, вы слышите пѣніе священныхъ гимновъ; поются они и въ Малороссіи, но тамъ народъ поетъ свои родные гимны; тутъ же въ ходу уже и польскія «кантычки»; народъ носитъ на шеѣ холмскіе, почаевскіе и кіевскіе крестики и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣпляетъ еще ченстоховскіе рожанцы и шкаптеры; баба говоритъ свое родное «Отче нашъ»—и затѣмъ, въ видѣ дополненія, бессознательно лепечетъ «do Matki Najświętszej» или «do świętego Dominika»... Мало того, добрая половина населенія, забывъ свое историческое прошлое и уступивъ главную особенность племени—любовь къ вѣрѣ отцовъ, сама отшатнулась отъ этой вѣры и потянулась теперь къ католицизму.

Не буду повторять того, какія силы оказали такое роковое воздѣйствіе на судьбу этого народа,—объ этомъ исторія давно уже сказала свое послѣднее слово. Мнѣ хочется поговорить лишь о тѣхъ силахъ, какія находились тамъ въ дѣйствіи въ послѣднее время.

Уже много вѣковъ это многострадальное племя выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть ожесточенной борьбы двухъ могучихъ силъ: русской-православной и польской-католической. Одолѣваетъ одна,—порабощаетъ народъ, навязываетъ ему свой культъ. Но не успѣетъ еще народъ отдохнуть отъ этой передѣлки, не успѣетъ присмотрѣться къ новой обстановкѣ, какъ является другая сила и въ свою очередь начинаетъ ломать... И обѣ силы ломаютъ грубо, жестоко, какъ варвары...

Одна изъ такихъ ломокъ была произведена тамъ, какъ извѣстно, въ 1875 г.—въ видѣ воссоединенія униатовъ. Эта реформа должна была сдѣлать поворотъ въ духовной жизни народа. Таковы были задачи нашихъ обрусителей; для достиженія этой цѣли они выставили тамъ свои силы. Результаты намъ извѣстны.

Какими же мѣрами производилось это пресловутое обрусеніе, какія силы выставило русское правительство для выполненія своихъ задачъ? Тамъ находились въ дѣйствіи три силы: администрація, духовенство и, мнѣ кажется, народные учителя. Посмотримъ, что же это за силы такія, и въ чемъ проявили онѣ свою дѣятельность.

II.

Что сдѣлала администрація? Она уничтожила унию. Но правда ли это? Нѣтъ! Унии она не уничтожила: она закрыла лишь униатскія церкви, разрушила алтари, сожгла или убрала униатскіе кресты, хоругви, иконы... Съ безпримѣрной въ исторіи жестокостью совершила она этотъ безцѣльный подвигъ. Не щадила она рели-

грозныхъ чувствъ народа, не хотѣла понять и того, что имѣеть дѣло съ темной массой... Народъ самоотверженно охранялъ свои святыни, сражался, просилъ и плакалъ... Но эти грозные палачи были сильны и неумолимы: солдаты съ ружьями, казаки съ нагайками врывались въ безоружную толпу; били, топтали, вязали всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей; вламывались въ алтари и изъ рукъ обезумѣвшей отъ ужаса толпы вырывали священниковъ, похищали священные предметы, оскверняя святыню, кощунствуя надъ тѣмъ, чѣмъ жива была эта темная масса...

Но вотъ обратила она униатскія церкви въ православные храмы, усмирила народъ. Унію на бумагѣ зачеркнула и вмѣсто нея вписала православіе. Православіе восторжествовало, въ странѣ водворилось спокойствіе. Но это православіе — мнѣ, спокойствіе страны — затаенный ужасъ народа. Православіе въ Польшѣ... Сколько тутъ ироніи! Зайдите въ большинство церквей Сѣдлецкой и Люблинской губерній, — кого вы тамъ увидите? Попа, его семью, псаломщика, учителя, старосту, писаря, если онъ не католикъ, иногда войта и двухъ-трехъ захудалыхъ мужичковъ. А спросите попу, сколько у него прихожанъ; онъ назоветъ вамъ крупную цифру: три, а то и пять тысячъ; спросите потомъ писаря или войта, сколько совершается «незаконныхъ» браковъ, сколько некрещенныхъ дѣтей, сколько штрафовъ и отсидокъ за уклоненіе народа отъ церкви и тяготѣніе къ костелу; они назовутъ вамъ крупныя цифры.

Что же это значитъ? Это значитъ, что администрація уніи не уничтожила, — это и есть унія. Народъ очухался немного послѣ произведеннаго погрома и сталъ обдумывать свое положеніе. Церковь отъ него отняли, грубо осквернивъ ее, въ костель не пускаютъ. Какъ тутъ быть, куда итти? А администрація тѣмъ временемъ продолжала свое губительное дѣло. Соберутся въ домѣ крестьянина нѣсколько человекъ, начнутъ пѣть, молиться... Откуда ни возьмись — полиція, и въ результатѣ протоколъ съ послѣдствіями; пронюхала она, что кто либо обмолвился неосторожнымъ словомъ — протоколъ, и «агитатора» убрали; показался ксендзъ подозрительнымъ — убираютъ и его, а костель закрываютъ или обращаютъ въ православную церковь; для пользы дѣла изгнали польскій языкъ, закрыли польскія школы, монастыри; для пользы дѣла на всю жизнь обывателя наложили строгій контроль: не похоронилъ калакутъ покойника по православному обряду — штрафъ или отсидка, не крестилъ ребенка, пошелъ къ исповѣди въ костель — то же, женилъ сына или выдалъ дочь калакутскимъ бракомъ — и тутъ вмѣшались.

Мнѣ хочется рассказать одинъ фактъ, который показываетъ, до какой крайности доходила администрація въ проведеніи своихъ предначертаній. При этомъ предупреждаю, что это — не случайный

фактъ, а нѣчто обычное,—административная мѣра, практиковавшаяся повсемѣстно. Дѣло было во Влодавскомъ уѣздѣ Съдлецкой губерніи въ началѣ девяностыхъ годовъ. Калакутъ женилъ сына калакутскимъ бракомъ. «Калакутскіе» браки обыкновенно устраиваются такъ. Женихъ и невѣста уѣзжаютъ куда-то дня на три, конечно, къ извѣстному имъ ксендзу, который тайно ихъ вѣнчаетъ; затѣмъ возвращаются, какъ новобрачные, собираютъ гостей и пируютъ свадьбу. Такіе браки до послѣдняго времени считались тамъ недѣйствительными, а дѣти отъ этихъ браковъ—незаконно-рожденными. На эту свадьбу пригласилъ мужикъ и мѣстнаго учителя. Тотъ не могъ отказать. Свадьба была въ полномъ разгарѣ. Молодые, какъ это вообще водится, сидѣли въ красномъ углу, подъ образами; гремѣла музыка; раздавались тосты, поздравленія, молодежь танцевала. Вдругъ откуда-то донеслось магическое «начальникъ!» Произошелъ переполохъ; нѣкоторые изъ гостей за шапки—и бѣжать. Отворилась дверь—и въ комнату вошелъ помощникъ начальника уѣзда съ цѣлымъ штатомъ земскихъ стражниковъ.

— Ага, сволочи! калакутскую свадьбу играет!—гаркнулъ онъ, остановившись въ дверяхъ.—Думали, укроетесь? О, я—старый воробей, отъ меня ничего не скроешь! Брать ихъ!

Хозяинъ поднялся и съ низкимъ поклономъ просилъ начальника откушать хлѣба-соли.

— И вы?—продолжалъ начальникъ, обращаясь къ учителю:—и вы, русскій человѣкъ, побратались съ калакутами? Очень похвально, очень хорошо!..

Гости разбѣжались. Молодые попали въ протоколъ, а бѣдный учитель еле-еле упросилъ начальника не впутывать его въ это дѣло. Иначе ему плохо пришлось бы.

Этотъ грозный администраторъ, вѣроятно, по недоразумѣнію всегда называлъ себя старымъ воробьемъ. Было бы болѣе кстати именоваться ему старой ищейкой. И дѣйствительно, ни одна свадьба, ни одинъ семейный праздникъ крестьянина не обходились безъ того, чтобъ онъ ихъ не обнюхалъ и не составилъ протокола.

Итакъ, администрація въ дѣлѣ обрусенія этого края оказала правительству медвѣжью услугу. Она обнажила свой мечъ тамъ, гдѣ не было враговъ, грозила кулаками тѣмъ, кого слѣдовало приласкать. Результаты получились неожиданные: этотъ добродушный малороссъ, соплеменникъ того хохла, который собственной кровью готовъ защищать неприкосновенность своей вѣры и народности, возненавидѣлъ все то, что имѣетъ какое либо отношеніе къ Россіи и православію.

III.

Посмотримъ теперь, что сдѣлало тамъ наше духовенство, или, вѣриже, наши православные миссіонеры. Миссіонеры!... и въ этомъ словѣ помимо моего желанія слышится мнѣ безопаднаая иронія. Пусть не взыщутъ съ меня эти гордые служители алтаря, если я назову ихъ просто евангельскими наемниками. Ибо не возляжетъ пастырь добрый за вечерю, когда овцы его не накормлены, не пойдетъ спать въ теплый шатеръ, когда овцы мокнутъ подъ дождемъ, гибнуть отъ грозы, не будетъ молчать, когда хищный звѣрь на нихъ нападаетъ. Такъ поступалъ самъ Великій Пастырь, такъ поступали и всѣ истинные Его послѣдователи. Эти же пастыри—совсѣмъ иного рода. Замѣйте только. Жалованья имъ отъ казны 1.200 рублей въ годъ; кромѣ того, они имѣютъ еще церковной земли два или три надѣла, прекрасныя хозяйственныя постройки, поддерживаемыя средствами прихожанъ, хорошій домъ въ пять или шесть комнатъ, при домѣ—садъ. У каждаго попа—пять-шесть породистыхъ лошадей, десятка два головъ крупнаго рогатаго скота, стада овецъ, свиней, стаи домашней птицы... Если онъ самъ не хозяинъ, то отдаетъ землю мужику «на третьякъ» и такимъ образомъ каждый годъ собираетъ тамъ, гдѣ не сѣялъ, беретъ оттуда, куда не вкладывалъ ни труда, ни капитала; если же онъ хозяйничаетъ самъ, то пользуется бесплатнымъ трудомъ прихожанъ, которые «толокой» выполняютъ, если не всѣ, то, во всякомъ случаѣ, важнѣйшія хозяйственныя работы. А доходы за требы, а разные побочные поборы зерномъ, яйцами, колбасами, саломъ, кнышами, домашней птицей!.. Это—не мелочь, а цѣлыя богатства! Зайдите къ нему въ домъ,—у него прекрасная мебель, рояль, дорогія зеркала, картины. Со стола никогда не снимаются кушанья и напитки; на кухнѣ у него цѣлый штатъ прислуги. Рогатый скотъ пасется на помѣщичьихъ поляхъ и сѣнокосахъ; откормленныя поповскія свиньи не ѣдятъ отрубей и половы: ихъ кормятъ мужицкимъ зерномъ и пирогами. Сравните эту обстановку съ обстановкой хотя бы самаго зажиточнаго прихожанина. Я не совру, если скажу, что добрая половина ихъ была бы счастлива, если бы имѣла возможность хоть разъ въ годъ откупать той пищи, какую батюшка ѣстъ ежедневно; мало того, есть, можетъ быть, много и такихъ, которые въ этомъ отношеніи и поповскимъ свиньямъ завидуютъ.

Кромѣ прекраснаго матеріальнаго обезпеченія, духовенство этого края и въ правовомъ отношеніи занимаетъ тамъ видное мѣсто. Это—«миссіонеры», и, какъ таковыя, они считаются тамъ на особомъ положеніи—внѣ всякой зависимости отъ общества. И дѣйствительно, кто можетъ вмѣшаться въ кругъ дѣятельности духовенства, предписать ему законы, подвергнуть взысканію? Гражданская

власть ему—не указъ, тѣмъ болѣе, что въ чиновничьей средѣ духовенство имѣетъ своихъ людей: родню или хорошихъ знакомыхъ. Простые прихожане, особенно опальные калакуты, и подавно не страшны ему. Если иногда, доведенные до крайности, они и жалуются, кому слѣдуетъ, на своего настоятеля, то жалобы эти, въ большинствѣ случаевъ, остаются безъ послѣдствій, такъ какъ онѣ разбираются духовными судьями, которые, конечно, всегда поддерживаютъ своего собрата. Остается одинъ архіерей, который только и можетъ нагнать на нихъ страхъ. Но руководительная дѣятельность этого начальства всѣмъ намъ хорошо извѣстна. Если архіерей разъ въ десять лѣтъ поѣдетъ по епархіи, то смотреть лишь на внѣшнюю сторону дѣятельности своихъ подчиненныхъ, слѣдить за формой: онъ требуетъ лишь, чтобы духовенство во-время вышло къ нему съ крестами и хоругвями, чтобы на церкви крестъ не покосился, чтобы внутри храма не видно было паутины, чтобы богослужебныя книги не были закапаны воскомъ, а въ бухгалтерскихъ книгахъ не встрѣчалось бы подчистокъ. Вотъ и все, внутренняя же сторона дѣла никѣмъ не учитывается.

Итакъ, и въ матеріальномъ и въ правовомъ отношеніи духовенство Привислинскаго края поставлено гораздо выше окружающей его среды: по средствамъ—это помѣщики, по положенію—крупные чиновники. И они живутъ, какъ помѣщики, а службу несутъ, какъ казенные чиновники. Священникъ знаетъ, что ему вѣнено въ обязанность въ извѣстные дни отслужить ту или иную требу; онъ и отслуживаетъ ее, если не найдетъ благовиднаго предлога уклониться отъ этого. Другихъ же обязательствъ онъ за собой не признаетъ; мало того, на все и на всѣхъ, кромѣ своихъ сотоварищей, онъ смотритъ пренебрежительно, свысока. Учитель ему—не братъ, не товарищъ, мужикъ—слуга, дойная корова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, презрѣнное существо. Такъ онъ съ ними и обращается. Приходитъ, на примѣръ, къ нему мужикъ по дѣлу: за метрикой или заказать извѣстную требу. Онъ принимаетъ его. Если мужикъ не упорствующій, то онъ условливается съ нимъ о размѣрѣ гонорара и отпускаетъ съ миромъ; если же приходитъ калакутъ, то прежде, чѣмъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ, онъ считаетъ нужнымъ намылить голову этому невольному кліенту, говорю «невольному» потому, что только крайность заставитъ калакута обратиться къ попу. «Калакутъ, жидъ, нехристь, порожденіе діавола, ксендзовскій прихвостень» и тому подобныя выраженія одно за другимъ изливаются вдругъ на голову несчастнаго унѣата, виноватаго лишь тѣмъ, что некому его просвѣтить...

Надругавшись же вволю, онъ заломитъ съ него за услугу баснословный гонораръ, такъ какъ знаетъ, что мужикъ другого выхода найти не можетъ. Иной, правда, заупрямится, не хочетъ платить: бываютъ, на примѣръ, случаи, когда покойникъ нѣсколько

дней лежитъ безъ погребенія потому лишь, что родные его не могутъ сойтись съ попомъ въ цѣнѣ, а случалось и такъ, что калакутъ по той же причинѣ подвозилъ покойника къ церкви и оставлялъ его тамъ или хоронилъ самъ безъ отпѣванія, за что, конечно, подвергался строгой карѣ, такъ какъ хоронить униатскаго покойника только въ церкви, по православному обряду, предписано было администраціей. Въ большинствѣ же случаевъ мужику приходится платить то, что съ него батюшка запроситъ, хотя бы для этого пришлось продать ему послѣднюю корову или овечку.

Такими же отборными эпитетами клеймитъ священникъ всѣхъ отщепенцевъ и въ церкви съ амвона, когда выступаетъ тамъ съ своимъ «обличительнымъ» словомъ. И туда вноситъ онъ духъ злобы и порицанія. Онъ занятъ обличеніемъ, а дѣйствительная потребность народа—потребность нравственнаго совершенствованія, остается неудовлетворенною. Священники и ксендзы яростно грызутся другъ съ другомъ, обмѣниваясь взаимными проклятіями, а народъ слушаетъ и воображаетъ, что въ этомъ и состоитъ вся религія. И дѣйствительно, спросите любого мужика, какія обязанности налагаетъ на него религія,—онъ вамъ отвѣтитъ такъ: ходить по праздникамъ въ церковь, молиться утромъ и вечеромъ, не ѣсть въ постные дни скоромной пищи, при чемъ православный скажетъ, что всѣ неправославные пойдутъ въ адъ, а католикъ отдастъ преимущество своей вѣрѣ... Вотъ и все.

Такимъ образомъ общественная дѣятельность духовенства выражается лишь въ томъ, что оно по закону или по обязанностямъ службы выполняетъ извѣстныя требы да выступаетъ иногда со своими обличительными проповѣдями, которыя не могутъ зародить въ народѣ иныхъ чувствъ, кромѣ грубаго фанатизма.

IV.

Отъ этого важнаго недостатка не свободны, къ сожалѣнію, и лица высшей духовной іерархіи: и они думаютъ, что въ обличеніи противника — вся сила. Не лишнимъ считаю разсказать одинъ фактъ, который прекрасно иллюстрируетъ дѣятельность этого духовенства и, кстати, отношеніе калакутовъ къ православію.

Въ село Г., Влодавскаго уѣзда, весною 1893 г., имѣлъ приѣхать епископъ люблинскій Гедеонъ (онъ давно уже ушелъ на покой). Съ нимъ ѣхалъ начальникъ учебной дирекціи и, въ качествѣ свиты, уѣздная администрація. Въ день его приѣзда въ мѣстной церкви долженъ былъ собраться народъ, а въ школѣ—учащіяся. Я служилъ тогда учителемъ въ сосѣдней деревнѣ. Предписано было и мнѣ доставить туда своихъ учениковъ. Но легко было директору предписывать; на мою же долю выпала болѣе трудная задача: изъ всѣхъ моихъ учениковъ, а ихъ было у меня около

шестидесяти человекъ, только одинъ былъ православный, было еще нѣсколько католиковъ, а всѣ остальные—самые заяддые калакуты. Метнулся я по деревнѣ, сталъ вести переговоры съ мужиками, объявивъ имъ, что начальникъ дирекціи хочетъ узнать, чему дѣти научились. Не соглашаются.

— Если бъ былъ тамъ одинъ начальникъ дирекціи, тогда отпустили бы, а къ архіерею—никогда! — заявляютъ всѣ въ одинъ голосъ.

Къ архіерею же потому не желаютъ пустить, чтобы онъ ихъ не крестилъ насильно. Напрасно я убѣждалъ ихъ въ томъ, что никто не имѣетъ права насиловать ихъ, ничто не помогло. «Нѣтъ дураковъ!»—и баста.

И нарочно въ назначенный день, еще съ ночи, всѣ дѣти были увезены родителями въ поле на работы. Съ большими усиліями выпросилъ я у родителей трехъ мальчугановъ и, заплативъ за каждого изъ нихъ по рублю, взялъ ихъ съ собою. Но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе. Еще съ вечера сотскому заказаны были подводы, но онѣ въ назначенный срокъ не пришли. Я обращаюсь къ сотскому—онъ въ полѣ, я иду по дворамъ—нигдѣ нѣтъ лошадей. Пришлось отправиться пѣшкомъ. Къ счастью, недалекій былъ путь, всего пять верстъ. Проходимъ дорогой межъ полей, тамъ работаютъ наши же крестьяне. Глядятъ и смѣются.

— Идете архіерею бороду лизать?

И опять смѣются.

Взбунтовались мои ученики:

— Не пойдёмъ, не хотимъ—и баста!

Я начинаю упрашивать, затѣмъ—угрожать, ничто не помогаетъ.

— Не хотимъ архіерею бороду лизать!

Уговорилъ кое-какъ. Пошли дальше. Но одинъ изъ троихъ, подъ предлогомъ, что ему «хочется на дворъ», убѣжалъ таки съ дороги.

Пришелъ я въ Г. самъ третій. Архіерея еще не было, директора тоже, но уѣздная администрація была уже въ полномъ составѣ. Ко мнѣ подошелъ помощникъ начальника уѣзда, тотъ самый, который именовалъ себя старымъ воробьемъ.

— Васъ только трое?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да, такъ!

— А сколько по списку?

— Человекъ шестьдесятъ!..

— Что же это вы сдѣлали?—ужаснулся онъ. — Шутить вздумали, что ли? Вы губите себя, вы губите насъ!.. Да знаете ли вы, чѣмъ это пахнетъ?

— Знаю, но что прикажете дѣлать?

— Войтъ, сотскій! — закричалъ онъ, вдругъ заметавшись во всѣ стороны.

Явился войтъ.

— Немедленно доставить сюда учениковъ!

Войтъ засуетился, сѣлъ на первую попавшуюся подводку и уѣхалъ собирать учениковъ. Его миссія оказалась болѣе плодотворной. Часа черезъ полтора онъ вернулся и привезъ подлюжины мальчугановъ. Но, Боже, что это были за ученики! Въ школу они никогда не ходили, и ни одинъ изъ нихъ не зналъ русской грамоты. Это были деревенскіе пастушки; войтъ подобралъ ихъ гдѣ-то въ полѣ и привезъ въ полной пастушеской амуниціи. Надо было видѣть, какъ трепетали эти несчастныя созданья, сидя на возу въ объятіяхъ войта. Что они думали, какія чувства переживали? Но войту надо было исполнить приказаніе начальства... Насилу упросилъ я этого грознаго администратора отпустить пастушковъ къ своимъ стадамъ.

Но вотъ ударили въ колокола, показался экипажъ архіерея. Владыка вышелъ, благословилъ народъ и направился въ церковь. Тамъ онъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ священникомъ, который тутъ же въ довольно обстоятельной рѣчи сообщилъ свѣдѣнія о состояніи православія въ этомъ приходѣ. Свѣдѣнія эти были неутѣшительны; архіерей при каждомъ словѣ священника съ неудовольствіемъ покачивалъ головой: видно было, что не нравилась ему такіа рѣчи. Послѣ молебна обходили вокругъ церкви съ крестнымъ ходомъ, и затѣмъ епископъ остановился на паперти. Наступила торжественная минута. Тутъ, на паперти, было много народу, но все это были должностныя лица: учителя, писаря, духовенство, архіерейская свита... А тамъ, за церковной оградой, толпились тысячи простого народа, калакутовъ, которые полюбознствовали взглянуть на православнаго архіерея. Это были поистинѣ торжественныя минуты. Архіерей посмотрѣлъ на народъ и обратился къ священнику:

— Ты говоришь: некого учить. Посмотри, какъ много ихъ, жажущихъ, собралось. Увѣщевай же ихъ сейчасъ, пусть не стоятъ они за оградой, какъ овцы блудящія!

Священникъ поправилъ ризы, кашлянулъ въ кулакъ и дрожащимъ голосомъ началъ было что-то говорить. Но послѣ двухъ-трехъ фразъ епископъ оборвалъ его, рѣзко замѣтивъ:

— Какъ же къ тебѣ народъ пойдетъ, когда ты толковаго слова сказать не можешь?

И владыка началъ говорить самъ: онъ говорилъ о Святомъ Духѣ, о козняхъ діавола, приглашалъ народъ освободиться отъ діавола и вселить въ себя «Духъ Святъ»... Около часа говорилъ онъ, а народъ все такъ же толпился на улицѣ, у церковной ограды. Наконецъ епископъ сталъ вызывать желающихъ для религіозной бесѣды. Въ народѣ послышался сдержанный шопотъ, и минуты черезъ двѣ толпа вытолкала впередъ нѣсколько человекъ, кото-

рые упрямылись было, не хотѣли выступать. Начался религіозный споръ, горячій и продолжительный. О чемъ они спорили, я теперь ужъ не помню, зато финалъ этого спора никогда не изгладится изъ моей памяти. Послѣ спора, надо добавить, безрезультатнаго архіерей хотѣлъ преподать своимъ оппонентамъ благословеніе и вручить каждому по кресту. Но тѣ отказались.

— Не хотимъ ни вашего благословенія, ни крестиковъ вашихъ! Такого отвѣта епископъ, повидимому, не ожидалъ.

— Почему жъ это вы не желаете получить отъ меня по кресту?—спросилъ онъ.

— Потому, что не желаемъ!

— Какъ же это быть вамъ безъ крестовъ?

— Мы имѣемъ крестики изъ Ченстохова, а благословеніе отъ отца святого!

— А все-таки возьмите и отъ меня на память.

— Не хотимъ вашихъ крестиковъ, не хотимъ и вспоминать васъ!—отвѣтили калакуты.

А кто-то высказался и болѣе рѣшительно: «плевать на ваши крестики!»...

Еле замѣтный жестъ обиды—и стражники увели куда-то дерзкихъ ослушниковъ. Отпустили они ихъ потомъ или посадили,—я тогда не интересовался узнать. Но долго мужики не могли забыть того, какъ архіерей обрѣзалъ попа, а они—архіерея.

Однако, хочу дорисовать картину. Изъ церкви епископъ отправился въ школу, а оттуда—къ попу на обѣдъ. А «старый воробей» тѣмъ временемъ позаботился о томъ, чтобы архіерею устроены были приличные проводы. Онъ разослалъ сотскихъ по деревнѣ, и черезъ полчаса у поповскаго подѣзда возсѣдало на заморенныхъ ключахъ десятка два мужичковъ, умышленно одѣвшихъ въ изорванные свитки. Надо было видѣть этотъ чудный кортежъ, когда открылъ онъ шествіе! По ухабистой проселочной дорогѣ, въ облакахъ пыли, тяжело громычала архіерейская колымага; впереди и сзади, на деревенскихъ бричкахъ, ѣхала свита, а по сторонамъ дороги, по мягкому полю, важно гарцовала на своихъ блестящихъ россинантахъ эта своеобразная стража... Давно это было, а я и до сихъ поръ не могу забыть этой рѣдкостной картины. Я смотрѣлъ тогда на нее и не зналъ, плакать ли мнѣ, или смѣяться...

V.

Итакъ, православное духовенство Привислинскаго края не завоевало себѣ симпатій народа, и потому не могло оказать никакого вліянія на его умъ и чувства. Я еще коснусь этого вопроса, теперь же скажу о дѣятельности народныхъ учителей. Мы уже видѣли, при какихъ обстоятельствахъ приходится рабо-

тать тамъ этимъ маленькимъ людямъ: имъ желательно быть полезными народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ личной безопасности, не хочется гнѣвить начальства; для выполненія же второй задачи имъ часто приходится принимать на себя нежелательныя обязательства поддерживать то, что слѣдовало бы разрушить, хвалить то, что заслуживаетъ порицанія... и въ результатѣ— часто служить козломъ отпущенія за грѣхи другихъ. Такъ оно всегда и бываетъ съ маленькими людьми. Но вернемся еще разъ къ описанной мною ревизіи.

«Старый воробей» былъ правъ, заявивъ мнѣ, что я себя гублю. Такъ оно въ дѣйствительности и случилось. Архіерей многозначительно пожалъ плечами, когда увидѣлъ моихъ учениковъ.

— Это всѣ?

— Всѣ!

Начался экзаменъ. Православный ученикъ отвѣчалъ довольно бойко, а калакутъ все дѣло испортилъ.

— Ты какой вѣры?—спросилъ его архіерей.

— Уніатской.

— Ты православный: теперь уніатовъ нѣтъ!

— Нѣтъ, я уніатъ.

— Куда же ты молиться ходишь?

— Въ костель.

— Почему жъ не ходишь въ церковь?

— Куда ходятъ родители, туда и я.

— Перекрестись.

Перекрестился по-католически.

— Почему же ты не крестишься по-православному?

— Меня такъ родители научили.

— Скажи молитву Господню.

— Я знаю только польскія молитвы.

— А развѣ васъ учитель не учитъ русскимъ молитвамъ?

— Учитъ, но я не учу ихъ.

Была ли тутъ усмотрѣна демонстрація, или напла меня бездѣятельнымъ, но за эту ревизію я получилъ строгій выговоръ. Впрочемъ, этотъ выговоръ былъ мнѣ сдѣланъ, вѣроятно, по желанію архіерея, такъ какъ начальникъ дирекціи хорошо былъ знакомъ съ моею дѣятельностью.

Вскорѣ я былъ переведенъ въ Соколовскій уѣздъ. Въ это время, или немного раньше, было запрещено преподаваніе въ школахъ польскаго языка. Надо замѣтить, что Соколовскій уѣздъ тоже населенъ малороссами, но племенные черты ихъ тамъ ужъ очень слабо выражены. Живя по сосѣдству съ мазурами и мелкой польской шляхтой, этотъ народъ позаимствовалъ отъ нихъ нѣкоторые обычаи, костюмы и даже языкъ. Неудивительно поэтому, что онъ съ неудовольствіемъ принималъ у себя всякаго русскаго, тѣмъ

болѣе учителя. Но первый ударъ получилъ я, однако, совсѣмъ не оттуда, откуда могъ ожидать его. Не успѣлъ я пріѣхать туда и расположиться, какъ слѣдуетъ, какъ мнѣ уже передали, что батюшка мною недоволенъ. Я зналъ еще раньше, что этотъ батюшка «сѣдлъ» много учителей. На третій или четвертый день пришелъ псаломщикъ и сказалъ, что священникъ идетъ ко мнѣ. Я еще не совсѣмъ устроился, однако былъ очень радъ принять такого почтеннаго гостя, и встрѣтилъ его очень привѣтливо. Онъ вошелъ, кивнулъ мнѣ головою и тутъ же высказалъ свое неудовольствіе за то, что я не пришелъ къ нему на квартиру, чтобы получить отъ него соотвѣтствующія распоряженія. Онъ держалъ себя со мною такъ, какъ будто считалъ себя прямымъ моимъ начальникомъ: давалъ мнѣ распоряженія, наставленія, осматривалъ классъ, мою комнату, бібліотеку и даже поинтересовался заглянуть въ мой чемоданъ; въ разговорѣ то и дѣло употреблялъ и даже подчеркивалъ выраженія: «мой учителя, мои распоряженія, такого-то учителя держу, а такого-то не потерплю»... Онъ довелъ меня до того, что я вынужденъ былъ напомнить ему, кого я считаю своимъ начальникомъ; на это онъ мнѣ замѣтилъ, что учителя вообще «много воображаютъ», что онъ ужъ многихъ за это наказалъ, и что во мнѣ онъ хочетъ видѣть благоразумнаго педагога. Въ заключеніе онъ опять кивнулъ мнѣ головою и ушелъ домой.

Сталъ я ходить по деревнѣ, чтобы свести знакомство съ народомъ. Но добиться этого было не легко. Народъ избѣгалъ встрѣчи со мною, и часто на мои привѣтствія или вопросы мужики и бабы демонстративно отворачивались, или отдѣлывались сердитыми восклицаніями. Иногда хозяйка передъ самымъ моимъ носомъ запирала дверь на засовъ, когда видѣла, что я хочу войти въ хату, а если мнѣ и удавалось войти, то многіе не отвѣчали на мои вопросы, или прямо заявляли, что не желаютъ, чтобы я заходилъ къ нимъ. И эта незаслуженная злоба была такъ сильна, что во многихъ домахъ отказывались продавать мнѣ сѣбное и вообще все то, что можно достать у крестьянина.

Насколько народъ не понимаетъ тамъ дѣйствительнаго призванія учителя, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Однажды въ праздникъ проходилъ я по деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ собралось нѣсколько человѣкъ мужичковъ и о чемъ-то бесѣдовали. Я подошелъ къ нимъ. Какой-то пожилой крестьянинъ, кривой на одинъ глазъ, безъ всякаго повода накинулся вдругъ на меня со страшной злобой:

— Вы схизматикъ, вы недовярокъ!..

И одинъ за другимъ посыпались вопросы:

— Зачѣмъ ваши попы пьютъ водку, постовъ не посятъ и въ карты играютъ, почему у васъ въ церкви не поютъ «киріе-елейсонъ», почему вы не хотите быть католиками, когда Матерь Божія

была католичкой, и святые отцы знали одну лишь церковь—ка-е-олическую, почему у васъ крестный ходъ противъ солнца идетъ, зачѣмъ ваша попадьа сморкается въ тѣсто, когда просфоры печеть?

Сначала я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, думая, что это сумасшедшій: такъ неумѣстно было все то, что онъ говорилъ. И лишь потомъ узналъ въ немъ одного изъ доморощенныхъ калакутскихъ богослововъ. Напрасно я старался убѣдить этого невѣжественнаго фанатика, что вопросами религіозными я совсѣмъ не занимаюсь, что моя цѣль—учить ихъ грамотѣ. Онъ меня и слушать не хотѣлъ, и, кривляясь и отчаянно жестикулируя, продолжалъ:

— Они, какъ черти паршивые, они, какъ жида пархатые!..

Я не могъ больше оставаться въ толпѣ и ушелъ, провожаемый общимъ взрывомъ хохота...

Но вотъ я мало-по-малу сошелся съ народомъ и сталъ заниматься. Опять встрѣтилось затрудненіе: половина не хочетъ читать молитвъ передъ ученіемъ и послѣ ученія; мало того, нашелся такой протестантъ, сынъ богослова, который отказался даже вставать, когда другіе читали молитву. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ сказалъ, что здѣсь польская школа, и онъ совсѣмъ не желаетъ, чтобы читались тутъ русскія молитвы. Въ данномъ случаѣ онъ былъ не правъ, такъ какъ въ цѣломъ классѣ было не больше трехъ католиковъ, остальные же на бумагѣ числились православными. Но, какъ бы тамъ ни было, а я обязанъ былъ прочитывать въ классѣ эти молитвы. Между тѣмъ, сынъ богослова въ короткое время успѣлъ взбунтовать весь классъ. Какъ тутъ быть? Я могъ на него пожаловаться, кому слѣдуетъ, но не хотѣлось мнѣ губить молодого человѣка. Ограничился я тѣмъ, что исключилъ его изъ школы. Можетъ быть, я поступилъ нехорошо, но при данныхъ условіяхъ я не могъ поступить иначе.

Къ этому огорченію прибавилось еще и новое. Батюшка сталъ мнѣ жаловаться, что половина учениковъ отсутствуетъ на урокахъ Закона Божія. Когда же я сказалъ объ этомъ дѣтямъ, то они въ одинъ голосъ заявили, что съ батюшкой невозможно заниматься, такъ какъ онъ слишкомъ грубо съ ними обращается: ругаетъ ихъ калакутами, нехристями, жидами и бьетъ безпощадно. Я и самъ зналъ объ этомъ, но неловко мнѣ было дѣлать священнику замѣчаніе. Чтобы удержать его порывы, я подъ разными предлогами старался самъ присутствовать на его урокахъ. Но это мало помогло. Батюшка меня ничуть не стѣснялся; напротивъ, это обстоятельство давало ему возможность лишній разъ доказать мнѣ, что онъ здѣсь хозяинъ. Я замѣчалъ все это и понималъ, что съ батюшкой мы не уживемся. И дѣйствительно разрывъ произошелъ очень скоро. Однажды онъ при мнѣ жестоко избилъ одного уче-

ника: онъ схватилъ его за волосы и ткнулъ лицомъ въ скамейку; у несчастнаго ребенка полилась кровь изъ носа. Онъ сталъ плакать, а съ нимъ и весь классъ. Такого варварскаго поступка я не могъ обойти молчаніемъ и тутъ же предупредилъ батюшку, что долженъ буду довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства. Онъ обзвалъ меня мужикомъ и съ угрозами ушелъ изъ класса. На слѣдующій день онъ самъ поѣхалъ въ дирекцію съ жалобой. Тамъ, какъ мнѣ потомъ передавали, онъ аттестовалъ меня атеистомъ, анархистомъ и чуть ли не антихристомъ, жаловался, что не хожу я въ церковь, не исповѣдуюсь, дружу съ калакутами, не оказываю должнаго почтенія апостольскому сану. Вышло, что меня слѣдуетъ судить по всей строгости російскихъ законовъ. Однако у отца законоучителя на этотъ разъ сорвалось: начальникъ дирекціи попросилъ его успокоиться и хоть со мною зажить въ мирѣ. Но онъ не успокоился и потому совсѣмъ пересталъ посѣщать свои уроки. Отъ этого мои ученики, конечно, ничего не потеряли; но я самъ не нашелъ возможнымъ оставаться въ этой школѣ и вынужденъ былъ уйти оттуда. Я нарисовалъ картину учительскаго быта въ его правовомъ отношеніи. Картина эта не измѣнится, если мы, вмѣсто священника, подставимъ войта, писаря, стражника, начальника уѣзда и прочихъ чиновъ администраціи. Всѣ ему—начальство, всѣхъ онъ долженъ бояться.

При такихъ-то обстоятельствахъ приходится работать тамъ народному учителю. Миссія его велика: ему приходится вновь создавать то, что разрушается другими, исправлять чужія ошибки... Но для этого у него слишкомъ мало средствъ и полномочій. Онъ занимаетъ тамъ такую низкую ступеньку, что каждый черезъ него шагаетъ, каждый его опрокидываетъ...

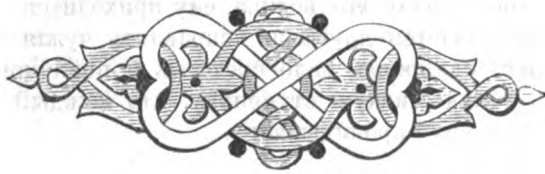
VI.

Такъ вотъ какія силы выставило тамъ русское правительство для борьбы съ унией и католицизмомъ. Ни администрація, ни духовенство, ни постановка дѣла народнаго образованія не оказали на народъ желаннаго воздѣйствія, и онъ, вполне естественно, перешелъ на ту сторону, которая выказала въ этой борьбѣ больше умѣнія и силы: онъ подчинился католическому духовенству. Это—совсѣмъ другія силы; правда, онѣ за тьму, онѣ за деспотизмъ—ихъ нельзя желать, но силы эти могучи. Католическое духовенство, въ противоположность православному, обнаружило полное пониманіе психологіи народныхъ массъ; кромѣ того, оно вполне предано своему дѣлу, въ этомъ—вся его сила. Гдѣ плачемъ, гдѣ силою слова, гдѣ лаской, а гдѣ страшными угрозами, открыто и тайно гипнотизировало оно это темную массу, а усыпивъ—поработило, и на такой удобной почвѣ оно сѣяло свои излюбленныя сѣмена: религиозную смуту, фанатизмъ...

На этомъ я заканчиваю свою статью. Предоставляю читателю сдѣлать изъ нея соответствующій выводъ. Отъ себя же скажу, что я радъ за этихъ несчастныхъ дикарей: имъ позволено наконецъ вѣрить въ Бога по-своему. Одного не могу скрыть: мнѣ жаль, что такъ трагически закончилось свое существованіе племя холмскихъ малороссовъ, оно теперь ужь умретъ, такъ какъ вмѣстѣ съ католичествомъ впитаетъ въ себя и новую культуру. Я—сторонникъ свободы, но такой, когда устранена возможность какого бы то ни было насилія. Эта же «свобода»—не что иное, какъ передача рабовъ изъ однихъ рукъ въ другія, не менѣе грубыя и деспотичныя.

Только свобода гражданская и развитіе въ народѣ самосознанія путемъ широкаго просвѣщенія могутъ освободить его отъ религиознаго рабства; только школа можетъ указать ему вѣрные пути къ сохраненію и дальнѣйшему развитію самобытности этого симпатичнаго племени, только школа можетъ предохранить его отъ сліянія съ чуждымъ и враждебнымъ ему элементомъ.

П. И. Корневскій.

РАСПЕЧАТАННЫЕ АЛТАРИ.

Запечатану гробу и дверемъ заключеннымъ,
ученикомъ предсталъ еси, Христе Боже, духъ
правый тѣми обновляя намъ.

(Изъ пасхальныхъ тропарей).

I.

ВОГОЖСКОЕ кладбище, Преображенское кладбище, Громовское кладбище и разныя другія кладбища большихъ городовъ предоставлены были старообрядцамъ для выполненія своихъ религіозныхъ обрядовъ и молитвъ. Какъ бы призывался только одинъ актъ старообрядческой жизни—погребеніе. «Старая» вѣра была обречена въ Россіи на вымираніе, и ей не нашлось мѣста нигдѣ, какъ на кладбищахъ...

Мало того, правительство распорядилось «святая святыхъ» старообрядцевъ закрыть и запечатать, какъ нѣкогда римскія власти и іудейскіе первосвященники запечатали камень надъ погребеннымъ Иисусомъ Христомъ.

Но... какъ бы во исполненіе словъ Спасителя — «если зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода» — горькое зерно «старой» вѣры въ наше время вдругъ ожило, расцвѣло, расширилось, укрьпилось, украсилось.

Посмотрите, съ какимъ спокойствіемъ, увѣренностью и упованіемъ на будущее собирается теперь сонмъ старообрядческихъ свя-

тителей и благочестивыхъ мірянъ на ежегодный съѣздъ въ Нижнемъ Новгородѣ!

Да, они стали на ноги твердо, непоколебимо, надежно.

За вѣру!

Таковъ призывъ, какъ главный, стоитъ впереди всего у русскаго человѣка.

Два съ половиною вѣка стояли старообрядцы за свою «старую» вѣру съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ когда-то боролись первые мученики христіанства. Съ гимнами и церковными пѣснями на устахъ, они смѣло шли на поношеніе, на наказаніе, на дыбу, на казнь, на сожженіе. И каждая капля крови «малыхъ сихъ», пролитая на землю за вѣру, рождала новыхъ ея поборниковъ.

«Не та церковь, которая гонить, а та, которую гонять».

Подъ этимъ флагомъ старообрядцы вынесли на своихъ плечахъ всевозможныя гоненія за право исповѣдывать Христа такъ, какъ имъ подсказываетъ совѣсть. И они побѣдили.

Терпѣніе, кротость, смиреніе, самоотреченіе и покорное принятіе креста страданій,—вотъ что дало имъ торжествовать побѣду!

Пасха тысяча девятьсотъ пятаго года была днемъ этого торжества.

Въ Москвѣ, въ великую субботу, 16 апрѣля, неожиданно по телефону приглашаются къ градоначальнику попечители и выборные старообрядческаго общества. Имъ объявили, чтобы они собрались въ церквахъ Рогожскаго кладбища для выслушанія высочайшаго повелѣнія отъ только-что прибывшихъ въ Москву царскихъ пословъ.

Въ 3 часа дня, густая толпа старообрядцевъ, волнуясь отъ неожиданной вѣсти, окружала свои дорогія святыни. Подъѣзжаютъ генераль-адъютантъ князь Голицынъ и флигель-адъютантъ графъ Шереметевъ, въ сопровожденіи градоначальника, генерала Волкова. Толпа обнажила головы и съ радостнымъ трепетомъ вошла за ними въ храмъ.

Князь Голицынъ съ амвона обратился къ собравшемуся народу съ слѣдующими словами:

— Государь императоръ высочайше соизволилъ 16 апрѣля отправить московскому генераль-губернатору слѣдующую телеграмму:

«Повелѣваю въ сегодняшній день наступающаго Свѣтлага праздника распечатать алтари старообрядческихъ часовенъ Рогожскаго кладбища и предоставить впредь состоящимъ при нихъ старообрядческимъ настоятелямъ совершать въ нихъ церковныя службы. Да послужить это столь желанное старообрядческимъ міромъ снятіе долговременнаго запрета новымъ выраженіемъ моего довѣрія и сердечнаго благоволенія старообрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью престолу. Да благословить и умудритъ

ихъ Господь съ полною искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіемъ русской православной церкви воссоединить ихъ съ нею и прекратить соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только церковь. Николай II».

Со слезами на глазахъ старообрядцы выслушали радостную вѣсть и прежде всего обратились съ горячею молитвою къ Богу.

Рогожское кладбище. Зимній храмъ.

Изъ всѣхъ болѣе или менѣе благопріятныхъ распоряженій послѣдняго времени относительно старообрядцевъ, ни одно изъ нихъ такъ не обрадовало московскихъ «людей древляго благочестія», какъ указъ 16 апрѣля 1905 г. Но онъ былъ только предлюдіей того огромнаго значенія указа, который былъ обнародованъ по всей землѣ Русской на другой день, 17 апрѣля, въ самый праздникъ Пасхи. Съ этого знаменитаго дня начинается въ Россіи настоящая вѣротерпимость. Отнынѣ сняты всѣ искусственныя перегородки въ общемъ народномъ храмѣ во имя Христа, и каждый русскій можетъ открыто исповѣдывать Бога «по совѣсти». Этимъ указомъ признано, что русскій народъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста. Съ него сняты всѣ помочи. Нянька отнята. Онъ можетъ больше не питаться молокомъ школьныхъ толкованій. Предъ нимъ

раскрыта вся библия. Теперь онъ самъ читаетъ и толкуетъ ее, какъ ему подсказываютъ его умъ и сердце. Ему дана та самая великая свобода, предъ которой предложено на выборъ «жизнь и добро, смерть и зло» (Второзаконіе, XXX, 15).

Значеніе указа 17 апрѣля велико! Съ него начинается новая эпоха въ исторіи русскаго народа, если онъ дастъ давно желанный миръ послѣ многолѣтней религіозной распри.

II.

Спустя четыре мѣсяца послѣ распечатанія алтарей въ храмахъ Рогожскаго кладбища, мнѣ случилось быть въ Москвѣ и бесѣдовать съ старообрядцами. Они въ одинъ голосъ стали упрашивать меня посѣтить ихъ обновленную святыню.

— Вамъ непременно надо посмотрѣть нашъ храмъ. Пожалуй, онъ не уступитъ Успенскому въ Кремлѣ. Не откладывайте, поѣзжайте сейчасъ!

Несмотря на дождь и на порядочно длинную дорогу, я отправился. Было два часа дня. Извозчикъ долго ѣхалъ къ восточной части Москвы, гдѣ проходитъ старое Рязанское шоссе. Вдругъ онъ круто свернулъ налѣво, переѣхалъ линію желѣзной дороги и сразу очутился у южныхъ воротъ Рогожскаго кладбища. Старичокъ-сторожъ, кутаясь отъ дождя въ сѣрый разодранный армякъ, указалъ мнѣ, какъ пройти въ храмъ.

— А кто же мнѣ откроетъ его?

— Открыть, открыть сейчасъ. Пожалуйста!

Минуя рядъ жилыхъ домовъ, подхожу къ первому зимнему храму, выкрашенному въ красный цвѣтъ съ бѣлой раздѣлкой. Входныя западныя двери его на замкѣ, а въ раскрытыя сѣверныя—работіе носятъ доски, глину, кирпичъ.

— Не въ этомъ ли храмѣ распечатанъ алтарь? — спрашиваю проходящую женщину.

— Да, и въ немъ распечатали. Но здѣсь идетъ передѣлка. Пройдите въ лѣтнюю церковь: тамъ все теперь въ порядкѣ.

И она указала на этой же площади другой храмъ, большихъ размѣровъ, выкрашенный въ желтоватую краску. Входныя двери его были раскрыты настежь. Несмотря на дождь, отъ паперти черезъ всю лѣстницу былъ протянутъ красный коверъ до западныхъ воротъ ограды.

Среди пестрой толпы женщинъ на паперти рѣзко выдѣлялись черные кафтаны со сборами. Это пѣвчіе и понамари храма.

— Не архіерея ли ждете?—спрашиваю одного изъ нихъ.

— Нѣтъ, свадьба! Ждемъ невѣсту,—съ сіяющимъ лицомъ пояснилъ старообрядецъ.

— Здѣсь распечатанные алтари?

Рогожское кладбище. Алтарь зимняго храма справа, въ моментъ распечатанія.

— Да, да, здѣсь! Пожалуйте, я вамъ покажу,—и онъ быстрой походкой пошелъ впереди меня къ южнымъ алтарнымъ дверямъ. Что-то праздничное, веселое, блестящее было въ убранствѣ огромнаго храма. Средина его держится на шести гигантскихъ столпахъ, обставленныхъ съ четырехъ сторонъ большими образами. Всѣ

стѣны и столпы расписаны. Паникадила, лампы и свѣчи горѣли веселыми огоньками, отражаясь въ золоченомъ иконостасѣ и въ ризахъ старинныхъ иконъ. Весь полъ выстланъ краснымъ сукномъ. Многочисленные поѣзжане уже съѣхались и толпились на лѣвой сторонѣ храма.

— Вотъ посмотрите,—показываетъ мнѣ на алтарную дверь мой путеводитель:—здѣсь еще остались слѣды снятыхъ печатей.

— Да, тутъ ихъ было нѣсколько!

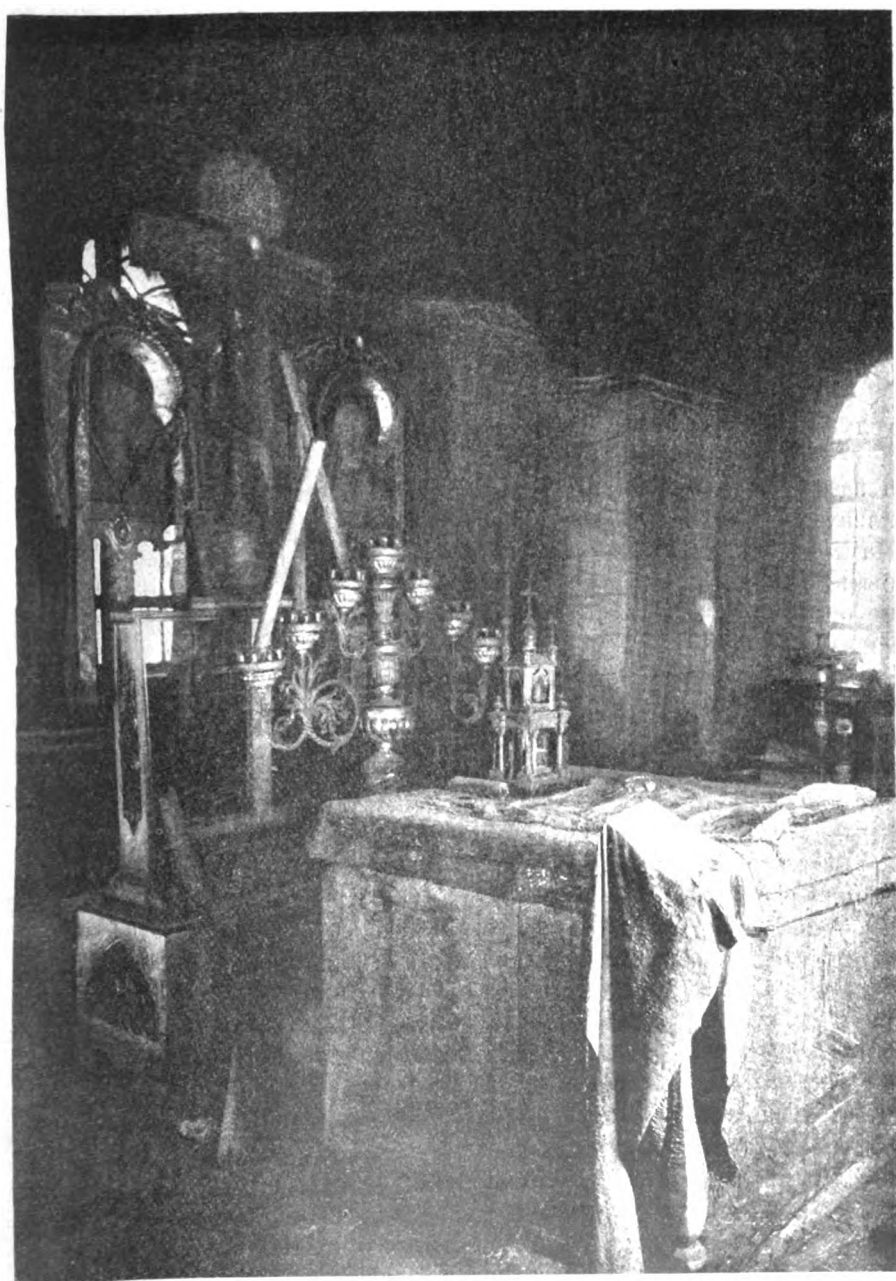
— Девять. То же самое на сѣверной двери. А въ ширину царскихъ вратъ внутри алтаря была протянута веревка, и концы ея тоже были припечатаны. Кто говоритъ, что для большей крѣпости такъ много наложено печатей, а кто объясняетъ, что чиновники сошлись отъ разныхъ вѣдомствъ, и каждый прикладывалъ свою особую печать. Все, что находится за этимъ большимъ иконостасомъ, все это сорокъ девять лѣтъ было сокрыто отъ глазъ чело-вѣческихъ. По сю сторону иконостаса, какъ было раньше, такъ вотъ все остается и теперь. Каждый день здѣсь происходили бого-служенія, только литургіи не совершали. Впрочемъ, было время, когда разрѣшили намъ поставить въ храмѣ палатку съ переноснымъ алтаремъ, и мы могли служить обѣдню. Но это продолжалось недолго, года полтора...

— Какъ это странно!—перебиваю его повѣствованіе. — Разрѣшили ставить переносный алтарь предъ запечатаннымъ алтаремъ. Не проще ли было тогда распечатать готовые алтари?! Кому же вы обязаны, что вамъ позволили служить обѣдню?

— Навѣрно не могу вамъ сказать. Кажется, по ходатайству покойнаго графа Лорисъ-Меликова, потому что послѣ его ухода въ 1884 г. изданъ приказъ—убрать палатку изъ храма и обѣденъ здѣсь болѣе не служить.

Мы вошли въ алтарь чрезъ южную дверь. За общимъ большимъ иконостасомъ, по бокамъ главнаго алтаря, было еще два небольшихъ придѣла со своими особыми иконостасами малыхъ размѣровъ. Здѣсь находились священникъ и два діакона, облаченные въ дорогія золотыя ризы. Они сидѣли въ углу и разговаривали въ ожиданіи невѣсты.

Прео мною открылась красивая вереница чтимыхъ святынь въ главномъ алтарѣ. Противъ царскихъ вратъ, какъ полагается, стоялъ престолъ съ евангеліемъ и съ восьмиконечными крестами. За престоломъ—серебряный семисвѣчникъ. За нимъ—большая стойка съ выноснымъ крестомъ и двумя образами на палкахъ. Затѣмъ—подставка въ видѣ арки для трехъ евангелій, покрытыхъ стеклянными колпаками. И все это замыкаютъ на одномъ общемъ большомъ пьедесталѣ три высокія серебряныя дарохранительницы, какъ три многоглавыя церкви художественной работы. Старообрядцы называютъ эту исключительную по размѣрамъ дарохранительницу

Рогожское кладбище. Въ алтарѣ зимняго храма престоль, въ моментъ распечатанія.

Сю номъ и придаютъ ей особое символическое значеніе, такъ какъ она стоитъ на «горнемъ мѣстѣ», гдѣ полагается сидѣть патриарху.

Верхъ алтаря былъ въ лѣсахъ. Тамъ копошился народъ, поправляя потолокъ. Внизу работалъ позолотчикъ, накладывая на потускнѣвшій орнаментъ золотые листочки. Хотя нѣкоторыя иконы были вынуты изъ рамъ, въ общемъ алтарь выглядывалъ чистымъ и убраннымъ. Стѣнная живопись его блестяла яркими красками. Я подумалъ, не по-новому ли написаны иконы.

— Нѣтъ, тутъ красками пока ничего не тронуто, — замѣтилъ мой провожатый. — Просто отмыли. Это въ сосѣднемъ зимнемъ храмѣ много попорчено; а здѣсь, слава Богу, все хорошо сохранилось, даже ковры и маты, на которыхъ вы стоите. Это облаченіе на престолѣ тоже полвѣка было взаперти. Правда, все тутъ покрыто было сукномъ...

— А какъ же говорили, что полъ провалился, что мертвыхъ голубей нашли, что пыль на всемъ лежала толстымъ слоемъ?...

— Полъ мѣстами провалился, это вѣрно, въ сосѣднемъ храмѣ, а здѣсь онъ изъ плитъ. Пыль была вотъ такимъ слоемъ (онъ показалъ пальцами толщину его). Все было черно, какъ въ траурѣ. Паутина висѣла, какъ веревки. Были и голуби мертвые. Должно быть, они залетѣли сюда изъ храма черезъ иконостасъ, а выбраться не сумѣли. Здѣсь окна были защищены снаружи войлокомъ и забиты досками.

Словоохотливый проводникъ сталъ мнѣ показывать въ боковомъ шкафу массу золоченыхъ брачныхъ вѣнцовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ въ нѣсколько столбцевъ.

— Полъ-столбѣтя хранились взаперти наши вѣнцы, — многозначительно замѣтилъ онъ.

— Ну, вотъ теперь они вамъ доступны...

Въ этотъ моментъ грянулъ хоръ пѣвчихъ и прервалъ мою рѣчь. Проводникъ бросился бѣжать изъ алтаря.

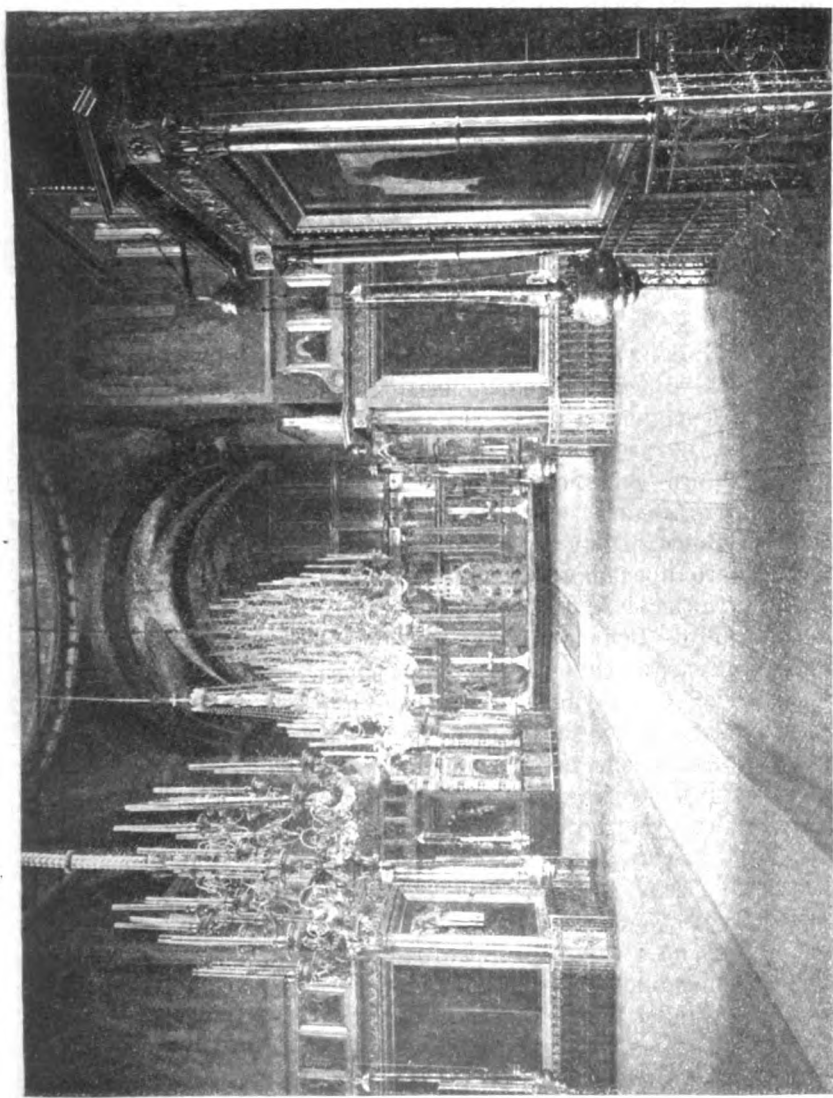
— Невѣста пріѣхала!

Я тоже пошелъ посмотрѣть на старообрядческую свадьбу.

Посреди церкви стоялъ аналой, нѣсколько ближе къ входнымъ дверямъ — другой. Пѣвчіе въ черныхъ кафтанахъ, въ высокихъ сапогахъ, пѣли у средняго столпа съ правой стороны.

Женихъ былъ тоже въ длинномъ черномъ кафтанѣ со сборами, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, изъ-за котораго тонкой каймой выдѣлялось крахмальное бѣлье. Въ рукахъ бѣлая съ золотомъ лѣстовка съ треугольниками — старообрядческаго типа четки. Невѣста въ обыкновенномъ подвѣнечномъ платьѣ, со всеми его атрибутами и тоже съ бѣлой лѣстовкой въ рукахъ. Друзжки и шафера съ букетами и бутоньерками. Нѣкоторые во фракахъ — непозволительное новшество въ глазахъ заправскихъ приверженцевъ «старинки».

Передъ вѣнчаніемъ женихъ и невѣста положили установленный началъ, то-есть, молитвенно трижды склонились руками на бѣ-
 лья атласныя подушки-подручники, лежащія передъ ними на полу.

Рогожское кладбище. Срединя лѣтняго храма.

У передняго столпа высился саженный ликъ Спаса. Я невольно остановился передъ нимъ и сталъ разглядывать.

— Изволите разсматривать нашу церковь?—обратился ко мнѣ пожилой господианъ въ сюртукѣ. Мнѣ показалось, что онъ одинъ изъ поѣзжанъ свадьбы.

— Да, я прїхалъ взглянуть, что стало съ нею послѣ распечатанія алтарей. И, признаться, я не ожидалъ застать ее въ такомъ убранствѣ и чистотѣ.

— Собственно, эта часть, что вы видите, всегда была въ такомъ порядкѣ. Но если бы вы заглянули въ алтарь, когда мы его только что распечатали! Впрочемъ, здѣсь не такъ много было испорчено вещей, какъ въ зимнемъ храмѣ.

— Отчего такая разница?

— Въ этомъ храмѣ не топили зимой, и потому температура стояла болѣе или менѣе ровная, безъ большихъ колебаній. Въ зимнемъ же храмѣ топили съ одной стороны. Пары изъ теплой половины осѣдали на холодныя стѣны алтарной части и производили сырость, гвиль и тлѣніе.

-- Судя по обстановкѣ,—спрашиваю его,—богатая свадьба? Купеческая?

— Нѣтъ. Женихъ изъ духовнаго званія.—Собесѣдникъ взглянулъ на часы.—Время-то только выбрали неладное для свадьбы...

— Чѣмъ неладное? Погода дождливая?

— А вотъ не угодно ли взглянуть.—И онъ развернулъ предо мною газету съ оповѣщеніемъ о затменіи солнца 17 августа 1906 г.—Вотъ видите сейчасъ по времени должно быть затменіе солнца. Какъ вы думаете, въ этомъ явленіи нѣтъ ли какого нибудь дурного предзнаменованія?

— Не пугайтесь! А главное, не пугайте другихъ,—послѣшилъ я успокоить его.—Сейчасъ идетъ дождь. Никому и въ голову не придетъ, что въ это самое время краешекъ солнца покрывается луною. Да если бы и увидѣли, я ничего дурного не вижу въ этомъ совпаденіи свадьбы съ затменіемъ. Затменіе и есть свадьба солнца съ луной, какъ говорили древніе. Да и въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ величается солнцемъ краснымъ, а невѣста—мѣсяцемъ яснымъ. Считается, напротивъ, хорошею примѣтою начинать всякое дѣло съ новой луной. Лучше я вамъ скажу про другое совпаденіе, если вы только не слышали про то.

— Что такое?

— Сейчасъ по Москвѣ распространилось извѣстіе, что русскіе и японскіе уполномоченные въ Портсмутѣ пришли къ соглашенію по всѣмъ пунктамъ переговоровъ, такъ что вопросъ о мирѣ окончательно рѣшенъ въ благоприятномъ смыслѣ.

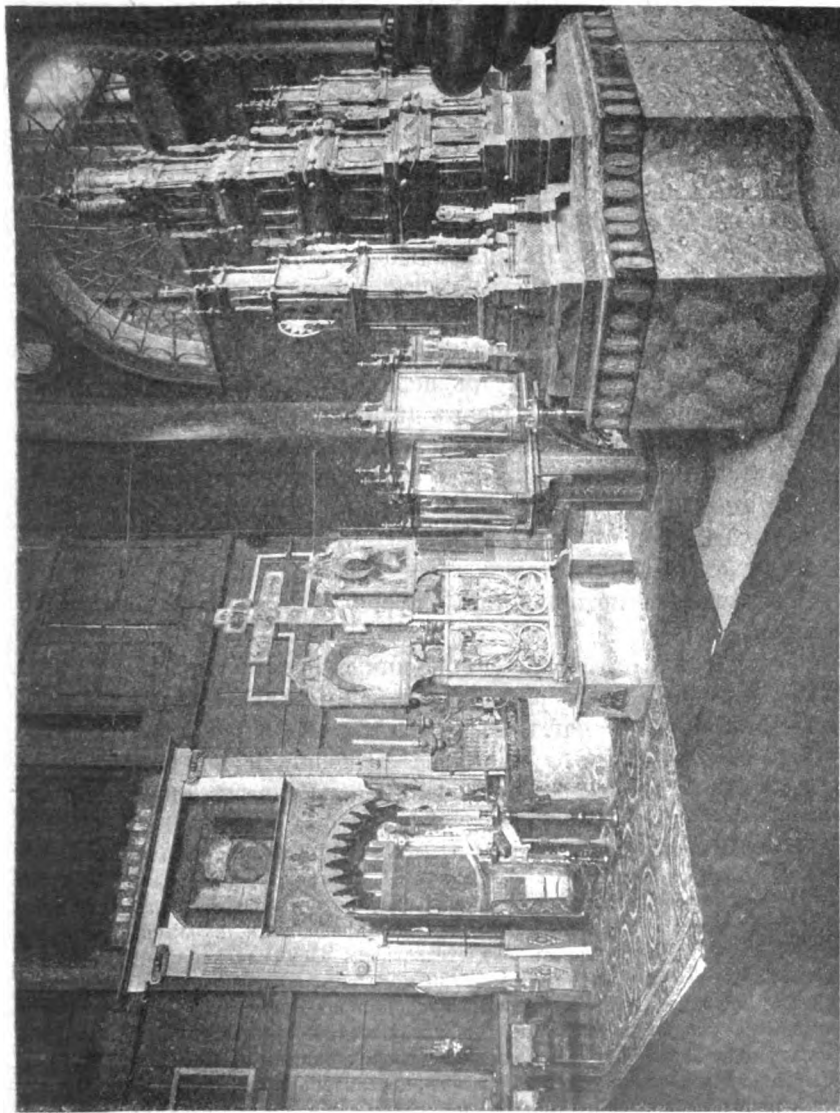
— Можетъ ли это быть! Наконецъ-то! Ну, слава Богу! Вотъ спасибо вамъ большое за эту новость!

Обрадованный господинъ схватилъ мою руку и сталъ сильно трясти ее, приговаривая:

— Теперь мнѣ есть съ чѣмъ поздравить молодыхъ. Вотъ ужъ поьемъ шампанскаго! Ахъ, скоро ли кончится вѣнчаніе?...

Но вѣнчаніе, какъ нарочно, тянулось очень медленно. Священникъ и діаконъ старательно, истово отчеканивали каждое слово.

Пѣвчіе тянули тягучимъ знаменскимъ напѣвомъ. Рѣзко выдѣлялись «вѣ вѣки вѣкомъ», «на небеси» и другія словечки, которыми отличается старообрядческое чтеніе.

Рогожское кладбище. Алтарь лѣтняго храма.

Пока совершалось вѣнчаніе, я пошелъ въ сосѣдній зимній храмъ, гдѣ также былъ запечатанъ алтарь. На площади между обоими храмами стоитъ только что выстроенная звонница — высокая деревянная колокольня, крытая бѣлымъ желѣзомъ. Де-

рево еще не было окрашено. Очевидно, это—временная постройка, сколоченная наскоро. При мнѣ плотники доколачивали послѣдніе гвозди. Уже виситъ подборъ изъ восьми совершенно новенькихъ блестящихъ колоколовъ.

— Теперь и это разрѣшено вамъ?—указываю на колокольную сопровождавшему меня старообрядцу¹⁾.

— Можно, можно! Уже звонили!—съ сіяющимъ лицомъ отвѣтилъ онъ. — Только бы вотъ еще намъ добиться выхода на воду. У насъ есть недалеко отсюда прудъ. Въ былое время мы ходили къ нему перваго августа. И теперь было пошли,—поднялись единовѣрцы. Тутъ вѣдь рядомъ съ нами единовѣрческая церковь, взятая отъ насъ, старообрядцевъ. Пошли жалобы. Насъ попросили пока не ходить на воду. Не знаю, что дальше будетъ.

Около сѣверныхъ входныхъ дверей зимняго храма была гора мусора и разнаго матеріала. У самага входа выкопана яма, и въ ней устраивалось паровое отопленіе для всего храма. Я прошелъ по перекинутымъ доскамъ внутрь церкви, гдѣ толклись рабочіе въ шапкахъ. Невысокіе, по четыре въ два ряда, столпы, соединенные арками, раздѣляли храмъ на три части. Алтарь отдѣлялся заново. Полъ настланъ новый. Изъ храма все вынесено. Стѣнная живопись кое-гдѣ еще держалась.

Сопровождавшій подвелъ меня къ древнему старцу, живому свидѣтелю запечатанія алтарей.

— Расскажите, пожалуйста, — прошу его, — какъ это случилось?

— Раньше у насъ были священники переманенные, — началъ старикъ, вѣроятно, много разъ повторявшій одинъ и тотъ же рассказъ. — Когда умеръ нашъ отецъ настоятель Иванъ Матвѣевичъ Ястребцевъ, а отца Петра Ермилова переманили въ благословенную²⁾, то мы остались безъ священника. Правили утрени, часы,

¹⁾ Въ секретномъ наставленіи для дѣйствій съ раскольниками (циркуляръ губернаторамъ 15 октября 1858 г.), которое имѣло силу до послѣдняго времени, предписывалось гражданскому начальству «отнюдь не дозволить совершенія раскольническихъ обрядовъ явно или съ признаками публичнаго оказательства». Подъ публичнымъ же оказательствомъ разумѣлись: «крестные ходы; пѣніе въ моленъ и такое пѣніе внутри моленъ, которое слышно было бы въ оныхъ; торжественное совершеніе крещенія и брака; сопровожденіе тѣлъ умершихъ на кладбища въ мантияхъ, клобукахъ и иныхъ раскольническихъ особенныхъ одѣяніяхъ, съ пѣніемъ; ношеніе раскольниками монашескаго одѣянія; открытіе вновь раскольническихъ моленъ; поставленіе надъ модельными новыми крестовъ или возобновленіе старыхъ и употребленіе въ моленяхъ или при оныхъ колоколовъ».

²⁾ Т.-е. единовѣрческую церковь. Старообрядцы не желаютъ подчинить себя и своихъ священниковъ благословенію и духовной власти православныхъ архіереевъ, на что согласились единовѣрцы. Единовѣрческая церковь на Рогожскомъ кладбищѣ появилась, благодаря стараніямъ старообрядца Владимира Андреевича Сапѣлкина. Онъ не признавалъ законности австрійской іерархіи на томъ

вечери, но обѣдни не было. Я тогда былъ пѣвчимъ. 29 іюня 1856 г., послѣ обѣда, вдругъ приходятъ къ намъ чиновники. И пошъ съ ними.—Вы тутъ что?—спрашиваютъ. — Пѣвчіе,—говоримъ. Забрали насъ. Тѣмъ временемъ запечатали алтари. Насъ долго держали подъ арестомъ, а затѣмъ каждого отправили на свою родину. Мнѣ удалось скоро вернуться назадъ въ Москву. Тогда стали наѣзжать къ намъ тайно священники, поставленные новыми архіереями. Слышали, вѣроятно, про австрійскую Бѣлую Криницу? Только они не смѣли служить здѣсь, въ этихъ храмахъ, а переходили изъ дома въ домъ богатыхъ купцовъ, у которыхъ были свои молельни, какъ церкви.

— Вы присутствовали также и при распечатываніи алтарей?—спрашиваю старика.

— Какъ же! тутъ и былъ. Какъ раскрыли алтарь въ этомъ храмѣ, — и войти страшно. Про пыль, паутину и всякую грязь нечего и говорить. Завелась сырость. Штукатурка обвалилась. Половые доски сгнили. Ковры истлѣли. Сколько иконъ испортилось! Нѣкоторыя выпали изъ рамъ... Плачь по всей церкви шелъ. Кланяются въ ноги царскимъ посламъ. Что тутъ было, и рассказать нельзя! Народу сколько сошлось! Сотни рукъ весь вечеръ въ лѣтнемъ храмѣ чистили алтарь къ празднику. Зато и встрѣтили Пасху! Какъ запѣли «Христосъ воскресе»,—воистину было воскресеніе! Никакое сердце не могло удержаться, чтобы не заплакать.

III.

Происхожденіе Рогожскаго кладбища, на которомъ распечатаны алтари, относится ко второй половинѣ XVIII вѣка. Во время чумы 1771 г. московскимъ старообрядцамъ - поповцамъ было отведено мѣсто для погребенія умершихъ на восточной окраинѣ города. Они испросили еще у князя Григорія Орлова, тогдашняго распорядителя Москвы, разрѣшеніе построить тамъ часовню для отпѣванія покойниковъ. Дорогія могилки родственниковъ вызвали со стороны старообрядцевъ большой приливъ пожертвованій. Сначала устроили при часовнѣ постоянное поминовеніе усопшихъ, а впоследствии здѣсь образовалось монастырское общежитіе, которое подъ именемъ Рогожскаго кладбища стало центральнымъ мѣстомъ для всѣхъ ревнителей старой вѣры, принимающихъ бѣглое священство. Ко

основаніи, что митрополитъ Амвросій ушелъ въ Бѣлую Криницу отъ константинопольскаго патріарха самовольно, нарушая соборныя правила. Въ 1854 г. Сапѣлкинъ подалъ прошеніе на имя митрополита Филарета объ обращеніи одной изъ часовенъ московскихъ старообрядцевъ въ единовѣрческій храмъ. Несмотря на энергичные протесты старообрядцевъ, такъ какъ сторонниковъ Сапѣлкина было очень немного, сѣверную часовню Рогожскаго кладбища насильно обратили въ единовѣрческую церковь, освятивъ ее во имя святителя Николая.

времени возникновенія Рогожскаго кладбища, у поповцевъ было еще два вліятельныхъ центра—Стародубье и Иргизъ. Между ними не одинъ разъ возникали разногласія по разнымъ церковнымъ вопросамъ. Напримѣръ, много возбудилъ споровъ старый вопросъ: какимъ чиномъ принимать священниковъ, переходящихъ къ нимъ изъ православной церкви? Поповцы Рогожскаго кладбища настаивали принимать ихъ вторымъ чиномъ, т.-е. перемазывать миромъ. Но остатки освященнаго мира отъ временъ первыхъ пяти россійскихъ патріарховъ давно изсякли. Рогожцы рѣшили сварить свое. Въ 1777 г. соборомъ священниковъ наварили и освятили пуда два мира. Въ Стародубьѣ его не приняли, какъ незаконное: мирю могутъ освящать только архіереи, а не священники. Тогда въ 1779 г. старообрядцы собрали въ Москвѣ соборъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились. Рогожцы настаивали на «перемазываніи» бѣглыхъ священниковъ, другіе же довольствовались приемомъ ихъ по третьему чину, т.-е. съ простымъ отрицаніемъ ересей безъ перемазыванія ¹⁾).

Въ царствованіе Александра I, благодаря снисходительному законодательству относительно бѣглого священства, старообрядцы-поповцы изобиловали священниками. При Николаѣ же I не дозволялось принимать новыхъ священниковъ, вслѣдствіе чего произошло на Рогожскомъ кладбищѣ такъ называемое «оскудѣніе священства». Оставшіеся попы, понимая себѣ цѣну, относились довольно небрежно и къ богослуженію и къ требамъ. Русское правительство, увидя затрудненіе старообрядцевъ, вздумало воспользоваться имъ, чтобы окончательно подавить расколъ. Намѣченъ былъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ «раскольниковъ». Подъ давленіемъ ихъ, нѣкоторые старообрядцы стали переходить въ единовѣріе, въ расчетѣ получить особаго епископа;—имъ его не дали. Другіе смиренно просили возстановить прежній законъ 1822 г. о дозволеніи имѣть перешедшихъ изъ православія священниковъ,—имъ и въ этомъ отказали. Тогда старообрядцы поняли, что ожидать имъ отъ русской церкви и отъ русскаго правительства больше нечего; остается поискать священства гдѣ нибудь на сторонѣ.

Въ 1832 г. на Рогожскомъ кладбищѣ опять былъ соборъ, на которомъ постановили поискать православнаго епископа въ чужихъ земляхъ и отъ него учредить новую россійскую іерархію, независимую отъ господствующей русской церкви. И вотъ начинается посольство за посольствомъ на Востокъ, къ греческому православію, пока не нашли въ Константинополѣ бывшаго боснійскаго митрополита Амвросія, который согласился стать во главѣ старообрядческой церкви. Рогожское кладбище приняло на себя

¹⁾ Приемъ же по первому чину требовалъ переkreщиванія.

всѣ матеріальныя издержки по устройству архіерейской кафедры въ Бѣлой Криницѣ.

15 апрѣля 1846 г. былъ подписанъ договоръ между митрополитомъ Амвросіемъ и старообрядцами, а 28 октября того же

Амвросій, митрополитъ бѣлокриницкій.

года его принялъ вторымъ чиномъ («перемазываніемъ») іеромонахъ Іеронимъ.

Учрежденіе бѣлокриницкой, или австрійской, іерархіи еще болѣе обезпостило русское правительство. Въ царствованіе Николая I

вся Россія была покрыта секретно-совѣщательными комитетами по дѣламъ о раскольникахъ; но 18 февраля 1853 г. новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибииковъ, устроилъ особый секретный комитетъ для пересмотра постановленій о раскольникахъ и при немъ особую секретную канцелярію. Три года ни одинъ министръ не зналъ о новой секретной системѣ и объ ея дѣйствіяхъ. А рѣшено было слѣдующее: упразднить старообрядческіе скиты, монастыри, кладбищенскія заведенія безъ всякаго исключенія, наложить на старообрядцевъ особый сборъ въ пользу православныхъ церквей, не признавать законности старообрядческихъ браковъ, не утверждать старообрядцевъ въ должностяхъ, зависящихъ отъ общественныхъ выборовъ, и многое другое.

Что касается Рогожскаго кладбища, то Бибииковъ даетъ ему такую характеристику (11 іюля 1855 г.).

«Рогожское кладбище въ Москвѣ—главная опора поповщинской секты. При дознаніи, произведенномъ въ 1854 г., обнаружено, что благотворительныя на немъ зданія были не что иное, какъ обманъ, коимъ пользовались старшины, обогащаясь собираемыми деньгами, что подъ личиною благотворительности старшины распространяли расколъ, способствуя разврату молодежи, привлекая тысячи бездомныхъ людей въ Москву, укрывая бѣглыхъ и преступниковъ, и, наконецъ, дошли до того, что упомянутое кладбище обратилось въ своего рода учрежденіе, управлявшее раскольниками по всему государству, съ раздѣленіемъ его, какъ бы на округа, въ которые посылались правители и наставники, чрезъ что расколъ какъ бы смыкался въ отдѣльныя гражданскія общины, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, возмутительнаго ученія, обнаруженнаго изъ рукописей, найденныхъ на Преображенскомъ кладбищѣ¹⁾, а, съ другой, подъ руководствомъ основанной рогожскими старшинами митрополии за границей».

Въ этой коротенькой запискѣ видно стараніе выставить старообрядцевъ, этихъ искони вѣрныхъ сыновъ отечества²⁾, какъ противниковъ государственнаго устройства. Старая система! Самого Иисуса Христа, когда не могли осудить на смерть, какъ распространителя якобы богохульной ереси, выставили, какъ государственнаго преступника, и только подъ этимъ обвиненіемъ предали Его на распятіе.

¹⁾ Преображенское кладбище—центр старообрядцевъ-безпоповцевъ, у которыхъ въ то время въ большомъ ходу было ученіе, «что русское правительство со временъ царя Алексѣя Михайловича стало богоборнымъ, и что антихристъ царствуетъ въ Россіи видимо, олицетворяясь въ верховной власти; что правительство, составляя сонмище слугъ Антихриста, сознательно творить волю діавола при управленіи народомъ». (Изъ секретной записки о русскомъ расколѣ, составленной П. Ив. Мельниковымъ, «Андреемъ Печерскимъ», для великаго князя Константина Николаевича, въ 1857 г.).

²⁾ См. указъ 16 апрѣля 1905 г.

Отсюда понятно, почему правительство обрушилось съ такимъ натискомъ на центръ старообрядцевъ, приѣмлющихъ священство, т.-е. на Рогожское кладбище. Оно опредѣлило на него смотрителя изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, насильно отобрало одну изъ старообрядческихъ церквей и передало ее единовѣрцамъ и, наконецъ, запечатало алтари оставшихся двухъ храмовъ на Рогожскомъ кладбищѣ.

IV.

Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго на Рогожскомъ кладбищѣ, мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ старообрядцами и узнать отъ нихъ самихъ, что можно ожидать въ будущемъ послѣ дарованной имъ свободы. У меня былъ знакомый начетчикъ, у котораго частенько останавливались проѣзжающіе старообрядцы равныхъ толковъ и согласій. Къ нему я и отправился въ надеждѣ почерпнуть самыя послѣднія свѣдѣнія о жизни и чаяніяхъ не только поповцевъ, но и безоповцевъ.

У начетчика я засталъ нѣсколько человѣкъ за горячимъ споромъ, должны ли старообрядцы теперь выбрать себѣ патриарха, или нѣтъ.

Одинъ молодой собесѣдникъ очень горячо убѣждалъ:

— Старообрядцы нашли себѣ епископовъ, не спрашивая разрѣшенія у правительства, такъ они могутъ безъ позволенія и патриархомъ назвать любого своего епископа.

— Тутъ дѣло не въ позволеніи,—возражали ему.—Въ патриархи посвящаютъ патриархи же. А согласятся ли четыре греческихъ патриарха посвятить намъ пятого, всероссійскаго? Ты объ этомъ скажи!

— Конечно, не согласятся. Никоніанамъ поставятъ патриарха, а намъ откажутъ, хотя за деньги все можно сдѣлать. У грековъ есть патриархи, которые отстранены отъ своихъ кафедръ и живутъ «на покоѣ», не у дѣлъ. Но мы можемъ обойтись и безъ грековъ. Вѣдь святитель Іона поставленъ же былъ въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ, и благодать Божія почилла на немъ. Такъ и мы сдѣлаемъ.

— За такую милость, недавно оказанную намъ, ты хочешь огорчить государя,—замѣтилъ почтенный старикъ, хозяинъ дома.— Слава Богу, что епископы у насъ есть. Что уже тутъ о патриархѣ думать!

— Да, ты только сообрази,—горячился молодой:—русскій народъ знаетъ теперь, что царь далъ свободу старообрядцамъ, призналъ у нихъ, какъ бы правую вѣру; а тутъ еще услышать, что и патриархъ есть у насъ. Такъ вѣдь всѣ поймутъ, что у старообрядцевъ истинная благодать, что мы—настоящая великороссійская церковь!

— Погоди, все въ свое время будетъ. Мы вѣдь сильны терпѣніемъ.

— Много вы сдѣлаете со своимъ смиреніемъ и терпѣніемъ! Ты думаешь, что дали льготу старообрядцамъ да въ Москвѣ распечатали алтари ради нашего терпѣнія? Нѣтъ, брать! Теперь повсюду народъ зашевелился и сталъ требовать себѣ свободы,—дали ее и намъ. Мы должны спасибо сказать вотъ тѣмъ, которые не захотѣли терпѣть.

— Не такъ ты мыслишь. Не отъ человѣковъ зависятъ судьбы церкви, а отъ Бога. Насиліемъ ничего не сдѣлаешь въ дѣлѣ Божіемъ. И не въ этомъ спасеніе, что церковь старообрядцевъ будетъ господствующая въ государствѣ. Здѣсь на землѣ намъ нечего искать господства. При гоненіи-то ближе къ Богу себя чувствуешь. Мы должны быть не отъ міра сего...

— Ну, опять ты за свое!—перебилъ его молодой.

Поднялся горячій споръ, какъ видно, на старую тему; но хозяинъ, чтобы уклониться отъ спора, отошелъ ко мнѣ и заговорилъ со мною вполголоса о послѣднемъ сѣздѣ въ Нижнемъ Новгородѣ.

— Этотъ годъ для насъ, старообрядцевъ, знаменательный. Вышло въ родѣ ветхозаконаго юбилея. Сорокъ девять лѣтъ были на привязи наши московскіе алтари, подъ печатью «съ кустодіею». И вотъ, какъ въ ветхозавѣтный юбилей, на пятидесятый годъ, дали свободу и отпущеніе, какъ сказано: «И освятите пятьдесятое лѣто, и разгласите оставленіе (свободу) на земли всѣмъ живущимъ на ней; лѣто оставленія знаменіе (юбилей) сіе будетъ вамъ; и да отыдегъ кійждо васъ въ притяжаніе свое».

Начетчикъ наклонился ко мнѣ и пониженнымъ голосомъ таинственно проговорилъ:

— Я вѣдь веду счетъ юбилеямъ. Съ раздѣленія русской церкви при Никонѣ теперь идетъ шестой юбилей.

— Старикъ, а когда же будетъ окончательный юбилей, настоящая развязка всего? Когда мы получимъ истинную свободу?

— А вотъ, какъ съ полсотенки юбилеевъ насчитаете, тогда придетъ Христосъ и сдѣлаетъ юбилей юбилеевъ, праздниковъ праздникъ. «Аще Сынъ вы свободить, воистину свободни будете».

— Долгонько ждаты! А какъ же безпоповцы говорятъ, что антихристъ уже царитъ, и что вотъ-вотъ надо ждать Страшнаго Судію?

— Передъ концомъ будетъ прежде отступленіе. А теперь посмотрите: самый разгаръ обновленія вѣры! До сихъ поръ вѣра у русскихъ часто была неразумная. А теперь разумъ хочетъ соединиться съ вѣрою и подняться на небесную высоту лицезрѣнія судьбъ Божіихъ. Русскій народъ просыпается духовно. Откуда эти религиозныя броженія, многочисленныя секты, пастырскія собранія?..

— Кстати, что вы думаете относительно будущего всероссийскаго собора?

— Нужно, давно нужно быть собору. Ужъ очень много накопилось неправды за русскимъ духовенствомъ! Не разъ нарушались распоряженіемъ синода, подъ давленіемъ гражданскихъ властей, правила апостольскія, соборныя и святыхъ отецъ. .

— А старообрядцы будутъ участвовать на этомъ соборѣ?

— Надо бы. Надо, наконецъ, покончить съ вопросомъ о клятвахъ на соборѣ 1667 г.

— О нихъ уже было разъясненіе...

— Какое тутъ разъясненіе! Надо войти въ положеніе народа тогдашняго времени. Пріѣзжаютъ греческіе патріархи въ Россію и низлагаютъ патріарха Никона. Народъ естественно полагалъ, что они осудятъ и его дѣло исправленія книгъ и введеніе разныхъ новшествъ. Но патріархи, не понимая по-русски, утвердили всѣ исправленія Никона. Мало того, греческіе патріархи провозгласили въ церкви грозную анафему во всеуслышаніе всего народа на придерживающихся тѣхъ обрядовъ, которые содержала вся Россія въ продолженіе семи ста лѣтъ. Сами московскіе люди, непосредственно слышавшіе патріарховъ, были поражены этими проклятіями. Что же должны были подумать темные люди сель и деревень?! Вѣдь у каждаго невольно подымается вопросъ: если ты проклинаешь двуперстное знаменіе живущихъ и будущихъ людей, то не проклинаешь ли и прошедшихъ? А мы знаемъ, что всѣ наши русскіе святители и преподобные крестились двуперстно. И, понятно, народъ не могъ принять никоновскихъ новшествъ и удержалъ старыя обряды. А вотъ скажу вамъ и про другую несурязицу, происшедшую чрезъ сто тридцать три года. Митрополитъ Платонъ, учреждая единовѣріе, разрѣшаетъ единовѣрческимъ священникамъ совершать семипросфорное служеніе, употреблять двуперстное знаменіе и другіе проклятые обряды. Даже самъ митрополитъ Филаретъ на богослуженіи въ единовѣрческой церкви крестился двуперстно. Чему же вѣрить, чего же держаться послѣ этого?! Въ нашемъ Соборномъ свиткѣ сказано: «За содержаніе книгъ и обрядовъ, бывшихъ до Никона, Московскій соборъ 1667 г. наложилъ на предковъ нашихъ анафему съ такимъ прибавленіемъ, что скорѣе весь чинъ и порядокъ природы измѣнится, чѣмъ проклятіе это снимется». Могъ ли одинъ митрополитъ Платонъ сложить такую ужасную клятву, наложенную соборомъ патріарховъ и цѣлаго сонма святителей? Непремѣнно надо рѣшить этотъ вопросъ соборомъ! Это сдѣлать надо уже ради только однѣхъ иконъ, на которыхъ рука Спасителя изображена въ видѣ двуперстнаго знаменія. Такія иконы есть повсюду въ православныхъ храмахъ, даже и въ новыхъ въ вашемъ Петербургѣ.

— Какъ вы полагаете, подыметъ ли на ожидаемомъ соборѣ вопросъ о соединеніи православной церкви со старообрядческою?

— Обязательно! Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ раскололась россійская церковь, ни разу не созывали собора. Что собственно насъ теперь раздѣляетъ? У насъ одно и то же исповѣданіе вѣры, мы одинаково признаемъ всѣ каноны и уставы восточной католической церкви. Обряды старообрядцевъ теперь не осуждаются. Такъ въ чемъ же дѣло? Старообрядцы, приемлющіе священство, не хотятъ, какъ на это согласились единовѣрцы, признавать надъ собою главенство православныхъ архіереевъ. Вотъ! Съ другой стороны, православные не хотятъ признавать архіереями ставленниковъ бѣлокриницкаго митрополита Амвросія, считая его подъ запрещеніемъ; хотя онъ уволенъ былъ отъ епархіи по неудовольствію на него турецкаго правительства. Есть среднее примиряющее, это—единовѣріе. Но не теперешнее единовѣріе безъ епископа, сѣвшее между двухъ стульевъ. Въ настоящее время оно имѣетъ странное положеніе. Старообрядцы австрійскаго священства смотрятъ на единовѣрцевъ, какъ на измѣнниковъ, потому что они большею частію вышли изъ ихъ среды; православные тоже не считаютъ ихъ своими, не причащаются въ ихъ храмахъ и не имѣютъ законнаго права переходить изъ православія въ единовѣріе. А главное—у единовѣрцевъ нѣтъ своего епископа. Больше ста лѣтъ они просятъ для себя у синода особаго архіерея, который бы соблюдалъ ихъ интересы, и цѣлое столѣтіе имъ отказываютъ въ этомъ. Боюсь, что тутъ выйдетъ такая же ошибка, какъ и въ отказѣ когда-то синода дать намъ, старообрядцамъ, епископа. Мы поневолѣ обратились къ грекамъ.

— Вамъ, я понимаю, нуженъ былъ епископъ для поставленія священниковъ. Ну, а единовѣрцамъ зачѣмъ онъ? Имъ священниковъ вѣдь ставятъ наши архіереи?

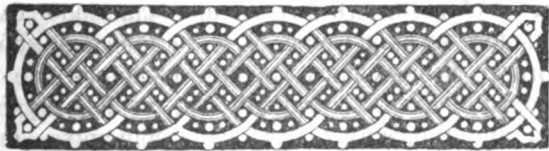
— Какихъ священниковъ! Какойнибудь діаконъ, которому не видать бы никогда священства, подѣдетъ къ захолустному приходу единовѣрцевъ и начнетъ похвалять ихъ порядки: «Давно я присматриваюсь къ вашимъ обрядамъ,—хотѣлъ бы быть вашимъ священникомъ». «Ну, что жъ, — отвѣчаютъ ему простецы-единовѣрцы,—если любъ тебѣ нашъ чинъ, то мы попросимъ за тебя епископа». Какъ только поставятъ этого діакона священникомъ, гляди, черезъ мѣсяцъ, два единовѣрцы опять идутъ къ епископу, чтобы онъ убралъ отъ нихъ недостойнаго священника. А тому только этого и надо было: его переведутъ куданибудь священникомъ въ православную церковь. Много такъ прошло недостойныхъ людей чрезъ единовѣріе, чтобы получить священство. Конечно, это не должно нравиться епископу. Отсюда выходятъ часто неудовольствія и пререканія между нимъ и единовѣрцами. Нѣтъ, имъ непремѣнно надо дать своего епископа. Да, и на соборѣ,—кто же будетъ защищать интересы единовѣрцевъ? И знаете еще, что я вамъ скажу: епископъ-то единовѣрческій можетъ объ-

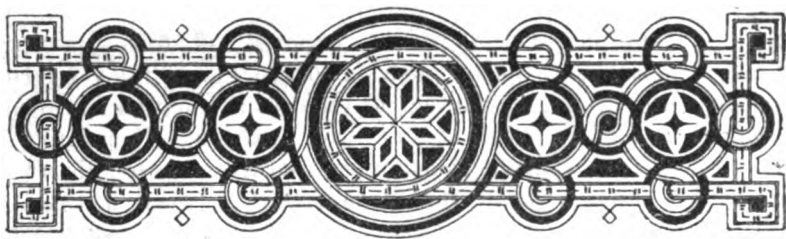
единить русскую церковь! Какъ ни оправдывай бѣлокриницкую іерархію, сомнѣніе-то относительно ея благодати есть у многихъ старообрядцевъ. И мнѣ думается, что многіе перейдутъ на сторону единовѣрцевъ, разъ у нихъ будетъ свой епископъ. Перейдутъ къ единовѣрцамъ и православные, которые любятъ благочиніе въ богослуженіи и строгій уставъ въ жизни. Вотъ почему я вамъ давеча и сказалъ, что единовѣріе-то можетъ быть примирителемъ раскола русской церкви.

— А не будетъ ли еще большаго раскола на соборѣ?

— Разныхъ мнѣній будетъ много. Безъ этого нельзя! Навѣрно, выступать со своимъ словомъ искусные ораторы, другіе щегольнуть своимъ знаніемъ. По любопренію много земного примѣшаютъ въ духовное дѣло. Но на священномъ соборѣ всѣ въ концѣ концовъ должны прійти въ единеніе и въ согласіе. А для этого всѣмъ участникамъ будущаго собора надо особенно приготовиться постомъ и молитвою, съ великимъ смиренномудріемъ и кротостью. Тогда только можно сказать въ соборномъ постановленіи: «Извѣлся бо святому духу и намъ», какъ это написали апостолы Христовы на первомъ соборѣ въ Іерусалимѣ.

И. П. Ювачевъ.

КАКЪ ЦЕНЗИРОВАЛИ ЛОШАДИНУЮ ПРИМОЧКУ.

(Матеріалы для исторіи нашей цензуры).

ВЪТЪ пятнадцать тому назадъ судьба нежданно-негаданно забросила меня изъ тихой провинціи въ шумную столицу, личнымъ секретаремъ къ одному очень вліятельному въ Петербургѣ лицу, графу N. Кромѣ огромныхъ связей, графъ обладалъ и огромнымъ состояніемъ: почти нѣтъ губерніи, гдѣ ему не принадлежало бы хотя небольшого имѣнія. Семья N. была довольно многочисленна, и въ то время, какъ младшіе сыновья еще сидѣли на школьной скамьѣ, старшій уже носилъ мундиръ одного изъ аристократическихъ кавалерійскихъ полковъ. Несмотря на то, что весь укладъ семьи графа N. былъ чисто русскій, московско-барскій, младшее поколѣніе все-таки не избѣгло вліянія англійскихъ *pursey*, безъ которыхъ теперь трудно и представить русскую аристократическую семью. Помимо знанія англійскаго языка, эти англійскія воспитательницы всюду вносятъ за собою и страстную, свойственную только націи просвѣщенныхъ мореплавателей, любовь къ породистымъ собакамъ, лошадямъ и скачкамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, прошедши черезъ англійскія руки, и молодые графы N. получили такіе же вкусы, и московскія скачки не разъ заставляли ихъ нестись съ курьерскимъ поѣздомъ въ Москву, чтобы взглянуть на побѣдителя на какомъ нибудь всероссійскомъ Дерби. На собственныхъ конюшняхъ въ Петербургѣ и въ имѣніяхъ у графа N. стояло немало дорогихъ коней разныхъ породъ и разнаго назначенія, начиная отъ «парадеровъ» до прекрасно

подобранныхъ и лихихъ башкирскихъ троекъ. Хотя за лошадьми уходъ былъ тщательный и заботливый, тѣмъ не менѣе по невѣжеству нашихъ доморощенныхъ грумовъ на конюшняхъ постоянно случались какія нибудь невзгоды: то лошадь ногу зашибетъ, то жилу вытянетъ и т. п. Кучера, боясь управляющихъ, скрывали эти бѣды, начинали втихомолку лѣчить четвероногихъ пациентовъ и доводили дѣло до того, что лошади совершенно калѣчились.

Универсальнымъ средствомъ при всякихъ заболѣваніяхъ на конюшняхъ считалась нѣкая англійская примочка д-ра Эллимана (Royal Elliman's Embrocation), употребляемая, говорятъ, во всѣхъ спортивныхъ конюшняхъ всего свѣта. Примочка эта съ незапамятныхъ временъ закупалась десятками бутылокъ въ англійскихъ магазинахъ и разсылалась по всѣмъ имѣніямъ графа. Какъ гласить приложенное къ каждому флакону наставленіе, ее нужно употреблять, смотря по роду болѣзни, то въ подогрѣтомъ, то въ остуженномъ видѣ, иногда въ формѣ компресса, а иногда и втиранія.

Вѣра въ англійское лѣкарство была крѣпкая, но, къ сожалѣнію, доморощенные ветеринары, по незнанію англійскаго языка, не могли воспользоваться совѣтами ея изобрѣтателя и употребляли цѣлительное снадобье, какъ Богъ на душу положить. Толку выходило мало. И вотъ, чтобы положить конецъ такимъ плачевнымъ результатамъ невѣжества, въ одинъ прекрасный день рѣшено было перевести англійскій текстъ наставленія, напечатать его жирнымъ шрифтомъ на отдѣльныхъ листахъ въ родѣ «похвальныхъ» и вывѣсить во всѣхъ конюшняхъ къ неуклонному руководству лошадиныхъ врачей. Переводъ, при отличномъ знаніи въ семьѣ N. англійскаго языка, занялъ всего одинъ вечеръ. А для того, чтобы не было какого нибудь недоразумѣнія съ то и дѣло попадавшимися ветеринарными терминами рукопись перевода была отдана предварительно на просмотръ лица, свѣдущаго по этой части. Мнѣ же было поручено отдать рукопись для напечатанія въ какую нибудь типографію.

Съ этого момента и начинается «исторія о томъ, какъ цензуровали лошадиную примочку».

Только что покинувъ университетскія аудиторіи, я, въ своей наивности, былъ въ то время совершенно далекъ отъ мысли, что у насъ рѣшительно ничего нельзя сдѣлать безъ specialнаго на то разрѣшенія начальства. Въ полной увѣренности обдѣлать данное мнѣ порученіе въ два, три дня, кладу переданные мнѣ листки перевода въ портфель и направляюсь въ ближайшую типографію. Даю заказъ.

— Нельзя ли, пожалуйста, напечатать вотъ этотъ текстъ жирнымъ, глазастымъ шрифтомъ на отдѣльныхъ листахъ, такъ чтобы ихъ можно было въ рамкѣ повѣсить?

— Къ сожалѣнiю, не можемъ.

— Да отчего же?

— Нужно сначала разрѣшенiе цензуры выхлопотать.

Дѣлать нечего. Не могутъ, такъ не могутъ. Придется, очевидно, самолично познакомиться съ пресловутой цензурой, о которой я много былъ слышанъ отъ юности моея. Вооружаюсь дома благодѣтельнымъ Суворинскимъ адресъ-календаремъ, отыскиваю мѣсто-нахожденiе цензуры и на другой день отправляюсь въ Театральную улицу.

Потомъ я привыкъ къ этому желтому каменному коридору. Но когда я попалъ въ это Кавдинское ущелье въ первый разъ, что-то тоскливое стало подниматься во мнѣ. Казалось, я не на улицѣ, а въ какой-то канцелярiи съ обычными унылыми желтыми стѣнами.

Непрiятное впечатлѣнiе еще болѣе усилилось, когда пришлось подниматься въ самое цензурное управленiе. Грязно-желтый флигель во дворѣ съ окнами въ сосѣднiя стѣны — вотъ обиталище судилища нашихъ мыслей. Узкая темная лѣстница съ полѣвьями дровъ на площадкахъ привела меня въ третiй этажъ. Въ передней на давно обшарканныхъ ясныхъ диванахъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, по виду похожихъ на артельщиковъ или на старшихъ дворниковъ. Въ углу приткнулся полусонный неподвижный «куррьеръ», составляющiй, какъ извѣстно, неизбѣжную декорацию каждаго присутственнаго мѣста.

Вспомнивъ совѣтъ одного провинциальнаго чиновника, безплодно хлопотавшаго мѣсяца два въ Петербургѣ по своему «пенсiонному дѣлу», — всегда начинать съ главнаго начальства, я смѣло попросилъ доложить обо мнѣ самому, что ни есть, старшему цензору.

— Нѣту ихъ сегодня, — равнодушно изрекъ мнѣ «куррьеръ», возвратившiйся минутъ черезъ пять. — Да о васъ, можетъ быть, и другому чиновнику доложить можно?

— Нѣтъ, ужъ я лучше въ другой разъ приду.

Дня черезъ два опять поднимаюсь по лѣстницѣ. «Куррьеръ» приглашаетъ раздѣться и ведетъ меня куда-то въ боковую комнату, гдѣ воссѣдаетъ нужное мнѣ должностное лицо. Посрединѣ комнаты столъ, на немъ прежде всего бросается въ глаза банка красныхъ чернилъ и пюпитръ въ родѣ тѣхъ, которые употребляютъ музыканты. На пюпитрѣ, какъ на прокрустовомъ ложѣ, разложена чья-то рукопись.

— Я къ вамъ по порученiю графа N. Будьте любезны, разрѣшите, по возможности, поскорѣе къ напечатанiю вотъ эти три листка.

Объясняю содержанiе рукописи и цѣль русскаго перевода.

Цензоръ строго посмотрѣлъ на меня черезъ очки, взялъ рукопись и откинувъ очки на лобъ, бѣгло просмотрѣлъ поданные ему листки.

— Гм... ну, тутъ, очевидно... нѣтъ ничего такого... что могло бы вызвать... недоразумѣнія. Прекрасно, черезъ два дня мы вамъ дадимъ разрѣшеніе.

Зная, что теперь въ цензурѣ по поводу моихъ листовъ заведутъ цѣлое дѣло, а всякое дѣло, по канцелярскимъ правиламъ, должно «хорошенько вылежаться», захожу не черезъ два, а черезъ пять дней.

— Нѣту сегодня его превосходительства,—уныло заявилъ мнѣ неподвижный «куррьеръ».—Да вы бы лучше, чѣмъ самимъ-то ходить, прислали бы дворника.

Несмотря на такой обекураживающій отвѣтъ, дня черезъ два снова являюсь самолично. Старый цензоръ въ очкахъ принялъ меня очень любезно. Видимо, онъ былъ чѣмъ-то очень доволенъ, ухмылялся съ сѣдую бороду и суживалъ глазки, словно передъ его взоромъ носился изъ ряду вонъ вкусный обѣдъ.

— А мы вашу рукопись запретили.

— Позвольте узнать, почему же?

— Не можемъ пропустить. Она медицинскаго содержанія, а такія сочиненія нашей цензурѣ не подлежатъ.

— Очень жаль, что я этого раньше не зналъ и оставилъ рукопись у васъ. Позвольте мнѣ ее назадъ, я ее представлю на цензуру, куда слѣдуетъ.

— Но ваша рукопись не разрѣшена къ напечатанію, и потому вернуть ее вамъ мы не имѣемъ права... по уставу цензурному. Иванъ Ивановичъ,—обратился онъ къ какому-то чиновнику,—дайте-ка нашъ уставъ. Вотъ, изволите видѣть, статья 58-я.

— Позвольте, однако. Вы не разрѣшаете рукопись къ напечатанію не потому, чтобы въ ней было что нибудь противное цензурному уставу, а просто потому, что она вашей цензурѣ и не подлежитъ. Во-вторыхъ, вы же сами просматривали ея содержаніе и оставили ее у себя. И, въ-третьихъ, долженъ вамъ сказать, что второго списка перевода не имѣется, и графъ N., узнавъ, что вы задержали его автографъ, по всей вѣроятности, этого дѣла такъ не оставитъ и напишетъ начальнику по дѣламъ печати. Легко можетъ выйти непріятность.

— Гм!... дѣйствительно... лицо вліятельное... Но все-таки самъ я не могу выдать вамъ рукопись. Зайдите дней черезъ пять. На этой недѣлѣ у насъ будетъ засѣданіе цензурнаго комитета, и я доложу вашу просьбу.

Положеніе неожиданно осложнилось, и мнѣ приходилось уже вызволять самую рукопись. Однако дней черезъ десять злополучные листки, перечеркнутые и съ многочисленными канцелярскими отмітками, вернулись ко мнѣ съ указаніемъ, что мнѣ нужно по моему дѣлу обратиться къ столичному врачебному инспектору. Сажусь на извозчика и мчусь на Большую Морскую.

— Могу видѣть г. инспектора?

— Они еще не приходили.

— Можетъ быть, слѣдуетъ подождать? Скоро онъ будетъ?

— У нихъ-съ часовъ не положено. Иногда бываютъ въ двѣнадцать, а иногда приходятъ и въ три. Завтра безпремѣнно будутъ къ часу.

На другой день опять неудача. Отвѣтъ другой, но смыслъ все тотъ же:

— Нѣтъ г. инспектора! Только что уѣхали-съ.

Начинаю входить во вкусъ хожденій по канцелярскимъ мукамъ и ѣду въ третій разъ. Инспекторъ оказался, однако, неудовимымъ. Но на этотъ разъ судьба, видимо, сжалилась надо мной и послала мнѣ избавителя отъ дальнѣйшей погони за инспекторомъ въ лицѣ какого-то мелкаго чиновника, привлеченнаго къ дѣлу при благо-склонномъ, но не безкорыстномъ участіи неизбѣжнаго курьера.

Объясняю цѣль своихъ безуспѣшныхъ исканій столь подвижнаго инспектора.

— Прекрасно. Оставьте рукопись. Я передамъ ее г. инспектору, а дня черезъ два мы вамъ все это устроимъ.

«Наконецъ-то,—думалъ я, возвращаясь домой.—Остается переждать дней пять. Напечатаютъ-то живо, а то ужъ и такъ цѣлый мѣсяцъ прошелъ, а дѣло ни съ мѣста».

Но я и не подозревалъ, на что я шель. Черезъ пять дней ѣду опять на Морскую. И наконецъ,—о чудо!—застаю самого инспектора. Онъ у себя въ кабинетѣ, и я могу его улицерѣть безпрепятственно.

— Видите ли,—меланхолично встрѣтилъ меня медицинскій цензоръ,—мы не можемъ разрѣшить вашей рукописи.

— Смѣю спросить, почему же?

— Да по той простой причинѣ, что это не наше дѣло. На основаніи статьи 34-ой врачебнаго устава мы даемъ разрѣшеніе на помѣщеніе въ газетахъ объявленій о разныхъ лѣкарствахъ, въ родѣ травы Кузьмича, вина s-t Raphael и т. п. А ваша рукопись представляетъ собою маленькій ветеринарный трактатъ. Цензуровать такія вещи—не наше дѣло.

— Но вѣдь меня къ вамъ направили изъ цензурнаго управленія. Тамъ тоже отказываются дать разрѣшеніе и по той же самой причинѣ. Скажите, пожалуйста, куда же мнѣ обратиться съ моимъ дѣломъ.

— А это, видите ли, зависитъ отъ... зависитъ отъ... повторялъ инспекторъ, нажимая кнопку электрическаго звонка. — Позови-ка сюда Петра Петровича,—сказалъ онъ вошедшему на зовъ «курьеру».

— Вотъ, Петръ Петровичъ, какое дѣло. Куда нужно отправить на цензуру вотъ эту рукопись?

Петръ Петровичъ глубокомысленно ушелъ въ чтеніе злополучныхъ, уже порядочно измятыхъ листковъ. Водарилось молчаніе.

— Да, медицинскаго содержанія... но о лошадяхъ все, вотъ въ чемъ дѣло... бросалъ Петръ Петровичъ по мѣрѣ того, какъ подвигалось его чтеніе.—Право, ужъ и не знаю. Надо справиться въ сводѣ законовъ. Михаилъ Михайловичъ, дайте-ка сюда сводъ законовъ, томъ такой-то.

Началось усиленное перелистываніе тома, но прозрѣніе не сходило, да и только. Неизвѣстно, какой результатъ имѣли бы поиски, если бъ не выручилъ Михаилъ Михайловичъ, скромно переминавшійся въ сторонкѣ съ ноги на ногу.

— Не въ ветеринарный ли это комитетъ-съ?

Ларчикъ просто открывался.

— Конечно, да, да, конечно!—въ одинъ голосъ воскликнули инспекторъ и Петръ Петровичъ, продолжавшій рыться въ законахъ.—Вамъ нужно обратиться въ ветеринарный комитетъ на Театральной улицѣ, а это совсѣмъ не наше дѣло.

И вотъ я опять мечусь по грязножелтому коридору, отыскивая нужный мнѣ комитетъ. Въ сотый разъ начинаю излагать свое ходатайство, опостылѣвшее отъ частаго повторенія. Не успѣлъ я на этотъ разъ и рта раскрыть, какъ меня перебили.

— Знаемъ эту примочку. У насъ есть о ней цѣлое дѣло. Докажите дѣло о разрѣшеніи ввоза въ Россію примочки Эллимана. Вамъ, вѣроятно, — обнадеживающе прибавилъ чиновникъ, — и не нужно совсѣмъ просить разрѣшенія на напечатаніе правилъ о ея употребленіи. Если ввозъ ея въ Россію разрѣшенъ, стало быть, тѣмъ самымъ разрѣшается и примѣнять на практикѣ совѣты Эллимана.

Копавшійся въ туго набитомъ синими папками шкафу чиновникъ вытащилъ оттуда самое толстое дѣло и шлепнулъ его на столъ. Цѣлые столбы пыли закружились въ косыхъ лучахъ петербургскаго солнца.

— Тутъ, вѣроятно, это есть, — сказалъ столоначальникъ, приступая къ перелистыванію толстаго дѣла.—Присядьте, пожалуйста, — отнесся онъ ко мнѣ. — Это вотъ прошеніе. Далѣе отношеніе за № 50.788. Отзывъ. Второй отзывъ...

Дойдя до конца, столоначальникъ захлопнулъ дѣло и сердито началъ снова его перелистывать, на этотъ разъ почему-то съ конца.

— Странно, какъ же это они упустили изъ виду. Къ сожалѣнію, разрѣшенія такого въ дѣлѣ нѣтъ, и вамъ придется подать прошеніе. Впрочемъ, можно, пожалуй, ограничиться и словеснымъ заявленіемъ. Оставьте вашу рукопись, а дня черезъ два мы вамъ ее вернемъ съ соответствующимъ разрѣшеніемъ.

При знакомыхъ словахъ «дня черезъ два» я почувствовалъ, что у меня въ лицѣ начинается легкій тикъ, и посигивилъ откланяться.

Вооружившись терпѣніемъ, сижу дома и жду дней пять, жду недѣлю. Даже апатія какая-то находить стала, какъ вдругъ въ

одинъ прекрасный вечеръ входитъ съ взволнованнымъ видомъ моя прислуга и таинственно сообщаетъ, что меня по какому-то дѣлу требуетъ околоточный.

Что за притча?—думаю. Превратныхъ толкованій за мной не водится. Виномъ, въ немъ же есть блудъ, не упиваюсь. Нарушеній тишины и спокойствія не производилъ, — и вдругъ околоточный! Спускаясь внизъ, строго испытую свою совѣсть, но рѣшительно не нахожу за собой ничего такого, за что «вязанъ былъ бы и влеченъ, амо же не хочу».

Въ передней, дѣйствительно, стоитъ сѣрый околоточный, одной рукой портфель и шапку придерживаетъ, а другой протягиваетъ мнѣ четвертушку бумаги.

— Вамъ бумага отъ ветеринарнаго комитета. Распишитесь, пожалуйста, вотъ здѣсь, что читали.

Оказывается, въ дополненіе къ заявленію моему отъ такого-то числа комитетъ поставляетъ меня въ извѣстность, что предварительно разсмотрѣнія моего дѣла по существу мнѣ надлежитъ представить и самый англійскій подлинникъ правилъ.

Нечего дѣлать. Покупаю бутылку совершенно ненужнаго мнѣ лошадинаго снадобья, вытаскиваю изъ упаковки требуемый листъ правилъ и на этотъ разъ посылаю его почтой. Дня черезъ два углубляюсь въ изученіе теоріи вѣроятностей и, принявъ во вниманіе канцелярскую волокиту, начинаю высчитывать, когда же наконецъ разрѣшится мое злополучное дѣло, по поводу котораго завелись уже три синія обложки въ трехъ разныхъ учрежденіяхъ. Выходитъ, что самое большее недѣли черезъ двѣ.

Терпѣливо жду недѣлю, другую. На третьей малодушно не выдерживаю и бѣгу въ комитетъ.

— Я къ вамъ по дѣлу о примочкѣ Эллимана. Скажите, пожалуйста, почему такъ долго нѣтъ разрѣшенія.

— Видите, разсмотрѣніе вашего перевода и свѣрка его съ подлинникомъ поручены одному ветеринарному врачу, который понимаетъ по-англійски. Но въ настоящее время его нѣтъ въ Петербургѣ: онъ въ командировкѣ, уѣхалъ на эпизоотію въ N-скую губернію и вернется недѣльки черезъ три. Придется вамъ немножко обождатьъ.

Былъ уже конецъ Великаго поста,—а хлопотать я началъ въ срединѣ января,—когда прислуга докладываетъ, что опять меня требуетъ околоточный.

— Вамъ-съ изъ ветеринарнаго комитета пакетъ. Распишитесь въ полученіи.

Слава Богу! Наконецъ-то хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ, и я могу завтра же сдать злополучную рукопись въ типографію. Разрываю пакетъ и глазамъ своимъ не вѣрю: перечеркнутая рукопись, офиціальная бумага за № въ пять цифръ и какой-

то крохотный листокъ бумаги. Бумагой съ № извѣщаюсъ, что ветеринарный комитетъ, вникнувъ въ наставленія Эллимана, не находитъ возможнымъ разрѣшить мнѣ напечатать ихъ въ русскомъ переводѣ, такъ какъ, по мнѣнiю комитета, правила эти не годятся и не соотвѣтствуютъ даннымъ ветеринарной науки. Въмѣсто нихъ мнѣ предлагается напечатать то, что изложено на лоскуткѣ бумаги.

Три листика моего перевода въ изложенiи нашихъ казенныхъ ветеринаровъ превратились въ три коротенькiя строчки весьма туманнаго содержанiя.

Итакъ, лѣкарство, употребляемое на спортивныхъ конюшняхъ и дозволенное ко ввозу въ Россiю, у насъ оказывается чуть не вреднымъ. Вотъ уже подлинно, что русскому здорову, то нѣмцу смерть! Комитетъ вывернулъ эту поговорку наоборотъ и примѣнилъ ее къ лошадямъ.

Страданiя умудряютъ людей, и я кончилъ тѣмъ, съ чего долженъ былъ бы начать: велѣлъ переписать текстъ перевода на машинѣ Ремингтона въ нужномъ мнѣ количествѣ экземпляровъ, которые и были вручены, кому слѣдуетъ.

Я рассказывалъ повѣсть о томъ, какъ цензуровали лошадиную примочку, двумъ нынѣ отставнымъ губернаторамъ и одному вице-губернатору, не говоря имъ, куда я обращался. И каждый изъ нихъ сокрушенно качалъ головой и упрекалъ меня въ томъ, что я вовсе не туда обратился, куда нужно, и каждый направлялъ меня въ свое учрежденiе, но только не въ то, въ которое на самомъ дѣлѣ нужно было обратиться.

А. Лѣбовъ.

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ.

Декабристы.

I.

КОНСТИТУЦИОННЫЯ вѣянія первой четверти XIX вѣка не реализовались никакимъ положительнымъ фактомъ государственнаго порядка. Всѣ проекты по сему предмету, всѣ заданія, преподанныя Александромъ I своимъ приближеннымъ, встрѣчались имъ загадочно милостиво, удоставались личнаго разсмотрѣнія въ тиши государственнаго кабинета, а затѣмъ сдавались въ архивъ. Еще до 1818 г. императоръ какъ будто активно ими интересовался, но затѣмъ, въ связи съ значительнымъ переломомъ въ характерѣ, или, правильнѣе, въ связи съ новымъ направленіемъ всего склада мыслей, его духовныхъ интересовъ, онъ видимо все отдаляется отъ того, что нѣкогда лично пламенно исповѣдывалъ, и явно сжигалъ то, чему въ дни молодости поклонялся. Усталость жизнью, подавленность характера, притупленіе волевыхъ элементовъ и мистическо-религіозный экстазъ выступаютъ въ его словахъ и дѣйствіяхъ съ особенною силою. Александръ Павловичъ понималъ, что страна и народъ имѣютъ основаніе ожидать съ его стороны необходимыхъ реформъ во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія, онъ сознавалъ, что на немъ лежитъ какая-то громадная историческая отвѣтственность передъ будущимъ, но въ немъ не было наличности воли для опредѣленныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Онъ какъ бы съ тоскою говоритъ Лубяновскому: «славы для Россіи довольно: больше не нужно; ошибется,

кто больше пожелаетъ. Но, когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря. Отъ этого устаю».

Да, онъ усталъ, и ему, участнику и вершителю событій мировой исторической важности, свидѣтелю разгрома всей Европы и Россіи и восстановителю общаго мира и европейскаго равновѣсія, хотѣлось на покой, на отдыхъ. Но этотъ покой имъ именно разсматривался въ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ слова; въ смыслѣ удаленія отъ власти, отъ отвѣтственности, отъ шума дворцовой и политической жизни. Иной какой нибудь формы для выхода изъ тѣснившаго его душевнаго состоянія онъ не находилъ и какъ будто не видѣлъ, что до извѣстной и при томъ сильной степени въ проектахъ и Сперанскаго и Новосильцова ¹⁾ онъ могъ обрѣсти тотъ покой, къ которому стремилась его усталая душа. Раадѣленіе власти съ народомъ, привлеченіе выборныхъ отъ этого народа къ участию въ законодательствѣ и управленіи страной, о чемъ онъ вѣкогда такъ часто и прекрасно говорилъ,—къ этимъ положеніямъ онъ уже болѣе не возвращается, замѣнивъ ихъ совершенно новою постановкою дѣла, гдѣ какъ будто былъ найденъ компромиссъ между велѣніями суровой и насущной дѣйствительности и требованіями усталого сердца. Онъ слагаетъ всю тяготящую его власть на плечи рабски преданнаго ему временщика изъ бывшихъ гатчинскихъ сподвижниковъ своего отца, на мрачнаго и всѣми ненавидимаго Аракчеева, ставитъ его какъ бы рядомъ съ собою и надъ народомъ и тѣмъ самымъ типично видоизмѣняетъ свое полное и отвѣтственное самодержавіе бюрократическою формулою командованія народомъ, внѣ всякаго соображенія съ потребностями, желаніями и идеалами этого несчастнаго и забытаго народа. За спиною Аракчеева личность самодержца скрылась, онъ совершенно отдѣлился отъ народа, а законъ уступилъ мѣсто административному произволу временщика и присныхъ ему, которые и начали мудрить надъ народною жизнью по своему усмотрѣнію и своимъ понятіямъ. Не Аракчеевъ, какъ таковой и самъ по себѣ, былъ безобразенъ, а безобразно было то положеніе дѣла государственнаго строительства, при которомъ стало мыслимо появленіе этого Аракчеева, и до котораго бывшее русское самодержавіе снизошло. Оно перестало быть выразителемъ народной воли и обратилось въ бездушную автократію, покоящуюся на временщикахъ, на силѣ канцелярій, на административномъ принужденіи и воинскихъ воздѣйствіяхъ. Александръ Павловичъ какъ будто подѣлился властью въ дѣлѣ внутренняго управленія съ своимъ подданнымъ изъ числа представителей военной бюрократіи, оставивъ за собою декорумъ этой власти, дѣла

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1905 г., в. 12: «Конституціонныя вѣянія въ началѣ XIX вѣка».

вышней политики и ту «игру въ солдатики», которая преемственно отъ голштинскихъ предковъ, черезъ Петра III и Павла I, досталась ему въ наслѣдіе природныхъ наклонностей и влеченій.

Но, если ему, участнику мировыхъ событій, гдѣ его личность выступала все время такъ ярко и активно, становилась подъ конецъ жизни въ тягость задача управленія народомъ, то послѣдній, напротивъ того, только что начиналъ пробуждаться отъ государственной спячки, имѣя уже передъ собою готовые примѣры и образцы усовершенствованныхъ европейскихъ формъ существованія, съ которыми въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ успѣлъ ознакомиться, ихъ изучить и оцѣнить. Отечественная война и, какъ историческій результатъ ея, триумфальный походъ въ Европу внесли въ русскую дѣйствительность нѣчто совершенно новое, оригинальное, о чемъ прежде можно было узнать лишь по слуху или изъ книги. Великія европейскія войны начала XVIII столѣтія имѣли громадное воспитательное значеніе для интеллигентныхъ представителей русскаго народа: они въ большомъ своемъ числѣ получили возможность на реальныхъ, конкретныхъ примѣрахъ чужой усовершенствованной жизни продумать домашнюю сѣрую и неприглядную дѣйствительность и прійти къ выводу о ея полнѣйшей непригодности въ политическомъ, социальномъ и экономическомъ отношеніи. То, о чемъ нѣкогда писалъ Радищевъ, что провозглашалъ Каравинъ, что было предметомъ мечтаній Александра I, надъ чѣмъ работали Сперанскій, Новосильцевъ и др., все это стало въ самое короткое время умственнымъ достояніемъ передовыхъ слоевъ русскаго общества. Просвѣтительныя и освободительныя идеи, толчекъ къ развитію которыхъ въ Россіи былъ данъ въ сущности самою Екатериною, начали проникать все въ большую массу, и изъ кабинетовъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей онѣ потекли широкимъ потокомъ въ средніе классы — военные, помѣщичьи, обывательскіе. Дома начало казаться все сквернымъ; что еще вчера находило, если не оправданіе, то извиненіе, нынче это самое клеймилось и поносилось. Мотивовъ для такого настроенія было много: и самый политическій строй явно билъ въ глаза своей несостоятельностью, и политика правительства вскармливала это настроеніе, и знакомство съ западно-европейскою жизнью по необходимости наводило мысль на критическій и отрицательный тонъ.

Въ послѣдней части своей дивной эпопеи—«Война и миръ», великій писатель земли Русской набросалъ гениальной кистью рельефную картину, изображающую ту умственную и психологическую атмосферу, въ которой назрѣвало настроеніе тогдашняго общества. Въ кабинетѣ Николая Ростова собрались старые знакомые—Пьеръ Безуховъ, Денисовъ, самъ Ростовъ, и Пьеръ, шагая по комнатѣ, продолжалъ начатый еще въ столовой разговоръ.

— Вот что. Положеніе въ Петербургѣ вотъ какое: государь ни во что не входитъ. Онъ весь преданъ этому мистицизму... Онъ ищетъ только спокойствія, и спокойствіе ему могутъ дать только тѣ люди *sans foi et loi*, которые рубятъ и душатъ все съ плеча: Магницкій, Аракчеевъ *et tutti quanti*... Ты согласишься, что ежели бы ты самъ не занимался хозяйствомъ, а хотѣлъ бы только спокойствія, то чѣмъ жесточе бы былъ твой бурмистръ, тѣмъ скорѣе ты бы достигъ цѣли?—обратился онъ къ Николаю.

— Ну, да къ чему ты это говоришь!—сказалъ Николай.

— Ну, и все гибнетъ. Въ судахъ воровство, въ арміяхъ одно только: шагитка, поселенія,—мучать народъ; просвѣщеніе дуршать. Что молодо, честно, то губять! Всѣ видать, что это не можетъ такъ итти. Все слишкомъ натянато и непремѣнно лопнетъ,—говорилъ Пьеръ.—Я одно говорилъ имъ въ Петербургѣ.

— Кому?—спросилъ Денисовъ.

— Ну, вы знаете, кому—сказалъ Пьеръ, значительно взглядывая исподлобья:—князю Федору и имъ всѣмъ. Соревновать просвѣщенію и благотворительности, все это хорошо, разумѣется, цѣль прекрасная и все; но въ настоящихъ обстоятельствахъ надо другое... Это мало, я имъ говорю: теперь нужно другое. Когда вы стоите и ждете, что вотъ-вотъ лопнетъ эта натянутая струна; когда всѣ ждутъ неминуемаго переворота, надо какъ можно тѣснѣе и больше народа, ввязаться рука съ рукой, чтобы противостоять общей катастрофѣ. Все молодое, сильное притягивается туда и разрацается. Одного соблазняютъ женщины, другого почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Независимыхъ свободныхъ людей, какъ вы и я, совсѣмъ не остается. Я говорю: расширьте кругъ общества: *mot d'ordre* пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность.

Николай, оставивъ племянника, сердито передвинулъ кресло, сѣлъ на него и, слушая Пьера, недовольно покашливалъ и все больше и больше хмурился.

— Да съ какою же цѣлью дѣятельность?—вскрикнулъ онъ.—И въ какихъ отношеніяхъ станете вы къ правительству?

— Вотъ въ какія! Въ отношенія помощниковъ. Общество можетъ быть не тайное, ежели правительство его допустить. Оно не только не враждебное правительству, но это общество настоящихъ консерваторовъ. Общество джентльменовъ въ полномъ значеніи этого слова. Мы только для того, чтобы Пугачевъ не пришелъ зарѣзать и моихъ и твоихъ дѣтей, и чтобы Аракчеевъ не послалъ меня въ военное поселеніе,—мы только для этого беремъ рука съ рукой, съ одною цѣлью общаго блага и общей безопасности.

— Да, но тайное общество, слѣдовательно враждебное и вредное, которое можетъ породить только зло.

— Отчего? Развѣ тугендбундъ, который спасъ Европу.. произвелъ чтонибудь вредное? Тугендбундъ—это союзъ добродѣтели; это любовь, взаимная помощь; это то, что на крестѣ проповѣдывалъ Христосъ...

— Ну, б'гать, это колбасникамъ хог'ошо—тугендбундъ, а я этого не понимаю, да и не выговору,—послышался громкій, рѣшительный голосъ Денисова.—Все сквег'но и меф'ко, я согласенъ: только тугендбундъ я не понимаю; а не иг'авится—такъ бунтъ; вотъ это такъ. *Je suis vot'e homme!*

Такова небольшая картинка изъ обывательской жизни, нарисованная намъ великимъ художникомъ, гдѣ въ сжатомъ видѣ изложено все то психологически-идейное, что создавало атмосферу общественнаго недовольства. Его герои предлагаютъ: одинъ — организацію мирныхъ сообществъ для содѣйствія правительству, отъ котораго требуется довѣріе, въ интересахъ реформирования государственной дѣятельности, другой требуетъ радикальной мѣры:

бунта, дабы опрокинуть это негодное правительство. Но ни тотъ, ни другой не указываютъ, а что же должно наступить затѣмъ, каковы должны быть тѣ новыя формы жизни, въ замѣнъ старыхъ, обветшалыхъ и стѣснительныхъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо отъ вымысла художника обратиться къ показаніямъ лѣтописцевъ той эпохи, а также современниковъ-участниковъ того интереснаго и знаменательнаго времени.

II.

Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», покойный А. Н. Пыпинъ, основываясь на многочисленныхъ источникахъ, русскихъ и иностранныхъ, даетъ очень обстоятельный анализъ развитія въ русскомъ обществѣ либеральныхъ идей и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовываетъ и возникновеніе у насъ тайныхъ обществъ. «Конецъ XVIII и XIX вѣкъ были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ, и дѣйствительныхъ, и воображаемыхъ—говоритъ онъ¹⁾.—Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которую, между прочимъ, складывались прогрессивныя стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей—ни парламентской жизни, ни свободы печатнаго слова. Это былъ общественный союзъ, соединеніе единомышленныхъ людей съ общественными цѣлями—въ такое время, когда государство еще сохраняло свою средневѣковую исключительность и нетерпимость и не давало исхода начинающемуся политическому и социальному сознанию. Тайныя общества становились ненужны тамъ, гдѣ общественныя потребности находили себѣ выраженіе, гдѣ свобода собраний и свобода печати дѣлали тайнственность ненужною. Всего больше тайныхъ обществъ было именно тамъ, гдѣ пробуждавшееся общественное мнѣніе не имѣло этого исхода и, напротивъ, встрѣчалось съ политическимъ гнетомъ, какъ было во Франціи, Германіи, Италіи. Въ прошломъ столѣтіи эта форма общественности проникла и къ намъ въ видѣ масонскихъ ложъ, этихъ полу-тайныхъ обществъ, которыя могли быть допущены даже у насъ, потому что, съ одной стороны, были правительству извѣстны, съ другой—ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявляли свое удаленіе отъ всякой цѣли политической. Но масонскія ложи были уже отчасти приготовленіемъ къ тайному обществу и чрезвычайно размножились во второй половинѣ царствованія Александра, когда стало обнаруживаться особенное броженіе умовъ, когда вообще распространялись у насъ всякія общества и

¹⁾ «Историческіе очерки». «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I».—А. Н. Пыпина.

союзы — литературные, филантропические, библейские, масонские, наконец, политические. Масонская ложа была самой известной формой тѣснаго общественнаго кружка, и къ ней примкнули тайныя общества точно такъ же какъ съ другой стороны примыкало библейское общество. Самый Священный Союзъ, какъ раньше союзъ императора Александра съ королемъ прусскимъ, былъ навѣянъ духомъ мистическаго или тайнаго братства».

Масонскія ложи, тѣсныя общественныя кружки, съ большимъ или меньшимъ на нихъ налетомъ таинственности, но во всякомъ случаѣ внѣ всякой политической опредѣленной программы и безъ всякаго на нихъ характера заговора, возникали и встрѣчались въ Россіи еще въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху Павла, и въ началѣ царствованія Александра. Болѣе опредѣленную тенденцію такіе кружки получаютъ у насъ по возвращеніи русской арміи изъ-за границы, и главными членами ихъ является военная и по преимуществу гвардейская молодежь, которая начинаетъ группироваться уже подъ болѣе или менѣе опредѣленными общественными и политическими знаменами.

Одинъ изъ декабристовъ, И. Д. Якушкинъ, въ своихъ «Запискахъ»¹⁾ о томъ времени такъ рисуетъ намъ возникновеніе тайнаго общества съ опредѣленно положенною въ основу этого общества общественною тенденціею и политическою задачею. «По возвращеніи императора въ 15-мъ году, онъ просилъ у министровъ на мѣсяць отдыха; потомъ передалъ почти все управленіе государствомъ Аракчееву. Душа его была въ Европѣ; въ Россіи же болѣе всего онъ заботился объ увеличеніи числа войскъ. Царь былъ всякій день у развода; во всѣхъ полкахъ начались ученія, и шагистика вошла въ полную свою силу.

«Служба въ гвардіи стала мнѣ несносна. Въ 16-мъ году говорили о возможности войны съ турками, и я подалъ просьбу о переводѣ меня въ 37-й егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Фонвизинъ, знакомый мнѣ еще въ 13-мъ году и известный въ арміи за отличнаго офицера. Въ это время Сергій Трубечкой, Матвѣй и Сергій Муравьевы и я—мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: законѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ была каторга, повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частію со-

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина. М. 1905.

стояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться которагонибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего.

«Одинъ разъ Трубецкой и я — мы были у Муравьевыхъ, Матвѣя и Сергѣя; къ нимъ пріѣхали Александръ и Никита Муравьевы съ предложеніемъ составить тайное общество, цѣль котораго, по словамъ Александра, должна была состоять въ противодѣйствіи нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ. Я зналъ, что Александръ и его братья были враги всякой нѣмчизнѣ, и сказалъ ему, что никакъ не согласенъ вступить въ заговоръ противъ нѣмцевъ; но что, если бы составилось тайное общество, членамъ котораго поставлялось бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи, то я охотно вступилъ бы въ такое общество. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы на предложеніе Александра отвѣчали почти то же, что и я. Послѣ нѣкоторыхъ преній Александръ признался, что предложеніе составить общество противъ нѣмцевъ было только пробное предложеніе, что самъ онъ, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цѣль котораго была въ обширномъ смыслѣ благо Россіи. Такимъ образомъ положено основаніе тайному обществу, которое существовало, можетъ быть, не совсѣмъ безплодно для Россіи».

Таково возникновеніе перваго тайнаго общества, окрещеннаго наименованіемъ «Союзъ спасенія, или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», уставъ котораго былъ написанъ полковникомъ Пестелемъ, адъютантомъ командующаго 2-й арміи. Какъ усматривается изъ словъ Якушкина, главными соображеніями для составленія этого общества послужили соображенія преимущественно соціальнаго и государственнаго порядка, насильственный политическій переворотъ не входитъ въ его программу, и на немъ еще не лежитъ таинственная печать заговора. Эти элементы влились въ общество въ дальнѣйшемъ, хотя и очень скоромъ времени. Какъ показываетъ «Донесеніе слѣдственной комиссіи»¹⁾, молодое общество въ отношеніи своихъ членовъ дѣлилось на три степени: братьевъ, мужей и бояръ, изъ этой третьей, высшей степени избирались ежемѣсячно старѣйшины: предсѣдатель, блюститель и секретарь. Принятіе новаго члена обставлялось торжественными обрядами, по образу практики масонскихъ ложъ; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранить все въ тайнѣ, что ему откроютъ, если оно будетъ и несогласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи въ общество, онъ давалъ вторую клятву. Сверхъ того, каждая ступень и даже старѣйшины имѣли свою особенную специаль-

¹⁾ Международная бібліотека. «Тайное общество и 14-е декабря 1825 г. въ Россіи». Лейпцигъ.

ную присягу. Клятвенныя обѣщанія заключались въ стремленіи къ осуществленію цѣлей «общества» и въ оказаніи полной покорности «Верховному собору бояръ». Боярами наименовались члены коренные, то-есть основатели общества, но возводили и принимали прямо въ это званіе и новыхъ членовъ.

Цѣлью общества съ самаго начала было измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи, при чемъ центръ тяжести полагали въ подвизаніи на пользу отечества, способствованіи всему полезному, пресѣченіи злоупотребленій, оглашеніи предосудительныхъ поступковъ, недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, и въ привлеченіи наибольшаго числа надежныхъ членовъ.

Основатели общества предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, а также генераль-майору Орлову, который совмѣстно съ графами Мамоновымъ и Николаемъ Тургеневымъ замышлялъ основать новое общество подъ наименованіемъ «Русскихъ рыцарей». На совѣщаніяхъ между Орловымъ и Александромъ Муравьевымъ по вопросу о соединеніи обоихъ обществъ, какъ гласить слѣдственный актъ, не могло состояться соглашенія. «Генераль-майоръ Орловъ сначала хотѣлъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія и полагалъ испросить на то высочайшее одобреніе; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный императоръ (то-есть Александръ I) намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ, и приписывая сіе вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, имѣлъ мысль посредствомъ своего сообщества противодѣйствовать онымъ; планъ его не исполнился, и общество, имъ предполагаемое, не состоялось». Но и въ «Союзѣ спасенія» сразу же почти пошли несогласія: одни видѣли въ его основаніи неопредѣленность цѣли, другіе требовали измѣненія его устава. Послѣдніе (Мих. Муравьевъ, Колошинъ, Бурцовъ, Якушкинъ, Фонвизинъ и др.) не иначе соглашались въ немъ оставаться, какъ чтобы союзъ ограничился «медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія», чтобы клятвы, слѣпое повиновеніе, насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала и яда были отиѣнены, и чтобы въ основаніе устава были положены начала, заимствованныя изъ *Freiwillige Blätter*, по коимъ управлялся нѣмецкій *Tugendbund*. По свидѣтельству слѣдственнаго акта, тогда же, во время преній сторонъ, была впервые прямо высказана мысль и о цареубійствѣ, мысль, которая встрѣтила возраженіе однихъ и поддержку и одобреніе другихъ. Въ результатѣ несогласій состоялся выходъ нѣкоторыхъ членовъ изъ общества и реформированіе послѣдняго на новыхъ началахъ и съ наименованіемъ его «Союзъ благоденствія». Уставъ «Союза» былъ составленъ А. и М. Муравьевыми, кн. Трубецкимъ и Колошинымъ, при чемъ цѣли, имъ преслѣдуемая, главнымъ образомъ намѣчались въ томъ, чтобы «способствовать правительству къ проведенію въ исполненіи всѣхъ мѣръ,

принимаемыхъ въ пользу государства, ибо правительство безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ не можетъ довольно успѣшно проводить въ дѣйствіе мѣры, имъ принимаемая». Пестель, находившійся въ ту пору въ С.-Петербургѣ, такъ же согласился на реформу «Союза», хотя на многихъ членовъ общества произвело впечатлѣніе, будто онъ затаилъ въ себѣ недовольство по случаю преобразования устава и придачи ему болѣе мирнаго характера.

III.

Мы видимъ, что взволнованные умы, останавливаясь на вопросѣ о судьбѣ родной земли, разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ двухъ направленіяхъ. Одни видятъ панацею въ мирно-просвѣдительныхъ организаціяхъ прогрессивнаго характера, другіе—признаютъ необходимость радикальнаго государственнаго переворота, при чемъ санкціонируютъ даже идею царевубійства. Старый самодержецъ долженъ быть, по ихъ утверженію, устраненъ отъ кормила правленія, но такъ какъ никакой иной формы его устраненія въ интересахъ благополучнаго рѣшенія вопроса о реформѣ придумано быть не можетъ, то избираютъ актъ убійства, какъ наиболѣе простой и приводящій непосредственно къ желаемому результату; послѣ убійства прежняго царя они не исключаютъ совершенно возможности существованія новаго монарха, но послѣдній править уже на началахъ ограниченной конституціонной монархіи, каковую монархію признаютъ, какъ наиболѣе справедливую и совершенную форму правленія, и послѣдователи мирнаго обновленія Россіи. Пьеръ Безуховъ и Василій Денисовъ, какъ типы того времени въ изображеніи гениальнаго писателя, съ одной стороны, Н. Тургеневъ и Б. Пестель, съ другой, какъ реальные, облеченные плотью и кровью, дѣятели Александровской эпохи, — вотъ тѣ главныя живыя вѣхи, по которымъ развивалась тогдашняя передовая жизнь русскаго общества. Мирно-прогрессивныя идеи и образцы почерпались въ значительной мѣрѣ изъ опыта нѣмецкой жизни (Tugendbund), революціонно-радикальныя конструировались по французскому образцу, а также принимали скорѣе окраску національную, являлись оригинальнымъ актомъ личнаго творчества ихъ носителей и приравнивались къ практической программѣ, въ цѣляхъ ея быстрого и рѣшительнаго осуществленія. Въ періодъ, который можно заключить въ хронологическія рамки 1815—1820 г.г., какъ будто имѣетъ перевѣсъ первое изъ названныхъ направленій, въ періодъ съ 1820 по 1825 г.—второе; такому перемѣщенію идейнаго содержанія обществъ содѣйствовало, главнымъ образомъ, установленіе реакціоннаго характера внутренней политики, когда окончательно выяснилось, что конституціоннымъ вѣяніямъ не су-

ждено отлиться въ какіяни будь опредѣленныя реальныя формы государственной жизни. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ правительство беретъ курсъ вспять, передовая интеллигенція обратно пропорціонально этому попятному движению съ неудержимой энергіей начинаетъ развивать уже чисто революціонныя идеи съ примѣсю въ нихъ даже нѣкоторой доли социалистическаго элемента.

Никита Михайловичъ Муравьевъ.

Несмотря на то, что «Союзъ благоденствія» довольно широко раскинулъ свою организацію, имѣя большое количество членовъ почти во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и во многихъ армейскихъ (напримѣръ, во 2-й арміи), дѣятельность его не была активною, а скорѣе смахивала на тѣ столь знакомые намъ и такъ крѣпко привившіеся въ Россіи либеральныя кружки, гдѣ идетъ всегда столько времени на толчею воды, на споры о предметахъ теоретическаго характера, на благіе порывы безъ всякихъ реальныхъ

послѣдствій. Нѣкоторые наиболѣе страстные члены уже начинали разочаровываться въ «Союзѣ» и, ближе знакомясь съ тогдашнею неприглядною дѣйствительностью, особенно въ крестьянскомъ быту, приходили къ заключенію о необходимости какой нибудь активной политики или вообще практическихъ дѣйствій. Изъ категоріи послѣднихъ дѣятелей Якушкинъ придумываетъ способы проявленія такой политики, и вотъ на первыхъ порахъ ему начинаетъ казаться наиболѣе цѣлесообразнымъ подать государю соотвѣтствующій адресъ. «Ночью, когда Фонвизинъ спалъ, я написалъ адресъ къ императору, который должны были подписатъ всѣ члены «Союза благоденствія»,—повѣствуетъ онъ ¹⁾.—Въ этомъ адресѣ излагались всѣ бѣдствія Россіи, для прекращенія которыхъ мы предлагали императору созвать земскую думу по примѣру своихъ предковъ. Поутру я прочиталъ свое сочиненіе Фонвизину, и онъ, бывъ подъ однимъ настроеніемъ духа со мной, согласился подписать адресъ. Въ тотъ же день мы съ нимъ отправились въ Дорогобужъ къ Граббе. Къ счастью, Граббе былъ благоразумнѣе насъ обоихъ; не отказываясь вмѣстѣ съ другими подписать адресъ, онъ намъ ясно доказалъ, что этими поступками за одинъ разъ уничтожалось тайное общество, и что это все вело насъ прямо въ крѣпость. Бумага, мной написанная, была уничтожена. Послѣ чего долго мы разсуждали о горестномъ положеніи Россіи и средствахъ, которыя бы могли спасти ее. «Союзъ благоденствія», казалось намъ, дремалъ. По собственному своему образованію онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было къ 1 января 1821 г. пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина для того, чтобы они на общихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣли дѣло тайнаго общества и прислали средства для большей его дѣятельности».

Въ январѣ 1821 г. въ Москвѣ дѣйствительно состоялся съѣздъ членовъ «Союза благоденствія», на который прибыли делегаты изъ южной арміи и изъ Петербурга, и тутъ-то и рѣшено было закрыть и ликвидировать самый «Союзъ», послѣ чего въ жизни тайныхъ обществъ наступаетъ новый періодъ жизни, и они на идейныхъ развалинахъ своего прародителя начинаютъ отличаться въ совершенно опредѣленные политическія группы съ ярко очерченными программами конституціоннаго свойства, а также выдѣляютъ изъ своего состава вожаковъ и руководителей, какъ въ отношеніи теоретическаго обоснованія предмета, такъ и самого практическаго осуществленія программъ. Когда въ 1821 г. въ Москвѣ были поставлены очередные вопросы, то Мих. Орловъ выступилъ съ предложеніемъ основать собственную типографію или литографію для печатанія прокламацій къ народу и статей, направлен-

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина.

ныхъ противъ правительства, а также открыть фабрику фальшивыхъ ассигнацій, но ни то ни другое предложеніе принято не было. Расколъ въ составѣ «Союза» былъ явный, далеко не всѣ оказались приверженцами конституціонной формы правленія, и въ февралѣ того же года состоялась ликвидація самого общества, и вслѣдъ за сямъ, въ 1822 г., въ Петербургѣ начинается функционировать «Сѣверное тайное общество» съ Никитою Муравьевымъ, кн. Е. Оболенскимъ и Н. Тургеневымъ во главѣ, а въ Тульчинѣ Подольской губерніи «Южное тайное общество», во главѣ котораго стали П. Пестель и Л. Юшневскій. Оба новыхъ общества существовали совершенно самостоятельно¹⁾, имѣли между собой относительно мало сношеній и связей, пожалуй, даже конкурировали другъ съ другомъ и, во всякомъ случаѣ, относились другъ къ другу съ нѣкоторымъ недоверіемъ. Однако, въ отношеніи цѣли своего существованія задачи у нихъ были общія—ниспроверженіе существующаго государственнаго порядка вещей для установленія въ Россіи болѣе усовершенствованной и либеральной формы правленія, при чемъ «Сѣверное» общество» брало себѣ за идеалъ конституціонную монархію, а «Южное» склонялось въ пользу республиканскаго строя.

Фактическая ликвидація «Союза благоденствія» и образованіе новыхъ обществъ, какъ показываетъ слѣдственная комиссія, снаряженная надъ декабристами, состоялись при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ того, какъ «Союзъ благоденствія» былъ объявленъ закрытымъ, его уставъ и бумаги сожжены, южные делегаты—полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, привезли Тульчинской управѣ извѣстіе о сдѣланномъ въ Москвѣ постановленіи съѣзда делегатовъ. Но Пестель и Юшневскій, узнавшіе заранѣе о происшедшемъ предварительно рѣшили: во-первыхъ, не признавать «Союза», разрушеннымъ и, во-вторыхъ, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы «удалить всѣхъ слабосердныхъ, представивъ имъ опасности и трудности предпріятія». Вслѣдствіе этого, когда Бурцовъ и Комаровъ, сдѣлавъ Тульчинской думѣ докладъ, удалились, то Юшневскій произнесъ рѣчь въ смыслѣ воздѣйствія на «слабосердныхъ», но эта рѣчь никого не убѣдила, а, напротивъ, лишь подстрекнула самолюбіе присутствовавшихъ. Такъ, полковникъ Адамовъ объявилъ, что, если даже всѣ оставятъ «Союзъ», то онъ не перестанетъ

¹⁾ Грань между «Сѣвернымъ» и «Южнымъ» обществами не была юридически строго проведена, и они оба какъ бы считались лишь составными частями новаго обновленнаго «Союза благоденствія». Но такое единство и въ отношеніи плана дѣйствій, и въ отношеніи программъ было фиктивнымъ, и каждый отдѣлъ жилъ, развивался и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, въ зависимости отъ общаго подчиненія какому либо единому административному или законодательному центру.

«полагать оный существующимъ въ немъ одномъ». Остальные также провозгласили, что ихъ депутаты въ Москвѣ вышли изъ предѣловъ данной имъ власти, что «Союзъ» не разрушенъ, что онъ будетъ всегда дѣйствовать лишь съ переменной въ некоторыхъ прежнихъ правилъ. Въ основаніе этого возобновленнаго общества былъ положенъ еще прежде составленный Пестелемъ уставъ, и въ число членовъ общества были зачислены, какъ бывшіе на засѣданіи Тульчинской думы, такъ и прибавлены сюда многіе другіе, изъ числа приставшихъ впоследствии. Всѣмъ было дано наименованіе «бояръ Союза», и изъ нихъ выбраны три директора, или предсѣдателя— Пестель, Юшневскій и заочно Никита Муравьевъ, о которомъ полагали, что онъ, не бывъ въ Москвѣ, также не согласится на ликвидацію «Союза благоденствія». Всѣ члены «Южнаго общества» (или иначе «округа») дѣлились на братьевъ, мужей и бояръ. Братья не имѣли права принимать другихъ; жени, пользуясь симъ правомъ, должны были отъ принятаго ими скрывать имена прочихъ членовъ; бояре присоединялись къ директоріи для рѣшенія найважнѣйшихъ вопросовъ. Приемъ члена не сопровождался никакой церемоніей, а обусловливался лишь даннымъ честнымъ словомъ. Такъ составилось «Южное общество»; исторія возникновенія «Сѣвернаго общества» слѣдующая.

Представитель Петербургской «думы» на московскомъ съѣздѣ, Н. И. Тургеневъ, по возвращеніи домой, дѣлалъ попытку составить изъ бывшихъ членовъ «Союза благоденствія» новое тайное общество, вербовалъ въ него членовъ, но старанія его имѣли мало успѣха, чему, главнымъ образомъ, было причиною выступленіе гвардіи въ походъ. Только въ 1822 г. Петербургское, или «Сѣверное», общество фактически осуществилось, и основателями его явились Никита Муравьевъ, князь Е. Оболенскій и Н. Тургеневъ. Общество было раздѣлено на «убѣжденныхъ» и «соединенныхъ», или «согласныхъ». Союзъ «убѣжденныхъ», или «верхній кругъ», составилъ изъ основателей; принимали въ него и другихъ изъ «союза соединенныхъ», но не иначе, какъ по согласію всѣхъ находящихся въ Петербургѣ «убѣжденныхъ». Это согласіе нужно было и для принятія какой либо рѣшительной мѣры; кромѣ того, «верхній кругъ» имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ думы, или совѣта, управляющаго обществомъ, дозволялъ принятіе новопоступающихъ, требовалъ отчетовъ отъ думы. Находящійся въ немъ членъ могъ принять не болѣе двухъ и согласіе на то испрашивалъ черезъ члена, коимъ былъ самъ принятъ; послѣдній также не былъ въ числѣ «убѣжденныхъ». Это согласіе черезъ такую же цѣпь доходило отъ думы до принимающаго новыхъ членовъ. Послѣднихъ сначала испытывали, готовили, потомъ открывали имъ мало-по-малу цѣль тайнаго общества, но о средствахъ для достиженія этой цѣли и о времени начала дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣнія одинъ

лишь «верхній кругъ». Многимъ, которыхъ предназначали на роль слѣпыхъ исполнителей, говорили только, что ихъ дѣло рубиться; новопоступившіе и вообще всѣ непричастные къ «убѣжденнымъ» знали одного принявшаго ихъ члена. Однако, всѣ эти правила исполнялись не очень строго.

«Начальникомъ», или предсѣдателемъ, общества въ первое время былъ поставленъ одинъ лишь Н. Муравьевъ, но затѣмъ ему въ

Князь Евгений Петровичъ Оболенскій ¹⁾.

помощь и на равныхъ съ нимъ правахъ были еще избраны князь Сергій Трубецкой и князь Евгений Оболенскій. Черезъ годъ князь Трубецкой уѣхалъ въ южную армію, чтобы, съ одной стороны, сообразно съ рѣшеніями своей партіи имѣть вліяніе на мѣстное войско, а, съ другой—чтобы наблюдать за Пестелемъ, которому главные дѣятели «Сѣвернаго общества» не довѣряли, видя въ немъ «хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте». На мѣсто вышедшаго князя Трубецкого былъ избранъ членомъ директоріи, или

¹⁾ Портретъ Кн. Е. П. Оболенскаго въ молодости не извѣстенъ.

думы, К. Ф. Рылѣвъ, получившій съ того времени первенствующее значеніе въ обществѣ. Рылѣвъ настоялъ, чтобы впредь директоры, или правители, были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ. Такова была организація новыхъ тайныхъ обществъ и ихъ главные руководители. Каковы же были ихъ политическія программы, и какія идеи были положены въ основу этихъ программъ¹⁾?

IV.

И по старшинству времени составленія, и по обстоятельности разработки, по широтѣ взгляда и практичности осуществленія первое мѣсто среди программъ тайныхъ партій, по всей справедливости, принадлежитъ проекту Никиты Муравьева, чрезвычайно интересному, помимо всего прочаго, еще въ томъ отношеніи, что онъ не потерялъ своего нѣкотораго значенія и для нашихъ дней, когда наша печать и общество такъ сильно заняты обсужденіемъ вопроса о предстоящей къ созыву въ недалекомъ будущемъ «государственной думы», и когда въ историческихъ образцахъ прошлаго времени можно найти нѣкоторыя полезныя указанія и для современной дѣйствительности.

Въ началѣ своего проекта конституціи Муравьевъ устанавливаетъ слѣдующія положенія: «1) русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства; 2) источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя; 3) гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ уставѣ порядкомъ участвовать въ общественномъ управленіи: посредственно, т.-е. выборомъ чиновниковъ или избирателей, непосредственно, т.-е. быть самому избираемымъ въ какое либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти».

Гражданиномъ признается всякій, имѣющій 21 годъ жизни, обладающій имущественнымъ цензомъ, несущій опредѣленныя повинности, не опороченный закономъ и находящійся въ здоровомъ умѣ. Передъ закономъ всѣ равны, и каждый несетъ общественныя повинности, повинуется закону и является на защиту родины по требованію закона.

Печать свободна и отвѣтственна въ опредѣленныхъ случаяхъ лишь передъ судомъ; личность неприкосновенна, и никто не мо-

¹⁾ Слѣдственная коммиссія обнаружила слѣдующіе конституціонные проекты: Никиты Муравьева, П. Пестеля «Русская правда», списокъ съ конституціи Муравьева, найденный въ бумагахъ князя С. Трубецкого, «Государственный завѣтъ», сокращенный проектъ Пестеля, найденный въ бумагахъ С. Муравьева-Апостола, а также Ковалева. Въ государственномъ архивѣ имѣются еще проекты Батенкова и неизвѣстнаго.

жетъ быть взятъ подъ стражу безъ того, чтобы ему въ 24 часа не были предъявлены причины его задержанія. Виновный наказуется только по суду, при чемъ правосудіе отправляется лишь судомъ присяжныхъ. Граждане ¹⁾ пользуются свободой обществъ и союзовъ; за ними признается право жалобъ и петицій, обращаемыхъ

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

или къ народнымъ депутатамъ, или къ мѣстнымъ собраніямъ, или къ монарху. Вѣроисповѣданія свободны.

Въ административномъ отношеніи авторъ конституціи дѣлилъ Россію на 14 державъ и 2 области, а именно: державы—Ботни-

¹⁾ Въ силу равенства передъ закономъ и по соображеніямъ, почерпнутымъ изъ христіанской морали, авторъ конституціи совершенно упраздняетъ крѣпостное право: всѣ люди равны между собою и братья передъ Богомъ, ибо рождены по волѣ Его для блага, и всѣ передъ нимъ слабы.

ческая, Балтійская, Заволжская, Западная, Днѣпровская, Бужская, Черноморская, Окинская, Украинская, Низовская, Камская, Кавказская, Обійская и Ленская; области—Славянская и Донская. Столица и резиденція федеративнаго правительства предполагалась въ Нижнемъ Новгородѣ, а Петербургъ и Москва становились столицами Ботнической и Окинской державъ. Державы и области дѣлились на уѣзды или повѣты, уѣзды и повѣты—на волости. Въ судебномъ отношеніи Россію предположено было раздѣлить на судебные округа.

Во главѣ каждой волости стоялъ выборный волостной старѣйшина, котораго избирали ежегодно всѣми гражданами данной волости на основахъ цензоваго выборнаго начала. Во главѣ уѣзда стоялъ избранный тысяцкій, при чемъ въ выборахъ послѣдняго участвовали лишь граждане, владѣвшіе недвижимымъ имуществомъ въ 500 рублей и движимымъ въ 10.000 рублей. Право на выборъ въ тысяцкіе обуславливалось или обладаніемъ недвижимымъ имуществомъ въ 30.000 рублей или движимымъ въ 60.000 рублей. Тысяцкій ведетъ два цензовыхъ списка: въ одномъ перечислены всѣ граждане, владѣющіе цензомъ, дающимъ имъ право избирать тысяцкаго, въ другомъ—граждане, имѣющіе право быть избранными въ тысяцкіе. Граждане первой категоріи могутъ быть, кромѣ того, и присяжными, а граждане по второму списку, помимо владѣнія перечисленными правами, могутъ быть еще избираемы въ члены верховной думы, въ правители державъ, въ члены державныхъ думъ и въ члены державныхъ судовъ.

Очертивъ послѣдовательность и сроки избранія, Муравьевъ опредѣляетъ и систему управленія всею страной. Это управленіе сосредоточивается: сначала въ волости, потомъ уѣздѣ, наконецъ державѣ, которая управляется собраніемъ, составленнымъ изъ двухъ палатъ—палаты выборныхъ и державной думы, и начальника державы, избираемаго центральными представительными собраніями, которому принадлежитъ власть исполнительная и командованіе на извѣстныхъ условіяхъ земскимъ войскомъ.

Отстраняя отъ себя упрекъ въ стремленіи расчлененія Россіи на самостоятельныя области, Муравьевъ въ своемъ разборѣ обвинительнаго противъ него акта утверждаетъ, что слѣдственная коммиссія «не замѣтила, что независимость областей не согласуется съ монархическимъ правленіемъ, утвержденнымъ конституцію, и упускаетъ изъ виду не безъ цѣли, что областныя собранія не облечены державною волею. Эти областныя собранія среди совокупныхъ губерній, вѣдая только распоряженіями и расправами мѣстными, содѣйствовали бы единству управленія державнаго. Эта конституція не только не стѣсняла исполнительной власти (императорской), но доставляла ей свободу дѣйствій, необходимую для общей пользы; поручала ей соблюденіе державныхъ выгодъ, при-

Михаиль Александрович Бестужевъ.

знавала ея необходимое участіе въ законодательной власти и надзоръ за общимъ ходомъ судопроизводства». Изъ этихъ словъ усматривается, что Муравьевъ строилъ свою федерацію по особой системѣ, не имѣющей для себя примѣра въ системѣ государственнаго права другихъ народовъ, и являлся такимъ образомъ своего

рода новаторомъ, болѣе всего склонявшимся къ тому государственному строю, который впоследствии установился въ Австріи и частью уже тогда дѣйствовалъ въ Сѣверной Америкѣ. Авторъ сохранялъ для Россіи императорскую власть, которая являлась въ его проектѣ наследственной, но лишь по мужской линіи, и компетенція этой власти исчерпывалась правами: останавливанія дѣйствія законодательной власти и принужденія ко вторичному разсмотрѣнію закона; начальствованія надъ сухопутными и морскими силами; веденія переговоровъ съ иностранными державами, заключенія мира, но не иначе, какъ съ согласія верховной думы; назначенія министровъ, посланниковъ, консуловъ и чиновниковъ. При вступленіи на престолъ императоръ приноситъ присягу въ вѣрности конституціи и на свое содержаніе получаетъ такъ называемый гражданскій листъ, опредѣляющій его содержаніе. Лично онъ не несетъ никакой отвѣтственности, которая всецѣло падаетъ на министровъ.

Вся власть законодательная сосредоточена въ рукахъ «народнаго вѣча», которое состоитъ изъ верхней думы и палаты народныхъ представителей. Палата представителей избирается гражданами державъ на три года въ числѣ 450 человекъ мужскаго пола; это число не есть постоянное, но подлежащее видоизмѣненію, согласно народной переписи, которая совершается черезъ каждыя 10 лѣтъ. Члены другой палаты, верховной думы, избираются правительственными сословіями державъ, т.-е. въ общемъ засѣданіи обѣихъ палатъ. Число членовъ верховной думы—42 человекъ, по два человекъ отъ каждой державы и отъ Московской и Донской областей по одному. Обѣ палаты самостоятельны, и только предложенія, принятыя въ обѣихъ палатахъ, идутъ на утвержденіе императора, за которымъ сохранено право утверждать или не утверждать эти предложенія. Народное вѣче выполняетъ слѣдующія функции: 1) издаетъ для Россіи уложенія гражданское, уголовное, торговое и военное, учреждаетъ установленія по благоточинію, правила по судопроизводству и внутреннему управленію присутственных мѣстъ; 2) объявляетъ военныя положенія; 3) обнародываетъ законъ объ амнистіи; 4) распускаетъ правительственныя собранія державъ и назначаетъ новые выборы; 5) объявляетъ войны; 6) вѣдаетъ устройство, содержаніе, управленіе, расположеніе, движеніе войскъ сухопутныхъ и морскихъ, систему укрѣпленія предѣловъ, береговъ, пристаней, наборъ, пополненіе войскъ и внутреннюю стражу; 7) устанавливаетъ налоги, займы, повѣрку расходовъ, пенсіи, жалованья, всѣ сборы и издержки и пр.; 8) вѣдаетъ и утверждаетъ мѣры правительства о промышленности, о богатствѣ народномъ, объ учрежденіи почтъ, содержаніе и устройство путей сообщенія сухопутныхъ и водяныхъ, учрежденіе банковъ; 9) покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ полезнымъ; 10) постановляетъ правила о порядкѣ службы и о награжденіи чиновни-

ковъ, объ отчетахъ по всѣмъ частямъ управленія; 11) устанавливаетъ въ соответственныхъ случаяхъ регентство; 12) избираетъ правителей державъ изъ второго списка избирателей всякой державы.

Таковы главные основы проектированной Муравьевымъ конституціи ¹⁾, при чемъ имъ отмѣчено, что вѣче при всей широтѣ своихъ полномочій не можетъ производить перемѣнъ въ конституціи, не имѣетъ права измѣнять основные конституціонные законы, не можетъ нарушать свободу слова, устнаго и письменнаго, не можетъ воспрепятствовать какому либо вѣроисповѣданію. Эти уполномочія признавались за всенароднымъ державнымъ соборомъ, т.-е. учредительнымъ собраніемъ, которое созывалось народнымъ вѣчемъ.

Планъ осуществленія конституціи предполагался Муравьевымъ, какъ то видно изъ слѣдственнаго донесенія, слѣдующимъ образомъ: 1) окончивъ проектъ конституціи, раздать множество экземпляровъ онаго людямъ всѣхъ состояній; 2) произвести возмущеніе въ войскѣ и тогда напечатать сей проектъ; 3) по мѣрѣ успѣховъ возмущенія, во всѣхъ занятыхъ мѣстахъ учреждать предположенные имъ начальства и другія присутственныя мѣста, и 4) если бы императорская фамилія не согласилась принять его конституцію, то изгнать ее и предложить установленіе республиканскаго правленія. Но послѣднее онъ допускалъ лишь въ крайности, а съ 1822 г. совершенно перемѣнилъ свой образъ мыслей и рѣшительно отказался отъ возможности установленія въ Россіи республиканской формы правленія.

Его главнымъ противникомъ по существу вопроса—быть ли въ Россіи монархической конституціи или республикѣ?—былъ П. Пестель, проектъ котораго по сему предмету въ видѣ «Русской правды» хотя и неизвѣстенъ намъ во всѣхъ деталяхъ, какъ, напримѣръ, проектъ Муравьева, но о которомъ все же сохранилось достаточно данныхъ, нынѣ опубликованныхъ, такъ что мы можемъ и въ данномъ случаѣ дать читателямъ главнѣйшія сжатые свѣдѣнія, обрисовывающія политическое настроеніе умовъ, царившее среди членовъ «Южнаго общества».

V.

Программа Пестеля, взятая въ основаніе политическаго сгедо «Южнаго общества» въ главнѣйшихъ своихъ положеніяхъ рѣзко разнилась отъ программы Муравьева. Его проектъ былъ изложенъ въ составленной имъ «Русской правдѣ, или заповѣдной государственной грамотѣ великаго народа російскаго, служащей завѣтомъ для

¹⁾ Наиболѣе полно впервые скомпонованы всѣ подробности Муравьевской конституціи въ книжкѣ С. Сватикова «Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895)», Р.-на-Д. 1905 г.

усовершенствованія государственнаго устройства и содержащей вѣрный наказъ какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія». Пестель выступаетъ здѣсь поборникомъ сильнаго, одинаго и тѣсно сплоченнаго государства, развивающагося на началахъ послѣдовательно проведенной идеи централизаціи. Муравьевская федерація рисовалась ему такою системою, благодаря которой Россія «снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенный древней Россіи удѣльною системою, которая также была нечто иное, какъ родъ федеративнаго устройства государства» и вслѣдствіе разрозненныхъ ея частей «скоро потеряетъ не только свое могущество, величіе и силу, но даже, можетъ быть, и бытіе свое между большими или главными государствами». Всѣ племена, населяющія Россію, должны быть слиты въ одинъ народъ, ради ея единства, и должны именоваться «русскими» съ единою нераздѣльною верховною властію, единымъ образомъ правленія и общими законами для всѣхъ частей государства. Задача верховнаго правительства должна заключаться въ стремленіи къ совершенному обрусенію всѣхъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, и не только такихъ, которыя различествуютъ между собою «малыми отгѣнками» (напримѣръ, россияне, малороссияне, украинцы, бѣлоруссы), но и совершенно иного этнографическаго происхожденія, какъ, напримѣръ, финляндцы. Исключеніе имѣ дѣлалось только въ отношеніи поляковъ, для которыхъ онъ требовалъ полной независимости и восстановленія Польши въ ея старинныхъ и историческихъ границахъ.

Главныя задачи вѣка и своего времени онъ усматривалъ «въ борьбѣ между массама народными и аристократіей всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на происхожденіи основанными», онъ обращалъ особенное вниманіе на положеніе народа, считая «священнѣйшею и непремѣннѣйшею обязанностью» временнаго верховнаго правленія «уничтоженіе рабства и крѣпостнаго состоянія», которое является «дѣломъ постыднымъ, противнымъ челоуѣчеству, противнымъ законамъ естественнымъ, противнымъ святой вѣрѣ христіанской». «Поэтому не можетъ въ Россіи долѣе существовать позволеніе одному челоуѣку имѣть и называть другого своимъ крѣпостнымъ рабомъ. Рабство должно быть рѣшительно уничтожено, и дворянство должно непремѣнно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми... но ежели бы, паче всякаго чаянія, нашелся извергъ,* который бы словомъ или дѣломъ вздумалъ сему дѣйствію (то-есть освобожденію) противиться или оное осуждать, то временное верховное правленіе обязывается всякаго такого злодѣя безъ изыятія немедленно взять подъ стражу и подвергнуть его строжайшему наказанію, и какъ врага отечества, и измѣнника противу первоначальнаго кореннаго права гражданскаго».

Проектируя освобождение крестьянъ, онъ признавалъ, что эта реформа «требуетъ зрѣлаго обдуманія и весьма большую производить въ государствѣ перемѣну», въ видахъ чего онъ предполагалъ «потребовать проектъ отъ грамотныхъ дворянскаго собранія и по онымъ мѣропріятія распорядить», соблюдая при томъ слѣдующія правила: 1) «освобождение крестьянъ отъ раб-

Павель Ивановичъ Пестель.

ства не должно лишать дворянъ дохода, ими отъ помѣстій своихъ получаемаго», и 2) «должно крестьянамъ доставить лучшее положение противъ теперешняго, а не мнимую свободу имъ даровать». Намѣчая освободить крестьянъ съ надѣлами земли, Пестель предполагалъ, что у помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе 5.000 десятинъ, должно отобрать всю землю въ пользу ихъ крестьянъ, а помѣщикамъ дать взаменъ тѣ же 5.000 десятинъ изъ казенныхъ земель

въ другой мѣстности или возмѣстить имъ стоимость земли деньгами. У помѣщиковъ, владѣющихъ отъ 5.000 до 10.000 десятинъ, должна быть отобрана на тѣхъ же условіяхъ половина ихъ помѣстій; у владѣльцевъ же имѣній свыше 10.000 десятинъ онъ считалъ возможнымъ отобрать половину земли безвозмездно. Опасаясь, что раскрѣпощеніе крестьянъ вызоветъ волненія и безпорядки, Пестель указывалъ, что верховное правленіе должно употребить безпощадную строгость противъ всякихъ нарушителей спокойствія въ государствѣ. Въ своемъ социальномъ радикализмѣ онъ требовалъ не только лишенія дворянства правъ рабовладѣльчества, но и всякихъ прочихъ социальныхъ привилегій; эти привилегіи отнимались имъ и отъ всѣхъ прочихъ сословій, которыя онъ вообще предполагалъ уничтожить. «Учрежденіе сословій непрѣнно должно быть уничтожено», и «всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее назваться гражданскимъ, всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ равны».

Краеугольными камнями всего реформированнаго строя Пестель считалъ свободу личности, вѣроисповѣданія, книгопечатанія (съ отвѣтственностью за преступленія передъ судомъ), свободу промышленности. Что же касается до свободы частныхъ обществъ, то таковыя онъ полагалъ необходимымъ запрещать, «какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя бесполезны, а вторыя вредны».

Мѣстное управленіе организовывалось Пестелемъ такъ, что мелко земскою единицею являлась волость (1.000 душъ), къ которой приписывались всѣ граждане ¹⁾, составлявшіе земское собраніе и избиравшіе представителей въ помѣстные собранія — волостныя, уѣздныя и окружныя. Уѣздныя собранія избирали представителей въ собранія окружныя-губернскія, а послѣднія въ собранія областныя, изъ которыхъ уже выбирались депутаты въ народное вѣче, являвшееся верховной законодательной властью въ государствѣ ²⁾. Во главѣ каждой области стоялъ областной посадникъ (генералъ-губернаторъ), которому подчинены были управы — правосудія, благочинія, духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія, хозяйства и казначейства. На обязанности посадника лежало: блюсти область, содержать связь между областными управами и между его областью и прочими частями государства, наблюдать, «дабы справедливыя и законныя требованія одной управы непрѣнно исполняемы были другою».

¹⁾ Земля въ волости дѣлилась на участки, которые и раздавались гражданамъ. Оставшіяся отъ раздѣла фонды отдавались опять таки участками въ аренду на одинъ годъ.

²⁾ Въ выборахъ принимали участіе всѣ совершеннолѣтніе граждане мужского пола. Мѣстные выборы производились по системѣ прямой подачи голосовъ, общегосударственные — по двухстепенной.

Судъ предполагался присяжный и публичный, а смертная казнь совершенно отмѣнялась. Россія дѣлилась на три округа—Столичный, Донской и Кавказскій, и на десять губерній, губерніи на уѣзды, уѣзды на волости. Народное управленіе сосредоточивалось въ Москвѣ или Нижнемъ Новгородѣ. Подать проектировано платить съ земли. Каждая волость ведетъ два списка, волостной и скарбовый, всякій гражданинъ вносится въ первый изъ сихъ списковъ только въ одной волости, что означаетъ его политическое состояніе, но онъ можетъ быть записанъ въ скарбовомъ списокѣ многихъ волостей, по своему имуществу. Законодательная часть поручается народному вѣчу, состоящему изъ депутатовъ, выбранныхъ на одинъ годъ¹⁾; исполнительная же принадлежитъ «державной думѣ» изъ пяти депутатовъ, также выбранныхъ изъ среды народа на одинъ годъ. Первымъ дается право объявлять войну и заключать миръ, а послѣднимъ—вести войну и переговоры о мирѣ. Кромѣ этихъ двухъ властей, Пестель проектировалъ еще «блюстителное сословіе», именуемое «верховнымъ соборомъ» и состоящее изъ 50 членовъ²⁾, избираемыхъ народомъ на всю жизнь и называемыхъ «боярами»; они должны удерживать законодательную и исполнительную власти въ предѣлахъ законности. Никакой законъ, изданный народнымъ вѣчемъ, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе державною думою безъ утвержденія верховнымъ соборомъ. Каждый изъ гражданъ долженъ быть увѣдомленъ о предполагаемомъ законѣ и можетъ дѣлать на него замѣчанія. Губерніи находятся на военномъ положеніи; войска повинуются верховной думѣ, и только по выступленіи ихъ за предѣлы отечества главнокомандующій принимаетъ надъ ними начальство³⁾.

Сопоставляя обѣ политическія партійныя программы—Муравьева и Пестеля, мы видимъ въ нихъ значительную разницу и многія особенности. Въ то время, какъ Муравьевъ являлся скорѣе всего представителемъ англійскаго конституціонализма, Пестель почерпалъ свои руководящія идеи изъ конституціи французской директоріи. На одномъ лишь оба автора программъ сходились безусловно, это именно на необходимости вооруженнаго возстанія, уничтоженія самодержавія, созыва учредительнаго собранія и учрежденія временнаго правительства. Въ бумагахъ князя С. Трубецкаго найдена была и программа предметовъ, кои предполагалось объявить въ сенатскомъ манифестѣ объ учрежденіи временнаго правительства. Предметы эти: 1) уничтоженіе прежняго правительства, 2) учрежденіе новаго, временнаго, до установленія постояннаго выборными

1) По другому варианту, выборы депутатовъ дѣлались на 5 лѣтъ.

2) По другому варианту, изъ 120.

3) М. И. Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время, т. VI.

отъ народа, 3) свобода печати, 4) свобода богослуженія, 5) уничтоженіе владѣнія крѣпостными людьми, 6) равенство всѣхъ гражданъ передъ законами, и потому отмена военныхъ судовъ и судебныхъ комиссій, 7) объявленіе права каждому избирать родъ занятій и занимать всякія должности, 8) сложеніе подушныхъ и недоимокъ, 9) уничтоженіе монополіи, 10) уничтоженіе рекрутской повинности и военныхъ поселеній, 11) сокращеніе срока службы для нижнихъ чиновъ и уравниеніе воинской повинности для всѣхъ сословій, 12) увольненіе въ отставку всѣхъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ, 13) учрежденіе волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ управленій и назначеніе въ нихъ членовъ по выбору, взаменъ всѣхъ вышнѣшнихъ чиновниковъ, 14) гласность суда и 15) введеніе суда присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе.

Временное правительство должно было немедленно провести въ исполненіе: 1) уравниеніе правъ всѣхъ состояній, 2) образованіе волостныхъ, уѣздныхъ и проч. управленій, 3) образованіе внутренней народной стражи, 4) образованіе судной части съ присяжными, 5) уравниеніе рекрутской повинности, 6) распущеніе постоянной арміи, 7) учрежденіе порядка выборовъ въ палату народныхъ представителей, кои должны установить на будущее время образъ правленія и государственные уставы.

VI.

Программы, положенныя въ основу «Сѣвернаго» и «Южнаго» обществъ, не исчерпывали собою всей суммы революціоннаго настроенія, охватившаго тогдашнее передовое общество и являвшагося угрозой существовавшему въ концѣ царствованія Александра I государственному строю. О бокъ съ ними и согласно съ ними осуществились, дѣйствовали и соприкасались съ ними еще двѣ политическія группы, о которыхъ также слѣдуетъ упомянуть. Эти общества—«Соединенныхъ славянъ», или «Славянскій союзъ», и «Польское тайное общество».

«Славянскій союзъ» ¹⁾ былъ основанъ въ 1825 г. офицеромъ Борисовымъ 2-мъ, его братомъ, Борисовымъ 1-мъ, и шляхтичемъ Люблинскимъ. Цѣлью общества было соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь «славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осьмиугольной печати ихъ: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей». Всѣ эти славянскія земли должны быть освобождены отъ самовластиа, отъ національнаго антагонизма и

¹⁾ Международная бібліотека. Донесеніе слѣдственной комиссіи.

соединены между собою федеративнымъ строемъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы cadaго государства, ввести у всѣхъ народовъ демократическое представительное правленіе, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненій, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Главное отличіе «Славянскаго союза» отъ другихъ тайныхъ обществъ заключалось въ томъ, что здѣсь было обращено особенное вниманіе на развитіе экономической программы, въ интересахъ каковой предполагалось построить торговые порты у береговъ морей, омывавшихъ славянскія земли—Балтійскаго, Бѣлаго, Чернаго и Адриатическаго. Въ центрѣ союзныхъ странъ долженъ былъ быть построенъ городъ, славянская столица, гдѣ собирались бы депутаты отъ славянскихъ областей, и гдѣ находилось бы главное управленіе союза.

Борисовымъ 2-мъ былъ составленъ также «Катихизисъ славянина», гдѣ рядомъ съ разсужденіями объ общественныхъ благахъ прибавлялись и формулы клятвъ, даваемыхъ на шпагахъ новопоступающими членами, напримѣръ: «если измѣню, то буду наказанъ и угрызениемъ совѣсти, и симъ оружіемъ, надъ коимъ провзношу присягу; да впадетъ оно остриемъ въ сердце мое, да истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ спѣшеніемъ неслыханныхъ бѣдъ».

Союзъ этотъ не былъ многочисленнымъ, на немъ лежалъ отпечатокъ традицій масонскихъ ложъ, и у него не было выработано строго опредѣленной и точно формулированной политической программы. Подъ влияніемъ главныхъ руководителей «Южнаго общества», преимущественно Бестужева, союзъ примкнулъ къ этому обществу и принялъ его политическія основы, которыя и были ему вручены въ видѣ «государственнаго завѣта», являвшагося сокращеніемъ «Русской правды» Пестеля. Нѣкоторымъ препятствіемъ къ соединенію или слитію союза съ обществомъ на первое время какъ будто являлся вопросъ объ убіеніи государя и истребленіи царской фамилии: славяне находили это «противнымъ Богу и религіи». На это С. Муравьевъ возражалъ ссылками изъ библіи, а Бестужевъ приводилъ тутъ соображенія историческія: «Надобно,—говорилъ онъ,—самый прахъ ихъ (членовъ императорской фамилии) развѣять по землѣ. Послѣдствій такихъ, какъ во Франціи, бояться не должно; тамъ началъ революцію народъ, а не войско; у нихъ не было хорошей конституціи, одна смѣняла другую, всѣ были наполнены недостатками, и между верховными правителями ихъ, консулами, былъ человекъ отважный съ обширнымъ гениемъ: у насъ противъ всего подобнаго взяты мѣры».

Что касается польскихъ тайныхъ обществъ — «Союза друзей» и «Патріотическаго союза», то непосредственнаго отношенія собственно къ русскимъ вопросамъ о формѣ у насъ государственнаго правленія, о русской революціи, о нашихъ политическихъ программахъ они не имѣли. Ихъ возникновеніе и существованіе обусловливалось политическими отношеніями, исторически установившимися между Россіей и Польшей при Екатеринѣ II и ея преемникахъ, тѣмъ государственнымъ строемъ, который былъ санкціонированъ Александромъ I и общими теченіями политической мысли, съ одной стороны, вытекавшими изъ потери Польшею своей государственной самостоятельности, а, съ другой — изъ того общаго соціально-политическаго броженія, которое создано было великою французскою революціею.

«Союзъ друзей» ¹⁾, основанный въ 1817 г., когда надъ нимъ было произведено слѣдствіе, несмотря на нѣкоторыя скользкія положенія, встрѣтившіяся въ арестованныхъ документахъ, былъ реабилитированъ и признанъ не подавшимъ «повода къ какимъ либо взысканіямъ», постановленнымъ законами страны за политическія преступленія. «Патріотическій союзъ», или «Общество національнаго масонства» было основано въ 1819 г., въ 1823 г. подвергнулось нѣкоторому административному разгрому, но вскорѣ затѣмъ снова окрѣпло, особенно, когда во главѣ сталъ извѣстный польскій патріотъ, графъ Станиславъ Солтыкъ. Оставляя въ сторонѣ масонскую оболочку общества, отмѣтимъ лишь, что отдаленною цѣлью его было возвращеніе отторгнутыхъ отъ прежней Польши областей подъ единою общею конституціею. «Должно быть готовымъ на каждый призывъ», — говорили его члены, и въ ожиданіи такового надлежитъ «запасться конями и оружіемъ». Союзъ состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ заграничными революціонными обществами, а также былъ въ непрестанномъ общеніи извѣстій съ тѣми нѣмецкими обществами (напримѣръ, «Polonia»), цѣлью которыхъ было возстановленіе Польши «въ границахъ высокихъ горъ, двухъ великихъ морей и двухъ рѣкъ».

Члены «Южнаго общества», служа въ войсковыхъ частяхъ, расположенныхъ у польскихъ границъ, конечно, имѣли возможность и случаи перезнакомиться и съ польскими представителями литовскаго корпуса, которые, замѣтивъ признаки политическаго броженія среди русскихъ офицеровъ, поспѣшили съ ними сблизиться и разузнать, что затѣвается въ Россіи. Несомнѣнно, всякое революціонное движеніе здѣсь, всякій мятежъ и волненіе, угрожавшіе спокойствію нашего государства, шли на руку полякамъ и приближали ихъ «тайныя общества» къ намѣченной политикѣ возстановленія былого Польскаго королевства. Съ другой сто-

¹⁾ М. И. Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. VI.

роны, и русскіе политическіе заговорщики рассчитывали встрѣтить въ полякахъ нужную имъ поддержку и, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что послѣдніе могли арестовать цесаревича Константина Павловича, воспрепятствовать ему возвратиться въ Россію для противодѣйствія надвигавшейся революціи и отрѣзать войска, состоявшія подъ командованіемъ его, отъ прочей русской арміи, долженствовавшей стать на сторону революціонеровъ. Вступивъ въ переговоры съ представителями Польши, дѣятели «Южнаго общества» должны были, конечно, выставить для полученія обѣщанія со стороны своихъ политическихъ сообщниковъ активной поддержки какія нибудь вполне опредѣленные положенія, соотвѣтствующія патріотическимъ интересамъ послѣднихъ. И вотъ Муравьевъ во время переговоровъ съ поляками опредѣленно говоритъ: «Чувства взаимной ненависти обоихъ народовъ, родившіяся во время варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда пользы всѣхъ народовъ однѣ и тѣ же, и потому русское общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способствовать къ уничтоженію вражды между обѣими націями». Въ томъ же смыслѣ высказался и Бестужевъ, утверждая, что «Россія, наскучивъ правленіемъ самовластнымъ, рѣшилась учредить конституціонное»; что «стремящееся къ тому сообщество, уже многочисленное и сильное, съ каждымъ днемъ увеличиваетъ силы свои, и съ его только помощью поляки могутъ имѣть надежду возстановить свое отечество»; что «для этого патріотическое общество должно вступить въ сношенія съ обществомъ русскимъ чрезъ членовъ, уполномоченныхъ на заключеніе окончательныхъ условій, и если поляки соединятся съ русскими, то, безъ сомнѣнія, получаютъ отъ нихъ достаточную помощь для возвращенія принадлежащихъ нынѣ другимъ державамъ своихъ областей, и будутъ народомъ независимымъ».

Депутаты «Патріотическаго союза», конечно, охотно выслушивали рѣчи русскихъ, поддакивали имъ, но очевидно, не особенно-то довѣряли силѣ революціонеровъ, мало полагались на успѣшность ихъ дѣйствій и сомнѣвались въ возможности для Россіи такъ скоро и легко раздѣлаться съ очень труднымъ и сложнымъ политическимъ вопросомъ, каковъ вопросъ о пережнѣ формы правленія. Поэтому во всѣхъ ихъ рѣчахъ наблюдается удивительная уклончивость, а въ дѣйствіяхъ нерѣшительность и даже отсутствіе какихъ либо прямыхъ шаговъ къ заключенію формальнаго договора съ «Южнымъ обществомъ», какъ на томъ настаивали пылкіе русскіе революціонеры. Польшѣ слишкомъ дорого далось то настоящее, которымъ она, какъ-никакъ, а пользовалась съ 1818 г., чтобы съ легкимъ сердцемъ рѣшиться на политическую авантюру, не обезпеченную въ глазахъ поляковъ ни солидными силами, ни достаточными матеріальными средствами, ни той психологической атмосферой,

которыя дѣлають задачи всякаго революціоннаго движенія болѣе или менѣе осуществимыми.

И дѣйствительно, на что рассчитывали и на что опирались при жизни Александра I тѣ, кто становились во главѣ заговора, и кто, вскорѣ спустя, такъ геройски и такъ безразсудно сложили свои головы? Подъ ними не было твердой почвы, за ними не было ни широкихъ народныхъ массъ, ни многочисленныхъ общественныхъ элементовъ, ни благоприятнаго момента. Послѣдній свалился имъ на голову совершенно неожиданно и, должно признаться, засталъ ихъ, несмотря на многія подготовительныя дѣйствія, совершенно «не готовыми къ трудной борьбѣ», не организованными и даже недостаточно между собою столковавшимися. Правительство Александра I, освѣдомленное черезъ своихъ шпионовъ о всѣхъ нитяхъ заговора, точно щадило заговорщиковъ на гибель имъ самимъ, дало возможность безъ всякой надобности созрѣть заговору и само въ конечномъ результатѣ искусственно, рядомъ совершенно несообразныхъ дѣйствій, подготовило ту кровавую трагедію, которая разыгралась 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, и гдѣ престоль и благополучіе династіи были легкомысленно отданы во власть опасной случайности самими же представителями царствующаго дома.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Воспоминанія американскаго посланника Уайта.

НДРЬЮ Диксонъ Уайтъ былъ въ Россіи два раза: въ 1855 г.—въ должности секретаря американскаго посольства въ Петербургѣ, а въ 1892—1894 г.г.—въ званіи посланника. Человѣкъ высокообразованный, даровитый и практически дѣловитый, онъ и на родинѣ игралъ довольно выдающуюся роль, сперва въ качествѣ профессора, потомъ сенатора и наконецъ дипломата. Достигнувъ семидесятилѣтняго возраста, Уайтъ воспользовался досугомъ, чтобы привести въ порядокъ свои воспоминанія, и недавно издалъ ихъ подъ заглавіемъ: «Изъ моей дипломатической жизни», одновременно на двухъ языкахъ: въ Америкѣ по-англійски и въ Лейпцигѣ по-нѣмецки. Тѣ страницы воспоминаній, которыя относятся къ Россіи, представляютъ для русскихъ читателей особый интересъ, такъ какъ Уайтъ за время своего двукратнаго пребыванія въ Россіи усвоилъ себѣ русскій языкъ и не ограничивалъ круга своихъ отношеній и знакомствъ только замкнутою сферою дипломатическихъ и свѣтско-аристократическихъ кружковъ.

Первый прїѣздъ въ Россію Уайта совершился совершенно для него непредвидѣнно. Отправляясь въ Нью-Йоркъ, Уайтъ случайно встрѣтился на поѣздѣ съ губернаторомъ штата Коннектикута, Сеймуромъ, только что назначеннымъ на постъ посланника въ Петер-

бургъ. Такъ какъ Сеймуръ присутствовалъ на защитѣ Уайтомъ докторской диссертациі, то разговорился теперь съ молодымъ ученымъ и предложилъ ему мѣсто *attaché* при сѣверо-американской миссіи.

«Тогдашніе *attachés*, — говоритъ Уайтъ, — были молодые люди съ достаточными средствами, которые по рекомендаціямъ отъ американскихъ университетовъ придавались въ помощь посланникамъ. Никакого вознагражденія *attachés* не получали, но имъ открывалась широкая возможность знакомиться съ бытомъ и учрежденіями страны, къ которой ихъ патронъ былъ аккредитованъ. На обязанности *attaché* лежало помогать посланнику въ собираніи нужныхъ свѣдѣній, вести переписку и приносить посильную пользу въ отправленіи дѣятельности посольства. Такимъ образомъ, *attaché* являлся какъ бы сверхштатнымъ секретаремъ посольства. Въ числѣ прочихъ моихъ обязанностей въ Петербургѣ было служить Сеймуру переводчикомъ. Въ качествѣ такового я постоянно сопровождалъ посла на совѣщанія съ европейскими его коллегами, при посѣщеніяхъ русскихъ министровъ, при выѣздахъ ко двору и разныхъ официальныхъ приѣмахъ. Все это, разумѣется, крайне меня интересовало. Свободный досугъ, который мнѣ оставляла служба вовсе не обременительная, уходилъ на ознакомленіе съ исторіею Россіи, для чего мнѣ самымъ предупредительнымъ образомъ доставлялись всѣ сколько нибудь доступныя сочиненія, трактовавшія объ этой странѣ. Новѣйшая исторія Россіи оказывалась для меня особенно привлекательною, потому что я имѣлъ частые случаи къ свѣтскимъ встрѣчамъ съ людьми, игравшими болѣе или мѣнѣе видную роль въ исторіи русской современности.

«Важнѣйшія обязанности представителя Америки сводились къ тому, чтобы освѣдомлять свое правительство о всѣхъ текущихъ событіяхъ, охранять интересы соотечественниковъ и главнымъ образомъ заботиться о поддержаніи и развитіи исконныхъ дружественныхъ отношеній между Россіею и Соединенными Штатами.

«Если порою представительство американскихъ интересовъ и возлагалось на мало пригодныхъ къ тому субъектовъ, то въ общемъ выборъ американскаго посольскаго персонала былъ весьма тщателенъ. Цѣлый рядъ выдающихся по талантамъ американскихъ дѣятелей успѣшно способствовалъ сближенію Соединенныхъ Штатовъ съ Россіею. Среди этихъ дѣятелей двое впоследствии сдѣлались президентами Соединенныхъ Штатовъ (Джонъ Квинси Адамсъ и Джемсъ Бухананъ), Джорджъ Миффлинъ Далласъ позднѣе былъ вице-президентомъ, да и Джекъ Рандольфъ Ропокъ, Сеймуръ и др. разыграли въ исторіи Америки далеко не послѣднюю роль. Къ тому же, по счастью, оба народа по своей природѣ склонны къ миролюбію и никакихъ противорѣчивыхъ интересовъ не преслѣдуютъ.

«Поэтому курсъ, который предстояло взять Сеймуру, былъ донельзя простъ: ему надлежало оберегать свое правительство отъ стороннихъ вмѣшательствъ и стремиться къ установленію точнаго сближенія между обѣими державами. Это удалось нашему посланнику блистательно: его отношенія къ правящимъ сферамъ Россіи, начиная съ императора, не оставляли желать лучшаго. Сеймуру и другимъ дѣятелямъ, стоявшимъ на высотѣ его взгляда, Америка и обязана тѣмъ, что впоследствии, когда началась междуособная война, Россія проявила къ намъ сочувствіе, и оно оказалось достаточно могущественнымъ, чтобы удержать иныя западно-европейскія державы отъ оказанія поддержки южанамъ.

«Императоръ Николай I представлялъ собою донельзя внушительную личность и являлся воплощеніемъ идеала мужественности. И въ самой смерти не покинуло его величіе. Черезъ одинъ или два дня послѣ кончины государя я вмѣстѣ съ посланникомъ присутствовалъ при представленіи дипломатическаго корпуса вступившему на престолъ императору Александру II. Сцена была навидательная. Когда представители иновѣрныхъ державъ расположились полукружіемъ, имѣя возлѣ себя своихъ секретарей и attachés, двери распахнулись, и молодой государь, за которымъ слѣдовалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, вступилъ въ залъ. По щекамъ государя катились слезы, а самая рѣчь его изобличала глубокое волненіе. Государь высказалъ, что не по винѣ Россіи нарушены завѣты священнаго союза 1815 г. Какъ ни велико его стремленіе къ миру, но если западныя державы на предстоящемъ Парижскомъ конгрессѣ предъявятъ условія, не совмѣстныя съ достоинствомъ Россіи, онъ самъ встанетъ во главѣ вѣрной ему страны и скорѣе предпочтетъ отступить до Сибири и пожертвовать жизнью, но не пойдетъ на позорныя уступки.

«Затѣмъ послѣдовала разительная сцена. Отъ Австріи, которую Россія, семь лѣтъ тому назадъ, во время венгерскаго возстанія, спасла отъ уничтоженія, Александръ, по меньшей мѣрѣ, въ правѣ былъ рассчитывать на благожелательный нейтралитетъ въ знакъ вполне естественной признательности. Долгъ благодарности, однакоже, не помѣшалъ Австріи вступить съ западными державами въ тайное соглашеніе. Поэтому императоръ въ своей рѣчи внезапно обратился къ представителю Австріи, графу Эстергази, и съ большою рѣзкостью подчеркнул неблагодарность австрійскаго правительства, ссылаясь на полное право Россіи рассчитывать на иную отплату. Во время обращенія къ австрійскому посланнику императоръ не сводилъ гнѣвнаго взора съ глазъ Эстергази, а рѣчь его напоминала нагоняй, съ которымъ разгнѣванный наставникъ изобличаетъ застигнутаго на мѣстѣ совершеннаго злодѣянія школяра. По окончаніи этого эпизода я воспринялъ урокъ величайшей дипломатической невозмутимости, какую мнѣ когда либо доводилось

наблюдать: австрійскій посланникъ, который съ перваго мгновенія обращенія къ нему царя до послѣдняго безъ малѣйшихъ признаковъ волненія не спускалъ съ него глазъ, склонился предъ разгнѣваннымъ самодержцемъ съ торжественною почтительностью и, соблюдая внѣшнюю *grandezza*, продолжалъ стоять такъ безучастно, словно ничего особеннаго не произошло, а между тѣмъ, какъ показали послѣдствія, гнѣвная рѣчь Александра II перевернула прежнія отношенія обѣихъ сосѣднихъ державъ и вызвала взаимное раздраженіе, которое тянулось всю вторую половину XIX вѣка и, весьма вѣроятно, захватитъ и XX вѣкъ. По возвращенія въ посольство я записалъ почти дословно содержаніе рѣчи государя; въ этомъ видѣ она была сообщена нашему министерству иностранныхъ дѣлъ и сохранилась въ архивѣ этого послѣдняго, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, просматривая нѣсколько лѣтъ тому назадъ старые министерскіе документы».

Описавъ похороны императора Николая и меланхолическій отгѣнокъ, какой столичная общественность получила подъ впечатлѣніемъ севастопольскихъ неудачъ, несмотря на суетность высшихъ слоевъ и фетишизмъ остальныхъ классовъ, Уайтъ даетъ любопытную характеристику тогдашней американской колоніи въ Петербургѣ.

«Американцевъ, постоянно жившихъ въ Россіи, было не много, а случайно наѣзжавшіе въ Петербургъ наши соотечественники прежде были въ рѣдкость, но теперь количество пріѣзжихъ американцевъ увеличилось, и иные будили насъ къ новой дѣятельности. Всего интереснѣе было посѣщеніе полковника Самюэля Кольта, изъ Гартфорда, изобрѣтателя револьвера, носящаго его имя; прибылъ онъ въ сопровожденіи Диккерсона, большого знатока техническихъ знаній и патентнаго права. Кольтъ пріѣхалъ въ Россію въ чаяніи добиться заключенія съ казною контракта на поставку усовершенствованнаго оружія, которое союзники въ Крыму примѣняли съ большимъ успѣхомъ. Косность русскихъ властей, однакоже, разбила всѣ надежды Кольта на поставку. На всѣ его убѣжденія о цѣлесообразности усовершенствованнаго оружія ему отвѣчали: «Наши солдаты привыкли къ старинѣ и не сумѣютъ обращаться съ другими ружьями, какъ пистонными». Блистательное подтвержденіе этому консерватизму Кольтъ и Диккерсонъ нашли при обозрѣніи галереи Петра Великаго, гдѣ въ числѣ моделей, собранныхъ и частью исполненныхъ по заданіямъ великаго преобразователя, оказались, между прочимъ, никѣмъ не замѣченныя и не нашедшія примѣненія модели для изготовленія нарѣзныхъ ружейныхъ стволовъ и для воспроизведенія рельефовъ, что въ 50-хъ годахъ XIX вѣка составляло диковинку новѣйшей техники.

«Являлись американскіе гости и иного пошиба, и для нашего посланника было подчасъ нелегкою задачею успокаивать распа-

ленное воображеніе соотечественниковъ, грезившихъ привести наше отдаленное отечество въ конфликтъ съ воюющими державами. Въ Соединенныхъ Штатахъ могущественная партія горячо сочувствовала Россіи и настаивала на оказаніи послѣдней всяческой поддержки, если не гласно, то подъ рукою. Эти симпатіи особенно сильно сказывались въ южныхъ рабовладѣльческихъ штатахъ и среди поборниковъ рабства въ штатахъ сѣверныхъ. Главнымъ агитаторомъ этой партіи въ Россіи являлся нѣкій Коттманкъ изъ Нью-Йорка, а мотивомъ къ агитаціи служила исконная ненависть къ Великобританіи. Фанатическіе сторонники рабства утверждали, что между ихъ партіею и Россіею существуетъ коренная связь, такъ какъ и Американская республика и Русское царство пользуются благодѣяніями—первая рабства, а послѣднее—крѣпостного состоянія. Эта де общность интересовъ настолько могущественна, что Америка легко можетъ быть подвинута на то, чтобы снабдить Россію судами, усовершенствованнымъ вооруженіемъ и даже войсками.

«Содѣйствіе американцевъ на первый разъ ограничилось тѣмъ, что въ русскую армію явился наплывъ американскихъ врачей и хирурговъ, занимавшихся изученіемъ своихъ спеціальностей въ Парижѣ. Положеніе этихъ американцевъ въ русскихъ госпиталяхъ оказалось, однакоже, фальшивымъ, и американскому посольству стоило немало хлопотъ избавить этихъ своихъ соотечественниковъ отъ напастей, въ которыя ихъ ввергали зависть и недоброжелательство русскихъ ихъ собратій.

«Крымская кампанія привлекла изъ Америки и авантюристовъ, носившихся съ недѣлѣйшими планами воздѣйствій на союзниковъ съ помощью таинственныхъ приемовъ и разныхъ ухищреній. Удалить такихъ проходимцевъ изъ Россіи и предостеречь отъ ихъ неблаговидныхъ искательствъ русское правительство, не придавая дѣламъ этого рода огласки, являлось одною изъ злободневныхъ задачъ американскаго посольства».

О томъ, какія всплывали въ эпоху Крымской кампаніи на петербургскомъ горизонтѣ личности, свидѣтельствуетъ рассказъ Уайта о нѣкоемъ агентѣ по поставкѣ дальнобойныхъ ружей, заряжающихся съ казенной части; онъ добился аудіенціи у государя, игралъ роль въ петербургскомъ обществѣ, разъѣзжалъ въ придворныхъ экипажахъ, а на повѣрку оказался помощникомъ нью-йоркскаго шерифа (палача) и на парадномъ обѣдѣ, не въ мѣру угостившись шампанскимъ, распространился о ловкости, съ какою вдѣвалъ петлю на рѣчныхъ пиратовъ, приговоренныхъ къ повѣшенію. Въ результатѣ потребовалось дипломатическое вмѣшательство, чтобы позволить отважному заплечныхъ дѣлъ мастеру благополучно выбраться изъ Россіи, отказавшись отъ дальнѣйшихъ искательствъ выгодной казенной поставки.

Особенный интересъ для Уайта представляли въ Петербургѣ богатые англійскіе негоціанты, среди которыхъ въ ту пору особенно выдавался Бердъ, владѣвшій обширнымъ желѣзодѣлательнымъ заводомъ. Однажды, за обѣдомъ, на которомъ присутствовалъ Бердъ, кто-то изъ гостей сталъ довольно безтактно расхваливать только что обнародованную прокламацію королевы Викторіи, угрожавшую карами англійскимъ подданнымъ, защищающимъ интересы враговъ союзниковъ. Бердъ выслушалъ это совершенно спокойно и замѣтилъ, что онъ, конечно, очень сожалѣетъ, если прослыветъ за измѣнника отечеству, но еще его отецъ въ эпоху перваго союза противъ Наполеона былъ приглашенъ русскимъ правительствомъ построить заводъ не только съ согласія британскаго правительства, но даже при энергичномъ содѣйствіи послѣдняго.

Вслѣдствіе этого заводъ вступилъ съ русскою казною въ долгосрочныя контрактныя условія, соблюденіе которыхъ является для Берда дѣломъ совѣсти, за что онъ и готовъ принять полную отвѣтственность. Человѣкъ прямой и рѣшительный, Бердъ вообще мало стѣснялся тонкими соображеніями, что и выразилось въ характерномъ инцидентѣ. Въ яхтъ-клубѣ, членомъ и учредителемъ котораго состоялъ Бердъ, были назначены гонки, а такъ какъ клубъ освѣдомился, что въ гонкѣ изъявилъ согласіе участвовать и наслѣдникъ цесаревича со своею яхтою, то путемъ особой подписки въ видѣ перваго приза былъ пріобрѣтенъ драгоценный золотой кубокъ, и старшены клуба начали уговаривать участниковъ гонки устроить такъ, чтобы первый призъ достался наслѣднику. Эта угодливость возмутила Берда, и онъ объявилъ, что противъ обыкновенія приметъ участіе въ гонкѣ со своею яхтою. «Если яхта великаго князя придетъ первою, она и получитъ призъ, а если шансы на состязаніи падутъ въ мою пользу, то я вовсе не постѣсняюсь взять призъ». На гонкѣ остальные составители поотставали и борьба велась только между яхтами наслѣдника цесаревича и Берда, при чемъ послѣдній оказался побѣдителемъ. Кубокъ Бердъ получилъ, но, разумѣется, впалъ въ немилость въ вліятельныхъ морскихъ кружкахъ.

Вспоминая о первомъ пребываніи въ Петербургѣ, Уайтъ оговаривается, что, хотя отправленіе должности *attaché* ознакомило его съ дѣловою рутинною и пріучило къ свѣтскому лоску, онъ очень бы сожалѣлъ, если бы къ этому одному свелись результаты его годовой дѣятельности въ гостепріимной Невской столицѣ.

Крымская война, разыгрывавшаяся къ невзгодѣ Россіи, бросала мрачную тѣнь на дворъ и на весь городъ, празднества и приемы ограничивались весьма тѣсными предѣлами.

«Благодаря этому,—говоритъ Уайтъ,—въ длинныя зимніе вечера у меня оказывалось достаточно времени для чтенія; собирая, гдѣ

возможно, цѣнныя изслѣдованія о Россіи, я обстоятельно изучилъ новѣйшую ея исторію. По счастливой случайности я тѣсно сблизился съ англичаниномъ Аткинсономъ, научно изучавшимъ Сибирь. Онъ только что вернулся оттуда съ массою папокъ, переполненныхъ эскизами и рисунками, а собранный имъ и его воспитательною женою запасъ свѣдѣній объ этой отдаленной странѣ и бытъ ея населенія и анекдотическія подробности пережитаго путешестввенниками ярко воссоздавали передо мною Сибирь, и временами мнѣ казалось, будто я самъ тамъ бывалъ.

«Вернувшись на родину,—продолжаетъ Уайтъ,—я четыре года отправлялъ обязанности ректора Корнеллевскаго университета. Сложивъ съ себя затѣмъ бремя этой обязанности, я посвятилъ все свое время научнымъ занятіямъ и путешествіямъ, имѣвшимъ касательство къ сочиненію (*History of the warfare of science with theology*), надъ которымъ я тогда работалъ. Наступилъ 1891 годъ, который принесъ перемѣну въ моей судьбѣ. Случайно, вмѣстѣ съ Теодоромъ Рузевельтомъ, Кабогъ - Лоджемъ и Шерманъ-Роджерсомъ, посѣтилъ я президента Гаррисона въ Бѣломъ домѣ. Тамъ въ непринужденной бесѣдѣ затронуть былъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, какія бы преобразованія мы предложили въ устройствѣ гражданской службы для устраненія дефицита, оказавшагося въ расходахъ по управленію. По крайнему разумѣнію я изложилъ президенту свои совѣты, нисколько не стѣсняясь, и былъ немало удивленъ, когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ мнѣ предложилъ занять постъ посланника въ Петербургѣ.

«На пути въ Петербургъ, въ Парижѣ, я по случаю новаго назначенія имѣлъ продолжительную бесѣду съ академикомъ, виконтомъ де-Вогюэ, столь много писавшимъ о Россіи. Какъ Вогюэ, такъ и Струве, русскій посланникъ въ Вашингтонѣ, отъ котораго я пріѣхалъ съ рекомендаціею къ виконту, оба по брачнымъ связямъ породнились съ русскою семьею Анненковыхъ. Да и по прежней дипломатической службѣ въ Россіи Вогюэ былъ хорошо ознакомленъ съ русскими обстоятельствами и могъ мнѣ дать драгоцѣннѣйшія указанія.

«Двадцать шесть лѣтъ протекло со времени перваго моего пребыванія въ Россіи, когда я, 4 ноября 1892 г., опять поселился въ Петербургѣ. Даже въ этой странѣ, гдѣ все медленно шагаетъ впередъ, произошли важныя перемѣны. Желѣзнодорожная сѣть широко развѣтвилась по Россіи, но особенной энергіи въ страну не влила. За время, напримѣръ, моего пребыванія въ Петербургѣ я шесть или восемь разъ ѣздилъ по Варшавской дорогѣ въ Берлинъ и обратно, и хотя по расписанію ходилъ всего одинъ скорый поѣздъ, я на немъ никогда не могъ насчитать болѣе двухъ, трехъ десятковъ пассажировъ. А такъ какъ эта линія связываетъ 120 милліоновъ населенія съ одной стороны съ 200 милліонами

людей по той сторонѣ границы, то нельзя не удивляться слабому развитію пассажирскаго движенія, особенно если вспомнить, что въ Соединенныхъ Штатахъ при населеніи въ 80 милліоновъ по всѣмъ пяти магистральнымъ линіямъ ежедневно движутся на протяженіи всего континента многочисленныя поѣзда большой скорости (экспрессы).

«Петербургъ, правда, разросся, на окраинахъ выросли новые кварталы и улицы, на Старо-Адмиралтейской набережной, вдоль Невы, воздвиглись красивые дома. Но это оказывалось единственнымъ достопримѣчательнымъ измѣненіемъ къ лучшему. А въ то же время безконечный Невскій проспектъ оставался попрежнему обставленнымъ оштукатуренными безвкусными домами; за сорокъ истекшихъ лѣтъ чрезъ Неву не установлено было никакихъ усовершенствованныхъ сообщеній, и попрежнему оба ея берега связывались только однимъ постояннымъ мостомъ.

«Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, конечно, составило крупное событіе, но измѣненія, имъ вызванныя, съ внѣшней стороны мало въ чемъ сказывались. Мужикъ, по видимости, остался такимъ же, какимъ былъ и раньше. Всюду чувствовалась система гнета, съ которою я ознакомился еще въ царствованіе Николая I. При Александрѣ II въ политикѣ проводились болѣе либеральныя вѣянія, а теперь опять наступила реакція, подавлявшая и ограничивавшая стремленія къ преобразованіямъ.

«Представившись, какъ полагается по обычаю, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, я, спустя три дня, приставленными ко мнѣ для этого чиновниками по церемоніальной части, княземъ Салтыковымъ и г. Коньяромъ, былъ отвезенъ на придворномъ поѣздѣ въ Гатчину и принять государемъ. Я нашелъ Александра III хотя и болѣе замкнутымъ, чѣмъ покойный его родитель, но очень симпатичнымъ и привѣтливымъ. Такъ какъ государю, да и мнѣ, одинаково непріятно было обмѣниваться общими мѣстами и заученными фразами, то нашъ разговоръ вскорѣ принялъ непринужденный характеръ и сосредоточился главнымъ образомъ на злоупотребленіяхъ котиковыхъ и тюленьихъ промысловъ въ Беринговомъ морѣ. Затѣмъ государь перевелъ разговоръ на всемірную выставку въ Чикаго и отозвался съ большою похвалою о ея планѣ и устройствѣ.

«По окончаніи высочайшей аудіенціи меня провели чрезъ длинный рядъ залъ, разукрашенныхъ коврами, фарфоромъ, статуями, картинами и всевозможными предметами искусства, представляться императрицѣ. Супруга Александра III—очень стройная, привѣтливая, съ пріятнымъ лицомъ и милостивымъ обхожденіемъ. Государыня въ значительной мѣрѣ облегчила мнѣ первое знакомство съ нею, заговоривъ по-англійски, и удостоила меня болѣе продолжительнымъ пріемомъ, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Императрица

навела разговоръ тоже на чикагскую выставку и сказала мнѣ, что нѣкоторые предметы изъ ея частныхъ коллекцій также отправлены на выставку. Въ милостивыхъ выраженіяхъ отозвалась она о дѣятельности д-ра Тальмэджа изъ Бруклина, который прибылъ съ кораблемъ, привезшимъ пожертвованія для русскаго населенія, пострадавшаго отъ голода. Затѣмъ государыня обратилась къ характеристикѣ особенностей русскихъ людей и американцевъ и сходственныхъ между тѣми и другими чертъ, распространилась о разныхъ событіяхъ мѣстнаго характера и вообще проявила по отношенію ко мнѣ большую общительность и любезность.

«Впечатлѣніе, которое на меня произвелъ императоръ при первомъ же свиданіи, въ теченіе дальнѣйшаго моего пребыванія въ Петербургѣ слагалось совершенно опредѣлительно. Это несомнѣнно очень твердый характеръ, благонамѣренный, проникнутый нѣжною привязанностью къ семьѣ и сознаніемъ, какъ своихъ обязанностей предъ подданными, такъ и отвѣтственности предъ Всевышнимъ. Постепенно все болѣе выяснялось, что политическія и религіозныя воззрѣнія государя умѣренны, а злодѣянія, жертвою которыхъ палъ его родитель, бросили его въ объятія реакціи.

«Вскорѣ былъ я представленъ и наслѣднику цесаревичу, который произвелъ на меня впечатлѣніе очень привѣтливаго и обходительнаго юноши.

«Въ промежуткахъ между представленіями высочайшимъ особамъ сдѣлалъ я визиты моимъ коллегамъ по дипломатическому корпусу; оказались они интересными и любезными, какъ причисляется дипломатамъ. Старшиною (doyen) нашимъ въ ту пору былъ германскій посланникъ, генераль фонъ-Швейницъ, идеальная личность въ смыслѣ отправленія обязанностей старшины, богатая опытностью. Швейницъ обладалъ необычайнымъ благородствомъ и, несмотря на благодушіе, умѣлъ проявлять строгость и энергію. Занимая постъ посланника въ Вѣнѣ, Швейницъ женился на дочери своего коллеги, американскаго посла Джона Гэя, моего стариннаго пріятеля и сотрудника по американскому «Historial Association». Это положило начало нашему сближенію и придало ему дружественный отпечатокъ. Откровенность и прямотушіе Швейница при разныхъ трудныхъ обстоятельствахъ принесли мнѣ великую пользу.

«Представителемъ Англіи былъ сэръ Робертъ Моріеръ. Человѣкъ характера энергичнаго, онъ совершенно былъ обдѣленъ тою привѣтливостью, которая отличала Швейница. Высокаго роста, надменный, онъ иногда проявлялъ рѣзкость, которая почти граничила съ грубостью. Сэръ Моріеръ послѣдовательно занималъ весьма отвѣтственные посты при крупныхъ европейскихъ дворахъ и находился въ дружбѣ съ выдающимися людьми своей и чужихъ странъ.

Теперь онъ дошелъ до конца житейскаго поприща. Помню я, на одномъ изъ пріемовъ въ Зимнемъ дворцѣ, съ какимъ трудомъ взбирался онъ по лѣстницѣ, ставъ во главѣ собравшихся дипломатовъ; онъ только обмѣнялся нѣсколькими словами съ государемъ и вслѣдствіе нездоровья поспѣшилъ покинуть собраніе. Это была послѣдняя встрѣча; вскорѣ онъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ и умеръ. Преемникомъ его былъ сэръ Франкъ Лассельсъ, мой коллега по Берлину. Обхожденіе его было чрезвычайно подкупающее и опытность за нимъ была богатая: ему довелось нести обязанности посланника въ Парижѣ въ эпоху властвованія коммуны, потому что онъ побывалъ въ Тегеранѣ. Отношенія у насъ сложились дружественныя и такими же остались по настоящее время.

«Большою привлекательностью обладалъ итальянскій посланникъ Марокетти, сынъ знаменитаго скульптора. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ художественныя наклонности и съ любовью занимался искусствомъ. Въ концѣ концовъ Марокетти былъ отозванъ съ занимаемаго поста, и объясненіе этому, по общему отзыву, приписывалось тому обстоятельству, будто на дипломатической его дѣятельности вредно отозвались художественныя его увлеченія.

«Зато австрійскій посланникъ, графъ Волькенштейнъ, во многихъ случаяхъ являлся для насъ надежнѣйшимъ совѣтникомъ. Имѣя связи при всѣхъ европейскихъ дворахъ, онъ всегда былъ прекрасно обо всемъ освѣдомленъ и въ точности могъ указать, къ кому въ томъ или другомъ случаѣ слѣдуетъ обратиться, чтобы достигнуть желаемаго.

«Въ моихъ отношеніяхъ къ представителямъ русскаго правительства мнѣ довелось воспользоваться всѣми выгодами доброжелательной дружественности, съ которою въ Россіи всѣ, начиная съ государя и кончая любимъ сановникомъ, относятся къ представителямъ Соединенныхъ Штатовъ.

«Къ сожалѣнію, представители Соединенныхъ Штатовъ при Петербургскомъ дворѣ обставлены по сравненію съ европейскими коллегами крайне неблагопріятно. Они вынуждены тратить на жизнь и представительство гораздо больше получаемого ими жалованья, а потому искренно радуются, когда могутъ ухватиться за благовидный предлогъ и просить объ увольненіи отъ должности. Поэтому срокъ служенія нашихъ представителей въ Петербургѣ неизмѣнно очень непродолжителенъ — иные выдерживали такое положеніе 3—4 года, но, большею частью, одинъ мирился съ фальшивымъ положеніемъ нѣсколько мѣсяцевъ, а другой не выдерживалъ и нѣсколькихъ недѣль. Вѣчныя смѣны американскихъ представителей въ концѣ концовъ не могли не бросаться въ глаза, и однажды государь, въ разговорѣ съ однимъ изъ нашихъ дипломатовъ, изволилъ это отмѣтить, выразивъ надежду, что, авось, новый посланникъ дольше останется на своемъ посту, чѣмъ это дѣлали его предшественники.

«Во всякомъ случаѣ частыя смѣны въ личномъ составѣ американскаго посольства отнюдь не вызываются столкновениями и недоразумѣніями съ русскими властями.

«Я считаю долгомъ, — замѣчаетъ по этому поведѣу Уайтъ, — серьезно предостеречь мало освѣдомленныхъ иностранцевъ противъ напраслины, воплотившейся въ крылатое слово: «grattez le russe, et vous trouverez le tartare».

«Эту якобы политико-этнологическую аксіому съ одинаковою правильностью, или, вѣрнѣе, неправильностью, можно было приложить и къ американцу, утверждая: «раздѣньте американца, и тутъ объявится дикарь-индѣецъ».

«Въ дѣйствительности русскіе чиновники, съ которыми иностранцамъ приходится соприкасаться, — люди, высоко образованные и прекрасно воспитанные, и, какъ общее правило, ничѣмъ не отличаются отъ того чиновничества и тѣхъ властей, съ которыми сталкиваешься во всей Европѣ. А между тѣмъ представителю иностранной державы приходится вступать въ дѣловыя сношенія не съ однимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и его главою. По разнымъ дѣламъ завязываются сношенія съ министерствомъ финансовъ и съ министерствами морскимъ, военнымъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и такъ далѣе до столичныхъ и городскихъ управленій включительно. На основаніи собственнаго опыта я и скажу, что многіе изъ русскихъ чиновниковъ и сановниковъ, или, вѣрнѣе, громадное ихъ большинство, какъ люди общества и должностныя лица, ничѣмъ не уступаютъ европейскимъ ихъ коллегамъ, какихъ мнѣ приходилось знавать въ другихъ европейскихъ столицахъ. Если порою, когда наши интересы расходятся съ интересами ихъ отечества, русскіе чиновники и проявляютъ настойчивость въ требованіяхъ, упорно руководствуясь иными политическими принципами, чѣмъ мы, то все же я долженъ признать, что способы и приемы ихъ дѣйствій по корректности стоятъ выше всякой критики.

«Въ числѣ особенно тягостныхъ обязанностей, падающихъ на американскаго посланника въ Россіи, слѣдуетъ отмѣтить необходимость считаться съ американскими искателями приключеній, съ разными личностями, потерпѣвшими политическое или дѣловое крушеніе и ищущими стать подъ охрану звѣзднаго знамени. Нельзя не признаться, что въ Россіи предпринимаются совершенно безсовѣстныя попытки использовать права американскаго гражданства. Выходцы изъ Россіи, далеко не желаннаго сорта, являются въ Америку и, проживъ въ какомъ нибудь штатѣ какъ разъ столько времени, чтобы обезпечить за собою права американскаго гражданства, тотчасъ же отправляются въ Россію вспять и ищутъ воспользоваться правами, усвояемыми за ними подданствомъ въ обѣихъ странахъ, но вовсе не заботятся о выполненіи обязанностей предъ той или другой страной.

«Особенно непріятное положеніе для представителя Америки создаетъ то легковѣріе, съ какимъ наши соотечественники принимаютъ рассказы объ угнетеніи челоувѣческой личности въ Россіи. Во вторую, напримѣръ, зиму моего пребыванія въ Петербургъ я получилъ кучу писемъ и депешъ, печаловавшихся о судьбѣ нѣкаго американскаго гражданина, будто бы безъ всякаго суда сосланнаго въ Сибирь по политическимъ поводамъ. Насчетъ судьбы этого индивида поступали прошенія и протесты, покрытые сотнями подписей, отъ почтенныхъ и извѣстныхъ американцевъ и подкрѣплялись вырѣзками изъ американскихъ газетъ, метавшихъ громы и молніи противъ произвола русскаго правительства.

«По наведеннымъ мною справкамъ въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи оказалось, что незаслуженно якобы потерпѣвшій американецъ 20 лѣтъ назадъ участвовалъ въ Польшѣ въ антиправительственномъ заговорѣ, присвоилъ въ свою пользу деньги, ему ввѣренныя въ качествѣ политическаго агента, и бѣжалъ съ ними въ Америку. За амнистіею, поввѣщенною по случаю вступленія на престолъ покойнаго государя, этотъ молодецъ вернулся на родину и принялся за прежнія художества. Такъ какъ амнистія не распространялась на подобныя категоріи преступленій, то онъ былъ опять арестованъ, но власти и не помышляли о ссылкѣ его въ Сибирь, озабоченныя однимъ—разыскать деньги, которыя этотъ господинъ опять сумѣлъ себѣ обманнымъ образомъ присвоить.

«Другой случай еще типичнѣе. Въ одинъ прекрасный день меня посѣтилъ извѣстный англійскій проповѣдникъ и, волнуясь, рассказалъ мнѣ, что нѣкій американецъ подвергся аресту и заключенію въ тюрьму. Я настоялъ на скорѣйшемъ судебномъ допросѣ обвиняемаго и помимо присутствія у судебного слѣдователя имѣлъ случай побесѣдовать съ обвиняемымъ межъ четырехъ глазъ. Обвиняемый показалъ подъ присягою, что и самъ онъ и его мать родомъ изъ Аляски, а отецъ шведъ; въ Россіи никогда де онъ не бывалъ, а паспортъ, который имъ былъ предъявленъ при клятвенномъ удостовѣреніи, что онъ принадлежитъ ему, выданъ былъ вашингтонскими властями. Съ другой стороны, нѣсколько морскихъ офицеровъ, вызванныхъ въ судъ, показали подъ присягою, что обвиняемый служилъ по инженерной части на военномъ суднѣ и дезертировалъ съ корабля во время стоянки въ Петербургскомъ портѣ. Необычайнымъ представлялось то, что обвиняемый владѣлъ русскимъ языкомъ лучше, чѣмъ англійскимъ, и для челоувѣка, никогда не бывавшаго въ Россіи, оказался невѣроятно подробно освѣдомленнымъ по части русскихъ обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, обвиняемый стоялъ на томъ, что онъ—уроженецъ Аляски. Всѣ показанія складывались, однакоже, противъ него, и онъ содержался подъ стражею впредь до показанія свидѣтелей, вызванныхъ

защитою. Черезъ нѣкоторое время я узналъ, что онъ бѣжалъ изъ заключенія и, добравшись до Нью-Йорка, сталъ выдавать себя за мученика, доставивъ случай представителямъ прессы его интервьюировать, и самъ выступилъ въ газетахъ съ рядомъ статей, мрачно окрашенныхъ и поносившихъ русское правительство.

«Третій случай касался русскаго переселенца въ Америку. Онъ закидывалъ всѣ инстанціи американскаго министерства и наше посольство жалобами на посланника, который будто бы чинить препятствія къ тому, чтобы жена жалобщика могла послѣдовать за нимъ въ Америку. Въ дѣйствительности же посланникъ раздобылъ всѣ документы, нужные просительницѣ для переселенія, но нѣмецкія власти соглашались разрѣшить просительницѣ переѣздъ черезъ Германію подлѣ условіемъ предъявленія необходимыхъ для того средствъ, не желая, чтобы расходы по переселенію ея въ Америку пали на счетъ казны. А мужъ не хотѣлъ или не могъ предоставить женѣ нужной суммы, но, натурализовавшись въ Америкѣ, настаивалъ на своемъ якобы правѣ, чтобы жена была къ нему переслана.

«Мнѣ, конечно, и въ голову не приходитъ защищать русскую систему административныхъ преслѣдованій, но, во всякомъ случаѣ, по соображеніямъ международнаго такта и политической вѣжливости я бы далъ моимъ соотечественникамъ дружескій совѣтъ поменьше вѣрять баснямъ, которыя распространяются людьми, выдающими себя за жертвы русскаго деспотизма, особенно когда эти жертвы торопятся принять американское подданство затѣмъ только, чтобы поскорѣе уѣхать назадъ въ Россію и использовать тамъ права американскаго гражданства для вящаго преодолѣнія конкурентовъ по торговлѣ».

Относясь съ большимъ скепсизмомъ къ пресловутымъ дарованіямъ нашихъ дипломатовъ, Уайтъ признаетъ за ними только искусство лицемерія, но съ такимъ оружіемъ состязаться съ Линкольнами, Кавурами и Бисмарками является только покушеніемъ съ негодными средствами, и, несмотря на всѣ хитросплетенія, русское министерство иностранныхъ дѣлъ вѣчно разстрѣливаетъ свои заряды попусту. Въ примѣръ этому Уайтъ приводитъ исторію переговоровъ объ охранѣ котиковыхъ и тюленьихъ промысловъ въ Беринговомъ морѣ, гдѣ, несмотря на общность интересовъ русскіхъ и американскіхъ, Моріеръ, воспользовавшись болѣзнью министра Гирса и свѣтскими связями въ чиновныхъ кругахъ, провелъ заключеніе договора, явно убыточнаго для русско-американскихъ интересовъ.

Также недовѣрчиво относится Уайтъ и къ другимъ сторонамъ русской государственной дѣятельности. Если въ теченіе сотни лѣтъ руководящіе круги Русскаго царства не позаботились поднять умственное и нравственное развитіе народа на высшую ступень,

если они не похлопотали обратить на пользу общую неисчерпаемые естественныя богатства, хранящіяся въ нѣдрахъ Русской земли, и не создали въ сферѣ отечественной промышленности прочной основы для государственнаго могущества, то, повидимому, прилагались всѣ средства возвести на должную высоту военную мощь имперіи, на самомъ же дѣлѣ и въ этой области вниманіе посвящалось не сущности вещей, а только показной выправкѣ и парадной муштрѣ войскъ; въ результатѣ и получился крахъ, который съ 1815 г. является третьимъ печальнымъ предостереженіемъ для государствъ, на которыя ложится тяжелая задача, не покладая рукъ, слѣдовать за уровнемъ требованій, которыя предъявляетъ непрестанно развивающаяся жизнь.

«Противъ обвиненій, предъявляемыхъ къ русской государственности,—замѣчаетъ Уайтъ,—можно, конечно, возразить, что освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, во всякомъ случаѣ, знаменуетъ собою прогрессъ, а теперешнія бѣдствія составляютъ только роковыя послѣдствія этого преобразованія, не достаточно еще перевареннаго и ассимилированнаго жизнью. Можетъ быть, оно такъ и есть, но самая реформа въ смыслѣ ближайшихъ непосредственныхъ результатовъ оставляетъ желать многого. Я прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи до и послѣ отмѣны крѣпостного права и не осмѣлюсь, конечно, оспаривать благороднѣйшихъ побужденій, какими Александръ II и его сподвижники руководились въ дѣлѣ великихъ реформъ, но столь же мало оспоримъ и тотъ фактъ, что реакціонная партія вскорѣ взяла перевѣсъ надъ освободительными стремленіями, а въ результатѣ серьезной разницы въ положеніи русскаго крестьянства до и послѣ отмѣны крѣпостного права не оказывается или ясно не прослѣживается.

«Благодаря стремленію правительства опекать русскихъ гражданъ отъ тлетворныхъ вліяній, явилось невиданное нигдѣ развитіе литературной цензуры. Наши русскіе друзья нерѣдко заходили въ посольство просматривать въ нашемъ экземплярѣ газетъ статьи, которыя въ ихъ экземплярахъ оказывались зачерненными. При этомъ неоднократно обнаруживались удивительнѣйшія открытія, свидѣтельствовавшія объ ограниченности цензоровъ: въ однихъ случаяхъ вычеркивались безобидныя извѣстія, а въ другихъ оставались нетронутыми рѣзкія нападки на правительство.

«Цензурованіе книгъ носитъ характеръ еще большаго произвола. Порнографическія циничныя изданія парижскаго рынка продаются невозбранно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а какая нибудь дѣльная и цѣнная въ научномъ отношеніи книга боязливо задерживается и не допускается въ обращеніе.

«Благодаря искусственному подавленію мысли и невозможности обогащаться новыми знаніями, интенсивность умственной жизни гасится, и у русскихъ людей парализуется потребность обмѣни-

ваться мыслями отвлеченнаго или общаго характера. Вслѣдствіе этого у русскихъ людей слагаются одностороннія сужденія, не умѣряемыя и не ограничиваемыя поправками, которыя вводитъ обмѣнъ мыслями съ себѣ подобными. При такихъ условіяхъ какъ бы благородна и даровита ни была единичная личность, она причается носиться и съ собственными сужденіями, восторгаясь ими, и утрачиваетъ способность къ правильной самооцѣнкѣ; не допуская мысли о томъ, что можетъ заблуждаться, она почитаетъ собственныя измышленія за непогрѣшимую истину.

«Съ другой стороны, благодаря отсутствію свободы рѣчи и обсуждения общественныхъ вопросовъ, Россія является разсадникомъ преданій и мнѣовъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ. Нѣтъ, кажется, такой невѣроподобной бессмыслицы, которая, будучи пущена въ обиходъ, не нашла бы себѣ убѣжденныхъ вѣрующіихъ.

«Первый русскій государственный человѣкъ, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло, былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ. Я неоднократно видался съ нимъ внѣ служебныхъ отношеній въ Царскомъ Селѣ, и онъ вселилъ въ меня великое къ себѣ почтеніе.

«Особенно мнѣ памятна продолжительная бесѣда Гирса о бессмысленности военныхъ успѣховъ, при чемъ онъ опирался главнымъ образомъ на свидѣтельства событій Русско-Турецкой войны. Гирсъ ярко описалъ печальные въ этомъ отношеніи успѣхи Россіи, неблагодарность народовъ, усиліями Россіи освобожденныхъ изъ-подъ турецкаго ига, и горько скорбѣлъ о томъ, что война поглотила громадныя суммы, которыя несравненно разумнѣе можно было употребить для улучшенія положенія крестьянъ внутри государства.

«Точно также, думается мнѣ, и столкновение съ Японіею можно было уладить безъ неудобствъ и вполне удовлетворительно въ нѣсколько часовъ, если бы переговаривающіеся имѣли доброе въ тому желаніе, хотя бы способности ихъ и не превышали средней мѣрки, но тутъ ввязалась въ дѣло воинственная партія, которая вовлекла Россію въ самую жестокую войну, какую когда либо знавала исторія.

«Далѣе, необычайный интересъ во мнѣ пробудилъ дѣятель, трудовое поприще котораго лежало внѣ сферы моей дѣятельности. Я говорю о Побѣдоносцевѣ, который пользовался громадною властью и навлекъ на себя страшную ненависть. Каковы бы ни были сужденія о способностяхъ этого государственнаго дѣятеля, отрицать въ немъ патріотизмъ едва ли возможно.

«Въ англійскихъ газетахъ Побѣдоносцева описывали какимъ-то Торквемадою XIX вѣка, а между тѣмъ я въ немъ нашелъ любезнаго, привѣтливаго ученаго, горячо откликавшагося на всѣ явленія общественности».

Воспоминаніямъ о К. П. Побѣдоносцевѣ Уайтъ посвящаетъ цѣлую главу и поясняетъ, что мотивами къ суровой охранительной дѣятельности у опорачиваемаго многочисленными недругами дѣятеля являлись столько же религіозныя, какъ и политическія убѣжденія.

Вѣрующій христіанинъ, Побѣдоносцевъ въ греческо-православномъ вѣроисповѣданіи усматриваетъ первобытное по чистотѣ воплощеніе христіанскаго ученія. Чуждый озлобленія противъ иновѣрческихъ ученій, Побѣдоносцевъ въ православіи съ его обрядами и церковнымъ искусствомъ видитъ высшій доступный человечеству идеаль; точно также въ господствующей въ Россіи православной церкви съ точки зрѣнія государственнаго человѣка онъ усматриваетъ прочный оплотъ, связующее начало, которое одно можетъ объединить громадную имперію въ стройное цѣлое.

Хотя по эстетическимъ побужденіямъ широко образованный умъ Побѣдоносцева и тяготѣетъ къ высшимъ идеаламъ западно-европейскаго литературнаго творчества, религіозное и политическое его чувство со всею силою возстаетъ противъ идей, воплощаемыхъ Европою въ либерализмъ и конституціонализмъ; по искреннему его убѣжденію, парламентаризмъ есть только ослѣпительный миражъ, и если къ такимъ установленіямъ приспособилась европейская жизнь, хотя развитіе социализма, нигилизма и анархизма въ достаточной мѣрѣ изобличаетъ всю абсурдность такъ называемыхъ политическихъ свободъ, то эти начала становятся въ разрѣзъ со всѣми преданіями и правовымъ сознаніемъ русскаго народа, преклоняющагося лишь предъ автократическимъ началомъ.

Такою же снисходительную оцѣнку дѣлаетъ Уайтъ и К. В. Плеве.

«Когда я познакомился съ г. Плеве, онъ занималъ второстепенный постъ въ администраціи, но мнѣ и тогда казалось, что онъ снимаетъ съ своего начальника, министра Дурново, главное бремя сложныхъ трудовъ. При совмѣстномъ просмотрѣ уставовъ американскихъ страховыхъ обществъ на меня произвели весьма выгодное впечатлѣніе дальновидность и острота ума Плеве, равно какъ и его предупредительность. Поэтому я впоследствии чрезвычайно поразился, когда Плеве, сдѣлавшись министромъ, выступилъ суровымъ и близорукимъ реакціонеромъ. Эту метаморфозу я себѣ объясняю только тѣмъ, что Плеве своею безпощадною политикою хотѣлъ заручиться поддержкой могущественной реакціонной партіи изъ личныхъ видовъ честолюбія.

«Несомнѣнно наиболѣе выдающимся среди общественныхъ дѣятелей является г. Витте. Его управленіе русскими финансами свидѣтельствуетъ о незаурядныхъ дарованіяхъ. Онъ вывелъ государство изъ трясины бумажнаго денежнаго обращенія и введеніемъ золотой валюты далъ прочную основу государственности.

«Въ болѣе тѣсное соприкосновеніе я вступилъ съ Витте, когда онъ предложилъ чрезъ мое посредство американскому правительству сдѣлать у русской казны заемъ золотомъ, въ устраненіе затрудненія, которымъ угрожалъ Америкѣ вопросъ отъ измѣненія денежной валюты. Г. Витте открылъ мнѣ, что въ русскомъ государственномъ казначействѣ хранится многомилліонный запасъ золота, входящій въ составъ неприкосновеннаго 600-милліоннаго фонда.

«Единственнымъ результатомъ этого предложенія было то, что мнѣ поручили отъ имени президента выразить признательность и заявить ему, что въ Америкѣ не существуетъ такого закона, который бы позволилъ правительству воспользоваться подобнымъ предложеніемъ — желаніе президента сводилось къ тому, чтобы сдѣлать на денежномъ рынкѣ заемъ золотомъ подъ обезпеченіе принадлежавшихъ американскому казначейству государственныхъ бумагъ.

«Въ другой разъ мнѣ пришлось вести переговоры съ Витте по поводу представленія раввина Краускопфа изъ Филадельфіи, который хотѣлъ выяснять вопросъ о томъ, возможно ли часть еврейства, скученнаго на западной окраинѣ въ чертѣ осѣдности, переселить въ менѣе населенные округа. На этотъ предметъ единовѣрцы русскихъ евреевъ въ Америкѣ готовы были собрать особый денежный фондъ. При этихъ переговорахъ Витте проявилъ истинный либерализмъ и вдумчивость подлиннаго государственнаго человѣка. Къ сожалѣнію, большимъ мѣстомъ теорій, проводившихся въ жизнь Витте, было ошибочное воззрѣніе, будто государство свою длань должно -распростирать на веденіе промышленныхъ предпріятій и желѣзнодорожнаго хозяйства и всю хозяйственную жизнь должно принимать подъ свое высокое покровительство.

«Во всякомъ случаѣ истинною причиною паденія Витте было то, что онъ, по примѣру Тюрго и Неккера, старался спасти отечество, оберегая государственное казначейство отъ посягательствъ властныхъ людей, а для нихъ вмѣшательство министра финансовъ въ контролированіе расходовъ, мало оправдываемыхъ необходимостью, было равносильно нестерпимой обидѣ».

Несмотря на похвальные отзывы о русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ, г. Уайтъ дѣлаетъ характерную оговорку.

«Впрочемъ, я въ то же время не могу не выразить убѣжденія, сложившагося у меня постепенно на основаніи опыта: установившіяся ходячія мнѣнія о необычайной умственной силѣ, энергіи и дальновидности русскихъ государственныхъ дѣятелей мало обоснованы. Я смѣю прибавить, что государственные дѣятели и ихъ семьи чрезвычайно доступны всякому свѣтскому вліянію, а потому, если представитель иностранной державы сумѣетъ завязать и использовать свѣтскія отношенія и связи, онъ въ состояніи будетъ оказывать своей странѣ несравненно большія услуги, чѣмъ другой пред-

ставитель, путемъ хотя бы крайне искусныхъ дипломатическихъ переговоровъ».

Переходя къ характеристикѣ сдѣланныхъ имъ частныхъ знакомствъ, Уайтъ замѣчаетъ: «когда попадаешь въ Россію, диву даешься, какая встрѣчается масса выдающихся талантовъ и самобытныхъ, богато одаренныхъ людей».

«Я почиталъ не только за долгъ, но за истинное удовольствіе, познакомившись съ людьми, почему либо достойными вниманія, поддерживать съ ними тѣсныя сношенія. Если и приходилось дѣлать немало скучныхъ визитовъ по служебнымъ обязанностямъ, то явилось у меня много и назидательныхъ знакомствъ, поддерживать которыя для меня составляло истинное наслажденіе.

«Самый равносторонній русскій, съ какимъ мнѣ довелось познакомиться, былъ князь Сергѣй Волконскій. Драматургъ, актеръ, фельетонистъ, ораторъ, лекторъ, онъ во всемъ одинаково оказывался мастеромъ. Рѣчи, какія держалъ Волконскій въ Чикаго, выходили изъ ряда вонъ, а лекціи по русской литературѣ, читанныя въ Корнеллевоу университетѣ, Вашингтонѣ и другихъ городахъ, сдѣлали бы честь даже «Collège de France».

«Когда меня влекло къ обмѣну мыслями съ выдающимися учеными, я отправлялся въ петербургскій quartier latin—на Васильевскій островъ, къ профессору университета (А. И.) Воейкову. Въ его домѣ собирался кружокъ выдающихся людей. Среди нихъ меня особенно привлекалъ адмиралъ Макаровъ. Съ сенаторомъ Семеновымъ и княземъ Григоріемъ Голицынымъ вель я преинтересныя бесѣды объ ихъ путешествіяхъ по Азій, а всеобъемлюція познанія и необычайная скромность химика Менделѣева, который теперь для всѣхъ уже сдѣлался общепризнаннымъ авторитетомъ, повергали меня въ глубочайшее изумленіе.

«Петербургское общество заключаетъ въ своемъ составѣ рядъ интереснѣйшихъ дамъ, и пріемные ихъ вечера представляли для меня большую притягательную силу, такъ какъ по тону, въ нихъ царствующему, инныя петербургскія гостинныя воистину напоминаютъ французскіе salons de l'ancien régime.

«Княгиня Волконская, напримѣръ, умѣла всякаго, кто не ограничивался пустою болтовнею, привязать къ себѣ; поэтому въ ея домѣ собирались всѣ выдающіеся люди Петербурга, и здѣсь можно было услышать любопытнѣйшія бесѣды.

«На ряду съ княгинею Волконскою можно поставить жену австрійскаго посланника, графиню Волькенштейнъ, которую я зналъ еще раньше въ Берлинѣ, когда она была замужемъ въ первомъ бракѣ за прусскимъ оберъ-гофмейстеромъ, графомъ Шлейницомъ.

«Не менѣе охотно посѣщался обществомъ домъ графа (Н. П.) Игнатъева, бывшаго русскаго посланника въ Константинополь.

Жена его—внучка кн. Кутузова-Смоленскаго, сражавшагося съ Наполеономъ въ 1812 г. То, что графиня умѣла рассказать о своей юности и позднѣйшемъ пребываніи въ Константинополь, производило подчасъ неотразимое впечатлѣніе.

«Особенно привлекательна была юная княгиня Радзивилль. Въ одной изъ ея гостиныхъ висѣлъ портретъ Бальзака, зарисованный тотчасъ же послѣ его смерти и прекрасно схватившій типичныя особенности великаго писателя. Портретъ этотъ послужилъ княгинѣ отправною точкою, и она мнѣ повѣдала немало любопытныхъ подробностей о своей теткѣ, графинѣ Ганской, къ которой были обращены знаменитыя письма Бальзака, впоследствии на ней и женившагося.

«Въ этомъ же домѣ я познакомился съ другою важною дамою, съ которою встрѣчался раньше: заѣхавъ какъ-то послѣ обѣда къ первому секретарю англійскаго посольства, Генри Говарду, я въ числѣ прочихъ гостей увидѣлъ скромно одѣтую особу, которой раньше въ Петербургѣ не встрѣчалъ. Меня ей представили, фамиліи ея я не разслышалъ, но мы разговорились, и изъ ея словъ я узналъ, что она побывала въ Австраліи и въ Калифорніи, а потомъ сухимъ путемъ по Сѣверной Америкѣ проѣхала въ Нью-Йоркъ. Пережитое въ путешествіи незнакомка описывала очень ярко, и только теперь отъ княгини Радзивилль я узналъ, что моя незнакомка—англійская герцогиня Букингемъ».

Особенно широкое мѣсто въ своихъ воспоминаніяхъ Уайтъ отводитъ знакомству съ графомъ Л. Н. Толстымъ (цѣлая глава, относящаяся къ марту 1894 г.).

Уайта поразилъ приемъ графа. Его встрѣтили дажеи во фракахъ, провели къ хозяину, который оказался въ убогой крестьянской обстановкѣ и такомъ же нарядѣ, а потомъ состоялся приемъ у графини въ великосвѣтской, роскошно обставленной гостиной. Все это, вмѣстѣ взятое, произвело на Уайта впечатлѣніе чего-то дѣланнаго и театральнаго, но впечатлѣніе это вскорѣ уступило инымъ чувствованіямъ.

Ученый дипломатъ-историкъ, хорошо освѣдомленный въ богословіи, и русскій графъ, народолюбъ и мыслитель, нашли немало точекъ соприкосновенія, вмѣстѣ предпринимали прогулки по Москвѣ, заходили къ знакомымъ графу раскольникамъ и вели нескончаемыя бесѣды на разнообразныя темы. Такъ какъ содержаніе этихъ бесѣдъ составляетъ варианты къ извѣстнымъ религіозно-философскимъ трактатамъ графа Л. Н. Толстого, то мы не будемъ распространяться, а ограничимся лишь заключительною характеристикой, дѣлаемою Уайтомъ о нашемъ великомъ писателѣ.

«Меня не разъ уже спрашивали, дѣйствительно ли Толстой, на мой взглядъ, является тѣмъ, за что себя выдаетъ; при этомъ обыкновенно ссылаются на книгу, изданную одною дамою, которая

утверждаетъ, будто стояла къ семьѣ Толстыхъ въ близкихъ отношеніяхъ. По книгѣ этой выходитъ, будто все существованіе Толстого за послѣдній періодъ дѣятельности представляетъ ломаніе какой-то комедіи. Я же скажу, что почитаю Толстого за человѣка искренняго, и чуть ли не святого — онъ гениаленъ и питаетъ глубочайшую и истинную любовь къ человѣчеству.

«Нельзя быть болѣе естественнымъ, чѣмъ Толстой, онъ никогда не позируетъ, не играетъ фразами и чуждается ораторскихъ прикрасъ. Всякое высказываемое имъ положеніе просто, но серьезно. Великіе его недостатки и заблужденія проистекаютъ отъ изоляціи развитія его мышленія и являются послѣдствіемъ того, что большую часть жизни онъ разрѣшалъ запутаннѣйшіе вопросы единолично, не провѣряя своихъ воззрѣній путемъ обмѣна мыслей съ другими. Поэтому онъ молится созданнымъ имъ для себя божкамъ, порою обдѣленнымъ сущностью, а на міропредставленія и убѣжденія другихъ взираетъ съ презрительнымъ недовѣріемъ свысока. Чрезвычайно рѣдко удавалось мнѣ услышать отъ Толстого теплую восторженную оцѣнку кого либо изъ братьевъ-человѣковъ. Все это и приводитъ къ тому, что, если Толстого и припрешь къ стѣнкѣ, онъ пускается въ такія хитроумныя логическія сплетенія, что они оказываются чуждыми всякой логикѣ, а тутъ ужъ Толстой ищетъ спасенія въ парадоксахъ. Порою, когда мы гуляли вмѣстѣ, съ его устъ слетали глубочайшія и ясныя, какъ кристаллы, мысли, а выводы отсюда онъ дѣлалъ такіе глубокіе, что производилъ на меня впечатлѣніе какого-то духовидца; въ другое же время онъ какъ-то спутанно выставлялъ туманныя теоріи и дѣлалъ изъ нихъ умозаключенія, противорѣчація всякой логикѣ; поэтому я съ любопытствомъ приглядывался къ Толстому, желая провѣрить, серьезно ли онъ говоритъ или только шутить. Но всѣ его рѣчи запечатлѣны такою правдивостью, что тотчасъ же падаеть всякое подозрѣніе въ томъ, чтобы онъ могъ высказать нѣчто такое, чему бы искренно самъ не вѣрилъ, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту.

«Развитіе всего міропредставленія Толстому навѣяно окружающею обстановкою и средою.

«Два столѣтія потребовалось Россіи, чтобы медленно и мучительно высвободиться изъ средневѣковья въ самыхъ ужасныхъ его проявленіяхъ. Русская исторія во всѣхъ своихъ подробностяхъ производитъ впечатлѣніе потрясающее, а современность невольно наталкиваетъ на разочарованіе. Да и вся природа Россіи какая-то унылая, нѣтъ ни горъ, ни холмовъ, безбрежный, уходящій въ даль горизонтъ и самая даже русская лѣсная чаща не разнообразится никакими смѣнами. Страна, которая полгода остается скованною морозами, другое полугодіе изсушивается жарами. А населеніе ея! — одна часть живетъ исключительно въ свое удовольствіе, а другая изнемогаетъ отъ бѣдности и суевѣрія, и истинное народное настроеніе находитъ себѣ выраженіе въ меланхолическихъ пѣсняхъ.

«А между тѣмъ въ Россіи не одинъ великій талантъ пробивалъ себѣ пути и совершалъ великія дѣянія.

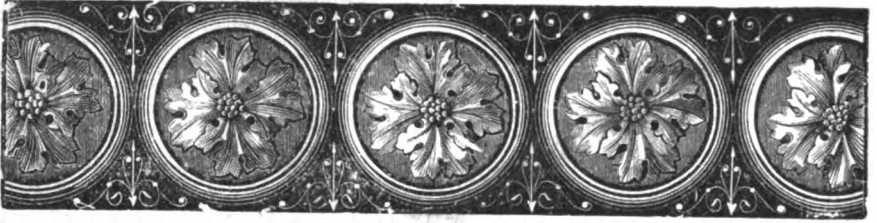
«Суворовъ, Скобелевъ, Гурко выигрывали битву за битвою, Менделѣевъ повергалъ міръ въ изумленіе открытіями, Державинъ создавалъ знаменитую оду къ Богу, рѣзецъ Антокольскаго высѣкалъ изваяніе Іоанна Грознаго, Нессельроде повергалъ всю Европу къ стопамъ самодержца, подъ вліяніемъ Милютиныхъ, Самариныхъ и Черкасскихъ 20 милліоновъ крѣпостныхъ получили освобожденіе, князья Хилковы опоясывали Россію до предѣловъ крайняго востока Азіи желѣзнодорожными путями, а Витте выводилъ русское государственное хозяйство на новые пути преуспѣянія.

«Но въ этой громадной странѣ, доселѣ не знающей обмѣна мыслями, всякая гениальная личность, пускаясь въ филантропическое отвлеченное мышленіе, тотчасъ же забредаетъ въ непроходимыя дебри. Результатъ и получается такой: если то человѣкъ науки, какъ князь Крапоткинъ, — несомнѣнно одинъ изъ выдающихся научныхъ дѣятелей современности, — то онъ додумывается не только до ниспроверженія основъ общественности въ своемъ отечествѣ, но пускается отрицать всю цивилизацію и преклоняется предъ теоретическимъ и практическимъ анархизмомъ, ставящимъ себѣ логически правильною цѣлью истребленіе человѣчества.

«Если то законченный государственный дѣятель и богословъ, какъ Побѣдоносцевъ, то онъ возвращается вспять къ средневѣковымъ теоріямъ, проповѣдуетъ подавленіе всякой освободительной мысли и отрицаетъ любое проявленіе христіанства, кромѣ православія и его обрядовъ.

«Если то человѣкъ изъ среды міровыхъ писателей, какъ графъ Толстой, котораго природная доброта сердца удержала отъ крайностей нигилизма, то онъ возводитъ Вавилонскую башню мышленія, гдѣ возвышеннѣйшія истины перепутываются съ грубѣйшими заблужденіями и парадоксами. И вотъ мы становимся свидѣтелями такого зрѣлища, гдѣ гениальный человѣкъ кидаетъ обвинительный приговоръ человѣческому знанію, провозглашаетъ возвращеніе къ природѣ, объединяя теоріи Руссо съ неправильно понятымъ Новымъ Завѣтомъ, и отвергаетъ самую идею брака вопреки собственной счастливой семейной жизни въ кругу 16-ти дѣтей. Не подлежитъ сомнѣнію, что великій, незамѣтный будничныи трудъ, направляемый къ прогрессивному развитію Россіи и улучшенію ея судебъ, будетъ поднятъ людьми, чуждыми великихъ замысловъ графа Толстого: его парадоксы будутъ забыты, но благородство его помысловъ и величіе свѣтлыхъ его идеаловъ станутъ, пожалуй, служить путеводною звѣздою для обновленной Россіи».

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Адамъ Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. М. Ловягина. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906.

РЕДЪ НАМИ превосходно выполненное изданіе извѣстнаго сочиненія Адама Олеарія. Всякій, болѣе или менѣе знакомый съ русской исторіей, конечно, знаетъ, какую важную роль играютъ при изученіи XVI и XVII вѣковъ сочиненія иностранцевъ о Россіи. Но среди нихъ, несомнѣнно, трудъ Олеарія занимаетъ первостепенное мѣсто, какъ по богатству и разнообразію свѣдѣній, такъ и по обилію тщательно исполненныхъ на мѣди рисунковъ и картъ. Не даромъ на западѣ сочиненіе Олеарія пользовалось самой широкой популярностью и считалось однимъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ трудовъ о Россіи.

Адамъ Олеарій (родился около 1599 г., † 22 февраля 1671 г.), родомъ изъ Аперслебена въ Саксоніи, магистръ филозофіи, въ свое время пользовался славой извѣстнаго и разносторонняго ученаго: его считали ученымъ математикомъ, физикомъ, историкомъ, ориенталистомъ и даже поэтомъ. Впослѣдствіи онъ занималъ мѣсто придворнаго математика и антикварія у Фредерика, герцога Голштейнъ-Готторпскаго. Когда же онъ былъ въ Московіи, то здѣсь его сочли за волшебника и звѣздочета и предложили вступить на русскую службу въ качествѣ астронома, но онъ отказался. Въ Москвѣ Олеарій бывалъ неоднократно: такъ, онъ участвовалъ въ посольствѣ 1634 г. къ Михаилу Феодоровичу, въ замѣчательномъ посольствѣ 1636—1639 г.г. къ шаху персидскому (путь лежалъ черезъ Москву), и еще разъ былъ въ Москвѣ въ 1643 г. въ качествѣ голштинскаго гонца съ какимъ-то порученіемъ. Во время путешествія Олеарій

внимательно присматривался къ жизни, обычаямъ и нравамъ населенія, собиралъ матеріалы, приобреталъ книги и рукописи, опредѣлялъ положеніе мѣстности и собственноручно заносилъ ихъ на карты. Все это и дало богатый матеріалъ для его книги.

Въ «Описаніи путешествія» въ Московію и Персію мы находимъ не только рассказъ о самомъ путешествіи, о встрѣчавшихся городахъ и населеніяхъ, о приемахъ посольства и жизни въ Москвѣ, но и обо всемъ томъ, что только «было доступно» Олеарію, и что «могло имѣть хотя малѣйшее значеніе для иностранцевъ» (Аделунгъ). Здѣсь мы встрѣчаемъ описаніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни. Такъ, Олеарій описываетъ наружный видъ, одежду и домашнюю обстановку русскихъ (хозяйство, кушанья, развлеченія), характеризуетъ ихъ духовный складъ, положеніе женщинъ въ обществѣ. Говоря о великихъ князьяхъ, онъ пересказываетъ исторію царствованій послѣднихъ 100 лѣтъ, подробно останавливается на придворной жизни и дворцовомъ управленіи, указываетъ приходы и расходы царской казны, описываетъ свадебныя торжества и обрядъ коронаванія. Серьезное вниманіе удѣляетъ общему «полицейскому строю» государства, его высшему управленію, боярамъ, околичнымъ и другимъ сановникамъ, приказному дѣлопроизводству, правосудію и видамъ наказаній. Говоритъ о религіозной жизни народа, детально останавливаясь на многихъ религіозныхъ обрядахъ и процессіяхъ (напримѣръ, описано торжественное шествіе на ослати въ вербное воскресенье съ приложеніемъ особаго рисунка), на церковномъ управленіи и роли духовенства въ жизни народа. При описаніи поѣздки въ Персію Олеарій попутно съ пересказомъ происходившихъ событій сообщаетъ различныя свѣдѣнія о тѣхъ народахъ, которые встрѣчались ему на пути («о черемисскихъ татарахъ», «о жителей странъ Ногайской и Астраханской» и т. п.).

Трудъ Олеарія впервые былъ изданъ въ Шлезвигѣ въ 1647 г. съ многочисленными рисунками. Въ 1656 г. онъ былъ вновь переизданъ въ значительно дополненномъ и переработанномъ видѣ; здѣсь появились новые рисунки, но нѣкоторые изъ прежняго изданія были опущены. Въ послѣдствіи изданіе 1656 г. было много разъ перепечатываемо. Книга Олеарія имѣла шумный успѣхъ: она переводилась и нѣсколько разъ издавалась на французскомъ, голландскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Подробное и точное указаніе на отдѣльныя изданія сочиненія Олеарія, а также общую литературную оцѣнку этой работы можно найти у Аделунга въ его извѣстномъ трудѣ «Uebersicht der Reisenden» (русскій переводъ этой книги, сдѣланный Ал. Клевановымъ подъ заглавіемъ: «Критико-литературное обозрѣніе путешествій по Россіи», см. въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей русскіихъ», начало въ кн. IX, за 1848 г., объ Олеаріи — «Чтенія», 1864 г., кн. I, отд. IV, стр. 180—185). Сочиненіе Олеарія было переведено и на русскій языкъ П. П. Барсовымъ, печаталось въ книжкахъ «Чтеній» за 1868—1870 г.г. Въ новомъ изданіи книга Олеарія напечатана съ нѣкоторымъ сокращеніемъ (сравнительно съ подлинникомъ): выпущена часть, относящаяся всецѣло къ описанію Персіи.

Настоящее изданіе по сравненію съ прежнимъ отличается многими значительными достоинствами. Прежде всего, переводъ въ немъ болѣе правиленъ и

болѣе точенъ, здѣсь впервые переведены маргиналіи (замѣтки на поляхъ) подлинника и латинскія цитаты; исправленъ рядъ начертаній собственныхъ именъ. Въ послѣднемъ случаѣ переводчикъ удачно воспользовался русскими документами, какъ печатными, такъ и рукописными, и съ помощью ихъ возстановилъ правильную форму собственныхъ именъ. Напримѣръ, въ подлинникѣ стоитъ: Collitzon, у Барсова—Кольцовъ, здѣсь—Колычевъ, что, несомнѣнно, является болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ транскрипція Барсова.

Затѣмъ, въ настоящемъ изданіи помѣщено 66 рисунковъ въ текстѣ и 19) рисунковъ на особыхъ листахъ, всего нѣсколько больше, чѣмъ при соответствующихъ частяхъ подлинника, такъ какъ здѣсь соединены рисунки изданій 1647 и 1656 г.г. Рисунки по сравненію, напримѣръ, съ французскими изданіями позднѣйшаго времени выигрываютъ во своей точности, такъ какъ они воспроизведены фото-механическимъ путемъ съ тѣхъ самыхъ изданій, гдѣ впервые они появились. Изъ картъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ точно воспроизведенная карта пути по Волгѣ, составленная и начерченная, по заявленію Олеарія, имъ самимъ въ сотрудничествѣ съ голландскимъ шкиперомъ Корвилемъ-Кляусомъ Клютингомъ. Изданію текста предослано обстоятельное введеніе А. М. Ловягина (I—XXVIII), въ которомъ использованъ не только печатный матеріалъ, но частью и архивный. Въ введеніи отмѣчены особенности настоящаго изданія, сообщаются свѣдѣнія о голштинскихъ посольствахъ, въ которыхъ участвовалъ Олеарій, и сравнительно кратко обрисовывается жизнь и дѣятельность Олеарія съ указаніемъ на изданія его книги. Въ концѣ помѣщены примѣчанія къ переводу (538—558 стр.) и тщательно составленный указатель именъ и географическихъ названій. Текстъ напечатанъ на прекрасной бумагѣ, въ рамкахъ и съ замѣтками на поляхъ, какъ печатался и подлинникъ въ изданіяхъ 1647—1671 г.г.

Мы увѣрены, что любители старины вполне сочувственно встрѣтятъ это изданіе умнаго и наблюдательнаго иностранца. Нужно отдать честь г. издателю: имъ предпринято все, чтобы изданіе получило серьезное научное значеніе и дѣйствительно великолѣпный видъ. М. К.—въ.

Л. Шишко. Разказы изъ русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1906.

Небольшая книга г. Шишко, очевидно, рассчитана на большое распространеніе: объ этомъ свидѣлствуетъ и недорогая цѣна, и выходъ ея въ свѣтъ одновременно въ двухъ изданіяхъ (второе—анонимное, подъ заглавіемъ: «Популярная исторія Россіи»). Книга эта заслуживаетъ особеннаго вниманія въ силу нѣкоторыхъ ея своеобразностей, обусловленныхъ общимъ характеромъ настоящаго времени.

Появленіе въ свѣтъ «Разказовъ изъ русской исторіи» было бы рѣшительно немислимо нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; ея изданіе стало возможнымъ, лишь благодаря установленію у насъ свободы печати, однако свобода не подразумеваетъ непремѣнно необходимости злоупотребленій ею, а рассматриваетъ

мый трудъ представляет собою яркій примѣръ именно такого злоупотребленія. Книга г. Шишко—тенденціозная книга: цѣлью ея является доказать, что исторія Русскаго государства представляет собою одно сплошное зло, одинъ позоръ, и что виновниками такого ея характера явились русскіе самодержавные государи. Авторъ не брезгаетъ никакимъ средствомъ для достиженія своей цѣли, и потому ничего общаго съ наукою русской исторіи нѣтъ въ его книгѣ, переполненной извращеніями, передержками, противорѣчіями, тенденціозными выходками, не говоря уже о многочисленныхъ ошибкахъ и случаяхъ явнаго незнанія добытыхъ наукою результатовъ; вдобавокъ и совершенно самостоятельнымъ трудъ этотъ не можетъ быть названъ, заключая въ себѣ многочисленныя перепечатки наиболѣе пикантныхъ мѣстъ изъ произведеній В. А. Вильбасова, Н. К. Шильдера и др.; къ сожалѣнію, авторъ не ограничился ролью компилятора и пожелалъ внести въ книгу и самостоятельный свой трудъ, а каковы результаты этого труда?

Прежде всего — масса ошибокъ и ненаучностей: г. Шишко убѣжденъ, что до появленія печенѣговъ русскіе славяне не вели войнъ, что пресвитеры и епископы — понятія равнозначашія, что Золотая орда—это ханская столица, что до татарщины не было великихъ князей, что войска Шуйскаго разбиты поляками не при Клушинѣ, а подъ Царевымъ Займищемъ, что существуетъ какой-то «Потребникъ», что Петербургъ возникаетъ послѣ Полтавскаго боя, что Ромодановскій назывался всешутѣйшимъ патріархомъ, что Наполеонъ завоевалъ Австрію, что Священный Союзъ заключенъ въ Вѣнѣ (стр. 5, 12, 17, 18, 63, 87, 124, 129, 192, 194) и т. п. На ряду съ этимъ онъ послѣ трудовъ гг. Дьяконова и Саввы рѣшается утверждать, что московскіе государи стали называться царями потому, что заступили мѣсто хановъ (стр. 38), послѣ изслѣдованій профессора Платонова рассказываетъ о публичномъ покаяніи Грознаго и рѣшительно не понимаетъ значенія опричнины (стр. 41 и 43), вопреки доказательствомъ профессора Ключевскаго считаетъ избравшій Годунова соборъ подтасованнымъ (стр. 53), выказываетъ полнѣйшее незнакомство съ юридическими понятіями, полагая, что можетъ существовать государство безъ отношеній подданства (стр. 100), полагаетъ, что лишь со временъ татаръ установился взглядъ на территорію, какъ на собственность правительства, забывая отношенія, сложившіяся еще въ Суздальщинѣ (стр. 105), думаетъ, что дворяне хотѣли затруднить свободный переходъ крестьянъ, чтобы крѣпче держать ихъ въ своихъ рукахъ, очевидно, не зная о потребностяхъ, вызываемыхъ положеніемъ дворянъ, какъ служилыхъ людей (стр. 109), и т. д., и т. д. Одинъ уже этотъ перечень, составленный наудачу, способенъ убѣдить кого угодно, что у г. Шишко мало общаго съ научнымъ пониманіемъ и даже знаніемъ русской исторіи; невольно вспоминаются слова Гюго: «Chacun a le droit d'être imbécile, mais il ne faut pas abuser de ce droit»; къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Шишко мы найдемъ кое-что худшее, чѣмъ поспраніе этой истинны.

Не говоря о многочисленныхъ противорѣчіяхъ автора съ самимъ собою, примѣры чего могутъ быть найдены при сопоставленіи страницъ 85 и 105 (то народъ глубоко вѣритъ въ царское самодержавіе, то вѣру и законъ царская воля замѣняетъ лишь для дворянъ), стр. 126 и 150 (то Петръ Великій ни-

чего не сдѣлалъ для крестьянъ, то онъ возставалъ противъ продажи ихъ въ розницу) и др., мы можемъ встрѣтить на страницахъ рассматриваемаго труда не только извращенія фактовъ (напримѣръ, стр. 8, 14, 22, 36, 55, 65, 91, 121, 122, 131, 134, 136, 149, 170, 178, 186, 204), но и явныя передержки, недопустимыя въ сколько нибудь серьезной работѣ (напримѣръ, стр. 13, 203). Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Г. Шипко, напримѣръ, полагаетъ, что смертной казни не было на Руси до появленія московскаго самодержавія, что московское правительство, закрѣпляя за служилыми людьми крестьянъ, не позаботилось объ огражденіи интересовъ послѣднихъ (а указы Годунова о двухдневной барщинѣ или о свободѣ перехода отъ мелкихъ помѣщиковъ къ мелкимъ же?), приписываетъ мѣры годуновскаго правительства Самозванцу, утверждаетъ, что новгородцы и псковичи (sic!) были истреблены Грознымъ, признаетъ причиною уступки Правобережной Украины полякамъ по Андрусовскому договору нелюбовь московскаго правительства къ вольному казачеству, а причиною неудачи «затѣйки» верховниковъ въ 1730 г. — желаніе «близкихъ пріятелей» Анны Іоанновны видѣть ее самодержавной въ ихъ выгодахъ, забывая о протестахъ шляхетства противъ олигархическаго характера «кондицій», объясняетъ водареніе Елисаветы Петровны тѣмъ попросту, что она «видя, какъ легко въ Россіи царская власть переходитъ изъ рукъ въ руки, захотѣла сдѣлаться императрицей», утверждаетъ, что Екатерина II не русскія земли возвратила отъ Польши, а «присоединила къ себѣ польскія земли съ кореннымъ польскимъ населеніемъ», увѣряетъ, что книга Радищева «до сихъ поръ» запрещена въ Россіи. Какъ очень характерный примѣръ передержки, можно привести цитируемыя г. Шипко евангельскія слова (Маркъ, гл. 10, стихъ 42—43) для доказательства, что Христосъ «отвергалъ господство сильныхъ и власть чловѣка надъ чловѣкомъ»; хотѣлось бы знать, почему нашъ авторъ, очевидно, большой начетчикъ, забылъ о существованіи 22 главы (стихи 15—22) Евангелія отъ Маттея или 1 стиха 13 главы Посланія къ римлянамъ апостола Павла. Тутъ же мы найдемъ любопытный примѣръ извращенія словъ Писанія (вмѣсто труждающіеся — страждущіе), одну изъ тѣхъ тенденціозностей, какими переполнена книжка. Примѣры этихъ тенденціозностей можно найти на страницахъ 10, 12, 15, 18, 25, 28, 32, 37, 51, 56, 66, 67, 85, 96, 103, 107, 108, 119, 120, 123, 129, 130, 137, 141, 148, 162, 169, 170, 171, 172, 174, 188, 196 и т. д.; особенно бросаются здѣсь въ глаза усиленное подчеркиваніе скандальной хроники дворцовой жизни (здѣсь авторъ договаривается до курьеза, изобрѣтая какую-то «должность царицына любовника»), характеристика военной организаціи и военной дисциплины, указаніе на коммунизмъ у древнихъ христіанъ, противопоставленіе служилыхъ людей и труждающагося народа, опредѣленіе собиранія Руси, какъ «захвата» московскими князьями прочихъ княжествъ, разсужденія о взаимоотношеніяхъ самодержавія и дворянства, многозначительная фраза о казакахъ, которые «тогда еще не были царскими опричниками», довольно яркая программа «настоящаго» народнаго возстанія и т. д. и т. д. Но всего любопытнѣе то представленіе о власти, какое составитъ себѣ читатель книжки г. Шипко; онъ узнаетъ, что «власть всегда портитъ людей», а что «самодержавная власть — только одинъ

обманъ»; далѣе авторъ объяснитъ ему, что всегдашній обычай власти — мучить и убивать несогласныхъ съ нею, а главная ея цѣль, чтобы народъ пребывалъ въ темнотѣ и рабствѣ, тѣмъ болѣе, что «не царь для народа, а народъ для царя». Поэтому «цари не могутъ обойтись безъ палачей» и «дорожатъ своими палачами», тѣмъ болѣе, что вмѣсто помощи народу въ бѣдствіяхъ «цари приказываютъ бить, казнить и истреблять несчастныхъ людей», а люди эти, «какая бы неглѣпость и жестокость ни взбрела царю въ голову, обязаны во всемъ повиноваться ему безпрокословно, ибо онъ де божій мазанникъ». «Не боюсь вообще проливать человѣческую кровь», цари нуждаются для поддержанія своей власти въ послушномъ войскѣ, и поэтому «армія существуетъ у самодержавныхъ царей не столько для защиты государства отъ внѣшняго врага, сколько для охраны своей власти противъ своего собственного народа» (стр. 51, 85, 90, 117, 119, 122, 127, 140, 149, 196; также стр. 70, 103, 113, 118, 159, 176, 184, 185, 205).

Войдя въ азартъ, авторъ не обращаетъ вниманія на тѣ курьезы, которые такъ и сыплются изъ-подъ его пера: то у Пугачева появляется «главный штабъ» (стр. 163), то «въ числѣ виновныхъ страдаютъ и невинные» — такъ де оно пострашнѣе будетъ и т. п.; высоко-юмористическій характеръ этой, съ позволенія сказать, русской исторіи, разумѣется, лишь выигрываетъ отъ подобныхъ обмолвокъ.

Сдѣланный нами подробный, быть можетъ, даже слишкомъ подробный, разборъ книги г. Шишко избавляетъ насъ отъ прискорбной обязанности дать ея оцѣнку: «иже чтеть—да разумѣеть».

Старовъ.

А. А. Титовъ. Кремль Ростова Великаго. М. 1905.

Обширная и продолжительная учено-литературная дѣятельность А. А. Титова была въ большой своей части посвящена Ростову Великому и его уѣзду. Онъ составилъ описаніе Ростовскаго уѣзда въ «историческомъ, археологическомъ и статистическомъ» отношеніяхъ; сообщилъ свѣдѣнія «о кустарныхъ промыслахъ въ Ростовскомъ уѣздѣ»; посвятилъ обширный трудъ «дѣятельности Ростовскаго земства по народному образованію и по охраненію народного здравія»; издалъ «дорожныя и переписныя книги» Ростова Великаго и рядъ «вкладныхъ» и другихъ книгъ монастырей Ростовскаго уѣзда. Десять лѣтъ тому назадъ вышелъ въ свѣтъ и обширный его трудъ: «Ростовъ Великій и его святыни». Въ 1880-хъ г.г. А. А. Титовъ, въ качествѣ одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ такъ называемой Кремлевской комиссіи, занимался реставраціей древнихъ церквей и зданій Ростовскаго кремля и весьма много способствовалъ учрежденію въ 1883 г. въ Ростовѣ Ростовскаго музея церковныхъ древностей. Въ настоящемъ (1905) году неутомимый изслѣдователь обогатилъ нашу литературу новымъ трудомъ по археологіи Ростова Великаго, посвященнымъ историко-археологическому описанію «Кремля Ростова Великаго». Такъ какъ это сердце одного изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи наиболѣе богато прекрасными памятниками церковной архитектуры доне-

тровой Руси и нынѣ въ реставрированномъ видѣ служить предметомъ особаго вниманія и изученія изслѣдователей и путешественниковъ, то намъ кажется излишнимъ остановиться здѣсь нѣсколько подробнѣе на его «описаніи».

«Все, что мы знаемъ теперь подъ именемъ Ростовскаго кремля,—говоритъ намъ авторъ (стр. II),—въ теченіе многихъ вѣковъ—со времени первоначальнаго построенія соборнаго храма въ 990 г. и до перевода архіерейской кафедры изъ Ростова въ Ярославль въ 1788 г.—служило резиденціей владыкъ ростовскихъ и было извѣстно подъ названіемъ Ростовскаго архіерейскаго дома». Упомянутый впервые въ лѣтописяхъ подъ 1212 г. Ростовскій «дворъ епископовъ» не разъ разрушался татарами и поляками, много разъ горѣлъ и вновь отстраивался и возстановлялся. «Сохранившіяся до нашего времени зданія кремля большею частію возведены въ XVII столѣтіи трудами приснопамятнаго ростовскаго митрополита Іоны Сысоевича; другія же, болѣе древнія, реставрированы имъ или вновь исправлены». Іона Сысоевичъ, будучи «большимъ знатокомъ и любителемъ строительства» и имѣя къ тому же при одномъ архіерейскомъ домѣ до 16.340 крестьянъ, украсилъ свою митрополию великолѣпнѣйшими по времени зданіями и храмами». Такъ, въ Ростовѣ онъ «воздвигъ домъ архіерейскій и митрополичій дворъ, оградилъ оградю каменною по городовому устроенію съ башнями, съ бойницами и съ зубцами»... «Воздвигъ» въ немъ каменные церкви: Воскресенія Христова, Іоанна Богослова, «Всемялостиваго Спаса» и Григорія Богослова и проч. Преемникомъ митрополита Іоны, Іоасафомъ Лазаревичемъ, среди другихъ построекъ, была «воздвигнута» пятая церковь «во имя Пресвятыя Богородицы Одигитріи; въ ней иконостасъ рѣзной, золоченый, весьма изряденъ»; но со смертію его «окончилось процвѣтаніе Ростовскаго кремля, да и самое состояніе архіерейской казны, благодаря реформамъ Петра I, пришло въ скоромъ времени въ полное оскуднѣніе». Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ доходы ростовскаго митрополичьяго двора пришли въ такое печальное состояніе, что уже въ 1707 г. преемникъ Іоасафа, святитель Димитрій, вынужденъ былъ въ письмѣ къ одному московскому своему старинному другу изложить такую скромную просьбу: «и опроси чаю невеликое у благодѣтелей Алексѣя Александровича или у Василія Семеновича» (стр. 36). Послѣ наиболѣе гибельныхъ пожаровъ 1730 и 1758 гг. Ростовскій кремль возстановлялся очень плохо и медленно, да и уцѣлѣвшія его обширныя палаты требовали, по словамъ ростовскаго архіепископа Самуила Миславскаго (1776—1783), «великой суммы на содержаніе»... Съ перенесеніемъ въ 1788 г. архіерейской кафедры изъ Ростова въ Ярославль, ростовскій архіерейскій домъ отдавался въ распоряженіе ярославскаго губернатора, который «покон и кладовыя» подъ Одигитріевскою церковью обратилъ въ помѣщенія казначейства, а «подъ Красной палатой» устроилъ «склады винныя и соляныя» и т. д. «Вскорѣ и кремлевскія церкви оказались «лишними» и оставлены были безъ богослуженія, а Григорьевская и Іоанно-Богословская предназначены даже къ сломкѣ и разборкѣ»... (стр. 60). Въ 1818 г. главный директоръ путей сообщенія, генералъ-лейтенантъ Встанкуръ, проектировала на мѣстѣ кремля Ростовскаго «построить домъ торжища—гостиноярмарочный дворъ» (стр. 61), но, къ счастью, этотъ проектъ не осуществился.

Рядомъ съ дѣйствиємъ разрушительнаго времени, многія зданія кремля были обращены въ «склады снирта и вина, курени и ледники для трактирщиковъ» и пр.

Первая попытка къ поддержанію разрушающагося кремля была произведена въ 1824 г., при содѣйствіи ярославскаго губернатора, А. М. Безобразова, но она ограничилась лишь «устройствомъ на двухъ башняхъ близъ Іоанно-Богословской церкви деревянныхъ крышъ и окраскою самаго храма». Послѣ того только въ 1860-хъ г.г. вновь приступили, на средства ростовскаго купца И. И. Хранилова, къ обновленію церквей: Воскресенія Христова, Смоленской Божіей Матери Одигитріи, Іоанна Богослова и «Спаса на сѣняхъ». Что же касается Григорьевскаго храма, Митрооличьяго дома, Бѣлой палаты и другихъ зданій кремля, то на нихъ въ концѣ 1870-хъ г.г. «не было ни крышъ, ни потолковъ; своды во многихъ мѣстахъ совсѣмъ провалились; стѣны дали глубокія трещины; въ удаленныхъ отъ глаза человѣческаго углахъ осиротѣвшихъ развалинъ основали свои жилища птицы»... (стр. 68).

Изъ всѣхъ ученыхъ археологовъ болѣе всѣхъ, повидямому, скорбѣлъ объ этомъ предсѣдатель Московскаго археологическаго общества, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. «Его горячія, убѣдительныя рѣчи»—говоритъ А. А. Титовъ,—о священной обязанности каждаго охранять всѣми мѣрами древніе памятники родной старины открыли намъ цѣлый міръ новыхъ понятій, открыли ясно и опредѣленно, какое драгоцѣнное наследіе предковъ гибнетъ въ Ростовѣ, въ его историческомъ кремлѣ» (стр. V). Благодаря его настоянію, была образована въ 1880 г. особая комиссія для производства и тщательной, научно обоснованной и глубоко продуманной реставраціи Ростовскаго кремля. На средства братьевъ: Евграфа и Всеволода Ивановичей Королевыхъ (а потомъ и другихъ: Кекина, Вахромѣевыхъ и проч.), ею были реставрированы: въ 1883 г.—Бѣлая палата въ томъ видѣ, какъ создалъ ее митрополитъ Іона Сысоевичъ; а въ слѣдующемъ 1884 г.—княжѣе терема, Іонинская палата и церковь Григорія Богослова. Послѣ этого реставрація церквей и зданій кремлевскихъ продолжалась непрерывно до конца 1896 г., когда возстановленіемъ «Іераршихъ палатъ» закончились и всѣ работы комиссіи. «Дальнѣйшая судьба кремля,—говоритъ А. А. Титовъ,—можетъ теперь считаться до извѣстной степени обезпеченной». 4 марта 1888 г. Государемъ Императоромъ утверждены были «Правила управленія Ростовскимъ кремлемъ», который признается (первымъ пунктомъ ихъ) «церковно-историческимъ памятникомъ», имѣющимъ для своего охраненія и возстановленія особую комиссію.

Такова въ общихъ чертахъ рассказанная намъ А. А. Титовымъ исторія возникновенія и реставраціи «Ростовскаго архіерейскаго дома», сравнимаемаго еще архіепископомъ Самуиломъ по своему значенію съ «Троицкой лаврой» и «Воскресенскимъ монастыремъ Новоіерусалимскимъ». Свое изложеніе авторъ сопровождаетъ цѣлымъ рядомъ портретовъ и рисунковъ, тщательно исполненныхъ, и тѣмъ еще болѣе возвышаетъ достоинства своей книги, которая, помимо научнаго значенія, послужитъ къ возбужденію широкаго интереса и среди всѣхъ болѣе или менѣе интересующихся нашей родной стариной.

В. Рудаковъ.

Лицевой иконописный подлинникъ. Томъ I. Иконографія Иисуса Христа. Историческій и иконографическій очеркъ, сочиненіе академика Н. Кондакова, съ 116 рисунками. Атласъ таблицъ: 14 цвѣтныхъ автотипій, 5 геліографюръ, 40 фототипій, 84 литографическія таблицы. Изданіе высочайше утвержденнаго комитета попечительства о русской иконописи. Спб. 1905.

Должна ли икона быть въ то же время и художественной картиной, можетъ ли иконографія удовлетворять требованіямъ живописи — свободной и индивидуальной, свободенъ ли иконописецъ въ выборѣ сюжетовъ и трактовкѣ типовъ? Эти вопросы, тѣсно связанные между собой, такъ же стары, какъ стара и самая религія. И, несмотря на долгое существованіе религій и церковной живописи, какъ ея непремѣнной служительницы; несмотря на то, что подобные вопросы поднимались не разъ, при разныхъ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ; несмотря на то, что много разъ иконографіи отказывали въ причисленіи ея къ области искусства и называли ее простымъ мастерствомъ, — этотъ вопросъ все-таки остается новымъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ начинается «искусство», и гдѣ оканчивается «мастерство»? Какая грань отдѣляетъ художника-артиста отъ ремесленника-промышленника? Въ чемъ заключается переходъ отъ живописной картины къ иконѣ и наоборотъ? Намъ кажется, что подобные вопросы отдають такой праздною схоластикой, что споръ переходитъ въ одну игру словъ, и остается одно рѣшеніе: опредѣлить цѣли религіознаго искусства и только изъ нихъ выводить цѣлесообразность каждаго отдѣльнаго произведенія этого искусства. Консервативная по своей сущности, построенная по старой системѣ, таинственная по своему самоопредѣленію и заключенная въ опредѣленные рамки незыблемыхъ догматовъ и обрядовыхъ традицій, — всякая идеальная религія должна наложить суровую, съ точки зрѣнія искусства свѣтскаго, руку на искусство церковное. Отсюда само собою понятно, что въ немъ вѣтъ мѣста свободѣ фантазіи и личнымъ вкусамъ, оригинальности въ трактовкѣ и реализму въ передачѣ и т. д. Поскольку неизмѣнна религія, какъ мистическое единеніе небеснаго міра съ земнымъ, постольку и служительница ея, иконографія, должна обращать свои взоры не впередъ, а назадъ къ старинѣ, къ той старинѣ, которая освящена вѣками и канонизована традиціями. Даже элементъ «живописи» не всегда составляетъ безусловный плюсъ въ ней. Разъ христіанская икона представляетъ идеальное «подобіе», то всякій реализмъ, естественно, влечетъ за собой пониженіе представленія высшаго религіознаго идеала, и икона перестаетъ быть таковой. Академикъ Н. П. Кондаковъ очень удачно характеризуетъ ошибки въ попыткахъ живописцевъ средней и западной Европы выработать «натуралистическій» типъ Спасителя. Получается «низменная вульгарность», «грубо-реальный типъ» и т. д. «Сѣверная и южная живопись, — говоритъ онъ, — какъ бы прилагають особенныя усилія, чтобы разойтись возможно дальше въ пониманіи и представленіи образа Спасителя: первая стремится самую низменностью реального образца приблизить Спасителя къ земной дѣйствительности, а вторая пытается возвеличить традиціонный образъ, доведя его до крайней

степени отвлеченности. Образъ Спасителя интересуетъ позднѣйшихъ живописцевъ—Гвидо-Рени, Паоло Веронезе, Веласкеса, Мурильо и Рубенса—зачастую, какъ фигура, тѣло которой надо выписывать съ натурщика въ Распятіи. Весьма рѣдко живописцу удается достигнуть глубокихъ чувствъ въ образѣ Спасителя. Въ томъ же раздвоенномъ положеніи остается живопись по отношенію къ идеалу Спасителя до настоящаго времени, или повторяя лишенный содержания традиціонный шаблонъ, или придумывая натуралистическія подобія для этого идеала, низводя ихъ верѣдко ниже и ниже, ища поразить глазъ зрителя реализмомъ изображенія и забывая, что этимъ путемъ нельзя замѣнить отсутствующій высшій идеалъ» (стр. 58—59). Изъ этого ясно, что у живописи и у иконописи цѣли совершенно иныя. Иконографическіе сюжеты вырабатывались вѣками, вмѣстѣ съ формулировкой догматовъ, а потому всякія отступленія отъ нихъ въ сторону «самомышленія» равносильны произволу толкованій самыхъ догматовъ.

Мы остановились на общей характеристикѣ иконописи потому, что у насъ въ обществѣ далеко не многіе понимаютъ всю разумность, всю жизненность и величавое обаяніе старины; что на ея «застывшія» формы обыкновенно смотрять, какъ на нѣчто мертвенное и неподвижное по духу и содержанию; что извѣстіе о начатомъ изданіи «Иконописнаго лицевого подлинника» въ прессѣ было понято, какъ желаніе комитета попечительства о русской иконописи совершенно ограничить творчество нашихъ иконописцевъ и тѣмъ установить какой-то шаблонъ, стереотипъ, цenzуру и т. п. Это невѣрно, и каждый, кто понимаетъ духъ національной старины, — пойметъ и цѣль грандіознаго изданія: не подбивать этого творчества какимъ-то насильственнымъ требованіемъ, а предоставить лишь богатый матеріалъ для изученія иконописцами родной старины, дать неисчерпаемый источникъ для вдохновенія иконописцевъ, собрать лучшіе образцы «пресловущихъ» (по древней терминологіи) мастеровъ-артистовъ. Такимъ образомъ, все изданіе преслѣдуетъ прежде всего археологическія цѣли, а добровольныя подражанія глубоко-національнымъ и высоко-религіознымъ образцамъ художественной старины, естественно, могутъ только упорядочить кустарное производство иконъ и обезпечить дальнѣйшее развитіе «народной» иконописи на началахъ религіозно-національныхъ. Указанныя соображенія настолько просты и ясны, что появленіе Подлинника можно только приветствовать и пожелать скораго выхода остальныхъ томовъ.

По научности и изяществу это изданіе стоитъ особнякомъ и освобождаетъ самаго строгаго критика отъ необходимости подробнаго разбора изданія со стороны исторической и эстетической, а разнообразіе иконографическаго матеріала, принадлежащаго разнымъ эпохамъ и разнымъ школамъ, еще разъ показываетъ, что комитетъ не имѣетъ въ виду никакихъ ограничительныхъ тенденцій. Обратившійся же къ Подлиннику мастеръ или заказчикъ иконъ найдетъ здѣсь нѣсколько десятковъ образцовъ одного и того же сюжета и такимъ образомъ имѣетъ полную возможность остановиться на томъ, что покажется ему болѣе древнимъ или возвышеннымъ, болѣе красивымъ или величавымъ, болѣе національнымъ или общечеловѣческимъ, болѣе типичнымъ или индивидуальнымъ и т. д. Обширное предисловіе академика П. П. Ковдакова

написано съ глубокимъ знаніемъ предмета, доступно, мѣстами красиво и сопровождается массою иллюстрацій, дающихъ въ общемъ ясную и демонстративную картину разнообразныхъ историческихъ изображеній Спасителя на востокъ и на западъ, въ мозаикѣ, на фрескахъ, въ станковой живописи и подѣлкахъ художественной промышленности. Оно заключаетъ въ себѣ два большіе отдѣла: «Историческій очеркъ» и «Иконографическій очеркъ», за которыми слѣдуетъ объяснительный указатель. Изданіе стоитъ 25 рублей, и, зная стоимость артистическихъ воспроизведеній, особенно красками, цѣну огромнаго альбома около 150 таблицъ слѣдуетъ считать невысокой.

А. И. Яцимирскій.

Рожковъ, Н. Историческіе и соціологическіе очерки. Сборникъ статей, ч. I. Изданіе И. К. Шамова. М. 1906.

Въ этой книгѣ собраны статьи г. Рожкова, печатавшіяся въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ разныхъ повременныхъ изданій. Статьи въ интересахъ читателя раздѣлены на двѣ части: въ первой помѣщены статьи болѣе общаго характера, рассчитанныя на широкіе круги читающей публики, во второй — болѣе спеціальныя. Само собой разумѣется, — поясняетъ авторъ въ предисловіи, — предлагаемый сборникъ не включаетъ въ себя всего, напечатаннаго авторомъ за время его литературной дѣятельности; сюда не вошли большіе труды, какъ «Сельское хозяйство Московской Руси XVI вѣка», «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія», а также и нѣкоторыя брошюры.

Въ сборникѣ напечатаны статьи довольно разнообразнаго характера, хотя съ значительнымъ преобладаніемъ статей по историко-экономическимъ вопросамъ. Въ немъ помѣщены: 1 — Исторія, мораль и полтика (1 — 19 стр.); 2 — Научное міросозерцаніе и исторія; 3 — Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи (29 — 46); 4 — Сельское хозяйство въ Московской Руси и его вліяніе на соціально-политическій строй того времени; 5 — Развитие экономическихъ и соціальныхъ отношеній въ Россіи XIX в. (81 — 102); 6 — Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи; 7 — Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ новой Россіи (133 — 164); 8 — Психологія характера и соціологія (165 — 259).

Изъ статей историческихъ наиболѣе любопытны статьи о формахъ землевладѣнія въ древней и новой Россіи. Здѣсь авторъ пытается установить связь между формой землевладѣнія и господствующей системой народнаго хозяйства. Вкратцѣ содержаніе ихъ таково. «Основнымъ элементомъ всего хозяйственнаго развитія новой, какъ и древней Россіи, — говоритъ г. Рожковъ (примѣняя къ исторіи Россіи выводъ М. Ковалевскаго о значеніи плотности населенія для народнаго хозяйства см. «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства»), — оставался ростъ населенія. Непосредственными проявленіями этого роста населенія были постепенное распространеніе земледѣлія на всю почти территорію страны и зарожденіе и медленное развитіе денежнаго хозяйства, разчитаннаго при томъ на болѣе или менѣе обширный рынокъ.

Соответственно пзмѣненію въ системѣ народнаго хозяйства пзмѣнялись и формы землевладѣнія. Сначала, на зарѣ исторіи, въ первую стадію развитія народнаго хозяйства, когда населеніе чрезвычайно рѣдко, и главной отраслью народнаго производства является добывающая промышленность, всюду господствуетъ вольное землепользованіе. Вторая стадія въ развитіи натурального хозяйства, отличающаяся начавшейся борьбой земледѣлія съ добывающей промышленностью, отмѣчена преобладаніемъ складническаго или сябринаго землевладѣнія. Наконецъ, съ побѣдой земледѣлія наступаетъ третья и послѣдняя стадія въ развитіи натурального хозяйства; типическими для этой стадіи формами землевладѣнія надо считать помѣстье и монастырскую вотчину». Со второй половины XVI в. въ Россіи вачинаетъ зарождаться денежное хозяйство, которому прежде натуральное мало-по-малу уступило свое господствующее положеніе. Подъ влияніемъ этой новой формы народнаго хозяйства, въ связи съ господствомъ земледѣлія въ области формъ землевладѣнія и въ организаціи народнаго труда, обнаружались два параллельныхъ ряда послѣдствій. Первый рядъ состоитъ въ смѣнѣ несвободныхъ формъ земельного владѣнія—служилаго землевладѣнія и монастырской вотчины—полусвободными, дворянской недвижимоі собственностью и государственнымъ землевладѣніемъ. Второй рядъ послѣдствій слагается, во-первыхъ, изъ крѣпостнаго права на крестьянъ, усвоившаго при этомъ характеръ личной, а не поземельной крѣпости; во-вторыхъ, изъ мірскаго общиннаго или уравнительно-душевого крестьянскаго землепользованія. Наконецъ, съ половины XIX вѣка денежное хозяйство въ Россіи вступило во вторую стадію своего развитія, что повело, съ одной стороны, къ паденію крѣпостнаго права, съ другой, къ торжеству свободной, безсословной земельной собственности и началу разложенія мірскаго землевладѣнія.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе статей, касающихся формъ землевладѣнія. Нужно сказать, что попытка автора поставить въ связь формы землевладѣнія съ системой народнаго хозяйства довольно любопытна, хотя рѣшеніе вопроса далеко не кажется убѣдительнымъ. Прежде всего оно не вездѣ отличается послѣдовательностью. Такъ, на стр. 121 отмѣчается, что въ формахъ землевладѣнія въ концѣ XV вѣка произошелъ переходъ: «отъ сябринаго къ подворно-участковому», а на 130 и 132 стр. настойчиво указывается, что отъ складническаго или сябринаго землевладѣнія былъ переходъ къ землевладѣнію въ видѣ помѣстій и монастырскихъ вотчинъ. Затѣмъ утвержденіе автора, что въ XVI вѣкѣ помѣстья и монастырскія вотчины занимали большую часть территоріи Московскаго государства, является простымъ предположеніемъ: у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, касающихся всей Россіи, а цифровыя указанія относительно отдѣльныхъ мѣстностей, при приложеніи ихъ ко всей территоріи, могутъ привести лишь къ совершенно произвольнымъ выводамъ. При чтеніи статей о формахъ землевладѣнія вызывается рядъ и другихъ недоумѣній.

Однако, несмотря на нѣкоторую смѣлость рѣшеній вопросовъ авторомъ и на его порой недостаточное вниманіе къ деталямъ, статьи, помѣщенные въ сборникъ, заслуживаютъ полнаго вниманія: онѣ подкупаютъ новизной мысли, широтой взглядовъ и живостью изложенія.

К — въ.

Историческія письма. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1905.

Эта квага принадлежит перу извѣстнаго эмигранта, социолога-публициста П. Л. Лаврова (Арнольди, Миртовъ—псевдонимы того же автора). Она уже давно была извѣстна въ печати, сначала въ видѣ отдѣльных писемъ, помѣщенныхъ въ 1860-хъ г.г. въ «Недѣль», а потомъ въ изданіи 1870 г., которое, впрочемъ, скоро же сдѣлалось для широкаго круга читателей почти что недо-ступнымъ.

Въ «Историческихъ письмахъ» авторъ занимается рѣшеніемъ многихъ основныхъ вопросовъ исторіи и пытается указать мѣсто исторіи, какъ науки, въ ряду другихъ наукъ примѣнительно къ интересамъ человѣка. На вопросъ: «что ближе для современной жизни—естествознаніе или исторія?» онъ отвѣчаетъ: «основныя части естествознанія составляютъ совершенно необходимую подкладку современной жизни, но представляютъ для нея болѣе отдаленный интересъ. Что касается до высшихъ частей естествознанія, до всесторонняго изученія процессовъ и продуктовъ жизни лица и общества, то подобное изученіе стоитъ совершенно на одной ступени съ исторіей, какъ по теоретической научности, такъ и по практической полезности; нельзя сказать, что эти части естествознанія связаны съ болѣе дѣловыми вопросами для человѣка, чѣмъ исторія, но серьезное изученіе ихъ невозможно безъ изученія исторіи, и онѣ осмысливаются для читателя лишь настолько, насколько для него осмыслена, исторія».

Далѣе авторъ рѣшаетъ вопросъ, что слѣдуетъ признавать историческимъ, и все ли въ прошломъ достойно вниманія историка. По его мнѣнію, къ фактамъ прошлаго, къ процессу исторіи волей-неволей приходится прилагать субъективную оцѣнку, т.-е. «усвоивъ, по степени своего нравственнаго развитія, тотъ или другой нравственный идеаль, расположить всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или противодѣйствовали этому идеалу, и на первый планъ исторіи выставить по возможности тѣ факты, въ которыхъ это содѣйствіе или противодѣйствіе выразилось съ наибольшей яркостью» (стр. 37). Это приближеніе историческихъ фактовъ къ реальному или идеальному лучшему, по мнѣнію автора, и составляетъ для каждаго единственный смыслъ исторіи, единственный законъ исторической группировки событій,—законъ прогресса, считаемъ ли мы прогрессъ фактически непрерывнымъ или подверженнымъ колебаніямъ. Значить, по неизбѣжной необходимости человѣческаго мышленія, для человѣка процессъ исторіи всегда представляется борьбой за прогрессъ, реальнымъ или идеальнымъ развитіемъ прогрессивныхъ стремленій, прогрессивнаго пониманія, и лишь тѣ явленія были историческими въ строгомъ смыслѣ этого слова, которыя вліяли на этотъ прогрессъ.

Чтобы показать, каково содерженіе остальной части книги, мы только укажемъ на тѣ предметы, которыхъ касается авторъ. Такъ, онъ трактуетъ о роли личности въ исторіи, о силѣ критической мысли, объ обществѣ и формахъ общественности, о національности въ исторіи, о значеніи договора и закона, о государствѣ, о теоріи и практикѣ прогресса. Заканчивая книгу, авторъ

нищать: «Настоящее нельзя оторвать отъ минувшаго, но и минувшее потеряло бы всякое живое и реальное значеніе, если бы оно не было неразрывно связано съ настоящимъ, если бы одинъ великій процессъ не охватывалъ исторію въ ея цѣломъ». Предъ нами тѣ же задачи истины и справедливости, чтó раскрываются подъ многообразными формами прошлаго; «вопросы дня получаютъ свой дѣйствительный, существенный интересъ именно отъ тѣхъ вѣчныхъ историческихъ вопросовъ, которыхъ авторъ коснулся въ этихъ письмахъ. Читатели поймутъ, что они именно, какъ личности, должны совершить критическую работу мысли надъ современной культурой... что они именно должны противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что они именно должны образовать растущую силу для усиленнаго хода процесса».

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые вопросы, затронутые авторомъ, уже потеряли свою остроту или же рѣшаются иначе, съ другихъ точекъ зрѣнія. Напримеръ, вопросъ объ отношеніи естествознанія къ гуманитарнымъ наукамъ (въ частности и къ исторіи), вызывавшій такъ много споровъ въ 1860-хъ г.г., въ эпоху крайняго увлеченія естественными науками, теперь уже потерялъ свое боевое значеніе. Несмотря, однако, на нѣкоторую устарѣлость, «Историческія письма» все же имѣютъ свои достоинства и теперь. Въ нихъ затронутъ цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ, которые и въ настоящую пору имѣютъ жизненное значеніе. Авторъ всюду старается внести ясность и даетъ посильные отвѣты на затронутые вопросы. Если не всегда читатель можетъ согласиться съ авторомъ, то все же книга дастъ ему нѣкоторыя отправки точки и будитъ мысль. Въ этомъ значеніи книги несомнѣнно. Изложеніе въ ней, соотвѣтственно самой темѣ, отвлеченно и нѣсколько сухо, но читается книга съ интересомъ. Съ внѣшней стороны книга издава довольно хорошо, цѣна (1 рубль) — вполне доступна.

Е—въ.

В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и рассказы. Изданіе 2-е. Спб. 1905.

При появленіи на свѣтъ перваго изданія повѣстей и рассказовъ г. Грибовскаго намъ приходилось упоминать, что лишь половина книги посвящена повѣстямъ и рассказамъ собственно историческимъ, содержаніе же остальныхъ произведеній почерпнуто изъ текущей современности. Хотя съ того времени прошло не больше трехъ лѣтъ, но событія, чередовавшіяся одно за другимъ съ головокружительною быстротою, провели такую рѣзкую грань между этою недавнею современностью и являющимся ей на смѣну укладомъ жизни, что въ настоящее время, строго говоря, и большая часть произведеній автора, относящихся къ послѣдней категоріи (кромѣ двухъ-трехъ этюдовъ психологическаго характера), можетъ быть отнесена уже къ разряду повѣствованій, имѣющихъ значеніе историческое. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе должно быть удѣлено самой крупной изъ повѣстей, носящей заглавіе «Передъ завѣтной дверью». Герой повѣсти, студентъ Сушковъ, подобно большинству молодыхъ людей, вступающихъ въ жизнь въ эпоху російскаго безвременья, еще на школь-

ной скамьѣ соображаетъ, что ему выгоднѣе начать службу въ провинціи, такъ какъ это «на годъ сокращаетъ на чинъ выслугу»; онъ проникается невольнымъ почтеніемъ къ чиновнику Новомѣйскому потому только, что тотъ, имѣя всего двадцать девять лѣтъ отъ роду, «числился въ чинъ надворнаго совѣтника и получалъ чуть ли не двѣ тысячи жалованья при казенной квартирѣ». Съ практическимъ чутьемъ, свойственнымъ молодымъ людямъ такого закала, онъ понимаетъ, что «нынче трудно начать, устроиться, зацѣпиться», а потому онъ считаетъ «дѣломъ дальновидной и расчетливой политики» ухаживать заблаговременно и за своимъ дядей, занимающимъ вице-губернаторскій постъ въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ, и за упомянутымъ уже Новомѣйскимъ, правителемъ канцеляріи губернатора.

По поводу историческихъ разсказовъ г. Грибовскаго: «Душа женщины», «Алмазъ изъ рода Гиреевъ» и др.,—слѣдуетъ отмѣтить, какъ характерную ихъ особенность, что авторъ избѣгаетъ избитыхъ сюжетовъ и предпочитаетъ ходить по непротореннымъ дорожкамъ. Такъ, дѣйствіе повѣсти «Душа женщины» развивается на фонѣ живыми чертами нарисованной картины быта и нравовъ Ягеллонскаго университета XVI вѣка. Университетъ этотъ, основанный въ Краковѣ Казимиромъ Великимъ по образцу высшихъ школъ Боловни и Парижа, впитавшій въ себя засимъ особый духъ германскихъ университетскихъ корпорацій и за долгіе годы своего существованія выставившій пѣлый рядъ выдающихся теологовъ, философовъ и юристовъ, въ описываемую авторомъ эпоху переживалъ періодъ упадка. Тѣмъ болѣе рельефной представляется фигура самаго интереснаго изъ дѣйствующихъ лицъ, «еретика и чернокнижника», профессора Костки, который въ стремленіи къ проникновенію въ самыя сокровенныя тайны природы рѣшается, для того, чтобы познать «тайну вѣчнаго возрожденія», вызвать при помощи заклинаній «душу женщины», такъ какъ она одна можетъ освѣтить этотъ вопросъ. Въ обработкѣ крымской легенды «Алмазъ изъ рода Гиреевъ» авторъ выказалъ много поэтического чутья, и вмѣстѣ съ тѣмъ его ханы, муллы, пѣвцы, начальники ханскихъ рабовъ и др., равно какъ гаремныя обитательницы, являются ли онѣ въ видѣ бедуинки Зайнадъ, бойкой, живой и остроумной, или въ образѣ ханской дочери Амдэ, нашедшей въ своей безумной страсти свою гибель,—не манекены, наряженные въ татарскіе костюмы, а живыя лица.

Н. В.—лъ:

Д. Садовниковъ. Наши землепроходцы. Разказы о заселеніи Сибири. Москва. 1905.

Трудъ Садовникова посвященъ описанію постепеннаго «прохожденія» и заселенія Сибири. Основываясь на «Дополненіяхъ къ историческимъ актамъ» и на трудахъ Фишера, Миллера, Карамзина, Словцова, Соловьева и другихъ, авторъ описываетъ въ популярной формѣ походы Ермака, Власьева, Бугора, Пояркова, Хабарова, Нагибы, Степанова, Бузы, Балдакова, Дежнева, Стадухина, Морозка, Атласова и Анциферова. Свою работу составитель предназначаетъ для широкой публики и, главнымъ образомъ, для юношества.

Можно утверждать, что важную задачу для популяризатора — совмѣстить художественное изложенеіе съ общедоступностью и научностью, Садовниковъ рѣшилъ вполне. Онъ сумѣлъ изложить историческіе факты въ художественной формѣ, въ простыхъ, но яркихъ картинахъ представить походы нашихъ первыхъ колонизаторовъ Сибири, изобразить всѣ тѣ преграды, которыя имъ пришлось одолѣть, тѣ непоимѣрныя усилія, жертвы, цѣною которыхъ куплено «прохожденіе». Кроме того, авторъ идейно освѣтилъ этотъ матеріалъ: рисуя грандіозность борьбы человѣка съ природой, онъ показываетъ, что человѣкъ можетъ выйти изъ нея побѣдителемъ, нужно только приложить извѣстныя усилія, смѣло идти къ намѣченной цѣли.

Въ большую заслугу Садовникову можно поставить еще то, что онъ сумѣлъ удержаться на почвѣ научной объективности, дать вѣрную характеристику тѣхъ мотивовъ, которые руководили нашими колонизаторами: Отмѣчая привлекательныя черты русскихъ землепроходцевъ — непреклонное стремленіе къ осуществленію намѣченныхъ плановъ, самоотверженіе и мужество, авторъ не утаиваетъ ихъ дурныхъ сторонъ — жестокости по отношенію къ покореннымъ иновѣрцамъ, приводившей къ тому, что цѣлыя племена въ продолженіе немногихъ лѣтъ совершенно вымирали. Всѣ эти достоинства ставятъ работу Садовникова на ряду съ лучшими нашими популярными трудами, дѣлаютъ ее очень полезной книгой, появленіе которой намъ остается только привѣтствовать.

А. Фомиль.

В. Горленко. Отблески. Запѣтки по словесности и искусству. Спб. 1905.

Въ сборникъ В. Горленка вошли 23 статьи самаго разнообразнаго содержанія и достоинства, но, собранныя вмѣстѣ, онѣ много выигрываютъ и представляютъ извѣстный интересъ. Хорошо зная иностранныя языки, авторъ ставитъ своею цѣлью въ цѣломъ рядѣ очерковъ познакомить русскаго читателя съ отзывами заграничныхъ критиковъ о нашихъ писателяхъ, даетъ оцѣнку переводовъ произведеній послѣднихъ на иностранныя языки, знакомитъ съ новинками заграничнаго книжнаго рынка — съ изслѣдованіями и монографіями о выдающихся дѣятеляхъ Запада. Кроме того, авторъ даетъ нѣсколько очерковъ по русской и малорусской литературѣ и исторіи. Къ послѣднимъ относятся: «Къ біографіямъ графа А. К. Толстого», «Яковъ Старостинъ», «Записки Филиппа Орлика», «И. П. Котляревскій» и др.

Не имѣя возможности въ краткой рецензіи передать содержаніе всѣхъ статей и запѣтокъ г. Горленка, остановимся на наиболѣе интересныхъ. Такою является, прежде всего, статья: «Гоголь и иностранцы», въ которой авторъ разсматриваетъ отзывы иностранныхъ критиковъ о творцѣ «Мертвыхъ душъ». Сюда вошли отзывы Сентъ-Бѣва, Мериме, Цабеля, Дюкюи, Валишевскаго, де-Вогюэ и др. Односторонность сужденій критиковъ г. Горленко приписываетъ, съ одной стороны, ихъ незнакомству съ бытовыми условіями, въ обстановкѣ которыхъ работалъ Гоголь, съ другой, — неудовлетворительнымъ переводамъ произведеній послѣдняго. Чтобы дать общее представленіе о качествѣ переводовъ

произведеній русских писателей на иностранные языки; авторъ въ другой статьѣ — «Переводчики-обрусители», разсматриваетъ цѣлый рядъ ихъ. Не говоря уже о томъ, что большинство переводчиковъ совершенно не передаютъ настроенія писателя, ихъ переводы даже со стилистической и лектической стороны полны грубыхъ ошибокъ. Это, прежде всего, надо сказать о переводахъ Гальперина-Каменскаго, Гольшмана, Ивана Стравника, Бинштока и др. Только за послѣднее время появляются хорошіе переводчики, ставящіе главной цѣлью своихъ трудовъ не коммерческую выгоду, а болѣе высокія цѣли. Такими являются Дени Рошъ, Жюль Лепри, Широль и др.

Большое вниманіе удѣляетъ г. Горленко обрисовкѣ душевныхъ слабостей и романовъ знаменитыхъ людей. Въ этомъ отношеніи очень интересны очерки, обрисовывающіе отношенія къ женщинамъ Бальзака, Бетховена, Шопена. Не менѣе интересна статья: «Собственные романы романистки», въ которой авторъ затрагиваетъ любовныя увлеченія г-жи Стааль, стремится дать психологическій анализъ души знаменитой женщины — вождя сентиментализма.

Въ статьѣ «Новое поколѣніе» г. Горленко разсматриваетъ произведенія современныхъ русскихъ писательницъ. Основываясь на нѣсколькихъ произведеніяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера совершенно неизвѣстныхъ авторовъ, какъ, примѣръ, г-жъ Мятлевой, Юшковой, Иноземцевой, Иларіоновой и др., онъ дѣлаетъ слишкомъ необыкновенное обобщеніе. Оказывается, что Ростопчина, Марко-Вовчекъ, Кохановская «писали потому, что такъ имъ велѣло предопредѣленіе свыше», современныхъ же писательницъ такая судьба не постигла, и ихъ произведенія, на взглядъ автора, какой-то младенческой бредъ. Такое утвержденіе совершенно неправильно. Въ настоящее время на литературной нивѣ работаетъ масса писательницъ, которыя, если и не внесли новыхъ мотивовъ въ русскую литературу, то отказать имъ въ талантливости нельзя.

Въ своихъ очеркахъ авторъ не высказываетъ оригинальныхъ мыслей, въ большинствѣ случаевъ, онъ даетъ компиляціи, передаетъ содержаніе взглядовъ, высказанныхъ другими. Но его статьи, написанныя живо и литературно, тѣмъ не менѣе, представляютъ извѣстный интересъ для читателя средняго круга.

А. Фомина.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ. Изданіе Г. Э. Львовича. Спб. 1905.

Въ предисловіи редакторъ этого сборника лекцій, М. Ковалевскій, знакомитъ читателей съ характеромъ того преподаванія, которое ведется въ Парижской школѣ общественныхъ наукъ. Здѣсь преподаваніе, по примѣру высшихъ школъ Франціи, «никогда не носило характера того сообщенія элементарныхъ знаній по всѣмъ рѣшительно вопросамъ, входящимъ въ официальные программы, съ которыми, повидимому, доселѣ связываютъ въ Россіи представленіе о полнотѣ и систематичности. Мы ожидали и ожидаемъ отъ нашихъ слушателей нѣкоторой самостоятельности». «Многіе изъ насъ, — говоритъ профессоръ М. Ковалевскій, — на себѣ испытали всѣ неудобства, связанныя съ тѣмъ порядкомъ, при которомъ изъ года въ годъ и на разстояніи нерѣдко 30 лѣтъ

читается по пожелтѣвшимъ запискамъ курсъ, имѣющей въ виду дать послѣдній отвѣтъ на всѣ вопросы постоянно двигающейся и развивающейся науки». Не такъ ведется дѣло въ высшей школѣ общественныхъ наукъ. Здѣсь предоставляется широкій просторъ профессору избрать для лекцій болѣе или менѣе обширный, интересующій его, отдѣлъ науки (или какой либо частный вопросъ) и на немъ сосредоточить вниманіе слушателей; изученіе же другихъ отдѣловъ науки предоставляется самодѣятельности учащихся подъ общимъ руководствомъ профессора. Нѣтъ сомнѣнія, что при такой постановкѣ дѣла профессоръ имѣетъ возможность читать о многихъ вопросахъ, дающихъ отвѣты на современные запросы жизни, и тѣмъ самымъ показывать, такъ сказать, біеніе пульса науки.

По составу своему сборникъ лекцій не претендуетъ на строгую систематичность и законченность. Помѣщенные въ немъ статьи раздѣлены на четыре отдѣла: соціологій, исторіи философіи, экономики, права и политики. Въ первомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія статьи: Габріэля Тарда—«Теорія психическихъ воздѣйствій» (3—31); Е. де-Роберти—«Къ оцѣнкѣ основныхъ предпосылокъ соціологической теоріи Карла Маркса» (32—57); М. Ковалевскаго—«Соціальная доктрина Спенсера»; Л. Шейниса—«Къ исторіи самоубійства» (58—84).

Во второмъ отдѣлѣ: Викторъ Аврип—«Философія Лейбница и современная эверетника» (115—134); В. Баша—«Столѣтняя годовщина Канта» (135—156); Вл. Лесевича—«Отъ Огюста Конта къ Авенаріусу» (157—183).

Въ отдѣлѣ экономики помѣщены: Шарля Жюда—«Возникновеніе и развитіе соціальной экономіи въ XIX вѣкѣ»; Ренѣ Вормса—«Методы научнаго анализа въ обществовѣдѣніи» (212—243); М. Ковалевскаго—«Исходные моменты въ развитіи капиталистическаго хозяйства»; А. Чупрова—«Мелкое землевладѣніе и его основныя нужды» (274—391).

Въ четвертомъ отдѣлѣ права и политики: Тарбуриеша—«Понятія индивидуальной и коллективной собственности»; Ю. Гамбарова—«Право собственности» (434—496); М. Ковалевскаго—«Взглядъ на общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX вѣка»; П. Виноградова—«Кризисъ англійскаго правовѣдѣнія» (531—541); А. Трчевскаго—«Историческій ли народъ японцы?»; М. Тамашева—«Знакомство и сношенія Россіи съ Грузіей и армянами до Петра Великаго» (576—595 стр.).

Таковъ рядъ крупныхъ вопросовъ первостепенной важности, которые трактуются въ статьяхъ сборника. Изъ нихъ особенно нужно отмѣтить вопросы о природѣ собственности и государства, о преимуществахъ и недостаткахъ тѣхъ или другихъ формъ правленія, объ условіяхъ, дозволяющихъ примирить законность со свободой, и вопросы о нуждахъ сельскаго хозяйства и рабочаго законодательства. Все это такіе вопросы, которые, какъ нельзя лучше, отвѣчаютъ запросамъ широкихъ круговъ русскаго общества. А потому можно только приветствовать появленіе сборника, гдѣ трактуются многія темы, затрагивающія современность. Имена составителей сборника, глубокихъ специалистовъ своего дѣла, ручаются за то, что читатель найдетъ здѣсь много для себя новаго и поучительнаго. Къ этому считаемъ нужнымъ для свѣдѣнія прибавить, что

нѣкоторыя статьи сборника написаны далеко не популярно: для ихъ пониманія требуется нѣкоторая специальная подготовка или, по меньшей мѣрѣ, самое серьезное вниманіе и вдумчивость, читаются онѣ не очень легко.

М. К.

В. О. Дерюжинскій. Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906.

Не всѣ историческіе очерки, собранные въ книгѣ профессора Дерюжинскаго, самостоятельныя изслѣдованія, нѣкоторые—только хорошее изложеніе иностранныхъ книгъ, но всѣ они интересны и появляются очень кстати. Авторъ справедливо полагаетъ, что знакомство съ политической исторіей другихъ народовъ составляетъ одну изъ главныхъ потребностей русскаго общества, и что изъ области политической исторіи особеннаго вниманія заслуживаетъ развитіе политической свободы.

Нѣкоторые выводы, которыхъ не дѣлаетъ авторъ, напрашиваются сами собой. У насъ многіе думаютъ, что безъ революціи Европа не получила бы свободы, и при этомъ обыкновенно имѣютъ въ виду Францію. Но въ Англіи свобода личности, свобода собраній, свобода печати завоеваны постепенно мирной борьбой въ парламентѣ и путемъ медленной эволюціи.

Митинги явились неизбежнымъ слѣдствіемъ выборовъ въ парламентъ, однако въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX правительство считало митинги опаснымъ оружіемъ въ рукахъ общества и старалось ихъ ограничить. Король англійскій Георгъ III, царствовавшій въ концѣ XVIII вѣка, заявилъ, что не намѣренъ допускать какихъ либо проявленій независимости со стороны народа ни въ области публичнаго выраженія взглядовъ населенія на политическія мѣропріятія, ни тѣмъ болѣе какихъ либо активныхъ стремленій. Въ 1781 г. въ парламентѣ многіе ораторы говорили, что митинги и союзы—опасное орудіе общественнаго возбужденія. Въ 1793 г. въ Лондонѣ собрался первый публичный митингъ на открытомъ воздухѣ. Вскорѣ послѣ этого въ палатѣ прошелъ законъ, направленный противъ митинговъ. Законъ этотъ подвергалъ свободу митинговъ такимъ стѣсненіямъ, что право публичнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ было фактически упразднено. Иногда собранія разгонялись вооруженной силой безъ достаточнаго основанія. Въ 1819 г. на многолюдный митингъ, который велся въ большомъ порядкѣ, посланъ былъ отрядъ кавалеріи, онъ ворвался въ безоружную толпу и вызвалъ смятеніе, въ результатъ оказалось 11 убитыхъ и около 500 раненыхъ. Это ничѣмъ не вызванное насиліе произвело во всей Англіи очень сильное впечатлѣніе, выразившееся въ безчисленномъ рядѣ митинговъ негодованія. Въ 1825 г. всѣ исключительные законы, направленные противъ митинговъ, были отмѣнены, и съ этихъ поръ свобода собраній ничѣмъ не ограничивается.

Постепенно безъ всякаго кровопролитія шла въ Англіи демократизація политическаго строя. Важнѣйшими актами этого процесса являются безспорно три парламентскія реформы, изъ которыхъ каждая знаменовала собою новый шагъ на пути отъ режима аристократической олигархіи къ водворенію демо-

кратическаго строя. Реформа 1832 г. надѣлила избирательными правами средніе классы, реформа 1867 г. привлекла къ участию въ политическихъ дѣлахъ слишкомъ миллионъ гражданъ изъ низшихъ городскихъ классовъ, реформа 1885 г. увеличила контингентъ избирателей $2\frac{1}{2}$ миллионами сельскихъ рабочихъ. Тогда какъ до реформы 1832 г. число избирателей немногимъ превышало полъ-милліона, въ избирательныхъ спискахъ 1892 г. значилось болѣе 6 миллионъ.

Всеобщее избирательное право нигдѣ не вводилось сразу.

Точно также и свобода печати въ Англіи есть слѣдствіе культурнаго развитія страны, а не завоеваніе революціонеровъ. Въ Англіи въ противоположность всей Европѣ совсѣмъ нѣтъ законовъ о печати.

По словамъ профессора Дерюжинскаго, свобода печати въ Англіи — не что иное, какъ проявленіе общаго принципа, по которому никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ за извѣстное определенное нарушеніе закона, — принципа, исключающаго, какъ цензуру, такъ и другія ограниченія въ родѣ залоговъ. Англійское право предоставляетъ каждому говорить, писать и издавать все, что онъ пожелаетъ, но тотъ, кто употребить во зло эту свободу, подлежитъ наказанію. Если онъ несправедливо нападаетъ на кого либо, обиженный можетъ искать убытки. Если же написанное или напечатанное заключаетъ въ себѣ государственную измѣну или безнравственныя вещи, то виновный подлежитъ за свое преступленіе уголовному преслѣдованію. Одна изъ главныхъ особенностей англійской печати состоитъ въ томъ, что печать подлежитъ дѣйствию обыкновеннаго закона страны. Въ связи съ этимъ находится и другая основная черта, характеристичная для положенія печати въ Англіи, а именно, что преступленія печати вѣдаются и наказуются только обыкновенными судами страны, т.-е. судьями при непремѣнномъ участіи присяжныхъ. Судъ присяжныхъ — вотъ истинная основа свободы печати въ Англіи. Положеніе англійской печати въ ея прошломъ и настоящемъ приводитъ къ твердому убѣжденію, что вполне свободной печать можетъ быть лишь тогда, когда рѣшеніе вопроса объ оскорбительности, безнравственности или преступности ея произведеній принадлежитъ безпристрастнымъ и независимымъ представителямъ общественной совѣсти.

Свобода печати, завоеванная великой французской революціей, оказалась очень непрочнымъ приобрѣтеніемъ и просуществовала всего 10 лѣтъ. Терроръ привелъ къ деспотизму Наполеона, и тогда, когда онъ не былъ еще императоромъ, а только консуломъ, онъ начинаетъ притѣснять печать. Въ 1800 г., принимая во вниманіе, что многія газеты являются лишь орудіемъ въ рукахъ враговъ республики, и что правительство облечено французскимъ народомъ обязанностями заботиться о его безопасности, консулъ счелъ за благо закрыть 60 газетъ изъ 73, издававшихся въ Парижѣ. Стремленіе Наполеона подавлять все, что казалось ему противоправительственнымъ, доходило до того, что даже такое консервативное и благонамѣренное учрежденіе, какъ академія, навлекло на себя неудовольствіе императора. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждено было главное управленіе по дѣламъ печати и книжной торговли. Право на содержаніе типографій выдавалось лишь тому, кто докажетъ свою правоспособность, добрыя нравы и преданность отечеству и монарху. Воспре-

щалось печатать все, что противно обязанностям подданных по отношению къ монарху и государственному интересу. Нѣкоторыя газеты преувеличили разъ издержки императорскаго двора, а вотъ Наполеонъ пишетъ министру полиціи: «Укротите газеты, пусть тамъ появляются хорошія статьи. Дайте понять редакторамъ газетъ, что не далеко то время, когда я, замѣчая, что онѣ бесполезны мнѣ, закрою ихъ, что я вѣкогда не потеряю, чтобы мои газеты говорили и дѣйствовали противъ моихъ интересовъ, что редакторы могутъ выпускать ядовитыя статьи, но пусть знаютъ, что въ одно прекрасное утро имъ замкнутъ рты». Наполеонъ находилъ, что въ провинціи газетъ слишкомъ много, и издалъ декретъ, предписывавшій, чтобы въ каждомъ департаментѣ издавалось не болѣе одной политической газеты. Въ результатъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, по замѣчанію французскаго историка Вельштингера, мысль была изгнана изъ политической прессы, сколько нибудь талантливые люди оставили ее. Малѣйшая крупнца независимости, самый незначительный грѣшокъ стали уголовными преступленіями. Честное обсужденіе текущаго положенія дѣлъ стало рѣшительно невозможнымъ, почти столь же невозможными сдѣлались и историческія изысканія, такъ какъ вездѣ полиція и цензура умѣли находить вредныя мысли, коварныя намеки. Государственные тюрьмы при Наполеонѣ были переполнены литераторами и публицистами.

П. В.

Венъяминъ Эндрузъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—1862 г.г. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго Е. А. Гурвичъ. Спб. 1905.

Переводчица говоритъ въ предисловіи, что Эндрузъ не задавался цѣлью писать философію исторіи, а довольствовался ролью лѣтописца. Дѣйствительно, едва ли книгу Эндруза можно назвать исторіей въ настоящемъ смыслѣ слова.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ конца 1860-хъ г.г., т.-е. съ перваго президентства генерала Гравта, и доводитъ его до 1903 г., когда президентомъ уже былъ Рузвельтъ. Авторъ собралъ самый разнообразный матеріалъ: здѣсь и перипетіи борьбы республиканской и демократической партій при выборахъ президента и депутатовъ въ конгрессъ, и финансовыя мѣропріятія конгресса, и законодательство, и борьба расъ въ Южныхъ штатахъ, колонизація запада и столкновенія съ индѣйцами, мошенническія продѣлки знаменитаго Таммани-Голя, трѣсты и рабочіе союзы, наконецъ международная полтика, которой авторъ удѣляетъ особенно много вниманія съ конца 1890-хъ г.г., когда Соединенные Штаты сдѣлались тихоокеанскою державою послѣ побѣдоносной войны съ Испаніей. Но все это изложено сбивчиво и крайне поверхностно. Авторъ просто отмѣчаетъ заинтересовавшіе его факты, не всегда соблюдая даже хронологическую послѣдовательность и не заботясь объ установленіи причинной связи между событіями. Авторъ совсѣмъ не касается духовной культуры и слишкомъ кратко и даже непонятенъ при изложеніи социальныхъ вопросовъ. Зато, какъ американца, его особенно интересуютъ чудеса промышленной техники. Поэтому онъ посвящаетъ много мѣста описанію все-

мирных выставок и даже удѣляетъ цѣлую главу изобрѣтеніямъ Эдиссона и Тесла (гл. XXII). Такъ же живо интересуется онъ полярными экспедиціями, при чемъ XV глава, имъ посвященная, является самой интересной во всемъ сочиненіи.

Такимъ образомъ, если бы читатель обратился къ книгѣ Эндруза съ цѣлью уяснить себѣ эволюцію постепеннаго преобразованія демократіи въ имперію за послѣднія 40 лѣтъ и ограничился бы ею одной, мы очень сомнѣваемся, чтобы онъ вынесъ вполне ясное представленіе о такой эволюціи. Но, какъ пособіе, книга Эндруза не лишена значенія и можетъ сослужить свою службу, такъ какъ другихъ сочиненій по новѣйшей исторіи Америки на русскомъ языкѣ нѣтъ. Къ чести автора нужно сказать, что книга отличается безпристрастіемъ и объективностью, и что авторъ сумѣлъ избѣжать искушенія сдѣлаться панегиристомъ триумфальнаго шествія капитализма и империализма.

Переводъ книги сдѣланъ вообще недурно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаетъ необходимой точности и аккуратности. Путается, напримѣръ, транскрипція собственныхъ именъ (Блейнъ и Блэнъ, Гарфилдъ и Гарфильдъ, Юва и Айова), много специфическихъ американскихъ терминовъ оставляется безъ перевода и объясненія, и въ то же время переводчица не забываетъ любезно сообщать публикѣ въ особомъ примѣчаніи, что Вѣлымъ Домомъ называется дворецъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Удивило насъ также постоянное употребленіе слова «партизанскій» вмѣсто «партийный» и слишкомъ ужъ вольный переводъ выраженія «carpet-baggers» — тапкентцы. Съ этимъ Щедринскимъ понятіемъ связано такое опредѣленное по времени и мѣсту содержаніе, что едва ли удобно его примѣнять къ расовой борьбѣ въ Южныхъ штатахъ.

V.

Кракów, jego kultura i sztuka. (Краковъ, его культура и искусство). Краковъ. 1904.

Раскинувшійся по пригоркамъ и низинамъ извилистой Вислы, живописный и оригинальный Краковъ полонъ прекрасной старины. Древніе костелы чередуются со старинными частными домами XVII, XVIII, иногда XVI вѣка, общественныя зданія тѣхъ же временъ — съ остатками древнихъ городскихъ стѣнъ, и все это оберегается съ такимъ вниманіемъ, съ такою любовью, что каждый туристъ невольно проникается любовью къ краковской старинѣ и уваженіемъ къ тѣмъ краковянамъ, которые оберегаютъ національные памятники, изучаютъ ихъ. Въ Краковѣ существуетъ специальное археологическое общество «любителей исторіи и памятниковъ Кракова» (Towarzystwo miłośników historii i zabytków Krakowa). Ежегодно оно издаетъ «Rocznik Krakowski» съ иллюстраціями, гдѣ помѣщаются статьи, касающіяся специально краковскихъ древностей. Послѣдній, шестой, томъ представляетъ первый сводъ отдѣльныхъ разысканій и имѣетъ общій интересъ. Мы отказываемся отдать предпочтеніе одной или нѣсколькимъ статьямъ разсматриваемой книги предъ остальными: всѣ онѣ имѣютъ одинаковое значеніе, всѣ написаны научно и доступно, всѣ проникнуты любовью къ польской старинѣ, столь важной для

изученія юго-западной русской археологіи XVI—XVIII вв. и т. д. Статьи расположены въ системѣ. За «Историческимъ вступленіемъ» Станислава Кжыжановскаго слѣдуетъ очеркъ Томковича: «Культура Кракова». Затѣмъ идутъ статьи Г. Хмеля — «Организація городская и цеховъ», Коперы — «Исторія (старой архитектуры)», Гурскаго — «Архитектура XIX вѣка», Мучковскаго — «Исторія скульптуры», Ленишаго — «Исторія живописи» и «Художественная промышленность и торговля».

Въ художественномъ отношеніи книга не оставляетъ желать лучшаго) Кромѣ автотипій въ текстѣ, на отдѣльныхъ листахъ приложены снимки въ краскахъ, въ разнотонныхъ фототипіяхъ и т. д. Все подобрано со вкусомъ и въ то же время научно. Для тѣхъ русскихъ читателей, кто затрудняется польскимъ текстомъ, будутъ интересны рисунки: памятники церковнаго и гражданскаго зодчества, архитектурныя детали, эмблемы домовъ, скульптурныя группы, грамоты, рукописи и старопечатныя книги, портреты историческихъ лицъ, миниатюры, масляныя картины и акварели, старинныя гравюры, монеты, печати, перешлеты съ тисненіями, надгробные памятники, статуи, образцы рѣзьбы по дереву и металлу, особенно — желы краковскихъ бургомистровъ и университетскіе цеховые ларцы и кубки, оружіе, посуда, мебель, ткани и т. д. Въ концѣ книги приложены указатели именной и предметный. Становится обидно, что у насъ нѣтъ подобныхъ монографій хотя бы о Москвѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, не говоря уже о второстепенныхъ городахъ, полныхъ старины, какъ Новгородъ, Псковъ, Владимиръ, Ярославль, Юрьевъ, Ростовъ и многіе другіе.

А. Я.

C. Mettig. Baltische Städte. Skizzen aus der Geschichte Est, Lif und Kurlands. 2-е дополн. изданіе. Рига. 1905.

Книжку г. Меттига прочитаетъ съ интересомъ и пользою каждый любитель прибалтійской старины. Далекая отъ малѣйшей тенденціозности, что выгодно выдѣляетъ ее изъ обширной мѣстной исторической литературы, она даетъ вполне объективные, сжатые, но обстоятельные очерки изъ прошлой жизни цѣлаго ряда городовъ всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній, доводя эти очерки до нашего времени. Описаны слѣдующіе города: въ Лифляндіи — Аренбургъ, Юрьевъ, Феллинь, Лемзаль, Перновъ (Старый и Новый), Рига, Шлокъ, Валкъ, Венденъ, Верро и Вольмаръ; въ Эстляндіи — Балтійскій портъ, Гапсаль, Ревель, Вейсенштейнь и Везенбергъ; въ Курляндіи — Баускъ, Фридрихштадтъ, Гольдингенъ, Гробинъ, Газенпотъ, Якобштадтъ, Либавъ, Митава, Полотскъ, Туккумъ и Виндава. Въ прибавленіи помѣщены очерки исторій Кокенгузена, Роннебурга, Рооца, Двинска, Лудзена, Мемеля, Нарвы и Розитена. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ мѣстностей уже потеряли значеніе городовъ: таковы первыя три, — нѣкоторыя отдѣлились отъ территоріи древней Ливоніи: таковы — Двинскъ, Мемель и Нарва, и, наконецъ, Лудзенъ и Розитень только послѣ этого отдѣленія получили права городовъ. Всѣ эти пункты авторъ нашелъ нужнымъ выдѣлить въ особый отдѣлъ своей книжки о Балтійскихъ городахъ.

Книжка г. Меттига издана очень опрятно, въ изящномъ издательскомъ переплетѣ, съ видомъ г. Риги, а то, что первое изданіе ея было встрѣчено очень сочувственно мѣстной прессой, избалованной по части исторій своего края, это можетъ служить лучшей рекомендаціей для работы г. Меттига.

А. Э. Мальмгренъ.

Feuereisen. Die livländische Geschichtsliteratur 1902. Рига. 1904.

Начиная съ 1880 г. рижская книжная фирма Киммеля издаетъ ежегодные библиографическіе обзоры исторической (въ широкомъ смыслѣ) литературы о Прибалтійскомъ краѣ, первоначально составлявшіеся К. Меттигомъ, затѣмъ—д-ромъ А. Пельхау и, наконецъ, г. Фейерейзеномъ.

Настоящій томикъ содержитъ 757 номеровъ книгъ и статей (не только изданныхъ въ 1902 г., но и раньше, но пропущенныхъ въ предыдущихъ томикахъ), при чемъ указаны и соответствующія рецензіи, замѣтки и т. д., а иногда и число экземпляровъ, въ которомъ изданы книги. Заглавія книгъ и статей на русскомъ или другихъ (не нѣмецкихъ) языкахъ тутъ же переведены на нѣмецкій языкъ.

Матеріаль разбитъ на 15 отдѣловъ: 1) библиографія, историческія общества, 2) первобытная исторія, археологія, древности, 3) изданія источниковъ и документовъ, архивы, 4) исторія, 5) церковная исторія, 6) исторія культуры, 7) языковѣдніе, исторія литературы, 8) исторія университетовъ и учебныхъ заведеній, 9) исторія искусства, 10) исторія права и общественнаго хозяйства, статистика, 11) географія и топографія, 12) антропологія, этнографія, фольклоръ, 13) нумизматика, геральдика, сфрагистика, 14) біографіи, генеалогія, некрологи, 15) рецензіи и рефераты.

Въ приложеніяхъ помѣщена библиографія эстонской литературы за 1901 и 1902 г.г. (составл. пасторомъ Рейманомъ) и латышской литературы за 1902 г. (составл. пасторомъ Эрдманомъ), при чемъ заглавія снабжены переводомъ на нѣмецкій языкъ.

Книжка оканчивается алфавитными указателями всѣхъ упоминаемыхъ авторовъ и анонимныхъ сочиненій.

А. Э. Мальмгренъ.

Russland in Asien. Band. I. Das Transcaspische Gebiet von Kraemer, königl. preussischer Generalmajor Z. D. Mit einer Uebersichtskarte und zwei Skizzen. Berlin. 1905.

Автору этой книги принадлежитъ еще шесть книгъ, касающихся водворенія русскаго владычества въ Азіи и сношеній Россіи съ Персіей и Японіей. Настоящій томъ г. Крамера, основанный на работахъ Федорова («Закаспійская область», Асхабадъ, 1902), Пльенкова («Закаспійская область», Москва, 1902), Обручева, Дмитріева-Мамонова и др., заключаетъ въ себѣ 14 главъ. Авторъ обозрѣваетъ исторію завоеванія Россіей Закаспійскаго края съ географическимъ и этнографическимъ его очерками, сообщаетъ свѣдѣнія о состояніи края въ экономическомъ и торговомъ отношеніи, орошенія, флоръ и фауну, ми-

неральныхъ богатствахъ, народномъ образованіи. Сношенія Россіи съ туркменами завязались еще въ царствованіе Петра Великаго. Впослѣдствіи они просили русскихъ царей о принятіи ихъ въ подданство. Въ 1813 г., во время русско-персидской войны, туркмены стали на сторону русскихъ. Въ виду вторженія туркменовъ въ русскія владѣнія, въ 1874 и 1876 г.г. были предприняты походы противъ нихъ подъ начальствомъ генерала Ломакина, который занялъ Кызыль-Арватъ, и дальнѣйшія экспедиціи привели къ занятію Теке, Ташкента, Геокъ-Тепе (подъ начальствомъ генерала Скобелева въ 1881 г.). Переходя къ сообщенію свѣдѣній о населеніи, авторъ согласно съ установившимся мнѣніемъ производитъ слово «туркмены» изъ персидскаго языка и толкуетъ въ смыслѣ «подобные туркамъ», затѣмъ касается вопроса о происхожденіи текинцевъ, ихъ религіи, нравовъ, быта.

А. Х.—въ.

С. Карѣва. Школьный историческій словарь. Подъ редакціей Н. И. Карѣва. Спб. 1906.

Безспорно надобность въ подобномъ справочномъ пособіи, какъ «Школьный историческій словарь», составленный г-жею Карѣвою, ощущалась давно и весьма настоятельно. Но до сихъ поръ, къ крайнему сожалѣнію, никто не рѣшался приступить къ подобной работѣ, правда, требующей большого знанія и кропотливаго труда. Поэтому уже одно появленіе въ печати «Историческаго словаря» должно быть привѣтствовано всеми учащимися и самообучающимися, а также и любителями историческаго чтенія. Первоначально принятія на себя задачи составительницею «Школьнаго историческаго словаря» постепенно, по мѣрѣ дальнѣйшаго хода работы, разрослись, и «въ результатѣ» получилось весьма значительное количество словъ, около 6.600. «Основу словаря,— читаемъ на IV страницѣ предисловія,—составляютъ собственныя имена странъ, народовъ, городовъ и мѣстностей, ознаменовавшихся какими либо событіями, въ особенности же собственныя имена отдѣльныхъ лицъ. Вторая категорія словъ, вошедшихъ въ составъ словаря,—историческіе факты и явленія (то-есть событія, учрежденія и т. п.). Кромѣ того, въ словарь включены объясненія научныхъ терминовъ, въ пониманіи которыхъ ученики могли бы встрѣтить затрудненія». Относительно вышеприведенной группировки и самаго состава словъ, долженствовавшихъ войти въ «Школьный историческій словарь», на нашъ взглядъ, едва ли и можно спорить. Равно, конечно, необходимо было, въ виду справочнаго характера «Словаря», ограничиться при объясненіяхъ словъ «краткими опредѣленіями, а отяюдь не статьями для чтенія». Но и въ погонѣ за «краткими опредѣленіями», по нашему крайнему убѣжденію, нужно было принять во вниманіе большее число историческихъ учебниковъ, особенно въ виду ихъ разнообразной программы, коснуться большаго числа историческихъ пособій и ничуть не стѣснять себя «объясненіями», находимыми въ школьныхъ руководствахъ (эти объясненія, впрочемъ, извлечены составительницею лишь «отчасти»). Такого рода требованія мы позволяемъ себѣ высказать вовсе не ради упрека, а лишь изъ желанія сдѣлать подобное справочное изданіе болѣе полнымъ, болѣе цѣннымъ и пригоднымъ для возможно большаго

круга читателей справочниковъ. Намъ кажется, что и пытливаго 15-лѣтняго ученика врядъ ли вполне можетъ удовлетворить такое объясненіе слова «Декабристы», какое приведено въ «Словарѣ»; это—«лица, составившія заговоръ съ цѣлью перемены государственнаго устройства въ Россіи, но потерпѣвшія поражение 14 декабря 1825 г., откуда и ихъ названіе»... Затѣмъ не мѣшало бы при словѣ: «Миллеръ, Ѳеодоръ Ивановичъ», привести и его настоящее имя Герардъ-Фридрихъ-Іоганнъ, подъ которымъ напечатаны всѣ его сочиненія; при объясненіи слова «Нимвегенскій миръ»—подробнѣе коснуться его условій, а именно послѣ Франшъ-Контэ назвать и другія крѣпости (всѣхъ ихъ было 12) и города (Валансьенъ и Фрейбургъ), которые получила Франція; упомянуть хотя бы одного графа Петра Андреевича Толстого (1645—1729) и др. Не имѣя цѣли въ настоящей замѣткѣ дополнять и исправлять «Словарь», замѣтимъ, что даже бѣглое знакомство съ нимъ вызываетъ желаніе по возможности расширить его содержаніе, потому что въ болѣе распространенномъ видѣ «Словарь» этотъ скорѣе станетъ необходимою настольной книгой не только для учащихся, но и для всѣхъ любителей историческаго чтенія. Правильно поставленный въ своей основѣ, изложенный сжатымъ, но и легкимъ литературнымъ языкомъ и безукоризненно изданный съ вѣшной стороны (почти полное отсутствіе опечатокъ) «Школьный историческій словарь» г-жи Карѣевой долженъ занять видное мѣсто среди нашихъ историческихъ справочныхъ пособій и при своихъ дальнѣйшихъ изданіяхъ безспорно расширится въ своемъ содержаніи, оставаясь при той же 2-рублевой цѣнѣ.

В. Р—въ.

Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края. Ананьинскій могильникъ. Очеркъ. Составленъ В. Ф. Кудрявцевымъ. Выпускъ IV. Вятка. 1905.

Первые три выпуска названнаго труда вышли отдѣльными оттисками (Вятка, 1897, 1898, 1901) изъ «Календаря Вятской губерніи». Въ этомъ трудѣ В. Ф. Кудрявцевъ на основаніи памятниковъ старины, преданій и легендъ знакомитъ съ исторіей Прикамскаго края, преимущественно Вятской губерніи.

Недавно вышедшій въ свѣтъ четвертый выпускъ посвященъ Ананьинскому могильнику, находящемуся въ окрестностяхъ города Елабуги. Этотъ могильникъ, по словамъ барона де-Бая, «одинъ изъ самыхъ интересныхъ некрополисовъ, находящихся въ Россіи». Г. Кудрявцевъ описываетъ могильникъ, даетъ подробное описаніе раскопокъ и ихъ результатовъ.

Книжку, безъ сомнѣнія, многіе прочтутъ съ удовольствіемъ. Д—ія.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1905 г. Выпускъ III. Вятка. 1905.

Только что открывшаяся въ ноябрѣ 1904 г. Вятская ученая архивная комиссія выпускаетъ въ свѣтъ въ теченіе мѣсяца, чѣмъ года, уже третій выпускъ своихъ «Трудовъ». О первыхъ двухъ мы говорили на страницахъ

«Историческаго Вѣстника» (юль, 1905 г.). Главное содержаніе настоящаго третьяго выпуска «Трудовъ» составляетъ «Повѣсть о странѣ Вятской», или «Вятскій лѣтописецъ». Исслѣдователь и «издатель» ея, А. С. Верещагинъ, предпослалъ «Повѣсти» «предисловіе», въ которомъ трактуеть, главнымъ образомъ, о дошедшихъ до насъ пяти спискахъ ея, а вслѣдъ за текстомъ помѣстилъ свое «Послѣсловіе». Послѣднее представляетъ собою научное исслѣдованіе одного изъ выдающихся знатоковъ исторіи Вятскаго края и заслуживаетъ особаго вниманія. Въ немъ А. С. Верещагину удалось съ рѣдкою убѣдительностью доказать, что вторая часть «Повѣсти», а именно рассказъ о появленіи русскихъ людей (новгородцевъ) на Вяткѣ и о первоначальномъ ихъ «жительствоу» съ 1174 г., служившій «единственною основою, единственнымъ фундаментомъ» державшагося болѣе столѣтія мнѣнію о «древности» русской Вятки, «поддержаннаго и укрѣпленнаго авторитетами Карамзина и Костомарова и доселѣ разучиваемаго отроками по нѣкоторымъ учебникамъ русской исторіи», — долженъ быть отвергнутъ, какъ весьма сомнительный въ хронологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, А. С. Верещагинъ утверждаетъ, что «Повѣсть о странѣ Вятской» есть «повѣсть книжника (и далеко неумѣлаго) конца XVII вѣка или начала XVIII» (стр. 69). Свое утвержденіе онъ основываетъ, между прочимъ, и на томъ, что «послѣднія краткія лѣтописныя извѣстія «Повѣсти», числомъ 12, съ импонирующимъ окончаніемъ (о взятіи въ 1552 г. Казани и Болгары), оказались выписанными изъ «Вятскаго Временника» со всеми ошибками, появившимися въ послѣднемъ исключительно отъ снуданности листовъ его источника»; а «Временникъ» доведенъ до 1700 г. Далѣе онъ доказываетъ, что какъ въ Толстовскомъ, такъ и Миллеровскомъ, двухъ главнѣйшихъ спискахъ «Повѣсти», находится «немало анахронизмовъ, противорѣчій, извѣстій, замѣчательныхъ по своей неправильности, странности или очевидной несообразности»; а это, по его мнѣнію, заставляетъ лишь признать, что вторая часть «Повѣсти» составлена «по преданіямъ, циркулировавшимъ на Вяткѣ въ концѣ XVII вѣка». Сравнивъ, затѣмъ, извѣстія «Повѣсти» съ подобными же извѣстіями въ русскихъ лѣтописяхъ, нашъ исслѣдователь приходитъ къ заключенію, что «самый походъ новгородцевъ на Вятку въ 1774 г. въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ въ «Повѣсти», былъ невозможенъ» (стр. 71). Не осталось, наконецъ, никакихъ слѣдовъ пребыванія новгородцевъ на Вяткѣ до 1374 г. ни въ этнографическомъ, ни въ лектическомъ элементахъ Вятскаго края.

«Такимъ образомъ, — заключаетъ нашъ авторъ свое «Послѣсловіе» — оставя показаніе «Повѣсти» о походѣ новгородцевъ на Вятку въ 1174 г., какъ не только не подтверждаемое, но и прямо опровергаемое другими вполне достоверными показаніями, приходится принять показаніе лѣтописей о приходѣ на Вятку новгородцевъ въ 1374 г., дѣйствительность котораго не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и подтверждается дальнѣйшими лѣтописными извѣстіями, вполне достоверными: только съ конца XIV вѣка начинаются упоминанія о Вяткѣ въ лѣтописяхъ и актахъ, начинается обнаруживаться русская жизнь на Вяткѣ» (стр. 97).

Что же касается приведенія въ «Повѣсти» 1174 г., то А. С. Верещагинъ склоненъ признать его за «описку» вмѣсто 1374 г., и «даже, пожалуй, намѣренную», введенную для приданія «вѣщей древности русской Вяткѣ, по примѣру повѣстей, одновременныхъ съ нашей, въ другихъ областяхъ и родахъ русскихъ».

Самый текстъ «Повѣсти» напечатанъ А. С. Верещагинымъ по Толстовскому списку на одной сторонѣ страницы и Миллеровскому на другой, съ указаніемъ вариантовъ изъ прочихъ списковъ: Синодальнаго, Баженовскаго и Блиновскаго, при чемъ тексту предпослано «Предисловіе», имѣющееся только въ Толстовскомъ спискѣ, подъ заглавіемъ: «Начало великому Словенску, еже есть нынѣ Великій Новгородъ».

Въ третій отдѣлъ разсматриваемаго выпуска «Трудовъ» вошли три грамоты: одна великаго князя Василія Ивановича, отъ 1522 г., «на Вятку въ Слободской городокъ» и двѣ великаго князя Ивана Васильевича, отъ 1542 г.; краткія статистическія данныя о «жителяхъ Елабуги по переписной книгѣ приказнаго Богдана Нехаева», 1617 г.; указъ преосвященнаго Варлаама Скамницкаго духовной консисторіи объ опредѣленіи въ казначеи архіерейскаго дома Іоанна Тукмачева 1747 г.; два прошенія М. Е. Финицкаго преосвященному Варлааму Скамницкому 1743 и 1745 г.г.; три замѣтки: — одна о «самыхъ старыхъ студентахъ риторики въ Вятской семинаріи», другая — о «первыхъ проповѣдникахъ на Вяткѣ» (самый первый проповѣдникъ былъ преосвященный Лаврентій Горка, 1733—1737) и третья — объ «учрежденіи проповѣднической цензуры на Вяткѣ при преосвященномъ Лазарѣ Барановичѣ въ 1794 г.».

Далѣе слѣдуютъ наиболѣе любопытныя выписки изъ «Записокъ»¹⁾ Никодима (Казанцева), епископа Красноярскаго, бывшаго въ 1835 — 1838 г.г. ректоромъ Вятской семинаріи, о бесѣдахъ его съ оберъ-прокуроромъ свѣтѣйшаго синода, графомъ Н. А. Протасовымъ, который вызвалъ Никодима, какъ автора лучшаго «богословскаго конспекта», для составленія и проведенія новаго устава для духовныхъ семинарій. Слѣдующій отвѣтъ о. Никодиму графа Протасова наиболѣе ярко опредѣляетъ его взгляды на семинарское образованіе: «Подумайте хорошенько и мнѣ скажите: что нужно измѣнить въ семинаріяхъ? какъ упростить существующія науки? Не нужно ли ввести новыя и какія именно? Не надобно ли нынѣ науки сократить, а другія вовсе выгнать? Помните: семинарія — не академія. Изъ академій идутъ профессора: имъ много знать нужно. Изъ семинарій поступаютъ во священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и умѣть быть полезными крестьянину, даже въ его дѣлахъ житейскихъ. Итакъ, на что огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоръ, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы? Пусть лучше затвердятъ хорошенько катихизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе. И довольно! Высокія науки пусть останутся въ академіяхъ»... (стр. 118).

¹⁾ Напечатаны были еще въ 1877 г. въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ».

Глубокообразованный о. Никодимъ особенно отстаивалъ для семинаріи философію.

— «Напрасно вы отнимаете,—говорилъ онъ,—у насъ философію. Она у насъ смиренна, ибо обуздывается богословіемъ. У насъ есть надзоръ: архіерей, ректоръ, инспекторъ, экзамены... Намъ нужна философія для раскрытія и укрѣпленія строгости и правильности мышленія, для ознакомленія себя съ истинами естественными, умозрительными и нравственными... Императоръ Александръ Павловичъ уничтожилъ въ университетѣ философію, опасаясь, конечно, вольностей. Что же вышло? Пустыя науки, науки безъ зерна, сдѣлали пустыми головы студентовъ: и мы имѣемъ, мы записали 14-е декабря 1825 года»...

— «Оставьте!—воскликнулъ на это графъ.—Не хочу слушать вашихъ апологій. Философію изгнать изъ семинаріи! Объявляю волю императора! Ты не знаешь: когда я помянулъ государю, что въ духовныхъ семинаріяхъ читають философію, государь съ гнѣвомъ и недоумѣніемъ воскликнулъ:

— «Какъ? У духовныхъ есть философія, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!»... (стр. 119—120).

Интересно еще сообщеніе о. Никодима о книгѣ священника Красноцвѣтова, бывшаго нѣкоторое время въ Швейцаріи при дворѣ Анны Теодоровны, супруги великаго князя Константина Павловича. Священникъ Красноцвѣтовъ, рассказываетъ онъ, «написалъ тамъ съ нѣмецкой книги «Вблѣйскую исторію для дѣтей» и, возвратившись въ Петербургъ, напечаталъ ее. Исторія понравилась при дворѣ. Объ этомъ узнали въ публикѣ. Стали читать и покупать на расхватъ. Плюшаръ, спекулянтъ-книгопродавецъ, французъ, далъ художникамъ сочинить приличные картинки къ каждому уроку, послалъ въ Парижъ вырѣзать ихъ на стали и началъ печатать книгу, вкладывая въ нее картинки, тысячами экземпляровъ. Министръ просвѣщенія далъ строгое предписаніе преподавать священную исторію по сей книгѣ. Книга гремѣла по всей Россіи и всюду возилась возами»... Цензурное разрѣшеніе на ея напечатаніе было дано митрополитомъ Филаретомъ кievскимъ; враждовавшій съ нимъ Филаретъ московскій вскорѣ написалъ свою рецензію, и на основаніи послѣдней «синодъ вынужденъ былъ объявить запрещеніе книги и потребовать отобрать ее и уничтожить. Россія взумилась. Министръ просвѣщенія Уваровъ пришелъ въ ярость; задумался во дворцѣ. Книга была отобрана и скоро забыта» (стр. 121).

Вслѣдъ за этими «Записками» находимъ: «Нѣсколько эпизодовъ изъ жизни преосвященнаго Макарія Миролюбова по «Воспомяніямъ» его брата»; «Отзывъ рязанскаго губернатора о дѣятельности вице-губернатора М. Е. Салтыкова (Щедрина) въ 1858 г.» (изъ XX выпуска «Трудовъ» Рязанской архивной комиссіи): констатируя въ губернскомъ правленіи «успѣхъ въ улучшеніи дѣлопроизводства», губернаторъ относитъ его «къ особенной дѣятельности, знанію дѣла и усердію вице-губернатора Салтыкова, который, вступивъ въ эту должность въ апрѣлѣ 1858 г., въ короткое время успѣлъ привести губернское правленіе въ весьма удовлетворительное сравнительно съ прежнимъ положеніе, а подробно своею ревзіею дѣлопроизводства и личнымъ участіемъ въ изготовленіи докладовъ и журналовъ, направилъ дѣла къ прямому произ-

водству ихъ»... (стр. 130). Въ заключеніе помѣщена изъ «Дневника» В. А. Добудовскаго замѣтка объ Оскарѣ Авейде, политическомъ преступникѣ, отбывшемъ наказаніе въ Вяткѣ, гдѣ и прожилъ «немалое время присяжнымъ преступникомъ съ отличною репутаціей».

В. Рудаковъ.

Охранная опись рукописнаго отдѣленія библіотеки императорской академіи наукъ. I. Книги священнаго писанія. Спб. 1905. Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе императорской академіи наукъ въ 1902 г. Приложение. Рукописи и книги, приобретенныя В. И. Срезневскимъ во время поѣздки въ Вологодскую, Олонецкую и Пермскую губерніи. Спб. 1905.

Рукописная библіотека академіи наукъ до конца прошлаго вѣка была бѣдна и мало популярна. За исключеніемъ немногихъ ученыхъ, ею никто не пользовался; покойный А. Куникъ ревниво оберегалъ ее отъ всѣхъ, кому могли быть интересны ея собранія,—и далеко не всѣмъ было извѣстно, что именно хранится въ ней. Первый перечень академическихъ рукописей относится къ 1742 г.; затѣмъ слѣдуютъ каталоги П. Соколова (1818) и В. Перевощикова (1840), описанія отдѣльныхъ рукописей и изслѣдованія о нихъ І. Бакмейстера, Я. Берединова, М. Коршунова, И. Срезневскаго, А. Востокова, А. Куника и др., но въ общемъ эта библіотека оставалась мало доступной. Только съ поступленія академика А. А. Шахматова на должность директора I отдѣленія ея рукописный отдѣлъ сталъ замѣтно расширяться путемъ пожертвованій, покупокъ и передачи рукописей изъ другихъ отдѣленій; тогда же была учреждена новая должность завѣдующаго специально рукописной библіотекой, начались правильныя занятія въ ней, рукописи приводятся въ порядокъ, описываются и т. д. Теперь можно надѣяться, что академическая библіотека современемъ приобрететъ не меньшее значеніе, чѣмъ Публичная, потому что поступления рукописей въ послѣднюю съ каждымъ годомъ становятся все болѣе скудными и случайными.

Первый выпускъ «Охранной описи», составленный В. И. Срезневскимъ, даетъ нѣкоторое представленіе о разбѣрахъ и характерѣ собранія. Въ немъ много пергаменныхъ отрывковъ, начиная съ XI вѣка; есть интересный палимпсестъ (стр. 9). Часть наиболѣе древнихъ рукописей извѣстна была и раньше по изданіямъ Срезневскаго и Востокова, но большая часть является новостью и ожидаетъ изслѣдователей. Интересны, между прочимъ, переводы книгъ священнаго писанія на малорусскій языкъ, сдѣланные Ф. С. Морачевскимъ въ 1860 г. Преобладаютъ рукописи русскаго происхожденія, и юго-славянскихъ очень немного. Мы думаемъ, что изъ послѣднихъ нѣкоторыя, на средне-болгарскія особенности которыхъ указываетъ авторъ описанія, окажутся вполне русскими съ такъ называемыми «подражательными» болгаризмами (напримѣръ, стр. 11, 24, 25, 28, 30, 48); съ другой стороны, кое-что слѣдуетъ считать несомнѣнно средне-болгарскимъ (напримѣръ, стр. 14). Все описаніе ведется необыкновенно подробно и точно. Въ приложеніи изданы отрывки для образца языка и снимки съ 4 рукописей.

Главную особенность рукописнаго собранія академіи наукъ составляютъ новѣйшія ея приобрѣтенія, точнѣе характеръ этихъ прибрѣтеній, обещающій сдѣлать академическое собраніе самымъ богатымъ въ Россіи. Каждое лѣто В. И. Срезневскій командируется на сѣверъ Россіи и получаетъ специально для академической бібліотеки по недорогимъ цѣнамъ рукописи, старопечатныя книги, документы, лубочныя картинки и т. п. Это — новостъ для нашихъ бібліотекъ, и ея академія въ правѣ гордиться уже потому, что такими систематическими прибрѣтеніями масса рукописей, не всегда даже важныхъ въ научномъ отношеніи, буквально спасается отъ гибели. Среди массы поступленій, напримѣръ, 1902 г. найдете не одинъ десятокъ рукописей, цѣнныхъ для исторіи старинной русской письменности. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ богослужебныхъ книгъ и произведеній церковнаго характера, хронографовъ, лѣтописныхъ отрывковъ и матеріаловъ для исторіи раскола, житія русскихъ святыхъ, пѣсенники XVIII вѣка и сборники разнообразнаго содержанія, нотныя и гадательныя книги и т. д. Обращаетъ на себя вниманіе рѣдкій апокрифъ объ Енохѣ (91), «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ» (102), «Исторія о Поліонціонѣ, царевичѣ египетскомъ, и о прекрасной королевѣ Милитинѣ» (107), «Исторія маркиза Мирмона» (142), «Повѣсть о Дмитріи Басаргѣ и сынѣ его Борзомыслѣ» (157), «Повѣсть о царѣ Мамерѣ» (162, 164, 176, 186), «Челобитная Стефана Наумова на игумена Терапонтава монастыря Аѳанасія (215)» и др.

А. Я.

Лѣтопись Екатеринославской ученой архивной комиссіи. Годъ первый. Екатеринославъ. 1904.

Выпуская въ свѣтъ первую книгу своихъ трудовъ, Екатеринославская архивная комиссія совершенно не претендуетъ на большую научную цѣнность ея изданія. Этимъ первымъ опытомъ она лишь хочетъ подѣлиться съ любителями древностей тѣми данными, которыя получены ею въ началѣ своей дѣятельности, а также возбудить въ мѣстной интеллигенціи болѣйшій интересъ къ историческому знанію и собиранію остатковъ старины. Члены комиссіи надѣются, что ихъ труды не пропадутъ даромъ, скоро къ нимъ примкнетъ и выступитъ имъ на смѣну «молодое, болѣе научно подготовленное, энергичное поколѣніе, любящее свой край, которое достойно поработаетъ для его изученія».

Въ содержаніе книги входитъ: 1) «А. И. Маркевичъ, историкъ Новороссійскаго края», А. Синявскаго; 2) «А. Н. Поль, основатель Екатеринославскаго музея», — того же автора (приложенъ портретъ, 13—34 стр.); 3) «Записки Юрія Крижанича о Малороссіи» — В. Пичеты (1—17 стр.); 4) «Послѣдній кошевой Запорожья, П. И. Кальнишевскій», — В. Бѣднова; 5) «Къ вопросу о задачахъ Екатеринославской ученой архивной комиссіи» — И. Вертоградова (33—43 стр.); 6) «Къ столѣтію императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» — В. Пичеты; 7) «Нѣсколько словъ о состояніи архива екатеринославскаго нижняго земскаго суда» — В. Пичеты (54—64 стр.); 8) и 9) «Описаніе границъ и городовъ Азовской губерніи» — Я. Новицкаго; 10) «Земское Запорожье — корень екатеринославщины» — Н. Быкова (94—103 стр.); 11) «До-

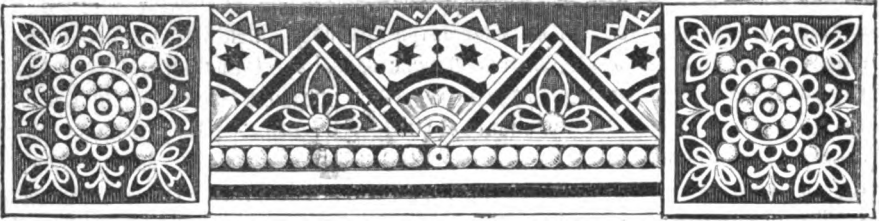
кладъ Я. Новицкаго о результатахъ осмотра архивовъ александровскаго предводителя дворянства и уѣзднаго казначейства»; 12) «Опись архивныхъ дѣлъ мариупольскаго и александровскаго уѣздныхъ предводителей дворянства съ 1797 до 1826 г.» — Я. Новицкаго (109—137 стр.); 13) «Древній край южнаго Приднѣпровья» — Н. Быкова; 14) и 15) «Потомокъ запорожцевъ. Въ святынь Запорожья» — Н. Сочинскаго (155—165 стр.); 16) «Протоколы засѣданій комиссіи»; 17) «Къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. Программы для собираія свѣдѣній по предметамъ древности» (203—225 стр.); 18) «Къ XIII археологическому съѣзду» — А. Синявскаго; 19) «Потемкинъ садъ въ археологическомъ отношеніи» — его же (233—337 стр.). Дальше помѣщены свѣдѣнія о библіотекѣ комиссіи, денежномъ отчетѣ и о составѣ членовъ комиссіи.

Въ концѣ, изъ отчета о дѣятельности узнаемъ, что комиссія открыта 16 марта 1903 г. и первымъ долгомъ занялась изученіемъ мѣстныхъ архивовъ, разборомъ архивныхъ описей и дѣлъ и разработкой мѣстной исторіи. По этимъ вопросамъ въ засѣданіяхъ комиссіи было прочитано 12 докладовъ, которые и вошли въ содержаніе «Лѣтописи». Кромѣ того, комиссіей собраны свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ (у кого онѣ находятся, гдѣ и проч.).

Съ своей стороны, мы не можемъ не выразить нашего удовольствія по поводу выхода первой книги трудовъ Екатеринославской архивной комиссіи. Надѣмся, что, судя по началу, комиссія энергично примется за важную работу изученія мѣстнаго края и собираія существующихъ въ немъ остатковъ старины, чѣмъ, несомнѣнно, окажетъ великую услугу историческому изученію нашей родины.

К—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕСТЬ женъ Генриха VIII. Тѣмъ читателямъ, которые любятъ, какъ говорилъ Мишлэ, «les petits cotés de l'histoire», значительный интересъ представляетъ книга ¹⁾ англійскаго историка и публициста, Мартина Юма, только что вышедшая подъ заглавіемъ «Жены Генриха VIII и роли, которыя онѣ играли въ исторіи». Хотя объ этомъ королѣ много уже писано, и главнымъ образомъ онъ извѣстенъ не только въ исторіи Англии, но и въ исторіи всего человѣчества, какъ мужъ шести женъ, но авторъ послѣдней книги обстоятельно всѣхъ описалъ эпизоды его брачной шестилогии. Въ предисловіи Юмъ проводитъ новый взглядъ на Генриха. Онъ считаетъ его не глубокомысленнымъ государственнымъ дѣятелемъ, который имѣетъ цѣлью добыть своей странѣ религіозную свободу, но слабымъ, суетнымъ и тщеславнымъ созданиемъ, играющимъ своихъ страстей и послушнымъ орудіемъ великихъ умовъ, которые дѣйствовали за его спиною для осуществленія своихъ религіозныхъ и политическихъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ, этотъ историкъ успѣлъ доказать, что каждая изъ женъ Генриха была въ свою очередь пѣшкой на политической шахматной доскѣ. Самая большая и замѣчательная часть книги Юма посвящена первой женѣ короля, Екатеринѣ Аррагонской. Хотя онъ рисуетъ патетическій и благородный портретъ злополучной испанской принцессы, но въ то же время бросаетъ новый, однако не очень сочувственный

¹⁾ The wives of Henry the Eighth, and the parts they played in history. By Martin Hume. London. 1905.

взглядъ на эпоху ея долговременнаго вдовства, протекившую между смертью ея перваго юваго мужа и свадьбой съ своимъ восемнадцатилѣтнимъ шуриномъ. Въ это время ея свекоръ, Генрихъ VII, и его министры обращались съ Екатериной, какъ принцессой Уэльской, то любезно, то жестоко, а сама она завела себя въ-видъ утѣшенія молодого испанскаго патера. Только недавно обнаружена любопытная переписка относительно этого доселѣ невѣдомаго придворнаго скандала. Юмъ, повидимому, считаетъ достовѣрнымъ фактомъ эту связь Екатерины, но она положительно ничѣмъ не доказана. Письма, писанныя ею Генриху VII съ цѣлью удержать этого патера въ качествѣ своего духовника, въ сущности не подтверждаютъ ея преступныхъ отношеній къ нему, а скорѣе служатъ доказательствомъ того, что между ними существовало, какъ французы называютъ, «une amitié amoureuse». Даже послѣ ея замужества съ Генрихомъ патерь сохранилъ свое вліяніе на королеву и сдѣлался ея канцлеромъ. Надо прибавить, что впоследствии онъ впалъ въ немилость за неприличное поведеніе съ женщинами. Но то обстоятельство, что во время разводнаго процесса Екатерины не была приведена, какъ обвинительный пунктъ, ея связь съ патеромъ, можетъ быть признано за оправданіе ея поведенія. Что касается до второй жены Генриха VIII, Анны Болейнъ, то Юмъ безжалостно рисуетъ ее неблагородной, невеликодушной, суетной и легкомысленной женщиной. Даже въ немногіе дни ея торжества она вела себя воистиннѣ безумно, выказывая непонятную жестокость къ своей предшественницѣ и къ старшей дочери Генриха, принцессѣ Маріи, которую онъ очень любилъ. Всѣ факты паденія и казни Анны Болейнъ хорошо извѣстны, но Юмъ описываетъ ихъ съ замѣчательной ясностью и полнотой, очень опредѣленно характеризуя ея дерзкое и надменное обращеніе съ друзьями и сторонниками. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Кромвель, чтобы дѣйствовать противъ нея, благодаря возникшей любви короля къ Дженни Симоръ. Несмотря на то, что Юмъ сомнѣвается въ подлинности благороднаго письма, написаннаго Анной Болейнъ, достойно отвергавшей взведенное на нее обвиненіе, но онъ, очевидно, того мнѣнія, что нѣтъ ни малѣйшаго доказательства въ ея виновности, кромѣ развѣ показанія Смитона, вырваннаго у него подъ пыткой. Три другіе свидѣтеля отвергли, какъ свою виновность, такъ и королевы относительно Норрея, который самъ говорилъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ признается во лжи. Въ день казни, послѣ принятія причастія Анна также торжественно клялась въ своей невинности. О третьей женѣ короля, Дженни Симоръ, извѣстно только, что она помогала королю погубить Анну Болейнъ, главнымъ образомъ, потому что она имѣла дочь, будущую королеву Елисавету, и сама вскорѣ умерла послѣ рожденія Эдуарда VI. Затѣмъ послѣдовалъ бракъ короля съ Анной Клеве изъ политическихъ причинъ. Его устроилъ Кромвель для того, чтобы утвердить союзъ Генриха съ германскими протестантскими князьями, но, по несчастію, Генрихъ былъ обманутъ относительно красоты Анны и вскорѣ развелся съ нею. Съ психологической и романической точки зрѣнія самой интересной изъ женъ Генриха VIII была Екатерина Говардъ, племянница герцога Норфолька. По словамъ самого Генриха, она «казалась очень маленькой дѣвочкой», въ сущности же Екатерина была уже молодой дѣвушкой, живой, смѣлой легкомы-

сленной, и король влюбился въ нее до безумія. Въ рукахъ Норфолка и его партіи она была драгоценнымъ политическимъ орудіемъ, и вообще въ первое время ея будущее казалось болѣе обезпеченнымъ и счастливымъ, чѣмъ всѣхъ прежнихъ женъ короля. Но, по несчастію для нея, царедворцы противной партіи открыли въ ея прошедшей жизни, до брака съ королею, позорныя подробности: именно, что она находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ вѣкинъ Держагономъ, съ которымъ она даже заключила брачный контрактъ. Конечно, Генрихъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, но намѣревался только развестись съ нею. Однако, свидѣтели, допрошенные на судѣ, показали болѣе, чѣмъ ихъ спрашивали: именно о поведеніи Екатерины послѣ замужества съ королею. Было вполне доказано, что она находилась въ любовныхъ сношеніяхъ съ двоюроднымъ братомъ, Томасомъ Кульпе, паромъ. Хотя до послѣдней минуты она отвергала свою преступность, но открыто созналась въ своей любви къ пару Кульпе, и когда, по обычаю, палачъ всталъ предъ нею на колѣни и просилъ у нея прощенія за свой предстоящій поступокъ, то она, простивъ его, прибавила: «Я умираю королевою, но съ большою радостью умерла бы женою пара Кульпе». Во многихъ отношеніяхъ послѣдній бракъ короля былъ самымъ разумнымъ: Екатерина Пааръ, вдова лорда Латимэра, отличалась красотой, молодостью и благородствомъ. Она была закадычнымъ другомъ старшей дочери короля, принцессы Маріи. Когда король впервые увидѣлъ лэди Латимэръ, то она была уже невѣстой сэра Томаса Симорано, но, повидимому, волѣ короля нельзя было сопротивляться, и она согласилась на этотъ «*marriage de convenance*». Она оказалась очень умной, тактичной и пріятной женою, ловко обращавшейся со своимъ легкомысленнымъ мужемъ, но все же она не избѣгла одного рокового эпизода. По несчастію, Екатерина однажды поспорила съ королею относительно одного религіознаго вопроса, и ея враги увѣрили короля, что она участвовала въ политической интригѣ противъ него. Онъ рѣшился отдать ее подѣ судъ, но наканунѣ ея ареста друзья предупредили ее о грозившей ей опасности, и она съ ловкой хитростью поддѣлалась къ королю, завела съ нимъ религіозный споръ, во всемъ согласилась съ нимъ и вновь приобрѣла его доброе расположеніе. Долго ли продолжалось бы это сочувственное къ королеви настроеніе короля—большой вопросъ, но, по счастью для нея, Генрихъ неожиданно занемогъ и умеръ въ 1547 г. Екатерина преданно ухаживала за нимъ до послѣдней его минуты и оплакивала его цѣлый годъ. Потомъ она вышла замужъ за своего стараго жениха, сэра Томаса Симора, но послѣ года не вполне счастливой брачной жизни, благодаря ревности своей падчерицы Елисаветы, Екатерина преждевременно умерла. Такимъ образомъ окончилась эта королевская шестилетія.

— Двѣнадцатилѣтняя королева. Изъ появившихся историческихъ книгъ въ Парижѣ обратила на себя вниманія «*Une reine de douze ans*» Люсьена Перая¹⁾, благодаря тому, что авторъ представилъ въ ней совершенно новую характеристику молоденькой испанской королевы Маріи-Луизы, жены Фи-

¹⁾ *Une reine de douze ans* (Marie-Louise-Gabrielle de Savoie, reine d'Espagne), par Lucien Perey. Paris. 1905.

линия V. Личность этой двѣнадцатилѣтней королевы совершенно заслуживала такой крупной фигурой, какою была ея придворная дама, ставленница г-жи Ментенонъ — Анна-Маріа де-ла-Треймуль, принцесса Урсэнъ, женщина съ сильной волей, которой было предоставлено руководить этимъ ребенкомъ. Когда Филиппъ V узналъ, что его хотѣтъ женить, — ему въ это время было семнадцать лѣтъ, — то пришелъ въ такой восторгъ, что принялся прыгать въ присутствіи своихъ слугъ и производить всевозможныя гримасы предъ зеркаломъ. Его двѣнадцатилѣтняя невѣста, Марія Савойская, младшая сестра герцогини Бургонской, дофини Франціи, была не по лѣтамъ развита душевно. Изъ меланхолическаго, апатичнаго, лѣнливаго юноши она сумѣла превратить его въ страстнаго, воодушевленнаго мужа. Воалъ своей маленькой жены Филиппъ V забывалъ объ охотѣ, о своихъ карликахъ и не говорилъ болѣе, что у него въ головѣ какая-то пустота, и онъ боится упасть. Въ немъ проснулася отвага, и онъ сталъ мечтать о дѣятельности, блескѣ, побѣдахъ и отбитыхъ у врага знаменахъ. Его вѣрность женѣ была такая стойкая, что когда во время ея болѣзни къ нему явились интриганы: герцогъ Ноайль и маркизь Агиларъ, съ предложеніемъ завести фаворитку, то онъ повернулся къ нимъ спиною и побѣждалъ къ женѣ рассказать о сдѣланномъ ему предложеніи. До послѣдняго времени историки рисовали молоденькую королеву какой-то одержимой духомъ политики и отраженіемъ воли принцессы Урсэнъ, но найденныя Перэемъ въ туринскихъ и ватиканскихъ архивахъ и въ французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ письма Маріи-Луизы къ отсутствующему мужу, къ родителямъ, къ Людовику XIV и къ г-жѣ Ментенонъ доказываютъ, что королева писала письма самостоятельно, потому что ихъ стиль не измѣнялся ни въ присутствіи при дворѣ принцессы Урсэнъ, ни во время ея изгнанія. Если испанская корона въ концѣ концовъ осталась за Бурбонами, то не только благодаря Бервику и Вандому, но и едва ли не болѣе силѣ воли этой молоденькой женщины. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ! какъ Марія-Луиза управляла Испаніей, она все время была предана долгу, а не удовольствіямъ, и мечтала только о славѣ «своего дорогаго маленькаго короля» и не видѣла въ немъ ни «дегенерата», ни «полусумасшедшаго». Ея главной заботой было нравиться ему, и она всѣми силами старалась служить его интересамъ. Споры и продолжительныя пренія кортесовъ казались ей невыносимыми, а потому, чтобы не давать имъ увлекаться ораторскимъ искусствомъ и задерживать этимъ рѣшенія вопросовъ, она садилась у нихъ на глазахъ съ работою и тѣмъ принуждала ихъ скорѣе вести дѣла. Она признавалась въ письмахъ, что предпочитала бы лучше играть на клавесинахъ, на гитарѣ, въ жмурки съ фрейлинами, ласкать своихъ дѣтей, писать письма въ Туринъ или Версаль, а еще лучше запереться съ своимъ обожаемымъ мужемъ, чѣмъ заниматься государственными дѣлами. Марія-Луиза вліяла на Людовика XIV такъ же сильно на разстояніи, какъ принцесса Бургонская, находясь при Версальскомъ дворѣ. Особенно цѣнили въ ней король полную гармонию ея сердца, ума и нравственной силы. Рядомъ съ дѣтскими шаловливыми словами у нея уживались постушки государственнаго человѣка, дѣтская вѣжливость и энергія съ неотразимымъ краснорѣчіемъ. Она служила лучшимъ нравственнымъ исполненіемъ своего мужа-короля, который не могъ

обойтись без нея, какъ она безъ него. Молоденькая королева выказала собственную волю еще по дорогѣ въ Мадридъ изъ Турина, когда, недовольная окружавшими ее кастильско-придворными дамами и горничными, она хотѣла возвратиться къ родителямъ, и только ловкая принцесса Урсэнъ сумѣла удержать юную своевольницу. Король и маркиза Ментеновъ, поручивъ своей ставленницѣ наблюденіе надъ молодыми, слишкомъ надѣялись на свою довѣренную. Ведя съ нею переписку изъ Версаля, они воображали, что уже управляютъ Эскуріаломъ. На самомъ же дѣлѣ все обстояло иначе. Принцесса Урсэнъ то держалась испанской партіи, то французской, согласно своимъ интересамъ и выгодамъ своего сообщника, контролера Орри, и сообщала въ Версаль только то, что хотѣла. Тщетно французскіе посланники при испанскомъ дворѣ: Аркуръ, д'Эстрэ и Граммонъ, старались обнаружить игру фаворитки, — все было тщетно: они попадали въ немилость, а положеніе принцессы Урсэнъ при испанскомъ дворѣ дѣлалось все устойчивѣе. Этому немало способствовало то обстоятельство, что маленькой королевѣ было скучно среди испанскаго порою просто смѣшного этикета, и она невольно искала подругу, съ которой могла бы раздѣлять впечатлѣнія, посмѣяться или подѣлиться чувствомъ отвращенія при видѣ придворныхъ карликовъ и гномовъ. Суевѣріе и нелѣпныя представленія объ особѣ короля доходили тамъ до того, что требовалось по этикету дѣлать парики короля исключительно изъ волосъ испанскихъ грандовъ. По мнѣнію испанцевъ, у короля было два ангела-хранителя, и на второмъ лежала обязанность слѣдить за государственными дѣлами, а потому самый неспособный изъ королевъ былъ гораздо мудрѣе самаго умнаго изъ своихъ совѣтниковъ. Неудивительно, что молодая королева предпочитала общество принцессы Урсэнъ бесѣдамъ со скучными, суевѣрными ханжами. Однако, одному изъ посланниковъ удалось понемногу сорвать маску съ фаворитки, которая подверглась на нѣсколько мѣсяцевъ изгнанію. Д'Эстрэ написалъ въ Версаль, что принцесса Урсэнъ находится подъ вліяніемъ своего секретаря Обинья, съ которымъ она жила, какъ съ мужемъ, и даже, можетъ быть, была обвѣнчана. Принцесса имѣла смѣлость надписать на письмѣ: «Относительно вѣнчанія — нѣтъ», и отправила письмо королю. Когда она возвратилась изъ изгнанія, королева измѣнилась: она созрѣла отъ перенесенныхъ испытаній. Она уже не была прежней сильной, но беззаботной маленькой королевой итальянской войны съ Арагоніей. Ея героизмъ теперь былъ нерадостный. Послѣ вступленія непріятеля въ Мадридъ, во все время переселенія въ Бургосъ, она поддерживала своими письмами и примѣромъ колеблющуюся энергію своего мужа. Отцу она написала письмо, полное такта и уваженія, упрекая его въ своемъ несчастіи, а когда Людовикъ XIV не осмѣливался болѣе рассчитывать на возвращеніе счастья и готовъ былъ пожертвовать короной внука, она стыдила стараго короля и нашла хлесткія слова, чтобы добиться отъ него послѣдняго усилія. Ранній бракъ, частые роды и жестокая война, длившаяся двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ Утрехтскій трактатъ наконецъ обезпечилъ Филиппу V окончательное владѣніе его королевствомъ, или, по крайней мѣрѣ, остатками его, такъ какъ участники въ коалиціи, въ томъ числѣ и отецъ королевы, отдѣлили себѣ богатую добычу, — совершенно истощили королеву, и она скончалась 19 фев-

раля 1714 г. По словамъ Сень-Симона, когда, нѣсколько дней спустя, король встрѣтилъ похоронную процессію жены, то продолжалъ охотиться съ принцессой. Напротивъ, Гельвецій говорилъ, что его горе было глубоко. Авторъ книги злорадно насмѣхается надъ послѣднимъ предположеніемъ.

— Русскіе салоны въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Небезызвѣстный читателямъ «Историческаго Вѣстника» французскій историческій хроникеръ Дю-Блэ, печатавшій въ «Revue Hebdomadaire» о русскихъ салонахъ въ Парижѣ, теперь помѣстилъ въ томъ же журналѣ двѣ статьи ¹⁾ о русскомъ великосвѣтскомъ обществѣ въ Петербургѣ и Москвѣ. Отчасти онъ пользовался для этого уже готовымъ матеріаломъ изъ различныхъ воспоминаній французовъ, посѣщавшихъ Россію, отчасти произведеніями русскихъ, поселившихся за границей, а также небольшой долей собственныхъ воспоминаній и перепиской съ русскими. Въ общемъ свѣдѣніи о русской жизни и русскомъ обществѣ онъ даетъ отрывочныя, особенно объ обществѣ позднѣйшей эпохи, довольствуясь перебираниемъ именъ. Относя русскіе великосвѣтскіе салоны конца XVIII и начала XIX вѣковъ къ первокласснымъ, онъ, конечно, въ качествѣ француза приписываетъ просвѣтительное начало русскаго общества своей націи и зарожденіе русскихъ салоновъ не инициативѣ русскаго самосознанія, а вліянію Екатерины и французскихъ эмигрантовъ. Въ виду того, что русскихъ салоновъ было множество, и потребовались бы цѣлыя томы для ихъ перечисленія, Дю-Блэ упоминаетъ только о нѣкоторыхъ. Первое мѣсто онъ отводитъ салонамъ княгини Наталіи Куракиной, графини Головиной, княгини Дашковой, графини Строгановой, княгини Зинаиды Волконской, княгини Голицыной, жены фельд-маршала Салтыкова, и г-жи Дивовой. Говоря объ общественныхъ празднествахъ, онъ упоминаетъ о замѣчательныхъ операхъ и балетахъ въ дворянскомъ собраніи, исполненныхъ группою артистовъ изъ крѣпостныхъ. Конечно, въ его описаніи Россіи попадаются и такія курьезныя представленія о русскихъ, какъ, напримѣръ, купаніе въ снѣгу безъ всякой одежды по возвращеніи съ баловъ, что будто бы совершается и по сію пору. Относя русскіе великосвѣтскіе салоны той эпохи къ первокласснымъ, онъ, однако, находитъ, что въ попыткахъ русскихъ ввести у себя изящную жизнь видно много неопытности и болѣе показной стороны, чѣмъ дѣйствительной утонченности. Для примѣра онъ приводитъ бесѣду князя Вѣлосельскаго, отца княгини Волконской, съ одной дамой, явившейся осмотрѣть его картинную галлерей. — «Чѣмъ полюбоваться пожаловали вы, сударыня?» — спросилъ князь Вѣлосельскій. — «Вашиими картинами, князь». — «У меня ихъ много. Какой школы?» — «Итальянской». — «Но тамъ столько художниковъ. Какого изъ нихъ хотите видѣть?» — «Рафаэля». — «Сударыня, у Рафаэля есть три манеры рисовать: которую желаете вы видѣть сначала?» — «Третью». — «Достаточно». — Но этотъ chef d'oeuvre князя оказался ничѣмъ инымъ, какъ скверной копіей, и этому никто не удивлялся, такъ какъ галлерей князя была извѣстна подъ остроумнымъ прозвищемъ «le buffet» вслѣдствіе того, что тамъ находились «croûtes», т.-е. всякая

¹⁾ La société russe: les salons de Pétersbourg et de Moscou, par Victor Du Bled. «La Revue Hebdomadaire» 4 Novembre—2 Decembre 1905.

мазня. Впрочемъ, это—не рѣшительный приговоръ надъ всѣми русскими салонами: какъ исключеніе, онъ приводитъ настоящіе салоны, напримѣръ, княгини Долгорукой, у которой, по словамъ художницы Виже-Лебрёнъ, собиралось многочисленное общество въ имѣніи Александровскомъ, гдѣ царило настоящее веселье. Послѣ объѣда гости отправлялись кататься въ разукрашенныхъ гондолахъ съ красными бархатными балдахинами съ золотой бахромою. Впереди слѣдовали пѣвцы и музыканты въ болѣе простыхъ лодкахъ, и ихъ пѣніе очаровывало слушателей и отличалось замѣчательной вѣрностью звуковъ, даже на самыхъ высокихъ нотахъ. Кромѣ того, гости разыгрывали на сценѣ различныя комедіи и, между прочимъ, «Souterrain» Дамираки, гдѣ роль Камиллы исполняла княгиня Долгорукая, ребенка—юный Рыбоьеръ, а садовника—австрійскій посолъ, Кобенцель. При этомъ произошло забавное недоразумѣніе. Во время представленія Кобенцелю прислало его правительство депешу съ курьеромъ, и, когда посолъ вышелъ, загримированный и въ костюмѣ садовника, то курьеръ не хотѣлъ вручить ему депешу, не узнавъ его. Это вызвало забавную сцену. Театръ въ Александровскомъ былъ маленькій, но прелестный, и Виже-Лебрёнъ устраивала на его сценѣ живыя картины, въ которыхъ участвовали многочисленные пріѣзжавшіе изъ Петербурга гости, и въ красивыхъ лицахъ обоюга пола не было недостатка. Сюжеты она брала изъ Библіи, такъ какъ у княгини было изобиліе кашемировыхъ шалей, которыми художница драпировала участниковъ и участницъ. Страсть къ живымъ картинамъ перекочевала на слѣдующую зиму въ Петербургъ, и желающихъ выставиться на показъ было такое количество, что приходилось многимъ отказывать. Княгиня Долгорукая сводила съ ума всѣхъ, и Потемкинъ устраивалъ для нея сказочныя празднества, на которыхъ дамы черпали брильянты изъ хрустальныхъ бокаловъ. Ради нея онъ сдѣлалъ осаду Очакова равнѣ, чѣмъ того требовала стратегія, и посылалъ курьера въ Парижъ за туфлями для нея, чтобы она могла присутствовать на одномъ празднествѣ; несчастный курьеръ скакалъ день и ночь. Она ввела въ моду эластичныя башмаки, которые дѣлалъ французскій эмигрантъ, графъ Одисанъ. Княгиня Долгорукая поднесла художницѣ Виже-Лебрёнъ браслетъ изъ своей пряди волосъ, съ надписью изъ брильянтовъ: «Украшайте ту, которая украшаетъ свой вѣкъ». Она была послѣдней музой Ривароля, и когда онъ выздоравливалъ отъ тяжелой болѣзни, то она остроумно написала ему: «Ваше здоровье доказывало намъ, что вы очень любезны, а ваша болѣзнь—что вы очень любимы». Въ салонахъ графини Толстой, адмиральши Чичаговой, графини Строгановой, г-жи Нарышкиной и г-жи Свѣчпой пользовался большимъ успѣхомъ, какъ «causeur», посолъ сардинскаго короля, графъ де-Мэстръ. Его любили и уважали за его талантъ, характеръ и умъ. Онъ не вѣрилъ въ гевій женщинъ и требовалъ, чтобы онѣ были возвышенными, ибо, какъ только онѣ хотятъ соперничать съ мужчинами, то дѣлаются похожими на обезьяну. Въ обществѣ онъ былъ веселымъ собесѣдникомъ, и его разговоры оказывались настоящими монологами, такъ что ему удавалось вздремнуть, пока ему отвѣчали. Одно время главнымъ сюжетомъ салонныхъ разговоровъ былъ Наполеонъ. Ненависть русскихъ къ нему имѣла болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ это думали, и, по имѣнію Дю-

Блэ, Румянцевъ, министр Александра I, былъ правъ, говоря, что правительство должно принимать во вниманіе общественное мнѣніе. Эта ненависть доходила до того, что, когда состоялось дружественное соглашеніе между государями, то она пала всецѣло на императора. По словамъ Коленкура, въ августѣ 1809 г. въ петербургскихъ салонахъ громко говорили: «Государь добръ, но глупъ, а Румянцевъ—дуракъ: они никогда не сумѣютъ извлечь изъ чего нибудь пользы; затѣявъ войну, имъ слѣдовало овладѣть Галиціей: поляки не пришли бы оспаривать ее у насъ. Изъ императора надо сдѣлать монаха: онъ поддерживалъ бы миръ въ монастырѣ; изъ Нарышкиной—монахиню, она прислуживала бы священнику и садовнику, особенно, если бы они были поляками. Что до Румянцева, то изъ него надо сдѣлать сбитенщика!» Въ Вѣнѣ Разумовскій открыто повелъ войну противъ французскаго посла, затмивъ его своими празднествами, царской роскошью и своей щедростью, которая онъ распространялъ на музыкантовъ, особенно на Бетховена. Благодаря всему этому, онъ достигъ популярности не только въ аристократическомъ обществѣ, но и среди народа. Его главными помощниками были посланникъ въ Неаполѣ, Алопеусъ, проживавшій въ Вѣнѣ, и русскія дамы, «топившія свою скорбь» въ Баденскихъ, Эграсскихъ, Карлсбадскихъ и Теплицкихъ водахъ, особенно, княгиня Багратионъ. Въ то время русскими великосвѣтскими дамами овладѣла страсть играть политическую роль, и княгиня Багратионъ осуществила эту мечту. Въ 1810 г. ея салонъ былъ первымъ въ Вѣнѣ. У нея собирались обожатели, ухаживатели и друзья, мужъ же всегда отсутствовалъ. Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, куда не допускались посторонніе, создавалась мода, составлялись мнѣнія и рѣшались вопросы, какія отношенія допустимы, какія—нѣтъ, кого можно видѣть и кого—избѣгать. Тамъ же было предписано, что посѣщать французское посольство—дурной тонъ, и часто туда навѣдываться значило пренебрегать принципами и приличіями. Всѣ повиновались этому распоряженію изъ боязни порицаній и сарказмовъ. Французскій посланникъ, графъ Отто, писалъ къ министру Шампаны, что надъ посѣщавшими французское посольство запросто всѣ насмѣхались. Въ то время вѣнскія женщины и дѣвицы, какъ молодыя, такъ и старыя, имѣли сильное влияніе и, собравшись подъ знамя княгини Багратионъ, повторяли въ одинъ голосъ, что «Бонапартъ не принадлежитъ къ обществу». Изъ этой коалиціи изащества и тцеславія Александръ извлекъ большую политическую выгоду. Авторъ упоминаетъ также объ одесскомъ обществѣ, но, главнымъ образомъ, чтобы напомнить, что Одесса создана инициативой Ришелье, который не только основалъ цѣлый городъ, но еще ввелъ прелести цивилизаціи въ родѣ роскошныхъ костюмированныхъ баловъ, выписки изъ-за границы новыхъ костюмовъ для актеровъ и составленія двухъ любительскихъ труппъ — французской и итальянской. Эти разорительныя прелести цивилизаціи, которая Дю-Блэ ставитъ въ заслугу своимъ землякамъ, какъ разъ были тѣмъ источникомъ, изъ котораго вытекала русская показная цивилизація, за которую онъ самъ порицаетъ русскихъ, тогда какъ виновниками этого зла являются его же сородичи, заѣзжіе аристократическіе эмигранты. Къ сожалѣнію, эта страсть къ наружному блеску безъ фундаментальной подкладки отразилась на всемъ

складъ русской общественной жизни. Съ 1824 по 1829 г. русскія велико-свѣтскія дамы собирались вокругъ Мицкевича, жившаго тогда въ Россіи. Среди аристократокъ были талантливыя актрисы, и даже, благодаря одной изъ нихъ, графинѣ Евдокіи Ростопчиной, парижская публика обязана появленіемъ на сценахъ произведеній Мюссэ, до 1847 г. не дававшихся въ парижскихъ театрахъ. Французская актриса Алланъ, увидя въ домѣ графини Ростопчиной, матери Лидіи Ростопчиной, и графини Торниелли, талантливо разыгранную самою графиней, княгиней Юліей Гагариной и гвардейскимъ поручикомъ, пьесу Мюссэ «Саргисе», пришла въ такой восторгъ, что въ свой прощальный бенефисъ дала именно эту пьесу. Дю-Блэ никакъ не можетъ допустить, чтобы русскіе могли создать что нибудь самостоятельно, безъ посторонней инициативы, и потому добавляетъ, что если графиня Ростопчина и оказала услугу французской литературѣ, то не надо забывать, что въ ея жилахъ течетъ часть французской крови, Сегуровъ. Великосвѣтскіе салоны позднѣйшей эпохи онъ раздѣляетъ на три вѣтви: русскую, нѣмецкую—балтійскихъ бароновъ, и польскую. Хотя въ русскихъ салонахъ бесѣды велись уже либеральнѣе, во все-таки гостинныя не представляли арены для политическихъ разговоровъ, и только въ польскомъ обществѣ открыто составлялись заговоры. Въ русскихъ же кружкахъ старались обходить эти разговоры, и если кто нечаянно проронить хотя одно политическое слово, то хозяйка дома старалась перевести разговоръ на другой предметъ. Это дѣлалось, по словамъ Дю-Блэ, вслѣдствіе того, что въ русскихъ салонахъ было много шпионовъ, и среди гостей всегда находились друзья высокопоставленныхъ лицъ. Поэтому среди русскихъ сложилась поговорка: «Когда бесѣдуютъ трое русскихъ, то лишь одинъ изъ нихъ не изъ полиціи». Русскіе мужчины выѣзжаютъ въ свѣтъ, по мнѣнію Дю-Блэ, чаще, чѣмъ французы; этимъ занимаются лишь парижскіе денди и бездѣльники, тогда какъ въ Россіи, едва наступаютъ сумерки, такъ не только молодые, но и зрѣлаго возраста мужчины бросаютъ работу и отправляются дѣлать визиты. Вообще онъ находитъ, что русскіе работаютъ менѣе французовъ. Онъ говоритъ, будто бы русскіе не любятъ носить знаковъ отличія, а украшаютъ себя академическими знаками. Хотя тщеславіе царитъ во всѣхъ обществахъ, но въ русскомъ оно проявляется какъ-то лихорадочнѣе и пламеннѣе, чѣмъ у французовъ, это—потому, что оно какъ бы коллективно. Ихъ тщеславіе не въ томъ, чтобы стремиться къ доблести или къ вѣшнему виду доблести, а въ домогательствѣ быть чѣмъ нибудь болѣе того, что есть на самомъ дѣлѣ, или составлять часть чего нибудь. И эта необходимость безиреетанно фигурировать и достигать высшаго поста порождаетъ у всѣхъ русскихъ алчныя желанія, расточительность, вѣчную нужду въ деньгахъ, что составляетъ самый выдающійся недостатокъ русскаго общества. Впрочемъ, это, увы, очень мѣткое мнѣніе не принадлежитъ самому Дю-Блэ, а заимствовано отъ другихъ. Самъ авторъ статьи говоритъ, что у русскихъ есть сотня другихъ недостатковъ и достоинствъ, которые входятъ въ основаніе всякаго общества. Переходя къ позднѣйшимъ временамъ, онъ упоминаетъ о салонѣ графини Клейнмихель, извѣстной среди петербургскаго великосвѣтскаго общества своею пріятельностью и тонкимъ умомъ. У нея устраивались спектакли и ко-

стюмированные балы. Она любит литературу, рисует довольно шикарные портреты и обожает политику, «а allumé sa cigarette à celle de tous les ministres et ambassadeurs». Поэтому она находилась в дружеских отношениях со всеми посланниками и министрами, особенно с Лорисъ-Меликовымъ. В ней уживалась вмѣстѣ съ мальчишескими шалостями осторожность государственнаго человѣка. Графиня Клейнмихель отличалась находчивостью и лѣтъ пятнадцать тому назадъ на одномъ обѣдѣ въ Парижѣ у княгини Долгорукой-Юрьевской, услышавъ саркастическое замѣчаніе своего сосѣда по столу, какого-то академика, что у иностранцевъ манія интервьюировать и заставлять говорить знаменитыхъ людей, — отвѣтила: «Вы ошибаетесь, сударь, утверждая это относительно себя. Обѣдать рядомъ съ вами ничего нѣтъ особенно дивнаго. Вы пьете и ѣдите, какъ всѣ, и не всегда бываете любезны. Все это не очень удивительно! Между тѣмъ за три франка пятьдесятъ сантимовъ такъ легко кушить лучшаго изъ васъ!»... Одна подруга графини Клейнмихель писала автору: «На ея четверги являются всѣ дипломаты и тамъ вступаютъ въ сношенія съ высшимъ обществомъ. Хотите ли вы съ кѣмънибудь побесѣдовать? У васъ большой выборъ: министры, крутые чиновники, молодые женщины. Предполагаете ли вы играть въ карты? Недостатка нѣтъ въ партнерахъ и столахъ. Хозяйка дома переходитъ отъ одного къ другому и заботится, чтобы всѣмъ было у нея хорошо. Если вы хотите, то можете украдкой удалиться изъ ея зала, не прощаясь, чтобы не увеличивать числа удаляющихся, заражая примѣромъ. Кромѣ четверговъ, она даетъ цѣлую серію маленькихъ обѣдовъ и разъ или два въ годъ большой вечеръ. Среди ея лучшихъ любителей-актеровъ блистаетъ г-жа Гартунгъ, урожденная Стенбокъ-Ферморъ: это — наша салонная Режанъ и Бартэ. Что касается ея, то я приложила бы къ ней слова Манцони, сказанныя относительно Кавура: «У него есть всѣ качества государственнаго человѣка: осторожность и даже неосторожность». Ей помогаютъ два князя Голицыны, Андрей и Борисъ. Въ ихъ венахъ течетъ французская кровь: ихъ мать была Ла-Рошъ-Эмонъ». Въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ графиня Клейнмихель, находится салонъ княгини Елисаветы Куракиной, урожденной Волконской, очень либеральной женщины. По воскресеньямъ у нея собираются играть въ карты, а затѣмъ бываютъ прекрасные холодные ужины. Другая пріятельница пишетъ Дю-Блэ: «Салонъ болѣе не существуетъ: ихъ убили карты. Чаще всего собираются послѣ театра; въ полночь пьютъ чай и играютъ до утра, любимыми играми считаются азартныя: бридусъ и вистъ; остальные люди играютъ въ преферансъ. Игра ведется круная: въ Москвѣ свѣтскія женщины проигрываютъ по десяти тысячъ франковъ въ ночь; другія партіи бываютъ еще круннѣе». Дю-Блэ какъ бы въ утѣшеніе нѣкоторой части русскаго общества, здраво смотрящаго на жизнь, говоритъ, что это зло еще не столь громадное, бываетъ хуже, и для примѣра приводитъ г-жу Монтеспанъ, проигравшую въ 1679 г. въ одну ночь 700.000 эку, которая она отчасти отыграла. Въ 1885 г. лучшими салонами въ Петербургѣ считались: г-жи Нелидовой, графини Блудовой, г-жи Крейцъ, г-жи Дурново, княгини Паскевичъ и княгини Меньшиковой. Вѣрными друзьями г-жи Нелидовой считались графъ Лорисъ-Меликовъ, графъ Валувевъ и Александръ Аггеевичъ Абаза. Въ

гостиной г-жи Нелидовой была выработана конституція, которую Лорисъ-Меликовъ поднесъ къ подписи въ роковое воскресенье 1-го марта императору Александру II. Салонъ г-жи Нелидовой настолько слытъ за центръ сборища сильныхъ міра сего, что при каждой новой правительственной мѣрѣ публика спрашивала: «что говорятъ у г-жи Нелидовой?» Менѣе вліятельными были салонъ матери директора императорскихъ театровъ, княгини Волковской, очень умной женщины, нѣсколько мужеподобной, но искренней и пріятной, у которой бывали на всѣхъ празднествахъ императоръ и великіе князья; г-жи Нарышкиной, женщины съ возвышеннымъ умомъ и преданной дѣлу благотворительности; г-жи Хитрово, вдовы бывшаго посланника въ Японіи: въ ея гостиной блестялъ Всеволодъ Соловьевъ. Салонъ г-жи Деляновой, жены министра народнаго просвѣщенія, былъ центромъ сборища всѣхъ дипломатовъ, но ея собранія были слишкомъ многолюдны. О г-жѣ Половцовой, мечтавшей, по словамъ Дю-Блэ, играть роль княгини Ливонъ, онъ очень зло замѣчаетъ, что, вмѣшиваясь въ дѣла благотворительности «такъ какъ» и «потому что», она посѣщала бѣдныхъ, украшая уши стотысячными солитерами, и объясняла это тѣмъ, что бѣдные заслуживаютъ, чтобы для нихъ хорошо одѣвались. Царица моды и отличная хозяйка, она умѣла группировать за столомъ избранныхъ собесѣдниковъ. Съ политическимъ направлениемъ было лишь два салона — Головина и Арсеньева. У перваго каждую среду собирались извѣстные люди: сенаторы, члены государственнаго совѣта, профессора и публицисты, и его собранія носили ученый оттѣнокъ. Въ салонѣ Арсеньева виталъ духъ либерализма, и Дю-Блэ очень расхваливаетъ почтеннаго академика, сравнивая его съ Прево Парадолемъ во время второй имперіи. Литературное и артистическое общество, по словамъ Дю-Блэ, собиралось у А. С. Суворина. Профессиональными салонными говорунями за послѣднія двадцать пять лѣтъ французъ называетъ Дондукова-Корсакова, генераль-губернатора Кавказа, о которомъ сложилось мнѣніе, будто, «что Корсаковъ общается, Дондуковъ въ томъ отказываетъ». Онъ пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ. Затѣмъ слѣдовали генераль Тимашевъ — «настоящій салонный метеоръ», графъ Шуваловъ, князь Валеріанъ Оболенскій, генераль Анненковъ, князь Святополкъ-Мирскій, графъ Валуевъ, прозванный русскимъ Эндимиономъ, князь Кавтакузенъ, князь Никсъ Долгорукій и директоръ Эрмитажа, Всеволожскій. Княгиня Марія Васильчикова, дочь прежняго директора Эрмитажа блестящей эпохи, считается самой умной, любезной и веселой хозяйкой петербургскаго великосвѣтскаго общества. Музыкальное общество собирается у герцога Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, сына умершей великой княгини Екатерины Михайловны, женатаго на г-жѣ Вонлярярской, получившей титулъ графини Карловой. Въ его дворцѣ находится прекрасная библіотека, собраны коллекціи силуэтовъ-портретовъ придворныхъ Екатерины II и Павла I. Страстный меломанъ, онъ организовалъ недавно замѣчательный квартетъ, приводящій всѣхъ въ восторгъ. Музыкой развлекаются еще въ салонахъ г-жи Сабуровой, урожденной Соллогубъ, вдовы министра финансовъ Абазы, урожденной Гюббэ, бывшей пѣвицы, великой княгини Елены Павловны, у «вѣчно юной» маркизы Паудуччи «Evergreen», какъ ее прозвали въ обществѣ, и у принцессы Саксъ-Альтенбургской въ ея дворцѣ на Ка-

менномъ островѣ, которая сама прекрасно поетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересуется наукой и искусствомъ. Княгиня Вѣлосельская, урожденная Скобелева, давала въ 1903 г. блестящіе балы въ своемъ дворцѣ на Крестовскомъ островѣ въ честь совершеннолѣтія ея младшей дочери. Ея старшая дочь не любитъ общества и питаетъ привязанность къ лошадямъ и собакамъ; вторая же дочь, княгиня Ольга Орлова, слыветъ за самую изящную женщину въ великосвѣтскомъ петербургскомъ обществѣ, и въ ея салонѣ царятъ игра въ карты и танцы. Княгиня Бетси Барятинская, когда-то много принимавшая, впослѣдствіи устраивала у себя небольшіе обѣды, человекъ на 12, и ея поварь считается лучшимъ въ Петербургѣ. Дю-Блэ отзывается о ней довольно мѣфистофельски, говоря, что она обладала болѣе социальнымъ знаніемъ, чѣмъ умомъ, болѣе любезной привлекательностью, чѣмъ искреннею добротою, и нѣкоторыя ея качества настолько развиты, что замѣняли другія и даже даютъ о нихъ иллюзію. Ради того, чтобы понравиться великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, она завела у себя рулетку. Ее прозвали *princesse Château* за ея величественную осанку. Она умерла въ 1902 г. Ея дочь, графиня Шувалова, занимается болѣе благотворительностью. Тому же предмету посвящала себя г-жа Нарышкина, которая отличалась крайней прямою характеромъ, благодаря чему всѣ ея боялись, начиная съ министровъ, которымъ она одинаково дѣлаетъ правдивыя замѣчанія. При этомъ она обладала замѣчательною силой характера и научилась дѣлать кружева *point de Venise*, а также ткать ковры, чтобы передать свои знанія крестьянамъ въ своихъ имѣніяхъ. Теперь ея крестьяне занимаются этимъ производствомъ, и, по словамъ Дю-Блэ, дѣла пошли прекрасно. Сначала у нея былъ салонъ, но затѣмъ она посвятила себя своему мужу, который умеръ девяноста лѣтъ отъ роду. Различныя празднества, устраиваемыя княгиней Юсуповой, графиней Сумароковой-Эльстонъ, обладательницей прекрасной картинной галлерей, брильянтовъ и прочихъ богатствъ, — напоминали своей пышностью придворные балы. Окружающіе курили еиміамъ передъ княгиней, называя ее «феей», «королевой граціи, доброты и красоты». У нея два сына, и одинъ изъ нихъ — студентъ университета. Въ прошломъ году въ С.-Петербургѣ была дана серія «бѣлыхъ баловъ», въ честь модаленскихъ дебютантокъ на свѣтскихъ подмосткахъ, но Дю-Блэ жестоко ихъ оскорбилъ, говоря, что среди нихъ мало красавицъ. Переходя къ московскимъ великосвѣтскимъ салонамъ, онъ говоритъ, что ихъ ограниченное число; напротивъ, главное мѣсто занимаютъ купеческіе салоны, отличающіеся большою роскошью. Среди хозяекъ послѣднихъ есть очень красивыя и изящныя, какъ, наприимѣръ, г-жи Морозова, Вострякова, Зенобія Морозова, Лукутина и Якунчикова. На ихъ вечерахъ присутствуетъ и генералъ-губернаторъ. Когда-то въ Москвѣ существовали великосвѣтскіе салоны, но теперь тамъ осталось ихъ только два или три: г-жѣ Ермоловой, Ватюшковой и графини Уваровой. Послѣдняя моложе двухъ первыхъ и состоитъ президентшей археологическаго общества въ Москвѣ. Княгиня Голицына, урожденная графиня Борхъ, бывшая гофмейстерина Елисаветы Ѳеодоровны, отказавшаяся отъ этого поста вслѣдствіе разстроенаго здоровья, много читаетъ; ея мужъ состоитъ во главѣ государственнаго архива. Затѣмъ слѣдуетъ жена бывшаго губернатора Булыгина, обладающая прекрас-

нымъ голосомъ и, по словамъ Дю-Бла, очень пріятная особа. Въ заключеніе онъ говоритъ, что русское общество—полированное и цивилизованное, влюбленное въ развлеченія, раздѣляется на три теченія: славянское, англійское и французское, и старается держать иностранцевъ, особенно посланниковъ и политическихъ людей, подалеже отъ себя. За это онъ не порицаетъ русскаго общества, ибо не разъ, благодаря имъ, обнаруживались, какъ государственныя, такъ и салонныя тайны, и даже распространялись клеветы. Касаясь самой пикантной стороны великосвѣтскаго общества—любви, Дю-Блэ говоритъ, что въ немъ царитъ самый разнообразный флиртъ и страсти, и русскіе любятъ и по-французски и по-европейски, конечно, съ присущимъ каждой націи своеобразнымъ отгѣвкомъ. Чтобы привести образцы русскаго флирта, не хватило бы одного тома. Однажды, когда ему пришлось процитировать опредѣленіе любви Пальерона: «*De grands mots avant, des petits mots pendant et des gros mots après*», какая-то графиня, имени которой французъ не отважился привести, замѣтила: «*Moi, je n'ai jamais connue que les gros mots*». Впрочемъ, съ присущей французамъ учтивостью онъ оговаривается, что русскія женщины знаютъ особенно *les grands mots* и *les petits mots*, хотя не можетъ поклѣсться, что имъ никогда не приходится выслушивать *gros mots*. О русскихъ дѣвушкахъ французъ отзывается съ большою похвалою, говоря, что, если онъ выходитъ замужъ по любви, то становятся замѣчательными женщинами. Материнство поглощаетъ ихъ вполне, но не касается ихъ интеллектуальной жизни: онъ дѣлается болѣе матерями, чѣмъ супругами, а превосходное образованіе даетъ возможность руководить умственнымъ развитіемъ сыновей и нравственно вліять на ихъ душу.

— Вторичное отреченіе Наполеона и бѣлый терроръ. Въ прошедшемъ году однимъ изъ самыхъ видныхъ явленій французской исторической литературы было окончаніе замѣчательнаго труда Анри Гуссэ: «1815»¹⁾. Талантливый авторъ трудился надъ нимъ болѣе двадцати лѣтъ, и онъ состоитъ изъ трехъ томовъ. Въ первомъ томѣ изложена первая Реставрація, возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и «Сто дней»; во второмъ—Ватерлоо, а въ третьемъ окончаніе этой патетической трилогіи. Съ положительной художественностью, съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и съ обстоятельнымъ реализмомъ Гуссэ исполнилъ свою задачу, и успѣхъ его громаденъ. Первые двѣ части вышли въ пятидесяти изданіяхъ, а послѣдняя уже быстро достигаетъ того же колоссальнаго распространенія. Этотъ эпизодъ великой наполеоновской драмы заключаетъ въ себѣ не только послѣдніе дни Наполеона во Франціи, но и мрачную исторію монархическаго террора. Авторъ безпристрастно, но съ понятнымъ сожалѣніемъ рисуетъ паденіе несчастнаго, но во всякомъ случаѣ великаго человека, и, быть можетъ, впервые представляетъ во всей ихъ чудовищности роковую жестокость Бурбоновъ, убійство маршала Брюна, казни Нея и Лабедуайера, а также бѣлый терроръ на югѣ. Авторъ справедливо сравниваетъ эту тяжелую годину реакціи съ худшими годами Лиги и Столѣтней войны, когда Франція, обезоруженная и истощенная, едва не сдѣлалась вассаломъ испан-

¹⁾ 1815. La seconde abdication. La terreur blanche. Par Henry Houssaye. Paris. 1906.

скаго короля или не поддала подъ иго Англiи. Монархическія крайности Людовика XVIII и гнусная месть клерикальныхъ аристократовъ породили во Франціи страшную эпоху 1815 г. «Тогда не было арміи,—говоритъ Гуссъ,—страна не имѣла защиты, король безвластвовалъ; шестьдесятъ департаментовъ состояли подъ иностраннымъ игомъ; города платили контрибуціи; селенія были разорены; жители бѣжали въ лѣса; вся власть въ государствѣ находилась въ рукахъ враговъ; Франція подверглась расчлененію; гражданская война присоединялась къ войнѣ съ чужеземцами, три четверти населенія терпѣли дерзкое иго побѣдоносной партіи, и, наконецъ, политическія ненависти и религіозныя ужасы наполняли всю страну огнемъ и убійствами. Здѣсь свирѣпствовали пруссаки, а тамъ роялистскіе убійцы; всюду царили насиліе, позоръ, нищета, отчаяніе и терроръ. И все же Франція возстала. Такая мысль поддерживала меня и придавала мнѣ силы рассказывать подобныя событія. Я научился изъ этого горькаго опыта твердой вѣрѣ въ счастье Франціи». Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ книги Гуссъ заключается въ томъ, что, изображая главныя историческія личности, онъ не упускаетъ представить полную конкретную картину обстановки этой человѣческой драмы. На первомъ планѣ, конечно, выступаютъ гений Наполеона, неосторожность Нея и вѣроломство Фушэ, но ихъ окружаетъ толпа, долго невѣдомая историкамъ. По словамъ извѣстнаго французскаго критика, Рэнэ Думика, толпа занимаетъ фонъ картины, но она не безмолвна, не неподвижна. Благодаря послѣднимъ открытіямъ исторіи и психологіи, роль толпы вполнѣ обнаружена и ярко отмѣчена. По справедливому замѣчанію Гуссъ, «государя, полководца и министры—не одни дѣйствующія лица въ исторіи: народъ и армія играютъ въ ней также видную роль. Рядомъ съ дворомъ и сенатомъ находится площадь, а подлѣ главной квартиры—лагерь». Рисуя послѣдній эпизодъ жизни Наполеона, Гуссъ старается вмѣстѣ съ тѣмъ изобразить чувства французовъ и ихъ дѣйствія въ 1815 г. Наполеонъ, Людовикъ XVIII, Талейранъ, Фушэ, Нея, Даву, Карно занимаютъ, безъ сомнѣнія, первый планъ изображаемой имъ эпопеи, но недалеко отъ нихъ виднѣются поселяне, рабочіе, солдаты, буржуазія, какъ въ греческомъ театрѣ, и вы видите рядомъ съ Аяксомъ и Агамемнономъ хоръ стариковъ и воиновъ. «Если исторія революціи,—говоритъ Гуссъ, непонятна безъ уясненія себѣ тревоженіи народной души, такъ и возвращеніе съ Эльбы, Ватерлоо и бѣлый терроръ не могутъ быть выяснены безъ должнаго понятія о коллективной личности народной толпы». Такова задача современнаго историка при воскрешеніи прошедшаго; при этомъ онъ долженъ всякую малѣйшую подробность своего разсказа основать на подлинныхъ документахъ, возстановить тѣ достовѣрныя декораціи, въ которыхъ совершались описанныя событія, и предоставить толпѣ, окружавшей главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ея настоящую роль. Все это мы видимъ въ книгѣ Гуссъ, и потому представленная имъ картина событій 1815 г.—вполнѣ вѣрна. Самъ переживъ ихъ, онъ даетъ возможность и читателю жить съ дѣятелями той эпохи и испытать то, что они испытали.

— Итальянскія письма жены дипломата. Подъ этимъ заглавіемъ вышло въ прошломъ году уже два изданія новыхъ книгъ ¹⁾ г-жи Ваддинг-

¹⁾ Italian letters of a diplomat's wife. By Mary King Waddington. London. 1906.

товъ. Хотя означенный трудъ не столь интересенъ, какъ первый, въ которомъ она описывала картины великосвѣтскаго Лондона и Москву во время коронаціи Александра III, но авторъ живо рисуетъ Римъ во время своего тамъ пребыванія съ мужемъ, въ 1880 г., и когда она его посѣтила въ 1904 г., послѣ смерти Ваддингтона. Къ тому же заключающіяся въ этой книгѣ ея письма къ матери и сестрѣ обнимаютъ такой историческій и художественный циклъ воспоминаній, что невольно читаются съ любопытствомъ. Письма начинаются съ оставленія Ваддингтономъ званія французскаго пераго министра въ 1880 г. Прежде чѣмъ отправиться въ Италію, г-жа Ваддингтонъ описываетъ съ неподдѣльнымъ юморомъ посѣщеніе ея женою президента Грэви. Этотъ визитъ «de condoléance» былъ тѣмъ замѣчательнѣе, что у г-жи Ваддингтонъ сидѣли въ это время двѣ пріятельницы, до безумія роялистки: онѣ съ презрѣніемъ взглянули на президентшу, бывшую кухарку, и быстро удалились. Г-жа же Грэви отказалась отъ предложенной чашки чая и просидѣла у г-жи Ваддингтонъ, сколько необходимо было для официального визита. На долю г-жи Ваддингтонъ пришлось уже не первый разъ принимать президентшу въ неловкихъ обстоятельствахъ. Въ то время, когда ея мужъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Макъ-Магонъ вышелъ въ отставку, и его жена, изящная аристократка, сидѣла у г-жи Ваддингтонъ, какъ вдругъ въ комнату вошла новая президентша-кухарка. Герцогиня Макъ-Магонъ была очень рада познакомиться съ своей преемницей и обошлась съ нею съ полнымъ достоинствомъ, тогда какъ г-жа Грэви, видимо, растерялась и не знала, какъ вести себя. Герцогиня посѣпно завела разговоръ о благотворительныхъ дѣлахъ, о искусствѣ и т. д., при чемъ ей помогала русскій посоль Орловъ, болтавшій и шутившій съ обѣими дамами. Эти два эпизода изъ переписки посланницы, какъ нельзя рельефнѣе, очерчиваютъ социальное развитіе, существующее въ верхнихъ слояхъ нынѣшняго республиканскаго общества во Франціи. Пребываніе г-жи Ваддингтонъ въ Римѣ въ 1880 г. было не первымъ, и она прекрасно знала вѣчный городъ, такъ какъ жила въ немъ нѣсколько лѣтъ въ юности, когда ея братъ, Кингъ, былъ американскимъ посланникомъ при папѣ. Поэтому она знала многихъ замѣчательныхъ людей исторической эпохи Италіи и не разъ видала папу Пія IX, хотя ему не представлялась. По словамъ Мингетти, одного изъ умѣвшихъ итальянцевъ того времени, Пій IX былъ однимъ изъ либеральнѣйшихъ людей, которыхъ когда либо онъ зналъ. «Но, — прибавлялъ онъ съ улыбкой, — что онъ могъ сдѣлать? — вѣдь онъ былъ папой». Пій IX живо интересовался социальной жизнью Рима и съ удовольствіемъ слушалъ свѣтскіе разговоры тогдашняго англійскаго посла, Оддо Росселя. Самое сильное впечатлѣніе произвело на г-жу Ваддингтонъ благословеніе папою Пиемъ IX съ балкона св. Петра толпы, которая привѣтствовала громкими криками всѣхъ, окружавшихъ его, даже Монтебелло, командовавшаго французскимъ оккупационнымъ отрядомъ. Но г-жу Ваддингтонъ также занимали встрѣчи съ папою на улицахъ въ то время, когда Пій IX еще не былъ ватиканскимъ узникомъ. Его выѣзды въ Римъ были настоящими королевскими процессіями, во главѣ которыхъ находился конный отрядъ *batta strada*, разгонявшій всѣ экипажи и торговцевъ. Затѣмъ въ красивомъ экипажѣ появлялся папа съ двумя духовными лицами. За нимъ слѣдо-

вало нѣсколько кардиналовъ и его свита, папская гвардія замыкала шествіе. Всѣ встрѣчавшіеся проѣзжіе останавливались, и мужчины выходили изъ экипажей и становились на колѣни, а дамы поднимались со своихъ мѣсть и кланялись. Старикъ весь въ бѣломъ высывался изъ кареты и благословлялъ толпу. Онъ рѣдко гулялъ пѣшкомъ по улицамъ Рима, но его можно было видѣть часто въ виллахъ Памфили и Боргезе. «Однажды, гуляя съ цѣлой толпой итальянской и американской молодежи, — рассказываетъ г-жа Ваддингтонъ, — я встрѣтила папу пѣшкомъ въ саду виллы Памфили, и такъ какъ всѣ мои итальянскіе товарищи и товарки встали на колѣни, то мы, протестанты, послѣдовали ихъ примѣру, и Пій IX съ улыбкой благословилъ всѣхъ насъ». Совершенно не походилъ на этого папу Левъ XIII, котораго она видѣла во время своего второго пребыванія въ Римѣ, уже съ мужемъ. «Онъ былъ высокаго роста, худощавый, съ чрезвычайно интеллигентнымъ выраженіемъ лица и удивительно блестящими глазами, — говоритъ г-жа Ваддингтонъ. — Онъ принялъ насъ очень любезно и посадилъ на золоченныя кресла по обѣ стороны своего кресла подъ роскошнымъ балдахиномъ. Со мною онъ говорилъ по-итальянски, когда узналъ, что я была прежняя обитательница Рима, а съ Ваддингтономъ — по-французски, такъ какъ, несмотря на то, что папа знаетъ по-итальянски, онъ предпочитаетъ говорить по-французски. Левъ XIII зналъ всѣ подробности о французскихъ дѣлахъ, даже то, что въ министерствѣ Ваддингтона было три протестанта: онъ самъ, Леонъ Сэ и Фрейсина. Въ своемъ разговорѣ папа говорилъ очень много о политикѣ и объ отношеніяхъ Франціи къ католической церкви. Ваддингтонъ сначала былъ очень остороженъ въ своихъ замѣчаніяхъ, но папа, взглянувъ на него своими блестящими, пронизательными глазами, сказалъ: «Je vous en prie, mr. Waddington, parlez sans reserves». Мы пробыли у него три четверти часа, и наша бесѣда была очень интересна. Очевидно, Левъ XIII былъ радъ видѣть Ваддингтона, потому что считалъ его, какъ протестанта, безпристрастнымъ политическимъ дѣятелемъ. Отъ времени до времени онъ обращался ко мнѣ и спрашивалъ меня по-итальянски, интересуется ли меня политика, и много ли я нашла старыхъ друзей въ Римѣ. При прощаніи мы оба поцѣловали руку папы. Вообще Ваддингтонъ былъ очень заинтересованъ всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ въ Ватиканѣ». Здѣсь, кстати, привести и свиданіе г-жи Ваддингтонъ въ ея послѣднее посѣщеніе Рима въ 1904 г. съ папой Піемъ X. «Онъ стоялъ посреди маленькой комнаты, — говоритъ она, — стѣны которой были декорированы красной матеріей, на полу лежалъ также красный коверъ, а въ концѣ стояло три золоченныхъ кресла. Я съ своей пріятельницей, маркизой Тайлеранъ-Перигоръ, урожденной Картръ, низко присѣла предъ папой, такъ какъ мы обѣ были протестантками и слѣдовательно не нуждались ни въ колѣнопреклоненіи, ни въ цѣлованіи руки. Папа подошелъ къ намъ, пожалъ намъ руки и указалъ намъ на кресла. Онъ былъ, конечно, весь въ бѣломъ и говорилъ исключительно по-итальянски, хотя понималъ по-французски, но самъ не могъ объясняться на этомъ языкѣ. Его прекрасное лицо дышало искренностью, а устремленные къ небу глаза выражали необыкновенную простоту; во всякомъ случаѣ онъ не походилъ на аскетически-интеллектуальнаго Льва XIII, ни на добродушно-улыбающагося, хотя саркастической улыб-

кой, Пія IX, но его наружность была такова, что, увидавъ ее разъ, никогда ея не забудешь. Я спросила его, такъ ли онъ теперь уставалъ, какъ въ первое время избравія его въ папы. Онъ отвѣчалъ, что, конечно, въ первое время ему было очень тяжело отъ перемѣны обычаевъ, климата и пищи, хотя послѣднее замѣчаніе было странно, такъ какъ между Римомъ и Венеціей могла быть разница только въ количествѣ рыбы. Онъ говорилъ очень мало о Франціи и трудныхъ временахъ, переживаемыхъ католической церковью; зная, что я была протестантка и старая жительница Рима, онъ спросивъ меня, сколько лѣтъ я уже не видала вѣчнаго города, замѣтилъ: «Вы ужъ не узнаете знакомаго вамъ стараго Рима: въ немъ произошло много, много перемѣнъ». Поговоривъ съ Бетси объ Америкѣ и тамошней католической церкви, папа спросилъ, знаютъ ли онъ объ Венецію. И лицо его совершенно просіяло, когда они стали разговаривать о любимомъ его городѣ. Его очень любили въ Венеціи. Онъ сдѣлалъ на г-жу Ваддингтонъ впечатлѣніе человѣка, который еще не привыкъ къ своему новому положенію, но который рѣшился во что бы то ни стало исполнять свой долгъ. «Однако я, — прибавляетъ авторъ, — должна сказать, что большинство людей въ Римѣ увѣрено, что онъ совершенно подчинится окружающимъ его, которые не позволяютъ ему имѣть никакой инициативы. Когда мы прощались съ папой, то я сказала, что хочу у него кое-что попросить. «Disco, dico, la prego (скажите, скажите, прошу васъ)», — отвѣчалъ онъ. Тогда я объяснила, что я протестантка, и мой мужъ тоже протестантъ, но мой сынъ женился на католичкѣ, и я желала бы передать ей благословеніе папы. Онъ знакомъ пригласилъ меня встать на колѣни и, дотронувшись рукой до моей головы, сказалъ по-латыни необходимыя слова, потомъ прибавилъ: «E per lei et tutta la sua famiglia (и для васъ и для всей вашей семьи)». Когда мы удалились, то папа изъ любезности немного отвернулся, чтобы не заставлять васъ итти пятыя по этикету. Послѣ визита къ папѣ мы посѣтили кардинала Мерри-Дель-Валь, и я была рада, что познакомилась съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ также встрѣтилъ васъ стоя и тотчасъ предложилъ намъ сѣсть. Онъ — высокаго роста, красивый молодой человѣкъ, настоящій *homme du monde*. По его собственнымъ словамъ, ему еще не было сорока лѣтъ, и онъ походить скорѣе на англичанина, чѣмъ на итальянца. Впрочемъ, это не удивительно, такъ какъ его мать — англичанка. Онъ изъясняется по-англійски не хуже меня и говоритъ, что онъ знаетъ почти всѣ языки. Вообще, Мерри-Дель-Валь, повидимому, читалъ все на свѣтѣ и въ курсъ всего, что говорятъ и думаютъ во всѣхъ странахъ. Онъ говорилъ о политикѣ болѣе папы и такъ же, какъ онъ, сожалѣлъ о происшедшемъ во Франціи. Признаюсь, что я никогда не видала такого кардинала; это, быть можетъ, потому, что онъ молодъ и скорѣе кажется свѣтскимъ человѣкомъ, чѣмъ духовнымъ лицомъ. Впрочемъ, типъ послѣдняго, какъ все остальное въ Римѣ, чрезвычайно измѣнился». Отъ папы одинъ шагъ до королей, и хотя г-жа Ваддингтонъ видѣла въ юности «*le galantuomo*», но не говоритъ о немъ ни слова, а распространяется только о короляхъ Гумбертъ и Викторѣ-Эммануилѣ II. Она не представлялась королю Гумберту, но ея мужъ присутствовалъ на королевской аудіенціи, при чемъ Гумбертъ былъ съ нимъ очень любезенъ и разговорчивъ. Онъ

говорилъ меньше паши о политикѣ и увѣрялъ, что Франція и Италія, какъ двѣ великія латинскія расы, должны быть друзьями. Вообще весь приѣмъ отличался простотою, не похожей на чопорность Ватикана. Онъ происходилъ въ королевскомъ кабинетѣ, и Ваддингтонъ видѣлъ во дворцѣ только толстаго швейцара, двухъ или трехъ лакеевъ и дежурнаго королевскаго адъютанта. Что же касается до королевы Маргариты, то г-жа Ваддингтонъ была ей представлена вмѣстѣ съ мужемъ, которому королева очень понравилась. Онъ напелъ ее высоко образованной и *très instruite*. По словамъ г-жи Ваддингтонъ, они во время разговора совершенно забыли, что были въ присутствіи королевской особы. Вообще она—очаровательная женщина, и вся ея обстановка въ комнатѣ, гдѣ она принимала Ваддингтоновъ, отличалась привлекательностью, прекрасными картинами и безконечными художественными бездѣлушками. Онъ говорили преимущественно по-французски, но отчасти и на англійскомъ языкѣ, который королева хорошо знаетъ. Во время этой бесѣды въ комнату вошелъ маленькій неаполитанскій принцъ, теперешній король, и на вопросъ г-жи Ваддингтонъ, любитъ ли онъ лошадей, и есть ли у него лошадка,—отвѣчалъ: «O, yes! j'ole!» Во время своего посѣщенія Рима въ 1904 г. г-жа Ваддингтонъ и королева Маргарита были обѣ вдовами. Въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ она немного потолстѣла, но, по замѣчанію г-жи Ваддингтонъ, она была попрежнему прелестна; ея приѣмъ отличался добродушной простотою, и съ нею можно было разговаривать обо всемъ, особенно о всякаго роду спортѣ, между прочимъ, обѣ автомобиляхъ, которые она очень любила. Молодой королевѣ Еленѣ г-жа Ваддингтонъ представилась въ послѣдній свой визитъ въ Римъ и отзывается о ней также очень сочувственно. «Королева,—разсказываетъ она,—высокаго роста, темноволосая, съ прекрасными глазами и пріятной улыбкой. Она такъ радушно меня приняла, что не дала сдѣлать трехъ обычныхъ придворныхъ поклоновъ и тотчасъ усадила меня. Нашъ разговоръ былъ не долгій, и королева говорила больше о своихъ дѣтяхъ и разспрашивала меня о моемъ сынѣ». Королю Виктору-Эммануилу II г-жа Ваддингтонъ не представлялась, но видѣла его на придворномъ балѣ, гдѣ онъ стоялъ воелѣ королевы, сидѣвшей на парадномъ креслѣ, и разговаривалъ съ очень немногими посланниками и знатными иностранцами. Г-жѣ Ваддингтонъ говорили знакомые итальянцы, что король почти никогда не разговаривалъ съ дамами. Кромѣ того, г-жа Ваддингтонъ присутствовала на великолѣпномъ концертѣ во дворцѣ, гдѣ королева принимала очень небольшое избранное общество. Наконецъ, во время нахождения въ тотъ разъ г-жи Ваддингтонъ въ Римѣ пришлось большія празднества въ честь пріѣзда французскаго президента Лубэ, и она присутствовала при всѣхъ торжествахъ, имѣя возможность видѣть досыта королевскихъ особъ и высокопоставленныхъ личностей во всевозможныхъ блестящихъ мундирахъ. По этому случаю она разсказываетъ очень забавный анекдотъ въ Вашингтонскомъ Бѣломъ домѣ иностранныхъ посланниковъ. Какъ извѣстно, туда допускаютъ всѣхъ американцевъ безъ различія положеній, и однажды, увѣряетъ г-жа Ваддингтонъ, послышался въ толпѣ чей-то голосъ: «Что это за люди въ золоченыхъ ливреяхъ и пестрыхъ лентахъ?» На это типичный янки отвѣчалъ: «Я полагаю, это—музыканты». Большинство страницъ въ интересной книгѣ

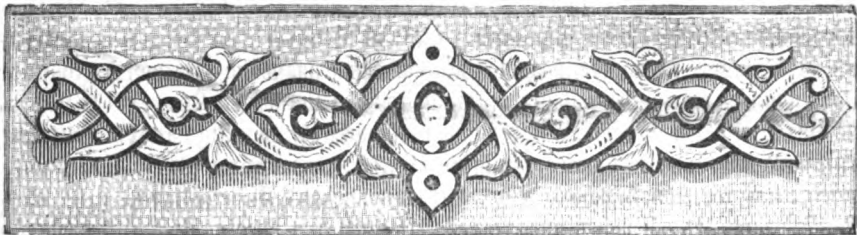
г-жи Ваддингтонъ наполнены художественными картинками итальянской природы, предметовъ искусства и живыми портретами современныхъ итальянскихъ дѣятелей. Въ послѣднемъ отношеніи она рельефно рисуешь характеристики Мингетти, Кароли Депретиса, Висконти Векосты, Селлы и проч. Чрезвычайно оригинальны строки, посвященные г-жей Ваддингтонъ знаменитой актрисѣ Ристори, теперь маркизѣ Капронники. По ея словамъ, Ристори до сихъ поръ имѣеть поразительное выраженіе лица, говорить очень много и преимущественно на безупречномъ французскомъ языкѣ. Бывшей американкѣ и ея маленькому американскому обществу очень хотѣлось видѣть игру артистки въ старости, и если имъ это не удалось, то они присутствовали при нѣкотораго рода замѣчательной сценѣ, разыгранной великой актрисой. Во время одного обѣда, на которомъ присутствовали Ристори и г-жа Ваддингтонъ, на улицѣ послышалась громкая ссора кучеровъ. Ристори не выдержала, узнавъ голосъ своего кучера, а вскочила изъ-за стола, подбѣжала къ окну, отворила его и начала бранить кучера самыми отборными словами. «*Che diavolo!*» — кричала она звучнымъ, трагическимъ голосомъ, и присутствующіе едва могли ее успокоить.

— Смерть Альфреда Рамбо и Поля Мѣриса. 10 ноября истекшаго года скончался послѣ продолжительной болѣзни извѣстный историкъ, профессоръ и политическій дѣятель Альфредъ Рамбо, а ровно чрезъ мѣсяць, 10 декабря, французская литература лишилась своего почетнаго ветерана, друга Виктора Гюго — Поля Мѣриса. Первый изъ нихъ родился въ Безансонѣ 2 іюля 1842 г. и воспитывался въ Нормальной школѣ, изъ которой вышелъ со степенью доктора литературы. Онъ преподавалъ исторію въ лицеяхъ Нанси, Буржа и Кальмара, а, кромѣ того, участвовалъ съ Анатолеми Леруа-Болье и Луи Межэ въ литературной экспедиціи въ Россію; онъ совершилъ два путешествія въ Петербургъ, Москву, Кіевъ и Казань, съ цѣлью основательно изучить Россію, которая тогда становилась союзникомъ Франціи. Возвратясь на родину, онъ прежде всего издалъ «Героическія пѣсни Россіи», обратившія на себя гнѣвное вниманіе прусской критики. Затѣмъ онъ напечаталъ вторую книгу о Россіи, подъ названіемъ: «Москва и Севастополь», удостоившуюся большой похвалы Александра III, бывшаго еще тогда наслѣдникомъ престола, и наконецъ составилъ свою знаменитую «Исторію Россіи», имѣвшую большой успѣхъ во Франціи и переведенную на многіе языки. По увѣренію нѣкоторыхъ русскихъ критиковъ, на русскомъ языкѣ нѣтъ подобной обстоятельной, хотя краткой исторіи. Когда его большой другъ Жюль Ферри сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, то онъ назначилъ Рамбо директоромъ департамента, и въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ усердно подготовлялъ всѣ реформы въ дѣлѣ общественнаго образованія, ознаменовавшія ту эпоху. По удаленіи изъ министерства Жюля Ферри, Рамбо получилъ въ Сорбоннѣ только что основанную кафедру современной исторіи и принялся за извѣстную трехтомную «Исторію французской цивилизаціи». Около того же времени онъ былъ назначенъ редакторомъ «*Revue politique et littéraire*», которая обратилась впоследствии въ «*Revue Bleue*». Два года онъ усердно занимался журнальнымъ трудомъ, посвящая всѣ свои силы распространенію либеральныхъ и демократическихъ идей. Въ 1890 г. по случаю новыхъ посылокъ за границу и личныхъ литературныхъ

трудоу, онъ отказался отъ редакціи «Revue Bleue» и прежде всего издалъ извѣстную книгу, имѣющую большое историческое значеніе: «Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France en Russie» (1890), а потомъ принялся вмѣстѣ съ историкомъ Лависсомъ за изданіе ихъ монументальнаго труда: «Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашихъ дней». Послѣ многихъ лѣтъ усидчивой работы этотъ трудъ приведенъ къ окончанію, и въ немъ Рамбо главнымъ образомъ писалъ все, что касается Россіи. Въ 1896 г. Рамбо сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія въ министерствѣ Мелина, и при немъ не только заключенъ былъ, къ величайшему его удовольствію, союзъ съ Россіей, но еще проведенъ новый законъ объ университетахъ. Однако, вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго труда онъ нажилъ тяжелое воспаленіе легкихъ, которое совершенно разстроило его здоровье. Въ это же время онъ находился нѣсколько лѣтъ членомъ сената и въ послѣдніе годы избранъ академикомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Несмотря на свое слабое здоровье, онъ издалъ нѣсколько политическихъ сочиненій, изъ которыхъ всего болѣе замѣчательна историческая монографія: «Жюль Ферри», и, кромѣ того, написалъ нѣсколько интересныхъ и живыхъ историческихъ романовъ, въ числѣ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣлъ «Кароагенскій императоръ».

Поль Мѣрисъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ французскихъ литераторовъ настоящаго времени и дожилъ до глубокой старости, именно до восьмидесяти пяти лѣтъ. Родившись въ Парижѣ въ 1820 г., онъ былъ сыномъ золотыхъ дѣлъ мастера, но посвятилъ себя изученію права, однако вскорѣ онъ предался всецѣло литературѣ. Подружившись съ Векри, онъ вмѣстѣ съ нимъ посвятилъ всю свою жизнь служенію славы Виктора Гюго. Конечно, онъ былъ яркимъ романтикомъ и, какъ въ беллетристическихъ, такъ и въ драматическихъ произведеніяхъ шелъ по слѣдамъ великаго поэта. Въ 1848 г. онъ былъ редакторомъ газеты «Événement», основанной Викторомъ Гюго, и высидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за слишкомъ либеральныя стремленія. Черезъ двадцать лѣтъ онъ принялъ участіе въ изданіи газеты «Rapport», также основанной Викторомъ Гюго, и много лѣтъ состоялъ ея издателемъ. Изъ его драматическихъ произведеній самыя извѣстныя: «L'avocat des pauvres», «Fanfan la tulype», «Struensée». Кромѣ того, онъ передѣлалъ для сцены знаменитые романы своего великаго друга: «Notre Dame de Paris» и «Quatre-vingt-treize». Въ числѣ его романовъ наибольшій успѣхъ имѣли «Ascanio», «Amanni» и «Les deux Dianes». Въ послѣдніе годы онъ занимался исключительно изданіемъ посмертныхъ сочиненій Виктора Гюго. Мѣрисъ умеръ совершенно неожиданно; вечеромъ у него обѣдало нѣсколько друзей, и онъ легъ спать, нимало не подозрѣвая близости конца. Ночью у него случился параличъ сердца, и онъ умеръ не просыпаясь.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ СОБРАНИИ архитекторовъ. 29 ноября минувшаго года въ собраніи архитекторовъ разсматривался проектъ конкурса на постройку зданія государственной думы. Мѣстомъ постройки предполагается Царицынъ лугъ. Зданіе намѣчено въ два этажа. Въ первомъ этажѣ помѣстятся: залъ засѣданій государственной думы съ прилегающими комнатами, въ центрѣ зала мѣсто для предсѣдателя государственной думы, мѣста для министровъ и секретарей, кругомъ амфитеатромъ для членовъ думы 650 мѣсть. Немного ниже мѣста предсѣдателя каеэдра для ораторовъ, а еще ниже мѣста для стенографовъ. Во второмъ ярусѣ кругомъ амфитеатра идутъ хоры и ложи. Противъ мѣста предсѣдателя царская ложа на 12 человекъ съ прилегающими къ ней приемными, уборными и отдѣльнымъ ходомъ; ложа для дипломатическаго корпуса на 20 человекъ, ложа для членовъ государственнаго совѣта на 20 человекъ, ложа для членовъ государственной думы на 80 человекъ, ложа для представителей печати, 2 ложи на 40 человекъ представителей различныхъ правительственныхъ учреждений, ложа на 200 мѣсть для публики и хоры. Второй этажъ будетъ занятъ кабинетами предсѣдателя думы, товарищей предсѣдателя, министровъ, затѣмъ общій залъ совѣта, приемная, залы для публики и членовъ думы. Проектъ для конкурса одобренъ единогласно. Участіе въ конкурсѣ принимаютъ только русскіе. Сумма, выданная обществомъ для конкурса, 2.000 рублей: пять премій, по четыреста рублей каждая. Срокъ конкурса—28 февраля 1906 г. Стоимость постройки не опредѣлена.

Сорокалѣтіе дѣятельности высочайше утвержденной комиссіи для разбора и описанія архива святѣйшаго синода. 6 декабря 1905 г. исполнилось сорокъ лѣтъ со времени учрежденія комиссіи для разбора и описанія архива святѣйшаго синода. Въ 1865 г. синодальный оберъ-прокуроръ, графъ Дм. А. Толстой, посѣтилъ синодальный архивъ и нашелъ его въ состояніи, далеко не соответствующемъ тому устройству, какой онъ долженъ былъ имѣть, какъ хранилище документовъ высшаго управленія православной церкви. Тѣсясь въ 4-хъ комнатахъ и храня въ себѣ много ненужнаго или имѣющаго только косвенное къ нему отношеніе, архивъ былъ частью синодальной канцеляріи, «складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ дѣлъ и вещей». Попытки къ приведенію его въ порядокъ, начавшіяся съ половины XVIII столѣтія, не имѣли успѣха. Последняя попытка 1860 г. разбора архива окончилась тѣмъ, что десятки тысячъ дѣлъ предназначены были къ уничтоженію. Въ это-то время и подана была Н. И. Григоровичемъ (послѣ начальникомъ архива) мысль объ учрежденіи ученой архивной комиссіи для приведенія въ порядокъ и ясность синодальнаго архива. Высочайшее соизволеніе послѣдовало 6 декабря 1865 г. Во главѣ комиссіи съ самаго ея учрежденія почти 35 лѣтъ стоялъ ординарный академикъ Ае. Ѳ. Бычковъ, а нынѣ комиссія имѣетъ своимъ предсѣдателемъ ординарнаго академика А. И. Соболевскаго и членами: ординарнаго академика Е. Е. Голубинскаго, профессоровъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ учебныхъ заведеній— протоіерея М. И. Горчакова, С. Ѳ. Платонова, П. Н. Жуковича и С. Г. Рункевича, сенатора дѣйств. тайн. сов. А. Г. Вишнякова, управляющаго синодальной канцеляріей С. П. Григоровскаго, его помощника Н. Ѳ. Маркова, прокурора московской синодальной конторы А. А. Завьялова, управляющаго синодальной типографіей А. В. Гаврилова, начальника синодальнаго архива К. Я. Здравомыслова, архиваріусовъ—И. Д. Дьяконова и А. И. Никольскаго, и еще семь лицъ свѣтскаго и духовнаго званія, труженниковъ по духовному вѣдомству, любящихъ науку и интересующихся архивнымъ-дѣломъ: А. Н. Надеждина, сваяц. В. А. Васильева, Ѳ. И. Виноградова, Ф. И. Виноградова, Б. Н. Жуковича, П. П. Лукьянова и П. Д. Овсянкина. Съ сознаніемъ важности возложеннаго на нее дѣла, комиссія начала и продолжала свои занятія, довела архивъ и библіотеку святѣйшаго синода до нынѣшняго образцоваго ихъ состоянія и въ пятый десятокъ лѣтъ своей дѣятельности вступаетъ съ полною готовностью работать и расширять свое дѣло. Архивъ и библіотека святѣйшаго синода, по высочайше утвержденному 31 іюля 1897 г. о нихъ «Положенію», представляютъ собою въ настоящее время отдѣльное ученое учрежденіе, открытое для занятій ученыхъ изслѣдователей. Они занимаютъ 14 комнатъ въ первомъ этажѣ синодальнаго зданія, сухихъ, свѣтлыхъ и безопасныхъ въ пожарномъ отношеніи, съ каменными сводами и такими же полами, съ электрическимъ освѣщеніемъ и духовымъ отопленіемъ. Дѣла въ архивѣ (460.000 дѣлъ и 6.000 томовъ документовъ) раздѣлены на 27 отдѣловъ, а книги въ библіотекѣ (до 80.000 названій)—на 22 отдѣла; хранятся въ шкафахъ, закрытыхъ глухими деревянными или рѣшетчатыми проволочными дверцами; половина дѣлъ вложена въ картоны, а половина хранится въ связкахъ; на шкафахъ, картонахъ, связкахъ и дѣлахъ показаны отдѣлы, годъ и № дѣла. Сдаточныя и ин-

вентарныя описи, а также систематически-предметные, алфавитные указатели, личные и предметные, на желѣзныхъ дугахъ, въ книгахъ и на карточкахъ имѣются, хотя и не за всѣ годы. Составлены также карточные каталоги, авторскій и предметный, для книгъ библиотеки. Выработаны утвержденныя въ 1891 г. правила сдачи и выдачи дѣлъ, документовъ и книгъ на справки и для чтенія и занятій. Утверждены въ 1895 г. и новые штаты архива и библиотеки, но поддержаніе въ порядкѣ этого огромнаго и ежегодно разрастающагося хозяйства съ предметами, не неподвижно лежащими, а ежедневно и иногда въ большомъ количествѣ находящимися въ обращеніи, составленіе алфавитовъ, облегчающихъ работу ученыхъ изслѣдователей, и другія многочисленныя архивныя занятія заставляютъ прибѣгать къ найму многихъ постороннихъ работниковъ. Комиссія руководитъ всѣмъ этимъ дѣломъ, обсуждаетъ и разсматриваетъ работы, даетъ совѣты, составляетъ постановленія и проводитъ ихъ въ архивъ чрезъ своихъ дѣлопроизводителей—начальниковъ архива и библиотеки. Своею издательскою дѣятельностію комиссія давно приобрѣла себѣ почетную извѣстность. По отзывамъ знатоковъ, изданія ея, образцовыя во всѣхъ отношеніяхъ, послужили матеріаломъ для многихъ уже церковно-историческихъ ученыхъ изслѣдованій. Изданія эти слѣдующія: «Описаніе дѣлъ и документовъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода»—издано 12 томовъ описанія дѣлъ за 1542—1732 г.г. (кромѣ 1729 г.), печатается и скоро выйдеть въ свѣтъ 7 томовъ за 1729, 1735—1738, 1740 и 1747 г.г., и составляютъ 13 томовъ по 1751 г. включительно. «Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи»—издано 10 томовъ за 1721—1737 и 1741—1743 г.г., печатается 2 тома за 1744—1745 и 1763—1767 г.г., и составляетъ одинъ томъ за 1738—25 ноября 1741 г. «Описаніе архива бывшихъ грекоуніатскихъ митрополитовъ»—изданъ одинъ томъ за 1470—1700 г.г., и печатаются 2 тома за 1700—1839 г.г. «Отеческое завѣщаніе Посошкова»—съ новооткрытою въ синодальномъ архивѣ второю половиною этого литературнаго памятника. Вначалѣ изданія печатались въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; нынѣ количество печатаемыхъ экземпляровъ сокращено до 900; полный комплектъ оставшихся изданій продается съ уступкою 75%; нѣкоторые томы составляютъ библиографическую рѣдкость. Но не одинъ только синодальный архивъ былъ предметомъ занятій комиссіи. Немало проведено ею положеній, объединяющихъ архивное дѣло въ духовныхъ консисторіяхъ, духовныхъ правленіяхъ, монастыряхъ, церквахъ и духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Благодаря комиссіи, приостановлено въ епархіальныхъ архивахъ уничтоженіе старыхъ дѣлъ цѣлыми разрядами; выработаны утвержденныя святѣйшимъ синодомъ правила разбора дѣлъ въ духовныхъ консисторіяхъ («Странникъ» 1869 г., сентябрь). Описаніе консисторскихъ архивовъ, учрежденіе особыхъ епархіальныхъ церковно-археологическихъ комитетовъ съ историческими при нихъ архивами и музеями, учрежденіе должности епархіальнаго архивиста и проч.—все это, по грандіозности предпріятія, остается пока въ проектѣ. Вся бѣда въ помѣщеніяхъ консисторскихъ архивовъ: они тѣсны, темны, по мѣстамъ сыры и небезопасны отъ огня (8 архивовъ сгорѣло, и во многихъ истабли дѣла старыхъ лѣтъ). Будь эти помѣщенія обширны, они хра-

нили бы и дѣла старыхъ лѣтъ, да принимали бы къ себѣ на храненіе и дѣла закрываемыхъ и упраздняемыхъ духовныхъ правленій, монастырей, церквей, епархіальныхъ попечительствъ, различныхъ комитетовъ, комиссій и другихъ мѣстныхъ учреждений, дѣла коихъ, большею частью, куда-то исчезаютъ, или же хранятся гдѣ нибудь нѣкоторое время, а потомъ либо топятся въ водѣ, либо сжигаются на иллюминаціи въ пасхальную ночь. Многіе архивы буквально спасены комиссіею отъ уничтоженія. Кромѣ вопросовъ архивовѣдѣнія, въ комиссіи возбуждались вопросы и чисто археологическаго характера. Такъ, святѣйшимъ синодомъ передавались на заключеніе комиссіи вопросы объ охраненіи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, о возобновленіи комитета 1853 г. по описанію ризницъ и древнихъ памятниковъ. Въ послѣднее время бывшимъ начальникомъ архива, А. Н. Львовымъ, возбужденъ былъ вопросъ объ охраненіи вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ родной старины, приостановленный по независящимъ отъ комиссіи обстоятельствамъ, съ правомъ возобновить его, когда будетъ необходимо и удобно. Но поданная комиссіею благая мысль пустила въ провинціи корни и дала уже обильный плодъ въ видѣ весьма многихъ церковно-историческихъ и археологическихъ обществъ, комитетовъ, комиссій и древлехранилицъ, открытыхъ уже въ 30 епархіяхъ—Архангельской, Владимирской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Гродненской, Донской, Калужской, Кишиневской, Кіевской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Олонецкой, Орловской, Пензенской, Подольской, Полоцкой, Псковской, Рязанской, Рязанской, С.-Петербуржской, Смоленской, Ставропольской, Тверской, Тобольской, Тульской, Холмской, Черниговской и Ярославской. Нѣкоторыя изъ этихъ учреждений имѣютъ печатныя изданія своихъ трудовъ. Утвержденные святѣйшимъ синодомъ въ 1904 г. новыя правила точно опредѣляютъ занятія комиссій: продолженіе начатыхъ изданій; изданіе памятниковъ исторіи, литературы и права, хранящихся въ синодальномъ архивѣ, и посвященныхъ этимъ памятникамъ изслѣдованій; обсужденіе архивныхъ и археологическихъ вопросовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе комиссіи святѣйшимъ синодомъ и его оберъ-прокуроромъ; доклады членовъ о своихъ трудахъ по комиссіи и вообще по вопросамъ архивовѣдѣнія и археологіи, изъ коихъ на очереди вопросы—о мѣрахъ къ своевременной сдачѣ дѣлъ въ архивъ изъ канцелярій, о централизаціи архивовъ духовнаго вѣдомства и о мѣрахъ къ охраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ родной старины.

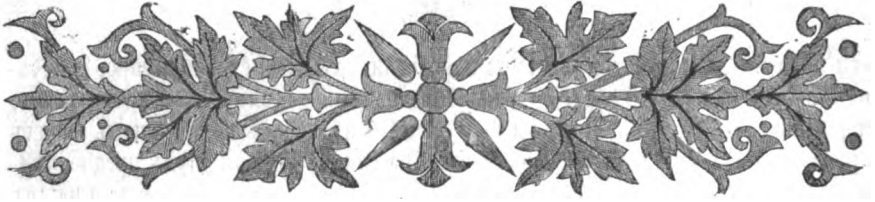
Галицко-русское общество. Въ галицко-русскомъ обществѣ 1 декабря прошлаго года, въ присутствіи многочисленныхъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Будиловича, сдѣлала интересныя сообщенія холмская депутация. Первую рѣчь держалъ преосвященный Евлогій; онъ обрисовалъ въ яркихъ краскахъ тяжелое положеніе русскихъ среди польскаго края, рядъ насилій надъ совѣстью, надъ жизнью православныхъ крестьянъ, вслѣдствіе чего много русскихъ перешло въ католичество. Какъ единственное средство спасенія русскихъ, преосвященный видитъ въ отдѣленіи Забужья отъ Польши, для чего собственно и пріѣхала въ Петербургъ депутация. Священникъ Трачъ выяснилъ, что въ Холмщинѣ только поны да крестьяне рускіе, чиновниковъ и средняго сословія тамъ нѣтъ, а помѣщики всѣ поляки и католики, крестьяне же,

большую часть, лишь арендаторы, а въ меньшинствѣ это—мелкіе собственники. Съ арендаторами расчеты короткіе: «Хочешь у меня жить арендой,—говорить панъ-помѣщикъ,—переходи въ католичество, а не хочешь—убирайся». Горячо отстаивалъ отецъ Трачъ и русское духовенство въ краѣ, терпящее униженія и притѣсненія и все-таки борющееся. Въ безыскусственныхъ словахъ подтвердили рѣчь священника Трача и крестьяне изъ Холмскаго, Грубешовскаго, Влодавскаго и Томашовскаго уѣздовъ. Одинъ изъ нихъ высказалъ, между прочимъ, такую идею, что у крестьянъ нѣтъ настоящихъ школъ, что имъ нужно дать такія же школы, какія даютъ господамъ, тогда будетъ больше свѣта въ народѣ и больше справедливости. Рассказывали крестьяне, какъ прѣзжали мутить русскія села разные бунтари. Игуменья Вировскаго монастыря засвидѣтельствовала, какъ къ ней приходятъ сотнями обиженные крестьяне, которыхъ преслѣдуютъ латиняне; до чего доходятъ эти фанатики, видно изъ рассказа игуменьи, что они распустили слухъ, что обитель закрыта теперь, что она назначена польскимъ монастыремъ. Мало того, они подъ монастырскій праздникъ даже дорогу въ монастырь испортили, разбросали разные колючки, и бѣдные крестьяне портили себѣ обувь и одежду, ранили ноги, но все-таки пришли на монастырскій праздникъ. Обитель содержитъ школу на 200 дѣвочекъ, и теперь не знаетъ, какъ быть: нѣтъ у нея средствъ, все кругомъ обѣднѣло, а дѣти и православные все больше и больше ищутъ укрыться въ ней. Игуменья закончила рѣчь обращеніемъ къ русскимъ людямъ, что они должны помочь холмцамъ и русскому крестьянству, что отдать древнюю православную Русь, наслѣдіе князя Владимира, было бы государственнымъ преступленіемъ. Собраніе постановило выработать отъ общества адресъ государю императору о Холмской Руси.

Юбилей І. І. Ясинскаго. Въ декабрѣ 1905 г. исполнилось 35 лѣтъ плодотворной литературной дѣятельности Іеронима Іеронимовича Ясинскаго, извѣстнаго беллетриста, публициста и журналиста. Его прекрасно знаютъ читатели, любящіе «изящную литературу», какъ автора многочисленныхъ романовъ и повѣстей, талантливыхъ и, большею частью, идейныхъ,—произведеній, въ которыхъ виденъ истинный художникъ. Но І. І. Ясинскаго знаютъ не менѣе отлично и читатели газетъ, какъ даровитаго работника, изслѣдовавшаго жизнь и нужды провинціи. Одно время его псевдонимъ Независимый, которымъ почтенный писатель подписывалъ свои статьи въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» во время редактированія имъ этого органа,—пользовался большой популярностью и далъ ему возможность основать собственное изданіе, посвященное интересамъ провинціи. Въ прошломъ году г. Ясинскій могъ праздновать еще и двадцатипятилѣтіе беллетристической дѣятельности Максима Бѣлинскаго, такъ какъ этимъ именовъ были подписаны его первые рассказы: «На чистоту», «Дѣти», «Ночь» и «Распята», появившіеся въ журналѣ «Слово» 1880 г., гдѣ онъ также былъ однимъ изъ редакторовъ. Съ появленія въ литературѣ Максима Бѣлинскаго собственно и начинается извѣстность г. Ясинскаго, которую упрочили два его произведенія «Искра Божія» и «Всходы»—живыя, ярко талантливыя картины провинціальной жизни,—напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1882 г.) редакціи М. Е. Салтыкова, который очень высоко ставилъ

эти произведѣнія, дѣйствительно блестящія по замыслу и выполнению, и справедливо предрекали ихъ автору беллетристическій успѣхъ. Нѣтъ почти такого періодическаго изданія, гдѣ бы почтенный беллетристъ не помѣщалъ своихъ произведеній, а читатели «Историческаго Вѣстника» еще въ двухъ предпоследнихъ книжкахъ журнала имѣли возможность убѣдиться, насколько еще свѣжимъ и разностороннимъ сохранился талантъ нашего писателя-юбиляра. Печать этого таланта, болѣе или менѣе яркаго, лежитъ на всѣхъ произведеніяхъ, на всѣхъ его предпріятіяхъ. Талантливы его публицистическія работы, въ большинствѣ которыхъ художникъ заслоняетъ серьезнаго мыслителя; талантливы издававшіеся и издаваемые имъ журналы («Ежемесячныя Сочиненія», «Почталонъ», «Всѣгда», «Живописецъ» и «Провинція»), и если они не имѣли настоящаго матеріальнаго успѣха и широкаго распространенія, то въ этомъ виноваты совершенно постороннія обстоятельства. Было бы несправедливо умолчать о г. Ясанскомъ, какъ о поэтѣ. У него есть цѣлая книга стихотвореній, изящныхъ, образныхъ, красивыхъ, не чуждыхъ настроенія, въ которыхъ преобладаетъ нѣжный свѣтлый лиризмъ, и только отсутствіе широкаго размаха и поэтической силы мѣшаетъ имъ стать въ уровень съ произведеніями многихъ нашихъ старыхъ мастеровъ, выросшихъ на завѣтахъ пушкинской школы.

НЕКРОЛОГИ.

ВОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Скончался извѣстный ученый юристъ, сенаторъ гражданскаго кассационнаго департамента, А. С. Боровиковскій. Сынъ извѣстнаго малороссійскаго писателя, поэта и этнографа сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, онъ родился 14 ноября 1844 г., воспитывался въ первой харьковской гимназій и на юридическомъ факультетѣ Харьковскаго университета. По окончаніи здѣсь курса въ 1866 г. со степенью кандидата правъ, онъ былъ оставленъ при университетѣ для пріготовленія къ кафедрѣ исторіи русскаго права и съ той же цѣлью командированъ въ Москву для занятій подъ руководствомъ профессоровъ И. Д. Бѣляева и С. М. Соловьева. Въ ноябрѣ 1867 г. А. Л. поступилъ на службу въ харьковскій окружный судъ помощникомъ секретаря и, кромѣ того, сталъ заниматься адвокатурой. Въ 1870 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ прокурора симбирскаго окружнаго суда, недолго занималъ ту же должность въ Самарѣ, а съ 1871 г. — въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ состоялъ присяжнымъ повѣреннымъ с.-петербургскаго судебнаго округа около семи лѣтъ и принималъ въ этотъ періодъ времени участіе въ защитѣ дѣлаго ряда дѣлъ, преимущественно гражданскихъ. Въ 1878 г. А. Л. былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей по Верхнедѣпровскому уѣзду Екатеринославской губерніи и утвержденъ въ этой должности. Въ 1883 г. послѣдовало его назначеніе членомъ одесской судебной палаты, а въ 1885 г. — избраніе почетнымъ мировымъ судьей города Одессы. Съ января 1887 г. А. Л. получилъ приглашеніе отъ Новороссійскаго университета для преподаванія гражданскаго права въ качествѣ приватъ-доцента и читалъ собственно гражданскій процессъ. Въ 1894 г. А. Л. былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, а съ 8 апрѣля 1895 г. по 1898 г. состоялъ оберъ-прокуроромъ гражданскаго

кассационнаго департамента сената. Наконецъ, въ 1898 г., онъ былъ назначенъ сенаторомъ. Какъ юристъ и литераторъ, онъ былъ привлеченъ къ участию въ занятіяхъ комиссіи Д. Θ. Кобеко по выработкѣ новаго закона о печати. Начало литературной дѣятельности А. Л. Боровиковскаго относится къ послѣднимъ годамъ его студенчества. Въ 1867 г. въ «Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» появилось его этнографическое изслѣдованіе «Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ», вышедшее потомъ отдѣльно и выдержавшее два изданія, и тогда же въ «Женскомъ Вѣстникѣ» и разныхъ мелкихъ изданіяхъ былъ напечатанъ рядъ его стихотвореній лирическаго характера. Затѣмъ стихотворенія его печатались съ семидесятихъ годовъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», а юмористическія пьесы въ «Новомъ Времени» (1876 г.) подъ псевдонимомъ А. Фертъ. Этимъ же псевдонимомъ подписаны и его статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1874 г.). А. Л. превосходно владѣлъ стихомъ; у него былъ природный юморъ, чисто малороссійскій. Въ юридической литературѣ онъ приобрѣлъ себѣ большое имя своими капитальными трудами: «Законы гражданскіе (Сводъ законовъ, т. X, ч. I) съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента сената», «Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями» и «Отчетъ судьи» (чужие право, третьи лица въ процессѣ, законъ и судейская совѣсть, давность, судъ и семья, дѣла мужичьи). Всѣ эти книги выдержали нѣсколько изданій. Имъ же (вмѣстѣ съ А. Книриномъ) составленъ «Сборникъ систематическихъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента сената» въ нѣсколькихъ томахъ. Упомянутыя изданія являются цѣннымъ пособіемъ для судебной практики. Кромѣ того, много статей А. Л. Боровиковскаго разсыяно въ «Журналъ министерства юстиціи», «Журналъ гражданскаго и торговаго права», «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», «Судебномъ Вѣстникѣ» и др. изданіяхъ («Право и фактъ», «О семейномъ правѣ раскольничьихъ», «О правахъ женщинъ по законамъ Черниговской и Плавзской губерній», «Проектъ указа объ опекахъ», «Объ отвѣтственности жѣлѣзныхъ дорогъ», статьи по поводу проекта бракоразводныхъ дѣлъ и проч.). А. Л. былъ всесторонне образованный человѣкъ и большой эстетикъ. (Некрологи его: «Слово», 1905 г., № 358; «Новое Время», 1905 г., № 10.663).

Гильтебрандтъ, П. А. 29 января минувшаго года скончался Пѣтръ Андреевичъ Гильтебрандтъ, широко извѣстный дѣятель въ области археологіи и западно-русской исторіи, пробывшій 34 года членомъ археологической комиссіи и 20 лѣтъ ученымъ справщикомъ С.-Петербургской синодальной типографіи. Покойный происходилъ изъ дворянскаго семейства, имѣвшій земельныя владѣнія въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Дѣдъ его, Иванъ Андреевичъ Гильтебрандтъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1822 г.), «изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей», какъ значится въ его формулярѣ, въ службу вступилъ въ 1794 г. въ Московскій генеральный госпиталь «волонтеромъ», откуда черезъ 5 лѣтъ былъ выпущенъ младшимъ лѣкаремъ, и умеръ штабъ-лѣкаремъ Московскаго военнаго госпиталя, въ чинѣ коллежскаго асессора. Изъ троихъ его сыновей: Андрея (род. въ 1803 г.), Аполлона (род. въ 1816 г.) и Платона (род. въ 1818 г.), двое старшихъ также были врачами, и отецъ покойнаго, Андрей Ивановичъ, до

1836 г. состоялъ уѣзднымъ врачомъ въ г. Шуѣ. Въ первомъ бракѣ съ Елизаветой Ивановной Киселевой Андрей Ивановичъ имѣлъ сына Николая и дочь Марію, а во второмъ съ Александрой Ивановной Лазаревой—пятерыхъ сыновей: Петра, Андрея, Ивана, Ѳедора и Александра. Петръ Андреевичъ Гильтебрандтъ родился въ с. Перьяхъ Касимовскаго уѣзда 26 апрѣля 1840 г. По окончаніи Московской первой гимназіи, слушалъ въ теченіе 1861—1862 г.г. въ Московскомъ университетѣ «лекціи профессоровъ перваго разряда» (нынѣшняго филологическаго факультета); въ 1865 г. опредѣлился помощникомъ архиваріуса «Центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской» и пробылъ въ этой должности до 1871 г., когда былъ назначенъ членомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія. Съ 1884 г. по 1903 г. П. А. былъ усердѣйшимъ и лучшимъ справщикомъ С.-Петербургской синодальной типографіи; въ теченіе десятилѣтія, съ 1893 по 1903 г., состоялъ правителемъ дѣлъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія и съ 1897 г. чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ императорскаго Русскаго географическаго общества, членомъ общества древней письменности, Рязанской ученой архивной комиссіи и др. Первые проявленія литературной дѣятельности П. А. Гильтебрандта относятся еще ко времени прохожденія имъ гимназическаго курса; здѣсь онъ вмѣстѣ съ Е. Пушкинымъ, Веделянинымъ и др. составлялъ оставшіяся въ рукописи «Гимназическій сборникъ. Литературный журналъ» (1859 г.), въ первомъ номерѣ котораго помѣщена его статья: «Унія въ Малороссіи». Печататься же, насколько намъ извѣстно, онъ сталъ съ конца 1861 г. въ газетѣ И. С. Аксакова: «День». Какъ истинный москвичъ по многимъ убѣжденіямъ своимъ, П. А. скоро сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Дня» почти до самаго его запрещенія, и его сотрудничество «очень цѣвилъ И. С. Аксаковъ». Въ 1863 г. онъ напечаталъ небольшую библиографическую замѣтку въ журналѣ «Русскій Архивъ» о «Lexicon»'ѣ Фр. Миклошича и издалъ составленную имъ «Польскую грамматику». Съ 1864 г. много работалъ въ «Голосѣ», помѣщая въ немъ передовыя статьи, рецензіи и т. п., за подписью П. А., П. Г—дтъ и рѣдко полнаго имени (напримѣръ, подъ статьею: «Памятники народнаго творчества въ Северо-Западномъ краѣ», «Голосъ» за 1871 г., № 236). Съ переездомъ въ Вильну онъ дѣлается усерднымъ сотрудникомъ «Виленскаго Вѣстника» и состоялъ одно время даже помощникомъ редактора, при А. И. Забѣлинѣ. Большинство статей его напечатано здѣсь безъ подписи или съ подписью П. Г—вдтъ. Изъ послѣднихъ назовемъ для характеристики ихъ хотя бы слѣдующія: «Къ вопросу объ ученomъ литературномъ и педагогическомъ обществѣ въ Вильнѣ»; «Примѣчательный историческій фактъ (о присягѣ для крестьянъ по-русски)»; «Богатыри по великорусскимъ пѣснямъ»; «Виленскій музей древностей»; «Замѣтки о составленіи описательнаго указателя виленскихъ археографическихъ изданій»; «Замѣтки о Евгеньевскомъ отрывкѣ изъ евангельскихъ чтеній XIV вѣка» и др.

Въ 1864—1866 г.г. попечитель Виленскаго учебнаго округа, И. П. Корниловъ, организовывалъ ученныя экскурсіи по западнымъ губерніямъ Виленскаго округа, и П. А. Гильтебрандту выпало на долю заниматься учеными разысканіями въ Ковенской губерніи. По инициативѣ того же И. П. Корнилова, началъ издаваться при управленіи Виленскаго учебнаго округа «Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси»; изъ всѣхъ изданныхъ при немъ томовъ этого «Сборника» П. А. Гильтебрандтъ участвовалъ въ редакціи трехъ—перваго, въ который вошли: «акты церковной исторіи и политическіе документы» (всего 167 документовъ), четвертаго и седьмого. Четвертый томъ, содержащій «церковныя документы, политическіе, юридическіе и разнородныя» (всего 108), редактированъ исключительно однимъ П. А., а седьмой («Несвижскій архивъ»—279 документовъ) вмѣстѣ съ Миротворцевымъ. Еще до появленія въ свѣтъ «Археографическаго сборника» онъ воспользовался матеріалами, собранными во время ученыхъ экскурсіи и доставленными мѣстными дѣятелями, и напечаталъ «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверо-Западномъ краѣ» (Вильна, 1866 г.). По порученію И. П. Корнилова, покойный занимался разборомъ Виленской публичной бібліотеки, преобразованной въ 1865 г. изъ Виленскаго музея древностей, и составилъ описаніе рукописнаго его отдѣленія, подъ заглавіемъ: «Рукописное отдѣленіе Виленской публичной бібліотеки. Перечневая опись. Выпускъ I. Церковно-славянскія рукописи. Выпускъ II. Русскіе пергаменты» (Вильна, 1871 г.). Церковно-славянскихъ рукописей описано 82, изъ нихъ древнѣйшія отъ XI столѣтія, а позднѣйшія—XIX; пергаментовъ—75 №№, древнѣйшій отъ 1503 г., а позднѣйшій—1603 г. Въ предисловіи къ описанію авторъ далъ «первый», по отзыву проф. М. О. Кояловича, «обстоятельный отчетъ о томъ, что сдѣлано въ этомъ новомъ учрежденіи, и въ какомъ видѣ оно является на смѣну музея» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1872 г., № 2, отд. «Критика и бібліографія»). При разборѣ бібліотеки П. А. Гильтебрандту удалось найти, между прочимъ, Туровское евангеліе, которое онъ и напечаталъ со своими объясненіями, подъ заглавіемъ: «Туровское евангеліе XI вѣка. I. Краткое извѣстіе о Туровскомъ евангеліи. II. Древній текстъ съ современнымъ насупротивъ и съ отявнами по Остромирову евангелію» (Вильна, 1869 г.). Впослѣдствіи покойный напечаталъ въ шестомъ выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи», издаваемыхъ П. Н. Батюшковымъ, въ приложеніи къ «Исторіи города Вильны» В. Гр. Васильевскаго, объясненіе къ рисункамъ, указатели и рядъ «приложеній», среди которыхъ наиболѣе важное значеніе имѣютъ «Матеріалы для западнорусской старопечати».

По переѣздѣ въ Петербургъ, покойный сталъ принимать дѣятельнѣйшее участіе въ трудахъ императорскаго Русскаго географическаго общества. Какъ знатокъ исторіи и этнографіи Западнаго края Россіи, онъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ къ редактированію «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной императорскимъ Русскимъ географическимъ обществомъ», въ которые должны были войти «матеріалы и изслѣдованія», собранныя П. П. Чубинскимъ. Проредактированы имъ были т. I («Вѣрованія и суевѣрія»), т. II («Малорусскія сказки»).

т. VI («Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ») и т. VII («Поляки. Евреи. Племена немалорусскаго происхожденія. Малоруссы. Статистика, сельскій бытъ и языкъ»). Затѣмъ въ «Извѣстіяхъ императорскаго Русскаго географическаго общества» онъ напечаталъ: «Земская литература. Матеріалы для изученія земства» (за 1876 г., № 1, и отдѣльно); «Сообщеніе о хроникѣ Вѣлевскихъ» (ib.); «Похожденіе Н. Радзивилла въ Святую землю. Старорусскій переводъ по рукописи синодальной бібліотеки»; и др. Кромѣ того, редактировалъ вмѣстѣ съ О. Θ. Миллеромъ пятый томъ «Записокъ» по отдѣленію этнографіи императорскаго Русскаго географическаго общества (въ него вошли этнографическія данныя по Виленской губерніи) и составилъ вмѣстѣ съ С. Сердечнымъ и Е. П. Мельгуновымъ «Каталогъ бібліотеки императорскаго Русскаго географическаго общества» (Спб., 1875 г.). Наконецъ по составленной имъ программѣ для задуманнаго имъ же Низово-Городецкаго (прежнее названіе г. Касимова) сборника были собраны мѣстными дѣятелями «статистическо-этнографическія свѣдѣнія». Программа и «свѣдѣнія» напечатаны въ «Извѣстіяхъ» географическаго общества за 1876 г.

Въ 1877—1880 г.г. П. А. Гильтебрандтъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Древняя и Новая Россія», издаваемаго Граціанскимъ; въ немъ онъ, начиная съ 7 № 1877 г. по 4 № 1880 г. (т.-е. почти за все время существованія журнала), печаталъ ежемѣсячно свои «Замѣтки и новости», переименованныя съ 10 № 1879 г. въ «Областная печать и современная летопись». Чтобы судить о характерѣ и значеніи этихъ «Замѣтокъ», достаточно привести заглавія хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, «Хомовское пѣніе», «Обзоръ литературы русской исторіи за 1875 г.», «Рукописи Кіево-Выдубицкаго монастыря», «Журнальные юбилеи», «Случай изъ жизни Ломоносова», «Императорская Публичная Библіотека въ 1875 г.», «О дѣятельности нѣкоторыхъ статистическихъ комитетовъ», «Новые документы о Пугачевскомъ бунтѣ», «Марьяновская секта», «Довесеніе о Московинѣ Іоанна Перштейна», «Московскій Страстной монастырь», «Польскіе помѣщики наканунѣ мятежа 1831 г.», «Кирилло-Вѣлозерская рукопись Козьмы Индикоплова», «Архангелогородская старина», «Саратовскіе писатели», «Русскій историкъ, заточенный въ австрійской темницѣ», «Азбуковники», «Сестрорѣцкій рубль» и мн. др. Велики должны были быть усердіе и эрудиція составителя подобныхъ «Замѣтокъ», и можно только пожалѣть, что съ 1881 г. наши историческіе журналы не имѣютъ такихъ крайне цѣнныхъ и необходимыхъ отдѣловъ.

Какъ членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, П. А. Гильтебрандтъ былъ однимъ изъ усердныхъ и выдающихся ея дѣятелей. Въ издаваемой комиссіею «Русской Исторической Библіотекѣ» онъ напечаталъ три книги «Памятниковъ полемической литературы въ Западной Руси», которые, по общему отзыву критиковъ, представляютъ цѣннѣйшій вкладъ въ литературу исторіи русской церкви и русской палеографіи. Въ первую книгу «Памятниковъ» изъ старопечатныхъ сочиненій XVI и XVII вѣковъ вошли слѣдующія: «Дѣянія Виленскаго собора 1509 г.»; «Дѣянія Кіевского собора 1640 г.» по разсказу извѣстнаго отступника Касьяна Саковича (единственное полное извѣстіе объ этомъ соборѣ); «Діаріушъ Берестейскаго

игумена Аванасія Филипповича»; «Оборона уніи»; «Палинодія, или книга обороны каеолической вѣры, написанная въ 1621—1622 г.г. Захаріемъ Копыстенскимъ»; «Посланія Артемія» и др. Первая книга вошла въ IV томъ «Русской Исторической Библіотеки» (Спб., 1878 г.). Содержаніе второй книги, появившейся въ свѣтъ въ 1882 г. («Русск. Ист. Библ.», т. VII), слѣдующее: 1) «Вопросы и отвѣты православному съ папезникомъ», по рукописи 1603 г., принадлежащей С.-Петербургской синодальной библіотекѣ; 2) старопечатная брошюра 1595 г. «Унія грековъ съ костеломъ римскимъ» (величайшая библіографическая рѣдкость, извѣстная въ одномъ экземплярѣ); 3) старопечатная брошюра 1608 г. — «Гармонія восточной церкви съ костеломъ римскимъ» (тоже большая библіографическая рѣдкость); 4) старопечатная книга 1577 г., содержащая сочиненіе Петра Скарги: «О единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ и о греческомъ отъ этого единства отступленіи» (тоже большая библіографическая рѣдкость); 5) старопечатная книга 1588 г., сочиненіе острожскаго священника Василія: «О единой истинной православной вѣрѣ»; 6) сочиненіе Петра Скарги: «Верестейскій соборъ и оборона его 1596 г.», воспроизведенное съ изданія 1738 г. и вызвавшее знаменитый «Апокривисъ Христофора Филарета», и нѣк. др. Наконецъ, содержаніемъ третьей книги «Памятниковъ», напечатанной въ 1903 г. («Русск. Истор. Библ.», т. XIX), служатъ: «Посланіе венеціанскаго архіепископа Доминика къ антиохійскому патриарху Петру объ оирѣсновахъ и подробное описаніе послѣдняго»; «Списанье противъ люторовъ», въ двухъ редакціяхъ, XVI и XVII вѣковъ, западно-русскаго происхожденія; «Верестейскій соборъ и оборона его 1596 г.», Петра Скарги, въ двухъ текстахъ: польскомъ и вновь открытомъ западно-русскомъ; «Ипатій Потея—Антиризисъ»; «Посланія до латинъ»; «Αντιγραφῆ» извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго и др.

На страницахъ той же «Русской Исторической Библіотеки» (т. XX, 1903 г.) напечатанъ редактированный П. А. Гильтебрандтомъ первый томъ «Литовской метрики», въ который вошли первыя три книги такъ называемыхъ судебныхъ дѣлъ: 1) за время съ 1510 по 1517 г.; 2) съ 1506 по 1523 г. и 3) съ 1518 по 1522 г. Документы печатались въ порядкѣ подлинника и съ необыкновенною осторожностью редактора, отмѣчавшаго всякую поправку, подчистку, ошибку писца, разность чернилъ и т. п. Въ концѣ книги приложенъ указатель «въ два алфавита» (именъ, предметовъ и нѣкоторыхъ реченій).

Еще ранѣе изданія «Литовской метрики» покойнымъ были напечатаны на страницахъ другого періодическаго изданія археографической комиссіи: «Лѣтопись занятій археографической комиссіи» (вып. XI) — «Старинныя описи Литовской метрики», вып. I (1900 г.). Сюда вошли «Описи-реестры» (въ количествѣ четырехъ), писанные въ XVI вѣкѣ русскимъ письмомъ и служащіе лучшими «библіографическими пособиями для ознакомленія съ богатѣйшимъ содержаніемъ Литовской метрики». Три «реестра», относящіеся къ 10-й, 77-й и 3-ей «книгамъ судебныхъ дѣлъ», «списаны прямо съ подлинниковъ», а опись 9-й книги, не имѣющей «реестра», составлена П. А. Гильтебрандтомъ по тексту книги.

Состоя правителемъ дѣлъ археографической комиссіи, П. А. Гильтебрандтъ редактировалъ XII, XIII, XIV и XV томы «Лѣтописи заятій» комиссіи, помѣстивъ, между прочимъ, въ XIII томѣ «Жалованную грамоту князя Юрія Лынгвеневича боярину Воронцу 1455 г.» (съ приложеніемъ снимка съ подлинной грамоты) и въ XII—краткія воспоминанія объ А. П. Тимошеевъ.

Помимо вышеуказаннаго богатаго научнаго матеріала, свидѣтельствующаго о широкой эрудиціи, рѣдкою трудолюбіи и любознательности автора, отъ покойнаго мы имѣемъ еще одинъ замѣчательный и цѣннѣйшій трудъ. Это—его «Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завѣту», изданный въ шести книгахъ, въ теченіе 1882—1885 г.г. Какъ справочный, онъ составляетъ подобіе старинныхъ такъ называемыхъ симфоній или конкордацій на книги священнаго писанія, писавшихся обыкновенно на отдѣльныя книги. Какъ объяснительный, «Словарь» при каждомъ славянскомъ словѣ, сопоставляемомъ съ греческимъ и латинскимъ, даетъ объясненія богословскія, основанныя главнымъ образомъ на трудахъ Теофилакта Болгарскаго, географическія и историческія; въ области же лингвистическихъ изысканій авторъ ограничивается самымъ необходимымъ. Еще въ рукописи «Словарь» былъ одобренъ извѣстнымъ московскимъ митрополитомъ Макаріемъ. Покойный академикъ Я. К. Гротъ въ письмѣ отъ 18 февраля 1886 г. къ П. А. Гильтебрандту пишетъ: «Получивъ шестую и послѣднюю книгу «Справочнаго и объяснительнаго словаря къ Новому Завѣту», чувствую сердечную потребность поздравить васъ съ окончаніемъ этого монументальнаго труда и вмѣстѣ принести вамъ глубокую мою благодарность за драгоценный даръ. Удивляюсь совершенству исполненія плана. Это—истинный подвигъ на пользу многихъ поколѣній и отрадный памятникъ нашего времени, доказывающій, что и среди суеты настоящаго есть люди, хранящіе священный огонь любви къ высокимъ духовнымъ дѣламъ и способные вдохновляться ею на трудъ долгій и тяжелый. А вашъ трудъ тѣмъ замѣчательнѣе, что вы совершили его въ сравнительно короткій срокъ».

Намъ извѣстно, что покойный послѣдніе годы занимался составленіемъ подбныхъ карточекъ и къ книгамъ «Ветхаго Завѣта», и что въ этомъ отношеніи имъ уже сдѣлано очень многое, но увидитъ ли свѣтъ это сдѣланное, и будетъ ли оно продолжаться, трудно сказать, а между тѣмъ многіе и очень многіе пожалѣютъ объ этой пропадающей работѣ.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка литературной дѣятельности П. А. Гильтебрандта укажемъ еще на статьи его въ «Филологическихъ Запискахъ» А. А. Хованскаго: «Мысли о народной психологіи» (за 1864 г., т. IV), «Наука о языкѣ и естествознаніи» (ib.) и «Грамматическія наблюденія и выводы изъ живого языка и житейскаго быта» (за 1869 г., вып. 2 и 3), и едва ли не на единственную замѣтку въ «Русской Старинѣ»—«Воззваніе Васка Воцила, внука Богдана Хмельницкаго, 1744 г.» (за 1870 г., т. II). В. Рудаковъ.

† Лагоріо, Л. Ф., профессоръ пейзажной живописи, скончался 9 декабря 1905 г., на восьмидесятомъ году отъ рожденія. Родился онъ въ Θεодосіи въ 1826 г. и до 1842 г. жилъ и учился въ родномъ городѣ знаменитаго Айвазовскаго. Еще будучи въ гимназіи, Левъ Феликсовичъ обратилъ на себя вниманіе своими способностями къ рисованію, что и побудило извѣстнаго Θεодосійскаго

градоначальника А. Казначеева привезти его въ Петербургъ и помочь ему поступить ученикомъ въ академію художествъ, числясь пансіонеромъ предсѣдателя общества поощренія художествъ. Начиная съ 1847 г., Лагоріо за свои пейзажи ежегодно получалъ награды и въ 1850 г. окончилъ академію съ большой золотой медалью за «Видъ на Лактѣ». Эта медаль, за рѣдкими исключениями, въ то время давала право поѣздки за границу на казенный счетъ. Левъ Феликсовичъ добился нѣкоторыхъ льготъ и, прежде чѣмъ отправиться въ Италію, гдѣ онъ потомъ прожилъ восемь лѣтъ, уѣхалъ на годъ на Кавказъ, который далъ ему неистощимый матеріалъ для картинъ на всю жизнь. Возвратившись въ 1860 г. изъ Италіи, онъ привезъ съ собой нѣсколько картинъ, за которыя ему было присуждено званіе профессора. Особенно извѣстны его «Фонтанъ Аннибала въ Рокка-ди-Попа» (Третьяковская галлерей) и «Капо-ди-Монте въ Сорренто» (музей академіи художествъ). Въ 1862 г. Л. Ф. отправился въ свѣтъ великаго князя Михаила Николаевича на Кавказъ вторично и участвовалъ въ дѣлѣ противъ горцевъ. Возвратившись оттуда, онъ навсегда поселился въ Петербургъ, лишь изрѣдка уѣзжая на этюды то на берегъ Чернаго моря, то въ Константинополь, то въ Азіатскую Турцію, то на поля сраженій русско-турецкой войны, картины которой онъ исполнялъ по высочайшему заказу. Своими видами Чернаго моря и Крыма Л. Ф. прославился болѣе всего. Пріятный сѣроватый колоритъ морской дали, фіолетовая береговая скала, прозрачная морская волна—все это ласкаетъ глазъ зрителя, напоминаетъ о тепломъ югѣ, о морскомъ свѣжемъ воздухѣ. Въ послѣдніе годы Лагоріо сильно ослабѣлъ, подулслѣпъ и работалъ съ большимъ трудомъ. Вообще же онъ работалъ много и, кромѣ картинъ, сдѣлалъ множество акварелей и главнымъ образомъ сепіей. Состоя долгое время (едва ли не со дня основанія) членомъ общества пендѣльниковъ, Л. Ф. былъ послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя и пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ своихъ товарищей и знакомыхъ. Въ своей частной жизни, въ своихъ сношеніяхъ съ самыми разнообразными по характеру и убѣжденіямъ людьми, Л. Ф. Лагоріо былъ поистинѣ рѣдкой души человекъ. Кроткій, незлобивый, чуждый и тѣни зависти къ кому либо изъ своихъ собратьевъ-художниковъ, среди которыхъ онъ былъ настоящимъ патріархомъ, презиравшій низменные интересы, покойный всегда шелъ навстрѣчу каждому доброму сердечному порыву, каждому хорошему начинанію, и недаромъ его художественное имя и самая вѣщность этого красиваго, изящнаго старца, олицетворявшаго собою благороднѣйшій типъ истиннаго художника, производили такое обаятельное на всѣхъ впечатлѣніе. Въ кругу друзей и близкихъ почившаго его называли не иначе, какъ «папа Лева», и это милое, дружелюбное обращеніе къ Льву Феликсовичу какъ нельзя болѣе отвѣчало всей его доброй, славной фигурѣ, отъ которой вѣяло простотою, доступностью и сердечностью. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10.682; «Новости», 1905 г., № 243).

† Лобко, П. Л., членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантерій, бывшій недавно государственнымъ контролеромъ, скончался скоропостижно 25 ноября минувшаго года.

Родился онъ въ 1838 г. Происходя изъ дворянъ Самарской губерніи, первоначальное образованіе покойный Павелъ Львовичъ получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1856 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ л.-гв. въ Литовскій полкъ съ прикомандированіемъ къ Михайловской артиллерійской академіи. Въ академіи онъ пробылъ одинъ годъ и отправился въ свой полкъ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ и былъ командированъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. По окончаніи въ 1861 г. курса наукъ академіи съ награжденіемъ малою серебряною медалью и съ занесеніемъ имени его на мраморную доску, П. Л. былъ причисленъ къ генеральному штабу, съ назначеніемъ состоять при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Переведенный въ 1863 г. въ гвардейскій генеральный штабъ, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а чрезъ два года назначенъ для порученій при штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Въ 1867 г. покойный П. Л. былъ назначенъ помощникомъ дѣлопроизводителя канцеляріи военнаго министерства съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ и въ томъ же году назначенъ адъюнктъ-профессоромъ военной администраціи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба съ оставленіемъ и въ занимаемой должности. Въ 1868 г. онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ той же канцеляріи, а чрезъ два года, кромѣ того, назначенъ профессоромъ военной администраціи въ вышеназванной академіи. Произведенный въ 1871 г. въ полковники, П. Л. чрезъ пять лѣтъ былъ назначенъ членомъ мобилизаціоннаго комитета, съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ занимаемыхъ должностяхъ. Въ послѣднюю нашу войну съ турками 1877—1878 г.г. П. Л., состоя при военномъ министрѣ, во время путешествія государя императора на театръ военныхъ дѣйствій, участвовалъ въ четырехдневномъ артиллерійскомъ бою подъ Плевной (съ 26 по 29 августа) въ высочайшемъ государя императора присутствіи, въ штурмѣ и бомбардированіи Плевны (30 и 31 августа) и въ бомбардированіи позиціи Османа-паши и гор. Плевны (1 и 2 сентября) также въ высочайшемъ государя императора присутствіи. За отличіе въ дѣлахъ подъ Плевной онъ былъ награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость». Произведенный въ 1878 г. въ генераль-майоры, онъ въ томъ же году былъ отчисленъ отъ вышеупомянутой должности, а чрезъ три года назначенъ управляющимъ дѣлами военно-ученаго комитета главнаго штаба и въ томъ же году—помощникомъ начальника канцеляріи военнаго министерства съ оставленіемъ профессоромъ академіи генеральнаго штаба. Въ 1883 г. П. Л. былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора военной администраціи названной академіи съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Назначенный въ 1884 г. начальникомъ канцеляріи военнаго министерства, П. Л. въ слѣдующемъ году удостоился чести, съ высочайшаго соизволенія, быть преподавателемъ военной администраціи его высочеству наследнику цесаревичу (нынѣ благополучно царствующему государю императору). Произведенный въ 1889 г. въ генераль-лейтенанты, онъ чрезъ два года былъ назначенъ почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба съ оставленіемъ въ настоящей должности и въ званіи заслуженнаго профес-

сора, а въ 1894 г. П. Л. былъ назначенъ почетнымъ членомъ самой Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ 1898 г. П. Л. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта съ оставленіемъ въ занимаемой должности, но въ томъ же году (30 іюня) былъ уволенъ отъ должности начальника канцеляріи военнаго министерства съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и по генеральному штабу. Въ 1899 г. покойный П. Л. вновь былъ призванъ къ высшей государственной дѣятельности и назначенъ государственнымъ контролеромъ, на каковой должности оставался вплоть до прошлаго года. Произведенный въ 1900 г. въ генералы отъ инфантеріи, П. Л. высочайшимъ приказомъ 26 октября 1905 г. былъ уволенъ отъ должности государственнаго контролера съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и назначенъ генераль-адъютантомъ къ его императорскому величеству. За періодъ своей долготѣлнѣй службы на покойнаго П. Л. было возлагемо разрѣшеніе массы вопросовъ военно-административнаго характера въ высшемъ ихъ значеніи, такъ, напримѣръ: въ 1873 г. онъ принялъ дѣятельное участіе въ комисіи объ организаціи войскъ; въ 1878 г. онъ, въ качествѣ члена, принялъ участіе въ комисіи для пересмотра существующихъ положеній объ устройствѣ интендантскихъ управленій въ мирное и военное время; въ слѣдующемъ году—въ редакціонной комисіи по составленію новаго положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время; въ 1881 г. онъ участвовалъ въ комисіи по разсмотрѣнію вопросовъ о переустройствѣ высшаго военнаго управленія; съ 1882 г. П. Л. послѣдовательно былъ назначаемъ: ответственнымъ редакторомъ законодательныхъ работъ по пересмотру положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, членомъ высочайше учрежденной комисіи по пересмотру законоположеній о казенныхъ заготовленіяхъ и хозяйственныхъ операціяхъ (1886 г.), председателемъ комисіи по обсужденію вопроса о возможномъ уменьшеніи расхода на достройку Закаспійской желѣзной дороги (1889 г.), членомъ главной распорядительной комисіи по перевооруженію арміи, членомъ же высочайше учрежденной при государственномъ совѣтѣ комисіи для пересмотра устава о службѣ гражданской (1895 г.), председателемъ комисіи по пересмотру штатовъ главныхъ управленій военнаго министерства и многихъ другихъ. Въ своей ученой дѣятельности и въ литературѣ покойный приобрѣлъ обширную извѣстность курсомъ военной администраціи, который онъ читалъ въ академіи; кромѣ того, имѣются его «Записки военной администраціи», приспособленныя къ курсу юнкерскихъ училищъ и выдержавшія около 15 изданій. По этимъ запискамъ въ теченіе 30 лѣтъ готовятся всѣ военныя и юнкерскія училища. (Некрологи его: «Русскій Инвалидъ», 1905 г., № 249; «Новое Время», 1905 г., № 10.668).

† **Найденовъ, Н. А.**, председатель московскаго биржевого комитета, скончался въ Москвѣ 28 ноября минувшаго года. Покойный находился во главѣ биржевого комитета съ 1876 г. и съ тѣхъ поръ былъ его неизмѣннымъ руководителемъ. При немъ и благодаря его замѣчательной энергіи, опытности и неутомимости, московская биржа измѣнилась до неузнаваемости, укрѣпилась духовная связь въ купеческой средѣ, организовались правильныя биржевыя собранія и былъ собранъ крупный капиталъ биржевого общества. Громадное бол.

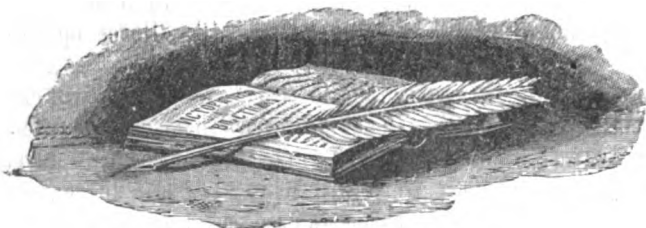
шинство экономических реформъ послѣдняго тридцатилѣтія было разработано при его дѣятельномъ участіи и нерѣдко по почину московскаго биржевого общества. Покойнымъ учрежденъ Московскій торговый банкъ, въ которомъ онъ былъ все время предсѣдателемъ правленія. Онъ же обратилъ вниманіе на развитіе хлопководства въ Средней Азіи и учредилъ торгово-промышленное товарищество по торговлѣ хлопкомъ, шерстью и каракулемъ въ Средней Азіи. Горячій сторонникъ поднятія образованія и специальной подготовки въ торговой средѣ, Н. А. явился инициаторомъ учрежденія Александровскаго коммерческаго училища въ Москвѣ. Московское биржевое общество цѣнило своего предсѣдателя и, желая отмѣтить его заслуги, учредило въ день двадцатипятилѣтія его предсѣдательства 14 стипендій имени покойнаго въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Москвѣ. Съ 1866 г. онъ былъ гласнымъ московской думы. Н. А. происходилъ изъ старинной купеческой семьи. Умеръ на 70-мъ году жизни въ званіи коммерціи совѣтника. Ему былъ пожалованъ за труды по развитію отечественной промышленности орденъ Вѣлаго Орда и было предложено дворянское достоинство, но покойный пожелалъ остаться купцомъ и отъ дворянства отказался. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10.672).

† **Сахаровъ, В. В.**, бывшій военный министръ, почетный членъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и Николаевской инженерной академіи, членившійся по генеральному штабу, генераль-адъютантъ и генераль-лейтенантъ, былъ убитъ въ г. Саратовѣ 22 ноября 1905 г. членомъ боевой революціонной дружины во время исполненія имъ служебныхъ обязанностей по умиротворенію аграрныхъ безпорядковъ въ Саратовской и Пензенской губерніяхъ. Родился онъ въ 1848 г. Происходя изъ дворянъ Московской губерніи, первоначальное образованіе покойный Викторъ Викторовичъ получилъ въ 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ, откуда съ наименованіемъ «отличившійся» въ 1866 г. былъ выпущенъ подпоручикомъ въ 123-й пѣхотный Козловскій полкъ, съ прикомандированіемъ л.-гв. къ Гренадерскому полку, куда и былъ переведенъ въ слѣдующемъ году. Въ 1872 г. В. В. былъ командированъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, по окончаніи курса наукъ въ которой, въ 1875 г., былъ причисленъ къ генеральному штабу, съ назначеніемъ на службу въ штабъ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Во время послѣдней нашей кампаніи съ турками 1877 — 1878 г.г. В. В. принималъ самое дѣятельное участіе во многихъ сраженіяхъ подъ начальствомъ генераль-адъютанта Гурка, генераль-лейтенанта Радецкаго и др., за которыя имъ было получено много боевыхъ наградъ до ордена св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Произведенный въ 1880 г. въ полковники, В. В. въ этомъ же году былъ назначенъ штабъ-офицеромъ особыхъ порученій при его императорскомъ высочествѣ главнокомандующемъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, на каковой должности оставался около 5-ти лѣтъ, и въ 1885 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Произведенный въ томъ же году въ генераль-майоры, онъ чрезъ два года былъ назначенъ окружнымъ генераль-квартирмейстеромъ, откуда въ 1894 г. былъ переведенъ въ Одесскій военный округъ, съ назначеніемъ начальникомъ штаба этого округа. Произведенный за отличіе по службѣ въ генераль-лейте-

нанты, покойный В. В. высочайшимъ приказомъ 20 января 1898 г. былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба съ оставленіемъ по генеральному штабу. Къ 1899 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, а въ 1903 г.—назначенъ генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. За назначеніемъ военнаго министра, генераль-адъютанта Куропаткина, командующимъ Маньчжурской арміей на В. В. по высочайшему повелѣнію было возложено временное управленіе военнымъ министерствомъ, въ каковой должности онъ вскорѣ и былъ утвержденъ съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта. Наконецъ въ 1905 г. онъ былъ отчисленъ отъ должности военнаго министра съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта. Послѣдней наградой покойнаго былъ орденъ Бѣлаго Орла. (Некрологи его: «Русскій Инвалидъ», 1905 г., № 246; «Новое Время», 1905 г., № 10.665).

† Тевяшевъ, Н. Н., туркестанскій генераль-губернаторъ, скончался въ г. Ташкентѣ 27 ноября 1905 г. Покойный до своего назначенія генераль-губернаторомъ находился въ теченіе восьми лѣтъ во главѣ военнаго интендантскаго управленія, какъ начальникъ этого управленія и главный интендантъ. Его дѣятельность по интендантству отмѣчена въ свое время въ приказѣ по военному вѣдомству, какъ просвѣщенная, полная инициативы и умѣнья. Цѣлымъ рядомъ мѣропріятій онъ внесъ множество крупныхъ улучшеній по удовлетворенію хозяйственныхъ потребностей арміи. При немъ были выработаны и введены новое положеніе о продовольствіи войскъ въ военное время, правила о покупкѣ интендантствомъ продовольственныхъ и фуражныхъ продуктовъ непосредственно отъ земствъ и землевладѣльцевъ, нормальныя таблицы обмундированія и снаряженія войскъ. Затѣмъ организованы по-новому войсковыя обозы, открыты интендантскіе курсы для офицеровъ, учреждены особыя учебныя команды при вещевыхъ складахъ, предпринято изданіе «Интендантскаго Журнала» для ознакомленія интендантскихъ чиновъ съ различными вопросами ихъ специальности. Имъ же установленъ во всѣхъ интендантскихъ учрежденіяхъ восьмичасовой рабочій день. Передъ назначеніемъ главнымъ интендантомъ генераль Тевяшевъ былъ астраханскимъ губернаторомъ и болѣе пяти лѣтъ управлялъ Астраханской губерніей, оставивъ по себѣ хорошую память. Почти всѣ станицы Астраханскаго казачьяго войска избрали его своимъ почетнымъ казакомъ, городское управленіе Астрахани—почетнымъ гражданиномъ и почетнымъ мировымъ судьей. Помимо административныхъ заслугъ покойный имѣлъ славное боевое прошлое. Во главѣ Ахтырскаго гусарскаго полка онъ провелъ всю русско-турецкую кампанію 1877—1878 г.г. Въмѣстѣ съ полкомъ при наступленіи къ Рущуку входилъ въ составъ кавалерійскаго отряда ген.-ад. гр. Воронцова-Дашкова, участвовалъ въ занятіи дер. Писаницы, разрушенія желѣзнодорожнаго полотна и телеграфныхъ сообщеній у станціи Ветово. Особенно памятно его участіе въ бояхъ у Трестеника при наступленіи арміи Сулеймана-паши. Ахтырцы подъ его руководствомъ участвовали въ обхватѣ лѣваго фланга наступающаго непріятели. Боевыя заслуги генерала Тевяшева отмѣчены золотою саблей и орденами св. Владимира 4 и 3 ст. съ мечами. Покой-

ный скончался на 64-мъ году жизни. Военное образованіе онъ получилъ въ школахъ гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и въ разное время до назначенія астраханскимъ губернаторомъ командовалъ 4-гв. Конно-Гренадерскимъ полкомъ, былъ начальникомъ первой бригады второй кавалерійской дивизіи и чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10.671; «Русскій Инвалидъ», 1905 г., № 251).

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ САБЛУКОВЪ.
Съ портрета принадлежащаго Е. И. В. Великому Князю Николаю Михайловичу.

70 ANNUAL
ABSTRACT

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ ¹⁾.

(1710—1734 г.).

III.

АСТУПИЛО лѣто; опалъ съ деревьевъ красивый бѣ-
лый уборъ, и промежъ потемнѣвшей зелени уже
кое-гдѣ краснѣлись ягоды и рововѣла на кустахъ
смородина. Зацвѣлъ душистый горошекъ, шипо-
викъ и липа.

Демьяновна, высокая, стройная, смуглолица
женщина лѣтъ тридцати пяти, съ красивымъ,
энергичнымъ лицомъ и умными, черными глазами,
такъ увлеклась работой въ огородѣ, что не замѣ-
чала, какъ летѣло время.

Воздухъ былъ тяжелъ и насыщенъ душистыми
испареніями цвѣтущихъ травъ и деревьевъ, низко
летали птицы, въ сосѣднемъ пруду неистово квакали лягушки,
куры безпокоились и тревожно сзывали цыплятъ, пѣтухъ пѣлъ
не во-время, и по небу ползли темныя тучи.

Быть дождю... Надо бы до него убраться... Такой, можетъ,
польетъ ливень, что до костей промочитъ того, кого застанетъ въ
полѣ... А въ хатѣ стекло выбито, писарь обѣщаль принесть бу-
маги заклеить, да и забылъ, надо хоть тряпками заложить, чтобъ
горницу не залило по-намеднишнему,—думала Демьяновна, при-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СIII, стр. 7.

ставляя лѣстницу къ старой, развѣистой яблонѣ, чтобъ снять съ нея замѣченныхъ наканунѣ червей, съ цвѣтовъ на верхушкѣ.

Но не успѣла она добраться до верхней ступеньки, какъ за плетнемъ, густо увитымъ повиликой и хмелемъ, раздался звонкій дѣтскій голосъ:

— Демьяновна! Демьяновна!

И кудрявая включенная головка маленькой дѣвочки показалась надъ изгородью.

— Что тебѣ, Оксанка? — спросила Демьяновна, не слѣвая съ лѣстницы и глядя сверху внизъ на раскраснѣвшуюся отъ волненія дѣвочку.

— Мамка приказала тебѣ сейчасъ къ намъ итти.

— Зачѣмъ? Я еще дѣтей обѣдомъ не кормила.

— Она говоритъ: до дождя не успѣемъ убратъся.

— Скажи твоей мамкѣ, что у насъ уговора не было въ дождь къ ней раньше назначеннаго времени приходиться, да и не для чего: работа у васъ—подъ прикрытiемъ, не то, что у меня,—замѣтила съ присущимъ ей спокойнымъ хладнокровiемъ Демьяновна, не прерывая начатой работы и ловко снимая съ листьевъ червей, которыхъ она бросала въ висѣвшую у нея на рукѣ корвину.

Но дѣвочка не унималась.

— Тятка сердается, всѣхъ разноситъ, мамка плачетъ... приди, Демьяновна, я одна боюсь итти въ хату,—жалобно протянула она, не слѣвая съ плетня.

— Экая напасть! — вымолвила съ радушной иронiей Демьяновна.—Ну, что съ вами дѣлать, подожди меня здѣсь, оберу эту яблоньку и пойду съ тобой, остальные подождутъ. Бѣда моя, что всю дѣтвора изъ дома услала за хворостомъ да за грибами, хоть бы Дашутка осталась...

Оксанка скрылась, но долго спокойно работать въ этотъ день Демьяновнѣ было не суждено: съ дерева, на которое она долѣзала почти что до самой верхушки, она увидала идущаго по дорогѣ незнакомца въ порывѣвшей ряскѣ, подпоясанной ремнемъ, на которомъ у него висѣлъ кувшинъ, выдолбленный изъ тыквы, для воды, а за плечами была котомка, изъ-подъ которой выглядывали носки обитыхъ гвоздями сапоговъ. Шелъ онъ въ лаптяхъ, опираясь на длинный посохъ, въ широкополой шляпѣ на головѣ, и съ большой дороги свернулъ въ тропинку, прямо къ хатѣ Розумихи.

— Къ Ермилу, поди, чай,—сообразила она, и живо слѣзла въ дерева, чтобъ выйти навстрѣчу къ посѣтителю.

Она не ошиблась: странникъ, оказавшiйся при ближайшемъ осмотрѣ совсѣмъ еще юнымъ малымъ, съ нѣжнымъ и безбородымъ, какъ у дѣвки, лицомъ, былъ посланъ къ ея жильцу, Вожьему

человѣку, Ермилычу, изъ Москвы, съ письмами и новостями. Шелъ онъ и ѣхалъ, какъ Богъ пошлетъ. И спасибо добрымъ людямъ, меньше, чѣмъ въ двѣ недѣли, свершилъ свой долгій путь: кто подвозилъ встрѣтившагося странника на фурѣ, кто въ бричкѣ на волахъ, а за двѣсти верстъ отсюда ему посчастливилось добыть мѣстечко на козлахъ богатой барской кареты, ѣдущей почти порожнякомъ за какой-то паненкой за Кіевъ.

— Войди, войди, паренекъ, въ хату. Сейчасъ за Ермилычемъ пошлемъ, вотъ только дѣтки мои изъ лѣса вернутся. Онъ въ монастырь пошелъ. Каковы вѣсти ты ему изъ Россіи принесешь?—спросила Демьяновна, вводя гостя въ чисто прибранную хату, пропитанную острымъ ароматомъ сушащихся травъ, повѣшенныхъ въ такомъ множествѣ на сволокѣ, что нельзя было разобрать вырѣзанную на немъ надпись.

Посланецъ, перекрестившись передъ образами, снялъ съ себя котомку, положилъ ее въ уголокъ за печкой, распоясался и, опустившись на мѣсто, указанное ему хозяйкой на лавкѣ передъ столомъ, накрытымъ бѣлой, какъ снѣгъ, и мѣстами заштопанной скатертью изъ грубаго домашняго холста, богато расшитой разноцвѣтнымъ узоромъ, степенно вымолвилъ:

— Императрица Екатерина Алексѣевна скончалась.

Демьяновна всплеснула руками.

— Да неужтожъ?—вскричала она.—Ну, ты тутъ посиди да пожди меня, а я пошлю за Ермилычемъ... Такую ты принесешь новость, что, чѣмъ скорѣе онъ про нее узнаетъ, тѣмъ лучше будетъ... На бѣду дѣтки-то мои загулялись въ лѣсу...

— Оксанка! Оксанка!—закричала она, выбѣгая на крыльцо.—Бѣги, моя золотая, въ лѣсъ, скажи моимъ дѣткамъ, чтобъ скорѣе которыйнибудь изъ нихъ бѣжалъ въ монастырь за Ермилычемъ...

— Ермилычъ съ писаремъ у Филиппенка калякаетъ. Писарь-то пришелъ къ Филиппенку за горилкой...

— Вотъ и ладно! Я сама за нимъ сбѣгаю, а ты скажи мамкѣ, чтобъ шла сюда мнѣ подсоблять обѣдъ для гостя готовить... Завтра вамъ все отработаю, а ужъ сегодня не досутъ, не прогнѣвайтесь...

Послѣднія слова она прокричала уже съ тропинки, на которую такъ поспѣшно выбѣжала, что не прошло и пяти минутъ, какъ все мѣстечко знало о смерти императрицы, и Ермилычъ почти бѣгомъ шагалъ по узкимъ тропинкамъ промежъ изгородей, съ утопавшими за ними въ зелени и въ цвѣтахъ бѣленькими, низенькими хатками, къ хатѣ Розумихи.

Сама же она, передавъ ему услышанную новость, оставила его на пути, чтобъ бѣжать за провизіей на обѣдъ гостю. Въ хатѣ, кромѣ полкраюжі хлѣба, ничего не осталось, все дѣтки подѣли

передъ тѣмъ, какъ итти въ лѣсъ. Приходилось побираться у сосѣдей: у кого яиць выпросить, у кого мучки, у кого маслаца за грибы и за хворостъ, который принесутъ дѣти, да въ счетъ за работу, которую она справить сосѣдямъ, какъ только немножко управится. Въ долгу Демьяновна не останется, это всѣ въ округѣ знали, и нигдѣ ей отказа не было. А пока она бѣгала за провизіей, и, вернувшись домой, топила печку, ставила борщъ да мѣсила галушки съ помощью прибѣжавшей сосѣдки, Оксанкиной матери, Ермилычъ бесѣдовалъ съ посланцемъ, оказавшимся послушникомъ монастыря преподобнаго Саввы, близкимъ его знакомцемъ и отчасти ученикомъ.

Хорошія вѣсти услышалъ онъ отъ него: желаніе русскихъ людей исполнилось, на престолъ вошелъ сынъ замученнаго за православную вѣру царевича Алексѣя.

Услышавъ это, Ермилычъ, какъ подкошенный, упалъ на колѣни передъ образами и нѣсколько минутъ сряду повторялъ прерывающимся отъ радостныхъ слезъ голосомъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Сжалился надъ Россіей! Слава Тебѣ!

— У меня къ тебѣ письма есть, — объявилъ посланецъ, разворачивая котомку и роясь въ ней, чтобы найти далеко запрятанныя письма.

Ихъ было два, оба изъ Москвы: одно отъ опальнаго боярина Угринова, проводившаго большую часть жизни въ Троицкой лаврѣ, а другое отъ Авдотьи Петровны, въ которомъ заключалось письмо на его имя отъ Праксина изъ Петербурга.

Изъ-за этого-то письма и снарядили послушника Саввинскаго монастыря Константина въ дальній путь. Содержаніе его охладило восторгъ Ермилыча. Петръ Яковлевичъ описывалъ ему придворныя интриги, раздиравшія столицу, и подтверждалъ уже ранѣе пронесшійся жуткій слухъ о намѣреніи проклятаго проходимца утвердить свою власть надъ Россіей женитьбой новаго государя на его дочери. Они были объявлены женихомъ и невѣстой.

— Ну, что? — спросила Демьяновна, входя въ горницу съ миской горячихъ галушекъ, которую она поставила передъ гостемъ.

Но вмѣсто отвѣта Ермилычъ обратился съ вопросомъ къ этому послѣднему:

— Ты, паренекъ, сюда надолго?

— Какое надолго! Миѣ приказано тотчасъ же назадъ итти съ тобою, Ѳедоръ Ермилычъ. Самъ о. настоятель наказывалъ не мѣшкать. Скажи, говоритъ, Ермилычу, что мѣсто его теперича не въ далекихъ странахъ, а съ нами въ Москвѣ.

— Сегодня же вечеромъ, значитъ, и пустимся въ путь.

— Дай ты ему хоть въ банькѣ попариться, ишь, вѣдь, пыли-то да грязи на немъ сколько накопилось! — замѣтила Розумиха, поглядывая съ улыбкой на парня, съ аппетитомъ уплетавашаго галушки.

— Топи баню: успѣеть до вечера и помыться и отдохнуть. Выйдемъ ночью, либо по холодку-то въ походъ выступать.

— Ладно, вотъ какъ придуть дѣтки, прикажу имъ баню топить. Да и тебѣ не мѣшало бы, Ермилычъ, отдохнуть передъ дорогой-то, схоронился бы ты въ сарайчикѣ, право, глянь-ка, сколько къ тебѣ народу валить,—указала она на мужиковъ съ высокимъ худымъ старикомъ во главѣ, шагавшихъ со всѣхъ концовъ мѣстечка къ ея хатѣ.—Дозволь сказать, что ты въ монастырь ушелъ, замучать тебя разговорами. Вѣдь у насъ, самъ знаешь, какъ заведуть бесѣду, готовы день и ночь калякать... И Сергачъ съ ними! Отъ этого скоро не отдѣлаешься.

Но вѣдь Ермилычъ сюда для того и пришелъ, чтобъ съ здѣшнимъ народомъ калякать, и жилъ онъ здѣсь шестой мѣсяцъ, чтобъ единомышленниковъ себѣ найти, какъ же было ему не подѣлиться радостнымъ извѣстіемъ съ тѣми, съ которыми дѣлил горе и въ которыхъ находилъ сочувствіе?

А съ Сергачомъ у него чаще, чѣмъ съ прочими, были разговоры. Человѣкъ этотъ былъ очень уменъ, невзирая на репутацію «блаженнаго», выдавшій на своемъ вѣку много видовъ, побывавшій въ далекихъ странахъ и соединявшій въ себѣ философскій умъ съ юношескою восторженностью воображенія, имѣлъ большое вліяніе на своихъ земляковъ. До появленія въ Лемешахъ Ермилыча народъ вѣрилъ Сергачу слѣпо и принималъ его фантастическіе рассказы за чистѣйшую и святѣйшую правду, но мало-помалу авторитетъ этотъ былъ поколебленъ здравомыслящими рѣчами Разумихинскаго жильца, и все чаще и чаще люди, напуганные или озадаченные страшными предсказаніями своего доморощеннаго пророка, шли за успокоеніемъ и разъясненіемъ къ новому учителю.

Такимъ образомъ удалось Ермилычу разсвѣять утвердившуюся здѣсь легенду о томъ, будто вмѣсто настоящаго царя Петра царствовалъ и неистовствовалъ подъ его личиной чортовъ сынъ, до такой степени похожій на него обличьемъ, что одна только царица узнала оборотня, когда онъ вошелъ къ ней въ опочивальню вмѣсто настоящаго царя, задержаннаго въ плѣну у шведовъ, и будто она именно за это и была заключена въ монастырь. Откуда принесъ эту легенду Сергачъ,—неизвѣстно, но онъ и самъ въ нее вѣрилъ и такъ сумѣлъ увѣрить въ ея справедливости земляковъ, что, когда Ермилычъ сюда пришелъ, всѣ отъ мала до велика находились подъ обаяніемъ этой чудной сказки. Когда по околотку разнеслось, что въ Лемешахъ живетъ человѣкъ изъ-подъ Москвы, по всему видать, дошлый, который самому Сергачу въ глаза говорить, что слухъ объ оборотнѣ, царствовавшемъ много лѣтъ за мѣсто царя Петра, выдумка, къ нему стали стекаться люди издалека, и онъ этимъ пользовался, чтобъ располагать эти чистыя, невинныя сердца къ законному наслѣднику престола, сыну замучен-

наго царевича Алексѣя. Удалось ли ему убѣдить и самого Сергача въ нѣлѣпности распространяемаго имъ разсказа,—на вопросъ этотъ нѣкоторое время отвѣта не находилось: побѣжденный пророкъ послѣ неудачныхъ попытокъ подѣйствовать силою убѣжденія на своего счастливаго соперника, куда-то скрылся, и въ народѣ говорили, что онъ ушелъ съ наступленіемъ весны въ Іерусалимъ, однако предположеніе это оказалось ошибочнымъ. Гдѣ именно пребывалъ онъ послѣдніе три мѣсяца,—неизвѣстно, но въ тотъ день, когда Ермилычъ вышелъ къ народу на крыльцо, первое, что бросилось ему въ глаза, было возбужденное лицо съ сверкающимъ взглядомъ Сергача.

Бесѣда завязалась такая оживленная, что даже поднявшійся вѣтеръ съ дождемъ не загналъ ни одного изъ мужиковъ подъ навѣсъ: вся громада стояла съ обнаженными головами подъ ливнемъ, не замѣчая его, въ страстномъ возбужденіи, съ минуты на минуту возраставшемъ, по мѣрѣ того, какъ Ермилычъ разсказывалъ про новаго царя, про его умъ и доброту, про его преданность православію и всему русскому, про то, какъ онъ кинулся въ пламя во время пожара, чтобы спасать людей, про его дружбу съ благочестивой великой княжной, его сестрой, про его пристрастіе къ малороссамъ...

Слушая эти разсказы, народъ плакалъ отъ умиленія и крестился, однако, когда Ермилычъ дошелъ до надеждъ, которыя такой царь долженъ возбуждать въ сердцахъ каждаго православнаго христіанина, будь то русскій или казакъ, безразлично, стали тутъ и тамъ раздаваться сомнѣвающіеся возгласы:

— Молоденекъ,—ему безъ совѣтчиковъ не обойтись...

— А главнымъ-то совѣтникомъ, извѣстно, кто...

— Пирожникъ растреклятый, антихристъ...

— Какъ царицей верховодилъ, съ нѣмцами заодно, такъ и теперь...

— Таперича надо появленія царя Петра ждать изъ плѣна,—объявилъ Сергачъ такимъ увѣреннымъ тономъ, что часть громады шарахнулась въ его сторону.

— Царь Петръ умеръ, и ты это знаешь такъ же хорошо, какъ и всѣ,—зачѣмъ же людей морочишь?—строго возвышая голосъ, возразилъ Ермилычъ:—не слушайте его, ребята, самъ дьяволъ учитъ его васъ путать въ такое время, когда надо о дѣлѣ перетолковать, какъ намъ нашего природнаго царя, сына замученнаго за православную вѣру царевича, на прародительскомъ престолѣ удержать да отъ злыхъ совѣтниковъ спасти!

Въ толпѣ произошло новое движеніе, на этотъ разъ въ сторону Ермилыча, на помощь которому шла изъ хаты и сама Розумиха.

— Вся Россія вѣритъ, что царствомъ слишкомъ двадцать лѣтъ правилъ оборотень,—одинъ только ты этотъ слухъ замолчать хо-

чешь,— снова возвысиль было голосъ Сергачъ, но Розумиха заставляла его смолкнуть.

— А хоша бы и правда, что настоящій царь къ намъ вернется— изъ плѣна ли, изъ гроба ли, все равно, на кого же тогда гнѣвъ-то его обрушится: на тѣхъ, кто за погубителя его, Меншикова, стоялъ, или на тѣхъ, кто объ его отродѣвѣ заботился, чтобъ отъ зла его оградить?— вскричала она такъ громко, что голосъ ея покрылъ всѣ прочіе голоса.— А ты, смутьянъ, на кой шуть сюда пожаловалъ?— обратилась она къ смущенному Сергачу.— Сколько мнѣ разъ тебѣ повторять, чтобъ ты и ходъ забылъ на мой дворъ! Чего вы, глупые дурни, уши-то развѣсили на его сказки? Въ первый что ли разъ онъ васъ морочить? Божій человекъкъ хочетъ съ вами про дѣло перетолковать, намъ великую радость Господъ послалъ, надъ сиротствомъ нашимъ сжалился, далъ намъ настоящаго царя отъ царскаго корня...

— Хорошо бы, кабы безъ Меншикова, — онъ, бѣсовъ сынъ, и этого закрутить, какъ прежнихъ...

— А вотъ мы съ вами для того и совѣтъ держимъ, чтобъ не дать тому бисову сыну нашимъ новымъ царемъ править,—возразилъ, энергично возвышая голосъ, Ермилычъ.

— Что же мы можемъ отсюда подѣлать? Ты скажи, чтобъ намъ знать...

— А вотъ что: у многихъ изъ васъ есть свои люди въ столицѣ и между служилыми людьми и въ войскѣ...

— Какъ не быть,—есть. Да бѣсъ ихъ знаетъ, въ какихъ они таперича мысляхъ...

— Какъ мы имъ наказывали про наши вольности, что у насъ отняли нѣмцы,—царицѣ словечко замолвить, и вотъ до сихъ поръ не слышать что-то, чтобъ ихъ послушали...

— Мы, какъ отпускали ихъ, строго-настрого имъ наказывали нѣмцамъ не передаваться и душу свою всячески беречь отъ соблазна...

— Мы, когда москалямъ передавались отъ поляковъ, нешто мыслили, что къ нѣмцамъ подъ пяту попадемъ?...

— Вѣдь это выходитъ: изъ огня да въ полымя...

— Намъ Долгоруковъ Михаилъ всѣ наши вольности обѣщаль вернуть...

— Все у насъ отняли и нашего Полуботка въ темницѣ сгноили...

— Мы на слово царское понадѣялись, а онъ насъ обманулъ...

— Выпустили пословъ-то нашихъ, да безъ Полуботка: его заморили...

— Намъ такую обиду вѣкъ не забыть!

— Мы потому и оборотню повѣрили, что въ Петра извѣрились...

— Ты вотъ Сергача-то дурнемъ обзываешь, а онъ намъ по сердцу рѣчи держитъ...

— Мы царю Петру передавались, на его царское слово полагаючись...

— Онъ, царь Петръ-то, могучъ былъ, въ него вѣра была...

— Жестокій, да сильный,—съ нимъ жить можно было...

— Мы на силу его надѣялись...

— Мы бабьяго царства не мыслили...

— У него былъ наслѣдникъ, когда мы ему передались и на слово его царское полагались, что вольности наши рушены не будутъ...

— Такъ вотъ вы намъ и помогите сына этого самаго наслѣдника Петрова поддержать!

Чтобъ вставить эти слова въ поднявшійся гомонъ, Ермилычу пришлось до крика возвысить голосъ.

— Да вѣдь младшенекъ онъ, Ермилычъ...

— Не царь, а царенекъ...

— Нешто намъ на такого полагаться можно?

— Кто его знаетъ, что изъ него выйдетъ?...

— Можетъ, совсѣмъ будетъ плохъ...

— Можетъ, Меншиковъ ужъ и обвести его успѣлъ...

— Самъ же сказывалъ, что на родной своей дочери задумалъ его женить.

Долго толковали они въ томъ же духѣ, другъ друга не слушая, и конца не предвидѣлось этому словоизліянью. Не полдня, а цѣлый годъ, можетъ быть, надо было ихъ слушать и осторожно наводить ихъ мысли на дѣло раньше, чѣмъ добиться благоприятныхъ результатовъ, и ужъ Ермилычъ начиналъ отчаиваться, когда ему явилась на помощь Розумиха.

— Чего галдите безъ толку, дурни? Съ вами толкомъ говорить, отъ васъ совѣта да помощи ждуть, а вы всѣ въ разбродъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова!—раздался ея звонкій голосъ съ крыльца, на которое она вышла и стала рядомъ съ Ермилычемъ, который успѣшилъ отойти въ сторонку, чтобъ дать ей одной бесѣдовать съ сосѣдами.

— Да мы что?—мы не прочь ему помогать...

— Мы его узнали и вѣримъ ему, да только...

— А вѣрите, такъ вмѣсто того, чтобъ безъ толку галдѣть, общайтесь во всемъ его слушаться и на земляковъ понасъ, которые въ столицѣ на царской службѣ, чтобъ тоже ему вѣрили... Ну, ты, Ханенко, вѣдь у тебя сынъ на царской службѣ?—обратилась она къ одному изъ толпы.

— Какъ же, въ драгунахъ,—писалъ, что Федорычъ Котляревскій, что при дочери Петра старшимъ лакеемъ, къ нему очень милостивъ...

— А у меня братъ—съ самимъ баткой Констанціемъ въ дружбѣ...

— А меня Филиппенко просилъ сына на службу къ царевичу Петру Алексѣевичу отпустить...

— Такъ вотъ пусть каждый изъ васъ дастъ памятку Ермилычу, чтобъ онъ разыскалъ вашихъ свойственниковъ и ближнихъ въ Питерѣ да знакомство бы съ ними свелъ... Покланяйтесь писарю, чтобъ грамотки имъ отписалъ за васъ, и пошлите гостинца какого ни на есть, потому сухая ложка ротъ деретъ, а на чужбинѣ и ржаная галушка покажется вкуснѣе медоваго пряника.

— Что жъ, мы, пожалуй, напишемъ и скажемъ бабамъ, чтобъ полотенцевъ да плахтъ получше изъ сундуковъ вынули... Ермилычъ—намъ человекъ знакомый, всю зиму мы съ нимъ калякали о нашихъ нуждахъ...

— Вотъ онъ съ вашими земляками объ этихъ самыхъ нуждахъ вашихъ и поговорить и посоветуется, какъ при случаѣ сдѣлать, чтобъ нашу бѣду повыше донести, чтобъ знали тѣ, кто помочь намъ можетъ... Новый царь у насъ, слышь, теперь, и Ермилычъ правду говоритъ, что быть перемѣнамъ. Хоть и младенецъ, а все же, поди, чай, новыхъ людей за собой къ престолу потянетъ, а новыя птицы—новыя и пѣсни.

— Какія же новыя пѣсни, когда Меншиковъ мѣтитъ женить его на своемъ отродѣ?—замѣтилъ угрюмо одинъ изъ стариковъ.

— Эхъ, старина, когда-то это еще будетъ! Раньше шестнадцати лѣтъ нѣтъ закона вѣнчать хлопцевъ, будь то изъ простыхъ или самъ царь, все равно, а въ четыре-то года много воды утечетъ, царю можетъ другая дѣвица приглянуться изъ болѣе знатнаго рода, мало ли что можетъ случиться!—возразила Демьяновна.

— Оно такъ-то такъ,—согласились, почесывая затылки, слушатели.

— А если такъ, то и расходитесь съ Богомъ. Готовьте посылки къ землякамъ, да поторапливайтесь... Вѣдь ты думаешь сегодня въ ночь, до зари, въ путь пуститься, Ермилычъ?—обратилась она къ Бутягиву.

— Да ужъ никакъ не позже, хорошо бы пораньше, если Господь поможетъ собраться.

Народъ, обмѣниваясь впечатлѣнiями, разошелся по хатамъ, а Демьяновна съ Ермилычемъ вошли въ горницу, гдѣ раздавался храпъ уснувшаго за печкой монастырскаго посланца, а хозяйскія дочки, вернувшiяся изъ лѣса, обѣдали съ трехлѣтнимъ братишкой.

— Идите, дѣточки, въ огородъ. Намъ тутъ надо съ Ермилычемъ на прощанiе покалякать,—объявила имъ мать.

Дѣвочки собрали остатки трапезы и увели Кирилку на дворъ, оставивъ Розумиху вдвоемъ съ Ермилычемъ.

— А привыкла же я къ тебѣ, Ермилычъ, и скучно мнѣ съ тобою разставаться,—говорила она, облокотившись на столъ противъ прiятеля и, опираясь подбородкомъ на ладони, пристально

глядя на его худощавое, обросшее сѣдой бородой лицо съ впалыми, умными глазами, точно ей хотѣлось покрѣпче запечатлѣть въ памяти черты этого лица.—Безъ лести скажу тебѣ, что такого, какъ ты, разумнаго и сердцемъ добраго мнѣ еще не доводилось встрѣчать на землѣ. Никто мнѣ такихъ ладныхъ совѣтовъ, какъ ты, отродясь не давалъ.

— Сама не безъ разума и безъ меня до всего додумалась бы,— замѣтилъ Ермилычъ, тронутый до глубины души изліяніями этой всегда сдержанной, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, женщины.

Разъ только видѣлъ онъ ее растерявшейся отъ горя. Случилось это вскорѣ послѣ его прихода сюда, когда любимый ея сынъ, кроткій, трудолюбивый и не по лѣтамъ смышленный Алешка, бѣжалъ къ учителю своему, дьячку сосѣдняго села, отъ распивавшаго пьянаго отца, объявивъ, что домой ни за что не вернется.

Едורךъ Ермиловичъ ужъ успѣлъ тогда оцѣнить сильную душу и золотое сердце этой простой женщины, такъ терпѣливо и мужественно сносившей тяжелую судьбу свою, поднимавшей, безъ всякой посторонней помощи, многочисленное семейство. Отъ вѣчно пьянаго и излѣившагося мужа она, кромѣ горя, ничего не видѣла и, чтобъ накормить семью, работала на людей, при чемъ держала себя съ такимъ достоинствомъ и выказывала такъ многу ума и благородства въ мысляхъ и правилахъ, что пользовалась всеобщимъ уваженіемъ не въ однихъ Лемешахъ, а также и во всемъ повѣтѣ. Издалека приходили къ ней за совѣтомъ. Ермилычъ принялъ живое участіе въ ея горѣ и отправился въ село, гдѣ пріютился бѣглецъ, чтобъ лично познакомиться съ его учителемъ и переговорить съ самимъ Алешкой. Убѣдившись, что юноша не изъ озорства покинулъ родительскій домъ, а потому, что ему было не подъ силу терпѣть несправедливое гоненіе отъ родителя за непреодолимое влеченіе къ грамотѣ, къ письму и къ церковному пѣнію, и что самое это ученіе онъ имѣетъ твердое намѣреніе употребить на пользу своимъ и себѣ, новый пріятель Розумихи уговорилъ ее не мѣшать сыну итти по избранному имъ пути.

Розумиха послѣдовала этому совѣту, и съ тѣхъ поръ ихъ дружба упрочилась съ ея стороны чувствомъ благодарности и глубокаго уваженія.

Мало было людей, которыхъ она считала умнѣ себя.

— Нѣтъ, Ермилычъ,—отвѣчала она на его замѣчаніе, что въ совѣтахъ она не нуждается,— не со всякой бѣдой умѣю я справляться. Съ Алешкой совсѣмъ бы я безъ тебя въ отчаянье впала и, кто знаетъ, можетъ, съ дуру совсѣмъ бы загубила судьбу моего хлопца. Кабы не ты, вѣки вѣченскіе ему бы стада пасти, а теперь онъ, можетъ быть, повѣтовымъ писаремъ сдѣлается, и ужъ тогда мнѣ не для чего будетъ надъ чужой работой убиваться, какъ теперь. А что тяжело мнѣ безъ него — это что говорить, дня не

пройдетъ, чтобъ золотого хлопчика не вспомнила: такимъ онъ былъ мнѣ подспорьемъ въ хозяйствѣ,—прибавила она со вздохомъ.

— А ты, какъ ужъ больно засосеть тебѣ сердце по немъ тоской, Богу молись да такими мыслями себя разсѣивай, что терпишь ты для него же, для твоего дорогого мальчика, чтобъ ему потомъ легче жилось. Кто знаетъ, какую ему Господь судьбу готовить, онъ ужъ и теперь такъ ладно поетъ на клиросѣ, что многіе ходятъ въ храмъ, чтобъ его послушать. А службу-то церковную онъ не хуже самого батьки знаетъ. Изъ него не то, что дьяконъ либо попъ, а и архіерей можетъ выйти отъѣвннй, его преосвященство, важные паны и пани у твоего Алешки будутъ руку цѣловать, Демьяновна! — сказалъ онъ съ добродушной улыбкой.

— Ужъ ты скажешь! — краснѣя отъ пріятнаго смущенія, вымолвила Розумиха, польщенная этой шуткой. — Шутникъ, право, шутникъ! И откуда у тебя такія мысли забавныя берутся, что съ тобою ни о чемъ и горевать-то нельзя?

— Ну, это я, дѣйствительно, пошутилъ, а чтó сущая правда, такъ это—то, что хлопчикъ твой крѣпко тебя любить и спать и видеть скорѣе доучиться и получше мѣстечко въ повѣтѣ найти, чтобы помощь тебѣ оказывать. Какъ онъ про тебя распрашивалъ, когда я къ нему намерднись приходилъ, какъ плакалъ, узнавши про вашу нужду!

— Родимый!—чуть слышно проговорила сквозь слезы Демьяновна.

— Ладный онъ у тебя хлопчикъ, скромный, умный, благочестивый. И другія дѣти у тебя добрыя...

— Далеко имъ до Алешки!—съ досадой прервала она. —Одинъ только онъ у меня такой вышелъ, всему свѣту надиво!

— И Кирилка у тебя добрый малышъ. Съ земли не видать, а какой шустрый да понятливый.

— Ну, что про такого говорить?—совсѣмъ крошка, долго еще отъ него помощи въ хозяйствѣ не дождешься. Да и дивчатамъ до Алешки далеко, выросли дылды дылдами, скоро надѣ замужъ отдавать, а какъ вороны глупыя, на все ихъ наставлятъ надо, сами ни о чемъ не догадываются. Вонъ цѣльное утро по лѣсу плялись, а много ли грибовъ принесли, посмотри-ка!—указала она на лукошки съ грибами, стоявшія на лавкѣ у двери.—У меня Алеханчикъ одинъ столько-то набиралъ, а ихъ цѣлая орава по грибы ходила, и всего только грошей на шесть набрали. Я, бывало, когда онъ передо мною свой кузовъ высыплетъ, даже скажу: да къ тебѣ грибы-то сами лѣзутъ въ кузовъ, мой хлопчикъ! Пошлешь за орѣхами—тоже нанесетъ пропасть.

— Вотъ и Кирилка также будетъ тебѣ служить. Помяни мое слово, что не хуже брата отличится.

— Зайдешь, что ли, въ Чемеры-то, откуда идучи?—спросила она.

— Непремѣнно зайду, не покину вашихъ мѣстъ, съ Алеханчикомъ не попростившись и не подаривъ ему грошей на книжки. Вы еще про меня услышите, если Господь по душу мнѣ не пошлетъ раньше, чѣмъ до Питера добреду. Я вашей ласки не забуду, не беспокойтесь, и вы меня не поминайте лихомъ, — прибавилъ Бутягинъ, поднимаясь съ мѣста и низко кланяясь своей собесѣдницѣ.

— Какъ тебя, Божьяго человѣка, забыть! — проговорила она, не безъ труда сдерживая слезы, подступавшія къ горлу.

— Не забывай при случаѣ мнѣ вѣсточку о всѣхъ васъ посылать, куда — ты знаешь, можно и въ Москвѣ отъ боярыни Лыткиной, Авдотьи Петровны, обо мнѣ узнать и въ Петербургѣ отъ Петра Филипповича Праксина, что при царѣ старшимъ камерлакеемъ состоятъ.

— Знаю я, а ужъ теперь, какъ со всѣми нашими тамъ сойдешься, можно и черезъ нихъ тебѣ о насъ дать знать. Кто знаетъ, можетъ, такъ случится, что выхлопочешь мѣстишко нашему Алешкѣ! Онъ — грамотный, а ужъ про его смышленость и говорить тебѣ нечего, самъ знаешь, какой онъ у меня хлопчикъ ладный. Ну, такъ куда нибудь, хоть въ писарьки что ли, поближе бы только къ нашему красному солнышку, сынку мученика царевича. Вѣрный ему слуга будетъ, весь нашъ корень настоящимъ русскимъ царямъ преданъ, и дѣтокъ въ такихъ чувствахъ растимъ, чтобъ нѣмцевъ наравнѣ съ ляхами ненавидѣть, а москали вѣдь одной съ нами вѣры, и царь Петръ насъ отъ мучительства папистовъ ослобонилъ...

Съ закатомъ солнца стали люди изъ Лемешей и изъ ближайшихъ мѣстечекъ приходять съ узелками и съ цыдулками для земляковъ въ Питерѣ.

И опять пошли разговоры про новаго паря и про его дѣда, котораго многіе изъ присутствующихъ лично знали и не только видѣли, но и говорили съ нимъ. Ужъ и тогда Меншиковъ (чтобъ ему пусто было!) постоянно между царемъ и народомъ втирался. Бывало, такой минутки и не выищешь, когда бы его при государѣ не было, все подсматриваетъ, подслушиваетъ, да на усъ себѣ мотаетъ, а тамъ, глядишь, по-своему вершаешь, и выходитъ такъ, что царь милуетъ, да царь не жалуется.

— Вотъ и таверича, поди, чай, также будетъ, — упорно твердили хохлы, озабоченно кивая чубами.

Тѣмъ не менѣе, всѣ соглашались, что не попытаться облегчить свою горестную судьбу было бы даже грѣшно. Чѣмъ чортъ не шутить, можетъ, Ермильчъ имъ выхлопочетъ то, чего они ужъ со всѣмъ отчаялись добиться, кто знаетъ?

— Вотъ мы тебѣ написали прошеніе царю, но ты постарайся на словахъ ему первымъ дѣломъ про обѣщаніе его дѣда напомнить, — сказалъ сѣдой старикъ, старшина, подавая Ермильчу

вчетверо сложенную бумагу съ печатью, тщательно написанную повѣтовскимъ писаремъ.—И объясни ты ему, малышу, что царское слово должно быть нерушимо. Мы дѣду его вѣрилл, мы на его силу надѣялись, а онъ нашего Полуботка въ тюрьмѣ сгноилъ: это намъ была обида горькая, такъ и скажи ему, новому-то, Петру Алексѣвичу. Намъ надо своего гетмана выбрать, и чтобъ онъ утвердилъ, понимаешь?

— Все скажу, не безпокойтесь, будьте благонадежны,—сказалъ Ермилычъ, принимая бумагу и пряча ее въ сумку за пазуху.

— Да ты самъ-то съ какого боку къ нему подойти-то можешь?—спросилъ одинъ изъ наименѣе довѣрчивыхъ.

— А съ того боку, что отецъ мой по проискамъ Меншикова за преданность православной вѣрѣ головы на плахѣ лишился, и самъ я изъ богатыхъ да знатныхъ боярскихъ дѣтей въ бездомнаго скитальца обратился,—объявилъ послѣ небольшого колебанія Бутягинъ.

Не любилъ онъ про это ни съ кѣмъ говорить, даже съ самыми близкими. На что подружился онъ съ Демьяновной, а и ей одинъ только разъ, да и то мелькомъ, намекнулъ на свою тайну. Но тутъ молчать было бы нечестно, за довѣріе надо было заплатить довѣріемъ, и по воцарившемуся молчанію въ толпѣ, за минуту передъ тѣмъ галдѣвшей, перебивая другъ друга, онъ понялъ, что поступилъ хорошо, не оставляя предложеннаго ему вопроса безъ прямого, правдиваго отвѣта.

— А вы, други, про это помалкивайте, чтобъ Божьяго чело-вѣка въ бѣду не ввестъ,—сказала Демьяновна, выходя съ народомъ на дворъ, когда, распроставшись съ Ермилычемъ, жители Лемешей стали расходиться по домамъ:—вѣдь ворогъ-то нашъ, Меншиковъ, еще живъ.

— О, мухи бы его, бисова сына, съѣли!—проворчалъ одинъ изъ толпы въ то время, какъ остальные, понуривъ головы, выходили одинъ за другимъ въ калитку, думая каждый про себя свою думу.

Въ эту ночь Ермилычъ спать не ложился и, до свѣта разбудивъ своего спутника, пустился съ нимъ въ дорогу.

За версту до села, гдѣ жилъ у дьячка сынъ Демьяновны, нашимъ путешественникамъ встрѣтилась жидовская фура, запряженная парой сытыхъ и сильныхъ лошадокъ, направлявшаяся рысцою по той самой дорогѣ, по которой они шли. Жидъ ѣхалъ порожнякомъ и, завидѣвъ Ермилыча съ его спутникомъ, монастырскимъ служкой, слѣзъ съ фуры и сталъ уговаривать ихъ доѣхать на его лошадяхъ до Воронежа, куда ему лежалъ путь.

— За пять карбованцевъ съ cadaго я доставлю васъ туда на четвертыя сутки, а оттуда найду вамъ тоже сходно окавію вплоть до Москвы,—настоячиво соблазнялъ онъ ихъ, невзирая на то, что они шли себѣ своею дорогою, дѣлая видъ, что не слушаютъ его предложенія.

— Ну, такъ и быть, шесть карбованцевъ за обоихъ,—продолжалъ онъ имъ турчать въ уши, слѣдуя за ними по пятамъ.— Може, и это кажется, панове, дорого? Я сбавить могу, мнѣ бы только, панове, угодить, согласенъ за пять карбованцевъ обоихъ довести.

До Чемеръ оставалось пройти съ четверть версты не больше: звонъ колокола, призывавшій православныхъ христіанъ ко все-нощной, доносился все явственнѣе и громче. До начала службы подойдутъ къ храму, гдѣ, вѣрно, Алешка поетъ на клиросѣ.

— Намъ надо еще въ Чемерахъ побыть,—замѣтилъ, не поднимая глазъ на соблазнителя, Ермилычъ.

Повадки жидовъ ему были хорошо извѣстны, благодаря частымъ съ ними встрѣчамъ въ Малороссіи. Онъ съ жидомъ и въ Польскую землю этой зимой ѣздилъ, съ жидомъ же и границу переѣзжалъ въ Цесарскую страну, гдѣ тоже кипмя кишитъ жидами. Надо было только дивиться, какъ это христіанскій народъ уживается бокъ о бокъ съ поганымъ отродьемъ. Однако, какъ ему это ни претило, а довелось и ему жидовскими услугами пользоваться, ничего не подѣлаешь: они и продадутъ все, что надо, и довезутъ, куда нужно, все найдутъ, все укажутъ. Вотъ и теперь, дѣлая видъ, что не нуждается въ предлагаемой услугѣ, какъ обрадовался Ермилычъ возможности добрую часть пути сдѣлать не пѣшкомъ, а въ удобной фурѣ, растянувшись, какъ на постели, на мягкомъ сѣнѣ! А ужъ про спутника его и говорить было нечего, стоило только на него взглянуть, чтобы догадаться, какъ интересуется онъ исходомъ начатыхъ переговоровъ съ жидомъ. Бѣдный паренекъ не успѣлъ еще отдохнуть отъ долгаго пути, какъ опять долженъ былъ итти на ту же страду. Но что особенно соблазнило Бутягина—это перспектива добратся до Петербурга черезъ десять, двѣнадцать дней вмѣсто того, чтобъ употребить на это путешествіе съ мѣсяцъ времени.

Не только двадцать, тридцать карбованцевъ, поль-жизни, кажется, не пожалѣлъ бы онъ, чтобъ узнать, какъ стоитъ дѣло во дворцѣ новаго царя, кто возлѣ него, есть ли какой нибудь настоящій русскій человекъ, который поддерживалъ бы въ немъ волю бороться съ злымъ временщикомъ.

И чѣмъ ближе подвигался онъ къ цѣли своего путешествія, тѣмъ нетерпѣливѣе становилось его желаніе все это узнать.

Въ Чемерахъ, прямо слѣзши съ фуры, пошли путешественники въ храмъ, гдѣ шла служба по случаю завтрашняго праздника.

Народу было пропасть; служилъ здѣшній батька торжественно, и пѣніе было такое умиленное, что на всѣхъ главахъ были слезы. Среди маленькаго хора, пѣвшаго на клиросѣ, подѣ управленіемъ пріѣзжаго изъ Чернигова семинариста, знатока этого дѣла, выдавался особенною прелестью молодой, звучный и нѣжный голосъ сына Демьяновны.

— Чисто ангельскій голосъ у этого хлопца Розума,—замѣтилъ вполголоса человѣкъ въ длинной бѣлой свиткѣ, подпоясанный алымъ кушакомъ и съ разукрашенной павлиньими перьями высокой черной войлочной шляпой въ рукѣ, обращаясь къ стоявшему рядомъ съ нимъ Ермилычу.—Повѣрите ли, нарочно каждый праздникъ мы въ Чемеры къ божественной службѣ ѣздимъ, чтобъ его слушать? Отъ нашего приходскаго попа ужъ не разъ выговоры за это получали, обижаются, что прихожане въ Чемеры ходятъ изъ-за этого мальчика, и что храмъ нашъ пустуетъ, и подлинно не надо было бы такъ поступать, да ничего не подѣлаешь съ бабами, хлѣбомъ ихъ не корми, дай, только Алексѣя Розума послушать,—продолжалъ онъ распространяться, замѣтивъ, что слушаютъ его съ удовольствіемъ.—Слышалъ я, что про него ужъ слухъ до кievскаго митрополита дошелъ, и что приказалъ онъ узнать, нельзя ли его къ нему, въ крестовую церковь, отсюда перевести,—прибавилъ онъ, таинственно понижая голосъ, чтобъ не быть услышаннымъ навострившими уши сосѣдками.

Всенощная кончилась, и Ермилычъ вышелъ на паперть, чтобъ тутъ дожидаться Алексѣя, который, задержанный священникомъ для чего-то въ алтарѣ, вышелъ однимъ изъ послѣднихъ, задумчиво понутивъ голову и такъ мало обращая вниманія на окружающихъ, что Ермилычъ долженъ былъ его окликнуть, чтобъ заставить остановиться и кинуться къ нему съ тревожнымъ вопросомъ:

— Дяденька Федоръ Ермилычъ! Какими судьбами вы къ намъ пожаловали? Все ли у насъ благополучно? Я сегодня ночью матушку во снѣ видѣлъ, и такъ нехорошо...

— Все у васъ ладно, и матушка твоя приказала тебѣ кланяться и по ней не скучать, а дѣломъ заниматься. Пойдемъ-ка къ тебѣ, мнѣ съ тобою надо потолковать,—сказалъ Бутягинъ, направляясь къ маленькой бѣленькой дьячковской хаткѣ, въ которой за перегородкой, въ сѣнцахъ, жилъ ученикъ хозяина.

— Жарко тамъ, Ермилычъ, пойдемъ лучше въ огородъ, липы тамъ цвѣтутъ такъ-то духовито да ладно, что и не вышелъ бы оттуда!

— Куда хочешь, мнѣ все равно. Зашелъ я въ Чемеры, чтобъ проститься съ тобою, Алеша.

И, сидя на скамейкѣ подѣ душистой липой въ цвѣту, въ тихомъ уголку, обсаженномъ деревьями и цвѣтами, онъ рассказалъ ему то, что въ этомъ краѣ знали еще только въ Лемешахъ, о смерти императрицы, о воцареніи внука великаго Петра и о на-

деждахъ, воскресшихъ во всѣхъ русскихъ сердцахъ по всей Рос-
си, благодаря этой перемѣнѣ.

Юноша слушалъ его молча и съ глубокимъ, восторженнымъ
вниманіемъ. Онъ былъ такъ красивъ, что даже въ странѣ краси-
ваго, статнаго, съ южнымъ типомъ народа, гдѣ черноокихъ, чер-
нокудыхъ, съ алыми, какъ кровь, губами, можно такъ же часто
встрѣчать, какъ и красавицъ дивчатъ, производилъ впечатлѣніе
и заставлялъ собою любоваться. Особенно прелестны были у него
глаза, черные, какъ бархатъ, съ выраженіемъ такой ласковой, сер-
дечной чистоты, что увидать его и не пожелать съ нимъ погово-
рить, чтобъ услышать его звучный, проникающій въ самую душу
голосъ, было невозможно.

«Ладный хлопчикъ, ладный хлопчикъ»,—неволью повторялъ
про себя Ермилычъ, отвѣчая на наивные вопросы, которыми его
закидалъ Розумъ, выслушавъ сообщенныя новости.

— А дочка-то царя Петра? Почему ея на царство не посадили?
Про нее въ завѣщаніи отца сказано. Здѣсь проѣзжалъ полковникъ
изъ Питера, такъ рассказывалъ, что питерскій полицмейстеръ
Дивьеръ хвастался безпремѣнно ее на царство вѣнчать послѣ
смерти матери,—проговорилъ онъ съ волненіемъ.—За нее многіе
были, она, говорятъ, такая простая да ласковая, такъ любить
русскихъ и терпѣть не можетъ нѣмцевъ.

— Ишь, ты какой дошлый, и про Елисавету знаешь и про
Дивьера,—замѣтилъ съ улыбкою Ермилычъ.—Ну, если ты ужъ
такъ ученъ, скажу я тебѣ и про то, чего не хотѣлъ сказывать:
пишутъ мнѣ изъ Питера, что дѣйствительно былъ заговоръ поса-
дить Елисавету на престолъ послѣ смерти матери, и что всѣмъ
этимъ орудовалъ Дивьеръ, но дѣло это сорвалось, и еще при
жизни императрицы этой затѣѣ, глупо затѣянной и еще глупѣе
провалившейся, вышла крышка. Восторжествовала та партія, ко-
торая стояла за царевича. Это ничего, Алеша, это даже правиль-
нѣе, чтобъ не дочка царя отъ иноземной, простого званія жонки
наслѣдовада царскій престолъ, а внукъ его, сынъ пострадавшаго
за православную вѣру царевича. И надо намъ ему вѣрой и прав-
дой служить. Вѣдь такъ, Алеша?

— Такъ, дяденька,—вымолвилъ Алеша печально.

Ему было грустно отказаться отъ мечты видѣть на тронѣ чуд-
ную красавицу цесаревну, о которой онъ такъ любилъ мечтать въ
теплыя звѣздныя ночи, которыя ему приходилось часто проводить
подъ открытымъ небомъ, когда онъ пасъ скотъ въ Лемешахъ, а
также и здѣсь, когда, уйдя съ книгой еще засвѣтло въ лѣсъ или
въ поле, онъ незамѣтно заходилъ такъ далеко, что ночь заставала
его за версту и за двѣ отъ дома.

Эта очаровательная царь-дѣвица, о которой онъ слышалъ раз-
сказы отъ проѣзжихъ и отъ побывавшихъ въ столицѣ земляковъ,

о которой писали сюда тѣ, которымъ выпало на долю великое счастье жить вблизи отъ нея, видѣть ее, слышать ея голосъ и даже разговаривать съ нею, она была такъ проста, что никѣмъ не гнушалась, и, какъ всѣ увѣряли, людей низкаго званія предпочитала богатымъ и знатымъ,—эта очаровательная цесаревна жила въ его воображеніи постоянно. Дня не проходило, чтобъ онъ не вспомнилъ про нее, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Она была та невидимая фея, которая вдохновляла его на все великое и прекрасное; онъ воспѣвалъ ее въ гимнахъ, возносимыхъ Господу Богу въ церкви, онъ посвящалъ ей латинскіе стихи, въ которыхъ упражнялся весьма успѣшно, къ великой гордости и радости его учителя; она царила такъ полновластно въ его сердцѣ, что въ немъ не оставалось ни малѣйшаго мѣстечка для чернобровыхъ Оксанокъ и Марусекъ, изнывавшихъ по немъ. Она спасала его отъ всего дурного, пошлаго, грубаго, ему такъ хотѣлось быть достойнымъ высокаго идеала, который онъ самъ себѣ создалъ, что все существо его безсознательно преображалось, вкусы его становились благороднѣе и тоньше, его влекло къ гармоніи во всемъ къ тому, чего вокругъ него не было, но что онъ сознавалъ существующимъ тамъ, далеко... такъ, можетъ быть, далеко, что на землѣ этого и не найти... Но вѣдь есть небо, гдѣ все, что у него живетъ въ сердцѣ въ видѣ призрака, существуетъ на самомъ дѣлѣ, и не даромъ же дано ему въ это вѣрить и къ этому стремиться...

Да, она была отъ него очень, очень далека, такъ же далека, какъ звѣзды, мерцающія на темномъ небѣ надъ его головой, а между тѣмъ, когда онъ узналъ, что не она вошла на родительскій престолъ, она стала для него еще дальше въ таинственной мглѣ, уносившей ея образъ такъ недосыгаемо высоко, что онъ даже и мысленно не могъ за нею слѣдовать. Что съ нею будетъ? Какъ примириться съ тѣмъ, что другой занялъ ея мѣсто?

— Чего закручинился, хлопчикъ?—спросилъ Ермилычъ, дотрогиваясь до его плеча, чтобъ заставить его очнуться отъ забытья, въ которое онъ погружался все глубже и глубже, забывая все на свѣтѣ, что онъ не одинъ въ душистомъ садикѣ, замиравшемъ въ тѣняхъ наступавшихъ сумерекъ.—Радоваться надо, что у насъ наконецъ настоящій русскій царь въ Россіи.

— А цесаревна?—выронилъ Алексѣй помимо воли вопросъ, назойливо вертѣвшійся у него на умѣ.

— И ее Господь Богъ пристроить на пользу родины, хлопчикъ,—возразилъ старикъ, немного удивленный заданнымъ ему вопросомъ.—Тебѣ кто наговорилъ такъ много про цесаревну, что ты такъ о судьбѣ ея заботишься?—спросилъ онъ съ улыбкой.

Смѣшны казались ему политическія заботы юноши, заброшеннаго въ безвѣстный уголокъ дальняго края. Тамъ, въ далекой блестящей и шумной столицѣ, сѣтуютъ о неудачѣ Елисаветы

многіе вельможи, а здѣсь этотъ юноша, сынъ пропившагося до нищеты казака, будущій писарь Козелецкаго повѣта, такъ же, какъ они, и даже, можетъ быть, еще страстнѣе, самоотверженнѣе жалѣеть, что не Елисавета сдѣлалась императрицей.

Смѣшно это показалось Бутягину; ласково потрепавъ Алепу по плечу, онъ сталъ спрашивать его про его житье-бытье и про планы его на будущее.

— Слыхалъ я, будто тебя хочетъ архіерей въ Черниговъ, въ свою крестовую церковь, взять, — сказалъ онъ послѣ небольшого молчанія, вспомнивъ, что скоро имъ придется разстаться, и что они не успѣли еще ни о чемъ дѣльномъ переговорить.

— Предлагалъ, да я отказался, — неохотно отвѣтилъ Алексѣй.

— Почему?

— Такъ... Далеко отъ Лемешей, тамъ и умрешь, никто изъ моихъ не узнаеть.

Онъ былъ такъ удрученъ, что мысль о смерти казалась ему отрадной.

— Далеко отъ Лемешей! — передразнилъ его съ добродушной усмѣшкой Ермилычъ. — А въ Питеръ, въ царскую капеллу, поѣхалъ бы?

У Алексѣя вся кровь бросилась въ голову при этихъ словахъ, и онъ поднялъ на своего собесѣдника загорѣвшійся отъ душевнаго волненія взглядъ.

— Ты это взаправду, дяденька, или глумишься надо мной? — произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— А очень бы тебѣ хотѣлось туда попасть?

— Дяденька, да вѣдь взяли же туда и Тарасевича, и Божка, и другихъ! — умоляюще протянулъ юноша.

— Каждому свое счастье, хлопчикъ. Кабы отъ меня зависѣло, многое бы я сдѣлалъ и для тебя, и для другихъ, да бодливой коровѣ Богъ рога не даетъ, вотъ въ чемъ бѣда, — прибавилъ онъ со вздохомъ. — А ты молись Богу, да учись усерднѣе, да будь смиренъ и высоко въ мечтахъ не заносись, вотъ и взыщеть тебя Господь. Онъ все можетъ, въ Его святой волѣ унижить или возвысить человѣка, молись Ему усерднѣе...

IV.

Въ Москвѣ Ермилычъ пробылъ всего только недѣлю, но не забылъ навѣстить Авдотью Петровну съ Филиппушкой и нашелъ приемную мать Лизаветки въ большой тревогѣ за судьбу названной дочки и ея мужа.

Всѣ недовольные Меншиковымъ, всѣ враги нѣмцевъ, группировались теперь вокругъ цесаревны Елисаветы и сѣтовали, что не она, а такой ребенокъ, какъ сынъ царевича Алексѣя, занимаетъ

царскій престолъ. Сила Меншикова при новомъ царѣ не убавилась, а скорѣе увеличилась, и онъ такъ жестоко покаралъ своихъ супротивниковъ, что долго будетъ неповадно итти ему наперекоръ. Одна надежда на то, что царю скоро надоѣстъ его опека. Ужъ есть на то признаки: онъ ластится къ теткѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ, не выказываетъ ни малѣйшей любви къ невѣстѣ, дочери Меншикова, которая на дѣлхъ четыре года его старше и день ото дня, все больше и больше, привязывается къ князю Ивану Долгорукову...

— Къ сыну князя Алексѣя? Да вѣдь это злѣйшіе враги Меншикова!—удивился Бутягинъ.—А какъ цесаревна ко всему этому относится? Лизавета Касимовна все при ней?

— При ней и очень ею любима. Отъ Лизаветы-то я и знаю все, что тебѣ рассказываю,—отвѣчала Авдотья Петровна.

— Когда же ты ее видѣла? Приѣзжала развѣ она въ Москву?

— Приѣзжала, чтобъ насъ провѣдать. Всего только недѣльку у насъ пожила. Цесаревна такъ ее возлюбила, что дня безъ нея прожить не можетъ. Насилу отпустила съ сыномъ повидаться. Всѣ свои тайны она нашей Лизаветкѣ понѣряетъ и иначе, какъ тезкой, не зоветъ. Простая она и до простого народа ласковая. Какими графами да князьями окружена, а ни съ кѣмъ не дружитъ изъ знати, все больше ее къ простому народу тянетъ. А ужъ какъ Москву любитъ, страсть! Какъ была рѣчь на царскій престолъ ее посадить, первыми ея словами были: «надо въ Москву столицу перенести изъ проклятаго болота». Царенокъ тоже въ Москву рвется, а ужъ особливо теперь, когда царицу Евдокію сюда перевезли. И царевна Наталья Алексѣевна пишетъ бабушкѣ, что оба они съ братцемъ за великое счастье для себя почтутъ въ Москву къ бабушкѣ приѣхать. Да вогъ бѣда: Меншиковъ не пускаетъ. И ничего-то они противъ него не могутъ подѣлать, такую забралъ власть надъ всѣми, никто пикнуть передъ нимъ не смѣетъ. А ужъ царь съ сестрой, точно изъ гнѣзда выброшенные птенчики, такіе безпомощные да жалкіе! Онъ и цесаревну такъ скрутилъ, что безъ его позволенія никуда и двинуться не смѣетъ. Приказала намъ съ Филиппушкой кланяться и за Лизаветку благодарить, подарки намъ прислала, Филиппушкѣ золоченую серебряную чарочку да бархату алаго на кафтанчикъ, а мнѣ стеганный изъ китайскаго шелка шушунчикъ. Да мнѣ не подарки ея дороги, а память. Ты не повѣришь, какъ ее у насъ въ Москвѣ любятъ!

— Ее и въ Малороссіи любятъ,—замѣтилъ Ермилычъ, вспомянувъ свое послѣднее свиданіе съ Алешкой Розумошъ.—Не погубилъ бы только ее нашъ общій врагъ.

— Многіе этого боятся, да Лизаветка говоритъ, что ее уберугъ. Нѣтъ человѣка въ ея дворцѣ, который бы ея не обожалъ и съ радостью не отдалъ бы за нее жизнь. Много она намъ про нее рассказывала, какая она до несчастныхъ жалостливая, изъ послѣд-

няго бѣднымъ помогаетъ, унимать ее надо: такая щедрая. И всегда веселая да со всѣми ласковая. Другая на ея мѣстѣ убивалась бы, когда ее происками Меншикова престоломъ-то обошли, а она и виду не подаетъ, какъ ей это прискорбно. Съ царемъ-то и съ его сестрой она и раньше была въ дружбѣ, а ужъ теперь онъ въ ней души не чае, и праздникъ у него не праздникъ, когда красавицы тетушки въ его покояхъ нѣтъ... Меншиковъ вѣдь его въ свой домъ перевезъ...

— Это еще зачѣмъ?

— А зачѣмъ, чтобъ его изъ рукъ не выпускать, и чтобъ онъ у него завсегда былъ на глазахъ. Цесаревны, съ царемъ ни минутки одной не оставляютъ: какъ пріѣдетъ племянника провѣдать такъ сейчасъ и являются соглядатаи отъ свѣтлѣйшаго... А она все-таки къ нему ѣздитъ и къ себѣ его приглашаетъ, разныя забавы для него устраиваетъ и со всѣми одинаково привѣтлива и любезна, какъ съ друзьями, такъ и съ недругами...

— Умна, значить. А насчетъ того, чтобы жениха ей подходящаго найти между иностранными принцами, ничего не слыхать?

— Про это ей никто и заикнуться не смѣетъ: всѣ знаютъ, что она за иностранца не выйдетъ. Волю она теперь, видать, себѣ забираетъ.

— Это въ какомъ же смыслѣ?

— Всячески. Вытребовала себѣ больше содержанія, слугъ своихъ отстаиваетъ, повыгнала тѣхъ, которыхъ не влюбила, и другихъ понабрала. И всѣхъ, за кого стоитъ Меншиковъ, отмечаетъ.

— Это хорошо.

— Молода она, Ермилычъ, и красоты неопсанной, а кровь-то въ ней отцовская, а онъ, самъ знаешь, какой былъ грѣховодникъ въ любовныхъ дѣлахъ.

— Неужтожъ фаворита себѣ заведетъ?—съ тревогой спросилъ старикъ.

— Ужъ есть такой.

— Изъ нѣмцевъ?—съ возрастающимъ волненіемъ продолжалъ свой допросъ Ермилычъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, терпѣть не можетъ нѣмцевъ, въ этомъ она на отца вовсе не похожа, — поспѣшила успокоить его Авдотья Петровна. — Полюбился ей кавалеръ изъ знати, Бутурлинъ, Александръ Борисычъ, красавецъ, говорятъ, изъ пріятелей Шуваловыхъ, а ближайшей боярыней, гофмейстериной по-ихнему, Шувалова, Мавра Егоровна.

— Слава Богу, что хоть не нѣмцы.

— А что за человекъ этотъ Бутурлинъ, не говорила тебѣ Лизавета?

— Она его хвалить, не дебоширъ и не дуракъ, а ужъ влюбленъ въ нее страсть какъ! Да и какъ ея не любить, такой красавицы, умницы да привѣтливой?

— Что онъ-то въ нее влюбленъ, это еще съ полгоря, она бы только ума не растеряла изъ-за него. Ей на другое надо себя беречь.

— И я тоже Лизаветѣ сказала, но она успокаиваетъ: не замѣтно, чтобъ ужъ до потери разума она имъ увлекалась, такъ, отъ бездѣлья, и потому, что кровь въ ней играетъ, развлечься захотѣлось послѣ обиды...

— И Праксинъ такъ думаетъ, какъ жена, что восшествіе на престолъ сына царевича Алексѣя—обида для русскаго народа?—сердито сдвигая брови, спросилъ старикъ.

— Сейчасъ все это отъ Ветлова узнаешь... Засталь, что ли, Ивана Васильевича? сказалъ ему, какой у насъ дорогой гость, и чтобъ скорѣе шель къ намъ съ нимъ повидаться?—оборвала она свою рѣчь на полусловѣ, чтобъ обратиться къ появившемуся въ дверяхъ стройному, красивому десятилѣтнему мальчику, въ которомъ, по сходству съ матерью, съ перваго взгляда можно было узнать Филиппа Праксина.

— Сейчасъ идетъ,—отвѣчалъ мальчикъ, присаживаясь въ уголокъ на стулъ.

— Такъ ступай въ кухню, голубчикъ, и распорядись, чтобы намъ скорѣе готовили ужинать. Нашъ гость увѣзжать въ Петербургъ торопится,—приказала ему Авдотья Петровна, которой не хотѣлось, чтобы онъ слышалъ то, что она имѣла передать своему пріятелю.

Мальчикъ медленно и неохотно исполнилъ приказаніе.

— Любопытный, все-то ему бы хотѣлось знать, все-то спрашиваетъ и не по лѣтамъ понятливъ,—проговорила Авдотья Петровна, дождавшись, чтобъ любимецъ ея покинулъ сосѣднюю комнату.—Охъ, не дождусь я, чтобъ родители его прежнею жизнью зажили и сняли бы съ меня, старой и больной, обузу воспитывать мальчугана. И какъ подумаешь, охота все бросить — и ребенка и хозяйство на чужія руки, чтобъ въ такомъ аду кромѣшномъ, какъ царскіе дворы, жить, каждый день, каждую минуту смертельной опасности подвергаться! Все тамъ на жи да на подвохахъ живетъ и дышитъ, тѣмъ только и заняты, что клеветать другъ на друга да другъ друга на ключья рвать! Какъ Дивьеровское-то дѣло поднялось, какъ мы за Лизаветку дрожали! Слава Богу, миновала гроза, а теперь, можетъ быть, другая находитъ и съ такой стороны, откуда ея и не ждешь. Сколько темнаго люда съ такими тузами, какъ Дивьеръ да Писаревъ-Скорняковъ, погибло, про то только одни близкіе этихъ несчастныхъ знаютъ! Долго ли запутать совѣмъ невиннаго человѣка? Теперь округъ молодого-то царя какихъ только людишекъ не увивается, который изъ Меншиковской, который изъ Долгоруковской своры, и всѣ на ножахъ, разумѣется, потому что каждый отъ своего благодѣтеля благопо-

лучія ждеть... Вѣдь такихъ-то, какъ наши Праксины, которые царю ради родины служатъ, развѣ много? У всѣхъ они тамъ, поди, чай, какъ бѣльмо на глазу. Царь къ Петру Филипповичу такъ милостивъ, что самъ князь Александръ Даниловичъ ему сталъ завидовать, и по всему видать, что только ищетъ случая его удалить. Я говорю ему: «да ты бы самъ ушелъ?»—«Не время, говорить, теперь. Не для того я къ нему поступилъ на службу, чтобъ въ самое опасное время его покидать». Вотъ и толкуй съ нимъ послѣ этого!

— А Ветловъ зачѣмъ сюда пріѣхалъ? Не время, кажись, среди дѣта хозяйство бросать.

— Изъ Петербурга онъ по какимъ-то дѣламъ къ нашему Петру Филипповичу ѣздилъ. Онъ таперича только и дѣлаеть, что изъ лѣсу въ Петербургъ ѣздитъ, а оттуда на Праксинскій подмосковный хуторъ и всегда у меня останавливается, во флигелькѣ, что я въ саду выстроила. Сегодня онъ съ ранняго утра ушелъ къ боярину Угрюмову, который вчера за нимъ посылалъ. Къ Угрюмову деверь изъ Петербурга съ вѣстями пріѣхалъ, вотъ онъ, прослышавъ, что Иванъ Васильевичъ здѣсь проѣздомъ, и послалъ его просить къ себѣ на цѣлый день. Дочка у него невѣста, спятъ и видать за Ветлова ее отдать. Дѣвушка хорошая, умная, красивая, и приданое богатое. Ты бы замолвилъ ему о ней словечко, Петръ Ермильчъ. Мнѣ неудобно въ это дѣло ввязываться, съ самой Угрюмовой мы давнишнія пріятельницы, боюсь, чтобъ не стали на меня пенять, если да сватовство не удастся. А хорошо бы ему жениться, ну, что онъ тамъ въ лѣсу-то, какъ сычъ, все одинъ да одинъ, того и гляди, отъ скуки съ какой нибудь непутевой спутается, да, Боже сохрани, дѣти найдуть...

— Понятно, что если ужъ кому ~~сватовать~~ жениться, такъ ему,—согласился Бутягинъ.

— Ну, вотъ, ты его и наведи на мысль, что Угрюмовы не прочь бы его въ зятя принять... А вотъ и онъ! Легокъ на поминъ!

Вошелъ Ветловъ и, поздоровавшись съ своимъ старымъ другомъ и благодѣтелемъ, тотчасъ заговорилъ про новости, привезенныя Угрюмовскимъ деверемъ изъ Петербурга. Было что рассказать: Меншиковъ совсѣмъ забралъ царенка въ руки, перевезъ его въ свой домъ на Васильевскій островъ, всѣхъ преданныхъ ему слугъ отставилъ и окружилъ своими клеветами, Маврина въ Сибирь сослалъ ни за что ни про что, а замѣсто его приставилъ наставникомъ къ царю графа Остермана, и Долгорукіе только руки себѣ потираютъ, глядячи, какъ пирожникъ зарывается. Дочь съ царемъ обручилъ и приказъ издалъ, чтобъ на ектеи ее, какъ царскую обрученную невѣсту, поминали. Такъ онъ, проклятый проходимецъ, царя-отрока стѣснилъ, что дохнуть не даетъ. И за

цесаревной строгій надзоръ учиненъ. Лизавета Касимовна мнѣ сказывала, что приказано князю каждый разъ заранѣе доносить, когда цесаревна соберется ѣхать къ царю, либо онъ самъ въ царскіе покои является...

— Все это я ужъ отъ Авдотьи Петровны слышалъ, а ты мнѣ про царя-то скажи, какія на него могутъ быть у русскаго народа надежды! Найдемъ ли мы въ немъ блюстителя русскаго духа и защитника православной вѣры? Вотъ что мнѣ надо знать повѣрнѣе,—не безъ раздраженія прервалъ его Ермилычъ.—Понимаешь?

— Какъ не понимать, Ѳеодоръ Ермилычъ? Не ты одинъ задаешь этого вопросъ, да отвѣтить-то на него врядъ ли кто возьмется, вотъ что. Младенецъ онъ, двѣнадцати годочковъ ему еще нѣтъ, ребенокъ, можно сказать, и мысли у него ребячьи,—что же можетъ онъ понимать? Что ни говори ему, со всѣмъ соглашается и обѣщаетъ со слезами все такъ сдѣлать, какъ ему совѣтуютъ, и, можетъ, сдѣлаетъ, когда придетъ въ настоящій разумъ, а только долго до этого ждать, Ѳеодоръ Ермилычъ? Знаешь пословицу: поколь солнышко не взойдетъ, роса глаза выѣстъ. А будутъ ли этой поганой росой Меншиковы или Долгорукие, для насъ все единственно.

— Долгоруковы? Да нешто ужъ похоже, чтобъ они силу забрали?

— Такъ похоже, что каждый день надо переворота ждать. Не отъ царя, конечно, а отъ самого Алексѣя Григорьевича да отъ сына его, Ивана, у котораго царь больше въ рукахъ, чѣмъ у Меншикова. У насъ на престолѣ своенравный ребенокъ, у котораго, кромѣ игрушекъ да забавъ, ничего нѣтъ на умѣ. Ѳеодоръ Ермилычъ, — продолжалъ онъ, понижая голосъ, чтобы не быть услышаннымъ изъ сосѣдней комнаты людьми, готовившими ужинъ,— вотъ самъ все увидишь, когда пріѣдешь въ Петербургъ. И поймешь тогда, почему мы все больше и больше о цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ помышляемъ. Ей скоро двадцать лѣтъ минетъ, и нравъ свой, какъ и пристрастіе ко всему русскому, она достаточно проявила, чтобъ намъ знать, чего отъ нея ждать...

— Вы, значить, сына Алексѣя желали бы отстранить отъ престола?

Отвѣта не послѣдовало, и наступило молчаніе.

— За что вамъ Долгорукие не полюбились? Родовитые бояре, родинѣ достаточно послужили, даже Петру не сдавались. Чѣмъ они вамъ не угодили? — возобновилъ послѣ минутнаго размышленія Ермилычъ прерванный разговоръ.

— Что же мнѣ тебѣ доказывать, Ѳеодоръ Ермилычъ? Я—человѣкъ молодой и неопытный, мнѣ тебя не учить, вотъ ты будешь тамъ и со стариками поговоришь, они тебѣ сумѣютъ лучше меня все объяснить и про честолюбіе Долгорукихъ, и про ихъ алчность и про гордость, все, все ты тамъ узнаешь.

— Все-таки русскій вельможа,—замѣтилъ Бутягинъ.

На это Ветловъ промолчалъ, и только по угрюмому выраженію его лица можно было догадаться, какъ мало утѣшаетъ его упованіе Ѳедора Ермиловича на русское происхожденіе новаго временщика.

— Ну, что Богъ дастъ,—продолжалъ Бутягинъ, возобновляя послѣ довольно продолжительнаго перерыва разговоръ, — все въ Его святой волѣ, а намъ надо только Ему молиться, чтобъ, какими вѣдастъ путями, спасъ Россію! О себѣ ужъ заботиться даже грѣшно при тѣхъ бѣдствіяхъ, что грозятъ родинѣ... Ты куда же, Иванъ Васильевичъ, отсюда путь держишь?

— Петръ Филипповичъ велѣлъ на его хуторъ съѣздить, чтобъ дѣло кончить съ покупщикомъ, который на него объявился. Побываю, значитъ, тамъ, можетъ, недѣлку, а, можетъ, и дольше, какъ Богъ дастъ, а оттуда опять черезъ Москву въ лѣсъ. Тамъ дѣло изрядно обставилось, сбытъ лѣса, можно сказать, безостановочный. Жизнь тамъ кипитъ во всю, Ѳедоръ Ермилычъ, и какая жизнь-то: совсѣмъ Вожья! Тамъ настоящая Россія,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ.—Никто намъ не мѣшаетъ по древне-русскимъ свѣчаемъ и обычаямъ жить и Богу молиться, все дѣлаемъ сообща, съ Богомъ и совѣтъ зачинаемъ, съ Нимъ и кончаемъ...

— Это съ бѣглыми-то да съ разбойниками?—усмѣхнулся Ермилычъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ, и глаза его загорѣлись.

— Да, Ѳедоръ Ермилычъ, съ бѣглыми и, пожалуй, съ разбойниками. Есть у насъ промежъ сосѣдей и такіе, у которыхъ руки въ человѣческой крови обогрѣны, это что говорить, что правда, то правда, и все-таки скажу я вамъ, положи руку на сердце, что чище они душой здѣшнихъ воротилъ, и, невзирая на ихъ злодѣянія, духъ въ нихъ еще не угасъ, какъ у здѣшнихъ, и понимаютъ они святую Русь и Бога куда лучше многихъ изъ питерскихъ пресвитеровъ и самого митрополита... У нихъ совѣсть есть, Ѳедоръ Ермилычъ, и на совѣсть ихъ можно положиться, а найди-ка ты мнѣ хоть одного изъ вельможъ, что окружаютъ теперь престолъ, съ совѣстью? Ни одного не найдешь, потому что тѣхъ, которые ея не растеряли, давно казнили или сослали, или сами отъ грѣха въ-время удалились...

— Къ вамъ, что ли?—продолжалъ поддразнивать его старикъ.

— Можетъ, и къ намъ, а, можетъ, туда, куда ты самъ ушелъ, тебѣ, Ѳедоръ Ермилычъ, лучше знать, вѣдь имена-то ихъ, тѣхъ, что съ батюшкой моимъ пострадали, я отъ тебя узналъ, и, окромя тебя, научить меня уму-разуму некому было,—возразилъ не безъ горечи молодой человѣкъ.

Дворянинъ Василій Ветловъ былъ изъ первыхъ, казенныхъ Петромъ за сопротивленіе его нововведеніямъ. Онъ со многими

другими отказался присягать по новой присягѣ, установленной царемъ, считая ее несогласной съ заповѣдью Спасителя. Жена его вскорѣ послѣ него умерла отъ страха и печали, поручивъ младенца-сына добрымъ людямъ, въ числѣ которыхъ былъ Бутягинъ, заботившійся о сиротѣ, какъ о родномъ ребенкѣ.

Напоминаніе объ этой катастрофѣ тронуло старика и, чтобъ загладить впечатлѣніе неумѣстной шутки, разбередившей сердечную рану Ветлова, онъ свернулъ разговоръ на дочку общаго ихъ пріятеля, Угрюмова, и, расхваливъ ея умъ, трудолюбіе, кроткіи характеръ и красоту, предложилъ Ивану Васильевичу ему ее сватать.

— Чѣмъ бобылемъ-то въ лѣсу жить, обзавелся бы семьей. Угрюмова—самая для тебя подходящая подруга жизни, скромна и умна, въ какую хочешь трущобу ее завези, нигдѣ не соскучишься, вездѣ себѣ дѣло найдетъ. Родители ея тебя знаютъ и уважаютъ, откажа ждать нечего...

Но лицо его слушателя все больше и больше омрачалось, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, и, наконецъ, не вытерпѣвъ, Ветловъ его прервалъ просьбой бросить и думать про это дѣло.

— Не до свадебъ теперь русскимъ людямъ,—угрюмо замѣтилъ онъ.—На самомъ краю пропасти, можно сказать, стоимъ. Истинно послѣднія времена настали. Ты гдѣ же въ Петербургѣ думаешь пристать, Ѳеодоръ Ермилычъ?—круто перемѣнилъ онъ непріятный для него разговоръ, не ожидая дальнѣйшихъ возраженій отъ своего собесѣдника.

— Въ Невскомъ монастырѣ. Тамъ у меня живутъ знакомые монахи, авось не выгонятъ, дадутъ пріютиться въ какой нибудь пустующей келейкѣ.

— Вотъ это хорошо ты придумалъ. Тебѣ въ монастырь и вызвать Петра Филипповича будетъ сподручнѣе, чѣмъ въ другое мѣсто. Они тамъ, во дворцѣ-то, вѣдь тоже въ родѣ, какъ въ монастырѣ, за каждымъ ихъ шагомъ слѣдятъ, чтобъ знать, куда ходятъ, и кто да кто къ нимъ приходитъ. Въ монастырь-то и Лизавета Касимовна завсегда можетъ отпроситься, подъ видомъ святыхъ мощамъ поклониться, я и самъ такимъ манеромъ съ ними видѣлся. Оба просили къ нимъ не приходять.

— Это до поры, до времени. Будутъ другія птицы, будутъ и другія пѣсни.

— Охъ, боюсь я, Ѳеодоръ Ермилычъ, чтобъ и при другихъ птицахъ пѣсни не остались все тѣ же!

И, оглянувшись по сторонамъ, чтобъ убѣдиться, что никто ихъ слышать не можетъ, и что Авдотья Петровна не скоро вернется изъ буфетной, гдѣ подъ ея наблюденіемъ заготовляли подорожники для уѣзжавшаго въ ту ночь гостя, онъ прибавилъ, таинственно понижая голосъ:

— Вѣдь и Долгорукій норовить свою дочь, Катерину, за царя сватать.

— Да неужтожь?! — вскричалъ Бутягинъ. — Вѣдь она еще старше царя, чѣмъ Меншиковская Марья!

— На цѣлыхъ шесть лѣтъ, и, къ тому же, съ французомъ однимъ, посольскимъ, давно въ амурныхъ лазуканіяхъ упражняется, а ужъ нравомъ такая строптивая да гордая, что царь ее, говорятъ, крѣпко побаивается. Вотъ какую непутевую дѣвку намъ норовятъ въ царицы навязать!

— Да, можетъ, это враки?

— Были бы враки, развѣ бы я себѣ позволить пустыми слухами тебя безпокоить, Ѳедоръ Филипповичъ? — возразилъ со вздохомъ Ветловъ. — Отъ самихъ Праксинныхъ слышалъ.

— Тамъ ужъ, значить, всѣмъ это извѣстно?

— Не всѣмъ: до поры, до времени таятся, вѣдь еще Меншиковъ-то въ силѣ. Пользуются таперича его болѣзнью, чтобъ царю глаза открыть на его мошенническія продѣлки, и во дворцѣ цесаревны, и на половинѣ великой княжны Натальи Алексѣевны только и разговоры, что о его лукавости.

— И что же царь?

— Эхъ, Ѳедоръ Ермилычъ, царенокъ нашъ такими людишками окруженъ — одинъ срамъ! Понабралъ ему дворъ Меншиковъ, нечего сказать! Одинъ только нашъ Петръ Филипповичъ съ душой, настоящій человекъ и православный христіанинъ, остальные хуже собакъ, право! У каждого только одно и есть на умѣ: побольше себѣ и своимъ урвать, да посильнѣе протекторовъ себѣ пріобрѣсти; совсѣмъ бездушные люди, ни сердца у нихъ, ни совѣсти, хуже вѣмцевъ. И гдѣ только такіе отыскались, откуда взялись? Дивиться только надо.

— Куда хорошіе-то люди дѣвались? Вотъ ты лучше что спроси, — угрюмо замѣтилъ Бутягинъ. — Такой именитый бояринъ, какъ Алексѣй Долгорукій, стариннаго русскаго корня, а больше о себѣ да о своей роднѣ заботится, чѣмъ о царскомъ благополучіи да о государственной пользѣ! Эхъ, Петръ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ! Испакостилъ ты нашихъ родовитыхъ бояръ! Такихъ ты дѣловъ понадѣлалъ, что безъ помощи Божіей не выпутаться намъ изъ смраднаго болота жи и разврата, въ которомъ мы по уши, по твоей милости, завязли!

— Чудесь Господь теперь больше не являетъ, — со вздохомъ, замѣтилъ Ветловъ.

— Не моги этого думать, сынокъ! — вскричалъ съ жаромъ старикъ. — Ты прежде постранствуй, какъ я, по всей Россіи да поживи вездѣ съ русскими людьми, тогда и увидишь, что не въ одномъ твоёмъ лѣсу живетъ православный народъ, да не одни только опальные да бѣгле, которыхъ злая судьба къ Спасителю

пригоняетъ, а такіе, которые за православную вѣру споконъ вѣка ведутъ борьбу и съ хитрыми поляками, и съ злыми турками, и со всякими нехристями. Поѣзжай на тихій Донъ къ казакамъ, за Кіевъ, на Уралъ, вездѣ найдешь людей, пострадавшихъ за вѣру и понимающихъ ее такъ, какъ мы съ тобой ее понимаемъ. Имъ одно только нужно отъ русскаго царя, чтобъ былъ православный, какъ великій князь Александръ Невскій, какъ царь Алексѣй Михайловичъ, да чтобъ Россію свою превыше всего любилъ, все отъ такого снесутъ и съ радостью за него умрутъ. А до всего прочаго имъ дѣла нѣтъ. Золь, жестокъ, несправедливъ, отъ природы мучитель, какимъ былъ царь Иванъ, грознымъ прозванный, ничего, значить, такъ Богу было угодно, надо терпѣть. И терпятъ, не рошцуть и ни на чьи улещиванія не поддаются. А отшатнись царь отъ православія, ужъ онъ намъ больше не царь, нѣтъ у насъ больше къ нему ни любви, ни уваженія, ни преданности, и терпимъ его потому только, что сила солону ломитъ. Такъ было съ Петромъ. Антихристомъ онъ слыветъ у настоящихъ русскихъ людей, а гласъ народа—гласъ Божій. Жена его хотя и чужеземка, но врагомъ православія, какъ онъ, себя не проявляла, и выносили власть ея безъ радости, правда, но съ терпѣніемъ и все сваливали на Меншикова, отъ котораго ждали, что онъ, какъ русскій человекъ, будетъ поправлять злодѣйства Петра, а онъ замѣсто того только о своей собственной шкурѣ заботился и до того обнаглѣлъ, что задумалъ царя на своемъ отродѣ женить! Вотъ и обрадуется вся Русь его погибели. Надо въ самый корень причинъ смотрѣть, тогда и послѣдствія будутъ ясны, какъ Божій день. Пуще всего русскій народъ ненавидитъ наглость. Не сдобровать и Долгорукову, если до потери разума обнаглѣетъ, вотъ помани мое слово!

— И Петръ Филипповичъ говоритъ то же, что и ты,—замѣтилъ Ветловъ.

— Всѣ русскіе люди такъ думаютъ и говорятъ,—сказалъ его старый другъ.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ¹⁾.

(1729 — 1751).

II.

ВРЕЗЪ нѣсколько дней послѣ переѣзда въ Лѣтній дворецъ начали говорить о приготовленіяхъ къ моей свадьбѣ. Дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ мы всѣ были больше вмѣстѣ, нежели въ городѣ. Императрица и великій князь занимали верхъ дома, построеннаго Петромъ I; матушка и я жили внизу, въ комнатахъ, принадлежавшихъ великому князю. Мы каждый день обѣдали съ нимъ вмѣстѣ въ палаткѣ, на открытой галлерей, пристроенной къ его комнатамъ; ужиналъ онъ у насъ. Императрицы часто не было: она уѣзжала въ разныя деревни свои. Мы много гуляли — пѣшкомъ, верхомъ и въ коляскѣ. Тутъ для меня стало ясно, какъ день, что всѣ приближенные великаго князя, и въ томъ числѣ его воспитатели, не пользовались вовсе его уваженіемъ и утратили надъ нимъ всякую власть. Военныя забавы, которымъ онъ до сихъ поръ предавался тайкомъ, производились теперь чуть ли не въ ихъ присутствіи. Графъ Брюмеръ и другой главный воспитатель бывали при немъ только въ публикѣ, составляя его свиту. Все остальное время онъ проводилъ исключительно въ обществѣ лакеевъ и пре-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СIII, стр. 47.

давался ребячеству, удивительному для его возраста, именно игралъ въ куклы. Матушка, пользуясь отсутствіемъ императрицы, уѣзжала на ужины въ окрестныя деревни, всего чаще къ принцу и принцессѣ Гессенъ-Гомбургскимъ. Моя комната прямо выходила въ садъ, такъ что стоило отворить дверь, чтобъ быть въ саду. Однажды вечеромъ матушки не было дома (она уѣхала верхомъ въ гости), и я послѣ ужина захотѣла воспользоваться прекрасною погодою и предложила моимъ женщинамъ и тремъ моимъ фрейлинамъ прогуляться по саду. Уговорить ихъ вовсе было не трудно. Насъ собралось восьмеро, мой камердинеръ былъ девятый, и за нами шли еще два лакея. Мы гуляли до полночи невиннѣйшимъ образомъ. Когда матушка возвратилась, мамзель Шенкъ, отказавшаяся гулять съ нами и осуждавшая нашу прогулку, тотчасъ же побѣжала къ ней и сказала, что я ушла гулять, несмотря на то, что она меня отговаривала. Матушка легла спать, и когда я возвратилась съ моей свитою, мамзель Шенкъ торжественно возвѣстила мнѣ, что матушка два раза присылала спрашивать, возвратилась ли я, и хотѣла меня видѣть, но, за позднимъ временемъ и уставши дожидаться меня, легла почивать. Я тотчасъ побѣжала къ ней, но дверь была уже заперта. Я говорила мамзель Шенкъ, зачѣмъ она меня не кликнула; она увѣряла, что не могла насъ отыскать, но все это было сдѣлано, чтобы только досадить мнѣ и побранить меня. Я хорошо это чувствовала и легла въ постель съ большимъ безпокойствомъ. На другой день, только что проснувшись, я поспѣшила къ матушкѣ и нашла ее еще въ постели. Я хотѣла подойти и поцѣловать у нея руку, но она съ гнѣвомъ не допустила меня до себя и начала страшно бранить меня, какъ я смѣла гулять въ саду безъ ея позволенія. Я отвѣчала, что ея не было тогда дома. Она говорила, что въ это время гулять неприлично, и прибирала еще разнаго рода упреки, вѣроятно, для того, чтобы отнять у меня охоту къ ночнымъ прогулкамъ; тѣмъ не менѣе, если и можно было назвать эту прогулку неблагоразумною, то во всякомъ случаѣ она была самымъ невиннымъ дѣломъ. Но всего больше меня огорчало ея обвиненіе, будто мы ходили на верхъ, въ комнаты великаго князя. Я назвала это вопіющею клеветою, послѣ чего она такъ разсердилась, что, казалось, выходила изъ себя. Чтобы укротить ея гнѣвъ, я поскорѣе стала на колѣни, но она говорила, что я разыгрываю комедію изъ своей покорности, и прогнала меня отъ себя. Со слезами возвратилась я въ мою комнату. Обѣдать мы пошли на верхъ къ великому князю. Матушка все еще была очень сердита. Великій князь, видя мои красныя глаза, спросилъ, чтѣ со мною, и я ему рассказала всю правду. На этотъ разъ онъ принялъ мою сторону и обвинялъ матушку въ капризахъ и раздражительности. Я просила его, чтобъ онъ ни слова не говорилъ ей; онъ послушался, и гнѣвъ матушкинъ понемногу

прошелъ, но она продолжала обращаться со мною очень сухо. Изъ Петергофа въ исходѣ іюля мы переѣхали назадъ въ городъ, гдѣ все готовилось торжествовать нашу свадьбу.

Наконецъ императрица назначила быть свадьбѣ 21 августа. По мѣрѣ того, какъ приближался этотъ день, меланхолія все болѣе и болѣе овладѣвала мною. Сердце не предвѣщало мнѣ счастья; одно честолюбіе меня поддерживало. Въ глубинѣ души моей было, не знаю, что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мнѣ сомнѣнія, что рано или поздно я добьюсь того, что сдѣлаюсь самодержавною русскою императрицею. Свадьба была отпразднована съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. Наканунѣ я встрѣтила въ моихъ комнатахъ мадамъ Крузе, сестру императрицыной первой камерфрау; императрица опредѣлила ее ко мнѣ въ первыя камерфрау. На другой же день я замѣтила, что она приводила въ отчаяніе всѣхъ остальныхъ моихъ женщинъ; я по обыкновенію подошла было къ одной изъ нихъ, но она мнѣ сказала: «ради Бога, не подходите ко мнѣ, намъ запрещено говорить съ вами вполголоса». Съ другой стороны, любезный супругъ мой рѣшительно не занимался мною, но все время проводилъ съ своими лакеями, играя въ солдаты, экзерцируя ихъ въ своей комнатѣ, или перемѣняя мундиры по двадцати разъ на день. Я скучала и зѣвала; мнѣ не съ кѣмъ было сказать слова; либо же я должна была разыгрывать великую княгиню. На третій день свадьбы, въ день роздыха, графиня Румянцева увѣдомила меня, что императрица оставила ее отъ меня, и что она переѣзжаетъ въ свой домъ къ мужу и дѣтямъ. Я не очень сожалѣла о ней, потому что черезъ нее выходило много сплетней.

Свадебные праздники продолжались десять дней. Затѣмъ мы съ великимъ княземъ переселились въ Лѣтній дворецъ, гдѣ жила императрица. Въ это же время стали говорить объ отъѣздѣ матушки, съ которою со времени моего замужества я уже не видалась ежедневно, и которая съ той поры стала обращаться со мною гораздо мягче. Въ исходѣ сентября она уѣхала; великій князь и я провожали ее до Краснаго Села. Ея отъѣздъ искренно огорчилъ меня, и я много плакала. Простившись съ нею, мы поѣхали назадъ въ городъ. Воротившись во дворецъ, я велѣла позвать дѣвицу Юкову; мнѣ отвѣчали, что она отправилась навѣстить больную мать свою. На другой день я опять спросила о ней; женщины мои отвѣчали мнѣ то же. Въ этотъ день, около полудня, императрица съ великимъ торжествомъ переселилась изъ Лѣтняго дворца въ Зимній; мы слѣдовали за нею въ ея покои. Дошедши до парадной спальни своей, она остановилась, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ стала говорить объ отъѣздѣ моей матушки и, по видимому, милостиво приказывала мнѣ, чтобы я перестала горевать о ней. Но какъ же я была изумлена, когда вслѣдъ за тѣмъ, въ

присутствіи тридцати человекъ, она мнѣ объявила, что Юкова взята отъ меня по просьбѣ матушки, которая опасалась, чтобы я не пристрастилась черезчуръ къ этой дѣвушкѣ, вовсе того не заслуживающей; и при этомъ императрица говорила о бѣдной Юковой съ замѣтнымъ раздраженіемъ. Сказать правду, эта сцена вовсе не была для меня ни убѣдительна, ни поучительна; но меня глубоко печалила судьба Юковой, которую удалили отъ двора единственно потому, что я любила ее больше другихъ моихъ женщинъ за ея общительный нравъ. Зачѣмъ же опредѣлили ее ко мнѣ,—говорила я сама себѣ,—если она не заслужила того? Матушка не могла ее знать, не могла даже говорить съ нею, потому что не знала по-русски, а Юкова не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ; матушка не могла имѣть съ ней никакихъ сношеній иначе, какъ чрезъ глупую мамзель Шенкъ, которая была почти вовсе безъ здраваго смысла. Юкова терпитъ за меня, ergo не слѣдуетъ оставлять ее въ ея несчастіи, причина котораго заключается единственно въ моемъ расположеніи къ ней. Я никогда не могла узнать навѣрное, въ самомъ ли дѣлѣ матушка просила императрицу удалить отъ меня эту дѣвушку; если это было такъ, то матушка предпочла насильственные мѣры мѣрамъ кроткимъ, потому что она никогда ничего не говорила мнѣ о Юковой, между тѣмъ какъ стоило ей сказать одно слово, и я, по крайней мѣрѣ, стала бы остерегаться этой привязанности, хотя совершенно невинной. Впрочемъ, съ другой стороны, императрица также могла бы поступить не столь рѣзкимъ образомъ. Юкова была молода, стоило бы сыскать ей приличную партію, что было бы очень легко. Въмѣсто того, съ нею поступили, какъ я рассказала выше.

Откланявшись императрицѣ, мы съ великимъ княземъ пошли въ свои комнаты. Дорогою я замѣтила, что онъ заранѣе зналъ отъ своей тетушки о томъ, что она мнѣ теперь объявила. Я ему передала свое неудовольствіе и объяснила, что эта дѣвушка потерпѣла несчастіе единственно изъ-за того, что возымѣли подозрѣніе, будто я къ ней пристрастилась, и что такъ какъ она терпитъ изъ любви ко мнѣ, то я считаю себя въ правѣ не покидать ее, по крайней мѣрѣ, насколько это зависитъ отъ меня. Дѣйствительно я тотчасъ же послала ей денегъ черезъ моего камердинера, но онъ мнѣ сказалъ, что она уже уѣхала съ матерью и сестрою въ Москву. Я приказала передать ей деньги черезъ брата, служившаго сержантомъ въ гвардіи. Мнѣ сказали, что ему также и женѣ его велѣно ѣхать, и что его перевели офицеромъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Въ то время я никакъ не могла объяснить себѣ, какая была всему этому причина; мнѣ казалось, что тутъ вло дѣлали даромъ, по капризу, безъ малѣйшей причины и даже безъ предлога. Но дѣло не остановилось на этомъ. Посредствомъ моего камердинера и другихъ людей моихъ я старалась сыскать для

Юковой приличную партію; мнѣ предложили одного гвардейскаго сержанта Травина, дворянина съ состояніемъ. Онъ поѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы жениться на ней, если понравится ей, и дѣйствительно женился. Его сдѣлали капитаномъ въ одномъ армейскомъ полку. Какъ скоро императрица узнала объ этомъ, она сослала ихъ въ Астрахань. Трудно понять, что была за цѣль этого преслѣдованія.

Въ Зимнемъ дворцѣ мы съ великимъ княземъ жили въ отвѣденныхъ намъ покояхъ. Комнаты великаго князя отдѣлялись отъ моихъ огромною лѣстницею, которая вела также въ покои императрицы. Чтобы ему прійти ко мнѣ, или мнѣ къ нему, надо было пройти часть этой лѣстницы, что, разумѣется, было не совсѣмъ удобно, а особливо зимою. Тѣмъ не менѣе мы съ нимъ по нѣскольку разъ въ день совершали это путешествіе. По вечерамъ я приходила въ его переднюю комнату играть съ оберъ-камергеромъ Берхгольцемъ, а великій князь въ другой комнатѣ дурачился съ своими кавалерами. Моя игра на бильярдѣ прекратилась съ отъѣздомъ господъ Брюмера и Берхгольца, которыхъ императрица уволела отъ великаго князя въ исходѣ зимы 1746 г.

Въ эту зиму было много маскараровъ въ значительныхъ домахъ Петербурга, которые въ то время были очень малы. Дворъ и весь городъ обыкновенно собирались на эти маскарары. Послѣдній былъ данъ Татищевымъ, въ домѣ, принадлежавшемъ императрицѣ и называвшемся Смольнымъ дворцемъ. Середина этого деревяннаго дома сгорѣла, и оставались только двухъэтажные флигеля. Въ одномъ изъ нихъ танцевали, а въ другомъ приготовленъ былъ ужинъ, такъ что надо было въ серединѣ января проходить дворомъ, по снѣгу; и послѣ ужина всѣ опять отправились въ первый флигель. Возвратившись домой, великій князь легъ спать, но на другой день проснулся съ сильною болью, такъ что не могъ встать съ постели. Я велѣла позвать докторовъ, которые объявили, что у него жестокая горячка. Вечеромъ его перенесли съ моей постели въ мою аудіенцъ-камеру, гдѣ пустили ему кровь и уложили въ приготовленную постель. Ему нѣсколько разъ отворяли кровь, и онъ былъ очень опасенъ. Императрица по нѣскольку разъ въ день приходила навѣщать его и была очень довольна, замѣчая у меня на глазахъ слезы.

Однажды вечеромъ я читала вечернія молитвы въ небольшой образной, находившейся возлѣ моей уборной комнаты, какъ вошла ко мнѣ г-жа Измайлова, одна изъ любимицъ императрицы. Она сказала мнѣ, что императрица, зная, какъ я огорчаюсь болѣзнію великаго князя, прислала сказать мнѣ, чтобъ я надѣялась на Бога и не огорчалась, и что она ни въ какомъ случаѣ меня не покинетъ. Измайлова спросила, что я читаю; я показала ей молитвы на сонъ грядущій, на что она замѣтила, что молитвенникъ напе-

чтанъ слишкомъ мелко, и что я испорчу себѣ глаза, читая со свѣчкою. Затѣмъ я попросила ее поблагодарить императрицу за ея ко мнѣ милости, и мы разстались весьма дружелюбно; она отправилась къ императрицѣ передать ей то, что я сказала, а я пошла спать. На слѣдующее утро императрица прислала мнѣ молитвенникъ, напечатанный крупными буквами, для того, какъ она говорила, чтобъ я не портила глазъ. Въ комнату, гдѣ лежалъ великій князь, хотя она была вольгъ моею, я нарочно не ходила часто, потому что замѣтила, что ему все равно, тутъ ли я, или нѣтъ, и что ему пріятнѣе было оставаться со своими приближенными, которые, сказать правду, были мнѣ не совсѣмъ пріятны. При томъ же я не привыкла проводить время такъ, чтобы быть среди людей и, не смотря на то, оставаться въ одиночествѣ. Между тѣмъ наступилъ великій постъ. На первой недѣлѣ я говѣла. Вообще въ то время я была наклонна къ набожности. Я очень хорошо видѣла, что великій князь вовсе не любитъ меня; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы онъ опять признался мнѣ въ своей страсти къ дѣвицѣ Карръ, императрицыной фрейлинѣ, вышедшей потомъ замужъ за князя Голицына, шталмейстера императрицы. Графу Дивьеру, своему камергеру, онъ сказалъ, что между этой дѣвушкой и мною не можетъ быть никакого сравненія. Дивьеръ былъ противнаго мнѣнія, онъ на него разсердился за это. Эта сцена происходила почти въ моемъ присутствіи, и я видѣла, какъ онъ дулся на Дивьера. Въ самомъ дѣлѣ, — разсуждала я сама съ собою, — не истребляя въ себѣ нѣжныхъ чувствъ къ этому человѣку, который такъ дурно платитъ за нихъ, я непремѣнно буду несчастлива и измучусь ревностью безъ всякаго толку. Вслѣдствіе этого я старалась восторжествовать надъ моимъ самолюбіемъ и изгнать изъ сердца ревность относительно человѣка, который не любилъ меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство — не любить его. Если бы онъ желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно: я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію моихъ обязанностей, но для этого мнѣ былъ нуженъ мужъ съ здравымъ смысломъ, а мой его не имѣлъ. Я ѣла постное первую недѣлю великаго поста. Въ субботу императрица велѣла сказать мнѣ, что ей было бы пріятно, чтобъ я попустилась еще вторую недѣлю. Въ отвѣтъ на это я просила, чтобы ея величество позволила мнѣ ѣсть постное всѣ семь недѣль. Переговоры эти шли черезъ гофмаршала ея двора, Сиверса, зятя г-жи Крузе; онъ сказалъ мнѣ, что императрица была чрезвычайно довольна моею просьбою и совершенно на нее согласна. Великій князь, узнавъ, что я продолжаю ѣсть постное, сталъ бранить меня; я возражала ему, что не могла поступить иначе. Оправившись отъ болѣзни, онъ продолжалъ притворяться, чтобы не выходить изъ своей ком-

наты, гдѣ ему было пріятнѣе, чѣмъ на придворныхъ представленіяхъ. Онъ вышелъ уже на Страстной недѣлѣ, на которой говѣлъ.

Послѣ Святой онъ устроилъ у себя въ комнатѣ кукольный театръ, на который приглашалъ гостей и даже дамъ. Эти представленія были величайшею глупостью. Въ комнатѣ, гдѣ они давались, одна дверь была задѣлана, потому что она выходила въ покои императрицы, и именно въ ту комнату, гдѣ стоялъ столъ съ машиною, опускавшійся и подымавшійся, такъ что на немъ можно было обѣдать безъ прислуги. Однажды великій князь, приготавливая такъ называемый спектакль свой, услышалъ, что въ этой сосѣдней комнатѣ кто-то говорилъ. Будучи непомѣрно живъ, онъ тотчасъ схватилъ находившійся тутъ столярный приборъ, которымъ обыкновенно просверливаютъ дыры въ доскахъ, и принялся сверлить задѣланную дверь, такъ что наконецъ можно было видѣть, что за нею было. Императрица обѣдала тамъ; съ нею сидѣлъ оберъ-егермейстеръ графъ Разумовскій въ стеганомъ шлафроктѣ (онъ въ этотъ день принималъ лѣкарство) и еще человекъ двѣнадцать самыхъ приближенныхъ людей. Его императорское высочество, мало того, что самъ наслаждался плодами своей искусной работы, но еще пригласилъ тѣхъ, кто былъ съ нимъ, раздѣлить его удовольствіе и поглядѣть въ щели, просверленные имъ съ такимъ искусствомъ. Когда онъ и его приближенные насытились вдоволь этимъ нескромнымъ удовольствіемъ, онъ началъ звать къ себѣ мадамъ Крузе, меня и моихъ дамъ, предлагая намъ посмотреть кое-что, чего мы никогда не видали. Онъ намъ не сказывалъ, что это такое, вѣроятно, для того, чтобы пріятно изумить насъ. Я не слишкомъ торопилась исполнить его желаніе, но Крузе и мои дамы пошли за нимъ. Я подошла послѣдняя и нашла ихъ передъ этою дверью, гдѣ онъ наставилъ скамеекъ, стульевъ и подножекъ, для удобства зрителей, какъ говорилъ онъ. Подходя, я спросила, что это такое; онъ подбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу и сказалъ, въ чемъ дѣло. Эта дерзкая глупость испугала и привела меня въ негодованіе. Я тотчасъ объявила, что не хочу ни смотрѣть, ни принимать участіе въ такой опасной забавѣ, которая, конечно, навлечетъ ему непріятностей, если тетюшка узнаетъ о томъ, и что трудно, чтобъ она не узнала, такъ какъ онъ посвятилъ въ свою тайну, по крайней мѣрѣ, человекъ двадцать. Всѣ тѣ, которые собирались посмотреть въ щели, видя мой отказъ, начали поодиночкѣ уходить отъ двери. Великій князь тоже нѣсколько смутился, и сталъ попрежнему заниматься своимъ кукольнымъ театромъ, а я ушла къ себѣ въ комнату. До воскресенья все было тихо. Въ этотъ день не знаю почему-то, противъ обыкновенія, я опоздала къ обѣднѣ. Возвратившись къ себѣ, я пошла снимать придворное платье, какъ вдругъ явилась императрица съ весьма разгнѣваннымъ видомъ и раскраснѣвшись. Я не видала ея за обѣднею, потому что она стояла

у обѣдни въ своей особой, малой церкви. Поэтому я, какъ обыкновенно, подошла къ ней къ рукѣ. Она поцѣловала меня, приказала кликнуть великаго князя, а между тѣмъ бранила меня, зачѣмъ я опоздала къ обѣднѣ и предпочла благочестію наряды. Она прибавила, что при императрицѣ Аннѣ, хотя она не жила при дворѣ, а въ особомъ домѣ, довольно далеко отъ дворца, но, тѣмъ не менѣе, всегда исполняла свои обязанности, и что для этого она даже часто вставала при свѣчахъ. Потомъ она велѣла позвать моего парикмахера и сказала ему, что, если впередъ онъ будетъ такъ медленно убирать мнѣ голову, то она его прогонитъ. Когда она кончила съ нимъ, явился великій князь. Онъ только что раздѣлся и пришелъ въ шлафрокъ, съ ночнымъ колпакомъ въ рукѣ, очень веселый и живой. Онъ подбѣжалъ къ рукѣ императрицы. Она его поцѣловала и начала спрашивать, какъ онъ осмѣлился сдѣлать то, что сдѣлалъ. Она сказала, что была въ комнатѣ, гдѣ столъ съ машиною, и нашла дверь всю въ дырахъ, что всѣ дыры были противъ того мѣста, гдѣ она обыкновенно сидитъ, что онъ, вѣроятно, забылъ, чѣмъ ей обязанъ, что она считаетъ его неблагодарнымъ, что у ея отца, Петра I, также былъ неблагодарный сынъ, котораго онъ наказалъ, лишивъ его наслѣдства, что при императрицѣ Аннѣ она всегда оказывала ей почтеніе, подобающее лицу коронованному и Богомъ помазанному, что императрица Анна не любила много говорить и сажала въ крѣпость тѣхъ, кто не оказывалъ ей почтенія, что онъ мальчишка, котораго она выучитъ, какъ нужно жить. Тутъ великій князь началъ сердиться, хотѣлъ отвѣчать ей и пробормоталъ нѣсколько словъ, но она приказала ему молчать и взволновалась до такой степени, что больше не знала мѣры своему гнѣву, что съ нею обыкновенно случалось, когда она сердилась. Она наговорила ему множество оскорбительныхъ и рѣзкихъ вещей, показывая ему и гнѣвъ свой и презрѣніе. Мы оба были изумлены и поражены, и хотя эта сцена не относилась прямо до меня, но у меня навернулись слезы. Она замѣтила это и сказала: «все, что я говорю, до тебя не относится; я знаю, что ты не принимала участія въ его поступкѣ, и что ты не смотрѣла и не хотѣла смотрѣть сквозь дверь». Произнесши это справедливое сужденіе, она черезъ это самое нѣсколько успокоилась и замолчала. Впрочемъ, трудно было еще что нибудь прибавить къ тому, что она сказала. Поклонившись намъ, она ушла къ себѣ, вся красная и со сверкающими глазами. Великій князь пошелъ къ себѣ, а я стала молча раздѣваться и обдумывала слышанное. Когда я раздѣлась, великій князь пришелъ ко мнѣ и сказалъ нѣсколько пристыженнымъ и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ: «она была точно фурія и не знала, что говорила». Мы толковали слова ея и потомъ сѣли вдвоемъ обѣдать у меня въ комнатѣ. Когда великій князь ушелъ къ себѣ, ко мнѣ явилась мадамъ Крузе и сказала: «надо сказать

правду, императрица нынче поступила, какъ настоящая мать». Я видѣла, что она хочетъ вызвать меня на разговоръ, и потому нарочно молчала. Она продолжала: «мать гнѣвается и бранится на дѣтей своихъ, и потомъ гнѣвъ проходитъ. Вамъ обоимъ стоило сказать ей: «виноваты, матушка», и вы бы ее обезоружили». Я замѣтила, что мы были изумлены и поражены гнѣвомъ ея величества, и что я ничего не могла сдѣлать въ эту минуту, какъ только слушать и молчать. Крузе ушла отъ меня, по всему вѣроятію, чтобъ передать императрицѣ, что она отъ меня вывѣдала. Что же касается до меня, то слова: виноваты, матушка, какъ средство смягчить гнѣвъ императрицы, остались у меня въ головѣ, и потомъ я при случаѣ съ успѣхомъ воспользовалась ими, какъ будетъ показано ниже.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ императрица уволила графа Брюмера и оберъ-камергера Берхгольца отъ должностей, которыя они занимали при великомъ князѣ, однажды утромъ я вышла въ переднюю комнату раньше обыкновеннаго и нашла въ ней Брюмера. Пользуясь тѣмъ, что мы были наединѣ, Брюмеръ просилъ и заклиналъ меня ежедневно ходить въ уборную императрицы. Надо сказать, что матушка передъ отъѣздомъ своимъ выпросила мнѣ эту привилегію, но до сихъ поръ я очень мало ею пользовалась, потому что мнѣ чрезвычайно было тамъ скучно; разъ или два я ходила туда, но женщины императрицы обыкновенно удалялись одна за другой, такъ что я оставалась одна въ уборной. Я передала все это Брюмеру. Онъ мнѣ говорилъ, что на это смотрѣть нечего, и что надо продолжать. Сказать правду, я ничего не понимала въ этомъ царедворческомъ постоянствѣ; можетъ быть, онъ имѣлъ тутъ свои виды, но для себя я не видала никакой нужды торчать въ императрицыной уборной и, сверхъ того, быть въ тягость ей. Я сказала Брюмеру, что чувствую отвращеніе къ этимъ дежурствамъ; онъ всячески старался убѣдить меня, но не успѣлъ. Мнѣ гораздо было пріятнѣе оставаться у себя въ комнатахъ и особливо безъ мадамъ Крузе. Въ эту зиму я подмѣтила за ней рѣшительную страсть къ пьянству. Она выдавала тогда дочь свою за гофмаршала Сиверса и часто отлучалась, либо люди мои находили средство напоить ее, послѣ чего она уходила спать, и я такимъ образомъ избавлялась отъ этого ворчливаго аргуса.

По увольненіи графа Брюмера и оберъ-камергера Берхгольца отъ должностей при великомъ князѣ, императрица опредѣлила состоять при немъ генералу князю Василию Репнину. Лучшаго выбора императрица не могла сдѣлать; князь Репнинъ былъ не только благородный и честный, но сверхъ того умный и очень любезный человѣкъ, проникнутый чувствомъ законности, и съ чистыми правилами. Въ отношеніи лично ко мнѣ князь Репнинъ дѣйствовалъ выше всѣхъ похвалъ. О графѣ Брюмерѣ я не жалѣла; онъ мнѣ

надобдалъ своими вѣчно политическими разговорами и страстью къ интригамъ. Напротивъ, открытый нравъ князя Рейнина, который, какъ военный человекъ, чуждъ былъ всякихъ козней, внушалъ мнѣ довѣріе. Что касается до великаго князя, то онъ былъ въ восторгѣ, избавившись отъ своихъ педагоговъ, которыхъ терпѣть не могъ. Но, прощаясь съ нимъ, они порядочно настращали его, сказавъ, что оставляютъ его въ жертву интригамъ графа Бестужева, который былъ главною пружиною во всѣхъ перемѣнахъ, совершавшихся въ Голштинскомъ герцогствѣ, подъ мнимымъ предложомъ совершеннолѣтія великаго князя. Дядя мой, принцъ Августъ, попрежнему жилъ въ Петербургѣ, выжидая, чтобъ ему поручили управленіе Голштиніей.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы переѣхали въ Лѣтній дворецъ. Въ исходѣ мая императрица приставила ко мнѣ, въ качествѣ главной надзирательницы, родственницу свою и статсъ-даму, Чоглокову. Это назначеніе поразило меня, какъ громомъ. Чоглокова во всемъ слушалась графа Бестужева, была до крайности проста, злого сердца, капризна и очень корыстолюбива. Мужъ ея, камергеръ, въ это время ѣздилъ въ Вѣну, не знаю съ какимъ-то порученіемъ отъ императрицы. Увидавъ, что она переѣзжаетъ ко мнѣ, я весь тотъ день много плакала; на слѣдующее утро я должна была пустить себѣ кровь. Утромъ императрица пришла ко мнѣ въ комнату и замѣтивъ, что у меня красны глаза, сказала, что молодыя женщины, которыя не любятъ мужей своихъ, обыкновенно плачутъ, что матушка моя увѣряла ее въ моемъ расположеніи къ великому князю, что, впрочемъ, она меня не принуждала къ этому браку, и что какъ скоро я уже за мужемъ, то нечего больше плакать. Я вспомнила наставленіе мадамъ Крузе и сказала ей: виновата, матушка, послѣ чего она утихла. Между тѣмъ пришелъ великій князь; императрица на этотъ разъ приняла его сухо, и затѣмъ удалась. Мнѣ пустили кровь, въ чемъ я имѣла большую нужду. Потомъ я легла въ постель и цѣлый день проплакала. На другой день послѣ обѣда великій князь отвелъ меня въ сторону, и изъ словъ его я тотчасъ догадалась, что ему сказали, что Чоглокова приставлена ко мнѣ, потому что я его не люблю. Я сказала ему, что не могу понять, какимъ образомъ вздумали усилить мою нѣжность къ нему, давъ мнѣ эту женщину. Другое дѣло быть моимъ аргусомъ, но для этого слѣдовало выбрать когонибудь поумнѣе; для такой должности мало злости и капризовъ. Чоглокова слыла очень добродѣтельною женщиною, потому что въ то время безъ памяти любила своего мужа. Она вышла за него по любви: мнѣ дали ее, какъ прекрасный примѣръ для подражанія. Увидимъ, до какой степени удался опытъ. Но тутъ было обстоятельство, которое, какъ кажется, ускорило опредѣленіе ко мнѣ Чоглоковой. Я говорю только—ускорило, ибо думаю, что и съ са-

маго начала графъ Бестужевъ старался окружить насъ своими клевретами; ему хотѣлось точно то же устроить и при дворѣ императрицы, но тамъ дѣло было труднѣе. Когда я пріѣхала въ Москву, у великаго князя было трое камерлакеевъ, по фамилии Чернышевы, всѣ трое сыновья гренадеровъ изъ императрицыной лейбъ-кампаніи (эти лейбъ-кампанцы состояли въ капитанскомъ чинѣ въ вознагражденіе за то, что возвели императрицу на престолъ). Великій князь очень любилъ ихъ всѣхъ троихъ. Они считались въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей, и въ самомъ дѣлѣ были очень услужливы; всѣ трое высокаго роста и прекрасно сложены, особливо старшій, который исполнялъ всѣ порученія великаго князя и потому по нѣскольку разъ въ день являлся ко мнѣ. Когда великому князю не хотѣлось итти ко мнѣ, то всѣ свои тайны онъ передавалъ Чернышеву. Чернышевъ былъ очень близокъ и друженъ съ моимъ камердинеромъ, Евреиновымъ, и черезъ нихъ я часто узнавала много такого, чего бы мнѣ никогда не пришлось узнать. Кромѣ того, оба они были ко мнѣ душевно и сердечно привязаны; нерѣдко я получала отъ нихъ такія свѣдѣнія о разныхъ вещахъ, которыя иначе мнѣ было бы трудно получить. Не знаю, по какому-то случаю, старшій Чернышевъ однажды сказалъ великому князю: «вѣдь она не моя невѣста, а ваша». Великій князь разсмѣялся этому, передалъ это выраженіе мнѣ, и съ этихъ поръ называлъ меня въ шутку: его невѣста, а Андрея Чернышева, говоря со мною: вашъ женихъ. Чтобы положить конецъ этому вздору, Андрей Чернышевъ послѣ нашей свадьбы предложилъ великому князю называть меня его матушкою, а я стала звать его: мой сынокъ. Мы безпрестанно толковали съ великимъ княземъ объ этомъ сынкѣ; онъ не чаялъ въ немъ души, и я также очень привязалась къ нему. Но мои люди этимъ были не довольны, одни изъ зависти, другіе — опасаясь послѣдствій, которыя могли изъ этого выйти и для нихъ и для насъ. Однажды, во время придворнаго маскарада, я пришла къ себѣ въ комнату переодѣнуть платье; камердинеръ мой, Тимошей Евреиновъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ и всѣ мои люди чрезвычайно боятся за меня, и что я подвергаю себя великой опасности. Я спросила, что это значитъ. Онъ отвѣчалъ: «вы безпрестанно говорите объ Андрѣ Чернышевѣ и имъ однимъ заняты». — «Ну, такъ что же?» — возразила я въ невинности сердца: — что тутъ дурного? Онъ мой сынокъ, великій князь любитъ его также и еще больше моего; онъ къ намъ привязанъ и вѣренъ намъ». — «Да, — отвѣчалъ онъ, — все это правда; великій князь можетъ дѣлать, что ему угодно, но вы — другое дѣло. Вы награждаете этого человѣка за его вѣрную службу вашу милостью и привязанностью, но ваши люди толкуютъ о любви». Когда онъ произнесъ это слово, оно поразило меня, какъ громомъ. Ничего подобнаго не

приходило мнѣ въ голову. Меня крайне встревожили и дерзкіе толки людей моихъ и то, что я находилась въ такомъ опасномъ положеніи, нисколько не подозрѣвая его. Евреиновъ сказалъ мнѣ, что изъ дружбы къ Чернышеву онъ посовѣтовалъ ему сказаться больнымъ для того, чтобы прекратить эти толки. Тотъ послушался, и мнимая болѣзнь его продолжалась почти до апрѣля мѣсяца. Великій князь очень часто навѣдывался о немъ и безпрестанно говорилъ со мною объ этой болѣзни, ничего не подозрѣвая. Когда мы переѣхали въ Лѣтній дворецъ, Андрей Чернышевъ появился вновь; я не могла больше его видѣть безъ смущенія. Между тѣмъ императрица нашла нужнымъ подчинить дворцовую прислугу новому распорядку. Камерлакеи, слѣдовательно въ числѣ ихъ и Андрей Чернышевъ, должны были служить во всѣхъ комнатахъ, поочередно. Послѣ обѣда у великаго князя часто бывали концерты, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ, играя на скрипкѣ. Я обыкновенно скучала на нихъ, и однажды ушла съ концерта къ себѣ въ комнату. Комната эта выходила въ большую залу Лѣтняго дворца, въ которой тогда расписывали потолокъ, и которая была загромождена подмостками. Императрицы не было дома, мадамъ Крузе отпавилась къ своей дочери, мадамъ Сиверсъ; у себя въ комнатѣ я не нашла ни души. Отъ скуки я отворила дверь въ залу, и на другомъ концѣ ея увидала Андрея Чернышева. Я подозвала его знаками, и онъ подошелъ къ двери, правду сказать, съ большимъ опасеніемъ. Я спросила его, скоро ли будетъ императрица; онъ сказалъ мнѣ: «вы меня не разслышите, въ залѣ слишкомъ стучать; позвольте мнѣ войти къ вамъ въ комнату». Я отвѣчала ему: «нѣтъ, не нужно». Говоря это, я держала дверь полуотворенною, а онъ стоялъ за дверью въ залѣ. Случайно я повернула голову въ противоположную сторону и увидѣла за собою у другой двери моей уборной комнаты камергера, графа Дивьера; онъ сказалъ мнѣ: «великій князь спрашиваетъ ваше высочество». Я затворила дверь въ залу и вмѣстѣ съ графомъ Дивьеромъ возвратилась въ комнаты, гдѣ великій князь давалъ свой концертъ. Впослѣдствіи я узнала, что графъ Дивьеръ, какъ и многіе другіе изъ состоявшихъ при насъ лицъ, занимался подслушиваніемъ и переносами. На другой же день, въ воскресенье, послѣ обѣдни, мы съ великимъ княземъ узнали, что трое Чернышевыхъ были опредѣлены офицерами въ Оренбургскіе полки; и въ этотъ же самый день послѣ обѣда ко мнѣ приставили Чоголокову.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого намъ велѣно было готовиться къ путешествію вмѣстѣ съ императрицею въ Ревель. Въ это же время Чоголокова объявила мнѣ отъ имени ея императорскаго величества, что я могу больше не приходить въ ея уборную, и если мнѣ что нибудь нужно сказать ей, то чтобы я относилась

къ ней не иначе, какъ черезъ нее, Чоглокову. Въ сущности это распоряженіе очень меня обрадовало, избавивъ отъ обязанности торчать между императрицыными женщинами; впрочемъ я не слишкомъ часто и ходила туда и очень рѣдко видала императрицу. Съ тѣхъ поръ какъ я стала ходить въ уборную, мнѣ удалось видѣть ее всего три или четыре раза, и обыкновенно когда я входила, императрицыны женщины одна за другой удалялись. Чтобъ не быть одной, я тоже не оставалась тамъ подолгу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ императрица поѣхала въ Ревель, и мы вслѣдъ за нею. Великій князь и я ѣхали въ четырехмѣстной коляскѣ; остальные два мѣста занимали принцъ Августъ и Чоглокова. Путешествіе наше отличалось скукой и неудобствами. Въ почтовыхъ и станціонныхъ домахъ обыкновенно располагалась сама императрица; для насъ разбивали палатки, либо помѣщали насъ въ кухни. Помню, что однажды во время этого путешествія мнѣ пришлось одѣваться у печки, въ которой пекли хлѣбъ, а въ другой разъ я вошла въ палатку, гдѣ мнѣ приготовлена была постель, и по колѣна замочилась въ водѣ. Кромѣ того, мы всѣ, и господа и слуги, вели самую безпокойную жизнь, такъ какъ у императрицы не было опредѣленнаго часа ни для остановокъ, ни для выѣздовъ, ни для обѣда, ни для ночлега. Наконецъ, на десятый или на двѣнадцатый день, мы пріѣхали въ имѣніе графа Штейнбока, находящееся въ сорока верстахъ отъ Ревеля. Оттуда императрица съ великою пышностью двинулась дальше, съ тѣмъ, чтобы къ вечеру быть въ Катериненталѣ; но не знаю, по какой причинѣ, только путешествіе наше продлилось до второго часа утра. Во всю дорогу, начиная отъ Петербурга до самаго Ревеля, Чоглокова, сидѣвшая съ нами въ коляскѣ, страшно надоѣдала намъ и приводила насъ въ отчаяніе. При всякой шалости она твердила: это будетъ не угодно ея императорскому величеству, или императрица не останется этимъ довольна. Подобныя замѣчанія вызывались самыми невинными и самыми ничтожными случаями. Съ моей стороны я не думала возражать, и почти всю дорогу проспала въ коляскѣ.

На другой день по пріѣздѣ нашемъ въ Катериненталь придворная жизнь пошла прежнимъ, обыкновеннымъ порядкомъ, то-есть въ залѣ, занимавшей середину двухъэтажнаго дома и составлявшей переднюю комнату императрицы, съ утра до вечера и до поздней ночи происходила карточная игра довольно значительная. Чоглокова была игрица. По ея настоянію я наравнѣ съ другими играла въ фараонъ, которымъ обыкновенно занимались всѣ любимцы императрицы, если не уходили въ покои ея величества, или, лучше сказать, въ ея палатку. Эта большая и великолѣпная палатка была разбита возлѣ ея комнатъ, которыя находились въ нижнемъ этажѣ и были очень малы, какъ всѣ, построенныя Петромъ I (эготъ загородный домъ былъ его постройкой: имъ же раз-

веденъ и садъ). Князь и княгиня Репнины, бывшіе съ нами въ этомъ путешествіи и знавшіе, какъ высококомѣрно и бессмысленно обращалась съ нами Чоглокова, настаивали, чтобы я сказала о томъ Измайловой и графинѣ Шуваловой, главнымъ любимицамъ императрицы. Обѣ онѣ не любили Чоглоковой и уже провѣдали, какъ она вела себя во время путешествія. Маленькая графиня Шувалова, до чрезвычайности болтливая, не дождалась меня и, подсѣвъ ко мнѣ во время игры, сама завела рѣчь объ обращеніи Чоглоковой. У нея былъ очень острый языкъ, и она умѣла придать такой видъ всему, что дѣлала Чоглокова, что вскорѣ эта послѣдняя стала общимъ посмѣшищемъ. Шувалова сдѣлала еще больше: она обо всемъ рассказала императрицѣ. По всему вѣроятію, Чоглоковой дали нагоняй, такъ какъ послѣ этого она обращалась со мною гораздо вѣжливѣе, въ чемъ поистинѣ я имѣла великую нужду, потому что мной начинала одолѣвать страшная тоска. Я чувствовала себя въ совершенномъ одиночествѣ. Въ Ревелѣ великій князь временно влюбился въ мадамъ Цедерпарре и, по обыкновенію, не замедлилъ открыться мнѣ въ этой любви. Я часто чувствовала боль въ груди и въ Катериненталѣ стала харкать кровью, вслѣдствіе чего мнѣ пускали кровь. Въ этотъ день послѣ обѣда Чоглокова вошла ко мнѣ въ комнату и увидѣла, что я плачу. Тутъ она сдѣлалась чрезвычайно нѣжна, спрашивала, что со мною, и отъ имени императрицы предложила мнѣ прогуляться по саду, чтобы разсѣять мою ипохондрію, какъ говорила она. Въ этотъ день великій князь ѣздилъ охотиться съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ. Кромѣ того, Чоглокова принесла мнѣ отъ императрицы три тысячи рублей на игру въ фараонъ; дамы замѣтили, что у меня недостаетъ денегъ, и сказали о томъ ея величеству. Я просила Чоглокову поблагодарить императрицу за ея милости, и мы пошли вмѣстѣ въ садъ подышать воздухомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ насъ въ Катериненталь пріѣхалъ великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, съ императорскимъ посломъ, барономъ Претлахомъ, и изъ словъ сего послѣдняго мы узнали, что оба императорскіе двора заключили между собою союзный договоръ. Затѣмъ императрица отправилась смотрѣть морскіе маневры; но, кромѣ дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ, мы ничего не видали; день былъ чрезвычайно жаркій, и на морѣ была совершенная тишина. По возвращеніи съ этихъ маневровъ, былъ балъ въ палаткахъ императрицы, разбитыхъ на террасѣ; ужинать приготовили на чистомъ воздухѣ вокругъ фонтановъ, которые должны были играть: но едва императрица сѣла за столъ, какъ начался проливной дождь, перемочившій все общество, которое кое-какъ нашло убѣжище подъ палатками и въ домахъ, чѣмъ и кончился этотъ праздникъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ императрица поѣхала въ Рогервикъ, гдѣ опять маневрировалъ флотъ, и мы опять ничего не видали.

кромѣ дыма. Отъ этой поѣздки у насъ у всѣхъ разболѣлись ноги. Рогервикъ построенъ на скалѣ, покрытой толстымъ слоемъ маленькихъ камешковъ, такъ что, если нѣсколько времени стоять на одномъ мѣстѣ, то ноги уходятъ вглубь и совершенно обсыпаются камешками. Мы останавливались въ палаткахъ, и по этимъ камнямъ приходилось безпрестанно ходить, какъ въ самыхъ палаткахъ, такъ и изъ одной палатки въ другую. Слишкомъ четыре мѣсяца послѣ этого у меня болѣли ноги. Работники, строившіе плотину, надѣвали деревянные башмаки, которые не выдерживали такой ходьбы дольше восьми или десяти дней. Императорскій посоль сопровождалъ насъ въ этотъ портъ. Онъ тамъ обѣдалъ у императрицы и потомъ ужиналъ на полдорогѣ между Рогервикомъ и Ревелемъ: во время ужина къ императрицѣ привели стотридцатилѣтнюю старуху, которая была похожа на ходячій скелетъ. Императрица велѣла дать ей кушанья со своего стола и денегъ, послѣ чего мы поѣхали дальше. По возвращеніи въ Катериненталь Чоглокова была обрадована свиданіемъ съ мужемъ, который пріѣхалъ назадъ изъ Вѣны. Императрица намѣревалась ѣхать въ Ригу, и многіе придворные экипажи уже были высланы впередъ; но по пріѣздѣ изъ Рогервика она внезапно отмѣнила эту поѣздку. Многіе ломали себѣ голову и не могли догадаться, что была за причина такой отмѣны. Много лѣтъ спустя, дѣло объяснилось. Проѣздомъ черезъ Ригу Чоглоковъ встрѣтилъ одного изступленнаго либо помѣшаннаго лютеранскаго пастора, который подалъ ему письмо и записку къ императрицѣ съ убѣдительными просьбами не ѣхать въ Ригу и съ увѣщаніемъ, что императрица можетъ подвергнуться величайшей опасности, что враги ея разставили по дорогѣ убійцъ, и тому подобныя глупости. Получивъ эти бумаги, императрица раздумала ѣхать дальше. Пасторъ оказался сумасшедшимъ; но, тѣмъ не менѣе, поѣздка не состоялась.

Изъ Ревеля мы поѣхали назадъ въ Петербургъ и дорогою безпрестанно останавливались. Послѣ этого путешествія у меня разболѣлось горло, такъ что я нѣсколько дней пролежала въ постели. Затѣмъ мы отправились въ Петергофъ, и оттуда каждую недѣлю ѣздили въ Ораніенбаумъ.

Въ началѣ августа императрица прислала сказать великому князю и мнѣ, чтобы мы говѣли. Мы оба покорились ея волѣ. Немедленно у насъ начались заутрени и вечерни, и мы ежедневно должны были ходить къ обѣднѣ. Въ пятницу, послѣ исповѣди, объяснилось, почему насъ заставили говѣть. Симонъ Тодорскій, епископъ псковскій, спрашивалъ насъ поодиначкѣ, что такое у насъ было съ Чернышевыми; мы съ невиннымъ чистосердечіемъ рассказали ему все, и онъ нѣсколько смутился, увидавъ, что тутъ даже не было и тѣни того, что бы могло дать поводъ къ дерзкимъ подозрѣніямъ. Мнѣ онъ нечаянно сказалъ: «но почему же импера-

трица думаетъ иначе?» Я отвѣчала, что не знаю. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ разсказалъ нашу исповѣдь императрицыну духовнику, а тотъ передалъ ее императрицѣ, что, разумѣется, не могло повредить намъ. Въ субботу мы приобщились, а въ понедѣльникъ уѣхали на восемь дней въ Ораніенбаумъ; императрица отправилась въ Царское Село. По пріѣздѣ въ Ораніенбаумъ, великій князь записалъ въ полкъ всю свою свиту. Камергеры, камеръюнкеры, придворные чиновники, адъютанты князя Репнина, даже сынъ его, дворцовые слуги, егеря, садовники, всѣ получили по мушкету. Его императорское высочество ежедневно упражнялъ ихъ, разставлялъ ихъ по часамъ и обратилъ коридоръ нашего дома въ гауптвахту, гдѣ они должны были проводить цѣлый день. Къ обѣду кавалеры входили на верхъ, а по вечерамъ являлись въ залу танцовать въ штиблетахъ. Дамъ было всего: я, Чоглокова, княгиня Репнина, три мои фрейлины и мои камерфрау; слѣдовательно, эти балы были не очень многолюдны. Танцы вовсе не удавались, потому что мужчины чрезвычайно бывали утомлены этими безпрестанными военными упражненіями, которыя сердили ихъ и были не по душѣ придворнымъ. Послѣ бала ихъ увольняли домой спать. Вообще, образъ жизни, который мы вели въ Ораніенбаумѣ, смертельно надоѣдалъ, какъ мнѣ, такъ и всѣмъ: съ утра до вечера пятеро или шестеро дамъ сидѣли вмѣстѣ и не видали посторонняго лица, а мужчины противъ воли должны были заниматься военнымъ ученіемъ. Отъ скуки я принималась за книги, которыя привезла съ собою. Вообще, послѣ свадьбы я безпрестанно читала. Первая книга, прочтенная мною въ замужествѣ, была романъ, подъ заглавіемъ: «*Ti-гап le blanc*», и въ теченіе цѣлаго года я читала одни романы. Но они стали мнѣ надоѣдать; случайно мнѣ попались «*Письма г-жи Севинье*», которыя я прочла съ удовольствіемъ и очень скоро. Потомъ мнѣ подвернулись подъ руку сочиненія Вольтера, и послѣ нихъ я стала разборчивѣе въ моемъ чтеніи.

Мы возвратились въ Петергофъ, потомъ еще раза два или три ѣздили въ Ораніенбаумъ, гдѣ проводили время попрежнему, и затѣмъ переселились въ Петербургъ, въ Лѣтній дворецъ. Въ концѣ осени императрица перешла въ Зимній дворецъ и заняла комнаты, гдѣ жилъ великій князь, будучи женихомъ. Комнаты эти очень намъ понравились, потому что дѣйствительно были очень покойны. Въ нихъ нѣкогда жила императрица Анна. Каждый вечеръ къ намъ собирався весь нашъ дворъ. Тутъ заводились разнаго рода игры, либо давались концерты. По два раза въ недѣлю мы ѣздили на представленія въ большой театръ, находившійся тогда противъ Казанской церкви. Однимъ словомъ, эта зима была самая веселая и самая удачная, какую я когда либо проводила въ моей жизни. Каждый день мы то и дѣло, что хохотали и танцовали.

Около середины зимы императрица приказала намъ ѣхать за собою въ Тихвинъ. Это было богомолье. Но въ ту самую минуту,

какъ мы вышли садиться въ сани, намъ было сказано, что поѣздка отложена. Мы узнали по секрету, что оберъ-егермейстеръ, графъ Разумовскій, заболѣлъ подагрой, и что безъ него императрица не хотѣла ѣхать. Но недѣли черезъ двѣ или черезъ три дѣйствительно отправились въ Тихвинъ. Это путешествіе продолжалось всего пять дней. На возвратномъ пути мы проѣзжали Рыбачьей Слободкою мимо того дома, гдѣ, какъ я знала, находились Чернышевы. Я глядѣла въ окна, думая увидать ихъ, но ничего не увидала. Князь Репнинъ не участвовалъ въ этомъ путешествіи. Намъ сказали, что у него открылась болѣзнь въ мочевомъ пузырьѣ. Ко всеобщему неудовольствію должность его во время путешествія исполнялъ мужъ Чоглоковой, гордый и грубый дуракъ, котораго, какъ и жены его, всѣ страшно боялись. Въ самомъ дѣлѣ оба они были нелюбезные люди. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ впоследствии, нашлись средства не только усыпить этихъ аргусовъ, но и расположить ихъ въ свою пользу. Одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ было играть съ ними въ фараонъ, потому что оба они любили игру и еще больше выигрышъ. Средство это было найдено прежде другихъ, остальные послѣ.

Въ эту зиму скончалась отъ горячки моя фрейлина, княжна Гагарина, тотчасъ послѣ своей помолвки съ камергеромъ, княземъ Голицынымъ, который потомъ женился на ея младшей сестрѣ. Мнѣ было очень жаль ее, и во время ея болѣзни я много разъ ее навѣщала, несмотря на запрещеніе Чоглоковой. На мѣсто ея императрица выписала изъ Москвы старшую сестру ея, которая потомъ вышла за графа Матюшкина.

Весною мы переѣхали въ Лѣтній дворецъ и оттуда въ деревню. Князь Репнинъ подъ предлогомъ болѣзни получилъ позволеніе переселиться къ себѣ въ домъ, и Чоглоковъ продолжалъ временно исполнять его должность. Онъ съ самаго начала ознаменовалъ свою дѣятельность удаленіемъ отъ нашего двора камергера графа Дивьера и камеръюнкера Вильбуа: они не нравились Чоглокову, потому что нравились намъ съ великимъ княземъ, и по его представленію оба были переведены въ армію, первый бригадиромъ, второй полковникомъ. Это была уже третья отставка, считая первую въ 1745 г., когда отъ насъ удалили, по просьбѣ матушки, графа Захара Чернышева. Подобнаго рода удаленія считались при дворѣ немилостью и, слѣдовательно, не могли быть пріятны удаляемымъ лицамъ. Мы съ великимъ княземъ были очень огорчены отъѣздомъ Дивьера и Вильбуа. Принцъ Августъ, добившись желаемого, былъ извѣщенъ отъ имени императрицы, что онъ можетъ ѣхать. Это было также устроено происками Чоглоковыхъ, которымъ непремѣнно хотѣлось, чтобы мы съ великимъ княземъ не имѣли довѣренныхъ лицъ, и которые въ этомъ случаѣ дѣйствовали по наставленіямъ графа Бестужева, подовѣрвавшего все и всѣхъ.

Этимъ лѣтомъ отъ нечего дѣлать и отъ скуки, которая у насъ царствовала, я пристрастилась къ верховой ѣздѣ. Остальное время я сидѣла у себя въ комнатѣ и читала все, что мнѣ попадалось подъ руку. Что касается до великаго князя, то онъ, лишившись любимыхъ людей своихъ, не замедлилъ выбрать себѣ новыхъ любимцевъ между придворными слугами. Въ это время, однажды по утру, камердинеръ мой, Евреиновъ, убирая мнѣ голову, рассказалъ, какимъ страннымъ случаемъ ему удалось узнать, что Андрей Чернышевъ и братья его находятся въ Рыбачьей Слободѣ, подъ арестомъ, въ увеселительномъ домѣ императрицы (составлявшемъ ея личную собственность и доставшемся по наслѣдству отъ матери). Вотъ какъ онъ сдѣлалъ это открытіе. На масленицѣ онъ катался въ саняхъ съ женою своею, сестрою и ея мужемъ; женщины сидѣли въ саняхъ, а мужчины стояли на запяткахъ. Мужъ сестры его былъ секретаремъ въ петербургскомъ магистратѣ, а сестра сего послѣдняго была замужемъ за помощникомъ секретаря въ тайной канцеляріи. Однажды они отправились кататься въ Рыбачью и заѣхали къ управителю этого императрицына помѣстья. У нихъ зашелъ споръ о томъ, на какое число придется Свѣтлое Воскресенье. Хозяинъ дома сказалъ, что онъ тотчасъ рѣшить споръ, и что для этого стоитъ только послать къ арестантамъ и взять у нихъ святцы, гдѣ показаны всѣ праздники и расписанъ календарь на нѣсколько лѣтъ впередъ. Книгу черезъ нѣсколько минутъ принесли; зять Евреинова взялъ ее и только что раскрылъ, какъ увидалъ руку Андрея Чернышева, означившаго на книгѣ свое имя и число дня, въ который великій князь подарилъ ее ему. День Свѣтлаго Воскресенья былъ найденъ, споръ кончился, и книгу отослали назадъ, а гости возвратились въ Петербургъ, гдѣ черезъ нѣсколько дней зять Евреинова передалъ ему по секрету о своемъ открытіи. Евреиновъ настоятельно просилъ, чтобы я ни слова не говорила о томъ великому князю, на скромность котораго онъ не надѣялся. Я общала и сдержала слово.

Въ серединѣ великаго поста мы ѣздили съ императрицею въ Гостилицы на именины къ оберъ-егермейстеру, графу Разумовскому. Тамъ были танцы, и было довольно весело, послѣ чего мы возвратились въ городъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой поѣздки мнѣ сказали о кончинѣ отца моего, которая очень меня огорчила. На восемь дней меня оставили въ покоѣ, и я могла плакать, сколько хотѣла; но въ восьмой день Чоглокова объявила мнѣ, что довольно плакать, и что императрица приказала перестать, такъ какъ отецъ мой былъ не король. Я отвѣчала ей, что дѣйствительно онъ не былъ королемъ; на это она мнѣ замѣтила, что великой княгинѣ не прилично такъ долго плакать по отцѣ, который былъ всего только принцъ. Наконецъ было положено, чтобы шесть недѣль я носила трауръ, но чтобы въ слѣдующее воскресенье явилась въ публику.

Въ первый разъ, что я вышла, въ передней комнатѣ императрицы мнѣ повстрѣчался графъ Санти, оберъ-церемоніймейстеръ ея величества. Я перекинулась съ нимъ нѣсколькими словами, ничего не значащими, и пошла дальше. Черезъ нѣсколько дней узнаю отъ Чоглоковой, что императрица получила отъ графа Бестужева бумагу, за подписью графа Санти, въ которой сей послѣдній общалъ, будто я ему передавала свое неудовольствіе, почему послы иностранныхъ дворовъ не представились мнѣ и не изъявили сожалѣнія по случаю кончины отца моего. «Императрица,—говорила Чоглокова,—очень не довольна этимъ; она находитъ, что вы червучуръ горды, тогда какъ должны были бы помнить, что отецъ вашъ былъ не король, и потому вы не можете и не имѣете никакого права требовать, чтобы иностранные послы изъявляли вамъ сожалѣнія по случаю его смерти». Эти слова Чоглоковой ошеломили меня. Я отвѣчала ей, что, если графъ Санти сказалъ или написалъ, будто я говорила ему что нибудь подобное или даже объ этомъ предметѣ, то онъ—отъявленный лгунъ; что ничего похожего никогда не приходило мнѣ въ голову, и что, елѣдовательно, ни съ нимъ, ни съ кѣмъ другимъ я не могла имѣть подобнаго разговора. Это была сущая правда, потому что я поставила себѣ неизмѣннымъ правиломъ не имѣть ни въ какомъ случаѣ ни малѣйшихъ притязаній, во всемъ согласоваться съ волею ея величества и поступать такъ, какъ мнѣ прикажутъ. Чистосердечіе, съ которымъ я возражала, повидимому, убѣдило Чоглокову. Она обѣщалась доложить императрицѣ, что я обвиняю графа Санти во лжи. Дѣйствительно, она пошла къ ея величеству и возвратилась съ извѣстіемъ, что императрица очень гнѣвается на графа Санти за такую ложь и приказала сдѣлать ему выговоръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого ко мнѣ являлось нѣсколько человекъ отъ графа Санти, въ томъ числѣ камергеръ графъ Никита Панинъ и вице-канцлеръ Воронцовъ съ объясненіемъ, что графъ Бестужевъ вынудилъ у него это ложное показаніе, и что онъ чрезвычайно огорчается, заслуживъ мою немилость. Я отвѣчала этимъ господамъ, что лгунъ остается лгуномъ, каковы бы ни были причины, заставляющія его лгать, и что я рѣшилась вовсе не говорить съ нимъ изъ опасенія, чтобы онъ еще чего не нагаль на меня. Я объясняю себѣ это дѣло слѣдующимъ образомъ. Санти былъ итальянецъ. Посредничать было его страстью, и онъ былъ очень занятъ своею должностію оберъ-церемоніймейстера. Я никогда не говорила съ нимъ больше, чѣмъ съ кѣмъ нибудь другимъ. Онъ, можетъ быть, думалъ, почему бы дипломатическому корпусу не явиться ко мнѣ съ изъясненіемъ сожалѣнія по случаю кончины отца моего, и, по своимъ понятіямъ, вѣроятно, рассчитывалъ одолжить меня, устроивъ это представленіе. Съ этою цѣлью онъ отправился къ великому канцлеру и своему начальнику, графу Бестужеву, и

сказаль ему, что я вышла въ первый разъ, что онъ нашелъ меня очень печальною, и что, по всему вѣроятію, я еще больше огорчилась, не встрѣтивъ дипломатическаго корпуса съ извѣщеніемъ сожалѣній. Графъ Бестужевъ, по своему всегдашнему недоброжелательству, обрадовался случаю насолить мнѣ, тутъ же велѣлъ записать то, что ему сказаль, или то, что совѣтоваль ему, ссылаясь на меня, графъ Санти, и потребоваль отъ сего послѣдняго, чтобы онъ выставилъ свое имя подъ бумагою. Графъ Санти боялся своего начальника, какъ огня, и еще больше боялся потерять мѣсто и потому, разумѣется, предпочелъ солгать, чѣмъ пожертвовать собою. Бестужевъ препроводилъ бумагу къ императрицѣ, которая разгнѣвалась и послала ко мнѣ Чоглокову, какъ рассказано выше; но, такъ какъ отвѣтъ мой основанъ былъ на сущей правдѣ, то изъ всего этого ничего не вышло, только господинъ оберъ-церемоніймейстеръ остался съ носомъ.

Въ деревнѣ великій князь устроилъ себѣ собачню и началъ самъ дрессировать собакъ. Когда надоѣдало ему ихъ мучить, онъ принимался за скрипку. Онъ не зналъ ни одной ноты, но имѣлъ сильное ухо и полагалъ главное достоинство игры въ томъ, чтобы сильнѣе водить смычкомъ, и чтобы звуки были какъ можно громче. Игра его раздирала слухъ, и нерѣдко слушателямъ приходилось сожалѣть, что они не смѣютъ заткнуть себѣ уши. Образъ нашей жизни былъ одинаковъ, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. По возвращеніи въ Лѣтній дворецъ, мадамъ Крузе, хотя не переставала быть аргусомъ, но очень смягчилась въ своемъ обращеніи, даже до того, что заодно съ нами обманывала Чоглоковыхъ, которые для всѣхъ сдѣлались ненавистны. Она доставляла великому князю игрушки, куклы и другія дѣтскія бездѣлушки, до которыхъ былъ онъ страстный охотникъ. Днемъ ихъ прятали подъ моей постелью; великій князь тотчасъ послѣ ужина уходилъ въ спальню, и какъ скоро мы были въ постели, мадамъ Крузе запирала дверь на замокъ, и великій князь принимался играть до часу и до двухъ утра. Я наравнѣ съ мадамъ Крузе, рада—не рада, должна была участвовать въ этомъ пріятномъ занятіи. Иногда я забавлялась имъ, но гораздо чаще оно меня утомляло и даже безпокоило, потому что куклы и игрушки, инныя очень тяжелыя, наполняли и заваливали собою всю кровать. Не знаю, провѣдала ли Чоглокова объ этихъ ночныхъ увеселеніяхъ, но только однажды около полуночи она постучалась къ намъ въ спальню; прежде чѣмъ отпереть ей, великій князь, Крузе и я торопливо оправили постель и упрятали всѣ игрушки подъ одѣяло. Затѣмъ дверь была отперта, но Чоглокова страшно разсердилась на то, что мы заставили ее дожидаться, и объявила, что императрица будетъ очень недовольна, если узнаетъ, что мы до сихъ поръ не спимъ. Она удалилась съ бранью, но ничего не догадалась. Вслѣдъ затѣмъ

великій князь продолжалъ свою забаву, пока наконецъ ему не захотѣлось спать.

Въ началѣ осени мы опять поселились въ тѣхъ комнатахъ Зимняго дворца, въ которыхъ жили первые мѣсяцы послѣ нашей свадьбы. Тутъ черезъ посредство Чоглокова послѣдовало отъ имени ея величества строжайшее запрещеніе, чтобы никто безъ особеннаго позволенія Чоглокова и жены его не смѣлъ ходить въ комнаты къ великому князю и ко мнѣ; кавалерамъ и дамамъ нашего двора приказано было оставаться въ предспальней и никакъ не переступать дальше, и, кромѣ того, всѣмъ, даже и слугамъ, подѣ страхомъ отставки, отнюдь не говорить съ нами втихомолку. Такимъ образомъ я и великій князь могли быть свободны только другъ съ другомъ; это было своего рода заточеніе, котораго ни я, ни онъ не заслужили. Мы передавали другъ другу наше негодованіе и наши мысли на этотъ счетъ. Для большаго развлеченія во время зимы великій князь велѣлъ привести изъ деревни около восьми или десяти собакъ и помѣстилъ ихъ въ деревянномъ чуланѣ, отдѣлявшемъ альковъ моей спальни отъ большихъ сѣней, которыя были позади нашихъ комнатъ. Сквозь досчатую стѣну алькова несло псиной, и въ нашей спальнѣ была постоянная вонь. На мои жалобы великій князь отвѣчалъ, что нѣтъ возможности устроить иначе. Онъ держалъ собакъ безъ позволенія, и, чтобы не выдать его тайну, я терпѣливо свосила эту вонь. На масленицѣ при дворѣ не было въ этотъ годъ никакихъ увеселеній, и потому великому князю вздумалось завести маскарады у меня въ комнатѣ. Онъ наряжалъ своихъ и моихъ лакеевъ и моихъ служанокъ и заставлялъ ихъ плясать въ моей спальнѣ, а самъ игралъ на скрипкѣ и подплясывалъ, что продолжалось до поздней ночи. Я, подѣ предлогомъ усталости, головной боли, или выдумавъ какую нибудь другую причину, обыкновенно ложилась на диванъ, но не смѣла снимать маскараднаго платья. Эти нелѣпыя танцы, чрезвычайно забавлявшіе его, надоѣдали мнѣ до смерти. Въ началѣ великаго поста у него отняли еще четырехъ человѣкъ, въ томъ числѣ троихъ пажей, которыхъ онъ особенно любилъ. Эти частыя отставки сердили его, но онъ не думалъ противиться и возражать, или если возражалъ, то такъ неловко, что отъ этого дѣло выходило еще хуже.

Въ эту зиму мы узнали, что князь Репнинъ, несмотря на болѣзнь свою, долженъ былъ принять начальство надъ войсками, посланными въ Богемію въ помощь императрицѣ-королевѣ Маріи-Терезіи. Это назначеніе означало явную немилость. Князь Репнинъ уѣхалъ и не возвратился. Онъ умеръ съ горя въ Богеміи. Фрейлина моя, княжна Гагарина, сообщила мнѣ о томъ первое извѣстіе, какъ ни запрещали доводить до насъ малѣйшіе слухи о происходившемъ въ городѣ или при дворѣ. Изъ этого можно ви-

дѣтъ, какую цѣну имѣютъ подобныя запрещенія; нельзя добиться, чтобъ они соблюдались во всей точности, потому что всегда найдутся люди, готовые нарушить ихъ. Всѣ окружавшіе насъ, даже ближайшіе родственники Чоглоковыхъ, были на нашей сторонѣ, и, благодаря имъ, строгое политическое заточеніе, въ которомъ было вдумали насъ держать, вовсе не удавалось. Самъ братъ Чоглоковой, графъ Гендриковъ, тайкомъ передавалъ мнѣ полезныя и нужныя свѣдѣнія, а черезъ него то же дѣлали и другіе, такъ какъ онъ всегда исполнялъ подобныя порученія съ чистосердечіемъ честнаго и прямого человѣка. Онъ смѣялся надъ глупостью и грубостью сестры своей и зятя, никогда не выдавалъ и не измѣнялъ никому, такъ что всѣ его любили и обращались съ нимъ довѣрчиво. Это былъ человѣкъ прямого нрава, но ограниченный, дурно воспитанный, безъ всякихъ познаній, хотя твердый и доброжелательный.

Этимъ же постомъ, однажды послѣ обѣда, я вышла въ комнату, гдѣ сидѣли наши кавалеры и дамы. Чоглоковы еще не приходили. Рааговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ, я подошла къ двери, у которой стоялъ камергеръ Ушинъ. Онъ вполголоса завелъ рѣчь о нашей скучной жизни и прибавилъ, что сверхъ того насъ стараются очернить въ глазахъ императрицы. «Нѣсколько дней тому назадъ, — продолжалъ онъ, — императрица за столомъ говорила, что у васъ множество долговъ, что всѣ ваши поступки носятъ печать глупости, что, несмотря на то, вы воображаете себя очень умною, но такого мнѣнія рѣшительно никто не раздѣлялъ, что вы никого не обманете, потому что ваша глупость всѣмъ извѣстна, что поэтому нужно гораздо строже слѣдить за вашими поступками, чѣмъ за поступками великаго князя». Тутъ, съ навевшимися на глазахъ слезами, онъ признался, что сама императрица велѣла ему передать мнѣ всѣ эти слова, и просилъ, чтобы я не показывала вида, что знаю о такомъ приказаніи. Я отвѣчала ему, что относительно глупости я не виновата, если Господь Богъ создалъ меня такою; что вовсе не мудрено объяснить долги мои, потому что я получаю содержанія 30.000 рублей, а между тѣмъ матушка, уважая, приказала заплатить за нее 6.000, графиня Румянцева вовлекла меня въ множество издержекъ, которыя она называла неизбѣжными, и въ одинъ нынѣшній годъ я истратила на Чоглокову 17.000, безпрестанно играя съ нею въ карты, а онъ самъ знаетъ, какую страшную игру они ведутъ; что онъ можетъ передать мой отвѣтъ, кому слѣдуетъ; что, впрочемъ, мнѣ очень горько слышать, какъ меня чернятъ въ глазахъ императрицы, къ которой я не переставала никогда питать чувства покорности, преданности и уваженія, и что чѣмъ дальше будутъ слѣдить за мною, тѣмъ больше убѣдятся въ этомъ. Я обѣщалась ему не выдавать того, о чемъ онъ меня просилъ, и сдержала слово.

Не знаю, передалъ ли онъ слова мои, но думаю, что такъ, хотя о томъ больше не было рѣчи; мнѣ же вовсе неприятно было возобновлять подобный разговоръ.

На послѣдней недѣлѣ поста я занемогла корью, въ субботу приобщалась у себя въ комнатѣ и на Пасху не выходила. Во время этой болѣзни Чоглокова, хотя была беременна насносяхъ, можно сказать, не отходила отъ меня ни на шагъ и всячески старалась развлекать меня. У меня тогда была маленькая дѣвочка-калмычка, которую я очень любила. Она заразилась отъ меня корью. Послѣ Святой мы переселились въ Лѣтній дворецъ, а въ исходѣ мая, въ Вознесенье, поѣхали въ Гостилицы, къ графу Разумовскому. 23 числа того же мѣсяца императрица пригласила туда императорскаго посла, барона Претлаха, собиравшагося навадъ въ Вѣну. Онъ провелъ тамъ вечеръ и ужиналъ съ императрицею. Ужинъ этотъ продолжался далеко за полночь, такъ что, когда мы возвратились въ отведенный намъ маленькій домикъ, то уже солнце взошло. Этотъ деревянный домикъ стоялъ на небольшомъ пригоркѣ у катальной горы. Графъ Разумовскій думалъ сдѣлать намъ удовольствіе, помѣстивъ насъ въ немъ, потому что онъ намъ понравился прошлый разъ, когда мы были въ Гостилицахъ на именинахъ. Въ немъ было два этажа, верхній состоялъ изъ лѣстницы, залы и трехъ кабинетовъ, изъ которыхъ въ одномъ была наша спальня, другой служилъ уборною великому князю, а третій занимала мадамъ Крузе. Въ нижнемъ этажѣ расположились Чоглоковы, мои фрейлины и мои камерфрау. Возвратившись съ ужина, всѣ улеглись спать. Около шести часовъ утра нѣкто Левашовъ, сержантъ гвардіи, пріѣхалъ изъ Ораніенбаума переговорить съ Чоглоковымъ насчетъ построекъ, которыя тогда проивводились тамъ. Такъ какъ въ домѣ все спало, то онъ пошелъ къ часовому и сѣлъ подлѣ него. Ему послышалось, что что-то трещить, и это возбудило въ немъ подозрѣніе. Солдатъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ на часахъ, этотъ трескъ уже нѣсколько разъ возобновлялся. Левашовъ отправился осмотрѣть домъ снаружи и увидаль, что внизу дома отваливались большіе куски камня. Онъ тотчасъ побѣжалъ разбудить Чоглокова и сказалъ ему, что фундаментъ дома опускается, и что надо изъ него всѣхъ вывести. Чоглоковъ надѣлъ шлафрокъ и побѣжалъ наверхъ; стеклянныя двери были заперты на ключъ, и онъ долженъ былъ взломать замки. Пришедши въ кабинетъ, гдѣ мы спали, онъ отдернулъ занавѣски, разбудилъ насъ и сказалъ, чтобъ мы скорѣе вставали и уходили, потому что подъ домомъ нѣтъ фундамента. Великій князь спрыгнулъ съ постели, надѣлъ шлафрокъ и убѣжалъ. Я сказала Чоглокову, что выйду вслѣдъ за нимъ, и онъ ушелъ. Я торопилась одѣться и, одѣваясь, вспомнила про мадамъ Крузе, которая спала въ сосѣднемъ кабинетѣ. Я пошла разбудить ее, но такъ

какъ она спала очень крѣпко, то я едва добудилась ея и насилу могла ей растолковать, что надо поскорѣе выходить изъ дома. Я помогла ей одѣться, и, когда она была совсѣмъ готова, мы пошли въ залу, но едва успѣли переступить порогъ, какъ домъ началъ рушиться, и послышался шумъ, похожій на то, какъ когда спускаютъ корабль въ воду. Обѣ мы, мадамъ Крузе и я, упали на-земь. Но въ эту самую минуту изъ противоположной двери, со стороны лѣстницы, явился Левашовъ; онъ поднялъ меня и вынесъ изъ комнаты. Случайно я взглянула въ окно на катальную гору: прежде она стояла въ уровень со вторымъ этажемъ, теперь, по крайней мѣрѣ, на аршинъ была выше. Левашовъ дошелъ со мною до лѣстницы, по которой онъ взошелъ; но ея уже не было: она вся обвалилась. Нѣсколько человѣкъ взобрались наверхъ по доскамъ и бревнамъ; Левашовъ передалъ меня ближайшимъ, тѣ дальше, и такимъ образомъ я очутилась въ сѣняхъ, откуда меня вынесли на лугъ, гдѣ я встрѣтила великаго князя въ шлафрокѣ. Какъ скоро никакой опасности не было, я стала пристальнѣе разсматривать, что происходило съ домомъ, я увидѣла, какъ оттуда выбирались и выносились окровавленные люди. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ была моя фрейлина, княжна Гагарина. Она думала выбраться изъ дома, какъ и всѣ другіе; но только что успѣла перейти изъ своей комнаты въ слѣдующую, какъ печка стала рушиться, повалила экранъ и опрокинула ее на стоявшую тамъ постель, на которую посыпались кирпичи; съ нею была еще одна дѣвушка, и обѣ онѣ очень пострадали. Въ этомъ же нижнемъ этажѣ находилась небольшая кухня, гдѣ спало нѣсколько человѣкъ изъ прислуги; трое изъ нихъ были задавлены обвалившеюся печкою. Но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло между фундаментомъ дома и нижнимъ этажемъ: тамъ спало шестнадцать работниковъ, приставленныхъ смотрѣть за катальною горою; всѣ они до одного погибли подъ осѣвшимъ зданіемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ домъ выстроенъ былъ осенью, на скорую руку. Весь фундаментъ состоялъ изъ четырехъ рядовъ необожженныхъ кирпичей; въ первомъ этажѣ архитекторъ поставилъ въ сѣняхъ двѣнадцать матицъ, оборотивъ ихъ вертикально. Ему нужно было ѣхать въ Малороссію, и, уѣзжая, онъ сказалъ гостилицкому управителю, чтобы до его возвращенія онъ не позволялъ трогать этихъ подпорокъ. Но, несмотря на запрещеніе архитектора, управитель, какъ скоро узналъ, что мы займемъ этотъ домъ, тотчасъ приказалъ вынести подпорки, потому что безъ нихъ сѣни дѣлались гораздо красивѣе. Съ наступленіемъ оттепели, все строеніе осѣло на четыре ряда кирпичей, которые отъ того расползлись въ равныя стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый домъ поползъ внизъ по пригорку, пока новая мѣстность не привела его въ равновѣсіе. Я отдѣлалась отъ всего этого нѣсколькими синя-

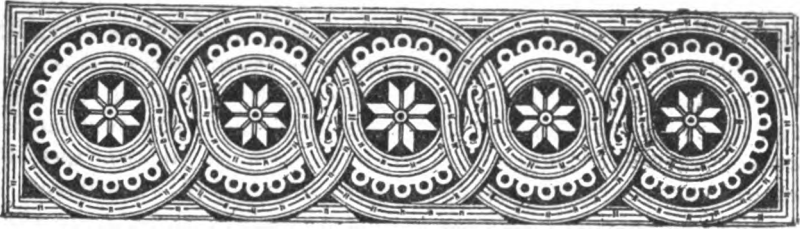
ками и страшнымъ испугомъ, вслѣдствіе котораго мнѣ пустили кровь. Всѣ мы были до того перепуганы, что въ продолженіе слишкомъ четырехъ мѣсяцевъ вздрагивали всякій разъ; какъ ктонибудь громко захлопывалъ дверь. Въ тотъ же день, какъ скоро прошелъ первый страхъ, императрица, помѣщавшаяся въ другомъ домѣ, призвала насъ къ себѣ; наше происшествіе было ей досадно, и потому всѣ старались представить его незначительнымъ; нѣкоторые утверждали, что опасности вовсе никакой не было. Испугъ мой очень не понравился императрицѣ, и она за него дулась на меня. Хозяинъ былъ въ отчаяніи, плакалъ и говорилъ, что съ горя застрѣлится. Но, видно, ему отсовѣтовали, потому что онъ остался живъ. На другой день мы возвратились въ Петербургъ, и черезъ нѣсколько недѣль перешли въ Лѣтній дворецъ.

Не помню хорошенько, но, кажется, въ это время или около того, пріѣзжалъ въ Россію кавалеръ Сакрамово. Съ давняго времени въ Россіи не было мальтійскаго кавалера, и вообще иностранцы рѣдко тогда пріѣзжали въ Петербургъ; поэтому появленіе Сакрамово считалось въ нѣкоторомъ родѣ событіемъ. Его приняли, какъ нельзя лучше, и показывали ему все, что было замѣчательнаго въ Петербургѣ и Кронштадтѣ. Для этого ему былъ данъ одинъ изъ лучшихъ флотскихъ офицеровъ, капитанъ линейнаго корабля, впоследствии адмиралъ, Полянскій, который всюду сопровождалъ его. Онъ представился намъ, и, цѣлуя у меня руку, незамѣтно всунулъ мнѣ небольшую записочку, шепнувъ: «это отъ вашей матушки». Я обомлѣла отъ страха, когда онъ это сдѣлалъ, и смертельно боялась, чтобъ ктонибудь не замѣтилъ, особливо Чоглоковы, стоявшіе близко. Однако я придержала записку и пропустила ее за правую перчатку, такъ что все обошлось благополучно. Возвратившись къ себѣ въ комнату, я нашла въ перчаткѣ двѣ свернутыя вмѣстѣ записки: одну отъ Сакрамово, который извѣщалъ меня, что будетъ ждать отвѣта черезъ одного итальянскаго музыканта, участвовавшаго въ концертахъ великаго князя, и другую отъ матушки. Матушка писала, что она беспокоится, не получая отъ меня писемъ, спрашивала, что это значитъ, и желала знать, что со мною дѣлается. Я отвѣчала на всѣ ея вопросы и извѣстила ее, что мнѣ не позволено писать ни къ ней, ни къ кому бы то ни было, подъ тѣмъ предлогомъ, что русской великой княгинѣ не прилично писать другія письма, кромѣ тѣхъ, которыя сочиняются въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и подъ которыми я должна была только выставить свое имя, вовсе не участвуя въ ихъ сочиненіи, такъ какъ въ коллегіи лучше моего знаютъ, что прилично писать. (Олсуфьевъ едва было не пострадалъ изъ-за того, что я прислала къ нему нѣсколько строкъ съ просьбою помѣстить ихъ въ письмѣ къ матушкѣ). Я написала ей также о многихъ другихъ предметахъ, о которыхъ она желала имѣть из-

вѣстіе. Свернувъ свою записку точно такъ, какъ была свернута полученная мною, я съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ выжидала минуты, чтобы передать ее. Въ первый же концертъ великаго князя я начала прохаживаться около оркестра и остановилась за стуломъ скрипача-солиста Ологлю, про котораго писалъ мнѣ Сакрамосо. Тотъ, увидавъ меня, полѣзъ какъ будто невзначай за платкомъ и разставилъ задній карманъ, куда я незамѣтно кинула записку. Затѣмъ я преспокойно отошла въ другую сторону, такъ что никто ничего не замѣтилъ. Сакрамосо, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, доставилъ мнѣ еще двѣ или три записки того же содержанія, и я точно также препроводила ему мои отвѣты, не возбудивъ ни въ комъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДИДЪ ПРИ МОРЪ.

ДИВА ДЫШИТЬ Черное море. Бѣлая кайма на берегу узка, тиха и нешаловлива. Затихъ вѣтеръ, и солнце близится къ закату. Я любилъ въ такое время купаться и послѣ бесѣдовать съ дѣдомъ, когда онъ вмѣстѣ съ своей старухой пилъ чай за низкимъ небольшимъ столикомъ, сидя на глиняномъ полу своей хаты.

Всего сажень тридцать раздѣляло отъ бурнаго моря ветхую турлучную хату, обнесенную со всѣхъ сторонъ, съ руки, заставленными досками, выброшенными на берегъ. Эти доски защищали дѣда отъ морскихъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ и составляли матеріалъ, изъ котораго онъ мастерилъ рамы, неважную мебель для крестьянскаго обихода. Въ хатѣ была одна небольшая комната съ печкой, около которой стояла кровать, затѣмъ скамья и другой обыкновенный въ углу столъ — вотъ и вся обстановка старой пары, при чемъ дѣду было 78 лѣтъ, а старухѣ онъ насчитывалъ 60 съ чѣмъ-то, не помню. Но какая между ними была разница!.. Всегда живой, общительный дѣдъ потерялъ немного зубовъ, но передніе были цѣлы и нѣкоторые изъ нихъ скверкали еще бѣлизной, принимая во вниманіе коричневую загорѣлую кожу лица и шеи старика. Впрочемъ какой онъ старикъ, хотя и дѣдъ!.. Посмотрите на его волосы на головѣ и на бородѣ, они сохранили свой первоначальный русый цвѣтъ и пестрѣютъ лишь сѣдиной, волосы слегка курчавые, а глаза каріе, блестящіе не то лукавымъ, не то насмѣшливымъ огонькомъ, однимъ словомъ характерные

хохлацкіе глаза! Сложенъ былъ дідъ превосходно и держался прямо; сухой и сильный, онъ находился въ постоянномъ движеніи, или работая въ небольшомъ сосѣднемъ съ хатою сараѣ, или бродя по берегу, гдѣ онъ охранялъ сложенные въ штабели дрова, которыя грузились парусными судами въ тѣ мѣста, гдѣ топливо цѣнилось на фунты и на пуды. Много наживали отъ такой торговли скупщики и купцы и платили дѣду ровно столько, чтобы не умереть со старухой съ голода. Дідъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и громко объ этомъ говорилъ: «На что мнѣ деньги?.. былъ бы хлѣбъ да чай—мы со старухой проживемъ лучше всякихъ богатей... Вотъ лишь бы сердце чистое было—тогда легко жить!»...

«Чистое сердце» былъ идеалъ, то высокое настроеніе человѣка, къ которому стремился дідъ, и съ которымъ онъ связывалъ всякія хорошія дѣла, причисляя къ нимъ главнымъ образомъ общественныя.

— Докторъ и священникъ должны имѣть чистыя сердца,—говорилъ убѣжденно дідъ:—иначе они не могутъ помочь человѣку въ нуждѣ, когда онъ къ нимъ обращается... Чистое сердце покажетъ, что надо дѣлать, чистое сердце не обманетъ, нѣтъ, не бываетъ такого обмана!.. Образование и наука безъ чистаго сердца не могутъ того сдѣлать... да!..

— Образование, ученье, дідъ, много значить...

— Знаю. Я не про то говорю... хорошему человѣку все на пользу, онъ и для себя и для другихъ постарается...

Дідъ задумался, что-то припоминая.

— Безъ понятія, — продолжалъ онъ, — люди чистаго сердца не могутъ имѣть... Надо все понимать, всякія простыя дѣла, тогда вотъ... У насъ паничъ былъ, ученый, хорошо обученный, да не понималъ, не хотѣлъ понимать... Кто хлѣбъ робить?.. Кто всякую тяжелую работу несетъ?.. Извѣстно, простой, рабочій человѣкъ... А какой ему за это почетъ?!. какая благодарности? Вотъ это-то и нужно понимать, строго надо понимать... А паничъ не понималъ, считалъ людей за скотовъ!.. Скажи, пожалуйста, есть такая наука, чтобы созданіе Божіе по его образу приравнять къ скоту?!. есть?!.

— Такой науки, конечно, нѣтъ... Наоборотъ, наука говоритъ, что передъ Богомъ всѣ равны...

— Вотъ, вотъ... видишь!.. передъ Богомъ!—повторилъ радостно старикъ.—А гдѣ же Богъ, когда нѣтъ чистаго сердца!?

— Есть всякіе люди,—отвѣчалъ я.—Развѣ немало и среди рабочихъ дурныхъ, жадныхъ? Самъ, небойсь, знаешь...

— Знаю. Только паны больше виноваты. Зачѣмъ почти всю землю себѣ взяли?.. Подумай, вѣдь 200 лѣтъ владѣли, теперь пора и отдать... пускай мужики повладѣютъ, ихъ теперь время, потому народъ размножился, тѣсно ему стало... Гдѣ мужику взять? куда ему безъ земли дѣться?!. Умный и образованный господинъ най-

дять себѣ... служить будетъ, жалованье получать... Подумай— сколько: двѣсти годовъ прошло!..

— Какія 200 лѣтъ?! Откуда ты взялъ, дідъ?..

— Старые старики говорили, когда я еще въ паробкахъ гулялъ... Отъ самого царя Петра было сказано панамъ: владѣйте землей 200 лѣтъ, а послѣ передайте мужикамъ, пускай и они покормятся отъ царскихъ земель...

— Ничего подобнаго царь Петръ не приказывалъ... все выдумали твои старики, басни рассказывали...

— Что же у васъ въ книгахъ этого не пропечатано?..—сурово спросилъ дідъ.

— Ничего такого въ книгахъ не имѣется...

— Какія же такія книги, когда правды нема? Намъ и священникъ то же самое говорилъ...

— Какой священникъ?..

— Котораго въ заточеніе отправили... Я такого батюшку въ сердцѣ своемъ всегда храню!..

Въ это время волна ударила въ скалу у лѣвой бухты. Дідъ, взглянувъ на сѣверо-западъ, сказалъ: дождь буде!..

Мы простились.

Старуха дідова была хвора я женщина, часто заболѣвала, и тогда дідъ самъ лѣчилъ ее. Надо прибавить, что она была молчаливая собесѣдница, но видимо любила разговоры своего діда, когда, покачивая своей старой головой, она слушала его съ довольной улыбкой.

— Такъ ли я говорю, старуха?—спрашивалъ дідъ.

— Такъ, такъ говоришь, — отвѣтитъ старая и посмотритъ на своего мужа.

Пришелъ я купаться рано утромъ, еще до чая. Конечно, встрѣтилъ діда.

— Рано сегодня купаетесь, — сказалъ онъ. — Это добре и здорово. Я, когда встаю, — сейчасъ же въ море, ни одной минуты не замедляю... Тоже вотъ и купаться знать надо, чтобы на пользу...

— Какъ же купаться?

— А вотъ, какъ по колѣно въ море войдешь, сейчасъ руками воду на грудь, скоро, скоро, и дышать надо, а потомъ и купаться, какъ хочешь...

Станный былъ дідъ и оригинальный, на все у него былъ свой приемъ, своя манера. Недавно онъ заболѣлъ, чувствовалъ слабость, отсутствіе аппетита, скучалъ, хотѣлъ было прилечь, да ушелъ куда-то и до вечера не былъ дома. Оказалось, дідъ ходилъ косить траву.

— Не стало лучше, — рассказывалъ дідъ, — выкупался утромъ — нѣтъ, не свѣжѣетъ тѣло... Опять пошелъ и сталъ косить, трудно было, но, думаю, нѣтъ, не отстану, пока не получшааетъ... Махалъ до обѣда, истомился, потъ съ меня такъ и льетъ... Ладно, думаю, посмотримъ!..

— И что же?

— До полдень поработалъ и такъ ѣсть захотѣлось, что пришелъ домой и кричу: давай, старуха, хлѣба, картошки давай!.. и добре таково пообѣдалъ и стало легко...

— Вылѣчались?..

— Я-то вылѣчился, а вотъ старуха заболѣла, — грустно дожилъ дідъ... — Лихорадка бьетъ, слаба моя старуха!.. Да я вылѣчу, къ вечеру поправится!..

— Не надо ли ей хины?.. Могу дать и салицилки..

— Нѣтъ, ничего не надо, — отвѣчалъ старикъ. — Ваши лѣкарства не помогутъ, мы по-своему лѣчимъ...

— Какъ же лѣчите?..

— А тузлукомъ, — почти закричалъ дідъ... просолиться добре, да встанетъ старуха...

Недоумѣніе мое росло.

— Къ ночи я намочилъ рубаху старухину въ соляномъ раствѣ, надѣлъ на нее, на постель положилъ и всякимъ хламомъ накрылъ, теперь старая заснула...

Мы подошли къ хатѣ, и я видѣлъ черезъ окно на кровати цѣлую кучу всякой одежды и тряпья, подъ которымъ, трудно было догадаться, что лежитъ живой человѣкъ.

— Всякая лихорадка бросить! — твердо проговорилъ дідъ, рассказывая мнѣ про цѣлительную силу разсола.

Любилъ дідъ поговорить о медицинѣ, похвалить свои собственные средства въ родѣ, напримѣръ, синей сахарной бумаги, которая, если ее обмазать саломъ, можетъ самую трудную грудную болѣзнь одолѣть.

Бывало подолгу «балакаемъ»¹⁾ съ дідомъ, сидя на берегу морскомъ или у его хаты, на скамейкѣ.

— Зимой, дідъ, не гарно вамъ жить у моря... Бушуетъ оно добре, покоя не даетъ!?

— У-у! — подтверждаетъ старый... — Разыграется море, дождь да вѣтеръ — изъ хаты не выйдешь, такъ съ ногъ и сшибаетъ. Слушаемъ тогда со старухой, когда затихнетъ... Бѣдовое дѣло, море!.. Нѣтъ на него другой силы, все сокрушитъ... близко не подходитъ.. Дня три, а то болѣе гуляетъ, играетъ и стихать начнетъ, зыбь уменьшать... Тогда пойдешь по берегу смотрѣть, не выбросило ли чего — доску, бревно — все пригодится... Пойдешь, говорю, и не узнать берега... Гдѣ ровная галька²⁾ была, чистенькій берегъ,

¹⁾ Разговариваемъ.

²⁾ Гладкіе камешки.

тамъ чего не наволокло?.. и травы морской и корягъ разныхъ, а камни съ пескомъ перемѣшало, да въ самую середину, глядишь, добрую ясеневую доску втиснули волны!.. Вотъ нынѣшней весной много я нашелъ тиссоваго дерева... Полки добрыя выходятъ... я вамъ сработаю на память!

— Что же это за дерево?

— А красное дерево называется,—отвѣчалъ дѣдъ и прибавилъ:— большую силу то дерево имѣетъ...

— Въ какомъ отношеніи?

— Вылѣчиваетъ, если бѣшенный волкъ или собака человѣка укуситъ... надо тогда настой того дерева пить... Три, а, можетъ, и четыре года назадъ... вѣрнѣе четыре прошло, осенью забѣжалъ это бѣшенный, да во двory въ селеніи такъ и скачетъ, ровно собака...

— Волкъ?

— Да бѣшенный волкъ... прямо на грудь человѣку и грызть! сколькихъ людей перепортилъ... не будь бы тисса этого, перемерли бы!..

— А, можетъ, онъ не бѣшенный?

— Какъ можно! — возразилъ авторитетно дѣдъ. — Развѣ неглуный звѣрь станеть на людей бросаться? Всякій звѣрь человѣка боится!..

— А вотъ какъ же Тарана, старика, кабанъ попортилъ... говорятъ, сильно поранилъ. Стало быть, не побоялся!..

— Ну, тотъ звѣрь раненый, вѣ себя, безъ понятій!..

Я засмѣялся. Въ самомъ дѣлѣ, на все найдетъ отвѣтъ старикъ, всегда какое ни на есть, а внесетъ въ дѣло свое соображеніе... Голова у дѣда работаетъ добре!

Вотъ ужъ три дня я не видѣлъ дѣда, хотя купаться хожу ежедневно. Старуха выздоровѣла, но кряхтитъ и едва ходитъ,—совсѣмъ она не пара сохранившемуся вполне дѣду.

— Гдѣ же хозяинъ?—спрашивалъ я бабушку.

— Стекло по окнамъ ладить... новую хату прѣвзжіи поставилъ... Старикъ тамъ и робить... Потомъ красить будетъ...

— Ого!—воскликнулъ я:—старикъ на всѣ руки: и маляръ, и стекольщикъ, и столяръ, и токарь!.. Добрый у тебя чоловікъ, бабуся!..

— Знамо, добрый,—отвѣчала просто и увѣренно женщина.

— Давно, вѣрно, живете вмѣстѣ?!

— И, и!..—воскликнула старуха и замахала руками:—и помнитъ забыла... какія времена... Сыны давно умерли!

— Молодыми еще?

— Старшему сороковой годъ пошелъ... Хворый былъ... отецъ по обличью куда моложе. Поставятъ бывало сына и отца ровней, да и говорятъ: «Какой ты отецъ? какой сынъ!.. вы братья родные»...

— А дочекъ сколько?

— Двѣ въ живыхъ... за мужьями... недалеко по хуторамъ... обѣ хозяйки... Да ты одну видѣлъ и чоловіка тоже... съ нами когда въ воскресенье чай пилъ...

— Въ самомъ дѣлѣ... помню, помню!.. Гдѣ же вапа съ дідомъ родина? гдѣ прежде жили?.. гдѣ спознались?..

— Въ Екатеринославской губерніи: тамъ и родились, и замужъ я вышла, и хозяйствовали...

— При землѣ?

— А то какъ же?! при землѣ робили, хлѣбъ сѣяли... да не ладно выходило...

— Почему же не ладно?.. земля что ли плохая?

— Ни, земля добрая... Кто ё знае... не могу тебѣ сказать... вотъ дідъ знае...

Старуха задумалась и видимо устала отъ непривычно-длиннаго разговора. Я хотѣлъ было уходить, но заглядѣлся на море, которое почти не шевелилось, образуя на своей поверхности причудливыя дорожки, рѣзко отличавшіяся свѣтлымъ своимъ фономъ отъ темной синевы моря. Да, странная, причудливая стихія это море!.. Оно разнообразно, но все-таки скучно... Точно скованный богатырь, оно рвется, чтобы выйти изъ плѣна, напрягаетъ всѣ свои силы, но затѣмъ стихаетъ и какъ бы задумывается... Грозная сила и мощь кроются тамъ въ холодной глубинѣ, откуда рвутся водныя струи къ свѣтлому солнцу. Грустно, тяжело жить при морѣ и смотрѣть подолгу въ безбрежную даль, туда, гдѣ за дальнимъ горизонтомъ живетъ и дышитъ водная, угрюмая, холодная стихія!..

Это для юношей: «тамъ за далью непогоды есть блаженная страна». Нѣтъ, тамъ, гдѣ живутъ люди съ ихъ страстями, не можетъ быть не только блаженной, но покойной страны... Тамъ за горизонтомъ смерть холодная, глубокая. Поэты воспѣли море, пораженные его могуществомъ, не подумавъ, что морская власть грубая, безжалостная, которая все смететъ, все уничтожитъ при адскомъ грохотѣ бури!.. Вонъ «бѣлѣетъ парусъ одинокій»!.. Нѣтъ, не хотѣлъ бы я быть тамъ вмѣстѣ съ пловцами, не хотѣлъ бы я качаться въ утлой ладѣ на груди коварнаго великана... Но я не уходилъ и все смотрѣлъ, смотрѣлъ въ даль, точно чего-то ждалъ, и точно мнѣ нравилась та тоска и печаль, которыя медленно заползали въ мое сердце... Почему?..

— А вотъ и дідъ иде!..—послышался глухой, странный голосъ.

Я вадрогнулъ. Передо мною стояла старуха, по тропинкѣ низины къ морю быстро шелъ дідъ. Я присѣлъ на лавочку около хаты.

— Добре, добре!.. со старухой балакаете!.. что рассказвала старая?—спрашивалъ дідъ, и глаза его свѣтились радостно.—Чего задумалась, Иванычъ?

— А что, дідъ, бываетъ вамъ скучно, когда долго смотрите на море? туда, въ даль?..

— Чего скучно!?.. Море, какъ море... Что дороги дальше нѣтъ, итти некуда... Что жъ... поживемъ и здѣсь.. оно не тронетъ, къ нашей хатѣ не подойдетъ, гдѣ ему назначено, тамъ и будетъ... Чего моря бояться?.. Надо знать его!..

— Я не боюсь,—отвѣчалъ я старику,—но скучно мнѣ, когда я вотъ долго на море гляжу...

— Тогда не смотрите,—засмѣялся дідъ...—Вонъ горы зеленыя, небо, туда глядите!..

Я тоже засмѣялся, подумавъ: «а у діда нервы крѣпкіе, не смотря на такую жизнь и на постоянное около него море!»

— А мы со старухой балакали о томъ, какъ вы въ молодости хозяйничали... Старая говоритъ, что не ладилось у васъ діло...

— Ишь, что говоритъ,—качалъ головою дідъ...—Она работала такъ, что другимъ бабамъ не можно... дивились ея работѣ... Жить противъ моей бабы не могла ни одна... а вотъ я... работникъ былъ плохой!..

— Не можетъ быть!..—удивился и не повѣрилъ я.—Такой молодецъ—и плохой работникъ!.. Вы и теперъ, дідъ, работаете не хуже молодого...

— Я про хозяйство говорю, не ладилось при землѣ діло, а то развѣ мы бросили бы землю и ушли на сторону, на Донщину...

— Что же за причина такая?

Дідъ принялъ серьезный видъ и не отвѣчалъ сразу.

— Отъ Бога... видѣніе такое было, чтобы солдатомъ стать...

— Развѣ вы служили въ военной службѣ?.. Не зналъ этого!..

— Нѣтъ, не то,—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчалъ дідъ, видимо собираясь съ мыслями, какъ бы ихъ лучше выразить.— Видите,—продолжалъ онъ издалека,—голосъ у меня былъ такой, теноръ, звонкій, приятный, что духовныя лица и нашъ батюшка очень одобряли... и я пѣлъ всегда въ церкви... Съ дѣтства я былъ приверженъ къ алтарю Божію... Вотъ, значитъ, судьба моя быть солдатомъ при алтарѣ!—довольно окончилъ дідъ, смотря на меня серьезно.

— Воиномъ алтаря!—поправилъ я діда.

— Вотъ, вотъ, воиномъ, — обрадовался онъ. — Такая у меня охота была ближе быть къ Господу. Оттого и видѣніе предстало...

— Какое же видѣніе?

— Вотъ какое: лежу я это въ полѣ и заснулъ... сплю, значитъ, не въ показанный часъ... Вдругъ толкъ меня въ бокъ, разъ, два... Что такое? Слышу я, братъ Иванычъ, голосъ: «вставай и иди, брось землю, другое діло Господь на тебя возлагаетъ»... Въ страхъ я вскочилъ, всталъ на ноги и вижу—вся въ черномъ барыня, да строгая, престрогая... И вдругъ исчезла, и никого нѣтъ... я одинъ въ полѣ! Что такое? Пошелъ я въ селеніе, а тамъ меня ищутъ... Говорятъ, проѣзжій священникъ требуетъ. Скоро какъ

все дѣлается, удивительно!.. Дивлюсь и я, и иду къ бабушкѣ, который наканунѣ у вечерни присутствовалъ... «Ну,—говорить онъ,— хочешь ко мнѣ итти на службу, на Донъ, приходи у насъ богатый, народъ хороший, и будешь ты въ повамарскомъ чинѣ... Хорошъ дюже у тебя голосъ, звонкій и пріятственный... Что тебѣ тутъ работать? будешь у насъ жить хорошо, все будетъ... и женѣ не трудно!.. Ну, соглашайся!»... Вотъ она, исторія... какъ же мнѣ было не согласиться, когда не мной все это указано? какъ же мнѣ спорить, когда я слышалъ: «иди отсюда!»? И пошли... только хозяйка журилась, когда передавали земельку, разставались съ хатой и худобой... Оно, конечно, бабье діло, да, по правдѣ сказать, трудно вѣдь съ добромъ разставаться и въ чужое мѣсто итти... Но что дѣлать, поѣхали на Донщину!..

«Тебѣ не при хлѣбѣ жить, а для общества работать», припоминалъ старикъ слова странной барыни—видѣнія.

— И отчего тебѣ, дідъ, барыня явилась, а не старичекъ простой и ветхій?—спрашивалъ его.

— И самъ не знаю... чудное діло!.. и дідъ дѣлалъ удивленное лицо и разводилъ руками.—Барыня, барыня въ черномъ, какъ теперь ее вижу...

— А потомъ видѣнія бывали какія?

— Нѣтъ... сны пророческіе посѣщаютъ когда...

— Сбываются, значить?

— Ого!.. разумѣется, сбываются, а то какъ же!—твердо отвѣчалъ дідъ.

Въ довольствѣ и почетѣ жилъ дідъ съ семействомъ на Дону при церкви. Повидимому, это была лучшая пора его жизни, о которой онъ охотно рассказывалъ. У него при церкви были работники, а онъ старшій и ключарь. Такъ бы и кончилъ дни свои дідъ церковнымъ сторожемъ, если бы не сыновья, которымъ въ положеніи отца и дѣлать было нечего, и силы рвались на работу, на самостоятельное хозяйское дѣло. Стали эти сыновья звать отца на Кубань, гдѣ земли вольныя да добрыя, и гдѣ можно жить лучше, нежели при церкви. Крѣпился старый, но сыновья одолѣли, убѣдили пуститься въ новыя мѣста, искать новой жизни. «Съ Богомъ можно жить вездѣ, а безъ Бога нѣтъ!» — говорилъ дідъ и вѣрилъ въ эту мысль, вѣрилъ въ чистое сердце человѣка.

Кто знаетъ, можетъ быть, общительная нервная натура бодрого, сильнаго старика еще желала новыхъ впечатлѣній, иной жизни, а не церковной рутинѣ? Можетъ быть, онъ самъ, того не сознавая, тяготился своимъ покойнымъ, обеспеченнымъ положеніемъ. Однимъ словомъ онъ ушелъ съ семьей на поиски за землей. У него были нѣкоторыя сбереженія и шесть сильныхъ рабочихъ рукъ, не счи-

тая женщинъ. Устроиться въ то время на Кубани было можно, но не повезло дѣду. Умеръ старшій сынъ, который главнымъ образомъ и былъ инициаторомъ новой, хозяйственной жизни,—началь выказывать недовольство меньшій сынъ и тоже вскорѣ умеръ, и остался старикъ съ однимъ женскимъ поломъ, и было ему трудно, а обманомъ, разными приспособленіями жить онъ не могъ въ странѣ казачества, гдѣ кражи и грабежи считались чуть ли не подвигами, какъ и у черкесовъ!

— Боже сохрани чужое взять, неправду сказать, — говорилъ дѣдъ и вспоминалъ свое дѣтство, отца и разные случаи. — Мальчонкомъ я пасъ съ другими сверстниками овецъ, и играли мы въ свинку... такая игра, чтобы шарикъ подгонять палочками съ шишковатымъ корнемъ на концѣ. Вотъ я сдѣлалъ себѣ такую палочку, хорошо, искусно сдѣлалъ. Отецъ увидалъ и спрашиваетъ: сынокъ, откуда у тебя такая палочка? Я говорю: вырѣзалъ въ лѣсу, да и сдѣлалъ. Самъ сдѣлалъ?—вопрошаетъ меня.—Покажи мѣстечко, гдѣ ты вырѣзалъ палочку! Я повелъ отца въ лѣсокъ и показалъ, гдѣ росло то деревцо, показалъ на оставшійся въ землѣ корень. Тогда онъ погладилъ меня по головѣ и сказалъ: такъ, сынокъ, ты поступилъ по правдѣ, но знай, если когда возьмешь что, Боже сохрани, чужое, кого обманешь дурно, то умрешь для меня навсегда, какъ тѣ твои старшіе братья... не будетъ у меня вовсе сыновъ...

— Отчего же старшіе братья умерли?—спросилъ я.

— Кто знаетъ!.. отъ болѣзни, вѣрно, я тогда совѣмъ малымъ былъ... Вотъ эти слова отца, а подумай, сколько времени прошло, я и до сихъ поръ помню, словно вчера они мнѣ сказаны. Боже сохрани чужое взять!.. а другимъ людямъ такой грѣхъ нипочемъ.—грустно добавилъ дѣдъ.

— Вообще вамъ плохо жилось на Кубани?

— Худое житье!.. сыны померли, вся семья переболѣла... трудно было, но Богъ все же не оставилъ... Среди какого народа проживать приходилось! На человѣка съ чистымъ сердцемъ, какъ на диковиннаго, смотрѣли... Ъхалъ я какъ-то до дома на лошадахъ, надо было покормить худобу, надо сѣна... Вижу чоловіка около копны, подхожу и говорю: продай мнѣ сѣна. Тотъ чоловікъ смотритъ на меня и молчитъ. Продай, говорю. А онъ отвѣчаетъ: чуденъ ты, человѣче, просишь продать сѣна, а не бачишь, что въ степи стѣлько... бери да корми худобу, людей нѣтъ!.. Развѣ можно?—говорю я тому чоловіку:—ты хозяинъ, а что говоришь!.. Если я украду, выдерну изъ копны клочекъ, и пойдетъ дождь, тогда вся копна пропадетъ... Развѣ такое діло гоже?! Ты мнѣ продай, а я тебѣ заплачу гроши... Посмотрѣлъ на меня тотъ чоловікъ и говоритъ: ну, такого я и не бачилъ, даетъ гроши за сѣно, когда дурно можетъ взять... дивлюсь я на тебе... Бери, бери изъ моей копны, я тоже грошей не возьму, бери, странный чоловіче! Вотъ видите, какіе люди!.. дивятся

на того, кто не краде, чужого не берет... И все-то въ томъ краѣ, на Кубани вражда, несогласья, земли не подѣлены, казаки, рендатеры, прямо такъ и норовятъ обмануть, украсть одинъ у другого. Вотъ и сталъ я подумывать утекать и тронулся въ мѣста тихія, къ морю, да и «ассигновался» здѣсь, море дальше не пустило... некуда!.. Гляди, куда пойдешь!—и дідъ протянулъ руку къ морю, надъ которымъ медленно, тяжело махая крыльями, летѣлъ орелъ, приближаясь къ высокой скалѣ. Я обратилъ на него вниманіе діда. Громадная птица, спускаясь, сдѣлала крутой поворотъ въ воздухъ, при чемъ было видно, что въ когтяхъ его добыча.

— Съ охоты летитъ, съ добычей,—сказалъ дідъ,—тамъ на скалѣ, высоко, гнѣздо съ малыми орлятами, которымъ надо тоже вечерить, какъ и мнѣ со старухой... Охъ, мудро все Богомъ создано, мудро!..—тихо проговорилъ старикъ, направляясь къ своей хатѣ. «Да, мудро!»—думалъ и я, осторожно пробираясь по слегка наѣзженной съ колючками колеѣ. Я оглянулся посмотрѣть на скалу и на море... Послѣдній лучъ заката охватилъ вершину, куда, спустивъ особенно какъ-то крылья, спускался орелъ, весь освѣщенный багровымъ свѣтомъ тамъ, за горами, заходящаго солнца. Море было совершенно тихо, какъ бы уснуло.

Мы пришли съ учителемъ почти въ полдень купаться. Я рѣдко приходилъ въ такое время, стараясь выкупаться раньше, когда не такъ жарко. Проходя мимо дідовой хаты, мы увидѣли его со старухой на порогѣ, гдѣ, притаясь въ тѣни, но доступные морскому вѣтру, почтенные приморскіе жители кушали бѣлоснѣжную, сахарную дыню.

Близко отъ хаты были сложены для отправленія на судно правильными штабелями дубовыя спицы, употребляемыя при выдѣлкѣ колесъ. Около нихъ стояла арба, запряженная волами, человекъ въ соломенной шляпѣ и мальчикъ лѣтъ 11—12-ти, одѣтый въ курточку, по-пански.

Дідъ, повидимому, былъ не въ духѣ. Впрочемъ, скоро объяснилась и причина этого, когда подошелъ нарядный мальчикъ, капризнымъ тономъ потребовавшій указать спицы, принадлежащія человекъ въ соломенной шляпѣ.

— Я не знаю этого человекъ,—отвѣчалъ дідъ,—и какія его спицы, тоже не знаю!..

— Какъ не знаешь?—недовольно заявилъ мальчикъ:—ты долженъ знать!..

Старикъ молчалъ.

Такая сцена на насъ произвела тяжелое впечатлѣніе. Почти восьмидесятилѣтній старикъ, труженикъ и идеалистъ, и передъ нимъ «приказывающій» въ буквальномъ смыслѣ мальчишка, ко-

тораго, можетъ быть, вся жизнь будетъ состоять изъ эксплуатаціи молодыхъ и старыхъ работниковъ. Молчали мы, молчалъ старикъ со старухой, а мальчикъ ушелъ. Тогда дідъ бросилъ о земь ножъ, которымъ рѣвалъ дыню, и въ гнѣвѣ сказалъ: «Что я имъ рабъ что ли?! Все дѣлаю честно, отъ чистаго сердца и на мои труды никакого вниманія, вѣдь и мы со старухой люди, намъ тоже хлѣба треба!»

— Что же хозяйинъ не платитъ что ли? Какое жалованье получаешь въ мѣсяцъ?

— Всего-то четыре рубля и цѣлый день при морѣ, гляди за дровами, не отлучайся! Стекла вставить и то не могли ходить... Кто возьметъ? кто украдетъ? у меня старуха дома!..

— Неужто такъ строго? это чересчуръ!—замѣтили мы.

— Да, сытый голоднаго не понимаетъ,—продолжалъ сердито дідъ.—Гордость несетъ, какъ скотина! Жирный быкъ надъымаетъ, и человекъ жирный надъымаетъ противъ худого, рабочаго человека!..

— Полно сердиться, дідъ!

— Да, какъ же къ сердцу не принимать, когда... посмотрите, что кругомъ дѣлается! Куда дѣваться человеку съ чистымъ сердцемъ?! какъ жить?! Какіе это люди?!.. Свиньи умнѣе ихъ, свиньи завладѣли ихъ разсудкомъ!.. Научился читать, писать... а спросите его, что онъ читаетъ? Прочиталъ ли онъ Христовы слова, которыя я неграмотный знаю наизусть!.. Можетъ ли онъ человека душевно встрѣтить, сказать ему сердечное слово?! Нѣтъ, онъ норовитъ обмануть, обидѣть человека!

— Про кого это вы? или такъ вообще?..

— Узнаю его думку, всегда узнаю,—говорилъ дідъ.—Чѣмъ онъ дышитъ, весь духъ его узнаю.

Старуха все время молчала и внимательно слушала. Въ ея рукѣ былъ ломоть дыни, о которомъ она, повидимому, совѣмъ забыла. Я посмотрѣлъ ей въ лицо, на которомъ ясно отразилось страданіе.

Должно быть, трудно старымъ, когда дідъ-философъ пришелъ въ такое небывалое раздраженіе, и старуха такъ безнадежно, печально глядитъ въ даль моря?! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, у нихъ въ настоящую минуту нѣтъ куска хлѣба, и эта дыня ихъ обѣдъ! У меня сжалось сердце, а въ ушахъ звучали слова: «свиньи завладѣли ихъ разсудкомъ».

— Я панъ своему слову, люблю, чтобы правильно, а не то, чтобы какъ нибудъ,—не переставалъ дідъ, приподнявшись съ пола.—Какъ не держать слова? и ты долженъ держать, тогда работа пойдетъ, и хозяйину и работнику будетъ легко, когда все по правдѣ, отъ чистаго сердца!..

Дідъ видимо успокаивался, но какая-то мысль, несомнѣнно, мучила старика. Учитель ушелъ, и мы сѣли на лавочкѣ. Небольшая

коричневая собака ластилась около хозяина, повернувшись на спину, она заигрывала съ дідомъ своими короткими, мохнатыми лапами.

— Ишь,—сказалъ онъ, улыбаясь,—животное, а все понимаетъ, будто говоритъ: «не сердись, старый, ничего изъ того не выйдетъ!» Умныя эти животныя, только ихъ преслѣдовать надо...

— Какъ? За что преслѣдовать?!—удивился я.

— Ну, замѣчать...—пояснилъ собесѣдникъ.—Люди не понимаютъ этого, а еще хозяевами себя называютъ!... Какіе они хозяева, скотину блюсти, преслѣдовать надо!.. Вонъ, видишь, свиньи копаютъ, портятъ землю, а что онѣ въ ней ищутъ? и почему онѣ худыя? Этого люди не знаютъ и говорятъ, что ищутъ онѣ корни. Ну, скажи, пожалуйста, какіе въ той землѣ корни? корней никакихъ нѣтъ! Давно это... завелъ я поросенка, который все землю рылъ, а самъ худой, плохой... Сталъ я преслѣдовать... и что же? Что онъ отрываетъ? За чѣмъ его охота? За червями, Иванычъ, а не за корнями! Длинные такіе черви, и вотъ, значитъ, свинья роетъ, роетъ, а сколько найдетъ, какая это ея пища!.. худая, какъ шкапа, и ходитъ хозяину не на радость... Нѣтъ, ты смотри за животнымъ, преслѣдуй его, а не такъ, чтобы... Я тогда своего поросенка отъ червей отстранилъ, кольцо въ ноздрю вдѣлъ, корму настоящаго далъ, такъ черезъ двѣ недѣли жирный сталъ... Вотъ!...

Я слушалъ дѣда и былъ радъ, что онъ успокоился и перешелъ на хозяйственныя соображенія.

— А что, дѣдъ, знаютъ хозяйство наши поселяне? могутъ они вникать въ дѣло?... преслѣдовать, какъ вы говорите?...

— Нѣкоторые, да, и то старики, могутъ, а то работаютъ, какъ отцы и дѣды... Что ему? былъ бы хлѣбъ, картошка... а лѣсъ продастъ, и горѣлка буде... Такъ и живутъ!...

— Дружно, по крайней мѣрѣ, между собою?...

— Ни, ни!... никакъ не дружно! каждый самъ по себѣ... Общество слабое, не такое, какъ въ Россіи!..

— Ну, вотъ теперь выборы, въ земство, въ государственную думу? слыхали, вѣрно?

— Ну, что жъ? развѣ они это понимаютъ?.. Имъ, чтобы земля ровная, безъ горъ! Вѣдь они изъ степей пришли и хозяйствуютъ въ горахъ, какъ въ степяхъ... Развѣ такъ можно?!...

Старикъ со старухой питался, чѣмъ Богъ послалъ. Мясо они ѣли только-по большимъ праздникамъ, когда православные какъ бы считаютъ своей обязанностью ѣсть говядину или, говоря иначе, разговляться, но рыбой пользовались нерѣдко. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь море совсѣмъ подъ носомъ. Дѣдъ имѣлъ небольшія сѣти, въ

которыя попадалась мелкая рыба, напрімѣръ, морской карась, а, впрочемъ, иногда и кефаль.

Надо прибавить, что прибрежные русскіе—рыболовы плохіе, и рыбный промыселъ находится въ рукахъ малоазіатскихъ турокъ, которые переѣзжаютъ Черное море въ своихъ легкихъ парусныхъ фелюгахъ. Смѣлые до отчаянности эти моряки турки!

Русскій, дѣйствительно, какой-то земляной человѣкъ, весьма холодно относящійся къ водной стихіи. Чего, кажется, и родился, и выросъ у самаго моря, а и рыбы ловить не умѣетъ, и въ лѣтнее время рѣдко даже купается, всего разъ въ недѣлю, передъ праздникомъ. А дѣти, женщины? Грязныя, какъ сама грязь, съ прыщами и болячками на тѣлѣ. А вѣдь легко могли бы быть чистыми, хотя лѣтомъ. Думаю, что русскіе даже враждебно относятся къ морю, въ которомъ и вода соленая, занимающая при этомъ такое огромное пространство. Вотъ если бы не море, а была степь, то было бы добре!

Дідъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ турками-рыбаками и говорилъ: «они меня чтутъ».

Турки, честные, гостепріимные, уважаютъ старость, а особенно такую, какъ дідова, бодрую, приморскую. Между прочимъ, я замѣтилъ, что отношенія русскихъ жителей къ старику со старухой заставляли желать многого. Какъ сказать? Недоставало именно непосредственнаго уваженія за старость, честность и ласковость діда. Я не стану говорить о его философіи относительно «чистаго сердца»,—она оставалась чужда и непонятна для людей, которые интересовались только «хлѣбомъ единымъ». Вѣроятно, они смотрѣли на діда, какъ на добраго балагура.

Разговорились какъ-то мы съ дідомъ о туркахъ, ихъ мусульманской вѣрѣ.

— Какъ вы, дідъ, относитесь къ нимъ? Хорошіе люди турки?

— Я не выше Бога,—отвѣчалъ онъ.—Если Богъ терпитъ турокъ и всякихъ язычниковъ и даетъ имъ благо жизни, я-то что же могу говорить?.. Развѣ у турка не можетъ быть чистаго сердца? Да я самъ знаю такихъ и уважаю ихъ... Я всякія вѣры уважаю, всякія, Иванычъ!.. И я никого не боюсь, чистое сердце не должно бояться!—прибавилъ дідъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

«Стало быть, вѣротерпимость полная,—подумалъ я.—И это дідъ отъ церкви, «воинъ престола Господня»!..

— Міръ Божій великъ, достанетъ каждому,—продолжалъ онъ:—и православнымъ, и туркамъ, пусть всѣ живутъ, не забывая Бога!.. Безъ Бога только нельзя, вездѣ владычество Его!—и дідъ простеръ руки къ морю.

Мы долго молчали, и мнѣ не хотѣлось уходить. Странно, но дідъ своими бесѣдами придавалъ моимъ мыслямъ живое и новое направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ его философіи «чистаго сердца»

сказывалась великая сдержанность и терпѣніе христіанское и искренняя терпимость къ чужой вѣрѣ, чужому мнѣнію и въ концѣ концовъ забвеніе обидъ, сдѣланныхъ или нанесенныхъ человѣку людьми съ нечистыми сердцами! Не это ли та народная, христіанская вѣра, о которой писалъ покойный Ф. М. Достоевскій, вѣра, которая побѣдитъ нечистыхъ, полныхъ эгоизма сердца? Но почему же я въ теченіе долгой своей практики *наблюденій встрѣчалъ этотъ христіанскій идеализмъ у стараго поколѣнія нашего народа и не находилъ у молодого даже намека на такое стремленіе сердца? Почему дідъ мало понятенъ сѣрой массѣ, которая чтитъ іезуита-духовнаго и проныру-странника? Не потому ли, что послѣдніе одѣты по формѣ и занимаютъ опредѣленное социальное положеніе, а дідъ — пролетарій съ капиталомъ одного только «чистаго сердца»!?

— Что они понимаютъ? — показалъ дідъ по направленію селенія: — они своей пользы общественной не сознаютъ!.. А вы знаете, какъ при Екатеринѣ-царицѣ русскіе изъ-за картофеля тогда бунтовали?

— Знаю, — съ удивленіемъ отвѣчалъ я. — А что?

— И то знаете, что картофель изъ Америки вывезенъ, которую открылъ Христофоръ Колумбъ?..

— Совершенно вѣрно.

— А цѣпи, на которыхъ онъ прикованъ былъ за правду, съ нимъ въ гробъ положили?..

— Да вы, дідъ, хорошо съ исторіей знакомы?

— И все это люди сдѣлали, и Христосъ пострадалъ отъ людей!..

Надо было разставаться. Старуха молча ждала у порога хаты.

Наступалъ октябрь, и вода въ морѣ становилась все холоднѣе, но мы съ дідомъ продолжали купаться.

— Холодная вода въ морѣ самая здоровая, на пользу вода! — говорилъ онъ. — Я вылѣчился отъ такой воды, на чистоту вылѣчился!..

— Отъ какой же болѣзни? — поинтересовался я.

— Колѣно вотъ это было пухлое, во какое! — показалъ рукой дідъ. — Семь лѣтъ доктора лѣчили, и не могли... Болѣло, ходить тяжело было, а теперь смотрите: настоящее, какъ у всякаго человѣка, колѣно! У Бога — всего много. И не ожидаешь, когда исцѣленіе получишь!.. Пошелъ я ловить въ морѣ раковъ, а вода была холодная, холоднѣе, чѣмъ нынѣ. Раковъ было богато¹⁾, я ловилъ, да и ловилъ, терпѣлъ холодъ, пока могъ. А потомъ вылѣзъ, надѣлъ сапоги, да шесть верстъ до дома скорымъ маршемъ какъ отмахалъ, весь туманъ изъ колѣна выскочилъ, и опуха какъ не

¹⁾ Много.

было, и колѣно здоровое... Вотъ что бываетъ, а доктора не могли, не могли семь лѣтъ!—добавилъ дідъ.

— И теперь не болитъ нисколько?

— Ни, не болитъ, что одно, что другое колѣно—оба здоровы!..

Осень вступала въ свои права, шли дожди, и мы съ дідомъ видѣлись все рѣже и рѣже. Впрочемъ, теперь старикъ часто уходилъ изъ хаты. Бывало, придешь къ морю, а дома одна старуха, которая все возится у печки. Въ комнатѣ сыро, прохладно, гдѣ быть старой здоровой? И кричатъ, кричатъ бабушка, а все возится, что-то мастерить по домашней части и ждетъ своего діда. Выйдетъ изъ хаты, глянетъ на низину береговую, посмотритъ на дорогу въ гору,—нѣтъ діда! А обѣдъ готовъ, и терпѣливо ждетъ старуха, не станетъ свѣдать¹⁾ безъ мужа.

— Балакаеть²⁾ гдѣ нибудь, любитъ старый балакать!..—ухмылнется бабуся, и не сердится, а ждетъ.

Бушуютъ волны, одна буря смѣняетъ другую, измѣняется берегъ, и трудно уже купаться. Но при всякой возможности хоть два, одинъ разъ ухитряется окунуться дідъ въ морѣ и говорить, что теперь купанье особенно здорово. Зубъ ли заноситъ у стараго, или такъ немочь почувствуетъ, ищетъ случая дідъ окунуться во всеисцѣляющемъ морѣ, и доволенъ и бодръ.

Пройдетъ буря, спокойно, въ ширину качаются и бѣгутъ на берегъ волны, бродитъ тихо дідъ, ищетъ добычи. Смотришь, тащитъ одну, другую доску, а мелкій дождикъ пронизываетъ его немолодое тѣло, а костюмъ неважный,—какая защита отъ дождя и холода? Но ничего!..

— Смотри, старуха, какая ясенева доска! доброе дерево!.. Цѣлыхъ два рубля столяръ заплатилъ бы!..—хвалится дідъ.

Подули сѣверо-восточные, холодные вѣтры, и пересталъ купаться дідъ. Стало холодно въ хатѣ, лежитъ на постели, закрывшись, старуха, а старый мастеритъ что-то на полу, колетъ, точитъ, и ему не холодно.

Скоро наступитъ зима, положимъ, короткая, но непривычная южнымъ людямъ. Тогда особенно сумрачно, угрюмо на берегу моря, которое шумитъ, волнуется, и его сѣдые гребни принимаютъ такой неласковый, грозный видъ.

Прилетѣло пропасть дикихъ утокъ, гусей, гордые лебеди плаваютъ въ маленькой, впадающей въ море рѣчкѣ, все это ждетъ, когда перестанетъ жестокой нордъ-остъ, отъ котораго прячется и звѣрь, и птица.

Надо ѣхать въ столицу на сѣверъ, гдѣ зимой жить теплѣе, нежели на югѣ въ легкихъ турлучныхъ хатахъ! Простились съ

¹⁾ Ёсть.

²⁾ Разговариваетъ.

дідомъ, со старой, пережили грустныя минуты разставанья. До свиданія, дідъ и бабуся, до весны! Будьте здоровеньки!..

.....
Вспоминается часто мнѣ море и дідъ, который бродитъ по берегу. Вѣтеръ рветъ съ сѣверо-запада, не даетъ хода старому, тряся его худую одеженку, пронизывая до костей. Но ничего!.. Навѣрно, заховалась въ песокъ или морской травѣ добрая доска...

Ходитъ дідъ и думаетъ о Богѣ и о «чистомъ сердцѣ», и становится отъ такихъ думъ тепло старому, и улыбается онъ довольной, почти дѣтской улыбкой.

А въ столицѣ морозно и солнечно.. Ёдутъ, бѣгутъ люди, хмурые, серьезные... Сколько ихъ? Вотъ бы, дідъ, посмотрѣть тебѣ, побачить... Можетъ быть, ты и нашелъ бы въ нервной суматохѣ «чистыя сердца», безъ которыхъ жизнь душевная тягость!..

С. Васюковъ.

ЗАПИСКИ О ВРЕМЕНИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА И ЕГО КОНЧИНЪ ¹⁾.

II.

Характеристика императора Павла.—Строгости въ военнымъ.—А. А. Саблуковъ.—Его опала и помилованіе.—Жизнь въ Гатчинѣ.—Менуэтъ съ Нилидовой.—А. З. Хитрово.—Снисходительность Павла.—Заслуги и достоинства этого государя.—Генеральша Лаврова, рожденная Демидова.—Ея дѣло въ сенатѣ.—Анна Петровна Лопухина.—La troupe dorée.—Уваровъ и Чичаговъ.—Черта русскихъ государей.

В МОЕМЪ разсказѣ я изобразилъ императора Павла чело-
вѣкомъ глубоко религіознымъ, исполненнымъ истин-
наго благочестія и страха Божія. И, дѣйствительно,
это былъ человекъ, въ душѣ вполне доброжелатель-
ный, великодушный, готовый прощать обиды и пови-
ниться въ своихъ ошибкахъ. Онъ высоко цѣнилъ
правду, ненавидѣлъ ложь и обманъ, заботился о пра-
восудіи и беспощадно преслѣдовалъ всякія злоупотре-
бленія, въ особенности же лихоимство и взяточни-
чество. Къ несчастію, всѣ эти похвальныя и добрыя
качества оставались совершенно бесполезными, какъ
для него лично, такъ и для государства, благодаря его
несдержанности, чрезвычайной раздражительности, не-
разумной и нетерпѣливой требовательности безпреко-
словнаго повиновенія. Малѣйшее колебаніе при исполненіи его
приказаній, малѣйшая неисправность по службѣ—влекли за со-
бою жестокой выговоръ и даже наказаніе безъ всякаго раз-
личія лицъ. На Павла нелегко было имѣть вліяніе, такъ какъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІІІ, стр. 98.

почитая себя всегда правымъ, онъ съ особеннымъ упорствомъ держался своего мнѣнія и ни за что не хотѣлъ отъ него отказаться. Онъ былъ чрезвычайно раздражителенъ и отъ малѣйшаго противорѣчія приходилъ въ такой гнѣвъ, что казался совершенно иступленнымъ. А между тѣмъ онъ самъ вполне сознавалъ это и впоследствии глубоко этимъ огорчался, сожалья собственную вспыльчивость; но, несмотря на это, онъ все-таки не имѣлъ достаточной силы воли, чтобы побѣдить себя.

Стремительный характеръ Павла и его чрезмѣрная придирчивость и строгость къ военнымъ дѣлали эту службу весьма неприятною. Нерѣдко за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры прямо съ парада отсылались въ другіе полки и на весьма большія разстоянія. Это случалось настолько часто, что у насъ вошло въ обычай, будучи въ караулѣ, класть за пазуху нѣсколько сотъ рублей ассигнаціями, дабы не остаться безъ денегъ на случай внезапной ссылки. Мнѣ лично пришлось три раза давать взаимны деньги своимъ товарищамъ, которые забыли принять эту предосторожность. Подобное обращеніе, естественно, держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, благодаря чему многіе совсѣмъ оставили службу и удалялись въ свои помѣстья, другіе же переходили въ гражданскую службу. Благодаря этому, какъ я уже говорилъ, производство шло у насъ чрезвычайно быстро, особенно для тѣхъ, которые имѣли крѣпкіе нервы. Я, напримѣръ, подвигался очень скоро, такъ что изъ подпоручика конной гвардіи, какимъ я былъ въ 1796 г., во время восшествія на престолъ императора Павла, я въ іюнѣ 1799 г. уже былъ полковникомъ, миновавъ всѣ промежуточные ступени. Изъ числа ста тридцати двухъ офицеровъ, бывшихъ въ Конномъ полку въ 1796 г., всего двое (я и еще одинъ) остались въ немъ до кончины Павла Петровича. То же самое, если еще не хуже, было и въ другихъ полкахъ, гдѣ тиранія Аракчеева и другихъ гатчинцевъ менѣе сдерживалась, чѣмъ у насъ. Легко себѣ представить положеніе тѣхъ семействъ, сыновья которыхъ были офицерами въ эту эпоху; они, естественно, находились въ постоянномъ страхѣ и тревогѣ, опасаясь за своихъ близкихъ, такъ что можно безъ преувеличенія сказать, что въ царствованіе Павла I Петербургъ, Москва и даже вся Россія были погружены въ постоянное горе.

Несмотря на то, что аристократія тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда наружу, и во время коронаціи въ Москвѣ императоръ не могъ этого не замѣтить. Зато низшіе классы, «милліоны», съ такимъ восторгомъ привѣтствовали государя, что Павелъ сталъ объяснять себѣ холодность и видимую недоброжелательность со стороны дворянства — нравственной испорченностью и «якобинскими» наклонностями этого сословія. Что касается нравственной испорченности, то въ этомъ

случаѣ онъ былъ отчасти правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ наиболѣе недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ. Императоръ, благодаря честности и откровенности своего нрава, никогда не подовѣривалъ въ этомъ двоедупіи, тѣмъ болѣе, что онъ самъ часто говорилъ, что, «будучи всегда готовъ и радъ доставить законный судъ и полное удовлетвореніе всякому, кто считалъ бы себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ».

Какъ примѣръ странности характера Павла и его способа дѣйствій, приведу слѣдующій мнѣ хорошо извѣстный случай, бывшій съ моимъ отцомъ.

Выше я уже говорилъ, что въ Екатерининское время русская армія имѣла мундиры свѣтло-зеленаго сукна, а флотъ—бѣлаго, и что императоръ Павелъ оба эти цвѣта замѣнилъ темно-зеленымъ, синеватаго оттѣнка, желая сдѣлать его болѣе похожимъ на синій цвѣтъ прусскихъ мундировъ. Краска эта приготовлялась изъ особыхъ минеральныхъ веществъ, которыя осѣдали на дно котловъ, вслѣдствіе чего было очень трудно сразу приготовить большое количество этого сукна одинаковаго оттѣнка. Между тѣмъ, въ извѣстный день войска должны были явиться въ Гатчину на маневры, и оказалось необходимымъ приобрести значительное количество этого сукна въ кускахъ. При этомъ произошла такая спѣшка, что комиссаріатскій департаментъ не имѣлъ времени подобрать для каждой бригады и дивизіи сукно одного только оттѣнка, вслѣдствіе чего во многихъ полкахъ оказалось нѣкоторое различіе въ цвѣтѣ мундировъ.

Императоръ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ, чрезвычайно разгнѣвался и тутъ же, приложивъ къ одному изъ образцовъ сукна собственноручную печать, велѣлъ послать мануфактуръ-коллегіи рескриптъ, въ которомъ повелѣвалось, чтобы впредь всѣ казенныя фабрики изготовляли сукно точно такого цвѣта, какъ этотъ образчикъ. Мой отецъ былъ въ это время вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи и въ дѣйствительности заправлялъ всѣми дѣлами этого вѣдомства, такъ какъ президентъ ея, князь Юсуповъ¹⁾, никогда ничего не дѣлалъ. Зная моего отца, императоръ приказалъ президенту военной коллегіи, генераль-лейтенанту Ламбу²⁾, поручить это дѣло особому его вниманію. Въ виду этого отецъ мой немедленно же написалъ всѣмъ казеннымъ фабрикамъ циркуляръ, въ которомъ сообщалъ волю государя и требовалъ немедленнаго отвѣта.

¹⁾ Юсуповъ, кн. Николай Борисовичъ, впоследствии членъ государственнаго совѣта, род. 1761 г., ум. 1831 г. К. В.

²⁾ Ламбъ, Иванъ Вареломеевичъ, впоследствии генераль-аншефъ, правитель Костромскаго намѣстничества, ум. въ 1801 г. К. В.

Отвѣты были получены почти одновременно и всѣ единогласно подтверждали, что, благодаря свойству самой краски, крашеное сукно въ кускахъ невозможно изготовить совершенно однороднаго цвѣта. Объ этомъ отецъ мой, съ своей стороны, увѣдомилъ генераль-лейтенанта Ламба.

Надо сказать, что въ это время въ Петербургѣ свирѣпствовалъ родъ гриппа, который зачастую принималъ опасную форму, и отецъ мой какъ разъ захворалъ этою болѣзною, и притомъ въ такой степени, что у него появился сильный жаръ и расположеніе къ бреду. Естественно, что ему былъ предписанъ безусловный покой.

Между тѣмъ, генераль Ламбъ отправился съ обычнымъ рапортомъ въ Гатчину, гдѣ въ то время жилъ государь, и по пріѣздѣ своемъ засталъ его величество верхомъ на конѣ ѣдущимъ на смотръ. На вопросъ императора, нѣтъ ли чего нибудь новаго или важнаго, Ламбъ отвѣчалъ: «Ничего особеннаго, государь, кромѣ письма вице-президента мануфактуръ-коллегіи Саблукова съ отвѣтомъ отъ фабрикантовъ, которые сообщаютъ единогласно, что окрашивать сукно въ кускахъ въ совершенно однородный цвѣтъ рѣшительно невозможно».

— Какъ невозможно?—вскричалъ императоръ. Затѣмъ, произнеся скороговоркою: очень хорошо! — не сказалъ больше ни слова, сошелъ съ лошади, пошелъ во дворецъ и тотчасъ же отправилъ нарочнаго фельдъегеря къ военному губернатору Петербурга, графу Палену, съ слѣдующимъ приказаніемъ:

«Выслать изъ города тайнаго совѣтника Саблукова, уволеннаго отъ службы, и немедленно отправить назадъ посланнаго съ донесеніемъ объ исполненіи этого приказанія».

(подписано) «Павелъ» ¹⁾.

Я сидѣлъ надъ своимъ бѣднымъ отцомъ въ комнатѣ, сосѣдней съ его кабинетомъ, когда петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, генераль-майоръ Лисаневичъ, близкій другъ нашей семьѣ, вошелъ въ комнату и быстро спросилъ меня:

— Что дѣлаетъ вашъ батюшка?

— Лежить въ сосѣдней комнатѣ,—отвѣчалъ я,—и боюсь, не на смертномъ ли одрѣ.

¹⁾ Саблуковъ, очевидно, приводитъ на память слова императора Павла. Вотъ подлинный текстъ этого высочайшаго повелѣнія: «Господинъ генераль отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ-Паленъ! Отставленнаго отъ службы и отъ всѣхъ должностей бывшаго мануфактуръ-коллегіи президента Саблукова повелѣваю вамъ выслать изъ Санктпетербурга. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Павелъ. Гатчина. Декабря 8 день 1799 г.» (см. «Русская Старина», 1872 г., т. V, стр. 255, февраль). К. В.

— Неужели!—воскликнул Лисаневичъ:—тѣмъ не менѣе, я необходимо долженъ его видѣть, ибо имѣю сообщить ему немедленно приказаніе отъ императора.

Съ этими словами онъ вошелъ въ спальню, и я машинально послѣдовалъ за нимъ.

Лицо несчастнаго моего отца было совершенно багровое, и онъ едва сознавалъ, что происходитъ вокругъ него. Лисаневичъ два раза окликнулъ его:

— Александръ Александровичъ!

Отецъ, очнувшись немного, сказалъ:

— Кто вы такой? Что вамъ нужно?

— Я—Лисаневичъ, оберъ-полицеймейстеръ. Узнаете вы меня?

Отецъ мой отвѣчалъ:

— Ахъ, Василій Ивановичъ, это вы! Я очень боленъ. Что вамъ нужно?

— Вотъ вамъ приказъ отъ императора.

Отецъ мой развернулъ бумагу, а я въ это время помѣстился такъ, чтобы имѣть возможность прочесть бумагу и въ то же время слѣдить за ея дѣйствіемъ на лицѣ моего отца. Онъ прочелъ бумагу, протеръ глаза и воскликнулъ:

— Господи! да что же я сдѣлалъ?

— Я ничего не знаю,—возразилъ Лисаневичъ,—кромѣ того, что я долженъ выслать васъ изъ Петербурга.

— Но вы видите, любезный другъ, въ какомъ я положеніи.

— Этому горю я помочь не могу: я долженъ повиноваться. Я оставлю у васъ въ домѣ полицейскаго, чтобы засвидѣтельствовать вашу отъѣздъ, а самъ немедленно отправлюсь къ графу Палену, чтобы донести ему о нашемъ положеніи; вамъ же совѣтую отправить къ нему вашего сына.

Я возблагодарилъ Бога, замѣтивъ, что несчастный отецъ мой изъ багроваго пѣта постепенно перешелъ въ блѣдный, ибо я, признаюсь, опасался, что съ нимъ можетъ приключиться апоплектический ударъ. Моя дорогая матушка, которая въ такія тяжелыя минуты была исполнена энергіи и присутствія духа, зная, что императоръ сначала всегда бываетъ неумолимъ, немедленно послала на нашу дачу, находившуюся въ двухъ миляхъ отъ города, приказаніе, чтобы въ комнатѣ садовника, которая отапливалась печью, была приготовлена постель. Хотя это было зимою, но не было особеннаго мороза, и поэтому матушка немедленно велѣла приготовить карету и послать за докторомъ.

Я поѣхалъ тѣмъ временемъ къ графу Палену, который былъ очень привязанъ къ моему отцу и во многихъ случаяхъ бывалъ очень добръ и ко мнѣ лично.

— Вотъ такъ исторія,—встрѣтилъ онъ меня.—Хотите стаканъ лафита?.. (Это была извѣстная привычка у Палена предлагать стаканъ лафита всякому, кто попадалъ въ бѣду).

— Никакого мнѣ лафита не нужно, — съ нетерпѣніемъ перебилъ я его. — Мнѣ нужно только, чтобы вы оставили моего отца на мѣстѣ!

— Это невозможно. Dites à votre père, — продолжалъ онъ по-французски: — qu'il sait combien je l'aime et que je n'y puis rien; que si l'un de nous deux doit aller au diable, c'est lui qui doit y aller. Qu'il sorte de la ville coûte que coûte; après cela nous verrons ce qu'on peut faire pour lui... Mais pourquoi diable est-il renvoyé?

— Ni moi, ni mon père n'en savons rien ¹⁾, — возразилъ я, пожалъ ему руку и уѣхалъ.

Вернувшись домой, я нашелъ уже все приготовленнымъ для отъѣзда моего отца, Добрая матушка была неутомима: она крѣпко закутала его въ мѣховую одежду, велѣла постлатъ постель въ каретѣ, въ которую его внесли, сама сѣла съ нимъ, а докторъ слѣдовалъ рядомъ въ другомъ экипажѣ. Черезъ три часа послѣ распоряженія Павла отецъ мой уже проѣхалъ городскую заставу. Полицейскій чиновникъ, все время находившійся въ нашемъ домѣ, тотчасъ донесъ объ этомъ Палену, какъ военному губернатору, а послѣдній отослалъ обратно государева фельдъегеря съ рапортомъ, что приказаніе его величества исполнено въ точности.

Вечеромъ того же дня я поѣхалъ провѣдать отца. Матушка и докторъ находились при немъ, и врачъ сообщилъ мнѣ утѣшительное извѣстіе, что никакихъ серьезныхъ послѣдствій опасаться не надо. Но, увы, съ нимъ все-таки сдѣлался легкій параличъ, отъ котораго онъ никогда уже не оправился.

Спустя два дня послѣ этого происшествія, получено было извѣщеніе, что государь вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ на слѣдующій день прибудетъ въ Петербургъ. По обыкновенію, былъ назначенъ вахт-парадъ, и очередь итти въ караулъ какъ разъ была моя. Изъ ста шести человекъ, составлявшихъ мой эскадронъ, девяносто шесть должны были явиться на парадъ верхами, что составляло весьма значительное число. Надо замѣтить, что, если лицо, носившее извѣстное имя, подвергалось какому либо высканію со стороны императора, то обыкновенно эту немилость раздѣляли и другіе члены этой семьи, находившіеся на службѣ. Вотъ почему мое появленіе на парадѣ почти немедленно послѣ отставки и изгнанія изъ столицы моего отца было для меня дѣломъ довольно щекотливымъ. Но дѣлать было нечего, и мнѣ все-таки надо было явиться во-время со всѣмъ моимъ эскадрономъ. Правда, я зналъ, что онъ хорошо

¹⁾ — «Скажите вашему отцу, что онъ знаетъ, какъ я люблю его, но сдѣлать я ничего не могу. Если одному изъ насъ и суждено убраться къ чорту, то пока очередь. Пусть онъ во что бы то ни стало выѣдетъ изъ города, а затѣмъ мы посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать... Но за что собственно его выслали?»

— «Ни я, ни отецъ мой объ этомъ понятія не имѣемъ».

обучень, но всегда могли произойти ошибки, и послѣдствія ихъ могли оказаться для меня весьма важными, и не только для меня, но и для моего эскадрона и даже для всего полка: такъ бывало не разъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Тогдашній нашъ полковой командиръ, князь Голицынъ ¹⁾, велѣлъ еще наканунѣ вывести мой эскадронъ, чтобы сдѣлать репетицію парада, но офицеры и солдаты были такъ взволнованы, что все шло плохо, и генераль нашъ былъ въ отчаяніи. Я попросилъ его, однако же, успокоиться и не дѣлать выговоровъ, обѣщая ему, что все пойдетъ хорошо. Я самъ похвалилъ солдатъ, приказалъ имъ отправиться въ баню, затѣмъ плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что касается до офицеровъ, которые подвергались наибольшей опасности, то я попросилъ ихъ не думать ни о чемъ и только внимательнѣе прислушиваться къ командѣ. Въ казармахъ я отдалъ строгое приказаніе, чтобы солдатъ не будили, пока я не приѣду самъ. Въ описываемое время всѣ солдаты также носили булки и толстыя косички со множествомъ пудры и помады, вслѣдствіе чего прическа нижнихъ чиновъ занимала очень долгое время; въ то время у насъ полагалось всего два парикмахера на эскадронъ, такъ что солдаты, когда они готовились къ параду, принуждены были не спать всю ночь изъ-за своей завивки. Но этого я никакъ не могъ допустить въ моемъ опасномъ положеніи, въ которомъ все зависѣло отъ состоянія нервовъ моихъ солдатъ. Поэтому я велѣлъ собрать всѣхъ парикмахеровъ со всего полка, приказавъ имъ, какъ можно скорѣе, причесать мой эскадронъ, благодаря чему солдаты могли освободиться раньше и выспаться, какъ слѣдуетъ.

Въ пять часовъ утра я велѣлъ ихъ разбудить, а къ 9-ти часамъ люди и лошади были готовы, выстроены передъ казармами и смотрѣли весело и бодро. Я сѣлъ на своего красиваго гнѣдого мерина «Le Chevalier d'Еоп», поздоровался съ людьми, далъ имъ пароль, и мы отправились ко дворцу.

Императоръ вначалѣ смотрѣлъ мрачно и имѣлъ видъ недовольный, но я съ удвоенною энергіей далъ пароль, офицеры же и солдаты исполнили свое дѣло превосходно. Его величество, вѣроятно, къ собственному своему удивленію, остался настолько доволенъ, что два раза подѣзжалъ хвалить меня. Словомъ, все пошло хорошо и для меня, и для моего эскадрона, и для моего отца, да и вообще для всѣхъ, кому въ этотъ день пришлось говорить съ его величествомъ, ибо подобнаго рода гроза падала на всѣхъ, кто къ нему приближался, безъ различія возраста и пола, не исключая даже и собственного его семейства.

¹⁾ Генераль-майоръ и генераль-адъютантъ, кн. Борисъ Андреевичъ Голицынъ, командовалъ Конной гвардіей съ 18 марта 1798 до 5 января 1800 г. К. В.

Теперь я снова попрошу читателя послѣдовать за мною въ Гатчину и вернуться къ тому времени, когда императоръ подписалъ приказъ объ увольненіи отъ службы и удаленіи изъ столицы моего отца. Тѣмъ же почеркомъ пера Павелъ тутъ же назначилъ на мѣсто моего отца сенатора Аршеневскаго ¹⁾ и особымъ рескриптомъ предписалъ ему немедленно исполнить его приказаніе относительно цѣта сукна. Аршеневскій былъ очень хорошей и разсудительный человѣкъ, и всѣ знали, что онъ былъ близкимъ другомъ и почитаемымъ моего отца. Обстоятельство это было извѣстно и императору, ибо въ сенатѣ они неоднократно держались одного мнѣнія, и Павелъ часто съ ними соглашался. Въ назначеніи Аршеневскаго, такимъ образомъ, нельзя было усматривать гнѣва противъ моего отца.

Не теряя ни минуты времени, новый вице-президентъ Аршеневскій занялъ свое мѣсто въ мануфактуръ-коллегіи. Предсѣдатель, князь Юсуповъ, не могъ объяснить того, что случилось, а также не могъ посовѣтовать, что предпринять дальше. Тогда Аршеневскій самъ разсмотрѣлъ дѣло, затѣмъ лично поѣхалъ посовѣтоваться съ моимъ отцомъ, и, убѣдившись, наконецъ, что, кромѣ того, что уже сдѣлалъ мой отецъ, дѣлать больше нечего, онъ для того, чтобы не подвергаться дальнѣйшей отвѣтственности, подалъ императору прошеніе объ увольненіи, приложивъ къ нему письмо на имя его величества, объясняющее его поводы къ этому поступку. Въ то же время генераль-прокуроръ сената, Беклешовъ ²⁾, который на дѣлѣ былъ министромъ юстиціи, посовѣтовалъ моему отцу написать императору краткое письмо, въ которомъ онъ выражалъ свое горе по поводу того, что навлекъ на себя его гнѣвъ. Это письмо, вмѣстѣ съ прошеніемъ Аршеневскаго, Беклешовъ съ намѣреніемъ вручилъ государю немедленно по возвращеніи его съ парада, на которомъ я удостоился такой похвалы.

Императоръ, который самъ только что выздоровѣлъ отъ гриппа и еще не совсѣмъ чувствовалъ себя хорошо, услышавъ, какъ жестоко былъ исполненъ его приговоръ надъ моимъ отцомъ, чрезвычайно взволновался. Онъ немедленно потребовалъ къ себѣ генераль-прокурора и, со слезами на глазахъ, попросилъ его тотчасъ сѣздить къ моему отцу, извиниться за него въ его жестокой несправедливости и просить его прощенія. Послѣ этого императоръ ежедневно, по два раза, посылалъ узнавать о здоровьѣ моего отца, и когда тотъ наконецъ былъ въ силахъ выѣзжать и

¹⁾ Вѣроятно, Петръ Яковлевичъ Аршеневскій, сенаторъ съ 1788 г., бывшій московскій губернаторъ, родился 1750 г., ум. 1812 г. Братъ его, Илья Яковлевичъ, также сенаторъ, но съ 1800 г., былъ президентомъ мануфактуръ-коллегіи. Здѣсь, повидимому, рѣчь идетъ о Петрѣ Яковлевичѣ, такъ какъ эпизодъ съ А. А. Саблуковымъ произошелъ въ 1799 г., когда Илья Яковлевичъ не былъ сенаторомъ. К. В.

²⁾ Беклешовъ, Александръ Андреевичъ, род. 1745 г., ум. 1808 г. К. В.

явиться къ государю, то между монархомъ и его подданнымъ произошла весьма трогательная сцена примиренія, въ присутствіи Беклешова, при чемъ моему отцу, разумѣется, была возвращена его прежняя должность.

Тѣмъ не менѣе, случай этотъ очень повредилъ императору въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ мои родители оба были весьма любимы и уважаемы. И, дѣйствительно, трудно было найти въ Петербургѣ людей, которые бы пользовались большимъ расположеніемъ и вниманіемъ, которыхъ они вполне заслуживали, благодаря своей добротѣ и отзывчивости ко всѣмъ нуждающимся и несчастнымъ. Въ теченіе немногихъ дней опалы моего отца и вскорѣ послѣ его возвращенія о немъ безпрестанно навѣдывались и съ участіемъ спрашивали о его здоровьѣ. Оказанная ему несправедливость вызвала сильное негодованіе, которое высказывалось открыто и рѣзко, какъ въ частныхъ разговорахъ, такъ и въ письмахъ, которыя получались изъ Москвы и изъ провинціи. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что въ странѣ самодержавной и при государѣ, гнѣвъ котораго былъ неукротимъ, могли такъ свободно порицать его дѣйствія. Но старинный русскій духъ былъ еще живъ, и его не могли подавить ни строгость, ни полицейскія мѣры.

Зная вспыльчивый, но склонный къ великодушнымъ порывамъ характеръ императора Павла, видя зачастую его искреннее желаніе быть справедливымъ, графъ Паленъ, несомнѣнно, могъ бы воспользоваться тяжкою болѣзью моего отца и рапортомъ полицеймейстера, чтобы дать государю время одуматься и хладнокровно обсудить неосновательность своего гнѣва. Но въ планы графа Палена и тѣхъ, кто дѣйствовали съ нимъ заодно, повидимому, не входило вызывать этого монарха къ раскаянію: его судьба была предрѣшена, и онъ долженъ былъ погибнуть. Когда Палену приходилось иногда слышать не совсѣмъ умѣренную критику дѣйствій императора, онъ обыкновенно останавливалъ говорившихъ словами: «Messieurs! Jean f.... qui parle, brave homme qui agit!»

Теперь вернемся снова въ Гатчину, это ужасное мѣсто, откуда послѣдовалъ указъ объ увольненіи моего отца, и которое было колыбелью пресловутой павловской арміи съ ея организацией, выправкой и дисциплиной. Гатчина была любимымъ мѣстопребываніемъ Павла въ осеннее время, и здѣсь происходили ежегодные маневры войскъ. Какъ сѣверная деревенская резиденція, Гатчина великолѣпна: дворецъ, или, вѣрнѣе, замокъ, представляетъ обширное зданіе, выстроенное изъ тесаннаго камня и прекрасной архитектуры. При дворцѣ имѣется обширный паркъ, въ которомъ множество великолѣпныхъ старыхъ дубовъ и другихъ деревьевъ. Прозрачный ручей вьется вдоль парка и по садамъ, обращаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обширные пруды, которые почти можно назвать озерами. Вода въ нихъ до того чиста и прозрачна, что на глубинѣ

12 — 15-ти футовъ можно считать камешки, и въ ней плаваютъ большія форели и стерляди.

Павелъ былъ весьма склоненъ къ романтизму и любилъ все, что имѣло рыцарскій характеръ. При этомъ онъ имѣлъ расположеніе къ великолѣпію и роскоши, которыми онъ восторгался во время пребыванія въ Парижѣ и другихъ городахъ Западной Европы.

Какъ я уже говорилъ, въ Гатчинѣ происходили большіе маневры, во время которыхъ давались и празднества. Балы, концерты, театральныя представленія непрерывно слѣдовали одни за другими, и можно было думать, что всѣ увеселенія Версаля и Трианона какъ бы по волшебству перенесены были въ Гатчину. Къ сожалѣнію, эти празднества нерѣдко омрачались разными строгостями, какъ, напримеръ, арестомъ офицеровъ или ссылкой ихъ въ отдаленные гарнизоны безъ всякаго предупрежденія. Случались и несчастія, какія бываютъ нерѣдко во время большихъ кавалерійскихъ маневровъ, что приводило императора въ сильное раздраженіе. Впрочемъ, несмотря на сильный гнѣвъ, вызываемый подобными случаями, онъ выказывалъ большое человѣколюбіе и участіе, когда кто нибудь былъ серьезно раненъ.

Какъ-то разъ, въ то время, когда я находился во внутреннемъ караулѣ, во дворцѣ произошла забавная сцена. Выше я упомянуть, что офицерская караульная комната находилась близъ самаго кабинета государя, откуда я часто слышалъ его молитвы. Около офицерской комнаты была обширная прихожая, въ которой находился караулъ, а изъ нея шелъ длинный узкій коридоръ, ведшій во внутренніе апартаменты дворца. Здѣсь стоялъ часовой, который немедленно вызывалъ караулъ, когда императоръ показывался въ коридорѣ. Услышавъ внезапно окрикъ часового: «караулъ вонъ!»—я поспѣшно выбѣжалъ изъ офицерской комнаты. Солдаты едва успѣли схватить свои карабины и выстроиться, а я обнажить палашъ, какъ дверь коридора открылась настежь, и императоръ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вошелъ въ комнату, и въ ту же минуту дамскій башмачекъ съ очень высокимъ каблукомъ полетѣлъ черезъ голову его величества, чуть-чуть ея не задѣвши. Императоръ черезъ офицерскую комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ и вернулась туда же, откуда пришла.

На другой день, когда я смѣнялся съ караула, Его Величество подошелъ ко мнѣ и шепнулъ:

— Mon cher, nous avons eu du grabuge hier.

— Oui, Sire,—отвѣчалъ я.

Меня очень позабавилъ этотъ случай, и я никому не говорилъ о немъ, ожидая, что за этимъ послѣдуетъ что нибудь столь же за-

бавное. Ожиданія мои не обманулись: въ тотъ же день, вечеромъ, на балу, императоръ подошелъ ко мнѣ, какъ къ близкому пріятелю и повѣренному, и сказалъ:

— Mon cher, faites danser quelque chose de joli.

Я сразу смекнулъ, что государю угодно, чтобы я протанцовалъ съ Екатериной Ивановной Нелидовой. Что можно было протанцовать красиваго, кромѣ менуэта или гавота сороковыхъ годовъ? Я обратился къ дирижеру оркестра и спросилъ его, можетъ ли онъ сыграть менуэтъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, я просилъ его начать, а самъ пригласилъ Нелидову, которая, какъ извѣстно, еще въ Смольномъ отличалась своими танцами. Оркестръ заигралъ, и мы начали. Что за грацію выказала она, какъ прелестно выдѣлывала «раз» и повороты, какая плавность была во всѣхъ движеніяхъ прелестной крошки, несмотря на ея высокіе каблуки,—точь-въ-точь знаменитая Сантини ¹⁾, бывшая ея учительница! Съ своей стороны, и я не позабылъ уроковъ моего учителя Канціани ²⁾, и, при моемъ кафтанѣ à la Frédéric le Grand, мы оба точь-въ-точь имѣли видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ полномъ восторгѣ и, слѣдя за нашими танцами во все время менуэта, поощрялъ насъ восклицаніями:

— C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux!

Когда этотъ первый танецъ благополучно былъ оконченъ, государь просилъ меня устроить другой и пригласить вторую пару. Вопросъ теперь заключался въ томъ, кого выбрать и кто захочетъ себя выставить напоказъ при такой смущающей обстановкѣ. Въ нашемъ полку былъ офицеръ, по имени Хитрово ³⁾. Я вспомнилъ, что когда-то, будучи 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ вмѣстѣ со мною бралъ уроки у Канціани, и такъ какъ онъ въ то время всегда носилъ красные каблуки, я прозвалъ его камергеромъ. Никто не могъ мнѣ быть болѣе подходящимъ. Я подошелъ къ нему и общилъ о желаніи его величества. Сначала Хитрово колебался, хотя, видимо, былъ радъ выставить себя напоказъ, и послѣ нѣкотораго размышленія спросилъ меня, какую ему выбрать даму. «Возьмите старую дѣвицу Вадуеву» ⁴⁾,—посоветовалъ я ему, и онъ

¹⁾ Сантини, прима-балерина въ эпоху 1783—1790 г.г.

²⁾ Джузеппе Канціани, балетмейстеръ и танцоръ Эрмитажнаго театра при Екатеринѣ II.

³⁾ Алексѣй Захаровичъ Хитрово, род. 1776 г., ум. 1854, впоследствии дѣйствительный тайный совѣтникъ, государственный контролеръ, сенаторъ, и членъ государственнаго совѣта. К. В.

⁴⁾ Вадуева, Екатерина Петровна, род. 1774 г., ум. 1848 г. Въ 1791 г. по окончаніи Смольнаго института опредѣлена фрейлиной къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Была любимой фрейлиной императрицы Елисаветы Алексѣевны. Въ 1826 г. получила камеръ-фрейлинскій знакъ. Въ 1846 г. пожалована орденомъ св. Екатерины 2 класса. К. В.

такъ и сдѣлалъ. Разуѣтается, я снова пригласилъ Нелидову, и танецъ былъ исполненъ на славу, къ величайшему удовольствію его величества. За этотъ подвигъ я былъ награжденъ лишь забавою, которую онъ мнѣ доставилъ, на зато Алексѣю Хитрово этотъ мемуэтъ оказалъ большую услугу. Будучи не особенно исправнымъ офицеромъ, онъ получилъ придворное званіе¹⁾, перешелъ въ гражданскую службу, и въ настоящее время²⁾ весьма снисходительный государственный контролеръ и вообще очень добрый человѣкъ.

Объ императорѣ Павлѣ принято обыкновенно говорить, какъ о человѣкѣ, чуждомъ всякихъ любезныхъ качествъ, всегда мрачномъ, раздражительномъ и суровомъ. На дѣлѣ же характеръ его вовсе былъ не таковъ. Остроумную шутку онъ понималъ и цѣнилъ не хуже всякаго другого, лишь бы только въ ней не видно было недоброжелательства или злобы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія я приведу слѣдующій анекдотъ.

Въ Гатчинѣ, насупротивъ оконъ офицерской караульной комнаты, росъ очень старый дубъ, который, я думаю, и теперь еще стоитъ тамъ. Это дерево, какъ сейчасъ помню, было покрыто странными наростами, изъ которыхъ выросло нѣсколько вѣтокъ. Одинъ изъ этихъ наростовъ своими очертаніями до того былъ похожъ на Павла, съ его косичкою, что я не могъ удержаться, чтобы не срисовать его. Когда я вернулся въ казармы, рисунокъ мой такъ всѣмъ понравился, что всѣ захотѣли получить съ него копію, и въ день слѣдующаго парада я былъ осажденъ просьбами со стороны офицеровъ гвардейской пѣхоты. Воспроизвести его было нетрудно, и я роздалъ не менѣе тридцати или сорока копій. Несомнѣнно, что при томъ соглядатайствѣ со стороны гатчинскихъ офицеровъ, которому подвергались всѣ наши дѣйствія, исторія съ моимъ рисункомъ дошла до свѣдѣнія императора. Будучи вскорѣ послѣ этого еще разъ въ караулѣ, я отъ нечего дѣлать занялся срисовываніемъ двухъ очень хорошихъ бюстовъ, стоявшихъ передъ зеркаломъ въ караульной комнатѣ, изъ которыхъ одинъ изображалъ Генриха IV, а другой—Сюлли. Окончивъ рисунокъ съ Генриха IV, я былъ очень занятъ срисовываніемъ Сюлли, когда въ комнату незамѣтно вошелъ императоръ, сталъ свади меня и, ударивъ меня слегка по плечу, спросилъ:

— Что вы дѣлаете?

— Рисую, государь, — отвѣчалъ я.

— Прекрасно! Генрихъ IV очень похожъ, когда будетъ окончень. Я вижу, что вы можете сдѣлать хорошій портретъ... Дѣлали вы когда нибудь мой?..

¹⁾ Высоч. указомъ 12 дек. 1798 г., будучи въ чинѣ штабсъ-ротмистра Конной гвардіи, А. З. Хитрово пожалованъ въ дѣйствительные камергеры (см. Родосл. книгу рода Хитрово, Спб., 1866). К. В.

²⁾ Писано въ 1847 г.

— Много разъ, ваше величество.

Государь громко разсмѣялся, взглянулъ на себя въ зеркало и сказалъ:

— Хорошъ для портрета!

Затѣмъ онъ дружески хлопнулъ меня по плечу и вернулся въ свой кабинетъ, смѣясь отъ души.

Думаю, что нельзя было поступить снисходительнѣе съ молодымъ человѣкомъ, который нарисовалъ его карикатуру, но въ которомъ онъ не имѣлъ повода предполагать какого либо дурного умысла.

Нѣтъ сомнѣнiя, что въ основѣ характера императора Павла лежало истинное великодушiе и благородство, и, несмотря на то, что онъ былъ ревнивъ къ власти, онъ презиралъ тѣхъ, кто работѣнно подчинялись его волѣ въ ущербъ правдѣ и справедливости, и, наоборотъ, уважалъ людей, которые безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва, чтобы защитить невиннаго. Вотъ, между прочимъ, причина, по которой онъ до самой своей смерти оказывалъ величайшее уваженiе и вниманiе шталмейстеру Сергѣю Ильичу Муханову¹⁾.

Но довольно о Гатчинѣ съ ея маневрами, вахтпарадами, празднествами и танцами на гладкомъ и скользкомъ паркете дворца. Хотя вспыльчивый характеръ Павла и былъ причиною многихъ прискорбныхъ случаевъ (многие изъ которыхъ связаны съ воспоминанiемъ о Гатчинѣ), но нельзя не высказать сожалѣнiя, что этотъ безусловно благородный, великодушный и честный государь столь нелiцепрiятный, искренно и горячо желавшiй добра и правды, не процарствовалъ долѣе и не очистилъ высшей чиновной аристократiи, столь развращенной въ Россiи, отъ нѣкоторыхъ ея недостойныхъ членовъ. Павелъ I всегда радъ былъ слышать истину, для которой слухъ его всегда былъ открытъ, а вмѣстѣ съ нею онъ готовъ былъ уважать и выслушать то лицо, отъ котораго онъ ее слышалъ.

Хотя раздача наградъ и милостей царскихъ и зависѣла отъ личной благосклонности императора къ данному лицу, но милостями этими никогда не опредѣлялись повышенiя по службѣ, вслѣдствiе чего судъ надъ начальниками и подчиненными былъ справедливъ и нелiцепрiятенъ. Корнетъ могъ свободно и безбоязненно требовать военного суда надъ своимъ полковымъ командиромъ, впадѣнъ расчитывая на безпристрастное разбирательство дѣла. Это обстоятельство было для меня тѣмъ щитомъ, которымъ я ограждался отъ великаго князя Константина Павловича во все время

¹⁾ Сергѣй Ильичъ Мухановъ, род. 28 iюня 1762 г., оберъ-шталмейстеръ при Александрѣ I.

его командованія (шефства) нашимъ полкомъ¹⁾, и при помощи котораго я могъ съ успѣхомъ бороться противъ его вспыльчивости и горячности. Одно только упоминаніе о военномъ судѣ приводило его высочество въ настоящій ужасъ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ здѣсь упомянуть, что, много лѣтъ спустя, а именно въ декабрѣ 1829 г., когда я свидѣлся съ Константиномъ Павловичемъ въ Дрезденѣ, онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и, въ присутствіи своего побочнаго сына, П. К. Александрова²⁾, вспоминая о происходившихъ между нами ссорахъ, чистосердечно сознался, что онъ былъ постоянно не правъ, и съ полнымъ благородствомъ призналъ совершенную правильность моихъ дѣйствій относительно него. Мнѣ особенно пріятно писать эти строки и засвидѣтельствовать здѣсь, на землѣ, что великій князь, котораго обыкновенно очень строго осуждали, не былъ лишенъ, какъ увѣряли многіе, добродѣтелей и, прежде всего, смиренія и доброжелательства.

Какъ доказательство того уваженія, которое императоръ Павелъ питалъ къ постановленіямъ военныхъ судовъ, и его безпристрастія въ дѣлѣ правосудія, можно привести слѣдующій случай.

Въ первый годъ его царствованія генераль-прокуроромъ сената былъ графъ Самойловъ³⁾, родственникъ нѣкоего генерала Лаврова, женатаго на сестрѣ извѣстнаго богача Демидова⁴⁾. Лавровъ былъ человѣкъ распутный, большой игрокъ и обремененъ долгами. Жена его была особа довольно легкихъ нравовъ, обладала большимъ состояніемъ и находилась въ связи съ тремя офицерами нашего полка. Оставшись чрезвычайно довольна усердіемъ и вниманіемъ своихъ обожателей, генеральша выдала каждому изъ нихъ по векселю въ 30 тысячъ рублей. Супругъ, взбѣшенный тѣмъ, что такая значительная сумма ускользнула изъ его рукъ, подалъ прошеніе въ сенатъ, заявляя, что жена его—идіотка, неспособная даже прочесть сумму, вписанную въ текстъ векселя, на которомъ первоначально стояло 3.000 рублей, и что лишній ноль на каждомъ изъ векселей былъ прибавленъ ея любовниками, которыхъ онъ кстати и обвинялъ въ подлогѣ.

Сенатъ, подъ вліяніемъ генераль-прокурора Самойлова, призналъ офицеровъ виновными въ подлогѣ и приговорилъ къ разжалованію.

¹⁾ Великій князь Константинъ Павловичъ назначенъ шефомъ Коннаго полка 28 мая 1800 г., который до самой кончины императора Павла именовался лейб-гвардіи его императорскаго высочества Константина Павловича полкомъ (см. Анненковъ: «Исторія лейб-гвардіи Коннаго полка», стр. 183). К. В.

²⁾ Павелъ Константиновичъ Александровъ, род. 1802 г., ум. 1867 г., сынъ великаго князя Константина Павловича отъ г-жи Фредериксъ; умеръ въ чинѣ генераль-лейтенанта свиты его императорскаго величества.

³⁾ Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ, дѣйств. тайн. сов., генераль-прокуроръ съ 1792 г., род. 1744 г., ум. 1814 г. К. В.

⁴⁾ Вѣроятно, Прокофій Акинеичъ Демидовъ, богачъ - благотворитель, род. 1710 г., ум. 1789 г. К. В.

Приговоръ этотъ былъ представленъ на утверждение государя; но послѣдній, вмѣсто того, чтобы утвердить постановленіе сената, велѣлъ созвать въ нашемъ полку военный судъ.

Въ качествѣ младшаго члена полкового суда, мнѣ пришлось подавать свой голосъ первымъ, и я прежде всего предложилъ спросить генеральшу Лаврову, считаетъ ли она сама эти три векселя подложными. Г-жа Лаврова прислала письменное заявленіе, въ которомъ сообщала, что подлога нѣтъ, что она любитъ этихъ трехъ офицеровъ и желаетъ сдѣлать имъ подарокъ, а что мужъ ея — «лжець». Тогда я подалъ голосъ за то, чтобы офицеры были оправданы въ подлогѣ, но были уволены изъ полка за поведеніе, недостойное дворянина. Полковой судъ единогласно принялъ это рѣшеніе, приговоръ былъ представленъ государю, который и утвердилъ его, отмѣнивъ рѣшеніе сената и сдѣлавъ сенаторамъ строгій выговоръ. Впослѣдствіи эти три офицера неоднократно высказывали мнѣ свою благодарность.

Императоръ Павелъ, какъ я уже говорилъ, былъ искреннимъ христіаниномъ, человѣкомъ глубоко религіознымъ, отличался съ ранняго дѣтства богобоязненностью и благочестіемъ. По взглядамъ своимъ это былъ совершенный джентельменъ, который зналъ, какъ надо обращаться съ истинно-порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали къ родовой или служебной аристократіи. Я находился на службѣ въ теченіе всего царствованія этого государя, не пропустилъ ни одного ученія или вахтпарада и могу засвидѣтельствовать, что хотя онъ часто сердился, но я никогда не слышалъ, чтобы изъ устъ его исходила обидная брань. Какъ доказательство его рыцарскихъ, доходившихъ даже до крайности возврътній, можетъ служить то, что онъ совершенно серьезно предложилъ Бонапарту дуэль въ Гамбургѣ съ цѣлью положить этимъ поединкомъ предѣлъ разорительнымъ войнамъ, опустошавшимъ Европу. Свидѣтелями со стороны императора должны были быть Паленъ¹⁾ и Кутайсовъ. Несмотря на всю причудливость и несовременность подобнаго вызова, большинство монарховъ, не исключая са-

¹⁾ Баронъ (съ 1799 г. графъ) Петръ Алексѣевичъ фонъ-дѣръ-Паленъ родился въ Курляндіи въ 1745 г. Во время переворота 1762 г. былъ капитаномъ Конной гвардіи. Участвовалъ въ Шведской войнѣ 1788 г., за которую награжденъ чиномъ генераль-майора, Георгіемъ 3-го класса и Аннинской лентой. По присоединеніи Курляндіи, назначенъ курляндскимъ генераль-губернаторомъ въ 1796 г. Вскорѣ послѣ воцаренія императора Павла уволенъ отъ службы. Въ 1798 г. изъ отставки произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и пожалованъ Андреевскимъ орденомъ. Въ 1800 г., оставаясь с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, назначенъ первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главнымъ директоромъ почты. Главный руководитель въ событіи 11 марта 1801 г. Уволенъ отъ службы 1 апрѣля 1801 г. Женатъ на Юліанѣ Шёппингъ, отъ которой имѣлъ 3 дочерей и 5 сыновей. Умеръ 13 февраля 1826 г. К. В.

мого Наполеона, отдали полную справедливость высокогуманным побужденіямъ, руководившимъ русскимъ государемъ, сдѣлавшимъ столь рыцарское предложеніе съ полною искренностью и чисто-сердечіемъ.

Кстати о рыцарствѣ. Мнѣ пришло на память нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ Павловскѣ, лѣтней резиденціи императорскаго семейства. Ихъ величества находились въ Павловскѣ преимущественно весною и раннимъ лѣтомъ, такъ какъ во время сильныхъ июльскихъ жаровъ они предпочитали Петергофъ на Финскомъ заливѣ, гдѣ воздухъ былъ морской и болѣе свѣжій. Павловскъ, принадлежавшій лично императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, былъ устроенъ чрезвычайно изящно, и всякій клочекъ земли здѣсь носилъ отпечатокъ ея вкуса, наклонностей, воспоминаній о заграничныхъ путешествіяхъ и т. п. Здѣсь былъ павильонъ розъ, напоминавшій Трианонскій; шалѣ, подобныя тѣмъ, которыя она видѣла въ Швейцаріи; мельница и нѣсколько фермъ на подобіе тирольскихъ; были сады, напоминавшіе сады и террасы Италіи. Театръ и длинныя аллеи были заимствованы изъ Фонтенеблѣ, и тамъ и сямъ виднѣлись искусственныя развалины. Каждый вечеръ устраивались сельскіе праздники, поѣздки, спектакли, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, во время которыхъ императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки своею привѣтливостью придавали этимъ развлечениямъ восхитительный характеръ. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ, и его поклоненіе женской красотѣ зачастую заставляло его указать на какую нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро или Санчо-Панса, Кутайсовъ, немедленно и принималъ къ свѣдѣнію, стараясь исполнить желаніе своего господина.

Однажды, на одномъ изъ баловъ, данныхъ въ Москвѣ по случаю его пріѣзда въ 1798 г., императоръ былъ совершенно очарованъ огненными черными глазами дѣвицы Анны Лопухиной. Кутайсовъ, которому Павелъ сообщилъ о произведенномъ на него впечатлѣніи, немедленно же разсказалъ объ этомъ отцу дѣвицы, съ которымъ и былъ заключенъ договоръ, имѣвшій цѣлью плѣнить сердце его величества ¹⁾.

«La troupe dorée», какъ императоръ называлъ насъ, офицеровъ Конной гвардіи, въ виду нашей элегантности и цвѣта нашихъ мундировъ, ярко-красныхъ, «tirant sur l'orange», въ качествѣ постоянныхъ кавалеровъ Павловскихъ увеселеній, вскорѣ узнала объ этой любовной интригѣ, о которой мы стали болтать довольно свободно. Это скоро дошло до свѣдѣнія государя, вслѣдствіе чего полкъ нашъ нѣкоторое время былъ въ немилости. Впрочемъ, она была непро-

¹⁾ Анна Петровна Лопухина, въ замужествѣ княгиня Гагарина, род. 1777 г., ум. 1805 г.

должительна, такъ какъ дѣвица Лопухина сама къ намъ очень благоволила, и при томъ же дѣя ея сестры вскорѣ вышли замужъ за офицеровъ нашего полка: одна за Демидова, другая за графа Кутайсова, сына шталмейстера. Анна Петровна Лопухина вскорѣ была пожалована фрейлиною и приглашена жить въ Павловскѣ. Для нея было устроено особое помѣщеніе, нѣчто въ родѣ дачи, въ которую Павелъ могъ легко пройти изъ «Розоваго павильона», не будучи никѣмъ замѣченъ. Онъ являлся туда каждый вечеръ, какъ онъ вначалѣ самъ воображалъ, съ чисто платоническими чувствами восхищенія; но брадобрей и Лопухинъ-отецъ лучше знали человѣческую натуру и вѣрнѣе смотрѣли на будущее. Имъ постепенно удалось разжечь чувства Павла къ дѣвущкѣ путемъ упорнаго ея сопротивленія желаніямъ его величества, что, впрочемъ, она и дѣлала вполне искренно, такъ какъ, будучи еще въ Москвѣ, она испытывала довольно серьезную привязанность къ одному князю Гагарину ¹⁾, служившему майоромъ въ арміи и находившемуся теперь въ Италіи, въ войскахъ Суворова. Однажды, въ одинъ изъ вечеровъ, когда Павелъ оказался болѣе предприимчивымъ, чѣмъ обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее, и призналась государю въ своей любви къ Гагарину. Императоръ былъ пораженъ, но его рыцарскій характеръ и врожденное благородство тотчасъ проявили себя: онъ немедленно же рѣшилъ отказаться отъ любви къ дѣвущкѣ, сохранивъ за собою только чувство дружбы, и тутъ же захотѣлъ выдать ее замужъ за человѣка, къ которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказанія вернуть въ Россію князя Гагарина. Въ это самое время послѣдній только что отличился въ какомъ-то сраженіи, и его поэтому отправили въ Петербургъ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ. Я находился во дворцѣ, когда князь Гагаринъ прибылъ ко двору, и вынесъ о немъ впечатлѣніе, какъ объ очень красивомъ, хотя и не высокаго роста человѣкѣ. Императоръ тотчасъ же наградилъ его орденомъ, самъ привелъ къ его возлюбленной и въ теченіе всего этого дня былъ искренно доволенъ и преисполненъ гордости отъ сознанія своего дѣйствительно геройскаго самопожертвованія.

И вечеромъ на «маленькомъ дворцовомъ балу» императоръ имѣлъ положительно счастливый и довольный видъ, съ восторгомъ говорилъ о своемъ красивомъ и счастливомъ соперникѣ и представилъ его многимъ изъ насъ съ видомъ искренняго добродушія. Съ своей стороны, я лично ни на минуту не сомнѣвался въ искренности Павла, благородная душа котораго одержала побѣду надъ сердечнымъ влеченіемъ. Не будь Кутайсова и Лопухина-отца, которые

¹⁾ Гагаринъ, князь Павелъ Гавриловичъ, генералъ-адъютантъ, впоследствии директоръ инспекторскаго департамента, род. 1777 г., ум. 1850 г.

изъ личныхъ выгодъ потакали дурнымъ страстямъ императора и привлекли въ эту интригу даже самого Гагарина, не будь всего этого,—нѣтъ никакого сомнѣнiя, что княгиня Анна Гагарина, рожденная Лопухина, никогда не была бы *maitresse en titre* императора Павла въ моментъ кончины этого злополучнаго государя.

Одновременно съ этими любовными интригами совершались крупныя политическiя событiя: союзъ между Россiей и Англiей и всѣмъ континентомъ противъ революционной Францiи былъ заключенъ. Суворовъ, вызванный изъ ссылки, назначенъ былъ генераллиссимусомъ союзной русско-австрiйской армiи, дѣйствовавшей въ Италiи въ февралѣ 1799 г. Другая русская армiя, подъ начальствомъ генерала Германа¹⁾, была отправлена въ Голландiю для совмѣстныхъ дѣйствiй съ армiей герцога Йоркскаго, имѣвшей цѣлью атаковать Францiю съ сѣвера. Наконецъ, и едва ли не важнѣйшимъ событiемъ было избранiе императора гротемейстеромъ Мальтiйскаго ордена, вслѣдствiе чего островъ Мальта былъ взятъ подъ его покровительство. Павелъ былъ въ восторгѣ отъ этого титула, и это обстоятельство, въ связи съ романтической любовью, овладѣвшей его чувствительнымъ сердцемъ, привело его въ совершенный экстазъ. Щедрости его не было предѣловъ: онъ велѣлъ купить три дома на набережной Невы и соединить ихъ въ одинъ дворецъ, который подарилъ князю Гагарину, снисходительному супругу черноокой Дульциней. Лопухинъ-отецъ былъ сдѣланъ свѣтлѣйшимъ княземъ и назначенъ генералъ-прокуроромъ сената: должность чрезвычайно важная, напоминающая отчасти, по значенiю своему, должность перваго лорда казначейства въ Англiи, нѣчто въ родѣ перваго министра. Кутайсовъ, исполнявшiй свою роль Фигаро при гротемейстерѣ Мальтiйскаго ордена, продолжалъ служить для любовныхъ порученiй, вслѣдствiе чего онъ изъ брэдобреевъ былъ пожалованъ въ графы и сдѣланъ шталмейстеромъ ордена. Онъ купилъ себѣ домъ по сосѣдству съ дворцомъ княгини Гагариной и поселилъ въ немъ свою любовницу, французскую актрису Шевалье. Я не разъ видѣлъ, какъ государь самъ привозилъ его туда и затѣмъ заѣзжалъ за нимъ, возвращаясь отъ своей возлюбленной.

При этомъ *la troupe dorée*, т.-е. офицеры Конной гвардiи, обязаны были принимать участiе въ томъ, что происходило во дворцѣ. Едва подписанъ былъ союзный трактатъ съ Англiей, я получилъ приказанiе отправиться въ Петербургъ и изготовить себѣ мундиръ, точь-въ-точь подобный тому, который носила англiйская Конная гвардiя (*Horse Guards*)—красный съ синими отворотами, вышитыми золотомъ. Это было нелегко, ибо, кромѣ соответствующаго сукна, нужно было знать покрой англiйскихъ мундировъ. Но счастье и

¹⁾ Германъ, Иванъ Ивановичъ, генералъ отъ-инфант. въ 1801 г.

тутъ мнѣ благопріятствовало, и вскорѣ я отыскалъ одного англичанина, по имени Дональдсона, который былъ когда-то портнымъ принца Валлійскаго, и сообщилъ ему о своемъ желаніи. Онъ сдѣлалъ мнѣ мундиръ менѣе чѣмъ въ два дня, и я тотчасъ вернулся въ Павловскъ въ новомъ мундирѣ, которымъ восхищались всѣ и въ особенности великія княжны. Два или три другихъ офицера нашего полка, едва успѣли сшить себѣ такіе мундиры, какъ вышло новое приказаніе: Конной гвардіи имѣть мундиры пурпуроваго цвѣта. Пурпуръ былъ цвѣтъ мальтійскихъ гресмейстеровъ, почему Конная гвардія и получила этотъ цвѣтъ. Въ теченіе четырехлѣтняго царствованія Павла цвѣтъ и покрой нашихъ мундировъ были измѣнены не менѣе девяти разъ.

Да не подумаетъ, однако, читатель, что во все это время любовныхъ переговоровъ, новыхъ политическихъ комбинацій, перемѣны формъ, празднествъ и увеселеній, происходившихъ въ Павловскѣ, измѣнились или уничтожились тѣ дисциплинарныя строгости, которыя были заведены въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ. Напротивъ того, ихъ было столько же, если не больше, тѣмъ болѣе, что почти ежедневно дѣлались смотры. Эти смотры дѣлались не надъ корпусами, какъ во время маневровъ, а надъ небольшими частями, вслѣдствіе чего малѣйшая ошибка дѣлалась замѣтной. Тутъ же, въ Павловскѣ, находилась такъ называемая цитадель или фортъ, по имени Бипъ, куда сажали подъ арестъ провинившихся офицеровъ¹⁾. Такъ, напримѣръ, сюда попали два полковника изъ донскихъ казаковъ, братья Залувецкіе, прославившіеся своими боевыми подвигами въ итальянскую кампанію 1799 г., которые были арестованы за остроумно-смѣлые отвѣты Павлу.

Флота-капитанъ Чичаговъ²⁾ также долженъ былъ отправиться подъ арестъ за рѣзкій, почти дерзкій отвѣтъ императору. Однако, Чичаговъ воспротивился этому приказанію и не хотѣлъ итти подъ арестъ, ссылаясь на привилегіи, связанныя съ Георгіевскимъ крестомъ, кавалеромъ котораго онъ состоялъ. Возбѣшенный этимъ сопротивленіемъ императоръ велѣлъ сорвать съ него Георгіевскій крестъ, что и было исполнено безъ всякаго колебанія дежурнымъ генераль-адъютантомъ Уваровымъ³⁾. При такомъ оскорбленіи

¹⁾ Фортъ Бипъ, или Маріенталь, построенъ въ 1778 г. на мѣстѣ шведскаго укрѣпленія, сдѣланнаго генераломъ Кроніоргомъ въ 1702 г. При императорѣ Павлѣ зданіе обращено въ крѣпость съ католической мальтійской капеллой. Съ 1807 по 1810 г. здѣсь помѣщалось первое по времени училище глухонѣмыхъ. К. В.

²⁾ Чичаговъ, Пав. Вас., впоследствии адмиралъ, морской министръ при Александрѣ I, членъ государственнаго совѣта. Въ 1812 г. командовалъ Дунайской арміей. Родился 1762 г., ум. 1849 г.

³⁾ Уваровъ, гр. Фѣдоръ Петр., впоследствии генералъ отъ кавалеріи; членъ государственнаго совѣта. Род. 1778 г., ум. въ декабрѣ 1824 г.

возмущенный Чичаговъ сбросилъ съ себя мундиръ и въ одномъ жилетѣ отправился въ фортъ. Впрочемъ, подъ арестомъ его продержали всего нѣсколько дней, и вскорѣ послѣ этого онъ даже былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и получилъ въ командованіе эскадру.

Этотъ Уваровъ былъ полковникомъ одного изъ полковъ, квартировавшихъ въ Москвѣ въ то время, когда Павелъ впервые увидѣлъ Лопухину и увлекся ея блестящими черными глазами. Будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ матерью Лопухиной, Уваровъ естественно принималъ также участіе во всѣхъ махинаціяхъ, имѣвшихъ цѣлью завлечь императора въ любовныя сѣти. вмѣстѣ съ Лопухиными прибылъ онъ въ Павловскъ, былъ переведенъ въ Конную гвардію, вскорѣ сдѣланъ генераль-адъютантомъ и все время повышался въ милостяхъ наравнѣ съ Лопухиными. Во время обѣда, даннаго заговорщиками, именовавшими себя послѣ смерти Павла «освободителями», Уваровъ припомнилъ Чичагову, что онъ сорвалъ съ него Георгіевскій крестъ. Чичаговъ отвѣчалъ: «Если вы будете служить нынѣшнему императору такъ же «вѣрно», какъ его предшественнику, то заслужите себѣ достойную награду». Уваровъ въ качествѣ генераль-адъютанта былъ дежурнымъ въ ночь съ 11 на 12 марта и, какъ извѣстно, былъ въ то же время однимъ изъ главныхъ дѣятелей заговора.

Во всемъ мірѣ едва ли найдется страна, въ которой цѣлый рядъ государей былъ бы одушевленъ такимъ горячимъ чувствомъ патріотизма, какъ домъ Романовыхъ въ Россіи. Правда, многіе сановники, министры и царедворцы нерѣдко злоупотребляли личными слабостями и недостатками нѣкоторыхъ изъ государей, да и сами они зачастую, благодаря чрезмѣрной самонадѣянности, уклонялись съ истиннаго пути; тѣмъ не менѣе, насколько я могу судить по личнымъ моимъ наблюденіямъ, я вынесъ искреннее убѣжденіе въ томъ, что въ основѣ всякаго дѣйствія этихъ монарховъ всегда лежало чувство горячей любви къ родинѣ. Государи русскіе искони гордились величіемъ этого обширнѣйшаго въ мірѣ государства и нерѣдко считали необходимымъ принимать мѣры, сообразныя съ этимъ величіемъ, вслѣдствіе чего славолубіе это часто обращалось въ личное тщеславіе, а мудрая экономія въ расточительность. Но, помимо свойственной всякому человѣку склонности къ тщеславію, русскіе государи имѣютъ два повода, до извѣстной степени извиняющіе это стремленіе къ похваламъ: во-первыхъ, потому, что большая часть какъ мужскихъ, такъ и женскихъ представителей этого дома всегда отличалась замѣчательною красотой и физическою силою; во-вторыхъ, потому, что въ силу историческихъ условій они сдѣлались представителями военнаго сословія: съ самыхъ древнѣйшихъ временъ Россія находилась въ постоянной войнѣ со своими сосѣдями, и во главѣ ея армій всегда стояли ея монархи, сначала

цари московскіе, а затѣмъ императоры всероссійскіе. Благодаря этому, любовь къ военной славѣ передавалась отъ отца къ сыну и сдѣлалась преобладающею страстью въ этой семьѣ. И, дѣйствительно, не можетъ не возбуждать самолюбія и тщеславія одинъ видъ многихъ тысячъ людей, которые двигаются, стоятъ, поворачиваются и бѣгутъ по одному слову, одному знаку своего монарха. Одинъ весьма остроумный, высокопоставленный и вліятельный при дворѣ человекъ, говоря о громадныхъ средствахъ, расходуемыхъ Русскимъ государствомъ на содержаніе постоянного войска, весьма справедливо замѣтилъ: «Да, впрочемъ, оно такъ и должно быть, ибо до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ царя-калѣки, мы никогда не дождемся перемѣны во взглядахъ и привычкахъ нашихъ государей. *Toujours joli garçon, toujours sarogall!*»

Перехожу теперь къ описанію происшествій, закончившихся трагическимъ событіемъ 11 марта 1801 г.

Н. А. Саблуковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАЗНЬ КАРАКОЗОВА.

(Отрывокъ изъ записокъ) ¹⁾.

В ДЕНЬ совершенія казни надъ Караковымъ я также отправился на Смоленское поле, но уже по собственному желанію, а не по наряду начальства. Толпа народа собралась невообразимая, и я уже терялъ надежду пробраться къ эшафоту, но меня выручилъ генералъ, командовавшій войсками, собранными вокругъ эшафота.

— Александръ Семеновичъ!— окликнулъ онъ меня, съ трудомъ и самъ проѣзжая въ коляскѣ сквозь толпу,—садитесь скорѣе!

Я сѣлъ; мы подѣхали къ карре, и я пѣшкомъ уже дошелъ до эшафота. Эшафотъ состоялъ изъ деревянной площадки, обнесенной перилами и возвышающейся отъ земли не болѣе одного аршина. На эшафотѣ стоялъ столбъ съ блокомъ. Въ блокъ продѣта была тонкая веревка съ петлей на лицевой сторонѣ. Другой конецъ веревки былъ спущенъ чрезъ блокъ по ту сторону столба. Тутъ же стоялъ и палачъ, рыжій мужикъ въ красной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ, безъ

¹⁾ Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1889 г. было напечатано нѣсколько отрывковъ изъ записокъ А. С. Харламова, бывшаго правителя канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Помѣщаемый теперь отрывокъ «Казнь Каракозова» не могъ быть тогда напечатанъ по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ.

шапки. Подлѣ эшафота переминался съ ноги на ногу священникъ въ эпитрахили, съ св. крестомъ въ рукѣ, и чиновникъ въ вице-мундирѣ, читавшій про себя какую-то бумагу (приговоръ суда, какъ оказалось впоследствии).

Я всталъ у перилъ эшафота, съ лицевой его стороны, гдѣ были пристроены три или четыре ступеньки.

Священникъ подошелъ ко мнѣ и робко заговорилъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?—спросилъ онъ, кланаясь мнѣ.

Я назвалъ себя.

— Вотъ, ваше превосходительство!—тихо продолжалъ священникъ:—меня беретъ тяжкое сомнѣніе, и я желалъ бы узнать отъ васъ, какъ мнѣ поступить. Каракозовъ преступникъ, онъ руку свою поднялъ на помазанника Божія, но я его напустивалъ и видѣлъ его непритворное раскаяніе. По власти, мнѣ данной, я отпустилъ ему его грѣхи: это было за часъ, за два только. Могу ли я теперь, на эшафотѣ, проститься съ нимъ по-христіански, или нѣтъ? Какъ на это посмотреть правительство?

Я отъ всего сердца пожалъ руку у старика и сказалъ:

— Дѣйствуйте по внушенію вашего сердца: вотъ все, что я могу вамъ сказать. Вы—не судья: вы представитель Божія милосердія! Предъ вами человекъ, отходящій на судъ Божій. Я бы на вашемъ мѣстѣ простился съ нимъ по-христіански.

— Благодарю васъ!—отвѣчалъ горячо священникъ, хватая меня за руку. — Благодарю васъ! И вы думаете, что начальство съ меня не взыщетъ?..

— Не думаю, а совершенно увѣренъ. Начальство дѣлаетъ свое дѣло, а вы дѣлайте свое,—отвѣчалъ я.

— Благодарю васъ.

Священникъ отошелъ на то мѣсто, гдѣ прежде стоялъ.

Вдали показалась извѣстная всѣмъ колесница, на которой высоко сидѣлъ привязанный къ столбу Каракозовъ. Отрядъ конныхъ жандармовъ окружалъ колесницу. На груди у Каракозова была прикрѣплена дощечка съ надписью: «Цареубійца».

Колесница вѣхала въ карре, и Каракозова сняли на землю. Онъ былъ одѣтъ въ арестантскій сѣрый халатъ и такую же сѣрую шапку. Лицо его было болѣзненно-блѣдно, глаза блуждали. Руки у него не были связаны.

Его взвели на эшафотъ и поставили подъ петлю. Войска опять взяли на караулъ, и началось чтеніе приговора, осуждавшаго Каракозова на смерть чрезъ повѣшеніе.

Каракозовъ стоялъ не шевелясь, безъ шапки, съ лицомъ, совершенно окаменѣлымъ. О чемъ онъ думалъ въ это время, если онъ только могъ думать?.. Я смотрѣлъ на него пристально, и мнѣ казалось, что въ глазахъ его была такая тоска, которой никогда больше не увидишь...

Чтеніе кончилось; на эшафотъ взшелъ священникъ и, нагнувшись къ Каракозову, началъ ему говорить послѣднія земныя утѣшенія. Каракозовъ, казалось, его не слушалъ.

— Вы меня слышите? Вы меня понимаете? — довольно громко спросилъ священникъ.

— Да, и слышу, и понимаю, и молю Бога простить меня и подкрѣпить. Тяжко мнѣ!..—проговорилъ Каракозовъ глухимъ голосомъ, но совершенно отчетливо.

— Молитесь, милосердіе Божіе безконечно! Молитесь въ душѣ вашей... и священникъ заговорилъ такъ тихо, что я пересталъ слышать. Продолжалось это довольно долго, но никто и не подумалъ помѣшать этой послѣдней бесѣдѣ.

Я помню тотъ моментъ, когда священникъ поднялъ св. крестъ надъ Каракозовымъ... Боже мой, что тогда произошло! Каракозовъ судорожно вцѣпился въ руку священника и прильнулъ губами къ кресту, потомъ упалъ на колѣни, и колѣни его стукнули о помость. Стоя на колѣняхъ, Каракозовъ цѣловалъ крестъ... все цѣловалъ, много разъ, и изъ глазъ его текли слезы... Я думаю, что Богъ простилъ ему его преступленіе и прочіе грѣхи ради его сердечнаго раскаянія, ради этихъ послѣднихъ слезъ его, ради этой неземной тоски, которую я видѣлъ въ его глазахъ.

Но, довольно! слишкомъ долго уже это тянулось.

Священникъ дотронулся до плеча Каракозова и указалъ ему крестомъ на небо. Каракозовъ вздрогнулъ, но тотчасъ поднялся на ноги и опустилъ руки. Священникъ опять перекрестилъ его, потомъ поцѣловалъ, низко поклонился и сошелъ съ эшафота, со слезами на глазахъ, глубоко взволнованный.

Каракозовъ стоялъ неподвижно подъ петлею, и только глаза его провожали священника, его послѣдняго друга на этомъ свѣтѣ.

Подшелъ палачъ, снялъ съ Каракозова арестантскій халатъ и надѣлъ на него холстинный мѣшокъ съ длинными рукавами, которыми и перевязалъ ему руки за спиною. Каракозовъ не только не противился, но даже протягивалъ руки и самъ вдѣвалъ ихъ въ рукава.

Палачъ тихонько надѣлъ ему петлю на шею и присноровилъ ее поплотнѣе. Затѣмъ, онъ отошелъ назадъ и, схватившись за тотъ конецъ веревки, который былъ спущенъ сзади столба, порывисто дернулъ раза два-три.

Тѣло поднялось на аршинъ отъ помоста, ноги едва вздрогнули, и все замерло—ни звука, ни движенія: подъ блокомъ висѣло уже мертвое тѣло.

Висѣло оно до вечера, и часовой стоялъ у висѣлицы; ночью трупъ сняли и увезли на Голодай.

А. С. Харламовъ.

ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ТЮРЬМѢ.

I.

ВЕЧЕРОМЪ, 28 сентября 1884 г., предсѣдатель военно-окружнаго суда въ С.-Петербургѣ читаетъ окончательный приговоръ.

Изъ четырнадцати осужденныхъ за государственныя преступленія восемь приговорены къ смертной казни. Преступленія каждого реэюмируются отдѣльно. Дошла очередь до меня.

— За сношенія,— читаетъ предсѣдатель,— съ государственными преступниками, бывшимъ лейтенантомъ флота Буцевичемъ и Вѣрою Филипповою-Фигнеръ....

Я такъ и замеръ. Ни Буцевича, ни Фигнеръ никогда не видѣлъ, даже по фотографіи, и никакихъ сношеній съ ними не имѣлъ.

Единственный знакомый мой изъ подсудимыхъ офицеровъ, М. Ю. Ашенбренеръ, сидѣвшій на первой скамейкѣ, повернулъ лицо ко мнѣ и грустно улыбнулся. Въ отвѣтъ ему я только пожалъ плечами.

Предсѣдатель прочелъ еще о моей принадлежности къ тайному сообществу и участіи въ кружкѣ офицеровъ Черноморскаго флота, но я это обвиненіе пропустилъ мимо ушей. Считать ли за преступленіе, что мы, молодежь-офицеры, вечеромъ за самоваромъ поговоримъ относительно послѣднихъ событій въ Россіи немного

въ либеральномъ духѣ? Вѣдь тотъ жандармскій офицеръ, который везъ меня въ каретѣ по Петербургу, не скрывалъ своего сочувствія къ либеральнымъ стремленіямъ того времени. Даже товарищъ прокурора, подъ присмотромъ котораго велось слѣдствіе по нашему дѣлу, признался мнѣ, что и онъ въ университетѣ считался «краснымъ» среди товарищей. Да и сами судьи, вѣроятно, не удовлетворены были составомъ моего преступленія, считая его совершенно ничтожнымъ, если имъ нужно было притянуть хоть такой неважный поступокъ, какъ неопредѣленное сношеніе съ государственными преступниками. Я увѣренъ, они сдѣлали эту ошибку совершенно неумышленно. Слѣдователь, жандармскій майоръ, зналъ, что я никогда не встрѣчался съ В. Н. Фигнеръ, и онъ въ сущности первый познакомилъ меня съ ея біографіей. А судьи, не справившись съ многочисленными томами по нашему дѣлу, рѣшили, что я долженъ быть знакомъ съ Бүцевичемъ и Фигнеръ, разъ они пріѣзжали въ г. Николаевъ, гдѣ зимой обыкновенно проживали моряки.

Послѣ окончательнаго приговора подсудимые не имѣютъ права что либо говорить суду, и потому я не могъ доказать ему, что его обвиненіе на этотъ разъ совершенно ложно.

Еще маленькая подробность. Насъ судили, какъ судятъ релігіозныхъ «преступниковъ» (?).

— Вы — штундисты.

— Нѣтъ, мы — баптисты, — отвѣчаютъ подсудимые.

— Штундисты — вы! — настаиваетъ судъ.

— Ужъ позвольте намъ лучше знать, что мы готовы исповѣдывать.

Такъ и съ нами, офицерами, на военномъ судѣ.

— Вы принадлежите къ партіи «Народной Воли».

— Нѣтъ, мы составляемъ особую военную организацію, ничего общаго не имѣющую съ террористическимъ направленіемъ партіи.

— Нѣтъ, вы принадлежите къ партіи «Народной Воли», — настаиваетъ судъ.

Лейтенантъ Штромбергъ хотѣлъ объяснить значеніе военной организаціи и привелъ въ параллель декабристовъ 1825 г. Его лишили слова и повѣсили.

Повели насъ по камерамъ Дома предварительнаго заключенія. Каждою сопровождали два жандарма съ обнаженными палашами. Мы, осужденные, идя по лѣстницѣ, все время оберегались, какъ бы впереди идущій жандармъ не задѣлъ грубо размахиваемымъ палашомъ. Нѣкоторые изъ насъ по дорогѣ перекликивались между собою короткими фразами. Особенное оживленіе проявили тѣ, которые были осуждены въ каторжныя работы. Они еще надѣялись встрѣтиться гдѣ нибудь въ Сибири. Бѣдные! они и не подозрѣ-

вали, что имъ грозить медленное умираніе въ каменныхъ гробахъ Шлиссельбурга!

Вскорѣ приходятъ ко мнѣ на свиданіе братъ и сестра. Они знаютъ, что меня приговорили къ смертной казни, и сквозь слезы стараются поддержать во мнѣ увѣренность, что меня не казнятъ.

— Вѣдь ты не участвовалъ ни въ какихъ убійствахъ или покушеніяхъ,— такъ за что же тебя убивать?— спрашиваютъ они.

Я рассказалъ, какъ судъ обвинилъ меня въ сношеніи съ лицами, которыхъ я не только не зналъ, но и никогда не видалъ.

— И ты молчишь! Что же ты не протестуешь?— удивленно спрашиваетъ сестра.

Братъ ее поддерживаетъ и совѣтуетъ обжаловать приговоръ суда.

— Оставьте мнѣ,— говорю я имъ,— немного сократовскаго утѣшенія.

— Какое это утѣшеніе?

— А помните, когда Сократъ взялъ въ руки чашу съ ядомъ, ему сказалъ одинъ изъ его учениковъ: «Ты умираешь невиннымъ!» — «А развѣ ты хотѣлъ,— отвѣтилъ ему Сократъ,— чтобы я умеръ виновнымъ?» Пусть и у меня будетъ сознаніе, что меня осудили неправильно.

На другой день меня перевезли въ Трубецкой рavelинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ я находился и раньше до суда. Мѣсто то же самое, но условія уже перемѣнились. Отъ меня вняли мой морской костюмъ, въ которомъ меня арестовали. Не дали мнѣ и больничнаго бѣлья и синяго халата изъ какого-то офицерскаго лазарета, какъ это полагается здѣсь для лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ. Теперь на мнѣ грубое толстое бѣлье, сѣрые суконные штаны, такая же короткая курточка и круглая арестантская шапка. За обѣдомъ вмѣсто жаренаго блюда даютъ кашу и вмѣсто чая — горячую воду. Все сдѣлано такъ, чтобы заключенный почувствовалъ разницу положеній: до суда и послѣ.

Проходитъ нѣсколько мучительныхъ дней со дня объявленія приговора. Еще не разрѣшенъ былъ страшный вопросъ: быть или не быть?

— Если они,— думалъ я про себя,— находятъ нужнымъ казнить меня, то тогда надо казнить въ Россіи сотни, тысячи, десятки тысячъ людей! Нѣтъ, этого они не сдѣлаютъ.

Ко мнѣ вернулось спокойствіе и увѣренность, что меня сошлютъ въ Сибирь.

— Хоть на край свѣта готовъ я ѣхать. Можно жить всюду, гдѣ люди есть. Только бы не въ одиночное заключеніе!

Въ субботу, вечеромъ, 6 октября, когда я прислушивался къ благовѣсту петербургскихъ церквей ко всеобщей и думалъ о «судбахъ человѣческихъ», вдругъ послышался стукъ открываемыхъ и запираемыхъ дверей и шумъ многочисленныхъ шаговъ.

— Обходь камеру. Кто бы это могъ быть? — гадаю про себя. Стукъ дверей и шумъ шаговъ все ближе и ближе ко мнѣ. Я сталъ посреди камеры и жду. Вотъ подходятъ къ моей двери, отпираютъ ее....

Генераль!

«Вѣстникъ царя», — мелькнуло у меня въ умѣ.

Съдой, полный, невысокаго роста, въ аксельбантахъ, генераль-адъютантъ подходитъ ко мнѣ и коротко спрашиваетъ:

— Морякъ?

— Морякъ, — отвѣчаю.

— Государь императоръ всемилостивѣйше замѣняетъ вамъ смертную казнь ссылкой въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ, — проговорилъ старикъ и сочувственно положилъ свою руку на мое плечо. Потомъ онъ сильно вздохнулъ, крикнулъ, сдѣлалъ выразительный жестъ рукою съ явнымъ сочувствіемъ на лицѣ и, не сказавъ болѣе ни слова, вышелъ изъ камеры въ сопровожденіи солдата и смотрителя тюрьмы.

Наконецъ-то разрѣшилось тягостное чувство ожиданія! Когда же отправятъ?

II.

Проходитъ день, другой, третій.... Никакой перемены! Ужъ не забыли ли? Можетъ быть, ожидаютъ весны?

Неизвѣстность иногда страшно мучительна. Что теперь происходитъ вокругъ меня? Можетъ быть, вѣкоторые изъ осужденныхъ со мною казнены уже? Куда и какимъ образомъ насъ повезутъ въ дальніе края? Полная неизвѣстность! Какъ личность, насъ игнорируютъ. Мы стали вещью или скотомъ для нихъ: въ какое стойло поставить или какимъ кормомъ накормить, — насъ не спросятъ.

Меня охватило предчувствіе чего-то страшнаго.

Наступила ночь 16 октября. Мнѣ не спится. Прилягу не раздѣваясь на кровать, потомъ опять вскочу и хожу изъ угла въ уголъ камеры. Тяжелыя минуты! Наконецъ я раздѣлся и легъ. Сна нѣтъ. Въ тюрьмѣ тихо. Освѣщенная лампой камера съ небольшимъ окномъ подъ сводами потолка не даетъ для глазъ ни одной точки, на которой можно бы было остановиться. Повернулся къ двери и сталъ смотрѣть на потайное маленькое отверстіе, — не покажется ли въ немъ глазъ стражника. Но и съ этой стороны никакой перемены. Рядъ мучительныхъ мыслей не даетъ мнѣ покоя. Я опять поднялся, чтобы выпить немного воды изъ вдѣланнаго въ стѣну крашенаго желѣзнаго ящика. Открылъ кранъ — одна темножелтая муть со дна ящика.

Вдругъ послышались спѣшныя шаги въ коридорѣ равелина и стукъ открываемой двери камеры. Прислушиваюсь. Черезъ минуту опять стукъ сапоговъ и плѣпанье туфель.

Повели кого-то!

Куда? Зачѣмъ? И въ такой часъ? Пожалуй, теперь часъ или два ночи.

Опять тишина. Я легъ. Только за окномъ слышится шумъ вѣтра.

Вдругъ снова громкіе спѣшныя шаги и опять стукъ открываемой двери, но значительно ближе къ моей камерѣ.

Повели другого!

Что это значитъ?

Мысль сильно заработала. Я сталъ строить всевозможныя догадки...

Вотъ идутъ ко мнѣ. Открываютъ дверь и быстро входятъ два солдата. Одинъ изъ нихъ бросаетъ предо мною туфли и арестантскій халатъ.

— Накиньте на плечи халатъ да на босу ногу надѣньте туфли, и пойдете!

Надѣлъ. Спускаемся по лѣстницѣ внизъ, выходимъ на внутренній дворъ рavelина, гдѣ мы обыкновенно гуляемъ. Страшно темно! Едва различаешь дорожку къ небольшому зданію посреди двора. Это — баня.

У меня сжалось сердце.

— Зачѣмъ въ такой часъ итти въ баню, въ это совершенно изолированное зданіе отъ тюрьмы и отъ всякаго жилья? И почему въ такой холодъ меня ведутъ съ постели въ одною бѣльѣ съ накинутымъ на плечи тоненькимъ халатикомъ?

Жандармъ открылъ дверь, и я остолебѣлъ отъ страшной картины, освѣщенной сильнымъ огнемъ лампы. На полу стояла наковальня, лежали молоты, цѣпи, еще какіе-то инструменты. Два мужика въ красныхъ рубахахъ съ засученными рукавами напоминали мнѣ палачей. Въ сторонѣ высокая фигура полковника, смотрятеля. Я искалъ глазами жаровни съ раскаленными углями.

Первая мысль у меня мелькнула: застѣнокъ, палачъ, пытка!

— Сядьте на полъ!—приказываетъ смотритель.

Не успѣлъ я опуститься, какъ подхватили мою оголенную ногу и стали еѣ стягивать желѣзомъ.

— Должно быть, кандалы!—подумалъ я, и моментально прошелъ страхъ отъ ожиданія пытки.

Но пытка была. Когда положили мою ногу на наковальню и стали молотомъ заклепывать кандалы, т.-е. расплющивать заклепку на желѣзномъ кольцѣ, я съ трудомъ переносилъ это истязаніе. Каждый ударъ по желѣзу рѣзко и болѣзненно отзывался на тѣлѣ.

— Что за варварскій способъ!—волновался я про себя.—Толстое, съ острыми краями желѣзо бить на человѣческой ногѣ! Казалось, можно бы придумать было что нибудь поделикатнѣе гру-

баго и грязнаго желѣза. Судя по работѣ, эти кандалы, которые клепались на моихъ ногахъ, вѣроятно, имѣли происхожденіе со временъ Петра Великаго, если не раньше. Вотъ ужъ справедлива поговорка: «Богъ далъ вольный свѣтъ, а чортъ кандалы сковалъ».

Вѣра Николаевна Фигнеръ.

Долго и мучительно клепали болтикъ кандаловъ и на другой ногѣ.
Итакъ, мои ноги связаны желѣзною цѣпью!

Раньше я никогда не видѣлъ и представить себѣ не могъ ни устройства кандаловъ, ни способа заковки въ нихъ, хотя частенько вспоминалъ ихъ въ студенческой пѣснѣ:

Выпьемъ мы за того,
Кто сидитъ въ кандалахъ,
Кто свободы лишень,
Кто теперь въ рудникахъ...

— Вотъ и я причисленъ,—подумалъ я,—къ ордену узниковъ, страдающихъ за идею. Разные есть орденскіе знаки на свѣтѣ! Есть цѣпи, которыя возлагаются на шею, есть орденъ «Подвязки», полагаемый на ногу. Но если гдѣ, то именно на желѣзной цѣпи нашихъ кандаловъ надо написать извѣстный девизъ: *Nonni soit qui mal u pense*.

Принесли тоже невиданные мною раньше штаны сѣраго сукна. Особенность ихъ та, что гдѣ полагается шовъ, тамъ они застегиваются на пуговицахъ. Это сдѣлано, чтобы можно было надѣвать ихъ на ноги, связанные кандалами. Надѣли на меня куртку, коты съ подвертками, овчинный полушубокъ, арестантскій халатъ и сѣрую шапку безъ козырька.

— Въ дальнюю дорогу отправляютъ,—догадываюсь я.

Къ срединѣ желѣзной цѣпи привязали ремень и дали его мнѣ въ руку. Этимъ ремнемъ сдерживаются кандалы, чтобы они не волочились по землѣ. Но когда повели къ выходу изъ рavelина, у меня по дорогѣ звякнули кольца цѣпи.

— Подтяните ремень, чтобы кандалы не звенѣли,—приказаль смотритель.

Въ тюрьмѣ—и такая таинственность!

Неуклюже передвигая закованныя ноги, въ непривычномъ грубомъ нарядѣ, я вошелъ въ кордегардію и сѣлъ около двухъ жандармовъ гигантскаго роста. Смотритель скрылся.

Въ такомъ ожиданіи я просидѣлъ около часу. Жандармамъ тоже скучно. Они зѣваютъ, потягиваются. По выговору и по виду—малороссы. Трудно подобрать другую такую парочку: высокіе, плотные, здоровые! Природа такъ и прѣтъ наружу! Кожа на щекахъ натянута до послѣдней степени—вотъ-вотъ лопнетъ!

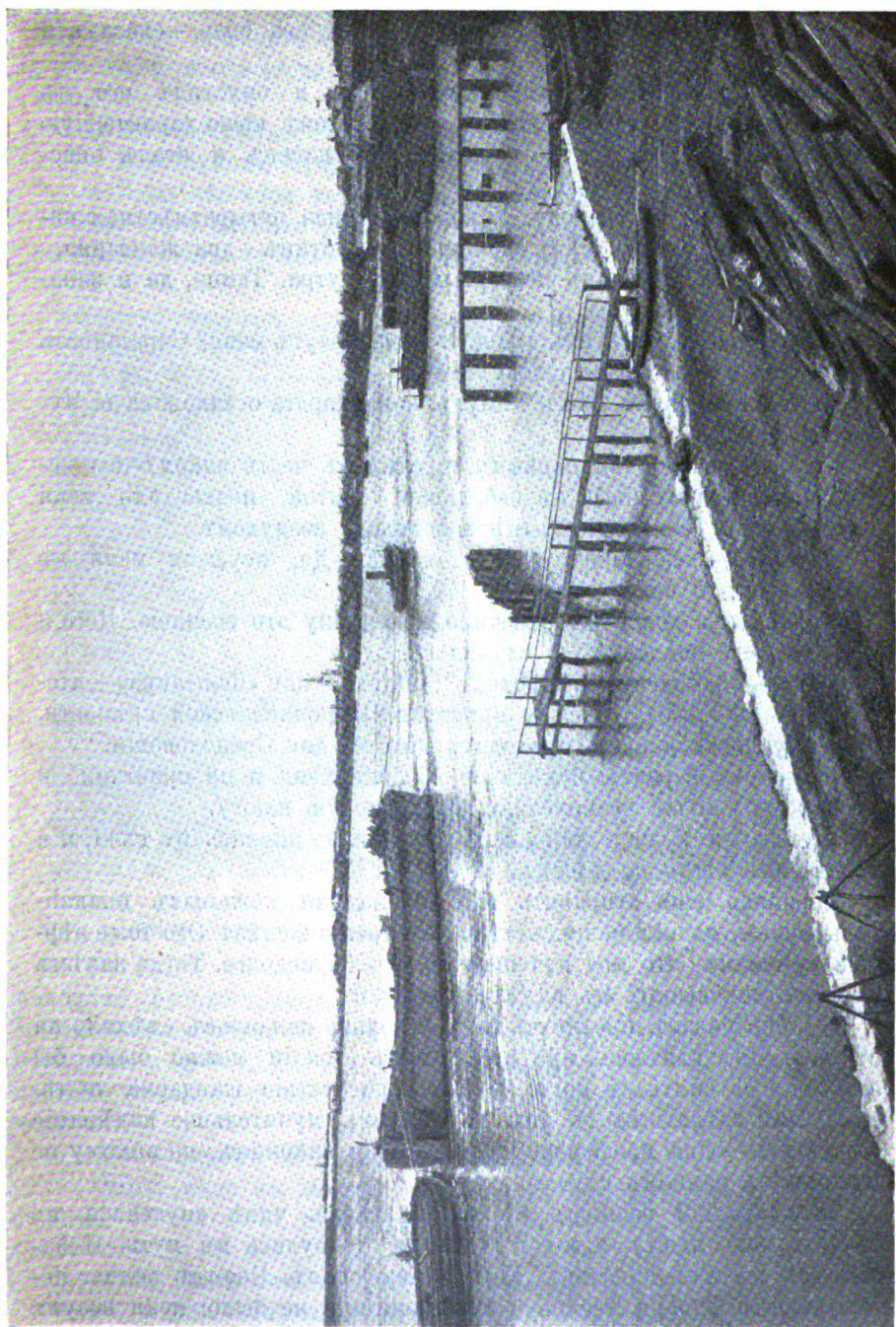
Вдругъ опять приходитъ смотритель съ жандармскимъ офицеромъ и двое стражниковъ съ узломъ платья, въ которомъ меня арестовали.

Развернули узелъ и стали передавать мои вещи жандармамъ, провѣряя ихъ по списку.

Пересчитывая деньги въ портмонѣ, смотритель увидѣлъ небольшую свернутую бумажку. Онъ осторожно развернулъ ее. Въ ней какой-то темный порошокъ.

— Что это?—въ недоумѣніи спрашиваетъ онъ меня.

Я тоже сначала удивился присутствію невѣдомаго порошка въ портмонѣ, но, приглядываясь къ нему, вспомнилъ, что иногда приходилось мнѣ носить съ собою два-три кристаллика *kali hypermanganicum* для полосканія рта.

Общий видъ города и крѣпости Ш.лессе-льбурга.

III.

— Да, это, должно быть, марганцово-калиева соль,—сказалъ я ему.

Для удостовѣренія я послюбилъ палець и опустилъ его въ темный порошокъ, чтобы видѣть, дастъ ли онъ свою характерную окраску. Смотритель быстро схватилъ мой палець и сталъ опасно его обтирать: не ядъ ли это?

Меня повели къ выходу. У воротъ стояла четырехмѣстная карета. Со мной рядомъ сѣлъ офицеръ, напротивъ—два жандарма.

По соображенію былъ четвертый часъ утра. Темно, да и занавѣси кареты задернуты.

Дума не выходитъ изъ головы: куда везутъ меня? Спрашивать не стоитъ: все равно не скажутъ.

Не прошло двухъ-трехъ минутъ, какъ карета остановилась. Что такъ скоро?!

Гиганты выскочили первыми и, сдѣлавъ честь какому-то генералу, ожидавшему насъ съ небольшою свитой, подхватили меня подъ мышки. Пахнуло сырмъ холоднымъ воздухомъ.

— Нева!—сообразилъ я въ темнотѣ.—Да, неужели меня въ Шлиссельбургъ повезутъ?!

Страшнымъ холодомъ охватило мою душу это сознаніе. Чего я больше всего боялся, то и случилось.

Маленькій казенный пароходъ («Мойка» или «Фонтанка»—что-то въ родѣ этого) стоялъ у пристани Петропавловской крѣпости, куда случалось раньше приходиться мнѣ въ дни Преполовенія.

Жандармы-вервили буквально волокли меня и по пристани, и на пароходѣ, пока не спустили въ кормовую каюту.

Желѣзные кольца кандаловъ мучительно впились въ тѣло, и я поспѣшилъ сѣсть на диванъ.

Торопясь меня отправить, мнѣ не надѣли кожаныхъ подкандалниковъ, защищающихъ тѣло отъ тренія желѣза. Это тоже вѣрный признакъ, что мое путешествіе будетъ недолго. Тогда зачѣмъ же насъ заковывать въ глухіе кандалы?

Я попробовалъ протянуть ногу, и кольцо кандаловъ съѣхало на ступню. Мнѣ казалось, при небольшомъ усилии можно было бы его совсѣмъ снять съ ноги. Только присутствіе жандарма помѣшало мнѣ сдѣлать этотъ опытъ. Значить, мучительное надѣваніе кандаловъ—одна проформа, предписанная закономъ, но никому не нужная въ данномъ случаѣ.

Жандармскій офицеръ въ капитанскомъ чинѣ спустился ко мнѣ въ мою каюту, и мы тотчасъ же тронулись въ путь. Я взглянулъ въ иллюминаторъ. Городъ еще спалъ. Кое-гдѣ видны непотушенные фонари. Теперь у меня сомнѣнія не было: меня везутъ въ Шлиссельбургъ!

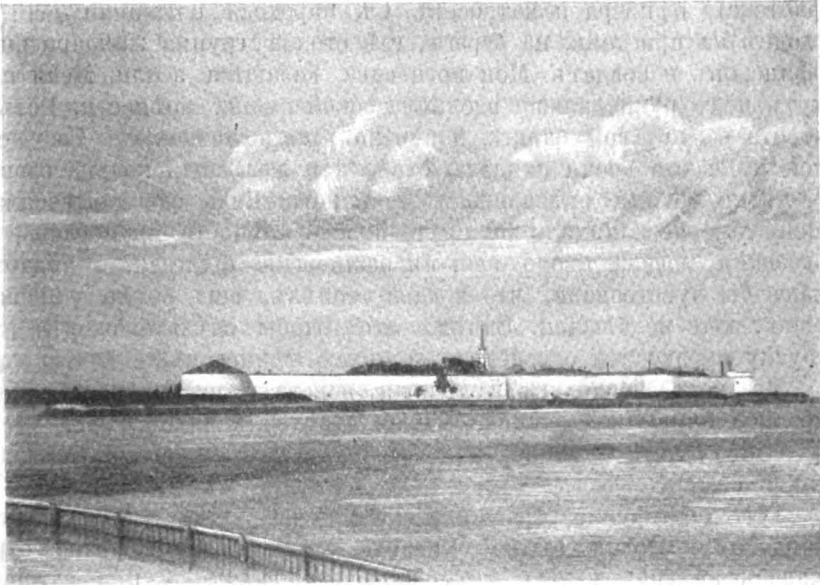
— Это несправедливо!—протестуетъ душа моя.—Мнѣ объявилъ генераль, какъ волю государя, ссылку въ каторжныя работы, а они хотятъ замѣнить ее тюремнымъ заключеніемъ. Должны спросить моего согласія на это; иначе не имѣютъ права. Это произволъ!

Жандармы принесли самоваръ, чайный приборъ, булки и масло.

— Пожалуйста, кушайте!—предлагаетъ мнѣ офицеръ чая.

— Куда вы меня везете? Въ Шлиссельбургъ?—спрашиваю его.

Капитанъ развелъ руками и пожалъ плечами, показывая мимикой, что онъ не можетъ сказать. Однако за чаемъ онъ очень

Видъ Шлиссельбургской крѣпости со стороны города.

подробно распространился о самомъ себѣ, о своихъ симпатіяхъ. Часто подчеркивалъ, что онъ—истинно русскій человѣкъ, коренной москвичъ и до того любитъ все московское, что чай и калачи выписываетъ непосредственно изъ Москвы. Сѣверную столицу ненавидитъ.

— Такъ зачѣмъ же вы въ Петербургѣ?

— Жить надо въ Москвѣ, а служить — въ Петербургѣ. Здѣсь порядку больше и не такъ халатно относятся къ службѣ, какъ въ Москвѣ.

По тому, какъ онъ отдавалъ приказанія жандармамъ, и самъ нѣсколько разъ отлучался отъ меня, я понялъ, что въ носовой каютѣ были еще обреченные на шлиссельбургское заточеніе.

Разсвѣло. Погода была сѣренькая. Сквозь тусклое стекло я разсмотрѣлъ берега Невы. Еще такъ недавно, въ этомъ году, я гулялъ на дачѣ въ «Островкахъ»!

Вотъ мелькнула старая сосна Петра Великаго, значить, Шлиссельбургъ близокъ. Опять потянулись по обѣ стороны рѣки лѣса. Показалась кладбищенская церковь на Преображенской горѣ¹⁾. Нѣсколько ниже—большая фабрика, а за нею и весь городъ. Крѣпость на островѣ впереди, и мнѣ не видно ея изъ кормовой каюты.

Машина остановилась, и пароходъ присталъ къ берегу. Лишь только я показался на трапѣ люка, какъ опять подхватили меня дюжіе жандармы и повлекли по палубѣ парохода. Мелькнули фигуры флотскаго офицера и матросовъ. Съ парохода потащили меня по сходнѣ на пристань, на берегъ, гдѣ стояла группа жандармскихъ офицеровъ и солдатъ. Мои ноги едва касаются земли. Меня влекутъ подъ руки дальше вдоль высокой стѣны крѣпости. Вотъ и ворота въ круглой башнѣ, извѣстной подъ названіемъ Государевой²⁾. Въ это время кандалы отвисли, и желѣзные кольца своими острыми краями врѣзались въ мои ноги. Боль едва выносимая! Меня уже не занимали ни внутренность крѣпости, ни церковь, ни братская могила около нея, ни офицерскіе флигеля. Жандармы какъ бы чувствовали, что я едва терпѣлъ, еще болѣе ускорили шагъ, чуть не бѣжали. Зачѣмъ это? Чтобы сдѣлать скорѣе разгрузку парохода и освободить комиссію офицеровъ?

Но вотъ вошли въ желѣзные ворота тюрьмы, огороженной красной кирпичной стѣной, и меня поставили на ноги.

Слава Богу! Не знаю, могъ ли я вытерпѣть еще минуты двѣ такой пытки?

Тутъ подскочили стражники и стали рубить зубиломъ болты кандаловъ. Новая пытка! Сильные удары молота рѣзко отражались на тѣлѣ. Одинъ изъ офицеровъ, замѣтивъ при каждомъ ударѣ мышечное движеніе на моемъ лицѣ, велѣлъ жандарму придержать кольцо руками. Сразу я почувствовалъ облегченіе. Еще пріятнѣе было, какъ упали желѣзные оковы на землю. Радость освобожденія отъ нихъ на моментъ заглушила горечь сознанія, что я вступаю въ каменный гробъ на неопредѣленное заточеніе... Мнѣ казалось, я освободился отъ узъ, а не попалъ въ усы.

Пройдя кордегардію, мы вступили въ зданіе тюрьмы, недавно построенной и только что обновленной первымъ транспортомъ заключенныхъ изъ Петропавловской крѣпости (1 августа 1884 г.). Когдаходишь въ эту тюрьму, поражаешься оригинальностью ея

¹⁾ На этой горѣ погребены скончавшіеся и казненные здѣсь шлиссельбургскіе узники. Съ тѣхъ поръ, какъ народъ сталъ оказывать свое вниманіе имъ, стали погребать вновь казненныхъ узниковъ на островѣ крѣпости.

²⁾ На старинныхъ воротахъ сохранилась еще надпись, вырѣзанная шведами: «Anno 1619 Den 18 May».

внутренняго устройства. Въ длину зданія, въ обоихъ этажахъ его расположено около сорока камеръ. Всѣ двери ихъ выходятъ въ одно общее пространство внутри зданія, какъ бы въ одинъ широкій и высокій (отъ земли до крыши) коридоръ, освѣщаемый по концамъ окнами. Такимъ образомъ, въ какой бы точкѣ этого коридора ни стоялъ стражникъ, онъ всегда видитъ сразу всѣ сорокъ дверей. Во второмъ этажѣ, вдоль дверей всѣхъ верхнихъ камеръ обходитъ легкій балконъ. Къ нему ведутъ витыя желѣзныя лѣстницы по концамъ коридора. Чтобы не было покушенія броситься внизъ, на высотѣ второго этажа протянута сплошная сѣть.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ меня при входѣ въ зданіе тюрьмы сейчасъ же повернули направо въ первую камеру. Тутъ была толпа офицеровъ и жандармовъ, должно быть, комиссія по приему арестантовъ.

Началась оскорбительная циничная процедура тѣлеснаго осмотра. Сперва раздѣли догола. Потомъ жандармы своими грязными руками стали залѣзать во всѣ мѣста, куда имъ вздумается, съ розыскомъ въ волосахъ, въ складкахъ тѣла, во рту... Стыдно и обидно было ужасно! Грубое, варварское, унижительное правило! Оскорбительнѣе этого я ничего не помню за все время моего пребыванія въ тюрьмахъ.

Я удивлялся равнодушію офицеровъ и доктора, присутствующихъ при этой нравственной пыткѣ. Какъ они могли стоять и спокойно смотрѣть на это возмутительное издѣвательство надъ человѣкомъ?!

Одѣли меня въ неуклюжіе сѣрые штаны и въ такую же короткую куртку съ черными рукавами и съ чернымъ тузомъ на спинѣ. Вспомнилась мнѣ дѣвочка Достоевскаго, замѣтившая ему относительно арестантскаго платья: «Фу, какъ неславно: и сѣраго сукна не достало, и чернаго сукна не достало!»

Два жандарма, одинъ впереди, другой позади, повели меня въ камеру во второй этажъ. Безъ словъ, довольно грубо они направляли меня руками.

IV.

Еще въ Петропавловской крѣпости у меня былъ рѣшенъ вопросъ, какъ мнѣ держаться съ тюремщиками. Если протестовать всѣми имѣющимися средствами, то это значитъ вступить въ борьбу съ этими грубыми, маловоспитанными людьми и вызвать ихъ на еще болѣе жестокія оскорбленія. Этотъ путь, при настойчивости со стороны заключеннаго, быстро приводитъ къ концу—къ насильственной смерти, чему и были многочисленныя примѣры. Мнѣ казалось, чѣмъ вести эту неравную борьбу съ вѣрнымъ проигрышемъ для себя, лучше стать на недосягаемую высоту для нихъ. Надо по возможности прекратить всякое общеніе съ ними: самому

ничего не просить, не вступать съ ними въ разговоры, отвѣчать кратко и только тогда, когда это необходимо, не входить въ препирательства, не протестовать, безмолвно выносить все, что бы ни случилось, а главное—никогда не жаловаться имъ. Теперь, оглядываясь назадъ, я вижу, что это, пожалуй, единственный способъ оградить себя отъ дальнѣйшихъ оскорбленій и насилій жандармовъ.

Меня ввели въ камеру № 23, третью или четвертую съ края, въ юго-восточномъ углу зданія.

Камера показалась послѣ казематовъ Петропавловской крѣпости очень маленькою. Желѣзный столикъ, желѣзная табуретка, привинченные наглухо къ стѣнѣ и къ полу, желѣзная кровать, закинутая къ стѣнѣ и запертая на замкъ, ватерклозетъ да раковина съ краномъ — вотъ и все убранство камеры. Окно съ матовыми стеклами—подъ самымъ потолкомъ, такъ что едва достаешь рукою его покатыи подоконникъ. На стѣнѣ въ углу икона Рождества Божіей Матери, а пониже, на самомъ видномъ мѣстѣ, объявленіе отъ тюремной администраціи, что за всякую попытку оскорбить тюремщиковъ предстоитъ заключенному смертная казнь. Повѣсить это единственное печатное слово въ одиночной камерѣ—верхъ непониманія человѣческой души! Постоянно находясь предъ глазами заключеннаго, оно навойливо заставляетъ работать его мозгъ все на одну и ту же тему, и часто кончается тѣмъ, что загипнотизированный узникъ бросается на зрителя или на доктора и требуетъ себѣ «по закону» смертную казнь, указывая на это объявленіе. За границей въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ это давно поняли и замѣнили подобныя увѣдомленія большими картами со стихами Евангелія.

Зритель — пожилой жандармскій капитанъ — обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

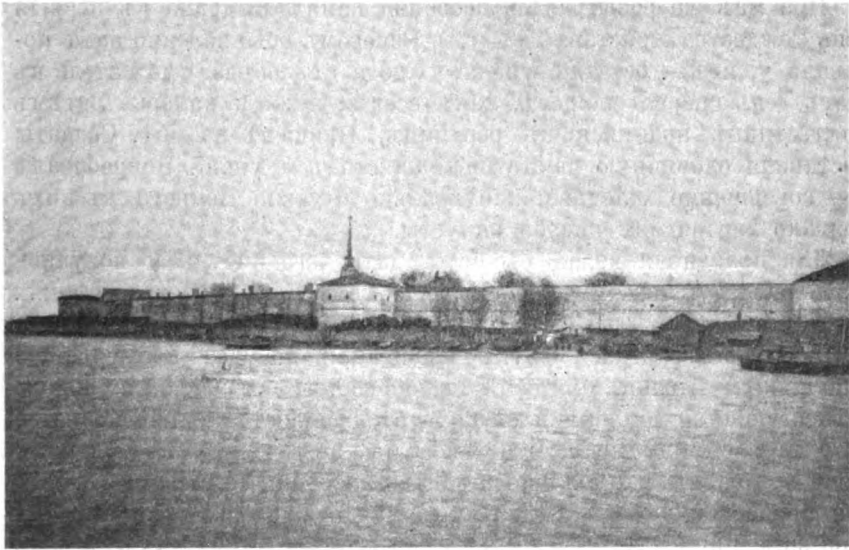
— Я обязанъ здѣсь всѣмъ заключеннымъ говорить ты. Такъ предписано закономъ. А потому прошу не обижаться, если я буду говорить ты. Итакъ, хочешь обѣдать?

Посмотрѣвъ я на еврейскаго типа лицо зрителя, прочелъ по нему его прошлое, его служебный формуляръ и сразу все понялъ. А все понять, говорить, значить все простить.

Я понялъ, что предо мною, вытянувшись «во фронтъ», стоитъ солдатъ-служака въ офицерскомъ мундирѣ. На видъ ему лѣтъ пятьдесятъ. Судя по Георгіевскому кресту, онъ былъ на войнѣ. Можетъ быть, усмирять поляковъ во время возстанія 1863 г. Вѣроятно, изъ солдатъ онъ перешелъ въ жандармы, показалъ свою ревность къ службѣ, строго исполнялъ, не уклоняясь ни на іоту ни направо, ни налево, всѣ приказанія начальства. Должно быть, приходилось дѣлать много обысковъ и арестовъ, не щадя своего живота, за что и былъ произведенъ въ офицеры и поставленъ смотрителемъ политической тюрьмы. Вѣроятно, и теперь онъ продол-

жаеть также строго выполнять всѣ предписанія своего начальства. На него надѣются, какъ на каменную гору, вѣрятъ въ его неподкупность и непреклонность и въ благодарность довели его до капитанскаго чина.

Можно ли на такого человѣка обижаться? Вѣдь онъ упоенъ сознаниемъ исполненія долга службы и по своему разумѣнiю продолжаетъ стараться изо всѣхъ силъ заслужить вниманія начальства! Что для него арестанты? Безличныя деревяшки, безъ голоса, безъ чувствъ, безъ желаній! Онъ можетъ похвастаться, какъ нѣкій

Шлиссельбургская крѣпость съ западной стороны.

евангельскій сотникъ: «Скажу арестанту: иди! — Онъ и идетъ. — Стой! — Стоить. — Раздѣнься! — Раздѣвается. — Ложись! — Ложится. Что прикажу, то и должны они исполнять. Къ тому же, какъ каторжные, они лишены всѣхъ правъ состоянiя. Если я своимъ унтеръ-офицерамъ говорю ты, то этимъ арестантамъ у меня и языкъ не поворачивается сказать вы!»

И сколько горя было въ стѣнахъ Шлиссельбургской тюрьмы изъ-за этого ты!

Вотъ тутъ-то и сказалась ошибка администраціи, когда она ставитъ необразованнаго солдата-жандарма въ начальники надъ группою интеллигентныхъ людей, часто горячихъ натуръ и нервно-разстроенныхъ ненормальными условіями жизни. Можно ли требовать отъ солдата, связаннаго буквою предписаній и законовъ, чтобы онъ входилъ въ психологію cadaго заключеннаго, при-

способлялся бы къ состоянію души его? Подъ ранжиръ всѣхъ не поставишь! И палкой дисциплины не навяжешь людямъ, которые не щадили своей жизни за идею освобожденія отъ всякаго насилія.

Впрочемъ, администрація, года черезъ четыре, сама убѣдилась въ своей ошибкѣ и убрала идеально исполнительнаго служаку.

Можно прогнать смотрителя и замѣнить его другимъ, но воскресить погибшихъ при немъ заключенныхъ нельзя.

Вскорѣ послѣ открытія Шлиссельбургской тюрьмы уже успѣли разстрѣлять Минакова и Мышкина, а Клименка, говорятъ, довели до того, что онъ повѣсился на оконномъ крючкѣ.

При мнѣ же разыгралась особенно памятная драма въ первый день Рождества Христова 1884 г.¹⁾ Вечеромъ обыкновенно намъ подавали ужинъ — остатки жидкаго блюда отъ обѣда. Смотритель въ этотъ день сперва обошелъ, какъ всегда, нижнія камеры. Затѣмъ по лѣстницѣ поднялся къ верхнимъ. Пришелъ ко мнѣ. Солдаты поставили оловянную чашку щей на столъ и ушли. Попробовалъ я, — совершенно холодныя и буквально пустыя. Немного въ нихъ плавало листочковъ кислой капусты.

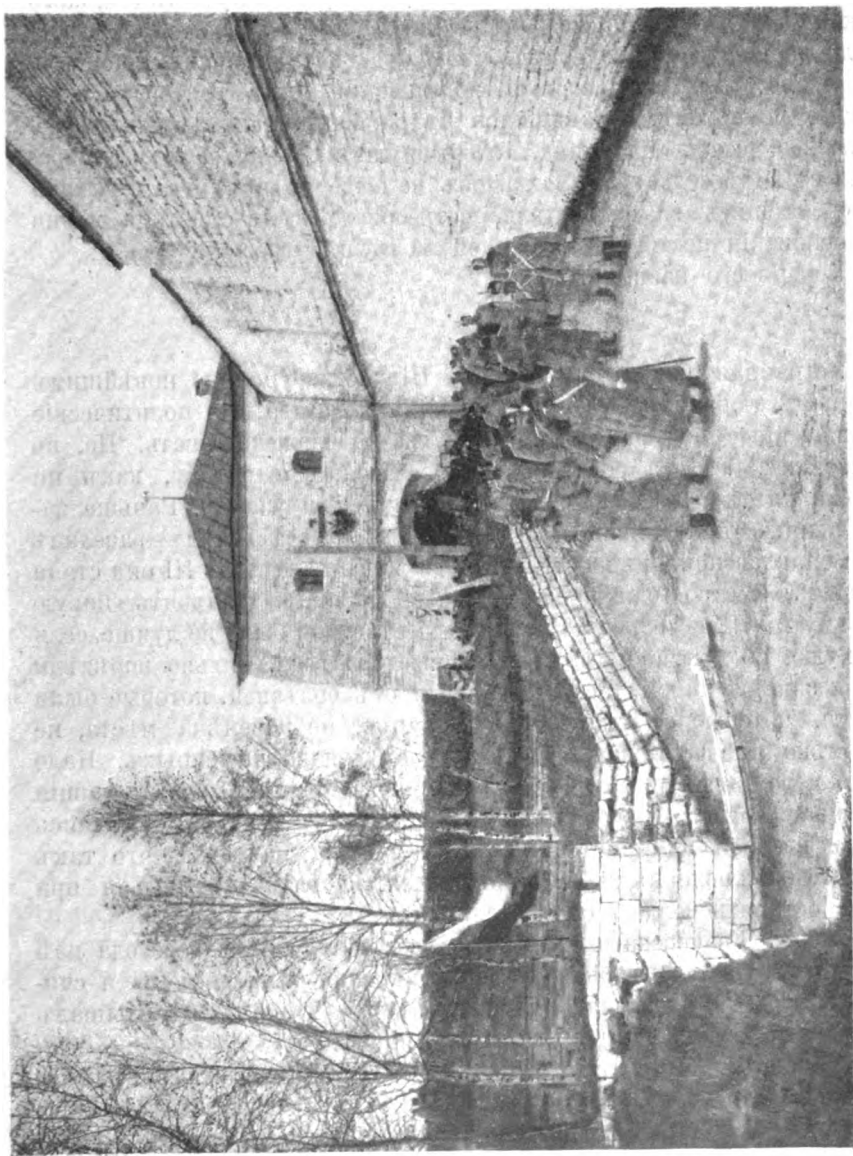
Для праздника можно бы было дать чегонибудь и получше. А, впрочемъ, теперь имъ не до насъ. Вотъ и щей не разогрѣли....

Только что успѣлъ я это подумать, какъ вдругъ недалеко отъ моей камеры раздался звукъ брошенной посуды, слышались крики, шумъ драки, топотъ ногъ, борьба. И все это заглушилось протестующими воплями и стукомъ въ дверь всѣхъ заключенныхъ.

Ужасъ объялъ меня. Что такое? Въ первую минуту подумалъ я: не протестъ ли это противъ щей? Но по той свалкѣ, которая произошла потомъ, можно было судить, что тутъ чтонибудь серьезнѣе пици.

Оказалось, на этотъ разъ не выдержалъ Мышкинъ, перевезенный сюда за побѣгъ съ Кары. Это — тотъ самый Мышкинъ, который, переодѣвшись жандармомъ, пытался освободить въ Сибири Н. Г. Чернышевскаго. Съ Кары Мышкинъ убѣжалъ на Амуръ, гдѣ удалось ему сѣсть на пассажирскій пароходъ и отправиться въ Хабаровскъ. Всѣ казаки амурскихъ станицъ были поставлены на ноги. Мышкинъ между тѣмъ благополучно добрался до Хабаровска, предъявляя по дорогѣ подложный паспортъ. Рассказываютъ, онъ плылъ по рѣкѣ на одномъ пароходѣ съ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ его свитой обсуждалъ, какъ и гдѣ искать бѣглеца. Пробравшись до Владивостока, онъ могъ бы спокойно уѣхать за границу на любой китайской или корейской джонкѣ, на любомъ иностранномъ пароходѣ, потому что въ то время Вла-

¹⁾ Какъ я лично провелъ годы шлиссельбургскаго заключенія, я уже описывалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1902 г., январь: «Въ заточеніи» — И. П. Миролюбова.

Ворота Шлиссельбургской крепости.

дивостока, какъ порто-франко, не имѣлъ таможи¹⁾. Вѣроятно, Мышкинъ не зналъ условій жизни новаго города и самъ явился въ полицію для предъявленія паспорта. Съ нимъ обошлись очень любезно и, ничего не подозрѣвая, хотѣли уже отпустить его, какъ какой-то маленькій писецъ сталъ настаивать, что изъ Хабаровска было распоряженіе задержать, кто будетъ предъявлять паспортъ съ такою фамиліей. Сначала полицейскій чинъ разсердился на писца, но потомъ, справившись съ распоряженіемъ, принужденъ былъ задержать Мышкина. Его вернули на Кару, а оттуда перевели въ Шлиссельбургъ. Здѣсь онъ не выдержалъ суроваго режима и, бросившись на зрителя, потребовалъ себѣ смертной казни на основаніи постоянно торчащей на стѣнѣ угрозы.

Вскорѣ его казнили.

V.

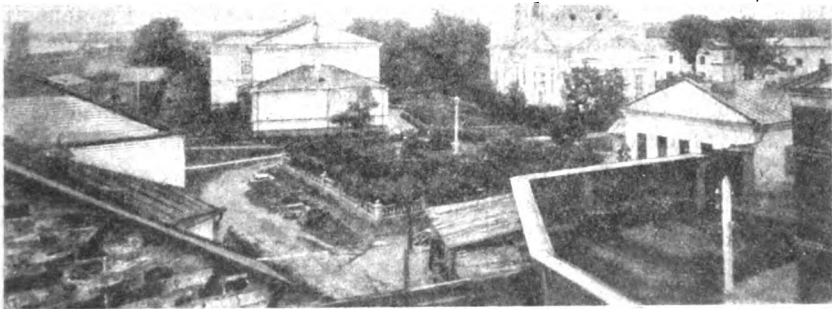
Устраивая новую тюрьму въ Шлиссельбургѣ по новѣйшимъ даннымъ тюремвѣдовъ, администрація полагала, что политическіе заключенные будутъ въ ней чуть ли не блаженствовать. Но, по пословицѣ, *il n'y a point de belles prisons...* а потому, какъ ни золоти клѣтку, все она будетъ тюрьмою для узника. Раньше заключенные находились въ извѣстномъ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Но, когда при Александрѣ III они стали умирать быстро одинъ за другимъ, рѣшили построить новую тюрьму въ Шлиссельбургѣ. Однако, и въ новой было не лучше, если не хуже, по крайней мѣрѣ, въ первые два года. Сильно порѣдѣли ряды заключенныхъ: которые умерли отъ болѣзней, которые были убиты, которые съ ума сошли. Значитъ, не перемѣна мѣста, не перемѣна стѣнъ тюрьмы были нужны для заключенныхъ. Надо было перемѣнить режимъ, установленный для нихъ еще въ давнія времена. Только послѣ ужасной смерти Грачевскаго открылись глаза высшей администраціи, и она поняла наконецъ, что такъ держать заключенныхъ больше нельзя, а главное — нельзя при нихъ оставить солдата-смотрителя.

Смерть Грачевскаго случилась уже послѣ моего перехода изъ Шлиссельбургской тюрьмы въ Сахалинскую, тѣмъ не менѣе я считаю нужнымъ рассказать про нее, потому что о ней я слышалъ изъ двухъ противоположныхъ источниковъ.

Грачевскій былъ арестованъ въ 1882 г. и посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ. Въ августѣ 1884 г. его перевели въ Шлиссельбургъ. Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ перваго времени сидѣнія шлиссельбургскихъ узниковъ. Смотрителю Грачевскій показался психически разстроеннымъ. «Станетъ посреди камеры и

¹⁾ Весною 1897 г. я самъ уѣхалъ изъ Владивостока на пассажирскомъ пароходѣ въ Японію, никому не предъявляя своего паспорта.

декламируетъ. Все стихами говорить»,—докладывалъ о немъ смотритель. Грачевскій жаловался, что его беспокоятъ стуки въ подвальномъ этажѣ подъ новой тюрьмой. Но тамъ лежалъ коксъ, и подвалъ всегда былъ подъ замкомъ. Смотритель сказалъ о своихъ подозрѣніяхъ тюремному доктору, молодому человѣку, очень внимательному къ больнымъ. Когда докторъ подошелъ къ Грачевскому и по своему обыкновенію хотѣлъ прежде всего выслушать

Церковь, офицерскіе корпуса и уголь тюремной стѣны въ Шлиссельбургской крѣпости.

его грудь, больной набросился на него и сильно ударилъ его по головѣ. Сейчасъ же Грачевскаго схватили жандармы и перевели въ старую тюрьму.

То зданіе съ сорока камерами для сорока въ своемъ родѣ «безсмертныхъ» называется новою тюрьмою. Къ сѣверу отъ нея, пройдя тюремный дворъ, имѣется зданіе съ десятью камерами, носящее названіе старой тюрьмы. Ею пользовались, когда надо изолировать кого либо изъ заключенныхъ отъ своихъ товарищей. Сюда сажали сумасшедшихъ, приговоренныхъ къ смертной казни, только что прибывшихъ или отправляемыхъ изъ тюрьмы. Сюда-то посадили и Грачевскаго, какъ сумасшедшаго. Онъ требовалъ себѣ суда, но въ этомъ ему отказали. Боясь, какъ бы онъ не покончилъ съ собой самоубійствомъ или не причинилъ бы пожара, смотритель усилилъ надзоръ за нимъ и вмѣсто лампы распоря-

дился поставить ему лампадку съ масломъ. Кромѣ того, на случай пожара имъ были заготовлены шлангъ съ водой и мѣшки съ пескомъ (для горящаго керосина). Грачевскій не могъ помириться съ ночникомъ-лампадкой и сталъ просить для чтенія книгъ лампу.

— На него находили времена просвѣтлѣнія, — говорилъ смотритель, — а потому я уступилъ его просьбѣ и снова далъ ему лампу.

Вечеромъ 26 октября Грачевскій сталъ раздѣваться. Дежурный жандармъ, полагая, что Грачевскій собирается обтираться холодною водою, какъ онъ это продѣлывалъ ежедневно по вечерамъ, отошелъ отъ его камеры и сталъ прогуливаться по коридору. Вдругъ онъ слышитъ сильный запахъ гари. Бросается къ наблюдательному отверстию камеры Грачевскаго. Тамъ темно. Даетъ тревожный звонокъ въ кордегардію. Прибѣгаетъ смотритель, открываетъ камеру (ключи всегда у него), — вся она въ смрадномъ дыму. Едва пробрался въ нее жандармъ, чтобы открыть форточку. На полу лежалъ несчастный Грачевскій. Подъ нимъ на веревочномъ матѣ еще тлѣлся огонь. Потушивъ его и замѣтивъ, что Грачевскій былъ еще живъ, послали за врачомъ. Но къ приходу оповдавшаго врача бѣдный страдалецъ умеръ. Полагаютъ, что Грачевскій, воспользовавшись невниманіемъ дежурнаго жандарма, наплатъ свое бѣлье керосиномъ изъ лампы, снова надѣлъ его на себя и поджегъ. Ужасная смерть! Но какъ ужасны, значить, условія Шлиссельбургской тюрьмы, если заключенные въ ней рѣшаются на такое страшное самоубійство!

На третій день послѣ печальной кончины Грачевскаго пріѣхала комиссія изъ С.-Петербурга. Служаку-смотрителю смѣнили. Иронія судьбы! Ужъ онъ ли не старался! Не выпуская ключа изъ рукъ, весь день онъ ходитъ по тюрьмѣ и внимательно слѣдитъ за порядкомъ. Сколько разъ при этомъ ему придется обойти всѣ камеры и самому лично отпереть и запереть двери! Раздача пищи, зажженныхъ лампъ, смѣна бѣлья, обыскъ, — рѣшительно все здѣсь дѣлается подъ его личнымъ присмотромъ. Каждого заключеннаго онъ самъ выведетъ на прогулку, съ каждымъ посидитъ въ ванной комнатѣ, каждого разъ въ недѣлю тщательно обыщетъ... Однимъ словомъ, человекъ всего себя отдалъ на службу несчастнымъ узникамъ и... вдругъ оказался негоднымъ, вреднымъ, губительнымъ. Это разочарованіе не прошло для смотрителя даромъ: его хватилъ параличъ.

Не легко и имъ, несчастнымъ: завѣдываюцій при мнѣ тюрьмою, говорятъ, сошелъ съ ума, а товарищъ прокурора Романовъ, слѣдователь по моему дѣлу, ослѣпъ.

Кстати объ этомъ прокурорѣ. Однажды онъ вызываетъ меня изъ Петропавловской крѣпости въ жандармскій домъ, напротивъ церкви св. Пантелеймона.

Церковь на Шлиссельбургскомъ кладбищѣ.

— Относительно вашихъ товарищей, — говоритъ онъ мнѣ, — я уже рѣшилъ ¹⁾. Вотъ только не знаю, что сдѣлать съ вами?..

Я посмотрѣлъ ему въ глаза и подумалъ про себя:—Ты колеб-

¹⁾ Знакомыхъ мнѣ офицеровъ, арестованныхъ вмѣстѣ со мною, онъ представилъ въ административному наказанію: ихъ безъ суда уволили со службы.

лешья: предать ли меня военному суду, то-есть смертной казни, или подвести меня къ административному наказанію—къ высылкѣ въ какую нибудь Архангельскую губернію. Ты сейчасъ чувствуешь свою власть надо мной и хочешь поиграть со мною, какъ копка съ мышкой. Чего тебѣ надо? Чтобы я просилъ тебя, униженно умолялъ?.. Такъ нѣтъ же, ты не дождешься отъ меня этихъ просьбъ!

И я отвернулся отъ него.

А онъ, который хвасталъ мнѣ, что въ мои годы былъ тоже «краснымъ», представилъ заключеніе въ своемъ слѣдствіи, что меня надо предать военному суду.

Я не помню хорошо рѣчи военнаго прокурора на судѣ, но у меня осталось такое впечатлѣніе отъ нея, какъ будто онъ все время выражалъ сожалѣніе, что ему приходится обвинять меня. Чувствовалось, какъ у него было мало данныхъ требовать смертной казни.

Однако, быструю казнь на эшафотѣ замѣнили медленною пыткой, растянутою на долгіе годы въ тюрьмѣ.

Я допускаю необходимость изоляціи нѣкоторыхъ людей отъ общества. Но зачѣмъ ихъ мучить? Вѣдь можно бы было на томъ же Шлиссельбургскомъ островѣ предоставить арестованнымъ нѣкоторую самостоятельность. Для своихъ занятій они избрали бы себѣ по вкусу ремесла, искусства, науки. Они собирались бы всѣ вмѣстѣ, польговались бы журналами и газетами. Однимъ словомъ, они представляли бы собою маленькую интеллигентную колонію, которой доступны были бы извѣстныя удобства жизни. А на самомъ дѣлѣ... мы видимъ въ стѣнахъ крѣпости одинъ громадный склепъ, гдѣ напиханы чуть живые люди, но еще способные чувствовать пытку медленнаго умиранія.

Неужели у создателей этихъ тюремъ не хватаетъ настолько воображенія, чтобы представить себѣ весь ужасъ одиночнаго заключенія? Тогда я посоветовалъ бы имъ переночевать хоть одну только ночь въ шлиссельбургскомъ казематѣ. Пусть услышатъ они раздирающіе душу крики отъ страшныхъ кошмаровъ, пусть услышатъ истеричный плачъ безпомощнаго больного или отчаянную борьбу съ насиліемъ солдатъ. Тогда, можетъ быть, поймутъ, почему нѣкоторые изъ подсудимыхъ въ своемъ послѣднемъ словѣ на судѣ просили, какъ милости, смертную казнь, вмѣсто одиночнаго заключенія.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ началѣ 1883 г. я познакомился съ однимъ военнымъ инженеромъ. Будучи сыномъ литовскаго крестьянина, онъ высказывалъ крайнія демократическія убѣжденія. Мы обмѣнивались тогда заграничными и нелегальными русскими изданіями. Онъ самъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ польскихъ журналахъ. И вотъ этотъ-то демократъ былъ однимъ

изъ строителей новой Шлиссельбургской тюрьмы! Меня удивляло, какъ онъ могъ въ душѣ мириться съ такой работой.

— Да вы хоть бы такъ строили, чтобы можно было убѣжать заключеннымъ, — говорилъ я ему, не предвидя тогда, что я забочусь о себѣ самомъ.

— Нельзя. Мы строимъ, — объяснялъ инженеръ, — подъ строгимъ контролемъ. Недавно пришла комиссія и сломала цѣлую стѣну кладки.

— Значить, изъ этой тюрьмы нѣтъ возможности убѣжать?

— Надо знать хорошо расположеніе трубъ. Я, пожалуй, убѣжалъ бы.

Но онъ не воображалъ тогда, подъ какимъ строгимъ присмотромъ будутъ содержаться заключенные. Въ Шлиссельбургской тюрьмѣ даже ночью постоянно наблюдаетъ надъ ними глазъ часового, переходящаго отъ одной камеры къ другой.

Завѣдывающимъ тюрьмою при мнѣ былъ полковникъ Покропшинскій. Онъ старался выразить намъ свое вниманіе тѣмъ, что набѣгалъ съ нами говорить на ты, но въ то же время никогда не разговаривалъ съ нами и на вы. Онъ удивительно умѣлъ обращаться къ намъ въ третьемъ лицѣ. Бывало, остановится на порогѣ камеры между двумя жандармами и вперить свои глаза въ заключеннаго:

— Заключенный какъ себя чувствуетъ?—спрашиваетъ онъ.

Иные отвѣчали ему:

— Заключенный чувствуетъ себя скверно.

Въ распоряженіи завѣдующаго тюрьмою были четыре офицера, врачъ да человекъ сто команды. Вахмистръ жандармовъ, кажется, былъ правою рукою смотрителя. Послѣ известной исторіи съ Мышкинымъ въ Рождественскій праздникъ этотъ вахмистръ, маленькій, тощій, юркій человекъ, ходилъ нѣкоторое время съ подвязанной головою.

VI.

Однажды, лѣтомъ 1885 г., приходитъ ко мнѣ смотритель и спрашиваетъ, не желаю ли я гулять вдвоемъ съ однимъ изъ товарищей по заключенію.

— Конечно, хочу!

Повели меня въ загородку, въ сѣверо-восточномъ углу тюремнаго двора, раздѣленную на небольшія клѣтки, въ видѣ секторовъ. Оставивъ меня въ одной изъ нихъ подъ присмотромъ жандармовъ, помѣщавшихся на деревянной вышкѣ, смотритель пошелъ за другимъ заключеннымъ. Прошло минутъ пять радостнаго ожиданія. Открывается дверь, и входитъ высокій и страшно тощій блондинъ въ такомъ же арестантскомъ костюмѣ, какъ и у меня. Познакомились.

Это былъ Николай Александровичъ Морозовъ, одинъ изъ редакторовъ «Народной Воли». Будучи еще гимназистомъ послѣдняго класса, онъ увлекся тогдашнимъ «хожденіемъ въ народъ» и покинулъ свою семью. Его арестовали и около трехъ лѣтъ выдержали въ одиночномъ заключеніи. Послѣ извѣстнаго процесса 193-хъ Николая Александровича выпустили съ обязательствомъ явиться въ полицейскій участокъ. Не желая быть высланнымъ въ «отдаленныя мѣста», онъ переходитъ на нелегальное положеніе и становится виднымъ дѣятелемъ партіи «Народной Воли». Не согла-

Николай Александровичъ Морозовъ до ареста.

шаясь со всѣми пунктами программы партіи (напримѣръ, онъ не могъ допустить, чтобы для достиженія извѣстной цѣли по отношенію къ правительству хороши были всѣ средства), онъ отказывается отъ участія въ журналѣ «Народная Воля» и уѣзжаетъ въ Женеву, гдѣ слушаетъ университетскія лекціи по математикѣ и естественнымъ наукамъ. Въ 1881 г. его потянуло снова въ Россію. Но лишь только онъ переѣхалъ границу, какъ его арестовываютъ поджидавшіе агенты полиціи и препровождаютъ въ С.-Петербургъ. Послѣ вторичнаго суда его посадили въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ онъ и томился до переѣзда въ Шлиссельбургъ въ 1884 г.

Въ Шлиссельбургской тюрьмѣ Николай Александровичъ, прежде чѣмъ сойтись со мною, пользовался прогулками вдвоемъ съ лейтенантомъ Буцевичемъ, за выдуманное сношеніе съ которымъ меня такъ сильно осудили. Буцевичъ, блестящій офицеръ, окончившій морскую академію и институтъ путей сообщенія, занималъ видное положеніе у министра, адмирала Посьета. Какъ члена военной революціонной организаціи, его сажаютъ въ страшное заключеніе подъ надзоръ грубыхъ солдатъ. Тоска по семьѣ (онъ незадолго до

Николай Александровичъ Морозовъ послѣ Шлиссельбурга.

ареста женился) и сырость казематовъ быстро развили у него чахотку. Въ послѣдніе дни, — рассказываетъ Н. А. Морозовъ, — организмъ Буцевича такъ ослабѣлъ, что онъ не могъ выходить на прогулку безъ помощи жандармовъ. Его введутъ въ клѣтку и присломятъ спиною къ стѣнѣ. И такъ онъ, не сходя съ мѣста, простаивалъ всѣ минуты свиданія съ Морозовымъ. Потомъ жандармы догадались выносить ему стулъ. Буцевичъ быстро сгоралъ. Но умирая онъ не забывалъ своего товарища и съ трогательнымъ вниманіемъ передавалъ ему на прогулкѣ несѣденные кусочки сахара. Когда Буцевича перестали выводить на прогулку, товарищи

догадались о его смерти. Н. А. Морозовъ попросилъ смотрителя, чтобы ему давали свиданіе съ кѣмънибудь другимъ изъ заключенныхъ. Смотритель доложилъ его просьбу «по начальству». Назначили меня.

Въ то время здоровье Николая Александровича тоже было ужасно. Онъ не шелъ, а волочилъ ноги, какъ старикъ; халатъ висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ; глаза настолько ослабли, что онъ не могъ читать печати обыкновеннаго шрифта.

Весною 1886 г. на восточной сторонѣ тюремнаго двора намъ устроили огородъ. Онъ былъ огороженъ высокимъ заборомъ и раздѣленъ перегородками на четырехугольныя отдѣленія, съ пятью грядами въ каждомъ. Въ длину всего огорода, на высотѣ забора, устроенъ былъ помостъ для наблюдающихъ за нами жандармовъ. Въ нашемъ отдѣленіи я съ Николаемъ Александровичемъ посадили на четырехъ грядахъ редиску, морковь, рѣпу, горохъ и другую огородную зелень, на пятой—средней—капусту.

Совмѣстныя прогулки въ огородѣ, особенно когда показалась на грядахъ яркая зелень, и къ намъ стали залетать бабочки, пчелы и разныя насѣкомыя, были очень привлекательны. Къ сожалѣнію, только два раза въ недѣлю! Въ остальное время мы гуляли въ одиночку.

Сосѣдями нашими по огороду были В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ. Мнѣ казалось, недалеко была и камера В. Н. Фигнеръ отъ моей, потому что не разъ я слышалъ по ночамъ ея продолжительныя рыданія.

У насъ являлось естественное желаніе познакомиться и съ другими заключенными. Мы рѣшили сдѣлать попытку — попросить чрезъ смотрителя дать намъ прогулки поочередно со всѣми заключенными. Я высказалъ эту просьбу одновременно съ Н. А. Морозовымъ. Въ слѣдующую прогулку къ Морозову приводятъ М. Р. Попова, а ко мнѣ—*Θ. И. Юрковского*. Когда онъ мнѣ назвалъ свою фамилію, я замѣтилъ ему, что не знаю его.

— А про «Сашку-инженера» слышали?

— Какъ же, слышалъ! Такъ это вы инженеръ?! Но почему же вы назвали себя не *Θедоромъ*, а *Александромъ*?

— О, это только мое конспиративное имя, моя кличка—«Сашка-инженеръ». А на самомъ дѣлѣ я—и не Сашка, и не инженеръ. Я учился въ Морскомъ корпусѣ.

— Не вашъ ли родственникъ морякъ *Юрковскій*, редакторъ газеты въ г. *Николаевѣ*?

— Родной братъ.

Такъ какъ я морякомъ одно время жилъ въ *Николаевѣ*, то у насъ нашлись общіе знакомые.

Съ *Юрковскимъ* ¹⁾ я гулялъ еще раза два-три.

¹⁾ Воспоминанія о *Θ. И. Юрковскомъ* я оставляю для отдѣльной статьи, специально посвященной его памяти.

— Смотритель не понялъ насъ,—подумалъ я.—Онъ просто-напросто замѣнилъ одного товарища другимъ.

— Если я долженъ гулять теперь только съ Ѳ. И. Юрковскимъ,—обращаюсь къ смотрителю,—то я хотѣлъ бы имѣть хоть еще одно свиданіе съ Николаемъ Александровичемъ Морозовымъ: надо же намъ проститься.

Подобную просьбу въ этотъ же самый день высказалъ смотрителю и Морозовъ. Насъ опять свели вмѣстѣ и больше не разлучали до самаго моего выхода изъ Шлиссельбургской тюрьмы.

Въ настоящее время, когда я пишу эти строки, Н. А. Морозовъ тоже выпущенъ изъ тюрьмы и находится въ Ярославской губерніи у своихъ родныхъ. Страшная судьба выпала на долю этого человѣка. Юношей-гимназистомъ онъ уже попадаетъ въ тюрьму, въ долгое одиночное заключеніе. Онъ могъ тогда сказать, какъ Лермонтовъ: «Богъ даровалъ мнѣ глаза и ноги, но когда мнѣ захотѣлось пойти на своихъ ногахъ, и когда я задумалъ взглянуть своими глазами, я долженъ былъ поплатиться за это тюремю, какъ за преступленіе».

Какъ бы для того, чтобы еще болѣе почувствовать муки тяжелаго заключенія, его выпускаютъ на волю. Онъ ѣдетъ въ свободныя горы Швейцаріи, живетъ среди молодыхъ идеалистовъ, какъ онъ самъ, полныхъ энергіи и самоотверженной любви, онъ слушаетъ лекціи о любимыхъ наукахъ и слагаетъ звучныя пѣсни свободы¹⁾. И вдругъ вся эта картина вольной жизни, какъ дивный миражъ въ голубомъ небѣ, сразу исчезаетъ, и снова онъ погружается въ горькую дѣйствительность, попадаетъ въ еще болѣе тяжелую тюрьму Алексѣевского рavelина. Проходитъ томительныхъ четыре года... Къ нему врываются солдаты, заковываютъ руки и ноги въ желѣзныя цѣпи и, какъ мѣшокъ, его тащатъ глухой ночью къ Невѣ.

— Топить несутъ, — мелькнуло въ головѣ несчастнаго страдальца.

Его и погрузили. Но не въ воду Невы, а въ каменный гробъ Шлиссельбургской тюрьмы на медленное умираніе. Мучительно подумать провести въ этой могилѣ одну только ночь, а онъ переживаетъ ихъ тамъ подъ рядъ тысячу, другую, третью, седьмую... десятую!... Тяжело отчужденіе отъ общества на одинъ день, на недѣлю, но какъ невыразимо ужасно положеніе человѣка, оторваннаго отъ людей на цѣлую четверть вѣка!

Если бы онъ былъ на самомъ дѣлѣ самымъ тяжкимъ преступникомъ, то такое долгое пребываніе въ мертвенной тишинѣ казематовъ вполнѣ искупило бы всѣ его грѣхи. Никто не повѣритъ,

¹⁾ Будучи въ Швейцаріи, Н. А. Морозовъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній.

чтобы такіе люди, просидѣвшіе десятки лѣтъ въ тюрьмѣ, могли быть опасными для общества. Стоитъ лишь съ ними поближе сойтись, чтобы сразу убѣдиться, что это—уставшіе, разбитые мученики, которые требуютъ прежде всего душевнаго и тѣлеснаго покоя среди природы. Нельзя придумать ни одной основательной причины, почему бы ихъ держать такъ долго въ этомъ страшномъ заточеніи.

Какъ это часто бываетъ у заключенныхъ, у моихъ товарищей по прогулкѣ особенно сильно возстали воспоминанія о своемъ дѣтствѣ и проснулась любовь ко всему родному. Юрковскій при каждомъ свиданіи читалъ мнѣ свои лирическія стихотворенія о картинахъ дѣтства, о счастливой семейной жизни въ его родной Малороссіи. То же самое и у Морозова. Кромѣ того, изощрившійся въ долгомъ одиночествѣ умъ Николая Александровича успѣлъ уже заявить себя серьезными работами по химіи, астрономіи, математикѣ, а его доброе сердце, испытавшее такъ много сильнаго горя, расширилось въ своемъ сочувствіи къ людямъ до «мировой скорби»: «Стоитъ только хорошенько выстрадаться самому, тогда всѣ страдающіе становятся понятны».

VII.

Петръ Великій писалъ Стейльсу послѣ взятія 11 октября 1702 г. крѣпости Нотебурга, или древняго Орѣшка, переименованнаго имъ въ Шлиссельбургъ: «Правда, хотя и зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однако, слава Богу, разгрызли; но не безъ тягости, ибо многіе наши мѣдяные зубы отъ того испортились». Эти слова богатыря-императора можно примѣнить и къ сидѣвшимъ въ Шлиссельбургской крѣпости по два десятка лѣтъ и теперь выпущеннымъ на свободу. Они выдержали тяжелый искусъ, разгрызли этотъ ужасный Орѣхъ, буквально съ порчею зубовъ отъ цынги, съ потерю здоровья и съ разстройствомъ нервовъ. Эти люди оказались въ своемъ родѣ тоже богатырями духа. Они не сдались, не вошли въ сдѣлку съ своею совѣстью,—и они побѣдили! Съ какой бы точки зрѣнія ни взглянули на нихъ, за ними останется навсегда ореолъ мученика за идею. Вѣра въ идею подкрѣпляла ихъ и давала имъ силы перенести всѣ ужасы насилія. Они могутъ про себя сказать вмѣстѣ съ апостоломъ любви: «И сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра наша».

Не менѣе достойны памяти и тѣ стратотерпцы, которыхъ кости погребены въ песокъ Шлиссельбурга. Иныхъ довели до могилы разныя болѣзни—неразлучные спутники тюремнаго заключенія; другіе не хотѣли дожидаться естественной смерти и поспѣшили такъ или иначе разстаться съ неволей: «свободой сталъ имъ смертный часъ». Многихъ казнили... Нѣкоторыхъ только для того и

привозили въ Шлиссельбургъ, чтобы на большомъ дворѣ старой тюрьмы повѣсить ихъ. Рассказываютъ, когда казенный пароходъ везетъ изъ С.-Петербурга приговоренныхъ къ смерти, онъ несетъ днемъ красный флагъ, а ночью — красный фонарь. Остерегая встѣчныя суда, какъ бы отъ огня или пороха, въ то же время они неволью показываютъ краснымъ флагомъ эмблему свободы, за которую присужденные проливаютъ свою кровь.

Казненныхъ тайно погребали безъ обычнаго отпѣванія сначала на общемъ городскомъ кладбищѣ, гдѣ стоитъ Преображенская церковь, а потомъ около стѣнъ крѣпости.

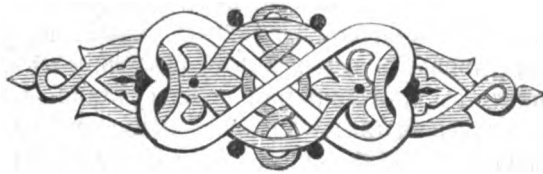
Говоря о заключенныхъ послѣдняго времени въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, нельзя обойти молчаніемъ участіе въ ихъ судьбѣ одной 78-ми-лѣтней старушки.

Когда нужда ближняго слишкомъ очевидна, когда мы видимъ горе на улицѣ, мы еще скоро отъзываемся на помощь. Но если голодные, больные, холодные, страждущіе скрыты за стѣнами, мы довольно спокойно проходимъ мимо, довольствуясь однимъ добрымъ пожеланіемъ по адресу несчастныхъ. Къ счастью, есть люди, которые не ждуть, когда къ нимъ протянется за помощью рука какого нибудь случайно подвернувшагося бѣдняка, а сами ищутъ убитаго горемъ и безъ его просьбы спѣшать къ нему на помощь. Есть въ С.-Петербургѣ нѣсколько самоотверженныхъ женщинъ, которыя, живя въ великосвѣтскомъ обществѣ, время отъ времени проникаютъ чрезъ крѣпкія стѣны темницы и помогаютъ несчастнымъ заключеннымъ. Одна изъ нихъ, княжна М. М. Д.-К., почти всю свою долгую жизнь неослабно заботится о страждущихъ въ тюрьмахъ и острогахъ. Эта почтенная старушка, узнавъ объ условіяхъ жизни шлиссельбургскихъ узниковъ, стала хлопотать о разрѣшеніи ей посѣтить ихъ. Сначала ей оказывали всевозможныя препятствія, но когда она изъявила согласіе быть самой заключенной въ Шлиссельбургѣ, чтобы только жить одною жизнью съ другими узниками, это тронуло высшія власти, и онѣ разрѣшили ей навѣщать ихъ, когда ей вздумается. Къ удивленію жандармовъ, всѣ ихъ препятствія для внѣшняго міра разрываются слабой старушкой. Еще болѣе были поражены ея неожиданнымъ посѣщеніемъ сами заключенные. Сначала они не могли придумать объясненія ему, но, познакомившись съ нею, сразу поняли, что ею руководила въ этомъ случаѣ христіанская любовь. Я не стану говорить, сколько она внесла надежды, радости и утѣшенія въ міръ несчастныхъ страдальцевъ. Пусть они теперь сами намъ расскажутъ объ этомъ.

Одно время княжна домогалась, чтобы разрѣшили заключеннымъ посѣщать по праздникамъ крѣпостную церковь Іоанна Предтечи. Ей въ этомъ отказали. Тогда она энергично подняла хлопоты выстроить новую церковь при тюрьмѣ.

Будетъ ли тюремное вѣдомство строить церковь или нѣтъ,—теперь, пожалуй, это не такъ важно, потому что большинство узниковъ освобождено. Но я предвижу, что на этомъ островѣ, политомъ кровью и слезами политическихъ и религіозныхъ мучениковъ цѣлаго ряда столѣтій, самъ русскій народъ выстроитъ грандіозный храмъ-памятникъ, который осѣнитъ кости погибшихъ въ борьбѣ за вѣру и свободу. Вѣдь, если гдѣ были болѣе пламенны молитвы заключенныхъ, болѣе отчаянны крики страждущихъ, болѣе страшны вопли замученныхъ, такъ это именно здѣсь, въ Шлиссельбургѣ. Сердце распятаго Христа Спасителя ближе всего къ этому мѣсту страданій. Небо скорѣй готово склониться именно къ этой маленькой земной точкѣ. А потому довольно здѣсь рыданій и вздоховъ. Пора замѣнить ихъ побѣдными гимнами Вѣчной Любви и Истинѣ.

И. Ювачевъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

IV.

ВЪ ПРИГOTOBИТЕЛЬНОМЪ училищѣ Бѣляева пробылъ я два года, и отецъ отдалъ меня въ Реформатское училище, на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста, которое и понынѣ существуетъ при французской, голландской и нѣмецкой реформатскихъ церквахъ въ Петербургѣ. Нѣмецкой реформатской церкви тогда еще на Мойкѣ, близъ Морской построено не было, она построена въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, и нѣмцы отправляли богослуженіе по реформатскому обряду, вмѣстѣ съ французами-гугенотами въ церкви на Большой Конюшенной улицѣ. Выборъ такого училища, гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ происходило на нѣмецкомъ языкѣ, былъ сдѣланъ отцомъ послѣ долгихъ обсужденій и былъ не безъ вліянія со стороны нѣмцевъ и голландцевъ, у которыхъ служили отецъ и дядя, принадлежавшихъ въ реформатскому вѣроисповѣданію. Кромѣ того, въ тѣ времена дѣтей купцовъ принимали не во всѣ гимназіи, и при приемахъ были большія затрудненія. Для дѣтей купцовъ было коммерческое училище, но это училище въ то время было закрытое, исключительно съ пансіонерами, и тогдашняя плата въ 300 рублей въ годъ была для отца не по средствамъ. Существовалъ на Васильевскомъ острову

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СIII, стр. 152.

коммерческій пансіонъ Гирста, но тамъ плата была еще выше. Реформатское же училище брало за ученика только 60 рублей въ годъ. Также отецъ и дяди, служа у иностранныхъ купцовъ, гдѣ обращеніе со служащими было неизмѣримо лучше, чѣмъ у русскихъ купцовъ, и проча и меня на службу въ подобную же контору, — они видѣли, какой недостатокъ представляло имъ по службѣ незнаніе иностранныхъ языковъ, а потому и хотѣли, чтобы я научился нѣмецкому и французскому языкамъ. Отецъ очень часто говорилъ, что товарищъ его бухгалтеръ, знающій по-нѣмецки и по-французски, получаетъ жалованье вдвое больше его, и работы у него менѣе.

И вотъ я въ Реформатскомъ училищѣ. Опредѣленъ я былъ туда почему-то не въ началѣ учебнаго года, а въ октябрѣ. Отецъ привелъ меня рано утромъ къ инспектору Реформатскаго училища Гордаку, жившему при училищѣ. Гордакъ—сѣдой старикъ нѣмецъ, давно небритый, съ щетинистымъ подбородкомъ, небольшого роста, краснолицый, съ длинными волосами, принялъ насъ у себя въ кабинетѣ, но оказался почти неговорящимъ по-русски. Меня поразило костюмъ его. Одѣтъ былъ въ застегнутое на всѣ пуговицы пальто, безъ признаковъ бѣлья и былъ въ резиновыхъ калошахъ. Прибавлю, впрочемъ, что на шеѣ его была намотана косынка. Помню, что отецъ объяснялся съ нимъ чуть не пантомимой. Говорили довольно долго, не понимая другъ друга, Гордакъ по-нѣмецки, вставляя русскія и французскія слова, отецъ — по-русски, перемѣшивая разговоръ съ нѣмецкими и французскими словами, какія зналъ. Гордакъ четверть вѣка прожилъ въ Петербургѣ и не научился по-русски. Онъ развернулъ книгу, далъ мнѣ прочесть по-нѣмецки. Дрожа всѣмъ тѣломъ, чуть не плача и заикаясь (въ дѣтствѣ я сильно заикался), я прочиталъ нѣсколько строкъ. Затѣмъ я прочиталъ по-французски. Гордакъ сталъ спрашивать меня таблицу умноженія по-нѣмецки. Я спутался по-нѣмецки и не могъ отвѣчать. Онъ взялъ грифельную доску и началъ задавать мнѣ вопросы изъ таблицы умноженія, ставя цифры на доскѣ. Я отвѣчалъ также письменно. Онъ покачалъ головой, вынулъ изъ кармана леденецъ и, подавая его мнѣ, сказалъ: «*Im ganzen gut. Da hast du*». Я былъ принятъ. Отецъ заплатилъ деньги за ученіе, получилъ квитанцію и сталъ прощаться со мной, я заплакалъ. Изъ кабинета мы вышли вмѣстѣ. Гордакъ взялъ меня за руку, повелъ въ коридоръ. Большіе часы въ коридорѣ показывали девять. Около часовъ висѣлъ большой колоколъ. У колокола стоялъ школьный сторожъ (Schuldiener). Гордакъ сдѣлалъ ему знакъ и крикнулъ: «*Zum Gebet!*» (Къ молитвѣ!). Сторожъ зазвонилъ. Распахнулись двери, выходившія въ коридоръ, и изъ нихъ толпами стали выскакивать ученики всѣхъ возрастовъ и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Всѣ бѣжали на молитву, куда повелъ и меня Гордакъ.

Молитва происходила въ самомъ большомъ изъ классовъ училища—въ *Secunda*ѣ, во второмъ этажѣ, куда собирались ученики всѣхъ классовъ. Здѣсь стоялъ большой органъ въ ясномъ чехлѣ. На классной доскѣ были написаны по-нѣмецки стихи псалма. Гордакъ сѣлъ за органъ и сталъ играть мелодію. Ученики запѣли псаломъ. Вотъ псаломъ пропѣтъ. Старичокъ гладкобритый съ крючковатымъ носомъ, въ длиннополомъ черномъ сертукѣ, сталъ читать «Отче нашъ» на нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ законоучитель училища для нѣмцевъ лютеранъ и реформатовъ, пасторъ Клиппъ.

Молитва кончилась. Учителя и воспитатели стали разводить учениковъ по классамъ. Я, новичокъ, никогда не видѣвшій такой церемоніи, стоялъ оробѣвшій и не знавшій, что мнѣ дѣлать. Инспекторъ Гордакъ взялъ меня за руку и повелъ въ классъ въ нижнемъ этажѣ. Когда мы туда входили, я прочиталъ надъ дверями надпись «*Quarta*».

Гордакъ остался въ классѣ и началъ преподавать ариметику. Урокъ начался съ того, что онъ заставилъ весь классъ писать въ черновыя тетради, которыя, кстати сказать, назывались почему-то въ училищѣ «олляпотридами» (*ollepotrida*), таблицу умноженія на 11, 12, 15 и 16. Всѣ ученики писали и при этомъ хорошъ пѣли по-нѣмецки, что пишутъ. Самъ Гордакъ ходилъ въ это время по классу, мягко ступая ногами въ резиновыхъ калошахъ и при этомъ усиленно нюхая табакъ. Когда таблица умноженія была написана, онъ вызвалъ одного изъ учениковъ къ доскѣ, велѣлъ писать задачу и затѣмъ рѣшать ее въ слухъ. Остальные ученики молча дѣлали это же у себя въ тетрадяхъ.

Гордакъ стоялъ около доски и при малѣйшей ошибкѣ ученика ругалъ его осломъ, поросенкомъ, обезьяной. Наконецъ, посыпались затрецины, подзатыльники. Нѣсколько разъ дергалъ онъ ученика за вихоръ, за ухо и, когда задача была кончена, уже ласково наградилъ его щелчкомъ въ носъ (*Stiebernase*), при чемъ велѣлъ благодарить. Начался осмотръ тетрадей съ задачами, и здѣсь затрецины, сопровождаемыя ругательствами. Однако, какого-то ученика за замаранную тетрадь онъ выслалъ изъ класса, сказавъ: «*Spazier... Десять на руку*». Онъ любилъ вставлять въ нѣмецкую рѣчь русскія слова. Ученикъ заплакалъ, удалился и вернулся, дую въ кулаки. Школьный сторожъ, шульдинеръ, отбарабанилъ его по рукамъ розгой. Былъ высланъ и еще ученикъ съ приказаніемъ получить пять ударовъ по штанамъ.

— *Bekomm fünf auf die Nosen*,—сказалъ Гордакъ спокойно.

Такія наказанія меня поразили. Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ и при этомъ слышалъ, какъ въ коридорѣ раздалось пять рѣзкихъ ударовъ. Ученикъ вернулся заплаканный. Я и самъ чуть не плакалъ.

Сдѣлавшихъ вѣрно задачу (припоминаю, что это было что-то изъ именованныхъ чиселъ) и подавшихъ ее, чисто написанную,

раньше, чѣмъ ее окончилъ ученикъ на большой доскѣ, Гордакъ записалъ въ классный журналъ въ отдѣлѣ «Lob» (похвала). Потерпѣвшіе тѣлесное наказаніе были записаны въ отдѣлѣ «Tadel» (порицаніе). Урокъ кончился.

Гордакъ преподавалъ ариметику, алгебру и геометрію во всѣхъ классахъ, кромѣ приготовительнаго, а было ихъ всѣхъ пять: квинта, кварта, терція, секунда и прима, а черезъ годъ послѣ моего поступленія сдѣлали шесть, подѣливъ терцію на клейнъ-терцію и гроссъ-терцію.

Гордакъ былъ превосходный преподаватель ариметики съ отличной системой (рѣшеніе большихъ задачъ въ головѣ), но необычайно жестокой даже и для того времени учитель. Затрещины, удары по затылку, удары по щекамъ, дранье за волосы и за уши, наказанія розгой по рукамъ и «по штанамъ» (ударяли обратной стороной розги, окомелкомъ) отъ него такъ и сыпались. Не освобождались у него отъ этихъ наказаній и ученики старшихъ классовъ, юноши 17—18 и болѣе лѣтъ. Тѣлесное наказаніе тогда существовало во всѣхъ училищахъ духовнаго, гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, даже въ Пажескомъ корпусѣ и Училищѣ Правовѣдѣнія, но оно примѣнялось въ исключительныхъ случаяхъ, Гордакъ же расточалъ наказанія каждый день во время каждаго урока, при чемъ онъ и самъ собственноручно билъ и дралъ учениковъ за волосы. Часто за небольшія провинности онъ заставлялъ провинившихся учениковъ самихъ таскать другъ друга за волосы и наслаждался этимъ зрѣлищемъ. Другіе учителя были сдержаннѣе, были такіе, которые совсѣмъ не употребляли тѣлесныхъ наказаній, но онъ, какъ инспекторъ училища (директора училища при моемъ поступленіи не полагалось), являлся въ классъ на урокъ для наблюденій и производилъ отъ себя свою жестокую расправу. Иногда онъ наказывалъ за одну и ту же вину три раза: во время урока, по субботамъ, когда дѣлалась сводка «лобовъ» и «таделей», и при третнихъ отмѣткахъ.

По субботамъ воспитатель представлялъ Гордаку сводку «лобовъ» и «таделей», и онъ самъ надписывалъ и выдавалъ билеты за прилежаніе (für Fleiss) зеленые за три лоба, синіе—за четыре и красные—за пять. Удостоившихся же быть записанными въ теченіе недѣли три раза въ «тадель» приказывалъ отбарабанить шульдинеру десятью ударами розги по штанамъ. Экзекуція эта происходила въ комнатѣ, носившей названіе «конференціи». Въ ней собирались учителя во время перемѣнъ, стояли шкафы съ книгами, съ физическими инструментами и кое-какими предметами по зоологіи и минералогіи. Здѣсь же въ отдѣльномъ шкафчикѣ находились и розги въ ведрѣ. При субботнихъ экзекуціяхъ Гордакъ обыкновенно присутствовалъ самъ. По окончаніи классовъ въ субботу сюда сгонялись всѣ ученики, получившіе три «таделя». Ино-

гда ихъ было 10—15. Шульдинеръ Петръ—русскій, отставной солдатъ, или Томасъ, финляндецъ, наказывали ихъ поочередно. Ученикъ ложился животомъ на табуретку, шульдинеръ натягивалъ одной рукой его штаны, а другой производилъ удары розгой по штанамъ. Когда ученикъ уже получилъ опредѣленное число ударовъ, Гордакъ часто глумился и спрашивалъ его:

— Ну, что, сладко (süss)?

Порядки и бытъ Реформатскаго училища, существовавшіе польвѣка тому назадъ, впоследствии были у меня описаны въ отдѣльномъ очеркѣ. подъ названіемъ «Учебный день въ нѣмецкой школѣ», помѣщенномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевского, а затѣмъ изданномъ отдѣльно въ сборникѣ разсказовъ «Рябятишки», но тамъ не говорится, какое это было училище, и не называются по фамиліямъ учителя.

Въ квартѣ я просидѣлъ всего два-три дня. Должно быть, знанія мои оказались выше преподаваемаго тамъ. Гордакъ явился въ классъ въ первый урокъ, поманилъ меня пальцемъ, велѣлъ слѣдовать за собой, привелъ въ классъ терцію и посадилъ на заднюю парту.

— Сиди теперь тутъ, и ты будешь терціанеръ, — сказалъ онъ мнѣ по-нѣмецки.

Я былъ переведенъ въ терцію, тогда еще не раздѣленную на два класса — клейнъ-терцію и гроссъ-терцію. Помню, что здѣсь было мнѣ учиться трудно. Программа этого класса была слишкомъ обширная, что создало и школьное начальство, подѣливъ классъ на два класса. Преподавалась физика, физическая географія, зоологія, исторія, кромѣ ариѳметики, алгебра и геометрія — и все на нѣмецкомъ языкѣ, а знанія мои изъ нѣмецкаго языка, при поступленіи моемъ въ это училище, ограничивались только тѣмъ, что я умѣлъ читать и писать и зналъ сотни двѣ словъ.

Первое время приходилось мнѣ въ терціи сидѣть, слушать и хлопать глазами, ничего не понимая. Пробовалъ я учить географію вмѣстѣ и по нѣмецкому учебнику и по русскому Арсеньева, а исторію читалъ по Кайданову, но не могъ отвѣчать уроковъ по-нѣмецки и получалъ худыя отмѣтки, попадалъ въ тадель, хотя мнѣ, какъ русскому и къ тому же заикавшемуся, дѣлали снисхожденіе. Начались наказанія — битье по рукамъ, стеганіе по штанамъ, хотя я подвергался наказаніямъ сравнительно съ другими рѣдко. Кончилось тѣмъ, что въ терціи я провалился на экзаменахъ и долженъ былъ остаться на другой годъ.

Пребываніе мое въ Реформатскомъ училищѣ надо раздѣлить на двѣ эпохи: первую — при инспекторствѣ Гордака и вторую, когда послѣ его смерти былъ приглашенъ инспекторомъ извѣстный преподаватель французскаго языка, составитель знаменитаго учебника французскаго языка, Давидъ Марго, учебника, который въ употребленіи еще и теперь.

Эти эпохи одна на другую совсѣмъ не похожи. Варварство старонѣмецкаго гордаковскаго режима смѣнилось просвѣщенными реформами Марго, уроженца французской Швейцаріи. Марго былъ тогда красивый, высокій, среднихъ лѣтъ брונетъ съ бакенбардами, очень франтоватый. Находясь у приходовъ на частной службѣ, онъ все-таки любилъ ходить по классамъ въ вицмундирномъ фракѣ, такъ какъ состоялъ въ то же время и преподавателемъ гдѣ-то въ казенномъ училищѣ. Принявъ управленіе училищемъ, инспекторъ Марго, по соглашенію съ церковнымъ совѣтомъ, смѣнилъ почти всѣхъ учителей гордаковской эпохи. Повѣяло новымъ духомъ, свѣжимъ воздухомъ. Началась чистка. Реформы эти застали меня въ секундѣ.

Сдѣлаю, однако, характеристику учителей и преподаванія гордаковской эпохи.

Учитель нѣмецкаго языка, Шульце, былъ докторъ философіи и теологіи, какъ значилось на дверной дощечкѣ его квартиры, находившейся въ домѣ училища. Въ мое время онъ преподавалъ уже лѣтъ пятнадцать въ Петербургѣ, и такъ же, какъ и Гордакъ, нисколько не научился говорить по-русски. Это былъ пожилой человѣкъ съ зачесанными назадъ длинными волосами, въ очкахъ, съ полнымъ бритымъ лицомъ. Ходилъ въ длинномъ пасторскомъ сюртукѣ и былъ всегда въ бѣломъ галстукѣ съ громадными острыми воротничками сорочки. Преподавая въ трехъ старшихъ классахъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкую литературу, увлекался Шиллеромъ и Гете и часто даже на урокъ грамматики заставлялъ насъ декламировать «Валленштейновъ лагерь» и другія драмы, для чего каждому назначалъ роль. На задней скамейкѣ сидѣлъ хоръ-народъ. Декламировалъ онъ иногда и самъ «Фауста» на распѣвъ, съ жестикулами, съ выкриками, какъ старинные трагики. И изъ насъ, кто сильнѣе кричалъ, вращалъ глазами, подражая ему, тотъ и удостоивался «лоба». Шульце былъ большой комикъ, человѣкъ не злой и тѣлесныхъ наказаній придерживался только по обычаю, любя при этомъ оправдывать себя фразой:

— У насъ въ Германіи насъ и не такъ еще драли.

Самъ онъ не дрался, хотя ругалъ лѣнтыевъ. Ученики его любили. На урокъ онъ часто упоминалъ, что онъ—бывшій гейдельбергскій студентъ, дрался на дуэляхъ и прибавлялъ:

— Heidelberg! Das ist die Sache!

Онъ любилъ выпить и на уроки иногда являлся выпивши.

Учитель физики и естествознанія—Зееценъ, худой, высокій старикъ съ гладко бритымъ лицомъ. На урокъ всегда являлся въ вицмундирномъ фракѣ, на шею туго наматывалъ черную косынку, изъ-за которой вылѣзвали необыкновенно острые воротнички сорочки, торчавшіе впередъ. Табакерка постоянно бывала у него въ рукахъ. Онъ съ присвистомъ нюхалъ табакъ и сморкался въ

громадный красный фуляровый платокъ. Любилъ упоминать, что онъ Hofrath—надворный совѣтникъ. Кромѣ нашего училища, преподавалъ что-то въ гимназіяхъ, но по-русски говорилъ очень плохо. Во время уроковъ физики опытовъ дѣлать не любилъ и всегда говорилъ:

— Когда нибудь въ другой разъ покажу. Ключи отъ шкафа съ машинами у инспектора, а онъ, кажется, спитъ.

Учитель русскаго языка и литературы—Нувель, совсѣмъ больной старикъ. Иногда приходилъ въ классъ, садился и засыпалъ, и мы затихали, давая ему спать. Часто, придя въ классъ, принималъ порошки, накапывалъ себѣ капель на сахаръ. Онъ былъ почти всегда въ дремотѣ. Грамматику преподавалъ по Гречу «отсюда и досюда» и спрашивалъ въ зубряжку. Книжкой для чтенія была книга «Другъ дѣтей». О Пушкинѣ, Гоголѣ, Грибоѣдовѣ мы ничего отъ него не слышали. Помню, онъ что-то мѣсяца два диктовалъ намъ по частямъ стихотвореніе «Умирающій Тассъ» и заставлялъ его учить. Нувель почти никого не награждалъ ни тададемъ, ни лобомъ, не дрался и тѣлесныхъ наказаній не назначалъ. Очевидно, ему было не до нихъ. Тоже являлся въ вицмундирѣ и страшно нюхалъ табакъ. Грудь сорочки его была усыпана имъ.

Преподаватель французскаго языка—Лезгилье, онъ же и классный воспитатель. Тоже больной старикъ, разслабленный на ноги, маленькій, худой, плѣшивый. Ходилъ въ классъ въ пальто съ поднятымъ воротникомъ и въ плисовыхъ сапогахъ. Пансіонеры инспектора Гордака про Лезгилье рассказывали, что онъ ночью спалъ въ мѣховомъ мѣшкѣ и мѣховомъ колпакѣ. Про его преподаваніе у меня въ памяти ничего не осталось, но помню, что, когда преподавать французскій языкъ сталъ Марго, онъ ужаснулся на то, что увидѣлъ. Даже въ терціи нѣкоторые ученики едва умѣли читать по-французски.

Фишеръ—учитель исторіи и географіи. Среднихъ лѣтъ человекъ въ вицмундирѣ, съ бакенбардами, въ золотыхъ очкахъ. Отлично зналъ свой предметъ, умѣлъ заинтересовать учениковъ, у него прекрасно учились и любили его. Преподавалъ по-нѣмецки, но для русскихъ иногда объяснялъ и по-русски. По-русски онъ говорилъ отлично. У него была превосходная манера преподаванія географіи. Онъ заставлялъ на память чертить карты частей свѣта, разставлялъ на нихъ крестиками главные города, и ученикъ долженъ былъ дѣлать «путешествіе». Такъ, наприимѣръ, по картѣ Европы отправляясь изъ Бѣлаго моря въ морское путешествіе вокругъ Европы, ученикъ, указывая палкой, называлъ попутно всѣ моря, заливы, впадающія въ нихъ рѣки, острова и доходилъ до Чернаго моря. Карты государствъ задавалъ онъ чертить на домъ въ особыхъ тетрадахъ. На это дѣло были замѣчательные

искусники и раскрашивали карты акварелью. У нѣкоторыхъ учениковъ собирався такимъ образомъ географическій атласъ, сдѣланный ими самими. И у меня былъ такой атласъ. Заниматься рисованіемъ картъ я любилъ. Фишеръ былъ врагъ зубряжки, что тогда представлялось особенностью, рѣдкостью между учителей. Исторію онъ преподавалъ, читая по своимъ запискамъ, какъ въ высшемъ заведеніи, читалъ съ интересными подробностями, внятно, останавливаясь и дѣлая комментаріи. Ученики старшихъ классовъ всегда успѣвали записывать, что онъ читалъ, и уже во время урока запоминали, что писали. Спрашивалъ прочитанное онъ очень рѣдко, двухъ, трехъ учениковъ и всегда награждалъ ихъ лобами. Фишера очень любили, называли его справедливымъ человѣкомъ и хорошо у него учились. О немъ я сохранялъ лучшія воспоминанія. Онъ былъ противникъ тѣлесныхъ наказаній, но иногда ему ихъ все-таки приходилось примѣнять вслѣдствіе давленія инспектора Гордака.

Учитель чистописанія, Мессеръ худой и длинный старикъ въ вицмундирѣ, въ парикѣ. Прописи чистописанія его были тогда приняты чуть ли не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. На чистописаніе тогда обращалось огромное вниманіе. Онъ также училъ и чинить гусинья перья и ставилъ за это отмѣтки. Часто, написавъ на доскѣ каллиграфически какое либо изреченіе, онъ заставлялъ его списывать, при чемъ ученики писали и при каждомъ утолщеніи буквы пѣли: un, deux, trois, quatre. На урокахъ каллиграфіи во время моего поступленія въ училище у Мессера писали гусиными перьями, хотя стальные перья были уже достаточно распространены и употреблялись нами во время другихъ уроковъ. Стальные перья онъ допускалъ только для писанія готическими буквами, курсивами, буквами съ завитками, что также преподавалъ. Ученики, особенно успѣшные въ каллиграфіи, писали къ экзаменамъ на листахъ ватмановской бумаги различными почерками и буквами «Отче нашъ» на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, «Боже царя храни» и оды Державина. Лучшіе изъ этихъ образцовъ гравировальнаго письма вставлялись въ рамки подъ стекломъ и вѣшались въ классахъ на стѣнахъ, гдѣ висѣли также лучшія географическія карты, сдѣланныя учениками. Мессера любили, хотя онъ, иногда раздраженный неряшливостью учениковъ при чистописаніи, колотилъ особенно неряшливыхъ линейкой по пальцамъ. Зато никто не расточалъ ученикамъ столько любви, какъ Мессеръ. Помню, что у насъ изъ училища выходили замѣчательные каллиграфы.

Пасторы Клиппъ и Иккенъ преподавали по-нѣмецки Законъ Божій для протестантовъ, но и мы, русскіе ученики, а также поляки, нѣмцы и французы-католики сидѣли тутъ же въ классѣ и слушали преподаваніе, хотя и не учили задаваемыхъ ими уроковъ. О пасторѣ Клиппѣ я уже упоминалъ. Онъ былъ лютеранинъ и преподавалъ «Religion» во всѣхъ классахъ, всѣмъ протестантамъ.

Это былъ человѣкъ, мало уступавшій въ жестокости Гордаку. Иккенъ преподавалъ только катихизисъ ученикамъ реформатскаго исповѣданія. Онъ состоялъ пасторомъ при нѣмецкой реформатской церкви, былъ человѣкъ молодой, но отличался болѣзненностью, сильно кашлялъ съ страшными приступами и умеръ отъ чахотки.

Законъ Божій для православныхъ преподавалъ священникъ изъ Михайловскаго инженернаго замка, о. Гавріиль Розовъ, маленькій дряхлый старичокъ, очень неряшливый, въ сильно засаленномъ на груди подрясникѣ и всегда съ отплетаннымъ подоломъ рясы. Задавалъ онъ священную исторію Ветхаго и Новаго Завета «отсюда и досюда» и требовалъ, чтобы учили въ зубряжку, говоря ученикамъ:

— Что-жь, книга-то глупѣе тебя, что ты своими словами рассказываешь? Ты говори, какъ въ книжкѣ написано. Ее умные люди писали.

Учились у него очень плохо. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ очень добрый и таделей не расточалъ, зная, что послѣ трехъ таделей въ недѣлю всегда въ субботу слѣдовало тѣлесное наказаніе отъ инспектора. Преподаваніе имъ Закона Божія происходило внѣ класснаго времени, всегда по окончаніи всѣхъ уроковъ. Полагаю, что это было такъ за неимѣніемъ въ училищѣ свободныхъ комнатъ. Очень комичная сцена происходила всегда, когда нашъ законоучитель встрѣчался съ пасторомъ Клиппомъ. Клиппъ не говорилъ по-русски, а Розовъ не зналъ нѣмецкаго языка. Клиппъ при встрѣчѣ всегда подносилъ ему табакерку. Оба они нюхали, улыбались, хлопали другъ друга по плечу, справлялись каждый на своемъ языкѣ о здоровьѣ, при чемъ Клиппъ твердилъ:

— Gesund? Gut?.. Recht gut... Карашо, карашо.

А Розовъ на это ему тоже въ видѣ привѣтствія отвѣчалъ:

— Благодареніе Создателю, не жалуюсь. Да и вы вѣдь не жалуетесь. Вотъ нюхаемъ вмѣстѣ табачокъ. Да, да... дружески нюхаемъ. Хоть вѣроисповѣданія-то у насъ разныя, но Богъ-то вѣдь одинъ. Одинъ Богъ-то... указывалъ онъ въ потолокъ.

Въ внѣклассное время преподавались у насъ и частныя языки—англійскій и латинскій, за ничтожную плату—одинъ рубль въ мѣсяцъ, а учениковъ голландцевъ училъ голландскому языку пасторъ голландской церкви.

Впослѣдствіи, находясь уже въ секундѣ, я сталъ посѣщать классы языковъ латинскаго и англійскаго.

Англійскій языкъ преподавалъ мистеръ Бишопъ, отличавшійся необыкновеннымъ чудачествомъ. То онъ зимой отворялъ въ классѣ форточки для освѣженія своей головы, то сообщалъ, что сегодня у него геморрой разыгрался, поэтому онъ долженъ дѣлать гимнастику и начиналъ ее дѣлать тутъ же, во время урока, прыгая, размахивая руками и ногами, заставляя при этомъ дѣлать то же самое и

учениковъ. Являлся онъ всегда въ классъ съ леденцами и во время урока сосалъ ихъ или ѣлъ шоколадъ. Зимой онъ ходилъ въ холодномъ даже не наваченномъ пальто, и только на шеѣ у него были накручены въ нѣсколько рядовъ бывшіе тогда въ большой модѣ женскіе мѣховые хвосты-боа. Всѣ говорили, что онъ былъ сумасшедшій... Да онъ былъ больной, страдалъ хореемъ. По временамъ все лицо его подергивалось, и онъ дѣлалъ такія гримасы, что ученики часто не могли удержаться отъ смѣха, да не одни ученики, а и шульдинеры. За этотъ смѣхъ онъ записывалъ учениковъ въ тадель, а иногда и шульдинеровъ. Разъ онъ записалъ въ тадель даже пуделя инспектора Гордака, Каро, всегда сидѣвшаго на лѣстницѣ около квартиры Гордака, бросившагося на него съ лаемъ. Невзирая на такія чудачества, онъ преподавалъ тогда англійскій языкъ и въ коммерческомъ училищѣ, а также и въ нѣкоторыхъ аристократическихъ домахъ, о чемъ всегда любилъ повѣствовать намъ, ученикамъ, но повѣствованія эти заключались, главнымъ образомъ, въ перечисленіи тѣхъ роскошныхъ блюдъ, какими его кормили во время обѣда въ домѣ его учениковъ. По-русски онъ говорилъ, хотя и ломанымъ языкомъ, но недурно.

Латинистомъ былъ у насъ нѣмецъ Шуманъ, очень угрюмый, косматый, пожилой человекъ, ходившій въ вицмундирномъ фракѣ съ необычайно замасленнымъ бархатнымъ воротникомъ и штопанными локтями, съ какой-то круглой серебряной луковицей въ видѣ часовъ, которую вынималъ изъ жилетнаго кармана и клалъ во время урока передъ собой на столъ. Являлся онъ въ училище съ большой фарфоровой трубкой на выгнутомъ короткомъ чубукѣ, и мы часто видѣли его, какъ онъ курилъ ее, сидя въ ожиданіи урока въ конференціи—комнатѣ, о которой я уже упоминалъ.

Перечисливъ почти всѣхъ учителей, бывшихъ въ училищѣ во время инспекторства Гордака, и ихъ манеру преподаванія, упомяну о преподаваніи исторіи Россіи. Исторія Россіи преподавалась въ то время, какъ это ни странно, на французскомъ языкѣ и учителемъ этого языка. Говорили тогда, что это для практики во французскомъ языкѣ. Помню и учебникъ этой русской исторіи, изданный въ Парижѣ. Это была маленькаго формата книжечка, но довольно объемистая, въ концѣ которой были вырѣзаны странички, описывающія царствованіе Павла I. При плохомъ знаніи французскаго языка, исторію Россіи никто изъ учениковъ такъ и не могъ себѣ усвоить и ничего изъ нея не зналъ. Прибавлю, что французскій учебникъ, по которому проходили исторію Россіи, былъ учебникъ всеобщей исторіи, и изъ него дѣлали выборки, только касающіяся Россіи.

Въ первый разъ, когда я вернулся домой изъ Реформатскаго училища, дома у насъ было буквально торжество. Къ обѣду былъ

испеченъ клѣтчатый пирогъ съ вареньемъ, и вечеромъ пили шоколадъ, а шоколадъ у насъ пили только въ дни семейныхъ торжествъ. Меня старались пичкать самыми лакомыми кусками, засыпали разспросами объ училищѣ, спрашивали, что я ѣлъ въ училищѣ. Дѣло въ томъ, что никто не ожидалъ, когда отецъ мой повелъ меня въ училище, что я въ тотъ же день въ немъ и останусь, а потому и не дали мнѣ съ собой завтрака. Отецъ водилъ меня просто на показъ и для экзамена, но Гордакъ, не отпустивъ меня домой, сейчасъ же и посадилъ въ классъ. Отецъ, прощаясь со мной, сунулъ мнѣ въ руку мелочи и сказалъ, чтобы я послалъ когонибудь купить мнѣ что либо съѣстное. Помню, что въ большую переѣмну въ полдень, когда насъ, учениковъ, выпустили на дворъ гулять и для завтрака, меня, какъ новичка, окружили со всѣхъ сторонъ мальчики-товарищи и просили дать имъ «пожрать». Я отвѣчалъ, что ѣды у меня нѣтъ, но если можно купить, то у меня есть деньги. Сейчасъ же вызвался на это какой-то шустрый мальчикъ, и когда я далъ ему пятиалтынный, онъ сбѣгалъ въ мелочную лавку, находившуюся черезъ домъ отъ училища, и принесъ огромную вотрушку съ брусничнымъ вареньемъ, которую тутъ же всѣ искромсали перочинными ножами, оставивъ мнѣ самый маленькій кусочекъ. Впослѣдствіи я увидалъ, что мелочная лавка эта играла огромную роль въ жизни учениковъ. Тамъ покупались учениками, помимо ѣды и лакомствъ, хлопушки, стальные перья, карандаши, грифеля, бабки и папиросы, кисляя щи и квасъ, резиновые мячики и даже извозчичьи кнуты. Кнуты носили при себѣ многіе изъ учениковъ подъ жилетомъ въ защиту отъ учениковъ шведской школы, находившейся вблизи, и съ которыми всегда происходили драки, когда ученики распускались домой послѣ классовъ. Помню, что въ лавкѣ этой нѣкоторые пользовались даже кредитомъ, и были случаи, что неисправныхъ плательщиковъ, когда на нихъ жаловался лавочникъ, наказывали въ училищѣ по «штанамъ».

А драки происходили большія. Ученики ходили въ синякахъ, съ расцарапанными лицами. Отецъ, отправляясь утромъ въ контору на Васильевскій островъ, завозилъ меня въ училище самъ, а къ окончанію классовъ за мной присылали прислугу, которая и сопровождала меня домой, но впослѣдствіи я сталъ одинъ возвращаться, и помню, что былъ изрядно избитъ и до синяковъ учениками шведской школы, хотя я былъ не особенно здоровымъ и самъ въ драки не лѣзъ. Дрались кнутами, твердыми резиновыми мячиками на веревкахъ, линейками, которыя тогда были принадлежностью каждаго ученика, ремнями отъ штановъ. Городовыхъ тогда не было, будочки съ алебардами стояли только около своихъ будокъ на углахъ, и разгонять драчуновъ было некому. А дворники и извозчики такъ даже нарочно подзадоривали маль-

чишекъ на драку. Драка въ то время въ Петербургѣ считалась даже спортомъ. По праздникамъ рабочіе одного изъ заводовъ дрались съ рабочими другого завода. На Калашниковской пристани крючники ходили въ драку партіями на партію или «стѣнка на стѣнку», какъ тогда выражались. Драку начинали мальчишки, которые назывались «задирами». На драки эти являлись зрителями купцы, часто и сами, не утерпѣвъ, вступали въ бой и награждали побѣдившихъ деньгами, дѣлая складчину. Были случаи увѣчья. Полиція знала объ этихъ дракахъ, но не препятствовала, смотрѣла на нихъ сквозь пальцы. Драки происходили и между семинаристами, дрались нескіе пѣвчіе съ пѣвчими исаакіевскими, дрались приказчики-«суровщики» Апраксина двора съ приказчиками Шукина двора, торговавшими съѣстными припасами. Дрались они, возвращаясь домой, послѣ запора лавокъ, на площади, у Чернышова моста, гдѣ тогда не было садика. Въ Ямской также были драки. Молодые парни этой мѣстности ходили драться съ парнями Волковой деревни, и драки эти происходили на Волковомъ кладбищѣ. У насъ были знакомые, которые по праздникамъ ѣздили смотрѣть на эти драки и потомъ съ восторгомъ рассказывали о побѣдителяхъ.

Находясь въ терціи, я скоро сталъ усваивать себѣ нѣмецкій языкъ, хотя въ училище поступилъ, умѣя только читать и писать, но послѣднее съ грѣхомъ пополамъ. Предметы всѣ преподавались по-нѣмецки, учителя говорили по-нѣмецки, ученики тоже, хотя дѣти ремесленниковъ, вертѣвшіеся дома около русскихъ мастеровыхъ, говорили и со вставками въ нѣмецкую рѣчь русскихъ словъ, жаргона, поговорокъ, а часто и русскіе глаголы спрягали на нѣмецкій манеръ. Приведу фразу: «*Er wollte mich припека'ен, aber hat eine фига съ масломъ aufgegessen*». Слова въ родѣ извозчикъ, пожарный, будочникъ, гривенникъ, на водку, булка—перемѣшивались и съ нѣмецкой рѣчью учителей. Просидѣвъ въ училищѣ мѣсяца четыре—пять, я уже довольно сносно усвоилъ себѣ нѣмецкій языкъ и сталъ понимать преподаваніе предметовъ на немъ.

Сидѣлъ я въ первое время въ классѣ на задней скамейкѣ, около стѣны, гдѣ были прибиты вѣшалки, и висѣло верхнее платье учениковъ. Простота тогда была такова, что не было переднихъ для верхняго платья, и оно вѣшалось въ классахъ. Въ дождь и снѣгъ оно было мокрое. Иногда текли съ него потоки воды.

Надо прибавить, что на заднихъ скамейкахъ сидѣли всегда лѣнтяи, а также и русскіе ученики, не усвоившіе себѣ еще нѣмецкаго языка. Сидѣлъ я рядомъ съ русскими учениками. По одну сторону отъ меня былъ В. П. Лукаревъ, по другую — М. И. Пыляевъ, оба сыновья торговцевъ-гостинодворовъ. Впослѣдствіи мы переходили вмѣстѣ изъ класса въ классъ и вмѣстѣ окончили курсъ въ

1859 г. Подружившись въ училищѣ, Лукаревъ, Пыляевъ и я остались большими пріятелями и до зрѣлаго возраста. Съ Пыляевымъ я сохранилъ хорошія отношенія даже до самой его смерти. Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ, впослѣдствіи видный писатель, авторъ книгъ — «Старый Петербургъ», «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга» и друг., былъ, какъ уже я сказалъ, сыномъ купца, имѣвшаго въ то время извѣстный парфюмерный магазинъ въ Гостиномъ дворѣ. Пыляева я впослѣдствіи встрѣчалъ у редакторовъ-издателей журнала «Искра»: карикатуриста Н. А. Степанова и В. С. Курочкина, а также и у брата послѣдняго, Н. С. Курочкина — переводчика итальянскаго поэта Джустини, но во время существованія «Искры» Пыляевъ еще ничего не писалъ литературнаго. На литературное поприще Пыляевъ выступилъ при возникновеніи «Петербургской Газеты», а затѣмъ много писалъ въ газетѣ «Новое Время».

Не привѣтливы въ то время были классы училища. Содержались они грязно, полы были простые, не крашеные, съ выбоинами, съ скрипящими половицами, паутина рѣдко обметалась, въ партахъ, окрашенныхъ когда-то въ зеленый цвѣтъ съ черными верхними досками, глубоко изрѣзанными перочинными ножами, ползали тараканы, питавшіеся отъ крохъ приносимыхъ учениками завтраковъ. Углы были затканы пауками, и, помню, мы кормили ихъ наловленными мухами. Зимой освѣщенія не полагалось, а уроки начинались въ 9 часовъ, когда было еще темно, но приносить свое освѣщеніе не возбранялось, и вотъ мы являлись въ училище съ свѣчными огарками, которые и горѣли у насъ прилѣпленные къ партамъ, пока не сдѣлается свѣтло. Называлось это иллюминаціей, и мы очень любили тѣ дни, когда можно было пользоваться ею. Она служила намъ забавою. Для питья учениковъ, помню, въ одномъ изъ классовъ былъ большой глиняный горшокъ — «машинка», фильтрующая воду, но въ остальныхъ классахъ простыя деревянныя ведра съ водой и привѣщенными къ нимъ желѣзными ковшиками. Въ каждомъ классѣ была довольно высокая каедрa, но учителя рѣдко на нее влѣзали, предпочитая сидѣть за простыми столами. Каедрa служила только кустосу — старшему ученику, для чтенія молитвы; по окончаніи классовъ читали всегда «Отче Нашъ» по-нѣмецки.

Здѣсь кстати упомянуть о кличкахъ или прозвищахъ. Добрая половина учениковъ носила прозвища, данныя другъ другу. Были Катька, Машка, Аffe (обезьяна), Maulthier (сурокъ). Прозвища эти иногда давалъ учитель нѣмецкаго языка Шульце. Меня онъ прозвалъ Luch (рысь). Кличка эта за мною такъ и осталась.

Первыя лѣтнія мои каникулы совпали съ первымъ переѣздомъ на дачу нашего семейства. Отецъ и дядя получили прибавку и могли позволить себѣ это удовольствіе. Дача была нанята на Карповкѣ, въ большомъ домѣ, стоявшемъ въ запущенномъ саду съ

вѣковыми деревьями, съ множествомъ гнѣздъ грачей и воронъ на берегахъ, со старымъ ягодникомъ, съ парниками и огородомъ, гдѣ я впервые ознакомился съ разнообразными растениями, птицами, насѣкомыми и полюбилъ природу, слушая рассказы дворника, отставного солдата Степана съ бѣльмомъ на глазу, о народныхъ повѣрьяхъ, примѣтахъ, возарѣнiяхъ простого народа на пчелъ, кукушку, соловья, ворону, муравьевъ и о цѣлебныхъ свойствахъ подорожника, звѣробоя, зари, березовыхъ почекъ и т. п. Степанъ былъ поэтъ въ душѣ и любилъ повѣствовать. Помню, что старый домъ имѣлъ три квартиры: въ одной жили мы, въ другой—семейство К., гостинодвора, за которымъ была замужемъ моя родная тетка, сестра отца, а третья квартира пустовала. Старшій сынъ К., мой двоюродный братъ Александръ, былъ моимъ товарищемъ по прогулкамъ. Мы ловили колюшекъ въ Карповкѣ, катались на лодкѣ, ставили устроенныя дворникомъ Степаномъ западни для чижей. Карповка была рѣчкой, въ которой я впервые искупался. Помню, подоконникъ моей комнаты уставился коробками съ жуками, гусеницами бабочекъ, банками съ лягушечьими головастиками, дождевыми червями. Меня все интересовало, отъ всего этого я приходилъ въ восторгъ, ибо видѣлъ впервые. Появились клѣтки съ чижами, малиновками. Домашнiе мои отнесли ко всему этому неблагосклонно, выливали изъ банокъ головастиковъ, выпускали птицъ, выбрасывали червей, но банки, коробки и клѣтки опять появлялись. Помню, въ какое изумленiе пришелъ я, когда изъ гусеницы (которую я тогда звалъ червякомъ), превратившейся у меня въ коробкѣ въ куколку, черезъ нѣсколько времени вышла бабочка. Это была большая сѣрая ночная бабочка соснового шелкопряда съ крылышками, сложенными салопчикомъ. Я показалъ ее дворнику Степану. Степанъ посмотрѣлъ на нее мрачно и сказалъ:

— Это—овечья смерть. Вотъ ежели въ ухо овцы такая забѣется, то овца и помираетъ. Убейте ее. Это—нечистъ.

Бесѣды мои съ дворникомъ Степаномъ послужили мнѣ впоследствии для расцвѣтки нѣсколькихъ моихъ рассказовъ изъ народнаго быта. На слѣдующее лѣто мы жили уже на другой дачѣ, но нѣкоторая связь со Степаномъ все-таки сохранилась. Мать моя взяла его пятнадцатилѣтнюю дочь Оеклу къ намъ въ домъ въ подьянъки, и Степанъ по временамъ приходилъ навѣщать дочь, угощался чаемъ, и я имѣлъ возможность опять слушать его рассказы.

Случай превращенiя гусеницы въ бабочку у меня въ коробкѣ настолько пристрастил меня къ этимъ насѣкомымъ, что я сталъ ловить ихъ и собирать и дѣлалъ это и въ послѣдующее лѣто. Собирание бабочекъ обратилось у меня впоследствии въ страсть. Года три-четыре спустя, когда мы уже жили на дачѣ въ Лѣсномъ, о страсти моей узналъ проживавщiй тамъ также на дачѣ преподаватель естественныхъ наукъ въ какомъ-то учебномъ заведенiи,

Э. Гюберъ. Онъ былъ большой любитель-энтомологъ и собиралъ бабочекъ для какого-то правительственнаго музея. Племянникъ его служилъ съ моимъ дядей Василюемъ въ конторѣ Боненблуста, и вотъ этотъ Гюберъ черезъ дядю пригласилъ меня къ себѣ, и я уже подъ его руководствомъ собиралъ бабочекъ цѣлое лѣто въ Лѣсномъ. Научилъ онъ меня умерщвлять ихъ, чтобы не попортить крылышекъ, расправлять, сохранять, опредѣлять, для чего у него было много книгъ по этому предмету. Это былъ очень милый и добрый пожилой, уже обрусѣвшій нѣмецъ. Одна его нога была значительно короче другой, и хотъ онъ и ходилъ въ сапогъ съ двумя большими каблуками, но изрядно хроمالъ. Вооруженные кисейными сачками на палкахъ, коробками съ пробкой черезъ плечо для накалыванія насѣкомыхъ, съ зонтиками для стряхиванія на нихъ съ кустовъ гусеницъ, много мы обошли съ нимъ въ Лѣсномъ и его окрестностяхъ лужаекъ, лѣсныхъ опушекъ, заборовъ, отыскивая подъ послѣдними спрятавшихся отъ солнца ночныхъ бабочекъ. Огъ Гюбера я научился и названіямъ бабочекъ на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Впослѣдствіи у меня образовалась хорошая коллекція этихъ насѣкомыхъ.

V.

Теперь перейду къ описанію переворота, совершившагося въ Реформатскомъ училищѣ. Переворотъ этотъ совершился, спустя два года послѣ моего поступленія въ училище. Умеръ инспекторъ Гордакъ, умеръ онъ весной послѣ кратковременной болѣзни. Стыдно признаться, но торжество среди учениковъ было большое: такъ его не любили, такъ онъ былъ страшенъ по своимъ жестокостямъ. Помню, что отпѣвали его въ Реформатской церкви, на отпѣваніе было приведено все училище, и псалмы подъ органъ пѣли всѣ ученики. Наскоро были произведены въ училищѣ экзамены, и ученики были распущены на каникулы ранѣе обыкновеннаго.

Въ то время ученіе послѣ каникулъ начиналось всегда въ началѣ августа, 2-го, 3-го числа. И вотъ, когда въ августѣ мы явились въ училище, былъ новый инспекторъ. Церковный совѣтъ еще въ началѣ лѣта пригласилъ Давида Марго. Помню, классы въ училищѣ были отремонтированы заново, прибавились шкафы съ физическими инструментами и другими наглядными учебными пособиями, въ классахъ висѣли новыя, неободранныя и не закопченныя географическія карты, на стѣнахъ появились картины по зоологіи и ботаникѣ, и въ некоторыхъ учителей уже не было. Исчезли учителя русскаго языка Нувель и французскаго языка Лезгилье. Наступила эпоха реформъ. Русскій языкъ и литературу въ трехъ старшихъ классахъ преподавалъ Н. С. Васильевъ — человекъ не старый, сердечный, умный, любящій свое дѣло. Онъ тотчасъ же

началъ насъ знакомить съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Жуковскимъ. Гордака, какъ учителя математики, замѣнилъ въ старшихъ классахъ молодой учитель Э. Колинсъ. Онъ же преподавалъ и физику. Преподаваніе французскаго языка взялъ на себя самъ инспекторъ, Давидъ Марго. Это былъ человекъ среднихъ лѣтъ, высокій, красивый брונетъ съ бакенбардами. Манера его преподаванія была настолько прекрасна и умѣла, что мы, ученики, въ какой нибудь мѣсяцъ подвинулись впередъ больше, чѣмъ при его предшественникѣ въ цѣлый годъ. Оставшіеся отъ гордаковской эпохи учителя подтянулись, стали сдержаннѣе. Тѣлесныя наказанія сдѣлались рѣже. Совершенно исчезли «лобъ» и «тадель», какъ похвала и порицаніе за успѣхи и поведеніе, и явилась пятибалльная система отгѣтокъ. Помню, что передъ первымъ урокомъ Марго произнесъ намъ нѣчто въ родѣ рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ (говорилъ онъ одинаково хорошо и на французскомъ, и на нѣмецкомъ языкахъ и очень плохо по-русски), въ которой упомянулъ, что онъ не сторонникъ тѣлесныхъ наказаній и на лѣнивыхъ будетъ дѣйствовать добрыми совѣтами и лаской, надѣясь, что они перестанутъ лѣниться и быть небрежными. Онъ взывалъ къ совѣсти, къ нравственному чувству учениковъ. Съ подобными же словами обратились къ намъ и Колинсъ съ Васильевымъ. Очевидно, они сговорились съ Марго.

Но что произошло въ первое время послѣ этого? Самые лѣнивые, не опасаясь уже тѣлесныхъ наказаній, окончательно перестали учить уроки, шалости удвоились.

Инспекторъ Марго сталъ исключать изъ училища особенно закоренѣлыхъ, чего прежде не было. Чистка подняла училище.

Во время директорства Марго совершились перемѣны и въ нашемъ семействѣ. Отецъ потерялъ мѣсто въ конторѣ. Его замѣнили кончившіе учиться и взятые къ дѣлу сыновья его патрона. Сначала это обстоятельство привело въ уныніе и отца и все наше семейство. Я помню горькія слезы матери. Сбереженій не было никакихъ, но были долги. Семейство поддерживалъ только живущій съ нами дядя Василій. Кое-какія крохи давалъ другой холостой дядя Николай, но это были гроши. Вопіющей бѣдности не было, но пришлось сократиться во всемъ. Начались лишенія. Ходили въ дырявыхъ сапогахъ. Стали поговаривать объ отдачѣ меня въ торговую науку, въ лавку въ мальчики, къ голландцамъ, въ Гостиный дворъ, гдѣ служилъ дядя Николай, чтобы сбѣть меня съ хлѣбовъ долой и освободиться отъ платы за мое ученіе, но пріятели отца нѣмцы внесли за меня плату въ училище. Отецъ искалъ мѣсто, бѣгая по иностраннымъ конторамъ, и не находилъ. Русскіе торговцы тогда почти не брали семейныхъ приказчиковъ. Если и были у кого женатые приказчики, то семьи ихъ жили въ своемъ мѣстѣ, какъ тогда выражались купцы, то-есть въ деревнѣ, откуда приказчикъ былъ родомъ. Вдругъ отца осянула мысль открыть свою

торговлю, выпросивъ на открытіе ея деньги у живущей вмѣстѣ съ нами бабушки, его мачехи, державшей деньги зашитыми въ перинѣ. Но она была тронута въ разсудкѣ и до того жадна, что безъ ссоры не разставалась и съ рублемъ на свои нужды, хотя отецъ и дяди мои содержали ее. Приступили къ просьбамъ. Она тряслась, бормотала безсвязныя слова и отказывала. Мать плакала и умоляла ее, кланяясь ей въ ноги, заставляя и насъ, дѣтей, дѣлать земные поклоны, но тщетно. Такъ длилось долго. Дяди мои и отецъ, очень добрые люди, рѣшили выселить ее къ ея сестрѣ. Угроза помогла. Старуха заболѣла отъ этой угрозы и кое-какъ дала отцу три тысячи рублей на открытіе торговли.

Помню, что уныніе смѣнилось торжествомъ. Служили молебень. Мать ходила по церквамъ и ставила свѣчи особенно чтимымъ иконамъ. Отецъ поѣхалъ въ Москву, накупилъ суровскихъ товаровъ и открылъ въ Гостиномъ дворѣ на верхней галлерей свою кладовую. Нѣмцы-пріатели отца доставили ему небольшой кредитъ и за границей. Торговля была оптовая, продавали различнымъ торговцамъ Гостиного двора, Апраксина рынка и тоже въ кредитъ на векселя или на субботній платежъ по частямъ. Дѣла пошли недурно. Начался разсвѣтъ въ семьѣ. Отецъ поднялъ голову. Явился притокъ нѣкоторой роскоши. Помню, что даже обилие мебели новой матеріей, освѣжили квартиру. Я сталъ ѣздить въ училище и обратно на извозчикахъ. Стали находить, что учить дома заданныя уроки для меня трудно. Репетиторовъ тогда не было въ обычаѣ, но были такъ называемые полупансіонеры въ училищахъ. Послѣ классовъ ученики оставались въ училищѣ обѣдать, послѣ обѣда приготавливали уроки подъ наблюденіемъ воспитателей и ужъ вечеромъ возвращались домой. И вотъ я—полупансіонеръ у инспектора Марго.

Марго, имѣвшій пансіонъ при училищѣ, держалъ у себя до десятка пансіонеровъ. Занимался онъ съ ними самъ, помимо воспитателя француза Безюше. Иногда на помощь къ Марго являлась даже супруга его и проходила уроки особенно усердно съ учениками младшихъ классахъ. Занятія вечернія шли въ тѣхъ же классахъ по окончаніи дневныхъ уроковъ. Жилось семейно. За обѣдъ ученики садились вмѣстѣ съ семействомъ Марго, состоящимъ изъ жены и трехъ дочерей-подростковъ. Мадамъ Марго разливала супъ, самъ Марго рѣзалъ говядину. За обѣдомъ разговоры происходили всегда на французскомъ языкѣ. Кормили хорошо, сытно, но помню, что супы и соуса къ мясу припахивали всегда какими-то духами. Говорили у насъ, что это—швейцарская манера стряпни. Послѣ обѣда давалось всегда часа полтора на игры. Игры происходили подъ наблюденіемъ воспитателя, но помню, что онъ при этомъ почти всегда спалъ, облокотившись на столъ и положи на руки голову, спалъ, не взирая настрашный шумъ,

производимый учениками. Разъ въ недѣлю послѣ обѣда приходилъ учитель танцевъ, балетный актеръ Вороновъ, со скрипачемъ и обучалъ танцамъ, чего для приходящихъ учениковъ въ училищѣ не полагалось. Но, Боже, что это были за танцы! Ученики захватывали себѣ отъ обѣда картофель и разбрасывали его по полу во время танцевъ, а потомъ при полькѣ, вальсѣ, галопѣ нарочно падали, при чемъ валились нѣсколько паръ одна на другую, а если являлось взысканіе, то жаловались на валявшійся картофель. Иногда въ эту кучу стлкливали и самого учителя. Марго и урокъ танцевъ старался сдѣлать семейнымъ, для чего въ первое время приводилъ танцевать и своихъ дочерей, но это оказалось невозможнымъ. Впрочемъ, паденія бывали иногда такъ комичны, что онъ и самъ отъ души смѣялся, смотря на нихъ.

Иногда въ часы игръ ученики устраивали нѣчто въ родѣ спектаклей, показывали фокусы съ платками, монетами, картами, даже аппаратами изъ папки, и однимъ изъ такихъ особенныхъ искусниковъ былъ М. И. Пыляевъ, тоже находившійся среди полупансионеровъ Марго. Разыгрывали мы подчасъ и пьесы, которыя сами сочиняли. Помню, что и я написалъ, уже будучи въ примѣ, какую-то пьесу на нѣмецкомъ языкѣ, которая игралась у насъ. Декорациями служили крышки отъ складныхъ обѣденныхъ столовъ, составленныя вмѣстѣ, какъ ширмы. На крышки эти мы вѣшали бумажные обои, разрисованные нами большіе листы бумаги, изображавшіе окна, двери, садъ. Явились даже откуда-то драпировки для оконъ, приносились костюмы для женскихъ ролей, а то и мадамъ Марго давала иногда надѣвать кое-какія принадлежности женскаго гардероба. Марго не возбранялъ этихъ представленій и иногда самъ присутствовалъ на нихъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ.

О самомъ Марго и его семействѣ сохранились у меня лучшія воспоминанія. Онъ былъ настоящій педагогъ и добрый человекъ, любившій дѣтей и свое дѣло.

При Марго я успѣлъ усвоить себѣ основательно нѣмецкій языкъ и ужъ въ секундѣ и примѣ учился хорошо. Я любилъ географію, исторію, но всего усерднѣе занимался зоологіей, хотя проходила она у насъ довольно кратко. Въ подспорье къ нѣмецкому учебнику по зоологіи я имѣлъ зоологію на русскомъ языкѣ Семашко, въ трехъ частяхъ. Средства отца съ открытіемъ своей кладовой улучшились, и я могъ уже пріобрѣтать сравнительно дорогія книги. Помню, что я отлично зналъ остеологію человѣка, которая для чего-то преподавалась подробно. Старикъ учитель Зеенъ ставилъ меня въ примѣръ моимъ товарищамъ, заставлялъ чертить передъ ними на доскѣ части скелета, и я на славу переименовывалъ кости его по-нѣмецки и по-латыни. Отъ знанія же моего энтомологіи и въ особенности отрядовъ бабочекъ и жуковъ, которыхъ я изучалъ на практикѣ подъ руководствомъ Чюбера, старикъ Зеенъ при-

ходилъ въ полное умиленіе. Не любилъ я физику, алгебру и геометрію и получалъ изъ этихъ предметовъ всегда плохія отиѣтки. Неособенно хорошо занимался я и по части русской грамматики. Ученическія тетради мои и тетрадка дневника, сохранившіяся у меня отъ времени, когда я былъ уже въ примѣ, поражаютъ меня теперь своими ошибками въ правописаніи и въ особенности по постановкѣ буквъ «ѣ» и «е». Я получилъ свидѣтельство объ окончаніи курса съ правомъ при поступленіи на государственную службу на первый классный чинъ. Это послѣднее моихъ домашнихъ очень радовало, хотя меня и не готовили для казенной службы.

Въ 1859 г. я кончилъ курсъ. Торжество въ домѣ было велико. Мнѣ было всего только 18 лѣтъ. Отецъ водилъ меня по Гостиному двору, заходилъ въ лавки, показывая меня своимъ знакомымъ купцамъ, и хвастался мной, торжествуяще говоря:

— Вотъ поздравьте... Окончилъ курсъ въ Реформатскомъ училищѣ и кандидатъ на чинъ. Теперь у меня свой нѣмецъ и французъ. Корреспонденцію съ иностранными домами будетъ ужъ онъ вести.

Пріятели отца, нѣмцы, кладовщики, заговаривали со мной по нѣмецки и одобрительно кивали головами.

— Надо отдать его въ большую иностранную купеческую контору для практики—человѣкомъ будетъ. Хорошо бы послать за границу въ контору, въ Гамбургъ,—совѣтовали они.—Въ торговлѣ у папаша не наука.

Но отецъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ и оставилъ у себя при дѣлѣ, въ кладовой на верхней галлерей Гостинаго двора, гдѣ ему и самому-то нечего было дѣлать, а онъ еще имѣлъ на жалованьѣ приказчика, артельщика, булгалтера и корреспондента. Расходы были громадныя, а торговля приходила въ упадокъ. Она у отца какъ быстро расцвѣла, такъ же быстро и отцвѣла. Его подвела война, Крымская кампанія, и довѣрчивость къ людямъ. Торгуя въ кредитъ, онъ распустилъ и самъ много товару въ кредитъ, а ему не платили. Должники его то и дѣло заключали сдѣлки, платя по 20 и 30 копеекъ за рубль. Банкъ былъ всего одинъ. Векселя отецъ учитывалъ у дисконтеровъ, которые драли неизмовѣрные проценты. Онъ потерялъ на курсѣ. Купленный за границей товаръ во время войны обходился въ рубль, а по заключеніи мира онъ уже стоилъ едва полтинникъ. Когда я сталъ ходить въ кладовую отца, я увидалъ, что отцу уже грозило быстрое разореніе. То и дѣло были протесты векселей. За неплатежъ пошлины выписанные изъ за границы товары были остановлены въ таможенѣ. Наступали платежи, а денегъ не было. Артельщики осаждали кладовую съ предъявленіемъ разныхъ обязательствъ отца. Отецъ сталъ прятаться въ кладовой, уходя въ верхній этажъ, а приказчикъ говорилъ, что отецъ въ отъѣздѣ. Что упрековъ, что брани приходилось намъ

выслушивать въ кладовой отъ кредиторовъ и ихъ артельщиковъ! Началась продажа товара, почему попало, только бы на наличныя деньги. Стали являться еврей-комиссіонеры. Вырученными деньгами тотчасъ же затыкали необходимыя долговыя дыры, но долговъ было такъ много, что отецъ принужденъ былъ пригласить къ себѣ кредиторовъ и просить скидки. Онъ предложилъ за рубль 40⁰/₀ уплаты, хотя всѣ пріятель-нѣмцы ему говорили, что если ужъ дѣлать мировую сдѣлку съ кредиторами, то надо предлагать только 15—20⁰/₀, иначе ничего не останется для продолженія торговли. Такъ и вышло впоследствии.

Помню дисконтеровъ, у которыхъ отецъ учитывалъ векселя. Одинъ былъ отставной комиссаріатскій чиновникъ (по нынѣшнему интендантскій) въ засаленномъ на груди мундирѣ, въ фуражкѣ, красный околышекъ которой превратился по краямъ въ черный цвѣтъ отъ салныхъ волосъ. Про него говорили, что онъ очень богатъ. Другой дисконтеръ былъ бывший квартальный надзиратель. Про него говорили, что ему «за его дѣла» было запрещено жить въ Петербургѣ, и онъ наѣзжалъ изъ Колпина. Затѣмъ былъ еще дисконтеръ купецъ-гостинодворъ, торговавшій лентами и кружевами, въ разговорѣ то и дѣло употреблявшій восклицанія: «Мать Пресвятая Богородица, спаси насъ», «Никола, Угодникъ Божій, помилуй насъ!». Это былъ старикъ, ходившій всегда въ мятомъ цилиндрѣ, съ совершенно отвисшими у него отъ времени полями, такъ что, кланяясь, онъ всегда считалъ шляпу обѣими руками. Про этого дисконтера говорили, что онъ такъ жаденъ, что даже сайку, покупаемую имъ у гостинодворскаго саечника себѣ на обѣдъ, никогда не съѣдалъ сразу, хоть и чувствовалъ аппетитъ, а дѣлилъ на два раза, чтобы потомъ не покупать второй. Онъ ходилъ съ бритымъ лицомъ, но подбородокъ его всегда былъ въ щетинѣ изъ экономіи, чтобы рѣже платить цырюльнику по три копейки за бритье, а самъ онъ бриться не могъ, потому что у него руки тряслись. Бралъ онъ за учетъ векселей страшные проценты, сдѣлки съ нимъ происходили въ трактирѣ. Онъ требовалъ себѣ отъ должника всегда угощеніе, выбиралъ лучшія блюда, наѣдался власть и, что не могъ съѣсть, завертывалъ въ бумагу и уносилъ въ лавку. Былъ еще дисконтеромъ содержатель извозчичьяго двора, старикъ купецъ, ходившій въ сибиркѣ и въ картузѣ, съ бородой по поясъ и съ прической въ скобку.

Эти и подобные дисконтеры замѣняли тогда частныя банки, которыхъ еще не существовало. Евреевъ-дисконтеровъ я не помню. Евреи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ петербургской торговлѣ не играли почти никакой роли. Въ Гостиномъ дворѣ не было ни одного еврея. Въ Апраксиномъ рынкѣ (нынѣ Александровскій) они торговали только старымъ платьемъ и на развалѣ предметами самой ничтожной цѣнности, и главнымъ образомъ

еврейки въ шелковыхъ парикахъ, безобразно нахлобученныхъ на брови. Да и вообще евреевъ въ Петербургѣ было очень мало, хотя Большая Подъяческая улица (ихъ было тогда три — Большая, Средняя и Малая) и считалась еврейской улицей. Были купцы — еврей-выкресты, кантонистскаго происхожденія, какъ тогда говорили, но и такіе не были особенно замѣтны. И другихъ профессій, занимаемыхъ евреями, я не помню. Только развѣ зубные врачи. Часовыхъ дѣлъ мастера были нѣмцы, аптеки находились въ нѣмецкихъ рукахъ, хорошіе сапожники и портные — нѣмцы, булочники — поголовно нѣмцы, и послѣдніе были настолько сильны, что русскій челоуѣкъ, вздумавшій открыть булочную, сейчасъ же вытѣснялся ими и погибалъ. Зато нѣмцы-булочники совсѣмъ не умѣли дѣлать саетъ и калачей, и это дѣло исключительно сосредоточивалось въ рукахъ русскихъ, равно какъ пряничное и пирожное дѣло. Чернышовъ и Лештуковъ переулки были переполнены пряничными и пирожными куренями. Пряники были въ большомъ ходу, пироги продавались на всѣхъ перекресткахъ, не исключая и Невскаго проспекта. Пирожники, саетники и пряничники заплоняли углы Гостиного двора и Аничкинъ мостъ, выкрикивая и выхвалявая на всѣ лады свои товары. Кондитерскихъ было очень мало, онѣ находились въ рукахъ швейцарцевъ, и сладкіе кондитерскіе пирожки стоили дорого.

Но я уклонился.

Отецъ долженъ былъ созвать своихъ кредиторовъ, открыть имъ свои торговыя книги, показать балансъ и просить скинуть ему съ долговыхъ обязательствъ. Обыкновенно тутъ всегда выставляются дутые, подставные кредиторы изъ родственниковъ, но отецъ ничего этого не сдѣлалъ. Собраніе было у насъ въ квартирѣ. Помню это торжественное засѣданіе въ нашей столовой, гдѣ во время чаепитія разсматривались аршинныя торговыя книги. Иностранные агенты первые согласились взять по 40 копеекъ за рубль и переписать векселя на двѣнадцать мѣсяцевъ. Русскіе не соглашались и понесли отца. Нѣмецъ, агентъ какого-то иностраннаго торговаго дома, говорилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ рѣчь въ защиту отца и кое-какъ уладилъ дѣло.

Векселя переписали. Отецъ расцвѣлъ, отслужилъ молебенъ, но расцвѣлъ не надолго. У него не было сорока копеекъ за рубль. Новый кредитъ ему хотъ и обѣщали, но такового не сдѣлали. По первымъ векселямъ отецъ уплачивалъ, продавая по пониженной цѣнѣ имѣвшійся въ кладовой товаръ, а потомъ опять прекратилъ платежи. Начались дѣла съ коммерческимъ судомъ. Стали появляться стряпчіе того времени, изъ отставныхъ чиновниковъ управы благочинія, и учили отца, какъ спастись. Это были все грязные полуньяные люди. Они угощались въ кладовой водкой и пирогами, брали съ отца мзду за совѣты и все-таки ничѣмъ не могли помочь.

VI.

И сидѣлъ въ кладовой съ приказчикомъ отца, по фамиліи Поляковымъ. Дѣлать было рѣшительно нечего, и мы читали книги. Нахожденіе мое въ кладовой отца въ теченіе около года пристрастило меня къ чтенію. Книги доставлялъ мнѣ Поляковъ. Это былъ среднихъ лѣтъ человѣкъ, не получившій никакого образованія, едва научившійся читать и писать, но замѣчательный любитель чтенія, собиравшій за безцѣнокъ книги по букинистамъ и успѣвшій собрать себѣ изрядную библіотеку беллетристическихъ произведеній. Онъ покупалъ за безцѣнокъ старые толстые журналы, вырѣзалъ изъ нихъ романы и переплеталъ вмѣстѣ. Читалъ много, безъ разбора, и обладалъ замѣчательной памятью, цитировалъ Шекспира, Пушкина, Державина, Кольцова, Грибоѣдова, пѣлъ пѣсни Цыганова, подыгрывая себѣ на гитарѣ, и былъ самымъ усерднымъ посѣтителемъ галлерей Александринскаго театра. Вальтера Скотта, Александра Дюма-отца, Поль-де-Кока, Евгенія Сю, Лажечникова, Рафаила Зотова, Марлинскаго онъ прочелъ отъ доски до доски и, давая мнѣ ихъ въ чтеніе, часто впередъ рассказывалъ содержаніе романовъ. Очень онъ увлекался Барономъ Брамбеусомъ (Сенковскимъ) и тоже подчасъ цитировалъ его «Большой выходъ у Сатаны».

До знакомства съ Поляковымъ, въ дни посѣщенія училища, мнѣ приходилось читать очень мало—книгъ не было. Помню, что первый романъ, который попался мнѣ въ руки отъ одного изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, былъ «Таинственный монахъ» Зотова, а затѣмъ романъ Поль-де-Кока «Монфермельская молочница», считавшійся почему-то очень скабрзнымъ, книга «Письмовникъ» Курганова. Книги эти принадлежали дядѣ моему Василю. Онъ ихъ тщательно пряталъ отъ всѣхъ, но я ихъ похитилъ и прочиталъ. Прочиталъ я тогда и скучнѣйшій романъ Калашникова «Дочь купца Жолобова», не помню откуда мнѣ доставшійся—вотъ и все. Но Поляковъ посадилъ меня на романы Дюма-отца и Евгенія Сю. Помню, что «Вѣчный Жидъ» произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Читалъ я его днемъ, вечеромъ и по ночамъ. Герои его снились мнѣ во снѣ, и я даже бредилъ ими, вскакивая съ постели. Не меньшее впечатлѣніе произвелъ на меня и романъ «Монте-Кристо», который я проглотилъ, также почти не отрываясь отъ него. Читая его, я задавалъ себѣ вопросы, отчего же это у насъ въ Петербургѣ нѣтъ такихъ людей, какіе описаны въ романѣ. Романъ этотъ я тогда не считалъ вымысломъ. Поляковъ мнѣ отвѣчалъ, что были и у насъ подобные люди въ царствованіе Павла и Александра Павловича, но ихъ тотчасъ же съ казаками высылали за границу, и при этомъ рассказывалъ о какомъ-то магнатѣ-итальянцѣ, которому государь Павелъ приказалъ въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга, и тотъ, будто бы, выѣхалъ въ одно и то же

время, въ одинъ и тотъ же часъ черезъ три заставы, вездѣ расписавшись въ заставныхъ книгахъ. «Парижскія тайны» приблизили меня уже къ дѣйствительности. Я сталъ находить подобные типы и въ нашемъ петербургскомъ быту.

Страсть къ чтенію поглотила меня. Пополамъ съ Поляковымъ мы записались въ единственную тогда бібліотеку Крашенинникова и стали брать для чтенія помимо книгъ и толстые журналы; ходили по букинистамъ и у нихъ покупали книги. Поляковъ познакомилъ меня съ букинистомъ, старикомъ Терскимъ; имѣвшимъ лавку съ старыми книгами въ Чернышевомъ переулкѣ, въ домѣ Пажескаго корпуса. Терскій былъ больной, разбитый параличомъ и въ лавкѣ бывалъ рѣдко. Лавкой завѣдывалъ, покупая и продавая старыя книги, приказчикъ его, В. И. Рыкушинъ. Это былъ ходячій каталогъ книгъ. Чего, чего онъ не зналъ, чего не помнилъ по части отечественной литературы! Тощій, высокій, скуластый, съ бритымъ подбородкомъ, съ сѣдиной въ бѣлокурыхъ волосахъ, съ прихрамывающими, простуженными въ холодной лавкѣ ногами, онъ сидѣлъ на табуреткѣ у входа въ лавку и встрѣчалъ покупателей. Какъ сейчасъ помню этого добродушнаго, свѣдущаго по книжной части человѣка. Про него говорили, что всѣ, даже неизданныя отдѣльно сочиненія онъ помнилъ и могъ указать, въ какомъ журналѣ и въ какомъ году они были помѣщены. У него было множество знакомыхъ студентовъ, которые ходили къ нему покупать и мѣнять учебники, по часамъ засиживались у него въ лавкѣ, разсматривая книги, и угощались чаемъ въ прикуску, заходили и профессора за книгами, и я помню сидѣвшаго у Рыкушина въ лавкѣ Н. И. Костомарова, пившаго чай и перебиравшаго книги. Костомаровъ въ эти времена гремѣлъ среди учащейся молодежи.

Ходили къ Рыкушину въ лавку и молодые начинавшіе писатели. Бывали у него также драматургъ Иванъ Егоровичъ Чернышевъ, авторъ комедій: «Отецъ семейства», «Испорченная жизнь», «Женихъ изъ долгового отдѣленія», и поэтъ-юмористъ Гавріилъ Николаевичъ Жулевъ, писавшій въ «Искрѣ» В. С. Курочкина подъ псевдонимами Скорбный Поэтъ и Дебютантъ,—оба молодые актеры Александринскаго театра, они тогда жили вмѣстѣ, въ одной квартирѣ въ Троицкомъ переулкѣ, были большими пріятелями и ходили неразлучно. Рыкушинъ познакомилъ меня съ ними, отрекомендовавъ сыномъ купца-гостинодвора. Смотрѣли они на меня свысока, какъ на мальчика, да я и казался тогда мальчикомъ, хотя было мнѣ уже 19-ть лѣтъ: маленькаго роста, тщедушный. Жулевъ—стройный, рыжеватый, румяный, въ усахъ, съ веснушками, смотрѣлъ франтомъ, былъ въ красномъ галстукѣ. Чернышевъ поражалъ своей болѣзненностью и сильно кашлялъ. Впослѣдствіи онъ умеръ отъ чахотки. Я уже зналъ ихъ по ихъ произведеніямъ и

по сценѣ. Они были актеры на вторыя роли. Помню, что Жулевъ превосходно игралъ прогорѣлаго купеческаго сына Перетычкина въ комедіи Красовскаго «Женихъ изъ Ножовой линіи». Онъ подавалъ надежды по сценѣ, но его затеръ режиссеръ Е. И. Вороновъ, долго властвовавшій въ Александринскомъ театрѣ. Какъ драматургъ, Чернышевъ уже входилъ тогда въ славу. Была только что поставлена его пьеса «Отецъ семейства», гдѣ Мартыновъ, впервые выступивъ въ сильно драматической роли, потрясалъ Александринскій театръ художественностью и правдивостью своей игры, доказывая, что въ сильно драматическихъ мѣстахъ можно потрясать зрителей и безъ обычныхъ въ то время у трагиковъ завываній, которыхъ все-таки придерживался и такой крупный актеръ, какъ Каратыгинъ 1-й. Въ «Отцѣ семейства» Мартыновъ дѣлалъ переворотъ на русской драматической сценѣ.

— Ну, что же... помогаете папенькѣ надувать покупателей?— шуточно спросилъ меня Жулевъ.

Я сконфузился и сталъ доказывать, что у отца торговля оптовая, что покупателями являются купцы-торговцы, лавочники, что ихъ, если бы кто и хотѣлъ надуть товаромъ, то этого сдѣлать невозможно.

— Такъ вы оптовикъ? Прекрасно...—прибавилъ Жулевъ, обращаясь къ Чернышеву.—Стало быть, теперь у насъ есть трое знакомыхъ купцовъ-гостинодворовъ: парфюмеръ Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ, суконщикъ Алексѣй Ѳеодорычъ Ивановъ и оптовикъ Лейкинъ, помимо книжника Рыкушина.

— Пыляевъ мой товарищъ по Реформатскому училищу,—отвѣчалъ я.

— Ахъ, вы тоже, стало быть, нѣмецъ? Ну, а мы у Пыляева покупаемъ духи, помаду и фиксажуаръ, а у Иванова трико на брюки. Суконщикъ и поэтъ. Стихи пишетъ. Познакомьтесь.

Познакомилъ меня Рыкушинъ и съ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Ивановымъ (впослѣдствіи поэтъ, писавшій подъ псевдонимами «А. Ивановскій» и «Классикъ»), торговавшимъ сукнами въ томъ же Чернышевскомъ переулкѣ, какъ разъ противъ книжной лавки Терскаго, въ лицевой линіи Щукина двора, а нынѣ Маріинскаго рынка. Тогда у Иванова только что умеръ отецъ, и онъ, принявъ дѣло, торговалъ ужъ самолично. Это былъ добрый, чрезвычайно отзывчивый на все хорошее молодой человекъ, только что вырвавшійся изъ суровой торговой школы отца, сѣраго, темнаго купца, не давашаго ему никакого образованія, кромѣ начальной грамотности. Но А. Ѳ. Ивановъ жаждалъ свѣта и приобрѣлъ его самообразованіемъ, тайкомъ отъ отца, путемъ чтенія, иногда по ночамъ, къ которому его пристрастилъ тотъ же приказчикъ-букинистъ, давая ему для чтенія книги изъ лавки. Судьба такъ устроила, что отецъ Иванова не только что торговалъ противъ книжной

лавки Терскаго, но даже и жилъ въ домѣ Терскаго въ Ямской. Книгами было пользоваться удобно. Ивановъ былъ старше меня года на два, близорукой, небольшого роста, ходилъ въ то время въ купеческой фуражкѣ и франтоватостью не отличался, хотя сукно и трико продавалъ главнымъ образомъ портнымъ, которыхъ у него всегда въ лавкѣ было много. Это былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ. Когда онъ говорилъ, восторгаясь, а онъ очень часто восторгался, то закатывалъ глаза, и Жулевъ прозвалъ его за это «Авророй». Названіе «Аврора» осталось за нимъ до гробовой доски.

Въ лавкѣ Иванова всегда была толпа. Кромѣ портныхъ, было всегда много студентовъ и мелкихъ актеровъ. Побывавъ въ книжной лавкѣ Терскаго, они переходили къ нему. Приходили они не покутать что либо, а просто посидѣть, поболтать. Одни приводили другихъ. Все это пило чай, водку и закусывало рыночными пирогами и продуктами отъ саечника, предлагаемыми радушнымъ хозяиномъ. А Ивановъ былъ замѣчательно радушенъ. Счета отъ саечника подавались ему каждый день почтенные. Нигдѣ нельзя было такъ легко перехватить два-три рубля, какъ у Иванова. Отецъ оставилъ ему приличное состояніе и стѣны лавки, помимо товара въ ней, но впоследствии громадный пожаръ, истребившій въ 1862 г. весь Апраксинъ и Щукинъ дворы, разорилъ и его. Да и добродушіе Иванова много способствовало разоренію. Сгорѣла въ этотъ ужасный пожаръ и лавка Терскаго со многими книжными и антикварными рѣдкостями. Спасено было изъ книгъ очень немного.

Въ лавкѣ Иванова на меня вѣяло чѣмъ-то новымъ, свѣтлымъ. Я поужился съ нимъ и сталъ заходить къ нему очень часто, послѣ того, какъ мы запирали кладовую отца, и я возвращался по Чернышеву переулку домой. Ивановъ въ то время пописывалъ стихи только для себя, подражая въ нихъ Кольцову и Никитину, но иногда вдаваясь и въ юмористику, «продергивалъ» въ эпиграммахъ лицъ изъ кружка посѣщавшихъ его въ лавкѣ, и читалъ намъ свои стихи во время чаепитія. Въ лавкѣ Иванова я впервые встрѣтился и познакомился съ Василиемъ Ивановичемъ Немировичемъ-Данченкомъ. Онъ тогда былъ студентомъ. Захаживалъ къ Иванову выпить водки и Николай Ивановичъ Кроль, поэтъ, переводчикъ стиховъ Анакреона, котораго, кажется, познакомилъ съ нимъ Жулевъ. Кроль былъ тщедушный, маленькій человѣкъ съ рѣдкой бородкой клинышкомъ, сгорбившійся, красноносый, неряшливо одѣтый, въ фетровой шляпѣ съ широкими полями, какія тогда носило только духовенство. Кроль всегда былъ полупьянъ и по временамъ сильно кашлялъ долгимъ раскатистымъ кашлемъ, при чемъ на глазахъ у него выступали слезы. Говорилъ онъ хриплымъ голосомъ и пучилъ глаза.

Вся молодежь, посѣщавшая лавку Иванова, много читала, увлекалась литературой, слѣдила за ней, поклонялась Некрасову, Салтыкову, зачитывалась Добролюбовымъ и Чернышевскимъ. Ходилъ по рукамъ секретно и запретный тогда «Колоколь» Герцена. Въ лавкѣ Иванова только и говорили, что о литературѣ, такъ что присутствовавшіе при этомъ портные-покупатели и тѣ просвѣщались.

Знакомство мое съ Ивановымъ подвинуло меня на писательство. Много читая, я и самъ попробовалъ писать. Какъ и большинство начинавшихъ писать въ тѣ времена, я началъ со стиховъ, хотя помню, что не особенно и любилъ стихи. Стихи выходили плохи. Я подражалъ поэтамъ, проводившимъ въ стихахъ гражданскую скорбь, потому что было такое вѣяніе. Никому не рассказывая объ этомъ, стихи я послалъ въ мелкіе еженедѣльные журналы, которые тогда нарождались, какъ грибы, но стиховъ не печатали. О своемъ писаніи я хранилъ тайну даже передъ Поляковымъ и Ивановымъ и продолжалъ посылать стихи по редакціямъ. И вдругъ въ 1860 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я увѣдѣлъ напечатаннымъ въ еженедѣльномъ журналѣ «Русскій Міръ», издаваемомъ тогда братьями Лермонтовыми, мое стихотвореніе «Кольцо». Торжество было велие. Я словно окрылился, бѣгалъ по знакомымъ и показывалъ номеръ журнала съ моими стихами, не спалъ даже ночь отъ захватившаго меня волненія. Я былъ счастливъ, безмѣрно счастливъ, но на моихъ домашнихъ—отца, мать, дядей, помню, фактъ появленія моего стихотворенія въ печати съ полною подписью моей фамиліи никакаго впечатлѣнія не произвелъ. Они оказали полное равнодушіе къ этому, тогда какъ я вмѣстѣ съ Поляковымъ зашелъ даже въ два-три рыночныхъ трактира и приглядывался, не читаютъ ли «Русскій Міръ», не будутъ ли читающіе что нибудь говорить о моемъ стихотвореніи, но журналъ этотъ былъ такъ мало распространенъ, что его и въ трактирахъ не было. Не помню, получилъ ли я гонораръ за мое стихотвореніе «Кольцо». Кажется, нѣтъ. Но въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ Лермонтовыхъ, въ Караванной улицѣ мнѣ выдали нѣсколько оттисковъ моего стихотворенія и даже въ красной обложкѣ. Одинъ изъ этихъ оттисковъ хранится у меня и теперь. Подъ стихами стоитъ: «13 апрѣля 1860 г.», почему этотъ день я и считаю началомъ моей литературной дѣятельности. Прибавлю, что стихотвореніе «Кольцо» преплохое. Рiemы въ немъ чередуются черезъ строку, никакихъ яркихъ выраженій въ стихахъ нѣтъ.

Когда я показалъ Иванову свои напечатанные стихи, онъ весь вспыхнулъ и сказалъ:

— Тогда я пошлю нѣсколько своихъ стиховъ въ журналъ.

Послалъ онъ свои произведенія въ нѣсколько журналовъ разомъ, и помню, что черезъ двѣ-три недѣли показалъ мнѣ свое напеча-

танное стихотвореніе за подписью А. Ивановскій, кажется, въ «Иллюстрированной Газетѣ» В. Р. Зотова. Затѣмъ стали появляться его стихи и въ другихъ изданіяхъ.

Послалъ и я стихи для напечатанія, посылалъ ихъ въ журналы, какіе только зналъ, но, кромѣ «Кольца», ничего напечатано не было. Я приунылъ, оставилъ писать стихи, стыдился заходить къ Иванову вслѣдствіе моего неуспѣха и принялся за писаніе прозы. Въ то время я былъ подъ вліяніемъ прочитанныхъ разсказовъ Гребенки. Разказы его мнѣ нравились. Я сталъ подражать Гребенкѣ. Писалъ довольно много, но ничего не кончалъ, охладѣвалъ на половинѣ и бросалъ. Причиной, можетъ быть, были невзгоды, которыя разразились надъ моимъ отцомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и надъ всѣмъ нашимъ семействомъ.

Открывъ свою торговлю, отецъ расширился въ житьѣ-бытьѣ, а тутъ пришлось во всемъ сжаться, во всемъ необходимомъ до послѣдняго. Онъ условился уплатить своимъ кредиторамъ по 40 копеекъ за рубль и переписалъ векселя, скинувъ съ нихъ 60%, но когда стали наступать сроки платежа, онъ могъ уплатить едва половину своихъ обязательствъ. Ни денегъ, ни товару въ кладовой не оказалось, и пришлось снова прекратить платежи. На этотъ разъ кредиторы его уже не помиловали, подали на него въ коммерческій судъ, и кладовая была опечатана.

Помню, что въ кладовую пришли власти, выпроводили меня и приказчика Полякова изъ кладовой и наложили на дверь казенныя печати. Отецъ не присутствовалъ при этомъ, онъ боялся ареста. Да ему и грозило долговое отдѣленіе для неисправныхъ должниковъ. Такія же печати были наложены и на мебель и на все имущество нашей квартиры. Съ Поляковымъ мнѣ пришлось разстаться. Грозилъ сильная бѣдность, достатковъ у отца не было ниоткуда, но дядя Василій пришелъ на помощь, и мы стали жить на его счетъ. Но многого онъ давать не могъ, а семейство было огромное. Помню горе матери и ея слезы. Пришлось убавить у расширенной квартиры три-четыре комнаты, и пришлось сжаться во всемъ. Мать моя взяла даже трехъ жильцовъ къ намъ въ квартиру, которые сдѣлались также нашими нахлѣбниками. Это были два мелкихъ чиновника—одинъ малороссъ Ш., другой уроженецъ Олонекской губерніи К. При малороссѣ былъ еще братъ студентъ-медикъ. Платили они очень мало, люди были нетребовательные, занимали всѣ трое двѣ комнаты, и одинъ изъ нихъ К. согласился даже, чтобы я спалъ вмѣстѣ съ нимъ въ небольшой комнатѣ, едва достаточной и для одного. У насъ былъ даже одинъ письменный столъ, а чиновнику К. приходилось по вечерамъ заниматься перепиской бумагъ. Писали мы двое за однимъ столомъ, присаживаясь съ разныхъ концовъ. У меня не было даже кровати, и я спалъ на клеенчатомъ диванѣ. Братъ мой Василій, который былъ мо-

ложе меня пятью годами, учился въ Реформатскомъ училищѣ и былъ въ квартирѣ. Платить за него въ училище было трудно. Его тотчасъ же взяли изъ училища и отдали мальчикомъ въ лавку, въ голландскій магазинъ, сбывъ съ содержанія, такъ какъ онъ долженъ былъ уже жить у хозяевъ-голландцевъ на всемъ готовомъ, и тѣ общали одѣвать и обувать его.

Долженъ былъ и я искать себѣ служебнаго мѣста. Имѣя училищный аттестатъ объ окончаніи курса съ правомъ на первый классный чинъ при поступленіи на государственную службу, я могъ бы искать себѣ мѣста въ какой либо канцеляріи, но домашніе мои непремѣнно хотѣли, чтобы я былъ въ какой нибудь конторѣ при торговомъ дѣлѣ, а пока такого мѣста не представлялось, то дядя мой Василій, до пріисканія мѣста, дабы я не болтался безъ дѣла, и опредѣлилъ меня въ кладовую Франца Боненблюста, гдѣ самъ служилъ, и я поступилъ на службу безъ какихъ либо условій.

— Чего стоитъ будетъ... Тамъ увидимъ... А пока долженъ учиться дѣлу... сказалъ моему дядѣ и мнѣ хозяинъ Ф. П. Боненблюстъ, обрусѣвшій нѣмецкій швейцарецъ, худой и длинный, съ маленькими полусѣдыми бачками на скулахъ, всегда солидно одѣтый въ длинный сюртукъ и высокій цилиндръ.

И вотъ я опять въ кладовой на верхней галлерей Гостиннаго двора. Торговля въ кладовой происходила, какъ и раньше въ кладовой моего отца, только отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера, а зимой кончалась и въ 4 часа, съ огнемъ не сидѣли, но я для чего-то долженъ былъ приходиться вмѣстѣ съ дядей къ 9 часамъ утра въ контору кладовой, при которой былъ хозяинъ, на Невскомъ проспектѣ, за Полицейскимъ мостомъ, сидѣть съ полчаса въ артельщицкой комнатѣ и ужъ оттуда отправляться въ Гостинный дворъ въ кладовую вмѣстѣ съ двумя артельщиками и двумя младшими приказчиками и ждать около запертыхъ дверей кладовой, пока явится дядя съ ключами, полученными имъ отъ Боненблюста, осмотрить, цѣлы ли восковыя печати на дверяхъ, и прикажетъ артельщикамъ отворить кладовую. Таковъ былъ нѣмецко-швейцарскій порядокъ. Боненблюстъ былъ великій педантъ, да и дядя мой Василій, воспитанный въ его школѣ, рабски придерживался хозяйскаго педантизма, за что хозяинъ его очень любилъ и цѣнилъ. Рыночники-торговцы, покупавшіе въ кладовой товаръ, называли Боненблюста нѣмцемъ стараго лѣса, и очень уважали его.

Боненблюстъ торговалъ оптомъ, выписывая изъ-за границы и продавая торговцамъ швейцарскіе товары — шелковыя ленты, блонды, кружева, тюль, вышивки, соломенные шляпы и соломку въ кускахъ для сшиванія ихъ, а также имѣлъ на комиссіи для продажи ситцы Царевской мануфактуры, которые получались изъ Москвы. Приказчиковъ, кромѣ меня, было трое — дядя Василій,

Романовъ, пожилой человекъ, уроженецъ Риги, отлично говорящій по-нѣмецки, и мой двоюродный братъ, старше меня двумя годами, Д. Аноповъ. Кроме того, были два артельщика Ярославской артели, которые, рассказывая мнѣ о своемъ артельномъ строѣ и бытѣ, и послужили матеріаломъ для написанія разсказа «Биржевые артельщики», который въ 1864 г. былъ напечатанъ въ «Современникѣ» Некрасова.

Въ кладовой у Боненблюста служили приказчиками только русскіе, но въ конторѣ царилъ нѣмецкій элементъ, и конторщиками были почти только племянники Боненблюста. Первое время, служа у Боненблюста, я не могъ опредѣлить, что я именно такое — приказчикъ или мальчикъ, то-есть торговый ученикъ. Жалованья мнѣ не было положено, хотя уже имѣлъ нѣкоторую торговую намотку, пробывъ мѣсяцевъ восемь въ кладовой отца, и былъ окончившій курсъ въ Реформатскомъ училищѣ двадцатилѣтній уже молодой человекъ съ аттестатомъ въ карманѣ. Впрочемъ, мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ кладовую, при раздачѣ перваго числа жалованья приказчикамъ и артельщикамъ, Боненблюстъ сунулъ мнѣ въ руку пачку рублевыхъ бумажекъ и сказалъ:

— Это ваше жалованье. Будете получать каждое первое число. А тамъ видно будетъ...

Я поблагодарилъ и потомъ сосчиталъ пачку. Было пятнадцать рублей. Кажется, и дядя мой не ожидалъ такой скудости назначеннаго мнѣ содержанія и сталъ утѣшать меня, говоря:

— Ну, впоследствии онъ тебѣ прибавитъ. Вотъ Новый годъ наступитъ. Навѣрное дастъ награду.

А мнѣ нужно было обуться и одѣваться на эти деньги, платить въ бібліотеку за чтеніе книгъ и журналовъ, безъ которыхъ я жить не могъ. Дома я прежде получалъ помѣщеніе и кушанье, но предполагалось, что и я въ домъ долженъ былъ что нибудь платить за мое содержаніе.

Дѣла въ кладовой не особенно много. Занятія наши заключались въ пріемъ и разборкѣ пришедшаго изъ-за границы товара, продажъ его торговцамъ-рыночникамъ, записи въ книгу, уборкѣ товара послѣ покупателей и вообще въ содержаніи его въ порядкѣ. Также должны были мы слѣдить, какой товаръ и подобрался, дабы доложить хозяину, что надо пополнить выборъ. Купленный товаръ разносили по лавкамъ артельщики, но намъ приходилось бѣгать въ рынкахъ по лавкамъ съ образцами какихъ либо новыхъ товаровъ, которые получались, и предлагать ихъ. Ни веденія какихъ либо торговыхъ книгъ, ни писанія торговыхъ писемъ или счетовъ для меня не полагалось, и я часто задавалъ себѣ вопросы: для чего я въ примѣ учился бухгалтеріи, для чего преподаватель знакомилъ меня съ образцами торговыхъ писемъ, счетовъ, повѣ-

ствовадь о биржевыхъ курсахъ и заставляль переводить франки и талеры въ рубли и обратно? Боненблюсть, какъ именитый прихожанинъ-реформатъ, состояль членомъ училищнаго совѣта Реформатскаго училища и зналь, что я проходилъ эти предметы. Отчего онъ не далъ мнѣ мѣста конторщика у себя въ конторѣ, а держалъ въ кладовой?

Отпускъ товаровъ обыкновенно затихалъ къ часу дня, и я тотчасъ же удалялся въ заднюю кладовую (ихъ было двѣ) и принимался за мое любимое занятіе — чтеніе, гдѣ тюки съ кусками ситцевъ служили мнѣ и стуломъ и столомъ. Читали и другіе приказчики, кромѣ дяди. Но читать нужно было украдкой. Дядя мой не любилъ, когда читали на дѣлѣ, и тотчасъ же заставляль перебирать товаръ, говоря:

— Разсматривайте товаръ. Приводите въ порядокъ — записывайте, чего не хватаетъ. Чтеніемъ заниматься можно дома. Торговлю кончаемъ рано. Вечеръ великъ.

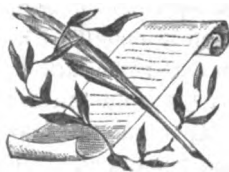
При Боненблюстѣ, разумѣется, никто не смѣль и книги держать въ рукахъ. Книги при его приходѣ въ кладовую прятались. Заставъ кого либо съ книгой, онъ прямо вырывать ее изъ рукъ со словами:

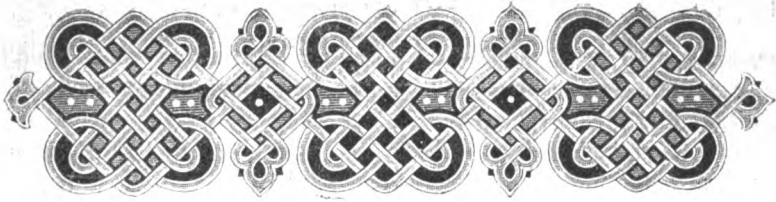
— Кладовая для торговаго дѣла, а не для забавы и развлеченій. Перебирайте товаръ, приводите въ порядокъ. Не можетъ быть, чтобы не нашлось дѣла. Обновляйте ярлыки съ цѣнами, обметайте пыль.

Въ кладовой, впрочемъ, онъ сидѣль недолго, приходя въ нее часа на полтора, послѣ полудня. Завѣдываніе продажей всецѣло лежало на моемъ дядѣ.

Н. А. Лейкинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕДОИМЩИКИ.

(Изъ воспоминаній бывшаго волостного писаря) ¹⁾.

ПРОСНУЛСЯ. Въ щели моего чердака сквозили яркіе лучи лѣтняго іюльскаго солнца и слѣпили глаза. На крышѣ щебетали ласточки, ворковали голуби. Я съ наслажденіемъ втягивалъ въ себя утреннюю прохладу и, нѣжась, медлилъ вставать. Откуда-то издалека доносились звуки, похожіе на звуки отдаленнаго оркестра. Я прислушался. Пѣли косари, возвращавшіеся съ покоса. Пѣсня слышалась уже совѣмъ явственно:

*Зимушка-зима морозивая!
Не морозъ меня, добра молодца,—*

пѣли звонкіе дѣвичьи голоса. Но вотъ пѣсня обрвалась. Гдѣ-то совѣмъ близко, почти у самаго моего уха пронеслися раскаты задорнаго смѣха, и все смолкло. Мимо двора волостного правленія прошли въ деревню косцы и разбрелись по домамъ.

Внизу хлопнула дверь. Кто-то тяжело прошелъ, ступая босыми ногами и скрипя половицами. Еще немного—зашуршала метла. Это Гаврилычъ вышелъ выметать въ сѣняхъ.

Но вотъ онъ кончилъ свою работу. Мнѣ слышно, какъ съ шумомъ поставилъ онъ въ уголъ метлу. Нѣсколько минутъ онъ не двигался, какъ будто о чемъ раздумывалъ.

— Матвѣичъ! А, Матвѣичъ!—раздался наконецъ его густой, грудной басъ:— а не пора ли тебѣ вставать?

Это относилось ко мнѣ.

¹⁾ Воспоминанія эти относятся къ первой половинѣ 80-хъ г.г.

— Ну, что тебѣ еще?—съ досадою спрашиваю я Гаврилыча, недовольный тѣмъ, что онъ такъ безцеремонно нарушилъ мое жизнерадостное настроеніе.

— А какъ же! Или ты позабылъ, што сегодня? Сегодня, братъ, намъ съ тобой полагается быть на чеку! Скоро, чай, и недоимщики привалятъ,—пусто штобы имъ было!

Только тутъ я вспоминаю, что сегодня дѣйствительно «привалятъ недоимщики», и отъ пріятныхъ утреннихъ ощущеній, которыя я сейчасъ испытывалъ, не остается и слѣда.

Въ страдную лѣтнюю пору, когда крестьяне заняты полевыми работами, волостная дѣятельность совсѣмъ почти замираетъ, и въ волостномъ правленіи, за исключеніемъ развѣ праздничныхъ дней, по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ ни души. Даже старшина по нѣсколькимъ дней подъ рядъ не заглядываетъ въ волость, и только мы съ Гаврилычемъ бездѣльничаемъ все лѣто. Маячимъ мы съ нимъ изо дня въ день, съ утра до ночи, околачиваясь около волостного правленія. Ходимъ на рѣку, купаемся, а то просто нѣжимся гдѣ нибудь, въ тѣни, лежа на мягкой зеленой муравѣ.

Но два раза въ мѣсяцъ приходилось намъ съ Гаврилычемъ выдерживать жестокое нашествіе со стороны нашего станowego, Луки Егорыча Кислякова, и недоимщиковъ, и это было единственнымъ темнымъ пятномъ на безоблачномъ небѣ нашего безмятежнаго бытія въ лѣтнюю пору. Черезъ каждыя двѣ недѣли наѣзжалъ къ намъ Лука Егорычъ, контролировалъ поступленіе недоимокъ въ казначейство и, если поступленія не было, или оно казалось ему недостаточнымъ, требовалъ, чтобы недоимщики были наказаны по приговору волостного суда и непременно въ его же присутствіи. А такъ какъ по случаю страдной поры недоимки и оклады платились всегда плохо, то къ пріѣзду его сгонялись въ волость всѣ сельскіе старосты съ недоимщиками, вызывались волостные судьи, и творились судъ и расправа. И тутъ ужъ намъ съ Гаврилычемъ доставалось порядкомъ. Въ эти дни въ волостномъ правленіи стоялъ, что называется, дымъ коромысломъ, и небу бывало жарко!

Такой именно день и предстоялъ сегодня. Но я совсѣмъ позабылъ объ этомъ, хотя всѣ приготовленія для суднаго дня и были уже сдѣланы.

— Да, пожалуй, надо вставать,—рѣшаю я самъ съ собой:—того гляди, недоимщики потянутся, а до пріѣзда Кислякова надо успѣть ихъ зарегистрировать. Вотъ чортова музыка!—и, выругавшись, я нехотя расстаюсь съ чердакомъ.

Внизу у меня уже давно готовъ самоваръ. На столѣ яйца и свѣжія сливки. Я потягиваю въ себя носомъ и тотчасъ же ощущаю великолѣпный запахъ только что испеченнаго чернаго хлѣба.

Выпивъ на скорую руку чай и съѣвъ завтракъ, я иду чрезъ сѣни въ присутственную комнату волостного правленія. Часы

бьютъ девять. День общаетъ быть жаркимъ,—уже теперь печеть очень сильно. Въ открытыя окна врывается аромать сѣна и доносится стрекотня кузнечиковъ, надрывающихся въ конопляхъ, что противъ оконъ волостного правленія.

— А-а, всталъ! Ну, съ добрымъ утромъ, съ веселымъ днемъ,—басить у меня за спиной Гаврилычъ. Когда я входилъ, его здѣсь не было—онъ чѣмъ-то гремѣлъ въ архивѣ, гдѣ, кромѣ книгъ и дѣлъ волостного правленія, хранились запасы розогъ и принадлежности туалета Гаврилыча.

Я поворачиваюсь и вижу, что Гаврилычъ уже готовъ. Въ обыкновенные, неторжественные дни онъ никогда не одѣвался,—ходилъ босой, въ одной пестрядиной рубашкѣ и такихъ же штанахъ; но теперь, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, онъ одѣтъ по «формѣ»—въ своемъ неизмѣнномъ зипунѣ, съ женскимъ воротникомъ и наполовину надорваннымъ рукавомъ, и въ большихъ рыжихъ запыленныхъ сапогахъ, сроду, кажется, не знавшихъ дегтя; въ оскалившіе зубы носы сапогъ выглядываютъ голые, грязные пальцы. Всегда нечесанный и лохматый, въ своей парадной формѣ онъ кажется еще болѣе растрепаннымъ и похожимъ на какую-то карикатуру.

— Эге! Да ты ужъ готовъ—во всемъ нарядѣ!—говорю я.

— Нельзя. Тогда некогда будетъ копаться. Справился, и изъ головы вонъ,—отвѣчаетъ онъ необычно серьезнымъ дѣловымъ тономъ на мое замѣчаніе и, повернувшись, идетъ на свое постоянное мѣсто въ углу около двери, гдѣ и усаживается на деревянномъ диванѣ.

Гаврилычу ужъ подѣ семьдесятъ лѣтъ, но онъ еще довольно бодрый и свѣжій старикъ. Онъ—крестьянинъ той же деревни Буховки, гдѣ находится волостное правленіе. Крестьянствомъ хотя и занимается, но плохо,—отсталъ, потому что съ давнихъ поръ занимается службой. Сначала онъ долго служилъ сотскимъ, потомъ разсылнымъ и теперь уже нѣсколько лѣтъ состоитъ сторожемъ при волостномъ правленіи. Хозяйничаетъ у него дома больше сынъ Силантій, мужикъ лѣтъ сорока, да и тотъ неважный хозяинъ—болвно лѣнивъ и безпеченъ, къ тому же, служа разсылнымъ при волости, часто отрывается отъ дома и отъ работы. Работали почти однѣ бабы, и поэтому хозяйство у Гаврилыча было самое плохое во всей деревнѣ.

Зато Гаврилычъ былъ мастеръ и ловкачъ большой руки по части работы розгой. Такъ, когда случалось много «работы», и его смѣнялъ Силантій, приговоренные всегда радовались.

— Этотъ все полегче стараго чорта!—говаривали они.

Разъ какъ-то неволью пришлось мнѣ подслушать разговоръ насчетъ мастерства Гаврилыча. Окна были открыты, и, сидя за столомъ, я хорошо слышалъ, что говорили недоимщики, ожидавшіе

рѣшенія своей участи, лежа, по обыкновенію, на лужайкѣ передъ волостнымъ правленіемъ. Говорилъ Листарь, одинъ изъ двухъ братьевъ-пастуховъ, являвшихся подъ розги регулярно черезъ каждыя двѣ недѣли. Оба они—и Листарь, и Иванъ—до такой степени привыкли оправдывать недоимку поркой, что платить деньгами имъ и въ голову, кажется, не приходило. Домъ они давно спустили и, околачиваясь по пастухамъ, не платили въ теченіе многихъ лѣтъ ни гроша. Платилъ за нихъ, благодаря круговой порукѣ, міръ, а такъ какъ и самъ міръ тоже неисправно платилъ, то черезъ каждыя двѣ недѣли староста и гонялъ ихъ въ волость подъ розги. Являлись они аккуратно, подъ розги дожились безъ протеста и вылеживали отъ начала до конца, не издавая ни единого стона, какъ будто не испытывали при этомъ никакой боли. Такое ихъ примѣрное поведеніе вызывало даже одобреніе самого станового, который не разъ говаривалъ имъ:

— Вотъ молодцы! Умники!

Поэтому кто же, какъ не они, могли быть и самыми компетентными критиками въ искусствѣ сѣченія?

— Силантій что, — Силантій дрянъ супротивъ Гаврилыча! — говорилъ Листарь авторитетно. — Положимъ, Силантій тоже здорово ударяетъ, но онъ налегаетъ все на комель, и отъ этого выходитъ то, да не то! А Гаврилычъ, старый дьяволъ, — этотъ какъ вжикнетъ, такъ прямо наскровъ тебя прохватитъ! У—у! А отчего? Оттого, что дѣлаетъ съ вывертомъ, да норовитъ все этакъ хвостяжкой! Розга-то у него поетъ, у дьявола!

Впрочемъ, даже самъ становой Кисляковъ, страстный любитель порки, часто говаривалъ про Гаврилыча:

— А ловко поретъ у васъ этотъ старикашка, — виртуозъ!

Я не разъ укорялъ Гаврилыча за его художество, — за то, что онъ такъ безбожно полосуетъ своего же брата, но у него всегда готовъ былъ на это отвѣтъ, что онъ тутъ ни при чемъ.

— Мнѣ што — не заставляйте! Небось, я не по своей волѣ. Руку-то, вонъ, намахаешь другой разъ, такъ дня два ноетъ, покою не даетъ. А еще и то въ понятіе надо взять: не по деревяшкѣ стегаю-то, — по живому, какъ тутъ не прошибить? Потомъ отъ руки тоже, — у кого какая рука. У Силантѣя вонъ своя, а у меня—своя. Руку-то не самъ себѣ человѣкъ дѣлаетъ, а какую, небось, Богъ ему дастъ! Это тоже понять надо...

Когда же бывалъ онъ не въ духѣ, то и такъ еще отвѣчалъ:

— А, больно? Такъ и надо — больно чтобы было! Не ходи, не доводи себя до стежки! А я для нихъ не мальчикъ, небось, не работникъ, — корысти мнѣ въ этомъ нѣту.

Но для меня не тайна была, что иногда онъ умѣлъ управлять своей непокорной рукой такъ, какъ это ему хотѣлось. Бы-

вало же это, обыкновенно, тогда, когда пациентамъ его удавалось до начала экзекуции сунуть ему въ руку пяточокъ или же посулить стаканчикъ выпивки.

Я сдѣлалъ, что было нужно. По улицѣ прогремѣла телѣжка, — это старшина подѣхалъ къ волости; Гаврилычъ вышелъ откладывать лошадь. Потянулся народъ. Старосты, нацѣпивъ свои должностные знаки, проходятъ прямо въ волостное правленіе, а недоимщики которые остаются около крыльца, которые располагаются на лужайкѣ. Тутъ и мужики, и бабы, — старые и молодые. Пришли также и трое волостныхъ судей, которые должны будутъ судить недоимщиковъ.

Солнце жарить во всѣ лопатки.

Недоимщиковъ разморило. Одни изъ нихъ лежатъ въ повалку, какъ попало, другіе — дремлютъ сидя, и только немногіе отводятъ душу въ разговорахъ. Разговоры тянутся вяло, — видно, что каждый томится въ душѣ неизвѣстностью: что-то будетъ?

— Скорѣй бы, што ли, ужъ! — не то про себя, не то къ кому обращаясь, говоритъ молодой парень, съ русой курчавой головой и едва пробивающеюся бородкой, лежа на травѣ, — истома одна!

— Вотъ это ты вѣрно, братъ, — ждать да догонять нѣтъ хуже! — подхватываетъ сосѣдъ парня, плохонькій, захудалый мужиченка, съ юркими, бѣгающими глазками. — А вы впервой, должно?

Но парень отворачивается въ сторону и молчитъ.

— Оно, конечно, боязно впервой-то, — продолжаетъ мужиченка, не дождавшись отвѣта. — Не ровень часъ, и подъ березовку попадешь. Становой-то — не матушка родная, не теща, — живымъ манеромъ выплететь... Только терпѣть надо. Охъ, терпѣть надо! Христость — и тотъ терпѣлъ и намъ велѣлъ. Такъ-то, милый!

Парень упорно молчитъ. Однако слова сосѣда задѣли его, должно быть, за живое: сначала онъ какъ-то безпокойно ворочается на мѣстѣ, потомъ встаетъ и отходитъ подальше.

Въ тѣни березы, у самыхъ оконъ волостного правленія сидятъ двѣ бабы. Вотъ одна изъ нихъ, уже довольно пожилая, обращается къ своей сосѣдкѣ, молодухѣ:

— Ты, милая, откуда будешь? Ишь, вѣдь, кака молоденькая, а тоже пригнали вотъ. Аль большаковъ-то дома нѣту-ти?

— Изъ Ригина я, тетушка, изъ Ригина. Свекоръ-то захворалъ на грѣхъ, а мужъ въ Москвѣ, — на Илью-пророка домой-то придетъ. Ну, игти-то и некому, а надо, вишь. Свекоръ и говоритъ: сходи, молодуха, къ отвѣту, авось худого тебѣ не сдѣлаютъ... А ты сама-то, тетушка, откуда?

— Я-то? Я, милая, изъ Березниковъ.

Молодуха оживляется.

— Батюшки! — восклицаетъ она, привскочивъ на мѣстѣ. — Да у меня тамъ родня есть — тетка Матрена, еще Фетисихой прозывается!

— Ой-ли? А я смотрю на тебя, а сама думаю: молодуха, какъ-жись, знакомая, а признать не признаю. Вѣдь, вылитая Фетисиха, — поди ты вотъ! Вѣрно, отъ головы все это, — совсѣмъ она у меня чумовая сдѣлалась. Отъ слезъ-то горючихъ да отъ заботушки неизживной и не такъ еще обалдѣешь, миленькая! Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе!

И, печально склонивъ голову, старуха задумывается.

Немного дальше, черезъ дорогу, группа мужиковъ въ пять-шесть человѣкъ расположилась на травѣ въ разныхъ позахъ. Одинъ изъ нихъ — я тотчасъ же узнаю въ немъ Кузьму Барана изъ Дубровокъ — пожилой мужикъ, съ черными всключенными волосами и такою же большою бородой, съ сильною просѣдью, что-то рассказываетъ, лежа на брюхѣ и подперевъ голову руками. Остальные слушаютъ.

— Ничего не подѣлаешь, — говоритъ Баранъ, очевидно, продолжая начатый разговоръ. — Намедни пригнали насъ вотъ такъ-то, а я и скажи ему, становому-то: ослобони, молъ, Лука Егорычъ, до Успенья, намолочу ржицы, Богъ дастъ, свезу на базаръ, заплачусь. А онъ мнѣ: какъ ты можешь со мной разговаривать такъ? Я, говоритъ, тебѣ — не Лука Егорычъ, а ваше благородіе, говорить. И Успенье еще когда будетъ, а теперь не заплатилъ и ложись! Я туда, я сюда, — куда! и знать ничего не хочеть: ложись, да и вся недолга!

— Ну, што же, и всыпали? — забѣгаетъ кто-то изъ слушателей.

— То-то оно, што всыпали. А, вѣдь, хлѣбъ-соль водили вмѣстѣ. Да, видно, гдѣ наше не пропало!.. Вы вотъ не знаете, а мы съ нимъ, съ становымъ, пріятели были..

На лицахъ слушателей выражается любопытство. Помолчавъ и обведя всѣхъ глазами, рассказчикъ продолжаетъ:

— Только давно это было. Служилъ онъ тогда у Сычихи на винокурномъ заводѣ, писарькомъ при конторѣ состоялъ. Мать при емъ была да сестра-дѣвка, а жалованьишко получалъ пустяковое, на харчишки не хватало. Одно слово, при милости на кухнѣ находился. За глаза и прозванье ему одно было: Лукашка косой, да Лукашка косой! Ну, а я въ тѣ поры-то старостой былъ тамъ артельскимъ, надъ рабочими, значить. Другой разъ, бывало, поглядишь, поглядишь на бѣдность-то на ихнюю, и жалость тебя возьметъ: ужъ больно бѣдно да голодно жили-то они. Ну, возьмешь когда и снесешь имъ картошки, огурцовъ, али еще чего. Ужъ и благодарили же, бывало, за это — страсть!.. А самъ-то и пропался и здоровался завсегда за руку... Надо правду говорить — душевный былъ малый. А теперь, поди, вонъ какой сталъ — рукой не достанешь!

— Что жъ ты Бога-то гнѣвишь, Баранъ? — ввертываетъ кто-то съ усмѣшкой. — Вѣдь, онъ расквитался съ тобой: ты ему—картошкой да огурцами, а онъ тебѣ—кашей березовой! Какого тебѣ рожна еще?

— Вотъ это вѣрно! — подхватываютъ слушатели и всѣ смѣются какимъ-то дѣланнымъ смѣхомъ...

Но вотъ откуда-то издалека доносится звонъ колокольчика. Мгновенно воцаряется мертвая тишина! Всѣ прислушиваются, тревожно насторожившись. Между тѣмъ колокольчикъ слышится все ближе и ближе. А еще минута-другая—за околицей показывается столбъ пыли, и Лука Егорычъ, въ бѣлоснѣжномъ кителѣ и въ шинели въ накидку, лихо подкатываетъ къ крыльцу волостного правленія на парѣ гнѣдыхъ лошадокъ, въ щегольскомъ тарантасѣ.

Старосты и недоимщики вскакиваютъ съ своихъ мѣсть. Головы обнажаются.

Кисляковъ, окинувъ орлинымъ взглядомъ толпу, быстро, по-военному, взбѣгаетъ на крыльцо, отчаянно звякая шпорами. Тутъ встрѣчаетъ его съ поклонами старшина.

Лука Егорычъ Кисляковъ образованія никакого не получилъ, даже едва ли окончилъ уѣздное училище. Когда-то служилъ онъ конторщикомъ на винокуренномъ заводѣ и вообще испыталъ немало лишений. Но впоследствии, благодаря какой-то протекціи, попалъ на полицейскую службу, былъ смотрителемъ тюрьмы и наконецъ очутился въ станovýchъ. Несмотря на то, что человекъ онъ отъ природы былъ простой и не злой, становой изъ него вышелъ горячій, крайне властолюбивый и въ довершеніе всего—страстный поклонникъ розги.

Разъ какъ-то, разговорившись со мной передъ началомъ экзекуціи, онъ до того увлекся въ своемъ прославленіи розги, что съ жаромъ сталъ утверждать, что она-то спасительница отечества и есть. И когда я позволилъ себѣ усомниться въ этомъ, высказавъ, что лично къ такой «спасительницѣ» не могу питать ничего, кромѣ отвращенія, такъ его даже передернуло.

— Ну, это вы преднамѣренно предубѣждены противъ розги. Позвольте ужъ мнѣ лучше знать, что такое—порка,—отрѣзалъ онъ, переходя сразу съ благодушнаго на рѣзкій тонъ.

И послѣ этого онъ долго дулся на меня, стараясь во время своихъ наѣздовъ какъ бы не замѣчать моего присутствія...

Вбѣжавъ въ волостное правленіе, онъ на ходу сбросилъ на руки Гаврилыча шинель и, пройдя къ столу, шумно усѣлся на стулъ.

— Ну-съ?—обращается онъ къ старшинѣ, вперивъ въ него свои косые глаза.

Старшина, опустивъ по-солдатски руки, стоитъ на почтительномъ разстояніи отъ стола и подобострастно смотритъ на началь-

ство, слѣдя за каждымъ его движеніемъ. Я, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, испытывая нѣчто въ родѣ лихорадочнаго состоянія, перебираю, неизвѣстно зачѣмъ, въ десятый разъ совсѣмъ ненужныя бумаги.

— Я, кажется, васъ, старшина, спрашиваю?—прибавляетъ Кисляковъ уже съ досадой, продолжая въ упоръ смотрѣть на старшину.

— Пора-то, ваше благородіе, примѣрно сказать, рабочая, самый, примѣрно сказать, сѣнокосъ; хлѣбъ не поспѣлъ,—гдѣ што мужикъ, примѣрно сказать, возьметъ?—переминаясь съ ноги на ногу, робко заговариваетъ старшина.

— Примѣрно сказать, примѣрно сказать!—передразниваетъ Лука Егорычъ старшину.—Чортъ знаетъ, что вы мнѣ говорите! Ну, да хорошо, вотъ мы посмотримъ сейчасъ!—и, порывисто соскочивъ со стула, онъ быстро начинаетъ пагать изъ угла въ уголь, крутя безъ милосердія свои усы и повторяя:—хо-о-рошо-съ! хо-о-рошо-съ, вотъ мы посмотримъ!

Старосты подаются назадъ. Они стоятъ, склонивъ головы; время отъ время слышны глубокіе вздохи. Воцаряется тягостное молчаніе. Не зная, куда дѣвать себя, я перелистываю бумаги.

Кисляковъ продолжаетъ ходить, стуча каблуками и звеня шпорами. Онъ ходитъ долго. Но вотъ наконецъ онъ какъ будто спохватывается и, сдѣлавъ крутой поворотъ, останавливается передъ старшиной.

— Ну, чего еще будемъ ждать? Гдѣ судьи? Подавайте недоимщиковъ!—строго говоритъ онъ старшинѣ.—Мнѣ съ вами некогда прохлаждаться—у меня и безъ васъ по горло дѣла!

Всѣ вдругъ зашевелились. Гаврилычъ кликнулъ судей; они робко вопли и беззвучно заняли свои мѣста за особымъ столикомъ въ сторонкѣ. Я подсаживаюсь къ нимъ съ книгой для записи ихъ рѣшеній. Позвали недоимщиковъ, и довольно просторное помѣщеніе волостного правленія быстро переполняется, такъ что и яблоку упасть негдѣ.

Хорошо знающій свои обязанности Гаврилычъ вноситъ охапку розогъ, съ шумомъ сваливаетъ ихъ на полъ и самъ тутъ же становится воалѣ нихъ. Лука Егорычъ беретъ списокъ недоимочныхъ деревень, и начинается переключка.

— Андроновскій староста!—вызываетъ онъ, смотря въ списокъ.

— Здѣсь, батюшка, здѣсь,—откликается староста изъ толпы и, протискиваясь къ столу, смиренно останавливается.

— Почему не было вноса? Опять не собралъ, каналья? Хорошо! давай сюда недоимщиковъ!

— Не пригналъ, батюшка, ваша милость, потому разѣхались всѣ по сѣнокосамъ. Угоды у насъ своей мало, ну, покунили кто гдѣ и разѣхались, значить.

— А-а! ты такъ! деньги не собралъ и недоимщиковъ распустилъ! Старшина! сейчасъ же отправить этого старосту къ ис-

правнику! Слышите? А вы,—обращается онъ затѣмъ ко мнѣ,—напишите въ рапортѣ: представляется, молъ, за нерадѣніе по сбору недоимки. Пускай его въ клоповникѣ посидитъ!..

За андроновскимъ слѣдуетъ жалобихинскій староста. Этотъ пригналъ пять душъ недоимщиковъ.

— Почему не платятъ?

— Да почему, ваше благородіе,—у Ивана вотъ лошадь пала по веснѣ, послѣдняя была, кое-какъ собрался, лошаденку купилъ. У Петрухи—тоже неблагополучно, жена родами кончилась... одинокій, ребятенки...

— А это что?—перебиваетъ вдругъ Кисляковъ старосту, показывая на молодого парня, въ синей суконной поддевкѣ.

— Это? Это—Федоръ, Федоръ Микитинъ, ваше благородіе, жилъ на фабрикѣ, захворалъ, пролежалъ въ больницѣ, ну, денегъ-то и не принесъ... а тоже одинокій.

— Ка-акъ? Недоимку не принесъ, а синій кафтанъ принесъ! Этого еще не хватало! Ну-ка, судьи, порку сему молодцу пропишите, да и остальнымъ—кстати! Я покажу вамъ, негодяи, какъ недоимку не платить! Я покажу!..

Судъ нашъ былъ, если не очень милостивый, то очень скорый и короткій.

— Ну, што жъ, коли такое дѣло, запиши имъ по два десятка,—обращается ко мнѣ одинъ изъ судей.—Заодно ужъ и прочимъ податнымъ тамъ такимъ же, стало быть, манеромъ. А которые ежели старики, али бабы будутъ, ну, тѣхъ пиши въ «холодную» дня на три, што ли... Намъ што!—наше дѣло сторона.

Я вписалъ «приговоръ» въ книгу.

— Ваше благородіе! Судьи праведные! За что же это? Помилосердуйте—и такъ поплатимся, послѣдки распродадимъ, а поплатимся,—жалобно молятъ недоимщики.

Но это оказывается совсѣмъ лишнимъ. Впрочемъ, и сами они, по опыту, знаютъ, что слезы тутъ не помогутъ. Наоборотъ, жалобы еще больше раздражали Луку Егорыча. Видя, что никто изъ приговоренныхъ къ наказанію не обнаруживаетъ желанія раздѣться, чтобы лечь въ позу, онъ подбѣгаетъ къ одному изъ нихъ и, схвативъ за рукавъ, толкаетъ его въ сторону Гаврилыча.

— Ну, раздѣвайся, что ли, чортова кукла! Да живо—безъ во-лынки!—командуетъ Кисляковъ.

Первымъ поспѣваетъ подъ руку Иванъ Бузинъ, пожилой бородатый мужикъ. Онъ обводитъ всѣхъ жалобнымъ, растеряннымъ взглядомъ, какъ бы ища защиты, и медленно начинаетъ раздѣваться. Сначала отстегнулъ онъ, одинъ за другимъ, крючки зипуна. потомъ свернулъ зипунъ въ комокъ, положилъ его на полъ, какъ владутъ изголовье, и наконецъ улегся самъ.

Гаврилычъ взялся за розгу—и экзекуція началась. Раздались душу раздирающіе крики и стоны...

Старшина считаетъ удары: разъ, два... И когда насчитываетъ двадцать, онъ говоритъ: будетъ! Случается, что пациентъ много кричитъ и брыкается, такъ что экзекуція то и дѣло обрывается. Тогда старшина часто сбивается со счета и почти послѣ каждаго перерыва начинаетъ снова считать: разъ, два и т. д. И это очень нравилось Кислякову.

Семена отъ удовольствія ногами, Лука Егорычъ то и дѣло покрикиваетъ Гаврилычу:

— Хорошенько, хорошенько—его, каналью!

И Гаврилычъ усердствуетъ. Розга въ его привычной рукѣ съ какимъ-то зловѣщимъ присвистомъ влетаетъ и опускается все быстрѣй и быстрѣй. Березовые почки и концы обламывающихся прутьевъ брызгами летятъ во всѣ стороны.

— Такъ, такъ! Важно! Ну, чего блажишь, дуракъ? Небось, это для твоей же пользы!—захлебываясь отъ восторга, реветъ и подпрыгиваетъ Кисляковъ.

Ложились подъ розги не всѣ и не всегда «охотно». Чтобы уложить другого, требовалось иногда усиліе четырехъ-пяти человѣкъ. Держать приходилось или комунибудь изъ старостъ, или тѣмъ же недоимщикамъ, которыхъ черезъ нѣсколько минутъ самихъ ждала та же участь. На этотъ разъ особенно долго пришлось возиться съ Егоркой. Попалъ онъ подъ розги совершенно случайно. Вышло это такъ. Экзекуція уже подходила къ концу; наказывали неизвѣстныхъ кандидатовъ на розгу, братьевъ Листара и Ивана. Такъ какъ розга не производила на нихъ никакого дѣйствія, то и самый процессъ порки ихъ не представлялъ для Луки Егорыча никакого интереса, и онъ, замѣтно утомившійся, отойдя къ открытому окну, обмахивалъ платкомъ свое вспотѣвшее лицо, какъ вдругъ онъ подпрыгнулъ на мѣстѣ и закричалъ бѣшенымъ, нечеловѣческимъ голосомъ, словно кто кольнулъ его шиломъ въ бокъ.

— Та, та, та, та!.. Сукинъ котъ!.. Ракалія! Взять, взять его скорѣй! Подать его сюда!—кричалъ, визжалъ и шипѣлъ Кисляковъ.

Всѣ всполошились, но никто ничего не понималъ.

— Старшина, старшина! верните вонъ ту каналью! Вонъ, вонъ съ кнутомъ-то пошелъ... Сейчасъ же! Живѣй!

Старшина и еще кто-то выбѣжали вонъ. Они сейчасъ же вернулись, ведя за собой Егорку. Онъ сильно, должно быть, перепугался; весноватое лицо его было блѣдно, и онъ весь дрожалъ, растерянно хлопая своими большими мутно-сѣрыми глазами. Это былъ Егорка-пастухъ, пасшій скотину въ той же Буховкѣ, гдѣ была волость,—тотъ самый Егорка, который, по зорямъ выгоняя скотину, такъ артистически наигрывалъ на своемъ волшебномъ рожкѣ. И рожокъ у него былъ дѣйствительно волшебный рожокъ! Какъ ча-

сто будилъ онъ меня своими чарующими звуками отъ крѣпкаго передутренняго сна, и сквозь сладкій полусонъ, сквозь нѣгу полудремы, сливаясь съ щебетаньемъ ласточекъ и серебряными трелями жаворонка, они казались мнѣ какой-то дивной, неземной музыкой...

Егорка проходилъ улицей деревни въ то самое время, когда Лука Егорычъ стоялъ у окна и обмахивался платкомъ. Встрѣтившись съ кѣмъ-то изъ наказанныхъ, онъ въ шутку спросилъ у него, хороша ли была баня. Тотъ посовѣтовалъ ему самому попробовать этой бани, а Егорка возьми, да и скажи:

— Велика важность! для меня это плюнуть стоитъ,—я штуку такую знаю. Надо надуться шибче, когда стегать будутъ, чтобы духъ въ ротъ и въ носъ не проходилъ. Вотъ и все!

И это-то подслушалъ Лука Егорычъ.

— А, ты надуваться умѣешь!—подступилъ онъ къ Егоркѣ.— Ну, ну, надуйся, надуйся, каналья! Я посмотрю, какъ ты надуешься!.. Эй, судьи, назначьте-ка ему порцію хорошенькую!

— Коли такое дѣло, стало быть, надо подписать ему двѣ красныхъ,—ничто же сумняся, рѣшаютъ судьи.

Я замѣтилъ было, что Егорка — не недоимщикъ, и наказывать его, какъ недоимщика, неудобно, а тотъ проступокъ, за который онъ отданъ на судъ и приговаривается къ наказанію, и совсѣмъ не можетъ служить поводомъ къ постановленію обвинительнаго приговора. Но, увы, спросили бывшего тутъ же въ числѣ старостъ Герасима Курчаваго, старосту деревни Суровки, откуда былъ Егорка, и оказалось, что лично за нимъ хотя и нѣтъ никакой недоимки, но есть недоимка за семьей, къ которой онъ принадлежать. Семья это бездомная, состоитъ изъ отца и четырехъ сыновей, изъ нихъ Егорка—самый младшій.

— Только ѣнъ плотится, батюшка, ваше благородіе,—лепеталъ староста, самъ перепуганный не меньше Егорки:—отецъ и старшіе братья—тѣ точно болтуны, а ѣнъ завсегда плательщикъ...

— Ну, довольно! Пшелъ на мѣсто! — оборвалъ его Кисляковъ и затѣмъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ съ досадой:

— Вотъ, видите—онъ и недоимщикъ! А вы толкуете! Только время напрасно теряемъ...

Пришлось причислить Егорку къ сонму «нерадивыхъ» недоимщиковъ.

Егорка стоялъ и озирался, какъ звѣрокъ, попавшій въ западню. Казалось, онъ не понималъ совсѣмъ того, что происходитъ передъ его глазами, какъ будто это его нисколько не касалось. Онъ не тронулся съ мѣста и не шевельнулся даже тогда, когда сказали ему, чтобы онъ раздѣлся и легъ.

— Иль не тебѣ говорить? Ну, живо!—скомандовалъ Лука Егорычъ, терпя терпѣніе.

Но команда его не произвела никакого дѣйствія на Егорку: онъ продолжалъ стоять, какъ вкопанный.

— Ну, Егорушка, ну, милый, лягъ! лягъ, касатикъ!—пробуетъ уговаривать его, въ свою очередь, съ какою-то особенною сердечностью староста Курчавый, топчась около него и дергая его за рукавъ кацавейки.—Надо, вишь, лечь-то... Авось, Богъ милостивъ!..

Все было напрасно: столбнякъ Егорки не проходилъ. Лука Егорычъ вышелъ наконецъ изъ себя.

— А, такъ ты дуракомъ прикидываешься! Ну, хорошо! Эй, вы! положить его!—кричитъ онъ во все горло.

Нѣсколько человѣкъ окружаютъ Егорку и, поваливъ его на полъ, садятся ему на голову и на ноги.

Послѣ перваго удара Егорка громко вскрикиваетъ и дѣлаетъ попытку вырваться, но его удерживаютъ. Потомъ онъ начинаетъ реветъ, какъ малый ребенокъ, и плачетъ, не переставая, до конца экзекуціи. Благодаря тому, что голова его крѣпко придавлена къ полу сидящими на ней людьми, стоны выходятъ какіе-то глухіе, какъ будто стонетъ ужъ не Егорка, а сама земля...

Кисляковъ стоитъ и смотритъ, запустивъ руки въ карманы брюкъ, и покачивается изъ стороны въ сторону. При каждомъ замахѣ розги онъ откидывается назадъ и подается впередъ, когда она опускается, какъ бы желая этимъ увеличить силу ея удара. Съ ослабившагося лица его не сходитъ довольная, злорадная улыбка.

— Ну, ну, надуйся, прохвость, надуйся! А-а! или не помогаетъ? Наподдай-ка ему, старикъ, наподдай. Пускай его, шельма, надуется!—приговариваетъ онъ съ какимъ-то гортаннымъ клоко-таньемъ.

Но вотъ отсчитывающій удары старшина произноситъ наконецъ: «двадцать!»—и взлетѣвшая было для новаго удара розга бессильно опускается. Гаврилычъ, замѣтно уставшій, весь мокрый отъ пота, отбрасываетъ ее на полъ. Мужики, державшіе Егорку, встали и отошли прочь. Но Егорка не встаетъ, онъ все еще продолжаетъ лежать, смятый и растерзанный, громко всхлипывая. Вѣрнѣе, это—не Егорка, а какая-то безформенная, безобразная масса.

— Вставай, что ли! Ишь, разлегся, какъ корова!—брезгливо толкая его въ бокъ носкомъ сапога, приказываетъ Кисляковъ.

— Ну, поднимись же, Егорушка, поднимись, милый, будетъ, кончилось, Богъ далъ!—ласково лепечетъ Герасимъ Курчавый, нагнувшись надъ Егоркой и тормоша его за плечо.

Егорка наконецъ медленно поднимается. Валохмаченные рыжіе волосы стоятъ дыбомъ, глаза налиты кровью. Онъ страшенъ и жалокъ въ одно и то же время. Около него суетится Курчавый, помогая ему натянуть на плечи кацавейку. Руки у Егорки сильно

трясутся, и онъ никакъ не можетъ попасть ими въ рукава. Онъ такъ и уходитъ, шатаясь, натянувъ только одинъ рукавъ, другой же тащится за нимъ по полу...

Экзекуція кончилась.

— Пожалуй, и довольно,—говоритъ Кисляковъ, ни къ кому не обращаясь. — Сегодня, однако, поработали! А усталъ, чортъ возьми! Эй, ты! какъ тебя? давай шинель!—прибавляетъ онъ въ сторону Гаврилыча.

Гаврилычъ бросается подавать шинель.

Одѣвшись и уже выходя, Лука Егорычъ наказываетъ старшинѣ:

— Главное, сгоняйте какъ можно больше недоимщиковъ къ моему приѣзду. Время теперь такое—денегъ у мужика нѣтъ, и взять ему негдѣ, но дѣло не въ этомъ: я долженъ дѣйствовать! Я такъ и начальству доношу: поступленія не было, но я развѣзжалъ по волостямъ и наказывалъ недоимщиковъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ... Вы поняли?

— Понялъ, ваше благородіе, какъ не понять, будемъ стараться,—кланяется старшина.

Кучеръ уже ждетъ у крыльца. Застоявшіяся лошади нетерпѣливо семенятъ ногами. Вотъ звякнулъ колокольчикъ, поднялся столбъ пыли надъ дорогой, и Кисляковъ укатилъ, чтобы черезъ двѣ недѣли вернуться къ намъ опять...

Волостное правленіе опустѣло. Народъ свалилъ, кто по домамъ, кто къ Плюкину, подъ вывѣску: «Распивочно на мѣстѣ и на выносъ». Остались одни мы: старшина, Гаврилычъ и я, да оставленные въ «холодной» недоимщики—старика и бабы, которыхъ нельзя было положить подъ розги.

Изъ «холодной» время отъ времени доносятся вздохи и всхлипыванія. Гаврилычъ, убравъ розги, хочетъ выметать пыль.

— Ишь, ты, накрошилъ сколько!—сердито ворчитъ онъ, выметая пыль и обломки розогъ.—Съ этокой теперича стежкой и березнику не напасешься! И то намедни управитель Бѣльской накрылъ: я, говоритъ, тебя за порубку къ мировому притяну. Да, спасибо, самъ баринъ вмѣстѣ съ управителемъ ѣхалъ,—заступился. Я ему: не себѣ рѣжу, господинъ, на розги, молъ, въ волостную; ну, и ничего,—на розги, говоритъ, можно, рѣжь, рѣжь, это хорошо, потому нельзя безъ розогъ... Хорошо такъ, а то и на цугундру можно попасть! А изъ какой корысти?

Въ полуотворенную дверь просовывается голова Плюкина.

— Никого нѣтъ, можно?—спрашиваетъ онъ и вида, что постороннихъ никого нѣтъ, входитъ въ волостное правленіе, выступая безшумно, какъ котъ.

Плюхинъ—это мѣстный богачъ и кабатчикъ.

— Господамъ почтеніе!—привѣтствуетъ онъ, пожимая намъ руки.

— А, Акифьичъ! Ну, какъ сегодня торговаль, небось, неплохо? Народу-то, примѣрно сказать, многонько было... И везетъ же, примѣрно сказать, счастье человѣку! Ахъ, ты, голова садова!—говорить ему старшина добродушно.

— Ха-ха-ха!—хохочетъ Плюхинъ,—сегодня можно жить, торговали трактиромъ хорошо, нечего Бога гнѣвить! Почаще бы такъ! Лѣтомъ-то мы только недоимщикомъ и дышимъ!

И послѣ нѣкотораго переливанія изъ пустого въ порожнее онъ начинаетъ звать насъ съ старшиной къ себѣ «на чашку чая».

Старшина, человѣкъ совершенно трезвый, былъ большой охотникъ до чаепитія. Сколько бы разъ на дню ни звали его пить чай, онъ никогда не отказывался. Случалось, что влачное мѣсто Плюхина онъ посѣщаль до десяти разъ въ день и всякій разъ выпиваль неизмѣрно большое количество чашекъ. Но на этотъ разъ онъ не соблазнился приглашеніемъ Плюхина и рѣшительно отказался пойти къ нему.

— Нѣтъ ужъ, Акифьичъ, не могу, никакъ, примѣрно сказать, невозможно, поѣду поскорѣй домой, ишь, время-то какое, минута, примѣрно сказать, и та дорога...

— Ну, чего тамъ еще? Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить! Пойдемъ, пойдемъ... ну, хотъ на полчасака,—упрашиваетъ Плюхинъ.

— Это вѣрно, Акифьичъ, не волкъ, а убѣжать, примѣрно сказать, можетъ. Теперашній день-то годъ кормить. У меня, вонъ, воровъ на пять подкошено, надо, пока погода, перевозить. А я, примѣрно сказать, самъ оторвался отъ дѣла, да и лошадь угналъ сюда... Нѣтъ, нѣтъ, Акифьичъ, ужъ до другого раза... Поди-ка, Гаврилычъ, выведи рыжаго...

И старшина засуетился. Подписавъ приготовленныя къ отправкѣ на почту бумаги, онъ сталъ прощаться, а еще немного—загромыхала его телѣжка, и онъ уѣхаль.

— Вотъ жадный какой!—заговорилъ Плюхинъ, обращаясь ко мнѣ, какъ только вышелъ старшина:—ведѣ хочеть захватить и здѣсь, и тамъ! Ну, и пускай, мы съ вами и безъ него обойдемся! Такъ, вѣдь, я говорю?

Зная неотвязчивость Плюхина и желая какъ нибудь отъ него отдѣлаться, я сказалъ, что зайду къ нему вечеромъ съ рѣки, послѣ купанья.

— О! ну, хорошо. Да, смотри, безпремѣнно, не обманывай!—грозить онъ мнѣ, уходя, пальцемъ.

— Ишь, боровъ толстопузый!—ворчитъ вслѣдъ ему Гаврилычъ:—обрадовался недоимщикамъ-то! А чтобы Гаврилычу ста-

канчикъ другой въ зубы ткнуть: на, молъ, Гаврилычъ, выпей, намахался, небось... Куда! и знать тебя не хочетъ... У-у! выжига!

Гаврилычъ никакъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что Плюхинъ во время сбора недоимщиковъ всегда бойко торгуетъ тракторомъ, а ему, Гаврилычу, за его каторжную работу розгой не перепадаетъ не только ни копейки, но даже и стаканчика водки.

Стоя среди пола, Гаврилычъ нѣкоторое время молчитъ, какъ бы выжидая, что скажу я, но потомъ, видя, должно быть, что я не обнаруживаю намѣренія разговаривать, поворачивается и направляется къ своей неизмѣнной скамейкѣ въ углу. Снявъ свой зипунъ и положивъ его въ изголовье, онъ хочетъ лечь на боковую. Но передъ тѣмъ, какъ лечь, онъ долго размахиваетъ правой рукой, какъ будто хочетъ стряхнуть ту, по его словамъ, невыносимую боль въ рукѣ, которая приобрѣтена имъ отъ многолѣтняго маханья розгой.

— Нѣтъ ужъ, видно, не слуга больше! Будетъ! Пускай другой кто послужить!—ворчатъ онъ обиженнымъ тономъ, лежа на спинѣ и уставивъ глаза въ потолокъ.—Проживемъ и безъ этого! Какое тоже жалованье—семь рублей! Бѣда!...

Это у него старая пѣсня. Когда въ такіе дни, какъ сегодня, ему не попадало ни отъ кого ни пяточка, ни стаканчика, онъ всегда высказывалъ рѣшительное намѣреніе выйти въ отставку.

И долго еще продолжаетъ ворчать Гаврилычъ, но я ужъ не слушаю его. Подъ его воркотню я наскоро приготавливаю почту. Наконецъ я покончилъ съ дѣлами. Захвативъ фуражку, я выбѣгаю на улицу, чуть не подпрыгивая отъ радости, что прошелъ страдный волостной день, и что впереди двѣ недѣли, цѣлыхъ двѣ недѣли полного, безмятежнаго покоя!...

Вечерѣтъ. Жаръ свалилъ; тянетъ вечерней прохладой. Легкій, едва осязаемый вѣтерокъ доноситъ запахъ рѣчной влаги, смѣшанный съ запахомъ конопли и свѣжаго сѣна.

Въ деревню шумно вбѣгаетъ стадо. Хлопаютъ пастушьи кнуты, режутъ коровы, кричатъ овцы. Между пастухами я не вижу Егорки. Гдѣ-то онъ теперь? Навѣрно, у Плюхина! Въ душѣ на мгновенье просыпается что-то гадкое...

Перебѣжавъ улицу, я направляюсь коноплянниками къ рѣкѣ. Неугомонная стрекотня кузнечиковъ убаюкивающе дѣйствуетъ на слухъ, на нервы. По мѣрѣ удаленія отъ деревни все больше и больше чувствуешь, что тотъ скверный осадокъ, который оставилъ въ душѣ безобразно прожитый день, испаряется и не оставляетъ слѣда...

А вотъ и рѣка. Я долго валяюсь на берегу, на мягкой, росистой травѣ. Во ржи, начинающейся на томъ берегу рѣки, кричатъ

перепела. Спускается ночь. Теплый паръ поднимается надъ рѣкой... Выкупавшись, я медлю возвращаться домой, такъ не хочется уходить отсюда! Въ душѣ зарождается и растетъ что-то молитвенное, что-то сладкое и мучительное въ одно и то же время...

Но, чу!—властные, могучіе звуки прокатились въ тишинѣ. Кто-то запѣлъ. Я вздрагиваю и, приподнявшись, смотрю по направлению къ школѣ, откуда несется пѣсня. Окна школы открыты. А! это учитель подъ аккомпанементъ скрипки поетъ свой любимый «Талисманъ»:

«Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ»,—

поетъ мягкій, сочный баритонъ, и рыдаетъ скрипка...

И поетъ, кажется, гдѣ-то внутри: какъ чудно хороша жизнь на нашей прекрасной землѣ!

И. М. Вдовинъ.

НИЩЕ-МИЛЛИОНЕРЫ.

«Всякая частная собственность неприкосновенна, и охранение ея отъ незаконнаго посягательства, а тѣмъ болѣе отъ насилія, составляетъ первѣйшую обязанность правительства» (изъ именн. высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 12 апрѣля 1905 г.).

ОДА не скажу, но близко тому будетъ, или ужъ было триста лѣтъ тому назадъ, какъ кругомъ Москвы расположилась поганая нечистая сила, — началъ свой рассказъ нищій-миллионеръ, — ни конному проѣзда, ни пѣшему прохода ни туда ни сюда. Того и гляди, Москва отдастся поганой нечистой силѣ. Бѣлозерскій князь давно собираетъ войско; собралъ большую силу. Надо Москвѣ вѣсточку переслать, чтобы не сдавалась поганымъ: скоро подмога прибудеть.

И говоритъ Бѣлозерскій князь своему народу: кто предоставитъ письмо въ Москву?

Долго никто не отыскивался. Прослышали объ этомъ мужики, Ѳедька и Кузька, и говорятъ князю Бѣлозерскому: что жъ, можемъ препроводить письмо въ Москву.

Даеъ Бѣлозерскій князь имъ письмо. Ѳедька и Кузька залатали письмо въ понитокъ, захватили желѣзные коготки, чтобы легче было на деревья залѣзть, и отправились. Ночь идутъ, а какъ день — залѣзаютъ на высокое дерево.

Долго ли, коротко ли шли они, не скажу, но пришли въ Москву и передаютъ письмо царю изъ рукъ въ руки.

Царь такъ возрадовался, что сразу приказалъ звонить во все колокола на всехъ церквахъ.

Слышать звонъ поганые и говорятъ промежъ собой: два года не звонили по Москвѣ, а тутъ такой трезвонъ начался. Что это означаетъ?

А Оедька и Кузька сидятъ въ палатахъ царскихъ на золоченыхъ стульяхъ, а царь стоитъ попереди ихъ и говоритъ: чѣмъ я васъ награжу за эту службу? А награжу я васъ вотъ чѣмъ: городами съ пригородами, селами и деревнями, золота возьмите, сколько хочется, сдѣлаю васъ боярами или князьями. Говорите, что вамъ, кромѣ этого, еще нужно.

И говорятъ Оедька да Кузька въ голосъ: ничего намъ этого не надо, царь; городами съ пригородами, селами да деревнями, намъ не управиться, золото мы проживемъ, а боярство или княжество ума намъ не прибавятъ и лучше насъ не сдѣлаютъ, а дай намъ клочекъ земли, который намъ любъ, отъ котораго весь нашъ родъ сытъ будетъ, за тебя и за насъ будетъ вѣчно Бога молить.

Подумалъ царь и говоритъ: пускай такъ и будетъ!

Прощались и разошлись. Оедька принесъ домой царскаго сукна на поддевку.

Пришли Оедька и Кузька домой, обсказали все домашнимъ и стали ждать. Идетъ день за днемъ, недѣля за недѣлей, годъ за годомъ, а ни слуху, ни духу. Говорятъ, ничего не будетъ, все рушилось. Когда въ этомъ всѣмъ утвердились, припла вотъ эта царская грамота,—говоритъ нищій-милліонеръ и, развернувъ платокъ, достаетъ ее.

«Отъ царя и великаго князя Василья Ивановича всея Руссии на Бѣлозеро приказнымъ людямъ, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ крестьянамъ.

«Билъ намъ челомъ Бѣлозерсково уѣзда, Ухтозерскія волости крестьянинъ Оедька Ивановъ и сказалъ: живетъ де онъ въ той Ухтозерской волости, въ деревнѣ на Стрѣльниковскомъ починкѣ на полчети выти, а ходитъ де съ него нашихъ податей съ того участка на годъ по полтинѣ и съ расходомъ; да въ томъ же де Стрѣльниковскомъ починкѣ подъ нимъ двѣ выти, сверхъ волостного тягла полтрети выти и полчети выти, а ему де въ нихъ пашни и тягла половина, и съ тое половины платитъ онъ нашихъ податей на годъ по двѣ гривны; да за нимъ же де на оброкѣ пустошь Корпуковская, Якушовская тожъ, а оброку де съ тое пустоши платитъ онъ на годъ по три алтына по четыре деньга, а въ книгу де та пустошь написана за Антонкомъ Наумовымъ, и Антонка де тое пустошь сдалъ ему; къ той же де и пустоши покосы на Ухтѣ рѣкѣ Темниковской... да на Пяжмѣ рѣкѣ Верхній покосишка, да за нимъ же де и на Ухтѣ озерѣ полдеревнишки Дристкава починка, Аванасово тожъ, Ивановъ жеребій Плясунова полчети выти, и платитъ де онъ съ того участка на годъ по два алтына по четыре деньга; да на немъ же емлютъ сверхъ нашихъ податей вся-

кіе... расходы къ оброку, и въ посоху, и въ рыбные отпуска, и въ таможенную избу, и въ ямщину, и какъ пріѣзжаютъ рассыльщики, и цѣловальники, и всякіе посланники, и на немъ правятъ кормовъ; и намъ бы ево пожаловати: съ тѣхъ участковъ, на которыхъ онъ живеть въ деревнѣ въ Стрѣльниковскомъ починкѣ и въ деревнѣ въ Дристовскомъ починкѣ, съ Ивановскаго жеребья Плясунова, и съ пустоши съ Коршуковской, и съ сѣнныхъ покосовъ нашихъ податей и оброковъ и жати не велѣти, и въ волостные во всякіе расходы, и въ ямы на немъ никакихъ разметовъ не имати.

«И будетъ такъ, какъ нашъ Ѳедька Ивановъ билъ челомъ, и мы Ѳедьку Иванова за его службу, что онъ пришелъ отъ васъ къ намъ, къ Москвѣ, съ отписками, пожаловали съ тѣхъ его пашенъ, которыя въ сей нашей грамотѣ, нашихъ податей имати на велѣли до нашего указу.

«И какъ къ вамъ ся грамота придетъ, и вы бѣ про тѣ его пашни сыскали книгами платежницами. Да будетъ такъ, какъ намъ Ѳедька Ивановъ билъ челомъ, и вы бѣ съ тѣхъ его пашенъ и съ сѣнныхъ покосовъ нашихъ никакихъ податей, и волостныхъ поборовъ и кормовъ имати на немъ не велѣли до нашего указу; а прочеть сее нашу грамоту и, списавъ съ нее противенъ слово въ слово, отдали назадъ Ухтозерскія волости крестьянину Ѳедькѣ Иванову, и онъ ее держитъ у себя впредъ для иныхъ нашихъ Бѣловерскихъ приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7117 (1609), мая въ 15-й день».

Далѣе на этомъ уродливо и причудливо пожелтѣвшемъ отъ времени листѣ значится:

«Лѣта 7127 (1619), іюля 18. Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи сее грамоту слушалъ и, выслушавъ, Ѳедьку Иванова пожаловалъ: велѣлъ сю грамоту подписать на свое, государево, цареве и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи имя, и своихъ государевыхъ податей съ Ѳедьки Иванова, съ его жеребья имати и сее грамоты ни въ чемъ рушити, и за помѣщики ни за кѣмъ впредъ быти не велѣлъ, а велѣлъ во всемъ ходити по тому, какъ въ сей грамотѣ написано.

«Дьякъ Томила Луговскій».

Во время чтенія старый нищій-милліонеръ, съ выцвѣтшими отъ слезъ глазами и съ застывшимъ испугомъ на лицѣ, подчеркиваетъ нѣкоторые слова и предложенія.

Вотъ еще кипа бумагъ-документовъ. Это — рядъ указовъ русскихъ царей и царицъ, подтверждающихъ права крестьянъ на владѣніе землей, которая была пожалована Ѳедькѣ Иванову царемъ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ за то, что онъ, Ѳедька Ивановъ, съ отписками пришелъ къ Москвѣ. Эти указы слѣдующихъ

годовъ: 117 (1730), 127 (1740), 144 (1757), 156 (1769), 184 (1797), 191 (1804).

— А тутъ начальство крѣпко насъ стало тѣснить и жать поборами и земскими, и общественными, и волостными, и всякими другими, Богъ знаетъ какими. Тогда я мальчишкой былъ и набрался страху, оттого и помнится. Вотъ эта бумага и есть касательно этихъ поборовъ,—говорить нищій-милліонеръ.

Это уже относительно новый документъ и по внѣшнему виду, и по языку. Онъ говоритъ слѣдующее:

«Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ Олонецкаго губернскаго правленія Вытегорскому земскому суду.

«По указу его императорскаго величества Олонецкое губернское правленіе слушало указъ правительствующаго сената отъ 2 сего іюля за № 27406, въ которомъ изъяснено: государь императоръ, снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе обѣльныхъ крестьянъ Олонецкой губерніи, Вытегорскаго уѣзда, деревни Стрѣльниковой о облегченіи на основаніи древнихъ грамотъ, дарованныхъ предкамъ за оказанныя услуги, въ платежѣ податей и повинностей по всеподданнѣйшему докладу г. министра государственныхъ имуществъ въ 12-й день мая высочайше повелѣть соизволилъ въ видахъ сохраненія для потомства памяти подвиговъ предка обѣльныхъ крестьянъ деревни Стрѣльниковой: 1) исключивъ ихъ изъ состава волости и сельскаго общества, подчинить защитѣ и надвору палаты и окружнаго управленія государственныхъ имуществъ, 2) освободить ихъ отъ платежа и общественного сбора и отъ всѣхъ земскихъ повинностей и 3) засимъ оставить ихъ при платежѣ подушныхъ денегъ при сборѣ на обезпеченіе продовольствія и отъ пожаровъ и на содержаніе собственнаго ихъ сельскаго старосты.

«О такомъ высочайшемъ повелѣніи правительствующій сенатъ, давъ знать для надлежащаго исполненія Олонецкой палатѣ государственныхъ имуществъ, предписываетъ губернскому правленію. Приказали: объ изъясненномъ въ настоящемъ указѣ правительствующаго сената высочайшемъ повелѣніи увѣдомить Олонецкую палату государственныхъ имуществъ для должнаго съ ея стороны распоряженія, а также Олонецкую казенную палату, и отъ перваго отдѣленія извѣстить канцелярію господина начальника губерніи для передачи сего свѣдѣнія комитету о земскихъ повинностяхъ къ соображенію при составленіи смѣты приходовъ и расходовъ. Вытегорскому земскому суду предписать объявить о семъ крестьянамъ того уѣзда, деревни Стрѣльниковой, предписавъ суду вмѣстѣ съ тѣмъ о точномъ и непремѣнномъ съ его стороны исполненіи изъясненнаго высочайшаго повелѣнія. Объ этомъ распоряженіи донести правительствующему сенату.

«Іюня «21» дня, 1847 г. Совѣтникъ Зимоградскій. Секретарь Поплыгинъ. За столоначальника Сердцевъ».

— Съ этого времени начальство и не беспокоило васъ больше?

— Небольшое время точно что не беспокоило, а потомъ и пошло шире да болѣ. А какъ пришла воля, такъ и пошло намъ утѣшеніе за утѣшеніемъ, гоненіе за гоненіемъ то на казенныя работы, то на высидки, и никакой передышки и до сегодня. Когда и кончится это, Богъ его знаетъ. И до того мы въ жизни дошли, что не дай намъ теперь ссуды на сѣмена и на прокормъ, такъ зерна не поѣдемъ, а сами съ голоду перемремъ,—продолжаетъ нищій-милліонеръ.

Перво-наперво, къ ряду послѣ воли, начальство задумало насъ надѣломъ ублагоотворить. Безъ надѣла, говорить, никакъ невозможно: у всѣхъ надѣлы получены, и вы принимайте его.

А намъ надѣла не надо: своей земли благодать: окружная межа 72 версты, свыше 30 тысячъ десятинъ. Отнѣживаемся отъ надѣла.

— Бунтовщики вы этакіе!—обзываетъ насъ на всю улицу исправникъ.

Понадо не тому—другому отъ него, кому по шеѣ, кому по зубамъ. Ругаль, ругаль и уѣхаль. Слава тебѣ, Господи, безъ отрыжки бы (безъ возврата)!

Не успѣли отъ этого отдышаться, какъ снова пріѣзжаетъ.

— Надѣла, говорить, не принимаете, такъ не принимайте, живите безъ надѣла. Но, чтобъ мужикъ оброковъ, не платилъ, этого не подобаетъ: каждый мужикъ оброки платитъ, и вы съ этого дня станете платить 178 рублей 50 коп. со всего села, или по полтора рубля съ души.

Въ этотъ разъ никого не билъ, а къ ряду же послѣ объявки и уѣхаль.

Помужевали мы промежъ собой и разошлись, не знаемъ, что дальше будетъ. Подумали, что это только одинъ разговоръ, послѣдній царскій указъ надо попить.

Прошло полгода. Исправникъ исправно является, да и не одинъ, а съ урядниками. Сейчасъ старосту—налицо.

— Собирай сходъ, и чтобъ живой рукой оброки!—командуетъ исправникъ.

Всѣ попрятались, кому куда ближе.

— Никого мужиковъ дома нѣтъ,—репортуетъ староста исправнику.

Съѣздилъ по зубамъ старосту исправникъ и нарядилъ урядниковъ мужиковъ разыскать. Тѣ и давай шарить по дворамъ, сараямъ, амбарамъ, вышкамъ; стоги, скирды, завалы соломы давай пиками колоть.

Многимъ досталось нахорошо. Богъ милостивъ, никого не изувѣчили: глаза или брюха никому не распорили. Человѣкъ съ тридцать навыгоняли.

— Опять бунтовать!—рыкомъ рычитъ исправникъ на народъ:—оброкъ чтобы былъ!

А денегъ нѣтъ. Ну, тутъ урядники коровъ, телятъ, овецъ погнале на продажу. Которыхъ пораспродали, которыхъ хозяева повыкупали.

Такъ и стали оброкъ платить. Платили годовъ пять-шесть. А тутъ, неизвѣстно, какъ и отчего?—перестали требовать, и шабашъ. Слава тебѣ, Господи, что освободились отъ такой напасти. А сколько собрали, то ужъ Богъ съ ними. Тутъ мы подумали, что насъ въ покоѣ оставлять. Такъ нѣтъ: что дальше, то крѣпче налегаютъ на насъ, только съ другой стороны.

Испоконъ вѣковъ продавали мы лѣсъ на срубъ изъ своей доли. Лѣсъ продавать запретили: для себя руби, а на продажу не моги. Что ты тутъ станешь дѣлать? И стали мы не обществомъ продавать, а въ одиночку: кто сколько сможетъ. Препятствій ни отъ кого не поступаетъ. Такъ прошло съ десятокъ лѣтъ.

Пріѣзжаетъ исправникъ Хрипуновъ и говорить: теперь, говорить, земли у васъ никакой нѣтъ, а вся земля казенная: казенная стража охраняла дачу десять лѣтъ, и никакихъ супротивностей за это ни отъ кого не было. А какая стража? Вѣрно, что въ Лихой Шалгѣ живалъ казенный сторожъ, такъ это въ десяти верстахъ отъ границы нашей дачи. Онъ намъ никакихъ препятствій не дѣлалъ. Такъ какая же супротивность къ нему могла быть?

Снова пристаегъ съ надѣломъ. Теперь, говорить, земли у васъ никакой нѣтъ. Крестьянинъ безъ земли не живетъ. Стало быть, нарѣзку произвести надо. Явились землемѣры.

— Принимай надѣлъ!—рыкомъ рычитъ исправникъ.

Молчимъ.

— Опять бунтовать!—надсажается отъ крику исправникъ.

Сходъ молчитъ, какъ въ ротъ воды набралъ.

— Я васъ научу, какъ бунтовать! Припомните вы меня!—прокричалъ съ хрипомъ исправникъ и уѣхалъ.

Съ того времени онъ все и хрипитъ. Отъ этого и прозвали его Хрипуновымъ, а настоящая-то фамилія его Качаловъ.

Проходить съ недѣлю. Встаемъ утромъ, чтобы кому итти, кому ѣхать на работы, а ни выходу, ни выѣзду изъ села нѣтъ: кругомъ деревни урядники и жандары (жандармы). Настоящее войско. Шпаги такъ искры и мечуть, до того насвѣтлены.

И пошла переборка: у Ларіона Овсянникова отобрали два самовара, одежду, корову, сбрую съ лошадей и на двѣ недѣли подъ арестъ. Съ нимъ еще отправили четырнадцать человѣкъ, а Ѳедюлина и Лазарева препроводили на работы къ лѣсническому въ Каргополь. Имъ посчастливилось: лѣсничій сразу отпустилъ ихъ. «Идите, говорить, мужички почтенные, домой. Васъ и безъ того зря тираниятъ». А Ларіонъ Овсянниковъ съ компаніей такъ и отсидѣли подъ арестомъ по положенію. Овсянниковъ весь скарбъ выкупилъ за пятьдесятъ рублей.

Дали маленькое отдохновеніе и снова: землемѣры, урядники, жандары, исправникъ, бери надѣлъ и подписывай себѣ отказъ отъ дарственной земли, и снова плати всѣмъ деньги за прѣздъ, а не то хомуты, коровы, телята въ продажу поступають.

Въ этотъ разъ исправникъ не удовольствовался тѣмъ, что выколупилъ деньги за прѣздъ всей оравѣ, а Куроптева, Овсянникова, Лазарева, Оедюлина и еще многихъ, которыхъ не упомяну, отправилъ подъ арестъ, а потомъ передумалъ да на работы въ Девятины на перекопъ къ казенному подрядчику Лопареву и препроводилъ ихъ (перекопъ въ Девятинахъ рыли въ 1893—1895 г.г.).

— Наѣздами разорю васъ въ конецъ, а все-таки заставлю надѣлъ принять!—пугаетъ насъ исправникъ.

Разорить-то онъ насъ разорилъ, а къ надѣлу не смогъ насъ принудить. И выдумалъ тутъ онъ новую штуку: наѣхали съ нимъ землемѣры, пованимали народу и пошли по нашимъ землямъ межи выставлать. Повывставили вездѣ межи, и кончено дѣло.

— Вашъ надѣлъ въ этихъ межахъ,—говорить Хрипуновъ:—а за нихъ и носа не высовывай, а не то острогъ!

И тутъ-то насъ обидѣли: нарѣзали по пятнадцати десятинъ на душу и самой что ни есть худой. Такъ гдѣ ужъ тутъ за межу не заглядывать?

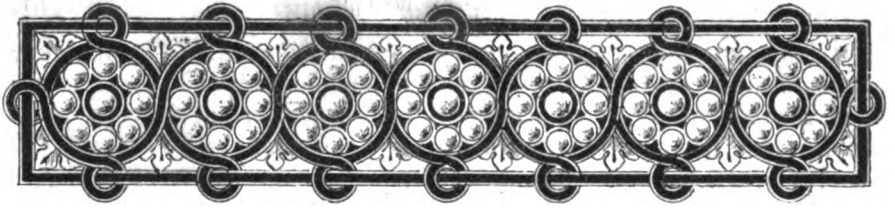
А у насъ въ Олонецкой губ. о такихъ надѣлахъ и не слыхивано: въ Ягремѣ по 50 десят. на душу, въ Ильинской слободкѣ по 70, а есть по 90—95 десятинъ.

Такъ отвели бы намъ по сту десятинъ да избавили бы отъ всякихъ мытарствъ, такъ и Богъ съ ними. А теперь, того и гляди, что опять урядники, жандары, исправникъ и плати всѣмъ за прѣзды... проговорилъ нищій-милліонеръ, опустивъ сѣдую голову со слезящимися глазами.

А лѣса наши рубить и губить начальство. Когда этому будетъ конецъ, и кто насъ защититъ отъ озорного начальства?—добавилъ нищій-милліонеръ послѣ нѣкоторой паузы, не поднимая головы.

Н. С. Колынинъ.

БѢГСТВО ГАПОНА ИЗЪ РОССІИ.

ВОЛЬШАЯ часть нашихъ русскихъ бунтовъ, революцій и политическихъ движеній создавались и протекали при благосклонномъ содѣйствіи, попустительствѣ и съ вѣдоматѣхъ, кому эти движенія въ особенности угрожали, и на головы которыхъ они должны были непосредственно обрушиться, именно самого правительства и его административныхъ органовъ. Конечно, выраженіе «содѣйствіе» должно быть понимаемо не въ прямомъ смыслѣ этого слова, какъ явленіе активного характера, а косвенно, какъ актъ пассивный. Удивительное непониманіе условій и потребностей отечественной жизни, нуждъ и запросовъ народа и его разныхъ классовъ со стороны правительственной власти, возмутительная халатность въ отправленіи своихъ прямыхъ обязанностей представителями этой власти, полное отсутствіе у нихъ сознанія своего гражданского долга, нерасторопность и непредусмотрительность, отсутствіе государственнаго творчества и сомнительная качественность средствъ въ достиженіи цѣлей — вотъ тѣ благопріятствующія всякимъ революціоннымъ движеніямъ условія, которыя въ конечномъ результатѣ повергли Россію въ бездну политическаго хаоса, въ пучину анархіи, и разоренія. Начиная съ бунта декабристовъ 14 декабря 1825 г. и вплоть до торжественной процессіи священника Георгія Гапона у Нарвскихъ воротъ 9 января 1905 г., — всѣ эти явленія нашей политической и общественной жизни суть результаты дѣятельности и дѣятельныхъ поступковъ самой власти, ею же вскормленные и ею же доведенные до пе-

чальной развязки. Въ особенности это надо имѣть въ виду при ознакомленіи съ ролью, сыгранной въ нашей общественной жизни бывшимъ священникомъ Георгіемъ Гапономъ, который явился креатурою и питомцемъ политики покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве и присныхъ ему сотрудниковъ по охранному отдѣленію, съ бывшимъ агентомъ полиціи Зубатовымъ во главѣ.

Въ печати уже послѣдовали разоблаченія, какъ формировалась, развивалась и распространялась получившая столь печальную извѣстность «зубатовщина», эта смѣсь провокаторства съ экономической политикой и стачечной пропагандой, гдѣ фальшивая игра на два фронта послужила, съ одной стороны, къ совершенно неожиданному сплоченію рабочихъ массъ именно на политической почвѣ, а съ другой—къ растленію массъ и внесенію въ жизнь началъ лжи и коварства. Въ дѣлахъ ознакомленія съ зубатовскою системою и ея плодами можно порекомендовать читателямъ записки Ф. Слѣпова, печатавшіяся въ прошломъ году въ Шараповскомъ «Русскомъ Дѣлѣ» подъ заглавіемъ: «Изъ воспоминаній бывшаго зубатовца». Здѣсь изложена вся та организація въ ея идейной и практической постановкѣ дѣла, изъ нѣдръ которой, между прочимъ, вышелъ и Георгій Гапонъ, сумѣвшій временно совмѣстить, не безъ матеріальной выгоды для себя, санъ священника и секретное званіе агента тайной полиціи съ содержаніемъ до 6.000 рублей въ годъ. Та сложная эволюція, черезъ которую прошелъ нашъ демагогъ, во многихъ частяхъ еще темна и загадочна; на ней свѣжа печать вчерашнихъ дня и часа, и разобратъся сейчасъ во всѣхъ отгѣнкахъ психики, ея изгибахъ и капризныхъ проявленіяхъ страшно трудно и даже почти невозможно, несмотря на то, что автобіографія Гапона уже готова къ выходу и въ извлеченіяхъ уже напечатана въ иностранныхъ изданіяхъ, сначала англійскихъ ¹⁾, а теперь и французскихъ. Здѣсь Гапонъ, конечно, реабилитируетъ себя, выставяетъ себя героемъ и чуть ли не рыцаремъ, но это—голосъ, конечно, односторонній, пристрастный и предвзятый; надо выслушать и другую сторону, голосъ и тѣхъ его сотоварищей по секретной агентурѣ, слѣды которой несомнѣнно хранятся въ дѣлахъ департамента полиціи, куда, понятно, сейчасъ проникнуть лѣтописцу событій невозможно. Тогда лишь намъ станеть, быть можетъ, яснѣе и понятнѣе и самъ Гапонъ, и та обстановка, идейная и фактическая, при которой онъ дѣйствовалъ, а также та политическая атмосфера, которая содала и самую обстановку и ея представителей. Все это—вопросъ будущаго, а пока интересно лишь возстановить въ подробностяхъ фактическую сторону нѣкоторыхъ моментовъ той общественной эпопеи, гдѣ Гапону пришлось играть такую выдающуюся роль.

¹⁾ Изъ англійскихъ изданій кое-какія извлеченія были уже сдѣланы въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ.

Парижское книгоиздательство Felix Juven общается въ текущемъ мѣсяцѣ выпускъ новой, безспорно сенсационной книжки: «Les dessous de la révolution russe. Mémoires du pape Garone. Traduction de Colette Yver», откуда читатели, несомнѣнно, извлекутъ многое интересное и поучительное для пониманія окружающей насъ политической дѣйствительности. Пока же въ январскомъ номерѣ французскаго журнала «Le Monde Moderne», издаваемомъ тѣмъ же Juven, появились уже отрывки изъ автобіографіи бывшаго священника-демагога подъ заглавіемъ: «Le massacre du peuple», гдѣ дано подробное описаніе всего происходившаго, какъ наканунѣ извѣстныхъ кровавыхъ событій 9 января 1905 г., такъ и въ самый этотъ день, а также кое-что изъ послѣдующихъ событій. Большая часть того, что здѣсь сообщается, уже достаточно извѣстна изъ газетъ, и многому, по крайней мѣрѣ, жители Петербурга были личными свидѣтелями, поэтому повторять всего этого извѣстнаго не стоитъ; но есть одинъ эпизодъ, который до сихъ поръ оставался совершенно неразъясненнымъ, и который многихъ чрезвычайно интриговалъ, это именно: куда же дѣвался Гапонъ послѣ 9 января, и какъ ему удалось выскользнуть изъ рукъ всюду искавшей его полиціи? Эта загадка нынѣ разъясняется самимъ Гапономъ, и мы имѣемъ очень интересную страничку, характерную для русскихъ порядковъ, изъ которой намъ становится яснымъ, какимъ образомъ сплошь и рядомъ ускользаютъ изъ рукъ властей самые важные государственные преступники. Вотъ этому-то моменту изъ жизни нашего демагога и посвящается настоящій очеркъ. Но прежде, чѣмъ повѣдать читателямъ, съ голоса самого героя, подробности его таинственнаго исчезновенія и побѣга изъ Россіи, все же необходимо сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Уже къ концу 1904 г. для всѣхъ было очевиднымъ, что наша администрація, вѣдающая, съ одной стороны, дѣло внутренней политики, а, съ другой—спокойствіе и безопасность обѣихъ столицъ, стоитъ далеко не на высотѣ своего призванія. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, прекраснодушный администраторъ, создавшій пресловутую словесную «весну», оттепель которой подняла изъ глубинъ Россіи немало сомнительныхъ и зловредныхъ испареній. Слово и дѣло у князя не совсѣмъ-то между собою гармонировали, да и не могли гармонировать по самому существу дѣла. Одно было говорить, другое—дѣлать, когда не опредѣлилась ни программа дѣла, ни смыслъ его, ни тѣ люди, которые должны были это дѣло дѣлать. Въ сущности царилъ все тотъ же режимъ, установленный покойнымъ Плеве, съ тою лишь разницею, что для этого режима не было ни руководящей твердой руки, ни какихъ либо руководящихъ началъ; кромѣ того, на мѣстахъ оставались все тѣ же дѣятели недавняго прошлаго, которые душой и умомъ тяготѣли не къ настоящему въ

его «весенникъ» абрисахъ, а къ прошедшему, школа коего была ими такъ хорошо усвоена. Во главѣ департамента полиціи стоялъ А. А. Лопухинъ, достаточно къ тому времени соскучившійся въѣренными его попеченію учрежденіемъ и, повидимому, всѣми силами своей души и своихъ помысловъ мечтавшій переключать въ какое либо другое болѣе тихое убѣжище, лишь бы только очутиться подалеже отъ той каши, которая неминуемо и для всѣхъ очевидно уже заварилась, и которую надо было со дня на день расхлебывать. Во главѣ города стоялъ добродушный генералъ И. А. Фуллонъ, менѣе всего пригодный на роль полицейскаго градоправителя и въ своемъ оптимизмѣ глядѣвшій на все черезъ розовыя очки, не предвидя того, что уже 8 января этимъ очкамъ суждено будетъ пережѣнить свой цвѣтъ изъ розоваго въ темно-дымчатый. Въ видѣ аттестата его розоваго благодушія навѣки запечатлѣлась въ лѣтописяхъ исторіи трогательная группа, гдѣ на авансценѣ дружески-рядышкомъ сняты петербургскій градоначальникъ, генералъ-майоръ И. А. Фуллонъ, и секретный агентъ департамента полиціи, тайный демагогъ, священникъ пересыльной тюрьмы, Георгій Гапонъ.

Таковы были тѣ главныя административныя силы, которымъ энергичный и страстный «попъ», организаторъ одиннадцати столичныхъ народныхъ политическихъ центровъ, готовился 9 января дать генеральное сраженіе во главѣ многотысячной толпы. Очевидно было, что силы не будутъ равны, и, увы, должно признаться, это неравенство было двоякаго значенія: реальнаго и идейнаго. Какъ фактъ реальный, замыселъ Гапона итти всѣмъ народомъ съ челобитьемъ къ царю былъ актомъ безумія, ибо на это у него не было никакой увѣренности въ успѣхѣ, не было предварительнаго согласія на благоприятность встрѣчи; какъ починъ идейнаго порядка, за нимъ были известная декоративная красота, поэзія смѣлости и дерзновеніе творчества. Съ противной стороны была полная растерянность, неумѣніе овладѣть развертывающимися событіями и конечное рѣшеніе: отвѣтить на замыселъ попа-демагога только и только старымъ и обветшалымъ методомъ вооруженнаго кроваваго подавленія. Силы были не равны, при чемъ плюсы и минусы были одинаковы на обѣихъ сторонахъ. Что было слабо въ начинаніи Гапона, было сильно и крѣпко въ дѣйствіи администраціи, что было живо и созидательно у него—того не было у противниковъ. Онъ хитро и ловко сдѣлалъ ихъ орудіемъ своихъ замысловъ, а они почти до послѣдняго момента были увѣрены, что не онъ ими, а они имъ руководятъ, и онъ исполняетъ ихъ велѣнія. Гапонъ создалъ опредѣленное народное движеніе противъ правительства на средства этого же правительства, при его прямомъ содѣйствіи и попустительствѣ. Но и онъ не сумѣлъ сохранить своей выгодной позиціи, и отсюда, быть можетъ, въ значительной степени тотъ кровавый налетъ, который легъ на его предпріятіе, и тѣ значительныя жертвы, которыми оно сопровождалось.

Гапонъ въ сущности достигъ въ извѣстный моментъ, къ началу и въ самые первые дни января 1905 г. необыкновенныхъ результатовъ: онъ одинъ, на глазахъ у всѣхъ, овладѣлъ думами и волей очень большой народной толпы, сталъ ея героемъ и главою. Въ лѣтописяхъ нашей исторіи такихъ случаевъ можно указать весьма и весьма немного, и о таковой роли мечтали на протяженіи почти ста лѣтъ многие выдающіеся представители прогрессивной и революціонной интеллигенціи. Но что имъ не удавалось и не могло удаться, въ силу существующей пропасти между интеллигенціей или правящимъ классомъ и народомъ, удалось Гапону, благодаря его рясѣ и ловкой политической тактикѣ. Не дворянинъ, не интеллигентъ опредѣленнаго научно-политическаго толка сталъ во главѣ народной массы, а простой, русскій «попъ» въ рясѣ и съ крестомъ въ рукахъ. Гапонъ тонко понялъ психику русской массы и выхватилъ у революціонной интеллигенціи право на руководство этой массой. Онъ, можно сказать, оставилъ за флагомъ передовую интеллигенцію, и она передъ нимъ обременилась. Моментъ былъ въ высшей степени напряженный и отвѣтственный въ его жизни, но онъ съ нимъ не справился. Все же въ послѣдній часъ онъ не сумѣлъ сохранить своей индивидуальной обособленности, не нашелъ въ себѣ характера и мужества итти одиночно по своей дорогѣ и вошелъ въ соглашеніе, въ компромиссъ съ активными революціонерами: они примазались къ его дѣлу и придали ему подозрительный для администраціи характеръ явно революціоннаго движенія съ участіемъ въ немъ политической активной оппозиціи, дѣйствующей на основахъ кроваваго насилія.

Главари отечественной революціи относились долго къ священнику-организатору народныхъ массъ съ величайшимъ недоумѣніемъ, будучи прекрасно освѣдомлены о роли, которую онъ игралъ въ «зубатовской» системѣ, но когда они увидали, что именно ему одному удалось овладѣть настроеніемъ массы и до извѣстной степени создать это настроеніе, они поспѣшили наканунѣ 9 января съ нимъ сблизиться и съ нимъ столкнуться. Вотъ что повѣствуетъ Гапонъ объ этомъ соглашеніи.

Вечеромъ, 8 января, послѣ напряженнаго объѣзда всѣхъ рабочихъ собраній, послѣ ряда произнесенныхъ здѣсь страстныхъ зажигательныхъ рѣчей, онъ нашелъ въ залѣ, смежной съ однимъ изъ собраній, представителей партій революціонной, социалистической и социаль-демократической; хотя онъ и изнемогалъ отъ усталости, онъ не могъ, однако, отказаться отъ обсужденія съ ними совмѣстно плана дѣйствій.

— Въ воскресенье мы двинемся къ Зимнему дворцу, какъ мы это уже рѣшили, — сказалъ онъ. — Не выкидывайте вашихъ знаменъ, дабы наша манифестація никоимъ образомъ не носила на себѣ характера революціонной демонстраціи. Если вамъ угодно, можете

итти впереди народной массы. Когда я проникну во дворецъ, у меня будетъ съ собою два флага — бѣлый и красный. Если царь согласится принять депутацію, я выкину бѣлый флагъ; если онъ откажетъ — красный. Въ послѣднемъ случаѣ и вы можете развернуть ваши знамена и дѣйствовать по усмотрѣнію.

Затѣмъ онъ спросилъ:

— Есть ли у васъ на случай необходимости оружіе?

Соціалъ-демократы заявили, что у нихъ его не имѣется, революціонеры, что у нихъ есть нѣсколько револьверовъ. Гапонъ понялъ, что они пустятъ ихъ въ дѣло, если войско начнетъ стрѣлять въ народъ. Совершенно не было возможности въ тотъ моментъ установить окончательный планъ дѣйствій.

— Что бы ни случилось, не трогайте царя, — сказалъ онъ. — Его особа должна быть неприкосновенна, лучше было бы даже набѣгнуть всякихъ враждебныхъ ему криковъ. Пусть онъ съ миромъ возвращается въ Царское Село.

Революціонеры дали слово, что такъ именно и будетъ.

Вотъ онъ, моментъ встрѣчи народнаго демагога съ интеллигентными представителями политической революціи. Стоитъ ли распространяться, сколько здѣсь сколькаго, недоговореннаго, наивнаго и сомнительнаго? Неужели не наивною, чтобъ не сказать сильнѣе, отдаетъ отъ этой самоувѣренности въ возможность проникнуть въ Зимній дворецъ для торговли съ царемъ и съ правомъ махать какими-то флагами? Гдѣ и въ чемъ была гарантія для вождей революціонной партіи, что въ случаѣ фантастическаго успѣха агента полиціи у царя, они, революціонеры, этимъ агентомъ тутъ же не будутъ выданы полиціи головою, и, съ другой стороны, какая гарантія была для самого Гапона, что революціонеры, если ему удастся довести ихъ до дворца, не воспользуются этимъ удобнымъ и необыкновеннымъ случаемъ, чтобы захватить и царя, и Гапона, и все его движеніе въ свои руки и осуществить въ одинъ какой нибудь часъ то, на что потрачено столько лѣтъ кровавой борьбы, положено столько жизней, понесено столько жертвъ? Ни политика вообще, ни революціонная политика въ особенности не терпятъ сентиментальностей и платоническихъ грезъ, и, конечно, если бы вожаки революціонной партіи пожелали стать на реальной высотѣ своего революціоннаго положенія, то они не постѣснились бы своимъ платоническимъ общаніемъ, даннымъ при необычайныхъ обстоятельствахъ подозрительному въ ихъ глазахъ агенту полиціи въ священнической рясѣ, конечно, нѣтъ; и отсюда колоссальная путаница въ внутреннемъ психологическомъ строѣ событій 9 января, приведшая къ извѣстному печальному результату. весь фантастическій замыселъ Гапона и обратившая его нынѣ въ политическаго эмигранта революціонной окраски.

Но что же дѣлала полиція и администрація, на глазахъ которой рабочая масса фанатизировалась, наэлектризовывалась и приуготовлялась къ кровавой расправѣ? О, дѣйствія ея представителей въ высшей степени поучительны и обличаютъ всю бездонную пропасть пустоты, въ которой вращались и оборачивались ея личный починъ, творчество и сознательность гражданской отвѣтственности. Насколько по слухамъ извѣстно, положеніе Гапона послѣ смерти Плева и крушенія «зубатовщины» сильно пошатнулось, и потокъ его матеріальнаго благополучія за счетъ отечественной казны поубавился. На него начали уже глядѣть къ концу 1904 г., какъ на «бллаго волка» въ народномъ овечьемъ стадѣ, но, тѣмъ не менѣе, официально онъ продолжалъ пользоваться расположеніемъ наружной полиціи и градоначальника, который съ нѣжною любовью взиралъ на тѣ создаваемые и открываемыя имъ народныя порайонныя собранія, гдѣ должны были современемъ возникнуть «великолѣпные храмы народной свободы». Уже къ Крещенію начало всеобщей забастовки безудержно распространялось по столицѣ, и всѣ власти прекрасно понимали, чьихъ рукъ это дѣло. Имя священника о. Гапона было у всѣхъ на устахъ, и это имя стало какъ-то сразу именемъ таинственнымъ, героическимъ, легендарнымъ. Среди рабочихъ и депутатовъ, какъ заводовъ, такъ и рабочихъ собраній начались усиленные аресты, но самъ Гапонъ лично продолжалъ быть для И. А. Фулдона, по его собственному выраженію, «загадкою», хотя въ бесѣдѣ съ священникомъ пересыльной тюрьмы градоначальникъ сообщилъ ему откровенно о быломъ указаніи на его вредную роль среди рабочихъ со стороны покойнаго великаго князя Сергія Александровича, при чемъ наивно спрашивалъ его:

— Знаете ли, если бы Плева не былъ убитъ, вы были бы высланы изъ Петербурга?

Несмотря на все это, градоначальникъ продолжалъ до 8 января вести переговоры съ Гапономъ, обѣщать ему неприкосновенность его личности и просить объ удержаніи рабочихъ, какъ отъ всеобщей забастовки, такъ и отъ задуманнаго шествія по улицамъ города къ царю въ Зимній дворецъ съ петиціей о нуждахъ народа. Но герой событій уже понималъ, что часъ близокъ, что ему не сдобровать, и что съ часу на часъ можетъ и долженъ послѣдовать его арестъ. Поэтому уже 6 января онъ распростился съ собственной квартирой и обратился на нѣсколько дней въ странствующаго агитатора, съ предосторожностями путешествующаго по улицамъ и подъ охраной преданныхъ товарищей-учениковъ проводящаго ночь въ случайномъ дружескомъ помѣщеніи. Конечно, полиція была болѣе или менѣе въ курсѣ районовъ его мѣстопробыванія, но наложить на него свою руку не рѣшалась. Даже въ утро 9 января мѣстному приставу было извѣстно пребываніе Гапона, но къ арестованію его, повидимому, рѣшительныхъ мѣръ

принято не было, а 8 числа подъ вечеръ онъ съ группою товарищей-единомышленниковъ снимался въ двухъ шагахъ отъ градоначальства, въ извѣстной литературной фотографіи Здобнова, на Невскомъ проспектѣ.

Переговоры съ агитаторами велъ не только генераль И. А. Фуллонъ, но и его ближайшій главный начальникъ по тюремному вѣдомству, г. Стремоуховъ, а также тогдашній министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, вынесшій изъ бесѣды съ Гапономъ ясное убѣжденіе, что онъ стремится къ опредѣленной политической цѣли—къ ограниченію самодержавія народнымъ представительствомъ.

— Но вы хотите ограниченія самодержавія!—въ отчаяніи воскликнулъ министръ, выслушавъ содержаніе петиціи къ царю, которую изготавилъ Гапонъ ¹⁾.

— Да, но это ограниченіе пойдетъ на благо, какъ самому государю, такъ и народу. Если эта реформа не послѣдуетъ непосредственно сверху, то нынѣшнее состояніе государства Россійскаго таково, что революція станетъ неизбежною. А это слово обозначаетъ борьбу, быть можетъ, на цѣлые годы и страшные потоки крови. Наконецъ, мы не требуемъ осуществленія всѣхъ реформъ немедленно и сразу, пусть намъ уступятъ наиболѣе насущныя, и мы будемъ удовлетворены. Но во всякомъ случаѣ, чтобы всѣ политическія преступленія были амнистированы, и чтобы представители народа были немедленно созваны. Тогда вы увидите весь народъ, всю націю полными любви и преданности къ царю.

Въ своихъ автобіографическихъ запискахъ Гапонъ пока не приводитъ полностью изготавленной имъ самимъ петиціи къ государю, хотя она достаточно извѣстна въ широкихъ кругахъ нашего общества, однако, во избѣжаніе нареканій въ ошибочномъ приведеніи неподлинной редакціи, считаемъ полезнымъ воздержаться отъ ея приведенія здѣсь; но вотъ письмо, которое агитаторъ послалъ государю 8 января, и которое напечатано въ «Le Monde Moderne».

«Государь.

«Я боюсь, что ваши министры не сказали вамъ всей истины о положеніи дѣлъ въ столицѣ. Знайте же, что рабочіе и населеніе С.-Петербурга, полные вѣры къ вамъ, безповоротно рѣшили отправиться завтра въ 2 часа дня къ Зимнему дворцу, чтобы подать вамъ прошеніе, какъ о ихъ нуждахъ, такъ и нуждахъ всего русскаго народа. Если, колеблясь въ своемъ сердцѣ, вы не покажетесь лично вашему народу, и если прольется невинная кровь,

¹⁾ По слухамъ, первоначальная редакція петиціи, составленная Гапономъ, значительно разнилась отъ той, которая окончательно была установлена послѣ его сношеній и сближенія съ крайними политическими элементами нашей интеллигенціи.

нравственная связь между вами и вашимъ народомъ будетъ порвана, и вѣра, которую питаетъ къ вамъ народъ, будетъ навсегда уничтожена. Появитесь же завтра съ полнымъ довѣріемъ передъ вашимъ народомъ и примите съ полною простотою наше нижайшее прошеніе. Я, представитель рабочихъ, и мои славные сотоварищи, мы гарантируемъ нашу собственною жизнью безопасность вашей особы.

«Г. Гапонъ, священникъ».

Понятно, отвѣта на свое письмо онъ не получилъ, и событія развернулись, какъ того и можно было ожидать. Гапонъ устроилъ свое шествіе къ Зимнему дворцу, сюда потекли волны народа съ разныхъ концовъ города, и администрація, растерявшаяся и испуганная, поспѣшила оружіемъ подавить поднявшееся движеніе. То, что можно было предупредить мирнымъ путемъ за много времени до того, при наличности малѣйшей распорядительности, толковости и дальновидности, потребовало относительно крупныхъ жертвъ и было запечатлѣно кровью и смертью. Конечно, несостоятельность этой администраціи именно въ данный моментъ стала для всѣхъ внѣ сомнѣнія, и она должна была быть смѣщена. Ушелъ съ своего мѣста градоначальникъ И. А. Фуллонъ, князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, А. А. Лопухинъ, всѣ тѣ трое, которые прозѣвали послѣднюю фазу дѣятельности священника пересыльной тюрьмы и косвенно посодѣйствовали раскату событій 9 января 1905 г., явившихся въ сущности своего рода громкой и кровавой прелюдіей отечественной революціи, нынѣ нами переживаемой. Прелюдія эта такимъ образомъ была сыграна въ присутствіи властей держащихъ и съ ихъ косвеннаго *tacito consensu*. Но если 9-е января смело со сцены столичной жизни пассивныхъ героевъ дня, то и главный активный герой, сжегшій уже всѣ свои корабли, долженъ былъ скрыться съ горизонта русской общественности и эмигрировать за предѣлы своего отечества. Теченіе событій шло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Ночь съ 8-го на 9-е января Гапонъ провелъ у одного рабочаго въ районѣ Нарвской части, подъ охраной одного преданнаго ему дѣятеля по рабочей организаціи. Утромъ въ 9 час. онъ пилъ чай, и тутъ еще можно было убѣдиться, что власти какъ будто не совсѣмъ еще были увѣрены въ исходѣ событій. Такъ, генераль Фуллонъ въ это время еще дѣлаетъ попытку поговорить съ Гапономъ о чемъ-то по телефону, и мѣстный приставъ, встрѣтивъ близъ его мѣста пребыванія его посланца, съ удивленіемъ восклицаетъ:

— А, такъ отецъ Георгій здѣсь!

Понявъ, что его могутъ въ концѣ концовъ заарестовать, Гапонъ покидаетъ свой пріютъ, идетъ къ центральному назначенному пункту сборища и отсюда, во главѣ громадной, все прибы-

вающей и пополняющейся толпы, двинулся послѣ 10 час. по направленію Нарвскихъ воротъ. Дабы придать религіозный характеръ процессіи, онъ распорядился насильно взять изъ ближайшей часовни образа и хоругви, которыхъ ему добровольно тамъ не отдавали, а также изъ рабочаго собранія большой портретъ государя, и при такой декоративной обстановкѣ двинулся въ путь. Впереди несли портретъ царя, во второмъ ряду, гдѣ стоялъ и онъ, иконы и хоругви, а сзади двигалась тихо и съ громкимъ пѣніемъ двадцатитысячная толпа изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, этихъ вѣчныхъ спутниковъ и соучастниковъ во всякихъ уличныхъ происшествіяхъ. Толпа пѣла «Спаси, Господи, люди твоя», но въ мѣстѣ упоминанія о государѣ Николаѣ Александровичѣ участвовавшіе въ пѣніи «соціалисты» замѣнили это обращеніе именемъ «Георгія Аполлоновича»... Полиція, конечно, очищала дорогу священнику-демагогу и его паствѣ, которую онъ велъ на явную гибель. Только въ двухстахъ шагахъ отъ самыхъ Нарвскихъ воротъ оказался прегражденнымъ путь и тутъ разыгрался первый актъ печальной драмы 9-го января, возобновлять въ памяти которую не станемъ. Послѣдовала атака казаковъ, потомъ слышались залпы, люди, обливаясь кровью, падали, склонялись къ землѣ во избѣжаніе пуль, ползали или въ безпорядкѣ дѣлали попытки продвинуться далѣе, и наконецъ все бросилось бѣжать вразсыпную. По свидѣтельству Гапона, онъ одинъ остался на мѣстѣ невредимымъ, и тутъ только отчаяніе овладѣло всѣмъ его существомъ. И вотъ въ этотъ-то моментъ чья-то рука быстро увлекла его въ одинъ изъ боковыхъ переулковъ. Очнувшись отъ страшнаго потрясенія, онъ увидалъ, что спаситель его—знакомый ему инженеръ съ одной изъ районныхъ крупныхъ фабрикъ, съ которымъ у него было свиданіе наканунѣ. Вслѣдъ затѣмъ къ нимъ подбѣжало еще трое или четверо знакомыхъ рабочихъ. Здѣсь и произошло перюдѣваніе Гапона. Инженеръ, имѣвшій у себя про запасъ ножницы, быстро остригъ ему волосы, котрые спутники тутъ же разобрали себѣ на память; рабочіе сняли съ него рясу и шляпу и одѣли его въ свое платье, послѣ чего, въ такомъ преобразованномъ видѣ, Гапонъ былъ отведенъ къ пріятелю инженера, гдѣ и получилъ донесеніе обо всемъ происшедшемъ въ этотъ день въ городѣ. Оставаться все время на одномъ мѣстѣ было небезопасно и герой дня при содѣйствіи друзей и знакомыхъ, ему сочувствовавшихъ, перемѣнял одно за другимъ мѣста пребыванія, видясь и ведя переговоры съ представителями разныхъ фракцій отечественной интеллигенціи относительно возможности и своевременности всеобщаго вооруженнаго возстанія въ Петербургѣ. Эта мысль всецѣло его поглощала, и онъ лично, повидимому, былъ глубоко убѣжденъ, что такое внезапное возстаніе возможно, но всѣ въ одинъ голосъ ему твердили, что планъ его неосуществимъ, и что никакое воз-

станіе сейчасъ не можетъ быть организовано. Назначеніе генераль-майора Д. Ѳ. Трепова на постъ с.-петербургскаго генераль-губернатора и наступленіе дней репрессивной политики склонили его наконецъ къ мысли, что пора уже покинуть Петербургъ, о чемъ его просили друзья и въ интересахъ его личной безопасности и безопасности тѣхъ, съ кѣмъ онъ находился въ сношеніяхъ. Ему обѣщано было постоянное сношеніе съ нимъ.

Прежде всего Гапонъ окончательно измѣнилъ свой внѣшній видъ, надѣлъ пенснъ, облачился въ статскій костюмъ и хорошее пальто и въ такомъ видѣ 12 января отправился на вокзалъ Царскосельской желѣзной дороги. Часть дороги его сопровождала знакомая дама, а на дебаркадерѣ ожидали два пріятеля. На обязанности одного лежало взять ему билетъ и незамѣтно ему его передать, а другого — слѣдить за полицейскими агентами и немедленно предупредить его на случай малѣйшей опасности. Для большей увѣренности у Гапона въ карманѣ лежалъ заряженный револьверъ, съ помощью котораго онъ рѣшился защищаться. «Выйдя изъ саней, я увидалъ, что вокзалъ полонъ жандармами и агентами полиціи въ статскомъ платьѣ, которые внимательно осматривали пассажировъ,—сообщаетъ онъ.—Нѣкоторые изъ нихъ останавливали на мнѣ въ упоръ свой пристальный взглядъ. Но было рѣшительно невозможно признать во мнѣ недавняго священника съ длинной бородой, котораго они такъ настойчиво разыскивали. Нѣкоторые жандармы прохаживались взадъ и впередъ точно по чьему-то слѣду. Мнѣ казалось, что самое лучшее имѣть беззаботный видъ, чтобы пройти незамѣтнымъ, и я въ этихъ видахъ смѣло остановилъ одного жандармскаго офицера съ просьбою дать мнѣ закурить. Онъ весьма любезно исполнилъ мою просьбу, а я, вѣжливо поблагодаривъ его за одолженіе, началъ прогуливаться по платформѣ, покручивая усы и придавая себѣ какой угодно видъ, но только не тотъ, чѣмъ я былъ въ дѣйствительности. Вдругъ я увидалъ моего пріятеля, который, пройдя совсѣмъ близко отъ меня, безмолвно и незамѣтно сунулъ мнѣ билетъ въ руку». Гапонъ сѣлъ въ одно отдѣленіе второго класса, его пріятель въ слѣдующее—между собою они не были знакомы. Поѣздъ тронулся, и столичная полиція потеряла изъ виду того, котораго она въ теченіе цѣлой недѣли сначала не рѣшалась арестовать, а потомъ не умѣла и не смогла. Недоставало только, чтобы онъ изъ окна вагона послалъ ей прощальный поцѣлуй!

Планъ путешествія былъ таковъ. На одной изъ станцій дороги, южнѣе Царскаго Села, оба путника вышли и, взявъ себѣ новые билеты, отправились въ другомъ направленіи и такимъ образомъ четыре раза мѣняли свой путь, въ сущности, однако, кружась на пространствѣ сравнительно небольшого района и въ недалекомъ разстояніи отъ Петербурга. Наконецъ, только ночью

они остановились на станціи назначенія, при чемъ слутникъ Гапона поѣхалъ назадъ въ Петербургъ, а самъ бѣглець отправился нанимать лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія въ одно изъ окрестныхъ лѣсныхъ помѣстій, гдѣ ему былъ предложенъ гостепріимный кровъ.

Обыватель, у котораго Гапонъ нанималъ нужныхъ лошадей, какъ будто съ нѣкоторою опаскою все же предварительно освѣдомился, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ указанное имѣніе.

— Я хотѣлъ бы купить имѣніе.

Немедленно настроеніе вопрошавшаго измѣнилось, и простодушный владѣлецъ экипажа снабдилъ мнимаго покупателя всѣми нужными ему объ имуществѣ свѣдѣніями: объ урожайности, рынкахъ сбыта и т. д., каковыя свѣдѣнія, конечно, были съ признательностью занесены въ записную книжку будущимъ новымъ помѣщикомъ. Повдно ночью усталый и продрогшій Гапонъ подѣхалъ къ нужной ему усадьбѣ, расположенной среди громаднаго густаго лѣса. Домъ, куда онъ вошелъ, и гдѣ его уже ожидали, былъ двухъэтажный, и гостю было отведено удобное помѣщеніе именно во второмъ этажѣ. Къ балкону, выходящему въ лѣсъ, была приставлена лѣстница, по которой, въ случаѣ необходимости, можно было, минуя наружные выходы, выйти изъ дома. Хозяинъ на слѣдующее утро заложилъ сани и прокатилъ своего гостя по лѣсу, дабы онъ ознакомился заранѣе съ дорогами на случай, если бы его мѣстопробываніе было открыто, и ему нужно было спастись бѣгствомъ.

Когда Гапонъ покидалъ Петербургъ, то между нимъ и его друзьями было условлено, что ему выплютъ два паспорта — одинъ для пробыванія въ Россіи, другой заграничный. Послѣднимъ онъ долженъ былъ воспользоваться, когда будетъ потеряна всякая надежда на народное широкое движеніе и возстаніе. Но дни и ночи протекали, а бѣглецу ниоткуда не поступало никакихъ вѣстей, никакой посылки. Цѣлую недѣлю длилась эта мучительная неизвѣстность. Еще дни онъ кое-какъ короталъ и, надѣвъ коньки, безъ усталости носился по лѣснымъ дорогамъ, но вотъ наступала страшная ночь, сонъ бѣжалъ отъ глазъ, и одна дума мрачнѣе другой, одна тревога за другою охватывали все его существо: ему казалось, что дѣло его въ Петербургѣ погубило навѣки, а его друзья и единомышленники не сумѣютъ или не смогутъ отвѣтить на насиліе и жестокость. Но вотъ, наконецъ, прибылъ и посолъ изъ Петербурга.

— Надо бѣжать немедленно, — объявилъ онъ: — мы получили точныя свѣдѣнія, что власти напали на вашъ слѣдъ.

И онъ обрисовалъ ему въ подробностяхъ положеніе дѣлъ. Оно показалось Гапону настолько мрачнымъ и безнадежнымъ, что онъ рѣшилъ немедленно бѣжать за границу, не ожидая даже паспорта, который долженъ былъ прибыть на слѣдующее утро. Иного рѣшенія онъ для себя не видѣлъ. Посолъ составилъ ему обстоятель-

ный маршрутъ и далъ адресъ контрабандиста, который долженъ былъ помочь ему перейти границу. Согласно маршруту, его путь намѣчался сначала на Псковъ; здѣсь онъ долженъ былъ взять билетъ на Варшаву; но, по прибытіи въ Вильну, направленіе мѣнялось; онъ возвращался на Двинскъ, и оттуда черезъ Ш... уже слѣдовало достигнуть границы. Поѣздъ на Псковъ отправлялся черезъ нѣсколько часовъ, медлить нельзя было ни одной минуты, и Гапонъ ночью двинулся въ путь.

Ночь была черная, снѣжная вьюга разыгралась во всю, а дорога была донельзя трудная; мѣстами буря навалила сугробы снѣга, въ другихъ вѣтеръ сдулъ совершенно снѣгъ, оставивъ лишь скользкую ледяную поверхность; лошади плелись, кучеръ съ трудомъ правилъ, еле различая дорогу. «Мнѣ начинало казаться,—говорить Гапонъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что вѣтеръ проникаетъ въ самый мозгъ моихъ костей и мало-по-малу я сталъ цѣпенѣть отъ холода. Былъ моментъ, когда я началъ галлюцинировать: мнѣ казалось, что цѣлая туча нечистыхъ духовъ увлекаетъ насъ въ круговоротъ дьявольской пляски». Хотя станція была всего въ нѣсколькихъ верстахъ, но ему мнилось, что протекла цѣлая вѣчность, онъ сталъ кричать кучеру, но тотъ, окутанный въ темноту ночи, ничего за бурю не слышалъ. Вдругъ лошади остановились, и кучеръ, нагибаясь къ нему, промолвилъ:

— Баринъ, мы заблудились.

— Что же дѣлать?—въ отчаяніи воскликнулъ Гапонъ.

— Подождите, баринъ, я попытаюсь найти дорогу.

И съ этими словами кучеръ снова слѣзъ съ козелъ и исчезъ въ темнотѣ. Хотя его отсутствіе длилось всего нѣсколько минутъ, онъ показался несчастному путешественнику, изнервничавшемуся, замерзшему и чужавшему чуть ли не погоню за плечами, цѣлою вѣчностью. Наконецъ, дорога была найдена, и лошади съ невѣроятными усилиями поплелись далѣе. Но вотъ и станція, куда они запоздали на цѣлые семь часовъ. По счастью, желѣзнодорожные заносы задержали и поѣздъ, такъ что путешественникъ не только не пропустилъ нужнаго времени, но ему еще пришлось нѣсколько подежурить на станціи. Въ Псковѣ онъ долженъ былъ измѣнить маршрутъ. Остановившись на станціи, гдѣ до слѣдующаго поѣзда надо было ждать цѣлыхъ семь часовъ, чтобы не пропустить нужной корреспонденціи, онъ вскорѣ, однако, былъ встревоженъ показавшимися ему подозрительными шагами станціоннаго жандарма. Ему чужалось, что его караулятъ и за нимъ слѣдятъ на каждомъ углу. Отсутствіе паспорта дѣлало положеніе еще болѣе тревожнымъ: при опросѣ его личности онъ могъ быть немедленно арестованъ. Тогда Гапонъ, давъ необходимыя указанія носильщику, покинулъ станціонный залъ и отиравился въ самый городъ. Здѣсь онъ наскоро закусилъ, погулялъ по

улицамъ и снова вернулся на станцію; ждать, однако, приходилось еще цѣлыхъ два съ половиною часа. Легши на диванъ, онъ уже началъ крѣпко засыпать, когда вдругъ, точно подъ влияніемъ магнетическаго тока, онъ почувствовалъ потребность открыть глаза: въ него вперился пристальный инквизиторскій взглядъ незнакомаго человѣка. Послѣдній былъ въ статскомъ платьѣ, съ сухимъ крючковатымъ носомъ и взоромъ интеллигентной ищейки и отгадчика чужихъ мыслей. Мысль, что это сыщикъ, какъ молнія, промелькнула въ его мозгу, но, не обнаруживъ своего волненія, онъ спокойно всталъ съ дивана, прошелъ мимо наблюдателя и перешелъ въ залъ третьяго класса. Но и тутъ онъ не нашелъ покоя: не успѣлъ онъ расположиться на деревянномъ диванѣ, опустить вѣки, какъ снова пристальный взоръ таинственнаго незнакомца привелъ его въ нервное разстройство. А тутъ еще прибытіе жандарма, съ которымъ тотъ обмѣнялся дружескимъ рукопожатіемъ. Было очевидно, что путешественнику грозитъ опасность, и хотя пока еще мѣръ къ его задержанію не принималось, но это могло случиться по дорогѣ, на ближайшей станціи, гдѣ къ нему могли присоединиться его единомышленники,—такъ рисовалась послѣдовательность будущихъ событій въ его болѣзненно настроенномъ воображеніи. Подтверженіемъ этой догадки служило и то, что его преслѣдователь о чемъ-то началъ шептаться съ носильщикомъ и внимательно разсматривать его билетъ.

Снова пришлось, садясь въ поданный поѣздъ, продефилировать мимо жандармовъ и явственно слышать роковой вопросъ и отвѣтъ:

— Онъ самый?

— Да.

Поѣздъ двинулся; онъ еще на свободѣ, но не оставалось сомнѣнія, что сыщикъ могъ телеграфировать въ Варшаву или на какуюнибудь промежуточную станцію, и въ результатѣ онъ въ каждый данный мигъ могъ быть задержанъ. Спрыгнуть съ поѣзда? Но въ отдѣленіи сидятъ пассажиры, и объ этомъ сейчасъ нечего было думать; но вотъ они одинъ за другимъ сходятъ по станціямъ. Тогда, справившись съ путеводителемъ, по какой мѣстности мчится поѣздъ, онъ рѣшаетъ сойти на станціи С..., отстоящей недалеко отъ маленькаго города Ш...

— Будь, что будетъ,—рѣшилъ онъ.—Попробую счастье!

На одной изъ станцій въ вагонъ вошелъ одинъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, съ открытымъ и простымъ лицомъ, типъ человѣка, съ которымъ Гапонъ умѣлъ ладить. Они были въ отдѣленіи одни, и онъ приступилъ къ выполненію своего плана.

— Куда ѣдете?

— Въ С...

— Вотъ какъ! и я туда же. Я собственно направляюсь туда по дѣлу достаточно серіозному. Впрочемъ, почему и не сказать,

какое дѣло. Видите ли... дѣло идетъ о свадьбѣ. Только я не знаю, гдѣ мнѣ остановиться. Не будете ли любезны дать добрый совѣтъ?

Спутникъ отвѣтилъ, что онъ—мѣстный уроженецъ, и можетъ съ закрытыми глазами указать любой домъ. Гапонъ объяснилъ тогда, въ чемъ заключается его мнимое затрудненіе: онъ хотѣлъ застать свою невѣсту врасплохъ, чтобы имѣть полную возможность убѣдиться, что все именно такъ, какъ ему то описывали.

— Я знаю,—добавилъ онъ въ заключеніе,— тутъ будутъ знакомые, которые желаютъ меня встрѣтить на дебаркадерѣ. Я хотѣлъ бы избѣгнуть этой встрѣчи. Нельзя ли пройти какимъ нибудь заднимъ ходомъ, чтобы, однако, не быть замѣченнымъ?

Сначала онъ было предложилъ Гапону остановиться у него, но потомъ рѣшилъ, что тамъ будетъ черезчуръ людно, и остановился на сосѣднемъ постояломъ дворѣ. Ему былъ обѣщанъ полтинникъ за услугу и за переноску багажа. Онъ оказался въ восторгѣ отъ щедрости, и когда путешественники подѣхали къ станціи, онъ схватилъ вещи, сдѣлалъ Гапону знакъ слѣдовать за нимъ, и они незамѣтно проскользнули въ темный проходъ. Служащій еще разъ измѣнилъ планъ остановки и, наконецъ, рѣшилъ отвести его къ одному знакомому поляку: «славный малый, а жена его достойная женщина»,—такова была характеристика будущаго хозяевъ Гапона. Дома оказалась одна жена, и она своимъ гостепріимствомъ дѣйствительно оправдала данную ей аттестацію. Вскорѣ пришелъ и мужъ. «Мы разболтались,—повѣствуетъ Гапонъ,—хотя уже былъ часъ ночи. Чѣмъ ближе я ихъ изучалъ, тѣмъ болѣе приходились они по сердцу. Я осторожно началъ ихъ испытывать по разнымъ вопросамъ, и, наконецъ, когда мы коснулись именно польскаго вопроса, я успѣшилъ выразить полное свое сочувствіе этой несчастной странѣ и незаслуженнымъ страданіямъ ея народа. На глазахъ моего хозяина показались слезы.

— «Я вижу, что вы любите вашу отчизну,— замѣтилъ я.—Какъ поступили бы вы, если бы я попросилъ васъ спасти человѣка, который сдѣлалъ попытку не на словахъ только, но и на дѣлѣ, практически, облегчить судьбу русскаго народа и потрудиться во имя эмансипаціи всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Россіи?

— «Для такого человѣка,—воскликнулъ онъ,— я сдѣлалъ бы все отъ меня зависящее!

— «Ну, такъ вотъ этотъ человѣкъ передъ вами. Полиція настаиваетъ меня по пятамъ. Мнѣ необходимо перейти границу и покинуть страну. Желѣзнодорожный путь для меня небезопасенъ, и надо на саняхъ доѣхать до города N.... Это далеко отсюда?

— «Приблизительно въ двухъ стахъ верстахъ.

— «Не можете ли вы проводить меня?

— «Хоть на край свѣта.

На слѣдующій день рано утромъ онъ провелъ Гапона къ жида, гдѣ были наняты лошади и сани. Было страшно холодно, когда путники двинулись въ дорогу. Хотя на Гапонѣ было и столичное пальто, но оно мало грѣло, и полякъ закуталъ его въ бурку. Съ этой стороны путешествіе облегчалось, но зато ихъ постигло новое — они все сбивались съ дороги. Въ ближайшемъ селѣ, куда они съ трудомъ доѣхали, они немного отдохнули и отправились далѣе уже безъ жида. Такъ двигались они отъ деревни до деревни, оставливаясь въ самыхъ бѣдныхъ избахъ и питаясь простымъ хлѣбомъ съ колбасой, запивая эту скудную ѣду неизмѣнной водкой. Въ одной корчмѣ они натолкнулись на жандарма и поспѣшили поскорѣе далѣе, не покормивъ даже лошадей. Гапонъ рѣшилъ платить дороже возницамъ, лишь бы скорѣе достичь границы.

Въ слѣдующей корчмѣ они остановились дать отдыхъ лошадямъ. Хозяинъ изъ мѣстныхъ евреевъ долго присматривался къ своему гостю и наконецъ рѣшился обратиться въ нему съ словами:

— Послушайте, я понимаю, въ чемъ дѣло. Вашъ настоящій кучеръ человекъ неподходящій. Не отпускайте его, однако, до деревни К..., а тамъ рассчитайте его. Я вамъ отъ себя дамъ адресъ такого мѣста, гдѣ вы найдете все необходимое.

Еврей съ удивительной проникательностью разглядѣлъ въ немъ будущаго эмигранта, стремящагося всѣмъ сердцемъ къ желанной границѣ. Это тронуло Гапона, и онъ рѣшилъ его отблагодарить за участіе деньгами, но еврей оттолкнулъ протянутую руку и съ гордостью промолвилъ:

— Тутъ не въ деньгахъ дѣло!

Такимъ образомъ, они достигли въ полной безопасности нужной деревни К..., и бѣглець вмѣстѣ съ своимъ другомъ-полякомъ, отпустивъ кучера, отправились по указанному ему адресу. Новый хозяинъ оказался тоже евреемъ, и обѣ его дочери принялись прислуживать. Все семейство несомнѣнно догадалось, что передъ ними бѣглець, и съ полнымъ сочувствіемъ и доброю оказывали ему всяческое вниманіе. Къ тому времени стихла бушевавшая въ теченіе двухъ дней буря, погода прояснилась, показалось солнце. Путникамъ подали отличную жареную утку; вкусное блюдо, пріятная теплота въ комнатѣ, освѣщенной лучами солнца, гостеприимство хозяевъ, все это, вмѣстѣ взятое, было своего рода улыбкою судьбы, посланной бѣглецу въ награду за три страшныхъ предшествовавшихъ дня путешествія. Скоро еврей привелъ и своего племянника, который долженъ былъ везти ихъ дальше. Новый проводникъ псказался человекомъ средняго возраста, крѣпкимъ и смышленнымъ. Въ то время, какъ компанія преспокойно сидѣла за обѣденнымъ столомъ, и путники начали уже полегоньку готовиться въ путь, въ дверяхъ показалась фигура жандарма.

— О, чтобъ тебя чортъ подралъ!—проворчалъ еврей, и тутъ же, однако, прибавилъ:— но не безпокойтесь—тутъ все дѣло въ трехъ рубляхъ.

Жандармъ присоединился къ компаніи. Гапонъ предложилъ ему покурить, и вскорѣ завязался общій дружескій разговоръ. Немного спустя, хозяинъ корчмы отозвалъ въ сторону незваного гостя, прошепталъ ему на ухо и тихонько сунулъ что-то въ руку. Лицо жандарма распустилось въ улыбку, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся на свое мѣсто. Поболтавъ еще немного, онъ наконецъ поднялся и, крѣпко пожавъ Гапону руку, простился съ нимъ со словами:

— Очень пріятно было познакомиться, желаю вамъ благополучнаго успѣха, сударь.

Оказалось, что въ этой деревнѣ размѣщено восемь жандармовъ, являющихся непосредственными соучастниками контрабанднаго ремесла. Съ cadaго человѣка, направляющагося черезъ деревню къ границѣ, они взимали по три рубля, которые шли у нихъ въ общій дѣлежъ. Изъ этого косвеннаго обложенія составлялся, конечно, въ результатѣ въ ихъ пользу очень почтенный доходъ, который ими, однако, не употреблялся на дѣло трезвости.

Подали лошадей, и Гапонъ съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ помчался далѣе. Вскорѣ онъ убѣдился, что въ его кучерѣ съ полной гармоніей сливаются два качества—отлично править лошадьми и безудержно пить водку. Около каждой монопольки онъ требовалъ остановки, и тутъ уже приходилось терпѣливо ожидать, пока онъ не освѣжится.

Передъ отбѣздомъ хозяинъ корчмы далъ имъ самый обстоятельный маршрутъ, съ указаніемъ, гдѣ надо перепрячь лошадей и какія села слѣдуетъ объѣзжать кругомъ, дабы не натолкнуться на полицейскіе посты. Денно и ночью, безъ отдыха мчались они по лѣсистой и холмистой мѣстности, нѣсколько разъ сбивались съ дороги и вынуждены были обращаться къ встрѣчнымъ крестьянамъ за помощью. Наконецъ, они достигли деревушки, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы. Здѣсь Гапонъ и полякъ братски обнялись и распростались, какъ самые близкіе люди. Гапонъ немедленно разыскалъ того самаго человѣка, на котораго ему было указано друзьями въ Петербургѣ, и который долженъ былъ провести его черезъ границу. Въ послѣднемъ сразу можно было разглядѣть опытнаго и вѣрнаго проводника. Нѣсколько часовъ онъ провелъ у него, а ночь по сосѣдству у другого мѣстнаго жителя; но у перваго онъ оставилъ свой багажъ, который ему должны были перебросить по ту сторону границы, если бы ему самому удалось ее перешагнуть. На утро онъ переодѣлся въ крестьянское платье и отправился вмѣстѣ съ семействомъ контрабандиста въ деревушку Т..., расположенную у самой границы. Было

воскресенье, и люди ѣхали въ церковь, но, пока шла служба, Гапонъ оставался въ одной изъ избъ, гдѣ онъ долженъ былъ нѣсколько отдохнуть. Этотъ отдыхъ чуть не стоилъ ему жизни и не явился послѣднимъ часомъ его земного существованія.

Дѣло въ томъ, что по случаю зимняго холода крестьяне почти герметически закупориваютъ свои избы, вставляютъ двойныя окна и тщательно забиваютъ всякую щель и отверстія. Комната, которую ему отвели, была донельзя натоплена, и онъ, разомлѣвшись отъ жары, заснулъ свинцовымъ сномъ. Когда, два часа спустя, за нимъ пришли изъ церкви его проводникъ съ своими двумя братьями и тестемъ, они нашли его въ полуобморокѣ. Очевидно, онъ угорѣлъ. Быстро раскрыли двери настежь, провентилировали комнату, а его самого вытащили на дворъ, гдѣ онъ наконецъ и пришелъ въ себя. Какъ только ему полегчало, они всѣ сѣли въ сани и подѣхали къ дому, стоявшему совсѣмъ близко у границы. Тутъ онъ былъ переданъ на руки молодого поляка, который, однако, не оказалъ на высотѣ оказаннаго ему довѣрія. Вотъ какъ описываетъ Гапонъ послѣдніе дни своего пребыванія въ Россіи.

«Чтобы понять все, что произошло, — повѣствуетъ онъ, — надо сказать, что вся западная русская граница заселена контрабандистами. Иногда они входятъ въ соглашеніе съ часовыми, чтобы по секрету пропустить какъ людей, такъ и товары. Вечеромъ они собираютъ желающихъ покинуть Россію безъ паспорта, и часовой получаетъ отъ одного до трехъ рублей за бѣглеца. Такимъ образомъ истинная опасность заключалась скорѣе въ полицейскихъ чинахъ, живущихъ въ сосѣднихъ деревняхъ, нежели въ часовыхъ, если только не было произведено ихъ смѣны. Въ послѣднемъ случаѣ, если не произошло предварительнаго соглашенія, новые часовые выполняютъ въ точности свой долгъ и стрѣляютъ въ бѣглецовъ. Часто и изъ Петербурга посылаютъ сюда спеціальнаго агента по слѣдамъ какого нибудь бѣглеца, и тогда всякія мѣры предосторожности и предупрежденія бесполезны.

«Прежде большая часть лицъ, переходящихъ такимъ способомъ границу, состояла изъ мѣстныхъ крестьянъ или ремесленниковъ, евреевъ, поляковъ или литовцевъ, въ конецъ измучившихся тѣми административными ограниченіями, которыми связаны эти племена, и воздыхающихъ о свободныхъ странахъ, преимущественно объ Америкѣ. Получить паспортъ это значить сразу широко разбросать деньги не только на уплату налоговъ, но и на «чай» и «водки», безъ которыхъ въ Россіи не выполняется ни одна формальность. Всѣ эти расходы превышаютъ двадцать рублей, а такъ какъ бѣдники никогда не рѣшатся на такой расходъ, то они и предпочитаютъ путь менѣе дорогой, но часто куда и болѣе опасный, какъ, на примѣръ, путь нелегальный. Впрочемъ за послѣдніе годы счетъ этихъ тайныхъ цобѣговъ содержитъ въ себѣ значительную

пропорцію политическихъ бѣглецовъ, рекрутовъ и запасныхъ, стремящихся избѣгнуть воинской повинности. Для послѣднихъ нѣтъ способовъ получить на законномъ основаніи паспортъ, хотя нѣкоторые и добываютъ себѣ таковой фальшивый; другіе широко оплачиваютъ услуги контрабандистовъ, которые и ставятъ въ данномъ случаѣ большую и опасную ставку. Дѣйствительно, если контрабандиста ловятъ въ этомъ случаѣ на мѣстѣ преступленія, онъ попадаетъ въ тюрьму, подвергается строгой карѣ, а семья его совершенно разоряется. Быть можетъ, онъ и дѣйствуетъ подъ давленіемъ соблазна большой суммы денегъ, если только онъ, конечно, самъ не принадлежитъ къ революціонной партіи, и если онъ не посвящаетъ себя этому опасному ремеслу изъ сознанія своего долга.

«Контрабандные товары, а въ томъ числѣ и революціонная литература, препровождаются черезъ границу такимъ же способомъ. Это дѣло тоже щекотливое и опасное, но въ особенности прибыльно. Напримѣръ, чтобы провести на территорію государства пудъ брошюръ или запрещенныхъ журналовъ, надо по меньшей мѣрѣ заплатить 130 франковъ (48 рублей 75 коп.), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вдвое. И если только подумать о тюкахъ пойманныхъ журналовъ, или брошенныхъ контрабандистами въ рѣки или попросту ими оставленныхъ на произволъ судьбы, то можно себѣ представить, какой значительный расходъ несутъ на себѣ въ данномъ случаѣ революціонныя партіи, особенно если принять во вниманіе все возрастающій спросъ на эти запрещенные журналы и книжки».

Время протекало, а проводникъ Гапона, удалившійся, чтобы перетолковать съ часовымъ по его поводу, все не возвращался. Оказалось, что они водкой утоляютъ свою жажду, которая, однако, все возрастала по мѣрѣ опрокидываемыхъ стакановъ. Когда онъ наконецъ объявился, то оказался мертвецки пьянымъ, такъ что рассчитывать на него не было никакой возможности. Изъ упрековъ, которыми члены семейства его осыпали, нашъ бѣглецъ понималъ, что тотъ пропилъ всѣ деньги, которыя ему были вручены, но пьяницѣ было мало дѣла до упрековъ: онъ, какъ снопъ, свалился въ углу и храпѣлъ. Когда онъ черезъ нѣсколько часовъ проснулся, то оказалось, что произошла смѣна часовыхъ; эта вѣсть обезкуражила семейство контрабандиста, почувствовавшего всю свою вину передъ Гапономъ; нечего было дѣлать, пришлось вторично здѣсь переночевать.

«Рано утромъ проводникъ разбудилъ меня, — повѣствуетъ Гапонъ, — и пригласилъ слѣдовать за нимъ; на этотъ разъ у него росинки не было во рту. Мы захватили съ собою мальчика лѣтъ двѣнадцати. Только что мы принялись пробираться, какъ встрѣтили товарища моего проводника,

— «Нечего и думать перейти теперь границу,—сказаль онъ.— На пограничномъ посту стоятъ два солдата, и оба совершенно незнакомые; васъ навѣрняка схватятъ.

«Но я настаиваль во что бы то ни стало продолжать путь, находя, что и безъ того слишкомъ запоздалъ.

«Густой туманъ разстился по долиня. Всего лишь сто метровъ отдѣляло насъ отъ металлической изгороди, составляющей русско-германскую границу. Мой проводникъ отказался итти далѣе, и я остался одинъ съ мальчикомъ. Послѣднія избы деревушки попадались навстрѣчу: мы пробирались отъ одной до другой, чтобы скрыться за ихъ стѣнами. Я понималь, что опасность неминуема, и держаль свой револьверъ наготовѣ.

«Вдругъ мальчикъ схватился за мою руку съ крикомъ:

— «Свади насъ солдатъ!

«И тотчасъ я услышалъ окрикъ.

— «Стой!

«Истинктивно обернувшись, я замѣтилъ въ сорока метрахъ позади настигающаго насъ солдата. Онъ бѣжалъ по глубокому снѣгу со всѣхъ ногъ. Мы удвоили свой бѣгъ, но солдатъ продолжалъ наступать: вотъ, вотъ онъ долженъ насъ догнать, я уже чувствовалъ его позади себя, какъ вдругъ онъ скользнулъ и растягивается въ снѣгу во всю длину своего туловища. Никогда въ жизни я еще не видаль такой счастливой и своевременной случайности!

«Черезъ минуту мы уже проскользнули подъ колючей стальной проволокой, которая именно и служила пограничной линіей, и въ первый разъ въ жизни моя нога коснулась чужестранной земли.

«Съ мучительной тоской ожидалъ я выстрѣла, но тишина царила надъ окрестностью, и мы могли спокойно продолжать свой путь. Въ тотъ моментъ я былъ глубоко изумленъ, что меня пощадили, но позже я узналъ, что за мѣсяцъ передъ тѣмъ пуля, пущенная русской пограничной стражей, попала въ бѣглеца на чужой землѣ. Прусскіе часовые донесли объ этомъ по начальству, и этотъ инцидентъ осложнилъ отношенія между сосѣдними властями; послѣ этого русскимъ часовымъ были даны на сей предметъ строжайшія распоряженія.

«Но тогда я этихъ подробностей не зналъ, и мы съ мальчикомъ продолжали бѣжать, описывая по снѣгу зигзаги, чтобы помѣшать нашему врагу имѣть насъ на виду. Нашей цѣлью былъ домъ, силуэтъ котораго обрисовывался въ отдаленіи. Не останавливаясь, я бросилъ своему юному спутнику вопросъ:

— «Что здорово, небось, струсилъ?»

«Но онъ отвѣтилъ съ гнѣвной дрожью въ голосъ:

— «Мнѣ бояться солдатъ? Никогда.

«Домъ, куда мы прибыли, принадлежалъ нѣмцу, который оказался человѣкомъ сострадательнымъ и гостепримнымъ. Онъ снаб-

диль меня другимъ платьемъ, взаимѣнъ бывшаго на мнѣ; мнѣ дали пару лошадей и сани, и хозяйка сама согласилась проводить насъ, меня и моего молодого спутника до ближайшей харчевни, отстоявшей приблизительно въ пятистахъ метрахъ. Въ эту харчевню именно контрабандистъ долженъ былъ доставить мнѣ мой багажъ.

«Наконецъ-то впервые послѣ долгаго времени я могъ свободно вздохнуть... Когда мы немножко покормились, я отпустилъ своего юнца, давъ ему пятирублевую бумажку, которую онъ тщательно засунулъ въ подкладку своего платья. На прощанье я его нѣжно поцѣловалъ.

«Что касается себя лично, то я рѣшилъ обождать здѣсь мой чемоданъ.

«Часа два спустя, явился въ харчевню здоровенный мужчина съ надменнымъ видомъ и, приблизившись ко мнѣ, началъ осаждать меня вопросами по-русски.

— «Куда вы ѣдете?

«Или:

— «Ну, что тамъ, въ Петербургѣ?

«Я заявилъ, что ничего не знаю о событіяхъ въ столицѣ. Тогда онъ, еще сильнѣе наступая, спросилъ, кто я такой.

— «Я бѣглый солдатъ!—смѣло отвѣтилъ я ему.

— «А!—замѣтилъ онъ:—въ такомъ случаѣ я приведу сюда кое-кого изъ вашихъ земляковъ, которые будутъ въ восторгѣ съ вами повидаться.

«И онъ вышелъ изъ харчевни.

«Хозяйка сдѣлала мнѣ знакъ пальцемъ и пробормотала:

— «Несчастный, вѣдь это—агентъ русской полиціи! Вамъ только и осталось бѣжать, какъ можно скорѣй!

«Она успѣшила приказать кучеру немедленно запрячь лошадей, но не успѣла она вернуться, какъ толстый мужчина снова появился, но уже въ сопровожденіи двухъ спутниковъ. Мнѣ дѣйствительно говорили, что Германія выдаетъ дезертировъ, но этотъ предлогъ выдачи, увѣряю въ томъ, выскочилъ у меня такъ же легко изъ одного уха, какъ въ другое проникъ.

«Бѣгство было настоятельно. Скользнувъ взглядомъ за окно, я увидѣлъ, что лошади были уже въ упряжи. Въ это время хозяйка, отперевъ дверь залы, вступила съ вошедшимъ въ бесѣду и, глядя на него въ упоръ, бросила ему:

«— Да, вѣдь, у меня есть письмо для васъ.

«И въ то же время она мнѣ сдѣлала незамѣтный знакъ, который я понялъ. Пока она повела полицейскаго въ сосѣдній залъ, я тоже поднялся, какъ будто слѣдуя за ними, но, добдя до двери, я быстро выскочилъ изъ дома, бросился въ сани, и мы понеслись.

«Обернувшись, я еще могъ увидѣть толстаго человѣка; онъ бросился на улицу, но, увы, онъ не нашелъ ни саней, ни лошадей,

ни бѣглаго солдата, а скоро я совсѣмъ скрылся изъ вида; лошади мчали меня что есть мочи въ Тильзитъ».

Гапонъ былъ внѣ опасности, и остальной его путь обошелся безъ приключеній. Прибывъ на мѣсто, онъ прежде всего обрлся, послѣ чего проводникъ провелъ его къ одному молодому человѣку, къ которому у него была рекомендація отъ петербургскихъ друзей. Въ его домѣ онъ нашелъ всюду русскія революціонныя брошюры. Любопытство его было этимъ до крайности возбуждено, но, увы, онъ не могъ его удовлетворить: хозяинъ ни слова не говорилъ по-русски, а Гапонъ только на родномъ языкѣ и могъ объясняться. Наконецъ нашли г. Н., переводчика-посредника, и тогда лишь онъ понялъ, что попалъ въ самый настоящій революціонный очагъ. Поминутно входили и уходили разные люди, перевязывали пакеты съ прокламаціями и тайносно ихъ уносили.

Гапону было въ высшей степени интересно узнать, насколько его хозяинъ знаетъ уже о немъ, и что именно ему было извѣстно о священникѣ Георгіи Гапонѣ.

«Наконецъ я рѣшился открыться ему»,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи.

— «Объщайтесь мнѣ сохранить въ тайнѣ секретъ, который я вамъ сообщу.

— «Клянусь вамъ быть молчаливымъ»,—серьезно отвѣтилъ тотъ

— «Итакъ, знайте же, я — священникъ Гапонъ.

«Онъ вздрогнулъ и началъ задавать мнѣ вопросы; повидимому, онъ сомнѣвался въ правдивости моего заявленія. Но я съ улыбкой убѣдилъ его въ томъ».

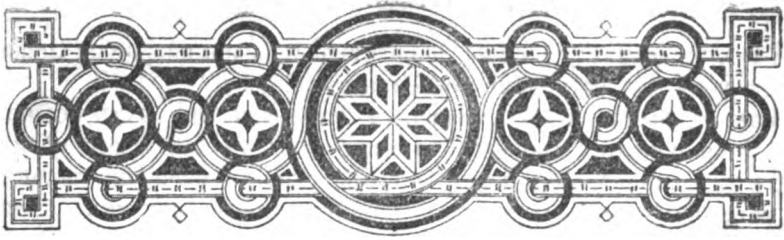
Оказалось, что новый знакомый и переподчикъ составляли социаль-демократическое отдѣленіе Бунда. Скоро Гапона снабдили необходимымъ паспортомъ, и онъ безъ замедленія, въ сопровожденіи Н., поспѣшилъ въ Берлинъ. Отдохнувъ ночь въ столицѣ Германіи, онъ направился въ Швейцарію.

«Черезъ 24 дня я очутился свободнымъ человѣкомъ въ странѣ свободы».

Этимъ кончается та часть автобіографіи, которая пока появилась въ «Le Monde Moderne», и этими признаніями вполне исчерпывается вопросъ, какъ и какимъ путемъ удалось русскому демагогу новѣйшаго времени ускользнуть изъ рукъ растерявшейся полиціи, которая постоянно оказывалась на чеку его слѣдовъ и все никакъ не могла его настичь. Очевидно, помимо всего прочаго, надъ головою бывшаго священника пересыльной тюрьмы повисла своего рода звѣзда счастья: даже простой часовой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него скользнуть въ сугробъ снѣга, и судьба бережетъ его какъ будто для какой-то новой загадочной дѣятельности...

Г. Л. И.

ДВѢ МУЧЕНИЦЫ.

О 1866 г. на Дону не было, кромѣ казенныхъ «Войсковыхъ Вѣдомостей», ни одной частной газеты. Подъ сильнымъ вліяніемъ освобожденія крестьянъ, новыхъ судебныхъ уставовъ, положенія о земскихъ учрежденіяхъ и, особенно, устава о печати 1866 г., я совмѣстно съ нѣкоторыми товарищами задумалъ издавать частную газету въ Новочеркасскѣ. Небольшія средства для этого дѣла далъ одинъ донской откупщикъ, а бывшіе въ то время донскіе атаманы Граббе и Потаповъ, благосклонно взглянувъ на такое начинаніе, исходатайствовали разрѣшеніе на изданіе первой газеты, которая названа «Донскимъ Вѣстникомъ», и первый номеръ ея, напечатанный въ Ростовѣ на Дону въ (Новочеркасскѣ не было ни одной порядочной типографіи), вышелъ 1 іюля 1866 г. По началу, пока газета находилась подъ цензурствомъ атаманскаго чиновника, все шло гладко и хорошо. Не желая сноситься съ Ростовомъ, мы выписали изъ Петербурга ручной станокъ и подлежащее количество шрифтовъ. Подписчиковъ было не много, но насъ это не смущало, такъ какъ сотрудники и корреспонденты, въ большинствѣ, были бесплатные, а мы, заправители, лѣзали изъ кожи вонъ лишь бы только лучше установить любимое дѣтище. Первые два года не на что было жаловаться, и мы возмнили, что такъ будетъ и впредь. Но вскорѣ начались тычки и затрецины, сначала мало болѣзненные, а потомъ все болѣе и болѣе тяжкіе. Приѣзжаетъ одно большое лицо, посѣтившее всѣ Ново-

Черкасскія учрежденія и многихъ мѣстныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Корреспондентъ, сообщившій въ газету объ этихъ посѣщеніяхъ, почему-то не упомянулъ, что лицо было у мѣстнаго преосвященнаго, которымъ былъ тогда Платонъ, впоследствии митрополитъ кіевскій. Обидѣвшись такимъ неупоминаніемъ, преосвященный пишетъ письмо атаману, который вслѣдствіе этого приказываетъ цензору и редактору отправиться къ владыкѣ и испросить прощенье, что, разумѣется, и было исполнено. Такіе обидные для самолюбія уколы начали чувствоваться чаще и чаще; недоразумѣнія съ цензорами усилились: статьи самаго безобиднаго свойства начали сокращаться до неузнаваемости, и имѣвшійся въ редакціи богатый матеріалъ скоро сталъ бѣднымъ. Когда же въ первой половинѣ 1869 г. и главное управленіе по дѣламъ печати усмотрѣло въ газетѣ что-то особенное и дало знать объ этомъ атаману, то мѣстная цензура стала еще строже, и редакція «Донскаго Вѣстника» скоро увидѣла себя припертою къ стѣнѣ. Интересна бумага главнаго управленія по дѣламъ печати, которую атаманъ процитировалъ въ отношеніи на имя редактора для свѣдѣнія. Приводимъ ее цѣликомъ. «Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, отъ 1 сего марта, за № 672, увѣдомилъ меня, что въ фельетонѣ № 2 газеты «Донской Вѣстникъ» помѣщена статья «Съ перекладной и изъ вагона», въ которой неизвѣстный авторъ, сообщая свои впечатлѣнія во время поѣздки изъ Новочеркаска въ Петербургъ, говоритъ, между прочимъ: «Петербургъ обнялъ меня своими холодными казенными руками... за тройную цѣну я отправился смотрѣть «Прекрасную Елену» — эту полупохабную дребедень... Въ концѣ 2 акта, когда Шарисъ цѣлуетъ сонную Елену, съ небеснаго рая слышатся такіе звуки поощренія, что незнакомому съ бытомъ заводскихъ лошадей и понять трудно».

«Въ продолженіи того же фельетона (№ 3) авторъ нападаетъ, съ неприличными намеками, на административныхъ дѣятелей Западнаго края—«мировыхъ посредниковъ и другихъ блаженныхъ, залетныхъ воронъ, ищущихъ должностей за 1.000 верстъ, съ цѣлью поживиться». Авторъ заключаетъ, что названіе «Привислинскія губерніи» не вѣрно, что ихъ надо бы назвать «Странами системъ», господствующихъ тамъ попеременно и зависящихъ отъ каждаго новаго администратора».

«Совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати, разсмотрѣвъ означенные фельетоны, находитъ, что они не должны были быть пропущены цензоромъ, какъ выходящіе изъ программы журнала и вообще неприличные въ подцензурномъ провинціальномъ изданіи».

Затѣмъ придирки къ газетѣ усилились до смѣшнаго: редактору приходилось выслушивать распеканія за фельетоны изъ станичной жизни, гдѣ дѣйствующія лица изъ числа казаковъ и казачекъ казались мѣстнымъ соглядатаямъ членами высшаго новочеркас-

скаго общества; даже одна донская народная пѣсня отнесена была на счетъ одной высокопоставленной пары. Когда къ распеканіямъ присоединились угрозы самаго положительнаго свойства, и цензура, вслѣдствіе этого, удвоила свою бдительность и осторожность, а къ тому же всѣ гласные и негласные редакторы были служащія лица, которымъ угрожали и третьи пункты, и административныя высылки, то мы, опасаясь за собственныя шкуры, порѣшили оставить свое дѣло, и «Донской Вѣстникъ» прекратилъ существованіе въ началѣ 1869 г. На прощанье съ читателями мы представили въ цензуру небольшую статью, гдѣ однихъ благодарили за сочувствіе газетѣ и за нравственную ей поддержку, у другихъ просили извиненія за наши, можетъ быть, ошибочныя воззрѣнія на ихъ поступки, но и здѣсь цензура, заподозрѣвъ нашу искренность, хорошо погуляла краснымъ карандашомъ...

Но это «правильное» удушеніе печатнаго органа почти не сопровождалось истязаніями, доставшимися его младшей сестрѣ, появившейся на свѣтъ въ Новочеркасскѣ отъ тѣхъ же родителей чрезъ три года послѣ смерти «Донскаго Вѣстника». Утверждаютъ же, что кто износитъ на театральной сценѣ только одну пару сапоговъ или ботинокъ, тотъ никогда уже не сойдетъ съ этой сцены; точно то же можно сказать и относительно газетнаго дѣла: мы три съ половиною года простояли около него и заразились его ядомъ въ такой степени, что всѣ другія занятія намъ казались противными. Въ продолженіе трехлѣтняго антракта нѣкоторые изъ насъ сдѣлались корреспондентами столичныхъ газетъ, но это мало удовлетворяло насъ: мелочи мѣстной жизни, имѣющія мало интереса для читающей Россіи, или вовсе не попадали въ печать, или появлялись съ большими урѣзками, а изъ мелочей, какъ извѣстно, слагается почти вся жизнь, а въ особенности въ отдаленныхъ отъ столицъ уголкахъ государства. Такая дѣятельность, говорю, не могла удовлетворить насъ, износившихъ столько сапоговъ за три съ половиною года... Газетная нужда одержала верхъ надъ всѣми другими расчетами, заставивъ забыть тѣ притѣсненія, которыя испыталъ покойный «Донской Вѣстникъ», и мы, въ томъ же составѣ товарищей и сотрудниковъ, рѣшили произвести новый опытъ, благо, имѣли свою типографію. Возникла «Донская Газета», первый номеръ которой вышелъ 1 января 1878 г. Документы, относящіеся къ первымъ годамъ существованія этой газеты, вѣроятно, затеряны, а, можетъ быть, нѣкоторое благополучіе первыхъ дней исключало возможность переписки редакціи съ правительственными учрежденіями, хотя къ 1876 г., т.е. почти чрезъ три года со времени возникновенія этого органа, цензурованіе «Донской Газеты» за какія-то ея прегрѣшенія было переведено изъ Новочеркасска въ Московскій цензурный комитетъ. Читатель, даже и мало знакомый со всякимъ печатнымъ издательствомъ,

пойметъ, что значитъ переводъ цензурованія изъ того мѣста, гдѣ издается газета, въ другое, какъ, напримѣръ, въ Москву, отстоящую отъ Новочеркасска на тысячу верстъ. Это значитъ, что всѣ предназначенныя къ печатанію крупныя и мелкія статьи нужно предварительно послать въ Московскій цензурный комитетъ, гдѣ ихъ, разумѣется, не спѣша, просматриваютъ и однѣ возвращаютъ, а другія, запрещенныя, оставляютъ при дѣлахъ комитета; полученыя и разрѣшенныя къ печати статьи печатаются затѣмъ въ Новочеркасскъ и снова идутъ въ Москву вмѣстѣ съ оригиналами для провѣрки напечатаннаго съ разрѣшеннымъ, а потомъ опять возвращаются въ Новочеркасскъ, гдѣ уже газета и разсылается подписчикамъ. Это первое изданіе продолжалось, однако, недолго: къ началу 1877 г. главное управленіе смилостивилось и разрѣшило цензуровать газету попрежнему въ Новочеркасскъ. Насталъ 1877 г., а съ нимъ и война съ Турціей... Газета подняла голову и оправилась: увеличилось количество интересныхъ извѣстій съ театра войны, появились телеграммы, которыя раскупались на расхватъ, число подписчиковъ удвоилось; къ этому присоединилась увѣренность, что теперь, когда взоры всего міра обращены на Россію, предпринимающую освобожденіе своихъ братьевъ-славянъ, правительству некогда заниматься такими пустяками, какъ цензурованіе маленькой провинціальной газетки... Но не тутъ-то было. Въ августѣ 1877 г. въ самый разгаръ войны, редакція «Донской Газеты» получила такую бумагу отъ войскового атамана: «Въ № 53 «Донской Газеты», въ стихотвореніи «Два трупа», снова излагается отчаянное положеніе казачьихъ семействъ, отцы которыхъ ушли на войну, а въ № 55, въ статьѣ «Изъ камеры мирового судьи», обсуждаются въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ два судебные приговора, по поводу которыхъ авторъ въ заключеніе говоритъ: «мнѣ кажется, невѣроятно достаточно этихъ двухъ случаевъ, чтобы у многихъ, не потерявшихъ еще совѣсти, людей пропала всякая симпатія къ новому вину, вливаемому въ мѣхи старые».

«Вслѣдствіе сего, главное управленіе по дѣламъ печати, отъ 4 августа, за № 4019, проситъ меня объявить вамъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго появленія подобныхъ неумѣстныхъ статей въ издаваемой вами газетѣ, цензурованіе послѣдней будетъ поручено Московскому цензурному комитету». Въ ноябрѣ того же года угроза приведена въ исполненіе за то, что въ 85 номерѣ «Донской Газеты» помѣщена была «корреспонденція изъ Харькова, крайне рѣзкая по своимъ выраженіямъ, о жестокомъ обращеніи съ ранеными на поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ и—изъ Луганской станицы, возбуждающая низшіе классы противъ привилегированныхъ и написанная точно также въ рѣзкихъ выраженіяхъ». Вскорѣ послѣ этого удара пала Плевна, и государь повелѣлъ уничтожить всѣ предостереженія, данныя столичнымъ газетамъ и журналамъ, из-

дававшимся безъ предварительной цензуры. Блеснула и для насъ надежда. Ужъ если, думалось намъ, все прощено столичнымъ изданіямъ, грѣхи которыхъ противъ цензурнаго устава и матеріальныхъ средства несравненно больше, чѣмъ у жалкаго провинціального изданія, то насъ-то простятъ и цензурованіе газеты опять переведутъ въ Новочеркасскъ. Въ этихъ видахъ я, по званію редактора, обратился съ просьбой къ войсковому атаману, ходатайствуя о содѣйствіи его къ снятію съ газеты непосильнаго бремени, а потомъ, когда атаманъ сталъ колебаться, я рѣшился написать и послать прошеніе императору, адресованное въ собственныя руки его величества.

«Государь, законъ 6 апрѣля 1865 г. далъ жизнь многимъ провинціальнымъ изданіямъ, выходящимъ подъ предварительной цензурой, которая разрѣшаетъ къ напечатанію всѣ статьи, не противорѣчація, по своему направленію, требованіямъ цензурнаго устава.

«Между тѣмъ, редактируемая и издаваемая теперь мною въ Новочеркасскѣ «Донская Газета» за напечатаніе разрѣшенныхъ цензурою статей вотъ уже во второй разъ подвергается такой административной карѣ, при которой неестественно существованіе печатнаго органа, и которой нѣтъ въ законѣ 6 апрѣля: подцензурное существованіе названной газеты оставляется въ Новочеркасскѣ, а цензорскій просмотръ статей ея переводится за тысячу верстъ, въ Москву.

«Я уже не говорю о томъ, насколько мала вина редакціи, рѣшившейся напечатать то, что пропущено цензурою, насколько безынтересно для читателя получать слишкомъ запоздалыя извѣстія, я только удостоверяю предъ священной твоею особою, что просьбы мои о разрѣшеніи мнѣ помѣщать въ «Донской Газетѣ», за просмотромъ мѣстнаго цензора, хотя выдержки изъ русскихъ газетъ и о подведеніи этого изданія подъ дѣйствіе высочайшей милости твоей, объявленной 16 числа настоящаго мѣсяца всѣмъ повременнымъ изданіямъ, просьбы эти, говорю, не были уважены.

«Мнѣ осталось только обратиться къ тебѣ. И вотъ, когда война за освобожденіе достигла высшаго интереса, когда Донская земля, выславшая на священную брань болѣе тридцати тысячъ своихъ сыновъ, съ понятной жадностью стала ловить каждое, даже мелочное извѣстіе объ отличіяхъ, смерти, ранахъ и болѣзняхъ своихъ служивыхъ, и когда у «Донской Газеты», по мѣрѣ силъ доставлявшей краю эти извѣстія, косвенно отнимается право на существованіе, я не счелъ преступнымъ обратиться прямо къ твоему милосердію.

«Въ минуту, когда вся Россія благословляетъ тебя на подвигъ окончательнаго освобожденія славянъ отъ произвола турец-

каго, повели, государь, дать скудному средствами провинціальному изданію возможность, подѣ сѣнью закона 6 апрѣля, исполнять требованія присяги, которую каждый вѣрнопопдаанный, при вступленіи на службу, даетъ во имя интересовъ твоего величества».

Вмѣстѣ съ этимъ я послалъ особое письмо къ бывшему тогда шефу жандармовъ, генералу Мезенцеву, съ которымъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, познакомился въ Новочеркасскѣ, прося его содѣйствія къ уваженію посланнаго императору прошенія. Не прошло и мѣсяца, какъ войсковою атаманъ прислалъ мнѣ копію съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18 января 1878 г., которую я привожу здѣсь цѣликомъ, какъ документъ, интересный въ высшей степени.

«Редакторъ-издатель выходящей въ свѣтъ въ Новочеркасскѣ «Донской Газеты», надворный совѣтникъ Карасевъ, во всеподданнѣйшемъ прошеніи своемъ, отъ 29 декабря минувшаго года, доводя до свѣдѣнія государя императора, что просьбы его о разрѣшеніи помѣщать въ издаваемой имъ газетѣ, цензурованіе которой переведено въ Москву, выдержки изъ русскихъ газетъ съ дозволенія мѣстной цензуры, и о подведеніи этого изданія подѣ дѣйствіе высочайшей милости, объявленной 16 декабря всѣмъ повременнымъ изданіямъ, не были уважены,—ходатайствуетъ о предоставленіи означенному, скудному средствами провинціальному изданію, возможности, подѣ сѣнью закона 6 апрѣля 1865 г., исполнять требованія присяги, которую каждый вѣрнопопдаанный, при вступленіи на службу, даетъ во имя интересовъ его величества.

«Обнародованныя 6 апрѣля 1865 г. временныя правила о цензурѣ и печати составляютъ дополненіе къ дѣйствовавшему до 1865 г. и нынѣ дѣйствующему цензурному уставу. На основаніи этихъ правилъ частныя повременныя изданія, выходящія въ свѣтъ не въ столицахъ, не могутъ быть освобождены отъ просмотра предварительной цензуры; а потому они и не могутъ подлежать дѣйствію установленныхъ закономъ 6 апрѣля 1865 г. административныхъ предостереженій. Указываемая просителемъ высочайшая милость, объявленная 16 минувшаго декабря, относилась единственно къ тѣмъ столичнымъ изданіямъ, которыя, выходя въ свѣтъ безъ предварительной цензуры, подверглись дѣйствію предостереженій, и, слѣдовательно, никакъ не могла быть распространена на «Донскую Газету». Ходатайство же просителя о примѣненіи этой милости къ издаваемой имъ газетѣ, равно какъ и всеподданнѣйшее прошеніе о подведеніи ея подѣ сѣнью закона 6 апрѣля 1865 г., обнаруживаютъ совершенное незнаніе просителемъ дѣйствующихъ постановленій о печати.

«Донская Газета» еще при прежнемъ редакторѣ обращала на себя вниманіе постояннымъ нарушеніемъ цензурныхъ правилъ и

неодобрительнымъ направлениемъ, что неоднократно вынуждало бывшего наказного войскового атамана, генераль-адъютанта Чертова, обращаться съ заявленіями въ главное управленіе по дѣдамъ печати. Поэтому, въ 1874 г., мною признано было необходимымъ перевести цензурованіе этого изданія въ Москву. Затѣмъ, съ перемѣною прежняго редактора, въ декабрѣ мѣсяцѣ, цензурованіе «Донской Газеты» снова было поручено избранному наказнымъ атаманомъ мѣстному чиновнику, и съ того времени до 1876 г. въ газетѣ не появлялось статей съ явно предосудительнымъ направлениемъ. Но съ 1876 г. въ № 43 газеты появилась статья подъ заглавіемъ «Изъ старообрядческаго міра», въ которой выражалась надежда, что міръ этотъ сброситъ наконецъ съ себя невыносимое иго и завоюетъ себѣ свободу совѣсти и политической жизни. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1876 г. въ званіе редактора-издателя «Донской Газеты» вступилъ надворный совѣтникъ Карасевъ, и направленіе газеты значительно ухудшилось. Несмотря на предварительный просмотръ цензирующаго изданіе мѣстнаго чиновника, въ газетѣ довольно часто начали появляться такіа статьи, которыя совершенно не могутъ быть терпимы даже въ изданіяхъ столичныхъ, выходящихъ въ свѣтъ безъ предварительной цензуры. Такъ, въ № 98 газеты за тотъ же годъ выражалось сочувствіе къ конституціонному образу правленія, въ № 10 за минувшій годъ обнаружилось стремленіе подорвать довѣріе къ помѣщикамъ, и вообще къ дворянскому сословію, въ № 30 изображалось въ крайне мрачномъ, преувеличенномъ видѣ бѣдственное состояніе мѣстныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, а въ № 53—страданія казачьихъ семействъ, вслѣдствіе ухода донцовъ на войну. Въ виду того, что, несмотря ни на какія замѣчанія, дѣлавшіяся, какъ цензирующему чиновнику, политическая благонадежность котораго, впрочемъ, удостовѣрялась вашимъ превосходительствомъ, такъ и самому редактору, газета не переставала печатать статьи предосудительнаго содержанія, а также принимая въ соображеніе невозможность пріискать изъ мѣстныхъ чиновниковъ лицо благонадежное и вполне знакомое съ требованіями цензуры, я призналъ необходимымъ предупредить надворнаго совѣтника Карасева, что при дальнѣйшемъ нарушеніи газетою цензурныхъ правилъ цензурованіе ея вновь будетъ переведено въ Москву.

«Несмотря на это, въ № 85 «Донской Газеты» были напечатаны корреспонденціи изъ Харькова и Луганской станицы, по содержанію и по рѣзкости выраженій совершенно не соответствующія цензурнымъ правиламъ, вслѣдствіе чего въ концѣ ноября минувшаго года цензурованіе газеты и было вторично передано въ Московскій цензурный комитетъ,

«По всеподданнѣйшему докладу моему о вышеизложенномъ, государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ объяснить просителю всю неосновательность его просьбы.

«О такомъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для соотвѣтствующаго распоряженія, присовокупляя, что ходатайство Карасева о предоставленіи «Донской Газетѣ», въ видѣ изъятія изъ установленнаго порядка, права печатать выборки изъ русскихъ газетъ съ дозволенія мѣстной цензуры, я не признаю возможнымъ удовлетворить, потому что при этомъ порядкѣ цензурованія въ газетѣ можетъ появиться такой подборъ извлеченій изъ подцензурныхъ и безцензурныхъ періодическихъ изданій, направление котораго будетъ предсудительнѣе оригинальныхъ статей».

Такимъ образомъ крышка захлопнулась, никакой надежды на дальнѣйшее существованіе не осталось. Родилось чувство пассивнаго сопротивленія, и мы протянули жалкое существованіе около полутора года, переписываясь и съ московской цензурой, обвинявшей насъ то не въ правѣ разныхъ перепечатокъ изъ газетъ и въ неаккуратной высылкѣ номеровъ газеты въ разныя учрежденія, то съ мѣстнымъ начальствомъ и мѣстными цензорами. Когда газета стала представлять собою жалкое подобіе печатнаго органа, многіе совѣтовали намъ прекратить дѣло, но мы, словно кому-то на зло, выставляли на показъ свои гноящіяся раны, едва прикрытыя грязными рубищами... Даже и отъ нашихъ друзей начали сыпаться насмѣшки, которыхъ, однако, мы на свой счетъ не принимали. Присылались для напечатанія въ газетѣ разныя статьи и извѣстія, говорившія, на примѣръ, о томъ, что надъ Каменской станицей, пять лѣтъ назадъ, пролетѣло такое количество дикихъ гусей, какого старожилы не запомнятъ, или такое извѣстіе, что шесть лѣтъ назадъ скончался императоръ французовъ Наполеонъ III, или что 19 февраля 1861 г. состоялось освобожденіе крестьянъ и т. п. Но всему бываетъ свой предѣлъ. Въ концѣ 1878 и началѣ 1879 г. газета состояла изъ старыхъ перепечатокъ и самаго благочестиваго содержанія оригинальныхъ статей, а потому читать ее не было никакой возможности: предъ нею прошли незамѣченными и Санъ-Стефанскій миръ, и Берлинскій конгрессъ, и многое другое, что просилось даже подъ самое благонамѣренное перо. Повторенныя просьбы въ главное управленіе по дѣламъ печати о возвращеніи цензурованія въ Новочеркасскъ оставались безъ удовлетворенія, и къ половинѣ 1879 г. «Донская Газета» умерла правильною смертію—отъ задушенія...

Никто и словомъ не обмолвился о ея вѣчномъ упокоеніи; только г. Кошелевъ въ одной изъ своихъ брошюръ, напечатанныхъ, разумѣется, за границею, сказалъ о ней нѣсколько добрыхъ словъ.

Эти двѣ страдальницы сорокъ лѣтъ назадъ лепетали о томъ, о чемъ теперь младшіе ихъ братья и сестры, благодаря восходящему надъ Россіей солнцу, кричатъ во все горло...

Самое скудное понятіе о справедливости заставляетъ отнести этихъ двухъ мученицъ къ числу тѣхъ труповъ, чрезъ наваленные которыми рвы побѣдоносно прошли бойцы за свободу печатнаго слова.

А. Карасевъ.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЦАРСКОЙ НАГРАДЫ.

ТО БЫЛО двадцать три года тому назадъ.

Впрочемъ я буду послѣдовательнымъ и расскажу все съ начала, а также и какимъ образомъ я узналъ про эту быль.

Въ этомъ году мнѣ пришлось вдоль и поперекъ бродить по центральной Россіи, знакомясь съ дѣйствительнымъ бытомъ населенія. И вотъ въ одинъ изъ длительныхъ переѣздовъ, какъ это часто бываетъ въ провинціи, я разговорился съ своимъ ямщикомъ. Темъ самыхъ злободневныхъ была масса, начиная съ крестьянской нужды и кончая обще политическими. И началъ мнѣ жаловаться мой ямщикъ, кстати тоже оказавшійся крестьяниномъ, что тяжело жить, всюду неправда. При этомъ онъ довольно наивно закончилъ одинъ изъ своихъ рассказовъ, что если бы царь зналъ, то онъ бы обратилъ вниманіе, а то не «допускаютъ» до царя.

— Вотъ, наиримѣръ,— сказалъ онъ,— въ нашей деревнѣ Стариковѣ есть мужичекъ и ветхій лѣтами и больноі... еще въ Севастопольской кампаніи былъ. Вотъ имъ всѣмъ, которые остались въ живыхъ изъ севастопольскихъ солдатъ, положена въ прошломъ году пенсія. Такъ вотъ этому мужичку выслали и медаль и бумагу, что, значить, будетъ онъ получать пенсіонъ, а пенсіона онъ уже вотъ другой годъ не получаетъ.

— Почему?—спросилъ я.

— Да потому, что кто-то забираетъ себѣ, да и только. Придетъ этотъ мужичекъ въ волость, спроситъ, а ему говорятъ: не

«истор. вѣстн.», февраль, 1906 г., т. III.

присылали намъ твоихъ денегъ. И такъ всюду, куда онъ ни обращался. А бѣдный онъ какой, страсть!

— А потомъ,—продолжалъ онъ,—вотъ тоже нашъ мужикъ. Тоже была обѣщана ему пенсія. Долго не выдавали, такъ ходилъ къ самому царю. Ну, тоже пособіе дали, а пенсію такъ кто-то и сѣлъ...

Разсказъ о мужикѣ захолустной деревеньки не менѣе захолустнаго Путивльскаго уѣзда Курской губерніи заинтересовалъ меня, и я попросилъ возницу разсказать поподробнѣе. Въ его спутанной и неясной передачѣ я узналъ очень немного, но то, что я услышалъ, еще болѣе меня заинтересовало. И вотъ я поручилъ возницѣ передать этому крестьянину, когда только онъ будетъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ, зайти ко мнѣ. Чтобы обезпечить себѣ приходъ этого мужичка, я вызвался хлопотать за него въ Петербургѣ. Возница съ радостью ваялся передать мое порученіе.

Такъ приблизительно черезъ недѣлю съ лишнимъ прислуга сообщила, что меня ожидаетъ во дворѣ какой-то мужикъ. Это и оказался ходокъ къ царю. Съ виду онъ былъ худощавъ, средняго роста, а глаза его такъ и свѣтились настойчивостью и упорствомъ. Мы съ нимъ усѣлись подъ липой въ нашемъ саду, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Въ 7 верстахъ отъ города Новочеркасска есть станица Грушевка. Жилъ тамъ отставной казачій не то подполковникъ, не то капитанъ Василій Андреевичъ Лидковъ. Было ему лѣтъ пятьдесятъ съ небольшимъ. Лидковъ владѣлъ здѣсь землей что-то около полутора тысячи десятинъ сѣнокоса. Было это въ 1882 г. У Лидкова косили въ то время траву четверо рабочихъ, «въ томъ числѣ и я»,—прибавилъ разсказчикъ, Стефанъ Милютинъ.

— Вотъ косили мы, косили,—продолжалъ онъ,—а потомъ пришло время завтракать, и пошли перекусить чегонибудь, а въ это время какъ разъ къ намъ подѣхалъ на дрожкахъ самъ хозяинъ Лидковъ посмотрѣть, какъ идетъ работа. Потомъ началъ онъ съ нами вести разговоръ.

— Вы какіе, говорить, будете, ребята, панскіе или вольные?

— Мы ему отвѣчаемъ: были раньше панскіе, а теперь стали вольные.

— Вотъ, говорить, когда вы были панскіе, лучше вамъ было, по чужимъ сторонамъ вамъ не нужно было ходить искать работы, сидѣли себѣ дома да работали на пановъ. А то вотъ надо ити въ чужіе края, да перебиваться, да хлопотать.

— Нѣтъ, намъ теперь лучше,—отвѣчали мы:—свободнѣе куда и пойти заработать, да и дома у кого есть...

На томъ разговоръ на время притихъ. Потомъ вдругъ Лидковъ ни съ того ни съ сего и крикни:

— Вотъ это черезъ васъ государя Александра Николаевича (Александра II) убили. Онъ былъ бы живъ, если бы крестьянъ не отобралъ.

— Убили, ну, что жъ дѣлать... Ему будетъ царство небесное, что за насъ, крестьянъ, пострадалъ.

— Какой чортъ ему будетъ царство небесное!—воскликнулъ заволававшійся Лидковъ; при этомъ сказалъ нѣсколько бранныхъ словъ и прибавилъ:—вотъ и этого царя (Александра III) тоже убьютъ, непременно убьютъ.

— Почему вы знаете, что царя Александра Александровича намѣрены убить?—спросилъ я его.

— Чтобы я да не зналъ?—сказалъ Лидковъ:—да я все знаю; знаю, что и этого государя убьютъ.

Тѣмъ разговоръ и кончился. Помѣщикъ уѣхалъ, а я пригласилъ остальныхъ рабочихъ быть свидѣтелями того, что они слышали, а до тѣхъ поръ молчать.

— Хорошо, будемъ свидѣтелями, какъ предъявишь,—отвѣчали они.

Работа у Лидкова была поденная, и крестьяне на другой же день бросили ее и ушли отъ помѣщика, не объяснивъ ему причины, какъ онъ ни допытывался ея.

— Дѣло есть,—говорили они.

Разсчитались, и пошелъ я въ царскій дворецъ въ семи верстахъ отъ Грушевки. Никому не говорю, зачѣмъ пришелъ. Одинъ отвѣтъ: по дѣлу, а по какому дѣлу, это ужъ мнѣ знать. Требую самого князя, который въ то время тамъ былъ.

Вышелъ князь, я все и разсказалъ ему.

Отрядили казаковъ и послали ихъ за моими свидѣтелями. Привели моихъ товарищей. Они тоже подтвердили, что все разсказанное мною вѣрно. Послѣ допроса свидѣтелей насъ всѣхъ отпустили. Черезъ шесть мѣсяцевъ къ намъ въ Стариково явились жандармы, было новое слѣдствіе. Присутствовали товарищъ прокурора и еще какой-то жандармскій офицеръ.

— На его государя императора выраженія были?—спрашивали насъ жандармы.

— Были.

— И Лидковъ ругалъ его императорское величество?

— Ругалъ.

— И, что убить намѣрены, говорилъ?

— Все было,—подтвердили свидѣтели.

Потомъ жандармы вызывали нашего старосту, чтобы онъ за свидѣтельствовавалъ, что они выѣзжали на слѣдствіе. Староста приложилъ штемпель и подписался. Послѣ допроса жандармы уѣхали. Насъ тоже отпустили домой, но намъ сказали, что теперь нельзя работать. Никуда не уходите и ожидайте на родинѣ, пока мы опять выѣдемъ. Съ тѣмъ жандармы и уѣхали, ничего намъ не объявивъ, и за убытки, что я въ Грушевкѣ лишился работы, тоже ничего не дали.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, я все ждалъ извѣстій, но ихъ нѣтъ—какъ нѣтъ. Невтерпежъ мнѣ стало: принялся я тогда посылать прошенія въ канцелярію на высочайшее имя. Все описалъ, какъ было, и что я донесъ. Прошенія писалъ самъ «аблакать», по пяти рублей бралъ за каждое. Прошеній десять послалъ я, и все безъ послѣдствій. Подумалъ я тогда, подумалъ, да и порѣшилъ самъ съѣздить въ Петербургъ къ царю. А времени уже съ тѣхъ поръ, какъ Лидкова забрали, нѣсколько лѣтъ прошло.

Насчетъ поѣздки меня и крестьяне поддерживали, а самъ становой говорилъ: ты, молъ, хоть сто прошеній подай, тамъ не доложить государю императору,—самъ поѣзжай. Я и поѣхалъ. Въ то время я только что отбылъ воинскую повинность, такъ что на мнѣ была военная форма запаснаго. Приѣхалъ я въ Петербургъ. Новый для меня городъ, я въ немъ первый разъ былъ за всю свою жизнь. Ну, конечно, я ничего не знаю, какъ быть, и вотъ вижу—на вокзалѣ стоитъ жандармъ, я къ нему и обратился за разспросами и рассказалъ ему все, зачѣмъ приѣхалъ. Жандармъ отвелъ меня въ сторонку и объяснилъ, куда ѣхать и что дѣлать. Государя тогда не было въ Петербургѣ, онъ жилъ въ Гатчинѣ, туда меня и направилъ жандармъ. Я сейчасъ же купилъ билетъ, сѣлъ въ вагонъ, да и прямо въ Гатчину.

Приѣхалъ на Гатчинскій вокзалъ. Тутъ ужъ я обратился къ околоточному и тоже рассказалъ ему все. Околоточный направилъ меня къ правителю канцеляріи гатчинскаго дворца, а правитель канцеляріи доложилъ обо всемъ тогдашнему министру двора, графу Воронцову-Дашкову.

Эту первую ночь я провелъ среди солдатъ дворцовой охраны. Правитель канцеляріи приказалъ дать мнѣ тамъ мѣсто. На другой день меня вызвали во дворецъ къ графу Воронцову-Дашкову. Графъ взялъ мое прошеніе и доложилъ государю. Меня тогда ввели въ другіе покои. Здѣсь я тоже немного постоялъ. Потомъ вдругъ выѣхалъ ко мнѣ дежурный генералъ и говорить:

— Сейчасъ выйдетъ государь, здороваться будетъ, такъ ты не бойся, не робѣй и съ перепугу не скажи чего лишняго.

Потомъ генералъ приказалъ мнѣ стать на колѣни. Не успѣлъ я это сдѣлать, какъ изъ дверей показался государь. Какъ только государь увидѣлъ меня, сейчасъ приказалъ мнѣ встать.

— Здорово, храбрый воинъ,—обратился ко мнѣ государь.

— Здравія желаю, ваше императорское величество.

— Спасибо, что не оставилъ своей присяги. За это молодецъ, что поймалъ злодѣя.

— Радъ стараться, ваше императорское величество.

— Вознагражденъ будешь.

— Покорно благодарю, ваше императорское величество.

Затѣмъ государь повернулся и вышелъ, а меня взяли жандармы и повели къ министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ тоже въ то время

былъ въ Гатчинѣ. Когда привели меня къ министру, онъ мнѣ и говорить, да такъ сердито:

— Вотъ тебя подѣ сохраненіе государь арестовалъ. Пе узнали мы, что ты пришелъ жаловаться, а то бы только носъ и успѣлъ показать...

Я ничего не отвѣтилъ. Знаю только, что если бы не графъ Воронцовъ-Дашковъ, то государю бы и не доложили, а министръ приказалъ бы меня выслать изъ Гатчины, какъ онъ самъ и сказалъ мнѣ.

Послѣ ареста меня продержали въ одиночномъ заключеніи восемнадцать сутокъ. Было очень скучно. А кормили хорошо. Каждый день обѣдъ и два раза чай съ булкой. Спросили меня: что ѣшь? а это было постомъ. Я и сказалъ, что постное. Такъ ежедневно по фунту осетрины давали. Жандармы говорили мнѣ, что если правильно открылъ я политическаго преступника, то получу награду, въ противномъ случаѣ накажутъ. А про Лидкова я слышалъ, что его «представили» въ Петербургъ и посадили въ «столбъ». Потомъ черезъ восемнадцать сутокъ меня вызвали въ Третье жандармское отдѣленіе, дали тридцать рублей на дорогу и отправили домой по бесплатному билету.

— Поѣзжай себѣ на родину, — сказали мнѣ въ жандармскомъ отдѣленіи. — Вознагражденіе мы тебѣ вышлемъ почтой черезъ курскаго жандармскаго генерала.

Долго я ждалъ этого вознагражденія. Прошелъ годъ, другой, а его все не высылаютъ и убытковъ даже моихъ не возмѣщаютъ. Сталъ я еще посылать прошенія на высочайшее имя, и все безъ всякихъ результатовъ. Потомъ вдругъ на третій годъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Петербурга (такъ онъ самъ сказалъ) жандармскій полковникъ. Вызвалъ онъ меня и спрашиваетъ, сколько я денегъ истратилъ на свою поѣздку къ царю и какіе вообще понесъ убытки за все то время. Я сказалъ: въ то лѣто, когда донесъ на Лидкова, я потерялъ сто рублей, такъ какъ пришлось не работать. А полковникъ мнѣ и говорить, что вѣдь тебя у Лидкова рассчитали, а потому ты могъ наняться въ другомъ мѣстѣ, значитъ, тебѣ убытка будетъ всего девяносто рублей. Потомъ онъ меня спрашивалъ, сколько я расходовалъ въ Петербургѣ. Я сказалъ, что около двухъ рублей въ день, когда полтора, а когда и два. Очень ужъ тамъ дорого. Когда этотъ полковникъ уѣзжалъ, то онъ весело сказалъ мнѣ: жди-жди, говорить, вышлютъ тебѣ триста рублей, и еще, гляди, пришлютъ и золотую медаль.

Ждалъ я долго, наконецъ выслали мнѣ сто двадцать рублей, и больше ничего, такъ что только и покрылись убытки, а вознагражденія такъ никакого и не получилъ. Потомъ я еще нѣсколько разъ жаловался, опять писалъ по этому поводу на высочайшее имя прошенія, и все безъ послѣдствій. Исправникъ мнѣ однажды

сказалъ, что если ты будешь продолжать жаловаться и беспокоить правительство, то тебя сошлютъ въ Сибирь на каторжные работы.

Прошло такъ лѣтъ десять послѣ прїѣзда жандармскаго полковника, и я опять рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ снова жаловаться самому царю на такую несправедливость. Но на этотъ разъ дѣло не вышло. Когда я прїѣхалъ въ Петербургъ, то тамъ мнѣ сказали, что въ Петергофѣ смотрѣ войску, тамъ и государь. Я отправился въ Петергофъ. Только что я прїѣхалъ, не успѣлъ даже разспросить, какъ мнѣ дойти до государя, какъ меня задержала тайная полиція. Привели въ участокъ и здѣсь продержали меня нѣсколько часовъ, потомъ, когда отпустили, то сказали, чтобы я сейчасъ же уѣзжалъ на родину, иначе отправятъ этапомъ. Здѣсь не приняли и моего прошенія на высочайшее имя, такъ что я ѣздилъ въ Петербургъ и тамъ подалъ его въ канцеляріи по принятію этихъ прошеній.

Въ прошеніи своемъ я, между прочимъ, спрашивалъ, что, молъ, «какія наказанія были Лидкову положены, про то мнѣ, ваше императорское величество, ничего не извѣстно». Когда я спросилъ объ этомъ же въ канцеляріи въ Петергофѣ, то мнѣ сказали, что онъ годъ сидѣлъ въ «столбѣ», а что дальше было, ничего не извѣстно.

Такъ и пропало моихъ тридцать рублей, которые я потратилъ на эту вторую поѣздку, а ужъ о прежнихъ расходахъ и не толкую. Прошенія мои тоже остались безъ послѣдствій. На нѣкоторыхъ изъ нихъ я получалъ такого рода отвѣты:

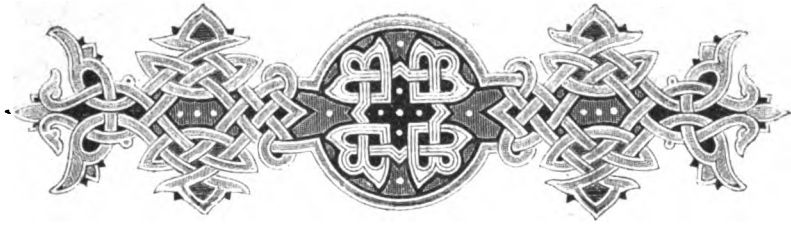
«Канцелярія его императорскаго величества по принятію прошеній. II отдѣленіе, 1-й столъ. Крестьянинъ Степанъ Милютинъ извѣщаетъ, что по разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго прошенія его изложенное въ немъ ходатайство оставлено безъ удовлетворенія. Главноуправляющій шталмейстеръ баронъ Будбергъ. № 29668».

Таковъ разговоръ крестьянина Стефана Милютина, записанный съ его словъ.

И всѣ окрестные крестьяне твердо вѣрятъ, что всюду мѣшаютъ министры да начальство, а если бы только допустили до государя, то все было бы по-иному. Такъ было въ тѣхъ краяхъ полгода тому назадъ, каковы же теперь взгляды этихъ крестьянъ: тѣ же, что и раньше, или иные, трудно сказать что нибудь положительное, такъ какъ жизнь и ея атмосфера невѣроятно мѣняются съ каждымъ днемъ. Нашъ же крестьянинъ и до сихъ поръ ждетъ золотой медали, которую ему невзначай пообѣщавъ заѣзжій жандармскій полковникъ. Всѣ убѣждены, что медаль «безпремѣнно» была, такъ какъ обѣщана, но что кто-то ее перехватилъ.

П. М. Р.

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ¹⁾.

Декабристы.

VII.

ОБЫТІЯ внутренней жизни Россіи за первую половину второго десятилѣтія XIX вѣка не давали никакого благоприятнаго повода для начала вооруженнаго возстанія. Какъ ни плоха, какъ ни отрицательна была создавшаяся къ тому времени, опредѣлившаяся и укрѣпившаяся дѣйствительность, но она покрывалась какъ-никакъ именемъ того, въ комъ народъ видѣлъ освободителя Россіи отъ нашествія иноплеменниковъ, и за котораго горячо и любовно онъ возносилъ свои моленія по церквамъ. Декабристы бездѣйствовали, и будущее, революціонно-активное будущее, заволакивалось густымъ туманомъ полной неопредѣленности и неизвѣстности. Но вотъ судьба совершенно неожиданно вызываетъ ихъ на авансцену русской жизни, и они призываются, какъ вполне и сознательно организованныя силы, сказать свое открытое слово и показать такъ долго обдуманное дѣло. Самъ царствующій домъ, въ лицѣ своихъ главныхъ членовъ, какъ бы постарался, чтобы въ исторію Россіи была внесена новая страница смуты, и чтобы эта смута непременно была запечатлѣна кровью съ сохраненіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ русской государственной дѣйствительности таковою, какою ее создалъ новѣйшій петербургскій періодъ русской исторіи. Печальныя событія развернулись слѣдующимъ образомъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІІІ, стр. 248.

Александръ Павловичъ былъ бездѣтенъ, и вопросъ о замѣстительствѣ престола послѣ него не могъ не останавливать его мысли. Впервые свое мнѣніе по сему предмету онъ довольно опредѣленно высказалъ еще въ 1817 г., при чемъ въ достаточно оригинальной постановкѣ вопроса. На обѣдѣ въ Кіевѣ, во время его путешествія по Россіи, когда общій разговоръ коснулся обязанности людей вообще, а монарховъ въ частности, онъ замѣтилъ: «Когда ктонибудь имѣеть честь находиться во главѣ такого народа, какъ нашъ, онъ долженъ въ моментъ опасности становиться лицомъ къ лицу съ нею. Онъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока его физическія силы будутъ ему позволять это, или, чтобы сказать однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи садиться на лошадь»; далѣе онъ продолжалъ: «Что касается до меня, то въ настоящее время я чувствую себя здоровымъ, но черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, тогда»... Тутъ присутствующіе царедворцы поспѣшили, конечно, его перебить разными подходящими увѣреніями, но для нѣкоторыхъ стало несомнѣннымъ, что государь какъ будто задумывается надъ вопросомъ объ отреченіи отъ престола.

Тутъ заслуживаетъ вниманія то понятіе о своей власти, которое русскій самодержецъ такъ откровенно высказалъ, и невольно напрашивается сравненіе, какъ думали по тому же предмету московскіе самодержцы. У послѣднихъ власть была Богомъ дарованная, съ грозною отвѣтственностью передъ Богомъ, власть народная, съ опорой въ народѣ и въ церкви, какъ собранія вѣрующіихъ. Московскій самодержецъ грозилъ народу покинуть его въ видѣ кары за ослушаніе и неповиновеніе, но не въ зависимости отъ своихъ физическихъ силъ, а тѣмъ паче отъ способности сидѣть въ сѣдлѣ. Совсѣмъ иначе смотритъ отпрыскъ германскаго рода: онъ какъ будто только военачальникъ вооруженныхъ силъ своего народа, и вопросъ о его удаленіи отъ власти есть его личное дѣло, въ коемъ народъ не имѣеть права голоса. Мы видимъ, что идея русскаго самодержавія совершенно затуманилась, перестала быть понятною его представителямъ и обратилась въ ихъ глазахъ въ чисто семейное дѣло. И дѣйствительно, Александръ I обращаетъ вопросъ о престолѣ дома Романовыхъ въ какой-то частный вопросъ, игнорируя совершенно, подобно своимъ предшественникамъ XVIII столѣтія, русскую исторію и тѣ ея страницы, на которыхъ обрисовывается кровавая борьба народа изъ-за этого престола.

Черезъ два года послѣ кіевского разговора, за обѣдомъ со своимъ братомъ Николаемъ Павловичемъ и его супругою въ Красномъ Селѣ онъ началъ выражать брату свое удовольствіе по поводу его военной службы въ качествѣ бригаднаго командира, при

Чемъ замѣтилъ, что онъ въ особенности этому радуется, такъ какъ именно великому князю предстоитъ въ будущемъ явиться его замѣстителемъ. По словамъ государя ¹⁾, онъ чувствуетъ, «что силы его слабѣютъ, что въ нашемъ вѣкѣ государямъ, кромѣ другихъ качествъ, нужна физическая сила и здоровье для перенесенія большихъ постоянныхъ трудовъ, что скоро онъ лишится потребныхъ силъ, чтобы по совѣсти исполнять свой долгъ, какъ онъ его разумѣетъ, и что поэтому онъ рѣшился, ибо сіе почитаетъ долгомъ, отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Что онъ неоднократно говорилъ о томъ брату Константину Павловичу, который былъ съ нимъ почти однихъ лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ, при томъ имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наследовать на престолѣ, тѣмъ болѣе, что они оба видятъ въ насъ знакъ благодати Божіей, дарованнаго намъ сына; что поэтому мы должны знать напередъ, что мы призываемся на сіе достоинство».

Для Николая Павловича и его супруги такое откровеніе было донельзя неожиданнымъ, ибо до тѣхъ поръ по сему предмету имъ не давалось никакого намека, и въ дѣйствіяхъ государя въ отношеніи брата не наблюдалось ничего такого, что бы обнаруживало его намѣренія. Николай держался на положеніи простого бригаднаго командира 1-й гвардейской дивизіи и въ отдаленіи отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ. Александръ Павловичъ очевидно полагалъ, что для званія императора Россійской имперіи достаточно быть хорошимъ фронтовикомъ!.. И въ дальнѣйшемъ, даже послѣ этой бесѣды, государь не предпринимаетъ ничего, что бы приблизило его брата къ дѣлу народоуправленія; только военная его компетенція нѣсколько расширяется, и на него возлагается еще обязанность генераль-инспектора по инженерной части. И только.

Сообщеніе Александра сильно смутило Николая Павловича; онъ плакалъ, представлялъ возраженія, приводилъ доводы о своей неподготовленности и пр., но дѣло отъ того въ своей постановкѣ вопроса не измѣнялось и не подвигалось ни въ какую сторону.

Что касается Константина Павловича, то дѣйствительно онъ уже давнымъ давно заявилъ своему старшему брату, что никоимъ образомъ не желаетъ ему наследовать. По настоящему вопросу онъ еще въ 1801 г. заявилъ Саблукову послѣ трагическаго событія въ Инженерномъ замкѣ: «Послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но, если бы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму». На ту же тему онъ въ очень опредѣленныхъ словахъ говорилъ и своему

¹⁾ «Императоръ Николай Первый. Его жизнь и царствованіе». Н. К. Шиллера.

любимому младшему брату, Михаилу Павловичу, уже послѣ своего вступленія въ бракъ съ графинею Юанною Грудвинскою, наименованною послѣ замужества книгиней Ловичъ. Константинъ Павловичъ, являвшій собою живой портретъ отца, безъ ярко выраженнаго безумія послѣдняго, но со всѣми переливами въ характерѣ своего родителя, конечно, былъ менѣе всего подходящимъ преемникомъ Александру. Россія уже пережила кровавую дворцовую драму въ 1801 г., и нѣтъ никакого сомнѣнія, въ случаѣ вступленія Константина на престолъ, таковая драма такъ или иначе, но повторилась бы рано или поздно. Какъ бы сознавая это въ душѣ, онъ и выразилъ по сему предмету свою рѣшительную волю.

Со дня его брака съ княгинею Ловичъ и въ формальный актъ престолонаслѣдія вносился элементъ отрицательный въ смыслѣ правъ цесаревича на престолъ. Хотя въ «учрежденіи объ императорской фамилии», изданномъ Павломъ Петровичемъ, ничего не говорилось о неравныхъ по рожденію бракахъ членовъ царствующаго дома, но свадьба Константина Павловича несомнѣнно вносила въ дѣло отрицательный элементъ, который ставилъ препону къ осуществленію его правъ на престолъ. Въ манифестѣ по случаю развода Константина съ первою женою, Анною Феодоровною, было сказано: «...Если какое лицо изъ императорской фамилии вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то-есть не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамилии не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамилии, и рождаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ правъ на наслѣдованіе престола». Отсюда можно заключить, каково было бы положеніе Константина-императора, не имѣющаго права признать своихъ дѣтей, если бы таковыя у него родились, законными наслѣдниками престола. Какая ужасная и несомнѣнно кровавая каша тутъ могла завариться! и въ виду сего, конечно, наилучшимъ исходомъ было бы формальное отреченіе Константина Павловича отъ своего наслѣдственнаго права при жизни еще старшаго брата. Но, увы, такого акта сдѣлано не было, и весь вопросъ пошелъ по такому пути, котораго сознательно-разумно начертать было не возможно. Этотъ путь былъ изобрѣтенъ самимъ Александромъ Павловичемъ и могъ привести къ гибели преемника его верховныхъ правъ, могъ создать страшное народное потрясеніе и обогатить Россію новой дворцовой революціей въ духъ XVIII вѣка и трагедія въ Инженерномъ замкѣ въ 1801 г.

Дѣйствія Александра I по сему предмету являются настолько загадочными, неясными, что даже его официальный біографъ, покойный Н. К. Шильдеръ, не находитъ въ данномъ случаѣ для него какихъ либо оправданій. Эти его дѣйствія окрылили «декаб-

ристовъ», создали 14-е декабря 1825 г. и послужили тою роковою гранью, за которою начались реакціонные годы Николаевской эпохи въ жизни Россіи.

VIII.

Въ теченіе 1822 г. Константинъ Павловичъ по соглашенію съ старшимъ братомъ и подъ его редакціей составилъ письмо, гдѣ онъ признавался, что, «не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведена на то достоинство, къ которому по рожденію своему можетъ имѣть право», просить его величество передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ него. Отвѣтъ Александра былъ также частнаго характера, писанный въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ, гдѣ говорилось, что и онъ и мать ихъ обоихъ, Марія Ѳеодоровна, преисполнены «признательности къ почтеннымъ побужденіямъ», имъ руководившимъ. «Намъ обоимъ остается, — сказано въ заключеніе, — уважая причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній».

Эта фамиліная переписка несомнѣнно не имѣла никакого юридическаго оттѣнка и не являлась для сторонъ какимъ либо обязательнымъ актомъ. О послѣднемъ императоръ позаботился лишь въ слѣдующемъ 1823 г.

Александръ Павловичъ черезъ посредство министра духовныхъ дѣлъ, кн. А. Н. Голицына, поручилъ архіепископу московскому Филарету составить манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича, съ тѣмъ, однако, чтобы актъ этотъ оставался въ глубокой тайнѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время привести его въ исполненіе. Мѣстомъ храненія этого акта долженъ былъ быть Успенскій соборъ въ Москвѣ. Однако Филаретъ, выполнившій при содѣйствіи кн. Голицына возложенное на него порученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ, чтобы были сдѣланы списки съ этого документа первостепенной государственной важности, и чтобы списки эти хранились также въ Петербургѣ въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ и въ синодѣ, о чемъ должна была быть сдѣлана соотвѣтствующая отмѣтка въ текстѣ самаго документа. Когда Филаретъ уже былъ въ Москвѣ, ему было поручено гр. Аракчеевымъ тайно ото всѣхъ положить высочайшее завѣщаніе государя въ ковчегъ государственныхъ актовъ въ Успенскомъ соборѣ, что имъ и было исполнено въ надлежащей точности и съ предписанной ему тайнственностью. Нѣсколько позже тайнственные пакеты съ собственноручною надписью Александра Павловича — «хранить... до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи» были переданы въ государственный оубѣтъ и сенатъ.

Вся обстановка и всѣ способы дѣйствій, коими государь окружилъ свою волю въ вопросѣ о новомъ престолонаслѣдїи, заслуживаютъ вниманія. Объ этой волѣ и актѣ завѣщанія онъ сообщаетъ изъ числа государственныхъ людей лишь троицѣ: кн. Голицыну, гр. Аракчееву и архіепископу Филарету; изъ числа домашнихъ онъ никому о семъ не сообщаетъ, не исключая и главныхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ—великихъ князей Николая и Константина Павловичей. Тайна лишь частнымъ образомъ имъ довѣряется принцу Вильгельму прусскому, принцу Оранскому и супругамъ Карамзинымъ. Вотъ весь тотъ тѣсный и разномастный кружокъ людей, который былъ освѣдомленъ о дѣлѣ величайшей государственной важности. Императоръ не счелъ нужнымъ посоветоваться и поговорить о семъ даже съ Филаретомъ: ему лишь повелѣно было черезъ министра духовныхъ дѣлъ выполнить опредѣленное порученіе — составить извѣстный актъ и документъ, его обнимающій, положить въ опредѣленное мѣсто. Больше по сему предмету ни съ кѣмъ государь не сносился, полагая, что Россія должна съ признательностью и полнымъ послушаніемъ принять всякое проявленіе его воли, даже за порогомъ смерти, въ какой бы формѣ эта воля ни проявилась. Трудно подыскать другой случай въ нашей исторіи, гдѣ бы автократія отнеслась съ такимъ высокомеріемъ и ко всему народу, и къ его служилымъ сословіямъ. Россіей распорядились, какъ вотчиной, и, нарушая столь недавно еще установленный законъ о престолонаслѣдїи, не сочли даже долгомъ придать этому нарушенію соответствующую приличную обстановку. Не менѣе страннымъ рисуется и отношеніе Александра къ братьямъ и въ особенности къ тому, кого онъ назначалъ своимъ преемникомъ верховныхъ правъ. Опредѣливъ его будущую отвѣтственную роль въ жизни русскаго народа, онъ не подготавливаетъ его къ этой роли, держитъ въ черномъ военномъ тѣлѣ, скрываетъ отъ него свое завѣщаніе и тѣмъ самымъ какъ бы сразу предопредѣляетъ его на ту опасность, которая неминуемо должна его постигнуть. Это неоткровенное поведеніе особенно становится загадочнымъ, если принять во вниманіе, что государю были болѣе или менѣе подробно извѣстны настроенія въ арміи и въ обществѣ, гдѣ шла именно работа, направленная противъ того престола, на которомъ онъ волею судьбы возсѣдалъ, и на который онъ такъ необычайно возводилъ послѣ себя своего брата. Можно подумать, что въ его душѣ не было истиннаго братскаго чувства къ своему преемнику, и онъ, исполнивъ формально свой долгъ, завѣдомо омылъ руки: *après moi le déluge!*

А что гроза надвигается и неминуемо рано или поздно должна разразиться бурей, онъ зналъ изъ нѣсколькихъ источниковъ, и, тѣмъ не менѣе, по свойству своего характера не принималъ въ этомъ отношеніи никакихъ рѣшительныхъ мѣръ предупрежденія и

пресѣченія. Еще въ 1821 г. генераль-адъютантъ Бенкендорфъ подноситъ ему докладъ о тайныхъ обществахъ въ Россіи, съ указаніемъ многихъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и съ отмѣткой о бездѣятельности по сему предмету столичной администраціи, но Александръ Павловичъ оставляетъ эту записку втуне, и она безо всякаго движенія остается у него на письменномъ столѣ въ кабинетѣ Зимняго дворца. Въ 1824 г. поступаетъ офиціальныи доносъ капитана Майбороды, съ указаніемъ именъ заговорщиковъ и ихъ плановъ. Вслѣдъ за симъ симптомы броженія становятся для государя все яснѣе, и, наконецъ, въ августѣ 1825 г. начальникъ военныхъ поселеній на югѣ, графъ Виттъ, дѣлаетъ о заговорахъ въ войскѣ уже подробное офиціальное донесеніе. Государь ограничивается до времени лишь распоряженіемъ, чтобы графъ черезъ своихъ агентовъ производилъ разслѣдованія и держалъ его въ курсѣ открываемыхъ обстоятельствъ дѣла. Независимо сего, поступаетъ и донесеніе унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся Шервуда, который черезъ посредство Аракчеева получаетъ возможность сдѣлать обо всемъ ему извѣстномъ лично докладъ государю. Въ результатѣ опять отсутствіе предупредительныхъ мѣръ и новое распоряженіе съ спеціальной командировкой Шервуда для продолженія тайнаго разслѣдованія. Все только разслѣдованіе и тайное наблюденіе! Здѣсь нельзя не видѣть какъ бы начала той политики, которая, много лѣтъ спустя, стала программю по политическимъ дѣламъ и департамента полиціи, когда вмѣсто пресѣченія сразу равныхъ политическихъ заговоровъ и начинаній имъ даютъ возможность созрѣть съ вовлеченіемъ сюда новыхъ лицъ. Тамъ, гдѣ все могло бы ограничиться мѣрами, принятыми по отношенію всего лишь нѣсколькихъ лицъ, совершенно искусственно, какъ бы съ предвзятою цѣлью и намѣреніемъ даютъ случай къ гибели многихъ, которые при болѣе откровенной и вмѣстѣ съ тѣмъ активнорѣшительной административной политикѣ могли бы быть спасены и устранены отъ опасныхъ для нихъ замысловъ и дѣйствій.

Единственною мѣрою, принятою Александромъ I не въ цѣляхъ спасенія множества увлеченной молодежи, не въ цѣляхъ возможнаго обезопасенія государства отъ потрясеній, а въ цѣляхъ личной безопасности, была отмѣна маневровъ, назначенныхъ въ томъ году у Бѣлой Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проѣздомъ черезъ Кіевъ въ Таганрогъ, онъ не искалъ случая избѣгнуть кн. Сергѣя Волконскаго (одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ южнаго общества), а назначилъ ему по дѣламъ службы свиданіе, при чемъ ласково и милостиво бесѣдовалъ съ нимъ о его семейныхъ и частныхъ дѣлахъ. Прощаясь съ нимъ, Александръ, какъ бы предавая забвенію найденныя имъ въ бригадѣ князя упущенія, сказалъ ему ¹⁾:

¹⁾ «Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время» — М. П. Богдановича.

— Я забуду все, но совѣтую вамъ заниматься болѣе всего своею дивизіей, нежели политикою, а, паче всего, оставить проекты конституціи.

Александръ Павловичъ уже давно чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но путешествіе на югъ было предпринято прежде всего въ интересахъ больной императрицы; кромѣ того, на югѣ же государь желалъ посмотрѣть тамошнія военныя поселенія, а также Крымъ и Кавказъ. Но этотъ цѣлебный югъ оказался для него могилою. Сначала онъ заболѣлъ желудкомъ, потомъ болѣзнь приняла необычайное теченіе, противъ котораго средства лейбъ-медика Вилліе оказались недостаточными, и тѣмъ болѣе, что больной до послѣдняго почти дня не хотѣлъ ими пользоваться, и 19 ноября 1825 г. его не стало. Быстрый ходъ болѣзни, неясность ея картины и кажущееся быстрое наступленіе его послѣдняго часа не могли не произвести впечатлѣнія на умы современниковъ; особенно въ связи съ обильно циркулировавшими слухами о его намѣреніи отказаться отъ престола и въ связи съ тѣмъ религіозно-мистическимъ настроеніемъ, которое владѣло имъ въ послѣдніе годы жизни. На этомъ фонѣ, какъ извѣстно, создались даже легенда о таинственномъ старцѣ Кузьмичѣ, въ лицѣ котораго народная фантазія стремилась разгадать покинушаго шумный свѣтъ и дворъ блестящаго побѣдителя Наполеона. Эта легенда, какъ никакъ, но очень поэтичная и обвѣянная дымкою теплаго народнаго чувства, приобрѣла одно время широкое распространеніе, особенно когда стало извѣстно, что высокопоставленные лица интересуются выясненіемъ личности таинственнаго старца. Какъ это можетъ показаться читателямъ «Историческаго Вѣстника» ни страннымъ, но не можемъ не отмѣтить въ видѣ личнаго воспоминанія, что даже покойный официальный біографъ Александра I, Николай Карловичъ Шильдеръ, не былъ твердъ въ своемъ воззрѣніи и на личность Кузьмича и на фактъ смерти русскаго императора. Нѣжная и романтическая германская природа генерала Шильдера какъ бы связалась съ этою народною легендою и порою не могла отъ нея отрѣшиться. Среди близкихъ его друзей это обстоятельство порождало немало разговоровъ, шутокъ и остротъ по адресу исторіографа Александра I, и тѣмъ не менѣе старецъ Кузьмичъ былъ для покойнаго тою темою, о которой онъ говорилъ какъ будто съ какимъ-то смущеніемъ и таинственной задумчивостью.

Извѣстіе о кончинѣ Александра Павловича прибыло въ Петербургъ 27 ноября, и сразу же вся путаница съ духовнымъ завѣщаніемъ почившаго императора дала свои плоды. Это же извѣстіе вызвало къ активной дѣятельности и декабристовъ, для которыхъ неожиданная кончина Александра явилась начальнымъ моментомъ для обнаруженія своихъ силъ и для приведенія въ исполненіе политическихъ замысловъ. Явленія двухъ порядковъ развиваются

въ зависимости одно отъ другого: вопросъ о престолонаслѣдїи получаетъ фактически то осуществленіе, которое ему намѣтилъ Александръ I, а въ связи съ этимъ осуществленіемъ принимаютъ извѣстный оборотъ и планы декабристовъ. Дѣйствія членовъ царствующаго дома, которыя по всей справедливости могутъ быть разсматриваемы, съ одной стороны, какъ результатъ опредѣленной наслѣдственности, съ ея прямолинейностью и упрямою настойчивостью, а съ другой—какъ результатъ той системы государственности, гдѣ участие народа въ событіяхъ было устранено, и гдѣ вопросы самаго коренного бытія русской жизни стали вопросами домашняго дворцоваго обихода,—эти дѣйствія создали кровавое событіе 14 декабря, гдѣ маленькая кучка политическихъ романтиковъ, пылкихъ и благородныхъ мечтателей, впервые громко и отважно заявила раздадившему ее правительству, что военно-бюрократическій строй русской государственности, социальный строй русской жизни преступны и должны быть замѣнены иными болѣе совершенными формами жизни. Ихъ голосъ былъ задушенъ, но слово ихъ не умерло. Оно дало первый активный толчокъ общественнымъ и политическимъ движеніямъ, которыя развертываясь до нашихъ дней включительно, переживая всевозможныя перипетїи и эволюціи, поставили, наконецъ, и все русское общество и само правительство передъ разрѣшеніемъ вопросовъ о русской государственности и объ очищенїи ея отъ тѣхъ бюрократическихъ петель, узловъ и путъ, въ коихъ въ свое время задохались лучшіе люди конца царствованїа Александра I, и отъ коихъ стало невозможно жить намъ, современникамъ конца XIX и начала XX столѣтїи.

IX.

Извѣстіе о кончинѣ Александра I пришло въ Петербургъ 27 ноября въ то время, когда царская фамилія стояла на молебнѣ въ Зимнемъ дворцѣ, назначенномъ о здравїи государя императора по случаю его серьезной болѣзни. Молебенъ былъ прерванъ, всѣ находились въ оцѣпенѣнїи, вдовствующая царица-мать лишилась чувствъ... Николай Павловичъ, вволнованный и рыдающій, успокаиваетъ мать и жену и тутъ же въ опустѣлой церкви, гдѣ оставался всего лишь поэтъ Жуковский, даетъ распоряженіе священнику о приведенїи его, великаго князя, къ присягѣ старшему брату, Константину Павловичу. «Совершивъ присягу и подписавъ присяжный листъ,—повѣствуетъ Н. К. Шильдеръ,—великій князь вышелъ изъ церкви и направился къ внутреннему дворцовому караулу, бывшему въ тотъ день отъ роты его величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, и объявилъ людямъ о кончинѣ государя, и что теперь всѣ обязаны присягнуть законному императору, Константину Павловичу. То же самое великій князь лично

возвѣстилъ двумъ другимъ внутреннимъ карауламъ: кавалергардскому и конногвардейскому. Затѣмъ Николай Павловичъ поручилъ дежурному генералу Потапову принять присягу отъ главнаго дворцоваго караула, а адъютанту своему, полковнику Адлербергу, отправиться съ тою же цѣлью въ инженерное вѣдомство. Сверхъ сего, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генераль Нейгардтъ, былъ посланъ въ Невскую лавру, гдѣ собрался къ молебну весь гвардейскій генералитетъ, чтобы предложить генералу Воинову распорядиться приведеніемъ къ присягѣ всѣхъ гвардейскихъ полковъ.

«Всѣми этими распоряженіями, какъ сказано въ первомъ манифестѣ императора Николая, «желали мы утвердить уваженіе наше къ первому коренному отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія престола... отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ и... предохранить отечество наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной, неизвѣстности о законномъ его государѣ».

«По исполненіи всего этого великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, онъ поспѣшилъ къ императрицѣ-матери и сообщилъ ей, что исполнилъ священный долгъ, присягнувъ императору Константину, что повлекло за собою присягу карауловъ и лицъ, находившихся во дворцѣ, какъ-то графа Милорадовича, генералъ-адъютантовъ князя Трубецкого и Голенищева-Кутузова, дежурнаго генерала Потапова и многихъ другихъ.

— «Nicolas qu'avez vous fait? — воскликнула императрица въ испугѣ:—ne savez vous donc pas qu'il y a un autre acte qui vous comme héritier présomptif?

— «S'il y en a un,—отвѣтилъ великій князь,—il ne m'est pas connu, personne ne le connaît; mais nous savons tous que notre maître, notre souverain légitime, est mon frère Constantin, et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra!»

Эти мотивы, выставленные Николаемъ Павловичемъ, какъ формальное основаніе его дѣйствій, чрезвычайно характерны для обрисовки его личности. Онъ торопится съ присягой, полагаясь только на личныя соображенія, никакой чужой голосъ, даже матери, для него не указъ. Въ этой торопливости дѣйствій до извѣстной степени сказывается наслѣдственная черта Голштинскаго рода (Петра III, Павла I), упрямство отцовское все налицо, и, наконецъ, военная субординація и бюрократическая формалистика—главные стимулы его дѣйствій. Тамъ, «будь, что будетъ» съ Россіей, даже съ нимъ лично, но «коренной законъ о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія престола», изданный его отцомъ, выполненъ.

Но вѣдь были же люди, которыхъ покойный государь посвятилъ въ свое законно оформленное рѣшеніе? Да, они были, но на-

Иванъ Васильевичъ Шервудъ-Вѣрный.

лицо оказался лишь князь Голицынъ, который и послѣшилъ во дворецъ, чтобы представить Николаю Павловичу требованіе повиноваться загробной волѣ родителя. Между ними произошла сцена, при чемъ министръ «въ изступленіи, внѣ себя отъ горя, но и отъ вѣсти во дворецѣ, что всѣ присягнули Константину Павловичу», началъ выговаривать, «зачѣмъ великій князь брату присягнулъ и другихъ симъ завлекъ», и требовалъ, чтобы онъ

«истор. вѣстн.», февраль, 1906 г., т. сш.

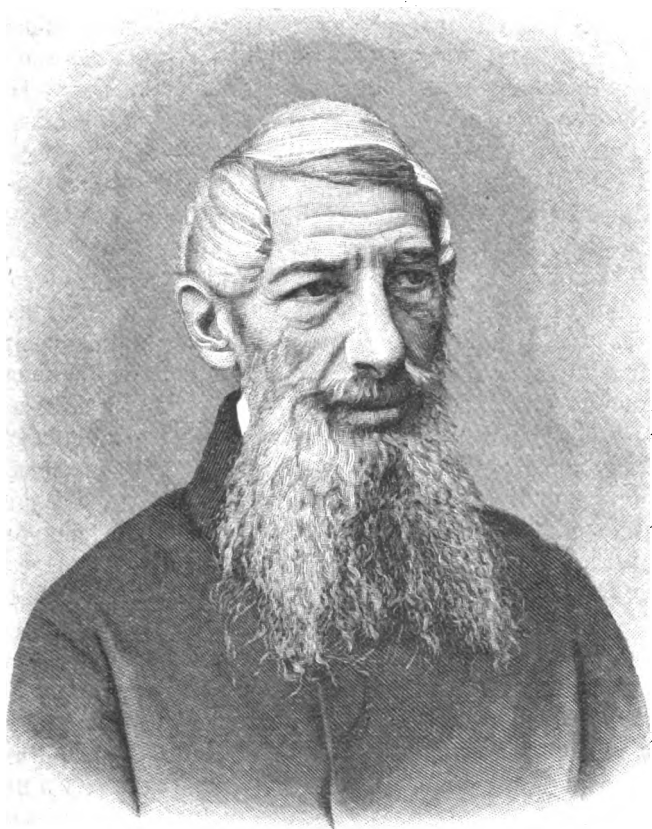
15

повиновался волѣ покойнаго государя». Но великій князь остался непреклоненъ, и они разстались недовольные другъ другомъ: Николай Павловичъ—его вмѣшательствомъ, онъ—неуступчивостью великаго князя.

Узелъ былъ, очевидно, крѣпко завязанъ, и чиновный Петербургъ на засѣданіи въ государственномъ совѣтѣ только и дѣлаетъ въ дальнѣйшемъ, что крѣпче и крѣпче сжимаетъ его стянутыя петли. Голицынъ сообщаетъ членамъ совѣта, что по предмету престолонаслѣдія имѣется уже готовый манифестъ, переписанный даже его собственной рукою, подлинникъ котораго хранится въ Успенскомъ соборѣ, что прежде вопроса о присягѣ необходимо ознакомиться съ пакетомъ, на которомъ имѣется собственная покойнаго государя надпись. Но ему возражаютъ: «покойники воли имѣть не могутъ», и общая воля о престолонаслѣдіи Павла ставится выше воли его сына. Поднимаются споры, и идутъ казуистическія толкованія, во время которыхъ является Милорадовичъ и объявляетъ: «я имѣю честь донести государственному совѣту, что его императорское высочество, великій князь Николай Павловичъ, изволилъ учинить присягу на подданство старшему брату своему, императору Константину Павловичу, что онъ, военный генераль-губернаторъ, и войско его величеству уже присягнули, и что онъ совѣтуетъ господамъ членамъ государственнаго совѣта прежде всего также присягнуть, а потомъ уже дѣлать, что угодно». Это «что угодно» чрезвычайно характерно. Члены совѣта знакомятся, однако, съ таинственнымъ пакетомъ и затѣмъ останавливаются на мысли лично посѣтить великаго князя. Состоялось свиданіе во дворцѣ, при чемъ великій князь заявилъ собравшимся: «господа, я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану».

Рѣшеніе великаго князя признается «великодушнымъ подвигомъ», послѣ чего всѣ принимаютъ присягу императору Константину Павловичу. Онъ объявляется императоромъ всенародно, появляются его портреты въ продажѣ, какъ портреты благополучно здравствующаго самодержца, его именемъ подписываются акты, съ его именемъ заказываются медали и монеты... Въ Варшаву посылается гонецъ съ копіей журнала постановленія государственнаго совѣта, письмо отъ имени Николая Павловича обоимъ братьямъ, пребывавшимъ тамъ, Константину и Михаилу, и, сверхъ того, туда же командированы разные военные и гражданскіе нарочные съ специальными порученіями, а главное съ вѣстью, что Петербургъ присягнулъ новому законному императору Константину I и ожидаетъ его прибытія и его державной воли.

Болѣе гладко прошло дѣло въ Москвѣ. Когда здѣсь распространилась вѣсть о кончинѣ Александра I, то Филаретъ счелъ долгомъ поставить прежде всего въ извѣстность генераль-губернатора Голицына о хранящемся въ Успенскомъ соборѣ государственномъ актѣ. Рѣшено было до прибытія указація изъ Петербурга таинственнаго документа не распечатывать. Вечеромъ 29 прибыло письмо изъ Петербурга отъ Милорадовича съ сообщеніемъ о при-

Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой ¹⁾.

нятой столицей присягѣ въ пользу Константина Павловича и съ распоряженіемъ, чтобы «не была открываема бумага, какая есть въ Успенскомъ соборѣ». Тогда между сановниками, свѣтскимъ и духовнымъ, было рѣшено послѣдовать примѣру Петербурга, ибо «нельзя быть одному императору въ Петербургѣ, другому въ Мо-

¹⁾ Портретъ кн. Трубецкого въ молодости не извѣстенъ.

сквѣ», и послѣ того, какъ сенатомъ былъ оформленъ актъ присяги, послѣдняя и была принесена 30 ноября также Константину Павловичу. Но что же дѣлалось въ это время въ Варшавѣ, и какъ отнесся «новый императоръ» къ принесенной ему присягѣ въ двухъ столицахъ?

Когда въ Варшаву прибыло извѣстіе о кончинѣ Александра I, Константинъ Павловичъ, изливъ передъ братомъ и супругою чувство скорби, поспѣшилъ пригласить приближенныхъ. Изъ нихъ первымъ явился Новосильцевъ, и между ними произошла сцена, описанная у Н. К. Шильдера такъ: «Цесаревичъ тотчасъ объявилъ ему объ уtratѣ, постигшей Россію». «Какія же теперь приказанія вашего величества?»—спросилъ Новосильцевъ.—«Прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула»,—возразилъ цесаревичъ и рассказалъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ отрекся отъ престола въ пользу брата. Несмотря на данное ему предостереженіе, Новосильцевъ въ продолженіи разговора снова повторилъ тотъ же титулъ. «Въ послѣдній разъ прошу васъ перестать и помнить, — закричалъ цесаревичъ уже съ гнѣвомъ: — что теперь одинъ законный государь и императоръ нашъ—Николай Павловичъ».

Такія же сцены повторились и съ другими приближенными, и Константинъ при всѣхъ случаяхъ категорически заявлялъ, что императоръ—не онъ, а его братъ. Напримѣръ, съ Князьковымъ дѣло дошло даже до выраженія обычной ему вспыльчивости.

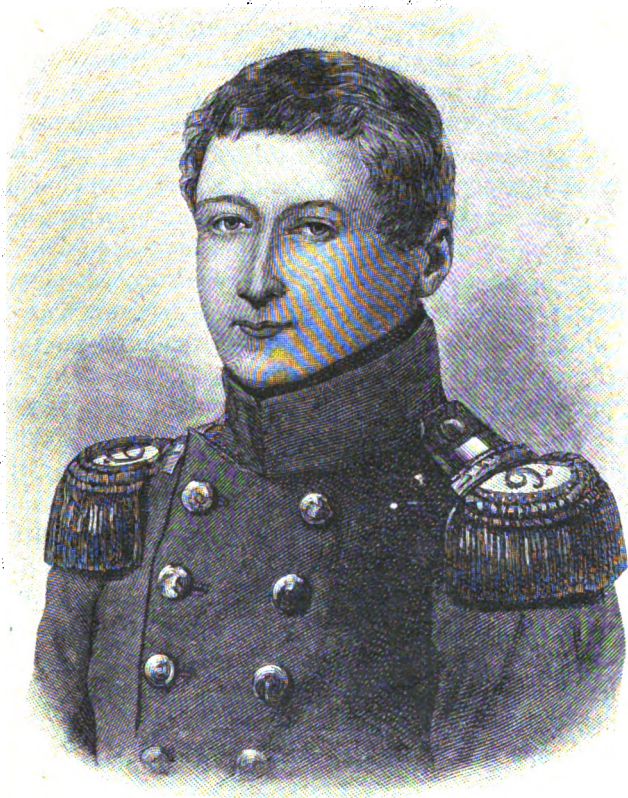
— Да замолчите ли вы?—кричалъ на него цесаревичъ.—Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова, кто вамъ далъ право предрѣшать дѣло, до васъ не касающееся? Вы знаете, чему вы подвергаетесь? Знаете ли, что за это Сибирь и въ кандалы сажаютъ? Извольте итти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу.

Итакъ, въ Варшавѣ считали достойнымъ строгой кары то, что на законномъ основаніи утверждалось въ Петербургѣ и Москвѣ. Подъ угломъ зрѣнія Константина Павловича и лица царскаго дома, и сенатъ, и государственный совѣтъ заслужили Сибирь и кандалы!

Вслѣдъ за бесѣдою съ приближенными Константинъ Павловичъ немедленно командировать въ Москву брата Михаила съ письмомъ къ матушкѣ и брату Николаю Павловичу, гдѣ сообщаетъ имъ о принятомъ имъ неизмѣнномъ рѣшеніи слѣдовать волѣ почившаго императора. Приѣздъ изъ Петербурга курьера съ присягою повергаетъ его въ отчаяніе и гнѣвъ, и между Варшавою и Петербургомъ завязывается своего рода полемика, носящая на себѣ скорѣе характеръ фамиліной исторіи, при чемъ цесаревичъ упорно не признаетъ никакой для себя необходимости лично приѣхать въ столицу, издать манифестъ о своемъ отреченіи и тѣмъ развязать гордіевъ узелъ.

Опѣнивая поведеніе Константина Павловича въ эти смутные дни, даже осторожный Н. К. Шильдеръ приходитъ къ слѣдующему далеко немилостивому рѣшенію. Онъ говоритъ: «Если всѣ дѣйствія

цесаревича по полученіи увѣдомленія о кончинѣ императора Александра были вполнѣ правильны и соотвѣтствовали обстоятельствамъ, то нельзя того же сказать относительно его послѣдующихъ распоряженій, когда изъ присланныхъ въ Варшаву донесеній оказалось, что вся Россія ему присягнула. Для спокойствія имперіи слѣдовало, конечно, позабыть личное неудовольствіе, можетъ быть,

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль.

до нѣкоторой степени вполнѣ справедливое, и въ виду государственныхъ интересовъ, касавшихся уже общаго блага, пожертвовать чувствомъ самолюбія. Цесаревичу послѣ присяги 27 ноября не оставалось другого исхода, какъ принять престолъ или же немедленно ѣхать въ Петербургъ, чтобы личнымъ присутствіемъ устранить возможные недоразумѣнія и обезпечить спокойное воцареніе брата Николая Павловича, какъ предназначеннаго наслѣдника престола. Наконецъ оставался еще одинъ исходъ: если це-

саревичъ, не признавая возможности объявить свою волю Россіи путемъ манифеста, рѣшился бы прислать въ Петербургъ бумагу, въ родѣ сочиненнаго имъ впоследствии торжественнаго объявленія своимъ любезнѣйшимъ соотчичамъ, въ такомъ случаѣ воцареніе новаго императора совершилось бы, какъ должно полагать, безъ тѣхъ потрясеній, которыхъ справедливо опасались современники этихъ событій.

«Между тѣмъ, вмѣсто выбора одного изъ указанныхъ здѣсь способовъ дѣйствій, цесаревичъ ограничился однимъ письменнымъ заявленіемъ своему брату, что онъ не только не намѣренъ прибыть въ Петербургъ, но еще далѣе удалится, если не будетъ приведена въ исполненіе воля покойнаго императора Александра. Къ этому заявленію Константинъ Павловичъ присовокупилъ еще нѣчто въ родѣ письменнаго выговора предсѣдателю государственнаго совѣта, князю Лопухину. Для довершенія всѣхъ затрудненій оба эти документы были редактированы въ такихъ выраженіяхъ, что устраняли всякую возможность къ ихъ обнародованію.

«Итакъ, въ сущности рѣшеніе, на которомъ остановился цесаревичъ, сводилось къ слѣдующему: я сдѣлалъ свое дѣло, вы поступили опрометчиво и неправильно, распутывайте же теперь дѣло, какъ знаете, моя хата съ края».

Въ Варшавѣ не хотѣли какъ либо помочь разрубить узелъ, и сдѣлать это должны были въ Петербургѣ. Николай Павловичъ вынужденъ былъ наконецъ подъ давленіемъ обстоятельствъ и поведенія брата взять принесенную присягу обратно и объявить себя императоромъ всероссійскимъ, согласно волѣ покойнаго Александра I. Къ 12 декабря обстоятельства выяснились, и рѣшеніе его опредѣлилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему тогда же впервые стало извѣстно о заговорѣ какъ въ сѣверной, такъ и южной арміи. Эта вѣсть для него была истиннымъ громомъ, и вся опасность его настоящаго положенія предстала передъ нимъ воочию. Рѣшивъ покончить съ дѣломъ междоусобія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заносилъ ногу надъ разверзшеюся передъ нимъ пропастью.

X.

Насколько было тревожно состояніе его духа, явствуетъ изъ его писемъ къ Дибичу и кн. П. М. Волконскому. Первому онъ писалъ: «Рѣшительный курьеръ воротился; послѣзавтра по утру — я или государь или безъ дыханія. Я жертвую собою для брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и лицу довѣренному для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнью

или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оныя нынѣ предъ мною выполнять». Въ письмѣ къ кн. Трубецкому онъ говорилъ: «Воля Божія и приговоръ братній надо мною совершаются! 14 числа я буду государь или мертвъ. Что во мнѣ происходитъ, описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь: да, мы всѣ несчастны, но нѣтъ несчастіе меня! Да будетъ воля Божья»...

Какимъ же путемъ и что именно стало извѣстно Николаю Павловичу относительно заговора въ арміяхъ, о которомъ онъ, несмотря на свое званіе командующаго крупною войсковою частью, ничего не зналъ до послѣдняго почти часа, когда заговорщики уже приступили къ активной реализаціи своихъ плановъ? Новый государь, отъ котораго до тѣхъ поръ почившій императоръ тщательно скрывалъ все ему уже въ подробностяхъ извѣстное относительно революціоннаго настроенія умовъ въ арміи изъ донесеній Майбороды и Шервуда, впервые ознакомился лишь вечеромъ 12 декабря съ положеніемъ вещей изъ донесенія, присланнаго въ Петербургъ изъ Таганрога отъ Дибича, а также изъ личнаго сообщенія, сдѣланнаго ему подпоручикомъ Яковымъ Ростовцевымъ.

Какъ извѣстно, Александромъ Павловичемъ были при содѣйствіи Аракчеева даны распоряженія и Майбородѣ и Шервуду о производствѣ разслѣдованій заговора въ южной арміи. Когда количество данныхъ, добытыхъ Шервудомъ, возросло, онъ доставилъ таковыя Аракчееву; но это совпало съ трагическимъ моментомъ въ его личной жизни. Его любовница, Минкина, была зарѣзана въ Грузинѣ дворовыми людьми, и всесильный временщикъ оказался во власти полнаго отчаянія. Онъ, на комъ такъ долго лежало почти всецѣло бремя русской внутренней политики, который казался всегда такимъ оплотомъ реакціонной государственности въ послѣдніе годы царствованія его «благодѣтеля», забылъ передъ лицомъ личнаго горя объ опасности, грозившей и его благодѣтелю и тому строю, который онъ былъ призванъ охранять. Ужасная смерть отвратительнаго, но обожаемаго имъ созданія выбила его изъ колеи, и онъ, махнувъ рукою на свои обязанности по государственному управленію, цѣликомъ ушелъ въ разслѣдованіе кровавой катастрофы въ Грузинѣ. Такимъ образомъ главнымъ центромъ поступленія всѣхъ секретныхъ о заговорахъ донесеній сдѣлался штабъ генералъ-адъютанта барона Дибича въ Таганрогѣ, откуда таковыя и были препровождены въ Петербургъ на имя его императорскаго величества, безъ указанія только—какого величества. Опять таки, благодаря политикѣ таинственности, и въ данный серьезный моментъ чуть не разыгралась новая бѣда, ибо Николай Павловичъ, получивъ пакетъ все въ томъ же настроеніи сомнѣній въ своихъ правахъ, не сразу рѣшился его распечатать. Но когда онъ на сей шагъ рѣшился и ознакомился съ содержаніемъ доне-

сеній, то ужасъ охватилъ его всецѣло. Онъ понялъ всю серьезность положенія вещей и что дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы его можно было сразу, тутъ же на мѣстѣ разрѣшить однимъ почеркомъ пера. Но то, что онъ узналъ, касалось вопросовъ и фактовъ общеполитическаго характера, не относящихся до него лично, какъ Николая Павловича, непосредственно. Отношеніе заговорщиковъ къ нему лично и ихъ ближайшихъ плановъ въ соотвѣтствіи съ ходомъ событій, созданныхъ междуцарствіемъ, стало ему извѣстно изъ письма Ростовцева къ нему и личной бесѣды съ послѣднимъ.

Юный Ростовцевъ рѣшился на доносъ вполне безкорыстно и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне сознательно, исходя изъ соображеній государственнаго порядка и изъ желанія пользы и блага своей родины, при чемъ о своихъ намѣреніяхъ не считъ даже нужнымъ скрыть отъ главныхъ героевъ предстоящаго 14 декабря. Вотъ что Ростовцевъ писалъ Николаю Павловичу:

«Ваше императорское высочество!

«Всемиловѣйшій государь!

«Три дня тщетно искалъ я случая встрѣтить васъ наединѣ, наконецъ принялъ дерзость писать къ вамъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчалъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе, думая, что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами; горя желаніемъ быть по мѣрѣ силъ моихъ полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи, наконецъ въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ. Не почитайте меня ни презрѣннымъ льстецомъ, ни коварнымъ доносчикомъ; не думайте, чтобы я былъ чѣмъ либо орудіемъ или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности; нѣтъ, съ чистою совѣстью я пришелъ говорить вамъ правду.

«Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы сдѣлались предметомъ благоговѣнія, и исторія, хотя бы вы никогда не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ знаменитыхъ честолюбцевъ. Но вы только зачали славное дѣло: чтобы быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

«Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко влеченію вашего добраго сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражали.

«Для вашей собственной славы погодите царствовать.

«Противъ васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ, и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

«Пользуясь междуособіями, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, можетъ быть, и Литва отъ насъ отдѣлятся, Европа вычеркнетъ Россію изъ списка державъ своихъ и сдѣлаетъ ее державою азіатскою, и везаслуженныя проклятія вмѣсто должныхъ благословеній будутъ вашимъ удѣломъ.

«Ваше величество! Можетъ быть, предположенія мои ошибочны, можетъ быть, я увлекся и личною привязанностью къ вамъ и любовію къ спокойствію Россіи, но дерзаю умолять васъ именемъ славы отечества, именемъ вашей собственной славы преклонить Константина Павловича принять корону. Не пересылайтесь съ нимъ курьерами, ибо сіе длитъ пагубное для васъ междуцарствіе, и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ. Нѣтъ, побѣжайте сами въ Варшаву, или пусть онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; излейте ему, какъ брату, мысли и чувства свои. Ежели онъ согласится быть императоромъ — слава Богу! Ежели нѣтъ, то пусть всенародно на площади провозгласитъ васъ своимъ государемъ.

«Всемиловѣйшій государь! Ежели вы находите поступокъ мой дерзкимъ, казните меня. Я буду счастливъ, погибая за васъ и за Россію, и умру, благословляя Всевышняго. Если вы находите поступокъ мой похвальнымъ, молю васъ, не награждайте меня ничѣмъ: пусть останусь я безкорыстенъ и благороденъ въ глазахъ вашихъ и моихъ собственныхъ. Объ одномъ только дерзаю просить васъ: прикажите арестовать меня. Ежели ваше воцареніе, что да дастъ Всемогущій, будетъ мирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго изъ личныхъ видовъ нарушить ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностью и позвольте мнѣ умереть возлѣ васъ.

«Вашего императорскаго высочества, всемиловѣйшаго
государя, вѣрноподанный Іаковъ Ростовцевъ».

Вотъ голосъ, правдивый, благородный и безкорыстный, который впервые смѣло раздался около молодого государя во всѣ дни мучительнаго междуцарствія. Любопытно, что этотъ юноша-подпоручикъ широко ставитъ вопросъ о благоденствіи Россіи, разсматривая его подъ угломъ зрѣнія международныхъ отношеній и ея государственнаго строительства. Его пугаетъ возможность коренныхъ потрясеній отечества въ его цѣломъ, какъ государства, составнаго изъ разныхъ областей и народовъ, и онъ боится, чтобы моментомъ смуты не воспользовались напѣи европейскіе недруги, для которыхъ величіе и крѣпость Россіи несподручны. Письмо Ростовцева — замѣчательный документъ, который, къ сожалѣнію, недостаточно оцѣненъ въ нашей литературѣ, и который долженъ быть признанъ за голосъ высокаго патріота, коему благоденствіе и слава Россіи до-

роже всего на свѣтѣ. Кромѣ того, молодой подпоручикъ первый позволяетъ себѣ обратить вниманіе новаго властелина на его непопулярность въ войскахъ, проистекающую изъ свойствъ его личной природы. Это также былъ первый голосъ правды, не говоря уже про то, что Ростовцевъ также первый вполнѣ правильно опредѣлилъ путь исправленія ошибокъ, которыя обоими братьями покойнаго императора были допущены, и тѣмъ самымъ какъ бы бросалъ свое обвиненіе въ лицо виновникамъ этихъ ошибокъ.

Личная бесѣда Николая Павловича съ Ростовцевымъ была въ сущности бесѣдою двухъ рыцарскихъ натуръ. Подпоручикъ не назвалъ никого изъ заговорщиковъ, а завтрашній императоръ не потребовалъ также отъ него ни одного имени, не попытался узнать и плана дѣйствій своихъ недруговъ. Ни письмо, ни разговоръ не измѣнили ничего: вся историческая наличность осталась таковою, какъ ее сложили обстоятельства, и до поры до времени столицу охватилъ зловѣщій штиль. Полицейская администрація по русскому обыкновенію, тогда уже упрочившемуся и какъ бы въ назиданіе грядущимъ аналогичнымъ временамъ, покрыла этотъ штиль казеннымъ докладомъ: въ городѣ все обстоитъ благополучно!

Графъ Милорадовичъ съ удивительно беззаботливостью и легкомысліемъ ничего не зналъ, что творится въ городѣ, что тамъ готовится, и какъ должны чуть ли не черезъ нѣсколько часовъ обнаружиться враждебныя правительству революціонныя силы. А вмѣстѣ съ тѣмъ, что оставалось невѣдомымъ для высшей полиціи, до нѣкоторой степени уже было извѣстно въ городѣ, и стоустая молва по какому-то психологическому наитію пророчила: быть худу!

Современники оставили намъ свѣдѣнія¹⁾, что на рынкахъ и въ мелочныхъ лавкахъ, куда стекаются изъ низшихъ слоевъ народонаселенія разныя городскія сплетни и нелѣпые толки, было много зловѣщихъ слуховъ; въ народѣ говорили 13 декабря, что на слѣдующій день назначена присяга, и что нѣкоторые полки не хотятъ присягать новому императору Николаю I. Да, дѣйствительно, симпатіи войскъ и народа лежали не на его сторонѣ, и всѣ согласны были гораздо громче и воодушевленнѣе кричать: «ура! да здравствуетъ Константинъ!» Двѣ причины легли въ основаніе такого психологическаго настроенія. Первая, и главнѣйшая, конечно, состояла въ исконной преданности и поэтической народной любви къ представителю царствующаго дома, который въ данномъ случаѣ какъ будто обходился семейными интригами, вслѣдствіе чего на свѣтѣ выступала жестокая государственная неправда; и вторая сводилась именно къ отмѣченной Ростовцевымъ непопулярности Николая Павловича въ войскахъ. Его холодная педантичность, строгость въ требованіи отъ подчиненныхъ исполненія долга

¹⁾ Записки П. А. Каратыгина.

службы, замкнутость и отчужденность отъ окружающихъ—вотъ тѣ черты, которыя отталкивали отъ него офицерство. Онъ не всегда умѣлъ ладить съ вѣренными ему частями войскъ, и требовалось вмѣшательство третьихъ лицъ для приведенія инцидентовъ къ благополучному концу. Нельзя сказать, чтобы и Константинъ Павловичъ былъ особенно любимъ гвардіей, но выгода его положенія въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ была та, что онъ былъ далеко, что о его взысканности, горячности и невовдержности какъ будто успѣли забыть, и онѣ затуманились дальностью разстоянія. Оба брата въ сущности въ глазахъ массы какъ бы нѣсколько воплощали въ себѣ портретъ отца, и въ этомъ была невыгода положенія ихъ обоихъ, какъ претендентовъ на престолъ.

XI.

Смерть Александра I застала членовъ Южнаго и Сѣвернаго обществъ врасплохъ. Хотя въ теченіе цѣлыхъ двухъ слишкомъ послѣднихъ лѣтъ между ними происходили переговоры относительно необходимости въ цѣляхъ осуществленія ихъ политическихъ плановъ активныхъ дѣйствій, но именно активныхъ-то дѣйствій они рѣшительно никакихъ не принимали. Шли бесѣды между офицерами, до нѣкоторой степени шла пропаганда и между солдатами, но цѣлаго практическаго плана не было ни обдуманно, ни намѣчено.

Первоначально, до декабря 1820 г., весь центръ революціонной тяжести лежалъ въ Южномъ обществѣ, гдѣ сосредоточились наиболѣе пылкіе, радикальные и энергичные дѣятели политическаго заговора. Тутъ душою заговора, идеологомъ политической программы, былъ Пестель, но и въ немъ мы не видимъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ единства настроенія и цѣлости замысла. Насколько это настроеніе было повышено въ 1823—1824 г.г., настолько оно понизилось въ часъ роковыхъ событій. Съ одной стороны, онъ дѣйствуетъ какъ будто подъ активнымъ напоромъ другихъ, болѣе его пылкихъ, съ другой—онъ употребляетъ уже усилія къ охлажденію порывовъ своихъ друзей-единомышленниковъ.

Его поѣздка въ 1824 г. для объясненій съ представителемъ Сѣвернаго общества кончились неудачно. По пріѣздѣ въ Петербургъ, при свиданіи съ княземъ Трубецкимъ, онъ жаловался, что «въ столицѣ вовсе ничего нѣтъ, никто ничего не хочетъ дѣлать, Муравьевъ не отвѣчалъ ни по письменнымъ, ни по словеснымъ порученіямъ; выхвалялъ свое общество (т.-е. южанъ), какъ оно хорошо устроено, какъ хорошо идетъ, говорилъ, что и здѣсь должно устроить въ такомъ же порядкѣ, что для сего надобно непремѣн-

ныхъ управляющихъ членовъ и совершенное безпрекословное отъ прочихъ къ нимъ повиновеніе, и что надобно слить оба общества вмѣстѣ, и чтобы управленіе ихъ было одно и то же, т.-е. одни управляющіе члены»... Но всѣ убѣжденія о сляніи обществъ, всѣ попытки навязать Сѣверному обществу свою республиканскую программу Пестелю не удались. Его петербургскіе знакомые, во-первыхъ, были съ нимъ несогласны по существу и держались умѣренной конституціонной программы Никиты Муравьева, а, во-вторыхъ, высказали рѣшительное недовѣріе и къ нему лично, усматривая и въ его планахъ, и въ той деспотической настойчивости, съ которою онъ эти планы проводилъ, стремленіе къ диктаторству, къ властолюбію, къ выдвиганію на первый планъ личнаго я. Имъ особенно казалась подозрительною проповѣдь Пестеля объ учрежденіи верховнаго правленія съ почти неограниченною властью, въ которомъ онъ отводилъ опредѣленное мѣсто себѣ лично, наравнѣ съ прочими главарями обоихъ тайныхъ обществъ. Видя, что убѣжденія не дѣйствуютъ, онъ пытается внести среди членовъ расколъ и дѣлаетъ попытку привлечь на свою сторону князя Трубецкого, предложивъ ему войти третьимъ членомъ въ южную директорію, въ качествѣ руководителя Сѣвернаго общества, при томъ онъ говорилъ, что такъ какъ Юшневскій ¹⁾ мало занимается дѣлами, то князь Трубецкой вмѣстѣ съ нимъ, Пестелемъ, вдвоемъ и будутъ вершителями судебъ обоихъ соединенныхъ организацій. Но князь Трубецкой не согласился, и они разстались недовольные другъ другомъ. На прощаніе Пестель счелъ нужнымъ даже сказать: «стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и подозрѣваетъ въ другомъ личные какіе виды, а послѣдствіе докажетъ, что таковыхъ видовъ нѣтъ».

Поскольку догадки членовъ Сѣвернаго общества касательно диктаторскихъ наклонностей Пестеля были основательны, трудно утверждать въ полномъ объемѣ подозрѣній, но, во всякомъ случаѣ, вотъ показаніе «Донесенія слѣдственной комиссіи» ²⁾, которое для характеристики агитатора очень рельефно... «Онъ часто дѣйствовалъ такъ, чтобы его мысли и намѣренія были предложены не имъ и даже казались не его внушеніемъ. Подполковникъ Поджіо встрѣтился съ нимъ въ первый разъ осенью 1824 г. Пестель, зналъ, что онъ—членъ общества, зналъ, что онъ изъ такихъ, коихъ, по словамъ его, не было нужды прищипывать, но сперва говорилъ осторожно, только искалъ плѣнить его умомъ, велерѣчіемъ, лестью; много разсуждалъ о различныхъ формахъ правленія, начавъ отъ Немврода, и особенно осуждалъ наслѣдственный въ монархіяхъ порядокъ, но когда Поджіо въ восторгѣ, который въ другомъ слу-

¹⁾ Одинъ изъ директоровъ Южнаго общества.

²⁾ «Тайное общество и 14 декабря 1825 г. въ Россіи».

чаѣ можно было назвать дѣтскимъ, вскричалъ: «должно признаться, что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ государственной наукѣ; они были ученики, а наука въ младенчествѣ», то онъ сталъ мало-по-малу намекать о томъ, что для торжества ихъ идей нужны усилія, жертвы,—отвѣтъ уже воспламененнаго до бѣшенства и нынѣ горько раскаявшагося Поджіо былъ готовъ: «принесемъ въ жертву всѣхъ»; тогда Пестель, сжавъ руку, сказалъ: «давай считать ихъ по пальцамъ; для удара я готовлю двѣнадцать удалцовъ: Бярятинскій уже набралъ нѣкоторыхъ». Дошедши до царственныхъ особъ женскаго пола, онъ на минуту остановился: «знаешь ли, Поджіо, что это ужасно!» и, однакожъ, заключилъ свой страшный счетъ числомъ 13, прибавивъ: «если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ, у всѣхъ великихъ княгинь есть дѣти: довольно объявить ихъ лишенными правъ на царство; а кто захочетъ престола, облигаго кровью?» Но Пестель самъ, какъ показываетъ его сообщникъ-обвинитель, хотѣлъ для себя, по крайней мѣрѣ, власти царской. «Кто же,—спрашивалъ онъ у Поджіо,—будетъ главою временнаго правительства?»—«Кому быть, кромѣ того, кто начинаетъ и, безъ сомнѣнія, совершитъ великое дѣло революціи, кромѣ васъ?»—«Неловко мнѣ, нося имя нерусское».—«Что нужды! Вы уймете самое злорѣчіе, удалясь, какъ Вашингтонъ, въ среду простыхъ гражданъ: вѣдь временное правительство недолго будетъ дѣйствовать, годъ, много два».—«О, нѣтъ!—возразилъ Пестель,—не менѣ десяти лѣтъ, они необходимы для однѣхъ предварительныхъ мѣръ; между тѣмъ, чтобы не роптали, можно занять умы внѣшнею войною, восстановленіемъ древнихъ республикъ въ Греціи. А, окончивъ воинскій подвигъ, я заключусь въ Кіевской лаврѣ, буду схимникомъ и тогда примусь за вѣру». Погода онъ общалъ всѣмъ соучастникамъ своихъ плановъ главные мѣста въ будущихъ министерствахъ и во всемъ государственномъ управленіи.

Когда Пестель вернулся на югъ послѣ своей неудачной дипломатической поѣздки въ Петербургъ, то, конечно, какъ умный тактикъ и расчетливый агитаторъ, онъ не открылъ своей неудачи членамъ Южнаго общества, а, напротивъ, увѣрялъ ихъ, что «все привелъ въ желанный имъ порядокъ; что общества Южное и Сѣверное соединились; что сначала ему противились во многомъ, а однажды онъ, въ нетерпѣнни ударивъ по столу, сказалъ: «такъ будетъ же республика»; что наконецъ всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами». Но это все были разговоры, далекіе еще до какихъ либо дѣйствій, относительно которыхъ среди членовъ не было полной солидарности. Биографъ Пестеля, Н. П. Павловъ-Сильванскій¹⁾, въ слѣдующихъ суммированныхъ данныхъ такъ излагаетъ

¹⁾ Русскій біографическій словарь.

и эти дѣйствія, и ту роль, которую здѣсь игралъ глава Южнаго общества. «Наиболѣе дѣятельными и вліятельными членами Южнаго общества,—говоритъ онъ,—были, помимо Пестеля, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ Полтавскаго пѣхотнаго полка. Сергѣй Муравьевъ присоединился къ Южному обществу въ 1822 г., а черезъ него въ 1823 г. принятъ былъ Бестужевъ. Они не сразу подчинились мнѣніямъ Пестеля, а сначала, въ особенности Муравьевъ, горячо спорили противъ его программы установленія республики путемъ революціи; но вскорѣ, въ ноябрѣ 1823 г., на съѣздѣ у Давыдова въ Каменкѣ объявили, что перемѣнили свое мнѣніе и вполне принимаютъ программу Пестеля. «Русская Правда», въ краткомъ изложеніи, составила ихъ политическій завѣтъ, который они дѣятельно распространяли среди другихъ членовъ. Въ 1823 г. С. Муравьевъ и М. Бестужевъ объявлены были руководителями Васильковской или лѣвой управы. Оба они отличались крайней пылкостью характера, фанатической преданностью преступнымъ идеямъ. Послушные Пестелю каменскіе и тульчинскіе члены были слишкомъ пассивны; Муравьевъ же и Бестужевъ слишкомъ рвались впередъ и, признавая авторитетъ Пестеля, въ то же время противъ его воли увлекали его за собою». Они же открыли «Общество соединенныхъ славянъ», присоединили его къ Васильковской управѣ, а также вошли въ сношенія съ поляками. Васильковская управа въ 1824 г. была наибольшая по числу своихъ членовъ, болѣе дѣятельная и болѣе независимая отъ директора. Въ цѣляхъ ослабить нѣкоторую автономность этой управы и ослабить значеніе С. Муравьева, Пестель рѣшилъ раздѣлить съ нимъ высшую власть надъ обществомъ во всемъ его цѣломъ и въ ноябрѣ 1825 г. назвалъ его третьимъ членомъ директоріи.

«Разработавъ планъ революціонныхъ дѣйствій и вкоренивъ его въ умы членовъ Южнаго общества, Пестель не спѣшилъ приступить къ его осуществленію, сознавая слабость силъ общества,—говоритъ его біографъ.—Онъ соглашался на начатіе дѣйствій, только уступая настояніямъ пылкаго и опрометчиваго Сергѣя Муравьева-Апостола. Васильковская управа, руководимая Муравьевымъ, едва не начала мятежа еще въ 1823 г., когда войска 9-й дивизіи 3-го корпуса, въ которой служили офицерами сочлены управы, стояли въ Бобруйскѣ. Въ 1824 г. Муравьевъ со своими ближайшими единомышленниками составилъ планъ открыть мятежъ во время ожидавшагося высочайшаго смотра войска 3-го корпуса въ 1826 г. у Бѣлой Церкви. Пестель съ всегда послушными ему Юшневскимъ и Давыдовымъ и кн. Волконскимъ сильно спорили противъ этого плана на кievскихъ контрактахъ 1825 г. и «совершенно его опровергнули».

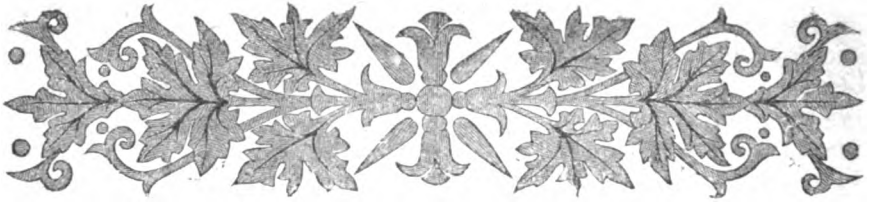
Пылкие васьковскіе члены общества едва не начали мятежа, безъ соглашенія съ Пестелемъ, въ августѣ 1825 г., во время сбора войскъ для маневровъ при мѣстечкѣ Лещинѣ, по совершенно случайному поводу отнятія команды надъ полкомъ у одного изъ сочленовъ ихъ, Повало-Швейковскаго. По настоянію Швейковскаго, они согласились тутъ же, въ Лещинѣ, отложить начало дѣйствій до мая 1826 г., рѣшившись во что бы то ни стало привести въ исполненіе прежній свой планъ возмущенія у Бѣлой Церкви, во время ожидавшагося высочайшаго смотра. Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ къ Пестелю во второй половинѣ 1825 г. и сообщилъ объ этомъ рѣшеніи Васильковской управы. Пестель на этотъ разъ не высказался рѣшительно противъ. Сознаніе слабости силъ общества заставляло Пестеля охлаждать рвеніе Муравьева и Бестужева; но онъ не могъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ со всей энергіей, изъ боязни внести расколъ въ «Южное общество». «Муравьевъ не терпѣливъ искать, — говорилъ Пестель, — однако жъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него».

«Опасность открытія заговора, усиливаемая неосторожностью членовъ Васильковской управы, побудила Пестеля относиться болѣе сочувственно къ плану скорѣйшаго начатія мятежа». Его дѣятельность сильно ослабѣла въ 1825 г. «Чѣмъ ближе становилась развязка, — утверждаетъ г. Сильванскій, — тѣмъ трезвѣе смотрѣлъ онъ на дѣло. Сознаніе слабости общества парализовало его энергію. Наиболѣе страшилъ его недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ. Неудача его попытки сплотить оба общества оставила въ его душѣ глубокой слѣдъ. Онъ охладѣлъ даже къ своему излюбленному труду «Русской Правдѣ» и въ теченіе 1825 г. не написалъ ничего; если бы онъ вѣрилъ въ успѣхъ дѣла, онъ не замедлилъ бы закончить хотя бы вчернѣ «Русскую Правду», которая, по его мысли, являлась залогомъ успѣха. Въ серединѣ ноября правительство уже имѣло вѣрныя свѣдѣнія о заговорѣ». Въ послѣднихъ числахъ ноября Пестель счелъ необходимымъ скрыть свои бумаги, а 13 декабря, наканунѣ того дня, какъ Сенатская площадь въ Петербургѣ оглашалась криками во здравіе Константина и съ привѣтами конституціи, онъ былъ уже арестованъ.

Его арестъ не находился въ связи съ петербургскими дѣйствіями членовъ «Сѣвернаго общества», а былъ результатомъ доноса Майбороды, который имѣлъ специальное порученіе выяснить его политическую агитацію. Арестъ Пестеля былъ ударомъ для «Южнаго общества», которое вслѣдъ за симъ ходомъ всѣхъ обстоятельствъ и прекратило свое существованіе, проявивъ наканунѣ своей смерти конвульсивно порывъ къ жизни въ видѣ военнаго мятежа у Бѣлой Церкви, явившагося откликомъ столичныхъ событій 14 декабря.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Д. Л. МОРДОВЦЕВЪ.

Ы съ Д. Л. Мордовцевымъ — станичники; оба провели ученическіе годы въ одной и той же станицѣ Усть-Медвѣдицкой, но только въ различныя эпохи: покойный былъ «окружникомъ» въ 40-хъ г. г., а я гимназистомъ въ 80-хъ г. г. Тѣмъ не менѣе, я съ дѣтства хорошо зналъ Д. Л. по рассказамъ сверстниковъ его, товарищей по окружному училищу, изъ которыхъ многіе еще здравствуютъ и понынѣ и помнятъ «хохленка» изъ Даниловки. Въ Петербургѣ, при каждой нашей встрѣчѣ, Данилъ Лукичъ обязательно заводилъ рѣчь объ Усть-Медвѣдицѣ, о своихъ ученическихъ годахъ, вспоминалъ товарищей. Чаще всего онъ останавливался на воспоминаніяхъ о первыхъ дняхъ своей жизни въ станицѣ, которая ему, не бывавшему нигдѣ, кромѣ своей слободы Даниловки, показалась большимъ, шумнымъ и непривѣтливымъ городомъ.

«Я робѣлъ при встрѣчѣ съ каждымъ офицеромъ, — рассказывалъ Д. Л., — и старался какъ нибудь улизнуть отъ этого, при чемъ разъ рискнулъ перескочить черезъ плетень, да зацѣпился пальтишкомъ и повисъ. Тотъ же офицеръ, который явился виновникомъ моего бѣгства и непріятнаго казуса, снялъ меня съ кола и долго смѣялся, когда узналъ, что я отъ него думалъ утечь»...

Самое же яркое и детальное воспоминаніе изъ дѣтскихъ годовъ Д. Л. — это поступленіе въ окружное училище. Я постараюсь передать его такъ, какъ слышалъ отъ самого Д. Л. и отъ его пріятеля, офицера Уколова, понынѣ здравствующаго.

Въ одинъ изъ жаркихъ августовскихъ дней 1840 г. къ Усть-Медвѣдицкому окружному училищу подошелъ средняго роста «иногородній», въ суконной поддевкѣ, а за нимъ, прячась за спиной, робко двигался мальчуганъ лѣтъ 12. Пока подошедшій что-то разспрашивалъ у старика Михея, любопытная толпа школьниковъ окружила мальчугана плотнымъ кольцомъ и сначала молча разсматривала его необычный для казачатъ костюмъ, а потомъ забіяки начали дергать за рукава, полы поддевки. Мальчуганъ только краснѣлъ и исподлобья испуганно осматривалъ своихъ будущихъ товарищей. Но когда одинъ изъ школьниковъ больно ущипнулъ его, онъ жалобно произнесъ:

— Дядько, що воны чипляются?...

Казачата на мгновение остолбенѣли, а потомъ раздался переливчатый хохотъ, прерываемый восклицаніями.

— Хохленокъ... мазепа... хйба...

Въ это время «дядько» кончилъ свои разспросы, обернулся къ племяннику и позвалъ: «Данило, ходь»...

Новый взрывъ хохота, новыя восклицанія:

— Данило, ходь... Ой, умора... ходь... Ай, да Данило!...

И далеко по двору и по улицѣ раздавался веселый смѣхъ учениковъ. Прохожіе останавливались и недоумѣвали, что мальчугановъ могло такъ развеселить, но напрасно вслушивались: отдѣльныя восклицанія были понятны только школьникамъ.

А виновникъ этого веселья сконфуженно стоялъ передъ старикомъ-учителемъ и несмѣло, но толково отвѣчалъ на задаваемые вопросы.

Подошелъ смотритель, положилъ свою тяжелую руку на голову экзаменующагося и спросилъ:

— А какъ тебя, малецъ, зовуть?

— Да, Данило Лукичъ Мордовецъ...

Улыбнулся смотритель и ободряюще произнесъ:

— Молодецъ, Данило Лукичъ, учишь хорошенько, всѣ будутъ тебя такъ звать, да еще уважать.

Пророческія слова...

Въ тотъ же день дядя помѣстилъ племянника Данилу на квартиру къ одному изъ своихъ знакомыхъ даниловцевъ, почтарю Хоменку, купилъ ему бѣлаго товара сапоги и, наказавъ хорошенько учиться, уѣхалъ домой.

Весь вечеръ заливался горькими слезами Данило, но потомъ, пристыженный своимъ хозяиномъ, солидно сѣлъ за столъ, повечерялъ и легъ спать.

Въ училищѣ ему тоже сначала не легко жилось. Плохо понимая быструю рѣчь окружающихъ, ему почти чуждую, онъ туго воспринималъ вопросы учителей, отвѣчалъ часто не впадѣть на своемъ малорусскомъ нарѣчій къ немалому удовольствію учени-

ковъ. А на перемѣнахъ отъ назойливости послѣднихъ нигдѣ не было спасенія — насмѣшки, пинки, щипки такъ и сыпались кругомъ. Мочи не стало болѣе терпѣть, и Данило рѣшился «дать сдачи». Разъ какъ-то казаченокъ Уколовъ, слывшій въ первомъ классѣ за отчаяннаго забіяку, хотѣлъ «гекнуть» хохленка и схватилъ его поперекъ. Вывернулся Данило и наотмашь ударилъ соперника, да такъ, что у того кровь изъ носа закапала. Скопфузился Уколовъ, а Данило сталъ предметомъ удивленія, а потомъ и уваженія.

Съ той поры часто можно было видѣть группу школьниковъ, во главѣ съ Мордовцевымъ и Уколовымъ, направляющуюся въ знаменитую Каптюгу, небольшую рощу, «поатаманствовать».

Зимою Данило перебрался на квартиру къ другу Уколову, который жилъ у своего отца на Придонской улицѣ, недалеко отъ знаменитой въ ставичныхъ лѣтописяхъ горы Пахомовки.

— Зима эта была сплошной для насъ масленицей, — вспоминалъ Уколовъ. — Лишь только придемъ изъ училища, наскоро пообедаемъ и отправляемся на Пахомовку кататься. А катанье наше состояло въ томъ, что мы съ Данилой на собственныхъ сидѣнιάхъ стремглавъ летѣли по отвѣсной ледяной стежкѣ и врѣзывались въ сугробъ, наметенный на берегу Дона. Черезъ недѣлю послѣ такихъ катаній Данило и я ходили въ заскорузлыхъ шубенкахъ съ заплатами на соответствующихъ сидѣнιάхъ мѣстахъ. А шуба у Данилы была новая, на саксачьемъ мѣху. Послѣ нѣкотораго домостроевскаго внушенія мы оставили этотъ родъ спорта и перешли на другой — стали протирать по льду подошвы своихъ сапогъ. Ни морозъ, ни рѣзкій вѣтеръ не останавливали насъ. Особенно весело было, когда компаніей, «вольничей», мы отправлялись на Песчаный Бугоръ. Тутъ мы разводили костры и затѣвали «пугачевщину», какъ называлъ нашу игру Данило. Состояла она въ томъ, что Данило Лукичъ становился на сугробъ и держалъ рѣчь передъ майданщиками итти на «пониговую вольницу», поднять тамъ «холопые и всякихъ недовольныхъ людшекъ» и разбивать «купецкія суда». Производились выборы охотниковъ, и отрядъ во главѣ съ атаманомъ Данилой уходилъ въ лощину, откуда и начинался ихъ походъ на насъ, охранниковъ. Строились снѣжные брустверы, вырывались волчьи лежбища, и тучи снѣжныхъ комковъ осыпали враждующіе лагеря.

Данило Лукичъ съ юныхъ лѣтъ былъ извѣстенъ, какъ увлекательный рассказчикъ и «сочинитель». Отецъ мой, также иногда принимавшій участіе въ походахъ «вольницы», рассказывалъ мнѣ такой эпизодъ.

— Во время зимней ярмарки наша «вольница» была одной изъ неотъемлемыхъ частицъ многолюдной глазъющей толпы. Случалось такъ, что скопленные пятаки и гривны исчезали въ первый же день, и въ остальное время намъ приходилось завистливо смотрѣть, какъ какой нибудь счастливецъ жеваль медовый пряникъ или сухой рожокъ. Тутъ-то Данило и выручалъ насъ своимъ талантомъ. Подойдемъ мы къ вожу съ рыбой, окружимъ его плотнымъ кольцомъ и смотримъ на Данилу. А тотъ, скорчивъ смиренную физиономію, обращается на своемъ «полухохлацкомъ-полувеликорусскомъ» жаргонѣ къ продавцу: «А що, дядько, въ какомъ полку служили? А это въ томъ, що въ Платовымъ атаманомъ хранцузовъ билъ... Ну, и атаманъ же былъ, ну, и полкъ же вашъ молодецкій... Знаешь, якъ вонъ рѣчку Сеньку переходилъ? Нѣтъ, ну, слухай»...

И пойдетъ вратъ нашъ Данило, перемѣшивая историческіе факты съ фантастическими эпизодами. А казакъ слушаетъ, упиивается, кругомъ собирается толпа, и всѣ дивятся на небольшого мультчугана, бойко и «смѣшливо» рассказывавшаго про «диковинныя дѣла». Въ награду за это казакъ-рыбникъ дарилъ Данилѣ добраго сазана или судака, да вольница «наудить» за это время штукъ пять рыбъ. Весь этотъ товаръ тотчасъ же промѣнивали на рожки и пряники и отправлялись въ свой станъ, Каптюгу, дѣлить добычу.

Кавакамъ Данило Лукичъ рассказывалъ про казацкіе подвиги, татарамъ, появившимся на ярмаркѣ, про Казань, про Золотую Орду, а своимъ сородичамъ, хохламъ, про Тараса Бульбу на родномъ малорусскомъ языкѣ. И всѣ слушали съ одинаковымъ увлеченіемъ...

Писательская дѣятельность Д. Л. Мордовцева началась еще въ окружномъ училищѣ, въ годъ окончанія послѣдняго. Онъ, вмѣсто одного сочиненія на заданную тему, подалъ учителю русскаго языка описаніе плеса Дона, противъ хутора Затонскаго, гдѣ по преданіямъ скрывался одно время Гришка Отрепьевъ. Описаніе было настолько талантливо, что учитель сначала не повѣрилъ, что это могъ написать ученикъ, но вскорѣ сомнѣніе его исчезло, и очеркъ Мордовцева былъ прочтенъ въ кружкѣ мѣстной интеллигенціи. Впослѣдствіи это описаніе въ болѣе обработанномъ видѣ вошло въ извѣстный романъ Д. Л. — «Лжедмитрій», а именно въ главу «Лжедмитрій на Дону».

Въ 1901 г. Д. Л., въ тѣсномъ кружкѣ своихъ станичниковъ, въ С.-Петербургѣ прочелъ одну свою юношескую рукопись: «Кто-то вернется?» Описывалось, какъ юный офицеръ Сенюткинъ только что вернулся съ оторванной рукой изъ отряда Платова, «знаме-

нитаго атамана славнаго войска Донскаго». Много грустнаго рассказываетъ про войну вернувшійся, передаетъ о послѣднихъ минутахъ близкихъ людей, чѣмъ заставляетъ рыдать гостей, собравшихся его послушать. Но вотъ онъ съ радостнымъ лицомъ достаетъ изъ кармана тщательно сложенный листокъ бумаги и начинаетъ читать дивные стихи, въ которыхъ описываются подвиги героевъ 1812 г. Это было стихотвореніе Жуковскаго «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».

Особенно хорошее въ этомъ разсказѣ мѣсто, гдѣ описывается, какъ Платовъ незамѣтно подошелъ къ Жуковскому, читавшему свои стихи товарищамъ-офицерамъ.

«...Наши «гаврилычи» понадвинулись къ костру и жадно прислушивались, боясь дохнуть, какъ на царскомъ смотру... Коли это глядь—нашъ атаманушка Платовъ... Притаился за «чармилами» и тоже слушаетъ—только брови шевелятся у стараго... Жуковский, немного передохнувъ и не подозрѣвая, что его слушаетъ и нашъ Матвѣй Ивановичъ, восторженно продолжалъ:

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимый, Платовъ!
Твой очарованный арканъ —
Грова для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь...

«Не успѣли мы опомниться, какъ сквозь толпу нашихъ станичниковъ быстро протискался Платовъ. Смотримъ—по загорѣлому лицу старика текутъ слезы... «Сидите, сидите, господа, я вотъ къ нимъ»... И онъ порывисто обнялъ Жуковскаго. «Это я-то вихорь-атаманъ? Эхъ, старъ я для вихря, да и не стою такой похвалы, все это—мои дѣтки, казаченьки—ихъ хвали, ихъ это слава»...

«...«Всѣ сидѣли, словно зачарованные. По щекамъ стараго рубаки Конькова текли слезы... Юная Сенюткина, опершись на перила галереи, тихо плакала, затуманенными глазами созерцая разстилавшуюся впереди панораму Подонья и далекаго горизонта... «И онъ не увидитъ этого болѣе, не увидитъ!»—шептала она...—«О Довъ родной!—восторженно шепталъ Коньковъ,—колыбель нашего дѣтства! Что можетъ замѣнить тебя?»

Мы, станичники Данила Лукича, настояли на томъ, чтобы онъ передалъ этотъ разсказъ для предполагавашагося въ то время «Донскаго Сборника», и онъ согласился, но, къ сожалѣнію, наше литературное предпріятіе не осуществилось, и я возвратилъ Д. Л. его рукопись.

Спустя почти 50 лѣтъ, послѣ того, какъ Д. Л. Мордовцевъ оставилъ берега Дона для дальнѣйшаго образованія, когда уже онъ былъ окруженъ ореоломъ «большого» писателя, онъ снова посѣтилъ родную Даниловку и Усть-Медвѣдицу.

До самой своей кончины Д. Л. съ восторгомъ вспоминалъ объ оказанномъ ему въ слободѣ и станицѣ приемѣ.

— «Шпалерами стояли мои даниловцы, среди которыхъ немногіе уцѣлѣли изъ моихъ товарищей, и тѣ были такіе же старые хрычи, какъ и я... Поднесли мнѣ икону, хлѣбъ-соль... Старики вспоминали, молодые съ любопытствомъ глазѣли на большую сивую бороду... Въ Усть-Медвѣдицѣ по-иному встрѣчали—больше, какъ писателя, и рѣчи соотвѣтствующія велись... Ъадилъ на Песчаный Бугоръ, гдѣ 50 лѣтъ тому назадъ любилъ «атаманствовать»... Хорошее время было. Любилъ и люблю родной Донъ... Закажу, чтобъ меня и похоронили на Дону»...

Желаніе Д. Л. сбылось. Прахъ его покоится на берегу привольной рѣки, и тихоструйная волна, какъ и въ былые юные годы, когда онъ жадно вслушивался въ говоръ ея, лежа на песчаной отмели, полный жажды разгадать тайны былого этой великой исторической рѣки, напѣваетъ про свободную жизнь, про «вольницу казацкую»...

Я. Я. Полферовъ.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЕЙКИНА.

РЕДАКЦІЯ «Историческаго Вѣстника», глубоко сожалѣя вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ о неожиданной кончинѣ Николая Александровича Лейкина и видя въ этой кончинѣ крупную утрату для русской литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ вдвойнѣ чувствуетъ тяжесть этой утраты: она лишилась сотрудника, который съ первой книжки текущаго года началъ печатать на страницахъ журнала свои интересныя, столь обстоятельно и колоритно написанныя воспоминанія. Эти воспоминанія должны были протянуться на значительное количество книжекъ и обнять собою обширный періодъ русской жизни, гдѣ передъ читателями въ живомъ калейдоскопѣ предположено было промелькнуть многимъ интереснымъ моментамъ изъ жизни работниковъ пера, обрисоваться разнымъ органамъ печати, гдѣ покойный писатель принималъ непосредственное участіе, задѣтъ тѣ стороны столичной жизни, коихъ Николай Александровичъ былъ живымъ свидѣтелемъ, участникомъ и до известной степени вершителемъ. Онъ былъ старожиломъ Петербурга, зналъ многіе слои его населенія насквозь, отражалъ ихъ въ своихъ очеркахъ, повѣстяхъ и разсказахъ, какъ, быть можетъ, ни одинъ изъ современныхъ дѣятелей русской литературы, и въ своихъ намѣченныхъ воспоминаніяхъ, своей лѣтописи жизни, намѣренъ былъ на живыхъ фактахъ и въ живыхъ, съ натуры списанныхъ портретахъ разныхъ людей повѣдать читателямъ журнала прошлое столицы. Но судьбѣ угодно было иное: Н. А. Лейкинъ, столь аккуратный и

запасливый въ своей литературной работѣ, не предвидя близкаго послѣдняго часа, не успѣлъ закончить своего труда. Онъ оборвался на изложеніи событій, относящихся до первой половины шестидесятыхъ годовъ, къ которымъ относится лишь начало его литературной дѣятельности, когда и кругъ его знакомствъ, встрѣчъ и разныхъ событій еще не успѣлъ расширяться, и когда только что пробудившаяся заря пореформенной отечественной дѣйствительности освѣщала своими первыми живительными лучами расцвѣтъ жизни молодого писателя, у котораго всѣ надежды, всѣ замыслы, вся извѣстность еще были впереди...

Въ двухъ, быть можетъ, даже трехъ книжкахъ журнала читатели еще услышатъ голосъ нашего писателя о себѣ самомъ, и затѣмъ этотъ голосъ уже смолкнетъ и на страницахъ журнала, и въ русской литературѣ навсегда. Останется о немъ добрая память всѣхъ знавшихъ его, останется благодарное чувство къ нему всей громадной аудиторіи, которую онъ въ прямомъ смыслѣ слова приохотилъ и научилъ читать, останется то богатое литературное наслѣдіе, надъ накопленіемъ котораго Николай Александровичъ такъ много потрудился, куда онъ вложилъ столько своего природнаго русскаго ума и хорошаго сердца, всегда бившагося любовью къ людямъ вообще и простымъ, что называется, сѣрымъ людямъ въ частности, изъ среды которыхъ онъ самъ выпелъ, и которыхъ онъ былъ своего рода пѣвцомъ и бытописателемъ.

Смерть Н. А. Лейкина была неожиданнымъ грустнымъ сюрпризомъ, поднесеннымъ русскому обществу новымъ годомъ. Еще въ началѣ декабря онъ лично побывалъ въ редакціи «Историческаго Вѣстника», принесъ сюда первыя главы своихъ интересныхъ «Воспоминаній», условился о дальнѣйшемъ ихъ печатаніи и срокахъ доставленія рукописи и, хотя жаловался на недомоганіе въ ногѣ, но ничто, повидимому, не обличало, чтобы недугъ этотъ былъ настолько серьезенъ и угрожающъ, что можно было думать о послѣдней редакціонной встрѣчѣ съ «новымъ сотрудникомъ». Но вотъ рождественскія газеты принесли извѣстіе, что Лейкинъ боленъ, помѣщенъ въ платное отдѣленіе Маріинской больницы, гдѣ ему сдѣлана операція ноги съ разрѣзомъ образовавшихся нарывовъ, что положеніе его серьезное, но не внушающее однако, особенныхъ опасеній. По наступленіи новаго года, когда выяснилась уже необходимость приступить къ набору тѣхъ листовъ, гдѣ должны были печататься воспоминанія Николая Александровича, одинъ изъ сотрудниковъ журнала, по просьбѣ редактора, отправился лично навѣстить больного, выяснить вопросъ о рукописи, получить ее, если возможно, и выразить ему соболѣзнованіе по случаю постигшей его болѣзни. Больному было настолько лучше, что онъ могъ принять посланца отъ «Историческаго Вѣстника», вручилъ ему вполне готовую рукопись на двѣ книжки и побесѣдовалъ съ

нимъ нѣсколько минутъ. Было очевидно, что старый журналистъ переноситъ тяжелый кризисъ; онъ жаловался на постоянныя боли во всей области тѣла, гдѣ была произведена операція, поминутно закрывалъ глаза и подъ конецъ бесѣды, съ еще не потухшей папирской въ рукѣ, слабымъ голосомъ промолвилъ, обращаясь къ окружающимъ:

— Не утомляйте меня!

Хрипѣніе слышалось въ его горлѣ, грудь высоко поднималась, и какіе-то зловѣщіе переливы точно перекатывались въ этой больной, изнеможденной страданіями груди. Было ясно, что въ комнатѣ, на глазахъ неотлучно пребывающей при мужѣ жены, совершается большая жизненная драма, печальный конецъ которой почти неизбѣженъ. Не прошло и двухъ дней, какъ траурный аннонсъ въ газетахъ оповѣстилъ: 6 января Николая Александровича Лейкина не стало...

Передъ читателями «Историческаго Вѣстника» еще живы и свѣжи въ памяти тѣ страницы, гдѣ Николай Александровичъ подробно повѣствуетъ о своей жизни съ первыхъ дней рожденія, описываетъ, какова была та среда, откуда онъ вышелъ, какъ протекало его дѣтство и юность.

Настоящая книжка доводитъ эту повѣсть до возраста возмужанія, когда онъ вступилъ уже на жизненное поприще, какъ самостоятельный гражданинъ, и когда впервые дебютировалъ въ литературѣ въ роли случайнаго новичка. Въ слѣдующей, мартовской, книжкѣ они узнаютъ, какъ это участіе съ литературѣ становится постояннѣе, какъ онъ вступаетъ въ тѣсную среду редакціи сатирическаго журнала «Искра», и какъ его всюду въ литературныхъ кружкахъ уже начинаютъ ласково и радушно принимать, какъ даровитаго выходца изъ самого народа, принесшаго въ эту литературу живое, свѣжее слово объ этомъ народѣ.

Въ виду такихъ живыхъ біографическихъ свидѣтельствъ, не приходится и въ настоящемъ очеркѣ повторять сказаннаго самимъ авторомъ—все находится и безъ того налицо, и остается лишь опредѣлить значеніе Н. А. Лейкина въ литературѣ, въ связи съ нѣкоторыми дальнѣйшими фактами его жизни.

Въ 1860 г. онъ впервые дебютируетъ на литературномъ поприщѣ стихотвореніемъ «Кольцо», нашедшимъ себѣ снисходительный пріютъ на столбцахъ «Русскаго Міра», издававшагося Стелловскимъ и редактированнаго тоже нынѣ покойнымъ Героглифовымъ. Стихотвореніе это не обнаруживало въ молодомъ литераторѣ поэтическаго творчества и являлось своего рода отзвукомъ уже отошедшей тогда въ вѣчность романтической и сентиментальной школы. Стихотвореніе было довольно длинное, и вотъ его начало и конецъ.

Любилъ онъ страстно Зину,
Взаимно былъ любимъ;
Еще не бывъ студентомъ,
Ходилъ Владимиръ къ нимъ.

Окончивъ курсъ ученья,
Онъ мѣсто получилъ,
И рокъ неумолимый
Влюбленныхъ разлучилъ.

Онъ внутрь Россіи ѣхать
Отъ милой долженъ былъ,
Но день насталъ отъѣзда,
Разлуки часъ пробилъ.

Онъ плакалъ при прощаньи...
— «Тебѣ буду вѣрна»,—
При поцѣлуѣ страстномъ
Промолвила она.

— «И вотъ тебѣ на память
«Колечко отъ меня,
«Храни его и помни,
«Что я навѣкъ твоя»...

Владимиръ увѣжаетъ, а молодая дѣвушка, по желанію матери, выходитъ замужъ за богатаго старика, и, хотя иногда и вспоминаетъ свою первую любовь, но, повидимому, проводитъ свою жизнь довольно благополучно. Иначе сложились обстоятельства ея бывшего жениха. Онъ остался ей вѣренъ, заболѣлъ одинокимъ и скончался на рукахъ сидѣлки при слѣдующей обстановкѣ:

Откинувъ одѣяло,
Больной вдругъ престоная,
Костлявою рукою
Кольцо къ лицу поднялъ.

Онъ жадными губами
Его поцѣловалъ,
Но вдругъ рука упала,
И недвижимъ онъ сталъ...

«Отходить»,—прошептала
Сидѣлка, вставъ, крестясь,
И на колѣни пала,
За упокой молясь.

Въ такомъ сентиментальномъ духѣ дебютировалъ въ литературѣ молодой приказчикъ изъ Гостиного двора, но, конечно, не этотъ родъ литературы былъ его призваніемъ, и вторичныхъ попытокъ въ этомъ направленіи мы въ его литературномъ форму-

лярѣ уже болѣе не встрѣчаемъ. Онъ, подѣ влияніемъ потребности личнаго оригинальнаго творчества и, конечно, въ связи съ общимъ реалистическимъ потокомъ тогдашней «молодой» литературы, скоро именно становится, какъ рѣдко кто, яркимъ выразителемъ этой реалистической литературы, принеся сюда съ собою цѣлый новый міръ людей, съ ихъ оригинальнымъ бытомъ, своеобразною рѣчью, вкусами, понятіями и наклонностями. «Купца» въ нашей литературѣ создалъ, конечно, Островскій, но это былъ купецъ особый, замоскворѣцкій, оптовикъ, что называется, со всѣмъ его темнымъ царствомъ, отражавшимъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всю дореформенную темную Россію. Купецъ, введенный въ литературу Лейкинымъ, былъ купецъ особой складки, стоящій на порогѣ старой и новой жизни, льнущій скорѣе къ послѣдней, старающійся къ ней примѣниться и порою, даже слишкомъ часто, гоняющійся за всѣмъ тѣмъ внѣшнимъ и мишурнымъ, что послѣдняя въ себѣ содержитъ и что отражаетъ. Въстѣ съ этимъ «купчикомъ» новѣйшаго гостинодворскаго и апраксинскаго покроя и складки Лейкинъ привелъ и толпу приказчиковъ, тѣхъ малыхъ за стойкой, которые находятся въ рабской зависимости отъ хозяина и его домочадцевъ, тянутся за хозяевами, подражаютъ имъ и съ особеннымъ наслажденіемъ вдыхаютъ въ себя нездоровую атмосферу столичной культуры. Въстѣ съ ними за авторомъ потянулись и ремесленники, мелкій торговый и промышленный людъ съ ихъ чадами и домочадцами, являющимися уже болѣе низкими слоями общества, гдѣ царитъ сплошь поголовная «сѣрость», и гдѣ каждый день есть день борьбы за существованіе. Весь рабочій людъ, уже акклиматизировавшійся въ столицѣ или пришедшій «на заработки» въ Петербургъ, шумной толпой также послѣдовалъ за оригинальнымъ авторомъ, и вся эта масса, деревенская, полудеревенская и столичная, коренная, обывательская, сдѣлалась на протяженіи слишкомъ сорока лѣтъ тою живою громадою, которую Лейкинъ изо дня въ день сталъ въ разныхъ положеніяхъ, разныхъ пестрыхъ группахъ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ житейскаго обихода показывать и обрисовывать изумленному, весело улыбающемуся читателю. Онъ сталъ своего рода патрономъ этой массы, добродушно ее поучая, отмѣчая ея недостатки и изобличая въ ней все то смѣшное, комическое, что наложили на нее мудренныя условія русской культуры, гдѣ истинная цивилизація переплелась съ невѣжествомъ и въ результатѣ создала нѣчто оригинально-русское съ его смѣшнымъ «жеманствомъ», заклеяннымъ въ русской жизни нашимъ геніальнымъ поэтомъ.

Начавъ съ поэтическаго опыта пера, Лейкинъ вскорѣ сосредоточился на прозѣ и, будучи хорошимъ знатокомъ Петербурга, сталъ вскорѣ знакомить читающую публику съ разными профессиональными представителями столичнаго населенія. Къ числу та-

ковыхъ очерковъ долженъ быть отнесенъ очеркъ «Гробовщикъ», напечатанный въ 1861 г. въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» Льва Камбека, а также очеркъ «Неожиданная карьера», помѣщенный въ популярной тогда «Сѣверной Пчелѣ»; обѣ вещи написанны подѣ влияніемъ повѣстей Гребенки. Вслѣдъ за симъ его произведенія появляются

Николай Александровичъ Лейкинъ.

въ «Русскомъ Мирѣ» Героглифова, «Иллюстрированномъ Листкѣ» В. Зотова, въ «Занозѣ» поэта Розенгейма и, наконецъ, въ столь вліятельной тогда «Искрѣ» редакціи В. Курочкина. Его литературнымъ крестнымъ отцомъ, его руководителемъ по редакціямъ былъ покойный поэтъ Ивановъ-Классикъ, вышедшій также изъ купеческой среды. Знакомство съ братьями Курочкиными и про-

чими сотрудниками передовой тогда «Искры» имѣло сильное вліяніе на Лейкина и сыграло въ его жизни рѣшающую роль. Подъ вліяніемъ Н. С. Курочкина, по указаніямъ и совѣту его, онъ принялся за самообразование, за пополненіе своихъ прорухъ въ этой области и впервые ознакомился съ тѣми писателями, западно-европейскими преимущественно, которые являлись своего рода евангеліями тогдашняго передового общества и радикальной молодежи—съ Дж. Ст. Миллемъ, Гербертомъ Спенсеромъ, Боклемъ, Молешоттомъ, Литтрэ и др.

Литературный навыкъ, пріобрѣтенный работою надъ небольшими очерками, вдумчивое отношеніе къ окружающимъ социальнымъ условіямъ родной среды, яркое природное дарованіе, укрѣпленное саморазвитіемъ, позволяютъ Николаю Александровичу уже въ 1863 г. выступить въ толстомъ ежемѣсячномъ журналѣ съ болѣе или менѣе крупными беллетристическими произведеніями, которыя создаютъ ему видное мѣсто въ литературѣ и громкое имя талантливаго бытописателя тогдашней столичной дѣйствительности. Въ 1863 г. онъ помѣщаетъ на страницахъ «Библиотеки для Чтенія» П. Д. Боборыкина серію очерковъ «Апраксинцы», а въ 1864 г. въ «Современникѣ» Некрасова—«Биржевые артельщики». Этими двумя крупными литературными работами Лейкинъ вполнѣ завоевалъ себѣ положеніе въ журналистикѣ съ опредѣленнымъ амплуа—изобличителя темныхъ сторонъ жизни нашего столичнаго купечества, изобличителя не въ цѣляхъ возбужденія въ читателѣ противъ описываемой среды чувства гнѣва и негодованія, а въ интересахъ выставленія этихъ сторонъ на показъ въ ихъ комическомъ освѣщеніи и подъ смѣхотворнымъ угломъ зрѣнія. Таковое выработалось и установилось у него отношеніе къ отрицательнымъ, выводимымъ имъ, типамъ, которые и являлись въ сущности главными дѣйствующими лицами его очерковъ и рассказовъ. Что касается типовъ положительныхъ, то къ нимъ авторъ подходитъ всегда съ теплымъ чувствомъ любви и состраданія, возбуждая въ читателѣ тѣ же добрыя чувства и порождая желаніе имъ помочь, облегчить ихъ горькую участь. Такими положительными типами въ его произведеніяхъ, по большей части, являются простые люди, прибывшіе въ столицу на заработокъ и попавшіе въ тяжкія условія, гдѣ ихъ окружаетъ соблазнъ жизни, гдѣ имъ грозитъ нравственное паденіе, эксплуатація труда и закабаленіе въ этомъ трудѣ.

Его извѣстности, какъ талантливаго сатирика, наблюдательнаго реалиста-бытописателя особенно содѣйствовали прекрасный романъ «Христова невѣста», напечатанный въ 1871 г. въ «Библиотецѣ для Чтенія», и повѣсть «Кусокъ хлѣба», появившаяся за годъ передъ тѣмъ на столбцахъ «Петербургскаго Листка». Сотрудничество Лейкина въ послѣднемъ органѣ нашей прессы создало этому органу выдающійся успѣхъ, и вскорѣ «Листокъ» сталъ одною изъ самыхъ

популярных столичных газетъ, читаемыхъ очень широкою публикою изъ средняго и низшаго обывательскихъ классовъ. Но хозяинъ изданія не сумѣлъ опѣнить своего талантливаго сотрудника, и вскорѣ (въ 1872 г.) Николай Александровичъ распростился съ «Листкомъ», предложивъ свои услуги молодой тогда и имѣвшей мало успѣха «Петербургской Газетѣ» С. Н. Худекова. Лейкинъ принесъ въ газету г. Худекова свой заразительный смѣхъ, свой веселый юморъ, свой неяскаемый и неослабный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ явился для него и своего рода «маскоттою». Съ появленіемъ имени Лейкина на столбахъ «Газеты» къ ней пришло счастье, и благополучіе ея издателя отнынѣ стало обеспеченнымъ. Лейкинъ и «Петербургская Газета», «Петербургская Газета» и Лейкинъ стали для массы читателей понятіями настолько родственными, однозначными, что покупатель газеты въ 99 изъ 100 случаевъ вынималъ пятакъ изъ кармана именно для прочтенія сценки или разсказа автора «Неунывающихъ россиянь», «Нашихъ за границей», «Шутовъ гороховыхъ» и прочихъ безчисленныхъ его произведеній.

Почти 33 года сотрудничалъ Лейкинъ въ «Петербургской Газетѣ», и рѣдкій ея № выходилъ безъ его участія. Можно только удивляться той необыкновенной плодовитости, усидчивости и работоспособности, которую проявлялъ покойный писатель, какъ газетный работникъ по отдѣлу беллетристики. Не считая десятка пьесъ, которыя въ свое время съ успѣхомъ шли на сценѣ императорскихъ театровъ, имъ написано безъ малаго до 10.000 очерковъ и разсказовъ, которые, собранные притомъ далеко не всѣ, составили сорокъ отдѣльныхъ томовъ. Многія изъ вышедшихъ отдѣльно его произведеній требовали все новыхъ повторныхъ изданій, и можно считать безъ преувеличенія, что по количеству потребителей Лейкинъ на нашемъ книжномъ рынкѣ, какъ авторъ популярныхъ повѣстей, всегда стоялъ однимъ изъ первыхъ до самыхъ послѣднихъ дней его жизни. Особенною популярностью пользовались тѣ его очерки, которые были посвящены описанію походеній русскихъ за границую, путешествующей по Франціи, Италіи и Балканскому полуострову незабвенной отнынѣ купеческой супружеской четы, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны. Идея сенокъ этой категоріи заключается въ томъ, чтобы поставить полуинтеллигентную купеческую чету въ культурныя условія Западной Европы, посмотрѣть, что изъ такого сочетанія противоположныхъ началъ выйдетъ, какъ отнесется Европа къ пріѣхавшимъ позѣвать на нее полуазіатамъ, и что послѣдніе постараются извлечь изъ міра античныхъ чудесъ и сокровищницъ культуры. Результаты дѣйствительно получились въ высшей степени комическіе, и русскій читатель отъ начала до конца помираетъ отъ смѣха, часто, слишкомъ даже часто, поневолѣ признавая въ

дѣйствіяхъ и положеніяхъ и Николая Ивановича и Глафиры Семеновны частичку самого себя или, по крайней мѣрѣ, чего-то очень близкаго и роднаго.

Когда 13 апрѣля 1900 г. происходило чествованіе 40-лѣтняго литературнаго юбилея Лейкина, то редакція руководимаго имъ съ 1880 г. юмористическаго журнала «Осколки» поступила очень остроумно, поднеся юбиляру привѣтственный адресъ именно отъ «с.-петербургскаго купца Николая Ивановича съ супругою», какъ отъ наиболѣе популярнаго героя лейкинскихъ очерковъ, получившаго широкую извѣстность даже за предѣлами своего отечества ¹⁾. Приводимъ этотъ адресъ, какъ любопытный своего рода историческій документъ:

«Парижъ 10 (23) апрѣля 1900 г.

«Многоуважаемый Николай Александровичъ!

«Я и супруга моя, Глафира Семеновна, низко вамъ кланяемся и душевно сожалѣемъ, что, уѣхавши въ Парижъ на выставку, не можемъ присутствовать на вашемъ юбилейѣ и лично поблагодарить за извѣстность, которую мы пользуемся изъ-за того, что вы всѣ наши заграничныя путешествія въ вашихъ книгахъ описали. Нынче и мы съ Глафирой Семеновной тоже въ нѣкоторомъ родѣ свой юбилей справляли, потому что первое наше путешествіе было тоже въ Парижъ на выставку. Съ тѣхъ поръ мы пріохотились по заграничнымъ Европамъ странствовать: и въ Италіи, и въ Испаніи, и въ Турціи, и у братьевъ-славянъ побывали. На всѣхъ заграничныхъ языкахъ, кромѣ швейцарскаго, такъ и жаримъ. Благодаря вамъ, Николай Александровичъ, насъ по всей заграничной Европѣ знаютъ, а путешествія наши на заграничные языки перевели, а самъ я до того объевропеился, что даже пересталъ и дома-то въ русскую православную баню ходить, а все ванны на заграничный манеръ принимаю. Истинно вы насъ, Николай Александровичъ, въ люди вывели, за чтò по гробъ жизни вамъ очень благодарны.

«Въ знакъ привзательности примите отъ насъ, Николай Александровичъ, маленькій подарокъ: наши бюстики. Не знаю только, сходственно ли вышло, такъ какъ мастеръ лѣпилъ заочно. Примите и скажите: «намъ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь». Вивъ ля Франсъ!

«С.-петербургскій купецъ Николай Ивановъ съ супругой».

Какъ въ очеркахъ Лейкина, посвященныхъ пребыванію русскихъ купцовъ за границею, такъ и въ прочихъ его произведеніяхъ наша строгая критика и слишкомъ взыскательные читатели усматривали усиленный шаржъ, сплошную карикатуру и утрировку скалозубства ради и ставили ему въ вину отсутствіе въ его

¹⁾ Многія произведенія Н. Лейкина переведены на европейскіе языки, а въ томъ числѣ именно и тѣ, которыя посвящены путешествіямъ по Европѣ купеческой четы.

произведеніяхъ «гражданской скорби» и политической тенденціи. Но такая точка зрѣнія на писателя была величайшею несправедливостью, поклепомъ на него и стремленіемъ во что бы то ни стало навязывать писателю то, чего онъ не могъ дать, что было ненавистно его природѣ, его таланту. Лейкинъ изображалъ жизнь, какъ она есть, рассматривая преимущественно тѣ ея стороны, которыя были смѣшны. Да, это смѣшное онъ старательно разыскивалъ, выставлялъ на первое мѣсто, но вовсе не въ цѣляхъ скаловубства. Онъ изобличалъ это смѣшное, считая его временнымъ, случайнымъ, но, какъ только было возможно, онъ отмѣчалъ и въ своемъ объектѣ насмѣшки и сатиры его основныя добрыя стороны; рядомъ съ ними онъ ставилъ свѣтлое и положительное, и не его вина, если окружающая жизнь слишкомъ мало давала въ его распоряженіе и этого положительнаго, и этого свѣтлаго. Такова же была судьба и всѣхъ остальныхъ нашихъ сатириковъ, начиная съ Фонвизина и кончая Щедринымъ. Когда Лейкину ставили упрекъ въ скаловубствѣ, то всегда имѣли въ виду сатиру автора «Пошехонской старины» и «Исторія одного города», упуская изъ виду или нарочно не желая знать, что Салтыковъ стремился болѣе всего къ политической сатирѣ, былъ политическимъ писателемъ *par excellence*, преслѣдовалъ цѣли политической агитаціи. Такихъ задачъ Лейкинъ въ своей дѣятельности себѣ не ставилъ: онѣ были у него болѣе узки и не такъ сложны — онъ, какъ говорится, пилъ изъ своего стакана, но это былъ дѣйствительно его «собственный стаканъ». Ему Богомъ данный талантъ, конечно, былъ меньшаго калибра, нежели талантъ Гоголя или Салтыкова-Щедрина, но это былъ тоже даръ самобытный, и онъ, по счастью, его не насиловалъ, не настраивалъ искусственно по камертону, данному его старшими учителями. Пожалуй, начни онъ прислушиваться къ этому камертону, начни онъ подражать тѣмъ двумъ великимъ сатирикамъ, его литературное дарованіе несомнѣнно бы поблекло, лишилось самобытности и обратилось бы въ пережевываніе чужого матеріала, чужихъ мыслей и идей. И слава Богу, что онъ не сталъ подражать, а создалъ собственную широкую дорогу, по которой, какъ писатель съ культурными задачами, а не политическими, принесъ огромную пользу, явился учителемъ жизни и навсегда останется въ памяти своихъ благодарныхъ читателей за тѣ славныя минуты веселаго смѣха, которыми онъ ихъ такъ часто дарилъ и которыми порою разсѣивалъ ихъ невеселыя думы и настроенія. Лейкина упрекали также часто, что онъ создаетъ своего рода жаргонъ, вымышляетъ «словечки», которыя и являются въ сущности гвоздемъ его очерковъ. Не дѣйствіе здѣсь будто интересно, не положенія, занятая выведенными на сцену лицами, а тѣми именно специфическими словечками, которыми уснащена ихъ рѣчь, и кото-

рия суть плоды личного творчества автора очерковъ, его мудренаго изобрѣтенія, его литературной «выдумки». Не отвергая этого обвиненія—если только это слово здѣсь умѣстно!—въ известной лишь части, напомнимъ, что одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей отечественной сатиры, котораго критики и считаютъ лишь достойнымъ подражанія, именно Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, вѣдь тоже отводилъ въ своихъ произведеніяхъ немалое мѣсто именно этимъ «словечкамъ»; то же можно сказать и о Глѣбѣ Успенскомъ. Да, у сатириковъ «слово» играетъ и должно играть большую роль, а потому и Лейкинъ отводилъ ему должное мѣсто. Затѣмъ вспомнимъ, какую среду имѣлъ объектомъ творчества писатель, и съ какой стороны онъ ее, по большей части, избличалъ: за ея стремленіе рядиться въ павлиньи перья, одѣваться въ чужое, на прокатъ, и не по росту и сложенію взятое европейское платье, за ея жеманство фальшивой цивилизаціей и исковерканною образованностью. Это жеманничанье своєю образованностью породило и коверканную рѣчь, и отсюда тѣ «словечки», которыми такъ обильно пересыпаны произведенія покойнаго писателя.

Г. Ясинскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Лейкинѣ, напечатанныхъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 9160), свидѣтельствуетъ, какъ былъ правъ послѣдній, когда именно отвергалъ вымученность своихъ типовъ и выдуманность ихъ разговорной рѣчи, и когда онъ утверждалъ, что онъ ничего не сочиняетъ, а пишетъ съ натуры, обильно почерпая и краски, и кисти для своихъ портретовъ именно въ той средѣ, изображенію которой онъ себя посвятилъ. Побывавъ въ гостяхъ у Лейкина, повидавъ кое-кого изъ гостинодворскихъ героевъ нашего писателя, поговоривъ съ ними, г. Ясинскій убѣдился, что Лейкинъ былъ правъ, а неправы его критики, и въ томъ числѣ и онъ самъ, носившій въ умѣ своемъ тѣ же поворѣнія и сомнѣнія.

Создавъ популярный жанръ литературы, Лейкинъ привязалъ къ нему громадную аудиторію, которая, ища въ его произведеніяхъ занимательное чтеніе, стала привыкать къ газетѣ, стала читать, развила въ себѣ потребность въ этомъ чтеніи и этимъ самымъ уже поднялась въ своихъ культурныхъ запросахъ, въ своихъ духовныхъ потребностяхъ. Когда писателю удается достигнуть такихъ результатовъ, онъ можетъ считать свою просвѣтительную дѣятельность реально-плодотворною, достигшею опредѣленныхъ цѣлей, ради которыхъ подъятъ былъ его трудъ. Каеэдра Лейкина была не для избранныхъ умовъ, это была бойкая народная трибуна, съ которой живой талантъ ежедневно бесѣдовалъ съ широкой массою, нуждавшейся прежде всего въ привычкѣ слушать. Онъ приучилъ ее къ этому, благодаря тому дару, которымъ одарила его природа.

Покойный, будучи прежде всего литераторомъ прогрессивнаго направленія, которому оставался вѣренъ до конца своихъ дней, не

обмолвившись на протяжении всей своей журнальной дѣятельности въ этомъ отношеніи ни однимъ фальшивымъ и сомнительнымъ словомъ, не оставался, однако, запертымъ въ тѣсныхъ стѣнахъ своего и редакціоннаго кабинетовъ. Почувствовавъ съ молодыхъ лѣтъ влеченіе къ театру, онъ, какъ это видно будетъ изъ его дальнѣйшихъ автобіографическихъ воспоминаній, и самъ принималъ активное участіе на сценическихъ подмосткахъ подъ фамиліей Водянова, появляясь, по большей части, на клубныхъ и любительскихъ спектакляхъ. Театральному же репертуару имъ было посвящено до десяти веселыхъ комедій и водевилей, изъ которыхъ нѣкоторые долго не сходили со сцены, напримѣръ, «Привыкать надо», «Медаль», «Кумъ пожарный» и др.

Литературная дѣятельность не препятствовала Николаю Александровичу отдавать свое время со свойственными ему энергіей, дѣловитостью и безкорыстіемъ и широкой общественной дѣятельности. Хорошій литературный заработокъ далъ въ его распоряженіе и хорошія матеріальныя средства. Онъ былъ человѣкомъ вполне обеспеченнымъ, а экономный образъ жизни и знаніе цѣны каждой заработанной копейки, которую онъ не любилъ пускать по вѣтру, позволили ему рано обзавестись недвижимою собственностью и стать, благодаря этому, виднымъ представителемъ нашего общественнаго самоуправленія.

Гласный думы въ теченіе многихъ трехлѣтій, онъ работалъ до самой смерти въ различныхъ городскихъ комиссіяхъ: училищной (съ 1894 г.), санитарной, въ которой зачастую замѣщалъ предсѣдателя, больничной, благотворительной, былъ окружнымъ санитарнымъ попечителемъ Петербургской части, предсѣдателемъ благотворительнаго общества при Троицкомъ соборѣ на Петербургской сторонѣ, членомъ совѣта Русскаго театрального общества, попечителемъ городского Петровскаго родильнаго приюта, членомъ совѣта дома призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей и хозяйственнаго комитета ремесленнаго училища Цесаревича Николая, предсѣдателемъ типографскаго кружка. И всѣ эти общественныя должности онъ исполнялъ не номинально, но влагалъ въ нихъ всю свою отзывчивую къ нуждамъ ближняго, любящую душу и зорко стоялъ на стражѣ общественныхъ интересовъ. Съ любовью занимался покойный Николай Александровичъ также садоводствомъ, огородничествомъ и плодоводствомъ, былъ членомъ общества, посвященнаго этой отрасли земледѣлія, и принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ выставокъ цвѣтовъ, плодовъ и овощей, въ качествѣ и распорядителя и экспонента. Кромѣ того, онъ былъ археологъ-любитель.

Въ концѣ прошлаго года онъ принялъ горячее участіе въ осуществленіи мысли образовать союзъ сотрудниковъ «Петербургской Газеты», бывалъ на всѣхъ собраніяхъ товарищей и выразилъ

согласіе принять на себя кропотливый трудъ казначея организуемой при «союзѣ» кассы, хотя, какъ вполне обеспеченный человѣкъ, не нуждался ни въ корпоративной поддержкѣ, ни въ матеріальной помощи. Имъ руководилъ лишь стимулъ товарищескаго духа и единенія, и желаніе путемъ своего участія оказать посильное содѣйствіе товарищамъ по труду.

Видные представители нашей высоко цѣнили просвѣтельную дѣятельность Николая Александровича въ сферѣ заботника о начальномъ народномъ образованіи, и вотъ что ему писалъ въ день его юбилея М. М. Стасюлевичъ.

«Дорогой Николай Александровичъ!

«Примите и мое поздравленіе съ счастливымъ завершеніемъ сорокалѣтія вашихъ неустанныхъ литературныхъ трудовъ. При этомъ присоединяюсь къ прочимъ привѣтствующимъ васъ тѣмъ болѣе, что вы въ послѣднее шестилѣтіе заботились не только о томъ, чтобы было что читать грамотнымъ, но и усердно помогали, чтобы когда нибудь хоть въ столицѣ всѣ умѣли читать».

По внѣшнему виду нѣсколько какъ будто угрюмый, хмурый и замкнутый въ себя, Лейкинъ былъ, однако, на самомъ дѣлѣ человѣкомъ мягкаго, отзывчиваго сердца; особенно любилъ онъ дѣтей (собственныхъ у него не было, а былъ только пріемный сынъ) и, какъ попечитель дѣтскихъ пріютовъ, поставилъ на ноги и пригрѣлъ не одно осиротѣвшее маленькое созданіе. Былъ онъ также человѣкомъ очень религіознымъ, горячо и искренно вѣрующимъ сыномъ церкви. Принявъ на себя съ 1880 г. редактированіе сатирическаго журнала «Осколки», онъ искалъ литературные таланты, многихъ поддержалъ въ ихъ первыхъ шагахъ литературной дѣятельности, вывелъ, какъ говорится, въ литературу. Покойный Антонъ Чеховъ, напримѣръ, обязанъ былъ именно Лейкину, который первый прозрѣлъ этотъ выдающійся талантъ, выдвинулъ его и предсказалъ ему блестящую литературную будущность.

Несомнѣнно, у Лейкина, какъ и у всякаго виднаго общественнаго дѣятеля, были недруги, но друзей, знакомыхъ и невѣдомыхъ ему, были у него тысячи и тысячи. Вотъ почему, когда столицу облетѣла вѣсть о его кончинѣ, она была встрѣчена весьма многими обывателями самыхъ разнообразныхъ классовъ и наслоеній съ чувствомъ неподдѣльной печали. На панихидахъ въ часовнѣ Маріинской больницы перебивала масса народа, а самыя похороны отличались большою торжественностью и задушевностью. Вотъ какъ описываетъ ихъ репортеръ «Петербургской Газеты» (1906 г., № 8), одинъ изъ младшихъ членовъ тѣсной журнальной семьи, гдѣ Лейкинъ былъ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ.

Къ 9^{1/2} часамъ утра 8 января въ часовню Маріинской больницы собрались многіе гласные во главѣ съ городскимъ головой, сотрудники «Петербургской Газеты» съ редакторомъ Н. С. Худековымъ,

многочисленные представители литературнаго міра, друзья, родные и почитатели таланта покойнаго. Къ этому же времени явились многочисленныя депутаціи, пришедшія сказать послѣднее «прости» уважаемому писателю.

Депутація отъ ремесленнаго училища, Цесаревича Николая во главѣ съ преподавателемъ Петровымъ; депутація отъ 4-го мужского городского училища во главѣ съ инспекторомъ Поповымъ и преподавателемъ Бокинымъ. Депутатъ отъ драматическихъ артистовъ Далматовъ возложилъ вѣнокъ отъ императорской русской драматической труппы. Депутація отъ причта собора св. Троицы на Петербургской сторонѣ во главѣ съ бывшимъ настоятелемъ прот. Орловымъ, и старостой собора, г. Сушинымъ. Наконецъ, депутація отъ Реформатскаго училища. Послѣ краткой литіи, отслуженной въ послѣдній разъ въ часовнѣ, гробъ съ бранными останками подняли гласные думы и сотрудники «Петербургской Газеты» и поставили на бѣлый катафалкъ, запряженный шестеркою бѣлыхъ лошадей.

У дома № 31 по Николаевской улицѣ, гдѣ помѣщаются редакціи журналовъ «Осколки» и «Шуть», въ которыхъ работалъ покойный, траурное шествіе остановилось: здѣсь была совершена литія.

За гробомъ шла громадная толпа. Здѣсь были: городской голова Н. А. Рѣзцовъ, члены управы—В. А. Тройницкій, А. И. Бузовъ, гласные—С. Н. Тарасовъ, предсѣдатель училищной комиссіи Н. А. Потѣхинъ, Г. И. Дурнякинъ, г. Ждановъ, генер. Коростовецъ, Э. Э. Веймаръ, П. А. Фокинъ, Н. А. Алексѣевъ, Савенковъ, И. О. Чугрѣевъ, В. С. Кривенко, І. Ф. Оношковичъ-Яцына, А. Г. Рѣдько, г. Зубаревъ и др. Изъ литераторовъ — г. г. Гнѣдичъ, Будищевъ, Немировичъ-Давченко, Фофановъ, Баранцевичъ, Баскинъ, Худековъ, Гейнце, Авенариусъ и многіе сотрудники газетъ и журналовъ.

Среди провожавшихъ были также ученики городскихъ училищъ и бывшіе воспитанники реформатскаго училища.

За толпой колесница, утопающая въ вѣнкахъ.

Всего возложено 21 вѣнокъ: отъ спб. городского общественнаго управленія, отъ типографскаго музыкально-драматическаго кружка, предсѣдателю совѣта благотворительнаго общества при Троицкомъ соборѣ на Петербургской сторонѣ, «Н. А. Лейкину — комиссія по народному образованію», отъ Императорскаго Русскаго театральнаго общества, «дорогому товарищу — отъ союза сотрудниковъ «Петербургской Газеты», своему попечителю отъ учащихся и учащихся, отъ наборщиковъ «Петербургской Газеты», отъ редакціи журнала «Осколки», отъ типографіи «Петербургской Газеты», отъ приюта Ясли Троицкаго благотворительнаго общества, попечителю училища — IV мужское 4-хъ-классное городское училище, отъ Петровскаго родильнаго приюта, «глубокоуважаемому Николаю Александровичу отъ с.-петербургской городской санитарной комиссіи», «Ры-

царю смѣха» Лейкину — Пулеметь, «Лейкину — Худековы», отъ редакціи журнала «Шутъ», отъ любящихъ братьевъ, отъ племянниковъ, отъ бывшихъ воспитанниковъ Реформатскаго училища, отъ Императорской Русской драматической труппы. Голике возложилъ букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

По прибытіи кортежа на кладбище, въ кладбищенской церкви была отслужена заупокойная литургія.

Когда гробъ съ прахомъ незабвеннаго писателя опустили въ могилу, первымъ произнесъ надъ этою могилою прочувствованную рѣчь В. П. Далматовъ отъ лица сценическихъ дѣятелей и какъ другъ покойнаго. Ораторъ вспомнилъ, что Н. А. Лейкинъ самъ подвизался на сценѣ и всю свою жизнь сохранялъ связь съ ея дѣятелями, много поработалъ для урегулированія нормъ сценической профессіи. Человѣкъ чуткой, отзывчивой души, покойный всегда готовъ былъ прійти на помощь артисту въ трудныя минуты его жизни. Самъ испытавъ въ началѣ своей литературной дѣятельности нужду, онъ понималъ жизненную обстановку людей свободныхъ профессій и никогда не отказывалъ ни въ совѣтѣ, ни въ поддержкѣ.

Перейдя затѣмъ къ личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ, В. П. охарактеризовалъ его, какъ добраго человѣка, прекраснаго товарища и добраго друга.

Затѣмъ Н. Э. Гейнце прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

Тьму бичующимъ, правдивымъ
Русскимъ юморомъ согрѣтъ,
Словомъ мощнымъ и красивымъ
Рисовалъ онъ много лѣтъ
Темныхъ пятенъ русской жизни
Безконечно длинный рядъ...
Въ пробужденіи отчизны
И его есть цѣнный вкладъ!

И онъ умеръ, другъ народа,
Совершивши подвигъ свой,
Въ тотъ моментъ, когда свобода
Всходитъ дивною зарей,
День пророка превосходный,
Надъ родимую страной...
Спи, борецъ со тьмой народной,
Спи подъ легкою землей!

Послѣднимъ говорилъ предсѣдатель городской комиссіи по народному образованію, Н. А. Потѣхинъ.

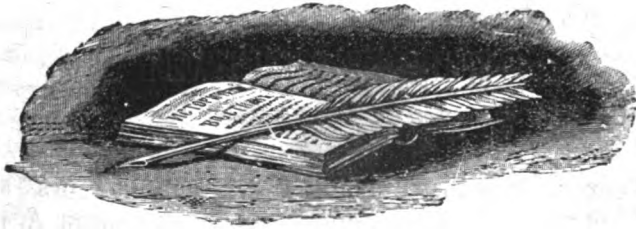
Онъ заявилъ, что говоритъ отъ лица тѣхъ, кто еще не умѣетъ говорить, отъ дѣтей городскихъ школъ, для которыхъ цокойный

много сдѣлалъ добраго. Ораторъ указалъ на плодотворную дѣятельность покойнаго, какъ гласнаго думы, такъ и члена училищной комиссіи, въ частности, заявивъ, что городское общественное управленіе не можетъ не цѣнить такихъ полезныхъ дѣятелей.

— Среди нихъ,— Н. А. указалъ на стоявшихъ вокругъ могилы учениковъ и ученицъ городскихъ школъ Петербургской стороны,— объ Н. А. Лейкинѣ сохранится навсегда свѣтлая память.

Похороненъ Н. А. на литераторскихъ мосткахъ.

Б. Г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Іоаннъ-Георгъ Корбъ. Дневникъ путешествія въ Московію (1698 и 1699 г.г.). Введеніе, переводъ и примѣчанія А. Маленна. Съ приложеніемъ 19 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ и указателей. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905.

ДНЕВНИКЪ І.-Г. Корба, по общему отзыву всѣхъ, занимавшихся имъ, является однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для исторіи послѣдняго стрѣлцаго бунта и для характеристики послѣднихъ лѣтъ существованія Московской Руси. За два неполныхъ года, проведенныхъ авторомъ въ Россіи, ему пришлось пережить и испытать немало весьма интересныхъ моментовъ. Вмѣстѣ съ значительной частью московскаго населенія Корбъ тревожился и волновался при вѣсти о движеніи стрѣльцовъ съ Литовской границы къ Москвѣ; вмѣстѣ съ москвичами онъ радовался побѣдѣ Шинка и Гордова надъ мятежнымъ войскомъ подъ Новымъ Іерусалимомъ; видѣлъ возвращеніе Петра изъ-за границы, когда первымъ дѣломъ государя при свиданіи съ боярами была собственноручная стрижка ихъ длинныхъ бородъ; наконецъ, Корбъ смотрѣлъ на всѣ ужасы казней и пытокъ стрѣльцовъ, когда имъ послѣ бичеванія жгли свинны, мучили каплями воды, вкладывали въ уши раскаленные угли и т. д. Если добавить къ этому довольно значительное офиціальное положеніе Корба (онъ былъ секретаремъ при австрійскомъ посольствѣ), позволявшее ему не только присутствовать на всѣхъ церемоніяхъ, какъ торжественныхъ, такъ и ужасныхъ, но даже и пировать за однимъ столомъ съ царемъ, то легко можно признать, что «Дневникъ», помимо важности историческаго источника представляетъ собою и весьма любопытную бытовую и государственную жизнь

Москвы. Секретарь австрійскаго посольства не удовольствовался занесеніемъ въ свой «Дневникъ» однѣхъ только фактическихъ подробностей. Такъ, прежде всего онъ приложилъ къ «Дневнику» систематическое описаніе стрѣльческаго движенія, при чемъ для полноты разсказа не побоялся повторить факты изъ эпохи казней стрѣльцовъ, записанные имъ уже ранѣе въ «Дневникѣ». Затѣмъ Корбъ далъ общую характеристику Петра I, разсказалъ его родословную, сдѣлалъ краткій топографическій очеркъ Москвы, географическій обзоръ всей страны, попытался нарисовать картину религіозной, государственной и общественной жизни Руси и, наконецъ, привелъ біографическія свѣдѣнія о наиболее видныхъ изъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей, а также объ иноземцахъ, жившихъ въ то время въ Московіи. Конечно, по незнанію русскаго языка и исторіи Корбъ надѣлалъ въ этой послѣдней части своего труда немало грубыхъ ошибокъ, но общій колоритъ картины схваченъ имъ, повидимому, вѣрно и даже въ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ не потерялъ своего значенія и до сихъ поръ. Таково богатое содержаніе «Дневника». Къ этой книгѣ болѣе, чѣмъ къ какой либо другой, примѣнима извѣстная латинская поговорка: *habent sua fata libelli*. Дѣйствительно, хотя по своимъ политическимъ убѣжденіямъ Корбъ является строгимъ монархистомъ и вполне оправдываетъ Петра за его болѣе, чѣмъ жестокую расправу со стрѣльцами, но все же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего изложенія онъ не умолчалъ о кое-какихъ непривлекательныхъ чертахъ изъ жизни царя и всего народа, таковы, напримѣръ, сообщеніе о грубомъ обращеніи Петра съ бояриномъ Головинымъ или разсказъ о славленіи царя въ рождественскіе праздники, а также свѣдѣнія о лживости русскихъ, ихъ непристойномъ поведеніи на званныхъ обѣдахъ, безнравственности и привычкѣ къ рабскому подчиненію. Разоблаченіе этихъ фактовъ произвело весьма непріятное впечатлѣніе, какъ на самого Петра, такъ и на московское правительство, которое съ чисто болѣзненнымъ самолюбіемъ относилось ко всякому, даже самому малому униженію своего достоинства предъ Западной Европой. Поэтому русское правительство настояло передъ австрійскимъ на воспрещеніи продавать книгу и даже, повидимому, на конфискованіи ея. Такимъ образомъ, оригиналъ «Дневника», который никто не догадался перевезти, принадлежитъ нынѣ къ числу величайшихъ библиографическихъ рѣдкостей, и если иногда выплываетъ на антикварномъ рынкѣ, то цѣна его доходитъ до нѣсколькихъ сотъ рублей. На русскомъ языкѣ «Дневникъ» появился полностью только въ 1867 г. въ переводѣ В. Женева и М. Ив. Семева. Переводъ этотъ, въ общемъ довольно надежный, хотя и устарѣлый для теперешняго времени, нынѣ сталъ также библиографической рѣдкостью. Для настоящаго изданія «Дневникъ» переведенъ заново профессоромъ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, А. И. Малеинимъ. Переводчикъ, по его словамъ, стремился возможно добросовѣстнѣе передать тяжеловѣсный стиль оригинала, написаннаго излюбленной тогда въ дипломатіи латинской рѣчью. Въ своемъ стремленіи къ добросовѣстности г. Малеинъ заходитъ, кажется, даже слишкомъ далеко, сохраняя, напримѣръ, своеобразную особенность подлинника — написаніе большого числа словъ съ прописной буквы. Переводу предпослано введеніе, содержащее, кромѣ біографіи Корба и исторіи книги, данныя преимущественно библиографическаго ха-

рактора: современныя появленію «Дневника» иностранныя рецензіи на него, перечень переводовъ Корба, какъ на русскій, такъ и на другіе языки, и указатель важнѣйшей литературы, посвященной «Дневнику». За переводомъ слѣдуютъ краткія примѣчанія, въ которыхъ извѣстія Корба сопоставляются съ современными имъ русскими дипломатическими документами. Заканчивается книга тремя весьма тщательно и подробно составленными указателями: личнымъ, географическимъ и предметнымъ. Въ настоящемъ изданіи впервые на русскомъ языкѣ воспроизведены всѣ рисунки и планы оригинала, помѣщенные на отдѣльныхъ листахъ. Нечего и говорить про ту важность, какую имѣетъ это приложеніе для нашей бытовой исторіи; особенно любопытны картины, изображающія казнь стрѣльцовъ, январское водоосвященіе въ Москвѣ, русскій гербъ, большой колоколъ и битву Гордона со стрѣльцами. Въ заключеніе нельзя не упомянуть про изящную внѣшность изданія: оно строго выдержано въ стилѣ конца XVII и начала XVIII вѣка и снабжено всеми заставками и вписетками, имѣющимися въ оригиналѣ. О. В.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1905 годъ. Книга вторая. М. 1905.

Въ первомъ отдѣлѣ матеріаловъ историческихъ помѣщена Полоцкая ревизія 1552 г. съ предисловіемъ И. И. Лапо (XXII—236 стр.). Памятникъ этотъ, какъ поясняетъ г. Лапо, принадлежитъ къ разряду земельныхъ описаній литовско-русскихъ областей XVI вѣка. Онъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ виду того, что на ряду съ ревизіей 1552 г. о той же самой Полоцкой землѣ сохранились отъ второй половины XVI вѣка описанія, предпріятыя въ 70-хъ г.г. Грознымъ и позднѣе Стефаномъ Баторіемъ, что для сравнительнаго изученія представляетъ особенную важность. Полоцкая ревизія 1552 г. уже была издана въ 1880 г. Іосифомъ Шуйскимъ въ V т. *Scriptores Regum Polonicarum*, но по списку неполному и во многихъ мѣстахъ искаженному. Теперь же она напечатана по лучшему списку, хранящемуся въ военно-учебномъ архивѣ главнаго штаба, съ точнымъ соблюденіемъ особенностей правописанія текста. Къ памятнику приложены три указателя: географическій, личный и предметный.

Во второмъ отдѣлѣ—болгарскія пѣсни, собранныя Любеномъ Каравеловымъ (окончаніе); въ третьемъ—закончено печатаніе изслѣдованія М. Н. Сперанскаго: Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Подъ рубрикой смѣси помѣщено: 1) Студенческіе беспорядки въ Московскомъ университетѣ въ 1861 г., изъ бумагъ О. М. Бодянскаго (1—23 стр.); 2) Предки и потомство Ивана Т. Посошкова; 3) 1654—1756 г.г. Перечень городовъ, городковъ, мѣстъ и мѣстечекъ въ Черкасскихъ полкахъ (28—31); 4) Сказанія о Павлѣ, епископѣ коломенскомъ († 1655 г.); 5) Квартиранты въ дворахъ московскаго духовенства и патріаршихъ слугъ въ 1666 г. (52—65 стр.); 6) Списокъ трудовъ профессора И. Д. Вѣляева, составленный П. Н. Мрочекъ-Дровдовскимъ (65—88). Въ концѣ — протоколы засѣданій общества за 1903 и 1904 г.г. (1—57 стр.).

Скажемъ о спискѣ трудовъ П. Д. Вѣляева. Намъ извѣстно нѣсколько такихъ списковъ. Больше или меньше подробныя указанія на труды П. Д. Вѣляева можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, ч. I; 2) Указатель матеріаловъ, изслѣдованіе по исторіи русскаго права, издан. до 1855 г. (Архивъ ист. и практ. свѣд., кн. VI); 3) «Новое Время», 1873 г., № 26 (1-го декабря); 4) Реестръ, составленный Петровскимъ, М., 1874 г.; 5) Наука исторіи русскаго права—Загоскина; 6) въ рецензіи Владимірскаго-Буданова (Кіевск. Университетск. Пав., 1879 г., № 6); 7) въ предисловіи къ 4-му изданію книги Вѣляева: «Крестьяне на Руси», М., 1903 г., а также въ общихъ указателяхъ къ изданіямъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и др. Нужно отдать справедливость, списокъ г. Мрочекъ-Дроздовскаго, заключающій въ себѣ всего 182 номера изслѣдованій и статей, матеріаловъ и замѣтокъ, распределенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, составленъ довольно тщательно, онъ является наиболѣе полнымъ и точнымъ изъ всѣхъ указанныхъ выше. Не даромъ составитель его потратилъ много трудовъ на его составленіе, иногда сличалъ текстъ одного изданія съ другимъ слово въ слово, какъ онъ объ этомъ самъ сообщаетъ въ примѣчаніи (стр. 77), и навелъ справки черезъ своихъ знакомыхъ въ Императорской Публичной библиотекѣ (стр. 76). Благодаря этому, замѣтимъ съ своей стороны, мы въ правѣ ожидать отъ издаваемого указателя исчерпывающей полноты и совершенной исправности, въ особенности, если имѣть въ виду то, что до этого списка былъ напечатанъ цѣлый рядъ библиографическихъ указаній и списковъ трудовъ И. Д. Вѣляева. Но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что въ перечнѣ г. Мрочекъ-Дроздовскаго нѣтъ желательной точности и исчерпывающей полноты.

Намъ пришлось установить слѣдующіе пропуски. Не внесены въ списокъ и не указаны въ примѣчаніяхъ: 1) Рецензія на книгу «Описаніе государственнаго разряднаго архива», составл. Ивановымъ («Москвитянинъ», 1843, I, 537—541); 2) Рецензія на соч. Н. Иванчина-Писарева: Прогулка по древнему Коломенскому у. (ib., 1844, ч. II, № 3); 3) Приходъ («Русская Бесѣда», 1857, кн. III); 4) Кварталь (ib., кн. IV, 148—160); 5) Городъ (ib., 1858, I, 197—212); 6) Деревня (ib., II, 199—208); послѣдніе четыре номера подписаны буквою В. (такъ же, какъ и двѣ статьи въ списокъ г. Мрочекъ-Дроздовскаго, подъ №№ 64 и 69) и признаются за сочиненія И. Д. Вѣляева (см. Указатель къ «Русской Бесѣдѣ» П. Бартенева въ приложеніи къ «Русскому Архиву» за 1863 г.); 7) Раскопки кургановъ, произведенныя г. Самоквасовымъ въ Курской и Черниговской губерніяхъ (Извѣстія общества любителей естествознанія, т. X, М., 1871—1782); 8) Рѣчь П. Д. Вѣляева въ книгѣ «Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина», М., 1872 г.; 9) Разборъ сочиненія А. Павлова: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», XV присужденіе награды графа Уварова, Сиб., 1872 г. (ср. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1872 г., № 291); 10) Письма къ Петру I царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексѣевны, 1693—1694 г.г. (съ краткими примѣчаніями П. Д. Вѣляева—«Русская Старина», 1871 г., т. IV, 578—582); 11) «Слово надгробное»... расколюучателя Денисова (съ краткимъ пре-

дисловиѣмъ П. Д. Бѣляева — ib., 1879, XXVI, 523 — 537). Сюда же нужно отнести разборъ 3-й и 4-й тетради Снегирева: «Памятники Московской древности» («Москвитянинъ», 1843, № II), и Книгу сеунчей 162—163 г., приведенные составителемъ въ примѣчаніяхъ и почему-то не внесенные въ пронумерованный списокъ трудовъ.

Кромѣ указаннаго, г. Мрочекъ-Дроздовскій далеко неполно отмѣтилъ отдѣльныя изданія сочиненій Бѣляева, часто пропуская указаніе на нихъ, или же не приводя всѣхъ существующихъ. Напримѣръ, объ актовъ рѣчи: «Земскіе соборы на Руси», указано только, что она помѣщена въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1866—1867 г.г., тогда какъ это изслѣдованіе имѣло два отдѣльных изданія: 1-е—М., 1867 г., 2-е—М., 1902 г. Не указаны также отдѣльныя изданія и оттиски изслѣдованій, помѣщенныхъ у г. Мрочекъ-Дроздовскаго подъ №№ 15, 16, 50, 58, 63, 65, 71, 82 и др. Если же и перечисляются изданія, то далеко не всѣ. Напримѣръ, «Крестыяне на Руси» — указано два изданія, тогда какъ извѣстны еще два: 3-е—М., 1891 г., и 4-е—М., 1903 г. То же замѣчаніе приложимо и къ №№ 98 и 107. Случается, что изслѣдованіе Бѣляева относится составителемъ списка не къ тому году, къ какому слѣдовало бы. Напримѣръ, «Разказы изъ русской исторіи», т. II, нужно помѣстить подъ 1864, а не подъ 1866 г. Есть и другія незначительныя погрѣшности.

Этими замѣчаніями мы хотѣли бы только внести большую точность и полноту въ указатель трудовъ П. Д. Бѣляева, нисколько, разумѣется, не претендуя на то, чтобы умалить значеніе составленнаго г. Мрочекъ-Дроздовскимъ списка, который, повторяемъ, все же является наиболѣе полнымъ и наиболѣе тщательно составленнымъ изъ всѣхъ до него извѣстныхъ.

М. Ключковъ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1905 годъ. Книга третья. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1905.

Въ первый отдѣлъ третьей книги «Чтеній» вошли слѣдующіе историческіе матеріалы: «Городъ Кашинъ. Матеріалы для его исторіи, собранныя Г. Я. Кувкинымъ. Выпускъ второй, съ предисловіемъ члена-соревнователя К. А. Стратонитскаго». По группировкѣ г. Стратонитскаго, «матеріалы» эти, помимо нѣсколькихъ отдѣльныхъ документовъ, изъ которыхъ наибольшее вниманіе обращаетъ на себя «отписка воеводы о пожарѣ», опустошившемъ городъ Кашинъ 6 августа 1676 г., — трехъ родовъ: 1) акты, относящіеся къ вопросу о прославленіи святой Анны Кишинской и къ предполагавшемуся путешествію царя Θεодора Алексѣевича въ Кашинъ; 2) акты о состояніи и управленіи города, т. е. о воеводахъ, ихъ дѣятельности, назначеніяхъ, смѣнахъ, и 3) акты о переходѣ городскихъ недвижимостей изъ однихъ рукъ въ другія. Изъ актовъ перваго рода были уже напечатаны въ «Чтеніяхъ» Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ (1871 г., книга 4) — «Досмотръ слѣдственной комиссіи» и «Опредѣленіе собора 7185» (1677 г.),

заключаюцца въ томъ, чтобы «гробъ съ мощами княгини (Анны Кашинской) запечатать, за святую ея не почитать, образъ ея не писать, церквей во имя ея не строить».

«Что касается актовъ, — говоритъ авторъ предисловія, — о состояніи и управленіи городовъ, то здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить дѣло о присылкѣ въ Москву денегъ и отчетности съ Кашинскаго кружечнаго двора. Оно интересно, между прочимъ, потому, что сообщаетъ существовавшія въ то время въ Кашинѣ цѣны, какъ на строительные и иные матеріалы, такъ и на рабочія руки». Нѣкоторые изъ этихъ документовъ служатъ вѣскимъ доказательствомъ того, что мѣстное общество тогдашняго времени «не было такъ забито воеводскимъ произволомъ, какъ это обыкновенно думается», что оно наоборотъ призывалось правительствомъ, напримѣръ, для производства учета своего имущества и для оцѣнки казеннаго имущества на Кружечномъ дворѣ, что къ его отзывамъ чутко прислушивалось правительство и въ вопросахъ объ оцѣнкѣ дѣятельности воеводъ, и проч. Наконецъ эти документы «даютъ картину дѣлопроизводства въ центрѣ, въ приказахъ». Изъ актовъ же третьяго рода, по словамъ г. Стратонитскаго, «любопытны купчія подъ №№ 61 и 64, какъ болѣе или менѣе подробно опредѣляющія мѣстоположеніе продаваемыхъ участковъ» (стр. VI). Всѣхъ документовъ въ этотъ второй выпускъ «Матеріаловъ» по исторіи города Кашина вошло 19, отъ № 56 по № 74.

Далѣе слѣдуютъ матеріалы иностранные — «Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ Третьему о Москвитинѣ. Падуа. 1860 г. Издвѣніемъ книгопродавца Петра-Маріа Фрамботти. Съ разрѣшенія старшихъ. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ». Биографическихъ данныхъ объ авторѣ «Сказаній», Яковѣ Рейтенфельсѣ, называемомъ также и Яковомъ Рутфелемъ, очень мало. Неизвѣстно ни его происхожденіе, ни годы рожденія и смерти; можно только догадываться, что онъ былъ въ Москвѣ въ 1670 — 1672 г.г. Точно также крайне скудны свѣдѣнія и о подлинной рукописи «Сказаній». Настоящій переводъ сдѣланъ А. Станкевичемъ съ латинскаго изданія 1680 г. До А. Станкевича переводомъ на русскій языкъ произведенія Рейтенфельса занимались Ю. П. Венелинъ, переведшій, или, вѣрнѣе, сдѣлавшій извлеченія изъ первыхъ 9 главъ второй книги «Сказаній», которыя къ тому же остались въ рукописи, и П. П. Тарнава-Боричевскій, помѣстившій въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1839 г. (юль) — «Извлеченіе изъ сказаній Якова Рейтенфельса о состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ» (здѣсь «опущено все то, что рисуетъ нашихъ предковъ въ не совсѣмъ привлекательномъ свѣтѣ, или комическомъ видѣ»). Переводъ же, печатаемый А. Станкевичемъ, «сдѣланъ полностью, безъ всякихъ пропусковъ» (стр. X). Все содержаніе «Сказаній» раздѣлено на четыре книги, изъ которыхъ въ настоящей третьей книгѣ «Чтеній» напечатаны только первая, вторая и начало третьей. Книга первая (изъ 14 главъ) озаглавлена: «Происхожденіе москвитовъ и обзоръ царствованій» (до царя Михаила Феодоровича включительно); вторая — «Дворъ и нынѣшнее правленіе» (23 главы); третья — «Словіе подданныхъ и нравы» (24 главы) и четвертая — «Природныя богатства государства и его обширность» (18 главъ). Сообщенія изъ политической исто-

рін Россіи довольно кратки, поверхностны и небезошибочны, по крайней мѣрѣ, въ хронологическомъ отношеніи; но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о внутренней жизни, управленіи, особенно изъ эпохи царя Алексѣя Михайловича, сообщенія Рейтенфельса имѣютъ значительный интересъ и заслуживаютъ серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ интересующихся прошлымъ Россіи.

Въ отдѣлѣ третьемъ — наслѣдованій, находимъ: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. (Дополненія и поправки къ полемикѣ относительно общей ея постановки и относительно главнѣйшихъ частныхъ пунктовъ разногласія между нами и старообрядцами). Е. Голубинскаго, ординарнаго академика императорской академіи наукъ». Въ предисловіи къ названному труду покойный профессоръ Московской духовной академіи говоритъ: «Побужденіемъ къ написанію предлагаемыхъ статей служило для меня желаніе указать на необходимость нѣкоторыхъ поправокъ въ постановкѣ полемики съ старообрядцами, а также желаніе сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія въ области и самой полемики. Современное, значительное противъ прежняго, расширеніе относящихся къ полемикѣ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній дѣлаетъ необходимыми нѣкоторыя поправки въ ея постановкѣ. А поэтому я позволяю себѣ питать увѣренность, что оказываю ей своими статьями благовременную и добрую услугу».

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ: «Смѣсь», среди цѣлаго ряда «матеріаловъ» и документовъ обращаютъ особое вниманіе слѣдующіе: 1) замѣтка В. Покровскаго: «Журналъ для милыхъ» (1804—1904 гг.), главнымъ редакторомъ и издателемъ котораго былъ М. Н. Макаровъ; 2) «Сольвычегодскія сотницы 7094 г.» (1586 г.) изъ грамотъ «коллегіи экономіи», впервые обнародоваемыя С. А. Шумаковымъ въ ученой литературѣ; 3) «О документѣ, касающемся патриарха Никона, отданныхъ на храненіе въ Посольскій приказъ» (1660—1666 г.г.); 4) «Реестръ вышедшимъ въ замужество господамъ камеръ-фрейлинамъ и фрейлинамъ» въ 1762—1786 г.г.; 5) «Объ осмотрѣ вещей пріѣхавшихъ въ Россію французскихъ актеровъ Вервеля и Бергамина» (1800 г.), и др.

В. Рудаковъ.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованія императрицы Екатерины II и императоровъ Павла I и Александра I (1762 — 1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ I. Выпускъ IV. Спб. 1905.

Мы уже говорили объ этомъ выдающемся во всѣхъ отношеніяхъ изданіи великаго князя Николая Михайловича по поводу первыхъ трехъ выпусковъ, и потому намъ остается лишь повторить, что и четвертый выпускъ наравнѣ столь же роскошно, какъ и предыдущіе. Этотъ выпускъ заключаетъ первый томъ «Русскихъ портретовъ», въ который вошли, въ общемъ числѣ, 194 портрета русскихъ замѣчательныхъ людей. Къ четвертому выпуску приложенъ указатель портретовъ перваго тома и художниковъ, съ оригиналовъ которыхъ они воспроизведены. Четвертый выпускъ особенно изобилуетъ рѣдкостью заклю-

чающихся въ немъ изображеній и изяществомъ ихъ репродукцій. Въ немъ дано 50 портретовъ, исполненныхъ фотографіей и фототипіей въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ: Г. Р. Державина, его второй жены, князя В. Б. Голицына, княгини Н. П. Голицыной, графини А. С. Протасовой, князя П. А. Зубова, графа А. М. Дмитриева-Мамонова, А. Θ. Лабзина, графини М. А. Орловой-Денисовой, князя А. Б. Куракина, княгини Е. П. Багратионъ, Н. М. Карамзина, графини А. М. Строгоновой, княгини А. С. Голицыной, графини В. Н. Головиной, Д. П. Татищева, Ю. А. Татищевой, графа Н. Н. Головина, графини Е. Е. Комаровской, М. А. Нарышкиной, Е. А. Нарышкиной, Н. В. Булгаковой, П. Х. Оболянинова, его жены, графа А. А. Аракчеева, его жены, баронессы Крюднеръ, Н. С. Семеновой, Е. И. Колосовой, Н. Н. Рямскаго-Корсакова, князя В. В. Долгорукова, Н. Н. Демидова, И. А. Нарышкина, князя Н. С. Волконскаго, С. И. Плещеева, графа В. В. Орлова-Денисова, графа А. И. Остермана-Толстого, графа М. А. Милорадовича, Н. М. Бороздина, графини М. А. Толстой, графини Е. А. Остерманъ-Толстой, Л. А. Нарышкина, О. С. Нарышкиной, М. К. Булгаковой, Я. И. Булгакова, графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, его жены, князя М. И. Кутузова-Смоленскаго и его жены. Всѣ портреты сопровождаются, по обыкновенію, краткими біографіями, написанными обстоятельно, на основаніи тщательно провѣренныхъ данныхъ. Августѣйшій издатель обѣщаетъ еще два тома «Русскихъ портретовъ», но и то уже, что имъ дано въ первомъ томѣ, содержитъ крупный и цѣнный вкладъ въ отечественную иконографію и историографію.

С. Ш.

Русскій біографическій словарь, издаваемый подъ наблюдениемъ предѣдателя императорскаго Русскаго историческаго общества А. А. Половцева. Четыре тома (буквы Д, О, П, Ч, Ш). Спб. 1905.

Послѣ довольно долгаго перерыва вышло разомъ четыре тома этого капитальнаго изданія, за которое русская историческая наука всегда будетъ глубоко признательна А. А. Половцеву. Кто понимаетъ, какого громаднаго и кропотливаго труда требуетъ собираніе данныхъ для біографій русскихъ дѣятелей прошлаго времени, тотъ не станетъ придираться къ нѣкоторымъ пропускамъ и ошибкамъ, неизбежнымъ въ подобныхъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, составитель біографіи княгини Прасковьи Юрьевны Долгоруковой говоритъ, что она была жена «казеннаго» князя Алексѣя Григорьевича, а составитель біографіи послѣдняго указываетъ, и совершенно правильно, что онъ умеръ въ Березовѣ въ 1734 г. отъ горячки. Поэтому, не вдаваясь въ подробности, мы скажемъ лишь, что въ общемъ словарь составляетъ въ высшей степени добросовѣстно и заключаетъ въ себѣ обстоятельныя данныя о лицахъ, въ немъ перечисленныхъ. Многія біографіи представляютъ цѣлыя монографіи, напримѣръ, біографіи: княгини Дашковой, Демидовыхъ, Державина, П. И. Дмитриева, князей Долгоруковыхъ, Достоевскаго, князей Оболенскихъ, князя Одоевскаго, Орловыхъ, Островскаго, князя Пожарскаго, князей Полоцкихъ, князя Чар-

торижскаго, князей Черкасскихъ, Чернышева, князей Шаховскихъ и другихъ. При каждой біографіи, хотя бы самаго мелкаго лица, перечисляются исчисления, откуда заимствованы о немъ свѣдѣнія. Когда словарь будетъ законченъ, то, по справедливости, займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди необходимыхъ и замѣчательныхъ изданій въ нашей исторической литературѣ. С. Ш.

П. Гидуляновъ. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства. Москва. 1905.

Интересная диссертація г. Гидулянова посвящена вопросу, доселѣ не работанному въ русской литературѣ каноническаго права—вопросу возникновенія и развитія церковно-правительственной власти. Вопросъ этотъ поставленъ авторомъ довольно широко; онъ не только изучаетъ постепенное развитіе епископской должности, указывая на епископа, какъ на преемника апостоловъ, и отсюда объясняя развитіе епископской власти въ различныхъ ея проявленіяхъ (надзоръ, судъ, экономическая дѣятельность), но въ связи съ этимъ представляетъ также довольно полный очеркъ возникновенія церковныхъ округовъ, епархій; исходя при этомъ изъ взгляда, объясняющаго епархіальное дѣленіе имперіи этнографическими ея отношеніями, г. Гидуляновъ даетъ обстоятельный и любопытный обзоръ этнографическаго и провинціальнаго дѣленія востока имперіи, гдѣ первоначально и возникаетъ болѣе или менѣе выработанная церковно-административная организація,—обзоръ, мѣстами не уступающій извѣстному труду Терновскаго: «Очерки изъ церковно-исторической географіи». Изучивъ обстоятельно основанія епископской власти вообще, авторъ обращается спеціально къ митрополитчѣй власти, выдвигая преимущественно, согласно характеру своего труда, вопросъ о юридическихъ основаніяхъ и особенностяхъ этой власти и лишь мимоходомъ останавливаясь на нравственномъ ея элементѣ. Разсмотрѣвъ затѣмъ въ частности развитіе митрополитчѣй власти епископовъ Римскаго, Александрійскаго и Антиохійскаго, г. Гидуляновъ переходитъ къ изученію каноновъ Никейскаго собора, рассматривая ихъ не только догматически, но также и въ критическомъ освѣщеніи.

Такой планъ изложенія, усвоенный авторомъ, позволялъ ему всесторонне и глубоко освѣтить намѣченный имъ вопросъ. Однако г. Гидуляновъ не ограничился этимъ; памятуя, насколько административные порядки Рима повліяли на жизнь церкви и въ смыслъ ея развитія, и въ дѣлѣ ея устройства, авторъ предпосылаетъ своему труду не большой, но обстоятельный очеркъ основъ римской провинціальной администраціи, и въ связи съ этимъ вопросомъ затрагиваетъ также и императорскій культъ, какъ главную основу этнографическаго дѣленія на востокъ имперіи; съ подобнымъ взглядомъ можно не соглашаться, но считаться съ нимъ необходимо, особенно принимая во вниманіе тотъ солидный научный аппаратъ, на какой опирается г. Гидуляновъ.

Не сомнѣваемся, что не только среди специалистовъ каноническаго права, но и среди историковъ трудъ г. Гидулянова встрѣтитъ радужный пріемъ, какъ справедливое признаніе его серьезныхъ научныхъ достоинствъ.

М. П—н.

Н. Поповъ. Рукописи Московской синодальной (патріаршей) библиотеки. Выпускъ I. Новоспасское собраніе. Москва. 1905.

Централизація рукописныхъ собраній Россіи идетъ довольно успѣшно, и не проходитъ года, чтобы какой нибудь крупный монастырскій архивъ не былъ присоединенъ къ большой библиотекѣ, удовлетворяющей научнымъ требованіямъ, или чтобы какая нибудь частная коллекція не перешла въ общественный и всѣмъ доступный музей. Наиболѣе важными приобрѣтеніями Московской синодальной библиотеки за послѣднее время были рукописи Успенскаго собора, Чудова и нѣсколькихъ подмосковныхъ монастырей. Судя по описанію Н. Попова, Новоспасское собраніе не богато ни количествомъ рукописей, ни содержаніемъ ихъ, ни древностью. Въ половинѣ XVII вѣка въ Новоспасскомъ монастырѣ числилось всего 39 рукописей, а въ наше время отъ нихъ сохранилось около пятой части, при чемъ исчезли книги, наиболѣе интересныя въ литературномъ или историческомъ отношеніи. Такимъ образомъ, эти факты еще разъ говорятъ о необходимости переносить подобныя собранія рукописей въ большія библиотеки. Въ предисловіи къ своему описанію рукописей г. Поповъ высказываетъ предположеніе относительно причинъ исчезновенія ихъ, но полемика его съ г. Снегиревымъ мало убѣдительна. Болѣе интересна исторія передачи библиотекъ нѣкоторыхъ московскихъ монастырей въ синодальную, начатая въ 1893 г. послѣ пожара въ Архангельскомъ соборѣ, когда, «какъ говорили (?), погбло нѣсколько предметовъ древности. Это печальное событіе встревожило сердца людей, интересующихся сохраненіемъ и изученіемъ памятниковъ отечественной старины» (стр. III—IV). Теперь рукописи Новоспасскаго монастыря перенесены и описаны.

Если припомнимъ, что основное собраніе синодальныхъ рукописей описано такими серьезными учеными, какъ Горскій и Невоструевъ, и ихъ многотомный трудъ можетъ считаться образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, то, благодаря одному такому совпаденію, къ книгѣ Н. Попова нельзя уже предъявлять болѣе или менѣе строгихъ требованій даже при всей тщательности и подробности работы и желаніи автора быть точнымъ. Онъ и самъ сознаетъ недостатки своего описанія, въ которомъ «не ставилъ себѣ широкихъ научныхъ задачъ, главнымъ образомъ по недостатку въ патріаршей библиотекѣ надлежащихъ научныхъ и справочныхъ пособій» (стр. V). Мы думаемъ, что эта оговорка также далеко не убѣдительна. Если бы она относилась къ работѣ надъ славянскими рукописями, хранящимися гдѣ нибудь на Аѳонѣ или въ отдаленныхъ монастыряхъ Балканскаго полуострова, то имѣла бы нѣкоторое значеніе, такъ какъ изъ собственнаго опыта намъ извѣстны всѣ трудности описыванія малодоступныхъ рукописей безъ всякихъ пособій, когда только для будущихъ справокъ приходится дѣлать подробныя выписки на мѣстѣ, а иногда только догадываться; но жаловаться на тотъ же недостатокъ въ Москвѣ—конечно, не въ одной патріаршей библиотекѣ—не приходится. Во всякомъ случаѣ отсюда вытекають далеко нежелательные выводы. По признанію г. Попова, въ его описаніи «лингвистъ не найдетъ подробной характеристики рукописей со стороны языка, а историкъ и археологъ—нѣкоторыхъ указаній на источники, возможныхъ при

другихъ условіяхъ, т.-е. если бы описатель имѣлъ подъ руками хорошо составленный подборъ научныхъ изданій». Не найдетъ,—прибавимъ отъ себя,— и библиографъ такихъ, напримѣръ, необходимыхъ при описаніи Новоспасской рукописи № 1 ссылокъ, какъ рефератъ А. Григорьева о «Толковой Псалтири» подобнаго же состава («Древности Славянской комиссіи», т. III, Протоколы, стр. 30—31), или описаніе славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго, гдѣ на стр. 17-й довольно подробно описана такая же Псалтирь XVII вѣка (№ 15) и др. Далѣе, г. Поповъ напрасно не обратился къ нѣсколькимъ рукописнымъ описаніямъ библиотеки Новоспасскаго монастыря, сдѣланнымъ раньше, когда библиотека была много богаче, и хранящимся въ архивѣ синода. Наконецъ, доносъ автора описанія на своего предшественника по работѣ, г. Лотоцкаго (стр. VI), производить на читателя необыкновенно гадливое впечатлѣніе.

А. Я.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Изданіе Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Спб. 1905.

Съ появленіемъ въ печати «Путешествія» Радищева становится доступнымъ для широкаго круга читателей одно изъ знаменитыхъ произведеній XVIII вѣка, испытавшее на себѣ цѣлый рядъ цензурныхъ гоненій. Въ первомъ своемъ изданіи (1790 г.) книга Радищева, по приказанію Екатерины II, была арестована и сожжена за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ быстро раскупленныхъ экземпляровъ. Въ 1860-хъ г.г. сынъ Радищева нѣсколько разъ ходатайствовалъ передъ Александромъ II о перевзданіи сочиненія отца, но безуспѣшно. Въ 1872 г. были напечатаны сочиненія Радищева, подъ редакціей Фремова, въ двухъ томахъ, сюда вошло и «Путешествіе». Однако изданію не удалось увидѣть свѣта: оно было конфисковано и сожжено. То же случилось съ «Путешествіемъ», изданнымъ П. А. Картавовымъ въ 1903 г. Въ 1888 г. А. С. Суворину удалось издать «Путешествіе», но лишь въ колпцествѣ ста экземпляровъ. На ряду съ указанными были изданія и за границей: въ Лондонѣ (1858 г.) и Лейпцигѣ (1876 г.), но они съ трудомъ проникали въ Россію.

Книга Радищева не даромъ стяжала себѣ славу: она была смѣлымъ идейнымъ бунтомъ противъ удушливой современности во имя гуманности и справедливости, во имя естественныхъ правъ человѣка. Въ ней Радищевъ рѣзко протестовалъ противъ крѣпостнаго рабства и угнетенія, съ сарказмомъ клеймилъ «звѣрскаго обычай порабощать себѣ подобнаго», «обычай, дикимъ народамъ приличный», «знаменующій собой сердце окаменѣлое и души отсутствіе совершенное». Во имя элементарныхъ правъ человѣка онъ возмущался тѣмъ, что «крестьяне въ заковѣ мертвы», продавались съ молотка, какъ товаръ или безсловесная тварь. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости полной гражданской равноправности. «Нѣтъ, нѣтъ, — съ энергіей восклицалъ Радищевъ, — онъ (крестьянинъ) живъ будетъ, если только того захочетъ».

На ряду съ крѣпостнымъ правомъ Радищевъ язвительно высмѣивалъ традиціонный порядокъ правленія. Самодержавный владыка у него представленъ

въ образѣ «сѣдѣщаго во власти на престолѣ», окруженнаго великолѣбною обстановкой и блестящей свитой, которая стояла вокругъ трона «съ робкимъ подобострастіемъ», «ловя взоры» правителя. Эти «льстецы и ласкатели» старались предупредить всякое желаніе государя, восхваляли восторженно его достоинства, въ льстивыхъ выраженіяхъ сообщая, что, благодаря неусыннымъ заботамъ государя, народъ благоденствуетъ, враги трепещутъ, и слава о великомъ и мудрому повелителѣ несется по всему міру. Но вотъ явилась какая-то таинственная странница и открыла самодержцу глаза. Тогда онъ ясно увидѣлъ въ своихъ приближенныхъ алчность, «подлое раболѣзье», «властолюбіе, хищность, зависть, коварство и ненависть». Военачальники занимались казнокрадствомъ; главный адмиралъ «упоился нѣгою и любовью въ объятіяхъ наемной» любовницы (стр. 46); именемъ и милосердіемъ государя торговали его приближенные: «жаловалъ царь, да не жаловалъ псарь». Казна общественная шла не на общія нужды, не въ пользу бѣдныхъ, а наоборотъ попадала въ руки «богатыхъ, льстецевъ, вѣроломныхъ», даже «убійць и предателей». Бѣдный и несчастный народъ былъ въ угнетеніи, люди же недостойные и безстыдные снискивали себѣ почести. Начертавъ такую картину, Радищевъ, однако, съ ироніей успокаиваетъ правителя: «Властитель міра,—говоритъ онъ, — вѣдай, что (такая) странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается» (стр. 49).

Вся книга Радищева проникнута энергичнымъ протестомъ противъ этихъ усоевъ тогдашней государственно-общественной жизни: крѣпостного права и самодержавія. Здѣсь въ авторѣ сказался горячій послѣдователь передовыхъ мыслителей XVIII вѣка, въ особенности Руссо и Мабли. Учась за границей, Радищевъ впиталъ въ себя всѣ тѣ великія и смѣлыя идеи, которыми такъ богатъ вѣкъ французской революціи. Это и было причиной того, что, какъ только Екатерина II стала читать книгу Радищева, то тутъ же, замѣтивъ въ ней «разсѣяніе французской заразы», приказала автора привлечь къ строгой отвѣтственности. Особымъ «судомъ», гдѣ она сама играла роль слѣдователя и судьи, Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни и лишь въ видѣ особой милости наказанъ десятилѣтней каторгой. Приговоръ былъ даже по тому времени непомерно жестокъ и несправедливъ. Въ немъ сказалось личное раздраженіе, личная месть Екатерины II автору, какъ за общій тонъ книги, напомнившій ей бывше порывы къ свободѣ, отъ которыхъ она отреклась въ концѣ царствованія, такъ и за нѣсколько ироническихъ намековъ, которые она могла принять на свой личный счетъ. Суровый приговоръ долгое время тяготѣлъ и надъ самой книгой: только черезъ 115 лѣтъ она становится доступной для широкаго круга читателей.

Настоящее изданіе и съ типографской и съ научной стороны выполнено прекрасно. Тексту книги предпосланы: очень хорошій портретъ Радищева, двѣ обстоятельныя статьи издателей, факсимиле первыхъ трехъ страницъ изданія 1790 г., а въ концѣ прибавлены: разночтенія и добавленія изъ подлинной рукописи Радищева, хранящейся въ государственномъ архивѣ, и прижизненія, гдѣ приводятся нѣсколько неизданныхъ матеріаловъ для біографіи. Статья Н. П. Павлова-Сильванскаго посвящена жизни Радищева. Здѣсь изображается, какъ

складывалась духовная личность Радищева, сообщается о его первых литературных опытах, о работѣ надъ «Путешествіемъ», разъясняется, почему Екатерина II такъ незаслуженно сурово отнеслась къ Радищеву. Въ другой статьѣ П. Е. Щеголевъ тщательно сравниваетъ печатный текстъ книги съ подлинной рукописью, разрѣшенной къ печатанію цензурой, и устанавливаетъ, что Радищевымъ произведенъ рядъ вставокъ и добавленій, которыя включены имъ въ текстъ послѣ, помимо цензуры. Книга Радищева мѣстами устарѣла, въ особенности устарѣлъ языкъ. Но духъ книги еще и теперь поражаетъ своею свѣжестью и бодростью. Настоящее изданіе ея особенно удачно тѣмъ, что, благодаря статьямъ и указаніямъ издателей, является возможность понять и оцѣнить книгу по достоинству.

М. К.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Изданіе второе, А. С. Суворина. Спб. 1906.

Еще въ 1888 г. А. С. Суворинымъ было воспроизведено, правда, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (100) «Путешествіе» Радищева, при чемъ оно представляло собою точную копию изданія 1790 г.; текстъ, по словамъ издателя, печатался совершенно такъ же, какъ и раньше, «изъ строки въ строку, изъ буквы въ букву, приблизительно такимъ же шрифтомъ, со всѣми опечатками подлинника».

Теперешнее второе изданіе тоже представляетъ собою точную перепечатку изданія 1790 г., хотя въ меньшемъ форматѣ. Въ немъ нѣтъ никакихъ текстуальныхъ измѣненій, и даже напечатано самое сильное мѣсто подлинника, именно фраза: «скажите, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей, если не въ царской», (стр. 223). Настоящее изданіе предпринято съ единственной цѣлью сдѣлать общедоступной любопытную книгу, сдѣлавшуюся въ своемъ первомъ изданіи большой библиографической рѣдкостью. Намѣченная цѣль вполне достигается недорогой цѣной книги (60 коп.).

Тексту предпославо небольшое предисловіе издателя, въ которомъ перечисляются попытки къ переизданію «Путешествія». Нужно сказать, что въ этомъ перечнѣ есть пропуски. Напримѣръ, не указано изданіе П. А. Картавова въ 1903 г., которое, испытывая на себѣ общую участь прежнихъ изданій, цензурой было задержано и уничтожено.

К.

С. Степнякъ. Подпольная Россія. Спб. 1905.

Авторъ этой не большой, но чрезвычайно интересной книжки самъ принадлежалъ къ числу людей, принципы дѣятельности и работу которыхъ онъ изображаетъ въ своемъ живомъ, мѣстами прямо увлекательномъ повѣствованіи, и тѣмъ, конечно, компетенгіе является онъ въ кругу затронутыхъ имъ вопросовъ; читая его разсказъ, сразу чувствуешь, что имѣешь дѣло съ человекомъ, близко знакомымъ съ тѣмъ явленіемъ русской жизни, за изображеніе котораго онъ взялся, съ человекомъ искреннихъ и твердыхъ убѣжденій; можно

этихъ убѣжденій не раздѣлять, можно имъ не сочувствовать, но нельзя отказать имъ въ известномъ уваженіи—до того ясно и опредѣленно, безъ всякой двусмысленности высказаны они. Для историка и сама книжка г. Степняка, и описываемые въ ней факты не представляютъ собою ничего новаго: книжка эта уже болѣе десяти лѣтъ вышла въ свѣтъ на итальянскомъ языкѣ, и многіе изъ затронутыхъ въ ней вопросовъ извѣстны были или по официальнымъ изданіямъ, или по мемуарамъ современниковъ, или, наконецъ, по спеціальнымъ работамъ; изъ числа послѣднихъ особенно выдѣляется книжка Greg. Rurczanko: Der Russische Nihilismus, изданная въ Лейпцигѣ въ 1884 г.; составленная въ духѣ, далеко отъ симпатій этому движенію, книжка эта, тѣмъ не менѣе, очень полно и достаточно объективно слѣдитъ его проявленія, и многія страницы ея почти дословно совпадаютъ съ изложеніемъ г. Степняка (напримѣръ, стр. 54—62 у Rurczanko и стр. 195—203 у Степняка). Но для болѣе широкаго круга читателей «Подпольная Россія», выходъ которой въ свѣтъ сталъ у насъ возможнымъ лишь въ самое послѣднее время, несомнѣнно представитъ много интереснаго, много даже неизвѣстнаго, и откроетъ ему глаза на многое, совершившееся и творящееся вокругъ насъ.

Въ началѣ книжки г. Степняка помѣщены три главы: «Нигилизмъ», «Пропаганда» и «Террористы». Главы эти авторъ очевидно считалъ необходимыми не только для того, чтобы дать общее понятіе о движеніи, но и съ цѣлью имѣть почву, на которой построены два главныхъ отдѣла его труда: «Революціонные профили» и «Очерки изъ жизни революціонеровъ». Эти три вводныя главы на нашъ взглядъ являются наиболѣе слабой частью книжки: расплывчатая, не дающія систематическаго понятія о явленіяхъ, здѣсь затронутыхъ, онѣ въ то же время грѣшатъ большимъ отсутствіемъ объективности; этотъ недостатокъ можно автору извинить—онъ не могъ остаться безпристрастнымъ, говоря о томъ движеніи, на службу которому онъ отдалъ лучшіе годы своей жизни, свои лучшія силы, свои убѣжденія, и странно было бы поэтому требовать здѣсь отъ него академическаго тона, но для читателя, который не дѣлаетъ «табу» изъ святыхъ г. Степняка, этотъ пристрастный тонъ, это одностороннее освѣщеніе несомнѣнно понизятъ цѣну этихъ главъ (напримѣръ, стр. 32—36). Едва ли также для всѣхъ будетъ убѣдительно попытка автора пообразить нигилизмъ Базаровскаго типа и типа Каракозовскаго и Желябовскаго, какъ два различныя движенія, ничего общаго одно съ другимъ не имѣющія; это—та же точка зрѣнія, какой придерживается Rambaud въ своей Histoire de la Russie, но едва ли не правильнѣе будетъ взглядъ, усвоенный спеціальнымъ историкомъ движенія, Rurczanko.

Наиболѣе живой и интересной является та часть книжки г. Степняка, которую авторъ озаглавилъ «Революціонные профили». Здѣсь онъ даетъ портреты многихъ видныхъ дѣятелей русской революціи—Стефановича, автора извѣстнаго «Чигиринскаго дѣла», Клеменса, къ которому лучше всего подходятъ слова Rambaud: «on peut être nihiliste sans devenir un homme d'action», Осинскаго, который несомнѣнно былъ однимъ изъ талантливейшихъ представителей партіи террористовъ, Крапоткина, безсребрянника Лизогуба, знаменитой Вѣры Засуличъ и участницъ дѣла 1 марта 1881 г. — Гесса Гельфманъ и

Софіи Перовской. Жизненность, мѣстами прямо художественность нарисованных г. Степнякомъ портретовъ обуславливается тѣмъ, что онъ говоритъ лишь о тѣхъ людяхъ, съ которыми ему самому приходилось встрѣчаться и имѣть дѣло; за немногими исключениями—это рядъ воспоминаній чисто личнаго характера, воспоминаній безыскусственныхъ, искреннихъ, а потому и привлекательныхъ. Правда, такой ихъ характеръ объясняетъ собою и одинъ ихъ видный недостатокъ: говоря о своихъ единомышленникахъ, жизнь и дѣятельность которыхъ такъ или иначе переплеталась съ его собственною судьбою, авторъ иногда и здѣсь увлекается въ сторону одностороннихъ симпатій: такой, хотя и привлекательный, но и страшный человекъ, какъ Осинскій, изображенъ чуть-что не агнемъ, про него сказано даже, что «обвиненіе не могло выставить противъ него ничего мало-мальски серьезнаго»; а кіевское покушеніе на Котляревскаго (23 февр. 1878 г.)? Или изображеніе Гельфманъ и Перовской въ самыхъ идеальныхъ краскахъ едва ли совпадаетъ съ дѣйствительностью; увлеченіе автора доходитъ здѣсь до того, что характеристику Перовской онъ начинаетъ словами: «она была хороша собой»... Разумѣется, вкусъ—дѣло спорное, но врядъ ли многіе изъ видѣвшихъ Перовскую или ея портретъ присоединятся къ мнѣнію г. Степняка. И все же, несмотря на все это, нарисованные имъ профили настолько живы, знакомство съ ними настолько захватываетъ читателя, что остается лишь пожалѣть, почему подъ его перомъ не воскресаютъ такія крупныя и любопытныя фигуры движенія, какъ Ковальскій, увлекающійся молодой Свиряденко, казненный въ одинъ день съ Осинскимъ, Богдановичъ, Желябовъ, Халтуринъ, авторъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ; автору, вѣроятно, приходилось сталкиваться, если не со всѣми, то съ многими изъ нихъ, и, дѣлая съ читателемъ своими о нихъ воспоминанія, онъ во многомъ сдѣлалъ бы болѣе яснымъ памятное русскому обществу движеніе.

Далѣе слѣдуютъ «Очерки изъ жизни революціонеровъ». Здѣсь всего интереснѣе два первыхъ разсказа—«о Московскомъ подколѣ» близъ Курскаго вокзала и о «Двухъ побѣгахъ»—Крапоткина изъ Николаевскаго военнаго госпиталя и Бохановскаго, бѣжавшаго вмѣстѣ съ Стефановичемъ и Дейчемъ изъ Кіевской тюрьмы, полные интереса, благодаря живому изложенію и множеству захватывающихъ подробностей.

Съ точки зрѣнія современныхъ событій чрезвычайно интересно «Заключеніе» автора «Подпольной Россіи», составленное имъ для настоящаго изданія. Здѣсь читатель найдетъ взгляды, усвоенные русскимъ революціонеромъ въ настоящую минуту, здѣсь, вчитываясь въ программу революціи, проектированную партией «Народной Волн», онъ найдетъ теоретическое обоснованіе тѣхъ явленій текущей русской жизни, практика коихъ такъ сильно даетъ себя чувствовать въ наши дни.

Можно не сочувствовать той группѣ русскаго общества, къ которой принадлежатъ г. Степнякъ, и дѣятельность которой онъ изображаетъ, но нельзя ей не позавидовать: недюжинныя силы, убѣжденные работники, усердные пропагандисты въ ея распоряженіи; въ лицѣ г. Степняка группа эта приобрѣла то, чего ей долго недоставало, правда, по условіямъ, отъ нея не зависѣвшимъ,—горячаго апологета.

М. П.—іі.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII в.). Москва. 1905.—Часть вторая. Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI в.). Спб. 1905.

Что изученіе историческихъ судебъ русскаго народа съ соціологической точки зрѣнія является интереснымъ и вполне своевременнымъ, — въ этомъ никто не сомнѣвается. Можно согласиться съ г. Н. Рожковымъ, что въ результатѣ получится представленіе о прошломъ и даже настоящемъ нашего отечества, пониманіе основныхъ законовъ его развитія и т. д. Но отсюда далеко еще до того «предвидѣнья будущаго», которое такъ старательно отыскиваетъ авторъ въ фактахъ русской исторіи. А потому обѣщанная попытка «хотя бы отчасти приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ таинственное будущее» (стр. 7), навѣрное, будетъ неудачна, съ чѣмъ не безъ грусти соглашается и Н. Рожковъ. «Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, но зато онъ ничего и не достигаетъ, — утѣшаетъ себя авторъ. — Вѣдь давно извѣстно, что человѣчество учится ошибками». И вотъ съ цѣлью «научить человѣчество» Н. Рожковъ намѣренно дѣлаетъ ошибку за ошибкой.

Общее впечатлѣніе отъ «Обзора» получается такое, что къ старинѣ авторъ относится отрицательно, напримѣръ 6 главу («Духовная жизнь древнѣйшаго русскаго общества») онъ начпнаетъ необыкновенно мрачной картиной пьянства, разврата и роскоши (стр. 103—105), забывая, что литературные памятники въ родѣ «Слова о богатомъ и убогомъ», написанные въ подражаніе обличительнымъ византійскимъ поученіямъ, — мало надежный историческій источникъ. Характеристика новгородскаго и псковскаго общества начинается подобной же картиной однихъ убійствъ и грабежей, корыстолюбія и жадности, насилія и т. д. (вып. II, стр. 87—88). Встрѣчаются ошибки и фактическаго характера, напримѣръ, отдѣлъ мнелогіи (стр. 109—110) изложенъ по устарѣлымъ работамъ. Во второмъ выпускѣ г. Рожковъ называетъ «Толковую Палею» сочиненіемъ не только обличительнымъ, но и «историческимъ», и относитъ ея происхожденіе къ Новгороду (стр. 99), а въ другомъ мѣстѣ видитъ въ ней отраженіе догматическихъ интересовъ XVI в. (стр. 215); считаетъ вочему-то «оригинальнымъ творчествомъ» русскій тератологическій орнаментъ XIII—XV вв. (стр. 211), не имѣя представленія о совершенно одинаковыхъ византійскихъ и юго-славянскихъ орнаментахъ, хотя бы по изданію Стасова; указываетъ сходство между работами А. Рублева и В. Васнецова (стр. 212), не имѣющими ровно ничего общаго, и т. д. Въ одномъ мѣстѣ онъ относитъ «Бесѣду о святыхъ Царьграда» къ XIV в. (стр. 97), а въ другомъ къ XV (стр. 215); считаетъ Пахомія Логовета и Пахомія Серба разными писателями (стр. 218), въ то время какъ это одно и то же лицо. Неизвѣстно, о какихъ переводахъ «нѣсколькихъ греческихъ патериковъ» въ удѣльное время говоритъ г. Рожковъ (стр. 217), когда раньше XVII в. такихъ переводовъ совсѣмъ не появлялось. Все сказанное о редакціяхъ хронографовъ (стр. 219) показываетъ, что г. Рожковъ не видалъ не только работъ Истрина и Шахматова, но не имѣлъ подъ руками хотя бы изданія Попова. Извѣстное посланіе новгородскаго архіепископа

Василія о раѣ отнесено къ первой половинѣ XVI вѣка (стр. 89) вмѣсто XIV. Немногимъ лучше и критическая сторона «Обзора». Автору достаточно одного отрицательнаго факта на цѣлое столѣтіе, чтобы объявить его эпохой варварства, невѣжества, суевѣрія и т. д. Очевидно, г. Рожковъ мало заботится о научной точности и въ такой степени придаетъ воспитательное значеніе ошибкамъ, что не беретъ на себя труда заглянуть даже въ учебники русской литературы, не говоря уже о серьезныхъ изслѣдованіяхъ.

М. О. Ск—вичъ.

А. Ѳ. Кони. Очерки и воспоминанія. Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки. Спб. 1906.

Всѣ научно-литературныя работы нашего извѣстнаго академика-юриста отмѣчены печатью выдающагося таланта, имѣютъ широкое историко-общественное значеніе, полны захватывающаго интереса и отличаются удивительной доступностью, простотой и задушевностью. А. Ѳ. Кони—не только выдающійся историкъ русской общественности пореформеннаго періода, но онъ—удивительный портретистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сердцевъдъ. Вотъ почему всякій образъ, имъ нарисованный изъ той длинной и разнообразной галлерей, которую нынѣ онъ выставилъ на судъ читателей, и которая относится ко второй половинѣ XIX столѣтія, имѣетъ несомнѣнно крупное значеніе и самъ по себѣ, какъ мастерская работа великаго художника, но и въ совокупности со всѣми прочими, давая возможность наблюдательному зрителю получать вѣрное представленіе объ извѣстномъ историческомъ періодѣ русской жизни, періодѣ очень интересномъ и поучительномъ, въ которомъ и самому почтенному автору пришлось принять непосредственное участіе. Къ числу таковыхъ особенно удавшихся ему портретовъ должны быть отнесены его характеристики И. Ѳ. Горбунова, В. С. Соловьева, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовскаго, великой княгини Елены Павловны, кн. В. А. Черкаскаго, Д. А. Ровинскаго, Н. П. Стояновскаго, Д. Н. Набокова, В. Д. Спасовича и др. Наиболѣе пространнымъ и обстоятельнымъ изъ перечисленнаго долженъ считаться биографическій очеркъ, посвященный покойному артисту-народнику, Ив. Ѳед. Горбунову. Въ этотъ очеркъ г. Кони вложено глубокое знаніе русской жизни, умѣніе схватывать въ ней главнѣйшее, ея оригинальное и самобытное и умѣніе въ сжатыхъ и рельефныхъ чертахъ и образахъ обрисовывать ее такую, каковою она была родственною стихіею для покойнаго Ивана Ѳедоровича. Можно сказать, что на долгое время, если не навсегда, характеристика нашего «артиста-народника» исчерпана полностью, анализъ его творчества представленъ съ удивительною глубиной и въ большомъ разнообразіи и оцѣнка всей его литературно-артистической дѣятельности сдѣлана, хотя и любящей и, такъ сказать, пристрастной рукой, но правильно и заслуженно. То же можно сказать о работахъ автора, посвященныхъ кн. Черкасскому, Д. Ровинскому, А. Градовскому и Н. Стояновскому. Совсѣмъ особое положеніе занимаютъ въ книгѣ два очерка, одинъ специально историко-бытовой, другой психологическій. Первый охватываетъ собою жизнь и дѣятельность столь извѣстнаго въ свое время и

нынѣ воскрешеннаго въ его былой извѣстности все тѣмъ же А. Θ. Кони—доктора Θ. П. Гааза, второй—посвященъ А. С. Пушкину. Несмотря на то, что въ обѣихъ своихъ работахъ авторъ оперируетъ надъ матеріалами разнаго значенія и характера, цѣли, имъ себѣ поставленныя, а также методъ изысканія—однородны и одинаковы. Это—выдвинуть на первый планъ и первое мѣсто этическое значеніе обрисовываемыхъ имъ дѣятелей, отмѣтить ихъ этико-соціологическое значеніе, ихъ нравственное воздѣйствіе на современную имъ среду и такое же ихъ облагораживающее вліяніе на поколѣнія грядущія. А. Θ. Кони—очень яркій и талантливый представитель той очень тѣсной у насъ группы ученыхъ писателей, которые непрестанно разыскиваютъ и въ жизни и въ творествѣ обрисовываемыхъ ими дѣятелей русскаго прошлаго нравственные элементы, усматривая именно въ этихъ элементахъ тѣ сокровища духа, которыми красна жизнь челоѣчества, которыя являются краеугольными камнями нашего земнаго бытія, которыя являются свѣточами, ведущими насъ въ то невѣдомое и свѣтлое будущее, гдѣ царитъ настоящее равенство, истинныя любовь и братство всѣхъ людей. Отсюда великое воспитательное значеніе всего того, что появляется въ печати изъ-подъ пера ученаго академика, и что помимо прочихъ достоинствъ его работъ создаетъ ему въ нашей литературѣ особое мѣсто—историка-учителя, который не только живописуетъ судьбы минувшаго, но и на примѣрѣ этого минувшаго пробуждаетъ добрыя чувства въ современникахъ.

Собравъ нынѣ въ одинъ компактный и солидный томъ многое изъ того, что было уже извѣстно читающей публикѣ и что было въ свое время напечатано на страницахъ нашихъ разныхъ общихъ и специальныхъ журналовъ, а также что издавалось имъ отдѣльными издаваніями, онъ такъ самъ характеризуетъ свои произведенія: «Главною цѣлью большей части изъ нихъ было ознакомленіе слушателей съ жизнью, трудомъ и душевнымъ складомъ ряда усопшихъ и нерѣдко забываемыхъ или и вовсе забытыхъ выдающихся дѣятелей въ области духовнаго и гражданскаго развитія русскаго общества. Авторъ стремился напомнить живущимъ объ усопшихъ и вызвать симпатію и уваженіе къ этимъ сѣтелямъ правды и просвѣтительныхъ идеѣ, ожививъ, по мѣрѣ силъ, передъ слушателями ихъ нравственно-привлекательные образы. Среди слушателей вездѣ было много молодежи. Думалось, что рассказъ о безкорыстномъ, полномъ труда и терпѣнія, любви и чувства долга служеніи родины со стороны тѣхъ, о почтенной жизни и «вѣстидной кончинѣ» которыхъ шла рѣчь, не можетъ быть безполезенъ или бесплоденъ для этой части слушателей. Кончая бесѣду, часто хотѣлось сказать имъ: *mortuos plango—vivos vobis!* и повторить слова Виктора Кузена передъ разлукой его съ своей аудиторіей въ Collège de France, въ 1852 году: «*Entretenez en vous le noble sentiment du respect, défendez vous de cette maladie de notre siècle, de ce goût fatal de la vie commode, incompatible avec toute ambition généreuse. Quelque carrière que vous embrassiez, proposez vous au but élevé et mettez à son service une constance inébranlable. Sachez admirer, ayez le culte des grands hommes et des grandes choses.*»

Къ числу такихъ великихъ людей авторъ отосилъ и графа Д. А. Милютину, бывшаго военнаго министра при Александрѣ II и его соподвижника,

осуществлявшего всеми зависящими от него средствами и на всехъ поприщахъ, которыя состояли въ его вѣдѣніи, великія реформы шестидесятихъ годовъ. Въ уваженіи къ славной дѣятельности графа авторъ и посвящаетъ ему настоящую книгу.

В. Глинскій.

Проф. А. К. Бороздинъ. Очерки русскаго религіознаго разномыслія. Спб. 1905.

Въ книгѣ профессора А. К. Бороздина помѣщено нѣсколько статей, большихъ и короткихъ, написанныхъ въ разное время, относящихся къ различнымъ эпохамъ русской жизни, но объединенныхъ общою идеею — религіознаго разномыслія, вѣроисповѣднаго сепаратизма, вызваннаго естественнымъ стремленіемъ найти религіозную основу и моральное оправданіе для своихъ дѣйствій и субъективныхъ идеаловъ. Авторъ, иначе сказать, вскрываетъ предъ читателемъ современныя движенія религіознаго мышленія русскаго народа, поскольку оно проявляется въ жизни и представляетъ разность сравнительно съ господствующимъ вѣроисповѣднымъ настроеніемъ.

Въ частности, въ статьѣ «Съ Преображенскаго кладбища» (стр. 1—58) авторъ характеризуетъ послѣдователей двухъ религіозныхъ упованій — едосеевцевъ и единовѣрцевъ. У первыхъ, во время составленія авторомъ настоящей статьи (около двадцати лѣтъ тому назадъ), происходила сильная распря изъ-за брачнаго вопроса, при чемъ партія новоженцевъ перенесла споръ въ печать, взывала къ покровительству правительства, обвиняла противную партію въ ужасномъ развратѣ и даже въ дѣтубійствѣ, возведенномъ въ догматъ. «Вполнѣ довѣряться этимъ обвиненіямъ, — пишетъ авторъ, — никоимъ образомъ нельзя: на показаніяхъ враговъ нельзя основывать своихъ «заключеній», какъ это дѣлаютъ «Современныя Извѣстія». Такимъ образомъ, проф. А. К. Бороздинъ по вопросу о едосеевцахъ угощаетъ читателей полемикой съ давно и блаженно-почившей... газетою покойнаго Н. П. Гилярова-Платонова «Современныя Извѣстія». Что касается единовѣрцевъ Преображенскаго кладбища въ Москвѣ, то они, по увѣренію г. профессора, преданы «исключительно научно-миссіонерскимъ занятіямъ», а ихъ «дѣятели заслуживаютъ полнаго уваженія по своей нравственной и умственной высотѣ». Блестящимъ примѣромъ можетъ служить нынѣ покойный архимандритъ Павелъ, ревностный сотрудникъ извѣстнаго расколовѣда, профессора Московской духовной академіи, Н. И. Субботина (†1905 г.).

Въ статьѣ «Русскіе католики въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія» (стр. 59—75) авторъ знакомитъ съ представителями двухъ типовъ «русскаго католицизма» — Григоріемъ Скибинскимъ и дьякономъ Петромъ, изъ коихъ первый измѣнилъ православію по расчету и на время, а второй принялъ латинство по убѣжденію. Свѣдѣнія о нихъ почерпнуты профессоромъ А. К. Бороздинымъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, хранящихся въ Московской синодальной библиотекѣ.

Въ очеркѣ «Русскій дипломатъ стараго времени» (стр. 76—88) рѣчь идетъ о князѣ Андрѣ Кирилловичѣ Разумовскомъ, сынѣ гетмана Кирилла Григорьевича, блестящемъ по образованію русскомъ дипломатѣ, который, однако, вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія за границей онѣмечился, не познавъ

всего значенія для Россіи восточнаго и славянскаго вопросов, и, наконецъ, предъ смертю перешелъ въ католичество, чѣмъ совершенно запечатлѣлъ свое отчужденіе отъ православнаго отечества.

Этюдъ «Вольнодумецъ XVI вѣка» (стр. 89—94) посвященъ «еретику», боярскому сыну, Матвѣю Семеновичу Башкину, который на московскомъ соборѣ 1553 г. былъ осужденъ къ ссылкѣ въ Волоколамскій монастырь за то, что не признавалъ Иисуса Христа равнымъ Богу Отцу, считалъ тѣло и кровь Христову простымъ хлѣбомъ и виномъ, отрицалъ святую соборную апостольскую церковь, не почиталъ иконъ, не признавалъ значенія за отеческими преданіями, житіями святыхъ и пр.

Въ небольшой статьѣ «Одинъ изъ противниковъ патріарха Никона» (стр. 95—97) сообщаются свѣдѣнія о вятскомъ епископѣ Александрѣ (†1679 г.) и его враждебной Никону дѣятельности.

Далѣе слѣдуютъ статьи: «Основатель новоженства» (стр. 98—103), гдѣ говорится о дѣятельности Ивана Алексѣева, основателя вѣтви новоженовъ въ средѣ расколниковъ еодосеевскаго согласія, излагается кратко его ученіе о тайнѣ брака и перечисляются сочиненія; «Распространитель ученія о приходѣ антихриста» (стр. 104—106), гдѣ рѣчь идетъ о монахѣ Самуилѣ, видѣвшемъ въ царѣ Петрѣ Великомъ антихриста и порицавшемъ его дѣятельность, за что онъ и былъ казненъ смертю; «Одинъ изъ раскольничьихъ полемистовъ XVIII вѣка» (стр. 107—112), гдѣ авторъ знакомитъ съ личностью Александра—дьякона, казненнаго за свое религиозное помыслие 21 марта 1720 г.

Въ статьѣ «Основатель скопчества въ Россіи» (стр. 113—128) разсказывается о дѣятельности Кондратія Селиванова, который впервые сталъ учить о необходимости «убѣдиться» — прибѣгнуть къ осклопленію. Живя среди хлыстовъ Орловской и Тульской губерній, Селивановъ замѣтилъ, что его единовѣрцы не исполняютъ заповѣди основателя секты, Даниила Филипповича, о необходимости дѣвства, а напротивъ — предаются грубому разврату. И вотъ на основаніи буквального толкованія словъ Спасителя: «аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе, аще десная рука соблазняетъ тя, усѣди ю и верзи отъ себе», Селивановъ на четырнадцатомъ году жизни «убѣдился» себя, а потомъ сталъ проповѣдывать о необходимости всеобщаго «огненнаго крещенія», былъ признанъ «сыномъ Божиимъ», при чемъ роль «богородицы» приняла на себя Акулина Ивановна, и въ короткое время осклопилъ до ста человекъ. По приказанію Екатерины Великой, его поймали, жестоко наказали и сослали въ Иркутскъ, гдѣ онъ сталъ выдавать себя за Петра III. Однако Селивановъ бѣжалъ изъ Сибири, жилъ сперва близъ Москвы, а послѣ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ послѣдователей даже среди высшаго общества. Селивановъ послѣдніе годы жизни провелъ въ заточеніи въ Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ въ 1832 г., исповѣдавшись передъ смертю и причастившись.

Затѣмъ, «Общій очеркъ развитія раскольнической литературы» (стр. 129—138) знакомитъ съ возникновеніемъ и ростомъ раскольнической письменности по XIX вѣкѣ, статья «Штундизмъ» (стр. 139—145) касается догмы сектантовъ этого рода и говоритъ о возникновеніи и ростѣ секты и о мѣрахъ противъ

ея распространенія, въ очеркѣ «Вожди раскола въ Поморьѣ» (стр. 146—163) рассказывается о братьяхъ Андрѣѣ и Семенѣ Донисовыхъ, организаторахъ поморской безпоповщинской секты (XVIII в.) и устроителяхъ Выговской пустыни. Эта пустыня должна была жить по строгому аскетическому уставу и предаваться богомолью, посту, дѣвственному житію, трудодѣланію, нестяжательности и послушанію, управлялась соборомъ старцевъ и должностныхъ лицъ (экклесіархъ, веларь, казначей и староста съ выборными). Въ дѣйствительности, однако, было не то, и особенно часто нарушалось предписаніе о «дѣвственномъ житіи».

Въ разсказѣ «Самъ по себѣ» (стр. 164—172) описывается встрѣча въ погонѣ желѣзной дороги съ оригинальнымъ русскимъ идеалистомъ.

Наконецъ, въ статьѣ «Духоборческое движеніе на Кавказѣ» (стр. 173—223) приводится официальная записка о духоборахъ, представленная бывшимъ тифлискимъ губернаторомъ, княземъ Г. Д. Шервашидзе, и излагающая грустную эпопею сектантовъ.

Мы отмѣтили содержаніе всѣхъ «Очерковъ русскаго религіознаго разномыслія», принадлежащихъ профессору А. К. Бороздину. Какъ видитъ читатель, всѣ они такъ или иначе затрогиваютъ область вѣры и религіозныхъ воззрѣній, отгнѣняютъ тѣ или нныя религіозныя настроенія, чувства, убѣжденія. Въ виду современнаго оживленія религіозныхъ темъ и вопросовъ, въ виду преобразовательныхъ теченій въ средѣ русскои церковной жизни нашего времени, нельзя не признать, что «Очерки» профессора г. Бороздина идутъ на встрѣчу общественному запросу. Но напрасно было бы искать здѣсь глубокой и всесторонней оцѣнки религіозныхъ вопросовъ, проникновенія въ сущность основныхъ пунктовъ русскаго религіознаго разномыслія, поскольку оно опредѣлилось въ прошлыхъ и современныхъ своихъ обнаруженіяхъ, — новизнѣ и оригинальности историческихъ свѣдѣній относительно раскола и сектантства. Напротивъ, авторъ нерѣдко пересказываетъ то, что болѣе полно и обстоятельно изложено другими въ капитальныхъ трудахъ, очень остороженъ въ сужденіяхъ о предметахъ большой научной важности (напримѣръ, о пугондизмѣ) и не рѣшается высказать о нихъ свое опредѣленное воззрѣніе... Впрочемъ, авторъ пишетъ въ виду читателей средняго круга, для которыхъ его очерки, конечно, полезны. Книга хорошо издана товариществомъ «Литература и наука», но напрасно издатели не приложили къ ней полнаго оглавленія, такъ какъ краткое, выставленное на выходномъ листѣ не обнимаетъ всего состава книги и не облегчаетъ пользованія ею.

С.

В. Шевалеевскій. Курское сектантство. Очерки современнаго состоянія епархіальнаго сектантства. Курскъ. 1905.

«Очерки» состоянія сектантства въ Курской губерніи невелики по объему (всего 75 стр.), но, какъ написанныя на основаніи непосредственнаго наблюденія и изученія, заслуживаютъ полнаго вниманія. Авторъ брошюры, священникъ В. Шевалеевскій, состоитъ главнымъ миссіонеромъ Курской губерніи и во время своихъ разъѣздовъ по епархіи имѣлъ возможность близко позна-

комиться съ міровозрѣніемъ курскихъ сектантовъ. Онъ пишетъ объективно, мѣстами сухо-официально, сильно скупясь относительно подробностей сектантскаго быта. А быть этотъ и вообще все состояніе курскаго сектантства еще не служили предметомъ систематическаго обзора или научнаго изслѣдованія, хотя по своей численности курское сектантство заслуживаетъ этого. Десятки хуторовъ и сель захвачены сектантскимъ движеніемъ, которое, не встрѣчая организованнаго противодѣйствія, постепенно распространяется и крѣпнеть.

Въ частности, изъ сектъ рационалистическихъ въ Курской губерніи существуютъ штундизмъ и штундотолство. Штундизмъ въ Курской губерніи — явленіе новое, возникшее лѣтъ десять тому назадъ. Общее число штундистовъ простирается до 180, но, разумѣется, эта цифра имѣетъ весьма условное значеніе, такъ какъ, во-первыхъ, имѣется много тайныхъ штундистовъ, а, во-вторыхъ, сектантское движеніе этого рода еще не остановилось въ развитіи и не замкнулось въ опредѣленные предѣлы. Существуютъ и благоприятныя для его развитія условія, какъ-то: вліяніе со стороны пограничныхъ иноепархіальныхъ штундистскихъ центровъ, разбросанность и чрезмѣрная величина нѣкоторыхъ приходовъ, порывающія живую связь паствы съ приходскимъ храмомъ и духовенствомъ, отхожіи промыслы жителей Курской губерніи, сталкивающіи ихъ съ руководителями сектантства и увлекающіи въ ихъ миссіонерскія сѣти, ненормальныя внутреннія явленія церковно-приходской жизни, — въ частности, недостаточная высота жизни сельскаго духовенства, унижительный способъ его содержанія, недостатки въ совершеніи богослуженія и т. п.; наконецъ, распатанность нравственныхъ устоевъ крестьянской жизни, особенно въ молодомъ поколѣніи, сравнительная высота жизни штундистовъ и активная ихъ пропаганда также обезпечиваютъ успѣхъ сектантства.

По характеру вѣроученія, штундизмъ Курской губерніи раздѣляется на штундобаитизмъ, т.-е. штундизмъ обрядовый, принимающій водное крещеніе и преломленіе, штундотолство, штундизмъ духовный, т.-е. безобрядовый, и субботствующій. Въ общемъ, вѣроученіе курскихъ штундистовъ далеко не опредѣлилось и не сформировалось. Описывая особенности его вѣроученія, авторъ прочно устанавливаетъ отрицательное отношеніе сектантовъ къ священному преданію и колебаніе въ оцѣнкѣ священнаго писанія Ветхаго заветъ, неустойчивость въ его толкованіи и т. п. Вѣроучительныя воззрѣнія штундистовъ слутанны и неопредѣленны. Впрочемъ сущность и жизнь штундизма не въ ученіи о вѣрѣ. И по началу, и по существу штундизмъ есть гордый и надменный протестъ противъ несовершенствъ въ нравственной жизни православныхъ и своей адептъ объявилъ устроеніе правды на землѣ. Нравственное ученіе штундистовъ съ внѣшней стороны — воля христіанское, провозглашаетъ святость жизни, горячо зоветъ къ братству во Христѣ, къ духовному общенію и взаимопомощи. Но у сектантовъ нѣтъ истиннаго христіанскаго смиренія, чистой евангельской любви; нерѣдко у нихъ во всей силѣ царятъ обычные человѣческіе пороки и слабости, только они прикрыты фарисейскою надменностью да замкнутостью сектантовъ.

Надменное убъжденіе штундистовъ въ собственной святости, мнѣніе о себѣ, какъ о рожденныхъ отъ Бога и не дѣлающихъ грѣха, воспитывается въ нихъ гордый эгоизмъ, при которомъ не можетъ быть истинно христіанскихъ отношеній не только къ православному народу и духовенству, но и къ своимъ собратьямъ. Православная церковь, по ихъ взгляду, есть блудный Вавилонъ, православные — лукавый и прелюбодѣйный родъ, пастыри — книжники, фарисеи и наемники, не радящіе о стадѣ. Но къ школѣ штундисты относятся довѣрчиво. Среди нихъ много грамотныхъ, даже женщѣвъ.

Наконецъ, авторъ перечисляетъ главнѣйшіе въ губерніи пункты штундистовъ (села Казацкое, Густомон, Трефиловка, Красное, слобода Августова, хуторъ Кутяра и др.), отмѣчаетъ составъ отдѣльныхъ штундистскихъ общинъ и характеризуетъ главнѣйшихъ вожаковъ; среди послѣднихъ имѣются и женщины.

Штундотолство было насаждено въ Курской губерніи при содѣйствіи князя Д. А. Хилкова, обратившаго въ слободѣ Павловкахъ, Харьковской губерніи до 300 крестьянъ и имѣвшаго сотрудниковъ и въ Курской губерніи (земскій учитель Дрожжинъ, крестьянинъ Кудиненко). Но въ общемъ толстовцевъ здѣсь весьма мало. Въ послѣднее время и малочисленная ихъ община переживаетъ періодъ унынія и разочарованія въ своихъ надеждахъ.

Въ Курской губерніи существуетъ и мистическое сектанство — хлыстовство и скопчество. По своему началу и происхожденію, это сектанство есть фактъ давній въ Курской губерніи, возникшій вскорѣ послѣ появленія мистическаго сектанства въ Россіи. Въ частности, курское скопчество имѣетъ непосредственную связь съ дѣятельностію Кондратія Селиванова, а хлыстовство возникло въ началѣ XIX вѣка. Въ настоящее время мистическимъ сектанствомъ заражены тридцать восемь селъ Курской губерніи, а послѣдователей насчитывается 354, кромѣ тайныхъ и новообращенныхъ. Скопчество и хлыстовство уживаются рядомъ, при чемъ перевѣсъ постепенно переходитъ на сторону скопчества, въ формѣ новоскопчества, не требующаго отъ послѣдователей обязательнаго плотскаго оскотленія, но лишь вѣры въ спасительность этого средства. А хлыстовство съ его ученіемъ о половой любви, какъ образѣ духовнаго союза, дикія оргіи радѣній, свальный грѣхъ, а иногда и кровосмѣшеніе, отталкиваютъ отъ секты всѣхъ, кто не потерялъ здраваго смысла, привлекая лишь людей съ повышенной чувствѣнностію да не пристроившихся женщинъ. Что касается скопчества, то оно представляется народу высокимъ и свѣтлымъ, нѣкоторымъ подвижничествомъ. При общей развратности, при господствѣ пьянства и разгула, живя въ сектѣ скопцовъ кажется тихимъ приютомъ подвиговъ, уголкомъ отшельничества, гдѣ нѣтъ разгула и мірскихъ примавокъ, гдѣ проповѣдуютъ о дѣвствѣ и полномъ умерщвленіи творящей грѣхъ «амѣи», поютъ псалмы, веселятся въ духовномъ Сіонѣ. Люди нервные, мечтательные, чуткіе къ неправдѣ, стремящіеся къ подвигамъ находятъ здѣсь отраду и отдыхъ, о которыхъ скопцы такъ поютъ: «Коль скоро я позналъ Сіонъ, не миль мнѣ сталъ градъ Вавилонъ. Прекрасный взоръ свѣтлыхъ небесъ плѣнилъ духъ мой, плѣнилъ умъ весь. Прости, прости, міръ, темный адъ, сиѣшу пшѣ въ небесный градъ» и пр. Такъ воспѣвается Сіонъ, хотя дѣйстви-

тельность рѣзко расходится съ ожиданіемъ. Но душа человѣческая—загадка, а вожаки скопческихъ общинъ—люди, твердые умомъ, обладающіе непреклонной волей, сильной энергіей, фаватичные, подавляющіе своимъ характеромъ слабую волю послѣдователей и учениковъ. Таковы причины сравнительной устойчивости скопчества.

Въ ученіи скопцовъ самый существенный пунктъ касается коренного зла въ мірѣ—«лѣпости» или соблазняющихъ прелестей плотскаго грѣха. Этотъ грѣхъ соблазнилъ Адама, чрезъ него падаютъ и всѣ люди. Лѣпость—бездонный ровъ, въ который падаетъ и въ которомъ гибнетъ человѣчество. Чтобы освободиться отъ грѣха, нужно сразу подавить «лѣпость», сразу наступить на главу соблазняющаго змія, нужно оскопиться, исказить себя для царствія Божія: «суть бо скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго» (Матѣ. XIX, 12). Оскопленіе, по ученію сектантовъ, есть истинное «обрѣзаніе», «постриженіе монашеское», «утвержденіе иноческаго сана», настоящая «схима». Оно есть истинное крещеніе Христово, крещеніе огнемъ и духомъ, очищеніе плоти отъ плотскихъ оковъ, побѣда воли надъ соблазномъ, полное очищеніе отъ грѣха, истинное убѣленіе. Постороннимъ это дѣйствіе непонятно, но въ этомъ и заключается сокровенная тайна, сокровенная манна, питающая истинныхъ людей Божіихъ.

Изложивъ и другія особенности скопческаго вѣроученія, авторъ описываетъ чинъ и порядокъ молитвенныхъ радѣній у скопцовъ Обоянскаго уѣзда. Послѣднія состоятъ изъ пѣснопѣній разнаго рода. Одно изъ нихъ сектанты поютъ, стоя на колѣняхъ, съ плачемъ и рыданіями, съ великимъ сокрушеніемъ. Вотъ начало этой пѣсни:

Царство, ты, царство, духовное царство,
 Во тебѣ, во царствѣ, благодать великая;
 Праведные люди въ тебѣ пребываютъ.
 Они въ тебѣ живутъ и не унываютъ,
 На Батюшку надежду свою возлагаютъ.

Таинственныя мистеріи скопцовъ производятъ сильное впечатлѣніе на людей воспримчивыхъ, измученныхъ жизнью. Зажженные свѣчи, бѣлыя одежды братьевъ и сестеръ, стройныя хожденія по устланной коврами горницѣ, заунывное пѣніе, слезы и рыданія, экстазъ пророчицъ и ихъ прорицанія — все это имѣетъ свою привлекательность.

Въ противоположность раціоналистическимъ сектамъ, открыто враждующимъ противъ церкви, хлысты и скопцы строго хранятъ тайны своихъ вѣрованій и тщательно прикрываютъ свои отношенія къ православію личной благочестія. Тонкое и хитрое лицемѣріе у тѣхъ и другихъ возводится въ неуклонную и послѣдовательную систему. Но сквозь личину лицемѣрія нерѣдко прорывается настоящій фанатизмъ и озлобленіе сектантовъ. Всѣмъ извѣстны ихъ дерзкіе и кощунственные отзывы о храмахъ, церковномъ благовѣствѣ, духовенствѣ. Иногда скопцы становятся и въ открытую оппозицію къ церкви. Сектанты живутъ замкнуто, прячутся отъ посторонняго глаза, воздерживаются отъ мяса, вина, посѣщенія свадебъ и увеселеній. Жилища скопцовъ и

хлыстовъ расположены вдали отъ другихъ, обнесены изгородью, имѣютъ нѣсколько выходовъ. Между собой сектанты дружатъ, но злобствуютъ по отношенію къ православнымъ. Особенною ненавистью отличаются скопцы, которые похоронили себя для всѣхъ радостей жизни и пылаютъ вслѣдствіе этого страшной злобой ко всѣмъ, кто пользуется возможнымъ счастьемъ. Но, когда имъ нужно совратить другихъ въ свою секту, они прибѣгаютъ къ ласкамъ и обольщеніямъ, уговариваютъ отъ слова Божія, обѣщаніями богатства.

Общины или корабли скопцовъ и хлыстовъ разбросаны по всей Курской губерніи. Скопческіе корабли существуютъ въ селахъ Котельниковѣ, Бобришовѣ, Псинокѣ, Красниковѣ, Троицкомъ и другихъ — Обоянскаго уѣзда, Истобномъ Старооскольскаго уѣзда (два корабли — хлыстовскій и скопческій), Журавкѣ Корочанскаго уѣзда, Щелковѣ и нѣкоторыхъ иныхъ. Авторъ указываетъ и главныхъ руководителей сектантскихъ общинъ.

Наконецъ, въ деревнѣ Малоу Хуторѣ Новооскольскаго уѣзда недавно появилась новля секта «брата Василя», ловкаго проходивца, обратившагося изъ пастуха въ подъятеля, окруженнаго «евангелистами». Сущность его ученія — воздержаніе отъ брака, а практическій его результатъ — разрушеніе многихъ семей, пороженіе раздоровъ между мужьями и женами, матеріальная эксплуатація темнаго народа, жертвующаго брату Василю и натурой и деньгами.

Въ заключеніе брошюры авторъ говоритъ, что мистическое сектантство, какъ основывающееся на невѣжествѣ и вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ исчезающее, не такъ опасно, какъ рационалистическое, гордое своимъ скептицизмомъ и разрушительнымъ отношеніемъ къ основнымъ устоямъ церковно-религіозной жизни.

Брошюра священника В. Шевалеевскаго написана въ ровномъ, спокойномъ тонѣ, на основаніи тщательно проверенныхъ фактовъ, вполне объективно, просто и ясно. Какъ первый опытъ болѣе или менѣе полнаго обзора курскаго сектантства, она заслуживаетъ вниманія интересующихся русскимъ сектантствомъ. Существеннымъ недостаткомъ брошюры нужно признать ея конспективность и излишнюю краткость, тогда какъ хотѣлось бы видѣть болѣе полныя и живыя картины, широкій размахъ художественнаго пера, тамъ, гдѣ это умѣстно, болѣе яркую и обстоятельную характеристику вожаковъ сектантства. Правда, священникъ Шевалеевскій написалъ на основаніи собственныхъ наблюденій и не имѣлъ нужды заглянуть въ мѣстные архивы. Свое дѣло онъ исполнилъ хорошо, но, кто пожелаетъ послѣ него писать очерки состоянія курскаго сектантства, тотъ обязательно долженъ восполнить его матеріалъ данными архива курской духовной конкесторіи и подобными. Σ.

Павелъ Ардашевъ. Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ. 1905.

Ислѣдованіе г. Ардашева, составляющее одну изъ частей подготовляемаго авторомъ къ печати втораго тома его труда: «Провинціальная администрація

во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка», имѣеть для русскаго читателя двойной интересъ. Съ одной стороны, чрезвычайно любопытно прослѣдить, какъ возникла во Франціи, развилась и достигла могучаго вліянія на дѣла новая общественная сила, а, съ другой, большой интересъ представляютъ несомнѣнные параллели между дореволюціонной Франціей и Россіей до 17 октября. Какъ тутъ, такъ и тамъ не было свободы устнаго и печатнаго слова, и общественное мнѣніе искало для своего проявленія косвенныхъ путей, которые были бы внѣ контроля и досягаемости администраціи. Публика въ театрахъ демонстративно подчеркиваетъ рукоплесканіями или свистомъ всякую тираду, въ которой можно видѣть намекъ на современные событія. Какъ у насъ, такъ и въ дореволюціонной Франціи нелегальная литература въ видѣ летучихъ листовъ, брошюръ, памфлетовъ и т. п. достигла небывалаго развитія. «Мятежныя брошюры, жестокія афиши, — пишетъ современный хроникеръ въ первыхъ числахъ іюля 1788 г., — продолжаютъ множиться и возбуждать умы. Строгость полицейскихъ розысковъ лишь озлобляетъ недовольныхъ». Книжные магазины завалены главнымъ образомъ политическими брошюрами. «Лавочки, гдѣ продаютъ брошюры, — пишетъ прибывшій въ началѣ іюня слѣдующаго года въ Парижъ англійскій путешественникъ Юнгъ, — дѣлаютъ невѣроятные сборы. Я пошелъ въ Пале-Рояль, чтобы посмотреть новинки и добыть ихъ полный каталогъ. Оказывается, что ежечасно выходятъ новыя произведенія. Сегодня вышло 13, вчера 16, а всего за недѣлю 92. Мы воображаемъ, что магазины Дебретта и Стокдела въ Лондонѣ переполнены; но они — пустыня по сравненію съ Дессеномъ и нѣкоторыми другими въ Парижѣ. Нелегкое дѣло протискаться до прилавка. Потребность читать политическія брошюры настолько распространилась, что, говорятъ, и въ провинціи всѣ типографіи также завалены работою».

Подобное же явленіе можно было наблюдать въ послѣднее время и у насъ, хотя, конечно, не въ такомъ размѣрѣ по той простой причинѣ, что теперь политическая агитація идетъ главнымъ образомъ въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ, которыхъ во Франціи ко времени революціи значилось около сорока. Является вопросъ, какимъ образомъ при отсутствіи свободы печати, существованіи *lettres de cachet* и гостепріимствѣ Бастиліи могла появляться подобная литература? Факты, приводимые въ изслѣдованіи г. Ардашева, убѣждаютъ, что, хотя не было закономъ установленной свободы печати, но фактически она была почти свободна. Высшіе представители французской администраціи, уступая духу времени, не только смотрѣли на печать сквозь пальцы, но даже прямо потворствовали ей. Когда д'Аламберу грозилъ обыскъ, Мальзербъ, занимавшій постъ, соотвѣтствующій нашему начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, поспѣшилъ предупредить его объ этомъ. Д'Аламберъ былъ въ большомъ затрудненіи, куда спрятать свои бумаги. Но Мальзербъ и здѣсь его выручилъ: «пришлите ихъ ко мнѣ», — сказалъ онъ. Вольтеръ присылалъ свои запрещенныя во Франціи сочиненія прямо на имя канцлера Мона, а тотъ уже отъ себя раздавалъ ихъ по книжнымъ магазинамъ.

Въ противоположность намъ, французская администрація первая догадалась о существованіи въ народѣ новой силы — общественнаго мнѣнія. Офіціаль-

ныя донесенія, особенно изъ провинціи, отъ интендантовъ, постоянно ссылаются на общественное мнѣніе, которое понимается здѣсь, какъ голосъ народа, съ которымъ необходимо считаться. И высшая парижская администрація дѣйствительно считается съ нимъ. Неккеръ, Тюрго, многіе интенданты сами вступаютъ на публицистическое поприще. За ними идутъ и другіе свѣтскіе люди, и скоро въ салонахъ, соответствующихъ по своему смыслу нынѣшнимъ кружкамъ, трудно уже различить, гдѣ въ человѣкѣ кончается чиновникъ, и гдѣ начинается публицистъ.

Не имѣя возможности провести историческую параллель между Россіей послѣднихъ мѣсяцевъ и дореволюціонной Франціей во всей ея полнотѣ, мы ограничиваемся рекомендаціей читателю интересной и живо написанной работы г. Ардашева.

А. В—овъ.

Die Aerzte Livlands von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Ein biographisches Lexikon nebst einer historischen Einleitung über das Medicinalwesen Livlands. Von Dr. med. J. Brennsohn. Рига. 1905.

Изданный 3 года назадъ трудъ д-ра Бренсона о врачахъ Курляндіи 1825—1900 годовъ былъ встрѣченъ сочувственно. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была тоже посвящена ему наша небольшая замѣтка (1902 г., августъ, стр. 619—620). Новая работа г. Бренсона, лежащая передъ нами, составлена по тому же плану, какъ и предыдущая. Начинается книга перечнемъ рукописныхъ и печатныхъ источниковъ, которыми пользовался г. Бренсонъ. Изъ русскихъ сочиненій названы только слѣдующія: 1) «Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ», Сиб., 1900—1904 г., 2) Левциклъ: «Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго университета 1802—1902 г.», 3) Пяроговъ: «Вопросы жизни», 4) «Россійскій медицинскій списокъ, изданный медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ» (1809, 1816, 1822—1850, 1890—1904 г.), 5) Луига: «Приаръвіе душевнобольныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ», 1904 и 6) «Кеммернскія сѣрныя воды и грязи», 1903 г.

Такимъ образомъ, авторомъ почти не затронута ни русская медицинская библиографія (напримѣръ, г. Бренсону, повидимому, неизвѣстно сочиненіе г. Змѣева: «Врачи-писатели»), ни общіе библиографическіе труды г. Венгерова — «Русскій биографическій словарь» и т. д. Но во многихъ случаяхъ, а въ особенности, когда свѣдѣнія о жизни и перечни трудовъ сообщались самими врачами (Eigene Mitteilung), книга г. Бренсона не оставляетъ желать ничего лучшаго и должна служить первоисточникомъ для послѣдующихъ библиографическихъ работъ.

Чрезвычайно интересенъ и важенъ историческій обзоръ медицинскаго дѣла въ Лифляндіи, которому посвящено до 60 страницъ; здѣсь, кромѣ общаго историческаго очерка положенія медицины въ Лифляндіи съ древнѣйшихъ временъ, сообщается объ аптекахъ, о повивальномъ искусствѣ, приаръвіи душевнобольныхъ, больницахъ, заразныхъ болѣзняхъ (приложенъ хронологическій

списокъ сочиненій о проказѣ въ Прибалтійскомъ краѣ), спасательныхъ станціяхъ, медицинскихъ обществахъ, и, наконецъ, приводятся любопытные статистическіе выводы и хронологическіе списки медицинскихъ чиновниковъ, какъ въ Ригѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи.

Далѣе слѣдуетъ словарь врачей, практиковавшихъ хотя бы короткое время въ Лифляндіи. Изъ профессоровъ и доцентовъ медицинскаго факультета Юрьевскаго университета въ словарь вошли лишь тѣ, кто занимается практикой. Послѣ каждой біографіи указаны источники ея, при чемъ большинство или, по крайней мѣрѣ, очень многія изъ свѣдѣній доставлены самими врачами. Списки печатныхъ трудовъ врачей составлены добросовѣстно и за немногими исключеніями безъ значительныхъ пропусковъ. Какъ на исключеніе, укажемъ на біографію Пирогова, гдѣ изъ внушительнаго числа трудовъ знаменитаго хирурга приведена очень небольшая часть. Знакомство съ книгой г. Зяева или, по крайней мѣрѣ, со статьей его въ «Русской Старинѣ» (1886 г., сентябрь) помогло бы г. Бренсону довести списки работъ Пирогова до надлежащей полноты.

Книга оканчивается хронологическими списками врачей.

А. Э. Мальмгренъ.

Старо-болгарское церковное пѣніе по старымъ русскимъ нотнымъ рукописямъ XVII и XVIII в.в. Книга I. Литургія. Собралъ и приспособилъ къ употребленію въ болгарской церкви Анастасъ Николовъ. Спб. 1905.

Въ старинномъ репертуарѣ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній далеко не послѣднее мѣсто по количеству занимаютъ мелодіи «болгарскаго распѣва». Кому приходилось видѣть нотныя рукописи главнымъ образомъ западно-русскаго происхожденія, тотъ навѣрное не разъ обращалъ вниманіе на то, что редакторы и переписчики старательно различаютъ напѣвы «болгарскіе», при чемъ послѣдніе пользуются большей популярностью. Въ то же время въ юго-славянскихъ церквахъ того же времени (XVII — XVIII в.в.) господствуетъ исключительно греческое пѣніе, вытѣснившее болгарское, повидимому, уже въ XV вѣкѣ, когда оно перешло сначала къ румынамъ, а отъ нихъ — черезъ Львовъ, черезъ русскіе монастыри въ Букованѣ и юго-западную Русь — распространилось въ предѣлахъ всего Московскаго государства. Затѣмъ оно долгое время смѣшивалось съ другими напѣвами; съ одной стороны, старательно хранилось старообрядцами, съ другой, проникло въ печатный обиходъ Придворной пѣвческой капеллы и до сихъ поръ держится у насъ въ школьной и церковной практикѣ, верѣдко — подъ названіемъ «киевского».

Но сами болгары не знаютъ произведеній своего національнаго музыкальнаго искусства древняго періода, и весь культурный подъемъ ихъ, начавшійся немедленно послѣ освобожденія отъ турокъ, почему-то не коснулся церковнаго пѣнія. Во всей Болгаріи продолжаетъ господствовать антимузыкальное и чуждое славянской націи греческое пѣніе. Только въ самое послѣднее время стали раздаваться голоса въ пользу замѣны у болгаръ греческаго пѣ-

нія своимъ роднымъ — стариннымъ и влоднѣ національнымъ. У сербовъ подобное движеніе началось нѣсколько раньше. Командированный болгарскимъ синодомъ въ Россію А. Николовъ началъ собирать свѣдѣнія о русскихъ нотныхъ рукописяхъ, послѣдовалъ бібліотеки Московскаго синодальнаго училища, Казанской и Петербургской духовныхъ академій, Придворной капеллы и другихъ рукописныхъ собраній, и изученный имъ въ теченіе четырехъ лѣтъ матеріалъ оказался настолько обширнымъ, что паданіе его займетъ шесть томовъ. Первый томъ вышелъ изъ печати и содержитъ болѣе ста страницъ нотъ и интереснаго предисловія, въ которомъ г. Николовъ подробно передаетъ исторію своей командировки, указываетъ на эстетическое и національное значеніе богатаго музыкальнаго матеріала, объясняетъ сдѣланныя имъ измѣненія въ текстѣ, воспроизводитъ два снимка съ рукописей въ краскахъ и т. д.

Его трудъ представляетъ глубокий интересъ не только для болгарскаго музыкальнаго искусства стараго періода, но и для русской культуры допетровской эпохи. Исполненный научно и съ замѣтной любовью къ дѣлу, этотъ трудъ долженъ обратить на себя вниманіе всѣхъ, кому близка и понятна славянская старина, и мы твердо надѣемся, что Болгарскій синодъ окажетъ энергичному собирателю такую же поддержку для продолженія серьезной работы, какую оказали уже русскіе дѣятели въ области древняго церковнаго пѣнія. Съ выходомъ въ свѣтъ серьезной работы предвидится коренная реформа всего церковно-пѣвческаго дѣла у болгаръ, и заслуги г. Николова должны быть оцѣнены по достоинству.

А. И. Ядмирскій.

Kraków dawny i dzisiejszy («Краковъ прежній и нынѣшній»).
Nakreślił Walery Eljasz Radzikowski. Z planem miasta i 65 il-
lustracyami. Краковъ (годъ не обозначенъ).

Литература о Краковѣ необыкновенно обширна, большинство вопросовъ его исторіи давно разрѣшены въ польской исторіографіи, всѣ сколько нибудь замѣчательные памятники старой столицы Польши прекрасно изданы и объяснены, — и написать монографію о старомъ и современномъ Краковѣ не трудно: работа можетъ ограничиться компиляціей. Валерій Радзиковскій изучилъ эту литературу, собралъ прежнія изданія и, окрыленный любовью къ полному дивной старины и живописному городу, составилъ хорошую книгу. Мы указали на эту любовь потому, что она невольно просвѣчиваетъ въ каждой фразѣ автора и передается читателю. Достоинствомъ книги служить еще то, что на ряду съ цифровыми данными, на ряду съ точными описаніями, мы всюду встрѣчаемъ красивое изложеніе, иногда художественное и поэтическое: приводятся легенды, преданія и все, что дѣлаетъ текстъ интереснымъ.

Авторъ думаетъ, что если бы жители Кракова почему нибудь утратили память о славномъ прошломъ города, то камни заговорили бы о немъ, такъ какъ каждый уголокъ Кракова дышитъ этимъ прошлымъ. До сихъ поръ на Вавелѣ (Краковскій кремль) раздаются звонъ тѣхъ самыхъ колоколовъ, которые во времена Ягеллоновъ возглашали о триумфахъ народа. Подъ кафедраль-

нимъ соборомъ покоится прахъ тѣхъ польскихъ героевъ, которые вели народъ къ подвигамъ, къ званію и культурѣ... И это чувство, повторяемъ, разлито въ каждой фразѣ автора, дѣлаетъ чтеніе его книги живымъ и во многихъ отношеніяхъ назидательнымъ. Если бы и у насъ такъ же любили національное прошлое, не стыдились бы этого чувства... Впрочемъ, не будемъ возвращаться къ наболѣвшему вопросу и передадимъ главное содержаніе польской книги. Сначала идетъ историческая часть: «Первоначальная исторія Кракова», «Три блестящихъ вѣка въ его исторіи», «Время, клонящееся къ упадку Кракова», «Исторія его послѣ раздѣла Польши», «Управление города», «Финансы Кракова», «Видъ Кракова съ древнѣйшихъ временъ», «Хроника большихъ пожаровъ въ городѣ», «Обыватели Кракова», «Жиды въ Краковѣ», «Духовный міръ Кракова», «Обычаи и общественные обряды въ Краковѣ», «Краковъ съ точки зрѣнія религиозныхъ памятниковъ» и «Краковская епархія». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе современнаго Кракова, его музеевъ, академій, библиотекъ, стѣнъ, окрестностей, костеловъ, общественныхъ памятниковъ, театровъ, университета, кладбищъ и т. д.

Въ концѣ приложена подробная библиографія, относящаяся къ городу. Рисунки, виды, планы и карта исполнены удовлетворительно. Книга издана въ небольшомъ форматѣ, состоитъ изъ 648 страницъ и, очевидно, предназначена служить въ качествѣ карманнаго путеводителя. А. Я.

Wiktor Wittyg. Pieczęcie miast dawnej Polski («Печати городовъ старой Польши»). Краковъ—Варшава. 1905.

Народнымъ музеемъ въ Краковѣ предпринято новое капитальное изданіе. Оно должно быть интересно для русской сфрагистики и геральдики не только потому, что многіе города западной Руси и Литвы раньше или позднѣе принадлежали Польшѣ, но еще потому, что многія польскія печати могли служить образцами для орнаментовки и техники при производствѣ русскихъ общественныхъ и частныхъ печатей. Викторъ Виттыгъ собиралъ матеріалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ и недавно передалъ его въ Краковскій народный музей, который немедленно приступилъ къ изданію большого альбома со снимками, съ географическими, историческими и археологическими объясненіями. Первый выпускъ содержитъ около 75 снимковъ, исполненныхъ отчетливо; если оригиналъ сохранился хорошо, то воспроизводился автотипіей; съ испорченныхъ оригиналовъ дѣлались рисунки перомъ. Послѣдній способъ не всегда удобенъ, и мы предпочли бы ему плохіе фотографическіе снимки. Печати располагаются въ алфавитномъ порядкѣ названій городовъ, и можно ожидать, что все изданіе составитъ не одинъ десятокъ такихъ же выпусковъ.

Въ небольшомъ предисловіи г. Виттыгъ говоритъ о ростѣ польскихъ городовъ и первыхъ городскихъ печатяхъ. «Исторія возникновенія первоначальныхъ городовъ въ Польшѣ была такая же, какъ и на Западѣ: около замка, подъ его защитой, основывается городъ, очень часто окруженный стѣной. Число городовъ въ Польшѣ до Казимпра Великаго было невелико; только этотъ ко-

роль, содѣйствуя развитію промышленности и торговли въ краѣ, первый сталъ основывать (?) новые города и давать имъ собственное управленіе. Въ правленіе Ягеллоновъ Польша достигаетъ не только высшаго внѣшняго могущества, но и внутренняго благосостоянія. Появляется много новыхъ городовъ, промышленность и торговля процвѣтають, а съ Запада охотно приходятъ въ Польшу художники, приглашаемые не только королями, но и знатнѣйшей шляхтой; они внесли съ собою и развивали чувство прекраснаго среди нашихъ ремесленниковъ и этимъ совершенствовались самую промышленность. Шляхта съ своей стороны помогала правительству, иногда добиваясь новыхъ выборныхъ привилегій, переименовывая свои села въ города съ правомъ управленія по магдебургскому праву, съ ярмарками и тому подобными удобствами для привлеченія къ поселенію въ новыхъ городахъ. Поэтому не удивительно, что не одинъ изъ такихъ городовъ сразу же выдѣлялся, а временами даже забивалъ своей торговлей и промышленностью старыя, давніе города, особенно, когда собственникъ вновь основаннаго города не жалѣлъ заботъ и расходовъ въ цѣляхъ его быстраго развитія». Вполнѣ естественно, что право самоуправленія городовъ вызвало необходимость имѣть свою печать, которая утверждалась королевскимъ актомъ или же собственникомъ города. Гербы для печатей брались случайные и тоже утверждались королями, иногда городскимъ гербомъ дѣлялся родовой знакъ основателя.

Теперь многіе города совершенно исчезли или превратились въ бѣдныя села, и только сохранившіеся на архивныхъ документахъ печати тѣхъ городовъ свидѣтельствуютъ о миновавшихъ счастливыхъ временахъ Польши.

А. Я.

Черниговскій историко-археологическій отрывной календарь на 1906 г. Изданіе Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Черниговъ. 1906.

Изданіе отрывнаго календаря съ изложеніемъ на каждой задней страничкѣ разныхъ моментовъ изъ исторіи, археологій, этнографіи любопытнаго края заслуживаетъ полнаго вниманія не только однихъ черниговскихъ обывателей, но и всякаго, интересующагося разнообразными сторонами опредѣленныхъ областей русской территоріи. Такого рода популяризація свѣдѣній о родной землѣ является своего рода новинкою въ нашей «практической литературѣ» и должно быть привѣтствуемо отъ всего сердца.

Какъ объясняютъ составители календарнаго практическаго руководства въ своемъ предисловіи, для составленія этого календаря образована была въ 1904 г. комиссія изъ мѣстныхъ свѣдущихъ лицъ, въ составъ которой пошли представители губернской администраціи, земцы, представители духовенства, просвѣщенія и т. д. Къ маю 1905 г. весь поступившій въ комиссію обширный матеріалъ былъ разбитъ «по мѣсяцамъ» и отданъ въ распоряженіе отдѣльныхъ редакторовъ. Общая же сводка и редакція всѣхъ матеріаловъ, дополненіе выяснившихся пробѣловъ и наблюденіе за самымъ изданіемъ были возложены на П. М. Добровольскаго, правителя дѣлъ губернской ученой

архивной комиссиі. Такъ составилаь, объединилась и вышла въ свѣтъ чрезвычайно любопытная, цѣнная коллективная работа, служащая благой и возвышенной цѣли—родиновѣдѣнія.

Понятно, что изготовляемое многими руками изданіе не могло претендовать на то, чтобы оно во всѣхъ своихъ частяхъ отличалось одинаковою полнотою, одинаковымъ качествомъ и цѣнностію. Главная забота издателей состояла въ томъ, чтобы всѣ дни года были заполнены, и чтобы каждое отдѣльное событіе непремѣнно было датировано и само собою приурочивалось къ отдѣльному дню. Отсюда на ряду съ дѣйствительно выдающимися и отдаленными событіями изъ мѣстной исторіи, въ календарѣ можно встрѣтить сообщенія о фактахъ и лицахъ новѣйшаго времени, или выписку изъ какого нибудь дневника, журнала, а то и просто текстъ документа, имѣющаго такъ или иначе отношеніе къ исторіи Черниговскаго края. Можно считать, что составители календаря въ предѣлахъ возможнаго въ своей трудной задачѣ — соединить научное изученіе края съ практическими заданиями календарнаго характера, справились съ нею очень удачно, и можно только пожелать, чтобы примѣръ черниговской архивной комиссиі воодушевилъ и прочія помѣстные ученныя комиссиі къ подобнаго же рода аналогичнымъ начинаніямъ, въ цѣляхъ наиболѣе широкаго и плодотворнаго изученія судебъ разнообразныхъ областей Русской земли.

Г.

Труды XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 г.

Подъ редакціей графини Уваровой. Томъ II. Москва. 1905.

Въ настоящемъ томѣ для читателей «Историческаго Вѣстника» представляютьинтересъ слѣдующія работы: П. П. Короленка—«Войсковой архивъ Кубанскаго казачьяго войска», В. Щербины—«О необходимости учрежденію въ Кутаисской области естественно-историческаго и этнографическаго музея», М. М. Плохинскаго — «Иноземцы въ старой Малороссіи» и А. Хаханова—«Афонскій списокъ (978 г.) грузинской Библии». Обращаясь къ наследованію г. Плохинскаго «Иноземцы въ старой Малороссіи» (225 стр. in folio), мы видимъ, что авторъ на основаніи архивныхъ документовъ изучаетъ исторію поселеній въ Малороссіи грековъ, грузинъ и цыганъ. Большая часть работы посвящена грекамъ, связи съ которыми у русскихъ восходятъ къ византійской эпохѣ. Иослѣдствіи они въ Малороссіи, какъ и въ Москвѣ, явились мучениками за вѣру: Константинополь былъ занятъ турками, и греки бѣжали въ православное Русское царство. Въ Малороссію главнымъ образомъ переселялись греки, занимающіеся торговлей и ремеслами. Въ число грековъ, торгующихъ въ Нѣжинѣ, въ XVIII вѣкѣ поналъ Юрій Васильевичъ Грузинъ: «грузинской провинціи съ города Тифлиса находится въ Нѣжинѣ съ 1755 г., торгуетъ разными старыми платьями и проч. мелочами». Спеціальная глава, посвященная г. Плохинскимъ грузинамъ, заимствована изъ прежней его работы, напечатанной въ Сборникѣ харьковскаго историко-филологическаго общества (1893 г.). Въ свое время мы указывали въ другомъ мѣстѣ на односторонность освѣщенія его данныхъ, касающихся грузинъ. Напомнимъ нынѣ только то, что авторъ

слѣдить за судьбой грузинъ Малороссіи съ царствованія Анны Ивановны, когда грузины, переселившіеся въ Россію, приняли русское подданство, образовали особую гусарскую роту и получили помѣстья для поселенія въ Украйнѣ. Въ числѣ поселившихся здѣсь грузинскихъ князей былъ извѣстный грузинскій писатель князь, Давидъ Гурамишвили, авторъ «Гурамиани».

А. Х—въ.

К. Н. Деруновъ. Примѣрный библиотечный каталогъ. Сводъ лучшихъ книгъ на русскомъ языкѣ съ 1860-хъ г.г. по 1905 г. Часть I. Спб. 1906.

Настоящій «Примѣрный библиотечный каталогъ» составленъ для облегченія библиотечарей. Весь каталогъ будетъ состоять изъ двухъ частей; въ первую часть вошло 22 отдѣла, и во вторую, которая готовится къ печати, должно войти 5 отдѣловъ и алфавитный указатель именъ авторовъ.

Въ каталогъ попадаютъ пропуски: такъ, на 55 стр. указана книга Н. П. Загоскина: Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета, а не указаны такіе же словари профессоровъ университетовъ: С.-Петербургскаго 1869—1894 г.г. (2 тома, Спб., 1896—1898), Кіевскаго (подъ редакціей В. С. Иконникова, Кіевъ, 1884) и Юрьевскаго (подъ редакціей Г. В. Левицкаго, 2 тома, Юрьевъ, 1902—1903), также пропущена П. Н. Полевого «Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», изданіе Маркса, и нѣкоторыя другія сочиненія.

Къ сожалѣнію, не у всѣхъ книгъ указано, чье изданіе и кто переподплъ иностранныя сочиненія, что особенно важно для отдѣла беллетристики.

П. Д.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителѣй русскаго историческаго просвѣщенія. Книга десятая. Москва. 1905.

Интересъ этой книги, какъ и предшествующей, сосредоточивается на лекціяхъ по исторіи русской литературы, читанныхъ съ 1860 г. Ѳ. И. Буслаевымъ рано умершему наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Пока напечатана вторая треть этихъ лекцій, занявшихъ 267 стр. Остальная треть, самая интересная, будетъ напечатана, какъ заявлено, въ слѣдующей московской книжкѣ сборника. Пока изложеніе русской литературы доведено Буслаевымъ до XVI вѣка, при чемъ лекторъ особенно подробно разсматриваетъ литературу такъ называемыхъ патериковъ и прологовъ, не упуская случая указать своему царственному ученику на переходъ нѣкоторыхъ рассказовъ изъ этой житійной литературы въ западныя новеллы и драматическія проиавденія. Въ этихъ лекціяхъ читатель-неспециалистъ найдетъ прекрасный разборъ Несторовой лѣтописи и ея источниковъ. Если редакція «Старины и Новизны» издастъ лекціи Буслаева отдѣльной книгой, то при небольшомъ ея объемѣ это будетъ едва ли не лучшимъ пособіемъ по исторіи русской литературы для большой публки.

Изъ остальныхъ статей сборника наиболѣе обширной является переписка князя П. П. Хованскаго, сына князя Ивана Андреевича, какъ извѣстно, казненнаго въ 1682 г. за сочувствіе къ раскольникамъ и за участіе въ стрѣльцкомъ бунгѣ. Переписка эта извлечена г. Лукьяновымъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи, куда она попала, очевидно, вслѣдствіе конфискаціи бумагъ князя послѣ казни его отца. Историкъ почти нечего дѣлать съ этой перепиской, повѣ напрасно сталъ бы искать въ ней яркаго отраженія любопытной эпохи нестроенія, предшествовавшаго воцаренію Петра. По содержанію своему письма кн. Хованскаго и его корреспондентовъ ничтожны: мелкія хозяйственныя дѣла, донесенія князю разныхъ его холоповъ, частныя письма къ родственникамъ—вотъ и все.

Если взглянуть на оглавленіе сборника, то вниманіе читателя съ любопытствомъ оставовится на перепискѣ П. Ѳ. Перфильевой съ П. В. Шумахеромъ. Изданная нѣсколько лѣтъ тому назадъ небольшая книжка стихотвореній Шумахера свидѣтельствуетъ, что это былъ человекъ разносторонній и въ высшей степени остроумный. Поэтому мы не безъ интереса приступили къ чтенію его переписки. Но, увы, изъ всей этой переписки, которая, какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія, весьма обширна и хранится въ архивѣ с. Михайловскаго Московской губерніи, выдернуто всего одно письмо Перфильевой и отвѣтъ на него Шумахера, да и этотъ матеріалъ напечатанъ лишь въ извлеченіи съ огромнымъ количествомъ точекъ. Въ письмѣ Перфильевой разсказывается, какъ она представлялась покойному Александру III, и съ какою простотою онъ ее принялъ. Если это напечатано для того, чтобы показать обходительность покойнаго государя, то вѣдь это его свойство давно всѣмъ извѣстно, и письмо Перфильевой ничего новаго къ его характеристикѣ не добавляетъ.

Конецъ книги занять обширной статьей г. Н. Барсукова, посвященной описанію альбома небызвѣстнаго въ сороковыхъ годахъ археолога-патріота, серпуховскаго помѣщика Н. Д. Иванчина-Писарева. Лѣтописный методъ писанія г. Барсукова достаточно извѣстенъ изъ его обширнаго труда: «Жизнь и труды Погодина». Авторъ остается вѣренъ ему и въ этой статьѣ. Въмѣсто того, чтобы проштудировать альбомъ и отдѣлать изъ его содержанія важное отъ незначительнаго, неизвѣстное отъ давно знакомаго, г. Барсуковъ начинаетъ описывать этотъ альбомъ, словно какую нибудь важную старинную рукопись, листъ за листомъ, съ подробной перепечаткой всего, что въ немъ заключается: на такомъ-то листѣ значится такая-то записъ А. И. Тургенева, на листѣ слѣдующемъ идетъ автографъ князя Ѳ. И. Голицына и т. д. При такомъ способѣ описанія, дѣйствительно цѣнный и интересный матеріалъ въ родѣ письма Вольтера, нѣкоторыхъ стихотвореній, писемъ и т. д. совершенно теряется. Почему бы также не дать снимковъ рисунковъ Брюллова и Вандика, которые находятся на листахъ 52 — 55? Это было бы гораздо интереснѣе, чѣмъ перепечатывать уже извѣстныя изъ другихъ книгъ вещи.

А. В—овъ.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VI. Новгородъ. 1905.

Предыдущій пятый томъ «Сборника» появился въ печати въ самомъ началѣ 1903 г.; съ того времени до выхода въ свѣтъ настоящаго (VI-го) тома «Сборника» Нижегородская архивная комиссія, подъ общимъ заглавіемъ: «Дѣйствія комиссіи», издала лишь «Журналы и доклады» (съ 25 мая 1901 г. по 2-е марта 1903 г.), гдѣ сравнительно весьма немного общенсторическаго матеріала. Несмотря на такой сравнительно большой промежутокъ, мы въ VI томѣ «Сборника» находимъ лишь одинъ сырой матеріалъ, собранный по преимуществу однимъ В. И. Снѣжневскимъ, если не считать небольшого и очень мало говорящаго «Разбора сочиненія Адама Шлейссинга: Описаніе Московскаго государства въ царствованіе Петра и Іоанна, съ прибавленіемъ описанія Сибири», С. И. Архангельскаго. Вслѣдъ за этимъ «разборомъ» помѣщены въ первомъ отдѣлѣ «Сборника» двѣ работы В. И. Снѣжневскаго: «Матеріалы для исторіи крѣпостного хозяйства въ Нижегородскомъ уѣздѣ» и «Старый нижегородскій театръ». «Матеріалы», по преимуществу статистическіе и относящіеся ко времени конца XVIII вѣка до паденія крѣпостного права, «извлечены изъ архивныхъ дѣлъ нижегородской дворянской опеки и заключающихся въ нихъ описей дворянскихъ имѣній, поступившихъ въ опеку преимущественно за долги, при переходѣ къ малолѣтнимъ наследникамъ, и изрѣдка за расточительность и злоупотребленія помѣщичьей властью». Въ этихъ описяхъ дворянскихъ имѣній имѣются данныя о ихъ населеніи, о надѣлахъ крѣпостныхъ, ихъ скотоводствѣ, о размѣрахъ помѣщичьей запашки, о крестьянскихъ оброкахъ, барщинѣ и проч.

Основанный въ 1798 г. нижегородскимъ помѣщикомъ, княземъ Николаемъ Григ. Шаховскимъ, «нижегородскій театръ» особенно интересовалъ покойнаго изслѣдователя нижегородской старины, А. А. Гацискаго, посвятившаго ему особую книгу: «Нижегородскій театръ. 1798—1867» (Нижній Новгородъ, 1867 г.), въ которой собралъ и всѣ отзывы о немъ, имѣющіеся въ литературѣ: Ф. Ф. Вигеля, П. Боборыкина и др. Но въ «названномъ трудѣ А. Гацискаго, — говоритъ В. И. Снѣжневскій, — довольно скудны данныя о первомъ періодѣ существованія театра» и почти совсѣмъ отсутствуютъ свѣдѣнія «о матеріальной сторонѣ театрального дѣла». При разборѣ архива нижегородской дворянской опеки г. Снѣжневскому «поналось дѣло объ учрежденіи опеки надъ имѣніемъ князя Шаховскаго, по его смерти (въ 1824 г.), въ которомъ заключаются довольно интересныя данныя именно о хозяйственномъ бытѣ театра», которыя онъ и приводитъ въ своей небольшой замѣткѣ.

Во второмъ отдѣлѣ «Сборника» помѣщены: 1) «Опись журналамъ Нижегородскаго намѣстническаго правленія за 1789 г., составленная В. И. Снѣжневскимъ, и 2) «Опись дѣламъ Балахнинскаго городского магистрата» за 1775—1778 г.г. (продолженіе), составленная В. Г. Короленкомъ, И. И. Вишневымъ, М. Колотилинымъ, А. Я. Садовскимъ, П. И. Неволинымъ и др.

Наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ — «историческихъ матеріаловъ и документовъ», находимъ: 1) «Нижегородской чети приходная всякимъ денежнымъ до-

ходамъ 123 году» (1615 г.); 2) «Списокъ съ Нижегородскихъ съ приходныхъ съ окладныхъ книгъ государевымъ царевымъ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи, всякимъ денежнымъ доходамъ и оброчному меду и посошному хлѣбу противъ окладные росписи 127 году» (1619); 3) «Книга Нижегородскаго уѣзда боярскихъ, дворянскихъ и дѣтей боярскихъ и иноземцевъ дозору Силы Микитича Грекова да подъячаго Клементія Козодавлева, лѣта 121 году» (станъ Березопольскій, продолженіе); разобралъ А. Я. Садовскій; 4) «Акты Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря», 1656 — 1683 гг.; сообщил П. В. Тополевъ; и 5) «Копія съ столбцовъ семейнаго архива В. Н. Марковникова», конца XVII в. (16 документовъ); разобралъ В. И. Свѣжневскій.

В. Рудаковъ.

G. Heine. Kurländische Güter und Schlösser. Riga. 1905.

Курляндія своими живописными ландшафтами, замками и другими памятниками старины, преданіями и обычаями не перестаетъ до нашихъ дней интересоватъ и пріивлекать путешественниковъ и давать имъ матеріалы для описаній разнаго характера и разнаго достоинства. Среди этихъ работъ не послѣднее мѣсто занимаютъ сочиненія, написанныя въ видѣ путевыхъ дневниковъ, гдѣ свѣдѣнія этнографическія, историческія, археологическія чередуются съ личными впечатлѣніями, дорожными приключеніями, картинами природы и т. д. Подобнаго рода географическія описанія даютъ, конечно, много простора для автора и яснѣе характеризуютъ личность послѣдняго. Таковы, напримѣръ, книжки: Баумана — Im Gottesländchen, Гейне — Meine Fusstour durch Kurland и др.

Нѣсколько иного характера—новая книжка г. Гейне. Авторъ ея тоже совершилъ путешествіе по Курляндіи, но, посѣтивъ нѣкоторые замки и имѣнія, онъ, строго придерживаясь заголовка своей книжки, говоритъ въ ней только о прошломъ этихъ замковъ и о достопримѣчательностяхъ ихъ, напримѣръ, о картинныхъ галлерейхъ, собраніяхъ серебра и другихъ рѣдкостяхъ, фамильныхъ драгоценностяхъ, паркахъ, садахъ, церквахъ и т. д. Быть сосѣднихъ дворохозяевъ-латышей авторъ совершенно игнорируетъ, и если упоминаетъ о нихъ, то только съ цѣлью отгнѣнить благодѣянія, оказанныя имъ помѣщиками, въ видѣ устройства школъ, библіотекъ и т. п.

Въ книжкѣ описаны слѣдующіе замки и имѣнія: въ Тальсенскомъ уѣздѣ Пуревъ и Нуригузентъ, въ Видавскомъ—Попевъ и Эдвалентъ, въ Газениотскомъ—Альшвангенъ, Реггенъ и Кацдангенъ, въ Баускомъ—Мезотентъ и курортъ Вальдонъ, въ Илдукстскомъ—Ассернъ, Гроссъ-Борнъ и пасторатъ Сикельнъ. Посѣтилъ ли авторъ еще другія помѣстья, онъ не говоритъ. Съ чувствомъ сожалѣнія замѣчаетъ авторъ, что старина мало-по-малу приносится въ жертву современнымъ требованіямъ владѣльцевъ и разрушается, уступая мѣсто новымъ постройкамъ.

Очень украшаютъ книжку нѣсколько видовъ замковъ и помѣстій, дающіе достаточное понятіе о живописности мѣстности. На заглавномъ листѣ помѣщенъ портретъ г. Гейне въ дорожной одеждѣ. А. Э. Мальмгренъ.

**Dr. Stanisław Kutrzeba. Historya ustroju Polski w zarysie.
Львовъ. 1905.**

Доцентъ Краковскаго университета Станиславъ Кутшеба принадлежитъ къ числу общающихъ ученыхъ, и во время послѣдней поѣздки въ Краковъ мы слышали о немъ нѣсколько похвалъ. Похвалы эти вполне заслужены молодымъ историкомъ. Ясное и сжатое изложеніе, опредѣленность краткихъ характеристикъ, внимательность къ матеріалу, талантливость при построеніи предположеній, отсутствіе полемики, все это—второстепенныя его качества въ сравненіи съ главнымъ — синтетическимъ складомъ ума. Несмотря на то, что у него были предшественники — Ленгнихъ, Сжжетускій, Бандтке, Гофманъ, Гюше, отчасти Бобжинскій, — онъ всегда находитъ возможнымъ сказать нѣчто новое, хотя и не выставляетъ на показъ своихъ открытій.

Исторія политическаго и социальнаго устройства Польши болѣе интересна, чѣмъ исторія вѣнскихъ сношеній, войнъ и всякаго рода «подвиговъ». По книгѣ г. Кутшебы читатель можетъ слѣдить за мирными завоеваніями польскаго народа, завоеваніями въ области общественныхъ и экономическихъ отношеній, — и общая картина прогресса Польши получается внушительная. Вступительная глава представляетъ интересъ для всѣхъ славянъ. Это — очеркъ родового устройства тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя въ половинѣ X в. образовали Польское государство подъ властью Пястовъ. Затѣмъ слѣдуютъ пять большихъ отдѣловъ: I — право правителя до изданія первыхъ привилегій общества въ концѣ XII вѣка; II — организація общества до смерти Казимира Великаго (1370) и кошицкихъ привилегій (1374); III — сословія до люблинской уни (1569) и перваго безкоролья (1572); IV — шляхетское государство до реформъ, начатыхъ во время послѣдняго безкоролья (1764); V — реформы, не оконченныя и прерванныя паденіемъ государства (1795). Въ каждомъ отдѣлѣ разсматривается послѣдовательно исторія правительственной власти и ея учрежденій, престолонаслѣдія, духовенства, рыцарства, должностей, шляхты, крестьянъ, колонизаціи, городовъ, евреевъ, войска, финансовъ, судовъ, парламента, реформъ и т. д. Такимъ образомъ, по книгѣ г. Кутшебы можно познакомиться не только съ характеромъ извѣстной эпохи въ разныхъ отношеніяхъ, но и прослѣдить эволюцію извѣстнаго учрежденія въ разные періоды. Въ концѣ книги приложенъ списокъ важнѣйшихъ источниковъ.

Переводъ этой культурной исторіи Польши могъ бы заинтересовать многихъ русскихъ читателей.

А. Я.

**Александръ Бычковъ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія.
Томскъ. 1905.**

«Въ теченіе почти 20 лѣтъ съ перерывами, — читаемъ въ предисловіи вышеозваннаго указателя, — я имѣлъ обыкновеніе отмѣчать у себя тѣ журнальныя статьи и тѣ книги, которыя по моему ли оцѣнкѣ, или по рецензіямъ въ періодической печати заслуживали въ какомъ либо отношеніи общаго вниманія».

и эти отиѣтки, если вѣрить автору, «неоднократно уже представляли и мнѣ и моимъ знакомымъ существенное подспорье» при наведеніи справки; а теперь г. Бычковъ хочетъ помочь облегчить справки и русскимъ читателямъ — «въ этомъ только и заключается цѣль моего даннаго скромнаго труда».

Но такъ ли?

Въ отдѣлѣ первомъ «для начинающихъ читать» скомканы заглавія книгъ, какъ для дѣтей младшаго и средняго возраста, такъ и для юношества. Во второмъ отдѣлѣ—«беллетристика русская», но встрѣчаемъ въ этомъ отдѣлѣ много и не беллетристическихъ произведеній, напримѣръ: Вологдинъ—«Лѣсное царство» («Сл.», 1878, 9—11); Есиповъ.—«Тяжелая память прошлаго». «Люди стараго вѣка» (изд. Суворина); Кони.—«За послѣдніе годы» (изд. Суворина); Цебрикова—«Женщина американской революціи» («В. Е.», 1870 г., №№ 6, 7), «Американки XVIII ст.» (изд. 1871 г.) и много другихъ.

Затѣмъ г. Бычковъ или не знаетъ или по-его оцѣнкѣ считаетъ недостойными общаго вниманія собранія сочиненій: Данилевскаго, Каренина, Левитова, гр. А. К. Толстого, П. И. Якушкина, «Кобзарь» Шевченка и нѣкоторыя другія, такъ какъ онъ показываетъ или часть сочиненій, или же только объ этихъ авторахъ критическія статьи.

Критическія статьи объ авторахъ приводятся случайныя, а не самыя лучшія, а о нѣкоторыхъ писателяхъ и совсѣмъ ничего не показано. Если вѣрить г. Бычкову, то объ Астыревѣ, Гоголѣ, Данилевскомъ, Жемчужниковѣ, Кольцовѣ, Мачтетѣ, Михайловѣ-Шеллерѣ и многихъ другихъ и совсѣмъ русская критика промолчала.

Также не полно и также съ ошибками составлены и остальные отдѣлы.

П. Д.

Записки отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Томъ VII, вып. первый. Подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Ѳ. Платонова. Спб. 1905.

Начавшійся академическій годъ въ издательской дѣятельности общества ознаменовался, между прочимъ, новымъ выпускомъ «Записокъ» Русскаго отдѣленія. «Записки» представляютъ собою томъ, содержащій около 200 стр. текста, съ многочисленными иллюстраціями. Приложеніемъ къ книгѣ служитъ атласъ, состоящій изъ 22 отлично исполненныхъ фототипическихъ таблицъ предметовъ древности, найденныхъ въ открытой В. И. Каменскимъ въ 1902 г. близъ г. Балахны стоянкѣ первобытнаго обитателя этой мѣстности, жившаго здѣсь въ отдаленную доисторическую эпоху каменнаго періода. Статья А. А. Спицына и В. И. Каменскаго даетъ подробное описаніе этихъ находокъ, представляющихъ собою весьма обильный и важный археологическій матеріалъ. Дополняютъ впечатлѣніе—виды мѣстностей, гдѣ раскинута была нѣкогда знаменитая теперь стоянка. Кромѣ вышеуказанной, выпускъ содержитъ еще статьи А. А. Спицына, сообщающаго «новыя свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи» и «о городищахъ Дьякова тина». Членъ импера-

торской археологической комиссіи А. А. Спицынъ — всегда на стражѣ всѣхъ новостей, появляющихся въ области первобытной археологіи. Каждый незначительный, какъ кажется съ перваго взгляда, черепокъ, камешекъ или металлическій предметъ, благодаря огромному опыту А. А., путемъ дѣлаемыхъ имъ сопоставленій и аналогій съ предметами, открытыми уже равнѣе, позволяетъ давать новое освѣщеніе многимъ загадочнымъ еще до настоящаго времени фактамъ изъ того далекаго отъ насъ доисторическаго періода, о которомъ свидѣлствуютъ лишь исключительно безмолвные археологическіе памятники. Такъ, благодаря новымъ находкамъ въ послѣдніе годы мѣдныхъ предметовъ въ различныхъ пунктахъ обширной русской равнины, А. А. подтверждаетъ предположеніе, что населеніе нашего отечества пережило нѣкогда, подобно другимъ народностямъ, и періодъ «мѣднаго» вѣка. Въ статьѣ своей о городищахъ «Дьякова» типа авторъ относитъ нѣкоторыя изъ нихъ къ IX вѣку по Р. Х., что даетъ большую важность вопросу объ ихъ изученіи, находящемуся въ прямой связи съ вопросомъ о заселеніи и культурныхъ теченіяхъ въ краѣ въ періодъ образованія Русскаго государства. Въ заключеніи своей статьи авторъ настойчиво рекомендуетъ тему о «Дьяковыхъ» городищахъ особенному вниманію мѣстныхъ ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ изслѣдователей. Интересная статья художника-археолога Н. К. Рериха переноситъ читателя въ близкую къ столицѣ, но малопробѣдную и малоизслѣдованную еще мѣстность озерныхъ плесовъ Новгородской и Тверской губерній. «Красивыя и высокія мѣста, богатая лѣсомъ и озерами съ разнообразною снѣдью, — говоритъ авторъ, — должны были быть обитаемыми издавна». И дѣйствительно, раскопки послѣднихъ лѣтъ дали богатые результаты. Въ статьѣ своей «Каменный вѣкъ на озерѣ Пирость» Н. К. Рерихъ отмѣчаетъ сдѣланную имъ, совмѣстно съ княземъ М. П. Путятинимъ, крупную находку: кремневыхъ орудій, остатковъ гончарства и явтарной подѣлки на берегахъ озера Пироста, лежащаго на границѣ Валдайскаго и Боровичскаго уѣздовъ Новгородской губерній. Кромѣ перечисленнаго матеріала, «Записки» заключаютъ также отчеты объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ В. Н. Глазовымъ въ 1903 г. на верховьяхъ Волги, въ Демянскомъ уѣздѣ и близъ дер. Мануйловой Ямбургскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, С. А. Гатцукомъ въ 1904 г. — въ Смоленской, Московской и Тульской губерніяхъ, А. А. Смирновымъ — въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губ. (древности XII—XIII в. в.). Въ замѣткахъ о кievскихъ древностяхъ В. Гезе и А. С. описаны, между прочимъ, находки Набутовскаго могильника, вскрытаго въ 1902 г. близъ Корсуни, который, по мнѣнію А. С., относится къ концу XII ст., а также раскопки крестьянъ Каневскаго уѣзда, вскрывшихъ кочевническіе курганы близъ с. Драчей. Эти послѣднія находки, по мнѣнію А. С., принадлежатъ къ культурѣ кievскихъ тюрковъ и относятся ко времени, предшествующему нашествію монголовъ — приблизительно къ первой половинѣ XIII столѣтія. Въ заключеніе отмѣтимъ еще статью А. С.: «Бѣлогостидскій кладъ 1836 г.». Давъ неизданные еще рисунки предметовъ этого клада, авторъ высказался за отнесеніе ихъ къ XI столѣтію, а также указалъ на особенный интересъ этого клада, благодаря сочетанію въ немъ предметовъ чисто русскихъ (височныя кольца), восточныхъ и издѣлій съ зернью, мѣсто происхожденія которыхъ еще

не можетъ быть опредѣлено. Замѣтка Н. Смирнова «Живая старина» указываетъ на любопытный фактъ пережитка съдой старины при изготовленіи глиняныхъ издѣлій, который ему пришлось наблюдать въ одномъ изъ уголковъ Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи.

А. Мироновъ.

Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы изъ снимковъ рукописей X—XVIII вѣковъ русско- и юго-славянскихъ. Пособіе къ методикѣ опредѣленія времени написанія древнихъ рукописей и по курсамъ славяно-русской палеографіи. Составилъ и издалъ слушатель С.-Петербургскаго археологическаго института, докторъ медицины Я. Трусевичъ. Выпускъ I. X—XIV в.в. Выпускъ II. XV—XVIII в.в. Спб. 1905.

Въ роскошно изданномъ альбомѣ представленъ сводъ славянскихъ и русскихъ азбукъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ недавно найденной надписи Самупла 993 г. Такого изданія у насъ до сихъ поръ не было, если не считать малозначащихъ попытокъ прежнихъ палеографовъ, которые давали сравнительныя таблицы азбукъ въ самомъ небольшомъ количествѣ и въ плохой системѣ. Это лишало ихъ опыты не только научности, но простой демонстративности и педагогичности. «Сводъ» Я. Трусевича интересенъ еще потому, что на каждой изъ 40 таблицъ большого формата помѣщено около 12 азбукъ изъ разныхъ рукописей одной и той же приблизительно эпохи. Это даетъ возможность начинающему палеографу въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ознакомиться съ характеромъ той или иной буквы въ послѣдовательной исторіи ея видоизмѣненій.

Издатель привлекъ къ дѣлу обширный матеріалъ, изъ котораго кое-что является въ печати впервые. Что касается точности воспроизведенія, то на него можно вполне положиться: мы сравнили нѣсколько фотографическихъ снимковъ и подлинныхъ рукописей съ изданіемъ «Свода» и нашли поразительную пунктуальность. Такимъ образомъ, г. Трусевичъ выполнилъ желаніе Шлѣцера, высказанное болѣе ста лѣтъ тому назадъ: «Когда же придетъ время, къ которое русскіе вздумаютъ составить славянскую палеографію, соберутъ въ хронологическомъ порядкѣ славянскія азбуки и выгравируютъ азбучную таблицу для каждаго столѣтія отдѣльно?» Вполнѣ естественно, что каждое столѣтіе не представляетъ собой чего нибудь твердо установившагося, какъ думалъ Шлѣцеръ, едва ли хорошо знавшій рукописи. Каждая мѣстность, каждая школа письма и каждый отдѣльный писецъ вносили въ очертаніе буквъ индивидуальныя черты, а потому теперь палеографъ имѣетъ дѣло не съ столѣтіями, а съ каждою рукописью въ отдѣльности. Въ этомъ смыслѣ «Сводъ» г. Трусевича поковтятся на вполнѣ научныхъ основаніяхъ.

Предъявлять къ новому изданію строгія требованія, намъ кажется, не слѣдуетъ уже потому, что это—любительскій трудъ, съ которымъ у самого издателя связано его горячее увлеченіе палеографіей, память о долгихъ дняхъ и ночахъ, проведенныхъ за составленіемъ альбома, наконецъ, изданіе стоило

большихъ затратъ. Во-вторыхъ, въ своемъ предисловіи г. Трусевичъ самъ намѣчаетъ главныя возраженія критики противъ его труда и изданія, извиняя кажущіеся или дѣйствительные недостатки довольно справедливыми оговорками и доводами. Однимъ словомъ, «Сводъ 260 азбукъ», при всѣхъ вольныхъ и невольныхъ ошибкахъ новаго палеографа, всей душой преданнаго любимому занятію, можетъ вызвать только благодарность всѣхъ, кто интересуется національной стариной. Въмѣсто замѣчаній мы выскажемъ лучше пожеланіе, чтобы это увлеченіе палеографіей не оказалось временнымъ, чтобы г. Трусевичъ не остановился только на одномъ изданіи, а обогатилъ бы русскую науку еще нѣсколькими: у насъ такъ много рукописныхъ сокровищъ—и такъ мало доступныхъ изданій.

А. Я.

Карѣевъ. Французскіе политическіе писатели XVIII вѣка.

Спб. 1905.

Едва ли кто будетъ отрицать значеніе для общества популяризаціи историческихъ знаній. Извѣстность опытнаго популяризатора давно уже стяжалъ себѣ Карѣевъ. Настоящая брошюра еще разъ подтверждаетъ это. Въ ней авторъ даетъ понятныя для широкихъ круговъ общества характеристики Монтескье, Руссо, Мабли и знакомитъ съ воззрѣніями физиократовъ. Хотя идеи этихъ писателей и экономистовъ въ настоящее время имѣютъ лишь историческое значеніе, такъ какъ многое изъ ихъ взглядовъ опровергнуто, и государственныя науки съ политической экономіей ушли впередъ, но, тѣмъ не менѣе, знакомство съ ними поможетъ читателю разобраться въ извѣстной степени въ вопросахъ современной дѣйствительности.

А. Ф—нъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВАЗВѢЩІВАНІЕ Цезаря. Недавно въ Парижѣ появился на французскомъ языкѣ переводъ второго тома замѣчательнаго труда молодого итальянскаго историка, Джульельмо Ферреро: «Величіе и паденіе Рима»¹⁾. Своей популярности на родинѣ онъ достигъ двумя соціологическими, публицистическими и отчасти философскими сочиненіями: «Молодая Европа» и «Милитаризмъ». Потомъ онъ принялся за свой главный трудъ, уже чисто историческій, хотя онъ также отличается соціологическимъ характеромъ и, несмотря на устарѣвшее и избитое содержаніе, дышитъ изслѣдованіемъ античной жизни, съ точки зрѣнія живого сатирика современнаго милитаризма. Первый томъ его исторической работы повѣствуетъ въ яркихъ, чисто новыхъ краскахъ объ избирательныхъ злоупотребленіяхъ Рима, о безумныхъ потребностяхъ въ удовольствіяхъ во времена Цезаря, о всевозможныхъ развратныхъ стремленіяхъ высшихъ классовъ того времени и т. д. Читая книгу итальянскаго писателя, вы точно имѣете предъ собою живую хроніку того времени. Это римская исторія, но снова воскрешенная. Второй томъ посвященъ Галльской войнѣ и междоусобной борьбѣ, которая привела Римъ къ диктатурѣ Цезаря и его убійству. Ферреро считаетъ завоеваніе Галліи колониальной войной, возникшей подъ влияніемъ тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя дѣйствуютъ до сихъ поръ, правильной борьбой, начатой и веденной предводителями партій, съ цѣлью воспользоваться ею, какъ орудіемъ для воздѣйствія на политику Италіи. Въ предисловіи къ второму тому мы находимъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ о войнѣ. По словамъ автора, не слѣдуетъ ее ни возносить, какъ

¹⁾ Grandeur et décadence de Rome. Second vol., traduit en français, par G. Ferrero. Paris. 1905.

божественное благоденствие, ни унижать, какъ всемірный бичъ. Философ-историкъ довольствуется смотрѣть на войну, какъ на силу, которая въ извѣстный моментъ приводитъ къ окончательному разрѣшенію общественные и политическіе кризисы; война доводитъ до конца то, что уже потеряло живую энергію, и восстанавливаетъ новый порядокъ. Ни одна война, по мнѣнію Ферреро, за исключеніемъ той, которая ознаменовала французскую революцію и имперію, а также, быть можетъ, той, которая свирѣпствовала недавно въ Манчжуріи, — не имѣла того великаго вліянія на исторію всего свѣта, какъ завоеваніе Галліи. «Эта война, — говоритъ Ферреро, — воскресила древній міръ, ускоривъ политическій кризисъ Италіи и уничтоживъ кельтическую Галлію, которая болѣе вѣка мучилась въ судорогахъ медленной агоніи; эта война сдѣлала возможнымъ латинизацію Галліи, гдѣ возникло истинное начало европейской цивилизаціи». Сдѣлавшись въ своемъ новомъ трудѣ историкомъ и историкомъ-соціологомъ, Ферреро задумалъ дать читателямъ новую исторію Рима, чтò слишкомъ самонадѣянно, въ виду того, что римская исторія уже не разъ была написана великими историками. Онъ не только вполне воспользовался готовымъ матеріаломъ, который они собрали, на что ему потребовалось бы посвятить всю жизнь, но теперь исторія Рима, оставаясь насколько возможно ученой, въ то же время является популяризаціей, не лишенной животворнаго воодушевленія. Ферреро остается въ этой работѣ самымъ собою. Онъ — вполне живой сатирикъ милитаризма и глубокомысленный соціологъ-историкъ. Онъ основательно изучаетъ римское общество, борьбу его классовъ, а также политическую, социальную эволюцію, порожденную не великими героями, а той общей толпой, которая изображаетъ избытокъ экономической жизни. Въ своемъ трудѣ «Экономическое изслѣдованіе древностей» извѣстный профессоръ Жиро совершенно справедливо резюмируетъ въ двухъ словахъ общій характеръ исторіи Ферреро: «Римская имперія была естественнымъ плодомъ империализма, а империализмъ — естественнымъ послѣдствіемъ экономического положенія общества. Между этими фактами существуетъ такая тѣсная связь, что стоитъ только намѣтить начало, какъ все остальное обязательно послѣдуетъ за нимъ. Но эта связь не была замѣчена ни однимъ изъ современниковъ, и лишь немногіе отгадали впоследствии, что дѣло идетъ прямо къ абсолютизму». Новая идея относительно римской исторіи, данная намъ итальянскимъ историкомъ, совершенно соотвѣтствуетъ современной культурѣ и соціологическимъ идеямъ. Ферреро, добросовѣстный изслѣдователь старины, отличается живымъ воображеніемъ и кичущимъ умомъ, и, благодаря ему, мы живемъ вполне римской жизнью. Вспоминая свои критическіе и сатирическіе порывы, естественно авторъ обрушивается на Момзена и самого Цезаря. Какъ истинный соціологъ, онъ не можетъ ни уравнивать всего, ни терпѣть господствующей индивидуальности, а потому онъ предпринимаетъ опредѣленную методичную борьбу съ Цезаремъ. Обыкновенно эта историческая фигура всѣхъ восхищаетъ и удивляетъ, но, прочтя трудъ Ферреро, мы должны сознаться, что Цезарь насъ несколько не приводитъ въ изумленіе. Онъ — человѣкъ обыкновенный, немного счастливѣе и несчастивѣе другихъ, немного смѣльче и упорнѣе остальныхъ, но далеко не сверхчеловѣкъ. Это — просто хитрый оппортунистъ, безъ принциповъ

и безъ угрызений совѣсти. Прежде Цезарь былъ кутилой, дѣлавшимъ множесгво долговъ. Дорогу къ карьерѣ онъ прокладывалъ себѣ особенно съ помощью женщинъ. Онъ ухаживалъ за женами главнѣйшихъ народныхъ предводителей: Красса, Помпея, Гамбинія и др. Чаще всего онъ посѣщалъ салонъ Сервиліи, вдовы Марка Юнія Брута и сестры Катона, — женщины очень умной, подвижной, вліятельной и притомъ большой интриганки. Однако, ни одна изъ этихъ женщинъ не была его любовницей, кромѣ Муціи, жены Помпея. Несмотря на это, консерваторы создали легенду и увѣряли, что онъ находился въ одно и то же время въ любовной связи съ Сервиліей, съ женами Помпея, Красса, Гамбинія и всѣхъ народныхъ предводителей. Въ дѣйствительности же одна Муція отвѣчала на его ухаживанія, и поэтому онъ посылалъ ея мужа въ далекіе походы. Такимъ образомъ Цезарь ставится для насъ гораздо понятнѣе, потому что, по словамъ Ферреро, въ сущности не было цезарей въ настоящемъ смыслѣ слова, а только цезаріоны. Онъ настаиваетъ на томъ, что Цезарь интриговалъ и развратничалъ, что онъ былъ политическимъ авантюристомъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, что въ немъ недоставало серьезнаго характера, и, отличаясь цинизмомъ, онъ постоянно впадалъ въ противорѣчія. Вообще Ферреро отрицаетъ, что Цезарь былъ великимъ человѣкомъ, какъ вообще, по его мнѣнію, не было великихъ людей. «Всѣ писатели, изучавшіе завоеваніе Галліи, — говоритъ онъ, — по моему мнѣнію, сдѣлали большую ошибку, концентрируя все свое вниманіе на Галліи и на обстоятельствахъ происходившей въ ней борьбы; для нихъ Цезарь изолированъ на театрѣ войны и вообще совершенно отдѣленъ отъ Рима. Я предпочиталъ, напротивъ, изучать великое событіе, помѣстившись въ центрѣ Рима, и отыскивалъ связь между политическими, финансовыми обстоятельствами, а также внутренними событіями Рима и военными дѣйствіями Цезаря. Съ этой точки зрѣнія Галльская война становится гораздо яснѣе и понятнѣе. Она совершается подъ вліяніемъ дѣйствующихъ силъ, какъ и въ наше время, а потому завоеваніе Галліи становится колониальной войной». Такимъ образомъ Цезарь, разжалованный изъ героевъ, становится просто ловкимъ политикомъ, представителемъ партій и слугою общественныхъ интересовъ. Но, приравнивая Цезаря къ обыкновеннымъ людямъ, Ферреро называетъ его, однако, «фатальнымъ человѣкомъ европейской исторіи и безсознательнымъ орудіемъ судьбы».

— Тайныя газеты во Франціи XVIII вѣка. Во Франціи тайныя газеты, послужившія зародышемъ будущему журнализму, впервые появились въ началѣ XVII вѣка и особенно размножились въ концѣ его. Историкъ Монтейль рассказываетъ, что прежде, чѣмъ завелись тайныя газеты, нувеллисты ограничивались сообщеніемъ другъ другу новостей, собранныхъ или придуманныхъ каждымъ изъ нихъ, и затѣмъ распространяли ихъ по городу. Вслѣдствіи во многихъ кружкахъ появились записныя книги, куда вписывались новости, и, если онѣ заслуживали вниманія, то ихъ помѣщали въ дневникъ, рукописныя копіи съ котораго въ изобиліи распространялись по Парижу. Особенно много тайныхъ газетъ было во время Ришелье и Мазарини, когда онѣ положительно наводняли Парижъ, а «мазаринады», состоявшія изъ сатиръ и памфлетовъ, даже представляли совершенно специальную литературу. Никакія полицейскія

мѣры не могли пресѣчь появленія этихъ газетъ и «газетинъ», или, какъ ихъ называли, «nouvelles à la main». Въ эпоху фронды нувеллисты были очень многочисленны, и Ренодо, издатель «La Gazette», писалъ о нихъ, что очень хотѣлъ бы повѣсить всѣхъ этихъ кропателей nouvelles à la main, послужившихъ причиною тому, что онъ болѣе не продавалъ прежняго количества нумеровъ своей газеты. Эдиктъ Людовика XIV, изданный въ 1666 г., уничтожилъ ихъ существованіе, и о нихъ совсѣмъ забыли. Во время Людовика XV онѣ снова появились и стали еще задорнѣе, чѣмъ прежде. Онѣ наполнялись всякаго рода интимными придворными свѣдѣніями, которыя особенно привлекали читателей, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Манюэля, писавшаго въ позднѣйшую эпоху: «Народъ, желающій обучаться, не удовольствуется «Gazette de France». Что ему за дѣло, что король мылъ ноги бѣднымъ, у которыхъ онѣ не были грязными, что королева разговлялась съ графомъ Артуа и т. д.? Въ концѣ концовъ народъ хочетъ знать, что говорится и дѣлается при дворѣ, зачѣмъ и для кого кардиналъ де-Роганъ забавляется нанизываніемъ жемчуга, и правда ли, что графиня Діана (Полиньякъ) назначала генераловъ, а графиня Жюли (Полиньякъ)—епископовъ, и сколько крестовъ св. Людовика подарилъ своей любовницѣ военный министръ». Торговля подобными газетами мало-по-малу урегулировалась, насколько это допускали условія ихъ тайнаго появленія. Каждый клубъ имѣлъ свои бюро — редакціонныя и для сятія копій, своихъ провинціальныхъ корреспондентовъ, рукописныя газеты, «газетки» и большое количество подписчиковъ. Подписная цѣна зависѣла отъ количества страницъ, но обыкновенно колебалась между шестью и двѣнадцатью франками въ мѣсяцъ. Такія газеты получали всѣ, начиная съ самой полиціи, которая, благодаря имъ, могла провѣрять доклады своихъ агентовъ; за нею слѣдовала буржуазія, затѣмъ дворяне и епископы. Къ несчастію, вначалѣ нувеллисты набирались изъ самаго низкопробнаго элемента: изгнанныхъ слугъ, носильщиковъ, разныхъ интригановъ прихожихъ и прочихъ лицъ, принадлежавшихъ къ общественнымъ подонкамъ, искавшимъ заработать кусокъ хлѣба, не затрудняясь средствами. Впрочемъ среди нувеллистовъ находились имена Скаррона и авторовъ «мазаринадъ» Марселена, Жезилара, Эво, Броссара, Денгапе, Теввэна, Эмона и Вилара. Въ XVIII вѣкѣ газеты появлялись въ трехъ видахъ: «La Gazette», которую издавалъ во время фронды Ренодо, «Les Nouvelles Orales», о которыхъ французскій историкъ Функъ-Брентано написалъ цѣлый томъ («Les Nouvellistes»), и «Nouvelles à la main», имѣвшія сходство съ послѣдними по своему тону, но отличавшіяся отъ нихъ тѣмъ, что раздавались въ рукописяхъ. Одна изъ такихъ nouvelles à la main выходила на свѣтъ изъ салона г-жи Дублэ, или г-жи де-Персанъ, какъ она была болѣе известна, въ виду того, что ея мужъ происходилъ отъ младшей линіи маркизовъ де-Персанъ. Хотя имена г-жи Дублэ, а также ея сотрудника Башомона и забыты, но, благодаря имъ, получился впоследствии цѣнный историческій источникъ: «Les mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France depuis 1762 jusqu'à nos jours», изъ котораго историки черпали свѣдѣнія о XVIII вѣкѣ. Этотъ трудъ былъ составленъ изъ извѣстій, помѣщенныхъ въ «Nouvelles à la main», исправленныхъ и напечатанныхъ за границей. Весь этотъ

трудъ составляетъ тридцать шесть томовъ, но самому Башомону удалось напечатать только одинъ томъ; остальные были издавы его преемниками уже послѣ его смерти. Эти жемюары, хотя собраны въ салонѣ, но имѣютъ серьезное значеніе, какъ вышедшія изъ гостиной г-жи Дублэ — средоточія всевозможныхъ свѣдѣній, городскихъ, придворныхъ, театральныхъ и академическихъ. Возникновеніе салона и газеты г-жи Дублэ, а также подробности о нихъ — очень любопытны и послужили темой для статьи¹⁾ въ «Nouvelle Revue» двухъ авторовъ: Поля Бэля и Жака Эрбле. Г-жа Дублэ происходила изъ семьи генеральнаго откупщика, Франсуа Лежандра. Ея мать до замужества была скромной штопальщицей и не мечтала умереть въ той богатой обстановкѣ, какая впоследствии окружала ее. Лежандръ назначилъ дочери въ приданое 800.000 ливровъ, и въ 1688 г. она вышла замужъ за Дублэ, главнаго казначея герцога Орлеанскаго. Г-жа Дублэ имѣла склонность къ рисованію и гравированію, но успѣха въ этихъ искусствахъ не имѣла. Впрочемъ это занятіе принесло ей пользу, открывъ для нея двери салоновъ, посѣщаемыхъ страстными поклонниками изящныхъ искусствъ. Въ особенности ее привлекали къ себѣ салоны Куопеля и Башомона. У перваго собиралось пріятное общество и царствовало непринужденное, но приличное веселіе и остроуміе. Тамъ она познакомилась съ Кэйлю, Фререлемъ, Мирабо, Фонсеманемъ, Гельвенциемъ, Мариво, г-жею Маршанъ, игравшей въ то время роли въ нравственныхъ комедіяхъ Куопеля, актрисой, г-жею Киво, любовницей Вольтера, и многими другими. Самые близкіе друзья изъ этого кружка часто собирались и поочередно устраивали на свой счетъ ужины, не превышавшіе по цѣнѣ ни подъ какимъ видомъ 15 ливровъ. Куопель принималъ ее, какъ друга, напротивъ, Башомонъ въ своемъ замкѣ Брѣлепонъ встрѣчалъ ее, какъ свою «богиню», и она была царицей его собраний. Въ дѣтствѣ они были друзьями, а затѣмъ случай сблизилъ ихъ; общность же вкуса къ изящнымъ искусствамъ окончательно соединила ихъ: г-жа Дублэ рисовала, а Башомонъ гравировалъ ея рисунки. Хотя по характеру они были полной противоположностью, но пылкая г-жа Дублэ привлекала его къ себѣ, и онъ часто увозилъ ее въ свой замокъ, гдѣ собиралось самое разнообразное и избранное общество, благодаря общественному положенію Башомона; онъ принадлежалъ отчасти къ обществу артистовъ, благодаря занятіямъ въ юности гравированіемъ, а отчасти къ придворному, имѣя крестнымъ отцомъ дофина Франціи, а крестной матерью Марію-Анну Бурбонскую, вдову Конти. Самымъ усерднымъ посѣтителемъ замка былъ братъ г-жи Дублэ, аббатъ Лежандръ, любившій веселье, шампанское и остроумныя словца. Ея жизнь протекала отчасти въ замкѣ Башомона, отчасти въ монастырѣ «Дѣвъ св. Фомы», гдѣ въ ту эпоху отдавались квартиры частнымъ лицамъ, которыя могли вести тамъ совершенно независимую жизнь. Г-жа Дублэ поселилась въ монастырѣ съ мужемъ, дочерью и сыномъ, и когда Дублэ умеръ въ 1722 г., она осталась въ той же квартирѣ. Вскорѣ послѣ смерти отца, сынъ ея уѣхалъ въ Испанію къ вдовствующей королевѣ, а дочь вышла замужъ

¹⁾ Journalisme clandestin à XVIII siècle. Par Paul Bayle et Jacques Herblay. «La Nouvelle Revue», 15 Novembre—1 Décembre 1906.

за Блжбарда де-Болье, и г-жа Дублэ осталась одна. Ее пугало одиночество, и она старалась сплотить вокруг себя кружокъ друзей. Во время пріемовъ ей помогали Башомонъ и ея братъ, Лежандръ. Первый, безпечный отъ природы, не любилъ работать и мечталъ о пріятной, беззаботной жизни. Впрочемъ онъ обладалъ здравымъ смысломъ, умѣлъ выслушивать, понимать и передавать. Онъ любилъ сплетни, но умѣлъ ихъ выбирать, любилъ общество, но въ то же время и не любилъ его, что помогало ему судить о немъ правильно. Онъ никому не служилъ—ни партіямъ, ни друзьямъ, а только своему удовольствію, состоявшему въ томъ, что онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на комедію. Съ своей стороны г-жа Дублэ любила жизнь только ради ея фантазій и разнообразія. Эти двѣ натуры еще болѣе сблизились, когда въ 1730 г. Башомонъ съ ея согласія поселился въ томъ же монастырѣ, гдѣ жила она, только въ другомъ этажѣ, но его кабинетъ и бібліотека сообщались съ ея квартирой. Въ свое новое жилище онъ перебрался въ сопровожденіи молодого человѣка, своего воспитанника, по имени Пиданса де-Маробера, котораго считали за его незаконнаго сына отъ г-жи Дублэ, впоследствии сдѣлавшагося сомнительной личностью. Веселый триумвиратъ изъ г-жи Дублэ, Башомона и Лежандра, которыхъ современники прозвали «св. троицей», устроили салонъ подъ названіемъ «Прихода», а потому всѣ посѣщавшіе его назывались «прихожанами». Лежандръ, чтобы не отстать отъ сестры и Башомона, предался литературѣ, сочинялъ оды и басни, которыя отправлялъ для поправокъ къ Пирону, но онѣ были такъ неудачны, что тотъ возвращалъ ихъ съ ироническими замѣтками. Въ «Приходѣ» собирались не только члены академіи, но и такіе несерьезные люди, какъ аббатъ Вуазенонъ, крестникъ г-жи Дублэ, ученикъ Вольтера и поэтъ маркизы Помпадуръ. Онъ сочинялъ довольно ничтожныя и двусмысленныя стихи, которые, впрочемъ, любили при дворѣ, и писалъ скверныя пьесы. Являясь въ «Приходѣ», онъ рассказывалъ всевозможныя событія дня, читалъ легкую поэзію и сочинялъ эпиграммы. За его легкомысленный, веселый характеръ Вольтеръ прозвалъ его «своимъ другомъ Грелюшономъ», и въ стихахъ, посвященныхъ ему, называлъ его] «жрецомъ Цитеры». Этотъ аббатъ былъ баловнемъ «прихожанъ» и любимцемъ г-жи Дублэ. Кромѣ этихъ лицъ, «Приходъ» посѣщали ученый аббатъ Ксопи, аббатъ Шовленъ — интригантъ и заговорщикъ, Прево, милостынераздаватель принца Конти — любитель женщинъ, пережившій всѣ земныя страсти и даже, по его увѣренію, любившій отца, будущій кардиналъ Берни, въ то время еще молодой человѣкъ, и цѣлая группа докторовъ. Рядомъ съ ними въ гостиной г-жи Дублэ попадались личности сомнительной репутаціи, какъ кавалеръ Морлиеръ и кавалеръ Мун. Первый безнравственный человѣкъ и мошенникъ, который имѣлъ способность такъ звучно вѣвать, что могъ замѣнить свистокъ клаки, въ то время подвергнувшійся изгнанію изъ театральной залы. Это искусство онъ сдѣлалъ своей профессіей, и Вольтеръ нанималъ его на первыя представленія новыхъ пьесъ, когда хотѣлъ повредить славу своихъ друзей; онъ платилъ ему еще за доставленіе въ полцію шпіономъ, получая за это 1.200 ливровъ въ годъ. Салонъ г-жи Дублэ всегда былъ полонъ посѣтителей, и, кромѣ обычныхъ гостей, всѣ нахо-

дившіеся проѣздомъ въ Парижъ, какъ дипломаты, такъ военные и ученые обязательно бывали въ «Приходъ». Только женщинъ сначала туда не допускали изъ опасенія несдержанности языка и сплетенъ о бесѣдахъ въ «Приходъ». Однако, г-жа Дублэ такъ краснорѣчиво ихъ отстаивала, что добилась отмены этого правила. Среди женскаго персонала особенно выдѣлялась г-жа Аржанталь, сдѣлавшаяся въ послѣдствіи сотрудницей г-жи Дублэ и даже имѣвшая свое бюро «нувеллистовъ». Официальнымъ руководителемъ и покровителемъ «Прихода» былъ предсѣдатель второй палаты парижскаго парламента, Дюрэ де-Меньеръ. Возникновеніе «Nouvelles à la main» послѣдовало по почину самой г-жи Дублэ. Слушая бесѣды и дебаты своихъ посѣтителей — ученыхъ, политиковъ, писателей и ораторовъ, она записывала ихъ рѣчи, сначала изъ простаго удовольствія, а потомъ ее забавляло тайно ванадать на правительство, хотя лично она на него не злобствовала. Собраніе новостей и всякаго рода свѣдѣній обставлено было такъ: «прихожане» собирались въ залъ засѣданій, составлявшемъ часть квартиры г-жи Дублэ. Этотъ залъ выходилъ окнами на дворъ; на стѣнахъ красовалось двадцать девять портретовъ, и подъ каждымъ изъ нихъ стоялъ стулъ. Эти портреты изображали «тріумвираты» и «прихожанъ»; каждый посѣтитель садился подъ своимъ изображеніемъ. Обстановка была самая скромная — хромые стулья, столъ съ разбитой мраморной доской и бюро, помѣщавшееся у самой двери. На немъ лежали всегда раскрытыя двѣ записныя книги. Посѣтитель при входѣ въ залъ направлялся прямо къ бюро и записывалъ въ одной изъ нихъ, на которой видѣлась надпись «сомнительныя новости», все, что ему удалось узнать новаго въ теченіе дня — анекдоты, незначительныя происшествія и т. д. Затѣмъ, «прихожане» садились подъ своими портретами, и завязывался общій разговоръ. Аббатъ Вуазенонъ прочитывалъ свои стихи, которые утромъ отсылалъ маркизѣ Помпадуръ, или выслушивалъ выговоры своей крестной матери за недавнія похождения. Аббатъ Шовлэнъ, врагъ іезуитовъ, громилъ проклятіями парламентъ, нѣкоторые гости шепотомъ злорадно насмѣхались. Когда «прихожане» были всѣ въ сборѣ, то принимались за разборъ сообщенныхъ новостей, и записанныя въ книгу «сомнительныя новости» обсуждались подъ главенствомъ Дюрэ де-Меньера, и надъ ними произносился приговоръ. Послѣ всесторонняго, серьезнаго обсуждения ихъ снова записывали уже исправленными, и на этотъ разъ въ другую книгу, съ надписью: «вѣрныхъ извѣстій». Покончивъ съ провѣркою сообщеній, «прихожане» вели различные разговоры: о политикѣ, объ искусствѣ, о новомъ назначеніи епископовъ, о талантѣ какой нибудь актрисы и т. д. Личная работа «прихожанъ» была окончена, и наступала очередь трудиться надъ газетой лакеямъ. Снявъ множество копій съ новостей, написанныхъ во второй книгѣ «вѣрныхъ извѣстій», они разсылали ихъ провинціальнымъ и парижскимъ подписчикамъ. Собранія оканчивались ужиномъ, устраивавшимся за счетъ Башомона, который обыкновенно извлекалъ изъ своего довольно богатаго погреба шампанское, бѣлыя и красныя вина. Нѣкоторые современники сравнивали эти ужины съ аттическими оргіями, какія слѣдовали послѣ засѣданій въ римскомъ сенатѣ. Но авторы статьи ссылаются на присутствіе такихъ личностей, какъ Фонсеманъ, Мэранъ и Дюрэ де-Меньеръ,

которые служат опроверженіемъ этихъ слуховъ. Гости садились вокругъ большого стола, за которымъ председательствовали г-жа Дублэ и Башомонъ, въ парикѣ à la Nevers, какой осмѣливались носить въ Парижѣ только онъ и Вольтеръ. Судя по упомянутымъ въ статьѣ кушаньямъ, ужинъ не отличался особенной изысканностью. Такъ, авторъ упоминаетъ о масленикахъ, приготовленныхъ въ маслѣ, днѣ, посыпанной табакомъ, какъ въ то время было принято готовить ее, молоко, кролика, убитыхъ въ Брельёпонѣ. Все это далеко не напоминаетъ римскихъ банкетовъ. Правда, за столомъ царилъ непринужденное веселье, и самымъ горячимъ его сторонникомъ являлся аббатъ Лежандръ, который немедленно обрывалъ каждого, осмѣливагося начать скучный разговоръ. Когда однажды кому-то пришло въ голову завести разговоръ о существованіи Бога, то аббатъ оборвалъ его четверостишіемъ:

Les dieux firent, dit-on, les hommes,
L'homme, dit l'autre, a fait les dieux,
Tant qu'on ne trouvera pas mieux,
Restons-en là comme nous sommes.

Въ концѣ ужина Башомонъ иногда вынималъ изъ кармана письма и прочитывалъ ихъ вслухъ. Обыкновенно они были отъ отсутствующихъ «прихожанъ», желавшихъ напомнить о себѣ остальнымъ. сочленамъ и выразить нѣжное почтеніе г-жѣ Дублэ. Въ этихъ письмахъ Башомона называли «папашей». Мало-помалу «Приходъ» добился крупнаго значенія въ парижскомъ обществѣ, вслѣдствіе удачнаго составленія «Nouvelles à la main», которыя все болѣе и болѣе распространялись, благодаря несравненно лучшему составу нувеллистовъ. Дѣйствительно, по словамъ авторовъ статьи, «Nouvelles à la main» г-жи Дублэ были самой занимательной газетой той эпохи. Въ ней помѣщались критическій разборъ театральныхъ пьесъ, отчеты о литературныхъ собраніяхъ и знаменитыхъ судебныхъ процессахъ, замѣтки о новыхъ и особенно запрещенныхъ книгахъ, еще болѣе возбуждавшихъ интересъ, какъ запретный плодъ, рѣдкія или запрещенныя пьесы въ стихахъ и прозѣ, изъ которыхъ многія не могли быть безопасно напечатаны, сатирическія пѣсни и водевили, анекдоты и остроумныя выраженія, тѣмъ болѣе вызывающія вниманіе читателей, чѣмъ они были алге, наконецъ, различныя приключенія въ обществѣ и все, что дѣлалось при дворѣ; послѣднія извѣстія иногда прикрашивались клеветою. Однимъ словомъ, это была настоящая хроника, недостаточно отдѣланная, но очень изобильная. Первые письма «Прихода», сохранившіяся до настоящаго времени, были адресованы г-жею Дублэ къ своей сестрѣ. Въ нихъ находилась любопытная смѣсь всевозможныхъ свѣдѣній. Для скорѣйшаго и болѣе надежнаго доставленія свѣдѣній «Приходъ» имѣлъ своихъ корреспондентовъ въ провинціи и курьеровъ, которые доставляли имъ пакеты изъ-за границы. Даже въ лагерѣ короля у нихъ были свои агенты — Монтескьё и Вуазенонъ, крестники г-жи Дублэ. «Приходъ» опасался тѣлеснаго наказанія и ссылки, какъ выражались въ парламентѣ, и потому былъ крайне остороженъ, но все-таки его вліяніе настолько увеличивалось, что достаточно было спросить, получены ли свѣ-

двѣня отъ г-жи Дублэ, чтобы убѣдиться въ ихъ вѣрности. Однажды Вольтеръ возмугился злорадными намеками и написалъ графу Аржанталю: «Протестуйте, пожалуйста, въ большой книгѣ г-жи Дублэ противъ нахаловъ, которые приписываютъ мнѣ эти нелѣпости». Такой успѣхъ оцѣнили Башомона, и онъ задумалъ преобразовать свои листки въ настоящую тайную газету и въ 1740 г. разослалъ ея программу, чтобы собрать адептовъ. Одинъ извѣстный писатель обязался доставлять два раза въ недѣлю листъ рукописныхъ новостей, и газета стала появляться не въ прежнемъ сухомъ видѣ, а въ совершенно новомъ. Въ ней помѣщались не только всевозможныя ежедневныя приключенія въ Парижѣ, но и во всѣхъ европейскіхъ столицахъ. Полиція не обратила вниманія на письма г-жи Дублэ къ сестрѣ и не знала о собраніяхъ въ «Приходѣ». Къ несчастію, Парижъ кипѣлъ различными нувеллистами, и бюкситатели порядка рѣшили уменьшить ихъ смѣлость безпрестанными арестами. Каждую ночь имъ подвергались профессора университетовъ, ученые аббаты и доктора Сорбонны, подозрѣваемые въ сочиненіяхъ запрещенныхъ книгъ, пѣсенъ, стиховъ, въ распространеніи дурныхъ извѣстій въ ресторанахъ и на прогулкахъ. Такія мѣры получили названіе «французской инквизиціи». Нувеллистовъ забирала массама, заманивая ихъ въ ловко разставленныя сѣти. Первой жертвой оказался аббатъ Прево. Его изгнали изъ Парижа, но не какъ нувеллиста «Прихода», а какъ сотрудника другихъ тайныхъ газетъ, редакторовъ которыхъ арестовали и отправили въ Бастилію. Онъ получилъ приказъ выѣхать немедленно изъ Парижа, не предупредивъ друзей, и только успѣлъ написать Башомону о своемъ несчастіи. Думая, что побѣда одержана полная, полиція свободно вздохнула. 5 іюля 1741 г. предатель Муи въ своемъ рапортѣ Марвилли писалъ: «Похвально, что уничтожили «Nouvelles à la main», которыя часто даютъ матеріалъ для жалобъ; напечатанное въ нихъ служить предлогомъ для другихъ газетъ и для многихъ злоупотребленій». Однако Муи слишкомъ успѣшилъ читать отходную «Nouvelles à la main»; онъ не были уничтожены, благодаря ловкости «триумвирата», и поэтому полиціи пришлось обратиться къ помощи палатъ. Въ то время въ парижскомъ парламентѣ былъ одинъ неприятный человѣкъ, о которомъ Вольтеръ говорилъ съ отвращеніемъ, что «не можетъ жить въ одномъ городѣ, гдѣ квакаетъ эта черная жаба». Это былъ Омеръ де Флѣри. Въ 1745 г. онъ произнесъ въ парламентѣ грозную обвинительную рѣчь противъ «Nouvelles à la main». Но и это не помогло: «св. троица» сидѣла въ своемъ монастырѣ и посмѣивалась. Надѣясь на покровительство друзей и на высокое положеніе родственниковъ, г-жа Дублэ безъ страха смотрѣла на начало борьбы. Смѣлая и насмѣшливая, она забавлялась усиленными хлопотами полиціи, и только увеличивала количество листовъ своей газеты, считая себя внѣ опасности. Однако 7 октября 1753 г. полицейскій поручикъ Беррье получилъ изъ Версаля отъ маркиза Аржансона письмо, въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ, что король освѣдомленъ, будто г-жа Дублэ принимаетъ среди своихъ многочисленныхъ посѣтителей и лицъ, рассказывающихъ у нея всевозможныя невѣрныя новости, которыя могутъ произвести дурное дѣйствіе, если распространятся въ обществѣ. Эти лица часто ведутъ не сдержанныя рѣчи, и г-жа Дублэ вмѣсто того, чтобы останавливать ихъ, поз-

воляетъ записывать все въ книгу, которая служитъ для составленія листковъ, распространяемыхъ въ Парижѣ. Ея поведеніе не нравится королю, но, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, онъ поручилъ Аржансону послать къ ней Беррье съ предупрежденіемъ, какъ можно скорѣе, прекратить подобныя злоупотребленія и удалить лицъ, ихъ распространявшихъ. Если же она не исполнитъ предписанія, то подвергнется послѣдствіямъ, которыя не могутъ быть ей пріятны. «Вы прибавите, — говорилъ въ письмѣ Аржансонъ, — что о пощадѣ, которую король хочетъ къ ней примѣнить, и когорая происходитъ отъ его доброты и особой милости, она не должна никому говорить». Еще до 1753 г. тайныя газеты не разъ привлекали вниманіе Беррье, но, поглощенный дѣлами маркизы Помпадуръ, онъ ограничивался только запрещеніемъ ихъ раздавать, что никого, однако, не пугало. Когда аббатъ Шовленъ, одинъ изъ влиятельныхъ «прихожанъ», поднялъ въ парламентѣ дѣло противъ іезуитовъ, всѣ парижскія тайныя газеты, въ томъ числѣ и «Nouvelles à la main» г-жи Дублэ, поддержали его. Беррье заточилъ его въ тюрьму Монъ-Сень-Мишель и отиранилъ въ Бастилію одного изъ нувеллистовъ, Шарля де-Жюли. О «Приходѣ», однако, онъ и не подумалъ, пока не получилъ письма Аржансона. Официально явившись къ г-жѣ Дублэ, онъ объявилъ ей волю короля, и ея газета нѣсколько недѣль не выходила, несмотря на протесты двухъ сотрудниковъ — Широна и аббата Вуазенона. Но «Приходъ» не былъ теперь прежнимъ хрупкимъ учрежденіемъ, которое пошатнулось бы отъ одной полицейской угрозы, и хотя сотрудники были все тѣ же, что двадцать пять лѣтъ назадъ, но нѣкоторые изъ нихъ уже сдѣлались академиками, другіе завоевали себѣ имена въ артистическомъ мірѣ и на судебномъ поприщѣ. Когда Беррье не позволялъ выпускать газеты, «прихожане» сдѣлались еще ядовитѣе: онъ запретилъ имъ официально — они подчинились ему официально, но втихомолку листки продолжали появляться. Преданные слуги разносили ихъ украдкой, проскальзывая по ночамъ вдоль улицъ. Такъ длилось пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Беррье продолжалъ безпорядочно наносить имъ удары, которые они парировали уколами сатиры. Въ ноябрѣ 1758 г. министромъ назначили Шуазеля, и г-жа Дублэ рассчитывала — по крайней мѣрѣ, для себя — на свободу прессы, въ виду ея родства съ нимъ чрезъ его женитьбу на ея племянницѣ. Но она ошиблась: племянника пугала эта родственница. Репутація «Прихода» росла со дня на день; всѣ знали имена г-жи Дублэ и Башомона, получали «Nouvelles à la main», слава о которыхъ росла, благодаря распространяемымъ ими слухамъ зазорнымъ, остроумнымъ и скандальнымъ а иногда и ложнымъ. Шуазель, насколько могъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на поведеніе г-жи Дублэ, отчасти вслѣдствіе того, что дѣла Помпадуръ поглощали большую часть его времени. Впрочемъ однажды появилась въ «Nouvelles à la main» критика на поведеніе короля, и объяснялись публикѣ тайныя мотивы нѣкоторыхъ его рѣшеній. Узнавъ объ этомъ, король разгнѣвался, и Шуазель написалъ Сартину, замѣстившему Беррье, чтобы тотъ потребовалъ къ себѣ составителей «Nouvelles à la main» и заявилъ имъ, что упрячетъ ихъ въ тюрьму, если появится хотя одинъ листокъ безъ вѣдома полиціи. Кроме того, Сартинъ потребовалъ, чтобы появилось опроверженіе этихъ извѣстій. Сартинъ былъ человѣкомъ болѣе ловкимъ, чѣмъ Беррье, и прекрасно

зналъ все происходяще у г-жи Дублэ, - поэтому письмо его не удивило и не поставило въ затруднительное положеніе. Какъ вообще бываетъ съ подобными тайными учрежденіями, въ «Приходѣ» оказался предатель — кавалеръ Муи, и Сартинъ прибѣгнувъ къ его услугамъ. Черезъ подѣлю онъ получилъ отъ него докладъ, въ которомъ сообщалось, что г-жа Аржанталь, пріятельница г-жи Дублэ, также имѣетъ бюро новостей, и ея слуга, Жилэ, состоитъ во главѣ бюро, которое держать лакеи, что имъ платять съ листа, что эти листки очень хороши, потому что въ нихъ сообщается все, что говорится и дѣлается въ домахъ высшей парижской аристократіи, что ихъ посылаютъ въ провинцію за двѣнадцать, девять и шесть франковъ въ мѣсяць, и что г-жа Аржанталь сдѣлалась гораздо сдержаннѣе съ тѣхъ поръ, какъ ея мужъ получилъ мѣсто. Послѣ этого доклада Сартинъ получилъ другой, подписанный Эмери; въ немъ начальникъ полиціи увѣдомлялся, что не слуга г-жи Аржанталь снимаетъ копіи съ листка новостей, а слуга г-жи Дублэ, Жилэ; слугѣ г-жи Аржанталь, Леженю, онъ только позволяетъ снимать копіи для провинціи съ копіи, которую даетъ своему слугѣ г-жа Дублэ, за что тотъ получаетъ шесть ливровъ въ мѣсяць съ тѣхъ, кого снабжаетъ ими. Узнавъ обо всемъ, Сартинъ отправился въ монастырь къ г-жѣ Дублэ и потребовалъ, чтобы помѣстили опроверженіе относительно статьи, на что г-жа Дублэ принуждена была согласиться, повинуваясь приказанію министра. Однако этимъ Сартинъ не могъ ограничиться; онъ повималъ, что потребуетъ жертва, и вмѣсто того, чтобы засадить въ тюрьму г-жу Дублэ, онъ отправилъ Жилэ въ Форъ Л'Евекъ. Но Жилэ черезъ три дня освободили. Возвратившись къ г-жѣ Дублэ, очень огорченной его отсутствіемъ, онъ принялся по-прежнему снимать копіи. Послѣ этого приключенія «прихожане» узнавъ, что имъ извѣнили и продали ихъ, рѣшили не заниматься политикою, а «Nouvelles à la main» стали наполнять своей собственной исторіей; г-жа Дублэ предоставила въ распоряженіе «прихожанъ» свой дневникъ, а «прихожане» въ свою очередь помѣщали свои работы. Въ «Приходѣ» иногда творился настоящій судъ надъ работами и произносились приговоры надъ недостойными изъ нихъ. Однако черезъ нѣсколько мѣсяцевъ имъ надоѣла такая ничтожная роль, да кстатіи представился случай снова напомнить о себѣ, когда аббатъ Шовлэнъ былъ выпущенъ на свободу. Тюрма не успокоила его; напротивъ, онъ еще болѣе озлобился и въ августѣ 1761 г. обличилъ статуты іезуитовъ, а въ іюлѣ произнесъ въ парламентѣ рѣчь, которая имѣла значительный успѣхъ. Но этого ему было мало: онъ мечталъ добыть неопровержимыя улики, которыя доставилъ ему «Приходъ»; благодаря имъ, іезуиты потерпѣли поражение. Въ «Nouvelles à la main» восхваляли побѣду аббата Шовлэна, но Шуазель смотрѣлъ на это сквозь пальцы, принявъ сторону парламента. Не получивъ строгаго наказанія за статью о королѣ, они не воздержались отъ искушенія и въ іюлѣ мѣсяцѣ помѣстили въ своемъ листкѣ извѣстіе о полномъ пораженіи эскадры Блена. Это извѣстіе было тотчасъ же опровергнуто, но все же оно надѣлало много шума, и на этотъ разъ Шуазель писалъ въ письмѣ къ Сартину о приказаніи короля отправиться къ г-жѣ Дублэ и объявить ей, что если изъ ея дома еще разъ выйдутъ подобныя извѣстія, то ее заключать въ монастырь. Оять въ «Приходѣ» явился начальникъ полиціи, но тамъ уже привыкли къ этимъ пось-

щеніямъ, а потому, несмотря на угрозы, газета становилась все смѣлѣе. Иногда ея редакторы откладывали въ сторону политику, сраженія, конфликты и трактаты и принимались за придворныя сплетни: подсматривали въ замочныя скважины и подслушивали у дверей. Дворъ хотѣлъ нанести ударъ «Приходу», а «прихожане» зло за это истли. Однажды въ газетѣ появилось извѣстіе, что маркизъ Пейсегуръ, генераль-лейтенантъ, уже украшенный голубой лентой, хотѣлъ жениться, и кто-то предложилъ ему въ невѣсты незаконную дочь короля и принцессы Аделаиды. Въ приданое невѣстѣ было назначено 60.000 ливровъ ренты, и дѣло могло состояться, если женихъ подаритъ за это свату 50.000 фр. Маркизъ не колебался, занялъ эту сумму, и личность, предложившая устроить этотъ бракъ, проводила жениха въ Версаль. Тамъ она посоветовала ему ожидать на лѣстницѣ появленія принцессы Аделаиды. «Хорошенько примѣчайте, — сказалъ маркизу провожатый: — если принцесса будетъ вѣромъ потирать носъ, то, значить, она согласна принять васъ въ зятя». Пейсегуръ сталъ поджидать на лѣстницѣ, и когда появилась принцесса, то онъ замѣтилъ, что она потирала вѣромъ носъ, такъ какъ у нея была эта дурная привычка. Ловкій мошенникъ получилъ съ него деньги, и Пейсегуру вмѣсто свадьбы пришлось заняться преслѣдованіемъ мошенника. Этотъ рассказъ позабавилъ публику, но въ то же время возбудилъ сильное неудовольствіе въ семьѣ маркиза, и онъ пожаловался королю, который потребовалъ къ себѣ Шуазеля. Какъ ловкій человекъ, послѣдній попытался отвратить грозу, и, когда король, рассказывая, смѣялся, онъ извлекъ изъ этого пользу и успокоилъ его. Но затѣмъ приказалъ Сартину отправиться къ г-жѣ Дублѣ и на этотъ разъ не удалиться отъ нея, пока ея не терроризируетъ настолько, что она броситъ заниматься интригами. Сартину удалось исполнить порученіе Шуазеля, потому что весь «Приходъ» уже состарился: г-жѣ Дублѣ въ это время исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ, а Башомону — шестьдесятъ. Поэтому естественно у нихъ уже не хватало ни смѣлости, ни пыла, ни энергіи молодости. Аббатъ Лежандръ тоже умолкъ. Г-жа Аржанталь была все время больна и не являлась въ «Приходъ». Буазевонъ на вопросъ: «что вы подѣлываете?» — неизмѣнно отвѣчалъ: «я собираюсь умирать». Въ газетѣ хронически появлялись некрологи «прихожанъ», а оставшіеся въ живыхъ, видя, что стулья подъ портретами все болѣе пустѣютъ, пришли въ отчаяніе. Утомленные борьбой съ правительствомъ и потерявшіе энергію отъ старости г-жа Дублѣ, Башомонъ и Лежандръ попросили о назначеніи цензуры надъ ихъ газетою, и, несмотря на враждебные имъ доклады министру, они все-таки добились, чтобы имъ назначили цензора. Послѣдній, однако, отказался просматривать ихъ газету, которая выходила теперь одинъ разъ въ недѣлю. Съ этихъ поръ надъ «Приходомъ» разразилось несчастье: въ 1768 г. неудачныя денежныя операціи разорили Башомона; нѣсколько времени спустя, умеръ аббатъ Лежандръ, братъ г-жи Дублѣ, и аббатъ Шовленъ, а въ іюль 1770 г. Сартинъ еще разъ хотѣлъ нанести ударъ «прихожанамъ», приславъ имъ указъ короля о заключеніи въ тюрьму слуги г-жи Дублѣ, въ наказаніе за замѣтку о графинѣ Монако, будто бы приговоренной парламентомъ за развратное поведеніе подъ надзоръ мужа. Но арестъ Жилэ не былъ приведенъ въ исполненіе. Странно было бы наказывать эту богачку, потеряв-

шую весь свой саркастическій ядъ, хотя еще продолжавшую явить правительство и даже составившую слѣдующую молитву къ королю: «Отче нашъ, иже еси въ Версалѣ, да не святится имя твое, да поколеблется царствіе твое, да не исполнится воля твоя ни на землѣ, ни на небѣхъ. Хлѣбъ нашъ насущный, отнятый тобою у насъ, даждь намъ днесь. Остави долги твоему парламенту, который поддерживаетъ интересы наши, какъ мы оставляемъ долги твоимъ министрамъ, которые продали насъ. Не входи болѣе во искупленіе Дю-Барри, но забави насъ отъ лукаваго канцлера». Эта молитва была лебединой пѣсней; въ «Приходѣ» теперь стали вестись серьезные разговоры въ ожиданіи переселенія въ иной міръ. Башомонъ, на двѣнадцать лѣтъ моложе г-жи Дублэ, умеръ равнѣ ея въ апрѣлѣ 1771 г. Уже нѣсколько лѣтъ онъ прикидывался слабоумнымъ отъ старости и, пользуясь этимъ, говорилъ смѣло самыя невозможныя вещи. Его непріятель, Гриммъ, рассказывалъ, что предъ смертью его умъ совершенно былъ омраченъ, и онъ ничего не могъ сказать патеру, явившемуся для напутствованія, кромѣ глупой фразы: «сударь, вы очень добры». Но это не правда; напротивъ, его умъ былъ ясенъ. Не желая нанести удара девяносто-четырёхлѣтней г-жѣ Дублэ, отъ нея скрыли смерть Башомона. Удивленная, что не видитъ его, она спросила о немъ и узнала, что онъ внезапно уѣхалъ по свѣшному дѣлу. Мысль, что онъ отправился, не прощаясь, ее сильно огорчила, и она заболѣла. Старуха оглохла и сохраняла слабые проблески ума, иногда впадая въ полную прострацію. Когда она приходила въ себя, то просила рассказать ей послѣднія свѣжія новости, которыя она передастъ друзьямъ на томъ свѣтѣ. Она согласилась принять причастіе, что съ нею не бывало много лѣтъ. Къ ней привели патера, и онъ своимъ краснорѣчіемъ привелъ ее въ такой восторгъ, что бѣдная г-жа Дублэ, голова которой была уже не въ порядкѣ, захотѣла его поцѣловать. Патеръ немного противился, и, вѣроятно, г-жа Дублэ сдѣлала усилія, чтобы объять его, и вслѣдствіе этой борьбы стерлись съ ея щекъ румяна, которыя она все еще употребляла, надѣясь на возвращеніе Башомона; это привело ее въ такую ярость, что чрезъ нѣсколько минутъ она скончалась. Такимъ образомъ въ теченіе одного года исчезла вся «св. троица». Изъ друзей никого не осталось, кто могъ бы сказать о нихъ доброе слово. Ихъ враги, какъ Гриммъ, напротивъ, написали самую ядовитую, пристрастную, злую и совершенно незаслуженную критику на Башомона, тайныя газеты равнодушно отнесли къ ихъ смерти, а когда умерла г-жа Дублэ, то публика была возмущена, съ какою легкостью отнесся редакторъ къ смерти основательницы газеты. «Приходъ» опустѣлъ, и «прихожане» исчезли. Вуазенонъ впалъ въ немилость и долженъ былъ удалиться въ замокъ предковъ. Тамъ онъ заказалъ себѣ свинцовый гробъ и, показывая на него, говорилъ: «вотъ мой послѣдній скюртукъ», и, обернувшись къ слугѣ, добавлялъ: «надѣюсь, ты не захочешь украситъ этого». Но ему пришлось долго ожидать смерти. Друзья сочинили для него комическую похоронную молитву и расцѣвали ее, а Вольтеръ, который относился къ нему съ особенной нѣжностью, написалъ ему эпитафію. Онъ умеръ въ ноябрѣ 1777 г. 69 лѣтъ. Паронъ умеръ 1773 г. восьмидесяти лѣтъ, почти слѣпой, досадуя, что его непріятель, Вольтеръ, переживетъ его. Затѣмъ послѣдовательно исчезли одинъ за другимъ остальные

«прихожане». Однако «Nouvelles à la main» продолжали существовать, какъ этого хотѣлъ Башомонъ, избравшій своимъ преемникомъ Пидавса де-Маробера, также принадлежавшаго къ сектѣ философовъ—энциклопедистовъ и патриотовъ. Но его редактированіе длилось недолго, и въ 1779 г. онъ скомпрометировалъ себя въ дѣлѣ маркиза Брюнуа и былъ арестованъ по указу парламента. Не имѣя силъ вынести такого позора, онъ перерѣзалъ себѣ артеріи въ банѣ и покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ пистолета. Сама по себѣ *Nouvelles à la main* г-жи Дублэ не произвели бы на насъ большого впечатлѣнія, если бы не служили источникомъ для вышеупомянутаго многотомнаго труда секретныхъ мемуаровъ Башомона. Во время Реставраціи прежнія «Nouvelles à la main» опять воскресли, но уже появлялись открыто и печатныя и очень распространились во времена Луи-Филиппа и Наполеона III. Онѣ мало-по-малу преобразовались въ сатирическіе журналы, какъ «*Corsaire*», «*Figaro*» и «*Charivari*». «*Figaro*», основанное въ 1825 г. Морисомъ Алуа, продержалось недолго, благодаря безчисленнымъ судебнымъ процессамъ. «*Charivari*», издаваемое съ 1832 г. Шарлемъ Филиппомъ, имѣло большой успѣхъ и также множество судебныхъ тяжбъ. Вислѣдствіи это изданіе преобразовалось и обогатилось ри утками.

— Новыя письма Джузеппе Маццини По случаю прошлогдняго столѣтняго юбилея великаго итальянскаго революціонера, Маццини, на-дняхъ выйдеть въ Миланѣ собраніе ¹⁾ его писемъ къ Луиджи Мелегари, написанныхъ имъ во время существованія созданныхъ имъ двухъ тайныхъ обществъ «Молодой Италіи» и «Молодой Европы». Эга интересная въ политическомъ и литературномъ отношеніи книга печатается дочерью Мелегари, Дорой, которая въ 1895 г. уже издала часть этихъ писемъ подъ заглавіемъ: «Интимная переписка Джузеппе Маццини». Общее число этихъ писемъ достигаетъ трехсотъ, и они недавно отысканы совершенно случайно. Оставленные въ Парижѣ однимъ общимъ пріятелемъ, поэтотъ Жюстомъ Оливье, они находились тамъ до 1870 г. Во время осады Парижа Мелегари приказалъ ихъ сжечь, но это распоряженіе, повидному, опоздало, и хотя всѣ были убѣждены, что письма сожжены, они недавно были неожиданно возвращены его дочерью. Эга любопытная переписка бросаетъ необычайный свѣтъ на эпоху итальянскаго *Risorgimento*, именно на то время, когда Маццини и Мелегари жили въ Марсели молодыми изгнанниками и мечтали, будучи членами заговоровъ, о будущей независимости своей родины. Непрестанный народный агитаторъ, не дававшій спокойно спать Меттерниху, обнаруживаетъ въ означенныхъ письмахъ свои постоянныя идеи и чувства. Долго эти молодые итальянцы были искренними друзьями и почти ежедневно переписывались, но въ 1843 г. ихъ дружескія отношенія порвались. Различіе въ политическихъ идеяхъ, а главное въ религіозномъ настроеніи заставило ихъ разстаться: Маццини былъ деистомъ и пантеистомъ, а Мелегари упорнымъ католикомъ; но въ то время, когда длилась ихъ переписка, они были преданными друзьями и дѣйствовали въ одинаковомъ направленіи. Пока еще не вышли означенныя письма, Дора Мелегари извлекаетъ изъ нихъ нѣкоторое

¹⁾ *La Giovine Italia e la Giovine Europa. Lettre inédite dei Giuseppe Mazzini a Luigi Amedeo Melegari. Milano. 1906.*

количество для январскаго нумера французскаго журнала «La Revue». На основаніи этихъ документовъ можно прослѣдить заговоръ карбонаріевъ, нити котораго, исходя изъ Марселя, Женевы и Берна, распространялись по всей Италіи и Европѣ. Итальянскіе изгнанники, удаленные въ 1831—1832 г.г. съ родины кознями Австріи и мелкихъ мѣстныхъ владѣтелей, искали убѣжища во Франціи, гдѣ жили уже изгнанники 1821 года. Джузеппе Маццини, явившись во Францію, соединилъ вокругъ себя всѣхъ изгнанниковъ Марселя и надѣялся вдохнуть въ нихъ новую душу. Оставивъ въ сторонѣ старыхъ карбонаріевъ, онъ организовалъ новое общество изъ молодежи и назвалъ его «Giovine Italia» (Молодая Италія). Подъ тѣмъ же названіемъ онъ основалъ журналъ, подготовлявшій своими восторженными, смѣлыми статьями будущность Италіи. Хотя въ принципѣ Маццини отвергалъ тайный методъ карбонаріевъ, но онъ и его сторонники были обязаны очень осторожно распространять свою пропаганду, потому что во всей Европѣ царилъ реакція и вездѣ угрожала заговорщикамъ большая опасность. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1832 г. глава «Молодой Италіи» обязанъ былъ удалиться изъ Марселя, о чемъ онъ и писалъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ къ Луи Мелегари, который былъ тогда величайшимъ его другомъ. Этотъ Мелегари былъ родомъ изъ Модены и участвовалъ въ революціонныхъ движеніяхъ 1831—1832 г.г. Арестованный и приговоренный къ смерти судомъ, онъ бѣжалъ изъ Италіи въ Швейцарію. Въ 1849 г. король Карлъ-Альбертъ призвалъ его къ занятію катедры конституціоннаго права въ Туринскомъ университетѣ, и съ тѣхъ поръ, сдѣлавшись умѣреннымъ либераломъ, онъ принялъ участіе въ общественной и законодательной жизни новаго Итальянскаго королевства. Постепенно онъ былъ депутатомъ, сенаторомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, а въ 1881 г. умеръ въ Бернѣ, занимая мѣсто итальянскаго посланника при швейцарскомъ правительствѣ. Въ то время, когда въ юности Мелегари жилъ изгнанникомъ въ Марсельѣ, онъ часто видѣлся и переписывался съ Маццини, который, недолго проживъ въ Лионѣ, вскорѣ вернулся въ Марсель и скрывался тамъ подъ различными именами, выходя изъ дома только по вечерамъ въ женскомъ платьѣ. Все это время онъ энергично занимался устройствомъ своихъ заговоровъ, въ чемъ принималъ значительное участіе Мелегари. Молодые люди главнымъ образомъ рассчитывали на помощь Пьемонтской арміи, такъ какъ въ ея рядахъ была сильно распространена «Молодая Италія». Однако, по неосторожности одного артиллериста, заговоръ сталъ извѣстенъ пьемонтскому правительству, и въ Генуѣ были произведены многочисленные аресты. Между прочимъ, былъ арестованъ молодой итальянецъ, Джакомо Рупфини, большой другъ Маццини, и, предчувствуя свою горькую участь, онъ самъ покончилъ съ собою, къ живѣйшему отчаянію главы заговорщиковъ, который въ то время находился по дѣламъ заговора въ Генуѣ. Онъ тогда старательно подготовлялъ Савойскую экспедицію и во главѣ заговорщиковъ хотѣлъ вторгнуться въ Лигурію, а потомъ передать начальство надъ ними Мелегари, самому же возвратиться въ Марсель. Нѣсколько писемъ къ своему другу онъ наполняетъ обсужденіемъ, какія слова выставить на знамени возстанія. Онъ самъ склонялся въ пользу «равенства и гуманности», но друзья предпочитали выставить одно слово: «равенство». Впрочемъ судьбѣ было угодно, чтобы

ни то ни другое знамя не развѣвалось на стѣнахъ Генуи или Александріи. Громадныя усилія Маццини и его юныхъ друзей не увѣнчались успѣхомъ. Экспедицію пришлось отложить до слѣдующаго года, когда, несмотря на сопротивление Маццини, ея начальникомъ былъ назначенъ генераль Раморано, благодаря измѣнѣ котораго Савойская экспедиція окончательно погибла. Но Маццини не унывалъ и продолжалъ попрежнему развивать и распространять заговоры. Онъ даже пытался придать имъ болѣе широкій планъ, основавъ уже не общество «Юной Италіи», а болѣе обширное общество «Юной Европы», въ которое входили и «Юная Польша» и «Юная Германія». Однако, хотя организація этихъ обществъ, а также «Юной Швейцаріи» ему удалась, во въ результатѣ они ни къ чему не привели, хотя Маццини четырнадцать лѣтъ хлопоталъ надъ ихъ созданіемъ. Всѣ эти хлопоты и старанія составляли главный предметъ его писемъ къ Мелегари до 1843 г. Въ это время ихъ переписка прекратилась: различіе ихъ идей и стремленій окончательно опредѣлилось. Мелегари призналъ конституціонную монархію, а Маццини остался вѣрнѣ идеальной республікѣ. «Я рожденъ составлять заговоры, и я заговорщикъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.— Любите родину и еще болѣе свободу, работайте для будущности той и другой, не надѣйтесь ни на что для себя; отрекитесь отъ своего сердца, отъ своихъ страстей и надеждъ, отрекитесь отъ всего, исключая долга и мученичества». Когда единство и свобода Италіи были наконецъ осуществлены, Маццини, какъ и прежде, былъ осужденъ на изгнаніе и если умеръ на родинѣ въ Пизѣ 10 марта 1872 г., то все-таки скрывался подъ чужимъ именемъ, потому что его считали опаснымъ для государства, какъ вѣчнаго революціонера. Освобожденная и соединенная Италія, благодаря его постояннымъ усиліямъ, считала этого великаго патріота-героя общественной опасностью, а онъ писалъ за нѣсколько дней до смерти: «Я, какъ прежде, нахожусь въ изгнаніи, какъ прежде, вѣрю и, какъ прежде, я одинокъ и печаленъ. Изгнаніе преслѣдуетъ меня даже на моей родинѣ. Я встрѣтилъ много сочувствія, но я въ немъ не нуждаюсь; теперь нерѣдкіе изъ моихъ соотечественниковъ любятъ меня, но ихъ любовь не веселитъ меня; другіе меня оскорбляютъ и клеветуютъ на меня, не возмущая меня. Моя жизнь протекаетъ и кипитъ, какъ источникъ въ пусгынѣ. Я могъ жить только любовью и вѣрой; во всѣхъ моихъ привязанностяхъ есть доля горя, и одиночество составляетъ часть всѣхъ моихъ вѣрованій». «Согласно собственнымъ словамъ Маццини,—говоритъ Дора Мелегари, окончивая свою статью,—онъ провелъ всю свою жизнь, какъ мученикъ, продолжая работать для другихъ, которыхъ онъ болѣе не уважалъ и которымъ вовсе не сочувствовалъ. Другіе осуществили то, что онъ задумывалъ и предсказывалъ. Вѣчно всѣми и всѣмъ разочарованный, онъ существовалъ одиноко, удовлетворяясь только работой своей души и ожидая лишь безсмертія, въ которое онъ твердо вѣрилъ».

— Столѣтіе Аустерлицкаго сраженія и смерти Вильяма Питта. Недавно мы говорили въ «Историческомъ Вѣстникѣ» о празднованіи въ Англіи юбилея Нельсона и знаменитой морской битвы при Трафальгарѣ, за котормъ слѣдовала столѣтняя годовщина одной изъ величайшихъ, если не самой величайшей битвы въ исторіи—Аустерлицкой. Теперь скажемъ о наступив-

шесть 23 января нынѣшняго года столѣтіи со дня кончины великаго англійскаго государственнаго дѣятеля, Вильяма Питта, котораго такъ поразила Аустерлицкая побѣда Наполеона, что онъ слегъ въ постель и вскорѣ умеръ. Что касается до Аустерлицкой побѣды, то, очевидно, при республиканскомъ правительствѣ, враждебномъ всему Бонапартистскому, она не могла быть официально отпразднована во Франціи, несмотря на то, что всякій французъ чтитъ этотъ славный подвигъ своего національнаго героя. Но во всѣхъ газетахъ, какого бы онъ ни были направленія, появились статьи по случаю Аустерлицкаго юбилея съ прославленіемъ, какъ самого Наполеона, такъ и его великой арміи. Дѣйствительно, Аустерлицъ былъ величайшей его побѣдой, тѣмъ болѣе, что у него было меньше войска, чѣмъ у австрійцевъ и русскихъ. Пораженіе тѣхъ и другихъ было громадное, и въ честь «Аустерлицкаго солнца» пѣлись самыя пламенные панегирики Наполеону. Онъ самъ, однако, отзывался объ этой битвѣ очень скромно: «Я одержалъ тридцать побѣдъ подобно Аустерлицу, но я никогда не видалъ побѣды столь рѣшительной по своей судьбѣ». При Арколѣ, Риволи и Маренго Наполеонъ имѣлъ моменты сильнаго безпокойства о своемъ успѣхѣ, а Аустерлицъ, напротивъ, съ первой минуты до послѣдней былъ веденъ имъ съ такой удивительной тактикой и съ такой рѣдкой способностью, что онъ ни на минуту не сомнѣвался въ счастливомъ результатѣ этой битвы. Жюмьини, сравнивая Наполеона съ Александромъ, Цезаремъ и Фридрихомъ, говоритъ объ Аустерлицѣ: «Никогда успѣхъ сраженія не былъ такимъ блестящимъ и, смѣю сказать, настолько заслуженнымъ; изъ всѣхъ сраженій, выигранныхъ Наполеономъ, онъ могъ гордиться Аустерлицемъ болѣе всего, потому что онъ никогда не доказывалъ такъ своего таланта, а его враги своихъ недостатковъ». Однимъ изъ слѣдствій этой великой побѣды Наполеона была неожиданная смерть его главнаго врага, Вильяма Питта, сорока семи лѣтъ.

Конечно, въ Англіи столѣтіе этого великаго консерватора было встрѣчено большинствомъ, какъ годовщина популярнѣйшаго англійскаго министра конца XVIII и начала XIX вѣковъ, врага Наполеона и, если не прямого его побѣдителя, то во всякомъ случаѣ героя, положившаго начало его гибели. По странной случайности, этотъ консервативный юбилей пришелся теперь въ самый разгаръ либеральнаго торжества, что однако, не помѣшало появиться цѣлому ряду панегириковъ Питта въ англійскихъ журналахъ и газетахъ. Въ числѣ такихъ статей одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ интересный и талантливый очеркъ: «Столѣтіе Вильяма Питта»¹⁾, Маргариты Коттэръ Морисонъ, въ февральской книжкѣ «Pall-Mall Magazine». Кратко, но краснорѣчиво она излагаетъ славную жизнь этого замѣчательнаго англійскаго дѣятеля. Какъ извѣстно, Вильямъ Паттъ былъ вторымъ сыномъ лорда Чатама, знаменитаго государственнаго человѣка Англіи. Онъ родился 28 мая 1759 г. въ Гейзѣ, въ графствѣ Кентѣ. Наслѣдовавъ отъ отца удивительныя способности, онъ замѣчательно рано развился, но отъ природы былъ такого слабаго сложенія,

¹⁾ The Centenary of William Pitt. By Margaeret Cotter Morison. Pall-Mall Magazine. February. 1906.

что никакъ не могъ выпести школьнаго воспитанія. Съ юности онъ отличался гордостью, надменностью и такимъ положительнымъ, широкимъ умомъ, что его называли: «секретаремъ», «журналистомъ» и «философомъ». По словамъ его матери, лэди Грэнвилль, онъ въ двѣнадцать лѣтъ понималъ и цѣнилъ то, что его сверстникамъ было непонятно. Онъ учился съ необыкновеннымъ рвеніемъ дома и семилѣтнимъ мальчикомъ такъ здраво судилъ о политикѣ, что приводилъ въ восторгъ своего геніальнаго отца. До четырнадцатилѣтняго возраста онъ воспитывался подъ личнымъ наблюденіемъ отца, а затѣмъ былъ помѣщенъ въ Кембриджскій университетъ, но оставался такъ лишь нѣсколько недѣль и долженъ былъ возвратиться домой по причинѣ припадковъ таинственной болѣзни въ родѣ delirium tremens. Полгода онъ пролежалъ больнымъ, и, наконецъ, докторъ разрѣшилъ ему поступить университетъ, подъ условіемъ много ѣздить верхомъ и выпивать значительную дозу портвейна, что онъ исполнялъ всю жизнь. Съ этого времени онъ оставался въ университетѣ около семи лѣтъ, и по тогдашнему обычаю ему безъ экзаменовъ была дана, какъ сыну аристократа, степень бакалавра. Студентомъ онъ былъ чрезвычайно доступенъ всѣмъ, любезенъ и нисколько ни кичился своимъ необыкновенными талантами. «Питтъ былъ самымъ умнымъ человѣкомъ, какого только я зналъ,— говоритъ извѣстный Вильберфорсъ, его товарищъ и другъ,— и особенно было замѣчательно его умѣнье держать подъ контролемъ свой замѣчательный умъ». Когда Питтъ оставилъ университетъ, то его отецъ уже умеръ, и онъ, сдѣлавшись адвокатомъ, поселился въ Линкольнс-Иннъ. Хотя онъ былъ замѣчательно образованнымъ человѣкомъ, но зналъ только французскій языкъ, и то не очень хорошо, а поэтовъ, даже англійскихъ, онъ не любилъ и посвящалъ все свое время чтенію парламентскихъ рѣчей. Однако ему не было суждено посвящать свое время адвокатурѣ, а въ томъ же году, по случаю общихъ парламентскихъ выборовъ, въ немъ загорѣлось страстное желаніе попасть въ палату, но сначала онъ потерпѣлъ пораженіе на выборахъ Кембриджскаго университета, а на слѣдующій годъ былъ назначенъ, благодаря вліянію герцога Рутланда, депутатомъ отъ Аппльби, одного изъ тогдашнихъ «гнилыхъ мѣстечекъ» парламента. Питтъ сразу проложилъ себѣ дорогу въ парламентъ среди величайшихъ ораторовъ того времени: Борка, Фокса и Шеридана. По словамъ перваго, послѣ дѣвственной рѣчи Питта, «онъ оказался не обрубокъ стараго дерева, т.-е., своего отца, лорда Чатама, а собственно этимъ самымъ старымъ деревомъ». Хотя Питтъ занялъ мѣсто въ рядахъ партіи торіевъ, но первое сдѣланное имъ въ палатѣ предложеніе было связано съ избирательной реформой, и хотя его предложеніе было отвергнуто, но оно получило меньшинство голосовъ, хотя значительнѣе всѣхъ, получаемыхъ до 1831 г. по вопросамъ объ избирательной реформѣ. Черезъ два года Питтъ еще двадцати трехъ лѣтъ сдѣлался министромъ финансовъ и провелъ въ парламентѣ новое законодательство объ индійской компаніи, а также коммерческій трактатъ съ Франціей на либеральномъ основаніи. Прошелъ еще одинъ годъ, и въ 1784 г. двадцатичетырелѣтній юноша сталъ, по примѣру отца, первымъ министромъ, въ качествѣ какового онъ оставался въ теченіе семнадцати лѣтъ. Эта эпоха составляетъ самое славное и великое время Питта. Конечно,

онъ теперь окончательно отказался отъ всякихъ либеральныхъ попытокъ и началъ энергично дѣйствовать въ пользу торжества консервативныхъ принциповъ, монархическихъ началъ во всей Европѣ и антия-революціонныхъ стремленій. Для свободомыслящихъ дѣятелей онъ былъ самымъ яркимъ врагомъ, а также торжествующимъ соперникомъ Наполеона, противъ котораго онъ затѣвалъ коалиціи, составлялъ союзы, предпринималъ безконечные походы, одерживалъ морскія побѣды и, наконецъ, не выдержалъ аустерлицкаго погрома, который привелъ его въ такое отчаяніе, что онъ чрезъ два мѣсяца скончался. Вильберфорсъ говорилъ, что Аустерлицъ сдѣлалъ на него самое роковое впечатлѣніе, оразившееся на всемъ его лицѣ. «Съ этой мпнугы и до самой его смерти, по словамъ Вильберфорса, злосчастный Аустерлицкій взглядъ не покидалъ его». Однако Питтъ умеръ преждевременно, и въ концѣ концовъ его гениальная, но коварная и эгоистическая чисто англійская политика восторжествовала надъ всей Европой. Что касается до внутренней политики Питта, то въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ она отличалась либерализмомъ; такъ, онъ стоялъ за свободу торговли и католическаго вѣроисповѣданія. Конечно, онъ не могъ ничего дѣлать въ этомъ отношеніи практическаго, благодаря противодѣйствію короля и парламента. Его вывелъ изъ себя первая оппозиція, и онъ вышелъ въ отставку въ 1801 г. Мѣсто премьера занялъ его другъ Аддингтонъ, который поддерживалъ внѣшнюю политику Питта, что продолжалось, впрочемъ, не очень долго, такъ какъ чрезъ два года Питтъ снова появился во главѣ министерства и умеръ первымъ министромъ, сто лѣтъ тому назадъ. Относительно его частной жизни нельзя не замѣтить, что онъ былъ чрезвычайно расточителенъ и имѣлъ привычку нить безъ удержу портвейнъ, по поводу чего его другъ, Аддингтонъ, сказалъ: «мистеръ Питтъ любитъ стаканчикъ портвейна, но еще болѣе предпочитаетъ бутылку». Въ этомъ отношеніи существуетъ интересный анекдотъ. Однажды Питтъ нанялся пьянымъ на обѣдъ одного пріятеля, и, несмотря на это, поѣхалъ въ парламентъ, рассчитывая, что ему не придется произнести рѣчи. Но оппозиція, увидавъ, въ чемъ дѣло, настояла, чтобы онъ непременно говорилъ. Первый министръ открылъ ротъ, но не могъ пошевелить языкомъ. Скандалъ былъ громадный, и всѣ его враги торжествовали. Въ сущности, въ тѣ времена пьянство государственныхъ людей было обычнымъ фактомъ. Этотъ случай такъ подѣйствовалъ на секретаря палаты, что у него на другой день разболѣлась голова, и самъ Питтъ съ улыбкой сказалъ: «Вотъ и прекрасно: я пью вино, а у секретаря голова болитъ». Что касается до его долговъ, то парламентъ послѣ его смерти взялся уплатить сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— Предсказаніе историкомъ Мишлэ русско-французскаго союза. Габріэль Моно, преданный ученикъ Мишлэ, привялся въ послѣднее время за изданіе посмертныхъ произведеній гениальнаго писателя и теперь выпустилъ въ свѣтъ первый томъ ¹⁾. Оно начинается съ блестящей статьи Моно о Мишлэ и Италіи; въ рядѣ отрывковъ и писемъ обнаруживается любовь

¹⁾ Jules Michelet, étude sur sa vie et ses oeuvres avec des fragments inédits, par Gabriel Monod. Paris. 1906.

этого преданнаго сына Франціи къ Италіи и его привязанность къ ея единству и Risorgimento. Затѣмъ слѣдуютъ отрывки изъ его дневника, относящіеся до чрезвычайно любопытнаго описанія Германіи: въ нихъ встрѣчаются интересныя картинки Тюбингена, Мюнхена, Нюремберга и Ратисбонна. Кромѣ этихъ вѣдннхъ описаній, помѣщены внутреннія характеристики его домашней жизни съ первой женой и второй. Первый бракъ Мишлэ былъ самымъ страннымъ и далеко не счастливымъ: Поллина Наваль была бѣдной компаньонкой, лѣтъ на восемь старше его, некрасивой и не отличавшейся умомъ. Мишлэ сначала шесть лѣтъ жилъ съ ней въ близкихъ отношеніяхъ, а потомъ женился. Онъ требовалъ отъ жены одного, чтобы она ему не мѣшала работать и писать: она даже не занималась хозяйствомъ, которое все было на рукахъ его отца. Несчастливая женщина спилась, и въ 1839 г. умерла отъ чахотки. Тогда только Мишлэ понялъ, что онъ виноватъ во всемъ. «Смерть моей жены тяжело подѣйствовала на меня, — писалъ онъ, — я могъ замѣнить это бѣдное существо, если бы я принялся за дѣло, какъ слѣдуетъ. Я не соединилъ ея съ моей душой и не сдѣлалъ того, чтобы она была счастлива, поэтому я виновенъ, Боже мой, въ тяжеломъ преступленіи. Я былъ съ нею сухъ и неприступенъ; я предоставилъ ее себѣ, и она стала одинокой, заброшенной. Однако, все же она была предана мнѣ. Теперь мое сердце полно угрызений совѣсти и сожалѣнія». Послѣ смерти первой жены, Мишлэ предался всецѣло исторіи, и только чрезъ десять лѣтъ, уже въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ женился на второй женѣ, дѣвицѣ Міаларе. Въ первые шесть мѣсяцевъ, несмотря на сильную любовь, соединившую ихъ, вторая жена отомстила ему за все пренебреженіе, выказанное первой: она обязала мужа вести чисто аскетическую жизнь, и лишь послѣ этого періода попытатія допустила его до счастливой семейной жизни, которую они потомъ вели до самой смерти. Она была всегда примѣрной женой, и послѣ его смерти преданно заботилась объ изданіи его посмертныхъ сочиненій. Одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ въ книгѣ Моно — роковые 1870—1871 г.г., проведенные Мишлэ, большею частью, за границей, такъ какъ, предвидя осаду Парижа, онъ выѣхалъ изъ него 2 сентября и провелъ все остальное время до паденія коммуны въ Швейцаріи и Италіи. Политическія обстоятельства такъ сильно подѣйствовали на него, что у него постоянно были лихорадочныя припадки и даже нѣчто въ родѣ легкаго паралича. Это не мѣшало ему, однако, писать въ это время двѣ книги: «Франція предъ Европой» и первый томъ его знаменитой «Исторіи XIX вѣка». Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ жилъ въ Ницѣ, и 1 марта онъ записалъ въ свой дневникъ: «У меня была утромъ лихорадка, а къ завтраку пришелъ сынъ Герцена и принесъ отъ отца письма, извѣщавшія, что Россія дѣлаетъ большія приготовленія противъ Германіи. Его посѣщеніе меня нѣсколько ободрило. Пришествіе двухъ славянскихъ народовъ, Россіи и Польшы, противъ Германіи, а также англо-французскій союзъ составлять будущность Европы». 4 марта онъ прибавлялъ: «У меня снова лихорадка. Вскорѣ начнется борьба Германіи съ кельто-славянскимъ міромъ». Эти взгляды Мишлэ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ всегда былъ другомъ Германіи, восторгался ею и, напротивъ, питалъ постоянную неприязнь и даже ненависть къ Англии и Россіи. Тѣ же мысли онъ еще яснѣе высказалъ, когда опра-

вился отъ апоплектического удара. «Я сказалъ сегодня женѣ,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — что видѣлъ ночью во снѣ, откуда придетъ спасеніе Франціи. Это совершенно противоположно тому, что я предвидѣлъ до сихъ поръ. Спасеніе придетъ отъ союза съ Россіей. Я видѣлъ во снѣ длинную процессію рабовъ Европы, представителей всѣхъ народовъ Востока, во главѣ съ Россіей и Богеміей. Они взывали о помощи къ Западу»... Черезъ нѣсколько дней, когда рука Мишлэ держала тверже перо, онъ подробнѣе объяснилъ въ своемъ дневникѣ этотъ сонъ: «Эти народы бросали на меня взглядъ, ясно говорившій: «Какъ намъ возродиться?» Я имъ отвѣчалъ: «Слѣдуйте своимъ отцамъ, но не подражайте намъ». Я говорилъ это славянамъ, до сихъ поръ несправедливо исключеннымъ изъ движенія, русскимъ, бывшимъ во главѣ славянъ, и всѣмъ среди нихъ самымъ оживленнымъ и способнымъ, по словамъ Герцена и Мицкевича. Посредниками между ними можно назвать евреевъ. Всѣ славяне добры, мягки и рождены коммунистами. Они анти-нѣмцы, потому что анти-формалисты, и отличаются такимъ же быстрымъ умомъ, какъ французы. Они уважаютъ своихъ старшихъ братьевъ Запада и сочувствуютъ младшимъ братьямъ Востока, благодаря чему можетъ возникнуть великій союзъ восточнаго и западнаго міровъ».

— Смерть г-жи Донъ. 4 января настоящаго года скончалась въ Парижѣ сестра жены Тьера, г-жа Донъ, которая большую часть своей жизни провела въ близкой дружбѣ съ знаменитымъ французскимъ государственнымъ чело­вѣкомъ. Въ этомъ отношеніи Тьеръ совершенно походилъ на короля Луи-Филиппа: у нихъ обоихъ было по эгерин, у пераго—г-жа Донъ, у второго—сестра, принцесса Аделаида. Особенно въ послѣдніе годы своей жизни Тьеръ не могъ обходиться безъ благоразумнаго содѣйствія г-жи Донъ и во всемъ слушался ея, хотя никогда не спрашивалъ ея совѣтовъ. Съ своей стороны, она питала къ нему почти религиозный культъ и старалась успокоить среди политическаго волненія «освободителя территоріи», какъ называлъ его Гамбетта. Послѣ неожиданной смерти Тьера она посвятила остальные годы оказанію чести его памяти. Въ 1901 г. она принесла въ даръ марсельской академіи домъ, въ которомъ родился знаменитый государственный чело­вѣкъ, историкъ и литераторъ, а за десять лѣтъ предъ тѣмъ пожертвовала городу Парижу большой домъ въ Елсейскихъ Поляхъ для учрежденія въ память Тьера общежитія бѣдныхъ студентовъ. Потомъ она подарила Луврскому музею принадлежавшіе ей четыреста предметовъ изящныхъ искусствъ, нѣкогда составлявшихъ собственность Тьера. Наконецъ, недавно она поднесла французской академіи домъ на площади Сентъ-Жоржъ, въ которомъ бывший президентъ жилъ большую часть своей жизни; послѣ уничтоженія этого жилища коммуной оно было восстановлено на счетъ республики. Скончалась г-жа Донъ въ глубокой старости, именно восьмидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. По случаю ея похоронъ Эрнестъ Додэ, близко знавшій г-жу Донъ, написалъ въ «Figaro» 24 января блестящій ея панегирикъ, подъ заглавіемъ: «A propos d'une mort d'hier». По его словамъ, за Тьеромъ одинаково ухаживали жена и ея сестра, но съ тѣмъ различіемъ, что первая занималась хозяйствомъ и вещами матеріальными, а вторая пеклась о его умственныхъ и нравственныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ, увѣряетъ

Додэ, жена Тьера была Марсией св. писанія, а г-жа Донъ—Маріей. «Однажды, во время президентства Тьера. — говоритъ Додэ,— я былъ свидѣтелемъ, какъ г-жа Донъ, вмѣстѣ съ барономъ Барантомъ, тогда депутатомъ, съ восторгомъ разсматривала президентскій портретъ, написанный г-жею Нелли Жакмаръ. По ея замѣчаніямъ, я могъ судить, какъ она обожала подлинникъ, и когда г-жа Донъ удалась, то я замѣтилъ Баранту объ ея поклоненіи зятю. «Да,— отвѣчалъ Баравтъ,— я не знаю ничего трогательнѣе того культа, который она къ нему питаетъ; это напоминаетъ мнѣ преданность принцессы Аделаиды къ своему брату Луи-Филиппу. Но на этомъ сходство прекращается, такъ какъ король никогда ни на что не рѣшался, не посоветовавшись предварительно съ сестрой, а Тьеръ никогда ни съ кѣмъ не совѣтуется, а тѣмъ болѣе съ г-жей Донъ, хотя она очень здравомыслящая женщина». Еще стоить упомянуть о г-жѣ Донъ, что она была замѣчательно скромной женщиной и никогда не хотѣла, чтобы писали съ нея портретъ, несмотря на всѣ просьбы сестры и зятя. Послѣ этой замѣчательной женщины остался только одинъ фотографическій портретъ.

— Памятники, воздвигнутые въ Европѣ въ концѣ прошлаго года и началѣ нынѣшняго. Франція по всей справедливости отдала честь своимъ двумъ достойнымъ сынамъ, не имѣвшимъ до сихъ поръ бюста или статуи — провинціальному романисту и памфлетисту Клоду Тилье, а также знаменитому герою французской революціи, публицисту и поэту, Камиллу Демулану. Хотя Клодъ Тилье до сихъ поръ мало извѣстенъ, и его сочиненія читаются немногими, но его личность достойна національнаго прославленія. Онъ родился въ городѣ Кламеши въ 1801 г. и былъ сыномъ простаго слесаря. Благодаря необыкновеннымъ успѣхамъ въ школѣ, онъ окончилъ курсъ наукъ въ Буржскомъ лицей и посвятилъ себя педагогич. Пробывъ нѣсколько лѣтъ учителемъ въ провинціи, онъ перебрался въ Парижъ, гдѣ получилъ мѣсто наставника въ пансіонѣ. Здѣсь его жизнь была самая ужасная, и, наконецъ, уволенный оттуда, онъ сдѣлался солдатомъ. Въ 1828 г. Тилье вышелъ въ отставку унтеръ-офицеромъ, совершивъ походъ въ Испанію и наживъ чахотку. Онъ снова поступилъ учителемъ въ школу своего родного города, но этого было недостаточно для его пропитанія, и онъ сталъ сотрудничать въ газетѣ «Indépendant», а съ 1840 г. онъ началъ издавать въ городѣ Неверѣ свои знаменитые памфлеты. Въ этомъ провинціальному городкѣ Тилье, отягченный семьей и болѣзью, прожилъ до самой своей смерти, постигшей его на 43 году. Кромѣ памфлетовъ, отличавшихся блестящимъ юморомъ и сатирическими взглядами на общественные вопросы, онъ написалъ нѣсколько романовъ, въ которыхъ одинъ: «Mon oncle Benjamin», многими современными французскими критиками, между прочимъ, Люсьеномъ Декавомъ, считается въ своемъ родѣ совершенствомъ. Это произведеніе дышитъ неподдѣльнымъ юморомъ и народнымъ здравымъ смысломъ; имъ восхищаются не только многіе французы, но даже нѣмцы, у которыхъ появилось нѣсколько переводовъ «Mon oncle Benjamin». Несмотря на всѣ достоинства этого поистинѣ замѣчательнаго народнаго писателя, онъ только въ концѣ прошлаго года заслужилъ бюста въ своемъ родномъ городѣ. На открытіи его памятника присутствовали министръ народнаго просвѣщенія, Бьенвеню-Мартэнъ, и всѣ мѣстные литераторы.

Сооружение статуи революционному герою, Камиллу Демулану, составляет вполне справедливое возмещение больше чѣмъ столѣтней забывчивости легкомысленныхъ французовъ, не засвидѣтельствовавшихъ достойнымъ образомъ своей благодарности одному изъ первыхъ дѣятелей французской революціи, если не первому. Въ воскресенье, 12 июля 1789 г., въ саду Палэ-Рояля собралась толпа, ожидая новостей объ отставкѣ либеральнаго министра Неккера, уволеннаго Людовикомъ XVI. Одинъ молодой человѣкъ, никому не вѣдомый, вскочилъ на стулъ и воскликнулъ: «Граждане, отставка Неккера забила въ набатъ къ новой Вароламеевской ночи патриотовъ! Къ оружію! Но, чтобы узвать другъ друга, возьмемъ всѣ одинаковую кокарду». По знаку молодого человѣка тысячная толпа воткнула въ свои шляпы кокарды изъ зеленыхъ листьевъ липовыхъ деревьевъ. Черезъ два дня была взята Бастилія и началась революція. Невѣдомый ораторъ былъ Камилломъ Демуланомъ, и только недавно по подпискѣ, устроенной публицистомъ Марэ, ему поставлена художественной работы статуя на томъ самомъ мѣстѣ Палэ-Рояля, гдѣ онъ произнесъ свою знаменитую, зажигательную рѣчь, побудившую къ взятію Бастиліи. Камиллъ Демуланъ, юный парижскій адвокатъ, товарищъ Робеспьера, секретарь Мирабо и другъ Дантона, не былъ одной изъ великихъ фигуръ революціи, но его нельзя не признать одной изъ самыхъ обворожительныхъ личностей того времени. Онъ совершенно посвятилъ революціи свои способности поэта и публициста. Неумолимо онъ писалъ въ революціонныхъ газетахъ и говорилъ рѣчи въ клубахъ. Выбранный въ ковчежъ депутатомъ отъ Парижа, онъ присоединился къ партіи якобинцевъ и въ 1793 г. издавалъ газету «Le vieux cordelier», которую сначала поддерживалъ Робеспьеръ, но потомъ за пламенную защиту Дантона онъ разошелся съ своимъ старымъ товарищемъ и побудилъ комитетъ общественной безопасности казнить Демулана 5 апрѣля 1794 г. на тридцать третьемъ году его жизни. Демуланъ былъ замѣчательнъ еще своей любовью къ Люсилъ Дюплесси, на которой онъ и женился. Она также пламенно любила своего мужа, и, когда его арестовали, она написала полное негодованія письмо Робеспьеру, который предалъ ее суду и казни. Такимъ образомъ, поэтичный Демуланъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ героической и романтической личностью, а потому его восторженная фигура вполне достойна красоваться въ саду Палэ-Рояля.

Какъ французская республика официально почтила одного изъ героевъ революціи прекрасной статуей, такъ милитарная Германія совершенно кстати воздвигла въ Берлинѣ грандіозную мраморную статую «величайшему генералу императора Вильгельма I», какъ Вильгельмъ II называетъ Мольтке. Императоръ и выдающійся изъ генераловъ, конечно, произнесли торжественныя рѣчи, въ которыхъ превозносили до небесъ «великаго молчалиника» и даже сравнивали его съ Наполеономъ. Всѣмъ извѣстна жизнь Мольтке, состоявшая изъ трехъ войнъ, успешно имъ веденныхъ на старости лѣтъ: датской, австрійской и французской. Затѣмъ онъ опочилъ на лаврахъ и умеръ 91 года въ томъ самомъ Берлинѣ, въ которомъ теперь воздвигли ему памятникъ.

Совершенно иной личностью былъ «великій старикъ» или «народный Вилльямъ», какъ всѣ называли въ Англіи Вилльяма Гладстона, въ честь ко-

того въ ноябрѣ мѣсяцѣ была воздвигнута колоссальная статуя въ Лондонѣ. Церемоніей ея открытія распоряжался лордъ Пиль, а торжественную рѣчь произнесъ вѣстный англійскій писатель и государственный человѣкъ, Джонъ Морлей. Это всенародное прославленіе великаго національнаго дѣятеля, какъ нельзя болѣе кстати, пришлось къ теперешнему времени необыкновенной либеральной побѣды въ Англии. Никакого вѣтъ сомнѣнія, что слава Гладстона еще сохранилась неувыдаемой, и его незабвенныя заслуги служатъ основой настоящаго либеральнаго торжества. Замѣчательный, какъ въ литературѣ и въ общественныхъ наукахъ, такъ и въ политикѣ, онъ съ энтузіазмомъ предавался всѣмъ благороднымъ вопросамъ, и останется навѣки однимъ изъ самыхъ достойныхъ служителей свободы въ XIX вѣкѣ. Восемьдесятъ девять лѣтъ онъ прожилъ на свѣтѣ и представилъ замѣчательную политическую карьеру человѣка, который началъ свою жизнь съ рядовъ консерваторовъ, а провелъ старость во главѣ самыхъ передовыхъ либераловъ. Много онъ имѣлъ въ жизни разочарованій и умеръ въ эпоху кажущагося торжества консерваторовъ, но теперь наконецъ наступило славное время посмертной побѣды Гладстона надъ всѣми своими врагами и противниками. Для Англии наступилъ періодъ великихъ реформъ, начиная съ рабочей, которую предсказываетъ неожиданный успѣхъ рабочей партіи на теперешнихъ выборахъ.

27 января нынѣшняго года минуло полтора ста лѣтъ со дня рожденія въ Зальцбургѣ великаго музыканта Вольфганга Моцарта, и въ австрійской столицѣ, Вѣнѣ, поставили ему торжественный памятникъ. Онъ состоитъ изъ большого фонтана, надъ которымъ возвышаются двѣ статуи: мальчика, играющаго на флейтѣ, и молодой дѣвушки, обнимающей его, — безъ сомнѣнія, это изображенія Тамино и Памины изъ оперы Моцарта «Волшебная флейта». Вѣроятно, Вѣна хотѣла, хотя немного, загладить свою великую вину предъ несравненнымъ артистомъ, который въ послѣдніе годы своей жизни съ трудомъ зарабатывалъ кусокъ хлѣба себѣ и своей женѣ, Констанціи Веберъ. Онъ давалъ уроки и концерты, сочинялъ безсмертныя оперы, но жилъ въ нищетѣ, хотя Гайднъ и говорилъ о немъ: «это — величайшій геній нашего времени». Вездѣ его чтили и прославляли, вездѣ его «Донъ-Жуанъ» и «Свадьба Фигаро» пользовались громаднымъ успѣхомъ; только въ Вѣнѣ его произведенія не имѣли успѣха, и онъ все-таки не рѣшался покинуть этого города, гдѣ императоръ назначилъ его своимъ придворнымъ композиторомъ за какіе то несчастные тысячу флориновъ. Наконецъ онъ поставилъ на вѣнской сценѣ свою «Волшебную флейту», которая имѣла успѣхъ, но было уже поздно. Побѣжденный судьбой и физически изнуренный, онъ умеръ отъ чахотки 5 декабря 1791 г. сорока пяти лѣтъ, написавъ 626 музыкальныхъ произведеній и держа въ своихъ оконченѣлыхъ рукахъ партитуру «Requiem». Умеръ онъ въ такой нищетѣ, что, къ вѣчному позору императора и Вѣны, онъ былъ похороненъ въ общей могилѣ, а потому останки Моцарта до сихъ поръ невѣдомо гдѣ находятся. Потомство отомстило за оскорбленный геній и поставило Моцарту безконечное количество памятниковъ, послѣднимъ изъ которыхъ служить вѣнскій фонтанъ.

С М Ъ С Ъ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ императорской академіи наукъ. Въ большомъ конференцъ-залѣ академіи 29 декабря 1905 г. состоялось въ 1 часъ дня въ присутствіи августѣйшаго президента академіи, великаго князя Константина Константиновича, вице-президента П. В. Никитина, непрѣннаго секретаря С. А. Ольденбурга, академикова, министра народнаго просвѣщенія и публики годовое торжественное засѣданіе, посвященное отчетамъ о дѣятельности академіи. Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ начался воспоминаніями о почившихъ за годъ. Были помянуты великій князь Сергій Александровичъ, членъ-корреспондентъ П. М. Сѣменовъ, ботаникъ-физиологъ П. Б. Баранецкій и иностранные ученые: А. фонъ-Келликеръ, Я. Каро, Ю. Оппертъ, І. Уссингъ, Г. Узнеръ и Ф. Шпигель. На академію комитетомъ министровъ было предположено возложить обязанность давать заключенія о книгахъ, представляемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для запрещенія. Но она не сочла возможнымъ принять на себя эти обязанности и въ обширной запискѣ выразила слѣдующее мнѣніе о свободѣ печати: «Ученая коллегія не за всякою научнаго содержанія книгою признаетъ интересъ или научное значеніе, но за каждую такую книгою, равно за каждымъ научнымъ положеніемъ, содержащимся въ ней, необходимо должно быть признано право на существованіе съ точки зрѣнія всякой ученой коллегіи. Уничтоженіе книги — это такого рода насиліе надъ проявленіемъ человѣческой мысли, которое, съ точки зрѣнія научной, т.-е. съ той единственной точки зрѣнія, которая существуетъ по отношенію къ книгѣ для научной коллегіи, не можетъ быть оправдано». Одновременно съ этимъ вопросомъ академія высказалась и по другому вопросу: объ отмѣнѣ стѣсненій малорускаго печатнаго слова. Она въ своей запискѣ, препровожденной въ комитетъ министровъ, высказалась въ томъ

смыслъ, что малорусское населеніе должно имѣть такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ языкѣ. Какъ и въ прежнее время, дѣятельность членовъ академіи и всѣхъ ея научныхъ работниковъ сосредоточивалась главнымъ образомъ въ многочисленныхъ академическихкихъ и приакадемическихкихъ учрежденіяхъ и комиссіяхъ. Въ бібліотеку, несмотря на крайнюю скудость ея средствъ, поступило 10.150 новыхъ изданій и около 3.000 томовъ продолженій. Въ этомъ числѣ есть цѣнныя пожертвованія. Физическій кабинетъ обогатился новыми приборами; въ геологическомъ и ботаническомъ музеяхъ шла обычная работа; зоологическій и азіатскій музеи пополнились пожертвованіями и покупками; музей антропология посѣтило 9.443 лица. Николаевская главная физическая обсерваторія была озабочена снаряженіемъ экспедиціи для наблюденія въ Испаніи полнаго солнечнаго затмевія 17 августа и обзавелась собственнымъ научнымъ органомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Она попрежнему завѣдывала всею метеорологическою сѣтью Россіи и обсерваторіями, число которыхъ возросло до 2.696; Севастопольская биологическая станція улучшила оборудованіе своихъ акваріумовъ; академиками произведены длинный рядъ научныхъ работъ. Событія на Дальнемъ Востокѣ, а также безпорядки въ разныхъ частяхъ Россіи не могли не отразиться на дѣятельности сѣти метеорологическихъ станцій II разряда, не обезпеченной постоянными и достаточными средствами на ея содержаніе. Сильно пострадала наша сѣть на восточныхъ окраинахъ Россіи, гдѣ необходимо будетъ возсоздать ее заново; но верѣдки были также случаи прекращенія наблюденій вслѣдствіе разрушенія станцій при безпорядкахъ въ той или иной мѣстности или же вслѣдствіе призыва наблюдателя на военную службу. Въ отчетномъ году была ассигнована управленіемъ Китайской Восточной желѣзной дороги въкоторая сумма на обработку и изданіе наблюденій, производившихся въ Маньчжуріи. При обсерваторіи работаетъ комиссія при участіи представителей отъ министерства путей сообщенія по вопросу объ организаціи наблюденій надъ интенсивностью атмосферныхъ осадковъ. Производятся также спеціальныя наблюденія надъ ливнями и плотностью снѣгового покрова, и усердно работаетъ комиссія по развитію метеорологическаго дѣла на Черноморскомъ побережьи, а равно и разрабатывается вопросъ о выработкѣ лучшихъ способовъ извѣщенія жителей Петербурга о наводненіяхъ и о разсылкѣ предупрежденій о метеляхъ. Постоянная водомѣрная комиссія выработала инструкцію для производства наблюденій надъ колебаніями уровня морей и озеръ. Организовались также работы комиссія для снаряженія русской полярной экспедиціи; учреждено русское отдѣленіе международнаго союза по изслѣдованіямъ солнца; въ составъ его вошли русскіе ученые и академики. Комиссія по разработкѣ мѣръ къ регистраціи произведеній печати и правильной доставкѣ ихъ въ бібліотеки выработала «Проектъ организаціи комитета для регистраціи выходящихъ въ Россіи произведеній печати». Вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Пушкина рѣшенъ спеціальной комиссіей слѣдующимъ образомъ: окончательно установлено мѣсто, гдѣ долженъ находиться памятникъ поэту. Единственнымъ, безусловно подходящимъ мѣстомъ признанъ уголь Каменноостровскаго проспекта и набережной Петра Великаго. Постановлено черезъ городского голову сообщ-

шить объ этомъ городской думѣ и просить объ отводѣ соотвѣтствующаго участка земли. вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено поставить въ связь съ памятникомъ зданіе декоративнаго характера, въ которомъ могъ бы помѣститься Пушкинскій музей, библиотека и другія научно-литературныя учрежденія, относящіяся къ пушкинскому и послѣ пушкинскому періоду русской литературы. Суммы, собранныя по настоящее время на памятникъ по подпискѣ (112.691 р.), положено употребить исключительно на памятникъ. Непремѣннымъ секретаремъ С. Ѳ. Ольденбургомъ былъ прочитанъ отчетъ о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучший малорусскій словарь. На соисканіе премія было представлено три работы, рассмотрѣнныя особой комиссіей подъ предѣлательствомъ непремѣннаго секретаря, при участіи академиковъ и малоросса А. І. Ляценка. Первая премія не была присуждена; второй же, въ видѣ процентовъ съ капитала въ 4.000 рублей за время съ 1891 г. по 1900 г., былъ удостоенъ словарь, поступившій отъ редакціи журнала «Кіевская Старина», состоящій изъ двухъ томовъ, озаглавленныхъ: «Словарь украинскаго языка, собранный редакціей журнала «Кіевская Старина». Редактировалъ съ добавленіемъ собственныхъ матеріаловъ Б. Д. Гринченко» и «Матеріалы для словаря письменной и книжной южно-русской рѣчи XV—XVIII в.в.—Е. Тимченка». Отзывъ объ этихъ работахъ представилъ академикъ А. А. Шахматовъ. Кромѣ этой преміи, были присуждены въ текущемъ году еще и слѣдующія: I. Премія почетнаго члена академіи генерала отъ инфантеріи Ѳ. Я. Шуберта за выдающіяся сочиненія по теоретической астрономіи—астроному Хиллю (G. W. Hill) за его выдающіеся труды въ области небесной механики. II. Меньшая премія графа Уварова за сочиненія по исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ—профессору Н. П. Фирсову за его сочиненіе: «Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II» (Казань, 1902). III. Двѣ неполныя преміи митрополита Макарія за самостоятельныя труды по всѣмъ отраслямъ знанія — профессору Э. Е. Лейбсу за трудъ его «О географическомъ распредѣленіи нормальнаго и аномальнаго геомагнетизма» (Москва, 1899 г.) и приватъ-доценту императорскаго С.-Петербургскаго университета Н. А. Булгакову за рядъ работъ по математической теоріи электричества и магнетизма, при чемъ, за неимѣніемъ болѣе премій, по тому же конкурсу были присуждены почетные отзывы слѣдующимъ авторамъ: 1) Инженеръ-технологу А. І. Разуваеву за «Исслѣдованія сопротивленія волокнистыхъ веществъ» (Москва, 1904 г.), 2) Н. П. Адамову за работу: «Факторы плодородія русскаго чернозема. Часть первая. Климатъ и физическія свойства» (Сиб., 1904 г.), 3) С. Н. Алфераки за трудъ: «Гуси Россіи» (Москва, 1904 г.). Остались неприсужденными преміи: П. Н. Юшенова, гр. Д. А. Толстого, фрейлины М. С. Мухановой, врача Іаканова и супруги его Ольги Надеждинскихъ, академиковъ Ѳ. Ѳ. Брандта и В. Я. Бунаковского, и за ученое жизнеописаніе Ломоносова. Кромѣ того, въ истекшемъ году академія получила отъ редактора журнала «Историческій Вѣстникъ» ген.-м. С. Н. Шубинскаго капиталъ въ 3.000 рублей для учрежденія преміи его имени, которая должна присуждаться черезъ каждыя четыре года, начиная съ 1905 г., за лучшее сочиненіе по русской исторіи, преимущественно XVIII вѣка, появившееся въ означенные че-

тыре года, невзирая на то, будетъ или не будетъ оно представлено на сопскаіе преміи. Во владѣніи академіи поступилъ капиталъ въ 193.900 рублей, завѣщанный тайн. сов. М. Н. Ахматовымъ, на преміи его имени за оригинальныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ научныхъ знаній и изящной литературы, писанныя русскими и на русскомъ языкѣ, и, наконецъ, утверждены правила о преміяхъ имени Н. В. Гоголя. По прочтеніи отчета по отдѣленію русскаго языка и словесности были провозглашены имена слѣдующихъ лицъ, избранныхъ академіей: 1) въ дѣйствительные члены: Дьяконовъ, М. А.—адъюнктомъ по исторіи и древностямъ русскимъ; 2) въ члены-корреспонденты: Павловъ, А. П., профессоръ императорскаго Московскаго университета; Соколовъ, Н. А., старшій геологъ геологическаго комитета, докторъ геологій; Палладинъ, В. П., профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета; Гольджи, Камилль (Camillo Geldgi), профессоръ университета въ Павіи; Герпигъ, Эвальдъ (Ewald Hering), профессоръ университета въ Лейпцигѣ; Гертвигъ, Рихардъ (Richard Hertwig), профессоръ университета въ Мюнхенѣ; Шаудиннъ, Фридрихъ (Friedrich Schaudinn), профессоръ университета въ Берлинѣ; Сумцовъ, Н. Ѡ., ординарный профессоръ императорскаго Харьковскаго университета; Корсаковъ, Д. А., заслуженный ординарный профессоръ императорскаго Казанскаго университета; Пишель, Рихардъ (Richard Pischel), членъ Берлинской академіи наукъ и профессоръ Берлинскаго университета.

Отъ императорской академіи наукъ. Императорская академія наукъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ текущемъ 1906 г.: 1) Въ академіи состоятся конкурсы по нижеслѣдующимъ преміямъ: 1) С. Н. Батюшковой за историческое описаніе административной дѣятельности графа М. Н. Муравьева по званію генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края. Срокъ представленія трудовъ 1 октября, срокъ присужденія 29 декабря 1906 г. 2) Академика К. М. Вѣра за труды по анатоміи, гистологіи, эмбриологіи и физиологіи чловѣка, животныхъ и растений, систематической зоологіи и ботаникѣ, палеонтологіи (съ биологической точки зрѣнія). Срокъ представленія трудовъ 1 мая, срокъ присужденія 29 декабря 1906 г. 3) Имени Н. В. Гоголя за труды, посвященные исторіи Южной Россіи, этнографіи малорусскаго племени и археологіи Полтавской губерніи. Срокъ представленія трудовъ 21 февраля, срокъ присужденія 29 декабря 1906 г. 4) Профессора С. А. Иванова за труды по химіи. Срокъ представленія трудовъ 1 марта, срокъ присужденія 29 декабря 1906 г. 5) Ломоносовская за ученые изслѣдованія и открытія, сдѣланныя въ Россіи въ области физики, химіи и минералогіи. Срокъ представленія трудовъ 1 іюня, срокъ присужденія 29 декабря 1906 г. 6) М. И. Михельсона за печатные и рукописные труды по задачамъ, объявленнымъ въ началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія по разработкѣ лектическаго состава древняго и современнаго русскаго языка. Срокъ представленія трудовъ 1 марта, срокъ присужденія 16 декабря 1906 г. 7) Графа Д. А. Толстого за сочиненія по русской и славянской филологіи и исторіи языка и словесности русскаго и другихъ славянскихъ народовъ. Срокъ представленія трудовъ 1 мая, срокъ присужденія 29 декабря 1906 г. 8) К. Д. Ушинскаго за оригинальныя печатныя и рукописныя изслѣдованія на русскомъ языкѣ, имѣющія предметомъ разработку антропо-

логічних знаній въ ихъ примѣненіи къ воспитанію чловѣка. Срокъ представленія трудовъ 1 февраля, срокъ присужденія 29 декабря 1906 г. II. Истекають сроки представленія работъ на конкурсы 1907 г. по нижеслѣдующимъ преміямъ: 1) Митрополита Макарія за самостоятельные труды въ области русскаго языка и словесности и славяно-русской филологіи вообще. Срокъ представленія трудовъ 19 сентября с. г.; срокъ присужденія 19 сентября 1907 г. 2) А. С. Пушкина за ученныя сочиненія по исторіи народной словесности и народнаго языка, за произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ и за обстоятельные критическіе разборы выдающихся произведеній русской изящной словесности. Срокъ представленія трудовъ 29 января с. г.; срокъ присужденія 19 октября 1907 г. 3) Графа Уварова за сочиненія на русскомъ языкѣ, относящіяся къ политической исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ, а также къ исторіи церкви, законодательства, древностей, языка, словесности и художествъ въ этихъ странахъ. Срокъ представленія трудовъ 25 сентября с. г.; срокъ присужденія 25 сентября 1907 г.

Подробныя правила о конкурсахъ на указанныя преміи можно получать въ канцеляріи конференціи императорской академіи наукъ.

Общество любителей древней письменности. 16 декабря 1905 г. состоялось общее собраніе. Въ началѣ засѣданія председательствовавшій Н. П. Кондаковъ предложилъ присутствовавшимъ почтить вставаніемъ память скончавшихся членовъ общества: Г. А. Эзова, графа Гр. А. Милорадовича и П. А. Гильдебрандта. Затѣмъ Ст. В. Смоленскій сдѣлалъ сообщеніе о «старо-болгарскомъ церковномъ пѣніи, собранномъ по русскимъ нотнымъ рукописямъ XVII—XVIII в.в. Ан. Николовымъ», командированнымъ въ 1901 г. болгарскимъ синодомъ въ московское синодальное училище, гдѣ и былъ ученикомъ референта по классу церковнаго пѣнія. Цѣль труда—возстановленіе старо-болгарскаго церковнаго пѣнія и замѣна имъ пѣнія греческаго, давно насильно введеннаго въ Болгаріи фанариотскимъ духовенствомъ, которое къ тому же приложило все стараніе къ истребленію всѣхъ старо-болгарскихъ пѣвческихъ рукописей. Въ виду обозначившагося, 15 лѣтъ назадъ, находженія въ русскихъ рукописяхъ XVII—XVIII в.в. почти полнаго круга старо-болгарскаго церковнаго пѣнія, трудъ А. Николова представляетъ собою научный и практическій сводъ разночтеній, происходившихъ отъ разности до и послѣ никоновскихъ текстовъ, и систематизацію всѣхъ найденныхъ напѣвовъ. Важность труда для русской музыкальной науки заключается въ томъ, что напѣвы, считавшіеся у насъ кievскими и западно-русскими, оказались несомнѣнно болгарскими. Въ заключеніе Ст. В. Смоленскій далъ характеристику болгарскаго роспѣва и выяснилъ значеніе труда г. Николова, какъ для Россіи, такъ и для Болгаріи, возвращающейся къ своей старинѣ. Послѣ чтенія хоръ любителей-болгарь исполнилъ тропарь свв. Кириллу и Меводію и нѣкоторыя другія пѣснопѣнія изъ сборника А. Николова «Старо-българско църковно пѣние». Второе сообщеніе принадлежало Гр. А. Ильинскому о «Македонскомъ листкѣ XI в.». Изложивъ исторію памятника, г. Ильинскій представилъ свои палеографическія и лингвистическія наблюденія и изъ нихъ сдѣлалъ выводъ, что этотъ памятникъ есть промежуточное звено между древнѣйшими церковными памятниками болгарской редакціи и

древнерусскими, и что македонскій листокъ несомнѣнно древнѣе Остромирава евангелія, съ которыми его сближаютъ нѣкоторыя русскія черты. Въ заключеніе секретарь доложилъ о приобрѣтеніи обществомъ рукописнаго сборника, заключающаго въ себѣ между прочимъ службу съ чудесами св. Романа, князя Углицкаго, каковая принадлежитъ къ числу рѣдко попадающихся рукописныхъ памятниковъ. Новый списокъ конца XVII в. является пока третьимъ известнымъ спискомъ того же вѣка и представляетъ первоначальную редакцію въ сравненіи со спискомъ 1811 г., имѣющимся въ собраніи Богданова императорской Публичной бібліотеки (Ф. I. 995).

Столѣтіе императорскихъ московскихъ театровъ. 29 декабря 1905 г. исполнилось столѣтіе со дня учрежденія императорскихъ московскихъ театровъ. До 1806 г. въ Москвѣ существовалъ частный театръ, подъ названіемъ «Вольный русскій театръ», исполнявшій спектакли въ театральномъ зданіи, построенномъ антрепренеромъ Медоксомъ на Петровкѣ. Въ 1805 г. театръ этотъ сгорѣлъ, и 29 декабря 1805 г. главный директоръ императорскихъ театровъ въ С.-Петербургѣ, оберъ-гофмаршалъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, «предполагая неизбежность онаго въ столь многочисленной столицѣ, по сдѣланной уже привычкѣ къ сему полезнѣйшему, имѣющему благотворное вліяніе на всеобщее просвѣщеніе и нравы, роду увеселеній, и съ одной стороны соображаясь съ видами казенныхъ выгодъ и учрежденія онаго во всякомъ отношеніи на прочныхъ и приличныхъ столическихъ основаніяхъ, съ другой, будучи твердо увѣренъ, что тамошняя публика не только желаетъ, но и особеннымъ почтеньемъ съчастіемъ возстановленіе необходимо нужнаго для нея заведенія подъ лестнѣйшимъ титуломъ императорскаго», — всеподданнѣйше ходатайствовалъ о присоединеніи московскаго театра къ императорской дирекціи и «о возобновленіи и учрежденіи въ немъ труппы, по соглашенію съ начальствомъ города Москвы». На это ходатайство А. Л. Нарышкина послѣдовало высочайшее соизволеніе императора Александра I. На содержаніе московскихъ театровъ тогда же былъ назначенъ отпускъ по 70.000 рублей въ годъ и ассигновано единовременно 175.000 рублей на покупку земли и на постройку новаго деревяннаго театра. Въ 1806 г. для московскихъ театровъ была куплена у помѣщика Столыпина за 32.000 рублей труппа актеровъ и оркестровыхъ музыкантовъ. Остальная часть артистическаго состава комплектована пѣв находившихся въ то время въ Москвѣ частныхъ труппъ. Въ первое время репертуаръ московскихъ театровъ ограничивался русскими драматическими спектаклями, а съ 1808 г. театръ состоялъ изъ русской и французской драматическихъ труппъ, балета, оркестра и театральной школы. 8 августа 1808 г. былъ изданъ первый штатъ императорскихъ московскихъ театровъ, по которому бюджетъ расходовъ опредѣленъ въ 326.000 рублей, покрываемыхъ въ 150.000 рублей сборами съ спектаклей и въ 176.000 рублей отпускомъ отъ казны. Въ частности ассигнованія по отдѣльнымъ частямъ опредѣлены по штату 1808 г. слѣдующими цифрами: на русскій театръ 35.000 рублей, на французскій театръ 36.000 рублей, на балетъ 32.000 рублей, на оркестръ 32.000 рублей, на театральную школу 22.000 рублей, и на монтажную часть 60.150 рублей. Съ занятіемъ Москвы французами въ 1812 г. московскіе театры на нѣкоторое

время приостановили дѣйствіе, при этомъ часть артистовъ, какъ, на примѣръ, актеры Мочаловъ и Сандуновъ, перешли на службу въ петербургскіе театры, а французская труппа совсѣмъ упразднена. Съ 5 января 1823 г. московскіе театры были отдѣлены отъ общей дирекціи и переданы въ завѣдываніе московскаго военнаго генераль-губернатора (князя Голицына), а съ 1 февраля 1842 г., при директорѣ императорскихъ петербургскихъ театровъ А. М. Геденовѣ, оныя вошли въ общую дирекцію императорскихъ театровъ, гдѣ и остаются до настоящаго времени.

Въ литературномъ фондѣ. Въ залѣ географическаго общества 29 декабря 1905 г. подъ предсѣдательствомъ П. И. Вейнберга состоялись два засѣданія: общее и чрезвычайное. Открывая первое изъ нихъ, предсѣдатель предложилъ почтить вставаніемъ память недавно скончавшихся членовъ общества: В. В. Лесевича, А. П. Лукина, А. Л. Боровиковскаго, А. В. Владимірскаго, М. И. Писарева и В. И. Иванова. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ секретаря за октябрь—декабрь 1905 г. За отчетное время комитетъ имѣлъ шесть засѣданій. Просьбъ о пособіяхъ было подано 175. Изъ нихъ отклонены 34 просьбы и удовлетворены 141. Единовременныхъ пособій было выдано за это время 83 лицамъ на сумму 5.240 рублей. Трѣмъ лицамъ было назначено пособие изъ капитала Дамича по 600 рублей каждому. Размѣръ пособій былъ отъ 200 до 5 рублей. Продолжительныхъ пособій было назначено 15 лицамъ на сумму 315 рублей. Размѣръ годового пособія отъ 60 до 480 рублей. На воспитаніе и обученіе дѣтей было назначено пособие 11 лицамъ на сумму 665 рублей. Безсрочныхъ ссудъ было выдано 13 лицамъ на сумму 925 рублей. Срочныхъ ссудъ 4 лицамъ на сумму 750 рублей. Всего денежныхъ пособій было оказано на 10.730 рублей. Отказано было 32 лицамъ по слѣдующимъ причинамъ: въ виду отсутствія правъ—2, въ виду малыхъ правъ—13, въ виду отсутствія мотива для выдачи—4, въ виду частыхъ выдачъ—8, по имѣющимся свѣдѣніямъ—3 и въ виду того, что ссудный капиталъ былъ исчерпанъ, 2 лицамъ. За эти же отчетомъ слѣдовалъ отчетъ казначея, въ которомъ красной нитью проходитъ перерасходъ въ расходномъ капиталѣ въ виду огромнаго сирота на ссуды, вызваннаго событіями послѣдняго времени. Изъ этого отчета за время съ 1 февраля по 27 декабря 1905 г. видно: капиталъ неприкосновенный: на 1 января 1905 г. состояло 37.786 р. 57 коп.; на 27 декабря состояло 37.311 р. 57 коп. Капиталы именные: на 1 января состояло 538.478 р. 11 коп.; за всѣми приходами и расходами къ 27 декабря образовалась сумма 589.047 р. 96 коп. Капиталъ имени Н. Ф. фонъ-Дамича состоитъ изъ 42.008 р. 88 коп. Капиталъ В. О. Голубева, состоявшій къ 1 января изъ 20.344 р. 59 коп., уменьшился до 13.632 р. 31 коп. Расходный капиталъ, состоявшій къ началу года изъ перерасхода въ 66 р. 39 коп., достигъ суммы расхода 45.736 р. 25 коп. и закончился къ 27 декабря перерасходомъ же въ 7.901 р. 35 коп. Капиталъ ссудный съ 1.195 р. къ концу года уменьшился до 301 р. 60 коп. Переходящія суммы, состоявшія въ январѣ изъ 8.162 р. 9 коп., къ 27 декабря выразились суммою 8.057 р. 9 коп. Общая сумма всѣхъ средствъ фонда составляла ко дню отчета 686.156 р. 46 коп. Изъ послѣдовавшаго затѣмъ обмѣнъ мнѣній выяснилось, что литера-

тура въ настоящее тревожное время переживаетъ и несомнѣнно будетъ еще переживать кризисъ, который въ свою очередь дѣлаетъ положеніе фонда критическимъ. Число литераторовъ, нуждающихся въ пособіяхъ, возрастаетъ и будетъ возрастать, а между тѣмъ источники доходовъ фонда въ видѣ устройства вечеровъ и концертовъ стали немислными. Поэтому комитетъ фонда рѣшилъ собраться въ недалекомъ будущемъ для обсужденія вопроса объ изысканіи средствъ для посильнаго удовлетворенія возрастающихъ нуждъ литераторовъ. Въ широкихъ же размѣрахъ вопросъ этотъ будетъ обсуждаться въ годовомъ собраніи 2 февраля. Въ этомъ же засѣданіи послѣдуютъ и выборы въ члены комитета, при чемъ комитетомъ, согласно уставу, предложены кандидатами слѣдующія лица: К. С. Баранцевичъ, С. Я. Елпатьевскій, П. Н. Милуковъ, П. Ф. Якубовичъ, П. В. Мокіевскій, С. Е. Савичъ и А. Я. Острогорскій. На послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ въ члены ревизионной коммисіи закрытою баллотировкой оказались избранными: г-жи Ватсонъ и Султанова и гг. Котельниковъ, Баранцевичъ, Небольсинъ, Кадьянъ и Фидлеръ. Собраніе закончилось выборами новыхъ членовъ, вознившими на этотъ разъ не совсемъ обычный характеръ. Избраны артисты императорскихъ театровъ К. А. Варламовъ, В. П. Далматовъ, Н. А. Корневъ, П. М. Медвѣдевъ и В. В. Стрѣльская. Всѣ эти лица избраны въ пожизненные члены. По уставу въ этотъ разрядъ выбираются лишь лица, вносяція одновременно сто рублей. Но такъ какъ гг. артисты своимъ многолѣтнимъ сочувствіемъ и бесплатнымъ участіемъ въ спектакляхъ въ пользу фонда оказали послѣднему услугъ болѣе, чѣмъ на сто рублей, то общее собраніе единодушно постановило признать ихъ своими пожизненными членами. Послѣ краткаго перерыва состоялось чрезвычайное собраніе, посвященное вопросу объ установленіи отношеній между Литературнымъ фондомъ и домомъ писателей имени В. Ф. Голубева. Предсѣдатель въ краткихъ словахъ очертилъ исторію этого вопроса: покойный В. Ф. Голубевъ пожертвовалъ фонду 150 тысячъ рублей на устройство общежитія для писателей подъ условіемъ, чтобы въ управленіе домомъ входили, съ одной стороны, представители рода Голубевыхъ, а, съ другой—представители фонда. Домъ въ настоящее время построенъ, и имъ управляетъ особый автономный совѣтъ. Въ настоящее время явилась необходимость урегулировать отношенія между этимъ совѣтомъ и фондомъ. Въ настоящемъ чрезвычайномъ собраніи обсуждался проектъ соглашенія между этими двумя учрежденіями. Въ общихъ и краткихъ чертахъ проектъ таковъ: домъ принадлежитъ фонду и назначается для общежитія, въ которомъ писатели могли бы получать дешевые столы, квартиру, отопленіе и освѣщеніе и вести спокойную жизнь. Преимущественное право пользования предоставляется беллетристамъ и критикамъ, но безъ ихъ семей (для семей предполагается устроить общежитіе въ будущемъ). Право на поселеніе въ домъ даютъ: заслуги, преклонный возрастъ, слабое здоровье и утомленіе работою, требующее отдыха. Домъ управляется совѣтомъ изъ двухъ членовъ рода Голубевыхъ, пяти членовъ фонда и двухъ членовъ кассы взаимопомощи. Непосредственное завѣдываніе дѣлами дома поручается представителю фонда. Дѣлопроизводство ревизуетъ фондъ, и въ случаѣ ликвидаціи дѣль все дѣлкомъ переходитъ въ фондъ.

НЕКРОЛОГЪ И.

ВЛАДИМИРСКІЙ, А. В. 24 декабря 1905 г., въ 11 час. утра, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался бывшій издатель «Петербургскаго Листка», Александръ Викторовичъ Владимірскій. Получивъ среднее образованіе въ Петропавловскомъ нѣмецкомъ училищѣ, а высшее въ академіи художествъ, которую А. В. окончилъ со званіемъ архитектора, онъ еще при жизни своего покойнаго отца, Виктора Александровича, только арендовавшаго тогда газету «Петербургскій Листокъ» у наслѣдниковъ Зарудныхъ, приобрѣлъ ее въ собственность въ 1877 г. Такимъ образомъ, онъ состоялъ издателемъ «Петербургскаго Листка» почти 30 лѣтъ. Благодаря его энергіи и заботамъ, «Петербургскій Листокъ» изъ маленькой газеты превратился въ большое ежедневное политическое и общественное изданіе, къ которому затѣмъ былъ прибавленъ отдѣлъ пллю-

страціи. Изданіе все расширялось и увеличивалось, такъ что 9 лѣтъ тому назадъ оно дало возможность покойному издателю приобрести спеціальныи для газеты домъ, гдѣ были устроены: контора, редакція, типографія, машинное отдѣленіе съ нѣсколькими дорогими ротационными и другими машинами и, наконецъ, цинкографія и т. п. Однимъ словомъ, расширеніе газеты заставило превратить дѣльный домъ въ своего рода фабрику. Всегда ровный, спокойный, отзывчивый и чуткій къ чужому горю, покойный А. В. пользовался среди сотрудниковъ, служащихъ и близкихъ къ нему людей громадными симпатіями и любовью. Заболѣвъ болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, А. В. уже не могъ съ прежнею, никогда не покидавшей его энергіею заниматься дѣлами по изданію своей газеты. Потерявъ здоровье, на окончательное возстановленіе котораго покойный уже не могъ болѣе рассчитывать, онъ передалъ годъ тому назадъ изданіе «Петербургскаго Листка» своему единственному сыну, В. А. Владимір-

скому. (Некрологи его: «Петербургскій Листокъ», 1905 г., № 326; «Новое Время», 1905 г., № 10.697).

† **Даниловъ, М. П.** Въ Москвѣ 17 января скончался скоропостижно членъ военнаго совѣта, генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи Михаилъ Павловичъ Даниловъ. Покойный принадлежалъ къ славнымъ участникамъ нѣсколькихъ кампаній. По окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ онъ началъ службу въ л.-гв. Егерскомъ полку въ 1844 г. Во время русско-турецкой войны въ 1853 г. былъ командированъ въ распоряженіе генераль-адъютанта князя Горчакова и въ составѣ Одесскаго егерскаго полка участвовалъ въ бою съ турками при селеніи Читати въ Валахіи. Непріятельское ядро контузило его въ правое плечо. Затѣмъ при усмиреніи польскаго мятежа 1863 г. М. П. находился въ Виленскомъ округѣ и командовалъ гренадерскимъ Малороссійскимъ полкомъ. Произведенный въ 1868 г. въ генераль-майоры, онъ былъ назначенъ начальникомъ учебнаго пѣхотнаго батальона. Въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. генераль Даниловъ принялъ видное участіе въ качествѣ начальника третьей гренадерской дивизіи, находившейся въ составѣ отряда генерала Ганецкаго. Онъ руководилъ дѣйствіями дивизіи въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріятелемъ. Особенно памятно его участіе въ отраженіи турецкихъ вылазокъ изъ Плевны и въ плѣненіи арміи Османа-пашы. За дѣло 28 ноября 1877 г. М. П. былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4 степени. За участіе въ кампаніи получилъ орденъ св. Владимира 2 степени съ мечамъ. Послѣ войны генераль Даниловъ былъ послѣдовательно начальникомъ первой гвардейской дивизіи, командиромъ перваго армейскаго корпуса и съ 1896 г. по 1903 г. помощникомъ командующаго войсками Московскаго военнаго округа, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ великаго князя Сергѣя Александровича. Въ генераль-адъютанты М. П. пожалованъ въ 1898 г. Умеръ онъ на 82 году жизни, оставивъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ: «Новое Время», 1905 г., № 10.723).

† **Корфъ, М. Н., баронъ.** 30 декабря 1905 г. скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ дѣятелей С.-Петербургской губерніи, бывшій предводитель дворянства и почетный мировой судья Петербургскаго уѣзда, гласный с.-петербургскаго губернскаго и петербургскаго уѣзднаго земскихъ собраній, шталмейстеръ высочайшаго двора, почетный опекунъ, баронъ, Михаилъ Николаевичъ Корфъ. Общественная дѣятельность покойнаго началась въ эпоху освобожденія крестьянъ, когда онъ въ 1868 г., тотчасъ по окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицее, вступилъ въ ряды мировыхъ посредниковъ по Петербургскому уѣзду. По упраздненіи должностей мировыхъ посредниковъ покойный былъ избранъ въ гласные петербургскаго уѣзднаго, а затѣмъ с.-петербургскаго губернскаго земскихъ собраній и въ 1873 г. въ предводители дворянства Петербургскаго уѣзда. Въ послѣдней должности покойный, какъ руководитель земскаго собранія и председатель уѣздныхъ правительственныхъ учрежденій, снискалъ симпатію всѣхъ слоевъ населенія, въ особенности же крестьянскаго, многимъ ему обязаннаго, нужды котораго онъ всегда близко принималъ къ сердцу. Въ 1898 г., когда покойный по совершенно разстроенному здоровью вынужденъ былъ оставить общественную дѣятельность, состоя-

лось грандіозное чествовање его, въ которомъ приняло участіе дворянство, земство, уѣздный сѣздъ, земскіе врачи, учителя и учительницы, волостные старшины и сельскія общества; послѣднія, въ числѣ 116, составили приговоры, въ которыхъ выражалась благодарность покойному за всегдашнее безпристрастное и сердечное отношеніе къ крестьянамъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.706).

† **Костеничъ, І. В.** Скончавшійся 24 декабря 1905 г. отъ разсѣяннаго рака профессоръ клиническаго института великой княгини Елены Павловны Іерооѣй Васильевичъ Костеничъ родился въ 1854 г. и происходилъ изъ бѣдной семьи. І. В. началъ свое образованіе въ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ виду оказанныхъ имъ успѣховъ былъ переведенъ въ могилевскую гимназію, которую окончилъ въ 1876 г. Поступивъ въ С.-Петербургскій университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета, І. В. специально занимался эмбриологіей и гистологіей и за разработку вопроса о первыхъ дняхъ развитія куриного зародыша былъ награжденъ золотою медалью. Будучи студентомъ, состоялъ лаборантомъ академика Ф. В. Овсянникова. По окончаніи курса университета со степенью кандидата естественныхъ наукъ, въ 1880 г. поступилъ на третій курсъ военно-медицинской академіи, которую окончилъ въ 1883 г. со степенью лѣкаря cum eximia laude. Не оставляя службы въ университетѣ, І. В. работалъ въ глазной клиникѣ военно-медицинской академіи у профессора Добровольскаго. Въ 1888 г. защитилъ диссертацию по гистологій и эмбриологій глаза и получилъ званіе приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ эмбриологій и гистологій. Въ 1890 г. получилъ стипендію баронета Виле и былъ командированъ на три года за границу, гдѣ занимался въ глазныхъ клиникахъ. По возвращеніи изъ-за границы въ 1894 г. былъ назначенъ клиническимъ профессоромъ и консультантомъ при Варшавскомъ Уяздовскомъ госпиталѣ по глазнымъ болѣзнямъ. Кромѣ того, въ 1898 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Варшавскаго университета по кафедрѣ офталмологій. Въ 1900 г. былъ избранъ профессоромъ клиническаго института великой княгини Елены Павловны на кафедрѣ глазныхъ болѣзней послѣ покойнаго профессора Донберга и былъ назначенъ консультантомъ по глазнымъ болѣзнямъ Николаевскаго госпиталя. Съ 1903 г. состоялъ директоромъ и главнымъ врачомъ петербургской глазной лѣчебницы. І. В. имѣлъ весьма мягкій характеръ, а потому оставилъ по себѣ въ своихъ сослуживцахъ и ученикахъ добрую память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г.) № 10698.

† **Петровъ, Н. И.** 24 декабря 1905 г. скончался членъ государственнаго совѣта, генераль отъ инфантерій, Николай Ивановичъ Петровъ, бывшій начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ. Покойный родился въ 1841 г., образованіе получилъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, службу началъ въ лейбъ-Екатеринославскомъ гренадерскомъ полку, затѣмъ окончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба по 1 разряду. Будучи въ 1860-хъ г.г. дѣлопроизводителемъ и членомъ комитета по передвиженію войскъ при главномъ штабѣ въ теченіе 8 лѣтъ, онъ совершилъ рядъ путешествій по Волгѣ, Камѣ, Каспійскому и Черному морямъ и изучалъ экономическія

«истор. вѣстн.», февраль, 1906 г., т. сш.

1/22

нужды Поволжья, Новороссійскаго края и Кавказа съ цѣлью улучшенія ежегодной перевозки войскъ на Кавказъ. Съ 1872 г. по 1880 г. покойный былъ начальникомъ отдѣленія главнаго штаба, завѣдывалъ обширнымъ дѣлопроизводствомъ по отбыванію рекрутской повинности, участвовалъ въ введеніи въ дѣйствіе устава о всеобщей воинской повинности 1874 г. и въ разработкѣ новыхъ правилъ о прохожденіи службы нижними чинами и о сформированіи запаса и ополченія. Назначенный въ 1880 г. начальникомъ штаба Восточно-Сибирскаго военнаго округа, Н. И. занялся разработкой статистическихъ соображеній и плановъ на случай столкновенія съ Китаемъ или Англійей и объѣхалъ Забайкалье и Пріамурскій округъ съ цѣлью выяснить оборону Владивостока и Южно-Уссурийскаго края. Черезъ два года онъ вернулся въ Петербургъ, принялъ видное участіе въ разрѣшеніи вопроса по оборонѣ Восточной Сибири и участвовалъ въ качествѣ докладчика въ комиссіи генераль-адъютанта графа Баранова по преобразованію Восточной Сибири. Дѣятельность этой комиссіи выразилась, какъ извѣстно, въ раздѣленіи Восточной Сибири на два генераль-губернаторства: Иркутское и Пріамурское, а также приняты нѣкоторыя мѣры по заселенію Южно-Уссурийскаго края и усиленію оборонительныхъ средствъ Пріамурскаго генераль-губернаторства. Въ 1883 г. Н. И. былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ и вскорѣ былъ привлеченъ въ качествѣ представителя военнаго вѣдомства къ занятіямъ тифлисской комиссіи по выработкѣ предположеній о распространеніи воинской повинности на туземцевъ Кавказа. Затѣмъ въ теченіе девяти лѣтъ съ 1884 г. былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ, съ 1893 г. по 1895 г. занималъ должность директора департамента полиціи и съ 1895 г. до прошлаго года руководилъ въ качествѣ начальника почтово-телеграфнымъ вѣдомствомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10697).

† **Ноновъ, А. С.** 31 декабря 1905 г. скончался директоръ электротехническаго института императора Александра III, Александръ Степановичъ Поповъ. Въ 1897 г., 19 октября, институтъ впервые увидѣлъ, или, точнѣе, услышалъ этого виднаго русскаго ученаго и изобрѣтателя. Тогда вопросъ о безпроводномъ телеграфированіи волновалъ уже не однихъ только специалистовъ, и вотъ для ознакомленія съ этимъ интереснымъ изобрѣтеніемъ и его примѣненіемъ директоръ и профессора института обратились съ просьбою къ А. С., бывшему въ то время преподавателемъ мѣднаго офицерскаго класса, прочесть въ общедоступномъ изложеніи публичную лекцію о телеграфированіи безъ проводовъ. Всѣ близкія къ институту лица помнятъ эту лекцію, ея простое и наглядное изложеніе и искусно демонстрированные опыты. Послѣ этого перваго знакомства съ электротехническимъ институтомъ А. С. сроднился съ этимъ учебнымъ заведеніемъ болѣе прочными узами: въ 1900 г. совѣтъ института избралъ его почетнымъ инженеръ-электрикомъ, а въ 1901 г., по предложенію того же совѣта, онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ физики. Съ чуткою душою, скромный и истинный труженикъ науки, покойный не замедлилъ завоевать симпатіи всѣхъ своихъ коллегъ и всѣхъ близко имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Несмотря на требовавшія немало труда и времени занятія по обработкѣ курса физики въ преобразованномъ съ 1899 г. институтѣ и въ особенности

по оборудованію физической лабораторіи въ новомъ зданіи института, А. С. продолжалъ свои работы по беспроволочному телеграфированію и неоднократно знакомилъ молодыхъ инженеровъ, студентовъ и большую публику съ развитіемъ этой новой отрасли телеграфнаго дѣла путемъ ряда публичныхъ лекцій съ искусно подготовленными и всегда мастерски выполняемыми опытами. Наконецъ въ послѣднее время имъ былъ уже разработанъ проектъ устройства въ институтѣ круиной станціи беспроволочнаго телеграфа для дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій въ этой области, но неумолимая судьба не дала возможности осуществиться этому столь полезному для научныхъ и учебныхъ цѣлей сооруженію. 28 сентября 1905 г. совѣтъ института единогласно избралъ А. С. директоромъ этого учебнаго заведенія. (Некрологи его: «Молва», 1906 г., № 3; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1906 г., № 6).

† Тимашевъ-Берингъ, В. А. 5 ноября 1905 г. скончался отъ разрыва сердца Владимиръ Алексѣевичъ Тимашевъ-Берингъ. Покойный происходилъ изъ старой дворянской семьи. Отецъ его, Алексѣй Александровичъ, былъ въ свое время хорошо знакомъ Москвѣ, какъ вице-губернаторъ и оберъ-полицеймейстеръ. Владимиръ Алексѣевичъ родился въ 1855 г. Получивъ основательное разностороннее воспитаніе дома, онъ на шестнадцатомъ году жизни поступилъ въ Николаевское кавалерійское училище, откуда въ 1873 г. вышелъ въ Кирасирскій ея величества полкъ. Прослуживъ около года, онъ покинулъ военную службу и уѣхалъ довершать свое образованіе за границу, гдѣ и пробылъ болѣе двухъ лѣтъ; въ которое время онъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, а потомъ поступилъ въ консерваторію въ Парижѣ. Вернувшись въ Россію, онъ получилъ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ при виленскомъ генералъ-губернаторѣ Альбединскомъ. Въ 1879 г. семейныя обстоятельства заставили его покинуть службу; онъ переселился въ свое имѣніе, находящееся въ Калужской губерніи, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ разныя должности по общественной земской службѣ. Съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ онъ въ 1890 г. былъ назначенъ земскимъ начальникомъ въ Лихвинскомъ уѣздѣ. Должность эту онъ занималъ до 1896 г., когда, наконецъ убѣдившись въ полной невозможности провести въ жизни то, что онъ хотѣлъ, и видя, во что обращается и самый институтъ, онъ вышелъ въ отставку, переѣхалъ въ Москву, гдѣ принялъ должность нотариуса. Все свое свободное время покойный посвящалъ литературѣ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» напечатана серія его рассказовъ изъ деревенской жизни, которую онъ хорошо зналъ и любилъ. Рассказы эти печатались подъ общимъ заглавіемъ «Деревенскіе дѣльцы» и даютъ не только рядъ правдивыхъ сценъ и типовъ деревни, но и указываютъ ея наболѣвшія мѣста. Кромѣ этихъ очерковъ и сборника рассказовъ, вышедшаго отдѣльнымъ изданіемъ, послѣ покойнаго осталось еще много неизданнаго матеріала. Чуткій, отзывчивый характеръ покойнаго, его, если можно такъ выразиться, хрустальная честность и правдивость снискали ему въ Москвѣ общую любовь и уваженіе. Глубоко-вѣрующій христіанинъ и до страданія добрый человекъ, онъ не могъ оставаться глухъ къ чужому горю, и никто изъ обратившихся къ нему за какою либо помощью не

ушелъ отъ него съ обманутымъ ожиданіемъ. Его красивая, высокая фигура, его всегда веселая шутивая рѣчь нескоро забудутся тѣми, кто зналъ его.

† **Чистовичъ, А. Я.** Въ 1905 г., наканунѣ Рождества, скончался на 48 году жизни присяжный повѣренный Алексѣй Яковлевичъ Чистовичъ. Покойный свыше 22 лѣтъ прослужилъ по столичному общественному управленію, сперва въ качествѣ помощника юрисконсульта, а въ послѣднее время въ качествѣ главнаго юрисконсульта с.-петербургской городской управы. Сверхъ того, А. Я. долгіе годы состоялъ повѣреннымъ при управленіи желѣзныхъ дорогъ. Какъ юристъ, А. Я. считался очень знающимъ, опытнымъ и дѣльнымъ практикомъ-цивилистомъ и среди товарищей по адвокатурѣ, какъ равно и среди сослуживцевъ, пользовался репутаціею безукоризненно честнаго человѣка. Въ болѣе широкихъ кругахъ А. Я. Чистовича знали главнымъ образомъ, какъ неутомимаго и чрезвычайно энергичнаго дѣятеля по «обществу защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія». Онъ былъ однимъ изъ создателей этого общества и интересамъ его посвятилъ значительнѣйшую часть своей жизни. Благодаря горячей преданности А. Я. дѣлу защиты дѣтей и рѣдкому ему умѣнію привлекать сочувствующихъ лицъ, общество два года назадъ, при его дѣятельнѣйшемъ участіи, превратившееся изъ отдѣла Сняго Креста въ самостоятельное учрежденіе, находится въ прекрасномъ положеніи и, несмотря на нынѣшнія тяжелыя для благотворительныхъ обществъ времена, ни на минуту не прекращаетъ и не уменьшаетъ своей глубоко-симпатичной дѣятельности. Заслуги А. Я. въ дѣлѣ организаціи и правильной постановки «общества защиты дѣтей» очень велики, и нѣтъ сомнѣнія, что имя его въ исторіи этого общества останется памятнымъ навсегда. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., №10702).

† **Шестакова, Л. И.** 18 января въ Петербургѣ скончалась Людмила Ивановна Глинка, по мужу Шестакова, родившаяся 17 ноября 1816 г. Она была десятою въ семьѣ Глинка, состоявшей изъ 13 братьевъ и сестеръ. Въ дѣтствѣ ея надъ воспитаніемъ и образованіемъ сестры (научнымъ и музыкальнымъ) трудился самъ будущій основатель русской школы музыки, оказавшійся хорошимъ педагогомъ. Ученица искренно привязалась къ своему наставнику, а съ годами стала самымъ близкимъ и преданнымъ другомъ его. Послѣ смерти матери (въ 1851 г.) М. Глинка нашла въ своей сестрѣ вторую мать: въ ея домѣ онъ жилъ, она устраивала его матеріальныя дѣла, и ей повѣрялъ онъ свою душу. Заботы о братѣ, а съ его смертью—дѣятельное и разумное служеніе его славы были главною цѣлью всей жизни Л. И. По настоянію сестры, или, какъ выражался самъ М. И. Глинка, по «приказанію» ея, онъ составилъ въ 1854 г. свои «Записки», дѣнный историческій документъ и совершенно незамѣнимый матеріалъ не только для жизнеописанія композитора, но и для уразумѣнія его душевнаго строя. Записки эти пополнены Л. И. Шестаковою воспоминаніями о послѣднихъ годахъ жизни М. Глинка и собраніемъ писемъ его. Въ же съ большимъ трудомъ были разысканы и собраны разбѣянные въ рукописяхъ по чужимъ рукамъ романы М. Глинка, проредактированные затѣмъ композиторомъ и изданные стараніями его сестры. Затѣмъ, она списала въ двухъ экземплярахъ полную оркестровую партитуру «Руслана» со списка, служившаго при первой постановкѣ оперы. (Подлинная рукопись оперы осталась лишь въ

въ разрозненныхъ отрывкахъ). Безъ этого труда Л. И. Шестаковой, «Русланъ» — страшно даже подумать — навѣки погибъ бы для искусства, ибо единственный, существовавшій до того времени экземпляръ партитуры сгорѣлъ при пожарѣ Маринскаго театра въ 1859 г. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти М. Глинки, Л. И. напечатала на свой счетъ оркестровыя партитуры увертюры къ «Жизни за царя», «Руслану», «Арагонскую хоту» и «Ночь въ Мадридѣ», а въ 1878 г., на тогдашнія послѣднія свои средства — 4.000 рублей, издала въ тщательной редакціи, назначивъ при этомъ минимальную продажную цѣну, полную оркестровую партитуру «Руслана» и разослала ее бесплатно во множество различныхъ музыкальныхъ учреждений Россіи и Западной Европы. Партитура «Жизни за царя» была издана также только вслѣдствіе ея настойчивыхъ требованій. Въ 1899 г. Л. И. основала въ Петербургѣ музей Глинки, а въ постановкѣ памятниковъ на могилѣ брата и въ Смоленскѣ и во всѣхъ торжествахъ въ честь его она принимала самое дѣятельное участіе — моральное и матеріальное. Наконецъ, Л. И. Шестаковой изданы два литературныхъ труда: «Былое М. И. Глинки и его родителей» и «Мои вечера», и оставлена въ рукописи, въ Публичной библиотекѣ та часть воспоминаній, которую она не признала возможнымъ опубликовать при жизни своей. Упомянутые труды, написанные непритязательно, но живо, сохранили для потомства множество любопытныхъ подробностей, изъ которыхъ воскресаютъ во всей полнотѣ и вѣрности обстановка и теченіе жизни М. И. Глинки. Нѣсколько поколѣній русскихъ музыкантовъ прошли передъ Л. И. Шестаковой, и каждое изъ нихъ переносило на нее, какъ единственную живую связь съ гениальнымъ художникомъ, отцомъ нашей музыки, все глубокое почитаніе, внушаемое его священнымъ для искусства именемъ. Прахъ Л. И. будетъ покоиться на кладбищѣ Александрo-Невской лавры рядомъ съ прахомъ того человѣка, на служенье которому она посвятила столько силъ, чуткаго пониманія и беззаветной любви. (Некрологъ ея: «Слово», 1906 г., № 361).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Отвѣтъ г. Н. Н. По поводу разбора сочиненія князя В. П. Максудова: «Исторія Древняго Востока».

Г. Н. Н. разобралъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» трудъ князя В. П. Максудова подъ заглавіемъ: «Исторія Древняго Востока культурно-политическая и военная, съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи Македонскаго завоеванія. Египетъ и Финикія» (томъ I, 1905 г.). Онъ выяснилъ многіе недостатки этого труда, но за это его долженъ благодарить одинъ только авторъ, которому онъ далъ немало цѣнныхъ указаній. Едва ли могутъ благодарить его въ такой же мѣрѣ читатели, ибо онъ выяснилъ не всѣ недо-

статки разсмотрѣннаго труда, а главное слишкомъ много занимался «отдѣльными деревьями», а потому не нарисовалъ «лѣса». Правда, онъ сказалъ, что «это какое-то уродливое нагроможденіе фактовъ, грубо аляповатая компляція, разбивающаяся на отдѣльныя главы безъ всякой связи, вытекающей изъ какой либо опредѣленной идеи или какого бы то ни было опредѣленнаго научнаго интереса», и т. п., но онъ этого не доказалъ, а доказать нужно было такъ, чтобы читатель, какъ знакомый, такъ и не знакомый съ трудомъ князя Максutowa, вполнѣ это уразумѣлъ и не сомнѣвался въ справедливости приговора. Старался ли рецензентъ найти у автора хоть что нибудь, говорящее въ его пользу? Едва ли. Правда, онъ сказалъ, что можно было бы не ставить въ счетъ автору нѣкоторые недостатки его труда, если бы этотъ трудъ отличался какими либо другими внутренними достоинствами. Читатель можетъ и въ этомъ сомнѣваться, ибо и это не доказано.

Однако г. Н. Н. былъ въ правѣ разбирать упомянутый трудъ такъ, какъ ему было угодно, и я не нашелъ бы нужнымъ ему возражать, если бы въ концѣ разбора онъ не сдѣлалъ вылазки, направленной лично противъ меня, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «На этомъ мы и покончимъ, хотя и любопытно было бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, что книга нашего автора читалась въ рукописи и рецензировавалась въ рукописи же профессоромъ академикъ генеральнаго штаба, П. А. Гейсманомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ самъ авторъ, что сочиненіе было представлено на разсмотрѣніе генеральнаго штаба¹⁾, и что, наконецъ, князю Максutowu было штабомъ ассигновано небольшое пособіе для напечатанія его книги. Любопытно было бы по этому поводу поставить рядъ любопытнѣйшихъ вопросовъ, но мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ для этого мѣста и можемъ лишь воскликнуть: «такъ вотъ что одобряется въ наше время! о времена, о нравы!...»²⁾).

Г. Н. Н. не читалъ произведеннаго мною разбора труда князя Максutowa (въ рукописи). Одно это должно было бы побудить его къ нѣкоторой осторожности по отношенію ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что князь Максutowъ въ предисловіи къ своему труду говоритъ о моемъ разборѣ, между прочимъ, слѣдующее: «Сожалѣемъ только о томъ, что... рецензія... профессора, вынужденнаго погрузиться въ археологическую пыль, по нѣкоторымъ причинамъ, не могла быть использована нами въ той мѣрѣ, въ какой это представлялось желательнымъ» (стр. XXVII).

Г. Н. Н. не имѣлъ права не считаться съ этимъ заявленіемъ автора труда. Такимъ образомъ можно допустить, что онъ недостаточно внимательно прочелъ предисловіе, а это, въ свою очередь, можетъ навести и на другія, не особенно для него выгодныя размышленія.

Мало того, считаю необходимымъ исправить неточность, которую допустилъ, въ указанной рецензентомъ выдержкѣ изъ предисловія, авторъ труда:

¹⁾ Кстати, не можетъ ли г. Н. Н. объяснить, что такое представляетъ собою тотъ «генеральный штабъ», на разсмотрѣніе котораго былъ представленъ трудъ князя Максutowa?

²⁾ Пропускаю послѣднія строки, относящіяся къ труду князя Максutowa.

онъ (авторъ) вовсе не использовалъ наиболѣе существенныхъ моихъ замѣчаній и почти вовсе не использовалъ остальныхъ.

Я совѣтовалъ автору принять въ соображеніе всѣ мои замѣчанія и переработать весь трудъ согласно съ ними, а для того, чтобы не задерживать печатанія въ случаѣ, если таковое будетъ признано необходимымъ, — издавать не весь трудъ сразу, но по частямъ начиная съ очерка «Египеть»; послѣ переработки всѣхъ отдѣльныхъ очерковъ, добавитъ особую часть, въ которой изложитъ обобщенія и объединитъ весь трудъ; имѣющееея предисловіе переработать такъ, чтобы оно могло быть предпослано очерку исторіи Египта, если нельзя его развить такъ, чтобы оно обратилось въ отдѣльное введеніе.

Если бы авторъ послѣдовалъ этимъ, а равно и другимъ моимъ совѣтамъ, то, по всему вѣроятію, его работа произвела бы и на г. Н. Н. совершенно иное впечатлѣніе; въ настоящемъ же видѣ она не можетъ не вызвать болѣе или менѣе рѣзкаго осужденія.

Однако при этомъ гг. рецензенты могутъ пенять только на автора, но никакъ не на меня, ибо съ моей стороны было сдѣлано все, что отъ меня зависѣло: я не только изложилъ мое мнѣніе о трудѣ князя Макусова письменно, но и въ бесѣдахъ старался убѣдить его въ необходимости коренной переработки труда ранѣе его печатанія.

Однако въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ этотъ по меньшей мѣрѣ не уступаетъ, напримѣръ, тѣмъ сочиненіямъ А. Н. Петрова: о русско-турецкихъ войнахъ, которыя показываются «удостоенными императорскою академіею наукъ» уваровской преміи и т. п.¹⁾ Поэтому и восклицаніе г. Н. Н.: «о времена, о нравы!» лишено сколько нибудь серьезнаго значенія, по крайней мѣрѣ, по отношенію ко мнѣ.

Интереснѣе всего то, что г. Н. Н. не отмѣтилъ или не замѣтилъ главной причины неудовлетворительности рассмотрѣннаго имъ труда, съ точки зрѣнія требованія науки: авторъ вздумалъ приобщиться къ считающейся господствующей у насъ исторической школѣ, представители которой отличаются большею или меньшею склонностью къ предвзятости и доктринерству, сами строятъ и учатъ другихъ строить зданіе исторіи такъ, какъ оно должно быть построено, дабы оно оправдало теорію; не пройдя систематически курса этой школы, авторъ, самъ того не желая, доказалъ полную ея несостоятельность, т.-е. въ его лицѣ эта школа, подобно гоголевской унтеръ-офицершѣ, «сама себя высѣкла».

Каюсь, это я ему и ставлю въ заслугу, ибо такимъ образомъ авторъ является предвозвѣстникомъ той «переоцѣнки цѣнностей», которой неминуемо подвергнется въ будущемъ вся работа этой школы.

Не принадлежитъ ли г. Н. Н. къ этой же школѣ? Въ тагомъ случаѣ, понятно, что онъ не желаетъ становиться въ положеніе гоголевской унтеръ-

¹⁾ См. «Историческій очеркъ Николаевской академіи генералнаго штаба», соч. Н. П. Глиносекаго (Спб., 1883 г.), 46, перечень сочиненій, впрямъ не полный).

офицерши и предпочитаетъ роль крыловскаго Климыча, который «украдкою киваетъ на Петра».

Я, съ своей стороны, ничего не имѣю противъ того, чтобы г. Н. Н. ставилъ свои «любопытнѣйшіе вопросы», но полагаю, что ему слѣдовало бы въ такомъ случаѣ объявить свое имя.

П. Гейманъ.

II.

Письмо въ редакцію.

Въ первой книжкѣ «Русской Старины» за 1906 г. напечатанъ дневникъ Краковскаго возстанія въ 1794 г.¹⁾, при чемъ ни переводчику, ни издателю, очевидно, не было извѣстно, что этотъ дневникъ Цѣшковскаго, лично подаренный мнѣ въ Львовѣ о. Антоніемъ Петрушевичемъ, — съ его согласія со всѣми примѣчаніями и предисловіемъ былъ мною напечатанъ еще въ 1904 г. въ «Русскомъ Архивѣ».

Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ это невниманіе къ указателямъ историческихъ журналовъ, я считаю необходимымъ сказать два слова о филологическомъ словарѣ о. Петрушевича: весь этотъ колоссальный трудъ теперь уже находится въ академіи наукъ, о чемъ еще въ 1903 г. было мною напечатано въ «Извѣстіяхъ» Вольфа (№ 10—11).

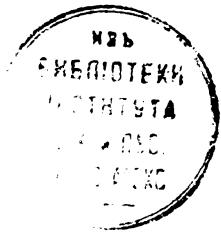
А. Титовъ.

¹⁾ Историческіе и бытовые очерки западной старины, стр. 174 - 188.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I ВЪ 1798 ГОДУ.
Съ гравюры Дункортона, сдѣланной съ портрета Шуккина.

70 1111
1111111111

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ¹⁾.

(1710—1734 г.).

V.

ДНАКО, дорѳгой Бутягинъ раздумаль остановиться въ монастырѣ и, не доходя до Московской заставы, сталъ посматривать по сторонамъ, не увидить ли калачницу Дарью, про которую ему говорили добрые люди, что у нея непримѣрь вольготнѣе проживать, чѣмъ на постоялыхъ дворахъ и въ страннопримныхъ домахъ при монастыряхъ, куда и полиція шныряетъ, и гдѣ укрыться отъ зоркихъ глазъ начальства очень трудно.

Дивьера, главнаго сподручнаго царя Петра по надсмотру за порядкомъ въ городѣ, теперь уже не было, но, поди, чай, отъ установленныхъ имъ порядковъ не успѣли еще отвыкнуть.

Дарья, коренастая баба среднихъ лѣтъ, въ бѣломъ холщевомъ передникѣ на синемъ набойчатомъ сарафанѣ, съ высоко засученными рукавами и повязанная пестрымъ платкомъ, концами назадъ, стояла у воротъ своего дома и тотчасъ же догадалась, что идущій по пыльной дорогѣ странникъ, босой, съ котомкой и сапогами за плечами и съ большой суковатой палкой въ рукѣ, ищетъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІІІ, стр. 371.

пристанища. Переждавъ, чтобъ онъ поровнялся съ ея домомъ, она его окликнула:

— Куда путь держишь, старичокъ?

День только что начинался, теплый осенній день, душистый отъ сѣна, еще не убраннаго съ луговъ. Вдали, сквозь утреннюю мглу, сверкали тамъ и сямъ кресты рѣдкихъ церквей и видѣлись крыши домовъ и дворцовъ города, еще погруженнаго въ сонъ. Пейзажъ оживлялся пронзительнымъ звукомъ пастушечьихъ рожковъ да мычаніемъ выгоняемыхъ въ поле коровъ, а на большой дорогѣ никого, кромѣ калачницы Дарьи и Ермилыча, не было видно.

Въ самое время дошелъ онъ до проклятаго города. Какъ всѣ странники, путешествовавшіе въ то время по Россіи пѣшкомъ, онъ въ лѣтнее время предпочиталъ итти ночью, по холодку, а днемъ отдыхать.

— Есть у тебя, бабочка, укромный уголокъ, гдѣ бы мнѣ пристать? Я въ Петербургъ не надолго, на постоянныхъ дворахъ проживать мнѣ не охота, потому что мнѣ покой нуженъ, а на народѣ ни отдохнуть, ни съ мыслями собраться не дадутъ,—сказалъ онъ, снимая свою скуфейку.

— Въ сарайчикѣ, на огородѣ, согласенъ пожить? По теперешнимъ временамъ, у насъ тутъ это первое мѣсто и по прохладѣ и по покою,—отвѣчала Дарья, внимательно оглядывая съ ногъ до головы остановившагося передъ нею незнакомца.—Сѣнякъ у насъ тамъ съ подушкой, дверь изнутри запирается на крюкъ, а снаружи на замокъ,—прибавила она, замѣтивъ нерѣшительность, выразившуюся на его лицѣ.—Я потому тебѣ про сарайчикъ-то говорю, что тебѣ, какъ ты говоришь, покой и одиночество нужно. У меня, какъ видишь, калачная,—продолжала она, указывая на большой деревянный, выкрашенный въ красную краску калачъ, мотавшійся на веревкѣ надъ воротами, — народу видимо-невидимо въ день-то изъ города перебываетъ, есть и ночлежники, все больше изъ пришлыхъ чужаковъ, и не всѣ покойные, бываетъ, что и буйствуютъ. Наше дѣло такое, разбираться не приходится.

Ермилычъ согласился поселиться въ сарайчикѣ, и когда хозяйка провела его черезъ дворъ въ огородъ, въ концѣ котораго, подъ старымъ дубомъ, ютилось строенье въ одно крошечное окошечко, онъ подумалъ, что ничего лучшаго ему и не найти. Для порядка поторговавшись (хозяйка запросила за помѣщеніе пять алтынъ въ недѣлю, онъ давалъ три, и на четырехъ сошлись), онъ сталъ устроиваться въ новомъ своемъ помѣщеніи. Осмотрѣвъ запоры, оказавшіеся въ полномъ порядкѣ, и заложивъ крючокъ у двери, онъ снялъ съ себя грязную, запыленную, грубую одежду, помылся изъ подвѣснаго умывальника, въ которомъ оказалась свѣжая вода, переѣнилъ бѣлье и съ наслажденіемъ растянулся на душистомъ сѣнѣ.

Оконце, прорѣзанное въ стѣнѣ, выходящей въ самую глубь обширнаго огорода, наполненнаго уже созрѣвавшими овощами вперемежку съ вишневыми деревцами и кустами малины и смородины, было такъ высоко и такъ мало, что выглянуть изъ него было трудно; помѣщеніе освѣщалось лучами восходящаго солнца, безпрепятственно проникавшими сюда въ большія продольныя щели. Зимой и даже осенью, да и весной, тутъ должно было быть холодно, сыро, и неуютно, но въ лѣтнее время лучшаго убѣжища отъ духоты и мухъ трудно было найти. Вскорѣ Ермилычъ такъ глубоко погрузился въ думы, что забылъ, гдѣ онъ находится, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Лемеша, послѣ полученнаго извѣстія о свершившемся государственномъ событіи, могъ спокойно и безъ помѣхи обсуждать положеніе. Услышанные въ Москвѣ толки были такъ разнорѣчивы, что ни на одномъ изъ нихъ онъ не могъ остановиться. Ничему нельзя было вполне вѣрить, ни тому, что рассказывали ему его друзья изъ опальныхъ бояръ, преувеличивавшіе значеніе восшествія Петра II въ пріятную для нихъ сторону, ни тому, что говорилъ ему Ветловъ, впадавшій въ другую крайность изъ ненависти къ Меншикову и изъ страха за Праксиныхъ. Нельзя было придавать большого значенія и тому, что Авдотья Петровна отъ Лизаветки знаетъ: Лизаветка слишкомъ умна и осторожна, чтобъ выболтать лишнее, и скажетъ не то, что есть, а то, что надо, чтобъ думали люди о цесаревнѣ, которой она вѣрой и правдой служить, и о новомъ царѣ, на котораго вся Россія съ любовью и упованіемъ смотритъ. Нѣтъ, Ермилычъ собственными глазами и ушами долженъ узнать, въ чемъ дѣло, и именно для этого онъ сюда и пришелъ, въ противное болото, изъ котораго онъ выѣхалъ тридцать лѣтъ тому назадъ, обезумѣвъ отъ горя послѣ казни отца.

Давно это было, тогда и самъ мучитель, царь Петръ, былъ еще младшенекъ, и можно было надѣяться, что онъ съ лѣтами одумается, пойметъ, что насиліемъ можно только убить и искалѣчить у людей тѣло, а измѣнить ихъ душу да заставить умъ работать въ направленіи, противномъ тому, что испоконъ вѣка считалось на Руси добрымъ и святымъ, никакому человѣку, какъ бы онъ ни былъ могучъ и рѣшителенъ, не дано.

Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ, и препонъ ему ни въ чемъ на землѣ нѣтъ.

Никому Ермилычъ не довѣрилъ своего намѣренія непремѣнно, во что бы то ни стало, повидать новаго царя и повѣдать ему, съ глазу на глазъ, свои мысли. Даже такому испытанному другу и воспитаннику, какъ Ветловъ, не сознался онъ въ этомъ, и не потому, чтобъ сомнѣвался въ его скромности и въ умѣиіи хранить довѣренную тайну, а потому, что въ первый разъ въ жизни на него напала трусость при мысли, что не удастся достичь желан-

ной цѣли. Такъ ему хотѣлось видѣть царя и сказать ему то, что у него было на душѣ, какъ хочется пить человѣку, истомившемуся по долгому пути, въ степи, подъ палящими солнечными лучами. Все бы, кажется, отдалъ онъ, не задумываясь, за это счастье, не только остатокъ земной жизни, но и ту долю небеснаго блаженства, уготованнаго ему за вынесенныя на землѣ муки для родины.

«Пошли мнѣ, Господи, до него дойти и преклони ко мнѣ его сердце, чтобъ выслушалъ меня и чтобъ принялъ мои слова! Ты все можешь, Господи! Сдѣлай для меня чудо. Вѣдь ты знаешь, что не за себя молюсь, а за всю православную Русь! Ты знаешь, что я хочу ему сказать то, чего онъ ни отъ кого не слышалъ, да и не услышитъ никогда!»—повторялъ онъ, опустившись на колѣни и не замѣчая, какъ летитъ время.

Очнулся онъ отъ своего восторженнаго забытья тогда только, когда солнце проникло въ сарайчикъ изъ другой щели, много дальше и выше первой, а въ дверь постучались.

— Что надо?—спросилъ онъ, поднимаясь съ колѣней.

— Обѣдъ у насъ готовъ. Не хочешь ли съ нами поѣсть?—раздался голосъ хозяйки.

— Обѣдать? Да развѣ ужъ такъ поздно?—удивился Ермилычъ.

— Скоро полдень. Заспался ты, вѣрно, съ дороги-то. Я ждала, ждала, да и подумала, не разбудить ли странничка. Поди, чай, не для спанья ты къ намъ издалека прибрелъ.

Онъ растворилъ дверь въ залитый солнцемъ огородъ и попросилъ принести ему ѣсть сюда.

Не хотѣлось ему разбивать мыслей съ незнакомымъ народомъ. Назрѣвшій въ умѣ его планъ требовалъ внимательнаго размышленія. Еще дорогой, идучи сюда, рѣшилъ онъ прожить въ Питерѣ не дворяниномъ Бутягинымъ, постриженнымъ въ монашество, а Божьимъ странникомъ, Ермилычемъ, какъ въ Лемешахъ. Въ такомъ видѣ всюду легче проникнуть. Что же касается до старыхъ знакомыхъ, то, пожалуй, имъ лучше, до поры до времени, и не знать, что онъ здѣсь. Кто знаетъ, что его здѣсь ждетъ, придется, можетъ быть, и на церковныхъ папертяхъ съ протянутой рукой стоять.

Хозяйка ушла за обѣдомъ, а Ермилычъ, все глубже и глубже погружаясь въ сознание близости проклятаго города, въ которомъ имъ было пережито столько мукъ, совсѣмъ ушелъ въ прошлое...

Онъ видѣлъ себя маленькимъ ребенкомъ въ деревенскомъ дождѣ подмосковнаго хутора, гдѣ жили его родители, на колѣняхъ молодой, красивой женщины, которую онъ звалъ матушкой. Она съ нимъ бѣгала и играла въ густомъ саду, подъ тѣнью деревьевъ, насаженныхъ его дѣдами. Потомъ воображеніе унесло его на кладбище у старой деревянной церкви, къ открытой могилѣ, въ кото-

рую опустили ея гробъ. Онъ могъ ужъ сознательно относиться къ постигнутому его несчастью, и ему было очень тяжело. Съ кладбища онъ перенесся мыслями въ Москву, къ старику прадѣду, дѣду своей матери, къ которому отецъ его отвезъ, уѣзжая на царскую службу, куда-то далеко, въ земли, завоеванныя царемъ у шведовъ, гдѣ строилась крѣпость.

То было время начала лихорадочной дѣятельности молодого царя, всюду набравшаго себѣ приспѣшниковъ, и въ то время, какъ Федоръ росъ у стараго боярина, давно удалившагося отъ свѣта и посвятившаго себя наукамъ и воспитанію правнука, который изучалъ подъ его наблюденіемъ латинскій и греческій языки, священное писаніе да исторію государства Россійскаго по древнимъ рукописнымъ хартіямъ да по преданіямъ, записаннымъ мудрыми людьми,—отецъ его увлекался преобразовательными идеями царя и по цѣлымъ мѣсяцамъ забывалъ о существованіи сына. Не то, чтобъ онъ его разлюбилъ, а просто недосугъ было про него вспомнить, такъ закружился онъ въ водоворотѣ кипучей дѣятельности, обуявшей тогда всѣхъ, кто близко стоялъ къ преобразователю Россіи.

Старый прадѣдъ, предчувствуя приближеніе смерти и относясь прозорливо къ происходившему въ государствѣ, сталъ заботиться о пристройствѣ внука понадежнѣе и побезопаснѣе. Съ этою цѣлью онъ передалъ ему еще при жизни довольно значительное имѣніе въ Тверскомъ воеводствѣ и нашель ему невѣсту въ знакомой семьѣ. Дѣвушка была красива, благонравна и умна. Федору она давно нравилась, и оставалось только получить благословеніе отца на бракъ.

Благословеніе это, безъ сомнѣнія, получилось бы, если бы на бѣду, письмо Федора, посланное въ строившуюся Петропавловскую крѣпость, гдѣ Бутягинъ занималъ почетное мѣсто смотрителя надъ работами, не было получено въ то время, когда царь, какъ это часто случалось, сидѣлъ у него на крылечкѣ со своими приближенными, Меншиковымъ и Ягужинскимъ, покуривая трубочку и попивая пиво.

Завидѣвъ издали посланца съ письмомъ, онъ спросилъ, кому письмо и откуда, а узнавши, что отъ родного сына хозяина дома, выругалъ этого послѣдняго дуракомъ за то, что онъ раньше не сказалъ ему, что у него есть сынъ.

— Сколько ему лѣтъ?

— Ужъ давно пора его женить, государь,—отвѣчалъ Бутягинъ:—ему двадцать шестой годъ пошелъ.

— Что жъ онъ у тебя дѣлаетъ?—продолжалъ свой допросъ царь, который былъ въ этотъ день въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

Продолжая вертѣть въ рукахъ запечатанное крупною фамильною печатью письмо, Бутягинъ въ краткихъ словахъ рассказалъ

все, что касалось Ѳедора, не скрывъ и надежду на хорошее наслѣдство, заставившую его отдать сына послѣ смерти жены на попеченіе старика.

Послѣдствіемъ этого разсказа было приказаніе царя немедленно выписать Ѳедора на царскую службу.

— Тебѣ же кстати нуженъ помощникъ, вотъ и возьми его къ себѣ, да и подучивай исподволь, чтобъ замѣнилъ тебя, когда придетъ старость,—рѣшилъ царь.

Ослушаться царя Бутягину, разумѣется, и въ голову не пришло, хотя, ознакомившись съ содержаніемъ письма сына, онъ и посѣтовалъ на досадную случайность, заставившую посланца явиться къ нему именно тогда, когда царь у него былъ въ гостяхъ. Приди онъ за нѣсколько минутъ раньше или позже, совсѣмъ бы иначе повернулась судьба Ѳедора, но дѣлать было нечего, и онъ, съ тѣмъ же самымъ посланцемъ послалъ ему приказаніе немедленно къ нему пріѣхать.

Какъ было свято для отца желаніе царя, такъ для сына было свято приказаніе родителя, и онъ тотчасъ же пустился въ путь, прощаясь и принимая благословеніе воспитавшаго его старца съ такимъ чувствомъ, точно разстается съ нимъ навсегда.

Неожиданное распоряженіе отца смутило Ѳедора Ермиловича невыразимо. До сихъ поръ помнилъ онъ испугъ, недоумѣніе съ примѣсю любопытства и почти радостнаго волненія, овладѣвшаго всѣмъ его существомъ при внезапной и такъ мало ожидаемой перемѣнѣ въ его судьбѣ. Ему ужъ было двадцать пять лѣтъ, и онъ не могъ относиться равнодушно къ сбывтіямъ, волновавшимъ тогда всю Россію, подъ напоромъ слѣдовавшихъ одно за другимъ, безъ передышки, преобразованій, вводимыхъ царемъ съ такою поспѣшностью и необдуманностью, что самые умные и просвѣщенные люди изъ тѣхъ, которыхъ не менѣе его прельщали многіе изъ зарубезныхъ порядковъ, съ недоумѣніемъ покачивали головами, не предвидя ничего добраго изъ такой стремительности превратить во мгновеніе ока Россію въ Европу. Многихъ изъ такихъ людей Ѳедоръ Ермиловичъ имѣлъ случай узнать въ Москвѣ, и самъ онъ выросъ въ сознательной любви и преданности къ стариннымъ устоямъ, выработаннымъ цѣлыми поколѣніями русскихъ людей въ духѣ православія, тѣмъ не менѣе тянуло его познакомиться поближе съ новыми вѣяніями, начинавшими заражать воздухъ, не только на мужскихъ половинахъ русскихъ боярскихъ домовъ, но и въ женскихъ теремахъ. Со дня на день любопытство, приправленное жуткимъ страхомъ, заражало все больше и больше людей, преимущественно изъ молодежи. Самъ царь былъ молодъ, безумно отваженъ и казался обязательно прекрасенъ жаждающимъ сильныхъ ощущеній и разнообразія умамъ.

И жутко ему было и сладко въ одно и то же время, когда, подлѣзая къ хорошему дому отца на берегу залива, Ѳедоръ

Ермиловичъ пытался себѣ представить личность этого царя, о которомъ онъ слышалъ столько разнорѣчивыхъ и страстныхъ толковъ, и по желанію котораго онъ покинулъ все, что до сихъ поръ составляло предметъ его радостей и счастья, чтобъ броситься, очертя голову, въ новую, незнакомую жизнь.

Да, жизнь здѣсь оказалась совсѣмъ новой, ни въ чемъ не похожей на ту, которую онъ велъ со дня рожденія въ Москвѣ. Тамъ онъ былъ баринъ, ему прислуживало множество слугъ, здѣсь онъ долженъ былъ повиноваться приказаніямъ другихъ; тамъ онъ занимался тѣмъ, что хорошо зналъ и любилъ, здѣсь пришлось учиться тому, о чемъ у него никогда и въ мысляхъ не было, и что не представляло и (онъ это чувствовалъ) никогда ни малѣйшаго интереса для него представлять не будетъ. Тамъ было тихо, мирно и спокойно, все располагало къ мечтательности и внутреннему созерцанію, здѣсь постоянно шумѣло море, и ему пришлось привыкать вставать и ложиться, работать и отдыхать подъ несмолкаемый шумъ его волнъ, подъ стукъ, визгъ, гомонъ и говоръ рабочихъ, воздвигавшихъ мрачное строеніе, одинъ видъ котораго навѣвалъ на умъ мысли о кровопролитныхъ вражескихъ нападеніяхъ, о заточеніяхъ и казняхъ.

Строили тутъ же поблизости корабли, лодки и шлюпки, спускали ихъ въ море, а на пожалованныя, на радостяхъ, царемъ деньги пили, орали пѣсни, затѣвали ссоры и драки. Лѣзли съ жалобами и съ просьбами къ смотрителю рабочіе, и заходили въ его уютный домикъ, построенный по плану, утвержденному царемъ, важные господа, которыхъ царь привозилъ сюда, чтобъ похвастаться передъ ними работами, производимыми по заграничному образцу.

Тутъ было, какъ при столпотвореніи вавилонскомъ, смѣшеніе языковъ: мастера отдавали приказанія по-нѣмецки, по-голландски, по-итальянски и всего рѣже по-русски, самъ царь, когда Федоръ Ермиловичъ въ первый разъ его увидѣлъ, вошелъ въ домъ его отца въ такомъ возбужденіи отъ гнѣва на мастера, позволившаго себѣ что-то такое измѣнить въ планѣ, что онъ показался Федору пьянымъ, такъ растерянно блуждалъ онъ по сторонамъ обезумѣвшимъ взглядомъ, такъ включены были его густые, кудрявые волосы, и такимъ ломанымъ нѣмецкимъ, съ примѣсью голландскихъ словъ, языкомъ отдавалъ онъ свои гнѣвныя, отрывистыя приказанія, пересыпая ихъ ругательствами.

Негодование, изумленіе и отвращеніе, выразившіяся на лицѣ Федора, испугали его отца, который немедленно придумалъ предлогъ услатъ его подальше на все время пребыванія царя въ домѣ, но какъ ни гнѣвентъ былъ Петръ и какъ ни поглощенъ заботой о поправкѣ сдѣланной ошибки, онъ замѣтилъ новое лицо среди встрѣтившихъ его на крыльцѣ домашнихъ смотрителя и уходя спросилъ

у хозяина, ужъ не сынъ ли его—тотъ молодой малый, который стоялъ въ дверяхъ, когда онъ сюда вошелъ.

— Точно такъ, государь, это—мой сынъ, котораго по приказанію вашего величества я сюда выписалъ.

— Что жъ ты мнѣ его не представилъ?

— Не до него было, государь.

— Побоялся, чтобъ и ему съ перваго знакомства не попало вмѣстѣ съ тѣми дураками? — съ усмѣшкой замѣтилъ царь.—Ужъ онъ у тебя не изъ робкихъ ли? Не даромъ, значитъ, до такихъ лѣтъ надъ святцами въ Москвѣ у стараго дѣда корпѣлъ...

— Робкихъ въ нашей семьѣ не бывало, государь,—заступился за сына Бутягинъ.

— А вотъ увидимъ. На-дняхъ найду къ тебѣ, чтобъ съ нимъ познакомиться.

Но ближайшее знакомство царя съ сыномъ зрителя къ добру не привело: еще меньше полюбились они другъ другу, чѣмъ при первой встрѣчѣ. Задавъ Ѳедору нѣсколько отрывистыхъ вопросовъ насчетъ того, чему онъ учился и къ чему готовился, и убѣдившись изъ холодныхъ, сдержанныхъ его отвѣтовъ, что ни о чемъ иномъ онъ не мечтаетъ, какъ о томъ, чтобъ жить, какъ дѣды и прадѣды его жили, служа на полѣ брани во время войны, а остальную жизнь проводя въ деревнѣ съ крестьянами, занимаясь удобреніемъ земли да воспитаніемъ дѣтей, царь презрительно поморщился и, оборвавъ на полусловѣ разговоръ съ сыномъ, обратился къ отцу:

— Вялый онъ у тебя, Василичъ, на монаха смахиваетъ, и врядъ ли изъ него толкъ будетъ,—замѣтилъ съ обычною своею рѣзкостью царь, нимало не смущаясь присутствіемъ молодого челоуѣка, насчетъ котораго изрекался такой безжалостный и оскорбительный приговоръ.

— Образуется, государь, — сдержанно возразилъ на замѣчаніе царя Ермилъ Васильевичъ.

— Да, ужъ ты объ этомъ постарайся, намъ ханжей не надо,—объявилъ отрывисто царь, и, глянувъ вскользь на смущеннаго Ѳедора, стоявшаго передъ нимъ, опустивъ глаза, онъ отвернулся отъ него и заговорилъ съ однимъ изъ сопровождавшихъ его кавалеровъ.

— Поразвязнѣ надо быть, Ѳедюша,—сказалъ Ермилъ Васильевичъ сыну, оставшись съ нимъ наединѣ, по уходѣ гостей. — Царь скромныхъ не любитъ; ему бы все такихъ шустрыхъ, какъ Меншиковъ, да тотъ жиденокъ, Дивьеръ,—прибавилъ онъ съ горечью.

Досадно ему было, что его красавецъ Ѳедоръ не сумѣлъ выставиться въ выгодномъ свѣтѣ передъ всемогущимъ покровителемъ, отъ котораго зависѣла его судьба, но у него было слишкомъ много здраваго смысла, чтобъ упрекать его въ томъ, въ чемъ вины съ

его стороны не было никакой, и весь тотъ день о непріятномъ инцидентѣ не было произнесено ни единого слова, хотя старику стоило только взглянуть на сына, чтобъ убѣдиться, что Ѳедору есть что ему сказать. И дѣйствительно, на слѣдующій день, послѣ ночи, проведенной безъ сна, въ раздумѣ, молодой человекъ, подъявшись чуть свѣтъ, вышелъ изъ дома и вернулся назадъ ужъ тогда, когда работа кипѣла, и, позавтракавъ одинъ; отецъ его ушелъ на пристань встрѣчать прибывшіе изъ чужихъ краевъ корабли. Пришлось ждать объясненія съ нимъ до обѣда, и Ѳедоръ провелъ мучительныхъ часа три въ предчувствіи тяжелаго разговора съ человекомъ, котораго онъ любилъ и уважалъ превыше всего на свѣтѣ.

То же предчувствіе мучило, безъ сомнѣнія, и отца; вернулся онъ домой обѣдать въ прескверномъ расположеніи духа и, чтобъ отдалить объясненіе, сталъ жаловаться на рабочихъ, которыхъ надо постоянно понукать, чтобъ работали, хвалилъ нѣмцевъ, понимающихъ свои обязанности гораздо лучше русскихъ, и наконецъ, оборвавъ рѣчь на полусловѣ, отрывисто спросилъ у сына, куда это онъ запропастился на все утро, не спросивъ на эту отлучку ни у кого позволенія.

— Извините, батюшка, я ушелъ, когда вы еще почивали, и надѣялся вернуться раньше... У меня до васъ большая просьба и такая для меня важная, что я попрошу васъ выслушать меня до конца, — проговорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ Ѳедоръ.

— Говори, — отрывисто сказалъ отецъ.

— Вы, батюшка, про англійскаго купца Шехтеля изволили слышать?

— Это тотъ, что къ намъ пріѣхалъ, чтобъ фабрику стальныхъ издѣлій открыть, и который торгуетъ въ домѣ на Милліонной?

— Этотъ самый. Ему нуженъ бухгалтеръ, который бы зналъ, кромѣ русскаго языка, по-латыни, и онъ мнѣ предложилъ у себя мѣсто. Дозвольте мнѣ его принять, батюшка...

— Ты это что же? Съ отцомъ работать не хочешь и идешь къ чужимъ? — запальчиво прервалъ его отецъ.

— Батюшка! Не съ вами работать я не могу, а съ царемъ... Я его ненавижу, батюшка... О, не за то, что и онъ меня съ первой минуты возненавидѣлъ! — продолжалъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ. — Развѣ я не понимаю, какая между нами безднѣ, развѣ я не понимаю, что я передъ нимъ не что иное, какъ ничтожная мошка, которую ему ничего не стоитъ однимъ дуновеніемъ смести съ лица земли? развѣ я не понимаю, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный человекъ, гений ума и таланта, что такого царя ни въ одной странѣ земного шара никогда не было и, можетъ быть, не будетъ?.. но что же мнѣ дѣлать, если не лежитъ у меня

къ нему сердце, если я убѣжденъ, что, кромѣ зла, онъ ничего не сдѣлаетъ для Россіи и погубить у насъ такое множество хорошихъ русскихъ людей, что долго нашей родинѣ послѣ его нашествія не оправиться? что же мнѣ дѣлать, если я ненавижу его за Россію, батюшка? Какъ же мнѣ ему служить съ такими чувствами въ сердцѣ противъ него? Какую же пользу принесу я и вамъ теперь, когда моя душа вамъ открыта? Батюшка! батюшка! послушайте меня до конца, вы должны все знать, чтобъ меня понять и простить! Одному только вамъ вѣдь могу я открыть свою душу, одному вамъ повѣрить мои предчувствія! Они ужасны, батюшка, я чувствую, что царствовать онъ будетъ долго, и что съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ страсть къ разрушенію того, что намъ дорого и свято, будетъ усиливаться въ немъ, что ненависть его къ тѣмъ, кто его понимаетъ и кто способенъ ему противодѣйствовать, дойдетъ до озвѣрѣнія... Намъ предстоитъ сдѣлаться свидѣтелями такихъ ужасовъ, что смерть намъ будетъ казаться избавленіемъ, вотъ увидите!—продолжалъ онъ въ экстазѣ отъ возбужденія.

Въ первый еще разъ доводилось ему высказывать вслухъ мысли и чувства, волновавшія его душу, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ къ отцу, видѣлъ и слышалъ царя и былъ свидѣтелемъ его дѣятельности, свидѣтелемъ такимъ близкимъ, что ему казалось, что онъ знаетъ его лучше, чѣмъ царь самъ себя знаетъ... не сознательно же ведетъ онъ Русское царство на гибель...

— Я его изучилъ, батюшка,—продолжалъ Федоръ, торопясь окончить свою исповѣдь.—Я нарочно избѣгалъ быть представленнымъ ему раньше, чтобъ ничто не мѣшало мнѣ наблюдать за нимъ, чтобъ никакое личное чувство не мѣшало мнѣ безпристрастно его узнавать... Пріѣхалъ я сюда съ самыми лучшими чувствами, наслышавшись про его умъ, геній и терпѣніе, и все это я въ немъ нашелъ, но это все дьявольское, батюшка! Всмотритесь въ его глаза, всмотритесь хорошенько, и вы увидите въ нихъ безуміе... Да, да, батюшка, онъ не похожъ на другихъ людей, въ немъ человѣческаго такъ мало, что все человѣческое ему чуждо, и вотъ почему ему доставляетъ особенное наслажденіе попирать ногами наши святыни... Уважаетъ ли онъ чтонибудь изъ того, что мы уважаемъ? Онъ дѣлаетъ во всемъ намъ наперекоръ: мы любили нашихъ царей за ихъ благочестіе и за чистоту нравовъ, онъ кощунствуетъ и развратничаетъ явно, чтобъ оскорблять насъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ все хуже и хуже, потому что все будетъ меньше и меньше людей, которые могли бы ему сказать правду въ глаза... какъ я бы ему ее сказалъ, если бы при немъ остался... Вѣдь, если я отъ этого вчера воздержался, батюшка, то только изъ-за васъ, и вотъ теперь, какъ передъ Богомъ, говорю вамъ, не ручаюсь я за себя впредь, такая во мнѣ злоба клокочетъ при видѣ развратителя Россіи, что могу и себя, и васъ по-

губить... Отпустите меня, Христа ради, подальше отъ грѣха! Если вы въ его согласіи сомнѣваетесь на мой счетъ, пусть на войну пошлетъ: съ радостью положу жизнь за родину на подѣ брани...

Слова его подѣйствовали, отецъ не только повѣрилъ въ его искренность, но и не нашелъ въ себѣ силъ осудить его за то, что онъ мыслить и чувствуетъ не такъ, какъ онъ. Ермилъ Васильевичъ вызвался переговорить съ Шехтелемъ, который понялъ неловкость его положенія относительно ухода съ царской службы Ѳедора, послѣ того какъ самъ царь, въ знакъ своей милости къ отцу, далъ ему мѣсто такъ къ себѣ близко, что отъ него бы стоило извлечь изъ этой близости то, что извлекали другіе. Шехтель былъ знакомъ съ Дивьеромъ и присталъ къ нему съ просьбой дать ему въ бухгалтеры молодого Бутягина; дѣло, ко всеобщему удовольствію, сладилось. Не прошло и недѣли, какъ, взглянувши въ домикъ надсмотрщика и не увидавъ тамъ больше несимпатичнаго ему ховяйскаго сына, царь сказалъ Ермилу Васильевичу:

— А сынокъ-то не въ тебя, мнѣ Дивьеръ сказывалъ, что у него больше охоты надъ счетными книжками корпѣть, чѣмъ намъ въ нашемъ дѣлѣ помогать. Сейчасъ видать что москвичъ, тупой ханжа, намъ такихъ не надо.

Сорвавъ свою досаду надъ отцомъ провинившагося сына, царь отъ него отвернулся и съ тѣхъ поръ сталъ все рѣже и рѣже оказывать ему милостивое вниманіе. Но Ермилъ Васильевичъ былъ этому даже радъ: слова сына, въ первую минуту приведшія его въ негодованіе, чѣмъ больше онъ объ нихъ думалъ, тѣмъ все болѣе и болѣе казались ему справедливыми.

А вѣдь это правда, что царемъ овладѣлъ духъ злобы и ненависти ко всему русскому, и что только тѣ люди, которые тоже поддались этому иноземному духу, ему милы; правда также и то, что съ каждымъ днемъ онъ становится рѣшительнѣе и жесточе, и что скоро настанетъ время, когда онъ ни передъ чѣмъ не будетъ останавливаться, чтобъ ставить все на своемъ, и безъ милосердія будетъ коверкать и истреблять съ лица земли все и всѣхъ, кто поперекъ дороги ему стоитъ... Вѣрить ли онъ въ Бога? Если вѣрить, то Ѳедюшка правъ: надо быть въ безуміи, чтобъ такъ нагло, какъ онъ, попирать Божескіе законы... значить, онъ безумный... А если не вѣрить?.. Тогда какой же онъ намъ русскій, православный царь? Значить, правы всѣ тѣ, которые мученичeskій вѣнецъ приняли, не признавая въ немъ русскаго царя? Правы и люди старой вѣры, видящіе въ немъ самого духа тьмы...

Мысли эти не давали ему покоя. Разъ проснувшееся сознание не засыпало болѣе, какъ ни убаюкивалъ онъ его такими софизмами, какъ: все это не имъ поведено и не ему исправлять... противъ рожна не попрешь... Сколько ужъ народа погибло за супро-

тивничанье этому дьяволу въ образѣ человѣческомъ, а что отъ того проку?..

Пришлось припомнить слова сына и насчетъ поистинѣ нечеловѣческой прозорливости царя. Ничего отъ него не скрыть, онъ самыя мысли человѣка читаетъ на его лицѣ, какъ въ открытой книгѣ, и даръ этотъ тоже у него отъ отца лжи и зла, потому что онъ одно только дурное извлекаетъ изъ этого дара...

И все страшнѣе и страшнѣе становилось бѣдному Бутягину и за себя съ сыномъ, и за Россію. Наконецъ, тоска такъ загрызла ему сердце, что онъ не въ силахъ былъ дольше терпѣть и пошелъ посовѣтоваться съ Ѳедоромъ, какъ имъ устроить свою жизнь подальше отъ дьявола, съ его выдумками и нововведеніями.

— Чтобъ намъ про все это не слышать и ничего этого не видѣть, Ѳедюша. Ну-ка, раскинь умомъ да присовѣтуй,—сказалъ онъ ему въ заключеніе покаянной рѣчи, съ которой пришелъ къ сыну, въ уютную свѣтелку, отведенную ему хозяиномъ въ глубинѣ сада, гдѣ онъ и принялъ отца въ воскресенье, послѣ обѣдни, когда былъ увѣренъ, что никто беспокоить ихъ не будетъ.

У нѣмцевъ потому было лучше жить въ это страшное время, чѣмъ у своихъ, что никто въ душу къ тебѣ не влѣзаетъ, дѣлай только свое дѣло, а чѣмъ занимаешься, кого видишь и о чемъ думаешь въ свободное время,—никому до этого дѣла нѣтъ. А что всего было важнѣе, это то, что никого не подведешь. Нѣмцы пользовались особеннымъ покровительствомъ царя и любимца его, генералъ-полицеймейстера, Дивьера. Нѣмцевъ не считали способными ни на бунтъ, ни на предательство.

— Не время теперь, батюшка, уходить изъ пекла на прохладу и на покой,—угрюмо отвѣтилъ Ѳедоръ на предложеніе родителя.— Про намѣреніе царя развестись съ законной супругой, нашей царицей Евдокіей Ѳеодоровной, и заключить ее въ монастырь слышали? А вѣдь царица ему царевича, наследника престола, родила!

— Что же мы противъ этого можемъ подѣлать, Ѳедюша? И раньше это бывало, что цари русскіе чистоты нравовъ не соблюдали...

— Когда? Какіе цари?—запальчиво вскричалъ Ѳедоръ.—Послѣ язычества еще не то было... мало ли что было встарь, когда русскіе люди ни вѣры своей не понимали, ни обязанностей передъ родиной! Почитай-ка житія тѣхъ изъ нашихъ великихъ князей и царей, которыхъ мы почитаемъ, какъ праведныхъ и высокаго своего сана достойныхъ, вотъ и увидишь, чѣмъ Русская земля держалась, и какія наказанія были Россіи за грѣхи ея правителей. Вѣдь Грозный-то Иванъ не отъ законной жены великаго князя родился, а отъ Глинской Елены, которая не погнушалась заступити мѣсто отвергнутой Соломоніи, не дождавшись ея смерти. Вотъ онъ перстъ-то Божій! А теперь, послѣ того, какъ у насъ

были такіе благочестивые цари, какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, Петръ затѣваетъ съ Грознаго, въ самомъ что ни на есть скверномъ и душегубительномъ, примѣръ брать? И ты, батюшка, за другими повторяешь, что такая мервостъ у насъ въ Россіи, не въ первый разъ!

— Я, Ѳедюша, не такой ученый, какъ ты, — возразилъ со смущеніемъ старикъ. — Послушалъ бы ты тѣхъ, съ которыми я живу, съ тѣхъ поръ, какъ Господу Богу было угодно призвать къ себѣ твою мать! — прибавилъ онъ со вздохомъ. — Всѣ здѣсь, ему потрафляючи, на блудъ да на пьянство, да на всякое грѣховное воровство, какъ на пустяки, смотрять...

— Царевичу Алексѣю вѣдь пятнадцатый годъ идетъ, — какво ему всѣ эти безобразія выносить! Каково ему знать про терзанія матери и не имѣть возможности ничѣмъ ей помочь! — продолжалъ преслѣдовать вслухъ свою мысль Ѳедоръ. — Онъ въ нашей вѣрѣ хорошо начитанъ и большое имѣетъ пристрастіе къ духовному просвѣщенію, все, значить, можетъ понимать, какъ настоящій русскій человѣкъ. Каково ему видѣть, что отцомъ его овладѣлъ дьяволъ, на пагубу Русскаго государства? И ты только прослѣди, батюшка, съ какихъ поръ пошла эта пагуба, съ той самой распроклятой нѣмки, гулящей дѣвки Монсовой, что соблазнила его распутствомъ да иноземными, безстыдными ухватками. Вотъ онъ, дьяволъ-то! Какъ тутъ лукавства его не видѣть?.. Она на него и остуду къ царицѣ напустила и ненависть ко всему русскому; не попадись она ему на глаза, жилъ бы теперь по-божески и правилъ бы царствомъ по божескимъ, а не по бѣсовскимъ законамъ! Съ кѣмъ только она не путалась, начиная съ чортова сына Лефорта, при которомъ въ любовницахъ состояла, когда царь ее въ наложницы себѣ взялъ! И изъ-за такой мерзавки онъ свою законную супругу, русскую царицу, въ монашество силой постригъ и въ горькой нуждѣ держитъ! Вѣдь все это царевичу извѣстно, ему девятый годъ шель, когда его мать стали тиранить, онъ все это помнитъ...

— Тише ты, тише, ради Бога! Не знаешь развѣ, что за такія слова люди голову на плаху кладутъ? — прервалъ его отецъ, бояливо оглядываясь по сторонамъ и хватая его за руку, чтобъ заставить смолкнуть.

— Знаю, батюшка, все знаю, а потому такъ и думаю, такъ и говорю, — отвѣчалъ онъ съ загорѣвшимися рѣшимостью глазами.

— Откуда ты знаешь? Съ кѣмъ ты тутъ сошелся? Кто тебѣ все это рассказалъ? Про это подъ страхомъ смертной казни запрещено разговаривать!

— Ну, и пусть казнятъ, а пока буду про царевича, про моего будущаго государя, у тѣхъ, кто знаетъ, спрашивать, чтобъ знать, какихъ онъ мыслей держится, и чего намъ отъ него въ будущемъ ждать...

— Не попадись!—чуть слышно вымолвить старикъ.

Онъ былъ такъ удрученъ, что не въ силахъ былъ даже спорить съ сыномъ и доказывать ему, что онъ идетъ на гибель.

— Если и попадусь, такъ не за себя одного, а за всю Россію пострадаю. Такихъ-то, которые думаютъ, какъ я, много, батюшка.

— Съ Монсовой у него ужъ давно связь распалась,—робко попытался отецъ заступиться за царя.

— Ахъ, батюшка, точно вы не знаете, что другая нѣмка залѣзла ему въ сердце, и которая будетъ для насъ хуже,—одному Богу извѣстно,—угрюмо возразилъ Ѳедоръ.—Брось ты его обѣлять, батюшка, чернаго бѣлымъ не сдѣлаешь, какъ ни старайся, а ты лучше самъ раскинь разумомъ, къ чему онъ все это ведетъ, и чѣмъ это можетъ для нашей родины кончиться! Въ какую пришелъ ярость, когда узналъ, что безъ него царевичъ къ матери въ Суздаль ѣздилъ! Съ радостью онъ у него изъ тѣла сердце бы вырвалъ, вотъ онъ какъ ненавидитъ его за то, что вмѣстѣ со всѣми русскими людьми отверженную царицу, мать свою родную, любитъ и уважаетъ...

— Ахъ, Ѳедюша, Ѳедюша! На бѣду я тебя сюда изъ Москвы выписалъ!—проговорилъ сквозь слезы старикъ.

— Не жалѣй объ этомъ, батюшка: что судьбой положено, того не избѣгнешь. Я бы и тамъ познакомился съ людьми, преданными царевичу, которые мнѣ открыли бы глаза, и даже, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ здѣсь.

— А я-то хотѣлъ тебя туда назадь отправить!

— Нѣтъ, батюшка, я ужъ теперь слишкомъ много знаю, чтобъ оставлять тебя здѣсь, съ этимъ звѣремъ, одного. Погибать—такъ ужъ вмѣстѣ. Чуетъ мое сердце, что, расхрабрившись удачами, онъ такихъ понадѣлаетъ бѣдъ, что и твое незлобивое и ослѣпленное сердце отъ него отвернется, и тогда съ кѣмъ же ты тутъ останешься, если меня не будетъ?

Ѳедоръ Ермилычъ былъ правъ, предчувствуя бѣду—скоро, очень скоро обрушилась бѣда на ихъ голову...

Катастрофъ, подобныхъ той, въ которой погибъ старикъ Бутягинъ, въ то страшное время было такое великое множество, что воспоминаніе о ней сохранилось только въ памяти пострадавшихъ, въ исторіи же подробностей о ней нѣтъ. Что значила гибель старика, отказавшагося исполнить какое-то новое приказаніе царя, потому что онъ считалъ его противнымъ законамъ совѣсти, въ сравненіи съ великимъ множествомъ именитыхъ и богатыхъ бояръ, замученныхъ и казненныхъ, сосланныхъ въ Сибирь и разоренныхъ за то, что они осмѣливались отстаивать свои убѣжденія, которыя въ то же время были и убѣжденіями всего русскаго народа?

Старику Бутягину еще посчастливилось: передъ смертью ему удалось повидаться съ сыномъ и взять съ него клятву, что онъ

не кинется, очертя голову, въ омутъ, не попытавшись принести по-сильную пользу родинѣ.

— Всего нашего рода двое остались: ты да я. Меня жалѣть нечего, жить осталось мнѣ недолго, и плакать о себѣ я тебѣ за-прещаю...

Слова эти долго звучали у Федора въ ушахъ такъ неотвязно, что часто ночью онъ, какъ ужаленный, срывался съ постели, чтобъ упасть на колѣни передъ образами и молить Бога о пощадѣ. Угнетаемому сознаниемъ, что причиной гибели отца—онъ, ему было не до того, чтобъ заботиться о собственной безопасности, и онъ оплакивалъ своего родителя во всеуслышаніе, объясняя каждому встрѣчному и поперечному, что отецъ его пострадалъ невинно изъ-за него, потому что царь не влюбилъ его съ перваго взгляда... Никто еще не осмѣливался такъ громко, какъ онъ, называть царя человѣконенавистникомъ и душегубцемъ. Можетъ быть, это и спасло его: репутація помѣшавшагося въ умѣ съ горя за нимъ утвердилась... какъ и за многими другими.

Многихъ тогда новые порядки доводили до сумасшествія.

Искать встрѣчи съ царемъ, чтобъ высказать ему въ глаза то, что накопилось у него противъ него на душѣ, сдѣлалось у него пунктомъ помѣшательства; онъ объ этомъ мечталъ день и ночь, а чуть заснетъ—мечта его осуществлялась; онъ видѣлъ себя передъ царемъ и бросалъ ему въ лицо свое проклятіе, да такъ громко, что онъ часто просыпался отъ собственнаго крика.

Узнавши о постигшемъ его горѣ, дѣдъ прислалъ къ нему довѣреннаго человѣка, чтобъ привезти его назадъ въ Москву, но Федоръ Ермиловичъ и слышать объ отъѣздѣ изъ Петербурга не хотѣлъ до тѣхъ поръ, пока царь не уѣхалъ надолго въ чужіе края.

— Что-жъ тебѣ теперь здѣсь дѣлать, баринъ? Поѣдемъ въ Москву,—сталь уговаривать его дѣдовъ посланецъ, и на этотъ разъ съ успѣхомъ. Федоръ Ермиловичъ рѣшился покинуть Петербургъ.

Въ Москвѣ онъ повелъ себя иначе; здѣсь жилъ цесаревичъ, и можно было опасаться, что дерзкія рѣчи приверженца пагубнымъ образомъ отразятся на его и безъ того печальномъ положеніи. Самъ ли Федоръ Ермиловичъ додумался до этого вывода, или кто другой натолкнулъ его на эту мысль, такъ или иначе, но это имѣло для него благотворныя послѣдствія. Возбужденіе его успокоилось и замѣнилось потребностью къ уединенію и молчанію, и самъ дѣдъ настоялъ на томъ, чтобъ онъ переѣхалъ жить въ монастырь св. Саввы, гдѣ былъ недавно назначенъ настоятелемъ большой ему пріятель.

Вскорѣ послѣ того дѣдъ умеръ, и Федоръ Ермиловичъ оказался богатымъ человѣкомъ. Но враги его не дремали, и настоятель монастыря, въ которомъ онъ нашелъ убѣжище, получилъ предпи-

саніе склонить живущаго въ его обители слабоумнаго дворянина Федора Бутягина добровольно принять монашество, а доставшееся ему наслѣдство пожертвовать царю на военныя нужды, дабы такимъ поступкомъ искупить содѣянные имъ въ безуміи публичныя безчинства въ городѣ Санктъ-Петербургѣ, пять лѣтъ тому назадъ, послѣ казни государственнаго преступника Ермилы Бутягина, его отца.

Каждое слово этого предписанія было чревато угрозами, и самое слово «добровольно» звучало такою ироніей, что надо было быть дѣйствительно безумнымъ, чтобъ не покориться заявленному требованію.

Федоръ Ермиловичъ покорился и принялъ постригъ, лишавшій его права владѣть какимъ бы то ни было имуществомъ. Когда онъ отдалъ все свое состояніе въ казну, у него остался на пропитаніе только небольшой хуторокъ подъ Москвой въ близкомъ сосѣдствѣ съ Лыткиными, съ которыми семья его споконъ вѣка состояла въ дружественныхъ отношеніяхъ. Передъ постригомъ онъ фиктивно продалъ этотъ клочекъ земли съ усадьбой и садомъ сосѣдямъ, а когда у приѣмной дочери Авдотьи Петровны родился сыночекъ, къ которому его попросили въ крестные отцы, онъ подарилъ на зубокъ своему крестнику Филиппушкѣ въ полное владѣніе свой хуторокъ.

Все это сдѣлалось безъ документовъ, на совѣсть, но тогда на Руси еще были люди, которые ставили совѣсть превыше всѣхъ человѣческихъ законовъ и не задумываясь шли на смерть за право сознать, что остались ей вѣрны.

VI.

Пообѣдавъ принесенными Дарьей щами и пшеничной кашей на молокѣ, Ермилычъ пустился въ путь.

Прошло болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ отсюда уѣхалъ, и за это время воздвиглось такое великое множество зданій и произошло столько переменъ въ строѣ русской жизни, что надо было только дивиться, какъ быстро нашелъ онъ Невскую перспективу, обсаженную высокими душистыми липами, и Лѣтній садъ, представлявшій въ его время почти пустое пространство, усаженное крошечными деревцами по сторонамъ правильно распланированныхъ аллей и дорожекъ, съ бѣлѣвшими на юру привезенными изъ-за границы статуями и пестро размалеванными бесѣдками. Теперь все это красиво выглядывало среди изумрудной зелени разросшихся высокихъ деревьевъ.

Вдали возвышался золотой шпигъ адмиралтейства, и со всѣхъ сторонъ красовались великолѣпные дома, окруженные садами. По улицамъ развѣзжали кареты, скакали верхомъ нарядные каза-

леры, прогуливалась оживленная разряженная толпа, и воздух оглашался веселыми возгласами и разговорами, звонкими выкрикиваніями продавцовъ сбитня, кваса, заморскихъ фруктовъ. На многихъ домахъ были вывѣски иностранныхъ торговцевъ и русскихъ купцовъ. По каналамъ скользили шлюпки и лодки, пестро разукрашенные, съ катающимися.

«Вотъ какимъ мечталъ ты видѣть разведенные тобою сады и заложенный городъ на болотѣ, царь Петръ!»—думалъ Бутягинъ, увлекаясь все больше и больше воспоминаніями по мѣрѣ того, какъ онъ проходилъ по мѣстамъ, гдѣ нѣкогда столько выстрадалъ.

Навертывались на умъ и рассказы очевидцевъ того, что самому ему, слава Богу, видѣть ужъ не довелось, ужасы, одинъ отвратительнѣе и возмутительнѣе другого... Возраставшее вліяніе той женщины, которую царь дерзнулъ короновать всероссійской императрицей...

О бѣсовскія торжества по поводу страшнаго кощунства!.. Да еще въ первопрестольной столицѣ русскихъ православныхъ царей! Какой это былъ жестокій, оскорбительный вызовъ всему русскому народу!

Ждать добра отъ человѣка, такъ далеко зарвавшагося въ зломомъ презрѣніи ко всему доброму и святому, было ужъ невозможно, а между тѣмъ, когда разнеслась вѣсть о бѣгствѣ царевича, о привозѣ его обманомъ на родину, о судѣ надъ нимъ и о его таинственной кончинѣ, всѣ русскія сердца содрогнулись новой, острой болью! Точно масла подлили въ неугасяемое пламя озлобленія противъ коронованнаго звѣря. То, что онъ дѣлалъ, было такъ ужасно, такъ противно божескимъ и человѣческимъ законамъ, что, можетъ быть, съ той поры и сложилась легенда о подмѣнѣ его сыномъ діавола, отголоски которой Бутягинъ слышалъ въ Лемешахъ.

Русскіе люди ждали Божіей кары и дождались ея — ребенка, сынъ нѣмки, ради котораго совершались эти беззаконія, умеръ, и снова загорѣлась въ сердцахъ надежда на возмездіе, на восстановление попрашнаго закона престолонаслѣдія, на то, что царемъ будетъ сынъ замученнаго царевича.

Свершилось и это. Ермилычу пришлось дожить до торжества правды: вступилъ на престолъ Петръ II.

Особенное оживленіе отъ подвѣзжавшихъ къ воротамъ большого красиваго дома богатыхъ экипажей заставило Ермилыча остановиться. Тутъ, должно быть, живетъ дочь Петра, и ему можно было бы увидать мать крестника Филиппушки, если бы знать, какъ до нея проникнуть. Ермилычъ присосѣдился къ толпѣ зѣвакъ, остановившейся глазѣть на гостей цесаревны близъ воротъ, и сталъ прислушиваться къ разговорамъ.

— На охоту собирается съ царемъ ѣхать. Вонъ, ужъ и лошадей изъ конюшенъ выводятъ,—замѣтилъ кто-то въ темномъ кафтанѣ, подпоясанномъ голубымъ кушакомъ.

— Сейчасъ, значить, тѣ, что пріѣхали, назадъ отъѣдутъ?—спросила его сосѣдка, повязанная платочкомъ женщина.

— Которые отъѣдутъ, а которые съ нею поѣдутъ,—самоувѣренно отвѣчалъ свѣдущій человѣкъ.—Въ Петергофъ сегодня чуть свѣтъ цѣлыхъ десять подводъ съ провизіей да съ поварями отправились, до завтрашняго дня пропируютъ.

— Пользуются тѣмъ, что самъ-то все хвораетъ,—замѣтилъ третій собесѣдникъ, съ лукавой усмѣшкой подмигивая двумъ первымъ.

— Развѣ свѣтлѣйшій князь все еще до сихъ поръ не поправился?—вмѣшался въ разговоръ Ермилычъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить на его вопросъ, его смѣрили съ ногъ до головы довольно-таки подозрительнымъ взглядомъ, но, должно быть, видъ его и одѣяніе Божьяго человѣка внушали довѣріе, потому что свѣдущій человѣкъ послѣ маленькаго колебанія вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— Князь Александръ Даниловичъ сталъ было, говорятъ, поправляться, да кровь показалась изъ горла, и вчера онъ опять слегъ... А ты откуда? Видать, не здѣшній?

— Я изъ-подъ Звенигорода... Изъ монастыря преподобнаго Саввы, далъ обѣтъ молебень преподобному Александру Невскому отслужить да Валаамскимъ угодникамъ поклониться.

— Давно странствуешь?—спросила женщина, окидывая полнымъ любопытства взглядомъ его босыя, покрытыя пылью и мозолями ноги.

— Давно, въ Кіевѣ былъ, собирался было въ Іерусалимъ, да сюда послало начальство съ порученіемъ... Не знаете ли вы, господа честные,—обратился онъ къ толпѣ, начинавшей вонѣ него собираться, прельщенной его благообразнымъ лицомъ съ длинной сѣдой бородой, изъязвленными ногами и словоохотливостью,—какъ бы мнѣ здѣсь разыскать одну знакомую барыню, которая при цесаревнѣ къ старшихъ камеръюнгферахъ состоитъ? Отъ сына ейнаго родного поклонъ я ей принесъ, да вотъ не знаю, у кого мнѣ про нее спросить.

— А какъ ее по отчеству и по имени знать?—спросилъ свѣдущій человѣкъ.

— Лизаветой Касимовной Праксиной, мужъ ея при царѣ состоитъ,—отвѣчалъ Ермилычъ.

— Видишь эту госпожу, чтѣ изъ кареты-то вылѣзаетъ? Ну, это—мать твоей знакомки,—сказалъ свѣдущій человѣкъ, указывая на остановившійся у подъѣзда экипажъ, изъ котораго выходила разряженная и размалеванная дама вслѣдъ за другой, еще старше и наряднѣе ея,

— Полюбовница бывшая графа Ягужинскаго,—замѣтилъ кто-то вполголоса въ толпѣ.—При супругѣ князя Хилкова въ приживалкахъ состоитъ.

— Не одного Ягужинскаго она была полюбовницей,—подхватилъ другой.

— Посѣдѣешь любовниковъ ейныхъ сосчитать: такъ ихъ много было,—послышалось въ толпѣ.

— Дочка не въ нее, — поспѣшилъ успокоить растерявшагося Ермилыча свѣдущій человекъ.—Женщина добронравная и скромная, у цесаревны въ любимицахъ. Пожди здѣсь, покодь цесаревна не уѣдетъ. Если въ каретѣ, что за нею поѣдетъ, Праксиной не будетъ, тебѣ, значитъ, можно будетъ сегодня же ее повидать, и какъ къ ней пройти, я тебѣ укажу, ну, а если цесаревна съ собою ее возьметъ, надо, значитъ, тебѣ ее либо до возвращенія изъ Петергофа подождать, либо туда отправляться ее искать. Но тамъ тебя врядъ ли до женщинъ цесаревны допустятъ...

— Не возьмутъ туда сегодня Праксину, графъ Александръ Борисовичъ пріѣхалъ!—объявилъ кто-то изъ толпы, указывая на красивую карету, запряженную шестерикомъ рѣзвыхъ коней, съ трудомъ сдерживаемыхъ кучеромъ и форейторами, шумно подкатившую къ подъѣзду.

Изъ нея, не дожидаясь, чтобъ гайдукъ откинулъ лѣсенку подножки, ловко выскочилъ молодой красавецъ въ богато расшитомъ серебромъ голубомъ бархатномъ кафтанѣ, бѣломъ атласномъ кюлотѣ и камзолѣ, въ голубыхъ башмакахъ съ красными каблуками, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и въ такомъ огромномъ напудренномъ парикѣ, что шляпу, тоже бѣлую съ голубыми перьями, за нимъ вынесъ одинъ изъ пажей, стоявшихъ на подножкахъ, по обѣимъ сторонамъ кареты.

— Графъ не въ охотничьемъ платьѣ, значитъ, вмѣстѣ съ цесаревной отъ охоты отказался,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Невѣста! Сама царская невѣста ѣдетъ!—объявилъ кто-то въ толпѣ.

И всѣ глаза устремились на богатый открытый экипажъ, запряженный лошадьми, разукрашенными пучками разноцвѣтныхъ перьевъ на головахъ, передъ которымъ бѣжали скороходы, съ пажами на подножкахъ и высокими гайдуками на запяткахъ. Въ коляскѣ сидѣла хорошенькая блондинка въ шляпѣ изъ цвѣтовъ, какимъ-то чудомъ державшейся на высоко взбитой напудренной прическѣ. Худощавое, мишьяторное личико съ большими печальными глазами, неестественно улыбающимися подкрашенными губами и съ густо нарумяненными щечками, испещренными разной величины черными мушками, производило тяжелое впечатлѣніе. Автоматично наклоняя голову то вправо то влѣво на поклонъ публики, она блуждала глазами въ пространствѣ, ни на чемъ не останавливаясь, въ жал-

комъ, безпомощномъ смущеніи, точно ей стыдно было возбуждать любопытство и привѣтствія, точно она чувствовала, сколько подъ ними кроется недоброжелательства и презрѣнія.

Царская невѣста занимала одна все просторное почетное сидѣнье, а противъ нея тѣснились въ пышныхъ робахъ двѣ дамы изъ ея свиты.

— На охоту-то вѣрно ее не пригласили, бѣдняжку,—замѣтилъ съ усмѣшкой стоявшій рядомъ съ Ермилычемъ среднихъ лѣтъ человекъ въ скромной одеждѣ ремесленника.

— Да ужъ если въ цесаревнѣ заискиваетъ, такъ, значить, плохи ея дѣла,—подхватилъ, и тоже со смѣхомъ, его сосѣдъ.

Толпа двинулась впередъ, чтобъ поближе разсмотрѣть дѣвушку, про которую въ то время было такъ много толковъ въ городѣ, чтобъ, можетъ быть, по выраженію ея лица угадать, насколько справедлива новая, ходившая сплетня о полнѣйшемъ къ ней охлажденіи царя и о томъ, будто бы онъ сказалъ, что раньше двадцати пяти лѣтъ онъ не женится. Невѣстѣ, значить, приходилось ждать цѣлыхъ тринадцать лѣтъ, ей будетъ тогда подъ тридцать, старая дѣвка!

Во дворцѣ цесаревны царскую невѣсту встрѣтили съ подобающимъ ея положенію почетомъ. Съ широкой лѣстницы спустились придворныя дамы и кавалеры, чтобъ высадить ее изъ коляски, и въ то время, какъ она поднималась по ступенямъ, на верхней площадкѣ появилась сама хозяйка, окруженная приближенными, въ числѣ которыхъ Ермилычъ увидѣлъ того кавалера, Александра Бутурлина, котораго называли фаворитомъ дочери великаго Петра.

Много слышалъ онъ объ ея красотѣ, но то, что онъ увидѣлъ, превосходило все его ожиданія: высокая, статная, величавая, съ чудными синими глазами, казавшимися черными отъ темныхъ рѣсницъ и бровей, въ ней все было обаятельно и мило. Вотъ ужъ именно, какъ сказочная царевна: взглянуть — рублемъ подарить, улыбнется—все горести и печали забудешь.

Безсознательно Ермилычъ протискался впередъ такъ близко, что могъ, какъ нельзя лучше, разсмотрѣть ея черты и чудный цвѣтъ лица, не нуждавшійся ни въ бѣлилахъ, ни въ румянахъ, чтобъ походить на лиліи и розы. Сравнительно съ знатной гостьей и съ окружавшими ихъ обѣихъ дамами она была одѣта просто: вся въ бѣломъ, съ жемчужнымъ ожерельемъ на низко обнаженной шеѣ и съ букетомъ цвѣтовъ изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ въ густыхъ, черныхъ, какъ ночь, волосахъ, но насколько изящнѣе и роскошнѣе казался этотъ нарядъ вычурныхъ атуровъ остальныхъ дамъ!

Невольно поднялъ глаза Ермилычъ отъ нея къ Бутурлину, стоявшему на верхней ступенькѣ позади ея, и не могъ не замѣтить, какъ страстно пожираетъ онъ взглядомъ царственную красавицу, и какъ много было надменной самонадѣянности во всеи его фигурѣ.

А дальше, въ глубинѣ растворенныхъ дверей, затерявшись въ свитѣ, стоялъ, прячась за другихъ и тоже не сводя влюбленныхъ глазъ съ очаровательницы, избранникъ сердца, тотъ, котораго ужъ вся Россія называла сердечнымъ дружкой всеобщей любимицы, сынъ бѣднаго владимирскаго дворянина, Александръ Никифоровичъ Шубинъ.

Обмѣнявшись публично привѣтствіями, хозяйка пригласила свою высокую гостью прослѣдовать въ покон, а сама, прежде, чѣмъ итти за нею, на минуту замѣшкалась, чтобъ оглянуть ласковымъ взглядомъ народъ, тѣснившійся вокругъ крыльца, и низкимъ поклономъ отвѣтить на восторженные изъявленія благодарности, которыми отвѣчали на это вниманіе.

— Родная ты наша красавица... Лебедка бѣлая... Звѣздочка ясная... Радость ты наша... Цвѣточекъ... Ягодка...

Слова эти, провознесенныя сдержаннымъ шопотомъ, долетали до ея ушей и заставляли ее улыбаться счастливой улыбкой. Она любила народъ, и онъ ей былъ такъ же близокъ, какъ и она ему.

Чтобъ наверстать потерянное время и нагнать высокую гостью, уже подымающуюся до верхней площадки, цесаревна, еще разъ съ милою простотой кивнувъ своимъ друзьямъ, русскимъ простымъ людямъ, торопливо вбѣжала по ступенькамъ лѣстницы и очутилась рядомъ съ княжной въ ту самую минуту, когда, отвѣчая на комплиментъ старавшагося ее занимать Бутурлина, она обернулась съ вопросомъ къ хозяйкѣ.

Любуясь прелестнымъ существомъ, непринужденною граціею cadaго ея движенія, Ермилычъ вспомнилъ вздыхающаго по ней юношу въ степяхъ далекой Малороссіи и подумалъ, что если Алешка Розумъ, никогда ея не видавши, такъ увлеченъ ею, то что будетъ съ нимъ, когда онъ ее увидитъ? Совсѣмъ съ ума сойдетъ хлопчикъ!

— Ну, теперъ врядъ ли скоро уѣдетъ; навѣрное, княжна пробудетъ у нея съ часокъ времени, — замѣтилъ вполголоса Ермилычу свѣдущій человѣкъ.

— Я тебѣ это къ тому говорю, Божій человѣкъ, что если ты не раздумалъ повидаться съ твоей знакомкой, Праксиной, то теле-рича самое время. Ея долго цесаревна къ себѣ не потребуетъ; гостей ей Мавра Егоровна завсегда помогаетъ принимать и угощать. Ступай прямо, вонъ къ тому крыльцу, — продолжалъ онъ, указывая Ермилычу на крыльцо въ глубинѣ двора, прятавшееся въ кустахъ сирени, — и спроси тамъ, кого встрѣтишь: какъ пройти на половину Лизаветы Касимовны, тебѣ укажутъ. Не бойся, здѣсь не то, что въ другихъ дворцахъ, у князя Меншикова, либо у Долгорукихъ, или у принца, супруги Анны Петровны, здѣсь странниковъ не приказано забижать, цесаревна до простого русскаго народа жалостлива, никто тебя здѣсь не тронетъ, — прибавилъ онъ

съ оттънкомъ самодовольствія, точно хвастаясь добродѣтелями всеобщей любимицы. — Ступай, ступай, самъ увидишь, что я тебѣ говорю сущую правду. Намъ цесаревну нельзя не знать: она—наша, родная.

Все такъ вышло, какъ онъ сказалъ: поваренокъ, который встрѣтился на указанномъ крыльцѣ Ермилычу, провелъ его безъ всякихъ разспросовъ на половину цесаревнинныхъ женщинъ, а тамъ его окружили нарядныя камерфрейлины, наперерывъ вызываясь на услуги для милой, доброй, всѣми любимой Лизаветы Касимовны, которую, если судить по ихъ словамъ, всѣ во дворцѣ, начиная съ самой цесаревны, уважали и обожали.

— Она теперь заперлась въ своей горницѣ... молится, вѣрно... Она пренабожная, и ее часто среди дня можно застать на колѣняхъ передъ образами... Ты говоришь, что вѣсточку ей отъ сына принесъ? Вотъ обрадуется! Не дальше, какъ вчера, жаловалась она Маврѣ Егоровнѣ, что давно ничего про него не знаетъ, и Мавра Егоровна предлагала сказать про это цесаревнѣ, и тогда, навѣрное, нарочнаго послали бы въ Москву, чтобъ узнать про его здоровье, да Лизавета Касимовна не захотѣла... Она никого не любитъ безпокоить, даже насъ, а ужъ особенно цесаревну... Последнее время Лизаветѣ Касимовнѣ нашей что-то нездоровится, который день ничего не кушаетъ... Мы ужъ хотѣли за супругомъ ея послать... Онъ, ты вѣрно знаешь, при царѣ состоитъ ужъ давно, когда царь былъ еще царевичемъ... И какъ наша цесаревна Лизавету Касимовну любитъ, такъ царь ея супруга, — тараторили наперерывъ веселыя щebetуньи въ то время, какъ одна изъ нихъ побѣждала докладывать Праксиной о посѣтителѣ.

Онъ окружили Ермилыча и, не переставая болтать, осматривали его съ ногъ до головы съ благоговѣйнымъ любопытствомъ.

И здѣсь производилъ онъ, благодаря одеждѣ странника, такое же благопріятное впечатлѣніе, какъ и на людей, съ которыми сталкивался на улицѣ и съ которыми стоялъ сначала у воротъ дворца, а затѣмъ въ самомъ дворѣ у царскаго крыльца.

Видно было, что въ глазахъ этихъ вертушекъ каждый странникъ былъ челоувѣкъ необыкновенный и святой, трудами и лишениями достигающій царствія небеснаго, а потому стоявшій неизмѣримо выше остальныхъ смертныхъ. Онъ, безъ сомнѣнія, и вериги носить, и все тѣло у него въ язвахъ, какъ и ноги... За людскіе грѣхи вольную муку терпитъ... А къ тому же у этого было такое благообразное лицо и такой умный, пронизательный взглядъ. Навѣрное, онъ можетъ много занятнаго разсказать про тѣ страны, въ которыхъ побывалъ...

Докладчица прибѣжала съ просьбой Фёдору Ермилычу пожаловать въ горницы Лизаветы Касимовны.

— Ужъ какъ она обрадовалась, когда я ей про тебя сказала! Ушамъ не вѣрила, два раза заставила меня твое имя повторить.

«Проси, проси скорѣе»,—и вскочила, чтобъ бѣжать къ тебѣ навстрѣчу, но, дошедши до двери, раздумала, вернулась назадъ и приказала скорѣе тебя къ ней привести,—сбивчиво и торопливо обѣяняла дѣвушка, проходя съ посѣтителемъ по длиннымъ коридорамъ свѣтлымъ и темнымъ къ большому покою, въ который растворила дверь, приглашая своего спутника за нею слѣдовать.

— Это—цесаревнина гардеробная, тутъ все платья, а тутъ головные уборы,—сказала она, указывая на высокіе и глубокіе шкапы вдоль стѣны и на поставцы среди комнаты. — Къ Лизаветѣ Касимовнѣ можно и другимъ ходомъ пройти, да тутъ ближе, а она съ такимъ нетерпѣніемъ тебя ждетъ!

Изъ гардеробной они прошли въ покой, служившій старшей камерфрау гостиной, съ зеркаломъ въ золоченой рамѣ и съ мебелью изъ ясеневаго дерева. Тутъ на порогѣ сосѣдняго покоя Праксина ждала своего стараго друга.

Какъ она измѣнилась! Если бы такъ случилось, что онъ увидалъ бы ее въ другомъ мѣстѣ, не ожидая встрѣчи, ни за что не узналъ бы скромную и благочестивую жену Праксина въ этой нарумяненной дамѣ, въ напудренномъ парикѣ, въ платьѣ на длинномъ, туго затянутомъ корсетѣ, съ фижмами, съ модными финтифлюшками, съ обнаженной низко грудью и оголенными по локоть руками.

Новый костюмъ измѣнялъ ее и молодилъ. И не только моложе, но и выше ростомъ она ему показалась. Больше двадцати лѣтъ ей никакъ нельзя было дать, и красота ея много выигрывала отъ новой прически, отъ румянъ и французскаго платья. Черты казались тоньше и мягче, глаза еще глубже и прекраснѣе прежняго, губы алѣе и зубы бѣлѣе. Никогда раньше не замѣчалъ онъ у нея такой очаровательной улыбки и не обращалъ вниманія на ея руки и шею, но теперь къ нимъ невольно протягивался взглядъ, благодаря богатымъ кружевамъ, сквозь которыя просвѣчивало свѣжее, молодое, розоватое тѣло, украшенное драгоцѣннымъ ожерельемъ.

Почувствовавъ на себѣ удивленный и недоумѣвающий взглядъ старика, она покраснѣла и, въ смущеніи опустивъ глаза, притянула къ себѣ лежащую возлѣ легкую и широкую накидку изъ черной шелковой матеріи, чтобы въ нее закутаться.

— Не осуждай меня, куманекъ, если бы ты только зналъ, какъ мнѣ все это безстыдство не по сердцу!—проговорила она чуть не со слезами.

— Полно, кума, нешто я не понимаю, что съ волками жить по-волчьи выть. Не по доброй волѣ позоришься, и самъ Господь тебѣ этого въ вину поставить не можетъ.

— Именно такъ, что съ волками я живу, Ермильчъ! Хуже того, съ тиграми, змѣями подколодными, съ аспидами, которые только того и ищутъ, чтобъ христіанскую душу погубить,—продолжала

она съ возрастающимъ одушевленіемъ. — Тяжко намъ здѣсь, Ермилычъ. Мужъ меня все на терпѣніе наставляетъ, а мнѣ ужъ, право, не въ мочь. И странно-то, и стыдно въ такомъ омутѣ разврата и грѣха вращаться, не вѣрится, чтобъ можно было когданибудь отглотиться, очиститься отъ грязи, которая липнетъ къ душѣ, какъ ни бережешься отъ искушенія, какъ ни молишь Господа, чтобъ ничего не видѣть и не слышать изъ того, что происходитъ кругомъ! И какъ подумаешь, что весь этотъ грѣхъ принимаешь на душу даромъ, безъ всякой пользы, такое беретъ отчаянье, что, кажется, только отъ одной смерти и ждешь помощи! Что мы тутъ можемъ сдѣлать, Ермилычъ? Вѣдь пытаться здѣшней жизни другое дать теченіе—все равно, что стараться руками удерживать воду, что течетъ въ рѣчкѣ!

— Да неужтожъ такъ ужъ плохо?—спросилъ онъ, устремляя на молодую женщину, изливавшую передъ нимъ душу, пытливымъ взглядъ.

— Плохо, очень плохо, Ермилычъ. Никому не говорю я того, что тебѣ скажу, отъ матушки все скрыла, чтобъ лишняго ей горя не навязывать на старости лѣтъ. Жить ей ужъ недолго осталось, пусть съ радостью и надеждой на тотъ свѣтъ поидетъ. Тамъ все узнаетъ, да вѣдь тамъ она также и то узнаетъ и поиметъ, что отъ насъ Богомъ скрыто. Дьявольское здѣсь царство, Ермилычъ, вотъ что я тебѣ скажу,—прибавила она съ убѣжденіемъ.

Глаза ея сверкали негодованіемъ, и лицо искажалось злобой.

— А тѣ, изъ-за которыхъ вы на эту вольную муку пошли, неужтожъ такъ безнадежны, что изъ-за нихъ и страдать не стоитъ?—спросилъ послѣ небольшого молчанія Ермилычъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ она еще глубже вздохнула, и старикъ не настаивалъ. И безъ словъ ему все становилось понятно, и онъ возмущился духомъ отъ злыхъ предчувствій.

— Про него Петръ Филиппычъ тебѣ все скажетъ, а про нее... и говорить не хочется, такъ тяжело!—вымолвила она упавшимъ голосомъ.

— А любить тебя, говорятъ?

— И онъ также Филиппыча любить, да никакого толку отъ этого нѣтъ,—отвѣчала она съ горькой усмѣшкой.—И то сказать, кабы не полюбили они насъ, развѣ бы мы тутъ оставались, въ этомъ проклятомъ омутѣ? Давно бы все бросили да въ Москву уѣхали, къ матушкѣ, къ милому сыночку...

Голосъ ея порвался отъ слезъ.

— Ни въ чемъ васъ не слушаютъ, никакихъ вашихъ увѣщаній не принимаютъ?—настаивалъ на своемъ допросѣ Ермилычъ, въ желаніи узнать подробности интересующаго его предмета, подавляя въ себѣ жадность къ несчастной женщинѣ, которой было такъ мучительно больно отвѣчать на его вопросы.

— Все слушаютъ, все принимаютъ, да ничего у нихъ ни въ сердцѣ, ни въ умѣ не держится.

— Онъ-то вѣдь еще ребенокъ, — замѣтилъ Ермилычъ.

— Ребенокъ, да царь, и понимаетъ, что царь. Ничего, значить, и не подѣлаешь.

— Грѣхъ отчаиваться, Лизавета. Господь милостивъ, пошлетъ ему добрыхъ людей въ совѣтники, а твоя замужъ выйдетъ...

— Никогда она замужъ не выйдетъ, Ермилычъ, — перебила она его запальчиво. — Волю понюхала, ни за что ей съ волей не разстаться. А если и возьметъ себѣ мужа, такъ только для виду, чтобъ свободнѣе развратничать, вотъ увидишь, что такъ будетъ, какъ я говорю.

Она смолкла на полусловѣ, прислушиваясь къ шагамъ, раздававшимся въ сосѣдней комнатѣ.

— Зовутъ тебя, вѣрно, къ ней? — прошепталъ Ермилычъ.

— Нѣтъ, къ ней еще рано. Передъ царской невѣстой своимъ поклонникомъ хвастается... Графъ Бутурлинъ къ ней въ фавориты съ прошлой весны попалъ, — прибавила она съ брезгливостью женщины, никогда не испытавшей на себѣ муки и наслажденія преступной любви. — Что надо? — обратилась она къ появившейся въ дверяхъ дѣвушкѣ.

— Ваша маменька изволила пріѣхать и желаетъ васъ видѣть, Лизавета Касимовна.

Лицо Праксиной даже потемнѣло отъ досады, такъ было ей неприятно это посѣщеніе именно въ ту минуту, когда ей выпало рѣдкое счастье бесѣдовать съ человѣкомъ, отъ котораго у нея не было тайнъ, и въ нравственной помощи котораго она такъ нуждалась.

— Проси, — отрывисто произнесла она и, когда вѣстовщица скрылась, сказала гостю:

— Ты не уходи, Ермилычъ, ради Бога, мнѣ еще очень многое надо тебѣ передать, да ты мнѣ и о Филиппушкѣ ничего еще не рассказывай... Вотъ зайди ко мнѣ въ молельню, услышишь тутъ нашъ разговоръ, и поймешь одну изъ моихъ лютейшихъ мукъ, — прибавила она, отворяя передъ своимъ гостемъ маленькую дверь въ перегородкѣ, гдѣ стоялъ большой кіотъ съ образами и теплившейся передъ ними лампадкой.

Не успѣлъ онъ оглядѣться въ своемъ новомъ убѣжищѣ, какъ по коридору раздался стукъ маленькихъ каблучковъ, шуршаніе шелковыхъ юбокъ и звонкій голосъ Зоси.

— Ты одна? — спросила она, оглядываясь по сторонамъ въ то время, какъ дочь выходила къ ней навстрѣчу въ гостиную и просила ее занять мѣсто на софѣ. — А мнѣ тутъ сказали, что у тебя какой-то странникъ? Ужъ не тотъ ли безобразный нищій, босою, котораго я видѣла у воротъ дворца, когда подѣзжала въ

карегѣ къ подъѣзду? Охота тебѣ такую шушеру принимать! Ужъ когда нибудь обокрадегъ тебя этотъ подлый народъ, къ которому вы обѣ съ цесаревной имѣете такое пристрастіе! Она-то извѣстно для чего это дѣлаеть, ну, а тебѣ популярности промежъ нищихъ искать не для чего, тебѣ надо стараться благороднымъ господамъ нравиться... Однако, гдѣ же этотъ странникъ? Куда ты его вы-проводила?

— Что это у васъ сегодня за прелестное платье! Я въ первый разъ его вижу. Подарокъ вѣрно вашей новой покровительницы?—спросила Лизавета, притворяясь заинтересованной туалето-мъ матери, чтобъ заставить ее забыть о странникѣ, про кото-рого ей ужъ успѣли некстати сболтнуть.

Лизавета знала, чѣмъ угодить своей родительницѣ, которая, вся просявъ отъ похвалы ея, еще шире распустила по дивану свои фижмы, выправила примявшіяся ленты и банты и, глянувъ въ висѣвшее противъ нея зеркало, подправила ловкимъ, привычнымъ движеніемъ шляпку, кокетливо приколотую къ ея парикю.

— Дождешься порядочнаго подарка отъ такой сквалыги, какъ моя княгиня! Платье это у меня отъ царской невѣсты, всего только три раза надѣвано. На мое счастье оно не понравилось жениху, и княжна мнѣ его подарила. Вся семья свѣтлѣйшаго ко мнѣ очень добра, жаловаться на нихъ я не могу,—небрежно вы-молвила она, опаживаясь вѣромъ и оглядывая съ ногъ до головы критическимъ взглядомъ дочь.—А сама ты все кутафьей! Ну, къ чему мантилью на себя напялила? Сегодня такъ жарко, что ру-мяна на щекахъ не держатся, а она, какъ старуха, кутается! Удивляюсь я тебѣ, Лизаветка, какъ это ты до сихъ поръ къ хо-рошимъ манерамъ привыкнуть не можешь! Да и насчетъ прочаго... Сегодня я опять должна тебѣ сдѣлать выговоръ изъ-за графа. Онъ мнѣ жаловался, что ты своими дурацкими нравоученіями такъ смущаешь цесаревну, что она къ нему охладѣвать стала... Знаю я, что причиной этого охлажденія не ты, а тотъ офицеришка, который ей приглянулся, но если бъ ты не подавала повода къ на-реканіямъ, на тебя бы никто ничего и не сваливалъ. У тебя со-всѣмъ нѣтъ такта, и если бъ я только знала, что ты никогда не поймешь, какъ надо себя вести при дворѣ, ни за что бы не реко-мендовала тебя на такое важное и отвѣтственное мѣсто... Дня не проходитъ, чтобъ мнѣ не доставалось отъ свѣтлѣйшаго за васъ обоихъ! Вчера онъ такъ неделикатно меня выругалъ за то, что вы не входите въ его интересы и не заботитесь о томъ, чтобъ быть ему пріятнымъ, что я наконецъ разсердилась и прямо объявила, что буду очень рада, если онъ васъ обоихъ выгнать изъ Петербурга.

— И мы были бы этому очень рады, маменька,—сказала Ли-завета.

— Ничего ты не понимаешь! Знаешь, что онъ мнѣ отвѣтилъ?

— Какъ же я могу это знать?

— Была бы ты подогадливѣе, такъ и знала бы. Онъ мнѣ сказалъ: «Поступить ко двору легче, чѣмъ покинуть его, пани Стишинская». Вотъ что онъ мнѣ сказалъ. Понимаешь теперь?

— И теперь не понимаю.

— Слишкомъ много вы знаете, слишкомъ многому были свидѣтелями, чтобъ васъ не опасаться и отпустить въ Москву, въ это гнѣздо недовольныхъ и бунтовщиковъ, дураковъ старовѣровъ и старолубовъ, которые были бы рады-радешеньки разрушить до основанія все великое, созданное гениальнымъ Петромъ. Не то, что васъ, а даже и самого царя свѣтлѣйшій не пускаетъ въ Москву повидаться съ бабкой. Нѣтъ, голубчики, попали на царскую службу, такъ и оставайтесь на ней, пока не найдутъ нужнымъ, по вышнимъ соображеніямъ, васъ удалить...

— Мы брались служить царевичу и цесаревнѣ, а не Меншикову...

Пани Стишинская сдвинула свои насурмленные брови.

— Пожалуйста, выражайся почтительнѣе, когда говоришь про свѣтлѣйшаго князя! Меншиковъ! Недостаетъ, чтобъ ты его назвала пирожникомъ, какъ тѣ, которыхъ за это въ застѣнкахъ пытаютъ, да съ вырванными языками и ноздрями въ Сибирь ссылаютъ! Ей, Лизаветка, опомнись! Опомнись, пока еще не поздно! У васъ есть сынъ, ваша глупость можетъ на немъ отозваться. Отъ меня поддержки не ждите, мнѣ бы лишь себя отъ бѣды уберечь, а, благодаря вамъ, мой кредитъ пошатнулся при дворѣ и въ вышемъ столичномъ обществѣ. Меня стали меньше бояться съ тѣхъ поръ, какъ свѣтлѣйшій ко мнѣ измѣнился, и все это изъ-за васъ!

— Что же намъ дѣлать, маменька? Домой вы насъ не отпускаете, а здѣсь мы вамъ угодить не умѣемъ...

— Ахъ, не притворяйся глупѣе, чѣмъ ты есть! Прекрасно ты понимаешь, что отъ тебя требуется! Который разъ говорю я тебѣ, чтобъ ты остерегалась, что цесаревна передаетъ графу все, что ты ей напѣваешь на его счетъ: что ей грѣшно и неприлично оказывать ему публично аттенцію, какъ фавориту, что мужемъ ея онъ никогда не можетъ сдѣлаться... А почему ты знаешь это?—вскричала она, все больше и больше раздражаясь собственными словами и притворною покорностью, съ которою ее слушали. — Почему ты знаешь, что цесаревна не выйдетъ замужъ за графа Бутурлина? Женился же ея отецъ на простой служанкѣ? И служанка эта сдѣлалась императрицей, и вся русская родовитая знать ручки у нея цѣловала и трепетала передъ нею... Все можетъ стать въ такой варварской странѣ, какъ Россія, въ которой и настоящей христіанской вѣры нѣтъ... Это—не Польша, гдѣ католичество сохранилось во всей своей чистотѣ, гдѣ чтутъ святого отца, какъ

намѣстника Христа на землѣ... Ваша вѣра хамская, а наша благородная...

Лизавета невольно подняла глаза на перегородку, за которой Ермилычъ слышалъ эту кощунственную рѣчь ренегатки, и ей стало такъ стыдно дозволить, чтобъ въ ея присутствіи поносила святую русскую вѣру, въ которой она родилась и воспитывалась, къ которой принадлежали ея мужъ съ сыномъ и всѣ дорогіе и близкіе ей люди, что она попросила мать прекратить этотъ разговоръ.

— Вы знаете, маменька, какъ мнѣ больно, когда вы нападаете на мою вѣру... Вѣдь я же васъ не упрекаю въ томъ, что вы перешли въ католичество.

— Развѣ можно сравнивать? Католическая вѣра—самая святая и правильная... Ну, да тебя въ этомъ не убѣдишь, да и не нужно; можно, и оставаясь въ хлопской вѣрѣ, отлично устроить свою жизнь. Я вѣдь тоже недавно въ католичество перешла, а посмотри, сколько у меня прекрасныхъ вещей, и какое хорошенькое состояніе я себѣ приобрѣла, благодаря тому, что характеръ у меня веселый, общительный, и я умѣю нравиться людямъ. А тебя съ мужемъ и любить, да ничего тебѣ не дарятъ, и все потому, что ты не умѣешь сдѣлаться нужной... Цесаревна увѣрена, что ты и безъ подарковъ ей будешь предана, какъ собака, графъ Бутурлинъ убѣжденъ, что ничѣмъ тебя не подкупишь,—что же тутъ хорошаго? И мужъ твой такой же чудакъ. Вашему сыну и помянуть-то васъ будетъ нечѣмъ, хорошо, что у васъ онъ одинъ, и что не надо вамъ приданого готовить дочерямъ... Кстати о деньгахъ. Вѣдь я собственно зашла къ тебѣ сегодня, чтобъ занять у тебя червонцевъ двадцать. У царя навѣрное будутъ играть, а я всегда проигрываю, когда у меня нѣтъ порядочной суммы въ карманѣ... Сейчасъ передъ тѣмъ, какъ къ тебѣ прийти, я просила графа Александра Борисовича ссудить мнѣ эту сумму, но на этотъ разъ онъ не захогѣлъ меня выручить. «Зачѣмъ, говорить, буду я вамъ дѣлать одолженія, когда ваша дочь мнѣ дѣлаетъ постоянно непріятности?» Онъ это сказалъ, какъ будто, въ шутку, но, тѣмъ не менѣе, я не могла не видѣть, что онъ очень сердитъ на тебя, потому что все-таки денегъ мнѣ не далъ...

Лизавета поспѣшила исполнить просьбу матери, и, спрятавъ деньги въ карманъ, Зося поднялась съ мѣста.

— Ну, будь здорова и благополучна. Совѣтую тебѣ хорошенько обдумать все, что я тебѣ сказала, и убѣдить твоего мужа больше слушаться моихъ совѣтовъ, чѣмъ своихъ собственныхъ нелѣпыхъ убѣжденій. Если онъ думаетъ, какъ другіе, что свѣтлѣйшій лишился, благодаря болѣзни, вліянія своего на царя, то онъ очень ошибается: другого Меншикова въ Россіи нѣтъ, да и въ чужихъ краяхъ такой умницы, можетъ быть, не сыщешь. Далеко до него Долгорукимъ, и какъ онъ поправится, то первымъ долгомъ

удалить князя Ивана, который ужъ черезчуръ завнался и слишкомъ много позволяетъ себѣ вольностей съ царемъ. А тебѣ я совѣтую меньше протезировать подлымъ претендентамъ на сердце твоей госпожи и побольше угождать тѣмъ, которые благороднѣе и богаче. Такого, какъ Шубинъ, куда какъ легче услатъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, чѣмъ родовитаго боярина, какъ графъ Вутурлинъ... Адъё, моя цурка! надѣюсь въ слѣдующій разъ къ тебѣ прійти не съ выговорами, а съ комплиментами за то, что послѣдовала моимъ совѣтамъ.

Проводивъ непріятную гостью до того коридора, изъ котораго она свернула, чтобъ пройти на половину цесаревниной статсъ-дамы, съ которой пани Стишинская давно вела знакомство, и гдѣ должна была ждать, чтобъ за нею прислала та княгиня, при которой она въ то время состояла въ резиденткахъ—по-русски въ приживалкахъ,—Лизавета вернулась къ себѣ и ужъ нашла Ермилыча въ томъ покоѣ, служившемъ ей спальней, гдѣ она съ нимъ сидѣла до прихода матери.

Многое повялъ онъ изъ подслушаннаго разговора, такъ много, что безъ глубокой жалости не могъ смотрѣть на свою молодую пріятельницу.

— Да, кума, тяжелый несешь ты кресты! Дай-то, Господи, тебѣ его до конца донести, не спотыкаячись, — произнесъ онъ со вздохомъ.

Ни слова больше онъ не выронилъ на этотъ счетъ, но ей отраднo было его сочувствіе, и она стала просить его остаться у нея все то время, которое онъ рассчитывалъ провести въ Петербургѣ. При ея помѣщеніи была свѣтелка, совсѣмъ въ сторонѣ, для сундуковъ и шкаповъ, никто туда не входитъ, кромѣ прислуживавшей ей изъ ея же крѣпостныхъ и такъ ей преданной, что можно было вполне ей довѣриться.

— Да если я даже и цесаревнѣ скажу, что кумъ у меня гоститъ, такъ и отъ нея за это выговора не получу, — прибавила она, ласкаясь къ старику, на котораго съ раннихъ лѣтъ привыкла смотрѣть, какъ на родного.

— Увидимъ, кума, увидимъ, надо сперва мнѣ съ твоимъ муженькомъ повидаться. Онъ всѣхъ больше мнѣ въ моемъ дѣлѣ помочь можетъ.

— А ты когда къ нему собираешься? Если завтра, сегодня онъ, поди, чай, съ царемъ на охотѣ, такъ хоть сегодня-то переночуй у меня.

— Чѣмъ скорѣй мнѣ съ нимъ переговорить, тѣмъ лучше.

— Ну, и для этого тебѣ итти отсюда некуда, здѣсь всегда извѣстно, гдѣ царь... Вотъ и теперь, стоять только у которагонибудь изъ свиты царской невѣсты спросить, у нихъ завсегда всякій шагъ царя извѣстенъ. Да мнѣ и цесаревна скажетъ, если я спрошу.

Такая она добрая да привѣтливая, что, кажется, душу бы за нее отдала! — прибавила она печально. — Кабы всѣ ее такъ любили, какъ я!

— Что жъ она такъ долго не уѣзжаетъ? Когда я на дворѣ дождался, какъ къ тебѣ пройтить, тамъ народъ говорилъ, что ужъ лошадей ей выводятъ, чтобъ на охоту ѣхать.

— Лошадей-то вывели, да какъ пріѣхалъ графъ Александръ Борисовичъ, да переговорилъ съ нею, приказано было ихъ разсѣдлать, раздумали на охоту ѣхать. А тутъ царская невѣста пожаловала и до сихъ поръ здѣсь, видно, и къ обѣду нашей красавицѣ не поспѣтъ... Ну, а ты мнѣ тѣмъ временемъ про сыночка моего расскажи да про всѣхъ моихъ милыхъ, московскихъ... Повѣришь ли, какъ я объ нихъ соскучилась!

Однако долго слушать про своихъ милыхъ Лизаветѣ не пришлось: ее повзвали къ цесаревнѣ, и, узнавъ отъ посланца, что гости уже разѣхались, и что цесаревна одна съ Маврой Егоровной въ своей уборной, Праксина поспѣшила пойти къ ней, еще разъ повторивъ Ермилычу, чтобъ у нея остался.

Дворецъ опустѣлъ. Не дождавшись цесаревны, собравшаяся къ воротамъ и на дворѣ толпа, чтобъ взглянуть на нее, разошлась, проводивъ довольно недоброжелательными взглядами и оскорбительными замѣчаніями бѣдную царскую невѣсту, раздѣлявшую вмѣстѣ со всей семьей непопулярность отца, которому ужъ давно, еще при жизни царя Петра, приписывали многія невзгоды, обрушивавшіяся на родину, начиная отъ бунтовъ въ Малороссіи и кончая возведеніемъ на престолъ покойной императрицы, столь мало имѣвшей на это правъ и такъ плохо пользовавшейся властью во время своего кратковременнаго владычества. Теперь же злобились на него за то, что изловчился подбится къ сыну подведеннаго имъ же подъ муки Алексѣя, чтобъ именемъ его управлять государствомъ въ свою пользу. Всѣмъ было извѣстно, какъ мало былъ расположенъ царь къ навязанной ему насильно невѣстѣ, и всѣ ждали катастрофы, когда Петръ Алексѣевичъ рѣшится сбросить съ себя всѣмъ ненавистное иго временщика.

Въ уборной цесаревны не оказалось, и Праксина нашла ее въ спальнѣ, гдѣ она лежала на софѣ, лицомъ въ атласныхъ подушкахъ. Услышавъ шаги вошедшей Праксиной, она, не мѣняя позы, прерывающимся голосомъ проговорила:

— Это ты, тезка? Что ты такъ долго не шла? Я велѣла скорѣе тебя послать.

Лизавета опустила на колѣни передъ софой и, взявъ безпомощно повисшую ручку, нѣжно поцѣловала ее.

— Чѣмъ могу служить вашему высочеству?—ласково произнесла она, не выпуская изъ рукъ руки своей госпожи и поднося ее къ губамъ между каждымъ словомъ.

Нѣжность ея къ бѣдной цесаревнѣ была вполне искренна; за то время, которое она провела при ней почти неотлучно, Праксина успѣла понять характеръ и положеніе дочери Петра Великаго, одѣнить доброе сердце, великодушіе и довѣріе къ ней царственной сироты и сильно къ ней привязаться.

Особенно сошлась она съ нею послѣ вѣнчанія Анны Петровны, когда Елисавета осталась совсѣмъ одна на свѣтѣ среди пышнаго, шумнаго и многолюднаго двора, въ которомъ каждое преданное ей лицо подвергалось гоненію отъ человѣка, передъ которымъ всѣ, и въ томъ числѣ мать ея, императрица всероссійская, дрожали и передъ волей котораго преклонялись. Человѣкъ этотъ не захотѣлъ, чтобъ она наслѣдовала матери, и, невзирая на довольно сильную партію приверженцевъ, Елисавета осталась въ фальшивомъ положеніи непристроенной невѣсты и неудачной претендентки на престолъ. Приходилось притворяться довольной и счастливой, выказывать преданность и любовь тому, который занялъ ея мѣсто, и его нареченной, дочери злѣйшаго ея врага и притѣснителя.

— Пріѣхала... чтобъ помѣшать мнѣ ѣхать къ царю на охоту... Ея не пригласили, такъ не ѣзди и я туда!—продолжала она жаловаться, мало-по-малу успокоиваясь отъ ласкъ своей любимицы.— До тѣхъ поръ сидѣла, поколь графъ не уѣхалъ, разсердившись на меня за то, что я съ первой минуты не объявила ей, что меня ждуть въ Петергофѣ...

— Нельзя вамъ было этого сказать, ваше высочество, напрасно графъ изволить гнѣваться,—замѣтила Лизавета.

— Не правда ли? Вотъ и я такъ думала, а онъ...

Голосъ ея опять порвался.

— Онъ уѣхалъ, со мною даже не простившись, а когда и она тоже отправилась, и всѣ за нею послѣдовали, такъ что во дворцѣ никого не осталось, я приказала позвать Шубина, но и его тоже не оказалось... И я осталась совсѣмъ, совсѣмъ одна... Кромѣ тебя, у меня никого нѣтъ на свѣтѣ!

— Шубина, вѣрно, Мавра Егоровна домой отпустила...

— Какъ же она смѣетъ, когда знаетъ, что я хочу, чтобъ онъ всегда тутъ былъ? Онъ—мой камерпажъ, не для того выпросила я для него эту должность у Меншикова, чтобъ Мавра употребляла его на посылки... Это Богъ знаетъ на что похоже! Мною распоряжаются, какъ пѣшкой, на мои желанія никто не обращаетъ вниманія, меня всѣ презираютъ...

— Зачѣмъ вы это говорите, ваше высочество? Вѣдь вы знаете, что это неправда,—встала Праксина въ запальчивую рѣчь своей госпожи.

— Нѣтъ, нѣтъ, это правда! Развѣ я не вижу, развѣ я не замѣчаю? Послѣ смерти мамы всѣ было притихли и стали за мною ухаживать, даже Долгорукіе подлещивались, думали, что взойду на

престоль я, а какъ увидѣли, что Меншиковъ—за Петра, всѣ испугались и отхлынули отъ меня.

— Не всѣ, ваше высочество, надо быть справедливой къ друзьямъ...

— Ну, да, ты никогда меня не оставишь...

— Про меня говорить нечего, я ничего для васъ не могу сдѣлать, но были и другіе, которые остались вамъ преданы...

— Долгорукіе оказываютъ мнѣ презрѣніе: я приглашала къ себѣ княжну Екатерину, она до сихъ поръ не изволила пожаловать...

— Ваше высочество, позвольте вамъ рассказать, что я сегодня слышала отъ моего кума, который прибылъ сюда прямо изъ Малороссіи...

— Кто этотъ человѣкъ? Зачѣмъ былъ онъ въ Малороссіи?— съ живостью спросила цесаревна, приподнимаясь съ подушекъ и вытирая невольно выступившія слезы.

— Большой другъ нашей семьи и крестный отецъ нашего сына. Зовутъ его Петромъ Ермилычемъ, а прозвище свое онъ, вѣрно, ужъ и самъ забылъ, потому что болѣе двадцати лѣтъ, какъ живетъ въ монастырѣ и странствуетъ по святымъ мѣстамъ. Въ Малороссію онъ заходилъ изъ Кіева и слышалъ тамъ, какъ обожаютъ казаки ваше высочество и какъ жалѣютъ, что на этотъ разъ желанія ихъ не сбылись, и что не вы еще надъ Россіей царствуете...

— Ты такъ говоришь, точно это когда нибудь можетъ случиться!

— Непремѣнно случится, ваше высочество, въ этомъ весь русскій народъ убѣжденъ.

Цесаревна, съ непросохшими еще на щекахъ слезами, весело засмѣялась.

— Не повторяй такихъ опасныхъ пророчествъ, тетка! И что жъ еще рассказываетъ твой кумъ?

Лизавета передала ей все слышанное отъ Ермилыча, а также про порученіе, данное ему обывателями Лемешей.

Цесаревна задумалась.

— Знаешь что, приведи ко мнѣ твоего кума, я, можетъ быть, устрою ему свиданіе съ царемъ,—сказала она.—Разумѣется, надо это сдѣлать помимо Меншикова и не выдавать ему именъ этихъ людей, чтобъ имъ не досталось.

— Имена этихъ людей выдать трудно, весь повѣтъ просилъ, всѣ до единого человѣка.

— Хорошо, я скажу царю... Чего же мнѣ бояться, ужъ, кажется, хуже того, что Меншиковъ со мною сдѣлалъ, ничего нельзя выдумать!—прибавила она съ горечью.

— Недолго и ему надо всѣми ломаться, ваше высочество.

— Ты думаешь? Да!-то Богъ, чтобъ твоими устами да медъ пить. Я царю для твоего кума побѣду въ Петергофѣ... Графу я

сказала, что совсѣмъ не буду сегодня у царя, а теперь поѣду, во-первыхъ, чтобъ ему досадить, а, во-вторыхъ, чтобъ узнать, нельзя ли что нибудь сдѣлать для твоихъ казаковъ... А, вернувшись назадъ, мнѣ надо его повидать. Ты ему скажи, чтобъ онъ завтра пришелъ пораньше...

— Я хотѣла просить у вашего высочества позволенія оставить его жить во дворцѣ то время, которое онъ проведетъ въ Петербургѣ. Онъ—старикъ и никого здѣсь не знаетъ...

— Пусть живетъ сколько хочетъ,—чѣмъ онъ мнѣ мѣшаетъ?.. А хорошо рассказываетъ онъ про святые земли?—спросила она.

— Не знаю, какъ вамъ понравится, а, должно быть, рассказывать умѣетъ про то, что видѣлъ и слышалъ, человѣкъ онъ умный и благочестивый.

— Скажи ему, что я сегодня нарочно поѣду къ царю, чтобъ постараться помочь бѣднымъ казакамъ... Они вѣрно на покойнаго батюшку ропщутъ за то, что онъ ихъ прижималъ, а вѣдь онъ не совсѣмъ виноватъ, ему на нихъ Александръ Данилычъ наговаривалъ, я знаю.

— И они это знаютъ, ваше высочество. Кабы держали дурную память о вашемъ родителѣ, не были бы они къ вамъ такъ привержены. Кумъ сказывалъ, что даже ихніе ребятки горюютъ, что вы до сихъ поръ не императрица. Большихъ милостей отъ васъ и тамъ, какъ и во всей Россіи, ждутъ!

— Ну, ступай, ступай!—съ трудомъ сдерживая слезы, подступившія ей къ горлу, прервала ее цесаревна.—Да скажи тамъ, чтобъ шли меня одѣвать, да волосочеса прислали бы и карету закладывали бы... И чтобъ Мавра пришла... Не бойся, ругать ее не стану, я на нее больше не сердита; знаю, что она добра мнѣ желаетъ, а только тяжело мнѣ сегодня стало, такъ тяжело, что каждое слово точно по сердцу рѣжетъ, вотъ я ко всему и придираюсь, чтобъ поплакать, точно маленькая,—прибавила она съ улыбкой, отъ которой прелестное ея лицо приняло трогательное выраженіе дѣтскаго, беспомощнаго смущенія.

— Перетерпите, ваше высочество, и на Бога надѣйтесь, за васъ столько на Русской землѣ молятся, что Господь и надъ вами, и надъ всѣми нами сжалится, — сказала прерывающимся отъ волненія голосомъ Праксина, цѣлуя милостиво протянутую ей руку.

Мавру Егоровну она застала прохаживавшейся взадъ и впередъ по большой съ хорами танцевальной залѣ и въ большомъ душевномъ разстройствѣ. Проводивъ до нижней ступени крыльца царскую невѣсту, она хотѣла было пройти къ цесаревнѣ въ уборную, но, услышавъ крупный разговоръ между своей госпожей и тѣмъ, котораго ужъ всѣ вслухъ называли ея фаворитомъ, и понявъ изъ подслушанныхъ отрывковъ ссоры, что рѣчь идетъ о молодомъ офицерѣ, котораго цесаревна со свойственнымъ ей легко-

мыслиемъ стала въ послѣднее время явно отличать, и къ которому Бутурлинъ ее началъ ревновать, осторожная гофмейстерина поспѣшила удалиться.

— Очень она на меня сердита? — спросила она у Праксиной, когда эта послѣдняя объявила ей, что цесаревна ее къ себѣ требуетъ.

— Сердилась нѣсколько минутъ тому назадъ и не столько сердилась, сколько огорчалась, что всѣ, точно сговорившись, ей будто наперекоръ дѣлають,—отвѣчала Праксина.

— Такъ неуштожь она не понимаетъ, что я для ея же пользы услала Шубина?—вскричала Мавра Егоровна.—Она такъ неосторожна, что подаетъ поводъ къ самымъ безобразнымъ сплетнямъ, а въ ея положеніи это прямо-таки преступленіе! Ни съ кѣмъ ей теперь нельзя ссориться, а меньше всѣхъ съ тѣми, съ которыми она была откровенна, и которые ей страшно могутъ повредить... Не даромъ у Меншиковыхъ стали Бутурлина заласкивать, имъ нужно отъ него узнать все, что здѣсь говорится, и пока онъ въ фаворѣ, разумѣется, ничего отъ него не добьются, ну, а если довести молодца до отчаянья, добра отъ него не жди... И что ей въ этомъ мальчишкѣ—понять невозможно! Хоть бы на время услать его куда нибудь подальше отъ бѣды, — продолжала она, снова принимаясь шагать по обширному и пустому покою, не замѣчая, какъ трудно было ея собесѣдницѣ поспѣвать за нею.

— Это было бы всего лучше,—согласилась Праксина.

— А слышали вы новость?—обернулась къ ней вдругъ гофмейстерина.—Свѣтлѣйшій-то поправляется и опять на желаніе царя видѣться съ бабушкой отвѣчалъ отказомъ. Великая княжна Наталья Алексѣевна такъ этимъ разстроена, что не пожелала принять свѣтлѣйшую княгиню, когда та къ ней пріѣхала вчера. Поэтому, вѣрно, сегодня къ намъ и прислала невѣсту. Самъ рветъ и мечетъ, посылалъ за Шепелевымъ, грозилъ ему участію Дивьера... Надо ждать всякихъ напастей. Иванъ Долгорукій времени не терялъ, въ такую довѣренность вошелъ къ царю, что зачалъ уже хвастаться, что скоро всѣхъ Меншиковыхъ разгонитъ...

— На хвастовство-то его только и взять...—сдержанно замѣтила Праксина.—Я недавно видѣла мужа, онъ ничего подобнаго мнѣ не говорилъ.

— Петръ Филипповичъ—человѣкъ осторожный, и теперь не такое время, чтобъ тѣмъ, кто все знаетъ, зря болтать... Я знаю, что онъ къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ относится,—поспѣшила она поправиться,—но вѣдь и любовь его къ вамъ велика, и разстраивать васъ прежде времени ему неохота. Должность ваша здѣсь не легкая, такое наступило время, что вамъ надо всѣми силами цесаревну отъ неосторожностей удерживать, мой другъ Лизавета Касимовна, особенно въ настоящее время, когда князь только

того и добивается, чтобъ имѣть предлогъ ее удалить... У васъ была сегодня ваша маменька? Не сообщила она вамъ пенарокомъ чего нибудь новенькаго? Она теперь со всѣми нашими недругами каждый день видится.

— Врядъ ли при ней будутъ говорить что нибудь серьезное, впрочемъ, и она тоже предупреждала меня, что въ настоящее время можно ждать большихъ перемѣнъ... но только совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ мы съ вами ждемъ,—прибавила Лизавета съ усмѣшкой.

— Да, да, надо всего ждать и готовиться къ худшему... Одержитъ Меншиковъ верхъ, струситъ царь — всѣмъ намъ не сдобровать! О Господи, спаси и помилуй!

Послѣднія слова она произнесла уже въ концѣ залы, направляясь большими шагами на половину цесаревны, въ то время, какъ Лизавета повернула въ коридоръ изъ котораго можно было пройти кратчайшимъ путемъ до ея помѣщенія.

Благодаря милостивому обѣщанію цесаревны принять участіе въ дѣлѣ, для котораго Ермилычъ сюда пришелъ, ему можно было сегодняшній день и ночь отдохнуть у Праксиной, и они провели весь остальной вечеръ въ бесѣдахъ о прошломъ и о настоящемъ. Рассказывать имъ другъ другу было такъ много, что время пролетѣло до вечера незамѣтно. Стемнѣло. Вошла съ зажженными свѣчами прислуживающая дѣвушка и, поставивъ ихъ на столъ передъ бесѣдующими, объявила, что пришелъ посланецъ отъ Петра Филипповича.

— Что же ты его сюда не привела? Приведи скорѣе!—вскричала съ волненіемъ Лизавета, срываясь съ мѣста, чтобъ броситься къ двери, гдѣ столкнулась съ молодымъ человѣкомъ въ придворной ливрѣѣ.

— Ершовъ, войди! При этомъ человѣкѣ все можно говорить, онъ нашъ кумъ,—объявила она, замѣтивъ, что, переступивъ порогъ горницы, посланецъ тревожно оглядывается на незнакомую личность въ одеждѣ странника, сидѣвшаго на почетномъ мѣстѣ въ спальнѣ хозяйки. — Садись, пожалуйста.

— Петръ Филипповичъ просилъ меня вамъ передать, сударыня... началъ Ершовъ, опускаясь на предложенный стулъ: — что мы въ свой дворецъ переѣзжаемъ...

— Какъ это? Изъ дома свѣтлѣйшаго?..

— Точно такъ-съ. Отдано приказаніе все перевезти въ нашъ дворецъ, и сами мы уже оттуда прямо изъ лѣтняго домика пріѣдемъ, въ домъ Меншикова не заѣжая.

И, насладившись въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній впечатлѣніемъ, произведеннымъ его словами, онъ продолжалъ:

— Надъ свѣтлѣйшимъ назначенъ судъ.

Слушатели его могли только молча переглянуться; такъ поразило ихъ неожиданное извѣстіе, что словъ не находилось выразить заволновавшія ихъ чувства.

— Петръ Филипповичъ приказали вашей милости передать, — продолжалъ между тѣмъ вѣстникъ радостнаго событія: — чтобъ вы не изволили беспокоиться за цесаревну, все давно ужъ предусмотрѣно и подготовлено, войска не двинутся съ мѣста, спокойствіе въ городѣ ничѣмъ не будетъ нарушено. Они бы сами къ вамъ сегодня пріѣхали, чтобъ все это разсказать, да нельзя имъ ни на одну минуту отлучиться отъ укладчиковъ.

— Понятно, въ такое время ужъ не до разгвѣздовъ, — согласилась Лизавета. — Не стану и тебя задерживать, — продолжала она, увидѣвъ, что посланецъ поднимается съ мѣста и готовится откланяться. — Скажи Петру Филипповичу, что у меня кумъ, и что мы оба желаемъ ему благополучно выполнить царское приказаніе.

— Въ разумъ, значить, вошелъ нашъ царь, слава Тебѣ, Господи! — произнесъ съ чувствомъ Ермилычъ, оставшись наединѣ съ Праксией. — А вы здѣсь не считали его способнымъ на властное дѣло, вотъ онъ вамъ и показалъ! Слава Богу! слава Богу! Дай ему Господь ума и силы на царское дѣло! — продолжалъ онъ, внутренно досадуя на свою собесѣдницу за то, что она не радѣла его восторга, но у Праксии были причины сомнѣваться въ пользѣ совершившагося переворота.

— Будетъ ли только лучше при Долгорукихъ-то? — проговорила она со вздохомъ. — Вотъ кабы нашу цесаревну ирательницей назначили, ну, тогда намъ можно было бы сказать, что наша взяла...

— Такія слова даже и говорить грѣшно, пока живъ сынъ цесаревича Алексѣя, внукъ царя помазанника, — строго возвышая голосъ, прервалъ онъ ее.

Между тѣмъ затихнувшій было дворецъ оживился, обитатели его выходили въ коридоры, чтобы подѣлиться впечатлѣніями насчетъ принесеннаго извѣстія; въ одно мгновеніе распространившагося не только по всѣмъ уголкамъ обширнаго зданія, но и по всѣмъ надворнымъ строеніямъ, а оттуда вырвавшася и на улицу, гдѣ, сливаясь съ разнорѣчивѣйшими толками, вихремъ пронесившимися по всѣмъ закоулкамъ, извѣстіе это привело въ неописанное волненіе весь городъ. Наступила ночь, но никому спать не хотѣлось, во всѣхъ домахъ засвѣчивались огни, растворялись ставни, и въ окна просовывались любопытныя головы, жаждущія услышать вѣстей отъ бѣгущихъ мимо къ Васильевскому острову.

Какъ, кѣмъ сообщено было извѣстіе тѣмъ, отъ кого было строго приказано хранить въ тайнѣ важное событіе проявленія царской власти въ самомъ для всѣхъ важномъ дѣлѣ, въ освобожденіи царя отъ власти всемогущаго временщика, такъ и осталось тайной, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ.

Не будучи больше въ силахъ сдерживать охватившее ихъ волненіе въ одиночествѣ, Праксина вышла съ своимъ гостемъ въ одну изъ залъ, выходившихъ на набережную канала, и оба стали

смотря изъ окна на бѣгущихъ по одному и тому же направленію людей. Стали показываться верховые и наконецъ кареты и одноколки. Вотъ и изъ дворца выѣхала карета и въ ней гофмейстерина.

— Къ своимъ, вѣрно, поѣхала, — замѣтила Лизавета. — Шуваловы-то съ Долгорукими давно нѣ въ ладахъ, но теперь, навѣрное, сойдутся противъ общаго врага. Всѣ Меншиковыхъ покинуть. Здѣсь всегда такъ, насмотрѣлась я на здѣшніе порядки, съ тѣхъ поръ, какъ насъ судьба закинула въ проклятое болото...

— Теперь ужъ, навѣрное, столицу въ Москву перенесутъ, — замѣтила Ермилычъ.

— Много будетъ теперь перемѣнъ, — подтвердила его собесѣдница, всматриваясь вдаль, въ несущуюся въ ихъ сторону карету шестерикомъ. — Наша ѣдетъ! Наконецъ-то! Измучилась я, ая дожидаючись; слава Богу, кажется, благополучно съѣздила!

И, оставивъ Ермилыча у окна, она побѣжала встрѣчать цесаревну, которую уже ждали съ зажженными факелами на подъѣздѣ придворные служители.

Встрѣча импровизировалась вполне торжественная. Завидѣвъ издали карету всеобщей любимицы, народъ, бѣжавшій къ дому Меншикова, чтобы видѣть, какъ перевозятъ изъ него царское имущество, повертывалъ назадъ, ко дворцу цесаревны, чтобы, повинаясь безотчетному желанію, выразить ей свою преданность, поздравить съ паденіемъ злѣйшаго ея врага. Многіе на ходу подбѣгали къ каретѣ, проталкивались къ раскрытому окну, изъ котораго она съ милой улыбкой раскланивалась, и, не отрывая восхищенныхъ глазъ съ дорогого всякому русскому человѣку лица, бѣжали рядомъ съ лошадьми, другіе забѣгали впередъ, чтобы занять получше мѣсто у подъѣзда и видѣть ее поближе, когда она будетъ выходить изъ кареты и подниматься по лѣстницѣ на крыльцо, третьи заранѣе забирались на рѣшотку и на ворота, чтобы издали ея любоваться.

«Эхъ, Алешки нашего тутъ нѣтъ! Увидалъ бы, сколько у его красавицы поклонниковъ», — подумалъ Ермилычъ, наблюдая за переполохомъ, поднявшимся вокругъ дворца.

Съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, ему было отлично видно, при свѣтѣ факеловъ, какъ подкатила къ широко раствореннымъ воротамъ карета и какъ въѣхала во дворъ среди тѣснившейся вокругъ нея толпы восторженныхъ, радостно возбужденныхъ лицъ, и какъ вышла изъ кареты улыбающаяся красавица въ розовой, расшитой жемчугами робѣ, вся сверкающая, какъ сказочная фея, брильянтами, разноцвѣтными искрами переливавшимися въ свѣтѣ факеловъ. Онъ видѣлъ, какъ она, ласково кивнувъ Праксиной, помогавшей камерлакеямъ высадить ее изъ кареты, остановилась, чтобы низко поклониться привѣтствовавшей ее толпѣ, вдругъ смолкнувшей въ какомъ-то благоговѣннѣи.

— Тише, тише, цесаревна просить васъ разойтись по домамъ тише...

Сдѣлалось такъ тихо, что слова эти, произнесенныя, вѣроятно, по просьбѣ цесаревны, Лизаветой, совершенно внятно донеслись до ушей выглядывавшихъ изъ оконъ вмѣстѣ съ Ермилычемъ.

— А ты, старичокъ, здѣсь останься, если хочешь на цесаревну поближе посмотрѣть, она тутъ должна въ свою уборную пройти, — сказалъ ему одинъ изъ тѣснившихся съ нимъ у окна. — Вонъ ужъ и кенкеты зажигаютъ.

Зала освѣтилась, и черезъ нѣсколько минутъ появилась въ растворенныхъ дверяхъ хозяйка дворца, разговаривая съ Праксиной, которая шла съ нею рядомъ.

— А это, вѣрно, твой кумъ! — сказала цесаревна, завидѣвъ издали незнакомца среди знакомыхъ лицъ. — Ну, не удалось мнѣ сегодня ничего для него сдѣлать...

— Гдѣ ужъ въ такой день, ваше высочество! Дозвольте ему вашу ручку поцѣловать, онъ и этимъ будетъ безконечно счастливъ, — успѣшила возразить Лизавета, подзывая знакомъ Ермилыча подойти поближе.

Цесаревна милостиво протянула старику руку, которую онъ почтительно поднесъ къ губамъ, съ низкимъ поклономъ.

— Ну, тезкинъ кумъ, не до тебя было сегодня, мы Меншикова сверзали, — весело проговорила она, устремляя на Ермилыча сверкающій искренною радостью взглядъ. — Ты радъ, старина? Мнѣ про тебя тезка все рассказала, и я съ тобою еще на досугъ потолкую. Поживи у насъ подольше, мы добрымъ людямъ рады, — продолжала она, съ любопытствомъ всматриваясь въ умное лицо незнакомца, въ которомъ ея опытный глазъ провидѣлъ не того человѣка, какимъ онъ прикидывался.

— Покорнѣйше благодарю, ваше императорское высочество, за ласку, и дай вашей милости Господь использовать нынѣшній случай на счастье Россіи, — произнесъ онъ съ торжественностью, не спуская глазъ подъ ея пристальнымъ испытующимъ взглядомъ и въ свою очередь пытаясь понять ея душу по выраженію ея лица.

— Какъ ловко все устроили! — продолжала она между тѣмъ, съ особеннымъ удовольствіемъ распространяясь о томъ, что переполняло ей восторгомъ сердце, передъ человѣкомъ, котораго она видѣла въ первый разъ, но къ которому почувствовала съ перваго взгляда безграничное довѣріе, точно къ старому и преданному другу. — Изъ Меншиковыхъ друзей никто ничего не подозревалъ, и никто не могъ его предупредить; въ такой, говорятъ, растерянности обрѣтается, что навѣрное надѣлаетъ непоправимыхъ глупостей... А дочка-то его сегодня у меня какъ фордыбачилась! Съ какой помпой явилась! Царская невѣста! А ужъ какъ царь-то радъ, что избавился отъ всей этой семейки! Онъ рѣшилъ скорѣе въ Москву ѣхать короноваться и долго тамъ пожить...

— Кабы совсѣмъ въ Москвѣ остался, ваше высочество! — позволилъ себѣ вставить Ермилычъ.

— Что Богъ дастъ, тезкинъ кумъ, что Богъ дастъ! — сказала она, лукаво подмигивая Праксиной. — Не все вдругъ! Ты намъ счастье принеси, старичокъ, я тебя за это, какъ родного, полюбила. Поживи у насъ подольше, — повторила она, протягивая ему на прощаніе руку, все съ той же свѣтлой улыбкой, обаянію которой такъ трудно было не поддаться: оставаться къ ней равнодушнымъ послѣ того, какъ она съ человѣкомъ поговорить и улыбнется ему, не было никакой возможности.

И опять вспомнился ему Алешка Розумъ, а когда онъ въ ту ночь, подъ самое утро заснулъ, явился передъ нимъ въ грезѣ этотъ самый Алешка, какъ живой, да такой радостный и свѣтлый, точно ему тамъ, за тридевять земель, стало извѣстно, что здѣсь происходитъ...

А Праксина провела эту ночь совсѣмъ безъ сна. Раздѣляя всеобщую радость, царившую во дворцѣ цесаревны, по случаю паденія злѣйшаго ея врага, она, тѣмъ не менѣе, не могла не мучиться неизвѣстностью насчетъ будущаго и недовѣріемъ къ замѣстителю Меншикова, властолюбивый и мстительный нравъ котораго былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ, равно какъ и распутство его сына, ближайшаго къ царю человѣка, снискавшаго всеобщее негодованіе своими циничными выходками, мотовствомъ и отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ правилъ. Какъ-то новые правители государства будутъ дѣйствовать, и объявятся ли люди, настолько сильные и преданные родинѣ, чтобъ обуздать ихъ алчные и себялюбивые инстинкты и ставить преграды страшному злу, которое они могутъ принести несчастной Россіи? Внутренній голосъ ей говорилъ, что Долгорукіе опаснѣе Меншиковыхъ, если съ самаго начала не обуздать ихъ власти.

Къ этимъ тяжелымъ мыслямъ примѣшивалась тревога за мать. Пави Стишинская такъ неосторожна и легкомысленна, что легко можетъ поплатиться за страсть заискивать и залѣзая въ дружбу къ сильнымъ міра сего. Опала Меншиковыхъ, можетъ быть, уже на ней отразилась, можетъ быть, и она тоже уже арестована вмѣстѣ со всѣми приближенными павшаго временщика? Развѣ она не хвасталась не дальше, какъ наканунѣ, когда пріѣзжала сюда въ свитѣ бывшей царской невѣсты, что княжна Марія не можетъ безъ нея жить, что она даже ленточки не купить, съ нею не посоветовавшись, и часто задерживаетъ ее ночевать, чтобъ рассказывать ей про свои сердечныя дѣла, жаловаться на холодность царя и на тщету всѣхъ принесенныхъ жертвъ изъ-за тщеславія отца? Очень можетъ быть, что ее и на этотъ разъ задержали въ домѣ Меншиковыхъ, и что она такимъ образомъ попала вмѣстѣ съ другими въ западню?

Предположеніе это было такъ мучительно, мысль, что мать ея, можетъ быть, теперь въ тюрьмѣ и отъ испуга и растерянности Богъ знаетъ что на себя и на другихъ взводитъ, чтобъ только умилостивить своихъ судей, мысль эта была такъ несносна, что Лизавета, не дождавшись, чтобъ разсвѣтало, поднялась съ постели, наскоро одѣлась и отправилась въ людскую, куда приказала позвать конюха Сашку, молодого малаго, котораго она сюда опредѣлила на службу, и который ей былъ беззавѣтно преданъ. Когда онъ пришелъ, она спросила у него: не возьмется ли онъ узнать о судьбѣ ея матери, пани Стишинской, приѣзжавшей наканунѣ сюда съ царской невѣстой, княжной Маріей Александровной Меншиковой?

— Ты вѣдь, вѣрно, слышалъ, что и самъ князь и все его семейство подъ арестомъ, а матушка моя у нихъ часто ночуетъ, можетъ, и сегодня она тамъ была и вмѣстѣ со всѣми арестована, такъ мнѣ бы хотѣлось это скорѣе узнать, понимаешь, но только осторожнѣе, ради Бога, чтобъ и самому тебѣ не попасться, да и насъ въ бѣду не ввести.

— Не извольте беспокоиться, Лизавета Касимовна, мнѣ не въ первый разъ въ Меншиковскій дворецъ ходить, у меня тамъ знакомый поваръ живетъ, и я бы тамъ сегодня безъ вашего наказа побывалъ, чтобъ узнать, куда его дѣвали, — отвѣчалъ Сашка.

— Ну, и прекрасно, ступай разузнавать про твоего пріятеля, да заразъ и про пани Стишинскую узнай.

Вернулась Праксинна къ себѣ, когда было еще темно, и легла въ надеждѣ хоть часочекъ отдохнуть передъ хлопотливымъ, только что начинавшимся днемъ. Въ обычное время она встала и съ помощью горничныхъ сдѣлала свой туалетъ, чтобъ по первому зову итти къ цесаревнѣ въ спальню, гдѣ уже находилась Мавра Егоровна и слушала въ десятый разъ разсказъ о вчерашнемъ событіи, которымъ цесаревна была такъ поражена, что не уставала о немъ говорить и въ то время, какъ ее одѣвали, и когда пришелъ волосочесъ убирать ей голову.

Весь этотъ день она намѣревалась провести дома. Можетъ быть, самъ царь къ ней заѣдетъ, чтобъ подѣлиться съ нею впечатлѣніями; ему вѣдь извѣстно, что она имѣетъ еще больше причинъ, чѣмъ онъ, ненавидѣть Меншикова... И къ тому же надо и Долго-рукимъ дать опомниться отъ триумфа.

— Поди, чай, съ радости сами себя не помнятъ, не знаютъ еще, за что и за кого на первыхъ порахъ ввязаться... А любопытно было бы знать, какъ они себя поведутъ у власти... Первымъ деломъ, разумѣется, сорвутъ сердце надъ Меншиковыми... Плохо придется Александру Даниловичу, отольются волку овечьи слезки... Каково ему теперь на свою дочку, царскую невѣсту, смотрѣть? — размышляла цесаревна вслухъ, въ то время, какъ Мавра Егоровна

убирала въ шкатулку снятые наканунѣ второпяхъ брильянты своей госпожи, а Праксина прикалывала банты изъ розовыхъ атласныхъ лентъ къ бѣлому батистовому утреннему платью, которое цесаревна должна была надѣть, чтобъ итти завтракать съ ближайшими своими придворными.

— Они другъ на друга смотрѣть не могутъ,—замѣтила Мавра Егоровна,—ихъ, вѣрно, заперли по разнымъ комнатамъ и сообщаться между собою имъ не даютъ. Я слышала,—продолжала она,—что и всѣхъ ихъ приближенныхъ арестовали, а многихъ уже на допросъ увезли...

— Значить, всѣ, которыхъ мы здѣсь видѣли вчера съ княжной, теперь въ тюрьмѣ! Вотъ какъ человѣкъ не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, а мы-то дѣлаемъ планы, запасаемся нарядами на предстоящія торжества, мечтаемъ, радуемся ожидаемому счастью,—философствовала цесаревна, невольно уступая желанію вслухъ изливать мысли, навертывавшіяся ей на умъ, безъ смысла и безъ связи, какъ всегда, когда душевное возбужденіе преобладаетъ въ человѣкѣ и нарушаетъ умственное равновѣсіе.

— Да, ваше высочество, вотъ и мать ея тоже, вѣрно, попалась въ западню,—замѣтила со смѣхомъ Мавра Егоровна, которая терпѣть не могла пани Стишинскую.

— Твоя мать? Какъ это, тезка? И что же ты молчишь объ этомъ?—съ живостью обратилась цесаревна къ Праксиной.—Развѣ она живетъ у Меншиковыхъ? Я этого не знала!

— Она не живетъ у нихъ, но очень часто остается у нихъ ночевать, когда поздно засидится,—отвѣчала Лизавета,—и Мавра Егоровна права, я имѣю причины за нее безпокоиться.

— Что же ты не пошлешь узнать?... Постой, я это сейчасъ сама сдѣлаю, пошлю къ князю Алексѣю Григорьевичу... А еще было бы лучше, если бы ты сама къ нему поѣхала отъ моего имени... Прикажи заложить карету...

— Позвольте мнѣ прежде пройти къ себѣ, ваше высочество, меня тамъ, можетъ быть, ждетъ извѣстіе о матери...

— Ступай, ступай скорѣе!

Какъ ни торопилась Лизавета покинуть уборную цесаревны, однако, передъ тѣмъ, какъ отойти отъ двери, она слышала, какъ ея высочество замѣтила своей гофмейстеринѣ, что ей очень жаль, что у ея милой тезки такая взбалмошная и глупая мать...

Въ комнатѣ своей Праксина застала только что вернувшася посланца своего, который ей съ большимъ сокрушеніемъ объявилъ, что ничего не могъ добиться на Васильевскомъ острову.

— Всѣ ворота въ домѣ князя Меншикова заперты, передъ ними стоитъ стража, никого не пускаютъ. Говорятъ, что и во дворѣ, и въ домѣ всѣ проходы полны солдатами, которымъ не позволено отвѣчать на разпросы.

— Я думаю дать объ этомъ знать мужу,—сказала Праксина, вернувшись въ уборную и передавъ цесаревнѣ навѣстіе, принесенное ей съ острова.

— Вздоръ, вздоръ! мужа твоего въ это дѣло мѣшать не для чего, ему теперь надо себя осторожнѣе прежняго держать. Онъ на такомъ положеніи у царя, что ни съ кѣмъ, даже съ матерью жены, дружить не можетъ... Надо, чтобъ его ни въ какую исторію не могли запутать. Тебѣ надо самой отправиться къ князю Алексѣю Григорьевичу и просить его выпутать твою мать изъ бѣды. Вѣдь быть не можетъ, чтобъ она была въ чемъ нибудь серьезно замѣшана и чтобъ знала что нибудь опасное. Кто довѣрится такой легкомысленной птицѣ? Поѣзжай къ нему сейчасъ, я дамъ тебѣ записку къ нему. Онъ долженъ быть дома теперь, можетъ быть, ждетъ къ себѣ государя или вѣстей отъ него черезъ сына, который, навѣрное, ни на минуту не покидалъ царя со вчерашняго дня... Теперь самое лучшее время къ князю Алексѣю Григорьевичу съ просьбами обращаться: онъ съ радостью все исполнитъ, ему теперь надо всѣхъ задабривать, устилать себѣ дорогу доброжелателями, чтобъ удобнѣе всѣхъ насъ въ руки забрать! ха, ха, ха! Поѣзжай, поѣзжай скорѣе, онъ будетъ въ восторгѣ видѣть передъ собой просительницу, съ челобитной отъ цесаревны Елисаветы Петровны!

Она не ошиблась. Едва только успѣли доложить Долгорукову о пріѣздѣ Праксиной и передать ему на серебряномъ подносѣ письмо цесаревны, какъ ее попросили пожаловать къ князю.

— Чѣмъ могу служить ея высочеству?—спросилъ съ привѣтливой улыбкой онъ у Праксиной, когда введшій ее сюда лакей вышелъ, и они остались наединѣ.

Праксина объяснила ему причины, заставлявшія ее опасаться за судьбу своей матери, которая пользовалась милостями семьи князя Меншикова, была принята въ ихъ домъ запросто, часто у нихъ ночевала и, можетъ быть, и сегодняшнюю ночь, поздно засидѣвшись съ княжнами, осталась у нихъ до утра, а потому вмѣстѣ съ остальными близкими къ Меншиковымъ людьми подверглась не только аресту, но и заключенію въ тюрьму.

Ее слушали очень внимательно, но съ какой-то странной улыбкой, приводившей ее все больше и больше въ недоумѣніе.

— Вы говорите, что имя вашей матушки Стишинская?—спросилъ князь, когда она смолкла.

— Точно такъ, ваше сіятельство, Стишинская. Она по происхожденію поляка, какъ и мой покойный отецъ, но оба изъ православныхъ провинцій...

Князь позвонилъ въ колокольчикъ, стоявшій на столѣ, возлѣ котораго онъ разговаривалъ со своей посѣтительницей.

— Очень радъ, что могу васъ сію минуту успокоить насчетъ вашей матушки... Проводите г-жу Праксину на половину княженъ,—

приказалъ онъ появившемуся на его зовъ лакею.—Вы тамъ узнаете о судьбѣ, постигшей вашу матушку,—прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Лизаветѣ и отвѣчая любезнымъ наклоненіемъ головы на ея низкій, почтительный поклонъ.

Въ большомъ недоумѣніи послѣдовала она черезъ длинную анфиладу богато разубранныхъ покоевъ въ ту часть великолѣпнаго дома, гдѣ жили дочери князя съ приставленными къ нимъ компаньонками, гувернантками и надзирательницами.

Впрочемъ, въ воспитательницахъ нуждались только меньшія княжны: Елена тринадцати лѣтъ и Анна одиннадцати, что же касается до старшей, Екатерины, воспитаніе ея было уже окончено, и окончено блестяще, въ Варшавѣ, веселой и жизнерадостной столицѣ царства Польскаго, славящейся красотой, ловкостью и любовью женщинъ, ихъ искусствомъ завлекать мужчинъ, крѣпко держать ихъ въ рукахъ и водить за носъ.

Княжна Екатерина выросла среди паненокъ высшаго польскаго общества, въ домѣ дѣда своего, князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, русскаго посла при королевскомъ дворѣ, и вернулась къ родителямъ во всемъ блескѣ расцвѣтающей юной красоты и граціи, но уже опытной въ житейскихъ интригахъ и въ умѣніи пользоваться обольстительными чарами, которыми одарила ее природа.

Въ Польшѣ не такъ воспитывали женщинъ, какъ въ Россіи: тамъ онѣ пользовались полной свободой въ сношеніяхъ съ мужчинами, и никакое мало-мальски веселое празднество не обходилось безъ ихъ присутствія. Тамъ онѣ умѣли и разговоръ поддерживать, и одушевлять мужчинъ на всякое геройство, и сводить ихъ съ ума обаятельнымъ кокетствомъ, тамъ безъ ихъ общества положительно не могли жить, и онѣ играли выдающуюся роль не только въ семьѣ и въ обществѣ, но и въ управленіи страной, направляя политику по своему усмотрѣнію, или, лучше сказать, по усмотрѣнію таинственной силы, исходящей изъ Рима и властвовавшей безконтрольно и безгранично надъ ихъ умомъ, сердцемъ, душой и тѣломъ.

Однако, по пріѣздѣ своемъ въ Россію, ополяченная княжна Екатерина не торопилась выставять передъ здѣшнимъ обществомъ преимущества воспитанія, полученнаго ею за границей, и довольствовалась тѣмъ, что приводила въ восхищеніе немногихъ счастливыхъ, представленныхъ ей не отцомъ ея и не братомъ, а другомъ ея, графомъ Вратиславомъ, посланникомъ отъ имперскаго двора, съ которымъ она сблизилась удивительно коротко въ домѣ своего дѣда, въ Варшавѣ. У нея образовался оригинальный, для тогдашняго времени, кружокъ изъ молодыхъ кавалеровъ, большею частью, чужеземцевъ, между которыми она отличала особенно красавца Мелиссина, съ которымъ познакомилась еще въ Варшавѣ черезъ пріятеля своего, графа Вратислава. Княжна пре-

красно говорила по-французски, по-итальянски, по-польски, обо- жала музыку и поэзію, на ея половинѣ можно было слышать остроумные разговоры о политикѣ, о литературѣ, рассказы не только про европейскіе дворы, но и про азіатскіе, отъ путешествен- никовъ и путешественницъ, которыхъ друзья ея не забывали къ ней привозить, когда они останавливались проѣздомъ въ Петер- бургъ и являлись за протекціей въ иностранныя посольства.

Мало было въ то время въ Россіи такихъ салоновъ, какъ салонъ княжны Екатерины Долгоруковой; европейская культура, насиль- ственно привитая Петромъ, начала хирѣть тотчасъ послѣ его смерти и поддерживалась только очень немногими. На иностранцевъ на- стоящіе русскіе люди продолжали смотрѣть недоувѣрчиво и враждебно, какъ на иновѣрцевъ, не способныхъ проникнуться духомъ вашей святой церкви; люди же, уже утратившіе вѣру отцовъ, опасались, чтобы они не овладѣли многими, что въ каждомъ государствѣ счита- ется принадлежностью природныхъ сыновъ страны: довѣриемъ пра- вителей и правомъ рѣшать судьбы родины. Снова подпасть подъ чужеземное иго никому въ Россіи не хотѣлось, и пріѣзжіе чуже- земцы, не успѣвшіе, какъ графъ Остерманъ, Минихъ и другіе, освоиться съ русскими нравами и русскимъ характеромъ, не могли не чувствовать себя разочарованными и притѣсненными русскими варварами, которыхъ такъ было бы выгодно эксплуатировать, благодаря ихъ невѣжеству и отсутствію инициативы въ матеріаль- ныхъ богатствахъ, которыми они обладаютъ на манеръ собаки, лежащей на снѣгѣ, самой имъ не пользующейся и не дающей пользоваться имъ другимъ, тѣмъ, кто знаетъ цѣну этому прекрас- ному снѣгу.

Понятно послѣ этого, какъ высоко цѣнились въ то время у насъ чужелюбцами такія исключительныя личности, какъ княжна Долгорукая, такъ прекрасно воспитанная, что ее и за русскую трудно было принять, совсѣмъ иностранка, какъ лучшія предста- вительницы польской націи. И какъ ни былъ уменъ ея отецъ, какъ ни понималъ необходимость заискивать въ русскихъ людяхъ и опираться на нихъ въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, однако и онъ подпалъ подъ обаяніе своей красавицы дочери и не могъ не восхищаться ея талантами, развязностью, остроуміемъ и не- зависимостью характера, уже вполне сложившагося, когда она къ нему пріѣхала изъ Варшавы, такъ что ломать этотъ гордый и самонадѣянный нравъ, подчинять его своимъ требованіямъ, даже ради ея собственной пользы, нечего было и думать. Княжна прямо объявила отцу, что если онъ желаетъ жить съ нею въ мирѣ, онъ не долженъ ни въ чемъ стѣснять ея свободу и долженъ прими- риться съ мыслью, что дочь его не приметъ здѣшнихъ дикихъ обыча- евъ, а сама будетъ задавать тонъ, которому, навѣрное, послѣдуютъ тѣ, которымъ надоѣла скучная, тусклая русская жизнь, и которые

рады будутъ промѣнять ее на жизнерадостную, полную удобствъ и разнообразныхъ пріятностей европейскую современность.

Ей ужъ восемнадцать лѣтъ, жизнь она знаетъ лучше многихъ здѣшнихъ старухъ, а постоянное вольное обращеніе съ мужчинами служить ей достаточной гарантіей противъ всякой опасности съ ихъ стороны. Кавалеры могутъ быть опасны только невиннымъ, глупымъ овечкамъ, воспитаннымъ въ затворничествѣ и въ невѣдѣніи всего, что краситъ жизнь и придаетъ ей цѣну, за нее же бояться нечего, тѣмъ болѣе, что сердце ея уже не свободно, она отдала его графу Мелиссино и сдѣлается его супругой, когда онъ получитъ обѣщанное мѣсто въ Италіи. Ее ужъ давно тянетъ въ Италію, и она тамъ будетъ гораздо больше дома, чѣмъ здѣсь, въ этой грязной, темной, непріятной Россіи.

Мыслей своихъ и чувствъ она не скрывала, и задолго до сегоднешняго дня, когда Праксиной предстояло лично съ нею познакомиться, Лизавета уже хорошо знала ее заочно, по рассказамъ общихъ знакомыхъ. Прислушиваясь къ звукамъ эпинетки и къ пѣнію женскихъ и мужскихъ голосовъ, раздававшихся съ той стороны, куда ее вели, Лизавета Касимовна съ возрастающимъ недоумѣніемъ спрашивала себя: «для чего князю понадобилось знакомить ее съ дочерью? И какое можетъ быть отношеніе между ея матерью и этой надменной красавицей, ни одной изъ русскихъ дамъ изъ самаго высшаго общества не удостоивавшей своею дружбою?» Къ тому же она слыветъ большой насмѣшницей. Одна изъ приближенныхъ женщинъ Шереметьевской боярышни, графини Натальи Борисовны, жаловалась Праксиной, что дочка князя Долгорукова, пріѣхавши къ нимъ съ визитомъ, такъ жестоко издѣвалась надъ ихъ боярышней, что эта послѣдняя изволила даже отъ издѣвокъ этой модницы горько плакать. И тутъ же эта самая женщина открыла Праксиной тайну сердечную бѣдной своей боярышни: безъ ума влюблена она въ брата этой гордячки Долгоруковой, въ красавца князя Ивана, ближайшаго друга царя.

Не понравилась княжна Екатерина и цесаревнѣ.

— Красива-то она красива, слова нѣтъ, и одѣвается со вкусомъ, и любезна, но какая-то бездушная, — сказала она своимъ приближеннымъ, когда княжна послѣ перваго ей представленія уѣхала домой со своимъ отцомъ.

Съ тѣхъ поръ онѣ видѣлись только на придворныхъ и частныхъ балахъ и на торжественныхъ празднествахъ. Запросто княжна никуда не ѣздила и ни съ кѣмъ не обличалась. Она даже отказывалась принимать участіе въ развлеченияхъ, изобрѣтаемыхъ братомъ ея для царя... чтобъ не играть на нихъ второстепенной роли послѣ царской невѣсты, княжны Маріи Меншиковой, можетъ быть. Такъ или иначе, но она держала себя такъ, точно ей ни до кого и ни до чего здѣсь нѣтъ никакого дѣла, и когда близкіе ея съ

восхищеніемъ разсказывали въ ея присутствіи про вліяніе, которое братъ ея имѣетъ надъ государемъ, какъ царь его любить и довѣряетъ ему, на ея тонкихъ и красиво очерченныхъ губахъ появлялась такая насмѣшливая улыбка, что всѣмъ становилось неловко, и радостно возбужденное настроеніе замѣнялось непріятными сомнѣніями и досадой. Также свысока и презрительно относилась она и къ царю, котораго третировала, какъ ребенка, и въ городѣ передавали съ негодованіемъ остроты ея на его счетъ.

И все это ей сходило съ рукъ даже во время владычества строгаго Меншикова; можно себѣ представить, что будетъ теперь, когда мѣсто этого послѣдняго занялъ ея отецъ.

Наконецъ, сопровождавшій Праксину лакей растворилъ дверь краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями и, попросивъ свою спутницу подождать въ маленькой изящно разубранной заморскими бездѣлушками пріемной, вызвалъ изъ боковой горницы старшую горничную княжны и просилъ ее доложить госпожѣ, что князь проситъ ее принять г-жу Праксину, старшую камеръюнгферу цесаревны, и переговорить съ нею.

— Княжна готовится къ сегодняшнему концерту, — возразила горничная, съ любопытствомъ оглянувъ съ ногъ до головы посетительницу. — Но я все-таки имѣю о васъ доложу, какъ только что кончится пѣніе.

Она вышла въ одну дверь, лакей въ другую, и Лизавета Касимовна осталась одна въ пріемной комнатѣ, сосѣдной съ большой залой, гдѣ пѣли подъ аккомпанементъ эпинетки и громкаго веселаго говора и смѣха многочисленнаго общества. И вдругъ между голосами прохаживающихся по залѣ дамъ и кавалеровъ одинъ голосъ показался ей настолько знакомымъ, что она не вытерпѣла, чтобъ не подойти къ двери поближе и не прислушаться къ нему. Именно въ эту минуту съ оживленіемъ бесѣдовавшіе между собою мужчина и женщина, со своей стороны, подошли къ двери и, можетъ быть, чтобъ удобнѣе продолжать разговоръ, остановились тутъ на нѣсколько минутъ. Поразившій ее голосъ показался ей еще знакомѣе вблизи, и сомнѣваться въ томъ, что онъ принадлежитъ ея матери, было тѣмъ болѣе невозможно, что разговоръ происходилъ по-польски.

«Какъ попала сюда пани Стишинская? И съ кѣмъ это она здѣсь такъ интимно и съ такимъ страстнымъ оживленіемъ бесѣдуетъ?» — спрашивала себя, вѣя себя отъ изумленія, Праксина.

Мужской голосъ, изрѣдка вставлявшій короткую фразу въ ея безостановочно лившуюся болтовню, былъ замѣчательно важенъ и звучалъ сознаніемъ своего превосходства. Что именно она ему говорила, Лизавета понять не могла, давно ужъ забыла она то немногое, что знала трехлѣтнимъ ребенкомъ изъ польскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, но по интонаціи бесѣдовавшихъ можно было до-

гадаться, что она о чемъ-то умоляетъ своего собесѣдника и что-то такое ему униженно доказываетъ, а онъ, не поддаваясь на ея мольбы и доводы, упорно стоитъ на своемъ. Тѣмъ временемъ въ противоположномъ концѣ залы концертъ продолжался, красивые мужскіе голоса сливались въ гармоническихъ переливахъ съ женскими, чтобъ по кончаніи какой нибудь мудреной фіоритуры обрваться въ веселыхъ восклицаніяхъ и раскатистомъ смѣхѣ. Тутъ и пѣли, и говорили по-итальянски. Очень было здѣсь всѣмъ весело. Но что же тутъ дѣлаетъ ея мать, нѣсколько часовъ спустя послѣ страшнаго несчастья, обрушившагося надъ ея благодѣтелями и покровителями? Можетъ быть, она ничего не знаетъ изъ того, что произошло въ эту ночь въ домѣ Меншиковыхъ? Можетъ быть, она провела ночь не тамъ, а здѣсь... можетъ быть?..

Но дольше размышлять ей не дали, дверь, у которой она стояла, съ шумомъ растворилась, и передъ нею очутилась пани Стипинская, какъ всегда, нарядная, съ улыбкой на раскрашенномъ лицѣ, жизнерадостная и оживленная.

— А! цурка моя! Я только сейчасъ узнала, что ты здѣсь... мнѣ это дура Марѣ Ивановна ничего не сказала, ждала, чтобъ кончилась репетиція квартета, чтобъ доложить княжнѣ... Тебя сюда самъ князь прислалъ? Для чего? Зачѣмъ ты къ нему пріѣхала? Съ порученіемъ отъ цесаревны? Какое порученіе? — закидала она дочь вопросами, не дожидаясь ея отвѣтовъ.

— Цесаревна прислала меня съ запиской къ князю, чтобъ узнать про васъ... вы хотѣли вчера ночевать у Меншиковыхъ, и мы боялись...

— Чтобъ меня не арестовали вмѣстѣ съ ними? ха, ха, ха! — звонко расхохоталась она. — Нѣтъ, цурка, мать твоя не дура, слава Богу: она, какъ крыса, чуетъ, когда дому грозитъ гибель, и во-время изъ него вонъ выбирается! Не даромъ же заручилась я дружбой нашей красавицы княжны, она тотчасъ же про меня вспомнила, когда ей стало извѣстно про то, что должно было произойти въ загородномъ домѣ царя, и прислала мнѣ сказать, чтобъ я той же минутой къ ней явилась, да и заарестовала меня на эту ночь. О, съ такими друзьями, какими я умѣю запасаться, нельзя пропасть, и ты на мой счетъ не безпокойся, лучше о себѣ заботься...

Она оглянулась на дверь, оставшуюся отпертой и мимо которой проходили нарядные кавалеры, составлявшіе общество княжны Екатерины, оживленно бесѣдуя между собою подъ пѣніе, не прекращавшееся у эпинетки, и отвела дочь въ дальній уголъ, чтобъ ей сказать, что ей надо непременно воспользоваться случаемъ, чтобъ быть представленной княжнѣ.

— Ты увидишь, какъ она прелестна, настоящая варшавянка, москальскаго въ ней ничего нѣтъ... Мы даже надѣемся обратить ее въ нашу вѣру... Ну, что жъ, — продолжала она, замѣтивъ изумлен-

ный взглядъ дочери, — я тебѣ этого до сихъ поръ не говорила, потому что вы всѣ тамъ у цесаревны такъ дико относитесь къ религіи, но теперь я ужъ дольше скрывать этого не намѣрена...

— Вы переимѣнили вѣру?! — вскричала Праксина, съ чувствомъ невольной гадливости отступая отъ матери.

— Да, я перешла въ вѣру моихъ предковъ. Что же тутъ такого особеннаго?.. Если бы ты имѣла счастье, какъ я, быть знакомой съ аббатомъ...

— Предки ваши были православные, вся наша страна была православная!

— Мало ли что было, но теперь... Да что мнѣ съ тобой толковать, ты все равно ничего не поймешь, вы съ мужемъ такіе игноранты, такіе изуверы, вы — за старые русскіе нравы и порядки, вы — за обскурантизмъ и неподвижность во всемъ, а я — за свободу, за свѣтъ, за прогрессъ; намъ никогда не сговориться, да и не надо. Есть люди, которые меня понимаютъ, и съ которыми я во всемъ схожусь, и теперь, слава Богу, люди эти у власти и все въ вашей Россіи повернуть по-своему... Самъ князь ничего не значить, будетъ то, что захочетъ наша красавица, наша очаровательная княжна и ея братъ... Поди сюда, посмотри на нее, какая прелесть! Есть ли на свѣтѣ человѣкъ, который могъ бы устоять передъ ея обаяніемъ! Я — женщина, а до безумія въ нее влюблена, — что же сказать про мужчинъ! Посмотри, посмотри! — продолжала она, таща за руку дочь къ растворенной двери и указывая ей на блестящую группу, окружавшую красавицу съ большими смѣлыми глазами, въ роскошномъ розовомъ атласномъ девабиле, открывавшемся спереди на покрытой кружевами бѣлой юбкѣ, которая, обмахиваясь вѣеромъ, съ усмѣшкой выслушивала пригнувшагося къ ней молодого брюнета въ синемъ бархатномъ французскомъ кафтанѣ, расшитомъ тонкимъ золотымъ узоромъ, въ огромномъ модномъ бѣлоснѣжномъ парикѣ, обрамлявшемъ продолговатое свѣжее лицо съ тонкими правильными чертами. — Это графъ Мелиссино, одному только ему она такъ улыбается, одного только его она терпѣливо выслушиваетъ и только надъ нимъ не смѣется, потому что она его любитъ... Какъ онъ счастливъ! Какъ всѣ ему завидуютъ! Да, такую супругу не стыдно будетъ показать въ Европѣ! Я сама выросла въ лучшихъ польскихъ домахъ и знаю много гоноровыхъ пани, но такой пепкнуей, такой ладной паненки, съ такой полурой, какъ наша княжна, даже я не видывала. Что же послѣ этого говорить про здѣшнихъ вашихъ боярынь, которыя ни стать, ни сѣсть не умѣютъ граціозно, ни одѣться, ни причесаться, ни разговаривать, еле-еле по-французски лопочать, а по-итальянски двухъ словъ не умѣютъ сказать... Сколько разъ совѣтовала я Меншиковой Марьѣ примѣръ съ княжны Долгоруковой брать и учиться у нея свѣтскому обращенію, но развѣ такая дурочка могла это по-

нимать! Да что ужъ про Меншикову толковать, когда и твоей цесаревнѣ до нашей красавицы далеко...

— Мнѣ пора домой,—прервала ее Лизавета, которой ужъ было не втерпеть дольше выслушивать болтовню матери. — Я приѣхала, чтобъ узнать про васъ, теперь я знаю, что вы живы, здоровы и въ безопасности, мнѣ здѣсь дѣлать больше нѣчего...

— Какъ? Ты не хочешь воспользоваться случаемъ быть представленной княжнѣ?!—изумилась пани Стишинская.

— Ни мнѣ, ни ей этого не нужно,—угрюмо возразила Лизавета.

— Ну, знаешь, это ужъ совсѣмъ глупо съ твоей стороны! Долгорукіе теперь—все, княжна могла бы тебѣ быть полезной... можетъ быть, больше цесаревны, кто знаетъ! Я у нея въ большомъ фаворѣ, она изъ-за меня обласкала бы тебя, вѣдь какъ-никакъ, а все же я тебѣ мать и сумѣю такъ тебя отрекомендовать моимъ новымъ покровителямъ, что они и тебя полюбятъ, да и мужу твоему протекцію окажутъ...

Но Лизавета ея ужъ не слушала, не оглядываясь выбѣжала она изъ приѣмной, прошла покои, отдѣлявшіе половину княжны отъ апартаментовъ ея родителей, поспѣшно спустилась по парадной лѣстницѣ и тогда только вздохнула свободнѣе, когда могла вскочить въ карету, которую еле поспѣвавшій за нею лакей подождалъ къ крыльцу.

Мать! Она все еще считаетъ себя ея матерью... послѣ того, какъ она всѣ свои права уступила чужимъ, когда дочь ея была еще совсѣмъ маленькая и во всемъ нуждалась, въ любви, въ ласкахъ, въ воспитаніи, въ добрыхъ правилахъ, въ познаніи Бога, въ родинѣ... Все это ей дали чужіе, не только по крови, но и по племени! Ее, полку и сироту, подобрали русскіе и взлелѣяли, какъ родное дитя... Вотъ ея близкіе, ея родные! Нѣтъ у нея другой матери, кромѣ той старушки, что теперь денно и ночью за нее молится и печется о ея ребенкѣ, нѣтъ у нея другихъ родныхъ, кромѣ русскаго человѣка, Петра Филипповича, не побрезгавшаго взять ее, несчастную сироту-иноземку, въ жены, давшаго ей свое имя, сдѣлавшаго изъ нея русскую дворянку... а эта вертихвостка, ловкая крыса, которая чутьемъ догадывается, отъ кого ей бѣжать и къ кому притыкаться, чтобъ всегда быть сытѣй, нарядно одѣтой, наслаждаться всѣми земными благами на чужой счетъ, проходима безъ роду и племени, съ легкимъ сердцемъ промѣнявшая святое православіе на папизмъ,—какая она ей мать?!—мелькало въ головѣ Лизаветы Касимовны въ то время, какъ карета цесаревны мчала ее по улицамъ города къ дворцу на Царицыномъ лугу.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ¹⁾.

(1729 — 1751).

III.

ИЗЪ ЛѢТНЯГО дворца мы переѣхали въ Петергофъ, который въ то время перестраивался. Намъ помѣстили на верху, въ старомъ зданіи Петра I, которое тогда еще было цѣло. Здѣсь отъ скуки великій князь каждыя послѣ обѣда игралъ со мною въ *L'ombre à deux*. Проигрывая онъ сердился, а выигрывая требовалъ немедленной уплаты; но, такъ какъ у меня не было ни копейки, то онъ вздумалъ играть со мною вдвоемъ въ азартныя игры. Помню, какъ однажды мы условились, что ночной колпакъ его пойдетъ въ десять тысячъ рублей. Какъ скоро счастье не везло ему, онъ приходилъ въ неистовство и способенъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ этого дуться на меня. Мнѣ вовсе не было весело играть въ такую игру.

Въ этотъ разъ, живя въ Петергофѣ, однажды мы замѣтили изъ нашихъ оконъ, выходявшихъ въ садъ къ морю, что Чоглокова съ мужемъ то и дѣло ходятъ взадъ и впередъ изъ верхняго дворца на берегъ въ Монплевиръ, гдѣ тогда жила императрица. Намъ точно такъ же, какъ и мадамъ Крузе, хотѣлось провѣдать, какая бы могла быть причина этихъ безпрестанныхъ переходовъ. Мадамъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СIII, стр. 398.

Круше отправилась разузнать дѣло у сестры своей, которая была первая императрицына камерфрау. Она возвратилась оттуда съ сияющимъ лицомъ. Дѣло заключалось въ томъ, что до свѣдѣнія императрицы дошла любовная интрига Чоглокова съ одною изъ монхъ фрейлинъ, Кошелевою, которая отъ него забеременѣла. Императрица призвала къ себѣ Чоглокову и объявила ей, что ея мужъ, въ которомъ она души не чаетъ, обманщикъ; что она ничего за нимъ не замѣчаетъ, между тѣмъ какъ почти вмѣстѣ съ нею живетъ его любовница. Императрица сказала, что самый бракъ ихъ вовсе ей не нравился, и потому, если она хочетъ, то ей позволено тотчасъ развестись съ мужемъ. Тутъ же она рѣшительно объявила, что не можетъ оставить его вольнъ насъ и уволить его, и что пусть она сама исполняетъ его должность. Чоглокова сначала не хотѣла вѣрить обвиненію и говорила, что это все клевету на ея мужа; но императрица тутъ же, разговаривая съ нею, послала допросить Кошелеву, которая во всемъ начисто призналась. Это привело Чоглокову въ бѣшенство; она пошла домой и раскудахта-лась на мужа. Тотъ на колѣняхъ просилъ у нея прощенія и воспользовался всею властью, которую имѣлъ надъ нею, чтобъ смягчить ея гнѣвъ. Ради дѣтей они помирились, но прежняго супружескаго согласія больше не было. Они продолжали жить вмѣстѣ, но уже не по любви, а изъ выгоды. Жена простила мужа, пошла къ императрицѣ и сказала, что забываетъ его невѣрность и остается жить съ нимъ изъ любви къ дѣтямъ. Она на колѣняхъ просила императрицу не безчестить ея мужа и не увольнять его отъ двора, говорила, что это опозоритъ ее и довершитъ ея несчастіе; однимъ словомъ, она дѣйствовала такъ хорошо, съ такою твердостью и великодушіемъ, и, кромѣ того, огорченіе ея было такъ искренно, что весь гнѣвъ императрицы прошелъ. Мало того, она привела мужа, разбранила его въ присутствіи императрицы, потомъ вмѣстѣ съ нимъ бросилась на колѣни и упросила императрицу простить его изъ милости къ ней и ради того, что онъ—отецъ шестерыхъ дѣтей ея. Эти сцены продолжались дней пять или шесть. Мы, можно сказать, по часамъ узнавали обо всемъ, что происходило, потому что въ этотъ промежутокъ насъ меньше прежняго сторожили. Всѣ мы надѣялись, что Чоглокова отставятъ, и всѣ обманулись въ ожиданіяхъ: отставлена была только Кошелева, которой велѣли ѣхать къ дядѣ, обергофмейстеру Шепелеву. Чоглоковы удержались на мѣстѣ, впрочемъ такого почета, какъ прежде, они уже не имѣли. Назначенъ былъ день для нашего отъѣзда въ Ораніенбаумъ: мы поѣхали въ одну сторону, а Кошелеву повезли въ другую.

Въ Ораніенбаумѣ на этотъ разъ мы поселились въ самомъ городѣ, въ обоихъ флигеляхъ небольшого зданія—въ правомъ и въ лѣвомъ. Послѣ Гостилицкаго происшествія велѣно было во всѣхъ придворныхъ строеніяхъ осмотрѣть потолки и перекладины и по-

чинить, что было ветко. Вотъ образъ моей жизни въ Ораніенбаумѣ. По утру я вставала въ три часа, и безъ прислуги съ ногъ до головы одѣвалась въ мужское платье. Мой старый егеръ дожидался меня, чтобы итти на морской берегъ къ рыбацѣй лодкѣ. Пѣшкомъ съ ружьемъ на плечѣ мы пробирались садомъ и, взявъ съ собою лягавую собаку, садились въ лодку, которою правилъ рыбакъ. Я стрѣляла утокъ въ тростникъ по берегу моря, по обѣимъ сторонамъ тамошняго канала, который на двѣ версты уходилъ въ море. Часто мы огибали каналъ, и иногда сильный вѣтеръ уносилъ нашу лодку въ открытое море. Великій князь являлся часомъ или двумя позже, потому что ему всегда нужно было имѣть съ собою завтракъ и всякую всячину. Если онъ встрѣчалъ насъ, мы отправлялись дальше вмѣстѣ; если же нѣтъ, то стрѣляли и охотились порознь. Часовъ въ десять, иногда позже, я возвращалась домой и одѣвалась къ обѣду. Послѣ обѣда отдыхала, а по вечерамъ у великаго князя бывала музыка, либо мы катались верхомъ. Черезъ шесть или семь дней такой жизни я стала чувствовать жаръ во всемъ тѣлѣ и головную боль и рѣшила, что мнѣ необходимы отдыхъ и дѣта. Въ теченіе 24-хъ часовъ я ничего не ѣла, пила одну холодную воду и двѣ ночи спала столько, сколько могла, и послѣ этого продолжала прежній образъ жизни и чувствовала себя, какъ нельзя лучше. Помню, что въ это время я читала «Записки Брантома», которыя очень занимали меня. Передъ тѣмъ я прочла «Генриха Четвертаго», сочиненіе Перификса.

Около осени мы возвратились въ городъ, гдѣ намъ объявили, что зимою мы поѣдемъ въ Москву. По этому случаю мадамъ Крузе сочла нужнымъ прибавить мнѣ бѣлья, и она думала позабавить меня, приказавъ кроить бѣлье у меня въ комнатѣ, для того, чтобъ, какъ она говорила, я могла научиться, какими образомъ изъ полотнища выходятъ рубашки. Но такое ученіе или забава, какъ видно, не понравились Чоглоковой, которая послѣ исторіи съ мужемъ была въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Не знаю, что такое она наговорила императрицѣ, но только однажды послѣ обѣда она явилась ко мнѣ съ извѣстіемъ, что мадамъ Крузе увольняется отъ службы при мнѣ и переѣзжаетъ къ зятю своему, камергеру Сиверсу. На другой день на ея мѣсто Чоглокова привела ко мнѣ г-жу Владиславову. Это была женщина статная и, какъ видно было, съ хорошими манерами. Прежде я никогда ея не видала. Умное лицо ея съ перваго раза мнѣ довольно понравилось. Я прибѣгла къ своему оракулу, Тимоѣю Евреинову, и узнала отъ него, что Владиславова—теща совѣтника Пуговишника, бывшаго главнымъ чиновникомъ при графѣ Бестужевѣ, что она женщина умная и веселая, но слыветъ очень хитроу, что надобно подождать, какъ она будетъ вести себя, и вообще не слишкомъ ей довѣряться. Ее звали Прасковѣй Никитичной. На первыхъ же порахъ она по-

казала себя съ хорошей стороны; она была общительна, любила говорить, говорила и рассказывала умно, знала всё анекдоты прошедшаго и настоящаго времени, могла перечестъ отъ четырехъ до пяти поколѣній въ каждомъ семействѣ и твердо помнила генеалогію всѣхъ отцовъ, матерей, бабушекъ, дѣдушекъ, прадѣдовъ и такъ дальше съ материнской и съ отцовской стороны. Я ни отъ кого не слыхала такого множества рассказовъ и узнала изъ нихъ все, что происходило въ Россіи въ послѣднія сто лѣтъ. Мнѣ довольно нравились умъ и обращеніе этой женщины, и когда мнѣ бывало скучно, я заставляла ее болтать, и она всегда охотно начинала свои рассказы. Скоро я замѣтила, что ей не нравились многія слова и поступки Чоглоковыхъ; но, такъ какъ она сама часто ходила въ комнаты ея величества, и вовсе неизвѣстно, по какимъ причинамъ, то мы до нѣкоторой степени остерегались ея, зная, что самыя невинныя слова и дѣйствія могутъ быть всячески растолкованы.

Изъ Лѣтняго дворца мы перешла въ Зимній. Тутъ намъ представлялась мадамъ Латуръ-Ланнуа. Она состояла при императрицѣ во время ея первой молодости, и въ царствованіе императора Петра II выѣхала изъ Россіи вмѣстѣ съ принцессой Анной Петровной, дочерью Петра I, когда сія послѣдняя съ мужемъ своимъ переселилась въ Голштинію. По смерти Анны Петровны, мадамъ Ланнуа возвратилась во Францію, и теперь вновь пріѣхала въ Россію, въ надеждѣ остаться ~~состоитъ~~ или воспользоваться отъ ея величества какими нибудь ~~выгодами~~. По праву стараго знакомства она рассчитывала быть ~~одною~~ изъ самыхъ приближенныхъ особъ, но жестоко ошиблась, потому что придворные тотчасъ составили между собою союзъ, чтобы не допускать ея до такой близости. Съ первыхъ же дней ея прибытія я могла впередъ сказать, что съ нею будетъ, и вотъ по какому случаю. Однажды вечеромъ въ комнатахъ императрицы происходила игра; ея величество, по своему обыкновенію, прохаживалась изъ одной комнаты въ другую, нигдѣ не оставаясь подолгу. Думая, вѣроятно, сдѣлать ей угодное, мадамъ Ланнуа всюду слѣдовала за нею. Замѣтивъ это, Чоглокова сказала мнѣ: «посмотрите, какъ она не отходитъ отъ императрицы; но это не надолго; скоро отучатъ ее гоняться за ея величествомъ». Я догадалась, въ чемъ дѣло, и дѣйствительно ее начали удалять, и потомъ, получивъ подарки, она принуждена была уѣхать во Францію.

Въ эту зиму графъ Лестокъ женился на дѣвицѣ Менгденъ, императрицыной фрейлинѣ. Весь дворъ былъ на свадьбѣ, и ея величество почтила молодыхъ своимъ посѣщеніемъ. Можно было подумать, что они—въ величайшей милости; но не прошло мѣсяца или двухъ, какъ обстоятельства перемѣнились. Однажды вечеромъ мы играли въ комнатахъ императрицы. Увидавъ графа Лестока, я

подошла къ нему и хотѣла говорить съ нимъ, но онъ сказалъ вполголоса: «не подходите ко мнѣ, я въ подозрѣннѣи». Мнѣ казалось, что онъ шутить, и я спросила, что это значитъ. Онъ отвѣчалъ: «я не на шутку повторяю вамъ, чтобы вы не подходили ко мнѣ, потому что я въ подозрѣннѣи, и отъ меня надобно быть дальше». Лицо его перемѣнилось противъ прежняго, и онъ былъ очень красенъ. Я подумала, вѣрно, онъ выпилъ лишнее, и ушла въ другую сторону. Это было въ пятницу. Поутру въ воскресенье, Тимошеей Евреиновъ, причесывая мнѣ голову, сказалъ: знаете ли, нынче ночью арестовали графа Лестока съ женою и отвезли въ крѣпость, какъ государственныхъ преступниковъ. Никто не зналъ, за что; извѣстно только, что слѣдователями назначены были генералъ Степанъ Апраксинъ и Александръ Шуваловъ.

Въ Москву положено было ѣхать 16 декабря. Чернышевыхъ перевели въ крѣпость, въ домъ, принадлежавшій императрицѣ и называвшійся Смольнымъ дворомъ. Старшему Чернышеву иногда удавалось напоить приставовъ, такъ что онъ могъ ходить въ городъ къ друзьямъ своимъ. Однажды дѣвушка моя, чухонка, ходившая за моимъ платьемъ и помолвленная съ однимъ придворнымъ лакеемъ, родственникомъ Евреинова, принесла мнѣ письмо отъ Андрея Чернышева, въ которомъ онъ просилъ меня о разныхъ вещахъ. Эта дѣвушка видѣла его у своего жениха, гдѣ они вмѣстѣ провели вечеръ. Получивъ письмо, я не знала, куда спрятать его. Я не хотѣла его сжечь, чтобы не забыть, о чемъ онъ меня просилъ. Съ давнихъ поръ мнѣ было запрещено писать, даже къ матушкѣ. Черезъ ту же дѣвушку я купила себя серебряное перо и чернильницу. Днемъ письмо было со мною въ карманѣ, раздѣвшись я засовывала его въ чулокъ за подвязку, а ложась спать вынимала его оттуда и прятала въ рукавъ. Наконецъ я написала отвѣтъ и послала ему, чего онъ хотѣлъ, тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ получила его письмо, которое, выбравши благоприятную минуту, сожгла и избавилась такимъ образомъ отъ великаго безпокойства.

Въ половинѣ декабря мы поѣхали въ Москву. Великій князь и я ѣхали въ большихъ саняхъ; напередѣ сидѣли кавалеры нашей свиты. Днемъ великій князь съ Чоглоковымъ переходилъ въ городскія сани, а я оставалась въ большихъ саняхъ, которыхъ мы вовсе не закрывали, и обыкновенно разговаривала съ сидѣвшими напередѣ. Помню, какъ въ это время камергеръ, князь Александръ Юрьевичъ Трубецкой, рассказывалъ мнѣ, что графъ Лестоку, послѣ того какъ его арестовали и посадили въ крѣпость, первые одиннадцать дней хотѣлъ уморить себя голодомъ и ничего не ѣлъ, но потомъ его принудили принять пищу. Онъ былъ обвиненъ въ полученіи 1.000 рублей отъ Прусскаго короля за то, что поддерживалъ его сторону, и также въ отравленіи нѣкоего Эттингера, улики котораго опасался. Лестока пытали и потомъ отправили въ Сибирь.

Въ это путешествіе императрица обогнала насъ въ Твери; всѣ лошади и вся провизія, заготовленные для насъ, были взяты ея свитою, и вслѣдствіе этого мы цѣлыя сутки оставались въ Твери безъ лошадей и ѣды. Мы страшно проголодались; къ вечеру Чоглоковъ добылъ намъ жареную стерлядь, которая показалась намъ очень вкусною. Въ ночь мы поѣхали дальше и прибыли въ Москву за два или за три дня до Рождества. Первая новость, которую мы узнали, была та, что камергеръ нашего двора, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, въ самое то время, какъ мы уѣхали изъ Петербурга, получилъ приказаніе ѣхать въ Гамбургъ, куда его назначили русскимъ министромъ съ четырьмя тысячами рублей жалованья. Это была тоже ссылка. Его свояченица, фрейлина моя, княжна Гагарина, много плакала по этому случаю, и мы всѣ сожалѣли о немъ.

Въ Москвѣ мы занимали тѣ самыя комнаты, въ которыхъ я жила съ матушкою въ 1744 г. Изъ нихъ въ большую придворную церковь надо было объѣзжать кругомъ дворца. На Рождество мы собрались къ обѣднѣ, шли садиться въ экипажъ и уже были на лѣстницѣ, какъ насъ извѣстили отъ имени императрицы, что по случаю сильнаго холода мы можемъ не ѣздить къ обѣднѣ. Дѣйствительно было около 29 градусовъ, и морозъ хваталъ за носъ. Первое время московской жизни я принуждена была оставаться у себя въ комнатѣ, потому что у меня по всему лицу высыпали прыщи; я до смерти боялась, чтобъ отъ нихъ не остались на лицѣ пятна, и велѣла позвать доктора Бюргаву; чтобы вывести съ лица эти прыщи, онъ далъ мнѣ успокоивающихъ кровь микстуръ и разныхъ разностей. Но все это не помогало, и тогда онъ сказалъ: я вамъ дамъ лѣкарство, которое непременно очиститъ лицо. Онъ вынулъ изъ кармана небольшую скляночку Фальковаго масла (*l'huile de Falk*), приказалъ развести въ водѣ одну каплю и этою смѣсью отъ времени до времени, хоть разъ въ недѣлю, умывать лицо: дѣйствительно всѣ прыщи пропали, такъ что дней черезъ десять я могла показаться въ свѣтъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву (1749) я узнала отъ Владиславовой, что императрица приказала поспѣшить свадьбою чухонки-дѣвушки, ходившей за моимъ гардеробомъ. Единственная причина, почему торопились выдать ее замужъ, по всему вѣроятію, заключалась въ томъ, что я любила ее больше другихъ дѣвушекъ: она была веселая толстуха, иногда очень смѣшная меня своимъ искусствомъ пердразнивать и чрезвычайно забавно представлявшая Чоглоковыхъ. Ее обвѣнчали, и съ тѣхъ поръ о ней не было слуху.

Въ серединѣ масленицы (въ продолженіе которой не было никакихъ праздниковъ ни увеселеній) императрица занемогла сильною коликою, и не на шутку. Владислава и Тимоѣея Евреиновъ шепнули мнѣ на ухо объ этой болѣзни, прося, чтобы я никому

не говорила, что узнала о томъ отъ нихъ. Я ихъ не выдала, однако сказала объ императрицыной болѣзни великому князю и восторжила его этою новостью. Однажды утромъ Евреиновъ сообщилъ мнѣ, что наканунѣ канцлеръ Бестужевъ и генераль Апраксинъ всю ночь просидѣли въ комнатѣ у Чоглоковыхъ; это давало поводъ думать, что императрицѣ очень худо. Чоглоковъ и жена его казались сумрачнѣе обыкновеннаго, приходили къ намъ, обѣдали и ужинали съ нами, но ни полслова не говорили объ этой болѣзни. Мы тоже молчали, и не смѣли послать навѣдаться о здоровьѣ императрицы, потому что въ такомъ случаѣ тотчасъ начались бы разспросы, какъ, откуда и черезъ кого знаемъ мы, что она больна, и названныя или подозрѣваемые лица непременно были бы отставлены, или сосланы, или даже попали бы въ тайную канцелярію, мѣсто, котораго всѣ боялись, какъ огня. Наконецъ, дней черезъ десять, когда императрицѣ слѣлалось лучше, при дворѣ праздновали свадьбу одной изъ ея фрейлинъ. За столомъ воелъ меня сидѣла императрицына любимица, графиня Шувалова; она стала мнѣ рассказывать, что ея величество послѣ страшной болѣзни своей еще очень слаба, потому не пришла на свадьбу и даже не могла встать совсѣмъ съ постели, а, только спустивши съ кровати ноги, убирала своими брильянтами голову невѣстѣ (этотъ почетъ она обыкновенно оказывала всѣмъ своимъ фрейлинамъ). Я притворилась, что въ первый разъ слышу о болѣзни императрицы, и сказала, что очень сожалѣю, что императрица находится въ такомъ состояніи, и принимаю въ ней большое участіе. Шувалова отвѣчала, что ея величеству пріятно будетъ узнать, какъ я люблю ее. Не прошло двухъ дней, какъ по утру пришла ко мнѣ въ комнату Чоглокова и въ присутствіи Владиславовой объявила, что императрица очень гнѣвается на великаго князя и на меня, видя, какъ мало участія принимали мы въ ея болѣзни, и узнавши, что мы даже ни разу не послали спросить, лучше ли ей. Я сказала Чоглоковой, что ссылаюсь на нее, что ни она, ни мужъ ея даже не заикнулись намъ о болѣзни ея величества, и что, ничего не зная, мы, разумѣется, не могли выразить нашего участія. «Какъ,—возразила она,—вы говорите, что ничего не знали; какимъ же образомъ графиня Шувалова сказывала императрицѣ, что за столомъ вы разговаривали съ нею объ этой болѣзни?» Я отвѣтила: правда, я разговаривала съ нею о томъ, услыхавъ отъ нея, что императрица еще слаба и не можетъ выходить, и спрашивала у ней подробности болѣзни. Чоглокова удалилась съ ворчаньемъ, а Владиславава стала говорить, что странно придираться къ людямъ изъ-за того, чего они не могли знать; что такъ какъ Чоглоковы одни имѣли право извѣстить насъ о болѣзни императрицы, и не сдѣлали этого, то ихъ вина, а не наша, если мы не посылали узнавать, здоровы ли ея величество. Нѣсколько времени спустя, въ одинъ

изъ куртаговъ императрица подошла ко мнѣ, и я, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, сказала ей, что ни Чоглоковъ, ни жена его ни слова не говорили намъ о ея болѣзни, и что поэтому намъ не было возможности изъяснить ей нашего участія. Императрица благосклонно выслушала меня, и съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ казалось, стала меньше прежняго довѣряться Чоглоковымъ.

Первую недѣлю Великаго поста Чоглоковъ началъ говѣть и исповѣдывался, но духовникъ императрицынъ не допустилъ его до причастія. При дворѣ всѣ говорили, что это было сдѣлано по приказанію императрицы, чтобы наказать его за любовную связь съ Кошелевою. Нѣкоторое время, какъ мы жили въ Москвѣ, казалось, что Чоглоковъ чрезвычайно подружился съ графомъ Бестужевымъ и съ закадычнымъ другомъ сего послѣдняго, генераломъ Степаномъ Апраксинымъ. Онъ безпрестанно бывалъ у нихъ, и, слушая его рассказы, можно было подумать, что графъ Бестужевъ совѣтуется съ нимъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ, чего, разумѣется, на самомъ дѣлѣ не могло быть, потому что Бестужевъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы принимать совѣты такого вздорнаго дурака, какъ Чоглоковъ. Но около половины того времени, которое мы прожили въ Москвѣ, эта чрезвычайная пріязнь вдругъ кончилась, не знаю точно, по какой причинѣ, и Чоглоковъ сдѣлался заклятымъ врагомъ недавнихъ друзей своихъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, отъ скуки я принялась читать исторію Германіи отца Барра, каноника св. Женевиевы, въ 9 частяхъ, въ четверку. Каждую недѣлю я прочитывала по части; послѣ этого я читала сочиненія Платона. Комнаты мои были на улицу; въ параллельныхъ комнатахъ жилъ великій князь, и его окна выходили на небольшой дворъ. Когда я сидѣла за книгою, въ комнату ко мнѣ обыкновенно являлись горничныя дѣвушки, то одна, то другая; придуть, постоять и опять уйдуть, какъ имъ вздумается. Я дала замѣтить Владиславовой, что эти дежурства ни на что не нужны и только мѣшаютъ мнѣ, и что, кромѣ того, мнѣ вовсе непріятно слишкомъ близкое сосѣдство великаго князя и его занятія. Отъ горничныхъ она такъ же терпѣла, какъ и я, потому что жила въ небольшомъ кабинетѣ, составлявшемъ послѣднюю комнату моего отдѣленія. Она согласилась уволить горничныхъ отъ дежурствъ и сказала имъ, чтобы онѣ больше не приходили стоять на посылкахъ. Что же касается до занятій великаго князя, которыя ни утромъ, ни днемъ, ни позднимъ вечеромъ не давали намъ покою, то они состояли въ слѣдующемъ. Онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ обучалъ нѣсколько собакъ, наказывая ихъ палочными ударами, выкрикивая охотничьи термины и прохаживаясь съ одного конца двухъ своихъ комнатъ (у него всего ихъ было двѣ) до другого. Какъ скоро какая нибудь собака уставала или убѣгала, онъ подвергалъ ее жестокимъ истязаніямъ, отъ

чего она выла еще громче. Когда эти упражненія, невыносимыя для ушей и спокойствія его сосѣдей, наконецъ надоѣдали ему, онъ принимался за скрипку и, прогуливаясь по комнатамъ, начиналъ выводить такіе звуки, что хотъ бѣжать. Затѣмъ снова происходила дрессировка собакъ и истязаніе ихъ, которое поистинѣ казалось мнѣ чрезвычайно жестокимъ. Разъ я услышала страшный, непрекращавшійся собачій визгъ. Спальня моя, гдѣ я сидѣла, находилась вондѣ комнаты, гдѣ происходила собачья выучка. Я отворила дверь и увидала, какъ великій князь поднялъ за ошейникъ одну изъ собакъ, маленькую шарло англійской породы, велѣлъ мальчику, калмыченку, держать ее за хвостъ, и толстою палкою кнута своего изъ всей силы билъ бѣдное животное. Я стала просить его, чтобы онъ пощадилъ несчастную собачку, но вмѣсто того онъ началъ бить ее еще сильнѣе. Я ушла къ себѣ въ комнату со слезами на глазахъ, будучи не въ состояніи выносить такое жестокое зрѣлище. Вообще слезы и крики, вмѣсто того, чтобы возбуждать жалость въ великомъ князѣ, только сердили его. Жалость была для души его тягостнымъ и, можно сказать, нестерпимымъ чувствомъ.

Около этого времени камердинеръ мой, Тимоѣей Евреинновъ, доставилъ мнѣ письмо отъ своего стараго товарища, Андрея Чернышева, котораго наконецъ выпустили на волю, и который проѣзжалъ недалеко отъ Москвы въ свой полкъ, куда его опредѣлили капитаномъ. Я поступила съ этимъ письмомъ точно такъ же, какъ съ предыдущимъ, послала ему все, о чемъ онъ меня просилъ, и ни великій князь, ни кто другой ничего не узнали отъ меня о томъ.

Весною императрица повзала насъ въ Перово, гдѣ мы вмѣстѣ съ нею провели нѣсколько дней у графа Разумовскаго. Великій князь и Чоглоковъ почти ежедневно рыскали по лѣсамъ съ хозяиномъ помѣстья. Я читала у себя въ комнатѣ, либо Чоглокова отъ скуки приходила сидѣть со мною, когда не играла въ карты. Она очень жаловалась на владѣльца этого имѣнія и на безпрестанныя отлучки своего мужа, который сдѣлался страстнымъ охотникомъ, съ тѣхъ поръ, какъ ему подарили очень красивую англійскую левретку. Я стороною слышала, что всѣ другіе охотники потѣшались надъ нимъ и увѣряли его, что его Цирцея (такъ называлась его собака) не упустила ни одного зайца. Вообще Чоглоковъ очень склоненъ былъ думать, что все принадлежавшее ему, его жена, его дѣти, слуги, домъ, столъ, лошади, собаки, все было на диво и чрезвычайно хорошо. Какъ вещь ни была посредственна, но какъ скоро она принадлежала ему, то онъ считалъ долгомъ самолюбія находить ее несравненною. Однажды въ Перовѣ у меня страшно разболѣлась голова; я въ жизнь свою не помню такой головной боли; кромѣ чрезвычайной тяжести въ головѣ, я чувствовала сильную боль въ сердцѣ; меня нѣсколько разъ рвало, и малѣйшій шумъ въ комнатѣ увеличивалъ мои страданія. Я остава-

лась въ такомъ состояніи около сутокъ, наконецъ заснула, и на другой день уже чувствовала только слабость. Чоглокова всячески ухаживала за мною во время этой болѣзни. Вообще всѣ люди, которыхъ помѣстили ко мнѣ, безъ сомнѣнія, изъ явнаго недоброжелательства, въ самое короткое время становились поневолѣ доброжелательны ко мнѣ; и если имъ не давали за это пощечинъ и не дѣлали новыхъ внушеній, то они начинали дѣйствовать вопреки данному приказанію, и часто совершенно располагались въ мою пользу или скорѣе поддавались тому участию, которое я вселяла въ нихъ къ себѣ. Я никогда не капризничала, не дулась на нихъ, но всегда цѣнила малѣйшую предупредительность, которую мнѣ они оказывали. Веселый нравъ мой много помогаль мнѣ въ этомъ, потому что всѣ эти аргусы нерѣдко забавлялись моими рѣчами и мало-по-малу поневолѣ сами дѣлались веселѣе и мягче.

Въ Перовѣ ея величество вновь занемогла коликою. Она приказала перевезти себя въ Москву, и мы должны были ѣхать за нею шагомъ, до самаго дворца, т.-е. около 4 версты. Припадокъ этотъ продолжался недолго, и вскорѣ затѣмъ императрица отправилась къ Троицѣ на богомолье. Она дала себѣ обѣтъ пройти пѣшкомъ всѣ 60 версты и начала это странствіе изъ Покровскаго дворца. Намъ приказано было перебраться на Троицкую дорогу, для чего мы и поселились въ Раѣвѣ, деревнѣ, которая принадлежала Чоглоковой, въ одиннадцать верстахъ отъ Москвы, на пути къ Троицѣ. Тамъ все наше помѣщеніе состояло изъ небольшой залы въ срединѣ дома и четырехъ крошечныхъ комнатокъ по сторонамъ. Для свиты кругомъ дома были разбиты палатки, въ одной изъ которыхъ помѣщался великій князь. Я занимала одну комнату, Владиславова другую, Чоглоковы жили въ двухъ остальныхъ. Въ залѣ мы обѣдали. Императрица проходила версты три или четыре, и потомъ нѣсколько дней отдыхала, такъ что это путешествіе продолжалось почти цѣлое лѣто. Каждый день послѣ обѣда мы ѣздили на охоту.

Когда ея величество дошла до Тайнинскаго, находящагося почти напротивъ Раѣва, на другой сторонѣ большой Троицкой дороги, къ намъ въ Раѣво началъ ежедневно пріѣзжать гетманъ, графъ Разумовскій, младшій братъ фаворита. Онъ жилъ тогда въ имѣніи своемъ Петровскомъ, что на Петербургской дорогѣ, по другую сторону Москвы. Онъ былъ очень веселаго нрава и почти однихъ съ нами лѣтъ. Мы очень любили его, и Чоглоковымъ приятны были его посѣщенія, такъ какъ онъ былъ братъ фаворита. Его любезности не прекращались все лѣто, и мы всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчали его. Обыкновенно онъ обѣдалъ у насъ и ужиналъ, а послѣ ужина уѣзжалъ къ себѣ въ Петровское, дѣлая такимъ образомъ ежедневно около 40 или 50 версты. Лѣтъ двадцать спустя, однажды, мнѣ вздумалось спросить его, что ему

была за охота прѣзжать къ намъ въ Раёво и раздѣлять съ нами скуку и нелѣпность тамошней жизни, тогда какъ у него въ Петровскомъ ежедневно собиралось множество гостей изъ самаго лучшаго общества, какое тогда было въ Москвѣ. На этотъ вопросъ, ни минуты не задумавшись, онъ отвѣчалъ: «я былъ влюбленъ». — «Что вы! — возразила я: — да въ кого же вы могли быть влюблены у насъ?» — «Въ кого? — сказалъ онъ: — въ васъ». Это чрезвычайно меня разсмѣшило, потому что я въ жизнь свою даже и не подозрѣвала объ этой любви, тѣмъ болѣе, что онъ въ то время уже давно былъ женатъ. Императрица женила его отчасти противъ воли его на богатой невѣстѣ изъ семьи Нарышкиныхъ. Онъ жилъ съ нею, по видимому, согласно, хотя всѣ красавицы при дворѣ и въ городѣ были отъ него безъ памяти. Дѣйствительно онъ былъ хорошъ собою, оригинальнаго нрава, очень пріятенъ въ обращеніи и умомъ несравненно превосходилъ брата своего, который также былъ красавецъ, но былъ великодушнѣе и благотворительнѣе его. Я не знала другой семьи, которая, будучи въ отчужденной милости при дворѣ, была бы такъ любима всѣми, какъ эти братья.

Около Петрова дня императрица прислала сказать, чтобы мы прѣехали къ ней въ Братовщину, куда мы тотчасъ же и отправились. Я очень загорѣла, и лицо у меня было все красное, потому что всю весну и часть лѣта безпрестанно ѣзжала на охоту, а въ Раёвѣ по тѣснотѣ дома мы почти цѣлый день проводили на воздухѣ, уходили въ сосѣдній лѣсъ. Увидѣвъ меня въ Братовщинѣ, императрица вскрикнула отъ удивленія, такъ я переѣбилась, и сказала, что приплелъ мнѣ притиранія отъ загара. Дѣйствительно она тотчасъ прислала склянку, въ которой яичный бѣлокъ былъ разведенъ лимоннымъ сокомъ и французской водкой. Она приказала выучить моихъ дѣвушекъ, какъ дѣлается это притиранье, и сколько нужно класть чего. Загаръ мой черезъ нѣсколько дней прошелъ; это притиранье я употребляла и впослѣдствіи и давала его многимъ отъ загара. Я не знаю лучшаго средства противъ воспаленія кожи. Имъ также хорошо выводить пятна, которыя по-русски называются лишай; я не припомню теперь французскаго названія; это тоже родъ воспаленія, отъ котораго кожа зудитъ. Петровъ день мы провели въ Троицкомъ монастырѣ; послѣ обѣда отъ нечего дѣлать великій князь вздумалъ устроить балъ у себя въ комнатѣ, но гостей на этомъ балѣ было всего два его лакея и двѣ прѣхавшія со мною горничныя, изъ которыхъ одной было за пятьдесятъ лѣтъ. Изъ Троицкаго монастыря императрица отправилась въ Тайнинское, а мы опять въ Раёво, гдѣ началась прежняя жизнь. Мы оставались тамъ до половины августа, и потомъ поѣхали съ императрицею въ Софьино, въ 60 или 70 верстахъ отъ Москвы. Тамъ мы расположились въ палаткахъ. На другой день по прѣздѣ въ Софьино мы пошли въ па-

латку къ императрицѣ и застали ее съ управителемъ этого помѣстья, котораго она въ ту минуту бранила. Надо сказать, что въ Софьино она прѣѣхала охотиться, но, по несчастію, тамъ не было ни одного зайца. Управитель стоялъ блѣдный и дрожалъ; императрица не щадила бранныхъ словъ и была въ изступленіи отъ гнѣва. Когда мы подошли къ рукѣ, она поцѣловала насъ, какъ будто ничего не происходило, и затѣмъ снова принялась бранить управителя. Разгнѣвавшись она обыкновенно начинала дѣлать намеки, на кого ей вздумается, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе, при чемъ произносила слова чрезвычайно быстро. Между прочимъ, она говорила, что ей очень хорошо извѣстно, какъ нужно управлять имѣніемъ, что она научилась этому въ царствованіе императрицы Анны, что, не получая большихъ доходовъ, она не позволяла себѣ роскошничать и не дѣлала долговъ, боясь погубить свою душу, что, если бы она въ то время умерла съ долгами, то никто не сталъ бы платить за нее, и душа ея пошла бы въ адъ, чего она не хотѣла; что для этого, будучи у себя дома и запросто, она нарочно ходила въ самомъ простомъ костюмѣ, въ сѣренькомъ платьѣ и бѣлой тафтяной кофтѣ, этимъ дѣлала экономію, и никакъ не позволяла себѣ наряжаться въ богатое платье въ деревнѣ или въ дорогѣ. Это уже явно относилось ко мнѣ, и потому, что на мнѣ тогда было лиловое съ золотомъ платье. Я проглотила пилюлю. Мы всѣ не смѣли вымолвить слова; императрица чрезвычайно раскраснѣлась, и глаза у нея сверкали отъ гнѣва. Шутъ ея Аксаковъ положилъ конецъ этой диссертаци, продолжавшейся слишкомъ полчаса. Онъ вошелъ въ палатку и поднесъ ей въ шапкѣ маленькаго ежа. Императрица подошла посмотреть, громко вскрикнула, промолвивъ: настоящая мышь! и опрометью убѣжала во внутренность палатки: она смертельно боялась мышей. Мы больше не видали ея. Она обѣдала одна, и послѣ обѣда отправилась на охоту, взявъ съ собою великаго князя и приказавъ, чтобы я съ Чоглоковой ѣхала въ Москву. Мы поѣхали. Великій князь черезъ нѣсколько часовъ также явился къ Москву, потому что охота по случаю сильнаго вѣтра продолжалась недолго.

Затѣмъ мы опять поселились въ Раевѣ и оттуда въ одно воскресенье приглашены были въ Тайнинское, гдѣ имѣли честь обѣдать за однимъ столомъ съ ея величествомъ. Императрица сидѣла на главномъ мѣстѣ. Великій князь по правую руку, а я—по лѣвую, напротивъ него; подлѣ великаго князя—фельдмаршалъ Бутурлинъ, а подлѣ меня—графиня Шувалова. Столъ—очень длинный и узкій. Находясь такимъ образомъ между императрицею и фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, который любилъ выпить и подливать, великій князь до того наклюкался, что потерялъ всякое сознаніе, не могъ связать двухъ словъ и обратилъ на себя общее вниманіе. Въ

это время я всячески старалась прикрывать и сглаживать его недостатки, и потому его поведение довело меня до слезъ. Императрица опѣнила мою чувствительность, и сама вышла изъ-за стола раньше обыкновеннаго. Его императорское высочество уговорился было послѣ обѣда ѣхать на охоту съ графомъ Разумовскимъ, но долженъ былъ остаться въ Тайнинскомъ, а я поѣхала назадъ въ Раёво. Дорогою у меня страшно разболѣлись зубы. Становилось холодно и сыро, а въ Раёвѣ, можно сказать, негдѣ было укрыться. Братъ Чоглоковой, графъ Гендриковъ, состоявшій при мнѣ въ должности камергера, хвалился сестрѣ, что онъ разомъ меня вылѣчитъ. Та сказала о томъ мнѣ, и я согласилась попробовать его лѣкарства, тѣмъ болѣе, что не видала въ немъ ничего существеннаго и скорѣе считала его парлтанствомъ. Онъ тотчасъ вышелъ въ другую комнату и принесъ оттуда крошечный свертокъ бумаги, который я должна была положить на больной зубъ и жевать. Только что я это сдѣлала, зубъ мой разболѣлся еще сильнѣе, и я принуждена была лечь въ постель. Меня принялась бить такая лихорадка, что я себя не помнила. Чоглокова испугалась и раскудаhtалась на брата, приписывая болѣзнь мою его лѣкарству. Во всю ночь она не отходила отъ моей постели, послала сказать императрицѣ, что я сильно заболѣла, и что мнѣ не возможно оставаться у нея въ Раёвѣ, и однимъ словомъ хлопотала такъ усердно, что на другой же день меня перевезли въ Москву. Десять либо двѣнадцать дней я пролежала въ постели; и зубная боль моя возобновлялась ежедневно послѣ обѣда, въ одинъ и тотъ же часъ.

Въ началѣ сентября императрица отправилась въ Воскресенскій монастырь, куда намъ велѣно было явиться къ ея именинамъ. Въ этотъ день она пожаловала въ камеръюнкеры Ивана Шувалова. Это было событіемъ при дворѣ. Всѣ на ухо поздравляли другъ друга съ новымъ фаворитомъ. Шуваловъ обращалъ на себя мое внимание, еще будучи нажемъ, какъ прилежный и много общавшій молодой человекъ; его всегда можно было застать съ книгой въ рукѣ, потому я очень была довольна его возвышеніемъ.

По возвращеніи изъ этой поѣздки, я снова занемогла сильной лихорадкою, къ которой присоединилась горловая боль. Въ эту болѣзнь императрица навѣстила меня. Но только что я начала оправляться и еще не совсѣмъ окрѣпла, какъ ея величество черезъ Чоглокову приказала мнѣ быть на свадьбѣ и убирать къ вѣнцу племянницу графини Румянцевой, выходявшую замужъ за Александра Нарышкина, что впослѣдствіи былъ оберъ-мундшенкомъ. Видя, что я едва начинаю выздоравливать, Чоглокова не безъ нѣкотораго неудовольствія сообщила мнѣ это приказаніе; мнѣ же оно было очень горько, ибо я могла ясно видѣть, какъ мало думали о моемъ здоровьѣ и, можетъ быть, даже о моей жизни. Я говорила о томъ съ Владиславовой, которая также не одобрила

этого распоряженія, сдѣланнаго безъ толку и безъ пощады. Я собралась съ силами; въ назначенный для свадьбы день невѣсту привели ко мнѣ въ комнату. Я наколола ей мои брильянты, послѣ чего ее увезли подъ вѣнецъ въ придворную церковь. Я съ Чоглоковой и съ дворомъ моимъ должна была слѣдовать въ домъ къ Нарышкинымъ. Надо сказать, что дворецъ, гдѣ мы жили, былъ на концѣ Нѣмецкой слободы, и оттуда до дома Нарышкиныхъ надо было проѣзжать всю Москву, по крайней мѣрѣ, верстъ семь. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ около девяти часовъ вечера. Стоялъ жестокой морозъ съ гололедицей, и не было возможности иначе ѣхать, какъ самымъ тихимъ шагомъ. По крайней мѣрѣ, два съ половиною часа прошло въ дорогѣ и столько же оттуда; и изъ всей нашей свиты не было ни одного человѣка и ни одной лошади, которая бы не поскользнулась разъ или нѣсколько. Наконецъ мы добрались до Казанской церкви, неподалеку отъ такъ называемыхъ Троицкихъ воротъ. Тутъ новое затрудненіе. Въ этой церкви въ самую ту минуту вѣнчались сестру Ивана Ивановича Шувалова (которую убирала сама императрица точно такъ, какъ я Румянцеву), и по этому случаю у Троицкихъ воротъ стѣснилось множество экипажей. Мы ежеминутно должны были останавливаться, и потомъ опять начинались поскользыванія, такъ какъ лошади не были, какъ слѣдуетъ, подкованы. Наконецъ добрались до мѣста, разумѣется, не въ очень веселомъ нравѣ. Мы долго дожидались молодыхъ, потому что они ѣхали точно такъ же, какъ и мы. Великій князь сопровождалъ молодого; затѣмъ еще ждали императрицу, и наконецъ усѣлись за столъ. Послѣ ужина сдѣлано было въ передспальной комнатѣ нѣсколько туровъ парадныхъ танцевъ, и затѣмъ намъ сказали, чтобъ мы вели молодыхъ въ ихъ покои. Для этого надобно было миновать множество коридоровъ довольно холодныхъ, взбираться по лѣстницамъ, тоже не совсѣмъ теплымъ, потомъ проходить длинными галереями, которыя были выстроены на скорую руку изъ сырыхъ досокъ, и гдѣ со всѣхъ сторонъ капала вода. Наконецъ добрались до комнаты, присѣли за столомъ съ десертомъ, чтобъ выпить за здоровье молодыхъ, и новобрачную повели въ спальню, а мы отправились назадъ домой. На другой день вечеромъ надо было опять туда ѣхать. Но кто бы могъ подумать? Послѣ всей этой возни я не чувствовала себя хуже, напротивъ на другое утро мнѣ было лучше, чѣмъ наканунѣ.

Въ началѣ зимы я стала замѣчать, что великій князь что-то очень тревоженъ. Я не знала, что бы это такое. Дрессировка собакъ прекратилась. Разъ по двадцати на день онъ являлся ко мнѣ въ комнату, съ озабоченнымъ видомъ, разсѣянный, и все о чемъ-то думалъ. Онъ накупилъ себѣ нѣмецкихъ книгъ. Но что это были за книги! Часть ихъ состояла изъ лютеранскихъ молитвенниковъ, другую составляли юридическіе процессы и разсказы о разбойни-

какъ, грабившихъ по большимъ дорогамъ, повѣшенныхъ или колесованныхъ. Онъ читалъ ихъ одну за другою, когда не игралъ на скрипкѣ. Я не торопилась его спрашивать, зная напередъ, что, если у него есть что на сердцѣ, онъ не утерпитъ долго и непремѣнно расскажетъ, а рассказать было некому другому, какъ мнѣ. Наконецъ однажды онъ открылъ мнѣ свою тревогу. Почти все лѣто, по крайней мѣрѣ, во все время нашей жизни въ Раевѣ, на Троицкой дорогѣ, я видала великаго князя, можно сказать, только за столомъ и въ постели. Онъ приходилъ въ спальню, когда уже я спала, и вставалъ прежде, чѣмъ я просыпалась, а все остальное время проводилъ либо на охотѣ либо въ приготовленіяхъ къ охотѣ. Подъ предлогомъ увеселенія великаго князя, Чоглоковъ выпросилъ у оберъ-егермейстера двѣ собачьи своры, одну, состоящую изъ русскихъ собакъ и съ русскими егерями, другую—изъ французскихъ и нѣмецкихъ собакъ. За сею послѣднею ходили старый берейторъ-французъ, мальчикъ-курляндецъ и одинъ нѣмецъ. Чоглоковъ взялъ на себя завѣдываніе русскою сворой, а его императорское высочество принялъ начальство надъ иностранною, до которой Чоглоковъ уже не долженъ былъ касаться. Оба они до мельчайшихъ подробностей занимались каждою своею частью. Такимъ образомъ его императорское высочество постоянно ходилъ въ свою собачню, либо къ нему являлись егеря докладывать о благосостояніи своры, о происшествіяхъ и нуждахъ. Короче и начисто сказать, онъ сѣялся съ этими людьми, пилъ и бражничалъ съ ними на охотѣ и почти не разлучался съ ними. Тогда въ Москвѣ стоялъ Бутырскій полкъ. Въ этомъ полку былъ нѣкій капитанъ, по имени Яковъ Батуринъ, игрокъ, весь въ долгахъ, прослывшій негодяемъ, но, впрочемъ, человѣкъ очень рѣшительный. Не знаю, какъ и по какому случаю онъ свелъ знакомство съ егерями великаго князя, ходившими за французскою сворой (если не ошибаюсь, они стояли въ одномъ мѣстѣ, не далеко отъ Мытищъ, либо Алексѣвскаго); но только егеря стали говорить великому князю, что въ Бутырскомъ полку есть одинъ капитанъ, чрезвычайно преданный его императорскому высочеству, и что, по его словамъ, весь полкъ раздѣляетъ это чувство преданности. Великій князь съ удовольствіемъ выслушалъ все это и спрашивалъ у егерей равныя подробности о Бутырскомъ полку. Ему наговорили много дурного о начальникахъ и много хорошаго о подчиненныхъ. Наконецъ Батуринъ, все черезъ егерей, испросилъ позволенія представиться великому князю во время охоты. Великій князь сначала не совсѣмъ поддавался на это, но потомъ согласился. Сказано—сдѣлано: великій князь поѣхалъ на охоту, и Батуринъ дождался его въ уединенномъ мѣстѣ. Какъ скоро они поравнялись, Батуринъ бросился на колѣни и произнесъ клятву, что онъ, кромѣ его, не признаетъ надъ собою другого государя, и сдѣлаетъ все, что онъ прикажетъ. Великій князь рав-

сказывалъ мнѣ, что эта клятва испугала его до чрезвычайности, что онъ въ ту же минуту пришпорилъ лошадь и оставилъ Батурина на колѣняхъ въ лѣсу, и что обогнавшіе его егеря не слышали клятвы. Великій князь увѣрялъ, что не имѣлъ съ этимъ человѣкомъ никакихъ другихъ сношеній и даже предупреждалъ егерей, чтобъ они остерегались этого человѣка, который можетъ завести ихъ въ бѣду. Но въ настоящее время его очень тревожило полученное черезъ егерей извѣстіе, что Батуринъ схваченъ и отвезенъ въ Преображенское, гдѣ тогда находилась тайная канцелярія, вѣдавшая государственныя преступленія. Великій князь трепеталъ за егерей своихъ и боялся, чтобы самому не быть замѣшаннымъ. Относительно егерей опасенія его скоро подтвердились: ихъ черезъ нѣсколько дней арестовали и увезли въ Преображенское. Я старалась ободрить его и говорила, что ему ничего не будетъ, если только дѣйствительно его сношенія съ Батуринымъ ограничивались тѣмъ, что онъ мнѣ рассказалъ, и что по-моему вся вина его заключается въ томъ, что онъ неблагоуразумно связался съ людьми такого дурного общества. Я не знаю навѣрно, дѣйствительно ли во всемъ онъ мнѣ открылся. Должно быть, было что нибудь еще, потому что даже со мною онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ полусловами и какъ будто нехотя; впрочемъ это могло происходить также и отъ того, что онъ чрезвычайно трусилъ. Вскорѣ я узнала отъ него, что нѣсколько человѣкъ егерей были выпущены изъ Преображенскаго и сосланы изъ Москвы, и что они велѣли сказать ему, что на допросахъ ни разу не упоминали его имени. Великій князь прыгалъ отъ радости, получивъ это извѣстіе. Вся его тревога прошла, и обо всемъ этомъ больше не было рѣчи. Что касается до Батурина, то замыслы его дѣла вовсе не шуточны. Я не читала послѣ и не видала его дѣла; но мнѣ сказывали навѣрное, что онъ хотѣлъ лишить жизни императрицу, поджечь дворецъ и, воспользовавшись общимъ смущеніемъ и сумятицею, возвести на престолъ великаго князя. Послѣ попытки онъ былъ осужденъ на вѣчное заточеніе въ Шлиссельбургъ, откуда въ мое царствованіе пытался бѣжать и былъ сосланъ въ Камчатку, а изъ Камчатки убѣжалъ вмѣстѣ съ Бензовскимъ, по дорогѣ ограбилъ островъ Формозу и былъ убитъ въ Тихомъ океанѣ.

15 декабря мы поѣхали назадъ изъ Москвы въ Петербургъ. Мы ѣхали день и ночь въ открытыхъ саняхъ. Въ серединѣ дороги у меня опять страшно разболѣлись зубы; но, несмотря на то, великій князь не позволялъ закрыть сани. Едва могла я выпросить позволеніе немного спустить циновку, чтобы хоть сколько нибудь укрыться отъ холоднаго и сырого вѣтра, который дулъ мнѣ прямо въ лицо. Наконецъ мы пріѣхали въ Царское Село, гдѣ застали императрицу, которая, по обыкновенію своему, обогнала насъ въ дорогѣ. Только что вышедши изъ саней, я послѣшила въ отведен-

няя намъ комнаты и послала за Бюргавомъ, первымъ медикомъ ея величества, племянникомъ знаменитаго. Я просила его вырвать мнѣ этотъ зубъ, который не давалъ мнѣ покоя уже четыре или пять мѣсяцевъ. Онъ не соглашался, но я рѣшительно настаивала. Наконецъ онъ велѣлъ позвать моего лейбъ-хирурга Гіона. Меня посадили на полъ; Бюргавъ держалъ съ одной стороны, Чоглокова съ другой, и Гіонъ выдернулъ мнѣ зубъ, но въ ту минуту, какъ онъ дергалъ, изо рта у меня хлынула кровь, изъ носу потекла вода и изъ глазъ слезы. Бюргавъ, обыкновенно судившій очень здраво, воскликнулъ при этомъ: «Экій неловкій!» и, когда ему подали зубъ, сказалъ: «Я именно этого боялся и оттого не хотѣлъ, чтобъ его вырывали». Вмѣстѣ съ зубомъ Гіонъ оторвалъ часть десны, приросшей къ зубу. Императрица стояла у дверей моей комнаты въ то время, какъ мнѣ рвали зубъ. Послѣ я узнала, что она очень сожалѣла обо мнѣ и даже плакала. Меня уложили въ постель. Несмотря на то, на другой же день мы поѣхали въ городъ опять въ открытыхъ саняхъ. Я очень страдала въ теченіе слишкомъ четырехъ недѣль и вышла изъ комнаты не раньше половины января 1750 г., потому что на щекѣ у меня долго оставались отпечатанными всѣ пять пальцевъ господина Гіона въ видѣ синихъ и желтыхъ пятенъ. Въ новый годъ, сидя за туалетомъ, я замѣтила, что парикмахеръ мой, калмыченокъ, мною воспитанный, что-то необыкновенно красенъ, и глаза у него сверкали. Я спросила, чтѣ съ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ жаръ и сильную головную боль. Я приказала ему лечь въ постель, потому что онъ былъ дѣйствительно боленъ. Онъ ушелъ, и вечеромъ мнѣ сказали, что у него началась оспа. Я очень боялась заразиться оспою, но не заразилась, хотя онъ мнѣ чесалъ голову.

Почти всю масленицу императрица прожила въ Царскомъ Селѣ. Въ Петербургѣ было совсѣмъ пусто. Большая часть достаточныхъ людей жили въ немъ по обязанности, отнюдь не по собственному желанію, и когда дворъ возвратился изъ Москвы, почти всѣ придворные, чтобы остаться въ Москвѣ, наперерывъ брали отпускъ, кто на годъ, кто на шесть мѣсяцевъ, кто на мѣсяцъ или на нѣсколько недѣль. Точно то же дѣлали должностныя лица, сенаторы и проч.; если же нельзя было получить отпуска, то являлись разные предлоги, мнимыя и настоящія болѣзни мужей, отцовъ, женъ, братьевъ, матерей, сестеръ или дѣтей, тяжбы, либо другія неотлагаемыя дѣла; однимъ словомъ, прошло слишкомъ шесть мѣсяцевъ, прежде чѣмъ дворъ и городъ снова населились, какъ были передъ отъѣздомъ императрицы въ Москву; и въ этотъ промежутокъ петербургскія улицы поросли травой, потому что ѣзда въ экипажахъ почти совсѣмъ прекратилась. При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, нельзя было рассчитывать на многочисленное общество, и особенно намъ, которыхъ держали взаперти. Чтобы скольконибудь раз-

влечь насъ съ великимъ княземъ, или, скорѣе, сами не зная, что дѣлать отъ скуки, Чоглоковъ и жена его ежедневно послѣ обѣда приглашали насъ на карточную игру въ отдѣленіе, которое они занимали во дворцѣ, и которое состояло изъ четырехъ или пяти весьма небольшихъ комнатъ. Туда являлись также кавалеры и дамы двора, и въ томъ числѣ принцесса Курляндская, дочь герцога Эрнеста-Юанна Бирона, бывшаго фаворитомъ императрицы Анны. Императрица Елисавета вызвала герцога этого изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ въ правленіе принцессы Анны, и назначила ему для житья городъ Ярославль, что на Волгѣ. Тамъ онъ жилъ съ женою, сыновьями и дочерью. Сія послѣдняя не отличалась ни красотою, ни стройностью, напротивъ была маленькаго роста и съ горбомъ назади, но она имѣла прекрасные глаза и была одарена умомъ и необыкновенною способностью интриговать. Родители не слишкомъ ее жаловали и, по ея словамъ, обращались съ нею дурно. Въ одинъ прекрасный день она сумѣла выбраться изъ-подъ отеческаго крова и убѣжала къ госпожѣ Пушкиной, женѣ ярославскаго воеводы. Пушкина обрадовалась случаю обратить на себя вниманіе при дворѣ, привезла принцессу въ Москву и съ помощью графини Шуваловой умѣла представить ее несчастною жертвою родительскихъ преслѣдованій, которыя будто она навлекла на себя усердіемъ своимъ къ православной вѣрѣ. Дѣло повернули быстро и тотчасъ же положили окрестить ее. Императрица была крестною матерью, и принцессу поселили съ фрейлинами его величества. Чоглоковъ вообразилъ своимъ долгомъ оказывать ей особенное вниманіе, потому что старшій братъ ея нѣкогда вывелъ его въ люди, взявши изъ кадетскаго корпуса, гдѣ онъ воспитывался, въ Конную гвардію, и держа его при себѣ въ родѣ прислуги. Такимъ образомъ принцесса Курляндская втерлась въ наше общество и ежедневно по нѣсколькимъ часамъ играла въ карты со мною, великимъ княземъ и Чоглоковою. Сначала она вела себя какъ нелзя скромнѣе. Она была вкрадчива умомъ своимъ, заставляла забывать непріятное впечатлѣніе, производимое ея наружностью, особливо когда сидѣла. Съ кѣмъ бы ни говорила, она всякому умѣла сказать что нибудь пріятное. Всѣ смотрѣли на нее, какъ на интересную сиротку, безъ связей и безъ помощи. Въ глазахъ великаго князя она имѣла еще одно достоинство, весьма, по его мнѣнію, важное: она была въ нѣкоторомъ родѣ иностранная принцесса, да еще принцесса нѣмецкая, влѣдствіе чего онъ объяснялся съ нею не иначе, какъ по-нѣмецки; она его плѣняла этимъ, и онъ началъ оказывать ей все возможное вниманіе, къ какому только былъ способенъ. Когда она обѣдала у себя, онъ посылалъ ей вино и лакомыхъ блюдъ со стола своего, или, доставши какую нибудь новую гренадерскую каску или перевязь, посылалъ ихъ показывать ей. Ей было тогда около 24 или 25 лѣтъ. Кромѣ принцессы Курляндской, дворъ сдѣлалъ

въ Москвѣ еще другія пріобрѣтенія: именно, императрица взяла ко двору двухъ графинь Воронцовыхъ, племянницъ вице-канцлера, дочерей младшаго его брата, графа Романа. Старшей, Маріи, было въ то время около 14 лѣтъ. Она поступила въ число фрейлинъ императрицы. Младшую Елисавету, одиннадцати лѣтъ, отдали мнѣ. Это была дѣвочка очень невзрачная, оливковаго цвѣта лица и до чрезвычайности нечистоплотная.

Къ концу масленицы ея величество возвратилась въ городъ. На первой недѣлѣ поста мы стали говѣть. Въ среду вечеромъ я должна была итти въ баню, въ домъ къ Чоглоковымъ; но наканунѣ Чоглокова пришла ко мнѣ въ комнату и, увидавъ великаго князя, который сидѣлъ у меня, сказала ему отъ имени императрицы, чтобы онъ также сходилъ въ баню. Надо замѣтить, что бани и всѣ русскіе обычаи и мѣстные нравы были не только неприятны великому князю, но онъ ихъ просто ненавидѣлъ. Онъ начисто объявилъ, что не пойдетъ въ баню. Но Чоглокова не меньше его была упряма и не умѣла удерживать языкъ свой. Она сказала ему, что это значитъ неповиновеніе ея императорскому величеству. Онъ стоялъ на своемъ и говорилъ, что не слѣдуетъ приказывать ему поступать вопреки своей природѣ, что онъ знаетъ, какъ ему вредна баня (онъ въ ней ни разу не бывалъ), что ему вовсе не хочется умереть, что нѣтъ ничего дороже жизни, и что императрица не можетъ заставить его итти въ баню. На это Чоглокова стала говорить, что ея величество сумѣетъ наказать его за такое неповиновеніе. Тутъ великій князь разсердился еще больше и съ жаромъ сказалъ: «посмотримъ, что она со мною сдѣлаетъ; вѣдь я не ребенокъ». Тогда Чоглокова погрозила, что императрица посадитъ его въ крѣпость. Послѣ этого онъ принялъ горько плакать; они наговорили другъ другу самыхъ оскорбительныхъ вещей, и, по правдѣ сказать, оба показали, какъ мало въ нихъ человѣческаго смысла. Наконецъ Чоглокова ушла, объявивъ, что все отъ слова до слова перескажетъ императрицѣ. Не знаю, исполнила ли она эту угрозу, но только она вернулась и совершенно неожиданно повела рѣчь совѣмъ о другомъ. Именно она объявила, что императрица чрезвычайно гнѣвается на насъ, отчего у насъ нѣтъ дѣтей, и желаетъ знать, кто изъ насъ обоихъ виноватъ въ этомъ, и что поэтому она пришлетъ ко мнѣ повивальную бабушку, а къ нему доктора. Къ этому Чоглокова прибавила еще нѣсколько другихъ оскорбительныхъ и бессмысленныхъ словъ и въ заключеніе сказала, что императрица разрѣшаетъ намъ не говѣть эту недѣлю, такъ какъ великій князь сказалъ, что баня вредна для его здоровья. Надо замѣтить, что въ обоихъ этихъ разговорахъ я почти не участвовала ни полсловомъ, во-первыхъ, потому, что они оба чрезвычайно горячились и не давали мнѣ говорить, а, во-вторыхъ, потому, что я видѣла, до какой степени они оба бессмы-

сленны. Не знаю, какъ разсудила о томъ императрица, но только послѣ вышеописанный сцены больше не было рѣчи ни о банѣ, ни о дѣтяхъ.

Въ серединѣ поста ея величество уѣхала въ Гостилицы на именины къ графу Разумовскому, а насъ съ своими фрейлинами и нашею обыкновенною свитою отправила въ Царское Село. Погода стояла теплая и даже жаркая, такъ что 17 марта снѣгъ весь сошелъ, и на дорогѣ показалась пыль. Въ Царскомъ Селѣ великій князь съ Чоглоковымъ охотились, а я съ дамами безпрестанно гуляла то пѣшкомъ, то въ коляскахъ; вечеромъ мы играли въ разные *petits jeux*. Въ это время великій князь, и особенно по вечерамъ, выпивши (что съ нимъ случалось ежедневно), обнаруживалъ рѣшительную склонность къ принцессѣ Курляндской. Онъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ, говорилъ съ нею одною; не церемонился больше ни въ моемъ присутствіи, ни при другихъ, такъ что я наконецъ не могла не оскорбляться и не досадовать, видя, какъ онъ предпочиталъ мнѣ этого маленькаго уродца. Однажды вечеромъ, когда мы вставали изъ-за стола, Владиславова сказала мнѣ, что при дворѣ всѣ съ негодованіемъ говорятъ о предпочтеніи, которое оказывается предо мною этой горбушкѣ. Что дѣлать!—отвѣчала я съ намернувшимися на глазахъ слезами и ушла спать. Только успѣла я заснуть, какъ пришелъ спать великій князь. Онъ былъ пьянъ до того, что не зналъ, что дѣлалъ, и улегшись сталъ мнѣ твердить о необыкновенныхъ качествахъ своей красавицы. Чтобы заставить его замолчать, я притворилась спящею; но онъ, думая разбудить меня, началъ говорить громче. Наконецъ, видя, что я не отвѣчаю, онъ раза два или три довольно сильно толкнулъ меня въ бокъ кулакомъ, и, ругаясь за крѣпкій сонъ мой, повернулся и уснулъ. Послѣ такихъ толчковъ я много плакала въ эту ночь, обдумывая мое положеніе, во всѣхъ отношеніяхъ непріятное и несносное. На другой день, какъ видно, ему стало стыдно своего поступка: онъ ни слова не говорилъ о томъ, а я показывала видъ, будто не почувствовала его толчковъ. Черезъ два дня мы возвратились въ городъ и на послѣдней недѣлѣ поста возобновили наше говѣнье. О банѣ больше не поминали великому князю; но съ нимъ въ эту недѣлю случилось другое происшествіе, которое нѣсколько озаботило его. Возня въ его комнатѣ не прекращалась почти цѣлый день. Разъ послѣ обѣда онъ досталъ себѣ предлинный кучерской кнутъ и началъ надъ нимъ свои упражненія. Онъ хлесталъ имъ направо и налево, а лакеи, чтобы спастись отъ удара, должны были перебѣгать изъ одного угла въ другой. Не знаю, по не ловкости или по неосторожности, но только онъ хлестнулъ въ щеку самого себя, и такъ сильно, что на лѣвой сторонѣ лица образовался большой рубецъ, очень красный. Это очень встревожило его. Онъ боялся, что ему нельзя будетъ показаться на Сня-

той, что императрица, по случаю окровавленной щеки, опять не позволить ему причащаться, и какъ скоро узнаеть объ упражненіяхъ съ кнутомъ, то ему опять будутъ выговоры и какія нибудь непріятности. Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, онъ не замедилъ явиться ко мнѣ за совѣтомъ и просилъ, чтобъ я помогла его горю. «Боже мой! что такое случилось съ вами?»—воскликнула я, увидавъ его съ окровавленной щекою. Онъ мнѣ разсказалъ все, что описано выше. «Погодите,—сказала я ему, немного подумавши,—можетъ быть, я помогу вамъ. Теперь ступайте къ себѣ въ комнату и постарайтесь, чтобы къ вамъ какъ можно меньше приходило постороннихъ. Я приду къ вамъ, какъ только достану, что мнѣ нужно, и надѣюсь, что все обойдется благополучно». Онъ ушелъ. Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось упасть въ Петергофскомъ саду, и я до крови оцарапала себѣ щеку; лейбъ-хирургъ мой Іонъ далъ мнѣ помады изъ свинцовыхъ бѣлилъ, которою я замазала рубецъ, такъ что могла свободно выходить, и никто не замѣтилъ оцарапанной щеки моей. Вспомнивъ объ этомъ, я тотчасъ послала за помадой, и когда ее принесли, отправилась къ великому князю и такъ искусно намазала ему щеку, что онъ самъ, глядя въ зеркало, не замѣчалъ рубца своего. Въ четвергъ мы причащались вмѣстѣ съ императрицей въ большой придворной церкви, и когда послѣ причастія опять стали на наши мѣста, свѣтъ прямо упалъ на щеку великаго князя. Чоглоковъ съ чѣмъ-то подошелъ къ намъ и, взглянувъ на великаго князя, сказалъ ему: «утрите щеку, она вся въ помадѣ». Я какъ будто въ шутку сказала на это: «не смѣйте утираться; жена ваша не приказываетъ вамъ».—«Что съ ними станешь дѣлать,—замѣтилъ великій князь, обращаясь къ Чоглокову:—когда женѣ не угодно, мужъ не смѣетъ даже утереться». Чоглоковъ засмѣялся и сказалъ: «это ужъ настоящій женскій капризъ». Тѣмъ дѣло и кончилось. Великій князь былъ очень доволенъ мною и за помаду, которая избавила его отъ непріятностей, и за мое присутствіе духа, которымъ я устранила всякое подозрѣніе со стороны Чоглокова.

Такъ какъ въ Свѣтлое воскресенье надо было быть у заутрени, то въ Великую субботу послѣ обѣда я легла уснуть и велѣла разбудить себя, когда будетъ пора одѣваться. Только что успѣла я лечь въ постель, какъ великій князь опрометью вбѣжалъ и объявилъ, чтобъ я немедленно вставала и шла къ нему ѣсть свѣжихъ устрицъ, которыя ему сейчасъ привезли изъ Голштиніи. Привозъ устрицъ былъ для него великимъ и двойнымъ праздникомъ: во-первыхъ, онъ былъ до нихъ охотникъ, а, во-вторыхъ, онъ были изъ Голштиніи, родной страны его, которую онъ очень любилъ, но которою, тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, управлялъ очень дурно, дѣлая въ ней и позволяя дѣлать страшныя вещи. Не пойти значило огорчить его, и, кромѣ того, онъ сталъ

бы браниться. Поэтому я встала и отправилась къ нему, хотя была очень утомлена безпрестаннымъ стояніемъ въ церкви въ продолженіе Страстной недѣли. Устрицы были уже поданы. Я стѣла около дюжины, и затѣмъ онъ позволилъ мнѣ уйти и лечь спать, а самъ остался дождать устрицы. Около полуночи я встала, одѣлась къ обѣднѣ, но не могла выстоять до конца по причинѣ сильной колики. Въ жизнь свою не помню такой страшной боли. Я должна была уйти къ себѣ въ комнату; всѣ мои люди были въ церкви. Со мною пришла одна только княжна Гагарина, которая и помогла мнѣ раздѣться, уложила въ постель и послала за докторами. Мнѣ прописали лѣкарства, и первые два дни праздника я оставалась въ постели.

Около этого времени или немного раньше, въ Россію пріѣхали посольскій вѣнскаго двора, графъ Бернисъ, и посланники: датскій — графъ Линарь, и саксонскій — генераль Арнгеймъ. Сей послѣдній привезъ съ собою и жену свою, урожденную Гоимъ. Графъ Бернисъ, родомъ изъ Пиемонта, пятидесяти съ небольшимъ лѣтъ, былъ уменъ, любезенъ, веселъ, имѣлъ много познаній и такой характеръ, что молодымъ людямъ пріятнѣе было оставаться въ его обществѣ, нежели съ своими сверстниками. Его всѣ любили и уважали, и я тысячу разъ говорила, что для великаго князя проstekла бы величайшая польза, если бы къ нему приставили его или подобнаго ему человѣка. Великій князь наравнѣ со мною оказывалъ ему особенную привязанность и уваженіе и самъ говорилъ, что въ присутствіи такого человѣка, какъ графъ Бернисъ, невольно стыдишься дѣлать глупости — превосходное слово, котораго я никогда не могла забыть. Въ качествѣ кавалера посольства при графѣ Бернисѣ находился графъ Гамильтонъ, мальтійскій кавалеръ. Однажды при дворѣ, спрашивая сего послѣдняго о здоровьѣ графа Берниса (онъ былъ тогда боленъ), я случайно замѣтила, что имѣю очень высокое понятіе о графѣ Ватіани, котораго императрица-королева назначила въ то время воспитателемъ старшихъ сыновей своихъ, эрцгерцоговъ Іосифа и Карла, такъ какъ въ этой должности его предпочли даже графу Бернису. Въ 1780 г., въ первое свиданіе мое съ императоромъ Іосифомъ II, его императорское величество сказалъ мнѣ, что знаетъ о такомъ моемъ отзывѣ. Я отвѣчала, что, вѣроятно, ему передалъ его графъ Гамильтонъ (который, по возвращеніи изъ Россіи, былъ опредѣленъ къ Іосифу). Онъ сказалъ, что я угадала, и что хотя онъ не зналъ графа Берниса, но что его считали болѣе способнымъ къ исполненію этой должности, нежели бывшаго его воспитателя. Графъ Линарь, посланникъ датскаго короля, пріѣхалъ въ Россію для переговоровъ объ обмѣнѣ Голштиніи, принадлежавшей великому князю, на Ольденбургское графство. Этотъ человѣкъ былъ (по крайней мѣрѣ, такъ говорили о немъ) очень талантливъ и имѣлъ много

познаній. Наружность его обличала, какъ нельзя больше, пустого щеголя. Онъ былъ великъ ростомъ и хорошо сложенъ, имѣлъ свѣтлые, почти рыжіе волосы и цвѣтъ лица бѣлый, какъ у женщины. Про него рассказывали, что онъ никогда не ложился въ постель, не натерши лица и рукъ помадою, и засыпалъ въ перчаткахъ и ночной маскѣ. Онъ хвастался тѣмъ, что у него восемнадцать человѣкъ дѣтей, и увѣрялъ, что женщины, кормившія этихъ дѣтей, получали способность кормить, тоже благодаря ему. Весь бѣлобрысый, онъ украшалъ себя бѣлою лентою датскаго ордена и носилъ платья чрезвычайно свѣтлыхъ цвѣтовъ, какъ, на примѣръ, лавореваго, абрикосоваго, лидоваго, тѣлеснаго и проч., хотя въ то время мужчины еще рѣдко употребляли такіе свѣтлые цвѣта. Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, и жена его обращались съ графомъ Линаромъ, какъ съ другомъ дома, и чрезвычайно за нимъ ухаживали, что тѣмъ не менѣе, было очень смѣшно. Противъ него было еще одно обстоятельство, именно сохранившееся воспоминаніе о чрезмѣрной дружбѣ брата его съ принцессою Анною, правленіе которой было ниспровергнуто. Какъ бы то ни было, только графъ Линаръ немедленно по прибытіи своемъ началъ толковать объ обмѣнѣ Голштиніи на Ольденбургское графство: Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, призвалъ къ себѣ господина Пехлина, бывшаго министромъ великаго князя по управленію Голштинскимъ герцогствомъ, и сообщилъ ему предложеніе графа Линара. Пехлинъ доложилъ о томъ великому князю. Сей послѣдній страстно любилъ свою Голштинію. Еще въ Москвѣ ему было доложено о неоплатныхъ долгахъ герцогства; онъ попросилъ денегъ у императрицы, которая дала ему не очень большую сумму; но деньги эти не дошли до Голштиніи и употреблены были на удовлетвореніе наиболѣе неотступныхъ кредиторовъ его императорскаго высочества въ Россіи. Пехлинъ говорилъ, что финансовыя дѣла Голштиніи находятся въ отчаянномъ положеніи. Онъ могъ хорошо знать о томъ, потому что великій князь возложилъ на него все управленіе, а самъ очень мало или совсѣмъ не занимался дѣлами, такъ что однажды выведенный изъ терпѣнія Пехлинъ тихимъ голосомъ сказалъ ему: «ваше высочество! государь имѣетъ полное право принимать или не принимать участіе въ управленіи своей страной; если онъ не принимаетъ участія, то страна управляется сама собою, но она управляется дурно». Этотъ Пехлинъ былъ очень маленькаго роста, очень жирный и носилъ огромный парикъ, но не былъ лишенъ дарованій и былъ человѣкъ свѣдуцій. Въ его толстой и коротенькой фигурѣ обиталъ тонкій и проницательный умъ; его обвиняли только въ томъ, что онъ былъ вовсе не деликатенъ въ выборѣ средствъ. Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, имѣлъ къ нему большую довѣренность, и онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ къ нему лицъ. Пехлинъ представилъ великому князю, что

выслушать условія еще не значить договариваться, и договариваться не значить еще принять условія, и что онъ всегда, какъ скоро найдетъ нужнымъ, можетъ прервать переговоры. Наконецъ, мало-по-малу его склонили уполномочить Пехлина къ выслушанію предложеній датскаго посланника, и этимъ самымъ началась негодіація. Въ сущности она была непріятна великому князю, и онъ мнѣ говорилъ о томъ. Съ моей стороны, будучи воспитана въ старыхъ предубѣжденіяхъ голштинскаго дома противъ Даніи и слышавшись о вредныхъ замыслахъ графа Бестужева противъ великаго князя и меня, я не могла говорить объ этой негодіаціи иначе, какъ съ неудовольствіемъ и безпокойствомъ, и всѣми мѣрами старалась отклонять отъ нея великаго князя. Надо замѣтить, что я только отъ него одного и слышала о ней, а ему самому сказано было, чтобы онъ соблюдалъ въ этомъ отношеніи строжайшую тайну, и особенно говоря съ женщинами. Я полагаю, что послѣдняя предосторожность относилась преимущественно ко мнѣ, но она ни къ чему не повела, потому что его императорское высочество тотчасъ же обо всемъ мнѣ разсказывалъ. Чѣмъ дальше шли переговоры, тѣмъ больше старались представить ихъ великому князю въ благопріятномъ и выгодномъ свѣтѣ. Часто я видала его въ восторгѣ отъ будущихъ пріобрѣтеній; затѣмъ восторгъ проходилъ, и онъ снова начиналъ сожалѣть о томъ, что приходилось уступить. Какъ скоро онъ колебался, переговоры нарочно были замедляемы до тѣхъ поръ, пока выдумывали какую нибудь новую приманку и успѣвали увѣрить его, что онъ останется съ барышомъ.

Въ началѣ весны намъ велѣно было переселиться въ Лѣтній садъ, въ небольшой домъ, построенный Петромъ I, гдѣ почти нѣтъ фундамента, изъ комнатъ прямо выходишь въ садъ. Тогда еще не было ни каменной набережной, ни моста черезъ Фонтанку. Въ этомъ домѣ меня постигло горе, тяжелѣе всѣхъ испытанныхъ мною въ царствованіе императрицы Елисаветы. Въ одно утро мнѣ пришли сказать, что императрица отставила отъ меня стараго моего камердинера, Тимоея Евреинова. Вотъ предлогъ этой отставки. Евреиновъ бранился въ гардеробной съ другимъ лакеемъ, подававшимъ намъ кофе; великій князь проходилъ мимо и слышалъ отчасти ихъ перебранку. Третій лакей, врагъ того, съ которымъ Евреиновъ бранился, пошелъ къ Чоглокову и донесъ, что тотъ лакей произносилъ неприличныя слова въ присутствіи великаго князя. Чоглоковъ тотчасъ же доложилъ императрицѣ, которая приказала отставить отъ двора обоихъ, и такимъ образомъ Евреиновъ былъ сосланъ въ Казань, гдѣ впоследствии его сдѣлали начальникомъ полиціи. Но настоящая причина заключалась въ томъ, что Евреиновъ и другой сосланный лакей были очень привязаны къ намъ, особенно первый, и уже давно искали предлога, чтобы отнять у меня его. Все мое имущество было у него подъ сохране-

нiемъ. На его мѣсто императрица назначила бывшего его помощника Шкурина. Къ сему послѣднему въ то время я вовсе не имѣла довѣренности.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ домѣ Петра I, насъ перемѣстили въ деревянный лѣтній дворецъ, гдѣ для насъ приготовлены были новыя комнаты, выходящія съ одной стороны на Фонтанку, которая тогда была грязнымъ болотомъ, а съ другой—на небольшой очень нечистый дворъ. Въ Духовъ день императрица приказала мнѣ пригласить кататься со мною мадамъ Арнгеймъ, жену саксонскаго посланника. Это была статная и очень хорошо сложенная женщина, лѣтъ 25 или 26-ти, нѣсколько сухощавая и вовсе не красивая лицомъ, которое было усѣяно довольно крупными рябинами; но издали она казалась бѣлою и производила въ нѣкоторомъ родѣ величественное впечатлѣнiе. Мадамъ Арнгеймъ прiѣхала ко мнѣ около 5 часовъ послѣ обѣда, съ ногъ до головы въ мужскомъ нарядѣ: на ней было красное суконное платье, обшитое золотымъ галуномъ, и зеленый гродетуровый камзолъ съ тѣми же галунами. Она не знала, куда положить шляпу и что дѣлать съ своими руками, и показалась намъ не очень ловка. Зная, что императрица не любитъ, чтобы я ѣздила по-мужски, я приказала приготовить себѣ англiйское дамское сѣдло, и надѣла верховое на англiйскiй манеръ платье изъ очень богатой лазореваго съ серебромъ цвѣта матерiи; стеклянныя пуговицы мои сверкали, какъ настоящiя брилiантовыя, а на черной шапочкѣ навязана была кругомъ брилiантовая нитка. Я пошла внизъ садиться на лошадь. Въ эту минуту ея величество пришла къ намъ въ комнаты по-смотреть, какъ мы поѣдемъ. Я въ то время была очень ловка и привычна въ верховой ѣздѣ; подошедши къ лошади, я въ ту же минуту вспрыгнула на нее, съ обѣихъ сторонъ распустила мою юбку, въ которой для этого нарочно была сдѣлана прорѣха. Увидавъ, съ какою ловкостью и проворствомъ я сѣла на лошадь, императрица вскрикнула отъ удивленiя и сказала, что невозможно сидѣть красивѣе моего; она спросила, на какомъ я сѣдлѣ, и узнавши, что на дамскомъ, сказала: «можно было побиться объ закладъ, что она сидитъ на мужскомъ». Затѣмъ пришла очередь садиться мадамъ Арнгеймъ, но она не могла удивить ся величествомъ ловкостью. Лошадь свою она привела изъ дома. Это была дрянная, темно-бурая кляча, очень высокая и неповоротливая; наши придворные увѣряли, будто это—дышловая лошадь и взята изъ-подъ коляски. Чтобы взобраться на нее, надо было подставлять скамейку, и все это было сдѣлано очень церемонно и съ помощью многихъ лицъ. Когда она наконецъ взобралась, лошадь начала очень неловко ступать, такъ что всадница ежеминутно могла опрокинуться, не усаживалась, какъ слѣдуетъ, скользила въ стременахъ и должна была держаться рукою за сѣдло. Какъ скоро

она усѣлась, я поѣхала впередъ, и вслѣдъ за мною нѣсколько чело­вѣкъ. Я догнала великаго князя, который выѣхалъ раньше, и мадамъ Арнгеймъ на своей клячѣ осталась позади. Послѣ мнѣ ска­зывали, что императрица много смѣялась надъ верховою вѣдою мадамъ Арнгеймъ. Кажется, что въ нѣкоторомъ разстояннн отъ дворца Чоглокова, ѣхавшая въ коляскѣ, должна была посадить ее къ себѣ, потому что она безпрестанно теряла то шляпу, то стре­мена. Наконецъ, мы прїѣхали въ Екатерингофъ. Но этимъ еще не все кончилось. Въ этотъ день часовъ до трехъ послѣ обѣда шелъ дождь, и когда мы прїѣхали въ екатерингофскій домъ, на лѣст­ницѣ и на площадкахъ стояли лужи. Слѣзши съ лошади и про­бывъ нѣсколько минутъ въ залѣ, куда собралось много народа, я вздумала пройти по открытой площадкѣ въ комнату, гдѣ были мои женщины. Мадамъ Арнгеймъ пошла за мною, и такъ какъ я шла очень скоро, то ей пришлось бѣжать, чтобъ не отстать отъ меня; она нашла на лужу, поскользнулась и растянулась во всю длину свою при всеобщемъ хохотѣ стоявшихъ на площадкѣ зри­телей. Она поднялась, нѣсколько сконфузившись и приписывая свое паденіе тому, что въ этотъ день на ней были новые сапоги. Мы возвращались съ прогулки въ экипажахъ; дорогою она без­престанно говорила намъ о достоинствахъ своей клячи; мы кусали себѣ губы, чтобъ не разразиться смѣхомъ. Въ продолженіе мно­гихъ дней при дворѣ и въ городѣ всѣ хотали надъ ея походе­нїями. Мои женщины увѣряли, будто она упала отъ того, что вздумала подражать мнѣ, не имѣя моей ловкости. Чоглокова была вовсе несмѣплива, но долго смѣялась до слезъ, когда ей вспоми­нали о мадамъ Арнгеймъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НОВОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

Повѣсть.

I.

ЕМБЯ Орскихъ владѣла имѣніемъ въ одной изъ среднихъ губерній, пограничныхъ съ тучными областями Юга. Имѣніе было небольшое, всего 800 десятинъ, но, по мѣстнымъ условіямъ, порядочное. Хозяиничалъ въ имѣніи Иванъ Александровичъ Орскій, душою преданный сельскому хозяйству и любившій деревню, какъ свой «обѣтованный уголь». Онъ входилъ во всѣ деревенскія дѣла, самъ распоряжался посѣвомъ и жнитвомъ, самъ ходилъ и ѣздилъ по своимъ полямъ, разговаривалъ съ мужиками и совѣтовался съ ними. Они замѣчали его здравые взгляды и прямоту, и старики-крестьяне причисляли его къ числу настоящихъ помѣщиковъ, которыхъ уже немного осталось въ округѣ. Орскій, несмотря на сравнительную скудость земли, получалъ изъ имѣнія все, чего можно было желать для поддержанія средней помѣщичьей жизни. Имѣніе было незаложено, и всѣ доходы и достатки поступали въ его карманъ. Онъ умѣлъ изворачиваться и какъ-то за два удачныхъ года получилъ чистыхъ 15 тысячъ рублей отъ хмелевыхъ плантацій. Такія удачи, впрочемъ, въ послѣдствіи уже не повторялись. Одна бѣда преслѣдовала Орскаго: семейныя неурядицы. Его жена скучала въ своемъ деревенскомъ углу, постоянно рвалась на свободу: лѣтомъ она уѣзжала за границу, зимой въ столицы. Эти ея поѣздки сильно подрывали бюджетъ Орскаго и доставляли ему вмѣстѣ съ тѣмъ и

нравственное испытаніе, такъ какъ капризная Софья Степановна увозила съ собой и единственную ихъ дочь, Наташу. Орскій оставался въ скучномъ одиночествѣ въ своемъ большомъ помѣщичьемъ домѣ, въ которомъ становилось пусто и уныло.

— Это ты только, Иванъ Александровичъ, можешь довольствоваться деревней и мужичьими рожами,—высокомѣрно говорила ему жена,—а намъ съ Наташей все это достаточно опротивѣло. Дай намъ дышать другой жизнью!

Нечего грѣха таить: Орскій очень считался съ вліяніемъ жены и въ отношеніи ея былъ образцомъ непротивленія злу. Софья Степановна въ молодости была красавицей, въ зрѣлыхъ годахъ она тоже сохранила претензію кокетничать и нравиться. Въ цѣломъ уѣздѣ она когда-то славилась красотой и своими чарами, изъ-за которыхъ произошла даже дуэль у двухъ именитыхъ юныхъ помѣщиковъ.

Орскій узналъ о дуэли уже тогда, когда всѣ разговоры объ этомъ затихли въ уѣздѣ, и когда Софья Степановна, въ отвѣтъ на его разспросы, рѣшительно объявила ему:

— Не смѣй говорить объ этомъ. Ты долженъ быть доволенъ, что имѣешь красивую жену, а если два дурака подрались изъ-за того, что я съ обоими ими кокетничала, то это тебя нисколько не касается...

И Софья Степановна при этомъ съ такой высокомѣрной строгостью глядѣла на своего мужа, что онъ устыдился даже возбудить столь щекотливые для семейныхъ добродѣтелей вопросы.

-- Вотъ мы уѣдемъ на мѣсяцъ — другой... и тогда все успокоится. Никто и не вспомнить о происшедшемъ.

Когда Софья Степановна уѣзжала съ дочерью за границу, Иванъ Александровичъ, сидя въ своемъ деревенскомъ углу, сознавалъ свою отчужденность отъ нихъ. «У нихъ какія-то другія мысли, другія требованія, они стремятся къ иной жизни, — думалъ онъ, — и смотрятъ на меня какъ на отщепенца, съ котораго довольно и нищенской деревни».

Но передѣлать это отношеніе къ себѣ Ивану Александровичу не удавалось. Десятки лѣтъ онъ оставался все тѣмъ же деревенскимъ домохозяиномъ, съ которымъ дома еще кое-какъ мирились, но который за границей и въ столицахъ былъ бы лишнимъ въ своей семьѣ. Сосѣдъ по имѣнію и пріятель Ивана Александровича, Полозовъ, часто говорилъ ему на правахъ дружбы:

— Ты бы образумилъ свою бабу. Нельзя же такъ. Вѣдь съ ея капризами ты въ трубу вылетишь. Имѣнья-то наши еле кормятъ насъ.

— Постараюсь, — односложно отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.

У Полозовыхъ было какъ разъ обратное явленіе. Полозовъ, отставной гвардейскій офицеръ, самъ любилъ пожить широко и ѣдилъ по заграницамъ одинъ безъ семьи. Онъ кредитовался на эти поѣздки у одного крупнаго московскаго ростовщика, который за эти подачки постепенно и забиралъ имѣніе Полозовыхъ въ свои руки. А имѣніе было богатое, съ чудными лѣсами, широко раскинувшееся среди нищенскихъ крестьянскихъ надѣловъ.

Съ отъѣдомъ жены наступала для Ивана Александровича пора душевнаго спокойствія: прекращались постоянныя ссоры и размолвки съ Софьей Степановной, и онъ могъ спокойно отдаваться хозяйственнымъ дѣламъ. Но неловко было за такую нескладную жизнь передъ людьми!

— Наша барыня и барышня совсѣмъ заграничныя стали,—говорила Ивану Александровичу экономка, Надя, на рукахъ которой было домашнее хозяйство Орскихъ, и которую сама Софья Степановна до крайности избаловала, дѣлая ее повѣренной своихъ тайнъ.

— Да, часто онѣ уѣзжаютъ,—неохотно отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.

— А вы-то, вы-то?.. не унималась Надя, позволявшая себѣ иногда лишнее... Вы сиднемъ сидите въ деревнѣ, точно въ монастырѣ. Надо бы и вамъ... Впрочемъ,—прибавляла она съ лукавой улыбкой,—Софья Степановна у насъ строгія...

Надя не впервые говорила подобныя вещи и въ своихъ мимолетныхъ бесѣдахъ съ Иваномъ Александровичемъ подчеркивала его «придавленное» положеніе.

Хорошенькая Надя, рѣзвушка и умница, была дочерью старика, управляющаго имѣніемъ, Григорія Петровича, служившаго еще у отца Орскаго. Покойный старикъ былъ для Орскихъ преданнымъ человѣкомъ, онъ много сдѣлалъ для имѣнія, кое-что сдѣлалъ и для крестьянъ, которые, благодаря ему, имѣли луга и выпасы на пустовавшихъ помѣщичьихъ земляхъ. Надя потеряла отца рано, ей было восемнадцать лѣтъ; она унаслѣдовала отъ него маленькія деньги. Передъ тѣмъ какъ ее взяли къ себѣ Орскіе, она успѣла уже вкусить отъ невзгодъ и разочарованій жизни. Она увлеклась какимъ-то учителемъ, ходила съ нимъ «въ народъ», проповѣдывала великія идеи, но учитель умеръ, и Надя осталась одна со смутными воспоминаніями о пронесшемся и охватившемъ ее бурную натуру кошмарѣ, въ которомъ она быстро разочаровалась.

Софья Степановна полюбила ее, кажется, одну только во всей Орсовкѣ, изъ которой она постоянно бѣжала, пользуясь для этого разными предлогами.

Какъ-то Софья Степановна заговорила съ мужемъ о дочери:

— Иванъ Александровичъ,—сказала она,—вѣдь Наташѣ четырнадцать лѣтъ. О ней нужно подумать, и намъ слѣдовало бы опре-

дѣлать ее въ институтъ... Нельзя же ей пропадать въ этой глуши. Вонъ Полозовы тоже везутъ дѣтей въ Петербургъ.

— Но какъ же Наташа будетъ одна въ столицѣ, безъ насъ? — удивился Иванъ Александровичъ.

— И я съ ней буду, — отвѣчала Софья Степановна.

— А я-то? — удивлялся Иванъ Александровичъ: — что жъ, я долженъ соясѣмъ разстаться съ вами?

— Зачѣмъ соясѣмъ? Я буду отъ времени до времени пріѣзжать въ деревню, а Наташу будемъ брать сюда лѣтомъ и на Рождество.

Софья Степановна была дама настойчивая и начатое дѣло умѣла доводить до конца.

Когда Софья Степановна поселилась въ столицѣ, семейная жизнь Орскихъ была окончательно разрушена, расходы возросли непомерно, и Иванъ Александровичъ, видя, какъ деревенское благополучіе выскользаетъ изъ его рукъ, впервые остановился на мысли: какъ быть дальше?

Пришлось заложить имѣніе. На рукахъ Орскаго въ первыя минуты очутилось много денегъ, но добрую половину ихъ взяла Софья Степановна на свою столичную жизнь.

Иванъ Александровичъ надолго остался въ деревнѣ одинъ. Надя оказалась полноправной хозяйкой въ домѣ. Она стала относиться къ Ивану Александровичу съ отгѣнкомъ участія и фамиллярно говорила ему на правахъ приближенной фрейлины его жены не совсѣмъ пріятныя вещи.

— Осиротѣли мы съ вами? Ну, что дѣлать: проживемъ какънибудь... А Софья Степановна тамъ весело... Онѣ ужъ такъ привыкли, любятъ общество, шумную жизнь... и чтобы непременно за ними ухаживали, конечно, не одинъ ктонибудь, а многіе. Вы не сердитесь, что я такъ говорю?.. — кокетливо спрашивала она.

Ивану Александровичу при его приторной незлобivosti можно было говорить что угодно, а Надя привыкла держать себя свободно. Софья Степановна всегда величала ее «барышней» или «Надеждой Григорьевной», одинъ Иванъ Александровичъ попросту говорилъ ей «Надя».

— Такъ не сердитесь? — допрашивала она Ивана Александровича. — Все равно вѣдь въ домѣ порядокъ, что жъ намъ за убыль отъ того, что насъ бросили?.. Ну, скучно, конечно, — продолжала она и заглядывала въ лицо Ивану Александровичу съ лукавой усмѣшкой.

Иванъ Александровичъ удивлялся такимъ разговорамъ Нади, но отъ скуки и одиночества поневолѣ заинтересовался и ея бесѣдами и даже ею самою, всегда веселою и кокетливою.

Онъ собирался зимой выѣхать къ женѣ и дочерп въ Петербургъ и оставлялъ домъ на полное попеченіе Нади.

— Теперь ужъ мнѣ придется поскучать, — сказала она: — кругомъ деревня... Никого и ничего. А мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы уѣхали, — вдругъ рѣшительно объявила она.

— Почему такъ? — спросилъ Иванъ Александровичъ: — точно тебѣ не все равно?..

— Во-первыхъ, я привыкла къ вамъ, — сказала она, смѣло смотря на него своими красивыми сѣрыми глазами, въ которыхъ змѣилась улыбка, — а, во-вторыхъ, съ вашимъ отъѣздомъ мнѣ, кромѣ дворовыхъ дѣвокъ, не съ кѣмъ и слова сказать.

— Ты, Надя, слишкомъ требовательна, — замѣтилъ Иванъ Александровичъ... Ты ищешь общества, — добавилъ онъ: — такъ тебѣ бы слѣдовало составить партію... выйти замужъ.

— Замужъ я не выйду, — рѣшительно сказала она: — и замужество вовсе не въ моихъ планахъ; на черный день у меня кое-что есть, а отдавать себя подъ чью нибудь опеку я не намѣрена. Я тоже въ жизни кое-что видѣла. Вы, впрочемъ, знаете... Вы довольны мною? — вдругъ раздраженно спросила она: — такъ я желала бы оставаться въ настоящемъ положеніи до тѣхъ поръ, пока это вамъ будетъ угодно.

Иванъ Александровичъ спохватился: ужъ не обидѣлъ ли онъ Надю своимъ вопросомъ о замужествѣ, который она приняла, можетъ быть, за желаніе отдѣлаться отъ нея?

— Да, я доволенъ, Наденька, — сказалъ онъ ласково: — и я вовсе не хочу, чтобы ты выходила замужъ.

Надя приблизила къ нему свое раскраснѣвшееся, но уже улыбающееся лицо и неожиданно сказала ему полушопотомъ:

— Вотъ такъ-то лучше!.. Я сама знаю, какъ мнѣ распорядиться своей судьбой.

При приближеніи Нади на Ивана Александровича пахнуло знакомыми духами Софьи Степановны, которые та ей дарила. Надя повернулась и затѣмъ исчезла въ своей комнатѣ.

Иванъ Александровичъ невольно подумалъ:

— Красивая дѣвушка, только зачѣмъ она кокетничаетъ со мною?

Но кокетство Нади и ея послѣдній разговоръ оставили въ немъ слѣдъ, и онъ самъ сталъ засматриваться на нее и любовался ея граціозной походкой, ея стройной фигурой, ея пышными бѣлокурыми волосами. Всего этого онъ до сихъ поръ какъ-то не замѣчалъ.

Войдя вечеромъ въ комнату Софьи Степановны, гдѣ помѣщалась Надя, Иванъ Александровичъ увидѣлъ странную картину. Съ обнаженными плечами, выглядывавшими изъ кружевной рубашки, Надя полуодѣтая лежала на кушеткѣ и, откинувъ назадъ голову, держала передъ глазами какую-то книжку.

— Ахъ! — вскрикнула она при его появленіи,

Онъ думалъ, что она скроется, но она только набросила на себя пледъ и, заложивъ руки за голову, сладко потянулась, обрисовывая подъ пледомъ всю свою пышную красивую фигуру. Указывая на книгу, она сказала ему:

— Сумасшедшій романъ! Молодая женщина связалась со старикомъ... такимъ, какъ вы... И она капризно прибавила, поднося къ его глазамъ книгу:—смотрите сюда, читайте: «Онъ сталъ вдругъ передъ ней на колѣни, припалъ къ ея постели, наполненной запахомъ молодого тѣла, откинулъ въ сторону одѣяло и цѣловалъ ея ноги, грудь и голову».

Иванъ Александровичъ скользнулъ глазами по строчкамъ и не понималъ, что это такое. А Надя, ухвативъ своими красивыми руками его голову, прижала его къ себѣ и съ властью женщины, сознающей свою красоту, шепнула:

— Не про насъ ли это написано?..

Онъ, минуту тому назадъ не имѣвшій ни единой грѣшной мысли, наперекоръ себѣ... подцѣловалъ ее... разъ, другой, упиваясь ея нѣжностью, ея красотой. Все то, что было написано въ книжкѣ, было исполнено имъ въ точности, и въ страстномъ неожиданномъ опьяненіи онъ ушелъ отъ нея...

Утромъ они увидались за чаемъ.

— Теперь ты ужъ не уѣдешь!—сказала она ему и разсмѣялась задорнымъ веселымъ смѣхомъ, въ которомъ слышалась самонадѣянность красивой избалованной женщины.

II.

Деньги у Орскаго таяли...

«Расходы мои велики!—писала Софья Степановна:—переведи, пожалуйста, еще двѣ тысячи—тогда хватитъ, чтобы прожить зиму. Если сможешь, то пріѣзжай на короткое время, а если это тебѣ затруднительно по дѣламъ, то мы весной сами пріѣдемъ въ деревню. Подцѣлуй отъ меня Надю; пусть она всѣмъ распоряжается».

Надежда Григорьевна держала себя съ Иваномъ Александровичемъ такъ, какъ будто ничего и не произошло между ними. Она не сдѣлалась фамильярнѣе прежняго, потому что и такъ была достаточно уже фамильярна, она не выговаривала себѣ правъ барыни, но она какъ-то твердо и серьезно стала говорить съ Иваномъ Александровичемъ о деревенскихъ дѣлахъ и смѣло подавала ему свои совѣты.

Въ усадьбу къ Орскому пріѣхалъ изъ губернскаго города купецъ Замятиновъ, выбивавшійся изъ купцовъ средней руки въ губернскіе капиталисты.

— Слышалъ я, Иванъ Александровичъ, — сказалъ онъ: — имѣннице-то вы заложили?

— Да,—отвѣтилъ Иванъ Александровичъ,—заложилъ. Но чему обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ?

— А тому слѣдуютъ пункты, — насмѣшливо отвѣтилъ Замятиновъ и пояснилъ:—помните, какъ у Гоголя въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. (Замятиновъ любилъ выражаться фигурально и вкусилъ кое-какой книжной премудрости). Такъ вотъ и я начну по пунктамъ. Первый пунктъ—не уступите ли мнѣ ваши болота?..

Иванъ Александровичъ видѣлъ, что прїездъ Замятинова можетъ что нибудь подбавить въ его тощающіе карманы, и втайнѣ порадовался.

— Да-съ,—продолжалъ Замятиновъ,—дѣло малое, а для васъ, пожалуй, хорошее. Болота-то эти, что у рѣки, вамъ ни къ чему, а я дѣлишко малое задумалъ... для сына. Сами знаете, дѣло мое стариковское: надо о дѣтяхъ подумать, молодцовъ у меня двое, и разсудилъ я такъ: младшему городскую торговлю передамъ, а старшему тоже дѣльце создамъ... на этихъ болотахъ... хоть бы торфъ обжигать для степныхъ хозяйствъ. Такъ вотъ не пожелаєте ли переуступить земельку?

Пустырь, о которомъ шла рѣчь, Ивану Александровичу былъ ни къ чему не нуженъ: каждую весну его затопляло и размывало, и онъ готовъ былъ отдать эти болота хоть задаромъ. Надежда Григорьевна услышала этотъ разговоръ и, войдя въ комнату, выразительно посмотрѣла на Ивана Александровича и спросила Замятинова:

— Арендовать хотите болота-то?..

— Нѣтъ, барышня, благопріобрѣсть желаю, — отвѣтилъ тотъ.

— Но Ивану Александровичу, — продолжала она, — врядъ ли есть расчетъ продавать землю за гроши. Когда тамъ пройдетъ желѣзная дорога, онъ возьметъ за нее вдесятеро. Тамъ вѣдь отличное мѣсто для паровой мельницы.

Замятиновъ даже глаза выпучилъ и чуть не ахнулъ.

— А вы почему же знаете, что я хочу строить мельницу?

— Я не знаю вашихъ плановъ,—отвѣчала она съ невиннымъ видомъ,—но мой покойный отецъ говорилъ про это мѣсто, что тамъ можно устроить золотое дѣло, если пройдетъ желѣзная дорога. Все подъ рукой: вода, топливо, дорога... Набивай мѣшки мукой и наживай капиталы..

Замятиновъ при этихъ словахъ Надежды Григорьевны даже разсердился, и, когда она ушла, изъ комнаты, онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и сказалъ Ивану Александровичу:

— Что говоритъ барышня: вдесятеро!.. Это за болото-то? ха-ха-ха!..—и онъ искусственно разсмѣялся.

Но Иванъ Александровичъ уже былъ на сторожѣ и понималъ значеніе замятиновской покупки.

Сдѣлка состоялась на слѣдующій день и на выгодныхъ для Орскаго условіяхъ.

— Это я тебѣ обязанъ!—сказалъ Иванъ Александровичъ Надѣ. Она улыбулась.

— Работаемъ для Софьи Степановны,—замѣтила она.

Ивана Александровича нѣсколько покорило отъ этого замѣчанія.

— Какъ позволишь поблагодарить тебя, Надя?—спросилъ онъ.

— Въ благодарности я не нуждаюсь, — съ обидой отвѣтила она:—а я вамъ дамъ въ придачу еще одинъ добрый совѣтъ: не сообщайте пока ничего объ этомъ Софьѣ Степановнѣ, а то все незамѣтно спустите при ея благосклонномъ участіи. Приберегите что нибудь для Наташи.

Иванъ Александровичъ задумался:

— Золотой совѣтъ!.. Какъ она неоспоримо права, эта умная женщина!

III.

Въ институтѣ, куда Наташа поступила изъ мирной деревенской глуши, было необыкновенно аристократично, холодно и скучно. Это былъ самый привилегированный разсадникъ чопорныхъ дѣвицъ, которыя должны были говорить непременно по-французски, такъ какъ на всякій русскій разговоръ смотрѣли, какъ на величайшее неприличіе и вольность. Когда Наташа стала рассказывать подругамъ о деревнѣ, онѣ смотрѣли на нее съ сожалѣніемъ, какъ на провинціалку. Во время пріемовъ родственниковъ институтскій залъ наполнялся эlegantной публикой: высокопоставленныя особы, придворныя, генералы штатскіе и военные, звенящіе шпорами гвардейцы, пажи и масса дамъ и дѣвицъ въ изящныхъ туалетахъ составляли жужжащій рой пчелъ, въ которомъ слышался исключительно французскій говоръ. Сама мама — начальница института—изъ придворныхъ дамъ, величественно двигалась по залу, останавливаясь съ привѣтливой улыбкой только около болѣе достойныхъ: на поклоны остальныхъ она отвѣчала легкимъ кивкомъ головы.

Наташа была здѣсь, какъ въ чадѣ. По натурѣ она была скромной, нѣсколько робкой, и этотъ горделивый, холодный міръ аристократическаго института ей не особенно нравился. Мать навѣщала ее каждое воскресенье, пріѣзжала иногда въ обществѣ знакомыхъ кавалеровъ, привозившихъ Наташѣ обязательную коробку конфетъ.

Наташа говорила матери:

— Мама, здѣсь ужасно скучно... Я жду — не дождусь, когда мы поѣдемъ въ деревню...

— Полно, душа моя, — отвѣчала ей мать, — скучно только отъ непривычки, но зато посмотри, какое общество... Подружилась ли ты съ кѣмънибудь изъ лучшихъ барышень? — спрашивала она.

— Нѣтъ, мама, — говорила Наташа, — онѣ всѣ надутыя кривляки. У меня только одна подруга — дочка одного убитаго генерала.

— Убитаго? — переспросила мамаша. — Я думала, ты завела болѣе полезныя знакомства.

— А развѣ ты не поѣдешь въ деревню? — чуть не со слезами допытывалась Наташа.

— Забудь эту противную деревню, — съ досадой обрывала ее мать. — Тамъ ничего нѣтъ, кромѣ пьяныхъ мужиковъ. Отецъ сидитъ въ деревнѣ потому, что онъ связанъ тамъ дѣлами, но мы разстались совсѣмъ съ деревней... Если и поѣдемъ туда, то развѣ лѣтомъ, какъ на дачу...

Въ одно изъ воскресеній Софья Степановна и Наташа встрѣтили въ институтскомъ залѣ своихъ сосѣдей по имѣнью Полозовыхъ. На Наташу словно чѣмъ-то роднымъ пахнуло, вспомнилась милая давно оставленная Орсовка. Но сейчасъ же послѣдовало и разочарованіе.

— Знаете, мы ликвидируемъ деревенскія дѣла, — сообщилъ Полозовъ Софѣѣ Степановнѣ. — Нашъ московскій благодѣтель сталъ порядочно прижимать насъ, онъ круто и поспѣшно забираетъ наше имѣніе. Почему онъ торопится, — не понимаю... Да и то сказать: надо воспитывать дѣтей въ столицѣ, а не въ глуши. Сынъ Сережа поступаетъ въ университетъ, дочка хочетъ поступить на курсы. Конечно, жить въ Петербургѣ трудновато, но у насъ хорошія связи... Мнѣ, — добавилъ Полозовъ, — предлагаютъ видное мѣсто по сельскому департаменту.

Великовозрастный Сережа Полозовъ фатовато поздоровался съ Наташей и сказалъ ей:

— Вотъ и мы теперь столичные жители!

— А вы не жалѣете о деревнѣ? — спросила Наташа.

— Чего тамъ жалѣть? Здѣсь веселѣе, — говорилъ самоувѣренный молодой человекъ.

Полозовы поддерживали въ Петербургѣ хорошія знакомства, устраивали журъ-фиксы и вечера, но деньги ихъ таяли. Деревня была продана за гроши, и уже послѣ продажи ея Полозовы узнали неожиданную вѣсть, что невдалекѣ отъ Полозовки пройдетъ желѣзная дорога, которая сильно подниметъ цѣнность земель. Они поняли, что потеряли, но было уже поздно... Семья Полозовыхъ проживала послѣдніе два десятка тысячъ, полученныхъ отъ московскаго благодѣтеля въ окончательный расчетъ. Какъ подспорье, у Полозова была скромная пенсія, выслуженная имъ за прежнюю службу.

IV.

Въ деревнѣ Орскихъ происходили событія: часть денегъ отъ продажи Ивановъ Александровичемъ пустоши купцу 2-й гильдіи Замятинову онъ положилъ въ банкъ на имя дочери Наташи. Иванъ Александровичъ хотѣлъ было ѣхать въ Петербургъ, но Надежда Григорьевна протестовала:

— Не время вамъ ѣхать теперь, — сказала она: — вѣдь у сосѣдей уже отчуждаютъ землю подъ желѣзную дорогу... Вонъ Полозовы сидѣли въ Петербургѣ, и ничего не знали, а Полозовку чуть не обошли дорогой на тридцать верстъ. Хорошо, что новый владѣлецъ догадался хлопотать...

Въ ближайшій губернской городъ понаѣхали инженеры съ крупными свободными деньгами и большими полномочіями. Тамъ шли пиры на весь міръ, за господами инженерами ухаживали во всю представители города, земства и окрестные помѣщики. Изо дня въ день ихъ угощали въ губернскихъ отеляхъ, вино лилось рѣкой, всѣ извозчики, всѣ губернскія львицы были на откупѣ у господъ инженеровъ; захолустный театръ, въ которомъ прогорали антрепренеры, работалъ, какъ никогда. Вѣсть о пиршествѣ, устроенномъ инженерамъ новымъ владѣльцемъ Полозовки, широкой волной пронеслась по уѣзду, и стали говорить, что желѣзная дорога пройдетъ совсѣмъ близко отъ Полозовки.

— Надо бы въ городъ вамъ поѣхать и хлопотать, — сказала Надежда Григорьевна Ивану Александровичу.

— Пожалуй, что и такъ, — согласился онъ и полушутя спросилъ Надежду Григорьевну: — а ты, мой совѣтникъ, поѣдешь со мной?

— И совѣтникъ поѣдетъ! — усмѣхнувшись отвѣтила она и прибавила: — мнѣ кстати нужно бы сдѣлать себѣ кое-какіе туалеты на зиму...

— Сдѣлаемъ, — сказалъ Иванъ Александровичъ.

Надеждѣ Григорьевнѣ этотъ отвѣтъ не понравился.

— Я въ твоихъ деньгахъ не нуждаюсь, — холодно сказала она. — У меня есть еще отцовскія деньги. Нѣкоторыя бумаги стоятъ теперь высоко. Я ихъ продамъ и заработаю двѣ-три сотни.

— Да, ты дѣлецъ! — воскликнулъ Иванъ Александровичъ.

— Сиротская жизнь всему научить, — скромно отвѣтила она.

По пріѣздѣ въ губернской городъ, Иванъ Александровичъ заказалъ туалеты для Нади у лучшей портнихи. Надежда Григорьевна произвела фуроръ: ее замѣтили въ театрѣ, и новоприбывшіе инженеры даже нѣсколько дерзко рассматривали ее въ бинокли. Ивану Александровичу было приятно это повышенное вниманіе къ его хорошенькой спутницѣ, но ему были до боли неприятны нѣкоторыя намеки по поводу Надежды Григорьевны, которые онъ слышалъ или скорѣе подозрѣвалъ въ разговорахъ со знакомыми.

«Чортъ возьми, — думалъ онъ, — это уже совсѣмъ скверно и неловко... Моя любовница открыто при мнѣ... позоръ!»

Онъ познакомился съ инженерами. Оказалось, что за Орсовку уже хлопоталъ купецъ Замятиновъ, собственникъ орсовскихъ болотъ.

— Благодарите меня, Иванъ Александровичъ, — сказалъ ему Замятиновъ при встрѣчѣ. — Дорога-то пройдетъ около вашего имѣнія—черезъ мою мельницу. На мельницѣ будетъ ваша станція.

Какъ это иногда бываетъ при общемъ приподнятомъ настроеніи, въ городѣ торжествовали безъ конца. Какая-то вакханалія охватила всѣхъ. Помимо всякаго желанія со стороны Ивана Александровича, случилась величайшая нелѣпость: его встрѣтили въ театрѣ вмѣстѣ съ Надеждой Григорьевной и затасали ихъ вдвоемъ въ кабинетъ ресторана на инженерное пиршество.

Ужинъ въ компаніи инженеровъ шелъ шумно и весело. Присутствовали и дамы—актрисы мѣстнаго театра. Предсѣдательское мѣсто занималъ черный полусѣдой инженеръ съ нѣмецкой фамиліей — руководитель дѣла и командиръ всей прибывшей партіи. Тутъ же присутствовали городской голова города, новый владѣлецъ Полозовки, Охрѣнко франтоватый молодой человекъ, взявшій имѣніе въ приданое за своей женой, дочерью коммерсанта, ссужавшаго деньгами Полозовыхъ. Купецъ Замятиновъ явился на ужинъ вмѣстѣ съ сыномъ, технологомъ, котораго онъ со всѣми знакомилъ и всѣмъ представлялъ.

— Можетъ, кто тебѣ и пригодится,—говорилъ онъ ему.

— Вотъ кому я создаю дѣло,—сказалъ Замятиновъ Ивану Александровичу,—рекомендую: мой молодецъ, будущій мукомоль, получившій форменную техническую подготовку. Прошу любить и жаловать. Онъ—образованный человекъ, не то, что мы, сѣрые: изучалъ заграничныя мельницы, посѣщалъ заводы и теперь къ живому дѣлу приспособленъ. Будетъ наживать капиталы. Мы, батюшка, начинали съ постоялаго двора для бродягъ да съ полицейскихъ протоколовъ, а этотъ прямо мѣтитъ въ миллионеры.

Старикъ Замятиновъ любилъ иногда черезчуръ откровенничать. Молодой технологъ, имѣвшій скромный дѣловитый видъ, косился на отца за лишніе разговоры.

Иванъ Александровичъ разговорился съ владѣльцемъ Полозовки, Охрѣнкомъ, послѣдній имѣлъ самоувѣренный видъ и говорилъ съ апломбомъ.

— Вотъ, батюшка, будемъ заводить реформы въ вашихъ мѣстахъ,—сказалъ тотъ ему:—начнемъ дѣло на новыхъ основаніяхъ. Ваша прежняя система устарѣла, теперь нужна быстрота, натискъ, капиталы... Заведемъ свекловичныя плантаціи, заводы. Все крестьянство будетъ кормиться около насъ, а у васъ мужики голодали. Да и сами-то вы, старые помѣщики, жили послѣднее время впро-

голодь... Впрочемъ,—болѣе снисходительно закончилъ Охрѣнко,— у васъ въ Орсовкѣ, кажется, были и удачныя дѣла, лучше, чѣмъ у другихъ.

— Да, выдалось одно время,—скромно отвѣтилъ Иванъ Александровичъ:—мой старый управляющій завелъ хмелевыя плантаціи, кое-что заработали, только условія теперь измѣнились, и дѣло это пропало. Хозяйство наше лопается по всѣмъ швамъ.

— Господа!—провозгласилъ въ это время одинъ изъ инженеровъ,—ваше дружеское собраніе удостоили своимъ посѣщеніемъ дамы... Позвольте выпить за драгоцѣнное здоровье дамъ!..

Раздалось «ура». Всѣ встали со своихъ мѣстъ и подходили къ дамамъ, чокалась съ артистками театра и съ Надеждой Григорьевной, которая своимъ скромнымъ видомъ и изящной бѣлокурой головкой пріятно выдѣлялась среди напудренныхъ и намазанныхъ актрисъ.

Иванъ Александровичъ невольно любовался ею и думалъ: «Какъ все это странно случилось... Неужели она не могла выбрать кого нибудь получше и помоложе меня?»

Они просидѣли въ кампаніи съ часъ, какъ вдругъ Надежда Григорьевна шепнула ему:

— Теперь пора бы уѣхать...

Они поднялись со своихъ мѣстъ, но это движеніе было замѣчено присутствовавшими, ихъ стали уговаривать остаться.

— Мы васъ не отпустимъ, дорогіе гости,—заголосилъ Замятиновъ. Инженеры его поддержали. «Не отпустимъ, не отпустимъ»,— послышалось съ другого конца стола.

Въ эту минуту вошелъ въ залъ общій знакомый — мѣстный полицеймейстеръ.

— Вы арестованы!—крикнулъ Замятиновъ, и общій смѣхъ огласилъ собраніе. «Еще разъ ваше здоровье, Надежда Григорьевна!»—голосили инженеры. Крики: «ура», «здоровье дамъ», заглушались уже откуда-то взявшимся оркестромъ музыкантовъ, игравшихъ тушь на хорахъ.

Надежда Григорьевна и Иванъ Александровичъ должны были изъ приличія остаться на нѣкоторое время. Компанія уже окончательно развеселилась.

— Зачѣмъ вамъ спѣшить?—громко говорилъ старикъ Замятиновъ.—Завтра поѣдемъ вмѣстѣ въ ваше имѣніе. Я отправляюсь къ себѣ на мельницу, а вы—домой. А теперь не разстраивайте компаніи. Я—старикъ, а компанію люблю, потому въ свое время мало веселился. Въ юности жили мы въ родительскомъ трепетѣ и страхѣ. Зато ужъ какъ выбрался на волю — пошелъ писать. Помню, пріятель дѣда хоронилъ, который оставилъ ему сотню тысячъ. Ну, извѣстно, по купечеству поминки въ кухмистерской. Кутили мы на совѣсть, гости ужъ разошлись, а мы все сидимъ

пьемъ. Только смотримъ: что жъ это такое—въ кухмистерской уже танцуютъ, оно на похоронахъ какъ будто бы и не полагается. А это уже послѣ похоронъ чью-то свадьбу играютъ. Мы и на свадьбу остались. Были потомъ доставлены домой при содѣйствіи полицейскихъ властей. Вотъ и господинъ полицеймейстеръ знаетъ объ этомъ обстоятельстве! Мы съ нимъ старые пріатели.

Общество расхохоталось. У всѣхъ развязались языки.

— Ну, а теперь окончательно пора, — сказала Надежда Григорьевна Ивану Александровичу, и они, несмотря на протесты компаніи, уѣхали.

— А у ней есть тактъ, чувство мѣры!—съ удовольствіемъ подумалъ Иванъ Александровичъ.

V.

Время шло. На землѣ Орскихъ постепенно выростала большая паровая мукомольня молодого инженеръ-технолога Петра Ивановича Замятинова. Около имѣнія Орскихъ прошла желѣзная дорога, сильно поднявшая стоимость имѣнія. До станціи было рукой подать. Громадный заводъ строился въ сосѣдней Полозовкѣ.

Глушь оживала. Въ деревнѣ появились новыя лица: инженеры, студенты-путейцы, практиканты, мастера, механики, масса желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Крестьяне, тонувшіе еще со своими возами въ грязи уѣздныхъ проселковъ, въ конецъ измороженные бездорожьемъ и нищетой, съ изумленіемъ взирали на совершающееся перерожденіе мирной глуши и присматривались къ группамъ новоявленныхъ гостей, среди которыхъ были и охотники поговорить съ мужикомъ.

— Нищѣ вы больно, — говорил молодой практикантъ собравшимся около него крестьянамъ.

— Да, достатки наши не велики, — соглашались тѣ. — Ежели по полъ-десятинѣ али по три четверти на душу, — такъ не разживешься...

— Землицы бы вамъ надо, — подсказывалъ сочувствующій.

— Ахъ, какъ надо... — соглашались мужики. — А то бѣдность заѣдаетъ, тѣснота.

— А сколько земель-то кругомъ! — говорили имъ сочувствующіе.

— Да вѣдь то помѣщичьи да казенныя земли.

— А надо бы, чтобы ихъ вамъ дали...

— Оно, конечно, — соглашались крестьяне: — кабы вотъ такой приказъ отъ царя вышелъ.

Сочувствующій замолкалъ и внимательнымъ окомъ оглядывалъ крестьянъ: какіе благонадежные и вялые элементы... только вздыхаютъ... Надо искать другихъ, и «сочувствующіе» для чего-то искали другихъ безпокойныхъ, податливыхъ, энергичныхъ, которымъ «живнотъ поддело».

— Есть ли такіе, кому еще хуже васъ живется?—допрашивали крестьянъ иные благодѣтели.

— А еще бы,—отвѣчали тѣ.—Посмотри-ка за Полозовкой да въ сосѣднихъ уѣздахъ, тамъ вѣдь у мужика ни кола, ни двора. Тамъ все отхожіе, по городамъ, значить, ходятъ на заработки, потому дома ѣсть нечего.

По деревнямъ пошли благодѣтели крестьянства, пробовавшіе почву. Въ сельскихъ лавкахъ и кабакахъ происходили оригинальныя собесѣдованія съ мужикомъ; иные сочувственники и радѣтели стали уже извѣстны въ округѣ, и на нихъ смотрѣли, какъ на какихъ-то посланцевъ изъ Петербурга... До сихъ поръ никто крестьянскими нуждами не интересовался и не бесѣдовалъ съ народомъ, а тутъ «заговорили»... Диво дивное!.. По деревнямъ разбрасывались какіе-то призывы, которые читались грамотеями. Никто не зналъ, кто такіе эти благодѣтели. Сельскія власти придерживаются теоріи «моя хата съ краю», и каждый думаетъ только о собственной шкурѣ.

Иванъ Александровичъ ѣздилъ въ Петербургъ, видѣлъ тамъ милую Наташу, которая очень выросла, и во время своего короткаго пребыванія въ столицѣ имѣлъ нѣсколько стычекъ съ Софьей Степановной.

— Такъ нельзя продолжать,—говорилъ Иванъ Александровичъ:—вѣдь придется продать имѣніе, и Наташа останется нищею.

— Имѣніе, имѣніе,—сердито повторяла Софья Степановна,—да на кой чортъ намъ это имѣніе, если его не хватаетъ на приличную жизнь въ столицѣ?

— Что же дѣлать, время такое, у всѣхъ помѣщиковъ доходы упали,—урезонивалъ жену Иванъ Александровичъ:—надо прибегнуть что нибудь для Наташи.

— Очень нуждается Наташа въ этомъ несчастномъ имѣніи,—горячо возражала Софья Степановна:—живя въ Петербургѣ, она можетъ составить себѣ блестящую партію, и имѣніе твое тогда ей ни на что...

— Да, можетъ составить, но можетъ и не составить...—отвѣчалъ онъ.—А если Наташа не выйдетъ замужъ, что жъ мы ее по міру пустимъ?..

— А какъ же я вышла безъ приданого?—задорно говорила Софья Степановна.

— Такихъ дураковъ ужъ больше нѣтъ,—хотѣлъ сказать Иванъ Александровичъ, но удержался.

Послѣ горячихъ пререканій пришлось таки дать женѣ три тысячи изъ послѣднихъ банковскихъ денегъ.

— Что-то будетъ дальше?—спрашивалъ себя Иванъ Александровичъ и не находилъ отвѣта.

Надежда Григорьевна оставалась во время его отъѣзда въ деревнѣ и, какъ потомъ говорила ему, страшно скучала безъ него.

Онъ, не отдавая себѣ отчета, все-таки полюбилъ ее. Его грызла какая-то смутная ревность, хотя въ деревнѣ ревновать ее было рѣшительно не къ кому. Встрѣча ихъ при его прїѣздѣ была нѣжной и радостной — точно она, а не Софья Степановна, была настоящей его женой.

Къ веснѣ отъ Софьи Степановны было получено письмо, возбѣщавшее, что она вмѣстѣ съ Наташей прїѣзжаетъ въ деревню на все лѣто. Этотъ прїѣздъ разстраивалъ отношенія Орскаго съ Надеждой Григорьевной. «Нужно поговорить съ ней», — рѣшилъ онъ.

Поздно вечеромъ онъ сидѣлъ въ комнатѣ своей подруги жизни. Она лежала на оттоманкѣ въ кокетливой позѣ. Ея волосы, выбившись изъ-подъ власти шпилекъ, упали густой волной на подушку. Ея красивыя ноги лежали на валикѣ дивана. Она немного любила пощипывать. Вся ея поза дышала нѣгой и граціей.

— Я хотѣлъ поговорить съ тобой, Надя, — сказалъ Иванъ Александровичъ.

— Я знаю, о чемъ, — не мѣняя позы, отвѣтила Надежда Григорьевна и продолжала твердымъ тономъ: — мы будемъ говорить о прїѣздѣ Софьи Степановны, — она отчеканивала каждое слово: — о томъ, что мнѣ неудобно оставаться съ ней въ одномъ домѣ, о томъ, что любовница должна уступить мѣсто женѣ.

— Надя! Надя! — пробовалъ остановить ее Иванъ Александровичъ, но Надежда Григорьевна поправила сбившіеся волосы, закрупила ихъ шпильками и, поднимаясь съ подушки, сѣла на диванъ, принявъ холодный и рѣшительный видъ.

— Я сама объ этомъ думала, — сказала она, — и вотъ мое рѣшеніе: черезъ мѣсяцъ я уѣзжаю изъ твоего дома совсѣмъ.

— Что значить это «совсѣмъ»? — взволнованно спросилъ Иванъ Александровичъ, испугавшійся быстроты принятаго ею рѣшенія.

— Совсѣмъ, значить, расстаемся, — спокойно и холодно сказала она.

— Какъ расстаемся, Надя? — возражалъ онъ: — я такъ привыкъ къ тебѣ, я люблю тебя.

— Женщины, — отвѣчала она, — которыя сами бросаются на шею мужчинѣ, должны знать напередъ, что ихъ ожидаетъ. Милый мой, Иванъ Александровичъ, — продолжала она дружескимъ тономъ, — не будемъ разбирать, что было между нами: можетъ быть, съ моей стороны была только излишняя страстность натуры, съ твоей стороны — отсутствіе въ твоемъ домѣ другой подходящей женщины... Какъ видишь, я называю вещи своими именами. Но выходъ для насъ обоихъ ясенъ: надо разстаться, и я готова на это... Я, какъ умѣла, скрасила твою жизнь, по правдѣ сказать, очень тяжелую и неприглядную. Можетъ быть, ты добромъ вспомнишь обо мнѣ.

— Дорогая Надя! — вырвалось у него.

— Эхъ, милый другъ, — съ досадою сказала она, точно отгоняя отъ себя какой-то кошмаръ: — вѣдь развязка-то неизбежна!

— Надя, голубушка, подумай,—сказалъ онъ.

Надежда Григорьевна была непреклонна. Она затаила въ себѣ почти мужскую рѣшимость, стала немного холоднѣе къ Ивану Александровичу и черезъ мѣсяцъ дѣйствительно переѣхала въ городъ.

— Сказала бы я тебѣ,—обратилась она къ Ивану Александровичу на прощанье:—брось все и уважай со мной! Тутъ тебѣ ничего хорошаго не будетъ. Но развѣ это возможно? У тебя есть долгъ передъ семьей, есть обязанности...

VI.

Иванъ Григорьевичъ Замятинъ, старикъ-богатырь, вдругъ сталъ серьезно хворать. Онъ изрѣдка наѣзжалъ на мельницу къ сыну Петру. Приѣзжая, онъ любовался только что выстроеннымъ надъ осушенными болотами зданіемъ и новыми блестящими машинами, установленными монтеромъ. По вечерамъ, когда суета на мельницѣ затихала, онъ сидѣлъ на скамейкѣ около дома сына и бесѣдовалъ съ нимъ о его планахъ, надеждахъ и расчетахъ. Сумерки сгущались. Дымка испареній окутывала спящую въ зеленыхъ берегахъ рѣку. Иванъ Григорьевичъ вдыхалъ въ себя прохладу вечера и говорилъ сыну:

— Хорошій уголокъ я тебѣ облюбовалъ. Подожди, скоро здѣсь разовьется поселокъ, пойдутъ поѣзда. Ты будешь въ центрѣ всего движенія.

Отъ рѣки несло влагою воды, свѣжестью луговъ, въ зеркальной глади рѣки иногда всплескивались рыбки. Плеснется она, и широкій кругъ долго стоитъ на водѣ, лѣниво расплываясь.

— А пока здѣсь тихо и привольно,—продолжалъ старикъ,—въ городѣ все сковано каменными плитами и мостовыми, а здѣсь чувствуется аромать земли... Знаешь ли ты: ночью земля дышитъ послѣ дневного зноя?

— Гдѣ ужъ намъ, папаша, до поезовъ?—говорилъ сынъ:—пройдетъ годъ, и тутъ тоже будутъ и камни и мостовыя, а черезъ мѣсяцъ пара рельсовъ упрется прямо въ мои мучные склады.

— Конечно,—соглашался Иванъ Григорьевичъ,—въ твоемъ дѣлѣ мало поезовъ, это только старые мельники жили въ лѣсу и на рѣкѣ, слушали шумъ водяныхъ колесъ, видѣли лѣшихъ, а у тебя паръ, электричество, телеграфы, телефоны.

Иванъ Григорьевичъ иногда посѣщалъ домъ Орскихъ, но тамъ было мало пріятнаго: приѣхавшая на лѣто кичливая и напыщенная Софья Степановна не любила провинціальныхъ знакомствъ, ничѣмъ не интересовалась и жила только жаждой скорѣйшаго наступленія осени, когда она вновь умчится въ заманчивую столицу.

Иванъ Григорьевичъ не спасовалъ передъ ея холоднымъ и сдержаннымъ пріемомъ и привезъ къ Орскимъ сына-мельника.

— Прошу любить и жаловать,—сказалъ онъ,—инженеръ-технологъ, владѣлецъ полумилліоннаго дѣла и вашъ эксплуататоръ по части скупки хлѣба,—пошутилъ онъ.

Петръ Иванычъ разговорился съ Наташей, которая послѣ казенныхъ стѣнъ петербургскаго института замѣчательно расцвѣла и похорошѣла на деревенскомъ воздухѣ.

— Вы къ намъ на мельницу пожалуйте,—сказалъ онъ,—посмотрите, чего мы тамъ понастроили: какихъ дворцовъ и палатъ.

— Да вѣдь вамъ, пожалуй, не до гостей,—говорила Наташа:— у васъ тамъ царство муки.

— Муки нѣтъ еще,—отвѣчалъ Петръ Иванычъ.

— Такъ какая же это мельница?—удивлялась Наташа.

— Подождите, барышня, все будетъ... Мельница только что оборудована, а вотъ черезъ мѣсяцъ у насъ закипитъ работа... Тогда уже вы къ намъ не заглянете: трубы будутъ дымить, понесется мучная пыль. А теперь хорошо у насъ. Природу еще бережемъ, не закоптили.

Иванъ Александровичъ пріѣзжалъ съ Наташей на мельницу. Она удивилась трехэтажной громадѣ, выросшей на недавно еще пустомъ дѣвственномъ участкѣ, съ любопытствомъ разглядывала колоссальныя колеса и машины, безконечныя рукава-футляры, по которымъ должна бѣжать мука изъ этажа въ этажъ.

Петръ Иванычъ принималъ гостей въ своемъ мельничномъ дворцѣ, обставленномъ съ комфортомъ.

— Да у васъ есть вкусъ,—удивилась Наташа, осматривая малиновую гостиную и красный кабинетъ мельника... Тутъ даже стекла малиновыя, а здѣсь красныя, какъ огонь...

— На десятокъ-то комнатъ вкусу хватило,—скромно сказалъ Петръ Иванычъ.

Въ голубой столовой при электрической люстрѣ былъ сервированъ легкій ужинъ, къ которому пріѣхалъ и старикъ Замятиновъ.

Это было послѣднее посѣщеніе имъ мельницы. Онъ измѣнился, похудѣлъ. Застарѣлая болѣзнь точила этого богатыря-самородка. Онъ цѣлыми недѣлями оставался дома. Другой сынъ Замятинова, Вася, находился безотлучно при отцѣ.

— Чувствую я, дорогіе мои,—говорилъ старикъ дѣтямъ,—что конецъ мнѣ приходитъ... Не возражайте,—продолжалъ онъ,— не успокаивайте меня, это неизбѣжно. Когда у человѣка точно завѣса закрыла будущее, исчезли всѣ планы и ни во что не вѣрится,—значить, конецъ близокъ... Такъ Богу угодно... и я, друзья мои, благодарю Его, что умираю, успѣвъ сдѣлать все для васъ, устройвъ ваше будущее. Не всѣ родители имѣютъ счастье умереть со спокойной совѣстью. Сколько дворянскихъ дѣтей, брошенныхъ въ

жизнь голыми, беспомощными! А у васъ у каждаго свое дѣло, не выпускайте его изъ рукъ, выпустишь — пропадешь. Мой отецъ оставилъ мнѣ постоянный дворъ для бродягъ, воровъ и мошенниковъ... Не въ упрекъ его памяти я говорю это, а въ доказательство своей работы, которая тяжела была мнѣ и подъ конецъ сломила меня. Но вѣдь все мною достигнуто. Вы—кандидаты въ миллионеры. Не женитесь рано, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго раздумья. — Бабѣ нынче пустое и ничтожное. Ваша мать была простая женщина, она не помогала мнѣ, но зато и не мѣшала, а вѣдь другія мѣшаютъ. Посадишь себѣ на шею такую, что и жить не дастъ и жизнь тебѣ отравить, а у васъ вся жизнь — работа. Посмотрите на Орскихъ—все у нихъ пошло вверхъ дномъ... Надя умница-баба, вертѣла ими, и было хорошо, а теперь они пропадаютъ... какъ и всѣ здѣшніе дворяне.

При упоминаніи о Надѣ сынъ Вася густо покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать или спросить, но не сказалъ ни слова.

— Вотъ баба,—сказалъ старикъ:—она молодецъ... въ купчихи теперь выбивается... свое дѣло завела.

Ивану Григорьевичу скоро стало хуже. Былъ выписанъ профессоръ изъ Москвы, но онъ мало помогъ: тяжелая болѣзнь была запущена, и шла своимъ ходомъ.

— Похороните меня въ здѣшнемъ монастырѣ, — говорилъ Замятиновъ сыновьямъ,—я всѣмъ распорядился. Тамъ есть монахъ, отецъ Савва, всѣ его знаютъ... Онъ, говорятъ, праведникъ, къ нему обратитесь...

Послѣдній выѣздъ Ивана Григорьевича былъ въ этотъ монастырь, гдѣ его очень цѣнили, какъ благотворителя.

Былъ теплый день, ласково грѣло солнце, въ чащѣ монастырскаго сада щебеталъ и суетился живой птицій міръ. Монастырь былъ историческій. Зубчатые верхи его стѣнъ переносили мысль богомольца къ допетровской Руси. Печать достатка лежала на всемъ. Подъ сѣнью ивъ и дубковъ красовалось монастырское кладбище съ могилами представителей мѣстнаго именитаго дворянства и купечества. Въ этомъ же ряду было мѣсто Ивана Григорьевича возлѣ мраморнаго креста на могилѣ его покойницы—жены.

Ивана Григорьевича встрѣтилъ отецъ Савва, пользовавшійся въ обители славою подвижника. Это былъ выходецъ изъ купечества, маленькій сѣдой, совершенно бѣлый старичекъ, чрезвычайно худой, но съ живыми голубыми глазами, которые придавали ему замѣчательно молодой и бодрый видъ.

— Къ вамъ собираюсь,—говорилъ Иванъ Григорьевичъ,—примите на вѣчный покой.

— Полно болтать-то,—не по-монашески сурово отвѣчалъ старичекъ.—Что хвораешь,—на то Божья воля. Я вотъ старше тебя, восемьдесятъ лѣтъ мнѣ, а все бодрюсь. Тоже помирать было соби-

рался, какъ затворникъ, сидѣлъ всю зиму въ кельѣ, а весной поправился, благодаренье Богу. Выхожу въ садъ и глазамъ не вѣрю: неужто я живой, а кругомъ Божья благодать... прилетѣли птички, щебечутъ въ кустахъ, на кладбищѣ вьютъ гнѣздышки ласточки и скворцы... Когда жизнь глядитъ на тебя во всѣ глаза, и самъ ты оживаешь...

Иванъ Григорьевичъ протянулъ до осени... Былъ грустный октябрьскій день, небо плакало, все кругомъ лежало въ полумглѣ мелкаго дождя и тумана, когда многолюдная процессія купеческихъ похоронъ двигалась изъ города къ монастырскому кладбищу. Тутъ были въ числѣ другихъ Орскій и Надежда Григорьевна. Длинный рядъ каретъ замыкалъ похоронное шествіе. На кладбищѣ по полуразмытой землѣ, среди оголенныхъ деревьевъ струились дождевые потоки. Богатый гробъ съ тѣломъ Ивана Григорьевича медленно опускался въ воду, которую могильщики поспѣшно вычерпывали изъ склепа.

Младшій сынъ покойнаго, Вася, былъ въ слезахъ.

— Прощай, отецъ, прощай!—воскликнулъ онъ, стоя у готовой закрыться передъ нимъ отцовской могилы.

Петръ Иванычъ, мельникъ, держался твердо и мужественно и успокаивалъ брата.

Застучали лопаты могильщиковъ—и все было кончено. Склепъ закрылся. Около свѣжей могилы просыпалась жизнь.

— Иванъ Александровичъ,—сказала Надежда Григорьевна Орскому,—поѣдьте вмѣстѣ въ городъ. У меня есть къ вамъ дѣло.

Онъ предложилъ ей сѣсть въ его карету.

— Нѣтъ,—сказала она,—вы садитесь въ мою, а ты,—обратилась она къ кучеру, привезшему Ивана Александровича,—поѣзжай домой. Это мои работники,—объяснила она, садясь въ карету съ Иваномъ Александровичемъ.—Видите, другъ мой, я купила извозное дѣло, но у меня не хватаетъ двухъ тысячъ до полного расчета,—можете вы одолжить мнѣ ихъ? Срокъ подступаетъ, и мнѣ нужно заплатить.

— Я тебѣ кое-чѣмъ обязанъ,—отвѣчалъ Иванъ Александровичъ,—я въ долгу у тебя.

Надежда Григорьевна разсмѣялась.

— Да вы рѣдкій человѣкъ,—воскликнула она,—о долгахъ помните безъ векселя!

— Этотъ вексель написанъ въ моемъ сердцѣ,—пошутилъ Иванъ Александровичъ.

— А вы еще записываете чтонибудь въ вашемъ сердцѣ?—продолжала она.—Интересно!—И она не то шутливо, не то испуганно посмотрѣла на Ивана Александровича. — Сколько записей тамъ было сдѣлано послѣ меня?

— Шутница! — сказалъ онъ, любуясь ея смѣющимися красивыми глазами, горѣвшими такъ близко передъ нимъ.—Какая ты прелесть, какая ты красавица! Кого же можно записать тамъ, когда я еще не разлюбилъ тебя?

— Неужели? — спросила она, глядя на него вполоборота. — Но вѣдь мы разстались совсѣмъ, вы предложили мнѣ не мѣшать вашему счастливому законному сожителству.

— Ты зла,—сказалъ Иванъ Александровичъ.—Вѣдь я не могъ поступить иначе. Это было бы оскорбленіемъ для твоей женской гордости.

— Какъ ты правъ и логиченъ, мой вѣроломный другъ!—отвѣчала Надежда Григорьевна и своей красивой рукой пожала его измокшую отъ дождя и похолодѣвшую руку.—И знаешь,—вдругъ точно въ откровеніи воскликнула она, — за что я полюбила тебя? За то, что ты чистый такой, нравственно чистый и незлобивый. А кругомъ грязь.—Въ глазахъ ея на минуту засвѣтилась грусть и она добавила:—и сама я барахтаюсь въ этой грязи больше другихъ, и въ душѣ у меня грязь.

— Полно, Надя, — отвѣчалъ онъ, — къ чему такое самобичеваніе?..

— А знаешь ли ты,—продолжала она,—что я совсѣмъ забыла тебя? Скажу тебѣ больше: мнѣ теперь открывается новая жизнь... Не удивляйся: у моихъ ногъ богатство, любовь. Стоитъ мнѣ захотѣть, и я буду женой молодого человѣка, который все принесетъ мнѣ.

— Кто онъ? кто?..—добивался Иванъ Александровичъ.

— Я еще не имѣю права сказать тебѣ этого,—отвѣтила она:—а придетъ время—узнаешь...

Экипажъ между тѣмъ подѣхалъ къ дому Надежды Григорьевны, которая попросила Ивана Александровича посѣтить ее на ея «извозномъ» новосельѣ, но послѣ короткаго разговора она не задерживала его у себя.

VII.

Когда Софья Степановна и Наташа вернулись изъ деревни въ Петербургъ, онѣ первымъ дѣломъ узнали печальныя вѣсти о Полозовыхъ. Полозовы были совершенно разорены, они оставили свою большую квартиру, прекратили журъ-фикусы и приемы и жили въ какихъ-то второстепенныхъ меблированныхъ комнатахъ.

— Я совершенно разоренъ! — признался Полозовъ Софѣ Степановнѣ.—Охрѣенко заплатилъ намъ гроши, а получилъ богатѣйшее имѣніе при желѣзной дорогѣ. Меня особенно тревожитъ участь дѣтей,—замѣтилъ Полозовъ.—Онѣ выросли въ достаткѣ, а теперь я ничего не имѣю, кромѣ маленькой пенсіи.

— Да вы бы хлопотали черезъ вашихъ друзей о какомъ нибудь мѣстѣ,—замѣтила Софья Степановна.

— Хлопоталъ,—отвѣчалъ Полозовъ,—и почти добился успѣха. Мнѣ все было формально обѣщано. Но вы знаете, какія теперь непрочныя карьеры. Сегодняшній министръ завтра—ничто. Всѣ обѣщанія разлетѣлись въ прахъ.

— Но развѣ у васъ нѣтъ другихъ связей? — спрашивала она.

— Есть, но осуществится ли что нибудь,—Богъ знаетъ. Я-то бы еще какъ нибудь перебился, но что ждетъ дѣтей?.. — почти трагически восклицалъ онъ:—вѣдь они будутъ нищими.

— Вы ихъ поставили уже на дорогу,—сказала Софья Степановна.

— Не особенно поставилъ,—отвѣчалъ Полозовъ. — Сынъ уже съ годъ не учится. Университетъ закрытъ. Они теперь обсуждаютъ: учиться имъ, или не учиться, и рѣшаютъ, конечно, не учиться... по политическимъ причинамъ. Это гораздо лучше и либеральнѣе. Начальство учиться не заставляетъ, правительство молчитъ. Родители сидятъ по своимъ угламъ, да ихъ давно никто и не слушаетъ... Удивительное положеніе!..

— А ваша дочь?—спросила Софья Степановна.

— Лидія на курсахъ,—отвѣчалъ Полозовъ. — Тамъ тоже свои дѣла... не учатся... Дѣтей мы мало видимъ дома... у насъ скука и бѣдность. А у нихъ свои студенческіе кружки, корпораціи, какіе-то митинги съ рабочими. Домой приходятъ, какъ чужіе, слова отъ нихъ не добьешься.

Во время визита Софьи Степановны сынъ Полозовыхъ, Сергѣй, пришелъ домой. Онъ и въ крутыхъ обстоятельствахъ сохранялъ все тотъ же самоувѣренный тонъ, который имѣлъ раньше.

— Гдѣ ты пропадаешь?—мятко спросилъ его отецъ.

— Что за контроль, папа? — вѣжливо и холодно отвѣчалъ сынъ.—Кажется, мы уже выпли изъ-подъ вашей опеки.

— Я долженъ заботиться о васъ,—сказалъ Полозовъ, немного вспыхнувъ.

— Вы о насъ уже блестяще позаботились,—задорно отвѣчалъ сынъ:—мы—нищіе.

Софья Степановна замѣтила, что Полозовъ-отецъ потерялъ всякое вліяніе въ семьѣ. Очевидно, и самъ Полозовъ сознавалъ это.

— Молодежь нынче не разговорчива,—съ кислой улыбкой замѣтилъ онъ, какъ бы извиняясь за сына.—У нихъ свои особыя дѣла и заботы. А впутаются въ какую нибудь исторію, и семья страдай за нихъ. Что за проклятое время! — прибавилъ онъ:—никогда еще не было такой пропасти между старымъ поколѣніемъ и молодежью. Что у нихъ въ головахъ, чѣмъ дышать они, о чемъ думаютъ, неизвѣстно, а я ясно вижу, что у этихъ реформаторовъ кипитъ какая-то подлая работа, и что изъ этого выйдетъ, Богъ вѣсть...

Это былъ послѣдній визитъ Софьи Степановны къ Полозовымъ. Она рѣшила, что бывать у нихъ и неудобно и тяжело. Полозовы пробовали, однако, навѣщать ее и даже занимали у нея небольшія суммы денегъ, которыхъ не возвращали. Знакомство совсѣмъ разстроивалось.

Послѣ своего крушенія Полозовы затерялись среди интеллигентнаго дворянскаго пролетаріата, которымъ полны столицы. Они бѣдствовали, а отбившіяся отъ рукъ дѣти пошли «своей дорогой».

Среди молодежи шлѣла своя жизнь. Всѣ грезили какимъ-то обновленіемъ Россіи, можетъ быть, имъ самимъ не вполне яснымъ. Революціонная пропаганда въ университетахъ дѣлала замѣтные успѣхи и увлекала на свой путь болѣе горячихъ юношей. Тѣсныя учебными нормами евреи и кавказскіе инородцы были застрѣлками движенія. Молодежь присматривалась къ политической жизни родины, видѣла всюду мягкость и податливость учебнаго начальства, тоже немного зараженнаго модными вѣяніями, видѣла слабость правительства и отваживалась на отчаянные шаги. Студенты и курсистки уже цѣлыми стаями навѣзжали въ глубь Россіи, въ деревни и «будили народъ». Въ народѣ сновали, кромѣ того, свои мѣстные агенты «переворота», ютившіеся въ большихъ имѣніяхъ, на фабрикахъ и заводахъ. Движеніе поддерживалось приливомъ какихъ-то таинственныхъ капиталовъ и сборами среди интеллигенціи для нуждъ «движенія и революціоннаго вооруженія».

Въ этомъ движеніи принялъ участіе и молодой Полозовъ.

VIII.

Въ жизни Надежды Григорьевны случилось странное событіе. Со времени знакомства съ Замятиновыми, завязавшагося еще во время нашествія инженеровъ на мирныя губернскія палестины, она замѣчала особое вниманіе къ себѣ со стороны юнаго Васи Замятинова, младшаго сына Ивана Григорьевича, которому едва исполнилось 23 года. Ей, опытной въ дѣлахъ кокетства, не трудно было подмѣтить, что Вася влюбился въ нее со всей силой молодой страсти. Высвободившись изъ-подъ отцовской опеки, онъ энергично заговорилъ Надеждѣ Григорьевнѣ о своей любви.

— Вы, Васенька, съ ума сошли,—отвѣчала ему насмѣшливо, но добродушно Надежда Григорьевна.—Какія тамъ чувства, когда я гораздо старше васъ? Вѣдь мнѣ тридцать лѣтъ. Приберегите ваши чувства для другой, а я для васъ.— не подходящая статья.

— Не говорите этого, Надежда Григорьевна,—запальчиво отвѣчалъ Вася.—Сердцу не прикажешь: полюби ту или другую... Я полюбилъ васъ.

Вася недурно уже управлялся въ сложномъ отцовскомъ дѣлѣ, но молодость еще была въ немъ ключемъ, и его юная страсть къ

Надеждѣ Григорьевнѣ пылала во всю, не зная ни преградъ, ни разочарованій.

Надеждѣ Григорьевнѣ нравилась его молодость, его юная неопытность и его смѣлая неудержимая вѣра въ жизнь, соблазняло ее и его богатство, но она и сама была не бѣдна. Двѣ тысячи, полученные ею отъ Ивана Александровича, помогли ей развязаться съ послѣдними долгами, а извозное дѣло, стоявшее десятокъ тысячъ, давало ей уже хорошій процентъ.

— Неужели все бросить, — думала она, — и поступить въ любовницы къ мальчишкѣ? Вѣдь онъ не женится на мнѣ. Пойдутъ сплетни въ городѣ, я захохочу въ новой грязи. Довольно всего прежняго!.. Потомъ начнутся съ его стороны упреки, разочарованія. Нѣтъ, — рѣшила она, — я недешево продамъ свою свободу!..

Когда приходилъ къ ней Василій Ивановичъ, она смѣялась надъ нимъ и говорила:

— Вы, Васенька, сумасшедшій. Чѣмъ ухаживать за мной, женитесь-ка лучше на купеческой дочкѣ, возьмите большое приданое. Увеличивайте отцовскій капиталъ.

— Я жениться не думаю! — сказалъ онъ запальчиво.

— Тѣмъ хуже, мой другъ, — отвѣтила она, — а я вотъ думаю еще выйти замужъ.

Она стояла передъ нимъ красивая, кокетливая и властная. Видно было, что каждое сказанное ею слово было обдуманное, взвѣщенное.

Послѣ этого разговора Надежда Григорьевна избѣгала видѣться съ Василюмъ Ивановичемъ, не стала приглашать его къ себѣ. Она видѣла, какъ онъ искалъ встрѣчи съ нею, какъ онъ рвался къ ней, какъ препятствія еще больше распяляли его страсть.

Наконецъ онъ пришелъ къ ней рѣшительный и серьезный, заставъ ее врасплохъ:

— Надя, довольно, — говорилъ онъ, — я не могу жить безъ тебя. Я пришелъ тебѣ сдѣлать предложеніе.

Страстная любовь Василю Ивановича льстила ея женскому самолюбію, но она съ осторожностью хитрой женщины сказала ему:

— Вы жениться на мнѣ хотите?.. Такъ я скажу вамъ: не дѣлайте глупаго шага, вы еще молоды, неопытны. Я хочу васъ предостеречь отъ послѣдствій.

— Но какой же это глупый шагъ? — недоумѣвалъ онъ.

— Какъ вы легко говорите: «жениться»! А что если бы вамъ сказали, что особа, которую вы такъ любите, не безупречна, если у ней есть прошлое... тяжелое прошлое... Она сказала это такимъ тономъ, что нельзя было разобрать, шутитъ ли она, или говоритъ правду.

— Я бы не повѣрилъ, — горячо воскликнулъ влюбленный Вася, не вѣрившій, какъ и многіе влюбленные, неприятнымъ расскажемъ про любимую женщину.

— А если это правда?—серьезно замѣтила Надежда Григорьевна, и такъ посмотрѣла на него, что онъ подумалъ: что это? испытаніе его любви?

— Такъ-то, мой милый мальчикъ, — закончила она послѣ минутной паузы: — я не хочу воспользоваться твоей неопытностью. Забудьте, милый другъ, все, что вы мнѣ говорили, и забудьте меня.

Онъ точно окаменѣлъ. Грусть свѣтилась въ его глазахъ. Ее тронули его огорченія, и она, приблизившись своимъ раскраснѣвшимъ лицомъ къ его горящимъ глазамъ, сказала ему:

— Поцѣлуй меня на прощанье, какъ друга, и болѣе не возвращайся сюда.

Онъ жадно прильнулъ къ ней, горячо поцѣловавъ ее, страстно жмалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Она торжествовала, она ясно видѣла, что этотъ не уйдетъ отъ нея, но ея женское самообладаніе взяло верхъ, и она замѣтила ему:

— Довольно!.. Подумай обо всемъ. Передъ тобой не дѣвушка, а грѣшная женщина!

Онъ на другой день вновь пришелъ къ ней и горячо сказалъ:

— Будь моею женою!..

Эта хитрая, испорченная жизнью женщина была тронута чистой любовью, искренностью юноши, и подъ вліяніемъ его любви она, кажется, и сама возродилась.

— Милый, я все тебѣ сказала,—страстно шепнула она:—но если ты любишь... если ты такъ любишь меня, пусть будетъ все по-твоему.

Свадьба была по окончаніи траура. Влюбленность Василя Ивановича перешла въ страстную любовь къ Надѣ, въ которой онъ души не чаялъ. Его молодая страсть увлекла и ея пылкую натуру. Въ ней проснулось все заглушенное, молодое, неиспорченное живнію. Ей улыбнулось что-то похожее на счастье, а настоящаго счастья она еще не знала. Непріятнымъ призракомъ стояло передъ ними ея прошлое. Какъ забыть это прошлое, какъ отрѣшиться отъ него? Онъ ревновалъ ее къ прошлому, и эта грызущая ревность еще сильнѣе разжигала его страсть. Въ чаду ласкъ и восторговъ любви онъ вдругъ вспоминалъ, что эта дорогая ему женщина принадлежала другому... другимъ... Ему хотѣлось убить ее, изрѣзать ее на куски, но страстныя ея ласки заглушали острый зудъ ревности, и его сильное чувство какъ бы постепенно вытравляло изъ ея тѣла и души все, что только было въ ней чужого, тайнаго, не принадлежащаго ему...

Они уѣхали на далекій югъ, подъ теплое и нѣжное небо, подъ тѣнь кипарисовъ и магнолій. Тамъ, вдали отъ скучной сутолоки жизни, въ новой обстановкѣ они чувствовали во всей силѣ свое молодое счастье, которое опяняло ихъ, кружило ихъ горячія головы. Въ тихія теплыя ночи, когда зажигается серпъ луны, и

кругомъ ложатся загадочныя тѣни, они слушали долетавшій шумъ морского прибоя, они говорили со звѣздами, и таинственный языкъ звѣздъ былъ понятенъ ихъ влюбленнымъ сердцамъ. Имъ казалось, что все кругомъ дышало тѣмъ же счастьемъ, которымъ были переполнены ихъ души. Ей, немного уже проученной жизнью, не вѣрилось, что все это дѣйствительность. Она боялась, что очарованіе этого волшебнаго сна вотъ-вотъ исчезнетъ, и она проснется для суровой жизни. Но наставалъ новый день, и то же лазурное море ласкалось къ ея ногамъ, и опьяненіе страстной любви наполняло ихъ души.

По вечерамъ они сидѣли на балконѣ маленькаго отеля, теряшагося въ густой зелени приморскаго сада. Вдали рассыпалась узорамъ по песку морская зыбь, въ которой играли лучи мѣсяца. Глухой шумъ катящагося вала слышенъ издали, но подбѣжить волна, рассыплется, и море какъ будто вздохнетъ полной грудью, и все кругомъ затихнетъ на минуту.

— Ты слышишь этотъ шумъ?—спрашивалъ онъ ее и глядѣлъ на нее горячими влюбленными глазами.—Это море дышитъ. Покойникъ отецъ говорилъ: земля дышитъ. Но шумъ моря таинственнѣе, лучше. Онъ гармонируетъ со вздохами души, переполненной чувствомъ. Мы счастливы, Надя,—продолжалъ онъ.—А помнишь ли ты, какъ ты хотѣла лишить меня этого счастья? Я, однако, не послушалъ тебя.

— Милый, милый!..—виновато повторяла она, и, какъ восторженная птица, прижималась къ его груди, и онъ цѣловалъ ее безъ конца и восторгался ею, какъ куклой, какъ игрушкой, которую онъ укралъ отъ свѣта и увлекъ сюда, въ этотъ таинственный уголъ любви.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда любовь такъ гармонично и нѣжно соединяла ихъ сердца, они, точно школьники, устроили у себя странное аутодафе: она написала на клочкѣ бумаги два имени, связанные съ ея прошлымъ, дала ему прочесть записку и затѣмъ быстро сожгла ее на свѣчкѣ...

— Не вспоминай теперь о моемъ прошломъ,—сказала она ему,—его нѣтъ... Я вся твоя, и въ моемъ сердцѣ нѣтъ болѣе мѣста никакимъ воспоминаніямъ.

Она въ послѣдній разъ виновато поцѣловала его, и онъ отвѣтилъ ей страстными ласками.

Послѣ мѣсячнаго вояжа они вернулись въ родной городъ. Здѣсь они нашли много новаго. Желѣзная дорога, прорѣзавшая губернію, работала полнымъ ходомъ. По линіи нарождались фабрики и заводы. Мельничное предпріятіе брата Петра процвѣтало. Орскіе, несмотря на наступившія для нихъ выгоды отъ желѣзной дороги, совсѣмъ забыли деревню и подолгу жили въ Петербургѣ, а блестящій Петербургъ безпощадно сжигалъ въ своемъ горнилѣ бѣдныхъ

провинціальныхъ помѣщиковъ. Свѣдущіе сосѣди прибавляли, что Иванъ Александровичъ ищетъ случая продать имѣніе.

— Хорошо бы намъ приобрести этотъ уголокъ, — сказала Надежда Григорьевна.

— А вѣдь это идея, — отозвался Василій Ивановичъ.

— Орскіе запутаны по горло, — продолжала Надежда Григорьевна: — я знаю ихъ дѣла, имъ не поправиться, а цѣнность имѣнія теперь будетъ расти, благодаря желѣзной дорогѣ. Надо купить его, пока оно дается въ руки. Кругомъ все забираютъ отъ помѣщиковъ какіе-то новые спекулянты-капиталисты. На покупкѣ Орсовки ты не потеряешь. Мельница твоего брата будетъ съѣдать всѣ наши урожан, а доставка туда намъ ничего не стоитъ.

Надежда Григорьевна быстро и легко уладила это дѣло. Она съѣздила въ Петербургъ, переговорила съ Софьей Степановной, и едва только успѣла вымолвить слово о продажѣ имѣнія, какъ Софья Степановна вся была на ея сторонѣ.

— Для меня было бы счастьемъ раздѣлаться съ этимъ поганымъ имѣніемъ, — сказала та, забывая, что «поганое» имѣніе ее кормить.

Начался натискъ на Ивана Александровича. Послѣ разрыва съ Надеждой Григорьевной онъ уже очень тяготился своей одинокой жизнью въ деревнѣ и разлукой съ семьей.

— Покупайте, Надежда Григорьевна, — сказалъ онъ, — сдѣлайте милость... Вы знаете нашъ уголь, онъ вамъ тоже родной; вы тамъ выросли, тамъ работалъ вашъ отецъ, вамъ и книги въ руки.

Имѣніе черезъ мѣсяцъ было продано, и молодые Замятиновы переѣхали весной въ домъ Орскихъ, заново отремонтированный и устроенный ими въ качествѣ своей лѣтней резиденціи.

Василій Ивановичъ устроилъ пышное новоселье, на которое пригласилъ сосѣдей-помѣщиковъ. Среди нихъ оказывались все новыя лица, нахлынувшіе въ деревню промышленные дѣятели и заводчики. Сильной группой они пришли на смѣну отошедшимъ отъ деревни помѣщикамъ-дворянамъ.

Гостей съѣхалось человекъ тридцать. Центральной фигурой оказался сахарозаводчикъ Охрѣнко, новый владѣлецъ Полозовки — фатъ и крайній либераль и новаторъ.

— Милостивые государи, — сказалъ онъ въ застольной рѣчи, обращаясь къ хозяевамъ и гостямъ, — мы всѣ здѣсь новички... Мы пришли на смѣну старымъ поколѣніямъ дворянъ. Времена переимѣнились. Деревня перестала быть патріархальнымъ дворянскимъ гнѣздомъ. Работа на старыхъ началахъ была работой помѣщиковъ-кустарей, она теперь не мыслима, нужны новыя отрасли, приливъ капиталовъ, и вотъ мы явились сюда реформаторами во всеоружіи своей образованности, подготовки и молодой энергіи. Мы все передѣлаемъ по-своему, не оставимъ камня на камнѣ. Мы строимъ

заводы, мельницы, насаждаемъ спеціальныя культуры... Намъ легче, чѣмъ тѣмъ старымъ дворянамъ-кустарямъ, потому что за насъ капиталы и знанія. Пожелаемъ же бодрымъ и смѣлымъ новичкамъ новыхъ успѣховъ на старой запущенной дѣдовской нивѣ, которую они не умѣли превратить въ цвѣтущую базисъ...

Рѣчь Охрѣнка произвела впечатлѣніе своимъ эмергичнымъ тономъ. Всѣ переглянулись и увидѣли, что мало уже стариковъ-дворянъ осталось въ знакомой всѣмъ помѣщицкѣй средѣ родного угла.

— Позвольте мнѣ сказать два слова, — неожиданно поднялся одинъ старый мѣстный хозяинъ. — Вы, новаторъ, говорили здѣсь о старикахъ и о молодежи. Можетъ быть, наша пѣсня уже спѣта, хотя не всѣ еще изъ насъ ушли на покой, и, пожалуй, рано читать намъ отходную. Желаю вамъ успѣха, но не увлекайтесь, молодые образованные хозяева, что вамъ такъ легко будетъ работать съ капиталами. Мы были бѣдняки и неучи сравнительно съ вами, но зато все, что для насъ было родное, все чужое для васъ. Мы, дѣйствительно, были кустарями, но кустари — дѣти деревни, а вы пришли чужіе и холодные со стороны. Не забывайте, господа, что есть еще одинъ несмѣняемый элементъ деревни, очень консервативный. Я разумѣю крестьянство. Оно раздѣляло свѣтлые и черные дни стараго помѣщика; они тѣсно жили съ нами и въ довольствѣ когда-то и послѣ въ нищетѣ. Не знаю, какъ они будутъ жить съ вами, потому что вы, господа, имъ чужіе. Пожелаю, чтобы народъ былъ связанъ съ вами. Пусть онъ живетъ вашими надеждами и радостями. Пусть онъ вѣритъ въ васъ — это главное. Но вѣритъ ли онъ въ васъ?...

— Да имъ теперь лучше, — раздались голоса, — мы разовьемъ народъ, поднимемъ его благосостояніе!..

— Отъ души желаю, чтобы крестьянамъ было лучше, — закончилъ старикъ, — у васъ либеральныя начала, конечно... Но взгляните: не опасается ли народъ васъ, не боится ли онъ того, какъ бы при расцвѣтѣ вашемъ онъ не очутился въ положеніи безвольнаго батрака. Прошу замѣтить... прошу запомнить...

Въ рѣчи старика звучала какая-то больная нотка, явившаяся диссонансомъ съ общимъ приподнятымъ радужнымъ настроеніемъ, и рѣчь эта произвела тяжелое странное впечатлѣніе.

— Что это вы такъ сурово отвѣтили Охрѣнку? — обратились нѣкоторые къ старику.

— Сурово?.. — переспросилъ онъ. — А знаете ли вы, что это за благодѣтель?.. Знаете ли, почему онъ сдаетъ земли крестьянамъ? Мы такъ не сдавали. Узнайте и судите... Имѣніе-то ему досталось за гроши до желѣзной дороги, а когда Полозовы обратились къ его совѣсти и умоляли помочь имъ, то онъ выслалъ лакеевъ гнать ихъ въ шею... Вотъ они, новые благодѣтели...

IX.

Время шло. Молодые Замятиновы уже обжились въ деревнѣ. Надежда Григорьевна занималась деревенскимъ хозяйствомъ, столь привычнымъ ей, а Василій Ивановичъ поглощенъ былъ дѣлами по магазину и домоу въ городѣ. Въ Орсовкѣ всѣ знали Надежду Григорьевну. Старые мужики, хорошо помнившіе ея отца, мягко и какъ-то покровительственно относились къ ней. Увѣжая временами въ городъ, Надежда Григорьевна передавала всѣ дѣла и распоряженія по имѣнію довѣренному приказчику изъ мужиковъ, Семену Осипычу, бывшему приближенному ея покойнаго отца.

— Двадцать годовъ съ покойникомъ работали, — говорилъ тотъ, — хмель разводили, мужикамъ сѣнокосы и выпасы устраивали, а теперь вотъ и дочкѣ послужить пришлось.

Орскихъ деревня забыла, какъ она быстро забываетъ всѣхъ порвавшихъ связи съ землей. Орскіе жили безвыѣздно въ Петербургѣ, гдѣ Наташа оканчивала институтъ и готовилась выйти въ жизнь. Но институтское образованіе приготовило изъ нея салонную барышню и не обеспечивало ей куска хлѣба и никакой дороги, а средства родителей изсякали. У Орскихъ былъ налицо печальный примѣръ Полозовыхъ. Дѣти Полозовыхъ ожесточались матеріальными неудачами семьи и разладомъ съ родителями, возставали противъ всей окружающей ихъ обстановки, противъ чужого авторитета и во многихъ такихъ несчастныхъ семьяхъ разорившихся дворянъ нарождалась среди молодежи категорія отрицателей и «идейныхъ борцовъ». Молодой Полововъ принималъ участіе въ политическихъ митингахъ, которые передѣлывали Россію и объединяли разрозненные массы пролетаріата. «Въ единеніи сила!» — кричалъ онъ на митингахъ. Жаръ молодости, отсутствіе всякой реальной опоры и исканіе какихъ-то неясныхъ самимъ ораторамъ идеаловъ звучало въ рѣчахъ. Точно бурная рѣка, выбившись изъ своего русла, неслась неудержимымъ потокомъ, все ломала и разрушала, что только поддавалось ломкѣ, а работа созиданія оставалась грядущимъ поколѣніемъ.

Странныя вещи начали твориться въ деревнѣ. До Орсовки долетали самыя скверныя вѣсти. Въ сосѣднихъ уѣздахъ происходило броженіе среди нѣкоторыхъ группъ крестьянъ. Въ деревняхъ всегда есть обовленные пролетаріи, лишніе рты, воры и пропойцы, которыхъ побаиваются сами крестьяне и избѣгаютъ съ ними общенія, и вся эта муть поднялась по призыву революціонеровъ и готовилась итти въ походъ на зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Цѣлыя тысячи рвани сгруппировались въ разныхъ углахъ и уѣздахъ и ждали условнаго призыва, чтобы итти на разбойные подвиги. Мирное крестьянство насторожилось, но гдѣ были скверныя отношенія къ помѣщику, тамъ и свои мужики свирѣствово-

вали. Въ сельской средѣ появились агитаторы, которыхъ крестьяне называли именемъ «скубентовъ», отождествляя ихъ со студентами. Въ сельскихъ лавкахъ и кабакахъ устраивались своеобразные митинги и собесѣдованія съ мужиками, которыхъ призывали къ походу для отобранія помѣщичьихъ земель.

— Въ Березовку пришли неизвѣстные люди, — рассказывалъ въ Орсовкѣ приказчикъ Семенъ Осиповъ. — «Ставь намъ угощеніе», — говорятъ они сельскому лавочнику. — «Да я не знаю васъ», — отвѣчаетъ тотъ. — «Ну, такъ узнай, — поясняютъ они: — это вотъ Куропаткинъ, а я — Стессель». Лавочникъ не дуракъ, онъ знаетъ, что ни Куропаткинъ, ни Стессель въ гости къ нему не придутъ, а безпокойнаго народа много ходитъ кругомъ — онъ испугался за свою шкуру. Поставилъ имъ угощеніе и разспрашиваетъ ихъ. «Насъ много, — говорятъ они, — скоро походомъ пойдемъ по усадьбамъ и, кто изъ мужиковъ не примкнетъ къ намъ, — жечь тѣхъ будемъ».

Паника началась по деревнямъ. Разговоры о предстоящемъ «походѣ» усиливались. Крестьянинъ въ душѣ скептикъ, онъ не особенно довѣряетъ слухамъ и разсказнямъ, но думаетъ объ одномъ: какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не подождли? Домовитое крестьянство трепетало, сельскія власти попрятались. Изъ усадебъ, со станцій, съ заводовъ летѣли телеграммы въ губернской городъ, помѣщики просили о защитѣ, о присылкѣ войскъ, но изъ губернскаго города не было ни отвѣта, ни привѣта, видимо и тамъ обробрѣли. Между тѣмъ тысячи терроризованныхъ пролетаріевъ пошли по усадьбамъ, по уѣздамъ, увеличиваясь въ пути новыми группами. Они подбадривали нерѣшительныхъ:

— Примыкайте къ намъ. Не вы будете грабить, такъ другіе поживятся...

Толпа погромщиковъ росла и росла по мѣрѣ своего движенія впередъ.

Въ сосѣдней губерніи сожгли и разграбили нѣсколько усадебъ и заводовъ, безжалостно жгли помѣщиковъ-капиталистовъ новаго образца и заводчиковъ. Путь толпы освѣщался по ночамъ горящими скирдами соломы, оглашался веселыми звуками гармоній и лихими пѣснями. Пѣли и пили, грабили и жгли.

— Да что жъ это въ самомъ дѣлѣ? Неужто разрѣшено жечь и грабить насъ? — спрашивали другъ друга помѣщики и бѣжали, кто могъ, изъ усадебъ, бросая свое добро на произволъ судьбы.

Въ Полозовкѣ и Орсовкѣ по ночамъ не спали, въ усадьбахъ и въ крестьянскихъ избахъ всю ночь до свѣта видны были огни. Къ Надеждѣ Григорьевнѣ приходили знакомыя бабы и участливо говорили ей:

— Отдай намъ, Наденька, твое добро, что подѣннѣе, мы спрячемъ по хатамъ, у насъ-то никто не тронетъ, а васъ, господъ, громить и разбивать будутъ.

Адъ водворился въ деревнѣ. Грабежи свирѣпствовали кругомъ. Агитаторы и предводители погрома повсемѣстно спаивали крестьянъ водкой и вели ихъ на приступъ. Угощеніе привозилось заранѣе съ разграбленныхъ винокурень въ мѣста назначенныхъ погромовъ.

На границѣ уѣзда запылалъ только-что выстроенный на развалинахъ Полозовки новый сахарный заводъ Охрѣнка. Заводъ жгли безопадно, не оставляя камня на камнѣ. Если гдѣ плохо горѣло, туда плескали изъ пузырей какую-то жидкость, и пламя охватывало все сбрызнутое. Дикая вакханалія разрушенія не знала себѣ границъ. Въ толпѣ все было пьяно-распьяно. Не только пришли мужики, но и свои неистовствовали — точно обновленная Полозовка была всѣмъ ненавистна. Передавали, что въ числѣ застрѣльщиковъ разгрома Полозовки видѣли молодого Полозова, одѣтаго въ крестьянское платье и будто бы загримированнаго по-театральному.

— Все скубенты работаютъ,—говорили крестьяне, отождествляя со скубентами революціонеровъ.

Движеніе толпы направлялось на Орсовку...

Пожаръ еще пылалъ въ Полозовкѣ, когда толпа крестьянъ пришла во дворъ Замятиновской усадьбы и остановилась въ нерѣшительности. Еще не было привезено угощеніе, а въ трезвомъ видѣ крестьяннннъ не шелъ на приступъ. Надежда Григорьевна рѣшилась на отчаянный шагъ: она пріѣхала въ деревню по секрету отъ мужа и, сказавъ себѣ: «будь, что будетъ», при появленіи мужиковъ вышла къ нимъ. Втайнѣ ее ободряло то, что въ толпѣ она сразу увидѣла нѣсколько знакомыхъ ей съ дѣтства пожилыхъ крестьянъ, въ которыхъ она была увѣрена, что въ случаѣ чего они защитятъ ее.

— И вы пришли меня грабить? — крикнула она. — Мы васъ обижали?.. притѣсняли?... Дай Богъ, чтобы другимъ такъ жилось, какъ вамъ у насъ. Кто отдалъ вамъ помѣщичьи луга и покосы? Мой покойный отецъ. Вы забыли это. Такъ, если у васъ хватаетъ совѣсти, грабьте и жгите меня за то добро, что вы видѣли здѣсь.

Крестьяне были еще трезвы, и въ толпѣ произошло движеніе. Они, видимо, не ожидали появленія помѣщичицы.

— Не сердись, Надежда Григорьевна,—проговорили стоявшіе впереди:—мы что... мы ничего. Такое, значитъ, распоряженіе вышло.

— Какое распоряженіе?—негодующе и насмѣшливо воскликнула Надежда Григорьевна, все болѣе ободряясь. — Отъ кого? — спросила она.

— Отъ комитета...—говорили нерѣшительно крестьяне.

— Отъ какого комитета?—допрашивала она.

Крестьяне было, видимо, не приготовлены отвѣчать на этотъ вопросъ. Они оборачивались назадъ, точно ожидая подсказки. Тамъ что-то голосили, но разобрать было невозможно.

— Отъ комитета...—продолжали крестьяне,—чтобы, значить, помѣщичьи земли намъ.

Въ глубинѣ двора происходило замѣшательство: какіе-то чужіе люди тамъ волновались, спорили, ругались по поводу непривытія транспортовъ водки.

— Такъ вотъ что я вамъ скажу, мужики,—крикнула Надежда Григорьевна, пользуясь минутой замѣшательства вы здѣсь ничѣмъ не обижены, и вамъ не пристало грабить дочку Григорія Петровича. Если бы не онъ, не видать бы вамъ ничего:—что вы имѣете...

— Правда!—кто-то еле слышно сказалъ въ толпѣ.

И стоило раздаться этому одному голосу, какъ послышались болѣе громкіе голоса пожилыхъ мужиковъ.

— Правда, правда...—и шумно заговорила и заспорила вся толпа.

Крестьянская масса стала раздѣляться на отдѣльныя спорящія группы, слышались усовѣщивавшіе голоса однихъ и недовольные голоса другихъ:

— Обробѣли, бабы испугались...

Надежда Григорьевна, вся раскраснѣвшаяся, взволнованная, вошла въ домъ. Она видѣла изъ окна, какъ дальнія группы уже вышли со двора, за ними пошли остальные.

— Ну, слава Богу, на этотъ разъ, кажется, обошлось благополучно,—перекрестилась она.

Трое сутокъ въ усадьбѣ и на паровой мельницѣ Петра Ивановича Замятинова держалась паника. На мельницѣ были приняты мѣры: сторожа были вооружены ружьями. Служащіе ходили съ револьверами. Заревъ Полозовки освѣщало по ночамъ весь мельничный дворъ. Всѣ были на сторожѣ.

— Спасибо, Надежда Григорьевна, вы меня отстояли, — сказалъ владѣлецъ мельницы, Петръ Ивановичъ, пріѣхавъ въ Орсовку послѣ инцидента съ крестьянами.

— А я-то при чемъ здѣсь?—спросила она: — я о вашей мельницѣ не хлопотала!

— А вотъ при чемъ. Приходятъ сейчасъ ко мнѣ мужики изъ села и говорятъ моимъ людямъ: благодарите Замятиновскую молодуху: если бъ не она, все бы вамъ тутъ спалили. Все было приготовлено.

Изъ города прикатилъ встревоженный Василій Ивановичъ. Увидѣвъ Надежду Григорьевну, мирно бесѣдующую съ братомъ, онъ обрадованный бросился къ ней:

— Надя, милая, ты жива?.. Все благополучно?..

— Какъ видишь,—съ улыбкой отвѣтила она.

-- И все у насъ не тронуто!.. — удивлялся онъ, оглядываясь по сторонамъ.

— Какъ видишь... На мое счастье, мужики пришли къ намъ трезвыми, угощеніе запоздало, и можно было разговаривать съ ними, а то не миновать бы бѣды. Пьянымъ море по колѣно.

Петръ Ивановичъ искоса посмотрѣлъ на брата и сказалъ ему:

— Знаешь ли, Петръ, судьба обидѣла меня... Я завидую тебѣ.

— Я тебя не понимаю,—сказалъ Василій Ивановичъ.

— А талисманъ, который ты имѣешь... Онъ приноситъ тебѣ счастье... Всѣ кругомъ боятся, трепещутъ... Сами мужики попрыгались, сельскія власти бѣжали, а тутъ женщина говоритъ съ буйною толпою.

— Да, ты правъ,—отвѣчалъ Василій Ивановичъ:—моя Надя... талисманъ.

Онъ благодарнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на жену и горячо пожалъ ей руку.

Солнце заходило, обливая багровымъ свѣтомъ усадьбу и дворъ, и вдали ярче засвѣтились языки пламени изъ Полозовки.

— Вечерѣтъ, — сказала Надежда Григорьевна, обращаясь къ Петру Ивановичу,—вы бы, Петръ Ивановичъ, насъ къ себѣ пригласили. До города намъ теперь не добратъся... Желѣзная дорога забастовала, на лошадяхъ ѣхать не безопасно, а тутъ жутко какъ-то...

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ,—могу даже васъ угостить великолѣпнымъ ужиномъ. У меня теперь на мѣсяцъ сдѣланы богатѣйшіе припасы.

И всѣ трое пошли по дорогѣ на мельницу, занятые каждый своими мыслями.

Росистый осенній туманъ спускался на окрестности, онъ густо окуталъ низины, и только вдали надъ этимъ молочнымъ моремъ свѣтилъ одинокій глазъ электрическаго фонаря паровой мельницы Петра Ивановича. Тишина сковала окрестность. Мельница замерла, на ней не работали.

— Вотъ мой маякъ!—сказалъ Петръ Ивановичъ, приглашая гостей въ ворота, за которыми высился залитый электричествомъ особнякъ хозяина.

Навстрѣчу хозяину вышли служащіе на мельницѣ.

— Убирайте, господа, наше вооруженіе,—сказалъ онъ имъ,—разоружайтесь... Женщина,—онъ указалъ на Надежду Григорьевну,—отстояла насъ!..

Петръ Ивановичъ и его гости вошли въ домъ.

— А отчего ты не женишься?—вдругъ спросилъ Петръ:—тебѣ, я думаю, тоска одному въ своихъ палатахъ.

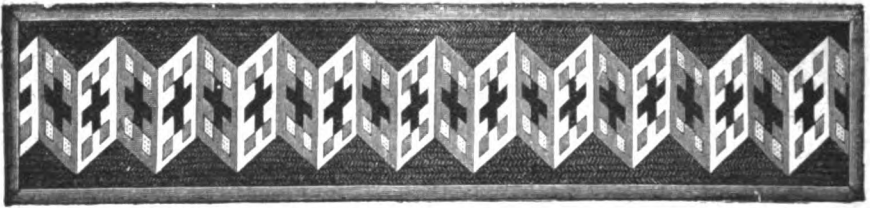
— Боюсь закона возмездія,—отвѣчалъ Петръ и, лукаво посмотрѣвъ на брата и Надежду Григорьевну, продолжалъ:—если судьба милостива къ одному, она можетъ отмстить другому.

— А развѣ есть законъ возмездія?—спросилъ Василій Ивановичъ.

— Есть,—отвѣчалъ Петръ и указалъ въ окно на яркое зарево Полозовки:—тамъ судьба мститъ однимъ за другихъ!..

Путникъ (Н. Н. Лендеръ).

ЗАПИСКИ О ВРЕМЕНИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА И ЕГО КОНЧИНЪ ¹⁾.

III.

Переформированіе Конной гвардіи.—Кавалергардскій полкъ.—Зловѣщіе слухи.— Возвращеніе Конной гвардіи въ Петербургъ.— Собранія у заговорщиковъ.— Предчувствія Павла.— Расположеніе крауловъ въ Михайловскомъ замкѣ.— Последній мой разговоръ съ императоромъ.—Онъ смѣняетъ караулъ Конной гвардіи.— Ночь съ 11 на 12 марта 1801 г.— Присяга конногвардейцевъ.— Сцена убійства.— Императрица Марія Теодоровна.— Прощаніе съ тѣломъ императора.— Первые дни Александра.— Палевъ и Зубовъ.— Ихъ высылка изъ Петербурга.— Пріѣздъ вдовствующей императрицы въ Павловскъ.— Кровать императора Павла въ Гатчинскомъ дворцѣ.

ИМПЕРАТОРЪ Павелъ находился въ Павловскѣ, окруженный интригами и волнуемый попеременно чувствами любви, великодушія и ревности. Въ томъ же состояніи переѣхалъ онъ въ Гатчину, а затѣмъ въ Петербургъ. Многіе изъ его приближенныхъ сознавали, что ихъ положеніе при дворѣ чрезвычайно опасно, и что въ любую минуту, раскаиваясь въ только что совершенномъ поступкѣ, государь можетъ перенести свое расположеніе на новое лицо и уничтожить ихъ всѣхъ. Великіе князья также находились въ постоянномъ страхѣ: оба они были командирами полковъ и, въ качествѣ таковыхъ, ежедневно, во время парадовъ и ученій, получали выговоры за малѣйшія ошибки, при чемъ, въ свою очередь, подвергали солдатъ строгимъ наказаніямъ, а офицеровъ сажали подъ арестъ. Конную гвардію щадили болѣе другихъ. Въ то время

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІІІ, стр. 440.

полкъ этотъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ, по пяти эскадроновъ въ каждомъ, и духъ полка (*esprit de corps*) былъ таковъ, что мы были въ силахъ противиться всякимъ несправедливостямъ и напраснымъ на насъ нападкамъ. Этотъ духъ нашего полка постарались представить въ глазахъ государя, какъ направленіе опасное, какъ духъ крамольный, пагубно вліяющій на другіе полки. Гибель нашего полка могла удовлетворить два частныхъ интереса: великій князь Александръ былъ инспекторомъ всей пѣхоты, а Константинъ Павловичъ, который ничего не смыслилъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ, хотѣлъ сдѣлаться инспекторомъ кавалеріи и, въ качествѣ переходной ступени къ этой должности, добивался командованія Конной гвардіей. Въ то же время служившій въ Конномъ полку Уваровъ хотѣлъ также получить отдѣльный полкъ. Такимъ образомъ, эти два желанія могли быть удовлетворены одновременно, если бы пожертвовали нашимъ полкомъ. Вотъ почему Конная гвардія была реорганизована, или, вѣрнѣе, дезорганизована слѣдующимъ образомъ: три эскадрона, состоявшіе изъ лучшихъ людей и лошадей, были выдѣлены изъ полка и составили особый Кавалергардскій полкъ, который былъ порученъ Уварову и квартировалъ въ Петербургѣ; остальная часть полка была раздѣлена на пять эскадроновъ и отдана подъ начальство великаго князя Константина. Полкъ нашъ былъ изгнанъ въ Царское Село, гдѣ цесаревичъ долженъ былъ посвящать насъ въ тайны гарнизонной службы.

Нельзя себѣ представить тѣхъ жестокостей, которымъ подвергалъ насъ Константинъ и его Измаиловскіе мирмидоны. Тѣмъ не менѣе, духъ полка нелегко было сломить, и страхъ Константина при одномъ упоминаніи о военномъ судѣ неоднократно сдерживалъ его горячность и безпричинную жестокость. Своей неуступчивости и твердости въ это тяжелое время обязанъ я тѣмъ вліяніемъ въ полку, которое я сохранилъ до конца моей службы въ Конной гвардіи, и которое спасло этотъ благородный полкъ отъ всякаго участія въ низкомъ заговорѣ, приведшемъ къ убійству императора Павла.

Въ Царскомъ Селѣ насъ продержали около полутора года. Начальниковъ нашихъ постоянно мѣняли, и намъ было извѣстно, что за всѣми нами строго слѣдятъ, такъ какъ считали насъ якобинцами. Большинству изъ офицеровъ не особенно нравился нашъ образъ жизни изгнанниковъ, удаленныхъ изъ столицы; но я лично не особенно грустилъ, такъ какъ, судя по слухамъ, доходившимъ до насъ изъ Петербурга, тамъ было, повидимому, не совсѣмъ ладно, и поговаривали даже, что императоръ опасается за свою личную безопасность.

Его величество со всѣмъ августѣйшимъ семействомъ оставилъ старый дворецъ и переѣхалъ въ Михайловскій, выстроенный на подобіе укрѣпленнаго замка, съ подъемными мостами, рвами, по-

тайными лѣстницами, подземными ходами, словомъ напоминалъ собою средневѣковую крѣпость à l'abrie d'un coup de main ¹⁾).

Княгиня Гагарина оставила домъ своего мужа и была помѣщена въ новомъ дворцѣ, подъ самымъ кабинетомъ императора, который сообщался посредствомъ особой лѣстницы съ ея комнатами, а также съ помѣщеніемъ Кутайсова.

Графы Ростопчинъ и Аракчеевъ, два человѣка, которыхъ Павелъ раньше считалъ самыми вѣрными и исполнительными своими слугами, были высланы въ свои помѣстья. До насъ дошли слухи, что графъ Паленъ получилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ и главноуправляющаго почтовымъ вѣдомствомъ, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность военнаго губернатора Петербурга и, въ качествѣ такового, оставался начальникомъ гарнизона и всей полиціи. Мы узнали, что всѣ Зубовы, которые были высланы въ свои деревни, вернулись въ Петербургъ, а вмѣстѣ съ ними г-жа Жеребцова, рожденная Зубова, известная своею связью съ лордомъ Уитвортомъ, что всѣ они приняты ко двору и сдѣлались близкими, интимными друзьями въ домѣ добраго и честнаго генерала Обольянинова, генераль-прокурора сената. Мы слышали также, что у нѣкоторыхъ генераловъ — Талызина ²⁾, двухъ Ушаковыхъ, Депперадовича и другихъ — бывають часто интимныя сборища, устраиваются *de petits soupers fins*, которыя длятся за полночь, и что бывший полковникъ Хитрово, прекрасный и умный человѣкъ, но настоящій *roué*, близкій къ Константину, также устраиваетъ маленькіе «рауты» близъ самаго Михайловскаго дворца.

Всѣ эти новости, которыя раньше были запрещены, доказывали намъ, что въ Петербургѣ происходитъ что-то необыкновенное, тѣмъ болѣе, что патрули и рунды около Михайловскаго дворца постоянно были наготовѣ.

Зимой 1800 г. въ дипломатическихъ кругахъ Петербурга царило сильное безпокойство: императоръ Павелъ, недовольный поведеніемъ Австріи во время итальянской кампаніи Суворова 1799 г. и образомъ дѣйствій Англіи въ Голландіи, внезапно выступилъ изъ коалиціи и, въ качествѣ гротмейстера Мальтійскаго ордена, объявилъ Англіи войну, которую собирался энергично начать весною 1801 г. Въ февралѣ того же года полкъ нашъ возвращенъ изъ царскосельской ссылки и помѣщенъ въ Петербургъ, въ домъ Гарновскаго. Генераль-майоръ Кожинъ ³⁾, который во время

¹⁾ Крѣпость, представляющая надежную защиту отъ внезапнаго нападенія.

²⁾ Талзыинъ, Степанъ Александровичъ, командиръ Преображенскаго полка съ 1801 г.; уволенъ въ отставку въ 1802 г.; скончался въ 1816 г.

³⁾ Генераль-адъютантъ Сергій Алексѣевичъ Кожинъ назначенъ командиромъ Конной гвардіи 4 октября 1800 г. и оставался въ этой должности до 8 декабря того же года.

нашей ссылки былъ назначенъ къ намъ въ качествѣ строгаго службиста, переведенъ въ армейскій полкъ, а генералъ-лейтенантъ Тормасовъ¹⁾—превосходный офицеръ и достойнѣйшій человекъ—сдѣланъ нашимъ полковымъ командиромъ,—милость, которую мы просто не знали чѣмъ себѣ объяснить.

По возвращеніи въ Петербургъ я былъ самымъ радушнымъ образомъ принятъ старыми друзьями и даже самимъ гр. Паленомъ, генераломъ Талызинымъ и другими, а также Зубовыми и Оболяниновыми. Меня стали приглашать на интимные обѣды, при чемъ меня всегда поражало одно обстоятельство: послѣ этихъ обѣдовъ, по вечерамъ, никогда не завязывалось общаго разговора, но всегда бесѣдовали отдѣльными кружками, которые тотчасъ расходились, когда къ нимъ подходило новое лицо. Я замѣтилъ, что генералъ Талызинъ и другіе подошли ко мнѣ, какъ будто съ намѣреніемъ сообщить мнѣ что-то по секрету, а затѣмъ остановились, сдѣлались задумчивыми и замолкли. Вообще, по всему видно было, что въ этомъ обществѣ затѣвалось что-то необыкновенное. Судя же по той вольности, съ которою императора порицали, высмѣивали его странности и осуждали его строгости, я сразу догадался, что противъ него затѣвается заговоръ. Подозрѣнія мои особенно усилились послѣ обѣда у Талызина (за которымъ насъ было четверо), послѣ «*petite soignée*» у Хитровыхъ и раута у Зубовыхъ. Когда однажды, за обѣдомъ у Палена, я нарочно довольно рѣзко выразился объ императорѣ, графъ посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и сказалъ: «*J—f—qui parle et brave homme qui agit*». Всего этого было достаточно, чтобы разсѣять мои сомнѣнія, и обстоятельство это глубоко меня разстроило. Я вспомнилъ свой долгъ, свою присягу на вѣрность, припомнилъ многія добрыя качества императора и, въ концѣ концовъ, почувствовалъ себя очень несчастнымъ. Между тѣмъ, всѣ эти догадки не представляли ничего опредѣленнаго: не было ничего осязательнаго, на основаніи чего я могъ бы дѣйствовать или даже держаться извѣстнаго образа дѣйствій. Въ такомъ состояніи нерѣшительности я отправился къ моему старому другу Тончи²⁾, который сразу разрѣшилъ мое недоумѣніе, сказавъ слѣдующее: «Будь вѣренъ своему государю и дѣйствуй твердо и добросовѣстно; но, такъ какъ ты, съ одной стороны, не въ силахъ измѣнить страннаго поведенія императора, ни удержать, съ другой стороны, намѣреній народа, каковы бы они ни были, то тебѣ

¹⁾ Тормасовъ, А. П., род. 1736 г., ум. 1819 г., впоследствии графъ и генералъ отъ кавалеріи; въ 1812 г. командовалъ 3-ю резервною арміею.

²⁾ Тончи былъ родомъ неаполитанскій дворянинъ, прибывшій въ Россію въ свитѣ польскаго короля въ качествѣ философа, поэта и художника. Это былъ чрезвычайно умный и образованный человекъ. Онъ любилъ меня, какъ сына, и смотрѣлъ, какъ на своего воспитанника. Я много обязанъ этому почтенному человеку.

Прим. автора.

надлежитъ держаться въ разговорахъ того строгаго и благоразумнаго тона, въ силу котораго никто бы не осмѣлился подойти къ тебѣ съ какими бы то ни было секретными предложеніями». Я всѣми силами старался слѣдовать этому совѣту, и, благодаря ему, мнѣ удалось остаться въ сторонѣ отъ ужасныхъ событій этой эпохи¹⁾.

Около этого времени великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Иосифа, палатина венгерскаго, была при смерти больна, и извѣстіе о ея кончинѣ ежечасно ожидалось изъ Вѣны. Императоръ Павелъ былъ чрезвычайно недоволенъ Австріей за ея образъ дѣйствій въ Швейцаріи, результатомъ котораго было поражение Корсакова подъ Цюрихомъ и совершенная неудача знаменитой кампаніи Суворова въ Италіи, откуда онъ отступилъ на сѣверъ, черезъ Сенъ-Готардъ. Англій была объявлена война, на имущества англичанъ наложено эмбарго, и уже дѣлались большія приготовленія, дабы въ союзъ съ Франціей начать морскую войну противъ этой державы съ открытіемъ весенней навигаціи.

Всѣ эти обстоятельства произвели на общество удручающее впечатлѣніе. Дипломатическій корпусъ прекратилъ свои обычные приемы; значительная часть петербургскихъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые славились своимъ широкимъ гостепріимствомъ, измѣнили свой образъ жизни. Самый дворъ, запертый въ Михайловскомъ замкѣ, охранявшемся на подобіе средневѣковой крѣпости, также влачилъ скучное и однообразное существованіе. Императоръ, помѣстившій свою любовницу въ замкѣ, уже не выѣзжалъ, какъ онъ это дѣлалъ прежде, и даже его верховья прогулки ограничивались такъ называемымъ Третьимъ Лѣтнимъ садомъ, куда, кромѣ самого императора, императрицы и ближайшихъ лицъ свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались отъ снѣга для зимнихъ прогулокъ верхомъ. Во время одной изъ этихъ прогулокъ, около четырехъ или пяти дней до смерти императора (въ это время стояла оттепель), Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ шталмейстеру Муханову, ѣхавшему рядомъ съ императрицей, сказалъ сильно взволнованнымъ голосомъ: «Мнѣ показалось, что я задыхаюсь, и у меня не хватаетъ воздуха, чтобы дышать. Я чувствовалъ, что умираю...

¹⁾ Ник. Ив. Тончи (Salvator Tonci) род. 1756 г., ум. 1844 г. Извѣстенъ болѣе, какъ историческій живописецъ и портретистъ. Написалъ нѣсколько портретовъ, въ томъ числѣ Державина (особенно извѣстный), императора Павла, гр. Ростопчина, княгини Дашковой, Циціанова, графини Потоцкой и др. Онъ былъ также извѣстенъ, какъ поэтъ и философъ, излагавшій свое оригинальное міровоззрѣніе съ итальянскою живостью и даромъ слова. Своимъ слушателямъ, увлекавшимся его ученіемъ, онъ говорилъ, что его система сблизяетъ человека съ Творцомъ съ глазу на глазъ (le met nez à nez avec Dieu). (См. «Русскій Архивъ», 1875 г., кн. I, стр. 306).

Развѣ они хотятъ задушить меня?» Мухановъ отвѣчалъ: «Государь, это, вѣроятно, дѣйствіе оттепели». Императоръ ничего не отвѣтилъ, покачалъ головой, и лицо его сдѣлалось очень задумчивымъ. Онъ не проронилъ ни единого слова до самаго возвращенія въ замокъ.

Какое странное предостереженіе! Какое загадочное предчувствіе! Разсказъ этотъ мнѣ сообщилъ Мухановъ въ тотъ же вечеръ, при чемъ прибавилъ, что онъ обѣдалъ при дворѣ, и что императоръ былъ болѣе задумчивъ, чѣмъ обыкновенно, и говорилъ мало. Отъ Муханова же я узналъ, что г-жа Жеребцова въ этотъ вечеръ простилась съ Оболяниновыми, и что она ѣдетъ за границу. Она остановилась въ Берлинѣ; впрочемъ, объ этомъ я еще буду имѣть случай сообщить впослѣдствіи.

Теперь я подхожу къ чрезвычайно знаменательной эпохѣ въ исторіи Россіи,—эпохѣ, въ событіяхъ которой мнѣ до извѣстной степени пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ и живымъ свидѣтелемъ и очевидцемъ многихъ обстоятельствъ, при чемъ нѣкоторыя подробности объ этихъ крайне важныхъ событіяхъ я узналъ немедленно же и изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. При описаніи этихъ событій мною руководитъ искреннее желаніе сказать правду, одну только правду. Тѣмъ не менѣе, я буду просить читателя строго различать то, что я лично видѣлъ и слышалъ, отъ тѣхъ фактовъ, которые мнѣ были сообщены другими лицами, и о которыхъ я, по необходимости, долженъ упоминать для полноты разсказа.

11 марта 1801 г. эскадронъ, которымъ я командовалъ, и который носилъ мое имя, долженъ былъ выставить караулъ въ Михайловскій замокъ. Нашъ полкъ имѣлъ во дворцѣ внутренній караулъ, состоявшій изъ 24-хъ рядовыхъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и одного трубача. Онъ находился подъ командою офицера и былъ выстроенъ въ комнатѣ, передъ кабинетомъ императора, спиною къ ведущей въ него двери. Корнетъ Андреевскій былъ въ этотъ день дежурнымъ по караулу.

Черезъ двѣ комнаты стоялъ другой внутренній караулъ отъ гренадерскаго баталіона Преображенскаго полка, любимаго государева полка, который былъ ему особенно преданъ. Этотъ караулъ находился подъ командою подпоручика Марина и былъ, повидимому, съ намѣреніемъ составленъ на одну треть изъ старыхъ преображенскихъ гренадеровъ и на двѣ трети изъ солдатъ, включенныхъ въ этотъ полкъ послѣ раскассированія Лейбъ-Гренадерскаго полка, происшедшаго по внушенію генерала графа Карла Ливена¹⁾, челоуѣка чрезвычайно строгаго и вспыльчиваго. Полкъ

¹⁾ Это былъ старшій братъ князя Ливена, бывшаго долгое время посломъ въ Англию. Графъ Карлъ Ливенъ недолго оставался въ военной службѣ и, удаленъ «истор. вѣстн.», мартъ, 1906 г., т. ош.

этотъ въ теченіе многихъ царствованій, особенно же при Екатеринѣ, считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ, храбрыхъ и наилучше-дисциплинированныхъ, и солдаты этого полка вслѣдствіе его раскассированія были весьма дурно расположены къ императору.

Главный караулъ (the main guard) во дворѣ замка (а также наружные часовые) состоялъ изъ роты Семеновскаго великаго князя Александра Павловича полка и находился подъ командою капитана изъ гатчинцевъ¹⁾, который, подобно маріонеткѣ, исполнялъ всѣ внѣшнія формальности службы, не отдавая себѣ, повидимому, никакого отчета, для чего онѣ установлены.

Въ 10 часовъ утра я вывелъ свой караулъ на плацъ-парадъ, а между тѣмъ, какъ происходилъ разводъ, адъютантъ нашего полка Ушаковъ сообщилъ мнѣ, что, по именному приказанію великаго князя Константина Павловича, я сегодня назначенъ дежурнымъ полковникомъ по полку. Это было совершенно противно служебнымъ правиламъ, такъ какъ на полковника, эскадронъ котораго стоитъ въ караулѣ, и который обязанъ осматривать посты, никогда не возлагается никакихъ иныхъ обязанностей. Я замѣтилъ это Ушакову нѣсколько раздраженнымъ тономъ и уже собирался немедленно пожаловаться великому князю, но, къ удивленію всѣхъ, оказалось, что ни его, ни великаго князя Александра Павловича не было на разводѣ. Ушаковъ не объяснилъ мнѣ причинъ всего этого, хотя, повидимому, онѣ ихъ зналъ.

Такъ какъ я не имѣлъ права не исполнить приказанія великаго князя, то я повелъ караулъ во дворецъ и, напомнивъ офицеру о всѣхъ его обязанностяхъ (ибо я не рассчитывалъ уже видѣть его въ теченіе дня), я вернулся въ казармы, чтобы исполнить мою должность дежурнаго по полку.

Въ 8 часовъ вечера, принявъ рапорты отъ дежурныхъ офицеровъ пяти эскадроновъ, я отправился въ Михайловскій замокъ, чтобы сдать мой рапортъ великому князю Константину, какъ шефу полка.

Выходя изъ саней у большого подъѣзда, я встрѣтилъ камерлакея собственныхъ его величества апартаментовъ, который спросилъ меня, куда я иду. Я хорошо зналъ этого человѣка и, думая,

впился въ свои помѣстья, вскорѣ, по милости Божіей, сдѣлался смиреннымъ и благочестивымъ христіаниномъ. Въ концѣ своей жизни онъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта и президентомъ протестантскаго синода и состоялъ председателемъ нѣкоторыхъ библейскихъ обществъ. Прим. автора.

¹⁾ Капитанъ Пейкеръ, служившій до этого въ Гатчинскихъ морскихъ батальонахъ. По словамъ гр. Манжерона, «всѣ солдаты и офицеры караула Михайловскаго дворца были посвящены въ секретъ заговора, исключая командира караула Пейкера, ничтожнаго и глупаго ибьнца».

что онъ спрашиваетъ меня изъ простаго любопытства, отвѣчалъ, что иду къ великому князю Константину.

— Пожалуйста, не ходите,—отвѣчалъ онъ,—ибо я тотчасъ долженъ донести объ этомъ государю.

— Не могу не пойти,—сказалъ я,—потому что я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ его высочеству; такъ и скажите государю.

Лакей побѣжалъ по лѣстницѣ на одну сторону замка, я поднялся на другую.

Когда я вошелъ въ переднюю Константина Павловича, Рутковский, его довѣренный камердинеръ, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

Я отвѣтилъ, бросая шубу на диванъ:

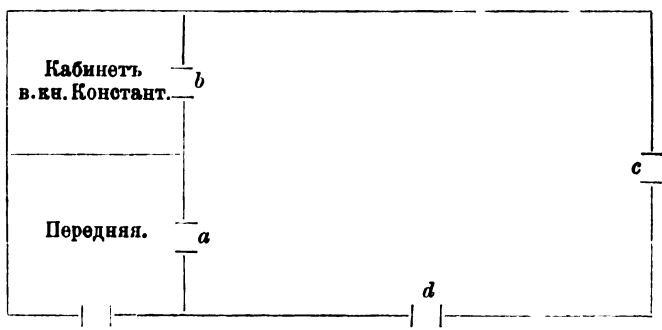
— Вы, кажется, всѣ здѣсь съ ума сошли! Я—дежурный полковникъ.

Тогда онъ отперъ дверь и сказалъ:

— Хорошо, войдите.

Я засталъ Константина въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ двери *b*; онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Я тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ, пока я рапортовалъ, великій князь Александръ вышелъ изъ двери *c*, прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ (*like a frightened hare*). Въ эту минуту открылась задняя дверь *d*, и вошелъ императоръ *progrgia persona*, въ сапогахъ и шпорахъ, съ шляпой въ одной рукѣ и тростью въ другой и направился къ нашей группѣ церемональнымъ шагомъ, словно на парадѣ.

Рис. 1.

Александръ поспѣшно убѣжалъ въ собственный апартаментъ; Константинъ стоялъ пораженный съ руками, бьющимися по карманамъ, словно безоружный человекъ, очутившійся передъ медвѣдемъ. Я же, повернувшись, по уставу, на каблукахъ, отрапортовалъ императору о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А,

ты дежурной!»—очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери *d*. Когда онъ вышелъ, Александръ немного пріоткрылъ свою дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь въ ближайшей комнатѣ громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая, что императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ, крадучись, снова подошелъ къ намъ.

Константинъ сказалъ:

— Ну, братецъ, что скажете вы о моихъ?—и указалъ на меня.— Я говорилъ вамъ, что онъ не испугается!

Александръ спросилъ:

— Какъ? Вы не боитесь императора?

— Нѣтъ, ваше высочество, чего же мнѣ бояться? Я—дежурный, да еще внѣ очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кромѣ великаго князя, и то потому, что онъ—мой прямой начальникъ, точно такъ же, какъ мои солдаты не боятся его высочества, а боятся одного меня.

— Такъ вы ничего не знаете?—возразилъ Александръ.

— Ничего, ваше высочество, кромѣ того, что я—дежурный не въ очередь.

— Я такъ приказалъ,—сказалъ Константинъ.

— Къ тому же,—сказалъ Александръ,—мы оба подъ арестомъ.

Я засмѣялся.

Великій князь сказалъ:

— Отчего вы смѣетесь?

— Оттого,—отвѣтилъ я,—что вы давно желали этой чести.

— Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Намъ обоимъ водилъ въ церковь Обольяниновъ присягать въ вѣрности!

— Меня нѣтъ надобности приводить къ присягѣ,—сказалъ я,— я вѣренъ.

— Хорошо,—сказалъ Константинъ,—теперь отправляйтесь домой и смотрите, будьте осторожны.

Я поклонился и вышелъ.

Въ передней, пока камердинеръ Рутковскій подавалъ мнѣ шубу, Константинъ Павловичъ крикнулъ:

— Рутковскій, стаканъ воды!

Рутковскій налилъ, а я замѣтилъ ему, что на поверхности плаваетъ перышко. Рутковскій вынулъ его пальцемъ и, бросивъ на полъ, сказалъ:

— Сегодня оно плаваетъ, но завтра потонетъ.

Затѣмъ я оставилъ дворецъ и отправился домой. Было ровно девять часовъ, и, когда я сѣлъ въ свое кресло, я, какъ легко себѣ представитъ, предался довольно тревожнымъ размышлениямъ по поводу всего, что я только слышалъ и видѣлъ въ связи съ

предчувствіями, которыя я имѣлъ раньше. Мои размышленія, однако же, были непродолжительны. Въ три четверти десятаго мой слуга, Степанъ, вошелъ въ комнату и ввелъ ко мнѣ фельдъегеря.

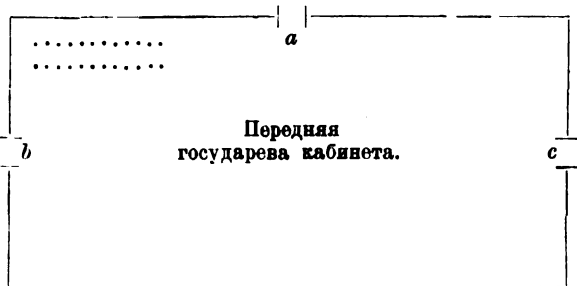
— Его величество желаетъ, чтобы вы немедленно явились во дворець.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ я и велѣлъ подать сани.

Получить такое приказаніе черезъ фельдъегеря считалось въ тѣ времена дѣломъ нешуточнымъ и плохимъ предзнаменованіемъ. Я, однакоже, не имѣлъ дурныхъ предчувствій и, немедленно отправившись къ моему караулу, спросилъ корнета Андреевскаго, все ли обстоитъ благополучно. Онъ отвѣтилъ, что все совершенно благополучно; что императоръ и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имѣли видъ очень милостивый. Я сказалъ ему, что за мною послали государь, и что я не приложу ума, зачѣмъ бы это было. Андреевскій также не могъ догадаться, ибо въ теченіе дня все было въ порядкѣ.

Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго часовой крикнулъ: «вон!» и караулъ вышелъ и выстроился. Императоръ показался изъ двери *a*, въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ», а слѣдоваль

Рис. 2-ой.

за нимъ Уваровъ, дежурный генераль-адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ, и императоръ отогналъ ее ударомъ шляпы, послѣ чего «Шпицъ» сѣлъ повади Павла Петровича на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня.

Императоръ подошелъ ко мнѣ (я стоялъ шагахъ въ двухъ отъ караула) и сказалъ по-французски: «Vous êtes des jacobins» ¹⁾.

¹⁾ Вы—якобинцы.

Нѣсколько озадаченный этими словами, я отвѣтилъ: «*Oui, Sire*» ¹⁾. Онъ возразилъ: «*Pas vous, mais le régiment*» ²⁾. На это я возразилъ: «*Passé encore pour moi, mais vous vous trompez, Sire, pour le régiment*» ³⁾. Онъ отвѣтилъ по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караулъ!» Я командовалъ: «По отдѣленіямъ, направо! Маршъ!» Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ черезъ дверь *b* и отправился съ нимъ домой. «Шпицъ» не шевелился и все время во всё глаза смотрѣлъ на меня. Затѣмъ императоръ, продолжая разговоръ по-русски, повторилъ, что мы—якобинцы. Я вновь отвергъ это обвиненіе. Онъ снова замѣтилъ, что лучше знаетъ, и прибавилъ, что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, при чемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: «А вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ

Рис. 3.

Селѣ; два бригадъ-майора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы онъ былъ готовъ утромъ въ четыре часа, въ полной походной формѣ и съ поклажею».—Затѣмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы же два займите этотъ постъ»,—указывая на дверь *a*. Уваровъ все это время за спиною государя

¹⁾ Такъ точно, ваше величество.

²⁾ Не ты, а полкъ.

³⁾ Себя, пожалуй, я готовъ признать якобинцемъ, но насчетъ полка вы ошибаетесь, ваше величество.

дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный «Шпицъ», бѣдняжка, все время серьезно смотрѣлъ на меня. Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ особенно милостиво и ушелъ въ свой кабинетъ черезъ дверь *a*.

Тутъ, можетъ быть, кстати будетъ пояснить, какъ былъ расположенъ внутри кабинетъ императора.

То была длинная комната, въ которую входили черезъ дверь *a*, и такъ какъ нѣкоторыя изъ стѣнъ замка были достаточно толсты, чтобы вмѣстить въ себѣ внутреннюю лѣстницу, то въ толщинѣ стѣны, между дверьми *a* и *b*, и была устроена такая лѣстница, которая вела въ апартаменты княгини Гагариной, а также графа Кутайсова. На противоположномъ концѣ кабинета была дверь *c*, ведшая въ опочивальню императрицы, и рядомъ съ нею каминъ *d*; на правой сторонѣ стояла походная кровать императора *e*, надъ которою всегда висѣли: шпага, шарфъ и трость его величества. Императоръ всегда спалъ въ калсонахъ и въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ съ рукавами.

Получивъ, какъ сказано выше, приказанія отъ его величества, я вернулся въ полкъ и передалъ ихъ генералу Торماسову, который молча покачалъ головою и велѣлъ мнѣ сдѣлать въ казармахъ распоряженія, чтобы все было готово, и лошади осѣдланы къ четыремъ часамъ. Это было ровно въ 11 часовъ, за часъ до полуночи. Я вернулся къ своему вольтеровскому креслу въ глубокомъ раздумьѣ.

Нѣсколько минутъ послѣ часу по полуночи, 12 марта, Степанъ, мой камердинеръ, опять вошелъ въ мою комнату съ собственнымъ вѣдовымъ великаго князя Константина, который вручилъ мнѣ собственноручную записку его высочества ¹⁾, написанную, повидимому, весьма слѣпшно и взволнованнымъ почеркомъ, въ которой значилось слѣдующее:

«Собрать тотчасъ же полкъ верхомъ, какъ можно скорѣе, съ полною аммуниціею, но безъ поклажи, и ждать моихъ приказаній.

(подписано) «Константинъ Цесаревичъ».

Потомъ вѣдовой на словахъ прибавилъ: «Его высочество приказалъ мнѣ передать вамъ, что дворецъ окруженъ войсками, и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами».

Я тотчасъ велѣлъ моему камердинеру надѣть шубу и шапку и идти за мною. Я довелъ его и вѣдоваго до воротъ казармы и поручилъ послѣднему доложить его высочеству, что приказанія его будутъ исполнены. Камердинера же своего я послалъ въ домъ

¹⁾ Подлинникъ находится во владѣннн издателя «Fraser's Magazine».

Прим. англійской редакціи.

къ моему отцу разсказать все то, что онъ слышалъ, и велѣлъ ему оставаться тамъ, пока самъ не приѣду.

Я зналъ то вліяніе, которое имѣю на солдатъ, и что безъ моего согласія они не двинутся съ мѣста; къ тому же я былъ, очевидно, обязанъ оградить ихъ отъ ложныхъ слуховъ. Наша казарма была домъ съ толстыми стѣнами, выстроенная въ видѣ пустаго четырехугольника, съ двумя только воротами. Такъ какъ была еще зима, и вездѣ были вставлены двойныя окна, то я легко могъ сдѣлать изъ этого зданія непроницаемую крѣпость, залепивъ наглухо и заколотивъ гвоздями заднія ворота и поставивъ у переднихъ воротъ парныхъ часовыхъ со строгимъ приказаніемъ никого не впускать. Я поступилъ такъ потому, что не былъ вполнѣ увѣренъ въ образъ мыслей генерала Торماسова при данныхъ обстоятельствахъ; вотъ почему я распорядился поставить у дверей его квартиры часового, строго приказавъ ему никого не пропускать.

Затѣмъ я отправился въ конюшни, велѣлъ созвать солдатъ и немедленно сѣдлать лошадей. Такъ какъ дѣло было зимою, то мы были принуждены зажечь свѣчи, яркій свѣтъ которыхъ тотчасъ разбудилъ весь полкъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ упрекнули меня въ томъ, что я такъ «чортовски спѣшу», когда до четырехъ часовъ еще времени достаточно. Я не отвѣчалъ, но, такъ какъ, зная меня, они разсудили, что я не стану бы дѣйствовать такимъ образомъ безъ уважительныхъ причинъ, то всѣ они послѣдовали моему примѣру, каждый въ своемъ эскадронѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я приказалъ заряжать карабины и пистолеты боевыми патронами, всѣ они возражали, и у насъ вышелъ маленькій споръ; но, такъ какъ я лично получилъ приказанія отъ его высочества, они пришли къ убѣжденію, что я, должно быть, правъ, и поступили такъ же, какъ и я.

Между тремя и четырьмя часами утра меня вызвали къ передовому караулу у воротъ. Тутъ я увидѣлъ Ушакова, нашего полкового адъютанта.

— Откуда вы? Вы не ночевали въ казармѣ?—спросилъ я его.

— Я изъ Михайловскаго замка.

— А что тамъ дѣлается?

— Императоръ Павелъ умеръ, и Александръ провозглашенъ императоромъ.

— Молчите!—отвѣчалъ я и тотчасъ повелъ его къ генералу, отпустивъ поставленный мною караулъ.

Мы вошли въ гостиную, которая была рядомъ со спальнею. Я довольно громко крикнулъ:

— Генералъ, генералъ, Александръ Петровичъ!

Жена его проснулась и спросила:

— Кто тамъ?

— Полковникъ Саблуковъ, сударыня.

— А, хорошо,—и она разбудила своего мужа. Его превосходительство надѣлъ халатъ и туфли и вышелъ въ ночномъ колпакѣ, протирая себѣ глаза, еще полусонный.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, адъютантъ, онъ только что изъ дворца и все вамъ скажетъ...

— Что же, сударь, случилось?—обратился онъ къ Ушакову.

— Его величество государь императоръ скончался: онъ умеръ отъ удара...

— Что такое, сударь? Какъ смѣете вы это говорить!—воскликнулъ генераль.

— Онъ дѣйствительно умеръ, — сказалъ Ушаковъ:—великій князь вступилъ на престолъ, и военный губернаторъ передалъ мнѣ приказъ, чтобы ваше превосходительство немедленно привели полкъ къ присягѣ императору Александру.

Онъ сказалъ намъ тоже, что Михайловскій замокъ окруженъ войсками, и что Александръ съ женою Елисаветой переѣхалъ въ Зимній дворецъ подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, которыми предводительствовалъ самъ Уваровъ.

Убѣдившись въ справедливости сообщеннаго извѣстія, генераль Тормасовъ сказалъ мнѣ по-французски:

— Eh bien, mon cher colonel, faites sortir le régiment, préparez le prêtre et l'Evangile et réglez tout cela. Je m'habillerai et je descendrai tout de suite ¹⁾.

Ушаковъ въ заключеніе прибавилъ, что генераль Беннигсенъ былъ оставленъ комендантомъ Михайловскаго замка.

12 марта, между четырьмя и пятью часами утра, когда только что начинало свѣтать, весь полкъ былъ выстроенъ въ пѣшемъ строю на дворѣ казармъ. Отецъ Иванъ, нашъ полковой священникъ, вынесъ крестъ и Евангеліе на аналоѣ и поставилъ его передъ полкомъ. Генераль Тормасовъ громко объявилъ о томъ, что случилось: что императоръ Павелъ скончался отъ апоплектического удара, и что Александръ I вступилъ на престолъ. Затѣмъ онъ велѣлъ приступить къ присягѣ. Рѣчь эта произвела мало впечатлѣнія на солдатъ: они не отвѣтили на нее криками «ура», какъ онъ того ожидалъ. Онъ затѣмъ пожелалъ, чтобы я въ качествѣ дежурнаго полковника поговорилъ съ солдатами. Я началъ съ лейбъ-эскадрона, въ которомъ я служилъ столько лѣтъ, что зналъ въ лицо каждого рядового. На правомъ флангѣ стоялъ ря-

¹⁾ Итакъ, мой дорогой полковникъ, прикажите полку выстроиться, пригласите священника съ Евангеліемъ, и вообще досмотрите за всѣмъ этимъ. Я одѣвусь и сейчасъ же выйду.

довой Григорій Ивановъ, примѣрный солдатъ, статный и высокаго роста. Я сказалъ ему:

— Ты слышалъ, что случилось?

— Точно такъ.

— Присягнете вы теперь Александру?

— Ваше высокоблагородіе, — отвѣтилъ онъ, — видѣли ли вы императора Павла дѣйствительно мертвымъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я.

— Не чудно ли было бы, — сказалъ Григорій Ивановъ, — если бы мы присягнули Александру, пока Павелъ еще живъ?

— Конечно, — отвѣтилъ я.

Тутъ Тормасовъ шепотомъ сказалъ мнѣ по-французски:

— *Cela est mal, arrangez cela* ¹⁾.

Тогда я обратился къ генералу и громко по-русски сказалъ ему:

— Позвольте мнѣ замѣтить, ваше превосходительство, что мы приступаемъ къ присягѣ не по уставу: присяга никогда не приносится безъ штандартовъ.

Тутъ я шепнулъ ему по-французски, чтобы онъ приказалъ мнѣ послать за ними. Генеральъ сказалъ громко:

— Вы совершенно правы, полковникъ, пошлите за штандартами.

Я scomандовалъ первому взводу сѣсть на лошадей и велѣлъ взводному командиру, корнету Филатьеву, непременно показать солдатамъ императора Павла, живого или мертваго.

Когда они прибыли во дворецъ, генеральъ Беннигсенъ въ качествѣ коменданта дворца велѣлъ имъ принять штандарты, но корнетъ Филатьевъ замѣтилъ ему, что необходимо прежде показать солдатамъ покойника. Тогда Беннигсенъ воскликнулъ:

— «*Mais c'est impossible, il est abimé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger* ²⁾!»

Филатьевъ отвѣтилъ, что, если солдаты не увидятъ Павла мертвымъ, полкъ отказывается присягнуть новому государю.

— «*Ah, ma foi!* — сказалъ старикъ Беннигсенъ: — *s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'à le voir* ³⁾».

Два ряда были впущены и видѣли тѣло императора.

По прибытіи штандартовъ имъ были отданы обычныя почести съ соблюденіемъ необходимаго этикета. Ихъ передали въ соотвѣтствующіе эскадроны, и я приступилъ къ присягѣ. Прежде всего я обратился къ Григорію Иванову:

¹⁾ Дѣло плохо. Постарайтесь уладить.

²⁾ Но это не возможно: у него обезображенный видъ. На самомъ дѣлѣ надо обрядить его и привести въ порядокъ.

³⁾ Ахъ, Боже мой! Если они ужъ такъ дорожатъ имъ, пусть взглянутъ на него.

— Что же, братецъ, видѣлъ ты государя Павла Петровича? Дѣйствительно онъ умеръ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, крѣпко умеръ!

— Присягнешь ли ты теперь Александру?

— Точно такъ... хотя лучше покойнаго ему не быть... А, впрочемъ, все одно: кто ни погъ, тотъ и батька.

Такъ окончился обрядъ (присяги), который, по смыслу своему, долженствовалъ быть священнымъ таинствомъ; впрочемъ, онъ всегда и былъ таковымъ... для солдатъ.

Теперь я буду продолжать свое повѣствованіе уже со словъ другихъ лицъ, но на основаніи данныхъ самыхъ достовѣрныхъ и ближайшихъ къ тому времени, когда совершилась эта ужасная катастрофа.

Вечеромъ, 11 марта, заговорщики раздѣлились на небольшіе кружки. Ужинали у полковника Хитрова, у двухъ генераловъ Упаковыхъ, у Дебрерадовича (Семеновскаго полка) и у нѣкоторыхъ другихъ. Повдно вечеромъ всѣ соединились вмѣстѣ за однимъ общимъ ужиномъ, на которомъ присутствовали: генераль Беннигсенъ и графъ Паленъ. Было выпито много вина, и многіе выпили болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ концѣ ужина, какъ говорятъ, Паленъ будто бы сказалъ:

— *Rappelez-vous, messieurs, que pour manger une omelette il faut commencer par casser les œufs*¹⁾.

Около полуночи большинство полковъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, двинулись ко дворцу. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренніе коридоры и проходы замка.

Заговорщики встали съ ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигналъ къ вторженію во внутренніе апартаменты дворца и въ самый кабинетъ императора долженъ былъ подать Аргамаковъ, адъютантъ гренадерскаго баталіона Преображенскаго полка, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы докладывать императору о пожарахъ, происходящихъ въ городѣ. Аргамаковъ вбѣжалъ въ переднюю государева кабинета, гдѣ недавно еще стоялъ караулъ отъ моего эскадрона, и закричалъ: «пожаръ!»

Въ это время заговорщики, числомъ до 180-ти человекъ, бросились въ дверь *a* (см. рис. 3). Тогда Маринъ, командовавшій внутреннимъ пѣхотнымъ карауломъ, удалилъ вѣрныхъ гренадеръ Преображенскаго лейбъ-баталіона, разставивъ ихъ часовыми, а тѣхъ

¹⁾ Помните, господа: чтобы полакомиться яичницей, надо прежде всего разбить яйца.

изъ нихъ, которые прежде служили въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку, помѣстилъ въ передней государева кабинета, сохранивъ, такимъ образомъ, этотъ важный постъ въ рукахъ заговорщиковъ.

Два камеръ-гусара, стоявшіе у двери *a*, храбро защищали свой постъ, но одинъ изъ нихъ былъ заколотъ, а другой раненъ¹⁾. Найдя первую дверь (*a*), ведущую въ спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что императоръ скрылся по внутренней лѣстницѣ (и это легко бы удалось), какъ это сдѣлалъ Кутайсовъ. Но когда они подошли ко второй двери (*b*), то нашли ее запертою изнутри, что доказывало, что императоръ, несомнѣнно, находился въ спальнѣ.

Взломавъ дверь (*b*), заговорщики бросились въ комнату, но императора въ ней не оказалось. Начались поиски, но безуспѣшно, несмотря на то, что дверь *c*, ведущая въ опочивальню императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались нѣсколько минутъ, когда вошелъ генералъ Беннигсенъ, высокаго роста, флегматичный человекъ; онъ подошелъ къ камину (*d*), прислонился къ нему и въ это время увидѣлъ императора и главнаго руководителя заговора, который обратился къ императору съ рѣчью. Отличавшійся, обыкновенно, большою нервностью, Павелъ на этотъ разъ, однако, не казался особенно взволнованнымъ и, сохраняя полное достоинство, спросилъ, что имъ всѣмъ нужно.

Платонъ Зубовъ отвѣчалъ, что деспотизмъ его сдѣлался настолько тяжелымъ для націи, что они пришли требовать его отреченія отъ престола.

Императоръ, преисполненный искренняго желанія доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановленія имперіи и водворить повсюду правосудіе, вступилъ съ Зубовымъ въ споръ, который длился около получаса, и который, въ концѣ концовъ, принялъ бурный характеръ. Въ это время тѣ изъ заговорщиковъ, которые слишкомъ много выпили шампанскаго, стали выражать нетерпѣніе, тогда какъ императоръ, въ свою очередь, говорилъ все громче и началъ сильно жестикулировать. Въ это время шталмейстеръ, графъ Николай Зубовъ²⁾, человекъ громаднаго роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьянъ, ударилъ Павла по рукѣ и сказалъ: «что ты такъ кричишь!»

При этомъ оскорбленіи императоръ съ негодованіемъ оттолкнулъ лѣвую руку Зубова, на что послѣдній, сжимая въ кулакѣ массивную золотую табакерку, со всего размаха нанесъ правою рукою

¹⁾ Это былъ камеръ-гусаръ Кириловъ, впоследствии служившій камердинеромъ при вдовствующей государынѣ Маріи Феодоровнѣ.

²⁾ Зубовъ, графъ Николай Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ, род. 1763 г., ум. 1806 г. Былъ женатъ на единственной дочери фельдмаршала Суворова, княжнѣ Наталіи Александровнѣ, извѣстной подъ именемъ «Сувороочки».

ударъ въ лѣвый високъ императора, вслѣдствіе чего тотъ безъ чувствъ повалился на полъ, а Скарятинъ, офицеръ Измайловскаго полка, снявъ висѣвшій надъ кроватью собственный шарфъ императора, задушилъ его имъ.

На основаніи другой версіи, Зубовъ, будучи сильно пьянъ, будто бы запустилъ пальцы въ табакерку, которую Павелъ держалъ въ рукахъ. Тогда императоръ первый ударилъ Зубова и, такимъ образомъ, самъ началъ ссору. Зубовъ, будто бы, выхватилъ табакерку изъ рукъ императора и сильнымъ ударомъ сшибъ его съ ногъ. Но это едва ли правдоподобно, если принять во вниманіе, что Павелъ выскочилъ прямо изъ кровати и хотѣлъ скрыться. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что табакерка играла въ этомъ событіи извѣстную роль.

Называли имена нѣкоторыхъ лицъ, которыя выказали при этомъ случаѣ много жестокости, даже звѣрства, желая выместить полученныя отъ императора оскорбленія на безжизненномъ его тѣлѣ, такъ что докторамъ и гримѣрамъ было не легко привести тѣло въ такой видъ, чтобы можно было выставить его для поклоненія, согласно существующимъ обычаямъ. Я видѣлъ покойнаго императора, лежащаго въ гробу. На лицѣ его, несмотря на старательную гримировку, видны были черныя и синія пятна. Его треугольная шляпа была такъ надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть лѣвый глазъ и високъ, который былъ зашибленъ.

Такъ умеръ 12 марта 1801 г. одинъ изъ государей, о которомъ исторія говоритъ, какъ о монархѣ, преисполненномъ многихъ добродѣтелей, отличавшемся неутомимой дѣятельностью, любившемъ порядокъ и справедливость и искренно набожномъ. Въ день своей коронаціи онъ опубликовалъ актъ, устанавливавшій порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи. Земледѣліе, промышленность, торговля, искусства и науки имѣли въ немъ надежнаго покровителя. Для насажденія образованія и воспитанія онъ основалъ въ Дерптѣ университетъ, въ Петербургѣ училище для военныхъ сиротъ (Павловскій корпусъ), для женщинъ — институтъ ордена св. Екатерины и учрежденія вѣдомства императрицы Маріи.

Нельзя безъ отвращенія упоминать объ убійцахъ, отличавшихся своимъ звѣрствомъ во время этой катастрофы. Я могу только присовокупить, что большинство изъ нихъ я зналъ до самаго момента ихъ кончины, которая у многихъ представляла ужасную нравственную агонію въ связи съ самыми жестокими тѣлесными муками.

Да будетъ благословенна благодѣтельная десница Провидѣнія, сохранившая меня отъ всякаго соучастія въ этомъ страшномъ злодѣяніи!

Возвращаюсь теперь къ трагическимъ происшествіямъ 12 марта 1801 года.

Какъ только шталмейстеръ Сергѣй Ильичъ Мухановъ, состоявшій при особѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, узналъ о томъ, что случилось, онъ поспѣшно разбудилъ графиню Ливенъ, старшую статсъ-даму и воспитательницу августѣйшихъ дѣтей, ближайшаго и довѣреннаго друга императрицы, особу большого ума и твердаго характера, одаренную почти мужского энергіею.

Графиня Ливенъ отправилась въ опочивальню ея величества. Было два часа по полуночи. Государыня вдрогнула и спросила:

— Кто тамъ?

— Это я, ваше величество!..

— О,—сказала императрица,—я увѣрена, что Александра¹⁾ умерла.

— Нѣтъ, государыня, не она...

— О! такъ это императоръ!..

При этихъ словахъ императрица стремительно поднялась съ постели и, какъ была, безъ башмаковъ и чулокъ, бросилась къ двери, ведущей въ кабинетъ императора, служившій ему и спальнею. Графиня Ливенъ имѣла только время набросить салопъ на плечи ея величества.

Между спальнями императора и императрицы была комната съ особымъ входомъ и внутреннею лѣстницею. Сюда введенъ былъ пикетъ семеновцевъ, чтобы не допускать никого въ кабинетъ императора съ этой стороны. Этотъ пикетъ находился подъ командою моего двоюроднаго брата, капитана Александра Волкова, офицера, лично извѣстнаго императрицѣ и пользовавшагося особымъ ея покровительствомъ.

Въ ужасномъ волненіи, съ распущенными волосами и въ описанномъ уже костюмѣ императрица вбѣжала въ эту комнату съ крикомъ: «пустите меня! пустите меня!» Гренадеры скрестили штыки. Со слезами на глазахъ она обратилась тогда къ Волкову и просила пропустить ее. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права. Тогда она опустила на полъ и, обнимая колѣна часовыхъ, умоляла пропустить ее. Грубые солдаты рыдали при видѣ ея горя, но съ твердостью исполнили приказъ. Тогда императрица встала съ достоинствомъ и твердою походкой вернулась въ свою спальню. Блѣдная и неподвижная, какъ мраморная статуя, она опустила въ кресло и въ такомъ состояніи ее одѣли.

Мухановъ, ея вѣрный другъ, былъ первымъ мужчиною, котораго она допустила въ свое присутствіе, и съ этой минуты онъ постоянно былъ при ней до самой смерти²⁾.

¹⁾ Великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Юсифа, палатина венгерскаго.

²⁾ Какъ воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ Мухановымъ въ эту эпоху, государыня Марія Ѳеодоровна подарила ему свой портретъ въ траурномъ платьѣ, прекрасную картину, находящуюся въ настоящее время въ семьѣ Мухановыхъ.

Рано утромъ (12 марта) изъ Зимняго дворца явился посланный, если я не ошибаюсь, это былъ самъ Уваровъ. Именемъ императора и императрицы онъ умолялъ вдовствующую государыню переѣхать къ нимъ.

— Скажите моему сыну,—отвѣчала императрица,—что до тѣхъ поръ, пока я не увижу моего мужа мертвымъ, собственными глазами, я не признаю Александра своимъ государемъ.

Необходимо теперь замѣтить, что Паленъ не терялъ изъ виду Александра, который былъ молодъ и робокъ. Паленъ не пошелъ вмѣстѣ съ заговорщиками, но остался въ нижнемъ этажѣ вмѣстѣ съ Александромъ, который, какъ извѣстно, находился подъ арестомъ, равно какъ и Константинъ, въ той комнатѣ, гдѣ я ихъ видѣлъ. На этомъ основаніи злые языки впоследствии говорили, что, если бы Павелъ спасся (какъ это и могло случиться), графъ Паленъ, вѣроятно, арестовалъ бы Александра и измѣнилъ бы весь ходъ дѣла. Одно не подлежитъ сомнѣнію—это, что Паленъ очень хладнокровно все предусмотрѣлъ и принялъ возможныя мѣры къ тому, чтобы избѣжать всякихъ случайностей. Павелъ, сильно взволнованный въ послѣдніе дни, высказалъ Палену желаніе послать нарочнаго за Аракчеевымъ. Нарочный былъ посланъ, и Аракчеевъ прибылъ въ Петербургъ вечеромъ, въ самый день убійства, но его не пропустили черезъ заставу.

Генералъ Кологривовъ¹⁾, который командовалъ гусарами и былъ вѣрный и преданный слуга императора, въ этотъ вечеръ былъ у себя дома и игралъ въ вистъ съ генералъ-майоромъ Кутузовымъ²⁾, который служилъ подъ его начальствомъ. Ровно въ половинѣ перваго той ночи Кутузовъ вынулъ свои часы и заявилъ Кологривову, что онъ арестованъ, и что ему приказано наблюдать за нимъ. Вѣроятно, Кутузовъ принялъ необходимыя мѣры на случай сопротивленія со стороны хозяина дома.

Майоръ Горголи³⁾, бывшій плацъ-майоромъ, очень милый молодой человекъ, получилъ приказаніе арестовать графа Кутайсова и актрису Шевалье, съ которою тотъ былъ въ связи, и у которой онъ часто ночевалъ въ домѣ. Такъ какъ его не нашли во дворцѣ, то думали, что онъ у нея. Пронырливый Фигаро, однако, скрылся по потайной лѣстницѣ и, забывъ о своемъ господинѣ, которому всѣмъ былъ обязанъ, выбѣжалъ безъ башмаковъ и чулокъ, въ одномъ халатѣ и колпакѣ, и въ такомъ видѣ бѣжалъ по городу, пока не нашелъ себѣ убѣжища въ домѣ Степана Сергѣевича Ланского, который, какъ человекъ благородный, не выдалъ его,

¹⁾ Кологривовъ, Андрей Семеновичъ, род. 1774 г., ум. 1825 г.

²⁾ Кутузовъ, Александръ Петровичъ, род. 1777 г., ум. 1817 г.

³⁾ Горголи, Иванъ Саввичъ, впоследствии петербургскій полицеймейстеръ, род. 1770 г., ум. 1862 г.; сенаторъ и писатель.

пока не миновала всякая опасность. Что касается актрисы Шевалье, то, какъ говорятъ, она приложила всѣ старанія, чтобы показаться особенно обворжительной, но Горголи, повидимому, не отдавъ дани ея прелестямъ, такъ что она отдѣлалась однимъ страхомъ.

Можно было думать, что, получивъ упомянутый отвѣтъ отъ своей матери, которую онъ любилъ столь же нѣжно, какъ и былъ любимъ ею, Александръ немедленно придетъ броситься въ ея объятія. Но тогда ему пришлось бы разрѣшить ей взглянуть на тѣло ея убитого мужа, а этого, увы, нельзя было дозволить; нельзя было допустить императрицу къ тѣлу въ томъ его видѣ, въ какомъ его застали солдаты Конной гвардіи. Уборка тѣла, гримировка, бальзамированіе и облаченіе въ мундиръ длились болѣе 30-ти часовъ, и только на другой день послѣ смерти, повдно вечеромъ, Павла показали убитой горемъ императрицѣ.

Слѣдующій же день послѣ ужасныхъ событій 11 марта наглядно показавъ все легкомысліе и пустоту столичной, придворной и военной публики того времени. Одною изъ главныхъ жестокостей, въ которыхъ обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодныхъ костюмовъ, причесокъ, экипажей и т. п. мелочей. Какъ только извѣстіе о кончинѣ императора распространилось въ городѣ, немедленно же появились прически à la Titus, исчезли косы, обрѣзались букли и панталоны; круглыя шляпы и сапоги съ отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы, и экипажи, имѣвшіе видъ старыхъ нѣмецкихъ или французскихъ attelages, исчезли, уступивъ мѣсто русской упряжи, съ кучерами въ національной одеждѣ и съ форейторами (что было строго запрещено Павломъ), которые съ обычной быстротою и криками понеслись по улицамъ. Это движеніе, вдругъ сообщенное всѣмъ жителямъ столицы, внезапно освобожденнымъ отъ строгостей полицейскихъ постановленій и уличныхъ правилъ, дѣйствительно заставило всѣхъ ощущать, что съ рукъ ихъ, словно по волшебству, свалились цѣпи, и что нація, какъ бы находившаяся въ гробу, снова вызвана къ жизни и движенію.

Утромъ (12 марта), въ 10 часовъ, мы всѣ были на парадѣ, во время котораго вся прежняя рутинa была соблюдена. Графъ Паленъ держалъ себя, какъ и всегда. Такъ какъ я стоялъ отъ него въ сторонѣ, то онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Je vous ai craint plus que toute la garnison.

— Et vous avez eu raison, — отвѣчалъ я.

— Aussi, — возразилъ Паленъ, — j'ai eu soin de vous faire renvoyer¹⁾.

¹⁾ — Я считалъ васъ опаснѣе цѣлаго гарнизона.

— И основательно.

— Поэтому я постарался васъ удалить.

Эти слова убѣдили меня въ справедливости разсказа, что императоръ получилъ анонимное письмо съ указаніемъ именъ всѣхъ заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стояло имя самого Палена, что на вопросъ императора Паленъ не отрицалъ этого факта, но, напротивъ, сказалъ, что разъ онъ въ качествѣ военнаго губернатора города находится во главѣ заговора, его величество можетъ быть увѣренъ, что все въ порядкѣ. Затѣмъ императоръ благодарилъ Палена и спросилъ его, не признаетъ ли онъ, съ своей стороны, нужнымъ посовѣтовать ему что нибудь для его безопасности, на что тотъ отвѣчалъ, что ничего больше не требуется: «Развѣ только ваше величество удалите вотъ этихъ якобинцевъ (при этомъ онъ указалъ на дверь, за которою стоялъ караулъ отъ Конной гвардіи) да прикажете заколотить эту дверь» (ведущую въ спальню императрицы). Оба эти совѣта алополучный монархъ не преминулъ исполнить, какъ извѣстно, на свою собственную погибель.

Во время парада заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво и какъ бы гордились совершеннымъ преступленіемъ. Князь Платонъ Зубовъ также появился на парадѣ, имѣя далеко не воинственный видъ со своими улыбочками и остротами, за что онъ былъ особенно отличенъ при дворѣ Екатерины, и о чемъ я не могъ вспомнить безъ отвращенія.

Офицеры нашего полка держались въ сторонѣ и съ такимъ презрѣніемъ относились къ заговорщикамъ, что произошло нѣсколько столкновеній, окончившихся дуэлями. Это дало графу Палену мысль устроить официальный обѣдъ съ цѣлью примиренія разныхъ партій.

Въ концѣ парада мы узнали, что заключенъ миръ съ Англіей, и что курьеръ съ трактатомъ уже отправленъ въ Лондонъ къ графу Воронцову. Онъ долженъ былъ ѣхать черезъ Берлинъ, гдѣ графъ получилъ извѣстіе о кончинѣ императора и о мирномъ договорѣ съ Англіей.

Крайне любопытно то, что г-жа Жеребцова предсказала печальное событіе 11 марта въ Берлинѣ и, какъ только она узнала о совершившемся фактѣ, то отправилась въ Англію и навѣстила своего стараго друга, лорда Уитворта, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ. Обстоятельство это впоследствии послужило поводомъ къ распространенію слуха, будто бы катастрофа, закончившаяся смертью Павла, была дѣломъ рукъ Англіи и англійскаго золота. Но это обвиненіе, несомнѣнно, ложно, ибо, несмотря на всю преступность руководителей заговора, послѣдніе были чужды корыстныхъ цѣлей. Они дѣйствовали изъ побужденій патріотическихъ, и многіе изъ нихъ, подобно обоемъ великимъ князьямъ, были убѣждены въ томъ, что при помощи угрозы можно было заставить императора отречься отъ престола или, по крайней мѣрѣ, принудить подписать актъ, благодаря которому его деспотизмъ былъ бы ограниченъ. Говорили, что князь

Зубовъ въ эту ночь въ кабинетѣ императора держалъ въ рукѣ свертокъ бумаги, на которомъ будто бы написанъ былъ текстъ соглашенія между монархомъ и народомъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ споръ между государемъ и заговорщиками, длившійся довольно долго, не привелъ къ желаемымъ результатамъ, и вскорѣ вспылчивость и раздражительность Павла возбудили заговорщиковъ, большинство которыхъ были почти совсѣмъ пьяны, вслѣдствіе чего и произошла вышеописанная катастрофа.

Что касается Александра и Константина, то большинство лицъ, близко стоявшихъ къ нимъ въ это время, утверждали, что оба великихъ князя, получивъ извѣстіе о смерти отца, были страшно потрясены, несмотря на то, что сначала имъ сказали, что императоръ скончался отъ удара, причиненнаго ему волненіемъ, вызваннымъ предложеніями, которыя ему сдѣлали заговорщики.

На слѣдующій день, 13-е марта, мы снова явились въ обычный часъ на парадъ. Александръ и Константинъ появились оба и имѣли удрученный видъ.

Нѣкоторые изъ главарей заговора и главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ убійствѣ выглядѣли нѣсколько смущенно. Одинъ графъ Паленъ держалъ себя, какъ обыкновенно; князь Зубовъ былъ болѣе болтливъ и разговорчивъ, чѣмъ наканунѣ.

Тѣло покойнаго императора, загримированное различными художниками, облаченное въ мундиръ, высокіе сапоги со шпорами и въ шляпѣ, надвинутой на голову (чтобы скрыть лѣвый високъ), было положено въ гробъ, въ которомъ оно должно было быть выставлено передъ народомъ, согласно обычаю. Но еще до всего этого убитая горемъ вдова его должна была увидѣть его мертвымъ, безъ чего она не соглашалась признать своего сына императоромъ.

Избѣжать этого было невозможно, и роковое посвѣщеніе должно было произойти. Подробности этой ужасной сцены были мнѣ сообщены въ тотъ же вечеръ С. И. Мухановымъ, по возвращеніи его изъ дворца, и нѣтъ словъ, чтобы достаточно выразить скорбь, въ которую былъ погруженъ этотъ достойный человекъ. Насколько помню, вотъ что онъ сообщилъ мнѣ.

Императрица находилась въ своей спальнѣ, блѣдная, холодная, на подобіе мраморной статуи, точно такую же, какъ она была въ самый день катастрофы. Александръ и Елисавета прибыли изъ Зимняго дворца въ сопровожденіи графини Ливенъ и Муханова. Я не знаю, былъ ли тутъ и Константинъ, но кажется, что его не было, а всѣ младшія дѣти были съ своими нянями. Опираясь на руку Муханова, императрица направилась къ роковой комнатѣ, при чемъ за нею слѣдовалъ Александръ съ Елисаветой, а графиня Ливенъ несла шлейфъ. Приблизившись къ тѣлу, императрица остановилась въ глубокомъ молчаніи, устремила свой взоръ на покойнаго супруга и не проронила при этомъ ни единой слезы.

Александръ Павловичъ, который теперь самъ впервые увидалъ изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, былъ пораженъ и стоялъ въ нѣмомъ оцѣпенѣннн. Тогда императрица-мать обернулась къ сыну и съ выраженіемъ глубокаго горя и видомъ полнаго достоинства сказала: «Теперь васъ поздравляю— вы императоръ». При этихъ словахъ Александръ, какъ снопъ, свалился безъ чувствъ, такъ что присутствующіе на минуту подумали, что онъ мертвъ.

Императрица взглянула на сына безъ всякаго волненія, взяла снова подъ руку Муханова и, поддерживаемая имъ и графиней Ливенъ, удалилась въ свои апартаменты. Прошло еще нѣсколько минутъ, пока Александръ пришелъ въ себя, послѣ чего онъ немедленно послѣдовалъ за своей матерью, и тутъ, среди новыхъ потоковъ слезъ, мать и сынъ излили впервые свое горе.

Вечеромъ того же дня императрица снова вошла въ комнату покойнаго, при чемъ ее сопровождали только графиня Ливенъ и Мухановъ. Тамъ, распростершись надъ тѣломъ убитаго мужа, она лежала въ горькихъ рыданіяхъ, пока едва не лишилась чувствъ, невзирая на необыкновенную тѣлесную крѣпость и нравственное мужество. Ея два вѣрныхъ спутника увели ее наконецъ, или, вѣрнѣе, унесли ее обратно въ ея апартаменты. Въ слѣдующіе дни снова повторились подобныя же посѣщенія покойника, при чемъ прѣзжалъ и императоръ. Послѣ этого, убитую горемъ вдовствующую императрицу перевезли въ Зимній дворецъ, а тѣло покойнаго императора со всею торжественностью было выставлено для народа.

Русскій народъ по самой своей природѣ глубоко преданъ своимъ государямъ, и эта любовь простолюдина къ своему царю столь же врожденная, какъ любовь пчелъ къ своей маткѣ. Въ этой истинѣ убѣдился декабристъ Муравьевъ, когда во время возмущенія 1825 г. онъ объявилъ солдатамъ, что императоръ болѣе не царствуетъ, что учреждена республика, и установлено вообще полное равенство. Тогда солдаты спросили:—«Кто же тогда будетъ государемъ?» Муравьевъ отвѣчалъ: «Да никто не будетъ».—«Батюшка, — отвѣчали солдаты, — да вѣдь ты самъ знаешь, что это никакъ невозможно». Впослѣдствіи Муравьевъ самъ признался, что въ эту минуту онъ понялъ всю ошибочность своихъ дѣйствій. Въ 1812 г. Наполеонъ впалъ въ ту же ошибку въ Москвѣ и заплатилъ за это достаточно дорого, потерявъ всю свою армію.

Приверженность русскаго человѣка къ своему государю особенно ярко высказывается во время поклоненія народа праху умершаго царя. Въ началѣ моего повѣствованія я уже говорилъ о трехъ трогательныхъ сценахъ, которыя происходили послѣ кончины Екатерины, къ праху которой были свободно допущены люди

всѣхъ сословій «для поклоненія тѣлу и прощанія». Въ настоящемъ случаѣ запрещено было останавливаться у тѣла императора, но приказано лишь поклониться и тотчасъ уходить въ сторону. Несомнѣнно, что раскрашенное и намазанное лицо императора съ наведенной на глаза шляпой (что тоже никогда не было въ обычаѣ) не скрылось отъ вниманія толпы и настроило общественное мнѣніе чрезвычайно враждебно по отношенію къ заговорщикамъ.

Желая расположить общественное мнѣніе въ свою пользу, Паленъ, Зубовъ и другіе вожаки заговора рѣшили устроить большой обѣдъ, въ которомъ должны были принять участіе нѣсколько сотъ человѣкъ. Полковникъ Н. Н..., одинъ изъ моихъ товарищей по полку, зашелъ ко мнѣ однажды утромъ, чтобы спросить, знаю ли я что нибудь о предполагаемомъ обѣдѣ. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю. «Въ такомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — я долженъ сообщить вамъ, что вы внесены въ списокъ приглашенныхъ. Пойдете ли вы туда?»

Я отвѣчалъ, что, конечно, не пойду, ибо не намѣренъ праздновать убійство. «Въ такомъ случаѣ, — отвѣчалъ Н. Н... — никто изъ нашихъ также не пойдетъ». Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ же день графъ Паленъ пригласилъ меня къ себѣ, и едва я вошелъ въ комнату, онъ сказалъ мнѣ:

— Почему вы отказываетесь принять участіе въ обѣдѣ?

— Parceque je n'ai rien de commun avec ces messieurs, — отвѣчалъ я¹⁾.

Тогда Паленъ съ особеннымъ одушевленіемъ, но безъ всякаго гнѣва сказалъ: «Вы не правы, Саблуковъ, дѣло уже сдѣлано, и долгъ всякаго добраго патріота — забыть всѣ партійные раздоры, думать лишь о благѣ родины и соединиться вмѣстѣ для служенія отечеству. Вы такъ же хорошо, какъ и я, знаете, какіе раздоры посѣяло это событіе: неужели же позволять имъ усиливаться? Мысль объ обѣдѣ принадлежитъ мнѣ, и я надѣюсь, что онъ успокоитъ многихъ и умиротворитъ умы. Но если вы теперь откажетесь прійти, остальные полковники вашего полка тоже не придутъ, и обѣдъ этотъ произведетъ впечатлѣніе, прямо противоположное моимъ намѣреніямъ. Прошу васъ поэтому принять приглашеніе и быть на обѣдѣ».

Я обѣщалъ Палену исполнить его желаніе.

Я явился на этотъ обѣдъ и другіе полковники тоже, но мы сидѣли отдѣльно отъ другихъ, и, сказать правду, я замѣтилъ весьма мало единодушія, несмотря на то, что выпито было немало шампанскаго. Много сановныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, а также придворныхъ особъ посѣтили эту «оргію», ибо другого названія

¹⁾ Потому что у меня нѣтъ ничего общаго съ этими господами.

нельзя дать этому объѣду. Передъ тѣмъ, чтобы встать изъ-за стола, главнѣйшіе изъ заговорщиковъ взяли скатерть за четыре угла, всѣ блюда, бутылки и стаканы были брошены въ средину, и все это съ большою торжественностью было выброшено черезъ окно на улицу. Послѣ объѣда произошло нѣсколько рѣзкихъ объясненій, и, между прочимъ, разговоръ между Уваровымъ и адмираломъ Чагазовымъ, о которомъ я упомянулъ выше.

Въ теченіе нѣкотораго времени все, повидимому, было спокойно, и ни о какихъ реформахъ или переи́мѣнахъ не было слышно. Мы только замѣтили, что Паленъ и Платонъ Зубовъ особенно высоко подняли голову, и даже поговаривали, будто послѣдній имѣлъ смѣлость выказать особенное вниманіе къ молодой и прелестной императрицѣ. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ ежедневно появлялись на парадѣ, при чемъ первый казался болѣе робкимъ и сдержаннымъ, чѣмъ обыкновенно, а второй, напротивъ, не испытывая болѣе страха передъ отцомъ, горячился и шумѣлъ болѣе, чѣмъ прежде.

Несмотря на это, Константинъ при всей своей вспыльчивости, не былъ лишенъ чувства горечи при мысли о катастрофѣ. Однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ ужаснаго событія, мнѣ пришлось быть у его высочества по дѣламъ службы. Онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и, заперевъ за собою дверь, сказалъ: «Ну, Саблуковъ, хорошая была каша въ тотъ день!» — «Дѣйствительно, ваше высочество, хорошая каша, — отвѣтилъ я, — и я очень счастливъ, что я въ ней былъ ни при чемъ». — «Вотъ что, другъ мой, — сказалъ торжественнымъ тономъ великій князь, — скажу тебѣ одно, что послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если это ему нравится, но если бы престолъ когданибудь долженъ былъ перейти ко мнѣ, я, навѣрно, отъ него отказался бы».

Своимъ послѣдующимъ поведеніемъ въ 1825 г., во время вступленія на престолъ Николая I, Константинъ Павловичъ доказалъ, что рѣшеніе его не царствовать было твердо, и въ то время я всегда говорилъ, что всѣ убѣжденія, имѣющія цѣлью склонить его принять корону, не поведутъ ни къ чему, и что онъ ни за что не согласится царствовать, какъ онъ это высказалъ мнѣ, спустя нѣсколько дней послѣ смерти отца.

Публика, особенно же низшіе классы и въ числѣ ихъ старообрядцы и раскольники, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе удрученной горемъ вдовствующей императрицѣ. Раскольники были особенно признательны императору Павлу, какъ своему благодѣтелю, даровавшему имъ право публично отправлять свое богослуженіе и разрѣшившему имъ имѣть свои церкви и общины. Какъ выраженіе сочувствія, образа съ соотвѣствующими надписями изъ священнаго писанія въ большомъ ко-

личествѣ присылались императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ со всѣхъ концовъ Россіи. Императоръ Александръ, постоянно навѣщавшій свою удрученную горемъ мать по нѣскольку разъ въ день, проходя однажды утромъ черезъ переднюю, увидѣлъ въ этой комнатѣ множество образовъ, поставленныхъ въ рядъ. На вопросъ Александра, что это за иконы, и почему онѣ тутъ разставлены, императрица отвѣчала, что все это—приношенія, весьма для нея драгоценныя, потому что они выражаютъ сочувствіе и участіе народа къ ея горю; при этомъ ея величество присовокупила, что она уже просила Александра Александровича (моего отца, въ то время члена опекунскаго совѣта) взять ихъ и помѣстить въ церковь Воспитательнаго Дома. Это желаніе императрицы и было немедленно исполнено моимъ отцомъ.

Однажды утромъ, во время обычнаго доклада государю, Паленъ былъ чрезвычайно взволнованъ и съ нескрываемымъ раздраженіемъ сталъ жаловаться его величеству, что императрица-мать возбуждаетъ народъ противъ него и другихъ участниковъ заговора, выставляя на показъ въ Воспитательномъ Домѣ иконы съ надписями вызывающаго характера. Государь, желая узнать, въ чемъ дѣло, велѣлъ послать за моимъ отцомъ. Злополучныя иконы были привезены во дворецъ, и вызывающая надпись оказалась текстомъ изъ священнаго писанія, взятымъ, насколько помню, изъ Книги Царствъ¹⁾.

Императрица-мать была крайне возмущена этимъ поступкомъ Палена, позволившимъ себѣ обвинять мать въ глазахъ сына, и заявила свое неудовольствіе Александру. Императоръ, съ своей стороны, высказалъ это графу Палену въ такомъ твердомъ и рѣшительномъ тонѣ, что послѣдній не зналъ, что отвѣчать отъ удивленія.

На слѣдующемъ парадѣ Паленъ имѣлъ чрезвычайно недовольный видъ и говорилъ въ крайне рѣзкомъ, несдержанномъ тонѣ. Впослѣдствіи даже рассказывали, что онъ дѣлалъ довольно неосторожные намеки на свою власть и на возможность «возводить и низводить монарховъ съ престола». Трудно допустить, чтобы такой человѣкъ, какъ Паленъ, могъ выказать такую безтактную неосторожность; тѣмъ не менѣе, въ тотъ же вечеръ объ этомъ уже говорили въ обществѣ.

Какъ бы то ни было, достовѣрно только то, что, когда на другой день, въ обычный часъ, Паленъ пріѣхалъ на парадъ въ такъ называемомъ «vis-à-vis», запряженномъ шестеркой цугомъ, и собирался выходить изъ экипажа, къ нему подошелъ флигель-адъютантъ государя и по высочайшему повелѣнію предложилъ ему выѣхать изъ города и удалиться въ свое курляндское имѣніе.

¹⁾ Вѣроятно, мѣсто изъ IV-ой Книги Царствъ: «Когда Імуй вошелъ въ ворота, она сказала: миръ ли Замирію, убійцѣ государя своего?» (глава IX, 31).

Паленъ повиновался, не отвѣтивъ не единого слова.

Въ высочайшемъ приказѣ было объявлено, что «генераль отъ кавалеріи графъ Паленъ увольняется отъ службы», и въ тотъ же день вечеромъ князю Зубову также предложено оставить Петербургъ и удалиться въ свои помѣстья. Послѣдній тоже безпрекословно повиновался.

Такимъ образомъ, въ силу одного слова юнаго и робкаго монарха сошли со сцены эти два человѣка, которые возвели его на престолъ, питая, повидимому, надежду царствовать вмѣстѣ съ нимъ.

Въ управленіи государствомъ все шло попрежнему, съ тою только разницею, что во всѣхъ случаяхъ, когда могла быть примѣнена политика Екатерины II, на нее ссылались, какъ на прецедентъ.

Весною того же года, вскорѣ послѣ Пасхи, императрица-мать выразила желаніе удалиться въ свою лѣтнюю резиденцію, Павловскъ, гдѣ было не такъ шумно, и гдѣ она могла пользоваться покоемъ и уединеніемъ. Исполняя это желаніе, императоръ спросилъ ея величество, какой караулъ она желаетъ имѣть въ Павловскѣ.

Императрица отвѣчала:

— Другъ мой, я не выношу вида ни одного изъ полковъ, кромѣ Конной гвардіи.

— Какую же часть этого полка вы желали бы имѣть при себѣ?

— Только эскадронъ Саблукова,—отвѣчала императрица.

Я тотчасъ былъ командированъ въ Павловскъ, и эскадронъ мой по особому повелѣнію государя былъ снабженъ новыми чепраками, патронташами и пистолетными кабурами съ Андреевской звѣздой, имѣющею, какъ извѣстно, надпись съ девизомъ: «за вѣру и вѣрность». Эта почетная награда, какъ справедливая дань безукоризненности нашего поведенія во время заговора, была дана сначала моему эскадрону, а затѣмъ распространена на всю Конную гвардію. Кавалергардскій полкъ, принимавшій столь дѣятельное участіе въ заговорѣ, былъ чрезвычайно обиженъ, что столь видное отличіе дано было исключительно нашему полку. Генераль Уваровъ горько жаловался на это, и тогда государь въ видахъ примиренія велѣлъ дать ту же звѣзду всѣмъ кирасирамъ и штабу арміи, что осталось и до настоящаго времени¹⁾.

Служба моя въ Павловскѣ при ея величествѣ продолжалась до отъѣзда всего двора въ Москву на коронацію императора Александра. Каждую ночь я, подобно сторожу, обходилъ всѣ ближайшіе ко дворцу сады и цвѣтники, среди которыхъ разбросаны были всевозможные памятники, воздвигнутые въ память различныхъ со-

¹⁾ Въ настоящее время звѣзда эта имѣется на головныхъ уборахъ всѣхъ полковъ гвардіи.

бытіи супружеской жизни покойнаго императора. Здѣсь, подобно печальной тѣни, удрученная горемъ, Марія Θεодоровна, одѣтая въ глубокой трауръ, бродила по ночамъ среди мраморныхъ памятниковъ и плакучихъ ивъ, проливая слезы въ теченіе долгихъ, безсонныхъ ночей. Нервы ея были до того напряжены, что малѣйшій шумъ пугалъ ее и обращалъ въ бѣгство. Вотъ почему моя карантинная служба въ Павловскѣ сдѣлалась для меня священной обязанностью, которую я исполнялъ съ удовольствіемъ.

Императрица-мать не искала въ забвеніи облегченія своего горя, напротивъ, она какъ бы находила утѣшеніе, выпивая до дна горькую чашу душевныхъ мукъ. Самая кровать, на которой Павелъ испустилъ послѣднее дыханіе, съ одѣялами и подушками, окрашенными его кровью, была привезена въ Павловскъ и помѣщена за ширмами, рядомъ съ опочивальнею государыни, и въ теченіе всей своей жизни вдовствующая императрица не переставала посѣщать эту комнату. Недавно мнѣ передавали, что эту кровать послѣ смерти государыни перевезли въ Гатчину и помѣстили въ маленькую комнату, въ которой я такъ часто слышалъ молитвы Павла. Обѣ двери этой комнаты, говорятъ, были заколочены наглухо, равно какъ въ Михайловскомъ замкѣ—двери, ведущія въ кабинетъ императора, гдѣ произошло убійство.

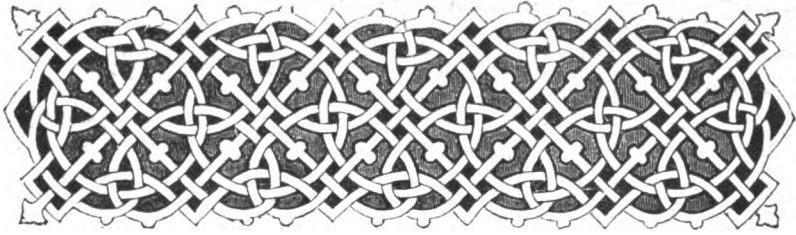
Въ заключеніе скажу, что императоръ Павелъ, несмотря на необычайное увлеченіе нѣкоторыми женщинами, былъ всегда нѣжнымъ и любящимъ мужемъ для Маріи Θεодоровны, отъ которой онъ имѣлъ 8 дѣтей, изъ коихъ послѣдними были Николай, родившійся въ 1796 г., и Михаилъ—въ 1798 г.

Достойно вниманія и то обстоятельство, что Екатерина-Ивановна Нелидова, которою Павелъ такъ восторженно увлекся, сохранила дружбу и уваженіе императрицы Маріи Θεодоровны до послѣднихъ дней ея жизни. Не есть ли это лучшее доказательство того, что до того времени, когда императоръ Павелъ попалъ въ сѣти Гагариной и ея клеветовъ, онъ дѣйствительно былъ нравственно чистъ въ своемъ поведеніи?

Какой поучительный примѣръ для государей, указывающій на необходимость всегда остерегаться вліянія льстивыхъ царедворцовъ, единственною заботою которыхъ всегда было и будетъ потворство ихъ слабостямъ ради личныхъ цѣлей.

Н. А. Саблуковъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

VII.

ОТЯ жизнь въ 1861 г. была болѣе, чѣмъ на половину дешевле нынѣшней, но все-таки пятнадцати рублей, которые я тогда получалъ въ мѣсяцъ, было очень мало, и я сталъ искать себѣ какихъ нибудь вечернихъ платныхъ занятій. Заработокъ нашелся, но тоже грошовый. Пріятели моихъ дядей, Шутовъ и Кольцовы, нанявшіе суровскій магазинъ въ Гостиномъ дворѣ, люди, посѣщавшіе наше семейство, предложили мнѣ вести торговую переписку съ иностранными фирмами, отъ которыхъ они выписывали товары, за восемь рублей въ мѣсяцъ. Я долженъ былъ являться къ нимъ на квартиру (компаніоны тогда были холостые и жили всѣ вмѣстѣ) на Садовую, близъ Сѣнной, каждый вторникъ вечеромъ и заниматься писаніемъ писемъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Работать приходилось по три—четыре часа въ вечеръ. Сначала я читалъ полученныя хозяевами письма, потомъ со словъ ихъ писалъ отвѣты, запросы, и заказы на русскомъ языкѣ, переводилъ письма на иностранные языки и потомъ уже переписывалъ ихъ набѣло. Но работалъ я у фирмы Шутова и Кольцовыхъ очень недолго. Мои черновики Шутовъ показалъ иностраннымъ торговымъ агентамъ;

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІІІ, стр. 493.

тѣ сказали, что я плохо владѣю коммерческимъ стилемъ, и мнѣ отказали отъ мѣста.

Вечера были свободны, я опять ухватился за литературу и, хотя писать было очень трудно при житѣ въ такомъ многолюдномъ семействѣ, какъ наше, къ тому же еще съ жильцами и не имѣя для себя отдѣльной комнаты, но я сталъ писать и дѣлалъ это, главнымъ образомъ ночью, когда всѣ ложились спать. Я писалъ очерки «Апраксинцы», повѣствованіе о торговомъ и домашнемъ бытѣ того времени тѣхъ торговцевъ-рыночниковъ, которые были покупателями въ кладовой моего отца и кладовой Ф. Боненблюста, въ которой я служилъ. Впослѣдствіи очерки эти были напечатаны въ 1863 г. въ «Библиотекѣ для Чтенія» П. Д. Боборыкина. Писалъ я «Апраксинцевъ» долго, очень часто отрываясь отъ работы на недѣлю, иногда передѣлывалъ написанное, вставлялъ новыя черты и эпизоды, которые приходилось наблюдать, а иногда, охладѣвъ къ этимъ очеркамъ, начиналъ и другіе рассказы. И вотъ помню, что написалъ маленькій рассказецъ «Гробовщикъ», который показалъ Иванову и даже прочиталъ его ему. Иванову рассказъ понравился.

— Отчего бы вамъ не отдать его въ «Петербургскій Вѣстникъ»? — сказалъ онъ мнѣ. — Его издаетъ Левъ Камбекъ. Тамъ есть и мои стихи. Это—мой знакомый. Онъ еще на-дняхъ былъ у меня въ лавкѣ и взялъ сукна себѣ на однорядку. Онъ одѣвается по-русски, какъ простой крестьянинъ, и носитъ коломенскую шляпу гречневикомъ.

— Фамилія-то его, однако, не русская,—замѣтилъ я.

— Да, онъ смахиваетъ немного на еврея, но говорить, что чистый русскій дворянинъ. Да вамъ что же?.. Только бы напечатали. Пойдемте къ нему въ воскресенье.

И мы отправились къ Льву Александровичу Камбеку. Онъ жилъ тогда въ Колокольной улицѣ. Камбекъ отворилъ намъ самъ дверь. Это былъ среднихъ лѣтъ брюнетъ въ красной кумачевой рубахѣ, въ широкихъ шароварахъ и въ высокихъ сапогахъ, длинноволосый, бородатый. Ивановъ отрекомендовалъ меня. Камбекъ, узнавъ, что я принадлежу къ купеческому сословію и состою при торговлѣ, воскликнулъ:

— Теперь ваша будущность! Ваша звѣзда занялась. А мы, дворяне и разночинцы, на смарку. Да и пора намъ, пора. Намозолили мы всѣмъ глаза. Надо слиться съ народомъ и помогать вамъ.

Это было сейчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, ранней весной 1861 г., когда еще на всѣхъ дворахъ, на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ харчевняхъ продолжалъ читаться знаменитый манифестъ 19 февраля и толковался на всѣ лады грамотеями изъ простонародья.

Жиль Камбекъ бѣдно, мебель была убогая, и ея было очень мало въ комнатахъ, окна были безъ шторъ, безъ занавѣсокъ, и одно изъ нихъ въ его кабинетѣ было позанавѣшено суконнымъ платкомъ, на диванѣ и на подоконникахъ лежали растрепанныя книги. Я передалъ Камбеку свой рассказъ. Переписанъ онъ былъ мною тщательно, каллиграфически. Я красиво писалъ и всегда отличался аккуратностью въ своихъ рукописяхъ. Рукопись была маленькая. Камбекъ взялъ ее и сейчасъ же принялся читать, а намъ приказалъ подать чаю.

— «Гробовщикъ»... Я думалъ, что вы Пушкину подражаете... Но нѣтъ, свое, самобытное,—сказалъ онъ, отрываясь отъ чтенія.— Оригинально, очень оригинально... Что же, напечатаемъ. Но напередъ скажу... гонорара я вамъ заплатить не могу... Развѣ что въ будущемъ... А теперь меня тѣснятъ, со всѣхъ сторонъ тѣснятъ кредиторы. Буду съ вами откровененъ. У меня даже мебель за долги описана и съ казенными печатями. Я—простой русскій человѣкъ и люблю говорить правду. Вотъ и Иванову я долженъ, даже помимо стиховъ, за сукно долженъ. Но я вынырну и заплачу. Я вѣрю въ свою звѣзду. А теперь для печати зря занимается,—прибавилъ онъ.

Я не возражалъ. Я былъ радъ уже и тому, что рассказъ мой узреть свѣтъ. Да и вообще тогда начинающая писать молодежь, даже если и бѣдствовала, не гналась при первыхъ своихъ литературныхъ шагахъ за гонораромъ. Эта молодежь поклонялась литературѣ, и если попадала въ печать, то ужъ гордилась одной принадлежностью къ ней, ища заработокъ въ другихъ профессіяхъ.

Недѣли черезъ двѣ «Гробовщикъ» былъ напечатанъ. Я ликовалъ. Получивъ отъ Камбека полсотни номеровъ «Петербургскаго Вѣстника» съ моимъ рассказомъ, я раздавалъ ихъ знакомымъ, приказчикамъ и артельщикамъ, съ которыми служилъ въ кладовой. Дядѣ это, однако, не понравилось, и онъ сдѣлалъ мнѣ упрекъ, хотя и въ мягкой формѣ.

— Зачѣмъ ты это такъ разсовываешь свой рассказъ?.. Не хорошо. Чтонибудь одно: торговля или писаніе. Но если уже напечатали чтонибудь, то и знай про себя. Дойдетъ до хозяина, то неизвѣстно еще, какъ онъ на это посмотритъ. Можетъ, и не потерпитъ.

Но я успѣлъ уже изготовить второй рассказъ для Камбека, понесъ его къ нему въ редакцію, но узналъ, что «Петербургскій Вѣстникъ» приостановился выходомъ. И на этотъ разъ я былъ у Камбека вмѣстѣ съ Ивановымъ. Мы стали допытываться, отчего не вышелъ послѣдній номеръ. Камбекъ сталъ ссылаться на цензуру, но потомъ, когда мы уходили, признался намъ о причинѣ невыхода журнала.

— Бумаги нигдѣ не могу достать, а въ долгъ не вѣрятъ. Вотъ вы, Алексѣй Федорычъ, возвращаетесь въ торговомъ мѣрѣ,—обратился

онъ къ Иванову: — не можете ли мнѣ доставить хоть маленькій кредитъ на бумагу? Я заплачу, я вынырну, только бы журналъ на ноги поставить. Подписка будетъ. И посейчасъ приходятъ подписчики. Да я имѣю получить нѣкоторую сумму на журналъ. Мнѣ обѣщали. Одинъ откупщикъ обѣщаль.

Кажется, добрѣйшій Ивановъ, никому не отказывавшій, добылъ Камбеку немного бумаги для журнала, но журналъ все-таки не выходилъ, потому что типографія въ долгъ не печатала.

Камбека мы, я и Ивановъ, продолжали посѣщать, ожидая появленія номеровъ журнала, но совершенно безъ денегъ невозможно было издавать журналъ. Камбекъ бился, какъ рыба объ ледъ, изыскивая средства для продолженія «Петербургскаго Вѣстника», мѣсяца черезъ два выпустилъ номеръ его съ небывалымъ до того времени прибавленіемъ подъ заглавіемъ «Ерунда», наполненнымъ безграмотными замѣтками, состоявшими изъ рекламы о торговыхъ заведеніяхъ, бессмысленными стихами безъ размѣра и римъ, и объявилъ, что въ этомъ прибавленіи будетъ печатать отъ желающихъ печататься что угодно за плату по соглашенію съ редакціей. Журналы и газеты подняли Камбека на зубокъ и стали травить. Онъ оправдывался, что завелъ «Ерунду» во имя широкой гласности, дабы дать возможность высказаться о чемъ либо всякому желающему, даже и безграмотному, какъ онъ умѣетъ, какъ онъ чувствуетъ. Начались разсужденія въ печати, что такое значить слово «ерунда», разбирали слово этимологически, въ юмористическихъ журналахъ продергивали Камбека въ стихахъ, фамилія его появлялась съ прибавленіемъ слова «ерунда». Камбекъ сдѣлался притчей во языцѣхъ. Отъ «Петербургскаго Вѣстника» пришлось сторониться. Но и при введеніи «Ерунды» журналъ не могъ существовать. Выйдя еще двумя-тремя номерами, онъ прекратился навсегда.

Имя Камбека пропало съ страницъ газетъ и журналовъ, но черезъ годъ оно снова вынырнуло, и о Камбекѣ опять заговорили въ печати. Случилось это въ 1862 г. въ дни празднованія тысячелѣтія Россіи. На пароходѣ, отправлявшемся на открытіе памятника въ Новгородъ, переполненномъ пассажирами, случился на Волховѣ какой-то скандалъ по винѣ капитана и пароходной прислуги. Камбекъ, ѣхавшій среди другихъ пассажировъ, является протестантомъ и гровой пароходныхъ властей, завладѣваетъ браздами правленія, становится къ рулю и торжественно приводитъ пароходъ въ Новгородъ. О случаѣ этомъ долго писали и дебатировали. Одни обвиняли Камбека, другіе оправдывали его. Еще годъ спустя, Камбекъ, совсѣмъ уже покончившій съ печатью, является въ качествѣ распорядителя увеселительнаго заведенія «Хуторокъ» на Каменно-островскомъ проспектѣ, гдѣ теперь громадная богадѣльня Садовникова и Герасимова, разгуливал по саду въ красной рубахѣ и шляпѣ гречневикомъ, а затѣмъ исчезаетъ съ горизонта Петербурга

Кстати уномяну, что у Камбека я познакомился съ писателемъ В. П. Череванскимъ, впоследствии товарищемъ государственнаго контролера, помѣщавшимъ свои рассказы въ самомъ распространенномъ тогда и дешевомъ журналѣ «Сынъ Отечества» подъ редакціей Старчевскаго. Рассказы В. П. Череванскаго сильно читались и въ столицахъ и въ провинціи. Онъ писалъ много. Рассказы его помѣщались почти въ каждомъ номерѣ. В. П. Череванскій тогда только начиналъ свою служебную карьеру, былъ въ малыхъ чинахъ и жилъ въ квартирѣ Камбека, нанимая у него двѣ комнаты. В. П. Череванскій былъ первымъ писателемъ-прозаикомъ, съ которымъ я познакомился, и помню, что я читалъ ему выдержки изъ моихъ очерковъ «Апраксинцы», которые тогда писалъ. Онъ отнесся къ нимъ одобрительно и совѣтовалъ помѣстить ихъ у Старчевскаго, но впоследствии я отдалъ ихъ въ «Библиотеку для Чтенія» П. Д. Боборыкина.

Годъ, о которомъ я вспоминаю, былъ чреватъ великимъ событіемъ въ жизни Россіи. 19 февраля свершилось освобожденіе крестьянъ. Я помню этотъ день, помню чтеніе манифеста. Мать моя и старуха-мать крестная ходили въ церковь хотѣли служить молебень, но вернулись ни съ чѣмъ, сказавъ, что до очереди не доберешься: до того много заказныхъ молебновъ. Въ то время мы жили на Владимирской, какъ и прежде. Домашніе мои и наши знакомые ждали безпорядковъ въ Петербургѣ; говорили, что навѣрное освобожденный крѣпостной народъ разобьетъ кабаки, но уличныхъ безпорядковъ не было. Убѣжденіе, что кабаки будутъ разбиты, было настолько велико, что мать упрашивала меня, чтобы я въ этотъ день не ходилъ къ А. Ѳ. Иванову, который жилъ въ Ямской, недалеко отъ такъ называемаго Глазова кабака, а также держался бы подальше отъ кабака подъ названіемъ «Широкая Лѣстница», находившагося на углу Щербакова переулка. Кабаки остались цѣлы, хотя пьяныхъ въ этотъ день было дѣйствительно много. И молились, и пили, собирались на улицахъ группами, читали манифестъ, и полиція не разгоняла толпы. Помню, что простой народъ кричалъ на углу Невскаго и Владимирской «ура», хотя по улицѣ въ это время никто изъ царской фамиліи не ѣхалъ. Читали манифестъ и у насъ на дворѣ дворники и водовозы, а прислуга наша бѣгала слушать. Водопровода тогда еще не существовало, и воды у водовозовъ нельзя было допроситься. Съ нами въ домѣ по одной лѣстницѣ жилъ чиновникъ, полякъ К., и у него были крѣпостные поваръ и кучеръ. Тотчасъ же послѣ прочтенія манифеста они отъ него убѣжали, и онъ долго не могъ ихъ найти. Замѣчательно, что купцы-рыночники, ховяева, бывшіе когда-то и сами крѣпостными, не отмѣтили этого дня празднествомъ, и лавки были открыты. Ознаменованіе этого дня ограничилось въ рынкахъ складчинами на иконы, на лампы. У насъ въ домѣ праздника также никакого не было,

хотя половина родни матери моей до 19 февраля оставались крѣпостными. Отецъ и мать ея были выкуплены нашими знакомыми, но три брата ея и двѣ сестры жили на оброкѣ. Никакихъ демонстрацій не было и въ Гостиномъ дворѣ, хотя торговцы его были несравненно развитѣе торговцевъ другихъ рынковъ. Впрочемъ, можетъ быть, это произошло потому, что къ этому не успѣли приготовиться. Слухи объ освобожденіи ходили давно, но мало кто вѣрилъ въ купечествѣ, что эта реформа произойдетъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что торговые приказчики, бывшіе крѣпостными на оброкахъ, до послѣдняго момента отгупались у помѣщиковъ, и помѣщики, зная, что для нихъ все уже потеряно, отпустили этихъ крѣпостныхъ на волю все дешевле и дешевле.

Впрочемъ, нѣсколько гостинодворовъ по инициативѣ суконщика Лапотникова въ ознаменованіе 19 февраля основали Русское купеческое общество для взаимнаго вспоможенія, существующее и понынѣ, и открыли свои собранія, нанявъ помѣщеніе въ домѣ Руадзе на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста. Первымъ председателемъ былъ Лапотниковъ. Лѣтнее помѣщеніе общество имѣло у Строганова моста, на дачѣ Строганова и вначалѣ посѣщалось цвѣтомъ гостинодворской аристократіи. До того времени купеческія семьи, сидѣвшія у себя дома взаперти и выѣзжавшія только на свадьбы и именины къ своимъ же знакомымъ купцамъ, впервые начали выѣзжать въ этотъ клубъ, который, надо отдать справедливость, въ первое время отличался строгостью нравовъ и приличіемъ своихъ посѣтителей. Въ члены принимали съ большимъ разборомъ, гостями записывали только такихъ лицъ, которыхъ члены хорошо знали. Хорошо было поставлено тогда тамъ и дѣло вспоможенія разорившимся торговцамъ. Я довольно часто посѣщалъ этотъ клубъ, такъ какъ старшинами его въ то время были мой отецъ и дядя Василій. Впослѣдствіи я выступилъ тамъ (въ 1865 г.) актеромъ любителемъ въ любительской труппѣ майора В. Д. Квадри подъ фамиліей Водянова и игралъ комическія роли. Сами купцы, однако, не играли. Не помню, чтобы участвовалъ въ спектакляхъ кто либо и изъ купеческой молодежи.

Не забыто было въ этомъ клубѣ въ первое время и самообразование. Тогда начиналась мода на публичныя лекціи, и вотъ въ этотъ клубъ былъ приглашенъ читать популярныя лекціи элементарной физики и химіи профессоръ Петрушевскій. Какъ сейчасъ, помню этого красиваго ученаго штабъ-офицера, въ густыхъ золотыхъ эполетахъ, за столомъ, заставленнымъ физическими аппаратами и химическими препаратами въ банкахъ, показывающаго дѣйствіе электрической машины на субъекта, стоящаго на стеклянной скамейкѣ. Въ опытахъ по химіи, соединяя газы, Петрушевскій дѣлалъ выстрѣлы, что всегда производило особенный эффектъ среди слушателей, при чемъ дамы вскрикивали и затыкали уши.

По окончаніи лекціи члены клуба долго потомъ говорили о кислородѣ, водородѣ, вольтовомъ столбѣ, лейденской банкѣ и т. п. и въ шутку называли этими именами настойки въ буфетѣ и закуски.

Къ клубу этому относились симпатично въ началѣ шестидеся-
тыхъ годовъ не одни купцы. Посѣщался онъ и интеллигенціей. Помню, что книгопродавецъ Кожанчиковъ, имѣвшій книжный ма-
газинъ на Невскомъ и бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ грѣшнѣйшимъ тогда среди молодежи и въ литературѣ Н. И. Косто-
маровымъ, привелъ его въ клубъ, и Костомарову была устроена о-
вація. Когда Костомаровъ пилъ чай вмѣстѣ съ Кожанчиковымъ,
ихъ окружила толпа членовъ и долго апплодировала Костомарову,
а Костомаровъ стоялъ и раскланивался. Костомаровъ тогда только
что прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій въ Петербургѣ по
исторіи. Публичныя лекціи были новостью. Раньше онъ не раз-
рѣшался. Помню среди посѣтителей клуба и профессоровъ А. Н.
Энгельгардта, П. Л. Лаврова, писавшаго подъ псевдонимомъ П. Мир-
това, и впоследствии прославившагося въ Средней Азіи М. Г.
Черняева.

У клуба была большая читальня, гдѣ на длинномъ столѣ, по-
крытомъ зеленымъ сукномъ, были разложены все издававшіеся
тогда въ Петербургѣ и въ Москвѣ журналы и газеты. Для купе-
ческой публики все это было тогда новостью, да и не для одной
купеческой, и читальня по вечерамъ всегда была переполнена чи-
тающими. Среди купечества путемъ этого клуба совершался ка-
кой-то нравственный подъемъ. Сидѣвшіе до этого времени въ ру-
тинной затхали и полупотемкахъ, люди средняго торговаго класса
стали искать просвѣтлѣнія. Изъ библиотеки клуба, которая быстро
образовалась и расширялась, благодаря тому, что почти все пе-
тербургскіе книгопродавцы были тогда членами его, книги бра-
лись для чтенія на домъ нарасхватъ.

Но были и противники этого клуба среди гостинодворскаго
купечества. Десятки хозяевъ-гостинодворовъ, «людей стараго
лѣса», какъ ихъ тогда называли, отреклись и отплеывались
отъ этого клуба, видѣли въ немъ ядъ и не только сами не запи-
сались туда членами, но строжайше запретили своимъ сыновьямъ
и своимъ приказчикамъ посѣщать его, грозя послѣднимъ отказомъ
отъ мѣста. Запрещалось ими приказчикамъ записываться членами
и въ образовавшееся тогда одновременно въ память освобожденія
крестьянъ Общество для пособія приказчикамъ и сидѣльцамъ,
которое ужъ никакихъ цѣлей развлеченія не имѣло.

И образовались двѣ партіи среди средняго купечества. Одни
ожили, искали свѣта, то и дѣло употребляли модное тогда слово
«прогрессъ», узнавъ его со столбцовъ газетъ, увлекались и про-
ливали слезы, когда на литературно-музыкальныхъ вечерахъ клуба

читалось стихотвореніе А. Майкова «Поля», а другіе, вида, что начала закипать жизнь и среди ихъ сословія, еще больше сузили свободу своихъ сыновей и приказчиковъ.

А въ какомъ рабскомъ состояніи находились тогда лавочные приказчики у своихъ хозяевъ, подробно рассказано у меня въ моихъ очеркахъ «Апраксинцы». Это было второе крѣпостное право. Не у всѣхъ хозяевъ для приказчиковъ были отдѣльныя койки. Спали подвое на одной кровати, а то въ повалку на нарахъ, а мальчики, торговые ученики, стлали себѣ войлоки на полу. Въ большинствѣ случаевъ приказчикъ не зналъ, за какое жалованье онъ живетъ у хозяина. «Чего стоитъ будешь»,— вотъ былъ хозяйскій отвѣтъ. Приказчикъ не долженъ былъ имѣть при себѣ никакихъ денегъ и всякій разъ спрашивалъ ихъ себѣ у хозяина, объявляя ту нужду, для которой онъ проситъ: на сапоги, на покупку картуза, послать въ деревню домашнимъ и т. п. Бывали обыски по сундукамъ приказчиковъ у особенно строгихъ хозяевъ. Приказчики должны были быть или холостые, или такіе, у которыхъ семья жила внѣ Петербурга: въ деревнѣ или въ провинціи. Жить на своей квартирѣ, отдѣльно отъ хозяевъ, не дозволялось. Объясненіе этому: таскать изъ лавки товаръ будешь, и за тобой не услѣдишь. Даже заводить свои кровати для себя приказчику не дозволялось и называлось «барствомъ». Свободы никакой. Торговля каждый день. Лавки не открывались только въ первый день Пасхи и въ первый день Рождества да до обѣда въ Троицу и въ Новый годъ. Въ эти дни они и отпускаясь со двора и ужъ задавали же трезвону! Въ баню и въ церковь, къ ранней обѣднѣ и заутренѣ, разрѣшалось ходить, но при этомъ хозяева слѣдили, чтобы на это не было употреблено времени больше, чѣмъ слѣдуетъ. Только въ день счета лавки, когда хозяинъ сводилъ балансъ по торговлѣ (обыкновенно бывало это на Фоминой недѣлѣ), приказчикъ узнавалъ, «чего онъ стоилъ» и сколько получилъ за истекшій торговый годъ, но и тогда ему деньги его наруки не выдавались, а записывались хозяиномъ въ свою книгу, что такой-то имѣетъ получить столько-то. Приказчикъ, обыкновенно, не видалъ, записывалось это или нѣтъ, и хозяинъ всегда могъ отпереться, что приказчику ничего не долженъ, если бы тотъ вздумалъ уволиться и потребовать свои зажитыя деньги. Доказательствъ у него не было никакихъ.

Замѣчательно, что обычая, что лавочный приказчикъ долженъ быть непременно холостой и жить въ квартирѣ хозяевъ, придерживались и гостинодворы-голландцы, которые въ концѣ пятидесятихъ годовъ имѣли въ Гостиномъ дворѣ до десяти лавокъ. Съ бытомъ этихъ голландцевъ я имѣлъ возможность познакомиться, потому что у фирмы Смальтъ Энтгберта и К^о служилъ тогда мой дядя Николай, а у фирмы Эмбертсъ и К^о—мой братъ Василій, проходившій торговую науку съ 14-ти-лѣтняго возраста. Женатыхъ

приказчиковъ въ описываемое мной время не держали. Какъ только приказчикъ задумывалъ жениться, и бракосочетаніе совершалось, онъ терялъ мѣсто. Таковъ былъ обычай, хотя содержаніе приказчиковъ у голландцевъ стояло неизмѣримо выше самыхъ просвѣщенныхъ русскихъ торговцевъ того времени. Они хотя и жили въ хозяйской квартирѣ, но по вечерамъ, послѣ закрытія лавокъ, бывали свободны, могли располагать своимъ временемъ и по воскресеньямъ, такъ какъ голландцы по воскреснымъ днямъ лавокъ не отворяли. Столъ у нихъ, по отзывамъ служащихъ, былъ всегда хорошій, обильный, и, даже мало того, по праздникамъ приказчикамъ предлагались компанейскіе ужины, пиво, сигары и трубочный табакъ.

Здѣсь кстати сказать о голландцахъ-гостинодворахъ того времени. Самы они въ своемъ петербургскомъ быту представляли собою нѣчто въ родѣ особой секты съ своими обычаями. Голландцевъ было пять—шесть фирмъ въ Петербургѣ, и каждая состояла изъ нѣсколькихъ хозяевъ-компаньоновъ. Почти все они были родомъ изъ мѣстечка Альмелоо. Пріѣзжали въ Петербургъ холостыми, а женатые безъ женъ, и только по пропествію нѣсколькихъ лѣтъ женатымъ позволялось выписывать въ Петербургъ женъ. Холостые, по обычаю фирмъ, не смѣли жениться на русскихъ, нѣмкахъ или вообще на женщинѣ какой либо другой національности, кромѣ голландки, а такъ какъ въ Петербургѣ голландокъ не было, то ѣздили для женитьбы къ себѣ въ Голландію. Два года голландецъ былъ въ Петербургѣ, и на третій годъ ему дозволялось съѣздить на компанейскій счетъ къ себѣ на родину. Все голландцы были голландскими подданными, и не было случая въ тѣ времена перехода ихъ въ русское подданство, хотя нѣкоторые изъ нихъ, проживъ долго въ Петербургѣ, и русѣли. Вообще большинство ихъ и до старости оставались холостяками. Состарѣвшіеся выдѣлялись фирмами и отправлялись съ капиталомъ на родину на покой, а на свое мѣсто присылали какихъ либо своихъ родичей, которые дѣлались компаньонами. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ изъ двадцати-тридцати голландцевъ-гостинодворовъ только трое жили въ Петербургѣ съ женами и семьями. Я потому это знаю и пишу такъ утвердительно, что былъ знакомъ почти со всеми ими, и съ сыновьями одного изъ нихъ Э. учился вмѣстѣ въ Реформатскомъ училищѣ, и они были моими пріятелями. Проживая въ Петербургѣ, родившись даже въ Петербургѣ, имѣя все симпатіи здѣсь, они такъ и остались холостыми, такъ какъ послѣ смерти своего отца, вступивъ компаньонами въ фирму, по обычаю ея, не смѣли жениться на петербургскихъ невѣстахъ, а на своихъ заграничныхъ голландкахъ не хотѣли, не чувствуя къ нимъ симпатіи.

Во всякомъ случаѣ въ тѣ времена среди голландцевъ-гостинодворовъ много было добрыхъ людей. Приказчиковъ они держали

у себя только русскихъ, и когда кто либо изъ ихъ приказчиковъ, послѣ долгой службы задумавъ быть самостоятельнымъ, открывалъ свою торговлю, они не мѣшали имъ, не старались имъ подставить ногу, а напротивъ были случаи, что помогали деньгами или кредитомъ.

VIII.

1862 годъ засталъ меня попрежнему служащимъ въ кладовой Ф. Боненблуста, но я уже былъ повышень, и получалъ жалованья 25 рублей въ мѣсяцъ. Попрежнему—отпускъ товара гостинодворамъ хозяевамъ Апраксина и Щукина дворовъ, ихъ приказчикамъ и лавочнымъ мальчикамъ, а въ антрактахъ—чтеніе романовъ на кипахъ ситцевъ. Приказчики, освѣдомясь, что я пописываю въ газетахъ (въ популярной тогда «Сѣверной Пчелѣ» была помѣщена моя замѣтка о тяжеломъ положеніи торговаго мальчика-ученика), рассказывали мнѣ о своемъ безотрадномъ житьѣ-бытьѣ у хозяевъ. Я выслушивалъ ихъ и вносилъ все это въ черновики моихъ очерковъ «Апраксинцы», которые тогда все еще продолжалъ писать. Хозяева-апраксинцы, зная, что я пописываю, косились на меня и говорили дядѣ:

— Не для торговли у васъ этотъ молодець. Когда въ головѣ всякое воображеніе, пути не будетъ. Да и зачѣмъ онъ у васъ здѣсь? Онъ ученый. Ему бы поискать другого мѣста.

Дядя отмалчивался.

Разумѣется, замѣчанія эти доходили и до моего хозяина Боненблуста.

По вечерамъ, дома, въ свободное время я продолжалъ писать. Было это подчасъ довольно трудно при тѣснотѣ нашего житья, но жилецъ-чиновникъ К., съ которымъ я жилъ въ одной комнатѣ, иногда уходилъ со двора, и комната оставалась для меня свободной. Въ началѣ 1862 г. я написалъ рассказъ изъ чиновничьяго быта: «Неожиданная карьера». Явился онъ опять подъ вліяніемъ повѣстей Гребенки, которыя мнѣ очень нравились. Захотѣлось тогда рассказъ напечатать. Я вспомнилъ о еженедѣльномъ «Русскомъ Мирѣ». Онъ тогда, послѣ долгаго неоявленія въ свѣтъ, перешелъ отъ Лермонтовыхъ въ другія руки и издавался нотнымъ торговцемъ Стелловскимъ подъ редакціей А. С. Героглифова. Я передалъ рукопись рассказа въ нотный магазинъ Стелловскаго. Мнѣ сказали, что за отвѣтомъ надо прійти недѣли черезъ двѣ къ Героглифову, и дали его адресъ. Помню, что разъ пять-шесть ходилъ къ Героглифову въ его пріемные часы и не заставалъ его дома. Героглифовъ жилъ тогда на Вознесенскомъ проспектѣ, конокъ тогда не было, и мнѣ приходилось довольно долго пѣшеходствовать съ Владимирской улицы. Наконецъ Героглифова я засталъ. Встрѣтилъ онъ меня въ совершенно пустой квартирѣ. Какъ я узналъ

впослѣдствіи, всю мебель его продали за долги. Въ большой комнатѣ стоялъ только простой некрашенный кухонный столъ и два еловые табурета. На подоконникахъ лежали рукописи, книги, газеты. На столѣ стояли бутылки пива и два стакана. На табуретахъ у стола сидѣли Героглифовъ и довольно полный студентъ въ сюртукѣ съ синимъ воротникомъ и со стеклышкомъ въ глазу на черномъ шнуркѣ. Студентъ читалъ Героглифову нараспѣвъ, покачиваясь на табуретѣ, стихи. Это былъ Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій, впослѣдствіи авторъ знаменитаго романа «Петербургскія трущобы», извѣстное стихотвореніе котораго «Гитана» тогда было уже напечатано, очень понравилось публикѣ, и его заучивали даже наизусть. Я сказалъ свою фамилію и названіе моего разказа. Героглифовъ, тощій и высокій среднѣхъ лѣтъ человекъ съ бѣлокурыми цвѣта пакли волосами и такой же маленькой бородкой, всталъ съ табурета, направился къ подоконнику и заговорилъ:

— Есть такой разказъ, есть и будетъ напечатанъ. Разказъ не блещетъ перлами, но не дуренъ.

Отыскавъ на подоконникѣ мою рукопись, онъ перенесъ ее на столъ и познакомилъ меня съ Крестовскимъ, сказавъ мягкимъ, тихимъ, вялымъ голосомъ:

— Фамилію нашего поэта, я думаю, уже слышали. Нельзя не слышать, если пишете. А вотъ совсѣмъ еще начинающій писатель,— указалъ онъ Крестовскому на меня.— Пива не хотите ли?— спросилъ онъ меня.— Вотъ только сѣсть-то вамъ гдѣ?.. Садитесь на мой табуретъ, а я на подоконникъ сяду.

Я былъ наверху блаженства, узнавъ, что разказъ мой будетъ напечатанъ, и что я знакомлюсь съ извѣстнымъ поэтомъ В. В. Крестовскимъ. Помню, что Крестовскій сталъ просить у Героглифова денегъ, сообщивъ ему, что собирается въ Новую Деревню на «Минерашки», т.-е. въ увеселительный садъ.

— Нищъ я,— отвѣчалъ ему Героглифовъ, разводя руками.— Вы знаете, что гонорара сотрудникамъ не выдаю. Это дѣло не моего департамента. А, если хотите, къ Стелловскому могу дать записку рублей на пятнадцать.

И онъ написалъ для Крестовскаго записку къ Стелловскому.

Недѣли черезъ двѣ разказъ мой былъ напечатанъ въ «Русскомъ Мирѣ», и я получилъ изъ нотнаго магазина Стелловскаго гонораръ по три копейки за строку. Нарочно упоминаю объ этомъ, чтобы показать, какъ ничтожно мало тогда платили за литературныя произведенія начинающимъ авторамъ, да и не однимъ начинающимъ.

Здѣсь кстати сказать объ Александрѣ Степановичѣ Героглифовѣ. Онъ печатался въ разныхъ журналахъ, подписываясь своей полной фамиліей, но многіе думали, что Героглифовъ—это псевдонимъ

писателя, въ томъ числѣ и я помню, что при послѣдующей встрѣчѣ съ нимъ даже спросилъ его, какъ его настоящая фамилія, и очень удивился, когда онъ мнѣ объявилъ, что Героглифовъ его настоящая фамилія и есть.

Помѣщеніе моего разсказа въ «Русскомъ Мирѣ» послѣ долгой паузы по напечатаніи моего разсказа въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» дало сильный толчокъ моему писательству. Я оставилъ писаніе «Апраксинцевъ» и принялся готовить мелкіе разсказы, ожидая ихъ сбыта въ «Русскомъ Мирѣ», но «Русскій Миръ» вскорѣ прекратился выходомъ и при новомъ издателѣ. Маленькіе журналы тогда возникали, быстро приостанавливались, переходили изъ рукъ въ руки и также быстро погибали въ новыхъ рукахъ. Издатели почему-то думали, что начать издавать журналъ можно безъ затратъ, что подписчики на него тотчасъ такъ и посыплются, и журналъ сейчасъ же будетъ окупать себя, но на дѣлѣ это было не такъ. Стелловскій, наживавшій на нотахъ, сунулся въ журналистику и книгоиздательство и, тотчасъ же потерпѣвъ убытки на «Русскомъ Мирѣ», прекратилъ его.

Пришлось искать новый журналъ для помѣщенія моихъ разсказовъ, и вотъ А. Θ. Ивановъ, всегда бывшій безсребренникомъ при помѣщеніи своихъ стиховъ, указалъ мнѣ на В. Р. Зотова, издававшего и редактировавшего тогда еженедѣльный журналъ «Иллюстрированный Листокъ», гдѣ онъ время отъ времени помѣщалъ свои стихи. Толстыхъ журналовъ я боялся. Попасть въ нихъ тогда сотрудникомъ казалось мнѣ недосыгаемымъ для меня. Да, кажется, что и Ивановъ по присущей ему скромности точно такъ же полагалъ относительно своихъ произведеній.

И вотъ мы оба отправились къ В. Р. Зотову, жившему на Литейной, на углу Бассейной въ домѣ Краевского. Домъ этотъ въ то время былъ литературнымъ гнѣздомъ. Здѣсь жили, кромѣ домовладѣльца, издателя «Отечественныхъ Записокъ» и газеты «Голосъ», А. А. Краевского, издатель «Современника» Н. А. Некрасовъ, его сотрудники-критики: А. Ф. Головачовъ и Г. З. Елисѣевъ, и наконецъ В. Р. Зотовъ. Зотовъ жилъ въ надворномъ строеніи.

Зотовъ, какъ сейчасъ помню, принялъ насъ въ мѣховомъ на бѣлкахъ сѣромъ халатѣ, хотя мы пришли къ нему въ пріемные часы. У него была какая-то дама съ рукописью въ рукѣ. Она сидѣла въ маленькомъ довольно темномъ кабинетѣ, окна котораго выходили въ стѣну.

Подслѣповатый, близорукій Зотовъ, разговаривая, то и дѣло откидывалъ свои рѣдкіе черные волосы за уши, говорилъ съ какими-то ужимками и пощипывалъ нѣсколько волосковъ на бородѣ, которая у него совсѣмъ не росла. Лицо было худое, сѣро-желтоватое, самъ онъ тщедушенъ. Съ перваго раза онъ мнѣ показался большимъ или изнуреннымъ послѣ тяжелой болѣзни. Костюмъ его тоже

говорилъ за это. Но при послѣдующихъ посѣщеніяхъ его я убѣдился, что у него былъ только такой видъ, да и мѣховой халатъ не сходилъ съ него, когда я заставалъ его дома. Зотовъ всегда пользовался здоровьемъ и умеръ въ глубокой старости.

Когда дама ушла, Зотовъ заговорилъ съ нами. Ивановъ представилъ меня. Зотовъ взялъ отъ меня рукопись. Узнавъ, что я изъ купеческаго званія, и рассказъ мой изъ купеческаго быта, Зотовъ заговорилъ:

— Да-съ... Теперь такіе рассказы желательны-съ... Повѣяло народнымъ духомъ. Прочитаю, и если подходящъ будетъ вашъ рассказецъ, напечатаю, непременно напечатаю. Но напередъ вамъ скажу, что въ данное время журналъ очень стѣсненъ-съ, и гонорара я вамъ заплатить не могу. Потомъ-съ, когда журналъ встанетъ на ноги, съ удовольствіемъ, но теперь не могу. Никто не получаетъ. Вотъ Алексѣй Ѳеодорычъ ужъ знаетъ, — указалъ онъ на Иванова.—Знаетъ и помѣщаетъ свои стихи ради будущихъ благъ.

Я согласился на его условія.

Впослѣдствіи я узналъ, что Зотовъ дѣйствительно никому не платилъ. Да и сотрудниковъ постороннихъ у него не было. Для «Иллюстрированнаго Листка» онъ писалъ самъ, писали его жена и сынъ. Журналъ, впрочемъ, и просуществовалъ недолго и погибъ. Это былъ маленькій, сѣренькій журнальчикъ, очень скудный иллюстраціями, которыя заготовлялись тогда только на деревѣ и стоили очень дорого.

Рассказъ мой появился въ слѣдующемъ же номерѣ. Очевидно, что Зотовъ очень нуждался въ матеріалѣ. Помню, что, невзирая на отказъ въ гонорарѣ, я помѣстилъ въ журнальчикѣ Зотова еще небольшой рассказецъ и даже написалъ два-три обзорнія петербургской жизни, въ родѣ фельетоновъ. Гонорара отъ Зотова я такъ и не получилъ.

Въ 1862 г. семья наша за скудостью средствъ не выѣзжала на дачу. Отецъ мой, потерявъ все, что имѣлъ, ничего не зарабатывалъ, и мы жили на средства дяди. Отецъ искалъ мѣста, но его никто не бралъ приказчикомъ, какъ бывшаго хозяина, привыкшаго къ самостоятельной жизни, къ тому же неудачника, пожилого человѣка и обремененнаго семьей. О тогдшнемъ взглядѣ на приказчиковъ вообще я уже упоминалъ. Естественно, что меня, молодого человѣка, тянуло на воздухъ, на лоно природы, и наканунѣ праздниковъ я ѣздилъ гостить въ семейство моего двоюроднаго брата, Анопова, съ которымъ я вмѣстѣ служилъ въ кладовой Боненблуста. Аноповы тогда жили на дачѣ въ Полюстровѣ, около Безбородкинскаго парка. Мѣсто это было тогда очень любимо петербуржцами. До десятка дворовъ съ полусотней деревянныхъ небольшихъ дачъ въ Александровской улицѣ примыкали къ парку и имѣли даже выходъ въ паркъ. Паркъ былъ большой

съ прекрасными липовыми тѣнистыми аллеями, и въ немъ дачники проводили время. Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, хотя и жилъ въ тотъ годъ въ своемъ дѣдовскомъ дворцѣ, выходящемъ и на Неву, и въ паркѣ, не стѣснялъ дачниковъ, часто приглашалъ военный оркестръ, который игралъ по вечерамъ въ паркѣ передъ дачниками, и любилъ бродить среди нихъ. Любезность его по отношенію къ дачникамъ простиралась до того, что онъ иногда даже высылалъ въ толпу лакеевъ съ подносами блюдецекъ мороженаго и чашекъ шоколада, которые и предлагались дачникамъ. Графъ жилъ широко, проживалъ кучу денегъ, имѣлъ множество прислуги, совершенно не зная цѣны деньгамъ, и тогда рассказывали, что управляющій его ставилъ ему въ счетъ по содержанию дома и парка только за однѣ метлы около 5.000 рублей. Выносились прохладительное питье въ видѣ лимонада, оршада и клюквеннаго морса. Графъ, какъ сейчасъ помню, въ свѣтломъ фланелевомъ костюмѣ и въ мягкой фуражкѣ англійскаго образца, надетой на лобъ, всегда показывался въ сопровожденіи своихъ сотрудниковъ. Онъ тогда издавалъ ежемѣсячный журналъ «Русское Слово». Графъ былъ высокій, стройный, холеный человекъ среднихъ лѣтъ, съ небольшою русою бородкою и добрыми голубыми глазами. Двигался онъ всегда усталой походкой. Среди сотрудниковъ, окружавшихъ его, выдѣлялся всегда Л. А. Мей въ красной рубахѣ, высокыхъ русскихъ сапогахъ и въ накинутой на плечи однорядкѣ, высокій, красивый, съ черной бородой. Затѣмъ неизмѣннымъ его спутникомъ бывалъ секретарь редакціи, Г. А. Благосвѣтловъ, невзрачный, сутуловатый, съ желтымъ, безбородымъ, тщательно выбритымъ лицомъ, въ золотыхъ очкахъ и въ калабрійской шляпѣ съ широкими полями, а также и Всеволодъ Крестовскій и Н. И. Кроль, который ему приходился родственникомъ по женѣ. Кроль и Благосвѣтловъ даже жили въ домѣ графа, отчего впоследствии, при возникшей журнальной полемикѣ и нападкахъ на Благосвѣтлова, его и упрекали печатно, что онъ спалъ въ графской прихожей на шинеляхъ. Выходилъ графъ съ своими гостями-сотрудниками въ публику всегда подъ вечеръ, послѣ лукулловскихъ обѣдовъ, которыми кормилъ ихъ. Иногда на террасѣ еще продолжались возліянія, и я помню, какъ однажды Л. А. Мей, разгоряченный виномъ, читалъ съ террасы передъ дачниками какое-то свое стихотвореніе со стаканомъ вина въ рукѣ, и Мею восторженно аплодировали.

Въ паркѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородка былъ небольшою деревянный театръ, и въ этомъ-то театрѣ въ одно изъ воскресеній былъ любительскій спектакль, въ которомъ игралась поэма А. Н. Майкова «Три Смерти», при чемъ всѣ роли исполнялись писателями, и Сенеку, помню, игралъ самъ авторъ, а раба—Всеволодъ Крестовскій. Спектакль былъ поставленъ съ рѣдкой роскошью.

На писателей въ то время мы, читающая молодежь, да и вообще многіе интеллигентные люди смотрѣли съ благоговѣніемъ, какъ на людей, выдвинувшихся изъ толпы, отмѣченныхъ перстомъ свыше, какъ на полубоговъ. Передъ писателемъ преклонялись, писатель былъ желаннымъ гостемъ въ каждой интеллигентной семьѣ, не исключая и аристократическихъ, хотя бы онъ былъ угловатъ, со странностями. Даже эти-то его угловатости и странности иногда и нравились въ немъ. Я говорю о началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда все перерождалось, и явился у всѣхъ подъемъ духа. Естественно, что примѣръ былъ заразителенъ, спектакль съ писателями далъ толчекъ и дачной молодежи, и вотъ я, мои двоюродные братья и проживавшіе вмѣстѣ съ моими двоюродными братьями на дачѣ студенты-технологи задумали также устроить спектакль въ этомъ театрѣ. Разрѣшеніе графомъ на театръ было дано, мы подали на высочайшее имя прошеніе объ устройствѣ спектакля (это тогда было непрѣмное условіе, потому что существовала монополія императорскихъ театровъ), и спектакль былъ разрѣшенъ. Устроили мы его съ благотворительной цѣлью. Были поставлены: «Не сошлись характерами» Островскаго и водевилъ «Что имѣемъ, не хранимъ», и я игралъ въ пьесѣ Островскаго роль купца Толстого-Раздова, а роль купчихи, моей жены, художникъ-фотографъ Е. И. Берестовъ, человекъ маленькаго роста, имѣвшій чуть ли не первую по открытію фотографію вмѣстѣ съ художникомъ И. Н. Щетиннымъ, знаменитымъ мозаистомъ, сдѣлавшимъ нѣсколько иконъ для Исакиевскаго собора. Это былъ мой первый выходъ на сцену. Берестовъ сыгралъ роль забитой купчихи прекрасно. Впослѣдствіи онъ вообще игралъ только такія роли.

Въ описываемый мной годъ публичные спектакли любителей только зарождались. Писатели участвовали въ нихъ зачастую, и зимой въ театрѣ Пассажа былъ поставленъ «Ревизоръ» Гоголя, гдѣ всѣ роли играли писатели, и даже въ толпѣ купцовъ, подносившихъ Хлестакову хлѣбъ-соль, исполняли безсловесныя роли Тургеневъ и Краевскій. Спектакль былъ устроенъ съ благотворительной цѣлью. Билеты на спектакль брались съ боя.

Вообще въ этотъ годъ (1862) нарождались въ Петербургѣ всѣ частныя зрѣлища, публичныя лекціи и диспуты, которыхъ раньше не было. Да и негдѣ было ихъ устраивать. А къ этому времени откупщикъ Руадзе выстроилъ великолѣпный домъ съ громаднымъ заломъ на Мойкѣ, архитекторъ Реймерсъ построилъ первый частный театръ въ Измайловскомъ полку.

Въ этомъ театрѣ я и мои двоюродные братья зимой также устроили спектакль, въ которомъ игралъ я.

На ряду съ просвѣтительными развлеченіями открываются и многочисленныя танцклассы въ городѣ и за городомъ, съ бѣшеннымъ канканомъ, съ наемными спеціалистами по части канкана (Фокинъ,

Катъка Ригольботъ), возникають первые кафе-шантаны. Танц-классы даже покровительствуются полиціей въ видахъ сыска. Рассказывали, что даже сами сыщники открывали танцклассы. Сыщники были даже среди дамъ легкаго поведенія, наполнявшихъ танцклассы. Молодежь все это знала и все-таки наполняла танцклассы. Нѣкоторыя дамы эти, или камеліи, какъ ихъ тогда принято было называть печатно, иногда поражали своими разговорами о Некрасовѣ, Щедринѣ, Добролюбовѣ, Чернышевскомъ, Аполлонѣ Майковѣ и называли ихъ произведенія. Иногда цитировали стихи извѣстныхъ поэтовъ и въ особенности изъ «Гитаны» Всеволода Крестовскаго:

«Не кори меня въ развратѣ,
«Но цѣлуй звончѣй, звончѣй!
«Поздно думать объ утратѣ
«Прежнихъ отроческихъ дней».

Знали онѣ наизусть и куплеты Беранже въ переводѣ В. С. Курочкина, произносили строчки изъ стихотвореній М. П. Розенгейма, говорили о женской эмансипаціи. Молодежи это нравилось, и она увлекалась ими.

1862-й годъ былъ обилень громадными пожарами. Петербургъ горѣлъ каждый день. Приписывали ихъ поджогамъ. Простой народъ говорилъ, что это—поляки. На поляковъ тогда валились всѣ невзгоды. Въ маѣ мѣсяцѣ, въ Духовъ день, былъ ужасающій пожаръ двухъ рынковъ. Сгорѣли Аираксинъ и Щукинъ дворы съ тысячами лавокъ. Горѣло нѣсколько дней подъ рядъ. Пожарная команда и войска безсильны были остановить пожаръ. Кромѣ рынковъ, сгорѣли торговыя заведенія въ домѣ Пажескаго корпуса, въ Чернышевомъ переулкѣ отъ Садовой до площади, сгорѣло зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ у Чернышева моста. Огонь перекинуло черезъ Фонтанку, горѣли барки на Фонтанкѣ съ вынесенными изъ рынковъ въ началѣ пожара товарами, пылали костры съ привезенными изъ рынка товарами даже на углу Щербакова переулка, на дворѣ государственнаго банка на Садовой горѣлъ вынесенный изъ рынковъ товаръ, и угрожала опасность загорѣться даже самому банку. Горѣли лавки въ Мучномъ переулкѣ. Въ народѣ была неопикуемая паника. Были и народныя звѣрскія расправы съ будто бы словленными поджигателями. Пожаръ на всѣхъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Онъ разорилъ тысячи торговцевъ.

Я помню этотъ пожаръ. Начался онъ въ Духовъ день, подъ вечеръ. Когда загорѣлось, то добрая половина хозяевъ-рыночниковъ была на гуляньѣ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ въ тѣ времена ежегодно устраивалось гулянье въ Духовъ день съ нѣсколькими оркестрами военной музыки. Гулянье это тогда въ просторѣчьи звалось смотромъ купеческихъ невѣсть. И въ самомъ дѣлѣ низшее

и среднее купечество вывозило и выводило на гулянье въ Лѣтній садъ невѣсты—дочерей, племянницъ, въ лѣтнихъ модныхъ обновкахъ. Расфранченные женихи изъ купечества стояли шпалерами по бокамъ главной аллеи сада и смотрѣли на цѣлый потокъ двигавшихся по аллеѣ купеческихъ невѣстъ. Да двигались въ этомъ потокѣ невѣсты и не изъ однѣхъ купеческихъ семей, а и изъ чиновничьихъ. Мелкое чиновничество жило почти той же жизнью, что и купцы. Стояли въ шеренгахъ и женихи-чиновники. Свахи, которыхъ тогда было въ Петербургѣ множество, шныряли отъ жениховъ къ невѣстамъ и обратно, и сообщали о приданомъ невѣстъ, о положеніи жениховъ. Островскій съ фотографической точностью въ своихъ пьесахъ изобразилъ бытъ и сватовство и этого купечества и этого чиновничества, хотя и писалъ изъ московскихъ и провинціальныхъ нравовъ, а Петербургъ того времени очень мало въ этой жизни рознился отъ Москвы и провинціи.

Гулянье въ этотъ день въ Лѣтнемъ саду было особенно многолюдно. Я былъ на немъ. Погода была прекрасная, солнечная, жаркая. На аллеяхъ было тѣсно. Двигались буквально плечо въ плечо. Вдругъ въ самый разгаръ гулянья пришло извѣстіе, что Апраксинъ дворъ горитъ, лавки горятъ. Трудно описать, какая свалка произошла въ это время въ Лѣтнемъ саду. Пожары тогда были повальные и не ограничивались малыми жертвами. Передъ этимъ пожаромъ только что выгорѣла треть улицъ въ Семеновскомъ полку, которая тогда такъ же звались ротами, какъ нынѣ въ Измайловскомъ полку, былъ громадный пожаръ на Пескахъ, уничтожена половина построекъ на Черной рѣчкѣ. «Рынокъ горитъ! Апраксинъ горитъ!»—повторялось повсюду, и одни бросились къ выходамъ изъ сада, другіе къ Лебяжьему каналу, какъ къ открытому мѣсту, чтобы посмотреть на дымъ, который валилъ тремя столбами, ибо загорѣлось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Бѣжавшіе сшибали другъ друга съ ногъ, перескакивали черезъ нихъ, сами падали, давили другъ друга. Тѣ, которые старались подняться, ухватывались за чужую одежду, рвали ее. Раздавались стоны, крики, вопли. Многія женщины лежали въ обморокѣ. Я находился во время извѣстія о пожарѣ съ моимъ двоюроднымъ братомъ на аллеѣ на берегу Лебяжьяго канала. Въ неогражденный ничѣмъ каналъ съ крутыми берегами напиравшая толпа стала стлкать публику. Люди скатывались по кругому берегу. Мой двоюродный братъ полетѣлъ въ воду однимъ изъ первыхъ. Къ счастью, что вода была не глубока. Упавшіе поднимались и ходили въ водѣ по поясъ, перебираясь на противоположный берегъ къ Царицыну лугу. Я какимъ-то чудомъ удержался на берегу и, ужъ спустя добрыхъ полъ-часа, вышелъ въ ворота къ Инженерному замку. Помню, что на аллеяхъ сада продолжали еще лежать женщины. Около нихъ суетились мужчины, приводя ихъ въ чувство. Рассказывали, что во время па-

ники и свалки появились злоумышленники, которые срывали часы, бриллантовые украшенія съ купеческихъ дамъ, браслеты, рвали даже серьги изъ ушей. Помню, полиція, которой тогда было вообще мало, совсѣмъ отсутствовала. Очень можетъ быть, что она вся бросилась на пожаръ. Извозчиковъ у выхода сада не было никакихъ, да и на Фонтанкѣ, по которой я шелъ, направляясь къ себѣ домой на Владимирскую. Ихъ всѣхъ расхватали. Помню бѣгущихъ раскраснѣвшихся дамъ и дѣвицъ въ помятыхъ разорванныхъ нарядахъ. Нѣкоторыхъ женщинъ вели мужчины въ исковерканныхъ шляпахъ, цилиндрахъ. И на Невскомъ не было извозчиковъ. Оказалось, что они всѣ бросились къ горѣвшему рынку, чтобы вывезти изъ огня товаръ. Потомъ говорили, что извозчики брали по три и по пяти рублей за конецъ. На Фонтанкѣ, близъ Аничкина моста, уже увидѣлъ перевозчицкіе ялики и ялботы, везущіе грузы вытащенного изъ горѣвшихъ лавокъ товара. Столбы дыма, носившагося надъ рынкомъ, уже слились. Леталъ пепелъ крупными хлопьями отъ горѣвшаго товара и черными пятнами покрывалъ тротуаръ и улицу. На углу Графскаго переулка, сворачивая къ себѣ на Владимирскую, я увидѣлъ барки съ дровами, а сверху дровъ были набросаны куски товаровъ, готовое платье, шубы. Барки волокли канатами по направленію къ Аничкину мосту. Тутъ же я услышалъ страшный взрывъ, и густой столпъ чернаго дыма высоко взвился въ воздухъ, выдѣляясь отъ общаго дыма. Это взорвало порохъ: въ Апраксиномъ рынкѣ вмѣстѣ съ оружіемъ торговали и порохомъ. Когда я явился домой, на дворѣ разгружались двѣ четырехмѣстныя кареты, привезшія съ пожара ситцы, шелковую и шерстяную матеріи, куски полотна. Въ нашемъ домѣ жилъ рыночный торговецъ Петровъ, и это былъ его товаръ. Даже на крышахъ каретъ были привязаны куски товара.

Когда я явился домой, обо мнѣ страшно беспокоились. Мать плакала. Хоть и довольно далеко мы жили отъ горѣвшаго рынка, но на открытомъ окнѣ, обращенномъ къ пожару, мать выставила образъ Неопалимой купины. Хлопья пепла горѣвшей матеріи, впрочемъ, летѣли и къ намъ на дворъ, наносимые вѣтромъ. Домой къ намъ кто-то принесъ извѣстіе, что на улицахъ около горѣвшихъ рынковъ, кромѣ того, бунтъ, что ужъ даже стрѣляютъ изъ пушекъ. Прислуга на всякій случай связывала въ узлы свои пожитки, приготавливаясь съ ними бѣжать. Дядя Василій отправился въ Гостиный дворъ охранять кладовую. Велѣно было и мнѣ идти туда же, какъ служащему, но мать не пускала. Я ушелъ, невзирая на всѣ ея просьбы. Путь я избралъ ближайшій по Графскому, Троицкому Чернышеву переулкамъ, но по Чернышеву дойти можно было только до моста, и то лавируя мимо грудъ всевозможныхъ товаровъ. Навстрѣчу мнѣ бѣжали ларьковые торговцы и торговки, съ головы до ногъ нагруженные товарами изъ своихъ ларьковъ. Женщины при

Этомъ плакали и воили: «Обѣда! погибаемъ!» У моста стоялъ взводъ солдатъ, и черезъ мостъ никого не пускали. Въ домахъ у моста на окнахъ вездѣ видѣлись иконы. Мнѣ хотѣлось пробраться на уголь Садовой и Чернышева къ лавкѣ А. О. Иванова, дабы узнать, въ какомъ положеніи находится онъ, но пришлось повернуть по Фонтанкѣ къ Невскому. На мѣстѣ рынка за мостомъ среди дыма видѣлись сотни огненныхъ языковъ, но огонь еще не перекинуло черезъ Фонтанку, не горѣло еще и зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. На набережной Фонтанки вплоть до Графскаго переулка лежалъ въ грудяхъ и валялся утеранный товаръ. Я хотѣлъ переѣхать отъ Графскаго переулка къ существовавшему тогда Толмазову переулку, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся хозяйственныя постройки Аничкова дворца, но перевоза уже не было. Каменные спуски и деревянные плоты съ обѣихъ сторонъ были завалены товаромъ, привезеннымъ на лодкахъ. Я направился къ Невскому проспекту. По Невскому дилижансы Шапина, ходившіе отъ Гостиного двора въ Лѣсной и въ Новую деревню, также везли товаръ, направляясь къ Литейной.

Вотъ и Гостиный дворъ. По случаю Духова дня половина торговцевъ не отворяли лавокъ, а кто отворялъ ихъ, тѣ, какъ только начался пожаръ въ Апраксиномъ дворѣ, сейчасъ же заперли свои лавки. Но всѣ торговцы были въ сборѣ, стояли на галереяхъ около запертыхъ лавокъ вмѣстѣ съ своими приказчиками и гостинодворскими сторожами и охраняли, боясь, что можетъ загорѣться и Гостиный дворъ. Разсказывали ужасы. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что это—поджогъ, такъ какъ загорѣлось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что подожгли поляки, говорили, что поймали даже кого-то съ бутылкой жидкости, которой онъ брызгалъ на деревянный заборъ лѣсного склада на Фонтанкѣ, говорили, что въ Апраксиномъ переулкѣ разбиты кабаки, что и подтверждалось тѣмъ, что вечеромъ на Садовой было много пьяныхъ. Да пьяныхъ и вообще по случаю праздника было много.

Спустилась майская сѣрая ночь, а пожаръ не только не прекращался, но свирѣпствовалъ еще съ большей силой. Потухая въ одномъ мѣстѣ, огонь шелъ дальше и захватывалъ новую пищу. Громадное зарево висѣло надъ всѣмъ городомъ. Горѣло ужъ то, что было вытащено и вывезено на улицы. Пожарные выбились изъ силъ и отступали, уступая на жертву огню захваченныя и не захваченныя еще имъ постройки. Да и не вездѣ можно было приступить. Два горѣвшіе рынка представляли собою лабиринтъ лавокъ, лавченокъ и ларьковъ. Проѣзды были такъ узки, что бочки и пожарные насосы не могли въѣхать въ лабиринтъ, да было это и опасно. Огонь быстро окружалъ со всѣхъ сторонъ негорѣвшія еще площадки. Были случаи, когда приходилось бросать на жертву ввезенные пожарные инструменты и только самимъ

спасаться и спасать лошадей. Гостинодворы остались почевать у своихъ лавокъ. Нѣкоторые вошли въ свои торговыя заведенія и разлеглись на прилавкахъ. Дядя и я ушли почевать домой, оставивъ артельщиковъ у запертыхъ кладовыхъ на караулѣ.

На другой день пожаръ продолжался, продолжался онъ и на третій день и догоралъ цѣлую недѣлю. На улицахъ, прилегающихъ къ пожарищу, стояла цѣпь солдатъ, ѣздили конные патрульные казаки. Торговцы отыскивали и разбирали на улицахъ свой товаръ, который не успѣлъ сгорѣть. Все, что было вынесено изъ каменныхъ корпусовъ на Садовую улицу въ предѣлахъ отъ Апраксина до Чернышева переулка, сгорѣло. Огонь былъ настолько силенъ, что желѣзная рѣшетка государственнаго банка на Садовой согнулась, а каменный цоколь далъ трещины и обсыпался. Испорчена была вся набережная на Фонтанкѣ противъ рынковъ, а булыжная мостовая, накалившаяся и поливаемая водой, превратилась въ дресву. На площади у Чернышева моста лежали груды дѣлъ, выброшенныхъ изъ оконъ обгорѣвшаго дома министерства внутреннихъ дѣлъ. На той сторонѣ Фонтанки выгорѣлъ лѣсной дворъ и прилегающее къ нему большое каменное зданіе. Много товару было въ дворахъ полицейскихъ зданій. Квартальные, производя допросы, возвращали торговцамъ товаръ. Они же были посредниками при дѣлѣжѣ товара съ улицъ. Доказать, что дѣйствительно свое, что чужое, было трудно. Еще труднѣе было это рѣшить постороннему человѣку, хотя бы и полицейскому. Двѣ трети торговцевъ потеряли все, что имѣли, но были и такіе ловкіе, которые захватили послѣ пожара то, чего у нихъ и на половину не было. Разузнется, такихъ было немного. Ничего не успѣли спасти посудники, мебельщики, бакалейщики, книжники, торговцы металлическими издѣліями. Впрочемъ торговцы мѣдной посудой, когда пожаръ окончательно потухъ, отрывали кое-что изъ своего товара въ угольяхъ и пеплѣ, но металлъ былъ въ слиткахъ. Огонь до того былъ силенъ, что расплавилъ металлическія издѣлія. Расплавилась даже мѣдные золоченые кресты часовень, находившихся внутри рынковъ. Нѣкоторыя большія иконы отъ вѣздовъ въ рынки были спасены и еще на третій и четвертый день послѣ пожара стояли на тротуарѣ на Чернышевой площади, прислоненныя къ стѣнѣ дома, рядомъ съ строеніями театральной дирекціи.

А сколько драгоценныхъ старинныхъ рѣдкихъ книгъ погибло у рыночныхъ букинистовъ! Были въ рынкѣ торговцы старинными рѣдкими книгами, какъ, напримѣръ, Федоровъ, которые нѣкоторыми экземплярами въ своихъ книгохранилищахъ могли похвастаться передъ казенными библіотеками. Какая масса была тамъ рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ, столь цѣнимыхъ нашими старообрядцами, и погибла прехомъ, сдѣлавшись жертвою огня! Погибла и добрая половина старинныхъ книгъ склада Терскаго въ Чернышевомъ переулкѣ. Такъ какъ

Чернышевъ переулкъ сталъ горѣть во второй день пожара, и его все еще надѣялись отстоять, то нѣкоторыя книги были перенесены во дворъ Пажескаго корпуса, но и тамъ при переноскѣ онѣ были растеряны, многотомныя сочиненія разрознены. Терскаго приказчикъ В. И. Рыкушинъ былъ ушибленъ пожарными и лежалъ больной. Сгорѣла суконная лавка поэта А. Θ. Иванова (Классика) въ Чернышевомъ переулкѣ; кое-какой суконный товаръ успѣли спасти, вынеся его тоже на дворъ Пажескаго корпуса, но спасеннаго было немного, да и это немного подверглось рехищенію во время переноски. Поэтъ-безсребренникъ, однако, не упалъ духомъ въ конецъ и написалъ нѣсколько стихотвореній по поводу этого небывалаго въ лѣтописяхъ Петербурга пожара.

Товара сгорѣло на многіе милліоны. Образовавшійся послѣ пожара комитетъ собиралъ свѣдѣнія, старался подвести настоящую цифру потерь, но, кажется, такъ и не смогъ. Официально ничего опубликовано не было. Застраховано не было и сотой доли. Страховыя общества не принимали на страхъ товаръ въ лабиринтахъ деревянныхъ лавокъ внутри Апраксина и Щукина дворовъ. Почти всѣ погорѣвшіе торговцы были разорены. Былъ крупный торговецъ, В. К. Вантуринъ, имѣвшій нѣсколько лавокъ, у котораго однихъ ситцевъ погибло болѣе, чѣмъ на полмилліона. Говорили, что болѣе чѣмъ на такую же сумму сгорѣло у крупнаго торговца галантерейными товарами, Аверьянова. На огромную сумму сгорѣло шелковаго товара у Коровина, фирма котораго существуетъ и понынѣ. Я зналъ ихъ, потому что контора Боненблюста вела съ ними дѣла.

Весь рынокъ пересталъ платить по торговымъ обязательствамъ. Векселя протестовались, но ни у кого изъ кредиторовъ, дѣлавшихъ съ погорѣвшими торговцами дѣла, не хватало на первое время духа подавать векселя ко взысканію. Напротивъ, торговцы, оптовики, въ особенности иностранцы, измышляли средства какъ нибудь скорѣе прійти на помощь къ погорѣвшимъ своимъ кліентамъ, соглашались взять по стольку копеекъ за рубль долга, по скольку тѣ предлагали, и сулили имъ дальнѣйшій кредитъ товаромъ, только бы тѣ скорѣе открывали гдѣ нибудь торговлю. Вѣдь въ Петербургѣ въ этотъ пожаръ погорѣло болѣе половины петербургскихъ торговцевъ. Кому же было продавать кладовщикамъ-оптовикамъ, если бы они поступили иначе? Первое время послѣ пожара почти не было несостоятельности торговцевъ-погорѣльцевъ, объявленныхъ черезъ коммерческой судъ.

И вотъ погорѣвшіе торговцы, ободренные своими кредиторами, стали открывать лавки въ домахъ, строить временные торговые балаганы на Семеновскомъ плацу.

На не расчищенныхъ еще отъ мелкаго угля пепелищахъ рынковъ также начали строить шалаши для торговли. Первыми за-

торговали торговки старымъ платьемъ, торговки-еврейки въ шелковыхъ парикахъ, затѣмъ лоскутники, и мало-по-малу образовался такъ называемый «развалъ». Къ развалу примкнули мелкіе бакалейщики и торговцы фруктами, башмачники и сапожники, и ужъ послѣ нихъ стали возникать шалаши съ суровскими, и галантерейными товарами. Помню, что экономные люди сейчасъ же пошли къ нимъ покупать за безцѣнокъ обгорѣлые и залитые водой каленкоръ, ситцы и другія матеріи. А вокругъ шли раскопки въ пеплѣ. Вынимали слившійся металлъ, монеты.

Собирались пожертвованія для погорѣльцевъ, устраивались въ пользу ихъ гулянья, зимой музыкальные и литературные вечера, спектакли, но все это дало въ послѣдствіи пустяки. Погорѣльцевъ въ ихъ временныхъ шалашахъ посѣтилъ государь Александръ II, принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, говорилъ рѣчь со словами утѣшенія и повелѣлъ образовать комитетъ для постройки каменнаго рынка на мѣстѣ Щукина двора, гдѣ каждый погорѣвшій торговецъ могъ подѣ построить лавки занять то мѣсто, на которомъ онъ торговалъ до пожара. Въ послѣдствіи это опредѣленіе мѣстъ, гдѣ кто торговалъ, повело къ великимъ спорамъ и раздорамъ среди торговцевъ. Да и комитетъ по постройкѣ упрекали въ халатности расходованія суммъ по постройкѣ. А. Θ. Ивановъ и я обличали въ 1863 г. комитетъ этотъ въ «Искрѣ» въ написанныхъ нами сообща замѣткахъ въ формѣ фельетона, гдѣ проза принадлежала мнѣ, а стихи Иванову. Не помню—почему, но мы набрасывались и на купола, существующіе и понынѣ надъ зданіемъ рынка, и Ивановъ восклицалъ въ стихахъ про комитетъ:

«Сломивъ гордыню въроломства,
«Скрывъ отчетомъ бездну зла,
«На память вѣчному потомству
«Воздвигли эти купола».

IX.

Въ 1863 г. моей семьѣ, а слѣдовательно и мнѣ, такъ какъ я не выѣзжалъ изъ нея, жилось лучше. Отецъ мой, какъ купецъ стариннаго рода и не менѣе старинный бывшій гостинодворъ, получилъ отъ общества торговцевъ Гостиного двора мѣсто старосты или смотрителя двора съ жалованьемъ 100 р. въ мѣсяцъ. Я былъ повышенъ, получалъ отъ Боненблуста 25 р. въ мѣсяцъ и къ Новому году былъ награжденъ пятьюдесятью рублями. Кромѣ того, я сталъ зарабатывать кое-что и литературнымъ трудомъ. Въ Купеческомъ клубѣ, о которомъ я упоминалъ, и гдѣ отецъ и дядя мои были выбраны старшинами, я познакомился съ поэтомъ, полковникомъ М. П. Розентеймомъ, обличавшимъ тогда откупа въ очень бойкихъ стихахъ, и далъ ему рассказъ для «Занозы». Рассказъ

былъ напечатанъ безъ подписи моей фамилии, такъ какъ тогда въ этомъ юмористическомъ журналѣ вся проза и всѣ стихи помѣщались безъ подписей. Сдѣлано это было, какъ тогда говорили, потому, что въ «Занозѣ» и въ «Гудкѣ», тоже юмористическомъ журналѣ, издававшемся Стелловскимъ, были одни и тѣ же сотрудники, писавшіе на однѣ и тѣ же злобы дня въ обоихъ журналахъ. Дабы не было у публики сравненія, гдѣ одинъ и тотъ же авторъ откликнулся удачнѣе, и было принято помѣщать статьи безъ подписей. Кромѣ того, къ редакціи «Занозы» примкнули и такіе поэты и прозаики, которыхъ принято было громить въ либеральной печати при появленіи ихъ статей за ихъ подписями. Такъ тогда рассказывали. Самъ я въ редакціи «Занозы» никогда не бывалъ и помѣстилъ въ этомъ журналѣ всего только одинъ рассказъ. «Заноза», во главѣ которой стоялъ Розенгеймъ, существовала недолго. Она пробовала конкурировать съ «Гудкомъ» и «Искрой», пережила «Гудокъ» и погибла сама.

Здѣсь кстати сказать о «Гудкѣ», которому была запрещена виньетка въ заголовкѣ, съ которой онъ выходилъ вначалѣ. Виньетка эта изображала толпу, состоящую изъ множества лицъ разныхъ классовъ общества. Говорили, что все это—портреты разныхъ дѣятелей того времени. Между прочими фигурами былъ изображенъ бородатый мужчина въ шляпѣ-цилиндрѣ и длинномъ по тогдашней модѣ пальто съ широкими рукавами, идущій подъ руку съ дамой въ широчайшемъ кринолинѣ. Такъ эта виньетка и выходила въ заголовкѣ номера, и цензура, неохотно разрѣшившая ее, на нее больше ужъ вниманія не обращала. Но вдругъ у бородатого мужчины на виньеткѣ съ цилиндра исчезли поля, и на головѣ отросли волосы, и образовалась фигура духовнаго лица. Въ такомъ видѣ виньетка по недосмотру цензуры появилась на двухъ-трехъ номерахъ, но публика замѣтила. Начались толки. Номера журнала переходили изъ рукъ въ руки, перепродавались за большія деньги. Въ цензурѣ произошелъ переполохъ, Цензоръ, кажется, слетѣлъ съ мѣста или былъ куда-то переведенъ. Журналъ хотѣли совсѣмъ запретить. Онъ не выходилъ двѣ недѣли, но потомъ по чьему-то ходатайству появился, но ужъ безъ виньетки.

Въ шестидесятыхъ годахъ такіе случаи были не въ одномъ «Гудкѣ», научали цензоровъ разсматривать мелкіе рисунки въ лупу, но и при лупѣ, случалось, прозѣвывали то, что по цензурнымъ обычаямъ слѣдовало бы закрестить красными чернилами. И въ концѣ концовъ болѣе осторожные цензора, сомнѣваясь въ самомъ себѣ, начали закрещивать все, что имъ казалось мало-мальски подозрительнымъ. И въ статьяхъ иногда отыскивали какой-то особый смыслъ между строкъ, котораго иногда вовсе не было, а статья невиннѣйшая погибала къ немалому изумленію автора и редактора.

Въ томъ же году я помѣстилъ мой первый рассказъ въ «Искрѣ». Къ В. С. Курочкину привелъ меня опять таки А. О. Ивановъ, съ которымъ онъ былъ уже знакомъ и помѣщалъ въ «Искрѣ» свои стихи. Было это въ воскресенье, въ приемные часы у Курочкина для сотрудниковъ. Курочкинъ тогда жилъ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Максимовича, второмъ домѣ отъ угла Литейной, противъ существовавшей и тогда гостиницы «Москва». Квартиру онъ занималъ налицо въ верхнемъ этажѣ. Лѣстница была по-тогдашнему роскошная, съ ковромъ и уставлена растеніями, и на стѣнахъ висѣли даже картины библейскаго содержанія. Признаюсь, не безъ нѣкотораго трепета взбирался я по этой лѣстницѣ. Курочкинъ былъ тогда въ славі. Его переводъ пѣсенъ Беранже разошелся въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Книжка встрѣчалась повсюду, отъ модной гостиной до молодцовской комнаты апраксинскихъ приказчиковъ, читалась и въ солидныхъ купеческихъ семьяхъ и даже среди погибшихъ, но милыхъ созданій, какъ тогда назывались въ литературѣ жертвы общественнаго темперамента. «Искра» Курочкина была единственнымъ популярнымъ журналомъ, и главное такимъ журналомъ, который читали и друзья, и враги.

Въ прихожей, когда мы вошли, я слышалъ уже громкій говоръ многихъ голосовъ. Оказалось, что это завтракали у Курочкина сотрудники «Искры». Въ гостиной, гдѣ, впрочемъ, стоялъ письменный столъ, насъ принялъ секретарь редакціи, А. Боргелли, черный длинноволосый, бородатый человѣкъ средняго роста, рисовальщикъ-карикатуристъ, подписывавшійся подъ рисунками Аполлономъ Б. Я передалъ ему рассказъ, Ивановъ—стихи. Курочкина мы въ этотъ визитъ не видали, что меня очень опечалило. Я рассчитывалъ видѣть знаменитаго писателя и познакомиться съ нимъ и не видѣлъ. Когда мы уходили изъ редакціи, Ивановъ сказалъ мнѣ:

— Пирушка сегодня у Курочкина. Почти каждое воскресенье бываетъ. Надо раньше приходиться, чтобъ видѣть Курочкина, но мы опоздали.

Черезъ двѣ недѣли рассказъ былъ напечатанъ въ «Искрѣ». Я торжествовалъ, въ ближайшее же воскресенье опять отправился къ Курочкину и понесъ ему второй мой рассказъ. На этотъ разъ мнѣ не только удалось видѣть В. С. Курочкина, но даже попасть и на пирушку его, на которую онъ меня пригласилъ.

— Очень, очень недуренъ рассказецъ,—проговорилъ Курочкинъ, картавя, когда я назвалъ свою фамилію.—Вашъ рассказъ похвалилъ даже Елисеѣвъ, а онъ рѣдко что хвалить. Знаете Елисеѣва? Читали его статьи? Я думаю, нѣтъ. Вѣдь вы—изъ купцовъ? Ивановъ мнѣ говорилъ, что вы—изъ купцовъ. А купцы рѣдко выносятъ Елисеѣва. Онъ для нихъ тяжелъ, не по нутру. Впрочемъ, можетъ быть, вы другого сорта. А? другого сорта?

Я былъ смущенъ и ничего не отвѣтилъ. Курочкинъ смотрѣлъ на меня своими ясными и добрыми глазами, то откидывая за уши свои длинные черные волосы, то поглаживая свою густую черную бороду.

— Ну-съ, присаживайтесь, курите, знакомьтесь... весело прибавилъ онъ, указывая на пять-шесть человѣкъ, сидѣвшихъ и стоявшихъ въ гостиной и разговаривавшихъ другъ съ другомъ.—Вотъ семья «Искры»! Господа! Новый сотрудникъ журнала—Лейкинъ, пріятель Иванова, тоже изъ купцовъ.

Мы познакомились. Мнѣ протянули руки, называя свои фамилии. Тутъ были Жулевъ, съ которымъ я уже раньше встрѣчался у букиниста Терскаго, М. М. Стопановскій, Д. Д. Минаевъ, карикатуристъ Н. В. Іевлевъ, В. И. Богдановъ (Власъ Точечкинъ), Боргелли, В. В. Толбинъ—бывшій фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» и авторъ повѣсти «Любенъка»; и еще кто-то. Я не помню, что писалъ Толбинъ въ «Искрѣ», но у Курочкина я его впоследствии встрѣчалъ часто. Присутствовалъ онъ на пирушкахъ Курочкина, гдѣ его въ шутку называли «виночерпиемъ». Онъ былъ старше всѣхъ бывшихъ въ тотъ день въ редакціи. Ему на видъ было около пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ въ усахъ, съ сильно помятымъ лицомъ, съ сѣдиной въ головѣ, по виду и осанкѣ онъ напоминалъ отставного кавалериста. Меня онъ поразилъ своимъ моднымъ, пестрымъ, но неряшливымъ костюмомъ. Когда-то онъ, какъ разсказывали, былъ первымъ петербургскимъ франтомъ. Остальные присутствующіе были молодые люди. Неряшливо былъ одѣтъ и карикатуристъ Іевлевъ. Это былъ совсѣмъ алкоголикъ, съ трясущимися руками, худой, съ блѣднымъ матовымъ лицомъ и маленькой русой бородкой. Онъ сильно кашлялъ. Стопановскій и Жулевъ отличались франтовствомъ. Наружность Жулева я уже описывалъ выше. Стопановскому, который велъ въ «Искрѣ» знаменитый обличительный отдѣлъ «Намъ пишутъ», державшій въ трепетѣ всю провинцію, было тогда лѣтъ тридцать. Это былъ худой высокій человѣкъ съ маленькой черненькой бородкой. Минаевъ былъ полонъ, лысоватъ, въ очкахъ, говорилъ, посапывая носомъ. Поэтъ В. Н. Богдановъ, подписывавшійся подъ стихами Власомъ Точечкинскимъ, былъ въ формѣ флотскаго врача, высокаго роста, въ очкахъ и носилъ усы. Вотъ портреты сотрудниковъ «Искры», которыхъ мнѣ въ тотъ день пришлось встрѣтить впервые.

Постороннихъ приходило въ пріемные часы редактора немного. Объяснялся съ ними самъ Курочкинъ. Отъ однихъ онъ принималъ рукописи, другимъ возвращалъ. Обличительныя статьи онъ сейчасъ же передавалъ Стопановскому. Помню, что одинъ сѣдовласый старецъ, статья котораго была передана Стопановскому, схватилъ его за обѣ руки и, потрясая, восклицалъ въ восторгѣ:

— Вы—Стопановскій? Михаилъ Михайлычъ? Гроза нашей провинціи? Вотъ привелъ Богъ свидѣться! Очень радъ, душевно радъ! Въ одинъ день и самого Курочкина видѣлъ и знаменитаго Стопановскаго. Жаль только, рассказывать-то объ этомъ у насъ нельзя, когда вернусь къ себѣ въ волчью нору. Со свѣта сживуть, если узнають, съѣдятъ, проглотятъ! Такъ уже вы, пожалуйста, если что изъ моей рукописочки возьмете, чтобъ относительно меня ничего не было извѣстно. Вѣдь даже дѣтямъ мстить будутъ, если узнають.

Эта сцена осталась у меня въ памяти, и я воспроизвожу ее приблизительно тѣми же словами.

Стопановскій успокаивалъ корреспондента, что все останется въ тайнѣ.

И при дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ редакціей «Искры» я помню, что корреспондентовъ и намеками не выдавали, хотя бывали попытки къ ихъ разоблаченію. Курочкинъ все принималъ на себя. Сообщалось многое ему для обличенія и устно. Сообщали иногда лица, занимающія видные посты на службѣ. У него было много враговъ, онъ получалъ множество ругательныхъ писемъ, но въ каждомъ вѣдомствѣ и учрежденіи были и друзья, люди новаго вѣянія, доводившіе до свѣдѣнія его о разныхъ злоупотребленіяхъ и безобразіяхъ. Этимъ объясняется та отаычивость «Искры», то, что обличительныя стрѣлы ея язвили повсюду. Часто въ замаскированной формѣ обличались такія безобразія, которыя, какъ казалось виновникамъ ихъ, происходили въ четырехъ стѣнахъ. Но въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» всегда все сообщали въ замаскированной формѣ, не называя ни настоящій фамиліи и обличаемаго лица, ни мѣстности, гдѣ злоупотребленіе или безобразіе происходило, хотя такъ искусно, что обличаемый сейчасъ былъ узнаваемъ. Города и губерніи ишли свои прозвища, обличаемому также придумывали такую характерную кличку, что онъ подъ ней надолго такъ и оставался среди обывателей своего города. Дѣлалось это замаскированіе также и въ виду цензурныхъ условій, такъ какъ цензура, опасаясь ответственности, не пропускала ни настоящаго названія города, ни настоящихъ фамилій. Исключенія дѣлались только для нападокъ на лицъ изъ журналистики и актерскаго міра. Театральные же чиновники попадали въ «Искру» подъ вседонимами. Такъ, тогдашній начальникъ репертуарной части, П. С. Ѳедоровъ, звался Губошлепомъ (прозвище, данное ему среди актеровъ), и читатели одинъ отъ другого знали, о комъ идетъ рѣчь. О театральныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ давали свѣдѣнія актеры Ф. А. Бурдинъ, Н. Ѳ. Горбуновъ, И. Е. Чернышевъ (авторъ пьесы «Испорченная жизнь» и др.), П. А. Каратыгинъ, который при объявленіи о подпискѣ на «Искру» былъ даже упомянутъ въ числѣ сотрудниковъ, а также и Г. Н. Жулевъ (Скорбный поэтъ). Артистъ В. В. Самойловъ за-

рисовывалъ даже портреты для воспроизведенія въ карикатурахъ, такъ какъ фотографіи тогда были еще довольно рѣдки.

П. А. Каратыгинъ былъ замѣчательнымъ каламбуристомъ. Относительно участія его въ «Искрѣ» ничего не помню, но каламбуры, сказанные имъ въ разговорахъ, попадались въ «Искрѣ». Каламбуръ на фамилію Игнатѣева — «и гнать его», появившійся въ «Искрѣ» подъ одной изъ карикатуръ, — каламбуръ П. А. Каратыгина. Помню, что за знакомство съ В. С. Курочкинымъ актеровъ, однако, преслѣдовало театральное начальство. П. С. Ѳедоровъ прямо даже дѣлалъ нѣкоторымъ актерамъ выговоры. Ф. А. Бурдинъ вывертывался, потому что на него самого появлялись нападки въ «Искрѣ», но Жулевъ, подававшій тогда надежды, какъ актеръ, былъ затертъ Ѳедоровымъ и режиссеромъ Е. И. Вороновымъ, любимцемъ Ѳедорова.

Изъ оперныхъ пѣвцовъ Курочкина посѣщали и сообщали «театральныя тайны» теноръ Ф. К. Никольскій и басъ В. И. Васильевъ (оба поступившіе на сцену изъ Невскихъ пѣвчихъ) и контральто Д. М. Леонова.

Помню, что въ первый день моего знакомства съ В. С. Курочкинымъ, когда я сталъ съ нимъ прощаться, чтобы уйти, онъ мнѣ вдругъ, улыбаясь, задалъ вопросъ:

— Водку пьете?

— Пью,—отвѣчалъ я.

— Ну, то-то. Курица и та пьетъ. А я Курочкинъ — сынъ, стало быть, и подавно пью. Не хотите ли сейчасъ червячка заморить?—предложилъ онъ мнѣ и вмѣстѣ съ другимъ сотрудникомъ повелъ въ свою столовую.

Обстановка квартиры Курочкина не гармонировала съ роскошной лѣстницей, по которой я къ нему взбирался. Онъ жилъ очень скромно. Мебель была вездѣ простенькая, потертая. Въ столовой стоялъ гладкій, безъ рѣзвы буфетъ и овальный раздвижной стоялъ со множествомъ ножекъ. На столѣ на простыхъ тарелкахъ стояли соленыя закуски, криночка страсбургскаго пирога, графинъ водки и красное вино. Курочкинъ очень любилъ жирный страсбургскій пирогъ, и криночка съ этой закуской всегда находилась у него на столѣ, какъ мнѣ впоследствии и пришлось замѣтить.

Это «замореніе червячка», послѣ приемныхъ часовъ редактора, происходило у В. С. Курочкина каждое воскресенье. Закуска не убиралась со стола вплоть до обѣда, до 5 часовъ. Знакомые приходили и уходили. Водки тогда всѣ сотрудники «Искры» пили много. Исключеніе представляли Стопановскій и Г. З. Елисѣевъ. Да я не помню, чтобы Елисѣевъ и оставался закусывать. Онъ всегда жаловался на желудокъ, даже и въ послѣдніе дни своей жизни.

Курочкинъ былъ очень гостеприименъ и любилъ компанію. Иные сотрудники оставались у него въ воскресенье обѣдать. Пили

и послѣ объѣда. Я не скажу, чтобы это было голое пьянство, велись оживленныя бесѣды, поэты говорили экспромпты, сыпались приемы, остроты, но все-таки при этомъ много пили. Иногда, впрочемъ, затянувшуюся пирушку нарушала Наталья Романовна. Она появлялась и объявляла, что пора кончать пирушку, что Курочкину надо отдохнуть. Онъ протестовалъ, спорилъ, но въ концѣ концовъ она его уводила и укладывала спать. Случалось, что и ктонибудь изъ гостей оставался также отдыхать на диванахъ. Дозволялось это, впрочемъ, Наталіей Романовной только тогда, когда она была въ хорошемъ расположеніи духа.

Но бывало такъ, что Курочкина и нельзя было увести отъ гостей. Когда же его хозяйка отказывалась давать вина ему и гостямъ, что также случалось, онъ, возмущенный, уѣзжалъ съ гостями изъ дома и кончалъ съ ними вечеръ гдѣнибудь въ трактирѣ, по большей части, въ Палкиномъ, или въ одномъ изъ загородныхъ кабаковъ. Но бывали случаи, что она и туда являлась за нимъ и увозила его домой.

Наталья Романовна была совсѣмъ простая женщина, неграмотная, едва умѣвшая только читать и часто приводившая Курочкина въ смущеніе вставкой въ разговоръ совсѣмъ не подходившихъ иностранныхъ словъ, которыя она слышала отъ другихъ, но не понимала ихъ значенія. Красотой и ловкостью она также не отличалась. Это была брюнетка довольно высокаго роста съ овальнымъ лицомъ, и у ней были не дурны только развѣ глаза, но Курочкинъ ее очень любилъ и былъ настолько ей покоренъ, что въ большинствѣ случаевъ стоило ей только что нибудь захотѣть и настаивать, онъ непременно исполнялъ.

Здѣсь кстати упомянуть, что по воскресеньямъ въ пріемные часы редактора секретарь «Искры», рисовальщикъ А. Боргелли, подавалъ Курочкину расчетный листъ гонорара за статьи, напечатанныя въ послѣднемъ номерѣ журнала. Листокъ этотъ въ четверку писчей бумаги всегда имѣлъ на лѣвомъ углу виньетку, сдѣланную перомъ самимъ Боргелли, всякій разъ непохожую на другія. Виньетка эта была всегда съ карикатурнымъ портретомъ кого либо изъ сотрудниковъ «Искры», при чемъ фигура его изображала и цифру, т.-е. номеръ журнала. Такъ, напримѣръ, я помню, нарисованъ былъ П. И. Якушкинъ въ русской рубахѣ, замахнувшийся топоромъ, при чемъ топоръ изображалъ цифру 7. Помню изображеніе Н. И. Кроля, пляшущаго въ присядку съ приподнятыми надъ головой двумя полушитофами, такъ что фигура его представляла цифру 8. Виньетка эта по воскресеньямъ всегда всѣми разсматривалась. Кажется, виньетки эти потомъ поступали ко второму издателю «Искры», Н. А. Степанову, и по нимъ выдачивался сотрудникамъ гонораръ. Вообще это были очень остроумныя рисунки.

Самъ Курочкинъ денежною частью журнала не распоряжался. Онъ только назначалъ гонораръ и помѣчалъ о немъ на листкѣ Боргелли, а за полученіемъ гонорара ходили въ квартиру Степанова по вторникамъ, гдѣ супруга Степанова, Софья Сергѣевна, и выдавала его подъ расписку въ книгѣ. На ней же лежала вся счетная часть, она же завѣдывала и экспедиціей журнала. Софья Сергѣевна Степанова, урожденная Дорогомыжская, сестра извѣстнаго композитора, была женщина высокая, полная, съ внушительной фигурой и маленькими усиками надъ губой, энергичная, работающая, державшая въ рукахъ не только своего супруга, Николая Алексѣевича, человѣка тихаго, вялаго, скромнаго, кабинетнаго, но даже и В. С. Курочкина. Помню, что получить отъ нея какой либо денежный авансъ даже постоянному сотруднику было очень трудно. Минаевъ, который очень часто просилъ аванса, называлъ хожденіе за нимъ къ Степановымъ «штурмомъ Софіи».

По вторникамъ у Степановыхъ бывали и вечеринки, на которыя приглашались сотрудники «Искры», но посѣщали они эти вечеринки неохотно, находя, что у Степановыхъ скучно, чопорно и «сухо», т.е. мало подавалось вина. Я только разъ былъ на этой вечеринкѣ. Помню, что Степановъ, не поднимаясь съ кресла, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и рисовалъ, говорилъ очень мало, а за ужиномъ лѣпилъ фигурки изъ хлѣба, изображая карикатурныя фізіономіи гостей. Онъ былъ талантливый карикатуристъ-рисовальщикъ и не менѣе искусный лѣпщикъ. Вина онъ пилъ мало и не любилъ пьющихъ. Квартира Степановыхъ была наряднѣе квартиры Курочкина, жили они лучше, на стѣнахъ были хорошія картины, на этажеркахъ бюсты, статуэтки, была хорошая бронза, старый фарфоръ, прекрасная столовая сервировка, чего у Курочкина никогда не было.

Помню, что у С. С. Степановой была страсть къ бѣлымъ мышамъ. Эти мыши-альбиноски съ красненькими глазками сидѣли у ней въ клѣткѣ, были на ея личномъ попеченіи и иногда распложились до сотни. Ихъ предлагала она въ даръ всѣмъ знакомымъ, но никто ихъ не бралъ.

И у Курочкина бывали вечеринки. Помимо воскресній, у него собирались по пятницамъ. Здѣсь было куда оживленнѣе, хотя Наталья Романовна не любила гостей, а въ особенности сотрудниковъ «Искры». Она всегда говорила про нихъ, что они только спаиваютъ Курочкина. Да и ея не любили сотрудники. На вечеринкахъ этихъ Степановъ бывалъ очень рѣдко и приходилъ всегда безъ супруги. Сидѣлъ онъ не долго, молчалъ, въ споры не вступалъ, лѣпилъ фигурки изъ хлѣба и рано отправлялся домой. На вечеринкахъ этихъ, помимо сотрудниковъ, бывали актеры, пѣвцы, но я совсѣмъ не помню художниковъ, не изъ числа сотрудниковъ «Искры». Исключеніе составлялъ М. О. Микѣшинъ,

прогремѣвшій тогда послѣ постановки памятника тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ и поражавшій своей рослой, красивой, могучей фигурой. Собирались вообще поздно, къ полуночи. На вечеринкахъ этихъ И. Ѡ. Горбуновъ читалъ свои сцены изъ народнаго быта, пѣлъ «Бороду» басъ В. И. Васильевъ 1-й, и исполнялъ куплеты И. И. Монаховъ, впоследствии видный актеръ Александринскаго театра, а тогда еще маленькій почтамтскій чиновникъ. Самъ себѣ аккомпанируя на піанино, онъ съ удивительною веселостью распѣвалъ Беранжеровскіе куплеты «Какъ яблочко румянь, одѣтъ весьма безпечно» въ переводѣ Курочкина, а также и «Вотъ они, вотъ, неземныя созданія! Барышни, барышни, тру-ля-ля-ля!» На вечеринкахъ этихъ читались иногда и стихи домашняго характера, которые не попадали въ печать. Такъ, помню, А. Ѡ. Ивановъ (Классикъ) читалъ стихи, которые начинались такъ:

«Мы видѣли Минаева:
«Онъ шель, едва скользя;
«Отъ вѣршаго вина его
«Совсѣмъ узнать нельзя.

«Запасшиси каретою,
«Жулевъ бобра убилъ—
«Съ старухою¹⁾ и водкою
«На кладбище спѣшилъ».

Далѣе въ подобномъ же описаніи перебирались всѣ сотрудники «Искры». Подобныхъ пѣсенокъ было нѣсколько. Онѣ писались разными авторами, а иногда и сообща, подчасъ во время пирушекъ въ увеселительныхъ кабачкахъ, гдѣ онѣ, бывало, и распѣвались подъ музыку, которую подбиралъ Монаховъ. Были также куплеты, написанные братомъ В. С. Курочкина, Н. С. Курочкинымъ, высмѣивавшіе Ф. А. Бурдина, актера бездарнаго, однообразнаго, но, благодаря своему кумовству съ начальникомъ репертуарной части, захватывавшему себѣ лучшія роли въ тогдашнемъ репертуарѣ Александринскаго театра. Куплеты эти имѣли припѣвъ:

«А у насъ Бурдинъ
«Все-таки одинъ!
«Бурдинъ, Бурдинъ, одинъ, одинъ,
«Бурдинъ!»

Любимыми кабачками сотрудниковъ «Искры», гдѣ они собирались, да и вообще пишущей братіи того времени, были маленькій ресторанчикъ Зееста, помѣщавшійся въ деревянномъ одноэтажномъ

¹⁾ Старуха—квартирная хозяйка Жулева.

домикъ на площади Александринскаго театра, гдѣ впоследствии выстроился каменный домъ Консерваторіи, затѣмъ ресторанъ Ефремова на Невскомъ, а за городомъ «Хуторокъ», существовавшій, впрочемъ, недолго. При ресторанѣ Зееста былъ кегельбанъ, и по воскресеньямъ устраивались завтраки по 60 копеекъ съ персоны съ водкой, которые назывались «Krebs und Würstessen», такъ какъ въ числѣ закусокъ всегда были сосиски и раки, а въ «Хуторкѣ» и ресторанѣ Ефремова по вечерамъ бывали танцклассы, танцевальные вечера. Въ ресторанѣ Зееста ходили и критики: Аполлонъ Григорьевъ — истолкователь Островскаго, Эдельсонъ, А. Головачевъ. Очень часто бывали Мей, Всеволодъ Крестовскій, П. И. Якушкинъ, А. И. Левитовъ. Послѣ спектакля въ Александринскомъ театрѣ ресторанъ переполнялся публикой, бывало много актеровъ. Вообще ресторанъ Зееста имѣлъ характеръ клуба, такъ какъ добрая половина посѣтителей была знакома другъ съ другомъ, да и самъ хозяинъ его, старикъ А. И. Зеестъ, былъ знакомъ почти со всѣми. Онъ подсаживался къ столамъ знакомыхъ посѣтителей, самъ пилъ съ ними, ставя и отъ себя пиво и вино, и иногда нагружался такъ, что его уводили въ его комнаты спать. Ночевывали у него подчасъ и знакомые посѣтители ресторана, слишкомъ усердно поддерживавшіе торговлю буфета. А за буфетомъ у него стояла молодая, полная, красивая блондинка, буфетчица Густя, дарившая всѣхъ улыбками. Поэты воспѣвали ресторанъ Зееста и буфетчицу Густю на всѣ лады и, между прочимъ, Всеволодъ Крестовскій.

Вотъ его стихи:

«Нѣтъ милѣ мѣста,
«Какъ у дяди Зееста
«Скромный ресторанъ.
«За буфетомъ Густя
«Съ радости или грусти
«Будешь сытъ и пьянъ».

И пили въ этомъ ресторанѣ, много пили. Относительно завтраковъ въ 60 копеекъ съ водкой Зеестъ говаривалъ, что они ему приносятъ убытокъ, и онъ рассчитываетъ только, что убытокъ можетъ быть покрытъ барышомъ отъ потребованнаго винограднаго вина, а вина пишущая братія и актеры пили мало.

— Судите сами,—говорилъ Зеестъ. — Я беру по 60 копеекъ за завтракъ, а такой гость, какъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, кромѣ закусокъ, на рубль водки выпьетъ.

И въ самомъ дѣлѣ онъ вскорѣ прекратилъ свои завтраки съ колбасами и раками.

Воспѣвались и въ обличительныхъ стихахъ рестораны. По поводу какого-то скандала въ танцклассѣ ресторана Ефремова Жулевъ начинаетъ въ «Искрѣ» такъ:

- Двадцать перваго апрѣля
- Для любви и хмеля
- Господи въ Ефремовъ
- Созвалъ дамъ изъ всѣхъ гаремонъ... и т. д.

Любили также собираться пишущіе люди въ фруктовой лавкѣ братьевъ Набилковыхъ на углу Невскаго пресекта и Владимирской, въ томъ домѣ, гдѣ теперь Палкинъ трактиръ. При фруктовой лавкѣ былъ погребокъ, и тамъ пили холодный и горячій пуншъ. Тамъ за стойкой стоялъ приказчикъ, который тоже кропалъ стихи и давалъ ихъ всѣмъ для прочтенія и исправленія, но стихи были такъ плохи и безграмотны, что не поддавались никакому исправленію. Ко всѣмъ пишущимъ чувствовалъ онъ какое-то рабское почтеніе. Собирались въ очень грязной каморкѣ, даже и днемъ освѣщаемой свѣчами, сидѣли на ящикахъ изъ-подъ бутылокъ вина, но Эдельсонъ, особенно часто посѣщавшій эту каморку, имѣлъ тамъ свой собственный стулъ, имъ самимъ привезенный, и назывался онъ трономъ Эдельсона.

Здѣсь подъ веселую руку поэты хвастались другъ передъ другомъ римами и каламбурами и писали ихъ карандашемъ на столѣ, а приказчикъ благоговѣнно старался сохранить эти автографы. Помню, на столѣ крупно было написано Жулевымъ такое четырехстишіе, написанное ради римы и каламбура:

- «Я одѣну, если голы вы,
- «Всѣмъ дамъ по рублю,
- «А хочу, такъ даже головы
- «Всѣмъ вамъ порублю».

Насколько помню, на вечеринкахъ у В. С. Курочкина, да и вообще въ его домѣ въ гостяхъ, никогда не присутствовали дамы, ни литературныя, ни изъ артистическаго міра, да и такъ изъ общества. Исключить могу только пѣвицу Д. М. Леонову, которую видѣлъ у него раза два. Причина отсутствія дамъ — его супруга Наталья Романовна. Ея не любили. Изъ-за Натальи Романовны не ходила къ Курочкину даже мать его, которая жила въ то время въ Петербургѣ и умерла только въ семидесятихъ годахъ. Она жила у брата В. С. Курочкина, Владимира, капитана, который вполѣдствіи, когда Василию Степановичу запретили подписываться редакторомъ «Искры», сдѣлался официальнымъ редакторомъ журнала. Владимиръ Курочкинъ, служба въ военной службѣ, въ то же время имѣлъ книжный магазинъ на Невскомъ въ компаніи тоже съ военнымъ — съ майоромъ Сенковскимъ, фамилія котораго была на вывѣскѣ магазина съ прибавленіемъ «и К°». Довольно странно было видѣть двухъ военныхъ, сидѣвшихъ въ книжной лавкѣ и даже стоявшихъ за прилавкомъ, но тогда, сейчасъ послѣ освобожденія

крестьянъ, были дни подъема духа, исканія полезнаго дѣла, осмысленной работы. Военные, особенно носившіе мундиры съ бархатнымъ воротникомъ, открывали библіотеки, магазины учебныхъ пособій, справочныя конторы, приготовительныя училища. Недолго, кстати сказать, все это существовало въ большинствѣ случаевъ и закрывалось за неумѣньемъ, за непривычкою къ труду, но все-таки открывалось и существовало.

Владимиръ Курочкинъ къ пишущей братіи не принадлежалъ, никогда не написалъ ни одной печатной строчки, но у брата своего Василія всегда бывалъ, когда собирались сотрудники «Искры», хотя и былъ въ неладахъ съ Натальей Романовной. Когда В. С. Курочкинъ въ 1864 г. вѣнчался съ Натальей Романовной, Владимиръ Курочкинъ явился противникомъ этого брака и уговаривалъ брата не вѣнчаться. Да и не одинъ братъ Владимиръ дѣлалъ это, а и нѣкоторые задушевные друзья В. С. Курочкина изъ числа его сотрудниковъ. Николай Степановичъ Курочкинъ былъ также противъ брака брата.

Въ 1863 г., когда я началъ писать въ «Искрѣ», Н. С. Курочкина не было въ Петербургѣ, онъ жилъ за границей, и я повѣдомился съ нимъ уже въ 1864 г. Н. С. Курочкинъ, очень начитанный человекъ, врачъ по образованію, человекъ, объѣздившій всю Европу, переводчикъ нѣкоторыхъ сочиненій Прудона, имѣлъ огромное вліяніе на мое развитіе, когда я впоследствии сблизился съ нимъ. Благодаря ему, я приохотился къ серьезному чтенію и расширилъ свой кругозоръ. Онъ натолкнулъ меня на чтеніе книгъ естественно-научнаго и философскаго содержанія. Знакомство мое съ сочиненіями Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Бокля, Литтрэ произошло черезъ него. Онъ подсмѣивался надъ моимъ невѣдомствомъ съ трудами этихъ ученыхъ и снабжалъ меня ихъ книгами. Впоследствии я жилъ нѣкоторое время съ Н. С. Курочкинымъ вмѣстѣ въ одной квартирѣ, переѣхавъ изъ родительской семьи, гдѣ мнѣ вслѣдствіе тѣсноты совсѣмъ невозможно было заниматься литературнымъ трудомъ. Проживая и за границей, Н. С. Курочкинъ работалъ въ «Искрѣ». Онъ прекрасно владѣлъ стихомъ, хорошо зналъ французскій и итальянскій языки и переводилъ и поэта Джустини, и поэта Густава Надо. Подъ своими собственными стихами и замѣтками онъ подписывался въ «Искрѣ» псевдонимами Густавъ Ненадо, Пр. Преображенскій.

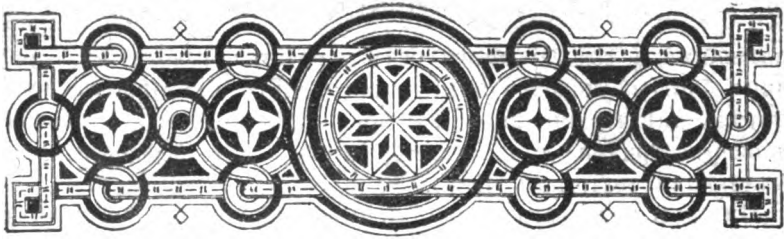
Кстати, по поводу псевдонимовъ Пр. Преображенскій, а также и Пр. Знаменскій, который принадлежалъ В. С. Курочкину. Многие изъ среднихъ, заурядныхъ читателей «Искры» въ простотѣ душевной полагали, что это пишутъ лица духовнаго званія, т.-е. протоіереи (Пр.), и ихъ трудно было убѣдить въ противномъ.

Здѣсь умѣстно сказать, что въ шестидесятыхъ годахъ интеллигентная молодежь куда больше читала, чѣмъ въ послѣдующія де-

святлѣтія, не говоря уже о нынѣшнемъ времени. Каждая книжка ежемѣсячнаго журнала, въ особенности «Современника» и «Русскаго Вѣстника», ожидалась съ нетерпѣніемъ. Выходъ ея составлялъ эпоху. О ней говорили при встрѣчахъ въ театрѣ, въ обществѣ. Неподписавшіеся на журналъ забѣгали въ книжные магазины и въ читальни, чтобы хоть узнать по обложкѣ содержаніе книжки, имѣть возможность перелистовать ее, пока она еще не попадетъ имъ въ руки для чтенія. Часто бывало такъ, что, добывъ книжку на короткій срокъ, молодежь собиралась другъ у друга, чтобы читать ее вмѣстѣ, и буквально поглощала ея содержаніе. Что же касается до пишущей молодежи, то та прямо стыдилась не быть знакомою не только съ текущей, но и вообще съ литературой, чего я не вижу теперь. Молодые начинающіе писатели рѣшались печататься только послѣ основательнаго знакомства съ хорошими литературными образцами. Литературнаго невѣжества стыдились. Начинающій писатель больше читалъ, чѣмъ писалъ. Пишущую братію того времени обвиняютъ въ алоупотребленіи виномъ. Да, это было, они пили много водки и вина, кутили, загуливали, но въ трезвые дни, утомившись, много и читали. Многіе преждевременно погибли отъ пагубной страсти къ вину, но были всесторонне развитые люди, слѣдившіе и за литературой и за наукой. Неполучившіе школьнаго образованія старались образовывать себя путемъ домашняго чтенія, записывались вольнослушателями, просто такъ съ разрѣшенія какого либо профессора посѣщали его лекціи, что тогда было можно. Это не разрѣшалось официально, но на это смотрѣли сквозь пальцы. Ф. М. Рѣшетниковъ, пріѣхавшій послѣ написанія своихъ «Подлиповцевъ» въ Петербургъ изъ глухой провинціи, съ мѣста почтальона, совсѣмъ безъ всякаго образованія, много читалъ для своего развитія, отрываясь отъ литературнаго труда. Я жилъ съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ и помню его и съ Карломъ Фохтомъ и Молепоттомъ въ рукахъ, разумѣется, въ русскомъ переводѣ.

Н. А. Лейкинъ.

ВСТРѢЧА СЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ ВЪ СЪРОЙ ШАПКѢ.

I.

ПЕРНЫЙ сезонъ 1890 г. былъ однимъ изъ неудачныхъ въ Италіи, масса театровъ въ провинціи не могла открыться въ виду отсутствія «dota», т.-е. денежныхъ субсидій отъ городскихъ муниципалитетовъ. Въ самомъ Миланѣ, этомъ центрѣ музыкальной Италіи и всемірной биржѣ сценическихъ дѣятелей оперы и балета, работали только четыре театра, двери же остальныхъ семи попрежнему были закрыты.

Однимъ словомъ «miseria» была полная. Сотни пѣвцовъ, пѣвицъ, балеринъ бродили, какъ тѣни Дантова ада, цѣлыми днями по знаменитой галлерей Виктора-Эммануила, въ несбыточной надеждѣ найти какой нибудь ангажементъ.

Но, увы, ангажементъ не падалъ съ неба, и несчастные жрецы Эвтерпы попрежнему протирали подошвы своей обуви о каменные плиты галлерей. Мизерія эта осложнялась для мѣстныхъ пѣвцовъ еще нежелательною конкуренціей иностранцевъ, въ лицѣ англичанъ, русскихъ и нѣмцевъ, при чемъ пѣвцы первыхъ двухъ націй охотно соглашались пѣть не только даромъ, но даже еще уплачивать антрепенеру за возможность выступить на итальянскихъ оперныхъ подмосткахъ.

Бывали случаи, что подобные иностранные любители еще платили крупныя деньги за такое удовольствіе, вызывая справедливое негодованіе среди своихъ итальянскихъ собратій, зачастую

сидѣвшихъ вслѣдствіе этого безъ заработка, голодными. При мнѣ одинъ богатый молодой англичанинъ, сынъ британскаго пэра, заплатилъ двѣ тысячи лиръ за право пѣть партію Дона Сильвы въ оперѣ «Эрнани», столь излюбленную всѣми британцами, въ коммунальномъ театрѣ въ Комо.

Проваль подобнаго пѣвца, разумѣется, предвидѣлся, и никто въ Миланѣ не изумился, когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что англійскій басъ по причинѣ внезапной болѣзни долженъ былъ уѣхать изъ Комо.

Мы, близко стоявшіе къ закулисной сторонѣ жизни оперной богемы, знали хорошо, что благородный лордъ былъ высвистанъ, ошкананъ и едва ли не побитъ впечатлительными и пылкими слушателями-итальянцами за его анти-музыкальное исполненіе.

Но, тѣмъ не менѣе, его проваль для мѣстныхъ пѣвцовъ не улучшилъ ихъ положенія: у антрепенера вмѣсто неудачно выступившаго британца было немало лицъ, желающихъ его замѣстить, изъ той же категоріи богатыхъ иностранцевъ, и освободившееся мѣсто сейчасъ же было занято.

Во всякомъ случаѣ подобныя исторіи не служили для скрѣпленія дружескихъ отношеній между итальянскими артистами и нами, иностранцами.

Maledetti ladri (проклятые воры)!—кидали намъ наши итальянскіе собратья, и волей-неволей намъ приходилось сносить подобныя оскорбленія.

Но эти «презрѣнные воры» страдали не меньше, чѣмъ и сами итальянцы, если въ карманѣ у нихъ было пусто.

Торжествовали только богатые англичане.

Кстати припомню одинъ фактъ, какъ со мною пѣла одна англійская миссъ, фрейлина покойной королевы Викторіи, имя ея я теперь забылъ, но псевдонимъ по сценѣ ея помню: Вѣра Рубини. Этой фрейлинѣ, несмотря на ея почтенный возрастъ, близившійся въ полусотнѣ лѣтъ, вздумалось исполнить роль Маргариты въ оперѣ «Фаустъ». Она уплатила импрессарио тысячу лиръ за это удовольствіе. Пѣли мы въ Лигуріи, на берегу Средиземнаго моря, въ малюсенькомъ городкѣ Финаль-Марино. Первый спектакль прошелъ сносно, но во время второго высокородная миссъ напилась пьяна, какъ истый лондонскій извозчикъ въ субботу вечеромъ, и результатъ получился плачевный.

Рыбаки, составлявшіе публику нашего театра Сивори, чуть было не избили фрейлину англійской королевы.

II.

Въ одинъ изъ такихъ дней вынужденнаго бездѣлья я находился въ Миланѣ и по примѣру моихъ международныхъ товарищей по сценѣ гранилъ плиты галлерей Виктора-Эммануила.

Не могу сказать, чтобы эти прогулки мнѣ были очень пріятны, но у меня въ то время были двѣ довольно солидныя поддержки. Во-первыхъ, это мои сравнительно молодые годы, когда всякая невзгода, каждая неудача кажутся только случайными, временными, надежда на свѣтлое, удачливое будущее окрыляетъ духъ, даетъ бодрость, увѣренность и силу, а это—главное для человѣка. Во-вторыхъ, я еще состоялъ обладателемъ почти сотни лиръ, это тоже кое-что въ Италіи, гдѣ люди ухищряются прожить цѣлый день на одну лиру, включая сюда столъ, квартиру и даже красное вино.

То и другое обстоятельство помогали мнѣ держать высоко голову и довольно презрительно поглядывать на неудачниковъ, пѣвцовъ-итальянцевъ, съ поникшими головами, потухшими взглядами, шагавшихъ по галлерей, плотно закутавшись въ дырявые плащи съ жиденькими воротниками изъ собачьяго или крысиного мѣха.

И былъ въ это время философомъ, на все смотрѣлъ съ небрежнымъ видомъ, сознавая, что возможность пообѣдать сравнительно съ удобствами у Компари или въ пресловутомъ оперномъ ресторанѣ Биффи всегда для меня исполнима, не говоря уже о поѣздкѣ на конкѣ, чего многіе изъ моихъ товарищей не были въ состояніи сдѣлать.

Зима въ Сѣверной Италіи довольно суровая, а въ особенности въ этотъ годъ. Снѣгу было много, морозъ по ночамъ доходилъ до 10° по Цельсію, что сильно смущало зябкихъ миланцевъ, съ плохо приспособленными противъ зимней стужи квартирами, а потому предпочитающихъ цѣлыми днями быть внѣ дома, или въ ресторанѣ, или же въ театрѣ, возвращаться домой только на ночь и спать, кутаясь въ перину и десятокъ одѣялъ.

Но сегодня меня не манило обѣденное меню, выставленное въ стеклянныхъ дверяхъ ресторана Биффи; я только что плотно позавтракалъ дома, въ пансіонѣ вдовы Кавалотти, гдѣ проживало семь оперныхъ пѣвцовъ, при чемъ большинство изъ нихъ были англичане и американцы, исключеніе составлялъ одинъ русскій, именно я. Но, тѣмъ не менѣе, я невольно зашелъ на эту биржу пѣвцовъ; здѣсь можно было услышать массу новостей, театральныхъ слуховъ, а также и дѣловыхъ сообщеній и извѣстій объ освободившихся мѣстахъ въ провинціальныхъ театрахъ; именно здѣсь постоянно толкались театральные агенты, некрупные импрессарио...

Все это шумѣло, разговаривало, жило особенной жизнью, понятною только артисту, только человѣку, для котораго запахъ клеевой краски на декораціяхъ, шль подмостковъ дорожке аромата самыхъ чудныхъ розъ...

Ресторанъ Биффи! сколько поколѣній пѣвцовъ посѣщали и посѣщаютъ твое помѣщеніе! На потертой темно-алой бархатной обивкѣ твоихъ дивановъ, скамеекъ и угловъ у оконъ какія только не сидѣли міровыя знаменитости оперныхъ сценъ? Король теноровъ,

Анжело Мазини, пилъ Кіанти за твоимъ столикомъ, Таманьо, этотъ голосовой колоссъ, постоянно, когда бывалъ въ Миланѣ, заходилъ ежедневно сюда, чтобы выпить дообѣденную чашку «капуцина», т.-е. кофе съ молокомъ. Шумно пировала послѣ оперы здѣсь и Борги, знаменитая Карменъ...

Какъ тѣни славнаго прошлаго, изрѣдка появлялись здѣсь «ветхій деньми» Буцци, знаменитый преподаватель пѣнія, и столѣтній Ронкони, въ бархатной шапочкѣ на голомъ черепѣ, въ вѣчно одной и той же пиджачной парѣ изъ чернаго плиса... Себастьяно Ронкони, теперь развалина,—тотъ красавецъ баритонъ, по которомъ сходили съ ума всѣ красавицы Одессы и Петербурга.

Много, много знаменитостей перевидали эти ресторанныя стѣны, немало изумительныхъ по колоссальному гонорару театральныхъ сдѣлокъ было здѣсь совершено, и, точно у насъ, въ Россіи, на базарѣ, пѣвцы и импрессарио «ударяли по рукамъ», повторяя традиціонное «тор».

III.

Войдя въ помещеніе Биффи, гдѣ меня всѣ знали, я обратился съ вопросомъ къ одному изъ старѣйшихъ камерьерэ (офиціантовъ) этого заведенія, Пиффери.

— Что новаго?

Небольшого роста, полный итальянецъ, уже въ лѣтахъ, въ зеленомъ передникѣ изъ саржи, традиціонной принадлежности итальянскихъ ресторановъ, нервно передернулъ плечами.

— Ихъ нѣтъ, синьоръ Жоржіо, для искусства одна мизерія, дѣла не веселятъ.

Это повторялъ онъ мнѣ чуть ли не ежедневно, отвѣтъ этотъ вошелъ въ его привычку, хотя я отлично зналъ, что ловкій камерьерэ великолѣпно обдѣлываетъ свои дѣла, не брезгуя никакими гешефтами, и скопилъ хорошія деньги.

Среди артистовъ онъ былъ извѣстенъ, какъ современный фигаро. Пиффери давалъ въ долгъ деньги подъ драгоценныя вещи, устраивалъ ангажементы для артистовъ, даже покупалъ пѣвцовъ...

Для человѣка, незнакомаго съ театральными обычаями, это выраженіе едва ли понятво...

«Покупать пѣвца» это значить, что человѣкъ, имѣющій денежные средства, предлагаетъ какому нибудь неимущему ученику-пѣвцу, обладателю хорошаго голоса, платить за его ученіе у профессора, оплачивать всѣ его расходы по жизни за все время его ученія. Послѣ того же, какъ онъ окончитъ курсъ и поступитъ на сцену, заработокъ его, какъ пѣвца, за малымъ исключеніемъ, всецѣло поступаетъ въ пользу лица, платившаго за него въ продолженіе извѣстнаго времени. Нужно замѣтить, что подобный арендаторъ употребляетъ всѣ усилія, какъ можно лучше рекламировать

своего кліента, имѣя въ виду, разумѣется, прежде всего свою пользу, чтобы, благодаря рекламѣ, приобретаемая громкое сценическое имя, пѣвецъ получалъ болѣе гонорара.

Такимъ арендаторомъ былъ и Пиффери; много пѣвцовъ, теперь занимающихъ выдающееся положеніе на европейскихъ сценахъ, обязаны свою блестящую карьеру этому скромному рестораннымъ лакею въ зеленомъ фартукѣ. Занимался онъ и другими не столь невинными гешефтами, онъ покровительствовалъ и сводилъ влюбленныхъ, въ особенности большая практика у Пиффери была въ мірѣ балетныхъ корифеекъ и танцовщицъ. Это было его mestieracio (ремесло), по его выраженію, но свои симпатіи онъ всецѣло отдавалъ международной политикѣ, для чего каждую свободную минуту, усѣвшись за одной изъ колоннъ недалеко отъ входа на мягкой, круглой скамьѣ, онъ поглощалъ съ жадностью «Трибуно», «Секоло», «Фанфула» и прочія политическія итальянскія газеты. Частенько, подавъ мнѣ кофе, онъ присаживался къ моему столику, и у насъ завязывался разговоръ о Россіи. Пиффери забрасывалъ меня массою сенсаціонныхъ извѣстій, вычитанныхъ имъ въ газетахъ, гдѣ обыкновенно доля правды тонула въ волнахъ лжи.

— У васъ, синьоръ Жоржіо, въ Россіи заковываютъ въ кандалы всѣхъ евреевъ, не желающихъ перейти въ христіанство, и сотнями тысячъ гонятъ въ страшно холодную Сиберію, — сообщалъ онъ мнѣ новость.

— Это — враки, ничего подобнаго, — пытался возражать я политику.

— «Трибуна» сообщаетъ; англичане, что каждый день у насъ здѣсь обѣдаютъ, мнѣ то же говорили.

— И «Трибуна» и англичане врутъ, не вѣрьте этимъ баснямъ, Пиффери.

— Можетъ быть, немного преувеличено, — остывалъ камерьеръ и несся на зовъ къ сосѣднему по столу пѣсѣтителю.

Но сегодня онъ былъ сумраченъ, объяснивъ свое нерасположеніе духа тѣмъ, что вчера одинъ иностранецъ всучилъ ему вечеромъ, при расчетѣ, золотой двадцатифранковикъ, оказавшійся потомъ фальшивымъ. Свое неудовольствіе на обманувшаго его онъ перенесъ на всѣхъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и на меня, но скоро смилостивился и, подавая мнѣ рюмку вермута, примиряюще сообщилъ:

— Синьоръ Томазо здѣсь, сейчасъ только пришелъ.

Дѣйствительно между многочисленными столами проходилъ самъ знаменитый Сальвини, привѣтливо здороваясь съ знакомыми.

IV.

Ресторанъ оживалъ все больше и больше; всѣ столики оказались занятыми. Итальянская рѣчь переплеталась съ картавымъ произношеніемъ французовъ; солидные нѣмцы, помѣстившись не-вдалекѣ отъ меня, спорили о достоинствахъ послѣднихъ вагнеровскихъ оперъ, длиннолицый англичанинъ съ чисто британскимъ хладнокровіемъ повторялъ нѣсколько разъ своему собесѣднику-итальянцу, почти не понимавшему его, что у него, т.-е. у англичанина, великолѣпный бастъ, и что никто изъ итальянскихъ профессоровъ пѣнія не хочетъ изъ національной зависти этого признавать.

Я помѣстился у одного изъ громаднхъ оконъ, выходящихъ въ галлерей, и потихоньку пилъ свой вермутъ. Мнѣ отлично было наблюдать и самый ресторанъ, и галлерей.

Народу все прибывало.

— Какую новость вы принесли? — спросилъ я Пиффери, внезапно появившагося у моего столика со свѣжимъ газетнымъ листомъ.

— О, очень важную! Въ Парижѣ убили *il capo di tutta la polizia russa* (главнаго завѣдывающаго русской полиціей) генерала Си... Се... Су... Не могу выговорить, ваши русскія имена очень трудныя, прочитайте сами.

И онъ, вручивъ мнѣ газету, убѣждалъ подавать другимъ посетителямъ, не брезгуя получать «на чай» пять сантимовъ (двѣ копейки). Я развернулъ газету. На самомъ видномъ мѣстѣ было напечатано извѣстіе о таинственномъ убійствѣ русскаго генерала Селиверстова, при чемъ описывались подробности этого убійства.

«18 ноября, въ «Hotel de Bade», на Итальянскомъ бульварѣ, генералъ Селиверстовъ найденъ былъ лежащимъ въ креслѣ безъ признаковъ жизни, обливаясь кровью. Несчастный былъ пораженъ въ нижнюю часть черепа выстрѣломъ, произведеннымъ почти въ упоръ. Призванные на мѣсто происшествія врачи не рѣшались даже зондировать рану: настолько она казалась имъ опасной. Первоначальное дознаніе на мѣстѣ произвелъ полицейскій комиссаръ. Съ перваго же взгляда было ясно, что покойный палъ жертвою преступления, и что о какой нибудь роковой случайности или самоубійствѣ не могло быть и рѣчи. Однако, самое преступленіе было совершено при довольно странныхъ обстоятельствахъ. Въ комнатѣ, гдѣ лежалъ убитый, не видно было никакихъ слѣдовъ борьбы: вся мебель стояла на мѣстѣ, и даже ни одинъ ящикъ не былъ открытъ.

«Генералъ имѣлъ привычку вставать довольно рано. Въ этотъ день онъ вышелъ изъ дома въ седьмомъ часу утра и возвратился въ гостиницу около одиннадцати. Его встрѣтилъ лакей, снявшій съ него пальто и взявшій его шляпу; въ это время въ комнату

вошелъ посыльный съ письмомъ, которое и подалъ генералу; лакей вышелъ изъ комнаты, оставивъ своего господина наединѣ съ посыльнымъ, и отправился чистить платье. Вернувшись, лакей засталъ генерала въ безчувственномъ состояніи, съ головой, нѣсколько наклоненной на лѣвое плечо, при чемъ въ правой рукѣ онъ еще держалъ перо, которымъ, вѣроятно, началъ писать отвѣтъ на присланное ему письмо. На столѣ дѣйствительно лежалъ листъ почтовой бумаги, на которомъ было написано:

«Милостивый государь. Я...»

«Вѣроятно, пуля убійцы попала въ несчастнаго въ тотъ самый моментъ, когда онъ только что собирался писать, и прервала его жизнь на этихъ трехъ словахъ: на бумагѣ еще видно было чернильное пятно, которое, повидимому, было сдѣлано вслѣдствіе внезапнаго толчка... Но удивительнѣе всего было то, что никто въ гостиницѣ не слышалъ шума выстрѣла: должно быть, звукъ его былъ заглушенъ тяжелыми занавѣсками, висѣвшими на дверяхъ и окнахъ. На полу, возлѣ кресла полицейскій комиссаръ прежде всего нашелъ запачканный кровью листъ бумаги. Это было приглашеніе, написанное на русскомъ языкѣ, за подписью г. Бернова, председателя франко-русскаго кружка; г. Берновъ просилъ генерала принять участіе въ ближайшемъ торжествѣ. Теперь уже не трудно было узнать личность убійцы: достаточно было справиться у г. Бернова, кому онъ поручилъ передать письмо генералу. Полицейскій комиссаръ немедленно отправился на его квартиру въ улицѣ Виньонъ, и вотъ что онъ ему сообщилъ:

— «Недѣли двѣ тому назадъ, одинъ изъ моихъ соотечественниковъ рекомендовалъ мнѣ молодого поляка, прося доставить ему работу, такъ какъ онъ сильно нуждался. Не имѣя возможности предоставить ему какое нибудь мѣсто, я оставилъ его у себя въ качествѣ разсылнаго, поручая ему отъ времени до времени разноску писемъ. Съ нимъ же отправилъ я сегодня письмо къ генералу.

«Наружность поляка, по описанію г. Бернова, вполне соответствовала примѣтамъ посыльнаго, который принесъ письмо въ «Hôtel de Bade»; поэтому не могло быть сомнѣнія, что убійцей былъ именно онъ, вслѣдствіе чего отданъ былъ приказъ объ его арестованіи, но онъ скрылся, и розыски его оказались безуспѣшными».

Долженъ сознаться, что, исключая возраженій, которыми я дѣлалъ отпоръ политиканствующему Пиффери на сенсационно-лживыя извѣстія итальянскихъ газетъ, я не интересовался политикой совершенно, мнѣ ближе были интересы театральные, оперные.

Кто такой былъ убитый генераль, и почему присвоилъ ему Пиффери такое громкое и въ то же время не существующее у насъ

въ Россіи званіе, мнѣ было все равно, и я хладнокровно отложилъ газету въ сторону, продолжая наблюдать публику.

Пестрый калейдоскопъ посѣтителей продолжалъ переливаться передъ моими глазами, но, какъ нарочно, сегодня все это были незнакомые мнѣ люди.

Вдругъ среди проходившихъ мимо меня я замѣтилъ фигуру моего пріятеля, тенора, хохла С—о. Въ свою очередь, онъ тоже увидѣлъ меня и, пробравшись ко мнѣ, сѣлъ рядомъ и спросилъ чашку капуцина.

— Не знаешь ли ты, Іосифъ, какого такого русскаго генерала убили въ Парижѣ? — спросилъ я его.

Хохолъ покачалъ головой.

— Почему мнѣ знать? Буду я себѣ ломать голову, чтобъ знать всѣхъ генераловъ! Къ чему мнѣ это? Вотъ какъ къ си-бемолу ловчѣй приладиться,—это я каждый день пытаюсь. То мой хлѣбъ, а генералъ! Къ чему мнѣ онъ?

Мы разговорились съ нимъ совершенно о другомъ, и я забылъ о газетномъ извѣстіи.

С—о, покончивъ съ своимъ капуциномъ, ушелъ.

Въ помѣщеніи ресторана вспыхнуло электричество, стало какъ-то уютнѣе, на небольшихъ хорахъ въ центрѣ ресторана настраивали инструменты музыканты небольшого оркестра.

Время близилось къ пяти часамъ, мнѣ нужно было тоже уходить: ровно въ шесть педантичная вдова Кавалотти сывала колокольчикомъ своихъ жильцовъ къ обѣду, и кто опаздывалъ на десять минутъ, тотъ оставался безъ минестры, т.-е. безъ супа. Это приучило ея нахлѣбниковъ къ изумительной аккуратности, и никто не оставался безъ минестры.

Разговоръ на французскомъ языкѣ за сосѣднимъ столикомъ, гдѣ раньше сидѣлъ англичанинъ и его безтолковый слушатель-итальянецъ, заинтересовалъ меня неволью. Говорили объ убійствѣ русскаго генерала, о которомъ я только что прочиталъ въ газетѣ.

Одинъ изъ разговаривавшихъ былъ, повидимому, французъ, въ другомъ по произношенію было не трудно узнать сѣвернаго итальянца.

Публика стала мало-по-малу убывать, большинство спѣшило къ обѣду домой, ресторанъ пустѣлъ.

Это обстоятельство, видимо, давало возможность обоимъ бесѣдующимъ не стѣсняться, чтобы ихъ кто подслушалъ. Я сидѣлъ хотя и у окна, но колонна закрывала меня отъ нихъ.

— Почему вы думаете, что онъ остановился въ Миланѣ? — спросилъ итальянецъ.

— Въ этомъ я болѣе, чѣмъ увѣренъ,— отвѣтилъ французъ.— Намъ извѣстно, что онъ бѣжалъ въ Сѣверную Италію, знаемъ

даже, когда онъ уѣхалъ, но не успѣли захватить до границы. По примѣтамъ, онъ высадился здѣсь... Необходимо его схватить, иначе онъ можетъ ускользнуть и на пароходѣ убѣжать въ Америку.

Я старался изощрить слухъ, чтобы слышать ихъ лучше.

— Думаете, что онъ убѣжитъ черезъ Геную?— снова спросилъ итальянецъ.

— Что онъ за дуракъ, онъ отлично знаетъ, что тамъ его захватятъ. Я увѣренъ, что путь его будетъ черезъ Неаполь или Спецію, другой дороги не изберетъ.

— Да, черезъ Венецію не ускользнуть...

— Вы, пожалуйста, сдѣлайте сейчасъ же распоряженія.

Они оба замолчали и, расплатившись, ушли изъ ресторана.

Я понялъ, что это были полицейскіе сыщики, одинъ мѣстный, другой изъ Франціи. Мнѣ нужно было торопиться, часы показывали половину шестого, я рисковалъ остаться сегодня безъ тарелки супа.

— Сколько?— спросилъ я подошедшаго къ моему столу Пиффери.

— Пустякъ, двадцать центесимовъ.

Я отдалъ деньги и, попрощавшись съ камерьеромъ-политикомъ, двинулся къ выходу, какъ новый посѣтитель, вошедшій къ Биффи, почему-то приковалъ невольно мое вниманіе.

Бываютъ минуты, когда какое-то внутреннее чувство заставляетъ васъ поступать вопреки вашей волѣ и желанію.

Собравшись совсѣмъ уходить, я снова сѣлъ на старое мѣсто.

Съ хоръ раздались звуки оркестра, громко разнесившіеся по полупустому помѣщенію ресторана. Играли попури изъ «Миньоны».

V.

Новый посѣтитель, молодой человѣкъ, въ сѣрой смушковой шапкѣ и зимнемъ пальто съ такимъ же воротникомъ, безпомощно озирался по сторонамъ. Замѣтно было, что онъ въ первый разъ здѣсь. Мнѣ почему-то показалось, что онъ—русскій; вѣроятно, его костюмъ, такъ рѣдко встрѣчающійся за границей, навелъ меня на эту мысль.

Молодой человѣкъ въ концѣ концовъ сѣлъ въ дальній уголъ, стараясь оставаться въ тѣни. Къ нему неторопливой походкой подошелъ одинъ изъ лакеевъ и небрежно спросилъ, что ему подать.

Смущеніе еще больше овладѣло новымъ посѣтителемъ, вся фигура его изображала безпомощность, онъ только пожималъ плечами и что-то проговорилъ очень тихо по-французски.

Камерьеръ привычнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него и увѣренно спросилъ:

— Russo (русскій)?

Я замѣтилъ, какъ человѣкъ въ сѣрой шапкѣ кивнулъ утвердительно головой.

Выходъ былъ найденъ.

Лакей прямо направился ко мнѣ, онъ зналъ, что я русскій и помогу ему объясниться съ молодымъ человѣкомъ.

Минестру дома я все равно уже прозѣвалъ, вѣроятно, даже и самый обѣдъ, а потому охотно согласился быть толмачемъ.

Странное смущеніе овладѣло посѣтителемъ, когда онъ замѣтилъ, что лакей направился ко мнѣ и что-то мнѣ сказалъ.

Первымъ движеніемъ его было встать и направиться къ выходу, но онъ сейчасъ же пережѣнилъ свое намѣреніе и снова сѣлъ.

Я подошелъ къ нему и спросилъ по-русски:

— Мы, кажется, земляки, вы русскій?

Молодой человѣкъ кинулъ на меня недовѣрчивый взглядъ своихъ темнокарихъ глазъ и, нервно опустивъ руку въ карманъ пальто, сухо отвѣтилъ:

— Да, я русскій! Вамъ что же собственно отъ меня надо?

Меня смутилъ этотъ сухой, враждебный тонъ его вопроса, его насторожившійся взглядъ.

— Мнѣ отъ васъ ничего не нужно, но я хотѣлъ оказать вамъ услугу, передать лакею, что вы желаете...

Взглядъ его немного смягчился, но самъ онъ все-таки попрежнему былъ насторожѣнъ.

— Благодарю, — также коротко произнесъ онъ, — передайте ему, чтобы далъ мнѣ чегонибудь поѣсть, мнѣ все равно чего, только скорѣе.

Я сказалъ это камерьеру, и онъ быстро ушелъ въ кухню.

Мы оба молчали.

Первымъ заговорилъ я.

— Вы изъ Россіи? Долго здѣсь пробудете?

На первый вопросъ онъ не отвѣтилъ, на второй также лаконично кинулъ мнѣ:

— Не знаю!

Но сейчасъ же, спохватившись, прибавилъ:

— Я сегодня же уѣду, сейчасъ, только поѣмъ.

Изумленіе мое возростало, какое-то страшное любопытство заставляло меня продолжать разспросы.

— Не могу ли я быть чѣмънибудь вамъ полезенъ? — спросилъ я его.

— Ничѣмъ, развѣ только, если скажете, чтобы мнѣ дали ѣсть скорѣе. Я голоденъ, второй день ничего не ѣлъ! — невольно вырвалось у него признаніе.

Я охотно исполнилъ его просьбу и сказалъ продолжающему читать спокойно газету Пиффери, чтобы онъ поторопилъ перваго лакея.

Подали ризото, а за нимъ жареную телятину. То и другое русскій съѣлъ безъ остатка.

— Ну, теперь вы сыты? Хотите еще чегонибудь?— снова спросилъ я его.

— Благодарю, больше ничего.

Я предложилъ ему выпить вина, и я назвалъ себя; онъ согласился.

— Ахъ, такъ, я думалъ совсѣмъ другое, — сказалъ онъ.

Голосъ его звучалъ теперь не такъ отрывисто и сухо, въ немъ слышались мягкія нотки.

— Я совершенно не желаю знать, кто вы, какъ ваше имя, — продолжалъ я:— но мнѣ кажется, что я могу вамъ быть полезнымъ...

— Вы думаете?

— Не только думаю, но даже увѣренъ. Вы бѣжали и пытаетесь скрыться!

Сидѣвшій передо мною русскій съ какимъ-то ужасомъ посмотрѣлъ на меня, во мнѣ онъ видѣлъ полицейскаго сыщика. Онъ даже не опустилъ, какъ раньше, руку въ карманъ, въ которомъ, какъ я догадывался, у него былъ скрытъ револьверъ.

Такое впечатлѣніе производитъ заяцъ, когда онъ чувствуетъ, что никакого исхода для него ужъ нѣтъ, и онъ погибъ.

— Успокойтесь, никакого вреда сдѣлать вамъ я не намѣренъ. Выслушайте внимательно, что я вамъ передамъ: это вамъ пригодится.

Все еще не увѣренный, что я говорю правду, молодой чело-вѣкъ, не сводя съ меня своего взгляда, сталъ слушать.

VI.

Я передалъ ему почти слово въ слово все, что случайно услышалъ въ этой же ресторанной залѣ полчаса тому назадъ, не забывая упомянуть о путяхъ къ морю, гдѣ его могла ожидать за-падня.

— Вы можете мнѣ не довѣрять, это ваше право, вы видите меня въ первый разъ, находитесь въ такомъ положеніи, когда пуганная ворона и куста боится, но вѣрьте мнѣ, что я передалъ только то, что самъ слышалъ. Я даже не знаю, почему, за что совершенно вами это убійство, кто этотъ генералъ Селиверстовъ, я черезчуръ далекъ отъ какой либо политики...

Собесѣдникъ мой выслушалъ меня болѣе спокойно.

— Представьте себѣ—я вамъ вѣрю, не сомнѣваюсь во всемъ томъ, что вы мнѣ здѣсь рассказали, благодарю за эти свѣдѣнія.

— Но кто же дѣйствительно убитый вами?

— Шефъ тайной полиціи русскаго правительства въ Парижѣ, одинъ изъ самыхъ опасныхъ, потому что онъ многое знаетъ, и у

него въ рукахъ было много важныхъ нитей. Оставить его живымъ было равносильно предать всѣхъ насъ правительству. Селиверстовъ былъ осужденъ нашей партіею на смерть, исполненіе приговора было возложено на меня... Онъ приведенъ въ исполненіе, хотя, долженъ вамъ сознаться, не легко убивать человѣка...

Говорившій поблѣднѣлъ, я хотѣлъ пережѣнить разговоръ.

— Несомнѣнно, что мы съ вами никогда болѣе не встрѣтимся, удастся ли, или не удастся мнѣ бѣжать отсюда, — снова сказалъ онъ.

Вино было допито, часы показывали уже семь часовъ, обѣдать домой я опоздалъ, а потому велѣлъ подать себѣ тоже ризото.

— Вамъ нужно было бы пережѣнить вашу сѣрую шапку и пальто съ воротникомъ, по нимъ легко васъ узнаютъ, куда вы ни пойдете.

Русскій улыбнулся.

— Напротивъ того, эта одежда поможетъ мнѣ сбить моихъ преслѣдователей со слѣда. Я нарочно постараюсь, чтобы на желѣзной дорогѣ примѣтили эту шапку и пальто, а затѣмъ распрощусь съ ними. У меня особый планъ.

— Куда же вы думаете теперь отправиться?—задалъ я ему наивный вопросъ.

— Несмотря на то, что я очень благодаренъ и, пожалуй, вѣрю вамъ, но все же уклонюсь отъ отвѣта.

Мнѣ стало неловко, что я спросилъ его объ этомъ.

— Не спрашивайте также моего имени, я не скажу его. Если же вспомните когда потомъ обо мнѣ, назовите «сѣрая смушковая шапка», вотъ и все.

Я кончилъ мой ризото и хотѣлъ выйти вмѣстѣ съ нимъ изъ ресторона.

— Моя просьба къ вамъ—не выходить со мною вмѣстѣ: это можетъ повредить мнѣ, а, можетъ быть, также и вамъ,—сказалъ онъ на прощанье, торопливо вставая съ дивана и нахлобучивая свою сѣрую шапку на лобъ, по самыя брови.

— Посидите минуту, другую, затѣмъ можете уходить,—снова повторилъ онъ свою просьбу и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, быстрыми шагами направился къ другому выходу изъ ресторана въ поперечный проходъ галлерей.

Я не замѣтилъ его фигуры въ окно, вѣроятно, онъ прошелъ въ другую сторону.

Музыка продолжала играть; пустовавшій въ обѣденный часъ ресторана снова сталъ наполняться посѣтителеми. На столахъ появились шахматы, домино, зазвенѣли рюмки.

Я отправился въ театръ Мандзони посмотреть знаменитую Дузе въ «Фернандѣ».

— Долго же вы просидѣли съ этимъ новымъ русскимъ, знакомый, должно быть?—спросилъ меня Пиффери, когда я проходилъ мимо его скамейки.

Совершенно не думая, я машинально отвѣтилъ:

— Да, я его давно знаю, только сразу не могъ признать.

— Учиться пѣть сюда прѣхаль? хорошій голосъ? у кого уроки брать будетъ?—продолжалъ свои разспросы лакей:—только къ Чимѣ итти не совѣтуйте: испортить голосъ!—крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ, когда я уже выходилъ за двери.

Итти до театра Мандзони было недалеко, онъ находился направо, въ концѣ галлерей, противъ муниципалитета.

Спектакль еще не начинался, когда я вошелъ въ партеръ; публика собиралась лѣнливо.

Я не взялъ билета на мѣсто и, уплативъ только двѣ лиры, остался стоять въ партерѣ.

Не знаю, было ли то воображеніе, или я дѣйствительно видѣлъ, но во время антракта, когда я вышелъ на ступени театра, чтобы подышать воздухомъ послѣ страшной жары въ театрѣ, мнѣ показалась передъ будкою, гдѣ продаютъ вечернія газеты, сѣрая шапка моего таинственнаго собесѣдника.

VII.

Сегодняшній день былъ для меня днемъ исключительныхъ встрѣчъ и приключеній, въ этомъ я вновь убѣдился, когда, подойдя къ воротамъ дома въ улицѣ Санъ-Зено, гдѣ я жилъ, я тщательно шарилъ въ карманахъ пальто, отыскивая ключъ.

Въ Италіи каждый жилецъ, возвращаясь поздно ночью домой, долженъ имѣть отдѣльный ключъ, иначе онъ рискуетъ остаться на улицѣ; дворники, или портинай по-мѣстному, ни за что не потрутся встать съ постели, чтобы открыть калитку. Положеніе мое становилось еще неудобнѣе потому, что, кромѣ полулиры, у меня съ собою ничего не было, остальные деньги лежали дома, и заплатить въ гостиницѣ за ночлегъ я не могъ.

Приходилось принимать энергическія мѣры, и я началъ стучать въ калитку, какъ сумасшедшій.

Послѣ такого упорнаго стука въ продолженіе четверти часа средство мое воздѣйствовало: въ замкѣ калитки завертѣлся ключъ, послышалось недовольное ворчанье портинай, и я очутился внутри дома.

Разбуженный мною привратникъ сейчасъ же ушелъ въ свою комнату навестывать потерянное время сна, а я сталъ подыматься по лѣстницѣ въ третій этажъ.

«Какъ же я тутъ-то буду дѣлать?» — озабоченно подумалъ я, вспомнивъ, что оба ключа были спаяны вмѣстѣ, и, теряя ключъ

отъ калитки, я въ то же самое время терялъ возможность попасть и въ квартиру вдовы Кавалотти.

Разбудить ее, какъ поргинаи, не представлялось возможнымъ; вдова, утомленная дневными хлопотами, которыхъ у нея было немало, употребляла всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы ея не будили по ночамъ.

Для этого она ставила свою складную кровать въ дальнемъ концѣ квартиры, въ коридорѣ (комнаты, за исключеніемъ столовой и кухни, всѣ были заняты жильцами), отцѣпляла на ночь дверной колокольчикъ отъ проволоки, чтобы не звонить...

Однимъ словомъ, я находился у двери своей квартиры, но попасть въ нее я могъ только въ шесть часовъ утра, когда хозяйка вставала, чтобы идти на рынокъ за провизіей, и когда являлась прислуга, жившая отдѣльно, а теперь былъ только первый часъ въ началѣ.

Мнѣ приходилось ждать цѣлыхъ шесть часовъ, сидя на подоконникѣ, даже лечь было нельзя, онъ былъ очень узокъ. Я совсѣмъ уже рѣшился покориться своей участи, какъ въ небольшомъ кругломъ окошкѣ, выходящемъ высоко на лѣстницу изъ квартиры и защищенномъ желѣзной рѣшеткой, я увидѣлъ свѣтъ.

Я воспользовался этимъ случаемъ и, опасаясь, что упустишь время, какъ-то инстинктивно крикнулъ:

— Пожаръ!

Слово это имѣло магическое дѣйствіе: въ квартирѣ все ожило, засуетилось, дверь открылась, и на лѣстницѣ показались перепуганные наши жильцы-англичане и сама хозяйка, всѣ въ невозможныхъ костюмахъ. Воспользовавшись суматохой, я проскользнулъ въ квартиру и, не слушая сыпавшихся на меня разспросовъ, поскорѣе добрался до своей комнаты.

Суматоха продолжалась довольно долго. Какъ потомъ оказалось, педантичные англичане тщательно отыскивали огонь и послѣ продолжительныхъ поисковъ убѣдились, что тревога была ложная. Всѣ разбрелись по своимъ комнатамъ и снова мирно уснули.

Что же до меня касается, то мнѣ это не удавалось.

Чудная игра Дузе не могла сгладить впечатлѣнія сегодняшней моей встрѣчи у Биффи; при сопоставленіи ея съ другими случаями дня меня поражала странная послѣдовательность фактовъ, ей предшествовавшихъ.

Эта мысль долго не давала мнѣ уснуть, я снова переживалъ весь мой разговоръ съ владѣльцемъ строй шапки, галлюцинація слуха заставила меня ясно слышать его голосъ...

Только подъ утро я забылся сномъ, плотно закутавшись въ два одѣяла и прикрывшись еще сверху периной. Въ моей маленькой комнатѣ было страшно холодно.

VIII.

Я еще крѣпко спалъ, какъ въ дверь комнаты постучали.

— Кто тамъ?—спросилъ я, не вставая съ постели; вылѣзая изъ-подъ перины на холодъ еще не хотѣлось.

— Синьоръ Жоржіо, къ вамъ пришли, васъ спрашиваютъ,— услышалъ я голосъ хозяйки.

— Пусть подождутъ въ столовой, я сейчасъ одѣнусь.

— Нѣтъ, васъ хотятъ видѣть немедленно...

— Но я не одѣтъ.

— Это все равно.

«Кто бы могъ быть такимъ настойчивымъ, пожалуй, даже невѣжливымъ гостемъ?»—подумалъ я и, кутаясь въ одѣяло, всталъ, подошелъ къ двери и отворилъ ее.

Передо мною стоялъ бравый карабиньеръ, въ традиціонной трехуголкѣ и короткомъ черномъ плащѣ; сзади него, въ темнотѣ коридора виднѣлись еще двѣ фигуры его товарищей; хозяйка стояла еще дальше за ними.

— Вы—русскій пѣвецъ?—спросилъ первый изъ нихъ, называя меня по фамилии.

— Я. Что вамъ отъ меня угодно?—съ нескрываемымъ изумленіемъ проговорилъ я въ отвѣтъ, тщетно стараясь отыскать въ умѣ причину подобнаго неожиданнаго визита и въ концѣ концовъ рѣшая, что это—возмездіе со стороны вдовы Кавалотти за тревогу сегодняшней ночи.

— Прошу васъ одѣться,—сурово предложилъ онъ мнѣ, но прежде, чѣмъ я успѣлъ взять принадлежности моего костюма, онѣ были тщательно обысканы двумя другими карабиньерами. Записную книжку и бумажникъ, вынутые изъ кармана сюртука, они передали старшему, а одежду возвратили мнѣ, и по знаку капрала принялись за осмотръ моей комнаты.

Пока я одѣвался, капралъ ни на минуту не спустилъ съ меня глазъ.

Осмотръ моего помѣщенія и вещей продолжался недолго. Осматривать, кромѣ чемодана и комода, было нечего, комнатка была чересчуръ мала, но ради долга службы одинъ изъ карабиньеровъ съ усердіемъ залѣзъ подъ мою кровать, но по тѣмъ усиліямъ, съ которыми ему пришлось оттуда выбраться, прибѣгнувъ къ помощи товарища, онъ, вѣроятно, понялъ, что скрыться тамъ нельзя было и собакамъ. Осмотръ былъ законченъ. Оперные клавирауспуги были также перелистованы солдатскими пальцами.

Изъ моего чемодана были только выбраны всѣ письма изъ дома; ихъ чрезвычайно аккуратно сунулъ въ небольшую сумку, прикрѣпленную у него къ поясу, самъ капралъ и съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на меня.

— Вы готовы?—и, не дожидаясь моего отвѣта, мигнулъ одному изъ товарищей, почти силою надѣвшему на меня пальто.

Я не сопротивлялся.

— Идемте,—предложилъ мнѣ капраль.

Мы вышли изъ комнаты въ коридоръ, при чемъ онъ заперъ на ключъ дверь и взялъ его съ собою, сказавъ что-то тихо хозяйкѣ.

На лицѣ послѣдней я прочиталъ нѣмой укоръ. Почтенная вдова замѣтно сердилась на меня и неодобрительно покачивала головой.

Сама же виновата, что затѣяла такую кутерьму!

Англичане и американецъ съ недоумѣніемъ поглядывали на меня, точно отыскивая на мнѣ самомъ всю вину ареста. Недружелюбно поглядѣлъ на меня и портинай, еще разсерженный за ночное безпокойство, когда мы, спустившись съ лѣстницы, прошли мимо его помѣщенія.

На улицѣ нашъ кортежъ наладился: впереди шелъ капраль рядомъ со мною, сзади, мѣрно шагая въ ногу, сопровождали насъ оба карабиньера.

Только теперь мнѣ вздумалось спросить, за что меня арестовали и куда меня вѣдутъ. Бравый капраль сурово на меня посмотрѣлъ, при чемъ туго нафабренный, сѣдой усъ его заколебался, точно у рака, и увѣреннымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Идемъ мы въ муниципію, но вы не арестованы, иначе я предъявилъ бы вамъ приказъ объ арестѣ.

— Къ чему же въ такомъ случаѣ эти насильственные мѣры, тѣмъ болѣе не законныя, такъ какъ я не итальянскій подданный?

— Ничего не знаю, мнѣ приказано сходить за вами и сдѣлать осмотръ всей квартиры,—холодно отвѣтилъ старый служака.

— Какъ, развѣ осмотру подверглась вся квартира?—изумленно спросилъ я его.

Капраль молча кивнулъ головою.

Часъ отъ часу не легче! Я прямо терялся въ догадкахъ.

Если я приглашенъ въ муниципію по словесной жалобѣ вдовы Кавалотти за ночной скандалъ, то для чего же осматривали всю ея квартиру?

Тутъ что-то иное кроется...

Дойти до зданія муниципіи отъ улицы Санъ-Зено недалеко, и скоро я очутился на той же самой площади, гдѣ помѣщался театръ Мандзони, и гдѣ я еще недавно наслаждался игрою Дузе.

IX.

Кажется, во всѣхъ странахъ эти зданія устроены на одинъ покрой. Длинный высокій коридоръ тянулся направо и налѣво отъ главнаго входа, со множествомъ дверей по обѣимъ сторонамъ.

Мнѣ предложили сѣсть въ большой комнатѣ, сейчасъ у самаго входа. Я сѣлъ на дубовую скамейку, недалеко отъ меня помѣстился и капралъ, карабиньеры остались стоять около двери.

Прошло около получаса, я попрежнему сидѣлъ и размышлялъ о причинахъ подобнаго принудительнаго вызова меня сюда.

— Пожалуйте,—коротко пригласилъ меня капралъ, переговоривъ о чемъ-то со служителемъ.

Я дошелъ до одной изъ послѣднихъ комнатъ коридора, и вмѣстѣ съ капраломъ мы вошли въ комнату; карабиньеры остались въ первой приѣмной.

За столомъ, стоящимъ у большого венеціанскаго окна, сидѣлъ еще не старый мужчина; онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою, предлагая сѣсть.

Нѣсколько мгновеній мы наблюдали другъ друга, но это было легче для него, такъ какъ онъ сидѣлъ спиною къ окну, на мое же лицо падалъ свѣтъ.

— Вы знаете причину, почему вы приглашены сюда?—вѣжливо спросилъ онъ.

Я колебался отвѣтомъ, но сейчасъ овладѣлъ собою и спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не знаю.

— Я еще разъ спрашиваю васъ, утверждаете ли вы, что вамъ неизвѣстна причина вашего ар.... появленія здѣсь?—поправился мой невольный собесѣдникъ.

— Утверждаю.

Взглянувъ снова пристально мнѣ въ лицо, онъ началъ просматривать лежація передъ нимъ бумаги.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ это сейчасъ объясню.

Взявъ въ руки бумагу, онъ откинулся на спинку стула и началъ ровнымъ голосомъ читать по ней вопросы:

— Вы были вчера въ галлерей Виктора-Эммануила, въ кафе Биффи, между пятью и шестью часами вечера?

Меня изумилъ этотъ вопросъ.

— Не отрицаю, былъ...

— Вы сидѣли все время одни, изрѣдка къ вамъ подходилъ камерьеръ Пиффери, обмѣнивался парюю словъ, даже приносилъ вамъ газету, кажется, «Corriere della Serra»?

— Совершенно вѣрно,—продолжалъ я изумляться точности наблюденія за мною:—что же дальше?

Спрашивающій приостановилъ свои вопросы и продолжалъ испытывать меня глазами.

— Вы должны сами вспомнить, что было дальше.... тихо проговорилъ онъ.

X.

Мнѣ сразу стало все ясно: и причина моего принудительнаго привода сюда, и обыскъ квартиры, и секвестръ моихъ бумагъ, и эти разспросы...

Меня видѣ и вчера у Биффи въ обществѣ человѣка въ сѣрой смушковой шапкѣ, убійцы русскаго генерала въ Парижѣ, и желали разузнать, о чемъ я съ нимъ бесѣдовалъ.

Совершенно противъ воли я сразу поблѣднѣлъ, нервное состояніе неожиданно овладѣло мною, какое-то чувство непонятнаго страха сковало все мои мысли.

«Пропалъ я, погибъ!»—единственно, что пришло мнѣ въ голову въ эту минуту, ходъ логическаго мышленія былъ парализованъ страхомъ, все представлялось мнѣ въ мрачныхъ краскахъ. Спрашивавшій меня чиновникъ, видимо, довольный эффектомъ, который онъ произвелъ на меня, ласково предложилъ мнѣ не волноваться и успокоиться.

— Никакого вреда вамъ не будетъ сдѣлано, вы такъ же свободно уйдете отсюда, какъ и пришли...

«Ну, не совсѣмъ «свободенъ» былъ мой приходъ сюда!»—подумалъ я невольно.

— Если мнѣ поручено спросить васъ, то это только въ видахъ проформы: извѣстная вѣжливость въ дѣлахъ международныхъ отношеній заставляетъ насъ брать на себя эту неприятную обязанность. Вы вѣдь согласны съ этимъ?

Я молчалъ.

— Если не ошибаюсь, вы, кажется, большіе друзья съ этимъ русскимъ въ сѣрой шапкѣ?

— Я его въ первый разъ въ жизни видѣлъ вчера,—вышелъ я изъ молчанія.

— Вотъ какъ! А мы думали совсѣмъ иначе, судя по такому жаркому разговору, который вы съ нимъ вели, и по тому крѣпкому пожатію руки, которымъ вы съ нимъ распрощались.

— Это вполнѣ понятно, разъ встрѣчаешь соотечественника на чужбинѣ,—попробовалъ я возражать.

— Странно, у васъ много русскихъ друзей въ Миланѣ, но вы никому изъ нихъ не жали такъ горячо руки.

— Значить, за мною... наблюдали?—не удержался я отъ невольнаго вопроса.

— Если вамъ угодно назвать такъ случайно подмѣченный фактъ изъ вашихъ отношеній къ друзьямъ, — уклонился отъ прямого отвѣта мой невольный собесѣдникъ.

— Хорошо, я соглашусь съ вами, что это такъ, — продолжалъ онъ и замѣтивъ, что я повернулся къ нему въ профиль, солнце било мнѣ прямо въ глаза, сейчасть же тоже пересѣлъ для болѣе

удобнаго наблюденія за мною: — но что васъ заставило разговариваться съ этимъ русскимъ?

Я сдѣлалъ досадливое движеніе, меня начинала бѣсить эта игра кошки съ мышкой.

— Вѣроятно, ваши агенты уже сообщили вамъ, что одинъ изъ лакеевъ просилъ меня переговорить съ русскимъ въ виду невозможности понять его приказаній,—рѣзко отвѣтилъ я.

— Ахъ, да, да, я помню, мнѣ это сообщали, но не можете ли вы вспомнить, съ чего начался вашъ разговоръ съ нимъ?

Недовольство во мнѣ росло, я понялъ инстинктивно, что этотъ допросъ противозаконенъ, тѣмъ болѣе, что онъ касался политическихъ убѣжденій подданныхъ другой страны.

— Позвольте мнѣ замѣтить,—рѣшился я протестовать противъ насилія надъ моею личностью:—вы не имѣете никакого права допрашивать меня, во-первыхъ, уже потому, что я не итальянскій подданный, не совершилъ никакого уголовного преступленія и разговаривать могу, съ кѣмъ я желаю!

XI.

Мое возраженіе подѣйствовало, чиновникъ муниципалитета сразу спустилъ тонъ, выслалъ вонъ капрала и чуть не просительно, вѣжливо сказалъ мнѣ:

— Не сердитееъ, синьоръ, за мою, можетъ быть, излишнюю формальность, бросимте ее въ сторону, *parlamento politico* (поговоримте по душѣ), по-пріятельски.

И онъ, выйдя изъ-за стола, подошелъ вплотную ко мнѣ, дружески протягивая руку.

Мнѣ оставалось невольно пожать ее...

Тутъ мнѣ въ первый разъ удалось разглядѣть его глаза, спрятанные за дымчатыми очками. Они были крайне фальшивые, бѣгающіе по сторонамъ и во всякомъ случаѣ не располагали къ себѣ.

— Видите, милѣйшій синьоръ,—продолжалъ онъ:—этотъ русскій, по нѣкоторымъ, полученнымъ нами даннымъ, извѣстный преступникъ, ловко скрывающійся отъ преслѣдованія закона; на его душѣ лежитъ много грѣховъ уголовного свойства... чтобы удобнѣе скрываться, онъ выдаетъ себя мученикомъ за свои политическія убѣжденія и даже рассказываетъ, что онъ—убійца политическаго генерала въ Парижѣ... Вѣроятно, и вамъ онъ говорилъ то же самое, не правда ли?

Я сдѣлалъ нарочно изумленный видъ и сказалъ:

— Да, онъ мнѣ это говорилъ, а развѣ это неправда?

— Разумѣется, онъ этимъ пускаетъ только пылъ въ глаза наивнымъ людямъ, въ этомъ случаѣ такимъ простакомъ оказались

вы. Убилъ генерала совершенно другой человекъ, его лакей изъ личной мести. Теперь вы видите, что этотъ ловкачъ вамъ все навралъ, чтобы только приобрести ваше сочувствіе.

— Вполнѣ съ вами согласенъ,—притворно согласился я съ чиновникомъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы не откажетесь оказать правосудію помощь?

— Отчего же, всегда готовъ...

— Расскажите мнѣ подробно, по-пріятельски, что онъ вамъ говорилъ; очень можетъ быть, въ этомъ разговорѣ можно будетъ почерпнуть важныя свѣдѣнія для его поимки?

— Едва ли, я очень въ этомъ сомнѣваюсь...

— О чемъ именно вы съ нимъ говорили, разговоръ вашъ длился болѣе часа?

Мнѣ стало смѣшно отъ той настойчивости, которую чиновникъ употреблялъ для полученія нужныхъ отъ меня свѣдѣній.

— О, мы говорили о многомъ, разговоръ былъ всесторонень...

Собесѣдникъ мой больше меня не спрашивалъ, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ подробностей, весь превратившись въ слухъ.

— Говорили мы о миланскихъ театрахъ, объ оперной мизеріи нынѣшняго сезона, о превосходномъ голосѣ тенора Кардиналли, о красотѣ итальянокъ...

— Неужели разговоръ вашъ только этимъ и ограничился?— нетерпѣливо прервалъ меня чиновникъ.

— Вовсе нѣтъ, сравнивали нынѣшнюю холодную зиму здѣсь съ нашей русской зимой, упоминали и муниципалитетъ...

Мой собесѣдникъ сразу оживился.

— Что, что говорили о немъ?—порывисто спросилъ онъ меня.

— Спросилъ только, приходилось ли мнѣ имѣть дѣло съ миланской полиціей. Я отвѣтилъ, что не приходилось, не предполагая, что завтра же буду имѣть честь разговаривать съ вами именно въ муниципіи.

Чиновникъ начиналъ сердиться, онъ понималъ, что я издѣваюсь надъ нимъ, но все еще не терялъ надежды выудить отъ меня кое-какія свѣдѣнія.

— Очень жаль, сибирь, что память вамъ немного измѣняется,—иронически замѣтилъ онъ мнѣ:—но, кажется, вы вчера говорили съ этимъ русскимъ что-то о Генуѣ, упоминали и о Венеціи?

Я сдѣлалъ видъ, что дѣйствительно вспомнилъ.

— Ваша правда: онъ спросилъ меня, что интереснѣе осмотрѣть— тотъ или другой городъ. Разумѣется, я отдалъ предпочтеніе послѣднему, въ немъ средніе вѣка сказались ярче, чѣмъ въ первомъ.

Мое указаніе показалось моему собесѣднику спасительною соломинкою, перейдя черезъ которую, ему будетъ легко найти дорогу дальше.

У меня мелькнула мысль подурочить его.

— Мнѣ думается, что изъ Венеціи онъ навѣрное отправится моремъ въ Триестъ, онъ что-то говорилъ о необходимости быть въ Австріи,—тайнственно сказалъ я.

Чиновникъ, я былъ въ этомъ увѣренъ, принялъ мое указаніе за желаніе скрыть настоящій путь человѣка въ сѣрой шапкѣ. Я заключилъ это изъ его поспѣшности, съ которой онъ вышелъ изъ комнаты, сославшись на неотложное дѣло.

Въ Геную несомнѣнно полетѣла телеграмма о задержаніи «сѣрой шапки».

— Можетъ быть, вы еще чтонибудь вспомните изъ вашего съ нимъ разговора?—спросилъ человѣкъ въ дымчатыхъ очкахъ, вернувшись въ свой кабинетъ.

— Право, не припомню.

— Очень жаль. Во всякомъ случаѣ, я буду очень радъ васъ снова видѣть у себя, если вамъ удастся, что вспомнить, или, вѣрнѣе, вы этого пожелаете,—прибавилъ онъ съ тонкой усмѣшкой, отворяя дверь въ кабинетъ и протягивая мнѣ на прощанье руку. Я былъ такъ ошеломленъ моею свободой, что даже забылъ спросить объ отобранныхъ отъ меня письмахъ и быстро зашагалъ по длинному коридору къ выходу.

Моихъ спутниковъ карабиньеровъ я больше нигдѣ не видѣлъ, исчезъ и бравый капраль.

Выйдя на площадь, я готовъ былъ запрыгать, какъ ребенокъ. Я снова былъ свободенъ! Всѣ эти пенитенціонныя заведенія, которыми такъ богата Италія, теряли на этотъ разъ во мнѣ своего невольнаго жильца. Мнѣ нужно было спѣшить домой, чтобы оправдать себя въ глазахъ моей хозяйки, видѣвшей въ моемъ лицѣ уже какого-то злодѣя, каторжника, посаженнаго въ тюрьму. Точно также я стремился реабилитировать мою скомпрометированную, утреннимъ визитомъ карабиньеровъ репутацію у чопорныхъ англичанъ — моихъ товарищей по пансіону вдовы Кавалотти. Я почувствовалъ, что это будетъ не легко, принимая во вниманіе англійскіе взгляды на положеніе человѣка въ обществѣ.

ХІІ.

Въ домѣ меня встрѣтили точно воскресшаго Лазаря; портинали, не вѣря даже глазамъ, совершенно безсознательно дотронулся до моей руки.

— Скоро же вы отдѣлались отъ этихъ крючковъ!—воскликнулъ онъ, убѣдившись наконецъ, что это дѣйствительно я:—а мы всѣ въ домѣ поголовно рѣшили, что синьору Жоржію не миновать казеннаго помѣщенія по ту сторону Арса гомана.

— За что же посадили бы меня въ тюрьму?—спросилъ я его, изумленный подобнымъ рѣшеніемъ моей участи.

Привратникъ широко раскрылъ глаза.

— Какъ за что? Развѣ за убійство теперь не сажаютъ въ тюрьму?

Часъ отъ часу не легче, я изумился еще больше.

— Но кого же я убилъ наконецъ и за что?

Джузеппе хитро подмигнулъ мнѣ.

— Вы—большой шутникъ, синьоръ, но мы получаемъ газеты и все знаемъ, что дѣлается въ Миланѣ.

— Дайте прочитать, это интересно.

Онъ протянулъ мнѣ газетный листокъ, въ немъ было отчеркнуто:

«Вчера вечеромъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей убить выстрѣломъ изъ револьвера знатный иностранецъ, недавно пріѣхавшій въ Миланъ. Мотивомъ убійства послужила ревность. Тайственность окутываетъ всю эту романтическую исторію. Предполагаютъ, что убійца—русскій пѣвецъ. Полиція озабочена его арестомъ».

«Вотъ такъ исторія,—подумалъ я, прочитавъ замѣтку:—пылкая фантазія портинай возвела меня въ герои любовной драмы!»

— Что же, вѣрятъ этому измышленію досужаго репортера?

— Никто не сомнѣвался ни одной минуты въ этомъ,—съ гордостью объявилъ мнѣ Джузеппе.—Синьора Кавалотти плачетъ, сожалья о вашей участи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень гордится вами; едва узнали, что въ ея пансіонѣ проживалъ убійца, какъ чуть ли не вся улица сбѣжалась къ намъ въ домъ.

— Покорно благодарю васъ за подобную честь,—негодующе сказалъ я ему.

— Вѣдь это не простой убійца изъ-за грабежа, а съ благородными порывами! — закатывая кверху глаза, восхищался привратникъ:—комнату вашу чуть ли не съ руками оторвали, охотниковъ на нее было немало. Каждому пріятно пожить тамъ, гдѣ проживалъ человѣкъ съ такими возвышенными чувствами. За сорокъ лиръ синьора ее сдала.

Въ два раза дороже, чѣмъ я платилъ!

— Куда же мнѣ теперь дѣться?—съ негодованіемъ проговорилъ я.

— Да, вѣроятно, синьоръ Жоржіо, недолго проживетъ на свободѣ? Полицейскій крючекъ разъ зацѣпить, сорваться трудно!—увѣренно повторялъ свою басню портинай.

Разувѣрить парня мнѣ не удалось, и я поднялся въ третій этажъ ко вдовѣ Кавалотти.

Почти то же самое, что внизу, произошло и здѣсь, едва я появился на кухнѣ, гдѣ хозяйка помогала Джанни, прислугѣ, чистить овощи.

Иаумленная моимъ появленіемъ вдова сначала испуганно попятилась, но сейчасъ же пошли разспросы, при чемъ слезы сожалѣнія о готовящейся мнѣ участи не переставали катиться изъ глазъ моей хозяйки. Она сообщила мнѣ даже приблизительное число и день суда надо мною, повторяя, что это свѣдѣніе сообщилъ ей кумъ, смотритель суда, находившагося какъ разъ противъ нашего дома на площади Санъ-Зено.

Мнѣ кажется, поговори она еще побольше, я самъ бы повѣрилъ въ свою виновность въ убійствѣ знатнаго иностранца и загрустилъ бы о своей незавидной участи подсудимаго.

Но меня выручилъ изъ этой опасности простой случай.

Одинъ изъ англичанъ вернулся съ урока пѣнія немного раньше, чѣмъ обыкновенно; я воспользовался этимъ обстоятельствомъ и прошелъ къ нему.

Джонъ Клинтонъ не вполне повѣрилъ бабьей сплетнѣ, съ быстротою молніи обѣжавшей чуть ли не всю улицу, о моемъ дебютѣ въ роли убійцы изъ ревности и терпѣливо выслушалъ настоящую подкладку моего ареста.

— Это чрезвычайно забавно,—рѣшилъ онъ по окончаніи моего разсказа:—на вашемъ мѣстѣ, я не сталъ бы никого разувѣрять и предоставилъ бы самимъ обстоятельствамъ распутать весь этотъ клубокъ фантастическихъ разсказней.

— Финалъ дѣйствительно получится эффектный,—согласился я съ англичаниномъ.—Но все-таки я твердо рѣшилъ положить болтовнѣ предѣлъ, она могла мнѣ сильно повредить среди моихъ знакомыхъ.

XIII.

Обстоятельства оказались сильнѣе меня. Утренній визитъ ко мнѣ карабинеровъ былъ чреватъ такою массою послѣдствій, что въ концѣ концовъ я совершенно потерялъ голову и готовъ былъ бѣжать, закрывъ глаза, изъ Милана куда нибудь.

Комната моя оказалась занятою, мнѣ волей-неволею пришлось переселиться въ другой пансіонъ въ улицу Санъ-Паоло, въ пансіонъ, содержимый тоже вдовою Пиккьяей, но здѣсь преимущественно жили русскіе ученики и ученицы, а также двѣ танцовщицы изъ театра Даль-Верме.

Отчасти я былъ радъ мсему переселенію, никто изъ моихъ новыхъ сожителей ничего не зналъ о злосчастномъ случаѣ со мною.

Но что происходило въ пансіонѣ синьоры Кавалотти послѣ моего отъѣзда оттуда, трудно было и описать.

Каждый день за обѣдомъ она разсказывала фантастическія небылицы про меня, пылкое воображеніе итальянки нарисовало ей всѣ подробности таинственнаго убійства (которое, какъ никогда

не происходившее, было вскорѣ опровергнуто въ газетахъ, но опроверженіе это прошло незамѣченнымъ).

Она вспомнила о той суматохѣ, которую я произвелъ своимъ крикомъ «пожаръ», и это приписала моему желанію скрыть слѣды совершеннаго мною преступленія.

Почтенной вдовѣ вторилъ во всемъ дурковатый Джузеппе, съ таинственнымъ видомъ рассказывавшій всѣмъ интересующимся этимъ фантастическимъ убійствомъ, какъ онъ впускалъ меня въ эту ночь въ калитку.

— У синьора русскаго все пальто было обрызгано кровью, глаза смотрѣли дико, онъ неистово колотилъ въ калитку кулаками, пока наконецъ я ея не отперъ. вмѣсто отвѣта на мой вопросъ: «не больны ли вы, синьоръ?»—онъ только глухо засмѣялся, и отъ этого смѣха у меня до сихъ поръ по тѣлу бѣгаютъ мурашки и поднимаются волосы на головѣ.

Но когда кто нибудь изъ недовѣрчивыхъ слушателей спрашивалъ его, какъ же онъ могъ замѣтить кровь на моемъ пальто и дикое выраженіе глазъ,—портиная спокойно отвѣчалъ:

— Я обоняніемъ почувствовалъ запахъ свѣжей крови, а выраженіе его глазъ я ощутилъ своимъ чуткимъ сердцемъ.

Вообще они оба старались во всю упрочить за мною репутацію убійцы изъ ревности, приукрашивая свои басни все новыми и новыми подробностями.

Старанія ихъ оказались успѣшными: на меня уже начали указывать пальцами, когда я проходилъ по улицѣ, а въ погребѣ, гдѣ я бралъ вино, уступали его для меня немного дешевле.

Я все-таки былъ доволенъ, что приобрѣтенная мною съ помощью досужихъ языковъ «слава» не добралась еще до моего новаго обиталища, пансіона вдовы Пиккьяи.

Но, тѣмъ не менѣе, это произошло скорѣе, чѣмъ я могъ предположить.

XIV.

Дня черезъ три послѣ моего переѣзда, ко мнѣ на старую квартиру явился разсылный изъ русскаго консульства, молодой итальянецъ съ запиской.

Синьора Кавалотти, прежде чѣмъ указать посланному мой новый адресъ, осторожно стала выпытывать отъ него, что это за записка, зачѣмъ меня приглашаютъ въ консульство и т. п.

— Я самъ точно не знаю, но къ намъ приходилъ чиновникъ изъ муниципіи и долго, запершись съ самимъ консуломъ, разговаривалъ. Я еще третьяго дня вечеромъ получилъ приказъ сходить къ вамъ, да дорога сюда не лежала, мною было разноски въ другихъ частяхъ, за городомъ былъ два раза...

Все это показалось моей прежней хозяйкѣ чрезвычайно подзрительнымъ, и подѣ предлогомъ указать мое новое жилище она проводила разсылнаго и, познакомившись съ моей новой квартирной хозяйкой, рассказала послѣдней придуманную ею относительно меня сказку со всѣми комментаріями.

Въ тотъ же вечеръ всѣ жильцы чуть ли не во всемъ домѣ были освѣдомлены до мельчайшихъ подробностей, какъ я застрѣлилъ иностранца, мотивы убійства, и даже что со мною послѣдуетъ дальше.

Разумѣется, русскіе хохотали надъ этою выдумкою, но этимъ дѣло не улучшалось, навязанное мнѣ амплуа убійцы дѣлалось достояніемъ все большаго и большаго числа людей.

Двѣ танцовщицы-итальянки, жившія у сибора Пиккьяи, не сводили съ меня глазъ во время обѣда, не переставая болтать между собою по-миланезски. Одна изъ нихъ какъ-то разъ крѣпко-накрѣпко сжала мою руку и восторженно прошептала:

— Un bravo uomo (герой)!

Въ одной изъ театральныхъ агенцій мнѣ прямо намекнули, что импрессарио взялъ бы меня въ свою труппу, но боится послѣдствій отъ моего бѣшено-ревниваго характера.

Я совершенно уклонился, однако, отъ рассказа...

Въ присланной запискѣ консуль просилъ меня возможно скорѣе зайти къ нему по одному дѣлу. Дата записки была помѣчена тремя днями раньше полученія ея мною.

Чтобы поскорѣе исполнить желаніе консула меня видѣть, я рѣшилъ завтра же утромъ къ нему пойти, но прежде чѣмъ я привелъ мое намѣреніе въ исполненіе, ко мнѣ, въ мое новое помѣщеніе, явились утромъ мой старый знакомый, бравый капралъ съ двумя своими подручными, и, нѣсколько минутъ спустя, я въ прежнемъ порядкѣ шагаль съ ними, на этотъ разъ не близко, на улицу Консерваторіи или Сената,—я теперь уже забылъ, гдѣ помѣщалось наше русское консульство.

— Ну, теперь ужъ русскому капутъ, на этотъ разъ его не выпуститъ полиція изъ своихъ лапъ,—рѣшили обѣ мои хозяйки, старая и новая, сойдясь вмѣстѣ.

XV.

Я зналъ, что мой принудительный приводъ на этотъ разъ исходить не отъ лица муниципалитета, а отъ нашего консула, это мнѣ обьяснилъ капралъ, обошедшійся со мной по-пріятельски.

Дорогой онъ мнѣ рассказалъ, что чиновникъ, завѣдывающій съскомъ, чрезвычайно былъ разсерженъ на мое нежеланіе сказать ему правду о «русскомъ въ сѣрой шапкѣ», вслѣдствіе чего онъ былъ у русскаго консула, передалъ ему мои письма для прочтенія и перевода ихъ на русскій языкъ, просилъ повліять на меня чѣмъ нибудь и

разувать подробно о моей бесѣдѣ съ предполагаемымъ убійцею русскаго генерала.

Письма оказались совершенно невиннаго содержанія, но такъ какъ я три дня не являлся въ консульство, несмотря на приглашительную записку, то сыскной рѣшилъ, что я уклоняюсь отъ посѣщенія, и, какъ бы отъ имени консульства, вторично послалъ карабиньеровъ, чтобы привести меня въ консулатъ.

Я откровенно объяснилъ капралу причину, почему до сихъ поръ я не явился туда, и убѣдилъ его отослать почетный эскортъ въ лицѣ его помощниковъ. Получивъ отъ меня лиру, карабиньеры сейчасъ же отправились въ ближайшій погребокъ, а мы вдвоемъ съ капраломъ продолжали нашъ путь, дружески бесѣдуя о моей исторіи.

Отъ него я тоже узналъ, что русскаго въ сѣрой барашковой шапкѣ тщетно отыскивали повсюду, и хотя напали на его первоначальный слѣдъ на желѣзнодорожной линіи Миланъ-Верона-Венеція, но затѣмъ онъ окончательно потерялся, и надеждъ на поимку бѣглеца никакихъ не имѣется, кромѣ моихъ сообщеній, которыя считаются чрезвычайно важными.

Скоро мы были на дворѣ красиваго дома, гдѣ помѣщалось русское консульство.

Въ конторѣ консульства насъ встрѣтилъ служащій итальянецъ и, окинувъ меня пытливымъ взглядомъ, отправился доложить консулу.

Капралъ остался пока въ конторѣ со мною, но вернувшійся служащій отпустилъ его, а меня пригласилъ въ кабинетъ къ консулу.

Навстрѣчу мнѣ поднялся небольшого роста, совершенно сѣдой старичокъ и вѣжливо протянулъ мнѣ руку.

— Какъ жаль, что вы такъ долго ко мнѣ не приходили, и вслѣдствіе этого вамъ пришлось испытать маленькое неудобство, — намекнулъ онъ на мое путешествіе съ карабиньерами.

Я ничего не отвѣтилъ на его слова, что видимо немного смутило старика.

— Дѣло, по которому я просилъ васъ ко мнѣ зайти, немного спѣшное, и ваше позднее появленіе разстраиваетъ нѣкоторые планы.

— Мнѣ кажется, что я догадываюсь, о чемъ вы хотите меня спросить...

Консулъ изумленно на меня посмотрѣлъ, повидимому, онъ не ожидалъ такого отвѣта.

— Вы желаете знать, о чемъ разговаривалъ я въ ресторанѣ Биффи съ русскимъ въ сѣрой смушковой шапкѣ? Не правда ли, я угадалъ ваше желаніе?

Въ выцвѣтшихъ, голубовато-сѣрыхъ глазахъ консула я снова подмѣтилъ изумленіе.

— Отчасти дѣйствительно объ этомъ, но, кромѣ того, у меня имѣется къ вамъ небольшая просьба...

На этотъ разъ пришлось изумляться мнѣ: человѣка насильно приводятъ, чтобы о чемъ-то его попросить!

— Я съ нея и начну нашъ разговоръ. Видите, въ Миланѣ пріѣхала изъ Флоренці одна дама, жена извѣстнаго русскаго артиста. Онъ съ ней развелся и обѣщаль выдавать ей ежемѣсячно пятьсотъ франковъ, но скоро нарушилъ это обѣщаніе и не высылаетъ ни сантима. У нея двое дѣтей, положеніе ея ужасное. Я давно уже изъ Россіи, и, сознаюсь вамъ, не имѣю никакого понятія, что посоветовать ей, чтобы принудить ея бывшаго мужа выдавать ей обѣщанную сумму.

— Расписка его имѣется?—заинтересовался я невольно положеніемъ чужой мнѣ женщины.

— Да, онъ выдалъ ее женѣ. Онъ служитъ на казенной сценѣ и получаетъ очень крупное содержаніе, это...,—и онъ назвалъ мнѣ имя.

— Тѣмъ лучше, пусть она передастъ записку съ довѣренностью адвокату.

— Она никого не знаетъ въ Россіи.

Я назвалъ нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ.

— Можно также прямо подать прошеніе на высочайшее имя...

— Будьте добры, составьте чернякъ, а я велю переписать, это будетъ дѣйствительнѣе, мнѣ кажется,—обрадовался консуль.

Я составилъ чернякъ прошенія, и, если не ошибаюсь, оно подѣйствовало, артистъ сталъ аккуратно выплачивать пенсію своей разведенной женѣ.

— А теперь позвольте мнѣ побесѣдовать съ вами по-дружески,—обратился ко мнѣ консуль, когда я написалъ чернякъ прошенія.

— Отчего же, благодарю за эту честь,—шутливо согласился я съ нимъ.

Старикъ не зналъ, какъ начать разговоръ, и нервно гладилъ себѣ лобъ.

Я самъ пришелъ къ нему на помощь.

— Я передамъ вамъ суцность интересующаго васъ моего разговора съ «человѣкомъ въ сѣрой шапкѣ», но предупреждаю, что нѣкоторыя подробности я не считаю себя въ правѣ вамъ объяснить.

Обрадованный консуль предложилъ мнѣ сигару, но я, какъ не курящій, уклонился отъ нея; чтобы лучше слышать, онъ подвинулъ свое кресло ко мнѣ и внимательно слушалъ, стараясь не проронить ни одного слова.

Разсказъ мой былъ совершенно искрененъ, я зналъ, что «человѣку въ сѣрой шапкѣ» онъ не можетъ теперь уже повредить, но все-таки я скрылъ отъ моего слушателя о различныхъ путяхъ, которые я указывалъ русскому для бѣгства изъ Италіи. Мнѣ ка-

залось, что имъ использованъ путь на Бари-Ангивари, впрочемъ это одно мое предположеніе.

— Отчего вы тогда сразу не рассказали всего этого въ муниципіи?— съ сожалѣніемъ замѣтилъ консуль:— вы избѣгли бы дальнѣйшихъ непріятностей.

— Во-первыхъ, тогда это было еще несвоевременно, а затѣмъ мнѣ не пришлось бы посѣтить васъ и этимъ помочь, хотя косвенно, доброму дѣлу, — позолотилъ я мой отвѣтъ. Консуль молча улыбнулся, и мы расстались съ нимъ добрыми знакомыми.

Не знаю, передавалъ ли онъ мою съ нимъ бесѣду ретивому чиновнику муниципіи, продолжались ли дальнѣйшіе поиски русскаго въ сѣрой шапкѣ, но меня больше никто уже не тревожилъ.

Вторичное «Воскресеніе Лазаря» въ моемъ лицѣ еще больше поразило болтуновъ, въ особенности обѣихъ вдовъ и Джузеппе.

— У него большія связи въ высшихъ кругахъ, потому его и выпустили!— объясняли кумушки мое освобожденіе.

— Нѣтъ, это не правда,— дѣлала поправку вдова Кавалотти, по-прежнему вездѣ подозрѣвавшая романъ:— та дама, которую онъ приревновалъ къ убитому иностранцу, такъ была восхищена силою его страсти, что сама внесла за него крупный залогъ. Подождите, скоро начинается его процессъ, но я думаю, что онъ будетъ оправданъ, любовь все искупаетъ!— заключала моя бывшая квартирная хозяйка.

Мало-по-малу эта фантастическая сплетня погасла, хотя вариации ея мнѣ пришлось самому слышать, спустя нѣкоторое время, въ Веронѣ, при чемъ героемъ называли уже не меня, а другого русскаго.

Вотъ вся исторія о моей случайной встрѣчѣ съ «человѣкомъ въ сѣрой смужковой шапкѣ» въ кафе Биффи, въ Миланѣ.

Г. Т. Полиловъ-Съверцевъ.

НАСТРОЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

I.

Крестьяне Псковской губернии требуют у помещиковъ дровъ изъ лѣсу. — Запрещаютъ на сторону продавать хлѣбъ. — Настаиваютъ на увольненіи изъ сель чухонъ и т. д. — Продавай землю казѣ, а черезъ казну — мужикамъ. — Грѣхи господскіе горять. — Историческая почва для «краснаго пѣтуха» и пассивная роль «лопатчицъ» людей.

БЫ ПРИВЫКЛИ слышать объ аграрныхъ безпорядкахъ по преимуществу тамъ, гдѣ крестьянское население малоземельно, и земля обезлѣсена. Но позднѣйшія событія изъ жизни деревень и сель показали, что для аграрныхъ движеній существуютъ всюду серьезныя основанія, и что отъ нихъ не свободна ни одна изъ нашихъ губерній.

На Рождество мнѣ пришлось быть въ Псковской губерніи, и, переѣхавъ станцію Дно, по направленію къ Великимъ Лукамъ, я уже слышалъ на станціи Дѣдовици, въ Порховскомъ уѣздѣ, о безпорядкахъ въ «Князьихъ Горкахъ», принадлежащихъ графинѣ

Строгановой.

— Дровецъ просятъ крестьяне, а имъ не даютъ... Вызваны солдаты, — говорили пассажиры въ поѣздѣ.

На слѣдующей станціи «Чихачево», гдѣ надлежало мнѣ остановиться, я услышалъ тѣ же разговоры среди крестьянъ Новоржевскаго уѣзда.

Въ «Горѣ» предводителя новоржевскаго дворянства Л. Львова крестьяне кричали управляющему имѣніемъ:

— Рожь не продавай на сторону!.. Чухонъ уволь, чтобы никто не работалъ въ селѣ, исключая бывшихъ львовскихъ крѣпостныхъ... Дровъ въ лѣсу позволъ брать мужикамъ.

Управляющій охотно согласился продать имъ хлѣбъ, а не кулакамъ-скупщикамъ, но крестьяне заявили, что денегъ у нихъ нѣтъ, но что царь съ новаго года купитъ для нихъ и хлѣбъ, и лѣсъ, и землю.

Свои требованія они подтвердили угрозой разорить богатую усадьбу и при этомъ сожгли два сарая съ клеверомъ.

Землевладѣлецъ г. Львовъ прекратилъ продажу хлѣба на сторону и разрѣшилъ крестьянамъ брать дрова съ тѣмъ, чтобы лѣсъ они не трогали...

Онъ прекратилъ этимъ дальнѣйшій безпорядокъ, но среди землевладѣльцевъ противъ него возникло страшное недовольство.

— Онъ потакаетъ крестьянамъ,— говорили многіе изъ нихъ.— Ему что! У него денегъ куры не клюютъ, а другимъ каково? Онъ вступилъ въ переговоры съ крестьянами и пошелъ на уступки— это измѣна дворянству... Нужны солдаты, а не уступки. Мужичью сытъ ничѣмъ не наполнишь.

Эти жалобы на богатаго предводителя дворянства внѣшнимъ образомъ оправдываются дѣйствіями крестьянъ. Послѣдніе стали иногда вывозить изъ лѣса не только дрова, но и деревья. На замѣчаніе лѣсниковъ о позволеніи отъ барина брать имъ одни дрова мужики отвѣчаютъ:

— Что ты дурака-то строишь! Развѣ мы не понимаемъ, что отъ царя позволено?.. Прежде твой баринъ бабъ за грибами въ лѣсъ не пускалъ, а теперь дрова позволяеть брать... Отчего это? Развѣ мы повѣримъ ему?.. Мы и дерево рѣжемъ... Это отъ царя позволено.

Землевладѣльцы торжествуютъ при этомъ и ищутъ спасенія въ солдатахъ противъ мужицкихъ домогательствъ.

Но можно думать, что г. Львовъ правъ, если принять во вниманіе то, что никакими матеріальными соображеніями нельзя оправдать убійство собственнаго народа вооруженными солдатами.

Однако успокоеніе мужиковъ Горской волости наступило менѣе черезъ уступки г. Львова и гораздо болѣе черезъ собственное ихъ предположеніе о томъ, что имѣніе «Гора», «по божьей да по царской волѣ», должно отойти къ крестьянамъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Когда среди крестьянъ прошелъ слухъ о томъ, что г. Львовъ переселяется въ другое свое имѣніе подъ Новоржевомъ, въ Алтунъ, а «Гору» намѣревается продать бывшему управляющему морскимъ министерствомъ, адмиралу Чихачеву, имѣющему тоже обширныя

владѣнія въ Новоржевскомъ уѣздѣ, то крестьяне громогласно стали кричать:

— Сулилъ Львовъ продать «Гору» казнѣ, а черезъ казну — намъ, а теперь Чихачеву! Какъ же это? Такъ ихъ дѣло не выйдетъ... Чихачевъ законы пишетъ во дворцѣ и къ обѣду ѣздитъ туда... Онъ думаетъ, что съ нимъ ничего не подѣлаешь. А мы не допустимъ эту покупку... Царь хочетъ, чтобы казна скупала землю и у господъ и у нашихъ богачеевъ для «уравненія». На то воля царская да божья...

По самому выраженію этихъ взглядовъ на будущее земельное переустройство, несомнѣнно, что крестьяне додумались до нихъ безъ всякаго участія «агитаторовъ», на которыхъ такъ любятъ сыпаться невѣжды. На самомъ дѣлѣ, какой интеллигентный агитаторъ придумаетъ столь образный отвѣтъ, который я услышалъ отъ мужиковъ, выразивъ имъ сомнѣніе насчетъ «уравненія земель».

— А не купить казна землю для насъ, и въ «Горѣ» будетъ то же, что и въ прочихъ губерніяхъ... Горятъ не барскія хоромы, а нашихъ дѣдовъ кровь.

Если вспомнить въ свою очередь и «дѣдовъ» г. Львова, страшныхъ самодуровъ и крѣпостниковъ, ходившихъ со своими егерями брать приступомъ г. Новоржевъ, кормившихъ начальство и господъ гадами и лягушками, то ясно, почему повдѣйшее поколѣніе крестьянъ, безъ всякой пропаганды со стороны, восклицаетъ: «Горятъ не барскія хоромы, а нашихъ дѣдовъ кровь».

Крестьяне Псковской губерніи помнятъ также, что многіе помѣщики-деспоты, въ минуты духовнаго просвѣтлѣнія, приходили къ тому же заключенію, но гг. Львовы — никогда. Между тѣмъ одинъ изъ «дѣдовъ» старо-дворянской фамиліи въ томъ же Новоржевскомъ уѣздѣ, Философовъ, пріѣхалъ однажды въ свое имѣніе «Богдановское» и засталъ на его мѣстѣ однѣ обгорѣлыя стѣны.

— Затрясся управляющій имѣніемъ, когда сталъ докладывать ему о пожарѣ, а баринъ хоть бы что... «Это мои грѣхи сгорѣли», — только и сказалъ. Велѣлъ построить новую усадьбу, а про старую ни однимъ словомъ никогда не вспомнилъ.

На этой исторической почвѣ крестьяне въ каждой пылающей усадьбѣ видятъ господскіе грѣхи.

Нужна ли здѣсь пропаганда, и если найдутся арестованныя за это лица, то можно ли приписывать имъ успѣхъ и распространеніе аграрныхъ безпорядковъ? Народъ прибѣгаетъ къ нимъ по издавнѣйшей привычкѣ къ «красному пѣтуху» въ расчетѣ на то, что у землевладѣльца не хватитъ ни энергіи, ни желанія вернуться въ разоренную усадьбу, вновь обстроить ее и жить среди настроеннаго противъ него населенія.

Эту «психологію» народъ отлично понималъ и ранѣе, и въ настоящее время рассчитываетъ на нее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,

совершенно независимо отъ партійныхъ программъ интеллигенціи. Чемунибудь крѣпостнической и бюрократической гнетъ научилъ же народныя массы, и будетъ вполне справедливымъ поставить на его счетъ весь ужасъ аграрныхъ беспорядковъ. Тамъ, гдѣ къ нимъ примыкають «агитаторы», не слѣдуетъ забывать ту же историческую выучку, преподаванную народнымъ массамъ ихъ вѣковыми гнетомъ.

Благодѣтельность манифеста 17 октября,—если бы онъ сопровождался свободными выборами въ государственную думу,—именно и заключается въ томъ, что впервые дается русскому народу урокъ о новой борьбѣ съ гнетущими его условиями жизни путемъ избирательной борьбы, и какъ только онъ привыкнетъ къ «голосованію», и увидитъ благотворность и могущество его, такъ начнется мало-по-малу исчезновеніе у насъ «пугачевщины».

Слѣдуетъ искать болѣе историческія обоснованія для народныхъ волненій, а не указывать на «агитаторовъ» изъ интеллигенціи, которыхъ даже самъ народъ характеризуетъ довольно равнодушно.

Старуха «Егоровна», жена Егора Меркульева, изъ деревни Канино, живетъ съ большой семьей въ двухъ верстахъ отъ погоста Марыни, гдѣ учительствовалъ А. С. Семеновъ, недавно арестованный по политическому дѣлу. Ея дѣти ходили къ нему въ школу, и старуха хорошо знала человѣка, о которомъ говорить:

— Лопатучій человѣкъ... Баранья голова — крутые роги!.. Помилуй Богъ. Много нынче не ляскай... Въ читомъ (трезвомъ) видѣ смириѣе и человѣка нѣтъ, а съ пьянаго какой же спросъ? Можетъ, что онъ и ляскалъ не такъ, какъ хотѣлъ бы... Вышьетъ «полуумку», глядишь, зряшное слово и вылетитъ. Да мы всѣ такъ... Напой ты меня пьяной, такъ и я разолгусь, что продувной школьникъ...

«Лопатучіе люди» любятъ «разолгаться» даже и въ трезвомъ видѣ. «Егоровна» по сердечной простотѣ полагаетъ, что «продувной школьникъ» нисколько не вредитъ народу, и что «дѣло съ марынскимъ учителемъ обойдется по-хорошему». «Лопатучіе» люди не играютъ рѣшающей роли въ народномъ движеніи и сами подхватываются имъ на верхъ теченія.

Сколько бы несчастныхъ сельскихъ учителей было выпущено въ настоящее время изъ тюремъ, если бы эти соображенія о пассивной ихъ роли въ аграрныхъ беспорядкахъ приходили въ головы представителей правосудія... Если бы послѣдніе повѣрили тому, что гораздо опаснѣе дѣлать мучениковъ изъ «лопатучихъ людей», совершенно неповинныхъ въ томъ, что крестьяне историческимъ путемъ пришли къ идеямъ объ экспроприаціи земель и лѣсовъ въ ихъ пользу.

II.

Села подъ охраной солдатъ.—«Букетъ» новоржевскаго земства.— Аграрные безпорядки.— На сходкахъ.— Запасные.— Обличительное направлѣніе охватываетъ массы.—«Не отбожиться» земскимъ начальникамъ отъ мужицкихъ денегъ...

У большинства новоржевскаго дворянства села охранялись солдатами, какъ, напримѣръ, у бывшаго предсѣдателя новоржевскаго земства, Елагина (село Успенское), у Дерюгина (село Хряпьево) и т. д. Крестьяне, однако, твердо увѣрены, что царь стоитъ за ихъ интересы, и что съ новаго года и лѣсъ, и земли господскія поступятъ въ ихъ распоряженіе.

Они прекрасно понимаютъ, какъ даже въ земствѣ у господъ рука руку моетъ... Всѣ эти г.г. Львовы, Елагины, Рокотовы, Дерюгины, Чихачевы — родня между собою, и весь уѣздъ въ ихъ распоряженіи. Не менѣе значительную роль играетъ здѣсь фамилія Ковалевскихъ, расхватавшихъ по всему уѣзду и мѣста и подряды. За ними тянутся «черномазые» Богдановы и Преображенскіе, бывшіе ломовые извозчики въ гор. Островѣ и нынѣ страховые агенты и именитые купцы въ мѣстечкѣ Ашевѣ.

Этотъ «букетъ» новоржевскаго земства крестьяне прекрасно чувствуютъ и громко выражаютъ свое мнѣніе, когда проѣзжаешь мимо усадьбы г.г. Львова, Елагина и т. д.

— Всѣ деньги земскія здѣсь! У насъ дорогъ нигдѣ нѣтъ, все переходичи да перебродичи... А здѣсь, къ господскимъ усадьбамъ, проложены шоссе. Господа все такъ! На мужицкія деньги-то!

Въ результатъ самый мирный мужикъ говоритъ:

— Если бы сосѣди поѣхали въ львовскій лѣсъ, то и я бы съѣздилъ.

— Отвѣчать придется, — говорю.

— Я самъ не поѣду, а съ другими... Вѣришь, весь уѣздъ нашъ во владѣніи Львова, да у крестьянина Марковскаго. Полсвѣта захватили они, а другіе гдѣ же возьмутъ земли? Что пропадаетъ ея теперь даромъ, а у насъ ничего нѣтъ.

Соціальное неравенство, дѣйствительно, бьетъ въ глаза слишкомъ рѣзко и настраиваетъ необразованную массу къ безпорядкамъ.

Въ имѣніяхъ члена государственнаго совѣта, генерала Чихачева (села Добровичи и Маютино), крестьяне запретили управляющему продавать хлѣбъ на сторону и мирно просятъ покуда разрѣшенія на дрова.

Въ деревнѣ Соколовъ управляющій имѣніями Никулинскими, Тимошей Тимошеевъ, избитъ крестьянами изъ деревни Шебанова за сопротивление ихъ требованіямъ.

А въ основѣ ихъ недовольства лежали старые земельные счета. Когда-то Никулинскія пустоши принадлежали господамъ Вълостоц-

кимъ. Преданіе говоритъ, что при освобожденіи крестьянъ владѣльцы сказали послѣднимъ:

— Селитесь, гдѣ хотите...

Крестьяне выстроили себѣ деревню въ Никулинѣ и долгое время жили здѣсь безъ всякихъ документовъ на землю, никѣмъ не обезпеченные.

Но наслѣдники Бѣлостоцкихъ возбудили дѣло противъ крестьянъ, обвиняя ихъ въ самовольномъ захватѣ земли.

Крестьяне проиграли дѣло и въ числѣ 17 жителей были нѣсколько лѣтъ тому назадъ выселены при помощи солдатъ изъ деревни Никулина.

Они переселились въ Шебаново и теперь, при первыхъ признакахъ аграрнаго движенія, вновь предъявили силой свои права на Никулинскія поля и лѣса.

Конечно, ихъ торжество продолжалось только до прибытія въ Шебаново вновь учрежденныхъ по деревнямъ конныхъ и вооруженныхъ стражниковъ.

— Смирные люди шебановцы,—говорили окрестные крестьяне.— Моховые люди—въ глуши живутъ на озерахъ... А ручаться нынѣ за человѣка нельзя. Самъ за себя ручайся, и то за то, что прошло... Степенные мужики и тѣ на завтра пойдутъ въ забастовку, когда разсудятъ, что у Марковского половина уѣзда захвачена, а у Львова—другая...

Этотъ злобщій говоръ со всѣхъ сторонъ о мѣстныхъ дѣлахъ росъ съ каждымъ днемъ на моемъ пути.

Въ первыхъ числахъ января на сходѣ въ Ашевѣ крестьяне ваявили, что имъ ветеринаровъ не надо...

— Пользы мало. Ничего сами не знаютъ. Страховыхъ агентовъ не надо тоже...

— Сами можемъ страховать и безъ Преображенскаго! Волостные судьи должны служить безъ жалованья, а земскимъ начальникамъ и старшинѣ уменьшить жалованье.

— Не каждый изъ васъ гошъ въ старшины, — замѣтилъ послѣдній.

Крестьяне перебили его:

— Развозить казенныя деньги-то? Каждый можетъ развезти.

— Тысячи бываетъ надо сблюсти...

— Нажить трудно, а сблюсти легко,—опять перебили его.

Словомъ крестьяне «пробуждаются» на сходахъ...

Въ самомъ городѣ Новоржевѣ (говорили мнѣ) передъ Рождествомъ запасные, вернувшіеся съ Дальняго Востока, «пробудили» и самого исправника. Ихъ жены получили пособіе не за полтора мѣсяца, какъ слѣдовало, а всего за одинъ мѣсяцъ. Разсказываютъ, что запасные кричали на него:

— Пиши два прошенія о томъ, что за полмѣсяца скрали деньги... Одно пиши къ царю, другое къ губернатору. Почему одной сол-

даткѣ выдано столько-то, а другой меньше? Почему одни получили деньги отъ старшины, а другіе послѣ получили черезъ полицію? Солдатовъ на войнѣ мучили, а ихъ жены здѣсь голодали... Почему? Разворовали пособіе для крестьянъ, разворовали и деньги на прокормленіе солдатокъ...

Молва добавляетъ, что они же освободили изъ острога нѣсколько мужиковъ, посаженныхъ туда за то, что тѣ обличили своего писаря также въ расхищеніи общественныхъ денегъ. Конечно, эти факты я не провѣрялъ, но важно, что о нихъ говорятъ искренно, и что внутренній смыслъ сообщаемыхъ событій несомнѣненъ.

«Обличительное направленіе» растетъ и среди «запасныхъ», и среди крестьянъ. Оно охватываетъ массы. Говорятъ, одинъ земскій начальчикъ прикрикнулъ на волостного старшину за то, что тотъ не собралъ съ волостей причитающихся поступленій, но тотчасъ же замолчалъ, когда волостной, возвысивъ голосъ, спросилъ:

— А вы роздали крестьянамъ суммы, которыя выручены за рожь, выданную имъ въ пособіе? Много и за вашей кожей блохъ,— проворчалъ онъ въ заключеніе.

Крестьяне сильно настроены противъ земскихъ начальниковъ и охотно острятъ на ихъ счетъ:

— Чортъ давно носится съ ихъ душой, что котъ съ мышью... Не отбожиться имъ отъ мужицкихъ денегъ!.. Чортъ—что цыганъ: не отвяжется...

III.

Царь отшатнулся отъ господъ...—Будущіе выборщики: запасный солдатъ за мужиковъ, «пустошникъ» за господъ, торговецъ за примиреніе, «московскій бурлакъ»—за гражданство.

И находился среди своихъ мужиковъ, которые всегда были расположены и преданы мнѣ. Многолѣтняя и совмѣстная охота по перу и звѣрю сблизила насъ, и я искренно вѣрилъ ихъ словамъ:

— Всѣмъ краемъ станемъ за тебя здѣсь, если уѣдешь изъ Питера къ намъ. Ребятки-то и тѣ рады... Не отогнать отъ тебя.

Меня трогали эти признанія, но, тѣмъ не менѣе, я ощущалъ временами тревожное настроеніе, которое росло во мнѣ по мѣрѣ того, какъ я двигался въ глушь Новоржевскаго уѣзда къ Холмскому и слышалъ всюду одни и тѣ же разговоры о томъ, какъ царь «суетится» объ ихъ нуждахъ и хочетъ около себя «смѣстить» съ должности всѣхъ господъ.

— Въ газетахъ читано намъ, что будетъ союзъ царя съ народомъ, а господъ прочь уберутъ. Господина учать съ малыхъ лѣтъ и грамотѣ, и мѣстовъ не надо искать ему, и пенсіонъ дають... Чего ему еще? А все мало. Ну, вотъ царь и отшатнулся отъ него и хочетъ собрать къ себѣ народъ свой безъ господъ...

И и прежде слышалъ фантастическое представленіе о союзѣ царя съ землей, сложившееся за время войны; но теперь отрицательныя мысли о господахъ, чиновникахъ и начальствѣ вообще стали громче и увѣреннѣе.

Народъ находился въ «розовыхъ мечтахъ» относительно верховной власти, но къ привилегированнымъ сословіямъ и классовому нашему строю не скрывалъ своей ненависти.

Мы скоро пріѣхали въ лѣсную дачу, и мой егеря отправились въ лѣсъ провѣрить окладъ.

Загонщики наполнили собою избу, и я возобновилъ съ ними прежній разговоръ.

Несмотря на фантастическое представленіе о «царской думѣ», они очень резонно судили о будущихъ выборахъ въ нее своихъ представителей.

— Кого же прочтете?—спрашивалъ я.

— А прежде всего,—отвѣтилъ Савелій-солдатъ:—будемъ выбирать малоземельныхъ. Эти потребуютъ землю господскую... А второе — многодѣтныхъ, у кого больше дѣтей мужского пола — тому надо и земли больше... А наконецъ выберемъ и самыхъ бѣдныхъ изъ насъ, чтобы просили почаще для всѣхъ насъ комитетскаго продовольствія.

— Ловко придумалъ!

Савелій засмѣялся и продолжалъ:

— Это неправда, баринъ, что изъ быка не сдѣлаешь мужика. Мы тоже понимаемъ, кого намъ выбирать въ царскую думу, и кто сумѣетъ спросить у господъ: «куда наши деньги идутъ?»

Его перебилъ мужикъ, имѣющій покупную землю и слывшій за богатаго.

— Твои выборные изъ бѣдныхъ только и знаютъ спросить: «куда деньги идутъ, да платить ихъ не надо»... «Пулигановъ» выбирать хотите... Вотъ и все. Ничего другого.

— А и ладно!—отозвался Савелій.—Ты за господъ... У тебя свои пустоши. Мы и не выберемъ тебя.

— Да мнѣ и не надо этого,—отвѣтилъ пустошникъ.—Я и не спрошу, куда дѣваются деньги съ насъ, а еще прибавлю своихъ, если спросятъ на царскія нужды.

Въ его голосѣ звучала горделивая нотка, но тотъ же солдатъ уничтожилъ ихъ насмѣшкой.

— Отъ отца достался капиталъ—чего же тебѣ жалѣть денегъ? А я и ночью на печкѣ все разбираю: куда дѣваются деньги съ насъ? Вижу, что въ городахъ обучаютъ на нихъ господскихъ дѣтей, а наши собакъ гоняютъ... Мы же на свою голову обучаемъ барчатъ, а собственныя дѣти безъ грамоты живутъ. Идутъ наши деньги и на пріюты для сиротъ, а кто этихъ сиротъ надѣлалъ? Все господа же... Для мужицкихъ сиротъ нѣтъ пріютовъ... что-то не видать по деревнямъ ихъ.

Мужики видимо гордились ораторомъ болѣе, чѣмъ пустошникомъ, и все время сочувственно поддерживали его.

Послѣдній смѣлѣе говорилъ:

— Тебя бьютъ, а ты пѣсни поешь, что жена въ священномъ писаніи... Виду не показываетъ, что ей больно, и все по веревочкѣ ходить... А я на службѣ такъ ходилъ, а теперь разучился.

— Ты — искоренитель господъ, — отозвался пустошникъ, размахивая въ раздраженіи руками. — Думаешь, безъ нихъ меньше плутовъ будетъ?.. Да ты первый у насъ плутъ. Тебя за «полуумку» можно купить.

Савелій, не обижаясь, перебилъ его:

— Ты крыльями не рассуждай... Руками не махай, а то носъ мнѣ сдеребашь. У бабъ ума нѣтъ, такъ онѣ все руками размахиваютъ... На человѣка все можно сказать, а ты покупалъ ли меня за полуумку-то? Я давно присягнуть водку не пить, и кто пьетъ-то ее, не люблю того до-смерти...

Пустошникъ съ оскорбленнымъ видомъ перебилъ его:

— Тебя выбрать въ царскую думу, такъ господамъ и не жить въ нашемъ уѣздѣ... Въ конецъ произведешь ихъ житье. А по мнѣ только и есть честные люди среди господъ. Переведи ты господъ въ нашемъ уѣздѣ, и не станеть у насъ ни школь, ни больницы, ни почтовыхъ дорогъ... Ничего хорошаго не останется. Земля будетъ необработана, а лѣса вырублены.

— То либо будетъ, либо не-е, — отвѣтилъ Савелій. — А съ деньгами мы заведемъ и сами у себя образованіе.

До сихъ поръ молчавшій Осипъ-торговецъ примирительно замѣтилъ:

— Нужны и господа, и мужики... У нихъ — умъ, у насъ — руки. Вотъ и хорошо вмѣстѣ.

— Кого же станете выбирать въ думу-то? — перебилъ я его. — Искоренителя господъ-Савелія, или пустошника, который тянетъ господскую руку, или Осипа-примирителя?

Къ моему удивленію, всѣ обрушились на послѣдняго.

Савелій рѣшительнѣе всѣхъ указалъ въ немъ слабую сторону:

— И теперь то же самое есть у насъ: и господа, и мужики... Не зачѣмъ и въ думу выбирать его. Мы работаемъ, а господа начальствуютъ. Все то же онъ будетъ и въ царской думѣ говорить. Ничего новаго мы не получимъ отъ него. Онъ ищетъ того, чего никто и не терялъ...

Въ толпѣ раздались голоса:

— Два дурака живутъ въ мирѣ: одинъ поить коней да свицетъ, а другой, не потерявши, ищетъ, какъ свишня... Вотъ и Осипъ-торговецъ просить у царя того, что давно дано намъ. Всегда господа жили съ мужиками, да только незнамо, кто на томъ свѣтѣ для кого смолу будетъ возить.

Смѣясь я спросилъ ихъ:

— Торговецъ тоже не угоденъ вамъ?

— Нее-е!.. Не уладилъ намъ! Савелья лучше въ царскую думу, чѣмъ такого...

— Ничего тогда не будетъ у васъ,—перебилъ Осипъ съ сожалѣніемъ.—И теперь немного хорошаго у васъ безъ господъ. А тогда дороги заростутъ мохоми и пашни болотами... Тетерева заведутся въ берегахъ...

Онъ напомнилъ мнѣ о томъ, что я самъ писалъ о Псковской губерніи неоднократно: какъ за послѣдніе годы, послѣ дворянскаго оскуднѣнія, одичалъ нашъ край, заросло все въ немъ, и села господскія опустѣли. Въ лѣсахъ находятся старыя дороги, борозды, гдѣ раньше рожь росла, канавы и т. д. Теперь тамъ утки полощутся, да тетерева прячутся. А при крѣпостномъ правѣ это все были барскія села, съ торговыми путями и заводами. Много было здѣсь селъ, и мы всѣ знаемъ въ Новоржевскомъ уѣздѣ, что изъ Цевла на Мошницу былъ трактъ для разбойниковъ: было что пограбить молодцамъ-удальцамъ; а теперь не найти села съ богатыми баринами. Народная молва про цевельскія могилы указываетъ на старинное богатство нашего края: на «Кулигѣ» черти деньги давали въ долгъ... Такъ прозывается старая сосна, растущая на двѣ вилки на кладбищѣ за церковью въ погостѣ Цевлѣ. Здѣсь-то старики и зарывали свои деньги. Кому нужны онѣ на водку и кутежи съ женщинами, тому черти охотно давали ихъ. Только обмануть нельзя было чорта... Былъ такой случай, что два мужика задумали на «Кулигѣ» взять отъ чорта деньги на хозяйство. Тотъ далъ имъ денегъ, но только стали мужики спускаться съ сопки, куда ни повернутся, вездѣ вода: кругомъ Цевельское озеро, и береговъ не видать. Такъ вѣдь мужики и принесли обратно деньги чорту и бросили ихъ въ яму подъ сосной. А теперь много понарыли этихъ ямъ на кладбищѣ, а все денегъ не найдутъ даже у самого чорта. Все было при господахъ богаче здѣсь... Самые древніе владѣльцы Цевлы были Сумароковы. Вотъ и про нихъ существуетъ преданіе, что Сумароковъ однажды сжегъ у себя въ селѣ нѣсколько тысячъ ассигнацій; какой-то ярыжка подсмотрѣлъ это и донесъ объ этомъ императрицѣ. Но та признала деньги за правительственныя расписки, уничтоженіе которыхъ выгодно правительству, и приказала спросить Сумарокова, «чѣмъ ей награждать его за это». Онъ просилъ у нея позволенія открытъ въ Цевлѣ ярмарки. Вотъ съ тѣхъ поръ и пошли здѣсь ярмарки, на которыя прѣзжали прежде купцы изъ Питера и изъ Москвы, а теперь никто не ѣдетъ. Съѣдутся мужики и поторгуются другъ съ другомъ—вотъ и вся наша теперь ярмарка. Падаютъ съ каждымъ годомъ и цевельскія ярмарки. Селъ не стало. Послѣ Сумароковыхъ «укоренились» здѣсь Креницины. А послѣ Кренициныхъ

пошли Корфы, а за Корфомъ — еврей Гуревичъ изъ Витебска. Прежде мы и не знали евреевъ, а теперь Цевло куплено ими.

Осипъ грустно прибавилъ отъ себя:

— Не стали господа жить съ мужиками, и пошло у насъ разоренье... Всѣ господа бѣгутъ на службу, какъ только купецъ или жидъ поможетъ имъ развязаться съ селомъ. Куда ни поѣзжай по уѣзду, вездѣ села проданы мужикамъ, или заколочены ставнями дома барскіе, обвалилась штукатурка и обои внутри; бібліотеку разворовали мужики на папирасы, а остатки мыши съѣли. При господахъ здѣсь были и дороги, и канавы, и деньги, и торговля, а теперь одно воспоминаніе...

Осипъ долго еще распространялся съ похвалою о господахъ и, обращаясь къ Савелію, заключилъ свою рѣчь словами:

— А тебѣ нравится жить безъ барина, какъ безпастушному стаду? Да такъ не выйдетъ! У насъ не посадскій царь, а чистокровный дворянинъ. Ему нуженъ и мужичокъ, и господинъ. Всѣ нужны государю... И Савелій безземельный, и богатый пустошникъ.

Изъ толпы перебилъ его новый голосъ.

— Для твоей торговли это хорошо, а въ царской думѣ соберутся о правахъ говорить. Всѣмъ нужны права и свобода. Мужиковъ и дворянъ переименуютъ гражданами.

Я невольно обратилъ вниманіе на этотъ убѣжденный и горячій голосъ, являющійся уже новымъ настроеніемъ толпы.

— Кто же за гражданина?—спросилъ я, улыбаясь.—Ты, видно, въ Питерѣ живаль?

— Въ Москву ходилъ,—отвѣтилъ онъ.—Заводъ забастовалъ, и стало нечего дѣлать тамъ. Вернулся въ деревню.

— Да съ капризами, скажи!—перебили его односельчане.—Все не такъ да не по его...

Энергичное лицо молодого рабочаго освѣтилось улыбкою. Онъ не мѣшалъ имъ говорить за себя.

— Думали, что записавшись былъ въ дружину московскую. Не чаяли въ живыхъ видѣть, а на повѣрку вышли сплетки... Мать-то ужъ и поплакала было... Да вдругъ письмо: «присылай лошадь на станцію»... Приѣхалъ сынокъ и привезъ капризы: ногти на рукахъ щепкой чистить, посуду моетъ сряду послѣ чая, а не передъ тѣмъ, какъ поставятъ на столъ самоваръ; спать ложится раздѣваясь, какъ баринъ...

— А гражданство-то его?—перебилъ я ихъ послѣ того, какъ они всѣ громко посмѣялись надъ «московскимъ бурлакомъ». — Моетъ быть, выберете его въ царскую думу?..

Крестьянамъ очевидно не ясна была его программа, и они долго ничего не говорили. Но наконецъ одинъ изъ нихъ мягкимъ, точно бабьимъ голосомъ, произнесъ:

— Это пустое гражданство... Царь хотѣлъ дать народу «крестьянство», а министръ вертуна сыгралъ и далъ «гражданство»... А будетъ по-божьему да по-царскому.

Всѣ увѣренно подтвердили его обѣщаніе.

— У насъ на ярмаркахъ купить мужикъ кошель изъ веревокъ для сѣна и всегда скажетъ при этомъ: «крѣпкій кошель, хоть господъ сажай». Такъ тому и будетъ, если въ царской думѣ господа дадутъ намъ гражданство, а не крестьянство. Царь «суетится» объ нашихъ нуждахъ, а господа вертуна играютъ. Да, все выйдетъ по-божьему и по-царскому,—единогласно говорили мужики.

IV.

Банкротство Новоржевской земской управы.—Собственники уплачиваютъ земскій сборъ, надѣльные—нѣтъ: боятся переплатить «лишки».—Происхождение деревенскихъ богачей.—Мужики не могутъ столковаться о землѣ.

Конечно, мужики играли словами и не понимали, что въ ихъ требованіяхъ очень много обще-гражданскихъ положеній. Это тотчасъ же обнаружилось, когда я спросилъ ихъ:

— Почему вы не вносите въ управу земскаго сбора на расходы по земскому хозяйству? Новоржевская управа уже объявила, что ей придется съ новаго года закрыть народныя школы, медицинскіе, фельдшерскіе и акушерскіе пункты, больницы и всѣ другія подвѣдомственные земству учрежденія.

— Намъ они не нужны,—отозвались нѣкоторые изъ мужиковъ, исключая состоятельныхъ.

Послѣдніе изъ деревень Зайцева, Карамышева, Пахомова и другихъ резонно замѣтили:

— Мы заплатимъ, что съ насъ причитается. Мы—собственники: когда не платить, все-таки придется платить. У насъ деньги приготовлены. Законы и теперь дѣйствуютъ.

Надѣльные крестьяне громко заговорили:

— Въ другихъ мѣстахъ не платятъ, и мы не будемъ платить...

Собственники презрительно отвѣтили имъ:

— Какъ пріѣдутъ власти на продажу имущества, такъ отдадите...

— А пушай хоть самъ губернаторъ пріѣдетъ,—отозвалось большинство.—Развѣ не такъ всегда у насъ: нѣсколько лѣтъ не платятъ, а потомъ манифестъ, и все прощается? Что нибудь и теперь будетъ. Мы мірской сборъ на содержаніе волостного, сельскаго и судей платимъ, а что идетъ въ оброкъ за землю, того не надо платить.

Я спросилъ ихъ, почему они такъ думаютъ.

— А земля давно выкуплена, и мы боимся лишняго переплатить,—сказалъ одинъ старикъ.—Въ царской думѣ по отчетностямъ провѣрятъ, куда дѣвались наши деньги...

Другой изъ толпы замѣтилъ, что онъ не платитъ потому, что у него хлѣбъ не родился.

— Какой хлѣбъ? Пока мужикъ его молотитъ, такъ весь и проглотитъ...

Но «московскій бурлакъ», перебивая всѣхъ, воскликнулъ:

— Это тоже не порядокъ, что одни изъ насъ уплатятъ, а другимъ по манифесту простятъ. Ты дай манифестъ не для виновныхъ однихъ, а для всѣхъ, чтобы всѣмъ намъ простить... А то мужички начали платить за землю въ разное время, а потому одни изъ нихъ уплатили много, а другіе меньше. А по манифесту всѣмъ одно прекращеніе платежей...

Мужики поддерживали его всѣмъ хоромъ:

— Постоянно кто нибудь изъ насъ переплачиваетъ лишки. Во всемъ у насъ такъ... У меня, къ примѣру сказать, никогда не было больныхъ въ хатѣ, а я плачу на содержаніе и фельдшера, и священника; не для каждаго требуются и развѣздныя лошади по волости, а деньги берутъ со всѣхъ...

Невѣжественное представленіе толпы объ общественныхъ расходахъ исходило изъ понятій о правахъ личности, и нѣкоторые изъ нихъ горячо протестовали даже противъ расходовъ на школы.

— У насъ немного дѣтей учится, а платить на содержаніе школъ обяваны всѣ. Пусть тотъ и платитъ, у кого дѣти—школьники. А то на наши денешки и барчата учатся въ городахъ. Да у меня и дѣтей-то собственныхъ нѣтъ, а деньги все равно берутъ...

— Все одно возьмутъ, — повторили негодуя присутствовавшіе.

Недовольство росло среди нихъ съ каждымъ примѣромъ изъ ихъ жизни. Здѣсь не было ни подстрекательства, ни личнаго интереса ораторовъ, но сама жизнь настраивала темныя массы къ общему недовольству. Они опять вернулись къ земельному вопросу.

Опять Савелій-солдатъ коснулся передѣла земли, но пустошникъ не далъ ему говорить.

Онъ перебилъ его:

— Ты пьянствовалъ, а я работалъ на покупку земли, а теперь дѣлишь съ тобой? Ишь, ты хлюстъ какой!

— Ты больше моего выпилъ, — отвѣтилъ тотъ. — Тебѣ Богъ далъ прибыль, а мнѣ убытокъ...

— Природа одна, Савелій, не грѣши. Все та же земля. Трудись, и ты будешь богатъ.

Но Савелій громко повторилъ:

— Продай душу въ адъ—будешь богатъ... Знаемъ мы, съ чего деньги завелись въ твоемъ роду. Тебѣ оставленъ отцомъ капиталъ, а у меня нѣтъ его. Ты прикупалъ землю и скотъ, а мнѣ не въ силу.

— А кто жъ этому виновенъ? Богатые горбомъ наживаютъ копеечку...

— Что-то не видать у богатыхъ горбовъ, а все жирныя пуза,— насмѣшливо перебилъ Савелій.

— Да, какъ же по-твоему бы сдѣлать?

— По-моему?—переспросилъ въ недоумѣніи Савелій, но тотчасъ же, найдя отвѣтъ въ своихъ воспоминаніяхъ, произнесъ: — деревенскіе богачи пошли у насъ либо съ фальшивыхъ денегъ, либо съ воровства у пьянаго барина капитала изъ его кармана, либо съ убійства въ лѣсу провѣжаго купца... Такъ, по-моему, если они разбогатѣли, то не грѣхъ имъ и бѣднымъ людямъ помочь.

— Не будетъ грѣха! Не будетъ!—раздались голоса. — Угналъ мужикъ у бѣднаго послѣдняго коня, откормилъ его и сталъ ѣздить на немъ по ярмаркамъ да приобрѣтаетъ капиталъ... Самъ хозяинъ не узналъ въ сытомъ конѣ свою скотинку. А только изловчился одинъ такой и скралъ холенаго коня и сталъ хвастать имъ и приговаривать потерпѣвшему: тебѣ самому лошадь досталась даромъ, и столько лѣтъ ты пользовался ею. Стало быть, и я имѣю право взять ее у тебя даромъ и пользоваться ею; а потомъ и слѣдующій бѣднякъ можетъ получить ее отъ меня на такихъ же правахъ...

Странно мнѣ было слышать эту легальность взаимнаго грабежа, но на мужиковъ метафора благодѣтельнаго конокрадства дѣйствовала чарующимъ образомъ.

Пришедшій изъ Крутца Степанъ, мой старый егеръ, чрезвычайно консервативнаго образа мыслей, тотчасъ же пошелъ противъ общаго настроенія.

— Какъ же дѣлать чужую землю?—воскликнулъ онъ:—Что заглядѣлъ, то и наше?..

— Банкъ купить и раздѣлить,—отвѣтили ему.

— А у меня земля не продажна!—перебилъ онъ упрямо.—Если ты будешь стоять земли, и я согласенъ уступить, то банкъ купить у меня землю; а если ты мнѣ въ бороду за мою же землю, то я тебя, какъ блоху, нащупаю и въ кустъ.

Крестьяне добродушно разсмѣялись и замѣтили:

— Говорятъ, во мхахъ нѣтъ чудаковъ, а Степанъ самый большой... Земля кормитъ людей, а онъ захватилъ и сыну не дастъ ея, если тотъ не уладитъ ему.

— Дождись-дожидай и сынокъ,—согласился Степанъ.—А не самъ собой... Не дерись, а разберись.

Онъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ противъ обязательнаго выкупа земли для надѣленія малоземельныхъ.

— Господи, помилуй,—воскликнулъ онъ:—моя полоса... Я растилъ и лелѣялъ ее, а она попадетъ новому сосѣду? Можетъ ли это быть? А если господа захватили полсвѣта, значить: у нихъ хватило умѣнья и средствъ обработать полсвѣта. А у мужиковъ нѣтъ ничего... А кричатъ: вдаръ да подай! А что ему съ земли? Не земля кормитъ, а мозги...

Максимъ изъ Черемши съ жаромъ возразилъ ему:

— Да дурѣ новоржевскихъ помѣщиковъ нигдѣ нѣтъ, Степанъ. А земли у нихъ много—они и сыты, и умны.

— Правда твоя! правда!—весело кричали мужики.—Для правды беретъ тебя баринъ на охоту.

— Чужого выскивать плохо, — отозвался Степанъ. — Земли! земли! А землю не ѣдятъ... Мужикъ—дуракъ по самую спину: срубилъ чужое дерево и думаетъ, какую часть на лавку, какую на шкапъ...

— Да, дерева-то у насъ своего нѣтъ...

— Это вы поняли, ребяташки... Нѣтъ своего, такъ заглядѣли чужое. А къ людямъ нужно выходить съ совѣстью, а вы оставляете ее дома... Живите-ка лучше просто—будете имѣть въ карманѣ со ста...

Мужики стали смѣяться.

— Не дадутъ земли только тому, у кого дѣтей нѣтъ, какъ у Максима... Тому пенсіонъ пойдетъ. Максимъ на деньги больше согласенъ.

Степанъ иронически прибавилъ:

— Печенымъ хлѣбомъ выдавать ему стануть пенсіонъ...

— Да, овъ,—закричали мужики:—съ одного хлѣба смодѣть, а запросить приварка.

— Водочки!—насмѣшливо перебилъ Степанъ.—Съ весны станемъ чужую землю дѣлать и «казенку» пить.

Максимъ отмолчался, но, когда мужики умолкли, за него вступился «московскій бурлакъ» и остроумно сказалъ:

— Это не порокъ, что за поясомъ топорокъ, а это, говорятъ, плотникъ. Вотъ порокъ, когда за обрѣзы надо безъ конца барину платить деньги, скотъ нельзя выпустить на господскій выгонъ, въ лѣсу дровъ не собрать, и мужичковъ судомъ тѣснить... А Степану то и любо. Пошлютъ тебя въ царскую думу, что ты тамъ будешь дѣлать? По крестьянству ты знаешь, а по государству такіе дураки, какъ ты, не годятся. Съ такими, какъ ты, и въ думѣ мужицкое дѣло затрутъ, а господское въ гору полѣзетъ.

— Что же ты будешь лучше?—переспросилъ Степанъ.

— Да не хуже...

— Ахъ, грѣхъ какой! Да ты не скоро узнаешь, которая лѣвая рука у меня, а хочешь по государству слово имѣть... А скажи мнѣ, что первое на первое надо мужику: хоромы, деньги или разумъ? Пожуй-ка, пожуй да разберись.

— Прожуемъ—не подавимся,—отвѣтилъ тотъ.—Тебѣ бы ѣсть благословенное, а дѣлать одно повелѣнное...

— А ты бы,—перебилъ Степанъ:—все своей башкой? Да, царь безъ нашего желанья освободилъ насъ отъ господъ... Издавъ законъ 19 февраля и освободилъ насъ. Жди того же и теперь, а

свою башку не ломай. Не ходи въ забастовку... А то помрешь безъ покаянія. Дай умнымъ людямъ сперва сказать, а самъ побудь позади...

Степанъ опять овладѣлъ вниманіемъ толпы и продолжалъ:

— Царь такъ надумаетъ, что какъ не надо лучше. На каждую барскую десятину по два рубля положить, а народу на работу въ усадьбу не велитъ пускать. Вотъ баринъ и самъ откажется отъ земли и скажетъ казнѣ: «возьмите мою землю... она меня замутила». Ну, тогда банкъ и скупитъ господскую землю по согласію.

Всѣ радостно воскликнули:

— Все одно... Намъ бы землю поскорѣй.

Степанъ строго перебилъ ихъ:

— Если бы все равно, такъ и попъ бы родилъ: волоса длинные, такіе же, какъ у попадьи... А родятъ все бабы.

Мужики сконфуженно замолчали...

V.

Еврейскій погромъ.—Рабочій о еврейскомъ вопросѣ и студентахъ.

Пока продолжался между мужиками «рокотнякъ» изъ-за земли, время бѣжало, и мои окладчики, отправившіеся провѣдать лосей, все еще не возвращались.

— Зимній день короткій,—думалъ я, поглядывая на часы.

Пріѣзжіе помѣщики, принявшіе участіе въ моей облавѣ на лосей, тоже согласились, что покуда окладчики вернутся, и загонъ будетъ отправленъ въ обходъ лосямъ, наступятъ сумерки.

— Не разобрать въ темнотѣ лося отъ лосихи... А платить штрафъ въ пятьдесятъ рублей за лосиху неприятно.

Въ это время вдали между кустовъ показались Моховикъ и Цоташъ.

— Идутъ,—зашумѣли загонщики.—Идутъ егеря!.. Да что-то невесело идутъ и не торопятся.

Дѣйствительно, окладчики заявили, что лоси «потревожены» и были все время «на ходу».

— Ушли въ еврейскую дачу. Ужъ мы гнались-гнались за ними, а никакъ не обложить... Валятъ все ходомъ и ходомъ.

Погоревали мы, но остаться на слѣдующій день никто изъ насъ не пожелалъ.

— Ёдемъ ко мнѣ въ село ночевать,—предложилъ одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ всѣмъ охотникамъ.—Завтра устроимъ облаву на зайцевъ, а, можетъ быть, и рысей обложимъ... Парочка ихъ держатся въ моемъ лѣсу.

— Ладно,—согласились мы, и приказали нашимъ окладчикамъ поскорѣе закусывать и пить чай.

Пока они подкрѣпляли свои силы послѣ утомительной ходьбы по глубокому снѣгу, я прислушался къ разговору новыхъ крестьянъ изъ мѣстныхъ деревень, собравшихся въ лѣсную сторожку посмотреть на охотниковъ.

— Въ забастовку мальцы съ дѣвками ходили,—слышу я, говорятъ они непринужденно между собой.

— Куда?—переспросилъ я.

— Въ грабиловку, баринъ... Теперь гуляціе дни... Все равно не работаютъ на заводѣ. У насъ тутотка, около Барлаевской дачи, стеклянный заводъ у еврея...

— Ну, и что же?

— Мальцы позвали съ гулянокъ дѣвокъ въ забастовку и обѣщали имъ конфетъ и пряниковъ въ еврейской лавкѣ. Да, не удалось растрясти лавку. Стрѣляли въ окно, да хозяева успѣли дверь на крюкъ захлопнуть.

Меня поражало это легкое отношеніе къ событію, и я напомнилъ имъ о правосудіи.

Одинъ изъ нихъ увѣренно отвѣтилъ мнѣ:

— До новаго года дана свобода грабить и убивать мятежниковъ: поляковъ и евреевъ, а послѣ будетъ разъясненіе о свободѣ. Мы сами читали въ газетахъ.

Очевидно, онъ читалъ черносотенскія изданія и не подозрѣвалъ въ нихъ провокаціи.

— Въ заводѣ,—говорилъ онъ:—тоже стекла повыбили и газъ выпустили... Котлы разорвало. Да заводъ еврея, а не русскаго.

Присутствующіе спокойно при этомъ замѣтили:

— Можно! Еврей—не русскій... Ничего не будетъ за это...

Мы были нѣсколько смущены увѣренностью крестьянъ въ безнаказанность за еврейскій погромъ, но, желая, однако, смягчить ихъ проступокъ, нѣкоторые изъ насъ стали нападать на евреевъ.

— Это ужасно! На западѣ революцію дѣлали народы, а у насъ жида...

Вдругъ, къ моему изумленію, «московскій бурлакъ» иронически перебилъ насъ:

— А Куропаткиныхъ и Стесселей кто сдѣлалъ? Тоже жида! Алексѣевыхъ и Безобразовыхъ кто сдѣлалъ? Опять жида!

Я не могъ удержаться отъ хохота при видѣ вытянутыхъ лицъ моихъ товарищей.

— Это тоже несчастіе—война,—пробормотали они.

Но бурлакъ рѣзко имъ возразилъ:

— Нѣтъ, это наше счастье. Война пробудила насъ... Но ее тоже сдѣлали не жида.

Споръ становился интереснымъ именно тѣмъ, что и другіе крестьяне приняли въ немъ участіе. Возражая бурлаку, они говорили:

— Такъ ты еврейскую вѣру хвалишь? А у насъ жидки и лѣса повырубали, и въ лавкахъ пообвѣщивали всѣхъ насъ... А судиться и не думай... Просудишься съ евреемъ.

Я сталъ болѣе внимателенъ къ развитію антисемитизма въ этомъ первобытномъ уголкѣ нашего сѣвера.

— Не долго мы были рады въ моховомъ краю заработкамъ у еврея на заводѣ,—говорили мужики... Двадцать пять копеекъ дѣтямъ, тридцать пять копеекъ взрослымъ... Какія-жъ это деньги? А работа тяжелая: въ закалку стекла носить, изъ закалки въ шлифтольную, изъ шлифтольной въ вертельную, гдѣ стекла вяжутъ, клеймятъ и пакують... Потомъ вагоны со стекломъ таскать по рельсамъ, и такъ съ утра до вечера. Видимъ, что еврей любить сѣмечко лучше обирать, чѣмъ сѣять... Ну, и пошло противъ него неудовольствіе. «Бѣсова хватовщина» помогала тоже... Хватишь «казенки» безъ закуски и пошелъ вонъ изъ лавки... Въ головѣ кружится, и во всемъ еврей виноватъ. А потомъ онъ же привезъ на готовое новыхъ работниковъ въ заводъ изъ далекихъ мѣстъ и назначилъ имъ по полутора и по два рубля въ сутки. А за что? Ихъ работу и мы бы могли дѣлать... Работа легкая: дутье стекла и отливка. Почему же намъ не предоставитъ?

Крестьяне въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Нашихъ рабочихъ еврей не допустить къ настоящему дѣлу. За большое дѣло и платить надо дорого, а онъ хочетъ, чтобы здѣсь на мѣстѣ цѣна на насъ была заведена самая малая.

Мнѣ становились все болѣе и болѣе ясными реальныя причины мѣстнаго возмущенія крестьянъ противъ администраціи стекляннаго завода, и хулиганскій характеръ погрома принималъ болѣе бытовую и серьезную окраску.

Несомнѣнно, судъ приметъ во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, и нельзя будетъ мотивировать его исключительно «бѣсовой хватовщиной».

Московскому бурлаку, однако, вопросъ былъ не вполне ясенъ, и его смущало то, что центромъ событія являлся еврей.

— Прежде,—говорили крестьяне, путая съ еврейскимъ вопросомъ и обще-государственный:—нашъ народъ и на барщину ходилъ, да на войнѣ всѣхъ побѣждалъ, а теперь онъ вольный и дома сидитъ, а еврей бьетъ его и вѣздитъ на немъ...

— А почему?—спросилъ бурлакъ.

— Потому что еврей образованнѣе насъ...

— А почему еврей образованнѣе?—повторилъ онъ опять имъ тотъ же вопросъ.

— Потому, что насъ ничему не учать...

— А почему не учать?

— Начальство не хочетъ...

— А почему не хочетъ?

— Поди, самъ разузнай, если въ холку тебѣ не попадетъ!— раздраженно отвѣтили мужики.— Начальство-то у насъ басурманское.

Бурлакъ съ торжествующимъ взглядомъ улыбнулся и укоризненно попенялъ имъ:

— То жиды, а теперь уже и басурманское начальство... Вотъ ты раскуси прежде да пожуй хорошенько, а потомъ ночью на печи и рассуди, кто въ чемъ виноватъ... А то галдятъ: гамъ! гамъ!—а не знаю, гдѣ тамъ...

Присутствующіе при этомъ спорѣ «господа» подозрительно посмотрѣли на «московскаго бурлака» и начали вдругъ говорить между собой о грозящей всѣмъ «диктатурѣ труда», о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и т. д.

— Вы только представьте,—ораторствовали они:—рабочій вмѣсто 5—6 часовъ утра явится на фабрику въ восемь или девять... Что же это получится? Съ утра они явятся пьянѣ стельки...

— Ну, положимъ,—возразилъ я слабо:—рабочій можетъ спать до 7 часовъ... Когда же онъ успѣетъ напиться?

— Вы думаете?—закричали на меня.—Рабочій будетъ спать до 7 часовъ? Да, никогда! Онъ уже привыкъ вставать съ 5 часовъ утра... А такъ какъ у рабочаго какое же еще можетъ быть дѣло, кромѣ завода, то онъ и отправится въ кабакъ, а на заводѣ его штрафы ждутъ. Да и вообще, имѣя столько досуга, рабочій совсѣмъ никуда не будетъ годенъ. Теперь ему некогда рассуждать. Теперь съ работы напьется и ляжетъ спать. Къ утру на работу, затѣмъ опять прежнимъ порядкомъ. Вотъ нормальный образъ жизни для рабочаго. А если у него останется свободный часъ, такъ изъ него выйдетъ либо бунтовщикъ, либо горькій пьяница. Во всемъ можно уступить рабочимъ—и плату повысить (хотя все равно пропьетъ), но нельзя давать ему ни часу свободнаго времени...

Московскій бурлакъ насмѣшливо прервалъ воцарившееся было между нами молчаніе.

— Не всѣ мы «бѣсовой хватовщиной» занимаемся.

Страховой агентъ среди насъ перебилъ его сердитымъ голосомъ:

— Не водкой, такъ политикой занимаетесь со студентами... Ты что изъ Москвы? Забастовщикъ?

— Точно такъ... А только вины моей въ томъ нѣтъ.

— Не своей башкой бастовалъ, а за студенческой шелъ?

— Никакъ нѣтъ! Студентовъ тоже мы знаемъ хорошо... Своими глазами видѣлъ ихъ на площади... Князя хоронили...

— Ну, что же?—воскликнулъ агентъ:—ахальники? Галдѣли и беспорядокъ производили?

— Никакъ нѣтъ! Чинно всѣ двигались и вѣчную память пѣли. Все честь-честью... А къ публикѣ все съ вѣжливостью обращаются: «товарищи», да «пожалуйста»... Съ благородствомъ все и со вся-

ческою пристойностью... А вы ругаетесь на них! Одно названье у нихъ не подходящее «скуденты». А народъ-то самъ по себѣ хорошій, вижу я, какъ посмотрѣлъ я на всю ихъ трогательность.

— А зачѣмъ же,—перебилъ его опять агентъ:—непристойности-то? Пѣсни какія-то запѣли... Чего жъ не расходились, когда честью просили?

— Да, что, милъ человѣкъ,—оживленно отвѣтилъ рабочій:—оставь ты ихъ... Не задорь, ну, и разойдутся... А то вишь, сколько полковъ собрали, только пушки не хватало да Куропаткина. Ну, имъ и любо. Вишь, дескать, противъ нашей пѣсенки цѣлый походъ собрался.

— Охъ, спаси тебя, Господи!—забормоталъ одинъ мужикъ въ толпѣ и инстинктивно попятился назадъ, точно отъ напиравшаго на него лошадинымъ задомъ жандарма.

Бурлакъ продолжалъ:

— Такъ вотъ я и самъ, когда пьяный, куражусь... Ломаюсь, коль вижу, что мной интересуются. А ежели не обращаетъ никто вниманія, такъ я покуролешу, покуролешу, да и спать завалюсь. А одно слово говорю,—повторилъ онъ, отходя въ сторону:—не задорь студентовъ! Не задоры!

Въ этихъ простыхъ словахъ представителя толпы было много тонкой наблюдательности и здраваго смысла. Я очень жалѣлъ, что мнѣ не пришлось съ нимъ ближе познакомиться.

Наши лошади были уже напоены и запряжены. Мы вскорѣ поѣхали въ усадьбу пригласившаго насъ землевладѣльца поохотиться у него на зайцевъ.

VI.

Деревенская гулянка.—Старое и новое въ этихъ гулянкахъ.—Комплиментъ литератору.—«Заячьи номера».

Охота на зайцевъ была весьма удачна. Къ вечеру за мной пріѣхалъ изъ Канина «Николай-сапожникъ». Уложивъ битыхъ зайцевъ въ передокъ саней, я выѣхалъ изъ барской усадьбы опять въ деревенскую глушь.

Зимняя ночь не спѣша опустилась на землю. Холмы слились съ небомъ, а черныя массы лѣсовъ постепенно скрывались изъ глазъ. Подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха и монотоннаго причмокиванія губами моего возницы на лошаденку, я слегка задремалъ и просыпался при каждомъ возгласѣ хозяина:

— Э-э, милая, пошла, пошла въ горку-то! Тутотко-съ переѣдемъ, тамъ глаже буде... А тамочка мостикъ да ручеекъ перепагнемъ...

Причитая многочисленныя утѣшенія своей лошаденкѣ, Николай не переставалъ нахлестывать ее кнутомъ.

— Да перестань ты колотить-то ее,—пробовалъ я унять его.—
Дай передохнуть малость...

— Н-е-е, баринъ,—отвѣчалъ онъ съ авторитетнымъ видомъ.—
Она у меня баба, а бабы любятъ кнуть... Н-у-у, необразованная,—
вдругъ заоралъ онъ на нее, наскочивъ на камень, занесенный снѣ-
гомъ.—Одно слово необразованная баба,—продолжалъ онъ...

— Такъ ты бы образовалъ ее... Покормилъ бы овсепомъ, да
передохнуть далъ бы, а то, смотри, заморилась она вся...

— Н-е-е, баринъ! Говорю, баба она у меня, кобыла-то... А бабью
сытъ ничѣмъ не наполнишь. Не бить ее, такъ она на тебя сядетъ
да поѣдетъ.

Видимо, его самого заѣзживала двуногая баба и, перенося до-
саду на четвероногую, онъ закричалъ:

— Что-жъ мы тутъ ночевать, што ли, будемъ? По-о-шла! Ну!—
зачмокалъ онъ губами и замахалъ кнутомъ на лошадь.

Я расположился опять дремать, какъ вдругъ позади насъ разда-
лись нестройные звуки гармоники и понеслись по полю «частушки».

— Что это?—спросилъ я.

— А это идутъ на гулянку парни съ дѣвками и «волчьи пѣсни»
подпѣваютъ, свои,—отвѣтилъ Николай, и изо всѣхъ силъ опять
началъ хлестать лошадь.— Чего съ ними стрѣчаться? На грѣхъ
лѣзть... Лихіе у насъ парни на гулянкѣ,—добавилъ онъ.

Нестройные и дико рвущіеся звуки скрипучей гармоники, съ
голосами молодежи, какъ-то не шли къ чудной, задумчивой ночи.

Мы подѣхали къ деревнѣ.

— Во здѣсь, баринъ, гулянка-то будетъ,—остановилъ Николай
лошадь, какъ будто что-то соображая...

— Ну, что-жъ,—произнесъ я.—Намъ дальше надо... Пошелъ...

— А не лучше-ль сюда заѣхать да до утречка переждать?...

— Зачѣмъ это? На гулянку, что ли, захотѣлось?

— Како тамъ на гулянку! А вотъ ѣхать дальше въ ночное
время опасно... Потому теперь гулянщики навстрѣчу пойдутъ
по всѣмъ дорогамъ. Да и лошаденка-то, хопса и баба, а все-таки
заморилась,—добавилъ онъ, взглянувъ на вспотѣвшее и дымя-
щееся паромъ животное.

Я согласился переждать нѣсколько часовъ въ деревнѣ.

Здѣсь намъ пришлось вѣзаться въ галдящую и взвизгиваю-
щую толпу парней и дѣвокъ. Шагомъ добрались мы до избы зна-
комаго мнѣ лавочника.

Къ нему то и дѣло забѣгали съ улицы дѣвки и парни, таща
свои пяточки за фунтъ ситнаго, карамелекъ и т. д.

Попивъ чая и убѣдившись, что о спаньѣ нечего и думать,
меня потянуло взглянуть на русское веселье.

Выйдя изъ избы и попривыкнувъ къ темнотѣ, я разобралъ
среди спящей массы знакомыя мнѣ лица мужиковъ и былъ

удивленъ лишь тѣмъ, что среди нихъ оказалось много трезвыхъ.

Бывало, прежде, чѣмъ открыть гулянку, мальцы либо озорствомъ набирали съ проѣзжихъ мужиковъ пяточки «на гулянку», либо правильно распредѣляли между собой деревни и ходили каждый по своей, собирая подавнiемъ хлѣбные куски. Набранные куски они продавали на кормъ куръ и свиней то сельскому учителю, то священнику, то лавочнику, а вырученныя деньги отдавали на гулянку... На общія средства покупали селедокъ, кренделей, пряниковъ или сѣмечекъ для дѣвокъ, а также и водку на потребу всѣхъ.

Весьма часто эти гулянки кончались драками и убійствами между участниками или отчаянной игрой въ карты.

Не могу при этомъ не вспомнить любопытную сцену современной карточной игры на деревенскихъ гулянкахъ.

— Съ денегъ ходъ!—азартно кричитъ начинающій игру Трахачъ... Всякъ пятакъ!

— Замирилъ твой пятакъ пятачкомъ же и подъ васъ десять копеекъ,—почтительно произнесъ Лудило, обращаясь къ третьему игроку, по прозванiю Гвоздь.

Тотъ также спокойно отозвался.

— И я помирилъ весь конъ въ 20 копеекъ пятачкомъ и еще въ гору двадцать...

Четвертымъ играющимъ былъ Андрей.

— Замирилъ сорокъ пять копеекъ гривенникомъ и пятачекъ въ гору.

Очередь дошла опять до Трахача. Приходилось уже замирить шестьдесятъ копеекъ.

— Жилеткой замирилъ,—воскликнулъ онъ, скидывая послѣднюю,—и рубль въ гору...

Лудило испуганно отказался замирить этотъ конъ и бросилъ карты, жалуясь на то, что всѣ своя житныя лепешки проигралъ.

— Сбиралъ куски и все въ чужую торбу вывернулъ...

Онъ былъ вознагражденъ одобряющимъ хохотомъ.

— Карты слезы любятъ,—отвѣчали окружающiе его игроки, и партiя продолжалась уже между тремя оставшимися парнями.

— Замирилъ и твой рубль пятачкомъ и въ гору гривенникъ,—сказалъ Гвоздь, выкладывая на столъ послѣднiя деньги.

Воленiе сообщалось всѣмъ играющимъ. У Андрея такъ же ничего уже не было въ карманѣ, но отказаться отъ розыгрыша ему было жаль.

— Кто себѣ добра не желаетъ, тому надо обѣ руки по локоть отрубить,—воскликнулъ онъ, и быстро снялъ рубаху и надѣлъ на голое тѣло рваный полушубокъ.—Замирилъ,—сказалъ онъ, бросая рубаху на столъ.

Трахачъ съ гнѣвомъ въ голосъ выкрикнулъ:

— Замирилъ пятакомъ и даю въ гору деревню Жилино... Все, что соберу тамъ въ праздничное, ставлю на конь... Сбору на пятиалтынный, а то и болѣе... Деревня большая.

Сосѣдъ его замирилъ уздечкой съ коня и вожжами пошелъ въ гору... Всѣ были удивлены такимъ упорствомъ играющихъ.

— Разыгрывать бы пора,—шептали отъ нетерпѣнія пришедшія посмотрѣть на игру дѣвки.—Ишь влѣпившись какъ... Что у васъ хлюсты, стало быть?

— Останусь съ душой да тѣломъ,—воскликнулъ Андрей,—а не пожалѣю ни сапогъ, ни портянокъ.

— Замирилъ и пошелъ въ гору картузомъ.

Трахачъ еще болѣе поблѣднѣлъ отъ злости и, тяжело дыша, произнесъ:

— Пѣхновымъ замирилъ и Фельдеково въ гору даль. . Обѣ деревни на конь ставлю. Хошь, мири и давай въ карты сыгрываться. А то мири и ходи новой деревней...

— Замирилъ и будемъ сыгрываться,—произнесъ Гвоздь.

— У меня хлюсты,—перебилъ торжественно Трахачъ и развернулъ карты.

— Одномастный, а у меня старшій,—возразилъ Гвоздь и показлъ ему трехъ тузовъ.

Андрей въ глубокомъ уныніи посмотрѣлъ на свои большіе козыри, понимая, что при хлюстахъ ему нельзя «сыгрываться».

— Будемъ отыгрываться,—приставали къ счастливому игроку и Трахачъ и Андрей.

Предпочитая уйти домой съ выигрышными деньгами, Гвоздь отказывался играть въ долгъ.

— Деревни проигрываете,—презрительно сказалъ онъ:—а платить чѣмъ будете? Не зная, соберете куски, не зная—нѣтъ...

— Не сумлѣвайся. Будемъ просить хлѣба не какъ нибудь. Возьмемъ палочку и пойдемъ сбирываться: милостынку Христа ради, да яичко сзади.

Неожиданно появившаяся въ избѣ совсѣмъ пьяная Фиша Мотосвѣтка грозно закричала на нихъ:

— Христа въ хлюсты проигрываете! Вотъ отчего у насъ и хлѣбецъ не родится. Собираемъ Божьимъ именемъ хлѣбные куски да въ карты проигрываемъ. Пѣсни озорныя съ дѣвками да карты... Вотъ вся и гулянка ваша... Тутъ добраго немного...

Всѣ повскачили на ноги и окружили нищенку.

— Не реви! Не реви! Чего раскудаhtалась, пригулышъ безпріютный?—спросилъ Андрей и сунулъ ей въ ротъ кулакомъ.

Она упала на полъ и не могла подняться. Ее выкинули изъ избы на огородъ.

— Нынѣшнія гулянки,—говорили пожилые крестьяне,—не похожи на старинныя. Встарь бывало водились хороводы, а нынѣ парни идутъ впередъ, а дѣвки сзади, взявшись рука объ руку. Впереди всѣхъ парень съ гармоніей кривляется и скверныя пѣсни поетъ, а дѣвки смѣются и такъ до полуночи... А потомъ идутъ попарно, припѣвая:

«Побесѣдуемъ вдвоемъ,
«Посмѣемся вдвоемъ»...

— Но прежде, чѣмъ остаться «вдвоемъ», парни переругаются за картами изъ-за хвастовства передъ дѣвками и передерутся со всѣми... Прежде, если когда бывало убьютъ человѣка, то въ дракѣ, но не на гулянкѣ... Прежде дракѣ не было на гулянкахъ, и гуливали больше днемъ, а теперь все по вечерамъ да по ночамъ. Прежде гуляющихъ звали въ каждую избу, а теперь извините... Ищи бобылку-солдатку! Въ избу мужика не пускаютъ гулянку, а то мальцы чтонибудь сдѣлаютъ: либо квасникъ обернуть, либо ямку расковыряютъ въ печкѣ, гдѣ прячутъ угли, либо половину крыльца разберутъ... Все такія гадкія вещи дѣлаютъ. А то побьютъ кого—чуть поспорилъ...

Наблюдая, какъ русскій народъ веселится, и какъ онъ проводитъ свой досугъ, я не могъ не считать деревню причастной къ формированію въ Петербургѣ изъ деревенскихъ парней будущихъ хулигановъ и громилъ.

Но бывають историческія событія и времена, возвышающія людей...

Я зналъ, напримѣръ, священника Гапона значительно ранѣе извѣстныхъ январскихъ событій и убѣжденъ въ томъ, что рабочіе сдѣлали Гапона, а не онъ ихъ... То же самое и въ современной деревнѣ. Жизнь съ лучшими ея интересами ворвалась даже на гулянку и измѣнила фیزیономію послѣдней.

Правда, и теперь на гулянкѣ было немало Трахачей и Лудилъ на ряду съ болѣе солидными и болѣе хозяйственными крестьянами. И теперь гуль, хохотъ и визгъ наполняли воздухъ на улицѣ... Казалось, не было въ деревнѣ уголка, откуда бы не доносился какойнибудь звукъ. И теперь дикая охрипшая, умирающая пѣснь, прерываемая широченной бранью, заставляла меня вдрагивать, равно какъ и пьяный попотъ:

— Эй, дай опохмелиться... Слышишь, дай!

И молодая дѣвушка, полурастрепанная, тащилась за парнемъ, не обращающимъ на нее вниманія даже тогда, когда подкосившіяся ноги уложили ее въ сугробъ снѣга.

И теперь поражали меня залежи нетронутой энергіи въ крестьянскихъ массахъ, наводящихъ своимъ некультурнымъ весельемъ

на мучительныя размышленія о томъ, побѣдитъ ли разумъ эту грязь и пошлость духовной жизни.

Все это осталось и теперь... Но къ этому прибавилось и нѣчто новое, не замѣчаемое мною ранѣе.

Парни на улицѣ съ шумомъ наскочили на меня, но тотчасъ же дали дорогу, узнавъ въ лицо. Поздоровавшись, они вступили въ разговоръ со мной о своихъ деревенскихъ новостяхъ:

— Панкратъ въ погостѣ у насъ сгорѣлъ; урядникъ утонулъ весной въ рѣкѣ, когда спасалъ свою лошадь; украденную корову нашли по слѣдамъ, когда воръ велъ ее въ другую деревню и зарѣзалъ у себя, и, наконецъ, мужики хотѣли кого-то бросить въ огонь за то, что онъ «въ житѣ ихъ не вникаетъ, а разуму наставляетъ»...

Вдругъ одинъ изъ толпы воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Вниманія не стоило бы обращать!.. Потому, думаемъ, не въ своемъ умѣ человѣкъ, когда пьянъ... Да мы сами въ иную пору такую отрѣжемъ правду-матку, что и не удивишься... Не подходитъ къ нашему, по крестьянству, малому дѣлу считать обиды и спрашивать, за что насъ жмутъ, да не стерпѣтъ въ иную пору и читому (трезвому) человѣку...

— Чего терпѣтъ!—воскликнуло нѣсколько повеселѣвшихъ голосовъ.—Свобода—говорю, что хошь!

Охмелѣвшіе голоса присоединились къ трезвымъ...

— Ты намъ, баринъ, никогда ничего не говоришь... Почему такъ? Мужиковъ слушаешь и книги печатаешь про насъ, а самъ молчишь... Нигдѣ ничего не слышать, чтобы ты говорилъ. Видно, ты самъ господскую руку тянешь?

Это замѣчаніе было сдѣлано неожиданно и въ вопросительной формѣ, но меня избавилъ отъ отвѣта чей-то пьяный голосъ съ боку:

— Кака... така... господская рука? Все глупости... У всѣхъ руки бѣлыя да длинныя. У всѣхъ пальцы гнутся въ кулакъ и у барина, и у мужика... Нонѣ свободно! Всѣ равны...

Пьяный прошелъ мимо, и надо было самому отвѣчать за себя. Ему вслѣдъ тотчасъ же сострили изъ толпы:

— Который ушелъ, тотъ не мѣшаетъ!

— Я больше люблю слушать васъ...

— Чего же пытатъ мужиковъ?—перебили меня.— Ты ученѣй насъ, а никогда ничего не рассказываешь намъ...

— А все мы тебѣ!—кричали другіе.— Никогда съ пустыми руками не уѣжалъ отъ насъ, а всегда съ охалкой...

Я согласился съ ними, что это правда. И мысли ихъ, и языкъ—образный и остроумный—занимали меня всегда исключительно, какъ литератора. Степанъ изъ Крутца примирилъ меня съ «гуляничкини» оригинальнымъ комплиментомъ по адресу литератора.

— Иному человѣку скажешь, что пню... А съ нимъ хорошо водиться... У насъ съ нимъ слово на землю не валится, а все въ завязку да въ газету. Не въ одно мѣсто сводить онъ мысли, а по всему свѣту разводитъ. Въ одно мѣсто сжать разговоры—просто, а чтобы всѣ люди знали ихъ—это умно...

Мужики смѣялись и кричали мнѣ:

— Иной баринъ не токмо пить чай и говорить съ нами, но и въ избу не велитъ пускать мужиковъ, гдѣ самъ сидитъ... А идетъ мимо и не глядитъ на насъ. Видать, что необразованный человѣкъ... Самъ себя высоко несет...

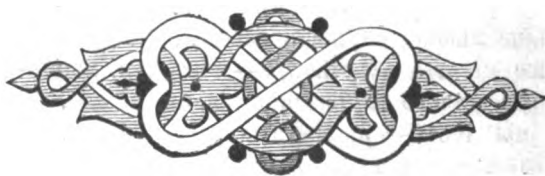
Мужики озлобленно продолжали рѣчь:

— Такимъ господамъ нонѣ и не жить съ мужиками... Все читаемъ въ газетахъ, что они казаковъ въ селахъ у себя держатъ. Да, вотъ съ весны «заячьи номера» подъ каждымъ кустомъ будутъ свободны, и мужички получаютъ даровыя квартиры,—загадочно произнесли они.—Всѣ уйдемъ изъ избъ своимъ судомъ дѣлить землю... Поторапливаться бы надо, поторапливаться, а не ждать весны и свободныхъ номеровъ подъ кустомъ! Да царь-то «суетится» и входитъ въ крестьянское положеніе, а министры говорятъ, что земли нѣтъ... Ну, вотъ, «заячьи номера» освободятся къ веснѣ, если ничего не сдѣлаютъ для насъ... Легко ли подъ каждой вересинкой мужика искать? А найдутъ солдаты со всѣхъ сторонъ, кого сожгутъ, кого выдерутъ — лучше не станеть... Заяцъ и тотъ кусается, когда настагаешь его...

Изъ предосторожности я прекратилъ разговоръ о «заячьихъ номерахъ» и вернулся въ избу. Утромъ рано я поѣхалъ съ Николаемъ на новыя звѣровыя облавы.

А. Фаресовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДЕКАБРЬСКІЕ ДНИ ВЪ МОСКВѢ.

ОЯБРЯ 30-го, я уѣхалъ съ Кавказа, думая отдохнуть въ Москвѣ, гдѣ постоянно проживаетъ моя старуха-мать, и совершенно неожиданно попалъ на забастовку и революціонное вооруженное возстаніе. Все, что я пережилъ въ эти историческіе десять дней, я предлагаю вниманію читателей. Нѣкоторые факты, которыхъ я не былъ свидѣтелемъ, мною провѣрены, несмотря на то, что свидѣнія я имѣлъ отъ людей нейтральныхъ, жителей, а не отъ воюющихъ сторонъ. Мнѣ хотѣлось бы дать общую картину состоянія духа москвичей, тѣ ужасы и ту страшную неопредѣленность, среди которыхъ они прожили, а нѣкоторые умерли и заболѣли. Впрочемъ много ихъ было убито и ранено.

7 декабря.

Въ этотъ день съ 12 часовъ была объявлена и началась забастовка. Домъ моей матери находится въ Рахмановскомъ переулкѣ между Петровкой и Неглинной, рядомъ съ зданіемъ ссудосберегательной государственной кассы, которая охранялась кавалерійскимъ отрядомъ.

Я вышелъ на Петровку, гдѣ было большое оживленіе и много народа. День былъ хмурый и не холодный. По угламъ улицы и около большихъ магазиновъ стояли кучки жителей. Они были далеко не въ печальномъ настроеніи, это были обыкновенные московскіе любопытные зрители, охочіе до всего экстраординарнаго.

Закрывались лавки, магазины, закрывались безъ всякаго протеста, а нѣкоторые торопливо, со страхомъ. Въ овощныхъ, колониальныхъ и булочныхъ толпились покупатели, особенно много ихъ было въ колбасномъ магазинѣ, который закрылся послѣднимъ. Около этого магазина стояла группа лицъ, несомнѣнно забастовщиковъ, которая торопила кончать торговлю. Городовые занимали свои посты, но были безучастны къ происходившему.

Странно! на улицахъ было весело, не хотѣлось уходить: день напоминалъ собою праздничный. Жители бесѣдовали другъ съ другомъ, незнакомые знакомились между собою, слышались шутки, остроумныя фразы.

«Однако,—думалъ я,—забастовка не такая печальная штука, какъ я предполагалъ... совсѣмъ не скучно!»

— Что, и первая забастовка была такая же?—спросилъ я у кого-то.

— Да, ходили, приказывали закрывать... безпорядковъ не было!..

Очевидно, жители не вѣрили въ вооруженное возстаніе,—не вѣрилъ и я.

Скоро всѣ съѣстные магазины закрылись. Торговали только одни газетчики петербургскими газетами: «Новымъ Временемъ» и «Молвой», такъ какъ ни одна московская не вышла.

Утромъ, часовъ въ 10, я былъ на Тверской, чтобы купить необходимое. Помню, въ магазинахъ Филиппова, Вѣлова было несмѣтное количество народа, куда больше, нежели передъ Рождествомъ и Пасхой. Торговля шла великолѣпно: не успѣвали удовлетворять покупателей, которымъ долго приходилось ждать своей очереди.

Было оживленно, и покупатели съ провизіей были веселые, а нѣкоторые со смѣхомъ говорили: «ну, теперь мы не боимся забастовки!»

Въ тотъ день у Филиппова цѣлаго чернаго хлѣба, однако, не выдавали, предлагая только половину.

Говорили и были довольны, что забастовка не простирается на водопроводъ. Вообще мнѣ не приходилось слышать протестовъ на улицахъ и въ магазинахъ противъ забастовки. Въ головѣ обывателей, несомнѣнно, не было мысли о вооруженномъ возстаніи. Одна только старушка, изъ простыхъ, громко жаловалась мнѣ на времена, когда творится такое несуразное, и когда начальство запрещаетъ торговать хлѣбомъ, который старушка привыкла покупать вотъ ужъ семьдесятъ лѣтъ свободно. Я объяснилъ моей случайной собесѣдницѣ, что начальство тутъ ни при чемъ—даже напротивъ, но не знаю, поняла ли меня старая.

8 декабря.

День этотъ былъ морозный и болѣе свѣтлый, нежели предыдущій. Обыватели находились въ созерцательномъ настроеніи. Опять на улицахъ народъ, праздный и любопытствующій. У бу-

лочной Савостьянова съ 7 часовъ толпа народа; пропускають внутрь помѣщенія по нѣскольку человекъ и выдаютъ только черный хлѣбъ не болѣе 5-ти фунтовъ. Такъ постановлено забастовочнымъ комитетомъ, который будто бы выразился: «пусть буржуа попробуютъ пожить на одномъ черномъ хлѣбѣ!»

Но въ этотъ же день я случайно узналъ, что въ извозничьемъ трактирѣ можно достать и бѣлаго хлѣба въ видѣ сайки, да еще торговала одна совсѣмъ маленькая булочная вѣсовымъ бѣлымъ хлѣбомъ по 8 коп. фунтъ.

Итакъ, на тротуарахъ много народа, но экипажнаго движенія мало. Проѣдутъ однѣ, двое извозничьихъ саней, и опять пустынно; всѣ магазины заколочены свѣжими сосновыми досками, а болѣе богатые желѣзными наружными ставнями. Овощныя лавки торгуютъ до 12 часовъ, а нѣкоторыя закрывались ранѣе изъ-за какой-то неопредѣленной боязни.

— Лучше бы они (забастовщики) прислали «бумагу», до которыхъ часовъ торговать, а то боязно... можетъ, имъ не понравится...

Вообще боязнѣ забастовщиковъ проглядывала среди торговцевъ, и желаніе не разсердить ихъ было очевидное.

Въ этотъ день уже слышалось по улицамъ «товарищъ», и проходили группы молодыхъ людей, повидимому, рабочихъ, но прилично и тепло одѣтыхъ.

Мнѣ приходилось бесѣдовать съ мелкими лавочниками, которые говорили, что имъ трудно вообще не столько отъ забастовки, какъ явленія временнаго, но вообще отъ текущаго экономическаго кризиса, который могутъ пережить и перенести крупныя, богатые коммерсанты, а имъ, мелкимъ, грозитъ почти вѣрная гибель, если обстоятельства не измѣнятся.

День въ нашемъ районѣ прошелъ совершенно тихо. Какъ извѣстно по газетамъ, вечеромъ состоялся большой митингъ революціонеровъ въ Акваріумѣ на Тверской у старыхъ Триумфальныхъ воротъ.

9 декабря.

Утро опять было спокойное. Изъ оконъ видны были люди съ хлѣбомъ и другими продуктами, спѣшащіе по своимъ квартирамъ. Снова любопытныя кучки у воротъ, у наружныхъ дверей. Полиція исчезла, дворники прекратили свою дѣятельность, смѣшавшись съ народомъ. Въ этотъ день цѣлая артель рабочихъ слесарей мастерской, помѣщавшейся въ нашемъ домѣ, рассчитавшись съ хозяиномъ, отправилась по деревнямъ, — они были ближніе къ Москвѣ крестьяне. Нѣкоторые извозчики стали покидать столицу.

Среди обыденныхъ разговоровъ кое-гдѣ рассказывали о дружинникахъ, раздѣлившихъ Москву на участки для охраны жителей отъ хулигановъ и грабителей.

Вообще обыватели за забастовщиками, повидимому, признавали значительную силу, которой противорѣчить или противодействовать опасались. Это же я наблюдалъ и послѣ.

День проходилъ сумрачнѣе, нервнѣе первыхъ. Что-то тяжелое, гнетущее повисло надъ городомъ, обыденная жизнь въ которомъ превратилась. Тоска постепенно закрадывалась въ сердце, которое ныло трепетно и жалобно.

Неопредѣленно, жутко!

Было четыре часа. Не зная, что дѣлать, я бродилъ по переулку, не удаляясь отъ своего дома, гдѣ находились мать, жена и ребенокъ, который, конечно, жилъ своею дѣтскою жизнью, не подозревая и не чувствуя той трагедіи, которая вотъ-вотъ разразится надъ древней столицей. Было особенно грустно смотрѣть на мальчика, и почему-то боязно, страшно именно за него.

Я часто уходилъ изъ квартиры въ переулокъ и на уголъ улицъ Неглинной и Петровки. Вотъ и теперь... Я подошелъ къ Неглинному проѣзду, гдѣ была масса народа и чрезвычайно живое настроеніе. Я остановился. Отрядъ городскихъ человѣкъ тридцать подъ командой околоточнаго направлялся мимо... Въ это время издали слышался какой-то неясный гулъ, который сразу нельзя было разобрать, но этотъ гулъ постепенно приближался. Скоро можно было различить мотивъ русской марсельезы... И вотъ черезъ минуту вся Трубная площадь стала черной отъ народа. Это была масса въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Толпа, разнообразная по содержанію, приближалась, среди нея были и рабочіе, учащіеся, женщины, дѣти... Все это шло въ стройномъ порядкѣ. Впереди шелъ человѣкъ съ краснымъ знаменемъ. Дойдя до Кисельнаго переулка толпа остановилась, и изъ нѣдръ ея былъ какъ бы выброшенъ молодой человѣкъ съ башлыкомъ на плечахъ, выброшенъ и поставленъ на плечи передовой части процессіи.

Оборотаясь назадъ къ огромной толпѣ, онъ началъ рѣчь, которой за дальностью разстоянія я не слышалъ. Одно только слово «свобода» пронеслось отчетливо въ воздухѣ. Это слово было подхвачено марсельезой, и вдохновенная толпа двинулась дальше по Неглинной. Въ этотъ моментъ изъ Кисельнаго переулка карьеромъ съ пашками наголо выскочили драгуны и, врѣзавшись въ толпу, начали рубить пашками,—нѣсколько человѣкъ упало. Публика бросилась бѣжать въ Рахмановскій переулокъ, откуда изъ зданія сеудосберегательной кассы тоже выскочилъ отрядъ драгунъ на перерѣзъ спасающимся.

Наши дворники захлопнули и заперли ворота, передъ которыми очутилось нѣсколько блѣдныхъ и испуганныхъ мальчиковъ, которые жалобно просили: «пусти, дяденька,пусти!» Ихъ пустили во дворъ.

Какъ много было во время московской революціи мальчишекъ! Ихъ можно было встрѣтить всюду, они были и любопытны и дѣятельны.

Спустя нѣсколько минутъ, мнѣ пришлось изъ оконъ наблюдать любопытную картину, какъ драгуны ¹⁾ по переулку гонялись за мальчишками, которые съ легкостью зайцевъ ускользали отъ плетей. Драгуны, впрочемъ, были болѣе, чѣмъ веселые...

Съ этого времени загрѣбли, затрещали выстрѣлы. Они неслись съ Неглинной, съ Лубянки и съ Тверской. Настроеніе москвичей перемѣнилось. Напуганные зрители бѣжали толпой, кучками, останавливались и снова бѣжали, спасаясь отъ нечаянной смерти.

Пули носились, жуужали!

Помню такую сцену: молодой человѣкъ упрекалъ убѣгавшихъ людей, говоря:

— Зачѣмъ убѣгаете? Тогда не ходите, не приближайтесь къ процессіи. Вы только безпорядокъ производите! Будьте покойны, дружинники сумѣютъ охранить васъ.

— А ты кто такой?—спросилъ человѣкъ въ родѣ продавца.

— Я тоже дружинникъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

У меня врѣзалось въ памяти его скорбное, грустное лицо... Кто знаетъ, можетъ, онъ палъ жертвой въ неравномъ и безумномъ боѣ. Въ самомъ дѣлѣ, люди съ револьверами и игрушечными баррикадами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, вышли противъ пулеметовъ и артиллерійскихъ настоящихъ орудій?

Забылъ еще прибавить, что особенность декабрьскихъ дней это была трезвость. Водки нельзя было найти нигдѣ еще до начала забастовки. Люди были трезвы по времени и поневолѣ. Говорили, не знаю, насколько вѣрно, что отсутствіе такого для Москвы существеннаго напитка происходило отъ забастовки казенныхъ заводовъ, а запасы закушены были московской администраціей.

Итакъ, тишина въ городѣ была нарушена, и кровь пролилась на улицахъ московскихъ. Цѣлый день шла стрѣльба, не переставая. Слышно было съ нашего двора, что она то приближалась, то удалялась.

Не по себѣ было въ квартирѣ, жутко было находиться во дворѣ. Съ тѣхъ поръ на улицу я рѣшилъ не выходить, да объ этомъ просили меня и близкіе. За сухими одиночными выстрѣлами слѣдовали залпы, которые трещали тоже сухо, звуча крайне коротко. Сердце вздрагивало и ныло, а воображеніе рисовало кровь, убитыхъ, раненыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ужасы совершались совсѣмъ близко, въ какойнибудь верстѣ, а то и меньше. Рисовались страшныя картины, незнакомыя, невѣдомыя Москвѣ, которую я зналъ сорокъ лѣтъ, патріархальную, добродушную.

Революція въ Москвѣ!..

Такъ страшно, непонятно было для меня происходящее, но это былъ не сонъ, не кошмаръ, а кровавая дѣйствительность.

¹⁾ Или казакъ. Я не знаю военной формы. Авт.

Наконецъ смолкло. Наступила зловѣщая тишина. На темномъ небѣ выступили кроткія звѣзды.

10 декабря.

Съ утра этого дня строились баррикады. Была нѣкоторая попытка устроить таковое сооруженіе и въ нашемъ переулкѣ. Я видѣлъ изъ окна двухъ молодыхъ людей, лѣтъ 18—19, чрезвычайно быстрыхъ, одѣтыхъ въ короткихъ теплыхъ пиджакахъ. Они пилили телеграфные столбы, которыхъ повалили два. Затѣмъ эти дружинники протянули телеграфную проволоку поперекъ переулка, привязавъ послѣднюю къ двумъ газовымъ фонарямъ. Около воротъ тѣснились любопытные, несмотря на дальніе выстрѣлы, а впоследствии даже на близкіе, не уходившіе со двора и съ улицъ въ свои квартиры.

— Не могу сидѣть дома,—говорилъ мнѣ хозяинъ-обыватель:—такъ и тянетъ посмотрѣть, послушать, что дѣлается... Жена, дѣти плачутъ, а я бѣгу...

Да, любопытство москвичей въ эти дни сказалось въ сильной степени. Почему?—трудно отвѣтить. Одни шли посмотрѣть ближе къ выстрѣламъ, другіе ходили по своимъ дѣламъ съ одного конца города въ другой. Для Москвы революція была нова, неожиданна, такъ что жители не могли разобратъяся ясно, что вокругъ происходитъ.

— Куда идете? вѣдь убьютъ...

— За что меня убьютъ? что я кому сдѣлалъ?—съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ москвичъ и идетъ, и шальная пуля его кладетъ гдѣнибудь на Дмитровкѣ, Тверской или Садовой.

Съ 10 декабря опасность была постоянная, ежеминутная, съ этого дня стали гремѣть пушки и пулеметы. Но, тѣмъ не менѣе, на улицахъ народа посторонняго была масса. Москвичи были увѣрены, что начальство озаботилось ихъ безопасностью, и сраженіе ведется съ непріателемъ непосредственно.

Крайне характеренъ разсказъ одного стараго москвича, чело-вѣка почтеннаго, которому въ этотъ день пришлось въ два часа, когда происходила стрѣльба, попасть къ себѣ домой съ Рождественки въ Большой Палашовскій переулокъ, что составляетъ хода 20 минутъ, а ѣзды не болѣе десяти минутъ.

— Знаете,—разсказывалъ онъ,—три, а то больше часа пришлось употребить на дорогу, да еще съ опасностью жизни и всякими препятствіями... Господи, какъ я колесилъ, куда попадалъ! Но зато долженъ сказать, что народа на улицахъ, столько народа я не видалъ никогда, ни въ какіе дни пріѣздовъ и всякаго торжества!.. Это были толпы, запрудившія улицы, переулки, толпы оживленныя, все обывательскія... Благополучно прошелъ я Софійку, Неглинный, часть Петровки, и, когда поднялся по Столешнякову переулку къ генераль-губернаторскому дому, тамъ была

страшная толпа. Слышались недалеко выстрѣлы изъ пулеметовъ. Вдругъ толпа, въ которой я былъ, дрогнула и побѣжала внизъ—выстрѣлы затрещали близко. Все бѣжало въ смятеніи, извозчики перепутались съ пѣшеходами, тутъ были женщины, дѣти, однимъ словомъ, московскіе обыватели всѣхъ отгѣнковъ. Добѣжавъ до Дмитровки, мы остановились, и я пошелъ по этой улицѣ по направленію Страстного бульвара. Съ какой-то дамой мы двигались по Козицкому переулку къ Тверской. На углу стояли дружинники и говорятъ: «здѣсь пройти нельзя!» Нечего дѣлать, пришлось тащиться обратно. Вышли къ Страстному бульвару... О, тутъ идетъ стрѣльба, мы видѣли убитыхъ, раненыхъ и, конечно, назадъ. Въ Богословскомъ переулкѣ нанимаю извозчика, который говоритъ, что и ему нужно въ ту сторону.—Да пройдемъ ли, братъ?—спрашиваю я.—Какъ нибудь проскочимъ,—отвѣчаетъ извозчикъ. Сначала мы составляемъ въ нѣкоторомъ родѣ совѣтъ, а затѣмъ трогаемся окольными путями опять на Петровку, въ Каретный рядъ и въ Успенскій переулокъ, чтобы пересѣчь Малую Дмитровку. Только что выдвинулись на послѣднюю улицу,—залпъ! Повернули—второй залпъ, видимъ, падаетъ на тротуарѣ одинъ человѣкъ... Но мы, ничего, остались цѣлы! Опять назадъ въ Каретный рядъ, пересѣкли Садовую и поѣхали въ Ружейный переулокъ... Извозчикъ попался такой хорошій, сговорчивый.

«Нечего сказать, — подумалъ я, — дѣйствительно сговорчивый, когда изъ-за рубля готовъ рисковать жизнью!»

Но пріятель мой продолжалъ, сохраняя математическую точность впечатлѣній:

— Не забылъ бы чего?... ну, поѣхали въ Ружейный, тамъ баррикады... назадъ! Отправились по 2-й Ямской — опять баррикады... Что ни переулокъ — все баррикады! Наконецъ выѣхали на Тверскую недалеко отъ Триумфальныхъ воротъ, пересѣкли, сунулись въ какой-то переулокъ... баррикады и баррикады. Обогнувъ Триумфальныя ворота, поѣхали по Брестской улицѣ, по которой, какъ ни ѣздили, проѣхать не могли—всюду баррикады! Народа вездѣ пропасть, жители принимаютъ участіе, таскаютъ скамейки, снимаютъ ворота, пилать телеграфныя столбы, тутъ же разводятъ костры; много дѣтей, шумъ, смѣхъ, однимъ словомъ увеселительный спектакль, да и только!... Виданное ли дѣло въ Москвѣ? У Пыхова переулка я отпустилъ извозчика и сталъ пробираться пѣшкомъ. Гремятъ выстрѣлы, жужжатъ пули, но, что дѣлать, надо какъ нибудь дойти до квартиры. Не скажу, чтобы страшно было мое путешествіе, ужъ очень веселая публика на улицахъ присутствовала! Впрочемъ, какъ только я тронулся и миновалъ одну, двѣ баррикады, хватила здорово шрапнель и на моихъ глазахъ убила двоихъ. Но я шелъ, спѣшилъ... Много миновалъ баррикадъ по Живодержѣ, Малой Бронной, Спиридоновскому переулку, пока наконецъ достигъ до дома.

- Что же безпрепятственно проходили баррикады?
- Нѣтъ, спрашивали... кто и куда иду.
- Дружинники спрашивали?
- Да.
- Какъ они выглядѣли?
- Интеллигентные все молодые, очень молодые... дѣвицы лѣтъ, право, по 16—17, не больше... ну, а изъ рабочихъ видаль зрѣлыхъ людей лѣтъ по 35-ти.

Я нарочно почти съ стенографическою точностью привелъ рассказъ знакомаго. Не только отъ него, но и отъ другихъ я слышалъ о любопытныхъ москвичахъ, да и самъ видѣлъ, наконецъ, постоянно перебѣгающія толпы, при появленіи войскъ или близкихъ выстрѣлахъ.

Мнѣ рассказывали, что въ этотъ же день близъ дома Хлудова, около Театральной площади, шла перестрѣлка между революціонерами и драгунами. И что же? толпа зрителей стояла недалеко, наслаждалась невиданнымъ зрѣлищемъ!

Солдаты стали съ этого дня озлобленными и нервными.

Едва ли они понимали свою миссію, едва ли сознавали свою дѣятельность? Кто враги? съ кѣмъ они должны бороться? кого убивать? Растерянность и отсутствіе системы, плана, несомнѣнно, характеризовали и начальство. Немудрено, что солдатъ, не разбирая, палилъ въ жителя, женщину и вообще мирнаго человѣка. Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія рассказъ стараго журналиста Г., живущаго въ Столешниковомъ переулкѣ,—фактъ, доказывающій мои соображенія. «Я вышелъ,—говорилъ онъ мнѣ,—на тротуаръ передъ подъѣздомъ. На улицѣ никого, совершенно пустынно. Со мной вышло еще трое: художникъ, швейцаръ и еще какой-то человѣкъ. Въ тотъ же моментъ съ Дмитровки появилось девять драгунъ верхами. Заѣхали правымъ плечомъ, выстроились и вскинули ружья. Зная ружейные приемы, я моментально втолкнулъ сосѣдей въ подъѣздъ, и въ ту же секунду грянулъ залпъ и сейчасъ же другой. Пули легли въ нашъ подъѣздъ, побили витрины фотографіи Доре. Пули эти мы выковыряли изъ стѣнъ».

Стрѣльба въ этотъ день была непрерывная и не прекращалась вечеромъ. Но наступила ночь, и вдругъ все смолкло, смолкло загадочно и зловѣще!

11 декабря.

Съ утра, съ 9-ти часовъ, затрещали выстрѣлы и загудѣли пушки. Сраженіе началось. День былъ воскресный, звонили въ колокола. Странно было слышать благовѣстъ церковный вмѣстѣ съ убійственными звуками орудій. Смерть и жизнь! злоба и любовь! Въ воздухѣ звуки гудятъ и гремятъ! Вотъ на колокольнѣ Петровскаго монастыря начался перезвонъ, которому вторятъ ружейные и ре-

вольверные выстрѣлы по Крапивинскому переулку, тутъ же у самой ограды монастыря!

Жестокое было воскресенье, гудѣлъ по улицамъ звонъ отъ сорока сороковъ, и кровь лилась подъ благовѣсть, подъ призывъ къ Христу, къ словамъ мира и любви. Какая насмѣшка, полная человѣческой страшной трагедіи! Самъ сатана не придумалъ бы подобнаго... Подъ веселый перезвонъ падали и умирали люди, даже возвращавшіеся изъ церкви! Этотъ день былъ для нашей маленькой колоніи особенно ужаснымъ. Нервы были напряжены, грядущіе дни неизвѣстны. Мы не знали, что творится въ городѣ. Правда, доносились всякіе слухи, но, что было достовѣрно и что принадлежало фантазіи, трудно разобрать. Приходили люди и говорили, что дружинники взяли пушки, что схватки съ войсками отчаянныя, что улицы, гдѣ все это происходитъ, завалены трупами, ранеными, и никакихъ мѣстъ въ больницахъ нѣтъ!

Былъ второй часъ. Какъ будто стихло. Вдали гремятъ рѣдкіе удары. Маленькій мальчикъ заснулъ въ комнатѣ, выходящей окнами въ переулокъ. Мы въ тяжелой тоскѣ и уныніи молча сидѣли, не зная, что сказать, не зная, чѣмъ утѣшить другъ друга. Бываютъ такія минуты, что слова кажутся пустыми, ненужными звуками, когда все существо человѣка прислушивается къ другимъ, тѣмъ звукамъ...

Я смотрѣлъ на спящаго малютку.

Стихало, и вдругъ... вдругъ грянулъ ударъ съ трескомъ, за нимъ второй, третій... Задрезбжали, зазвенѣли стекла, я бросился къ спящему мальчику и унесъ его въ дальнія комнаты.

А пушки гремѣли адски, и все въ нашей квартирѣ звенѣло, трещало...

Старуха-мать съ этой минуты заболѣла.

Да, страшныя были эти минуты, когда разстрѣливали домъ Шугаева на Неглинной, находящійся черезъ одинъ домъ отъ нашего. Говорили, будто кто-то выстрѣлилъ изъ этого дома, хотя послѣ я слышалъ, что стрѣлялъ въ проходившія войска человѣкъ изъ переулка, т.-е. съ угла злосчастнаго дома.

— Дымокъ-то отъ выстрѣла и пошелъ къ дому, вотъ и подумали... говорилъ мнѣ обыватель.

Домъ Шугаева трехэтажный, въ нижнемъ помѣщаются торговля заведенія, а въ двухъ верхнихъ небольшія квартиры, которыя занимали халатчики-татары и офиціанты близкаго ресторана «Эрмитажъ». Всѣ эти жители, бывшіе дома, успѣли выскочить за исключеніемъ одного офиціанта, котораго соннаго разорвало орудіяннымъ выстрѣломъ. Человѣка этого звали Иваномъ.

Въ домъ было пущено десять снарядовъ, и убитъ одинъ Иванъ!

Впрочемъ, въ то время, когда артиллеристы стрѣляли въ домъ, пѣхота тѣшила по переулку. Нѣкоторыя пули пробивали стѣну у воротъ нашего дома, да убитъ еще булочникъ на Петровкѣ.

Повторяю, это былъ страшный для насъ день, я, по крайней мѣрѣ, думалъ о смерти. И не мудрено, въ сосѣдномъ домѣ отъ страха въ этотъ день умерла одна старая женщина.

Ружейная стрѣльба продолжалась, но это уже не такая была страшная пальба, какъ пушечная, да еще близкая. Я сталъ прыгать къ этому ужасу, къ этой кровавой бойнѣ.

Въ эту ночь Москва была освѣщена заревомъ грандіознаго пожара: горѣла огромная типографія Сытина за Москвой-рѣкой.

12 декабря.

Въ этотъ день по нашему переулку спѣшили къ Неглинной люди, изъ которыхъ одна часть шла глядѣть на разбитый домъ Шугаева, другая — получать свои сбереженія изъ государственной ссудосберегательной кассы. Расскажу о той и другой.

Было тихо. Стрѣльба еще не начиналась. Обстрѣленный домъ представлялъ печальную, жуткую картину разрушенія съ зияющими отверстиями. Ядрами были пробиты не только двѣ стѣны этого дома, но еще и третья каменнаго зданія во дворѣ. Сорванные орудіями вывѣски болтались по стѣнамъ. Штукатурка обсыпалась. Несчастные жильцы въ это утро выбирались изъ дома, вывозя свой скарбъ на салазкахъ на бульваръ, откуда везли дальше. Огромная толпа народа стояла передъ домомъ, шли разговоры обывателей, изумленныхъ ненужнымъ разрушеніемъ.

— Чѣмъ виновать домовладѣлецъ?—говорили громко нѣкоторые.

Въ Кисельномъ переулкѣ у воротъ пострадавшаго дома стоялъ небольшой столикъ, покрытый чистой салфеткой. На столѣ возвышалась икона преподобнаго Сергія съ запиской «за упокой убиенаго Ивана» ¹⁾, и тутъ же лежала кость ноги несчастнаго съ кускомъ мяса. Народъ подходилъ, набожно крестился и клалъ на тарелку серебряныя и мѣдныя монеты.

Въ этомъ переулкѣ была построена довольно прочная баррикада. Самый Неглинный бульваръ представлялъ собой полное разрушеніе: деревья были срублены, рѣшетки разобраны. Въ зданіи государственной сберегательной кассы стекла полопались отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ это же время въ Рахмановскомъ переулкѣ передъ закрытой сберегательной кассой стояла большая толпа простого народа въ ожиданіи получки обратно изъ кассы своихъ сбереженій. Къ толпѣ выходили служащіе въ кассѣ сторожа, которые, становясь на возвышеніе, обращались къ вкладчикамъ съ горячими воззваніями: «Какъ?—говорили ораторы:—какъ вы можете думать, что пропадутъ ваши деньги? Развѣ можетъ лопнуть

¹⁾ Кромѣ Ивана, въ этотъ день была смертельно ранена молодая прачка на противоположной сторонѣ дома Шугаева. Авт.

наша касса? да вѣдь она государственная.. тогда и государство лопнетъ».

— Нѣтъ, давай наши деньги!.. Не хотимъ... слышались голоса.

— Ну, что же я могу сдѣлать?—мѣнялъ тонъ сторожъ.—Касса сегодня не откроется, да и завтра... не знаю, когда присутствие начнется...

Но вотъ раздались гдѣ-то выстрѣлы, и народъ, глазѣвшій на домъ Шугаева и требовавшій свои ссуды, быстро разбѣжался.

Мнѣ рассказывали послѣ, что въ этотъ день московское казначейство тоже осаждалось пенсіонерами, которые съ плачемъ и рыданіями просили управляющаго выдать имъ пенсію, говоря, что все равно деньги пропадутъ, и казначейство будетъ взорвано. Было трудно, почти невозможно успокоить пенсіонеровъ.

Почти непрерывная пушечная стрѣльба, громъ глухой, отрывистый. Смолкнетъ на время, тогда трещать ружейные, револьверные выстрѣлы, нѣкоторые совсѣмъ близко.

Настроеніе удручающее. Молча сидимъ мы по комнатамъ, или безцѣльно переходимъ изъ одной въ другую.

Вотъ затрещали выстрѣлы по Рахмановскому переулку. Чтобы не было такъ слышно ихъ, и не было жутко,—я пошелъ въ кухню, дверь которой въ этотъ мигъ рѣзко отворилась, и на полъ упала женщина. Что такое?... Это была Наташа, горничная известной артистки Л., посланная съ порученіемъ. Когда она встала, на ней не было лица, и въ первыя минуты она не могла выговорить ни слова.

— Позвольте мнѣ не уходить отсюда!—дрожа просила она:—тамъ въ переулкѣ чуть меня не убили...

— Сейчасъ?.

— Да, сейчасъ... Я шла по Неглинной, сзади солдаты, тоже по Неглинной, и когда мы, нѣсколько человекъ, повернули въ вашъ переулокъ, то они начали стрѣлять въ насъ.. Мы—бѣжать.. Со мной рядомъ какой-то старикъ бѣжалъ, совсѣмъ рядомъ... убили его... такъ и упалъ мертвый, около телеграфнаго столба... Господи, что же это такое?..

Дѣвушка была внѣ себя отъ страха. Зрачки глазъ ея были расширены.

Съ каждымъ днемъ становилось ужаснѣе. Мы съ женой жалѣли, что покинули Кавказъ, гдѣ было гораздо безопаснѣе и, по крайней мѣрѣ, опредѣленнѣе. А здѣсь сейчасъ въ лѣчебницу привезли раненаго на Петровкѣ мальчика. Убитъ дворникъ сосѣднаго дома. Жильцы говорятъ, что стрѣляютъ съ колокольни Петровскаго монастыря. Слышались также, что въ эти дни съ колокольни Страстного монастыря не прекращалась стрѣльба. Нѣкоторые увѣряли, что на послѣдней поставленъ пулеметъ, что можно приписать ихъ пылкой фантазіи.

Тяжелые, томительные дни... Съ нетерпѣніемъ ждешь вечера и ночи, ждешь, когда смолкнетъ наконецъ эта пальба, стрѣльба, когда перестанетъ литься кровь..

Вотъ наступаетъ эта ночь, тишина которой кажется такой странной, подозрительной.. Сна нѣтъ, а если задремлешь, то греются кровавыя тѣни!..

18 декабря.

До 12 часовъ было тихо. Ровно въ полдень загремѣли и до вечера гудѣли и стонали пушки. Бой не прекращается. Что это? неужели мы стали привыкать къ этому ужасу смерти и разрушенія? Или обыкновенные, мирные дни отошли къ далекому прошлому, а въ грядущемъ пушки и пулеметы?..

Но мы живемъ, машинально ѣдимъ, пьемъ чай!..

Вотъ позвонили. Къ намъ пріѣхалъ гость съ далекой окраины, изъ Сокольниковъ. Кто это? не сумасшедшій ли?.. Нѣтъ, это почтенный К., бывший сослуживецъ покойнаго М. Е. Салтыкова-Щедрина по Рязанской казенной палатѣ, когда послѣдній былъ тамъ управляющимъ.

— Какъ это вы рѣшились, Николай Николаевичъ?..

— Нанялъ извозчика и поѣхалъ,—отвѣчалъ спокойно К.,—тоже интересно посмотреть, что здѣсь, въ центрѣ, дѣлается, да думалъ купить чего съѣдобнаго: у насъ нельзя даже хлѣба достать!..

— Благополучно доѣхали?

— Ничего. Извозчикъ побаивался, все объѣзжалъ встрѣчавшіеся отряды солдатъ. Кто ихъ знаетъ, говорить, нечаянно убьютъ! Когда проѣзжали мимо вокзаловъ, Николаевского и Рязанскаго, видѣли, какъ несутъ раненыхъ.. Все молодежь, веселая, улыбается.. Около вокзаловъ большое разрушеніе, много домовъ разбито, горитъ еще потребительская лавка служащихъ... Вѣдь тамъ на Каланчевской площади форменное сраженіе было, когда дружинники хотѣли занять Николаевскій вокзалъ ¹⁾. Войска, впрочемъ, отстояли.. Много тамъ народа полегло.. А у насъ въ Сокольникахъ спокойно, боятся только грабителей.. Пріѣзжайте въ гости, тихо, воздухъ чистый!..

И добродушный чудакъ уѣхалъ. Съ тѣхъ поръ я его не видѣлъ.. Уцѣлѣлъ ли онъ и благополучно ли совершилъ далекій обратный путь въ Сокольники?...

До ночи гремѣли пушки, послѣ чего наступила обыденная зловѣщая тишина. Я подошелъ въ ночное время, чтобы посмотреть изъ окна въ переулокъ. Жутко, ни души и темно. Газовые фонари испорченные и разбитые не горятъ. Только отъ снѣга подымается слабый отблескъ свѣта.

¹⁾ Дѣйствительно, вокзалъ подвергался со стороны революціонеровъ два раза форменному штурму. Авт.

Въ нашемъ переулкѣ фонари разбивали откуда-то появившіеся мальчишки лѣтъ 10—12 съ длинными пестами, которыми они работали.

14 декабря.

Все то же самое... Пушки, ружья, пулеметы... Кровь, кровь безъ конца...

Я не выхожу въ переулокъ, гдѣ безусловно опасно. Но знакомый хозяинъ, жилецъ, не можетъ усидѣть дома и постоянно выбѣгаетъ на улицу, хотя, впрочемъ, скоро возвращается. Вотъ и теперь бѣжить по двору съ «Новымъ Временемъ» въ рукахъ. Я постучалъ ему изъ окна кухни, надѣлъ шапку и вышелъ на дворъ.

— Что новаго?

— Слышите, стрѣляютъ... Больше я ничего не знаю!

— По прочтеніи газету, пожалуйста, мнѣ пришлите...

— Зайдемте въ квартиру, а то вамъ холодно.

Разговаривая мы тихо приближались къ двери, передъ которой остановились. Въ это время мимо моего уха прожужжала пуля, сбила шапку у собесѣдника и, ударившись въ стѣну, отскочила въ снѣгъ. Я поднялъ пулю, тотъ шапку, и мы быстро вбѣжали въ квартиру.

— Однако!—промолвилъ я.

— Мы были на волоскѣ отъ смерти,—отвѣчалъ хозяинъ.—Но откуда, скажите, стрѣляли?

Въ самомъ дѣлѣ, мы были во дворѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ хотя невысокими, но каменными постройками. Выстрѣлы съ улицы недостижимы. Такъ откуда же?

Въ этотъ же день француженка-хозяйка кофейнаго магазина Б., заявила моей матери, что въ ея работника, который на дворѣ жегъ кофе, тоже стрѣляли, но неудачно. Откуда? Впрочемъ нашъ дворъ окружали высокіе сосѣдніе дома. Однимъ словомъ, не только на улицахъ, но на дворахъ стало небезопасно. Въ этотъ же день директоръ гостиницы «Эрмитажъ» съ двумя работниками вышли во дворъ, и всѣ трое были убиты на мѣстѣ. На Садовой двѣ дочери одного почтеннаго семейства, соскучившись сидѣть въ квартирѣ, упросили мать пустить ихъ на дворъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Мать отправила ихъ съ гувернанткой, которая едва ступила съ крыльца, сейчасъ же получила рану въ животъ и черезъ два часа умерла. Одна дѣвочка въ ужасѣ вбѣжала въ квартиру, другою не было. Гувернантку взяли, дѣвочку нашли въ саду прижавшейся въ углу между деревьями: она была ранена въ плечо.

Я больше не сталъ выходить на дворъ, да и жильцы тоже опасались. Но нѣкоторымъ изъ нихъ по вечерамъ приходилось переходить съ одного конца двора на другой. Что же они дѣлали? Они окутывались бѣлой простыней, говоря: по снѣгу бѣлое не даетъ прицѣла.

15 декабря.

Пушки гремѣли не только днемъ, но и ночью. Говорятъ, это разстрѣливали баррикады. Повидимому, борьба подходила къ концу.

Говорили объ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ считали тысячами. Докторъ, который лѣчилъ мою мать, говорилъ мнѣ, что во всѣхъ палатахъ подъ его наблюденіемъ нѣтъ ни одного дружинника, только все раненые зрители: чиновники, женщины и разные простые люди.

— Кстати,—прибавилъ онъ,—пользуется уходомъ раненый человекъ-звѣрь.

— Это еще что такое?—удивился я.

— Видите ли, въ меблированномъ домѣ на Бронной служилъ швейцаръ, онъ когда-то приобрѣлъ себѣ берданку... И вотъ, когда настали декабрьскіе дни, когда загремѣли выстрѣлы, и кровь полилась по улицамъ Москвы... тогда пробудился швейцаръ, зарядилъ свое ружье, сѣлъ въ удобное мѣстечко и началъ пострѣливать въ проходящихъ, безъ всякаго различія, женщина ли, ребенокъ или мужчина—ему все равно... бацъ и бацъ... Человекъ десять убилъ, пока какой-то дружинникъ не подкрался къ нему и не пустилъ пулю, которая «звѣрю» разворотила нижнюю челюсть...

— Однако ужасно...—сказалъ я.

— Знаете, не одинъ только этотъ примѣръ... Кровь, нервное напряженіе, озлобленность толкали людей на совершенно ненужныя жестокости... Убить человека — пустякъ, спортъ какой-то... Вотъ случай: господа послали куда-то горничную, пройти нельзя, стоитъ отрядъ солдатъ съ офицеромъ, къ которому дѣвушка обращается съ просьбой пропустить... Офицеръ говоритъ: «бѣги, только скорѣй». Молодая дѣвушка спѣшитъ, бѣжитъ, солдатъ прицѣливается изъ винтовки и на снѣгу улицы теплый, въ послѣднихъ трепетаніяхъ трупь... Зачѣмъ?..

Я молчалъ, не зная, вѣрить или нѣтъ поразительному звѣрству.

— Можетъ быть, онъ сумасшедшій?..

— Кто?—разсѣянно спросилъ докторъ.

— Солдатъ.

— Можетъ быть. Въ эти трудные дни многіе стали ненормальны.. нервныя заболѣванія въ ходу... На этой почвѣ много больныхъ будеть, что совершенно понятно...

Когда говорилъ докторъ, я вспомнилъ, что сегодня слышалъ о смерти директора Учетнаго банка, умершаго вслѣдствіе сильнаго потрясенія отъ паралича сердца. А эти сильныя потрясенія въ счастливыхъ случаяхъ развѣ не ведутъ за собой послѣдствій? А семьи, потерявшія отцевъ, братьевъ, матери дѣтей?.. Помилуйте, да за что же? неужели такъ надо?

А выстрѣлы продолжались, и ночью зарево освѣщало растерзанную Москву.

16 декабря.

Будто тише. Утромъ выстрѣловъ нѣтъ. Сумрачно. Обыватели опять вышли на улицу. Выраженіе ихъ лицъ угрюмое, сосредоточенное. Говорятъ, но коротко, о пережитыхъ дняхъ, о страхахъ, рассказываютъ о разныхъ случаяхъ, о томъ, какъ были на волоскѣ отъ смерти, рассказываютъ о подвигахъ дружинниковъ, которыми предводительствовали дѣвушки и женщины.

Въ вышедшемъ реакціонномъ «Русскомъ Листкѣ» отводится мѣсто этому женскому героизму. Для характеристики нахожу удобнымъ сдѣлать выдержку, тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ другихъ газетъ «Листокъ» въ этотъ день разошелся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ.

«На баррикадахъ.»

«На одной изъ крайнихъ улицъ возвышается громадная баррикада, построенная изъ воротъ и фонарныхъ столбовъ. Она крѣпко переплетена телеграфной и мѣдной трамвайной проволокой. Посрединѣ, на длинномъ шестѣ развѣвается красный флагъ съ надписью: «Земля и воля».

«Вокругъ баррикады пустынно, и кажется, что она никѣмъ не охраняется, но это только кажется. Достаточно появиться возлѣ баррикады отряду драгунъ, какъ моментально неизвѣстно откуда выскакиваетъ дружина и начинаетъ стрѣльбу... Драгуны быстро выхватываютъ винтовки и даютъ залпъ, но возлѣ баррикады снова пусто. Много здѣсь погибло неожиданной смертью и казаковъ, и драгунъ. Баррикада сдѣлалась страшнымъ мѣстомъ, гордостью дружинниковъ, а начальникъ дружины — легендарной личностью.

«И странное удивительное дѣло! Эта легендарная личность, этотъ доблестный начальникъ дружины — совсѣмъ юная дѣвушка! Ей всего лѣтъ 17—18. Она — русская, изъ хорошей семьи. Мужественное красивое лицо пылаетъ энергіей и задоромъ. Въ ея распоряженіи находится цѣлая сотня дружинниковъ, которыхъ она воодушевляетъ своимъ безпримѣрнымъ героизмомъ, и которые беззаветно идутъ за ней въ огонь и въ воду. Юная героиня всегда впереди всѣхъ и никогда не прячетъ своего револьвера. Вотъ съ оружіемъ въ рукахъ она ведетъ дружину на приступъ и первой бросается изъ засады на пробѣгающій эскадронъ драгунъ. Численность противника ея не интересуетъ; она съ одинаковымъ жаромъ атакуетъ и десять городовыхъ, и сотню казаковъ.

«Лично храбрая, она заражаетъ своей храбростью и дружину. Начальство ея выражается въ самыхъ опредѣленныхъ требованіяхъ: трусамъ — презрѣніе, бѣглецамъ — пуля въ лобъ, доблестнымъ — уваженіе и требованіе жертвъ. Случайно въ руки дружины попадаютъ полицейскіе чины; начальникъ-дѣвушка безъ колебаній

произносить смертный приговоръ и сама приводитъ его въ исполненіе. Мягкая женская душа совершенно утерядась въ ней подъ жестокой броней искренней революционерки. Ни пощадъ, ни милосердія она не знаетъ, всецѣло отдавшись идеѣ свободы и революціи.

«Въ обыкновенное время г-жа N. одѣта въ скромный драповый сакъ, но, когда дружина отправляется въ дальній походъ, — она переодѣвается въ мужской костюмъ.

«Говорятъ, что примѣръ г-жи N. породилъ подражаніе, и теперь среди дружинниковъ появилось много другихъ дѣвушекъ».

Говорили много о случаяхъ сильнѣйшаго потрясенія во время ужасныхъ дней. Въ припадкѣ нервной горячки артельщикъ И. выбросился изъ окна 3-го этажа, другой заболѣлъ и умеръ отъ испуга. Въ одной газетѣ я нашелъ замѣтку: «на Даниловскомъ кладбищѣ погребено 38 жертвъ декабрьскихъ событій. Изъ нихъ 8 человекъ умершихъ, подъ влияніемъ испуга отъ разрыва сердца. Въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, врачъ гренадерскаго корпуса Предтеченскій».

Во всѣ эти дни, съ начала боя, жители, которые только могли, покидали Москву. Уѣзжали извозчики, уходили рабочіе. Отъ всѣхъ заставъ по дорогамъ тянулись непрерывной линіей возы, шли толпами пѣшіе, со страхомъ оглядываясь на древнюю столицу, надъ которой стоялъ дымъ отъ пушекъ и начинавшагося пожара. Это бѣгство было повтореніе 1812 года.

— Совершенно, какъ въ 1812 году, москвичи убѣгали отъ французовъ, такъ и теперь, — говорилъ пріѣхавшій за дочерью изъ Звенигорода полковникъ П... Чтобы совершить такое путешествіе, богатый землевладѣлецъ переодѣлся въ крестьянское платье и на обыкновенныхъ дровняхъ на одной лошади прибылъ въ Москву.

— Сколько времени, цѣлыхъ два дня пришлось ѣхать... Невозможно было тронуть рысью... Безъ конца тянутся и тянутся люди, кто съ жалкимъ скарбомъ, кто со слезами... Тяжело было смѣтрѣть.

Изъ мѣстъ, ближайшихъ къ Николаевскому и Рязанскому вокзаламъ, нѣкоторые мои знакомые уѣзжали въ деревни подъ градомъ пуль, во время штурмовъ, которые дружинники нѣсколько разъ предпринимали, но неудачно, на Николаевскій вокзалъ.

Въ этой мѣстности было такъ тяжело, такъ жутко, что люди рѣшались на рискъ быть застрѣленными или ранеными, лишь бы не оставаться зрителями ужасовъ, совершавшихся кругомъ.

Но наконецъ настала реакція. Стихло въ этотъ день, и москвичи устроили въ Лефортовѣ молебствіе, которое окончилось, къ сожалѣнію, неблагополучно. «Когда богомольцы, — рассказываютъ газеты, — близъ Гаврикова переулка возвращавшіеся густыми тол-

пами, наткнулись на артиллерію, то послѣдняя, памятуя приказъ «разсѣивать» толпы, начала палить по богомольцамъ».

Еще яркое доказательство, до чего были растеряны солдаты, въ особенности ихъ начальство...

Къ вечеру смолкли пушки. Яркое зарево колеблется надъ Москвой.

17 декабря.

Въ этотъ день все сосредоточилось на Прѣснѣ. Другія мѣстности были освобождены отъ революціонеровъ. Баррикады разбирались, что было можно, приводилось въ порядокъ. На Прѣснѣ дѣйствовалъ главнымъ образомъ Семеновскій полкъ. Цѣлый день слышались, но уже не такъ близко, раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, которые звучали непрерывно. Густой дымъ клубами стоялъ надъ несчастной окраиной и не двигался. Морозило, вѣтра не было. Побѣдители не щадили побѣжденныхъ... Разрушались зданія, дома, которые поджигали. Народъ, большею частію бѣдный, въ ужасѣ бѣжалъ отъ своихъ пепелищъ и искалъ пріюта въ недалекомъ Дорогомиловѣ.

Палили и палили пушки, чернѣлъ, густѣя въ воздухѣ, дымъ. А въ центрѣ начиналась жизнь, открывались магазины, спѣшили по дѣламъ своимъ люди, появились извозчики и занимали свои посты городовые, теперь вооруженные берданками.

По переулкамъ потянулись возы съ мясомъ. Пооткрывались булочныя, и жизнь входила въ наружную норму, но истерзанные нервы во внутренней жизни обывателя продолжали играть видную роль. Кровавый кошмаръ не покидалъ Москвы, не покидалъ мирныхъ квартиръ, онъ держалъ москвичей въ трепетномъ страхѣ!

Пушки гремѣли на Прѣснѣ! Огромное зарево трепетало на темномъ небѣ, ширилось и спускалось багровыми полосами...

18 декабря.

Первый день безъ пушекъ. Даже странно какъ-то!..

— Что, Тимошеей, не стрѣляютъ?—спрашиваю я у дворника.

— Нѣтъ, не слышно,—отвѣчаетъ онъ.

Странно!.. невольно прислушиваешься... нѣтъ, тихо, нѣтъ этихъ обычныхъ съ трескомъ гремящихъ выстрѣловъ!..

На улицѣ обычное движеніе, и торжественная тишина, тишина похоронная.

Поѣхали на Прѣсню. Не доѣзжая Зоологическаго сада, сейчасъ же за Полицейской частью—пожарище, и разстрѣленные дома идутъ въ рядъ всѣ почернѣвшіе, обуглившіеся. Въ Зоологическомъ саду разбитыя зданія, павильоны. Не только люди, но и звѣри испытывали ужасъ осаднаго боя. На другой сторонѣ по направленію Ваганьковскаго кладбища опять ряды разбитыхъ, сожженныхъ домовъ, отъ которыхъ уцѣлѣли только каменные стѣны. Унылый, тяж-

кій видѣ! Бани тоже носятъ слѣды орудійныхъ выстрѣловъ, а въ домахъ, не тронутыхъ пушками, какая масса слѣдовъ отъ ружейныхъ пуль; стекла повибиты, квартиры пустуютъ. Еще бы!... Бѣжали жильцы, которые остались живы отъ этого страшнаго и теперь подавляющаго ужасомъ мѣста, а что было тогда, когда здѣсь дѣйствовали семеновцы!..

— Не помню, все равно, какъ во снѣ было,—разсказывала мнѣ одна молодая обывательница Прѣсни:—съ сестрой и мамой мы выбѣжали изъ квартиры, едва успѣвъ надѣть на себя верхнее платье... Солдаты торопили съ угрозами. Они спѣшили... Когда мы сходили съ лѣстницы, помню, керосиномъ обливали домъ и поджигали...

— Зачѣмъ?—удивился я.

Но дѣвушка не отвѣчала.

— Страшно было... О, какъ страшно... мы бѣжали подъ выстрѣлами; какъ насъ не ранили и не убили, не понимаю!.. На другой день пришла на квартиру, которая почему-то не сгорѣла, но ничего нѣтъ, вся мебель разломана, вещи разграблены, въ углу осталась небольшая кучка грязнаго бѣлья, да вотъ эта котиковая шапка!.. Не знаю, почему не взяли шапки, хорошая шапка, не правда ли?—и дѣвушка смотрѣла на меня изумленными, странными глазами.

Поѣхали къ фабрикѣ Шмидта: полный разгромъ. Изящный по архитектурѣ жилой домъ фабриканта весь въ развалинахъ, недалеко скелетъ большого зданія фабрики выглядитъ, какъ старинная грѣбность... даже заборы всѣ сожжены, выкопаны какія-то ямы...

Четырехъэтажные корпуса Прохоровской мануфактуры почти всѣ носятъ слѣды орудійныхъ снарядовъ, особенно спальни рабочихъ... Сколько поврежденій, трудно сосчитать, разбиты оконныя рамы, повсюду отверстія въ стѣнахъ, которыя, однако, навѣлетъ не пробиты... Крѣпче ли сложены кирпичи, или слабы орудія?..

Дальше, тамъ и сямъ картныя разрушенія и пожара. Крохотныя домишки послужили цѣлью для пушекъ, вотъ совсѣмъ внизу, въ уровень съ тротуаромъ, огромная отъ выстрѣла дыра, другой деревянный домъ изрѣшетенъ пулями изъ ружей.

Да, на Прѣснѣ было дѣло!..

Тяжело смотрѣть и довольно!..

Начались жестокія военныя репрессіи...

С. И. Васюковъ.

УБИЙСТВО КНЯЗЯ Н. С. ГАГАРИНА ¹⁾.

МИНИСТРЪ императорскаго двора, свѣтлѣйшій князь П. М. Волконскій, 25 іюня 1842 г. получилъ слѣдующее потрясающее донесеніе изъ кабинета его величества: «Кабинетъ его величества слѣдуетъ довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости, что вице-президентъ, гофмейстеръ, князь Николай Сергѣевичъ, сего числа, по выходѣ изъ присутствія, въ половинѣ третьяго часа, въ дверяхъ прихожей комнаты встрѣченъ былъ прибывшимъ сюда изъ Сартолахтинскаго имѣнія лѣсничимъ Рейнманомъ съ просьбой объ увольненіи его, который, поговоря съ его сіятельствомъ, выстрѣлилъ изъ пистолета и ранилъ его въ шею, отъ чего онъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, въ присутствіи призванныхъ медиковъ скончался. Убийца же переданъ въ полицію».

Рейнманъ тутъ же былъ схваченъ, и при немъ былъ найденъ второй пистолетъ, заряженный дробью. Убийца откровенно объяснилъ, что онъ имѣлъ этотъ пистолетъ про запасъ, на случай, если бы первый выстрѣлъ далъ промахъ.

При освидѣтельствованіи тѣла Гагарина найдена у него въ верхней части шеи, нѣсколько правѣ середины ея, круглая рана съ неровными и внутрь вдавшимися краями, въ діаметрѣ около дюйма, проникающая внутрь и вверхъ около двухъ съ поло-

¹⁾ По подлиннымъ архивнымъ документамъ.

виною дюймовъ. По тщательному изслѣдованію оцупана внутри засѣвшая кучею дробь; одна дробинка вынута и отправлена въ полицію на храненіе. Медики заключили, что, судя по направленію и длинѣ раны, нѣтъ почти сомнѣній, что она, повредивъ боковыя кости верхнихъ шейныхъ позвонковъ и затылочную кость черепа, проникла внутрь головной полости и повредила вещество мозга, въ особенности мозжечка, и что слѣдовательно рана эта была безусловно смертельна...

Смерть князя Н. С. произвела удручающее впечатлѣніе на все высшее петербургское общество. Князь былъ человѣкъ очень богатый и жилъ открыто и широко. Въ 1812 г. онъ сформировалъ на свой счетъ цѣлый полкъ; домъ его былъ наполненъ иностранцами; современники отмѣчаютъ, что у него совсѣмъ не было русской прислуги. Въ Петербургѣ славилась его обѣды, на которые съѣзжался весь beau monde. Ему обязанъ былъ образцовой постановкой императорскій фарфоровый заводъ, и вообще онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ образованный и большой знатокъ искусства. При этомъ онъ считался очень гуманнымъ начальникомъ, такъ что смерть его являлась настоящей загадкой.

Между тѣмъ Рейнманъ показалъ, что онъ убилъ князя изъ-за того, что, несмотря на все свое усердіе по службѣ, онъ остался безъ куска хлѣба и подвергался по службѣ всевозможнымъ притѣсненіямъ... Уроженецъ города Кексгольма, сынъ парикмахера, онъ поступилъ по найму бывшаго арендатора Сартолахтинскаго имѣнія, принадлежащаго кабинету его величества, лѣсничимъ. Здѣсь между бывшимъ главнымъ смотрителемъ лѣсовъ Алопеусомъ и Рейнманомъ начались безконечныя распри вслѣдствіе того, что честный финляндецъ не могъ помириться съ злоупотребленіями своего начальника. Они подали другъ на друга доносы: Рейнманъ обвинялъ Алопеуса въ допущеніи противозаконной порубки лѣса, а Алопеусъ утверждалъ, что Рейнманъ всегда пьянъ, отличается грубостію съ начальствомъ и, наконецъ, отъ постоянного пьянства помѣшался въ умѣ... Было произведено разслѣдованіе; оказалось, что противозаконно было срублено лѣса почти на 2.000 рублей, и Алопеусъ былъ отданъ подъ судъ. Что касается до Рейнмана, то его подвергли медицинскому осмотру, и такъ какъ никакого сумасшествія, конечно, не обнаружилось, то его вернули къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Здѣсь для Рейнмана начались новыя испытанія; за время пребыванія подъ судомъ ему приостановили выдачу жалованья, которое было выдано ему только въ октябрѣ. Вслѣдствіе этого онъ сильно задолжалъ и съ трудомъ кое-какъ перебивался. Сознывая, что онъ оказалъ услугу кабинету, Рейнманъ подалъ прошеніе въ кабинетъ объ отпускѣ ему квартирныхъ денегъ, но послѣдовалъ отказъ на томъ основаніи, что въ Сартолахтинскомъ имѣніи выстроены для лѣсничихъ двѣ избы.

Тогда Рейнманъ самовольно пріѣхалъ въ Петербургъ и лично жаловался князю на свое стѣсненное положеніе. Онъ говорилъ, что въ его помѣщеніи отъ тѣсноты нельзя жить, и поэтому просилъ или объ отводѣ новой квартиры, или объ увеличеніи жалованія. Но князь сдѣлалъ ему выговоръ за самовольную отлучку и отослалъ его обратно, не удовлетворивъ его просьбы. Между тѣмъ на мѣсто Алопеуса поступилъ коронный фохтъ Вестерлундъ, который считалъ Рейнмана человѣкомъ безпокойнымъ и также сталъ всячески чернить его въ глазахъ высшаго начальства.

Тяжелое положеніе Рейнмана осложнялось еще тѣмъ, что ему много приходилось выносить отъ мѣстныхъ крестьянъ, которые знали его отношенія къ главному лѣсническому...

Въ казенной квартирѣ онъ не могъ помѣститься за тѣснотой, а никто изъ крестьянъ не хотѣлъ сдать ему у себя помѣщенія, ссылаясь на волю начальства.

Тогда Рейнманъ снова рѣшился самовольно отлучиться въ Петербургъ, но, такъ какъ на проѣздъ у него было только 14 рублей, которые онъ получилъ отъ одного помѣщика за шкуру убитаго имъ на охотѣ медвѣдя, то ему пришлось заложить для этой поѣздки послѣднее свое имущество: часы и вторую перемѣную платя...

Прибывъ въ Петербургъ, онъ 21 іюня 1842 г. подалъ въ кабинетъ прошеніе, въ коемъ, объясняя, что въ отведенныхъ для квартированія лѣсничихъ двухъ избахъ по тѣснотѣ жить невозможно безъ потери здоровья, просилъ объ увольненіи его отъ должности лѣсничаго и о выдачѣ ему въ уваженіе 12-лѣтней службы единовременнаго пособія. Въ то же время Рейнманъ подалъ особое просительное письмо на имя князя Гагарина объ опредѣленіи его въ другое какое либо мѣсто. Однако оказалось, что онъ опоздалъ съ прошеніемъ, такъ какъ уже раньше было постановлено, согласно донесенію главнаго лѣсничаго, его уволить, а въ награду за прежнее усердіе выдать сверхъ причитывающагося по 1 мая жалованья 150 рублей ассигнаціями. 22 числа онъ снова явился въ кабинетъ, чтобы узнать о своей участи, но чиновникъ, съ которымъ онъ говорилъ, просилъ его зайти черезъ два или три дня. Однако, 23 числа онъ снова явился въ кабинетъ, и на этотъ разъ ему пришлось лично видѣть вице-президента, который узналъ его.

— Ты опять здѣсь?—спросилъ князь. — Что тебѣ надо?..

— Позвольте доложить, ваше сіятельство, — отвѣчалъ несчастный:—что я больше служить не могу и прошу ваше сіятельство уволить меня по возможности со всякимъ удовольствіемъ...

— Хорошо, — отвѣчалъ сухо князь, утомленный назойливостью Рейнмана, — получишь все, ступай!

Рейнманъ вышелъ изъ кабинета, и здѣсь у него явилась мысль убить вельможу, который такъ безучастно относился къ участи

его, безпріютнаго бѣдняка, пострадавшаго за свою честность. Онъ пошелъ въ Апраксинъ рынокъ и купилъ тамъ пару пистолетовъ, которые зарядилъ взятыми имъ съ своего мѣста служенія порохомъ и дробью, и 25 числа, какъ мы видѣли, привелъ въ исполненіе свое намѣреніе...

Всю эту потрясающую исторію несчастный рассказывалъ арестовавшей его полиціи. По высочайшему повелѣнію, дѣло лѣсничаго Рейнмана было передано въ военный судъ съ тѣмъ, чтобы судить его въ 24 часа, и по окончаніи въ означенный срокъ представить дѣло на рѣшеніе его величества установленнымъ порядкомъ черезъ генераль-аудиторіатъ. Въ военномъ судѣ Рейнманъ подтвердилъ всѣ сдѣланныя имъ полиціи показанія. Военный судъ потребовалъ, чтобы преступникъ былъ освидѣтельствованъ въ физикатѣ, но никакихъ признаковъ помѣшательства въ немъ не было замѣтно...

Генераль-аудиторіатъ, по рассмотрѣніи сего дѣла, нашелъ подсудимаго виновнымъ въ томъ, что онъ, состоя на службѣ по найму лѣсничимъ въ Сартолахтинскомъ имѣніи, въ вѣдѣніи кабинета его величества, и считая крайнимъ стѣсненіемъ сдѣланный ему отказъ въ отпускѣ квартирныхъ денегъ, на которыя онъ не имѣлъ права, потому что для лѣсничихъ въ томъ имѣніи построены двѣ особыя избы, въ настоящемъ іюнѣ мѣсяцѣ, не получивъ удовлетворенія по вторичной просьбѣ своей въ кабинетѣ, оказалъ ослушаніе противъ смотрителя лѣсовъ и, самовольно отлучившись отъ своего мѣста, приѣхалъ въ С.-Петербургъ и подалъ 21 числа сего мѣсяца прошеніе объ увольненіи отъ службы, а черезъ два дня по подачѣ просьбы, не получивъ разрѣшенія, рѣшился убить вице-президента кабинета князя Гагарина. Въ семь намѣреній, пришедши 25 числа въ кабинетъ, съ заряженными двумя пистолетами, скрытыми въ карманахъ, и, встрѣтивъ князя Гагарина по выходѣ его изъ присутствія въ передней комнатѣ, просилъ о разрѣшеніи прошенія, а когда князь Гагаринъ велѣлъ явиться ему черезъ день, онъ, Рейнманъ, вынулъ одинъ пистолетъ изъ кармана, выстрѣлилъ ему въ шею близъ затылка, отъ чего князь Гагаринъ въ то же время упалъ и умеръ. Во всемъ этомъ подсудимый Рейнманъ при допросахъ въ полиціи и въ военномъ судѣ самъ сознался. По сямъ обстоятельствамъ генераль-аудиторіатъ, признавая преступленіе подсудимаго по важности своей заслуживающимъ строжайшаго наказанія, полагалъ наказывать его, Рейнмана, въ примѣръ и страхъ другимъ, шпицрутенами черезъ тысячу человекъ шесть разъ и, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Заключение сіе повергнуть на высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе. Это мнѣніе генераль-аудиторіата было высочайше утверждено 20 іюля 1842 г.

Мы не знаемъ, пережилъ ли несчастный это ужасное наказаніе, и что съ нимъ случилось.

Такихъ дѣлъ много въ нашихъ архивахъ... Читая ихъ, невольно вспоминаешь знаменитый отвѣтъ столѣтняго старца, эмигранта Абрама Веселовскаго, императрицѣ Екатеринѣ II, предлагавшей ему вернуться въ отечество: «Я вернусь, когда въ Россіи перестанутъ говорить «не радъ, но готовъ», «безъ вины виновать» и «до Бога высоко, до царя далеко»...

Мы живемъ въ періодъ дикаго необузданнаго протеста, все возрастающаго безумія массъ, полнаго забвенія самыхъ простыхъ нравственныхъ началъ. Перебирая эту темную память тяжелаго прошлаго, мы видимъ тотъ путь, которымъ шло наше общество, постепенно отучаясь добиваться своихъ правъ законными путями... Причины начинаютъ исчезать, но слѣдствія еще продолжаютъ давать себя чувствовать... И въ наше время мы видимъ такихъ же Рейнмановъ, когда имъ уже дана возможность добиваться своихъ правъ законнымъ путемъ.

В. Строевъ.

ХУДОЖНИКЪ П. Ф. ЯКОВЛЕВЪ.

ВЪТНИМЪ вечеромъ 1865 г. черезъ Красную площадь въ Москвѣ проходилъ провинціалъ «торговой складки» съ двѣнадцатилѣтнимъ черноволосымъ, миловиднымъ мальчуганомъ, своимъ сыномъ. Поровнявшись съ памятникомъ Минину и Пожарскому, отецъ остановился и, обращаясь къ мальчугану, сказалъ:

— Хорошъ памятникъ, Павлуша?

— Да, хорошъ, — отвѣчалъ Павлуша.

— Вотъ бы ты изобразилъ его, а я бы отвезъ матери въ подарокъ. Нарисуй-ка, братъ.

Сказать Павлику: «нарисуй», было все равно, что сказать голодному: «ѣшь», или бросить рыбу въ воду. Тотчасъ появился листъ бѣлой бумаги; мальчикъ досталъ изъ-за пазухи карандашъ и принялся рисовать гражданина и воеводу; конечно, собралась толпа. Праздные москвичи слѣдили, какъ на бумагѣ выросталъ всѣмъ знакомый памятникъ съ фигурами и барельефами, и расточали похвалы ребенку-мастеру. Но вотъ работа кончена. Филиппъ Ивановичъ (такъ звали отца Павлуши) спряталъ рисунокъ въ карманъ, и они съ сыномъ побрели дальше, въ подворье, противъ Купеческой биржи, куда наканунѣ пріѣхали изъ Воронежской губерніи.

— Съ чѣмъ поздравить? — встрѣтилъ ихъ въ коридорѣ сосѣдъ, торговецъ съ Кавказа.

— Слава Богу, пристроилъ парнишку, — отвѣчалъ Филиппъ Ивановичъ.

— Куда же?

— Въ контору чайнаго торговца Корещенка. Самъ остался очень доволенъ Павлушинымъ почеркомъ. Мы ужъ и молебень отслужили въ Кремль. Теперь я спокойно возвращусь домой, — говорилъ Яковлевъ-отецъ. — И жену порадуя тѣмъ, что Павликъ пристроенъ, — и, снисходительно улыбнувшись, онъ добавилъ: — поглядите-ка, какую онъ картину шлетъ въ подарокъ маменькѣ! Да, впрочемъ, что-жъ мы тутъ бесѣдуемъ, милости просимъ въ номеръ чайку попить!

За чаемъ онъ показалъ гостю рисунокъ; торговецъ долго разсматривалъ дѣтскую работу и, наконецъ, убѣжденно заявилъ, что у Павлуши несомнѣнный талантъ, и что отдавать ребенка, отмѣченнаго «искрой Божіей», въ контору, а не въ специальную школу, значитъ завѣдомо хоронить дарованіе. Филиппъ Ивановичъ возвращалъ: живопись эта — одно баловство... бездѣлье, съ которымъ вѣкъ не проживешь, а ежели и будешь жить, такъ виноголодь, между тѣмъ, пойдетъ сынишка по торговой части и, навѣрно, не будетъ къ хлѣбу стучаться, а хлѣбъ самъ его найдетъ...

Но, должно быть, кавказецъ горячо доказывалъ иное, вѣроятно, онъ слишкомъ убѣдительно рисовалъ отцу заманчивыя перспективы, ожидающія его сына, потому что Филиппъ Ивановичъ въ концѣ концовъ задумался. «А что, если и въ самомъ дѣлѣ, Павелъ обладаетъ талантомъ, и ему суждено стать большимъ человѣкомъ? Конечно, заглушить талантъ легко»... — такія и подобныя мысли стали вдругъ роиться въ головѣ простаго человѣка. Онъ припомнилъ кстатѣ, что Павлуша вѣдь и дома обращалъ на себя вниманіе своимъ рисованіемъ.

У Филиппа Ивановича были свои булочныя и кондитерскія заведенія въ Задонскѣ, Липецкѣ и въ селѣ Боринскіе-Заводы, Задонскаго уѣзда. Въ послѣднемъ и родился Павлуша 15 декабря, 1853 г. Мягкая, ласкающая природа сѣверной Украйны,

Гдѣ вѣтеръ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора;
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый.
Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещеть.
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ...

Живописная разбросанность села и извилистая лента затаившаго украинскіхъ русалокъ Воронежа, который даже и въ бурюгрозу не страшенъ, — все это вмѣстѣ всколыхнуло артистическія струны въ маленькомъ Павликѣ. Еще пяти лѣтъ онъ брался за карандашъ и заносилъ на лоскутки бумаги все, что попадало въ поле младенческаго зрѣнія. Первоначальныя занятія у дьячка въ Задонскѣ съ непремѣнной указкой не давали возможности раз-

вертываться художественнымъ способностямъ Павла Яковлева, но въ школахъ онѣ не скрылись: и въ приходскомъ, и затѣмъ въ уѣздномъ училищахъ Павелъ шелъ уже первымъ по рисованію. Когда онъ, восьми лѣтъ, написалъ съ себя портретъ въ зеркало, то учитель замѣтилъ, что портретъ схожъ. Когда Павликъ написалъ икону св. Тихона Задонскаго, учитель на немъ сосредоточился, и прямо объявилъ Филиппу Ивановичу, что «у Паши есть талантъ», послѣ того какъ ученикъ его изобразилъ корову. Корова вышла на славу. И другіе вторили учителю, что у Паши талантъ есть.

Теперь это припомнилось Яковлеву-отцу. Талантъ, гм... Филиппъ Ивановичъ плохо спалъ ночь: прежніе дѣнители и кавказскій торговецъ ввбаламутили его покой. Онъ очень любитъ сына и, конечно, завѣдомо не погаситъ въ немъ таланта. Павлушу хотѣли отдать въ контору къ Корещенкѣ по соображеніямъ чисто практическаго свойства. Но, если, какъ говорятъ, у него талантъ, и этотъ талантъ создастъ ему благополучіе, зачѣмъ же ронять челоуѣка?.. Послѣ долгаго раздумья Яковлевъ-отецъ рѣшилъ подчиниться «гласу народа». Павлуша не будетъ замурованъ въ четырехъ конторскихъ стѣнахъ. Однако, гдѣ же вспыхнетъ и заблестаетъ его художественный талантъ?

Мысль Филиппа Ивановича не залетала дальше иконописной мастерской; отецъ съ сыномъ отправляются на поиски «подходящей». Но найти подходящую, съ точки зрѣнія Филиппа Ивановича, мастерскую было дѣло нелегкое; по крайней мѣрѣ, они бродили по Москвѣ дня четыре, прежде чѣмъ палъ выборъ Яковлева. И вотъ Павлуша становится «богомазомъ». По условію, заключенному между хозяиномъ и отцемъ, этотъ послѣдній отдаетъ сына «въ ученье» на года и долженъ платить за его обученіе и содержаніе.

Судьба, однако, не хотѣла, чтобы въ лицѣ Павла Яковлева явился второй Рублевъ.

Въ иконописной мастерской для Павлуши открылась новая, горемычная, жизнь — обычная ученическая жизнь. Получивъ за годъ впередъ деньги, иконникъ сейчасъ же махнулъ рукою на заключенное съ Филиппомъ Ивановичемъ условіе и, какъ только тотъ уѣхалъ домой, отправилъ мальчика на кухню въ помощь бабь-стряпухѣ. Холеный, балованный Павликъ долженъ былъ носить изъ колодца воду, полоскать въ прудѣ хозяйское бѣлье, счищать снѣгъ и т. п. И это продолжалось полтора года, такъ какъ хозяинъ строго-настрого запретилъ «ученику» переписываться съ родителями безъ его вѣдома; тѣ же письма, которыя проходили его цензуру, разумѣется, освѣщали Павлушину жите розовымъ свѣтомъ. «Все

Артистка Л. Н. Гегенъ.

обстояло благополучно» и, можетъ быть, продолжало бы такъ об-
стоять еще много времени, если бы надъ мальчикомъ не сжалился
одиявъ изъ мастеровъ. Онъ попросилъ у хозяина Павлушу помочь
ему при переѣздѣ на новую квартиру. Хозяинъ отпустилъ. Ма-
стеръ воспользовался случаемъ и написалъ въ Боринскіе-Заводы
о томъ, какъ живетъ маленькому Яковлеву въ Москвѣ. Не при-
крашенная повѣсть произвела, очевидно, огромное впечатлѣніе въ
родительской семьѣ, потому что Филиппъ Ивановичъ вскорѣ по-
явился въ Москвѣ, объяснился съ иконникомъ, наговорилъ ему
много жесткихъ, хотя и правдивыхъ, словъ, и въ результатѣ Па-
вель Яковлевъ принужденъ былъ покинуть «святилище иску-
ства».

Что теперь дѣлать?

Оказалось тутъ, что за послѣдніе полтора года дѣла отца при-
шли въ расстройство, и на помощь изъ дома уже трудно рассчиты-
вать. Однако, убѣжденіе въ наличности таланта у Павлуши за-
сѣло въ головѣ отца настолько прочно, что на этотъ разъ Филиппъ
Ивановичъ уже и не заикался о «торговой стезѣ». Напротивъ,
онъ помѣстилъ сына въ каморкѣ гдѣ-то и, снабдивъ незначи-
тельной суммой, опять уѣхалъ къ себѣ въ Воронежскую губернію.

Четырнадцатилѣтній Павелъ остался въ Бѣлокаменной одинъ
и принялся готовиться въ училище живописи, ваянія и зодчества.

Порою холодно, чаще голодно, да молодости все ни по чемъ,
какъ сказала Тургеневъ: «о молодость! молодость! тебѣ нѣтъ ни
до чего дѣла, ты какъ будто бы обладаешь всѣми сокровищами
вселенной, даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу».
Павель Яковлевъ не унывалъ въ самыя трудныя минуты. Отецъ
присылалъ очень мало, да и то неаккуратно. Но что за бѣда? Хо-
рошее настроеніе поддерживалось сладкими грезами о томъ, какъ
онъ, Павелъ, сдѣлается ученикомъ училища, славящагося въ ка-
чествѣ разсадника реализма въ искусствѣ, и станетъ знаменитымъ.
Холодъ, голодъ... пустяки. И холодали, и голодали очень многіе
замѣчательные люди. Развѣ Ломоносовъ не голодалъ? Или Рем-
брандтъ? Да мало ли кто! Вся суть заключается въ томъ, чтобы
поступить въ училище.

И вотъ наступаетъ экзаменный день, — наступилъ и сошелъ бла-
гополучно: Павелъ Яковлевъ принятъ въ «гипсовый головной»
классъ. Его радости и счастью нѣтъ мѣры. Можетъ быть, Рафаэль
только радовался также, когда на полотнѣ явился его первый ри-
сункъ Сикстинской Мадонны, подсказанный вдохновеніемъ. Еще
бы, осуществилось именно то, о чемъ онъ грезилъ, и что ему сни-
лось въ золотыя ночи! Онъ близокъ къ искусству! Онъ станетъ
тѣмъ, къ чему мечталъ быть: художникомъ!

Развертывается свитокъ новой жизни. Вотъ онъ ужъ и раз-
вернулся. Замелькала, какъ въ калейдоскопѣ, дни, въ сущности,

Демонъ и Тамара.

сѣрые, безотрадныя, черевчуръ ужъ будничныя. Нужда, да какая еще, и утромъ и вечеромъ стучится въ двери. Требуха и печенка съ лотковъ—вотъ обѣдъ изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Мечтать о лучшей пищѣ считалось просто ересью. Часто и того не на что было купить; приходилось довольствоваться чаемъ и хлѣбомъ.—«Ничего! Ничего... — утѣшаль себя молодой человекъ:—не я первый, не я и послѣдній нуждаюсь». Подвернулся урокъ за пять рублей въ мѣсяцъ: заниматься ежедневно полтора часа и «разстояніемъ не стѣсняться».

Урокъ показался манной небесной. Вскорѣ предлагаютъ второй урокъ за «столь»—въ нѣмецкой семьѣ; Яковлевъ съ радостью ухватился и за этотъ урокъ, но, нѣкоторое время спустя, чувство радости смѣнилось другимъ, противоположнымъ, чувствомъ: отъ тощихъ нѣмецкихъ суповъ да зелени «совсѣмъ бока подвело». Стипендія могла бы внести тепло и свѣтъ въ одинокое, каморочное существованіе юноши, но стипендія—это желанный разсвѣтъ послѣ долгой ночи въ глухую осень. А ночь только еще наступила. Чтобы получить стипендію, надо проявить себя, выдѣлиться изъ ученическаго состава работою, но объ этомъ пока нельзя и мечтать. Пробоваль Яковлевъ писать копіи красками на продажу, — плохо пока еще удавались. Оставалось бѣдовать и бѣдовать.

Судьба улыбнулась юношѣ, когда ему шелъ семнадцатый годъ. Орленокъ взмахнулъ крыльями... Яковлевъ написалъ первую картину—«Пьяница», появившуюся потомъ на ученической выставкѣ. Любопытно, что и Перовъ взялся за первую свою картину «Распятіе» на 17-мъ году. Рембрандтъ шестнадцати лѣтъ только еще поступалъ къ своему первому учителю, нынѣ забытому художнику. Якову ванъ-Сваненбергу.

Нечего говорить, что первый взмахъ орленка не былъ величественъ и безукоризненъ: и техника, и колоритъ, и рисунокъ все еще представилось незрѣлымъ, робкимъ, и съ точки зрѣнія зоиля, можетъ, мѣстами и неумѣлымъ, но главное заключалось въ томъ, что уже первый шагъ юнаго художника обнаружилъ ту ступню, по которой мудрые Пиагоры опредѣляютъ Геркулесовъ. Какъ бы то ни было, «Пьяница» вызвалъ толки среди преподавателей училища. А то время (конецъ 60-хъ и 70-е годы) было золотою порою училища живописи, ваянія и зодчества, такъ какъ преподавательскій кругъ составляли: А. К. Саврасовъ, В. В. Пукиревъ, братья Е. и П. С. Сорокины, Ш. А. Десятовъ, скульпторъ С. И. Ивановъ, съ инспекторомъ К. А. Трутовскимъ во главѣ. Впослѣдствіи этотъ кругъ расширился приглашеніемъ И. М. Прянишникова и В. Г. Перова (въ 1871 г.).

Яковлевъ сдѣлался героемъ «выставочныхъ дней». Учителя хвалятъ. Друзья поздравляютъ. Зависть пипитъ по полутемнымъ угламъ. Молодой художникъ сіяетъ; и онъ возносится до седьмого неба, когда членъ училищнаго совѣта Анановъ оставляетъ «Пьяницу» за собою, а училище выдаетъ 25 рублей наградныхъ. «Я не зналъ, куда и дѣвать деньги,—разсказываетъ виновникъ торжества:—такой крупной суммы до сего времени никогда не бывало въ моихъ рукахъ».

— На радостяхъ отправляюсь въ кухмистерскую, гдѣ за 30 копеекъ обѣдъ былъ поданъ на славу. Вообще же жизнь сразу измѣнилась къ лучшему.

Добрый, радушный К. А. Трутовскій приглашаетъ талантливаго ученика къ себѣ и скоро привязывается къ нему. Въ семьѣ этого даровитаго жанриста, поэта прекрасной Малороссіи, Павелъ Яковлевъ грѣлся чисто родственными ласками и имѣлъ возможность переживать вновь отрадныя годы ранняго дѣтства.

Окрыленный первымъ успѣхомъ, онъ ѣдетъ на дѣто домой и въ Липецкѣ пишетъ «Убійство на большой дорогѣ». Съ картиною возвращается въ Москву. В. В. Пукиревъ первый встрѣтился съ нимъ и спросилъ про каникулярныя досуги.

— Я написалъ картину, — отвѣчалъ Яковлевъ торжественно. Авторъ «Неравнаго брака» проситъ показать ему «лѣтнее преступленіе». Яковлевъ является въ квартиру профессора со своимъ новымъ дѣтищемъ—и тутъ происходитъ сцена, какъ у Бѣлинскаго въ Некрассвымъ.

— Яковлевъ, да знаете ли вы, что вы художникъ, и художникъ истинный?—воскликнулъ, засверкавъ глазами, искренній Василій Владимировичъ.

Въ восторгѣ онъ торопится сообщить о новой работѣ талантливаго питомца ихъ училища Трутовскому. И этотъ тоже подается восторгу, глядя на картину.

— Яковлевъ вырабатывается въ русскаго Сальватора Розу, — замѣчаетъ онъ.

Сальваторъ Роза... Сравненіе удачно: начать съ того, что молодой русскій художникъ нуждается такъ же, какъ нуждался въ молодости и славный итальянецъ. Затѣмъ, Роза любитъ эффекты, великій мастеръ пейзажа и не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи проявить на зрителя могучее впечатлѣніе. Таковъ же и Павелъ Яковлевъ. Онъ очевидно склоненъ къ эффектамъ и желаетъ подавлять мрачными сюжетами. Если итти путемъ уподобленій, то можно съ одинаковымъ успѣхомъ подняться и до Рибейры, этого поэта экстаза, и до плещущаго самобытной поэзіей и романтизмомъ Алонзо Кано...

«Убійство на большой дорогѣ» было выставлено въ натурномъ классѣ. Совѣтъ училища назначаетъ автору ежемѣсячную стипен-

дію. Яковлевъ получаетъ отдѣльную мастерскую; К. Т. Солдатенковъ избираетъ его въ свои пенсіонеры. Картина должна появиться на публичной выставкѣ... Среди шума, окружающаго молодого жанриста, въ натурномъ классѣ появляется В. А. Дашковъ (извѣстный основатель этнографическаго музея въ Москвѣ). Онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ училища живописи, ваянія и зодчества; Дашковъ взглянулъ на «убійство» и поморщился. На ближайшемъ совѣтѣ они «обмѣнялись мнѣніями» съ Солдатенковымъ. Дашковъ настаивалъ на томъ, что училище не должно допускать, хотя бы и талантливейшихъ учениковъ, до публичнаго экспонирования произведеній, подобныхъ «Убіиству на большой дорогѣ». Предсѣдателю возражали Солдатенковъ и нѣкоторые преподаватели. Пренія въ концѣ концовъ приняли острый характеръ. Солдатенковъ пригрозилъ уходомъ изъ совѣта, въ которомъ онъ состоялъ членомъ, если Яковлевскій жанръ не появится на выставкѣ.

— Не знаю, что же послѣ этого мы и выставять станемъ! — сердился меценатъ.

Дашковъ уступилъ, но присужденной за картину медали Яковлевъ не получилъ.

«Убіиство на большой дорогѣ» купилъ С. А. Юрьевъ, перепродавшій картину кому-то изъ петербургскихъ коллекціонеровъ.

Теперь Яковлевъ принимается за новую вещь, именно: «Раздѣлъ добычи». Содержаніе ея понятно безъ объясненія. На мрачномъ фонѣ выступаютъ фигуры, буквально залитыя кровью. Достоинства налицо и въ новомъ произведеніи нашего «Сальватора Розы», но сюжетъ, сюжетъ... В. А. Дашковъ приходитъ въ ужасъ.

— Опять кровь!? Опять убійство?! — восклицаетъ онъ.

— Но вещь талантливая, — мягко усмѣхаясь, отзывается Трутовскій.

Дашковъ хочетъ видѣть художника.

Павелъ Яковлевъ приходитъ.

— Здравствуйте, Яковлевъ! Голубчикъ, зачѣмъ вы пишете такія ужасныя картины? Право, неприятно смотрѣть.

— Люблю такіе сюжеты. Работалъ эскизы на темы веселья, — выходили неудовлетворительными.

— Жаль, жаль... Впрочемъ, поживете, понаблюдаете жизнь и людей и, я увѣренъ, станете изображать ихъ не съ одной только мрачной стороны.

Склонность молодого художника къ мрачнымъ сюжетамъ могла бы броситься въ глаза и не одному Дашкову; въ самомъ дѣлѣ, рядъ послѣдующихъ произведеній Яковлева составляли полотна: «Убіиство послѣ маскарада», «Привалъ бурлаковъ на Волгѣ», «По-

Александров

Стенька Разинь и передняя княжна.

слѣднее прости», «Въ кабаки», «Передъ дуэлью» и «Послѣ дуэли». Художникъ какъ будто нарочно бралъ уголки, гдѣ «страсть мелкая» только живетъ, гдѣ нужда обнимается съ горемъ, гдѣ наконецъ люди лишь тѣмъ и занимаются, что будятъ въ себѣ звѣря. Каждый художникъ, скульпторъ или музыкантъ расходуетъ свои творческія силы на то, что ближе, такъ сказать, родитъ его духу. Рафаэль, окруженный сіяющимъ ореоломъ божественности и самъ видѣвшій божество, Рафаэль — эта прекрасная поэтическая мечта, случайно коснувшаяся земли, конечно, не сталъ бы рисовать слишкомъ прозаическія фигуры грабителей, обогранныхъ кровью. Рубенсъ, благоговѣвшій предъ тѣлесной красотой, не взялся бы изображать жалкихъ паріевъ, съ которыми заодно страдалъ алкавшій правды Рембрандтъ. Мрачный Микель-Анжело не могъ лѣпить такого, что бы умиротворяло зрителя. Можно ли удивляться Шуману, носившему въ себѣ зачатки душевной болѣзни, что онъ находилъ особенно укрѣпляющую силу для фантазій въ меланхолическихъ ощущеніяхъ? Но Яковлевъ и не былъ, и не сталъ ни мрачнымъ, ни меланхоликомъ; далекій небесъ Рафаэля и Рубенсовскаго эстетизма, онъ просто рисовалъ обыденщину, отнюдь не упиваясь мрачными сюжетами. Да онъ слишкомъ и добродушенъ, чтобы всецѣло тяготѣть къ кровавой хроникѣ...

Въ отвѣтъ Дашкову, будто онъ, Яковлевъ, любитъ такіе сюжеты, слышалась просто юная бравада. Мягкій человекъ не можетъ любить ужаснаго; противоположности сходятся весьма рѣдко, и, надпримѣръ, Мольеръ, великій комическій писатель и превосходный комическій актеръ, а въ жизни даже почти не улыбавшійся, представляетъ собою исключительное явленіе.

Какъ только представился случай, Яковлевъ взялся за кисть и написалъ жанръ «Переѣздъ съ квартиры»¹⁾. Мимо кремлевской стѣны, изъ-за которой подымается громада соборовъ и церквей, громыхая, ползетъ полкъъ, на какихъ обыкновенно возятъ пиво, мисо, мебель и т. п. Но на сей разъ на полкѣ стоитъ желѣзная кровать, а на кровати, покуривая и беззаботно созерцая небо, развалился круглолицый, длинноволосый субъектъ съ бородкой и щеголевато закрученными усами. Въ головахъ у него гипсовая статуя, въ ногахъ — небольшой сундукъ, вѣрно, на половину пустой. Это будущій Айвазовскій, Рѣпинъ или Маковскій переселяется въ «не столь отдаленныя мѣста» московскаго муравейника. «Переѣздъ» такъ и брызжетъ незлобивымъ юморомъ, напоминая эпизодъ изъ жизни Марка Твена, рассказанный самимъ американскимъ юмористомъ. «Когда-то онъ былъ бѣднымъ репортеромъ въ Санъ-Франциско и не имѣлъ иногда даже, на что отобѣдать. Однажды стоялъ онъ съ ящикомъ изъ-подъ сигаръ подъ мышкой на одномъ

¹⁾ Извѣстный по воспроизведенію на открытыхъ письмахъ.

изъ уголъ улицы Монтгоммери. Тамъ его завидѣлъ одинъ знакомый, подошелъ къ нему и спросилъ, что это у него. «Я выѣзжаю изъ квартиры,—отвѣтилъ Твенъ,—и перевозжу тутъ все свое имущество». При этомъ онъ раскрылъ ящикъ и показалъ «весь свой гардеробъ», по его словамъ, а именно: старую глиняную трубку, бумажный воротникъ и порядкомъ поношенный галстукъ».

Портреты известной балетной артистки Л. Н. Гейтенъ (въ коллекціи Бахрушина) и «Демонъ и Тамара» только подтверждали, что Яковлевъ вовсе не думалъ специализироваться на мрачныхъ сторонахъ нашей жизни. Онъ готовъ откликаться на многое. Такъ, платя дань старинѣ, пишетъ онъ «Атамана Стеньку Разина и Персидскую княжну». На весенней исторической выставкѣ въ Петербургѣ (1898 г.) картина появилась и была воспроизведена потомъ на страницахъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Что это за полотно? Прислонясь къ камню да сдвинувъ брови соболиныя, думаетъ думу-думушку атаманъ Степанъ Тимошеевичъ. Видно, лютая дума овладѣла добрымъ молодецъ, коли не глядится ему и на прекрасную княжну, что тревожно спитъ у ногъ «пригожаго». Да, не любитъ Разинъ красавицей, на которую, однако, заглядѣлся свѣтелъ мѣсяцъ. Слово вънемлетъ Степанъ Тимошеевичъ шуму волжскихъ волнъ; словно далеко-далеко унесли его мысли отъ этихъ кургановъ, подступающихъ къ атаману-батушкѣ сквозь сумракъ свѣжей ночи.

Не устоявъ передъ тенденціей и божкомъ обличенія, Яковлевъ изображаетъ «Наши монастыри», взявъ темою келью съ весьма жизнерадостнымъ инокомъ, любителемъ вина и камелій. Вѣрно подмѣченные и искусно переданные типы, сочный реализмъ жавра и беспощадность кисти — все способствовало тому, чтобы «Наши монастыри» скоро очутились въ частной коллекціи и не могли показаться на выставкѣ.

Старая сказка! «Крестный ходъ на Пасхѣ» Перова въ свое время также подвергся остракизму. «Классики» никакъ не мирились, да и теперь еще плохо мирятся, съ реализмомъ въ искусствѣ. Но возвратимся къ школьнымъ годамъ Яковлева.

Въ послѣднемъ, натурномъ, классѣ, на порогѣ самостоятельной жизни, онъ работалъ и съ особенной охотою, и съ нарастающимъ удовольствіемъ. Тутъ можно проявить себя на темахъ, которыя такъ и будоражатъ творческую изобрѣтательность учениковъ. Вотъ В. Г. Перовъ задаетъ двѣ программы: «Убіеніе Бориса и Глѣба» и «Препровожденіе арестантовъ въ Сибирь». Болѣе подходящихъ для себя темъ Яковлевъ не могъ бы и желать: словно самъ Аполлонъ, руководитель музъ, хотѣлъ побаловать юнаго жанриста.

— Яковлевъ, вотъ темы совсѣмъ уже въ твоёмъ духѣ,—говорятъ ему товарищи Мел—въ и М—скій.

— Да,—самодовольно улыбается тотъ.

— Знаешь что: напиши-ка для насъ эскизы. Ну, по-товарищески, понимаешь. Что тебѣ стоитъ? Выручи, а!

— Ишь, вы какіе.

— Да ну, Павлуха... пожалуйста... Получимъ награды — отдадимъ ихъ тебѣ.

— Если такъ, я пожалуй.

— Итакъ, по рукамъ. Но, чуръ, молчокъ...

— Ладно, ладно.

Если Н. К. Михайловскій и другіе писали въ школѣ сочиненія для товарищей, отчего же Яковлеву не взятыя было за эскизы для своихъ товарищей? И онъ поработалъ для Мел—ва и М—скаго. За «Убіеніе Бориса и Глѣба» былъ полученъ «номеръ первый», за «Препровожденіе арестантовъ» — «номеръ третій», не считая денежныхъ наградъ. Чего бы еще! Тутъ бы и поставить точку. Но товарищи пожелали воспользоваться каштанами, вынутыми изъ печи чужими руками: Яковлевъ не получаетъ отъ нихъ условленныхъ денегъ, и... К. А. Трутовскій посвящается въ «исторію». Нѣкоторое время спустя, Перовъ предлагаетъ новую тему для эскиза изъ пушкинскихъ «Братьевъ-разбойниковъ»; Яковлевъ ухватился за поѣму и въ день экзамена поразилъ всѣхъ столько же небывало крупнымъ размѣромъ ($3\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ арш.) своего эскиза, сколько и талантливостью передачи момента:

Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
Пришельца новаго разсказъ,
И все вокругъ его внимають...

И обстановка, и угрюмая характерность «удалыхъ», и всѣ аксесуары были переданы правдиво и весьма живо. Училищный ареопагъ призналъ Яковлевскую работу лучшей и, присудивъ за нее первую денежную награду, предложилъ Яковлеву написать съ эскиза (сдѣланнаго тушью и соусомъ) картину. Павелъ Яковлевъ опять торжествуетъ, онъ вновь — герой дня. Отъ всѣхъ слышатся поздравленія. Хвалятъ преподаватели. Восхищается «Братьями-разбойниками» Н. А. Чаевъ, извѣстный писатель (авторъ «Свекрови», «Подспудныхъ силъ», «Богатырей») и директоръ Оружейной палаты, къ которому художникъ обращался за нѣкоторымъ матеріаломъ для своего эскиза. Но больше всѣхъ радовался К. Т. Солдатенковъ. Меценатъ привезъ даже А. А. Риццони посмотреть «Братьевъ-разбойниковъ» и скорѣй отправилъ своего пенсионера въ путешествіе по Россіи. Училище живописи выдало своему питомцу слѣдующій билетъ: «данъ сей ученику училища живописи,

Покарнице.

ванія и зодчества Павлу Яковлеву для проѣзда во всѣ города Россійской имперіи съ художественной цѣлью», при чемъ оно просило «гг. начальствующихъ лицъ содѣйствовать ученику Яковлеву въ его занятіяхъ». Провинціальныя наблюденія и встрѣчи способствовали, несомнѣнно, расширенію поля зрѣнія молодого художника и побуждали его останавливать вниманіе на сторонахъ быта, которыя доселѣ какъ бы были задернуты передъ нимъ завѣсой. Призма жизни увеличилась новыми гранями, и въ этихъ граняхъ отразились грозы житья-бытья маленькихъ людей. Можно съ увѣренностью сказать, что никакая заграничная поѣздка не оказалась бы для Яковлева болѣе плодотворной, чѣмъ это знакомство съ родными мѣстами. Почему? Потому что, подобно Иванову и Перову, онъ слишкомъ русакъ и слишкомъ почвенникъ, съ торжествующими элементами русской самобытности, съ очевиднымъ русско-демократическимъ духомъ. Если къ кому наиболѣе применимы слова Иванова (создателя «Явленія Христа народу»), что русскому художнику нечего дѣлать за границей, то какъ разъ къ Яковлеву. За границей онъ скользилъ бы по жизни, тогда какъ дома могъ окунуться въ самую глубь ея и вынести оттуда богатство сюжетовъ. Такъ и было. вмѣстѣ со множествомъ эскизовъ и этюдовъ Яковлевъ привезъ въ Москву начатую картину: «Добыча мороза», появившуюся на выставкѣ съ другою картиною: «Пожарище».

«Добычу мороза» приобрѣлъ г. Лавровъ, а «Пожарище» П. М. Третьяковъ для своей знаменитой галлерей, гдѣ она находится и по настоящее время рядомъ съ произведеніями Перова. «Пожарище», или «На пожарищѣ», за которую художникъ получилъ медаль, явилось однимъ изъ трехъ кятовъ, на коихъ, главнымъ образомъ, и покончена извѣстность П. Ф. Яковлева; «Градобигіе» и «Право сильного» закрѣпили за нимъ имя крупнаго мастера. Для насъ, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, эти три полотна важны въ томъ отношеніи, что они были поворотомъ художника въ станъ обижаемыхъ и угнетаемыхъ и сближеніемъ его съ тѣми, къ кому болѣзненно тяготѣлъ поэтъ страданія и состраданія: Рембрандтъ. Представивъ «Пожарище», художникъ, такъ сказать, омылъ руки отъ крови, въ которой доселѣ купался, и взялъ въ живописи ту самую ноту, какая въ поэзій зазвучала у земляка его, Никитина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ и авторъ «Кулака», Яковлевъ проявилъ и теплоту, и поэгичность рисунка и, углубившись въ сердцевину народной жизни, безъ самсонова размаха, безъ ягучей страстности южанина, но въ ореолѣ тихой грусти запѣлъ всѣмъ близкіе, всѣмъ, чуткимъ душою, больные мотивы. Недавній, казалось бы, пѣвецъ гуляющихъ, вольныхъ людей, кому все триньтрава, и про чье здоровье, по пословицѣ, и говорить скоромно, становится вдругъ пѣвцомъ горя народнаго и выставляетъ на по-

казъ («Право сильнаго») богатыхъ самодуровъ во всей ихъ отталкивающей нравственной наготѣ.

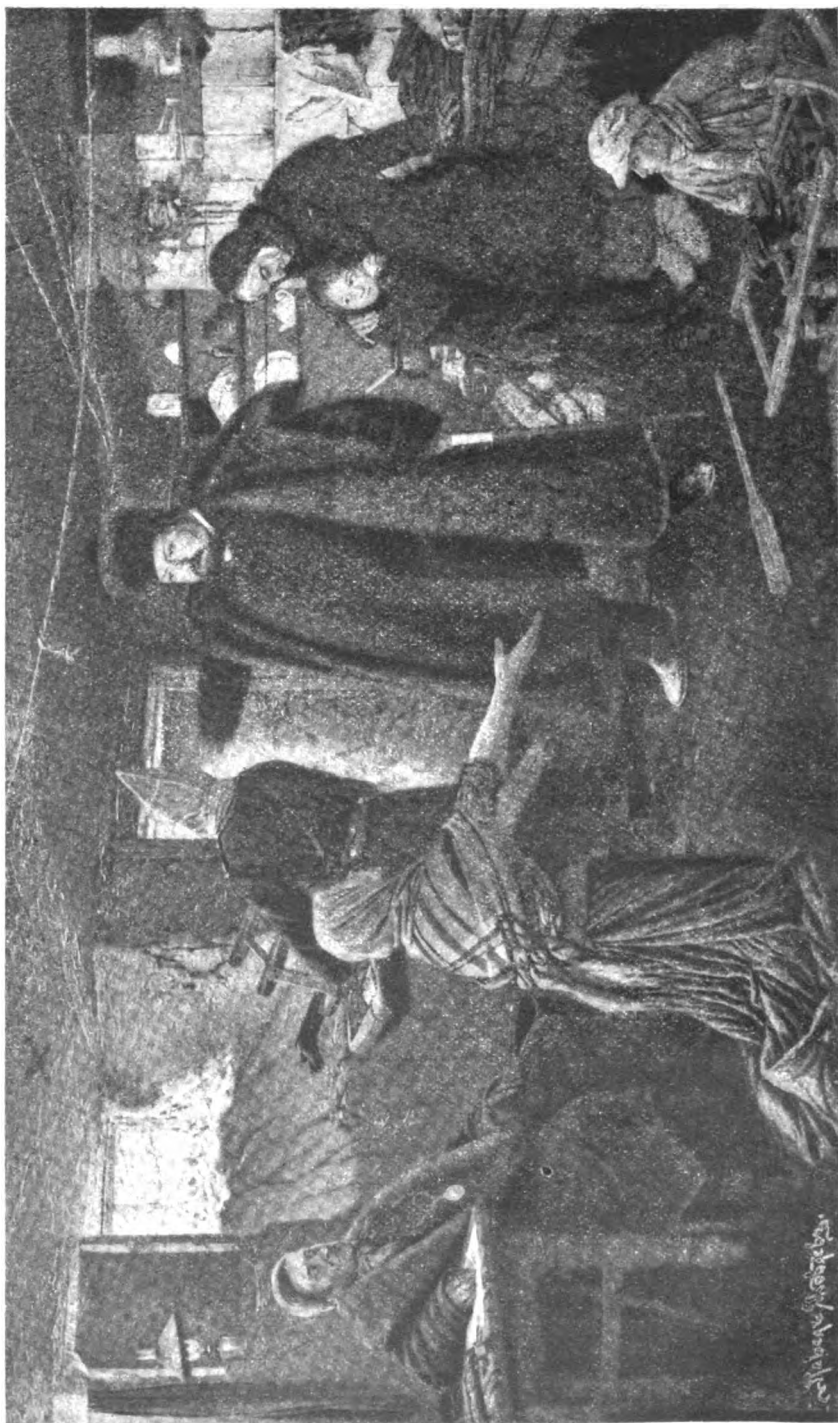
Просто «Пожарище» по содержанію, какъ проста и сама жизнь среды, изъ которой художникъ почерпнулъ сюжетъ. Погорѣлъ старикъ-крестьянинъ, можетъ быть, еще и одинокій. Вотъ онъ сидитъ на развалинахъ, устремивъ всю силу переживаемаго имъ отчаянія на краснѣющую еще головешку. Сколько тупой, чисто-овечьей покорности безжалостной судьбѣ, которая въ какіе нибудь полчаса совершенно разорила труженика... горемыку! О чемъ онъ думаетъ пригорюнившись?.. Ничего, ничего не осталось, что могло бы успокоить или утѣшить старика. Колесо—остатокъ телѣги, черныя головни на мѣстѣ избы, а надъ головою темное, свинцовое небо. Холодно, жутко. Невдалекѣ пролегла проѣзжая дорога. Верстовой столбъ покачнулся, но держится, будто говоритъ: «мимо меня, бываетъ, и счастье путь держитъ, да нѣтъ, братъ-старина, къ тебѣ оно не завернетъ, потому что ты его пасынокъ». Изъ сумрачной дали выплылъ сельскій храмъ, но и это тихое прибѣжище отъ житейскихъ бурь и напастей словно замерло на мѣстѣ: не приближается. И не доносится изъ него умиляющихъ, примирительныхъ и исцѣляющихъ наши скорби сладостныхъ напѣвовъ... Далеко все отрадное, свѣтлое; роятся лишь вокругъ старика тяжелыя думы. Не видится ему ужъ просвѣта... Прелесть картины заключается въ особенности въ томъ, что художникъ глубоко прочувствовалъ явленіе и «сокомъ нервовъ и кровью сердца» изобразилъ житейскую сцену. И не понадобилось ему яркихъ красокъ. Онъ взялъ одинъ сумеречный тонъ. Талантъ брызнулъ, какъ какая нибудь властная струя кастальскаго ключа—и вотъ вамъ захватывающее полотно съ глубокой при всей своей простотѣ философіей и потрясающимъ драматизмомъ. Не даромъ «На пожарищѣ»—въ сосѣдствѣ съ Перовскими жанрами: между ними много общаго—въ проповѣди состраданія. По мѣрѣ того, какъ развивался и крѣпнулъ талантъ Павла Яковлева, ухудшалось его ученическое положеніе. Самобытный, своеобразный, владѣющій вдобавокъ отдѣльной мастерской въ училищѣ, молодой художникъ искренно не считалъ себя ничьимъ ученикомъ. Да такъ на него смотрѣлъ и преподавательскій персоналъ, за единственнымъ исключеніемъ. Трутовскій окрестилъ молодого артиста русскимъ Сальваторомъ Розой. Это не могло не льстить «окрещенному». Онъ и работалъ самостоятельно, гнушаясь программами, за которыя цѣплялись угодливыя посредственности, которымъ было все равно, кого или что изображать. Это тѣ Кукольникъ, что заявляютъ: «прикажутъ—завтра буду акушеромъ». Но стремленіе къ независимому творчеству привело Яковлева къ разрыву съ училищемъ. Какъ это ни странно, но «единственнымъ исключеніемъ», единственнымъ преподавателемъ, не мирившимся съ «вольностью» Яковлева, былъ не кто иной, какъ Перовъ, тотъ самый Василиѣ

Григорьевичъ Перовъ, который въ 1863 г. вмѣстѣ съ 12 академистами самъ отказался писать программу на заданную тему, считая это стѣсненіемъ ихъ художественной свободы. Прошелъ какойнибудь десятокъ лѣтъ, и взгляды знаменитаго художника пріобрѣли уже иную окраску. Свободолюбивый онъ, однако, подобно попугаю въ экспромптѣ С. А. Соболевскаго, нѣтъ-нѣтъ, да и кивнетъ ученикамъ на клѣтку. Но, можетъ быть, годы и житейскій опытъ доказали Перову всю неправоту его протеста противъ академическихъ свѣчаевъ и обычаевъ? Можетъ быть, ученики художественныхъ школъ, въ самомъ дѣлѣ, не смѣютъ мечтать о свободномъ выборѣ сюжетовъ? Послушаемъ, что говорить по этому поводу В. В. Стасовъ. Вотъ его слова: «Русское новое искусство—одно изъ самыхъ независимыхъ и самостоятельныхъ. Никто его не училъ, и ни отъ кого оно не заимствовало свои отрывки изъ жизни для своихъ холстовъ, точно какъ и наша новая литература. Гоголь и Островскій не знали никакихъ иноземныхъ писателей, все брали изъ себя и прямо изъ окружающей ихъ жизни, и богато черпали оттуда могучею рукою. Такъ было и съ Перовымъ и его лучшими, могучими товарищами, хотя я вовсе не думаю дѣлать никакихъ сравненій съ нашими великими писателями. Я только хотѣлъ бы указать на то, что при всей разницѣ талантовъ и личностей, и тѣ и другіе принадлежатъ къ одной и той же категоріи личностей самостоятельныхъ и независимыхъ». Итакъ, Перовъ возсталъ противъ того, чему прежде самъ молился. Впрочемъ, какъ художникъ, онъ остался борцомъ за свободу и правду въ искусствѣ до конца своей жизни. Какъ бы то ни было, недоразумѣнія между профессоромъ и ученикомъ стали учащаться и учащаться. Одинъ требовалъ субординаціи, полнѣйшаго вниманія къ преподавательскимъ программамъ и благоговѣйнаго отношенія къ самимъ профессорамъ, другой же твердо держался своихъ убѣжденій, ибо они оправдывались для него его разумомъ. Перовъ хотѣлъ сломить орленка, а тотъ, горделиво смотря на солнце и не будучи способнымъ изогнуться ни подъ какимъ внѣшнимъ давленіемъ, непоколебимо, точно Мартинъ Лютеръ, возражалъ: «Hier stehe ich: Gott helfe mir! (Здѣсь я стою: Богъ мнѣ помощникъ)». Появленіе «Пожарища», вызвавшего толки и лестные отзывы печати, еще ухудшило ихъ взаимныя отношенія; училищные Бобчинскіе, Добчинскіе, г.г. Н. и г.г. Д. внесли каждый долю своего усердія, и Яковлевъ долженъ былъ до окончанія курса покинуть училище живописи, ваянія и зодчества.

Яковлевъ рисовалъ въ своей мастерской эскизъ для картины «Выходъ преступника на свиданіе», когда появились гоголевскіе Петры Ивановичи.

— Экій эскизеце, Яковлевъ, работаешь! И къ чему только?

— А знаешь, коллега, Перовъ тебя не допустятъ до выставки!

Право сильного.

— Что-о?

— Спроси... Всѣ говорятъ.

Дѣйствительно, кого онъ ни спроситъ, слышитъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: напрасно мечтаетъ попасть на выставку! Точно всѣ сговорились. И все это близкіе къ Василию Григорьевичу ученики. Яковлевъ—къ «самоу»: «Правда ли, Василій Григорьевичъ, будто?» .. и т. д. На лицѣ Перова вспыхнула, вѣроятно, памятная его ученикамъ усмѣшка. Усмѣшка—только. Ни звука. «Сальваторъ Роза» вспыхнулъ, повернулся и ушелъ. Почти оконченный эскизъ былъ наорванъ въ клочки, а Яковлевъ покинулъ училище.

Въ то время ему шелъ 21-й годъ. Предстояло отбывать воинскую повинность, но совѣтъ училища постановилъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о льготѣ въ силу исключительнаго дарованія ученика Павла Яковлева. Манаршимъ соизволеніемъ этотъ послѣдній былъ навсегда освобожденъ отъ военной службы. Черезъ недѣлю по выходѣ изъ училища Яковлевъ уѣхалъ на родину.

Пребываніе въ родныхъ мѣстахъ должно быть отмѣчено, какъ періодъ значительной производительности молодого художника. Расправивъ вольныя крылья, онъ вылетѣлъ изъ Москвы, какъ орелъ, не съ поникшей, а съ царственно поднятой головой. Будущее улыбалось. Это не бѣда, что нѣтъ диплома. Есть вѣра въ свои силы и способности, что въ искусствѣ поважнѣе званія. Молодость бьетъ ключемъ и проситъ дани. И Яковлевъ, едва появившись въ Воронежѣ, окупился въ самую гущу городскихъ развлеченій: онъ участвовалъ въ концертахъ, потрясая воздухъ п стѣны «фундаментальнымъ басомъ» изъ хора; участвовалъ въ гонкахъ мѣстнаго рѣчного клуба, ставилъ живыя картины въ спектакляхъ съ благотворительною цѣлью; однимъ словомъ, жилъ разсѣянною жизнью, которая, впрочемъ, разнообразилась приливами творческихъ желаній. Какъ сказано выше, Яковлевъ, живя на родинѣ, много писалъ.

Послѣ этой именно поѣздки въ разныя мѣста Яковлевъ привезъ въ Москву: «Привалъ бурлаковъ», «Послѣднее прости», «Въ кабацѣ», «Передъ дуэлью» и «Послѣ дуэли»; изъ нихъ первая картина была выставлена въ Артистическомъ кружкѣ, цѣль котораго «заключалась въ распространеніи въ публикѣ правильныхъ понятій о всѣхъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ и въ развитіи ея эстетическаго вкуса; въ доставленіи начинающимъ артистамъ и художникамъ возможности сдѣлаться извѣстными публикѣ». Такимъ образомъ, уже одно появленіе «Бурлаковъ» въ стѣнахъ Артистическаго кружка говорило о достоинствахъ жанра, а съ другой стороны — способствовало росту Яковлевской извѣстности. Осталь-

ныя четыре картины помѣстились въ фойѣ театра Ф. А. Корша, въ д. Лянозова, откуда онѣ всѣ разбрелись по частнымъ коллекціямъ, но, повторяемъ, вся эта серія жанровъ, съ знакомыми по другимъ именамъ названіямъ, своевременно отмѣченная газетной критикою, не могла вплестн въ вѣнокъ Яковлева такого лавра, какой влдело «Градобитіе». Матеріалъ для него былъ собранъ во время поѣздки художника по югу. Въ только что перечисленныхъ картинахъ, главнымъ образомъ, разумѣтся, въ «Бурлакахъ» и «Кабакѣ», Яковлевъ представился русской публикѣ мастеромъ, скорѣе болѣе близкимъ по духу Курбѣ, чѣмъ Сальватору Розѣ: вѣдь, и бурлачество и кабакъ—это уже «демократизація искусства», вѣдь это же—та самая канва, на которой расшивали свои замѣчательные узоры Курбѣ, либо Миллѣ, «чумазы» по происхожденію и влюбленные въ крестьянскій міръ до такой степени, что у нихъ какъ бы вовсе не хватало красокъ, этой души живописи, для изображенія сферъ болѣе высокихъ, чѣмъ крестьянство или мелкое мѣщанство. Справедливость заставляетъ сказать, что Яковлевъ представился безъ свособразной поэзіи знаменитыхъ французскихъ братьевъ. Нѣтъ, онъ не такъ щедръ. Всю силу накопившагося въ немъ высокаго чувства, весь запасъ, хотя и глубоко скорбной, поэзіи онъ сохранилъ для «Градобитія», и, дѣйствительно, снова, какъ въ «Пожарищѣ», онъ прозвучалъ сильно и проникновенно. Онъ вновь взялъ публику, подвелъ ее къ своей сельской драмѣ, въ сущности, заурядной, обычной, примелькавшейся въ въ газетныхъ сообщеніяхъ, и сказалъ этой публикѣ:

— Смотри: обыкновенная исторія, но не пробираетъ ли тебя холодъ?

Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ надобно учиться
Вѣрить и терпѣть!..

Гдѣ «Градобитіе»? Появившись на выставкѣ, эта картина стала достояніемъ И. М. Третьякова и въ продолженіе 10 лѣтъ пребывала въ его галлерей, когда ее купилъ у московскаго мецената виленскій мурей: въ его стѣнахъ она остается и по настоящее время.

«Пожарище» и «Градобитіе», дополняя одно другое, служатъ вмѣстѣ талантливой іереміадой нашей тоскливой, несчастной деревни. «Красный пѣтухъ» и градъ—двѣ мрачныя силы, предъ которыми не можетъ устоять 40-милліонная Русь. Кто же, какъ не они распоряжаются деревнею? Отъ ихъ стихійной, бессмысленной милости зависитъ деревенское бытіе, что для общей экономіи

государства имѣть, понятно, рѣшающее, даже роковое значеніе. Ибо Русь не менѣе, чѣмъ, скажемъ, Норвегія, крестьянское государство. Лучшіе, здоровые соки получаютъ изъ деревни, она же несетъ на своихъ плечахъ и все бремя казначейскаго благополучія. Появись «Пожарище» и «Градобитіе» въ мастерской любого западно-европейскаго жанриста, они подняли бы вокругъ себя огромную шумиху и вызвали бы цѣлую литературу; ибо, если Лессингъ могъ исписывать многія страницы о щитѣ Ахиллесовомъ, а Французы выпускаютъ книгу за книгой, посвященныя какой либо небольшой части парижскаго Собора Богоматери,—развѣ они прошли бы мимо, не оцѣнили бы, какъ слѣдуетъ, что называется, по косточкамъ, произведеній, которыя мало того, что брызжутъ живой водою таланта, но еще трактуютъ вѣчно большыя, вѣчно кошмарныя вопросы современности? А у насъ жанры Яковлева всколыхнули художественный мірокъ, обратили вниманіе лишь нѣсколькихъ знатоковъ искусства и не удостоились отзывомъ серьезнѣйшей критики. Газетные Юсти, правда, въ свое время ихъ отмѣчали, указывали на нихъ, но что такое газетные отзывы? Это, — сказалъ бы Уриэль Акоста, — мошки, рожденныя на свѣтъ, чтобъ безъ слѣда пропасть въ пространствѣ вѣчномъ... Газетный листъ живетъ сутки, онъ умираетъ съ новой зарей, а заодно съ нимъ кончается и все, наспѣхъ писавшееся.

На восьмидесятые годы приходится третій китъ творчества Яковлева: «Нѣтъ пощады». Это произведеніе было куплено К. Т. Солдатенковымъ, а теперь находится въ Румянцевскомъ музеѣ, давшемъ ему иное названіе, именно: «Право сильнаго». Въ чель, однако, право сильнаго заключается? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Островскій слѣдующею сценою изъ комедіи «Въ чужомъ пиру погумелье».

Тигъ Титычъ.—Настасья! смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. — Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Въ «Пожарищѣ» и «Градобитіи» П. Ф. Яковлевъ изобразилъ со всею силою неумолимость стихій, здѣсь же онъ обнажилъ челоуѣческое безсердечіе, которое не уступаетъ жестокости стихій. Въ подвалѣ, сыромъ, темномъ, холодномъ, проживала нищета: старыя и малыя. Нѣкоторое время она кое-какъ оплачивала право жить въ сырости, полутьмѣ и холодѣ, но обстоятельства измѣнились, нужда достигла апогея, платить за ужасное пристанище нечѣмъ — и домовладѣлецъ буквально гонитъ нищету на морозъ. «Нѣтъ пощады!» — кричитъ сытый купчина. Мольбы его не трогаютъ. Слезы гонимыхъ имъ женщинъ не жгутъ сорныхъ травъ, заглушившихъ его душу. Что ему эта скорбь вопіющая? Ему тепло; «морозной пылью серебрится его бровный воротникъ». Его степенство спокоеетъ; въ «своемъ кругу» его не осудятъ: почти всѣ домовладѣльцы такъ поступаютъ. Если бы на мгновенье просну-

лась въ немъ совѣсть, и она дерзнула бы его упрекнуть, о, «сыйтый буржуй» тотчасъ отправился бы въ церковь, отбухалъ бы десятокъ земныхъ поклоновъ, поставилъ бы «такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ», и дѣлу конецъ! Главное, онъ, вѣдь, и бѣдноту гонить на улицу, на морозъ «на законномъ основаніи»: вотъ представитель юстиціи, судебный приставъ... присутствуетъ, какъ же! Зритъ, добру и злу внимая равнодушно... Характерный городской торопится выносить скарбъ, «услужаетъ»...

Москва устами газетныхъ Юсти громко заговорила при появленіи «Права сильнаго». Еще бы, семь холмовъ третьяго Рима, вврастившихъ и прославившихъ Гордеевъ Торцовыхъ и Китовъ Брусковыхъ, съ десятилѣтіями остались неизмѣнными, неистощенными и, какъ видно, все еще способными рождать и растить новыхъ и Брусковыхъ, и Торцовыхъ, «дикихъ, властныхъ, крутыхъ сердцемъ, словомъ сказать — самодуровъ».

Москва—градъ славянофильскій и купеческій по преимуществу, обидѣлась. Около ярко написаннаго, угодившаго въ самыя больныя мѣста человѣческихъ отношеній и городского быта, жанра поднялась газетная возня. «Китай-городъ» зафыркалъ. Подумайте, какая мораль на сословіе пущена! Юсти малой прессы раскололись на два лагеря: одинъ—за, другой—противъ Яковлева. Но соловьиныя трели первыхъ и цѣлый рой отравленныхъ негодованіемъ стрѣлъ вторыхъ можно было бы отдать за одинъ обстоятельный разборъ истиннаго Юсти, который говорилъ, что въ искусствѣ слѣдуетъ не хвалить, не порицать, а понимать.

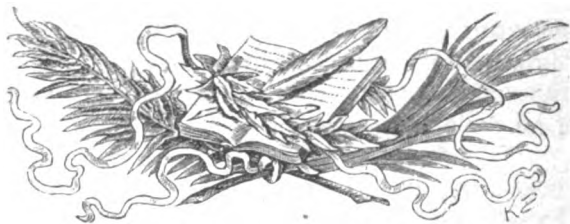
Но російскіе Юсти, во-первыхъ, вялы, а, во-вторыхъ, дѣйствительность показываетъ, что у насъ чаще кричатъ про писателей и художниковъ, обладающихъ среднимъ талантомъ, но съ большимъ практическимъ складомъ, и замалчиваютъ людей очень талантливыхъ, но безъ этого склада, а, главное, склонныхъ къ уединенію.

Изобразивъ «Право сильнаго», Павелъ Филипповичъ Яковлевъ свернулъ свое знамя и погрузился, по его выраженію, въ патриархальную жизнь. Какъ въ промежуткахъ между «Пожарищемъ» и «Градобитіемъ», «Градобитіемъ» и «Правомъ сильнаго», такъ и въ настоящее время онъ пишетъ на религиозные сюжеты, портреты, декорации, иллюстрируетъ беллетристическія произведенія (А. В. Круглова и мн. др.) и т. п. Онъ—дѣйствительный членъ общества художниковъ исторической живописи и членъ выставокъ: Боголюбовскаго рисовальнаго училища въ Саратовѣ и Казанской художественной школы, состоящей въ вѣдѣніи академіи художествъ. Счастливый супругъ и отецъ, Яковлевъ,—вѣрится мнѣ,—не почилъ на лаврахъ. Въ 52—53 года еще не поздно ярко вспыхивать; въ эти

годы священному огню еще рано угасать. Въ такіе годы Рубенсъ создавалъ свои шедевры, хранящіеся въ Мюнхенской пинакотекѣ. Талантъ нашего И. Е. Рѣпина нынѣ такъ же свѣжъ и мощенъ, какъ и въ то время, когда писались «Бурлаки» или «Крестный ходъ». Но если П. Ф. Яковлевъ и не возьмется уже за кисть, изъ-подъ которой вышли три его кита: «На пожарищѣ», «Градобитіе» и «Право сильнаго», и въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право занять мѣсто въ исторіи русской живописи рядомъ съ Пукиревымъ, Невревымъ, Прянишниковымъ, однимъ словомъ, съ тѣми даровитѣйшими бытовиками, которые съ начала 1860-хъ годовъ взялись за прославленіе отечественнаго искусства и дѣйствительно прославили его.

Пройдя значительную часть поля жизни и дойдя до предѣла, за которымъ начинаются воспоминанія, творецъ «Пожарища», «Градобитія» и «Права сильнаго» не скажетъ съ тоской Лаврецакаго: «Здравствуй, старость! Догорай, бесполезная жизнь». Нѣтъ, онъ торжественно встрѣтитъ старость. Онъ вѣдь сдѣлалъ, что могъ. И сдѣлалъ многое. Теперь отдыхъ? воспоминанія? Прекрасно. Право на сладкій отдыхъ и свѣтлыя воспоминанія заработано...

Павелъ Россіевъ.

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ¹⁾.

Декабристы.

XII.

ЛАВНЫМИ центрами пребыванія и сосредоточенія революціонныхъ и оппозиціонныхъ правительствъ — были югъ, Москва и Петербургъ. Наибольшая интенсивность революціонной мысли сосредоточивалась въ «Южномъ обществѣ», но и здѣсь какого нибудь вполне опредѣленнаго плана до смерти Александра I не было установлено, были больше разговоры и «страшныя слова» объ убійствахъ; въ результатъ члены общества рѣшили «отложить» активныя дѣйствія до 1826 г. Въ Москвѣ, гдѣ находились налицо нѣкоторые члены бывшаго «Союза благоденствія», настроеніе было еще болѣе вялое, бездѣятельное—ожидались сигналы или съ юга, или изъ Петербурга. Намъ ужъ извѣстно, что, побывавъ здѣсь, Пестель остался недоволенъ членами «Сѣвернаго общества», и дѣйствительно, съ точки зрѣнія активной политики, это общество, до 1825 г., кромѣ выработки извѣстной конституціонно-монархической программы Никиты Муравьева, кромѣ нѣкоторой слабой пропаганды среди представителей столичной интеллигенціи, пріобщенія ихъ, и то въ очень нетвердой и мало реальной формѣ, къ задачамъ общества, ничѣмъ жизненнымъ себя не

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СШ, стр. 583.

проявляло. Были разговоры, много словъ, и то очень умѣреннаго отгѣнка и ничего болѣе... Иначе обрисовывается общество со вступленіемъ въ его «думу», въ дирекцію редактора «Полярной Звѣзды», Кондратія Ѳедоровича Рылѣва, который вноситъ въ общество и въ его задачи большую энергію, рѣшительность и активность. Съ отъѣздомъ кн. Трубецкого въ концѣ 1824 г. на югъ, онъ занимаетъ его мѣсто въ таинственной директоріи и силою своего ума, своей образованности, талантливости и страстности натуры дѣлается душою всего дѣла, становится руководителемъ общества, его вдохновителемъ, какъ бы воплощая въ своей личности и все дѣло съ его идейной стороны, и всю таинственную думу и сосредоточивая также въ своихъ рукахъ всѣ до поры до времени разрозненныя и отрывочныя нити заговора. Онъ для Петербурга то же, что для Тульчина Пестель и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже съ одинаковою репутацией: не всѣ ему довѣряютъ, не всѣ вѣрятъ въ истинность сообщаемыхъ имъ фактовъ, которые онъ дѣйствительно порою одно-сторонне и фантастически освѣщаетъ, въ интересахъ революціонной тактики, въ цѣляхъ политической организаціи революціонныхъ силъ и ихъ распредѣленія для дѣла сокрушенія стараго строя и установленія новаго. Въ смыслѣ методовъ достиженія намѣченныхъ цѣлей онъ становится, что называется, много лѣтѣе своихъ старшихъ товарищей, и съ этой стороны его политика сильно сближается съ политикою Пестеля. Мирнаго исхода революціонному настроенію онъ не предвидитъ и дѣлается сторонникомъ кроваваго переворота съ убіеніемъ главы государства и чуть ли не всего царствующаго дома. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія его бесѣды и его отношенія съ Каховскимъ, Якубовичемъ, А. Бестужевымъ, Батенковымъ и др., о которыхъ мы узнаемъ, какъ изъ самого слѣдственнаго дѣла, такъ и изъ дошедшихъ до насъ нѣкоторыхъ «записокъ декабристовъ». Изъ донесеній «слѣдственной комиссіи» явствуетъ¹⁾, что именно... «въ обществѣ петербургскомъ явилась облышная противъ прежняго и безпокойная дѣятельность со времени вступленія Рылѣва въ думу, на мѣсто кн. Сергѣя Трубецкого. Онъ и принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 г., причисленный къ верховному кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный жизнью, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что съ перваго же засѣданія его въ кругу убѣжденныхъ онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ общества, что съ тѣхъ поръ до 27 ноября онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средствъ удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами, что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ

¹⁾ «Тайное общество и 14 декабря 1825 г. въ Россіи». Лейпцигъ.

и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу. Имъ и Рылѣвымъ, прямо и черезъ другихъ, приняты многие новые члены; въ томъ числѣ вступили въ общество, въ разные времена, нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14 минувшаго декабря: Николай, Михайлъ, Петръ Бестужевъ, Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, кн. Одоевскій, кн. Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ, служившій въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ. Черезъ него Рылѣвъ дѣйствовалъ на кругъ молодыхъ офицеровъ сего экипажа, кои не были членами ни Сѣвернаго ни Южнаго тайнаго общества, и не составляли особеннаго, а только любили собираться, чтобы въ нескромныхъ разговорахъ осуждать правительство, хвалить конституцію Американскихъ штатовъ, мечтать о введеніи новаго республиканскаго порядка въ Россіи. На сихъ, впрочемъ, весьма немногочисленныхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ Арбузовымъ присутствовалъ Завалишинъ, тоже молодой флотскій офицеръ, недавно возвратившійся изъ отдаленнаго морского путешествія... онъ находилъ... что государь и августѣйшій домъ его будутъ всегда препятствовать въ успѣхѣ замысленныхъ имъ перемѣнъ, и сначала полагалъ вывезти ихъ за границу; потомъ онъ и особенно Арбузовъ стали говорить, что лучше всѣхъ истребить».

Значительную нервность придалъ настроенію «Сѣвернаго общества» и прибывшій въ столицу изъ Грузіи боевой капитанъ Якубовичъ, сошедшійся съ петербургскими заговорщиками черезъ А. Бестужева. Человѣкъ шумный, хвастливый и болтливый, бьющій на виѣшній эффектъ, но на дѣлѣ оказавшійся далеко не на высотѣ своего революціоннаго призванія, Якубовичъ, согласно «донесенію слѣдственной комиссіи», сначала было не соглашался вступить официально въ число членовъ общества, говоря: «не хочу принадлежать ни къ какому обществу, чтобы не плясать по чужой дудкѣ; сдѣлаю свое, вы воспользуйтесь этимъ, какъ хотите; я же или постараюсь увлечь за собою войска, или, при неудачѣ, застрѣлюсь; мнѣ жизнь наскучила». Подъ словами «сдѣлаю свое» онъ разумѣлъ убіеніе Александра I. Такая рѣшимость, произносимая съ браваурнымъ видомъ, повидимому, подѣйствовала и на Рылѣва и на другихъ сообщниковъ устрашающе: это вносило нѣкоторую излишнюю и несогласованную съ прочими дѣйствіями торопливость, случайность во всѣ планы заговорщиковъ и лишала ихъ руководства событіями. Къ словамъ Якубовича въ первое время отнеслись настолько серьезно, что его даже упрашивали нѣсколько отложить выполнение своего единоличнаго замысла, сначала до Петергофскаго праздника, потомъ до начала 1826 г. и, наконецъ, до мая того же года, если и не совсѣмъ, на неопредѣленное время. По поводу сношеній съ Якубовичемъ слѣдственный актъ говоритъ: «Пріѣздъ сего послѣдняго, его разговоры, объявленный имъ умыселъ сильно дѣйстви-

вали на тогдашняго начальника Сѣверной думы, Рылѣва; имъ, какъ утверждаетъ Александръ Бестужевъ, воспламенена тлѣвшая искра; хотя и до того Рылѣвъ полагалъ, что общество приступить къ началу при кончинѣ императора Александра, или прежде, если будетъ въ состоянїи; но тогда уже по извѣстіямъ съ юга сталъ намекать о возможности начать въ маѣ 1826 г., даже и скорѣе: «вотъ увидишь, когда возвратится государь (изъ Таганрога), мы что нибудь предпримемъ». Сїи слова сказаны имъ въ отвѣтъ на вопросъ Пушина: что они дѣлають? привезеннымъ изъ Москвы въ сентябрѣ новымъ членомъ, барономъ Штейнгелемъ... Ему, какъ одному изъ менѣе ослѣпленныхъ, Рылѣвъ говорилъ: «во 2-й арміи хотять демократіи; но это вздоръ, невозможное дѣло; мы желаемъ монархіи «ограниченной». Но онъ же, и почти въ то же время, воскликнулъ при Батенковѣ, что въ монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ, что въ Америкѣ только знаютъ хорошее правленіе, а Европа вся, и самая Англія въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія; когда же... представился вопросъ, какъ быть, если императоръ не согласится на условіе, и можно ли, помня примѣръ Испанїи, полагаться на вынужденное согласіе, то онъ (Рылѣвъ) сказалъ: «южные отвергають монархію; ихъ мнѣніе принято и здѣсь; я берусь извести государя при случаѣ». Александръ Бестужевъ показываетъ также, что Рылѣвъ и Оболенскій, вѣроятно, вслѣдствіе южныхъ инстанцій, упоминали и о погубленїи всей императорской фамиліи. Показатель присталъ къ сему мнѣнію, но утверждаетъ, что притворно, и настаивалъ вмѣстѣ съ Якубовичемъ, что на это нужно не менѣе 10 убійцъ въ надеждѣ, что нельзя будетъ найти такого числа отчаянныхъ изверговъ, и тѣмъ устранится ударъ отъ главы священной. Я былъ крикунъ, а не злодѣй,—пишетъ онъ,—хотя предлагалъ себя для совершенія ненавистнаго дѣла, ибо зналъ, что меня Рылѣвъ не употребить; ему было извѣстно, что дѣйствовать на солдатъ должно людямъ чистымъ. Почти тоже объявляетъ и Торсонъ, но Рылѣвъ не во всемъ сознается; увѣряетъ, что онъ и не зналъ вѣрно о намѣренїи «Южнаго общества» погубить государя императора Александра и все августѣйшее семейство его; что хотя предпочиталъ всѣмъ другимъ образъ правленія Сѣверо-Американской республики, однакожъ желалъ въ Россїи, раздѣливъ ее на области, подобныя Американскимъ штатамъ, оставить на время формы монархіи; что, впрочемъ, считалъ свое общество въ правѣ только разрушить существующій порядокъ, а не вводитъ новый, безъ согласія депутатовъ (противъ сей мысли очень возставалъ Пестель), наконецъ, что когда спросили: что дѣлать, если государь не согласится на ихъ условїя? то онъ, Рылѣвъ, сказалъ: «не вывезти ли за границу?»; что къ сему мнѣнію пристали: Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевъ, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему

отъ думы велѣно готовить кронштадтскій флотъ черезъ надежныхъ офицеровъ. Исполняя сіе порученіе, Рылѣвъ говорилъ съ Торсономъ, и на слова его, что это средство опасно, что лучше императорскую фамилію оставить даже во дворцѣ, лишь подъ присмотромъ, отвѣчалъ: «нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя, а развѣ въ Шлиссельбургѣ; и на случай возмущенія мы имѣемъ примѣръ то, что сдѣлано въ бунтѣ Мировича».

Изъ этихъ показаній, нѣсколько, правда, сбивчивыхъ, противорѣчивыхъ и не совсѣмъ откровенныхъ (очевидно, люди не стоворились и стремились главнѣйше къ выгораживанію самихъ себя, безъ достаточной осторожности по отношенію другихъ), явствуетъ, что настроеніе «Сѣвернаго общества», съ вступленіемъ сюда Рылѣва, становится болѣе радикальнымъ, рѣшительнымъ, хотя все же реальной программы дѣйствій и здѣсь нельзя установить. Все вертится около общихъ мѣстъ, и Рылѣвъ до поры до времени какъ бы нащупываетъ почву, зондируетъ людей дѣла, приглядывается къ нимъ и не совсѣмъ съ ними откровененъ. Онъ держитъ ихъ всѣхъ подъ нѣкоторымъ обаяніемъ своей личности, а главное туманитъ имъ голову фактическимъ существованіемъ вполне конкретной думы, отъ которой будто получаютъ какія-то указанія, рѣшенія и согласія на то или другое предложеніе и предположеніе, хотя на самомъ дѣлѣ таковой реальной думы въ наличности не было, и все сосредоточивалось именно въ его лицѣ.

ХІІІ.

Приглядываясь къ людямъ, которые его окружали, Рылѣвъ, по видимому, придавалъ наибольшее значеніе Каховскому, на котораго и возлагалъ главнѣйшее упованіе въ смыслѣ рѣшительнаго дѣйствія по отношенію представителя царствующаго дома. Его отношенія къ Каховскому и личность послѣдняго впервые освѣщены въ нашей литературѣ П. Е. Щеголевымъ въ его историко-психологическомъ очеркѣ, посвященномъ этому декабристу и основанномъ на новомъ архивномъ матеріалѣ¹⁾. «Мысль о царевубійствѣ, объ истребленіи фамилии страннымъ образомъ связывала Рылѣва и Каховскаго, — говоритъ г. Щеголевъ. — Членъ тайнаго общества былъ нуженъ Каховскому, потому что при его содѣйствіи онъ легче могъ реализовать сокровенную мечту: русскій Зандъ былъ необходимъ Рылѣву, потому что въ распоряженіи общества оказывался человекъ, который сдѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что такъ идетъ навстрѣчу цѣлямъ общества, и о чемъ среднему члену страшно подумать. Къ мысли объ устраненіи фамилии чаще всего направлялось ихъ соединенное вниманіе. Вокругъ ихъ разговоровъ о царевубійствѣ созда-

¹⁾ Журналъ «Вылое», № 1, январь 1906 г.

валась душная атмосфера. Ихъ нервы находились въ напряженномъ состоянїи, и отношенія были порывисты: то улучшались, то ухудшались. Они сближались и расходились: то Каховскій начиналъ подозревать Рылѣева въ нечистотѣ намѣренїи и заявлялъ о своемъ выхождѣ изъ общества, то Рылѣевъ, вдругъ уставая отъ его неистовства, начиналъ бояться, что несвоевременнымъ покушенїемъ онъ испортитъ дѣло общества, и удалялъ Каховскаго изъ числа членовъ. А потомъ они опять сходились и разсуждали все о томъ же. До Каховскаго доходили льстившіе ему, быть можетъ, слухи о томъ, что Рылѣевъ указываетъ на него, какъ на Занда, но онъ горѣлъ отъ негодованїя, когда чувствовалъ, что на него смотрятъ, какъ на орудїе Рылѣева. Его нѣсколько обижало отношенїе къ нему Рылѣева. Послѣдній не прочь былъ разгласить о немъ, какъ объ обреченномъ, но не спѣшилъ сблизить его съ другими членами общества и посвятить въ тайны организациі. Кажется, Рылѣевъ немного мистифицировалъ молодыхъ членовъ «думой»: въ сущности вся «дума» была въ немъ самомъ, а онъ выдавалъ ее за необыкновенно авторитетное учрежденїе, въ которомъ будто бы находились самыя важныя люди государства. Такая же игра была и съ диктаторомъ Трубецкимъ. Трубецкой только показывался, мало или совсѣмъ почти не разговаривалъ съ недавними членами, и для нихъ онъ дѣйствительно былъ диктаторомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбы общества и въ нужный моментъ диктующимъ дѣйствїя. Каховскій очень тонко подмѣчалъ подкладку дѣйствїй Рылѣева: «Рылѣевъ все и отъ всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя и, сколько я знаю, то по его отросли совѣщанїи никакихъ не было... И члены собирались лишь спорить, но онъ дѣлалъ все посвоему; ими выбранъ въ диктаторы князь Трубецкой; насъ всѣхъ и въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнїя волею диктатора, а диктаторъ, я не знаю, едва ли не былъ игрушкой тщеславія Рылѣева. Трубецкого, — говоритъ Каховскій въ другомъ своемъ отвѣтѣ, — я даже никогда не слыхалъ говорящимъ. Онъ, кн. Оболенскій, кн. Одоевскій, Николай Бестужевъ, Пуцинъ всегда запирались. Сіе мнѣ разъ даже замѣтилъ Сутгофъ, сказавъ: «Насъ, братъ, баранами считаютъ». И правда его. О чемъ они толковали, это имъ извѣстно; намъ не сдѣлали никакихъ распоряженїи»...

Итакъ, мы видимъ, что среди членовъ «Сѣвернаго общества» не было ни какого либо опредѣленнаго плана дѣйствїй вплоть до декабрьскихъ «роковыхъ» дней, ни между собой согласїя и другъ къ другу довѣрїя. Все ограничивалось спорами, ссорами, порывами и пререканїями, и это создавало въ ихъ средѣ въ высшей степени аномальную, нервную атмосферу. Даже г. Щеголевъ, склонный разсматривать все относящееся до декабристовъ въ розовомъ свѣтѣ, вынужденъ констатировать, нарисовавши предвари-

тельно нѣсколько не лишенныхъ интереса страницъ изъ ихъ отношеній между собою и изъ ихъ разговоровъ, что эти разговоры хорошо передають нервную, напряженную атмосферу, окружавшую всѣ такіе разговоры, и какъ бы хранять слѣды тончайшихъ переживаній... «Нельзя не остановить вниманія на единогласно подтверждаемомъ фактѣ непрерывныхъ ссоръ, схожденій и расхожденій:

Кондратій Федоровичъ Рытѣвъ.

и на дому у Рытѣва, и въ залахъ трактира «Лондонъ» и гостиницы «Неаполь» идутъ нескончаемые, возбужденные разговоры все о томъ же. Приведемъ еще одинъ разговоръ Каховскаго, — говоритъ онъ, — иллюстрирующаго сомнѣнія, бушевающія декабристовъ. «Рытѣвъ прежде разговора моего съ Бестужевымъ былъ со мной искрененъ и въ одно время сказалъ мнѣ, что дума на нѣкоторое время должна будетъ удержать правленіе за собой, въ чемъ я съ нимъ не согласился и, напротивъ, представлялъ ему, что общество все

должно сдѣлать для блага отечества, но ничего не брать на себя, и по успѣхѣ въ предпріятіи; стараться избрать людей, извѣстныхъ въ государствѣ, которые бы составляли временное правленіе, пока изберутся депутаты, и имъ представить конституцію, которую они въ правѣ принять или что въ ней переимѣнить, или совершенно отвергнуть. Рылѣевъ съ этого смѣялся, говоря:

— «Ты хочешь отъ аристократовъ чего добраго? Что, Мордвинова что ли сдѣлать правителемъ? Пожалуйста, не жѣдайся, ты ничего болѣе, какъ рядовой въ обществѣ, да и отъ меня немного зависить; какъ опредѣлить дума, такъ и будетъ.—Много сему подобнаго, что дало мнѣ подозрѣвать Рылѣева, и я того не скрывалъ отъ него»...

Несмотря на всѣ несогласія среди заговорщиковъ и неурядки въ самомъ дѣлѣ заговора, уже къ осени какъ будто опредѣляются дѣйствующія лица будущаго 14 декабря. Въ центрѣ стоитъ Рылѣевъ, около него бр. Бестужевы, кн. Оболенскій, кн. Трубецкой, бар. Штейнгель, Батенковъ, предстоящія роли которыхъ, однако, далеко не выяснены. Что же касается Каховскаго и Якубовича, то именно они рассматриваются орудіями цареубійства, если только такому суждено случиться и произойти. Кромѣ того, помимо таинственной и фантастической «думы», какъ будто обрисовываются и силуэты тѣхъ государственныхъ людей, которыхъ надѣются видѣть въ положеніи и вершителей судьбы отечества, съ отвѣтственностью временнаго правительства. Такими государственными людьми являлись Мордвиновъ и Сперанскій, какъ уже патентованные конституціоналисты, въ свое время разработывавшіе вопросъ о русской конституціи, а также Ермоловъ, какъ лицо, пользовавшееся громадною популярностію въ войскѣ, генераль съ блестящей боевой репутаціей, герой двѣнадцатаго года и человѣкъ большого природнаго ума, при томъ извѣстный нѣкоторымъ вольнодумствомъ по адресу нѣмецко-бюрократическаго правительства, столь прочно укрѣпленнаго въ Россіи германскими представителями царствующаго дома бывшихъ Романовыхъ. Были ли, однако, сдѣланы по адресу этихъ лицъ какіе либо шаги, говорилъ ли кто съ ними на эту тему,—на эти вопросы исторія пока не даетъ опредѣленнаго отвѣта; извѣстно только, что на засѣданіи въ Зимнемъ дворцѣ, когда Николай Павловичъ объявилъ сановникамъ волю Александра I и назвалъ себя русскимъ самодержцемъ, Мордвиновъ съ особенною поспѣшностію и съ аффектированной почтительностію поторопился отвѣсить низкій поклонъ, какъ бы подчеркивая этимъ свою непричастность къ какимъ либо противоправительственнымъ видамъ и дѣйствіямъ...

Итакъ, разработаннаго плана заговора не было налицо, а былъ лишь въ центрѣ всего туманно-задуманнаго дѣла страстный агитаторъ, поэтъ и романтикъ, который способенъ былъ до извѣстной

степени въ нужный моментъ вдохновить толпу, зажечь ея сердца, но никоимъ образомъ не обладавшій способностями настоящаго организатора и хорошаго революціоннаго стратега.

Рылѣевъ много сдѣлалъ, дабы придать жизненность «Сѣверному обществу», внести въ него ту активность, которой ему такъ долго недоставало; онъ устраивалъ у себя бесѣды, «русскіе завтраки», вербовалъ членовъ, агитировалъ даже перомъ и стихами. Въ этихъ видахъ имъ была сложена въ сотрудничествѣ съ А. Бестужевымъ, между прочимъ, «народная пѣсенка», получившая въ тѣ дни довольно широкое распространеніе въ столицѣ:

Ай и скучно мнѣ
 Во своей сторонѣ!
 Все въ неволѣ,
 Въ тяжкой долѣ,
 Видно, вѣкъ свой вѣковать.
 Долго ль русскій народъ
 Будетъ ружьядь господъ,
 И людьми,
 Какъ скотами,
 Долго ль будутъ торговать?
 Баринъ съ земскимъ судомъ
 Да съ приходскимъ попомъ
 Насъ морочить,
 Да водочить
 По дорогамъ да судамъ,
 Ай, какъ худо на Руси,
 Что и Боже упаси!.

Онъ увлекалъ своимъ горячимъ словомъ окружающихъ и наканунѣ самаго 14 декабря явился настоящимъ средоточіемъ всего революціоннаго дѣла, рѣшалъ и опредѣлялъ его, какъ это видно будетъ далѣе. Но его несчастіе заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что около него въ сущности былъ недостатокъ настоящимъ образомъ преданныхъ дѣлу людей, сознательно и обдуманно выполняющихъ возложенную на нихъ задачу; во-вторыхъ, онъ былъ статскій, а весь заговоръ былъ военный, почему ему и понадобился фактическій замѣститель, котораго онъ, наименовавши диктаторомъ, и поставилъ во главѣ движенія, какъ военнаго и придворнаго человѣка, пользовавшагося широкою извѣстностью въ войскѣ; но онъ не изучилъ характера того, кого онъ провозгласилъ «диктаторомъ», и это въ значительной степени погубило и весь планъ возстанія и все его выполнение. Это было третье несчастіе Рылѣева и его главнѣйшая ошибка. Князь Трубецкой не оказался на высотѣ принятой на себя по волѣ Рылѣева должности и даже въ самый нужный, критическій моментъ сталъ въ сторонѣ отъ тѣхъ, кого обязанъ былъ, согласно уговору и слову, вести противъ сильнаго врага для борьбы съ нимъ на смерть.

XIV.

Извѣстiе о смерти Александра Павловича встало членовъ «Сѣвернаго союза» совершенно врасплохъ, а наступившее междуцарствiе вызвало ихъ по необходимости къ попыткамъ осуществленiя въ той или иной формѣ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, своей намѣченной программы и съ точки зрѣнiя ея идейнаго воплощенiя (установленiя въ Россiи конституцiи) и съ точки зрѣнiя метода этого осуществленiя (вооруженнаго возстанiя). Передъ нами развертываются событiя, состоящiя въ непосредственной связи другъ съ другомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ протекающiя въ первое время независимо одни отъ другихъ, чтобы затѣмъ въ конечномъ результатѣ смѣшаться и создать тотъ политическiй моментъ, который извѣстенъ въ исторiи подъ именемъ «14 декабря 1825 года». Мы видѣли дѣйствiя двухъ представителей царствующаго дома, дѣйствiя, которыя даже молодымъ Ростовцевымъ не могли быть признаны правильными и цѣлесообразными. Въ результатѣ воля покойнаго государя должна была быть осуществлена, и упорство Николая Павловича было сломлено: онъ рѣшилъ принять наслѣдiе покойнаго брата и почти одновременно съ этимъ рѣшенiемъ узналъ, какая опасность грозитъ и ему самому, и его семьѣ, и всему государству отъ осуществленiя сего рѣшенiя. Заговоръ вполнѣ созрѣлъ, а перiодъ междуцарствiя придалъ этому заговору тотъ хъраактеръ, котораго никакъ нельзя было ожидать еще мѣсяцъ тому назадъ: заговорщики стали на сторону законнаго русскаго самодержавiя, на защиту поправныхъ правъ старшаго наслѣдника престола, Константина Павловича, и поднимались противъ новаго государя во имя того самаго стимула, ради котораго и онъ всего нѣсколько дней тому назадъ присягалъ своему брату. Видимая, внѣшняя правда въ глазахъ народа, въ глазахъ войска была на ихъ сторонѣ. Онъ—узурпаторъ державныхъ правъ, они—поборники этихъ правъ. Счастье далось «декабристамъ» само собою, случай помогъ имъ обнаружить и заявить, какъ себя, такъ и свою программу безъ всякихъ особыхъ съ ихъ стороны старанiй и напряженiя силъ. Что казалось труднымъ, загадочнымъ и неопредѣленнымъ еще въ ноябрѣ, стало реальнымъ и достижимымъ въ декабрѣ. И Николай, и Константинъ Павловичи оба въ одинаковой степени объ этомъ постарались, а загробная воля покойнаго императора какъ бы это освятила. Вспоминая тѣ дни, князь Е. Оболенскiй, членъ «Сѣвернаго общества», въ своихъ запискахъ повѣствуетъ ¹⁾, что, когда былъ провозглашенъ императоромъ Константинъ Павловичъ, вся гвардiя и всѣ верховныя власти при-

¹⁾ «Общественныя движенiя въ Россiи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонвизинъ, князь Е. П. Оболенскiй и баронъ В. И. Штейнгель. Статьи и материалы». Спб. 1905 г.

несли ему присягу. «Наканунѣ присяги всѣ наличные члены общества собрались у Рылѣва. Всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престоль, ни предпринять что либо рѣшительно въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того положено было, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго императора, дѣй-

Петръ Григорьевичъ Каховскій.

ствія общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что надолго, а, можетъ быть, навсегда отдалилось осуществленіе мечты нашей жизни! На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи отъ престола новаго императора. Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ завѣщаніе покойнаго и вѣроятное вступленіе на престоль великаго князя Николая Павловича. Тутъ все пришло въ движеніе, и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ»...

Баронъ Розенъ довольно обстоятельно рассказываетъ въ своихъ «Запискахъ»¹⁾, что именно происходило въ тѣ дни среди членовъ общества. «6 декабря я былъ назначенъ во внутренній караулъ въ Зимній дворецъ,—говоритъ онъ.—Какъ обыкновенно по праздникамъ, въ залахъ стоялъ длинный рядъ собравшихся придворныхъ и военныхъ чиновъ, чтобы привѣтствовать царскую фамилию на пути въ церковь. Было общее молчаніе, и лишь отдѣльныя группы сходились и робко перешептывались между собою. 10 декабря вечеромъ я получилъ записку отъ моего товарища по службѣ, капитана Н. П. Рѣпина. Онъ просилъ меня немедленно прійти къ нему. Было поздно. Я засталъ его одного, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ часами въ рукахъ. Въ короткихъ словахъ онъ сообщилъ мнѣ, что давно предполагаемое возстаніе вскорѣ должно осуществиться, такъ какъ представляется удобный случай для дѣйствія, и оно необходимо для предотвращенія внутренняго раздора или даже междоусобія. Разговоры и разсужденія не приведутъ къ цѣли: необходима матеріальная сила, по крайней мѣрѣ, нѣсколько баталіоновъ и пушекъ. Онъ желалъ, чтобы я содѣйствовалъ возстанію нашего 1 батальона²⁾, въ чемъ я ему рѣшительно отказалъ, такъ какъ я командовалъ въ немъ только одною ротою: можно было рассчитывать на готовность молодыхъ офицеровъ, а не на ротныхъ командировъ. Но, тѣмъ не менѣе, попытка казалась возможной и могла удаться тѣмъ легче, что, какъ утверждали, будто полковникъ А. Ф. Мюллеръ приметъ участіе съ своимъ 2 батальономъ. Въ тотъ же вечеръ я отправился съ Рѣпинымъ къ Ковдратию Рылѣеву; онъ жилъ въ домѣ «Американской компаніи», у Синяго моста. Мы застали его одного за книгой; у него болѣло горло, и потому онъ закутанъ былъ большимъ платкомъ. Въ его глазахъ и чертахъ лица выражалось одушевленіе къ великому дѣлу; его рѣчь была ясна и убѣдительна: онъ доказывалъ, что предстоящая новая присяга приведетъ солдатъ въ сомнѣніе, и этимъ легко будетъ воспользоваться для осуществленія цѣли измѣнить систему. Вскорѣ послѣ этого пришелъ Бестужевъ и Щепинъ-Ростовскій. Обмѣнявшись различными предположеніями, мы разошлись, намѣреваясь опять сойтись при первомъ случаѣ.

«11 декабря я нашелъ у Рѣпина, къ величайшему моему неудовольствію, шестнадцать молодыхъ офицеровъ нашего полка, которые толковали о настоящемъ событіи и отчасти были посвящены въ тайное предпріятіе. Мнѣ удалось отозвать хозяина въ другой конецъ, гдѣ я ему представилъ о неумѣстности столь рановавременнаго посвященія молодежи. Онъ возразилъ, что на надежность присутствующихъ, въ моментъ дѣйствія, можно рассчитывать.

¹⁾ «Записки декабриста. Матеріалъ для исторіи возмущенія 14 декабря 1825 г.»

²⁾ Финляндскаго полка.

«12 декабря я былъ въ собраніи у князя Е. П. Оболенскаго, гдѣ присутствовали члены заговора, находившіеся въ Петербургѣ. Толковали о средствахъ привести въ исполненіе задуманное предприятие. Главное начальство надъ вооруженною силою поручали князю Трубецкому, если изъ Москвы не прибудетъ своевременно болѣе опытный начальникъ. Опредѣлили собрать возставшія войска на Сенатской площади, провести туда какъ можно болѣе солдатъ и, подъ предлогомъ защиты правъ Константина, отказаться отъ повиновенія и принесенія присяги великому князю Николаю. Въ случаѣ удачи, предполагалось провозгласить престолъ упраздненнымъ и предоставить пяти членамъ временное правленіе. Въ число этихъ членовъ назначены были, между прочимъ, Н. С. Мордвиновъ и Сперанскій. При содѣйствіи государственнаго совѣта и сената, лица эти должны были управлять страной, пока депутаты, избранные отъ всего государства, не установятъ новой конституціи. Еще не знали хорошенько, сколькими батальонами или ротами или какими полками будутъ располагать. Во всякомъ случаѣ, рѣшили воспользоваться смущеніемъ, которое произведетъ между солдатами новая присяга. Какъ скоро соберется достаточное количество войскъ, предполагалось занять Зимній дворецъ и нѣкоторыя важныя мѣста: правленіе банка и почтамтъ, чтобы предотвратить всякій безпорядокъ и самовольство. Въ случаѣ недостаточности войска и неудачи предприятия, предполагалось отступить въ новгородскія военныя поселенія, гдѣ можно было держаться. Но ни одна мѣра не была опредѣлена съ точностію; на всѣ доводы и замѣчанія возражали: «для подобнаго предприятия нельзя же дѣлать пробъ, какъ для парада». Всѣ участвовавшіе въ собраніи были готовы дѣйствовать. Когда я услышалъ, что съ увѣренностью рассчитываютъ на нѣкоторые батальоны нашего полка, не зная достаточно настроенія его духа, я счелъ своею обязанностію, чтобы представить неосновательность этихъ надеждъ, обратить вниманіе на трудность и даже невозможность подобной попытки возстанія безъ всякой предварительной подготовки. «Мы имѣемъ мало видовъ на успѣхъ, но необходимо начать, необходимо сдѣлать что нибудь: начало и примѣръ принесутъ плодъ», — отвѣчали мнѣ. Я, какъ теперь, слышу, какъ усиленно напирала на то, что «необходимо начать». Говорившій былъ восторженный Кондратій Рылѣевъ, одинъ изъ представителей заговора.

«13 декабря меня посѣтили нѣсколько офицеровъ нашего полка. На ихъ вопросъ, какъ слѣдуетъ имъ себя держать, если они будутъ въ день возстанія назначены куда либо въ караулъ, я отвѣчалъ коротко и опредѣленно, что для общей безопасности они должны оставаться на своемъ посту. Какъ ни была тверда моя рѣшимость не разлучаться съ моими друзьями, но все-таки я не считалъ необходимымъ вовлекать другихъ въ сомнительную мою судьбу»....

Такова была атмосфера, среди которой заговоръ отливался въ окончательную форму, принимая видъ рѣшительнаго вооруженнаго военнаго возстанія. На статскихъ, на интеллигенцію, на народъ, повидимому, не возлагали никакихъ надеждъ; вся сила была положена въ нѣкоторой фальсификаціи воинскаго долга, гдѣ солдаты намѣренно вводились въ заблужденіе касательно настоящихъ и истинныхъ цѣлей заговорщиковъ. Ихъ звали, чтобы защитить законныя права самодержавнаго престола, имѣя, однако, въ виду нанести этому престолу рѣшительный ударъ.

Любопытно отмѣтить, что, если одни возлагали свои надежды на возможность установленія временнаго правительства, съ устраненіемъ царской семьи отъ всякой власти, то для другихъ это еще было большимъ вопросомъ. Слышались голоса, что послѣ убіенія Николая Павловича слѣдуетъ возвести на престолъ Константина, ограничивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его права конституціоннымъ режимомъ; другіе высказывались за кандидатуру малолѣтняго Александра Николаевича, третьи, наконецъ, полагали возможнымъ провозглашеніе правительницею вдовы Александра Павловича, Елисаветы Алексѣевны.

XV.

Канунъ возстанія былъ проведенъ заговорщиками у Рылѣва, собраніе было шумное, бурливое, восторженное. М. Бестужевъ описываетъ его слѣдующими яркими красками¹⁾: «Многолюдное собраніе было въ какомъ-то лихорадочно высоконастроенномъ состояніи. Тутъ слышались отчаянныя фразы, неудобно-исполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣла, за которыя многіе дорого заплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ. Чаше другихъ слышались хвастливыя возгласы Якубовича и Щепина-Ростовскаго. Первый былъ храбрый офицеръ, но хвастунъ и самъ трубилъ о своихъ подвигахъ на Кавказѣ. Но не даромъ сказано: кто про свои дѣла твердитъ всѣмъ безъ умолку, въ томъ очень мало толку, и это онъ доказалъ 14 декабря на Сенатской площади. Храбрость солдата и храбрость заговорщика — не одно и то же. Въ первомъ случаѣ — даже при неудачѣ — его ожидаютъ почетъ и награды, тогда какъ въ послѣднемъ, при удачѣ, ему предстоитъ туманная будущность, а при проигрышѣ дѣла — вѣрный позоръ и безславная смерть. Щепина-Ростовскаго, хотя онъ не былъ членомъ общества, я нарочно привелъ на это совѣщаніе, чтобъ посмотреть, не попытается ли онъ. Будучи наэлектризованъ мною, быть можетъ, чрезъ мѣру и чувствуя непреодолимую силу, влекущую его въ водоворотъ, билъ руками и ногами и ста-

¹⁾ Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I. Neue Materialien veröffentlicht und angeleitet von Theodor Schieman. Berlin. 1902.

рался какъ бы заглушить разсудокъ всплескомъ воды и брызгами, Зато какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣвъ! Онъ былъ нехорошъ собой, говорилъ просто, но не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему — на любовь къ родинѣ — фвіономія его оживлялась: черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и

Александръ Ивановичъ Якубовичъ.

тогда бывало не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшавшій туманный вопросъ: «to be or not to be», его ликъ, какъ луна блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Сутгофа, съ которымъ мы бесѣдовали, повторяя другъ другу свои завѣтныя мысли. Къ намъ подошелъ Рылѣвъ и, взявъ обѣими своими руками

руку каждого изъ насъ, сказалъ: «Миръ вамъ, люди дѣла, а не слова! Вы не бѣснуетесь, какъ Щепинъ или Якубовичъ, но увѣренъ, что сдѣлаете свое дѣло. Мы...». Я прервалъ его: «Мнѣ крайне подозрительны эти бравады и хвастливыя выходки, особенно Якубовича. Вы поручили ему поднять артиллеристовъ и Измайловскій полкъ, притти съ ними ко мнѣ и тогда уже вести всѣхъ на площадь къ сенату — повѣрь мнѣ, онъ этого не исполнить, ежели и исполнить, то промедленіе въ то время, когда энтузіазмъ солдатъ возбужденъ, можетъ повредить успѣху, если не вовсе его испортить».

«Какъ можно предполагать, чтобы храбрый кавказецъ?»...— «Но храбрость солдата не то, что храбрость заговорщика, а онъ достаточно уменъ, чтобы понять это различіе. Однимъ словомъ, я приведу полкъ, постараюсь не допустить его до присяги, а другіе полки пусть присоединяются со мной на площади». — «Солдаты твоей роты, я знаю, пойдутъ за тобою въ огонь и въ воду, но прочія роты?»—спросилъ, немного подумавъ, Рылѣвъ.— «Въ послѣдніе два дня солдаты мои усердно работали въ другихъ ротахъ, а ротные командиры дали мнѣ честное слово не останавливать своихъ солдатъ, если они пойдутъ съ моими. Ротныхъ командировъ я убѣждалъ не ходить на площадь и не увеличивать понапрасну число жертвъ».

— «А что скажете вы?» — сказалъ Рылѣвъ, обратившись къ Сутгофу.— «Повторю то же, что вамъ сказалъ Бестужевъ», — сказалъ Сутгофъ.— «Я приведу роту на площадь, когда соберется туда хоть часть войска». — «А прочія роты?» — спросилъ Рылѣвъ. — «Можетъ быть, и прочія послѣдуютъ за мною, но за нихъ я не могу ручаться». Это были послѣднія слова, которыми мы обмѣнялись на этомъ свѣтѣ съ Рылѣвымъ. Было близко полуночи, когда мы его оставили, и я спѣшилъ домой, чтобы быть готовому къ роковому завтрашнему дню и подкрѣпить ослабѣвшіе члены отъ напряженной дѣятельности хоть нѣсколькими часами сна».

Всѣ были въ нервномъ состояніи, для всѣхъ завтрашній день былъ серьезнымъ вопросомъ, громадной жизненной ставкой, гдѣ они рисковали своимъ общественнымъ положеніемъ, своей карьерой, своими семьями, своей жизнью... Энтузіазмъ, готовность къ самопожертвованію были доминирующимъ настроеніемъ, и больше всего оно чувствовалось въ Рылѣвѣ, который, несмотря на горловую болѣзнь, гордо вдохновлялся политическимъ огнемъ руководителя заговоромъ, успѣхъ котораго сулилъ счастье Россіи, какъ именно онъ понималъ и рисовалъ себѣ это счастье... Вѣрилъ ли онъ въ успѣхъ дѣла, не шевелилось ли въ душѣ его сомнѣніе въ благопріятности исхода задуманнаго восстанія? Онъ вѣрилъ, и сомнѣвался, но для него ясно было одно: надо «дерзать», всѣ шансы когда какъ бы были на сторонѣ заговорщиковъ—наивное невѣдѣніе полици, неподготовленность врага къ удару, несмотря на доносъ Ростовцева,

непопулярность новаго императора въ войскахъ, а главное кажущаяся несправедливость и беззаконіе его дѣйствій. Какими силами можно располагать на завтрашній день, объ этомъ серьезно не говорили, это было не существеннымъ вопросомъ, все основывалось на психологіи момента, на извѣстномъ гипнозѣ, гдѣ одни вдохновенныя части войска должны были заразить собою спокойныя и индифферентныя, не имѣющія особеннаго основанія лечь животами за непопулярнаго молодого царя-самозванца, отнявшаго престоль у своего брата; кромѣ того, онъ вѣрилъ и въ агитаціонныя практическіе приемы: общаніе солдатамъ уменьшенія срока службы въ случаѣ ихъ вѣрности законному царю Константину, т.-е. такой посулъ, къ которому его противникъ не рѣшится обратиться. И вотъ, усиленно расхаживая по улицамъ, онъ останавливаетъ солдатъ и общается имъ, въ случаѣ успѣха, именно это такъ давно облюбованное и справедливое сокращеніе «царской службы», тяжесть которой давила войска непомернымъ спудомъ. Агитаторъ былъ на высотѣ призванія, организаторъ ниже критики: все общее было подогрѣто энтузіазмомъ, все единичное, реальное и практическое очень слабо обдуманно и распланировано. Но если заговорщики и ихъ вдохновитель оказались слабыми съ этой стороны, то не меньшей слабостью отличалось и вражеское правительство. Милорадовичъ убѣжденно говорилъ, что въ городѣ все благополучно, несмотря на то, что агенты полиціи докладывали о сборищахъ у Рыльева. Но эти сборища были отнесены генераль-губернаторомъ къ числу литературныхъ собраній въ редакціи «Полярная Звѣзда», и въ этихъ соображеніяхъ распорядитель полицейскими судьбами столицы находилъ себѣ достаточное успокоеніе. Не проявилъ себя ни въ чемъ, ни однимъ словомъ, ни однимъ дѣйствіемъ и грозный военный министръ Александра I, когда-то всесильный Аракчеевъ. Онъ, въ чемъ вѣдѣніи именно находились войска, стоялъ передъ грознымъ движеніемъ въ этихъ войскахъ съ закрытыми глазами; не то смерть его «благодѣтеля» отшибла у него всякую способность къ дѣятельности, не то путаница послѣдующихъ событій въ нѣдрахъ самой царской семьи играла тутъ роль, а, можетъ быть, и тяжелая дума о своемъ будущемъ послѣ столь громкаго прошлаго сковывала его мозгъ и силы. А тутъ еще боль сердечной раны, свѣжей и ноющей, отъ воспоминаній о кровавомъ происшествіи въ Грузинѣ, гдѣ жертвою дворовой черни явилось дорогое ему существо... Аракчеевъ въ исходѣ 1825 года не тотъ, что Аракчеевъ 1812 года и послѣдующихъ годовъ; событія его надломили, и день 14 декабря былъ роковымъ днемъ его жизни: волна декабрьскаго возмущенія смела его съ активной арены русской государственной жизни.

Молодой государь былъ предоставленъ самому себѣ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что «всѣ мѣры приняты», какъ онъ

о томъ и объявилъ Ростовцеву на прощаніе. Однако же на самомъ дѣлѣ ни гражданскими, ни военными властями ни одна рѣшительная мѣра принята не была. Ни манифестъ о восшествіи на престолъ новаго императора не былъ отпечатанъ въ должномъ количествѣ, ни сдѣлано распоряженія о своевременномъ прочтеніи его въ церквахъ народу, ни обыватели столицы ни о чемъ не предупреждены. Не было должныхъ распоряженій и по войскамъ, въ отношеніи усиленія карауловъ, укрѣпленія ими дворца и правительственныхъ учрежденій, а главное крѣпости, не дано никакого приказа о приведеніи на всякій случай опредѣленныхъ воинскихъ частей въ должный порядокъ. Когда наступилъ моментъ необходимости отпора митейникамъ, кавалерія явилась на Сенатскую площадь неподкованною по времени года, съ неотточеннымъ оружіемъ, артиллерія прибыла безъ зарядныхъ ящиковъ и безъ ядеръ; присутственныя мѣста оказались безъ защиты и даже самый Зимній дворецъ съ очень слабымъ карауломъ и съ недостаточными распоряженіями по части караульной службы и смѣны карауловъ. Печать небрежности и халатности царица на все, и только нераспорядительность и неорганизованность революціонныхъ силъ помѣшала имъ использовать цѣлесообразно слабость своихъ противниковъ. Все было имъ открыто, даже личность государя въ день 14 декабря была чуть ли не въ ихъ распоряженіи для захвата или убіенія, но они не совладали съ дававшимся въ ихъ руки счастьемъ, не сумѣли воспользоваться и выгодною своего положенія. Обѣ враждебныя стороны въ утро «рокового дня» стояли другъ передъ другомъ, въ сущности совсѣмъ не готовыми къ борьбѣ, но готовыми только къ смерти. Если на шумныхъ собраніяхъ у Рылѣева раздавались восторженные голоса о своей готовности къ гибели ради счастья Россіи, то и Николай Павловичъ рано утромъ 14 декабря твердо заявилъ присутствовавшему при его туалетѣ генералъ-адъютанту Бенкендорфу: «Сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обонхъ не будетъ болѣе на свѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ». Декабристы и особенно Рылѣевъ уповали въ успѣхъ своего предпріятія на вдохновенное дерзновеніе, Николай Павловичъ всю свою вѣру полагалъ въ силу законности и выполненія долга. Подданные повинуются своему государю, войско вѣрно присягъ и послушно своему начальству,—такова его вѣра, съ которой онъ шелъ навстрѣчу грозившей ему опасности. Пригласивъ къ себѣ наканунѣ генерала Воинова, онъ далъ ему распоряженіе, чтобы вмѣстѣ съ гражданскими чинами на слѣдующій день явились во дворецъ всѣ генералы и полковые командиры гвардейскаго корпуса. Государь намѣренъ былъ лично объяснить имъ весь ходъ дѣла по вопросу о престолонаслѣдіи, съ тѣмъ, чтобы они въ свою очередь ясно растолковали все своимъ подчиненнымъ, «дабы не было предлога къ беспорядкамъ».

XVI.

Наступило сѣрое «роковое» утро 14 декабря, и, какъ и можно было ожидать, событія дворцовой и революціонной категоріи развернулись въ естественной постепенности. Новый государь съ 7 часовъ утра уже былъ на ногахъ и принималъ доклады о принесенной присягѣ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ, а декабристы тѣмъ временемъ агитировали въ ротахъ и батальонахъ, строили ихъ въ боевой порядокъ и выводили на Сенатскую площадь на защиту естественныхъ и законныхъ правъ Константина. Сюда же начали съѣзжаться, съ одной стороны, чины, имѣющіе пріѣздъ ко дворцу, къ назначенному здѣсь въ 11 часовъ молебну, а съ другой— сюда же текли и волны народа, возбужденнаго любопытствомъ ожидаемаго зрѣлища. Первое тревожное извѣстіе о неурядицахъ въ войскѣ было привезено Николаю Сухозанетомъ, сообщившимъ о движеніи въ конно-артиллеріи; вслѣдъ за симъ прибылъ Нейдгардтъ съ тревожнымъ докладомъ о настоящемъ уже возмущеніи всего Московскаго полка, о нанесеніи ранъ Фредериксу и Шеншину въ кавармахъ полка и о движеніи москвичей къ сенату и дворцу.

Сигналъ къ возстанію былъ поданъ, войско находилось въ броженіи, кровь уже пролита... Вотъ какъ описываетъ самъ Николай Павловичъ¹⁾ первые моменты начала борьбы съ революціей, по полученіи извѣстія о бунтѣ Московскаго полка. «Меня вѣсть сія поразила, какъ громомъ, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семь первомъ послушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасался, но, зная существованіе заговора, узналъ въ семь первое доказательство. Разрѣшивъ первому батальону преображенцевъ выходить, я дозволилъ Конной гвардіи сѣдлать, но не выѣзжать, и къ нимъ отправилъ генерала Нейдгардта, пославъ въ то же время генераль-майора Стрекалова, дежурнаго при мнѣ, въ преображенскій батальонъ для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать, и перекрестясь отдался въ руки Божіи, рѣшилъ самъ итти, гдѣ опасность угрожала.

«Но должно было отъ всѣхъ скрыть настоящее положеніе наше и въ особенности отъ матушки, и, зайдя къ женѣ, сказалъ: «Il y a du bruit au régiment de Moscou, je veux y aller». Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира Кавалергардскаго полка, графа Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ и Воинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска, ему ввѣренныя, вышли изъ повиновенія. За мною шелъ генераль-адъютантъ Куту-

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Николай I, его жизнь и царствованіе».

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1906 г., т. ош.

зовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-я стрѣлковая рота лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, подъ командою капитана Прибытковъ; послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отъ чего сіе было, и что по точной волѣ на сіе брата Константина Павловича, получилъ въ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: «Рябята московскіе шалаятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами», велѣлъ зарядить ружья и самъ скомандовалъ: «дивизионъ впередъ, скорымъ шагомъ, маршъ», повелъ отрядъ лѣвымъ плечомъ впередъ къ главнымъ воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ, и налицо была только остальная часть людей.

«Съѣздъ ко дворцу уже начинался, и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперекъ воротъ, обратился я къ народу, который, меня увидя, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать «ура». Махнувъ рукой, я просилъ, чтобы мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ и, сказавъ: «*Cela va mal, ils marchent au sénat, mais je vais leur parler*», ушелъ, и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ.

«Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ въ голову самому его читать; у кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое его слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ меня поддерживалъ.

«Наконецъ, Стрекаловъ извѣстилъ меня, что преображенскій первый батальонъ готовъ; приказавъ коменданту, генераль-адъютанту Башуцкому, остаться при гауптвахтѣ и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ батальону, стоявшему спиной къ комендантскому подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерциргаузу; батальономъ командовалъ полковникъ Микулинъ, а полковой командиръ, генераль-майоръ Исленьевъ, былъ при батальонѣ. Батальонъ мнѣ отдалъ честь, я прошелъ по фронту и спросивъ, готовы ли итти за мной, куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое: ради стараться!—минута единственная въ моей жизни; никакая кисть не изобразить стройную, почтенную и спокойную наружность сего именно перваго батальона въ свѣтѣ въ столь критическую минуту. Скомандовавъ по-тогдашнему: «къ атакѣ въ колонну, первый и восьмой вводы вполоборота

налѣво и направо», повелъ я батальонъ лѣвымъ плечомъ впередъ, мимо заборовъ тогда достраивавшагося дома министра финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, къ углу Адмиралтейскаго бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ батальону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши; въ то же время замѣтилъ я около дома главнаго штаба полковника князя Трубецкого...

«Зарядивъ ружья, пошли мы впередъ; тогда со мною были генераль-адъютантъ Кутузовъ, флигель-адъютантъ Дурновъ, Стрекаловъ и адъютанты мои Перовскій и Адлербергъ. Адъютанта моего Кавелина послалъ я въ Конную гвардію съ приказаніемъ выѣзжать на площадь.

«Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы, и вслѣдъ за симъ прибѣжалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ Голицынъ, генеральнаго штаба, съ извѣстіемъ, что графъ Милорадовичъ смертельно раненъ. Народъ прибывалъ со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги баталіона и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще Конной гвардіи, я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ стараго рейткнехта изъ Конной гвардіи, Ландырева, съ тѣмъ, чтобы полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы: «ура, Константинъ!»—на площади противъ сената, и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не пропускала.

«Въ сіе время замѣтилъ я влѣво отъ себя офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, у котораго чернымъ обязана голова, огромные черные глаза и усы, а вся наружность имѣла что-то особенно отвратительное; подозвавъ его къ себѣ, узналъ, что онъ—Якубовичъ; но не зналъ, съ какою цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, что онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: «Я былъ съ ними, но, услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ». Я взялъ его за руку и сказалъ: «Спасибо, вы вашъ долгъ знаете».

«Отъ него узнали мы, что Московскій полкъ весь участвуетъ въ бунтѣ, и что съ ними слѣдовалъ онъ по Гороховой, гдѣ отъ нихъ отсталъ. Но послѣ уже узнано было, что настоящее его намѣреніе было подъ сею личиною узнавать, что среди насъ дѣлалось, и дѣйствовать по удобности.

«Въ это время генераль-адъютантъ Орловъ привелъ всю Конную гвардію, обогнувъ Исакіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между онымъ и зданіемъ военнаго министерства, что тогда было домою князя Лобанова: полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому».

Вотъ они, главнѣйшіе моменты начала дѣйствій: Николай I самъ единолично поправляетъ ошибки своихъ подчиненныхъ, овладѣваетъ ходомъ событій и съ большою умѣlostью стягиваетъ вокругъ себя нужныя ему силы. Онъ готовъ къ отпору, когда еще

даже не собрались всё его враги, его «amis du quatorze», как онъ ихъ впоследствии именовалъ. Но что же дѣлали они, гдѣ были ихъ вожаки, ихъ дѣйствующіе ряды? Мы видѣли, что Якубовичъ не сумѣлъ или не рѣшился выполнить то, о чемъ онъ такъ громко въ теченіе цѣлаго полугода кричалъ — его рука не поднялась на молодого государя, и онъ ограничился лишь довольно пассивною ролью лазутчика. Князь Трубецкой тоже не былъ въ рядахъ возставшихъ — онъ оставался въ сторонѣ: его диктаторство оказалось миеомъ. Онъ не явился, какъ было условлено наканунѣ, на Сенатскую площадь и не принялъ начальства надъ ожидавшими его войсками. Слабость характера и нерѣшительность сыграли тутъ рѣшающую роль; мало того, когда его еще вчерашніе друзья и единомышленники смѣло выставили свои груди подъ выстрѣлы правительственныхъ войскъ, онъ торопился принять въ главномъ штабѣ присягу императору Николаю I. Въ слѣдственной комиссіи онъ призналъ себя, однако, главнымъ и единственнымъ виновникомъ всѣхъ происшествій 14 декабря и несчастной участи своихъ сотоварищей, «коихъ вовлекъ въ преступленіе и примѣромъ и словами, потому что, если бы онъ рѣшительно участвовать отказался, то никто бы не начиналъ». Эти слова находятъ подтвержденіе и въ удостовѣреніи А. Бестужева, заявившаго также, что поведеніе Трубецкого имѣло рѣшающее вліяніе на офицеровъ и солдатъ, собравшихся на площади, «ибо съ маленькими эполетами и безъ имени никто принять команду не рѣшался». Трубецкой еще присовокуплялъ къ своему показанію, что «если бы онъ разъ вошелъ въ толпу мятежниковъ, то могъ бы сдѣлаться истиннымъ исчадіемъ ада, какимъ нибудь Робеспьеромъ или Маратомъ, почему въ раскаяніи благодарить Бога, что на площадь не явился».

Итакъ, officialный вождь возстанія, «диктаторъ», къ имени котораго Рылѣвъ энергично приковывалъ революціонныя силы, и именемъ котораго онъ еще наканунѣ смѣло распоряжался, измѣнилъ дѣлу въ самомъ его началѣ: вооруженное сопротивленіе осталось безъ руководителя и главы. Получилось наличіе неправильно организованныхъ военныхъ силъ и нестройная, случайная толпа, дѣйствующая въ разбродъ, безъ толку и плана, а главное безъ авторитетнаго руководства. Братья Бестужевы привели дѣйствительно во-время на площадь большую часть нижнихъ чиновъ Московскаго полка; Якубовичъ не исполнилъ даннаго слова и не далъ себѣ даже труда привлечь сюда артиллерію и измайловцевъ, отговариваясь тѣмъ, что предпріятіе безумно, и что онъ лучше другихъ «знаетъ русскаго солдата». Черезъ часъ, по прибытіи на мѣсто москвичей, къ нимъ присоединился весь батальонъ гвардейскаго экипажа, приведенный М. Бестужевымъ и Кюхельбекеромъ, но въ забывчивости и второпяхъ они забыли захватить съ собою приготовленные въ арсеналѣ пушки.

Вскорѣ къ нимъ прибыла новая помощь въ лицѣ трехъ ротъ лейбъ-гренадеровъ, подъ предводительствомъ поручика Сутгофа, адъютанта Н. Панова и подпоручика Кожевникова. Эти роты, не предводительствуемыя никѣмъ изъ опытныхъ лицъ, бѣглымъ шагомъ перебѣжали Неву (въ этотъ часъ они свободно могли захватить крѣпость, и тогда, конечно, дальнѣйшій ходъ событій былъ бы иной, но объ этомъ не догадались!) и двинулись во внутренній дворъ Зимняго дворца, гдѣ надѣялись найти товарищей. вмѣсто того, они встрѣтили гвардейскій саперный баталіонъ, преданный Николаю. Увидавъ, что они не туда попали, они вмѣсто того, чтобы овладѣть Зимнимъ дворцомъ (моментъ тоже въ высшей степени опасный для правительства и семьи государя!), съ криками: «это не изъ нашихъ!» ушли со двора и поспѣшили присоединиться къ Московскому полку. По дорогѣ, у адмиралтейскаго бульвара они встрѣтились съ самимъ государемъ, который спросилъ ихъ: «куда? если за меня, то поворачивайте направо, а если нѣтъ, то ступайте налево!» Какой-то голосъ крикнулъ «налево», и вся масса отхлынула отъ царя и въ беспорядкѣ поспѣшила на Исаакіевскую площадь. Весь кадръ революціонныхъ силъ собрался и составилъ всего 2.000 слишкомъ человекъ. Правда, къ нимъ еще явились депутаты отъ морского корпуса съ предложеніемъ своихъ услугъ и помощи, но участіе въ предстоявшей бойнѣ молодежи было благо-разумно отклонено, и такимъ образомъ все наличіе революціонныхъ силъ опредѣлилось при сказанномъ выше числѣ изъ трехъ разрозненныхъ войсковыхъ частей, не объединенныхъ притомъ общимъ начальствованіемъ и безъ участія достаточнаго количества старшихъ и авторитетныхъ офицеровъ.

XVII.

«Въ рядахъ мятежниковъ находилось уже болѣе 2.000 человекъ,—передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Розенъ ¹⁾.— При сосредоточеніи команды или управленія и съ помощью массы собравшагося народа, готоваго къ содѣйствію, благоприятный исходъ возстанія былъ возможенъ, тѣмъ болѣе, что противная партія колебалась, и многіе полки, собравшіеся около императора, готовились присоединиться къ мятежникамъ. Но возставшіе положительно не имѣли дѣйствительнаго предводителя, и солдаты должны были стоять безъ дѣйствія, при десятиградусномъ, рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, въ теченіе цѣлыхъ часовъ, въ однихъ мундирахъ. Избраннаго диктатора, князя Трубецкаго, нельзя было найти. Назначенный ему помощникъ также не былъ на опредѣленномъ мѣстѣ, хотя

¹⁾ «Записки декабриста». Матеріалъ для исторіи возмущенія 14 декабря 1825 г. и участниковъ его.

и былъ на площади. Предводительство предложили полковнику Булатову, но онъ отказался. Потомъ предложили командованіе Бестужеву I, но и онъ отказался, потому что былъ флотскимъ капитаномъ и не зналъ пѣхотной службы. Наконецъ обратились къ князю Е. П. Оболенскому, который не былъ тактикомъ, но солдаты его знали и любили. Господствовала совершенная анархія; такъ какъ диктатора не было, то и не существовало никакихъ распоряженій—всѣ командовали и кричали въ беспорядкѣ»...

Душа заговора, вдохновитель заговорщиковъ, Рыдѣвъ, конечно, по своему положенію статскаго среди военныхъ, былъ обреченъ въ сущности на бездѣйствіе. Онъ явился на площадь и, по показанію Н. Бестужева, приведшаго гвардейскій экипажъ, привѣтствовалъ его «первымъ цѣлованіемъ свободы», при чемъ все въ томъ же восторженномъ тонѣ заявилъ: «предсказаніе наше сбывается: послѣднія наши минуты близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою!» Но отдать своей жизни ему не пришлось въ рядахъ борцовъ: на его долю выпала необходимость сначала разыскивать поставленнаго имъ диктатора, а потомъ развѣзжать по казармамъ и карауламъ, чтобы собрать на площадь больше силъ, но и эти старанія его, по большей части, оставались тщетными, и только три гренадерскія роты подъ его воздействием успѣли на выручку товарищей. Этими дѣйствіями ограничилась вся его роль въ тотъ роковой и столь ожидаемый имъ день.

Главными дѣйствующими и руководящими лицами на Сенатской площади были братья Бестужевы, Щепинъ-Ростовскій, Пущинъ, Каховскій, Кюхельбекеръ, князь Оболенскій, Булатовъ. Нанести смертельнаго удара Николаю Павловичу, хотя къ тому, какъ мы видѣли, представлялась нѣсколько разъ легкая возможность, имъ не удалось. Главный моментъ ихъ активнаго дѣйствія вынесъ на себѣ легкомысленный, какъ администраторъ, но лично храбрый, графъ Милорадовичъ, смертельно раненый выстрѣломъ изъ пистолета Каховскимъ. Это была, пожалуй, ихъ единственная побѣда, единственный кровавый трофей... Перейти въ наступленіе по безтолковости всей организаціи они не были въ состояніи; пока они строились въ разныя карре и удачно отбивали кавалерійскія атаки, Николай успѣлъ сосредоточить противъ нихъ достаточно силъ, отрѣзать имъ пути отступленія въ центры города и дожидаться, наконецъ, привоза артиллеріи. Къ боевому огню онъ не сразу рѣшился обратиться, и часы томительнаго ожиданія, самые опасные въ его положеніи часы, протекали на площади среди общаго хаоса и беспорядка. Обороняющіеся беспорядочно стрѣляли въ неудачно по случаю гололедицы наступающую кавалерію, народъ швырялъ въ послѣднюю дровами и камнями, швырялъ съ площади, изъ-за заборовъ, съ сенатской крыши, понося вмѣстѣ съ тѣмъ правитель-

ственные войска бранью и руганью. Николай Павловичъ сдѣлалъ попытку и мирнаго уговора мятежныхъ войскъ чрезъ посредство митрополита. Въ прошломъ, 1905, году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (№ 1) былъ напечатанъ очень характерный разсказъ дьякона Прохора Иванова, обрисовывающій этотъ моментъ обращенія митрополита Серафима къ революціонному войску со всѣми послѣдствіями этого обращенія, и повторяютъ черезъ годъ снова разсказъ, еще свѣжій въ памяти читателей, не стоитъ.

«Наконецъ наступили сумерки. Декабрьскій день коротокъ, и около трехъ часовъ было уже темно,—продолжаетъ въ своихъ «Запискахъ» баронъ Розень,—нѣтъ сомнѣнія, въ сумерки народъ трудно было отгонять отъ мятежниковъ, и онъ воротился бы къ намъ; но ему не дали одуматься. Говорятъ, что графъ Толль, при наступленіи сумерекъ, приблизился къ императору и сказалъ ему: «ваше величество, прикажите очистить площадь пушками или откажитесь отъ престола». Первый выстрѣлъ былъ холостой, а второй и третій съ ядрами, изъ которыхъ одно засѣло въ зданіи сената, а другое полетѣло черезъ Неву, по направленію къ академіи. На эти выстрѣлы мятежники отвѣчали громкимъ «ура»; затѣмъ пушки зарядили картечью; полковникъ Нестеровскій прицѣлился прямо въ карре; канониръ перекрестился, затѣмъ скомандовалъ самъ императоръ, и капитанъ М. Бакунинъ взялъ фитиль изъ рукъ солдата. Чрезъ мгновеніе послѣ этого въ карре посыпалась картечь; мятежники бросились въ Галерную улицу и черезъ Неву въ академію; пушки повезли къ Галерной улицѣ и къ берегу Невы и отсюда стали стрѣлять картечью, вслѣдствіе чего безцѣльно увеличили число убитыхъ, виновныхъ и невинныхъ солдатъ и случайно присутствовавшихъ зрителей. Три солдата Московскаго полка, подъ предводительствомъ М. Бестужева 3, бросились къ берегу Невы и ихъ преслѣдовали картечью. На Невѣ Бестужевъ хотѣлъ собрать бѣгущихъ солдатъ, но тогда съ Исакиевского моста бросили ядра, которыя пробили ледъ, такъ что многіе солдаты утонули. Не будь этого обстоятельства, Бестужевъ могъ бы завладѣть Петропавловскою крѣпостью. Гвардейскій экипажъ, лейбъ-гренадеры и часть Московскаго полка бросились въ Галерную улицу, гдѣ ихъ преслѣдовали пушками и въ тѣсной улицѣ многихъ убили.

«Странно, удивительно, что изъ моихъ товарищей по несчастію, компрометированныхъ офицеровъ, никто не былъ убитъ и раненъ; у многихъ шинели и шубы были пробиты пулями, въ баталіонѣ гвардейскаго экипажа пали цѣлые ряды солдатъ, а офицеры остались невредимы. Всѣ бросились бѣжать по означеннымъ двумъ направленіямъ; лишь одинъ офицеръ остался на площади, подошелъ къ генералу Мартынову и черезъ него передалъ великому князю Михайлу свою шпагу; это былъ М. К. Кюхельбекеръ, лейтенантъ гвардейскаго экипажа».

Сенатская площадь опустѣла, нижніе чины, по большей части, разсѣянные и безъ предводительства офицеровъ столпились на Васильевскомъ острову, а руководители заговора разбрелись, кто по своимъ квартирамъ, кто пытался гдѣ нибудь укрыться, кто мечталъ и даже дѣлалъ шаги къ побѣгу. Солдаты сдались, принесли повинную, принесли присягу... Начались розыски главарей военного возстанія, нѣкоторые явились и лично передали себя въ руки правительства. Мятежъ былъ подавленъ: декабрьская борьба за конституцію кончилась поражениемъ конституціоналистовъ, и самодержавіе сына Павла Петровича восторжествовало. Встрѣтившись на допросѣ съ княземъ Трубецкимъ, генераль-лейтенантъ Левашевъ сказалъ ему: «Ah, mon prince! Vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans». Такого же мнѣнія были и многіе другіе современники, такъ графъ Сологубъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» писалъ: «По мнѣнію людей, просвѣщенныхъ и искренно преданныхъ своей родинѣ... это возстаніе затормозило на десятки лѣтъ развитіе Россіи, несмотря на полныя благородства и самоотверженія характеры заговорщиковъ».

Оставалось еще ждать, какъ откликнутся событія междуцарствія и измѣненія въ порядкѣ престолонаслѣдія въ Москвѣ; тамъ было немало членовъ «Сѣвернаго общества», состоявшихъ въ постоянныхъ и прямыхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ и съ «Южнымъ обществомъ». Какъ сообщаетъ И. Д. Якушкинъ¹⁾, московскіе заговорщики собирались часто на совѣщанія въ тѣ дни, «были очень одушевлены и какъ будто ожидали чего-то торжественнаго и рѣшительнаго». Когда пришло извѣстіе, что въ Петербургѣ постановили «не присягать и не допускать гвардейскіе полки до присяги», то и москвичи пришли къ рѣшенію поддержать своихъ петербургскихъ единомышленниковъ и поднять вооруженное возстаніе и въ первопрестольной. «Я предложилъ Фонвизину ѣхать... домой, надѣть свой генеральскій мундиръ, потомъ отправиться въ Хамовническія казармы и поднять войска, въ нихъ квартируюція, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Митькову я предложилъ ѣхать вмѣстѣ со мной къ полковнику Гурко, начальнику штаба 5 корпуса... Я съ нимъ былъ довольно хорошо знакомъ еще въ Семеновскомъ полку и зналъ, что онъ принадлежалъ къ «Союзу благоденствія». Можно было надѣяться уговорить Гурко дѣйствовать вмѣстѣ съ нами. Тогда при отрядѣ войскъ, выведенныхъ Фонвинымъ, въ эту же ночь мы арестовали бы корпуснаго командира, графа Толстого, и градоначальника московскаго, князя Голицына, а потомъ и другія лица, которыя могли бы противодѣйствовать возстанію. Алексѣй Шереметевъ, какъ адъютантъ Толстого, долженъ былъ ѣхать къ полкамъ, квартирующимъ въ окрестностяхъ Москвы,

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина. М. 1905.

и приказать имъ именовъ корпуснаго командира итти въ Москву. На походѣ Шереметевъ, полковникъ Нарышкинъ и нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ старомъ Семеновскомъ полку, должны были приготовить войска къ возстанію, и можно было надѣяться, что, пришедши въ Москву, они присоединились бы къ войскамъ, уже возставшимъ. На другой день мы непременно должны были получить извѣстіе о томъ, что совершилось въ Петербургѣ. Если бы предпріятіе петербургскихъ членовъ удалось, то мы нашимъ содѣйствіемъ въ Москвѣ дополнили бы ихъ успѣхъ; въ случаѣ же неудачи въ Петербургѣ мы нашей попыткой въ Москвѣ заключили бы наше поприще, исполнивъ свои обязанности до конца и къ тайному обществу и къ своимъ товарищамъ».

Этотъ планъ несомнѣнно былъ также фантастиченъ, но заговорщикамъ не пришлось даже дѣлать малѣйшей попытки къ его осуществленію. Пришло извѣстіе изъ Петербурга о результатахъ дня 14 декабря, и въ первый моментъ на сцену выступила идея попробовать убить новаго царя и освободить арестованныхъ. Съ этими курьезными предложеніями выступилъ Мухановъ; для этой цѣли онъ, по свидѣтельству Якушкина, «находилъ удобнымъ сдѣлать въ эфесѣ шпаги очень маленькій пистолетъ и на выходѣ, нагнувъ шпагу, выстрѣлить въ императора. Предложеніе самаго предпріятія и способъ привести его въ исполненіе были такъ безумны, что присутствующіе слушали Муханова молча и безъ малѣйшаго возраженія. Въ вечеръ этотъ у Миткова собрались въ послѣдній разъ на совѣщаніе нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, существовавшаго почти 10 лѣтъ». Вскорѣ московскіе члены этого общества были поочередно арестованы, отвезены въ Петербургъ и приобщены къ слѣдствію, назначенному надъ всѣми «декабристами» вкупѣ.

XVIII.

Событія въ «Южномъ обществѣ» начали протекать и выясняться еще до 14 декабря. Независимо отъ происшествій въ столицѣ, на основаніи имѣвшихся указаній Майбороды, наканунѣ Петербургскаго мятежа, былъ арестованъ Пестель. Командующій 2-й арміей, гр. Витгенштейнъ, поручилъ слѣдствіе надъ нимъ генералъ-адъютантамъ Чернышеву и Киселеву, но на всѣ вопросы Пестель отвѣчалъ полнымъ незнаніемъ, и только, когда онъ былъ доставленъ въ Петербургъ, и здѣсь онъ узналъ объ арестѣ единомышленниковъ и о событіи 14 декабря, онъ сталъ откровеннымъ и во всемъ признался.

Осиротѣвшее безъ него «Южное общество» въ теченіе почти двѣнадцати дней не проявляло никакихъ признаковъ жизни и находилось какъ бы надъ гнетомъ ареста своего главы. Но вотъ 25 декабря прибыли извѣстія о Петербургскомъ бунтѣ на Сенатской пло-

щадя, о его результатахъ и арестахъ единомышленниковъ. Это извѣстіе, а также полученіе приказа изъ штаба арміи объ арестованіи Сергѣя Муравьева-Апостола были толчкомъ, которой вызвалъ членовъ общества къ дѣятельности. Рѣшено было поднять военное восстаніе, поднять здѣшніе полки во имя «свободы». Дѣйствительно, часть войска удалось взбунтовать, во главѣ стали Муравьевъ и Бестужевъ, но большая часть полковъ осталась вѣ агитаціи и двинулась противъ мятежниковъ. Произошла схватка у Бѣлой Церкви, и съ первыми же ударами артиллерійской картечи восстаніе было подавлено, главные дѣйствующія лица схвачены, закованы и также доставлены въ Петербургъ, гдѣ такимъ образомъ состоялось слѣдствіе и разборъ одновременно двухъ дѣлъ, какъ однороднаго дѣлага—о «Сѣверномъ» и «Южномъ» обществѣ.

Въ рукахъ правительства Николая I сосредоточились такимъ образомъ нити долготѣнаго и обширнаго политическаго заговора, съ массою въ немъ дѣйствующихъ и участвующихъ лицъ, съ разными программами и способами дѣйствій. «Декабристы» далеко не всѣ были скрытны и устойчивы въ своихъ показаніяхъ; многіе выдавали другихъ головой, даже безъ достаточнаго для того основанія и къ общему дѣлу приплетали свои личные счеты; однихъ слѣдователи взяли угрозами, застращиваніями, другіе все сами охотно повѣдали, въ надеждѣ на обѣщанное имъ великодушіе молодого императора и находясь подъ нѣкоторымъ его личнымъ гипнозомъ, какъ человѣка, какъ рыцаря своего слова, въ коемъ, однако, пришлось многимъ разочароваться. Суда, правительнаго короннаго суда, какъ бы его ни разглядывать надъ нашимъ современнымъ угломъ зрѣнія, надъ ними произведено не было. Было лишь пристрастное слѣдствіе, вопросные и отвѣтные пункты, разные показанія, часто противорѣчивыя и пристрастныя, часто несправедливыя и непровѣренныя, но они, тѣмъ не менѣе, послужили единственной канвой, по которой «Верховный уголовный судъ» надъ преступниками вынесъ свою жестокою резолюцію, которая, нѣсколько смягченная въ своихъ крайностяхъ, заслужила высочайшей конфирмаціи. Баронъ Розень въ своихъ «Запискахъ» такъ характеризуетъ дѣйствія слѣдственнаго комитета: «Припоминается,—говоритъ онъ,— какъ содержались по этому дѣлу преступники въ крѣпости, ихъ казематы; надѣвали наручники, кандалы, на нѣкоторыхъ то и другое одновременно, уменьшали пищу, безпрестанно тревожили сонъ ихъ, отнимали послѣдній слабый свѣтъ, проникавшій чрезъ амбразуру крѣпостной стѣны въ окошечко съ рѣшеткою частаго переплета желѣзныхъ пластинокъ, и согласитесь, что эти мѣры стоили испанскаго сапога британскаго короля Іакова II и всѣхъ прочихъ орудій пытки»...

Даже біографъ Николая Павловича, покойный Н. К. Шильдеръ, избѣгавшій въ своихъ работахъ всякихъ рѣзкихъ приговоровъ и

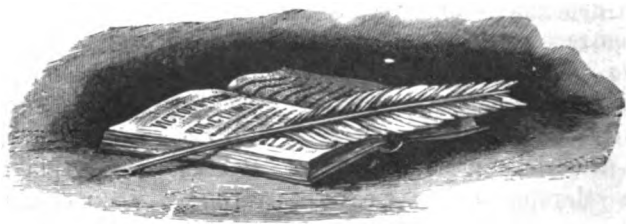
выводовъ, произносить надъ судьбищемъ декабристовъ слѣдующій приговоръ: «не подлежатъ сомнѣнію, что разслѣдованіе о злоумышленномъ обществѣ могло быть ведено даже и въ XIX столѣтіи согласно стариннымъ русскимъ преданіямъ, усвоеннымъ при введеніи прежнихъ, печальной памяти, политическихъ процессовъ, въ лицахъ же, которыя охотно приступили бы къ выполненію подобной задачи, конечно, не было недостатка. Мы уже упоминали о томъ, насколько возрадовались среди петербургскаго общества, когда стало извѣстнымъ, что государь не поручилъ веденія этого дѣла графу Аракчееву и Клейнмихелю. Но затѣмъ, хотя въ слѣдственной комиссіи и не было ни одной злой души, однако всѣ несовершенства нашей тогдашней судебной практики выказались въ полной мѣрѣ, какъ во время предварительнаго слѣдствія, такъ засѣданій учрежденнаго впоследствии верховнаго уголовного суда. Сказаннаго довольно: покроемъ завѣсою эти печальныя страницы нашего прошлаго».

Согласно окончательному рѣшенію Николая Павловича, пятеро главѣйшихъ дѣятелей «борьбы за конституцію» были приговорены къ повѣшенію. Казнь Пестеля, Рылѣва Каховскаго, Сергѣя Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина уже была подробно описана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1904 г., №) со словъ очевидца этой казни. Остальные декабристы, по большей части, были по разнымъ категоріямъ сосланы въ Сибирь, другіе заточены въ крѣпости, а третьи разжалованы въ солдаты съ ссылкой въ дальніе гарнизоны. 13-го іюля 1826 г. была совершена казнь знаменитыхъ «пятерыхъ», а 14 іюля на Сенатской площади, какъ равно и по всей Россіи, было отслужено молебствіе, «какъ бы въ очищеніе этого мѣста отъ посрамившихъ его злодѣяній и вмѣстѣ поминовеніе павшихъ 14 декабря жертвъ чести и своего долга».

Дѣло «декабристовъ» было ликвидировано, и у вопроса о русской конституціи поставлена рѣшительная точка. Началась новая эпоха, извѣстная подъ именемъ «эпохи Николая», эпоха мрачная и жестокая, гдѣ все было принесено въ жертву интересамъ военно-бюрократической государственности съ ея нерусскимъ характеромъ по существу и лже-національной окраской повидимости. «Борьба съ революціей», гдѣ бы симптомы ея ни проявились, стала доминирующей заботой правительства, при чемъ подъ понятіе «революціи» подводилось все, что отзывалось свободой и волей. Россія вся въ цѣльномъ составѣ закована была въ кандалы невыносимой опеки и дисциплины, въ каковыхъ кандалахъ она и протянула тяжелыя тридцать лѣтъ жизни. Подъ громъ севастопольскихъ пушекъ эти кандалы спали, и она вышла на новую жизнь, точно послѣ долгаго тяжелаго сна; но расправить свои отеки члены ей настоящимъ образомъ не удалось. Было лишь нѣсколько прекрасныхъ моментовъ настоящей жизни съ бодрымъ взглядомъ на будущее, а

затѣмъ снова наступили сумерки съ ихъ удлинненными и сѣрыми тѣнями. Подъ покровомъ этихъ тѣней опять, какъ и въ началѣ XIX вѣка, началось броженіе, созрѣвали и приводились въ исполненіе заговоры, лилась кровь и слышались стоны... Борьба за конституцію снова воскресла, при новомъ только освѣщеніи и съ обновленными методами и тактикою борьбы. Воскресли и завѣты декабристовъ...

Б. Глинскій.

Г. К. РЪПИНСКІЙ.

Некрологъ.

ВЪ МИНУВШЕМЪ февралѣ смерть унесла въ могилу трехъ выдающихся нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Въ одинъ и тотъ же день, 6 февраля, скончались: членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь В. И. Вешняковъ, много порабатавшій въ области русской экономической науки, и Г. К. Рѣпинскій, первоприсутствующій сенаторъ кассационнаго уголовнаго департамента сената. Черезъ два дня не стало и третьяго виднаго дѣятеля и писателя, маститаго сенатора, Я. Гр. Есиповича, еще въ 1897 г. предсказывавшаго въ своей книжкѣ: «Итоги жизни», опасность отъ желтолицей расы.

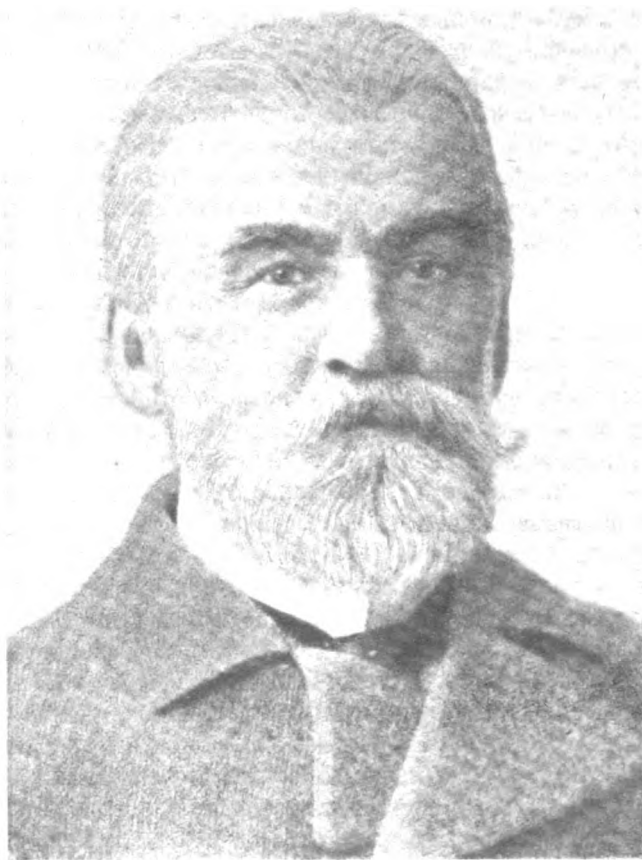
Григорій Косьмичъ Рѣпинскій едва ли не болѣе другихъ интересовался русской исторіей, много потрудился надъ разработкой историческихъ архивныхъ матеріаловъ и до послѣдняго времени не переставалъ обнаруживать на страницахъ историческихъ журналовъ наиболѣе цѣнные архивные документы. Въ виду этого мы и остановились на немъ, чтобы подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника», хотя бы въ краткихъ чертахъ, объ его жизни и дѣятельности на пользу русскаго общества, на пользу русской исторической науки.

Покойный—сынъ весьма извѣстнаго въ свое время дѣятеля, сенатора Косьмы Григорьевича Рѣпинскаго, который черезъ два года по окончаніи курса наукъ въ пензенской духовной семинаріи, въ 1819 г., былъ «взятъ въ канцелярію сибирскаго генералъ-губернатора М. М. Сперанскаго и былъ впоследствии однимъ изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ послѣдняго при разработкѣ и изданіи полнаго собранія законовъ и свода законовъ. Григорій Косьмичъ

родился 28 сентября 1832 г.; образование получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія и, по окончанія послѣдняго въ 1852 г., съ чиномъ коллежскаго секретаря, поступилъ на службу въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената, но оставался здѣсь недолго и въ концѣ 1853 г. опредѣлился младшимъ помощникомъ секретаря 4-го департамента сената. Въ 1859 г. онъ покидаетъ сенатъ, чтобы занять должность начальника отдѣленія лѣснаго департамента министерства государственныхъ имуществъ, гдѣ пробылъ до іюля 1866 г., когда получилъ новое назначеніе чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министерствѣ юстиціи. Ко времени службы въ лѣсномъ департаментѣ относится и видное участіе Г. К. Рѣпинскаго, въ качествѣ члена-редактора, въ комиссіи при государственной канцеляріи, учрежденной для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. За свои труды здѣсь онъ помимо другихъ наградъ получилъ особое прибавочное жалованье въ 1.000 рублей въ годъ, обращенное въ пожизненную пенсію. Девятилѣтнее пребываніе покойнаго при министерствѣ юстиціи было сплошною, неустанною работою въ многочисленныхъ возникшихъ тогда комиссіяхъ и комитетахъ. Такъ, онъ съ іюля 1866 г. предсѣдательствовалъ въ комиссіи для составленія правилъ о храненіи залоговъ, предоставляемыхъ нотариусами въ окружный судъ для обезпеченія взысканій на случай неправильныхъ ихъ по должности дѣйствій; участвовалъ въ комиссіи для составленія правилъ о вознагражденіи свѣдущихъ людей и арестованной движимости; въ комиссіи для разработки вопроса объ обезпеченіи обязательствъ и договоровъ ипотечнымъ порядкомъ; въ комиссіи при министерствѣ финансовъ для составленія проекта о способѣ и порядкѣ удовлетворенія казны по производству судебныхъ дѣлъ; въ комиссіи объ устройствѣ судебной части въ туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ; въ комиссіи для разсмотрѣнія проекта устава о россійскихъ консульствахъ; въ комиссіи по выработкѣ проекта положенія о городскомъ управленіи и хозяйствѣ; въ комитетѣ «по устройству Маріинскаго водяного пути»; въ комиссіи по выработкѣ «проекта объ устройствѣ калмыковъ»; въ комиссіи по выработкѣ проекта положенія о порядкѣ судебной защиты дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны и другихъ административныхъ установленій; въ комиссіи по вопросу объ устройствѣ архивовъ; въ комиссіи при военномъ министерствѣ для разсмотрѣнія проекта объ управленіи Туркестанскимъ краемъ; въ комиссіи для разсмотрѣнія вопроса о передачѣ селенія Колпино въ гражданское вѣдомство (1875 г.) и во многихъ другихъ.

Помимо возлагаемыхъ на него особыхъ порученій и участія въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ, Григорій Косьмичъ нѣсколько лѣтъ управлялъ законодательнымъ отдѣленіемъ департамента мини-

стерства юстиціи; производилъ ревизіи дѣлопроизводствъ: псковскаго уѣзднаго суда, московскаго коммерческаго суда, тамбовской, пензенской и волгодской палатъ уголовного и гражданскаго суда,

Григорій Косьмичъ Рѣпинскій.

шестого и седьмого департаментовъ правительствующаго сената, и проч.

Съ 1875 г. состоялъ сенаторомъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ и въ соединенномъ присутствіи перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, а съ 1890 г. первоприсутствующимъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ.

Участвуя въ трудахъ комиссіи по разбору архивовъ вообще съ 1871 г., гдѣ онъ, между прочимъ, представилъ проектъ положенія о главной архивной комиссіи, разрабатывалъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ, В. Г. Чубинскимъ и др. правила по разбору и уничтоженію документовъ и сдѣлалъ предложеніе объ образованіи въ губернскихъ городахъ особыхъ комиссій для разбора мѣстныхъ документовъ—будущихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, — покойный въ 1880 г. былъ назначенъ «предсѣдателемъ комиссіи по разработкѣ правилъ о порядкѣ разбора и уничтоженія архивныхъ дѣлъ судебныхъ установленій», другими словами, сталъ во главѣ комиссіи по разбору дѣлъ сенатскаго архива. «Разборъ» этотъ вызывался, главнымъ образомъ, недостаткомъ помѣщенія названнаго архива и долженъ былъ состоять въ выборѣ дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію. Такъ какъ вновь сдаваемые изъ департаментовъ сената дѣла требовали немедленной очистки помѣщенія, а для разбора и выдѣленія къ храненію и уничтоженію архивныхъ дѣлъ, при единоличномъ главномъ наблюденіи, нужно было, наоборотъ, довольно продолжительное время, то сенаторъ Рѣпинскій рѣшилъ для выигрыша мѣста и времени прежде всего вырѣзать изъ дѣлъ чистую бумагу. Послѣдняя, въ виду недостаточности средствъ, отпускаемыхъ на канцелярію архива, употреблялась для переписки алфавитныхъ карточекъ и другихъ потребностей канцеляріи. Изъ этой же бумаги немало давалось и въ канцеляріи сената на алфавитныя карточки, прилагаемыя при сдачѣ въ архивъ дѣлъ, журналовъ и опредѣленій. При разборѣ дѣлъ за все время его предсѣдательства до конца 1906 г. было найдено возможнымъ уничтожить болѣе 7.000 книгъ, 1.178.922 документа сенатскаго казначейства и свыше 300.000 дѣлъ¹⁾. Благодаря тщательному разсмотрѣнію документовъ, изъ предназначаемыхъ къ уничтоженію дѣлъ и книгъ уцѣлѣли и оставлены на храненіе, не говоря уже о высочайшихъ повелѣніяхъ, почти всѣ автографы, поколѣнные росписи, метрическія свидѣтельства, аттестаты объ окончаніи курса наукъ, списки о службѣ и печатные по законодательнымъ вопросамъ указы. Кроме того, вынимались и возвращались по принадлежности приговоры присутственныхъ мѣстъ, а дѣла и документы, признанные не имѣющими значенія для сената или министерства юстиціи, но представляющие интересъ въ историческомъ, литературномъ или бытовомъ отношеніяхъ, отсылались для храненія въ Императорскую Публичную бібліотеку, въ губернскіе статистическіе комитеты и ученые архивныя комиссіи (въ «Трудахъ» послѣднихъ немало имѣется сообщеній Г. К. Рѣпинскаго), въ уни-

¹⁾ Сообщеніемъ этихъ свѣдѣній, а также и нѣкоторыхъ другихъ по сенатскому архиву, мы обязаны секретарю архива Н. А. Мурзанову, за что и привносимъ ему благодарность.
В. Р.

верситеты, полковые архивы и другія учрежденія. По почину Г. К. Рѣпинскаго, канцеляріей сенатскаго архива было приступлено къ составленію карточнаго алфавита журналамъ и опредѣленіямъ перваго департамента сената, при чемъ за 1885—1894 г.г. было уже написано и подобрано въ лексическомъ порядкѣ болѣе милліона карточекъ.

Въ 1885 г. сенатскимъ архивомъ было предположено испросить разрѣшеніе на изданіе въ свѣтъ высочайшихъ повелѣній и указовъ, протоколовъ сената, біографическихъ свѣдѣній о выдающихся дѣятеляхъ (по послужнымъ спискамъ), наиболѣе интересныхъ дѣлъ сената, автографовъ, описей интереснымъ въ историческомъ отношеніи дѣламъ и проч. Покойный вполне сочувственно отнесся къ этой мысли и обратился съ ходатайствомъ къ министру юстиціи. Но по всеподданнѣйшему докаду послѣдняго состоялось 21 января 1887 г. высочайшее соизволеніе на изданіе сборника: «Сенатскій Архивъ», съ болѣе умѣреннымъ содержаніемъ, и отпускаясь на него расходъ всего въ тысячу рублей на томъ. Въ него должны были войти «хранящіяся въ архивѣ высочайшія повелѣнія съ конца 1796 года, коимъ не издано никакой описи, и которыя не вошли въ полное собраніе законовъ, а также протоколы правительствующаго сената съ 1737 года и другіе документы прошлаго и нынѣшняго столѣтій, представляющіе интересъ въ историческомъ и научномъ отношеніяхъ». Выпустивъ въ слѣдующемъ 1888 году I томъ «Сенатскаго Архива», Г. К. Рѣпинскій, «непосредственному руководству» котораго и поручалось это изданіе, до 1905 г. успѣлъ издать одиннадцать томовъ его, заготовивъ матеріалъ почти на весь печатающійся нынѣ дѣнадцатый томъ. Въ виду того, что это изданіе печаталось въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не свыше 300, и вообще мало извѣстно публикѣ, мы считаемъ нелишнимъ здѣсь указать вкратцѣ на содержаніе каждаго тома «Сенатскаго Архива». Въ первый его томъ вошли «Именные указы императора Павла I, за время съ 1796 по 1801 годъ». Здѣсь на ряду съ не вошедшими въ полное собраніе законовъ указами приводится краткое содержаніе и указовъ, вошедшихъ въ него, съ указаніемъ книгъ сенатскаго архива и №№ въ полномъ собраніи законовъ, съ поправками ошибокъ, встрѣчаемыхъ въ послѣднихъ. Во второй томъ (1889 г.) вошли «нѣкоторые журналы и опредѣленія сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 г.г., потому что другихъ за эти годы, а равно и предыдущихъ въ сенатскомъ архивѣ не имѣется». Въ третій (1890 г.) — «журналы и опредѣленія правительствующаго сената за мартъ, апрѣль и май 1741 г.»; въ четвертый (1891 г.) — «журналы и опредѣленія правительствующаго сената за іюнь, іюль, августъ и сентябрь 1741 г.»; въ пятый (1892 г.): 1) «журналы и опредѣленія правительствующаго сената съ 2 октября по 23 ноября 1741 г.»; 2) «жур-
 «истор. вѣстн.», мартъ, 1906 г., т. ош.

наль и протокольная записка собранія сенаторовъ и генералитета съ 25 ноября по 12 декабря 1741 г., со вступленія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны до того времени, какъ указомъ ея императорскаго величества учрежденъ правительствующій сенатъ»; 3) «журналы и опредѣленія правительствующаго сената съ 16 декабря 1741 г. по 15 декабря 1743 г.». Въ шестомъ томѣ (1893 г.) находимъ «журналы и опредѣленія правительствующаго сената за 1744—1746 г.г.»; въ седьмомъ (1895 г.): 1) «протоколы правительствующаго сената съ 1747 по 1749 г.»; 2) «списокъ военнымъ чинамъ первой половины XVIII столѣтія» (съ краткими свѣдѣніями изъ формуляровъ); въ восьмомъ (1897 г.) и девятомъ (1901 г.)—тоже «протоколы»: въ первомъ за 1750—1752 г.г., а во второмъ за 1753—1756 г.г.; въ десятомъ (1903 г.) 1) «протоколы правительствующаго сената 1757 и 1758 г.г.»; 2) всеподданнѣйшій рапортъ правительствующаго сената о калужскомъ губернаторѣ Лопухинѣ»; 3) «всеподданнѣйшій докладъ Г. Р. Державина по дѣлу Лопухина», и наконецъ въ одиннадцатомъ (1904 г.): 1) «протоколы правительствующаго сената за 1759 и 1760 г.г.» и 2) «указы и повелѣнія императрицы Екатерины II», съ 28 іюня по 22 декабря 1762 г., не вошедшіе въ полное собраніе законовъ. Къ каждому тому приложенъ указатель именъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ.

Будетъ ли продолжаться это изданіе и подъ чьимъ руководствомъ, пока неизвѣстно, но было бы крайне желательно въ научныхъ интересахъ, чтобы оно продолжало издаваться и съ болѣе широкой программой; богатые матеріалы сенатскаго архива, находящіеся въ неотопливаемомъ помѣщеніи, необходимо спасать отъ тлѣнія, порчи и невольной потери и какъ можно щедрѣе опубликовывать ихъ для общества, въ виду разносторонней важности содержащихся въ нихъ документовъ.

Участіе въ составленіи и редактированіи вышеприведенныхъ одиннадцати томовъ «Сенатскаго Архива» одно могло бы составить научно-литературную заслугу покойнаго сенатора. Но онъ не ограничился этимъ; любя русскую исторію и зная ее въ подробностяхъ, особенно за XVIII столѣтіе и первую половину XIX, онъ ревниво относился къ каждому новому, болѣе или менѣе цѣнному, архивному матеріалу, изучалъ и по мѣрѣ своего досуга старался обнародовать его на страницахъ историческихъ журналовъ, главнымъ образомъ «Русской Старины». Публикуемые имъ матеріалы всегда представляли собою важную историческую и научную новинку и, несмотря на свою краткость, будутъ долго и во многихъ случаяхъ служить единственнымъ источникомъ. Въстѣ съ тѣмъ онъ широко слѣдилъ и за вновь появляющимися въ печати книгами и статьями и въ случаѣ необходимости не оставлялъ ихъ своими поправками, обнаруживая широкую эрудицію и начитанность.

Широко былъ освѣдомленъ покойный и въ области русской литературы, находился въ письменныхъ сношеніяхъ со многими ея представителями и еще въ 1870-хъ г.г. сдѣлался членомъ литературнаго фонда, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выбирался предсѣдателемъ. По поводу его участія въ литературномъ фондѣ имѣется въ печати характерное четверостишіе поэта П. К. Мартынова (ум. въ 1899 г.).

«Сенаторъ—умница въ отца,
Работаетъ въ литературѣ
И фонду служитъ безъ конца,
Добро въ ней чужа по натурѣ.

Впервые, насколько намъ извѣстно, выступилъ въ печати покойный сенаторъ въ 1859 г., помѣстивъ въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», Н. В. Калачева—статью подъ заглавіемъ: «О порядкѣ преслѣдованія самовольныхъ порубщиковъ и о мѣрѣ взысканія съ нихъ»; затѣмъ онъ напечаталъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ»—«О возстановленіи вопросовъ о порядкѣ собранія голосовъ при рѣшеніи дѣлъ» (1860—1861 гг., кн. I); «Повѣренные по дѣламъ» (1860—1861 гг., кн. 5) и «Владѣніе на помѣстномъ правѣ. Судебный случай» (1861 г. № 14), и въ «Журналѣ министерства юстиціи»—«О срокѣ объявленія неудовольствія на судебныя рѣшенія» (1861 г., кн. 11); «О давности владѣнія въ дачахъ генеральнаго обмежеванія» (1862 г., № 2) и др.

Въ 1868 г. онъ опубликовалъ въ «Русскомъ Архивѣ» (стр. 1395—1403) любопытное—«Дѣло по отношенію смоленскаго гражданскаго губернатора объ открывающемся въ Смоленскѣ отдѣленіи Библейскаго общества», 1819 г. Затѣмъ, начиная съ 1872 г., на страницахъ «Русской Старины» сталъ появляться ежегодно цѣлый рядъ его замѣтокъ и историческихъ матеріаловъ. Въ виду ихъ новизны и научной цѣнности, мы укажемъ хотя бы на нѣкоторые изъ нихъ. Въ 1872 г. въ № 7. Г. К. Рѣпинскій напечаталъ «Распоряженіе императора Павла I объ изыятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими»; въ 1875 г. въ № 11 — «Цензура въ Россіи при императорѣ Павлѣ I, 1797—1799 г.», помѣстивъ здѣсь изъ подлиннаго дѣла («Сборникъ представленій цензоровъ») 49 донесеній рижскаго цензора объ иностранныхъ сочиненіяхъ и въ концѣ біографію самого цензора, Фед. Осип. Туманскаго, извѣстнаго своимъ обскурантизмомъ.

Изъ той же эпохи императора Павла Петровича онъ напечаталъ еще «Императоръ Павелъ I въ его повелѣніяхъ и указахъ съ ноября 1796 г. по іюль 1798 г.» («Русская Старина», 1883 г., т. XL), гдѣ собрано нѣсколько распоряженій, напоминающихъ о томъ, какъ рачительно исполняли въ провинціи мѣстныя власти повелѣнія, послѣдовавшія въ С.-Петербургѣ и прежде всего касав-

шіяся быта обывателей столицы; «Императоръ Павелъ Петровичъ и его время, 1798—1801 г.» («Русская Старина», 1884 г., т. XLI), гдѣ помѣщены выписки изъ высочайшихъ приказовъ «касательно наблюденія по части полиціи», и «Письмо императора Павла I генераль-прокурору князю Куракину», отъ 14 мая 1797 г. (ib., 1882 г., т. XXXV). Далѣе находимъ: пространный очеркъ, составленный на основаніи документовъ Сенатскаго архива и Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ подъ заглавіемъ: «Графъ Г. К. Г. Тотлебенъ въ 1715—1763 г.г. Матеріалы для его біографіи» (ib., т. LX); 2) «Александръ Васильевичъ Суворовъ, 1760 г.» (ib., 1887 г., т. LVI): здѣсь помѣщено прошеніе отца будущаго генералиссимуса, Василя Ивановича, въ которомъ онъ проситъ исключить своего сына «изъ правленія оберъ-кригскомиссарской должности и опредѣлить по-прежнему въ полкъ при заграничной арміи, дабы онъ по своей ревности далѣе при оной службу продолжать могъ»; 3) «Федосей Мануковъ, дѣдъ Суворова» (ib., 1900 г., № 1); 4) «Примѣры гласности въ царствованіе Александра I, 1802—1809 г.» (ib., 1875 г., № 3); 5) «Атаманъ Запорожской сѣчи Петръ Кальнишевскій въ 1787—1801 г.г. Запѣтки о его судьбѣ» (ib., 1876 г., т. XV); 6) «Народные слухи и толки, 1827 г.» (ib., 1878 г., т. XXIII). Заимствовано изъ дѣлъ архива Костромскаго окружнаго суда, по поводу возникшихъ волненій въ Галичскомъ уѣздѣ между помѣщиками крестьянами изъ-за пущеннаго неизвѣстнымъ слуха: «погодить—косить до 29 іюня»; 7) «Рапортъ иркутскаго намѣстническаго правленія въ правительствующій сенатъ о ссылкѣ А. Н. Радищева въ Илимскій острогъ, 1791 г.» (ib., 1872 г., т. VI); 8) «Указъ сенату о князѣ Чарторыжскомъ, 6 октября 1831 г.» (ib.); 9) «О соблюденіи формы гражданской чиновниками, 1832 г.» (ib., 1872 г., № 9); 10) «Указъ Петра III и Екатерины II объ имѣніяхъ графини Елизаветы Романовны Воронцовой, 1762 г.» (ib., 1877 г., т. XIX); 10) «По вопросу объ учрежденіи лотереи. Докладъ императрицѣ Екатеринѣ II, 1771 г.» (ib., 1886 г., т. LI); 12) «О печатаніи патристическихъ сочиненій въ 1854 г.» (ib., т. LII); 13) «Запечные мастера и кнуты. Указъ 1832 г.», которымъ повелѣвалось «впредь ни кнутовъ, ни запечныхъ мастеровъ никому ни показывать» (ib., 1887 г., т. LVI); 14) «М. В. Ломоносовъ. Прошеніе его 1758 г.» (ib.); 15) «Черты русскихъ нравовъ въ началѣ XIX столѣтія. Рапортъ каргопольскаго стряпчаго губернскому прокурору С. Е. Тимирязеву, 9 мая 1805 г.» (ib., 1895 г., № 7); 16) «Н. В. Калачевъ и его журналъ» (ib., 1896 г., № 3)—любопытная страничка изъ исторіи нашей журналистики, а также и имѣющая значеніе и для характеристики графа В. Н. Панина. Извѣстный юристъ и археологъ Н. В. Калачевъ ходатайствовалъ въ 1857 г. объ обращеніи своего изданія: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», съ будущаго 1858 г. въ журналъ, подъ заглавіемъ «Архивъ истори-

ческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», изд. въ 6-ти книгахъ. Хотя ближайшія инстанціи и графъ Блудовъ выразили свое полное согласіе и обѣщали всячески содѣйствовать Калачеву, но министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ, категорически отказалъ, ссылаясь на то, что журналъ этотъ будетъ сильнымъ конкурентомъ къ будущимъ «Юридическимъ прибавленіямъ» къ «Сенатскимъ Вѣдомостямъ», которыхъ, какъ извѣстно, не существуетъ и до сихъ поръ, и что въ журналѣ частное лицо будетъ осуждать законы и административную дѣятельность правительства. Однако мотивы графа Панина не были приняты высшею властью, и журналъ Н. В. Калачева издавался съ 1858 г. по 1861 г.

Затѣмъ, въ статьѣ «Къ исторіи русской геральдики» (ib., 1897, № 1) находятся любопытныя данныя, впервые тогда опубликованныя, о «Геральдическомъ кодексѣ», составляемомъ г. Бернарди для руководства департамента герольдіи, о рукописи Ленца, о «Геральдическихъ правилахъ», которыя взялся составлять герольдмейстеръ Булычевъ и которыя не увидали свѣта въ теченіе 5 лѣтъ, вплоть до 1857 г., когда образовалось при департаментѣ герольдіи гербовое отдѣленіе, взявшее на себя выработку всякихъ геральдическихъ правилъ. Въ замѣткѣ: «Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и Г. Р. Державинъ 1803 г.» (ib., 1899 г., № 9), встрѣчаемъ не вошедшіе въ «Полное собраніе сочиненій Державина», подъ редакціей академика Я. К. Грота, письмо графа Ростопчина къ Державину и отвѣтъ послѣдняго графу, по поводу дѣла Болотова, разбивавшагося въ сенатѣ. Державинъ выражалъ искреннее желаніе оказать услугу «развѣнчанному сановнику, не у дѣль» графу Ростопчину. Далѣе слѣдуетъ назвать: «По поводу обращенія нѣкоторыхъ табельныхъ дней въ присутственные, въ 1805 г.» (ib., 1897, № 5); «Рескриптъ графу Н. П. Румянцеву, 23 декабря 1804 г.», объ устройствѣ Обводнаго канала въ С.-Петербургѣ (ib.); «Рескриптъ императора Александра I московскому военному губернатору А. Д. Беклешову, 14 марта 1805 г.», о надгробномъ памятникѣ П. Д. Еропкину (ib.); «Предписаніе министра юстиціи, князя П. В. Лопухина, оберъ-прокурору шестого департамента сената Л. Н. Шетреву, отъ 4 марта 1805 г., относительно службы молодыхъ дворянъ» (ib., 1899 г., № 2); «Ходатайство графа М. М. Сперанскаго за сына своего учителя, 20 августа 1823 года. Письмо къ директору департамента министерства юстиціи И. Ѳ. Журавлеву», въ которомъ графъ Сперанскій, ходатайствуя за сына своего учителя, Пѣвницкаго, пишетъ: «Я и теперь сгибаюсь и считаю себя обязаннымъ угождать ему изъ страха и благодарности». Пѣвницкій былъ назначенъ стряпчимъ во Владимирскую губернію (ib., 1902 г., № 3); «Къ исторіи дуэлей» (ib., № 12, о поединкѣ между поручикомъ барономъ Энгельгардтомъ и ротмистромъ Бенетомъ); «О перемѣнѣ времяисчисления во флотѣ. Предложеніе правительствующему сенату въ мартѣ

1831 г.» (ib., № 5); «Поручикъ Усовскій — участникъ въ тайномъ обществѣ декабристовъ. Предложеніе министра юстиціи правительствующему сенату, 14 марта 1827 г.» (ib., № 11); «Чиновники-актеры. Предложеніе правительствующему сенату, 20 марта 1831 г., о лишеніи ихъ чиновъ во время ихъ состоянія артистами императорскихъ театровъ (ib., № 5); «Просьба француза Виста о переименованіи его въ Безсонова» (ib., 1903 г., № 7) и мн. др.

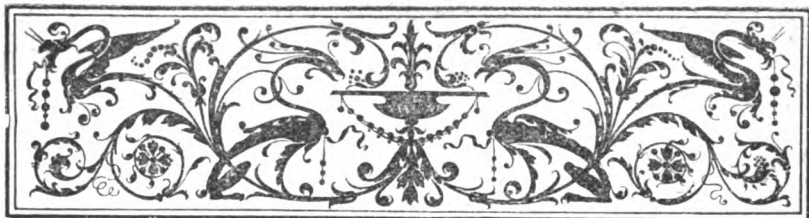
Отдѣльно изданъ былъ Г. К. Рѣпинскимъ еще въ 1873 г. «Указатель именъ и фамилій, находящихся въ первомъ полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи (1649—1825 г.)».

Въ числѣ прочихъ рукописныхъ матеріаловъ покойнаго, которые онъ предполагалъ издать въ свѣтъ, имѣются и биографическія данныя о бывшихъ воспитанникахъ училища правовѣдѣнія. Еще въ 1877 г. имъ были переданы въ Императорскую Публичную бібліотеку богатое собраніе бумагъ своего отца, въ которыхъ, между прочимъ, было много документовъ, относящихся до жизни и дѣятельности графа М. М. Сперанскаго, собственноручныхъ записокъ императрицы Екатерины II и др. Въ 1886 г. онъ передалъ въ ту же бібліотеку и адресованныя ему отъ разныхъ выдающихся дѣятелей и писателей письма, числомъ свыше 400.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ участіи покойнаго въ комитетѣ общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. Вступивъ въ началѣ 1870-хъ г.г. въ члены этого общества, онъ вскорѣ былъ избранъ членомъ комитета въ должности секретаря, затѣмъ въ 1880-хъ г.г. избирается товарищемъ предсѣдателя, а послѣ смерти предсѣдателя, члена государственнаго совѣта М. С. Каханова, становится предсѣдателемъ общества. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ Г. К. Рѣпинскій, можно сказать, одинъ несъ всю тяжесть надзора за колоніей, гдѣ безъ него не рѣшались никакія дѣла. Благодаря его сердечному отношенію къ дѣтямъ, въ колоніи развились занятія въ мастерскихъ и учебныя, и прежніе воспитатели-дядьки были замѣнены воспитателями-учителями. По его личному указанію и подъ его непосредственнымъ надзоромъ было сдѣлано въ колоніи много разныхъ улучшеній и построено много новыхъ зданій. Не мудрено, поэтому, что общество земледѣльческихъ и ремесленныхъ колоній будетъ долго оплакивать его смерть, какъ огромную и почти невознаградимую потерю.

Такова въ общихъ чертахъ государственная, общественная и литературная дѣятельность сенатора Г. К. Рѣпинскаго, бывшаго, по общимъ отзывамъ лицъ, близко знавшихъ его, человѣкомъ честнымъ, справедливымъ и гуманнымъ.

В. Рудаковъ.

ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ СОЮЗЪ.

НОГИМИ сознаваемая необходимость для интеллигентныхъ женщинъ объединиться получила осуществленіе десять лѣтъ тому назадъ. 25 мая 1895 г., въ квартирѣ П. Я. Логиновой, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Стасовой состоялось первое общее собраніе учредительницъ и приглашенныхъ ими дѣйствительныхъ членовъ народившагося въ этотъ достопамятный день «Русскаго женскаго взаимноблаготворительнаго общества».

Общество не могло по условіямъ того времени явиться просто женскимъ союзомъ, женскимъ клубомъ: ему поставили въ необходимость принять характеръ благотворительный, и оно поставило себѣ задачей взаимопомощь, какъ матеріальную, такъ и духовную. Дружно принялись члены общества за работу въ обоихъ направленіяхъ. Имѣя въ виду матеріальную взаимопомощь, были организованы курсы различныхъ предметовъ (поданія первой помощи, бухгалтеріи, англійскаго языка, дѣланія цвѣтовъ) и бюро для пріисканія мѣстъ и занятій. Взаимопомощи духовной должны были служить рефератный отдѣлъ, кружокъ домашнихъ чтеній, музыкальный кружокъ, библіотека съ читальней. На первыхъ порахъ всѣ симпатіи и все вниманіе были отданы этой второй сторонѣ взаимопомощи, такъ какъ громадное большинство членовъ общества состояло изъ лицъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ и интересующихся умственной жпзнью. Рефератные вечера, совмѣстное обсужденіе прочитаннаго пользовались

громаднымъ успѣхомъ, усердно посѣщались. Къ сожалѣнію, этотъ расцвѣтъ продолжался недолго. Условія тогдашняго режима не могли не отразиться здѣсь пагубнымъ образомъ: они тормозили развитіе и полетъ умственной жизни общества, жизни кружковъ, посвященныхъ культивированію умственныхъ интересовъ. Приходилось избѣгать вовсе или только поверхностно затрагивать наиболѣе интересныя стороны жизни (религію, политику и всѣ связанныя съ ними явленія психологическія и бытовыя) вслѣдствіе недовѣрія другъ къ другу, боязни открыто высказываться, изъ опасенія передъ возможностью вмѣшательства внѣшней силы.

Рефератный отдѣлъ, основанный докторомъ юридическихъ наукъ Бернскаго университета, Ф. М. Кауфманъ, исчерпавъ съ 1896 по 1899 г. всѣ темы нейтральныя, безобидныя, сталъ чахнуть и еле дотянулъ свое существованіе до 1901 г., когда, по требованію градоначальника, вовсе пересталъ дѣйствовать; поводомъ къ этому требованію былъ рефератъ З. А. Венгеровой о драмѣ Минскаго «Альма».

Кружокъ домашнихъ чтеній, основанный докторомъ философіи М. В. Безобразовой, поставилъ себѣ задачей способствовать самообразованію членовъ общества посредствомъ живого обмѣна мыслей; по тѣмъ же общимъ причинамъ, которыя мы указали выше, кружокъ, за отсутствіемъ желающихъ бесѣдовать, закрылся въ 1899 г. Въ 1901 г. онъ возродился въ видѣ этического кружка опять таки по инициативѣ М. В. Безобразовой, при чемъ онъ имѣлъ цѣлью объединять членовъ общества на нравственной почвѣ. Благодаря настойчивой энергіи учредительницы, кружокъ существуетъ и понынѣ, но не живетъ полной жизнью, а прозябаетъ. Изъ 1.000 членовъ общества нашлось лишь 140 лицъ, желающихъ объединяться на нравственной почвѣ.

Изъ органовъ духовной взаимопомощи только два оказались жизнеспособными: бібліотека съ читальней и музыкальный кружокъ.

Бібліотека, основанная и субсидируемая А. П. Философовой, была открыта въ первый годъ существованія общества при 24 поврежденныхъ изданіяхъ и 615 названіяхъ книгъ. Въ настоящее время она имѣетъ 48 поврежденныхъ изданій и 3.200 названій книгъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. За эти десять лѣтъ внутренняя жизнь бібліотеки (дежурства сотрудницъ, веденіе каталоговъ и т. д.) сложилась въ опредѣленныя, удобныя формы. Нельзя не выразить сожалѣнія, что этимъ прекраснымъ учрежденіемъ члены общества пользуются меньше, чѣмъ можно было ожидать; оно имѣетъ всего 167 постоянныхъ подписчицъ, а уютное красивое помѣщеніе читальни пустуетъ.

Вторымъ жизнеспособнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ духовную жизнь общества, является музыкальный кружокъ, основан-

ный въ 1895 г. С. Л. Будаговой (нынѣ покойной). На третій годъ своего существованія онъ преобразовался въ музыкально-литературный кружокъ и широко развилъ свою дѣятельность: по части докладовъ онъ отчасти замѣнилъ рефератный отдѣлъ, по отношенію денежныхъ сборовъ въ пользу общества—комиссію по изысканію средствъ. Нельзя не отмѣтить, что кружку принадлежитъ по наслѣдству богатая музыкальная бібліотека почетнаго члена общества, покойной А. Н. Энгельгардтъ.

Въ 1901 г. возникъ, по инициативѣ художницы О. П. Рикманъ, художественный кружокъ, имѣющій цѣлью объединить членовъ общества, которые интересуются живописью во всѣхъ ея видахъ и примѣненіяхъ.

Тѣ общія причины, которыя гнали умственную жизнь общества, помѣшали осуществленію еще полезнаго и симпатичнаго начинанія общества: главное управленіе по дѣламъ печати не разрѣшило обществу изданія «Справочнаго листка», который предполагалось сдѣлать не только органомъ общества, но посвятить разработкѣ женскаго вопроса. Обществу пришлось довольствоваться гектографированными «Сообщеніями совѣта», которыя издаются по предложенію секретаря совѣта М. М. Лебедкиной, выходятъ еженедѣльно и даютъ сухой перечень предполагаемыхъ на недѣлю засѣданій, лекцій и т. п., а также постановленія совѣта и общихъ собраній.

Неблагопріятныя для умственной жизни условія гнали ее, но совсѣмъ угасить не могли, она пробивалась и шла, правда, спорадически, въ родѣ лекцій, курсовъ, которые за послѣдніе два-три года стали устраиваться все чаще для поддержанія духовной жизни общества и для усиленія его денежныхъ средствъ. Лекторами выступали какъ члены общества (писательницы, ученые, общественныя дѣятельницы), такъ и приглашенные лектора изъ числа нашихъ видныхъ ученыхъ, писателей, общественныхъ дѣятелей.

Не найдя для своего примѣненія благопріятныхъ условій въ тѣсныхъ рамкахъ, отведенныхъ ей, духовная сила такого многолюднаго общества интеллигентныхъ женщинъ должна была искать себѣ исхода, приложенія, и она нашла его тамъ, гдѣ нѣтъ необходимости затрагивать жгучихъ вопросовъ—въ благотворительности. Здѣсь и сосредоточились всѣ главныя работающія силы общества, здѣсь денежные обороты достигли наибольшаго развитія.

Бюро по пріисканію мѣстъ и занятій, служащее бесплатнымъ посредникомъ между спросомъ и предложеніемъ труда, основанное Е. Н. Пистолькорсъ, въ первый годъ существованія общества, дѣйствуетъ и понынѣ. Въ первый годъ имъ было удовлетворено 7 предложеній изъ 15; въ 1904 г. 93 изъ 372.

Въ 1896 г. предсѣдательницей общества, докторомъ А. Н. Шабановой, былъ организованъ Кружокъ на помощь дѣтямъ съ его двойной задачей: а) изготовлять платье и бѣлье для бѣдныхъ

дѣтей изъ пожертвованнаго матеріала и в) слушать за работой чтенія по вопросамъ, касающимся физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей. Кружокъ сразу сталъ на ноги, процвѣлъ и держится понынѣ на извѣстной высотѣ, безъ колебаній, благодаря энергіи и организаторскимъ способностямъ своей основательницы. Въ 1901 г. кружокъ открылъ Дѣтскій очагъ, благоустроенное дешевое учрежденіе, гдѣ интеллигентныя труженицы могутъ оставлять своихъ дѣтей на разумное и заботливое попеченіе членовъ общества. Дѣтскій очагъ оказался начинаніемъ жизнеспособнымъ, полевымъ, пользуется наилучшей репутаціей и искренней симпатіей всѣхъ, кто знакомъ съ его устройствомъ и веденіемъ дѣла.

Въ 1898 г., по мысли А. П. Философовой, было основано первое общежитіе, поставившее себѣ задачей дать за самую скромную плату приличное помѣщеніе трудящейся одинокой женщинѣ, а также дешевый, здоровый столъ. Это учрежденіе развилось и процвѣтаетъ; въ первый годъ его денежный оборотъ выразался цифрой 5.263 р.; въ 1904 г.—9.554 р.

Въ 1899 г. общество обогатилось двумя крупными благотворительными учрежденіями:

1) кассой взаимопомощи, которая даетъ возможность членамъ общества составить небольшія сбереженія и помогаетъ ссудами; денежный оборотъ кассы въ первый годъ равнялся 1.041 р., а въ 1904 г.—достигъ 3.302 рублей;

2) благотворительнымъ отдѣломъ, который былъ основанъ по предложенію Е. В. Авидовой и который, благодаря ея энергіи и работоспособности ея сотрудницъ, развился быстро и широко. Благотворительный отдѣлъ организовалъ временное общежитіе, гдѣ совсѣмъ бесплатно или же за самую ничтожную плату можетъ получить кровъ и пищу образованная женщина, временно поставленная въ тяжелыя матеріальныя условія; отдѣлъ предоставляет временный заработокъ лицамъ, не имѣющимъ его, впредь до пріисканія ими занятій по ихъ специальности; выдаетъ денежные ссуды, пособія, стипендіи. Не имѣя возможности въ краткомъ очеркѣ сообщить о ходѣ развитія отдѣла, обо всѣхъ развѣтвленіяхъ этого учрежденія, самаго крупнаго по объему своей дѣятельности и по суммѣ денежнаго оборота, отсылаю желающихъ ознакомиться съ нимъ къ отчетамъ общества; укажу, что отъ скромной цифры 1.683 рублей отдѣлъ довелъ свой денежный оборотъ до 11.988 рублей.

Въ 1903 г. возникло еще одно благотворительное учрежденіе при обществѣ—«Врачебный отдѣлъ», по мысли женщины-врача И. Д. Познанской. Отдѣлъ оказываетъ бесплатную врачебную помощь членамъ общества, доставляетъ уходъ заболѣвшимъ одинокимъ членамъ общества и попеченіе о хозяйствѣ и о дѣтяхъ заболѣвшихъ.

Отдавая много времени и энергіи на работу въ постоянныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ общества, члены его находили

новыя силы, охоту и время живо откликаться и приходить на помощь и трудомъ и деньгами, когда стихійныя бѣдствія постигали нашу родину.

Въ 1898 г. при обществѣ образовался кружокъ на помощь пострадавшимъ отъ наводненія, который роздалъ бѣднымъ пострадавшимъ отъ наводненія дѣтямъ до 750 предметовъ бѣлья и одежды и 472 р. деньгами.

Въ 1899 г. особый комитетъ собралъ и послалъ въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая, 11.909 рублей; нѣкоторые члены общества работали въ столовыхъ, организованныхъ въ голодныхъ губерніяхъ.

Въ 1904 г. образовался комитетъ на помощь жертвамъ войны, которымъ было отправлено на дальній Востокъ 1.530 предметовъ бѣлья, 2.000 книгъ, 447 мѣшковъ подарковъ и истрачено до 3.580 рублей.

Всѣ три вышеупомянутыхъ комитета были вызваны къ жизни предсѣдательницей общества, Л. Н. Шабановой.

Къ числу благотворительныхъ учрежденій общества можно отнести мастерскую женскихъ и дѣтскихъ нарядовъ, учрежденную въ 1898 г., по предложенію Е. Ф. Багаевой, которая предполагала привлечь къ работѣ въ мастерской бѣдныхъ членовъ общества ими нуждающихся женщинъ по рекомендаціи членовъ общества. Но съ первыхъ дней своего существованія мастерская отклонилась отъ проектированнаго учредительницами благотворительнаго пути, сдѣлалась предпріятіемъ чисто-коммерческимъ, которое пошло неудачно, протянуло свое существованіе до 1900 г., когда мастерская при обществѣ перестала функционировать.

За послѣдніе два года замѣчается подъемъ въ умственной жизни общества. Возникло нѣсколько новыхъ комиссій, намѣтившихъ себѣ интересныя задачи:

а) Комиссія по изслѣдованію условій женскаго труда, поставившая себѣ двойную задачу: изученіе правового положенія женщины, а также изученіе положенія женщинъ, работающихъ въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Комиссія собрала обширный матеріалъ, требующій для своей обработки приложенія труда многихъ лицъ; по инициативѣ комиссіи совѣтомъ общества былъ сдѣланъ рядъ ходатайствъ и заявленій о необходимости измѣнить къ лучшему положеніе женщины и расширить кругъ ея дѣятельности.

Совѣтъ общества выступалъ со слѣдующими ходатайствами: объ измѣненіи наследственныхъ правъ женщинъ и объ уравниеніи ихъ съ правами мужчинъ, объ измѣненіи паспортнаго устава въ пользу женщинъ, о допущеніи женщинъ на службу въ казенныя и контрольныя палаты, о допущеніи женщинъ на должности волостныхъ писарей, о совѣстномъ образованіи женщинъ съ мужчинами въ школахъ высшей, средней и низшей, объ уравниеніи жен-

скихъ правъ съ мужскими въ городской и земской дѣятельности; въ государственную думу будетъ подано ходатайство о дарованіи женщинамъ политическихъ правъ.

б) Комиссія, имѣющая задачей устроить училище для дѣтей при обществѣ, основана въ 1904 г. М. М. Лебедкиной. Фондъ для открытія училища будетъ созданъ посредствомъ изданія литературныхъ сборниковъ для дѣтей. Изданы два сборника: «Пчелка» и «Первая травка», составленные изъ статей и рисунковъ, пожертвованныхъ писательницами и художницами, членами общества, а также посторонними обществу писателями, откликнувшимися на благое начинаніе.

с) Справочное бюро по женскому вопросу, поставившее себѣ задачей вести сношенія съ женскими обществами всего міра и собирать матеріалъ по женскому вопросу, основано въ 1904 г. по проекту Е. А. Чебышевой-Дмитріевой; въ немъ будутъ работать лица, знающія иностранные языки и обладающія навыкомъ къ обращенію съ литературнымъ матеріаломъ.

д) Организационная комиссія перваго съѣзда русскихъ дѣятельницъ по благотворенію и просвѣщенію, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Шабановой, около двухъ лѣтъ была занята обширной, сложной и трудной подготовительной работой по созыву 1-го съѣзда русскихъ женщинъ. Работа была выполнена; получено было свыше ста докладовъ (предсѣдательницей редакціоннаго бюро съѣзда состояла извѣстная писательница О. А. Шапиръ); записалось въ члены съѣзда много провинціальныхъ дѣятельницъ, но съѣздъ не могъ состояться, вслѣдствіе наступившаго смутнаго времени, ни въ іюнѣ 1905 г., какъ это предполагалось, ни въ декабрѣ.

Съѣздъ будетъ созванъ непременно при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при чемъ программа его занятій будетъ измѣнена, расширена.

Мысленно окидывая взглядомъ путь, пройденный женскимъ обществомъ за первое десятилѣтіе, нельзя не признать, что имъ выполненъ большой и серьезный трудъ объединенія женщинъ, выработка въ нихъ чувства законности, пониманія общественнаго долга, общественныхъ обязанностей и внесенія крупнаго вклада въ дѣло благотворительности.

Въ настоящее время общество имѣетъ прекрасно обставленное обширное помѣщеніе (Спасская, 18), открытое ежедневно отъ 11 ч. утра до 12 ч. ночи. Къ услугамъ членовъ (вносящихъ 6 рублей ежегодно) имѣется столовая съ крайне дешевыми цѣнами на обѣды, завтраки и чай; уютная читальня съ большимъ выборомъ періодическихъ изданій и книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ; обширный изящный залъ съ двумя роялями и гостиная. Въ этомъ

помѣщеніи жизнь идетъ по вечерамъ; ожендѣльно собирается совѣтъ общества; засѣданія кружковъ, курсы, лекціи, музыкально-литературные вечера, товарищескія вечеринки (1 и 15 каждаго мѣсяца) смѣняють другъ друга; 3—4 раза въ годъ созываются здѣсь же оживленныя и часто бурныя общія собранія.

Русское женское общество имѣетъ ту особенность, не въ примѣръ всѣмъ другимъ обществамъ, что въ немъ контроль и гласность пользуются широкимъ примѣненіемъ; даже засѣданія совѣта открыты и происходятъ въ присутствіи членовъ общества (не болѣе 20 заразъ), интересующихся дѣлами. Упомянемъ, что въ изящной залѣ общества состоялось празднованіе нѣсколькихъ выдающихся женскихъ юбилеевъ: 40-лѣтіе общественной дѣятельности А. П. Философовой; 40-лѣтіе общественной и литературной дѣятельности А. Н. Энгельгардтъ; 25-лѣтіе юбилей—врачебной и общественной дѣятельности д-ра А. Н. Шабановой, литературной дѣятельности О. А. Шапиръ и педагогической дѣятельности д-ра математики Е. Ф. Литвиновой.

Въ этой же залѣ общество принимало иностранныхъ делегатовъ и слушало доклады своихъ членовъ, побывавшихъ на международныхъ женскихъ конгрессахъ въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ.

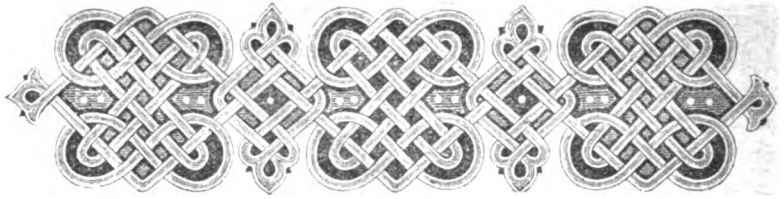
Главное значеніе, главная заслуга Русскаго женскаго взаимноблаготворительнаго общества заключается въ томъ, что оно является первымъ въ Россіи женскимъ союзомъ. Впослѣдствіи были основаны другія женскія общества: общество попеченія о бѣдныхъ молодыхъ дѣвицахъ, общество защиты женщинъ, общество охраненія здоровья женщинъ. Основательницы всѣхъ этихъ обществъ состояли или состоятъ членами Русскаго женскаго взаимноблаготворительнаго общества, и здѣсь приобрѣли онѣ вкусъ къ общественной дѣятельности, опытность, инициативу и умѣнье осуществлять на практикѣ стремленіе къ улучшенію положенія русской женщины.

Мы стоимъ теперь на грани новой жизни. Сообразно съ измѣненіями въ общественномъ строѣ Россіи, измѣнится, обновится и расширится дѣятельность нашего общества. Уже образовалась коммиссія по переработкѣ устава, изъ котораго предполагается устранить всѣ тѣ параграфы, которые стѣсняли и ограничивали жизнь общества.

Но, устраиваясь по-новому, наше общество сохранить, конечно, свои основные принципы, а именно взаимопомощь, высшіе духовные интересы и неуклонное стремленіе къ равноправности женщинъ.

Е. Чебышева-Дмиріева.

7/10

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ императорскаго Русскаго историческаго общества.
Томъ 120. Юрьевъ. 1905.

ТО ДВАДЦАТЫЙ томъ «Сборника императорскаго историческаго общества» заключаетъ въ себѣ продолженіе дѣлъ кабинета министровъ, издаваемыхъ проф. Филиповымъ. Въ предшествующихъ нашихъ рецензіяхъ мы охарактеризовали это учрежденіе, какъ имѣющее прямую связь съ кабинетомъ Петра Великаго. Кабинетъ Петра Великаго былъ его личной канцеляріей и учрежденіемъ, вѣдавшимъ его личныя суммы. Государь вызывалъ въ него тѣхъ государственныхъ людей, которые могли быть въ давнее время ему полезны совѣтомъ, и при кабинетѣ происходили такъ называемыя консиліи (совѣщанія). Такъ, «сентября, въ 14 день 1719 года», — читаемъ въ протоколахъ консилій, находящихся въ государственномъ архивѣ: — «по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, были въ кабинетѣ генераль-фельдцейхмейстеръ кавалеръ и президентъ Яковъ Виллимовичъ Брюсъ и тайный совѣтникъ баронъ фонъ-Любрастъ и приказали каламиношный и шпалерный и кожевенный заводы, которые нынѣ въ С.-Петербургѣ, отдать въ содержаніе охочимъ людямъ съ вѣкоторымъ награжденіемъ, и чтобъ оныя умножать и русскихъ людей обучать и тѣшиться, чтобъ оныя товары въ мастерствѣхъ и въ добротѣ были» .. и т. д. Въ кабинетѣ поступали челобитныя, донесенія и т. д. Съ такимъ же значеніемъ это учрежденіе, уничтоженное при императорѣ Петрѣ II, было возстановлено подъ именемъ кабинета министровъ при Аннѣ Иоанновнѣ, по иниціативѣ знаменитаго Остермана, да и оставалось таковымъ до 1735 г.; когда оно становится высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, совершенно заслонившимъ собою сенатъ. Томъ 120 обни-

маетъ время отъ января до юня 1738 г. Несмотря на свое значеніе, какъ высшего правительственнаго учрежденія, кабинетъ министровъ въ указанное время попрежнему вѣдаетъ и личное хозяйство государыни; напимѣрь, заботится о доставленіи ей кошекъ, пѣвчихъ и т. д. Со вѣмъ этимъ, однако, нельзя не отдать справедливости вопреки общепринятому мнѣнію, несомнѣнно, здравому государственному смыслу его. Правленіе его было, правда, не мягко, доимочная канцелярія дѣйствовала исправно, но въ отношеніи жестокости съ ней могутъ соперничать аналогичныя учрежденія Петра Великаго. Въ указанное время все вниманіе кабинета было устремлено на присканіе средствъ для войны съ турками, которая велась Минихомъ, вѣрнымъ представителемъ традицій Петра Великаго, и имѣла цѣлью загладить неудачи послѣдняго. Такъ, въ протоколѣ 20 марта 1738 г. мы находимъ слѣдующій любопытный отпущекъ указа знаменитому фельдмаршалу: «Полученныхъ третьяго дня при доношеніи вашимъ (Миниха) отъ 5 марта табелей, отъ ген.-лейтенанта фонъ-Штофеля изъ Очакова къ вамъ присланныхъ, съ немалымъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ мы усмотрѣли о великомъ числѣ въ тамошнемъ гарнизонѣ больныхъ и безпрестанно умирающихъ, и что въ одномъ прошедшемъ январѣ мѣсяцѣ слишкомъ тысяча человекъ померло; мы не сумнѣваемся, что вы по такимъ вѣдомостямъ о всемъ, что въ томъ всякимъ удобовозможнымъ образомъ въ помощь употреблено быть можетъ, особливо же и въ томъ, чтобъ въ надлежащемъ призрѣніи больныхъ ничего не упущено и все, еже къ пользованію и лѣченію оныхъ, какъ въ пищѣ и въ лѣкарствѣ, такъ и въ прочемъ, по состоянію тамошнихъ болѣзней, которыя, по объявленію присланнаго отъ васъ офицера, наибольше въ скорбутикѣ состоятъ, потребно и полезно быть можетъ, съ крайнѣйшимъ прилежаніемъ туда отправлено было, всеревностныя опредѣленія учинить и о всемъ томъ радѣтельное свое попеченіе имѣть не преминете и надѣемся, что нынѣ уже водяной путь къ Очакову свободенъ, и для того отправленіемъ туда потребныхъ припасовъ и вещей то лучше ускорено быть можетъ. И понеже вѣроятно есть, что между иными къ тамошнимъ болѣзнямъ причинами онѣ иногда и отъ тамошней плохой воды и отъ житія въ землянкахъ отъ болѣпей части происходятъ; а сверхъ того пріѣзжій отъ васъ офицеръ здѣсь сказалъ, что турки тамо всегда воду свою отъ нѣкотораго мѣста въ 15 верстахъ отъ Очакова возили, яко извѣстно, что при ихъ войскахъ всегда особливые люди въ возкѣ воды держатся, того ради вы и о томъ разсмотрѣніе имѣть будете, не лучше ли помянутому нынѣ съ генераль-майоромъ Кейзерлингомъ туда отправляемому сукурсу (sic), по прибытіи своемъ не въ городѣ и въ тѣхъ землянкахъ, но на полѣ, особливо когда нынѣ погода уже теплѣе становится, стоять. И, ежели то правда, какъ прапорщикъ Калманъ объявилъ, что въ пятнадцати верстахъ отъ Очакова вода хорошая, которую и турки всегда брали, имѣется, то не можно ли тому сукурсу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оная вода, такъ долго, какъ въ разсужденіи непріятеля и тамошнихъ обращеній и обстоятельствъ, безъ предосужденія, возможно будетъ, стоять. Не меньше же весьма и необходимо потребно, чтобъ, сколько возможно колодезей, для убѣжанія отъ нездоровой воды, копано было, еже все мы вашему разсужденію предаемъ, чтобъ вы въ томъ такія диспозиціи учинили, какъ наилучше воз-

можно и полезно для прекращенія такихъ злыхъ болѣзней быть можетъ, въ чемъ мы на ваше доброе радѣнїе, что вы сами о сысканїи и употребленїи въ томъ всѣхъ удобныхъ мысленныхъ способовъ крайнее старанїе имѣть будете всемилостивѣйше благонадежны. И понеже такожде тамошнему гарнизону въ мясѣ особливо нужда и недостатокъ быть имѣеть, то, ежели-бъ иногда отъ запорожскихъ казаковъ быковъ и барановъ покупкою достать возможно было бѣ, то мы не сумнѣваемся, что вы и о томъ старанїе имѣть не преминете» (стр. 244). Затѣмъ мы находимъ указъ генералу Румянцеву, подтверждающій прежнїе указы о скорѣйшемъ отправленїи къ генералъ-фельдмаршаламъ фонъ-Ласси и фонъ-Миниху казаковъ и воловъ, въ показанныя отъ нихъ мѣста и сроки. Однако, очевидно, кабинетъ не удовлетворился распоряженїемъ Румянцева, такъ какъ указы того же содержанїя неоднократно повторяются. На ряду съ этимъ кабинетъ не ограничивается однимъ выколачиванїемъ податей, но предпринимаетъ энергичныя мѣры для пресѣченїя распространенныхъ злоупотребленїй и для собиранїя вѣдомостей о всѣхъ доходахъ къ составленїю «государственной окладной книги» — громаднѣйшїй шагъ впередъ для своего времени. Мы замѣчаемъ въ дѣятельности кабинета министровъ ту же глубокую вѣру въ силу правительственной опеки и регламентаціи, которую насадилъ въ своихъ сподвижникахъ Петръ Великій. Такъ, въ подписанномъ кабинетъ-министрами указѣ Румянцеву отъ 18 апрѣля 1738 г. мы читаемъ: «Хотя прошедшаго 1737 г. въ нашемъ указѣ, отъ 2 числа (?) отправленномъ въ Глуховъ, къ бывшему тогда тамо генералу, князю Барятинскому, при жизни его писано о надлежащемъ во всей Украинѣ распоряженїи и смотрѣнїи, чтобъ тамошнія земли отъ обывателей безъ паханїя и безъ посѣванїя хлѣба нигдѣ оставлены не были, о чемъ и вы, по вступленїи своемъ въ управленїе Малой Россїи и Слободскихъ полковъ отъ тамошней канцелярїи, безъ сомнѣнїя, свѣдомы и прилежнаго въ томъ смотрѣнїи чинить не упустите. Но понеже въ ономъ натуральнымъ образомъ главнѣйшая нужда состоитъ и первое основанїе всего прочаго есть, чтобъ земля безъ пашни и безъ посѣва хлѣба впускъ не лежала, того ради вышеозначенный нашъ прежнїй указъ симъ вамъ наискрѣпчайше подтверждается, дабы вы о томъ, яко о самонужнѣйшемъ дѣлѣ, всеприлежное радѣнїе и попеченїи употребили и, для лучшаго побужденїя къ тому обывателей, какъ въ Малой Россїи, такъ и въ Слободскихъ полкахъ, чрезъ листы именовъ нашимъ публиковали, чтобъ они земли свои, не запущая отнюдѣ въ пустоту, всѣ пахали и хлѣбъ сѣяли, такожь и сѣна, заготовляли сколько возможно болѣе, изъ чего имъ самимъ можетъ быть отъ продажи онаго въ армію нашу великая польза. И хотя обыватели тамошнїе до сего времени не малою частїю при арміи нашей къ разнымъ дѣламъ и работамъ, и особливо прошедшаго лѣта къ защищенїю линїи и границъ, изъ оставшихъ за командированїемъ въ арміи наши казаковъ и поснолистыхъ людей 50.000 человекъ употреблены были, но нынѣ для облегченїя того народа нашъ генералъ-фельдмаршалъ, графъ Минихъ, какъ онъ намъ отъ 5 сего апрѣля доносилъ, опредѣлялъ къ защищенїю линїи и границъ и къ потребнымъ работамъ нарядить и выслать противъ прошлогодскаго только третью долю, то-есть 16.666 человекъ, еже отъ насъ всемилостивѣйше и апробовано. И тако, отъ толь немалой убавки, людей довольное

число въ домѣхъ ради своей экономіи останется. И для того можете вы во всѣхъ мѣстахъ надежныхъ людей къ смотрѣнію опредѣлить, чтобъ они обывателей къ паханію земли и къ сѣянію хлѣба всякими образы побуждали и того прилежно предсерегали, чтобъ земли нигдѣ безъ засѣва хлѣба и безъ собранія сѣна отнюдь впустѣ не оставались, что все вамъ наискрѣпчайше рекомендуется, дабы вы какъ во ономъ, также чтобъ и жители тамошніе за границу и инуда куда не разбѣгались и предудержаны были, крайнѣйшее попеченіе и стараніе имѣли и всякіе къ тому, по тамошнему состоянію и обстоятельствамъ, наилучше возможные способы и средства изыскали и употребляли, въ чемъ вы, какъ и во всемъ прочемъ, имѣете поступать по сношенію съ генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ фонъ-Минихомъ, и по наставленіямъ его»... (стр. 332).

Наконецъ заслуживаютъ вниманія заботы кабинета о благоустройствѣ и застроеніи Петербурга.

Касательно личности Анны Іоанновны мы находимъ также небезынтересныя указанія. О царствующахъ лицахъ лучше всего можно судить по ихъ резолюціямъ. Резолюціи императрицы Анны Іоанновны всегда показываютъ, что она глубоко вникала въ дѣла, и отличаются большою обстоятельностью; вотъ, напримѣръ, какую обширную резолюцію кладетъ она на одномъ докладѣ: «Понеже сенатъ представляетъ, чтобъ съ наслѣдниковъ бывшаго полковника и оберъ-рекегмейстера Тихомирова начетныхъ денегъ 1.062 рублей 88 коп., за вѣрныя, долговременныя и безпорочныя его службы, не взыскивать и заслуженное жалованье 1.238 рублей 2 коп. выдать, представляя за резонъ полковничью инструкцію 724 и указъ 731 г.г. о счетчикахъ изъ солдатъ, такожъ и изъ подьячихъ, во оныя указы къ сему дѣлу весьма не приличны, ибо гласятъ объ однихъ счетчикахъ, у подушного сбора будущихъ, которые у самихъ крестьянъ изъ рукъ деньги принимаютъ, и то такимъ по гривнѣ съ каждой 100 рублей платить налѣпо, которые своего счета деньги исправно отдадутъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отдавать будутъ; и ежели по тому указу въ примѣръ ставить всѣхъ прочихъ счетчиковъ, такожъ и управителей, у которыхъ деньги на рукахъ есть, то въ каждомъ году исходить будетъ на нихъ немалая сума напрасно. Того ради наискрѣпчайше запрещается впредь такихъ неприличныхъ указовъ (отчего можетъ произойти казенный убытокъ или кому какой вредъ) отнюдь въ примѣръ не подписывать, а особливо сего смотрѣть оберъ-секретарямъ и секретарямъ, ибо ихъ должность наиболѣе въ томъ состоитъ, чтобъ всѣ дѣла по порядку разобраны и надлежаще окреснены (sic) были, что имъ подъ объявленнымъ въ генеральномъ регламентѣ штрафомъ подтверждается; что же о невзысканіи съ наслѣдниковъ его, Тихомирова, начета касается, то надлежитъ въ оный начетъ замѣнить недоданное ему заслуженное жалованье, которое для того, по опредѣленію шгатсъ-конторы нарочно удержано, а достальныя затѣмъ 175 рублей 14 коп. выдать наслѣдникамъ его, буде бытности его въ рентереѣ всѣ счета окончены и, кромя вышеупомянутаго, начета не явилось» (стр. 13—14). Какъ же можно послѣ этого утверждать, будто бы Анна Іоанновна не занималась государственными дѣлами!.. Отмѣтимъ еще, что въ этомъ томѣ напечатанъ именной указъ сенату о назначеніи кабинетъ-

министромъ знаменитаго соперника Остермана А. П. Волинскаго (стр. 283) 3 апрѣля 1738 г.

Напечатанный г. Филиповымъ богатый матеріалъ для исторіи царствованія императрицы Анны Іоанновны является громаднымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Рѣдкому царствованію такъ не посчастливилось въ нашей литературѣ, какъ царствованію Анны Іоанновны, и оно особенно нуждается въ реабилитаціи. Пресловутая бироновщина должна отойти въ область мѣа: истинными правителями государства были Остерманъ и Минихъ, прямые продолжатели традицій великаго преобразователя. В. Строевъ.

Воронежская Старина. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Выпускъ пятый. Воронежъ. 1905.

Въ первомъ отдѣлѣ недавно вышедшаго въ свѣтъ пятаго выпуска «Воронежской Старины» помѣщены слѣдующіе матеріалы: 1) «Матеріалы по исторіи монашества на Дону», 2) «Матеріалы для исторіи Воронежской епархіи (изъ рукописей Рязанской духовной семинаріи)» — С. Н. Введенскаго (немало интересныхъ данныхъ для исторіи церковной жизни Воронежской украины XVIII в.) и 3) «Данныя о св. Митрофанѣ Воронежскомъ (изъ архивныхъ разысканій)» того же автора и 4) «Матеріалы для исторіи Воронежской епархіи. Время епископа Арсенія II (1800—1810),» — А. М. Правдина. «Матеріалы по исторіи монашества на Дону», собранные П. В. Никольскимъ, уже печатались на страницахъ «Воронежской Старины». Въ выпускахъ второмъ и четвертомъ были помѣщенъ первый отдѣлъ ихъ: «Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи». По поводу послѣднихъ г. Никольскій въ предисловіи говоритъ: «Грамоты коллегіи экономіи, изложенныя полностью или въ извлеченія въ первомъ отдѣлѣ матеріаловъ, при важности своего содержанія, представляютъ цѣльный и однородный матеріалъ, характеризующій экономическое и общественное положеніе монастырей в. XVII и въ началѣ XVIII в. Мы назвали эти грамоты фундаментомъ, на которомъ можно строить самую исторію монастырей, и безъ котораго эта исторія окажется висяцею на воздухѣ. Но этотъ матеріалъ далеко не даетъ цѣльнаго представленія о жизни монастырей за указанное время. Ясное представленіе объ этой жизни можно было бы составить при чтеніи лѣтописныхъ замѣтокъ, разсказовъ современниковъ и систематическихъ монастырскихъ архивовъ... Въ виду почти полнаго отсутствія архивныхъ матеріаловъ въ донскихъ монастыряхъ за XVII и XVIII в., г. Никольскому пришлось рыться въ архивахъ Москвы и Петербурга: главнымъ архивъ министерства юстиціи, гдѣ больше всего хранится документовъ для исторіи донскихъ монастырей, Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, Петербургскомъ синодальномъ архивѣ, Петербургскомъ архивѣ морскаго министерства и др. Изъ всѣхъ этихъ хранилищъ онъ извлекъ наиболѣе характерные документы, по большей части, нигдѣ еще не напечатанные или не встрѣчающіеся въ мѣстныхъ архивахъ (напримѣръ, Консистерскомъ), и напечаталъ въ разсматриваемомъ нами пятомъ

выпускъ «Воронежской Старины», подъ заглавіемъ: «Разрозненные документы, хранящіеся въ центральныхъ архивахъ» (всего 52 документа). Вслѣдъ за ними помѣщены, въ видѣ третьяго отдѣла «Матеріаловъ»: «Мѣстные архивы. Обзоръ документовъ, хранящихся въ архивѣ Воронежской духовной консисторіи». Здѣсь наиболее любопытна общая характеристика положенія архивнаго дѣла въ Воронежской епархіи, въ заключеніи которой авторъ говоритъ слѣдующее: «Общій обзоръ архивнаго дѣла въ епархіи приводитъ къ мысли, что дѣло это въ настоящее время не поощряетъ и не облегчаетъ, а весьма сильно затрудняетъ изслѣдованіе мѣстной исторіи. За неимѣніемъ подробныхъ описей и указателей, систематическое и всестороннее изученіе этой исторіи даже цѣлымъ учрежденіемъ, каковымъ является комитетъ, еще невозможно. Въ частности это состояніе архивнаго дѣла отняло у насъ возможность воспользоваться архивами духовныхъ правленій, духовныхъ училищъ и приходскихъ церквей... Поневогѣ пришлось ограничиться архивомъ консисторіи—отдѣломъ о монастыряхъ, и архивами монастырскими» (стр. 71). Изъ документовъ приведены «отличающіеся наиболее цѣльнымъ характеромъ», «преимущественно по исторіи закрытія, учрежденія или возстановленія монастырей».

Въ «Данныхъ о св. Митрофанѣ Воронежскомъ» наиболее любопытны вновь найденныя двѣ благословенныя грамоты св. Митрофана на постройку соборной церкви Рождества пресв. Богородицы въ г. Коротоякѣ, 1688—1689 г., и дѣло по челобитію св. Митрофана о томъ, что воеводы г. Коротояка «встукаются во всякія духовныя дѣла» (1688).

Въ концѣ предисловія къ своимъ «Матеріаламъ» г. А. Правдинъ говоритъ, что печатаемые имъ документы составляютъ вторую серію матеріаловъ, которые подъ такимъ же заглавіемъ помѣщались въ «Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (съ 1890 по 1896 г.). «Виднѣе различіе между ними заключается въ томъ, что раньше извлекались мною краткія постановленія консисторіи и резолюціи архіерейскія изъ «Журналовъ» присутствія консисторіи, а теперь предлагается рядъ документовъ болѣе сложныхъ и по содержанию и по объему, взятыхъ изъ сборниковъ «Протоколовъ» консисторіи и «Предложеній» архіерейскихъ въ консисторію».

На основаніи вышеуказанныхъ матеріаловъ, добытыхъ изъ консисторскаго архива, въ отдѣлѣ изслѣдованій г. Правдинъ сообщаетъ «сводъ данныхъ» для исторіи Воронежской епархіи въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, т. е. во время управленія епископа Арсенія II. Вслѣдъ за нимъ помѣщенъ составленный Н. П. Поликарповымъ біографическій очеркъ: «Левъ Юрловъ, пятый епископъ воронежскій (1727—1730)», представляющій собою единственную полную біографію этого невинно пострадавшаго въ мрачное царствованіе Анны Иоанновны полезнаго духовнаго дѣятеля. Далѣе идетъ довольно подробный «церковно-историческій и географическій этюдъ» С. Н. Введенскаго: «Червленый Яръ», подъ которымъ авторъ, вопреки мнѣнію Д. П. Иловайскаго, Л. Б. Вейнберга, Е. Л. Маркова и др., разумѣетъ «пограничную полосу Рязанскаго княжества по рѣкамъ Дону и Хопру», служившую «яблокомъ раздора между татарами и сарайскими епископами». За этимъ этюдомъ помѣщены принадлежащія перу того же С. Н. Введенскаго—небольшой очеркъ «Хозяйственной дѣятельности

Тешевского (Задонскаго) монастыря на донской окраинѣ въ XVII в. и въ первые годы XVIII вѣка» и замѣтка о «Пожарѣ Воронежскаго Благовѣщенскаго собора въ 1628 году».

Послѣ официального отдѣла «отчетовъ», въ которыхъ находятся и небольшіе рефераты, въ приложеніи помѣщено довольно цѣнное «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Воронежской епаркіи. I. Воронежскій уѣздъ. Церкви города Воронежа». Сюда вошли описанія: 1) Воронежскаго Благовѣщенскаго Митрофана монастыря (бывшаго Благовѣщенскаго собора г. Воронежа), Н. И. Полякарпова; 2) Воронежскаго Троицкаго коедральнаго собора; 3) Успенской церкви (бывшаго Успенскаго монастыря); 4) Спасской церкви, свящ. Т. Попова; 5) Покровской церкви, Влад. Нечаева, и 6) Николаевской церкви, А. М. Правдина.

Таково содержаніе разсматриваемаго нами пятаго выпуска «Воронежской Старины». Если мы вспомнимъ, что такихъ обширныхъ пять выпусковъ издано въ теченіе 1902—1905 гг., то намъ останется лишь порадоваться и отнестись съ глубокой благодарностью къ столь плодотворной дѣятельности новаго провинціального историко-археологическаго общества, далеко опередившаго своего одновременно возникшаго собрата—Воронежскую ученую архивную комиссію.

В. Рудаковъ.

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонвизинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и матеріалы). Составили В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1905.

Настоящая книга является первымъ томомъ задуманнаго кружкомъ нашихъ историковъ изданія, посвященнаго исторіи общественнаго движенія первой половны XIX вѣка. По словамъ одного изъ составителей сборника, планъ изданія состоитъ въ томъ, чтобы давать наиболѣе важныя произведенія, принадлежащія перу видныхъ участниковъ движенія, а также матеріалы, изображающіе ихъ жизнь въ связи съ этимъ движеніемъ, и снабжать печатаемые матеріалы руководящими статьями въ видѣ біографическихъ очерковъ или характеристикъ избранныхъ лицъ.

Въ первомъ томѣ помѣщены: 1) М. А. Фонвизинъ, біографическій очеркъ, составленный В. И. Семевскимъ (1—96 стр.); 2) Обзорніе проявленій политической жизни въ Россіи—М. А. Фонвизина; 3) Князь Е. П. Оболенскій—В. Богучарскаго (203—230); 4) Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго; 5) Баронъ В. И. Штейнгель, біографическій очеркъ В. И. Семевскаго (281—324); 6) Записки барона В. И. Штейнгеля, подъ редакціей П. Е. Щеголева, и 7) Письма В. И. Штейнгеля къ императору Николаю I, тоже подъ редакціей П. Е. Щеголева (475—495). Къ этимъ статьямъ приложены три прекрасно выполненныя портрета тѣхъ декабристовъ, которымъ посвященъ этотъ томъ.

Произведенія самихъ декабристовъ: Фонвизина и кн. Оболенскаго, являются впервые въ такомъ полномъ видѣ. Записки Фонвизина, представляю-

ція собою разбѣоръ книги: «Histoire de Russie par M. M. Esneaux et Chenepeschot», дополненный личными воспоминаніями и взглядами Фонвизина на характеръ русской власти, уже были два раза напечатаны: въ 1861 г. за границей и въ 1881 г. въ «Русской Старинѣ» (апрѣль и май); но первое изданіе отличается существенными дефектами, а второе — большими сокращеніями. Въ библіотекѣ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, однако, сохранилась копія рукописи Фонвизина съ его собственными вставками и поправками. Эта копія и послужила дополненіемъ къ прежде изданному тексту. Теперь «Обозрѣніе» Фонвизина является въ наиболѣе полномъ видѣ.

Воспоминанія кн. Оболенскаго, кромѣ заграничныхъ изданій, были извѣстны, въ значительно сокращенномъ видѣ, по сборнику Бартенева «Деятнадцатый вѣкъ». Здѣсь они напечатаны полностью. Записки В. И. Штейнгеля печатались въ нашемъ журналѣ (1900 г., апрѣль, май, іюнь); здѣсь они только перепечатаны, но къ этому еще прибавленъ впервые появляющійся въ печати отрывокъ записокъ, посвященный исключительно 14 декабря, дѣйствіямъ слѣдственной комиссіи и суда, о которыхъ прежде въ «Запискахъ» говорилось кратко. Отрывокъ этотъ написанъ авторомъ черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ описываемыхъ событій и воспроизведенъ не по автографу автора, а лишь по списку, въ которомъ имѣется нѣсколько собственныхъ поправокъ кн. С. П. Трубецкаго. Изданные матеріалы снабжены примѣчаніями составителей сборника.

Каждому изъ этихъ декабристовъ, какъ указано раньше, посвященъ отдѣльный біографическій очеркъ. Очерки составлялись, по указанію авторовъ, не только на основаніи печатныхъ источниковъ, но во многомъ на основаніи невзданныхъ матеріаловъ государственнаго архива, архива департамента полиціи, Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и др. Благодаря этому, въ біографіи вошло много новаго цѣннаго матеріала, характеризующаго общественное движеніе начала XIX вѣка. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ первый очеркъ настоящаго тома: біографія Фонвизина. Въ ней такой серьезный историкъ, какъ В. И. Семевскій, уже нѣсколько лѣтъ специально занимающійся въ архивахъ исторіей декабристовъ, даетъ на основаніи своихъ изысканій общій очеркъ движенія, приведшаго къ 14 декабря. Очеркъ этотъ любопытенъ многими новыми фактическими данными. Для біографіи Фонвизина онъ важенъ еще тѣмъ, что здѣсь дается общій фонъ, на которомъ тотъ выступаетъ не отдѣльно выхваченнымъ дѣятелемъ, а лицомъ, идущимъ рука объ руку съ другими, проникнутымъ одинаковыми съ другими взглядами и убѣжденіями, своего рода типичнымъ представителемъ общаго движенія.

Вообще говоря, нужно отдать справедливость составителямъ сборника: ими произведенъ какъ удачный выборъ лицъ, на которыхъ остановилось ихъ вниманіе въ сборникѣ, такъ и прекрасно выполнена мысль — охарактеризовать этихъ декабристовъ и дать ихъ живой образъ. Каждый изъ нихъ, несомнѣнно, имѣя чисто индивидуальныя черты, въ то же время былъ представителемъ того или другаго типа декабристовъ. Фонвизинъ, человекъ среднихъ лѣтъ, болѣе или менѣе уравновѣшенный, принадлежалъ къ кругу лицъ умѣреннаго образа мыслей изъ числа декабристовъ; въ послѣдніе годы передъ 14 декабря онъ былъ членомъ малодѣятельнымъ и скорѣе сочувствовалъ главнѣйшимъ дѣламъ

декабристовъ, чѣмъ былъ энергичнымъ поборникомъ ихъ. Кн. Оболенскій, молодой, рѣшительный въ мысляхъ, пылкій, былъ преданъ дѣлу всей душой и готовъ былъ жизнью пожертвовать за успѣхъ своего дѣла. Но при этомъ онъ былъ человѣкъ нѣсколько сентиментальный, глубоко вѣрившій въ торжество правды и справедливости безъ упорной борьбы, кристаллически честный, чуждавшійся крови и насилія. Въ сильнѣйшей мѣрѣ сказалась общая увѣренность декабристовъ, что стоитъ имъ рѣшительно и ясно высказать правительству свои требованія, какъ оно пойметъ, что они дѣйствуютъ во имя общаго блага, и исполнитъ ихъ желаніе—дать Россіи конституцію. Бар. Штейнгель—человѣкъ практики, административный дѣлецъ, знавшій Россію изъ непосредственнаго знакомства съ нею, когда онъ бывалъ въ разнообразныхъ мѣстностяхъ по дѣламъ службы; онъ «раздражался и скорбѣлъ сердцемъ отъ всего, что видѣлъ и слышалъ»; въ своей личной дѣятельности онъ старался уменьшить зло общихъ порядковъ государства и помочь тѣмъ, кто отъ нихъ наиболѣе страдаетъ. Штейнгель былъ того мнѣнія, что «Россія къ быстрому перевороту не готова», учрежденіе республиканскаго правленія невозможно, онъ даже порой надѣялся, что самъ государь пойдетъ навстрѣчу истинному благу своего народа и дастъ ему политическую свободу; въ такой надеждѣ онъ написалъ Николаю I замѣчательное письмо, въ которомъ указывалъ на необходимость крупныхъ государственныхъ преобразованій.

Мы съ большимъ интересомъ будемъ ждать продолженія этого изданія. Жаль только, что оно имѣетъ нѣсколько громоздкій форматъ и довольно высокую цѣну (5 рублей). Въ интересахъ общедоступности желательнее было бы болѣе дешевое изданіе этой полезной книги.

М. К.

Михаилъ Соколовскій. Кадетскій журналъ полъ-вѣка назадъ. Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, какъ повременное изданіе. 1836—1863. Историко-библиографическій очеркъ. Спб. 1905.

Въ исторіи русскихъ военно-учебныхъ заведеній 1835 годъ является знаменательнымъ моментомъ: въ этомъ году на должность начальника штаба по управленію военно-учебными заведеніями былъ назначенъ Я. И. Ростовцевъ, оставившій о себѣ благодарную память во многихъ поколѣніяхъ кадетъ николаевскаго времени. Энергично трудясь надъ улучшеніемъ учебной части корпусовъ и военныхъ училищъ, онъ заботился также и о моральномъ развитіи воспитанниковъ, примѣняя для того всѣ доступныя ему средства.

Я. И. Ростовцевъ не былъ чуждъ литературѣ и въ молодости писалъ стихи: памятникомъ его поэтическихъ опытовъ остались трагедія «Персей» и «Дмитрій Пожарскій». Поэтому немудрено, что онъ увлекся мыслью воспользоваться помощью литературы, чтобы благотворно вліять на души и умы своихъ юныхъ питомцевъ. И вотъ въ іюль 1836 г. въ Петербургѣ возникло одно изъ первыхъ дѣтскихъ періодическихъ изданій «Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній»,

Идея Ростовцева оказалась на практикѣ очень счастливою, и журналъ, выходя небольшими книжками по два раза въ мѣсяцъ, благополучно просуществовалъ безъ малаго тридцать лѣтъ. Обновленіе русской общественной жизни, наступившее вслѣдъ за севастопольскимъ погромомъ, отразилось и на судьбѣ военно-учебныхъ заведеній: тогда же возникла идея ихъ преобразованія, и въ среду корпусныхъ преподавателей стали проникать люди съ такимъ громкимъ литературнымъ именемъ, какъ Иринархъ Введенскій, Чернышевскій и др. Общій подъемъ интереса къ печатному слову не остался безъ вліянія на тиражъ «Журнала военно-учебныхъ заведеній»: конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ слѣдуетъ считать періодомъ его расцвѣта и наибольшаго распространенія. Такъ, въ 1858 г. онъ расходился въ количествѣ 1025 экземпляровъ — цифра для спеціальнаго органа того времени довольно внушительная. Однако, несмотря на свою популярность, журналъ въ октябрѣ 1863 г. прекратился навсегда и былъ замѣненъ «Педагогическимъ Сборникомъ», издававшимся подъ редакціей Н. Х. Весселя и В. П. Острогорскаго.

Мы считаемъ нелишнимъ напомнить эти факты изъ прошлаго «Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній», такъ какъ г. Соколовскій, къ сожалѣнію, не сообщаетъ ихъ въ своемъ почтенномъ и любопытномъ трудѣ.

Существуетъ двѣ системы библиографическихъ описаній журналовъ: одна изъ нихъ, сухая и строгая, другая болѣе яркая и субъективная. При одной — продуктомъ изученія періодическаго изданія является подробный сводъ всѣхъ его статей, съ краткой критической ихъ оцѣнкою. Придерживаясь второй, авторъ дѣлитъ исторію изданія на періоды и въ хронологическомъ порядкѣ ведетъ обзоръ статей по отдѣламъ. Въ послѣднемъ случаѣ получается систематизированный историко-библиографическій обзоръ. Въ своемъ трудѣ г. Соколовскій не слѣдуетъ строго ни одной изъ этихъ системъ. Онъ рассматриваетъ «Журналъ военно-учебныхъ заведеній» въ цѣломъ, за всѣ три десятилѣтія его существованія сразу, отчего выяснить себѣ его исторію чрезвычайно трудно. У редакціи каждаго органа печати, а тѣмъ болѣе преслѣдующаго педагогическія цѣли, постепенно вырабатывается своя практика и свои приемы бесѣды съ читателями, а между тѣмъ изложеніе г. Соколовскаго этого не предусматриваетъ, и авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что именно съ данной точки зрѣнія его библиографическій обзоръ можетъ быть особенно интересенъ.

Однако, невзирая на этотъ весьма существенный недостатокъ, г. Соколовскому нельзя отказать въ умѣнн критически выбирать и типично группировать журнальный матеріалъ, очень удачно пользуясь имъ для цѣлей своего изложенія.

«Журналъ военно-учебныхъ заведеній» издавался по слѣдующей программѣ, распадаясь по содержанію на четыре отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ — словесности, печатались статьи, заимствованныя изъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ. Сюда входили проповѣди, географическія описанія и беллетристика. Второй отдѣлъ исторіи носилъ преимущественно біографическій характеръ. Впрочемъ, здѣсь преобладали не самостоятельныя и законченныя жизнеописанія, а скорѣе матеріалы для нихъ, — то, что въ доброе старое время называлось «чертами изъ

жизни». Слѣдую подлинному выраженію программы, «этотъ отдѣлъ долженъ знакомить молодыхъ читателей съ великими людьми, которые заслужили знаменитость на поприщѣ военномъ, гражданскомъ и литературномъ». Что касается послѣднихъ, то изъ описанія г. Соколовскаго легко вывести, что писатели особеннымъ фаворомъ редакціи не пользовались: хотя Ломоносову, Батюшкову, Карамзину, И. М. Долгорукому и др. посвящены отдѣльныя статьи, однако съ гораздо большею любовью и вниманіемъ журналъ останавливается на военныхъ герояхъ и дѣятеляхъ.

Третій отдѣлъ предназначался для науки и художествъ, понятыхъ редакціей въ специфически-милитарномъ смыслѣ: такъ, въ немъ помѣщались статьи о достопримѣчательныхъ войнахъ, извѣстныхъ осадахъ и сраженіяхъ, тогда какъ естественно-историческія и другія науки стояли на второмъ планѣ. Наконецъ, смѣсь составляла четвертый отдѣлъ журнала, наполненный преимущественно анекдотами и замѣтками случайнаго содержанія.

Изложеніе свое г. Соколовскій ведетъ не по четыремъ, а по тремъ отдѣламъ, выдѣляя самостоятельную часть все, что касается военного быта и военной службы. При этомъ, въ виду особенной цѣнности военного отдѣла авторъ помѣщаетъ его на первое мѣсто и, такимъ образомъ, рассматриваетъ статьи въ слѣдующей постепенности и по слѣдующимъ специальностямъ: 1) военныя знанія, 2) историческія знанія, 3) беллетристика и естественно-историческія науки.

Изъ дѣлаемой авторомъ характеристики каждаго изъ трехъ названныхъ отдѣловъ мы легко можемъ заключить, что редакція предпочитала монографическую систему изложенія исторіи военной и гражданской, географіи и естественныхъ наукъ обширнымъ и связнымъ обзорамъ, что не лишено нѣкоторой доли педагогическаго остроумія, ибо ребенку легче запомнить въ извѣстной обстановкѣ отдѣльную личность и отдѣльное явленіе, нежели цѣлую цѣпь ихъ. Среди историческихъ характеристикъ мы встрѣчаемъ въ журналь портреты Петра Великаго, Екатерины II, Потемкина, Безбородка и въ особенности Суворова, къ которому редакція относится съ неизмѣннымъ уваженіемъ и посвящаетъ ему рядъ статей и замѣтокъ.

Современныя журналу историческія событія, конечно, въ области внѣшней, а не внутренней политики, нашли свое отраженіе въ журналѣ, какъ въ формѣ официальныхъ реляцій, такъ и въ литературной обработкѣ отдѣльных ихъ моментовъ. Здѣсь мы читаемъ и о войнѣ съ Турціей 1828 г., и о покореніи Кавказа, и объ оборонѣ Севастополя. Очень недурно велся беллетристическій отдѣлъ, пестрѣвшій именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковскаго, Аксакова, Кукольника, Федора Кони и даже Льва Толстого («Дѣтство и отрочество»). Къ сожалѣнію, на характеристикѣ этого отдѣла г. Соколовскій не останавливается вовсе и, посвящая ему лишь восемь строкъ, говоритъ, что онъ составляетъ прекрасную хрестоматію, не утратившую своего значенія даже для настоящаго времени.

Въ началѣ своего существованія журналъ отводилъ на своихъ страницахъ мѣсто исключительно подъ перепечатку статей, цѣликомъ или въ извлеченіяхъ, наиболѣе извѣстныхъ и талантливыхъ авторовъ. Въ дальнѣйшемъ

своемъ существованіи журналъ сталъ печатать также сочиненія самихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Такойъ обычаею, по мнѣнію г. Соколовскаго, трудно признать удачнымъ: журналъ, обращаясь изъ органа для чтенія воспитанникамъ въ изданіе произведеній самихъ воспитанниковъ, не могъ придерживаться своей военно-педагогической программы, ясно обрисованной всѣмъ предыдущимъ его существованіемъ; этимъ невольно нарушалась цѣнность его матеріала; кромѣ того, печатаніе произведеній самихъ кадетъ въ журналъ, игравшемъ до извѣстной степени роль офиціоза, составляло нѣсколько рискованный пріемъ (стр. 118).

Вообще говоря, журналъ въ полномъ смыслѣ слова могъ быть названъ военнымъ періодическимъ изданіемъ, и его редакція почерпала матеріалъ изъ различныхъ военныхъ трудовъ, иногда весьма дорогихъ и потому мало доступныхъ, знакомила съ этими трудами большую аудиторію; она ихъ, такъ сказать, популяризировала, пуская въ обращеніе (стр. 63), и, прибавимъ отъ себя, дѣлала это съ большимъ мастерствомъ и знаніемъ литературныхъ вкусовъ своихъ юныхъ читателей.

У старыхъ кадетъ «Журналъ военно-учебныхъ заведеній» оставилъ по себѣ навсегда прекрасную память.

Разрозненный, сохранившійся въ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ и составляющій большую библиографическую рѣдкость, «Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній» доступенъ не всякому, тогда какъ книга г. Соколовскаго, изобилующая цитатами и излагающая содержаніе многихъ статей, даетъ, такъ сказать, первоначальную руководящую нить для ознакомленія съ этимъ интереснымъ изданіемъ. Кромѣ того, нынѣ предполагается возрожденіе журнала для чтенія въ кадетскихъ корпусахъ, и будущей его редакціи ознакомленіе съ кадетскимъ журналомъ временъ минувшихъ можетъ дать кое-какія полезныя и поучительныя указанія. Исходя же изъ той точки зрѣнія, что дѣтямъ и внукамъ не слѣдуетъ забывать мыслей и книгъ, волновавшихъ и занимавшихъ ихъ отцовъ и дѣдовъ, можно поблагодарить г. Соколовскаго за прекрасное изданіе его цѣннаго труда, хотя и не свободнаго отъ недостатковъ, но провѣнутаго живой любовью къ избранной имъ темѣ.

С. ф.-Ш.—нѣ.

В. В. Сиповскій. Политическія настроенія въ русскомъ романѣ XVIII вѣка. Спб. 1905.

Еще до начала революціи 1789 г. грозные предвѣстники ея все яснѣе и яснѣе давали знать всѣмъ о грядущихъ переворотахъ. При посредствѣ изящной литературы, популярной философіи и театральной пьесы народная масса во Франціи постепенно готовилась къ принятію новыхъ идей, и вотъ первые отзвуки ихъ безъ труда слышались и въ салонной болтовнѣ блестящей свѣтской дамы Парижа, и въ говорѣ шумной толпы, и въ рукописканіяхъ капризнаго «партера», и въ мечтахъ сентиментальнаго утониста-провинціала... Эти новыя идеи съ неюбъидимою силою охватили французскую мысль конца вѣка, мало-по-малу подчиняя себѣ всѣ возможныя проявленія ея (стр. 1). Не

осталось чуждо этимъ настроеніямъ и русское общество XVIII вѣка. Отъ той эпохи до нашихъ дней сохранилось нѣсколько туманныхъ образовъ: Новиковъ, Радищевъ—наиболѣе интересные изъ нихъ. Стоитъ освѣтить ихъ съ точки зрѣнія тѣхъ идей, которыми была одушевлена «предреволюціонная» литература, и смутныя очертанія обоихъ общественныхъ дѣятелей Екатерининской эпохи смѣнятся рѣзкими контурами: мы поймемъ, въ какомъ направленіи работала ихъ мысль, чѣмъ она питалась, и отчего для Екатерины оба дѣятеля казались опасными. «Предреволюціонная литература поможетъ намъ разобраться въ такихъ странныхъ фактахъ, какъ, наприимѣръ, участіе русскихъ аристократовъ въ штурмъ Бастиліи; она объяснитъ намъ, откуда взялись у насъ въ матушкѣ Москвѣ горячіе сторонники республиканскаго правленія, она укажетъ намъ, почему наши кадеты въ корпусахъ съ увлеченіемъ переводили «марсельзу» на русскій языкъ, почему многіе изъ русскихъ людей того времени горячо интересовались французской революціей и, что особенно важно, умѣли вѣрно судить о социальныхъ и историческихъ причинахъ этого движенія». (стр. 2—3). Анализируя литературныя произведенія Екатерининской эпохи, г. Сиповскі признаетъ, что политическія вѣянія въ Россіи XVIII вѣка были гораздо сильнѣе и распространениѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и хотя не отличались тою страстною интенсивностью, какъ въ Западной Европѣ, но ярко отразились въ повѣсти и романѣ того времени.

Видную роль въ «предреволюціонной» беллетристикѣ играла та форма литературнаго произведенія, которая называется утопіей и которая, несмотря на свою условность, существуя на протяженіи многихъ столѣтій, дождала въ букввальномъ смыслѣ слова, до нашихъ дней: только что появился русскій переводъ «Современной утопіи» англійскаго романиста Уэльса (H. G. Wells. A modern Utopie. Leipzig. 1905). Характерно при этомъ и то обстоятельство, что утопіи, въ большинствѣ случаевъ, появляются или въ періоды глубокаго недовольства политическимъ настоящимъ и угнетенія свободной человѣческой мысли или же въ реформаціонные періоды исторіи, какъ это и было въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II.

Прототипомъ извѣстныхъ намъ романовъ XVIII столѣтія съ сильной политической закваской являются «Приключенія Телемака» Фенелона, которымъ подражала цѣлая плеяда русскихъ писателей. Къ ихъ числу принадлежатъ Херасковъ («Нума, или процвѣтающій Римъ»), «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи»), Эминъ («Приключенія Фемистокла»), также Чулковъ («Русскія сказки»), Захарьинъ («Арфаксадъ»), Львовъ («Россійская Памела») и, отчасти, сама Екатерина II, которая своею «Сказкою о царевичѣ Февѣ» дала современной ей литературѣ толчекъ именно въ этомъ направленіи. Любопытно, что въ произведеніяхъ перечисленныхъ нами авторовъ сплошь и рядомъ, что называется—пходя, высказываются совершенно тѣ же самыя мысли, которыя, нѣсколько лѣтъ спустя, доставили столько тяжелыхъ злоключеній Княжину и Радищеву, не сиранившимся съ измѣнившимся послѣ 1789 года «духомъ времени».

Въ своей содержательной книжкѣ г. Сиповскій ярко характеризуетъ то мучительное чувство разочарованія, которое испытывали теоретики революціи

отъ примѣненія оя на практикѣ. Дѣйствительно, казалось, что Франція 1789 г. представляетъ собою исключительно благопріятную почву для непосредственнаго проведенія благородныхъ утопій XVIII вѣка въ жизнь, но суровая дѣйствительность безошадно разбила всѣ надежды утопистовъ-идеологовъ.

Авторъ принадлежитъ къ числу выдающихся знатоковъ русской литературы XVIII и XIX столѣтій, въ частности же исторіи русской повѣсти и романа, которымъ посвятилъ немало цѣнныхъ работъ. Отличаясь большой эрудиціей, г. Сиповскій—очень чуткій изслѣдователь, обладающій литературнымъ талантомъ, что отражается на его работахъ, способствуя ихъ распространенію. Полагаемъ, что новая книжка его о политическихъ настроеніяхъ въ русскомъ романѣ XVIII вѣка прочтется съ интересомъ и удовольствіемъ не только специалистомъ, но и такъ называемой большой публикой.

О. ф. III—нѣ.

Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сборникъ статей, некрологовъ, воспоминаній, изданный историко-филологическимъ обществомъ при Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1905.

Почти на каждой страницѣ сборника рассыпано такъ много похвалъ Кирпичникову, какъ ученому, преподавателю и человѣку, что говорить о немъ съ этой именно стороны намъ представляется излишнимъ. Дѣйствительно, имя покойнаго слишкомъ хорошо извѣстно и въ ученое мѣрѣ, и въ обществѣ. Человѣкъ общительный и живой, писатель разносторонній и необыкновенно плодовитый, онъ своими болѣе или менѣе крупными трудами, многочисленными изданіями, мелкими статьями, публичными лекціями и учебниками зарекомендовалъ себя съ самыхъ симпатичныхъ сторонъ. И полное собраніе всѣхъ его работъ—если такому суждено выйти когда нибудь въ свѣтъ—не только поразитъ насъ своими размѣрами, но втеченіе долгаго времени будетъ полезно, на нашъ взглядъ, именно тѣмъ, что у автора не было узкой специальности. Однимъ словомъ, какъ разъ то, что многими ставилось въ упрекъ Кирпичникову,—въ нашихъ глазахъ составляетъ безусловное достоинство. Всѣ статьи Кирпичникова, дажо тѣ, которыя такъ или иначе похожи на ученые изслѣдованія, написаны доступно, литературно, красиво, а мѣстами въ нихъ проглядываетъ воодушевленіе и теплота. Правда, въ нихъ нѣтъ ни глубины, ни новизны. За очень немногими исключениями онѣ не могутъ служить даже источникомъ для будущихъ изслѣдователей, такъ какъ, обладая драгоценнымъ и очень рѣдкимъ у насъ умѣніемъ популяризировать результаты сухихъ научныхъ изысканій другихъ ученыхъ,—Кирпичниковъ чаще всего обращался къ «журналистикѣ въ учености» и самостоятельныхъ изысканій, которыя были бы интересны небольшому кругу читателей, онъ не любилъ. Вообще, онъ не былъ только кабинетнымъ работникомъ и всегда имѣлъ въ виду широкую аудиторію. Въ этомъ одномъ, повторяемъ, кроется какъ залогъ его популярности и причина успѣха въ обществѣ, такъ, съ другой стороны, нѣкоторая поверхностность, легковѣрность и эскизность сравнительно даже серьезныхъ работъ. Такимъ намъ

представляется весь Кириичниковъ — съ добромъ и зломъ его научно-литературной дѣятельности.

Подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина недавно вышелъ сборникъ, посвященный памяти Кириичникова. Кромѣ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ раньше въ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ, сюда вошло нѣсколько статей, не бывшихъ еще въ печати. Изъ болѣе цѣльныхъ очерковъ укажемъ слѣдующіе: «Характеристика и воспоминанія о Кириичниковѣ» — С. Соловьева, «Проф. Кириичниковъ, какъ представитель каедры исторіи всеобщей литературы» — Л. Шепелевича, «Къ характеристикѣ Кириичникова по даннымъ его «Очерковъ» и по личнымъ воспоминаніямъ» — Н. Сумцова, «Очеркъ трудовъ Кириичникова по исторіи и археологіи искусства» — Е. Рѣдина, «Памяти проф. Кириичникова» (объ одесскомъ періодѣ, изъ «Историческаго Вѣстника» 1903 г., кн. 6) — М. Попруженка, «А. П. Кириичниковъ» (рѣчь въ торжественномъ зазданіи академіи наукъ) — Н. Кондакова и др. Детальныя статьи и замѣтки принадлежатъ Н. Шебуеву, С. Яблонскому, В. Щепкану, С. Долгову, Л. Воронцовой, И. Захарыну, Е. Барсову, В. Стрижеву, Энгельмейеру, А. Деревницкому, В. Лаурскому, М. Тимоееву, Д. Языкову и нѣсколькимъ анонимнымъ авторамъ. Изъ приложеннаго въ концѣ «Библиографическаго обзора трудовъ А. П. Кириичникова», составленнаго М. Попруженкомъ, лучше всего видна разносторонность покойнаго. Человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова европейски образованный, натура подвижная, умъ отзывчивый, — Кириичниковъ дѣйствительно не могъ сузить кругъ своихъ научныхъ интересовъ на опредѣленной области. Во время многочисленныхъ поѣздокъ за границу онъ интересовался почти всѣмъ, что могло остановить на себѣ вниманіе каждаго образованнаго человѣка, — и въ результатѣ появилась масса большихъ и малыхъ статей по всеобщей и русской литературѣ, старому и новому искусству, археологіи, педагогикѣ, общественной жизни за границей и т. д. Конечно, списокъ г. Попруженка далеко не полонъ. Чтобы понять всего Кириичникова, намъ кажется, надо было бы привести его статьи изъ энциклопедическаго словаря, изъ «Правительственнаго Вѣстника», книги, изданныя товариществомъ Сытина и другими фирмами подъ редакціей Кириичникова, наконецъ, мелкія газетныя статьи, многочисленные рецензіи, рефераты и т. д.

А. И. Яцмирскій.

Н. Бѣлозерскій. А. И. Герценъ, славянофилы и западники. Спб. 1905.

Книга г. Бѣлозерскаго затрагиваетъ очень интересный и до сихъ поръ еще не выясненный съ достаточной опредѣленностью вопросъ объ отношеніи Герцена къ тѣмъ философско-литературнымъ теченіямъ, которыя составляли содержаніе нашей литературы 1840 и 1850 годовъ: къ западничеству и славянофильству.

Съ именемъ Герцена у большинства связывается представленіе о западничествѣ. Герцена ставятъ на ряду съ самыми видными представителями этого теченія — Грановскимъ и Вѣлинскимъ, и считаютъ вмѣстѣ съ ними руководящей фигурой: Герцену приписываютъ философское обоснованіе доктрины и

ея выраженіе въ опредѣленной программѣ, Грановскому — историческое истолкованіе, а Бѣлинскому — литературное выраженіе и широкую популяризацію. Этого взгляда, считающаго Герцена однимъ изъ вождей западничества, придерживаются большинство изслѣдователей. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, напри- мѣръ, В. Смирновъ въ своей извѣстной книгѣ: «Жизнь и дѣятельность Герцена въ Россіи и за границей». Представители другого лагеря, напри- мѣръ, Н. Стр- ховъ, отрицаютъ это («Мнимая борьба съ Западомъ»).

Разобраться въ этомъ вопросѣ и ставить своей задачей г. Бѣлозерскій. Прежде чѣмъ выяснитъ его, авторъ даетъ очеркъ, въ которомъ разсматриваетъ общее философски-историческое міросозерцаніе Герцена. Въ этомъ нельзя не видѣть строгой обдуманности изслѣдователя: взгляды Герцена, опредѣляющіе его отно- шеніе къ западничеству и славянофильству, тѣсно связаны съ общимъ его міро- воззрѣніемъ. Только послѣ этого г. Бѣлозерскій считаетъ возможнымъ перейти къ выясненію интересующаго его вопроса. Хотя мы не можемъ сказать, что авторъ основательно разсмотрѣлъ его, но нельзя отказать общему положенію г. Бѣлозерскаго въ извѣстномъ значеніи. Авторъ не причисляетъ Герцена ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ, понимая подъ послѣдними опредѣленные, строго законченныя доктрины, въ которыя вылились эти ученія въ 1840 и 1850 годы. Отмѣчая оригинальность взглядовъ Герцена на различные политическіе и социальныя вопросы, г. Бѣлозерскій указываетъ, что Герценъ всегда проклады- валь свой путь, шель своей дорогой. «Иногда эта дорога, — говоритъ авторъ, — отклонялась влѣво — въ сторону западнческаго ученія, иногда онъ бралъ вправо, становясь въ данномъ частномъ вопросѣ на ту же позицію, на которой стояли и нѣкоторые изъ выдающихся представителей славянофильскаго лагеря того времени. Но чаще всего это была его личная — герценовская дорога, сви- дѣтельствующая о несомнѣнномъ оригинальномъ умѣ писателя». Съ этимъ нельзя не согласиться, но надо внести нѣкоторую поправку. Герценъ дѣйстви- тельно по большей части шель своей дорогой, но его міросозерцаніе въ своей основѣ несомнѣнно, тѣсно примыкало къ западничеству.

Главнѣйшій недостатокъ книги г. Бѣлозерскаго — необоснованность выво- довъ. Хотя авторъ часто ссылается на цитаты изъ сочиненій Герцена, но послѣд- нія, представляя отрывочныя мысли, удачно подобранныя изслѣдователемъ, стоятъ не въ связи съ общимъ ходомъ мыслей Герцена въ той или другой статьѣ. Детальнаго же анализа взглядовъ писателя авторъ не даетъ. Въ силу всего этого выводы его совершенно не убѣдительны, и мало-мальски вдумчивый читатель ими не удовлетворится. Затронувъ очень интересный и мало разработанный вопросъ, Бѣлозерскій не далъ строго обоснованнаго отвѣта, правда, довольно удачно намѣтивъ лишь общій выводъ, хотя и не доказавъ его.

А. Фоминъ.

Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и біографическимъ очер- комъ. Выпуски I—III. Москва. 1905.

Несмотря на широкую популярность имени Салтыкова-Щедрина, общество очень плохо знаетъ его произведенія. Знакомство съ ними, въ большинствѣ случаевъ, ограничивается нѣсколькими наиболее извѣстными. Это объясняется

тѣмъ, что многія изъ его сочиненій недоступны пониманію современнаго читателя, совершенно незнакомаго съ тѣми бытовыми и политическими условіями, подъ влияніемъ которыхъ писатель создавалъ свои произведенія. Кромѣ того, много затрудняетъ для читателя пониманіе послѣднихъ и то, что сатирикъ, въ силу цензурныхъ условій, нерѣдко говоритъ намеками, иногда даже, какъ остроумно выразился одинъ изъ его критиковъ, онъ только «подмигиваетъ и прищелкиваетъ».

Но, хотя произведенія Салтыкова-Щедрина не всегда доступны для пониманія современнаго читателя, они до сихъ поръ не утратили ни литературнаго, ни общественнаго значенія. Это заключается въ томъ, что подъ перомъ сатирика всякій частный случай, всякая подробность превращались въ явленіе типичное, пріобрѣтали значеніе принципиальное. Салтыковъ-Щедринъ глубоко страдалъ за окружающее. «Бывали минуты, — говоритъ онъ, — когда пошехонская страна приводила меня въ недоумѣніе; но такой минуты, когда бы сердце мое переставало болѣть по ней, я рѣшительно не заномню. Вѣдная страна, — ее надо любить».... Уловить эту боль писателя-гражданина на его произведеніяхъ довольно трудно. Творчество его настолько сложно, что безъ освѣщенія со стороны критики почти невозможно разобратъся въ немъ, а тѣмъ болѣе составить правильный взглядъ на историко-литературное значеніе этого писателя. Между тѣмъ, знакомство съ критикой его произведеній до сихъ поръ для широкихъ круговъ публики было затруднительно: статьи разбросаны въ самыхъ разнообразныхъ періодическихъ изданіяхъ, отысканіе которыхъ, при печальномъ состояніи нашего библиографическаго и библиотечнаго дѣла, представляетъ непреодолимую трудность.

Большую услугу въ данномъ случаѣ окажетъ сборникъ г. Денисюка. Въ него вошли въ хронологическомъ порядкѣ всѣ наиболѣе важныя и имѣющія извѣстное значеніе статьи о нашемъ сатирикѣ. Для болѣе полнаго ихъ пониманія составитель сборника сдѣлалъ къ нимъ примѣчанія. Въ нихъ онъ ставитъ своей задачей — дать краткую характеристику автора данной статьи, а также органа, въ которомъ эта статья помѣщена. Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что примѣчанія автора не выполняютъ этой задачи: они ни больше ни меньше, какъ выписки изъ энциклопедическаго словаря, совершенно не дающія представленія о литературной фязіономіи ни критика, ни органа, въ которомъ онъ работалъ. Статей біографическаго характера составитель не помѣстилъ. Взамѣнъ ихъ имъ приложенъ сравнительно обширный біографическій очеркъ, въ которомъ сообщаются всѣ важнѣйшіе факты изъ жизни и литературной дѣятельности сатирика въ связи съ современной ему общественной обстановкой. Очеркъ, не обладая какими либо большими достоинствами, въ особенности по сравненію съ недавно напечатанной статьей Кранихфельда («Миръ Божій», 1904 г., IV—VII), тѣмъ не менѣе, прочтется съ интересомъ.

Научная библиографія, безъ сомнѣнія, укажетъ нѣкоторые промахи и неточности въ трудѣ г. Денисюка, но послѣднія для широкаго круга читателей не имѣютъ большого значенія. Даже и при наличности ихъ сборникъ окажетъ большую услугу всякому, желающему подробно ознакомиться съ критикой о Салтыковѣ-Щедринѣ и этимъ путемъ уяснить себѣ характеръ, особенность и значеніе творчества нашего великаго сатирика.

А. Фоминъ.

Д. М. Березкинъ. Во тьмѣ вѣковой. Повѣсть и три разсказа изъ быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ. Спб. 1905.

Авторъ настоящихъ разсказовъ — не новичекъ въ нашей беллетристической литературѣ и извѣстенъ своими работами о русскомъ сектантствѣ. Въ немъ видна солидная теоретическая подготовка въ этой области, которая счастливо выдѣляетъ его изъ ряда другихъ русскихъ писателей на аналогичныя темы, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ возможность непосредственно изучить бытъ хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ въ его неприглядной дѣйствительности. Авторъ въ качествѣ эксперта участвовалъ во многихъ судебныхъ процессахъ о сектантахъ, непосредственно наблюдалъ различныхъ дѣтелей нашего сектантства на далекомъ сѣверѣ, изучалъ ихъ мировоззрѣніе, проникалъ въ самыя потайныя мѣста сектантовъ—въ ихъ пустыньки и скиты, въ ихъ «сіонскія горницы», «затворные прирубы», келейки и спуды. Практическое ознакомленіе съ сектантствомъ дало автору возможность узнать закулисную сторону его жизни, а присущая автору наблюдательность помогла ему съ успѣхомъ разобратся въ различныхъ движеніяхъ души, окутанной тьмой сектантскихъ мудрованій и терзаемой укорами совѣсти. И вотъ въ разсматриваемой книгѣ авторъ съ большимъ успѣхомъ развѣртываетъ предъ читателями рядъ художественныхъ картинъ изъ жизни людей «божійхъ», пребывающихъ, однако, въ «вѣковой тьмѣ», которая приноситъ имъ великое горе, слезы и тяжелыя душевныя муки, а нерѣдко создаетъ потрясающія кровавыя драмы.

Въ книгѣ г. Березкина помѣщены одна большая повѣсть и три разсказа. Повѣсть, подъ заглавіемъ «Въ дебряхъ сектантства» (стр. 1—156), раскрываетъ закулисную жизнь хлыстовъ и скопцовъ. Какъ жывля, встаютъ предъ читателемъ главныя дѣйствующія лица — старикъ Ѳома, сперва основатель хлыстовскаго «корабля», а потомъ руководитель скопческой общины, могучій Евдокимъ Харловъ, «кормщикъ» жигалихинскаго хлыстовскаго корабля, жестоко расправившійся съ Ѳомой за то, что онъ обратилъ въ скопчество и «обкарвалъ» «богородицу» его хлытовскаго корабля, молодую и красивую Катерину, сама Катерина — сперва кроткая и жизнерадостная «богородица» хлыстовъ, а потомъ мрачная и безнадежно-тоскливая, но зато «чистая голубица» скопческаго «Сіона», мистикъ въ душѣ и усердный искатель новаго лучшаго упованія Игнатъ, бѣжавшій вмѣстѣ съ Катериной изъ хлытовскаго корабля и попавшій въ руки фанатичнаго скопца Ѳомы, который и совершилъ надъ нимъ дикое сектантское изувѣрство. Авторъ въ такомъ видѣ описываетъ сцену изувѣрства.

— «Царю свѣтъ небесный», — тихо запѣлъ Ѳома.

— «... Милосердный нашъ Богъ», — чуть слышно, прерывающимся голосомъ сталъ подтягивать механически Игнатъ.

— «А ты не робь, милушка! — началъ ободрять Игната Ѳома. — Дѣло божеское, благодатное. Одно слово — «Духомъ Святымъ и огнемъ»... И не больно! Повѣръ душевкѣ моей, — не больно!..

«Игнатъ безотвѣтно, по-овечьи хлопалъ глазами.

— «Встань, встань теперь, Игнатушка! — немного помолчавъ, вновь началъ Ѳома.—Встань! Вотъ такъ... А теперь «парусикъ» раскрой, глазки закрой, да «Христось Воскресе» пой.

— «Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть наступи», — затаивъ было шопотомъ Игнать и вдругъ дико, безумно закричалъ и рванулся отъ Ѳомы въ сторону.

«По банѣ (гдѣ происходило изувѣрство) пошелъ удушливый смрадъ жеженаго мяса.

— «Ну, вотъ и все! — швырнувъ въ лаханъ съ водой шипѣвшій, раскаленный ножъ и подбѣжавъ къ обезумѣвшему Игнату, проговорилъ Ѳома. — Все, говорю. Вишь? Смотри, вотъ она, твоя змія скорпіонова, грѣховною лѣпостію перевитая!

«И сквозь паръ и чадъ, поднявшійся надъ лоханью, онъ сразмаху бросилъ что-то, залитое кровью, въ печку.

«Игнать захохалъ, застоналъ, зашатался».

И немало такихъ ужасныхъ, возмутительныхъ сценъ изувѣрства и непроглядной тьмы представляется въ книгѣ г. Березкина. Выбѣсъ съ тѣмъ авторъ колоритно набрасываетъ картины хлыстовско-скопческихъ радѣній, доводящихъ «голубей» и «голубиць» до безумнаго вступленія, сцены велѣпныхъ «пророчествъ», которыми пройдохи-главари секты пользуются для своихъ гнусныхъ цѣлей, то картины пьянаго рагула, издѣвательства надъ честію беззащитныхъ женщинъ. Вообще, повѣсть «Въ дебряхъ сектантства» написана ярко и талантливо.

Съ большимъ искусствомъ написаны и рассказы «Въ Изосимовой пустынкѣ», «На лѣсной полянѣ» и «У странниковъ» (стр. 157—244), всѣ изъ быта сектантовъ-бѣгуновъ. Первый рассказъ былъ напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Томика снабженъ четырьмя рисунками на отдѣльныхъ листахъ («Хлысты и хлыстовка въ своихъ радѣльныхъ уборахъ», «Красный уголь скопческаго Сіона и главари сектантовъ Ѳома и Евдокимъ», «Бѣгунскій тайникъ» и «Бѣгунскій паспортъ»), оригинальными заставками и виньетками на темы изъ быта сектантовъ, изданъ изящно на хорошей глазированной бумагѣ.

Книга Д. М. Березкина можетъ быть прочитана съ интересомъ и пользою, такъ какъ, помимо указанныхъ достоинствъ, симпатичнымъ въ ней нужно признать и настроеніе автора, который въ людяхъ «вѣковой тьмы» видитъ несчастныхъ и надѣется на лучшее и для нихъ будущее. О.

М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Москва. 1906.

Нашъ извѣстный ученый М. М. Ковалевскій взялся пополнить пробѣлъ, существующій въ исторической литературѣ.

«Моя книга, — говоритъ онъ въ предисловіи, — не исторія политическихъ ученій и еще менѣе исторія учреждений. Это попытка показать, что онѣ

тѣсно связаны другъ съ другомъ и не могутъ быть поняты одна безъ другой. Рядъ писателей задался уже мыслью изобразить общій ходъ развитія политическихъ теорій; одни излагали ихъ въ связи съ развитіемъ метафизики. Ни одинъ не счелъ нужнымъ показать болѣе тѣсную зависимость политической мысли отъ политической жизни».

Авторъ начинаетъ съ древняго времени и говоритъ о томъ вліяніи, какое оказали на греческихъ политиковъ аѳинская демократія, какая оцѣнка дана политиками древняго міра римской республиканской конституціи, какъ отразилась средневѣковая сословная монархія въ области тогдашней политической мысли, какое значеніе имѣлъ для извѣстныхъ итальянскихъ мыслителей Макіавелли и Кампавелли, строй итальянскихъ республикъ вообще и венеціанскихъ въ частности.

Углубившись въ средневѣковую схоластику, профессоръ Ковалевскій подмѣтилъ то, чего не замѣчали другіе историки. Онъ указываетъ на то, что «Поликратикъ», сочиненіе Іоанна Салисберійскаго, писателя XII вѣка, оказалъ вліяніе на Герберга Спенсера.

Англичанинъ, по происхожденію, Іоаннъ Салисберійскій оказалъ своимъ «Поликратикомъ» рѣшительное вліяніе на ходъ развитія политической мысли въ Англии. Ученіе Гоббса о государствѣ, какъ о гигантскомъ животномъ организмѣ, Левіаѳанъ, очень близко стоитъ къ основной мысли «Поликратика». Вліяніе же, какое Гоббсъ оказалъ на всю новѣйшую политическую литературу Англии, включая въ нее и Спенсеровы «Основанія соціологіи», едва ли станетъ отрицать всякій, знакомый въ подлинникъ съ его сочиненіемъ.

«Говорить послѣ этого, — заключаетъ М. М. Ковалевскій, — о томъ, что изученіе политической литературы ранняго періода схоластики любопытно только для вачетчиковъ, что оно не бросаетъ свѣта на ходъ развитія политическихъ идей и представленій новаго времени, едва ли будетъ справедливо. Представленный нами очеркъ, надѣемся мы, не только измѣнитъ ходячія доселѣ воззрѣнія о полномъ отсутствіи политической литературы ранѣе второй половины XIII вѣка, не только укажетъ на преемство между высказанными его ученіями и тѣми теоріями, какія нашли выраженіе себѣ въ литературѣ Западной Римской имперіи и Византии, но и откроетъ въ нихъ зародышъ цѣлаго ряда воззрѣній, которымъ суждено было развиваться въ послѣдующіе вѣка и оказать несомнѣнное вліяніе, какъ на политическую, такъ и на умственную жизнь новыхъ народовъ».

«Заключеніе, — продолжаетъ авторъ, — какое мы въ правѣ вынести изъ знакомства съ политическими сочиненіями писателей ранняго періода схоластики, сводится къ признанію, что ихъ мысль не отличалась самостоятельностью, не отражала на себѣ государственные порядки и запросы ихъ времени. Они были современниками усиленія монархической власти. Это усиленіе было желательно въ интересахъ прекращенія феодальной безурядицы. Упразднить такую анархію можно было только подъ условіемъ возвращенія къ идеалу единовластиа, столѣтіями ранѣе господствовавшему на западѣ Европы, въ эпоху, когда послѣдняя была покрыта рядомъ королевствъ, возникшихъ на земляхъ Римской имперіи и снова объединенныхъ церковью съ момента провозглашенія

Карла императоромъ. Но въ своемъ отстаиваніи интересовъ обезпечивающаго порядокъ единовластія писатели-схоластики встрѣчались съ готовой доктриной, частью греко-римской, частью византійско-арабской».

М. М. Ковалевскій нѣсколько разъ упоминаетъ о византійскихъ идеалахъ и византійскомъ ученіи и не считаетъ нужнымъ остановиться на политическихъ сочиненіяхъ византійцевъ. Онъ говоритъ подробно о трактатѣ Геральда дю-Барри «О воспитаніи князей» и не пожелалъ привести въ параллель подобныхъ византійскихъ трактатовъ о воспитаніи царя Теофилакта Болгарскаго и другихъ. Это очень жаль, потому что византійскія политическія теоріи совсѣмъ не изучены съ сравнительно-исторической точки зрѣнія.

Авторъ отводитъ Италіи очень много мѣста, почти половину книги, и посвящаетъ это такими соображеніями.

Со времени древности идея народоправства нигдѣ не имѣла столь точной всесторонней передачи, какъ въ Италіи XV и XVI столѣтій. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Историкъ, озабоченному раскрытіемъ генезиса современныхъ идей и порядковъ, не покажется преувеличеннымъ утвержденіе, что въ Италіи эпохи Возрожденія скрывается зародышъ всего того, что составляетъ природу европейской гражданственности. Принципы свободы, равенства и народнаго суверенитета, возводимые обыкновенно къ эпохѣ французской революціи, имѣютъ свои глубокіе корни въ той муниципальной автономіи, какой добились городскія общины Италіи со временъ обоихъ Фридриховъ. Критика теократическаго міросозерцанія, начатая Арнольдомъ изъ Бресціи и продолженная Джордано Бруно, расчищаетъ почву для первыхъ провозвѣстниковъ новой научной философіи, которая торжествуетъ въ Италіи побѣду надъ схоластикой въ лицѣ Леонардо да-Винчи и Галилея, десятки лѣтъ ранѣе появленія Бекона Веруламскаго. Идеаль свѣтскаго государства, ставящаго себѣ цѣлью не подготовленіе христіанскихъ душъ къ вѣчной обители, а земное благосостояніе народныхъ массъ, впервые возникаетъ и складывается также въ Италіи, и въ ней же на всѣ лады обсуждаются тѣ частныя вопросы, рѣшеніе которыхъ открываетъ путь торжеству народныхъ интересовъ. Въ то время, какъ въ остальной Европѣ государство отождествляется еще съ монархомъ и правящимъ классомъ феодальныхъ сеньоровъ, а чернь является синонимомъ массы тяглыхъ людей, въ Италіи ставится на очередь волновавшій древнихъ философовъ вопросъ о преимуществахъ монархіи, аристократіи и демократіи, а постепенно охватывающая умы идеи равенства подсказываетъ такія рѣшенія, какъ эмансипацію крестьянскаго люда, свободу ассоціаціи и стачекъ, подоходный и прогрессивный налогъ.

Будемъ надѣяться, что современные событія не помѣшаютъ М. М. Ковалевскому выпустить въ ближайшемъ будущемъ второй томъ своего интереснаго изслѣдованія.

П. В.

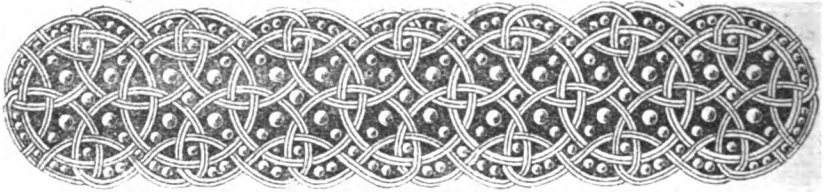
Sztuka ludowa w Polsce («Народное искусство въ Польшѣ»).
Napisał Kazimierz Mokłowski. Львовъ. 1905.

Далеко не первый рефератъ о новыхъ польскихъ книгахъ намъ приходится начинать невольнымъ упрекомъ русскимъ, у которыхъ до сихъ поръ нѣтъ по-

добной же книги по тому или иному вопросу. Наше незнаніе самихъ себя, кажущееся или дѣйствительное пренебреженіе ко всему родному, давнишнее и роковое смѣшеніе всего національнаго съ административно-правительственнымъ,—все это сдѣлалось общимъ мѣстомъ; и если приходится объ этомъ лишній разъ напомнить, то такое напоминаніе каждый разъ дѣлается съ грустью... Предъ нами новое доказательство того, что сравнительно малочисленный народъ, поляки, имѣютъ цѣлую монографію о народномъ искусствѣ. Прекрасное по задачамъ и исполненію изслѣдованіе Казимира Мокловскаго—объемистый томъ (болѣе 500 страницъ) съ массою иллюстрацій (всѣхъ рисунковъ 379). А у насъ нѣтъ ни одной дѣльной статьи общаго характера о русскомъ народномъ искусствѣ, не говоря уже о монографіи: это—роскошь. Зато у насъ написаны цѣлые фоліанты о росинсяхъ греческихъ вазъ, объ этрусскихъ надписяхъ, о мастерахъ итальянскаго возрожденія и т. д.—обо всемъ, что далеко отъ насъ.

Книга г. Мокловскаго распадается на два отдѣла. Въ первомъ дана послѣдовательная исторія доисторическаго, первоначальнаго европейскаго, славянскаго и польскаго жилища, поскольку его можно возстановить на основаніи раскопокъ, остатковъ старыхъ зданій, скульптурныхъ изображеній, миниатюръ рукописей и старыхъ описаній. Сравнительно съ извѣстными книгами Віоле ле-Дюка, Гарнье и Аммана, работа Мокловскаго—безусловный шагъ впередъ. Второй отдѣлъ составляетъ продолженіе перваго и посвященъ специально «памятникамъ народнаго искусства въ Польшѣ»: глава I—Дворы и дома шляхетскіе; глава II—Дворы-крѣпости и замки; глава III—Костелы, церкви, звонницы, часовни, придорожные кресты и надгробія; глава IV—Деревянная синагога и мечети; глава V—Ратуши; глава VI—Дома съ навѣсами и подгородніе домики; глава VII—Хозяйственныя постройки; глава VIII—Детали построекъ наружныя и внутреннія; глава IX—Мебель. Въ концѣ приложенъ предметный указатель. Для исторіи русскаго церковнаго зодчества особое значеніе имѣетъ третья глава изслѣдованія К. Мокловскаго, потому что о южно-русскомъ деревянномъ зодствѣ у насъ извѣстно сравнительно немного, и до сихъ поръ не выяснено отношеніе его къ сѣверно-русскому. У г. Мокловскаго былъ прекрасный предшественникъ по аналогичной работѣ—директоръ краковскаго музея Чарторыйскихъ, профессоръ Маріанъ Соколовскій. Въ своихъ изслѣдованіяхъ г. Соколовскій постоянно привлекалъ русскій матеріалъ, главнымъ образомъ, снимки и планы церквей Галиціи, о которыхъ у насъ также извѣстно очень мало, хотя почти только по этимъ церквямъ теперь и можно судить объ исчезнувшемъ и нѣкогда очень развитомъ типѣ южно-русской деревянной архитектуры. Въ этомъ отношеніи книга г. Мокловскаго представляетъ интересъ и для русскои археологій, и было бы желательно имѣть переводъ хотя бы наиболѣе важныхъ главъ изъ нея.

А. И. Яцимирскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

МОВЫЙ стиль 4000 лѣтъ тому назадъ. Нашимъ современнымъ художникамъ нанесенъ жестокий ударъ: ихъ «новый стиль» оказался древнѣе того, что до сихъ поръ мы привыкли считать «античнымъ». Этотъ ударъ послѣдовалъ со стороны археологін, благодаря которой открылся новый горизонтъ для изслѣдованія древняго міра, и почвой для этихъ трудовъ послужила не Греція, обыкновенно принимавшаяся за прародительницу всѣхъ искусствъ, а сосѣдній съ нею островъ Критъ. Какое разочарованіе для художниковъ XX вѣка, считавшихъ себя создателями новаго искусства; какой урокъ для тѣхъ, которые считали археологію бесполезнымъ занятіемъ, и какой широкій горизонтъ открывается для разгадки развитія человѣчества! Уже нѣсколько лѣтъ археологи культурныхъ странъ, какъ Германія, Англія и Франція — послѣдняя принимала на этотъ разъ слабое участіе — были заняты раскопками на этомъ островѣ и открывали поразительныя новости. Однако эти открытія оставались неизвѣстными обыкновенной публикѣ, мало интересующейся археологіей, тѣмъ болѣе, что теперь нельзя перевозить въ музеи найденные предметы, а приходится оставлять ихъ на мѣстѣ раскопокъ. Честь открытія на этомъ островѣ въ Кносѣ, близъ Кандіи, дворца Мिनоса принадлежитъ англичанину Эвансу. Откапывая дворецъ, археологи никакъ не могли до сихъ поръ отыскать гробницу принцессы Аріадны, дочери Мिनоса, и его трагической жены Пазифей, но зато они достигли неожиданныхъ результатовъ: во-первыхъ, они узнали, что исторію Греціи приходится отодвинуть назадъ вѣковъ на двадцать пять, тридцать, а, во-вторыхъ, они открыли новую цивилизацію и совсѣмъ неизвѣстное искусство, совершенно отличное отъ того, что мы привыкли называть «антич-

нымъ» и поразительно подходящее къ новому стилю XX вѣка. Еще ранѣе этихъ раскопокъ нѣмецкій археологъ Шлиманъ нашелъ въ Троадѣ, на раскопкахъ Трон, фигурку женщины въ пышномъ платѣ, съ воланами, перетянутой таліей, какъ у современныхъ дамъ, и настолько пышнымъ торсомъ, что можно было подозрѣвать употребленіе турнюра. Увидѣвъ эту фигурку, всѣ были сначала поражены, такъ она походила на современную женщину, а затѣмъ на Шлимана посыпались саркастическія насмѣшки. Всѣ подозрѣвали, что надъ нимъ зло подшутили, подложивъ эту статуэтку въ раскопки, тѣмъ болѣе, что у нея были распущены двѣ косы, какъ у нѣмецкой дѣвушки. Злоумышленникъ даже считался обязательно нѣмцемъ, судя по типу сдѣланной имъ фигурки. Но послѣдствіемъ раскопки на островахъ Архипелага, а теперь на Критѣ, доказали, что въ дѣйствительности существовалъ цѣлый народъ, который носилъ подобный костюмъ, и подходилъ къ намъ не только стилемъ искусства, но и цивилизаціей, которая распространялась и на Троаду. Подобные предметы попадались Шлиману въ одиночныхъ случаяхъ, при раскопкахъ въ Троѣ, Тирэнтѣ и Микенахъ, на которыхъ распространилась критская цивилизація. Между прочимъ, онъ нашелъ тамъ два великолѣпныхъ кинжала, съ чеканными рукоятками, украшенными инкрустаціями. На одной изъ нихъ артистъ изобразилъ цѣлый пейзажъ: нѣчто въ родѣ болота, въ которомъ плаваютъ рыбы среди водяныхъ растеній, а за утками гонятся двѣ пантеры; изъ воды мѣстами возвышаются свои головки лотосъ. Все это сдѣлано тонко, и артистъ придалъ каждому предмету его естественный цвѣтъ, а золото кинжала служило этому пейзажу рамкой. Забота о картинности и искусство передавать пейзажи были чужды грекамъ, а потому археологи стали искать, откуда появилась эта таинственная цивилизація. Подъ вліяніемъ Гомеровскихъ поэмъ они считали первыми столицами греческаго міра Трою, Тирэнтъ и Микены. Особенно послѣднія были богаты находками, и потому этотъ новый стиль археологи назвали «микевскимъ». Но при ближайшемъ изученіи можно было видѣть, что ни одинъ изъ трехъ городовъ не былъ очагомъ этой цивилизаціи, и археологи продолжали свои поиски. Одна группа ученыхъ высказалась за Финикію, какъ за создательницу и распространительницу этого реального и картиннаго стиля. Долго объ этомъ спорили, и археологи даже раздѣлились на партіи: финикіане были семиты, а потому среди ученыхъ появилась партія семитовъ и антисемитовъ. Послѣдняя отрицала у финикіянъ первенство относительно цивилизаціи. Однако рѣшеніе вопроса, казалось, совсѣмъ уже склонялось въ пользу финикіянъ, но неожиданно былъ возбужденъ вопросъ о Критѣ, какъ о создателѣ этого реального искусства. Семитическая партія была побѣждена, и репутація артистовъ, временно узурпированная финикіянами, говорить, Ренодо, авторъ статьи ¹⁾ о критскихъ раскопкахъ, осталась въ тѣни, и археологи стали относиться къ ней пренебрежительно. Почему Критъ, бывший до сихъ поръ въ пренебреженіи, вдругъ приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе, — остается не совсѣмъ выясненнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ ученый нѣмецъ,

¹⁾ L'art nouveau il y a quatre mille ans. Par Renaudo. La Revue hebdomadaire. 13 Janvier 1906.

Мильхофферъ, объявилъ Критъ создателемъ цивилизаціи въ доисторической Греціи, но его заявленіе, ни на чемъ не основанное и высказанное по напѣту, не обратило на себя должнаго вниманія. Онъ писалъ объ этомъ въ 1883 г., а первыя раскопки въ Кносѣ начались въ 1900 г. послѣ тщетныхъ изысканій на другихъ островахъ Греціи. Нѣсколько найденныхъ предметовъ придали бодрости археологамъ. Тогда они снова перечитали Мильхоффера, и гипотеза о Критѣ живо привилась. Три большіе археологическіе института: французскій, англійскій и нѣмецкій, рѣшили копать траншеи, хотя для этого представлялись большія затрудненія со стороны критскихъ крестьянъ, которые, хотя и хотѣли продать свои поля для раскопокъ, но въ то же время ихъ мучила боязнь продешевить. Переговоры длились долго. Французскіе археологи, бывъ первыми, потерпѣли неудачу: они добились согласія одного крестьянина на аренду его куска земли, но скорѣ хозяйнъ перемѣнился, и переговоры пришлось начинать сначала. Тѣмъ временемъ англичанинъ Эвансъ, потерявъ надежду добиться когда нибудь права аренды на раскопки и обладая хорошими средствами, понемногу приобрѣлъ всѣ поля, которыя по его предположенію находились надъ прежнимъ городомъ. Около 1900 г. онъ купилъ послѣдній кусокъ земли и принялся за раскопки. Съ перваго же удара лопаты онъ узналъ, что попалъ на дворецъ Миноса, легендарнаго мужа эксцентричной Пазифей. Затѣмъ археологи нашли тутъ массу предметовъ, стили которыхъ они считали ранѣе «микенскимъ», а теперь оказавшіяся «критскимъ». Съ 1900 г. раскопки велись правильно, и монополія на нихъ принадлежала англичанамъ. Въ настоящее время прежняя столица Миноса почти очищена отъ мусора, но въ другихъ городахъ острова, наирямѣрь, въ Фѣстосѣ и Палеокастро, еще отрывають другіе королевскіе дворцы, и археологи поражены удивленіемъ. Найденныя вазы настолько подходятъ къ «новому стилю XX вѣка», что ихъ можно принять за только что вышедшія изъ парижской мастерской художника «новаго стиля». Сюжеты критскихъ художниковъ совершенно одинаковы съ тѣми, что такъ полюбились современнымъ художникамъ по керамикѣ—простыя линіи, гибкія, живыя формы. На одномъ изъ обломковъ фрески, найденномъ въ Мино, изображены, съ страшными головами, летучія рыбы, плавающія возлѣ скалъ лиліи, раковины и т. д.—все это производитъ странное впечатлѣніе и столь живо, естественно, изображено, какъ не нарисовать даже японскимъ художникамъ, отличающимся замѣчательной естественностью въ передачѣ природы. Во дворцѣ Миноса были найдены въ большомъ количествѣ различныя бездѣлушки изъ эмальированной глины: рыбки, раковины, гады; все это такъ тонко покрыто глазурью и въ такихъ изящныхъ тонахъ, что напоминаетъ копенгагенскій фаянсъ. Эти бездѣлушки не представляли одиночныхъ выдающихся предметовъ, но цѣлое настоящее искусство, культивированное около двадцати вѣковъ тому назадъ. То, что до сихъ поръ считалось «античнымъ», въ сравненіи съ этимъ стилемъ теперь оказалось нѣчто въ родѣ средневѣковья, и предъ нами возстала цивилизація новаго многочисленнаго народа, одареннаго необычайнымъ артистическимъ темпераментомъ и ближе другихъ народовъ подходящаго къ намъ. Критяне эпохи Миноса близко подходятъ къ намъ не только въ области искусства, но по формѣ одежды, дамскихъ модъ и по

вкусу, совершенно современному и совсѣмъ противоположному «античному». Въмѣсто свободныхъ туникъ, съ классическими складками, виспадавшими съ плечъ, критскія женщины носили плотно обтягивавшія формы одежды, сложнаго покроя, который трудно удумать, но съ виду подходящаго къ современнымъ дамскимъ платьямъ. Критянки той эпохи также туго стягивали корсеты, какъ и современныя женщины, и, судя по живъшимъ, впрочемъ очень рѣдко попадавшейся, мужчины также стягивали себѣ талии для приданія плечамъ большей ширины. Женское платье состояло изъ двухъ предметовъ— корсажа, плотно обтягивающаго корсетъ, руки, грудь, плечи, и юбки, доходившей до земли, однако не касавшейся ея. Противоположно гречанкамъ, обнажавшимъ руки, критянки носили длинные рукава, доходившіе до кисти рукъ. Въ торжественныхъ случаяхъ корсажи вырѣзались еще откровеннѣе, чѣмъ у современныхъ дамъ. Юбки дамъ высшаго общества украшались воланами въ нѣсколько рядовъ, такъ что онѣ по пышности напоминали кринолинъ; два или три волана были самымъ малымъ количествомъ. Между прочимъ, археологамъ попалась одна статуэтка, изображающая женщину съ воротникомъ, похожимъ на «Медичи». Но не одинъ декоративный стиль и костюмы подходили къ нашей эпохѣ: англичане вознегодовали, увидѣвъ критскій комфортъ, который, по ихъ мнѣнію, созданіе англійской цивилизации. У критянъ были не только богатая бани, но и усовершенствованныя «lavatories», совершенно «новаго стиля», съ проведенной водою и т. д. Подобныя заботы о гигиенѣ и комфортѣ могутъ проявляться только у народовъ съ исключительно высокою цивилизаціей и служить признакомъ побѣды надъ варварствомъ. Трудно объяснить, какъ случилось, что этотъ народъ, достигнувшій послѣ долгихъ вѣковъ высшей степени культуры, могъ такъ внезапно и вполне исчезнуть съ міровой сцены. Если не придавать значенія баснѣ о Миносѣ, которой сами греки не вѣрили, то мы не найдемъ въ исторіи ни одного слова, которое заставляло бы подозрѣвать могущество этой расы и блеска ея цивилизации. Древніе ничего не видѣли въ догомерпческой эпохѣ, кромѣ легендарнаго, и спокойно обрабатывали себѣ поля, не подозрѣвая, какія сокровища хранятся подъ почвой, изъ-подъ которой не показалось ни одного камня, ни одного кусочка колонны дворцовъ. Въ исторіи, какъ говоритъ авторъ статьи, не было еще примѣра, чтобы какая нибудь цивилизация или раса исчезла такъ безслѣдно. Пока еще нельзя положительно выяснитъ причинъ этой катастрофы, хотя есть довольно значительная надежда, что со временемъ все разъяснится, благодаря богатой сокровищницѣ найденныхъ деревянныхъ, глиняныхъ и металлическихъ дощечекъ съ нарисованными и выгравированными надписями. Впрочемъ, къ сожалѣнію, долго придется ожидать, когда лингвисты доберутся до разрѣшенія этой загадки, такъ какъ вотъ уже пять лѣтъ, какъ они трудятся надъ разборкомъ надписей и до сихъ поръ узнали только, что онѣ состоятъ не изъ одной системы письма, а, по крайней мѣрѣ, изъ четырехъ различныхъ системъ. Изъ критскихъ словъ пока извѣстны двѣнадцать или тринадцать, переведенныхъ греческими авторами. Вообще лингвисты не особенно удачно работаютъ и уже накопилось за нѣсколько лѣтъ неравобранными 150 этрусскихъ надписей и триста ликійскихъ. Авторъ, въ ожиданіи подробныхъ свѣдѣній отъ археологовъ, старается

выяснить причину исчезновенія критской цивилизаціи. Онъ говоритъ, что избытокъ цивилизаціи, какой достигнулъ этотъ народъ, послужилъ причиною ея упадка. Презирая солдатчину, какъ современные китайцы, критяне мечтали только наслаждаться своимъ богатствомъ и разсылать въ другія страны произведенія своей промышленности. Между тѣмъ изъ глубины центральной Греціи цѣлая шайка грабителей стала спускаться къ богатымъ прибрежнымъ городамъ и островамъ. Въ то же время другіе морскіе и воинственные народы терроризировали критянь. Откуда послѣдовало первое вторженіе — неизвѣстно, но могущество королей Кноса померкло во время одного изъ этихъ вторженій, и по развалинамъ королевскаго дворца видно, что онъ подвергался пожару. Въ погребамъ въ безпорядкѣ были спрятаны драгоценные предметы, какъ бы въ ожиданіи большой опасности, а обломки предметовъ, оставшихся отъ пожара, свидѣтельствуютъ, что нація пришла къ быстрому упадку, и центръ цивилизаціи перешелъ съ Крита на континентъ — въ Пеллопоннесъ, Тирэнтъ, Аргосъ и Микэны. Такимъ образомъ, микенскіе артисты, которыхъ мы считаемъ первыми воспитателями Европы, являются намъ какъ бы обветшалыми, послѣдними представителями искусства, пришедшаго въ упадокъ. Около 1200 г. другая человѣческая волна захлестнула островъ, и на этотъ разъ цивилизація была окончательно поглощена варварствомъ. Это были дорійцы, горные жители изъ глубины Тессаліи; они наводнили всю Грецію, повсюду уничтожили культуру и изгнали жителей съ ихъ родины. Сначала эта человѣческая волна направилась на Пеллопоннесъ и достигла береговъ, угрожая островамъ Архипелага. Море ихъ не удержало, и они, построивъ корабли, набросились на острова. Послѣдній король Кноса, Идоменей, уже удалился въ Италію; цивилизація острова окончательно умерла. Потребовались долгіе вѣка, чтобы въ новой Греціи появилась подобная культура. Повсюду, гдѣ проходили дорійцы, надо было снова начинать культуру. Когда имъ уже не предстояло болѣе дѣлать завоеваній, они предались изученію мирнаго искусства, неизвѣстнаго до тѣхъ поръ имъ. Но, уничтоживъ все, попадавшееся имъ на пути, они естественно не могли воспользоваться культурой завоеваннаго ими артистическаго народа. Они не нашли болѣе въ развалинахъ ни микенскаго, ни критскаго искусства. Медленные, драгоценныя побѣды микенскихъ и критскихъ декораторовъ, ихъ открытіе самой природы, которая дала кносскому искусству такой полетъ и обѣщала въ будущемъ еще большее, совсѣмъ затерялись для нихъ, а также для насъ, которые безсознательно сдѣлались ихъ учениками. Пришлось начать работу съ самаго начала, и дорійцы принялись изобрѣтать мало-по-малу всѣ декоративныя формы и мотивы, начиная съ самыхъ ребяческихъ. Они любили простыя формы схематическія и математическія, будучи въ душѣ геометрами. Наконецъ они осмѣлились представить человѣка, лошадь и цѣлыя сцены, но цвѣты и растенія, уже высшіе ресурсы декоративнаго искусства, остались для нихъ почти неизвѣстными. Имъ не хватало дара наблюдательности, и потому они не замѣчали ни неба, ни воды, ни растеній, ни животнаго міра. Когда впоследствии восточные артисты научили ихъ рисовать листь, то они его сдѣлали холоднымъ, безжизненнымъ. Впрочемъ, они, были способны къ искусству, ибо впоследствии сдѣлались грѣками золотого вѣка, и Олдіей съ Праксительемъ, а

также другіе художники, произошли изъ ихъ расы, но все-таки дѣлая область искусства осталась для нихъ закрытой. Въ архитектурѣ они создали дорическій стиль, величественный по своей простотѣ, съ чистыми линиями, и его вѣчная красота еще теперь вдохновляетъ воображеніе современныхъ архитекторовъ. Въ скульптурѣ, и особенно въ изображеніи человѣческихъ фигуръ, ихъ неспособность къ наблюденію и презрѣніе къ подробностямъ и картинности позволяетъ имъ реализовать идеальныя формы и придавать ихъ статуямъ то выраженіе необъятнаго спокойствія, прелесть котораго находится именно въ ихъ неестественности. Но мимо природы они проходили, не замѣчая ея; они совершенно не знали пейзажа, и реальное искусство умерло по ихъ винѣ. Современные художники добились его воскресенія только почти черезъ тринадцать вѣковъ. Рабски преклонялись предъ ихъ образцовыми произведениями, подражать имъ—сдѣлалось закономъ для позднѣйшихъ и современныхъ художниковъ, и, чтобы лучше слѣдовать имъ, они также забыли живую, истинную природу. Они не осмѣливались нарисовать цвѣтка, какъ онъ есть въ его естественномъ положеніи, а обязательно придавали ему геометрическую правильность. То, что такъ хорошо чувствовали критскіе художники, когда рисовали дерево или цвѣтокъ въ его естественномъ положеніи, современные художники, благодаря критской катастрофѣ, почувствовали только черезъ двадцать вѣковъ. Если художество и попало на свой настоящій путь, то къ стыду всѣхъ европейцевъ, это случилось не вслѣдствіе вдохновенія европейскихъ художниковъ, а скорѣе ихъ побудили и навели на эту мысль японскіе художники.

— Пиршества у древнихъ римлянъ. До сихъ поръ публика представляла себѣ римскія оргіи совсѣмъ невѣрно, знакомясь съ ними по памфлетамъ и новѣйшимъ романамъ. Излюбленной темой многихъ современныхъ романистовъ служить древне-римская жизнь, благодаря эффектности своей обстановки, и они особенно любятъ описывать оргіи римлянъ и бессознательно впадаютъ при этомъ въ ошибки, пользуясь исключительно двумя источниками—книгой Петронія и легендами, распространенными врагами императоровъ. Слѣдовательно, паштеты изъ печени макрели, павлиньихъ мозговъ, языковъ пбисовъ, — изобрѣтеніемъ послѣдняго блюда будто бы гордился Вителій, — страусовыхъ мозговъ, приводившихъ въ восторгъ Геліогабала—все это очевидно ни что иное, какъ легенды. Точно также шесть тысячъ жареныхъ соловьевъ, которыхъ подавали гостямъ Эзопа, существовали только въ отголоскахъ театральной хроники перваго вѣка до Р. X. Въ разсказахъ же о подаваемыхъ у Домиціана палтусахъ скрывается критика на раболѣпство сената. Остаются «завтраки Тримальсіона», подробности о которыхъ на первый взглядъ кажутся правдоподобными, но все-таки нельзя принимать за истинную историческую правду произведеній воображенія, въ которыхъ предназначалось осмѣять слабыя стороны различныхъ выскочекъ. Одинъ нѣмецъ, Теодоръ Биркъ, профессоръ Марбургскаго университета, принялся за изученіе римской гастрономіи, результатомъ чего недавно появилась его статья въ «Deutsche Rundschau», гдѣ онъ подробно описываетъ одинъ изъ банкетовъ во времена цезарей, начиная съ момента появленія гостей до ихъ удаленія домой, уже настолько ошьявѣвшими, что они едва

были въ состояніи добраться до своихъ носилокъ. Римляне строго придерживались этикета и являлись на пиршество точно, въ опредѣленную часть. Прежде чѣмъ отправиться на банкетъ, они переодѣвались, загнувъ свои башмакъ мягкими сандалями, а тогу—шелковой свободной одеждой лилового или зеленого цвѣта. При появленіи гостя, «попенсаторъ», то-есть докладчикъ о гостяхъ, указывалъ ему мѣсто на триклиніумѣ, предназначеномъ еще для двухъ лицъ. Женщины, приглашаемыя, впрочемъ, очень рѣдко, помѣщались на отдѣльномъ триклиніумѣ. Когда гости были всѣ въ сборѣ, невольники принимались за омовеніе ихъ ногъ и рукъ, и празднество начиналось воззваніемъ къ богамъ, которое орошалось небольшимъ стаканомъ теплаго вина. Бульоны были совершенно неизвѣстны древнимъ римлянамъ, и потому трапеза начиналась съ закусокъ, состоявшихъ изъ дыни, приправленной перцемъ и уксусомъ, маринованныхъ огурцовъ—любимой закуски Тиверія—оливокъ, артишоковъ, грибовъ и сардинъ. Затѣмъ подавались устрицы изъ Лукринскаго озера и другія раковидныя. Послѣ этихъ закусокъ рабы подавали сосиски, и онѣ съѣдались настолько горячими, что обжигали ротъ, теплаго мурена (родъ угря), дроздовъ, щевриць, и паштеты изъ дичи. Затѣмъ начиналась вторая часть банкета, *secundae mensurae*, во время которой подавались главные блюда, и среди нихъ наибольшую роль играла ветчина, изъ которой римляне умѣли готовить не менѣе пятидесяти блюдъ. Вообще свинья играла большую роль въ римскомъ кулинарномъ искусствѣ, и древніе предпочитали ее быкамъ. Послѣдніе употреблялись для полевыхъ работъ и жертвоприношеній, и ихъ мясо, пренебрежительно прозванное «*bibula*», служило лишь для домашнихъ, простыхъ обѣдовъ, и его никакъ нельзя было предлагать гостямъ на парадномъ банкетѣ. На пиршествахъ можно было подавать телятину, ягненка и осла, особенно послѣдняго, какъ слѣдуетъ, поджареннаго. Но почетное мѣсто все-таки отводилось домашнему или дикому кабану, а вымя дикой или домашней свиньи считалось самымъ цѣннымъ блюдомъ. Впрочемъ, римляне не пренебрегали такъ же гусинымъ паштетомъ съ фигами и дроздами съ пѣюмомъ и фисташками. Залчнымъ мясомъ они также пользовались, но по выбору, употребляя только переднія ножки; свинна же и задняя часть казались имъ слишкомъ жесткими. Точно также они ѣли только горло и грудь утокъ и голубей, а остальное мясо находили грубымъ. Кромѣ того, на банкетахъ подавалась цѣлая серія морскихъ и рѣчныхъ рыбъ подъ разными соусами. Что касается десерта, то римляне не очень занимались имъ и цѣнили въ немъ главное одно качество—чтобы плоды доставлялись изъ отдаленныхъ мѣстностей. По этой причинѣ они платили очень дорого за сыры, которые дѣлались въ Альпахъ, и прославили миндаль съ острова Наксоса, дамасскія сливы, орѣхи, собранные въ Персіи, и яблоки Маттія, добывагося извѣстности, благодаря своей ловкости торговца, и передаваго по капризу моды свое имя продаваемымъ яблокамъ. Въ этомъ состоялъ почти весь десертъ; абрикосовъ и персиковъ римляне избѣгали, какъ тяжелыхъ для желудка плодовъ. Сладкихъ пирожковъ, по словамъ Вирка, въ то время не могло существовать, вслѣдствіе неумѣнія производить сахаръ и масло. Послѣднее мнѣніе нѣмца неправильно, такъ какъ Плиніи упоминалъ о «*saccharum*», веществѣ, похожемъ на сахаръ, и описывалъ его, какъ «вѣчто

въ родѣ бѣлой камеди, которую добываютъ изъ аравійскаго и индійскаго тростника». Это вещество хрустѣло на зубахъ и употреблялось преимущественно для медицинскихъ цѣлей. Точно также онъ упоминалъ о «butyrum», мастѣ, которое хотя преимущественно употреблялось также для медицинскихъ цѣлей, для производства пластырей, но въ то же время служило приправой для кушанья. По словамъ англичанина Уэлькенса, пирожное существовало у римлянъ въ очень разнообразныхъ видахъ, и самымъ обыкновеннымъ были національныя лепешки (placenta) изъ меда и сыра, а затѣмъ lagani, нѣчто въ родѣ блиновъ или пряженцевъ. Банкеты длились семь, восемь часовъ, поэтому естественно они должны были прерываться ачтрактами, во время которыхъ вино лилось рѣкою. Римляне, какъ извѣстно, любили «выпить по-гречески», и употребляли вина различныхъ температуръ, то охлаждая ихъ въ снѣгу или льду, которые они умѣли сохранять въ глубокихъ ямахъ, то согрѣвая его. Примѣсъ теплой воды считалась здоровѣе, чѣмъ холодной. Греческія вина должны были пролежать шесть лѣтъ, а вина Кампаньи — пятнадцать, и только тогда онѣ заслуживали репутаціи «первоклассныхъ». Знатокъ требовали, чтобы имъ наливали самыя знаменитыя вина одновременно, и затѣмъ они ихъ смаковали съ добросовѣстной медленностью. Каждое вино имѣло своего сторонника; въ окрестностяхъ Вероны производилось десертное вино, очень прославленное. Конечно, въ то время не были извѣстны ни кофе, ни ликеры, и ихъ замѣняли особаго рода напитками. Послѣ восьмичасовой ѣды даже самыя крѣпкіе желудки были бы не въ состояніи ѣсть болѣе, а потому хозяйка дома незамѣтно удалялась изъ залы, и приглашенные принимались за comissatio, т.-е. за попойку. Со столовъ быстро убирались блюда, рабы вносили гирлянды, преимущественно изъ розъ, и увѣнчивали ими головы спрующихся, между которыми начиналось состязаніе въ попойкѣ. Теперь принимались за вина, настоянныя на персикахъ, алоэ, иссопѣ, шалфеѣ, нардѣ, фіалкахъ. Вино подавалось въ широкихъ и глубокихъ кубкахъ и выпивалось до послѣдней капли, какъ требовалъ этикетъ, иначе считалось безчестіемъ для этого вина. Современнымъ любителямъ вина эти напитки показались бы микстурами, римляне же ихъ пили съ наслажденіемъ. Ихъ приготовляли, настаивая семь дней на фіалкахъ, другихъ цвѣтахъ или травахъ; затѣмъ въ эту настойку вливали извѣстную дозу меда. Современная химія не пробовала добиваться секрета приготовления античныхъ напитков, и намъ неизвѣстно, сколько полагалось вливать вина и прочихъ приправъ въ эти составы. Возстановить образно пиръ древнихъ римлянъ было бы любопытно, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли современные народы могутъ выдержать большее количество вина, чѣмъ древніе, но эти напитки вызовутъ въ наше время отвращеніе, и состязаніе будетъ, пожалуй, невозможно. Едва ли не большее затрудненіе окажется при изображеніи римлянъ во время ѣды, въ виду способа ѣсть по-римски, т.-е. въ неудобной позѣ, опираясь лѣвымъ локтемъ на триклиніумъ и имѣя свободной только правую руку. Кромѣ того, наши современники совѣтъ не сумѣли бы, пожалуй, ѣсть безъ ножа и вилки, тогда какъ римляне обходились лишь съ помощью маленькой ложечки, которой они ѣли устрицы и яйца всмятку. Имъ полагалась также большая ложка, но только для похлебки изъ муки. Что касается ножа,

то употребленіе его считалось бы оскорбленіемъ таланту сциссора, т.-е. ученика Триферуса, основавшаго искусство разрѣзать рыбу и мясо; вилки же появились только въ эпоху Возрожденія, хотя у римлянъ и было нѣчто въ родѣ вилки, которой сциссоръ пользовался при разрѣзываніи купанья.

— Двухстолѣтіе Веньямина Франклина. 17 января вся Америка торжественно праздновала двухстолѣтій юбилей дня рожденія своего знаменитаго политическаго дѣятеля, писателя и ученаго—Веньямина Франклина. По этому поводу ему былъ воздвигнутъ въ Филадельфіи новый памятникъ, и во всѣхъ журналахъ и газетахъ помѣщены хвалебныя гимны его славной, долговременной разносторонней дѣятельности. Особенно интересна статья ¹⁾ въ январскомъ номерѣ «Century Magazine» недавно умершаго министра иностранныхъ дѣлъ, Джона Гея, который посвятилъ одному изъ первыхъ американскихъ дипломатовъ любопытный очеркъ подъ заглавіемъ «Франклинъ во Франціи». Но прежде чѣмъ остановиться на этомъ блестящемъ изложеніи одного изъ эпизодовъ жизни Франклина, уже подъ старость лѣтъ, упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ его предыдущую личную и общественную дѣятельность. Веньяминъ Франклинъ родился въ Бостонѣ, въ штатѣ Массачусетъ, 17 января 1705 г. и принадлежалъ къ простой рабочей семьѣ, въ которой, кромѣ него, было еще семнадцать дѣтей. Его отецъ эмигрировалъ изъ Англіи и былъ работникомъ на мыловаренномъ и свѣчномъ заводѣ. Десяти лѣтъ молодой Веньяминъ поступилъ на заводъ, гдѣ работалъ отецъ, и сначала находился на побѣгушкахъ, а потомъ сталъ дѣлать фитили. Но вскорѣ ему надоѣла эта монотонная, рутинная работа, и онъ просилъ у отца разрѣшенія поступить на морскую службу. Отецъ воспротивился этому и, чтобы навсегда отнять у мальчика страсть къ морю, помѣстилъ его къ старшему сыну, бывшему типографчикумъ. Это ремесло оказалось Веньямину по вкусу, такъ какъ онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ умѣлъ читать, и пребываніе въ типографіи усилило его страсть къ книгамъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался опытнымъ, искуснымъ наборщикомъ и типографомъ, но его братъ отличался очень строгимъ, сварливымъ характеромъ, и Веньяминъ недолго съ нимъ ужился. Семнадцати лѣтъ онъ безъ вѣдома родственниковъ бѣжалъ изъ Бостона и направился въ Филадельфію съ однимъ долларомъ въ карманѣ. Прибывъ въ этотъ городъ, онъ сталъ искать работы и усталый, голодный купилъ себѣ три булки; двѣ изъ нихъ онъ спряталъ подъ мышку, а третью сталъ жадно улетать. Случайно онъ проходилъ въ это время мимо одного дома, въ дверяхъ котораго стояла молодая дѣвушка. Увидѣвъ, какъ юноша забавно улетаетъ булки, она не могла удержаться отъ смѣха. Вскорѣ онъ поступилъ поденщикомъ въ типографію и познакомился съ молодой дѣвушкой, смѣявшейся надъ нимъ въ день его пріѣзда въ Филадельфію; ее звали Деборой Ридъ. Мало-по-малу молодые люди влюбились другъ въ друга, но имъ не пришлось увѣнчать бракомъ эту любовь, пока Франклинъ не устроилъ своего положенія. Найдя какого-то пріятеля, который обѣщалъ ему помочь средствами для открытія собственной небольшой типографіи, Веньяминъ поѣхалъ въ Англію для закушки необходимаго матеріала. Но пріятель его обманулъ, и ему при-

¹⁾ Franklin France. By John Gey. «Century Magazine», 1906, January.

плось прожить въ Лондонѣ нѣсколько лѣтъ и исполнять должность поденщика въ типографіи. Однако въ 1726 г. онъ вернулся въ Америку и съ помощью нѣсколькихъ друзей открылъ собственную типографію. Прежде всего онъ отыскалъ свою старую пріятельницу, которая въ этотъ промежутокъ времени успѣла уже выйти замужъ и овдовѣть. Франклинъ женился на Деборѣ и сорокъ лѣтъ жилъ съ нею очень счастливо. Впослѣдствіи онъ писалъ: «Мы осчастливили другъ друга и обратили въ настоящую науку заботы о томъ, чтобы доставить другъ другу счастье; такимъ образомъ я мало-по-малу исправилъ ошибку своей молодости». Въ 1629 г. онъ сдѣлался издателемъ своей собственной газеты: «*Pensilvania gazette*», въ которой самъ писалъ большую часть статей, и въ короткое время сдѣлалъ ее чрезвычайно популярной. Еще большую славу онъ приобрѣлъ издавіемъ календаря подъ названіемъ: «Альманахъ бѣднаго Ричарда», со всевозможными полезными свѣдѣніями для народа. Досигнувъ своими способностями и безкорыстіемъ общаго уваженія, Франклинъ получилъ сначала мѣсто почтмейстера въ Филадельфіи и наконецъ въ 1733 г. директора почты всѣхъ англійскихъ колоній. Черезъ два года между колоніями и метрополіей по этому поводу возникъ споръ, и Франклина послали въ Англію, чтобы уладить дѣло. Это ему вполне удалось, при чемъ метрополія приняла на свою долю подобающую часть расходовъ по почтовому вѣдомству. Возвратись на родину, онъ былъ встрѣченъ съ торжествомъ, и мѣстное собраніе выразило ему благодарность за ловкое исполненіе возложеннаго на него порученія. Вмѣстѣ съ общественной дѣятельностью Франклинъ занимался и учеными опытами: между прочимъ, онъ сдѣлалъ блестящее открытіе о тождествѣ молніи съ электричествомъ. За изобрѣтенный имъ громоотводъ онъ получалъ большую золотую медаль Лондонскаго королевскаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ также большое число ученыхъ сочиненій и популярныхъ трактатовъ. Въ 1764 г. его снова отправили въ Англію, и онъ пробылъ тамъ около 10 лѣтъ представителемъ колоній по финансовымъ дѣламъ. Но, несмотря на всѣ хлопоты и усилія, Франклину не удалось миролюбиво покончить важный вопросъ о независимости Американскихъ штатовъ. Возвратись въ Филадельфію въ 1775 г., онъ былъ избранъ депутатомъ Пенсильваніи въ національный конгрессъ и находился въ числѣ пяти членовъ комитета, назначенныхъ для знаменитой «Декларации независимости». 4 іюля 1776 г. онъ подписалъ вмѣстѣ съ другими патріотами этотъ знаменитый актъ, создавшій Соединенные Штаты. Въ томъ же году онъ былъ посланъ въ Парижъ представителемъ новой республики для заключенія союза съ Франціей. Въ это время, предшествовавшее революціи, Франція находилась въ самомъ либеральномъ настроеніи, и Франклина всѣ приняла чрезвычайно радушно, начиная съ короля и высшихъ классовъ. Его популярность въ Парижѣ въ короткое время достигла громадныхъ размѣровъ, и въ его домѣ въ Пасси сходились самыя замѣчательные люди въ странѣ: Ларошфуко, Бюффонъ, Тюрго, Малербъ, Д'Аламберъ, Кондорсэ, Неккэръ, Мирабо и т. д. Франклина положительно носили на рукахъ въ Версаль и въ Парижъ. Неудивительно, что при такомъ колоссальномъ успѣхѣ Франклину удалось заключить 6 февраля 1778 г. дружественный и торговый союзъ между Соединенными Штатами и Франціей. Съ этой минуты Америка сдѣла-

лась настоящей независимой націей, и Франція помогла ея окончательному торжеству, пославъ ей на помощь армию, подъ начальствомъ Рошамбо. Одержавъ эту блистательную побѣду на старости лѣтъ, Франклинъ вернулся въ 1785 г. въ Америку, гдѣ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями, какъ триумфаторъ. Наравнѣ съ Вашингтономъ и Джеферсономъ онъ считается до сихъ поръ славнѣйшимъ героемъ американскаго переворота. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ губернаторомъ въ Пенсильваніи и умеръ 17-го апрѣля 1790 г. Соединенные Штаты и отдаленная Франція горько оплакивали кончину Франклина, а теперь, спустя двѣсти лѣтъ послѣ его рожденія, благодарные соотечественники воиовѣ достойно отпраздновали его юбилей.

— Королевская идиллія. Недавно скончавшійся въ Лондонѣ англійскій историкъ, Генри Вилькинсъ, написалъ двутомную біографію ¹⁾ фаворитки англійскаго короля Георга IV—мистриссъ Фитцъ-Гербертъ, приведя интересные архивные документы, подтверждающіе, что она была законной женой короля. Эти документы долго лежали подъ спудомъ, и ихъ никому не показывали, поэтому для своихъ «Четырехъ Георговъ» Теккерей не могъ ими воспользоваться. Авторъ и издатель біографіи мистриссъ Фитцъ-Гербертъ, считая почему-то эти документы опасными для династіи ГанOVERскаго дома, царствующаго теперь въ Англии, обратились къ королю Эдуарду VII за разрѣшеніемъ ихъ обнаружить, на что король благоразумно отвѣчалъ, что у истины есть на это неотъемлемое право, и необходимо освѣтить спорное прошедшее, вмѣсто того, чтобы затемнять его сомнѣніями. Этотъ отвѣтъ достоинъ короля свободной Англии, ибо обыкновенно короли не любятъ обнаруживать предъ публлкою грѣховъ своихъ родственниковъ, да еще такихъ порочныхъ, какими былъ Георгъ IV—дурнымъ сыномъ, дурнымъ отцомъ, дурнымъ мужемъ и такимъ же другомъ. Это былъ типъ, въ полномъ смыслѣ слова отталкивающій по своей фальшивости и низости. Впрочемъ Вилькинсъ старается представить его порочнымъ не настолько отъ природы, какъ отъ воспитанія въ неблагопріятной средѣ, гдѣ онъ выросъ и провелъ всю свою жизнь. Его прапрадѣдъ, Георгъ I, человекъ грубый и съ животными наклонностями, всегда находился подъ влияніемъ своихъ вѣмецкихъ любовницъ, которыя постоянно клеветали ему на его жену, вслѣдствіе чего онъ всегда съ нею ссорился и въ концѣ концовъ заключилъ королеву въ тюрьму, гдѣ держалъ ее тридцать два года. Благодаря тѣмъ же фавориткамъ, онъ изгналъ своего сына изъ дворца и этимъ началъ позорную эпоху, продолжавшуюся до 1830 г. Его прадѣдъ Георгъ IV, котораго Вилькинсъ прозвалъ «sonard», скупой корыстолюбецъ и къ тому же умственно ничтожный человекъ, находился также подъ влияніемъ женщинъ и оставилъ по себѣ позорную память, несмотря на расширеніе англійскихъ колоній, прославившихъ его имя. Георгъ III, внукъ Георга II-го и его преемникъ, сдѣлался сумасшедшимъ послѣ того, какъ вызвалъ недовольство народа, кончившееся мятежемъ и потерей Сѣверной Америки. Отъ предковъ Георгъ IV наслѣдовалъ всѣ пороки и довелъ до крайности

¹⁾ Mrs Fitzherbert and George IV, by W. H. Wilkins. Лондонъ. 1905.

свои дурныя наклонности. Онъ былъ зачинщикомъ всѣхъ сумасбродовъ, которыми рукоплескали лондонцы. Въ это время Лондонъ считался самымъ веселымъ городомъ послѣ Парижа, и все общество, безъ различія мужское и женское, старое и молодое, только и думало что объ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ самаго крикливаго пошиба, хотя грубость, царившая при дворѣ прежнихъ королей, была прикрыта лоскомъ, что приближало эпоху его царствованія болѣе къ режиму Стюартовъ, чѣмъ Ганноверскаго дома. Деньги бросались въ то время безумно, и принцъ Уэльскій, будущій Георгъ IV, тратилъ около 10.000 фунтовъ на свою одежду. Впрочемъ въ своей новой біографіи Вилькинсъ представляетъ его въ молодые годы болѣе снисходительно, чѣмъ это дѣлали прежніе біографы Георга IV, хотя и не лишаетъ его и пороковъ: страсти къ игрѣ, пьянству и кутежамъ, но все это оправдываетъ нравами той эпохи, когда такое поведеніе не считалось въ Англіи очень порочнымъ и было обычнымъ явленіемъ. Хотя принцъ, какъ Донъ-Жуанъ, подкарауливалъ своихъ жертвъ, но въ то же время онъ былъ въ одинаковой степени развратнымъ и сентиментальнымъ и, добываясь любви всѣхъ женщинъ, одерживалъ побѣды въ большинствѣ случаевъ, благодаря своему происхожденію и блестящей будущности. При всѣхъ его недостаткахъ Вилькинсъ находитъ у него и хорошія качества. Увлеченіе такимъ пьянпой, эгонстомъ и развратникомъ со стороны Мэри Фитцъ-Гербертъ, женщины во всѣхъ отношеніяхъ очаровательной, судя по біографіямъ, не только по вѣщности, но и по нравственнымъ качествамъ, — кажется загадочнымъ. Красавица, съ благородной душой и чуткимъ сердцемъ, она къ тому же была обезпечена годовымъ доходомъ въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Овдовѣвъ двадцати пяти лѣтъ послѣ второго брака, она поддерживала родственныя связи съ блестящимъ обществомъ, въ которое ее ввелъ мужъ. Ея руки добивались знатные англійскіе аристократы, какъ лордъ Бедерфордъ, который остался вѣрнымъ ей всю жизнь и потому не женился. Ея неестественное увлеченіе такимъ порочнымъ человѣкомъ, какъ Георгъ IV, Вилькинсъ объясняетъ, во-первыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что она встрѣтила принца, когда онъ былъ еще молодъ и не погрязъ, какъ впоследствии, въ порокахъ; во-вторыхъ — жадостью, такъ какъ онъ прикинулся безумно въ нее влюбленнымъ. Впрочемъ Георгъ IV, который привыкъ къ легкимъ побѣдамъ, былъ озадаченъ ея упорствомъ и съ своей стороны дѣйствительно въ нее влюбился. Когда онъ увидѣлъ, что ее нельзя завоевать ни лестью, ни просьбами, ни угрозами, то пришелъ въ отчаяніе: катался по полу, рвалъ на себѣ волосы и клялся отказаться отъ короны и своей родины, чтобы бѣжать въ Америку съ мистриссъ Фитцъ-Гербертъ. Но опытную красавицу не тронули такія бурныя проявленія страсти; она знала о мимолетныхъ увлеченіяхъ принца и слишкомъ уважала себя, чтобы играть роль игрушки; притомъ, какъ ревностная католичка, придерживавшаяся принциповъ строгой морали, она умѣла защищаться противъ слабостей своего сердца. Она любила принца, но рѣшила сблизиться съ нимъ только на самыхъ чистыхъ основаніяхъ. Принцъ же въ сущности желалъ ея любви изъ каприза и, получивъ отъ нея опять отказъ, прибѣгнувъ къ крайней мѣрѣ. Дважды утромъ его друзья увѣдомили ее, что принцъ покушался на свою жизнь и не хочетъ умереть, не повидавшись съ

нею. Но мистриссъ Фитцъ-Гербертъ, несмотря на свои страданія, не посигшла тотчасъ на его призывъ, подозрѣвая въ этомъ ловушку. Она отвѣтила, что придетъ къ умирающему, но въ сопровожденіи герцогини Девонширской, возрастъ, характеръ и положеніе которой вполнѣ гарантировали ее отъ всякакъ неожиданностей. Герцогиня согласилась сопровождать ее, и онѣ обѣ отправились къ умирающему и нашли его задитымъ кровью. Имъ рассказали, что онъ ранилъ себя въ бокъ шлагой или кинжаломъ, но нѣкоторые скептики отрицали этотъ фактъ, увѣряя, что докторъ упустилъ принцу кровь, какъ это дѣлали врачи при горячкѣ. Какъ бы то ни было, но, увидя принца въ крови, молодая женщина взволновалась, а его страдальческій взглядъ окончательно побѣдилъ ее; когда Георгъ IV снова сдѣлалъ ей предложеніе, то она уже не отказала ему. 15 декабря 1785 г. совершился ихъ бракъ въ домѣ г-жи Фитцъ-Гербертъ. Онъ состоялся по обряду англиканской церкви, п патерт, соединивъ руки принца Уэльскаго и Мэри Фитцъ-Гербертъ, объявилъ ихъ законными мужемъ и женой. Но «бѣлую розу», какъ ее называлъ принцъ, ожидало горькое разочарованіе со стороны ея друзей. Фоксъ, довѣренный принца, знавшій лучше всѣхъ объ ихъ бракѣ, не колеблясь, сказалъ въ парламентѣ, что ничего не знаетъ о законномъ бракѣ, принца съ мистриссъ Фитцъ-Гербертъ, и прибавилъ, что не только этотъ союзъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ допустимый передъ закономъ, но онъ даже никогда не совершался. Эти слова продиктовалъ ему наканунѣ самъ принцъ Уэльскій, что, однако, не помѣшало ему на другой день сказать: «Знаешь, о чемъ говорилъ вчера Фоксъ? Онъ утверждалъ передъ парламентомъ, что мы не мужъ и не жена. Возможно ли сказать такую клевету?» И, чтобы успокоить молодую женщину, онъ нѣжно обнялъ ее и поцѣловалъ. Довъ-Жуанъ привелъ въ исполненіе свой роковой планъ и покинулъ Мэри Фитцъ-Гербертъ. Ею принудили совершить это двѣ причины: долги и католическое вѣроисповѣданіе жены. Желая развязаться съ назойливыми кредиторами, онъ рѣшился жениться на своей богатой двоюродной сестрѣ, Каролинѣ Брауншвейгской, которая принесла ему въ приданое милліоны. Съ другой стороны, католическое вѣроисповѣданіе Мэри Фитцъ-Гербертъ, отъ котораго она не отеклась предъ англиканскимъ патеромъ, могло возбудить недовольство въ народѣ. Это было время, когда народъ страшно ненавидѣлъ католиковъ, и вся страна поднялась бы противъ католическаго наслѣдника престола. Когда Фоксъ отрицалъ въ парламентѣ бракъ короля съ мистриссъ Фитцъ Гербертъ, то парламентъ его спросилъ, говорить ли онъ отъ своего имени, или ему поручилъ король опровергнуть невѣрные слухи объ этомъ бракѣ; на это онъ отвѣтилъ, что ему поручено такъ говорить, и парламентъ принялъ это къ свѣдѣнію. Георгъ IV спасъ свою корону цѣвою подлости, которую онъ еще болѣе увеличилъ своей женитьбой въ 1795 г. на герцогинѣ Брауншвейгской. Черезъ годъ онъ разошелся съ ней, и ихъ бракоразводный процессъ длился двадцать пять лѣтъ. Сто десять лѣтъ продолжалось заблужденіе относительно законности его брака съ Мэри Фитцъ-Гербертъ; документы, которые могли бы служить опроверженіемъ этой лжи, находились подъ замкомъ, и никто не смѣлъ изъ опасенія скандала извлечь ихъ оттуда ни въ царствованіе Георга IV, ни Вильгельма IV, ни Викторіи I-й и, только

теньеръ, благодаря Вилькинсу, они появились на свѣтъ. Послѣ второго брака Георга IV мистриссъ Фитцъ-Гербертъ долго жила отдѣльно, не выражая ни жалобы, ни упрека. Впрочемъ, въ 1800 г. ея друзья примирили ее съ королемъ, и она прожила съ нимъ счастливо еще восемь лѣтъ, но въ 1808 г. онъ снова покинулъ свою «бѣлую розу» ради лэди Гертфордъ. Въ 1830 г. Георгъ IV умеръ. Вилькинсъ увѣряетъ, что король никогда не могъ забыть единственной женщины, которую онъ дѣйствительно любилъ. Когда послѣ его смерти герцогъ Веллингтонъ остался у гроба короля одинъ, то замѣтилъ на его груди медальонъ на черной шелковой лентѣ и, открывъ его, онъ увидѣлъ портретъ мистриссъ Фитцъ-Гербертъ. Закрывъ медальонъ съ религиознымъ чувствомъ, онъ спряталъ его подъ рубашку Георга IV, чтобы никто не замѣтилъ портрета первой жены короля, котораго такъ и похоронили съ изображеніемъ его «бѣлой розы». Что же касается до Мэри Фитцъ-Герберта, то она немного пережила его и умерла чрезъ семь лѣтъ.

— Воспоминанія американскаго историка Джорджа Банкрофта. Въ послѣднее время появилось въ Америкѣ много замѣчательныхъ записокъ выдающихся писателей и государственныхъ людей, и между ними обращаютъ на себя особенное вниманіе письма и дневникъ престарѣлаго Джорджа Банкрофта, умершаго въ 1891 г., ровно 15 лѣтъ тому назадъ. Отрывки изъ мемуаровъ Банкрофта только теперь напечатаны въ «Scribner's Magazine» и обвиняютъ его студенческіе годы въ Европѣ въ 1818—1822 г.г., поѣздки въ Парижъ въ 1847—1849 г.г. и пребываніе въ Германіи въ качествѣ посланника въ 1867—1874 г.г.¹⁾ Эти три эпохи въ его жизни были самыми интересными, хотя онъ также исполнялъ должность морскаго министра при президентѣ Полькѣ въ 1845 г., состоялъ затѣмъ три года посланникомъ въ Лондонѣ и почти всю свою долговременную жизнь посвятилъ громадному классическому труду въ двѣнадцать томахъ: «Исторія Соединенныхъ Штатовъ». Новый историческій и біографическій матеріалъ о Банкрофтѣ собранъ докторомъ Вольфомъ Говэ, и начинается съ писемъ изъ Европы, куда онъ отправился для окончанія своего образованія въ 1818 г. Около двухъ лѣтъ онъ провелъ въ Геттингенѣ, гдѣ слушалъ лекціи по экзегетикѣ одного изъ ученѣйшихъ людей того времени, Эйгорна, по этнографіи—Берена, еврейскаго, сиріанскаго, греческаго, латинскаго и французскаго языковъ, по филологической энциклопедіи и т. д. Онъ слушалъ лекціи съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера за исключеніемъ четырехъ часовъ, распределенныхъ на прогулку, обѣдъ, чай и чтеніе въ библіотекѣ; наконецъ три часа онъ посвящалъ приготовленію лекцій и въ 11 ч. ложился спать, такъ что сну онъ посвящалъ не болѣе пяти или шести часовъ. Профессоръ Эйгорнъ, однако, совѣтовалъ Банкрофту сначала не учиться болѣе двѣнадцати или даже десяти часовъ; самъ же онъ работалъ, по его словамъ, до пятнадцати часовъ въ сутки. Молодого американца профессора и студенты приняли очень любезно, и онъ часто обѣдалъ у Эйгорна. Между прочимъ, онъ приводитъ меню профессорскаго обѣда: супъ, очень жидкій, вареная говядина, жареная ветчина, го-

¹⁾ Letters and diaries of George Bancroft. Scribner's Magazine. September, October, November. 1905. January. 1906.

вяжій рулетъ съ разными пряностями и съ кислой капустой, рыба, дичь, тортъ изъ песочнаго тѣста и десертъ, состоявшій изъ яблоковъ и винограда. Подаваемые за обѣдомъ вина были высокаго качества. Изъ профессорскихъ ужиновъ, довольно часто устраиваемыхъ въ Геттингенѣ, Банкрофтъ обращаетъ вниманіе на банкетъ, предложенный проректоромъ университета. Всѣ профессора до того напились на этомъ пиршествѣ, что между ними затѣялся слѣдующій характерный разговоръ: «Чѣмъ отличается хорошій лютеранинъ?» — воскликнулъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ профессоровъ. — «Любовью къ вину!» — отвѣчалъ проректоръ, схвативъ бутылку. — «Да, кто не любитъ вина, женщины и пѣсень, тотъ останется на всю жизнь дуракомъ!» — замѣтилъ старѣйшій изъ ученыхъ. Объ одномъ профессорѣ, Форстерѣ, знаменитомъ путешественникѣ, товарищѣ Кука, американцу рассказывали любопытный анекдотъ. Онъ отличался очень грубыми манерами и однажды на ужинѣ съ неудовольствіемъ увидѣлъ, что одна молодая дѣвушка, еврейка, сильно зѣвала во время его разказа. — «Я надѣюсь, барышня, — воскликнулъ онъ: — что вы не хотите меня съѣсть?» — «Нѣтъ, не бойтесь: я — еврейка и свинины не ѣмъ». Въ канікулярное время Банкрофтъ виѣхалъ съ знакомыми студентами посѣщать пѣшкомъ другіе университетскіе города: Галлэ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Іену и проч. Въ послѣднемъ онъ имѣлъ удовольствіе видѣть Гете, который оказался очень разговорчивымъ и любезнымъ. Особенно онъ говорилъ о нѣмецкой философіи и упоминалъ съ большимъ уваженіемъ о Кантѣ. Повидимому, онъ зналъ очень хорошо Америку и американскую литературу. Говоря о новѣйшихъ литераторахъ, онъ отзывался съ величайшей похвалой о Байронѣ, и, по его словамъ, въ Германіи былъ большой кружокъ, который читалъ съ восхищеніемъ все, что писалъ великій поэтъ. «Быть можетъ, Гете — самый популярный авторъ въ Германіи, — пишетъ Банкрофтъ въ одномъ изъ своихъ писемъ сестрамъ: — нѣмцы готовы восторгаться всѣмъ, что бы онъ ни написалъ, и Гете заставляетъ ихъ преклоняться предъ каждымъ его капризомъ. Онъ теперь очень старъ, но бодръ и отличается твердой походкой. Черты его лица крупныя и выразительныя, такъ что, вѣроятно, въ молодости онъ былъ очень красивъ. Его глаза темны, блестящи; онъ хорошо сложенъ и отличается большимъ достоинствомъ; волосы у него сѣдые, и, признаюсь, я никогда не видалъ такой почтенной сѣдой головы, какъ его. Онъ принялъ меня въ саду, и былъ одѣтъ очень небрежно; впрочемъ, всѣ нѣмецкіе ученые и литераторы обыкновенно чрезвычайно грязны, какъ относительно одежды, такъ и наружности. На немъ была рубашка не очень чистая, а галстукъ еще хуже. Его сюртукъ скорѣе походилъ на пальто, и, кромѣ этой одежды и панталонъ, на немъ ничего не было. Что же касается сапогъ, то они далеко не были модными; но его взглядъ и сѣдина вызывали такое уваженіе, что я рѣшительно не обратилъ вниманія на его одежду». Когда приблизился конецъ занятіямъ Банкрофта въ Геттингенѣ, то онъ держалъ латинскій диспутъ на доктора философіи и имѣлъ значительный успѣхъ. Вторичнымъ этапомъ молодого американца въ нѣмецкихъ университетскихъ городахъ былъ Берлинъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, слушая лекціи знаменитыхъ профессоровъ и находясь съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ. Всего болѣе привелъ его въ восторгъ знаменитый философъ, Шлейермахеръ.

По словам Банкрофта, онъ отличался замѣчательнымъ выраженіемъ лица и необыкновенно блестящими глазами. Маленькаго роста и нѣсколько сутуловатый, великій ученый, однако, былъ до того живого характера и обладалъ такимъ громаднымъ умомъ, что заставлялъ забывать о своихъ физическихъ недостаткахъ. Во всей Германіи не было человѣка, который говорилъ бы краснорѣчивѣе его, и массой своихъ разнообразныхъ свѣдѣній онъ всякаго неволью ставилъ втупикъ. Кромѣ Шлейермахера, американецъ близко сошелся съ извѣстнымъ географомъ Ритеромъ и Фридрихомъ-Августомъ Вольфомъ, величайшимъ филологомъ и знатокомъ древнихъ, классическихъ языковъ. «Послѣдній, очень замѣчательный человѣкъ, былъ просто гениемъ, — говоритъ Банкрофтъ, — и принадлежалъ къ небольшому числу дѣйствительно великихъ людей, которыхъ я видѣлъ въ Германіи. Но онъ былъ чрезвычайно оригинальный и своеобразный человѣкъ: всѣ соотечественники его ненавидѣли, а онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что въ Европѣ не было человѣка ученѣе его. Онъ питалъ страсть къ древнимъ классическимъ языкамъ, сознавалъ всю красоту ихъ литературъ и въ сущности былъ скорѣе древнимъ римляниномъ и грекомъ, чѣмъ христіаниномъ. Никто не могъ соперничать съ нимъ въ переводахъ Гомера и старинныхъ нѣмецкихъ балладъ. Рѣшительно я не зналъ, чему отдавать предпочтенію въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ — его уму или знаніямъ? Но онъ не отличался ни достоинствомъ характера, ни нравственностью, а былъ тщеславенъ, развратенъ и, какъ ребенокъ, пристрастенъ ко всему сладкому, такъ что зналъ, въ какой кондитерской какія дѣлаются конфеты, и въ какомъ часу будетъ готовы вкусные пирожки. Яникогда не видывалъ человѣка лѣнивѣе этого великаго ученаго: онъ спалъ до 12 ч. дня и ложился въ 9 ч. вечера; кромѣ того, онъ постоянно валялся на диванѣ. Когда онъ говорилъ, то обыкновенно велъ разговоръ о проституткахъ, кондитерскихъ и вкусной пищѣ. Вообще Вольфъ проводилъ старость самымъ недостойнымъ образомъ, хотя въ сущности онъ могъ быть уважаемъ всѣми на свѣтѣ за свои необыкновенныя способности. У него была дочь, также отличавшаяся замѣчательнымъ умственнымъ развитіемъ. Однажды, проѣзжая черезъ Галле, гдѣ Вольфъ былъ профессоромъ, англійская королева хотѣла познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ ребенкомъ. «Какъ ты могла научиться такъ хорошо англійскому языку?» — спросила королева. «Папа научилъ меня въ водѣ, когда мнѣ было пять лѣтъ», — отвѣтила она. — «Какъ въ водѣ?» — спросила съ изумленіемъ королева. — «Да, сидя въ ваннѣ!» — отвѣчала дѣвочка. — «Когда я шель братъ ванну, — прибавилъ самъ Вольфъ, — то меня всегда сопровождала моя маленькая дочь; я садилъ ее за ширму и училъ англійскому языку слово за словомъ, обращая особенное вниманіе на выговоръ». Чтобы усовершенствоваться еще болѣе въ выговорѣ, четырнадцатилѣтняя дѣвочка сократила извѣстный англійскій словарь Валькэра, что для нея было настоящимъ подвигомъ. Въ февралѣ 1821 г. Банкрофтъ покинулъ Берлинъ и отправился путешествовать по Германіи, Франціи, Англійи и Италиіи, но по дорогѣ онъ снова посѣтилъ Гёте въ Веймарѣ. Въ это посѣщеніе онъ еще болѣе пришелъ въ восторгъ отъ великаго поэта и мыслителя. Однако его изумило, что Гёте не любилъ говорить о нѣмецкихъ поэтахъ, но зато попрежнему восторгался Байрономъ и съ особымъ сочувствіемъ говорилъ о Донъ-Жуанѣ. Въ то время Гёте

диктоваль по нѣскольку часовъ въ день свои поэтическія и научныя сочиненія, рѣдко выходилъ на улицу, почти никого не посѣщалъ въ Веймарѣ самъ и изрѣдка появлялся при дворѣ. Въ Парижѣ Банкрофтъ познакомился съ политическими дѣятелями: Бенжаиномъ Констаномъ и генераломъ Лафайетомъ, который чрезвычайно интересно разговаривалъ о своихъ американскихъ воспоминаніяхъ. Точно также возбудилъ интересъ въ молодомъ человѣкѣ другой знаменитый дѣятель, не политическій, а ученый—Александръ Гумбольдтъ. Банкрофтъ очень близко сошелся съ нимъ и никогда не могъ достаточно наслушаться его разказовъ объ американской природѣ. Онъ познакомилъ Банкрофта съ другимъ ученымъ, французомъ Кювье, въ которомъ замѣчательно соединялись два человѣка—великій ученый и тщеславный царедворецъ. Изъ Франціи Банкрофтъ поѣхалъ въ Италію, и изъ всѣхъ видѣнныхъ тамъ людей онъ съ большимъ сочувствіемъ упоминаетъ о знаменитомъ романистѣ Манцони и двухъ великихъ скульпторахъ: итальянцѣ Кановѣ и датчанинѣ Торвальдсенѣ, которому онъ отдаетъ первенство. Американца особенно поразилъ недостатокъ культуры въ итальянцахъ: такъ, малолѣтній сынъ Манцони, узнавъ, что Банкрофтъ американецъ, спросилъ у матери: «не дикарь ли онъ?» А одинъ римскій книгопродавецъ спросилъ, изъ какого онъ американскаго города, и, получивъ отвѣтъ, что изъ Бостона, воскликнулъ: «пожалуйста, посмотрите, у меня есть любопытная книга объ этомъ городѣ». Это оказалась «Исторія Индустана». Итальянецъ съ улыбкой произнесъ: «Mi sono jbagliato, это маленькая ошибка: я принялъ Индустанъ за Бостонъ». Но самымъ интереснымъ эпизодомъ въ итальянскомъ путешествіи Банкрофта была его встрѣча съ Байрономъ на американскомъ военномъ кораблѣ въ Ливорно и его посѣщеніе вилы знаменитаго поэта Монтенеро близъ этого города. «Достигнувъ мѣстопребыванія лорда Байрона, — говоритъ американецъ, — я тотчасъ былъ приведенъ въ большую прохладную комнату, и чрезъ минуту великій поэтъ уже протягивалъ мнѣ руку. Онъ единственный человѣкъ въ Европѣ. Я никогда не говорилъ ни съ кѣмъ столь откровенно. Его обращеніе чрезвычайно любезное и свѣтское; онъ говоритъ обо всемъ: о лошадахъ, о плаваніи, о дуэляхъ, о свободѣ и т. д. Однимъ словомъ, онъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ людей на свѣтѣ; о себѣ онъ говоритъ откровенно, одинаково, какъ о своихъ успѣхахъ, такъ и о своихъ врагахъ. Прежде всего Байронъ началъ разговоръ съ разспросовъ о нашемъ флотѣ, о нашихъ корабляхъ и нашихъ офицерахъ. Онъ, казалось, зналъ обо всѣхъ офицерскихъ дуэляхъ, объ ихъ причинахъ и объ именахъ противниковъ. Потомъ разговоръ перешелъ на литературу; Байронъ сталъ говорить объ американцахъ: Тикнеръ, Эверети и Вашингтовъ Ирвингъ, которымъ онъ особенно восхищался. Относительно нѣмецкихъ писателей онъ спросилъ меня, зналъ ли я Гёте? Я отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ хвалебный отзывъ Гёте о немъ. Кромѣ того, я замѣтилъ, что въ Германіи его очень любятъ и много переводятъ. Байрону мои слова очень понравились, и онъ сказалъ, что похвала нѣмцамъ его утѣшаетъ отъ оскорбленій англичанъ. Потомъ онъ откровенно упомянулъ о ненависти англичанъ къ нему и о преслѣдованіяхъ его королею. — «Я никогда не бывалъ при дворѣ, — сказалъ онъ, — но какъ-то на одномъ балу меня представилъ королю по его желанію. Онъ потомъ очень жаловался, что, не-

смотря на его любезное обращеніе, я написал восемь строчекъ противъ него, тогда какъ въ сущности онѣ были написаны гораздо раньше». Я упомянулъ, что Гёте сравнивалъ своего Фауста съ Манфредомъ Байрона, и послѣдній замѣтилъ, что это дѣлаетъ ему большую честь. По его словамъ, одно изъ своихъ сочиненій онъ посвятилъ Гёте, но по той или другой причинѣ издатели пропустили въ печати это посвященіе.—«Шелли переводить Фауста, прибавилъ онъ.—Вы, вѣроятно, слышали много глупостей о Шелли, особенно, что онъ атеистъ и человѣкъ безъ принциповъ, но это все неправда». По окончаніи нашего длиннаго разговора, Байронъ повелъ меня въ сосѣднюю комнату, я полагалъ, для того, чтобы полюбоваться прекраснымъ видомъ на окрестности, но, къ моему изумленію, я увидѣлъ на диванѣ великолѣпную, удивительную красавицу, лѣтъ двадцати пяти, графиню Tugroni. Я сѣлъ возлѣ нея, и нашъ разговоръ продолжался по-итальянски о музыкѣ, о Франціи, Итали и т. д. Лордъ Байронъ говорилъ великолѣпно по-итальянски, а дама отличалась удивительно пріятнымъ выговоромъ. Ея красота была тончайшаго стиля: прелестный бюстъ, горѣвшія богатѣйшимъ румянцемъ щеки, очаровательный лобъ, чрезвычайно маленькій ротъ, граціозной носъ, блестящіе зубы, высокій ростъ, тонкая, стройная талья; выраженіе ея лица отличалось невинностью и спокойствіемъ, а улыбка казалась небесной; ея темные глаза блестѣли спокойно, и хотя я видалъ болѣе великолѣпныхъ красавицъ, но я никогда не видалъ женщины, которая произвела бы на меня такое пріятное впечатлѣніе. Далѣе лордъ Байронъ объяснилъ мнѣ, что онъ покинулъ Равену потому, что всѣхъ его друзей оттуда выселили, и онъ не знаетъ, по какой причинѣ его преслѣдовало духовенство. Итальянская молодежь, по его словамъ, была отлично настроена и стремилась къ свободѣ. Если только они этого достигнуть, то имъ, по его мнѣнію, надо было бы только изучить хорошенько политику и вполне ее понять. Наконецъ Байронъ заговорилъ о своемъ желаніи посѣтить Америку, о которой онъ могъ судить вполне безпристрастно, такъ какъ онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ предразсудковъ относительно своей собственной страны. Вскорѣ послѣ посѣщенія великаго поэта Банкрофтъ отправился въ августѣ 1822 г. обратно въ Америку, и этимъ кончилось его первое долгое пребываніе въ Европѣ.

Ровно двадцать пять лѣтъ ученый историкъ пробылъ на своей родинѣ, занятый безконечнымъ, кропотливымъ трудомъ, которому была посвящена вся его жизнь. Въ 1846 г. его назначили посланникомъ въ Англію, гдѣ онъ оставался три года. Его письма изъ Англіи и дневникъ, веденный въ этой странѣ, чрезвычайно интересны, но они пропущены издателемъ его мемуаровъ. Зато помѣщено извлеченіе изъ его парижскихъ писемъ того времени, такъ какъ онъ ѣздилъ въ Парижъ около семи разъ и проводилъ тамъ довольно много времени преимущественно занимаясь въ архивахъ и бібліотекахъ отыскиваніемъ матеріаловъ для своей «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ». Прежде всего онъ, конечно, посѣтилъ Гизо, въ это время бывшаго первымъ министромъ, и тотъ встрѣтилъ его чрезвычайно радушно: «Вы мнѣ не чужой,—сказалъ онъ, любезно пожимая ему руки:—я съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ ваше сочиненіе. Я считаю его лучшимъ изъ появившихся историческихъ трудовъ по ту сторону

океана. Я буду очень счастливъ оказать вамъ всевозможныя услуги». И дѣйствительно онъ распорядился открыть для американца всѣ архивы и библиотеки въ Парижѣ. Послѣ Гизо Банкрофтъ познакомился съ Ламартиномъ, который только что выпустилъ третій томъ «Исторіи жирондистовъ», которая привела въ восторгъ Банкрофта. Ламартинъ былъ высокаго роста, съ изящными свѣтскими манерами и занимался безъ усталы литературнымъ трудомъ. Его жена помогала ему во всемъ: читала корректуры, указывала ему на ошибки или промахи и складывала его письма по мѣрѣ того, какъ онъ ихъ писалъ съ необыкновенной быстротой. Вообще, по словамъ Банкрофта, Ламартинъ писалъ свои сочиненія съ необыкновенной скоростью. Затѣмъ американецъ сошелся съ историками Минье и слѣпымъ старикомъ Тьерри. Первый подружился съ нимъ и оказалъ ему много услугъ относительно собиранія историческихъ матеріаловъ. Второй же разсказалъ ему много интереснаго изъ своихъ воспоминаній, особенно о Лафайетѣ, котораго по возвращеніи изъ Америки Марія-Антуанета, любезно спрашивала: «Ну, разскажите мнѣ что нибудь о нашихъ добрыхъ республиканцахъ». Въ то время Шатобрианъ былъ боленъ, а потому Банкрофтъ не могъ его посѣтить. Несмотря на то, что смерть близко его караулила, онъ еще чрезвычайно остроумно выражался въ разговорахъ съ друзьями. Когда ему стали читать «Исторію жирондистовъ» Ламартина, онъ перебилъ чтеца на первыхъ страницахъ словами: «Ламартинъ обожаетъ гильотину». Въ другой разъ онъ перебилъ одного своего пріятели, говорившаго о смерти. — «Въ моей молодости я видѣлъ Вашингтона и Малерба, въ старости я вижу Луи-Филиппа и Дюпэна, поэтому легко понять, что я не хочу долѣе жить». Съ большимъ удовольствіемъ молодой американецъ познакомился съ старымъ ветераномъ Сентъ-Альбенемъ, который участвовалъ во всѣхъ событіяхъ революціи и былъ закадычнымъ другомъ Франклина. «Почтенный старикъ разсказывалъ мнѣ, — говоритъ Банкрофтъ, — что онъ присутствовалъ при слѣдующемъ разговорѣ г-жи Сталь съ императоромъ Александромъ: «Вы, государь, — сказала она, — лучшая изъ конституцій». — «Я, — отвѣчалъ императоръ: — я только случайность; счастье народа должно имѣть болѣе надежную гарантію». Кромѣ этого, Сентъ-Альбэнъ показывалъ Банкрофту чрезвычайно любопытныя автографы Кампльа Демулэна, Дантона, Марата, Робеспьера и Наполеона. Послѣдній автографъ, быть можетъ, былъ всего интереснѣе: онъ заключался въ письмѣ Наполеона изъ Италіи къ Барри, съ очень замѣчательнымъ post-scriptum: «Я въ отчаяніи; жена меня не любитъ; у нея любовники, и они задерживаютъ ее въ Парижѣ. Я проклинаю всѣхъ женщинъ и обнимаю всѣхъ моихъ друзей». Банкрофтъ часто видѣлся съ королемъ Луи-Филиппомъ и не только во многихъ своихъ письмахъ къ жевѣ говорилъ о немъ, но посвятилъ ему цѣлую особую главу своего дневника, подъ названіемъ: «Разговоры съ Людовикомъ-Филиппомъ». Изъ нихъ всего любопытнѣе воспоминаніе короля о Франклинѣ: «Я помню Франклина, — говорилъ онъ: — я присутствовалъ ребенкомъ, когда онъ представлялся моей матери. Картину этой сцены можно видѣть въ одной изъ комнатъ Палэ-Рояля. Я нарисованъ на ней маленькимъ мальчикомъ съ барабаномъ». Тѣра Банкрофтъ видалъ часто, но болѣе восторгался имъ, какъ историкомъ наполеоновскихъ войнъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ. По его мнѣнію, Тьеръ только игралъ

въ оппозицію и не отличался манерами человѣка, ожидавшаго, какъ храбрый воинъ, одержать побѣду въ борьбѣ за народную свободу, а скорѣе школьника, добивавшагося первенства въ классѣ. Что же касается до Гизо, то молодой американецъ писалъ въ концѣ 1847 г., «что его паденіе не такъ близко, какъ вообще полагають». А въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, за нѣсколько дней до февральской революціи, онъ увѣрялъ, что «Тьеръ, по всей вѣроятности, не будетъ министромъ, а Гизо не грозитъ немедленной опасности потерять своего мѣста, такъ какъ онъ самый способный человѣкъ въ парламентѣ и не менѣе либераленъ, чѣмъ всякій, который бы теперь занялъ его мѣсто». Во время февральскаго переворота Банкрофтъ находился въ Лондонѣ и пріѣхалъ снова въ Парижъ только въ апрѣлѣ. «Хотя буржуазія, — писалъ онъ женѣ, — снова приобрѣла мужество, но она любитъ республику и, по правдѣ сказать, во Франціи должна быть республика, или странѣ грозить гибель». Конечно, прежде всего онъ отправился къ Ламартину, который былъ въ то время главою временнаго правительства и министромъ иностранныхъ дѣлъ. «Ламартина, — говоритъ американецъ, — теперь человѣкъ всѣхъ партій, и отъ него зависитъ спасеніе всей страны. Онъ самъ говоритъ объ успѣхѣхъ республики, какъ о чемъ-то совершенно достовѣрномъ. «Если я погибну, то за меня отмстятъ», — замѣчаетъ онъ. Вообще я готовъ хвалить его за все, что онъ сдѣлалъ, и особенно за умпротвореніе народныхъ страстей, что поистинѣ удивительно; но я согласенъ съ его женою, что онъ такой же военный геній, какъ организаторъ республики. Надо признаться, что большинство французовъ сознаетъ республику и свободу болѣе по разуму, чѣмъ по страсти. Всѣ чувствуютъ себя теперь сильными и въ безопасности. Парижъ въ послѣднее время успокоился, и въ прошедшую зиму онъ былъ въ гораздо большемъ волненіи; даже въ клубахъ стало совершенно тихо: однимъ словомъ, я долженъ признаться, что если во Франціи окончательно не установится республика, то это будетъ не по винѣ французскаго народа. Никогда я не чувствовалъ такого спокойствія въ странѣ, и нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго тревоженія, ни тревоги за собственность, хотя теперь происходятъ выборы, но во Франціи происходитъ менѣе волненій, чѣмъ въ подобныя времена въ Америкѣ». Съ особымъ восторгомъ Банкрофтъ описываетъ, какъ онъ слышалъ въ «Comedie Française» знаменитую актрису Рашель, распѣвающую «марсельезу». «Я никогда, — рассказываетъ онъ, — не видывалъ ничего подобнаго. Это была не Сибилла, а настоящій ангелъ. Въ ея голосѣ звучала божественная нѣжность, какъ, напримѣръ, въ куплетѣ дѣтей, то слышался мужественный патриотизмъ и ярый воинственный порывъ въ строфахъ, полныхъ отважнаго пыла». Въ другой разъ Банкрофтъ присутствовалъ въ одномъ изъ театровъ при восторженной манифестаціи народа въ честь Ламартина: снова пѣли «марсельезу», и глаза всѣхъ были съ восторгомъ и благодарностью устремлены на героя минуты. Совершенно въ иномъ настроеніи находился Парижъ, когда его посѣтилъ американецъ, почти годъ спустя послѣ того. Президентомъ былъ Луи-Наполеонъ, и во всемъ царилъ полная реакція. Попржнему Банкрофтъ посѣтилъ Ламартина, и его салонъ кипѣлъ народомъ: онъ, повидному, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и говорилъ о своихъ литературныхъ трудахъ, которыми онъ занимался безъ усталы. По его собствен-

нымъ словамъ, Луи-Наполеонъ въ маѣ 1849 г. предлагалъ ему образовать министерство, но онъ отказался, что дѣлало великую честь его безкорыстію. Еще въ послѣдній разъ въ августѣ того же года Банкрофтъ поѣхалъ въ Парижъ и засталъ республику въ агоніи, вслѣдъ затѣмъ онъ покинулъ въ отчаяніи Европу и вернулся въ Америку, гдѣ провелъ слѣдующія девятнадцать лѣтъ въ занятіяхъ по исторіи.

Въ 1867 г. его назначилъ президентъ Джонсонъ посланникомъ въ Берлинъ, и онъ оставался на этомъ посту при президентѣ Гравтѣ до 1874 г. Хотя эти годы были самыми животрепещущими для Германіи, и Банкрофтъ присутствовалъ при торжествѣ ея единства и утвержденіи имперіи, но въ его письмахъ, относящихся до этого времени, мало новаго и интереснаго. Онъ описываетъ уже давно всѣмъ извѣстное, и въ его характеристикахъ Вильгельма I, Бисмарка, Мольтке и другихъ германскихъ дѣятелей не встрѣчается ничего замѣчательнаго. Быть можетъ, всего интереснѣе анекдотъ о Бисмаркѣ во время его парламентской борьбы въ 1868 г. Предсѣдатель парламента однажды спросилъ его, отчего онъ такъ нехорошъ на взглядъ, и получилъ въ отвѣтъ: «Мнѣ ужасно не здоровится; я не могу ни ѣсть, ни пить, ни спать, ни смѣяться, ни курить, ни работать». Предсѣдатель посоветовалъ ему взять паровую ванну, но онъ отвѣчалъ: «То, отъ чего я страдаю, не выдѣлится ваннами». — «Такъ что же у васъ?» — «Ich habe perveu bankrot!» — объявилъ Бисмаркъ. Дѣйствительно послѣ этого онъ былъ серьезно боленъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Относительно войны Германіи съ Франціей Банкрофтъ сочувственно говоритъ объ успѣхахъ нѣмцевъ, но былъ въ большомъ восторгѣ, когда во Франціи утвердилась республика. При проѣздѣ чрезъ Берлинъ Тьера по возвращеніи его изъ Россіи представитель Америки встрѣтилъ его очень любезно и познакомилъ съ историкомъ Ранке. «Отчего продолжается война? — спросилъ Тьеръ. — Я, право, не понимаю! Мы прогнали императора и, значитъ, нѣмцамъ не съ кѣмъ драться». — «Мы деремся съ Людовикомъ XIV», — отвѣчалъ Ранке, и въ его словахъ, по мнѣнію Банкрофта, было много справедливаго, такъ какъ Германія ни за что не могла простить королю-Солнцу всего его деспотизма и жестокосердія. Наконецъ, окончивъ свое семилѣтнее пребываніе въ Германіи, Банкрофтъ окончательно уѣхалъ на родину и вышелъ въ отставку изъ государственной службы. Въ первые годы своей частной дѣятельности онъ окончилъ свой громадный историческій трудъ и въ 1882 г. выпустилъ новое пересмотрѣнное изданіе, къ которому прибавилъ «Исторію учрежденія конституціи въ Соединенныхъ Штатахъ». Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1891 г.

— Жена Бальзака. Во второмъ январскомъ номерѣ «La Nouvelle Revue» помѣщена любопытная статья ¹⁾ Станислава Ржевусскаго, племянника графини Ганской, жены Бальзака. Безпристрастно и справедливо относясь къ памяти своей тетки, Ржевусскій, защищая ее отъ нападокъ, все болѣе и болѣе раздающихся въ парижскомъ обществѣ и поднявшихся съ легкой руки Виктора Гюго, выѣстъ съ тѣмъ не скрываетъ нѣкоторыхъ ея недостатковъ.

¹⁾ Le mariage de Balsac, par Stanislas Rzewuski. La Nouvelle Revue, 15 Janvier 1906.

Ржевусскій поправляетъ ошибку, которую парижане продолжаютъ повторять, надѣляя г-жу Ганскую титуломъ графини. По его словамъ, ея мужу никогда не принадлежалъ графскій титулъ, а графиней она была по рожденію и приходилась сестрою графу Ржевусскому, отцу автора статьи. Общественное мнѣніе парижскаго общества рѣшило, что жена знаменитаго автора «*La reine de chagrin*» была очень злою женщиною, не любившей своего мужа, терзавшей его и даже покинувшей умирающаго въ минуты агоніи. Викторъ Гюго, навѣстившій Бальзака въ его маленькомъ отелѣ въ улицѣ Бальзакъ, говорилъ, что нашелъ его одинокомъ: г-жи Ганской въ комнатѣ не было. Ржевусскій на это замѣчаетъ, что при всемъ своемъ уваженіи къ знаменитому романисту и восторженномъ почитаніи его таланта, все-таки его слова относительно г-жи Ганской ничего не означаютъ; онъ оставался въ комнатѣ Бальзака только нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ г-жа Ганская, встревоженная и убитая горемъ, изнемогая отъ усталости, могла удалиться на нѣсколько минутъ для отдыха. Еще вѣроятнѣе, что она нарочно вышла изъ комнаты, не желая мѣшать послѣднему свиданію своего мужа съ Викторомъ Гюго. Кромѣ того, хорошо понимая, что нельзя же не принять такого знаменитаго автора, она, тѣмъ не мѣе, не могла быть расположенной видѣться съ нимъ въ такія тяжелыя для нея минуты. Очень возможно, что она съ нетерпѣніемъ ожидала въ сосѣдней комнатѣ, когда удалится Гюго. Если бы Гюго провелъ у постели умирающаго цѣлую ночь, ужасную ночь агоніи, и убѣдился бы въ систематическомъ отсутствіи г-жи Ганской, тогда его обвиненіе носило бы иной характеръ. Допуская, что въ продолженіе четырехмѣсячнаго ихъ брака между ними и были недоразумѣнія, даже жестокіе споры, Ржевусскій все-таки извиняетъ ихъ, ссылаясь на то, что подобныя обстоятельства случаются даже, если мужъ гениальный человѣкъ, и нѣтъ доказательствъ, что отвѣтственность за это не падаетъ на самого Бальзака. «Кто знаетъ,—говоритъ онъ,—что этотъ великій человѣкъ въ послѣдніе дни земного существованія, чувствуя, что жизнь отъ него ускользаетъ въ тотъ самый моментъ, когда наконецъ осуществилась его прежняя мечта о любви, славѣ и богатствѣ, не былъ несноснымъ и сварливымъ больнымъ?» Прощая ему всѣ эти недостатки, Ржевусскій находитъ ихъ естественнымъ явленіемъ въ виду жестокой, беспощадной судьбы, которая послѣ его двадцатилѣтней борьбы за всѣ эти блага посылаетъ ихъ наконецъ, когда уже его ослабѣвшія руки не могутъ ихъ удержать. Тѣмъ не менѣе въ защиту тетки онъ ссылается на то, что, можетъ быть, г-жа Ганская и не выказывала образцовой нѣжности и философскаго терпѣнія въ обращеніи съ своимъ знаменитымъ мужемъ, но «кто же могъ предвидѣть, что такъ близокъ день вѣчной разлуки». Впрочемъ всѣ эти недоразумѣнія, по его мнѣнію, не могутъ стереть всего ея вліянія на судьбу Бальзака. Даже допуская всѣ вспышки, проявившіяся, какъ говорятъ, на другой день свадьбы, онъ считаетъ ихъ лишь столкновеніями двухъ характеровъ, слишкомъ цѣльныхъ, слишкомъ вспыльчивыхъ, раздраженныхъ еще болѣе атмосферой лихорадки и горечи, которыя проявляются у людей съ пылкими и сильными темпераментами, для которыхъ вѣчная разлука — ужасное терзаніе, и которые жалеютъ о жизни и боятся небытія другого міра. По его мнѣнію, если судить по всѣмъ романамъ, герои-

ней которыхъ была г-жа Ганская, то она совсѣмъ не фатальная и зловредная женщина, а напротивъ безконечно вѣжная, любящая и всегда готовая помогать великому писателю. «Конечно,—говорить Ржевусскій,—совершенства на этомъ свѣтѣ нѣтъ, и не одно облако застигало эту долгую и трогательную женскую дружбу. Г-жа Ганская, безъ сомнѣнія, не сознавая, иногда заставляла страдать своего знаменитаго любовника, и это навѣрно». Признавая, что она была хотя и развита, образована и умна болѣе другихъ украинскихъ женщинъ, но все-таки далеко не была ровней Бальзаку по уму, и ея литературные совѣты, которые она иногда давала ему въ письмахъ, не всегда отличались вкусомъ, а нѣкоторые изъ нихъ должны были даже возмущать Бальзака. Все это Ржевусскій прощаетъ ей, какъ женщинѣ, стоявшей ниже своего геніальнаго будущаго мужа, и говоритъ, что она никогда не могла понять высокаго полета и социальнаго значенія его гигантскихъ трудовъ, «поистинѣ геніальныхъ и почти сверхчеловѣческихъ». Однако она не умѣла понять перенесенныхъ Бальзакомъ нравственныхъ испытаній, ужасной борьбы за существованіе, моральнаго одиночества, безконечныхъ страданій и униженій, на какіе жестокая судьба присудила этого великаго человѣка, жаждавшаго вѣжности и симпатіи. Когда въ своихъ письмахъ къ иностранкѣ «Бальзакъ говорилъ ей о горечи, возмущавшемся самолюбіи, терзавшемъ его душу, опустошенную бурями и сожженную всѣми страстями; когда онъ рассказывалъ ей о безнадежныхъ годахъ, дняхъ безъ куска хлѣба, ночахъ, проведенныхъ безъ сна за сверхчеловѣческой работой, создававшей его произведеніе, разрушая источникъ жизни и его здоровье, объ эгоизмѣ счастливыхъ, измѣнѣ друзей и жестокости кредиторовъ,—г-жа Ганская ничего не понимала; она судила обо всемъ съ точки зрѣнія счастливыхъ и богатыхъ. Своей бессознательной сухостью она не разъ наносила раны сердцу великаго человѣка, уже терявшаго послѣднія силы въ борьбѣ». Но всѣ эти недочеты тетки Ржевусскій объясняетъ незнаніемъ и непониманіемъ бѣдности. Однако онъ безпристрастно признаетъ, что «при всѣхъ симпатичныхъ и возвышенныхъ чертахъ своего характера г-жа Ганская всегда обладала сквернымъ характеромъ: «задорнымъ, высокомернымъ, подозрительнымъ и сварливымъ». Авторъ напоминаетъ, какъ онъ посѣщалъ ее въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ отцомъ. Она принимала всегда чрезвычайно учтиво, какъ настоящая великосвѣтская дама, но была очень нервная, властная и обидчивая; она всегда выражала свой гнѣвъ, какъ женщина высшаго общества, не переходя границъ, но зато всякая бездѣлица вызывала его. «Даже съ моимъ отцомъ, котораго она вѣжно любила,—говоритъ Ржевусскій,—и который обладалъ самымъ любезнымъ и сговорчивымъ характеромъ, даже съ своей единственной дочерью, графиней Мнишекъ, г-жа Ганская находила поводъ къ ссорамъ, хотя естественно ей во всемъ и всѣ уступали. Очень возможно, что годы, физическія недомоганія и пасмурный, печальный вечеръ жизни имѣли вліяніе на ея характеръ; но положительно, что даже въ отдаленные годы молодости, энтузіазма и пламени ея характеръ былъ не изъ уживчивыхъ и легкихъ, и Бальзакъ отъ него долженъ былъ страдать; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. И все-таки я увѣренъ, что его встрѣча съ г-жей Ганской,—говоритъ Ржевусскій—этотъ долгій романъ, окончившійся свадьбой, послѣ столькихъ различныхъ перипетій, былъ самымъ счастливымъ со-

бытіемъ его тревожнаго и трагическаго существованія. Въ этомъ продолжительномъ, глубокомъ чувствѣ съ обѣихъ сторонъ, несмотря на недоразумѣнія и разочарованія, неизбѣжныя въ дѣйствительности, есть необычайное великодушіе, сентиментальная пылкость, идеализмъ и нѣжность; эта сильная любовь въ общемъ освѣтила мрачный и печальный путь, по которому слѣдоваль при своей жизни знаменитый писатель. Она была, несмотря на ея долю счастья и радости, и, далеко не заслуженныя суровыя порицанія,—таинственная поклонница сѣверной страны, незнакомаго корреспондентка, первыя письма которой должны были сильно заинтриговать автора «Потерянныхъ иллюзій», и потому имѣть право на благодарность и на нѣсколько меланхоличное почтеніе потомства». По его мнѣнію, въ общемъ г-жа Бальзакъ была безконечно доброжелательна, нѣжно и услужлива по отношенію знаменитаго писателя. Всѣ ея враги и истинные его почитатели, прочитавъ ея письма къ нему, должны признать, что она была его вдохновительница, муза, и безъ нея онъ умеръ бы съ отчаянія, одиночества и усталости, прежде чѣмъ окончилъ свой бессмертный трудъ. Самъ авторъ—«La comedie humaine»,—сказалъ бы суровымъ судьямъ. врагамъ «иностранки», что имя Эвелины Ганской будетъ жить вѣчно символически, и почти священно, одинаково съ именами тѣхъ великихъ влюбленныхъ, отдаленныхъ любовницъ, изображенія которыхъ восторгали и вдохновляли бессмертныхъ поэтовъ героическихъ лѣтъ—Лауры, Беатрисы и Элеоноры д'Эсте. Но разница въ томъ, что прекрасныя итальянскія дамы систематически дѣлали Петрарку, Тассо и даже Данте страшно несчастными, тогда какъ Бальзакъ не добился бы единственнаго истинно счастливаго дня на этомъ свѣтѣ, если бы не имѣлъ счастья встрѣтить и любить ту, которую оклеветали съ стараніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла.

— Изъ рабочаго въ министры. Въ составѣ новаго либеральнаго министерства въ Англии одной изъ самыхъ выдающихся личностей является Джонъ Борнсъ, который началъ свою карьеру десяти лѣтъ простымъ рабочимъ на свѣчномъ заводѣ, а теперь, сорока восьми лѣтъ, сдѣлался членомъ кабинета и министромъ мѣстнаго управленія. Вся его не долговременная, но блестящая карьера чрезвычайно интересна, и живо, рельефно описана ¹⁾ Робертомъ Дональдомъ въ мартовской книжкѣ «Pall-Mall Magazine». Джонъ Борнсъ происходитъ изъ шотландской рабочей семьи и родился въ 1858 г. въ Лондонѣ. Его отецъ умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и съ 1868 г. Джонъ вмѣстѣ съ братомъ сдѣлался поддержкой своей матери. Такимъ образомъ онъ десяти лѣтъ покинулъ школу и поступилъ на свѣчной заводъ братьевъ Прайсъ въ Лондонскомъ предмѣстьѣ Батерсэ. Съ годами онъ перешелъ въ механики, продолжалъ жить съ матерью тамъ же въ Батерсэ, а въ свободное время, по ночамъ, совершенствовался самоучкой въ наукахъ; у него, кромѣ того, былъ хорошій голосъ, и онъ состоялъ пѣвчимъ въ мѣстномъ приходскомъ хорѣ. Борнсъ одинаково развивался и въ физическомъ отношеніи, такъ что 18 лѣтъ былъ уже главою мѣстнаго клуба игроковъ въ крикетъ. Въ то же время онъ впервые

¹⁾ From the factory to the front bench. By Robert Donald. The «Pall-Mall Magazine». March, 1906.

дебютировалъ на литературномъ поприщѣ и написалъ въ газетахъ письмо о тяжелой жизни рабочихъ и механиковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ по воскресеньямъ сталъ произносить рѣчи на народныхъ собраніяхъ въ Клапгамѣ. Онъ выросъ въ нищетѣ, и потому естественно возставалъ противъ несчастныхъ условій рабочаго существованія. Борнсъ былъ врожденнымъ ораторомъ, и съ юныхъ дней сдѣлался чрезвычайно популяренъ среди рабочихъ. Окончивъ свое заводское обученіе, онъ получилъ мѣсто мастера на механическомъ заводѣ, который строился на устьѣ Нигера въ западной Африкѣ, и, благодаря своему крѣпкому здоровью, выдержалъ убійственное вліяніе тамошняго климата. Въ тропикахъ рабочіе часы очень ограничены, и поэтому онъ имѣлъ много времени для чтенія и, случайно найдя въ песку затерянный какимъ-то инженеромъ экземпляръ извѣстнаго труда Адама Смита «Богатство народовъ», онъ энергично принялся за изученіе политической экономіи. Борнсъ провель въ Африкѣ около года, и его товарищъ Паркенъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ о вѣсколькихъ замѣчательныхъ подвигахъ молодого атлета: однажды онъ спасъ отъ крокодиловъ упавшаго въ рѣку рабочаго, избавилъ самого Паркена отъ преслѣдованія громадной змѣи, убивъ ее ломомъ, и выказалъ себя настоящимъ героемъ въ одномъ замѣчательномъ эпизодѣ на рѣкѣ Брасъ. Дѣло въ томъ, что случайно на пароходѣ, гдѣ онъ находился вмѣстѣ съ Паркеномъ, одна лопасть винта отвалилась и упала въ воду. Положеніе всѣхъ было самое критическое, и приходилось кому нибудь броситься въ рѣку, чтобы ее отыскать. Паркенъ предложилъ свои услуги, но Борнсъ воскликнулъ: «Вы женаты, а я холостой; если надо кому нибудь рисковать своей жизнью, благодаря множеству крокодиловъ въ рѣкѣ, то, конечно, мнѣ». Онъ тотчасъ бросился въ воду и, къ величайшему удовольствію всѣхъ присутствующихъ, вынырнулъ, держа въ рукѣ лопасть. Возвратясь изъ Африки съ небольшою суммой денегъ, онъ по дорогѣ въ Англію посѣтилъ замѣчательные европейскіе города и изучилъ въ нихъ картинныя галлерей. Въ Лондонѣ онъ снова поступилъ въ заводскіе машинисты и въ свободное время предавался дѣлу рабочей агитаціи. Вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ руководящихъ свѣточей радикальныхъ клубовъ, почему естественно приходилъ въ частыя столкновенія съ полиціей. Въ 1885 г. онъ потерялъ свое мѣсто вслѣдствіе участія въ одной социалистической организаціи и въ Національномъ ремесленномъ собраніи, гдѣ впервые сошелся съ политическими дѣятелями: Бальфуромъ, сэромъ Чарльсомъ Дилькэ и Фредерикомъ Гаррисономъ. Въ томъ же году Борнсъ заявилъ себя социалистскимъ кандидатомъ на парламентскихъ выборахъ въ Ноттингамъ и въ своей избирательной рѣчи объявилъ, что «прошло время фрактовъ и цилиндровъ; теперь наступила эпоха простыхъ рабочихъ». Но выборы ему не удалось, ибо они были слишкомъ преждевременны. Во время рабочихъ волненій 1886—1887 гг. онъ принялъ живое участіе, и полиція немилосердно преслѣдовала его, настаивая на судебномъ приговорѣ, подвергнувшемъ его шестинедѣльному тюремному заключенію за безпорядки на Трафальгарской площади. Въ судѣ его хозяинъ показалъ, что Борнсъ былъ образцовымъ рабочимъ; ему же удалось доказать и въ тюрьмѣ, что онъ былъ образцовымъ арестантомъ, такъ какъ онъ заслужилъ сочувственные отзывы въ Пентонвилѣ отъ товарищей и тюремщи-

ковъ, и онъ вышелъ изъ тюрьмы совершенно популярнымъ героемъ. Въ 1889 г. его выбрали членомъ совѣта Лондонскаго графства отъ округа Бахерса и въ томъ же году онъ принялъ видное участие въ извѣстной стачкѣ рабочихъ лондонскихъ доковъ. Но въ этомъ дѣлѣ онъ принялъ такое живое и энергичное участие, что его темные волосы совершенно посѣдѣли. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не заускалъ и работъ по дѣламъ совѣта Лондонскаго графства. Вскорѣ онъ былъ избранъ въ парламентъ депутатомъ отъ Батерса, въ качествѣ котораго остается до сихъ поръ. Какъ членъ парламента, онъ оказался очень умнымъ и дѣловымъ ораторомъ, говорящимъ только о тѣхъ предметахъ, которые онъ хорошо изучилъ. При этомъ онъ очень находчивъ и ловокъ въ отвѣтахъ; такъ одинъ депутатъ, извѣстный спортсменъ, однажды прервалъ его длинную рѣчь словами: «Прошу почтеннаго депутата не забывать, что онъ не въ совѣтъ Лондонскаго графства». Борнсъ мгновенно отвѣчалъ: «А вы не должны забывать, что вы не на скаковомъ кругу». Въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ Борнсъ очень любитъ поражать слушателей оригинальными выходками. Однажды, громя одного подрядчика, онъ представилъ поставленные имъ никуда негодные кирпичи, а въ другой разъ поступилъ также съ поставкою желѣза. Онъ говоритъ очень громко и выразительно, пересыпая свои рѣчи эпитафиями и юмористическими выраженіями. Ни одинъ рабочій депутатъ не говоритъ такъ краснорѣчиво противъ пьянства и картежной игры, при чемъ нимало не жалѣетъ своихъ собственныхъ товарищей, виновныхъ въ этихъ постыдныхъ недостаткахъ. Однажды онъ выразился такъ: «Много рабочихъ пришло къ окончательному разоренію оттого, что жалованье рабочаго идетъ всецѣло въ кабакъ, къ ростовщикамъ или къ букмекерамъ, этимъ на стоящимъ бичамъ современнаго общества. Все различіе между разоренными и благоденствующими домами зависитъ отъ того, ведетъ ли хозяинъ скромную жизнь или шляется по кабакамъ и скачкамъ». Въ другой разъ онъ обратился къ своимъ избирателямъ съ вопросомъ: «Кого мнѣ слушать? Людей ли, воображающихъ себя Питтами и Болинброками, а въ сущности не умѣющими свести концы съ концами». Когда онъ явился на выборы послѣ того, что его назначили министромъ, то одинъ изъ избирателей спросилъ его: «Что вы сдѣлаете съ министерскимъ жалованьемъ въ 2.000 фунт. стерлинговъ въ годъ, когда вы увѣряли, что никто не можетъ прожить болѣе пятисотъ?». — «Ужъ такова такса, — воскликнулъ Борнсъ: — и если бы я взялъ меньше, то подсеѣлъ бы товарищей». — «А что же вы сдѣлаете съ остальными полутора тысячами фунтовъ?» — спросилъ его собесѣдникъ? — «Это вамъ можетъ объяснить мой кассиръ, г-жа Борнсъ», — отвѣчалъ новый министръ. Со времени своего пребывания въ парламентѣ Борнсъ, какъ рабочій депутатъ, получалъ вознагражденіе отъ своихъ избирателей и вполне заслуживалъ этого своей энергичной работойъ въ палатѣ и постоянными объясненіями своей политики предъ избирателями. Кромѣ того, все свое время, кромѣ занятій въ парламентѣ и въ совѣтѣ Лондонскаго графства, онъ посвящалъ приему различныхъ лицъ по дѣламъ, а также громадной перепискѣ. Только по субботнимъ вечерамъ онъ отдыхалъ и проводилъ время въ прогулкахъ, игрѣ въ крикетъ или ѣздѣ на велосипедѣ. Самое очевидное доказательство своей постоянной дѣятельности онъ представилъ

въ день своего назначенія министромъ. Въ 4 часа онъ принялъ министерскую присягу, а прямо изъ Букингамскаго дворца пошелъ пѣшкомъ въ свое новое министерство и представился чиновникамъ своего вѣдомства, какъ новый начальникъ. Въ ту же минуту онъ принялся за дѣло и обратилъ вниманіе прежде всего на фондъ рабочихъ, бывшихъ безъ дѣла. Вообще Борнсъ ведетъ жизнь самую простую, скромную и уединенную; въ прежніе годы онъ часто нуждался въ средствахъ, но уже давно пополняетъ свои обычные доходы литературными трудами. Его жена служитъ ему идеальной помощницей въ продолженіе всей его жизни, дѣятельно проходившей въ энергичныхъ занятіяхъ рабочаго агитатора, доведшихъ его до поста министра. У Борнса одинъ сынъ, Джонъ, исполнѣ наслѣдовавшій достоинства своихъ родителей. До настоящей минуты Борнсъ, уже въ качествѣ министра, живетъ попрежнему въ Батерсѣ, въ маленькомъ двухъэтажномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго находится его бібліотека, состоящая изъ трехъ небольшихъ комнатъ, переполненныхъ замѣчательнымъ собраніемъ книгъ по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. Онъ никогда не пьетъ вина и не куритъ, пользуясь замѣчательнымъ здоровьемъ, никогда не носитъ пальто и не прибѣгаетъ къ защитѣ зонтика. Принимая участіе во всемъ, что дѣлается полезнаго въ округѣ Батерсѣ, онъ принималъ энергичное участіе въ устройствѣ великолѣпнаго Политехническаго института. Недавно въ лондонскихъ газетахъ появился замѣчательный анекдотъ, доказывающій, какого скромнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ челоуѣколюбиваго общественнаго дѣятеля представляетъ новый министр-рабочій. На-дняхъ, въ окрестностяхъ Вестминстера остановился на тротуарѣ слѣпой, не зная, какъ ему перейти улицу, и какой-то просто одѣтый флантропъ перевелъ его на другую сторону, а потомъ спросилъ его: «Васъ надо посадить въ омнибусъ или на паровикъ?» — «Мнѣ все равно, — отвѣчалъ слѣпой, — но, вотъ, что важно, я обыкновенно ѣзжу съ проводниками, и съ меня всегда берутъ двойную плату за мѣсто; я хочу написать жалобу новому министру мѣстнаго управленія за такую несправедливость». — «Ваше дѣло въ шляпѣ, и жалоба принята: я Джонъ Борнсъ, министр мѣстнаго управленія». Къ сожалѣнію, газеты не упоминаютъ, чѣмъ окончился этотъ любопытный эпизодъ изъ жизни новаго министра.

— Смерть Джорджа Голіока и датскаго короля Христіана IX. На протяженіи одной недѣли, въ концѣ января мѣсяца скончались два маститыхъ старца, почти девяностолѣтники — Голіокъ, англійскій ветеранъ дѣателей въ пользу рабочаго класса, и Христіанъ IX, старѣйшій изъ государей Европы. Первый скончался 22 января и былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ дѣателей въ Англіи. Родившійся 13 апрѣля 1817 г. въ Бирмингамѣ, онъ воспитывался въ мѣстномъ механическомъ институтѣ и хотя въ дѣтствѣ былъ очень слабого здоровья, такъ что даже никто не вѣрилъ, что онъ долго проживетъ, но очень ревностно учился, особенно механикѣ. Не имѣя средствъ купить себѣ готвальни, Голіокъ самъ сдѣлалъ изъ желѣза исполнѣ подходящіе инструменты, и его учитель былъ такъ доволенъ этой работой, что представилъ ее на экзаменъ, а директоръ института выдалъ Голіоку въ награду ящикъ математическихъ инструментовъ. Впослѣдствіи его имя было занесено Стівенсомъ въ

списокъ молодыхъ инженеровъ, но, кромѣ удовольствія, это не принесло никакой существенной пользы молодому человѣку. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы ему удалось выступить на поприщѣ инженера, то онъ имѣлъ бы большой успѣхъ, благодаря значительнымъ способностямъ къ механикѣ. Но судьбѣ было угодно посвятить его педагогическимъ занятіямъ, и онъ былъ сдѣланъ сначала учителемъ математики въ механическомъ институтѣ, а чрезъ два года ему было поручено въ качествѣ лектора объясненіе соціальной системы Роберта Оуэна. Въ 1846 г. онъ получилъ пять наградъ за образцовыя лекціи о знаніи, благотворительности, правосудіи, наукѣ и прогрессѣ. Въ то же время онъ писалъ много книгъ, брошюръ и газетныхъ статей для распространенія народнаго образованія, религіознаго свободомыслія, улучшенія рабочаго быта и расширенія радикальныхъ политическихъ идей. Въ этомъ направленіи онъ напечаталъ до тридцати томовъ обширнаго изданія подъ заглавіемъ «Raisonner». Голюкъ былъ послѣдній человѣкъ въ Англіи, котораго присудили къ тюремному заключенію за атеизмъ, и ему пришлось просидѣть въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ. Онъ также былъ послѣднимъ присужденнымъ за нарушеніе правилъ о наложеніи штемпелей на газеты и въ этомъ отношеніи былъ столько разъ виновнымъ, что за нимъ считалось штрафовъ на 600.000 фунтовъ стерлинговъ, когда наконецъ вышелъ законъ объ уничтоженіи газетныхъ штемпелей. Онъ всю жизнь былъ противникомъ присяги и во что бы то ни стало отказывался принимать ее, поэтому по его инициативѣ былъ изданъ законъ, замѣнившій религіозную присягу честнымъ словомъ. Кромѣ энергичной дѣятельности въ пользу свободы англійскаго народа, онъ участвовалъ и въ международныхъ освободительныхъ движеніяхъ. Такъ, онъ былъ секретаремъ англійской делегаціи, посланной къ Гарибальди, и до своей смерти съ гордостью сохранялъ два Гарибальдійскіе знамени, одно принадлежавшее марсельской тысячѣ, а другое подобранное на полѣ битвы въ Ментонѣ. Всегда пламенно защищая свободу во всѣхъ ея видахъ, онъ хотя и былъ социалистомъ, однако, стараго закала, и всегда говорилъ, что нѣтъ свободы безъ ответственности, такъ какъ иная свобода — только другое имя деспотизму. Особенно горячее участіе онъ принималъ на словахъ и письмѣ въ пропагандѣ въ пользу рабочей коопераціи. По этому поводу имъ написана большая двухтомная книга: «Исторія коопераціи», и послѣднее ея изданіе вышло чрезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, такъ что, умирая на 89 г. жизни, онъ еще дѣлалъ корректуру этого полезнаго и любопытнаго труда. Кромѣ означенной книги, онъ оставилъ еще свою посмертную автобіографію.

Жизнь Христіана IX была полна самаго патетическаго интереса, и можно сказать, что его сорокатрехлѣтнее царствованіе оставило не только глубокій слѣдъ въ исторіи Даніи, но повліяло и на всю Европу. Родившись въ 1818 г. въ Готорпѣ, онъ принадлежалъ къ младшей линіи голштинскаго дома и, какъ извѣстно, не былъ предназначенъ въ короли, а только лондонскимъ трактатомъ 1852 г. онъ былъ назначенъ датскимъ наслѣднымъ принцемъ. Сначала онъ былъ герцогомъ Глюксбургскимъ, и его жена, принцесса Луиза Гессенская, была гораздо ближе его къ датскому престолу, какъ ввучка датскаго короля Фридриха V. Христіанъ, однако, женился по любви, а не по расчету, и

продолжительное время довольствовался съ своимъ семействомъ скуднымъ жалованьемъ датскаго офицера, несмотря на свое званіе наслѣдника престола. Наконецъ онъ вышелъ изъ терпѣнія и заявилъ парламенту, что ему слѣдуетъ, для поддержанія его званія, назначить содержаніе, что и было сдѣлано въ 1852 г. Въ то же время ему былъ подаренъ замокъ Бернсторфъ, какъ лѣтняя резиденція, но и такимъ образомъ онъ и его семейство далеко не приобрѣли богатства. Принцесса Луиза съ удовольствіемъ сама дѣлала шляпы своимъ дочерямъ, а онѣ должны были въ юности не только заботиться по хозяйству и шить себѣ платья, но даже по очереди прибирали комнаты, прислуживали за столомъ и наблюдали за приготовленіемъ кушанья. Рассказываютъ, что одна изъ дочерей Луизы спросила какъ-то у матери: «Мама, отчего мы не носимъ такого кисейнаго платья, какъ графиня Н.?» На это принцесса отвѣчала: «Кисейныя платья очень дороги, а вашъ отецъ, получая скромное жалованье, не можетъ сдѣлать такого большого расхода». Даже существуетъ легенда, что наслѣдникъ датскаго престола давалъ уроки рисованія, чтобы увеличить свои средства, но самъ онъ, достигнувъ уже престола, опровергалъ эту сказку, говоря: «Я не умѣю рисовать ни карандашомъ, ни красками и только однажды начертилъ планъ крѣпости, но и то очень плохо». По смерти короля Фридриха VII въ 1863 г., Христіанъ IX сдѣлался королемъ, но въ томъ же году старшій представитель голштинскаго дома, герцогъ Аугустенбургскій, предъявилъ свои права на Шлезвигъ-Гольштинію. Но въ дѣло, однако, вмѣшались Австрія и Пруссія, и ему пришлось отказаться отъ своихъ правъ. Шлезвигъ-Гольштинія послѣ жестокой войны Даніи съ Пруссіей и Австріей была присоединена къ Пруссіи. Всѣ надежды Христіана на помощь Англіи, Франціи и Швеціи рухнули, и въ особенности онъ разочаровался въ королевѣ Викторіи, потому что его дочь, Александра, была уже тогда замужемъ за принцемъ Уэльскимъ. Она всячески старалась уговорить Викторію оказать содѣйствіе отцу, но послѣдняя очень холодно отвѣчала: «Германія—отечество моея матери и мужа; моя старшая дочь вышла замужъ за наслѣднаго принца прусскаго, и я никогда не соглашусь воевать съ Германіей». Послѣ первыхъ несчастныхъ лѣтъ своего царствованія Христіанъ долго управлялъ государствомъ мирно и благополучно. Во внутреннихъ дѣлахъ онъ хотя и пользовался удачей, но, какъ глава консерваторовъ, былъ почти всегда въ парламентскомъ меньшинствѣ и, пользуясь ловкими услугами упорно дѣйствовавшаго министра Эструпа, постоянно распускалъ парламентъ и нарушалъ конституцію изданіемъ бюджетовъ и военныхъ законовъ путемъ указовъ. Но подобное ненормальное положеніе страны не приводило, однако, къ революционнымъ вспышкамъ, и все обходилось въ теченіе долговременнаго управленія Христіана совершенно спокойно. Быть можетъ, этому способствовало чрезвычайно любезное обращеніе короля со всеми партіями, даже враждебными его политикѣ. Такъ, однажды, гуляя, онъ встрѣтилъ большую группу социалистовъ, отправлявшихся на манифестацію; онъ остановился и любезно имъ поклонился; они сняли шляпы, и такимъ образомъ разошлись совершенно дружелюбно. Но главная черта политикѣ и царствованія Христіана было умѣнье великолѣпно пристраивать своихъ дѣтей. Такъ, одного сына онъ сдѣ-

далъ королемъ Греціи, двухъ дочерей англійской королевы и русской императрицы, и недавно, предъ своею смертію его внукъ былъ избранъ норвежскимъ королемъ. Хотя изъ своихъ блестящихъ связей онъ не извлекалъ никакихъ выгодъ, но все-таки былъ патріархальнымъ центромъ обширной царственной семьи. Впрочемъ, датскій дворъ былъ самымъ буржуазнымъ, и въ виду этого, публика имѣла весь день доступъ въ паркъ и ко дворцу, и на окнахъ Фреденбургскаго дворца была сдѣлана надпись: «Просить не смотрѣть во время обѣда». Старый король Христианъ умеръ спокойно, но совершенно неожиданно, въ 3 часа, послѣ обычныхъ утреннихъ аудіенцій.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ обществѣ. 1 февраля подь предсѣдательствомъ д. т. сов. П. П. Семенова состоялось годовое собраніе членовъ географическаго общества. Изъ отчета о дѣятельности общества за 1905 г., доложеннаго секретаремъ А. А. Достоевскимъ, видно, что по примѣру прошлыхъ лѣтъ былъ организованъ рядъ экспедицій въ наименѣ изслѣдованныя мѣстности имперіи. Наиболѣе интересными являются экспедиціи Толмачева въ Сибирь, Бутурлина—въ Колымскій край, П. В. Оленина, Козлова—въ Ургу для свиданія съ Далай-Ламой и др. Капиталь общества исчисляется въ суммѣ 169.100 р. процентными бумагами и 44.488 р. наличными деньгами. По утвержденіи отчета состоялось присужденіе медалей: 1) Константиновская медаль присуждена лейт. А. В. Колячку за участіе въ экспедиціи барона Э. В. Толля и въ особенности за путешествіе его къ о. Беннета, составляющее необыкновенный и важный подвигъ; 2) медаль гр. Литке присуждена Д. Д. Геденову за его продолжительныя и обширныя работы въ различныхъ областяхъ геодезіи, топографіи и прикладной математики; 3) медаль имени П. П. Семенова присуждена директору Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи А. В. Вознесенскому за его дѣятельность по изученію природы озера Байкала и Прибайкалья. Премія Н. М. Пржевальскаго присуждена Я. С. Эдельштейну за его послѣднее путешествіе въ край Петра Великаго и Дарватъ. Медалью имени Пржевальскаго награжденъ А. В. Журавскій за участіе въ 2 экспедиціяхъ въ Больше-Земельскую тундру. Малыя золотыя медали выданы Д. Д. Сергіевскому за его геоде-

зическія работы на о. Шницбергенъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и г. Фигуровскому за работы по метеорологіи Кавказа. По отдѣлу этнографіи большія золотыя медали присуждены: 1) А. А. Ивановскому за трудъ «объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи»; 2) С. К. Патканову за опытъ статистики и этнографіи тунгузовъ. Малая золотая медаль присуждена С. К. Кузнецову за труды по этнографіи черемисовъ и вотяковъ. Въ члены совѣта общества избраны А. И. Воейковъ и И. И. Померанцевъ; въ ревизіонную комиссію— А. И. Вилькицкій, А. А. Каминскій, М. М. Поморцевъ, С. Ю. Раунеръ, В. Д. Серафимовъ, Д. Д. Сергіевскій, В. Д. Бартольдъ, Н. А. Зиновьевъ, В. О. Струве, а въ дѣйствительные члены общества—баронъ В. А. Фрейтагъ-фонъ-Лоринговенъ, А. Л. Бубновъ, К. Н. Давыдовъ, А. В. Колчакъ, П. П. Фетисовъ, В. А. Щуровскій, А. А. Матисенъ, П. П. Губинскій.

Литературный фондъ. 2 февраля состоялось годовое общее собраніе литературнаго фонда. Предсѣдатель фонда П. И. Вейнбергъ открылъ собраніе рѣчью, посвященною памяти скончавшихся за истекшій годъ членовъ Лесевича, Стороженка, Мордовцева, Якушкина, Боровиковскаго, Лукина, Лейкина. Память, какъ перечисленныхъ лицъ, такъ и несостоявшихъ членами фонда Владимірскаго, Писарева, Медвѣдева, Аверкіева, Д. Михаловскаго была почтена вставаніемъ. Затѣмъ, проф. Н. И. Карѣвъ въ продолжительной рѣчи охарактеризовалъ скончавшагося В. В. Лесевича, какъ человѣка и ученаго. Къ 1 января 1906 г. членовъ состояло 365, изъ нихъ 87 пожизненныхъ. Комитетъ имѣлъ 26 засѣданій, въ которыхъ состоялось 950 постановленій. Просьбъ о денежныхъ пособіяхъ было подано 1709. Удовлетворены 634. Отклонены 175. Пенсій назначено 2 лицамъ (по 600 р.) на годовую сумму 1.200 р.; болѣе прошлаго года на 900 р. Продолжительныхъ пособій назначено: на срокъ отъ 3 до 12 мѣсяцевъ—8 лицамъ, всего на сумму 11.915 р.; менѣе прошлаго года на 830 р. Денежныхъ пособій на воспитаніе дѣтей, стипендій фонда въ учебныхъ заведеніяхъ, стипендій имени разныхъ лицъ—выдано всего на 4.459 р., болѣе, чѣмъ въ прошломъ году, на 865 р. Безсрочныхъ ссудъ назначено на 4.890 р.; болѣе прошлаго года на 2.425 р. Затѣмъ перечислялись срочныя ссуды, единовременныя пособія, похоронныя. Въ общемъ, денежныхъ пособій назначено на сумму 41.041 р.; болѣе, чѣмъ въ прошломъ, на 6.042 р. Отказано въ пособіяхъ 127 лицамъ. Выли изданы—10-е изданіе разсказовъ В. Гаршина, 2-е изданіе книги Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ», V, VI и VII книги сочиненій Н. Костромарова. Поступило пожертвованій отъ разныхъ лицъ и учрежденій на 4.625 р.; также по завѣщаніямъ: Ф. Павленкова—6.000 р. и А. Ф. Маркса—6.000 р. Комитетъ уступилъ фирмѣ А. Ф. Маркса право на изданіе сочиненій Гаршина (для приложенія къ «Нивѣ») за 9.000 р., и проданы для народнаго изданія вятскаго земства 4 разсказа Гаршина, съ платою по 75 р. за листъ. М. Н. и А. Н. Чернышевскій принесли въ даръ фонду матеріалы для біографіи Добролюбова, собранные ихъ отцомъ, Н. Г. Чернышевскимъ. Общая совокупность суммъ фонда равнялась къ 1 января 1906 г.—673.425 р. въ процентныхъ бумагахъ и 9.026 р. 6 к. наличными. На собраніи избраны въ члены комитета—взамѣнъ выбывающихъ по очереди г.г. Анненскаго, Карѣева, Потапенка и Радлова—г.г. Милюковъ, Овсяннико-Куликовскій, Савичъ,

Жубовичъ, кандидатомъ къ нимъ г. Елнатъевскій. Въ дѣйствительные члены фонда выбрано 8 лицъ. Крайне бурныя и рѣзкія пренія вызвали вопросъ, предложенный г-жей Ватсонъ, объ отдѣленіи кассы взаимопомощи отъ фонда. Баллотировкой рѣшена въ принципѣ желательность отдѣленія кассы отъ фонда.

Открытие памятника М. И. Глинкѣ. 3 февраля состоялось открытие памятника М. И. Глинкѣ. Торжество началось въ 10¹/₂ час. обѣдней, отслуженной въ церкви при С.-Петербургской консерваторіи при огромномъ стеченіи публики. Церковь была роскошно декорирована тропическими растеніями. Входъ—по билетамъ, разосланнымъ комиссіей по сооруженію памятника. Въ обѣдню включены были ектенія и херувимская Глинки, произведенія Чайковского, Римскаго-Корсакова и Бортнянскаго. Solo въ концертѣ Бортнянскаго исполняли артисты императорскихъ театровъ: г-жа Збруева, гг. Лабинскій и Серебряковъ. Послѣ обѣдни на площади у памятника была отслужена краткая литія. Затѣмъ, присутствующіе были приглашены въ большой залъ консерваторіи, гдѣ на красиво декорированной сценѣ, на фонѣ тропическихъ растеній возвышался весьма удачный по сходству бюстъ М. И. Глинки, болѣе чѣмъ въ натуральную величину. На эстрадѣ засѣдала комиссія по сооруженію памятника съ августѣйшимъ предсѣдателемъ, Константиномъ Константиновичемъ, во главѣ. Великій князь открылъ торжество рѣчью, въ которой выразилъ глубокую благодарность отъ имени комиссіи всѣмъ жертвователямъ и соревнователямъ, содѣйствовавшимъ постановкѣ памятника великому композитору. Секретарь императорскаго музыкальнаго общества, г. Направникъ, прочиталъ краткій отчетъ о дѣятельности комиссіи, основанной въ 1902 г., послѣ чего великій князь Константинъ Константиновичъ предложилъ почтить безмолвнымъ вставаніемъ память недавно скончавшейся сестры М. И. Глинки, Л. И. Шестаковой, немало потрудившейся для созиданія памятника. Изъ многочисленныхъ депутацій, возложившихъ вѣнки, пальмовыя вѣтви и лиры къ подножию бюста, отмѣтимъ: отъ императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, С.-Петербургской консерваторіи, артистовъ императорской оперы, оркестра императорской оперы, придворной пѣвческой капеллы и оркестра (въ составѣ которой былъ г. Кременецкій, во времена М. И. Глинки служившій пѣвчимъ въ придворной капеллѣ), Московской консерваторіи, с.-петербургскаго городского управления. Затѣмъ рядъ депутацій отъ провинціальныхъ отдѣленій императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, отъ с.-петербургскихъ музыкально-педагогическихъ и музыкально-художественныхъ учреждений, всего около 40 депутацій. Послѣ рѣчей депутацій, оркестръ и хоръ императорской оперы, подъ управленіемъ Э. Ф. Направника и при участіи солистки Ея Величества Н. А. Фриде, исполнилъ торжественную кантату, написанную ученикомъ М. И. Глинки, М. А. Балакиревымъ, на текстъ г. Глѣбова. Кантата имѣла большой успѣхъ, и маститый авторъ былъ трижды вызванъ на эстраду. Торжество закончилось въ 2¹/₄ час. исполненіемъ антракта къ эпилогу изъ оперы «Жизнь за царя» и финала той же оперы «Славься».

Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 5 февраля состоялось чрезвычайное общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ В. Д. Кузьминъ-Каравановъ. Предсѣдатель правленія кассы, Я. Н. Колубовскій, сообщивъ о состоявшемся 2 фе-

вляя постановленіи литературнаго фонда о желательномъ отдѣленіи кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ отъ фонда, указалъ на то, что связь кассы съ фондомъ была все время фиктивною. За 15 лѣтъ касса успѣла окрѣпнуть, кромѣ того, она получила крупный даръ въ 150.000 рублей отъ харьковскаго купца Н. А. Фирсова. Поставленный затѣмъ на обсужденіе собранія первый вопросъ о сохраненіи связи съ литературнымъ фондомъ или отдѣленіи отъ него вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Въ концѣ концовъ отдѣленіе отъ фонда было принято, при чемъ собраніемъ постановлено: общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, созданное для разсмотрѣнія проекта новаго устава кассы, признало, что наступило время для отдѣленія кассы отъ литературнаго фонда въ самостоятельное учрежденіе, и посему постановило: исключить изъ новаго проекта устава ссылки на литературный фондъ. Выстъ съ симъ общее собраніе выражаетъ благодарность литературному фонду, давшему возможность кассѣ образоваться и окрѣпнуть, и питаетъ надежду, что единеніе родственныхъ учреждений еще болѣе упрочится.

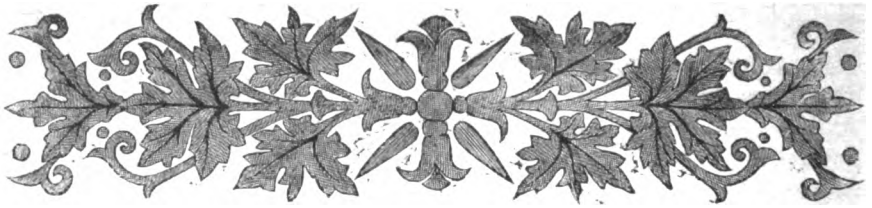
Въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности. 17 февраля состоялось подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева общее собраніе. Первое чтеніе принадлежало В. Н. Бенешевичу, который познакомилъ присутствовавшихъ съ исторіей «Византійскаго университета XI вѣка», возникшаго въ періодъ упадка высшаго образованія въ Византіи. По мнѣнію референта, можно по справедливости примѣнить такое названіе къ двумъ, основаннымъ Константиномъ IX Мономахомъ въ 1044—1046 г., школамъ—1) «школѣ св. Петра», основанной для преподаванія риторики и философій, и 2) къ «училищу правовѣднія». Оба учрежденія составляли части одного цѣлаго, въ нихъ сразу установился научный духъ, благодаря участію въ преподаваніи величайшихъ ученыхъ XI вѣка, такъ что сюда стали приходять учащіяся и съ Востока и съ Запада. Затѣмъ Н. К. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о нѣсколькихъ новыхъ своихъ находкахъ въ области русской письменности XI—XVII вѣковъ. Эти новыя находки связаны съ именами митрополита Пларіона, игумена печерскаго преподобнаго Антонія, Кирилла Туровскаго, св. Петра-митрополита, преподобнаго Максима Грека; кромѣ того, Н. К. Никольскому удалось найти новую повѣсть о чудотворныхъ иконахъ Хиландарскаго монастыря, новый списокъ повѣсти: «О нѣкоей брани надлежащей», напечатанной въ XIII т. «Русск. Ист. Библ.» (новый списокъ оказывается болѣе полнымъ и даетъ имя составителя Евстратія), и отрывки изъ хронографа извѣстнаго справщика Иліи, игумена богоявленскаго. Особенно цѣнными являются переписка Максима Грека съ Феодоромъ Карповымъ, рисующая ихъ отношенія, и повѣсть о чудотворныхъ хиландарскихъ иконахъ, сообщающая новыя свѣдѣнія для исторіи означенныхъ иконъ, между прочимъ, иконы Божіей Матери, называемой «Троеручицей».

Правила «Дома В. Ф. Голубева для писателей». 1. Домъ имени В. Ф. Голубева для русскихъ писателей составляетъ собственность общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературнаго фонда) и имѣетъ цѣлью доставленіе недостаточнымъ литераторамъ возможности жить въ дешевой, спокойной и чуждой хозяйственныхъ заботъ обстановкѣ. 2. «Домъ для писателей» устроенъ на специально пожертвованныя В. Ф. Голубевымъ средства и

помѣщается на участкѣ, приобретенномъ на эти средства вмѣстѣ съ находящимися на немъ доходными жилыми строениями. Основнымъ источникомъ на содержаніе «Дома имени В. Ф. Голубева» и учреждаемыхъ при немъ дешевыхъ квартиръ служатъ проценты съ неприкосновеннаго капитала имени В. О. Милневича. 3. Въ пользованіе литераторовъ, живущихъ въ «Домѣ имени В. Ф. Голубева», предоставляются за самую умеренную цѣну: а) комната съ полной обстановкой и б) освѣщеніе, отопленіе, стирка бѣлья и, по возможности, столъ (утренній и вечерній чай, завтракъ и обѣдъ). 4. Правомъ на занятіе комнатъ въ «Домѣ имени В. Ф. Голубева» пользуются исключительно литераторы и преимущественно тѣ, дѣятельность которыхъ относится къ области художественной литературы (беллетристы и критики). При предоставленіи комнатъ этимъ литераторамъ имѣются въ виду слѣдующія необходимыя условія: а) заслуги на литературномъ поприщѣ; б) преклонный или приближающійся къ преклонному возрастъ; в) слабость здоровья; г) усталость отъ работы, требующая временнаго или постояннаго отдыха. 5. Въ «Домѣ имени В. Ф. Голубева» принимаются исключительно мужчины безъ ихъ семей, но, по мѣрѣ полученія необходимыхъ денежныхъ средствъ, на участкѣ, принадлежащемъ «Дому», могутъ быть устраиваемы дешевыя квартиры для писателей съ семьями. 6. Для управленія всѣми дѣлами «Дома», съ принадлежащимъ ему земельнымъ участкомъ, образуется совѣтъ подъ предсѣдательствомъ старшаго въ мужскомъ поколѣніи рода В. Ф. Голубева или того лица, которое имъ будетъ назначено, изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ, избираемыхъ на три года представителемъ рода В. Ф. Голубева, б) трехъ членовъ отъ комитета литературнаго фонда, по выбору комитета, в) трехъ членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ членовъ фонда на одинъ годъ, и г) двухъ членовъ, избираемыхъ правленіемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ на три года. 7. Въ кругъ занятій совѣта входятъ: а) приемъ пансіонеровъ, б) составленіе и утвержденіе ежегодной приходо-расходной смѣты, в) составленіе и утвержденіе необходимыхъ правилъ, г) наблюденіе за исполненіемъ этихъ правилъ и удаленіе тѣхъ изъ пансіонеровъ, которые не находятъ возможнымъ подчиниться имъ, и д) составленіе годового отчета для представленія въ комитетъ литературнаго фонда. 8. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. 9. Непосредственное завѣдываніе «Домомъ имени В. Ф. Голубева» совѣтъ поручаетъ одному изъ своихъ членовъ. Въ помощь ему, въ качествѣ эконома, приглашается совѣтомъ особое лицо, которому назначается жалованье съ предоставленіемъ комнаты и полнаго содержанія. (Примѣчаніе). Должность эта можетъ быть поручаема и женщинѣ). 10. Вся переписка по дѣламъ «Дома имени В. Ф. Голубева» ведется однимъ изъ членовъ совѣта по взаимному соглашенію; равнымъ образомъ и храненіе суммъ, а также веденіе денежныхъ книгъ возлагаются на одного изъ членовъ совѣта, по его избранію. 11. Завѣдываніе земельнымъ участкомъ, принадлежащимъ «Дому имени В. Ф. Голубева», а также тѣми дешевыми квартирами для писателей, которыя могутъ быть устроены на этомъ участкѣ, поручается или тому изъ членовъ совѣта, который завѣдываетъ «Домомъ», или лицу, специально избранному для этой цѣли изъ его среды. 12. На содержаніе «Дома имени В. Ф. Голубева» и дешевыхъ квартиръ для писателей

обращаются: а) проценты съ капитала В. О. Михневича по поступленіи ихъ, согласно его завѣщанію; въ собственность фонда, б) проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ, в) плата за комнаты въ «Домѣ» и за дешевыя квартиры, г) чистый доходъ отъ отдачи въ наемъ строеній, имѣющихся на участкѣ; д) пожертвованія, е) доходъ отъ чтеній, спектаклей и т. п., устраиваемыхъ въ пользу «Дома» или дешевыхъ квартиръ. 13. По окончаніи каждаго года все дѣлопроизводство и отчетность совѣта подлежатъ обзору ревизіонной комиссіи литературнаго фонда на общемъ основаніи. На всѣ ея замѣчанія, касающіяся дѣятельности совѣта, даются необходимыя объясненія этимъ послѣднимъ.

НЕКРОЛОГИ.

ЛЕКСАНДРОВСКІЙ, С. Ѳ., 1-го февраля скоростипжно скончался одинъ изъ лучшихъ русскихъ акварелистовъ, академикъ, дѣйств. стат. сов. Степанъ Ѳедоровичъ Александровскій. Покойный родился въ Ригѣ въ 1841 г. и по окончаніи курса въ императорской академіи художествъ удостоень въ 1847 г. за отличныя познанія въ портретной живописи — званія академика. Съ тѣхъ поръ онъ специализировался на портретахъ и головкахъ, доставившихъ ему европейскую извѣстность. Всѣмъ еще памяты его чудные портреты представителей среднеазиатскихъ народностей на св. коронаваніи императора Александра III. Ему же принадлежитъ инициатива созданія періодическихъ собраній художниковъ въ академіи художествъ, сдѣлавшихся впоследствии чрезвычайно популярными подъ названіемъ «акварельныхъ пятницъ», и долгое время онъ былъ «хозяиномъ» на нихъ. Художественная дѣятельность С. Ѳ. была отмѣчена многими высочайшими наградами, и еще не задолго до кончины ему было зачтено 13 лѣтъ художественной дѣятельности въ дѣйствительную государственную службу, на которой онъ состоялъ съ 1897 г. въ должности почетнаго члена С.-Петербургскаго совѣта дѣтскихъ приютовъ. Покойный оставилъ послѣ себя вдову и 3 малолѣтнихъ дѣтей. Среди товарищей-художниковъ онъ пользовался искреннимъ уваженіемъ и общеою любовью всѣхъ его знавшихъ. Умеръ онъ отъ кровоизліянія въ мозгъ. (Некрологи его: «Петербургскій Листокъ», 1906 г., № 32; «Новое Время», 1906 г., № 10.732).

+ **Арешскій, А. С.**, извѣстный композиторъ, скончался 12 февраля, въ 9 час. вечера, на 45 году жизни. Умеръ онъ въ Финляндіи, за Теріоками, на частной дачѣ близъ санаторіи, гдѣ онъ съ минувшаго лѣта мучительно боролся съ неизлѣчимымъ недугомъ (полный туберкулезъ), пригвоздившимъ его уже болѣе

года къ постели и прерваннымъ теперь смертью. Последнее время ему было какъ будто лучше, явилась даже слабая надежда; но сердце не выдержало—и А. С. не стало... Почти до самаго дня смерти покойный композиторъ не переставалъ интересоваться, какъ музыкальными дѣлами, такъ и многими вопросами политической и общественной жизни. Насколько позволяли ему тяжкіе припадки болѣзни, онъ продолжалъ даже заниматься композиціей, и еще сравнительно недавно, напримѣръ, сочинилъ музыку къ шекспировской «Бурѣ». А. С. родился 30 іюня 1861 г. въ г. Новгородѣ. По окончаніи курса классической гимназіи въ С.-Петербургѣ онъ поступилъ въ консерваторію, которую блестяще окончилъ въ 1880 г. по классу теоріи композиціи (у Римскаго-Корсакова) и фортепіано, получивъ малую золотую медаль за выпускную задачу (кантата «Лѣсной царь» и концертная увертюра). Затѣмъ покойный нѣсколько лѣтъ состоялъ профессоромъ теоріи композиціи въ Московской консерваторіи, и въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ снова поселился въ С.-Петербургѣ, гдѣ шесть лѣтъ управлялъ гѣвческой капеллой (до 1901 г.). Покинувъ и капеллу, онъ уже болѣе не занималъ никакого официальнаго мѣста, всецѣло отдавшись свободному творчеству. А. С. съ усилѣхомъ пробовалъ свои силы почти во всѣхъ музыкальных формахъ. Имъ написаны три оперы («Сонъ на Волгѣ», «Наль и Дамаянти» и «Рафаэль»), балетъ «Египетская ночь», двѣ симфоніи, фортепіанный и скрипичный концерты, пять сюитъ для 2 форт. въ 4 руки (изъ нихъ двѣ оркестрованы), два квартета, два тріо и квинтетъ, двѣ баллады («Кубокъ» для соло, хора и оркестра и «Волки» для баса съ оркестромъ), музыка къ «Бахчисарайскому фонтану», около 100 пьесъ для фортепіано (въ 2 и 4 руки), масса романсовъ, хоры («Анчаръ» и пр.), три мелодекламациі для оркестра на «стихотворенія въ прозѣ» Тургенева, небольшія пьесы для оркестра (интермеццо), скрипки, виолончели и др. вещи, а также духовно-музыкальныя сочиненія. Если А. С. не составилъ эпохи въ исторіи русской музыки, то во всякомъ случаѣ онъ внесъ въ сокровищницу ея много прекрасныхъ, цѣнныхъ вкладовъ. Сочиненія его отличаются, въ большинствѣ случаевъ, не только техническимъ мастерствомъ и рѣдкимъ изяществомъ фактуры, но также искренней, симпатичной мелодичностью. Это былъ лирикъ чистой воды, по духу и характеру своего творчества наиболѣе примыкавшій къ Чайковскому, къ его элегически-задушевной музѣ. А. С. вѣрѣдко выступалъ дирижеромъ своихъ произведеній, а также пианистомъ, превосходно играя фортепіанныя партіи въ своихъ камерныхъ ансамбляхъ. У публики онъ всякій разъ встрѣчалъ очень горячій приемъ. Последній разъ петербургская публика видѣла его въ концѣ 1904 г. въ Дворянскомъ собраніи (въ концертѣ А. Зилоти), гдѣ онъ дирижировалъ своими чудесными варіаціями на тему «Легенды» Чайковскаго («Былъ у Христа-младенца садъ»). Вскорѣ послѣ того онъ слегъ... (Некрологи его: «Русь», 1906 г., № 28; «Новое Время», 1906 г., № 10.747.)

† Богдановъ, П. Б., скончался 22 января. Пятьдесятъ два года своей жизни П. Б. посвятилъ газетной розницѣ. Въ 1868 г. покойный основалъ первую въ Россіи артель для продажи произведеній печати подъ наименованіемъ «Артель хозяевъ»; въ 1874 г. онъ явился учредителемъ «Городской артели», и до послѣднихъ дней своей жизни П. Б. принималъ активное участіе

въ дѣлѣ распространенія періодическихъ изданій въ качествѣ старосты «Артели хозяевъ». Въ его лицѣ умеръ одинъ изъ первыхъ пионеровъ газетной продажи, относящейся еще къ тому времени, когда эта продажа преслѣдовалась полицією и производилась чуть ли не изъ-подъ полы. П. Б. Богдановъ, родомъ крестьянинъ Петербургской губерніи, умеръ почетнымъ гражданиномъ. Онъ еще засталъ крѣпостное время и переиспыталъ немало въ качествѣ крѣпостного графовъ Ланскихъ. Въ 1852 г. онъ былъ «данъ въ приданое» зятю Ланского, Чихайзе, который его сначала проигралъ въ карты, а потомъ вновь выигралъ. Покойный оставилъ свои мемуары, записанные однимъ писателемъ съ его словъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.726).

† Булатовъ, А. А. 31 января, ночью, въ Марининской больницѣ скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни завѣдывающій дѣлами эмеритальной кассы министерства юстиціи, тайн. сов. Алексѣй Алексѣевичъ Булатовъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Новгородской губ., родился въ 1848 г., воспитывался въ 1 кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на физико-математическое отдѣленіе. Окончивъ курсъ университета, А. А. нѣкоторое время служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Новгородскую губ., гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій былъ избираемъ мировымъ судьей. Послѣ того А. А. перешелъ въ центральное управленіе министерства юстиціи, много работалъ по организаціи эмеритальной кассы и въ теченіе ряда лѣтъ до болѣзни завѣдывалъ ея дѣлами. А. А. пользовался громадными симпатіями сослуживцевъ и всѣхъ знавшихъ его. Его энергіи и неустанной заботливости касса обязана тѣмъ, что собрала одинъ изъ крупнѣйшихъ эмеритальныхъ капиталовъ (до 30 милл. рубл.). Кромѣ служебнаго дѣла по должности и участія въ различныхъ комиссіяхъ, А. А. въ теченіе ряда лѣтъ несъ обязанности казначея общества взаимопомощи кадетъ 1-го корпуса. Умеръ онъ 59 лѣтъ. (Некрологи его: «Петербургскій Листокъ», 1906 г., № 32; «Новое Время», 1906 г., № 10.739).

† Вешняковъ, В. И., членъ государственнаго совѣта, скончался 6 февраля сего года. Будучи студентомъ С.-Петербургскаго университета, В. И. обратилъ на себя вниманіе сочиненіемъ «О причинахъ возвышеніи Московскаго княжества», отиѣченнымъ университетомъ золотой медалью. Кончивъ университетъ, началъ службу въ департаментъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ въ качествѣ помощника редактора статистическаго отдѣленія и, благодаря своимъ дарованіямъ и трудоспособности, быстро выдѣлился изъ среды сослуживцевъ. Въ 1850-хъ годахъ онъ неоднократно сопровождалъ директора департамента сельскаго хозяйства въ его служебныхъ поѣздкахъ по Россіи и подробно ознакомился со многими русскими хозяйствами и сельскохозяйственными учебными заведеніями. Въ 1861 г. въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ» появились его статьи «О происхожденіи разныхъ названій государственныхъ крестьянъ», послужившія поводомъ къ назначенію его дѣлопроизводителемъ особой комиссіи по устройству. Въ 1866 г. В. И. составилъ обширный трудъ «Обзоръ иностранныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденій», награжденный московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства золотой медалью. Научныя работы покойнаго много способствовали его

быстрой служебной карьерѣ и въ 1874 г. выдвинули его на постъ директора департамента сельскаго хозяйства. В. И. управлялъ департаментомъ въ теченіе девяти лѣтъ. За это время онъ предпринялъ нѣсколько крупныхъ мѣропріятій: издалъ положеніе и уставъ земледѣльческихъ училищъ, организовалъ собраніе свѣдѣній о состояніи сельскаго хозяйства въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, устроилъ правильную регистрацію текущихъ сельскохозяйственныхъ явленій, снарядилъ экспедиціи для изслѣдованія овцеводства и скотоводства, сталъ издавать непрерывную лѣтопись сельскохозяйственной жизни страны и проч. Въ дѣлѣ улучшенія отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства покойный умѣлъ находить себѣ дѣльныхъ и талантливыхъ сотрудниковъ. Приглашенный въ 1883 г. на постъ товарища министра государственныхъ имуществъ, В. И. сдѣлался ближайшимъ и дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ М. Н. Островскаго по управленію министерствомъ. При его живѣйшемъ содѣйствіи были устроены въ Петербургѣ сѣзды желѣзнодорожниковъ и рыбопромышленниковъ, намѣтившіе новые пути къ развитію этихъ отраслей нашей промышленной жизни. Покойный предсѣдательствовалъ въ этихъ сѣздахъ, а затѣмъ руководилъ дѣятельностью особаго совѣщанія при министерствѣ финансовъ, на которомъ были выработаны главныя основанія закона о сельскохозяйственномъ винокуреніи. Въ 1893 г. В. И. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и въ новомъ званіи дѣятельно продолжалъ принимать участіе въ нѣсколькихъ общественныхъ учрежденіяхъ, преимущественно въ обществѣ рыболовства и рыбоводства. Общество это при немъ широко развило свою дѣятельность, открыло до 15 отдѣловъ, устроило рыбоводный заводъ при лифляндскомъ отдѣлѣ и прудовое хозяйство при кievскомъ отдѣлѣ. Будучи членомъ государственнаго совѣта, В. И. въ послѣдніе годы предсѣдательствовалъ въ особомъ присутствіи для предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ на опредѣленія департаментовъ сената. Характерною особенностью В. И. являлось его постоянное стремленіе къ общественной дѣятельности, при чемъ, неся немалые труды безвозмездно, онъ всегда отличался необычайной трудоспособностью, аккуратностью и внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ лицамъ, связаннымъ съ нимъ общностью интересовъ. Въ географическомъ обществѣ В. И. былъ секретаремъ отдѣленія статистики и членомъ совѣта, въ вольномъ экономическомъ обществѣ сначала предсѣдателемъ политико-экономическаго комитета, потомъ вице-президентомъ; въ обществѣ рыбоводства и рыболовства—предсѣдателемъ. Въ общественной жизни В. И. всегда поддерживалъ начинанія, направленные къ развитію и процвѣтанію родины. Его научныя заслуги отмѣчены академіей наукъ избраніемъ его въ почетные члены. В. И. скончался 76 лѣтъ, оставивъ по себѣ среди всѣхъ знавшихъ его наилучшія воспоминанія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.442).

† Демьяновъ, М. Н., заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института, скончался въ январѣ отъ склероза печени. Михаилъ Николаевичъ, сынъ сельскаго священника Казанской губ., родился въ 1845 г.; первоначально отцомъ былъ отданъ въ Казанское духовное училище, затѣмъ сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости въ классической гимназіи. Послѣ этого

М. Н. въ теченіе трехъ лѣтъ учительствовалъ въ Ядринѣ, Самарской губ., преподавая физикъ и математику въ городскомъ училищѣ. Въ 1869 г. М. Н. прибылъ въ Петербургъ и поступилъ студентомъ въ технологическій институтъ на механическое отдѣленіе. Окончивъ въ 1874 г. институтъ со званіемъ инженеръ-технолога, М. Н. перешелъ въ университетъ, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи на математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета и, сдавъ экзаменъ, получилъ степень кандидата математическихъ наукъ. М. Н. совѣтомъ университета былъ командированъ за границу для подготовленія къ профессорской дѣятельности и въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ занимался математическими науками въ Бельгій (Льежѣ), Швейцаріи, Лейпцигѣ, Парижѣ. По возвращеніи изъ-за границы М. Н. былъ приглашенъ преподавать строительную механику и сопротивленіе матеріаловъ въ технологическомъ институтѣ (при директорѣ Вышнеградскомъ) и въ инженерной академіи. Начавъ ученую карьеру со скромной должности преподавателя, М. Н. прошелъ постепенно всѣ ученые степени: въ 1885 г. онъ былъ назначенъ адъюнктомъ, въ 1889 г. профессоромъ и, наконецъ, въ 1896 г. заслуженнымъ профессоромъ. Въ теченіе 33 лѣтъ онъ служилъ наукѣ и создалъ школу, изъ которой вышло много талантливыхъ учениковъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.736).

† Зичи, М. А. 15 февраля скончался художникъ его величества, академикъ Михаилъ Александровичъ Зичи. Рисунки этого талантливаго художника во множествѣ копій распространены по Россіи и Западной Европѣ. Его иллюстраціи къ лермонтовскому «Демону», къ произведеніямъ Гоголя, къ «Донъ-Жуану» и прочія особенно удачны и популярны. Какъ выдающійся иллюстраторъ, Зичи служилъ искусству болѣе шестидесяти лѣтъ, а его извѣстность началась съ конца пятидесятихъ годовъ послѣ появленія книги извѣстнаго французскаго поэта и критика Теофиля Готье «Путешествіе въ Россію», въ которой Зичи отведена глава, полная похвалъ. Особенно удавались Зичи женскія головки и фигуры. Венгерецъ по происхожденію, М. А. Зичи родился 14 октября 1827 г. въ городкѣ Зала, на правомъ берегу Дуная. Учился онъ въ Будапештѣ въ гимназій и университетѣ и въ этомъ же городѣ изучалъ рисованіе и живопись, къ которой рано почувствовалъ влеченіе. Его учителемъ былъ итальянскій художникъ Маростони, имѣвшій большое вліяніе на его художественное развитіе. Затѣмъ работалъ онъ въ вѣнской академіи художествъ подъ руководствомъ профессора Вандмиллера. На вѣнской выставкѣ въ 1844 г. появились первыя его картины: «Умирающій рыцарь», «Выздоровливающая дѣвушка молится передъ образомъ Богоматери», «Распятіе» и друг. Въ 1847 г. Зичи былъ приглашенъ въ Петербургъ преподавателемъ рисованія къ великой княжнѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, а также давалъ уроки въ нѣсколькихъ аристократическихъ домахъ. Въ 1848 г. ему пришлось оставить уроки, и нѣсколько лѣтъ Зичи тяжелымъ трудомъ снискивалъ себѣ пропитаніе, работая въ фотографіяхъ въ качествѣ ретушера. Въ 1856 г. Зичи получилъ заказъ отъ императора Николая I на «Альбомъ петербургской жизни», а послѣ отъѣзда Теофиля Готье въ 1859 г. былъ назначенъ придворнымъ живописцемъ. Передъ этимъ за этюды, изображавшіе моменты коронаванія императора Александра II, п за выставленныя въ академіи

художествъ картины «Лисица и рысь» и «Убитый волкъ» Зичи былъ удостоенъ званія академика. Придворнымъ художникомъ пробылъ онъ до 1874 г. и за этотъ 15-лѣтній періодъ исполнилъ цѣлый рядъ рисунковъ изъ придворной жизни, изъ императорской охоты и пр. Уѣхавъ въ Парижъ, онъ написалъ по заказу венгерскаго правительства картину «Австрійская императрица возлагаетъ вѣнокъ на гробъ Деака». Вернулся Зичи въ Россію въ 1880 г. Извѣстны его картины: «Мессія и Лютеръ», «Еврейскіе мученики», «Смерть царя Кандавля», «Флорентинская оргія», «Послѣднія минуты Вертера», «Ростовщикъ», «Между разумомъ и глупостью» и др. Какъ человѣкъ, Зичи пользовался любовью окружающихъ, располагая къ себѣ людей своею корректностью и доброю. (Некрологъ его: «Слово», 1906 г., № 387).

† **Островскій, А. Н.**, членъ совѣта крестьянскаго поземельнаго банка, скончался 3 февраля послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Андрей Николаевичъ, приходившійся роднымъ братомъ бывшему министру земледѣлія и знаменитому драматургу, родился въ 1846 г. По окончаніи курса юридическаго факультета Московскаго университета А. Н. довольно долгое время занимался адвокатурою, затѣмъ съ 1880-хъ гг. отдался общественной дѣятельности; былъ мировымъ судьей, первоначально участковымъ, а затѣмъ почетнымъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Въ 1891 г. А. Н. получилъ назначеніе земскимъ начальникомъ въ Чистопольскій же уѣздъ, а въ 1896 г. перешелъ на службу въ крестьянскій и дворянскій банкъ, гдѣ постепенно прошелъ должности непремѣннаго члена казанскаго отдѣленія, затѣмъ управляющаго саратовскаго, а потомъ казанскаго отдѣленія и въ 1904 г. былъ назначенъ членомъ совѣта центральнаго управленія банка. Служа довольно долго въ провинціи и вращаясь постоянно среди крестьянства, А. Н. на мѣстѣ ознакомился съ его насущными нуждами и всегда яро и энергично защищалъ ихъ. Будучи переведенъ изъ провинціи въ столицу, А. Н. внесъ свѣжую струю въ цѣлый рядъ предпринятыхъ банкомъ работъ и очень быстро, благодаря своему недюжинному уму и специальнымъ познаніямъ въ области сельскаго хозяйства и аграрнаго вопроса, сталъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей банка, въ которомъ за послѣднее время почти ни одна серьезная работа не проходила мимо его рукъ. Цѣлый рядъ специальныхъ изданій банка былъ составленъ цѣликомъ А. Н. или подъ его редакціей. Умеръ А. Н. также надъ сложной работой, надъ которой трудился въ теченіе вѣсколькихъ мѣсяцевъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.742).

† **Милорадовичъ, А. Р.**, видный дѣятель по земству, прослужившій болѣе 30 лѣтъ предсѣдателемъ Прилукской земской управы и состоявшій тоже нѣсколько десятилѣтій и предсѣдателемъ сельско-хозяйственнаго общества въ Прилукскомъ же уѣздѣ. Покойный родился въ 1843 г. и учился сначала въ полтавской гимназіи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ. Здоровье А. Р. заставило его въ послѣдніе годы оставить предсѣдательство въ земствѣ и въ сельско-хозяйственномъ обществѣ, но гласнымъ въ своемъ уѣздѣ онъ оставался до конца жизни. Въ декабрѣ минувшаго года, вслѣдствіе начавшихся аграрныхъ безпорядковъ въ Полтавской губерніи, А. Р. переѣхалъ на время въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ захворалъ и скончался. На второй день смерти семья покойнаго получила отъ крестьянъ, проживавшихъ въ

имѣніи А. Р., письмо, въ которомъ они убѣдительно просятъ его вернуться въ свое имѣніе и между прочимъ сообщаютъ, что они сами сторожили все это время его домъ и не допустили въ имѣніи никакихъ безпорядковъ. Еще не очень давно покойный продалъ сосѣднимъ съ его имѣніемъ крестьянамъ значительную часть своей земли за половинную цѣну ея стоимости. Покойный А. Р. не чуждъ былъ и литературѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, будучи студентомъ въ Москвѣ, онъ былъ близокъ къ кружку молодыхъ писателей, группировавшихся около покойнаго поэта А. Н. Плещеева. Его небольшіе чисто-сатирическіе эскизы печатались въ то время въ журналѣ «Зритель» (С. Н. Калошина) и въ «Развлеченіи» (Ф. Б. Миллера). Прахъ покойнаго отправленъ для погребенія на его родину. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.744).

† **Петерсеъ, В. К.** Въ субботу, 18 февраля, скончался одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ «Новаго Времени», Владимиръ Карловичъ Петерсеъ. Первая статья его появилась въ еженедѣльномъ «Новомъ Времени» еще въ 1879 г. и сразу обратила на себя вниманіе своею свѣжестью, глубокою искренностью и оригинальностью. Не было того вопроса въ современной дѣйствительности, на который не откликнулся бы этотъ чуткій журналистъ. А—тъ (такъ былъ обычный литературный псевдонимъ В. К.) могъ съ полнымъ правомъ назваться энциклопедистомъ. Обширныя познанія этого прекрасно образованнаго человѣка въ связи съ его тонкимъ умомъ давали ему возможность высказать вѣское мнѣніе во всѣхъ интересовавшихъ его вопросахъ. Иногда онъ бывалъ порадоксаленъ, съ нимъ можно было не соглашаться, но даже самыя его ошибки были интересны и не искажали образа этого прирожденнаго публициста, которыхъ такъ немного теперь въ наше безвременье. Читатели навѣрное помнятъ такія его статьи, какъ «Штатскія мысли о военномъ дѣлѣ» и другія, которыя всѣ были полны наблюдательности и удивительно милого юмора. Онъ, и какъ человѣкъ, былъ удивительно милъ. Это была чистая, хрустально-честная натура, не способная ни на какія сдѣлки съ тѣмъ, что претило его душѣ. Жизнь его сложилась довольно тяжело, но онъ съ трогательною невозбужденностью несъ ея тяготы и даже самую смерть послѣ долгой, изнурительной болѣзни встрѣтилъ свѣтло и безбоязненно, какъ свѣтла и безупречна была его жизнь. Предчувствуя приближеніе развязки, онъ самъ написалъ свою автобіографію и помѣтилъ: «надо напечатать петитомъ»—мелкимъ шрифтомъ. Въ своемъ «распоряженіи на случай смерти» онъ пишетъ: «Похороните скромнѣе. Ради Бога, безъ всякихъ балдахиновъ, безъ лишнихъ лошадей и факельщиковъ и особенно безъ всякихъ цвѣтовъ, какъ живыхъ, такъ и искусственныхъ, а также и особенно безъ цвѣтовъ краснорѣчія». Скромная жизнь ждала и конца скромнаго. Это постоянное желаніе затеряться, быть не на виду, можетъ быть, и было причиною того, что человѣкъ съ оригинальнымъ талантомъ прошелъ свое поприще менѣе замѣтно, чѣмъ онъ заслуживалъ.

(Автобіографія).

«Я родился 2 октября 1842 г. Воспитывался въ С.-Петербургской 3-й гимназіи, откуда переведенъ въ Павловскій кадетскій корпусъ, въ которомъ воспитывался мой отецъ, а дѣдъ былъ врачомъ со дня его основанія. Выпущенъ

въ артиллерію прапорщикомъ изъ 2-го спеціального класса, а потомъ былъ въ Николаевской инженерной академіи. Изъ корпуса я вышелъ по пменной вакансіи въ 3-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду, а затѣмъ служилъ въ кронштадтской крѣпостной артиллеріи, въ динабургской крѣпостной артиллеріи, въ Брестъ-Литовскомъ крѣпостномъ инженерномъ управленіи и въ главномъ инженерномъ управленіи въ искусственномъ отдѣленіи. Работалъ въ Поті на портовой постройкѣ, а съ августа 1874 и по 1877 г. на изысканіяхъ по обводненію лѣваго берега р. Терекъ на казачкія деньги. По недоразумѣнію между петербургскимъ и кавказскимъ начальствомъ три года числился въ отставкѣ, но въ 1878 г. вновь поступилъ въ комитетъ главнаго инженернаго управленія, откуда перешелъ репетиторомъ въ Николаевскую генеральную академію. Здѣсь, получивъ цензъ преподавателя по строительному искусству, перешелъ на должность завѣдующаго офицерами штабъ-офицера, въ которой должности и пробылъ до февраля 1900 г. Тутъ получилъ всѣ награды и имѣющіеся у меня ордена. Въ февралѣ 1900 г. по болѣзни уволенъ въ отставку. Первая литературная моя статейка въ «Артиллерійскомъ Журналѣ», подписанная В. Онопріенко, «О селитровареніи въ Малороссіи», появилась въ 1864 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ и доставила мнѣ необычайно драгоцѣнный гонораръ въ 42 рубля съ копейками. Благодаря этому гонорару, я могъ поѣхать въ инженерную академію и выдержать экзаменъ. Статья эта любопытна еще и въ томъ отношеніи, что когда кто либо хотѣлъ обругать «Артиллерійскій Журналъ» и обличить его въ невѣжество, то обыкновенно цитировали именно эту самую статью. Второю работой было стихотвореніе иронически-любовнаго содержанія, напечатанное въ послѣдней тоненькой книжкѣ «Русскаго Слова», подъ редакціей Н. А. Благовѣщенскаго, конечно, не доставившее мнѣ никакого гонорара и заставившее всю жизнь краснѣть, когда кто либо называлъ при мнѣ Дмитровскій переулочекъ. И до сихъ поръ я это урочище въ Петербургѣ ненавижу. Затѣмъ слѣдовали работы компилятивнаго характера въ «Инженерномъ Журналѣ» — «Альпійскій туннель и желѣзныя дороги въ инженерномъ отношеніи» и такъ далѣе. Въ газеты я попалъ, поссорившись съ нѣмцами и евреями на Брестъ-Граевской дорогѣ, на которой работалъ 14 мѣсяцевъ съ 1870 и по 1871 г. Настоящимъ успѣхомъ въ этой области считаю появленіе моей значительной статьи, конечно, въ сильномъ сокращеніи, въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1874 г.: «Техника и техники»; за эту статью я получилъ значительный гонораръ и еще получилъ даже авансъ. По порядку хронологическому слѣдовали по возвращеніи съ Кавказа въ Петербургъ въ «Молвъ» Полетики---корреспонденціи съ Кавказа. Тамъ же помѣщено и нѣсколько фельетоновъ по вопросамъ объ облѣсеніяхъ и другихъ. Въ 1879 г. въ мартѣ я дебютировалъ критическими статьями въ еженедѣльномъ «Новомъ Времени» и мало-по-малу пробрался въ большую газету, гдѣ и работалъ до смерти. Кромѣ «Новаго Времени», въ восьмидесятихъ годахъ работалъ подъ эгидой В. Г. Авсѣенко въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ писалъ критическія статьи подъ псевдонимомъ Н. Ладожскаго. Газетъ ничѣмъ не напакостилъ, но славы не приобрѣлъ. Спорадически работалъ въ «Гражданинѣ» «honoris», но не «honoraris causa», и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» кн. Ухтомскаго. Написалъ

романъ «Истинное дьявольское навождение», который противъ моихъ намѣреній и даже ожиданій вышелъ анти-еврейскимъ, хотя онъ гораздо болѣе похожъ на апологію іудаизма въ его характерныхъ особенностяхъ. Несмотря на бульварность фабулы, романъ успѣха не имѣлъ. Наконецъ никогда не писалъ въ еврейскихъ изданіяхъ. Считаю, что іудей слишкомъ даровитый и ничѣмъ не связанный народъ-практикъ, и потому въ связанномъ христіанскомъ обществѣ являются элементомъ крайне для челоувѣчности людей опаснымъ, я не желаю служить ихъ торжеству ни прямо, ни косвенно. Общій выводъ изъ моей автобіографіи: покойный былъ челоувѣкъ по своему времени достаточно на казенный счетъ образованный, отъ природы не глухой, былъ соответственно начитанъ и обладалъ при порядочномъ слогѣ достаточною фантазіей. Въ общемъ былъ среднимъ рабочимъ, годнымъ для всѣхъ тѣхъ работъ, при которыхъ бы требовалась личная честность органическаго происхожденія, а не только натасканная съ дѣтства и привитая съ поверхности. Для героизмовъ былъ не годенъ, ибо, не мѣшая никому геройствовать, самъ не обладалъ честолюбіемъ, необходимымъ, чтобы блистать въ свѣтѣ и поражать людское воображеніе какими бы то ни было злодѣйствами. Амины! (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.753).

† Янишевскій, Е. П. скончался въ минувшемъ февралѣ. Заслуженный профессоръ Казанскаго университета, Ерастъ Петровичъ, родился въ 1829 г. въ Москвѣ и образованіе получилъ на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, курсъ котораго окончилъ со степенью кандидата математическихъ наукъ. Въ 1855 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацию: «Формулы для повышенія дуги подъ знакомъ синуса и косинуса», и ему было предложено чтеніе лекцій въ университетѣ по чистой математикѣ. Янишевскій, будучи профессоромъ, состоялъ въ теченіе 10 лѣтъ казанскимъ городскимъ головой, усердно работалъ на учено-литературномъ поприщѣ и завѣдывалъ обширнымъ ботаническимъ садомъ университета. Оставивъ ученую дѣятельность, Е. П. въ 1881 г. поступилъ на службу въ министерство финансовъ и управлялъ пермскою и затѣмъ казанскою контрольными палатами. Покойнымъ Янишевскимъ, кромѣ обширныхъ статей, были изданы слѣдующіе труды: «Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій перваго порядка, но не первой степени» и «Историческая записка о жизни и дѣятельности Н. М. Лобачевскаго». (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.744).

БИБЛИОТЕКА

Отдѣль: *Лит. отд.*

№ *54*

Шкафъ:

Полка:

Инвентарь *1906 г. № 1042*

Института Сель. хов. и Лѣсовод.

Львлинской Губ.

Ново-Александрскій

Istoricheski viestnik.	v.103
GV 6 1939	OC, 31/1939

725422
 AP50
 D9
 V.103
 UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

 8000564993

